ВПЕРВЫЕ
ПОД ОДНОЙ
ОБЛОЖКОЙ!

Ник
ПЕРУМОВ

Кольцо Тьмы

Трилогия

СВОБОДНОЕ
ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА
ДЖ. Р. Р. ТОЛКИЕНА
«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

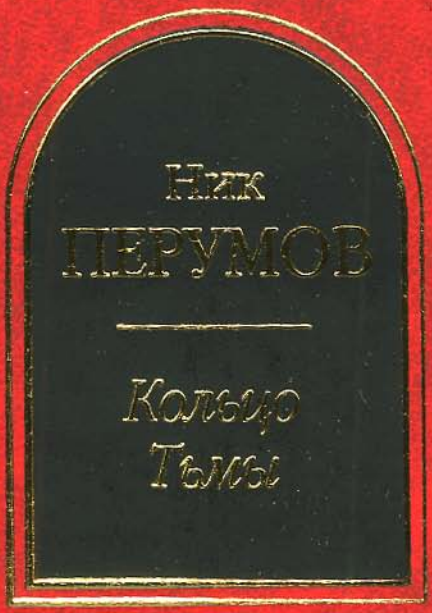
Ник
ПЕРУМОВ

Кольцо Тьмы

Трилогия

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

Ник
ПЕРУМОВ
Кольцо
Тьмы

Ник
ПЕРУМОВ

Эльфийский клинок

•

Черное копье

•

Адамант Хенны

МОСКВА
ЭКСМО
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Ник
ПЕРУМОВ

Кольцо Тьмы

Трилогия

МОСКВА
ЭКСМО
2007

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П 26

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Перумов Н. Д.
П 26 Кольцо тьмы: Фантастическая трилогия. — М.: Эксмо, 2007. — 1344 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-22480-7

Поставив последнюю точку во «Властелине Колец», профессор Толкиен закрыл дверь в созданный им мир эльфов и гномов, орков и гоблинов, хоббитов и людей и выбросил магический ключ. Лишь одному писателю — Нику Перумову — удалось нащупать путеводную нить в таинственный и хрупкий мир Средиземья. Задача оказалась непростой, ведь каждый неверный шаг грозил потерей тропы, каждое неточное слово могло погубить волшебство. Но талант победил. Мир Толкиена ожил, преобразился, заиграл новыми, ранее неведомыми красками и... превратился в мир Ника Перумова. А задуманное как свободное продолжение «Властелина Колец» произведение переросло в яркую, увлекательную эпопею, одну из самых заметных в российской и мировой фантастике.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-22480-7

© Н. Перумов, 2002
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Дрогнет Запад, и дрогнет Восток.
Сила, Сила в Руке.
Девять Звезд — Синий Цветок,
Синий Цветок на Клинке.

Часть I

Глава 1

ХОББИТ И ГНОМ

К вечеру затянувшие все небо тучи неожиданно разошлись, алый солнечный диск, точно в перину, опускался в сгустившиеся туманы, что сливались у горизонта с легкими, воздушными облачками. На багровом небосклоне четко вырисовывались острые черные вершины Лунных Гор. Наступал тот короткий час в летние хоббитанские вечера, когда долгий день еще не до конца уступил место сумеркам, однако очертания предметов уже приобрели необъяснимую, таинственную расплывчатость: дерево предстает диковинным зверем, куст — скорчившимся в три погибели гномом, а дальний лес кажется прекрасным эльфийским замком. Даже вечерние крики петухов становятся мягче и благозвучнее.

Над недавно убранными полями властвовал легкий серебристый туман. Выплеснувшись из низин и оврагов, он растекался окрест, превращая одиноко стоящие столетние дубы в темные острова посреди белесого призрачного моря. В окнах разбросанных тут и там ферм постепенно гасли огни — хозяева укладывались спать. Ухнул филин, мелькнула стремительная тень козодоя. На мосту через Брендивин заперли ворота. Южнее, в Бэкланде, на высокую сторожевую вышку во дворе Бренди-Холла, вскарабкался часовой-хоббит с луком и полным колчаном стрел. Поправив сигнальный рожок у пояса, он принялся мерить шагами огражденную толстыми бревнами дозорную площадку. В нескольких милях к востоку угрюмо темнела сплошная стена Старого Леса, протянувшегося далеко на юг и восток. Караульщик поплотнее закутался в шерстяной плащ и оперся на перила, вглядываясь в стремительно поглощаемую сумраком даль. Позади первых деревьев Леса еще угадывался просвет Пожарной Прогалины, но и его быстро заливал сумрак. На небе высыпали по-осеннему яркие звезды.

Караульщик на вышке обернулся, внезапно заслышав легкие шаги во дворе усадьбы. Из боковой двери вынырнула небольшая даже по невеликим хоббитским меркам фигурка, приоткрывшая

ворота конюшни и тотчас же юркнувшая внутрь. Вскоре хоббит вывел оседланного пони, сел на него и не торопясь потрусил к ведущей на север дороге. Туман быстро поглотил его.

«Ну что ж, обычное дело, опять этот чокнутый по ночам шляется! — Караульщик ухмыльнулся и сплюнул. — Совсем, видать, задурил себе голову этими сказками!.. Начитался Красной Книги, и вот вам, пожалуйста... Что, лавры Мериадока Великого покоя не дают? Уж сколько лет минуло: поди, три века будет... И старый Бильбо, и племянничек его, Фродо, за Море ушли... Чего теперь-то? И эльфы уплыли, говорят, и гномы куда-то сгинули... Люди и те стороной нас обходят... Чего ему неймется?»

Мысли караульщика текли неспешно, лениво, как и само тягостное, от прошлых времен оставшееся дежурство...

Пони неспешно рысил по наезженной, давно известной дороге. Впрочем, известной ли? Ночь властной рукою смыла обыденные краски, дав на время иную личину каждому предмету и каждому живому существу. Хищно тянутся с обеих сторон к всаднику узловатые ветки, точно змеи, норовят зацепить за плечи, вырвать из седла... Куст вырастает на глазах, разворачивается, распухает — не иначе как из зеленых глубин появится сейчас какая-нибудь тень с фонариком в бесплотной, бестелесной руке. Надо уметь ответить. На поясе у хоббита висел взятый тайком от старших заветный гондорский клинок — тот самый, что носил еще сам Великий Мериадок. С таким оружием бояться нечего — от одного его вида должна бежать любая нечисть.

Цок-цок, цок-цок. Все гуще тьма; тени вдоль дороги выстраиваются в длинные ряды. Хоббиту кажется, что он узнает их. Вот — разве не стройный эльф-воитель приветственно машет ему рукой? Или разве вон там не оперся на тяжелый боевой топор неунывающий гном, беспечно раскуривший трубочку?..

Хоббит давно бросил поводья, и пони брел сам по себе... Ничего не было лучше этих одиноких прогулок летними ночами, когда оживают старинные сказки и предания, когда в любую минуту ожидаешь нападения, когда рука сама тянется к эфесу...

Под развесистыми вязами дорога делала крутой поворот. Здесь было самое страшное место. Слева сквозь заросли пробивался призрачный блеск глубокого, темного пруда, окруженного густым ивняком. Здесь всегда собирались ночные птицы: их странные, непривычные для хоббитского слуха голоса раздавались особенно громко. Но для замершего в седле хоббита это свистела и гукала глумливая свита Девятерых, возвещая их скорое появление. Хоббит закрыл глаза и представил их себе: черные кони, точно сотканные из мрака, в плотных наглазниках — внутри их горит колдовской огонь, их взгляды нельзя выпускать наружу — мчатся, мчатся сквозь ночь, ветер рвет черные плащи Всадников, бьются о бедра длинные бледные мечи, от которых нет ни защиты, ни спасения, неистовой, нелюдской злобой горят пустые глазницы, а чутье жадно ищет запах свежей крови... Вот-вот свита умолкнет, заросли бесшумно раздвинутся, и хоббит окажется лицом к лицу с Предводителем Черных Всадников. Жутко и заманчиво! Заманчиво оттого, что в глубине души хоббит знал: ничего подобного не случится, кусты останутся недвижными, и, спокойно миновав это место, он повернет назад, чтобы успеть выспаться перед трудным, полным домашних хлопот днем. Будет обычно-размеренная жизнь, в которой все известно заранее и ничто не изменится и измениться не может...

Пони внезапно всхрапнул и остановился. В освещенном лунным светом проеме между стволами возникла коренастая фигура, на две головы выше хоббита. Неизвестного окутывал плотный плащ, так что видна была только отставленная в сторону рука с длинным посохом.

Волосы у хоббита встали дыбом. Его охватил леденящий сердце ужас, голос пресекся, крик умер на губах... Неизвестный сделал шаг вперед. Пони попятился, дернулся — и потерявший равновесие хоббит покатился в придорожную траву. Раздался торопливый перестук копыт — пони проворно удирал куда глаза глядят. Забыв обо всем на свете, хоббит перекатился на живот и вскочил, обнажив меч. (Сколько раз у себя в комнатке он гордо выхватывал его из ножен, воображая, что сражается с орком или троллем!) Оружие тускло блеснуло, придав хоббиту храбрости.

— Эй, приятель! Ты что, белены объелся? Спрячь клинок! — раздался из темноты спокойный, чуть гортанный голос.

— Не подходи! — взвизгнул хоббит, отступая и выставив перед собой меч.

— Стой спокойно! Сейчас огня высеку. — Неизвестный нагнулся, что-то собирая на обочине. — Да убери же свой кинжал!.. Кстати, откуда он у тебя? Волнистый узор... рукоять с зацепом... Гондорский никак?

Что-то сухо щелкнуло, блеснуло, и появился тонкий язычок живого огня. Пламя быстро разгоралось, осветив лицо незнакомца, наконец откинувшего капюшон. Хоббит с облегчением перевел дух. Гном! Самый настоящий гном, точь-в-точь такой, как описаны они в Красной Книге! Плотный, широкоплечий, румяное лицо обрамляет окладистая борода, нос картошкой... За узорным широким поясом — тяжелый боевой топор, за спиной приторочена кирка.

— Так ты гном? — Хоббит немного успокоился, но меча не опустил. — Откуда ты здесь? Куда идешь? Что ты ищешь?

Он продолжал пятиться, и в затылок ему уткнулись жесткие ветки придорожного кустарника.

— Иду с Лунных Гор. — Гном возился с костерком, подкладывая в огонь сухие веточки. — Новые рудные жилы ищу. Сейчас

вот хожу по вашей Хоббитании, был в Хоббитоне, в Делвинге был, теперь вот в Бэкланд иду... Мне усадьбу Брендибэков с того берега указали, говорят, там переночевать можно...

— А что же они уложить тебя не могли? — подивился хоббит, вкладывая меч в ножны.

Страх прошел, оставалось любопытство и какое-то неясное разочарование: всего-навсего гном... Впрочем, и гномы-то теперь почти перестали захаживать в Хоббитанию.

— В «Золотом Пестике» битком набито, — отозвался гном.

— Так что же мы тут стоим? — спохватился хоббит. — Пойдем, я как раз в этой усадьбе живу. Переночуешь, а завтра — куда угодно будет. Идем! Тут недалеко... Правда, пони сбежал, вот незадача. Ищи его теперь...

— Так ты из Брендибэков? — Гном вдруг поднялся и с острым интересом глянул на хоббита. — Ну давай знакомиться. Торин, сын Дарта, а родом я с юга Лунных Гор.

— Фолко, Фолко Брендибэк, сын Хэмфаста, — к вашим услугам. — Хоббит церемонно поклонился, и гном ответил ему еще более низким поклоном.

— Сейчас пойдем, — сказал гном.

Он тщательно затоптал только что с таким старанием разведенный костер, потом закинул за спину увесистую котомку и зашагал рядом с хоббитом по вновь погрузившейся во мрак дороге. Только теперь она не казалась хоббиту ни волнующей, ни опасной...

Они молчали. Тишину первым нарушил Торин:

— Скажи, Фолко, правда ли, что у вас в Бренди-Холле хранится одна из трех копий знаменитой Красной Книги?

— Правда, — несколько озадаченно ответил юный хоббит. — И она, и много еще...

Он вдруг осекся, вспомнив предостережения дядюшки Паладина: «Никому не рассказывай, что у нас хранится много рукописей, привезенных Великим Мериадоком из Рохана и Гондора!» Дядюшка никогда не объяснял, почему нужно поступать именно так; обычно он подтверждал весомость своих слов звонким подзатыльником.

— И много еще чего? Ты это хотел сказать? — подхватил гном, заглядывая хоббиту в лицо.

Тот невольно отвернулся.

— Ну, что-то вроде этого, — нехотя буркнул он.

— Скажи, а ты читал эти книги? — не отставал гном.

Теперь уже не только взгляд, но и голос Торина обнаруживал его чрезвычайный интерес к Фолко.

Хоббит заколебался. Рассказать все этому странному гному? Рассказать, что он единственный, кто за последние семь лет входил в Библиотеку? Рассказать, как ночи напролет проводил он,

склонившись над старинными фолиантами, пытаясь разобраться в событиях невообразимо далекого прошлого? Рассказать, что он заслужил себе дурную славу хоббита «не от мира сего»? Нет, не сейчас, да и неловко как-то говорить такое первому встречному...

Они подошли к воротам усадьбы. Пони так и не появился.

«Лазай завтра по оврагам и запольям, ищи дурака этого, — уныло подумал хоббит, — да еще уши надерут...»

Он совсем загрустил.

— Фолко, ты, что ли? — раздался голос караульщика. — Куда пони, разбойник, подевал?! Кто там еще с тобой?

Фолко толкнул калитку и вошел, не обращая никакого внимания на окрик. Однако Торин остановился и, вежливо поклонившись, сказал, обращаясь к неясной фигуре на вершине караульной вышки:

— Торин, сын Дарта, гном с Лунных Гор, — к вашим услугам. Прошу вашего любезного разрешения заночевать под этим гостеприимным кровом, известным далеко за пределами вашей прекрасной страны! Смилуйтесь над уставшим путником, не оставляйте его под открытым небом!

— Не обращай на него внимания! — зашипел Фолко, хватая гнома за руку. — Иди, и все тут, пока он весь дом не поднял на ноги! Ну давай!

— Эй, Крол, что тебе неймется? — крикнул Фолко караульщику. — Он со мной, и все в порядке. Как бы твоя трубка не погасла за разговорами!

Хоббит решительно потянул гнома через двор.

— Все завтра дядюшке скажу! Завтра дядюшка все узнает! — завопил обиженный Крол. — Он тебе покажет...

Но в этот момент хоббит со своим странным спутником уже скрылся в недрах огромного лабиринта усадьбы. Караульщик ругнулся, плюнул... а потом поправил соломенный тюфяк, устроился на нем поудобнее, и вскоре дозорную площадку огласило сладкое посапывание.

По длинным коридорам Фолко и Торин прошли мимо бесчисленных низких дверей в западную часть усадьбы. Облепившие склоны холма бревенчатые срубы в три яруса нависали над берегом Брендивина, образуя нечто похожее на пчелиные соты. Здесь обычно селилась холостая молодежь, пока не обзаведшаяся семьями.

Фолко толкнул одну из дверей, и они вошли в небольшую комнату с двумя круглыми окнами, выходившими на реку. Усадив гостя в глубокое кресло у камина и раздув огонь, Фолко засуетился, собирая на стол.

В закопченном камине заплясали рыжие язычки пламени, озарившие стены, небольшую кровать, стол и — книги. Книги занимали все свободное место — они заполняли углы, лежали под

кроватью, громоздились на каминной полке. Старые увесистые фолианты в кожаных переплетах...

Фолко принес хлеба, сыра, ветчины, масла, зелени, вскипятил чайник и достал откуда-то из тайника початую бутылку красного вина. Гном ел торопливо, и Фолко, чтобы не мешать гостю, отвернулся к окну.

Призрачный лунный свет заливал низкие берега Брендивина, вода катилась угрюмой черной массой, в которой, казалось, тонули даже отражения звезд. На другом берегу высились острые вершины деревьев Лесного Удела, у пристани едва заметно мерцал фонарь. Фолко распахнул окно, и в комнату ворвались голоса ночи: едва слышный плеск реки, шорох прибрежного камыша, легкое, но слитное гудение ветра в тысячах крон, которые жили сейчас своей особой, ночной жизнью. И как всегда в такие минуты, хоббита охватила острая, непонятная тоска по чему-то необычайному, чудесному, сказочному...

Он представил себе, как уходили в свои, ставшие знаменитыми, странствия Бильбо и Фродо; наверное, вот так же стояли они у раскрытого в ночь окна и вглядывались в окружающий сумрак, — а на дворе уже ждут гномы или друзья-хоббиты, и остаются считанные часы до рассвета, когда надо отправляться в путь и никто не знает, суждено ли тебе вернуться...

За спиной раздалось деликатное покашливание гнома. Фолко встряхнулся, отгоняя непрошеную печаль, и повернулся к закончившему ужин гостю. Затем они подбросили в камин дров и раскурили трубки.

— Расскажи, Торин, что же привело тебя в наши края? Рудных жил у нас отродясь не было... — спросил Фолко.

Все происходящее представлялось ему чудесным сном, волшебной сказкой, примчавшейся из тьмы далеких и удивительных лет. Гном! Самый настоящий гном сидит сейчас перед ним и сосредоточенно посасывает трубку!.. Пламя озаряет его круглое открытое лицо, и кажется, что вот сейчас приподнимется серая завеса, застящая взоры, что протяни Фолко сейчас руку — и он прикоснется к удивительным тайнам и чудесам Большого Мира, о котором знал до сих пор лишь понаслышке...

По темной, скупо освещенной светом камина комнате плыл сладковатый табачный дым. За открытыми окнами ступала ночь, на ходу заглядывая в освещенные проемы, но теперь ее таинственные голоса не пугали хоббита. Может, встреча эта неспроста — и за ней последует какое-нибудь замечательное путешествие, подобное тому, в которое отправился старый Бильбо — за драконьими сокровищами... Тогда ведь все тоже началось с неожиданного посещения гномов!

— Мне нужна Красная Книга, — ответил гном, глядя в упор на Фолко.

Хоббит вздрогнул, словно внезапно разбуженный, — слова Торина его озадачили.

— Зачем она тебе?

— Да вот хочу разобраться. Хочу узнать, как наш мир принял свои нынешние очертания, — ответил Торин. — В Средиземье происходит так мало изменений, что причины многих теперешних событий надо искать не столько в настоящем, сколько в прошлом.

— В каких же событиях ты хочешь разобраться? У нас в Хоббитании время как будто остановилось. Не знаю, конечно, как в других местах...

— Там тоже многим бы хотелось, чтобы ход событий замер и жизнь застыла. Многим очень долго казалось, что наступил золотой век...

Фолко забрался с ногами в кресло и устремил заблестевшие глаза на гнома. Тот задумчиво смотрел в огонь и привычно щурился, точно стоя перед горном; затем он продолжил, медленно роняя слова:

— В нашем мире происходит что-то не то, Фолко. Мы, гномы, уже давно это почувствовали. Но мало кто мог представить, к чему все идет. Мир казался незыблемым и прочным, зло — избытым навеки, а странные и пугающие события — всего лишь досадными недоразумениями. Все началось в Морийских Копях. Как ты знаешь, вскоре после победы в Великой Войне за Кольцо гномы вновь населили дворцы своих предков; в заброшенных кузнях, как и встарь, застучали тяжелые молоты; гномы жадно устремились в глубь земли, охотясь за ускользающими рудными жилами. И все шло своим чередом, как вдруг...

Долгий, заунывный вой внезапно нарушил ночное безмолвие. Полный нечеловеческой тоски стон прокатился по темным берегам Брендивина и замер в отдалении. Хоббит с гномом вздрогнули и переглянулись.

За окнами прошуршал налетевший порыв ветра; скрипнули ставни, где-то хлопнула неплотно прикрытая дверь; внизу, под берегом, сухо и шепеляво, словно древний старик, зашелестел тростник. Хоббит съежился в кресле; в одно мгновение ожили все его страхи, он вспомнил, как дрожа ожидал появления Девятерых на темной дороге... Гном вскочил и бросился к окну, высунувшись чуть ли не по пояс, он тщетно пытался что-нибудь разглядеть во мраке. Однако все стихло, улегся поднявшийся было ветер, из-за легких облаков выглянула бледная луна. Гном настороженно огляделся и снова сел к камину, задумчиво раскуривая притухшую трубку.

— Что это было? — Торин поднял глаза на Фолко.

— Откуда мне знать? — Хоббит пожал плечами. — В Красной

Книге сказано... Но нет, нет, этого уж никак не может быть! Наверное, какая-нибудь птица...

— Птица, говоришь... — проворчал гном. — Не слыхал я что-то о таких птицах... Такой же вой я слышал третьего дня, когда шел мимо Мичел Делвинга... И тоже ночью!

Хоббиту сказать на это было нечего. Помолчав, гном продолжал:

— Значит, я остановился на том, что гномы вновь стали работать в старых шахтах. Они уходили все глубже и глубже, и вот однажды в одном из нижних забоев они услышали в недрах непонятные звуки и странное шевеление. Снизу доносился какой-то скрежет, точно кто-то вгрызается в камень. Внезапно задрожали самые корни гор. Гномы побросали кирки и бросились наверх — однако своды стали рушиться, погребая под обломками дерзнувших потревожить покой каменных глубин. На поверхность удалось выбраться немногим. Сам я в Мории не бывал и рассказываю тебе это со слов моих друзей, бежавших оттуда. Тамошним гномам стали грозить не только обвалы — непонятный и леденящий страх охватил всех, кто жил тогда там. Этот страх невозможно было преодолеть, подземный скрежет каких-то гигантских зубов гасил сознание, и оставалось только одно — бежать. «Гномы покидают Морию», — сказали мне друзья. Они уходят кто куда, но большей частью — к Одинокой Горе в Эребор и в Железные Холмы. Вот так-то, друг хоббит. — Гном вздохнул. — А ты говоришь — птица...

Наступило молчание, только дрова чуть потрескивали в камине.

Фолко неотрывно смотрел на огонь. Гном продолжал, негромко и с затаенной тревогой:

— Никто не знает и не может объяснить, в чем тут дело. Наши старейшины пренебрежительно отмахнулись от сбивчивых рассказов беженцев, втайне радуясь их бедам. Многие из моих сородичей, живущие в Лунных Горах, завидовали богатствам и искусству морийских гномов. Те, кто пришел к нам, не выдержали насмешек и разбрелись кто куда. Часть подалась в Эребор, других принял под свою руку Наместник Короля в Аннуминасе, а кое-кто прибился ко двору Кэрдана Корабела...

Я пытался разобраться, говорил со многими, слушал скалы — и наконец понял, что в недрах действительно происходит что-то неладное. Я предложил нашим отправиться в Морию, чтобы понять наконец, что там делается. Но мне ответили, что если у морийских гномов от страха в глазах помутилось и в ушах зазвенело, то нас это не касается. И вообще, крепили бы они лучше перекрытия и своды, а не разносили всякие слухи... — Торин с досадой махнул рукой. — От отца и деда я слышал, что именно в Хоббитании хранится Красная Книга, повествующая о событиях последней войны. В прошлый раз Морию встряхивало именно в

те годы — может, в этой Книге и отыщется ответ?.. Так я оказался здесь. Расспрашивал хоббитов, и они подсказали мне, что старые рукописи, должно быть, хранятся в усадьбе Брендибэков. А один прямо намекнул, что там может отыскаться и знаменитая Красная Книга, о которой слышали, наверное, все, но никто не держал ее в руках.

Торин поднял глаза на хоббита.

— Итак, Фолко, сын Хэмфаста, теперь ты знаешь все! Помоги мне! Неужели среди твоих книг нет той, что нужна мне больше всего на свете? Помоги мне, а я не пожалею золота за такую услугу!

— Даже за все золото Средиземья я не продам тебе Красную Книгу! — воскликнул Фолко и весь подобрался, точно готовясь к прыжку.

— Этого я и не прошу, — быстро ответил Торин. — Разреши мне хотя бы прочесть ее!

— Самой Красной Книги у меня нет, — чуть смущенно признался хоббит, помедлив. — Есть только ее копия, но она совершенно точная!

— Мне годится и копия, — нетерпеливо сказал Торин. — А если чтение займет много времени, то я готов заплатить за свое пребывание здесь. — Гном полез за пазуху.

Фолко остановил его.

— Нет, нет! — воскликнул он, торопливо хватая гнома за руку. — Будь моим гостем! Мы внимательно прочитаем еще раз всю Книгу и вместе попытаемся найти ответы на твои вопросы. К тому же у меня много и других старинных рукописей. Возможно, пригодятся и они.

— Вот и славно, — облегченно вздохнул гном. — Знаешь, Фолко, я очень волновался, когда шел к вам в Хоббитанию, — боялся, вдруг нарвусь на какого-нибудь скопидома... Мне сильно повезло!

— Да вовсе нет, — не слишком уверенно возразил Фолко, тут же подумав о дядюшке Паладине.

— Впрочем, — сказал Торин, — у нас еще будет время, чтобы рыться в пергаментах... Расскажи мне о твоей стране! Я прошел ее всю насквозь — мест прекраснее я не встречал никогда и нигде. Таких тучных пастбищ, таких ухоженных садов, таких румяных яблок и такого восхитительного табака!

— А много тебе довелось пространствовать? — с завистью спросил Фолко. — Счастливец! Я вот за всю свою жизнь ни разу не выбирался за пределы Хоббитании...

— Да и я не так уж и много где побывал, — ответил гном. — Многих встречал, много расспрашивал. О Хоббитании наслышаны все, но воочию видели немногие, — закон короля Элессара выполняется неукоснительно...

— И это сослужило нам, хоббитам, плохую службу, — сказал

Фолко. — Мои сородичи и раньше-то мало интересовались делами внешнего мира, а после победы в Великой Войне окончательно решили, что зло избыто навечно. Король Элессар даровал нашим дедам новые земли, их нужно было осваивать, и хоббиты забыли обо всем прочем. Как и твои соплеменники, они тоже стали слишком беспечны... Впрочем, что значит «стали» — такими они и были всегда.

— А почему же ты другой? — спросил Торин.

— Трудно сказать. Может, потому, что меня очень рано научили читать, и так вышло, что я впился в нашу Библиотеку и не отходил от полок до тех пор, пока не прочитал все рукописи хотя бы по одному разу... — Фолко неожиданно рассмеялся. — Часто я говорил такое, о чем все остальные и думать забыли: о Хоббичьем Ополчении, о Битве на Зеленых Полях... Сначала этому умилялись, потом стали коситься, а потом и вовсе невзлюбили. Я осмелился иметь собственное мнение! И зачастую не к месту вылезал с каким-нибудь историческим примером, чем немало конфузил наших старейшин. Прошлое научило меня пониманию настоящего, я стал задумываться над причинами, следствиями, стал собирать сведения, выспрашивать прохожих, как и ты. А вести из дальних краев становятся все тревожнее и непонятнее.

— Например? — быстро спросил гном.

— На Западном Тракте вдруг невесть откуда появились разбойники, о которых не слышали здесь уже много столетий. Начались стычки и между людьми — одна деревня вдруг ополчалась на другую. Как-то мне даже довелось услышать, что на какой-то поселок невдалеке от Туманных Гор напала шайка гномов! Можешь себе представить?

Пораженный Торин только руками развел.

— Немыслимо, — хрипло сказал он. — Чтобы гномы по своей воле напали на людей, как гнусные орки... Клянусь бородой Дьюрина, такого не было со дней Предначальной Эпохи! А ты уверен, что это правда?!

— Что можно сказать наверняка в таких делах? — пожал плечами Фолко. — Вести издалека редко бывают верными, как говаривал когда-то король Теоден... Впрочем, правду можно узнать только у настоящих свидетелей...

Оба примолкли. Торин напряженно размышлял о чем-то, потом с досадой махнул рукой.

— Все равно сейчас не разобраться, — сердито сказал он. — Рассказывай дальше, Фолко!

— Да что говорить-то, — снова пожал плечами хоббит. — Не перечислять же тебе, сколько было собрано репы в разные годы? Ты шел через Хоббитанию и видел все собственными глазами... Для наших хоббитов сейчас, по-моему, главное, чтобы все было не хуже, чем у соседа. Вот и соревнуются: у кого забор выше окажется, и за этим увлекательнейшим зрелищем с напряжением следит вся округа, заключаются даже пари. — Он криво усмехнулся. — Ты сам можешь судить обо всем! Какое дело твоим сородичам до бед и тревог Туманных Гор? А нашим, похоже, нет дела вообще ни до чего, кроме жратвы и теплой постели! Будь сыт сам, накорми семью и гостей, а большего хоббиту и не надо. Но за этой умеренностью я вижу просто лень и равнодушие. Большинство считает, что все должно идти как идет. А я так не могу! Нет, ты не подумай, что я хвастаюсь... Просто на эту репу я уже смотреть не в силах!

Гном внимательно слушал сбивчивую речь Фолко, не выпуская изо рта давно погасшей трубки. Дрова в камине догорали. Чувствуя неловкую, незнакомую раньше опустошенность после горячей исповеди и пытаясь заглушить ее, Фолко завозился, подтаскивая топливо.

— Что же ты собираешься делать, Фолко? — осторожно спросил гном.

— Кабы знать! — вздохнул хоббит. — Как подумаешь, какая завтра взбучка мне будет, хоть волком вой! Пони-то я так и не нашел, а Крол уж не упустит случая наябедничать дядюшке Паладину...

— А кто это — дядюшка Паладин?

— О, это самый главный хранитель памяти о доблестном прошлом Брендибэков! Он только тем и занят, что следит, как бы кто не уронил фамильную честь...

— Ну и что? По-моему, фамильная честь — это прекрасно!

— Смотря что под ней понимать! «Брендибэки не должны шляться по ночам! Пусть этим занимаются хоббитанские голодранцы, кои и пяти поколений сосчитать не могут! Брендибэки не должны терять пони, пусть семейное достояние пускают на ветер те же хоббитанские голодранцы. Всякий Брендибэк должен работать, дабы род его был богаче всех прочих и занимал приличествующее ему место — первое вместе с родом Тукков!» До крайности уже доходит: «Брендибэк не должен бегать или ходить быстро, он должен «выступать», дабы все осознали его достоинство!» Завтра если прицепится... не знаю, что с ним сделаю!

— Брось, Фолко. — Гном успокаивающе положил руку на плечо хоббиту — Что тебе в его нотациях? Он же не виноват, что не знает того, что прочел ты... Однако ты многое рассказал мне, я тебе еще больше. Мы поняли друг друга и теперь уже вряд ли сможем уснуть. Может, возьмемся за Красную Книгу? Зачем тянуть? Распахни пошире окно, зажигай побольше свечей, давай снова набьем наши трубки — и за дело!

Фолко молча кивнул и полез под кровать. Раздалось какое-то шуршание, шевеление, потом хоббит громко чихнул и вскоре выполз, таща за собой окованный сундучок. В крышку было вделано овальное железное кольцо, бока украшены тонкой резьбой.

— Кстати, Торин, — сказал Фолко, возясь со сложным замком, — а все-таки где тебе удалось побывать? Ты начал говорить, но почему-то не закончил.

— Я был в Арноре, в Аннуминасе, где стоит один из дворцов Короля, был в Серых Гаванях, ходил по побережью на юг, раз перевалил и за Туманные Горы... Бывал, конечно, и на ярмарке в Пригорье — раза четыре или пять, но вот через Хоббитанию иду впервые.

— А что ты делал у эльфов? — Хоббит уселся на пол возле сундука, позабыв, по-видимому, про замок.

— Мы были там втроем: я, Фар и Трор. Фар и Трор — те самые мои друзья, бежавшие из Мории. У меня на родине их не приняли, и они подались в Серые Гавани, когда прослышали, что Кэрдан Корабел ищет мастеров для новой крепостной стены...

— Для чего?! Для крепостной стены?! Кэрдан?! Вот это да! — всплеснул руками Фолко.

— А что такого? — удивился гном. — Пусть себе строит, город красивее станет... Да и вообще какое нам дело?

— Сам подумай, ну зачем Кэрдану новые стены? Серые Гавани оставались *неприступными незнамо сколько столетий*! Никто никогда не осмеливался напасть на него! Так зачем ему ни с того ни с сего возводить новые укрепления? Ясно как день, что Кэрдан тоже чем-то встревожен, раз взялся за небывалое дело!

— Ты подумай! — воскликнул Торин, хлопнув себя руками по бокам. — Как же до меня сразу-то не дошло! Клянусь бородой Дьюрина, свет еще не видывал такого глупого гнома!

Они молчали, глядя друг на друга. Кэрдан Корабел! Последний Властитель-Эльф Средиземья. Последний из оставшихся членов Совета Мудрых. Бывший хозяин Кольца Огня, подаренного им Гэндальфу. Непобедимый, могущественный Кэрдан — и кого-то опасается! Неужели угроза настолько велика? Но если она такова — разве отгородишься от нее стенами?

Хоббит и гном стояли возле потухающего камина. За окнами нес свои воды к Великому Морю широкий и спокойный Бренди-вин. Хоббитания безмятежно спала...

Фолко вдруг почувствовал, что стены его тесной комнатки как бы раздвигаются, его мысль поднимается высоко в небо, зорко оглядывая безмерные пространства пустых земель с редкими, едва заметными огоньками малочисленных и разбросанных поселений. Что происходит там, в этих бескрайних просторах? Хоббит видел змеящиеся внизу русла безымянных рек, темные лоскуты бескрайних лесов, видел иссиня-черные на фоне звездного неба вершины горных хребтов... Откуда-то из этих затянутых ночным сумраком пространств ползла на них тень неясной, страшной угрозы. Вот и Кэрдан тоже что-то заметил, и, значит, их страхи не беспочвенны...

Фолко огляделся. Знакомые предметы, знакомая комната... Невыносимо! Что делать? Хотелось сразу же, вот сейчас, выхватить меч, броситься вперед очертя голову навстречу этой безликой, безымянной опасности, схватиться в открытую... Но когда, где, с кем?! Хоббит высунулся в окно, жадно ловя разгоряченной грудью прохладный ночной ветер. Рядом с ним стоял гном.

Где-то за рекой, в Амбарах, пропел первый петух. Фолко потер слипающиеся глаза. Возбуждение спало, взгляд его упал на оставленный посреди комнаты сундучок. Хоббит подошел к нему, встал на колени. Глухо щелкнул замок. Хоббит откинул тяжелую крышку. Над его плечом раздалось взволнованное сопение Торина.

Из недр сундучка Фолко извлек увесистый сверток. Он осторожно размотал тряпицу, и взору гнома предстала древняя, написанная для сохранности на пергаменте Книга в переплете из темно-багровой кожи. Хоббит протянул ее Торину.

— Устраивайся, — сказал он и, поставив на стол несколько подсвечников, придвинул стул. — Это одна из самых первых копий, снятых с Красной Книги. Не знаю, кто ее переписывал, но здесь стоит собственноручная подпись Великого Мериадока, удостоверяющего, что копия полностью совпадает с оригиналом.

Обеими руками гном бережно принял драгоценный том и присел к столу; Фолко пошуровал кочергой в камине, потом полез куда-то в угол, достал жбан с пивом и две глиняные кружки.

— Торин, но что же мы можем сделать, если там действительно... кто-то грызет землю?!

— Я думаю, сделать можно многое, — не отрываясь от книги, сказал гном. — Прежде всего нужно, чтобы в это поверили все гномы Средиземья. Потом можно просить подмоги и у Короля. Он могуч и бесстрашен, он не откажет в помощи... если только мы сможем ему все объяснить. Да и Кэрдан... и к нему можно будет отправить послов... Но прежде всего нужно все до конца понять самим.

— Ну а если тем, подземным, от нас ничего не надо? Живут себе, роют куда-то тоннель...

— Откуда мне знать? Может, и так... Вполне вероятно, что там вообще ничего и никого, а просто у морийских гномов от страха в глазах помутилось и в ушах зазвенело... Все равно я намерен сходить туда сам.

Фолко грустно кивнул. Гном уйдет... Прочитает Книгу и уйдет на трудное, небывалое дело... Он будет пробираться ночными трактами, останавливаться на постоялых дворах, спать где придется... Увидит чужие страны, пройдет по неведомым рекам... И Фолко вдруг очень захотелось отправиться с ним, бросить эту опостылевшую ему тихую, сытную жизнь, испытать то же, что познали четверо обессмертивших себя хоббитов, странствовавших с великой миссией по Средиземью... Фолко присел на кро-

вать и глянул гному через плечо. Морща лоб и сосредоточенно шевеля губами, Торин впивался глазами в каждое слово. Он читал первые листы Книги, повествовавшие о достопамятной беседе добропорядочного хоббита по имени Бильбо Бэггинс с волшебником Гэндальфом в солнечное утро на крыльце усадьбы хоббита... Всматриваясь в знакомые страницы, Фолко не заметил, как крепко уснул.

Гном с улыбкой глянул на задремавшего хоббита, снял нагар со свечи, отхлебнул пива и снова уткнулся в Книгу, время от времени что-то записывая в висевшую у пояса книжечку.

Шли часы, шуршали перелистываемые страницы. Небо на востоке стало постепенно светлеть. Запели петухи, заскрипели ворота — Бэкланд постепенно просыпался, чтобы взяться за свои повседневные дела...

Прошло еще около часа, и когда над краем Старого Леса появился багрово-алый солнечный диск, гном услышал шаги и в усадьбе. Где-то хлопнула дверь, послышался плеск воды, потянуло вкусными ароматами.

Торин отвлекся и задумался о том, как лучше будет представиться хозяевам усадьбы; с едва заметным беспокойством он бросил взгляд на спящего Фолко и подошел к окну.

Первые рассветные лучи озарили зеленые берега широкого Брендивина. Солнечные копья пронзали еще остававшиеся в укромных уголках ночные тени, и остатки мрака поспешно бежали, возвращая земле привычные очертания и краски. Кое-где над заливными лугами плавал прозрачный серебристый туман. На другом берегу реки чернели высокие еловые островины, пока еще лишенные цвета и отчетливых очертаний. Раздались трели утренних птиц, в селении неподалеку и в самой усадьбе грянули третьи петухи. Гном подошел к стоявшей в углу комнаты бочке с водой, чтобы умыться, когда по коридору вдруг раздались тяжелые, чуть шаркающие шаги и кто-то сильно дернул дверь, которую Фолко предусмотрительно запер на засов.

Глава 2

В ПОИСКАХ ПОНИ

Дверь не поддалась. В коридоре раздался чей-то густой бас:

— Фолко, негодник! Что это ты закрылся? Истинный Брендибэк ничего не скрывает от старших! Слышишь, бездельник? Отвори немедленно!

Фолко подпрыгнул на постели, ничего не понимая спросонья. Очнувшись, уставился на содрогающуюся под ударами дверь,

потом как-то обреченно съежился, втянул голову в плечи и, шаркая, поплелся открывать.

Дверь распахнулась, на пороге появился пожилой дородный хоббит с изрезанным морщинами круглым лицом. Под густыми нависшими бровями прятались небольшие глазки неопределенного цвета.

— Ага! — протянул он, засовывая руки за пояс и широко разводя в сторону локти. — Вот он, бузотер! Кто увел пони из конюшни и не вернул его, а? Я тебя спрашиваю, негодник!

Толстые красноватые пальцы крепко впились в ухо Фолко и принялись немилосердно его выкручивать. Фолко побледнел и скорчился от боли, но не проронил ни звука.

Вошедший не обратил никакого внимания на привставшего и уже открывшего рот для приветствия Торина. Он методично драл Фолко за ухо.

— Где пони, бездельник? Где пони, дармоед? Я тебя спрашиваю! Истинные Брендибэки должны неустанным трудом умножать доставшееся им от предков состояние, а не транжирить его, как хоббитонская голытьба! В твои годы я пас овец, работал от зари до зари, и ни разу у меня не пропало ни одной! А ты? Чем ты занимаешься? Теряешь пони! Замечательного пони, такого сейчас не достать ни за какие деньги! Такого пони не было даже у Тукков! Вместо того чтобы искать пони, взятого без спросу, ты беззаботно дрыхнешь!

Очевидно, на этом месте своего нравоучения он чересчур сильно сдавил ухо Фолко, тот глухо застонал и дернулся. На мгновение гном увидел его налитые болью глаза, и это вывело его из замешательства.

«С одной стороны, нельзя равнодушно смотреть, как издеваются над слабым, а с другой — в этой Хоббитании свои порядки...»

Гном решительно шагнул вперед, его крепкие пальцы, точно стальной зажим, сдавили пухлую руку дядюшки Паладина (гном догадался, что это был именно он).

— Прошу прощения, почтеннейший, — процедил сквозь зубы Торин. — Оставьте Фолко в покое, он не в чем не виноват. Его пони спугнул я, когда мы столкнулись лицом к лицу на ночной дороге. Я возмещу вам все убытки. Оставьте его!

— А тебя, любезный, я вообще не спрашиваю, — прошипел дядюшка, безуспешно пытаясь освободиться от железной хватки гнома. — Кто ты такой? А этому негоднику я всыплю теперь и за то, что водит к себе каких-то проходимцев!

Гном побагровел.

— Я не проходимец. Мое имя Торин, сын Дарта, я гном с Лунных Гор... Отпусти его! — рявкнул Торин, ухватив свободной рукой дядюшку за шиворот и слегка встряхнув его.

Тот вдруг тоненько взвизгнул и разжал пальцы. Фолко отско-

чил в сторону, прижимая ладонь к побагровевшему уху. Торин отпустил дядюшку и примирительно сказал:

— Может быть, мы все же попытаемся понять друг друга? Я назвал вам свое имя. Теперь ваша очередь, тогда я смогу объяснить вам, почему я оказался в Хоббитании.

Лицо дядюшки было как переспелый помидор, но заговорил он прежним уверенным и напористым басом:

— Меня зовут Паладин, сын Свиора, и я сейчас — глава рода Брендибэков. Так что же тебе нужно, любезнейший, почему ты проник к нам незваным, не спросив разрешения?

— О, почтенный Паладин, сын Свиора, глава рода Брендибэков, — произнес гном с плохо скрываемым презрением. — Я не смог представиться должным образом, так как пришел в ваши края глубокой ночью. Я шел по дороге с севера и случайно столкнулся с едущим на пони молодым хоббитом. Пони испугался, вырвался и ускакал. Так мы встретились с Фолко. Уступая моим настойчивым просьбам, он согласился предоставить мне ночлег. Естественно, за плату, уважаемый!

Гнома вновь передернуло, но дядюшка ничего не заметил. Торин сунул руку за пазуху, и спустя мгновение в его руке сверкнула кучка золотых триалонов короля Элессара.

— Я также прошу вас принять некоторое возмещение за утерянного по моей вине пони. Достаточно ли шести полновесных монет?

«На эти деньги, — подумал Фолко, — можно купить четырех отличных пони! Но разве этот жадоба откажется от наживы...»

Дядюшка заморгал, облизнул разом пересохшие губы, шумно вздохнул... Его глазки маслянисто заблестели.

— Ну-у конечно, — протянул он, не сводя глаз с золота, — мы, конечно, могли бы принять возмещение... но не это главное. Если уважаемый Торин, сын Дарта, гном с Лунных Гор, утверждает, что именно по его вине... или, точнее, небрежности был утерян пони, он, конечно, обязан заплатить нам его стоимость... Но мне больше бы хотелось услышать, зачем уважаемый Торин пожаловал к нам?

— Я послан своими соплеменниками к хоббитам предложить им самые лучшие и новейшие изделия наших мастеров, — с самым серьезным видом отвечал гном и подмигнул Фолко. — Мы слышали, что именно род Брендибэков является сейчас наиболее зажиточным и уважаемым в Хоббитании. — На лице дядюшки появилось чрезвычайно заинтересованное выражение, он важно кивал на каждое слово гнома. — Поэтому я спешил день и ночь, чтобы договориться с вами. Тогда вам не было бы нужды отправляться в утомительные поездки на отдаленные ярмарки. Мы, гномы юга Лунных Гор, могли бы доставлять все необходимое

вам прямо домой и по самым низким ценам... Но обо всем этом не сговариваются на пороге!

— Да, да, конечно, — закивал дядюшка. — После завтрака ты, уважаемый, сможешь рассказать о своем предложении Совету Брендибэков, который и вынесет свое решение...

— Так, я надеюсь, вы отказались от мысли наказать Фолко? — с любезной улыбкой осведомился гном, делая вид, что хочет спрятать золото.

Дядюшка заметно взволновался:

— Почтенный, это наше дело, и не стоит тебе, чужому в наших краях, встревать в него... Но так и быть. Фолко не будет наказан, если...

— Если мы с ним, скажем, отыщем этого несчастного пони и я заплачу вам... скажем, четыре монеты?

— Если отыщется пони и вы... возместите нам убытки в шесть монет, — непреклонным тоном заявил дядюшка. — Дело не только в пони, но и в тех унижениях, которые не замедлят свалиться на наш род...

— Какие же это унижения?! — опешил Торин.

— Как это какие! Соседи увидят сбежавшего пони с тавром Брендибэков и скажут: «Оказывается, у этих Брендибэков вовсе не такой порядок на конюшне, как они пытаются показать! Так чем же они лучше нас, если у них, как и у всех простых хоббитов, может сбежать пони? А если они не лучше нас, то почему мы должны их слушаться?» Теперь ты понял, почтенный Торин, какие убытки может понести наш род? Нет, взять с тебя меньше шести монет — значит уронить честь нашего семейства, первого, наравне с Тукками, в Хоббитании!

Гном почесал в затылке, не зная, негодовать ему или смеяться.

— Будь по-вашему, почтенный, — сказал он и высыпал в сложенные лодочкой ладони дядюшки Паладина горсть золотых монет.

Тот следил за падением сверкающих кругляшков, затаив дыхание.

— Благодарю тебя, Торин, сын Дарта, — почтительно сказал дядюшка, пряча деньги — Сразу же после завтрака я соберу Совет Брендибэков, и ты сможешь изложить всем свои предложения насчет торговли. Подожди здесь, если хочешь. Тень от Черного Столба не успеет сдвинуться и на один локоть, как я позову тебя. А ты, Фолко, быстро обеги усадьбу и оповести всех! Ну живее!

Фолко исчез за дверью. Дядюшка отправился вслед за ним. На прощание они с гномом обменялись вежливыми поклонами.

Минуло целых три часа и солнце высоко поднялось над Старым Лесом, когда Фолко и Торин наконец встретились наедине в комнатке юного хоббита. На лбу Фолко блестели бисеринки

пота, он выглядел усталым, гном же имел совершенно изможденный вид.

— Уф! Как же утомили меня твои сородичи своей болтовней! — выдохнул гном, падая в кресло. — Лучше весь день махать киркой, чем слушать их россказни! Они все время ели и говорили с набитым ртом, я ничего не мог разобрать... Но пусть их. Я добился того, чего хотел — разрешения провести некоторое время здесь, у тебя. Сказал, что мне надо лучше изучить моих будущих покупателей. А ты как?

— Ухо опухло, — серьезно заявил Фолко. — Ну ничего, с дядюшкой мы еще посчитаемся. А что ты намерен делать дальше?

— Сейчас я намерен идти вместе с тобой искать сбежавшего пони... Возьми провизию и плащ потеплее, может, придется где-нибудь заночевать...

— Как?! — вдруг испугался Фолко, представив себе холодный ночлег где-нибудь в темном лесу, под дождем и ветром. — Разве мы не вернемся к вечеру?

— Всякое бывает, — пожал плечами гном.

Они отправились на поиски, провожаемые любопытными взглядами обитателей усадьбы. Фолко, чье желание и жажда приключений на время победили страхи, не удержался от соблазна вновь привесить к поясу меч Великого Мериадока. За спину он закинул увесистый мешок с припасами, следуя мудрому хоббитскому правилу: «Идешь на день, еды бери на неделю».

Выйдя за ворота, они зашагали на север по той же дороге, на которой встретились ночью. Пройдя около мили и миновав первый поворот, за которым скрылись крыши усадьбы, они свернули вправо и стали пробираться на северо-восток, обшаривая небольшие рощицы, стоявшие подобно островам посреди моря ухоженных полей и покосов, заглядывая в неглубокие, поросшие кустарником овражки, справляясь попутно на попадающихся по пути фермах (Фолко беззастенчиво пренебрег запретом дядюшки), однако все их усилия были тщетны.

Они уже три часа шли на северо-восток, местность мало-помалу менялась. Дубравы и перелески уже не выглядели сиротливыми лоскутами, они постепенно сливались в густые массивы. Меньше стало ферм — теперь больше попадались починки по три-четыре дома, и это было главным признаком близости Границы. На их пути стали чаще встречаться звонкие ручейки и речушки, несшие свои воды к Брендивину. Хоббит и гном особенно тщательно осматривали сырую землю возле них, надеясь отыскать следы беглеца. Не редкостью были глубокие овраги, заросшие ивняком и ольшаником; гном кряхтел, чесал в затылке, но все же

лез вниз, вслед за ловким, тут же исчезавшим в зарослях хоббитом.

Солнце миновало полдень, с юга наползли легкие облака, стало прохладнее. По дороге Фолко и Торину попадалось немало хоббитов, с любопытством пялившихся глаза на гнома, но ничего не знавших о судьбе пропавшего «семейного достояния». Про себя гном уже раз двадцать пожелал глупой скотинке поскорее попасться на обед отсутствующим в Хоббитании волкам.

Пока они шли через поля и по редким здесь проселкам, Торин рассказывал Фолко о своем народе, о нравах, обычаях и занятиях гномов, говорил и об Аннуминасе, с восторгом вспоминая его мощные, сложенные из исполинских гранитных блоков бастионы, боевые башни, ушедшие фундаментами глубоко в землю, мощеные улицы и строгие, с чувством собственного достоинства возведенные дома. Нижние этажи зданий занимали бесчисленные лавки и таверны, где можно было купить любую вещь или отведать любое кушанье из известных в Средиземье. На окраинах имелось множество открытых и закрытых площадок, где бродячие актеры показывали свое искусство почтеннейшей публике; певцы и музыканты устраивали концерты и танцы прямо на улицах и площадях; в дни карнавала, устраиваемого каждый год после сбора урожая, Северная и Южная Окраины превращались в сплошное море цветов и красок...

Ольховая ветка хлестнула гнома прямо по лицу, тот ойкнул и выругался. Они стояли на краю очередного поросшего ольшаником оврага.

Оттуда несло сыростью, Фолко неохотно стал спускаться вниз по крутому откосу, направляясь к журчавшему на дне ручью. По-прежнему кряхтя и спотыкаясь, гном последовал за ним.

Проскальзывая под густой сетью сплетшихся ветвей, Фолко достиг дна. Сзади раздавался громкий треск пополам с неразборчивыми проклятиями — Торин ломился напрямик. Фолко невольно улыбнулся, глянув вверх, потом перевел взгляд на русло ручья и на влажной, поросшей мхом земле увидел то, что искал, — четкие следы четырех небольших копыт, без одного гвоздя в правой передней подкове.

— Торин! Я нашел! — обрадованно крикнул он гному. — Идем вверх по течению!

Сопя и отдуваясь, из зарослей вынырнул Торин. Они зашагали по мягкому, пружинящему под ногами топкому берегу, перебираясь через мшистые гниющие коряги, обходя глубокие, затянутые ряской бочаги, стараясь не потерять след пони.

Над их головами сомкнулись древесные кроны; ольшаник уступил место росшим на склонах оврага высоким соснам и могучим елям. На дне царил зеленоватый полумрак, солнечные лучи с трудом пробивались через зеленую кровлю. С толстых стволов

свисали плети голубоватых лишайников. Трещали сороки, временами доносился частый перестук дятла. Фолко крался, положив ладонь на эфес меча, и в голове хоббита вновь ожили древние сказания. Он воображал себя на месте Бильбо, пробиравшегося через страшное Чернолесье. Напряженный и внимательный, Фолко шагал и шагал, поглядывая вокруг прищуренными глазами.

Гному же было скучно. Он не знал и не любил леса и не умел по нему ходить. Следуя за Фолко, Торин производил столько шума, что, будь они в настоящем Черном Лесу времен Бильбо и его товарищей, их бы давным-давно съели...

Овраг уходил прямо на восток, и Фолко забеспокоился. По его расчетам, с минуты на минуту должна была появиться Отпорная Городьба. А куда же мчался его исчезнувший пони? След шел четко по дну оврага, лошадка не делала ни малейших попыток повернуть или выбраться наверх. Фолко попытался припомнить, что за местность лежит сейчас наверху, но не смог; эту часть страны он уже знал плохо. Оставалось лишь идти вперед, уповая на то, что им удастся задержать беглеца у самого Частокола.

Их разговор как-то сам собой замер. Фолко больше глядел по сторонам, присматриваясь и прислушиваясь, гном же в основном был озабочен тем, чтобы не свалиться в воду.

Так прошло около часа, солнце постепенно клонилось за их спинами. Когда они вышли на сухое место, притомившийся к тому времени Фолко предложил устроить привал.

Они наскоро перекусили и раскурили трубки, давая отдых натруженным ногам. Гном призакрыл глаза и, казалось, задремал, но Фолко беспокойно вертелся на своем пне. Он положил меч себе на колени и выдвинул его до половины из ножен. Окружающий лес стал заметно гуще и угрюмее, овраг расширился, сплошные заросли скрывали от глаз хоббита его склоны. Птичьи голоса умолкли, лишь изредка легкий ветер доносил ржавое карканье ворон. Фолко поднял глаза к небу, пытаясь определить время, однако сквозь зеленые своды он ничего не смог разглядеть. По сторонам в зарослях постепенно нарастали, становились все громче и заметнее какие-то неясные трески и шорохи; где-то поодаль вдруг раздалось хлопанье тяжелых крыльев. Хоббит вздрогнул и обнажил меч.

В ту же секунду он затылком почувствовал чей-то холодный, недружелюбный, но в то же время испуганный взгляд. Фолко не мог объяснить, как он понял это. Осознание того, что тот, неведомый, тоже боится, придало хоббиту уверенности. Он деланно потянулся, зевнул, даже отложил чуть в сторону меч, но его правая рука незаметно подняла с земли тяжелый и короткий смолистый сук. Хоббит действовал не рассуждая, словно его поступками руководила чья-то воля.

Существо за спиной у Фолко чуть шевельнулось. Хоббит отчаянно косил глазом, пытаясь разглядеть его, но тщетно. Рядом мирно посапывал гном. Разбудить его? Но вдруг спугнешь?

Прошло несколько томительных минут, но потом азарт и жажда приключений взяли верх. Резко развернувшись, Фолко изо всех сил запустил тяжелой корягой туда, где, как ему казалось, находился неизвестный. В следующее мгновение хоббит с мечом наголо уже бросился в кусты.

От шума и треска очнулся Торин. Заметив что-то упавшее в кустах, гном решительно принял боевую стойку; топор, словно сам по себе, перелетел из-за пояса в правую руку. Из кустов доносилась возня, какой-то писк. Не долго думая, гном бросился вслед за Фолко.

Пущенный хоббитом сук попал в цель, сбив наблюдателя на землю, и это дало Фолко время для того, чтобы преодолеть отделявшее его от кустов расстояние и вцепиться в барахтающееся на земле серовато-зеленое существо.

Ростом оно оказалось еще меньше хоббита и гораздо слабее. Фолко немилосердно возил это существо физиономией или мордой — он еще не знал, чем — по мху. Оно жалобно пискнуло и прекратило сопротивление. Но едва Фолко поднял глаза на подбежавшего гнома, как вдруг вскрикнул от боли, — его противник впился в палец хоббита острыми зубами.

— Эй, ты, еще раз такое выкинешь, я тебе глотку перережу! — кровожадно рявкнул хоббит в мохнатое ухо лежавшего и для верности провел холодной сталью по его шее, покрытой мягким коричневатым пухом. По-видимому, тот его понял, так как скорчился и обмяк.

— Кого это ты словил? — деловито осведомился подоспевший гном, перекладывая топор в левую руку, а правой приподнимая лежащего за загривок. — Ба! Старый знакомый! — вдруг злорадно воскликнул Торин, поворачивая беспомощно болтавшегося в воздухе пленника лицом к Фолко.

Перед хоббитом в могучих руках гнома слабо трепыхался маленький карлик, ростом чуть больше локтя Фолко. На вытянутом морщинистом лице злобно блестели крошечные красные глазки, сейчас налитые страхом, сразу же напомнившие хоббиту глаза пойманных крыс; длинный нос с горбинкой, тонкогубый рот. На вытянутые уши с отвисшими мочками падали черные волнистые волосы. Одет он был в довольно аккуратный коричневый кафтан и кожаные сапожки.

— Ты его знаешь, Торин? — спросил Фолко.

— А как же! Их племя я знаю хорошо... и даже очень. Сейчас я буду его допрашивать. По-нашему он хоть и понимает, но ни за что не станет говорить, если... если только мы не станем пытать его каленым железом!

Произнося эти слова, гном пристально вглядывался в глаза

карлика, пытаясь определить, понимает ли тот Всеобщий Язык или нет. Пленник висел совершенно безучастно. Гном продолжал:

— Их племя живет рядом с нашим уже давно. Они селятся в заброшенных выработках, причем не брезгуют и тоннелями орков, как рассказывали мне друзья с Туманных Гор. От природы они хитрые и вороватые, работать не любят, предпочитая обманом заставлять других трудиться на себя. Их ловкостью пользуются некоторые не слишком умные гномы, но большинство наших их в грош не ставит. От отца я слышал, что эти хитрецы во время Великой Войны за Кольцо сумели отсидеться за чужими спинами, где помогая нам, а где — оркам. Я встречал их в Аннуминасе, там они в основном занимаются тем, что разнюхивают и сообщают купцам, где выгоднее продать тот или иной товар, получая с них за это плату. Некогда они обитали в пещерах Серых Гор, однако, когда там появились орки, карлики подчинились завоевателям. Потом они как-то незаметно расселились по всему северу Средиземья... Впрочем, я расскажу тебе о них позже, а пока извини меня, я буду спрашивать его на их языке. Итэ отт бурхуш? — обратился гном к карлику, опуская его на землю.

Тот молчал. Торин слегка потряс его, зубы карлика громко клацнули, и он заговорил тонким, противным голоском. Гном сурово спрашивал его о чем-то, тот отвечал, а когда вдруг замолкал, рука Торина сдавливала ему горло, и пленник, слабо пища и трепыхаясь, тут же возобновлял свой непонятный рассказ.

Торин довольно долго вел свою странную беседу с карликом, потом вдруг выпрямился и вытер ладонью покрывшийся испариной лоб; он пошарил в боковых карманах, извлек оттуда изрядный моток веревки и деловито принялся связывать пленнику руки и ноги. Тот жалобно скулил, но сопротивляться не решался. Спутав карлика, гном сунул его в заплечный мешок и закинул на спину.

— *Идем дальше, Фолко, нечего стоять...*

Они снова зашагали вперед сквозь лесной сумрак, все время поглядывая по сторонам и чутко прислушиваясь. Гном старался ступать как можно аккуратнее и попутно пересказывал сгоравшему от любопытства хоббиту то, что выпытал у карлика.

— Этот приятель, — он слегка похлопал по мешку, в котором копошился и время от времени сердито пыхтел пленник, — оказался на юге не просто так, придя сюда по собственной воле! Кстати, смотри внимательнее по сторонам, их было пятеро. Их стоянка наверняка где-то поблизости...

Лагерь карликов отыскался быстро — в яме под корнями росшей на северном склоне оврага сосны они увидели следы костра. Трава вокруг была примята, подле кострища лежали груды хвороста и подстилки из нарубленных ветвей. Тут же валялись несколько плащей, поясов и небольших ножей в черных кожаных ножнах.

На обломившейся треноге сиротливо покачивался котелок с остро пахнущим темным варевом. Но ни мешков, ни оружия посущественней хоббит с гномом не увидели. Ясно было, что отсюда поспешно бежали, едва успев затушить костер. Зоркий хоббит обнаружил следы небольших сапожек, убегавших на восток. Карлики, разбившие лагерь, успели отступить.

— Они удрали, даже не попытавшись выручить своего, — презрительно бросил гном, ударом ноги опрокинув котелок.

— Что будем делать дальше? — неуверенно спросил Фолко деловито рыскавшего по окрестным кустам гнома.

— Следы твоего пони и этих субчиков ведут в одном направлении, — отозвался Торин. — Идем за ними! А по дороге я расскажу тебе кое-что интересное.

Хоббит глянул на гнома и удивился происшедшей в нем перемене. Брови Торина сурово сошлись, он не снимал руки с топора и двигался теперь пригнувшись, избегая открытых мест. Фолко невольно проникся тревогой товарища и вынул оружие из ножен.

— *Ловить будем? — понизив голос, воинственно спросил* он. — А куда потом? И вообще, скажешь ты наконец, чего ты от него добился?

— Он жил, по его словам, в небольшом поселении невдалеке от Аннуминаса. Это похоже на правду, там есть старые гномьи выработки. Они работали, в его смысле, конечно, на некоего богатого арнорского купца. И вот однажды к ним приехал младший сын этого достойнейшего, как выразился карлик, человека и предложил им выгодное дельце — за хорошую плату узнать кратчайшие пути в Форлиндон в обход Хоббитании, закрытой для других указом короля Элессара. По его словам, они сбились с дороги и заблудились в Старом Лесу, откуда с трудом выбрались...

— Верится с трудом, — повел плечами Фолко. — В Форлиндон, *как я слышал, есть хорошая дорога, обходящая Хоббитанию* с запада...

— С трудом верится! — фыркнул гном. — Лжет он все, причем не краснея, это у них не принято... А что с ним сделаешь? Не убивать же в самом деле... И он это тоже понимает! Попробуй прикончи его — это будет убийство, а карлики, я слышал, такого не прощают. Так что его скорбящие родственнички тут же бросятся в ноги Наместнику, умоляя о защите... Король Элессар старался быть справедливым, в его королевстве закон один для всех: что для гномов и людей, что для карликов... Однако устал я его тащить! — вдруг перебил сам себя гном. — Может, все-таки прикончить его? Место тут глухое...

С этими словами он сбросил мешок на землю и пнул его ногой. В мешке жалобно пискнуло.

— Ишь ты, понял! — довольно сказал гном. Из мешка внезапно донеслось длинное, но довольно связное бормотание. — А нука стой! — вдруг насторожился Торин. — Это уже совсем другая песня...

Гном развязал мешок и вытащил порядком помятого карлика наружу, тот шлепнулся на землю, точно мягкий куль, но при этом не переставал лопотать.

— Не так быстро! — приказал Торин, вновь слегка пиная его.

Карлик несколько приподнялся на скрученных за спиной локтях и, испуганно глядя на гнома, залопотал немного медленнее, время от времени всхлипывая.

Фолко не понимал ни слова, но в голосе карлика он уловил неподдельный страх. Тот бормотал примерно с четверть часа, а потом замолк, скорчился на земле, всем видом своим показывая полную покорность судьбе.

— Что он говорит, что он говорит? — тормошил гнома сгоравший от нетерпения Фолко.

Торин вдруг присел на оказавшуюся рядом корягу, лицо его потемнело.

— Плохо дело, друг хоббит, — со вздохом произнес гном. — Он сказал, что однажды к старейшинам его рода приехал ночью неизвестный ему всадник — человек. Кто он и откуда, этот карлик, естественно, не знает. Старейшины совещались о чем-то всю ночь, а наутро вызвали его и еще четверых из его рода и велели им скрытно пробираться на юг. Куда бы ты думал? К Исенгарду. Им поручили разыскать остатки тех, кто повиновался Белой Руке! Не знаю, что значит «Белая Рука», но карлик сказал, что им было приказано найти уцелевших орков!

— Что... что же это значит, Торин? — пролепетал хоббит, уже сам зная ответ, но боясь себе признаться в этом и по-детски надеясь, что все, может быть, еще и обойдется...

— Это значит, — поднимая глаза на Фолко, медленно и раздельно сказал гном, — что кто-то собирает остатки тех, кто служил Тьме... Неужели кому-то снова захотелось власти над Средиземьем?

Фолко схватился за голову и стал медленно раскачиваться из стороны в сторону, твердя про себя только одно: «Что же теперь будет?»

На плечо охваченного отчаянием хоббита легла ладонь гнома.

— Возьми себя в руки, Фолко! — негромко произнес Торин. — Надеяться нам не на кого. Мы узнали сейчас известия столь важные, что действовать нужно немедленно. Ни я, ни ты пока не знаем, что делать, но, быть может, если мы посоветуемся с другими, кто способен не терять мужества при грозных известиях, то сможем вместе придумать какой-нибудь план... А теперь в дорогу! Поищем еще пару часов — и назад.

— А что сделаем с пленником? — спросил Фолко, глядя перед собой остановившимся взглядом.

Хоббит не мог отрешиться от ощущения, что весь его уютный мирок в несколько мгновений рухнул, что его родине грозит новая опасность и что бороться с нею теперь должен он, маленький, не очень ловкий хоббит, которому не приходится рассчитывать на помощь каких-нибудь всеведущих и почти всемогущих волшебников.

— Отпускать его сейчас никак нельзя, — задумчиво проговорил Торин. — Нужно будет добраться до старейшин, выяснить, кто был тот таинственный всадник... Завтра я ухожу, Фолко. Карлика возьму с собой... Идем! Следы пони видишь?

Они не прошли и сотни шагов, как Торин внезапно остановился.

— Что это за частокол?

Между деревьями виднелись высокие, вбитые в землю и заостренные сверху бревна. Сплошная изгородь спускалась с одного из склонов, перешагивала через ручей с опущенной в русло частой решеткой и вновь уходила наверх, теряясь между бесчисленными стволами. Они подошли ближе, и Фолко вдруг увидел, что Отпорная Городьба, надежная, возведенная далекими предками защита Хоббитании от тревог внешнего мира, перестала быть таковой. Замшелые бревна тына в нескольких местах подгнили и рухнули; перегораживающая ручей решетка оказалась отломанной с одной стороны; видно было трухлявое нутро ее боковых опор. Сплошной непреодолимой преграды больше не существовало.

Слишком много пришлось пережить сегодня Фолко, не знавшему до этого настоящих потрясений, поэтому сломанная Городьба его не слишком возмутила. Он только досадливо плюнул, обругав про себя последними словами тех нерадивых хоббитов, что присматривали за ней. Вслед за Торином он перешагнул через поваленные бревна — и... впервые в жизни оказался вне пределов своей страны, милой, уютной, ласковой.

Некогда пустое пространство перед Городьбой ныне густо заросло, ручей расширился, его берега покрывал мелкий ольшаник. Овраг заметно раздался — он постепенно переходил в ту ровную, похожую на громадную тарелку котловину, где угрюмо темнели кроны столетних дубов и ясеней Старого Леса.

— Хороши же вы, хоббиты, — ворчливо сказал вдруг Торин, — совсем о границе забыли... Вот и карлики к вам повадились.

Друзья продрались через густой кустарник и запрыгали по рыжим болотным кочкам, между которых стояла черная, прозрачная, точно зеркало, вода. След пони исчез, и теперь им оставалось лишь наугад брести к синеющему краю Старого Леса, в надежде если не найти беглеца, то хотя бы выбраться на сухое место. Легкий Фолко прыгал впереди; гном брел осторожно, вся-

кий раз прощупывая дно выломанной жердью. Вокруг все стихло; в застоявшемся воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения.

На пони они натолкнулись совершенно случайно. Краем глаза Фолко заметил какое-то трепыхание в кустах. Он остановился и, приглядевшись, увидел запутавшегося в сбруе беглеца. Пони, очевидно, тоже заметил их, он дернулся, пытаясь освободиться, и призывно заржал.

— Уф, наконец-то! — Торин вытер рукавом пот со лба. — Откровенно говоря, уходили меня эти леса.

Они двинулись в обратный путь, взвалив карлика на спину пони. Обернувшись, Фолко с каким-то неясным сожалением кинул взгляд на темные рубежи Старого Леса. День тускнел, с юга наползали низкие тучи. В постепенно сгущающемся сумраке чуть слышно журчал ручей да изредка раздавались далекие птичьи голоса. Хоббит шел впереди, ведя в поводу пони. Торин шагал следом.

— Хотел бы я знать, кому это пришло в голову собирать остатки недобитых орков?! — спросил гном, обращаясь неизвестно к кому.

Хоббит только пожал плечами, и гном продолжил:

— Много ли их может там быть, на самом-то деле? Сколько уж лет мы ходим к Агларондским пещерам мимо тех мест, и никогда ничего не случалось... А, ладно, сдадим в Аннуминасе карлика куда следует, пусть там и разбираются...

Над Брендивином уже давно догорели последние лучи вечерней зари, когда усталые путники наконец дотащились до усадьбы Брендибэков.

По дороге гном так надоел хоббиту своими бесконечными рассуждениями на тему о бессмысленности борьбы за власть в Средиземье сейчас, при сильной королевской власти, что Фолко был несказанно рад, когда они наконец очутились в его уютной комнате, предварительно сдав пони с рук на руки дядюшке Паладину, впервые пробормотавшему, что Фолко, быть может, еще не совсем безнадежен, и улеглись спать, устроив тщательно связанного карлика в углу и бросив ему подушку и пару одеял.

Выбившийся из сил хоббит уснул сразу же, как только оказался в постели.

Глава 3

ЧТО ТАМ, ЗА ПОВОРОТОМ?

Гном проснулся на заре и сразу же разбудил Фолко.

— Мне пора собираться, друг хоббит. Сегодня хорошо бы добраться до Пригорья, там заночевать, а оттуда до Аннуминаса

еще пять дней пути... Послушай, а не продаст ли мне твой дядюшка какого-нибудь захудалого пони? Он и так изрядно погрел руки, может, удовлетворится этим?

— Пони на продажу у нас были, — ответил Фолко, шумно плескаясь под умывальником. — Поговори с ним. Он наверняка торчит в кухне, пока тетушка занята в курятнике... Я тебе соберу еды в дорогу.

Хлопоты ненадолго отвлекли Фолко от грустных мыслей. Гному не потребовалось много времени, чтобы уговорить дядюшку. С горестными воплями и причитаниями, до небес превознося достоинства проданной лошадки, дядюшка ухитрился получить с гнома вдвое больше рыночной цены. Торин еще раз тщательно упаковал карлика в свой мешок, привесил топор к поясу, застегнул плащ на левом плече узорной кованой фибулой.

Провожать гостя из далеких гор выбежало все население усадьбы.

— Вот мы встретились и расстаемся, Фолко, сын Хэмфаста, — сказал Торин. — Спасибо тебе за все! За ночлег, за тепло, за еду и беседу. Спасибо, что ты вытащил меня в поход за пропавшим пони, иначе мы не столкнулись бы с карликом. Спасибо за твой меткий глаз и верную руку — иначе мы не поймали бы его. Жаль, что я не сумел как следует прочесть Красную Книгу, но жизнь длинна, и я уверен, мы еще встретимся с тобою. Когда — никто не знает, но будем надеяться! Не унывай! Вы славный народ, и я сразу же полюбил тебя... Мы могли бы пространствовать вместе... Жаль, что вы стали такими домоседами...

Гном ободряюще улыбнулся Фолко, почтительно поклонился молчаливо глазеющему на них обществу и вывел навьюченного пони за ворота. Там еще раз обернулся, прощально поднял руку, сел в седло и вскоре исчез за поворотом.

Собравшиеся во дворе усадьбы хоббиты стали понемногу расходиться, бросая настороженные взгляды на потерянно топчущегося у ворот Фолко. Двор совсем опустел, когда и он, съежившись и повесив голову, поплелся к себе. Дядюшка Паладин что-то крикнул ему с другого конца коридора, но Фолко не обратил на него ни малейшего внимания.

В воздухе его комнаты еще ощущался запах крепкого, забористого гномьего самосада, отодвинутое кресло еще хранило очертания его могучей фигуры, более привыкшей к жестким доскам постоялых дворов, чем к комфорту и уюту хоббитских жилищ. Фолко вздохнул и взял в руки лежавший на постели клинок Мериадока, чтобы повесить его на обычное место над камином. И тут произошло неожиданное.

Стоило пальцам хоббита взяться за древнюю костяную рукоять, отполированную пальцами стольких поколений гондорских воителей, как в глазах у него помутилось, и он наяву представил

себе гнома, скачущего по бескрайним просторам. Плащ вился за плечами Торина, за поясом сверкал отполированный боевой топор, а со всех сторон, из-за каждого куста, пригорка или камня, в него направляли небольшие, но бьющие без промаха луки стрелки-карлики, и некому было предупредить гнома, остеречь его, спасти! Фолко помотал головой, отгоняя странное видение. Оно поблекло, но не исчезло, и тогда он нарочито шумно стал придвигать к стене стул, чтобы водрузить на место клинок.

— Фолко, ты почему не отзываешься, когда тебя зовут? — На пороге выросла фигура дядюшки. — Я тебе что сказал? Собирайся, вместе с Многорадом репу на торг повезешь. Давай, давай, шевелись, лентяй, думаешь, возы за тебя тоже я грузить буду? — Дядюшка при этом продолжал что-то жевать, крошки падали ему на грудь, он заботливо подбирал их и отправлял в рот.

«Жаль, что вы стали такими домоседами...» Прощальный взмах руки Торина. И его взгляд, обращенный уже не к остающимся в своем теплом и покойном гнездышке хоббитам, а к убегающей вдаль дороге, к неблизкому и опасному пути... Что ему, вольно живущему гному, до его, Фолко, сородичей, давно забывших терпкий вкус дальних странствий? И что остается ему, Фолко Брендибэку? Возить на торжище знаменитую на всю Хоббитанию брендибэковскую репу?! И слушать этого толстого глупого дядюшку Паладина?!

«Жаль, что вы стали такими домоседами...» Фолко наполняла веселая бесшабашная злость. Порывшись в углу, он достал оттуда видавший виды заплечный мешок с двумя лямками, разложил его на постели и спокойно принялся собираться. Некоторое время дядюшка ошарашенно следил за ним, а потом побагровел и заорал, брызгая слюной:

— Ты почему меня не слушаешься, а?! Бездельник, дармоед, чтоб тебя приподняло да шлепнуло! Как ты смеешь?! Почему не отвечаешь, когда к тебе обращается старший в роде Брендибэков?! Истинный Брендибэк обязан быть почтительным к старшим и беспрекословно выполнять их распоряжения! Немедленно прекрати заниматься этой ерундой и иди грузить телеги! Без... — Дядюшка вдруг осекся.

Фолко разогнулся и смотрел на него спокойно, без страха и почтения, а с какой-то кривой улыбкой.

— Не надо кричать на меня, дядюшка, — тихо проговорил Фолко. — Я этого очень не люблю... и никакие телеги я грузить не пойду. Грузи сам, если хочется... А я занят.

Казалось, дядюшка Паладин потерял рассудок. Он зарычал, захрипел и бросился вперед, на ходу занося руку для оплеухи.

— Я тебя, негодяй!..

Фолко отступил на шаг и выхватил меч из ножен. Юный хоббит стоял молча и не шевелясь, но клинок был недвусмысленно

направлен в живот дядюшки. Тот замер и только слабо булькал от полноты чувств, слушая необыкновенно спокойную речь Фолко:

— Больше ты не будешь драть меня за уши, дядюшка. И не будешь гнать на работу, и не будешь изводить нравоучениями, перестанешь рыться в моих вещах и не сможешь помыкать мною. Я ухожу, и пеняй на себя, если вздумаешь помешать мне! А теперь прощай.

Фолко закинул за плечи торбу, пристегнул меч к поясу, невозмутимо обошел остолбеневшего дядюшку и зашагал по коридору к кухне. Взял себе сухарей, вяленого мяса — запас на несколько дней. За спиной раздалось какое-то шевеление — Фолко обернулся, увидел медленно вдвигающегося в кухню бледного дядюшку, усмехнулся и вышел во двор. Не торопясь он пересек его, выбрал и оседлал лучшего в конюшне пони. Выйдя к воротам, он увидел высыпавший из всех дверей народ и торопящегося к нему дядюшку, утратившего свой обычный величественный вид.

— Держите его! — не своим голосом завопил дядюшка.

С полдюжины хоббитов посмелее двинулись было к замершему посреди двора Фолко, но их порыв тотчас иссяк, стоило ему распахнуть плащ и взяться за эфес. В странном ослеплении он готов был сейчас рубить всякого, кто осмелился бы встать у него на пути, — только не знал, как это делается. Никто не дерзнул остановить его. Фолко гордо вскочил в седло, ударил пони пятками по бокам и выехал за ворота усадьбы.

Порыв свежего ветра ударил в лицо хоббита. Пони его старался изо всех сил, пути назад уже не было, и хоббиту следовало торопиться — ведь гном, наверное, успел отъехать довольно далеко...

За спиной вдруг послышался знакомый звук — кто-то из Брендибэков сдуру принялся трубить в сигнальный рожок: «Воры! Пожар! Враги! Вставайте все! Воры! Пожар! Враги!» — старинный сигнал тревоги в Бэкланде. Ему откликнулось несколько рожков на соседних фермах. Фолко увидел, как из стоявших в отдалении от дороги домов стали выбегать их перепуганные, ничего не понимающие обитатели. Фолко усмехнулся. В эту минуту он очень нравился себе. Что ему до всех этих суетящихся хоббитов? Как сидели посреди своей репы триста лет, так и еще столько же сидеть будут. А ему — неизвестность, дальняя дорога, меч на боку, холодные ночи под тонким плащом... Фолко невольно поежился, но тут же успокоился, вспомнив, что он предусмотрительно захватил с собою теплый плащ, подбитый птичьим пухом.

Пони резво рысил по ухоженной дороге, вившейся среди многочисленных полей и ферм. Она вела на север, к Воротам Бэкланда, где у самого берега кончалась Отпорная Городьба. Фолко довелось побывать там всего один раз, когда их, младших хоббитов, впервые взяли на большую ярмарку возле Хоббитона. Фолко успел

тогда бросить лишь недолгий взгляд на Великий Восточный Тракт, убегавший в таинственную, подернутую голубоватой дымкой даль. Широкий, раза в три шире скромного хоббитанского проселка, он гордо раздвигал навалившиеся было лесные стены и уходил на восток, прямой, точно древко копья. Где-то там, за лесом — Фолко знал это, — лежали недавно заселенные хоббитами новые земли, не так далеко было и до Пригорья, но тогда ему показалось, что он стоит на самом краю обитаемых земель и что за густыми лесными завесами до самых Туманных Гор не сыщешь ни одного живого существа. Обоз тогда долго и со скрипом заворачивал на Брендивинский Мост, дядюшка Паладин визгливо ругался с повозными, скупо отсчитывая плату за проезд по мосту, а он, Фолко, забыв обо всем, стоял во весь рост на мешках, не в силах оторвать взгляда от устремлявшейся к горизонту и постепенно сходящейся в тонкую нить Большой Дороги. Опомнился он только от сильного подзатыльника — зачем, мол, репу ногами давишь, дармоед! Фолко передернуло, на лице появилось жесткое и недоброе выражение, рука чуть картинно легла на черные ножны...

День выдался ясный, солнечный, ехать было — одно удовольствие, и Фолко вскоре позабыл обо всем, включая и то, что он теперь — бездомный бродяга. Дорога звала его, и каждый поворот, казалось, скрывает от него до времени совершенно особый мир.

На дороге Фолко попадалось немало народу, с любопытством глазевшего на едущего верхом неизвестно куда молодого Брендибэка. Фолко с усмешкой следил, как изумленно открывались рты встречных хоббитов, стоило им заметить оттопыренный слева плащ!

Он не заметил, как вдали вдруг зачернела Отпорная Городьба. Как-то сразу придвинулись и синевшие до этого где-то далеко справа кроны Старого Леса. Фолко подъезжал к Воротам Бэкланда; вскоре показались и они. Дорога сделала очередной поворот, и хоббит увидел широкие, распахнутые сейчас створки, невысокие сторожевые башенки по бокам и уходящий вдаль сплошной частокол Городьбы. Почти все хоббиты из Бэкланда, выйдя за Ворота, тут же сворачивали влево, через Брендивинский Мост. Фолко невольно поежился: его путь лежал направо.

Он беспрепятственно миновал Ворота, выехал на середину перекрестка, встал так, чтобы не мешать едущим в коренную Хоббитанию, и осмотрелся.

К западу от него, по левую руку, через широкий Брендивин был переброшен древний, почерневший от времени бревенчатый мост, целиком сложенный из исполинских дубовых стволов. Он был достаточно широк — по нему в ряд могли ехать сразу три телеги. А перед мостом, на глубоко вкопанных в землю столбах, был намертво укреплен деревянный щит с вырезанными на нем

словами на Всеобщем и Староэльфийском языках: «Земля свободного народа хоббитов под защитой Северной Короны. Приказываю: да не перейдет этот рубеж нога человека, ныне, присно и во веки веков, да управляется Хоббитания свободной волей своих граждан по их собственному разумению. А буде у кого из людей возникнет надобность повидать кого из хоббитов — пусть приходит к Барэндуинскому[1] Мосту, и передаст письмо по хоббитанской почте, и ждет ответа на постоялом дворе. Дано в год пятый Четвертой Эпохи, Аннуминас, собственноручно — Элессар Эльфийский, Король Арнора и Гондора».

По правую сторону от него сплошной стеной стоял Старый Лес, он тянулся вдоль Тракта десятка на два миль, а затем его край резко сворачивал к югу, уступая место полям древних Могильников, о которых в Хоббитании до сих пор шепотом рассказывали старинные предания, одно страшнее другого. Фолко слышал, что местность вокруг Могильников, ранее пустовавшая и заброшенная, ныне вновь заселена людьми. Строго на восток по Тракту должно быть знаменитое Пригорье, с известным на все Средиземье трактиром «Гарцующий Пони». Что творится дальше, к востоку, Фолко толком не знал, слышал только, что арнорцы добрались и до Заверти, повсюду распахивая застоявшиеся, плодородные земли.

Фолко спешился, еще раз тщательно осмотрел упряжь, поправил седельные сумки. На него уже давно с любопытством посматривала стража у моста — хоббиты, вооруженные луками и пращами; этот пост сохранялся здесь уже много столетий, и профессия Стража Моста стала семейственной...

Фолко невольно искал предлог, чтобы подольше задержаться на месте. Открытые пространства по-прежнему манили его, но от мыслей об ожидающей впереди неизвестности становилось не по себе...

Через мост переехал небольшой обоз из четырех телег, запряженных сытыми, откормленными пони, и восемь хоббитов верхом, все при оружии — с луками и увесистыми дубинками у пояса. *Они не свернули в Бэкланд, как сперва подумалось Фолко, а двинулись прямо на восток по Тракту*, один из наездников крикнул ему, чтобы он дал дорогу. Фолко поспешно вскочил в седло и подъехал к передней телеге.

— Куда путь держите, почтенные? — обратился он к хоббитам.

— К Белым Холмам, — ответил старший хоббит с совершенно седыми волосами. — Тебе туда же, что ли? Так давай с нами. С некоторых пор дорога стала небезопасна. А у вас тут все как будто с луны свалились! Никто ничего знать не хочет...

---

[1] Бареэндуин (Барэндуинский) — название реки, принятое среди людей. Хоббиты эту реку звали Брендивин.

Старик махнул рукой и хлопнул своих пони по бокам вожжами. Обоз тронулся, и Фолко поехал рядом с ними. Восемь молодых хоббитов верхами сперва чуть настороженно косились на него, но потом оттаяли и разговорились.

И Фолко узнал, что уже примерно года два на Тракте происходят странные события. На проезжающих стали нападать какие-то люди, грабили, убивали всех без разбору — и хоббитов, и гномов, да и людей тоже. Старшины хоббитской области у Белых Холмов принесли жалобу Наместнику в Аннуминас, тот послал дружину. Арнорцы поймали кого-то — и на время стало поспокойнее, но и теперь нет-нет, да и попадется в придорожной канаве раздетый донага труп какого-нибудь бедняги... С того времени хоббиты стали ездить в Пригорье и в саму Хоббитанию только группами.

Они ехали так около получаса; но потом Фолко понял, что таким ходом он никогда не догонит гнома, и, поблагодарив ставших совсем уж словоохотливыми попутчиков, погнал своего пони вперед.

«Разбойники? — думал он. — Что ж, пусть будут разбойники. Я хоть и мал ростом, но ловок и небезоружен!»

Шло время, давно скрылись позади и мост, и хоббичий обоз. Фолко скакал теперь в полном одиночестве. Из глубин Старого Леса не доносилось ни звука, но чем дальше, тем боязливее косился юный хоббит на непроглядные заросли, отделенные от Тракта глубокой канавой. Из леса выползал какой-то сизый, стелющийся по земле туман; он казался тяжелее воздуха и, словно разлитое в воздухе молоко, медленно истекал в придорожные рвы. Было тихо, только глухо ударяли в пыль копыта пони. Шло время, солнечный диск уже совсем скрылся за высокой грядой Старого Леса, Тракт быстро заливал вечерний сумрак. Фолко подгонял пони, низко пригнувшись к его гриве. Вечерние тени тянули вслед свои длинные руки, и хоббиту становилось не по себе. Он не мог оторвать взгляда от темных шеренг исполинских деревьев, от изливающихся волн сизого тумана, все выше поднимающегося в придорожных канавах; уши его ловили каждый звук, доносившийся из темноты...

Фолко старался держаться левого края Тракта, но один раз ему пришлось приблизиться к самой обочине, чтобы обогнуть глубокую лужу, и его взгляд случайно упал на полный белесым туманом ров. На самом дне Фолко увидел размытое темное пятно. И вдруг, словно кто-то сорвал повязку с глаз хоббита, он с ужасом и невольным отвращением понял, что в придорожной канаве лежит мертвое тело.

Все заледенело внутри у хоббита, но откуда-то из глубины сознания появилась другая мысль: «Кем бы он ни был, как бы страшно тебе ни было — покрой отжившую плоть землей». И прежде чем страх успел помешать ему, Фолко резко натянул поводья.

В канаве на спине лежал хоббит. Очевидно, он был убит совсем недавно — лишь вороны успели выклевать глаза. Тело вместо добротной хоббитской одежды покрывала какая-то грубая, грязная мешковина. Через весь лоб, наискось, от виска до носа, тянулась черная запекшаяся рана.

Фолко не мог долго задерживаться здесь. С каждой минутой гном удалялся от него; времени у хоббита было в обрез. Все, что он успел, — это подкопать мечом край канавы и присыпать тело сырой глиной. Подобрав на обочине несколько камней, Фолко наспех выложил из них на обочине треугольник, обращенный вершиной к голове погибшего.

Закончив и постояв минуту в молчании, Фолко вскочил в седло. Время торопило его, долг был исполнен, и теперь на хоббита снова наваливался страх. Невольно Фолко вновь подумал о Девятерых, и, словно отвечая его тайным мыслям, откуда-то из дальней дали ночной ветер принес уже знакомое долгое завывание — нечеловеческую тоску, излитую ночному небу. Фолко уже слышал этот вой, но тогда они с гномом сидели в его комнатке, у пылающего камина, под надежной защитой старых стен; здесь же, посреди пустой, залитой призрачным ночным светом дороги, рядом с только что закопанным мертвым телом сородича, этот вой заставил Фолко в страхе озираться. Его прошиб холодный пот. А вой все длился, то чуть отдаляясь, то вновь накатываясь; пони рванулся вперед, не нуждаясь более в понукании. Пригибаясь к коротко стриженной гриве лошадки, Фолко оглянулся.

Далеко-далеко на западе виден был узкий кусок закатного неба. Солнце уже опустилось в Великое Море, но край небосклона был все еще окрашен в зеленоватые тона, а вдоль самого горизонта тянулась едва заметная багровая ниточка. На мгновение хоббиту показалось, что на фоне зеленоватого сияния он различает точеные башни Серых Гаваней — такими их описывали в книгах; сам хоббит никогда там не бывал.

И стоило ему вспомнить о прекрасных эльфийских дворцах на берегах свинцово-серого залива, о вечно шумящем Море, о загадочном Заморье, где живет Элберет, Светлая Королева, чьим именем клянутся Бессмертные, — его сердце просветлело, словно чья-то рука властно сдернула затягивавшую серую паутину мрачных мыслей. Фолко поднял голову и приободрился; он даже начал тихонько напевать старинную песню, вычитанную в Красной Книге; ее пели эльфы, направляясь к своим лесным крепостям старинной дорогой от Серых Гаваней. Фолко спел песню еще несколько раз, но его мысли невольно возвращались к погибшему хоббиту, которого он закопал на обочине Тракта. Кем он был? Как оказался здесь? Шел ли он пешком из Хоббитании в Пригорье или наоборот? А может, его схватили где-то далеко отсюда, у Белых Холмов, например, и привезли сюда, чтобы допросить и

прикончить? А может, он давно уже попал в плен, и неведомые хозяева просто избавились от него, когда он стал не нужен, когда не смог почему-то работать на них? Кто знает?..

Во всяком случае, обо всем этом надо будет рассказать пригорянским хоббитам, предупредить, чтобы они съездили сюда и захоронили покойника как положено, чтобы и он, Фолко, смог прямо смотреть в глаза этому хоббиту, когда они, как и все, когда-либо жившие в Средиземье, встретятся за Гремящими Морями...

Ночь тем временем полностью вступила в свои права, закатный пламень на западе окончательно померк, однако поднявшаяся над восточными горами полная луна давала достаточно света, да и дорога была прямой и ровной. Пони резво бежал вперед, и, по расчетам Фолко, до края Старого Леса оставалось не больше одной-двух миль. Но где же Торин? Неужели он успел настолько опередить его? Фолко ударил пони по бокам и в то же мгновение заметил впереди себя в нескольких сотнях шагов едущую верхом низкую черную фигуру. Пони хоббита припустил во весь опор; ёдущий впереди, очевидно, заслышал перестук копыт сзади. Он резко осадил своего коня и спрыгнул на землю, в лунных лучах сверкнула начищенная сталь.

— Кто бы ты ни был — стой! — прогремел голос всадника, и Фолко увидел, как тот сбросил с плеч широкий плащ и взмахнул правой рукой, проведя ею вдоль бедра. Теперь оказавшийся перед ним был готов к бою — топор наперевес, на груди блестели доспехи.

— Это я, я, Торин! — крикнул Фолко, привставая в стременах и суматошно размахивая руками.

Фигура с топором сделала несколько шагов ему навстречу. Они быстро сближались, и вот уже Фолко спешился возле замершего в недоумении Торина.

— Фолко! Друг хоббит, откуда ты здесь?!

— А! Плюнул на все и решил идти с тобой. Прощаясь, ты сказал, что мы могли бы пространствовать вместе.

— А как же родные, усадьба, дядюшка?

— Ничего. — Фолко беззаботно рассмеялся. — И без меня найдется, кому репу на торг везти. Как я рад, что все-таки догнал тебя! Знаешь, — хоббит помрачнел, — я нашел тело у дороги! И вой этот... Слышал?

— Погоди, погоди! Нашел тело? Чье? Где? Да ты садись, поехали дальше, не возвращаться же назад... До Пригорья рукой подать... Да ты говори!

— Хоббит. Я его не знаю. Убили совсем недавно — он еще окоченеть не успел.

— Чем убили-то?

— Голова разрублена — мечом, наверное...

— Ну и дела, брат, — покачал головой Торин. — Лихие люди по Тракту шарят, так что давай-ка прибавим хода, друг хоббит. Нечего нам тут особенно прохлаждаться. Вон, гляди-ка, уже Могильники начинаются...

Действительно, лес отступал, крутыми изгибами уходя к северу и югу. Тракт вырывался из лесных теснин на простор обширной, чуть всхолмленной равнины. Примерно в миле перед ними дорога проходила через глубокую седловину меж двумя холмами. Слева змеился едва заметный в сумраке проселок, уходивший на север вдоль опушки. В той стороне, в отдалении, мерцало несколько едва заметных огоньков. Еще дальше угадывались размытые очертания холмистой, поросшей лесом гряды.

— Там поселения хоббитов у Белых Холмов, — показал другу Фолко. — А вон там, правее, у Зеленого Тракта, живут арнорцы. Прямо за холмами должно быть Пригорье...

Справа лежали обширные поля, усеянные различной высоты курганами. Туман заполнял пространства между ними, и сейчас курганы казались чудовищными пузырями, вспухшими на поверхности призрачного моря. Фолко невольно поежился — где-то там, чуть дальше к югу, лежали печально знаменитые Могильники, где Умертвие захватило четырех друзей хоббитов во главе с Фродо.

Некоторое время они ехали молча, то и дело бросая взгляды на Могильники. Первым забеспокоился гном.

— Слышишь, Фолко? Поют вроде... Да гнусаво как...

Хоббит напряг слух. Из-за холмов до него донеслись протяжные, заунывные звуки какой-то песни, которую тянули сотни голосов. Монотонное пение наполнило сердце неясной тревогой и тотчас заставило вспомнить о давешнем загадочном вое... Пение приближалось.

— А ну-ка, давай побыстрее отсюда! — сквозь зубы процедил сразу посерьезневший гном.

Он круто свернул влево и потащил своего упирающегося пони вниз, в придорожную канаву. Фолко не замедлил последовать его примеру. С трудом спихнув своих лошадок с открытого места, хоббит и гном осторожно подползли к краю рва и выглянули наружу, прячась в высокой траве. Торин вытащил из-за пояса топор. Фолко обнажил меч.

Из темноты один за другим выныривали черные силуэты. То были всадники: они ехали на настоящих конях, за их спинами покачивались длинные копья; всадники двигались по двое в ряд, неспешным шагом направляясь строго на юг — в поля Могильников. Кое у кого в руках горели смоляные факелы; над дорогой потянулся белесый дымок. И все так же звучало заунывное пение.

Голова колонны давно утонула в скрывавшем подножия курганов тумане Старого Леса, а из-за холма появлялись все новые и

новые всадники. Проехало несколько телег, за ними двинулись пешие воины. Словно чья-то кисть провела иссиня-черным мраком по серо-серебристому полю лунного света — так сплошным потоком шла эта пехота, следуя за исчезнувшими в тумане всадниками. Не бряцало оружие, лунный луч не играл на отполированных доспехах — все было непроницаемо-черно, и лишь унылое пение на неизвестном языке нарушало ночную тишину.

Наконец вся процессия скрылась в тумане. Фолко провожал ее взглядом и внезапно обратил внимание на Обманный Камень, стоявший на вершине ближайшего кургана. Его плоские грани вдруг полыхнули багровым пламенем, словно темная молния ударила в вершину заколдованного холма. Спустя несколько минут точно такая же метаморфоза произошла и с камнем на следующим кургане; в темноту потянулась длинная цепочка перемигивающихся огней, туман осветился, точно в его глубине развели исполинский костер. И тут откуда-то с юга донесся уже знакомый пронзительный вой.

Гном зажал уши ладонями. Теперь этот вой, казалось, был наполнен скрытой и мстительной радостью, словно кто-то наконец получил в руки оружие для давно замышленного мщения; он издевался и хохотал — умея выразить это лишь одним-единственным способом. Гному и хоббиту впервые стало по-настоящему страшно.

Они долго не решались двинуться с места. Первым опомнился гном.

— Ну и нечисть завелась во владениях короля Арнорского! — сказал он шепотом. — Знаешь, друг хоббит, давай-ка поскорее отсюда. Не нравится мне тут...

Они вновь вывели на Тракт своих лошадок, невольно пригибаясь и стараясь держаться в черной тени редких придорожных деревьев. Фолко пугливо озирался по сторонам, гном только хрипло ругался сквозь зубы. Садясь в седло, он задел кованым башмаком по мешку с карликом. Из мешка раздалось тихое хныканье.

Вскоре они достигли края оврага, по дну которого бежал небольшой ручеек; через него был перекинут каменный мост. За ним виднелись какие-то строения.

Путники миновали мост. Вокруг потянулись возделанные поля, вдоль дороги появились изгороди из жердей, вправо и влево отошло несколько проселков. Еще полчаса пути — и впереди замаячил черный пригорянский частокол. Дорога упиралась в наглухо закрытые по ночному времени ворота, в башенке мерцал огонек. Гном заворчал и полез за пазуху.

— Нас двое... да пони двое... два четверика пошлины точно...

От основного Тракта отделилась и ушла влево еще одна малозаметная дорожка, убегавшая куда-то на юг вдоль частокола. Поверх окованных концов заостренных бревен виднелись крытые дранкой крыши. Где-то залаяли собаки.

Гном подъехал вплотную к воротам и, выдернув из-за пояса топор, громко постучал обухом. Некоторое время царило молчание, затем в воротах приоткрылось окошечко, и чей-то хриплый со сна голос спросил:

— Кого там еще волколаки в зубах тащат? До утра не подождать?

— Какое там до утра! — рассердился Торин. — На улице нам спать, что ли? На, держи пошлину за двоих и открывай! — Он сунул в окошко деньги.

— А кто такие?

— Торин, сын Дарта, гном с Лунных Гор, направляюсь в Аннуминас по торговым делам! И со мной — Фолко Брендибэк, сын Хэмфаста, мой компаньон и товарищ. Пропусти же нас, почтенный!

— Ладно, ладно, торопливые какие... Сейчас отопру...

Ворота открылись, за ними лежала длинная темная улица. Старый привратник, что-то ворча себе под нос, навалился плечом на створку и наложил засов. Фолко облегченно вздохнул. Они были в Пригорье.

Глава 4

ПРИГОРЯНСКИЕ УРОКИ

Проехав по темной улице мимо крепких домов, окруженных высокими заборами, сопровождаемые непрерывным собачьим лаем, они остановились возле старинного, намертво вросшего в землю здания знаменитого пригорянского трактира с почерневшей от времени вывеской «Гарцующий Пони». Его стены были сложены из толстенных дубовых бревен в два обхвата толщиной; венцы опирались на дикие мшистые камни. Окна первого этажа были ярко освещены, из полуоткрытой двери доносился гул голосов.

— Подержи, а я схожу договорюсь с хозяином. — Торин сунул в руку хоббита поводья. — Устал как собака, эх, и завалимся же мы сейчас!

Спустя некоторое время Торин вернулся.

— Ну как, все в порядке? Заводи пони во двор. Я договорился с Барлиманом, он запрет карлика в самый глубокий и надежный погреб, какой только сможет найти. Ты есть хочешь?

Только сейчас, оказавшись в безопасности, Фолко понял, насколько он выбился из сил и хочет одновременно и спать, и есть, но сначала, пожалуй, все-таки есть!

— Конечно, хочу!

Фолко спешился и повел в поводу обеих лошадок в глубь темного двора, к коновязи. Гном тем временем снял со своего пони мешок с пленником и вновь скрылся в какой-то боковой двери. Фолко привязал пони, задал им овса из седельных сумок и замялся в нерешительности — куда идти дальше?

— А господина моего хоббита покорнейше прошу сюда, — произнес над самым ухом чей-то почтительный голос.

Фолко обернулся. Перед ним стоял человек, низенький, коренастый, но не толстый; шириной плеч он лишь немногим уступал Торину.

— Хозяин я здешний. Барлиман меня кличут. И трактир наш еще во время Великой Войны принимал у себя самого короля Элессара. — Он заговорщически подмигнул Фолко. — Тогда все знали его в лучшем случае, как Арагорна, а обычно называли просто Бродяжником! Ох, заговорился я, простите меня великодушно! Торин вам ужин заказал в отдельную комнату. Ноб уже готовит. Что пожелаете на ночь — мясного или чего-нибудь полегче, овощей каких?

— И того, и другого, — решительно заявил Фолко. — И пива не забудьте, пожалуйста! И сыра головку можно. Хорошо бы и пирога яблочного, варенья клубничного, меду... И поскорее, а не то мы с Торином сами кого-нибудь съедим? Так куда идти?

— Все понял, все мигом будет! — заверил хозяин. — А идти вам, сударь мой... Как величать-то вас прикажете?

— Зовите просто Фолко.

Хоббит толкнул тяжелую, окованную железом дверь. Хозяин, неимоверным способом извернувшись, ухитрился оказаться впереди и повел хоббита в глубь дома, время от времени подхватывая его под руку и бормоча что-нибудь вроде: «Осторожно, ступеньки здесь... А тут погреб раскрыт. Ноб, ротозей этакий... Вы уж извините меня, я-то привык к темноте, сударь мой, а гном-то велел вас боковым ходом вести...»

Фолко послушно следовал за хозяином по темному, полному вкусных запахов коридору. Время от времени где-то за стеной раздавались чьи-то голоса, слышался смех, стук кружек и веселое пение. Старый дом был полон народу и не вспоминал о своем возрасте.

Барлиман остановился возле неприметной двери в дальнем конце коридора и вежливо постучал. Из-за прочных створок откликнулся низкий голос Торина:

— Войдите!

Дверь распахнулась, и Фолко очутился на пороге небольшой, очень уютной комнаты с низким потолком и округлым окном, закрытым тяжелыми ставнями. По бревенчатым стенам бегали алые отблески пылавшего в камине огня, в кованых шандалах горели свечи. В дальнем углу помещалось широкое ложе, у камина стояли два деревянных стула и небольшой стол, покрытый темным сукном. В углу подле камина были сложены их вещи, а на стуле перед огнем сидел гном, сбросивший плащ. По комнате уже плавал знакомый аромат его крепкого табака.

— Привел, господин мой Торин, — наклонил голову трактирщик. — Все устроено в лучшем виде. Вот ключ от погреба. — Он выложил из кармана тяжелый ключ с затейливой бородкой. — Ужин будет с минуты на минуту. Все ли в порядке? Может, еще чего-нибудь подать?

— Нет, благодарю, господин Барлиман, — ответил Торин. — Все замечательно. Мы вот сейчас закусим да на боковую.

— А, ну хорошо, хорошо, — закивал трактирщик. — А ежели пожелаете, то выходите в общую залу, там народу много, шумно, весело... А не захотите, то отдыхайте, спите спокойно, нужно что будет — звоните. — Он указал на привешенный возле двери шнурок, уходящий в отверстие над косяком. — Ну, приятного отдыха. — Барлиман поклонился и повернулся, столкнувшись в дверях с молодым хоббитом, принесшим поднос, уставленный горшками и плошками. — А вот и ужин ваш! Ну, спокойной вам ночи!

Тем временем вошедший юный хоббит-слуга ловко расставлял на столе кушанья. Из-под крышек потянуло разнообразными, но в равной мере соблазнительными запахами; Фолко непроизвольно облизнулся.

— Как дорога, легка ли? — осведомился слуга, окончив свой труд и подойдя к двери. — Меня зовут Ноб, сын Брега, но называйте меня просто Ноб. Если что понадобится — звоните, я мигом появлюсь.

— Дорога ничего, — рассеянно ответил Торин, поднося ко рту первую ложку тушеных грибов со сложной приправой. — А как у вас дела? Все ли спокойно?

— Да как вам сказать, — задумался вдруг Ноб, осторожно присаживаясь на высокий порог. — В трактире-то дела лучше не придумаешь, и поля пригорянские хорошо родят... Да вот только на дорогах неспокойно стало...

Видно было, что Ноб весьма расположен поговорить. Фолко приглашающе помахал рукой.

— Друг, что ты на пороге-то сидишь? Заходи, дверь прикрой и давай побеседуем! Мы-то редко куда выбираемся, ничего почти и не знаем.

Он налил пива в свою кружку и протянул ее Нобу.

— Благодарствую, — степенно поклонился тот и, сделав изрядный глоток, продолжал, утерев губы: — Слухи разные ползут, нехорошие... Будто завелись у нас такие люди, что одним разбоем живут, грабят, жгут и убивают... Не знаю, а вот деревеньку Ад-

дорн в сорока милях к северу — дотла сожгли! Месяц назад... На рассвете, я слышал, напали, стали дома поджигать, тех, кто выскакивал, — кого зарубили, кого из арбалетов постреляли, а кого в плен увели — а куда, кто знает? — Он глубоко вздохнул. — Только трое оттуда и уцелели. Отсиделись в кустах, чудом их не нашли.

Ложка так и застыла в руке Торина, он слушал Ноба, раскрыв рот от удивления. Фолко тотчас же вспомнил мертвого хоббита у дороги и, когда Ноб приумолк, негромко сказал:

— Знаешь, а ведь я тоже кое-что по дороге видел. Хоббита кто-то убил и в канаве придорожной бросил...

Ноб ойкнул, непроизвольно схватившись за голову, Фолко продолжал:

— Это милях в семи к западу по Тракту. Может, соберешь наших, кто здесь живет?.. Я там на обочине треугольник сложил...

— Да, да, — торопливо закивал Ноб. — Ах ты, горе-то какое... Да когда ж это кончится?! И что мы им сделали?..

Он горестно покачал головой. Фолко отвернулся. Ноб шмыгнул носом, провел по глазам ладонью и продолжал заметно дрогнувшим голосом:

— Конечно, сударь мой, соберу поутру кого смогу. Похороним по-честному, поминки справим... И вы, конечно же, поедете?

— Не знаю, — кинув быстрый взгляд на незаметно покачавшего головой Торина, ответил хоббит. — Видишь ли, мы очень спешим в Аннуминас, у нас там крайне важное дело. Но завтра мы пойдем к вашему шерифу и расскажем ему все — пусть он тоже подумает! И часто у вас здесь такое случается?

— Да нет, не очень, — слабым голосом ответил Ноб. — Не часто, но бывает. Года три назад на Тракте кто-то шуровал, мы тогда вместе с хоббитами Белых Холмов в Аннуминас отписали. Оттуда пришла дружина, ловили кого-то, били... Спокойней стало...

— А ваши, что ж, не ходили?

— Не... Куда нам! Люди здесь мирные, рассудительные. Кто тут воевать-то умеет? Да и зачем? На то дружина есть.

— А как же с деревней этой, как ее, Аддорн? — встрял гном. — Тех-то разбойников поймали?

— Слышал, гнали их до самой границы, до Ангмарских Гор, — ответил Ноб. — Кого-то поймали, судили... Я слышал, даже повесили.

— Кто гнал-то? И что за люди напали? — не унимался Торин.

— Гнали кто? Из столицы отряд пришел, перехватил их. Глемлесская дружина сразу за ними пошла. А что за люди были — толком не знаю. Говорили, с Ангмара. Там народу немало поселилось, живут вольно, власть ничью не признают.

— Ну хорошо, а вы-то как же? У вас под боком деревню сожгли, а вам хоть бы что? — недоумевал Торин. — Да случись такое

у нас, у гномов, так все Лунные Горы бы поднялись! Знаешь, на столичную дружину надейся...

— А что мы? — чуть обиженно сказал Ноб. — Наше дело сторона. Люди пусть уж сами разбираются... Деревня та, кстати, на отшибе, она ведь даже огорожи не имела! И народу там — сотни полторы... А до нас так просто не доберешься — всюду живут. Частокол вокруг Пригорья крепкий, народу много — попробуй возьми нас! И дружина у нас теперь стоит — две сотни конных! Не, у нас-то все спокойно...

— Ладно, чего так голову ломать, — сказал Торин. Он уже успел набить себе рот тушеными грибами, и слова звучали невнятно. — Интересно ты говорил, спасибо тебе. Но если мы так же продолжать будем, то до зари просидим. Так что спасибо, любезный, ты уж иди, а мы тут спать укладываться станем.

И гном протянул Нобу серебряную монетку.

— Спасибо, спасибо, доброй вам ночи, — почтительно поклонился Ноб, пряча монетку в карман широких и коротких — до колен — штанов. Извиняйте, если заговорил я вас. Доброй ночи, доброй ночи!

И он исчез за дверью.

Хоббит и гном молча ели. Еда оказалась необычайно вкусной, пиво превосходным, так что некоторое время слышалось только сосредоточенное сопение ни в чем не уступавших друг другу едоков. Наконец горшки и тарелки опустели, и друзья разожгли трубочки.

— Нда-а, дела, — неопределенно протянул Торин. — Только не вздумай сейчас что-нибудь обсуждать! Спать надо, я себе на этом пони весь зад отбил... Ночь пройдет, утро присоветует — так ведь говорилось в старину? Давай-ка последуем этому мудрому правилу! А завтра ты прежде всего расскажешь мне, как тебе удалось вырваться самому и вырвать себя из вашей замечательно уютной и сонной страны. Все прочие новости обсудим после. У меня глаза слипаются.

Гном широко зевнул.

Они застелили постели свежайшим льняным бельем, лежавшим в головах аккуратной стопкой. Фолко почувствовал, что ему словно кто-то насыпал песка под веки — так вдруг сильно захотелось спать.

— А все же здорово, что ты таки со мной, друг хоббит! — пробормотал Торин, укладываясь. — Одному мне было бы очень тоскливо.

— Только тоскливо? — усмехнулся Фолко. — Я могу оказаться полезным и еще кое в чем. — Он направился к сложенным в углу мешкам, порылся в своем и извлек укрытый на самом дне толстый, обмотанный мешковиной сверток. — Мне помнится, ты обещал не пожалеть золота за некую услугу? — Он протянул свер-

ток гному. — Когда я... уезжал, скажем так, я подумал, что неплохо будет захватить с собой Красную Книгу.

— О, благороднейший из когда-либо живших хоббитов! Хвала Дьюрину, не иначе как он сам вложил в тебя эту прекраснейшую мысль! — завопил Торин, подскакивая на постели и отбрасывая одеяло. — Скорее давай ее сюда! Сон отменяется! То есть ты, конечно, спи, а я лучше почитаю!

Торин торопливо стал одеваться.

— Так темно же! — попытался возразить Фолко. — Свечи догорают...

— Ерунда, лучину засветим. — Гном уже отщипывал от сложенных перед камином дров узкие и длинные щепочки. — А вот и поставец есть!

— Ну как знаешь.

И Фолко улегся, с головой укутавшись в одеяло.

Слышно было легкое потрескивание лучины, изредка шелест переворачиваемых страниц, мерное дыхание гнома. Усталость быстро взяла свое, и Фолко вскоре погрузился в мягкий, спокойный сон.

Наутро, пока гном еще спал, к ним в комнату постучал трактирщик, принесший завтрак. Поев, Фолко решил прогуляться.

Коридор вывел его в обширную залу, в главное помещение трактира. В широко распахнутые окна лился яркий солнечный свет. Прямо напротив окна находилась двустворчатая входная дверь, по левую руку — стойка, за ней — темно-коричневые тела древних исполинских бочек; там же помещался небольшой камин. Вдоль длинной стойки выстроились высокие деревянные табуреты, сейчас занятые народом, неторопливо попивавшим пиво, что-то жующим или просто покуривавшим трубки. Справа в стене имелся второй камин, намного больше первого; каминов такой величины Фолко раньше никогда не видел — он имел в поперечнике не менее полутора саженей. Перед этим камином стояли длинные столы, занимавшие середину помещения; вдоль стен и между окнами были расставлены столики поменьше, на два-три места. За стойкой и в зале ловко управлялись двое слуг — один наливал пиво, другой разносил кушанья.

Никто не обращал внимания на замершего в проеме хоббита, и Фолко мог спокойно рассматривать заполнявших залу посетителей. Здесь собралось на удивление пестрое общество — забежавшие в короткий час полдневного отдыха пригоряне в рабочих одеждах соседствовали с важными купцами, с королевскими чиновниками — последних легко было узнать по вышитому на рукавах их камзолов гербу Соединенного Королевства Арнора и Гондора — Семь Звезд и Белое Древо на фоне крепостных стен;

а в ночном небе над стенами — яркая Восьмая Звезда, Звезда Эарендила. Потягивали пиво и озабоченные компании гномов в коричневых одеяниях; из брошенных возле их столов мешков торчали кирки — их хозяева направлялись в какие-то дальние копи...

У стойки сидело несколько дружинников Наместника из размещенных недавно в Пригорье конных сотен — под гербом Королевства у них были изображены лошадиная голова и две скрещенные сабли. Все эти когда-то вычитанные или услышанные от иноземцев сведения тотчас же всплыли в голове Фолко, и он, к своему удивлению, понимал, что не так уж плохо разбирается в этом новом для него мире. Однако в дальнем углу он заметил довольно многочисленную компанию крепких, здоровых мужчин зрелого возраста в темно-зеленой одежде, отличавшейся по покрою от надетого на прочих гостях, — их куртки не украшало никаких эмблем; под столом и на лавках вокруг них было небрежно разложено разнообразное оружие — мечи, копья, луки — луков было особенно много; Фолко заметил и несколько круглых щитов, повернутых лицевой стороной к стене.

Он вскарабкался на высокий табурет неподалеку от хлопотавшего по другую сторону стойки слуги и спросил пива.

Не успел он отпить и трети своей кружки, как из темного нутра трактира вынырнул Барлиман. Он казался каким-то успокоенным и словно бы просветленным; в руках он держал стеклянный бокал, полный темно-багровой жидкости.

«Наверное, вино», — подумалось хоббиту.

Барлиман вышел на середину залы и высоко поднял правую руку. Все умолкли. Хозяин трактира заговорил необычно серьезным и даже несколько торжественным тоном:

— Оставьте на время вашу беседу, дорогие гости. Настал тот час, когда мы каждый день поминаем Великого короля Элессара!

Раздалось слитное скрипение отодвигаемых стульев и лавок. Все поднялись, лица людей и гномов были серьезны и задумчивы. Каждый держал в руке бокал вина или кружку пива.

Трактирщик продолжал:

— Он не раз бывал здесь, оказывая нам высокую честь своим присутствием. В те годы, когда немногие герои вели неравный бой с Завесой Тьмы, трактир моих предков не раз предоставлял ему и кров, и пищу.

Рука хозяина указала куда-то в угол. Фолко скосил глаза, но за плотно стоящими людьми не смог ничего рассмотреть.

— Он был велик и светел, — продолжал хозяин, — его мудрость была глубока и всепроникающа. Пусть же помнят о нем люди и рассказывают о нем добрые сказки своим детям! Пусть будет легок каждый его шаг там, в иной жизни, за Гремящими Морями!

Трактирщик прослезился. Фолко оглядел залу и, к своему удивлению, заметил, что многие отводят взгляды и тяжко вздыха-

ют. Однако хоббита озадачили старательно прикрытые насмешливые полуулыбки, которыми обменялись вставшие вместе со всеми люди в зеленом.

— Выпьем, друзья! — поднял бокал Барлиман. — Пусть вечно зеленеет трава на его могиле, на могиле Великого Короля Элессара!

Все дружно повторили его последнюю фразу и поднесли к губам бокалы и кружки, осушая их до дна. Фолко поймал себя на том, что и у него запершило в горле, и он поспешил сделать хороший глоток в память Великого Короля.

Трактирщик постоял немного посреди залы, затем вздохнул и вышел через ведущую в глубь дома дверь. Гости неспешно расселись, и вскоре вновь потекла неторопливая, добропорядочная беседа...

Только теперь Фолко смог увидеть то место, на которое в продолжение своей верноподданической речи указывал трактирщик. Возле камина, у стены, примостился небольшой стол, покрытый белой скатертью и огороженный невысокой чугунной решеткой тонкой работы. Возле стола стоял чуть отодвинутый в сторону стул с небрежно брошенным на спинку поношенным серо-зеленым плащом. К столу был прислонен резной деревянный посох с костяной ручкой; а на белой скатерти подле высокой кружки лежали потертый кожаный кисет и небольшая кривая трубочка. Казалось, что хозяин этих вещей на минуту отошел в сторонку и вот-вот покажется. Заинтересованный хоббит подошел поближе.

Над столом в пышной раме, под стеклом, висел старинный пергамент, написанный, как и многие другие документы времени Великого Короля, на Всеобщем и Староэльфийском языках.

Текст пергамента гласил:

«За услуги, за честь и мужество дарую владельцу трактира «Гарцующий Пони» Барлиману и всем потомкам его право торговать и жить безданно, беспошлинно, и да будет так, пока стоит Белое Древо. Настоящим также подтверждаю, что подарил хозяину трактира свои плащ, кисет, трубку и посох, дабы никто не усомнился в их подлинности. Дано в год восьмой Четвертой Эпохи. Пригорье, собственноручно — Элессар Эльфийский, Король Арнора и Гондора».

Фолко ошарашенно почесал в затылке и, благоговейно посмотрев на разложенные драгоценные реликвии, вернулся к наблюдению за группой воинов, одетых в зеленое.

Среди них, как вскоре увидел хоббит, были не только зрелые, сильные мужчины, но и юноши, и даже несколько мальчишек. Один из них, тощий и длинный юнец, все время вертелся и скакал перед сидящими мужчинами, время от времени изображая и передразнивая кого-нибудь из них. Парень моментально схватывал малейшие неправильности лица или фигуры и тотчас представлял их в таком нелепо-преувеличенном виде, что каждая его

гримаса вызывала дружный хохот. Приплясывая, он выпаливал какой-нибудь смешной куплет, героем которого становился кто-нибудь из присутствующих, потом оглядывал зал и, под хохот старших товарищей, передразнивал кого-нибудь из гостей. Сначала это показалось забавным любившему посмеяться хоббиту, однако вскоре он понял, что этот юнец не просто веселит своих, но зло, презрительно высмеивает тех, кто не принадлежал к их компании; Фолко это очень не понравилось. Он нагнулся, чтобы почесать укушенное комаром колено, поднял голову — и увидел, что юнец передразнивает на сей раз его, причем нимало не скрываясь, глядя хоббиту прямо в глаза, злорадно и нагло. У парня получилось очень похоже — он мастерски изобразил удивленно-испуганного маленького хоббита, страшно озабоченного тем, чтобы кто-нибудь не поднял его на смех; насмешник в точности показал, как тянется и украдкой чешет себе колено хоббит, как оглядывается, с важным видом поправляет меч у пояса... Получилось донельзя похоже и оттого особенно обидно. Фолко почувствовал, что краснеет, тем более что «зеленые» глядели на него с неприкрытой насмешкой — что теперь, мол, сделаешь, воитель?

Хоббит судорожно сглотнул. Ему казалось, что на него смотрит сейчас весь трактир, что смолчать нельзя, надо что-то делать — но что? Фолко никогда не отличался хорошо подвешенным языком... Что делать?!

Он затравленно огляделся — и, к своему ужасу, увидел, что передразнивавший его парень идет через залу прямо к нему. Его длинное лицо было изрыто оспинами, редкие волосы не могли скрыть оттопыренные уши, зеленоватые кошачьи глаза были презрительно сощурены... Он шел прямо на Фолко, и внутри у хоббита все упало.

— Эй, ты, мохнолапый! Чего это ты на моем месте расселся? — Парень стоял подбоченясь и презрительно цедил слова сквозь зубы. — Уматывай давай, дважды повторять не люблю. Ты че, оглох, что ли?

Фолко не двигался, и только его правая рука судорожно стискивала рукоять бесполезного сейчас меча.

— Место было свободно, — с трудом выдавил из себя хоббит. — Мне никто ничего не сказал...

— Чего? Че это ты там пищишь? — Юнец пренебрежительно скривился. — Не слышу! Раз с людьми говоришь, мелочь мохнатая, так уж чтобы тебя слышно было!

— Место было свободно, — упрямо повторил Фолко. — Я занял его, и теперь оно мое. Поищи себе другое.

Он отвернулся, делая вид, что считает разговор законченным. В то же мгновение его схватили за нос и повернули лицом в прежнюю сторону.

— Кто это тебе нос-то воротить разрешил? Сюда смотри, уро-

дина! Ты сперва шерсть на лапах выведи, а уж потом в приличное общество лезь! Понял? Повтори?

— Убирайся! — тихо и с ненавистью сказал Фолко. — Убирайся, не то...

Он до половины выдвинул клинок из ножен. Однако его мучитель и бровью не повел.

— Ой, как страшно! Ой, сейчас под стол спрячусь! А сам туда прогуляться не желаешь?!

Парень с неожиданной силой ударил по табурету, на котором сидел хоббит. Фолко покатился по полу, пребольно стукнувшись коленками и локтями, не успев даже понять, что произошло. Парень действовал так быстро и ловко, что никто ничего не заметил; люди с удивлением взглянули на ни с того ни с сего грохнувшегося на пол хоббита и вернулись к прерванным занятиям.

Острый и твердый носок сапога врезался в бок упавшему хоббиту. Его отбросило к стойке, левая сторона тела вспыхнула от острой боли. Фолко скорчился, прикрывая голову руками. А его обидчик, гордо усевшись на отвоеванный табурет, вдруг запел издевательскую песенку-частушку:

— Глупый хоббит у дороги деловито бреет ноги. Зря старается — от века не похож на человека!

Несколько человек в зале засмеялись, а уж компания у стены — та и вовсе зашлась от хохота.

И тут в голове Фолко все внезапно улеглось и успокоилось. Теперь он твердо знал, что ему надо делать. Он с трудом поднялся и заковылял прочь, к тому концу стойки, где слуга наливал пиво. Никчемный меч волочился по доскам — один из ремешков оборвался... Затылком хоббит безошибочно чувствовал устремленные на него насмешливые взгляды — среди них был и торжествующий взгляд его обидчика. Фолко дошел до края стойки и резко повернулся.

— Эй, ты, недоносок в зеленом! — выкрикнул он. — Получай!

Дубовая пивная кружка с глухим ударом врезалась в голову не успевшего даже дернуться юнца. Фолко всегда был одним из первых среди своих сверстников, когда дело доходило до метания камней или стрельбы из лука; в этом искусстве хоббиты, как известно, лишь незначительно уступают эльфам и намного превосходят все прочие народы Средиземья.

Враз обмякшее тело парня тупо стукнулось об пол; он рухнул, точно подрубленное дерево, и лежал неподвижно, лицом вниз; вокруг его головы медленно растекалось кровавое пятно.

Фолко потерянно стоял и смотрел на поверженного врага. В сознание ворвался взволнованный гул голосов — он не слушал, не воспринимал их, завороженно глядя на наконец заворочавшегося и застонавшего юнца. К нему подскочили двое в зеленом, помогли сесть. Он с трудом повернул разбитое лицо к стоящему

шагах в десяти от него хоббиту. Кровь моментально смыла с него и презрение, и браваду; теперь Фолко с непонятным, но сладким чувством видел в его лице недоумение и животный страх — тем более что рука хоббита помимо его воли вновь ухватилась за стоявшую рядом с ним пивную кружку.

Кто-то тормошил хоббита, кто-то о чем-то спрашивал его — он молчал, глядя, как стеной стали надвигаться на него люди в зеленом. И тогда он обнажил меч.

Одетые в зеленое глядели на него с ненавистью; они стояли тесной группой в полутора десятках шагов от хоббита и молчали. Из-за их плотно сдвинутых спин время от времени доносились слабые стоны и всхлипывания.

— Погодите, погодите! — вихрем вылетел откуда-то трактирщик. — Что случилось? Что произошло? Сейчас во всем разберемся...

— Нечего тут разбираться, — прервал его чей-то холодный, скрипучий голос.

Фолко вздрогнул — впервые заговорил кто-то из «зеленых».

— Дерзость нуждается в наказании, — продолжал тот же голос.

Ряды чужаков в зеленом раздвинулись, и на пустое пространство неспешно вышел человек.

Перед хоббитом стоял невысокий, лишь немногим выше его самого, горбун с длинными, едва не достигавшими колен узловатыми руками. На треугольном лице выделялись хищный тонкий нос и блекло-стальные глаза. Встретив его взгляд, Фолко затрепетал, словно кролик перед удавом. Однако в этом взгляде не было ни злобы, ни даже ненависти, лишь сила — он казался спокойным, чуть усталым, и даже, как показалось хоббиту, в нем промелькнуло нечто похожее на сочувствие. Горбун смотрел на хоббита без гнева и злости — так смотрят на ничего не подозревающую муху, когда собираются прихлопнуть ее ладонью. Казалось, горбун вышел не столько для того, чтобы проучить именно этого хоббита, именно за этот поступок, а потому, что представился удобный случай дать волю своей силе.

Все это в одно мгновение промелькнуло в голове прижавшегося к стойке хоббита. В эти секунды его ум обрел необычайную ясность, схватывая малейшие, даже самые незначительные детали и превращая их в бесспорные выводы.

Взлетел и тотчас угас встревоженный говор в рядах зрителей при виде обнаженного клинка в руках хоббита. Угас, потому что горбун, холодно усмехаясь уголками рта, вытащил из складок одежды коричневатую палку длиной в полтора локтя и спокойно повернулся к людям:

— Крови не будет, не беспокойтесь, почтенные! Вы видите, — он бросил на пол тяжелый кожаный пояс с висевшим на них кинжалом в черных ножнах, — я сталь не обнажаю. Ты, — он впе-

рвые обратился прямо к Фолко, у которого моментально язык присох к нёбу, — ты первым пролил кровь. Защищайся или нападай — мне все равно. Но для начала...

Он внезапно сделал движение и сразу же оказался рядом с опешившим хоббитом. Холодные крючковатые пальцы рванули его снизу вверх под подбородок, зубы Фолко клацнули, и вдобавок он больно прикусил себе язык. В следующее мгновение он получил удар по ногам и вторично покатился по полу. Окружающие рассмеялись, раздались выкрики:

— А ну, малыш, покажи ему! Кружку, кружку не забудь!

— Эй, ставлю двадцать монет на хоббита!

— Пятьдесят на горбуна!

— Врежь ему, врежь, давай, смелее!

В центре кривляющегося и насмехающегося мира стоял равнодушно-спокойный горбун, держа в опущенной руке свою нелепую палку. И все отчаяние Фолко, вся его обида и злость заставили его оторваться от стойки и двинуться вперед. В мирном, редко когда дравшемся даже в детстве хоббите проснулась какая-то дремучая, неистовая ненависть, обращенная на незнакомого горбуна с короткой и тонкой — в полтора пальца — палкой вместо оружия.

Зрители приветствовали движение хоббита дружным ревом. Откуда-то из-за спин до Фолко донеслись возмущенные возгласы Барлимана. Тот, похоже, все еще пытался развести ссорящихся и не допустить схватки. Его никто не слушал.

Фолко шел прямо на горбуна, с губ которого по-прежнему не сходила холодная усмешка. В странном ослеплении, словно в полусне, хоббит преодолел разделявшие их полтора десятка шагов и, когда до противника оставалось не больше двух саженей, резко бросился вперед, выставив перед собой меч, нацеленный в грудь горбуну.

Горбун вновь сделал какое-то неуловимое движение, его палка с шипением рассекла воздух, и Фолко едва не выронил отбитый со страшной силой меч. А горбун уже оказался где-то сбоку, и хоббит получил обжигающий удар чуть пониже спины, заставивший его тонко взвизгнуть от острой боли. Вокруг вновь раздался хохот.

Ослепленный болью и яростью, но все же не утративший свою природную ловкость, хоббит быстро развернулся лицом к противнику. Ненавистное лицо горбуна маячило совсем рядом, он явно не ожидал такой прыти от Фолко, и хоббит изо всех сил, как будто рубил дрова, нанес удар сверху, целясь в высокий бледный лоб, покрытый рыжеватыми завитками редких волос.

Ни один мускул не дрогнул на лице горбуна. Рука с палочкой взметнулась вверх, описывая круг в воздухе, и Фолко почувствовал, как его отбрасывает в сторону и его клинок бессильно рассекает пустоту. Горбун вновь оказался позади хоббита, и уже ничто не могло помешать ему — он сбил Фолко с ног, тот повалился на пол, а его противник, оседлав его, принялся методично наносить удары — по плечам, по ногам, по заду. Никто никогда так не бил хоббита, его сознание начало гаснуть от боли, он уже ничего не слышал и не видел...

Над ним раздался какой-то особенно сильный шум, и град обжигающих ударов внезапно прекратился. Последним усилием воли Фолко судорожно рванулся в сторону, пытаясь отползти, и глянул вверх. Он увидел искаженное лицо горбуна, отчаянно пытавшегося вырвать свою руку с палкой из чьей-то другой, судя по всему, перехватившей кисть горбуна в воздухе. Хоббит напрягся, пытаясь разглядеть лицо своего спасителя, однако все его сомнения разрешил знакомый низкий голос.

— Убийца! — зарычал Торин. — А ну, попробуй-ка со мной!

Пальцы гнома крепче стального зажима сдавливали руку горбуна; лицо противника Фолко утратило все свое спокойствие; на полуобнаженной руке Торина вздулись толстые, точно веревки, жилы, однако все старания горбуна были тщетны. Он попытался перехватить палку свободной рукой; тогда Торин, отбросив тянущуюся кисть горбуна, сам схватился за противоположный конец палки и резко рванул ее вниз; раздался треск, обломки выскользнули из обмякшей руки горбуна.

— Я тебе покажу, как маленьких лупцевать, падаль! — рявкнул гном в лицо горбуну. — Клянусь бородой Дьюрина!

Тот зашипел, точно кошка, которой наступили на хвост, ловко извернулся, подпрыгнул и ударил гнома ногой в бедро; Торин покачнулся, и его противнику удалось вырваться. В следующее мгновение топор уже был в руках разъяренного гнома.

— Меч! — отпрыгнув назад, резко крикнул горбун.

Откуда-то из-за его спины ему сунули длинный меч в черных ножнах. На лице горбуна появилась злорадная усмешка, словно говорившая всем: «Ну вот, наконец-то мы добрались и до сути».

И тут на них навалились. Зрители поняли, что шутки и забавы кончились и сейчас начнется настоящая схватка; человек пять повисли на плечах горбуна, к Торину подскочили четыре гнома.

С непостижимой ловкостью горбун моментально освободился от вцепившихся в него рук; державшие его люди разлетелись по полу, не успев даже сообразить, что же с ними происходит; горбун стремительно двинулся вперед, его меч был уже обнажен.

Фолко в ужасе зажмурился. И тут из-за спин раздался чей-то спокойный, сдержанный голос, сразу же заставивший всех умолкнуть. В нем чувствовалась скрытая сила и властность, право приказывать и карать. Все замерли, застыл и горбун, не успев опустить ногу.

— Прекрати, Санделло! Это недостойно тебя. К тому же нам

пора. Заплати хозяину за беспокойство и помирись с почтенным гномом.

Горбуну по имени Санделло кто-то из его товарищей сунул в руку позвякивающий кожаный мешочек.

Фолко и Торин, да и все собравшиеся с удивлением наблюдали, как при первых же словах разом изменилось лицо Санделло: исчезли злоба и ненависть, не было видно даже тени недовольства. На тонких губах появилось подобие улыбки, он повернулся лицом в ту сторону, откуда шел голос, и низко, почтительно поклонился.

— Повинуюсь! — истово выдохнул он и огляделся, по всей вероятности, отыскивая трактирщика.

Из-за спин вылез спавший с лица Барлиман, недоверчиво и с неприязнью глядевший на Санделло. Тот протянул ему деньги.

— Просим прощения, почтеннейший хозяин, за причиненные вам неудобства. Клянусь Великой Лестницей, все вышло как-то само по себе и не так, как мы бы хотели. Прими же это в качестве возмещения!

Барлиман хотел что-то сказать, но потом только махнул рукой и принял мешочек.

— Вот и отлично, — продолжал горбун. — Теперь я хочу помириться с почтенным гномом.

Он направился к Торину, которого по-прежнему удерживали четверо молодых дюжих гномов. Сам Торин только бешено вращал налитыми кровью глазами и изрыгал неразборчивые проклятия на своем языке. Санделло протянул ему руку.

— Я предлагаю расстаться с миром, почтенный гном, не знаю твоего имени. Я понимаю тебя, ты защищал друга, но и я делал то же самое! Полагаю, мы квиты?

— Никогда мы с тобою не будем квиты! — хрипло ответил Торин. — Настанет день, мы еще встретимся, и я отплачу тебе за сегодняшнее. Посмотрим, что еще ты умеешь, кроме избиения слабых! Убирайся, не о чем мне с тобой разговаривать!

Санделло с показным разочарованием развел руками и повернулся к двери, в которую уже выходили его товарищи.

Вскоре со двора раздался стук копыт — от трактира отъезжало с десяток всадников. Гномы со вздохом отпустили Торина, и он сразу же бросился к по-прежнему распростертому на полу хоббиту.

— Фолко! Как же это тебя угораздило? Где болит, скажи? — беспорядочно забормотал гном, торопливо ощупывая плечи и спину хоббита; почти каждое его движение сопровождалось жалобными стонами хоббита. — Хозяин, горячей воды нам в комнату, — бросил гном Барлиману, бережно подхватывая Фолко на руки и направляясь к выходу.

За их спинами вновь раздался гул возбужденных голосов, оживленно обсуждавших происшедшее. Гном осторожно нес

хоббита к их комнате. В сильных и жестких руках Торина было необыкновенно удобно, боль слегка отступила — и Фолко только и смог заскрипеть зубами от жгучего, нестерпимого стыда. Он чувствовал, как запылали его щеки и уши. Какой позор! Так получить на виду у всех, будучи с мечом против какой-то палки! Хорош он был, доблестно рассекающий пустоту воитель, когда его противник заходил ему за спину и делал что хотел! В настоящей схватке Фолко был бы убит через несколько секунд. А он-то развоображался! Опытный, бывалый мечник! Тебе только дядюшке грозить... При думах о дядюшке мысли Фолко приняли иное направление. И зачем только он увязался за этим гномом, так некстати подвернувшимся на дороге? Понесся — куда, зачем? За два дня пути он уже получил колотушек больше, чем за всю предшествующую жизнь, и никакие дядюшки не сравнились бы по силе с этим проклятым горбуном... Фолко застонал — боль снова подступала, но тут гном пинком распахнул дверь в их комнату и осторожно уложил хоббита на постель. Торин принялся снимать одежду с поминутно охающего и ахающего Фолко; осмотрев его спину, гном присвистнул.

— Вот это да... Крепко он тебя отделал. Скажи все же, как дело было?

Превозмогая боль и нестерпимый стыд, Фолко пересказал гному суть происшедшего. Торин помрачнел:

— Жаль, не убил ты этого гада... И жаль, мне не дали как следует разобраться с ним, как его, Санделло? Ну ничего, я его на всю жизнь запомнил.

Раздался осторожный стук в дверь. Торин толкнул створку, и в комнату вступил Барлиман, держа в руках деревянный ушат, полный горячей воды.

— Спасибо, хозяин, — кивнул ему гном.

— Может, еще чего-нибудь нужно? — как-то робко осведомился трактирщик.

— Нет, благодарю, у нас все есть, — отказался Торин.

На спину страдающего хоббита осторожно легла горячая тряпка, пропитанная каким-то гномьим снадобьем. Фолко с трудом подавил крик — рубцы вспыхнули, точно посыпанные солью, но боль быстро утихла, по телу стало расползаться приятное тепло...

— Да, лежать тебе сегодня весь день, — подытожил Торин, озабоченно качая головой.

Фолко блаженствовал, дав отдых всему своему избитому телу. Нет, ни за какие коврижки не пойдет он дальше! Завтра он скажет гному последнее «прости» и отправится назад, в родную Хоббитанию. Дядюшка, конечно, посердится, но в конце концов простит, и все снова будет хорошо... Хоббит совсем размяк, но тут в дверь кто-то сильно постучал.

Глава 5

РОГВОЛД

— Кого там опять несет? — сквозь зубы проворчал Торин, но дверь все-таки открыл.

— Прошу прощения, если помешал... — раздался негромкий голос с хорошо слышимыми металлическими нотками.

В комнату осторожно вошел высокий седой человек, уже очень немолодой, но сухой, подтянутый; на загорелом лице под густыми седыми бровями выделялись ярко-голубые глаза такой редкостной чистоты, что гном невольно залюбовался — как любовался бы драгоценными самоцветами. Гладкая кожа обтягивала чуть выступающие скулы, от крыльев носа к уголкам рта пролегли глубокие складки, мелкая сеть морщинок залегла в уголках глаз; низ лица скрывала аккуратная белоснежная бородка, ровной лентой тянувшаяся от одного уха до другого. На нем была простая коричневая куртка и высокие кожаные сапоги; на поясе, с каждого боку, висело два коротких ножа. Длинные свои волосы он перехватил кожаным же шнурком, чтобы не закрывали глаз.

Фолко приподнялся на локте, стараясь получше разглядеть незнакомца, Торин же удостоил его весьма недружелюбным взглядом и в ответ на его первую фразу пробурчал себе под нос нечто вроде: «Еще как помешал».

— Я только что вошел в трактир, — продолжал незнакомец, — и первое, что услышал, был рассказ о вашей стычке с чужаками. Я поспешил узнать, не могу ли я быть чем-нибудь вам полезен...

Устремленный на незнакомца взгляд гнома, казалось, яснее ясного говорил: «Можешь быть очень полезен, если избавишь нас от своего присутствия». Вошедший посмотрел на покрытую синяками спину хоббита, порылся в висевшей у пояса небольшой кожаной сумочке и протянул гному пачку сухих листьев с сильным пряным запахом.

— Это целема, — сказал седоволосый. — Я вижу, почтенный гном, ты уже применил свои средства... так, подкаменец кислый, болтень двуглавый и пещерный мох — все правильно. Но будет весьма неплохо для твоего пострадавшего друга, если ты последуешь моему совету и заваришь еще и целему.

— Откуда вы... ты знаешь наши снадобья? — недоуменно спросил гном.

— Я долго живу и много странствую, — улыбнулся незнакомец. — Бывал я и у вас, на юге Лунных Гор, и даже водил дружбу с Хортом, одним из ваших старейшин.

— Как ты догадался, что я с юга Лунных Гор? — окончательно растерялся Торин.

— Только на юге Лунных Гор делают пятислойные кованые

топоры с шипом, — усмехнувшись, ответил незнакомец. — На Севере они трехслойные, в Мории на лезвии характерный волнистый узор, в Одинокой Горе вместо шипа небольшая наковаленка с изображением горы, к тому же сам топор округлен. Железные Холмы отличаются двусторонними топорами также в пять слоев, одинарные же топоры у них скорее напоминают секиры. Ну что ж, давайте знакомиться? — Он широко, приветливо улыбнулся. — Меня зовут Рогволд, сын Мстара, а по-местному — Рогволд Дуб. Так пригоряне прозвали меня за выносливость и за то, что я все никак не поддаюсь старости.

Торин и Фолко назвали себя. Рогволд покивал, а потом принялся вместе с гномом хлопотать вокруг распростертого на ложе Фолко. Он расспрашивал их о происшедшем, время от времени задавал короткие вопросы, загадочно усмехаясь и кивая в разных местах их рассказа.

— Значит, все они были в зеленом? Сидели отдельно от всех? Парнишка-шут? Интересно...

Постепенно гном и хоббит воодушевлялись все больше, у Торина не осталось и малейшего следа неприязни, столь явственно выказанной им несколькими минутами раньше. Когда хоббит довел рассказ до своего меткого броска, на лице Рогволда появилось явное неодобрение, однако он подумал, вздохнул и покачал головой.

— Нет, я все же ошибаюсь, — сказал он. — Ты поступил как должно, хотя и не все поняли это. Продолжай!

Хоббит заговорил о появлении горбуна. Рогволд внезапно встрепенулся и посмотрел на него очень внимательно.

— Ты сказал, его звали Санделло? Горбун Санделло? — Он откинулся с видом величайшего изумления. — Тебе сильно повезло, Фолко, сын Хэмфаста. Тебя могли убить голыми руками, не вставая из-за стола!

Фолко поперхнулся, гном вытаращил глаза. Оба молча смотрели на Рогволда.

— Я знавал его, — медленно произнес тот, словно с трудом припоминая какие-то давнишние события. — Несколько раз я видел его на турнирах в Аннуминасе. Несмотря на свой рост, он три раза подряд брал первые призы в состязании на мечах. Мне всегда казалось, что он живет только для того, чтобы доказать всем на этих турнирах, что он такой же, как все, и даже лучше. Но Наместнику он не понравился, и тот не пригласил Санделло в свою гвардию, не знаю уж почему. Впрочем, Наместник хорошо разбирается в людях... Не знаю, чем и как жил Санделло все эти годы — он лет на двадцать моложе меня. Я слышал, что он подался не то в охотники, не то в золотоискатели... — Рогволд вновь покачал головой. — Прихотлива Судьба! Хотел бы я знать, кому он служит нынче, а то, что служит, — это яснее ясного. Чей же

это голос, заставивший горбуна отказаться от любимейшего занятия?!

Рогволд прошелся по комнате.

— Ничего, мы еще встретимся с этим Санделло! — проворчал гном, но было видно, что после рассказа нового знакомого решительности в нем поубавилось.

— Такие, как Санделло, очень дорого стоят, — не слушая гнома, продолжал Рогволд. — Но уж если он встает на чью-либо сторону, то не изменит до самой смерти... Да, кстати, уже и отвар поспел.

Он подошел к кипевшему на огне котелку, снял его с треноги и нацедил в кружку темной ароматной жидкости.

Обжигаясь, Фолко пил горячий отвар, а Рогволд тем временем осторожно натирал ему спину разваренными листьями. Новое средство подействовало очень быстро — боль в спине исчезла совершенно, и лишь немного кружилась голова. Фолко с удовольствием забился под одеяло и стал слушать, как Рогволд рассказывает о себе, отвечая на нетерпеливые вопросы гнома.

— Я коренной арнорец, родился и вырос в Аннуминасе. В молодости отличался силой и за это был взят Наместником — в те годы столь же молодым, только что назначенным на этот пост — в конную городскую дружину. Был десятником, потом сотником, ходил в достопамятный Последний Поход на Север тридцать лет назад, когда там были замечены поселения орков, и дослужился до пятисотенного. Но шли годы, я старел, и в один прекрасный день я оставил службу Короля и стал вольным охотником. Теперь я брожу по лесам, ловлю соколов и кречетов, приручаю их, учу и продаю в Аннуминасе для Охоты Наместника. Вот, собственно, и все. — Он чуть виновато развел руками.

— И куда же ты направляешься теперь, почтенный Рогволд? — спросил Торин.

— Я как раз иду в Аннуминас. Может быть, нам по пути?

— Да, мы тоже держим путь туда.

— Что же заставило гнома из Лунных Гор и хоббита из ставшей для многих сказкой тихой страны отправиться туда? Простите за мой вопрос, но это редкий случай даже в наше спокойное — относительно, конечно, время, что хоббит идет в Аннуминас, да еще в одиночку!

Фолко и Торин переглянулись.

— У нас важное дело к Наместнику, — спокойно ответил Торин. — Не мог бы ты, почтенный Рогволд, посоветовать нам, как бы устроить так, чтобы повидать его поскорее?

— Приема у Наместника добиваются многие, — стараясь не показать своего удивления, ответил охотник, — но, чтобы увидеть, а тем более говорить с ним, вам придется ждать довольно долго. Во-первых, вы подадите прошение в Канцелярию Наместника с изложением вашей просьбы. Затем получите ответ младшего письмоводителя Канцелярии, где вам будет назначена дата беседы с одним из секретарей Наместника — он должен убедиться, что тема действительно заслуживает того, чтобы вас выслушал сам Наместник.

— Но наше дело особое, мы не можем пересказывать его всем крючкотворам Аннуминаса! — возмутился гном.

— Кстати, тебя могут вообще попросить не загружать Канцелярию лишней работой, — улыбнулся Рогволд. — Разве ты не знаешь, что гномы не являются подданными Северной Короны и, следовательно, должны обращаться к своим послам в Аннуминасе, если у них возникают какие-то затруднения в торговых или ремесленных делах! Прошение должен писать хоббит — они все-таки на особом положении. Так завещал Великий Король, а его слово пока свято.

Гном почесал в затылке.

— Сколько же это получится дней?

— Никак не меньше месяца, — последовал ответ. — Я знаю, какие толпы осаждают Наместника своими прошениями. Почти все их дела могут быть решены чиновниками меньшего ранга — и в конце концов так и получается, но начинать все почему-то стремятся с самого верха.

Гном кисло посмотрел на свернувшегося калачиком хоббита.

— Выход есть, — вновь заговорил Рогволд. — Наместник знает и помнит меня. Если вы расскажете мне, в чем ваше дело, я, возможно, смогу дать вам дельный совет. Впрочем, ни в коем случае не хочу навязываться, и, умоляю вас, не подумайте, будто я выпытываю какие-то ваши секреты.

Поколебавшись, гном коротко повторил то, что он рассказал Фолко в первую ночь их встречи. Рогволд слушал спокойно, задумчиво посасывая трубку, и, когда Торин умолк, заговорил, поглаживая бородку левой ладонью:

— Ты рассказал сейчас об удивительных событиях, Торин. В те годы, когда я служил при дворе Наместника, мне доводилось слышать, что в архиве, оставленном королю Элессару Элрондом Полуэльфом, владетелем Ривенделла, были удивительные повествования о Подземном Мире, Мире, лежащем ниже самых глубоких поселений и шахт гномов. И я припоминаю, что будто бы где-то в самом сердце гор еще таятся заключенные там с дней Предначальной Эпохи солдаты Моргота, того самого Первого Великого Врага, у которого Враг последующий, Саурон, был всего-навсего тюремным надзирателем. Кто они, что это такое — я не знаю, да и слушал-то я тогда эти, как казалось, никчемные слухи вполуха. Теперь жалею. Кто знает, может быть, это как-то связано с нынешними событиями в Мории? — Рогволд задумчиво покачал головой. — Но ты прав, в Морию идти надо, и если

твои собратья в Лунных Горах отказались это сделать, попробуем поискать спутников среди гномов Аннуминаса! Там всегда собираются самые бесшабашные и отчаянные молодцы из вашего племени, кому наскучило жить в старых местах. Решено, я иду с вами!

Совсем молодым, резким, упругим движением Рогволд вскочил и прошелся по комнате, что-то бормоча себе под нос и подсчитывая на пальцах. Наконец он остановился и повернулся к хоббиту:

— Так, значит, вы приехали сегодня ночью?

Фолко и Торин одновременно кивнули.

— Спокойна ли была дорога? Я хочу сказать — не встретилось ли вам по пути что-либо необычайное? Вы ведь шли по Западному Тракту, не так ли?

— Необычайное... — невесело усмехнулся Торин. — Скажем прямо — необычайного нам за эту ночь встретилось больше, чем за все мои предшествующие шесть... или семь? — уже не помню сколько, путешествий в Пригорье. Все началось с того...

— Я нашел труп на дороге! — возбужденно вставил Фолко, но гном оборвал его:

— Погоди! Все по порядку! Прежде всего — тот вой, который я слышал на подходе к Хоббитону, а второй раз мы оба слышали уже в Бэкланде. Жуткий какой-то вой! Фолко вот говорит, что он напомнил ему памятные описания похожего голоса из Красной Книги, но мы решили, что это совершенно невозможно.

— В наше время не может быть ничего невозможного, — спокойно заметил Рогволд. — Погоди отбрасывать свои догадки, сколь бы неправдоподобными ни казались они тебе. Скажу, что я тоже слышал его — на подходе к Пригорью. Только я шел с юга. Я слышал его дважды — поздним вечером и уже глубокой ночью, причем мне показалось, что второй раз он был несколько иным — злораднее, что ли.

— Правильно! — хлопнул себя по лбу Фолко, отбрасывая одеяло и вскакивая на ноги. Завязавшийся разговор заставил его совершенно забыть о полученных побоях. — Правильно! Торин, тогда по твоему счету это был уже третий — ну, когда мы миновали Могильники!

— Да, был и третий раз, — нахмурившись, кивнул гном. — Но это уже другая история. Дальше был труп, который нашел Фолко, я и не заметил его в темноте.

Фолко рассказал о мертвом хоббите. Рогволд молча выслушал, и лицо его потемнело.

— Опять! Снова сюда пробрались! — вымолвил он.

Неясно было, кого он имеет в виду, но, едва Фолко собрался задать старому ловчему этот вопрос, как тот снова поднял опустившуюся было голову.

— Хорошо, это еще можно понять, — сказал он. — Погодите, погодите, не перебивайте меня, чуть позже я отвечу на все ваши вопросы. То, что произошло, — это, конечно же, очень печально и грустно, но объяснимо. А не было ли еще чего-нибудь такого, ни на что другое не похожего?

— Нет, почтенный Рогволд, скажи сперва, как ты объяснишь это дело с трупом? — перебил его Торин.

— У меня есть два предположения, или, если хотите, догадки. Первая — бедняга попался в руки местным разбойникам — не удивляйтесь, у нас тут подались в разбойники жители нескольких деревень, не поладив с соседями. Так вот, он, возможно, возвращался домой, к Белым Холмам, его выследили и убили. Тело бросили на видном месте — чтобы их больше боялись, — тогда легче заявиться в какую-нибудь подлесную деревушку и потребовать выкуп. Дружинников они не очень опасаются, потому что хорошо знают местность и замечательно умеют прятаться. К тому же с конницей в лесу не развернешься. Приходится бороться с ними иными способами.

— А второе что? — нетерпеливо спросил жадно ловивший каждое слово хоббит.

— О, второе! Второе куда интереснее!

Рогволд встал, подошел на цыпочках к двери и внезапно распахнул ее. Коридор был пуст, их не подслушивали. Охотник тщательно запер дверь на засов с видом заговорщика и поманил к себе хоббита и гнома.

— Вы, наверное, слышали о сожженной месяц назад деревеньке Аддорн? Слышали ведь, не может быть, чтобы Ноб вам про нее не наболтал. И говорил ведь, что тех, кто похозяйничал там, гнали до самых Ангмарских Гор? Ну, говорил?

— Говорил, — кивнул Торил. — И что с того?

— Уже года два или три, — тихим, чуть зловещим голосом произнес Рогволд, — как у нас появились уже не летучие шайки обычных грабителей, а отряды хорошо вооруженных конных воинов, неплохих мастеров боя, между прочим! Они нападают на крупные обозы, иногда жгут деревни, а потом исчезают столь же внезапно, как и появились. Не брезгуют они и выкупом — причем даже с небольших городов. Кто они такие и откуда — до сих пор толком неизвестно. Народ болтает, будто из Ангмара — но, во-первых, у нас все зло, какое ни есть, всегда из Ангмара, так уж люди устроены, во-вторых, в Ангмаре действительно живет вольный, ушедший из Королевства народ, их там немало. С этими загадочными отрядами у нас были стычки. Как правило, они уклонялись от открытого боя, но в прошлом году, по весне, их хорошенько прижали. Они потеряли тогда сотни четыре — кстати, среди убитых были не только люди, но и орки. Мне рассказывал об этом знакомый сотник, которому можно верить. Потом меся-

цев семь было довольно спокойно — присмирели и наши обычные разбойнички, тоже, кстати, изрядно пощипанные прошлой зимой и весной. И вот теперь снова! Так что вот вам, стало быть, мое второе предположение: хоббит попал в плен к какому-нибудь из этих отрядов, незаметно прошедшему от наших границ до самого Пригорья. Дело в том, что эти конные весьма усердно охотились за пленными. *Но скорее всего либо хоббит не смог идти* дальше, либо оказался не нужен, и они прикончили его, не давая себе труда хотя бы припрятать труп, а может — просто торопились.

Наступило молчание. Фолко примолк, понимая, что дело начинает принимать серьезный оборот.

— По дороге сюда, — продолжал Рогволд, понизив голос до едва слышимого шепота, — я увидел нечто такое, в истинности чего мне очень бы хотелось усомниться, приписать все происшедшее дурным снам или неизвестной болезни. Я вошел в Пригорье через Южные Ворота, а Зеленый Тракт, как известно, проходит по восточной границе Могильников.

Гном и хоббит невольно вздрогнули. Слишком свежи были воспоминания о жутких огнях на вершинах курганов и заунывном пении в ночной тишине. Оба опустили головы и помолчали.

Как ни мимолетна была охватившая их дрожь, Рогволд заметил ее и сразу обо всем догадался. Старый сотник печально покивал седой головой.

— Вы тоже видели *это?* — быстро спросил он.

Фолко увидел, что и бывалый воин Арнора не сдержал невольного движения, выдавшего его тревогу, непонимание и глубоко скрытую, но все же постоянно присутствующую боязнь.

— Вы видели и слышали *это?* — повторил Рогволд. — Старые охотники и следопыты говорили мне, что в Могильниках творится нечто неладное, что они *оживают*... Тогда, а случилось это два года назад, я не придал этому значения, ведь мы, ловчие, любим подчас прихвастнуть, водится за нами такое. Но теперь, когда я своими глазами видел, как пылали мраморные Клыки на вершинах холмов, когда я услышал эту жуткую песню — признаюсь, мне что-то не по себе. Скажите, а что видели вы?

Торин в нескольких словах пересказал Рогволду их ночные приключения на самом пороге Пригорья. Ловчий снова покивал.

— Сомнений нет, — вздохнул он. — Этот отряд с Севера. Я набрел на следы странно подкованных лошадей еще вчера днем, когда срезал дорогу через лес. Эти следы вели в одном направлении — к Могильникам.

— Постойте, — вмешался Фолко. — А почему вы решили, почтенный Рогволд, что эти воины пришли именно с Севера?

— Не все, — серьезно ответил Рогволд, — но многие. Видишь ли, их лошади действительно странно подкованы. Такие подковы и такие гвозди куют только в Ангмаре. Я не раз бывал там, когда

сопровождал посольство Наместника. И вот теперь снова вижу те же конские следы в нескольких милях к юго-востоку от Пригорья!

— А наш отряд шел как раз наоборот, обходя Пригорье с северо-запада, — удивился гном.

— Вот как? — поднял брови Рогволд. — Это и впрямь новость! Значит, они шли к Могильникам с разных сторон. Наверное, там у них был сборный пункт! А мы сидим себе в теплом и покойном трактире, ни о чем не тревожимся, — сказал ловчий и закусил губу.

— Что же делать? — спросил его Торин. — Ты опытен, ты знаешь местность — помоги же нам! Ведь то, что видели мы трое, касается не только пригорян, но и всего Арнора! По-моему, надо оповестить командира арнорской дружины!

— Командир шагу не сделает без приказа из Аннуминаса, — грустно усмехнулся Рогволд. — Он охраняет Пригорье. Если на него нападут, он будет сражаться, а так... Вряд ли, почтенный гном. К тому же конным не с руки лезть в лесные дебри.

— Интересно! — Торин вскочил на ноги. — Тем конным, значит, в дебри лезть с руки, а нашим, стало быть, нет?!

— Ну, не торопись, пожалуйста, — словно защищаясь, поднял ладони Рогволд. — К командиру, конечно, сходим, если тебе уж так хочется. Но толку, я повторяю, будет мало.

— Мало не мало, но я никогда не прощу себе, если не сделаю этого! — вымолвил гном и торопливо стал собираться.

Он подпоясался своим широченным поясом, заткнул за него топор и вопросительно глянул на хоббита.

Несмотря на все сомнения и сознание полной своей никчемности в бою, Фолко вдруг понял, что не в силах обмануть ожидания гнома, не в силах вот так вот, самому, дать Торину повод разочароваться в себе и долго презрительно сплевывать при одном только упоминании страны хоббитов; и Торину будет совершенно безразлично, какие причины побудили хоббита струсить. И это новое незнакомое чувство пересилило.

— Ты готов, Фолко? — спросил гном. — Как твоя спина, ничего?

Торин повернулся к хоббиту, уже стоя на пороге. Вслед за ними поднялся и Рогволд.

— Я в порядке, — ответил хоббит слабым, но твердым голосом, изо всех сил стараясь, чтобы тот не дрогнул.

Они вышли из трактира, бросив попавшемуся по пути Барлиману, что скоро вернутся и чтобы тот присмотрел за их комнатой. Трактирщик кивнул и пожелал им приятной прогулки: мол, перед обедом пройтись полезно, это улучшает аппетит. У Фолко внутри все сжалось, едва он представил себе, чем может обер-

нуться эта «прогулка». Рогволд шагал рядом с ним; старый ловчий казался спокойным, как скала.

Они зашагали по широкой, хорошо ухоженной главной улице Пригорья. Рогволд объяснил хоббиту, что, как почти все подобные улицы в других арнорских селениях, она носит имя Великого Короля. Они шли мимо высоких заборов и крепких ворот; за заборами стояли двухэтажные бревенчатые дома, крытые серым тесом; дома утопали в зелени садов, уже чуть тронутой осенним багрянцем. Повсюду деловито сновал народ, не обращая никакого внимания на троих вооруженных спутников.

Улица пошла под уклон, постепенно спускаясь с широкого, расплывшегося пригорянского холма, от нее отделилось несколько улочек поменьше; как и на главной, вдоль них тянулись крепкие, ухоженные дома. Все улицы вели к окружавшему Пригорье со всех сторон Частоколу, выходили в чистое поле и превращались в обычные проселки, ведущие к окрестным деревушкам. Пригорье, как и во времена Бильбо и Фродо, служило как бы столицей довольно большого острова населенных земель посреди безбрежного моря Глухоманья. За триста мирных лет арнорцы потрудились на славу; однако их было слишком мало, и селились они в основном севернее, в районе Аннуминаса, Форноста и лежащих меж ними озер. Давно уже была освоена ранее совершенно дикая местность вдоль совсем было заброшенного к началу Четвертой Эпохи Зеленого Тракта; однако на восток люди продвинулись незначительно — миль на сто. Там не было крупных поселений, лишь небольшие деревни. Именно они и стали добычей загадочных конных воинов.

Все это Рогволд пересказал по дороге слушавшему его с раскрытым ртом хоббиту, пока они шли к видневшимся возле самого Частокола длинным двухэтажным домам. Здесь помещались две сотни арнорских конников, поставленных в Пригорье повелением Наместника после того, как участились разбойные нападения на Восточном и Зеленом Трактах.

— Нельзя сказать, чтобы все было впустую, — сказал Рогволд. — Дружинники сутками не вылезали из седел, рыскали по окрестностям в поисках неизвестных грабителей. Кое-кого они поймали и тотчас же повесили. Теперь все же потише, чем было, скажем, два года назад.

Стоявший у входа воин в полном боевом вооружении молча преградил им путь своим длинным копьем.

— К кому идете, почтенные? Доложите о себе, и я передам вашу просьбу сотнику.

— У нас важное дело именно к нему, почтенный, — вежливо ответил молодому воину Рогволд. — Мои друзья и я, похоже, знаем, где находится один из отрядов мятежников.

На лице воина появилось тревожно-озабоченное выражение.

Он потянул за висевшую возле него веревку, и где-то в глубине дома зазвякали колокольчики.

— Это точно?! — У караульного засверкали глаза, на судорожно сжавших древко копья кулаках побелели костяшки. — Вот хорошо бы! Конец тогда всему этому безобразию.

Из глубины дома появилось еще трое точно так же вооруженных воинов. На каждом — наборный панцирь, высокий остроконечный шлем, у пояса — длинный меч, за плечами — бело-синий плащ с вышитым арнорским гербом. Шедший в середине уже немолодой коренастый воин с загорелым, обветренным лицом выступил вперед.

— Я Нарин, начальник караула, — сказал он негромко, чуть хрипловато. — Что вам угодно? О чем вы хотите сообщить?

Рогволд повторил. Старый воин ничем не выдал своего волнения, разве что голос, которым он скомандовал пришедшим «За мной», стал более хриплым. Караульный остался на посту. Рогволд, Фолко и Торин в сопровождении Нарина и двух молчаливых молодых воинов зашагали в глубь обширного воинского дома.

Они долго шли по коридору и остановились у самой дальней двери. Возле нее также стоял часовой.

— У себя ли капитан? — спросил караульного Нарин.

— У себя. Что у вас к нему?

— Важное дело, пропусти скорее! — Часовой молча посторонился, и Нарин, проходя мимо него, на ходу бросил: — Похоже, будет драка...

Они оказались в небольшой светлой комнате с приятным запахом смолы, исходившим от свежих, недавно нашитых на стены тонких досок. Вдоль стен стояли широкие скамьи: их спинки, как и входная дверь, были покрыты резным узором. Посреди стоял большой круглый стол, возле него — восемь деревянных резных кресел. По стенам было развешано разнообразное оружие, сверкала начищенная сталь панциря, распятого, точно шкура диковинного зверя. В противоположной стене виднелась еще одна дверь, уже безо всяких украшений, сбитая из обожженного дубового бруса.

— Прошу садиться, — обратился к гостям Нарин. — Капитан сейчас выйдет. Эй, Хервин! — повернулся он к одному из сопровождавших его молодых воинов. — Ну-ка, быстро карту на стол!

За дубовой дверью послышался звук шагов. Все воины, включая Нарина, тут же выпрямились и приосанились. Капитан быстро вошел в комнату и остановился, не доходя двух шагов до стола, на котором была расстелена карта.

— Приветствую вас, почтенные, — зазвучал мягкий, совсем не воинственный голос. — Легка ли была ваша дорога? Что привело вас сюда? Какие обиды или оскорбления запятнали честь Коро-

левства, а значит — и мою честь? Поведайте мне, и, поверьте, мы найдем способ удовлетворить вас! Я ведь не только командую пригорянской дружиной, я еще и шериф этой местности. Я слушаю вас!

Капитан прошел к столу и сел, не выказывая ни малейшего удивления по поводу того, что на столе развернута карта. Теперь хоббит мог разглядеть командира арнорского отряда как следует.

Он был молод — наверное, ему едва исполнилось тридцать лет. Высокий лоб, ясные глаза, чистое, открытое, чуть удлиненное лицо — все это тут же расположило к нему хоббита. Фолко услышал, как за его спиной одобрительно крякнул Торин.

— Я приветствую почтенного Рогволда, — продолжал капитан. — Вы уже давно не заходили в Пригорье, уважаемый... Итак, я слушаю вас, и пусть ваши спутники назовут себя, если пожелают! — Он откинулся на спинку кресла.

— Торин, сын Дарта, гном с Лунных Гор.

— Фолко, сын Хэмфаста, Брендибэк, из Хоббитании.

Капитан, учтиво наклонил голову.

— Мое имя Эрстер, сын Корста. Я слушаю вас!

Трое пришедших переглянулись. Рогволд кашлянул и заговорил. И пока он рассказывал о происшедших событиях, Фолко с удивлением и разочарованием следил, как менялось выражение на лице капитана Эрстера. Оно стало вдруг мрачным, подавленным, точно ему сообщили о смерти близкого друга или родственника. Под конец капитан не сдержал досадливого восклицания.

— Это важно, очень важно все то, что вы сказали, — медленно произнес он. — Но я не могу бросить свою дружину в неизвестность, просто так, не имея на то прямого приказа! Нарин! Что ты об этом думаешь?

Старый воин смущенно кашлянул.

— Надо выступать, капитан. В Могильниках что-то светилось прошлой ночью — это точно. Надо, всенепременно надо проверить!

Он даже подался вперед. Лица стоявших рядом с ним молодых воинов выражали полное одобрение. Однако капитан только поморщился.

— Это я и сам знаю, — не очень вежливо ответил он и принялся расспрашивать хоббита и гнома обо всех подробностях их встречи с загадочным отрядом.

От волнения хоббит отвечал, едва ворочая языком, и думал только о том, чтобы с перепугу чего-нибудь не перепутать. Выслушав их, капитан несколько мгновений сидел в глубоком раздумье, потом поднял голову и в упор взглянул сперва на гнома, потом на хоббита.

— Это все, что вы хотели мне рассказать? Торопитесь, нам надо действовать быстро.

Гном толкнул Фолко локтем, хоббит вопросительно взглянул на него.

— Расскажи про покойника! — шепнул другу Торин.

Фолко, запинаясь, кое-как выложил историю с найденным у дороги убитым хоббитом. Капитан помрачнел, вздохнул, а потом приказал Нарину, чтобы тот записал это в донесение.

— Все это листья одного дерева, как сказали бы эльфы, — проронил он, вновь склоняясь над картой. — Одно к одному... Так, что-нибудь еще?

Несколько растерянный столь явным равнодушием к своему рассказу, Фолко потупился. Тогда заговорил Торин и от начала до конца рассказал капитану всю историю с дракой в трактире, упирая главным образом на горбуна Санделло и странно одетых людей в зеленом.

Капитан встрепенулся.

— Это уже лучше! Ясно как день, что они из одной компании! Ну что ж, значит, они не успели уйти далеко, раз вы не заметили запасных коней в ушедшем в Могильники отряде. Ну, Нарин, похоже, нам и впрямь пора действовать! Объявляй тревогу, а я отправлю сигнал по голубиной почте!

Нарин довольно усмехнулся и, выглянув в коридор, крикнул часовому:

— Бей тревогу! Общий сбор! Седлай коней!

В коридоре раздались топот, громкие голоса, а потом, оглашая окрестности и эхом отзываясь в далеких лесах, прозвучал чистый высокий голос большого рога.

— Ну что ж, мы встретились, и нам уже пора прощаться, — сказал капитан. — Мы благодарим вас за ценные сведения. Вы честно выполнили свой долг, теперь наша очередь. Пусть будет легкой ваша дорога, куда бы она ни лежала! А теперь прощайте.

Он повернулся, но Торин остановил его.

— А как же мы?! — воскликнул гном. — Мы тоже хотим сражаться! Я не привык прятаться за чужими спинами.

Глаза гнома пылали, он был вне себя от гнева. Капитан спокойно повернулся к нему.

— Это не ваше дело, — невозмутимо возразил он. — Мы, арнорская дружина, для того и существуем, чтобы все — и люди, и гномы, и хоббиты — могли жить спокойно. Это наш долг, а не твой, почтенный Торин. У меня нет времени на споры с тобой, поэтому скажу только, что нам предстоит долгий переход, а разве гномы хорошие всадники? Может, ты умеешь сражаться верхом? Так что оставь наше дело нам. Прощай!

Капитан исчез за дверью. С Рогволдом, Торином и Фолко остался лишь один совсем молодой воин — юноша, почти мальчик.

— Прошу вас, почтенные. — Его голос то чуть ли не срывался на бас, то высоко звенел. — Я провожу вас.

Они молча вышли во двор. Уже успевший вооружиться, капитан сидел в седле на рослом рыжем жеребце. Десятники отдавали последние распоряжения; каждый воин шел одвуконь.

Капитан поднял руку. Копыта ударили в пыль, строй моментально развернулся и по Главной Улице устремился к Южным Воротам. Сияла броня, вились флажки, по-прежнему пели звучные боевые рога. Лица воинов горели темным боевым огнем.

Отряд скрылся. Торин мрачно сплюнул, заткнул за пояс ненужный боевой топор и витиевато выругался.

— Что же будем делать дальше, почтенный Рогволд?

Старый ловчий, почти не принимавший участия в беседе с капитаном, только развел руками:

— Подумаем, поразмыслим на досуге! Эрстер повел своих на юго-восток, не в Могильники... Ладно. Я предлагаю вернуться сейчас в трактир, отдохнуть сегодня, выспаться, привести в порядок все ссадины и ушибы нашего хоббита. А после все вместе пойдем в Аннуминас! Ведь то, что вы хотели сообщить Наместнику, надеюсь, не исчерпывается рассказанным капитану Эрстеру?!

— Естественно, — буркнул гном.

Он был зол и неразговорчив. Они повернулись и медленно зашагали обратно, к старому трактиру. У гнома, судя по его виду, на душе скребли кошки, Фолко же, наоборот, прилагал героические усилия, чтобы не запрыгать от радости. Опасность миновала на время, за дело по-настоящему взялись другие, специально для этого и предназначенные, — в чем же они могут упрекнуть себя? Не всем же быть воинами.

Они расстались с Рогволдом на пороге трактира. Ловчий собирался зайти в гости к своим многочисленным пригорянским друзьям. Гном же и хоббит, не долго думая, плотно закусили в своей комнате, посидели еще и улеглись спать — завтра нужно было рано вставать.

Глава 6

В МОГИЛЬНИКАХ И ДАЛЬШЕ

Утром следующего дня их разбудил осторожно постучавшийся Ноб. На подносе у него теснились разнообразные горшочки и плошки, над ними курился ароматный дымок. Умываясь в углу комнаты, Фолко слушал беседу Торина и Ноба. Тот рассказывал гному, как они хоронили убитого на Западном Тракте хоббита.

— ...И зарыли мы его на бугорке, знаете, недалеко от развилки на Белые Холмы, — неторопливо журчал Ноб, радовавшийся возможности поговорить. — Яму, сударь, — не поверите, — всем

миром копали, все руки стерли, такая земля жесткая, и, куда ни сунься, всюду такая...

Торин что-то неразборчиво крякал.

«Хорошо-то как, — невольно подумалось хоббиту. — Вот я в дороге, всего уже вдоволь, но главное — и еда хороша, и постель мягка, и приключения какие-никакие, а есть. Нет, так путешествовать можно...»

Однако ему тут же вспомнились полученные от Санделло гостинцы, и в боку сразу закололо, а мысли внезапно приняли несколько иное направление:

«Хорошо, конечно, что дядюшки нет, хотя и плохо ему там, наверное, бедному. Кто же, кроме меня, его слушать будет? И кто, как не он, будет следить, чтобы все шло чинно, мирно, по уставу?..»

В ушибленном боку хоббита что-то екнуло.

«И куда мы только тащимся? — подумал Фолко. — Сидели бы себе здесь, а то отправились бы на Белые Холмы, срубили бы домик, огород развели, репу выращивали».

Трудно сказать, до каких выводов дошел бы чуть подраскисший хоббит, если бы его не окликнул Торин:

— Эй, друг хоббит, что зеваешь? Смотри, а то я один весь завтрак слопаю. Нам ведь сегодня выходить! Не забыл? Вот только в оружейную лавку зайдем, лук тебе купим, как думаешь, нелишне? А там и Рогволд подойдет — и вперед, в Аннуминас! Ноб говорит, что карлика нашего покормил, — сидит, говорит, мрачный, скулит чего-то, но еду мигом умял.

Гном казался весел, свеж, бодр; ему не терпелось отправиться в путь, и в Пригорье его удерживало лишь острое желание узнать, чем закончится рейд арнорской конницы. Однако войско все не возвращалось; в окрестностях не было заметно ни малейших признаков боя — по Зеленому и Западному Трактам не торопясь тянулись длинные обозы, проезжали группы конных, брели пешие.

Рогволд появился вскоре после того, как хоббит и гном, уложив свои вещи, вышли в общую залу в последний раз попить знаменитого Барлимонова пива.

— Ну что, готовы? — спросил стремительно вошедший в трактир ловчий.

— Хотим вот только хоббиту прикупить кое-что, — сказал Торин ловчему, и тот понимающе кивнул.

Они направились в расположенную неподалеку от «Гарцующего Пони» оружейную лавку. В небольшом, но светлом помещении — окна занимали почти всю стену — на обширном, крепко сбитом из толстых коричневых досок прилавке и такого же цвета стойке вдоль дальней стены было выложено оружие. Здесь было все — от метательных шил до панцирных доспехов, от пращей до арбалетов на любой вкус. А за прилавком, уныло поигры-

вая длинным трехгранным клинком с усеянной рубинами рукоятью, сидел хозяин лавки — длинный, худой, словно высушенный. Левый глаз его был затянут черной тряпкой.

Фолко как открыл рот, так и не смог уже захлопнуть его. Какие вещи, какие красивые вещи! Счастлив обладающий ими, но еще более счастлив умеющий ими владеть! Руки сами тянулись к прохладной голубоватой стали; узорчатые костяные рукояти, казалось, просились в ладонь. У Фолко перехватило дух от восхищения. Однако гном с недовольным видом оглядывал выложенный товар и бурчал себе под нос нечто вроде:

— Аннуминас, видно сразу. Клинок недокален. Камень обработан грубо. Ну и зацеп!! Эх, мастера... А это? Похоже, уже местная кузница! Проковать как следует не могут!.. Это Эдорас, ничего, сойдет. Подправить, конечно, не мешало бы...

Хозяин не обращал на гнома ни малейшего внимания. Очевидно, ему было все равно, хвалят или хулят покупатели его товар, — другой оружейной лавки в Пригорье не было. Тем временем Рогволд, перемолвившийся с полусонным хозяином несколькими словами, вызвал из глубины лавки юношу-слугу и с его помощью принялся выбирать лук для Фолко. Одни были слишком туги, другие, наоборот, слишком слабы; на одном не нравилось дерево, на другом — накладки, третий оказался чересчур вычурным, четвертый, наоборот, слишком бедным, пятый пересушен, шестой сыроват, у седьмого никудышная тетива.

Таскавший луки слуга взмок; гном, ничего в них не понимавший, давно уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу и сопел за спиной Рогволда, у Фолко заныли плечи — сколько можно натягивать эти луки! Но Рогволд был неумолим. Перебрав весь товар, ловчий повернулся к хозяину.

— Никуда не годится, почтенный Пелагаст. Неужели твои кладовые совсем оскудели?

— Этому малому нужен не простой лук, — буркнул вдруг хозяин, не поднимая головы. — У него хорошие руки и глаз не дрожит. Ему надо кое-что получше. Взгляни вот на этот лук, почтенный Рогволд.

Рогволд бережно развернул тонко выделанную черную кожу, в которую было завернуто оружие. Его руки держали голубовато-стального цвета лук, с первого взгляда подкупающий своим изяществом и соразмерностью. Тетива казалась лучом лунного света, натянутым на рога молодого месяца. Ни единого рисунка не украшало лук, лишь на внутренней стороне стояло небольшое клеймо — три эльфийские руны. Даже гном, и тот лишь пыхтел да причмокивал, глядя на замечательное оружие.

— Его сделали эльфы, — загадочным голосом провозгласил Пелагаст. — Никто не знает, сколько лет этому луку. Искусные эльфы-кузнецы жили некогда в опустевшей ныне стране, подле

западных ворот Мории. Три руны читаются как *«ЭЛД»* — не знаю, что это такое. К луку сему и стрелы есть. Он уже долгонько у меня лежит... К нему примерялись, конечно, да только никому по руке он не пришелся, а такую вещь я не всякому встречному-поперечному покажу.

— Вот это то, что надо! — негромко проговорил Рогволд. — У меня какое-то странное чувство: будто встретились две части давно разрозненного целого. Кажется, что только так и может быть. Не знаю почему. Кстати, почтенный, отчего же он не подошел тем, кому ты все-таки его показывал? — обратился он к Пелагасту.

— Ребенку он слишком туг, взрослому мал, хотя и подходит по силе, — все так же безразлично проговорил хозяин. — Он и делался специально для таких, как он. — Пелагаст кивнул в сторону Фолко.

— Откуда ты знаешь? — поразился Рогволд.

— Знаю, а откуда да от кого — это уж мое дело. Но разве я когда обманывал тебя, почтенный ловчий? Мы ведь знакомы уже лет тридцать. — Хозяин поднялся. — Ну что, принести стрелы?

Фолко стоял ни жив ни мертв, когда в его дрожащие руки легло удивительное оружие. Колчан, полный длинных стрел, с налучьем, с узорным ремнем через плечо. На передней части колчана были золотом вытиснены те же три руны *«ЭЛД»*. Фолко закинул лук на правое плечо.

— Погоди, это еще не все! — спохватился Рогволд, вместе с Торином залюбовавшийся покупкой. — Пелагаст, у тебя ведь должны быть обычные стрелы, а также метательные ножи?

— А как же. — Хозяин даже не поднял глаз от страниц невесть откуда взявшейся старинной книги. — Вон там, с левого края.

Без долгих споров они купили восемь одинаковых коротких ножей с легкой, почти невесомой кожаной ручкой и тяжелым сплющенным концом. Гном с важным видом осмотрел их ковку и признал ее неплохой.

— Для начала сойдет. А в Аннуминас придем — я тебе настоящие выкую.

В заплечный мешок хоббита перекочевал также солидный пук длинных сероперенных стрел доброй арнорской работы.

— Теперь мы готовы, — подытожил Рогволд. — Дорога до Аннуминаса отнимет у нас пять полных дней. Но у меня есть еще одно предложение. А не заглянуть ли нам, друзья, в эти пресловутые Могильники?

Это сказано было спокойно, даже весело, словно речь шла о том, чтобы сходить выпить по кружке пива. Гном фыркнул, Фолко едва не подавился, но Рогволд спокойно продолжал:

— Дружина ушла на юго-восток или на восток. Что с ними, мы не знаем. Судя по спокойствию в округе, в Могильниках вряд ли

можно ожидать засады — ее незачем там оставлять, туда никто не ходит. Только охотники вроде меня, а другим там просто нечего делать. Я предлагаю посмотреть, не осталось ли там каких-нибудь следов от ночных странников.

Они по-прежнему стояли на пороге оружейной лавки; был ясный, теплый сентябрьский денек, на голубом небе неспешно проплывали кудлатые облака, ветерок шевелил ветви тополей вдоль главной улицы Пригорья, где-то раздавались мычание коровы, лай собак, квохтанье кур, скрип телег. Поселок жил своей обычной жизнью, и жуткое несоответствие между тем кошмарным местом, куда звал их Рогволд, и мирным покоем Пригорья заставило хоббита слабо запротестовать:

— Зачем нам туда, Рогволд? Чего мы там не видали? Ты же сам говорил — они оттуда ушли. Что нам их копыта? Пошли бы мы лучше в Аннуминас, по Тракту, дорога хорошая, торная, постоялых дворов опять-таки много...

— Погоди, друг хоббит! — остановил его помрачневший гном. — Почтенный Рогволд прав. Смотаться туда надо, хотя ох как не хочется!

Они не заметили, как из лавки на крыльцо вышел Пелагаст, не заметили какой-то очень грустной, но благожелательной улыбки на его лице; они повернулись лишь на его слова:

— Приближается, да-да, приближается. Обычные луки и обычные сердца тут не помогут, нужно что-то иное.

— О чем это ты, почтенный Пелагаст? — с удивлением обратился к нему ничего не понимающий Рогволд.

— Думаю вот, все думаю, старость пришла, уж и в землю пора, да что-то не хочется, вот я и говорю иной раз сам с собой. От старости это, от глупости все, — не очень убедительно зачастил Пелагаст, но единственный его глаз говорил другое: — «Я сказал, вы услышали. Откуда я это знаю — не ваше дело, но если поняли меня — действуйте!»

— Но как? — вдруг прошептал хоббит, поддаваясь какому-то неясному наитию. — Подскажи!

Обратив на хоббита свой неожиданно очистившийся взор, причем глаз его вдруг обрел цвет — стал светло-серым, Пелагаст тихо сказал, почти не шевеля губами:

— Слушай Запад, бойся Севера, не верь Востоку и не жди Юга!

Он повернулся, чтобы скрыться в лавке, но, обернувшись, бросил на хоббита прощальный взгляд — и уже не губы его, а что-то иное вдруг произнесло слившиеся со взглядом слова. И Фолко все понял: «Мы еще встретимся, встретимся, и я подскажу тебе, но пока ты должен идти сам, от того, что ты узнаешь, будет зависеть и мой совет». Голос Пелагаста вновь обрел форму звука:

— И помни о Небесном Огне!

Рогволд и Торин стояли с бесконечным изумлением на

лицах — они ничего не поняли и в конце концов приписали все странностям хозяина и впечатлительности хоббита. Фолко покраснел, но счел за благо помалкивать...

Они ехали по ведущему к Хоббитании Западному Тракту. Фолко был молчалив, постоянно размышляя над словами загадочного пророчества. Кто такой Пелагаст? Что значит: «Слушай Запад, бойся Севера, не верь Востоку и не жди Юга?» На поясе висел меч Мериадока, за правым плечом — эльфийский лук, и только стрелы в колчане были большей частью самые обыкновенные. Мысли хоббита не могли отойти далеко от услышанного на пороге оружейной лавки «Помни о Небесном Огне». В Красной Книге о подобном ничего не говорилось.

Солнце стояло в зените, когда они, оставив позади долину и мостик, выехали вновь к тому месту, где прошлой ночью хоббит и гном повстречали загадочное черное воинство. Рогволд спешился и стал внимательно рассматривать землю вдоль обочины. Фолко подъехал ближе.

Следы копыт, колес и ног еще не стерлись, хотя и сделались почти незаметными. Следы пересекали пыльную обочину и скрывались среди высокой травы, уходя прямо к Могильникам. Фолко поежился и невольно схватился за меч.

— Эй, друзья, давайте за мною, — махнул им рукой Рогволд. — След очень четкий: при всем желании не собьемся.

Фолко робел, он поднял глаза на гнома, ища у него поддержки, однако Торин, казалось, не мог оторвать глаз от Обманных Камней, стоявших на ближних курганах, и не заметил испуганного взгляда хоббита. Правая рука гнома, как обычно, лежала на топорище; левой он прикрывал глаза от лучей еще по-летнему яркого солнца. Фолко со вздохом тронул поводья, и его пони, неспокойно потряхивая головой и всхрапывая, сошел с наезженной дороги и затрусил по густой траве вслед за идущей неторопливым шагом гнедой кобылой Рогволда. Вокруг царило полнейшее спокойствие. Среди травы еще гудели неутомимые пчелы пригорянских пасек, спешащие взять последние капли нектара. Высоко в небе парил, описывая круги, ширококрылый коршун; перед носом у хоббита вспорхнули несколько желтых бабочек. В нескольких сотнях шагов от него вздымался первый курган — оплывший, но все еще высокий, поросший особенно густой, особенно сочной и зеленой травой; на его вершине из буйно разросшейся зелени высовывался обнаженный белоснежный камень, вблизи напоминавший острый клык какого-то неведомого хищника — Обманный Камень. Фолко с опаской покосился на него, но в его облике, как и во всем кургане, не было заметно ничего подозрительного — холм как холм. На ровных заросших склонах

нельзя было обнаружить ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего вход или его развалины, хотя хоббиту доводилось читать, что каждый Могильник имел в себе обширные подземелья, целые лабиринты, полные несметных сокровищ. Фолко обнажил меч и поудобнее перевесил колчан. Гном с усмешкой покосился на его воинственные приготовления и посоветовал:

— Оставь меч, если что и случится, надейся на лук.

Фолко вновь покраснел, однако поспешно вложил меч в ножны, достал лук, наложил тетиву — и дальше поехал, держа поводья в левой руке и настороженно озираясь по сторонам.

Рогволд неспешно ехал впереди, не отрывая взгляда от земли: гном и хоббит трусили в нескольких шагах позади него, держа наготове оружие, однако вокруг них по-прежнему стояла полнейшая тишина, лишь изредка нарушаемая треском больших кузнечиков. Курганы встали по обе стороны некоего подобия тропы, по которой пролегал след, ведущий в самую глубь Поля: на вершинах застыли белые Клыки. Так прошло около часа, давно скрылся Тракт, давно они ехали почти вслепую, петляя между Могильниками и положившись на опыт Рогволда, и не заметили сами, как вокруг них сгустилось непроницаемое молчание. Умолкли птицы и кузнечики, исчезли пчелы и шмели, трава стала еще выше; утих даже легкий восточный ветерок, воздух, казалось, застоялся между Могильниками, как вода в болоте. И тут Фолко заподозрил что-то неладное.

Это чувство напомнило ему о страхе, пережитом на ночной дороге. Теперь, ярким днем, рядом с друзьями, Фолко не испытывал ужаса — он только весь напрягся и вытер о штаны мгновенно вспотевшие ладони. Что-то, наверное, почувствовал и Торин — он приостановил своего пони и вытащил из-за пояса топор. Двигались они тихим шагом, медленно и осторожно, постоянно озираясь, однако все вокруг было спокойно. Но с каждым пройденным шагом нарастало тревожное, гнетущее предчувствие, словно на них глядели незримые, огромные гнилые глаза.

Курганы внезапно расступились, образовав широкий круг почти в милю шириной. И наконец на зеленом травяном ковре, покрывавшем это укромное, надежно защищенное от любопытных взоров место, они увидели совсем свежее кострище.

— Наконец-то! — выдохнул Рогволд.

Все трое пришпорили своих коней, направляясь к черному вытянутому пятну обожженной земли. Трава вокруг была вытоптана, землю изрезали глубокие рытвины, оставленные колесами телег, которые зарывались во влажную, мягкую почву. По краям круглой долины они заметили еще с десяток кострищ поменьше; на траве остались кучи конского навоза.

Рогволд спешился и, нагнувшись почти к самой земле, принялся рыскать из стороны в сторону, — постепенно подходя все

ближе и ближе к большому кострищу. Хоббит и гном тревожно следили за ним, Торин вдобавок постоянно озирался на вершины окружавших котловину курганов; Фолко, как ни старался, не мог подавить выплывший откуда-то из глубин сознания страх — ему было не поднять глаз, его зрачки, словно заколдованные, неотрывно следили за вышагивающей по долине высокой фигурой Рогволда; хоббит и гном постепенно подъезжали все ближе и ближе к нему. Ловчий устало выпрямился; лицо его было хмуро и непроницаемо, правая рука лежала на рукояти меча.

— Смотрите! — Он указал друзьям на кострище и свистом подозвал свою гнедую кобылу, отошедшую в поисках, наверное, самой вкусной травы.

Фолко и Торин, в свою очередь, спешились и подошли поближе. Среди легкого серого пепла и черных головешек они увидели груду обгорелых костей; хоббита мгновенно затрясло от страха.

— Не пугайтесь, друзья. — Рогволд говорил приглушенно, словно тоже опасался чего-то. — Я понимаю, что вы оба сейчас подумали. Но кости это конские — видите черепа?

— Зачем они здесь? — недоуменно покачал головой Торин.

— Постой. — Рогволд остановил его внезапным движением руки.

Он присел на корточки и указал ножнами в самую середину костра. Фолко пригляделся — почти неразличимые среди окружавших их углей, там лежали присыпанные пеплом три коротких широких меча.

— Это по твоей части, почтенный Торин, — по-прежнему негромко сказал Рогволд. — Что ты о них скажешь?

— Надо взглянуть поближе, — тоже понизив голос, отозвался Торин и подошел к краю черного круга.

Остановившись, он нерешительно огляделся, а потом махнул рукой и шагнул прямо в золу. Вокруг его тяжелых, кованных железом башмаков взвилось сероватое облачко. В ту же секунду Фолко, изо всех сил зажмурившись, не своим голосом завопил: «Стой!» Стоило гному сделать первый шаг, как в сердце хоббита словно впились незримые ледяные когти, под ногами закачалась земля; он явственно слышал яростное сдавленное шипение, донесшееся откуда-то снизу, из потайных подземелий. Стоит гному сделать еще шаг — и произойдет непоправимое...

Торин и Рогволд одновременно резко повернулись к хоббиту. Фолко шатался из стороны в сторону, прижав ладони к ушам, но страшное, не слышимое другими шипение не умолкало.

— Что с тобой, Фолко? — тревожно спросил Рогволд, заглядывая в полные безотчетного страха глаза хоббита. — Что случилось?

Тем временем Торин решительно подошел к присыпанным пеплом мечам, поднял их и, держа оружие под мышкой, поспеш-

но направился к Фолко; у хоббита все поплыло перед глазами от охватившей его непонятной, неведомой раньше сердечной боли, ноги подкосились; Рогволд подхватил его, висевший за плечом Фолко колчан соскользнул, и хоббит, пытаясь удержать его, ощутил пальцами знакомую теплоту эльфийского лука.

И тогда он начал бороться. Казалось, прикосновение к этому древнему оружию сказочного народа придало ему новые силы; на самом же деле это было не так. Но маленький хоббит наивно верил, что подобные вещи обладают скрытой от глаз мощью Элдара, и эта вера помогла ему — он сделал отчаянное усилие, пытаясь освободиться от сдавливающих сердце тисков. Противника он не видел, не мог схватиться с ним в открытую — но страх начал отступать, боль в груди утихла, ноги больше не подкашивались. Шипение еще слышалось, но теперь в нем была лишь бессильная злость. Фолко покраснел от натуги, но стоял твердо.

— Да что же с тобою, скажи наконец! — тормошил его Торин.

— Уже проходит. — Фолко попытался улыбнуться, но улыбка все же вышла довольно блеклая.

— Уф, и напугал же ты нас! — Гном вытер пот со лба. — Дурное, конечно, тут место. Мне и самому почему-то дышать трудно. Ладно, давайте посмотрим на меч.

Торин склонился над брошенным на траву оружием, взял меч в руки, протер пучком зелени. На широком обоюдоостром клинке возле самой крестовины показалось крошечное, едва заметное клеймо: круг с уходящей вверх лестницей, точнее — с просто пересекавшей его слева направо ломаной линией, напоминавшей изображенную сбоку лестницу. Гном почесал в затылке.

— Впервые вижу такое клеймо. Работа не гномья, это уж точно. Хотя сталь превосходная и прокован неплохо, а вот закалка снова подкачала, да и отделан грубовато! Не городской, как говорится, умелец, но большой мастер.

— А где его сделали, не можешь сказать? — спросил гнома Рогволд.

— Смахивает на клинки, что куются между Туманными Горами и краем Зеленых Лесов, — задумчиво ответил гном. — Те же три желобка, тот же спуск, те же пропорции. Но делал, повторяю, большой мастер, кузнец, что называется, внимавший Дьюрину, но у него не было возможности или желания как следует отделывать свою работу. Сталь человеческая, и мне, кажется, что она сварена из железа рудников горы Гундабад, что на самом севере Туманных Гор. Гномы ушли оттуда давным-давно, сгинули и орки. Копи достались людям.

Они стояли тесной кучкой в самой середине круглой долины. Фолко окончательно пришел в себя и настороженно оглядывался по сторонам, пока Рогволд и Торин были поглощены беседой. Сумрачным строем их обступали курганы. Обманные Камни на

вершинах казались пронзившими землю наконечниками исполинских копий, словно там, в глубине, спали какие-то гигантские воины в полном вооружении. Подул ветер, небо стало затягиваться низкими серыми тучами. Утихшее было шипение раздалось снова, но теперь хоббит был готов встретить его. «Не поддамся! Не поддамся!» — твердил он себе, крепко стискивая зубы. Лук и стрелы он держал наготове.

Что-то чувствовали и оба пони, и лошадь Рогволда. Они насторожились, перестали щипать траву и перешли поближе к хозяевам.

Разговор Торина и Рогволда как-то сам собой замер; трое путников молча стояли спина к спине и встревоженно глядели на закрывшее горизонт кольцо холмов. Над зелеными вершинами видно было только небо; ветер усиливался, зло и тонко свистя на острых краях Клыков. Стало холодно и неуютно; они словно вторглись в чьи-то заповедные владения, где время не движется уже много столетий. Фолко не выдержал первым.

— Слышишь, что-то шипит? — шепотом сказал он Торину.

— Шипит? Клянусь Дьюрином, ничего не слышу. Может, ветер? Но местечко, доложу я вам... Рогволд! И чего мы сюда тащились, а?

— Мы узнали много очень важного, — сквозь зубы сказал Рогволд, не сводивший глаз с Могильников. — Даже тревога, которую мы все ощутили сейчас, — это тоже важно.

— Постойте, — вдруг схватил их за руки хоббит. — Слышите? Слышите? Встает... Лезет вверх... Идет сюда!

Фолко почти взвизгнул.

— Ничего не... — начал было гном, но его остановил Рогволд.

— Погоди, друг, — тихо сказал он. — Хоббиты должны чувствовать подобное лучше нас. Мне тоже что-то начинает казаться.

— Да что чувствовать?! Что начинает казаться?! — взорвался гном. — Я же говорю, дурное место.

На хоббита было жалко смотреть. Он ощущал, как ступают по их следам чужие ноги; земля не вздрагивала, она только чуть-чуть колебалась, словно поверхность воды при слабом волнении; но в чем хоббит не мог ошибаться — приближалась чужая Сила, Сила, с которой уже давным-давно не имели дела ни хоббиты, ни гномы, ни люди.

— Спокойно, Фолко, — тихо сказал ловчий. — Нам уже не уйти, видишь, что с конями?!

Оба пони и кобыла Рогволда упали на траву, точно им подрубили ноги; несчастные животные жалобно ржали, выгибая в сторону хозяев упругие шеи, словно просили защиты и помощи.

Гном застыл на месте, Рогволд побледнел, и тут Фолко, хоббит из мирной Хоббитании, вдруг понял, что стоять больше нельзя, схватил лук, наложил стрелу и очертя голову ринулся туда, откуда

на них надвигалось неведомое. Рогволд и Торин бросились за ним.

Не успели они пробежать и двух десятков шагов, как ветер внезапно взвыл и задул в лицо с неистовой силой. Фолко остановился, прикрывая лицо ладонями; и в этот момент на ближайшем кургане, к которому он рванулся, появилась высокая человеческая фигура.

Она была очень высока, на две головы выше ловчего, в котором было шесть с половиной футов; закутанная в серый плащ, в серо-стальном шлеме, закрывавшем не только голову, но и нос, щеки; там, где были глаза, друзья увидели непроглядную черноту. Ветер рвал полы гигантского плаща, окутывавшего фигуру с головы до пят; она тоже замерла, глядя вниз, на окаменевших путников. Ветер внезапно утих, слышно было только испуганное ржание лошадей.

Фолко облизнул пересохшие губы. Страх, казалось, парализовал его; но что-то более сильное, чем страх, соединившись с усилиями его собственной воли, заставило хоббита двинуться вперед. Он попытался крикнуть: «Стой, стреляю!», но фигура на кургане сделала шаг навстречу — и крик умер на губах у Фолко, из горла вырвался только стон; и тогда хоббит, каким-то образом поняв, что слова здесь бесполезны, что стоящее перед ним нечто — вовсе не человек, которого нужно попытаться остановить и с которым можно попытаться договориться, вскинул лук и, почти не целясь, всадил двухлоктевую тисовую стрелу прямо в бездонную ночь глазного провала серой фигуры.

Раздался тяжкий подземный стон; стрела, вонзившаяся в голову неведомого существа, исчезла во вспышке багрового пламени, но свое дело она сделала. Шлем слетел с окутавшейся серым паром головы, плащ, точно крылья подбитой птицы, взвился вокруг согнувшейся пополам фигуры, вновь раздался глухой, подземный стон, и тварь на кургане исчезла.

Словно очнувшись, к Фолко наконец подбежали друзья; гном все еще сжимал в руке один из найденных в золе мечей. Фолко тяжело дышал, не в силах отвести взгляд от того места, где исчез пораженный им враг.

Позади вновь раздалось ржание. Они поспешно оглянулись — пони и лошадь Рогволда встали на ноги и неуверенно, словно все еще освобождаясь от незримых пут, направились к ним.

Гном потешно вертел головой, в его темных глазах застыло бесконечное удивление. Рогволд стоял рядом с ним, прямой и неподвижный; он страшно побледнел, и теперь было видно, насколько он все-таки стар.

Первым опомнился гном. Держа топор наготове, он быстро вбежал на курган и покружил на том месте, где только что стоял призрак. Рогволд и Фолко остались внизу, хоббит с мрачной ре-

шимостью вновь наложил стрелу, хотя и чувствовал, что опасности пока нет. Рогволд по-прежнему стоял не шевелясь и не произнося ни звука.

— Здесь пусто, — крикнул сверху Торин.

Он махнул рукой и стал спускаться. Тут наконец заговорил Рогволд.

— Н-да, расскажи кто — нипочем бы не поверил, высмеял бы, как обманщика, — покачал он головой, даже не пытаясь скрыть своего изумления и потрясения — Вот это дела — Могильники ожили! Неужели все снова?

К ним подошел спустившийся гном. Торин услышал последние слова Рогволда и спросил, что они значат.

— Я уже говорил вам, что во время службы у Наместника я вдоволь наслушался старинных легенд и эльфийских преданий, — с кривой усмешкой отвечал Рогволд. — И я припоминаю, что во многих преданиях говорится, что Могильники оживают, когда на земле пробуждается новое зло.

Гном снова почесал в затылке.

— А все-таки что это было? Ну, это самое, что так удачно подстрелил наш меткий хоббит? Не человек же, ясное дело.

— Это Умертвие, друзья, — прошептал Фолко и сам удивился тому, что у него хватило сил выговорить это страшное слово. — Вспомни Красную Книгу, Торин, вспомни Могильники и удар Фродо!

— Погодите, какой удар? — не понял Рогволд.

— Потом объясню, — несколько невежливо отмахнулся Торин. — А ведь правильно, Фолко! Фродо Бэггинс управился тогда обычным мечом. Почему бы не сработать и обычной стреле?!

Некоторое время все трое в нерешительности топтались на одном месте. Рогволд никак не мог прийти в себя после столкновения с подземной силой, гном каждую секунду ждал нового нападения. Фолко же просто потерял всякое понятие о реальности. Мир поблек и расплылся вокруг него; перед его взором проносились странные видения — бескрайние степи, по которым двигались длинные, извивающиеся, подобно исполинским змеям, колонны войск в сверкающем вооружении; вились незнакомые хоббиту знамена, слышалась странная, но звучная и ритмичная речь; на огромном поле навстречу этим колоннам шли другие, сплошь в серебристых одеждах. Фолко понял, что это эльфы. Дрожали своды древних курганов от проходивших мимо войск Последнего Союза, направлявшихся на решительную битву с Врагом к черным стенам Мордора, и Умертвия в ужасе забивались в самые глубокие подземные тайники; но войска уходили, и тайная жизнь, зародившаяся среди доблестного праха великих воителей прошлого, пожравшая их останки и теперь жадно преследующая живую добычу, вновь обретала смелость...

— Ну что же, едем, друзья? — сказал Торин, помолчав. — Думаю, здесь нам больше делать нечего.

— Нам и в самом деле пора, — эхом отозвался Рогволд.

Видно было, что старый воин стыдится своей минутной растерянности, но бледность с его лица уже сошла.

— Меч этот возьмем с собой, — предложил Торин. — Наш рассказ Наместнику обрастает все новыми и новыми подробностями и явно нуждается в доказательствах.

С этими словами он завернул найденный меч в оказавшуюся в кармане тряпку и спрятал его за пазухой. В тот же момент Фолко схватил гнома за руку.

— Не бери его с собою, брат Торин, — тихо сказал хоббит. — Я чувствую: на нем недобрые слова и черные помыслы. Он оставлен здесь для темных сил. Не бери его! Не могу сказать почему, но так мне кажется.

— Чем же мы подтвердим наши слова? — удивился Торин. — Наместник и слушать нас не станет.

— Очень прошу тебя, брось его! — Голос Фолко стал умоляющим.

Хоббит не знал, откуда явились такие мысли, и мучился, что не может толком объяснить все своим товарищам. Торин же только беззаботно махнул рукой и пошел к своему пони. Опустив голову, с роем неясных, но мрачных мыслей и предчувствий в душе, Фолко поплелся следом. Молчавший все время Рогволд уже садился в седло.

Однако выбраться из странной долины они уже не успели. Прямо перед ними на вершине ближайшего холма вновь появился серый призрак, точь-в-точь такой же, как и подстреленный хоббитом несколько минут назад. Фолко невольно обернулся — позади них подле Обманного Камня виднелось еще одно Умертвие.

Рогволд легко, по-юношески соскочил с коня и, на бегу обнажая меч, ринулся наперерез спускавшейся с северного кургана фигуре. Темное бойцовское пламя вспыхнуло в глазах гнома, он выхватил топор и устремился навстречу фигуре, шагавшей к костру с юга.

Два новых призрака были точными копиями первого, однако Фолко не чувствовал ни страха, ни решимости. Просто было очень странно, словно он подглядывает за исполнением какого-то тайного, не предназначенного для чужих глаз обряда. Преодолев минутное замешательство, он вытащил лук.

Призраки шагали так быстро, что за ними с трудом угналась бы и лошадь. Только теперь Фолко разглядел, что, когда они двигаются, трава под ними не пригибается и что они не отбрасывают тени.

Чужая воля вновь попыталась если не напугать, то хотя бы сбить хоббита с толку, но Фолко, только что уничтоживший одно

из порождений Могильников, твердо уверовал в себя и больше ничего не боялся — по крайней мере в эту минуту.

Громадная серая фигура промчалась мимо Рогволда; отчаянная попытка ловчего достать призрака мечом не удалась, серая тень теперь стремительно настигала гнома, который, не оборачиваясь, бежал навстречу второму призраку. Серые складки плаща вздрогнули, перед шагавшим призраком появилось что-то вроде туманного облачка, мгновенно принявшего форму длинного двуручного меча.

— Торин!!! — отчаянно выкрикнул Рогволд.

Гном услышал и обернулся. Он оказался между двух огней — призраки приближались к нему с обеих сторон. Теперь ему оставалось только одно — сражаться. Фолко видел, как гном вдруг мягко пригнулся, выставил перед собой топор и попеременно поглядывал то влево, то вправо; Рогволд со всех ног спешил ему на помощь. Но старый ловчий уже начинал задыхаться, и хоббит поднял лук.

«Не смей его трогать!» — мысленно закричал он и выпустил первую стрелу.

Она ударила в левое плечо первого призрака, которого от Торина отделяло теперь лишь десять или пятнадцать шагов. Серая тень конвульсивно дернулась, над плечом появились язычки багрового пламени, по плащу стало распространяться широкое кольцо огня. Призрак метнулся вправо, и вторая стрела прошла мимо цели. До слуха хоббита вновь донесся глухой, замогильный стон.

Призраки отвернули от Торина, направляясь теперь прямиком к кострищу. Стрела Фолко сгорела дотла, невесть откуда взявшийся огонь выжег на плаще огромную дыру — в ней проглядывало что-то иссиня-черное. Фолко потащил из колчана новую стрелу, но в этот момент оба призрака достигли кострища.

Фолко замер, опустив бесполезный лук; обе серые фигуры тотчас растаяли, но перед этим два оставшихся в золе меча взлетели в воздух, поднятые невидимыми руками, и исчезли в складках плащей.

Торин опустил топор, хоббит спрятал лук; тяжело дыша и держась за левый бок, подошел Рогволд. Они молча смотрели на кострище. Нет, им не почудилось — мечи исчезли! Молча переглянувшись, они зашагали обратно к оставленным коням.

Из Могильников выбрались без всяких приключений, однако Фолко все время беспокойно вертелся на своем пони и поминутно оглядывался. Внезапно пробудившееся в нем чувство опять не давало ему покоя. Холодное, злобное шипение, возвестившее о появлении первого призрака, неотступно следовало за ними, а человек и гном по-прежнему ничего не замечали. Солнце карабкалось по небосводу, подул южный ветер, и, когда трое путников уже выезжали на Тракт, Фолко вдруг ясно услышал слова,

сказанные холодным нечеловеческим голосом — ему одному: «Не радуйся, мы еще встретимся».

Или это ему только показалось и просто ветер шумит в листве?

Рогволд и гном оживленно обсуждали происшедшее.

— Удивительно! — громко и возбужденно говорил еще не остывший от боевого азарта Торин. — Все-таки если это призрак, то почему его можно убить обычной стрелой? Я вспоминаю, как Фродо Бэггинс...

Тут гнома перебил ничего не знавший об этом Рогволд, и Торину пришлось пересказать ему недавно прочитанные страницы Красной Книги. Рогволд внимательно слушал и задумчиво поглаживал свою бородку; потом поинтересовался, где же Торину удалось прочесть этот бесценный легендарный документ — ведь копий Красной Книги днем с огнем не сыщешь! Ходят, мол, слухи, список можно отыскать в Гондоре...

Гном потупился и ответил, что «видел» Книгу, будучи в Хоббитании; Рогволд хмыкнул и больше ни о чем не спрашивал, но согласился, что случилось нечто и впрямь странное, и добавил, что скорее всего черные воины устроили в Могильниках большой привал, во время которого и сожгли на костре трех коней.

— Если бы не три меча, я бы решил, что этих коней попросту забили на мясо, — пояснил Рогволд. — Но теперь вижу, что это не так. Скорее всего их убили этими самыми мечами. Каждого — своим. А потом сожгли на костре и туда же бросили мечи. Но зачем?! И зачем призракам оставленное на кострище оружие? Какая тут связь? Ведь те двое шли именно за мечами... Вот что не дает мне покоя!

Внезапно порыв ветра принес откуда-то из глубин Поля Курганов злобное конское ржание. Кони испуганно прянули, друзья побледнели и молча уставились друг на друга.

Глава 7

ТРОЕ В ДОРОГЕ

До Пригорья они добрались без всяких происшествий. На Тракте все было по-прежнему спокойно; с Белых Холмов приближался большой обоз, хоббиты-погонщики казались веселыми, беззаботными и на вопрос Фолко охотно ответили, что дорога была спокойна, лучше не придумаешь... Вскоре все они добрались до пригорянских ворот.

— Ну что, переночуем здесь или все же дальше поедем? — обратился Рогволд к Торину и Фолко.

— На ночь глядя? — усомнился гном, посматривая на заволакивающееся низкими тучами небо. — А вдруг дождь? Где прятаться будем?

— Не волнуйся, переночуем в Асторе — это деревенька милях в десяти к северу по Зеленому Тракту. Там и двор постоялый есть — и неплохой причем. А то мы здесь на всю зиму застрянем. Ну, поехали.

— Уговорил, — махнул рукой Торин. — Пошли, Фолко, мешки навьючим...

Пока гном расплачивался с Барлиманом, Фолко вывел нагруженных лошадок на улицу. Проходившие люди косились на них с недоумением — куда это они собрались под вечер? Рогволд ждал, сидя в седле; вскоре появился Торин, неся на плечах мешок с пленным карликом.

Они простились с вышедшим на крыльцо Барлиманом и, опасливо косясь на лохматые тучи, тронули коней. Их путь лежал на Север.

Зеленый Тракт был так же широк, как и Западный; ехать по нему оказалось легко и приятно. Вокруг тянулись обжитые, тщательно возделанные земли Пригорянских выселок, мелькнул дорожный указатель «Белые Холмы». По левую руку постепенно придвинулись поросшие лесом гряды, которые Фолко с Торином увидели на подъезде к Пригорью. Справа лежали широкие поля, перемежающиеся рощами, изредка попадались овраги. В отличие от Западного по Зеленому Тракту шло и ехало куда больше народу, путники практически не оставались в одиночестве. Здесь тоже предпочитали ездить группами, но за два часа пути им трижды встретился конный патруль арнорцев; на придорожных холмах видны были высокие сторожевые вышки, и на них стояли воины в полном вооружении, с большими луками, внимательно оглядывавшие округу. У Фолко отлегло от сердца. Здесь чувствовалось присутствие сильной, уверенной в себе власти.

В Астор — деревню дворов на сорок — они приехали уже вечером. Начинал накрапывать дождь, жадные тучи поглотили багряный закатный свет, стало холодно и промозгло, и Фолко несказанно обрадовался, увидев в полумиле от них ласковые огни в окнах домов. По дороге они разговаривали мало — Рогволд что-то напряженно обдумывал, неразборчиво бормоча себе под нос и временами приставая к Фолко с вопросами о подробностях пережитого хоббитом в Могильниках; Фолко путался в словах, пытаясь выразить невыразимое, но тем не менее Рогволд остался доволен. Гном прислушивался к их беседе, а потом надвинул капюшон и погрузился в свои мечтания...

Они миновали ворота, составленные из трех жердей, более на-

поминавшие вход в загон для скота, и подъехали к невысокому, но крепкому и недавно подновленному частоколу. У настоящих ворот стояла стража — местные жители с дубинами и копьями; они на чем свет ругали этих дармоедов-дружинников, заставивших их отложить важные домашние дела и вылезти наружу, в этот дождь и слякоть. Путников они пропустили без всяких вопросов, будучи всецело поглощены подыскиванием соответствующих прозвищ дружинникам; Торин, Рогволд и Фолко беспрепятственно въехали в деревню.

Постоялый двор оказался полон, и им предложили устраиваться в сенном сарае, но зато вынесли превосходный, хотя и простой ужин. После какого-нибудь часа криков и споров им удалось отвоевать себе место, они наскоро поели, накормили карлика и улеглись спать. Гном и Рогволд заснули на удивление быстро, а к Фолко сон долго не шел.

«Все взаимосвязано, — подумалось ему. — И карлики, посланные к Исенгарду за орками, и налеты на дороге, и эти необъяснимые события в Могильниках... Все связано, но как это доказать другим? Еще и на смех подымут... — Он поиграл своим новым кожаным поясом с висящими на нем метательными ножами. — А хорошо все же, что я тут...»

С этой мыслью он и уснул...

Утро выдалось серое, над деревенькой нависли низкие косматые тучи, время от времени накрапывал мелкий дождик. Фолко проснулся поздно, с самого раннего утра ему не давала спать суета отъезжавших постояльцев, и, как только стало чуть потише, он вновь крепко уснул.

Разбудил его Торин — он притащил дубовый ушат с водой и плеснул горсть в лицо хоббиту. Тот дернулся, чихнул, замотал головой и сел на постели — точнее, на кипе сена, застеленной плащами.

— Как спалось, Фолко? — приветствовал хоббита Рогволд. — Давайте есть, да и в дорогу, мы и так тут подзадержались, а мне еще надо кое с кем здесь переговорить.

Рогволд скрылся за углом сенного сарая, служившего им ночлегом. Хоббит и гном принялись за еду.

— Хорошо бы сегодня до Хэмсала добраться, — задумчиво сказал Торин. — Отсюда миль тридцать.

— А ты уже бывал здесь, Торин?

— Конечно, и не один раз. Дорога хорошая, поселения тянутся до самого города. Здесь-то что, здесь идти одно удовольствие, то ли дело в Глухоманье! — Гном вздохнул. — Там сколько ни иди — ни жилья, ни еды. Что на себе тащишь, тем и пробавляешься. Спать негде, костерок сложишь, плащом накроешься — и засыпай как

хочешь. И от дождя не спрячешься, и от ветра. Ох, нелегкая дорога будет, брат Фолко! Смотри, не передумай потом. Лучше уж сейчас.

Гном опустил голову и умолк. Наступила неловкая пауза. Фолко не мог произнести ни звука. Было нестерпимо стыдно. Нет, теперь он не повернет назад за все пиво Бэкланда! Мучиться потом всю жизнь, проклиная свое малодушие, и терзаться горьким сознанием безвозвратно ушедшего времени, растраченных впустую лет! Нет, уж лучше — вперед, в Глухоманье, в Могильники. В Мордор, наконец! Обратной дороги нет!

— Доедай, остывает, — глухо сказал Торин, тоже не поднимая глаз. — Надумал? Говори уж, не томи.

— Я иду с тобой, — выдавил из себя хоббит.

— Вот и хорошо, — откликнулся гном, светлея. — Куда это Рогволд запропастился? Давно уже выходить пора.

Он встал и направился к выходу.

Они ждали ловчего минут пятнадцать, но тот все не появлялся. Терпение у Торина лопнуло, и он отправился на поиски, строго-настрого наказав хоббиту не отходить от их поклажи и не спускать глаз с карлика, привязанного тут же к одной из жердей. Фолко послушно кивнул и от нечего делать достал свои ножи и принялся кидать их в стену — получалось, надо сказать, недурно.

За этим занятием его и застали внезапно появившиеся ловчий и гном. Оба выглядели встревоженными и озабоченными; не вдаваясь в долгие разговоры, они тут же принялись собираться, велев хоббиту седлать коней. Через несколько минут они уже выезжали за ворота постоялого двора. Фолко зябко кутался в плащ — ветер не стихал, да и моросящий дождик никак не улучшал настроения. Мелкие капли секли лицо хоббита, пришлось надвинуть капюшон так, что дорогу было видно только перед самой мордой его пони; гном и Рогволд ехали рядом, и старый сотник рассказывал услышанные утром новости.

— Говорят, пришел новый рескрипт о налогах, опять повышают для содержания дружины. Народ слегка ворчит, но понимает, что с разбойниками управляться как-то надо. Недавно приехали люди с северо-востока — ищут места для поселения. На границе, рассказывают, сейчас слишком опасно. Отряды ангмарских конных арбалетчиков проникают в Арнор и чинят большое разорение. Люди кое-как пытаются отбиваться, но села быстро пустеют, их занимают новые и новые отряды дружинников, но толку пока что-то не видно. Один приезжий из Аннуминаса сказал, что в столице этой осенью скопилось невиданное количество гномов с востока. Кое-кто из них пришел на заработки, но большинство ничего не делает, не продает и не покупает, а целыми днями дерет горло в тавернах. Споры очень горячие, но до драки дело пока не дошло. Кое-кто считает, что гномы Туманных Гор собираются

идти на Ангмар войною, другие же утверждают, что ничего подобного — наоборот, гномы хотят заключить с Ангмаром союз, тогда-то они всем и покажут.

— А про Пригорье? Ничего не слышно? — спросил Торин, поудивлявшись вместе со всеми последнему сообщению.

Он тоже был удивлен. Ведь в самих Туманных Горах гномов осталось не так много, они ушли очень глубоко, и дела земные их касаются мало.

— Про Пригорье ничего, — ответил Рогволд. — Погоди! Рейд продлится никак не меньше трех-четырех дней, к тому времени мы успеем покрыть уже полдороги.

— А про Могильники? — не унимался Торин. — Не может быть, чтобы ничего не говорили! В жизни не поверю!

— Про Могильники говорили, — понизил голос Рогволд. — Не думай, Торин, они тут не слепые. Только смотрят со своей голубятни. Ворчал тут один такой, пока я еду брал, — завелась, мол, в Могильниках нелюдь невиданная, огонь до неба стоит, только не все этот огонь видят. Кто видит да не дремлет, тот спастись успеет, а прочих та нелюдь в одночасье пожирает. Ничего себе, а? Кстати, он рассказал мне еще кое-что интересное: дескать, вечерами шастали в курганах какие-то люди, но откуда взялись и куда делись — неизвестно. Наши их, конечно, приметили и старосте доложили и шерифу.

— А шериф? — жадно спросил Фолко, на время позабывший даже про дождь.

— А что шериф? Послал туда разъезд, конники покружили по краешку, покружили, а вглубь не полезли — оторопь их взяла. Ничего, конечно, не видели, а потом как-то ночью Обманные Камни засветились. Что тут было, говорит, не опишешь! Кто в погреб залез, кто в лес бежать кинулся, кто добро зарывать стал. Я его прямо спросил: ну а за колья и топоры кто-нибудь схватился? Нет, говорит, таких на всю округу только двое и оказалось. Кузнец местный, Хлед, я его знавал — кремень, а не человек. Да в Пригорье один, я о нем не слышал, по имени Хейдрек.

— Как же они отсюда Обманные Камни-то углядели? — удивился гном.

— Огонь, говорят, до неба стоял. Что ни курган — то столб пламени. Однако, удивительное дело, в Пригорье никто и словом не обмолвился! Впрочем, и тут предпочитают об этом помалкивать. Кто их знает, может, считают, что о таких вещах вслух говорить опасно?

Фолко слушал неторопливую речь Рогволда, и сердце его колотилось. Теперь он уже не жалел ни о теплой постели, ни об отдыхе. Как могут его сородичи заниматься своими мелкими и ничтожными делишками, когда вокруг вздымается исполинский вал грозных событий и предвестий?! И только он один, он, Фолко,

сын Хэмфаста, хоббит «не от мира сего», мальчик на побегушках в родной усадьбе, он один сумел почувствовать и понять это!

Рогволд замолчал. Кони мягко ступали по скользкой, размокшей от нудного, затяжного дождя дороге. Тучи и не думали расходиться, ветер по-прежнему не утихал. Они давно миновали Астор и сейчас ехали по широкой равнине, упиравшейся справа от них в гряду лесистых холмов. Не обращая внимания на намокший плащ, Фолко попытался сесть так, чтобы можно было смотреть по сторонам и в то же время защитить лицо от ветра. Это ему удалось, и теперь он с интересом разглядывал незнакомую страну. Она была по-прежнему хороша даже в этот ненастный день.

Далеко слева мелькнула темная ниточка реки, полоски лесов на ее берегах, селение в несколько десятков домов; от Тракта отходил туда узкий проселок, надвое рассекавший сплошной массив сжатых полей. Кое-где еще виднелись одинокие стога не убранного под крышу сена, но их было очень мало, и Фолко решил про себя, что хозяева здесь живут рачительно: об этом свидетельствовали и тщательно сохраняемая в порядке изгородь, и аккуратно засыпанные ямы на самом Тракте, и даже затейливые бревенчатые срубы над придорожными колодцами, украшенные искусно вырезанными рожицами и фигурками. Несмотря на дождь, работа в окрестных деревнях не затихала: вовсю трудился и Тракт, трое друзей все время ехали на виду какого-нибудь большого обоза. За несколько часов пути они миновали четыре деревни: все чистые, с добротными, окруженными палисадом домами. Дождь не переставал, плащ Фолко вскоре промок окончательно, и, когда, по расчетам Рогволда, солнце часа два как миновало зенит и уже начинало клониться к закату, они решили остановиться. К счастью, вдоль всего Тракта для удобства проезжающих были сооружены навесы. Под одним из них и укрылись друзья. Нашелся и заготовленный кем-то до них хворост, и они поспешили развести костер. Ярко-рыжие язычки весело забегали по сухой, подложенной под дрова траве; вскоре костер уже трещал вовсю, рассыпал вокруг себя алые искры.

Фолко скинул промокший плащ и зябко придвинулся к огню. От сырой одежды шел пар, дым ел глаза, забивал горло, мешая дышать, но зато это было живое тепло, в которое можно было окунуться, словно в горячую ванну. После промозглой сырости Тракта это показалось не привыкшему к дорожным трудностям хоббиту верхом блаженства...

Вскоре костер был затоптан, друзья двинулись дальше под затянувшими все небо, от края до края, серыми тучами.

Они говорили мало. Иногда Торин вдруг принимался что-то бормотать себе под нос на непонятном своем языке; Фолко уло-

вил чеканный ритм гортанных созвучий и понял, что гном не то читает стихи, не то поет что-то. Рогволд казался погруженным в какие-то невеселые думы. Хоббита стало тяготить это почти похоронное молчание его товарищей, он принялся расспрашивать Рогволда о его жизни и обо всем, что тот видел, особенно заинтересовал его упомянутый ловчим во время их первой встречи Последний Поход.

— Эх, славное было времечко! — Казалось, Рогволд обрадовался возможности поговорить и вспомнить прошлое. — У самого Ледового Залива Форошель, где живет сумрачный и странный народ, что владеет страной Хрингстадир, на восток тянутся Безымянные Горы. Давным-давно, задолго до Войны за Кольцо, задолго до Последнего Союза и Падения Нуменора, задолго до основания Минас-Тирита и Умбара, словом, в дни, называемые эльфами Предначальной Эпохой, там за горами лежала удивительная земля, где, говорят, обитал когда-то Великий Враг Моргот...

Громовой раскат грома прервал его речь. Небо разорвала ветвящаяся ослепительная молния, лопнувшая прямо над их головами. Тяжкий грохот заставил Фолко прижать ладони к ушам. Они застыли на месте, ошарашенные и потрясенные. Лошади неуверенно топтались на месте; наконец Рогволд тронул поводья и продолжал рассказ, но теперь понизив голос и иногда выразительно умолкая.

— Так вот, наше войско шло на север из Аннуминаса, держа путь к восточной окраине Безымянных Гор. Наши разведчики, забиравшиеся в те годы очень далеко, до самого Рунного Моря, сообщили молодому Наместнику, а тот, в свою очередь, Королю, что там замечены крупные отряды орков. Они держали себя тише воды ниже травы, двигались большими обозами, очевидно, искали места для поселения. Мы решили перехватить их. Сорняк должен быть выполот с корнем до того, как успеет разрастись и дать ядовитые семена. Сам Король вел нас, и мы, воины Арнора, были просто счастливы, как никогда в жизни, — наконец-то мы взялись за дело, ради которого жили! Мы прошли западными рубежами Ангмара, его жители вышли к Королю с изъявлением покорности, они решили, что поход направлен против них. Глупцы! Король не воюет с Людьми, ведь они все — его подданные; он лишь карает тех, кто преступает его законы. Вскоре мы вступили в пустынные, безлюдные области; шли мимо диких серых скал и звонких горных речек, пробираясь десятками дорог к одному сборному пункту. Орки не ожидали нашего удара. Конные панцирники разметали их наспех выстроенную стену щитов; тяжелая пехота довершила разгром. Началась грандиозная облава. Мы гнали их днем и ночью, не давая разбежаться в стороны. Моя сотня обшаривала скалу за скалой, утес за утесом, пещеру за пещерой — и отовсюду мы извлекали забившихся во все мало-мальски укромные места врагов. Мы не тратили время на то, чтобы ловить и вязать их, — просто гнали и гнали перед собой. Случалось, в нас летели стрелы или какая-нибудь кучка самых отчаянных орков решала подороже продать свои жизни и бросалась на нас из укрытия; я потерял в таких стычках восемь человек, но прорваться сквозь наши заслоны им не удалось. Вскоре мы стали находить орков, умерших от ран или добитых товарищами. На что они надеялись? — спрашивал я себя тогда и не находил ответа. А погибших орков становилось все больше — не выдерживали старики и дети. И вот настал день, когда все загонные отряды собрались на огромном поле у подножия Безымянных Гор. Исполинские серые стены скал отрезали окруженным все пути к бегству, как мы тогда думали, а с трех сторон на них надвигались наши. Но орки оказались далеко не трусами, они изготовились к бою, хоть и знали, что надежды у них нет, и мы невольно почувствовали к ним уважение. Уже спускался вечер, когда они вдруг прислали в наш лагерь своих выборных. Их провели к Королю. Потом я узнал, что они просили у него сохранить жизнь хотя бы одному из каждых двадцати детей, уцелевших к тому времени, и выпустить их из кольца. Король, естественно, ответил отказом, добавив, что с порождениями Мрака у них, потомков Элендила и Арагорна, разговор может быть только один. Орки клялись, что навсегда уйдут на восток и правнукам своим закажут дорогу в Арнор, упирали на то, что не сделали народу Королевства ничего плохого, но Король был непреклонен. Наутро мы выстроились в боевой порядок. Перед нами, на предгорных холмах, темнела огромная масса орков. Они затащили наверх свои уцелевшие телеги, навалили камни — словом, как могли, приготовились к обороне. Мы атаковали, и дело было жарким, орки сражались как безумные. Но деваться им было некуда, да и противостоять нашей щитоносной пехоте они не могли — их попросту раздавили, точно между молотом и наковальней. А когда все кончилось, мы с изумлением и гневом обнаружили, что орки провели нас: пока велись переговоры, значительная их часть с детьми и женщинами ушла в горы. Мы бросились в погоню. Круты и опасны оказались те тайные горные тропы, по которым вел нас на север след орков. Тропа то повисала над бездонной пропастью, то упиралась в казавшиеся на первый взгляд неприступными скалы, но каждый раз мы отыскивали какое-нибудь незаметное ответвление, по которому ушли беглецы. На седьмой день — только на седьмой! — мы настигли их. Боя не было — мы просто сбросили их всех с обрыва. Так все кончилось. Скалы внизу покраснели от темно-багровой орочьей крови.

Рогволд сумрачно усмехнулся и некоторое время молчал.

— На следующее утро мы стали решать, что делать дальше.

Проще всего было возвратиться, ведь мы выполнили приказ Короля, но неизведанные пути манили нас, и мы, отряд в пять тысяч человек, решили двигаться дальше, поискать выход из этих теснин и, быть может, взглянуть на ту удивительную страну, что издавна звалась у нас Загорьем. Мы двинулись дальше, помечая каждую пройденную милю. Теперь отыскивать дорогу дальше стало намного трудней, но мы были терпеливы и настойчивы, еды у нас хватало, и мы не сдавались. В нелегких трудах прошло еще семь дней. На восьмой день мы миновали последний перевал, и нашим взорам открылась огромная, беспредельная равнина, простиравшаяся на север, восток и запад, насколько мог окинуть взор. Кое-где были видны небольшие холмы, мы заметили несколько небольших речек, бравших свое начало в Безымянных Горах и стекавших куда-то на северо-восток. Их берега покрывали негустые рощицы чахлых, низкорослых северных деревьев. Солнца не было — все небо скрывали сплошные серо-свинцовые тучи без малейших просветов. И нигде никаких следов человека или зверя. Землю окутывал зыбкий туман. Спустившись с предгорных холмов, мы словно оказались по колено в серой влаге. Нас охватило странное, незабываемое чувство — мы оказались в заповеднике времени, где оно, устав от суеты Большого Мира, навсегда остановило свой ход и куда, казалось, оно уходит отдыхать каждую ночь. Это был не человеческий мир, друзья. Там не было места ни людям, ни гномам, ни тем более хоббитам. Там обитали диковинные существа, жившие по своим собственным законам. Не знаю, кто они, те исполинские призрачные пауки, облака летучего холодного огня, многоглавые змеи, умеющие ползать и по воздуху. Не знаю, но предполагаю, что это место стало обиталищем теней тех порождений Тьмы, чьи бесчисленные злодеяния лишили их вечного успокоения. Так или иначе, тени этих воинов Тонгородрима не исчезли, а и по сей день бродят вокруг жилища своего уснувшего господина. Мы быстро убедились, что они бесплотны! Впервые завидев их, мы страшно испугались, схватились за мечи и луки. Но серые тени, что-то вечно причитающие на давным-давно забытом языке, не обращали на нас никакого внимания. Наши стрелы и копья пронзали их насквозь, не причиняя никакого вреда, и однажды среди нас нашелся смельчак, который встал на пути одного из пауков-призраков. Тень прошла через него, мы видели его фигуру внутри страшилища, но оно проковыляло дальше, а храбрец вернулся к нам цел и невредим. Мы перестали обращать на них внимание и двинулись дальше, теперь почти наугад, придерживаясь одного направления — на север. Как и раньше, мы тщательно метили все возможные ориентиры, чтобы потом можно было выбраться отсюда. Но далеко уходить было нельзя — у нас кончалось продовольствие. Мы углубились на три перехода, но ничего подозрительного не заметили — только все сильнее и сильнее становился зародившийся в наших душах сразу после перехода через горы страх, страх безотчетный и необъяснимый, противостоять которому оказалось очень нелегко. Постепенно призраков вокруг нас становилось все больше и больше — целые стада их скапливались возле наших стоянок; к тому же у них появилась отвратительная привычка совершать свои прогулки прямехонько по нашим лагерям, и случайным назвать это было уже нельзя. Пренеприятные ощущения, бр-р-р! — Рогволда всего передернуло. — Словно погружаешься в затхлую, гниющую жижу, — а запашок внутри у этих монстров, я вам скажу! И в то же время, я уже говорил, они совершенно бесплотные. Ну да ладно, хватит об этом.

Мы пробирались вперед в тайной надежде увидеть нечто необычайное, быть может, руины самой Крепости, но так ничего и не заметили. Вокруг нас по-прежнему расстилалась все та же необозримая равнина, все так же влачили свои призрачные тела серые тени. И мы повернули назад. Обратная дорога прошла без всяких приключений: оставленные нами ориентиры оказались на своих местах, ошибки допущено не было, и мы в точно рассчитанный срок вышли к горам. Так закончился Последний Поход, после которого арнорская дружина тридцать лет сидела без дела. Лишь в последние месяцы она всерьез взялась за оружие. Однако это пока лишь мелкие стычки, до настоящих походов дело не доходит.

Торин и Фолко внимательно слушали, стараясь не пропустить ни единого слова. Некоторое время ехавший молча гном внезапно хлопнул себя по лбу.

— Рогволд! А как же орки так сразу полезли на Север целым народом? И что — они уже не боялись солнца?

— Не знаю, — в легком замешательстве ответил бывший сотник. — Вообще-то жить захочешь — под что угодно полезешь. Мы заставили их принять бой днем, но они, по-моему, с одинаковым отчаянием дрались и ночью, и днем. А почему полезли всем народом? Я полагаю, что они сперва отправили своих разведчиков, те приглядели себе Загорье. Людей там нет, солнца тоже — почти всегда густые, непроницаемые облака. Присмотрели, а потом уже двинулись всем скопом. Разведчиков этих мы, к сожалению, проглядели. Кстати, уже за Безымянными Горами нам несколько раз попадались следы орочьих стоянок!

— То есть... Эти урукхаи сумели спрятаться там? — насторожился Фолко.

— Как ты сказал? — переспросил его ловчий. — Как ты назвал этих орков? Какое-то незнакомое слово...

— Урукхаи, — пояснил Фолко. — Я читал, что так назывались те страшилища, что служили Саруману. Они были куда сильнее и крупнее своих собратьев и, как и твои орки, Рогволд, не боялись

солнца. Брр! Жуткие существа, как их Фродо описывает. Ну и что с теми орками в Загорье?

— Кто ж знает! — пожал плечами Рогволд. — Мы туда больше не ходили, на наших границах все было спокойно. Конечно, если они за тридцать лет там расплодились... Кстати, этой весной в стычках арнорских воинов с летучими отрядами часто замечали таких орков среди убитых.

— Так, может быть, они уже давно в союзе с Ангмаром? — встревожился Торин. — Значит, гномам снова пора за топоры! Войны людей — это, как ни крути, войны людей, а орки — это наш исконный, злейший, словом — Вечный и Главный Враг! Мы сражались с ними еще при Великом Дьюрине!

— Сражались, да не с теми, — покачал головою Рогволд. — После Войны за Кольцо, если кто и выжил, так это самые сильные, хитрые и ловкие. К тому же они сейчас бьются не в подземельях.

— Ты еще не видел нашу пехоту на поверхности! — огрызнулся Торин. — Погоди судить.

— Не видел, — легко согласился Рогволд, похоже, не желавший спорить с гномом. — Не видел и не знаю, так что действительно говорить ничего не буду. Похоже, Ангмар все-таки сплотился вокруг кого-то, и этот кто-то водит его лихих молодцов на наши границы. Кто-то собрал вольно живущий народ и сумел натравить на нас. Кто-то нашел остатки орков на Севере, пытается отыскать их и на Юге. А вдобавок ожили Могильники! Невесело, что и говорить.

— Нам надо спешить, — тихо сказал Фолко. — У меня какие-то скверные мысли последнее время. Все очень страшно, но с этим еще можно бороться — это я понял, когда мы с Торином видели черный отряд перед Могильниками. Но кто знает, если мы промедлим, не будет ли поздно?

Разговор оборвался, над Трактом повисло недоброе молчание.

«Бойся Севера, бойся Севера!» — В голове Фолко неотрывно вертелись слова Пелагаста. Но что может сделать он, маленький и ничего не умеющий хоббит? Сделать там, где не может справиться вся броненосная дружина Великого Королевства!

«А ничего, — вдруг произнес внутри его чей-то очень спокойный и рассудительный голос. — Помни, маленькие камни срывают с гор всесокрушающие лавины. Случайная встреча Перегрина и Мериадока с энтами, их безыскусный рассказ — и энты, поднявшись, громят Исенгард, спасают бьющихся в Хельмском Ущелье, приходят на помощь в решающий час битвы на Пелленорских Полях! А ты все талдычишь — что я могу сделать? Очень многое!»

Фолко помотал головой. Он готов был поклясться, что слышал эти слова, вдохнувшие в него новые силы и веру в себя. Но его товарищи ехали спокойно и молча, хоббит понял, что это были его собственные мысли, мысли нового Фолко Брендибэка, которому претила осторожность старого — осторожность, так часто смахивающая на трусость.

До самого вечера они ехали по Тракту на северо-запад. Фолко перестал даже глядеть по сторонам — местность не менялась, вокруг лежали обжитые, ухоженные земли, не таящие в себе, казалось, ничего необычного. Дождь перестал, небо начало медленно расчищаться. Вечерняя заря застала их на гребне очередной цепи холмов, довольно высокой, с которой было видно далеко окрест. Последние клочья изорванных свежим западным ветром облаков исчезли в затянувшей восточное небо предвечерней мгле, а на западе огромный багровый диск неторопливо опускался в незамутненные, прозрачные воздушные бездны. Алая полоса вдоль горизонта без единого облачного пятна казалась атласной лентой, которую обронила какая-нибудь красавица. Путники невольно остановили коней, чтобы полюбоваться на это великолепие.

Землю постепенно затягивали белесые вечерние туманы. Сквозь их невесомую завесу еще виднелись леса и поля, темные, извилистые ленты рек. Все вокруг казалось прочным, мирным и устоявшимся.

Дорога пошла вниз, в долину, и вскоре сероватые громады холмов закрыли от них закат. Навстречу двигалась залитая вечерней мглою долина, очень широкая, пролегшая между двумя далеко отстоящими друг от друга грядами.

В середине ее текла небольшая речка, виднелись дома недалекой деревни.

— Это Сильменвиль, а следующая, перед вторым гребнем, — Хэмсал, — объяснил хоббиту Рогволд. — Там и заночуем.

Последние мили дались Фолко с трудом. Ныла натруженная спина, вновь отдавался в боках каждый шаг его пони; туман оказался донельзя мерзким — едва они погрузились в него, как Фолко почувствовал, что его начинает трясти от холода и сырости. Устали и лошадки, — они понуро шагали по не просохшей от недавнего дождя дороге, уныло кивая головами. В Сильменвиле их окликнула стража:

— Кто такие? Куда держите путь?

Рогволд ответил: мол, из Пригорья.

— Из Пригорья? Как там дела, не слышали? Говорят, капитан своих повел куда-то.

— Повел, — ответил гном. — Только чем дело кончилось — мы не знаем. Мы уехали в тот самый вечер, когда они выступили.

— А... проезжайте, — последовал разочарованный ответ.

Они миновали деревню и стали мало-помалу приближаться ко второй гряде. Фолко уже начал клевать носом, гном вслух предвкушал сытный ужин и доброе пиво, когда позади них из тумана

донесся перестук копыт. Всадник мчался галопом, и вскоре они увидели вынырнувшую из мглы фигуру. Рогволд посторонился, давая дорогу.

Всадник стремительно нагонял их. Он шел с запасным конем в поводу, за плечами вился знакомый бело-голубой плащ, — это был дружинник.

— А вдруг из Пригорья? — вслух подумал ловчий. — Гонец, это точно. Но как гонит, как летит! Не иначе, что-то спешное.

Конник поравнялся с ними, и Рогволд крикнул ему:

— Откуда, друг?

Наездник сперва не ответил, но, взглянув в лицо Рогволду, резко осадил коня.

— Рогволд, старина! Откуда ты здесь? — Он направил горячившегося жеребца к остановившимся друзьям.

Воин был немолод, его длинное, скуластое лицо было изуродовано несколькими белыми шрамами.

— Привет, Франмар! Давненько не виделись! С чем летишь в Город?

— Дурные вести, старина. Это ведь вы принесли сведения об вышедшем из Могильников отряде?

— Мы, — кивнул Рогволд.

Фолко похолодел, чуя недоброе.

— Мы настигли их на следующий день, в сорока милях за Пущей. — Франмар говорил тихо и быстро, глотая окончания слов. — Капитан Эрстер рассчитал все правильно, но в Пуще они соединились еще с одним отрядом, и их оказалось почти пять сотен против наших двух. Наш клин пробил было их строй, но они тут же рассыпались. Среди них было очень много арбалетчиков. Они отступали и не жалели стрел. Мы отвечали как могли, но дело могло бы кончиться худо, не атакуй этих бродяг с тыла обошедшие их четыре десятка Нарина. Они смешались на короткое время, нам вновь удалось рассечь их, но они снова вывернулись. Их гнали еще долго, но навязать им правильный бой нам так и не удалось. Во время преследования несколько молодых и горячих вырвались вперед, и их похватали арканами. — Франмар перевел дух и обтер ладонью потное лицо. — Среди них был младший брат капитана, Хальфдан. Мы нашли их через несколько часов. Они приняли мученическую смерть, и у каждого была вырезана нижняя челюсть!

Все трое слушателей невольно вздрогнули.

— Я везу сообщение об этом в Город, — продолжал Франмар. — Мы потеряли двадцать семь человек, а они — сорок три. Кого там только не было! И люди — из Ангмара, судя по подковам и сбруе, орки — похоже, северные, и какие-то мне незнакомые — маленький, низкорослый народец вот вроде гномов, но другие. Руки у них что твоя лодыжка! Так что они ушли. Рассеялись и ушли. Ищи теперь ветра в поле! — Он горько усмехнулся. — Ну, прощайте. Прощай, старина, будешь в Городе — заходи, мой дом ты знаешь. Скоро нас сменят, так что буду дома.

— Непременно, старина Франмар, — заверил гонца Рогволд. — Легкой тебе дороги!

— А-а! — неопределенно махнул рукой тот и дал шпоры коню.

Запасная лошадь, норовисто выгнув шею, припустила за ними, стараясь не поранить рот из-за короткого повода. Друзья некоторое время молча смотрели им вслед. Фигура Франмара быстро уменьшалась, растворяясь в белесой мгле, вскоре замер и стук копыт. На Тракте вновь воцарилась тишина.

— Нда-а, дела, — протянул Торин. — Надо ж так! Нижнюю челюсть...

— Вот то-то, что нижнюю челюсть, — мрачно произнес Рогволд. — Откуда такой обычай! Ну ладно, харадримы сдирают кожу с трупов наиболее мужественных врагов, набивают ее соломой и выставляют на всеобщее обозрение, но чтобы так... Слышал я, впрочем, что есть такой народ, далеко на востоке, за Рунным Морем, в месяце пути от Дэйла. Но откуда они взялись здесь?! Ничего не понимаю!

В Хэмсале постоялый двор оказался не в пример просторнее асторского, и народу в нем было меньше. Без всяких препон путешественники взяли комнату, и Фолко с наслаждением повалился на широкую кровать. Все закружилось перед глазами смертельно уставшего хоббита, и одежду с него стаскивать пришлось уже Торину. Фолко крепко заснул, не дождавшись даже ужина.

...У него были крылья — огромные, сильные; он парил высоко над землей. Под ним расстилались незнакомые равнины, виднелись какие-то горы, какие — он не знал. Пространства под ним скрывал вечерний сумрак, длинные ночные тени тянулись с запада на восток, заснеженные вершины далеких пиков были окрашены в нежно-розовый цвет, озаренные последними закатными лучами. Ему вдруг захотелось умчаться прочь от кровавого закатного зарева; он сделал легкое движение могучими крыльями и устремился на восток. Он почему-то твердо знал, что должен быть сейчас там, и подчинялся внятному, хоть и неизвестно откуда пришедшему зову. С легкой отстраненностью он подумал, что сейчас должны показаться Туманные Горы, — так и случилось. Промелькнула и исчезла исполинская горная цепь, протянувшаяся через все Средиземье; он увидел под собой извивы Андуина, Великой Реки, а чуть поодаль темнели бескрайние просторы Зеленых Лесов, бывшего Черноле сья. Его путь лежал еще дальше — на восход.

Под ним протянулся бесконечный лесной ковер, без малей-

ших просветов и прогалин. Внезапно он почувствовал, что должен свернуть вправо — и сделал так, и увидел под собой неожиданно пустое место. Леса исчезли, посреди призрачно-белого, мерно колыхающегося туманного моря возвышался огромный голый холм, его подножие скрывала мгла. На вершине бесформенной грудой громоздились какие-то обломки, покрывавшие почти весь холм. Приглядевшись, он понял, что это развалины *какого-то громадного здания. И посреди этих руин, там, где камни* образовывали подобие давно обвалившейся башни, он заметил живой огонь.

«Внизу бушует ветер, — вдруг всплыло в его голове, — почему же пламя такое ровное?»

Он понял, что это очень важно, важно, как ничто другое, но почему? Мысль вспыхнула и погасла, и он уже спускался над темными коричневыми руинами. Описав широкий круг, он оказался на земле. На ней ни травинки, — снова понял он, хотя не смотрел себе под ноги. Он осторожно двинулся туда, где, как он твердо знал, должен гореть не колеблемый ветром огонь.

Обогнув остатки древней стены, он внезапно замер. Спиной к нему у костра под уцелевшей стеной стоял человек. Стоял, крепко и уверенно расставив ноги; его голова была склонена, он смотрел на свои руки, что-то делавшие у него перед грудью. Рядом смирно стоял черный конь.

В этом человеке чувствовалась исполинская, древняя сила, такая же древняя, как окружавшие их развалины, — и ему сразу же вспомнились Могильники. Он не знал, откуда пришла эта уверенность, но знал, что это именно так.

Что-то заставило его оглянуться, и он увидел смутное движение в тумане. Вскоре из мглы выступили две темные фигуры — массивная, коренастая и небольшая, стройная, хоть и не очень уступавшая первой в росте. Вторая фигура сжимала в руках серебристый лук.

— Стреляй! Стреляй же! — раздался громовой голос, шедший, казалось, сразу со всех сторон и одновременно ниоткуда, и он увидел, что фигура с луком вскинула свое оружие...

Фолко пришел в себя от ударившего в лицо яркого солнечного луча. Ставни были распахнуты, чуть потрескивая, горел камин, а за столом у окна сидели Рогволд и гном. Ловчий правил свой меч, гном полировал топор. Было невыразимо приятно нежиться так под теплым одеялом, давая отдых натрудившемуся телу. Хоббит прикрыл глаза. Ловчий и гном не заметили его пробуждения и продолжали неторопливую беседу.

— И все же скажи, Торин, — говорил Рогволд. — Как случилось, что ты идешь вместе с хоббитом? Странная вы все же команда. Я удивился этому еще в Пригорье — чудно, думаю, драку затеял хоббит, а защищает его гном.

— Да уж вышло так, — отвечал Торин. — Приглянулся он мне. Не такой, как все его родичи. Тем главное пузо набить, а он — нет. Ему многое нужно и многое дано — я так чувствую. И он не трус — вспомни, как он в призраков стрелял, пока мы с тобой глаза протирали да соображали, что к чему. Да и вообще, мы, гномы, — народ привязчивый. У нас если уж друг, то до самой смерти. Поэтому у нас так мало друзей.

— Да-а-а, — протянул Рогволд, и снова наступила тишина.

Фолко решил, что пришла пора просыпаться. Он сел, потянулся, зевнул. Гном и человек повернулись к нему.

— Силен же ты спать, друг хоббит! — весело сказал Торин.

— Диковинный сон мне сегодня снился, — задумчиво сказал Фолко.

Приводя себя в порядок и умываясь, он рассказал друзьям, что помнил из своего удивительного ночного видения. Его слушали молча, не прерывая.

— Привидится же такое! — Фолко попытался обратить все увиденное в шутку, однако Торин и Рогволд остались очень серьезны.

— Погоди смеяться над своими снами, Фолко. — На затылок хоббита легла широкая бугристая ладонь сотника. — Бывает, что в них является наше будущее. Судьба любит играть с нами, показывая иногда отдельные картинки еще не случившихся событий, и мудрый может выбрать правильную дорогу или же остеречься от опрометчивых поступков. Холм, говоришь. Лысый холм в Зеленых Лесах? А не тот ли это знаменитый холм, на котором стояла какая-то крепость Врага? Мне доводилось слышать подобные сказки.

Торин вопросительно глянул на хоббита.

— Если верить Красной Книге, в тех краях действительно должен где-то быть замок Дол-Гулдур, точнее, то, что от него осталось, — припомнил Фолко.

— А что это был за замок? — спросил Рогволд.

— Обитель Назгулов, самых страшных слуг Врага, орки оттуда напали на Лориэн. Знаешь, что это такое?

— Слышал, что так называлась страна эльфов неподалеку от Туманных Гор, а так ничего толком тоже не знаю, — отвечал ловчий.

— Орки трижды штурмовали Золотой Лес, но эльфы отбились. А потом сами пошли вперед, переправились через Андуин и дали бой! Вражьи прислужники были разбиты, и сама Владычица Галадриэль обрушила в прах стены того замка. Так говорит Красная Книга.

— Заладили — Дол-Гулдур, замок, Враг! — буркнул гном. — Мало ли что привидится! Сны, конечно, бывает что и сбываются,

и отмахиваться от них нельзя, но тут все слишком неопределенно.

— Ну что ж, поживем — увидим, — вздохнул Рогволд. — Давайте-ка в дорогу, друзья. У меня этот бой под Пригорьем из головы не идет. Как они осмелели? Собирают полтысячи копий посреди Королевства, ничего не боясь и даже особенно не прячась! — *Он озабоченно покачал головой.* — Худые времена настают, чует мое сердце.

— А что, нельзя было поднять на ноги всю округу? — вдруг спросил Торин. — В одном Пригорье тысячи две бойцов наберется! А окрестные деревни! Да вы их просто задавили бы, ни один бы не ушел.

— Что ты, что ты! — отмахнулся Рогволд. — Подумай сам, куда этим селянам в бой идти?! Это ж для них верная смерть, там же никто меча держать не умеет. На это дело дружина есть, она и должна воевать. Она — воевать, а пахари — пахать, кузнецы — ковать, и ткачи — ткать. Каждый должен свое дело как следует делать, а в чужие не вмешиваться. Так есть, так было и так будет. Нет, людей уже не переделаешь.

— Ну, тебе виднее, — не стал спорить гном. — Только у нас бы, ежели кто такой вот завелся и разбой стал бы чинить, все бы работу побросали да навалились всем миром, пока врага бы не прикончили.

— Наверное, поэтому вы, гномы, и не создали Соединенное Королевство, — усмехнулся Рогволд. — Не обижайся, конечно, но каждому все-таки свое.

— Чего ж обижаться, — проворчал гном. — Королевства мы и впрямь со времен Дьюрина сколотить не можем.

— Ну так в дорогу? — поднялся Рогволд. — Ты готов, Фолко? Карлика своего покормили?

— Кормил я его, кормил, — отмахнулся гном, вставая. — Лопает, прорва, куда только лезет!

Они ехали почти весь день; наконец Тракт нырнул вниз, в очередную долину между цепями холмов, протянувшихся с юго-запада на северо-восток. Дорога пересекала котловину в широком ее месте, справа и слева, в отдалении, гряды вновь сближались. Плоское дно долины покрывали поля и сады, чуть дальше влево виднелись еще одна деревня и луга вокруг нее, а еще за ней — новые поля, новые сады. Повсюду стояли многочисленные сараи и сарайчики, долину в разных направлениях пересекали десятки дорожек и тропинок. Предвкушая отдых и славный обед, друзья пришпорили коней.

Однако деревня встретила их неожиданной пустотой. Ворота многих домов и постоялого двора были распахнуты настежь, но людей видно не было, лишь дворовые псы, верно исполняя свой долг, встретили приехавших дружным лаем.

— Куда они все провалились? — недоуменно пробормотал Рогволд, когда они подъехали к широким дверям трактира.

Внутри просторного зала было пусто, столы повалены, стулья опрокинуты, под ногами хрустели черепки разбитой посуды. На стойке сидел здоровенный котище, неторопливо пирующий подле расколотой крынки со сметаной.

— Похоже, все куда-то сбежали, — пожал плечами гном.

— Но куда? И почему? Нет, тут что-то неладное. Давайте еще по улице пройдемся, может, кто и остался.

Ведя коней в поводу, они запетляли по деревенским улочкам. Всюду их встречала одна и та же картина — все настежь и все пусто. Они не заметили, как оказались на околице. За огородами тянулась неширокая полоса садов, дальше снова должны были начаться поля. Друзья остановились в нерешительности, и тут порыв ветра донес до них какие-то ожесточенные, гневные крики. Они раздавались как раз за садами.

— Туда! Скорее! — крикнул ловчий и вскочил в седло.

Гном и хоббит поспешили последовать его примеру.

Продравшись по узкой тропе сквозь яблоневые посадки, они очутились на длинном, узком поле. На нем-то и отыскались «пропавшие» жители деревни.

Там шла драка, отчаянная и беспорядочная. Невозможно было понять, кто на какой стороне, — все смешалось в общей свалке. Вздымалась пыль, трещала одежда, в воздухе мелькали колья.

Масла в огонь подливали женщины: сперва истошным визгом, а потом две их довольно большие группы, осыпавшие до этого друг друга проклятиями и ругательствами, перешли от слов к делу и вцепились друг другу в волосы.

— Клянусь бородой Дьюрина... — оторопело пробормотал гном.

Он изумленно смотрел на Рогволда, но и лицо старого сотника выражало лишь безмерное удивление. И тогда Торин больше мешкать не стал. В десяти шагах от них на землю рухнул молодой парень с раскроенной ударом лопаты головой; это и вывело друзей из полного оцепенения. Торин взревел, точно тридцать три медведя сразу, он выхватил свой топор и устремился в самую гущу, щедро раздавая тычки и пинки, от которых сцепившиеся драчуны разлетались в разные стороны. Рукоятью топора гном вышибал из рук дерущихся колья; самым неугомонным добавлял еще и слегка по ребрам. Он шел сквозь воющую, рычащую толпу, словно нож сквозь масло, оставляя за собой настоящую просеку; его огромные кулачищи так и мелькали. Появление гнома ознаменовалось было новым взрывом негодования, но за Торином в просвет между людьми бросился Рогволд с обнаженным мечом, а потом и Фолко. Внутри у хоббита все заледенело от страха, сердце билось где-то в пятках, но лук был у него в руках, и когда

какой-то могучий бородач с воплем занес было над гномом увесистую дубину, Фолко аккуратно всадил стрелу точно в дерево у него между кистями. Бородач ошалело уставился на вонзившуюся стрелу, и в тот же миг Торин обезоружил его.

Драка еще шла, но быстро затихала. Уже многие с криками «Братцы, да что ж это мы!» принялись помогать гному и Рогволду растаскивать дерущихся. И постепенно все стихло. Люди стояли потные, тяжело дыша; почти все были в равной мере попятнаны — у одного разбит нос, у другого — глаз, третий охал, держась за бок, четвертый зажимал рассеченный лоб. Лежали на поле и четверо тяжелораненых — один молодой парень и трое крепких мужиков — их отделали кольями. Прекратившие потасовку женщины бросились к раненым, кто-то побежал в деревню за водой и холстиной. Теперь стало видно, что дравшиеся разделились на две примерно равные группы, одна из которых отошла подальше, другая же, напротив, подалась ближе к Тракту. В середине поля, на небольшой, едва заметной меже, остались стоять только трое путешественников да два здоровенных мужика — один тот самый бородач, в дубину которого так удачно вонзилась стрела Фолко, широкоплечий, круглолицый, чем-то похожий на Торина своей коренастой фигурой, и второй — без бороды, зато с длинными, спускавшимися до груди, усищами. Второй был много выше гнома. Эти двое с неприязнью глядели друг на друга, ожесточенно сопя и утирая пот. Бородач поминутно сплевывал кровь из разбитой губы, усатый не отрывал от носа оторванный кусок рубахи.

— Что тут у вас происходит? — спросил Рогволд, удивленно глядя на них.

— А ты кто такой? — неприветливо осведомился бородач. — Шериф или дружинник?

— Я Рогволд, сын Мстара, пятисотник арнорской дружины! — резко ответил ловчий, благоразумно пропуская слово «бывший».

Оба мужика раскрыли рты и изумленно уставились на него. Однако провести их было не так-то просто.

— Вот что... уважаемый. Ты иди своей дорогой. Мы тут и без тебя разберемся, — процедил бородач и повернулся к стоявшим ближе к Тракту людям, сделав им какой-то знак.

Толпа заволновалась и придвинулась; Рогволд опустил ладонь на рукоять меча, а Фолко как бы между прочим наложил стрелу на тетиву и зажал в зубах запасную.

— Верно, без тебя управимся, — поддержал бородача его недавний противник, в свою очередь делая знак своим.

Трое путешественников оказались между двух огней; с обеих сторон подступали мрачные, распаленные дракой люди, в эти мгновения селяне забыли о собственных распрях. Однако трое друзей все же были не одиноки. Из обеих групп на межу вышло несколько человек, в основном крепкие, кряжистые мужчины

поопытнее. Теперь враждующие лагеря разделяло уже не только трое друзей, но бородач слева и усатый справа — похоже, они и были заводилами — не торопились увести своих.

— Эй вы там, на меже! — глумливо крикнул усатый. — Убирайтесь, пока вас не растоптали! Мы должны отплатить за обиды этим вонючкам, и мы отплатим! А тот, кто осмелится помешать нам, тому мы намнем бока! Поняли? А вы, Граст, Хрунт, Вирдир и Исунг, вы подлые трусы, опозорившие родную деревню!

— Суттунг, хватит мутить народ! — крикнул один из вышедших к Рогволду селян; он был высок, широкоплеч, лицо обрамляла полуседая борода, серебро виднелось и на висках, но глаза были ясны, а руки, казалось, могли запросто гнуть подковы. — Мало тебе Эла и Траста? Или вы с Бородатым Эйриком добиваетесь того, чтобы мы каждую ночь пускали друг другу красных петухов?! — Лицо говорившего побагровело, огромные кулачищи сжались. — Нет! Хватит! Скажем спасибо почтенному Рогволду и его спутникам, с наших глаз сошел туман. Так что ничего мы не опозорили. Это говорю я, Исунг, сын Ангара!

— Верно! — подхватил другой.

Ростом он был пониже Исунга, но еще шире в плечах. Его левую щеку рассекал свежий рубец, из раны сочилась кровь. Он говорил отрывисто, зло, рубя ладонью воздух.

— Чего ради мы ломаем друг другу ребра, а?! Гляньте, — и он ткнул себе в щеку, — это мне досталось на память от Хелдина, вон он стоит, с которым мы на соседних полях уже лет пятнадцать рядом работаем! Эй, Хелдин! Можешь толком сказать, из-за чего мы с тобой сцепились, а? Молчишь... Ну то-то!

— Он молчит — я отвечу! — яростно завопил тот, кого назвали Суттунгом. — Нечего было совать нам палки в колеса и указывать, что нам сеять и как! Наша очередь — что хотим, то и делаем! Вы нам не указ! Верно я говорю, ребята?!

Окружавшие его люди ответили дружным ревом, и лишь мужик по имени Хелдин пытался что-то возразить. Бородатый Эйрик о чем-то шептался в небольшом кружке своих приверженцев, остальные же люди его группы стояли, угрюмо уставясь в землю. Товарищи Суттунга заорали и заулюлюкали. Вновь мелькнули поднятые с земли колья и топоры, и толпа в несколько десятков человек дружно повалила на замерших в центре поля Рогволда с друзьями и присоединившихся к ним селян. Делать было нечего, и они схватились за оружие. За их спинами по-прежнему царило молчание.

Фолко не было страшно, было отчаянное боевое веселье, азарт; он словно воспарял над пыльным полем, уподобляя себя героям древности, и даже усмехнулся, когда Суттунг повел своих вперед, — представлялся удобный случай показать себя.

В воздухе сверкнула серебристая молния, и Суттунг с воплем

повалился на землю, пытаясь вырвать пробившую бедро стрелу. В последний миг Фолко понял, что не в силах вот так, в общем-то ни за что убить человека, и снизил прицел. Он видел безумные глаза Суттунга, его разинутый в отчаянном вопле рот; он успел заметить даже протянувшуюся с губ человека тонкую ниточку слюны. «Нет, это не призрак Могильников, это живой человек, что же ты делаешь?!» — словно закричал кто-то внутри Фолко — и рука хоббита дрогнула.

Вид упавшего, испачканного кровью Суттунга как-то сразу отрезвил нападавших. Они остановились, столпившись вокруг своего предводителя, и тогда Фолко, в который уже раз внутренне удивляясь себе за последние несколько дней, громко и отчаянно крикнул, вновь натягивая тетиву и поднимая оружие:

— Еще шаг — и буду бить в горло! Первому!

Из губ испугавшегося собственной смелости хоббита рвался пронзительный крик, срывающийся на визг, — но угроза возымела действие. Хелдин высоко поднял руки, словно останавливая своих товарищей, и громко крикнул:

— Все, хватит! Суттунг получил по заслугам — сколько же можно ссорить нас с соседями! Расходитесь, братья, расходитесь по домам! Я уверен, люди Бородатого Эйрика последуют нашему примеру.

Странно приутихший при виде раненого Суттунга Эйрик тоже вышел на межу, по-прежнему разделявшую две враждебные толпы.

— По-моему, мы все здесь просто с ума сошли! — заговорил он. — Какая пелена застлала наши глаза? Зачем наши соседи послушали этого Храудуна? Почему мы не можем разобраться спокойно, без драки? Я, конечно, виноват, каюсь, на меня нашло какое-то затмение. Но теперь все миновало, я предлагаю мириться!

— Жалкий трус! — простонал сидевший на земле Суттунг. Ему уже вырезали стрелу Фолко и перебинтовали рану. — Люди! Чего вы стоите! Бейте их, бейте! Он ведь оскорбил того, от которого нам было столько добра!

— Мы его об этом не просили, — угрюмо ответил один из стоявших рядом с Суттунгом мужчин. — Пропади он пропадом!

И тут людей словно прорвало. Они обнимались, жали друг другу руки, хлопали по плечам; нанесшие друг другу раны просили у пострадавших прощения. Сам Бородатый Эйрик последовательно обнялся с добрым десятком своих недавних противников, и тут спор едва не разгорелся снова. Каждая сторона заявляла, что именно она лучше другой примет и окажет почет прекратившим драку гостям. Всех примирил Торин, заявивший, что он проголодался и с удовольствием отобедает сначала в одной деревне, а потом в другой. Бросили жребий, и оказалось, что сначала надо

идти к сородичам Суттунга. Вслед за путешественниками повалила и добрая половина товарищей Эйрика во главе с ним самим.

Горница Исунга была велика, но все же с трудом вместила в себя всех пришедших. На середину вынесли длинный, тут же сложенный из досок и щитов стол, накрыли несколькими скатертями и, пока женщины готовили горячее, подали несколько пузатых жбанов пива для препровождения времени. Фолко, Торина и Рогволда посадили на почетные места. Рядом с ними сели Хелдин и Исунг, Эйрик и Граст и прочие, всего десятка три. Не поместившиеся в горнице ушли готовить совместный вечерний пир в знак прекращения междуусобицы.

— Так все-таки из-за чего весь сыр-бор? — спросил гном Эйрика и Исунга, сидевших рядом с ним, и сделал добрый глоток из высокой деревянной кружки, где пенилось недавно сваренное пиво. — Я немало странствовал по Арнору, но такое, признаться, вижу впервые. С чего все началось?

Люди смущенно переглядывались, опуская глаза. Наконец заговорил Исунг:

— Это началось год назад, почтенный Торин. Из-за восточных гор к нам в деревню пришел никому неведомый путник — древний старик, ободранный и голодный. Он сказал, что его дом сожгли ангмарцы, что все его дети и родственники погибли и теперь он скитается по Арнору, не имея своего угла. Ну, народ у нас жалостливый... Его приняли, обогрели, он и прижился, а под жилье приспособил старый сарай. Сперва его кормили из сострадания, ожидая, что он разведет огород и начнет жить как человек, но ничего подобного... Работать он не пожелал, а стал оказывать за плату всякие мелкие услуги — зуб заговорить, корову вылечить, ну и так далее. Оказалось, что он искусный лекарь и умеет предсказывать погоду и на день вперед, и на год. Его стали уважать, ценить, а потом — и побаиваться. Одним словом, он оказал немало услуг нашей деревне. Слух о нем, естественно, дошел и до наших соседей. Его стали звать и в Хагаль — это деревня Эйрика, однако там от него что-то проку было мало. Напротив, что у нас он делал превосходно, у других выходило из рук вон плохо. У сестры Эйрика, я знаю, он уморил корову и козу, хотя мог бы вылечить...

— Вот мы и ополчились против него! — перебил Исунга Эйрик. — Мы ругали его на чем свет стоит и мало-помалу стали завидовать соседям, которые благодаря ему стали богатеть и жить лучше нас. Пошли ссоры и раздоры.

— Да, ему приходилось туго, — кивнул Исунг. — Жители Хагаля не давали ему прохода, и мы — ох, зачем мы это сделали! — мы дали ему охрану. После этого между нашими деревнями, где три четверти народа приходится друг другу родней, словно черная кошка пробежала! Мы стали злы и подозрительны, ссоры вспы-

хивали по любому поводу. Наконец Суттунг и взбаламутил всех из-за этого поля. У людей в головах закружилось, похватали кто что, да и соседи наши не лыком шиты оказались. Наломали друг другу бока. Вам спасибо, что развели! А то, кто знает, чем бы дело кончилось...

— А этот... Храудун, лиходейщик, сам-то он где?! — спросил Торин.

— То-то и оно, что исчез он, — с досадой отвечал Исунг. — Вот вчера ночью и сбежал, только его и видели!

Гном разинул рот, Рогволд пристально посмотрел на Исунга.

— Исчез и добро свое все оставил, — продолжал тот. — Но хватит о нем! Мы примирились — не так ли? Давайте же радоваться! Хозяйка! Готово ли? Гости заждались!

Женщины засуетились вокруг стола, подавая на него дичь, рыбу, грибы, разные соленья и варенья. Путешественники не заставили дважды просить себя и принялись за еду.

Постепенно за окнами крепкого дома Исунга совсем стемнело, солнце село за окрестные холмы. Пора было искать место для ночлега. Хозяева ни за что не хотели отпускать путешественников, однако возмущенный Эйрик напомнил о данном гномом обещании, и друзьям пришлось подчиниться. На востоке уже поднималась желтоватая луна, когда они наконец расположились в придорожном трактире деревни Хагаль. Теперь в основном говорил Эйрик.

Они узнали, что Храудун почти не попадался на глаза жителям Хагаля, однако из скупых отрывочных слов тех, кому довелось столкнуться с ним, выходило, что это высокий, ростом почти с Рогволда, мощный старик с длинным лицом, высоким лбом и глубоко посаженными глазами неопределенного цвета. Обычно он носил старый, видавший виды плащ и широкополую шляпу. Ходил важно, неспешно, с достоинством, и все удивлялись, с чего это их соседи вдруг приняли его за несчастного бродягу, — он скорее напоминал какого-нибудь важного вельможу на отдыхе. В разговоры Храудун не вступал, и они не знали, как звучит его речь. Тем не менее все в один голос утверждали, что он непременно собьет с пути истинного их соседей. У жителей Харстана ни с того ни с сего появились какие-то чванство и гордыня, они почему-то стали кичиться своим происхождением, выводя родословную чуть ли не от самого Валендила, сына Элендила, основателя королевств в Изгнании. Сперва это казалось смешным, но потом из-за таких вот глупых, несусветных выдумок харстанцев между деревнями начались серьезные раздоры. И в конце концов дело дошло до драки...

— Так кто же он мог быть, Храудун этот? — напрямик спросил гном.

— Кто знает? — пожал плечами Эйрик. — Невесть откуда вышел

и невесть куда ушел. Но сила в нем какая-то есть, это точно. Скользкий он был, неприятный, а вот ума ему не занимать. Он часто давал советы — своим, конечно же, — и ни разу не ошибся!

— А приходил к нему кто-нибудь? — вставил слово Рогволд.

— Мы за его сарайчиком, если можно так сказать, даже наблюдение установили, — криво усмехнулся Эйрик. — И, можете себе представить, — ничего! Ничегошеньки! Никто не приходил, не приезжал, не спрашивал. Вечером — шасть в свою нору и до полудня носа не показывает. А кому он был нужен, те к нему сами ходили. В узелке приношение поднесут: провизию или там вино получше, — он их выслушает. Сразу никогда не отвечал, посидит, поднимется, походит, да все с таким значением! Просители, бедняги, уж и не знают, куда деться, — неловко, видно, что такого мудреца своими ничтожными делами отвлекают. Со стороны временами просто смешно было! Сначала смешно, потом уж и плакать пришлось.

— Да, дела, — по своему обыкновению протянул Рогволд. — А что же вы шерифу не пожаловались?

— Ха! Пожалуешься ему, если он сам из той деревни родом!

— А в Пригорье?

— Эрстеру-то? Капитан он, конечно, бравый, да только ему до нас дела мало. Его Пригорье занимает да разбойники — с ними он воюет, а все прочее... Я его видел пару раз — он, по-моему, уверен, что у нас и так все тише воды ниже травы. Да чего там жаловаться куда-то! Я так не привык. Хотя сейчас все деревни в округе, какую ни возьми, все жалуются. А я вот не могу. Я потому своих на драку и подбивал.

— Потрепали Эрстера, — вздохнул Рогволд, меняя тему разговора. — Гнался за летучим отрядом, что мы возле Могильников заметили. Гнался, да не догнал, сам едва ушел, три десятка своих положил. Это за сорок-то чужих! Мыслимое ли дело! А у вас как, тихо?

— Благодарение Семи Звездам и Великой и Светлой Элберет, все пока благополучно, — ответил Эйрик. — Шарят они, конечно, по округе, шарят, не без того, но к нам они не сунутся. Даром что мы, селяне, народ мирный — я никому в Хагале покоя не давал, пока частокол не починили да ржавчину с прадедовских мечей не счистили!

Рогволд едва заметно усмехнулся.

— Гонец на Тракте мне говорил, у тех арбалетчиков много. Налетят, что делать будете?

— А ты думаешь, мы сами самострелов наделать не можем? Можем, и еще как! У нас они, почитай, в каждом доме, у каждого парня, у каждой девицы! Женщины прясть садятся — самострел рядом. Да ты и сам погляди — вон, у Тварта, рядом с пивной бочкой.

По правую руку от пузатого трактирщика, распоряжавшегося возле могучих пивных бочек, на стене действительно висел здоровенный арбалет и рядом с ним — связка стрел, коротких и толстых, с тяжелыми наконечниками.

— Так что мы здесь тоже сложа руки не сидим, — не без гордости заметил Эйрик. — Не то, что в других деревнях, даже в том же Харстане. Нас голыми руками не возьмешь!

— А как в других деревнях? — спросил Фолко.

— Ха! Они там только и знают, что дрожат да втайне друг от друга во дворах нажитое помаленьку зарывают. Да вы же ехали, наверное, знать должны.

— Ты не первый, от кого мы это слышим, — печально кивнул Торин. — И это у меня в голове никак не укладывается, хотя Рогволд и объяснял...

— А-а, насчет «каждому — свое» небось говорил. — Эйрик вдруг недобро прищурился.

— Говорил как есть, — пожал плечами сотник.

— Как есть! Конечно, как есть! — У Эйрика сузились глаза и гневно встопорщилась борода. — Ты лучше скажи, кто это придумал, кто народ к тихой да бестревожной жизни приучил, так что он теперь не знает, с какого конца за копье браться?! И вот вам результат — появляется враг, а дружина незнамо где! Гоняет его, гоняет, а толку как не было, так и нет! Деревни жгут, людей хватают, а те словно бараны... — Эйрик с горечью и злостью плюнул под стол. — Каждый должен сражаться теперь, понимаешь ли ты, сотник, — каждый! Иначе сгинем все поодиночке. Эх, да что я тебе все это говорю — тебе мои слова все равно, что комариный писк. Погодите — настанет еще день, придется весь народ поднимать — вспомнишь ты еще мои слова, сотник!

Эйрик, неожиданно оборвав разговор, махнул рукой и стал вылезать из-за стола. Рогволд, Торин и Фолко лишь недоуменно переглянулись.

Давно уже спали спокойным сном усталых путников и Рогволд, и гном, а хоббит все лежал, заложив руки за голову, и не отрываясь глядел в окно, на черный осенний небосвод, затянутый желтовато-серыми тучами, сквозь которые проглядывал желтый лунный диск. Что ждет их впереди? Аннуминас приближается... Куда дальше? Неужели все-таки в Морию, в этот ужасный, чужой хоббитам подземный мир мрака, где живут и действуют непонятные и оттого особенно пугающие древние силы? Бр-р...

Хоббит содрогнулся. Чувствуя, что ему пока не заснуть, он встал, надел пояс с ножами, накинул на плечи плащ и вышел на крыльцо, чуть поежившись от порывов холодного ночного ветра. Хоббит присел на ступеньку и достал из-за пазухи кисет и трубку. Несколько ударов кресалом — и затлел служивший трутом сухой мох.

Фолко разжег табачок и сделал первую затяжку.

Вдруг из-за ближних домов показались несколько человек, вооруженных мечами и копьями; за спинами — луки и арбалеты. Приглядевшись внимательнее, хоббит узнал Эйрика и его приятелей.

— Привет, Фолко! Чего не спишь? — обратился к нему Эйрик. — А мы вот, видишь, по местам расходимся. На дружину у меня надежды мало, приходится рассчитывать только на своих. Так и караулим каждую ночь, меняемся, конечно.

— И как? Помогает? — осведомился хоббит.

— Пока помогает, хвала Семи Звездам, — вздохнул Эйрик. — Идите, друзья, я сейчас, — повернулся он к молчаливо ожидавшим его товарищам. — Давайте по местам, я потом всех обойду.

Он присел на ступени рядом с Фолко, раскуривая свою кривую можжевеловую трубочку.

— Значит, пока все спокойно? — переспросил хоббит.

— Ну, не так чтобы очень, но и не очень, чтобы так, — ответил Эйрик. — Ангмарцы действительно больше не появлялись, зато с разбойничками нашими доморощенными раза четыре мы сталкивались.

— Они что же, на деревню нападали? — продолжал расспросы хоббит.

— Что ты, куда им теперь на деревню! На деревню они прошлой осенью пробовали налететь. Собралось их сотни две с лишним, наверное, и под утро заявились. Знали, сволочи, что мы расторговались и, стало быть, в Хагале есть чем поживиться! Но Хьярд вовремя поднял тревогу, и мы встретили их как полагается. Били в них из-за каждой ставни, все, кто меч держать не мог, за самострелы взялись. Ну и мы тут поднавалились! Десятков семь перебили, сотню с лишним в плен взяли, остальные разбежались. Долго помнить будут!

— А что ж они за люди?

— Да такие же селяне, как и мы, только поссорившиеся со всеми соседями и от этого подавшиеся в леса. Гонору и злобы у них хватает, а умения мало, поэтому больше на испуг берут, а если отпор встретят, то сами теряются.

Эйрик откинулся назад и, прищурившись, выпустил изо рта несколько колечек дыма.

— А что с пленными сделали? — продолжал спрашивать хоббит.

— Отвели в Пригорье, сдали Эрстеру, — ответил Эйрик, — пару-тройку их главарей он, по-моему, повесил.

— А как ты думаешь, надолго эта война? — в упор спросил Фолко. — Это ведь война, не так ли?

— Ага! Ты тоже понял это? — Эйрик резко повернулся к Фолко, его рука легла на плечо хоббита. — Ты прав, это самая настоящая война, но у нас, похоже, этого никто не понимает! — Он тяжело вздохнул. — Вообще говоря, это может длиться очень и очень долго, годы, даже десятилетия — пока в этой земле будет что брать и пока она сможет прокормить вторгающихся. А поскольку выжечь всю страну им пока не по силам, эта заваруха будет длиться бесконечно.

— Скажи еще, Эйрик, а среди тех, кого вы перебили, кого ты назвал ангмарцами, — среди убитых были только люди?

Эйрик задумался и потянулся, чтобы почесать затылок, наткнулся на сталь шлема и опустил руку.

— Так ведь мы с ними всего один раз и столкнулись... Нет, Фолко, люди это были, обыкновенные люди, сильные, высокие, крепкие. Ну ладно, друг Фолко, — поднялся Эйрик. — Заболтался я тут с тобой, а меня товарищи заждались. Спи спокойно! Здесь, наверное, так же безопасно, как и в самом Пригорье.

Эйрик поднялся, хлопнул хоббита по плечу, повернулся и быстро скрылся в темноте. Фолко вздохнул, посидел еще немного, докуривая свою трубку, и тоже пошел спать. Кончился третий день их пути от Пригорья.

Глава 8

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА

Два последующих дня их путешествия к Аннуминасу прошли на удивление спокойно. Вновь был полон народом Тракт; всюду виднелись сторожевые вышки с бдительной стражей. Рогволд взял на себя заботы по устройству на ночлег; гном, когда выдавалась минутка, утыкался в Красную Книгу и по ночам не давал хоббиту спать, изводя его вопросами. От нечего делать Фолко внимательно прислушивался к разговорам в тех трактирах, где они останавливались, но и здесь, как и в Пригорье, люди могли обсуждать все что угодно и ни словом не обмолвиться о том, что волновало путешественников.

Так прошло два полных дня. На третий день случайные спутники показали им сожженную по весне деревню, что была в пяти лигах от Тракта, и тут Фолко впервые воочию увидел плоды войны между людьми.

Посреди широкого круга пустых, так и оставшихся не засеянными с весны полей, торчали закопченные печные трубы, точно обглоданные кости, высовывающиеся из груд омытых дождями обугленных бревен. Пламя не пощадило ни единого строения, пожрало окружавшие деревню сады, аккуратно подчистило даже

плетни и заборы вдоль околицы. Друзья молча брели мимо обгорелых остовов домов, ведя пони в поводу. Ни один из них не дерзнул нарушить покой мертвых пепелищ.

— А почему люди не вернулись сюда? — нарушил наконец тишину хриплый голос гнома. — Почему не стали отстраиваться?

— Они подались на Запад, — негромко ответил Рогволд. — Местные жители считают, что на месте уничтоженной врагами деревни нельзя ничего строить, пока все не порастет травой, которая вберет в себя злую судьбу этого места.

— Судьбу! — Гном непочтительно фыркнул. — Мечи нужно крепче в руках держать!

Тракт в этих местах сильно уклонялся к западу от сожженной деревни, обходя стоящие тесной группой высокие лесистые холмы.

— Послушайте, а что, если напрямик? — вдруг предложил хоббит. — Напрямик через эти холмы. Там ведь дорога есть — видите? И, по-моему, как раз на Тракт выедем. Только срежем сильно. Ты не знаешь этой дороги, Рогволд?

— А что, можно, — согласился тот. — Тракт здесь действительно петлю делает, что же нам без толку взад-вперед ездить. Правда, дорогу эту я вижу впервые, как и ты, Фолко.

Они оставили позади молчаливое пепелище, и их лошади зашагали по пыльному проселку, вьющемуся между заброшенных, поросших сорняками полей. Местность тут была неровная, поля слегка всхолмлены, словно откинутое одеяло. Кое-где среди желтовато-серых квадратов и прямоугольников стояли уцелевшие амбары и сенные сараи; возле дверей поднялась высокая, почти в рост Фолко, ядовито-зеленая крапива.

Проселок постепенно становился все у́же и у́же, и видно было, что по нему уже давно никто не ходит. Они подъезжали к лесу. Дорога, к тому времени превратившаяся в узкую тропу, ныряла в густой кустарник, заполнявший ложбину между двумя высокими холмами с крутыми склонами. Гном остановился и, прищурившись, пристально поглядел на них.

— Это не просто холмы, — уверенно заявил он. — Тут под слоем земли — скала, причем очень древняя и крепкая.

Они въехали в лес. Пришлось низко пригнуться к гривам лошадей — сплетшиеся ветви нависали над самыми головами, так что высокому Рогволду пришлось согнуться чуть ли не вдвое. Однако вскоре нудный, мелкий боярышник кончился, и они оказались на узкой, едва заметной тропе, вьющейся среди густого ольшаника, кое-где пробитого темно-зелеными копьями молодых елей. Землю устилал плотный покров сухо шуршащей листвы; над ними сомкнулось молчание, и Фолко краем глаза увидел, как напряженно стал оглядываться гном, положив по привычке руку на топор.

— Ты чего, Торин? — шепотом спросил хоббит. — Заметил что?

— На землю глянь, — в тон ему ответил гном. — Дорога заброшена, но совсем недавно по ней проезжали!

— Где, где следы? — подоспел ловчий. — А ну-ка, все назад! Не затопчите! Фолко, подержи!

Рогволд сунул поводья в руку хоббита и спрыгнул на землю. Торин и Фолко, чтобы не мешать ему, подались чуть назад. Ловчий принялся шарить по тропе, осторожно ощупывая землю своими длинными пальцами. Фолко пригляделся. На тропе действительно виднелись довольно свежие отпечатки конских копыт; они еще не успели заплыть, и Рогволд определил их как вчерашние.

— Снова антмарские подковы! — Ловчий распрямился, лицо его было встревожено. — Ехал один всадник. Только откуда он здесь взялся?

Они вернулись назад, и загадочные следы отыскались только на самом краю зарослей — они шли с востока, вдоль края полей.

Друзья остановились. Фолко было не по себе — ехать вот так, очертя голову, когда, быть может, где-то там, в лесном сумраке, затаился беспощадный враг! Пусть он один, а их трое, но все-таки...

— Может, вернемся? — вдруг робко предложил хоббит.

— Вернемся? — зарычал Торин. — Никогда! Чтобы я отступал без боя?! Он же один! А нас трое! Ты что, друг хоббит?! Может, у тебя на луке тетива ослабла? Или твои ножи затупились? Вперед, и без никаких! Поехали, Рогволд!

— Да, история, — вздохнул ловчий. — Ну да была не была! Может, снова какой их отряд заметим.

— Я поеду впереди, — воинственно заявил Торин. — А ты, Фолко, держись сразу за мной и приготовь лук — стреляй во все, что движется!

Осторожно и медленно, подобно разведчикам возле вражеского лагеря, они двинулись по тропе. Когда миновали кустарник, вперед пришлось выдвинуться опытному Рогволду, потому что тропа почти пропала.

Ольшаники тянулись довольно долго, в осеннем облетающем лесу почему-то царила тишина, даже ветер не колебал вершины деревьев, укрытых могучими телами холмов. Вскоре тропа пошла мелким ельником, очевидно, здесь кончалась сделанная когда-то просека, но потом путники и вовсе уперлись в глухую стену векового елового бора. Пришлось спешиться. Теперь они шли в ряд. Рогволд посреди, не отрывая взгляда от следов, — к конским копытам прибавились следы человека, обутого в тяжелые сапоги. Торин слева, топор на изготовку, а Фолко справа, стрела на тетиве. Все было спокойно, и тут из притороченного за седлом гнома мешка с пленным карликом раздались какие-то жалобные, хлюпающие звуки, а потом он тоненько заскулил.

— Цыц ты, расплющи тебя Хругнир! — Торин подскочил к

мешку и изрядно встряхнул его. — Что тебе? Опять в кусты захотел?

Он нагнулся и отрывисто, зло сказал что-то на языке карликов. Из мешка доносилось жалобное неразборчивое лепетание.

— Что он там? — досадливо обернулся Рогволд. — Кончай ты с ним, Торин! Пошли.

— Нет, погоди! Он интересные вещи говорит, — вдруг отозвался гном. — Говорит, чтобы мы не ходили дальше. Дурное место здесь, говорит, он нутром это чувствует.

— Да что же в нем дурного? — поразился Рогволд.

— Нет! Не здесь — там, куда ведут следы, надо полагать. — Гном вновь сказал несколько непонятных слов, обращаясь к пленному, и долго вслушивался в его ответ. — Здесь он чувствует какую-то черную силу, — неуверенно продолжал гном, — а может, я что-нибудь не так понял. Но он просит вернуться!

— Вот уж теперь мы назад ни за что не пойдем, — отрезал ловчий. — Ангмарские подковы и какая-то черная сила — это, знаете ли, должно быть выяснено. Идем дальше, Фолко, будь готов!

Хоббит молча кивнул, зажал в зубах вторую стрелу и поудобнее поправил колчан. Они крадучись двинулись дальше.

Фолко бесшумно пробирался между деревьями, оставив позади себя и гнома, и человека. Хоббиты умеют ходить, точно тени, не задев ни единого листка и не наступив ни на один сучок, способный выдать идущего предательским треском. В опущенных руках Фолко держал лук с наложенной на тетиву стрелой и внимательно смотрел по сторонам. Земля, покрытая толстым слоем бурой опавшей хвои, плохо сохраняла следы, различить их мог лишь такой мастер, как Рогволд; хоббиту приходилось часто оборачиваться, и тогда ловчий взмахом руки указывал ему направление. Торин шел сзади, ведя на поводу лошадей.

Памятуя о Могильниках, Фолко все время прислушивался к своим ощущениям, но страха не было, не было и предчувствия противостоящей силы — и в то же время было что-то, чему он не мог найти названия. Нет, не живое, не опасное: какая-то туманная, неясная тень, словно грозовое облако, на мгновение закрывшее солнце ясным летним днем.

Впереди между елями показался просвет. Еще несколько шагов — и они оказались на краю довольно большой круглой поляны саженей десяти в ширину. Слева что-то настойчиво лезло в глаза, какая-то неправильность в окружавших поляну зарослях. Фолко остановился и взглянул туда. Тотчас замер и еще ниже пригнулся к земле Рогволд. В нескольких саженях от них угрюмо чернел невысокий вал сухой, безжизненно-серой земли, окружавшей глубокую, почти в человеческий рост, воронку. Именно то, что на этом валу ничего не росло, и привлекло внимание путников. Вал выглядел очень-очень старым, сглаженным дождями

и вешними водами, сильно расплывшимся — но совершенно безжизненным. На его поверхности не росло ни единой травинки, а земля выглядела так, словно это зола из какой-то исполинской печи. Друзья осторожно приблизились и заглянули вниз.

Казалось, что-то с огромной силой ударило в склон этого лесного холма, разметало вокруг землю и выжгло все, что могло и не могло гореть, на глубину добрых двенадцати локтей. Точно кость из раны, на дне виден был оплавленный, растрескавшийся камень, залегавший, как и предсказывал гном, под всем этим холмом. Стены и дно воронки были иссиня-черные, словно их покрывала какая-то жирная, несмывающаяся копоть.

— Ну и штука, — растерянно проговорил Торин, поглаживая бороду. — Сколько лет живу — никогда ничего подобного не видел. Это что же сюда так ухнуло, а, Рогволд?

— Откуда я знаю? — глухо отозвался ловчий, пристально вглядываясь в склоны черной ямы. — Смотри-ка лучше сюда! Наш-то ангмарский приятель, оказывается, туда залезал!

— С чего ты взял? — удивился Торин. — Тут же не земля, а гранит какой-то.

Он ковырнул серую землю вала лезвием топора. Раздался скрежет, на поверхности появилась белая царапина.

— Вот это спеклось так спеклось! — не то с удивлением, не то с восхищением проговорил гном. — Никакой горн такого жара не даст. Где же тут следы?

— Видишь — след одного сапога перед самым валом? — терпеливо пояснял ловчий. — Человек шагал нешироко, осторожно, но он не остановился на вершине вала и не повернул в сторону — значит, полез вниз. Хотел бы я знать, что ему там понадобилось.

— Смотрите! — вдруг крикнул Фолко и ухватил Торина за рукав. — Смотрите, там на дне... Там чье-то лицо!

Гном и человек молча переглянулись. Торин для верности даже лег грудью на вал. Наступила тишина.

Там, на самом дне, на полукруглом выступе, посреди сглаженных огнем и водой граней базальта они увидели сначала два черных, непроницаемо-черных пятна — две пустые глазницы. Чуть ниже — провал носа, щель рта... Угадывались смутные очертания скул и левого виска. Но это не был окаменевший человеческий череп — то ли сам камень принял эти пугающие очертания, то ли пламя сотворило их, теперь уже трудно было понять, где тут и впрямь настоящее, а где причудливая игра света и тени на тупых каменных выступах.

Трое путешественников довольно долго стояли молча и не отрываясь глядели вниз. Фолко был спокоен. Странное, конечно, место, но ничего пугающего в нем не было. Он едва собрался попристальнее всмотреться в очертания черепа, как из-за тучи вынырнуло солнце и удивительное видение тотчас исчезло. Напрасно друзья вглядывались в оплавленный гранит — они видели лишь его черную, кое-где поблескивающую поверхность.

— Гляньте! — вдруг вытянул руку гном. — Там, похоже, кто-то ковырялся! Уж не наш ли это знакомый с ангмарскими подковами?

При солнечном свете в сплошном слое жирной черной копоти стали заметны несколько белесых мест размером с ладонь, где черная корка была сколота сильными ударами чего-то острого, виднелся свежий излом камня.

— Хотел бы я знать, чего он там откалывал? — пробормотал Торин и, прежде чем Рогволд и Фолко успели его удержать, перевалился животом через край воронки и соскользнул вниз.

Там оказалось скользко, судя по тому, что Торин с трудом удержал равновесие. Расставив пошире ноги, гном извлек из-за пазухи толстый трехгранный клинок с рукоятью, прикрытой глухой гардой, и несколько раз с силой ткнул острием в черную корку. Несколько темных чешуек отскочили, Торин опустился на корточки и пару раз провел по сколу пальцами, затем нанес еще пять-шесть ударов, отколов небольшой кусочек камня. Повертев его в руках, гном хмыкнул и, не произнося более ни звука, полез наверх. Спрыгнув с вала, он посмотрел сперва на Фолко, затем на Рогволда.

— Ничего не понимаю, — сказал он, разводя руками. — Под этой сажей самый обыкновенный гранит, его здесь повсюду полно. Надо сказать, что сила у этого всадника есть — такой кусок расколоть! Вот только зачем он это сделал?

— Скорее всего из любопытства, — сказал Рогволд. — Посмотри, следы вели напрямик через поляну, очевидно, он свернул, как и мы, когда заметил слева что-то непонятное. Посмотрел, удивился и решил, наверное, разобраться на месте. Ну посмотрим, что было с ним дальше? Чего тут стоять?

Торин спрятал свое оружие, и они тронулись дальше; дойдя по следам неизвестного до середины поляны, они свернули влево. Отпечатки подошв исчезли, оставались лишь конские копыта.

— Сел на коня, — заметил Торин.

Всадник направился к противоположному краю поляны, где в окружении елей намечалось нечто вроде просвета.

Они миновали ельник, тропа вновь соскользнула вниз, в густые заросли тонкой молодой ольхи, и стала постепенно уклоняться к западу, очевидно, огибая холм. Земля здесь оказалась более влажной и мягкой, читать следы стало проще.

— Крупный у него жеребец, — заметил Рогволд, оценивая взглядом расстояние между отпечатками копыт. — Постойте, а это еще что? Он почему-то спешился.

Они остановились, и Рогволд с Фолко принялись осторожно обшаривать землю. Здесь гибкие ольховые ветви полностью смыкались над самыми их головами, подножия деревьев скрывала

густая, но уже пожухлая осенняя трава. Рядом со следами коня вновь появились отпечатки сапог — лошадь топталась на месте, переминаясь с ноги на ногу, а человек ходил кругами, шаря по кустам. Здесь отпечатков оказалось столько, что Рогволд предположил, что неизвестный не иначе, что-то искал, тщательно обыскивая пядь за пядью.

— Поищем и мы, — предложил ловчий. — Эй, Торин! Давай сюда.

Втроем они принялись осматривать кусты и траву, стараясь понять, что же мог искать в этом гнилом месте загадочный всадник. Рогволд стал пристально рассматривать ветви деревьев над самой тропой; и вдруг ползавший в некотором отдалении от него Фолко отогнул очередной пук травы и увидел в углублении между корнями какую-то тускло блеснувшую вещицу.

Он протянул руку.

— Смотрите, что я нашел!

На ладони Фолко лежала овальная бронзовая фибула со вставленной спереди серебряной пластинкой. Ее поверхность, гладкую, отполированную, покрывал незнакомый хоббиту орнамент — переплетения каких-то странных стеблей и трав, цветы, переходящие в туловища диковинных зверей, разинутые пасти, мощные лапы с огромными когтями, вновь переходящими в плавные волнистые линии растений. Запоминались огромные, на полголовы, выкаченные глаза зверей, в них, казалось, застыла невысказанная, затаенная ненависть. Фолко перевернул вещицу — на ее обороте было странное клеймо — три перевившиеся между собой змеи и маленький топорик над ними.

— Что ты скажешь о ней, Торин? — нарушил молчание Рогволд. — Мне такие раньше не встречались.

— Бронзовая основа наша, гномья, — не задумываясь, ответил Торин. — А вот пластинка серебряная... Могу сказать только одно — она издалека. Три змеи — я не знаю подобного клейма, да и узора такого нет ни в одном из поселений от Серых Гаваней до Одинокой Горы. А основа, я утверждаю, наша работа. Топорик — это марка клана Барина из Железных Холмов. Впрочем, это ни о чем не говорит, они сотнями продают такие штучки на ярмарках по всему Средиземью.

— Ну что ж, теперь ясно, что он искал, — подытожил Рогволд. — Он зацепился плащом вон за ту ветку — высокий мужчина, чуть выше меня, — и там даже осталось несколько ниточек. Застежка отлетела, он пошарил, поискал потерю — но так и не нашел и поехал себе дальше. Давайте и мы за ним!

Однако больше им не встретилось ничего необычного. Еще несколько миль лесом, еще несколько поворотов, несколько подъемов и спусков — и перед ними вновь потянулись возделанные поля. Следы всадника, судя по всему, ехавшего совершенно

не скрываясь, вскоре вывели на сам Тракт и здесь исчезли. Последнее, что мог сказать Рогволд, было то, что неизвестный повернул к Аннуминасу.

— По-моему, ничего особенно подозрительного в этом нет, — заметил при этом ловчий. — Ехал себе кто-то, заглянул на странное место, случайно на него наткнувшись, потом потерял фибулу — кстати, где она, Фолко? — и наконец, преспокойно выехал на Тракт и отправился по своим делам. А подковы... Само по себе это еще ничего не значит. Причудливы пути и коней, и оружия — после весенних боев в наши руки вполне могли попасть ангмарские лошади.

Они вновь замолчали, а хоббит покрепче сжал в засунутом в карман кулаке найденную вещицу. Он оставил ее себе, жалко было выбросить, и к тому же Фолко понравился незнакомый узор на серебряной пластинке.

К Аннуминасу они подъехали, когда солнце уже давно миновало зенит и начинал подступать серый, по-кошачьи подкрадывающийся, осенний вечер. После пяти дней пути от Пригорья друзья ехали через предместья, которые сгоравшему от нетерпения хоббиту казались бесконечными. Фолко только и делал, что вертел головой в разные стороны.

Да, эта страна была богата, очень богата, не в пример его родной Хоббитании, которая, как полагал Фолко, достигла верха благополучия. До городских ворот оставалось еще много миль, а деревянные избы уступили уже место добротным каменным домам, протянувшимся бесконечной полосой вдоль Тракта. На окрестных полях виднелись теперь только одинокие фермы, аккуратные каменные постройки окружали багряные космы осенних садов, над черепичными крышами в серое небо поднимались вьющиеся дымки, изредка попадались ухоженные пруды с беседками и скамьями на берегах для отдыха путешественников, а таверны, корчмы и трактиры встречались почти на каждом шагу. Людей на Тракте стало очень много, они двигались непрерывным потоком, ловко лавируя между бесчисленными телегами и повозками. Ржание коней, визгливые оклики погонщиков, направлявшихся к городу со стадами овец, перебранка возчиков двух сцепившихся осями телег — над Трактом стоял постоянный и неумолчный гомон. Под копытами пони звучали каменные шестиугольные плиты, умело пригнанные друг к другу без малейших трещин и зазоров. Тракт расширился еще больше и теперь шел прямо на запад.

Как они ни ждали этого момента, городские стены показались внезапно. Предместья неожиданно кончились, с севера на юг пролегла длинная линия городских укреплений — высокие зубчатые

стены в полных тридцать пять саженей с толстыми круглыми башнями. На заостренных башенных крышах слабо колыхались бело-голубые и бело-синие знамена, зоркий хоббит разглядел в промежутках между зубцами даже блеск брони стражников, охранявших стену.

Тракт кончался у огромных городских ворот, высотой в восемь или даже девять саженей; их железные створки были украшены изображениями людей и животных, на самом же верху, на фоне черненого железа, сияли семь белоснежных звезд Элендила. Ворота были устроены не просто в стене, но вели сперва в длинный и довольно узкий коридор, более напоминавший горное ущелье; по бокам в стенах чернело множество узких бойниц. Из башен, расположенных справа и слева от ворот, спускались толстые цепи подъемного моста, на котором все время крутился нескончаемый людской водоворот. В самих воротах стояла стража — восемь воинов в полном вооружении и с ними трое чиновников в серо-голубых плащах с гербом Королевства. Чиновники что-то спрашивали у въезжающих в город и записывали в большую книгу, лежавшую на специальной каменной конторке.

— Приготовьте деньги, — повернулся к друзьям Рогволд. — Впрочем, ты же должен знать, Торин.

— С чего это мы должны платить?! — возмутился гном. — В прошлый раз брали пошлину только за ввоз товаров!

— Времена меняются, — мягко объяснил Торину ловчий. — Ты же слышал, на содержание дружины нужны немалые деньги. Откуда их взять? Все золотые рудники в руках твоих собратьев, значит, средства можно взять только у народа, а раз так, то растут старые налоги и вводятся новые. Ведь нужно отстраивать все разрушенное и сожженное, пополнять войско. Поэтому у Главных Ворот теперь берут пошлину и за вход, почтенный Торин.

Гном недовольно скривился и махнул рукой. Тем временем они оказались в самой гуще толпы. Позади гомонила компания бородатых гномов, пригнавших целый обоз; справа, чуть высокомерно отстраняясь от происходящего, негромко беседовали между собой два молодых воина с несколькими нашивками на рукавах и изображением орла спереди на плащах.

Наконец до взимавшего пошлину чиновника добрались и трое путешественников. Не глядя на них, он привычным движением поддернул рукав и обмакнул в чернила гусиное перо.

— Ваши имена? Цель приезда? — наверное, в тысячный раз за сегодняшний день повторил он. — Имеете ли товары?

Гордый гном не пожелал разговаривать, и Рогволд торопливо сказал чиновнику все, что требовалось, и сунул ему три четверика.

«Опять деньги, — грустно подумал хоббит. — Неудобно-то как — все они за меня платят».

Ловчий уже тянул за собой Торина, уже, громыхая, подъехал первый из принадлежавших гномам воз, как чиновник внезапно вновь обратился к Торину:

— Согласно последнему приказу Наместника вам, гномам, запрещается появляться на улицах и в иных публичных местах с боевыми топорами, — веско произнес он. — Соизволь же спрятать его в свой мешок, почтенный Торин, сын Дарта, покрепче завязать, а по устройстве на жительство — оставлять его дома всякий раз, когда выходишь куда-нибудь. Это, кстати, касается и вас, почтенные, — повернулся чиновник к мрачно слушавшим его гномам-повозным.

— Да что же это делается в честном Королевстве! — возопил Торин. — Братья! Что же мы молчим! Да когда такое было, чтобы мы, гномы, ходили без всякого оружия?

Слушавшие его гномы поддержали Торина мощным ревом. Чиновник озабоченно оглянулся, сделал какой-то малозаметный знак, и позади него тотчас встало полтора десятка копейщиков. Он поднял руку и крикнул, стараясь перекрыть возмущенный гул голосов:

— Прекратите! Не смейте перечить приказам! Никто не собирается пока отбирать у вас ваше оружие. Я же сказал: вы обязаны хранить топоры дома и не появляться с ними на улицах!

— С чем же нам ходить? — выскочил вперед один из сопровождающих обоз молодых гномов. — Ведь ношение оружия другим не запрещено!

— Допускаются пока ножи, кинжалы и малые секиры, — ответил чиновник. — Мечи же и топоры оставляйте в кладовых! С кем вы собираетесь драться в нашем Городе?!

Возразить на последнее было нечего, и гномы с кислыми физиономиями и недовольным бормотанием принялись прятать оружие.

— А кто нарушит этот указ впервые, — продолжал между тем чиновник, — на того налагается штраф в двадцать пять триалонов. Вторично — уже сто триалонов, а на третий раз виновный подлежит изгнанию из Города! Вам все понятно?

Ответом ему было угрюмое молчание гномов и отдельные одобрительные возгласы среди людей.

— Правильно! Развоевались, того и гляди, разбой учинят!

— Это кто учинит разбой? Мы, что ли?! — заорал Торин. — Болваны тупоголовые, еще помощи просить у нас будете!

— Хватит, Торин! — теряя терпение, повысил голос Рогволд. — В конце концов, здесь *наше* Королевство, а не ваше. Мы же не лезем в ваши дела и уважаем ваши законы.

— У нас ты не найдешь таких глупых законов! — буркнул в ответ Торин, но все же подчинился и засунул свой сверкающий топор в мешок, топорищем вверх.

— Поедем, Торин, поедем отсюда! — тянул друга прочь от ворот не на шутку испугавшийся хоббит. — Что ты с ними связываешься?

Гном мрачно молчал. Они миновали длинный, узкий коридор между двух стен, проехали вторые ворота, в которых также стояла стража, и оказались наконец внутри Города.

Они свернули вправо и довольно долго ехали по идущей вдоль стен дороге. Вскоре у не привыкшего к таким скоплениям людей хоббита стало рябить в глазах: кто только не встречался им на пути! Купцы и трактирщики, кузнецы и смолокуры, шерстобиты и сукновалы, лесорубы и портные, воины и звездочеты... И у каждого слева на груди виднелся особый знак цеха, союза или гильдии. Все встречные были хорошо одеты — у кого черный рабочий фартук, у кого парадный, дорогой серо-жемчужный кафтан, но все имело отпечаток общего довольства и благополучия — даже неистребимый запах смолы от смолокуров казался приятным, а свою покрытую пятнами и подпалинами одежду они носили с большим достоинством. Рогволд не успевал называть хоббиту встречных и гербы их цехов.

Несколько раз им встретились и хоббиты, они держались вместе, как правило, вокруг каких-то возов; приглядевшись, Фолко узнал хорошо знакомую репу! Его соплеменники имели совершенно одуревший и растерянный вид, и Фолко невольно стало стыдно.

«Неужели у меня сейчас такая же тупая рожа?» — со страхом подумал он.

Наконец они свернули влево и въехали на первую улицу. Вдоль ее краев тянулись специально устроенные канавки для стока воды, облицованные розоватым камнем. Дома стали выше — теперь почти все они имели второй этаж и стояли впритык друг к другу. На многих из них красовались вывески различных лавок и мастерских, помещавшихся внизу. Увидев сапог над одной из дверей, Фолко было подумал, что здесь живет сапожник, но оказалось — торговец кожей; скрещенные мечи означали не оружейника, а скобяную лавку. Ну а всевозможные трактиры и таверны помещались через два дома на третий.

Торин остыл после своей вспышки у ворот и теперь не без удовольствия оглядывал аккуратные ряды чистых домов, вспоминая, очевидно, знакомые места.

— И куда мы теперь? — спросил Фолко у Рогволда, когда они сделали еще один поворот и оказались на очень широкой, не уступавшей по ширине Тракту, улице, где народу было особенно много.

— Для начала зайдем ко мне, — сказал ловчий. — Нам прежде всего надо разобраться с карликом. Я сегодня же пойду и сдам его в соответствующее место. Заодно переговорю насчет вашей встречи с Наместником, если только он в Городе.

— Нам надо найти жилье, — сказал Торин. — Ты уж прости

нас, Рогволд, но мы не может стеснять тебя. Ты и без того сильно на нас потратился, а я все же привык жить своим умом и ни от кого не зависеть. Не обижайся.

— Я вовсе не обижаюсь, Торин, — вежливо заметил Рогволд, но Фолко понял, что слова гнома все же задели старого ловчего.

— А что это за улица, Рогволд? — поспешил спросить Фолко, чтобы прервать неловкую паузу.

— Улица Великого Короля, — пояснил бывший сотник. — Главная улица Аннуминаса. Тут уже и до моего дома недалеко. А вон там, впереди, видишь — башни и купола? Это дворец Наместника. Мы заедем ко мне, я повезу карлика куда следует, а вы тогда ищите жилье, если так решили...

Фолко прикусил губу — Рогволд определенно обиделся. Они свернули с улицы Великого Короля и вновь запетляли по узким переулкам. Вскоре хоббит окончательно потерял направление и понял, что теперь ему ни за что не выбраться из Города без посторонней помощи.

— Вот мы и приехали. — Голос Рогволда чуть дрогнул.

— Приехали... — буркнул гном. — Ну, приехали так приехали.

— Пошли обедать, — спрыгнул с седла бывший сотник. — Заводите пони, я сейчас распоряжусь.

Он подошел к небольшому двухэтажному дому со стрельчатыми окнами и дубовой резной дверью посреди фасада. Рядом находились неширокие ворота, которые вели во внутренний двор. Хоббит и гном спешились. Путешествие кончилось.

Они привязали своих лошадок, высыпав им из седельных сумок последние остатки овса. Торин оглянулся, сплюнул и развязал свой мешок. Вскоре его топор был уже на своем привычном месте.

Наверху, на площадке спускавшейся со второго этажа во двор деревянной лестницы, скрипнула дверь и появилась длинная фигура Рогволда.

Бывший сотник, скинул свой видавший виды дорожный плащ, отстегнул шлем, и Фолко почудилось, что в голосе ловчего больше нет тех холодноватых, металлических ноток, той уверенности в себе, что так явственно ощущались в нем на протяжении всей долгой дороги.

— Поднимайтесь сюда. — Ловчий приглашающе махнул рукой. — Торин, ты опять с топором! Спрячь... И сапоги вытри.

Движения ловчего стали какими-то мелкими и суетливыми. Хоббит и гном смотрели на него с молчаливым изумлением. Поднявшись по уютно заскрипевшей под тяжелыми подошвами гнома лестнице, они оказались в столовой с большим круглым столом, уже покрытым белой скатертью и с четырьмя столовыми приборами. Фолко не успел удивиться наличию четвертого прибора, решив, что он предназначен для карлика, как ведущая в глу-

бину дома дверь распахнулась, и перед изумленными Фолко и Торином появилась далеко не старая, дородная женщина в чистом белом переднике и платке.

— Оддрун, моя домоправительница, — чуть замешкавшись, представил ее друзьям Рогволд. — Оддрун, это мои дорожные товарищи, они принесли важные известия для самого Наместника!

— Торин, сын Дарта, гном с Лунных Гор, к вашим услугам.

— Фолко Брендибэк, сын Хэмфаста, хоббит из Хоббитании, к вашим услугам.

Ответом был вежливо-холодный наклон красивой, хоть и отяжелевшей уже головы. Фолко увидел, как вздрогнули изрядные складки жира на шее и подбородке Оддрун. В груди его вдруг ожило, казалось, забытое чувство — эта женщина чем-то очень напоминала ему незабвенного дядюшку Паладина.

— Прошу к столу, — любезно произнесла Оддрун, холодно улыбнувшись. — Обед будет с минуты на минуту. Какое вино предпочитают гости — красное гондорское или белое форностское?

— Знаете, — задушевно повернулся к ней Торин, — нам бы пивка. Все эти вина... Пусть их пьют важные господа, а мы народ простой.

— Хорошо. — Она повернулась и скрылась за дверью.

Фолко перевел дух.

«Как хорошо, что гном догадался попросить пива! — подумал он. — Она явно обрадовалась тому, что ее не вводят в лишние расходы!»

Не таким представлял Фолко свой первый обед в Аннуминасе. Позади остался трудный и небезопасный путь, рядом сидели надежные, проверенные друзья, хотелось сказать что-то очень теплое, может, чуть грустное, — всегда грустно, когда кончается дорога, — но не сидеть вот так, чинно подвязав салфетку, и осторожно цедить вежливые фразы! И Рогволд как-то сник, только Торин, кружка за кружкой, заливал в себя пиво.

Разговор поддерживала одна Оддрун. Спрашивала о погоде, осведомлялась у Фолко о ценах на ярмарках его страны, интересовалась, как понравился ему Город. Хоббит отвечал неуверенно, запинаясь, он ощущал неотчетную робость перед этим негромким, вежливо-холодным голосом, натянутой улыбкой и тщательно скрытой неприязнью в узких глазах.

— Где же ты намерен поместить их, Рогволд? — повернулась Оддрун к ловчему. — Ты же знаешь, у нас места мало. Удобно ли будет гостям в той маленькой комнате?

— Не беспокойтесь, почтенная хозяйка, — торопливо произнес Торин, видя побледневшее лицо Рогволда и не давая ему произнести ни звука. — Мы с моим другом Фолко намерены остановиться в гостинице. У нас очень много планов и дел, к нам должно прийти много народу, и стеснять вас мы никак не можем,

— Ну что вы, что вы! Вы нисколько нас не стесните! — заулыбались губы Оддрун, но глаза ее сказали внимательно наблюдавшему за ней хоббиту совсем другое. — Тогда надо вас хоть накормить получше!

Обед продолжался целых два часа. Оддрун знала толк в кухонных делах и попотчевала гостей на славу. Фолко все время упорно ловил взгляд Рогволда, и старый ловчий столь же упорно отводил глаза.

Кончили после того, как Оддрун, заметно повеселевшая и подобревшая, сообщила, что гном уничтожил последнюю крынку пива, после чего Фолко понял, что пора потихоньку выметаться. Торин, очевидно, утолил свою жажду и слегка осоловел.

Рогволд пошел провожать, но с ним увязалась и Оддрун. Всем троим друзьям было неловко. Фолко не знал, что сказать.

— Советую вам пойти в «Рог Арахорна», — обратилась к ним Оддрун. — Там отлично кормят и комнаты хорошие. А кроме того, там сейчас живет немало гномов.

Торин кланялся, благодарил, прижимая руки к сердцу, а напоследок, когда они уже передали Рогволду карлика и ловчий на мгновение оказался вне поля зрения всевидящей домоправительницы, Торин сунул ему в руку мешочек с золотом.

— Ты издержался, Рогволд, — торопливо сказал гном. — Возьми. Пусть это будет нашим общим запасом на черный день. Мы идем в «Рог Арахорна», ты всегда можешь найти нас там.

Простившись, Фолко и Торин не спеша поехали по улице. Они молчали, пораженные увиденным. У гнома презрительно кривились губы, а хоббиту было очень грустно и не по себе — он не мог даже вообразить ничего подобного. Рогволд, такой сильный, смелый... и эта Оддрун. Что она у него делает? По какому праву?

Фолко ехал понурившись, уставясь в серые камни мостовой. Его более не занимал ни Город, ни горожане. Дурное место, если здесь так обращаются с теми, кто был добр к нему!

— Фолко! Стой, куда ты! Вот он, «Рог»!

Хоббит тряхнул головой, отгоняя прочь мрачные мысли. Они стояли перед приземистым трехэтажным домом, сложенным из дикого, нарочито грубого камня. Слева, возле широких ворот во двор, находилось резное крыльцо, украшенное затейливо кованной решеткой. Окна были закрыты тяжелыми дубовыми ставнями. На крыльце толклось несколько постояльцев, вился голубоватый табачный дымок, со двора доносился многоголосый говор и ржание лошадей. Над дверью висел большой деревянный щит, весь черный, без малейшего просвета.

За время пути друзья не раз останавливались в трактирах и на постоялых дворах, у них уже выработался определенный поря-

док: Фолко заводил их пони, а Торин договаривался с хозяином. Так поступили и на этот раз. Фолко деловито повел лошадок к коновязи, что была устроена в глубине просторного двора. Он как раз кончал привязывать их, когда из боковой двери высунулся Торин:

— Эй, Фолко! Где ты там! Давай скорее сюда!

— Что такое? — отозвался Фолко. — Что сам не идешь? Вещи что, я один таскать должен?

— Погоди с вещами! Иди сюда, тут разговор интересный!

Трактирный зал, в котором оказался хоббит, мало чем отличался от виденного в Пригорье. Та же длинная стойка с необъятными бочками вдоль стены, те же длинные столы, только камин был устроен почему-то посреди зала и являл собой уже не камин, а скорее очаг. На нарочито грубых столах красовались кованые подсвечники. Столы возле главного очага были сдвинуты. Там расположилась многочисленная компания гномов, все больше молодых. Все сидели без топоров, но взамен этого понавешали на себя пропасть разнообразного оружия — малые секиры и остроконечные боевые молоты, тяжелые железные дубины и шипастые цепные кистени. На столах громоздилась обильная закуска, в торцах стояло два пузатых пивных бочонка. Люди подозрительно косились на это шумное сборище, потому что все гномы горланили разом, стараясь перекричать соседа. Фолко и Торина приветствовали дружным ревом, поднесли полные кружки пива.

— По какому поводу гуляем, братцы? — продолжил Торин прерванную фразу. — По какому поводу такой кутеж?

— Так мы ж работаем! — крикнул совсем еще молодой гном с курчавящейся недлинной бородой. — Тут работы — пропасть, триалон в день спокойно дают! Так что ж не гулять, при таком-то пиве?!

— А отчего все скопом в Аннуминас подались? Дома не сиделось?

— Хватит, Торин! — вступил еще один гном, со свежим багровым шрамом на лице. — Сам-то отчего из Халдор-Кайса ушел? Нам тоже надоело сопли рукавами утирать да молотами без толку махать! Все копят у нас там, а к чему? Вот и идем доли своей искать! Вот и гуляем, когда удача!

На протяжении этой речи остальные гномы постепенно приумолкли, и когда гном со шрамом замолчал, затопали и заулюлюкали в знак согласия. Но говоривший поднял руку и для большей убедительности хватил по столу кулаком. Доски жалобно застонали.

— А сам-то ты, Торин, зачем здесь очутился, а? — продолжал допытываться он. — Вон и хоббита с собой приволок. Кстати, эй, там, почему у гостя кружка пустует? Как тебя, Фолко? Ну так выпей с нами! У нас над одной кружкой весь вечер сидеть не принято!

— Ты, Дори, уже сам на все ответил! — поставил кружку на стол Торин. — И с Хортом не ужился, а главным образом вопросы появились всякие. Вот ты, например, что про Морию думаешь?

За столом сразу наступила тишина. Начинался серьезный разговор.

Глава 9

МАЛЕНЬКИЙ ГНОМ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

— Что я думаю про Морию? — медленно проговорил Дори, и в его глазах появилось непривычное для суровых гномов мечтательное выражение. — Что же тут скажешь! Мория — мечта всех гномов Средиземья! Сам не знаешь, что ли?

Дори вдруг разозлился, сердито отвернулся.

— Да, Мория... — вздохнув, протянул первым вступивший в разговор молодой гном. — Упустили, опять упустили! Трусы! Опозорили всех нас! В Морию снова набиваются орки, как я слышал.

Гномы возмущенно загомонили. Сверкали глаза, сжимались кулаки, гневно хмурились опаленные у кузнечных горнов брови. Казалось, провозгласи сейчас Торин: «Вперед, на Восток, за Короной Дьюрина!» — и они пойдут на все, и никто уже не сумеет их удержать. Однако Торин вновь поднял руку:

— Погодите! Знаете ли вы, что там происходит на самом деле? Почему оттуда ушли роды Сьярда и Неора? Разве мы можем назвать их трусами?

— А никто не знал до недавнего времени, кто из нас кто, — вступил в разговор один из гномов постарше, с сильно обожженной бородой и короткими, закурчавившимися от огня усами. — В своих горах седеть большой смелости не надо. С орками биться — наверное, тоже. Этим и деды наши занимались, и прадеды. А вот как дело до Незнаемого дошло, вот тут-то все и вскрылось. А род там или не род — кому какое дело! Смелость и доблесть не при рождении даются, а топором подтверждаются! Кто подтверждается, кто и нет.

— Что ж, среди всех ушедших ни одного смелого не нашлось? — продолжал Торин. — Ни в жизнь не поверю!

— Погодите, дайте же сказать! — напрягаясь, чтобы перекричать остальных, полез вперед Дори. — Никто не знает толком, отчего они бежали оттуда. Кто-нибудь в Лунные Горы из них подался? То-то. Ушли почти все на восток, а те, что остались, у Корабельщика работают. Так что рано их судить! Сами там не были, ничего не знаем, а выдумкам да сказкам верить — недостойно гнома!

Фолко насторожился. Уже не Торин, другой гном говорил, что

надо идти в Морию. Сейчас его друг ухватится за эту фразу... Но Торин, казалось, не слышал этих слов.

— Ты прав, прав, Дори. Но я первый день в Аннуминасе и хочу спросить у вас: что же вы намерены дальше делать? Превратиться в наймитов?

Его прервал дружный негодующий вопль.

— Но что же тогда? — спросил Торин.

— Не знаю, — ответил за всех Дори. — Пока ждем, что-нибудь да подвернется. Мы вот все тоже думаем. День и ночь. Давай, и ты, Торин! Вместе мы наверняка найдем какой-нибудь выход и сообща решим, как нам жить дальше.

— Ничего себе планы, — удивился Торин. — Вы что же, нового Великого Дьюрина ждете? Так ведь другого не будет, да и мир тогда был совсем иным.

— Тогда было для чего работать! — резко сказал один из молчавших до этого гномов, чернобородый, широкогрудый. На среднем пальце его правой руки Фолко увидел искусно сделанный перстень с прозрачным черным камнем в золотой оправе. На камне было что-то вырезано, но хоббит не смог разглядеть рисунка.

— Тогда было что делать и для чего жить! — продолжал чернобородый гном. — Вокруг стояли нетронутые горы, вокруг лежал молодой, еще не изгаженный мир, можно было творить и открывать, можно было помогать людям и Перворожденным — была Великая Цель, было Великое Зло, но было и не уступающее ему Добро, и чаша весов клонилась то на одну, то на другую сторону!

— Слушай, давай покороче, Хорнбори! — недовольно морщась, прервал говорившего Дори. — И не столь напыщенно!

— Ты не дослушал, брат тангар, — недобро прищурился Хорнбори и провел пальцами по перстню. — Я хотел лишь сказать, что мы, истинные тангары, хозяева Подземного Мира, созданы для великих дел, и не к лицу нам размениваться на мелочи. Для нас гибельна праздность, для нас гибелен долгий мир. К чему мы здесь, в этом мире? К чему красота, если нет цели, которой она служит? И поэтому те из нас, кто хоть умом, хоть как понимает это, поэтому они все сейчас в Аннуминасе. Здесь все же не столь скучное место.

Наступило молчание. Гномы слушали Хорнбори очень внимательно, изредка дружно кивая и одобрительно бормоча что-то себе в бороды.

— Только потому, что в Аннуминасе «не так скучно»? — переспросил Торин. — Другого места нет?

Хорнбори равнодушно пожал плечами. Весь его вид, казалось, говорил: «Не можешь сказать ничего умного, лучше молчи, Торин».

— А не потому ли в Аннуминасе не скучно, что здесь теперь топоры прятать заставляют? — Торин повел рукой возле пустого гнезда на поясе. — Что случилось? Порубили кого-то?

На лицах сидящих появились недовольные гримасы, кое-кто покраснел. Все уставились в пол, словно по команде. Наконец неохотно заговорил немолодой гном с опаленной бородой:

— Ты понимаешь, Торин, глупая такая история. Здесь ведь разный народ собрался, а пиво такое вкусное... Так вот, неделю назад... Андвари, ты не знаешь его, он из Туманных Гор, сын Форга, — ему не хватило пива в одном из трактиров, он пошел в другой, там пива тоже не оказалось. То ли не сварили, то ли продали все куда-то на сторону. Короче, он разрубил семь столов и три двери, причем двери были все окованы железом. Поднялся переполох, трактирщик орал на всю улицу, его жена верещала так, что слышно было, наверное, на другом конце озера, народ, натурально, разбежался, явилась стража... — Говоривший невольно улыбнулся. — Андвари поотрубал им всем наконечники копий, просто так, на спор, он все время предлагал стражникам биться с ним об заклад. Он ведь и в мыслях не имел никого трогать или, убереги Дьюрин, убивать! Он и за столы заплатил хозяину. Ему и говорят потом, ну, когда стало ясно, что его так просто не повязать, говорят: «Идем с нами, ты нам нужен, только топор спрячь». Ну он и пошел, конечно! А как же, раз говорят тебе, что ты нужен! А его отвели к Наместнику — и в башню. Он там ревел, как разъяренный бык, принялся рубить дверь — и прорубил бы, если бы не явились наши старшины и не утихомирили его. Общине пришлось внести двести триалонов, а Наместник вдобавок издал приказ. Я его читал. Он начинается словами: «Да возобладает в гномах преярых к дверям всевозможным почтение...», а заканчивается — ты сам знаешь чем. Штраф да высылка... А все из-за одного олуха!

Слушавшие вздыхали, кряхтели, морщились. Паленая Борода, как назвал его про себя Фолко, тем временем продолжал:

— Уж мы проучили этого Андвари, как следует проучили — до сих пор отлеживается, но пиво мы ему даем. А Наместнику как в глаз что-то попало — стоит на своем и все тут! Говорят, скоро вовсе с оружием ходить не разрешит! У нас ведь тут еще один отличился... Эй, где Малыш?

— Да спит небось где-нибудь, — ответил ему кто-то. — Пива упился и спать пошел.

— Ну и ладно. В общем, народ местный нас побаивается. Дружинники щериться стали, ну и мы безоружными теперь тоже не ходим. Все-таки развлечение!

Гномы ухмылялись, нарочито громко гремя железом, вид у них был самый воинственный, и пробегавшие мимо трактирные слуги косились на них с опаской; прочие посетители жались по углам. Фолко заметил, что в зал нет-нет да и заглянет патруль одетых в бело-синее воинов.

— Эй, хозяин! — загремел вдруг Дори, обнаруживший, что один

из бочонков с пивом показывает дно. — Еще пива, еще мяса, еще дичи! — Он со стуком швырнул на стол коротко звякнувший тяжелый мешочек. — Плачу за все!

— Погоди, ишь богатей выискался! — возмутились Паленая Борода и с ним еще несколько гномов. — Платить, так всем вместе!

Подбежал бледный, оробевший хозяин трактира и подобострастно осведомился, что еще желают почтенные гости. Дори сунул ему золото и, распорядившись, ободряюще хлопнул по плечу. Трактирщик едва устоял на ногах и поспешил исчезнуть, на ходу потирая ушибленное место и вполголоса ворча что-то нелестное в адрес беспокойных постояльцев.

— А все же славный город Аннуминас! — провозгласил Хорнбори, утирая усы и бороду. — Здесь есть то, что необходимо любому тангару: верные друзья и доброе пиво! Без этих двух вещей и жизнь не в радость! И все-таки наша жизнь сейчас могла бы быть совершенно иной. Я помню, отец и дед рассказывали мне, как все ликовали после Победы — казалось, конец войне, и жизнь теперь начнется какая-то особая, совершенно не похожая на прежнюю. И действительно, сначала были Сияющие Пещеры Агларонда, потом Мория, потом новые города Короля — Форност, например. Помните, как его отстраивали? И куда все ушло?

В голосе гнома появилась горечь. Его прервал зло хмурящий брови Дори:

— Ты все же неисправим, Хорнбори. — Он привстал, опираясь на стол сжатыми кулаками. — Ты говоришь красно и длинно, тебя приятно слушать, но можешь ли ты сказать, что нам делать дальше? Мория потеряна, старые секреты потихоньку забываются за ненадобностью, скоро и наш хирд станет лишь сказкой! А мы сидим и дуем пиво, и хоть бы кто сказал что-нибудь дельное!

Дори почти кричал.

— Ох, подальше надо было от людей держаться! — робко вздохнул еще один гном из пожилых, в изрядно поношенной одежде и с давно не чесанной сивой бородой. — Сидели бы мы тихомирно, строили бы себе новые залы и тоннели, открывали бы новые таверны. И не лезли бы в дела наземные!

— Эх ты, до седых волос дожил, а ума, видать, так и не нажил, — жестко усмехнулся Дори. — А есть мы что будем?! Да и вообще — столько веков с людьми! Рука об руку сколько раз дрались! Нет, глупости ты говоришь, Вьярд. Без людей нам никак. Да и чего ты на них взъелся? Что нам от них плохого было?

— Как это что плохого?! — вдруг завопил кто-то откуда-то снизу.

Фолко удивленно перевел взгляд — и увидел с трудом выползающего из-под стола еще одного гнома. Он был невысок ростом — лишь немногим выше Фолко, но шириной плеч почти не

уступал могучему Торину: его одежда являла собой удивительную смесь остатков когда-то добротного, длинного, доходящего до колен, кафтана и обрывков нового плаща, подозрительно знакомого бело-голубого цвета. Его голова была перевязана, заросшее рыжей бородой лицо украшал внушительный синяк, костяшки кулаков были содраны. В отличие от всех прочих гномов он был безоружен. От новоприбывшего весьма ощутимо несло пивом.

— Как это что плохого?! — вновь провозгласил он, трагически вздымая руки. — А кто у нас топоры отбирает?! Кто у меня вчера... Или нет, позавчера...

Он вдруг глубоко задумался, многозначительно приложивши палец ко лбу. Гномы встретили его появление дружным хохотом.

— А вот и Малыш отыскался! — повернулся к Торину Хорнбори. — Он, оказывается, все время здесь под столом дремал! Ну и ну!

«Это сколько же пива нужно было влить в гнома, чтобы он свалился с ног? — ужаснулся хоббит. — Ну и брюхо!»

— Нет, вы не смейтесь, не смейтесь! — напустился тем временем на хохотавших товарищей Малыш. — Не перебивайте! Так... О чем это я? Так вот, кто у меня позавчера топор отобрал? Не они ли?

— То есть как отобрали? — В глазах Дори появился недобрый огонь.

— Да вот так! Решил я заместо платы хозяину дров наколоть, вышел во двор, только за дело принялся — на улице крики, шум, смех, мне интересно стало! Я к воротам подошел, — Малыш сопровождал свои слова действиями, — подпрыгнул, чтобы увидеть, значит! И совсем про топор забыл! Он-то у меня в руке был! И когда прыгал, вот так, значит, и не заметил, как, ворота пополам развалил! Хилые какие-то оказались ворота эти...

Его прервал взрыв громоподобного хохота, даже не хохота, а каких-то исступленных всхлипываний. Кое-кто из слушавших повалился от смеха на стол, другие вытирали покатившиеся по щекам слезы. Малыш с совершенно серьезным видом показывал, как он подкрадывался к воображаемым воротам, как вставал на цыпочки, пытаясь увидеть, что происходит на улице, и как, наконец, прыгал и едва успел увернуться от падающих створок. Фолко хохотал вместе со всеми, ему казалось, что так он не смеялся ни разу в жизни.

— Я и говорю, — заорал Малыш, — я говорю, ворота рухнули, клянусь Священной бородой Дьюрина! Ворота валяются на земле, мимо идет толпа, и вдруг появляюсь я с топором наголо! Какой переполох поднялся — не передать! Стража прибежала, схватила, говорят — плати. Я им — за что? А они — закон нарушил, не имел права с топором ворота ломать и на людей бросаться! Ну не дураки ли? Это чтобы я на кого-нибудь бросался! Но разве же им объ-

яснишь? Плати, говорят! А я им: «Ничего не осталось, все... гм... все прожил». А они: «Ну так мы у тебя тогда топор заберем». Я им: «Как! Мой топор! Какое право имеете?!» Ну и... погорячился слегка. А они тоже... горячие оказались. — Он потрогал пальцами здоровенный синяк на скуле и поморщился. — Короче, топор отобрали и сказали: «Не отдадим». Ты, говорят, если деньги и принесешь, все равно попадешься, так что лучше не появляйся у нас. А вы говорите — что нам от них плохого было! Что мне теперь без топора делать? Какой я после этого гном?

В глазах Маленького Гнома сверкнули слезы, он тяжело плюхнулся на скамью рядом с Фолко.

— Давай выпьем с горя, брат хоббит! — возопил Малыш, обнимая Фолко за плечи и ничтоже сумняшеся придвигая к себе его полную кружку. — Ты один меня и можешь пожалеть. А эти только гоготать умеют. Ах, какой топор был!

Он опрокинул в себя кружку, а потом упал на плечо Фолко и безутешно зарыдал. Оторопевший хоббит боялся пошевелиться, он решительно не мог сообразить, что же ему теперь нужно делать, и только беспомощно крутил головой.

Гномы тем временем поутихли, слушая рассказ неудачливого собрата, потом заговорил Хорнбори:

— Так вот из-за кого стражники второй день ярятся! Я слышал, что Малыш что-то натворил, но чтоб такое...

— Как всегда — из-за одного дурака и пьяницы все страдаем, — сказал Дори. — Хотел бы я посмотреть на того начальника караула, что попробует у меня топор отобрать!

— Ты должен будешь отдать его и не спорить, Дори, — вдруг заговорил молчаливо сидевший в углу мрачный гном средних лет, одетый во все черное — выделялось лишь сверкающее серебро на рукоятке заткнутого за пояс шестопера. — Они у себя дома, а когда топоры попадают в руки таких, как Малыш, — жди беды. Нет, Дори, я не стал бы с ними ссориться ни при каких обстоятельствах. Ты прав был, когда сказал, что мы сражались с ними рука об руку. Ведь, кроме них, союзников в Средиземье у тангаров не осталось!

— Как не осталось, Хадобард? — развел руками Дори. — А эльфы? Кто дает сейчас нам работу, кто покупает наше оружие? Разве не те, кто еще остался в Серых Гаванях?

— Не говори мне о них, — вдруг рассвирепел Хадобард. — Вспомни, как началась заваруха с кольцами, кто в первую очередь бежать кинулся, а? Им-то хорошо, они-то знали, что им всегда уготовлен надежный путь к отступлению — уплывай себе в запретное для других Заморье, а остальные пусть себе выбираются как хотят! Побьют люди и гномы Черного Властелина — хорошо, не побьют — то хоть ослабят. Им-то деваться будет некуда! Вспомни сражение у Дэйла! Трехдневную битву, в которой погиб Даин Железная Стопа, первый Король-под-Горой после владычества дракона! Разве эти бессмертные пришли тогда нам на помощь?! Нет! Они пели свои песенки в неприступных крепостях и ждали момента, когда надо будет удирать! Ведь сколько их сбежало! Это ж не сосчитать! Нет, моя бы воля — я бы тем, кто Корабельщику стену строит, головы бы пооткручивал за глупость их!

Лицо гнома исказила гримаса неподдельной ярости.

— Погоди, Хадобард! — недоуменно начал было Дори, примирительно протягивая руку. — Ты ж не все, во-первых, припоминаешь, а во-вторых...

— Во-вторых, вижу я, что мне нечего здесь с вами делать, — со злостью ответил Хадобард, вставая. — Ну, тангары, кто со мной? Кто меня понял?

Все остались сидеть, уткнувшись взглядами в кружки. Фолко было одновременно и неловко, и стыдно. Неловко оттого, что Маленький Гном тем временем мирно задремал у него на плече, которое теперь затекло и ныло, а стыдно за себя, что опять промолчал, не дал ответа этому негодяю, что ругает эльфов и клевещет на них. Он взглянул на Торина и увидел, что у его товарища уже сжались кулаки и грозно сошлись к переносице брови. Торин положил на стол свой внушительных размеров кистень и медленно проговорил, глядя прямо в полные злобой глаза Хадобарда:

— Иди-ка ты отсюда. Иди-иди, пока мы тебя силой не вытолкали. Если своего ума недостает, то не стесняйся у других попросить. И поменьше болтай по тавернам. Узнаю, что ты на Дивный Народ хулу возводишь, — не носить тебе бороды, тангар. Все! Можешь идти.

Торин поднялся, и теперь они с Хадобардом стояли друг против друга. В опущенной правой руке Торина висел кистень, Хадобард же спокойно скрестил руки на груди, не взявшись за оружие.

— Постойте, постойте! — вскочил Дори и с ним еще несколько гномов. — Вы что?! Не хватало нам еще из-за эльфов биться! Торин! Хадобард! Прекратите!

Хадобард спокойно усмехнулся и пошел к дверям.

— Ладно, Торин, — обернулся он с порога. — Мы с тобой еще обсудим это. И, быть может, я смогу тебя убедить. Прощай пока!

Он скрылся, хлопнула наружная дверь.

— Зря ты так, Торин, — поднялся Хорнбори. — Кое в чем Хадобард, по-моему, недалек от истины. Погоди, не кипятись! — Он примирительно поднял руку открытой ладонью вверх. — Но действительно, если так посмотреть, кто на Пеллеморских Полях бился? Люди. Кто у Дэйла полег? Люди и тангары.

Красный от гнева Торин нетерпеливо прервал его:

— А кто в Чернолесье бился? Кто три штурма Лориэна отбил?

Да в конце концов, кто три тысячи лет с Врагом сражался?! Не эльфы ли? Тошно вас слушать!

— Да кто же спорит, — по-прежнему миролюбиво ответил Дори. — Честь и слава тем из Перворожденных, кто разделил с нами судьбу, кто действительно сражался, не щадя себя — им-то было что терять! Ты сам посуди — всех нас ждут Гремящие Моря, этого не избегнуть ни одному Смертному, а над ними-то время не властно! Они же Бессмертные! Каково им было ввязываться в эту драку? Так что действительно великая слава тем из них, кто сражался и кто полег в Средиземье! И у меня на тех, кто после победы за Море ушел, обиды, понятное дело, нет — это их дело. Но вот те, кто бежал трусливо, кто бессмертие свое спасал, — вот те, конечно... Хадобарда в этом понять можно.

Торин угрюмо молчал, упрямо нагнув голову, он краснел, кусал губу, но возразить ничего не мог.

— Ладно, оставим это, — вновь наполнил кружки Хорнбори. — Давайте выпьем, да и расходиться пора — скоро светать начнет.

Напряженная тишина сменилась вздохами облегчения, стуком пивных кружек, звоном посуды, негромкими голосами. Фолко наконец удалось уложить Малыша на лавку, и теперь он мог вознаградить себя за долгую неподвижность, с хрустом потягиваясь и разминая затекшие суставы.

Последние слова Хорнбори прекратили спор. Собравшиеся вновь ели, пили, прикидывали, что будут делать завтра, отвечали на вопросы Торина, интересовавшегося тем, кто еще из знакомых гномов сейчас есть в Аннуминасе. Назывались ничего не говорящие хоббиту имена и прозвища, кто-то жаловался на скупого хозяина кузницы, кто-то сетовал на плохой уголь — словно сговорились больше не поднимать сегодня тяжелых и проклятых вопросов. Приставали с разговорами и к Фолко — как обстоят дела в его родной Хоббитании? Когда Фолко рассказывал о царивших в его усадьбе порядках, его слушали, покачивали головами и время от времени хлопали себя по бедрам.

Малыш продолжал мирно дремать, время от времени он, правда, принимался храпеть, и тогда кто-нибудь из оказывавшихся поблизости бесцеремонно встряхивал его, и храп на некоторое время прекращался.

Засиделись допоздна, и, когда гномы один за другим стали прощаться, Фолко заметил, что Торин украдкой спрашивает что-то у некоторых из них и записывает себе на дощечку. Прислушавшись, Фолко понял, что гном собирает адреса тех, у кого они есть. Так было с Дори, Хорнбори, Паленой Бородой и еще двумятремя; с остальными Торин простился обычным у гномов низким поклоном. Вскоре в опустевшем трактирном зале, кроме несколь-

ких ночных гуляк, отдыхающего патруля и двух слуг, остались только Фолко, Торин да так и не проснувшийся Малыш.

— Ну, брат хоббит, пошли наверх? — предложил Торин. — У меня уже глаза слипаются.

— А что же с этим Малышом делать? — спросил Фолко, трогая спящего за плечо.

Малыш ответил неразборчивым мычанием.

— Понесем к нам, не бросать же его здесь!

Друзья с трудом затащили по узкой и крутой лестнице невысокого, но плотного и тяжелого гнома. В просторной комнате с большим окном, что снял для них Торин, стояло, однако, только две кровати, и им пришлось кое-как устроить Малыша на полу, подложив ему все мягкое, что нашлось у них в багаже.

— Ну, спокойной ночи, — зевнул Торин. — Наконец-то мы в Аннуминасе...

Утро следующего дня началось с Малыша. Проснувшись, Маленький Гном долго не мог сообразить, как он сюда попал и вообще, где он находится, о вчерашнем вечере у него сохранились лишь отрывочные воспоминания.

— Слушай, где ты живешь? — спросил у него Торин.

— А нигде, — грустно ответил Малыш. — Денег у меня нет, хозяин после этой истории с топором меня выставил. — Малыш вздохнул. — И топор выручать как-то надо. Эх, куда ни кинь — всюду клин. — Он принялся собирать с пола какие-то тряпки, заменявшие ему одежду.

— Нет, Малыш, выбрось ты эти лохмотья, не могу я смотреть на тангара в таком виде! — не выдержал Торин. — Где ты их только откопал?! С какого стражника снял?

— А когда мы сцепились, я плащ-то одному и разорвал, — бесхитростно пояснил Малыш. — Он его выбросил, а я подобрал — ходить-то в чем-то надо.

Торин, недовольно морщась, быстро и раздраженно рылся в своем мешке.

— Возьми вот это. — На постель полетел сверток темной одежды. — Пойдешь сегодня же к портному, он подгонит.

— Ой, спасибо, — покраснел Малыш. — Я отработаю, Торин, отработаю, вот увидишь! За мной не пропадет.

— Ладно, там видно будет, — махнул рукой Торин. — И вот что, Малыш, держись-ка ты ближе к нам с Фолко, а то опять что-нибудь разрубишь. Вещи перетащи сюда, если у тебя, конечно, еще что-нибудь осталось. По твоей одежде этого не скажешь.

Малыш ушел, клятвенно пообещав вернуться как можно скорее. Прошло около часа, который они провели за разбором вещей, как вновь раздался стук.

— Не заперто! — крикнул Фолко, и на пороге появился Рогволд.

— Здравствуйте, здравствуйте, друзья! — Он казался очень обрадованным. — Рад видеть вас, хотя мы и не виделись всего ничего! Наши дела в полном порядке, я сдал карлика с рук на руки дворцовой охране, поговорил там кое с кем, написал срочное послание Наместнику — по старой дружбе мне удалось пристроить его в ящик с особо спешной почтой, это значит, что оно будет прочитано не позднее, чем через семь дней. Во дворце и в Канцелярии по-прежнему немало моих хороших знакомых и приятелей, так что я все разузнал — трудностей с приемом у нас быть не должно. Где мой дом — это известно, так что нам дадут знать. Ну а как вы? Устроились? Все в порядке?

— Хвала Дьюрину, — откликнулся Торин. — Что же нам теперь делать, Рогволд? Сколько еще ждать? Ты сказал, что не меньше недели, но когда же нас примут?

— Не знаю, — пожал плечами ловчий. — Наместник не любит спешить. Ему дадут знать, не беспокойся. Но какое-то время пройти, безусловно, должно.

Они говорили еще долго. Рогволд расспрашивал Фолко, как понравился ему Город, и даже щурился от удовольствия, слушая наивные восторги хоббита. Вместе с Торином повздыхал над участью потерявших цель и смысл жизни гномов, рассказал последние новости. Они не отличались разнообразием — на северо-востоке разбили отряд ангмарцев, зажав их в узком ущелье; на юге разбойники разграбили крупный торговый обоз, разогнав охрану; на восточной границе после упорного боя перебили невесть откуда взявшихся там горных троллей — они могли ломать бревна голыми руками, но не выстояли под градом стрел. В Форносте казнили нескольких купцов, скупавших у разбойников награбленное. Рогволд заметил, что дела определенно начинают поправляться, дескать, ангмарцев и разбойников все же теснят, урожай собран отменный, и ходят слухи, что зимой начнется большая охота на местных бандитов. У Фолко полегчало на душе.

Тем временем вернулся Малыш, притащивший тяжелый, звенящий сталью кожаный мешок со своими пожитками. Он пристроился в углу и вытряхнул на пол целый арсенал мечей, кинжалов и небольших секир разной длины, все очень тонкой работы из знаменитой гномьей стали голубоватого цвета.

Вскоре в дверь заглянул конопатый, худой мальчик-слуга и пригласил гостей к завтраку. Они спустились вниз. После трапезы Фолко заметил, что Торин как-то по-особенному пожевал губами, когда расплачивался; хоббита неприятно кольнула мысль, что он-то живет за счет друга.

Малыш остался в зале, доедал свой завтрак, а Торин и Фолко вышли проводить торопившегося домой Рогволда.

— Да брось ты, куда тебе теперь торопиться! — начал было уговаривать друга Торин. — Побудь еще с нами, посидим, выпьем пивка...

— Не могу, друзья, не могу, простите меня великодушно. Оддрун, видишь, какая история...

Он беспомощно развел руками и умолк, виновато опустив голову.

— Да кто она такая, в конце-то концов! — взорвался Торин. — Гони ее прочь! На тебе лица нет, как сюда приехал! Она что, запрещает тебе с нами видеться? Или, быть может, ты должен рассказывать женщине, куда ходишь и с кем встречаешься?!

Рогволд поднял голову и тускло взглянул на разбушевавшегося гнома. На его губах появилась слабая усмешка.

— Погоди судить, друг Торин, — тихо промолвил ловчий. — Знаешь ли ты, как тоскливо возвращаться после месяцев странствий по глухим лесам и болотам в пустой и холодный дом, где все покрыто толстым слоем пыли? Ей ведь тоже несладко в жизни пришлось, пока она ко мне не прибилась... Не хочу я ее огорчать и не могу. Стар я уже, друзья, стар, детей нет, вот и коротаем время мы с ней вдвоем. Все же есть кому после дороги встретить. Так что все я понимаю, Торин.

Гном пожал плечами, но ничего не сказал. У Фолко на глаза навертывались слезы, когда он смотрел на медленно уходящего от них по улице Рогволда. Как ему помочь?

Позади них послышалось какое-то шевеление. Фолко обернулся и увидел подходившего к ним Малыша в скромной, но добротной одежде, уже подогнанной ему по росту. На широком кожаном поясе Маленького Гнома висел меч в черных ножнах, а справа — недлинный кинжал.

— Ну вот, теперь ничего, — одобрительно буркнул Торин, осмотрев их нового товарища. — Что же дальше думаешь делать, тангар?

— Что тут думать: куда вы, туда и я, — без промедления ответил Малыш и положил руки крест-накрест на рукояти.

Только теперь Фолко заметил, что на левой руке Малыша не хватает двух пальцев: мизинца и безымянного. Хоббит содрогнулся, глядя на неестественно гладкие, короткие обрубки, и не решился спрашивать.

— Я ведь так понял, вам драться придется, — продолжал между тем Малыш. — Не знаю пока с кем, но как бы то ни было — я с вами. Вы не глядите, что я ростом не вышел. Лучше я вам шутку с мечами покажу...

— Погоди, во двор зайдем, — предложил Торин.

Но Малыш внезапно присел, испустив истошный вопль, и резко распрямился. Фолко не смог разглядеть движения его рук — настолько оно было стремительным, и клинки сверкнули в лучах

неяркого осеннего солнца. В следующую секунду воздух перед Малышом заполнили свист и блеск бешено крутящейся стали, кисти Маленького Гнома метались из стороны в сторону, но руки оставались почти неподвижными; подойти к нему было невозможно. Маленький Гном сделал шаг вперед, и тут же, словно праща, его правая рука неожиданно метнулась вперед с быстротой бросающейся на добычу змеи, голубая молния меча вспыхнула в стремительном ударе и тут же снова вернулась назад, туда, где описывал круги, прикрывая тело Малыша, его длинный кинжал, казалось, живший своей собственной, ни от кого не зависящей жизнью... Фолко, остолбенев, глядел на это небывалое зрелище, как и еще десяток невесть откуда взявшихся зрителей. Торин лишь довольно крякнул.

— Ну как? — нетерпеливо спросил остановившийся Малыш.

Собравшиеся наградили его громкими одобрительными возгласами. Маленький Гном тут же повернулся к ним и церемонно поблагодарил всех, низко кланяясь и прижимая обе руки к груди.

— Здорово! — восхитился Фолко. — Где ты так научился, Малыш?

— Понимаешь, Фолко, в детстве я был много слабее своих сверстников, да к тому же — видишь? — попал под обвал, пальцы отдавило... Топор как следует держать с тех пор так и не могу, поэтому принялся упражняться с мечами. Наши-то это дело не слишком уважают, — считают подобное, — он сделал несколько коротких выпадов, — делом слабых людей. В хирд меня не взяли, вот я сам до всего этого и дошел. Торин с топором против моего топора, конечно, все равно, что таран против тростинки.

— Ну-ну, не скромничай, — вставил Торин.

— А вот на мечах я с любым, пожалуй, поспорю!

— Так, может, ты поучишь нашего юного хоббита? — На плечо Фолко легла ладонь Торина. — А то он у нас любит мечом в таверне помахать.

— Торин! — взмолился Фолко.

— А что! Возьмусь, пожалуй! — прищурившись и внимательно глядя на хоббита, решительно заявил Малыш. — С виду ты, Фолко, вроде ловкий, тонкий, подвижный. Попробуем из тебя бойца сделать.

Так началась их жизнь в Аннуминасе. Фолко не мог пока жаловаться на судьбу. Никто больше не будил его чуть свет и не гнал работать, никто не фискалил, никто не крутил уши. Они с Торином вставали с рассветом, специально оставляя окна на ночь открытыми, чтобы первые же рассветные лучи разбудили их. Потом они умывались, расталкивали Малыша, оказавшегося большим любителем поспать, и шли завтракать. Потом Фолко с Маленьким Гномом отправлялись на задний двор, где хоббит до изнеможения упражнялся с тяжелыми деревянными мечами, а Торин

тем временем обычно запирался в комнате и читал Красную Книгу, выписывая что-то для себя. Потом возвращались усталые и мокрые Фолко с Малышом, хоббит едва волочил ноги и, с трудом доплетаясь до кровати, обычно валился на нее как подкошенный. Его руки и плечи превратились в один сплошной синяк — Малыш, по-прежнему евший и пивший с ними и за счет Торина, старался вовсю и не давал хоббиту ни малейшей поблажки, уча отражать любые самые быстрые и коварные удары. Обучая хоббита владеть оружием, Малыш заставлял его работать с деревянным подобием меча, намного тяжелее боевого. К боли от ушибов прибавилась боль в усталых, не привычных к такому мускулах.

Терпеть все это было очень тяжело, однако хоббит оказался более упорным, чем думал сам, — в самые тяжкие минуты, когда перед глазами плясали зеленые и красные круги и откуда-то издалека, словно из-за гор, доносился злой и хриплый, повелительный голос Маленького Гнома, в сознании Фолко всплывало лицо горбуна. Тогда сами собой крепче стискивались зубы, а руки, не способные, казалось, сделать больше ни одного движения, вновь поднимали тяжелый деревянный меч.

Отдохнув, Фолко обычно отправлялся бродить по городу вместе с Торином и Малышом. По Аннуминасу можно было гулять бесконечно — ни один дом на его улицах не повторял другой, обязательно стараясь хоть чем-нибудь выделиться. Там имелись дома с башенками и дома с колоннами, с каменными статуями и мозаичными картинами во всю ширь стены; были дома с окнами полукруглыми и окнами стрельчатыми, с крыльцами каменными и крыльцами железными, дома с резными наличниками и коньками, словно в деревенских избах. По-разному были замощены и улицы: в центре города — широкими шестиугольными плитами серого цвета, отполированными до блеска; причем высечены они были из столь прочного камня, что ни копыта, ни колеса не могли оставить на них ни единой царапины. Другие улицы покрывал мелкий розовый камень, перемежающийся рядами черного; разноцветные линии сплетались, образуя сложный орнамент. Встречались и идеально белоснежные квадраты, каждое утро отмывавшиеся до блеска специальными командами уборщиков. Фолко давно сбился со счета, пытаясь запомнить все виды мостовых в этом удивительном Городе. Внутри кварталов часто попадались просторные сады, сейчас, увы, опустевшие и черные. Сквозь сплетения нагих ветвей видна была темная поверхность прудов, по которой неспешно плавали величественные, похожие на лебедей птицы с розоватым оперением. На городских площадях, несмотря на приближающиеся холода, по-прежнему рассыпали серебряные искры высокие фонтаны; журча, вода стекала по специальным каналам, облицованным черным и жемчужным мрамором.

Хоббит заходил в темные лавки, торгующие древностями, его руки осторожно касались переплетов старинных фолиантов — куда старее, чем хранившиеся в библиотеке родного Бренди-Холла, а многие и вовсе оказались написаны на неведомых Фолко языках. Правда, в карманах хоббита все равно гулял ветер, и он лишь тихонько вздыхал, осторожно кладя книгу на место под неодобрительными взглядами торговцев, не жаловавших праздношатающихся личностей. Гномы, однако, его увлечения не разделяли. Торину хватало Красной Книги, Малыш же и вовсе утверждал, что от книг только глаза портятся.

Зато гномов было не оттащить от прилавков, где торговали железным товаром, главным образом, конечно, оружием. Оба тангара часами способны были рыться в грудах стали, и пальцы их обретали, казалось, ту же мягкость и осторожность, что и руки Фолко, когда он листал жесткие пергаментые страницы. Речь Торина и Малыша становилась совершенно непонятной, они так и сыпали неведомыми хоббиту словами, с горящими глазами вертя какой-нибудь клинок и восхищаясь каким-то особо сложным узором на лезвии, говорившем об особом мастерстве кузнеца. Они знали наперечет клейма всех оружейников своего народа и лучших кузнецов-людей. Зевать у дверей здесь приходилось уже хоббиту.

У них просыпался аппетит, и они спускались в какой-нибудь из многочисленных кабачков, где всегда встречали радушный прием, отменное угощение и общество — как правило, из гномов, — в беседе с которыми приятно было скоротать время и узнать все последние новости; иногда разгорались споры, однако теперь гномы стали вести себя куда тише. Так и не привыкнув оставлять дома боевые топоры, они, словно сговорившись, возмещали их отсутствие избытком иного оружия, что порой придавало им весьма комичный вид. Несколько раз Фолко замечал, как Торин украдкой беседует вполголоса с некоторыми из встреченных ими гномов, делая потом какие-то пометки у себя в книжечке.

Все это время их не забывал Рогволд. Бывший сотник заходил через два дня на третий, рассказывая, как подвигается дело с их прошением. Ловчий выглядел бодро, однако никогда не задерживался с друзьями надолго.

Шли дни, миновал сентябрь, шла вторая неделя октября, над городом все чаще завывал холодный северный ветер, и хоббиту пришлось вспомнить о теплом плаще — осень здесь, в Аннуминасе, оказалась куда прохладнее хоббитанской. Здесь не было защиты в виде длинных и высоких холмистых гряд, прикрывавших родину Фолко с севера, и дыхание ледяных пустынь в арнорской столице ощущалось куда сильнее.

Впоследствии хоббит вспоминал об этом времени как о лучшем, самом светлом и радостном в его жизни. Все заботы и тревоги отступили, вести с границ стали не такими тревожными, и Фолко, убаюканный постоянным видом спокойной и уверенной в себе мощи Северного Королевства, почти забыл о пережитых им минутах ужаса и отчаяния, казавшихся тогда беспросветными. Ему теперь не хотелось никуда идти, и иногда он сам, стыдясь своих мыслей, мечтал о том, как хорошо было бы поселиться в этом сказочном Городе навсегда, остаться тут с друзьями и жить, не зная горя и тревог.

Впрочем, совсем уж безмятежным их существование долго оставаться не могло. Торин все чаще вздыхал, озабоченно хмуря брови, когда в очередной раз заглядывал в свой кошелек. Жизнь, которую они вели, при всей ее умеренности, все же требовала немалых денег, и сбережения Торина постепенно таяли.

И вот однажды Фолко довелось случайно услышать негромкий разговор во дворе, когда он возвращался после очередного урока с Малышом. Голоса за углом заставили его чуть замедлить шаг.

— Как дела, как принял тебя Эймунд? Мне он тебя очень хвалил, — говорил Рогволд.

— Принял очень хорошо, — отвечал Торин. — Вообще там ничего, работать можно. Есть славные клинки, но доброго железа маловато, и почти никто не умеет как следует закалить сталь. Впрочем, там сейчас много починки. Латаю кольчуги, завариваю шлемы. Не очень весело, зато хорошо платят.

— Что ж, я рад, что мне удалось помочь тебе...

Говорившие разошлись в разные стороны, и Фолко долго еще стоял с пылающими от стыда щеками.

«Торину пришлось зарабатывать им на жизнь! Они с Малышом сидят у него на шее, ленясь даже пошевелить пальцем, чтобы обеспечить себе пропитание! Ну ничего. С сегодняшнего дня прекращаем такую жизнь», — подумал он и стиснул зубы.

Жизнь их после этого изрядно изменилась. Торин уходил теперь на весь день и появлялся только под вечер, усталый, с покрытым гарью лицом; на его руках появились свежие ожоги. Фолко молча страдал, но, несмотря на все свои поиски, ничего не мог найти себе по силам. Малыш же и в ус не дул, считая, очевидно, что все так и должно быть.

Однако судьба благоволила к хоббиту, и он нашел то, в чем нуждался, причем там, где даже не сообразил поискать сначала.

Как-то раз — дело было в середине октября, спустя неделю после того, как Торин взялся за работу, — Фолко и Малыш, закончив урок, отправились подзакусить в трактирную залу. Ожидая, пока им принесут их скромную еду, Фолко засмотрелся сквозь открытую дверь кухни — там двое слуг возились с только что при-

везенными свежими грибами. У обожавшего грибы хоббита враз потекли слюнки, он бросился к хозяину и едва дождался появления на столе своей любимой приправы. Однако первая же ложка вызвала у Фолко лишь горькое разочарование. Грибы здесь готовить не умели, точнее, не умели готовить как следует. То, что получалось у здешних поваров, даже отдаленно не напоминало тонкие блюда, подливы и соусы, выходившие из-под рук хоббитских хозяек. Фолко скривился и украдкой сплюнул — однако случилось так, что это заметил случайно проходивший мимо хозяин трактира.

— Что это вы, почтенный хоббит, али грибки наши не по вкусу пришлись? — Вид у трактирщика был весьма обиженный.

— Что ж душой кривить, и впрямь не по вкусу! — ляпнул Фолко. — Для Верзил, людей то есть, может, еще и сгодится, а в Хоббитании такое даже собакам бы постеснялись отдать.

— Вот как?! Как же их, по-твоему, делать надо? Может, поучишь нас, глупых, мастер дорогой? — От обиды трактирщик отбросил даже свое всегдашнее «вы».

— Могу и поучить... если в цене сойдемся! — прищурился хоббит, уже готовый до небес превознести мудрость дядюшки Паладина, своим бесконечным докучливым ворчанием и подзатыльниками все же приучившего нерадивого племянничка к кухонной работе.

Они с трактирщиком ударили по рукам. Фолко повязал наспех подрезанный фартук и взялся за дело. Прежде всего он, удивляясь собственной напористости, погнал слуг на рынок за особыми травами, велев купить их у приехавших на торг хоббитов, сам же взявшись за разделку и замочку. Он возился очень долго, составляя сложнейшие смеси, вымачивая и отжимая, отваривая и просаливая; от плиты Фолко отошел только на рассвете. Зато на следующее утро трактирщик, осторожно и недоверчиво положивший в рот первую ложку приготовленного кушанья, только и смог, что закатить глаза, — а потом и сам не заметил, как уничтожил всю тарелку.

— Послушай, почтенный мастер Фолко, — немедленно пристал он к хоббиту после долгих охов и ахов, — поработай у меня, а? Таких ведь приправ да солений нигде в Аннуминасе не делают! А я уж тебе заплачу по справедливости... не обижу!

Фолко для вида поупрямился, набивая цену, потом согласился, и вскоре трактир «Рог Арахорна» не знал отбоя от посетителей.

Фолко оказался превосходным поваром — теперь он старался припомнить все, чему учила его тетушка, властно вытеснив из кухни самого хозяина. И наконец настал день, когда хоббит, румяный от гордости, смог с самым невозмутимым видом положить на стол перед опешившим Торином увесистый мешочек с золотыми монетами.

В непрерывных трудах прошел октябрь; теперь Фолко редко удавалось вырваться на прогулку по чудесному Городу, он с трудом выкраивал время для ежедневных занятий с Малышом, по-прежнему не желавшим даже слышать о каком-либо деле. Однако его безделье искупалось легким, веселым нравом, неистощимым запасом смешных историй и несравненным боевым умением, которое теперь с таким трудом и потом осваивал Фолко.

Их дела поправились, но с приемом у Наместника по-прежнему затягивалось, и Фолко, уставший жить «не у себя», стал потихоньку задумываться о том, что неплохо бы им прикупить какой-нибудь «домишко», чтобы не отдавать за постой столько доставшихся нелегким трудом денег.

К тому времени Фолко сдружился с хозяином «Рога Арахорна», очень ценившим своего маленького помощника, и, выждав, когда у трактирщика было особенно хорошее настроение (после подсчета дневной выручки), хоббит как бы невзначай спросил, не знает ли почтенный хозяин, где бы можно было подешевле найти скромное жилище для троих.

— Фолко, ты что это, что? — тотчас же испугался хозяин. — Неужто уходить надумал?.. Аль я обидел тебя чем? Тогда прости великодушно! Или тебя эти шерстоухи в «Звезду Арвен» сманили?

Выслушав объяснения хоббита, трактирщик на минуту задумался, а потом вдруг звонко хлопнул себя по лбу.

— Послушай!.. А пойдем-ка со мной!..

Он привел хоббита на трактирный двор, где, в стороне от сараев и склада, среди разросшегося боярышника стояло небольшое, слегка покосившееся строение, больше всего напоминавшее чуть покосившийся амбар, только не бревенчатый, а каменный.

— Вот! — с гордостью сказал хозяин. — Чем тебе не жилье? Отличный домик получится, если руки приложить...

Фолко осторожно заглянул внутрь. Рассохшаяся дверь жалобно скрипела, колыхаясь на последней уцелевшей петле, окна были выставлены, пол взломан. Вместо печки — груда камней.

— Руки приложить, конечно, нужно, кто ж говорит, что это дворец, — возник за спиной у хоббита трактирщик. — Зато, если отделаете, я его вам насовсем продам, почти задаром... — и он назвал на самом деле очень низкую цену.

Не долго думая, Фолко помчался к Торину.

Видавший виды гном и то удивленно крякнул, взглянув на царивший в домике хаос. Посвистывая, Торин тщательно обшарил все углы, потом молча хлопнул хоббита по плечу и повернулся к хозяину:

— Мы беремся. За три дня все сделаем.

Заговорщически подмигнув ничего не понявшему Фолко,

Торин скорым шагом отправился куда-то на улицу. Пропадал он недолго, а когда вернулся, вид у него был весьма довольный.

— Потом все вопросы, потом, — отмахивался он от настойчиво приставшего к нему хоббита. — Ночь пройдет, утро присоветует, как говаривал старик Гэндальф...

На следующий день, когда Фолко с Малышом заканчивали очередной урок, хоббит увидел, как по их улице идут с десяток гномов, озираясь при этом по сторонам, словно что-то разыскивая.

— Видал? — подошел к хоббиту Торин. — Это одиннадцать братьев Гунгниров, я их вчера удачно встретил. Они нам помогут.

Фолко с сомнением взглянул на затарабанивших в двери трактира братьев: вид они имели весьма помятый, а одного даже поддерживали под руки — он все время норовил привалиться к чему-нибудь и задремать; едва ему это удавалось, пусть даже на краткий миг, как на улице словно начинали работать кузнечные мехи, старые и дырявые: всхрапывания гнома слышны были во всем доме.

— Ничего, не обращай внимания, — перехватил недоверчивый взгляд хоббита Торин. — Это они сейчас такие, а как за дело примутся — все как рукой снимет. А тот, кого под руки ведут, — лучший знаток канонов резьбы, которого я когда-либо видел. А каноны, брат хоббит, это такая вещь... — Гном вдруг почесал затылок и умолк, словно вспомнив то, о чем давно хотелось забыть.

Тем временем к ним дружной толпой подвалили все одиннадцать братьев. Судя по всему, они успели славно повеселиться даже в это утро — вокруг них распространялся густой аромат крепкого пива. Вид у многих был осоловело-томный; видно было, что они с большим трудом оторвали себя от стола.

Старший из братьев, немолодой уже гном с полуседой бородой и свежей царапиной на ухе, шумно приветствовал Фолко и Торина.

Торин без лишних слов повел всю команду к купленному друзьями домику. Братья дружно почесали кто затылок, кто бороду, дружно вымолвили неопределенно-скептическое «да-а-а...», после чего тотчас принялись развязывать свои объемистые заплечные мешки, где у них оказалось все необходимое для работы. Фолко с недоумением следил за этими приготовлениями — в Хоббитании таких горе-мастеров уже давно бы прогнали со двора взашей, не позволив тем, кто навеселе, даже взяться за дело. Однако Торин и бровью не повел.

И действительно, стоило братьям взяться за работу, как весь хмель мигом слетел с них. Исчезли сонный вид и помятость, взгляды, как по волшебству, стали ясными, и работа у них в руках

прямо-таки закипела. Только знаток канонов остался сидеть, привалившись спиной к стволу старого боярышника, категорически заявив, что ворочать камни он не собирается, и будет лучше, если он займется своим прямым делом. Старший из Гунгниров что-то шепнул на ухо двум младшим, те ненадолго куда-то скрылись, и вскоре появились, таща на плечах здоровенную дубовую колоду. Положили ее перед заупрямившимся братцем и без лишних слов присоединился к остальным.

— Что он хочет делать? — шепотом осведомился у Торина ничего не понявший хоббит.

— Как что?! Жилище всякого истинного тангара должно украшать изображение священной бороды Дьюрина. Хар Гунгнирлинг, я же говорил, — лучший резчик бороды в Голубых Горах! Бороду должно изображать строго по канону, каждый волосок и каждый извив в ней давно исчислены и освящены... Это большое искусство! Впрочем, хватит болтать, давай-ка лучше и мы за дело, брат хоббит, негоже нам в стороне стоять!

Позже Фолко не раз признавался себе, что без братьев Гунгниров им никогда бы не удалось привести в порядок свое обиталище. Гномы выбросили из дома весь мусор, выломали из стен растрескавшиеся куски, потом во двор въехал груженный камнем воз, и мастера взялись за камнетесные молотки. Тем временем Хар покрыл слоем коричневой стружки все вокруг себя, а священная борода Дьюрина приобрела вид длинной распластанной ящерицы с оторванными лапами, как не очень почтительно подумал о ней хоббит.

Прошло три дня непрерывных трудов, лишь изредка прерываемых стуком очередного пивного бочонка, выкатываемого из погреба старательным Торином.

Вскоре жалкую развалюху нельзя было узнать. В углу братья сложили затейливый очаг с искусно выкованной чугунной решеткой, настелили новый пол, вставили рамы и стекла, починили стены, подвели под углы огромные валуны, чтобы больше ничего не заваливалось и не оседало, а на новую, опять же дубовую, дверь торжественно водрузили законченную к тому времени Харом Священную бороду Дьюрина длиной почти в полсажени.

В тот же вечер Торин, Фолко и Малыш молча смотрели на пляшущие язычки огня в камине их нового дома. Хоббитом владело странное чувство — он впервые стал хозяином, полноправным владельцем собственности; это было приятно, но какое-то смутное ощущение, копившееся в душе, подсказывало ему, что владеть этим новым достоянием ему суждено очень и очень недолго...

Глава 10

НАМЕСТНИК

Шел ноябрь, холодный сухой ветер давно сорвал последние бурые листья с черных веток деревьев, и к ясному, чистому небу потянулись сотни голубоватых дымков. На улицах Аннуминаса теперь все чаще и чаще встречались телеги, груженные дровами, — приметы предвещали холодную зиму. По утрам стали покрываться ледком редкие лужицы во дворе «Рога Арахорна», где в своем новом доме жили трое друзей. Жизнь их вошла в спокойное русло. Торин по-прежнему махал молотом в кузнице, Фолко в поте лица крутился у плиты в трактире. Малыш учил хоббита боевому искусству и выяснял достоинства пива в различных тавернах столицы. Новые заботы целиком поглотили внимание Фолко, ему пришлась по душе эта новая, свободная жизнь, и про себя он с легкой усмешкой вспоминал наивные мечты, обуревавшие его, когда он, с мечом у пояса, в развеваемом ветром плаще, ехал по уходящей на север дороге, к Воротам Бэкланда. По-прежнему часто появлялся Рогволд; но дело их почти не продвигалось, и Фолко был даже рад этому. Все еще впереди! Торин толкует о скором походе в Морию... Хорошо, конечно же, но лучше, если этот поход будет отложен на подольше. Такой славный город Аннуминас!

Фолко ценили и уважали в трактире, его умение привлекло много новых завсегдатаев; хозяин оказался справедлив, и хоббит не мог пожаловаться на безденежье. Как-то раз к ним пришли старейшины поварского цеха столицы, отведали приготовленную хоббитом снедь, и вскоре он, уплатив свою долю, стал полноправным членом этого славного союза, миновав звание ученика и подмастерья. Фолко не без гордости носил теперь слева на куртке и плаще герб цеха — стоящую на огне треногу на черном поле продолговатого щита, поддерживаемого с двух сторон быком и бараном.

В городе отшумели осенние ярмарки, собравшие народ со всего Королевства — от Лунных Гор до Туманных и от северного края Эвендамских Холмов до Южных Уводов. Подошло еще больше гномов — из самых разных мест, а некоторые прибыли аж из Эребора. Приехали и хоббиты. Они несмело жались по углам огромной Торговой Площади, имея весьма растерянный и смешной вид. Подошедший поболтать и слегка покрасоваться Фолко, в добротной аннуминасской одежде, с гербом цеха, с мечом у пояса, вызвал у них бурю восхищенных охов и ахов. Он узнал, что на его родине все в полном порядке, а один полузнакомый хоббит из Бэкланда рассказал, что родные сильно горевали по пропавшему непутевому отпрыску и дядюшка наказал всем жителям

Бэкланда, буде они где-нибудь встретят Фолко, передать ему, что на него больше не сердятся и ждут его возвращения.

Нельзя сказать, чтобы Фолко остался равнодушным к этим словам. Нет, временами и на него находила грусть, когда он вспоминал старые стены Бренди-Холла, величавый Брендивин под окнами, гостеприимный трактир в Амбарах и товарищей с окрестных ферм. Но случалось это нечасто — хоббита влекла иная жизнь.

Этот день он запомнил надолго — двадцатое ноября по календарю Аннуминаса. С утра к ним примчался взволнованный Рогволд, облаченный в лучшие одежды.

— Собирайтесь! — задыхаясь, с порога вымолвил он. — Наместник ждет нас в полдень!

Они почти бегом прошли нарядными улицами в центр Города, где на берегу озера стоял обнесенный высокой стеной с башнями и окруженный рвом дворец Наместника. В двух шагах от него шумела своей обычной жизнью Торговая Площадь, а здесь царила торжественная тишина. Ворота охранялись многочисленной стражей, одетой не в бело-синие, а в серые плащи с единственной восьмиконечной звездой на левом плече — в память о Лунадонцах, десятилетиями охранявших мир и покой северных народов. Многие, бывшие в числе личной гвардии Наместника, вели свой род от них, и этим объяснялся их высокий рост и какое-то особое выражение глаз — глаз людей, несущих незримое для прочих бремя. Один из воинов, на шлеме которого были еще с боков крылья морской чайки, вышел вперед. Рогволд назвал пароль. Высокий воин в крылатом шлеме с достоинством поклонился.

— Прошу следовать за мной. — Его голос был чист и силен. — Наместник ждет вас.

Миновав вымощенный черными и белыми каменными звездами двор, они оказались возле второй стены. Она поднималась на высоту трех десятков футов, гладкая, без единого окна или выступа, но на ней виднелись островерхие, блистающие отполированной медью крыши. Фолко удивленно закрутил головой — в глухой стене на всем ее протяжении не было ничего похожего на ворота.

Ведший их воин остановился перед стеной на полукруге, выложенном темно-красным гладким камнем, и что-то прошептал, причем так быстро и невнятно, что хоббит не смог ничего разобрать.

— Наша работа! — зашипел ему на ухо Торин. — Ворота открываются заклинанием!

Так и было. Сплошное каменное тело могучей стены рассекли

черные прямые трещины, каменные плиты уходили в специальные пазы, поворачиваясь на невидимых петлях.

Миновав длинный тоннель, они оказались в небольшом внутреннем дворе. Двор за первой стеной удивлял свой пустотой — за кольцом стен лежало лишь вымощенное пустое пространство — здесь же повсюду теснились здания, перевитые причудливо изогнутыми каменными и железными винтовыми лестницами, длинные галереи протянулись от одной постройки к другой, образуя сложное переплетение над их головами. Прямо над ними вверх вела широкая парадная лестница, сложенная из огромных блоков черного камня; Фолко сразу же припомнил Ортханк, но гном чуть пренебрежительно наморщил нос.

— Простой камень, только темный. Его в наших горах полно.

Откуда-то сбоку появилось еще несколько стражников. Крылья чайки на их шлемах были чуть тронуты серебрением, словно перья птицы трепал свежий морской ветер, наличья — вызолочены. Их провожатый остановился и отсалютовал мечом. Один из вышедших к ним воинов повторил его движение, что-то негромко скомандовал — тот повернулся и зашагал прочь, даже не оглянувшись.

Черная лестница вывела их на площадку второго яруса, перед широкими трехстворчатыми дверьми, от которых во всех направлениях разбегались галереи. Воин в крылатом шлеме повернул назад и зашагал по центральной галерее, протянувшейся через весь двор обратно к воротам и двум высоким надвратным башням. Над их головами пролегли еще галереи, поуже той, по которой они шли, прямо со второго яруса наверх вели многочисленные винтовые лестницы. А еще выше, на уровне крыш, небо перечеркивали узкие дозорные переходы, поддерживаемые толстыми цепями и стальными тросами; и по этим висячим дорожкам все время прохаживалась стража.

Они прошли галерею и теперь стояли возле неприметной дверцы в одной из надвратных башен. Дверца была настолько узка и невысока, что гному и Рогволду пришлось протискиваться боком и вдобавок согнувшись в три погибели. Фолко успел заметить, что брови ловчего удивленно приподнялись: до этого он имел вид человека, идущего давно знакомой дорогой.

Винтовая лестница гигантской змеей вилась в теле башни, поднимаясь все выше и выше. Ступени ее оказались настолько крутыми, что хоббиту пришлось помогать себе руками. Позади него слышалось тяжелое дыхание Рогволда.

Но вот показавшиеся хоббиту нескончаемыми ступени кончились, друзья оказались на площадке под самой крышей башни.

— Нам сюда. — Проводник указал на узкий проход справа от них, между двумя бойницами.

В освещенном естественным светом коридоре Фолко вновь разглядел ступени, на сей раз уходящие вниз.

«То туда, то обратно... Почему не сразу на место?» — недовольно подумал он, ныряя вслед за воином в коридор.

Однако идти на сей раз оказалось недалеко. Они миновали еще один пост и вошли наконец в небольшой светлый зал без окон, задрапированный бело-синими полотнищами. У дальней от входа стены на небольшом возвышении стояло черное деревянное кресло с высокой спинкой и длинными подлокотниками; над ним висел большой герб Соединенного Королевства. Фолко сперва удивился, не видя ни окон, ни светильников, но, подняв глаза, понял, что свет здесь шел через специальные щели, прорубленные в крыше. Зал был пуст, лишь по бокам черного кресла, а может, трона, стояли двое стражников в полном вооружении.

— Подождите здесь, — обратился к ним провожатый. — А мне пора на пост. Его Превосходительство скоро выйдет.

Воин церемонно поклонился и вышел, не обратив внимания на сделавшего попытку заговорить с ним Рогволда. Друзья остались одни.

— Красиво! — негромко проговорил Торин.

Задрав голову, он смотрел на резные каменные балки, поддерживавшие лепной потолок. Шесть протянувшихся к центру балок были сделаны в виде извивающихся драконов, намертво вцепившихся в пасти друг другу. Лепка на потолке изображала других неизвестных Фолко зверей и птиц, причудливо перевитых длинными цветочными стеблями. Стены зала они разглядеть не могли — их скрывала ткань, а пол был выложен восьмиконечными жемчужно-серебристыми звездами на черном фоне; камень был выделан так искусно, что пол казался светящимся; Торин даже присел на корточки и принялся исследовать его.

— Удивительно, — бормотал он. — Обычный гранит, но что они с ним сделали, хотел бы я знать.

Он не успел найти ответ на свой вопрос. Раздались шаги, бело-синие занавеси шевельнулись, и в зал вошли семеро. Торин поспешно вскочил. Трое друзей склонились в почтительном приветствии.

Человек, вошедший в зал первым, медленно поднялся на возвышение и неторопливо опустился в кресло. Послышался вздох, и в зале зазвучал спокойный холодноватый голос пожилого человека:

— Подойдите поближе, не толкитесь у дверей. — В голосе слышались усталость и равнодушие.

Первый же взгляд распрямившего спину хоббита был, естественно, направлен на человека в кресле. На Фолко смотрел глубокий старик, очень высокий, совершенно седой, длинные волосы ниспадали до плеч, схваченные, как и у ловчего, на лбу простым

кожаным шнурком. Лицо рассекали глубокие морщины, через высокий лоб шел старый белый шрам, хорошо заметный на побуревшей коже. Худые старческие руки спокойно лежали на подлокотниках.

Наместник был одет просто: мягкий серый плащ, не отличимый от плащей охранявшей его стражи, никаких украшений, никаких драгоценностей. Так же прост был наряд и сопровождавших его людей, тоже преклонного возраста. Единственным отличием служило то, что все шестеро сопровождавших носили оружие — богатое, красивое и разнообразное. Длинные мечи в изукрашенных самоцветами ножнах, чеканы, шестоперы, топоры — все в золоте и серебре, с тонкими инкрустациями. Но что поразило хоббита больше всего — это печать какой-то вечной, непроходящей усталости и столь же вечного безразличия, что ясно читалась на их спокойных, невозмутимых лицах.

Друзья подошли ближе к возвышению. Бесцветные глаза Наместника потеплели, когда он обратился к Рогволду:

— Здравствуй, старый друг, тебя давненько не было видно в Аннуминасе. Удачна ли была твоя охота?

— Охота была удачна, Могучий, но еще удачнее были встречи... Мы принесли важные сведения!

— Да, да, я читал твое письмо, — кивнул Наместник. — Но разбираться надо во всем по порядку. Итак, с чего все началось?

Торин пихнул локтем Фолко, но тот остался неподвижен — слишком боязно было начинать разговор с этим гордым и величественным правителем. Торин заговорил сам.

Он рассказал о том, как они вместе с присутствующим здесь его другом, доблестным Фолко Брендибэком, сыном Хэмфаста, поймали в хоббитанском лесу карлика, нарушившего закон Великого Короля, и как они выяснили, что тот оказался в Хоббитании вовсе не случайно.

Наместник слушал терпеливо и внимательно, но хоббита вновь кольнула неприятная мысль, что это не более чем привычная маска уставшего от бесчисленных просителей человека. Когда гном окончил, глаза Наместника медленно обратились к хоббиту.

— Так ли все это происходило, как говорит почтенный сын Дарта? Быть может, ты хотел бы что-нибудь добавить?

Фолко отрицательно затряс головой. Наместник молча покивал, переглянулся со своими приближенными и заговорил сам:

— Видите ли, мы, конечно же, допросили карлика. Он, однако, утверждает, что на него коварно напали из засады на самой границе Старого Леса, где он вместе с пятью товарищами расположился на привал. Вы настаиваете на своих показаниях? Тогда скажите, какой ущерб был нанесен вашей стране, почтенный хоббит? Молчите... Нет, здесь я ничего не могу сделать. Нет третьей

стороны, могущей подтвердить правоту одной из спорящих. А посему, — Наместник выпрямился и поднял правую руку, — Именем Семи Звезд повелеваю: карлика отпустить.

— Как отпустить? — воскликнул Торин. — Его же орков разыскивать послали!

— Я верю вам, — спокойно ответил Наместник, — и я принял меры. Наши люди наведались в родное селение этого карлика — там никто ничего не знает. Но мы, естественно, обо всем этом отписали Королю, а также в Элорас, ибо дело связано с Исенгардом.

— Но ведь речь идет о наших извечных врагах! — продолжал наседать Торин, не обращая внимания на предостерегающие жесты Рогволда.

— О *ваших* извечных врагах, почтенный гном! — Брови Наместника чуть заметно сдвинулись. — Это ваши подземные дела и ваши подземные враги. Мы здесь не вмешиваемся. Но я уже сказал, что мы будем внимательно следить за Исенгардом.

Торин ошарашенно замолчал, и Рогволд ловко перевел разговор в иное русло. Понукаемый им Фолко, запинаясь, рассказал об убитом хоббите, найденном на Западном Тракте, и чело Наместника омрачилось.

— Эх, Эрстер, Эрстер! К этому бою еще и убийство! Плохо смотрит, опять у него под носом разбой! Ну ничего, поможем. Крон! Еще две сотни конных в Пригорье! Старшим пусть пойдет Диз. И... пусть примет командование.

Один из стоявших у трона стариков поклонился и что-то отметил себе.

— Но это не главное и далеко не все, — продолжал тем временем Рогволд. — Проходя мимо Могильников...

И он подробно пересказал все события того памятного вечера и столь же памятного дня. Наместник нахмурился.

— Никому не возбраняется ходить в Могильники, — со вздохом произнес он. — До нас уже доходили сведения, что там творится нечто неладное.

— Ходившие туда были в числе тех, кто противостоял Эрстеру, — негромко сказал Рогволд. — Мне кажется, там у них что-то вроде сборного пункта. Не расставить ли там надежную охрану?

— Разумно, очень разумно, — кивнул Наместник. — Ты, старый друг, всегда рассуждаешь здраво и советуешь мудро. Мы так и поступим. Крон! Распорядись включить в приказ Дизу расставить цепь постов вокруг всего Поля Могильников и не спускать с него глаз. Подозрительных, входящих туда большим числом и с оружием, — задерживать. А также усилить надзор за Трактом! Особое внимание — Белым Холмам и коренной Хоббитании. Заветы Великого Короля прежде всего. Обозам хоббитов давать охрану в

первую очередь! — Он обернулся к друзьям: — Ну как, довольны ли вы?

Гном и Фолко переминались с ноги на ногу.

— Но как же с призраками? Как же с этим мечом, что я подобрал на кострище и за которым направлялся пораженный доблестным сыном Хэмфаста призрак? — с волнением произнес Торин.

Наместник вздохнул и развел руками.

— Эти силы неподвластны людям, — с сожалением ответил он. — Они живут по собственным законам. Никто пока не понес ущерба от этих существ. Что ты предлагаешь мне с ними делать? Арнорская дружина не может сражаться против бестелесного противника.

— Но ведь хоббит уничтожил одного из них?

— Откуда тебе это известно? Таких существ стрелами не уничтожить, здесь нужны силы и знания эльфов, ныне покинувших нас... Успокойся, мы не оставим это без внимания, и если наши стрелы действительно способны здесь что-то сделать — да благословит Великая Элберет руку и глаз умелых стрелков! Увы, нам ныне приходится больше думать о борьбе с разбойниками, с врагом из плоти и крови. А что до того меча, — вдруг поднял тяжелые веки Наместник, — то оставь его себе, почтенный гном. По правде говоря, нам он сейчас ни к чему, да и кто лучше вас, гномов, понимает форму и душу железа? Если ты что-нибудь извлечешь из него, какие-нибудь указания о местопребывании этих разбойников или же их пособников, продающих, вопреки указу, оружие посторонним без специального разрешения, — то сообщи как можно скорее нашей Канцелярии, и ты не будешь обойден нашим вниманием и благодарностью. Но, прежде чем мы расстанемся, ибо меня зовут неотложные дела, я хочу спросить вас. Куда вы собираетесь направиться после нашего разговора? Я спрашиваю не из пустого любопытства. Редкий, почти невозможный в наше время случай, чтобы хоббит и гном вместе с человеком специально пришли в Аннуминас, дабы предупредить нас об опасности! Что свело вас вместе?

Торин почесал затылок.

— Аннуминас лишь первый пункт на нашем долгом и трудном пути, — сказал он. — Нас тревожат события последнего времени, и в первую очередь то, что Корабел взялся за возведение новой стены. К чему она ему, непобедимому?

Наместник улыбнулся.

— Я знаю об этом и тоже сперва удивился, но, поскольку через Серые Гавани идет все наше морское сообщение с Гондором, я вскоре узнал от своих людей, а потом получил подтверждение и от самого Корабела, что он чувствует себя уставшим от жизни в Средиземье, он чувствует зов Моря и понимает, что ему когда-

нибудь все-таки придется отплыть в Эрессею, в Благословенную Землю на Заокраинном Западе. Он хочет, чтобы после него у народов Севера — и не только Севера — осталась бы добрая память о нем. Такой памятью он считает тот прекрасный город, что возводится ныне на берегу Лунного Залива. Отсюда и стена! Я удовлетворил ваш интерес? Ваша тревога не уменьшилась?

Рогволд кивнул, однако Торин с сомнением покачал головой.

— Может быть, так, а может, и иначе, — уклончиво пробормотал он и продолжал, вновь поднимая взгляд на Наместника: — Но это не главное, что заставило меня тронуться в дорогу. У нас какие-то странные слухи из Мории.

Наместник вновь кивнул.

— Да-да, я слышал. Мне докладывали об этом те, в чьи обязанности это входит. Согласен, события странные. И очень хорошо, что среди гномов наконец-то появились желающие разобраться в этом до конца! Не скрою, я заинтересован в этом, поэтому давайте поговорим подробнее. Каковы ваши планы? Набран ли уже отряд, или вы собираетесь идти втроем? Есть ли средства? Говорите обо всем смело и без утайки. Я постараюсь помочь вам, если это будет в моих силах.

— Мы собираемся идти в Морию весной, когда сойдет снег в предгорьях Туманных Гор, — ответил Торин, очевидно, радуясь тому, что встретил понимание хотя бы в этом. — Набран ли отряд? И да, и нет. Десятка два моих сородичей уже согласились, и благородный Рогволд, сын Мстара, оказал нам честь сопровождать нас в Морию, и Фолко, сын Хэмфаста. Но ни определенной даты выступления, ни прочих сборов мы пока не назначали. Однако я надеюсь, что нам удастся проникнуть в Морию и выяснить наконец, что там творится.

— Значит, и Рогволд решил сменить меч на кирку? — улыбнулся Наместник. — Что ж, это хорошо. Его мудрый совет всегда будет вам кстати. Вам понадобятся деньги, оружие, инструменты — все это вы сможете получить здесь: деньги — в казначействе, все прочее — в арсеналах. Трод, распорядись! Почтенный Торин, ты говорил о двух десятках спутников, но, если среди арнорцев найдутся охотники составить вам компанию, я не буду препятствовать. Рогволд, ты можешь обратиться прямо в мою гвардию — я уверен, желающие найдутся.

— Благодарю почтенного Наместника, — поклонился Торин. — Не прими мои слова за недоверие к твоей храброй дружине, но люди — не самые лучшие помощники в подземных делах. В Мории надо будет брать умением, а не числом. Здесь нужны гномы.

— Ну что ж, тебе виднее, почтенный Торин, — не стал спорить Наместник. — Я дам вам подорожную через весь Арнор. Вам дадут и пони, и лошадей, и повозки, если потребуется. И все же, Торин, уходя, постарайся держать связь с Аннуминасом. Никто не знает,

что ждет вас в Мории, а люди могут пригодиться на поверхности... Не буду, однако, настаивать. Итак, дело решенное. — Он черкнул несколько слов на небольшом кусочке пергамента и отдал его гному. — По этому приказу ты сможешь получить все необходимое перед выходом, и тогда мы вновь увидимся. У вас больше нет ко мне вопросов?

— Послушайте! — вдруг осмелел Фолко и тут же смутился. — И простите... Я только хотел узнать, не встречался ли вам когда-нибудь такой человек — горбун по имени Санделло? Он участвовал в турнирах и брал на них призы.

На лице Наместника вдруг появилась мрачная, недобрая усмешка, взгляд отяжелел.

— Откуда ты знаешь его? — Бесцветные глаза не мигая смотрели на Фолко, но юный хоббит выдержал.

— Мы встретились с ним случайно, по дороге в Аннуминас, — ответил он как можно спокойнее.

— Так ты встречался с Санделло? — В неподвижных глазах Наместника мелькнули холодные искры, словно какие-то давно забытые события поднялись на поверхность из глубин памяти. — Ты говорил с ним?

— Нет, я всего лишь узнал его имя и то, что он превосходно владеет оружием.

Фолко с трудом удалось сохранить невозмутимость. Наместник неторопливо покивал, что-то обдумывая.

— Я знаю Санделло, — ответил он. — Когда-то давно он совсем молодым человеком пришел в Аннуминас и неожиданно для всех взял первый приз на турнире мечников. У нас есть старый обычай — победителя ждет почетная служба в арнорской дружине, и Санделло, без сомнения, рассчитывал на это. Я говорил с ним, родом он с юга, из-за Южных Холмов, рано остался сиротой. Где он выучился искусству боя — для меня загадка, хотя он уверял, что до всего дошел сам. Я не взял горбуна в дружину. Он думает лишь о себе, его не волнуют судьбы его родины. Он прямо спросил меня, сколько ему положат содержания как победителю турнира. И еще — в молодые годы (я ведь уже очень давно не встречался с ним) он показался мне полным холодной, презрительной злобы и зависти. Он великий мастер, но этого недостаточно. Потом он еще несколько раз появлялся в Аннуминасе, еще трижды побеждал на турнирах в разные годы, гордо отказываясь при этом от призов и денег. Он интересовал меня, не скрою, я люблю мастеров, достигших совершенства в каком-либо деле. Но... — Наместник развел руками. — Он исчез, и я не знаю, чем и как он жил все это время. Так что я не могу полностью удовлетворить твое любопытство, почтенный хоббит. А теперь нам пора прощаться. Меня ждут дела! — Наместник поднялся и едва заметно склонил голову. — А ты, Рогволд, не забывай меня, скоро я собираюсь выбраться на охоту — так что жди, я извещу тебя. Да хранят вас Семь Вечных Звезд и Светлая Королева!

Охрана проводила троих друзей до внешней стены. Аудиенция была окончена, а в мыслях у Фолко царила полная сумятица. Чем же кончилось их посещение? Что действительно важного и спешного сумели они рассказать Наместнику? Его не взволновала история карлика, он спокойно отнесся и к призракам Могильников! Так зачем же они спешили в Аннуминас, кому оказались нужны принесенные ими сведения?! Фолко покосился на Торина. Бывалый гном шагал, глядя под ноги. Рогволд же, напротив, был весел и оживлен.

— Ну как, вы довольны? Надеюсь, он вас успокоил?

— Успокоил... — пробурчал Торин. — Говорить-то он мастер, это ясно. А вот у меня на душе по-прежнему неспокойно. Нет-нет, ничего не хочу сказать — помоги нам, Дьюрин, как можно скорее управиться с разбойниками! Но как же он не понимает, что карлики — это лишь звено в какой-то непонятной цепи, связывающей воедино многие события?

— Тут все не так просто, — возразил ему Рогволд. — Какие у тебя против карлика улики? Только дурная слава их племени. Но нельзя же из этого делать серьезные выводы! Ты говоришь — их послали в Исенгард за орками. А с чего ты взял, что их послал именно твой воображаемый злодей, взалкавший власти?

— Ты можешь предложить иное объяснение? — прищурился Торин.

— Пожалуйста. Карлика подкупили и послали сами орки, каким-то чудом уцелевшие на севере и теперь ищущие тихого местечка. Исенгард им вполне подходит, к тому же там обитают их соплеменники... Чем плохо?

Торин закусил губу.

— Я считаю, мы всегда должны рассчитывать на худшее и готовиться к нему! — сказал гном и упрямо нагнул голову.

— Тогда закрой наглухо городские ворота, заставь кузнецов дни и ночи ковать груды оружия, заставь всех надеть доспехи и взяться за мечи, отправь всех мужчин и подростков на рубежи, затей строительство оборонительных валов, преврати всю страну в огромный военный лагерь, — Рогволд говорил нахмурясь, и в его словах слышался гнев. — Ведь ты призываешь готовиться к худшему! Так и противостоять надо тогда в полную мощь! Посмотрим, что из этого выйдет... Люди схватятся за топоры, потому что привыкли жить по-человечески, отвечая за свое дело и занимаясь преимущественно им. Всякие меры должны быть оправданны.

— Не переиначивай моих слов, Рогволд! — Гнев сверкнул и в темных глазах Торина. — Мне не хотелось бы ссориться с тобой так по-глупому, но готовиться к худшему в моих устах значило

лишь не отмахиваться от тревожных вестей, а стараться их по крайней мере проверить!

— Наместник проверил твои слова, не сомневайся, — тихо и зло сказал Рогволд и уже собирался добавить что-то еще, когда растерявшийся поначалу Фолко бросился между стоявшими друг перед другом человеком и гномом.

— Друзья, что вы, что вы?! — Фолко умоляюще глядел снизу то на одного, то на другого. — О чем вы? Опомнитесь! Прекратите! Довольно!

Красный как рак Торин первым вздохнул и отвел взор. Умолк, опустив глаза, и Рогволд. Наступило неловкое молчание. Чувствовалось, что и гному, и человеку стыдно и неудобно.

— Наверное, мы все ждали слишком многого от этого разговора, и каждый из нас — свое, — выдавил наконец Торин. — Прости меня, Рогволд, мы оба погорячились.

— Ты вправе думать и поступать как считаешь нужным, — холодно пожал плечами Рогволд. — Но, Торин, сын Дарта, если ты хочешь сохранить нашу дружбу, остерегись впредь произносить неразумные слова о Наместнике. Они могут обойтись тебе очень дорого.

Ловчий стоял подбоченясь и гордо вскинув подбородок. Фолко с вновь ожившей тревогой заметил, как на скулах гнома заиграли желваки и отступившая было краска вновь залила его щеки.

— Я вновь предлагаю прекратить глупую ссору, почтенный Рогволд, — явно пересиливая себя, примирительно произнес гном. — Как говаривал Гэндальф Серый, наша свара лишь потешит Мордор.

Надменное лицо старого ловчего смягчилось — незлобивость Торина, казалось, удовлетворила его чуть наивное старческое самолюбие. Он в свою очередь протянул гному руку:

— Хорошо, что ты понял это, Торин, сын Дарта, — торжественно произнес он. — Забудем наш спор, так будет лучше. Но что же это я?! — Он внезапно схватился за голову. — Время уже за полдень! Мне надо спешить домой. Оддрун ждет...

Он торопливо поклонился и поспешно зашагал прочь, резко отмахивая левой рукой, очень озабоченный и немного смешной. Хоббит и гном проводили его долгими взглядами.

— Как он изменился здесь, в Городе, — со вздохом сказал Фолко. — Нет, Торин, по-моему, таким, как он, лучше бродить по лесам.

— Откуда ты знаешь, где он был настоящим: сейчас или тогда, на меже, помогая мне растаскивать дерущихся, — угрюмо буркнул гном. — Ладно, давай-ка зайдем куда-нибудь, а то у меня совсем в горле пересохло.

И вновь потянулись недели. Над Аннуминасом уже завывали

первые декабрьские вьюги. По ночам в окна били снежные стрелы, специальные команды уборщиков принялись за вывозку снега с городских улиц. Фолко постиг все прелести игры в снежки, где он неизменно выходил победителем, благодаря своему меткому глазу; из-за холодов ему пришлось сшить себе сапожки. Уже сократился до нескольких часов светлый день, уже Рогволд представил им первых охотников, вызвавшихся идти с ними в Морию, а если понадобится, и дальше, когда с Фолко приключилась странная история.

За время, проведенное в Аннуминасе, он нашел немало лавочек, где торговали разными древностями, и стал их постоянным посетителем. Торговцы хорошо знали его и за небольшую плату позволяли иногда почитать ту или иную старинную книгу. Фолко особенно интересовался рукописями, относящимися к истории Предначальной Эпохи, а также ко временам основания Арнорского государства. Чаще других он заходил в расположенную в двух кварталах от их обиталища лавку, где у ее хозяина, мрачного и неразговорчивого, можно было достать самые древние книги; у него попадались даже копии документов из архива, оставленного Великому Королю самим Элрондом.

В тот день Фолко, вернувшись с работы, стал собираться в свой очередной поход по книжным лавкам и вдруг с огорчением обнаружил, что застежка на его теплом плаще исчезла неведомо куда. После нескольких неудачных попыток закрепить плащ на плече подручными средствами он внезапно вспомнил о найденной в лесу фибуле. Не долго думая, он полез в свой заплечный мешок, и его пальцы тут же нащупали небольшой твердый кругляш. Он вытащил фибулу, мельком глянул на нее, еще раз удивившись ее сложному, незнакомому узору, заколол ею плащ, взял свою сумочку с принадлежностями для письма и вышел, плотно притворив дверь. Торин еще сидел в своей кузне, а Малыш, как всегда, дул пиво в каком-нибудь трактире.

Закрываясь плечом от сильных порывов колючего и холодного ветра, смешанного с жестким сухим снегом, хоббит без всяких происшествий добрался до знакомой узкой двери, над которой, поскрипывая на цепи, раскачивался причудливо выкованный дракон.

В лавке царил обычный полумрак, лишь слегка разгоняемый несколькими свечами. Фолко привычно поздоровался с хозяином, привычно положил на прилавок заранее приготовленное серебро, хозяин столь же привычно протянул ему с полки толстый фолиант в деревянном переплете. Когда Фолко принимал книгу, ему показалось, что руки хозяина дрожат. Однако хоббит смотрел в этот момент на книгу и поэтому не видел лица торговца.

Устроившись в углу на своем обычном месте возле небольшого столика, Фолко скинул плащ и, предвкушая никогда не надое-

давшее ему удовольствие, раскрыл книгу, сразу же погрузившись в сложные перипетии междуусобной борьбы в Арноре в середине Третьей Эпохи.

Он не заметил, как хозяин лавки осторожно подошел к нему и склонился к плечу хоббита. Торговец казался чем-то очень взволнованным. Он быстро и тихо пробормотал почти в самое ухо хоббиту несколько неразборчивых, бессмысленных слов, что-то вроде: «Дэйл и Небесный Огонь!» Фолко оторвался от пожелтевших страниц и удивленно воззрился на лавочника.

— Что ты говоришь, почтенный Архар?

Тот вздрогнул, и на лице его появилось недоумение.

— Откуда у тебя эта вещь, почтенный хоббит?

— Нашел в лесу, — кратко ответил Фолко. — Почему тебя это так волнует, почтенный Архар?

— Видишь ли, почтенный Фолко, это очень редкая работа. Ты знаешь, я собираю редкости, и у меня как раз подобрались сходные с нею вещи. — Он нырнул куда-то под прилавок и вскоре появился, держа в руках серебряную пряжку с похожим рисунком и тяжелую крупную серьгу, бронзовую, с несколькими такими же, только небольшими, серебряными накладками. — Это определенный стиль, который занимает меня в последнее время. Скажи, ты сильно дорожишь ею? Не хотел бы ты продать ее мне? Я бы заплатил столько, что ты смог бы купить себе, например, полные «Извлечения Герлада, сделанные им из эльфийских пергаментов, подаренных господину нашему, Великому Королю Элессару, Элрондом Полуэльфом, правителем Ривенделла»! А? Ну так как?

Фолко опешил. Обладать этой книгой было его давней мечтой, хозяин очень дорожил ею и гордился. И вдруг предлагает отдать ее взамен какой-то застежки, пусть даже и редкой.

Фолко насторожился и в ту же секунду вдруг ясно понял, что не отдаст фибулу. Решение пришло непонятно откуда и казалось абсурдным, но чутье подсказывало хоббиту, чтобы он не торопился расставаться со своей лесной находкой.

— Почтенный Архар, я вряд ли смогу выполнить твою просьбу. Ведь это вещь не моя, а законы Хоббитании запрещают нам распоряжаться найденными вещами, продавать их или обменивать. Я надеюсь еще найти хозяина этой фибулы и возвратить ему пропажу.

На лице Архара появилась странная усмешка.

— Как же ты найдешь его?

— Очень просто, — удивляясь своей находчивости, ответил хоббит. — Я буду носить ее на одежде, и если кто-нибудь узнает ее, я с радостью верну хозяину потерянное достояние.

— А как ты узнаешь, что тебя не обманывают?

— Только тот, кто действительно потерял ее, сможет правильно назвать мне то место, где я ее нашел.

— Ну что ж, почтенный Фолко, дело твое. Не смею настаивать, хоть и жаль, конечно. Предложение мое остается в силе, так что, как только надумаешь — милости прошу. — Хозяин поклонился и отошел в сторону.

Как раз в это время дверь скрипнула и в лавку вошел новый посетитель. Архар занялся им.

Этот случай долго не шел у хоббита из головы. Он рассказал об этом Торину, и тот одобрил его решение.

— Правильно сделал, Фолко. Если эта штука ему так нужна, то, быть может, и нам пригодится, — заметил он.

Так закончилась эта история, и тогда еще никто не мог предположить, какое неожиданное продолжение она возымеет.

Глава 11

«НОЖНЫ АНДАРИЛА»

Прошел декабрь, наступил Новый год, минул январь. Все оставалось по-прежнему: Фолко в поте лица трудился на кухне, Торин — в кузнице, и — удивительное дело! — даже Малыш взялся за ум. Однажды он упросил Торина взять его с собой и там удивил всех мастеров своим умением чеканить и гравировать. Он покрыл обычный, рядовой клинок такими узорами и так быстро, что слух о его умении разнесся по оружейным мастерским Аннуминаса. Вскоре по вечерам Торин и Фолко могли наблюдать, как перед горящим камином, что-то тихо насвистывая, сидел Малыш, положив перед собой на чурбак длинное стальное лезвие, и не спеша поскрипывал своими диковинными инструментами, отыскавшимися где-то на самом дне его мешка.

По мере того как шли недели холодной, многоснежной зимы, навалившей во дворе сугробы в полный рост высокого человека, у них в доме все чаще и чаще стали собираться гномы, которых Торин наметил в качестве будущих спутников. Они приходили по двое-трое вечерами, старательно прикрывая лица капюшонами. Среди них были: Дори и Хорнбори, старый Вьярд, отбросивший свои страхи, Паленая Борода, иначе Бран, молодой гном Скидульф, первый заговоривший с Торином в тот памятный вечер в Аннуминасе, трое соплеменников Торина из Лунных Гор — Грани, Гимли и Трор; отыскалось и двое морийцев — Глоин и Двалин. Двое будущих спутников были родом с севера Туманных Гор — Балин и Строн. А в один из вечеров на пороге их дома внезапно появился Хадобард. Фолко не слышал, о чем говорил с ним вышедший в сени Торин, но, когда он вернулся, лицо у него было мрачное, а глаза злые. Больше Хадобард не приходил. Рогволд тем

временем нашел одиннадцать охотников из числа опытных следопытов, хаживавших и по лесам, и по горам, и по пещерам.

И наконец настал день, когда Торин, удовлетворенно вздохнув, заявил, что отряд набран. Это случилось уже в первых числах февраля, когда в Аннуминасе трещали особенно свирепые морозы. Не привыкший к ним хоббит старался поменьше выходить на улицу, и Малыш теперь давал ему уроки по ночам, в просторном трактирном зале. Надо сказать, что хоббит оказался способным учеником и быстро усваивал сложную науку благодаря своей природной ловкости и быстроте. Фолко не забывал также и свой лук, да и метательные ножи не ржавели без дела.

Всю зиму они с Торином и Малышом жадно ловили каждую новую весть из-за рубежей, однако зачастую эти вести оказывались обыкновенными сплетнями, доверять можно было лишь тому, что сообщал им Рогволд.

Холода и глубокие снега не позволяли тяжелой коннице рыскать по лесам в поисках разбойников, однако морозы сослужили и добрую службу, выгнав некоторые шайки из потайных лесных убежищ. Несколько раз они попадались в устроенные дружинниками засады, и тогда на главной площади Аннуминаса при большом стечении народа совершались публичные казни главарей, запятнавших себя многими убийствами и грабежами. Хоббита мутило при одной мысли об этом, и в такие дни он старался поглубже забиться под одеяло, чтобы ничего не видеть и не слышать.

А вот на ангмарской границе вместо привычных конных арбалетчиков появились быстрые, летучие отряды лыжников (Фолко долго не мог взять в толк, что такое лыжи — на его родине их не знали), появлявшихся и исчезавших подобно ночным призракам. Противостоять им оказалось куда труднее — они умело применяли ложные отступления и внезапные удары из засад. Борьба на северо-востоке шла с переменным успехом.

Ближе к зиме гномов в городе поубавилось — многие разбрелись по своим родным горам, оставались лишь те, кому идти было некуда. Все жадно ловили любой слух о морийских делах: однако вместо этого пришли известия о стычках на Востоке между гномами Железных Холмов и неведомым низкорослым народом, пришедшим откуда-то с востока. Пришельцам пришлись по нраву благоустроенные подземные жилища гномов, и они без долгих разговоров начали войну. Внутрь, конечно, они пробиться не сумели, гномы легко отразили их попытки сделать подкопы, но напавшие окружили Железные Холмы плотным кольцом и стали перехватывать направлявшиеся туда из Эсгарота обозы с продовольствием, часть же устремилась на запад, обходя Одинокую Гору с севера. Над Железными Холмами нависла угроза голода.

Полтора месяца прошли в томительном ожидании. Торин ходил сам не свой, аннуминасские гномы уже поговаривали о необходимости собирать ополчение, когда гонец из-за Туманных Гор принес радостные вести. Гномы Одинокой Горы пришли на помощь своим братьям вместе с людьми Эсгарота, Дэйла и других городов, входивших в королевство Лучников. Не выдержав удара соединенных ратей, враги бежали куда-то за Рунное Море; их войско, прорвавшееся между Серыми Горами и Лесом, бесследно сгинуло. Гномы вздохнули с облегчением.

— Да, на Востоке еще не забыли, с какого конца браться за меч, — заметил Торин, выслушав эту историю.

В один из ясных дней в конце марта, когда над городом вовсю сияло уже опускавшееся к горизонту солнце, Фолко забрел в отдаленную часть Северной Стороны, где до этого ни разу не бывал. Нельзя сказать, чтобы эта часть Города была хуже других, но разница в достатке все же чувствовалась. И выкрашены дома были не столь тщательно, и украшений на них поубавилось, и чистоты такой, как в центре, здесь не было. Люди одеты были поплоше, а еда в трактирах — заметно хуже.

Он миновал несколько переулков, а потом, чтобы сократить себе путь, пошел неширокой дорожкой, проложенной вдоль задних дворов. Квартал был сильно вытянут, обход его занял бы слишком много времени, и хоббит вновь, как и возле сожженной деревни, решился идти напрямик.

Он углубился уже довольно далеко в глубь квартала, когда его словно ударило, заставило замереть и поспешно упасть ничком, не обращая внимания на жидкую грязь под ногами. Он услышал негромкое, едва слышное пение, доносившееся со двора дома, стоящего несколько на отшибе. Это пение он не мог спутать ни с чем — он уже слышал его в ночь на подходе к Пригорью, когда они с Торином укрывались в придорожной канаве, а поперек дороги, уходя в глубины Поля Могильников, шел Черный Отряд!

Весь дрожа от небывалого возбуждения, он осторожно подобрался к обсаженному какими-то кустами забору. Вскоре ему посчастливилось отыскать щель, через которую он мог видеть весь двор.

Посреди огороженного стенами и забором пространства, возле нескольких сиротливо растопыривших ветви яблонь, на земле кружком сидели люди. Небольшой костерок был не в силах разогнать вечерний сумрак, и хоббит не мог разглядеть их лиц. Сидя скрестив ноги, они медленно тянули заунывную песнь на неизвестном языке.

Один из сидевших поднялся, неторопливо запустил руку в глубины своего необъятного плаща и извлек оттуда небольшой ящичек. Пение стало заметно тише, но в нем особенно ясно теперь слышались и тоска, и злоба, и призыв, и недобрая надежда. Чело-

век с ящичком отворил его и поставил на темную кочку рядом с угасающим костром. Сидевшие, словно по команде, разом протянули к нему руки, подавшись вперед с самой искренней верой и мольбой. Песня замолкла, несколько секунд царила тишина, а потом вершина кочки внезапно осветилась, и Фолко содрогнулся. Он увидел небольшой трехгранный предмет, напоминавший пирамидку хорошо знакомого призрачно-белого цвета, спутать который было невозможно для того, кто побывал в сердце Поля Могильников. Догадка хоббита тут же получила еще одно подтверждение. С новой силой зазвучало зловещее пение, и в такт ему белая пирамида сменила цвет на кроваво-алый, грани вспыхнули яркими багрово-рыжими линиями. Сомнений не оставалось — перед Фолко был кусок Обманного Камня! Сидевшие внезапно вскочили на ноги, подняв с земли не замеченное им раньше оружие — короткие, толстые мечи и кривые кинжалы. Люди закружились вокруг мерцающего алого огня, высоко вскидывая сверкнувшие багровым клинки.

Однако мерцание Камня вскоре угасло, и сразу же остановились и танцующие. Они вновь опустились на колени, простирая руки к угасшему огню, а затем, словно взяв что-то из воздуха горстью, прижимали сложенные лодочкой ладони к лицам. Один из них наконец поднялся и спрятал удивительный Камень, остальные тотчас же скрылись за одной из выходивших во двор дверей.

Постояв еще немного, Фолко тоже выбрался из кустов, несколько раз оглянулся, желая получше запомнить этот дом, и во весь дух понесся домой. Звать стражу бессмысленно — надо как можно скорее повидать Торина!

Гномы, постепенно меняясь в лице, выслушали сбивчивый рассказ запыхавшегося хоббита и сразу схватились за оружие.

— Малыш, живо за Рогволдом!.. Хотя нет, погоди, пока будешь объяснять что к чему, семь шахт вырыть успеем... Ладно, попробуем сами!

С этими словами Торин ринулся на улицу, за ним, на ходу пристегивая даго, бросился Малыш. Фолко вздохнул и последовал за ними. По пути они захватили живших неподалеку Дори и Брана и уже впятером поспешили на Северную Сторону.

Фолко безошибочно нашел подозрительный дом.

— А ты точно уверен? — усомнился Торин. — Все тихо... Да и от соседних он ничем не отличается.

Вместо ответа Фолко нырнул в кусты возле забора и без особенных усилий отыскал оставленные его ножом зарубки. Торин удовлетворенно кивнул.

— Кто здесь живет? — переводя дыхание, спросил Бран, поправляя секиру у пояса. — Волки-оборотни?

— Да нет, — шепотом отозвался Торин. — Те, которых мы в Могильниках видели...

— Ох, и повеселимся же! — хищно прошипел Дори, неуловимым движением выхватывая свой блестящий топор, взятый, невзирая на запрет. — Соскучился я по делу, почитай всю жизнь ждал.

— Ладно, сделаем так, — оборвал его Торин. — Мы с Фолко и Малышом лезем сейчас через забор, посмотрим на земле. Вы с Браном нас прикроете в случае чего.

Ловкие руки Малыша в один момент оторвали несколько досок, и Торин первым пролез внутрь. Фолко, весь дрожа от охватившего его боевого азарта, — он ничего не боялся, ведь рядом друзья! — двинулся следом. Все прошло тихо, их никто не заметил.

— Где стояла эта штука? — шепнул Торин, подвернувшись к ползущему следом хоббиту. — Тут еще кострище какое-то...

Они ползли медленно, стараясь производить как можно меньше шума и тщательно ощупывая руками землю. Первым нашел что-то Малыш — он вдруг коротко ахнул и принялся подзывать друзей.

— Тише ты! — зашипел на него Торин. — Нашел что-то — молодец, потом посмотрим. Своим сопением ты полгорода на ноги поднимешь!

На кочке чуткие пальцы хоббита уловили небольшое, едва заметное на ощупь треугольное углубление. Торин провел по нему несколько раз ладонью и вздохнул.

— Да, есть что-то... Ну давай теперь вокруг пошарим. Да, а в какую дверь они ушли? Вторая справа? Сейчас поглядим. Эй, Малыш, ползи за мной, а ты, Фолко, тут побудь. Мы враз...

Фолко замер, с отчаянием глядя во тьму широко раскрытыми глазами. Не осмелившись ослушаться приказа, он до боли стискивал предусмотрительно захваченный с собою лук и уже прикидывал, как он пошлет первому же выскочившему из двери врагу стрелу в голову, как вдруг недалеко от него раздалось шуршание и появились Малыш и Торин.

— Интересные дела, — сообщил Торин. — Это довольно большой сарай, он стоит отдельно. Мы обошли его кругом, но все двери заперты на наружные засовы! Малыш сумел заглянуть внутрь — там темно, но все-таки — пусто! Там никого нет!

— Может, они в дом перебрались? — предположил хоббит.

— Не думаю, — ответил Торин. — Мы доползли до дорожки. Она вся истоптана тяжелыми сапогами, но все-таки ясно, что они шли не к дому, а к наружной калитке! Похоже, они тю-тю! Так что давайте еще пошарим, а потом... Потом зайдем на огонек к здешним хозяевам!

Они вновь принялись утюжить мокрую землю вокруг примя-

той кочки. Внезапно пальцы хоббита, уже привыкшие к холоду и мокроте, угодили во что-то мягкое, сухое и еще теплое. Фолко понял, что наткнулся на кострище. Он хотел уже свернуть в сторону, когда нащупал что-то твердое и плоское. Хоббит шепотом окликнул гнома:

— Торин! Здесь что-то в золе!

Он уже понял, что нашарил маленький ножичек, длиной в свою ладонь, с простой рукоятью — под пальцами она казалась совершенно гладкой — и очень острый. Спустя несколько мгновений он нашел в золе еще два таких же ножичка.

После нескольких безуспешных попыток разглядеть что-либо в окружавшей их темноте, Торин шепотом выругался и наконец велел хоббиту и Малышу прикрыть его спинами и полами одежды, быстро высек искру и запалил один из всегда бывших с ним смоляных жгутов. В трепетном свете маленького факела они смогли как следует рассмотреть находку.

Сомнений не было — они держали в руках точные копии тех мечей, что были оставлены на большом кострище в Поле Могильников. Торин провел клинком по рукаву, поднес поближе огонь — и они увидели то же загадочное клеймо с ломаной, похожей на изображенную сбоку лестницу линией. Торин зло сплюнул и потушил факел.

— А нет ли там костей? — тихонько проговорил он и сам же протянул руку к кострищу.

Его поиски были недолгими. Вскоре его кулак был полон обгорелых изломанных косточек. Пришлось снова зажигать жгут, и теперь уже выступивший в качестве знатока хоббит определил, что кости это птичьи, скорее всего — куриные.

— Для полного счастья нам не хватает теперь только этих в сером, — прошипел гном на ухо Фолко. — Ладно, тут больше делать нечего, самое важное мы знаем. А сейчас — давай обратно, приведем себя в порядок и зайдем в дом.

Они по-прежнему ползком выбрались наружу. Аккуратный Торин рукояткой шестопера даже вколотил на место ранее вырванные гвозди.

Вместе с ожидавшими их Дори и Браном они зашагали в обход. Вскоре они оказались у двери дома, покосившейся, кое-где рассохшейся, окна были темны, и лишь в одном, под самой крышей, слабо мерцал едва заметный тусклый огонек. Друзья кое-как очистили налипшую на одежду грязь, укрыли оружие под плащами, и Торин, подойдя к двери, сильно и уверенно постучал.

Вопреки их ожиданиям дверь сразу открыли. В темноте за ней в воздухе плавал поддерживаемый невидимой рукой подсвечник с горящей свечой. Рука принадлежала закутанной в плащ низкорослой тощей фигуре, которая стояла неподвижно, молча глядя на Торина.

— Просим прощения почтенных хозяев, — начал Торин, — нам нужен кто-нибудь из остановившихся у вас в сарае...

— Они ушли, — последовал бесстрастный ответ, и Фолко не смог понять, мужчине или женщине принадлежит этот голос и сколько лет его обладателю.

— Они ушли не так давно, — продолжал тем временем голос. — Они останавливались тут на несколько дней, пока торговали в Городе...

— А откуда они, вы, часом, не знаете? — как ни в чем не бывало спросил гном.

— Откуда мне знать... — Голос отвечавшего чуть дрогнул от скрытой усмешки. — Я пускаю иногда переночевать к себе тех, у кого нет денег на гостиницу в центре. А именами их я не интересуюсь, лишь бы пошлина у них была уплачена да разрешение на торговлю получено.

— Сколько ж они у вас были? — не унимался гном.

— Три дня.

В голосе не слышалось ни удивления, ни раздражения. Казалось, так было всегда, так случалось столь часто, что хозяева этого дома привыкли давать такие вот ответы всякому, кто ни с того ни с сего интересуется их постояльцами посреди ночи. Торин вздохнул и закусил губу.

— А что за люди? На каком языке говорили, как были одеты?

Торин как бы невзначай вдвинулся могучим плечом внутрь.

— А сами вы кто? Городская стража? Но с каких это пор граждане Соединенного Королевства должны давать отчет гномам?!

Фигура довольно невежливо оттолкнула Торина, и не ожидавший этого гном чуть подался назад. Этого оказалось достаточно, чтобы дверь со стуком захлопнулась у них перед носом; раздался приглушенный голос:

— Вздумаете ломиться — ответим стрелами!

После короткого совещания гномы сочли за лучшее отступить, тем более что самое главное они уже узнали. Но на обратном пути Фолко уговорил их вновь забраться во двор и закопать поглубже в землю найденные на кострище ножи.

Назад шли молча. Дори порывался поднять всех знакомых гномов и предать огню это змеиное гнездо, и его с трудом урезонили.

— Мы узнали и так достаточно, — успокаивал его Торин. — Люди Черных Отрядов имеют доступ в Город. Кто они — не столь важно. Они служат Злу Предначальных Дней, а значит, нам снова пора за топоры.

Невеселым выдался этот вечер в Аннуминасе. Меньше двух недель оставалось до дня выступления, а тут такие дела! Послан-

ный за Рогволдом Малыш вытащил ловчего из постели, не обращая внимания на ругань взбешенной Оддрун. Бывший сотник выслушал их историю и схватился за голову.

— Завтра же пойду к Наместнику, — сказал он сквозь зубы. — Это уж слишком! Ну ничего. Мы усилим стражу, мы не позволим этой нечисти безнаказанно гулять по нашей столице! Вы запомнили дом? Им займутся немедленно.

— Там остался Бран, — вставил Торин.

— Разумно, очень разумно, — кивнул Рогволд. — Я сейчас же пойду в городскую стражу, пусть оцепят дом. Никто не сможет ускользнуть!

Однако утро принесло друзьям одни разочарования. Торина, Малыша и Фолко поднял с постели злой и невыспавшийся Рогволд. Войдя, он сердито сдернул плащ и, скомкав, швырнул его в угол.

— Там отыскалась одна полуслепая старушка, вдова мелкого торговца, — хмуро начал ловчий. — Она действительно сдает приезжим сарай и комнаты в доме. В тот вечер к ней попросились на постой двое, одетые очень просто, невысокого роста. Говорит, они приплыли из-за озера на лодке. По ее словам, все их пошлины были в порядке, и она приняла их. А теперь, — ловчий усмехнулся, — она благодарит Всемогущие Звезды, что не отказала им! Ночью, говорит, в двери ломился кто-то, спасибо им, сказали: «Сидите, матушка, мы сами разберемся», а потом внизу кто-то из ломившихся ревел нечеловеческим голосом. Страху натерпелась!.. А потом эти неведомые двое ей и говорят: «Мы за стражей пойдем». И ушли. Мы приходим, а она нам: «Хорошо-то как! Вас мои гости прислали?» Я виду не подал, кивнул. Ничего она не знает и не видела. Странная какая-то старуха. Впрочем, в Городе ее знают... Одним словом, обвели вас вокруг пальца, друзья!

— Ну что ж делать, — проворчал Торин, — не сидеть же нам теперь в Аннуминасе до скончания веков и выслеживать этих проходимцев! Дел по горло. До выхода осталось всего ничего, пони не куплены, телеги не починены, припасы не упакованы... Рогволд, постарайся как-нибудь вбить в голову местным стражникам, чтобы не только топоры у гномов отбирали!

После всех пережитых волнений следовало как следует промочить горло и подкрепиться чем-нибудь пообильней, и вечером того же дня Торин, Малыш и Фолко сидели в уютной небольшой корчме неподалеку от городских ворот под звучным названием «Ножны Андарила». По утверждению Малыша, которое никто не мог оспорить в силу его большого опыта, здесь подавалось лучшее в Аннуминасе пиво. Зал «Ножен» был вытянут в длину, под окнами широкие лавки; на них дремало несколько человек, завернувшись в видавшие виды, поношенные плащи. Народу было немного: четверо — за длинным столом в середине, за который

сели и трое друзей, и несколько — за небольшими столами вдоль глухой стены. Фолко уже подметил, что почти во всех трактирах Аннуминаса, кроме больших общих столов, стояло несколько меньших, чтобы желающие могли побеседовать более спокойно.

Они сидели, изредка обмениваясь короткими фразами. Гномы мочили бороды в густой белоснежной пене. Фолко смаковал пиво мелкими глотками. Малыш не ошибся — здесь действительно подавали лучшее в Аннуминасе пиво! Вечер тянулся мирно, и даже озабоченно сведенные брови помрачневшего было Торина стали постепенно расходиться.

Неподалеку от них за небольшим столом возле стены сидели два разговаривающих человека. Рассеянно блуждавший по залу взгляд Фолко долго скользил, нигде не задерживаясь, пока не наткнулся на эту пару. Трудно сказать, что привлекло его внимание, однако он ощутил внезапный и неприятный холодок в груди, сразу же напомнивший ему о пережитом в Могильниках. Он насторожился и стал приглядываться.

Хоббит не видел их лиц: один сидел к нему спиной, лицо же второго скрывала фигура первого. У него были длинные, совершенно седые волосы, серый камзол был оторочен сверху простым белым воротником. Заметно сгорбленные плечи выдавали его возраст, о преклонных же годах говорила и лежащая на скатерти коричневатая морщинистая кисть правой руки со скромным серебряным браслетом на запястье. Возле его стула стояла прислоненная к столу черная трость. Судя по всему, это был горожанин, пожилой, довольно зажиточный; и еще, приглядевшись, Фолко увидел едва заметное черное пятно между его пальцами на правой руке — это значило, что ему приходится много писать.

О втором человеке Фолко мог сказать и того меньше. Он сидел неподвижно, угол трактирной стойки закрывал его лицо от света горевшего очага, и Фолко мог разглядеть лишь недлинную темно-русую бороду и падающие на плечи такие же гладкие волосы. Стол перед ними был уставлен тарелками и блюдцами, и пили они не пиво, а гондорское красное вино.

Двое посетителей, сидевшие неподалеку от заинтересовавшей Фолко пары, поднялись и пошли расплачиваться. Постепенно говорившие несколько повысили голос, и хоббиту стал слышен их разговор. Говорил русобородый:

— Благодарю тебя за все то, что ты мне поведал, почтенный Теофраст. Мне очень помогли беседы с тобою, но, мне кажется, ты все же не совсем прав. Я знаю, за свою жизнь ты написал, конечно, больше книг, чем мне довелось прочесть, но, клянусь ступенями Великой Лестницы (Фолко вздрогнул), — не бойся, лестницы могут вести и в небо, — прибавил он, чуть смягчив голос и кладя руку на плечо пожилому. — Но ты писал свои книги, не выезжая за пределы этого Города, а мне, так или иначе, пришлось

немало странствовать и узнать, что в бескрайних зеленых степях и лесах Истланда до сих пор поются песни об удальцах, павших под стенами Минас-Тирита, а по равнинам Харада каждый год тянутся вереницы воинов, чтобы поклониться Черной Скале, на которой золотом высечены имена вождей, сражавшихся под водительством Бледного Короля на Пелленорских Полях!

Фолко не видел лица говорившего, он слышал лишь его голос, мягкий, но упругий, полный скрытой силы: в нем звучал опыт прожитых лет. Голос притягивал слышавшимся в нем могучим порывом, но Фолко оторопел, когда смысл сказанного дошел до его сознания.

«Он как, за Черного Властелина, что ли? — в смятении подумал хоббит. — Что он такое несет?!»

Он толкнул локтем Торина и когда гном повернулся к нему, то приложил палец к губам и показал взглядом на собеседников, одновременно слегка коснувшись рукою уха. Торин понял, насторожился и тоже стал прислушиваться к разговору.

— Но все упомянутые тобою народы шли в бой, повинуясь чужой, враждебной всему Средиземью воле, они шли за добычей, шли жечь и грабить, — возразил русобородому тот, кого назвали Теофрастом.

Его голос был глуховат, спокоен, и тон его — несколько снисходителен. Он отпил глоток вина, и под белым воротником сверкнуло золото надетой на шею драгоценной цепи.

— Воля? — усмехнувшись, ответил русобородый. — Любая воля, чужая ли, своя, если она ведет мужчин на достойные этого звания дела или пусть даже к славной смерти, так или иначе, но права. А что до добычи? Ты знаешь не хуже меня, побывавшего там, что леса Истланда безмерно богаты зверем и птицей, да и кони у них не уступят тем, что пасутся на равнинах Рохана. Реки же Харада несут золота больше, чем могут добыть все гномы Средиземья! И эта чужая воля не отняла у них ни благородства, ни гордости. Я бывал и там, и там, я делил с ними кров и пищу — и в лесах, и в предгорьях, и со встреченными там мною мужчинами я бы смело пошел в любой, даже последний, бой. Там много достойных людей! И даже среди дунландцев, вроде бы забывших свои давнишние распри с Роханом, я встречал людей, презирающих тех, кто принял жизнь из рук победителей, кто запросил пощады в битве у стен Хорнбурга, а заодно — и их потомков.

— Что ты говоришь?! Они же несли смерть и разрушение, гибель свободе Запада, убивали невинных, беззащитных, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков!

Теофраст откинулся на спинку стула, в голосе слышалось удивление.

— Прости, почтенный учитель, но теперь мне просто смешны твои слова. Война жестока — эта истина стара, как мир. Кому же,

как не тебе, знаменитейшему хронисту Средиземья, знать, что в глубину веков уходят кровавые счеты между народами. Не нами началось — не нами кончится.

Голос русобородого стал холоднее и жестче.

— Но они изначально боролись за неправое дело. Хотели покончить с самым светлым, что есть в Средиземье, с его великим чудом — Перворожденными Эльфами, никогда не причинявшими людям зла!

— Эльфы? Это живое поющее бессмертие? Они чужды нам по самой сути. Да, они Перворожденные, но кто дал им право распоряжаться нашими судьбами, судьбами целых народов?! Они бросали нам крохи своего великого знания, как мы бросаем собаке кость во время богатого пира!

Голос русобородого наполнила долго сдерживаемая злость, он почти срывался в крик.

— Одумайся, они же столько раз бились рука об руку с людьми, спасая Средиземье от владычества Врага! Вспомни мои рассказы о Предначальной Эпохе!

— Но даже тогда исход войны решили именно люди. Эта борьба была прежде всего борьбою людей, и ты сам сказал мне, что на Пелленорских Полях люди бились с людьми.

— Но ведь бороться против эльфов — это лишать нас уходящего с ними великого знания!

Теофраст был поражен, ошарашен и лишь слабо сопротивлялся. Голос же русобородого наполняла теперь железная, неколебимая уверенность и столь же неколебимая воля. Он ответил, медленно роняя слова:

— Рано или поздно люди возьмут все это знание сами, своим трудом. Нам не нужны подачки!

— Твое сердце ожесточено, — печально вздохнул Теофраст.

— Быть может, — остывая и приглушая голос, ответил русобородый. — Но ожесточилось оно, глядя на задыхающийся от подаренной нам эльфами сытости мир Средиземья!

— Я не могу согласиться с тобой... Как же тогда быть с другими народами, населяющими наш мир? Как быть с этими добродушными гномами? Посмотри, эта великолепная решетка возле камина — их работа! А что до бороды Дьюрина, которой они ее украсили, то ведь каждый народ имеет право на собственные легенды и предания.

Голос русобородого потеплел.

— Ты прав, народ они неплохой, особенно если сменят кирку на боевой топор!

При этих словах Торин встрепенулся и шепнул на ухо Фолко:

— Он хорошо говорит о гномах! Он понимает нас! Редкий случай!

Тем временем русобородый продолжал:

— Однако кормим их все-таки мы! В голодный год мешок золота дешевле мешка пшеницы, и я что-то не слыхал, чтобы в подземельях научились выращивать хлеб! Гномы могут жить только вместе с нами, людьми, и от нас теперь зависит, как повернется их судьба.

Скрипнула входная дверь, и в зал вошли двое воинов городской стражи в своих обычных бело-синих плащах. Они были в шлемах и с мечами и, казалось, кого-то искали, разглядывая сидевших в зале гостей. Внезапно один из них толкнул товарища локтем, указывая подбородком на столик, за которым сидели Теофраст и русобородый. Теофраст принялся было что-то горячо втолковывать откинувшемуся на спинку стула собеседнику, когда воины довольно бесцеремонно вмешались в их беседу. Один из них встал за спиною Теофраста, другой подошел к русобородому справа.

— Почтенные, мы вынуждены на время задержать столь плавное течение вашей беседы, — начал стоявший рядом с русобородым воин. — Мы должны задать одному из вас кое-какие вопросы. Послушай, странник, не твоя ли это лошадь стоит у коновязи, серая в яблоках, под коричневым седлом с красною лукою?

— Ясное дело, что моя, раз я на ней приехал, — спокойно ответил русобородый, не двигаясь.

— Тогда почему... — начал было стражник.

Внезапно русобородый сделал одно молниеносное движение, отбрасывая назад стул. Над уставленным яствами столом блеснул закованный в латную рукавицу кулак, и незадачливый воин с тяжелым стуком повалился на пол. Прежде чем кто-либо успел что-нибудь понять, и второй стражник, опрокинувший стол и рванувшийся к русобородому, внезапно зашатался, схватился за голову, застонал и медленно осел на пол — какой-то человек, дремавший до этого на лавке, метко угодил ему в лицо тяжелым горшком, стоявшим около него. Кинувший метнулся к двери, его плащ распахнулся от стремительного движения, и Фолко со смешанным чувством изумления и ужаса узнал в этом человеке горбуна Санделло.

В дверях горбун замешкался на мгновение, но лишь для того, чтобы пропустить вперед себя русобородого. Они исчезли, а со двора донеслись крики, лязг оружия, затем раздался быстро замерший в отдалении перестук копыт. Лежавшие на лавках приподнялись, кто-то сел, кое-кто лишь приоткрыл глаза. В зал ворвалась толпа вооруженных воинов, бросившихся поднимать раненых товарищей. Один из них, видимо, старший, помог подняться сбитому со стула пожилому хронисту.

— Как! — вскричал старший, едва взглянув в лицо старика. — Возможно ли это?! Почтенный Теофраст! Вот уж никак не мог подумать, что для писания твоих хроник тебе понадобится общество этого конокрада. Обо всем этом тебе придется дать подробный отчет начальнику стражи Скилбаду. А на будущее я хотел бы предостеречь тебя от неразумных знакомств! — Он повернулся к сбитому с ног русобородым воину. — Так что здесь произошло, Фриц? Как ты мог так опозориться?!

— Капитан... — умоляюще прохрипел тот, кого назвали Фрицем, и сплюнул кровью. — Я виноват... Но кто же мог знать?

— Ладно! — оборвал его капитан. — Обо всем расскажете Скилбаду. Пошли, ребята! А ты, почтенный, — он снова повернулся к Теофрасту, все еще охавшему и державшемуся за бок, — пусть эта история послужит тебе хорошим уроком! И помни — послезавтра тебе придется предстать перед Скилбадом. А пока прощай!

Капитан стремительно вышел, за ним затопали остальные стражники. Напуганные посетители, в том числе и те, кто дремал у стены, поспешили убраться восвояси. В опустевшей корчме остались лишь ничего не понимающий хозяин, помятый хронист и трое друзей.

Фолко сидел совершенно оторопевший и сбитый с толку.

«Санделло в городе! — соображал он лихорадочно. — Санделло заодно с русобородым! Не ему ли он служит?! Наверное, русобородого знает старик! Его упускать нельзя!»

— Торин, этот старик!..

— Верно. Я сам об этом подумал.

Не сговариваясь, друзья подошли к Теофрасту, по-прежнему сидевшему, бессильно сгорбившись и потирая ушибленный бок.

— Мы видим, тебе плохо, почтенный. — Торин попытался вложить в эти слова как можно больше почтительности. — Быть может, нужно чем-нибудь помочь тебе? Может, проводить тебя домой?

Теофраст поднял к ним бледное, иссеченное морщинами лицо, на котором выделялись глубоко посаженные черные глаза, острые и внимательные, не утратившие с годами блеска и осмысленности.

— Да возблагодарят вас Великие Звезды, — слабо ответил он. — Я всегда знал, что вы, гномы, благородный народ... Да, пожалуйста, проводите меня. Мне трудно идти...

Торин и Малыш с двух сторон поддерживали старого хрониста, Фолко шел впереди, держа сумку Теофраста и его посох. Старик охал при каждом шаге, но постепенно приободрился и смог кое-как ответить на первые вопросы гнома и хоббита.

— Да, о благородные гномы и не менее благородный хоббит, меня зовут Теофраст, сын Аргелеба, и я придворный хронист Северной Короны. Много лет я собираю разбросанные по старинным книгам сведения по истории Средиземья, веду также погодные записи обо всем, что происходит в Арноре, — расспрашиваю свидетелей, собираю рассказы и заношу все это в хроники, копии

которых отсылаются в Минас-Тирит, к самому Королю. Я выполняю и другие разыскания по его приказам. Теперь направо, пожалуйста, а вон на том углу — налево. Ох-ох, неудачно это я...

Они остановились возле аккуратного двухэтажного дома в одном из тихих переулков неподалеку от Главной улицы. Дом был выкрашен в светло-коричневый цвет, на разросшихся в палисаднике кустах уже начинали набухать почки. По дороге, однако, говорили мало, а когда старик стал рассыпаться в благодарностях, стоя на своем крыльце, Торин сказал, понижая голос:

— Почтенный, нас очень заинтересовала вся эта история. Разреши нам прийти и побеседовать с тобой. Быть может, ты узнаешь нечто новое из наших рассказов.

— Что ж, — ответил Теофраст, — двери моего дома всегда открыты для желающих обрести знания и разобраться в событиях, равно и для тех, кто сам хочет рассказать мне что-либо. Приходите завтра вечером, я буду ожидать вас. А пока — мне надо прилечь, дабы прийти в себя после всей этой истории...

Они низко поклонились старику, и он, ответив на их поклон, скрылся за дверью. Они медленно сошли с крыльца и пустились в обратный путь, по дороге кое-как отбиваясь от наскоков ничего не понявшего и яростно требовавшего разъяснений Малыша. Растолковывая ему суть происшедшего, друзья не заметили, как добрались до дома. Торин принялся разжигать камин. Малыш отправился за водой, а Фолко зашел в трактир. Хозяин тут же кинулся к нему:

— Фолко, выручай! Весь твой соус кончился, а тут какая-то компания с Юга подвалила, требует только его, грозится весь трактир разнести! — Хозяин был бледен и напуган. — Я уж им пообещал, что ты, как придешь, сделаешь... Уважь уж ты меня, Фолко!

Хоббит вздохнул и согласился.

Около часа он возился, пока не приготовил свою коронную приправу, и, когда ее унесли в зал, раздававшийся там не очень умиротворенный гул голосов сразу умолк. Фолко перевел дух, снял фартук и пошел мыть руки.

— Погоди, куда же ты, Фолко? — остановил его внезапно вынырнувший откуда-то хозяин. — Эти южане там все языки попроглатывали и теперь требуют, чтобы им показали этого умельца! — Недавно бледное лицо трактирщика теперь сияло. — Давай, давай, нехорошо, нечего прятаться, пусть знают наших!

Трактирщик едва ли не силой выволок упиравшегося хоббита в общий зал. В углу его, за несколькими сдвинутыми вместе столами, сидело человек десять или двенадцать крепких мужчин, смуглых от оставшегося с лета загара, в коротких кожаных куртках. Их волосы, в отличие от большинства арнорцев, были коротко острижены. Они приветствовали Фолко дружными криками

одобрения. Один из них, высокий, горбоносый, чернобородый, но еще совсем молодой, поднялся со своего места и подошел к Фолко, пытливо вглядываясь в него проницательными серыми глазами.

— Мы благодарим тебя, почтенный мастер, за твое искусство, — сказал он, слегка наклонив голову. — Теперь мы видим, что мастерство не зависит от роста!

Он говорил с незнакомым хоббиту акцентом, иногда делая ударения на первых слогах слов. Фолко покраснел от удовольствия и пробормотал в ответ нечто невнятное.

— Я и мои товарищи в знак нашей благодарности просим тебя принять вот это. — Он протянул хоббиту раскрытую ладонь, на которой лежала большая серебряная монета, каких хоббит еще никогда не видел. — Возьми ее, мы дарим от чистого сердца.

Горбоносый вновь склонил голову. Фолко несмело протянул руку и взял тяжелый, приятно оттягивающий руку кругляш. В глаза ему бросились странные мозоли на ладони чужеземца — два прямых длинных бугра, тянувшихся строго поперек. Фолко попытался угадать, о занятии каким ремеслом могут говорить такие следы, но так и не сумел.

Чернобородый тем временем кивнул ему еще раз и сделал какой-то знак своим спутникам. Они дружно поднялись с мест и направились к дверям, вслед за ними зашагал и их горбоносый предводитель.

Фолко полез к хозяину с расспросами, но трактирщик ничего не мог сказать: ни кто эти люди, ни откуда они появились. В разговоре с ним они назвали себя южанами, и это было единственное, что он знал о них. Фолко ничего не оставалось делать, как вернуться домой и рассказать Торину всю эту историю.

— Вот и ты знаменитым становишься, брат хоббит, — пошутил в ответ гном. — Чем ты недоволен? Гордись! Я бы на твоем месте до потолка от радости скакал.

— Торин, а отчего могут быть такие мозоли? — Фолко провел пальцем по своей ладони.

Гном задумался, а потом покачал головой:

— Такое может быть, если вертеть что-то в руке. Но кто они такие — не пойму... Да, кстати, а что он тебе подарил?

Фолко протянул другу монету. Торин с минуту пристально смотрел на нее, не поднимая глаз, а когда наконец поднял, то Фолко поразился происшедшей в нем перемене — рот гнома был мучительно искривлен, в глазах стояли слезы. Из груди Торина вырвался тяжелый, скорбный вздох. Ошарашенный Фолко онемел, не зная, что сказать и чем утешить друга; Торин заговорил сам, изредка вытирая нос рукавом и стыдливо опуская глаза:

— Я знаю эту монету... Я узнал бы ее из тысячи, да и как не узнать, если я сам сделал эту насечку на ней и сам пробил отверс-

тие, когда дарил ее моему другу Тервину, пропавшему без вести четыре года назад! У меня от предков сохранился этот старинный скилл последних Дунаданцев. Я берег его, а когда мы расставались, подарил Тервину, уходившему в Эребор. Теперь я точно знаю, что он не пропал без вести, а был убит! — Гном яростно хватил кулаком по столу. — Эту монету у него могли забрать только вместе с жизнью! Скорее к городским воротам, быть может, мы еще перехватим их!

Однако у ворот их ждало горькое разочарование. Неведомые люди не собирались задерживаться в гостеприимной столице Северной Короны. По словам одного из стражников, совсем недавно из Города выехал отряд конников, по описанию похожих на встреченных Фолко в трактире, и на рысях ушел на юг.

— У всех были запасные кони, и не по одному, — прибавил воин. — Вам их не догнать, вы упустили время...

Гном заскрипел зубами и присел на корточки, закрывая лицо ладонями. Фолко беспомощно топтался рядом.

Однако Торин недаром слыл одним из храбрейших и упорнейших гномов среди своих соплеменников с Лунных Гор. Отчаяние не смогло надолго овладеть им, и когда он спустя мгновение выпрямился, ни горя, ни отчаяния не было заметно в его взгляде — только еще теснее сошлись его густые, чуть опаленные пламенем горна брови. Он был спокоен и решителен.

— Не время давать волю слабости, — угрюмо бросил он. — У меня сейчас странное чувство — за друга я еще отомщу, я почему-то уверен в этом. Прочь грустные мысли! За дело, брат хоббит, нас ждет Мория, а завтра — этот старый хронист...

Глава 12

СТАРЫЙ ХРОНИСТ

Во второй половине следующего дня неразлучная троица отправилась к дому Теофраста. Весна все увереннее вступала в свои права — над городом раскинулся ослепительно синий небесный свод без единого облачка, и яркое солнце щедро лило на расправляющийся после зимней стужи мир потоки живительного тепла. По мостовым кое-где еще бежали мутные ручейки; еще лежали под заборами и в тенистых местах почерневшие, осевшие сугробы, но весна все-таки наступила, и вместе с ней — надежда на лучшее.

Фолко весело щурился, подставляя лицо теплым лучам; Малыш беспечно насвистывал, а Торин временами даже что-то напевал. Фолко изредка удивленно косился на товарища — куда делось беспросветное отчаяние, охватившее его у городских ворот?

Проходя по Главной улице, они по просьбе Торина завернули в большую меняльную лавку. Выждав, пока очередной посетитель обменяет свое серебро на яркое аннуминасское золото, Торин почтительно обратился к важному, пузатому меняле, протягивая ему на раскрытой ладони монету Тервина:

— О достойный, мы нуждаемся в твоей помощи и твоем совете. Взгляни на эту монету. Скажи, не встречались ли тебе подобные? А может быть, через твои руки случайно прошла и она сама? Взгляни на нее повнимательнее — она приметная.

Сонливое лицо менялы не изменилось, когда он лениво взял протянутую Торином монету, однако его глаза, небольшие, чуть заплывшие, но очень острые и внимательные, впились в монету, словно два маленьких бурава. Он медленно заговорил, поворачивая серебряный кругляш перед глазами:

— Старый скильдинг времен Арахорна II. Редкая, очень редкая в наше время вещь. Монета действительно приметная — на ней отверстие в виде семилучевой звездочки и граффити... Нет, почтенный гном, могу сказать точно — через мою лавку эта вещь не проходила, да и через другие меняльные конторы Города тоже. Я бы знал, поверь мне. А вообще вещь, конечно, очень интересная. Дунаданцы ведь имели необычайно чистое серебро — такое сейчас редкость. Отвешивали же его так точно, что еще при моем отце в лучших лавках города эти монеты служили мерою веса драгоценного металла. А еще тогдашние мастера добавляли в сплав белое серебро, что когда-то привозили гномы из-за восточных гор.

— Мифрил? — спросил Малыш, жадно слушавший говорившего.

— Мифрил? — Меняла чуть усмехнулся. — Тогда в ней нельзя было бы проделать это отверстие. Мифрил, мой добрый гном, ценится намного выше золота, и будь здесь его хотя бы десятая часть, на эту монету можно было бы купить полгорода. Нет, это был также очень прочный металл, придававший монете твердость и нестираемость. Да, — он с видимым сожалением протянул монету Торину, — вещь, конечно, не из рядовых. Они сейчас совсем исчезли из оборота и остались лишь в мюнцернах. Не желали бы вы разменять ее на ходовую монету? Я бы прибавил к двенадцати с третью полновесных триалонов номинала еще шесть с половиной за чистоту серебра и три с четвертью — за редкость. Больше вам не дадут ни в одной лавке, клянусь весами и ножницами!

— Нет, почтенный, мы не собираемся ни продавать, ни обменивать ее. — Торин спрятал монету за пазухой. — Это память о моем погибшем друге, и, показывая ее тебе, я надеялся, что, быть может, удастся отыскать какую-то зацепочку... Жаль, что не получилось.

— Такую приметную монету никто не стал бы менять, тем более в столице, — улыбнулся меняла. — Ее скорее постарались бы тайно продать какому-нибудь любителю древностей. Я бы посоветовал вам зайти к Архару — его лавка неподалеку от трактира «Рог Арахорна».

Фолко прикусил губу и запомнил сказанное. Поблагодарив огорченного отказом толстого менялу, друзья вышли из лавки и зашагали дальше, к скромному дому старого хрониста.

Торин трижды ударил дверным молоточком в укрепленный слева от двери звонкий бронзовый гонг. Спустя короткое время в глубине дома раздались шаги, дверь распахнулась, и они увидели стоящую на пороге стройную девушку, почти девочку, в скромной темной одежде. Единственным украшением ей служила стягивающая пышные русые волосы золотистая ленточка.

Торин кашлянул от неожиданности, но девушка заговорила сама:

— Хозяин ждет вас в кабинете. Плащи, мешки, а также ножи и топоры оставляйте в прихожей. Здесь с ними ничего не случится. У нас в доме не принято ходить с оружием.

Сказав это, она сделала шаг в сторону, освобождая дорогу, и они вошли в просторное, немного сумрачное помещение, с покрытыми густо-коричневым деревом стенами. Вдоль одной из них тянулась длинная стойка со множеством кабаньих клыков, расположенных на всех уровнях, так что любой гость мог выбрать себе подходящий по росту и повесить плащ или кафтан.

Малыш и Торин, нехотя, покряхтывая и кусая губы, повесили на клыки свои перевязи — Торин с кистенем и шестопером, Малыш — с мечом и даго. Фолко же надел свои ножи под куртку, как делал всегда в Аннуминасе, — хоббит привык к оружию и, оказываясь без него, чувствовал себя неуютно.

Гномы разобрались наконец со своим вооружением, и девушка сделала приглашающий жест рукой, направляясь к лестнице.

«Здесь словно в комнате Старого Тукка в их главной усадьбе, — отрешенно подумал Фолко, идя вслед за друзьями. — Здесь, похоже, уже ничего не менялось долгие-предолгие годы».

Лестница даже не скрипнула под тяжестью коренастых гномов. Они поднялись на второй этаж, оказавшийся на первый взгляд точной копией первого — такое же просторное помещение, те же шесть одинаковых дверей по обе стороны, и лишь вместо входной двери Фолко увидел широкое, занимавшее всю стену, окно. Солнце уже опускалось, и комната была вся залита его ярким сиянием, так что после полумрака прихожей им пришлось щуриться и прикрывать глаза.

— Я приветствую вас, — вдруг раздался рядом знакомый голос хрониста; ослепленные солнечными лучами, друзья не сразу заметили, как он вышел из одной из дверей. — Прошу вас ко мне в гостиную.

Он гостеприимно распахнул створки и учтиво пропустил гостей вперед. Они оказались в небольшой комнате с камином в дальней стене, с тремя окнами, сейчас прикрытыми ставнями. Стены были задрапированы темно-коричневой тканью. Возле камина стояли низкий стол, четыре уютных кресла и высокая конторка, за которой можно было писать стоя. Пол в гостиной покрывали темные, необычайно плотно сбитые между собой доски. Слева от камина в стене без окон виднелась еще одна небольшая дверь, а над самым камином висела старинная шпалера, изображавшая высокого, статного старика с царственной осанкой и длинными, распущенными седыми волосами в белоснежных одеяниях с черным посохом в руке и длинным мечом в синих ножнах у пояса. Он стоял вполоборота к зрителю, но голова была повернута, и вошедшего встречал суровый и проницательный взгляд казавшихся живыми глаз. На лице старика лежала печать бесконечной усталости и глубокой, хоть и светлой печали. Завороженный Фолко не удержался от вопросов.

— О, это удивительная вещь, — явно довольный, отвечал Теофраст. — Это, сударь мой хоббит, не кто иной, как сам великий маг Гэндальф Серый! — Хронист кинул быстрый взгляд на оторопевших гостей, любуясь произведенным впечатлением. Выдержав паузу, он продолжал: — Его запечатлел неизвестный художник в Серых Гаванях, незадолго до того, как всемогущий чародей покинул наш мир. Шпалеру эту преподнесли Великому Королю, потом царствующий внук Элессара Эльфийского наградил ею вашего покорного слугу. — Хронист чуть развел в стороны руки и церемонно поклонился. — С тех пор она и живет здесь, над моим камином. Но что же мы стоим? — вдруг спохватился он. — Прошу вас, садитесь к огню, набивайте ваши трубки, и начнем беседу.

Они расселись и достали кисеты. Вскоре по комнате поплыл голубоватый дымок. Теофраст стоял молча, с доброй улыбкой обводя гостей своими проницательными глазами. Видя, что их трубки в порядке, он неожиданно для всех обратился к хоббиту:

— Легка ли была дорога от вашей прекрасной страны? Как обстоят дела в Хоббитании? Мне редко удается побеседовать с кем-нибудь из вашего народа — в Аннуминас хоббиты забредают редко, а сам я уже стар для дальних дорог. Итак, что же происходит у вас в последние годы?

Сказать по правде, Фолко растерялся. Но спокойный голос старого хрониста, уют его много повидавшего на своем веку дома сделали свое дело. Сначала медленно и неуверенно, а затем все больше и больше приободряясь, Фолко принялся рассказывать Теофрасту обо всем, что мог припомнить из происшедшего в Хоббитании за его короткий век, и то, что ему запомнилось из

хоббитанских хроник, которые они пристрастились писать после Обновления Хоббитании.

Теофраст легким движением потянул за свисавший среди складок драпировки шнур — где-то в глубине дома звякнул колокольчик. За небольшой дверью, замеченной хоббитом слева от камина, раздались легкие шаги, и в гостиную вошла девушка, открывшая им дверь. Она несла в руках толстую тетрадь в переплете из мягкой черной кожи.

— Сатти поможет мне лучше запомнить твой рассказ, почтенный хоббит.

Теофраст сел в оставшееся свободным кресло, а девушка встала за конторкой. Фолко перевел дух и продолжал. Он и сам не заметил, как постепенно стало угасать в окнах багряное закатное зарево, постепенно он свернул на свою собственную историю, чтобы подвести беседу, как и было условлено у них с Торином, к происшествию в Могильниках. Теофраст слушал очень внимательно, медленно поглаживая длинными пальцами резной подлокотник и все время глядя прямо в глаза хоббита.

Мало-помалу его рассказ перешел к описанию их встречи с Торином, правда, хоббит благоразумно опустил подлинное содержание их ночных бесед. Он рассказывал о Бэкланде, о Старом Лесе и, наконец, добрался до Поля Могильников. Краем глаза он увидел едва заметные кивки гнома — все шло как задумано. Торин сперва сам собирался начать разговор, но теперь было ясно, что хоббит справится не хуже.

— И теперь мы бы хотели спросить тебя, почтенный Теофраст, — вступил в беседу гном, когда Фолко остановился перевести дух и помочить горло глоточком из стоявшего на столе кувшина с пивом, — не можешь ли ты пояснить нам, что же такое происходит в Могильниках? То, что мы видели, странно и... страшновато, я бы сказал, чего стоят одни серые призраки!

Вздрогнув, девушка на мгновение подняла округлившиеся и ставшие совсем ребячьими серые глаза. Теофраст же опустил взгляд, и его брови чуть сдвинулись.

— Наверное, это один из тех загадочных следов темного прошлого, оставленных нам Великой Тьмою, — тихо проговорил он, и, казалось, даже дрова в камине стали трещать тише и как-то опасливее. — Никто в точности не знает, как это началось. Известно, что в этих Могильниках похоронены павшие в многочисленных междуусобных войнах правители Корлиона, небольшого королевства на южных рубежах нынешних владений Северного Скипетра. В то время Арнор оказался разделен на несколько частей, правители которых враждовали между собой, они проливали кровь своих собратьев и стали склоняться ко злу. В архивах Элронда Полуэльфа, ушедшего за Море владетеля Ривенделла, — знаете, где это? — я нашел легенду о том, что эти правители не

обрели покоя за Гремящими Морями, а, поддержанные великой силой Саурона, превратились в злобных бестелесных духов, питающихся теплом и кровью живых. Однако они были созданы — или возникали сами — до того, как было выковано Единое Кольцо, и оказались неподвластны ему — я так понимаю происходящее. Наверное, они сейчас лишены хозяина... А быть может, есть еще какое-то объяснение. — Он пожал плечами. — Думаю, только Кэрдан знает, да и то вряд ли. Он никогда не интересовался делами Средиземья, его вечно влечет подвластное его народу Море. Да, призраки эти — вещь страшная, так что наш почтенный хоббит проявил исключительную отвагу!

Фолко покраснел от похвалы.

— Но вы не первые, кто спрашивает меня о Могильниках, — вдруг задумавшись на мгновение, продолжал Теофраст. — Много лет назад этот же вопрос мне задавал еще один человек. Да вы, впрочем, его даже видели.

Он с улыбкой посмотрел на изумленных друзей — двоих из них, потому что третий, Малыш, уже мирно посапывал, привалившись головой, как и в первый вечер, к плечу хоббита.

— Вы видели его вчера, он был вместе со мною в «Ножнах Андарила», — продолжал Теофраст. — Его зовут Олмер, он золотоискатель из Дэйла. Я знаю его уже лет двенадцать, он часто рассказывал мне много интересного из происходящих на Востоке событий. А однажды спросил и про Могильники. Это было в его последний приход, он вообще редко появляется в Аннуминасе, примерно раз в год, а наша теперешняя встреча состоялась после пятилетнего перерыва. О, он рассказал об удивительных событиях! Например, о невиданной восьмидневной битве на берегах Рунного Моря, в которой он сражался на стороне истерлингов против неведомого народа, пришедшего с юга, из-за Мордора. По его словам, реки Прирунья три дня после побоища несли трупы людей и коней...

Видно было, что старый хронист увлекся, и Фолко решил воспользоваться этим.

— Но почему же за ним тогда охотились стражники? — спросил он, стараясь показать, что он необычайно заинтересован рассказом хрониста, и не выдать до времени их подлинных намерений.

— Я не удивлен этим, — пожал плечами хронист. — Все те, кто занят добычей и продажей золота, не в обиду будет сказано почтенным гномам, рано или поздно входят в противоречие с законами Великого Короля, не всегда предугадывающими все повороты событий... А про Могильники я ответил ему почти то же, что и вам — новых сведений мне особенно брать неоткуда, но теперь, после вашего рассказа, я буду отвечать, что не надо бояться багровых огней и серых призраков — надо лишь крепко держать

в руках лук и не ослабевать сердцем, как и поступил один мой знакомый хоббит по имени Фолко Брендибэк!

— Но был и еще один хоббит, не убоявшийся лютых подземных сил, — возразил смутившийся Фолко. — А как же Фродо, знаменитый Фродо Бэггинс, Хранитель Кольца?!

— А разве ему доводилось встречаться с этими призраками? — удивленно поднял брови Теофраст.

Теперь настал черед раскрыть рот хоббиту.

— Да это же известно всем в Хоббитании от мала до велика! Да и в Красной Книге об этом подробно сказано...

— В Красной Книге?! — разом подобрался хронист. — Кто ж из моих собратьев по перу не слышал об этом удивительном повествовании, дошедшем до нас лишь в кратких, недостоверных и неполных выписках и позднейших пересказах! Красная Книга — заветная мечта любого хрониста! Уж не читал ли ее почтенный хоббит?

В голосе Теофраста зазвучала страстная мольба. Казалось, для него сейчас действительно ничего не существовало дороже этого вожделенного, почти сказочного труда. Он весь подался вперед, его пальцы сплелись, на высоком сухом лбу появились бисеринки пота. И Фолко решился.

— Да, я читал ее, — медленно ответил он, — и даже могу показать ее тебе, почтенный Теофраст!

Торин испуганно вскочил с кресла, девушка вскрикнула от неожиданности, Теофраст — старый, почтенный и уважаемый хронист — подпрыгнул так, как не смог бы, наверное, в лучшие годы молодости, и вцепился в плечи оторопевшему Фолко, закружившись вместе с ним по гостиной, не распевая, даже не выкрикивая, а прямо-таки горланя нечто безумно-радостное. Полы его темного просторного плаща разметались, волосы спутались, но он ничего не замечал. От поднявшегося шума проснулся Малыш и в суматохе схватился за стоящую около камина кочергу.

Наконец Теофраст успокоился и, тяжело дыша, отпустил хоббита.

— Я ваш неоплатный должник, почтенный Фолко, — сказал он, и друзья смущенно отвернулись — на морщинистом лице хрониста блеснула стыдливая слеза. — О благословенная судьба, что послала мне на старости лет такую радость! Но, — он вдруг спохватился и стал серьезен, — если вы только покажете мне ее, это будет все равно, что дать голодному краюху хлеба, а затем вырвать из рук, не дав откусить ни кусочка! О Фолко, сын Хэмфаста, да хранит тебя Светлая Элберет, ты мог бы сделать великое благодеяние, разрешив мне скопировать ее!

— Но мы вот-вот выходим, — слабо попытался возразить хоббит, — и не могу я оставлять ее в чьих бы то ни было руках, да простит меня достойнейший Теофраст.

— Да, да, я все понимаю, — поспешно закивал хронист. — Кто ж оставит такое сокровище! Но я и не прошу этого! Будьте моими гостями в течение следующих семи дней, и за это время под вашим надзором десять самых искусных писцов перепишут ее, работая день и ночь! Мы аккуратно разнимем ее, а потом снова сошьем. Не надо бояться за ее сохранность, — он успокаивающе вытянул руки, — мы делали так много раз, мы знаем, как обращаться с оригиналами великих манускриптов! А вы можете теперь требовать от меня все, что окажется в моих силах...

Хронист опустил руки и устало умолк, точно выложился до конца во время этой вспышки. Его голова постепенно склонилась на грудь. Фолко слушал его со смешанным чувством удивления и неловкости. Но он не умел еще отказывать и поэтому тихо сказал «да».

Когда схлынули восторги хрониста и они уговорились, что хоббит принесет ему Красную Книгу на следующий день, нетерпеливо ожидавший Торин спросил наконец то, что интересовало их:

— Почтенный Теофраст, мы ненароком слышали часть вашей беседы с Олмером из Дэйла, как ты назвал его. И одно никак не идет у меня из головы: почему он, судя по твоим словам незаурядный человек, так зло говорит об эльфах?

Теофраст помедлил, собираясь с мыслями:

— Не совсем понимаю, чем он так заинтересовал вас, но, по моему мнению, именно у таких сильных людей иногда обострено чувство обреченности Смертных, осознание конечности нашего бытия. А рядом — раса Перворожденных, Бессмертных, вожди которых в незапамятные времена приложили руку к Проклятию Людей, которое ведь, если разобраться, и привело к гибели Нуменора! Вы должны знать эту историю лучше меня. Его гордое сердце восстает против того, что наши судьбы были в какой-то мере предопределены Бессмертными. Отсюда, наверное, его неприязнь к Дивному Народу. Я не разделяю его взглядов, — добавил Теофраст, — но считаю, что его право — говорить то, что думает.

— А что такое «Великая Лестница»? — спросил Фолко.

Он вспомнил, как вздрогнул хронист в корчме, услышав эти слова. Да и сейчас лицо Теофраста омрачилось. Он заговорил тихо и медленно, казалось, с трудом подбирая слова:

— Это очень древняя и непонятная легенда. Она известна мало кому из смертных Средиземья. Я прочел о ней в эльфийских пергаментах, в той их части, что написана еще на староэльфийском. Когда-то у Перворожденных существовало предание, что наш мир пронзает исполинская, почти бесконечная лестница, берущая начало в подземном мире ужаса и первозданного зла, который иные именуют Унголиант. Оттуда она поднимается на поверхность, проходит через наш мир и уходит в заоблачные выси,

в вечно голубое небо и там, в равнинах необъятной высоты, заканчивается звездной пристанью, к которой, устав от бесконечных скитаний по небесным тропам, пристает иногда корабль Эарендила со сверкающим Сильмарилом на челе. Ступени этой лестницы были сложены из чистого мифрила. Предание не повествует, кто был строителем этой лестницы, но там было сказано, что Саурон, в зените своего могущества, сумел разобрать какую-то ее часть, что находилась ближе к земле, и употребил ее на строительство Барад-Дура, Черного Замка. Поэтому Эарендил и не может больше спускаться под облака и наблюдать за жизнью Средиземья, ради которого он обрек себя на вечные блуждания по небосводу... Как жаль, что это все — лишь красивые сказки! — Теофраст вздохнул. — Эльфы когда-то считали, что, поклявшись Великой Лестницей, Перворожденный или же смертный дает самое крепкое обещание. Прислужники же зла, напротив, клялись нижней ее частью. Вот почему я был так удивлен, услышав от Олмера эти древние слова. Хотел бы я знать, откуда их почерпнул этот золотоискатель...

Теофраст мечтательно покивал головой и умолк. Комнату затопила тишина. Все молчали, а в груди Фолко вдруг появилась незнакомая раньше сосущая боль, безнадежная тоска по небывалому, по всей ушедшей прелести старого мира, по его магии и по его чудесам. Малыш подозрительно шмыгнул носом.

— Да, нам, хронистам, нелегко сейчас, — негромко продолжал Теофраст, как бы размышляя вслух, — люди мало интересуются делами прошлого, предпочитая мелкие и сиюминутные заботы настоящего. Редко, очень редко удается встретить настоящего собеседника. Олмер — один из них. Его жизнь темна и непонятна, но он мыслит и рассуждает, он много знает и много рассказывает, и поэтому я всегда с радостью встречаюсь с ним... Только теперь не в моем доме, ибо, как я заметил, есть тут одни глаза, следящие за ним пристальней, чем нужно! — В его голосе появились незнакомые ворчливо-тревожные нотки. — Да, да, это касается тебя, Сатти, не отворачивайся, я это заметил, как только Олмер перешагнул наш порог!

Девушка покраснела и быстро закрыла лицо ладонями. Теофраст еще несколько мгновений внушительно помолчал, грозя своей юной помощнице крючковатым, старческим пальцем.

— Поэтому, когда он пригласил меня, — продолжал хронист, — я и решил, что отныне буду встречаться с ним где-нибудь в другом месте, и судьба послала мне удачу!

Он улыбнулся друзьям, словно лучик весеннего солнца упал на морщинистую кору старого дуба.

— А не слышал ли ты, почтенный, что-либо о людях, поклоняющихся Могильникам? — перешел к делу Торин, не обращая слишком много внимания на сказанное хронистом. — Мы встре-

тили уходящий туда отряд, мы нашли странные следы странных обрядов... И не только в Могильниках.

Теофраст быстро подобрался, выпрямился и сделал быстрый знак Сатти. Девушка поспешно раскрыла тетрадь, и легкое перо в ее ловких руках быстро заскользило по страницам вслед словам Торина.

— Да, до меня доходили скупые и недостоверные слухи об этом, — медленно заговорил хронист. — Как правило, сведения поступали от проезжавших через Пригорье, но они были туманны и разноречивы. По сути, вы — единственные свидетели, видевшие все это до конца! Однако старые летописи Дунаданцев гласят, что еще до Войны за Кольцо к югу от Поля Могильников существовали какие-то полузабытые поселения странного народа, очень немногочисленного. Они никогда не пытались как-то заключить союз или хотя бы наладить торговлю с Пригорьем, никогда там не появлялись. С ними сталкивались Следопыты, настоящие Следопыты Севера. Эти поселяне иногда помогали им выслеживать прислужников Тьмы, но, по-моему, делали это больше из страха или корыстолюбия — они требовали плату за свои услуги. Их было очень мало, я уже говорил, и Дунаданцы презирали их. После победы люди стали быстро осваивать и распахивать все пригодные для этого земли, кольцо арнорских деревень стало быстро сжиматься и вокруг Могильников, и этот неведомый народ поспешил уйти из этих мест. Никто не знает, куда они сгинули, погодные записи не содержат каких-либо упоминаний о столкновениях с ними. Они ушли сами. Конечно, связи с увиденным вами пока никакой, но больше я ничего рассказать вам не могу. Будет лучше, если вы поведаете мне как можно более подробно всю вашу историю!

Торин, Фолко и Малыш, перебивая друг друга, принялись рассказывать о таинственном доме на Северной Стороне и обо всем, что они там нашли и увидели. Сатти только успевала окунать перо.

— Удивительно и непостижимо, — промолвил внимательно выслушавший их хронист. — Но городская стража обо всем знает, и это как-то успокаивает. Да... кусочек Обманного Камня светится так же, как будто находится на Кургане! Значит, есть какая-то связь между ним и теми, что высятся на вершинах Могильников. — Теофраст поднял опустившуюся было голову. — Я благодарю вас за поистине бесценный рассказ. Он будет занесен во все анналы, уж я постараюсь.

— Почтенный, а не знаете ли вы кого-нибудь из друзей или приближенных этого Олмера? — продолжал напрямую задавать вопросы Торин, и Фолко вновь заметил тень удивления на лице хрониста.

— У него много собратьев по профессии, — ответил Теофраст, но не слишком охотно. — Это отчаянный и бесшабашный народ,

не очень-то чтущий законы. Им многое прощается — золота в Средиземье мало, почти все оно — в руках ваших соплеменников, почтенные гномы, и люди сейчас заняты разработкой золотых россыпей и скудных поверхностных жил. И они говорят, что у вас бывают стычки с ними?

— Да не жилы они ищут! — вдруг встрял в разговор возмутившийся Малыш. — Не жилы они ищут, а наши кладовые, что поближе к поверхности. И, бывает, докапываются. Правда, мало кому из таких счастливчиков удается выбраться. Вот, к примеру, не так давно...

— Погоди, Малыш! — резко прервал товарища Торин с досадливой гримасой на лице. — Они еще ищут и наши старые запасы, о которых гномы уже и сами забыли в чудовищном водовороте последней войны. А насчет остального, что схватываемся, бывает...

— Ну, ну, не будем сейчас обсуждать это, — примирительно поднял руку Теофраст. — Кстати, ваши слова навели меня на интересную мысль: так вот почему Олмер так настойчиво интересовался у меня всем, что касается Небесного Огня!

Фолко замер, не в силах двинуться; однако Теофраст не заметил этого и продолжал:

— Я догадывался, что Олмер не совсем обычный золотоискатель. Мне казалось, что его больше интересуют старинные клады — отсюда его вопросы про Могильники: там ведь, согласно поверью, зарыты огромные богатства королей прошлого — отсюда и Небесный Огонь. По бытующему среди охотников за желтым металлом поверью, зарытое под землю золото притягивает к себе Небесный Огонь, чаще всего ударяющий именно в такие места. Да, теперь понятно, а я-то ломал голову!

Теофраст покивал с легкой усмешкой, как человек, решивший долго казавшуюся очень сложной задачу.

— А Небесный Огонь — это что такое? — снова влез Малыш, очевидно, успевший выспаться за первую часть их беседы.

— Небесный Огонь, — терпеливо пояснил Теофраст, — это очень редкое и удивительное явление. В ясные звездные ночи, а иногда и днем, небосвод внезапно прорезает бесшумная огненная стрела. Ее видно бывает во всем Арноре, но определить, куда она попала, очень трудно. Говорят, что это — отгоревшие свое звезды, а может, и нет, не знаю. Так считают эльфы... Обычно появление Небесного Огня означает начало или же, наоборот, завершение каких-либо важных событий, затрагивающих все Средиземье. Так было, например, сразу после смерти Великого Короля и незадолго до его воцарения. Старые хроники утверждают, что Небесный Огонь видели в год гибели последнего короля Гондора Третьей Эпохи, после которого править Минас-Тиритом стали Наместники, линию которых ныне продолжают потомки

славного Фарамира, сына Денетора, владельца замка Эмун Арнен. Можно привести еще примеры.

— И что же, от них не остается никаких следов? — продолжал допытываться Малыш.

— Со следами сложнее, — покачал головой хронист. — Видишь ли, почтенный гном, они всякий раз оказываются разными, да и известно их очень мало. Бывает, что на этом месте оказывается оплавленный камень, а бывает — расщепленное дерево, словно в него попала исполинская молния. Известен один случай, когда Небесный Огонь поджег крышу сарая в одной из наших деревень. Вот, собственно, и все. Никто ничего не знает в точности, — повторил он.

За окнами к тому времени совсем уже смерклось. Видно было, что Теофраст устал, да и у хоббита давно уже бурчало в пустом животе. Друзья поднялись и стали прощаться, договорившись прийти завтра и принести с собой Красную Книгу. Теофраст и Сатти проводили их до дверей.

Они побрели назад, к «Рогу Арахорна», шагая в молчании и размышляя каждый о чем-то своем. Фолко задрал голову и посмотрел на ясное ночное небо. Ярко горели на востоке Реммират, Звездная Сеть, и через все небо протянулась усыпанная мелкой звездной пылью Тропа Эарендила. Откуда-то из этих высоких пределов приходит чудо Небесного Огня, помнить о котором велел Пелагаст. Почему? Что это значит? И почему им интересуется этот загадочный Олмер, которому служит горбун? Есть ли какая-то связь между русобородым золотоискателем и обладателем того властного голоса, остановившего Санделло в Пригорье? Фолко помнил тот голос очень хорошо, но на принадлежащий русобородому он вроде бы не походил. Золотоискатель... А ведь Рогволд говорил как-то, что Санделло одно время прибился к этой братии, может, этот Олмер действительно всего лишь золотоискатель, точнее — вожак какого-то отряда добытчиков, живущих по собственным законам и оттого не слишком любящих встречи с королевской стражей? Да и вообще, почему мы так к нему прицепились?! Ну, говорил невесть что... ну, Санделло возле него обнаружился... ну, Небесным Огнем интересовался и Могильниками... Так все же понятно. Теофраст все это очень хорошо объяснил. Кто их знает, этих Больших, во что они там верят?

— Так ничего и не узнали толком, — досадливо буркнул Торин, когда они пришли домой и расположились у камина. — Ничего по делу не сказал! Санделло он не знает, Олмера этого — тоже только так, с его же слов, про Могильники — ничего достоверного, про поклоняющихся какие-то старые слухи... Никаких доказательств! В общем, ясно: Книгу пусть уж копирует — она твоя, Фолко, я распоряжаться не могу. И сразу же выходим! Засиделись мы здесь, засиделись, а нам хорошо бы до осени обернуться.

— А Небесный Огонь как же? — заступился за Теофраста Малыш.

— А что нам до него? — зло сверкнул глазами Торин. — До наших кузниц он пока еще не добрался и, помоги Дьюрин, еще столько же не доберется! В общем, завтра будем спрашивать как надо. Надо выяснить, что делается в междуречье Барэндуина и Гватхло и вдоль Сираноны, как обстановка на Зеленом Тракте, кто живет вдоль него, есть ли разбойники, как поживают дунландцы — от них ведь до Ворот Мории всего ничего! И потом, у меня эти волки-оборотни, волколаки, из головы не идут. Хранители отбились от них только благодаря силе мага, нам же придется полагаться только на себя. Ладно, ночь пройдет, утро присоветует — ложимся спать!

Торин завершил свою напористую речь и первым подал пример, завернувшись с головой в одеяло, и вскоре огласил комнату легким похрапыванием. Фолко еще посидел у гаснущего камина, пошевелил в нем угли. Ему не спалось, и он вышел на крыльцо подышать свежим весенним воздухом. Присев на пороге, он не спеша закурил трубочку. Выпустив первые колечки дыма, он задумчиво достал один из всегда бывших с ним метательных ножей и принялся привычно крутить его в руке, рассеянно наблюдая за игрой серебристых лунных бликов на его отполированном лезвии. И тут он услышал вой.

Выло где-то совсем рядом, но едва слышно, глухо, безнадежно-тоскливо и бессильно-злобно. Хоббит разом вскочил на ноги, сжимая в кулаке готовый к броску нож и судорожно оглядываясь. Знакомое еще с достопамятных Могильников чувство напоминало о себе, царапнув точно острым когтем по сердцу; боль была сильной и острой, и Фолко понял, что на сей раз били прицельно в него. Он напряг всю свою волю, приказывая невидимому врагу отступить, одновременно изо всех сил крутя головой в поисках противника. Поддаваясь необычно сильному натиску безотчетного страха, он отступил на шаг, к дверям, нашаривая задрожавшей помимо его воли левой рукой вделанное в доски двери кольцо. Давление на него оказывалось куда сильнее пережитого в Могильниках; сопротивляться было почти невозможно. Что-то бесформенно-грозное медленно наползало на него из глубины темного двора, и, казалось, он сейчас будет сбит с ног, растоптан, раздавлен, и жизнь будет выжата из него, точно кровь, по каплям, пока на пороге не останется лишь похолодевшее мертвое тело.

Зубы Фолко стучали, лоб покрылся холодным потом, глаза расширились. Его взгляд, бессильный пронзить мрак ночи, напрасно шарил по двору. Его врагу незачем было обнаруживать себя. Он должен был смять оставшегося на пороге стража и войти внутрь.

Как только в смятенном сознании Фолко всплыла эта ясная,

холодная, словно внушенная кем-то извне мысль, его помраченный дух внезапно и неожиданно укрепился и просветлел. В этом приказе он прочел предложение купить жизнь бегством и в ту же секунду понял, что поддаваться этому нельзя. Там, за дверью, мирным и покойным сном спят его друзья, чувствующие себя в полной безопасности; там могучий, добрый и великодушный Торин, чуточку смешной, но верный и преданный Малыш, его друзья, готовые пойти ради него на все, — он не может отойти в сторону, и будь что будет. Бой так бой! Ему надо было выстоять. Теперь один на один.

Ноги словно вросли в деревянную преддверную плаху, спина уперлась в твердый завиток священной бороды Дьюрина, в руке блестел нож. Фолко молча ждал, изо всех сил сопротивляясь неослабевающему напору злой, нечеловеческой силы. Словно наяву, он видел надвигающуюся на него серую, туго надутую полукруглую чашу, сплетенную из появившихся минутой раньше серых нитей; и тогда он изо всех сил метнул перед собой нож, чтобы лопнула наконец эта стягивающая волю завеса, а там — будь что будет...

Нож беззвучно и бесследно исчез в ночи, не сверкнув ни единым отраженным лунным лучиком. Казалось, он навсегда канул в гасящем всякое движение сером болоте.

Однако мгновение спустя раздался звонкий удар воткнувшегося в дерево клинка; и этот звук, такой плотный, живой и реальный, крепче самого тяжелого молота ударил по сковывавшей мозг хоббита тишине: по двору пронесся шипящий, свистящий звук, словно одинокий порыв холодного ветра грубо рванул склоненные гибкие ветки; серая завеса, будто рассеченная надвое, стала медленно и нехотя расходиться в стороны, а прямо перед собой в нескольких саженях Фолко внезапно прояснившимся взглядом увидел знакомую серую фигуру. Ее контуры казались зыбкими, как бы тающими в окружающем сумраке. Фигура медленно двинулась на него, он вновь почувствовал настойчивые попытки чужой силы убрать его с дороги — теперь теснило грудь, затрудняя дыхание; но теперь враг был прямо перед ним, и Фолко знал, что делать.

— Что тебе нужно? — мысленно простонал он, прикидываясь сломленным и пытаясь изобразить это как можно натуральнее.

В ответ раздалось что-то похожее на торжествующее карканье воронов-трупоедов, слышимое только ему. Он не разобрал слов, но понял приказ точно:

— Уйди с дороги. Я должен войти. Иначе смерть.

Хоббит не отступал, и тогда серые контуры шевельнулись и медленно поплыли к нему.

— Не дерзай встать на пути Кольцеруких!

— Ты лжешь, их давно нет, вы лишь бледная тень их былой

силы! — яростно заорал про себя Фолко и отработанным сотнями повторений движением точно, как на занятии с Малышом, послал второй нож, прямо в черную полосу, идущую чуть ниже того, что он назвал бы лбом этот существа.

И одновременно со свистнувшим в воздухе клинком его воля нанесла ответный удар: «Что ты можешь сделать мне, живому и сильному, из плоти и крови, ты, серый туман прошлого? Ты бессилен здесь! Уходи в свои подземелья и дожидайся того часа, когда не моя, но стократ более сильная воля развеет по ветру твои последние обрывки! Ну что же ты медлишь?! Вот он я, иди сюда!»

Нож исчез, точно камень, брошенный в поросший серой ряской пруд, призрачное голубое пламя, словно далекая зарница, озарило двор и тотчас погасло. Его воля уже рвала, давила, разметывала остатки подступившего врага, распластанная по земле серая тень отползала, утекала, словно пролитая вода, и до внутреннего слуха хоббита доносилось лишь беззвучное шипение. Тень из Могильников была бессильна против него. Он отбил ее натиск, он победил!

Фолко вдруг обмяк, обессилел и постыдно всхлипнул от разом навалившейся усталости, словно ноги уже не держали его; он почти упал на порог, прижавшись лбом к дверному косяку.

— Фолко! Ты чего в дверь колотишься? — На пороге стоял заспанный, недовольно мигающий Торин с лучиной в руках. — Как ты здесь оказался? Что тут произошло?

Хоббит, не отвечая, нетвердой походкой прошелся по двору, подобрав оба своих ножа. Рукоятки, сплетенные из полосок тонкой кожи, казались подгоревшими — кожа почернела, сморщилась, а кое-где и обуглилась. Фолко принялся стирать копоть рукавом.

— Да объясни ты толком: что тут стряслось? — Торину хотелось спать, он был раздосадован помехой и теперь пытался как можно скорее все уладить.

— Торин, здесь такое было, — всхлипнул хоббит, вновь обессиленно приваливаясь спиной к двери. — Нет, здесь говорить не будем... Пошли, пошли отсюда!

Он потянул гнома за рукав, и недоумевающий, зевающий во весь рот Торин вошел за ним в дом.

Прерывающимся шепотом, вздрагивая при каждом ночном шорохе или скрипе, Фолко сбивчиво передал Торину суть происшедшего. Сейчас, когда все уже кончилось, он не мог совладать с колотившей его крупной дрожью.

В трепетном свете лучины стало видно, как сурово сошлись брови гнома, как заиграли желваки на скулах. Его рука потянулась к лежавшему на чурбачке у изголовья топору.

— Нашел, значит, — зло и весело щурясь, протянул Торин вполголоса. — Пришел, значит! Кольцерукий, значит! — Гном торопливо проверял, на месте ли его остальное вооружение. — Так что

с ним в конце концов сделалось? Что-то не слишком я верю, чтобы такие призраки исчезали от простого ножа.

— Нож ему ничего не сделал, по-моему, — покачал головой хоббит. — Просто пролетел насквозь, и все. Похоже, я все же сумел оттолкнуть его чем-то, мне так кажется. А вот завесу точно ножом рассекло.

— Ну что ж, все ясно, — вздохнул гном, — прав ты тогда был, наверное, Фолко! Не нужно мне было тот меч брать. Не иначе как за ним, проклятый, явился! А может, и нет, кто знает. В общем, запомнили нас в Могильниках... — Он вздохнул. — Ладно, теперь уж ничего не поделаешь, будем глядеть лучше и отбиваться покрепче, коль уж подступит... Давай спать, что ли? Хотя ты лучше спи, а я посторожу.

Фолко лег и прислушался к себе. Нет, внутри все было спокойно, ничего не предвещало повторного появления могильного духа, и хоббит несколько успокоился.

«Оно не придет сегодня, — вдруг понял он, и опять не мог сказать, откуда появилась в нем эта непоколебимая уверенность. — Мы еще встретим его, и третья встреча будет последней... для одного из нас».

После этого все сразу померкло, и Фолко погрузился в необычайно мягкий, спокойный сон.

На следующее утро хоббит, как обычно, отправился на кухню — по уговору он должен был работать еще семь дней, как раз столько, сколько запросил у них Теофраст. Ночные страхи, к удивлению хоббита, канули безвозвратно, однако подступило другое. Он внезапно понял, как ему не хочется идти в эту неведомую Морию. Он уже мог спокойно вспоминать происшедшее с ним ночью и понимал, что его спасло лишь чудо; враг был не слишком силен, но и он едва не погубил хоббита. А если их будет несколько? Что тогда? Да и вообще, хотя он и не терял с Малышом времени даром, что сможет он сделать в настоящем бою? Мрак, страх, голод и холод... Все это наваливалось одновременно, лишало его сил, заставляя лишь внутренне стонать при мысли о его милой, уютной комнате, куда так хотелось вернуться и которая казалась теперь самым безопасным местом на земле. Вечером его таким и нашел Торин, озабоченный и торопящийся на встречу с хронистом. Увидев унылую физиономию друга, он пристально поглядел ему в глаза, а потом дернул щекой, отвернулся и тоже помрачнел, не сказав, однако, ни единого слова.

Настороженно оглядываясь, они дошли до знакомого дома Теофраста. Открывшая дверь Сатти улыбнулась им как старым знакомым.

Они расположились той же компанией в той же гостиной. Сатти, как и вчера, встала за конторку, готовясь записать любой интересный рассказ кого-либо из гостей.

Теперь больше спрашивал Торин. Но прежде чем начать беседу, Фолко не без внутренних колебаний отдал в затрепетавшие сухие ладони хрониста свое главное сокровище.

— Вы возили ее в седельных сумах просто так, не обернув хотя бы в толстый пергамент! — возопил хронист. — А это что?! Кто из вас осмелился хлебать пиво, читая такое сокровище! — негодующе воскликнул он, раскрыв толстый том и обнаружив на одной из первых же страниц подозрительные пятна.

Фолко невольно улыбнулся. Этому человеку книги заменяли все на свете, и за судьбу Красной Книги, похоже, можно было не беспокоиться. Извинившись, Теофраст выскочил из комнаты, и из-за дверей раздался его быстрый, властный голос, отдававший какие-то распоряжения. Вскоре он вернулся, довольно потирая руки.

— Разъемщик уже взялся за дело, — сообщил он. — У нас Книга не потерпит никакого урона.

И началась беседа, из которой друзья узнали, что Зеленый Тракт, тянущийся через все разделяющие Арнор и Рохан земли, хорошо обжит и обустроен. Только в самой его середине, сразу же за переходом через Гватхло, у западных границ Дунланда, встречаются пустые пространства, но ни одно из них не превышает одного-двух дней пути. Вдоль всего Тракта стоят крепкие деревни, в которых путники всегда могут найти и добрый стол, и безопасный ночлег — безопасный, разумеется, насколько это возможно сейчас вне пределов Северного Королевства. Там живут в основном выходцы из Арнора, пришедшие туда на тучные и плодородные земли, но немало и выходцев из Дунланда; попадаются и роханцы, которым пришлись по нраву тамошние сочные и обширные луга, как нельзя лучше подходящие для их табунов. Эта узкая полоска населенных земель вдоль Тракта на большом его протяжении платит подати Арнору, а меньшая, примерно от границы с Дунландом — Рохану. Народ там подобрался крепкий и не боящийся трудностей, однако сейчас для них настали нелегкие времена. Хотя весь Тракт теперь охраняется арнорской дружиной на севере и роханской конницей на юге, жизнь там стала весьма небезопасной. В привольные южные степи и дубравы ушло немало лихих людей: после поражений на севере туда же подались и многие разбойники.

— Там, в укромных подлесных местах, — неторопливо рассказывал Теофраст, — есть потайные селения, жители которых не признают королевской власти и живут, не подчиняясь никому. Они главная опора неведомых летучих отрядов на юге — они поставляют продовольствие налетчикам. Живут в таких деревнях, как правило, в полуземлянках, поля устраивают подальше от жилья, зачастую расчищая в лесах небольшие делянки. Найти их очень трудно, хотя, конечно, теперь и за них, похоже, начинают

браться всерьез. Прошлой осенью, я слышал, там сожгли не один десяток таких поселений... Да, друзья мои, хотя после победы и прошло триста лет, Тракт по-прежнему лишь тонкая ниточка, протянутая через океан диких и необитаемых земель. Точнее, необитаемыми их назвать будет, наверное, неправильно — живут и в Минхириате, и в Энедвэйте. Но о тех народах известно не очень много, и они малочисленны. Есть одинокие рыбацкие поселки на берегах, есть и землепашцы, и охотники...

На востоке же, между Трактом и Туманными Горами, земля по-прежнему пустует, нет никого и по берегам Сирароны. Раньше ее использовали для судоходства гномы, отправляющие свои товары на запад и юг, однако после того, как в последние годы Мория опустела, прекратилась жизнь и в этих краях.

— А в Дунланде? Что творится там? — жадно спросил не пропускавший ни одного слова Торин.

— О! Дунланд, друзья мои, — это удивительная страна! Она богата хорошо родящими пашнями и прекрасными лесами, а ее недра — железными рудами. Горцы — а это страна в предгорьях Туманных Гор — народ многочисленный и упорный. Вы помните, у них была ссора и даже война с Роханом в древние времена, они были врагами и в годы Войны за Кольцо. После Хорнбургской Битвы горцы поутихли и заключили с Роханом мир. Им позволили жить по собственным законам, но наложили дань, которую они платят и по сей день. Среди них немало неразумных юнцов, иногда устраивающих засады и нападения на большой дороге, но их обычно ловят и выдают сами дунландцы — они дорожат нынешним миром. Олмер сказал, что среди них ненавидят и презирают потомков сдавшихся. Это похоже на них — они гордый народ, и зачастую гордыня застилает им разум. В это я могу поверить и посоветовал бы вам держаться от их страны подальше, быть всегда начеку, проходя вдоль ее рубежей.

— А Роханская Марка? Как там дела? — продолжал расспрашивать гном.

— Она процветает, как и прочие части Соединенного Королевства, — пожал плечами хронист, — на их границах пока тихо, разве что на западной, в Воротах Рохана, иногда объявится какой-нибудь заблудившийся отряд разбойников. Но с роханскими копейщиками в открытом бою не поспоришь, да и спрятаться в степях негде. Там народ крепко держит меч! У них по-прежнему каждый взрослый мужчина — это опытный воин, таков их древний обычай, и они от него отказываться не желают, хотя по богатству значительно уступают Арнору и тем более Гийдару. В Эдорасе по-прежнему высится Золотой Дворец, и король Брего, шестой после Теолена Великого, держит там совет с выборными своих областей. Рохан невелик, и народу там немного, они по-прежнему живут коневодством, но не гнушаются и земледелия. Из Роха-

на в последние годы вести приходили в основном о новых постройках в Эдорасе, Дунхарроу, Хорнбурге, жизнь там менее тороплива и больше цепляется за старину. Кстати, — усмехнулся вдруг Теофраст, — у роханцев вошло в обычай брать себе в жены девушек из Дунланда, славящихся своей красотой. С гномами из Сияющих Пещер Агларонда у роханцев мир и дружба — впрочем, это почтенные гости должны знать лучше меня.

— Вы сказали об их западных границах, — осторожно вставил Торин. — А что происходит на северных, восточных и южных?

— С южными все ясно сразу, — ответил хронист. — Это владения Гейдара. На северных границах великий Фангорнский Лес и его удивительные обитатели.

— Энты? — обрадованно воскликнул хоббит, больше всего любивший в Красной Книге рассказ о чудесах Фангорна и победном марше энтов на Исенгард. — Они живы?

— Живехоньки, — заверил его хронист. — После победы люди узнали о них. Роханцы сперва дружили с ними, но затем пути Смертных и Долгоживущих, как водится, разошлись. Энты не стали наступать своими лесами на населенные рохирримами земли, они двинулись на север и восток, насаждая в пустынных ранее местах новые и новые рощи и перелески, слившиеся со временем в огромный массив, чуть ли не в половину старого Фангорна. Что происходит в его глубинах, я не знаю, но роханцы сейчас побаиваются Силы лесов и не доверяют ей. Несколько раз они пытались расчистить в его южных областях себе новые поля, однако энты дали им понять, что до добра это не доведет. Нет, разумеется, обошлось без крови, но дружелюбия между Лесом и Степью это не прибавило. Леса сейчас тянутся от самого Исенгарда вдоль подножий Метедраса и через старый Фангорн, севернее Уолдского Всхолмья, вдоль реки Лимлайт почти до самого Андуина на востоке, на севере же Фангорн почти слился с опустевшим ныне Лориэном. Энты не теряли времени даром! — сказал хронист и примолк.

— Но, сказать по правде, — продолжил он минуту спустя, отпив холодного пива и переведя дух, — меня сейчас занимает больше Исенгард, и я немного удивляюсь, что вы до сих пор не задали о нем ни одного вопроса. Энты, как вы помните, окружили поначалу его развалины густым мелколесьем, и люди малопомалу забыли дорогу к этому недоброму месту. Окружить-то энты его окружили, да, по-моему, и забыли о нем, целиком увлекшись своим продвижением на восток и на север. А тем временем среди арнорских охотников и следопытов, хаживавших далеко на юг в поисках новых угодий и не побоявшихся завернуть и в Фангорн — энты ведь, в сущности, добрые существа и никогда не причинят никому никакого вреда, наоборот, помогут, если зашедший в их владения человек обратится к ним с почтением и не

станет без толку махать топором, — так вот, среди этих смелых людей с недавних пор поползли какие-то странные слухи. Будто бы в окружающих руины Исенгарда горах стали появляться неведомые полулюди-полузвери, не щадящие ничего живого, но никогда не заходящие в лес. Я заинтересовался этим, поэтому мне было так важно услышать от вас о пойманном карлике, получившем от кого-то приказ разыскивать на юге уцелевших орков. Я подозревал нечто подобное, — его голос стал глуше, он склонился ниже к головам собеседников, — орки Сарумана тянутся к старому логову... А сейчас давайте перейдем к границам восточным. Там сейчас все на удивление спокойно. Левый берег Андуина постепенно заселил разный народ — и из Рохана, и из Гондора, и с севера, и с северо-востока. Некогда пустынные Бурые Равнины почти все ныне распаханы и возделаны. На правом берегу, в нагорье Эмин Муйл, отыскались великолепные овечьи пастбища, так что там все спокойно...

Они еще долго расспрашивали Теофраста о Гондоре. Держава Великого Короля Элессара Эльфийского пышно расцветала за долгие сто двадцать лет его правления, а рачительные наследники еще более приумножили его богатства. Минас-Тирит был украшен работами лучших гномьих строителей, выковавших даже мифрильные ворота. Освобожденный от власти Врага Итилиэн превратился в сад Гондора, в украшение которого немалый труд вложили чернолесские эльфы. Все области от Пиннат Галена до Великой Южной Реки, текущей через Харондор с Сумрачных Гор, густо заселены. Под сенью Белого Древа во дворе Цитадели страна наслаждается миром и изобилием уже много, очень много мирных лет. Войны случались, но редко. Два или три раза ходил с большим войском на восток и на юг сам Великий Король, давая харадримам и истерлингам узнать, что такое ярость и гнев Гондора; сказочный Айдарил, Возрожденная Молния, стал знаменит на все Средиземье, и долго еще после этих походов истерлингские матери пугали детей именем непобедимого Властелина Запада. Последняя война окончилась лет пятьдесят назад, когда уже при нынешнем Короле харадримы решили вновь попытать счастья и отомстить за старые обиды. Однако их надежды не оправдались. Король быстро собрал всю свою многочисленную дружину, призвал роханцев и на берегах Пороса нанес вторгшимся сокрушительное поражение. Трупы людей и коней южан запрудили всю реку. Несколько дней, пока не разобрали эту ужасную плотину, вода в Поросе была красна от крови, и по приказу Короля все ночи напролет горели костры, сложенные из взятых на поле боя копий врага, — так много их было! После этого в Хараде приутихли и даже выслали послов с изъявлением покорности, обязавшись выплачивать немалую дань, однако малая пограничная война продолжается и на юге, и на востоке. И все же Гон-

дор сейчас воистину благословенная страна, и да будет так во веки веков, пока горят на небе Вечные Звезды!

Увлеченные беседой, они не заметили, как сгустился вечер. Нехотя гости поднялись и стали прощаться. До их выступления оставалось меньше недели.

Прошла ночь, день сменился тихим предвечерним часом, и друзья вновь постучались в дверь дома Старого Хрониста, как они стали называть его между собой. Они продолжали свои расспросы, разговор зашел о судьбе прочих народов, упомянутых в Красной Книге. И Торина, и Фолко особенно занимали те из них, которые сражались на стороне Черного Властелина или же оказались как-то в стороне от схватки. Торин осторожно завел разговор о королевстве Беорнингов, расположенном между Зеленым Лесом и Туманными Горами. Гном немного знал его, потому что бывал там в дни своей молодости; он интересовался его сегодняшним днем, и они с Теофрастом вместе сравнивали сведения хрониста с принесенными странствующими гномами.

— Они живут в народоправстве, — говорил хронист. — Король у них — не наследственный, а выборный. Правда, королевство недаром зовется Беорнингским — так сложилось, что короли там все — выходцы из многочисленного клана Беорна, памятного еще по Битве Пяти Армий. Они заключили союз с Арнором и не пропускают через свои земли любых врагов, но больше думают сейчас о своем продвижении на юг. Они бережно относятся к лесам, но что делать, если число людей в долине Андуина растет, нужны новые пашни и луга. Интересно, что будет, если они встретятся с двигающимися на север энтами!

От Беорнингов разговор сам собой перешел на Зеленые Леса, и Фолко вновь спросил: неужели там еще остались эльфы?

— А почему бы им не остаться? — пожал плечами хронист. — У них нашлось дело в Средиземье, а значит, за Море им еще рано.

— А как же их бессмертие? — Хоббит повторил вопрос, который уже задавал как-то Торину.

— Ты внимательно читал Красную Книгу? — в свою очередь, спросил хронист. — И после вашего ухода, и сегодня я в первую очередь обратился именно к переводам почтенного Бильбо Бэггинса с эльфийского, содержащим важнейшие сведения о Предначальной Эпохе. И вот что получается: Саурон немалую часть своей древней силы вложил в создание Кольца Всевластья, поэтому он и развоплотился, когда оно было предано огню Роковой Горы. Одновременно пала сила Трех Эльфийских Колец, объединенных Одним в некую магическую черную цепь. Но в легенде о Предначальных Днях я прочел условия, поставленные Валарами после Первой Победы для остающихся в Средиземье эльфов. Так вот, там сказано ясно: они могут жить здесь до тех пор, пока не устанут от соседства со Смертными. Тогда они отплывут на родину из Серых Гаваней. Для Потомства Элронда все было куда острее — или уйти, сохранив за собой принадлежность к народу Перворожденных, или же стать Смертными, оставшись в Средиземье. Арвен Андамиэль выбрала второй путь... Ну, Фолко, здесь все не так просто. Галадриэль говорила о всеобщей подчиненности всемогущему времени — но посмотрите на Кэдана! Значит, даже всеведущая Владычица могла в чем-то ошибиться. В этом мире никому не дано познать истину до конца, заблуждаются и Мудрейшие из Мудрых. А что до меня, то я думаю, что без Трех Колец, вложившим в них свои силы эльфам действительно стало нечего делать в Средиземье, ибо жизнь Бессмертных имеет какой-то смысл лишь в том случае, если у них есть воистину великая Цель, для достижения которой нужны великие средства. Утратившие ее покинули наш мир, а не владевшие никогда Кольцами и неподвластные им остались. Правда, Кэрдан владел когда-то Кольцом Огня, но сам же подарил его Гэндальфу, поэтому я полагаю, что настанет день, когда двинется в Заморье и Кэрдан. Но кто знает, когда это случится? А что касается Трандуила, то ты и теперь сможешь разыскать его дворец, если от Эсгарота двинешься вверх по реке Лесной.

— Хорошо бы, коли так, — вздохнул Фолко. — Мир без эльфов — какой-то он уже не такой. Слишком серый и скучный.

— Трандуил не раз заказывал и оружие, и различные украшения у гномов Одинокой Горы, — добавил Торин. — Это я услышал на днях от пришедших оттуда сородичей.

Теофраст кратко рассказал им о Приозерном Королевстве, и так они постепенно, шаг за шагом, добрались и до Прирунья, огромного пространства, прилегающего к внутреннему Рунному Морю, где издавна обитал могучий и воинственный народ истерлингов, доставивший немало неприятностей Южному Королевству.

— По словам Олмера, Прирунье — богатый край, — продолжал Теофраст. — Истерлинги — частью кочевники, частью земледельцы. Их поселения протянулись от южного края Зеленых Лесов до излучины Большой Руны, где простираются Великие Степи и пасутся их бесчисленные стада и табуны. Земли вокруг Моря распаханы, а прибрежное Всхолмье дает истерлингам железо. Их владения простираются и в дальнее Прирунье — на целый месяц пути на юг и восток. Они многочисленны и упорны, но в стародавние времена, попав под власть Черного Властелина, они так и не смогли выкорчевать из своих душ крепко вросший туда корень злодейства. Я уже говорил, они и после Великой Войны не раз поднимались на Гондор — и всякий раз с уроном откатывались. Великий Король сам приходил в их края, опустошая их земли, — и все же они не покорились. У них отличная конница, быстрая и неуловимая, но есть и пехота, вооруженная боль-

шими топорами, подобно почтенным гномам, а Олмер видел у них и настоящих конных латников, облаченных в полную броню. Они крепко считаются с родством и даже для боя строятся семейными кланами. У них нет государства, есть отдельные вожди в той или иной местности, как правило, главы больших семей, иногда насчитывающих тысячи человек. Если юноша из одного клана женится на девушке из другого, то семьи объединяются. Так постепенно складываются их отдельные племена, которые, однако, крепко держат данную когда-то уцелевшими после похода Великого Короля клятву — никогда не вести междуусобиц. Они опасны!

— Значит, те, кто напал на них с юга, могут быть нашими друзьями? — тотчас спросил Фолко.

— Да, это наше счастье, что между восточными народами еще вспыхивают войны, но подумай сам, что было бы, если бы они договорились и вместе двинулись на Запад? Война была бы долгой и кровавой... Нет, на Востоке у нас нет друзей — могут быть лишь временные союзники, — ответил Теофраст. — Сейчас истерлинги ослаблены, и это хорошо, но последние несколько зим там были мягкими, лета — в меру дождливыми, степи полны сочной зеленой травы — и численность их вскоре возрастет.

Торин спросил и о Мордоре. Фолко с тревогой ожидал, как отзовется в этих стенах это зловещее имя, однако ничего не произошло.

— Мордор пуст и безлюден, — отвечал Теофраст. — Кто там будет жить после всего происшедшего! Минас-Моргул был разрушен, а в Клыках и башне Кирит Унгол стоит мощная стража. Цепь постов на Востоке охраняет покой мертвой земли, и пусть так останется до скончания веков.

— А южнее него, в Хараде? — спросил Торин. — Ты говорил, лет пятьдесят назад там была большая война.

— Да, Харад было сильно обезлюдел после битвы на Пеллленорских Полях, — кивнул хронист. — Но на загадочных южных землях народы быстро залечивают раны. Никто не знает, что происходит в дальнем Хараде. Кое-какие сведения, касающиеся дел Ближнего Харада и Кханда, приходят из Умбара, нашего южного форпоста, отбитого у корсаров еще при Великом Короле. Там образовалось несколько племенных союзов — один в Кханде, что протянулся вдоль Сумрачных Гор, другой — в Ближнем Хараде, третий — в землях к востоку от Умбара. Как и истерлинги, харадримы хороши и в конном, и в пешем строю, но если первые предпочитают коня, то вторые — свои собственные ноги. Их пехота очень сильна! Когда она стоит в сомкнутом строю, прикрывшись тяжелыми щитами, справиться с ней очень трудно. У них много самородного золота, и Гондор даже ведет с ними торговлю. Они

всячески выказывают нам свою покорность, но что-то не очень я в нее верю.

— А чем они сражаются? — спросил всегда интересовавшийся оружием Торин.

— Их пехота вооружена, как я уже говорил, большими шестиугольными вытянутыми щитами и мечами, короткими и толстыми, которыми они умеют пробивать любые кольчуги, кроме гномьих, конечно. Есть у них и специальные отряды копейщиков и лучников, без защитных доспехов, которые атакуют врага в начале сражения и расстраивают его ряды тучей стрел и метательных копий, есть пращники, осыпающие противника градом увесистых ядер из обожженной глины. Не забывают они и боевых олифанов, вызывавших такое восхищение у почтенного Сэмуайза Гэмги. Они сильные противники! Последняя победа стоила нам недешево.

— А что такое Черная Скала, которую упоминал Олмер? — спросил Фолко.

— Никто из моих гондорских знакомых, ходивших с войсками и посольствами на юг, не видел ее, только слышал о ней. Это, насколько я смог понять, нечто вроде святыни этого сумрачного народа. Там горит Кольцо неугасимых костров... Нет, действительно неугасимых, ибо, по словам Олмера, их питает сама земля. Не спрашивайте меня, что они такое, я сам не смог вызнать это у Олмера. По поверьте, именно там их предки дали клятву на верность Черному Властелину, заложившему в скалу некий талисман, призванный, дескать, в решающий для их народа день подняться на поверхность и дать им власть над всеми прилегающими землями.

— Погоди, почтенный Теофраст, ты сказал — Умбар сейчас в ваших руках? — вновь задал вопрос гном. — Корсаров вы изгнали, так почему же не выставить другие посты еще дальше на юг, чтобы следить за всем Харадом? И, кстати, что там, еще южнее?

— На твой второй вопрос не может ответить никто в Средиземье, кроме опять-таки Кэрдана, — с улыбкой ответил хронист. — Никто не пробивался на юг дальше его кораблей. А с корсарами произошла интересная история. Истребленные отрядом Павших под водительством самого Великого Короля, они, казалось, сгинули навечно. Но это оказалось не так. Не все они предались злу, иные были просто противниками Гондора. Но в решающий час не выступили на стороне Саурона в открытую. После прихода к Умбару флота Гондора наши военачальники нашли ворота этой сильнейшей крепости распахнутыми, сам город — покинутым, в цитадели их ждало послание, оставленное корсарами. Оно гласило примерно следующее: «Мы уходим на юг. Бессмысленно противостоять вам». Великий Король был милостив и решил не преследовать изгнанников. Однако после его смерти все обернулось

по-иному. Корсары действительно ушли на юг и не пытались вернуть себе Умбарскую твердыню, однако их число выросло — и от рождавшихся у них детей, и от примыкавших к ним народов. Они принимают всех — и харадримов, и гондорцев, по каким-то причинам покинувших нашу землю. Они закрыли для нас южные моря, и идти туда означает начать крупную войну. Некоторые их корабли появляются и в наших водах, изредка нападая на береговые поселения, но в основном грабя суда на пути из устья Андруина в Серые Гавани. Это самый простой и быстрый путь из Арнора в Гондор, по нему перевозится немало товаров, чем корсары и пользуются. Как и Кэрдан, они плавают и на север, и на юг. Я слышал, что они пытаются разузнать, что же на западе. Они постепенно превратились в Морской Народ, из которого грабежами и разбоем занимаются далеко не все. Они искусные и пытливые мореходы, так что даже Кэрдану пришлось бы повозиться. Их корабли быстры и могут идти как под парусом, так и на веслах.

— Постой, ты говоришь, на веслах? — внезапно насторожился Торин, а затем вдруг хлопнул себя по лбу. — Так вот откуда у твоего знакомца, Фолко, такие странные мозоли! А я-то, дурень, не сообразил! Конечно, такие бугры — от долгой работы веслами!

— О чем это ты, почтенный Торин?! — удивленно поднял брови Теофраст.

Гном быстро пересказал ему историю с монетой Тервина. Хронист покачал головой и сделал Сатти знак записать.

— То, что твой подарок другу оказался в руках Морского Народа, еще ни о чем не говорит, — заметил он. — Серебро меняют десятки и сотни владельцев, и то, что монету так легко отдали, говорит о том, что ею особенно не дорожили. Ее последний хозяин, судя по всему, ничего не знал ни о ее происхождении, ни о ее истинной стоимости.

— А что будет, если кто-нибудь из Морского Народа возьмет и поплывет на запад? — задал наивный вопрос хоббит.

Теофраст ответил ему, загадочно улыбнувшись:

— Они не уйдут далеко. Благословенная Земля после падения Нуменора отодвинулась из кругов нашего мира, и Море оказалось разделенным тайной завесой. Только эльф может преодолеть ее, прочих — ждет...

— Гибель? — докончил за него Торин, но хронист отрицательно покачал головой.

— Их просто завернет назад, и они сами не заметят, что плывут в обратном направлении. Я узнал это, побывав много лет назад, еще в молодые годы, в Серых Гаванях и побеседовав с тамошними эльфами. Они удивительный народ, скажу я вам! — Голос Теофраста обрел ту же мягкость и мечтательность, что слышались в нем, когда он рассказывал гостям легенду о Великой Лестнице. — Самого Кэрдана я не видел, но разговаривал со многими его приближенными. Не скажу, чтобы они так уж охотно вступали со мной в беседу, но, когда говорили, мне казалось, что я слышу не слова, а вечную чарующую музыку. Они-то и рассказали мне о Завесе и о многом другом из истории эльфов Средиземья, и лишь когда я пытался выяснить, что же такое Благословенная Земля, или начинал подробно расспрашивать их о Валарах, они вежливо уходили от прямых ответов, говоря лишь то, что я и так знал. Уже тогда я задумал написать полную Историю Предначальной и Второй Эпох. Эта работа продолжается по сей день, она уже сильно продвинулась, но слишком многое еще мешает и отвлекает... Срочные королевские заказы, например. — Теофраст досадливо покачал головой. — Не так давно его нарочный привез мне крупную сумму золотом и срочное поручение — изучить все древние хроники и представить список всех древних средств и снадобий, продлевающих жизнь! Само по себе дело интересное, но требует слишком много времени. Это все задерживает работу...

Много поведал им за эти стремительно пронесшиеся дни старый хронист. И лишь в последнюю их встречу — выступление отряда было намечено на раннее утро следующего дня — он вернулся к тому, о чем обещал поговорить с ними — о судьбе орков.

— Тысячи и тысячи их погибли после уничтожения Великого Кольца и падения Саурона, — неспешно говорил Теофраст. — Я внимательно изучил все, что говорит о них Красная Книга. Это хорошо согласуется с многочисленными свидетельствами очевидцев, записанными хронистами Великого Короля. Орков охватило ужасное безумие — исчезла воля, которая направляла и поддерживала в них жизнь. Они бросались со скал, вступали в безумные и потому особенно страшные схватки между собой. Тысячи, я говорю, тысячи тысяч их сложили головы. Однако они погибли не все. Некоторые, особенно орки Туманных и Серых Гор, сумели частью затаиться и отсидеться. Выжили самые сильные и хитроумные, давшие начало новым родам. Однако вся их изначальная ограниченность осталась при них — это порождения Великой Тьмы, созданные Злом для своих черных дел, от них трудно ожидать исправления. Несмотря на их отчаянное положение, когда, казалось бы, им необходимо единство, они не прекращают ссоры и раздоры.

— Откуда это известно? — заинтересовался Торин.

— От карликов, — коротко ответил Теофраст. — Они пролезут в любую дыру, все разнюхают, все разузнают. Иногда они приносят поистине бесценные сведения. Но сейчас меня занимают не мордорские орки — с ними все более или менее ясно. Они сидят, как я уже сказал, кое-где в Туманных и Серых Горах, есть их колонии и в Горах Мордора. Вы помните, я упомянул неизвестных существ, появившихся в окрестностях Исенгарда? Вот они мне очень были интересны, не скрою. Дело в том, что и роханские

хроники, и летописи Гондора говорят о том, что на стороне Сарумана сражались какие-то особые орки, не боящиеся солнца. Меня заинтересовало это, и вскоре в роханском хранилище древних рукописей я набрел на сообщение о таинственных пропажах детей, мальчиков и девочек, начиная примерно с пятидесятого года до нашей Эпохи. Саруманovы орки сильно отличались от прочих, и это были не какие-то отдельные орочьи племена, обитавшие просто на юге Туманных Гор. Нет, это была их новая раса! Саруман создал их сам, а о том, как он создавал их, можно было догадываться по хорошо организованным похищениям детей в соседнем королевстве. После же прочтения Красной Книги у меня вовсе не осталось сомнений — к такому же выводу задолго до меня пришел мудрый Старый Энт Древобород, иначе — Фангорн. Он еще тогда понял, что Саруман с поистине непостижимым умением совершил, казалось бы, невозможное — он слил расы орков и людей! И получилось у него нечто, чья судьба, признаться, весьма заботит меня. Саруман не всегда был злодеем, в нем еще оставались какие-то следы давнишнего добра, составлявшего когда-то его сущность, вольно или невольно, он вложил в свои создания немало человеческого. Результат налицо — его орки служили ему так, как не служили Черному Властелину орки мордорские: Саруманovы орки были готовы без колебаний отдать жизнь, вступив в бой при одном нелестном упоминании о своем господине. Отваге Углука и его злосчастного отряда могли бы позавидовать иные люди. А Хельмское Ущелье! Мне часто вспоминается поэтому Последний Поход: то, как вели там себя орки, на них никак не похоже. Чтобы эти порождения Мрака жертвовали собой ради своих детей?! Очень, очень похоже на Саруманово наследство! И, сказать по правде, это меня пугает. Эти полулюди, полуорки не до конца были втянуты в служение Тьме, они оказались между двумя мирами — настоящие, коренные орки их ненавидят и презирают, считая чуть ли не главными виновниками тогдашнего поражения и своей нынешней жалкой участи, ну а про людей и говорить не приходится. Тайные горные крепости заняты старыми орками, их давнишними хозяевами, вот и бродят теперь по миру остатки этого несчастного Саруманова племени, еще не люди, но уже и не орки, будучи не в состоянии прибиться ни к одним, ни к другим. И мне даже страшно подумать, что будет, если найдется кто-то, кто склонит их к служению себе и бросит против всех остальных. В них сейчас такая ненависть, что справиться с ними будет стоить большой крови, — что, кстати, произошло в Последнем Походе. Опасайтесь их! Бегите от них! Вот мой вам совет. И если что-либо узнаете про них на своем пути — не сочтите за труд, отпишите мне в Аннуминас, если, конечно, найдется такая возможность...

Они долго и тепло прощались со старым хронистом, и вдруг уже в дверях Теофраст внезапно хлопнул себя по лбу и сказал:

— Совсем запамятовал! Тут накануне Архар заходил — знаете его? Вас увидел, страшно удивился, ну я и не удержался — похвастал ему Книгой, а потом и пожалел. Темный он человек, старше, чем кажется, и живет странно — в лавке его торговли почти никакой, а древности всякие он скупает регулярно, откуда только деньги берутся? В общем, как-то не по себе мне стало. Уж я ругал себя, старого недоумка, да что теперь толку? Вы имейте это в виду... Ну, легкой вам дороги и да хранят вас Семь Вечных Звезд!

Друзья еще раз низко поклонились старому хронисту. Уходя, Фолко последний раз обернулся — на пороге старого дома, в скупо освещенном проеме, стояла высокая, хоть и согбенная годами фигура, прощально махая им вслед рукой.

Глава 13

НАЧАЛО ПУТИ

Фолко проснулся оттого, что его довольно бесцеремонно расталкивали. Он нехотя приоткрыл глаза — они слипались, страшно хотелось спать — и вспомнил, что настало утро их последнего дня в Аннуминасе. Над ним стоял уже одетый Торин; в углу были свалены их походные мешки, упакованные только вчерашним вечером: со двора доносились невнятные голоса и цоканье копыт пополам со скрипом тележных колес.

— Вставай, брат хоббит, — глаза Торина были темны, голос глух, — пришла пора. Мы выходим. Умывайся скорее и давай в трактир — я уже распорядился насчет завтрака. Наши все уже здесь.

Поеживаясь, Фолко вылез из-под одеяла. В доме было прохладно, камин не разжигали. За окном в утреннем тумане двигались фигуры людей и гномов, занятых последними приготовлениями. Фолко вздохнул и отправился завтракать.

В знакомом зале за длинным столом постепенно собрались все их товарищи по отряду. Четырнадцать гномов, двенадцать людей и один ужасно одинокий в тот момент и растерянный хоббит. Кое-кто негромко переговаривался, но все были сумрачны и озабоченны. Никто не произносил красивых речей, даже любящий поговорить Хорнбори на сей раз безмолвствовал. Завтрак прошел невесело. Фолко не мог отделаться от томивших его мрачных мыслей, иногда накатывавших на него волнами непонятного ужаса. Куда они идут? Что он делает, как вообще оказался здесь? С самого пробуждения он двигался бездумно-механически, подчиняясь общей суете. Теперь, когда уже были распахнуты ворота

трактира и гномы стали выгонять на улицу одну за другой крытые повозки с припасами, хоббиту стало совсем плохо. Чувствуя себя страшно потерянным и никчемным, он отошел в сторонку и присел на камень возле крыльца. Из ворот выскочил уже одетый по-походному Малыш, с мечом и даго на поясе и топором за спиной.

— Фолко! Идем, Торин зовет, надо дом закрыть — и проститься.

Хоббит нехотя поднялся и нога за ногу поплелся вслед за спешащим Маленьким Гномом.

Торин стоял на крыльце их дома, уже в плаще и при оружии. Ставни дома были закрыты, и сейчас гном держал в руках ключи от входной двери. Малыш и Фолко подошли к нему, прочие тангары собрались в отдалении. Людей увел Рогволд, решив не мешать товарищам. Торин заговорил, его лицо было хмуро и непроницаемо.

— Вот наконец настал день, к которому мы готовились всю зиму. Впереди путь, труды и опасности которого провидеть не может никто. Давайте же простимся с местом, что давало нам прибежище.

Он медленно поклонился дверям, и Малыш с хоббитом повторили его движение. Торин глубоко вздохнул, вставил ключ в замочную скважину и несколько раз медленно повернул его. Замок негромко клацнул. Дверь была заперта. Торин снял с кольца два ключа и отдал их Малышу и Фолко.

— Пусть каждый из нас, хозяев этого дома, имеет при себе ключи от него, — медленно проговорил Торин, — ибо кто знает, кому из нас суждено будет вернуться?

Фолко вздрогнул, будто от холода, — он чувствовал, что больше уже никогда не увидит их уютный домишко.

Торин повернулся к ждущим его товарищам и призывно махнул рукой. Все гурьбой двинулись на улицу.

У трактира уже вытянулся их небольшой обоз. Люди стояли тесной кучкой вокруг Рогволда. Старый ловчий тоже имел не слишком бодрый вид — на его лице резче пролегли морщины, и синева под глазами говорила о том, что и ему пришлось провести бессонную ночь. Он подошел к Торину.

— Давай команду, Торин, сын Дарта, — негромко сказал он. — Больше нас здесь ничто не задерживает.

— Эге-гей! Давай по седлам! — крикнул Торин, махнув рукой.

Минутное движение — и люди уже сидели верхом, гномы расселись кто на пони, кто на передках телег. Верхом ехали Фолко, Торин, Малыш, Дори и Хорнбори, как-то сразу оказавшись в головах отряда. Торин тронул поводья, и его пони затрусил вперед. Цокот его копытцев оказался сразу же заглушен топотом коней и скрипом тележных осей. Отряд медленно тронулся.

Одну за другой они оставляли позади нарядные улицы Аннуминаса и наконец подъехали к городским воротам. Предупрежденные приказом Наместника стражи почтительно приветствовали уходящих на трудное и опасное дело товарищей. Обоз миновал ворота, и в лицо внезапно ударил упругий, свежий и теплый весенний ветер, развевая полы плащей и ероша волосы. Фолко невольно глубоко вздохнул и тотчас услышал, как рядом с ним Рогволд едва слышно пробормотал себе под нос:

— Что-то душно мне было в Аннуминасе...

Привстав в стременах, Фолко кинул прощальный взгляд на могучие стены и башни Великого Города, вздохнул и отвернулся. Теперь на долгие месяцы его взор будет прикован к югу и востоку.

Отряд двигался медленно, сберегая силы коней для последующего пути. Друзья шли по тому же Зеленому Тракту, которым прибыли в Аннуминас осенью, и первый день прошел без всяких происшествий. На ночлег они остановились в одном из многочисленных постоялых дворов. Фургоны загнали внутрь, распрягли коней, не торопясь, основательно закусили и выпили пива, а потом улеглись спать. К уныло замершему возле потухающего очага хоббиту незаметно подошел Торин.

— Есть еще угольки? — Торин ловко выхватил тлеющую головешку и принялся раскуривать трубку. — Ну вот мы и в дороге.

Гном откинулся, привалившись спиной к бревенчатой стене, почти скрывшись в темноте; алел лишь огонек его трубки.

— Только чем она кончится, — вздохнул Фолко, задумчиво пошевеливая рдеющие угли очага.

— Загрустил, брат хоббит? — вдруг неожиданно жестко и в упор спросил Торин. — Не отпирайся, я все вижу. Вижу, как тебя всего трясти начинает, стоит кому-нибудь завести речь о Мории! Ну, признайся — страшно ведь? То-то, что страшно... Подумай, Фолко, подумай еще раз — не в игрушки ведь идем играть! — Голос Торина стал глух. — Что там впереди, никто не знает, может, драться придется. Хватит ли тебя на это? Я ведь знаю — с самого начала не хотелось тебе под землю лезть. Понимаю, не хоббичье это дело, да и не людское. Тебя ведь Хоббитания, как ни крути, крепко держит! Не случайно, еще в нашу первую встречу, в твоей усадьбе я заметил, как в окно, пока ты спал, заглядывала прехорошенькая мордашка... Как ее зовут? Подумай, Фолко, и не надо только жертв и геройства. Если у тебя сил не хватит или струсишь ты, то не то даже важно, что сам погибнешь, а что полягут те, кто на тебя понадеялся, те, кому ты спину прикрывать вызвался! Ты не думай, что я там или Малыш такие уж храбрые. Думаешь, мне самому хочется в Морию? Да я с огромным удовольствием бы остался в Аннуминасе, завел бы свое дело. А то пошли бы на юг, в Пещеры Агларонда, или в Эребор подались, там война недавно была, опытные и неробкие в Железных Холмах нужны. Пойми, Фолко, не своею волею мы идем! Ни я, ни Малыш. Так что снова

говорю тебе — крепко подумай! Иначе можешь оказаться обузой. Времени тебе до Пригорья даю.

Торин, внезапно оборвав разговор, резко поднялся и скрылся во мраке.

Гном ушел, а Фолко, казалось, оцепенел возле угасшего огня. Щеки и уши пылали, он едва удерживался от слез. Деваться некуда. Торин прав. Милисента каждую ночь снится... Бэкланд, усадьба, дядюшка. Да что же делать, в конце-то концов!

Слезы наконец прорвались наружу.

«Да в который это уже раз! — всхлипывая, думал хоббит. — Видно, совсем я никуда не гожусь... Только и остается, что репу выращивать, больше ничего».

Продолжая всхлипывать, хоббит ощупью пробрался к своему месту и улегся, прикрывшись плащом. Слезы высохли, уступив место обиде: «И с чего это он взял, что я струшу или подведу?! В Могильниках что бы они без меня делали? Эйрик его чуть дубиной не пришиб, кто выручил? От призрака во дворе кто отбился? Не побежал ведь почему-то. А раз так, то спи, Фолко, сын Хэмфаста, и не обращай внимания, у тебя еще будут случаи доказать, что ты не зря ешь хлеб в отряде! — Хоббит перевернулся на другой бок и решил об этом больше не думать. — Ничего. Ничего! Фродо, Сэмуайз, Мериадок и Перегрин шли на куда более опасное и, по сути-то, гибельное дело, и ничего, не хныкали, не стонали! Так что пусть себе Торин говорит, что хочет. Он тоже не всегда прав... Эх, кабы старина Гэндальф не отсиживался себе за Морем, а был бы здесь... Толку от нас было бы больше».

Он медленно проваливался в ласково обнимающую его пелену спокойного сна, с его губ вновь сорвалось едва слышимое имя мага, его веки смежились, и сон окончательно овладел им.

Он не знал и не мог определить, сколько прошло времени, но внезапно увидел те белые стены на розовой скале, окруженные дивными садами. Видение ускользало, таяло, и он напряг все силы, чтобы оно не исчезло. А потом берег, деревья и скалы неожиданно помчались прямо на него, словно за его плечами появились крылья, и спустя секунду он краем глаза заметил их — это были крылья морской чайки. Внизу пронеслась белопенная полоса, мелькнули зеленые кроны, тотчас слившиеся в сплошной ковер. Его несло все дальше и дальше, все мелькало перед глазами, и опомнился он, уже очутившись в заполненном сиянием пространстве, где невозможно было понять, где пол, где потолок, а где стены. Он не заметил, как зелень вокруг него исчезла, уступив место мягким светящимся завесам, — так, наверное, мог бы выглядеть внезапно оживший и наполненный огнем мрамор. И из этого сияния прямо навстречу ему выступила высокая, одетая в белое фигура старика с длинным белым посохом в левой руке. Справа висел показавшийся странно знакомым меч в синих

ножнах. Еще не видя лица, Фолко с замершим сердцем понял, что перед ним Гэндальф.

Он замер, точнее, замерло все вокруг него, и лишь старик неспешно шагал ему навстречу. Хоббит видел густые брови, глубоко посаженные яркие глаза, лучащиеся небывалой силой, величием и добротой, и тут же услышал голос, исходивший из обросших белоснежной бородою губ того, кто был на самом деле Олорином:

— Ты звал меня, и вот мы встретились. Говори же, я слушаю, да не медли — времени у нас мало.

— Гэндальф... — пролепетал хоббит, точнее, понял, что пролепетал. — Так ты теперь в Заморье, да?

— И это все, что ты хотел сказать мне?

— Нет, конечно же, нет, — зачастил Фолко. — Но, Гэндальф, нам так не хватает твоей помощи! У нас тут такое... Как нам разобраться без тебя? Почему ты там, а не здесь?!

Улыбка исчезла с лица привидевшегося хоббиту старика.

— Что творится в Средиземье, мне известно, разумеется, в самых общих чертах. Но теперь вам придется решать и разбираться во всем самим. Я и другие ушли как раз потому, что народам Северного Мира более не нужны пастыри, они могут жить собственным разумением. Поэтому я здесь, у эльфов, на земле моей юности. Моей эпохой была Третья. Я противостоял Саурону, а исполнив возложенный на меня долг, смог вернуться. Таков мой ответ на твой первый вопрос.

— Но неужели ты не подскажешь нам? Не посоветуешь? Не все наши тревоги и страхи родились ныне, кое-какие, похоже, из Предначальных Дней!

— Я не могу давать советов, — прозвучал глубокий скорбный вздох. — Просто я не смог отрешитьсл от Средиземья, и, хотя у меня теперь совсем иные дела и заботы, я сохранил возможность иногда беседовать кое с кем из населяющих Средиземье. С теми, в ком жив еще отблеск Первого Костра: с древними — то есть с эльфами, гномами и вами, мои милые чудаки-хоббиты. Но не проси меня о советах — здесь я не властен. Потому что всеведущих нет и не может быть, лишь непрестанным трудом Мудрый может заслужить высочайшее право судить и советовать. Когда-то оно было у меня, и я им воспользовался.

— Так что же, ты совсем не можешь помочь нам? — Фолко показалось, что он выкрикнул эти слова.

— Могу ободрить и поддержать в минуты тягостного сомнения, — ответил Гэндальф. — А поднесенное готовым знание, право же, немногого стоит. Я могу только догадываться о первопричине ваших нынешних тревог, а рассказать тебе о Заморье просто не имею права. Ты ведь уже слышал о Весах? Всякое знание должно быть заслужено, так что погоди отчаиваться! А всемогу-

щих, запомни, в нашем мире нет и не было. Даже Светлая Королева не всесильна.

— Но спросить тебя о прошлом, о Войне за Кольцо, о судьбе хоббитов, ушедших с тобой, о Валарах и Эарендиле я могу?

— О хоббитах можешь, — улыбнулся Гэндальф. — Можешь их даже увидеть. А об остальном... о Войне за Кольцо все, что нужно знать Смертным, изложено в Красной Книге. Об Эарендиле там тоже сказано достаточно, а о Валарах... тебе довольно будет знать, что они есть и служба их далека от завершения. Пойми, это не моя злая воля, а все те же Весы. За знание надо платить. Иногда и собой.

— Но почему Эарендилу не было разрешено вернуться после его подвига в Средиземье? Есть ли на самом деле Великая Лестница? Куда делся Саурон? Почему остался Трандуил?

— В одном вы, хоббиты, точно не изменились, — вновь улыбнулся Гэндальф. — Вы столь же несносно любопытны, когда дело доходит до вопросов. Я не могу ответить тебе — пока не могу. Уже то, что наши помыслы встретились, преодолев гигантские расстояния и кое-что посильнее их, говорит о многом. Ты сможешь в будущем подняться и выше... Если не оступишься. Права говорить со Смертными Средиземья добился тут один я, причем приложив неимоверные усилия. Я еще покажу тебе тех, кого ты хотел увидеть. И помни — наша встреча была не последней. И запомни еще — держись Пелагаста! А пока прощай!

Гэндальф сделал шаг в сторону и исчез. Фолко неожиданно увидел окно в сплошном золотистом сиянии. У окна сидели трое, и, присматриваясь, он понял, что это — хоббиты. Два из них выглядели очень старыми, один — так и совсем древний, а ближе всех к Фолко оказался крепкий хоббит средних лет. Их головы были склонены, и Фолко не мог разглядеть их лиц, но тут же понял, кто из них кто. Видение это продолжалось лишь краткий миг, затем все погасло.

Наутро он пробудился на удивление свежим и успокоенным. Куда-то сгинули все обуревавшие его мрачные мысли, и даже не дававшее покоя в последние дни лицо Милисенты не то что поблекло, но несколько отдалилось. Теперь он рвался вперед, крепко запомнив сказанное ему во сне Гэндальфом: ты можешь подняться выше, если не оступишься. Здесь понятно — поднялся же на самый верх Гэндальф после победы над Балрогом! И кто знает, увидел бы он мага, не будь до этого Могильников...

Шла первая неделя апреля, но все вокруг уже начинало пышно зеленеть и расцветать. И хотя небо затягивали серые ровные тучи, Фолко казалось, что это один из самых ясных дней в его жизни. Они двигались через коренные арнорские земли, не опасаясь нападений, но все же ночью оставляли кого-нибудь сторожить их коней и фургоны.

Время от времени Фолко ловил на себе одобрительные взгляды Торина; перемена в его настроении не ускользнула от внимания вожака отряда. Никто не провозглашал его предводителем, но как-то так получилось, что все спрашивали его мнение, даже Рогволд. Ловчий тоже заметно изменился после того, как они покинули столицу. Его поступь вновь стала свободной, мягкой и легкой, речь обрела знакомые металлические нотки, а взгляд — обычную сосредоточенность и уверенность. Под стать ему были и отправившиеся с ними люди — среднего возраста, коренастые, сильные, опытные. Они не скрывали, что не собираются лезть в Морию; их задачей было оставаться на поверхности, охраняя запасы отряда и поддерживая связь с Аннуминасом. Люди и гномы шли мирно и дружно, не считаясь родом, а делая одно дело. Так прошло четыре дня.

На пятый день отряд вступил в хорошо знакомую троим путникам долину, где осенью (Фолко теперь казалось, что это было давным-давно; время же после того, как он покинул Хоббитанию, он уже мерил годами) довелось разнимать сцепившихся на пыльной полевой меже крестьян. День уже угасал, когда они перевалили через гребень гряды, и они решили заночевать в Хагале. До Пригорья неторопливым ходом оставалось еще полных четыре дня дороги.

В деревне мало что изменилось — разве что прибавилось несколько новых изб на окраинах. Селяне не забывали об осторожности, и их добровольная стража остановила отряд у крепких деревенских ворот. К счастью, Торина и Рогволда узнали, и вскоре путники встретили самый радушный прием. Услышав об их появлении, с какого-то дальнего поста примчался Эйрик, трактирные слуги уже сдвигали столы, кто-то послал мальчишек в Харстан, и пир затянулся на полночи.

Друзья узнали, что зима прошла спокойно, если не считать трех стычек хагальских дружинников под водительством Эйрика с разбойниками. Ангмарские отряды ни разу не побеспокоили селян, и это показалось всем хорошим признаком. Фолко долго не мог решиться спросить о Суттунге, а когда набрался храбрости, ему ответили, что еще несколько месяцев этот неугомонный человек подбивал харстанцев отомстить за обиды и поджечь деревню соседей, после чего всем уходить на север; там, дескать, у него есть настоящие друзья, там они смогут жить свободно и безбедно, под надежной защитой. Его сначала просили угомониться, грозили даже сдать в Пригорье новому капитану Дизу; говорили, что Эрстер впал в немилость и был сильно разобижен. Однако Суттунг не стал дожидаться, когда его сородичи потеряют терпение, и в одну прекрасную ночь исчез вместе с семьей и несколькими близкими друзьями, такими же оголтелыми, как и он сам. О них не вспоминали.

Деревенский отряд увеличился вдвое за счет примкнувших к ним соседей, рассказывал тем временем хоббиту Эйрик. С хорошего осеннего урожая прикупили оружия, кое-что смогли выковать свои местные умельцы. Деревенская дружина достигла почти двух сотен мечей и служит теперь надежной защитой всей округе.

— Да, кстати! — вдруг хлопнул себя по лбу Эйрик. — Тут еще один слух о Храудуне прокатился. Он ведь тогда, как помните, бежал.

И вот дня три тому весть поспела: две деревни лигах в тридцати к востоку от нас насмерть поссорились, настоящее побоище учинили, дома пожгли... Говорили, что в одной поселился какой-то чудной старик, вроде чем-то помогавший приютившим его селянам, а их за это невзлюбили почему-то соседи. Знакомое дело! Не иначе, опять Храудун, лиходейщик проклятый! — Эйрик грохнул по столу тяжелым кулаком. — Эх, поймать бы — да за бороду! Мы бы уж с ним разобрались!

— Вечно ты, Эйрик, в чужие дела лезешь, — укоризненно заметил ему Рогволд. — Зима прошла, разбойников подвыбили, ангмарцам отпор дали. Отписал бы ты лучше шерифу, да не проморгал бы сев!

Эйрик побагровел, но сдержался и ничего не сказал.

— Деревня, где он поселился, взяла-таки верх, — продолжал он. — Да на них ополчилась разом вся округа, подтянулась местная дружина, и те, кто остался из горе-победителей, ушли в леса, а там что — только разбойничать. Вот вам и Храудун!

На рассвете, когда они выступили дальше, Эйрик долго провожал их верхами, и Фолко крепко запомнил сказанные вожаком Хагаля слова:

— Тяжело что-то у меня на душе, друг Фолко. Не случайно все это, и Храудун этот тоже не случайно. Большая кровь будет, помни мои слова, большая кровь...

Отряд двигался на юг по спокойной, надежно охраняемой дороге. Повсюду начинались полевые работы; весна выдалась дружная. Миновало еще четыре дня, и перед ними замаячили долгожданные крыши Пригорья.

Все эти дни у Фолко не проходило то легкое, уверенное настроение, появившееся у него после удивительного видения Заморья. Он часто и подолгу размышлял над словами Гэндальфа, и чем дальше, тем больше вопросов возникало у него. Почему, если маг не может ничего ему рассказать, зачем Гэндальфу вообще это нужно — беседовать с кем-то из живущих в Средиземье? Может, он выслушивает их рассказы? Но маг его ни о чем не расспрашивал...

Предъявив последний раз подорожную конному патрулю у северных ворот Пригорья, они неспешно втянулись в поселок. И,

конечно же, их руки сами собой направили коней к гостеприимным дверям «Гарцующего Пони».

Ничего не изменилось в знакомой зале, и даже народ, как сперва показалось Фолко, был тот же, что и в тот злополучный вечер, — не хватало лишь людей в зеленом. Немало было выпито пива и спето песен; гномы то и дело затягивали свое знаменитое «За синие горы, за белый туман», люди, в свою очередь, начинали «Сидел король в тот вечер одиноко», и лишь когда сгустился вечер, хоббиту удалось незаметно ускользнуть и отправиться туда, где, как он безошибочно определил, его ждали. Он пошел в лавку Пелагаста.

Окна лавки были темны, но, когда Фолко негромко постучал в дверь, она неожиданно легко распахнулась. Он ступил в черный проем.

— Дверь за собой запри, — раздался спокойный знакомый голос, и Фолко увидел впереди себя слабый, дрожащий огонек свечи и в его скупом свете — склоненного над книгой человека. — Обойди там, справа...

Хоббит осторожно приблизился. Пелагаст поднял на него свой единственный глаз, и Фолко невольно вздрогнул. Глаз казался бездонным черным колодцем, на дне которого, подобно тусклому огоньку, билась непонятная прочим мысль. Упавшие на древние страницы руки Пелагаста казались сухими ветвями дрока, плечи и грудь утопали во тьме, слабые отблески света падали на рассеченные морщинами щеки.

— Садись сюда, на лавочку, — продолжал Пелагаст. — Я давно жду тебя. Рассказывай все по порядку. Не бойся сбиться: что нужно, я переспрошу.

— Но... кто ты? — выдавил из себя хоббит, только теперь сообразив задать сидевшему против него этот самый простой и естественный вопрос. — О тебе мне говорил сам... — Он осекся, вовремя вспомнив, что все привидевшееся ему может быть и простым сном.

— Сам Гэндальф, вернее, Олорин? — чуть усмехнулся Пелагаст. — Я догадывался, что рано или поздно он отыщет тебя. Он всегда был неравнодушен к вам, хоббитам. Ты, значит, видел его! Он, конечно, ничего не сказал тебе, толкуя про Весы?

— Так и есть... Но откуда... — начал было изумившийся Фолко и вновь остановился, почувствовав неуместность своего вопроса.

— Проклятые Весы, — вздохнул Пелагаст. — Но ничего не поделаешь. Что же до меня... неужели ты еще не догадался? А еще Книгу читал. Ну, впрочем, это не так важно. Ты же сам пришел ко мне, значит, знал, хоть и не умом. Обо мне мы еще поговорим, а пока — я жду твоего рассказа.

И Фолко, подчиняясь властно зазвучавшей в этом спокойном голосе силе, начал свое повествование. Оно оказалось длинным —

Пелагаст требовал, чтобы хоббит не опускал ни одной детали. Он долго и дотошно выспрашивал его обо всем происшедшем в Могильниках, интересовался Храудуном, причем, слушая Фолко, еще больше нахмурился и что-то прошептал. Хоббиту показалось, будто Пелагаст сказал нечто вроде «опять он за старое». Их аннуминасские приключения он выслушал не так внимательно, остановившись лишь на истории с явившимся призраком. Он молча покивал при этом, словно находя подтверждение каким-то своим мыслям, а потом вдруг как-то по-особенному щелкнул пальцами, и в углу вдруг вспыхнули два больших желтых глаза. Не ожидавший этого, Фолко вскрикнул.

— Не бойся, — повернулся к нему Пелагаст, — это Глин, мой филин.

Крылатая тень бесшумно скользнула прямо на плечо Пелагаста. Фолко увидел круглую голову, большие глаза, сейчас прикрытые от света тяжелыми веками. Пелагаст что-то тихо сказал огромной птице, и Глин неслышно взлетел, тотчас скрывшись в темноте. Фолко почувствовал на лице упругие толчки воздуха. И тотчас, словно у него в голове вспыхнула молния, он внезапно понял, кто сейчас перед ним. И прежде чем он успел подумать, что же ему делать дальше, его спина уже согнулась, а сам он склонился в низком, почтительном поклоне.

Пелагаст усмехнулся.

— Понял наконец... Да, я был когда-то Радагастом Карим, одним из Пяти. А теперь я торговец оружием в Пригорье... Я последний из Пяти, оставшийся в Средиземье. Гэндальф ушел, и остальные тоже... Сарумана вроде бы убили... А я остался. Мне нечего делать в Заморье, Фолко, сын Хэмфаста. Я не был ничьим врагом, мне служили растения, звери и птицы. Один-единственный раз я оказался втянут в людские дела — когда я, на беду, передал Олорину приглашение Сарумана, еще не зная, что тот уже сплел черные сети коварства и предательства. После этого я сказал себе: «Радагаст, не твое дело вмешиваться в Великие Войны, занимайся своими делами!» Да не вышло... Старина Гэндальф разыскал меня после победы, звал с собой. Но я отказался: в Заморье у меня дел не было, и в отдыхе я не нуждался.

«Так ты решительно против? — спросил меня Гэндальф, и я видел, как его лицо потемнело. — Ты понимаешь, что тебя ждет?»

«Что может меня ждать? — беспечно ответил я. — У тебя свои дела, Белый, у меня, Карего, свои. Враг пал, и это прекрасно. Твои труды, быть может, и закончены, мои же будут продолжаться вечно, пока стоит этот мир. Нет, это решено — я остаюсь».

«Ты, конечно, думаешь, что сохранишь все, чем владел, и всю свою древнюю силу?» — прищурившись, спросил меня Гэндальф.

И я понял, что он сердится, но тогда я еще не знал, что он хочет мне добра, только на свой манер. Сперва я, признаться, подумал,

что новоиспеченный глава заканчивающего свое существование Светлого Совета хочет в последний раз показать свой знаменитый характер.

«Что бы я ни сохранил, — ответил я, — ты не уговоришь меня. Я никогда не променяю бесконечность жизни на бессмертие».

«Так слушай же, Радагаст Простак, как назвал тебя как-то Саруман! — в сердцах вскричал Гэндальф. — Тебе придется принять на себя все то рассеянное зло, что еще осталось в Средиземье. Светлый Совет больше никогда не будет созван, наш Орден прекратил существование, Саруман пал, я ухожу. Твой посох теряет силу! А здесь уже бессилен и я. Ты знаешь, кто распорядился так и почему не может быть иначе. Тебе придется идти к людям и тяжким трудом зарабатывать себе на хлеб. Бесконечность жизни ты сохранишь, и мудрость у тебя останется, а вот силы поубавится, и останется ли что-нибудь, не знаю ни я, ни пославшая нас Светлая Королева. Ты не изменишь своего решения?!»

Признаться, мне стало не по себе, но я собрал всю волю и гордо ответил, что остаюсь, что бы ни произошло. И Гэндальф как-то сразу угас, осунулся, сделавшись вдруг невообразимо старым.

«Прощай, Радагаст, — сказал он, медленно идя к двери. — Кто знает, быть может, ты и не столь уж не прав. Оставайся! Я верю, что найду способ свидеться с тобой. Но умоляю тебя, пригляди за хоббитами! Они очень дороги мне, я покидаю их с болью в сердце. Ты обещаешь мне это? Тогда я смогу уйти спокойно».

«Разве я когда-нибудь не выполнял своих обещаний?» — сказал я в ответ.

Гэндальф обнял меня и скрылся за порогом. Потом я узнал, что он покинул Средиземье вместе с Элрондом и Галадриэлью. А затем, — он вздохнул, — все произошло так, как предсказывал мне Гэндальф. Мой посох сломался. — Радагаст вздрогнул, его лицо искривила гримаса когда-то пережитой нестерпимой боли. — И я стал тем, кем ты меня видишь — Пелагастом, лавочником с патентом Короля Соединенного Королевства!

Кое-что я, конечно, утратил, но все же не все. Выполняя обещание, данное Гэндальфу, я стал подыскивать себе новое местожительство где-нибудь поближе к его любимой Хоббитании, когда на мой небольшой дом на восточном краю Чернолесья обрушились дикие кочевники истерлинги. И тут я понял, что мои силы действительно очень ослабли. Я не мог отстоять свое жилище и едва спасся сам. Теперь вот живу здесь. — Радагаст тяжело вздохнул. — Я давно заметил неладное, но разбойники меня занимали мало — это дело людей. Мне пришлось иметь дело с остатками иного зла, но и тут я мог немногое... Разве что — подать вовремя нужный совет. Поэтому ты так заинтересовал меня. Тебе нужно побольше увидеть, чтобы нам можно было решить, куда направиться дальше. Ты принес мне очень важные сведения.

Храудуном я займусь сам, а с Могильниками пока ничего не сделаешь. Их порождения пока еще не слишком опасны, однако я обязательно повидаюсь со стариной Бомбадилом — он-то найдет на них управу. Тот призрак действительно явился в Аннуминас за мечом, унесенным Торином. Передай ему, чтобы он не выбрасывал его — так Умертвии копят силу, отдаваемую им поклоняющимися Могильникам людьми.

Я наведу Диза на мысль крепче следить за Полем. А вот Мория... Тут я мало что могу добавить к твоим предположениям. Туда надо идти, и чем скорее, тем лучше. Будь уверен — слушающиеся меня звери и птицы помогут вам, предупредят об опасности, и они же будут приносить мне сведения о вас. А после Мории постарайся увидеться со мной, мы вместе все обдумаем. Я пошлю вести к Кэрдану и Трандуилу, но все будет зависеть от того, что ты сможешь узнать. Вот так! Но ты, я вижу, что-то хочешь спросить?

— Что значат твои слова о Западе, Востоке, Севере и Юге? — облизнув губы, жадно спросил Фолко.

— Это твой путь, — печально усмехнувшись, ответил Радагаст. — Не требуй от меня большего, далеко не всегда предсказывающий может истолковать пришедшие ему в голову слова. И я тоже пока не могу. Но будь уверен: везде, где бы ты ни был, мои помыслы будут с тобой. Ты оказался первым хоббитом после знаменитой четверки, рискнувшим ввязаться в дела Большого Мира, и это уже само по себе грозный признак.

Радагаст умолк и опустил голову.

— Расскажи, прошу тебя, расскажи мне что-нибудь о Валарах и о Заморье! — умоляюще выдохнул Фолко.

Радагаст с улыбкой взглянул на него своим единственным глазом.

— Расскажу, когда придет время, — ответил он. — Не торопись! К этому ты еще придешь. Твой путь сейчас лежит на юг. Кстати, не очень нравится мне этот Олмер из Дэйла, — вдруг перебил себя бывший маг. — Есть в нем что-то, пока еще неопределенное, но подозрительное. Ладно, быть может, мы сумеем прояснить и это... А ты пока иди и погоди рассказывать своим друзьям о нашей встрече! Всему свое время. Мы еще встретимся, Фолко, сын Хэмфаста. А пока прощай...

Ярким весенним утром они покидали Пригорье. Позади остались его добротные дома и высокий частокол. Их обогнал очередной патруль из десяти конных дружинников, поскакавших куда-то на юг. Обоз съехал с холма, на котором стояло Пригорье, и неспешно двинулся по укатанной южной дороге. Три дня пути прошли без происшествий, а вечером четвертого, когда солнце уже приблизилось к западному горизонту, окрасив полнеба багрово-алыми красками, ехавшие впереди Рогволд и Дори внезапно подняли руки, указывая на расположенный на вершине придорожного холма одинокий черный камень. Фолко и Торин подъехали к ним. Трехгранная каменная игла высотой в два человеческих роста стояла, намертво врытая в землю, а внизу, в ложбине, где меж двух холмов проходил Тракт, Фолко разглядел арнорскую заставу. Он оглянулся — то здесь, то там по равнине были рассыпаны крохотные огоньки далеких деревень: в расположенных вдоль Тракта поселениях путешественники получали кров и пристанище. Хоббит взглянул вперед — там лежали непроглядные густые сумерки. Земли впереди них затягивали вечерние туманы, и ни одного огонька не было видно. Он с внезапной растерянностью глянул на Рогволда и вдруг понял, что означал каменный клинок, — они достигли рубежей Арнора. Впереди расстилалось Глухоманье.

Часть II

Глава 1

ЮЖНЫЙ ТРАКТ

Дул ветер, и ночной дождь мерно барабанил по натянутой над фургоном парусине, навевая сладкий сон. Фолко открыл глаза и поежился — сквозь щели прорывались холодные струи воздуха. Рядом сопели под одеялами гномы, уже светало, и пора было подыматься. Хоббит вздохнул и сел, обхватив руками колени.

Третий день шел с того памятного вечера, когда они миновали арнорскую границу, и шестой — с выхода из Пригорья; Фолко же казалось, что прошли долгие месяцы. Весь мир сжался до узкой придорожной полосы; однообразная лента старинного Южного Тракта, именовавшегося еще Неторным или Зеленым, шла напрямик через негустые леса и рощицы, перемежающиеся небольшими участками возделанных полей, пажитей и покосов. Дважды путь им преграждали протянувшиеся с запада на восток лесистые гряды холмов, невысоких и сильно сглаженных — далеко оттянувшиеся края Южного Угорья, однако Тракт не сворачивал, он рассекал бугры, словно исполинский меч; Фолко заметил, что кое-где ложе Тракта было прорыто прямо в теле взлобков. Сумрачные еловые боры северного Арнорского плоскогорья уступили место рядам причудливо смешанных друг с другом кленов и ясеней; словно сторожевые башни, по обочинам высились исполинские древние дубы. Попадались буки и грабы; вдоль придорожных канав уже алели яркие цветы. Теплые южные ветры несли на своих могучих крыльях благоухание диких равнин Минхириата; от незнакомых ароматов и запахов у Фолко иногда даже кружилась голова. Пустые, безлюдные пространства пышно расцвели, избавившись от умелых, но временами докучливых человеческих рук. Сегодня, правда, вдруг задуло с севера; ночью хоббит не раз просыпался от холода.

Да, местность менялась, и прямо на глазах. Деревни стали редкими — расстояние между ними укладывалось в дневной переход; помня о недоброй памяти Западном Тракте, Торин не рисковал останавливаться на ночлег в необжитых местах. Навстречу им попадалось все меньше и меньше народа — шли только большими обозами, насчитывавшими до нескольких сотен телег и повозок.

Деревни тоже очень изменились, став крупнее и многолюднее. Каждую окружал уже не просто частокол, а настоящая крепостная стена, правда из дерева, а не из камня. Ни одна не обходилась без сотни дружинников; имелись специальные почтовые станции со сменными лошадьми, чтобы королевская эстафета могла как можно скорее достичь ворот Рохана. Сперва эти деревни казались Фолко надежным прибежищем; однако два дня назад они наткнулись на большое, уже размытое дождями и поросшее буйной травой пепелище, и он понял, что здесь не всегда спасают и стены, и дружинники.

Однако пока удача сопутствовала им, и дорога была не слишком утомительной — ненамного труднее пути к Аннуминасу. На душе у Фолко было легко и как-то по-особенному ясно; сомнений и колебаний не осталось, он вновь поддался магии набегающей дороги и пока не заглядывал в будущее. Памятуя о походах Бильбо и Фродо, он каждый вечер тщательно записывал все случившееся за день, даже мелкие пикировки между товарищами по отряду.

За короткое время Фолко сумел хорошо узнать своих спутников; и если неистовый Дори, велеречивый Хорнбори, осторожный и основательный Бран были знакомы еще по Аннуминасу, то с остальными он сошелся в пути. Вьярд был немного трусоват, любил пиво несколько больше других, зато оказался непревзойденным мастером закалки, а также резьбы по камню; знал он и на удивление много старинных гномьих сказаний. Молодой Скидульф впервые выбрался за пределы своих пещер на севере Лунных Гор, во всем слушался Торина и пока больше смотрел и слушал, чем говорил сам. Фолко показалось, что он несколько самонадеян, зато силен и безотказен в работе. Три сородича Торина — молчаливые Грани, Гимли и Трор — редко вступали в общие разговоры, предпочитали короткие и недвусмысленные фразы. Они шли в Морию драться и не скрывали этого, а с кем — это, по словам Трора, им было совершенно неважно. Балин, гном средних лет с севера Туманных Гор, оказался, напротив, очень общительным, много беседовал с Фолко, выспрашивал его про эльфов, сам рассказывал много историй из прошлого своего народа; однако, когда приходила пора наваливаться всем миром на что-нибудь тяжелое или неприятное или приходила его очередь чистить котлы и рубить дрова — он оказывался далеко не в числе первых. Зато он неплохо владел топором, что признавал даже такой мастер боя, как Торин. Земляк Балина Строн слыл знатоком орочьих повадок. Строн быстро сошелся с Малышом — характеры их были схожи: оба веселые, неунывающие, только Строн, как понял Фолко, умел смотреть и видеть глубже, чем Малыш, да глаза его выдавали немалый, подчас горький, жизненный опыт.

К морийцам — Глоину и Двалину — Фолко приглядывался

особенно пристально и расспрашивал их больше других. Однако они мало что могли сказать — они покинули Казад-Дум уже давно и не были свидетелями тех пугающих событий, из-за которых отряд и шел в Морию. Однако они прекрасно помнили расположение всех морийских чертогов, а главное — систему тайных знаков, позволявшую гномам особенно не утруждать себя запоминанием бесконечных схем запутанных подземных коридоров, — выучить ее невозможно было и за всю долгую гномью жизнь. Глоин несколько походил на Хорнбори своим даром умелой и красивой речи, но никогда не говорил попусту. Двалин не уставал вздыхать о тех прекрасных временах, когда гномы-морийцы дружили с эльфами Остранны, вместе добывая знания и совершенствуясь в искусстве обработки металла. Он искренне горевал об этом, и Фолко понял, что для него прошлое по-прежнему живо, и ради того, чтобы вновь, в который уже раз, возродить Морию или хотя бы попытаться понять, что же творится там на самом деле, Двалин был готов отдать жизнь. В его серых глазах, редкого среди гномов цвета, читалась непреклонная воля, ни в чем не уступавшая воле Торина; хоббит проникся к Двалину большим уважением. Нечего и говорить, что оба морийца, как и положено гномам, превосходно владели оружием.

Гномы рассказали жадно слушавшему их хоббиту много интересного; после долгого пути с ними Фолко, наверное, знал об этом народе больше, чем кто-либо из живых или живших хоббитов, больше, чем даже старый Бильбо, — во время его странствий спутники с ним особенно не забалтывались.

Фолко старался записывать все, что слышал, но особенно запомнились ему две истории. Одну чуть ли не в первый день пути по Южному Тракту ему рассказал Вьярд, которого Малыш заменил на передке телеги, и старый гном пересел на время в седло. Его рассказ тек медленно и спокойно, говорил он чуть напыщенно — ведь речь шла о невообразимо далеких днях Предначальной Эпохи, предания о которой ныне сохранились лишь среди гномов. Он говорил о временах, когда мир был юн, а Великого Дьюрина окружали немые, безымянные скалы. Первый Гном начинал с немногими товарищами; Перворожденные помогали им, и среди приближенных Короля Казад-Дума умом, искусством и терпением выделялся гном по имени Трор. Он много времени проводил с эльфами, немало перенял у них, говорили, что и он был пленен неземной красотой Владычицы Галадриэль и, желая сделать ей достойный подарок, стал копить золото и мифрил. Однако тогда еще было далеко до дней великой славы Черной Бездны, как звали Морию эльфы, ее главные жилы еще ждали своего часа, приходилось перелопачивать огромные массы пустой породы, и Трору это надоело. Он придумал и сделал чудодейственное сито, обладавшее способностью выбирать золото из всего, что

набрасывалось в его зев. Достаточно было сыпать в него безостановочно даже самую бедную руду, чтобы в конце дня вынуть из него все золото, что было рассеяно в пыль среди серого горного песка и каменной крошки. Труд облегчился многократно; гномы стали быстро богатеть, в Морию повалили переселенцы из Лунных Гор, где к тому времени стало неспокойно — шла очередная война между людьми и орками. Трор накопил нужное ему количество благородного металла, выковал из него сказочно красивую диадему, украшенную покрытыми тончайшей резьбой бериллами, и подарил ее Владычице. Сито теперь стало ему ненужным, и Трор попросту забыл о своем детище. Однако не забыли другие. Из-за него в Мории едва не вспыхнула самая настоящая война, и тогда Великий Дьюрин приказал Трору разбить свое творение. «Ну вот уж нет! — ответил Трор. — Я лучше уйду вместе с ним, если его существование грозит нашему братству!» Все стали умолять его остаться, и он, поколебавшись, согласился, но спрятал сито так, что до пробуждения Великого Лиха Дьюрина о нем никто ничего не слышал, ну а потом, понятно, было не до того. С тех пор среди гномов и живет мечта — разыскать волшебное сито, много полов и стен Мории было вскрыто и поднято неугомонными искателями, но тщетно...

— И очень хорошо! — прибавил от себя под конец Вьярд, но почему хорошо, так и не сказал.

Вторую историю, а точнее, короткую притчу, хоббиту поведал Балин.

— Почему Казад-Дум столь необъятен, а, как ты думаешь? — посмеиваясь, как-то сказал он хоббиту. — Думаешь, там работала целая прорва работников? Ничуть не бывало! Большая ее часть проложена при Дьюрине, когда еще и гномов-то было совсем немного. Так слушай же! У гномов и гор — одни корни. Камни тоже могут говорить, а некоторые — даже двигаться. Было такое в Древние Дни, и, говорят, в те сказочные времена создавать великое Подгорное Царство Первому Гному помогали сами горы — послав ему Ролштайн.

— Это что еще такое? — удивился Фолко.

— Ха, Ролштайн! Это, сударь мой хоббит, такая штука, что можно весь мир по-своему переделать, и без всяких там... — Он оглянулся и быстро добавил: — И без всяких там колец и магов. Ролштайн был с виду самый обыкновенный камень, правда, довольно крупный, говорили, что примерно с молодого бычка. Он катился сам, понимаешь, сударь мой Фолко, он катился сам и прошибал тоннель в любой самой прочной скале. Тангару оставалось лишь идти за ним, словно пахарю за плугом. Так была проложена бóльшая часть морийских коридоров и галерей... Но он мог катиться не только в толще скал, но и на поверхности.

Рассказывают, что именно Ролштайн помог Великому Дьюрину отразить первый натиск орков.

— А куда же он делся потом?

— Никто не знает, — вздохнул Балин. — Его разыскивали долго и упорно, причем не только гномы. Этим ведь куда как сподручно — рушить стены крепостей! Но все эти усилия пропали втуне, а у нас появилась пословица: если увидишь качающийся камень, не спеши кричать, что перед тобой Ролштайн — лучше сперва посмотри, кто его раскачивает!

Дождь тем временем утих, рядом забормотал и заворочался Торин — нужно было вставать. Начинался новый день их странствий: по расчетам Торина, сегодня им предстоял особенно тяжелый переход — до следующей деревни было никак не меньше десяти лиг.

— Ты уже встал, Фолко? — удивился гном, поеживаясь от утреннего холода. — Беги тогда к хозяину, пусть завтрак подает. А я пока остальных разбужу.

Хоббит наскоро умылся в бочке с дождевой водой, стоявшей возле угла дома, и отправился к хозяину — пожилому хитрому пригорянину, уже лет тридцать живущему в этих негостеприимных местах. Выйдя от него на крыльцо, хоббит невольно остановился.

В просторном дворе, обнесенном крепким и высоким забором, кучкой стояли их фургоны, по ступицы утопающие в белесой утренней дымке. Направо над забором виднелась высокая сторожевая вышка, налево — двускатные крыши соседних домов. Солнце едва-едва показалось из-за горизонта, небосвод был чист; день обещал быть жарким. Из-под фургонных пологов уже доносились голоса, появилась долговязая фигура Рогволда; Малыш и один из охотников, Глен, отправились к трактиру за завтраком, другие люди и гномы уже выводили коней и пони, начиная запрягать. Из-за угла вынырнул Торин вместе с Браном, рядом с ними шагал, умеряя шаг, командир местной арнорской дружины в синем плаще и с перьями цапли на низком вороненом шлеме.

— Так вы решительно хотите идти сегодня? Не лучше ли подождать с неделю, с севера ожидается большой обоз... — говорил на ходу арнорец.

— А что такое? — ответил вопросом Торин. — На дороге неспокойно, что ли?

— Не совсем, чтобы уж так неспокойно, — замялся арнорец. — Но недавно пришло сообщение, что немного южнее замечен подозрительный отряд. За ними гнались, но они рассыпались по лесам — поди выковырни их оттуда! А по Тракту дальше — Сизая Теснина, их излюбленное место!

Заинтересованные разговором, их постепенно обступили гномы и люди, среди них и Рогволд.

— Так сколько же нам ждать попутного обоза? — спросил товарищ ловчего Форг.

— Неделю, а то и все десять дней, — ответил воин. — Обозы сбиваются не столь быстро.

— Мы не можем ждать, — решительно нахмурил брови Дори.

— Не можем, — подтвердил Торин. — Ну-ка, пойдемте все, потолкуем!

Они собрались в узком пространстве между фургонами, предусмотрительно выставив вокруг стражу, чтобы их не подслушали. Сидели тесно, друг на друге, и говорили полушепотом — к осторожности никого призывать не приходилось.

— Лучше подождать, неделя или даже десять дней ничего не решат в нашем деле — мы ведь не на пожар торопимся! — начал Рогволд. — А у них тут наверняка соглядатаи. И стоит нам выступить в малом числе, без охраны, как у этих проходимцев появится прекрасная возможность перебить нас в Теснине. Я бывал там, Форг и Алан тоже, это дурное место. Представьте себе узкое пространство между двумя высокими и крутыми холмами, заросшими глухим лесом и густым подлеском. Теснина тянется добрую лигу, а то и полторы — если они расставят лучников вдоль нее, то нас расстреляют в упор, и мы ничего не сможем сделать. Я считаю, что здесь рисковать неуместно, это не тот случай.

Рогволд умолк и оглядел слушавших его с явным одобрением людей и несколько скептически — гномов.

— У нас сегодня восемнадцатое апреля, — тихо, сдерживая гнев, заговорил Дори, и Фолко заметил, как Торин украдкой взял говорившего за руку. — До Казад-Дума нам идти еще дней двадцать, если не все двадцать пять. Это, считай, почти весь май. Лето по приметам ждут жаркое, начнут таять горные снега, нижние ярусы Мории могут оказаться подтопленными... Что нам останется? Кто знает, сколько придется сидеть в Черной Бездне, пока мы что-нибудь поймем и разузнаем? А потом окажется, что надо срочно созывать ополчение — а как успеть до зимы? Нет, когда идешь на такие дела, в полную неизвестность, мешкать нельзя. Если нам загородят путь — прорвемся с боем! Нас четырнадцать, да вас двенадцать, да Фолко — лучник отменный. Если с умом ударить, а у страха-то глаза велики, так число наше и вдесятеро большим покажется!

Гнома Дори неожиданно поддержал Алан, самый молодой из всех арнорских охотников.

— Я был в Сизой Теснине прошлой осенью, — начал он, отводя со лба длинные иссиня-черные волосы. — И не скажу, чтобы устроить там засаду было так просто. Лес вдоль Тракта вырублен и выжжен, а на левом холме — вдобавок остатки арнорской заставы. Рогволд прав, говоря, что с лучниками, если они там засядут, управиться будет нелегко, но подойти близко к Тракту они не смо-

гут, к тому же я не слышал, чтобы разбойники хорошо стреляли из лука. Ударить из-за угла, в спину — это пожалуйста, а правильного боя они не ведут. К тому же мы всегда можем отправить вперед кого-нибудь посноровистей, чтобы не идти вслепую. А чтобы не было споров, сразу же скажу: я готов пойти.

— Погоди, Алан, ты хорошо сказал, но главное сейчас другое, — поднял руку Торин. — Если мы все-таки пойдем, то как лучше всего отбиваться? Вы, люди, опытны, посоветуйте же нам!

— Самое лучшее — это не лезть на рожон, — проворчал Рогволд. — Но если Алан сам видел все это и Морию действительно начнет заливать, то, пожалуй, лучше всего будет сделать так — мы выходим немедленно, а лиги за три отправляем в стороны разведчиков. Идти лучше всего влево, на восток. — Он повернулся к Алану. — Там начинается длинная полоса дубрав и оврагов, она тянется до самой Теснины, там можно пробраться незаметно. Все остальные в это время идут не спеша — и наденьте броню под плащи! Если там никого нет, мы проходим Теснину со всеми предосторожностями и как можно скорее, если же есть... то я думаю, этих лиходеев лучше всего спугнуть, увести в сторону, если их окажется много. Боюсь, что так и будет, — ловчий вздохнул, — малыми отрядами они теперь не ходят. Мы же не можем сражаться двумя десятками против нескольких сотен!

— И все-таки предпочтительнее иметь дело с водой, чем со стрелами, — упрямо нагибая голову, сказал Глен, один из охотников. — Что, будет лучше, если всех нас перестреляют там, как куропаток?

— По-моему, самое главное — это выяснить, есть ли у засевших в Теснине луки и сколько их, — вступил в разговор Двалин. — Если лучников мало или нет совсем, то мы можем идти смело.

— Я полагаю, нам нечего обсуждать это! — резко подался вперед Форг. — Будем говорить, когда все узнаем! Пока нужно решить только одно — идем мы вперед или нет?!

Наступила тишина. Торин и Рогволд одновременно стали оглядывать лица товарищей. Кто-то смотрел прямо, кто-то отводил взгляд; наконец ловчий нарушил молчание:

— Что ж, давайте считать, кто за что. Ну, по очереди. — И он повернулся к молчавшим до этого людям и гномам.

— Идти, — сурово выдохнул Грани, и Гимли с Трором молча склонили головы в знак согласия.

— Подождать, — по-прежнему упрямо хмурясь, отрезал Глен.

— Может, действительно повременим, а, тангары? — робко проговорил Вьярд. — Рогволд-то сперва дело говорил...

— Я считаю позорным укрываться от этой нечисти, — бросил Гримнир, высокий, угрюмый товарищ Алана. — С ними нам надо еще посчитаться...

— Глупо совать голову в пасть неубитого дракона, — пожал плечами Балин.

— Стыдно слушать вас, тангары! — сверкнул глазами Строн. — Малыш, ты что же молчишь?!

— А что я? — принялся оправдываться тот, похоже, опять задремавший во время спора. — Идти так идти. Все лучше, чем сидеть.

— Лучше сидеть, чем лежать... в могиле, — возразил Игг, еще один из охотников, уже немолодой, старый товарищ Рогволда.

— Все там будем рано или поздно, — пожал плечами Ресвальд, гибкий, ловкий словно кошка, с удивительными зелеными глазами.

— Ждать нам нечего, — решительно пристукнул кулаком Бран. — Идти!

— Согласен, — спокойно кивнул головой невозмутимый Веорт.

— Погибать из-за такой ерунды... Нет, я не согласен! — вскинулся Довбур, его седая борода гневно встопорщилась.

— Да брось ты, старина, — успокаивающе положил руку ему на предплечье рыжебородый Готор. — Мало мы рубились? Да мы пока и не знаем, есть в этой Теснине кто-нибудь или нет. Я — за то, чтобы все выяснить. И еще я согласен с Гримниром: отступать — это позорно.

— А мы бы поостереглись, — внезапно заявил Глоин. — Цель слишком важна, а пожертвовать ради нее жизнями мы еще успеем.

Двалин молча кивнул в знак согласия, и Фолко увидел, как у Торина удивленно дрогнули брови.

— А я стою на своем — надо идти вперед, — повторил сказанное раньше Алан.

Высоченный, очень сильный Грольф, запросто гнувший самые толстые подковы и превосходящий силою даже Торина, лишь кротко улыбнулся и развел руками.

— Надо идти, чего уж там, — буркнул он себе под нос, словно стесняясь говорить громко.

Не расстающийся с длинным охотничьим луком Гердинь вздохнул и печально покивал головой. В Аннуминасе у него осталась большая семья. Видно было, что он стыдится своих слов.

— Поостеречься бы надо... — выдавил он из себя и низко опустил голову.

— Мне и думать нечего — только вперед! — рубанул перед собой ладонью Дори, и вечно пикировавшийся с ним Хорнбари впервые согласился со своим извечным противником в спорах.

Форг медленно и отрицающе помотал головой.

— Большинство, в общем, за то, чтобы не задерживаться, — подытожил Торин. — Осталось спросить совсем немногих. Я, например, считаю, что идти надо, но очень осторожно. Ну, допустим, тут

мы один раз обережемся, а что будет, когда с Тракта свернем? А ты, Рогволд, что скажешь? И ты почему молчишь, Фолко?

— Я? — вдруг испугался хоббит. — Так а что я? Разве я могу здесь что-нибудь сказать дельного? Нет, я — как все.

— Большинство за то, чтобы идти, — хмуро молвил Рогволд. — Я понимаю Дори — медлить нельзя. Но из людей пятеро против того, чтобы лезть вперед очертя голову. Мне эта затея тоже не нравится, но раз уж так выходит... — Он развел руками.

Возражавшие против прорыва люди громко запротестовали.

— Мы подряжались идти до Мории и потом оставаться на поверхности, а не класть головы в стычках со всякими проходимцами! Это не наше дело, на это дружина есть! — возмущенно вскочил Глен.

— Ладно, — проворчал Форг. — В конце концов знали, на что идем, и что нас будет меньше гномов, тоже. Раз решили — так решили. Шестеро наших тоже за то, чтобы идти. Так давайте не терять времени!

Рогволд легко, по-молодому поднялся.

— Давайте, давайте, выводите фургоны, — стал торопить он принимавшихся за дело гномов и людей. — До Теснины идти и идти, а солнце уже высоко.

Отбросившие споры люди и гномы быстро вывели их небольшой обоз за ворота. Торин пошел рассчитываться с трактирщиком за ночлег и еду, с ним увязался и Фолко.

— Что, выступаете? — встретил их хозяин. — Правильно, нечего тут рассиживаться. Ярмарка в Рохане скоро прикроется, так что вам с вашими товарами надо поспешать. А что тут про разбойников болтают — так вы не очень-то верьте. Этим дружинникам любой проходимец уже целым войском кажется. Так что идите смело! Кстати, если не секрет — небось оружие везете?

Фолко стало не по себе от приторного голоса пузатого трактирщика. Уж слишком маслянисто блестели его маленькие хитрые глазки.

— Что везем — это, прости, наше дело, почтенный хозяин, — ответил трактирщику Торин. — Прими деньги и прощай.

— Легкой вам дороги, легкой дороги, — низко склонился им вслед трактирщик.

Отряд быстро оставил позади возделанные поля, миновал последний сторожевой пост дружинников — воины прощально помахали им вслед — и двинулся дальше по Тракту на юго-восток, мимо широких, сверкающих свежей зеленью лугов и низких, пологих холмов, кое-где поросших боярышником. Солнце поднималось, становилось теплее, и лишь с севера по-прежнему дул не по-весеннему холодный ветер. Изредка им попадались небольшие рощицы; постепенно их становилось все больше, а на самом горизонте замаячила неясная синеватая линия.

— Это Забытый Кряж, — показал хоббиту и Торину ехавший рядом с ними Алан. — А вон там, куда ведет Тракт, и есть та самая Сизая Теснина. По-моему, нам пора останавливаться.

Он повернулся к Рогволду, и бывший сотник молча кивнул.

— Надевайте броню, друзья, — негромко сказал ловчий. — Разведке пора сворачивать. Будет лучше, если вы доберетесь вон до тех деревьев чуть левее Тракта. — Он показал вперед. — Вам туда часа два ходу. Останавливайтесь, ставьте телеги в круг и ждите нас. Если же мы... — он помолчал, — не вернемся, то возвращайтесь в деревню и ждите попутного обоза.

— Постойте, а кто же пойдет? — вдруг спросил Хорнбори. — Этого мы как раз и не решили.

— Я же сказал, что пойду. — Алан выступил вперед. — Кто еще со мной?

Не колеблясь ни мгновения, Ресвальд, Гримнир и Грольф шагнули вперед.

— Но вы будете нужны здесь, — возразил им Рогволд. — Гномы отпадают — вы совсем не умеете ходить по лесу, почтенные, не в обиду вам будь сказано.

И тут произошло неожиданное. Робко жавшийся в сторонке Фолко, которого разговоры о разбойниках повергли в изрядное смятение и который только что тоскливо прикидывал, как лучше спрятаться, чтобы в бою ненароком не попасть под меч, внезапно вышел на середину.

— Ты, Фолко? — недоуменно воскликнул Торин.

Малыш просто заявил хоббиту, чтобы тот прекратил делать глупости, но Рогволд успокаивающе поднял руку.

— Наш хоббит хоть и невелик ростом, но ловок и быстр, — сказал ловчий, нахмуренными бровями быстро гася насмешливые улыбки на лицах людей. — Я имел случай убедиться в его доблести и сметке. К тому же ходят хоббиты бесшумней кошки, а что до умения стрелять — то тут с ними не сравниться ни одному охотнику Арнора! Мы будем очень осторожны, — заверил Рогволд попытавшегося возразить что-то Торина и вскочил в седло. — Ждите нас там до вечера, — крикнул он остающимся, и трое разведчиков повернули коней влево, в придорожную рощу.

Уши Фолко горели от стыда за недавние трусливые мысли, на время овладевшие им. Где-то в глубине души он и сейчас жалел о своем поистине безумном поступке, но отступать было уже некуда. Он поправил складки кольчуги под плащом, поудобнее передвинул меч, перевязь с ножами, приспособил повыше колчан с луком и стрелами.

Они ехали неспешно и осторожно по глубокому, сильно заросшему древнему оврагу. Над их головами сомкнулась лесная кровля; однако солнце здесь стояло выше, чем в это же время года в его родной Хоббитании, и овраг выглядел совсем не мрачно. Дно по-

крывали молодые побеги папоротника; повыше, на светлых местах, буйно разрослась малина вперемешку с крапивой.

Рогволд и Алан ехали впереди, время от времени негромко переговариваясь и поглядывая на солнце.

Овраг вывел их в довольно широкую котловину между тремя сомкнувшимися холмами. Слева, к северу, пестрели прозрачные молодые березы и рябины — радостный лиственный лес. С северо-востока на юго-запад перед ними наискось протянулась первая гряда Забытого Кряжа, покрытая высоким темным лесом.

Выехавший вперед Алан внезапно предостерегающе поднял руку, и Рогволд поспешил к нему. Затаив дыхание и взявшись за меч, к двум склонившимся над землей следопытам подъехал и хоббит.

— Осторожнее, — зашипел на него Рогволд. — Не затопчи следы!

Хоббит мало что понимал и мог разобрать в небольших, едва заметных рытвинах и тотчас пристал к людям с расспросами.

— Здесь прошли несколько конных, — пояснил Алан. — Прошли сегодня утром с севера на юг, вон туда. — Он махнул рукой, указывая на темный проем в зарослях, где, казалось, в глубь деревьев уходило некое подобие тропинки. — Какие подковы — не разобрать, но лошади не слишком крупные. Однако, кто бы тут ни проехал, это плохо — тропа здешним ведома и скорее всего под надзором. А мы торчим тут на самом виду!

Они поспешно скрылись в зарослях и свернули вправо. Алан и Рогволд осторожно пробирались между гибкими ветвями, пригибаясь к самым гривам, легче было невысокому хоббиту. Они оставили позади радостную поляну и углубились в лес Забытого Кряжа.

Трудно оказалось преодолеть лишь первые несколько саженей; затем подлесок отступил, его место заняли низкие лесные травы. Под плотной кровлей листвы где-то негромко перекликались птичьи голоса. Следопыты некоторое время подозрительно вслушивались, но никакого подвоха не заметили.

От Тракта до поляны они ехали часа полтора; еще примерно столько же пробирались на юго-запад, прячась в дремучем лесу, пока Рогволд не скомандовал остановку.

— Дальше верхами нельзя, — шепотом сказал он. — Коней оставим здесь, хоть и рискованно, конечно же, но выхода нет.

В зарослях, на дне небольшого распадка, они укрыли лошадей, сняв с них то, что могло бы выдать их бренчанием. Уползая наверх, вслед за следопытами, Фолко оглянулся — пони глядел на него с немым укором. Хоббит поспешно отвернулся.

Теперь они медленно и осторожно крались короткими перебежками от ствола к стволу, согнувшись в три погибели. Вокруг все оставалось тихо и спокойно, и хоббиту невольно стало казаться, что они играют в какую-то странную, хоть и увлекательную игру. Он потерял счет времени, и, лишь когда сквозь зеленую кровлю случайно пробилось солнце, он понял, что время уже перевалило за полдень.

Все произошло в один миг. Идущий впереди Алан неожиданно рухнул как подкошенный в траву возле могучего древесного корня. Фолко и Рогволд осторожно подползли к нему.

— Смотрите! — шепнул им Алан. — Видите? Вон, прямо за деревом — их секрет! Не так просты господа разбойнички...

В зеленом месиве впереди них сперва казалось невозможным что-либо разобрать, и сколько хоббит ни вглядывался, так ничего и не увидел. Зато его спутники увидели и поняли все, что нужно, и теперь они ползком двинулись в обход. Впереди гибкой змеей извивался Алан, проскальзывавший, словно крот, под кочками и корнями; за ним прижимающийся к земле хоббит, старавшийся не потерять из виду подошвы сапог следопыта; замыкал Рогволд.

Ползти оказалось нелегко, пот заливал глаза, быстро заныла непривычная к такому передвижению спина. «А что, если они на деревьях?!» Внутри у хоббита все похолодело. Однако минуты шли, и пока все оставалось как было. Фолко мог видеть только траву и букашек у себя перед носом и недоумевал: что же рассчитывают увидеть там люди? Однако вскоре его сомнения рассеял донесшийся наконец до них чуть слышный говор. Они замерли. Слов было не разобрать, нужно было подобраться поближе. Алан очень медленно и осторожно заскользил вперед, сделав хоббиту знак следовать за собой. Фолко начинал дрожать, ему казалось, что их вот-вот обнаружат; однако они спокойно проползли еще дальше и укрылись в папоротниках, откуда они могли видеть и слышать говорящих. Только теперь хоббит решился поднять голову.

Впереди, под могучим развесистым буком, сидели, небрежно прислонясь к стволу, двое разбойников — по виду обычные арнорские крестьяне: один уже пожилой, в худом плаще, с длинным копьем и неуклюжим топором дровосека, второй — молодой, в кожаной шапке и добротном кафтане явно с чужого плеча, подпоясанный веревкой, с мечом и тоже с копьем.

— Эхе-хе, — почесывая сивую бороду, говорил пожилой, — паршивая наша жизнь! Живем хуже зверья всякого, по лесам, будто угорелые, скачем. Того и гляди, дружинники нагрянут да на осину... Ох, тягости! И за что же нам судьба такая проклятая!

— Брось скулить, — недобро щерясь, оборвал его молодой. — Радуйся, Борода, что жив еще! Да и так уж ли плохо живем? Сапожки-то у тебя лучшей роханской кожи. А откуда? Раньше носом землю рыл, а теперь сам себе хозяин! Живем по-настоящему! А что до лесов... Ты не думай, деньжат вот подкопим, да и махнем на север, там земли, говорят, много, бери, сколько поднять сумеешь... Так что терпи и не стони, не нагоняй тоску.

Молодой уселся поудобнее и засвистал что-то беззаботное.

— Тебе хорошо говорить, ты вон какой битюг здоровый, — обиженно поджимая губы, буркнул в ответ сивобородый. — А у меня и так ноги еле ходят, бока болят. Недавно так дубиной по спине огрели, думал, хребет сломают! Да и сколько нам копить-то? Доживу ли? Вот чего мы здесь сейчас сидим, спрашивается? Которую неделю с горы на гору, из одного болота в другое. Весь тиной пропах, словно лягуш какой! Ни бани, ни печки... Чего мы тут сидим? Пустую дорогу стережем? По ней же теперь в одиночку не ходят.

Молодой долго и досадливо морщился и наконец резко оборвал старика:

— У, пень сивый! Сказать тебе, чего мы тут ждем?! Ты что, не слышал, что Толстяк прислал записку с голубем — обоз сюда идет, десять телег да три десятка народу при нем — половина гномы, остальное люди. Спешат на юг, на Роханскую Ярмарку! — Глаза молодого алчно блеснули. — Товар везут спешный! То-то поживимся!

— Ой ли? — усомнился старый. — Гномы, они, знаешь, свои денежки так просто не выложат. Как начнут топорами махать!

— Махать! — презрительно передразнил его молодой. — Не больно-то помашешь, когда нас здесь добрая сотня! Никуда не денутся. А ты вот что, кончай эти разговоры, а то, не ровен час, дойдет до Арра и его мечников!

Они оба тут же принялись встревоженно оглядываться; не заметив ничего подозрительного, молодой продолжал:

— Я сидел неподалеку от их костра, когда прилетел этот голубь. Они все были там, все четырнадцать, и Арр еще так прихлопнул в ладоши и сказал что-то вроде «наконец-то!». Так что сиди спокойно, Борода, времени у нас немного, скоро эти олухи до Теснины дотопают...

Пожилой тягостно вздохнул, но промолчал. Однако ему явно было не по себе, и он старался заглушить тревогу разговором:

— А ты не слышал, как расставят? Куда нас денут? Опять вперед погонят, под стрелы, а сами заберут всю добычу?

— Слышал, что с двух сторон засядем, — сплевывая, ответил молодой. — Выскочим спереди и сзади, ну и с боков навалимся.

— С боков?! — горестно ахнул старый. — Это что же, бегом с самой вершины да по голому...

— А что делать? — зло сверкнул глазами молодой. — Другое место предложить можешь? Кругом поля...

— Да нет, я что, я ничего, — уныло ответил старик и сгорбился, уронив руки на колени.

Пролежавшие все это время разведчики переглянулись.

— Все ясно, — едва слышно выдохнул Рогволд. — Их сто десять или около того. Давайте назад!

— Погоди, а как же с луками? — спросил Алан. — И потом — кто этот Арр и его мечники? Ползем дальше!

— Опасно, — одними губами ответил Рогволд. — Тут их наверняка под каждым деревом по паре. Того и гляди заметят...

— Я проберусь, я смогу, — вдруг взмолился Фолко, сгорая от нетерпения и охватившего его бесшабашного азарта.

Разбойники казались ему совсем нестрашными — от таких он легко удерет! Люди, однако, с сомнением переглянулись.

— Да я тихо, — страстно продолжал уверять их хоббит. — Никто и не услышит! Вы только никуда не уходите, я мигом.

— Ладно, — решился Рогволд. — Только ты уж возвращайся, Фолко, пожалуйста, а то Торин меня на куски изрубит, что отпустил я тебя... Будем ждать здесь. Место запомнил?

Фолко быстро покивал и осторожно пополз вперед. Папоротники мягко сомкнулись за ним, и люди удивленно переглянулись — спустя мгновение они уже не могли сказать, где скрылся их маленький товарищ.

Фолко полз быстро и ловко, уже приноровившись к этому способу передвижения; иногда, если позволяла густота трав и подлеска, он приподнимался на четвереньки и каждый раз замирал на мгновение, чтобы осмотреться и прислушаться. Вскоре он заметил еще трех разбойников, по виду не отличавшихся от двух первых; они играли в кости. Затем встретились еще пятеро, потом еще и еще, и вскоре хоббит оказался прямо в сердце временного лагеря лесных людей. Посредине в глубокой яме разведен был костер — до хоббита доносилось потрескивание и чуть тянуло гарью, но самого дыма заметно не было — очевидно, жгли сухостой. По краям небольшой поляны разместились остальные из этой шайки; хоббит глядел очень внимательно, но насчитал всего пять луков. Было немало копий и мечей, его взгляд отыскал несколько неумело сбитых из досок щитов и пару настоящих, таких же, как у арнорских дружинников, ни шлемов, ни кольчуг он не заметил. Большинство разбойников были крепкими арнорскими мужиками, по виду — вчерашние крестьяне, и потому внимание Фолко сразу же привлекла усевшаяся в тесный кружок неподалеку от костра группа людей в зеленом. Фолко разом насторожился. Он заметил торчащие из травы возле них рога шести или семи арбалетов, рядом лежали добротные щиты; головы одетых в зеленое воинов прикрывали настоящие шлемы. Остальные разбойники явно побаивались их и всякий раз почтительно кланялись, проходя поблизости. Разговоров Фолко услышать не мог, но и увиденного было достаточно.

Он насчитал всего сто три человека да еще четырнадцать воинов в зеленом. Осторожно повернувшись, тихо, так что не колыхнулась ни одна ветка и не хрустнул ни один сучок, он, по-прежнему искусно таясь в высокой траве, отправился назад.

Ему стоило некоторого труда вновь отыскать друзей, дожидавшихся его в тревожном неведении. Выслушав его торопливый рассказ, Алан восхищенно покрутил головой и крепко стиснул плечи хоббита, Рогволд улыбнулся и погладил его по голове. Все вместе они поползли назад.

Без всяких происшествий они выбрались с Забытого Кряжа и во весь дух погнали коней обратно. Солнце уже клонилось, и нужно было торопиться, чтобы успеть преодолеть этот так некстати появившийся заслон до темноты. Спустя пять часов после прощания с отрядом они вновь увидели составленные в круг знакомые фургоны.

Рогволд подробно рассказал обо всем увиденном и услышанном ими, тотчас погасив бурные восторги по поводу их благополучного возвращения.

— Что будем делать? — спросил он, закончив рассказывать.

Наступило молчание. Несколько мгновений все мрачно глядели в землю, затем вперед выступил Хорнбори.

— Числом нам их не взять, — степенно начал он, поглаживая бороду. — Значит, надо взять хитростью.

— Очень свежая мысль! — фыркнул Дори, но на него зашикали, и он умолк.

— А какую хитрость можно здесь придумать? — продолжал Хорнбори. — Если я правильно понял почтенного Рогволда, большинство в этом отряде — недавние крестьяне, в военном деле не искушенные и вдобавок боящиеся как дружинников, так и своих непонятных командиров. Поэтому, наверное, мы сможем испугать их, напав первыми. Погодите! — Он поднял руки, останавливая недоуменный ропот. — Мы связываем наши телеги по три и оставляем с обозом четверых, которые и поведут его напрямик через Теснину, а в это время остальные, заранее пробравшись лесом, зайдут со спины разбойникам. Едва наш обоз втянется в Теснину, за мгновение до того, как они начнут атаку, мы нападем сами. Главное — кричать как можно громче, пускать стрелы, швырять факелы, пусть они думают, что у них на плечах целое войско. Большинство из них, уверен, бросятся вниз сломя голову. Нам надо будет управиться с теми, в зеленом, и прорваться к обозу самим. Пока они опомнятся, сообразят, в чем дело, мы выберемся на открытое пространство, а там нас взять будет куда труднее! Ну как план?

— Я хотел предложить почти то же самое, — улыбнулся Рогволд. — Видно, хорошие мысли приходят, так сказать, в думающие головы одновременно.

Люди и гномы молча переглядывались, пытаясь как можно лучше все обдумать. Гримнир щелкнул пальцами.

— Они могут просто затоптать тех, кто пойдет с обозом, — с привычной мрачностью бросил он. — У нас есть десятка два арбалетов. Дадим каждому, кто пойдет с телегами, штук по пять! Заряженными, естественно, — уточнил он и умолк окончательно.

— Но у нас нет сил напасть на них с обеих сторон, — возразил Игг. — Они наверняка засядут человек по пятьдесят справа и слева. Нам же нельзя разбиваться?

— Верно, — кивнул Торин. — Поэтому давайте ударим, как только они сделают первый шаг вперед, так, чтобы им уже было трудно остановиться. Все пойдем с одной стороны — скажем, слева. Впрочем, с какой стороны наступать — безразлично, но слева удобнее подходы, к тому же дорога туда известна. — Он оглядел напряженные и внимательные лица товарищей. — Пришло время решать.

Как обычно бывает в подобные минуты, наступила тишина — никто не хотел произнести последних слов; все невольно тянули время, и первым, как ни странно, заговорил Малыш. Заговорил, уже направляясь к одной из телег и деловито вытаскивая из кармана толстый моток веревки:

— Давайте, начали, что ли... Торин, подводи воз...

Все сразу зашевелились, словно стряхнув с себя некстати подступившее оцепенение. Гномы сцепили фургоны по три и стали решать, кто останется с обозом.

— Сюда нужны лучшие бойцы, — хмуро проговорил Рогволд. — Здесь будет труднее всего. Кто пойдет сам?

Малыш молча выступил вперед, и с ним Алан, Ресвальд, Балин, Двалин, Глоин, Игг и Строн.

— Так не пойдет, — покачал головою Торин. — Нужно только четверо.

Времени на споры не было, и поэтому просто метнули жребий. Выпало Малышу, Иггу, Строну и Ресвальду, и они как-то сразу же отделились от остальных — будто чья-то рука провела незримую, но явственную черту. Игг и Строн принялись неспешно заряжать арбалеты. Малыш закурил трубку, а Ресвальд достал из заплечного мешка точильный камень и стал тщательно острить меч, не поднимая глаз на остальных, уже сидевших в седлах.

— Выступаете через три часа, когда тень от этого дуба достигнет серого валуна, — хрипло произнес Рогволд и, не оборачиваясь, скорой рысью повел отряд в глубь заросшего оврага.

Ехали молча. Алан и Рогволд показывали дорогу. Солнце уже опускалось, мягкие лесные тени сгущались, но до конца дня было еще далеко. Путь до круглой поляны по лесистой ложбине они проделали без происшествий. Не выезжая на открытое пространство, Рогволд осадил коня и негромко заговорил:

— Нам нельзя будет подойти верхами совсем близко к лагерю, но коней надо держать где-то поблизости. Оставим их позади себя с кем-нибудь?

Алан покачал головой.

— Кого ты оставишь при них, Рогволд? Лучше отправим кого-нибудь вперед пешими, а сами подтянемся как можно ближе.

— Ударим, едва те атакуют, — обронил Дори, поглаживая топор. — А пока кому-то надо идти вперед и покончить с их дозорными — тогда мы сможем подвести коней ближе. Готов идти немедленно и спрашиваю: кто со мной?

Фолко вновь, как и на первой их остановке, вдруг набрался храбрости. Он достал свой лук и молча поднял над головой. Однако на него тотчас зашикали.

— Нет уж, Фолко, сегодня я тебя никуда больше не отпущу, — решительно заявил Торин. — Сам пойду! Балин, за мной!

Не давая никому опомниться, трое гномов исчезли в зарослях. Вдогонку им кинулись Алан и Гримнир.

Остальные молча ждали, сидя в седлах. Выждав с полчаса, Рогволд осторожно повел отряд вслед за исчезнувшими товарищами. Двигались длинной цепочкой, ведя коней в поводу; так прошло еще около часа. По расчетам Рогволда, они должны были вот-вот оказаться возле лагеря разбойников.

Ветви впереди них неожиданно колыхнулись (Фолко едва не вскрикнул, и стрела едва не сорвалась у него с тетивы), и появился Торин со спутниками. Его одежда в двух местах была чуть забрызгана темно-красным; он был мрачен, но спокоен.

— Дорога открыта, — облизнув губы, хрипло сказал он. — Тут идти всего ничего... Слезайте с коней, пусть их подержит Фолко и кто-нибудь еще. Давайте за мной. Тут есть одно укромное место...

Хоббит от обиды и отчаяния на мгновение потерял дар речи, а когда опомнился, то его окружали уже спокойные конские морды, большие лиловые глаза смотрели ласково и встревоженно. Рядом с Фолко остался Довбур — он, похоже, был весьма доволен этим.

— Ну чего стоишь? — шепотом прикрикнул он на хоббита. — Упряжь подвязывай, как их иначе-то поведешь?

Слезы застилали глаза Фолко, он стал снова маленьким, испуганным и никому не нужным хоббитом, каким чувствовал себя перед встречей с Торином. Его оставили сзади, не пустили, и вот он теперь возится с этими уздечками, привязывая их к длинной веревке, а друзья — там, впереди, и кто знает, что с ними? Вытерпеть это было невозможно. Покрутившись несколько минут на месте, Фолко не выдержал и осторожно пополз вперед, выбираясь из неглубокой ложбины, где укрывались они с Довбуром. Забыв обо всем, он полз вперед и неожиданно оказался на краю склона — он забрал правее, чем нужно. Осторожно раздвинув ветви кустов, Фолко чуть приподнял над травой голову.

Его глазам открылась Сизая Теснина — узкий прямой проход между двумя высокими и крутобокими холмами. Лес по склонам действительно казался выжжен, но склоны уже покрыла буйная,

высокая трава; кое-где торчали черные обугленные пни. Внизу серой лентой вилась дорога; склоны холмов были пусты, вдоль края леса на гребне Кряжа кустарник стоял сплошной стеной. Нигде ни малейших признаков человека. Фолко скосил глаза вправо и вздрогнул, увидев, что их обоз неторопливо приближается ко входу в Теснину. Хоббит достал лук и стрелы. Будь что будет, но он не оставит друзей! Пусть Довбур там сам разбирается...

Последние минуты растягивались в часы. Казалось, обоз никогда не преодолеет отделяющие его от роковой Теснины сажени. Фолко по привычке потянулся вытереть о штаны вспотевшие ладони и вдруг услышал слева от себя подозрительный шорох. Он прижался к земле и весь подобрался. Однако до него не дошли. Кто-то, сопя, устраивался рядом с ним в кустах, причем производил столько шума, что, казалось, слышно было по всему Тракту; Фолко набрался храбрости и выглянул. Держа в сильных, натруженных руках длинное копье, за кустом притаился тот самый пожилой разбойник, беседу которого с молодым им удалось подслушать. Он оглядывался нерешительно и испуганно, возился, ерзал, кхекал, беспрерывно поправлял пояс, но копье из рук не выпускал. Фолко уже совсем было прицелился в него — не по-настоящему, однако, а лишь на случай, если его заметят, как говорил он себе, — но тут фургоны уже полностью втянулись в Теснину, и, когда последняя повозка поравнялась с Фолко, тишину над Трактом прорезал резкий и переливчатый, лихой разбойничий посвист.

И тотчас стена кустарника вдоль лесных стен рухнула; сверху на склонах из лесного сумрака вынырнули десятки людей: многоголосый вой и рев огласил окрестные холмы. Затрещали ветви, и рядом с хоббитом, наставив копье и что-то вопя, пожилой разбойник бросился вниз, к медленно двигающимся фургонам. Однако убежал он недалеко. Раздалось мелодичное гудение тетивы, тугая нить звонко стегнула по кожаной рукавице на левой руке хоббита, свистнула стрела, и старый разбойник покатился по земле, истошно вопя и обхватив руками пронзенное бедро. Фолко вновь не смог выстрелить так, чтобы убить, — старик был жалок, а не страшен, вызывал сострадание, а не ненависть.

И едва разбойники с обеих сторон Теснины рванулись вниз, их вопли перекрыл чей-то дружный и мощный клич; слева от хоббита послышались лязг оружия и пронзительные крики, крики ужаса и отчаяния. Хоббит слышал низкий и грозный рык что-то командовавшего Торина — и разбойники слева горохом посыпались вниз, падая, переворачиваясь и скатываясь к Тракту. Бегущие к обозу с противоположной стороны в недоумении задержались; тем временем вслед за разбойниками из кустов вырвались гномы и люди, в яркой броне, со сверкающими, наводящими страх мечами и топорами в руках. Внизу раздалось звонкое

щелканье — идущие с обозом товарищи хоббита били по подбегающим из арбалетов. Перед строем гномов откатывалась назад небольшая группа одетых в зеленое воинов — их было всего лишь пять или шесть. Вот особенно ярко вдруг сверкнул топор кого-то из гномов, и один из «зеленых» упал в траву, остальные прекратили сопротивляться и кинулись вниз, вслед за бесславно бежавшими разбойниками. Некоторые из них пали от арбалетных стрел; никто и не подумал схватиться со стрелявшими оттуда противниками, бегущие огибали замерший обоз спереди и сзади. Четверо уцелевших «зеленых» с левой стороны тем временем добежали до Тракта и бросились прямо между возами, однако путь им преградила невысокая коренастая фигура в кольчуге и шлеме, но с мечом и кинжалом в руках вместо обычного гномьего топора. Секунда — что-то полыхнуло, точно язык пламени вырвался из руки Малыша, и один из атаковавших его рухнул в дорожную пыль, трое поспешно отскочили. Тем временем до телег добрались и остальные спутники Фолко; разбойники отхлынули на противоположный склон, поспешно карабкаясь вверх и исчезая в чаще; видно было, как одетые в зеленое воины пытались остановить их.

«Кони! Пора вести коней!» — пронзила хоббита ужасная мысль, и он со всех ног бросился назад, к Довбуру. Тот уже выводил лошадей из лощины. Они поспешно вскочили в седла и погнали животных влево, стараясь срезать как можно больше. Внизу не утихали крики, но звона стали слышно не было, однако то и дело доносились звонкие хлопки арбалетов.

Ветви хлестали хоббита по лицу, и пришлось думать лишь о том, чтобы уберечь глаза. Однако они быстро миновали заросли и вырвались на склон. Над телегами уже клубилась пыль — гномы и люди не жалели кнутов; разбойники беспорядочно метались по противоположному склону.

— Гони! Гони же! — донесся до хоббита неистовый голос Торина.

В это мгновение над ухом хоббита что-то остро и неприятно взвизгнуло — с той стороны Теснины «зеленые» били по ним из арбалетов. Не раздумывая более ни секунды, хоббит рванул тетиву. Один из стрелявших ткнулся в траву, и хоббит понял, что на сей раз он попал как следует. Под копытами уже был Тракт, а рядом — серые бока фургонов и нахлестывающие коней погонщики. Травянистые склоны летели назад, уже не свистели стрелы — впереди виднелся выход из Теснины; холмы резко отворачивали в стороны, и Тракт вновь вырывался на простор привольных минхириатских равнин. Сзади еще слышались какие-то вопли и крики, но они быстро отставали. Вольный ветер бил в лицо. Сизая Теснина была позади; обоз прорвался.

Глава 2

ПУСТЫЕ ЗЕМЛИ

Схлынула горячка первого боя, давно скрылись в подступивших вечерних сумерках Сизая Теснина и сам Забытый Кряж, на черном чистом небе зажглись огоньки звезд. Обоз шел через пустынные равнины по серой ленте Тракта, однако сидевшие на задке последнего фургона гномы не торопились разряжать арбалеты — враг мог попытаться настичь их. Забыты были страхи и сомнения; на ходу выбили днище у бочонка с пивом, в который уже раз вспоминая мельчайшие подробности боя. Глаза Фолко горели, он слушал говоривших затаив дыхание, а потом стал записывать разрозненные фразы, и вот что у него получилось.

Когда они все пробрались в становище разбойников, то нашли его покинутым. Последние разбойники уходили из лагеря к краю леса над Трактом. Люди и гномы осторожно последовали за ними. Всем в шайке действительно заправляли несколько зрелых мужчин в зеленой одежде, которые и лицом, и осанкой отличались от прочих разбойников; сейчас они погоняли своих, выходя из лагеря последними и следя, чтобы никто не сумел уклониться от боя. Несколько минут все было тихо, а потом раздался тот самый свист; они поняли, что дело началось, и тут же вскочили сами. По предложению Рогволда, дружно крикнули «Арнор!», чтобы сбить с толку нападавших; бывший сотник попутно отдавал приказы несуществующей коннице у него за спиной, гномы же подняли ужасный шум.

И разбойники действительно испугались! Ни один из них не отважился повернуться и встретить лицом к лицу новую, неведомую опасность; почти все они без памяти бросились бежать, стараясь как можно скорее добраться до своих на другом склоне холма, и лишь «зеленые» не растерялись. Они схватились за мечи и пошли навстречу поднявшимся людям и гномам; однако их было лишь девять — ни остановить, ни даже задержать напавших товарищей Фолко они не могли. Гномы шли тесно, плечом к плечу; столкнувшись с «зелеными» воинами, они тут же опрокинули немногочисленного противника. Одного убил Дори, еще одного сразил Балин; гномьи же кольчуги оказались не по зубам мечам людей, хотя тот же Дори получил в самый первый миг чувствительный удар по плечу. Одетые в зеленое поспешно отступили, продолжая, однако, огрызаться, и на самой границе леса еще один из них погиб от руки вырвавшегося вперед Рогволда. Шестеро оставшихся поняли, что сопротивление бессмысленно, однако прежде, чем они смогли оторваться от наседающих гномов, Строн, умело отбив отчаянный удар, спокойно опустил топор на незащищенную шею противника.

Ехавшие с обозом их спутники остались невредимы; лишь Малышу пришлось взяться за меч, остальные отбились стрелами.

— Но на какой рожон лезли, на какой рожон! — захлебываясь смехом, словно в недоумении качая головой, говорил Алан. — Ведь они передавить бы могли нас, как курей!

— Да, не остановись те, что справа лезли, всем бы нам крышка! — подхватил Дори. — И почему они вообще так безоглядно бросились?

— Привыкли не встречать отпора, — заметил Рогволд, делая добрый глоток отличного пригорянского пива, предусмотрительно захваченного в дорогу Малышом. — А как столкнулись с чем-то непредвиденным, так и растерялись. Понятное дело — крестьяне, куда им...

Фолко почему-то сразу же вспомнился Эйрик и его немногословные товарищи.

— А что это за «зеленые» такие на нашу голову взялись? — подивился Игг. — Вот ведь новая напасть! Эти, пожалуй, из настоящих будут...

— Верно, — кивнул Рогволд. — Сдается мне, они из Ангмара.

— А это мы сейчас выясним откуда, — вдруг оживился Малыш и нырнул куда-то в глубь фургона.

В темноте послышались какая-то возня, пыхтенье, неразборчивые голоса, и вскоре на передок вновь вылез Малыш, таща за ворот очумело вертящего головой разбойника — невысокого мужика средних лет, с густой полуседой бородой.

Все так и ахнули. Никто не заметил, как Маленький Гном сумел схватить его; со всех сторон посыпались вопросы; ехавшие верхами люди и гномы вмиг оказались у фургона Малыша. Сам Малыш, чрезвычайно польщенный, важно отвечал, что этот разбойник не сам запрыгнул в телегу, а сделал это лишь по особой его, Малыша, просьбе, подкрепленной некоторым весьма весомым доводом, после чего любезно согласился во избежание досадных недоразумений, чтобы ему связали руки и ноги его же собственным поясом. Как выяснилось, этот разбойник наскочил на Малыша как раз в тот момент, когда гном пытался забраться обратно в фургон после схватки с «зелеными»; мужик, видать, совсем очумел от страха и вознамерился было прошмыгнуть мимо, но Малыш исхитрился и ухватил его за шиворот, приставив ему к горлу даго.

— Славно! — развеселился Рогволд. — Сейчас мы его допросим.

Бывший сотник пересел со своего коня в фургон и рывком повернул к себе перепуганного мужика.

— Кто такой? Откуда родом? Как попал в шайку? — Голос ловчего звучал жестко. — Отвечай и не бойся — мы не дружинники и не судьи.

— Дрон я, Дрон, сын Рифа из Алдрина, — пролепетал пленник. — Неурожай у нас, дожди были, хлеб не уродился. Мы шерифу отписывали, чтобы, значит, помощь нам какую дали — не пухнуть же с голоду! А от него ни слуху ни духу. Есть-то надо! Вот... А потом дружок один и надоумил. Пойдем, говорит... Ну я пошел. А что было делать? У нас полдеревни с отрядом ушло. А нам еще и дружинников на постой грозили определить.

— Складно поешь, — усмехнулся Рогволд. — Дружки, значит, во всем виноваты? А своей головы на плечах, что же, не было? Неурожай у них... Если после каждого неурожая все в разбойники подавались бы, это что же вышло бы, а?

— Погоди, Рогволд, ты его дело спрашивай, а не то, как он дошел до жизни такой, — морщась, положил руку на локоть сотника Торин.

— А я что, не дело? — огрызнулся ловчий, но сбавил тон. — Сколько вас было? Где сидели, где укрывались?

— Да где ж нам укрываться... — бестолково забормотал Дрон. — Дома и жили, а когда нужно было, нам знать давали.

— Как же ты здесь очутился, за пятьдесят лиг от дома? — с прежней жесткой усмешкой спросил Рогволд.

— Собрали нас... месяц назад, — дрожа, отвечал Дрон. — Сказали, на юге будет больше добычи. И все пошли, а кто не хотел, тех палками подгоняли. Прошли по Забытому Кряжу, ходили вдоль Тракта...

— Кто вами командовал? Кто придумал идти на юг?

— Да эти, северяне Арра, будь они неладны. — Лицо Дрона выражало последнюю степень отчаяния. — Они у нас всем заправляли, всеми командовали. Многие, может, и рады были бы сбежать, как вот я, да они зорко следили. Они и приказы получали, и известия. Приказы посылались голубями.

— Кому же подчинялись эти северяне? — продолжал расспрашивать Рогволд. — И что значит «северяне»? Они что, из Ангмара, что ли?

И без того круглые глаза пленника стали подобны большим медным монетам; он задрожал так, словно оказался голым на морозе, и прерывающимся голосом ответил, что да, они действительно из Ангмара и подчинялись, как он понял из их разговоров, какому-то сильному вождю, имени которого они никогда не называли, иногда его именовали «Сам». Торин и Фолко переглянулись.

— А кто такой Толстяк? — после минутного молчания спросил Рогволд.

— Не знаю, не слышал никогда, — заюлил Дрон. — Знаю — один из тех, кто на Тракте живет и нам вести посылает. А как его по-настоящему зовут — ну хоть убейте, не знаю!

— Ладно, не знает, и пусть его. Так что с ним делать будем? — обратился Рогволд к слушавшим его товарищам.

— Известно что — петлю через сук и пеньку на шею! — решительно и мрачно проронил Гримнир. — Что эту нечисть жалеть... Скольких убил небось, лиходейщик!

— Это бесчестно — убивать безоружного! — вскинулся Дори. — Он пленник не твой, а Малыша, и здесь у нас не Аннуминас и не королевский суд!

— Ты что же, предлагаешь отпустить его на все четыре стороны, чтобы он и дальше убивал и грабил? — почти взвизгнул Гримнир. — Куда как удобно, честно и благородно! А вот если бы у тебя...

Он вдруг осекся, отвернулся и замолчал. Заговорил Рогволд, медленно, взвешивая каждое слово:

— Дори прав, здесь действительно не Аннуминас, и у нас нет судьи и свидетелей — мы не властны над жизнью этого человека. Мы можем только одно: до деревни уже недалеко, там мы передадим его в руки дружинников. Пусть все будет по закону.

— Подождите! — вдруг вмешался Фолко. — По-моему, он уже сам избрал себе наитягчайшую кару. К тому же он все честно рассказал нам. Давайте его отпустим! Ведь дружинники могут и не дожидаться королевского правосудия...

— Отпустить?! — удивленно взглянул на хоббита Рогволд. — Можно и отпустить... Кто еще как думает?!

Гримнир по-прежнему молчал, отвернув лицо и послав своего коня на корпус вперед: Дори пожал плечами и кивнул, развел руками Ресвальд, дружно кивнули Гимли, Грани и Трор. Торин натянул вожжи, фургон остановился, и Малыш торопливо разрезал стягивающие Дрона куски его же пояса.

— Иди куда хочешь, Дрон, — обратился к нему Рогволд. — Мы не палачи и не судьи, как я уже говорил. Если хочешь, возвращайся домой и постарайся загладить свою вину. Нет — иди по всем семи ветрам.

Ошеломленный Дрон только хлопал глазами и что-то сипел. А потом как-то вдруг весь извернулся, спрыгнул на землю, опрометью бросился в сторону от дороги и тут же пропал в темноте.

— Хоть бы поблагодарил, невежа, — вздохнул Малыш.

Луна уже залила холодным светом окружавшую их местность, когда впереди на Тракте замигали слабые огоньки. Приближалась деревня, ночлег и ужин; почуяли жилье и лошади — утомившись за день, они подняли головы и прибавили шагу. Вскоре путники заметили опущенное поперек дороги бревно и срубную башню на обочине — очередной сторожевой пост дружинников. Обоз остановился перед преградой, сверху повелительный голос приказал назвать себя и осветить лица.

Что-то недовольно ворча себе под нос, Торин с гномами принялись высекать огонь и ладить смоляные факелы; Рогволд попробовал было усовестить стражников, чтобы те пропустили уставших путников без лишней возни, однако с башни только рассмеялись в ответ. И лишь когда в трепетном свете разожженных факелов все спутники выстроились у подножия башни, а Рогволд достал из-за пазухи подорожную, им наконец разрешили войти. Бывший сотник с Торином сразу же потребовали провести их к командиру: остальные, не в силах более думать о чем-либо, кроме доброго ужина, поспешили всем обозом прямо в трактир. А примерно через полчаса, когда они не успели опустошить еще и первого бочонка, за окнами раздался стук десятков копыт и бряцание оружия — арнорская дружина ринулась к Забытому Кряжу. Спустя несколько минут в трактир вошли и Торин с Рогволдом.

Помня постоялый двор и загадочного «Толстяка», они закаялись болтать по харчевням и на все расспросы дотошного хозяина отвечали: мол, шли весь день и очень устали.

После ужина, когда все отправились спать, Торин, Фолко, Дори, Хорнбори и никогда не отставававший от них Малыш устроили совет в узком кругу.

— Вот это новость так новость, — говорил Торин, понижая голос до шепота. — Разбойнички-то, оказывается, в союзе с Ангмаром! И не просто так бродят по стране, гоняясь за добычей, а выполняют чьи-то приказы! Хотел бы я знать, чьи...

— Так ли это важно, брат Торин?! — угрюмо молвил Дори, продолжая править топор и не поднимая головы. — У людей свои пути, у нас — свои. Ангмарцам при всем желании не ворваться в подгорные чертоги, а оружие и золото нужны всем. Так что пусть воюют! Мы еще не знаем, на чьей стороне правда.

— Мой почтенный собрат и сородич говорил, как всегда, от души, но невпопад, — заговорил Хорнбори, поглаживая золотое кольцо на пальце. — Ни один истинный тангар не продаст сотворенное им негодяю или убийце. Мы связаны старой дружбой с Арнором — ты знаешь это не хуже меня, и меня удивляют твои слова, Дори!

— Я никогда не торговал с разбойничьим отродьем! — огрызнулся Дори. — И я имел в виду не это! Наша главная цель — Мория! Если Арнор и впрямь окажется в опасности, ты знаешь, что будет в Лунных Горах! Но человеческие дела — это человеческие дела. А вся смута во владениях Северной Короны — дело чисто человеческое, и нам пока вмешиваться незачем, а то и дров наломать недолго. Что с того, что у разбойников есть тайные предводители?!

— А то, что эти тайные предводители, похоже, связаны с одним нашим недобрым знакомым, — заметил Торин. — И хорошо еще, если подобной же связи не отыщется между этими случайно по-

давшимися в разбой крестьянами и теми, кто служит умертвиям из Могильников!

Свеча мигнула, словно чьи-то невидимые губы слегка дунули на нее.

— Могильники?! — поднял брови Хорнбори. — Не знаю, Торин, не знаю. Доказательств у нас никаких.

— У нас не было никаких доказательств связи разбойников с Ангмаром — до сегодняшнего дня, — ответил Торин.

— Ну и что?! — нетерпеливо спросил Дори, откладывая в сторону топор. — Тебе пришли в голову новые мысли, как быстрее найти Горн Дьюрина?! Или из всего этого можно извлечь надежное заклятье против Великого Лиха?!

Разговор не клеился. Дори явно не одобрял интерес Торина к делам людей; как всегда, Хорнбори блистал красноречием, но и для него все это казалось чем-то далеким и незначительным. Попрепиравшись еще немного, они разбудили Малыша и отправились спать.

Фолко забился поглубже в одеяла и совсем уже было приготовился закрыть глаза, когда вдруг увидел, что Торин сидит, держа один сапог в руке, со странно неподвижным лицом и что-то бормочет.

— Ты чего, Торин?! — недоуменно спросил Фолко и умолк, потому что гном внезапно произнес: «Ролштайн».

— Да что с тобой, скажи наконец! — не выдержал Фолко и сел.

— Ролштайн, Фолко... — глухо ответил гном. — Знаешь, что это такое?! Если увидишь качающийся камень, не торопись кричать, что перед тобой Ролштайн, — лучше посмотри сперва, кто его раскачивает! Кто-то раскачивает Средиземье, Фолко!

У хоббита мороз пробежал по коже, но не от слов гнома, а именно от его жуткого замогильного голоса и отрешенного вида Хоббит собирался что-то сказать, но Торин уже говорил, говорил, глядя прямо перед собой:

— Кто-то раскачивает Средиземье! Ведь Зло — оно не уходит бесследно, Фолко. Его остатки разлетаются по дальним углам, и отыскать их вновь непросто. Но если взять нечто вроде сита Трора... Сито, собирающее зло, оставшееся после Саурона! Ничто не происходит само по себе, всякая смута имеет зачинщиков, наверняка они из Большого Народа! Нужно искать среди людей!

— Почему?! — жадно спросил Фолко

— Во всех Великих Войнах со дней Предначальной Эпохи только люди сражались как на одной, так и на другой стороне, — проговорил гном. — Эльфы, тангары, да и вы, хоббиты, всегда были с одного краю, орки, тролли, карлики — всегда с другого. А посередине — люди! Только среди них можно отыскать такого, которому вновь захочется восстановить Черный Замок. В людях все так причудливо смешано, они не любят слушать чужие сове-

ты и поучения, они давно уже копят злобу на эльфов — не все, конечно, но многие. Этот Олмер из Дэйла тому подтверждение. Кто-то невидимый ведет войну с Арнором — и неизвестно, как далеко тянутся его замыслы. А что, если и впрямь отыщется некое сито Трора, собирающее остатки зла?! — Голос Торина постепенно изменился, стал обычным; гном ссутулился и вздохнул. — Невеселые мысли какие-то на меня навалились, брат хоббит. Не знаю, что на меня нашло... Раньше после таких стычек я заваливался и спал как убитый. Ну что ж, возблагодарим же Великого Дьюрина и Светлую Королеву, придавших силу нашим топорам и мечам! А теперь давай-ка кончать разговоры...

Завершался очень длинный день, восемнадцатое апреля 1721 года от заселения Хоббитании.

И вновь под скрипучие колеса их фургонов потянулась большая дорога Средиземья. На следующий день они встретили идущий с юга на север большой торговый обоз; у Тарбада вновь было неспокойно. Последние жители оставили местечко Нолк, в тридцати лигах к востоку от крепости; слухи о черном ужасе, исходящем из покинутой гномами Мории, расползались все дальше. Лица людей омрачились; гномы переглядывались, но молчали.

Они приближались к опорной крепости Тарбад, когда-то давным-давно построенной рыцарями из Заморья при слиянии двух рек. Ближе к ней деревень вдоль Тракта становилось больше; Сизая Теснина действительно оказалась самым опасным местом. Ближе к полудню двадцать третьего числа перед ними вздыбились высокие серые башни и многозубчатые стены древней твердыни. В огне междуусобиц начала Третьей Эпохи Тарбад был разрушен; после Победы Великий Король приказал отстроить ее заново. Крепость стояла на длинном мысу между реками Гватхло и Сирановой; с суши подходы к ней отрезал глубокий ров. Вокруг крепости теснились деревянные дома, окруженные еще одной, внешней, стеной. Здесь стоял большой отряд конников Арнора, здесь было безопасно. В Тарбад стекались слухи и вести со всех краев Двуречья, из предгорий Туманных Гор, с рубежей Дунланда. Потолкавшись на здешнем торжище или посидев в многочисленных тавернах, можно было узнать все последние торговые и военные вести.

В Тарбаде отряд Торина и Рогволда провел два дня, давая отдых себе и коням. Где расспрашивая, а где и подслушивая, избегая прямых вопросов и прямых ответов, они узнали, что местность к востоку от крепости обезлюдела — все ушли на запад или на север. Рассчитывать там на помощь не приходилось. Хуже всего, что оттуда ушли и дружинники — что толку охранять брошенные дома?! Про Морию говорили шепотом и плели такие небылицы, что гномы только кривились и зажимали уши.

Все слухи, однако, сходились в одном — стоит рухнуть воротам

Мории, как тут-то и настанет всему конец, а посему бежать нужно подальше.

Двадцать шестого апреля, в ясный, совсем по-летнему теплый день, отряд покинул Тарбад. Они ушли по Южному Тракту, чтобы сбить с толку любопытствующих, затем под покровом ночи им следовало свернуть на север и выйти на древнюю дорогу, проложенную еще эльфами Остранны вдоль левого берега Сираноны; Глоин и Двалин клялись, что знают тайный брод в десяти лигах от крепости, где отряд сможет переправиться на другой берег.

Земли неподалеку от Тарбада были густо населены; одна деревня сменяла другую, и на какое-то время Фолко почудилось, что они никуда и не уходили из Арнора; однако к вечеру вокруг них раскинулась пустая, слегка всхолмленная равнина с редкими перелесками и оврагами. Позади осталась застава, из слов дружинника выходило, что дальше, к югу, на протяжении трех дней пути жилья нет, и лишь потом вновь начинаются поселения, охраняемые уже роханской конницей, хотя цепь арнорских постов тянулась до самой Исены.

В глухой полночный час они свернули с наезженной дороги и, стараясь оставлять как можно меньше следов, двинулись на северо-восток.

Отойдя от дороги на две с небольшим лиги, они остановились. Составив фургоны в круг и скрепив их на всякий случай цепями, они опустили деревянные щиты с боков, выставили стражу и легли спать, впервые за долгую дорогу лишенные надежной защиты арнорских мечей и стен.

Фолко выпало караулить спустя часа два после полуночи, вместе с ним должен был дежурить Веорт. Следопыт опоясался мечом, надел шлем и кольчугу, Фолко взял лук и колчан. В темноте они не стали забиваться на ночлег вглубь встречавшихся рощиц, а выбрали неглубокую ложбину с покатыми склонами, по дну которой бежал небольшой ручей. Костер догорел, но угли тлели, и наготове был солидный запас хвороста — на всякий случай. Фолко хорошо помнил историю с волколаками, едва не сожравшими отряд Хранителей чуть дальше к востоку от этих мест!

Веорт отправился побродить вокруг, Фолко же вскарабкался на перекрестье верхних дуг, поддерживающих полог одного из фургонов. Сперва над изломанной черной линией Туманных Гор поднялась было луна, но ее быстро затянули наползшие с юга низкие тучи. Тьма сгустилась; теперь на фоне звездного неба хоббит мог различить лишь смутные очертания ближайшей рощи. Ему стало вдруг тревожно и неуютно; шагов Веорта слышно не было, и Фолко заволновался. Куда же делся следопыт?! Фолко, покачиваясь и рискуя свалиться вниз, встал на дугах в полный рост — тщетно. Ни шороха шагов, ни отблеска на броне — ничего.

Испуганный не на шутку, хоббит уже собирался соскочить вниз и будить Торина, когда вдруг ощутил знакомое, хоть и изрядно подзабытое гнетущее чувство в груди. Однако теперь оно не вызвало у него былого панического страха.

— Буди всех! Зажигай огонь! — раздался внезапно приглушенный вскрик Веорта. — Что я сейчас видел!.. — Голос человека дрожал. — Бредет по холму на меня что-то серое, словно лоскут мешковины, только светящейся — вроде фигура какая-то, я к нему было — стой, мол, а он на меня как зашипит! Тут меня такая оторопь взяла, что забыл, с какой стороны у меня меч... Чародейство тут, не иначе! Постой... Да вон же оно!

Веорт почти взвизгнул.

Но плотно зажмуривший глаза Фолко уже и сам видел — не простым, а внутренним зрением, — как с северо-востока из-под густой поросли молодых вязов появилось сероватое сияние — слабое, едва заметное; и Фолко почувствовал приближение той самой силы, что пыталась согнуть его в Аннуминасе; тогда он не поддался, а теперь давнишняя тень подползала снова — теперь не как нападающий, но как проситель. И хоббит уловил эту жуткую мольбу, родившуюся из немыслимых и непредставимых живому страданий.

Рядом сдавленно ахнул Веорт; Фолко открыл глаза и увидел серую тень в нескольких десятках саженей от них.

И тогда он рванул тщательно обмотанный пергаментом и кожей лук эльфийских стрел, сохранявшихся им как величайшая драгоценность; тонкий и длинный наконечник вдруг засиял, подобно маленькой звезде, разгоняя подступивший мрак, и хоббит услышал, как скрипнули зубы стоящего рядом следопыта и как затем звякнул его извлеченный из ножен меч. Хоббит натянул тетиву.

Но и подступающий к ним призрак, похоже, тоже кое-что чувствовал и разбирался в эльфийском оружии. Серое пятно заколебалось и приостановилось. Донеслось змеиное шипение.

Привычно жмуря левый глаз, Фолко навел звездный наконечник на колеблющуюся, словно под слабым светом, фигуру и мысленно приказал ей: «Уходи! Уходи и не тревожь нас больше! Видишь эту стрелу?!»

Ответ пришел немедленно — тягостный стон, замогильное стенание, беззвучный и бессловесный плач:

«Я раб того, что у вас. Я не уйду, я бессилен, я обречен следовать за вами, пока он у вас... Отдай его мне!»

— Чего же ты медлишь?! — горячо прошептал на ухо хоббиту Веорт. — Стреляй скорее! Почему ты встал! Стреляй!

Порождение Могильников не двигалось, само подставляя себя под выстрел. Но в последний момент хоббит пожалел эльфийскую стрелу, заменив ее обычной тисовой.

Сумрак и страх сразу же навалились на него огромными бесформенными глыбами, но тотчас звякнула тетива, в воздухе свистнуло, и равнину на короткий миг озарила голубоватая вспышка, сразу же сменившаяся рыжими языками огня, вспыхнувшего там, где только что колыхалось бесплотное тело призрака. Обрадованно вскрикнул Веорт, но хоббит слышал донесшийся до него сиплый вой, наполненный холодной болью и неизбывной ненавистью. Прищурившись, он разглядел что-то мелкое и извивающееся, поспешно уползающее прочь, но не на восток, а на северо-запад.

К ним уже сбегались разбуженные вскриком следопыта товарищи; разгорались факелы, бряцало оружие, алые отблески играли на отполированных клинках; Фолко успокаивающе поднял руку.

— Что здесь?! Что такое?! — бурей налетел на них Торин.

— Призрак, — коротко ответил ему Фолко. — Опять приходил...

Люди недоуменно переглядывались, и лишь сразу осунувшийся Рогволд протолкался поближе.

— Я послал в него стрелу, — продолжал хоббит. — Отогнать-то я его отогнал, но не уничтожил, зато теперь точно знаю, что нам делать, чтобы он больше не появлялся. — И, низко нагибаясь к Торину и Рогволду, прошептал: — Меч из Могильников — расплавить в Морийских горнах!

— Правильно, — кивнул Торин. — Давно мне уже не по себе, что мы его с собой таскаем...

В эту ночь спать им уже не пришлось. Они долго, с подробностями пересказывали все обстоятельства их встречи с призраками Могильников, вторую встречу в Аннуминасе и все-все прочее, так или иначе связанное с этим. Ахали, охали, судили и так и эдак, хвалили Фолко, гадали, что может происходить с призраком от обычной стрелы, и как это он исчезает на время, а потом вновь появляется, и зачем им эти мечи, и что за странное клеймо на них... Разговоры затянулись, и половина ночи пролетела как один миг. Лишь когда первые рассветные лучи преодолели исполинскую преграду Туманных Гор и заглянули в отбрасываемую ими тень, путники понемногу разошлись вздремнуть.

Фолко плелся к своей походной постели, широко зевая и потирая слипающиеся глаза, когда его неожиданно позвал Торин.

— Тут есть еще кое-что, — сумрачно сообщил он осоловело глядящему на него хоббиту. — Малыш-то наш — тангар, не промах! Пленник-то наш, Дрон этот, гляди-ка, чего оставил!

На ладони Торина лежал недлинный — в две ладони — прямой кинжал сероватой стали с грубо обделанной деревянной рукояткой. Сработан он был явно наспех, но Торин обратил внимание на другое. Его палец уперся в клеймо возле крестовины — знакомая,

наподобие лестницы ломаная линия, наискось пересекавшая восьмигранник!

— Ты понял?! — многозначительно спросил Торин, пряча добычу Малыша. — Видишь, куда ниточка-то тянется?! Нет, нечисто с этими разбойниками!

— Стало быть, этих северян и отряд из Могильников что-то объединяет, — медленно проговорил Фолко, глядя себе под ноги. — Черный Отряд — Умертвие — разбойники... Ангмар. А мы идем в Морию...

— Да, именно в Морию! — с горькой досадой воскликнул Торин. — А надо бы по следам этого клейма! Но ты же знаешь моих сородичей, — вдруг пылко зашептал Торин, придвигаясь к хоббиту. — До дел человеческих им, в общем-то, далеко — пока опасность не будет угрожать их родным горам. Никто, кроме разве что Дори да Малыша, не поддержал бы нас, предложи мы свернуть и заняться новым делом. Все хотят идти в Казад-Дум. Я надеюсь, что там мы все-таки отыщем что-нибудь такое, что заставит наших спутников пойти по другому пути. И кто знает — нет ли связи между Морией и служителями этого клейма?!

Торин умолк. Негромко потрескивал хворост в костре; над восточными горами небо понемногу серело. Гном поднял голову и в упор взглянул на притихшего хоббита.

— Я чувствую, что этот наш поход — первый, но далеко не последний, — печально качая головой, негромко молвил Торин. — Что бы мы ни нашли в Мории, наша дорога проляжет дальше... Мне почему-то так кажется. Ведь я не забыл твоих снов, брат хоббит.

На следующий день они проспали много больше обычного и выступили довольно поздно — день уже приближался к середине. Заскрипели тележные оси, и обоз двинулся дальше, на северо-восток. Час проходил за часом, они оставляли позади все новые и новые холмы, ручьи и перелески. Местность постепенно стала меняться — в зеленой траве появились невесть откуда взявшиеся здесь красноватые камни; на срезах оврагов было видно, как тонкий пласт плодородной черной почвы уступает место красноватому грунту. Стало меньше деревьев; зато раза три им попались брошенные хутора. Следопыты не поленились заглянуть за высокие ограды и, вернувшись, рассказали, что люди ушли отсюда недавно — прошлой осенью, но с тех пор в пустых домах кто-то бывал и, похоже, не дал себе труда обзавестись ключами от входных дверей и ворот. После этого Торин решительно заявил, что хватит им играть в игрушки, и если они не желают сложить здесь свои головы от случайной стрелы, то должны ехать, не снимая доспехов и выслав вперед и в стороны дозоры. Так и было сделано.

День пути к Сираноне прошел спокойно. Дороги хоть и не было, но местность оказалась сухой и ровной, небольшие овраги

легко можно было объехать; кое-где попадались участки заброшенных проселков, виднелись полуобвалившиеся изгороди из жердей. Встретилась им и сторожевая вышка. Гномы-морийцы тут же взобрались наверх и долго оглядывались. Вернувшись, они собрали остальных.

— До Сираноны не больше восьми лиг, — сказал Глоин. — Мы даже видели брод. Однако за рекой, на северо-востоке, мелькнули вроде какие-то всадники, но тут же укрылись в зарослях. Было слишком далеко, чтобы понять, кто они такие. Если брод обнаружен и охраняется, нам могут устроить теплую встречу!

После короткого совещания решили выслать вперед разведку. Двалин, Веорт, Ресвальд и Игг выехали вперед, остальные следом; обоз теперь вел Глоин. Стихли шутки и разговоры; лица у всех отяжелели. Никто не пренебрегал доспехами, а хоббит приготовил лук. Он искал признаки отогнанного им вчера призрака, но не находил их, похоже было, что они надолго избавились от этого порождения Могильников.

Час проходил за часом, и когда, по подсчетам Глоина, до брода оставалось не больше двух лиг, из кустов перед ними внезапно вынырнул посланный вперед Двалин.

— Мы доехали до самого брода, — сообщил он. — И даже перебрались на другой берег. Веорт и Ресвальд остались там на всякий случай.

Пышные степные травы по сторонам все больше и больше уступали место жестколистным кустарникам; под их корнями замелькали просветы красноватой земли. Холмы стали еще плавнее и сглаженней; Фолко казалось, что они едут по гигантской стиральной доске — то вверх, то вниз. Солнце уже опустилось довольно низко, и между пригорков пролегли длиннорукие предвечерние тени, когда они услышали в отдалении шум воды; перевалив через последний холм, они оказались на берегу Сираноны.

Некогда почти пересохшая речка благодаря неустанным трудам гномов Казад-Дума ныне вновь была быстра и полноводна, как встарь. Она текла в узком каньоне с красноватыми склонами; берега внизу покрывала бурая галька. Южный берег в этом месте плавно спускался к невысокому перекату; серебристые струи падали вниз с высоты двух саженей. Река на самом перекате действительно была неглубока — по колено гному, по пояс хоббиту. На северном берегу, более высоком и крутом, как раз напротив них, между двумя холмами, пролегла глубокая ложбина, уходившая прямо на северо-восток. Из кустов возле края каньона выбрался Веорт.

— Здесь все спокойно, — сказал следопыт. — Ресвальд на том берегу, там вроде тоже тихо.

— А ты же говорил — на Сираноне было судоходство?! — удивился Фолко, повернувшись вполоборота к Торину и глядя на пенный бурун внизу.

— Погоди удивляться, — улыбнулся Глоин. — Сейчас ты узнаешь, почему этот брод зовут секретным. Но сначала давайте переберемся!

Они спешились и побрели по колено в воде, ведя коней под уздцы и борясь с довольно сильным, норовившим сбить с ног течением. Вскоре последний фургон въехал в ложбину на северном берегу, а Глоин и Двалин неожиданно отстали, скрывшись за прибрежными камнями. Все остановились в недоумении.

Раздался глухой подземный шум — словно огромное скопление воды нашло наконец себе дорогу вниз, и в то же мгновение стала уменьшаться и высота порога. Плоская плита быстро опускалась, пока не исчезла совсем в темной глубине. Гладь реки сомкнулась, ее воды текли теперь спокойно и плавно; утих и шум.

— Это дело рук тангаров Казад-Дума, — предупреждая вопросы, сказал Глоин. — Его соорудили не столь давно — лет полтораста назад. Он известен всем жившим в Мории, но остается тайной для всех прочих. Не просите нас показать вам секрет этого устройства — мы давали страшную клятву никогда и ни при каких обстоятельствах не выдавать его.

Поудивлявшись несколько минут несравненному мастерству гномов, путники начали медленный и долгий подъем по пролегшей сквозь холмы ложбине. Красноватые откосы покрывали невысокие кусты, легкий ветер качал стебли начинавшего зацветать кипрея. Они двигались длинной колонной, и Фолко заметил, как заволновался Рогволд, как несколько людей вскарабкались по склонам и скрылись за гребнями. Ложбина раздвоилась. Они свернули вправо — длинный отлог вел на восток. Дорога постепенно поднималась, и вскоре они выбрались на равнину. Перевалив очередной бугор, они оказались на вившейся между холмами и оврагами широкой и гладкой дороге, вымощенной красно-бурыми плитами. Плиты были пригнаны друг к другу настолько плотно, что в щель между ними невозможно было бы всунуть и шило: дорога вела строго с запада на восток.

— Это Приречный Тракт, — махнул рукой Глоин. — Он был проложен еще эльфами в незапамятные времена, а потом постепенно пришел в упадок. Мы вновь замостили его от Ворот Мории до самого Тарбада.

Ехать по гладкой и ровной дороге было одно удовольствие, даже кони зашагали веселее.

Через три часа пути они набрели на придорожное селение — пустое и заброшенное. Окна добротных деревянных домов были тщательно заколочены, кое-какие мелкие срубы разобраны, а в некоторых садах даже чернели ямы — следы вырытых фруктовых

деревьев. Все говорило о том, что отсюда уходили не спеша, аккуратно вывезя почти все имущество.

В деревне им встретился арнорский конный патруль — два десятка молчаливых всадников в полном вооружении; и не миновать бы им дотошных расспросов, если бы командир этого отряда не оказался сыном старого друга Рогволда. От дружинников они узнали, что местность впереди пустой не назовешь, — они видели какие-то отряды по десять-двенадцать всадников, не спеша проезжавших в разных направлениях.

— На обычных разбойников они не похожи, — добавил командир. — Слишком хорошо держатся в седлах и владеют луками. Смахивают на дунландцев, но не все. Так что будьте осторожны!

— А почему отсюда народ сбежал?! — полюбопытствовал Ресвальд.

— Опасно здесь, — нехотя ответил командир дружинников. — Лежбища всякой нечисти здесь неподалеку. Налетают большими отрядами, а в каждой деревне по тысяче не поставишь. Вот и уходят. Посты отсюда и те сняли! Только мы вот еще ходим по этой земле туда-сюда, смотрим, разведываем, пытаемся как-то противостоять, да только пока безуспешно.

Дозор арнорцев двинулся на запад, к крепости, а обоз Рогволда продолжал путь на восток. Остаток дня прошел без происшествий, и под вечер они остановились в неглубоком овраге под густыми кронами вязов и ясеней. В кустах поодаль расположилась стража; Фолко тут же приставили кашеварить; остальные в ожидании ужина расселись у костра.

Игг стал рассказывать старую историю из времен Великого Короля, потом Веорт спел новую, недавно сочиненную где-то на границе песню; Фолко поразили звучавшие в ней слова тоски и безнадежности. Нахлынувшую было грусть развеяли гномы, дружно прогорланившие несколько баллад. Тем временем хоббит управился с немудреным ужином: в кружках вспенилось пиво, и под темными кронами стало удивительно уютно и мирно. Костер рассыпал огненные искры, и по странно измененным в багровых отсветах лицам плясали отблески... Посидели, поели, попили, спели и разошлись спать.

Наутро хоббит пробудился легко — словно спал он не в затерявшемся где-то в Глухоманье фургоне, а у себя, в Бэкланде, в уютной и покойной комнате. Ему снилось что-то светлое, но что, он не запомнил.

Без всяких происшествий миновали и два последних дня. Настроение в отряде поднялось — до Ворот Мории оставалось не так уж много. Вокруг уже вовсю хозяйничало лето, хотя было лишь первое мая. Среди окружившей Приречный Тракт зелени ничего нельзя было разглядеть; опасаясь внезапного нападения, они

шли, далеко разбросав парные дозоры. Хоббит очень хотел бы побывать в них, но его не отпускали.

— Сиди, — внушал ему Ресвальд. — Любого из нас можно заменить, но где найти замену такому повару, как ты?!

В полдень первого мая впереди ехали Гримнир и Алан — дозоры обычно состояли из людей, умеющих скрытно двигаться в зарослях, — и с вершины покрытого лесом холма они заметили, как в долине быстро промелькнуло с десяток всадников на невысоких, но резвых конях; за спиной у каждого висело по луку. Дозорные подняли тревогу. Некоторое время Фолко только растерянно хлопал глазами, глядя на поспешно вооружавшихся гномов и людей. Арбалеты были заряжены, боковые и задний дозоры прижались к Тракту.

Они осторожно двинулись вперед, каждую секунду ожидая стрелы из ветвей. Над Трактом сгустилось напряженное молчание.

Фолко сидел, засунутый немилосердной рукой Торина между мешков возле небольшой щели в пологе фургона. На коленях хоббит устроил приготовленный к стрельбе лук; глазами он прирник к щели, однако зеленые стены вокруг оставались неподвижны, а долетавший время от времени крик сойки говорил о том, что дозоры также не видят пока ничего подозрительного.

Однако вечером, когда они составили фургоны в круг, сцепили их, опустили борта и принялись копать яму под костер, к ним подскакал задержавшийся было задний дозор. Игг соскочил с седла и кинулся на середину.

— Видели этих. — Он говорил быстро и горячо. — Всадники. Десятка три. Идут за нами, но не по дороге, а вдоль нее, слева. Одеты и вооружены по-разному — есть лучники, есть копейщики. Щиты у них круглые и вытянутые. Гербов, эмблем — никаких.

Глен и Форг молча подтвердили его слова.

— Как заметили?! — коротко спросил разом подобравшийся Рогволд.

— Форг решил землю слушать время от времени, — пояснил Игг. — И услышал. Мы сперва решили, что это ваши копыта отдаются, но потом все трое прислушались — нет. Тогда повернули им навстречу, залегли в овражке, да на месте почище, что рядом было, их и приметили — они бурелом-то обходили.

— Слышали из их речи что-нибудь?! — Рогволд уже пробовал пальцем остроту меча.

— Нет. Они молча ехали, но явно за нами! Один из них вправо подавался — на дорогу ездил, потом вернулся. Что-то сказал остальным, но так тихо, что мы не разобрали. Ну мы из завала-то вылезли — и назад. Не спать нам сегодня, братья, — закончил Игг и, присев на корточки, стал править клинок.

Остальные молча переглядывались. Фолко вновь ощутил в груди неприятный холодок.

— Стража по шесть чел... тьфу, по три человека и три гнома, — распорядился Рогволд. — Арбалеты проверить! Кольчуги не снимать! Берите тулупы, там у нас в запасе есть — иначе в железе ночью померзнем. Костер пусть тухнет...

Медленно, неслышными, крадущимися шагами к ним подобралась ночь. Плотные низкие тучи затянули небо; по кронам деревьев пронесся легкий вздох ветра. Караульные разошлись по местам: остальные улеглись в середине круга и постарались забыться. Однако шли часы, где-то поблизости глухо заухал филин, над поляной в неровном, трепетном полете промелькнули бесшумные тени летучих мышей — но все было спокойно. И Фолко, несмотря на твердое решение не спать в эту ночь, сам не заметил, как веки его смежились.

Наутро второго мая они тщательно осмотрели землю вокруг своей стоянки, и Грольф наткнулся на несколько свежих отпечатков тяжелых сапог без каблуков. В трех местах поблизости от круга фургонов, за удобными для наблюдения кустами, нашлась примятая трава — все говорило о том, что слежка продолжается.

— Это все те, с Забытого Кряжа, чума на их головы! — мрачно изрек Игг. — Говорили же вам — не надо лезть на рожон! Куда летели?! А теперь вот сидим и ждем — из-за какого дерева стрела вылетит?!

— Что толку теперь скулить и вздыхать?! — обозлился Дори. — Нельзя ждать нападения, нужно напасть первыми! Ударим неожиданно по тем, кто тянется за нами, пощупаем их остриями и лезвиями!

Гномы одобрительно заворчали, кое-кто из людей присоединился к ним. Рогволд хотел было сперва что-то возразить, но смолчал. Встал Грольф.

— Судьба улыбается смелому, — сумрачно сказал он, обводя спутников тяжелым взглядом. — Хватит шарахаться от каждого куста. Они тайно следят за нами — ответим тем же! Пусть охотники сами станут дичью. Устроим засаду и постараемся захватить кого-нибудь из них, как в прошлый раз. Готов пойти на разведку. — Он до половины вытянул меч из ножен и с лязгом вогнал обратно.

Быстро свернув лагерь, они поспешно погнали лошадей, торопясь хоть немного оторваться от преследователей, кем бы они ни были. С ходу проскочили неглубокую ложбину, протянувшуюся с юга на север с сильно заросшим восточным склоном; с запада же, напротив, виднелась лишь скудная поросль невысоких кустов. Они залегли по обе стороны дороги, отогнав телеги подальше. Началось томительное ожидание.

Миновать ложбину незамеченными было невозможно — она просматривалась вся, от дальнего голубого отблеска Сираноны

слева до темно-синей полосы дремучего леса справа; до него было не меньше двух с половиной лиг. Обходить — долго, решили они; те, кто следовал за ними, должны были либо терять немало времени на кружную дорогу, или же идти прямо.

Раскрасневшийся от волнения хоббит с неудовольствием косился на лежавших рядом с ним гномов — они сопели, чесались, ворочались с таким шумом и треском, что ему казалось: сюда вскоре сбегутся все разбойники Арнора. Фолко, прикусив губу, покосился влево-вправо, а потом тихонько пополз вперед, скользя между невысокой порослью. Он решил добраться до одиноко росшей на склоне липы и затаиться у ее подножия. Ему удалось сделать это незаметно; вжавшись в небольшое углубление, он приготовил лук. От лежавших сзади товарищей его отделяло около сорока шагов.

Медленно, очень медленно ползла черная тень, отбрасываемая укрывшим его деревом. Хоббит уже начал сомневаться, удастся ли им заметить кого-нибудь, когда до его чуткого, а сейчас особенно обострившегося слуха донесся слабый, едва различимый шорох где-то сбоку, совсем рядом...

Долгие и мучительные уроки Малыша не пропали даром. Хоббит успел развернуться раньше, чем даже подумал о том, что же делать дальше; не успев ни удивиться, ни испугаться, он увидел, как раздвинулись кусты у него над головой и из зелени высунулась морда огромной черной собаки, показавшейся ему в тот миг вдвое больше обычного волка. С вывернутых черных губ собаки свисала слюна. На мощной шее был надет ошейник с длинными острыми шипами.

Ужас не успел лишить хоббита сил; его руки сделали все прежде, чем успела вмешаться голова. Короткое быстрое движение — и меч распорол щеку уже рванувшейся и распахнувшей пасть собаки; раздался отчаянный визг, и та исчезла в зарослях. Забывший обо всем хоббит приподнялся — и увидел торопливо сворачивавших к северу всадников, только что показавшихся из-за деревьев на западном склоне. Спустя несколько мгновений над ложбиной воцарилась прежняя тишина. Засада не удалась.

— Ну и дела, — развел руками Рогволд. — С собаками шарят! Это не разбойники, друзья мои, это кто-то из настоящих. Делать нечего, идем дальше.

Еще два дня пути прошли в томительной неизвестности. Всадники больше не показывались, однако, осматривая окрестности своих ночевок, следопыты неизменно находили следы наблюдателей, не спускавших с них внимательных глаз. Приходилось спать, не снимая доспехов; но больше тяжести надетого на грудь металла теснило мерзкое ожидание внезапного коварного удара. Они вздрагивали от каждого шороха или хруста по сторонам дороги; за водой к Сираноне ходили чуть ли не половиной отряда,

расставляя людей и гномов с арбалетами по всему пути; спать приходилось меньше — каждый сторожил по два часа. Тяжелее всего приходилось следопытам — они шарили по окрестностям Приречного Тракта, в надежде отыскать хоть какой-нибудь след их таинственных спутников. Следы отыскивались, но их хватало лишь для того, чтобы подтвердить постоянное присутствие неведомых преследователей.

Однако, несмотря ни на что, они продвигались вперед, и к шестому мая их отделяло от Мории не более двенадцати переходов. Местность вокруг вновь стала меняться. Появились заброшенные, зарастающие поля, опустевшие хутора, фермы и починки. Гномы рассказали хоббиту, что когда-то, лет пять назад, здесь еще жило немало вольных хлебопашцев, сбывавших пшеницу гномам и находившихся под защитой ратей Казад-Дума, но после начала таинственных событий в Черной Бездне селившихся здесь людей охватил темный страх, и они побросали свои дома и поля, бежав подальше на Запад.

— И нам довелось слышать, — сказал хоббиту Глоин, — что прошлой осенью из Мории ушли последние тангары.

Вид этой мрачной местности тяжело действовал на всех. В отряде теперь была лишь одна мысль — дотянуть до спасительных Ворот. Люди уже не столь явно выражали свое нежелание идти внутрь. Фолко готов был поклясться, что все они не прочь поскорее укрыться за несокрушимыми морийскими стенами.

Наступила середина мая; Сиранона, вившаяся неподалеку от Тракта, стала заметно уже и быстрее — они приближались к ее истоку.

И исполины Туманных Гор уже давно закрывали им весь восход — прямо перед ними высилась громада Карадраса, Багрового Рога на Всеобщем Языке, памятного Фолко и Торину по описанию попытки перехода Хранителей через перевал.

Как-то вечером Фолко и Торин завели речь о том, кто может сейчас раскачивать Средиземье и что из этого может получиться.

— Хорошо, допустим, что кто-то из людей, — рассуждал вполголоса Торин. — Смелый, ловкий, удачливый... Пусть даже кто-то из ангмарских вожаков. Железной рукой выбил из разбойничков их вольности, вступил в союз с порождениями Могильников, начал пограничную войну. Но что же из того?! Еще год-два, терпение Наместника лопнет, устроят большой поход на Ангмар — и что тогда?! Кое-какое войско он, конечно, выставит, но чего стоят его разбойники, мы уже видели — вмиг разбегаются, чуть на них посильнее надавишь. Много ли с такими навоюешь?! Только и годятся купцов обирать.

— А что ты говорил про сито?! — напомнил другу Фолко.

— Про сито?! Так ведь никто ж не знает, что можно собрать и

можно ли вообще! Нет, ратной силой Арнор не одолеть, хоть и не очень нравится мне эта их выдумка: «каждому — свое».

— А если он найдет себе союзников на востоке?! — напомнил Фолко.

— На востоке! — Гном пренебрежительно свистнул. — Там, во-первых, и так каждый с каждым воюет — вспомни, что Теофраст говорил, — а во-вторых, тут уже дело большой войной пахнет! Тут и Гондор в стороне не останется, и Рохан. Да уж и гномы, пожалуй, тоже! А чтобы со всеми нами справиться, знаешь, какое войско нужно?! Нет, не разбить нас так просто! Вот погоди, к следующему году лесных молодцов еще больше поприжмут — посмотрим тогда, что произойдет.

И — удивительное дело! — Торин сумел почти что успокоить хоббита. Они проговорили до тех пор, что пора уже было идти на пост. Наступило двадцатое мая.

Глава 3

ВОРОТА МОРИИ

Дорога подходила к концу. С каждым днем они приближались к Воротам Мории, по расчетам Глоина и Двалина, пути им оставалось на три-четыре перехода. Неведомые преследователи вроде бы оставили их в покое или просто держались на почтительном расстоянии. Люди казались Фолко чуть растерянными, гномы, напротив, сосредоточенными и решительными — между делом они проверяли и вострили кирки и зубила; откуда-то из глубин их поклажи появились камнетесные молотки. Торин произвел учет всех запасов и объявил, что пришла пора подтягивать пояса, если они не хотят голодать в дальнейшем. Местность вокруг стала еще тоскливей от обилия брошенных домов и опустевших деревень — только за последние два дня друзья насчитали их около десятка. Они по-прежнему соблюдали все возможные предосторожности, но все вокруг оставалось спокойно.

Фолко только теперь стал всерьез задумываться, что же он, собственно говоря, намерен делать в Мории и не лучше ли остаться с людьми наверху; настроение у него вновь испортилось. Он почти каждую ночь старался вызвать в мыслях образ Гэндальфа или Радагаста, но тщетно. Его помыслы словно затягивал какой-то серый липкий туман; в нем тонули воспоминания, и хоббит вдруг с удивлением признался себе, что с трудом припоминает лицо Милисенты. Он еще более привязался к своему оружию; Малыш не прекращал своих занятий с ним, и, надо сказать, юный и ловкий хоббит достиг немалых успехов. Прошлое начинало подергиваться дымкой, будущее было смутно и непроглядно, в настоя-

щем же приходилось рассчитывать только на себя да на холодную сталь, что так ладно лежит теперь в руках! Владение оружием делало его сильнее, и он был благодарен ему за это, словно живому существу.

По его расчетам, выходило, что наступило уже двадцать восьмое мая, когда они с Торином оказались вместе чуть впереди остального отряда, вставшего для полуденного привала. Вместе с гномом они шарили по окрестностям, отходя довольно далеко в стороны, — Торин пытался разыскать хотя бы следы наблюдавших за ними; он никак не мог смириться, что до сих пор не захватил никого из них. Сперва хоббита занимало это ползание по окрестным кустам согнувшись в три погибели, но по мере того как время шло, а содранные колени и расцарапанные сучьями руки давали знать о себе все настойчивее, желания заметно поубавилось, и когда гном полез в какую-то уж слишком заросшую колючим кустарником ложбину, хоббит решительно взбунтовался и заявил, что подождет его наверху.

Торин скрылся в зеленом сплетении; некоторое время до хоббита доносился громкий треск ломаемых веток, постепенно отдалявшийся; радуясь отдыху, Фолко присел прямо на землю, привалившись спиной к сплетению ветвей разлапистого боярышника. Прошло несколько минут, Торин не появлялся. Хоббит встал, прошелся взад-вперед по небольшой поляне, на которую они вышли незадолго до того, как расстались. На другом ее конце рос могучий граб; на коричневой коре виднелся уродливый каповый нарост, и Фолко, отчасти из озорства, отчасти повинуясь неясному желанию, метнул в него нож: сталь скрипнула, плотно вонзившись, и в ту же секунду хоббит услышал позади себя слегка насмешливый и показавшийся ему знакомым голос:

— Неплохо, почтенный хоббит, очень неплохо... Зачем?!

Прежде чем Фолко смог вспомнить, где он слышал этот исполненный скрытой силы голос, он с ужасом понял, что «зачем» предваряет его желание взяться за оружие: дескать, тянись, не тянись — тебе уже все едино... Фолко обреченно обернулся, слишком ошеломленный, чтобы обдумывать свои действия.

В дальнем конце поляны виднелась полузаросшая тележная колея; на ней стояли двое, ветки кустов еще слабо колыхались за их спинами. Фолко вздрогнул и едва сдержал крик.

Прямо перед ним, в каком-то десятке шагов, положив руку на рукоять длинного меча, застыл в напряженном ожидании горбун Санделло. Он глядел на Фолко холодно, беспощадно и равнодушно. А рядом с ним в видавшем виды длинном серо-зеленом дорожном плаще, скрестив на груди руки, стоял высокий, статный человек с ровной русой бородкой и такими же длинными, ниспадающими до плеч волосами. Его губы чуть улыбались, под густыми бровями — левая была чуть выше правой — он не мог

различить цвета его глаз; но в них угадывалась непознаваемая прочими воля, идущая своими собственными путями. Этот взгляд приказывал — и ему повиновались; было приятно повиноваться его обладателю... Черты лица этого человека были правильно соразмерны — высокий лоб, гладкие скулы, ровная, точно прорубленная, линия губ, придававших ему открытый и гордый облик. Плащ скрадывал его фигуру, но чувствовалось, что он наделен немалой силой, не выставленной напоказ, а скрытой до времени под невзрачной одежкой странника. Меча у него не было, и лишь когда он сделал шаг и плащ чуть распахнулся, хоббит заметил висящий на широком кожаном поясе длинный прямой кинжал.

Многое вспыхнуло в тот миг в памяти Фолко: и Пригорье, и Аннуминас, и корчма, и старый хронист, — и он понял или догадался, что перед ним — Олмер, золотоискатель из Дэйла?!

Он замер в растерянности, не зная, что предпринять — бежать ли, орать «караул!» или хвататься все же за меч?!

Олмер, похоже, понял это. Шагнув вперед, он дружелюбно улыбнулся хоббиту, повернулся к Санделло и, покачав головой, сказал с легкой укоризной в голосе:

— Нет, Санделло, нет. Не превращай ремесло в привычку...

— Повинуюсь! — прохрипел горбун, склоняясь еще больше и не сводя с Олмера завороженного взора.

В нем были такая преданность и доверие, что Фолко невольно подумал о том, что старый хронист ошибался. Такое не купишь ни за какие деньги....

— Не надо давать волю страху, почтенный хоббит, — продолжал тем временем Олмер, поворачиваясь к хоббиту. — Не каждый встречный даже в наше время — грабитель, ты, я вижу, совсем перестал доверять даже самому себе. Иди сюда, не бойся, мы не причиним тебе зла, клянусь Великой Лестницей!

И Фолко подчинился. Он действительно не боялся больше; он как-то сразу поверил Олмеру, хотя внутри еще не до конца рассосался липкий комок недавнего испуга. Настороженно и медленно шагая, хоббит стал приближаться к неподвижно застывшим Олмеру и Санделло.

Идя к ним, хоббит имел несколько мгновений, чтобы лучше рассмотреть называвшегося золотоискателем. Глядя снизу вверх, он видел над завязками плаща мощную шею с пересекавшими ее заметными морщинами, выдававшими немалые прожитые Олмером годы — большие, чем можно было бы дать, глядя на его загорелое лицо. Олмер тоже шагнул вперед, и хоббит увидел его высокие кожаные сапоги с дугами потертостей от стремян на подъемах. Санделло ни на шаг не отставал от своего господина.

— Я рад, что встретил тебя, половинчик, — приветливо улыбнувшись, сказал тот, — хоть и не знаю твоего имени. Меня зовут

Олмер. Я рад видеть тебя идущим по дороге мужчин и хочу вернуть тебе старый долг. Да, не удивляйся, в Пригорье с тобой поступили несправедливо, и тот, кто первым обидел тебя, понес наказание. Да и ты, любезный Санделло, был не прав, вступившись за насмешника, затеявшего ссору!

Горбун вздрогнул и нагнул голову.

— Ну а ты, почтенный хоббит, совершил ошибку, пойдя с мечом против бросившего сталь. Ты очень молод, и я не виню тебя, но впредь против палки бери пивную кружку. — Он вновь едва заметно улыбнулся. — Санделло! Тебе повезло, что он обнажил меч, а так, кто знает, чем бы все кончилось?! Но, — он перебил сам себя, — все это в прошлом, а теперь я хочу, чтобы между нами не лежало это давнее недоразумение.

Фолко стоял молча, смущенно глядя вбок — посмотреть в глаза Олмеру не было сил. Никто никогда не говорил с ним так уважительно и так открыто — на равных — никто, даже Торин, даже Малыш. Обладателю голоса было приятно внимать: хоббиту не льстили — просто сильный признавал и его силу, пусть не во всем, и сожалел об ошибке, и Фолко почувствовал себя почти удовлетворенным за то давнее поражение. Исчезли последние остатки страха; он не боялся даже Санделло, смотревшего на него теперь чуть удивленно и заинтересованно: Фолко не находил слов и лишь смущенно мялся с ноги на ногу, однако глубоко в сознании родилась и беспокойная мысль: а зачем все это Олмеру?!

Наступило молчание. Олмер выжидательно смотрел на хоббита, и тот понял, что ему нужно хотя бы представиться в ответ на учтивую речь. С трудом, преодолевая еще оставшееся оцепенение, он выговорил свое имя. Олмер дружелюбно слегка наклонил голову и кинул быстрый взгляд на Санделло. Тот шагнул вперед и спокойно протянул хоббиту руку.

— Не держи на меня зла, сын Хэмфаста, — медленно проговорил он, касаясь вздрогнувшей ладони Фолко своими гибкими, холодными, но неимоверно сильными пальцами, — я признаю, что был тогда не прав...

Слова давались ему с трудом, но Олмер не сводил с горбуна внимательного взгляда, и Санделло продолжал говорить. Фолко глядел ему прямо в глаза (на что ему едва хватало духу) и вновь, как еще в Пригорье, увидел в них оттенок понимания и затаенной горечи.

«Горбун говорит искренно, — вдруг подумалось хоббиту, — хотя ему и мешает гордыня».

— Ты крепко держался, — продолжал Санделло. — Сказать по правде, второй раз я едва-едва увернулся. Впрочем, теперь это уже не важно. Прошу, постарайся забыть.

— Я... я не знаю, — промямлил хоббит, теряясь под ставшим

вдруг напряженно-испытующим взором горбуна, — такое так просто не забывается.

Санделло все еще не отпускал его правую руку, и от этого Фолко вновь стало слегка не по себе. Горбун вздохнул.

— Что же мне сделать, чтобы загладить свою вину перед тобой?! — сказал он.

— Кажется, я могу помочь тебе в этом, почтенный Санделло, — вдруг вмешался Олмер. — Спору нет, ты виновен, а потому принеси-ка сюда наш гундабадский трофей!

— Наш?! — удивленно поднял глаза горбун.

— Да, наш, — ответил Олмер, — ибо благодаря твоему искусству мой противник сражался пешим. Принеси его, быть может, он придется по сердцу почтенному хоббиту.

Санделло кивнул головой, повернулся и быстро исчез в зарослях. Спустя мгновение он появился вновь, держа в руках небольшую кожаную сумочку, и протянул ее Олмеру. Тот распустил завязки, сунул в нее руку и извлек оттуда недлинный кинжал в простых черных ножнах, по краям окованных узкой полоской вороненой стали. К ножнам было прикреплено несколько ремешков, зачем — Фолко сразу не понял. Олмер держал оружие плашмя, пальцы его правой руки скрывали рукоять, но хоббит неожиданно ощутил странное чувство. В этом неброском на вид кинжале была какая-то завораживающая соразмерность — его нельзя было ни удлинить, ни укоротить, ни уширить, ни заузить. Гладкая черная кожа, покрывающая ножны, должна быть необычайно приятна на ощупь — вдруг мелькнуло у него в голове. Как спокоен и уверен в себе будет он, едва его ладонь коснется их чуть шершавой поверхности, хранящей тепло его тела! Ему вдруг очень захотелось поскорее взять и подержать в ладонях эту вещь, он невольно подался вперед, забывая об осторожности.

— Я вижу, он уже манит тебя. Бери! — продолжал Олмер. — Пусть он верно служит тебе!! — Олмер замолк на мгновение, а потом, протягивая хоббиту кинжал, добавил: — Мужчинам достойно делать друг другу именно такие подарки, ибо что лучше их служит нашим сокровенным желаниям?!

Его пальцы разжались, и кинжал приняли ладони Фолко. В ту же секунду и лес, и Санделло, и Олмер перестали существовать для него — он смотрел на подарок.

Ножны имели длину одиннадцать пальцев; к их нижнему концу было прикреплено кольцо, через которое был пропущен узкий кожаный ремешок. Такое же кольцо было и сверху, с таким же ремнем. Прежде чем Фолко успел удивиться этому, его взгляд упал на рукоятку.

Неведомый белый материал был свит в мелкий винт; на ощупь он не казался ни гладким, ни шершавым; казалось, под рукой хоббита оказалась шкура неведомого живого существа, способ-

ного то взъерошить свою шерсть, то вновь уложить ее так, что рука не ощутит ни малейшей неровности. А возле синей крестовины с чуть опущенными концами в белое тело рукояти был вделан гладко отполированный камень, сперва показавшийся Фолко скромным и невзрачным — он не сверкал и не светился; его цвет напоминал блеклый жемчуг, слегка подернутый серовато-дымкой; но стоило Фолко взглянуть на него чуть сбоку, как камень внезапно сделался полупрозрачным, и в его смутной глубине он разглядел невесть откуда взявшийся там темный крест. Завороженный, Фолко долго не мог отвести взгляда от этого необычного камня; его поверхность казалась крошечным окном в неведомое, окном, имевшим даже переплет.

Из темно-синей крестовины выходило плавно сужавшееся и чуть закругленное лезвие в десять пальцев длиной; матовая сероватая сталь казалась раскатанным продолжением вделанного в рукоять камня; и по лезвию, оставляя лишь узкие полоски вдоль краев, тянулись удивительные узоры из причудливо переплетенных синих цветов; хоббит готов был поклясться, что эти цветы имели какое-то неясное сходство с уже виденными им в каком-то видении, но в чем оно и с чем — этого он сказать не мог.

Клинок сразу же и намертво лег в ладонь, словно прирос к ней; пальцы Фолко крепко-накрепко сжались, точно боясь упустить его.

— Да, он как раз по твоей стати, — донесся до забывшегося хоббита голос Олмера. — Дай я помогу тебе надеть его...

Хоббит вздрогнул, словно пробуждаясь ото сна; в странном оцепенении он дал человеку накинуть верхнюю петлю от ножен себе на шею, а нижняя опоясала его чуть выше талии. Ножны плотно прилегли к телу.

Олмер отступил на шаг, словно любуясь своей работой; его руки были скрыты потертыми кожаными перчатками, несмотря на жаркий день.

— Спасибо... — с трудом выдавил из себя Фолко. — Спасибо вам...

Он низко поклонился в знак благодарности. Выпрямляясь, он столкнулся взглядом с Олмером и, повинуясь какому-то внезапному наитию, сделал шаг навстречу Санделло и пожал протянутую ему руку.

— Вот и хорошо, — услышал он слова Олмера. — Пусть прошлое будет предано забвению. Мы устранили то, что мешало нам, и теперь можем побеседовать. Но послушай! Какой у тебя лук! — Голос Олмера едва заметно изменился, стал жестче. — Разреши мне взглянуть на него?!

Фолко нерешительно поднял глаза. Олмер нависал над ним, точно башня, глаза глядели строго и проницательно; и хотя где-то в глубине сознания хоббита вспыхнуло тревожное чувство, его

левая рука медленно, словно против его желания, потянулась к эльфийскому оружию и вынула его из налучника.

«Что ты делаешь?! — прорвался в нем поток тревожных мыслей. — Как можно отдавать в чужие руки, да еще *ТАКИЕ,* эту вещь?!»

Очевидно, что-то изменилось и в выражении его глаз, и по лицу Олмера прошла вдруг какая-то жесткая полуусмешка, полуулыбка. Его могучие, обтянутые черной кожей перчаток руки приняли лук. Он поднес его ближе к лицу, рассматривая; подался к нему и Санделло.

И тут лицо золотоискателя странно изменилось — оно вдруг словно постарело на добрые десятка два лет, став жестким и мрачным, словно в нем ожила какая-то давно пережитая боль. Вздрогнул, пополз вверх левый уголок его губ, придавая ему необычно презрительно-скорбный вид. Хоббит невольно отступил на шаг.

Творящееся с Олмером не укрылось и от горбуна; тот вдруг с необычно ласковым и укоризненным видом положил ладонь на предплечье Олмера; Фолко готов был поклясться, что это была какая-то чуточку неуклюжая ласка и попытка успокоить. Глаза горбуна искательно глядели снизу вверх, словно говоря другу-господину: не надо.

Олмер глубоко вздохнул, повертел лук в разные стороны, попытался натянуть тетиву и уже собирался что-то сказать, когда за спиной у хоббита внезапно раздался шорох и треск вперемешку с неразборчивыми восклицаниями. Фолко вздрогнул и едва не вскрикнул от охватившей его в один миг страшной тревоги — он совсем забыл о Торине. Он поспешно оглянулся и с чувством безнадежной потерянности увидел у дальней границы кустов стоявшего с разинутым ртом гнома. Все замерло; казалось, время прекратило свое течение, на хоббита обрушилась окутавшая все вокруг тишина — лишь кровь звенела в ушах. Он хотел крикнуть — и не смог, нелепо раскрыв рот, он смотрел, как изумление на лице Торина сменилось привычным упрямо-ожесточенным выражением, как он молниеносно выхватил из-за пояса топор и мягким боевым шагом быстро двинулся через поляну.

У Фолко в ту секунду не было времени, чтобы удивляться хладнокровию Олмера. Не говоря ни слова, золотоискатель протянул одной рукой лук хоббиту, отведя вторую далеко в сторону и повернув к гному открытую ладонь, спокойно пошел ему навстречу, подставляя стреле Фолко широкую беззащитную спину. Краем глаза Фолко уловил какое-то движение, сделанное горбуном, и оглянулся — рука Санделло скользнула под плащ, шея чуть вытянулась — он был готов ко всему, но больше не шевелился и даже, казалось, не глядел в сторону хоббита.

Фолко сумел уже набраться сил, чтобы размежить вдруг ссох-

шиеся губы и крикнуть Торину, когда вдруг заговорил Олмер; между ним и гномом оставалось еще шагов десять.

— Здравствуй, сын Дарта, — раздался спокойный голос. — Много воды утекло с последней встречи, но я не забыл смельчака, укоротившего когда-то на целую ладонь священную бороду Дьюрина, что украшает надвратную башню Арчедайна! И того, что было потом.

Фолко с удивлением заметил, что щеки гнома залил темный румянец. Тот опустил топор вдоль бедра.

— Постой, постой, не тебя ли я одно время знал под прозвищем Злой Стрелок?! Вот это встреча, клянусь Морийскими Молотами!

Изумлению гнома не было предела, и он не скрывал этого. Олмер стоял спиной к хоббиту, тот не видел лица человека, но слышал его голос — спокойный, уверенный, исполненный проистекающего от собственной скрытой силы уважения к стоящему против него.

Растерянность гнома длилась очень недолго, опустившийся было топор вновь лег по-боевому в широких ладонях Торина, и он упрямо пошел на Олмера.

— Эй, что вы здесь делаете и что вам опять надо от моего друга хоббита?! — Голос гнома был глух, но хрипоты, выдававшей растерянность и удивление, в нем больше не слышалось. — Фолко! Зачем ты здесь?!

Торин подошел почти на расстояние удара к неподвижно стоявшему Олмеру.

— Мы лишь устраняли те досадные недоразумения, что произошли с нами в прошлом, — примирительно заговорил золотоискатель. — Некоторое касательство имел к ним и почтенный сын Дарта. Мой друг и спутник, — Олмер повернулся лицом к хоббиту и горбуну, указывая на Санделло, — примирился с почтенным хоббитом, рост которого никак не может служить мерилом его доблести. Сын Хэмфаста принял извинения Санделло, равно как и подарок, которым мы скрепили это примирение.

— Что?! Примирение?!

Глаза гнома сверкнули, Торин подался вперед, но Олмер остановил его властным жестом, и хоббит с удивлением заметил, что гном послушался.

— Я еще не закончил, сын Дарта, — говорил Олмер, и голос его стал чуть суше и резче. — Мне помнится, что в ту нашу достопамятную встречу в Пригорье между тобой и Санделло тоже вспыхнула ссора. Хоббит уже примирился с Санделло. Почему бы теперь не примириться с ним и тебе, почтенный Торин, тем более что ты был не прав, отвергнув предложенное тебе тогда согласие?!

Торин еще ниже нагнул голову, исподлобья глядя на Олмера.

Гном держал наготове топор, человек же был, как казалось, безоружен. Санделло стоял по-прежнему напряженный и внимательный, чуть покачиваясь на носках из стороны в сторону. Фолко поймал наконец брошенный на него взгляд гнома; в нем были тревога, недоверие и удивление: почему же его брат хоббит стоит молча?!

— Они не сделали мне ничего плохого, Торин, — робко заговорил наконец Фолко. — Санделло сказал, что он виноват... И посмотри, какой кинжал мне подарили!

Он вынул дареный кинжал из ножен, невольно радуясь поводу вновь взглянуть на него самому и похвастаться им перед другом. Однако Торин и не взглянул на оружие. Его брови не расходились, на скулах играли желваки.

— Ты получил ответ на вопрос, зачем здесь твой друг, Торин, — заметил Олмер, по-прежнему стоя спиной к хоббиту и горбуну. — Что же до того, что мы здесь делаем — полагаю, что с не меньшим основанием могу спросить об этом и тебя, но все же отвечу, если уж ты так настаиваешь. Мы гоним табун роханских полукровок на север и только что переправились через реку. Ты удовлетворен?! А теперь не опустишь ли ты свой топор и не поговорить ли нам по-простому, о, Укорачивающий Бороды?!

И вновь Фолко увидел, как вздрогнул Торин от этих слов, как еще ниже нагнулась его голова. Что-то стояло за всем этим, какая-то мрачная тайна — ее знал Олмер, а больше не должен был знать никто.

— О чем нам говорить?! — хрипло спросил Торин, по-прежнему держа топор наперевес.

— Ну, например, о том, не пожмут ли наконец друг другу руки гном Торин, известный многим боец на топорах, и человек Санделло, столь же искусный в споре мечей?! Какое же еще удовлетворение тебе нужно?!

— Фолко! — вдруг позвал хоббита Торин, не обращая внимания на слова Олмера. — Иди сюда, ко мне. Так нам будет легче разговаривать, Злой Стрелок.

Фолко дернулся было, чтобы идти к гному, и не смог. Ему вдруг стало страшно подставлять спину горбуну; слепой, панический страх, пришедший неизвестно откуда, на время обессилил его.

— Ты не доверяешь мне, сын Дарта?! — Теперь и в голосе Олмера зазвенел металл. — Чего ты боишься?! Да желай мы сделать что-либо с тобой или твоим другом, то, клянусь Великой Лестницей, уже давно бы сделали это!

Фолко видел, как от этих слов гном побагровел еще больше, как в злой усмешке искривились его губы, и тотчас понял, что боится не Санделло, а Торина, боится и не понимает его — впервые за долгие месяцы дороги бок о бок. Почему гном упорствует?! Почему ищет ссоры?! Их же двое — опытных воинов... Но что же

делать?! В растерянности хоббит прикусил губу и невольно бросил взгляд на Санделло.

Горбун глядел на него доброжелательно и с легкой, необидной усмешкой. Внезапно он протянул руку и слегка подтолкнул хоббита в спину, одновременно расстегнув и бросив на траву свой пояс с длинным мечом, уже знакомым хоббиту по пригорянскому трактиру.

— Да иди же ты, дурачок!

На негнущихся ногах хоббит заковылял к молча ожидавшему его гному. Тем временем Олмер заговорил снова:

— Ты оскорбляешь нас подозрением, что мы способны расправиться со слабейшим. Это недостойно тебя, сын Дарта.

— Торин! — с неожиданной злостью зашипел на друга Фолко. — Я получил один урок по собственной глупости и не желаю получать второй по твоей! Они не сделают нам ничего плохого, поверь мне!

Торин метнул косой взгляд на Фолко и заговорил, обращаясь к Олмеру:

— Язык у тебя подвешен хорошо, Злой Стрелок, но твои слова пусты, как шлак. Расправиться со слабейшим, говоришь ты?! А Пригорье забыл, что ли?!

Олмер вздохнул.

— Ну как мне доказать тебе, что мы не собираемся причинять вам зло?!

— Очень просто — уйдите с дороги! — сумрачно ответил гном. — Я не верю в случайность подобных встреч. Ступайте своим путем, а мы пойдем своим. Но помни, Санделло, мы еще потолкуем — когда окажемся один на один.

— И ты рискнешь переведаться с Санделло с таким неважным топором, как твой?! — внезапно легко рассмеялся Олмер.

— Мне мой топор по нраву, а уж насколько он хорош, мы рассудим в другой раз и другим способом, — огрызнулся Торин.

Вместо ответа Олмер развязал завязки плаща у горла и сбросил его на землю, потом снял и положил на плащ свой кинжал. Отойдя в сторону, он поманил к себе гнома.

— Неужели ты не отважишься подойти ко мне даже безоружному?! — как бы вскользь заметил золотоискатель, видя колебания Торина.

Гном заскрипел зубами и одним движением оказался возле Олмера.

— Дай мне твой топор, — вдруг попросил человек.

Олмер произнес это так просто и буднично, словно спрашивал у гнома огниво и трут. Он протянул руку, и Фолко в страхе замер, краем глаза следя за насторожившимся горбуном; в тишине слышалось лишь тяжелое дыхание гнома.

— Санделло! Принеси пока мой посох, — повернувшись к горбуну, сказал золотоискатель, и затем, когда за горбуном сомкнулись скрывшие его ветви, прибавил, обращаясь к Торину: — Ты все еще боишься?!

Фолко только рот открыл, когда увидел, что Торин каким-то нетвердым, неловким движением протянул оружие Олмеру и замер, отступив на два шага назад; Олмер лишь чуть усмехнулся, а потом вдруг взялся руками за концы топорища и вновь взглянул на Торина.

За спиной Олмера зашевелились кусты, и хоббит увидел Санделло, который в одной руке держал длинный белый посох, а в другой — пузатую коричневую баклагу. Хоббит заметил, как Торин невольно провел языком по ссохшимся губам. Горбун подошел к брошенному на траве плащу Олмера и бережно положил рядом посох; затем, по-прежнему держа в руках баклагу, он замер в двух шагах от золотоискателя.

— Ну что ж, — негромко проговорил Олмер, задумчиво глядя на топор, — созданному под землей всегда найдется что-то в противовес с поверхности...

С этими словами он неторопливым, плавным движением поднес топор к чуть выдвинутому вперед колену, повел его как-то вбок... Раздался треск, и в руках человека оказалось сломанное пополам топорище. Олмер вздохнул, полузакрыв глаза; лоб его в один миг покрыла испарина, руки упали вдоль боков. Сломанный топор гнома выскользнул из его рук в траву.

Казалось, Торин потерял дар речи; он в изумлении глядел на спокойно улыбающегося человека, уже пришедшего в себя и стершего пот со лба. Рука гнома медленно потянулась к тяжелому шестоперу, но Олмер, не говоря ни слова, откупорил протянутую ему горбуном баклагу, сделал несколько больших глотков, высоко задирая голову, усмехнулся и протянул сосуд все еще не оправившемуся от удивления Торину. Тот машинально принял баклагу; он часто замигал, почесал затылок, а потом, не сводя замершего взгляда с обломков своего оружия, поднес к губам баклагу и отпил, поперхнулся и закашлялся. Тем временем вперед шагнул Санделло, как ни в чем не бывало протянул руку к баклаге; и Торин, даже не глядя в его сторону, отдал ему сосуд. Горбун с благодарностью склонил голову и в свою очередь отпил из него, взглядом и жестом предложив хоббиту сделать то же самое.

Пораженный не меньше своего друга, хоббит взял из рук горбуна баклагу. Там оказалось вино, густое, ароматное, такого Фолко никогда не пробовал; никакого сравнения с хоббитанскими винами из Южного Удела — они казались просто водой после такого напитка. На душе от вина стало легче, по всему телу разлилось приятное тепло.

— Ну вот мы и выпили вкруговую, — улыбаясь, сказал Олмер. — Это хорошо — так скрепляют мир между собой настоящие муж-

чины далеко на востоке отсюда, где растут Голубые Леса Прирунья. Я вижу в этом добрый знак... Кто знает — может, нам еще предстоит встретиться по эту сторону Гремящих Морей?!. Впрочем, что сейчас рассуждать об этих туманных вещах, Торин! Взамен сломанного топорища я хочу подарить тебе мой посох — сделай из него себе новое, для такого мастера, как ты, это не составит труда. Ручаюсь, оно послужит тебе вернее и лучше старого. Санделло! Давай его сюда.

Торин, похоже, начал приходить в себя; он смотрел на Олмера без страха, но с уважением и каким-то новым интересом; однако при всем при том — и Фолко ясно чувствовал это — перед гномом стояли враги, жестоко унизившие его, но пока бывшие сильнее.

Горбун тем временем принес золотоискателю длинный белый посох, сделанный из какого-то неизвестного хоббиту материала — не из дерева, не из железа и не из камня. Его поверхность матово поблескивала, в остальном же он ничем не выделился бы из ряда как следует окрашенных деревянных тростей.

Санделло подал было посох Олмеру, но тот едва заметно покачал головой, и Санделло повернулся к гному.

— Прими это от нас, почтенный Торин, — сдержанно произнес горбун.

Он протянул посох гному, и Торин, медленно вытянув навстречу обе руки, принял его.

— Попробуй теперь сломать его, почтенный гном, — с улыбкой сказал Торину Олмер. — Но скажу сразу: в свое время мне это не удалось.

Фолко облегченно вздохнул, видя, как в глазах гнома появилось любопытство.

Торин взял посох за концы — для чего ему пришлось широко развести руки — и напрягся. Посох слегка пружинил в его руках, и гном, особенно не усердствуя, опустил его.

— Укороти его себе по руке, — посоветовал Олмер, — режется-то он хорошо.

— Чего же ты хочешь от нас?! — по-прежнему хрипло произнес гном.

— Я? От вас? Ничего. Мы встретились не совсем мирно, но расстанемся, хочется верить, понимая друг друга.

— Зачем ты даришь нам все это?!

Лицо золотоискателя стало серьезным.

— Я хочу, чтобы вы шли по избранному вами пути во всеоружии, — без тени улыбки сказал он. — Не скрою, наша встреча не была волей слепого случая — я давно хотел повидать вас. Ныне немного отыщется в Средиземье смельчаков, собравшихся пойти в бездны Мории!

— Откуда тебе известно, что мы собираемся делать? — засопел Торин. — И какое тебе до этого дело?!

— Повторяю еще раз — никакого. Но я ценю храбрость и воздаю ей должное, кто бы ни выказывал ее. А что до того, откуда мне известны ваши намерения — вы собирались всю зиму, а пиво в тавернах Аннуминаса развязало язык не одному гному... — Олмер улыбнулся. — Но даже не знай я ничего о ваших планах — куда еще могут направляться три десятка смелых гномов и опытных в странствиях и сражениях людей, находясь в нескольких днях пути от Ворот Мории? Мне хочется быть в мире с теми, кто идет на такое, на что сам я решиться не могу. Заметь, я не спрашиваю, что вы собираетесь там делать, но что бы вы ни сделали — это будет достойно настоящих мужчин.

— Спасибо за добрые слова, — с легкой досадой ответил Торин. — Я хотел бы ответить тебе такими же пожеланиями удачи, но твои дела и намерения скрыты от нас, а то, чему мы невольно стали свидетелями...

Торин умолк, однако глядел прямо в глаза Олмера.

— Что ж, жизнь не всегда бывает подобна полету стрелы, — легко ответил Олмер. — Я догадываюсь, что смущает тебя. Но послушай — все установления, законы, запреты и приказы никогда не могут быть полностью худы или полностью хороши. Если повиноваться всем, то останется лишь одно — замкнуть себя в четырех стенах, не видя белого света! Нет, почтенный Торин, я не сужу о делах других, насколько они соответствуют какому-нибудь исписанному клочку пергамента. Муж живет ради храбрых и смелых деяний, лишь в них можно отстоять свою честь и покрыть себя славой.

— Но храбрость и доблесть заслуживают чести и славы лишь в том случае, когда они направлены на доброе дело! — неожиданно для самого себя вдруг вмешался хоббит. — Доблестный разбойник — не храбрец, но гнусный убийца, становящийся от своей доблести лишь еще опаснее!

Олмер улыбнулся.

— Ты смел, половинчик, я не ошибся в тебе. Но мне кажется, что в тебе говорит то, чему тебя учили, а не то, что пережил ты сам. Добро и Зло! — Он вновь улыбнулся, и Фолко с удивлением заметил, что отражение этой улыбки появилось и на лице горбуна. — Две грани одного клинка, они неразделимы, словно свет и тень! Давно известна истина, что не может быть всеобщего добра, как и всеобщего зла.

— А как же мои сородичи, что сражались в битве на Пелленорских Полях — разве содеянное ими не есть всеобщее добро?! — не отступал хоббит.

— Ты говоришь, всеобщее?! То есть то, что хорошо для всех?! — усмехнулся Олмер. — Но разве допустимо защищать такое добро

ложью?! Не понимаешь? Что ж, поясню. Никто не порицал хоббита, упомянутого тобой, за то, что он сразил Черного Короля ударом в спину, — так почему в песне об Эовейн говорится, что они встретились лицом к лицу?! Недурно, клянусь Великой Лестницей!

— Так что же Великому Мериадоку погибать было, что ли?! — вознегодовал Фолко, но Олмер успокаивающе поднял руку.

— Я этого не говорил, половинчик. Нет, тот хоббит сражался доблестно. Но зачем стыдливо набрасывать покрывало недомолвок?!

Наступило короткое молчание. Фолко не нашелся, что возразить, — он сам не раз слышал эту старинную песню о поединке у стен Минас-Тирита и, зная подлинную историю, поначалу удивлялся, но потом привык, решил, что здесь простая ошибка, и более над этим никогда не задумывался. И неожиданно для самого себя вдруг спросил:

— Скажи, почтенный Олмер, отчего ты зовешь нас половинчиками?!

— Так называют подобных тебе на моей родине, на востоке, где сохранилась еще память о Днях Странствий, когда мир был еще молод. Я знаю, на юге, в Гондоре, вас именуют невысокликами, в Рохане — холбутланами, на востоке же говорят как есть. Ну что же...

Олмер шагнул в сторону, как бы направляясь к лежащим на траве плащу и кинжалу, и в это время Санделло неожиданно протянул гному руку. Олмер замер, не отрывая взгляда от стоящих друг против друга гнома и человека, и Фолко вдруг почувствовал легкое головокружение, словно смотрел вниз с огромной высоты; в следующую секунду Торин медленно пожал широкую и плоскую кисть горбуна.

— Не стоит сводить счеты после глупых ссор, не так ли?! — тихо, но настойчиво произнес Санделло, и Торин, точно эхо, откликнулся:

— Не стоит... Что ж, если мой друг простил тебя, будем считать, что и я не держу на тебя зла.

— Ну и хорошо, — раздался голос Олмера, и золотоискатель оказался между гномом и горбуном, кладя руки им на плечи.

Хоббит удивился, увидев, как пригнулся к земле Санделло, а Торин неожиданно пошатнулся, словно взвалил на себя тяжелый груз; однако это длилось недолго, Олмер убрал руки, нагнулся, поднял с земли обломки топора и протянул их Торину.

— Теперь простимся, — просто сказал он, вновь кладя руку на плечо горбуна. — Что бы вы ни думали обо мне и моем спутнике, я желаю вам вернуться такими же, какие вы есть сейчас.

Трудно сказать, что изменилось в его голосе, но Фолко эти мгновения не сводил с Олмера глаз, ловя каждое его слово; последняя

фраза, сказанная с какой-то мрачной решительностью, заставила хоббита вздрогнуть.

Из кустов на поляну вышел человек в недлинном дорожном плаще; он почтительно поклонился Олмеру.

— Да, да, мы сейчас, — ответил на немой вопрос Олмер. — Приведи коней...

Возникла секундная пауза, и вдруг Санделло подошел к хоббиту.

— Разреши твой нож, — неожиданно сказал он. — Ты недоворачиваешь ладонь, смотри, вот так!

Молниеносное, незаметное глазу движение руки горбуна, в которую удивленный, но неиспуганный хоббит вложил один из своих метательных ножей, — и клинок с тяжелым звонким ударом вонзился в нарост совсем рядом с первым ножом.

Слуга подвел золотоискателю и горбуну их лошадей: Олмеру — высокого каурого жеребца, Санделло — гнедую кобылу; и горбун, уже сидя в седле, неожиданно наклонился к замершему Фолко и молча протянул ему еще полную на три четверти баклагу.

За зелеными стенами поляны послышалось недалекое ржание; Олмер и Санделло тронули коней и, не оглянувшись, исчезли в зарослях. Несколько мгновений качались потревоженные ветви, но вот и они замерли. Над поляной воцарилось полное спокойствие.

— Уф, — вдруг тяжело вздохнул гном, поспешно распуская завязки куртки и обнажая мокрую от пота грудь. — Что, оставил вино? Давай скорее сюда! Чье бы оно ни было, надо выпить после такого...

Гном забулькал, а Фолко со всех ног бросился к дереву: в коре торчал кинутый им нож, а рядом, так что между лезвиями едва можно было всунуть палец, засел второй нож, посланный Санделло с такой силой, что ушел в дерево почти до половины; как Фолко ни старался, вытащить его он не смог. В эту минуту он невольно подумал о словах Рогволда, сказанных им по поводу первой встречи с Санделло, мол, тот мог убить хоббита, не вставая из-за стола.

Пряча на перевязи вынутый из дерева нож, Фолко пошел просить Торина о помощи. Гном к тому времени опростал изрядную часть баклаги, несколько успокоился и только вращал глазами. Ворча и жестикулируя, он пошел за хоббитом.

— Этот, что ли?! Ничего себе, вот это рука... — Торин почесал затылок. — Ну, попробуем...

Однако пробовать пришлось долго, и, лишь собрав всю свою огромную силу, гном смог выдернуть брошенный Санделло нож. Торин фыркнул и утер пот.

— Н-да, — протянул он, — ну и ручища у этого горбуна, чтоб ей отсохнуть! Он показался мне очень шустрым еще тогда, в При-

горье, но знай я, что он... такой, клянусь бородой Дьюрина, я был бы поосторожнее...

Торин тяжело вздохнул и сел прямо на землю, охватив руками голову. Фолко осторожно опустился рядом с ним, ища взгляд друга, но гном упорно смотрел вниз. На мгновение над ними нависла гулкая тишина; внезапно гном застонал, точно от нестерпимого стыда, даже заскрежетал зубами. Перепуганный хоббит сперва аж прижался к земле.

— Что же это за Олмер, который переломил мой топор, точно соломинку! — отрывисто и зло бросал перед собой слова Торин. — Что я на него смотрел?! Почему отдал топор?! Почему я пожал руку этому убийце?! — Ладони гнома сжались в кулаки, по лицу прошла мгновенная судорога, словно от отвращения. — Что со мной было, Фолко?! Ты был рядом, ты видел — что со мной было?!

Торин вскочил, его щеки пылали, крепкие желтоватые зубы закусили губу.

— Что ты, Торин, что с тобой?! — в испуге вскрикнул хоббит. — С чего ты взвился?!

— С чего?! — Глаза гнома недобро прищурились. — Ты видел, как он положил мне руку на плечо?! Я думал, что ткнусь носом в землю! Ну, среди тангаров я бы назвал двух-трех, кому это под силу, — как и сломать мой топор, — но чтобы так сделал человек?!

— Опомнись, Торин! Ну силен он, очень силен, и что с того?! Почему бы не быть силачу и среди людей!

— Силачу... — горько усмехнулся гном. — Да нет, тут что-то не то, брат хоббит. Что-то со мной было не то, не как всегда... Впрочем, ладно, давай с самого начала! Они действительно ничего тебе не сделали? Я чуть не свихнулся, когда увидел тебя рядом с ними!

— Да нет же, Торин, все было тихо и мирно, — горячо начал Фолко и рассказал Торину обо всем, что произошло, пока гнома не было.

— И ты принял его извинения?! — с недоверием переспросил Торин. — С чего это ты вдруг стал таким добреньким?! Или забыл Пригорье?!

— Ничего я не забыл, — буркнул Фолко, в свою очередь, краснея и опуская голову. — Просто там вышло недоразумение, Санделло раскаялся. Кинжал вот подарили...

— Покажи-ка мне его еще раз, — вдруг попросил гном, протягивая ладонь. — Хочу взглянуть, чем же они тебя так проняли.

Хоббит полез за пазуху и вдруг ощутил, что ему очень не хочется отдавать подарок, в чьи бы то ни было руки; но Торин есть Торин, и Фолко поборол себя.

Гном бережно принял извлеченный из оставшихся висеть на

груди хоббита ножен кинжал с голубыми Цветами на клинке. Он долго вертел его и так и эдак, пробовал пальцем острие, пытался согнуть, колупал ногтем рукоятку; долго вглядывался в камень у крестовины; наконец удовлетворившись, он молча протянул кинжал взволнованно следившему за ним хоббиту; тот поспешно спрятал его и неожиданно ощутил облегчение — этот кинжал, похоже, обладал какой-то странной властью над своим новым хозяином.

— Никогда не видел ничего подобного, — вдруг признался Торин, разводя руками. — Это не наша работа, и сталь тоже. Превосходная, кстати, сталь — и прочная, и гибкая... А как наведен рисунок — я могу только гадать. Наши так не умеют, я бы знал. Камень этот, правда, мне знаком — крестовники не считаются драгоценными, они довольно хрупкие, легко обрабатываются, но такой большой и с таким четким крестом — тоже редкость. Хотел бы я знать, зачем ему было дарить его тебе! Тебе — кинжал, мне — посох этот... Как из него еще и топорище-то сделать?!.

Они замолчали. Перед глазами обоих стояло это удивительное зрелище — Олмер и горбун. Каждый вспоминал подробности необыкновенной встречи; так они прошли через всю поляну, когда Торин вдруг хлопнул себя по лбу:

— Хороши же мы оба! Затоптали следы копыт!

— Кто затоптал, а кто и посмотрел, и запомнил! — Хоббит показал другу язык. — Подковы с пятью гвоздями, между первым и вторым, считая слева, такая трехлучевая звезда... Да, впрочем, вон же они, ты что, не видишь?! Однако давай отложим прочие разговоры на потом — нас уже наверняка хватились!

Они добрались до лагеря как раз в то время, когда встревоженный Рогволд отряжал во все стороны конных на поиски. Хоббиту и гному пришлось отговариваться наспех сочиненными небылицами, и лишь ночью, когда обоз остановился на краю леса подле брошенной людьми деревни, они собрали на совет немногих самых близких друзей.

Сидели в темноте, тщательно заткнув щели в пологе фургона и укутавшись в одеяла, — к вечеру с гор неожиданно потянуло ледяным ветром. Пришли Малыш, Рогволд, Дори и Бран. Они уже знали историю с «Ножнами Андарила», Олмером из Дэйла и старым хронистом; Фолко и Торин во всех подробностях поведали им все случившееся.

— Начнем с того, что мы имеем, — начал Рогволд, после того как Фолко умолк и облизнул пересохшие во время долгого рассказа губы. — Следы подков, они действительно необычные.

— Куда уж необычнее — такая примета! — задумчиво произнес Бран.

— Жаль, что я не видел их сам, — вздохнул Рогволд. — Однако подобное клеймо мне незнакомо. Что может значить эта звезда?!

— Звезда-то — дело понятное, — ответил Торин. — Зовется она Изельгрид и в старину обозначала единство трех Подземных Стихий: Камня, Огня и Воды. Но я не слышал, чтобы кто-нибудь из тангаров использовал ее как клеймо!

— А разве кто-то из кузнецов-людей не мог сам додуматься до такого несложного символа?! — спросил Рогволд.

Торин не нашелся, что ответить, и тут неожиданно встрял Малыш.

— Если мне дадут кружечку пригорянского пива, я, пожалуй, скажу, откуда эти подковы! — вдруг хитро усмехнулся он.

— Ты?! Откуда?! Говори! — загомонили было все разом, но Малыш стоял на своем.

— Сперва пива! Да не этот наперсток, что взял сейчас скупой Торин, а мою кружку!

Выразительно покачивая головой и кривя губы, Торин нацедил Малышу требуемую кружку. Маленький Гном неспешно выпил, крякнул, вытер подбородок... Наступила пауза. Малыш лукавым взглядом обвел смотрящих на него друзей.

— Этот знак — Изельгрид — ставит на свои изделия один рангтор из Эребора, — небрежно бросил он. — Я знавал его. Он поссорился со своими из Одинокой Горы и ушел на север, к Драконьему Плато. Он и делает такие подковы, причем добавляет в них медь, отчего они становятся тяжелее, но мягче и лучше прилегают к копыту...

— Рангтор? — недоуменно переспросил Рогволд, но Торин пояснил, что у гномов так зовется тангар— одиночка, живущий и работающий на свой страх и риск, изгой, ушедший от сородичей.

— Личность он довольно мрачная, — продолжал Малыш, — но большой мастер. Я познакомился с ним, когда ходил в Эребор, пять зим тому назад.

— Подковы из Эребора... — задумчиво протянул Торин. — И Теофраст говорил — он из Дэйла. Что ж, может, и правда... Но что нам с того?!

— Хотя бы то, что если он и лжет, то не всегда, — встрял Фолко.

— Кстати, да, — кивнул Рогволд. — Наш хоббит совершенно прав. Значит, кое в чем можно полагаться и на слова этого Олмера.

Торин лишь передернул плечами.

— Теперь дальше, — продолжал бывший сотник. — Его подарки. Кинжал нашего Фолко — вещь совершенно изумительная и непонятная. Откуда такой мог взяться?! Кто его мог сделать?! — В ответ гномы лишь развели руками. — Если это не ваша работа, почтенные, то чья же тогда?!

— Гадать можно бесконечно, — буркнул Бран. — Может, его

сделали потомки Рыцарей из Заморья еще до падения Врага. Может, это сработано где-то на востоке, о чудесах которого плетется столько небылиц.

— Он сказал — это их гундабадский трофей, — напомнил Фолко.

— Гундабадский?! Давайте думать, что там было последние несколько лет, — почесал бороду Рогволд. — Нет, что-то мне ничего не приходит в голову. Может, гномы о чем-нибудь слышали?!

Торин и Бран, в свою очередь, развели руками, однако Дори вдруг подался вперед.

— Я кое-что слышал, — медленно начал он, морща лоб. — Где-то в тех краях без вести сгинул отряд, что напал на Эребор прошлой осенью — помните? В Аннуминасе я как-то встретил знакомца, он шел через королевство Беорнингов как раз в те дни и слышал, что пограничная стража подняла тревогу и большой отряд лесных жителей отправился на север. Больше я ничего об этом не знаю, но, так или иначе, пришедшие с востока исчезли бесследно.

— Ну, может, и так, — неуверенно проговорил Торин. — Только слишком уж много этих «может»!

— Это все, что нам остается, — пожал плечами Рогволд. — Что ж, может, Бран прав, и кинжал действительно с востока. А твой посох, Торин?!

Гном вытащил из-под сваленных на дне фургона мешков длинную не то жердь, не то трость, казавшуюся желтоватой в тусклом свете коптилки. Ее долго вертели и крутили, пожимали плечами. Малыш даже попробовал на зуб; лучшие клинки гномов резали ее лишь с трудом и быстро тупились. Гномы вновь развели руками. Никто даже отдаленно не мог предположить, что это такое и откуда взялось.

— Что же ты собираешься с ним делать, Торин? — спросил наконец Рогволд, возвращая гному загадочный подарок золотоискателя.

— Сделаю топорище, — буркнул гном.

— Кстати, Торин, а ты что, знал его раньше?! — вдруг спохватился Фолко. — Что это за прозвище — Злой Стрелок?

— Знал... давно, правда, — нехотя ответил гном, отворачиваясь. — Знакомство мы с ним свели, — он криво усмехнулся, — лет тридцать назад, когда и он был еще молод. Мы ладили в Арчедайне новые городские ворота, а он... Он тоже был чужим в этом городе, нам его показали, когда он на спор бил влет голубок на ярмарочной площади, ни разу не промахнувшись. За это он и получил свое тогдашнее прозвище, а имя его я быстро забыл... И узнал я его не сразу — он все-таки сильно изменился, хотя лицом по-прежнему не стар. Но мы закончили свою работу и ушли обратно

в горы, и, что стало со Злым Стрелком, по правде, мало меня волновало.

— А что за укороченную бороду Дьюрина он упоминал? — продолжал расспросы хоббит, однако наткнулся на холодное молчание замкнувшегося в себе Торина.

— Не будем говорить об этом, — негромко попросил тот хоббита. — Из-за этой бороды я в свое время поссорился с нашими старейшинами... Ладно, хватит об этом! Так что у вас произошло с этим Санделло теперь?

Выслушав хоббита, гном с сомнением покривил губы.

— А гнали-то они табун зрелых четырехлеток, годных под седло! — вмешался сотник. — Надо не забыть об этом, когда будем писать Наместнику — помни, дорогой Торин, что этого Олмера все-таки разыскивают.

Гном нахмурился.

— Он нашел нас сам, и наши с ним распри — наши распри, — угрюмо отрезал он. — Наша ссора не касается Аннуминаса!

— Его могут искать совсем за другое, — поджав губы, ответил Рогволд. — Негоже укрывать того, кто должен предстать перед судом. У нас невинных не хватают!

— И все-таки непонятно: зачем ему все это понадобилось? — пробормотал Дори. — Что он сказал — что встреча не была случайна?!

— Что гадать, — угрюмо молвил Бран. — Хотел бы я знать, что этот Олмер имел в виду — «желаю вам вернуться такими, какие вы есть сейчас»? Неужели он знает что-то и про Морию?

— Узнаем, когда доберемся, — в тон ему обронил Торин.

— А все же мы зачем-то понадобились ему, — задумчиво сказал Рогволд. — Иначе зачем ему мирить своего горбуна с вами? И ведь помирил-таки! Кто знает — последняя ли это встреча?

Они говорили еще долго, но так и не решили, какая корысть могла быть у Олмера и какое отношение их поход мог иметь к этому темному, загадочному человеку. Бросив ломать голову, они улеглись спать: до Ворот Мории оставалось совсем немного — всего лишь два перехода.

Фолко спал плохо. Его мучили неясные, сбивчивые сновидения; его внутреннему взору представали то не виданные никогда им высокие башни, охваченные странным голубоватым огнем, то заполненные багровым туманом провалы и смутные тени, двигающиеся в кровавой мгле; а то, словно наяву, он видел черные перчатки на могучих руках Олмера, ломающих так долго казавшийся ему несокрушимым топор Торина. И еще не оставляла Фолко мысль о том, что у Олмера имелась некая тайная цель, быть может, он хотел, чтобы хоббит и его спутники действительно пробились в Морию и подаренный клинок мог пригодиться

там; однако хоббит ощущал и то, что Олмер действовал по наитию, словно движимый внезапным порывом...

Последние дни пути проходили в напряженном ожидании. Леса исчезли, уступив место печальной, полной брошенных домов и одичавших садов равнине. Сиранона здесь резко сворачивала вправо, уходя к югу вдоль стен Туманных Гор. Фолко не слезал со своего пони, держась вместе с Глоином, Двалином, Рогволдом и Торином в голове обоза. Они удвоили осторожность; прятаться было негде, и они старательно обходили пустые фермы и хутора, избегая смотреть на черные окна пустых домов, казавшиеся выклеванными вороньем глазницами мертвых. Встреча с Олмером и Санделло по-прежнему не выходила из головы у хоббита; но, сколько он ни раздумывал, так и не мог понять, какая же судьба привела этого необычайного человека на одну тропу с ними и зачем ему потребовались эти объяснения. Однако земные заботы держали крепко, похоже, лишь его одного; на подходе к Воротам Мории гномы позабыли все на свете. Их глаза горели, с губ срывались невнятные восклицания на неизвестном хоббиту языке; они подходили к главной святыне своего народа. «Непроглядно темна вода Келед-Зарама, и холодны как лед ключи Кибель-Налы...»

В последний день их пути дорога шла гребнем холмистой гряды, северным краем Привратной Долины. Они оставили позади остатки пристани, изглоданной давним пожаром; Фолко и Торин, не удержавшись, дошли до разрушенных каменных ступеней, когда-то высеченных гномами в обход Приморийского Порога. С началом новой Эпохи гномы расчистили путь своим плоскодонкам и плотам вниз по реке и проложили новую дорогу поверху долины. Когда-то так испугавшее Фродо болотистое озеро исчезло; по дну долины весело бежала Сиранона, склоны приречных холмов покрывали запущенные яблоневые сады.

— Это была большая работа, — негромко, словно сам себе, проговорил Торин со вздохом. — И все пошло прахом...

Позади них послышались шаги — от остановившихся наверху фургонов к ним спускался Глоин. Гном-мориец оделся в лучшие одежды, его могучую грудь прикрывала сверкающая кольчуга, на широком узорчатом поясе висели изукрашенный топор и шипастый боевой кистень. Он остановился рядом с ними и положил руку на плечо Фолко — хоббит ощутил мелкую дрожь, время от времени пробегавшую по телу Глоина. Изгнанник стоял на пороге родного дома.

Несколько мгновений они молчали, глядя на серые стены утесов, среди которых скрывались Ворота; потом Глоин вдруг улыбнулся и слегка подтолкнул хоббита.

— Нравится, Фолко? То ли еще будет, когда мы выметем эту нечисть, что опять натекла в Казад-Дум! Клянусь бородой Дью-

рина, больше людям не придется бросать обжитые места возле наших Ворот.

— Красиво, — умиротворенно вздохнул хоббит, глядя на голубую ленту Сирананы. — Погоди, Глоин, я слышал, что прежде здесь был какой-то страшный застойный пруд, где водились всякие страшилища?!

— Верно, — с улыбкой кивнул Глоин. — Тут такое было!.. Гномы после победы взялись осушить это озеро, но сперва сплели сеть из последних остатков мифрила и выловили Хрящелапого со всем потомством, воду спустили и дыру в подземные реки наглухо забили, а потом вновь вернули Сиранону в прежнее русло.

Фолко хотел расспросить морийца о подробностях той ловли, но с дороги их окликнули товарищи. Солнце уже опустилось к самому горизонту. Ворота лежали в нескольких сотнях шагов от них, а в наскоро разбитом лагере уже разжигали костер для ужина. Фолко вздохнул и побрел готовить вечернюю трапезу. Штурм Ворот был назначен на завтра.

Глава 4

КАЗАД-ДУМ

«И чего только эти Большие не наплетут! — думал вечером Фолко, укладываясь спать. — О каком ужасе они болтали?! Земля как земля, скалы, холмы, речка... сады замечательные... руки бы только приложить...»

Он вздохнул, вспомнив огороды и поля Хоббитании. Его ладони успели отвыкнуть от заступа, и сейчас у него появилось смутное желание вот просто так пойти и подрезать или окопать те яблони у реки.

Однако ночь, проведенная у преддверья Черной Бездны, заставила его забыть обо всем. Провалившись как-то сразу в глухой, тяжелый сон, хоббит внезапно проснулся среди ночи в липком, холодном поту; он не помнил, что ему снилось, зная лишь, что это было омерзительно и отвратительно до тошноты. Лежа на спине, он открыл глаза и едва не задохнулся — воздух в фургоне показался ему донельзя затхлым и тяжелым, он давил на грудь, словно мешки с песком, а вдобавок полог темноты, казалось, собрался в десятки и сотни иссиня-черных клубков, и из каждого на Фолко глядел чей-то холодный, неживой взор. Хоббит окаменел и затрепетал, словно бабочка на булавке; не было сил пошевелиться, потянуться к оружию, закричать. Откуда-то из глубины сознания стал подниматься ощущаемый всем его телом, не только ушами, смутный гул; повозка едва ощутимо вздрагивала. Откуда доносился этот гул, он не мог сказать; он просто понял, что

еще мгновение — и его дыхание пресечется навечно. Страха не было; на хоббита наваливалось небытие, бесформенное, всепоглощающее, неотвратимое...

Рядом раздался тяжкий стон, и этот звук неожиданно придал хоббиту силы. Разметавшись в недобром сне, с широко раскрывшимися, но невидящими мутными глазами, рядом с Фолко глухо стонал Торин; рука гнома медленно, неуверенными рывками, но все же ползла к только что сделанному им топорищу из подаренного Олмером посоха.

Хоббит дернулся — все внутри, казалось, оборвалось — и отчаянным движением подтолкнул оружие ближе к раскрытой дрожащей ладони гнома. Пальцы Торина впились в рукоять; опираясь на топор, он стал медленно выпрямляться.

Волосы зашевелились на затылке хоббита — никогда еще он не видел у Торина таких глаз. Они выкатились из орбит, и даже в кромешной тьме под пологом Фолко видел в них слабый отблеск пробившегося через случайную щель лунного луча; эти широко раскрытые глаза были так же незрячи, как и несколько мгновений до этого, когда Торин еще лежал и казался спящим. Неуверенным рывком гном двинулся к запахнутому полотнищу, закрывавшему на ночь вход в фургон, и, рухнув тяжелым телом на жалобно затрещавший полог, вывалился наружу. Раздался глухой тупой стук, и это вывело хоббита из столбняка. Его пальцы крепко держали в мокрой от пота ладони кинжал, подарок Олмера; удушье постепенно отступало. Собрав все силы, он бросился к Торину.

Тот лежал на земле, нелепо разбросав странно вывернутые руки; рядом валялся топор. Хоббит затравленно огляделся — через желтые тучи проглядывал бледный лик омертвевшей луны; мрак был повсюду, призрачный налет ночного светила только оттенял его непроглядность. Фолко еще различал бок фургона рядом с собой, но дальше все тонуло в бездонной и беззвучной темноте. Холодный, равнодушный взгляд бесчисленных невидимых глаз по-прежнему шарил по телу хоббита, но теперь у него было оружие, и он мог защищаться. Если бы у него было время, он наверняка бы попытался вспомнить Аннуминас и призрак Могильников, но здесь все было другое, совсем другое.

Из темноты до него донесся сдавленный хриплый стон. Хоббит дернулся — и сразу же понял, что стонет не Торин, а кто-то другой. Страх настолько парализовал Фолко, что у него не было сил даже нагнуться и посмотреть, что с другом. Стон доносился из фургона; что-то случилось еще с кем-то из гномов. У Фолко страх перерос в неудержимое желание бежать, не разбирая дороги, прочь, прочь от этого дикого места. Перед глазами взвихрилась багровая круговерть; его колени подкосились, он рухнул возле неподвижного Торина и больше уже ничего не видел.

Очнулся он от холода и, едва приоткрыв глаза, тут же изо всех оставшихся сил зажмурился — сверху на него лилась ледяная вода. Чьи-то руки заботливо приподняли хоббита, кто-то обтирал платком ему лицо, вокруг перекликались чьи-то голоса, знакомые голоса его друзей и попутчиков. Хоббит медленно поднимался на поверхность из темного провала беспамятства. Он попробовал заговорить — из горла вырвался стон; тогда он попытался сесть — это удалось, его поддержали. Только теперь Фолко смог наконец оглядеться и понять, что же с ним происходит.

Было раннее утро, он лежал на плаще, предусмотрительно брошенном на мокрую от росы траву; рядом, стиснув ладонями голову, сидел Торин; между пальцев сочилась вода и виднелись мокрые пряди волос. Вокруг толпились люди и гномы; последние, как один, имели до крайности напуганный и изможденный вид — у всех за одну ночь ввалились щеки, воспалились глаза, а кое у кого заметно прибавилось седины в бороде. Люди казались пободрее — они были скорее встревожены, хотя и их лица свидетельствовали о беспокойной ночи.

Рядом с хоббитом на коленях стоял Малыш, поддерживал Фолко за плечи; возле него отжимал мокрую тряпку Рогволд; их тесным кольцом окружали остальные. Рогволд о чем-то настойчиво спрашивал Фолко, но минуло еще несколько минут, прежде чем до хоббита дошел смысл его вопросов.

— Что здесь было? Что было ночью? Что с вами произошло?!

Фолко кивнул, желая показать, что понял, о чем его спрашивают, но, с трудом начав говорить, вдруг ощутил, с каким усилием пробивается в столь недавнюю память. Он лишь смог выдавить, что проснулся среди ночи, что было плохо, так плохо, как никогда раньше, очень страшно, ничего было не сделать, а потом застонал Торин и сказал что-то, а потом дотянулся до топора и полез наружу, а потом упал куда-то, и он, Фолко, полез за ним, и снаружи стало совсем скверно, он тоже упал, и потом все было темно.

Слушавшие переглянулись, а затем Рогволд задал те же вопросы Торину. Тот ответил с трудом, еле-еле выталкивая из себя слова — изо всех сил заставляя себя говорить, как будто воля гнома мстила неведомому врагу за охватившее его помрачение:

— Оно вышло из Ворот Мории. А потом Оно подступило к моему сердцу, и сердце стало холодным, словно снег на горной вершине, и я бы погрузился в вечный сон в Чертоге Ожидания на грани между сном и смертью, но мне стало больно, и я очнулся, а потом Оно накрыло того, кто был возле меня — хоббита, но его сломить оказалось еще труднее, он сумел овладеть собой и даже подтолкнул ко мне топор. Я видел Его так четко, что, казалось, сейчас смогу рассечь Его надвое — голубоватое бесформенное облако, кусок студенистого тумана, — и я попробовал дотянуться до него, попытался разбудить друзей, но внутри у меня все помутилось, и я с трудом мог понять, что нужно делать, кроме того, что нужно попытаться прогнать Его, но, когда я выскочил из фургона, а это оказалось нелегко, ноги меня не слушались. Оно столкнуло меня во мрак, хотя и не смогло заморозить и лишить жизни — я уже не так просто поддавался. Я уже лежал, ни руки, ни ноги не повиновались мне, но я видел бросившегося мне на помощь хоббита и видел, как Оно растаяло, задев мимоходом беднягу Фолко.

Наступила мертвая тишина; сам Фолко тоже остолбенел, он никогда не слышал, чтобы Торин так говорил; ледяной червячок страха вновь зашевелился где-то на дне его сознания. Тем временем Торин с усилием поднялся, оперся на топор и продолжал, обводя собравшихся тяжелым взглядом:

— Вы спросите меня — как Оно выглядело, что хотело сделать, как нападало, как можно от него защититься?! Отвечу так — Оно никак не выглядело. У него не было ни рук, ни ног, ни головы, ни тела — был какой-то сгусток тумана, как я уже сказал, который глазами я толком и не видал, ощущал чем-то иным. Насколько я успел понять, Оно не охотилось специально за нами или за мной. Оно вообще не имеет никакой воли, разума, а тем более цели. Оно вырвалось из Мории и растаяло в небе, растаяло, словно дым от костра. Вы спросите: почему же лишились чувств только мы с Фолко?! Мне думается, лишь потому, что спали не так крепко, как остальные, а когда вскочили, то как бы вдохнули грудью его яд, как отравленный воздух... Только это был не воздух, конечно... Наши мысли пытались найти противодействие Его силе — и Это неведомое врезалось в нас, тогда как над сознанием остальных, худо-бедно, но спавших и не сопротивлявшихся, Это пронеслось, как ураган проносится над залегшим в песок, но валит с ног пытающегося устоять. Я догадываюсь, что из-за чего-то вроде этого тангары покинули Морию. Надо учиться борьбе, а главное — постараться понять Его природу. Ведь Оно действует на нас, гномов, куда сильнее, чем на людей!

— Ты ошибаешься, — медленно проговорил Рогволд. — Я тоже не забуду эту ночь до конца моих дней, и да хранит дух Великого Короля меня от подобного! Теперь ясно, почему отсюда ушли жители... Итак, что будем делать?

Словно давно сдерживаемый паводок нашел наконец брешь в теле плотины — так со всех сторон грянули возмущенные, перепуганные, растерянные возгласы и вопли людей. Фолко от неожиданности присел и даже зажал уши; крики в первый момент оглушили его. Рогволду стоило немалых усилий хоть как-то утихомирить их. Фолко с удивлением и легким испугом взирал на искаженные злобой и животным страхом лица этих людей, в смелости и отваге которых он мог убедиться сам.

— Дело ясное! — брызгая слюной, говорил Игг. — Не-ет, пусть здесь кто хочет остается, а я ухожу. Нам тут делать нечего, окочуришься и не заметишь с этими гномьими вывертами.

— Мы подряжались идти до Мории, и мы дошли! — орал Довбур. — Мы можем драться, и мы дрались и готовы драться с кем угодно — но только с живым врагом, если только меч может достать его! А с этими подземными призраками — нет уж, благодарю покорно, наши клинки тут не годятся! Может, у почтенных гномов найдется нечто получше?!

— Довбур прав! Довбур дело говорит! — поддержали его несколько человек.

Среди них были и Алан, и Веорт, и Ресвальд — самые молодые, отчаянные и бесшабашные из всех. Мало-помалу они разделились на две группы — люди на одной стороне, гномы на другой, и посредине — растерянный, испуганный хоббит и мрачный, спокойный, необычайно прямой и строгий Торин. Он, казалось, не слышал злобных криков своих недавних товарищей, не видел, как отяжелели взгляды гномов и руки их мало-помалу стали подбираться к оружию, особенно после того, как Гердинь крикнул, что не намерен погибать за гномье золото, неизвестно еще кем и как добытое.

— Хорош орать! — возвысил меж тем голос Грольф. — Собирай мешки — и по седлам. Нечего нам тут делать. И вам, гномам, тоже. Уйдем вместе, если хотите!

Рогволд молча кусал губы, его голова поникла, пальцы стиснули рукоять меча, хоббит бросил на ловчего умоляющий взгляд — у него оставалась последняя надежда на Рогволда. Меж тем люди и впрямь принялись увязывать свою поклажу, вытаскивая ее из фургонов. Торин по-прежнему невозмутимо молчал, гномы начали удивленно переглядываться, видя его странное спокойствие; меж тем Рогволд решительно вскинул голову и заговорил, его голос переполняло холодное презрение:

— Гномы пришли сюда не за золотом, почтенный Гердинь, а следуя своей гномьей судьбе, и не нам подозревать их в корыстных помыслах. Подземелья — это их мир, и они не звали нас с собой, но вот с тем, что на земле, обязаны сражаться мы! И не важно, каков будет наш враг, откуда он выйдет, ибо если недра принадлежат гномам, то нам, людям, — вся остальная земля. А кто же может оторвать поверхность от глубины, дом от фундамента? Наш мир един, и то, что сегодня угрожает гномам, завтра обрушится на нас, и мы должны уметь противостоять ему. И позор нам, Следопытам, если мы, которых и так никто не тащит вниз, бросим здесь друзей, с кем рубились плечом к плечу! Делайте как знаете, покрывайте себя позором без меня, я останусь здесь даже один.

Рогволд умолк, вскинул голову и встал в один ряд с гномами.

Люди напротив хмурились, чесали в затылках, отводили взгляды, кто-то что-то бормотал, но лишь Игг стал возражать в открытую.

— Мы исходили с тобой немало лиг, Рогволд, сын Мстара, — начал он, — и не тебе упрекать меня в трусости! Но объясни мне, чем я должен сражаться с этим бледным ужасом? Чем, если я, никогда не показывавший в бою спину, не могу пошевелить ни рукой, ни ногой, ни поднять меч, ни заслониться щитом при Его приближении? Если холод смерти проникает до костей и я чувствую, как жизнь вытекает из меня, словно вода из сита? И еще. С чего ты взял, что Оно угрожает нашему миру? Это порождение глубин, где безраздельно царят гномы. От их возни в недрах и появилось это страшилище! Так кто же должен противостоять Ему — мы или они? Ответь мне на это!

Игг мрачно усмехнулся и тяжело опустился на валявшийся под ногами мешок.

— Оно так и не смогло убить Торина и Фолко, — не отводя твердого взгляда от глаз Игга, заговорил Рогволд. — Значит, Ему можно противостоять. Что же до того, откуда я знаю, что Оно угрожает и нашему миру, то посмотри вокруг! Разве эти брошенные дома и зарастающие пашни не есть ответ?

Среди людей прокатился неясный гул не то одобрения, не то удивления, и Фолко понял, что их решимость уходить поколеблена.

— Мы теряем время, — просто и буднично сказал Торин. — Тангарам пора идти к Воротам, людям — разбивать лагерь, если, конечно, кто-нибудь захочет остаться. Но все остаться и так не смогут — как ни крути, но первая часть нашего пути позади, и нам пора отсылать известия в Аннуминас, как и было договорено с Наместником. Вы, люди, сами решите, кому ехать в Столицу, а мы пока уложим наши заплечные мешки.

Торин, не оглядываясь, зашагал к фургону. За ним молча потянулись гномы. Люди же вновь сбились в тесный кружок, вновь раздались их встревоженные голоса, но теперь в них все больше и больше слышался стыд. Спустя некоторое время Фолко увидел, что Довбур и Игг седлают себе четырех коней и подвязывают седельные сумы. Рогволд, примостившись на плоском камне в стороне, что-то быстро писал на листке желтоватого пергамента. Остальные люди стояли вокруг отъезжающих. Немного погодя к ним подошли и гномы.

Простились спокойно и сурово, без лишних слов и долгих напутствий. Гонцы должны были передать Наместнику послание и рассказать обо всем, что произошло в дороге. Они собирались двинуться на север не Южным Трактом, а напрямик, через опустевшую Остранну, и затем выйти на Западный Тракт в нескольких днях пути к восходу от Пригорья.

Всадники в последний раз прощально вскинули руки, копыта

ударили в пыль, и спустя несколько минут фигурки наездников скрылись за зеленью одичавших садов. Спустя три недели весть должна была достичь столицы Северного Королевства.

Остаток дня прошел в беспрерывных хлопотах. Следопыты подыскали себе укромное местечко в небольшом овраге, где стояло несколько старых, но еще крепких сараев, и решили приспособить их под жилье; гномы переложили вещи в заплечные мешки, извлекли с самого дна фургонов долго лежавший там без дела горный инструмент; заготавливались факелы, не были забыты длинные и тонкие веревки, чтобы тянуть за собой, когда идешь по темному подземному лабиринту, а также — на крайний случай — и изрядные куски белого известняка, которым можно было поставить знак на стене. Добрых две трети провианта перекочевало в гномьи мешки; рассчитывать на то, что удастся разыскать какое-то пропитание внизу, не приходилось. Малыш упорно не желал расставаться с пузатым пивным бочонком; Торин долго пытался урезонить друга, однако потом плюнул в сердцах и ушел, заявив Малышу, что тот, конечно, может взять все пиво с собой — если унесет на своих плечах. Маленький Гном, однако, остался этим премного доволен, и не прошло и двух часов, как смастерил из ремней обвязки для бочонка и после нескольких попыток водрузил его себе на спину и даже довольно бодро прошелся с ним.

Среди всей этой суеты и беготни, торопливых, сбивчивых сборов и поисков совсем было потерялся Фолко, сын Хэмфаста, сидевший понурив голову подле своего небольшого мешка. Страх вновь жестоко терзал его сердце; аннуминасские сомнения вновь ожили в нем, и сейчас он с грустью размышлял, что же будет делать под землей, в этой ужасной и, как оказалось, действительно населенной какими-то призрачными чудовищами Мории. Он предпочел бы Могильники, сотню Умертвий вместо одного этого существа! Игры кончились, и хоббит только зябко вздрагивал, хотя день выдался теплый и ласковый. Он окидывал взглядом зелень садов и голубизну реки — сколько времени ему придется довольствоваться созерцанием черных стен подземелья?

Во власти этих мрачных помыслов и нашел его также неприкаянно бродивший из стороны в сторону Рогволд, молодые товарищи которого не допустили его до тяжелой работы. Старый сотник опустился рядом с пригорюнившимся хоббитом и ласково положил ему ладонь на плечо.

— Ты на распутье, Малыш, — с печальной улыбкой проговорил ловчий, и Фолко вздрогнул — голос Рогволда показался ему голосом глубокого старика, в нем появились и незнакомые хоббиту мягкие нотки. — Послушай, Малыш, послушай много повидавшего и хорошо пожившего человека. Не ходи туда.

Фолко бросил короткий взгляд на бывшего сотника и опустил глаза. Рогволд точно угадал его мысли.

— Оставь гномье гномам, Малыш, — продолжал Рогволд. — Ты хоббит, и твои соплеменники все же куда ближе к нам, людям, нежели к этому странному подземному племени. Что ты будешь там делать? Чем сможешь помочь? А здесь ты будешь нужен, очень нужен! Кто тише тебя сможет пробраться по лесу на разведку? Кто лучше стреляет из лука? Нам предстоят нелегкие дни здесь, наверху, но все же не столь тяжкие, как там, внизу... И еще — если ты пропадешь там, я никогда не прощу себе этого, сынок.

Ловчий умолк и отвернулся. Фолко сидел, съежившись от неловкости и растерянности. Что такое говорит Рогволд? Как не хочется идти... Однако именно в эту секунду хоббит решился. Оставаться после этих слов было немыслимо — просто невозможно! Это значит навечно обречь себя на муки совести.

— Я все равно должен идти туда, Рогволд, — выдавил из себя Фолко.

По-прежнему смотревший в сторону бывший сотник вздрогнул.

— Что ж... — медленно произнес он, поворачиваясь к хоббиту и несколько мгновений глядя тому прямо в глаза; Фолко не отвел взгляда, и ловчий вновь опустил голову. — Что ж, ты тоже стал невольником слова... — Он внезапно резко выпрямился. — Но уж раз решил — тогда иди. Только помни — я полезу куда угодно, чтобы вытащить тебя.

Рогволд повернулся и зашагал прочь, очень высокий, прямой, строгий, совсем еще не старый. Хоббит провел ладонью по лбу, отирая пот.

К вечеру, когда солнце уже опустилось и долина утонула в предночном сумраке, вдруг оказалось, что все готово и гномам больше нечего делать на поверхности. Некоторое время все стояли в растерянности, глядя на громады утесов, озаренные багряным закатным заревом; там, особенно четко видные сейчас, стояло несколько могучих дубов — и между ними находились Ворота.

— Пошли?! — полувопросительно, полуутвердительно произнес Торин.

Гномы, переглядываясь и негромко переговариваясь, принялись навьючивать на себя тяжеленные заплечные мешки. Люди кинулись им помогать, на мгновение над долиной взлетел деловитый говор, но вот все было наконец готово, и отряд гномов сбился в томительном ожидании, теперь уже нетерпеливо по-

сматривал на Торина. Тот глубоко вздохнул и рубанул рукой воздух:

— Пошли!

Тесной гурьбой они все вместе зашагали по дороге к Воротам. Люди шли вместе с ними; Фолко еще раз поймал умоляющий взгляд Рогволда и поспешно отвел глаза.

Дорога внезапно кончилась. Они прошли, точно под аркой, под сомкнувшимися над их головами кронами столетних дубов, и дорога уперлась в гладкий, отвесный скалистый утес, в серую каменную стену одного из исполинов Туманных Гор. Дальше идти было некуда. Они пришли.

Торин повернулся к Морийской Стене, поднял правую руку и громко, отчетливо произнес:

— Мэллон!

Серую гладкую поверхность скалы в разных направлениях пересекли тончайшие серебристые линии, сплетшиеся в знакомый Фолко и Торину узор со звездой Феанора и гербом Дьюрина — молотом и наковальней. Однако каменные створки Ворот не сдвинулись ни на дюйм. Гномы остолбенели.

— Мэллон! — еще громче, с отчаянием выкрикнул Торин, прижимая стиснутые кулаки к груди.

Раздался глухой подземный гул, поверхность камня посередине рисунка рассекла черная узкая трещина, обозначившая край створок, но Ворота остались закрытыми.

Гномы побросали заплечные мешки, столпившись позади Торина. Люди, изумленно и встревоженно переглядываясь, встали полукругом за их спинами. Еще и еще раз повторял Торин заветное слово; Мория отвечала приглушенным рокотом, но Ворота так и не открылись. Наконец Торин в отчаянии отвернулся и, как стоял, так и сел прямо на камни, горестно уронив голову. Наступило тягостное молчание.

В первый момент все повернулись было к гномам-морийцам; однако Двалин и Глоин лишь развели руками. Что-то случилось со сработанным еще в дни Второй Эпохи творением гномов и эльфов; путь в Морию был закрыт.

— Может, они заперты изнутри? — с робкой надеждой решился нарушить тишину Дори, однако Глоин отрицательно покачал головой.

— Когда засовы опущены, вот этот выступ должен быть утоплен, — его пальцы коснулись скалы, — а он торчит, как обычно. Здесь что-то иное...

— Что же? — жадно спросил Дори.

— Кто знает, уж не ослабла ли сила эльфийского заговора?! — предположил Глоин. — Хотя с чего бы ему?! Двенадцать лет назад, когда мы покидали Морию, все было как обычно.

— Так что же, идем назад? — подал голос кто-то из следопытов.

Тьма сгущалась. Солнце утонуло в закутавших западный горизонт косматых тучах, наступили короткие южные сумерки, в разрывах облаков проглянули первые звезды. Все потерянно толклись перед Воротами, не зная, что предпринять: гномы слишком хорошо знали неприступность своей крепости, чтобы пытаться пробиться в Морию силой.

И тут из рядов гномов выступил Хорнбори. Его лицо, казалось, окаменело, глаза сверкали, он медленно шел на Ворота, словно навстречу смертельному врагу; он властно простер вперед руку, и хоббит заметил золотистое сияние, на миг окружившее кольцо на пальце гнома, сияние сверкнуло и исчезло, а Хорнбори, приседая, точно таща на себе огромную тяжесть, потянул руку с кольцом на себя, словно ухватившись за невидимую рукоять; он негромко произнес: «Мэллон» — и с трех десятков уст сорвался радостный вскрик. Створки сдвинулись и чуть-чуть разошлись! Трещина расширилась и углубилась, а Хорнбори, обливаясь на глазах потом и постоянно утираясь рукавом, все тянул и тянул створки на себя, и кольцо ярко сияло на его пальце, а черный камень, казалось, стал источать слабый свет. Ворота поддались еще немного; в щель уже можно было всунуть пальцы, и тут с Хорнбори что-то случилось. Он внезапно остановился, пошатнулся; створки вновь стали смыкаться.

Трудно сказать, что толкнуло хоббита в это мгновение; он действовал по наитию, будто во сне, а может, просто внезапно ощутил теплоту, источаемую висящим на его груди кинжалом с голубыми Цветами, и волшебным образом понял, что должен что-то сделать. Его качнуло к Воротам, и он припал к черной щели всем телом.

Кинжал с Гундабада сам собой оказался у него в кулаке, полыхнувшее голубым лезвие скользнуло в щель, хоббит повел им снизу вверх, будто вспарывая неподатливую плотную преграду, и Ворота вновь стали открываться. Все увереннее и мощнее тянул их на себя Хорнбори, а в следующий миг, когда кинжал Фолко оказался на уровне глаз хоббита, что-то скрипнуло за дверьми, глухо лязгнуло, и створки распахнулись в одно мгновение, отшвырнув и Фолко, и Хорнбори. Стой Фолко чуть дальше, а Хорнбори, напротив, чуть ближе, тяжелые Ворота размозжили бы им головы. Однако все обошлось несколькими ссадинами и синяками.

Гномы и люди, забыв даже о Воротах, бросились на помощь к упавшим; некоторое время ушло на ощупывание и отряхивание хоббита и гнома; кряхтя и охая, они наконец поднялись, и только тут все, словно по команде, замолчали и повернули головы. Ворота Мории зияли перед ними черной бездонной пропастью. За

ними виднелась высокая арка, а дальше все тонуло в непроглядной темени.

Слова и возгласы замерли на устах. Последняя преграда рухнула: пора было браться за дело, ради которого они проделали неблизкий и опасный путь.

Глоин и Двалин скрылись за порогом; пламя их факелов рассеяло мрак за черной аркой — стала видна небольшая входная площадка, а за ней две крутые широкие лестницы — одна вверх, другая вниз. Гномы тщательно осмотрели распахнутые створки изнутри и не нашли ничего особенного; понять, что помешало Воротам отвориться, они так и не смогли.

Гномы переглянулись. Перед ними лежал открытым вход в Черную Бездну. Они вновь надели себе на плечи лямки тяжелых тюков; потрескивая, стали разгораться смолистые факелы. Гномы столпились на пороге, люди чуть отступили, и между двумя группами пролегла та невидимая, но явственно ощутимая черта, что всегда отделяет в последние минуты уходящих и остающихся. Внезапно Рогволд порывисто шагнул вперед; согнувшись вдвое, он молча обнял хоббита, крепко прижал к груди и отпустил.

— Береги себя, — тихо сказал старый сотник, резко выпрямился и отошел прочь.

Фолко несколько мгновений потерянно топтался на площадке перед Воротами, но в это мгновение Торин высоко поднял шипящий, разбрызгивавший искры факел и твердой поступью вошел под первый свод, за ним потянулись остальные, Фолко шел последним; Торин и Глоин с Двалином начали подниматься вверх по лестнице, а хоббит в последний раз оглянулся.

В черном полуовале надвратной арки, залитой последними закатными лучами, в сером полусвете подступающей ночи, тесной группой стояли Следопыты, вскинув руки в последнем прощании. Они расставались — на сколько? Кто знает, долго ли продлятся их подземные блуждания?

Хоббит споткнулся о первую из ступенек и поспешно уперся взглядом в пол — здесь зевать не приходилось. Начался долгий подъем, крутизну которого усугублял увесистый мешок за плечами. Хоббит сгорбился, пытаясь устроить груз поудобнее; он оттягивал лямки обеими руками, у него не было факела — приходилось неотрывно следить за трепетным пятном света от огня в руках шагающего впереди Брана. Сперва у Фолко не было никаких мыслей — он считал ступени и пыхтел, обливаясь потом, забыл на время про все свои страхи.

Однако лестница кончилась, и перед гномами открылся длинный сводчатый коридор; они зашагали по нему. Шли молча, лишь спереди время от времени раздавались негромкие голоса Глоина и Двалина, обменивавшихся короткими непонятными фразами. Фолко теперь шагал предпоследним — оглянувшись,

Бран вдруг нахмурился и пропустил хоббита вперед. Вскоре они миновали первую развилку; в свете факелов Фолко увидел уходящую одним маршем вверх, другим вниз лестницу; в глубине за ней угадывались смутные очертания новых коридоров. Вскоре они миновали легкий, но ощутимый поток прохладного воздуха — Фолко вспомнил, что в скалах над Морией были прорублены многочисленные вентиляционные шахты. Пока они шли путем отряда Хранителей; памятуя описания Красной Книги, Фолко удивился, почему на их пути не встречается так испугавших тогда Перегрина трещин. Временами откуда-то снизу доносился плеск воды, текущей в невидимых штреках: один раз они миновали настоящий мост, переброшенный через глубокую пещеру, потолка которой не достигал свет факелов. Из черноты с обеих сторон несло непонятным, не особенно приятным запахом; от слуха хоббита не укрылись промелькнувшие в неразборчиво произнесенных Глоином словах тревожные нотки.

Как и предсказывала Красная Книга, тоннель сделал плавный поворот и ощутимо пошел под уклон, начав вдобавок ветвиться. Теперь они шли медленнее; Фолко заметил, что морийцы впереди стали чаще задерживаться на развилках, а замыкавший цепочку Бран время от времени делал пометки на стенах. Сам хоббит, хотя его соплеменники и привыкли к подземной жизни, давно бы пропал в этом нескончаемом лабиринте, он с трудом удерживал в сознании направление — сперва они шли на север, теперь стали все круче забирать на восток.

Невольно сравнивая увиденное в скупом свете смоляных факелов с вычитанным в Красной Книге, Фолко лишний раз убеждался, какую же бездну труда и старания вложили гномы, чтобы заделать все расщелины, выстлать полы гладкими плитами и превратить когда-то мрачные пещеры в сверкающие горными кристаллами на потолках залы. Они миновали целую их череду, штук пять, совсем одинаковых, на неискушенный хоббичий взгляд; неожиданно отряд свернул из широкого коридора и стал взбираться по крутой лестнице. Они сошли с пути Хранителей и теперь поднимались вверх.

Подъем длился долго. Составленная из многих маршей, лестница извивалась в теле горы; от каждой площадки брали начало новые и новые переходы, узкие и извилистые. Груз за спиной хоббита, казалось, на глазах прибавляет в весе; глаза заливал едкий пот, лямки врезались в плечи; хоббита внезапно шатнуло в сторону, и он понял, что далеко сегодня не уйдет.

Однако гномы заметили это и тотчас объявили привал. Они устроились на одной из площадок, от которой отходил и скрывался в непроглядной темени неширокий, грубо отделанный коридор. В нескольких шагах за площадкой он сворачивал; свет факелов озарил серую поверхность скругленных у пола и потолка

стен. Глоин и Дори пошли на разведку; вскоре они вернулись, и мориец выглядел довольным.

— Мы попали как раз туда, куда нужно, — сказал он, присаживаясь. — Это одна из лестниц, идущих с Первого Яруса на Седьмой. Седьмой Ярус был жилым, как и Шестой. Морийские Копи начинаются под Первым. А эти площадки, мимо которых мы проходили, — это ответвления к складам. Нам нужно подняться на Седьмой Ярус и добраться до Летописного Чертога — он теперь рядом с могилой Балина, сына Фундина.

Фолко попытался сообразить, где же это, но не смог; по Красной Книге выходило, что Хранители добирались до Летописного Чертога целых два дня; они же пока идут лишь несколько часов.

Наступила тишина. Откровенно говоря, хоббит ожидал каких-нибудь торжественных, подходящих случаю фраз от Торина, Глоина или Хорнбори; однако гномы лишь сбросили с себя тюки, разлеглись у стен и закурили. Фолко вертелся от нетерпения, а его спутники, казалось, вошли не в великое Морийское Царство, Казад-Дум на их языке, а в захудалый постоялый двор где-то между Пригорьем и Туманными Горами. Кто-то развязал и пустил по кругу сверток с сушеными фруктами, кто-то откупорил флягу. Фолко уже приготовился спросить Хорнбори сам, что же помогло ему приоткрыть створки, как вдруг, случайно глянув вниз, в черную глубину казавшейся бездонной лестничной шахты, за краем трепетного света факелов он увидел медленно поднимающееся вверх голубоватое сияние, холодное, подобное неожиданно ожившей и полезшей вверх колодезной воде. В то же мгновение, забыв обо всем, он с отчаянным воплем слепо рванулся прочь, ничего не видя и не понимая. Его воля погасла; слепой, бесформенный ужас погнал его вперед прежде, чем он смог понять, чего же, в сущности, испугался... Перед глазами мелькнули стены коридора; еще несколько показавшихся чрезвычайно длинными мгновений — и он со всего размаху ударился грудью о каменную дверь, запиравшую проход. Ноги отказались служить ему, он обессиленно опустился на шершавый пол и сжался в комочек, закрывая руками голову. Чьи-то руки подхватили его, какие-то голоса перекликались вокруг — он ничего уже не мог осознать. Кто-то положил руку ему на лоб, и тут стало полегче; мелькающие с огромной скоростью бессвязные видения уступили место черным сводам морийского коридора и встревоженному лицу склонившегося над ним Торина.

— Да, снова что-то из Глубин, — отвечая на немой вопрос хоббита, быстрым шепотом произнес гном.

Ладонь Торина просунулась под затылок хоббита, так что теперь Фолко смог осмотреться. Панический ужас мало-помалу отступал, но руки Фолко по-прежнему тряслись. Он с трудом повернул голову. Глоин и Двалин уже распахнули дверь, о которую

с разбегу ударился хоббит; за ней факелы скупо освещали просторное пустое помещение с низким потолком. Хоббит с трудом заставил себя перевести взгляд к лестничной площадке — вокруг него с оружием наголо сжались готовые к бою друзья, а на самом краю короткого коридора стоял Хорнбори, с высоко поднятым факелом в одной руке и опущенным топором в другой. Сияние исчезло, но ужас, остекленевший глаза оказавшегося рядом с хоббитом Малыша, не проходил так скоро.

Прошло немало времени, прежде чем они смогли оправиться от пережитого. Не вдаваясь в долгие разговоры, Глоин и Двалин скорым шагом повели их вверх по той же лестнице — Хорнбори шагал теперь последним, а все прочие гномы то и дело оглядывались на него с новым интересом, уважением и некоторой боязнью.

Они отсчитали почти три сотни ступеней вверх, когда лестница неожиданно кончилась. У хоббита подкашивались ноги, но он ни за какие сокровища не согласился бы теперь остановиться на отдых возле этого мрачного провала, куда уходила, скрываясь во тьме, бесконечная лестница. Они вышли в широкий и высокий проход, и, к своему величайшему удивлению, хоббит обнаружил, что мрак здесь не столь непроглядён и непроницаем, как на нижних ярусах. Просторную галерею заливал мягкий розовый свет заката; оказалось, что кое-где в скалах прорублены окна. Они двинулись по коридору на юг, как понял Фолко — вдоль самого края Морийских Скал. По левую руку то и дело попадались пустые залы, тянулись сплошной чередой каменные низкие двери, в самой галерее попадались искусно вырезанные из камня скамьи. Многочисленные двери оказались входами в жилые пещеры; отряд заглянул в одну из них.

Факелы осветили просторный зал с высоким потолком; искусно обработанные окаменевшие струи, свисавшие с потолка, казались сказочными чудовищами, вдруг высунувшими наружу свои поблескивающие головы. Покрытые тонкой резьбой белые плиты резко выделялись на фоне серых с черными прожилками стен; высоко над дверью виднелось узкое стрельчатое окно. Вдоль стен тянулся ряд глубоких ниш; посредине стоял обширный каменный стол, его столешница была расколота, и большой кусок валялся рядом на полу. Ниши заполнял ворох брошенной впопыхах одежды вперемешку с инструментами, бадьями, сундуками, деревянными скамьями и стульями — изломанными, как будто кто-то в слепой ярости колотил ими о стены; глиняные горшки, стеклянная посуда превратились под чьими-то тяжелыми ударами в бесформенное крошево; когда-то покрывавшие сундуки ковры были изрублены на мелкие кусочки, и темно-багровые лоскутья были разбросаны по всей пещере.

Пораженные открывшимся им видом, гномы оторопело бро-

дили от одной стены к другой — в каждой нише представала одна и та же картина. Кто-то нашел груду разбитых детских игрушек — растоптанные обломки глиняных и деревянных куколок и с особой ненавистью переломленные пополам маленькие мечи и щиты.

Если бы они не вглядывались, заглянув в пещеру лишь с порога, они, вероятно, ушли бы спокойно, решив, что беспорядок в зале — результат поспешного бегства. Однако теперь все сомнения исчезли. Злая, тупая и мстительная воля, вдоволь потешившись здесь после ухода хозяев, выместила свою ненависть к ним на беззащитной утвари и невинных игрушках, тем самым выдав свое присутствие.

Гномы, посеревшие и задыхающиеся от гнева, обходили одну пещеру за другой — всюду хаос, разгром, запустение...

Тем временем над Средиземьем сомкнулась завеса легкой летней ночи, и свет в галерее померк окончательно. Вновь зажглись факелы, но идти сегодня дальше, в западную ветвь Северного Крыла, где находился Летописный Чертог и откуда было совсем недалеко до Привратных Покоев и Морийского Рва, они не решились. Разыскав небольшую уютную пещеру со сводчатым потолком, который поддерживался рядом причудливо вырезанных колонн, они расположились на ночлег. Здесь нашелся и стол, и широкие сундуки с плоским верхом, которые могли служить ложем, а главное — рядом в галерее под каменным навесом тонкой работы из скалы бил родничок. Струя прозрачнейшей, холодной до ломоты в зубах воды с легким плеском падала в чуть бурлящую каменную чашу, откуда брал начало облицованный белым камнем водовод, скрывавшийся в каменной толще гор, уходя куда-то вниз, на нижние ярусы.

Они разожгли огонь и наскоро поели, поспешив залить пламя, способное их выдать. Факелы потушили — в наступившей темноте лишь слабо мигала найденная до этого Малышом медная светильня, заправленная маслом из чудом уцелевшей бадейки. Это были единственные две целые вещи, обнаруженные ими среди обломков.

Каменную дверь заперли изнутри тяжелым стальным засовом — как объяснил Глоин, обычай запирать даже внутренние двери появился после первых признаков тревоги на Глубинных Ярусах. После этого они сдвинули теснее сундуки и начали неспешную беседу — им было о чем поговорить.

Перво-наперво все гномы, словно прорвалась сдерживавшая их любопытство плотина, обрушились с градом вопросов на хоббита и Хорнбори, пытаясь понять, что же произошло в доселе безотказно работавшем механизме Ворот. Хорнбори заставили показать кольцо на пальце.

— Выкладывай уж все как есть, Хорнбори, — положил руку ему на плечо Дори. — Чего вы там с Фолко у Ворот учинили?!

Голос Дори был, казалось, весел, но хоббит явственно слышал напряжение, скрывавшееся за его усмешкой. Хорнбори сокрушенно развел руками и, словно принимая игру Дори, отвечал в тон ему убитым голосом:

— Да уж, видать, от вас ничего не скроешь, придется во всем признаться и положиться на ваше милосердие. Все из-за этого Кольца!

Вокруг все замолчали. Фолко ощутил холодок в груди; на его глазах словно оживала Красная Книга!

Хорнбори вздохнул, провел рукой по бороде, словно собираясь с мыслями. Он осторожно снял Кольцо с пальца и положил на середину стола; хоббиту на миг почудилось, будто мрак исчез, исчезли стены и горы стали словно из стекла, — он будто глядел насквозь через толщу камня, видя одновременно все исполинское переплетение морийских коридоров; лишь самый низ скрывала багровая завеса. Здесь, наверху, ему все вдруг показалось давно знакомым, обжитым и неопасным — снизу же наползала глухая ненависть.

Фолко не успел разобраться в своих ощущениях как следует — слишком мимолетны они оказались; теперь он не отрываясь глядел на Кольцо, в глубине черного камня которого едва заметно тлел крохотный огонек, словно пламя далекого горна. А Хорнбори говорил, и его слова складывались в сказочные видения, и прошлое наяву оживало перед забывшимся хоббитом...

Хорнбори получил Кольцо от своего отца, тот, в свою очередь, от деда. Умирая, старый гном велел уйти всем, стоявшим возле его постели, оставив только Хорнбори, своего старшего сына. И отец рассказал Хорнбори, что его дед был одним из немногих отчаянных гномов Туманных Гор, что ходили на Дол-Гулдур вместе с эльфами— властителями Лориэна, когда Владычица Галадриэль обрушила в прах стены мрачной крепости Назгулов. Любопытные гномы на следующий день после победы полезли по развалинам поглазеть на оставшееся; среди обвалившихся стен дед Хорнбори, тогда совсем еще молодой гном, увидел черный вход в какое-то подземелье и, не долго думая, нырнул в него. Через проломы в крыше внутрь проникал свет, и на полу среди обломков он заметил чудесное, ярко блестевшее Кольцо. Он не смог побороть искушение и поднял его; а надев себе на палец, так и не смог больше снять. Однако Владычица не могла не заметить его находку и, по словам отца Хорнбори, сказала деду, что его добыча, быть может, — одно из Семи Гномьих Колец, точнее, одно из трех уцелевших, поскольку остальные четыре уничтожили драконы. Три сохранившихся попали в руки Неназываемого, и никто не знает, как и на что он употребил их. По словам Галад-

риэли выходило, что кольцо Хорнбори когда-то принадлежало Трору, одному из последних Королей-под-Горой, властителю Одинокой Горы. Его внуком был знаменитый Торин Дубощит — спутник Бильбо Бэггинса!

— Кто знает, как все было на самом деле, — продолжал негромко Хорнбори. — Кто знает, как на самом деле происходило все это, но, так или иначе, я долгие годы носил это Кольцо и не замечал за ним ничего особенного. Мне доводилось слышать старинное эльфийское заклятие: Три Кольца — царям эльфийским под небесным сводом; Семь — для гномов, королей в каменной короне; Девять — Людям, тем, что сгинут со своим народом, а Одно — для Властелина на проклятом троне. Ну и там еще дальше про Мордор. Но Три Эльфийских, Три прекраснейших Кольца потеряли силу, и их владельцы ушли на Заокраинный Запад. Наверняка, решил я, утратили могущество и Гномьи Кольца. Но все оказалось не так... — Он развел руками. — А у Ворот меня вдруг словно ужалило что-то. — Он помотал головой, силясь высказать невыразимое. — Тянул на себя Ворота, словно за канат... едва сил хватило, а без хоббита вообще бы не справился. Что ты с ними сделал, Фолко?

— Погоди про хоббита, давай разберемся с Кольцом! — морщась, пристукнул по столу ладонью Торин. — Если это действительно Гномье Кольцо, то что оно может? И еще — кто и когда их выковал? Враг? Или нет? Смертный, надевший одно из Великих Колец, должен становиться невидимым... А у нас что? И все же главное — из чьих рук вышли эти кольца? Светлая или черная воля творила их?

— Чья бы она ни была, Кольцо уже показало свою силу, — заметил Вьярд. — И если это действительно одно из Семи — кто знает, не от близости ли к сердцу нашего мира, мира тангаров, в нем ожила какая-то часть его древней мощи?

— Но в чем состояла эта древняя мощь? — стискивая голову ладонями, ответил вопросом на вопрос Хорнбори. — Ни одно из наших сказаний не сохранило памяти об их действии!

Наступило молчание. Бесшумно тлел огонек светильника; в темноте едва можно было разглядеть лица ближайших собеседников. Хорнбори заговорил снова:

— Когда снизу начала подниматься эта голубень и сразу стало не по себе, я вдруг подумал, что могу как-то помочь. Когда все побежали, я остался, хотя внутри все тряслось, и просто стоял, а сияние вдруг остановилось, пошло вниз и исчезло. Тут-то я и понял, что это снова сделало Кольцо. Оно рассеяло страх, разве вы не почувствовали?

— Верно, — после паузы кивнул головой Торин. — Ну что ж, друзья, это добрый знак! — Гном выпрямился. — Ожила часть древних наших сил — так пусть она послужит нам щитом против

Страха Глубин, против Горного Лиха! А ведь кое-что есть еще и у хоббита! Ведь без него Ворота бы не открылись! Так что ты сделал, Фолко?

Хоббиту пришлось рассказать все как было. Кинжал пошел по рукам, и Фолко беспокойно и бессмысленно водил взглядом следом за ним по кругу, сразу почувствовав, что ему не по себе, когда на груди — пустые ножны. Гномы прицокивали языками, скребли ногтем клинок, пробовали его на изгиб — и вернули Фолко со словами общего недоумения. Как и те немногие, что видели кинжал в лагере ночью после встречи Фолко и Торин с Олмером, никто ничего не мог сказать.

— Ворота словно чья-то воля держала, — раздумчиво произнес Глоин, протягивая хоббиту кинжал. — Хотел бы я знать — чья...

— Спустимся вниз — узнаем, — решительно бросил Торин. — А что вы скажете по поводу всего этого? — Он обвел рукой вокруг себя, словно указывая на невидимые во мраке стены пещеры.

— Только одно — здесь, в Мории, у нас есть враг, — без колебаний ответил Двалин. — Мы почуяли чужой запах, еще когда шли через Сухой Мост, а теперь сомнений не осталось — здесь побывали орки!

Все понимали, что нельзя спускаться на Глубинные Ярусы, имея на плечах сильного и многочисленного врага. После долгих споров решили идти вниз тайными ходами. Разговоры могли тянуться бесконечно, но запротестовал Малыш.

— Хватит вам! Ночь пройдет, утро присоветует, — широко зевнул он. — Давайте лучше спать, утром пошарим по верхним ярусам — может, чего и увидим?! А сейчас, если я еще раз зевну, то разорву себе рот до ушей. Кто как, а я на боковую.

Гномы повозились еще немного и улеглись спать. Балин и Скидульф остались караулить во внешнем коридоре. Фолко долго вертелся на жестком сундуке, пока черная пустота не поглотила и его.

Ночь прошла спокойно. Четырежды менялась стража, и не напрасно — уже под утро Глоин и Хорнбори заметили огонек факела в дальнем конце коридора, свернувший в одну из поперечных галерей. Судя по беспечности, те, кто там был, либо не знали еще о присутствии гномов, либо их сбил с толку маневр Глоина и Двалина, и они были убеждены, что гномы сразу пошли вниз. Этим нужно было воспользоваться, и чем скорее, тем лучше.

Гномы лихорадочно вооружались, лишний раз проверяя насадку топоров и секир, крепость чеканов и шестоперов, надежность цепей в шипастых кистенях. Каждый из них, не жалея спины, тащил на себе полное вооружение, и теперь лица товарищей Фолко скрылись за стальными забралами шлемов; длинные кольчужные рубахи *с густо посаженными железными пластинами,* заходящими одна на другую и оттого напоминавшими рыбью

чешую, прикрыли им грудь; кое-кто прихватил с собой даже небольшие круглые щиты. Взяв с собой изрядный запас факелов, они заперли дверь в свое временное убежище, и Глоин спрятал ключ. Растянувшись длинной цепочкой, они двинулись на север, туда, где мелькнул огонь чужого факела.

Впереди шагал Глоин, рядом с ним — Хорнбори, Торин и жадный до боя Дори; замыкали Бран, Балин и Двалин. Фолко оказался в середине рядом со Скидульфом и Строном. Сразу за спиной хоббита раздавалось легкое сопение Малыша.

Шли короткими перебежками от одного укрытия к другому; Фолко держал наготове лук, заряженные арбалеты были в руках и у нескольких гномов. Так прошло около получаса; небо на западе еще оставалось серым, но в галерее уже было довольно светло.

Вскоре жилые пещеры кончились, просторные залы стали чередоваться с черными ответвлениями коридоров. Гномы удвоили осторожность, Глоин и Торин поочередно припадали ухом к полу, надолго замирая, и остальные стояли, боясь даже вздохнуть, не то что пошевелиться; наконец поднявшись, Глоин заявил, что слышит слабый отзвук шагов — на Шестом Ярусе, под ними.

— Идем вниз, — коротко бросил он. — Двалин, где ты там? Давай сюда, надо искать Лестницу.

— Правее, правее, ты что, ослеп?! — ворчливо откликнулся Двалин. — Жми, вон черная прожилка...

Глоин молча провел рукой по скале, раздался легкий скрип, и плита опустилась, открывал вход на узкую крутую лестницу. Гномы по одному втянулись в черный проем.

— Не зажигайте факелов, — предупредил Глоин. — Держитесь за стены, здесь нет провалов.

Хоббит насчитал добрую сотню ступеней вниз, когда вдруг ощутил на лице слабое, но свежее дуновение, — спуск кончился, они вышли в просторный зал, скупо освещенный светом из единственного окна под самым стрельчатым потолком; отсюда брало начало сразу пять коридоров. Глоин и Двалин бросились к их темным входам. Спустя несколько секунд Двалин призывно махнул рукой.

— Идут сюда, — задыхаясь от волнения, шепнул гном подбежавшим товарищам. — Им тут деваться некуда, сюда стягиваются все переходы этой части Яруса.

— Рассредоточиться! — скомандовал Торин. — Если десятка два или три — будем бить, если больше — пропустим. Малыш! Держись поближе к Фолко!

Торин хотел сказать что-то еще, но из глубины коридора явственно донесся топот, и гномы поспешили укрыться. Хоббит поспешно проверил тетиву и вынул две стрелы из колчана.

Прошло несколько томительных минут; Фолко видел суровый

бойцовский огонь в глазах притаившегося рядом Малыша; остальные гномы, вжавшись в гранитные стены зала, исчезли в серой мгле — ни скрипа, ни блика. А на пол тем временем упали первые отсветы факелов, и спустя мгновение голова отряда орков — а это были именно орки — показалась из коридора. Фолко впервые видел их и на мгновение забыл обо всем, глядя на исконных слуг Тьмы широко открытыми глазами.

Высокие, плечистые, длиннорукие, орки шли беспорядочной гурьбой, все со щитами и кривыми ятаганами, в низких рогатых шлемах, отличавшихся от гномьих, высоких и глухих; широкие, плоские лица орков были открыты. В скупом свете невозможно было как следует разглядеть их одеяния. Их было чуть больше двух десятков.

— Хаза-ад! — взлетел и забился под потолком звонкий боевой клич гномов Северного Мира.

В ту же секунду стены, казалось, извергли из себя старых хозяев Казад-Дума, и древние скалы вновь, в который уже раз, услышали звонкий спор орочьих мечей с гномьими топорами.

Пещера сразу наполнилась истошными воплями и визгом; гномы бросились в атаку молча. Появившись со всех сторон, они сбивали орков в кучу, тесня в глухой угол зала.

Опомнившись от неожиданности и увидев, что Малыш уже бросился вперед, Фолко отпустил тетиву; здоровенный орк с факелом ткнулся головой в камень. Хоббит не видел, что происходит с другими гномами; он мог уследить лишь за Малышом.

Окруженные орки сражались с яростью, которую Фолко не ожидал встретить у этого отродья; но сегодня бой был равный, один на один, сегодня был простор для гномов — мастеров одиночных схваток, а орки построить стену щитов не успели.

Хоббит рвал тетиву эльфийского лука так быстро, как только успевал найти цель. Ни одна стрела не пропадала даром, все находили дорожку, а Малыш, с мечом в одной руке и даго в другой, не подпускал к хоббиту орков, быстро заметивших бьющего без промаха стрелка. Странное чувство вдруг овладело Фолко — его разум чудесным образом прояснился, здесь решения возникали сразу. Его глаза выбирали очередного орка, определяли упреждение, и в то же время он видел, как сверкает меч в руках Малыша: вот орк, прикрывшись щитом, взмахивает ятаганом, но движение даго, быстрое, молниеносное, отклоняет вражеский клинок в сторону; Малыш, весь извернувшись, ныряет под щит врага и почти лежа бьет снизу вверх, прокалывая орка своим длинным прямым мечом, и тут же вскакивает, и теперь уже его меч отбивает удар очередного врага, а даго делает выпад, и орк не успевает подставить щит; но справа еще один противник. Малыш только начинает поворачиваться к нему, но тот вдруг всхрапывает и валится со стрелой хоббита в горле...

И вдруг все как-то сразу кончилось. Гномы остановились — врагов больше не осталось, на полу зала бесформенными грудами валялись их тела, темная кровь, не задерживаясь, растекалась по отполированному камню.

Фолко опустил лук. Что с друзьями, все ли целы? Он долго не мог сосчитать своих. Но нет, все четырнадцать, все на ногах...

— Эй, вы, долгобородые, что же вы сотворили! — вдруг зло закричал Торин, срывая шлем. — Всех положили, а кого же допрашивать будем? Потешились, нечего сказать! Дори! Я ж ору тебе — хватит, нет, обязательно тебе этого последнего нужно было к стене прижать и голову ему снести! Допросили бы, потом бы и снес...

— Так, что же теперь делать будем?! — подошел к Торину Глоин, на ходу обтирая лезвие топора. — Тут неподалеку есть шахта — до самого низа, до Седьмого Глубинного — может, их всех туда?

Дори, с лица которого не сошла еще боевая злость, в свою очередь, снял шлем, отирая мокрый лоб, и наклонился над телом одного из орков, знаками подзывая к себе остальных. Фолко вдруг почувствовал дурноту и поспешно отвернулся, не в силах глядеть на труп врага с раскроенной головой. До него донеслись голоса друзей:

— Почему они без доспехов?!

— Что, все? А это, глянь, за спиной?! Братцы, они же кольчуги в мешках несли!

— Не ждали нас, значит, — раздался голос Торина. — Хо! А что это у них на щитах? Фолко, иди сюда!

Хоббит, стараясь не глядеть на трупы орков, подошел к друзьям. Торин стоял в середине, брезгливо держа на отлете круглый орочий щит с надрубленным чьим-то топором краем.

— Ты на эмблему посмотри, — дернул хоббита за рукав Дори.

Хоббит взглянул и ахнул — на щите красовалось столь хорошо знакомое еще по Красной Книге грубо намалеванное изображение Алого Глаза Барад-Дура! Справившись с секундным замешательством, хоббит объяснил друзьям былое значение зловещего знака. Наступила тишина.

— Вот и ответ на твой вопрос, брат хоббит, — произнес Глоин. — Они потомки мордорских орков. Наверное, кто-то из этого змеиного племени ускользнул от возмездия и отсиживался в каких-то тайных берлогах все эти годы. Но как они быстро все разнюхали! Сами узнали или надоумил кто?

— Спроси чего попроще, — буркнул в ответ Торин. — Теперь вон снова лови их тут! Кстати, а зачем им оружие, если Мория пуста уже сколько времени?

— Значит, не совсем пуста, — оглядываясь по сторонам, бросил Хорнбори. — И нам надо понять, кто же может быть тут еще на нашу голову!

— Поговорим об этом после, — сердито вмешался Трор. — Куда этих-то денем?

— В шахту, я полагаю, — обронил Торин. — А ну берись, тангары, да нечего носы воротить!

Гномы быстро перетащили груду орочьих тел к огороженному невысоким парапетом черному провалу, откуда веяло сухим подземным жаром. Глоин потянул воздух носом.

— На Седьмом Глубинном все по-прежнему, — сообщил он товарищам. — Жар от Пламенных Очей, как всегда... А вот топки погашены.

— Так что, валим? — деловито осведомился Бран, поворачиваясь к Хорнбори, стоявшему рядом, скрестив руки на груди, с задумчивым и сосредоточенным видом.

— Вали, чего там! — зло крикнул Торин.

Тела орков, одно за другим, низринулись в глубину, как ни прислушивался Фолко, звука падения он так и не услышал.

Поднявшись наверх, в ту пещеру, где они ночевали, гномы торопливо уложили оставшиеся там вещи. Дольше задерживаться наверху не имело смысла: по дороге назад Глоин вспомнил, где находится вход в Тайную Галерею, и теперь их ждал нелегкий трехдневный путь к восточным рубежам Морийского царства.

— Как топор-то, Торин? — мимоходом спросил Фолко товарища, когда они, тяжело нагруженные, уже выходили из дверей в коридор, и Торин молча показал хоббиту сжатый кулак — что у гномов было знаком высшего доверия к оружию.

— Идем к Летописному Чертогу, как уговорились, — объявил Торин, когда все вышли и дверь вновь была заперта. — По дороге будем слушать — если заметим еще кого, придется поработать топорами! Нам позарез нужен хоть один орк живьем.

Тайная Галерея и впрямь оказалась тайной — вход в нее закрывали неотличимые от окружающих стен каменные створки, раскрывшиеся от нажатия руки Глоина на неприметный выступ возле самого пола. Внутри была непроглядная темень. Гномы поправили мешки за спинами, покряхтели, хлебнули пива из бочонка Малыша и без долгих разговоров пустились в путь.

— Итак, хотя бы одного врага мы знаем точно, — на ходу бросил Хорнбори Торину. — Как же ты думаешь управляться с ним?

— Если все остальное окажется бабьими сказками, то к осени нужно будет созвать ополчение из Эребора и с Туманных Гор, — солидно ответил Торин.

— Прекрасно, но кто же встанет во главе?

— Тот, кого изберет хирд, разве ты не знаешь? — набычился Торин.

— Конечно, конечно, — легко согласился Хорнбори и замолчал.

Тайная Галерея, отличавшаяся от обычных почти полным от-

сутствием развилок — за весь многочасовой путь хоббит насчитал всего пять ответвлений, — вывела их к очередной лестнице, на сей раз винтовой. Глоин остановился, скинул тюк со спины и предложил отдохнуть, прежде чем они пойдут вниз по Бесконечной Лестнице. При этих словах у хоббита захватило дыхание.

— Ты хочешь... хочешь сказать, что это та самая Бесконечная Лестница, что идет через всю Морию от самого ее дна, давно забытого самими гномами? Не по ней ли прошел в свое время Гэндальф? Она ведь должна выходить на вершину Селебдила...

— Так и есть, — подтвердил торжественно Глоин. — Это она самая. Нам нужно пройти по ней вниз на один ярус — так мы окажемся на Шестом; Летописный Чертог находится на Седьмом, но Тайная Галерея здесь слишком сильно уходит к югу, а нам выгоднее срезать.

Они спустились вниз на сотню широких, по краям треугольных ступеней и оказались на другой площадке — ее отличало от верхней лишь большее число бравших начало на ней коридоров.

И вновь долгие часы однообразного утомительного пути; подземная тишина нарушалась лишь треском факелов, тяжелым дыханием гномов да изредка — мягким журчанием текущей куда-то в черноту по каменным желобам воды. Они дважды останавливались; хоббит потерял всякое представление о времени, попытавшись считать шаги, он сбился после трех тысяч. Наконец, когда Фолко понял, что сейчас свалится и ничто уже не заставит его подняться, Торин и Хорнбори — они теперь шли вместе и все время о чем-то негромко совещались, причем довольно жарко спорили, — объявили, что пора становиться на ночлег.

Они побросали свои мешки прямо в тоннеле, на голые камни. Засыпая, Фолко видел сквозь смежающиеся веки фигуры сидевших рядом Торина и Хорнбори; они негромко переговаривались, а потом Торин встал и загасил факел.

Наутро — впрочем, утро было или день, никто, естественно, не знал; просто, когда все проснулись, Глоин и Бран вновь высекли на ощупь огонь, и, наскоро поев, они двинулись дальше.

Этот отрезок времени прошел так же, как и предыдущий, — разве что морийцы, а с ними Торин и Хорнбори, все чаще прижимались к стенам, стараясь по каким-то слабым, одним им слышимым звукам определить что-то для себя; изредка к ним присоединялся Дори, остальные же во всем доверились своим предводителям. Теперь, после боя, они почему-то смогли смелее говорить про напугавший их призрак у входа в Морию и таинственную голубизну, поднимавшуюся по лестничной шахте. Не думать об этом гномы не могли, но, не зная, что сказать, в конце концов принялись строить домыслы, один диковинней другого, и постепенно так сами себя напугали, что едва не набросились с кулаками на Малыша, высказавшего простодушную догадку о новом Великом Лихе.

Вскоре хоббиту до смерти надоело это бесконечное странствие по длиннейшему и мрачному подземелью, напоминавшему внутренности какого-то окаменевшего удава: груз на плечах стал казаться почти неподъемным, и одновременно появилось какое-то дурное предчувствие, томительная неопределенность — так бывает, когда ждешь очень крупной неприятности и не знаешь только, случится она сейчас или на следующий день, и неизвестно, как поступить, чтобы избежать ее... Враг был неподалеку, хоббит ясно это чувствовал, но враг необычный — призрачный, хотя и небестелесный.

Во флягах кончалась вода, а конца пути по Тайной Галерее не предвиделось. Наконец они вновь остановились, и, к великой радости хоббита, Торин объявил, что еще одна ночь — и на следующий день они выйдут к Летописному Чертогу, где они остановятся, чтобы осмотреться.

И снова Фолко спал плохо — вдруг потянуло сыростью, он продрог и с трудом дождался того момента, когда Хорнбори принялся расталкивать остальных. Глаза у хоббита после бессонной ночи слипались и горели, ноги плохо слушались, спину он мог разогнуть лишь с трудом. Однако идти оставалось всего ничего, скоро Летописный Чертог и отдых, отдых, отдых!..

Тоннель упирался в глухую стену без малейших признаков дверей. Глоину и Двалину пришлось изрядно повозиться, а другим — пережить несколько неприятных минут, пока тайная дверь не распахнулась и они не вышли в другой коридор, куда шире, прямее и просторней прежнего. Гладкий пол, отделанные стены выдавали его значение; факелы осветили впереди полукруглую арку, за ней угадывался простор немалого зала.

— Это Двадцать Первый Зал, — почтительно понижая голос, сказал Глоин. — Памятное место... Нам нужно в северную дверь.

— За ней должен быть коридор, а по правую руку — дверь в Мазарбул, — улыбнулся хоббит, припомнив страницы Красной Книги.

Так и оказалось. Дверь, которую девятеро Хранителей некогда мужественно защищали от натиска орков и троллей, ныне была плотно закрыта. Пол перед дверью был чист, и это удивило опытного Глоина: пыль лежала повсюду в Двадцать Первом Зале, на западной стороне Морийских пещер — здесь же, перед дверью Летописного Чертога, пыли почему-то не было.

Подойдя ближе, они нашли разгадку. Каменная плита двери была покрыта белесыми шрамами от ударов каким-то острым металлическим орудием; выглядело это так, будто дверь пытались открыть из коридора.

— Кому-то очень хотелось заглянуть внутрь, — усмехнулся Двалин.

— Так что, дверь закрыта? — осведомился Торин.

— И не простым замком, — продолжал мориец. — Поглядите вокруг, друзья. Нельзя, чтобы это слышали эти...

Гном повернулся лицом к двери и что-то негромко произнес нараспев. В открывшийся проем хлынул серый предутренний свет. Внутри Летописного Чертога все было восстановлено так, как было во времена странствий Фродо, — сундуки в нишах, а под окном — белая могильная плита на сером камне и знакомые Фолко строчки на Всеобщем и Морийском языках.

— Здравствуй, государь Балин, сын Фундина, — негромко промолвил Торин, и все гномы преклонили колена; их примеру последовал и Фолко.

Отдав дань памяти, гномы разошлись по углам, осматривая сундуки. Здесь в отличие от жилых пещер на западе уцелело все, но, открыв первый же сундук, остававшийся незапертым, они наткнулись на записку, брошенную поверх завернутых в холстину книг. Чья-то торопливая рука вывела неровные строчки:

«Тому, кто переступит порог страны предков, кого не остановит темный ужас и отчаяние. Братья! Остерегайтесь Пламенных Очей — они смерть, когда горы начинают дышать. Не опускайтесь на нижние ярусы — страх сводит с ума. Мы не знаем, что это; оно идет из-под земли. В Морийском Рву вновь появился Глубинный Страх, о коем мы ничего не слышали уже двести семьдесят лет. В покинутые пещеры запада пробрались орки; нас слишком мало, чтобы сражаться. Призовите эльфов! Только они, наверное, могут помочь нам. Это древнее зло, и нам оно неподвластно. В сундуках вы найдете подробное описание всего, что произошло в Казад-Думе! И еще — ищите мифрил! Он на Шестом Глубинном, замурован в стену Сто Одиннадцатого Чертога — дорога туда через Замковый Зал. Выждите время, когда Пламенные Очи смежатся сном, — пусть богатства предков вновь послужат тангарам. Мы не успели спасти их. Прощайте! Эребор всегда будет готов подняться по первому зову смельчаков. Мы будем копить силы и ждать. Не спешите обвинять нас в трусости...»

На этом месте записка оканчивалась. Не было ни подписи, ни даты. Торин повертел листок пергамента в пальцах, хмыкнул и пустил по кругу. Когда записка вновь вернулась к нему, он положил ее на прежнее место в сундук, закрыл крышку и, не долго думая, уселся сверху. Уставшие гномы, сбросив с плеч немалую тяжесть оружия, инструментов и припасов, расположились кто где. Малыш втихомолку вытащил затычку из своего бочонка...

Однако они не успели начать совет и углубиться в долгие, столь любимые гномами пространные рассуждения. Едва слышный шорох донесся из-за неплотно прикрытой двери ведущего к

Двадцать Первому Чертогу коридора. Хорнбори вскочил, точно подброшенный, и в мгновение ока очутился у проема. Никто из гномов не успел еще ничего сообразить, как Хорнбори с коротким гневным вскриком захлопнул дверь и навалился на нее всем телом.

— Орки, орки в коридоре! — крикнул он, пытаясь, не отходя от двери, дотянуться до топора. — Скорее, Глоин, Двалин!

Из-за каменной створки раздался теперь отчетливо слышимый топот многих ног и глухое рычание, исполненное такой ненависти, что у Фолко все похолодело внутри. Дверь, в которую теперь упирались Хорнбори, Грани, Гимли, Трор и Двалин, мелко затряслась, потом раздался гулкий удар чем-то тяжелым, дверь вздрогнула, но не поддалась. Глоин торопливо шептал слова заклятия, наконец он с облегчением вздохнул, и в тот же миг дверь перестала колебаться. Удары в нее стали куда мощнее, но чувствовались они теперь совсем по-другому — дверь больше не ерзала взад-вперед, лишь слегка вздрагивала.

Хорнбори утер пот со лба.

— Их там не меньше сотни, — вполголоса сказал он столпившимся вокруг него друзьям. — И это какие-то другие орки, не те, что мы положили на Шестом Ярусе. Эти — повыше, плечистее, и лица у них правильнее, мне так показалось... Там было полно факелов, я разглядел таран.

— Что же делать? — затравленно огляделся Вьярд.

— Открыть двери — и вперед! — Жестокая усмешка искривила губы Дори.

— Чтобы тебя превратили в подушечку для игл, только вместо игл будут ихние стрелы? — взвизгнул Вьярд.

— Погодите, погодите! — поднял руку Глоин. — Дверь им сломать вряд ли удастся — она не из тех, что можно пробить или сорвать с петель. Давайте спокойно отступим через восточную дверь — ту, что под окном.

— И куда же дальше? — проворчал Бран, косясь на содрогающуюся под размеренными ударами дверь.

— Вниз, — пожал плечами Глоин. — В конце концов мы пришли сюда разбираться не с орками. Лестница идет до Первого Глубинного, оттуда мы легко проникнем в Замковый Зал и ниже.

— Никуда мы уже не проникнем, — вдруг мрачно усмехнулся Торин, незаметно отошедший к восточной двери. — Мы окружены, это ловушка...

Не сговариваясь, гномы гурьбой кинулись к противоположной стене. Из-за восточной двери доносились те же топот и рычание. Сама дверь, как и первая, запиралась заклинанием, и опасаться того, что враг силой прорвется сюда, не приходилось; но что же делать дальше?

Липкий холодный страх расползался по сердцу хоббита; поло-

жение казалось безвыходным. Он видел, как отяжелели гномьи лица, как сдвинулись брови... Разговоры пресеклись; все подавленно молчали.

— Будем прорываться, — хрипло проговорил Хорнбори. — Если только они не выкурят нас отсюда, точно крыс из норы.

Никто не возразил ему, и тогда Торин сказал, вдруг принявшись разворачивать свое одеяло:

— Тогда нам нужно как следует отдохнуть... Двери им не сломать, так что можно спокойно поспать несколько часов, а там...

— Погодите! Может, мы сумеем с ними договориться? — с робкой надеждой подал голос Вьярд. — Может, откупимся чем?

— Разве что тобой, — сверкнул глазами Дори, и об этом больше не вспоминали.

Гномы достали одеяла, свободно разлеглись и закурили.

Грохот за дверью не умолкал. Не было слышно ни криков, ни визга — орки долбили дверь молча, и от этого становилось еще страшнее. Фолко не находил себе места и ворочался с боку на бок. Рядом посапывал невозмутимый Малыш, задремавший так же, как если бы находился в какой-нибудь аннуминасской корчме. Взгляд хоббита, бесцельно метавшийся по стенам и потолку, вдруг упал на окно, и в ту же секунду его словно подбросило.

— Торин, Торин, а что, если так? — Он ткнул пальцем в направлении небольшой квадратной отдушины в стене, откуда проникал свет. — Что там, внизу?

Торин несколько мгновений молчал, соображая, а потом вскочил и ринулся к окну, на ходу поднимая остальных.

Спустя минуту все гномы ожесточенно потрошили свои мешки, добывая из их глубин длинные веревки с железными кошками на концах, — добраться до окна было непросто, нужно было проползти несколько саженей по наклонно уходящей вверх световой шахте. И неизвестно еще, как потом спускаться вниз...

Все это происходило в молчании. Кучка гномов, собранных и необычайно сосредоточенных, столпилась у восточной стены. Глоин метнул якорь, стальные крючья зацепились за край оконного проема. Гномы переглянулись, и тогда вперед выступил Малыш. Ловко, точно всю жизнь только и занимался, что лазал по канатам, он пополз вверх, упираясь ногами в стены шахты. Вскоре он добрался до окна и высунулся наружу. Он смотрел долго, бесконечно долго, у Дори побелели костяшки на судорожно стиснутых кулаках; наконец Малыш оторвался от созерцания окрестностей и повернулся к нетерпеливо ожидающим товарищам.

— Нужно сползти саженей на тридцать — там есть окно! — громким шепотом сообщил Малыш. — Но скала что твое зеркало...

— Веревки крепи, — тоже шепотом распорядился Торин.

Прицелившись, Малыш столкнул вниз два толстых серых комка, потом перегнулся, вгляделся и радостно хлопнул себя по бокам.

Все это заняло у них немало времени. Сначала ушли Торин и Хорнбори. За ними остальные — налегке, в кольчугах и с одними топорами. Оставшиеся в Летописном Чертоге переправили вслед за ними мешки и затем ушли сами. Последними покинули Чертог Дори и Фолко. Уже ныряя в черноту нижнего окна, Фолко пожалел, что, во-первых, во время спуска не смог оторвать взгляда от скалы и, во-вторых, что не захватил с собой ни единой гномьей летописи.

И вновь темень переходов Шестого Яруса, вновь они торопливо уходят куда-то во тьму, вновь в свете факелов появляются и исчезают лестницы, арки, перекрестки, высокие залы с колоннами и без них... Их путь продолжался несколько часов. Они вновь одолели долгий плавный подъем и очутились, как шепотом объявил Двалин, вновь на Седьмом Ярусе.

— Без живого орка я отсюда не уйду, — упрямо гнул шею Торин в ответ на увещевания товарищей.

После долгих и осторожных поисков они отыскали вход в Тайную Галерею и там, за несокрушимой каменной дверью, устроили очередной временный лагерь. Дав себе еще раз краткий отдых, гномы и Фолко вновь отправились на охоту.

Конечно, если бы не искусство Глоина и Двалина, им бы никогда не удалось подобраться к оркам незамеченными. Число врагов, казалось, не превышало тридцати; все они действительно заметно отличались от первых встреченных ими орков. Они казались крупнее, выше и прямее, с не столь длинными руками и более правильными лицами, хоть и косоглазыми; вместо излюбленных орками ятаганов у них были короткие и толстые обоюдоострые мечи.

Зал, где они подстерегали орочий отряд, был тупиковым, из него имелся лишь один выход — именно его и перекрыла шеренга закованных в сталь товарищей Фолко. До их слуха доносились далекие, глухие удары тарана в несокрушимую дверь Летописного Чертога. Торин бесшумно выхватил из-за пояса топор — и гномы молча, единым железным кулаком, ударили по ничего не подозревающему противнику.

Затаивший дыхание Фолко, на сей раз оставленный позади со своим луком, ожидал, что его друзья пройдут через толпу врагов, как и в прошлый раз — легко, стремительно, неудержимо; однако вместо воплей ужаса гномов встретил лишь яростный рык многих десятков глоток — и из зала, скупо освещенного несколькими факелами на стенах, на тангаров двинулись покрытые глухой броней орки-панцирники: в воздухе свистнули стрелы, справа и слева на атакующих нацелились кучки мечников; сталь звонко ударила в сталь; пробитый было строй орков быстро затягивал

брешь; врагов становилось все больше, никак не меньше шести десятков, и дрались они не в пример предыдущим — отчаянно и умело. Фолко рванул из колчана первую стрелу.

Окруженные с трех сторон, гномы, однако, не потеряли ни стойкости, ни самообладания; огрызаясь короткими неотразимыми взблесками топоров, они медленно стали отходить к выходу из зала; приглядевшись, Фолко увидел, что в середине строя его товарищи тащат нечто судорожно дергающееся, извивающееся.

Орки напирали, из их глоток рвался неистовый, звериный не то рев, не то клич, ни одна из сторон не уступала другой, но сраженных на полу почти не было. Фолко уложил лишь двоих, еще одного ранил, десяток же стрел пропал даром, скользнув по прочным орочьим доспехам. Между гномами и орками возникла пустота — орки медленно надвигались, гномы столь же медленно отходили, пока вдруг истошно не заверещал тот, кого гномам удалось скрутить. В тот же миг пустое пространство между наступавшими и отходящими исчезло, орки кинулись прямо на гномьи топоры, не щадя себя; две подряд стрелы хоббита угодили двум оркам в уязвимые места — между нагрудником и шлемом, однако орки расстроили порядок в отходившей до этого спокойно и мощно кучке гномов, и отход превратился в бегство. По счастью, гномам удалось оторваться от преследователей; они нырнули в какой-то узкий коридорчик и скрылись в непроглядной тьме. Орки, у которых оказался лишь один факел, промчались мимо, а товарищи Фолко и он сам после всех треволнений этого дня добрались до надежных дверей Тайной Галереи, где смогли наконец перевести дух.

Гномы тяжело дышали, их доспехи носили глубокие следы вражеских ударов; Балин был ранен в плечо — кольчуга его подвела; Брана спасло лишь чудо — меч орка скользнул по его забралу, оставив на нем глубокую вмятину. Не было слышно обычного гномьего хвастовства и похвальбы — все отводили глаза и угрюмо глядели в пол; не нужно было доказывать, что спаслись они лишь чудом.

Гномам удалось убить лишь пятерых противников; еще четырех сразили стрелы хоббита. Взоры невольно обратились к лежащему на полу скрюченному пленнику. По знаку Торина его подтащили ближе к разложенному костру.

Орк оказался крупным, почти на голову выше самого высокого среди гномов Строна. В рыжем свете пламени кожа его лица и рук казалась почти коричневой; глаза — узкие, косые — были как у большинства его сородичей, однако нос напоминал скорее человеческий, как и рот с твердыми, хорошо очерченными губами. Высоким был и его лоб в отличие от низких и плоских, что имели большинство горных орков. Его глаза ненавидяще смотрели на

гномов, в этом взгляде не было страха — лишь ненависть и какая-то глубокая, до удивления осмысленная обреченность. Торин начал допрос. Он задал обычные вопросы: откуда орки пришли в Морию, что хотят здесь делать, сколько их, кто предводители — однако пленник упорно молчал, равнодушно уставившись в каменный пол. С глухой угрозой в голосе Торин повторил вопросы — ответом ему вновь было ожесточенное молчание.

— Железо калите, — хрипло приказал Торин своим, и Дори со Скидульфом сунули в пламя несколько длинных крючьев.

— Так что, будешь говорить или как? — зловеще произнес Торин, выразительно глядя на пленника.

Тот заметно вздрогнул, но ничего не сказал. И тут Хорнбори решительно отстранил Торина и шагнул к пленному. Фолко удивился — никогда еще велеречивый и степенный Хорнбори не имел столь величественного и властного облика. Он поднял правую руку, и золотой ободок Кольца сверкнул подобно небольшому язычку пламени, вдруг впрыгнувшему в руку гнома. Секунду Хорнбори глядел в упор на орка, а затем тот медленно и с усилием заговорил. Гномы изумленно переглянулись. Орк говорил на Всеобщем Языке, но плохо, хоббит понимал его с трудом.

Отвечая взявшему допрос в свои руки Хорнбори, орк хрипло и растерянно поведал приумолкшим гномам, что его соплеменники пробились в Морию силой, когда она уже была покинута ее старыми хозяевами; тут им пришлось столкнуться с орками другого племени, пролезшими сюда еще при последних гномах, — между племенами началась вражда. С искривившихся губ пленного срывались неразборчивые проклятия в адрес этих врагов; он ненавидел их едва ли не больше, чем гномов. На вопрос же Хорнбори, откуда они взялись сами и откуда те орки, что противостоят им, пленник ответил, что его род — из тех, что служили когда-то великому магу и чародею, чье имя теперь помнят лишь старейшины; этого давно умершего, к несчастью, повелителя они называли Белой Рукой. Фолко сразу встрепенулся.

Орк рассказал еще немало интересного о том, как немногие его сородичи, уцелевшие в огне последней войны, укрылись в ущельях и долинах Туманных Гор; как рохаяны охотились на них, точно на зверей; как пришли вести о том, что Белокожие перебили до последнего всех орков, пытавшихся укрыться на Севере; тогда его сородичи решили попытать счастья в подземельях... Гномы узнали также, что сюда, в Морию, прорвалось почти семь тысяч орков-бойцов и вдвое больше их женщин, стариков и детей.

Фолко дернул Хорнбори за рукав и шепнул ему на ухо несколько слов; гном изумленно поднял брови, но все же задал подсказанный хоббитом вопрос. Ух, как задергался, как завращал глазами орк! Но деваться ему было некуда, какая-то сила заставила его

говорить, и он выдавил из себя, что да, с незапамятных времен в его народе — среди тех, кто служил Белой Руке, — укоренился обычай похищать женщин из человеческих поселений, чтобы смешивать кровь орков с кровью свободных от изначального служения Тьме людей. На многих гномьих лицах появились гримасы омерзения.

Они узнали также, что Саруманови орки не перевелись еще в окрестностях Исенгарда; но там опасно, очень опасно — лесные чудища ловят незадачливых, и горе тому, кто попадется на глаза ожившим дубам и грабам Фангорна! Они не знают пощады, и управиться с ними невозможно — они обладают исполинской силой и неистребимы. На вопрос же, где берут еду укрывшиеся в Мории орки, пленник с трудом выдавил, что они по-прежнему живут разбойными нападениями на деревни по обе стороны гор; они, однако, избегают сжигать поселения и творить большое зло — иначе явится либо королевская конница Рохана, либо дружины меченосцев из государства Беорнингов; орки стараются просто брать выкуп, как следует напугав трусливых поселян. Однако их враги, горные орки, проклятие на их головы, на весь их род до двенадцатого колена, точно безумные, грабят, жгут и убивают; и вот-вот начнется большая война. Они остерегаются приближаться к ужасному Эльфийскому Лесу, что к востоку от Мории — ходят за добычей на Север, по долине Андуина. Но, возможно, скоро все переменится...

— Что же именно? — поинтересовался Хорнбори.

Орк весь скривился, судорожно пытаясь зажать рот сам себе, но слова помимо его воли продолжали вылетать из его рта.

— Подземелья теперь наши, — хрипел орк, — это место для нас. Багровая Тьма вновь владеет Нижними... Люди на севере ищут нас, и мы ходим с ними на Южный Тракт и на Западный тоже. Скоро придет конец проклятым эльфам. Вернется хозяин... И будет бой, и мы еще посмотрим, мы еще покажем всем — и проклятым горным червям из пещер Туманных Гор, и Белокожим убийцам! И то, что внизу, свяжет все... и мы будем вместе...

Глаза его закатились, голова упала на грудь. Хорнбори поспешно нагнулся к нему, затем развел руками.

— Все! Грохнулся без чувств. — Он сел к костру. — Ну как вам это нравится, тангары? Багровая Тьма на Нижних Ярусах! Люди на Севере! Да еще и «хозяин»... Что будем делать дальше?

— Ничего мы здесь не сделаем, — обреченно махнул рукой Вьярд. — Уходить отсюда надо, пока целы...

— Ну уж нет, — зашипел Дори. — Багровая Тьма, говоришь? Пока сам не увижу, никуда не уйдем! Конец проклятым эльфам — чуешь, куда замахнулся? Не-ет, нужно идти вниз. Пусть здесь хоть семь тысяч орков, хоть семьдесят семь — нельзя уходить, пока все не поймем. Я предлагаю — немедленно вниз. Там видно будет.

— А с этим что? — хмуро бросил Торин, кивая на орка. — Глянь, кажется, в себя приходит, глазами моргает.

— Что за Багровая Тьма? Почему «конец эльфам»? — строго спросил у орка Хорнбори, вновь поднимая руку с Кольцом.

— Идет То, Что Спало в Глубинах... — прохрипел орк. — Приходит их Час... И мы идем за ними... хотя мы уже почти на треть люди...

— Брось, Хорнбори! — поднялся Торин. — Ты же видишь — у него нет слов. Он чует это, чует своим черным нюхом, что достался его предкам от Властелина Великой Тьмы, а объяснить все равно не сможет. Дори прав. Нужно идти вниз. Разве не ясно теперь, что не только мы, гномы, но весь Запад в страшной опасности? Нельзя терять времени. Идем вниз! Только вот еще что...

Низко нагнувшись к пленнику, он зарычал прямо ему в лицо:

— Кто такой «хозяин»? Где он — здесь или на поверхности? Он орк или человек? Что говорят о нем? Если скажешь правду, — он помолчал мгновение, — мы отпустим тебя, клянусь бородой Дьюрина! Хорнбори, помоги! Откуда ты знаешь, что он есть? Что ты еще о нем знаешь?

— Я не видел его, — отчаянно замотал головой пленный. — Знаю, что он — на земле, и нидинги приходили к нам от него прошлым годом... И знаю, что он есть... этого не объяснить вам. Он тот, кто соберет все, что было рассеяно, и Багровая Тьма тоже двинется... Больше не знаю ничего, клянусь Белой Рукой!

— Ладно, — выдохнул Торин. — Как, Хорнбори?

— Он не врет, — последовал быстрый ответ, — он действительно не знает.

— Тогда развяжите его, и пусть уходит, — хмуро бросил Торин, жестом останавливая вскочившего с негодующим криком Дори, вслед за которым возмутились еще с полдюжины гномов. — Нельзя нарушать слово. Пусть уходит. Пусть даже наведет на наш след своих... Придется поработать топорами!

— С такими, как этот, поработаешь, пожалуй, — буркнул Бран. — Сильны мечами-то махать, не то что эти северные...

Орк скрылся в темноте, и быстрый топот его сапожищ вскоре утих.

Глава 5

ГОРН ДЬЮРИНА

— Кто такие нидинги, Торин? — спросил друга Фолко, когда они со всеми возможными предосторожностями покинули Тайную Галерею и стали пробираться к ведущей вниз лестнице.

— Нидинги — это те самые карлики, одного из которых мы с

тобой словили в Бэкланде, — мрачно ответил Торин. — Выходит, не врал нам тогда треклятый! Орки Белой Руки и впрямь служат кому-то. И, быть может, это его воля стоит за смутами наверху. Только вот — кто он? Думаю, одна Великая Светлая Королева смогла бы дать нам ответ. Но где она, что она делает там, у себя, за Великим Морем?

Гном вздохнул и покачал головой, словно отвечая себе на какие-то невеселые мысли.

Цепочка гномов шагала темными переходами, выбирая самые узкие и незаметные. Дважды мимо них проходили, гремя оружием и озаряя серые своды факелами, крупные отряды орков — таких же, как и пойманный ими, однако Глоин и Двалин вели их столь искусно, что враг оба раза ничего не заподозрил. Гномы отсиделись в темных боковых ответвлениях, за глубокими выступами стен, специально, казалось, устроенных для того, чтобы укрываться от превосходящего числом неприятеля.

Много прекрасных, поражающих своим убранством залов увидел хоббит во время их недлинного пути к потайной лестнице. Одни вздымали свои потолки в недоступную свету факелов темноту, и лишь по гулкому эху шагов приходилось догадываться о высоте этих залов. Иные были разделены длинными рядами покрытых причудливой резьбой колонн, а в глубоких нишах стояли изваяния людей, гномов и животных, исполненные с необычайным искусством. Факелы озаряли огромные мозаики, выложенные золотом, серебром и драгоценными самоцветами, причудливые железные светильники, выкованные в виде переплетения исполинских витых канатов. Увы, во многих местах хоббит замечал и следы орков — многие украшения были изломаны, резные каменные фигуры разбиты; из мозаик на стенах грубые, бесчувственные руки выковыряли яркие самоцветы...

С легким скрежетом за ними захлопнулись створки Тайной Двери. Факелы осветили узкую, уходящую в непроглядную тень лестницу. Они начали долгий спуск. Хоббит насчитал шесть сотен ступеней, когда лестница неожиданно кончилась: короткий коридор заканчивался привычным уже тупиком Тайной Галереи. Глоин и Двалин принялись вполголоса о чем-то совещаться.

— Мы на Первом Ярусе, — сказал наконец Глоин, поворачиваясь к остальным. — Здесь совсем рядом проходит Главный Тракт. До Второго Зала — да-да, того самого, где Морийский Мост — осталось часа два ходу. Только теперь давайте решим — нужно ли нам туда?

— Если в Мории орки, то они уже наверняка додумались до того, чтобы перекрыть Главный Тракт и поставить стражу у Ворот и на Мосту, — подхватил Двалин. — Нам же надо ниже. Не забудьте, кстати, и о мифриле в стенах Сто Одиннадцатого Зала!

— Давайте лучше попытаемся посидеть здесь некоторое время и поговорить как следует, — вдруг неуверенно произнес Торин. — У нас здесь два врага — орки и то, ради чего мы, собственно, и шли сюда. Мы дважды столкнулись с ним, и оба раза было очень и очень несладко. Но, может, после той голубизны на лестнице кто-нибудь что-нибудь заметил? Может, что-то почудилось, показалось? Говорите все, даже самое нелепое — сейчас важна каждая мелочь. Хорнбори! Что Кольцо?

— Оно не дает всеведения, — со вздохом признался тот. — Оно лишь подсказывает порой, но все это так неуловимо... Нет, я сейчас ничего не чувствую.

Торин закусил губу.

— У нас еды на три недели, — сдержанно сказал он. — За два десятка земных дней — их нам, увы, придется отмечать лишь по бурчанию наших животов — нам надо понять, в чем здесь дело!

Ответом ему было угрюмое молчание.

— Я думаю, надо идти дальше вниз, — вдруг заговорил Грани: голос его был глух, но в нем слышались бесстрашие и решимость. — Надо идти вниз, и если нам преградят дорогу призраки — нужно будет научиться драться и с призраками! Клянусь Морийскими Молотами и священной бородой Дьюрина — мы с Гимли и Трором скорее дадим оркам сожрать нас живьем, чем повернем назад!

Никто не ответил на горячую речь молодого гнома; однако на призыв Торина подниматься и двигаться дальше все откликнулись без колебаний.

— Я предлагаю идти в Замковый Зал, — сказал Глоин, взваливая на плечи груз. — Это Шестой Глубинный Ярус, там есть вода, там раньше были укромные места, где можно укрыться. И это не простой зал — по преданию, его высекал сам Первый Гном. Говорят, что если встать на Камень Дьюрина в час, когда молчат все силы — и Тьмы, и Рассвета, и лишь горы глядят на тебя багровыми зрачками Пламенных Очей, ты можешь спросить совета, и Начавший Начало ответит тебе... Так говорят, но — кто знает?

— Прежде чем добраться до Камня, нам предстоит еще пройти по Главному Тракту, — проворчал Дори. — А там орки — и немало, я уверен! Надо отправить кого-то вперед.

Целую вечность, казалось, провели гномы и Фолко в томительном, сосущем душу ожидании, пока из темноты не вынырнули наконец Глоин, Дори и Бран.

— Так и знал, — мрачно изрек Дори, обтирая запачканный темной орочьей кровью топор. — Их там тьма-тьмущая — все мелкие, мордорские. К Воротам и соваться нечего. Где здесь спуск вниз, Глоин?

— Придется идти в обход, — вздохнул тот.

Вновь переходы, лестницы, узкие потайные двери, гортанные голоса переругивавшихся орков где-то за углом — все смешалось

в памяти хоббита, ибо ноги уже с трудом держали его. Гномы и он провели без сна уже добрые сутки, но силы еще были — до последнего мига. Забившись в какой-то темный тупик, они улеглись на ночлег.

Темный тоннель хоббитских снов, мрачных и бесформенных, вдруг озарило что-то рыже-огненное, извивающееся, подобно сказочной змее; серые ручищи вдруг протянулись к хоббиту прямо из складок камня, холодные пальцы сомкнулись на горле... не было сил крикнуть, шевельнуться... и все вдруг оборвалось.

Его растолкали гномы, собиравшиеся в дорогу. Фолко, разбитый и с ужасной головной болью, еле-еле шевелился; правда, у его товарищей вид был не лучше. Как выяснилось, каменные клещи чудовищных рук привиделись всем до единого. Настроение было безрадостным, обессиливающий страх перед неведомым, совсем было отступивший во время доблестных сшибок с орками наверху, вновь незаметно прокрадывался в сердце хоббита. Но делать было нечего, и он, стараясь держаться поближе к Хорнбори, поплелся за гномами.

Морийцы долго не могли отыскать вход в Тайную Галерею и вели отряд обычными лестницами.

Глубинные Ярусы резко отличались от верхних — залы были просторнее и не столь богато отделаны, переходы — прямее и шире. Здесь помещались бесчисленные мастерские — повсюду валялись разбросанные инструменты, опрокинутые наковальни и тигли.

— Это еще что — то ли будет ниже! — шепнул хоббиту на ухо Двалин. — Здесь работали ювелиры и гранильщики, а железоделательные, оружейные залы много ниже...

Встретились им и жилые пещеры — здесь, как и наверху, похозяйничали орки. Лестниц, пронзающих несколько ярусов сразу, им почему-то не попадалось, они брели пологими переходами. Стало заметно жарче; Глоин, Двалин, Лори, Торин и Хорнбори несколько раз замирали возле узких отверстий продухов, откуда шли волны сухого, жгучего жара. Фолко определенно стал чувствовать правоту Рогволда.

Вот бредут они сейчас, без цели, без ясного плана, почти наобум, с врагами за спиной и неясным темным ужасом впереди... На что надеется Торин? На Кольцо Хорнбори?

Фолко вздохнул. Он теперь остро ощущал опасность — прямо перед ними, за плавным поворотом коридора. Это чувство пришло как-то сразу, ноги замерли сами собой.

Подозрительно дружно сбившись с ноги, вдруг остановились и гномы. Никто не мог понять, в чем дело, но взоры были прикованы к едва различимым в свете факелов очертаниям сворачивающего коридора перед ними. Это был не темный, панический ужас, от которого бежишь, не разбирая дороги, а удивительно четкое

чувство *конца,* конца всему — стоит лишь сделать шаг за этот поворот. Никто не мог пошевелиться, взяться за оружие; первыми начали медленно пятиться Торин и Хорнбори, увлекая за собой остальных. Никто ни о чем не спрашивал, никто не мог вымолвить ни звука; они лишь медленно отползали назад.

Так прошло несколько минут — а может, и час? — когда за их спинами внезапно раздалось многоголосое грубое пение и топот десятков тяжелых, подбитых железом орочьих сапожищ. Враги были совсем другие.

— К бою! — прохрипел Дори и повернулся, торопливо натягивая кольчугу. — Умрем, так достойно потомков Дьюрина!

— Погоди... — схватил его за рукав Хорнбори. — Я пойду вперед. — Он указал в сторону, противоположную той, откуда раздавался усиливающийся с каждой секундой топот. — Вы все давайте за мной! Фолко, мне понадобится твой лук — будь начеку! Скорее, у нас мало времени!

Тесной кучкой, держась друг за друга, гномы мелкими шажками, ежеминутно борясь с подступающим отчаянием, двинулись вперед, а Хорнбори высоко поднял руку с Кольцом и шагнул к повороту. Фолко стиснул под курткой рукоять кинжала с голубыми Цветами на клинке. Страха у него не было, но каждый шаг давался с трудом, как будто он пробирался через вязкую, липкую глину, в которую неожиданно превратился окружающий воздух.

Коридор сворачивал плавно, каждый шаг вперед открывал новый участок гладких стен. Они прошли совсем немного, когда Хорнбори внезапно захрипел, как будто ему не хватало воздуха, и замер. Факел в его руке задрожал.

Отшлифованная поверхность стен исчезала под толстым шевелящимся покровом черных блестящих то ли змей, то ли щупалец; они все время шевелились, сплетались и расплетались, постоянно тычась в разные стороны тупыми безглазыми головами с едва заметной чертой — наверное, ртом. Выглядело это настолько ужасно, что, казалось, сделать шаг вперед было бы проще, будь под ногами бездонная пропасть — такой конец казался сейчас потрясенному хоббиту избавлением. Или — назад, пока не поздно, в честной схватке взять, сколько возможно, орочьих жизней, пока самого тебя не найдет кривой ятаган... Только не вперед, в эти живые объятия самой смерти! От отвращения и брезгливости, похожих на те, что он испытывал при встрече со змеей, хоббит словно окаменел.

Тем временем беспорядочная суета щупалец поутихла, они медленно вытягивались в направлении неподвижно замерших друзей, застывая сами, точно диковинные наросты на стенах: тьма смотрела сквозь эти щупальца — незримые холодные глаза. Шестым чувством хоббит уловил, что его незримый противник тоже отчего-то заколебался; это придало ему сил.

Из остолбенения их вывел раздавшийся позади топот. Орки были совсем рядом! И тогда, не сговариваясь, они шагнули вперед. Хорнбори высоко поднял правую руку с Кольцом — и щупальца, казалось, все как одно тупо уставились на его золотое сверкание, но стоило им приблизиться, как холодная боль в сердце, боль отчаяния заставила хоббита вцепиться в рукав гнома и остановить его. Щупальца ждали их, и Кольцо не могло заставить их отступить — вот что прочел Фолко в короткой дрожи, пробежавшей по бесчисленным рядам черной живой плесени на стенах, дрожи сладостного предчувствия. И тогда его рука сама собой вытащила из ножен заветный дареный клинок, и голубые Цветы на стальном лезвии полыхнули подобно лоскутам колдовского пламени.

И тут словно свирепый ураган, неведомым путем ворвавшийся в подземелье, обрушился на черную поросль. Щупальца заколыхались, будто взволнованное хлебное поле, поспешно сворачиваясь и прижимаясь к стенам. Каждое норовило забиться поглубже, точно хотело укрыться за другими. Сомнений быть не могло — эти щупальца знали подобные клинки!

Один короткий взгляд — и Хорнбори негромко свистнул друзьям; еще секунда — и топот ног вперемешку с визгом и воем возвестили, что отряд обнаружен. Гномы бросились вперед и замерли было перед видом усеявших стены и потолок черных щупалец, но Фолко высоко поднял пламенеющий клинок, и волнами исходивший от него свет заставил гномов, сбившись в тесную кучку, шагнуть под живые своды.

Никогда не забыть хоббиту их путь между шевелящимися стенами, никогда не забыть ни с чем не сравнимого ужаса — не за себя, а за находящихся сейчас под его защитой друзей.

Фолко не рубил черную поросль — сейчас она страшилась его, но в нем не было силы славных воителей прошлого, перед чудесными клинками которых бежала эта нечисть, ныне вновь ожившая в подземельях. Ввяжись он в открытый бой, щупальца бы тоже стали бороться... Странные, отрывочные мысли, невесть откуда пришедшие, проносились в голове хоббита; тем временем позади них передовые орки с большими факелами в руках промчались за поворот и оказались прямо под первыми рядами щупалец. Фолко случайно обернулся в этот момент и увидел, как навстречу оркам метнулись сотни и сотни черных живых канатов. Страшный, ни на что не похожий предсмертный вой огласил подземелье. Плотно спеленутые трупы орков утягивались куда-то вверх, в темноту, а набегавшие из-за загиба стены, в свою очередь, оказывались добычей для все новых и новых черных щупалец... Факелы погасли, уцелевшие орки бросились назад, и дальнейшего гномы уже не видели. Шевелящийся покров внезапно уступил место чистому камню; они миновали страшное место и

были надежно ограждены от любой погони. Фолко обернулся, вскинув сияющий кинжал, — и точно судорога прошла по последним рядам черных рук, животная дрожь ужаса!

Тяжело дыша, вытирая мокрые лбы и ошалело глядя друг на друга округлившимися глазами, гномы повалились на пол за первым же поворотом, когда черная поросль исчезла из глаз. Фолко чувствовал лишь страшную усталость, но к ней примешивалась и какая-то новая гордость.

— Что, что это было? — посыпались сразу со всех сторон нетерпеливые вопросы. — Как вы с ними управились?!

Малыш подбежал к хоббиту и крепко стиснул его, подозрительно шмыгнув носом; Торин, восхищенно покачивая головой, похлопал его по плечу; прочие смотрели на Фолко с почтением и удивлением. Уже не первый раз невысоклик оказывается первым там, где пасуют лучшие бойцы!

Фолко не мог ничего сказать на расспросы друзей, мелькавшие в его голове мысли были слишком неопределенны и отрывочны.

— Они... Они очень старые, я хочу сказать — они из ужасно далеких дней, — выговорил он, тщетно пытаясь уловить витавшие в его сознании смутные образы. — Я не знаю, откуда они, — быть может, из Подморийских Путей, — знаю только, что они боятся этого клинка. — Он показал на свой кинжал. — Они видели его раньше, это точно, или подобные ему. Они не знают ничего о внешнем мире, они ползут из глубин, чтобы пожирать... Но что ими движет? Я не знаю, откуда я это взял, честное слово, мне так почему-то кажется, и все тут!

Его выслушали очень внимательно, а потом Вьярд хлопнул себя по лбу и сказал, что слышал в своих горах старую-престарую сказку о многоруких, живущих в подземном мире; давным-давно гномы уже сталкивались с ними. Больше он ничего не смог вытянуть из своей памяти, как ни теребили его Дори и Балин.

— Уж не о таких ли говорил когда-то Гэндальф, прошедший Подморийскими Путями? — тихонько пробормотал на ухо хоббиту Торин.

— Что же это за такой чудесный кинжал у тебя? — восхищенно покрутил головой Строн.

Эти слова придали иное направление поневоле беспорядочным мыслям хоббита.

«Зачем же Олмер тогда подарил мне это сокровище? — думал он. — Он что — ничего о нем не знал? Или знал? Нет, не мог не знать, должен был хотя бы догадываться. А может, этот кинжал не помогает на поверхности, против сегодняшних врагов Олмера? Уж не эльфы ли его сделали, этот клинок? Очень уж похоже на их работу, хотя кто их, эльфов, знает... Поговорить бы с кем-нибудь из них!»

Фолко вздохнул, точно наяву увидев сейчас вместо угрюмых серых сводов залитую лунным светом листву, и яркие летние звезды, и серебристый отблеск эльфийских одеяний, магический, тайный, глубоко скрытый пламень в их глазах — мудрых и печальных. Он никогда не видел эльфов — давно опустел Ривенделл, давно был покинут сородичами Владычицы Галадриэли прекрасный Лориэн. Фолко лишь читал о Перворожденных в Красной Книге и других хоббитских хрониках.

Что-то твердое уперлось ему в затылок, и он очнулся. От тоски по зеленому, светлому миру, оставшемуся там, в далеком прошлом, Фолко едва не взвыл; он и сам не мог понять, смахивая непрошеные слезы, о чем, собственно, грустит — о том ли мире, что был сейчас, или о том волшебном мире прошлого, что канул в небытие после гибели Великого Кольца Всевластья.

— Пора идти, пора, тангары, — торопил товарищей Торин. — До Замкового Зала еще топать и топать.

— А там что? — покряхтывая, спросил Грани, влезая в лямки.

Торин промолчал, и Фолко невольно задумался: а и в самом деле, где же тот затапливавший нижние ярусы страх, преодолеть который не смог никто из живших здесь морийцев? Они спустились уже очень глубоко, но, если не считать тень у Ворот и голубизну в шахте, не встретили пока ничего, за чем, собственно, шли сюда.

До Замкового Зала они добрались на следующий день — точнее, спустя несколько часов после того, как, выспавшись, вновь тронулись в путь. Ночь, если можно так выразиться, прошла спокойно, ничто не потревожило их, и вскоре они оказались на Пороге.

Последние десятки саженей коридор шел прямо, и хоббит, к своему изумлению, увидел впереди багровый ровный свет. Вскоре стали не нужны факелы; гномы почти бежали, торопясь взглянуть на это чудо из чудес Подземного Мира.

Зал открылся сразу, и хоббит замер, широко разинув рот. Это была исполинская пещера, добрую милю в поперечнике и такой высоты, что взгляд едва мог разобрать очертания сводов. Удивительные творения воды и камня, гигантские каменные сосульки свисали с потолка, им навстречу из пола вырастали их близнецы — серые, черные, багряные, образуя настоящий каменный лес. Хоббит не сразу разглядел тропинки, проложенные в этой чаще, — они вились между покрытых отвердевшими натеками столбов точно так же, как в живых лесах его Хоббитании. Все тропинки вели к центру Зала, где вознесся серой громадой сам Замок. Бесчисленные башни и башенки, галереи, переходы, зубчатые стены, могучие выпирающие контрфорсы — все это было сплетено, связано руками неизвестных мастеров в такой тугой клубок, что можно было провести жизнь, разглядывая его вот

так, со стороны. Многочисленные узкие окна-бойницы прорезали гладкие поверхности стен; на островерхих крышах вздымались железные шесты со сложными, непонятными изображениями — скорее всего какими-то гербами. И темной пастью, живо напомнившей о верхних Воротах, глядел на них провал входа. Фолко огляделся, ища источник ровного багрового света, озарявшего исполинский Зал, но так и не увидел; он уже хотел спросить об этом, когда рядом негромко, точно боясь потревожить покой древнего чертога, заговорил Глоин:

— Это Замковый Зал... Свет в нем дают Пламенные Очи — от них, из самого сердца Гор, тянутся проложенные еще при Первом Гноме световоды. Камень там отполирован так, что получились гигантские зеркала, собирающие свет и рассеивающие его затем здесь, в Зале. А вон там, видишь, тот самый Камень Дьюрина...

Фолко прищурился, силясь разглядеть то, на что указывал Глоин; сперва его взгляд бессильно блуждал среди диковинных каменных деревьев, и внезапно с его глаз точно спала пелена — на чистой площадке высился казавшийся сейчас залитым кровью белый остроконечный обломок, невесть как очутившийся здесь. Что-то стремительное было в его облике, в острых гранях, во вздыбившихся, острых, точно копья, выступах. Он был один посреди серо-багрового мира исполинской пещеры, и Фолко понял, что этот камень и впрямь достоин именоваться Камнем Первого Гнома.

Молча, растянувшись длинной цепочкой, они шли через окружавший их каменный лес. Фолко спросил Двалина, зачем жившим под землей гномам потребовалось сооружать еще и этот Замок.

— Этот Замок построили не гномы, Фолко, — негромко ответил Глоин. — Гномы лишь придали ему те очертания, что ты сейчас видишь. Пещера и Замок — их создали сами Горы...

Они остановились перед Камнем и некоторое время просто молча смотрели. Из-под него выбивался ручеек; безмолвие огромной пещеры нарушало лишь негромкое бульканье текущей среди камней воды.

— В час, когда молчат все силы — и Тьмы, и Рассвета, и лишь Горы глядят на тебя багровыми зрачками Пламенных Очей, встань на Камень Дьюрина, спроси совета, и Начавший Начало ответит тебе... — вдруг нараспев, словно зачарованный, произнес Хорнбори.

И прежде чем его успели остановить, он одним движением взобрался на заветный Камень. Подняв правую руку, он заговорил, медленно и торжественно, слова его падали, точно удары десятипудового молота. Он, естественно, говорил на собственном наречии Гномов, и Торин так перевел хоббиту его речь:

— О Дьюрин, Великий Отец Молотов, ныне твои потомки взы-

вают к тебе! Черный Ужас Глубин вновь овладел твоим древним царством, верхние Ярусы заняты орками. Подскажи нам, направь наши усилия!

Голос Хорнбори отзвучал и умолк; несколько мгновений в Замковом Зале царила тишина, а потом в сознании хоббита как будто зазвучал негромкий голос; он говорил не словами, вместо них рождались образы, смутные, слабые и неясные; и понять можно было только один общий призыв — вниз!

Однако пришедший ответ — если это был ответ — оказался слабым, еле различимым, как будто пришел откуда-то из страшной дали...

А потом они шли к дальней стене Зала и уже не задавали друг другу вопросов и не говорили о пережитом. Хорнбори и Торин шли бок о бок и теперь уже не спорили. И Дори шел, согнувшись под тяжестью мешка за плечами, не выпуская из рук топора, и Малыш с обнаженным мечом в правой и кинжалом в левой руке, и Фолко с луком и наложенной на тетиву стрелой. Они пересекли Зал и вступили в очередной коридор, круто уходивший вниз.

Они покинули Замковый Зал, и Фолко сразу же почуял неладное. Свинцовой тяжестью вдруг налился висящий на шее клинок, а еще не отошедшее от боли сердце вдруг забилось судорожно и неровно; мгла окутала все впереди, и свет их факелов не мог рассеять ее. Серая липкая мгла сомкнулась над ними, ноги отказывались двигаться, но они шли, потому что знали, что так будет и что через это надо пройти. Что-то вроде цветной картинки билось, трепетало перед мысленным взором хоббита, он словно видел себя со стороны — сломленного, задыхающегося от несказанного ужаса, вытерпеть который невозможно, немыслимо, за которым — распад его существа; но он чувствовал и то, что пока прикрыт от этого ужаса — прикрыт его собственной волей и той древней силой, что заключена в Кольце Хорнбори и в его, хоббита, собственном клинке.

Мгла неожиданно отступила. Перед ними открылся полузаваленный обломками коридор. Они оказались на Седьмом Глубинном — последнем из ярусов Мории, ярусе складов и железоплавильных мастерских, ниже которого находились только Морийские Копи — десятки миль старых, заброшенных выработок, но блуждать по их переплетениям было, казалось, бессмысленно — там нельзя было отыскать ни воды, ни укрытия, ни хотя бы старого, пусть даже покинутого и разгромленного жилья. И все-таки Торин повел их вниз — их путь лежал сперва в Сто Одиннадцатый Зал.

Обрушившиеся своды коридора красноречивей всяких слов говорили о разыгравшейся здесь трагедии — то там, то здесь из груды обломков и мелкой каменной крошки торчала рукоять кирки; в одном месте они заметили покрытый чем-то темным

гномий башмак. Они ступали осторожно, боясь потревожить древние могилы; Торин опасался, что дорога дальше будет перекрыта, но нет — между грудами обрушившегося камня и потолком оставалось достаточно места.

Сто Одиннадцатый Зал оказался неуютным местом. Когда-то его высокие своды поддерживало несколько рядов витых колонн — теперь все они лежали, разбитые на мелкие куски. Из Зала, когда-то служившего чем-то вроде весовой — в углу еще сохранился железный остов больших весов для взвешивания руды, — вели еще три коридора. Один вел вниз — к копям, оттуда тянуло знакомым сухим жаром, другой круто забирал вверх, превращаясь в узкую лестницу, ведущую куда-то на другой ярус; третий коридор заканчивался глухим тупиком. Дори простучал перегородку своей киркой — звук был тупой, за сложенной из тщательно обтесанных камней стеной, казалось, залегала коренная скала. Как и во многих залах Мории, здесь была вода — она сбегала в каменную чашу из пронизывающих всю Морию труб.

Только здесь гномы заговорили. Нужно было идти к Пламенным Очам, на дно Копей — только там можно было отыскать дверь в Подморийские Пути, Торин предложил всем поспать перед решающим броском, но никто из гномов не мог даже помыслить о сне. Точно тошнота, страх подступал к горлу, и приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не поддаться ему. Они решили дать лишь краткий отдых натруженным ногам и спинам, чтобы потом сразу же спускаться вниз. Фолко из любопытства решил пройтись с факелом по залу. Глоин напомнил остальным о мифриле, спрятанном где-то в стенах зала; Бран и Скидульф решили пойти с ним. Гномы начали от ведущего к копям коридора, тщательно простукивая стены. Гномы едва успели взяться за дело, когда Фолко неожиданно глянул в темную глубь коридора и предостерегающе крикнул. Стены и потолок озаряли быстрые вспышки рыжего пламени; они приближались. Вскочили на ноги и схватились за оружие остальные гномы; Фолко со всех ног кинулся к своему луку.

Он успел вовремя. Свет буйного пламени залил ближайшие извивы коридора, и остолбеневшие гномы увидели, как мимо них в зал проползло стремительное, гибко вьющееся тело, вокруг которого бился ореол самого настоящего огня. Существо заметило гномов, замерло, изогнувшись, словно перед броском; стоящие ближе увидели два маленьких холодных глаза на черной голове, вокруг которой вились рыжие языки не оставлявшего дыма пламени. На мгновение все замерло, а потом раздалось гудение тетивы эльфийского лука, и стрела вонзилась под левый глаз существа и вышла наружу, тут же вспыхнув; но свое дело она сделала, остановив прыжок чудовища и погасив его пламя. Спустя

мгновение лишь короткие синие искры пробегали вдоль длинной черной спины, круглая голова ткнулась в пол.

Несколько мгновений никто не мог пошевелиться, а потом потрясенно заговорил Глоин:

— Огнистый Червь! Огнистый Червь!

Гном отступил на шаг, невольно подняв ладони к лицу, но тут же опомнился.

— Скорее, братья, скорее, нужна сеть! — крикнул Двалин. — Я тут видел где-то...

Он уже тянул из-под груды щебня сплетенную из тонких железных канатов большую сетку — в ней поднимали мешки с рудой. Ему на помощь поспешили Грани, Гимли, Трор и Бран.

— Что ты хочешь делать? — схватил Глоина за рукав Торин.

— Пусти!.. Ты разве не знаешь, чем растапливал свой Горн Великий Дьюрин?! Это же чудо из чудес! — Мориец задыхался. — Огнистые Черви водились когда-то в самом сердце гор, получая жизнь в огне Пламенных Очей. Первый Гном ловил их и плавил на них железо, и все знают, что заклял их Дьюрин и что они, если выползают наверх, тянутся к его Горну. Горн где-то неподалеку, ищите его, братья! И еще говорят, что Черви ползут к тому месту, где был убит их сородич. Если это правда, то вскоре их здесь будут целые полчища!

— Что ты говоришь? — переспросил Торин.

Но мориец вырвался и, размахивая руками, бросился к стене, принявшись с лихорадочной поспешностью выстукивать ее киркой. Остальные недоуменно топтались на месте, пока на них не закричал Двалин:

— Не стойте, берите сеть, давайте ко входу! Они плавят и железо, и камень, но задержать их на какое-то время все-таки можно!

— Сдурели вы оба, что ли! — рассвирепел Торин. — Зачем ловить?! Где держать? Какой еще Горн?!

В этот миг стена отозвалась на удар Глоина звонким и гулким эхом. Он наткнулся на пустоту. В следующее мгновение кирки вгрызлись в неподатливый камень. Работали с невероятной быстротой; только тут Фолко понял, насколько сильны и неутомимы руки хозяев Подземного Мира. В пальцах Дори мелькнуло сверло: из заплечных мешков появились острые и тяжелые клинья — их забивали в трещины чем попало.

В безумной работе минул час, когда кирка Торина неожиданно провалилась и сам он с трудом удержался на ногах. Они пробили перемычку, и теперь дело пошло на лад. Еще через час в стене образовалось отверстие, достаточное для того, чтобы протиснуться внутрь. Забывший о страхах хоббит юркнул в черноту сразу вслед за Торином.

Факелы осветили небольшую камеру, доверху заполненную белыми слитками, которые были уложены аккуратными рядами.

Сперва они показались хоббиту серебряными, но, приглядевшись, он понял, что это не серебро. Не было у серебра такого густого отлива, не было такого блеска, не было такой чистоты. Позади него раздался общий вздох гномов. Мифрил, мечта гномов Северного Мира, металл, принесший Мории богатство и славу, лежал сейчас перед ними — и был в их власти. Дори упал на колени перед сложенными точно дрова — поленницей — слитками, прижался к ним лицом. Остальные нежно ласкали продолговатые поковки, точно детей; Фолко стало неловко, и он отвернулся. Его взгляд упал на узкий проход между стопками мифрила; держа в руке факел, он пошел вперед. Отчего-то вдруг сильно забилось сердце.

Он уперся в гладкую стену, ударил в нее камнем. Звук тупой... Но что-то уже научило его не во всем доверять глазам и слуху. Вытащив из ножен свой кинжал, он несильно, наугад ткнул в гладко отполированный гранит, и губы его сами собой прошептали:

— О Элберет! Гильтониэль!

Он не удивился, увидев, как медленно разошелся в стороны камень, открывая низкий черный проход. На клинке медленно угасало голубое сияние...

— Фолко! Фолко, где же ты? — вырос за его спиной Малыш с факелом и осекся, увидев открывшийся проход. — А это еще что такое?

Согнувшись в три погибели, он, Фолко и Торин поползли по низкому тоннелю. Он круто загибался вправо, и — чудное дело! — их ладони утопали в толстом слое пыли, невесть как появившейся здесь, и Фолко услышал, как Торин вполголоса пробормотал:

— Сколько же веков тут не ходили?

Коридор внезапно кончился, они оказались в небольшом зале, пол которого покрывал столь же толстый слой пыли. Факелы осветили грубо отделанные стены, простые каменные лавки, низкий потолок без всяких украшений, а посредине — огромную каменную наковальню и нависший над нею темной громадой исполинский Горн. Над ним в потолке виднелось узкое отверстие вентиляционной шахты. Торин и Малыш бухнулись на колени.

— Горн Дьюрина... — одними губами прошептал Торин.

А потом началось нечто невообразимое. В кузню протиснулись остальные, зажглись новые факелы, и гномы, сев в круг, вдруг все хором запели тягучую торжественную песнь на своем странном языке. Фолко не понимал ни слова, но в слитных гортанных созвучиях ему наяву слышались удары молота. Дивным огнем горели глаза гномов — это был их звездный час!

Немало времени, как показалось хоббиту, минуло с того момента, как они вошли в Зал Дьюрина, однако на самом деле прошли лишь минуты. Потом Грани, отправленный назад, в Сто

Одиннадцатый Зал, поднял тревогу, и хоббит своими глазами увидел охоту на Огнистых Червей.

Черви, как и предсказывал Глоин, стали выползать из тьмы коридора к подстреленному Фолко сородичу. Командовал Глоин; железная сеть падала на огненные изгибы стремительного тела. Червь отчаянно извивался, стальная сеть раскалялась докрасна, но гномы специальными крючьями, отыскавшимися в Кузне, волокли обитателя подземелий к Горну...

А потом, когда в наглухо закрытом каменном Горне зловеще шипел, извивался, плевался огнем добрый десяток Червей, Фолко с интересом разглядывал оставленные ими следы на камне. Черви умели плавить его и в случае надобности могли прокладывать ходы прямо в скалах, словно их дождевые сородичи где-нибудь на хоббитанском газоне. Торин собрал всех гномов в тесный круг. Началось таинство...

Трудно было хоббиту понять, о чем говорят друзья. С трудом, по обрывкам фраз, он уразумел, что речь идет о том, чтобы воспользоваться находкой и выковать себе небывалое мифриловое оружие, соединив в нем силу Кольца и Памяти Дьюрина. Фолко не очень понял, что это такое. Гномы заговорили о чем-то давно знакомом, словно начали сбываться их самые заветные, самые тайные мечты. То быстро, то медленно падали в тишине Кузни Дьюрина слова древних заклинаний — и ярко лучилось золото Кольца, снятого Хорнбори с пальца и по очереди переходившего от одного произносящего заклинание гнома к другому. А потом в горнило, к Червям, сунули слиток мифрила и несколько железных брусков, найденных за Горном. Не пожалели гномы и каких-то пахучих снадобий из толстых древних бутылей зеленого стекла, что стояли, покрытые пылью, на полках вдоль стен.

Ярко, очень ярко вдруг полыхнуло пламя в Горне, и гномы стали в тесный круг, закрыв спинами происходящее... Дальнейшее слилось для Фолко в долгие часы, когда без устали звенели молоты, яростно брызгался расплавленный металл — ибо в Горне его можно было не только калить, но и плавить. Откуда-то появились сложные формы, огненной струйкой бежал жидкий металл по приготовленному для него руслу, а потом вновь его кидали в горнило, и после не жалели рук молотобойцы. Лишь краткие перерывы делали гномы, чтобы наспех проглотить кусок хлеба и пропустить стакан пива, и вновь возвращались к наковальне...

Но не только ковали они. Наступил час, когда Торин с брезгливым выражением на лице швырнул в жар Горна меч из Могильников, что так долго вел Умертвие по их следу. Фолко ждал чего-то необычного, но яростный пламень Червей, так накаливший стены Горна, что к ним нельзя было не то что притронуться, но даже стоять рядом, молча поглотил изделие неведомого кузнеца, посвященное мертвому миру, и оно превратилось в сверкающую лужицу.

Однако стоило хоббиту зажмуриться, как до его слуха донесся жуткий замогильный вой, исполненный боли и бессильной ярости. Перед мысленным взором хоббита предстала странная картина: темные холмы, деревья на склонах — и колеблемое ветром белесое существо в плаще и шлеме, древнее, отвратительное, смертоносное. И умирающее. Меч, посвященный Призраку Могильников, исчез, а вместе с ним исчезло и средоточие древнего Мрака. Налетевший ветер изорвал серый плащ в мельчайшие, невидимые клочья, шлем распался ржавой трухой...

В конце концов хоббита сморил сон. Гномы, казалось, совсем забыли о нем; работа поглотила их целиком. Фолко привык к тяжелым звонким ударам, перестав замечать их...

Когда он проснулся, в Кузне стояла непривычная тишина; теперь гномы сосредоточенно тянули из огненной массы длинные и тонкие нити, вили кольца; с необычайной ловкостью трудились их пальцы — цепочки кольчужных колец росли прямо на глазах... Лишним и ненужным почувствовал себя в тот миг Фолко — и молча принялся за готовку.

Много часов прошло, пока не утомились самые стойкие. Однако оттащить гномов от Горна оказалось не так-то просто. Несколько часов сна, наспех проглоченный кусок хлеба и вяленого мяса — и снова за работу...

Потянулись долгие подземные дни. Время замедлило свой ход, Фолко чувствовал, что бодрствуют они много больше, чем обычно, на поверхности. Гномы экономили провизию, стараясь растянуть имеющийся запас на подольше. Фолко же оказался совсем не у дел. Обычно он забивался в самый угол Кузни и молча смотрел, как взлетают и падают тяжелые молоты. Гномы ковали себе новые топоры и короткие толстые кинжалы, низкие, закрывающие всю голову шлемы с подвижными забралами, кольчуги, сплошь покрытые чешуей мифриловых пластин... Иногда они отправлялись вниз по коридору к Копям за новыми Червями; ловить этих тварей оказалось трудно и опасно, приходилось долго блуждать по гулким тоннелям в ожидании заветного отблеска на стенах — и тогда в ход снова шла надежная стальная сеть, уже не раз, правда, залатанная. Страхи куда-то отступили; они напоминали о себе лишь постоянным тупым чувством неясной тревоги, к которому все привыкли и перестали замечать.

Прошло не меньше семи длинных «подземных дней» с того часа, как под руками хоббита открылся проход в заветную Кузню. И вот у Фолко неожиданно словно заложило уши — такая тишина вдруг настала в Кузне. Работа была окончена, и гномы гурьбой подошли к растерявшемуся от этой тишины хоббиту. Торин выступил вперед и молча, почтительно поклонившись, положил на

колени хоббиту небольшой шлем с глухим забралом, кольчугу-бахтерец, кольчужные оплечья, латные рукавицы, поножи и новые метательные ножи. Фолко задохнулся, глядя на чудесный подарок: не в силах вымолвить ни слова, он крепко прижал к груди драгоценные доспехи и дрожащим голосом принялся сбивчиво благодарить друзей; гномы блаженно жмурились — чувствовалось, что им приятны похвалы неискушенного и искреннего хоббита.

А потом Торин набросил на вбитый в стену крюк свою старую кольчугу и сплеча рубанул по ней своим новым топором. Лезвие высекло искры, а на плече доспеха появилась узкая прямая дыра; гномы одобрительно зашумели. Тогда Торин точно так же испробовал на своем новом вооружении старый топор — оружие отлетело от мифрильного доспеха с такой силой, что вырвалось из руки гнома и со звоном упало на пол.

После этого они недолго оставались возле Горна Дьюрина. Прихватив с собой по нескольку слитков драгоценного истинного серебра, они зашагали по коридору Огнистых Червей вниз, к бесконечным лабиринтам Морийских Копей.

Становилось все жарче, мучила жажда, навстречу им из глубины шел поток горячего воздуха. Фолко обливался потом; воды в Копях не было.

Почти наугад брели они по бесконечным, похожим друг на друга как две капли воды горным выработкам. Два или три раза они натыкались на Червей, спешивших убраться с их пути; попрежнему они не замечали ничего подозрительного. Все чаще сдвигались к переносице брови Торина; все чаще лез вперед Хорнбори; все чаще сокрушенно вздыхал Вьярд.

Не принесли желанного отдыха и несколько томительных, душных часов, в которые они тщетно пытались заснуть. Не так много оставалось факелов; в обрез было еды и, самое главное, воды. А спускаться становилось все труднее, дорогу то и дело преграждали завалы; иногда между грудами обрушившейся породы и сводами оставалось достаточно места, но чаще приходилось искать обходные пути, и, если бы не знания Глоина и Двалина, они навеки остались бы в этом страшном своей одинаковостью лабиринте. Однако шло время, а они не могли отыскать в пустых выработках ничего, что дало бы ключ к разгадке. Кое-кто из гномов пал духом; отчаяние порой овладевало и хоббитом. Как ненавистны стали ему эти серые стены и потолки! Как устали глаза в этом лишенном зелени и жизни мире! Ему часто снилась Хоббитания; сколько было надежд, когда они с Торином только начинали путь!..

Однако хоббит ошибался, полагая, что вскоре они повернут назад и последняя трудность на их пути к свету будет заключаться в преодолении засад орков. Они упорно пробирались через очередной завал, когда шедший впереди Дори неожиданно споткнулся, взмахнул руками, пытаясь удержаться, и с коротким приглушенным воплем исчез между камней. Гномы бросились к тому месту: среди камней чернела неширокая расселина, залитая непроглядной тьмой.

Несколько мгновений гномы с ужасом глядели на поглотившую товарища каменную пасть; хоббиту казалось, что этот ненасытный рот кривится в злобной и злорадной усмешке. Однако едва Торин рванул завязки своего мешка, чтобы достать веревку, как из темноты снизу раздался знакомый голос Дори:

— Эй, где вы там? Давайте сюда кто-нибудь еще, Глоин, Двалин! В жизни не видывал таких коридоров...

У гномов вырвался вздох облегчения. Хорнбори склонился над расщелиной:

— Дори, глубоко здесь?

— Сажени полторы, — последовал ответ. — Как я только шею себе не свернул?

Торин бросил вниз веревку, намертво привязав ее к одному из острых обломков скалы, и вместе с Хорнбори, Глоином и Двалином скрылся в трещине. Несколько минут снизу доносились их приглушенные голоса; Фолко не разбирал слов, но говорили все с заметным удивлением. Наконец из дыры появилась голова Торина.

— Спускайтесь! — позвал он. — Не знаю что, но что-то мы, похоже, нашли.

Осторожно и молча, гномы по одному пропадали в загадочной расщелине. Ловкий хоббит спустился без труда, хотя мешок за плечами изрядно мешал. Ощутив под ногами камень, Фолко огляделся.

Они стояли в невысоком коридоре, совершенно округлом, без обязательного во всех морийских переходах спрямленного пола. Идеально ровные стены тоннеля не носили следов полировки; кое-где застыли небольшие черные потеки, словно отвердевший расплав.

— Это не прорублено, — нарушил молчание Глоин. — Это проплавлено, или я ничего не понимаю в тоннелях!

Обмениваясь короткими репликами, гномы ощупывали необычные стены. В свете факелов была еще видна щель в потолке и свисающая веревка. Торин поправил топор за поясом и окликнул остальных.

— Коридор идет с востока на запад. Жаром тянет с запада. Куда пойдем?

— На запад, — глухо бросил Хорнбори.

Фолко невольно вздрогнул — голос гнома наполняла тревога, которой не чувствовалось в нем уже давно. Гномы повернули и зашагали вперед, навстречу жаркому дыханию глубин.

— Глоин, под нами еще есть что-нибудь из Копей? — спросил спутника Торин.

Мориец отрицательно покачал головой.

Они шагали вперед молча и настороженно. Хоббиту стало не по себе; давно замеченная им давящая тяжесть становилась все ощутимее, мысли прыгали, и, чтобы заглушить смутную тревогу, он негромко спросил у Торина;

— Послушай, а как ты узнал, что коридор идет с востока на запад?

Торин улыбнулся.

— Ты же всегда знаешь, где верх и где низ, брат хоббит, как и все рожденные на земле. А вот мы, гномы, не рождаемся на поверхности... только в глубинах, и потому это у нас — изначально.

Разговор оборвался. До их слуха донесся низкий, скрипучий, шипящий звук, прокатившийся перед ними в непроницаемом мраке. Тупая волна страха накатила на хоббита — и вновь, в который уже раз, он почувствовал, что этот удар вновь приняло на себя Кольцо. Нет, не случайными были и Призрак у Ворот Мории, и отраженная Хорнбори голубизна в шахте! Кольцо помогало им, и с ним они были гораздо сильнее. Но сейчас они встретили нечто иное.

Не сговариваясь, они остановились. Кровь билась в висках, лоб покрылся липким потом; замерев, они вглядывались в черноту — ибо там безошибочно угадывалась слепая, исполинская мощь. Фолко ясно ощутил перед собой сжавшуюся в пружину силу — но не ненависть. Торин высоко поднял факел и увлек их вперед, и рядом с ним шагал Хорнбори, а следом — Фолко, сам не знавший, как он оказался в первых рядах. Лавина мрачного отчаяния, затопившая душу, вытеснила на время все остальное из его сознания; прошло немало времени, прежде чем он вспомнил про свой кинжал. Внезапно скрипучее шипение раздалось снова; гномы остановились и мало-помалу стали пятиться, шажок за шажком.

С искаженным лицом Дори высоко вскинул руки, словно останавливая колеблющихся, и очертя голову полез вперед. Он не произнес ни слова, но остальные двинулись вслед за ним. Теперь уже никто не сомневался, что они нашли то, что искали.

Сколько еще прошли они навстречу все усиливающемуся жару? Фолко забыл обо всем, потеряв всякое представление об окружающем. Факелы скупо освещали гладкие черные стены, гномы шли, растянувшись цепочкой, — иначе идти по круглому полу было невозможно. Чернота давила своей неосязаемой массой, животный ужас бился в каждом сердце, но силы еще были; гордо выпрямившись, шагал Хорнбори, выставив вперед руку с Кольцом.

Когда тяжесть в груди стала совсем невыносимой, хоббит на-

конец решился. Он вытащил свой заветный клинок, и с багровым светом смоляных огней смешался голубой отблеск чудесного оружия. Края клинка горели ярко-голубым, цветы отливали густо-синим. В тишине тоннеля словно зазвенела незримая тонкая струна, но тут же на них обрушилась волна грохочущих, ревущих звуков — словно ревел разбуженный зверь; в этом реве уже слышалась ненависть, которой не было раньше; глаза Мрака увидели нечто, приведшее их обитателя в неистовый гнев.

Никто не смог устоять. Падая на колени, прикрываясь руками, роняя факелы, гномы отхлынули назад, и лишь Хорнбори остался стоять, держа в одной руке факел, на другой ярко лучилось Кольцо.

Фолко поспешно спрятал кинжал и даже не удивился, когда подземный рев стал мало-помалу затихать. Но хоббит понял, что его *заметили* и теперь уже так просто не отпустят.

Гномы столпились позади Хорнбори и замерли. Что удержало их в тот миг от бегства? Хоббит видел отчаяние и страх на их лицах; у Вьярда дрожали руки, но никто, ни один не заикнулся о том, чтобы повернуть.

Наступила тишина. Впрочем, в ней еще слышалось замирающее глухое рычание, а когда они наконец двинулись вперед, то не успели пройти и сотни шагов, как заметили впереди знакомое голубоватое мерцание. У хоббита екнуло сердце, но прежнего гасящего волю и разум страха, пережитого им на площадке возле шахты, он не испытал — напротив, в нем проснулся какой-то азарт, а кроме того, в его сознании с неожиданной ясностью всплыла мысль: «Это не про вас».

Кто-то из гномов хрипло вскрикнул, кто-то упал ничком; Фолко запомнил разъяренные глаза Дори с топором в руке и неожиданно выступившего вперед Малыша с двумя клинками наголо; а потом голубая волна докатилась до них, хоббита завертел горячий, сухой вихрь, он не удержался на ногах и упал ничком.

Однако так продолжалось недолго. Когда Фолко поднял гудящую голову, кругом царила кромешная тьма — факелы погасли, лишь в одном месте он заметил горстку тлеющих угольков. Во мраке вокруг него раздалось кряхтенье, сопение, неразборчивые возгласы... Заговорил Торин:

— Целы? Все здесь? Дори, Хорнбори, где вы?

Ему откликнулись. Все гномы оказались невредимы, отделавшись лишь легким испугом, не шедшим ни в какое сравнение с тем потрясением, что едва не погубило их в начале морийских странствий.

На ощупь они высекли огонь и вновь засветили факелы. Бран предложил отдохнуть и поразмыслить, его поддержали, фляги пошли по кругу, заскрипели развязываемые кожаные кисеты.

Все заговорили разом, перебивая друг друга: почему на этот

раз все было иначе? Кое-кто из гномов уж было решил, что наступает его смертный час, но оказалось, что все это можно и перетерпеть.

Фолко признался, что скорее всего именно его кинжал вызвал всплеск подземного гнева; на хоббита посмотрели с опаской, а Вьярд даже отодвинулся подальше. Как водится, никто не мог сказать ничего дельного, пока вдруг не раздался необычно спокойный голос Малыша, казалось, мирно дремавшего у стены.

— А по мне, так тут и гадать не нужно, — уронил он, набивая трубку. — Эта ж голубизна — от них, правильно? Вроде выдоха, что ли, так, по-моему. Только выдоха не простого, а... живого. Да вы погодите, дослушайте же! Там, наверху, он сам на нас бросился, сам, понимаете, ну, природа у него такая, а тем, от кого он шел, до нас ведь дела нет. Да желай они с нами расправиться, уже двадцать раз бы расправились! Нет им до нас дела! И можем мы тут ходить до скончания века...

— Так что же — наверх? — вскинулся Дори.

— Нет, почему же, — пожал плечами Малыш, — я как все...

Никто не смог возразить Малышу, но не потому, что возразить было нечего, — никто не мог доказать обратное, как, впрочем, и он сам, а потому они отдохнули еще немного, поели и двинулись дальше.

Их странствие по Подморийским Путям длилось еще три полных подземных дня. Проплавленный неведомым существом коридор вывел их в небольшой зал — творение древнего огня, и тут они собственными глазами увидели Пламенное Око. Из-за страшного жара они не смогли подойти близко, но видели — наверное, единственные из смертных — таинство рождения Огнистого Червя в клокочущем багровом котле, где кипел расплавленный камень. Больно резал глаза свет, испускаемый Оком Гор, и Фолко вспомнил слова записки: «Остерегайтесь Пламенных Очей». Они поспешили уйти.

Оставляя пометки на стенах, они двинулись ведущим под уклон и на юго-запад коридору. Это был уже обычный пещерный коридор, когда-то промытый в теле камня терпеливой водой. Однако идти там оказалось куда тяжелее, чем по проплавленному тоннелю. Гномам вновь встретились заросли черных щупалец на стенах; прорвались они с трудом, несмотря на кинжал хоббита, кое-какие из голодных щупалец решили испробовать на крепость мифрильные доспехи потомков Дьюрина — и Вьярда спасло лишь боевое искусство очутившегося рядом Малыша. Столкнулись они и с исполинским Огнистым Червем, от которого пришлось удирать во всю прыть, а потом, когда они спустились еще ниже и услышали плеск текущей где-то неподалеку воды, в темных переходах возле берега Морийского Рва, — а они добрались и до него, — Дори заметил слабо светящуюся спину Глубинного

Стража в непроглядной воде, и Фолко угостил чудовище стрелой, после чего то тотчас исчезло во мраке; в переходах возле Рва, о котором говорил Гэндальф, что его дно находится вне света и знания, они поняли, почему великий маг не хотел омрачать яркий день рассказом о пережитом в этих тоннелях. Они не прошли дальше, когда попытались пробиться на запад от Рва. На их глазах с ужасающим грохотом обрушились своды и стена в коридоре перед ними, появилось нечто, сперва напомнившее им об Огнистом Черве, но они тут же поняли, что это не Червь; темно-багровое пламя озарило своды, раскаленный комок проплыл от одной стены к другой, раздалось шипение, и существо скрылось в одном из ответвлений... Гномы долго не могли заставить себя высунуться из укрытий.

Они вновь поднялись наверх и наконец наткнулись на еще один проплавленный тоннель, обрадовавшись ему, точно это был Главный Тракт Мории. Он шел с востока на запад, как и первый, и, как и в первом, с запада тянуло сухим, горячим воздухом. Оставив позади загадки Подморийских Путей, — что-то подсказывало гномам, что разгадка кроется не там, — они вновь зашагали по скользкому полу на запад.

И вновь все повторялось. Вновь приходилось пересиливать себя при каждом движении, из потрескавшихся губ сочилась кровь, в лицо бил горячий ветер. Им попадались и разветвления, но все эти таинственные тоннели вели в одном направлении — на запад, чуть уклоняясь к северу.

— Точно черви к приманке, все к одному ползут, — мрачно заметил вернувшийся с разведки в ближайшем коридоре Дори, и слова его надолго запали в память хоббиту.

— Все! — объявил Торин, проверив фляги с водой. — Дальше нам идти нельзя, надо возвращаться!

— Погоди, — вдруг остановил его Хорнбори. — Что-то мне не по себе как-то. Миля-другая дела не решит — давайте пройдем еще немного.

Фолко, ни на миг не забывавший свое видение в Замковом Зале, насторожился. Звенящая тишина повисла над ними; в сердце хоббита до предела напряглась невидимая струна — рядом, совсем близко от них, залегало нечто, перед чьей силой ничтожны были и мощь древних магов, и сила эльфов-воителей.

Нехотя, ворча и кряхтя, гномы влезли в лямки. Однако пройти им удалось совсем немного. Они не сделали и ста шагов, как вдруг ноги отказались им повиноваться: словно таран, неосязаемая сила мрака ударила в их души. Фолко понял, что Кольцо смягчило и ослабило напор этой силы, но полностью отразить его не смогло. Они остановились, расширившимися глазами глядя в темноту перед собой. Горячий встречный поток внезапно утих; Хорнбори медленно, очень медленно оторвал ногу от пола, и в

тот же миг вся скала вокруг них заходила ходуном, раздался тяжкий грохот, спереди покатились камни рухнувшей стены, и мрак пополз им навстречу.

Ничего ужаснее этого не было в жизни хоббита. Он оцепенел, не в силах ни двинуться, ни крикнуть: точно завороженный, он глядел на приближающееся нечто и отчетливо понимал, что это — конец, от которого спасения нет и быть не может. Просвета не было; все чувства умерли. В надвигавшемся не было ненависти — и от этого становилось еще страшнее. Остановившиеся зрачки хоббита остекленели.

И тут словно молния внезапно пробила несокрушимую каменную кровлю, вспыхнув во мраке подземелья ослепительной зарницей. Это Хорнбори, шатаясь, шагнул-таки вперед — и Кольцо сияло, словно маленькое солнце, на его правой руке. Оно лучилось и сверкало, Хорнбори шагал навстречу мраку, и остальные словно сбросили с себя тяжкие путы неведомого заклятья. Все задрожало внутри у хоббита — он верил, что Тьма отступит и на сей раз, что они вырвутся из этих смертельных объятий!

Мрак и в самом деле остановился, словно в нерешительности. Накатывавшийся до этого сплошной волной черноты, — в свете факелов было видно, как чуть отблескивающие своды исчезали под его живыми волнами, — он вздыбился, точно налетел на незримую преграду; по черной стене прошла рябь. А потом высоко поднявшийся гребень черного вала обрушился вниз, прямо на стоявшего с высоко поднятой головой несгибаемого Хорнбори; раздался глухой и страшный не то лязг, не то хруст. Гном исчез под поглотившей его Тьмой, и в ту же секунду непереносимая боль заставила хоббита рухнуть на пол в ужасных корчах; но он успел заметить, теряя сознание, что страшная волна откатывается, оставляя на полу распростертое тело Хорнбори...

Падая, он словно бы случайно схватился за кинжал на груди, и, наверное, это дало ему силы увидеть, как упали вокруг него все его товарищи и что лишь один Торин, рыча, ползет к неподвижно лежащему Хорнбори, нагибается над ним, что-то беззвучно кричит, а потом отчаянным движением срывает Кольцо с бессильно откинутой руки и сует его куда-то за пазуху... На этом все оборвалось.

Приходил он в себя долго и мучительно. Когда кровавый туман жутких видений наконец отпустил его, хоббит увидел, что лежит в хорошо знакомом Сто Одиннадцатом Зале, а вокруг него толпятся друзья. У его изголовья, возле подсунутого ему под затылок свернутого плаща, сидел Малыш, только что снявший повязку с рассеченного лба хоббита.

— Что случилось? Что с нами? — выдавил из себя Фолко, но Малыш отвернулся. — Где Хорнбори?

Гномы молча расступились, и хоббит увидел серое каменное надгробие посреди зала, накрытое красной гранитной плитой. Все скорбно молчали, и Фолко почувствовал, что у него защипало в носу и на глаза навернулись слезы.

— Когда ты упал, Торин подполз к нему, — Бран кивнул в сторону могилы, избегая называть погибшего друга по имени, — и дотащил его до нас. — Он тяжело вздохнул. — Не помню, как мы унесли оттуда ноги — сроду такого со мной не было. Нет, зря-таки морийцев мы втихую трусами называли. Ничего тут не сделаешь, друг Фолко, сила у подземных страшенная. Даже доспех — мифрильный доспех на нем — и то был пробит! Пора уходить, братья. — Бран заговорил громче, обращаясь уже ко всем: — Нам нечего здесь делать. Что же до меня, то пора кончать и расходиться по своим горам. Мория для нас потеряна.

— Это еще как сказать! — вскинулся Дори. — Нужно драться, и мы должны понять как. Пусть погибнут сотни — они расчистят дорогу десяткам тысяч!

Ответом ему было мрачное молчание остальных, даже Глоин и Двалин стояли, понуро уставясь в пол. Все гномы казались подавленными, потрясенными и растерянными; не отозвался на горячую речь Дори даже Торин.

— У нас на исходе припасы, — глухо проговорил он. — Пора идти наверх, там все решим. Да и Рогволд заждался...

Переход оказался нелегким — орков, казалось, стало еще больше. Дважды их небольшой отряд прорывался сквозь ряды врагов, сражаясь с такой яростью, что никто не смог остановить их. Они несли с собой немало мифрила, а их новая броня оказалась поистине непробиваемой. Она спасла жизнь и хоббиту, когда здоровенный орк пырнул его своим кривым ятаганом прямо в грудь. Четыре дня шли они наверх и наконец оказались перед Воротами.

Глава 6

ВОЛЧИЙ КАМЕНЬ

Торин замотал голову хоббита черной тряпкой, оставив лишь узкие щелочки для глаз; то же сделали и прочие гномы. Грани толкнул створки Ворот, те бесшумно разошлись в стороны, и в проем брызнул ослепительный солнечный свет — уже спускался вечер, длинные закатные лучи били прямо в лица вышедшим на поверхность гномам, и, если бы не повязки, они бы непременно ослепли. На груде камней возле входа в подземелья сидели двое Следопытов с луками в руках — Гердинь и Ресвальд. Сперва они

не могли вымолвить ни слова и только изумленно таращились на появившихся товарищей, словно на выходцев из-за Гремящих Морей, а потом бросились к ним. На радостные крики к Воротам тотчас сбежались остальные. Однако гномы не спешили присоединиться к их ликующим возгласам; они сбрасывали с плеч мешки и плюхались где стояли, словно ласковый солнечный свет в один миг рассек незримые путы, удерживавшие их силы и волю годными для немедленного действия и боя. Гномы вяло отвечали на нескончаемые вопросы Следопытов; те сперва недоуменно переглядывались, но потом, наверное, решили, что их друзья просто выбились из сил, и повели их в лагерь, где уже вспарывались тугие тюки и затевался большой праздничный ужин.

Фолко в первый же миг побывал в объятиях Рогволда, потом и остальные не преминули хлопнуть его по плечу или потрепать по голове. Гномы потащились в лагерь, медленно, тяжело, точно через силу; хоббит чувствовал, что и у него осталось лишь одно желание — поскорее уснуть, постараться хоть на время забыть пережитую боль и, быть может, увидеть во сне Хорнбори. Гномы похоронили его, когда хоббит лежал в беспамятстве, и он не смог попрощаться с другом. Внезапно навалившаяся горечь утраты заставила его застонать. Хорнбори! Спасший всех и погибший сам, он должен был занять достойное место в Чертоге Ожидания, подле самого Великого Дьюрина...

Трещали дрова в костре, ясная и теплая июльская ночь висела над Туманными Горами, доносились птичьи голоса, и по границе дрожащего багряного круга, отбрасываемого костром, сидели рядом люди и гномы. Опустели поднятые в суровом молчании за Хорнбори рога, терпкое золотое вино юга обожгло горло хоббиту: на другой стороне костра поднялся старый ловчий.

— Так что же вы увидели там, друзья? Нашли ли вы то, что искали?

— Нашли, — угрюмо глядя в землю, ответил Торин. — Мы нашли и видели все, что способен был увидеть Смертный. А подошедший ближе всех к Силе Гор там и остался... Пиши Наместнику, Рогволд! Пиши, что Пожиратели Гор двинулись на запад. Это все, что мы можем сказать.

Торин уронил голову на грудь и умолк. Рядом с ним застыли изваяниями гномы, их бессильно брошенные руки казались лишенными жизни. Гномы молчали, глядя в землю, тревожно переглядывались люди — праздника не получалось.

— Что же ты не спросишь, что было у нас здесь, наверху? — нарушил молчание Рогволд.

Торин взглянул на него.

— Трижды из Ворот на нас находил ужас, — заговорил старый сотник. — Мы с трудом выдержали, невозможно было не поддаться ему, и тот, кто сопротивлялся, бывало, падал без чувств.

Видели далекие дымы на юге, словно кто-то подает сигналы. На севере видели зарево пожара.

— Давайте лучше спать, — вдруг зевнул Малыш. — Ночь пройдет, утро присоветует...

Озадаченные люди разошлись, тяжелый сон смежил веки вырвавшихся из лап Тьмы гномов, и лишь двое часовых бодрствовали в опустевшем лагере.

Солнце миновало зенит, день пошел на убыль, когда измотанные гномы начали наконец просыпаться. Казалось, все их силы остались там, в черноте морийских тоннелей, — так пусты и холодны стали их взоры. Нехотя они потянулись за позвавшим их куда-то Торином, медленно и без желания проглотив приготовленный для них встревоженными людьми поздний завтрак. Следопыты, удивленно поглядывая на гномов, оставили их на время в покое.

Торин привел своих соплеменников в небольшой овраг за лагерем. Они уселись кто где; хоббит обвел друзей взглядом — гномы сидели, как и вчера, вялые и безразличные — прежними оставались лишь жгучие глаза Дори, да Малыш как-то по-особенному невозмутимо привалился спиной к молодому грабу. Хоббитом постепенно тоже овладело глухое и беспросветное равнодушие; он по-прежнему был там, внизу, где осталась погребенной дерзкая мечта морийцев и Дори о возрождении королевства Первого Гнома. Земные дела казались хоббиту мелкими и несущественными, и он начинал понимать друзей — что им было делать дальше?

Этот же вопрос задал гномам и поднявшийся Торин.

— Чего же тратить время! — сжал кулаки Дори. — Пожиратели Гор уходят из-под Мории. У нас есть Кольцо, помогавшее преодолевать внушаемый ими страх. Нужно собирать ополчение! Мы очистим древнее царство от засевшей там нечисти! А эти, подземные... да пусть роют себе куда хотят! Так что нам надо разделиться, отправить гонцов в Эребор и в Железные Холмы, а также в Эриадор и в Лунные Горы — по всем нашим поселениям!

Горячий Дори вскочил на ноги, по обыкновению рубя перед собой рукою воздух. Ему никто не ответил. Молчание затягивалось, и тогда заговорил Бран — старый и бывалый гном, которого никто бы не смог упрекнуть в трусости.

— До самого Чертога Ожидания мне хватит теперь того, чего я натерпелся в Мории, — глухо сказал он. — Что ты сделаешь против этой Силы, Дори! Да, я знаю, ты не отступишь и падешь с доблестью — но что до этого тем, кого ты поведешь за собой и кто разделит твою участь? И кто пойдет за тобой? Я, по крайней мере, второй раз не решусь...

Дори скрипнул зубами и заговорил со сдерживаемой страстью:

— Если мы все будем говорить так, славу и силу нашего племени ждет позорный конец! Мы ни разу не схлестнулись с Пожира-

телями по-настоящему, а этому надо учиться, как говорил Грани. Не знаю, почему он молчит теперь! Может, на этих Пожирателей можно обрушить свод, может, устроить подкоп, может, пустить воду! Но нужно что-то делать.

Бран лишь махнул рукой и сел, не выказывая ни малейшего желания спорить с неистовым товарищем. Вместо него заговорил Балин:

— Откуда ты знаешь, Дори, что все подземные враги ушли из-под Копей? Откуда ты знаешь, не вернутся ли они? — Гном цедил слова медленно и равнодушно, словно по обязанности. — Откуда тебе известен предел их Силы? Мы ведь ничего так и не узнали ни об их природе, ни о намерениях, ни тем более об их уязвимых местах! Мы оказались опрокинуты после первого же столкновения, не успев ни понять, ни даже разглядеть что-либо! Ты надеешься на Кольцо, но скольких может оно защитить? — Балин пожал плечами. — Что же до меня, то, думаю, нам всем пора в Аннуминас. Там еще вдоволь славного железа, хорошей работы и доброго пива. Идти вниз, — он вздрогнул, — у меня сил нет.

— Думаешь, они есть у меня? — тяжело взглянул на Балина Дори.

— Будет вам, — вдруг проронил Малыш. — Мы не удостоились внимания Пожирателей, они равнодушны к нам. И кто знает, заметили ли они вообще Хорнбори, да не треснет никогда плита над его ложем! Смотрите!

Он поднял согнутую в локте левую руку. По коричневому рукаву полз зеленоватый блестящий жучок. Малыш дунул, и легкого жителя травяной страны тотчас же унесло. Маленький Гном оглядел товарищей.

— Но разве я желал ему зла? — докончил Малыш. — Я мог и не заметить его, и даже то, что я поднял руку, ни о чем не говорит. Все могло быть просто случайно.

— Красно говоришь, — усмехнулся Грани, его губы дрожали и кривились. — А вот у меня все поджилки трясутся, едва я все это вспомню! Не место нам там, братья, не место! Что уж говорить — после драки кулаками не машут. Пусть тот, кто сильнее меня, пробует... А я в Аннуминас с Балином лучше подамся.

— И почему ты так упорно поминаешь Кольцо, Дори? — глядя в сторону, произнес робкой скороговоркой Вьярд. — Разве оно у тебя? Разве ты подполз к его погибшему хранителю? И вообще почему молчит Торин? Кольцо сейчас у него, от него все и зависит.

Торин тяжело вздохнул и бросил на замершего перед ним Дори почти виноватый взгляд. Еще раз вздохнул, провел рукой по топорищу и промолвил тихо, еле слышно:

— Я не пойду снова в Морию, Дори. Они сильнее нас, и что-то

подсказывает мне, что судьба нашего племени на сей раз решится не в подземельях, а здесь, на поверхности.

При первых же словах Торина Дори страшно побледнел и пошатнулся; первый раз Фолко видел неистового гнома в таком отчаянии.

— Ты не пойдешь... — почти простонал он сквозь зубы. — Проклятье на твою голову, на весь твой род до двенадцатого колена!

Дори отвел прижатые было к лицу ладони, в глазах стояли злые слезы, и вдруг сквозь них полыхнуло пламя его несдержимого гнева, свистнул рассекший воздух топор.

— Один на один, трус, один на один! — крикнул он Торину. — Отдай Кольцо, предатель, отдай!

И Дори прыгнул вперед. Никто не ожидал от него такого проворства, но кто же мог представить, что Малыш окажется еще быстрее? Маленький Гном повис на плечах Дори, обхватив его руками и ногами; Дори не удержался и рухнул на траву; не теряя времени, Малыш вывернул оружие из его сразу ослабшей руки. Дори лежал уткнувшись лицом в траву и не сопротивлялся, плечи его вдруг предательски вздрогнули.

Торин не отскочил, не схватился за топор, даже не шелохнулся, оставшись сидеть как сидел.

— Оставь его, Малыш, — приказал он другу.

Тот заворчал, однако слез с лежащего Дори, по-прежнему не поднимавшего лица.

— Послушай меня, Дори, — мягко заговорил Торин. — Наши дороги расходятся — мне пришла пора понять, что же происходит на поверхности, ты решил бороться за глубины. Но разве мы должны расстаться врагами? Скажите, тангары, — обратился он к остальным, — что вы хотите делать дальше? В Морию никто, кроме Дори, идти не хочет. Куда же вы теперь направитесь?

— Мы — в Аннуминас, — бросил Балин.

— Кто еще? Строн, Скидульф, Вьярд, Бран...

— Мы вернемся к Голубой Луне, — мрачно отрезал Грани.

С ним, как всегда, оказались Гимли и Трор. Глоин, Двалин и Дори упорно молчали. Дори с трудом приподнялся, снизу вверх глядя на Торина.

— Что станете делать вы, братья? — спросил тот морийцев.

Двалин вздохнул и развел руками.

— Отправимся к Одинокой Горе.

— Хорошо! Дори, ты с ними? — Торин шагнул вперед и сунул руку за пазуху. — Я еще не знаю, куда направлюсь, но скорее всего Кольцо Трора будет нужнее вам, а не мне. Дори! Возьми его.

Потрясенные гномы окаменели. Дори только глядел на Торина широко раскрытыми глазами. Тот шагнул к нему, протягивая на ладони блестящий золотой ободок. Дори вздрогнул и как-то растерянно и беспомощно оглянулся на морийцев.

— Бери, Дори, — глухо молвил Глоин. — Клянусь Морийскими Молотами, ты заслужил. Мы с Двалином пойдем с тобой и за тобой, поверь!

Дори дрожащими руками принял Кольцо из легко разжавшейся ладони Торина и медленно надел его себе на палец. Постепенно его плечи распрямились, глаза блеснули новым огнем; он склонился перед Торином в низком, почтительном поклоне.

— Не знаю, заслужил ли я его, — тихо молвил он, разгибаясь. — Но клянусь вечным огнем Горна и священной бородой Дьюрина, принимаю его лишь для того, чтобы помочь возрождению Мории. Клянусь! — Он сжал кулаки, его голос дрогнул. — Теперь мы сможем отправиться в Эребор и привести оттуда не тринадцать, а тринадцать сотен тангаров! И тогда увидим, чья возьмет!

— Что ж, тогда нам нечего больше искать здесь, — подытожил Торин. — Людям тоже пора домой... Мы выступаем сегодня же!

— А куда же направишь свой путь ты сам? — вдруг спросил Торина Вьярд.

— Долго рассказывать, — усмехнулся Торин. — Да и не к чему. Я собираюсь лезть в дела людей, Вьярд, а ведь здесь это мало кто одобряет. Впрочем, совсем забыл. Малыш! Я не слышал твоего решения...

— У меня давно все решено, — безмятежно отозвался грызший былинку Маленький Гном. — Куда вы с Фолко, туда и я. Мне в Аннуминасе делать нечего. Может, вам сгожусь...

Вечером того же дня, когда улеглась суматоха со сборами, Торин, Фолко и старый ловчий сидели на камнях неподалеку от Ворот Мории, любуясь великолепным летним закатом. Торин рассказывал потрясенно молчащему человеку об их подземных приключениях.

— ...Но самое главное, Рогволд, — это слова пленного орка. Появился новый хозяин, тот, кто собирает под свою руку остатки служивших предателю Саруману. Он болтал что-то о последнем бое с эльфами, о том, что на него поднимутся все его сородичи. Не забудь, расскажи об этом Наместнику, убеди его, чтобы тот не мешкал! Буря должна разразиться, и, чтобы встретить ее, нужно иметь под руками достаточно войск. Пусть Наместник отправит гонцов в Лунные Горы, пусть они не жалеют золота и слов о старой дружбе и старом союзе между Соединенным Королевством и тангарами Запада, пусть любой ценой он добьется того, чтобы хирд был наготове, чтобы наши отряды могли в любой день выступить к Столице. Хирд доберется до Аннуминаса за семь дней, помни это! Семь дней, не меньше.

— Неужели война? — прошептал Рогволд, в волнении кусая губы.

— Кто ж знает? — пожал плечами гном. — Хотел бы я ошибиться! Но этот хозяин... Я знаю, что он — человек, больше, увы, ничего...

Они помолчали, затем Рогволд осторожно спросил:

— А все-таки куда ж ты сам, с Фолко и Малышом?

— Фолко я еще не спрашивал, — ответил гном. — Сейчас вот и узнаем.

Хоббит поежился. Куда теперь? Перед ним лежали необъятные просторы; так хотелось увидеть побольше! Но... сказать кому, насколько же ему надоело спать кое-как, подобно бездомной собаке! Он уже забыл, когда последний раз ему доводилось есть нормальный обед — то есть с шестью переменами и на добрых фарфоровых тарелках, а не из этих жестяных мисок! Родные, Милисента, дядюшка... А впрочем, чего он считает? Дело не окончено, поиск продолжается, и ему нужно идти вместе с друзьями.

— Я с тобой, — твердо ответил он.

— И вновь я скажу — славно! — радостно улыбнулся Торин. — А теперь послушай меня. Я долго думал над словами орка, и ничего иного у меня не выходит. Полагаю, что «хозяин», кем бы он ни был, обязан был добраться до Исенгарда, раз уж речь зашла о Саруманове наследстве! Он либо уже прибрал его к рукам, либо готовится прибрать. Я собираюсь туда, друг хоббит. И может статься, это путешествие окажется поопаснее Пожирателей Гор! Это будет, впрочем, не такой уж большой крюк — до Исенгарда отсюда две недели ходу. Через полтора месяца мы будем уже в Тарбаде, Рогволд. Оттуда пошлем тебе весточку. Кстати, не забудь черкнуть пару слов на нашей подорожной — она пригодится нам на роханских рубежах.

Они прощались наутро — девять гномов уходили на запад со Следопытами; Дори, Глоин и Двалин намеревались перебраться через Багровые Ворота в Приречные Земли и далее в Эриадор; Малыш, Фолко и Торин направлялись на юг. Перед расставанием гномы и Фолко сошлись в тесный круг.

— Вот и окончился путь нашего отряда, — заговорил Торин. — Но мы не должны терять друг друга из вида. Дори! Как я смогу узнать о тебе и ваших делах?

— Мы доберемся до Эсгарота и оттуда напишем в Аннуминас, в «Рог Арахорна», — ответил Дори, изо всех сил старавшийся казаться спокойным. — Но раньше ноября не ждите вестей от нас! Пока еще обоз перевалит через Туманные Горы... Ну а потом — вы знаете, где искать нас.

Они замолчали. В горле у хоббита встал комок — впервые он расставался с теми, с кем сражался плечом к плечу и делился дорожным хлебом. От нового, незнакомого чувства щипало в гла-

зах. Он шмыгнул носом и, подняв голову, заметил, что стыдливо отворачиваются друг от друга и остальные.

— И будем помнить об оставшемся здесь, — со вздохом молвил Торин. — Да не потревожится никем покой его ложа...

Гномы молча склонили головы. Прощание окончилось, они стали расходиться. Фолко взобрался на спину своего пони и примотал к луке седла повод второй лошадки, навьюченной их дорожным припасом. Малыш — небывалое дело! — сам отдал столь ревностно сберегавшееся им пиво друзьям, оставив себе лишь небольшой жбан. К уже сидящим верхами Фолко и Торину подъехал Рогволд.

— Вам лучше всего будет добраться до роханских постов на Южном Тракте, — пряча под улыбкой печаль, сказал бывший сотник. — Они покажут кратчайший путь к Сторожевому Лесу вокруг Исенгарда, но сами в него не пойдут — о нем идет дурная слава, хотя я не верю в эти бабьи сказки. Сейчас идите строго на юго-запад, не пройдет и недели, как вы окажетесь на Тракте. Оттуда до Ворот Рохана еще дней двенадцать.

— Я хотел напрямик, — возразил Торин. — Так у нас уйдет лишь две недели вместо трех.

— Я бы не рисковал пересекать сейчас Дунланд, — покачал головою Рогволд. — Кто их знает, этих горцев, дурной они народ.

— Когда по левую руку от меня будет одна лига до гор, я не побоюсь никаких дунландцев, — гордо ответил Торин.

Они разошлись в разные стороны. Захлопали ременные вожжи, лошади влегли в хомуты; тронули поводья и Фолко с Торином. Часто оборачиваясь, расходящиеся путники махали друг другу, посылая товарищам последний привет. Едва заметная тропка свернула вниз, к узкой и быстрой Сираноне, и Фолко потерял людей и гномов из виду.

Торин не последовал совету Рогволда, направившись прямо на юг вдоль неприступных скал Туманных Гор. Печальная местность с покинутыми домами и зарастающими дорогами уступила место лесистым предгорьям, долгим и крутым холмам, покрытым негустыми, прореженными многочисленными рубками лесами. По склонам холмов сбегали бравшие начало в горах чистые и быстрые речушки; над их прозрачными водами нависали густые кроны буков и грабов. После долгих недель подземных странствий глазам хоббита пришлось вновь привыкать к многоцветью мира.

Первые три дня они ехали по еще сохранившимся кое-где дорогам; на четвертый — их взор уже не встречал никаких следов человека, однако Торин бестрепетно повел их в самую глубину

предгорных лесов. Они держали горы по левую руку от себя, и с таким ориентиром нечего было бояться сбиться с дороги.

Сперва хоббит опасался встречи с какой-нибудь из бродячих разбойных шаек; он крепко помнил слова Теофраста о тайных поселениях лихих людей в этих краях; однако день шел за днем, минула неделя, а они по-прежнему встречали лишь отпечатки звериных лап.

Как-то ночью хоббит ощутил было знакомое томительное удушье, неясный страх, подкативший липким комком к горлу, и понял, что Глубины исторгли на поверхность еще одно свое порождение; однако путники уже были слишком далеко, чтобы это задело их по-настоящему, хотя хоббит и проснулся в холодном поту, судорожно схватившись за оружие.

Хороши и привольны были эти дикие края; впрочем, леса вскоре кончились, отступив на девятый день перед натиском широких травяных степей. Путники выходили к границам Дунланда.

Однако выбраться из длинных лесных языков на простор степной дороги оказалось куда как непросто. Вдоль границы леса деревья были свалены и нагромождены длинными, высокими засеками, тянувшимися далеко вправо и влево. Засеки содержались в порядке — нигде не было видно гнилья, да и мох покрыл лишь самые нижние стволы.

— Кто-то отгораживается здесь, — озабоченно бросил Торин, проехав вдоль немудреного укрепления. — Пеший, конечно, перелезет... А вот как же нам?

— Кто же их делал? — спросил хоббит, торопливо оглядываясь по сторонам, точно ожидая появления из зарослей неведомых врагов.

— Мы ж не знаем, что осталось у нас за спиной, — кивнул Торин. — Наверняка какие-нибудь друзья-товарищи того Дрона, что ты, Малыш, поймал. Ладно, что гадать, надо выбираться.

Однако прошло немало времени, прежде чем им удалось соорудить намет и перевести упиравшихся пони через завал. Вскоре они въехали на лизавший подножия гор степной залив. За ним на холме виднелись рощи, но вокруг уже начиналось царство трав. Здесь широкие степи Энедвэйта карабкались вверх по пологим склонам далеко оттянувшихся на запад предгорий Туманных Гор, стесняя выше горные леса, и здесь лежала страна тех, кого хроники Средиземья именовали дунландцами, а как называли себя сами горцы, по-прежнему никто не знал Помня предостережения Теофраста, Торин удвоил осторожность. Вскоре они миновали пограничный знак — резной деревянный столб, потемневший от дождей и ветров, покрытый изображениями оскаленных волчьих морд.

На холмах кое-где стали заметны какие-то низкие бревенча-

тые постройки, а возле неширокой речки в долине между двумя грядами путники увидели небольшое селение: они обошли его за добрую лигу — деревня казалась отнюдь не мирной. Десятка два молодых мужчин упражнялись за околицей в стрельбе из лука и метании копья; мало кто возился на своих огородах — люди толпились на улицах, словно что-то оживленно обсуждая; ветер доносил до притаившихся в укромном месте гномов и хоббита гул встревоженных, взбудораженных голосов. Они не могли понять ни слова, но в настроениях обитателей деревни ошибиться было невозможно.

Несколько часов спустя из деревни выехали семь всадников на коренастых рабочих лошадях, следом шли одиннадцать пеших, за которыми ползло две телеги, запряженные парой тяжеловозов. Пехота шла с длинными, смахивающими на корыто щитами; над головами были подняты короткие толстые копья. Всадники имели небольшие круглые щиты с острыми коваными шипами в центре и копья, более длинные и тонкие, чем у их пеших товарищей. Провожать отряд высыпало, наверное, все взрослое население деревушки — в ней оставалось еще немало крепких мужчин и молодых парней.

— Куда это они направляются, хотел бы я знать, — проворчал Торин, провожая небольшой отряд дунландцев отяжелевшим взглядом.

После этого они сочли за благо обойти стороной эту не показавшуюся им особенно гостеприимной землю и в тот же день продолжили путь, повернувшись спиною к горам. На третий день рубежи Дунланда остались далеко на юге, за надежно укрывавшими путников завесами дубовых рощ.

Было уже за полдень, когда почти полностью заросшая лесная дорога вывела их на широкую поляну, с которой они увидели полуразвалившийся мост над тихой речкой, на другом берегу дорога круто поднималась в гору.

— Дурная дорога какая-то, — проворчал Малыш. — Ведет тебя такая, ведет, а потом глядь — и ты уже в такой дыре, что поди знай как выбираться. Торин, откуда здесь дорога-то взялась?

— Ты кого спрашиваешь? — не поворачиваясь, бросил Торин. — Я ее торил, что ли? Мы сейчас идем как надо, завтра сворачиваем к югу, а там и Тракт недалеко.

— Помоги нам Дьюрин до Тракта целыми добраться, — не унимался Малыш. — Лесом надо было ехать! Того и гляди, налетят...

— И нос тебе откусят, — буркнул Торин.

— И тишина здесь... слишком уж тихая, — продолжал Малыш, вертя головой.

Неожиданно он натянул поводья и, остановившись, принялся торопливо надевать доспехи. Торин хмыкнул, пожал плечами и повернулся к хоббиту.

— Ты ничего не замечаешь, Фолко?

Хоббит развел руками. Торин еще раз глянул на вооружившегося с головы до ног Малыша, что-то проворчал, махнул рукой и, в свою очередь, стал натягивать кольчугу. Примеру друзей последовал и Фолко, хотя и не разделял тревоги Малыша.

Миновав старый мост, хоббит послал было своего пони вперед, когда внезапно его остановил негромкий, едва слышный оклик Малыша, задержавшегося на серых древних бревнах:

— Эге!.. Вот так штука!

Торин и Фолко поспешили к нему. Малыш сидел в седле, низко наклонившись, и пристально разглядывал что-то между копыт своей лошадки. Присмотревшись, хоббит увидел, что в этом месте подгнивший и заросший мхом край бревна разбит, выкрошились темно-коричневые кубики, словно туда сильно ударили чем-то острым — причем совсем недавно. Они молча переглянулись, и Торин словно невзначай потащил из-за пояса топор.

— Здесь кто-то проехал. Может, вчера, может, еще раньше, но по мосту прошел верховой, — заявил Малыш, разгибаясь и, в свою очередь, обнажая оружие. — Тронулись, что ж мы здесь на виду торчим...

Осторожным шагом они въехали на гору и приостановились, чуть не достигнув гребня, чтобы осмотреться и в то же время не маячить на фоне неба. Их глазам открылась заросшая высокой травой некошеная поляна; справа она обрывалась к реке, а слева тянулось мелколесье, кое-где выбросившее вперед языки молодого ольшаника. Совсем рядом с дорогой, над самым обрывом, стоял большой черный камень сажени полторы в высоту и две в ширину. Дорога спускалась круто вниз, и примерно в миле от них вдоль обочины стояли странные приземистые дома с пологими односкатными крышами. Несколько минут друзья молча разглядывали необычное поселение, казавшееся пустым и безжизненным.

— Ну что, поехали? — нарушил молчание Торин.

— Ха! А если там кто засел? — возразил осторожный Малыш.

— Не гадайте, деревня пуста, — вмешался до этого внимательно прислушивавшийся к чему-то Фолко. — Можно ехать смело.

— С чего ты взял? — удивился Малыш. — Может, они все по погребам попрятались?

— Слышишь, как птицы кричат? — прищурился Фолко; слабый ветер доносил до них голоса лесных обитателей. — Это краснозобики, я их знаю. Они такие сторожкие, что ближе, чем мы сейчас, никого к себе не подпустят. А кричат они чуть ли не в

самой деревне. Людей они заметят за милю, подобраться к ним — ох как нелегко!

— Гм! — пожал плечами Торин. — Вот что значит — житель Верхов! Слушай, а что это вообще за птицы? Почему я о них раньше не слышал? Какие они из себя? Большие, нет?

— Не только большие, но и вкусные, — усмехнулся Фолко, перетягивал колчан поближе. — Вы меня тут подождите, я пойду вперед. Глядишь, дичинкой разживемся!

Однако, прежде чем разделиться, они должны были миновать оставшийся чуть в стороне черный камень; Торин настоял, чтобы они осмотрели его.

На черной поверхности камня выступали контуры двух фигур — звериной и человеческой. Широкоплечая, широкобедрая женщина с округлым лицом стояла на левом колене, правой рукой опершись о длинный лук, а другую уронив на загривок подавшейся вперед волчицы с оскаленной пастью и вздыбившейся шерстью. Головы фигур, выполненные необычайно тщательно, поражали искусством работы; тела сливались с камнем, уходя в его глубину. Фолко как завороженный глядел на изваяния; что-то пугающее, недоброе было в них, что-то необычайное, заставившее хоббита долго и пристально вглядываться в них, пока его наконец не осенило — у женщины были глаза волчицы, а у зверя — человеческие! Фолко замер; в ту же секунду скрывшееся на время солнце выглянуло из-за белых кучевых облаков, его лучи упали прямо на лица каменных фигур, и тут уже содрогнулся не только хоббит — женщина и волчица внезапно прозрели! На казавшихся слепыми глазах появились черные зрачки, направленные прямо на светило. Лица изваяний ожили; звериная чуткость и нечеловеческая мудрость читались в разбуженном солнцем взгляде женщины, и человеческая глубина и разумность — в зрачках ее спутницы. Волчье и человеческое начала так переплетались в них, что они казались сестрами.

Гномы согласно и восхищенно вздохнули, прицокивая языками, как делали всегда, видя чью-то замечательную работу.

— Как такое у них получилось, объясните вы мне? — бормотал Малыш, близко-близко подойдя к камню.

Оставив наконец за спиной загадочное творение неведомых мастеров, они неспешно и осторожно двинулись вперед. Вскоре Фолко остановил своих спутников, спешился и крадучись зашагал дальше. Он вновь надел на левую руку изрядно поношенную рукавичку лучника без пальцев, достал из колчана две стрелы и приготовился.

Краснозобиков он поднял, не доходя шагов ста до края деревни. С полдюжины тяжелых красногрудых птиц, наполняя воздух упругим хлопаньем крыльев, вырвались из зелени невысокой гибкой поросли и, стелясь над самой землей, помчались прочь,

лишь немногим уступая в быстроте молниеносным орлам. Их взлет был настолько неожидан, что ни один из лучников Арнора не успел бы даже прищуриться; ни один человек или гном — но не хоббит! Просвистела его длинная белооперенная стрела, и сероалая птица тяжело ударилась оземь.

Привязав подбитого краснозобика за спину, Фолко махнул рукой ожидавшим его друзьям. Пока они подоспели, — а им нужно было преодолеть почти милю, — хоббит рассматривал ближайшие строения. Выглядели они, по правде говоря, весьма неуютно, видно было, что деревня давным-давно заброшена. Вдоль сгнивших и обвалившихся изгородей поднялась густая зеленая трава, почти скрывшая изглоданные временем колья. Дома покосились, венцы осели, ветер шуршал рассохшейся дранкой на крышах. Ближайший дом вообще стоял, сиротливо обнажив черные обросшие каким-то мхом стропила. Смертью и запустением повеяло на хоббита от этих домов, вдруг показавшихся ему так похожими на древних, забытых детьми стариков, что ждут и не могут дождаться возвращения наследников.

Трое друзей медленно проехали по единственной улице, с грустью глядя на черные провалы окон. У одного из домов, побольше других и на первый взгляд не столь развалившегося, Торин придержал пони.

— Зайдем, что ли?

Малыш согласился легко и сразу, Фолко же поплелся вслед за гномами с тяжестью на сердце. Он никак не мог привыкнуть к виду брошенного жилья — в Хоббитании такое не приснилось бы и в страшном сне.

Низкая дощатая дверь оказалась даже ничем не подпертой; длинные железные петли, покрытые вековой ржавчиной, тягостно заскрипели; перешагивая через высокий порог, хоббит глянул вниз и увидел, что и порог, и крыльцо возле него присыпаны кое-где мелкой ржавой пылью, явно с этих петель. Подивившись, откуда она могла здесь взяться и кому могло понадобиться околачивать ржавчину с дверных петель пустого дома, он вошел внутрь.

Там было темновато и совершенно ничем не пахло — хоббит ожидал запаха плесени, сырости или чего-то подобного, однако, сколько он ни втягивал в себя воздух, почувствовать он ничего не смог. Доски пола подгнили и изрядно прогибались под тяжелыми башмаками его спутников; по левую руку в бревенчатой стене была еще одна дверь. Открыв ее, они оказались в длинном и низком помещении с большим очагом у правой стены; окна были устроены в левой. Вдоль стены стояло несколько лавок, у очага валялось какое-то тряпье, а в дальнем левом углу стоял резной деревянный столб, вдруг живо напомнивший хоббиту пограничный знак, который они миновали несколько дней назад, — столб был покрыт изображениями волков, а сверху заканчивался ис-

кусно вырезанной волчьей головой. Весь столб оказался, к удивлению хоббита, увешанным звериными челюстями — тут были медвежьи и барсучьи, рысьи и росомашьи, лосиные и лисьи. Не было лишь волчьих. Хоббиту пришлось долго объяснять гномам, какому зверю принадлежит та или иная кость. Вдруг он замер, точно остолбеневший, когда протянул руку к очередной челюсти. Прямо перед ним на кожаном шнурке висела, зацепленная за выступ на столбе, белая, тщательно отмытая человеческая челюсть!

Хоббит тут же очень захотелось оказаться на улице и желательно подальше от этого места. Гномы при виде его находки сразу схватились за топоры, но, поуспокоившись, заставили хоббита как следует все осмотреть. Это отняло у них немало времени, они облазили дом сверху донизу, но больше не нашли ничего подозрительного, однако им стало ясно другое.

— В доме были, — выдохнул хоббит, когда они закончили осмотр. — Месяц назад, может — два. С петель сбита ржавчина, человеческая челюсть висит на чистом кожаном шнурке, а все прочие на шерстяных и совсем заросли пылью. Кроме того, в очаге горел огонь.

— Славно! — процедил сквозь зубы Малыш. — Куда ты привел нас, Торин? Кто здесь жил? Это что, Дунланд?

— Непохоже, — покачал головою Торин. — Дома здесь, по крайней мере, совсем не такие. Да и не слышал я, чтобы горцы собирали челюсти!

— А кто же тогда? Фолко, хоть ты скажи!

— Что сказать-то? — повел плечами хоббит. — Читал я, что в услужении у Сарумана были жившие где-то в этих краях какие-то «ездящие на волках», но кто они такие и куда потом делись — не знаю.

— А человеческая челюсть? Она откуда?

— Вспомни, что говорил Рогволду Франмар на дороге в Аннуминас, — мрачно усмехнулся Торин. — У меня это никак из головы не идет — про тех, что вырезали нижние челюсти у попавших в плен арнорских конников!

— Ты хочешь сказать... — начал Малыш, хватаясь за меч.

— Я хочу сказать, — перебил его Торин, — что ночевать здесь я не стану ни за какие деньги. Лучше уж в лесу! Давайте искать место для ночлега, а то вон солнце уже садится.

Стараясь оставлять как можно меньше следов, они выбрались из загадочной деревни и зашагали через пустое, заросшее поле к мелколесью. Солнце хоть и опускалось к горизонту, но было еще довольно высоко, до начала сумерек оставалось еще около часа.

— Растяпа! — хлопнул себя по лбу Малыш. — Воды-то не набрали!

— В деревне ты бы ее и так не набрал, — откликнулся хоббит.

— А колодцы? Должны же быть колодцы!

— В брошенных деревнях колодцы умирают первыми, — печально сказал Фолко. — Колодец живет, лишь пока из него берут воду, пока он нужен. А перестали черпать — и он умирает. Говорят, его водяной хозяин от обиды уходит прочь, а вместе с ними и вода. Потом обрушивается сруб...

— Гляди, ручей, — толкнул Малыша Торин. — Там и наберем.

Они поехали вверх по течению. Ручей брал свое начало в лесном ключе, бившем из размыва на самом краю ольшаника. Вода оказалась вкусная, чистая, холодная, с каким-то особенно приятным запахом то ли просыпающейся земли, то ли распускающейся листвы... Они пили долго и никак не могли оторваться, хотя жажда их и не мучила.

Проехав сотню саженей влево от родника по краю леса, они неожиданно наткнулись на странную полуземлянку, когда-то, наверное, служившую погребом. Внутри оказалось довольно сухо, пол выстилали толстые древние доски, напротив двери было маленькое прямоугольное окошко. Не долго думая, друзья решили заночевать здесь. Пока Торин и Малыш отправились за дровами, хоббит стал собирать траву для подстилки. Срывая высокие сочные стебли, он нет-нет да и оглядывался по сторонам, и, хоть все было спокойно, смутное чувство неясной тревоги не покидало Фолко.

Вернулись гномы, нарубившие сухостоя; хоббит не торопясь и со вкусом ощипал краснозобика и запек добычу в углях. После сытного ужина они некоторое время сидели и молча покуривали трубки, глядя на медленно гаснущее над дальним лесом закатное пламя, а потом отправились спать.

Темный сон без видений сковал хоббита, но пробудился он от ощущения, что медленно тонет в чем-то холодном и липком; он отчаянно взмахнул руками, стараясь освободиться, — и открыл глаза.

Было раннее-раннее утро, рядом похрапывали гномы, а из неплотно прикрытого окошка на грудь хоббиту медленно стекала молочно-белая струя необычайно густого и плотного тумана — мокрого, холодного, зябкого. Фолко было потянулся захлопнуть створку, как вдруг из окна до него донеслись какие-то смутные, еле слышные звуки, заставившие его тотчас насторожиться. Осторожно приподнявшись, он выглянул наружу.

Белый плотный покров затягивал все вокруг — поле, деревню, дорогу, виднелись лишь крыши домов, и хоббит удивился вновь: туман у земли был непроницаем, выше же груди человека его слой казался срезанным какой-то гигантской косой — дальние рощи были видны очень четко. И по этому туманному покрывалу от деревни к лесу почти бесшумно плыли черные силуэты всадников.

Сперва Фолко едва не скатился на пол от страха, но он уже

прошел через немалые испытания — и теперь лишь стиснул зубы и стал смотреть. Он смотрел и считал — два, пять, десять и еще двое...

Всадники скрывались в лесу слева от их землянки; не звякало оружие, не перекликались люди — недобрая тишина сгустилась над безымянным полем. Хоббит закусил губу, вспомнив об их собственных пони. Вздумают заржать — что тогда? И он поспешно растолкал гномов, стараясь производить как можно меньше шума.

Торин, как всегда в последние месяцы спавший чутко, проснулся от первого же прикосновения к плечу; одного взгляда на встревоженное лицо Фолко было достаточно, чтобы он оказался на ногах, прильнув к окошку. Труднее оказалось с Малышом — тот со сна принялся было в голос ворчать по поводу того, что такая рань, а тут уже будят, а завтрака еще ждать и ждать. Торин внезапно отвернулся от окна и с яростью прошипел что-то на незнакомом Фолко языке; Малыш осекся на полуслове и схватился за меч.

— Кто это, Торин? — шепнул он.

— Не знаю, может, роханцы, но кто их знает? Лучше переждем и посмотрим.

— Вы смотрите, а я к пони — головы им завяжу, — бросил на ходу Малыш и исчез в молочной мгле за дверьми.

Фолко и Торин последовали за ним. Дождавшись друга, они втроем поползли вперед, к самому краю мелколесья. Где-то совсем рядом, в затканном туманом лесу, затаился отряд неизвестных конников.

— А в деревне? — повернулся к хоббиту Торин. — В деревне что?

— Не видел, — ответил Фолко. — Я их заметил, когда они уже от нее отъехали.

— Может, уже проехали? — со слабой надеждой проронил Малыш.

— А если нет? — отрезал Торин, не отрывая взгляда от сырой дымки перед ними. — Будем ждать!

И они стали ждать. Постепенно над краем дальнего леса на востоке, над гребнем еще более далеких Туманных Гор, поднялся диск дневного светила, туман рассеивался, взглядам открылась поблескивающая предутренней росой луговина. Как на ладони стала видна деревня — отсюда она казалась вымершей. Торин взглянул на спутников.

— Будем ждать до полудня, — тихо сказал он. — По крайней мере, пока не высохнет роса. Надо посмотреть, что творится справа и слева от нас и нельзя ли убраться отсюда по-тихому.

Внезапно до их слуха донесся приглушенный всхрап лошади где-то по левую руку от них, и Торин жестко усмехнулся.

— Вот и нашлись... Лежим тихо!

Потянулось время, над полем сгустились легкие облачка поднимающейся вверх дымки от высушенной солнцем росы. Задул легкий южный ветер, все громче стали раздаваться голоса дневных птах; из листвы, почти над самой головой, запела иволга; следующий порыв ветра вновь донес до них конское ржание — оно раздалось где-то далеко, за деревней, на невидимой отсюда дороге между последними домами и лесом. Торин прижался ухом к земле.

— Еще конные, — выдохнул он, не поднимаясь. — Попались мы! Не иначе как сбор тут у этих.

И тут тишина неожиданно рухнула, разорванная свистом десятков стрел; спустя мгновение раздались неистовые крики, смешавшиеся с бешеным конским ржанием; донеслись и удары стали о сталь.

— Бой... — прошептал Малыш и потащил меч из ножен.

Из-за крайних домов внезапно вынырнули десяток или полтора всадников — на высоких, прекрасных каурых конях, с зелеными щитами и зелеными флажками на копьях. Они летели, не разбирая дороги, прямо через поле к лесу, один за другим забрасывая за спину свои зеленые с белым крестом щиты. Вслед им из-за плетней вынырнули пешие с луками и арбалетами; мелькнули черные стрелы, один из коней вздыбился и рухнул, его наездник успел ловко спрыгнуть, но тотчас упал и сам, схватившись за пробившую его насквозь стрелу. Остальные мчались дальше; расстояние быстро увеличивалось, казалось, им удастся уйти; однако в лесу взревел низкий рог, и навстречу им полилась укрывавшаяся там до времени конница. Вились зелено-черные плащи; наставлены были копья, и метко били с ходу многочисленные арбалетчики. Несколько людей и коней из спасавшегося бегством отряда упали, однако уцелевшие сомкнулись с удивительной быстротой; колено к колену, голова к голове, они плотным кулаком ударили в не успевшие сбиться вместе ряды своих противников. Хряск, лязг и единый, словно вырвавшийся из одной груди вопль — и семеро прорвавшихся, оставив копья в телах корчащихся на траве врагов, скакали дальше, к лесу, разметав пытавшихся противостоять им.

Однако арбалетчики не дремали — уходившие всадники оказались в подвижной, сотканной из коротких черных росчерков сети. Падали кони, бессильно опускались на землю их пытавшиеся подняться седоки... Последний из уходивших упал на самом краю спасительных зарослей.

Победители неспешно объехали распростертые тела, добив двух раненых. На поле боя стало вдруг очень тихо — только теперь Фолко заметил, что и из деревни больше не долетает ни звука.

Конные воины спешились, подобрали восемь тел своих. Распоряжался кряжистый человек в черном шлеме с высоким и тонким острием, на которое был навязан длинный пук черного конского волоса. Он сидел на высоком караковом жеребце неподалеку от места, где укрывались друзья, и они услышали его речь — быструю, отрывистую, совсем непохожую на плавный говор обитателей Аннуминаса.

— Эй, Фараг, скажи хельги-баану, чтобы его хазги перестали рвать челюсти соломенноголовым! Нам нужно спешить, пусть выводит их из деревни!

Получивший приказание воин, горяча коня, поскакал к деревне, а начальствующий уже поворачивался к следующему:

— Принеси садок с улагами, Глофур! Мне надо отправить донесения, и вы все — собирайте наших, бросьте обдирать тела, если не хотите ломать камни в Дунхарроу или кормить бродячие дубы в Фангорне!

К нему подбежал одетый в темное невысокий человечек с большой плетеной корзиной. Открыв ее, он запустил туда руку и извлек какое-то незнакомое хоббиту зеленоватое существо длиной в локоть с перепончатыми крыльями. Гибкое тело извивалось, подобно змеиному, раздавался слабый, ни на что не похожий посвист. Командир вытащил из-за пазухи какой-то предмет, сунул его в кожаную трубку на ошейнике существа и подбросил крылатую тварь вверх. Кожистые крылья с шипением рассекли воздух, существо взмыло вверх и, часто махая крыльями, полетело на север.

— Ну и страшилище, — прошептал рядом Малыш, широко разинув рот.

Тем временем из деревни мало-помалу потянулись пешие, и хоббит мгновенно забыл о диковинной летучей ящерице — шли люди, подобных которым он никогда не видел ни в Пригорье, ни в Аннуминасе, ни на Южном Тракте. Низкие, немногим выше гномов, почти такие же кряжистые, они шли вперевалку на толстых кривых ногах; под опущенными наличьями шлемов лиц было не разглядеть, за спинами торчали рога необычайно длинных и толстых луков. Кое-кто нес коричневые щиты, небольшие и круглые, с черными и красными конскими головами; навстречу им из леса вели низких и казавшихся необычайно длинными лошадей. Наездники вскакивали в седла движением опытных конников, не касаясь стремян; зоркий хоббит рассмотрел приторочennые у лук короткие копья.

Их спутники казались обычными людьми — высокими, стройными, темноволосыми. Они были разнообразно и хорошо вооружены — мечи, копья, арбалеты, секиры, шипастые боевые дубины; на длинных, сужающихся книзу щитах красовалась незнакомая эмблема — черная трехзубчатая корона в центре белого поля.

Отряд садился в седла, и тут Фолко, вглядевшись, увидел за спинами у нескольких всадников странно знакомые тщедушные фигурки.

— Нидинги... — прошипел Торин, щурясь и вглядываясь в ряды конных. — Нидинги вместе с конными арбалетчиками и какими-то хазгами, которые рвут челюсти у побежденных! Славная компания!

Тем временем конница скорой рысью двинулась через поле к мосту, по которому вчера прошли трое друзей. Победители поймали с десяток коней своих противников; теперь на них везли тела своих — их было едва полтора десятка.

Вскоре все стихло, отряд скрылся за изгибом холма, а гномы и хоббит все лежали в своем убежище, не решаясь поднять голову.

— Ну что? — громким шепотом спросил Малыш. — Что дальше?

— Надо бы деревню посмотреть, — выдавил из себя Торин, и было видно, что ему вовсе не улыбается тащиться туда, но он превозмогал себя. — Может, там еще есть живые... Надо же выяснить, что здесь произошло?

— Ага, а если они еще в деревне? — возразил здравомыслящий Малыш.

— Так вот и надо подобраться незаметно, посмотреть. Хотя вряд ли — этот вожак торопил их не для того, чтобы сбить нас с толку!

Осторожно, краем леса, они подкрались как можно ближе к околице. В деревне все молчало, только время от времени раздавался неспешный перестук копыт.

— Кони бродят... — прошептал Фолко. — Кони бродят возле мертвых хозяев...

Он вздохнул и зябко поежился. Он впервые увидел настоящий бой со стороны, и это ему весьма не понравилось. Беспощадность никогда не была свойственна хоббичьей натуре, и они с трудом выносили столкновения с ней в открытую. Смертельная схватка никак не походила на красивые гравюры из старинных книг, изображавшие великих героев, развевающиеся знамена и бегущих врагов.

Они тихо обогнули край дома и оказались на единственной деревенской улице. И тут война показала хоббиту, какой она бывает на самом деле — не в книгах и не на картинках.

На дороге вповалку лежали мертвые тела — много, несколько десятков, скорченные трупы, истекшие кровью, которая скопи́лась кое-где в углублениях, точно дождевая вода. Над отвоевавшими воинами с громким жужжанием кружились рои крупных сине-зеленых мух. И повсюду — в заборах, стенах, деревьях — и в

телах — торчали длинные, очень толстые стрелы. Все погибшие были пронзены насквозь, словно на них и не было никаких доспехов, — черные зазубренные наконечники торчали наружу. Фолко почувствовал дурноту, не лучше выглядели и гномы.

Они осторожно оторвались от ограды палисадника и медленно пошли по улице, старательно обходя тела. Все погибшие — и от этого хоббиту стало еще хуже — были совсем юношами, почти мальчиками. Хоббит, сперва с трудом заставивший себя взглянуть на них, теперь, точно завороженный, не мог оторвать взгляд от красивых, правильных лиц, от рассыпанных в дорожной пыли, испачканных кровью светлых волос, от их уже начавших поволакиваться мутью глаз. На валявшихся тут и там щитах погибших был хорошо знакомый ему герб — белый скачущий конь на зеленом поле. Молодые воины, все как один, были роханцами. Земля кое-где вокруг тел была взрыта, некоторые лежали с мечами в руках; проходя мимо одного из домов, друзья долго не могли оторваться, глядя на пригвожденных стрелами к стене троих молодых воинов, так и не выпустивших из рук все же успевших обагриться чужой кровью клинков. Из груди торчали толстые чернооперенные стрелы, ушедшие так глубоко в дерево, что Торин лишь с огромным трудом вырвал их, когда они молча, не сговариваясь, стали укладывать погибших в тень.

— Вот это да! — ворчал гном, вертя в руках сломанный черенок стрелы. — Ну и стрелки эти хазги или как их там кликали.

Они пошли дальше. Фолко с трудом держался на ногах и едва не лишился чувств, когда чуть дальше им стали попадаться страшно изуродованные тела с вырезанными нижними челюстями! При виде ужасной раны, чудовищно менявшей и без того пугающие мертвые лица, он пошатнулся и поскорее ухватился за плечо Торина.

— Это те самые, с севера, — хрипло, давясь словами, выговорил Торин. — А вот смотри, куда забрались!.. Ну ладно, погодите, мы еще переведаемся!

— Смотрите-ка, — вдруг нагнулся Малыш. — Что это за арбалет? Чья такая работа? Раньше не видел...

— Дай-ка сюда, — потянулся Торин.

Несколько мгновений он молча, брезгливо рассматривал протянутый ему другом стреломет. На первый взгляд он показался хоббиту таким же, как и гномьи.

— Э, нет, брат хоббит, — протянул в ответ на его вопрос Торин. — Это, друзья, ангмарский конный арбалет. Я таких перевидал немало. Видите — тут два зацепа, этот — чтобы бить с земли, или стоя, или, скажем, сидя. А чтобы натянуть тетиву, только этот рычаг и нужен. Хитро, ничего не скажешь! — Торин вскинул чужое оружие к плечу. — И сделано неплохо. Легок, ухватист, тетиву... — он потянул за рычаг, — одним движением взводишь. Из

обычных-то арбалетов с коня стрелять несподручно, а вот из этого... запросто. Но это мы видели, а вот это — гляньте! — это действительно интересно!

В руках Торина лежал очень длинный и толстый лук, причудливо и сложно выгнутый, составленный из множества тонких пластинок, хитроумно наложенных друг на друга и скрепленных. Тетива отблескивала металлом; лук был почти в два хоббитских роста.

— Такого мы еще не видели, — протянул Торин. — Вот они, луки этих хазгов! Ну-ка... — Он поискал целую стрелу, вытащил одну, ушедшую в землю почти по оперение, и наложил ее. — Лучник из меня никудышный, но...

Он стал натягивать тетиву, и его лицо побагровело от натуги, на руках взбухли вены, лоб покрыли бисеринки пота — а лук ему удалось растянуть едва ли наполовину. Задетый за живое, гном заскрипел зубами, поднатужился, отчаянным усилием дотянул тетиву до носа, и в этот момент у него не выдержали пальцы. Черная стрела, куда длиннее и толще всех виденных раньше хоббитом, сорвалась с басовитым гудением, раздался звонкий удар — и древко почти на треть ушло в бревна противоположной стены.

Тяжело дыша, Торин опустил лук.

— Уф!.. — Он не мог отдышаться. — Ну и ну! — Он разглядывал оружие со странным выражением уважения и неприязни. — Под такими стрелами и из таких луков я не хотел бы стоять и в хирде, — тихо прибавил он.

Торин и Малыш теперь смотрели на лук почти с ненавистью.

— Ты видел, как они прошивали из него доспехи? — повернулся к Малышу Торин. — Вот это силища! Что же будет, если их соберется не десять десятков, таких луков, а десять тысяч?!

— Ничего хорошего, — буркнул тот. — А ты еще советовал Рогволду помочь Наместнику вызвать наших на случай беды.

Торин нахмурился и ничего не ответил.

— Молчишь, — продолжал Малыш. — Вот-вот, сперва сдуй пену, а уж потом хлебай пиво.

Оставив печальное место столь несчастливого для Роханской Марки боя, друзья вновь тронулись в путь — солнце уже было высоко. Дорогой они могли говорить только об одном — как все это случилось.

— Бывалые люди, очень бывалые, — цедил сквозь зубы Торин. — Смотри, как они их подловили! И сели в засаду до тумана — чтобы следов на росе не оставить, и заманили искусно. Ты помнишь следы у леса, Малыш? Хоть там и натоптано, но я все же ангмарские подковы разглядел — спасибо Рогволду, научил кой-чему. Так вот, их перед роханцами ехало — ну, человек тридцать, не больше. А мальчики эти — кровь молодая, горячая, и погнались... — Он отвернулся и вздохнул. — Ну а в деревне их и встре-

тили. Стрелы из-за каждой ставни... И как метко — всего один конь убит!

— Может, зря мы их не закопали? — робко промолвил хоббит.

— Конечно, хорошего мало, — мрачно ответил гном. — Но хоть снесли в одно место да ветвями прикрыли и обозначили... Их будут искать и найдут. А что, если бы нас застали за этим занятием?

— Как же они так?! — горько вздохнул Малыш. — Даже мне ясно — нельзя конным в деревню очертя голову лезть!

— Их уж не воскресишь, — бросил Торин.

Он ехал нахмурившись и не отрывал взгляда от лесной полузаброшенной тропы, по которой шагали их пони. Примерно в полумиле слева от них шла та самая дорога, приведшая шесть десятков молодых всадников к горькому и безвременному концу.

— Постойте-ка! Слышите!

С дороги донесся слитный топот многих сотен копыт.

Пригибаясь и бесшумно скользя сквозь густой подлесок, Фолко метнулся к дороге; гномы остались в глубине зарослей. Хоббит достиг придорожных кустов как раз в тот миг, когда из-за поворота показалась голова отряда.

Не жалея коней, по дороге стремительно неслась прославленная роханская конница, и в ее рядах Фолко увидел уже не юношей, но зрелых, умудренных годами воинов; зеленые флажки трепетали на их копьях, над первыми рядами ветер развевал зелено-белый штандарт Марки; за каждым всадником торопился заводной конь. Всего хоббит насчитал пять сотен воинов.

Конные копейщики промчались мимо прижавшегося к земле хоббита; сперва он хотел выскочить на дорогу, но потом сообразил, что с витязями Марки лучше всего разговаривать не на пустой лесной дороге, а где-нибудь в другом, более спокойном месте. Подождав, пока последний всадник не скрылся вдали, он побежал назад, к друзьям.

— Вот их и нашли, — проронил Торин, выслушав хоббита. — Мы правильно сделали, что вовремя ушли — поди доказывай потом, что мы не в союзе с теми, что перебили их товарищей.

Конский топот замер в отдалении, и некоторое время было тихо; потом оттуда, из-за лесных стен, от оставленной ими деревни, до них донесся долгий и невыразимо скорбный звук большого рога.

— Нашли, — выдохнул Малыш.

Они помолчали, вслушиваясь в тоскливый зов.

— Но что мне не нравится больше всего в этой истории, — вдруг невпопад заявил Малыш, — так это их летучая тварь! Вот как они обмениваются донесениями, Фолко! Как только увидишь такую — сперва стреляй, а уж потом будем разбираться.

Они повернулись спинами к оставшейся позади деревне и до вечера ехали молча.

Глава 7

ИСЕНГАРД

Стояло жаркое лето.

Солнце высушило степь, и, спасаясь от зноя, друзья держались края постепенно загибающихся к востоку лесов. Далеко обойдя Дунланд, двое гномов и Фолко пробирались к Воротам Рохана, чтобы потом двинуться вверх по течению Исены — единственной дороге к Исенгарду. Южный Тракт остался в двух десятках лиг к юго-западу — они решили не тратить время на крюк, к тому же в лесу было легче отыскать и кров, и пищу, и воду. Места здесь были глухие — на востоке, между лесом и горами, лежал недружелюбный Дунланд, на западе — степи Энедвэйта, куда часто выгоняли свои табуны роханские пастухи, на юге единственной ниточкой тянулся через пустыню охраняемый Всадниками Марки Тракт.

По расчетам хоббита, от Мории они шли уже полных две недели. После той ужасной засады, устроенной роханцам их режущими челюсти врагами, друзья не встретили ничего подозрительного.

Однажды вечером над их костром мелькнула тень огромного филина, но был ли это тот, что прислуживал Радагасту, — кто мог сказать? Фолко частенько расспрашивал Торина, что тот намерен делать в самом Исенгарде; гном пожимал плечами и чуть смущенно отвечал, что и сам пока не знает, но надеется найти какие-нибудь следы «хозяина». Во всяком случае, прибавлял он, неплохо было бы поймать какого-нибудь тамошнего орка и все у него вызнать. И после чего прикончить! — неизменно заканчивал в таких случаях Малыш.

Тридцатого июля хоббит пробудился с каким-то необычным настроением — такого у него никогда еще не было. Словно он стоял на краю полного хрустальной влаги колодца посреди пустыни, словно подходил к углу серой глухой стены, за которым радостно полыхало волшебное сияние, — это было предчувствие чего-то очень светлого, настолько чистого, что весь окружающий мир мог показаться лишь скудным обрамлением прекрасному самоцвету неизвестности. Что-то слегка грело грудь хоббиту, он почувствовал исходящее от кинжала тепло.

Фолко вскочил, словно ложе жгло ему спину. Гномы спокойно спали — было еще очень рано, и первый рассветный луч только-только заглянул под зеленые занавесы сомкнувшихся у них над головами крон. Что-то тянуло хоббита прочь — в глубь густого букового леса. Он пошел наугад, не задумываясь и не размышляя, и тотчас почувствовал, что кинжал стал холоднее. Он сделал несколько шагов назад, и кинжал вновь стал источать слабое тепло. Фолко задрожал в предчувствии чего-то необычайного и

медленно, не снимая руки с чудесного подарка Олмера, зашагал через высокий подлесок, поминутно тыкаясь то вправо, то влево, будто слепой; на самом же деле он ловил то единственное направление, которое указывал ему клинок. В те минуты он не ломал себе голову, что это может быть такое, и не страшился. Судьба вела его к чему-то необычайно важному, и он не противился.

Заросли вокруг него становились все гуще, а тут еще и потянуло в глубокий овраг. Фолко отошел уже далеко от лагеря, и у него мелькнула мысль, как бы его не хватились друзья; но в этот миг ветви раздвинулись, стволы разошлись в стороны, и он оказался на небольшой круглой полянке на самом дне оврага, заросшей изумрудно-чистой, удивительно мягкой на ощупь травой. Над полянкой, подобно пологу шатра, смыкались раскидистые кроны: лесной покой был залит нежно-зеленоватым светом от пробивающихся сквозь листву лучей. Посередине поляны хоббит увидел два поставленных стоймя плоских серых камня, раскрывавшихся навстречу ему, точно книга; между стоячими камнями на земле лежал третий — плоский, расколотый пополам; из трещины рос неведомый хоббиту голубой цветок. Его венчик напоминал розу, но был почти в два раза больше, а каждый лепесток не только вплетался в строгую гармонию цветка, но и сам был по-особенному свернут. Изумленный Фолко раскрыл рот, а потом схватился за свой кинжал. Ошибки быть не могло. Цветы на клинке были точно скопированы с росшего сейчас перед ним. Хоббит наклонился над растением. Цветок источал сильный, ни на что не похожий запах, в котором горечь удивительным образом соединялась со сладостью. От этого аромата у Фолко закружилась голова, и он невольно присел на камень.

В это мгновение доселе неподвижные ветви чуть зашуршали, по траве пробежал ветер; синий Цветок колыхнулся, задрожал, и его лепестки стали облетать один за другим. Медленно кружась, они полетели мимо хоббита и, едва коснувшись земли, вдруг вспыхивали бесшумным прозрачным пламенем. Как зачарованный, хоббит следил за их полетом, за их вращением и трепетанием; со стороны казалось, что это беззащитные живые существа, которых волокут на казнь. Стебель цветка гнулся, словно пытался удержать их, и хоббит, холодея, вдруг прочел в его движениях страстную, беззвучную мольбу — не дать им умереть на земле, которая, казалось, жадно тянула свои черные губы навстречу очередной жертве. Повинуясь этому странному чувству, Фолко протянул левую руку — и в тот же миг обвалился весь венчик.

Горстка голубых и светло-синих лепестков упала на ладонь хоббита — и ее пронзила острая боль, рука словно окаменела; но Фолко стиснул зубы, и, хотя на лбу тотчас выступил пот, а боль добралась уже до головы и стала с особенной яростью буравить ему виски, он не стряхнул лепестки, медленно тающие в голубом

облачке между его пальцев. Ноги не держали его; он тяжело привалился к камню, не сводя взгляда с ладони. На мгновение в голубоватой дымке ему почудились очертания чьего-то прекрасного лица, обрамленного серебристыми волосами; потом все исчезло.

Хоббит медленно сполз в образованный двумя стоящими камнями угол, вжался в него спиной. Мир вокруг него менялся — не стало леса и поляны, он увидел высокие белые дюны с одинокими коричнево-зелеными разлапистыми соснами и бескрайнюю голубую равнину и понял, что это — Море, у которого он доселе никогда не бывал. Он сидел на плоском камне у самой воды, печально глядя на набегающие волны. Когда откатывала очередная волна, из белой пены шагах в двадцати от берега выныривал блестящий черный край изглоданного морем рифа, и он, сидящий у Моря, швырял камешки, стараясь попасть в этот неровный гребень, прежде чем следующая волна накроет его. Прозрачный язык волны лизнул мелкий песок у его ног, обутых в сапоги, которых он не носил с весны, на плечах была кольчуга, на голове — шлем. Внезапно заболела левая ладонь. Боль была давней и привычной, и он неторопливым, давно заученным движением протянул руку к поясу, и его пальцы нашарили какую-то флягу. Его двойник, сидящий у Моря, знал, что в ней; Фолко же, в лесу, понятия не имел, откуда она взялась. Он медленно отвернул пробку, налил в ноющую ладонь немного остро пахнущего снадобья и стал медленными, плавными движениями втирать его. Все это тот, другой, проделывал множество раз, но оказавшийся в его теле Фолко мог только гадать, что это значит. Он попробовал пошевелиться — не удалось, тело двигалось помимо его воли. Он понял, что ему остается лишь смотреть и слушать, и прекратил попытки. Его руки двигались сами собой, сама собой поворачивалась голова. Что он делает здесь, в этом месте? А это был именно он — это были его руки, хотя на правой прибавился длинный, глубокий шрам, но все знакомые с детства следы ушибов и падений были на месте...

Тем временем за его спиной послышались тяжелые шаги, под сапогами скрипел белый горячий песок. Сидящий ничуть не удивился — очевидно, он знал их обладателя — и даже не повернулся. На песок упала уродливая тень, и показавшийся странно знакомым хоббиту голос произнес с необычными для него нотками участия и сочувствия:

— Сильно болит, Фолко-вен?

— Ничего, — медленно молвил тот. (Губы двигались без вмешательства Фолко.) — Сейчас пройдет... Долго ли еще ждать?

Слова произносились неспешно, говоривший знал, чего он ждет, как знал и тот, что сидел у него за спиной. Вместо ответа до его слуха из-за высокой дюны вдруг донеслось негромкое отдаленное пение, потом плеск весел, а затем из-за песчаной кручи

вышел корабль, которого хоббит до этого тоже никогда не видел; хоббит, но не тот, что сидел у Моря. Длинный, узкий, с высоко задранным носом, украшенным головой медведя, с короткой мачтой с притянутым к рее парусом, корабль шел на веслах, выставленных из дыр в верхней части борта, — по четырнадцать с каждой стороны. На носу и на корме маячили какие-то фигурки, размахивающие руками.

Корабль заворачивал прямо к ним. Когда до берега осталось десятка три саженей, в мелкую воду с тяжким всплеском упали прикрепленные к цепям круглые камни, и вслед за ними с носа кто-то спрыгнул. Спустя мгновение Фолко, к своему изумлению, узнал Торина — но почему его друг такой седой и стал вдруг както ниже? Торин шел, раздвигая грудью воду, из-под шлема выбивались серебристого цвета волосы, страшный шрам тянулся наискось через все лицо, но глаза его весело сверкали, и он приветствовал стоящих на берегу, потрясая высоко поднятым топором. А за ним торопился Малыш, ставший совсем невысоким; он что-то крикнул и лихо свистнул, сунув в рот четыре пальца.

Сидевший за спиной у хоббита встал и подошел вплотную к воде.

— Ты нашел их? — заговорил он, обращаясь к уже выходящему на берег Торину. — Ты нашел их? Они придут?

Весело ухмыляясь, Торин кивнул, шагнул, протягивая к ним руки, и Фолко вновь удивился, как постарел его друг. Губы гнома уже зашевелились, но в это время свет померк, вокруг взвихрились струи синей мглы, и Фолко пришел в себя...

Он по-прежнему сидел, забившись между двух составленных вместе серых камней, а над ним застыли гномы. Солнце било прямо в лицо — судя по всему, уже миновал полдень. Кружилась и ныла голова, но боль быстро проходила, и хоббит почувствовал, как тело неожиданно быстро наполняется новыми силами и бодростью.

Не сразу, пробиваясь сквозь еще не отступившую завесу в памяти, он рассказал товарищам обо всем, что случилось.

— Да, не зря мы на твой кинжал дивились, — в изумлении покачивая головой, проговорил Торин. — На этом месте — добрые чары, кем бы они ни были наложены. Но только что значит это твое видение?

— Что у нас еще долгий, очень долгий путь и что он не пресечется в ближайшем будущем, — задумчиво проронил Малыш.

— Хм, интересно, ты видел то, что точно будет или что может быть?

— Даже магическое зеркало Галадриэли показывало лишь то, что может случиться, если ты будешь действовать так же, как мыслишь во время гадания, — развел руками Фолко. — Впрочем, бывает так, что тебе деваться некуда... У Фродо и Сэма, похоже,

не было выбора — они должны были дойти любой ценой. А мы? Разве на нас лежит сейчас столь же ясный Долг?

— Хотел бы я знать, что это за уродливая тень, как ты сказал, — проворчал Малыш. — И голос, говоришь, не то чтобы незнакомый?

— Ладно, изощряться в догадках можно бесконечно, — поднялся Торин.

— Пойдем как шли, будем судить по совести и стараться повсюду отделять добро от зла — и посмотрим, к чему мы придем... Фолко, ты в порядке? Мы изрядно перепугались, когда ты исчез — да по следам нашли, утро выдалось росное.

— Нет, со мной все хорошо, — легко вскочил хоббит. — Но кто все же устроил это место?

— Может, это могила? — предположил Малыш. — Уж больно смахивает...

— А может, и нет, — пожал плечами Торин. — Но мне ясно, что здесь не обошлось без эльфов! Кому же, кроме них? Не Саруману же...

Фолко задумался. С ним творилось нечто странное, словно те два хоббита, на которых разделился он, — один постаревший, много повидавший и понявший, и другой, нынешний, — никак не сольются вновь в одно целое. Его слух и зрение заметно обострились; уже сейчас он мог по желанию сосредоточиться на едва слышном шевелении какого-нибудь жука в траве и уловить все тончайшие изменения в этих звуках; его глаз мог видеть гораздо дальше, чем прежде...

Они пробыли еще некоторое время на этом удивительном месте, хотя давно было пора в дорогу, но здесь дышалось необыкновенно легко, в воздухе было разлито чудное благоухание, теперь уже не вызывавшее головокружения. И единственное, что насторожило хоббита, — когда на мягкой земле возле лесного ручейка он увидел след огромной волчьей лапы... След был старым и уже оплывшим, но хорошо заметным.

Минуло еще два дня. Леса остались позади, все ближе становился исполинский пик покрытого белоснежной шапкой Метедраса; они пробирались вдоль южной границы Дунланда к последним отрогам Туманных Гор. Здесь им встретилось немало летних лагерей и сторожек роханских пастухов, гонявших на приволье холмистых лугов свои великолепные табуны. Один раз их остановил разъезд конных копейщиков; здесь пригодилась подорожная, бережно сохраненная на груди Торина.

— Куда вы держите путь, почтенные? — возвращая пергамент, вежливо, но настойчиво спросил старший — высокий седой воин на горячем чалом жеребце.

— Мы направлялись к Исенгарду, — спокойно пояснил Торин. — Хотели сами посмотреть на то, что осталось от крепости Белой Руки...

Воин неожиданно посуровел, и рука его легла на рукоять длинного меча.

— Чужеземцы, вы, очевидно, не знаете указа Короля Марки? Никто не должен входить в окружающий эту проклятую крепость Сторожевой Лес.

— Это почему же? — спокойно спросил гном. — Кто может запретить нам входить в него?

— Не тебе, уважаемый гном, обсуждать приказы Властителя Марки, но в память дружбы между нашими народами я отвечу тебе. В Сторожевом Лесу бесследно пропало немало тех, кто дерзнул вступить под его кроны! Сила Лесов, когда-то пришедшая нам на выручку, ныне стала своевольной и не хочет больше знать над собой никакой власти. Поэтому Король и отдал этот приказ. Мы расставили заставы вдоль всей Чародейской Долины, чтобы не пропускать неосторожных путников к этому проклятому месту. Так что вам будет лучше повернуть назад.

— Но как же так случилось, что Лес обернулся против людей? — с испугом спросил Фолко.

— Да уж случилось... — досадливо сказал воин. — Когда-то, я знаю, мы были друзьями — люди Марки и обитатели ужасного Фангорна. Наши песни сохранили память о великой битве в Хельмском Ущелье, когда Лес подоспел вовремя и помог разбить нечестивые орды орков. Но потом... Точнее, уже после смерти доблестного короля Эомера, друга самого Великого Короля Соединенного Королевства, — он произнес эти слова с благоговением, — его сын, король Брего, решил восстановить Исенгард — тогда было тревожное время, шла последняя война с орками Туманных Гор, а для этого нужно было срубить часть Сторожевого Леса. С этого, говорят, все и началось... Но ведь мы были в своем праве! Долина Неоны — это наши земли, там всегда были степи, и почему наш король должен был спрашивать разрешения у каких-то лесных демонов! Король — хозяин в своей земле, разве не так? Впрочем, это дело давно минувших дней. Мы, конечно, не стали ссориться с Фангорном. Лес разрастался на восток и на север, не задевая наших земель; наши оставили попытки пройти к Мисигарду. Но Лес заворачивает обратно не всех, кто входит в него. Кое-кто пропадает совсем! Поэтому там и стоят наши заслоны. Вам лучше не ходить туда, почтенные — только время зря потратите.

Торин засопел.

— Хорошо, почтенный, не знаю твоего имени. Торин, сын Дарта, слышал твои слова и благодарит тебя за них. Мы поворачиваем...

Хоббит удивленно уставился на друга. Малыш сжал кулаки, но Торин одним взглядом заставил их помалкивать. Давая пример, он покорно повернулся спиной к Метедрасу, и они неспешно двинулись на юг, к дальним холмам, за которыми лежало русло Исены. Роханский разъезд некоторое время ехал шагом вслед за ними, затем, прощально махнув рукой, старший повернул на запад; великолепные кони быстро скрылись из глаз.

Торин тотчас остановился и ничком бросился на землю, знаком приказав друзьям сделать то же самое. Гном прижался ухом к земле и долго лежал без движения.

— Я, конечно, не следопыт, — буркнул он, поднимая голову, — но, по-моему, они действительно ускакали куда-то на запад. Что ж! Они так, а мы вот эдак! Дождемся ночи и пойдем на север. Если они поссорились с энтами, то нас это не касается. Попытаем счастья!

— А нет ли иных путей? — полюбопытствовал Малыш, отвинчивая крышку фляги и пуская ее по кругу. — Как-нибудь через горы?

— Я думал об этом, — ответил Торин, разрезая копченую рыбину. — Наверное, можно как-то подобраться и с запада, но никто из нас здешних дорог не знает. Нет, сперва попробуем здесь. Будем осторожны и не станем лезть вперед очертя голову. Кроме того, я надеюсь, что в случае чего Фолко с энтами как-нибудь договорится.

— Я?! — Хоббит задохнулся, прижав кулаки к груди. — Я?!

— Не якай, пожалуйста! Или ты не читал Книгу? Вспомни, как сумели поладить с энтами Перегрин и Мериадок. Не думаю, чтобы это стерлось из памяти хозяев Фангорна. Что для них триста лет? Все равно что день для нас или даже меньше. Так что давайте сейчас перекусим и отдохнем. Вон и кустики приятные виднеются!

Когда на холмы спустилась ночь и яркие южные звезды усыпали чистое небо, Торин растолкал сомлевших в тепле друзей. Они пошли на север, но вскоре стало ясно, что надо брать правее, чтобы не карабкаться то вверх, то вниз по крутым склонам, то и дело спешиваясь и ведя пони в поводу. Стараясь не терять из вида Реммират, Звездную Сеть, они стали уклоняться к востоку. Черные громады Туманных Гор постепенно поднимались все выше, закрывая полнеба. Когда луна перевалила на закат, они сделали короткий привал. Устроившись у подножия старого боярышника, они закурили трубки. Малыш уже клевал носом, хоббиту же вдруг стало как-то тревожно. Он приподнялся на локте, пытаясь оглядеться, но в укромной ложбине, где они отдыхали, царил густой мрак, и лишь гребень ее западного склона был скупо освещен бледными лунными лучами. Хоббит беспокойно заерзал. Новое тревожное чувство перерастало в уверенность — откуда-то оттуда, с запада, надвигалась угроза... Пока неясная, но с каждой минутой

его внутренний взор проникал все глубже и глубже в ночь, и Фолко ощутил глухую звериную злобу — жадное чутье, ищущее среди примятых стеблей струйки их оставшегося запаха, прозрачные глаза, впивающиеся в ночь, и еще одни глаза, полные ненависти и предвкушающие кровь. Руки Фолко потянулись к оружию; его движение заметил Торин.

— Там... там... — Фолко задыхался, — там что-то ползет на нас, Торин! Я его чую! И оно нас тоже...

— Что ты говоришь? С чего ты взял? — удивился было Торин, но хоббит с неожиданной страстью вцепился в отвороты гномьего кафтана.

— Вооружайся, Торин! Малыш, не спи! Сейчас до нас доберутся...

— Что, опять этот, из Могильников? — выпустил трубку изо рта Торин и принялся натягивать кольчугу.

Они замерли, и тут за ближними холмами раздался злобный и долгий вой — но это был совсем не тот вой, что пугал гнома и хоббита в самом начале их многотрудного пути. Это был голос живого существа, и Фолко, словно его озарило, вспомнил о волчьих следах возле ручья.

Забились и испуганно захрапели их пони. Поспешно вооружившись, друзья встали — спина к спине; Фолко била крупная дрожь, он до рези в глазах вглядывался в темноту; чутье говорило ему, что враг уже совсем близко.

— Что делать, Торин? — мрачно сплевывая, обронил Малыш. — Сколько мы втроем продержимся?

Тот не успел ответить. На серебристом серпе западного гребня появилась какая-то тень, за ней еще одна, еще и еще... Горели зеленые огоньки глаз, слышалось глухое и злобное рычание; в этот миг луна вынырнула из-за облака, и ее свет залил западный склон. Друзья увидели серые тела большущих волков, высотой в холке почти в рост хоббита, и удивительных всадников, восседавших на волчьих спинах. Приземистые, коренастые, в островерхих шапках, они сидели, очень сильно поджав ноги, так что их пятки были чуть ли не на волчьем хребте; в их руках хоббит увидел копья и луки.

— Ий-йя-хэй! — раздался тонкий и высокий визг, и со всех сторон к неподвижно замершим друзьям устремились десятки невиданных всадников. Неистовое рычание волков смешалось с воинственными воплями наездников, свистнули стрелы. Малыш внезапно охнул и пошатнулся, но тотчас выпрямился, и качнувшийся было к нему на помощь Фолко ответил врагу первой стрелой. Звонко щелкнул и арбалет Торина — два седла опустели, но разве могло это остановить остальных? В мгновение ока — хоббит успел пустить лишь три стрелы — всадники оказались прямо перед ними.

Все произошло так быстро, что Фолко не успел как следует испугаться. Что-то очень сильно ударило его в левое плечо и со звоном отскочило от чешуйчатой мифрильной кольчуги. Тотчас здоровенный волчище бросился прямо на него; в разинутой пасти на миг блеснули клыки — но лишь на миг, потому что Фолко, извернувшись, рассек гондорским клинком Великого Мериадока голову чудовища. Наездник соскочил в сторону и, выхватив короткий меч, с яростью бросился на хоббита.

Мир вокруг Фолко исчез, сузившись до узкого пространства прямо перед его лицом. Боевой азарт вытеснил страх, и уроки Малыша не пропали даром. Отведя клинок противника легким боковым движением, Фолко сделал глубокий выпад, и верная сталь его далекого предка пронзила незащищенное горло врага. В тот же миг хоббит ощутил толчок в бок, но работа гномов оказалась не по мечам напавших. Клинок бессильно скользнул по броне хоббита, который молниеносным ударом свалил еще одного противника.

На него прыгнул новый волк, и вновь хоббит сумел оборониться — зверь попал под неотразимый топор Торина, рубившего сплеча направо и налево. Однако затем хоббит почувствовал странную пустоту справа — повернулся и, словно в бреду, увидел медленно опрокидывающегося Малыша, которого сбил с ног прыгнувший сбоку волк. Зубы страшилища клацнули, но прокусить защищенное мифрилом горло не смогли. Меч хоббита тотчас вонзился волку в бок, и тот в корчах повалился наземь. Малыш вскочил прежде, чем нападающие успели воспользоваться своим временным успехом.

Казалось, время остановилось, бой не прекращался. Но напрасно рвали тетивы лучники врагов — стрелы ломались о не поддающиеся земной стали мифриловые доспехи; напрасно волки кидались на гномов, стараясь сбить их с ног и растащить в стороны, — Малыш и хоббит ловко уворачивались, Торин же стоял скалой, а его топор встречал чудовище прежде, чем то успевало дотянуться до него. Напрасно наваливались на друзей всадники — их мечи не могли пробить надежных кольчуг.

Оставив на траве два десятка всадников и четырнадцать волчьих туш, нападавшие откатились. Между сражающимися появилось пустое пространство саженей в тридцать. Некоторое время из толпы доносились хриплые возгласы на непонятном языке, затем всадники стали один за другим взбираться в седла. Спустя мгновение голова отряда скрылась за гребнем ложбины.

Все стихло. На истоптанной, залитой человеческой и звериной кровью траве черными грудами мрака застыли мертвые тела. Хоббит стоял, опустив натруженные руки. Ни единой мысли не было в его голове, он пошатывался, глядя остекленевшим взором на метнувшегося вверх по склону ложбины Торина. Малыш,

с окровавленными клинками наголо, крадучись прошелся по поляне, осматривая убитых врагов, и, если находил раненого — короткий взмах его даго довершал дело. Торин вернулся.

— Они скрылись, — сообщил он хрипло, роняя топор в траву. — Но далеко ли — Дьюрина спросить бы? Ты цел, Фолко? И ты, Малыш?

— Я-то ничего, — спокойно отозвался Маленький Гном, — а вот хоббит наш, того и гляди, сейчас грохнется!

Фолко и впрямь стало дурно. Глядя на убитых, его затрясло — в лунном свете побоище выглядело особенно страшно. Ноги у него подкосились, и, не подхвати его Малыш, он неминуемо рухнул бы.

Фолко шмыгнул носом, безуспешно стараясь вытереть щеки рукавом кольчуги. Его взгляд случайно упал на руки — они были темны, их покрывала чужая кровь. Хоббит поспешно схватился за флягу и не успокоился, пока не отмыл ладони. Только после этого вместе с друзьями он смог оглядеться вокруг, и первое, что они увидели, — это были их пони, пронзенные добрым десятком стрел каждый.

— Вот так-так... — протянул Торин. — Что ж, придется теперь пешком. Фолко! Сколько нам еще до этой долины?

— Дня три — если на своих двоих, — мрачно отвечал пришедший в себя хоббит.

Малыш присвистнул.

— От устья долины до Исенгарда шестнадцать миль, — сообщил друзьям Фолко. — За один полный день пройдем. Но пока еще до нее доберемся! Надо перевалить, по-моему, две цепи холмов — там будет Исена.

— Ну пошли дальше, — поднялся Торин. — Ни оружия, ни инструментов нам оставлять нельзя — значит, придется расставаться с чем-то из припасов...

— Как из припасов?! — возопил Фолко. — И так по этим кручам ноги ломать, а еще и на голодный желудок?!

— Нам бы только добраться до Леса, — терпеливо стал втолковывать ему Торин. — А там либо разыщем энтов, либо попросим помощи на какой-нибудь роханской заставе. Экие вы, хоббиты, обжоры!

— Вот мы тут сидим, — вдруг вступил в разговор Малыш, — а эти удальцы на волках могли ведь и не уйти далеко!

При этих словах хоббит вновь стал испуганно озираться. Не мешкая, они отправились в путь. Гномы взвалили на себя почти все, что везли их погибшие лошадки, и друзья зашагали прочь, поминутно оглядываясь. Хоббит по обыкновению держал наготове лук. И эта предосторожность оказалась отнюдь не лишней.

Друзья никогда бы не заметили волка — зверь умеет ползти невидимкой, — если бы не его всадник, задевший своей высокой шапкой ветку боярышника. Хоббит выстрелил, почти не целясь; раздался злобный вой, и раненый зверь бросился наутек, унося на себе незадачливого седока.

Они удвоили осторожность. Избегая освещенных луной мест, они пробирались глухими оврагами и ложбинами, залезая в самую глубь колючих кустов. Хоббит крался бесшумно, гномы же вовсю хрустели ветками, сопели, кряхтели, невнятно ругались, так что Фолко все время замирал от страха, что их сейчас услышат и выследят.

Однако до самого утра им больше никто не встретился. Хоббит ясно ощущал незримое присутствие врага за их спинами, однако те держались осторожно, не приближаясь к опасным странникам. Он сказал об этом друзьям. Уже начинавшие привыкать к точности предчувствий хоббита, гномы встретили его слова без удивления.

— Сколько же они тянуть-то за нами будут? — пропыхтел Малыш, обливаясь потом под неподъемным тюком. — Тут же роханские вотчины, как они не боятся?

— Их достаточно, чтобы справиться с небольшим разъездом, — глухим от натуги голосом отвечал ему Торин. — Помни, что нам попадаться на глаза Всадникам Марки тоже не след. Так что гляди в оба да шевели ногами, и чем раньше доберемся до Леса, тем скорее окажемся вне опасности. Чтобы там ни говорили про Сторожевой Лес, я в него верю.

— А я бы в него не лез так очертя голову, — возразил Малыш. — Или ты заделался лесным эльфом, Торин? Можно подумать, что ты бродил по лесам всю жизнь?

— Всю не всю, но хаживать по ним приходилось, — ответил Торин, не обращая внимания на усмешку Малыша. — А куда нам еще деваться?

— Ты же сам сказал — до заставы!

— Чтобы эти милые песики выпустили кишки роханцам?! Нет уж, нечего втягивать других в это дело. Один раз они уже пытались нас взять — не вышло! Впредь задумаются, прежде чем лезть. Не снимайте только броню, может, все и обойдется.

Утро наступило как-то внезапно, сразу; прорвавшиеся в глубокую долину лучи озарили пошатывающегося от усталости хоббита и его спутников, для которых, казалось, пустяки и бессонная ночь, и тяжелый груз за плечами. Выносливость гномов уже давно вошла в пословицу.

День они провели, забившись в глухие заросли на самом дне котловины между тремя холмами. Фолко проспал беспробудным сном до самого вечера, а проснувшись, устыдился — друзья караулили за него. Однако он отдохнул и теперь мог идти дальше.

В сумерках они отправились дальше. По-прежнему ярко и

прекрасно было ночное небо, спокойно плыла по чистому своду луна. Хоббит повернулся лицом к закату и поискал Звезду Эарендила — Рождающая Огонь всходила над ближними холмами, и блеск ее, казалось, придавал новые силы и прогонял темные страхи. Хоббит крепче сжал рукоять меча и бодро зашагал вслед за Торином.

Утро застало их на берегу быстрой Исены. Перевалив через вторую гряду, они уперлись в густую стену невысокого молодого леса; гномы взялись было за топоры, но Фолко, вновь повинуясь какому-то наитию, схватил друзей за руки.

— Погодите! Мы же собираемся в подвластный энтам Лес! Как же можно рубить живые деревья!

Гномы повздыхали и вслед за хоббитом полезли в непроходимое сплетение гибких молодых ветвей и стволов. Они пробирались очень медленно, однако зеленые тенета наконец расступились, и они оказались на плоском дне широкой долины. Прямо перед ними в узком русле с крутыми обрывистыми берегами шумела Исена; между зарослями и берегом реки через высокий кустарник вела неширокая дорога, уходящая на север. Оказавшись на ней, друзья увидели, что это не обычный проселок, а остатки когда-то очень широкого, вымощенного камнем тракта. Ныне его обочины скрывала густая зелень, плотно пригнанные друг к другу плиты раздвинула настырная трава; свободного пространства оставалось едва для того, чтобы на дороге могли разъехаться три всадника. Подумав, хоббит предположил, что это и есть тот самый Саруманов Тракт, которым когда-то скакал к Исенгарду отряд короля Теодена; тогда Всадники увидели совсем иную картину... Выжженная трудами Саруманових орков земля вновь жила и зеленела.

Друзья зашагали по дороге, которая вела прямо к подножию исполинского Метедраса. Холмы становились все выше, их склоны все круче, и вскоре по обе стороны долины вздыбились неприступные стены серых утесов. Лес по обоим берегам стал темнее, гуще и старше.

Торин решил рискнуть и пойти напрямик — если у хоббита еще остались силы. Как ни странно, вторая ночь пути далась Фолко много легче первой — словно чья-то незримая рука поддерживала его ношу, приняв на себя часть ее тяжести.

Дважды им приходилось укрываться в придорожных зарослях от роханских конников, проезжавших туда и обратно большими, хорошо вооруженными отрядами. Предупреждал гномов об их появлении опять же Фолко — после происшествия с синим цветком его чутье на опасность заметно обострилось. Хоббит не раз и не два размышлял об этом случае — и не находил иного объяснения своей способности ощущать приближение опасности.

Шли часы, солнце поднялось в зенит, становилось жарко и

душно. В замершем воздухе Нан Курунира не ощущалось ни малейшего дуновения; Малыш мрачно заявил, что к вечеру не миновать грозы.

По пути Фолко пытался разглядеть остатки черного столба с Белой Рукой; он помнил, что саму Руку разбили энты, но столб должен был сохраниться, однако лес вокруг них стал настолько густым, что увидеть что-либо оказалось невозможно.

Тракт оборвался неожиданно, намного раньше, чем выходило по расчетам хоббита; спереди потянуло дымком, и они поспешили укрыться в густом подлеске. Освободившись от тюков, они осторожно поползли вперед, но вскоре хоббит шепотом заявил гномам, что этак они поднимут на ноги всю заставу и что дальше он пойдет сам. Торин поворчал, но вынужден был уступить.

Пробираясь ползком, хоббит вскоре очутился на краю зарослей. И первое, что бросилось ему в глаза, — сплошная стена лесных исполинов, взметнувших в поднебесье подобные зеленым облакам кроны примерно в полумиле от него. Из зеленого тоннеля вытекала Исена, гигантские ветви окунали в воду свою листву, образуя нечто вроде решетки, перегораживающей русло протекающего под крепостной стеной ручья. Лес заполнял всю долину, перед ним на небольшом участке чистого берега стояла сторожевая застава Всадников — несколько небольших домов, огороженных частоколом; ровной струйкой в небо поднимался голубой дымок, несколько лошадей бродили, неспутанные, возле ограждения. На сторожевой вышке виднелась фигура дозорного.

Хоббит хотел уже отползти назад, но не смог сразу оторвать взгляд от Сторожевого Леса. Гигантские стволы замерли, словно строй воинов; их подножия утопали в седом мху, с коры свисали бурые лишайники — вокруг них не было никакого подлеска. Казалось, чей-то исполинский нож отрезал край старого леса, обнажив его глубину. Хоббит долго скользил взглядом по коричнево-серым стволам, и постепенно в нем ожили опасения Малыша. Сторожевой Лес не казался мирным. Напротив, кое-где в траве виднелись черные пятна, оставленные огнем, — словно пламя подбиралось с травы к древесным корням, но всякий раз останавливалось, встречая на своем пути сырые, напоенные влагой мхи. На заставе все было спокойно; но как проскользнуть мимо зоркого ока роханских стражей? Фолко долго ломал себе голову, но, так ничего и не придумав, вернулся к нетерпеливо ожидавшим его товарищам.

— Днем до леса не добраться, — доложил гномам Фолко. — Всадники начеку, и с вышки далеко видно. Все кусты они повырубили, не проползешь. Надо ждать ночи.

— Чтобы я полез в этот ваш лес еще и ночью?! — вознегодовал Малыш. — Знаю я эти леса — либо в яму какую-нибудь свалишься, либо деревья тебе сами голову-то открутят!

— Ты ж с нами через столько лесов прошел! — удивился Торин.

— Так то какие леса были? — шепотом отвечал Малыш. — Не видишь, что ли, что этот — живой?! Пришельцев он не любит. А мы еще и с топорами. Придавят нас там, клянусь Морийскими Молотами!

— А я клянусь бородой Дьюрина, что прежде придавлю тебя сам, если ты не перестанешь трястись! — зашипел Торин. — Зря мы себе ноги ломали? Зря с волчьими всадниками резались? Зря, что ли, про «хозяина» узнали?! Молчал бы ты лучше или дал бы пива, в горле пересохло. Мы должны пройти — и мы пройдем к Исенгарду!

— Ну а не пройдем, так что — в Морийский Ров кидаться, что ли? — огрызнулся Малыш. — У нас что — Кольцо Всевластья? А перед нами — Роковая Гора? Не много ли мы на себя берем?!

— Ладно, Малыш, — махнул рукой Торин. — Вижу, тебе Лес и впрямь не по нраву. Ну так оставайся здесь! Посторожишь наши тюки, еще и лучше будет — мы с Фолко налегке пойдем.

Маленький Гном подпрыгнул, словно его ударили по лицу.

— Это вы что же — без меня пойдете?! — яростно зашептал он. — И ты решил, что я останусь позади только потому, что мне не нравится этот Лес?! Ну уж нет, друг мой Торин! Строри пойдет за тобой повсюду! И уж если повернет назад — то только вместе с тобой!

Глаза Малыша горели, губы дрожали, он был вне себя, и Фолко не сразу понял, что тот, кого он всегда называл не очень приятным прозвищем, имеет имя — Строри...

— Не горячись, друг, — опустил глаза Торин. — Конечно, мы пойдем вместе.

Они вышли на рассвете, когда над Исеной еще лежал необычайно густой и плотный туман, живо напомнивший хоббиту то недоброе утро возле Волчьего Камня. Ночью они пробудились лишь один раз — когда южный ветер, чуть рассеявший затхлость воздуха в долине, принес им далекие отзвуки волчьего воя. Ползком, не рискуя поднять голову, они двинулись вдоль самой воды, где молодая осока могла дать хоть какое-то укрытие, однако главную надежду хоббит возлагал на туман.

С полмили они одолели примерно за час. И лишь когда ползший впереди Торин облегченно вздохнул, обхватив ладонями верх толстенного корня, хоббит дерзнул приподнять голову. Вокруг них по-прежнему все скрывалось в туманной мгле.

— Вот и дошли, — прошептал Торин.

Они расположились на отдых под крайним деревом — исполинским ясенем, время от времени поглядывая на оставленную прогалину. Фолко постарался сосредоточиться, пытаясь определить — нет ли впереди опасности, но у него ничего не получилось. Его внутреннему взору лес казался сплошной пеленой, покрывающей груду тлеющих в золе углей, но угли эти были не горячие, а, наоборот, холодные и больше всего напоминали собранные вместе далекие звезды.

«Чья-то воля закрыла завесой от нас эту землю... Так, кажется, говаривал Леголас», — подумал хоббит.

В самом Сторожевом Лесу в первый момент ему не показалось ни страшно, ни неуютно. Напротив, мягкий мох так и тянул приклонить голову и дать отдых усталым ногам. Здесь, на самом краю, не было ни таинственного сумрака, ни особенной затхлости в воздухе — не больше той, что была повсюду в этой долине.

Хоббит осторожно коснулся древней шершавой коры — и ощутил, как в теплых глубинах дерева постоянно струится ток живительных соков. Он уловил едва заметное изменение в едином ритме жизни могучего исполина и понял, что их не только заметили, но и передали весть о них — по сплошной сети корней куда-то вдаль, к горам. Нельзя сказать, чтобы Фолко испугался, но насторожился.

Как следует отдохнув и подкрепившись, они решили идти дальше и положиться на удачу. Поднялись, влезли в лямки, сделали несколько шагов.

— Как бы нам не заплутать здесь, — буркнул Малыш с чрезвычайно озабоченным и недовольным видом.

— Сторожевой Лес должен тянуться от силы мили четыре, — успокоил его хоббит. — Справа горы, слева река — как тут собьешься?..

Вскоре коричневатые гладкие стволы закрыли от них последний отблеск предлесной поляны, и они сразу очутились в том самом глухом древесном царстве, по которому странствовали два юных хоббита больше трехсот лет назад. Неподвижный воздух наполняли непонятные запахи — хоббит не мог понять какие. Свет почти не проникал сюда, на дно океана листвы; идти стало трудно, но вот они заметили прямо перед собою какое-то подобие тропы — ее не перегораживали гигантские, напоминающие огромных змей корни, а густо сплетшиеся по сторонам и над нею ветви образовывали нечто вроде живого коридора. Обрадовавшись, друзья зашагали вперед и шли так некоторое время, пока Торин не остановился и не заявил, что они не иначе как сделали круг, или он ничего не смыслит в своем горном деле. Он поглядел на Малыша, и тот закивал головой.

— Понимаешь, Фолко, — повернулся к хоббиту Торин. — Тропа эта какая-то с подковырками. То прямо шла, а то вдруг заворачивать начала. Я сперва подумал — просто так, а теперь вижу: она обратно на край выводит. Так дело не пойдет. Сворачиваем!

Однако это оказалось куда проще сказать, чем сделать. По вершинам пробежал порыв ветра. Лес зашумел, словно от возмуще-

ния, когда Торин, оцарапав лицо и руки, полез с обманной тропинки в чащу.

Казалось, каждый сук норовит зацепить их; корни сами собой выпирали из земли, и путники спотыкались через каждые несколько шагов. Однако они упорно пробирались все дальше и столь же упорно не пускали в ход топоры. Удивительно было, как гномы ухитряются не сбиться в этом неимоверном сплетении; шло время, и, несмотря на все преграды, на затрудненное дыхание и болезненные царапины, трое друзей продвигались вперед.

Никогда раньше хоббит не бывал в таком лесу. Сторожевой Лес жил своей особой жизнью, в каждой веточке и каждом побеге чувствовалась огромная жизненная сила; Фолко ощущал вокруг себя тысячи внимательных безглазых взглядов, бдительно следящих за каждым его движением. Он стал подмечать, что и деревья по-разному отзываются на его приближение — одни норовят запутать ноги корнями, другие загораживают дорогу узловатыми сучьями, третьи норовили бросить прямо в глаза незнамо откуда взявшиеся в августовском лесу сухие, неживые листья. Каждый шаг давался немалым трудом, и хоббит понимал почему — в этом лесу стояли тысячи хьорнов, полудеревьев-полуэнтов, и они могли быть особенно опасны. Он вновь зажмурился, стараясь увидеть что-нибудь своим вторым зрением, но образ мерцающих под покрывалом холодных углей-звезд не изменился — разве что колючие огни значительно приблизились.

А деревья все напирали, вокруг корней стала вспучиваться земля, ветви со скрипом клонились к головам путников — и тут они по-настоящему испугались. Вокруг них, скрежеща, ворочалась живая зеленая завеса, смыкая свои смертельные объятия. В руке Малыша сверкнул топор.

Хоббит тут же повис на руке гнома.

— Стойте! Стойте! — молил он друзей. — Только себя погубим! Топорами вы тут ничего не сделаете!

— А чем же?! — прорычал Торин, отпихивая от себя особо настырную ветку. — Знаешь, что делать — так делай, пока нам головы не оторвали!

— О Элберет Гильтониэль! — прошептал Фолко имя Великой Властительницы. — О Древобород, Владыка Фангорна!

Его руки выдернули из ножен на груди заветный кинжал. Тотчас под землей и над ней, где-то в чаще ветвей, пронесся долгий протяжный скрип, словно это была какая-то команда; на миг вокруг них все замерло. Однако уже в следующую секунду лес вокруг них вновь пришел в движение. Перед ними раскрылся невысокий зеленый тоннель; стволы расступились, корни расползлись в стороны, а ветви вдруг стали довольно ощутимо подталкивать друзей в спины. Подчиняясь ясно выраженному приказу, те молча зашагали вперед, про себя гадая, чем все это закончится.

Торин попробовал было свернуть — но куда там! На его пути встала мгновенно сплетшаяся непроницаемая стена, пробиться сквозь которую без топора было невозможно. Следуя предначертанному им чьей-то волей пути, они шли в самую глубь леса.

— Вот это хоббит! — проворчал Торин. — Как ты догадался? Конечно же, стоило им напомнить об эльфах... Но вот куда они нас ведут?

Ответа пришлось ждать довольно долго. Ведущая их тропа ощутимо забирала влево, к краю окаймляющих долину гор. Стало чуть светлее, деревья успокоились, словно убедившись, что незнакомцы идут куда надо. Еще несколько минут ходьбы — и тропа повела вверх. По склону зажурчал ручей.

Внезапно тропа оборвалась. Они оказались на небольшом пространстве, окруженном сомкнувшими над ним кроны лесными исполинами. Со скалы, отвесно уходившей вверх, срывался серебристый поток, давая начало увиденному ими ранее ручью; по шелковистой траве были разбросаны несколько каменных глыб. В одном месте скала нависала над зеленой площадкой, и там они увидели нечто вроде большого ложа, устланного травой, плоскую каменную плиту наподобие стола и несколько каменных же кувшинов вдоль стены.

«Похоже на Родниковый Зал, — подумалось хоббиту. — Неужели я увижу самого Древоборода?..»

Гномы топтались возле скалистой стены. Малыш то и дело плескал себе в лицо холодной водой из водопада, Торин мерил шагами неширокую площадку и что-то бормотал себе под нос. Фолко зажмурился — холодные угли-звезды были совсем рядом!

В тот же миг ветви с тихим шелестом приподнялись и через появившиеся ворота в полукруг вошла очень странная фигура. Друзья замерли, во все глаза глядя на нее.

Да, это мог быть только Старый Энт, и никто другой. Триста лет не убавили его пятнадцатифутового роста, не избороздили морщинами гладкой коричневой кожи, и разве что седая борода, кончик волос которой напоминали древние лишайники, стала чуть длиннее. Его пальцы — по семи на каждой руке — были гибки и подвижны по-прежнему, и все так же лучились удивительным зеленоватым цветом его чудесные глаза, так поразившие когда-то угодивших в Фангорн двух молодых хоббитов. Но, наверное, было в них тогда намного меньше спокойствия, чем теперь, и это было первое, что мелькнуло в голове Фолко, — Старый Энт прежде всего спокоен.

Он остановился на границе леса и травы и долго, очень долго и вдумчиво смотрел на замерших путников. Его длинная, с высоким открытым лбом голова медленно поворачивалась вместе со всем мощным туловищем — у энтов совсем нет шеи. Хоббит поймал пронзительный взгляд Хозяина Великого Леса, взгляд, про-

никавший в самые глубины его естества, — и не опустил глаз. Внезапно он ощутил необычайное спокойствие и с невольным удивлением взглянул на тяжело дышащего Малыша, не имевшего сил даже для того, чтобы утереть струящийся по лицу пот. Прежде чем энт заговорил, хоббит склонился перед ним в низком почтительном поклоне.

— Хуум-хом, хуум-хом, руумти тут тум, — зазвучал низкий и густой, рокочущий, подобно гулкому барабану, голос Старого Энта. — Кто это опять пробирается по Сторожевому Лесу без нашего ведома? Надо расспросить вас поподробнее. Корни и сучья! Я вижу топоры на поясе у двоих из вас! А кто это третий рядом с вами, носители топоров? Уж больно похож он на тех, кто посетил однажды наш Лес и совершил невозможное, подняв энтов на небывалое дело. Уж не хоббит ли он?

— О Древоборд, ты прав, — почтительно ответил Фолко. — Ибо я действительно хоббит из Хоббитании, меня зовут Брендибэк (при этом пальцы Старого Энта чуть дрогнули), Фолко Брендибэк, сын Хэмфаста. А это мои друзья, гномы Торин и Строри, они родом из Лунных Гор. Что же до их топоров, то отвечу тебе словами, некогда сказанными тебе эльфом по имени Леголас: их топоры — не для деревьев, а для орочьих шей, и они срубили немало их, когда мы пробирались через занятые орками подземелья!

— Ну что ж, — пророкотал Древоборд, подходя к Фолко. — Я вижу, ты знаешь очень много о делах тех дней, совсем недавних для меня и наверняка очень далеких для твоих соплеменников. Это хорошо, очень хорошо, Фолко. Было время — и те, кого я знал совсем юными, Перегрин и Мериадок, частенько навещали мой Лес, и мы славно беседовали о дальних странах и удивительных событиях. Ах, сколько надежд было тогда! Но время неумолимо к таким, как ты. — Старый Энт вздохнул. — Настал день, когда я получил известие, что оба моих друга ушли за Гремящие Моря и тела их погребены в великом городе Людей, далеко на восходе от наших лесов. И после этого хоббиты перестали приходить к границам Фангорна. Но я всегда верил, что придет время, и кто-нибудь из тех, что так полюбились энтам, вновь посетит наши пределы. Этот день пришел, и я рад, очень рад — и тебе, и твоим друзьям, раз ты ручаешься за них... — Гномы поспешно поклонились. — Будьте моими гостями! Я покажу вам новые посадки, молодые горные леса, ныне шумящие там, где когда-то расстилались лишь бесплодные пустоши. А вы расскажете мне обо всем, что происходит в мире. Я люблю узнавать новости! Особенно когда они не огорчительные.

— А почему ты так уверен, что они окажутся не огорчительными? — с любопытством спросил во все глаза разглядывавший энта Фолко.

— А с чего бы? — весело грохотнул Древоборд. — Не так давно они и впрямь были темны и угрожающи — когда Черный Властелин вознамерился покончить со всеми лесами и навеки отравить свободные земли. Но он сгинул, сгинул навсегда, как сгинул и предатель Саруман. Нет больше орков в Исенгарде, нет больше их топоров! Никто больше не посягает на мои леса, энты заняты выращиванием новых. Если бы не покинули этот мир эльфы, я сказал бы, что энту ничего и не надо, кроме разве что утраченных нами подруг. Ты ведь слышал об этой нашей беде?

Старый Энт снова вздохнул.

— Читал о ней, много слышал, — с подобающим сочувствием произнес Фолко. — Вы так и не нашли их?

— Увы, нет, — последовал новый вздох Старого Энта. — Когда-то нам было предсказано, что мы найдем их, лишь когда и они, и мы лишимся всего, что имеем. Во время Последней Войны, когда мне и встретились твои молодые соплеменники, мне казалось, что предреченный час вот-вот наступит, но люди и эльфы вновь взяли верх. Саурон был повержен, наши леса остались невредимы и... пророчество не исполнилось. Так мы и живем с тех пор, находя в непрестанных трудах исцеление от тоски по нашим пропавшим женам... Но хватит об этом. Хуум! Что же это я? Не иначе как вновь становлюсь торопливым, как в тот памятный день, — Древоборд улыбнулся, — когда мы внесли новые строки в Старые Списки. Но теперь ваша очередь говорить. Что происходит вокруг? Что привело вас сюда? Хоббит и гномы — странное общество.

Фолко хотел было спросить Старого Энта, из-за чего с ним поссорились роханцы, но передумал. Вместе с Торином, перебивая друг друга, они стали рассказывать обо всем, что случилось за почти полный год их странствий. Старый Энт слушал очень внимательно; сперва он захотел, чтобы Фолко во всех подробностях поведал ему о хоббитанских новостях; лишь после этого они заговорили о встрече хоббита и гнома на лесной дороге одной мглистой осенней ночью...

Хоббит сперва с простым любопытством, а потом и со смешанным с тревогой жгучим вниманием следил за сменой выражения глаз Древоборода. Казалось, они одни заменяли всю мимику на его малоподвижном лице; точно глубокие колодцы, вели они в глубь его помыслов, разгадать которые не мог, конечно, никто из смертных, но настроение энта Фолко чувствовал очень четко.

Древоборд, вначале благодушно и с удовольствием выслушавший поневоле сбивчивый рассказ хоббита о событиях на его родине (самому Фолко они теперь казались очень далекими и совсем неважными), чуть взволновался, услышав об оживших Могильниках, о людях, служащих давно погребенным злобным силам;

но для энта все это происходило где-то невообразимо далеко от его любимых лесов и ничем не могло угрожать им.

Друзья рассказали Древобороду о своей жизни в Аннуминасе. Старый Энт слушал с неподдельным интересом, хоть и чуть отстраненно — он не одобрял городов. Он вновь насторожился, когда хоббит вспомнил о Храудуне и о его настойчивых попытках поссорить между собой соседние арнорские деревни. Это о чем-то напомнило ему, и он сердито буркнул что-то себе под нос, его глаза вдруг тревожно сверкнули. Он принялся дотошно выспрашивать друзей обо всем, что они знали о Храудуне. Наконец, удовлетворившись их рассказом, он медленно склонил голову и погрузился в размышления.

— Хумм-хом, хоом-кум, хоммум хом хум... — донеслось до друзей его озабоченное ворчание. — Но не надо торопиться. Послушаем, что было дальше! Рассказывайте!

И они рассказывали. Солнце миновало зенит и стало опускаться к горизонту, а они все говорили и говорили. Они рассказали и о Рогволде, и о Наместнике, и о Старом Хронисте, и об Олмере. Древобород слушал со вниманием, но это все были дела людей, мало задевшие его. Встрепенулся он, когда речь зашла о Последнем Походе и о союзе ангмарцев с орками.

— Опять эти — бурарум! — Энт издал низкий гневный рык. — Они появлялись и возле нашего Леса. Пытались пролезть к Исенгарду — но не тут-то было! Хьорны знают свое дело. Значит, это отродье поднимает голову не только здесь! — Глаза энта сверкнули. — Что ж, пора людям вновь браться за дело.

Одобрительно хмыкая, он выслушал рассказ о пути обоза гномов и Следопытов в Морию, о бое в Сизой Теснине.

— Хумм, мы давно почувствовали, что в Мории происходит что-то невиданное с дней Предначальной Эпохи, — задумчиво проронил он. — Однако я могу припомнить времена, когда силы, подобные пробудившейся под горами, владычествовали над всеми недрами... Это страшные силы... Корни и сучья! Страшные! И смертельные враги лесов. Наше счастье, что они не выбираются на поверхность.

— Но кто же повелевает ими? — хрипло спросил Торин.

— Когда мир был юн, ими повелевал тот, кто владел Завесой Мрака, кто боролся с эльфами и людьми, — сурово отвечал энт. — Сколько лесов тогда рассыпалось прахом! А кому они повинуются сейчас — надо спрашивать не у меня.

— А у кого же?! — жарко выдохнул Торин, отирая пот.

Старый Энт улыбнулся.

— Они давно ушли, ушли за Море, те, кто мог бы ответить вам, — тихо сказал он. — Почти не осталось в Средиземье эльфов, а без их Знания поднимает голову Мрак. Были, однако, в наших краях и маги, кое-кто из них даже знал толк в деревьях и заботился о

них — как Гэндальф, например. Но они тоже ушли... И есть лишь один, кто знает *ВСЕ*. Вы забыли о хозяине Старого Леса, что возле самой твоей страны, Фолко. Эльфы звали его Иарвеном, а я назову так, как именуем его мы, энты, — Силлорином, — это, конечно, очень кратко. Спросите у него! Он видел *ВСЕ!*

— У Бомбадила? — поразился Фолко. — Но ведь ему нет дела до этого мира, он замкнулся в своих границах и никогда ни во что не вмешивается — так записано теми, кто видел его во время Последней Войны, моим прапрадедом в том числе! Над Томом Бомбадилом Вражье Кольцо не имело власти, но он не мог защитить от него других, да и вообще не понимал, к чему оно. Так говорил сам Гэндальф.

— Не знаю, — озабоченно покачал головой Древобород. — Помочь он, может, и не в силах, но вот наставить и научить — это непременно. Он должен знать, как бороться с силами Унголианта!

— Пленный орк болтал что-то о каком-то «хозяине», — продолжал Торин. — О том, что скоро будет последний бой... Собственно говоря, поэтому мы и пошли в Исенгард — посмотреть, не осталось ли тут каких его следов.

— В Исенгарде? Хумм, вот уж насмешили! Никто не может проникнуть к нему, никто! Об этом особенно просил нас сам Великий Король Арагорн, когда навещал наш Лес последний раз — совсем недавно, но для вас, конечно, уже очень, очень давно: листья успели смениться две-три сотни раз.

— Король Элессар просил тебя не пропускать никого в Исенгард? — изумленно переспросил Фолко. — Но почему же?

— Хумм-хом, хуум, признаться, я и не знаю, — после минутного раздумья чуть смущенно развел руками Старый Энт. — Он просто просил меня об этом по старой дружбе, говоря, что эта башня может стать опасной, если в нее войдет не посвященный в эти их магические штуки человек... Больше он ничего не сказал, а я, признаться, не стал расспрашивать Великого Повелителя Людей. Энты усилили стражу вокруг руин, и теперь ни одно живое существо не прокрадется к Башне!

Хоббит и гномы переглянулись.

— Значит, и нам не удастся посмотреть на нее? — выдохнул Фолко. — А мы так надеялись, прошли столько миль, дрались с ездящими на волках...

Если бы Древобород мог, он бы, наверное, нахмурился, — мелькнуло в голове у хоббита, когда он наблюдал смену выражений в глазах Старого Энта, — теплоты в них поубавилось, появилась какая-то неясная обида.

— Я обещал Королю Арнора и Гондора... — начал он.

— Погоди, почтенный Древоброд! — вдруг спохватился Фолко. — Ты обещал не пропускать к этой Башне подданных Короны, не так ли?

Старый Энт неторопливо наклонился в знак согласия.

— Но гномы — не подданные Короля Людей, — заметил хоббит. — Да и мои соплеменники давно живут своим умом, не подчиняясь никому! Великий Король даже издал приказ, запрещающий всем, даже самому Королю, пересекать границы Хоббитании. Так что ты не нарушишь своего слова, почтенный Древобород, если пропустишь нас к этой Башне!

— Об этом я и не подумал, — удивленно проговорил Старый Энт. — Но раз так — хуум, вы требуете от меня слишком торопливых решений!

— Но нам очень важно взглянуть на нее! — продолжал уговаривать Владыку Леса Фолко. — Нас очень тревожит этот неведомый «хозяин», о котором мы узнали от служивших предателю Саруману орков! Теперь они подчинились новому властителю. Неужели же он не попытался наложить лапу на наследство Сарумана? Неужели не оставил где-нибудь здесь следов?!

— Эти мерзкие орки пытались пробраться к Башне, я уже говорил вам, — медленно и с нарастающей тревогой проговорил Древобород. — Сказать по правде, за последние месяцы их стало куда больше, чем год назад. Да! Едва не забыл! Совсем недавно тут кто-то копался под горами. Копался, да только ничего у него не вышло — у земли там сплошные кости. Да, совсем недавно это было, — повторил он, удивленно хлопая себя ладонями по бокам. — Как это я запамятовал?!

— Нам очень нужно к Ортханку! — умоляюще произнес хоббит. — Когда это было — совсем недавно по твоему счету? Неделю назад? Месяц? Год? Нам нужно обязательно увидеть это!

— Если кто-то вел подкоп под твои владения, о Древобород, Властелин Фангорнского Леса, — с мрачной почтительностью сказал Торин, — то мы разыщем это место, мы умеем это делать, мы — горные гномы. Больше этого не сможет сделать никто.

— Подкоп? — вдруг загремел Древобород. — Подкоп? Ах я старый трухлявый пень! Идемте! Идемте скорее! Впрочем, — он уже остывал, — не следует быть торопливым. Что касается того, когда это было по вашему счету, — право же, не знаю. У нас свой календарь. Могу сказать лишь, что это было после того, как раскрылись те листья, что сейчас на ветвях. Вам следует отдохнуть. Сейчас я принесу нашего питья, из самых чистых горных источников!

Он повернулся к скале и вскоре пригласил друзей к заменявшей стол каменной плите, на которой стояло четыре каменные же чаши — одна очень большая и три поменьше. Он наполнил их из трех различных кувшинов, мягко светившихся — один нежно-золотистым, другой розовато-шафранным и третий — изумрудно-зеленым цветом.

— Золотистый — это мне, — тихо молвил Древобород, — напиток повидавшей и пожившей старости, цвет осенних листьев.

Розовый — зрелости, он приумножит ваши силы, почтенные гномы, и поможет взглянуть на мир неочерствевшим взглядом. А зеленый — цвет молодости, он для Фолко, ему, как и тем памятным всем энтам молодым его соплеменникам, очень нужно подрасти!

Он вздохнул и поднял чашу. Остальные взялись за свои.

Хоббит с трепетом коснулся губами густой влаги в каменной чаше; от питья исходил мягкий, терпкий аромат пробуждающихся почек, расцветающей весенней земли, от которого начинала слегка кружиться голова и появлялась какая-то бесшабашная удаль, словно и не было долгого года нелегких испытаний и горьких разочарований. Фолко осушил чашу медленно, смакуя каждый глоток небывалого напитка, и, когда он опустил ее, он увидел, как посветлели лица друзей, а Малыш, похоже, метил налить себе еще.

— Нет, нет! — остановил его Древобород. — Этого нельзя пить много. Одной чаши тебе хватит надолго... очень надолго. — Он неожиданно печально улыбнулся. — Как вам понравилось?

Друзья в один голос принялись благодарить Старого Энта.

— Я рад, рад, очень рад, — вновь улыбнулся тот. — Если вы хотите отдохнуть, то спите — здесь у меня тихо и покойно, я не пущу сюда ветры.

— Нет, — бросив взгляд на небо, сказал Торин. — Я словно и не странствовал последний месяц! Может, пойдем к Ортханку прямо сейчас?

Древобород легко согласился, подсадил хоббита себе на сгиб могучей руки, и они зашагали на север вдоль края гор по поспешно расчищаемому для них Лесом зеленому коридору.

Древобород шел не торопясь, примеряя шаг к поспешающим следом за ним гномам. Фолко принялся осторожно выспрашивать его о причинах ссоры Леса с людьми Рохана.

— А!.. — отмахнулся энт. — У них свои пути, и я не держу на них сердца. Но я не позволю, чтобы кто бы то ни было касался моих лесов! Они привыкли смотреть на деревья лишь как на пищу для их костров и топок, в лучшем случае — как материал для их домов. Они не понимают и лезут со своими топорами, точно орки, которых мы вместе били в ту Великую Войну!.. А тут еще и властитель Повелителей Коней, не тот, конечно уже, не добрый Теоден, — Древобород вздохнул, — решил стать властелином не только над своими степями, но и над горами, и сразу полез к Исенгарду. Он — человек, и хоть сам король, подданный Великой Короны Запада, — в глазах Древобородa мелькнула едва заметная усмешка, — я не пропустил ни его людей, ни его самого. Глупые, они принялись пакостить мне и другим энтам, они пытались пробраться в крепость тайно!.. И теперь люди не забывают швырнуть факел в кусты — если считают себя в безопасности.

Кое-кого из них хьорны убили. — В голосе энта слышалось искреннее сочувствие, но были в нем и неколебимая твердость, и уверенность в своей правоте. — Да, кое-кого убили, и с тех пор они стали бояться Леса. Редко кто из них рискнет зайти в него — таких мы просто не пускаем вглубь. А бывают и такие, что несут с собой огонь! Но уже тут мы не мешкаем. Смерть поджигателям! — Древобород издал низкий угрожающий рык. — Когда-то старина Гэндальф сказал мне, чтобы я не мечтал занять своими лесами всю землю и задушить все прочие свободные создания, но, право же, иногда мне очень бы хотелось, чтобы наши леса тянулись до самых гор Эред Нимраис!

Фолко хотел бы еще поговорить со Старым Энтом, однако деревья неожиданно расступились, и они оказались на краю большой поляны, с трех сторон окруженной густым лесом, а с четвертой упирающейся в склоны неприступных серых скал, на уступах которых тоже зеленели невесть как укоренившиеся там деревца. Справа осталась Исена, а прямо перед ними открылся сам Исенгард.

Точнее, они увидели одну лишь высокую Башню Ортханка, одиноко стоявшую посреди спокойного и чистого лесного озера — его устроили энты сразу же после того, как взяли крепость Сарумана. По сравнению с тем, что увидели герои Красной Книги, завернув в Исенгард по дороге на Запад, изменилось только одно — появился изящный каменный мостик, узкий и длинный, переброшенный через озеро к самым дверям Ортханка.

И все же, несмотря на все усилия энтов, что-то недоброе ощущалось в этом месте, как будто тень былого Зла еще не до конца покинула свое древнее обиталище. Все дело, конечно же, было в Башне. Черная громада, уходящая ввысь своими мощными контрфорсами, презрительно взирала на мир десятками прищуренных глаз-бойниц; ее чело увенчивали, словно корона, двенадцать острых каменных рогов. Весь облик Ортханка по-прежнему дышал древними силой и могуществом, непостижимыми для Смертных.

Даже воздух здесь, казалось, стал другим. Под древесными кронами было кое-где душновато, но аромат жизни, щедро разлитый в лесу, здесь сменился запахом смерти; хоббит готов был поклясться, что слышит вонь чего-то гниющего; он покосился на Древобородa и заметил на лице Старого Энта гримасу отвращения.

— Хуум! — недовольно морщась, выдохнул он. — Мы идем искать подкоп? Тогда я позову еще кое-кого из наших.

Древобород поднес ко рту сложенные лодочкой ладони и не то крикнул, не то пропел нечто призывное и мелодичное. Хоббит как завороженный глядел на Башню, гномы же деловито осматривались, перебрасываясь короткими фразами, словно на них совсем не действовал угнетающий вид этого места, на первый взгляд

столь мирного и красивого. Спустя некоторое время из лесной чащи вынырнули еще несколько энтов и замерли, во все глаза глядя на трех спутников. Древобород заговорил на своем языке. Полился поток слитных, музыкальных созвучий, хотя Старый Энт, казалось, лишь бормочет что-то себе под нос. Одновременно таким же бормотанием ответили ему и энты. Памятуя Красную Книгу и знаменитую медлительность энтийской речи, Фолко вздохнул и приготовился к долгим переговорам, но все кончилось на удивление быстро. Энты широкими шагами быстро приблизились к ним, и они все двинулись к берегу озера.

Хоббит во все глаза глядел по сторонам, но, похоже, энты постарались здесь на славу — нельзя было различить даже следов каких бы то ни было построек или входов в подземелья. Древобород шагал молча, словно погрузившись в какие-то воспоминания, осторожно ступая среди зарослей. Гномы шли за ним след в след. Вскоре они очутились у черного, блестящего словно после дождя основания Ортханка. На неправдоподобно гладкой поверхности Фолко увидел ряд небольших, едва заметных выбоинок, и только открыл рот, чтобы спросить, как Старый Энт заговорил сам.

— Вот он, Ортханк, — со вздохом вымолвил он, осторожно опуская хоббита на камни. — Как мы хотели стереть его с лица земли, обратить в такую же пыль, как и все остальное в этой проклятой крепости! Видишь эти сколы, Фолко? Это все, что мы смогли сделать с ней.

— Да, я читал, что в ней заключено какое-то волшебство, старше и сильнее Саруманового, — невольно понижая голос, сказал хоббит, окидывая Башню взглядом, для чего ему пришлось совсем запрокинуть голову. Ортханк тоже не изменился — та же наглухо запертая железная дверь, те же двадцать семь ступеней вверх, вырубленных в черной скале неведомым образом неведомыми строителями.

Над дверью Фолко увидел балкон с искореженными железными перилами. Окно — дверь над балконом — было наглухо закрыто.

— Древобород, скажи, пожалуйста, неужели здесь за триста лет никто не бывал внутри? — тихонько спросил хоббит у Старого Энта, хмуро глядевшего на так и не покорившуюся его народу твердыню.

— Последний раз там был Великий Король Арагорн, — ответил он, — а больше — никто и никогда. Он и сам вошел в Башню один, оставив всю охрану внизу. Я тоже не ходил, мне там нечего делать. Так что же, друзья, — повернулся он к гномам, — не пора ли нам начать?

Торин и Малыш сняли со спин мешки и медленно, уронив головы на грудь и глядя вниз, пошли в разные стороны вокруг бере-

га. Они обогнули озерцо раз, другой, третий... От волнения у Фолко перехватило дыхание. Древобород же ничем не выдал своих чувств. Наконец гномы остановились. Торин медленно поднял голову, развел руки и стал медленно покачиваться из стороны в сторону, осторожно двигаясь мелкими шажками; Малыш присел на корточки и тоже запрокинул голову, словно ловя какой-то едва уловимый, слышимый ему одному звук. Внезапно Торин замер, с облегченным вздохом опустил руки и открыл крепко зажмуренные глаза.

— Здесь! — Он ткнул пальцем себе под ноги. — Подкоп здесь!

Указанное им место было с противоположной стороны от входа в Ортханк. Древобород сделал знак энтам — его товарищи, молча наблюдавшие за происходящим, тотчас же взялись за дело. Тут хоббит наконец увидел, как энты на деле могут справляться с неприступными крепостными стенами. Пальцы их ног словно ожили, отделившись от своих хозяев и зажив собственной жизнью, — они стали ветвиться, тонкие, но необычайно крепкие ростки проникали во все щели между камнями, а тут еще энты стали отгребать камень своими огромными ногами; спустя минуту яма уже имела футов двенадцать в глубину и вдвое больше — в ширину; энты стояли на скрытой до времени под слоем каменных обломков земле и, не останавливаясь, продолжали рыть дальше, однако теперь они двигались медленнее и осторожнее. Прошло еще около получаса, когда из ямы донесся торжествующий голос одного из копавших:

— Фангорн, мы нашли! — Энт использовал Всеобщий Язык.

— Ну теперь ваш черед, — повернулся к гномам Старый Энт.

Торин молча достал из мешка моток веревки, опоясался ею и вручил конец Древобороду. Поправил надетый шлем, кольчугу, поудобнее заткнул топор за пояс и скрылся за гребнем вывороченной земли. Минуту спустя за ним последовал Малыш, а за ним — и Фолко. Энты тем временем выбрались наверх.

Хоббит оказался на дне большой ямы глубиной футов десять. Они стояли на каменном полу, вымощенном шестиугольными плитами; прямо перед ними с одной стороны была черная стена — округлое основание Башни, простиравшееся под землей далеко в стороны, с другой стороны — низкий узкий проход, наспех прорытый откуда-то с запада, от самых скал. Вокруг фундамента Ортханка шла кольцевая галерея, в которую и попали те, что вели подкоп.

— Давайте обойдем кругом, — глухо предложил Торин.

Они двинулись вправо. Свет быстро померк, как только они стали заворачивать; хорошо, что у Малыша нашелся небольшой факел, уцелевший в его заплечнике еще с морийских времен. Через равные промежутки к кольцевой галерее примыкали другие ходы, отходившие в разные стороны; друзья сунулись было в

один, но тут же уперлись в груды рухнувшей с потолка земли. Все Саруманы галереи были наглухо завалены. Прорытый неведомо кем подкоп был единственным.

Пройдя шагов сто, они неожиданно наткнулись на низкую дверь в черной и гладкой стене по левую руку. Они остановились как вкопанные — дверь носила следы ударов, металл створок был кое-где погнут. Гномы бросились осматривать повреждения.

— Били кирками, — заключил Торин. — Пытались взломать, это яснее ясного. Да только эта дверь и тарану не поддастся — тут изрядная доля мифрила!

— Да, не меньше трети, — кивнул Малыш. — Но вот кто все-таки объяснит мне, что означает эта эмблема на ней?

Малыш приблизил факел, и Фолко увидел странный рисунок на тускло поблескивающей серебром створке: три пылающие стрелы вырывались из бурно бушующих волн, устремляясь в усыпанное звездами небо. Приглядевшись, хоббит сообразил, что видит среди на первый взгляд беспорядочно рассыпанных звезд контуры знакомых созвездий, только странно сдвинутых — Реммират, Звездная Сеть, оказалась едва заметна над горизонтом, небесный же Меченосец, напротив, стоял почти в зените.

— Это небо Нуменора, — вдруг тихо сказал хоббит, с благоговением касаясь двери кончиками пальцев. — Теперь понятно. Эту крепость возвели не Рыцари из Заморья, друзья мои. Это работа нуменорцев, настоящих нуменорцев времен расцвета их королевства. Это Вторая Эпоха!..

— А что означают три стрелы? — шепотом спросил Малыш.

Фолко пожал плечами. За его спиной переступил с ноги на ногу Торин.

— Кто бы ни построил все это, важно, что тут кто-то рылся, и притом совсем недавно — месяца полтора-два назад. Но вот был ли это тот «хозяин», следы которого мы ищем? — В голосе гнома прозвучало мучительное сомнение. — Как тут разберешь?

Они молча двинулись дальше. Вскоре, сделав круг, они вернулись к пролому в крыше галереи, и Малыш собрался было лезть наверх; однако Фолко неожиданно предложил еще раз сходить к двери. Смутное предчувствие, уже не раз правильно предвещавшее нечто важное в судьбе его самого и его друзей, вновь напомнило о себе. Что-то было в этой темной галерее, что-то очень важное, мимо чего они прошли, поглощенные поисками совершенно иного.

Малыш заворчал было, но Торин согласился с хоббитом, и вскоре они вновь стали перед несокрушимой дверью, преградившей путь к тайне Ортханка. Фолко медленно опустился на колени, пристально разглядывая рисунок. Дверь не имела никаких следов внешних или внутренних запоров: никаких скоб, замочных скважин и тому подобного. Она поворачивалась на неведомым обра-

зом врезанных в тело черного камня петлях, закрывалась плотно, без малейшей щели. Фолко осторожно попробовал всунуть острие своего чудесного клинка между створкой и камнем — не вышло, зазора почти не было, да и кинжал, похоже, был здесь бессилен, он лежал в его ладони холодным равнодушным бруском. Спрятав его, Фолко вдруг прижался к холодной двери лбом и тотчас уловил какой-то смутный звук, исходивший изнутри. Он поспешно приложил ухо и едва не отпрыгнул прочь от ужаса — за дверью глухо звучал человеческий голос.

Видя его испуг, гномы схватились за оружие, но Фолко только толкнул их к двери, просипев одно слово: «Послушайте».

И они стали слушать. В первую секунду они едва сдержали крик, а в следующую уже втроем изо всех сил прижимались к двери, стараясь разобрать слова. Хоббит готов был с кулаками наброситься на энтов — проморгали, пни мохнатобородые! Враг пробрался-таки за несокрушимые стены — и что же теперь с ним делать?!

Слова доносились едва слышно, но ему все же удавалось понять часть из них; произносивший их голос звучал мягко, вкрадчиво и от этого еще более неразборчиво.

— От семи звезд тропой соцветий... — дальше неясное бормотание, — вернись, как исполнишь завет... найди, во имя лиственного! — Опять несколько слившихся слов: — На заре возьми росу цветов нельбалы... девять саженей отмерь и вонзишь...

Они слушали еще долго, но не могли ничего понять в этих смутных, сбивчивых отрывках. Голос то принимался вещать об отрядах каких-то местников, то о коре Черного Дерева Нур-Нур (ни хоббит, ни гномы сроду не слыхали ни об этих отрядах, ни об этом дереве), то о лебединых кораблях, что должны прибыть в какое-то место... Фолко обливался потом от усилий понять, что же происходит за дверью, и лишь ощутив, что у него ум заходит за разум, прекратил бесплодные попытки.

— Нам этого здесь не разгадать, — хрипло прошептал Торин. — Это какая-то тайна Башни. Живой так вряд ли будет говорить... А потому давайте займемся тем, что есть. Вот ход, прорытый незнамо кем. Давайте выясним, куда он ведет.

Гномы с большим трудом оторвали от двери упорно не желавшего отходить от нее хоббита. Поминутно оглядываясь и по-прежнему слыша в ушах этот мягкий голос, Фолко поплелся вслед за друзьями.

У пролома их окликнул начавший тревожиться Древобород. Торин крикнул в ответ, что они идут по следу, и попросил энтов ждать на этом месте, а если они задержатся — то разрывать тоннель и идти вслед за ними.

Подземный ход был прорыт на скорую руку, без креплений, низкий потолок грозил обрушиться в любую секунду; они медленно пробирались вперед, все время пытаясь понять по оставленным на полу следам, что за существа побывали здесь. Они видели полузасыпанные опадающим сверху песком отпечатки крупных ног, обутых в тяжелые сапоги, — по размеру и очертаниям больше всего похожие на человеческие, но один раз мелькнул и широкий след орочьего башмака. С этого мгновения Торин удвоил внимание.

Подкоп тянулся долго, очень долго, пока наконец не вывел их в малоприметную ложбину между двух взметнувшихся в небо отвесных скальных стен. В щели были вбиты грубо откованные крючья, на которых еще болтались обрывки веревок. Сомнений не было — именно здесь неизвестные спустились с гор и, не привлекая внимания энтов, зарылись в землю. На траве остались следы давнего кострища.

Друзья исползали поляну вдоль и поперек, но единственное, что они смогли сказать, когда, запыхавшиеся и перемазавшиеся, уселись покурить, было то, что здесь побывали люди и орки — два месяца назад. Они нашли обрывки одежды, сломанный нож, молоток с треснувшей рукояткой — вещи, сделанные как людьми, так и орками.

Обратно они возвращались по поверхности и вскоре вновь подошли к Ортханку. Древобород встретил их вопросами; они как могли рассказали об увиденном. Старый Энт нахмурился.

— Спустились со скал... Ну что ж, второй раз им это не удастся!

Он повернулся к остальным энтам и что-то неторопливо заговорил на своем языке, похоже, отдавая какие-то распоряжения.

— И тут тоже пусто, — досадливо бросил Торин, вновь набивая трубку. — Поди пойми! Был тут этот «хозяин», или просто лихие люди шарили... Я, конечно, думаю, что это все-таки он. Ну некому больше из людей сюда лезть!

— Я бы не говорил так, сразу за всех, — заметил Малыш. — Фолко, а ты что молчишь?

Хоббит действительно думал о чем-то своем, неотрывно глядя на острые грани и узкие оконца Башни Сарумана. Голос! Голос внутри. Что это может быть? Кто засел там, за непробиваемыми стенами? Внезапно он ухватил Торина за руку.

— Давайте влезем внутрь, — прерывающимся от волнения голосом предложил он.

Гномы уставились на него широко раскрытыми глазами.

— В уме ль ты, брат хоббит? — начал было Торин, но Фолко перебил его:

— А голос?! Неужели вы забыли голос в Башне?! Что за дерево Нур-Нур? Что такое тропа соцветий, и куда она ведет? Кто этот Единственный? Мы стоим у края тайны, которой не обладает никто из Смертных — неужели ж теперь трусливо отвернем?! Надо рискнуть, надо проникнуть в Ортханк!

— А дверь его мы, очевидно, прогрызем собственными зубами? — фыркнул Малыш. — Ты же сам рассказывал, что в Ортханке Саруман был неуязвим и даже смог бы противостоять Девятерым! Нет, ты ответь мне, как ты туда пролезешь?!

— Через окно! — ни минуты не раздумывал, ответил Фолко. — То, что над балконом. Нужно закинуть кошку, я влезу и скину вам веревочную лестницу.

— Ты хочешь войти в эту Проклятую Башню? — прогудел над ними удивленный голос Старого Энта. — Хуум-хом, корни и сучья! Небывалое дело!

— Но ты ведь поможешь нам, Древобород? — обратился к нему Фолко.

— Всем, чем только смогу, но только чем именно?

— Скажи, ты не знаешь, все ли бойницы Ортханка заперты изнутри?

— Хуум, откуда мне знать? Но я скажу, что кое-какие из них не выдержали ударов камней, когда мы только вошли в Исенгард и пытались развалить Ортханк. Энты тогда забросали окна камнями, и я сам видел, как ставни на многих не выдерживали. Так что, — он лукаво усмехнулся, — пожалуй, этим-то я смогу вам помочь. Отойдите-ка!

Друзья поспешно отбежали в сторону. Древобород не торопясь нагнулся, выбрал среди валявшихся повсюду каменных глыб одну, не очень большую, величиной в рост гнома, примерился, взвесил ее в ладони, а затем вдруг как-то согнулся, с резким шумным выдохом распрямился — камень со свистом пронесся вверх и ударился точно в оконный проем, окутавшийся пылью и мелкой каменной крошкой. Раздался звонкий удар.

— Вот и все, — довольно сказал Старый Энт. — Теперь можно лезть.

— Рискнем, друзья! — вновь обратился к гномам Фолко. — Вы сами же никогда себе не простите, если упустите такой случай!

Торин и Малыш переглянулись. Какое-то время они еще колебались, но затем Малыш первый беззаботно махнул рукой и стал доставать из недр своего мешка острую трехзубую кошку и моток прочной веревки.

— Теперь моя очередь, — во всеуслышание объявил он, щуря глаз и в задумчивости пропуская веревку меж уцелевших пальцев покалеченной руки. Он взялся за канатик, локтя на полтора выше якоря, со свистом крутнул его разок-другой над головой, словно пращу, и в следующее мгновение кошка звонко ударилась о камень и намертво зацепилась за край окна. Для верности Маленький Гном подергал веревку, даже повис на ней — якорь держал крепко. Гномы повернулись к хоббиту.

Хоббит прикусил губу. Лезть ему как-то расхотелось: Башня нависала над ним всей своей громадой, словно грозила вот-вот

рухнуть и погрести под своими обломками дерзнувших нарушить ее вековой покой. Фолко оглянулся на Древобород. Тот понял его взгляд по-своему.

— Не бойся, малыш, — прогудел он. — Энты встанут под окном, и в случае чего смело прыгай вниз!

— Древобород... А почему было не сломать ту дверь, что над балконом?

— Мы пробовали, — во вздохом ответил энт. — Множество раз, все вместе. Но никак! Сломать можно лишь верхние ставни. Я и так выбрал самое нижнее.

Это «самое нижнее» находилось саженях в тридцати над их головами; Фолко мельком удивился, каким же глазом должен был обладать Малыш, чтобы с первого раза точно закинуть якорь!

— Давай мешок. — Хоббит почувствовал на себе помогающие ему пальцы Торина. — Кольчугу, шлем, меч оставь на себе. Мало ли что... Лестницу я тебе на спину приторочил. Главное — не вздумай что-либо делать, пока не окажешься внутри! Там можешь и лестницу бросать, и что хочешь. Ты понял?

Губы гнома предательски дрогнули, когда он, нагнувшись, взглянул в лицо Фолко. Тот вздохнул, покосился на вставших под стеной энтов, поймал ободряющий взгляд Древобород, поправил меч и взялся за веревку.

Против его ожиданий лезть оказалось не так уж трудно. Гномы крепко держали нижний конец веревки; энты замерли, подняв свои длинные многопальцевые руки, и хоббит постепенно осмелел. Он изрядно окреп за год трудов и теперь неспешно, без особых усилий подтягивался вверх. Он миновал балкон; одну, другую, третью бойницу; он хотел бы узнать, какими ставнями они закрыты, но веревка вдруг стала раскачиваться, и ему пришлось целиком сосредоточиться на своем восхождении.

Самым нелегким оказалось вскарабкаться на карниз под стрельчатым проемом бойницы; до его слуха донеслось угрожающее поскрипывание стальных зубьев по камню — кошка медленно, но неуклонно сползала. Хоббит стиснул зубы и, превозмогая острую боль в перенапряженных мускулах живота, подтянулся и перевалился через выступ; едва он успел вцепиться в искореженную ударом камня ставню, как кошка сорвалась и веревка, свиваясь причудливой змейкой, полетела вниз, под ноги гномам и энтам.

— Все в порядке! — крикнул вниз хоббит. — Ставня выбита, я спускаю лестницу! — Он осторожно отполз в глубь амбразуры и закрепил лестницу за намертво вбитый в стену толстенный крюк, на котором только что висела ставня. Вскоре снизу донеслось пыхтенье, и Торин первым вскарабкался на карниз, сразу заполнив собой все узкое пространство амбразуры; не без труда

он протиснулся внутрь. За ним последовал Малыш, и только после этого Фолко решил оглядеться.

Они стояли в пустом, полутемном помещении с голыми стенами и высокой дверью в противоположной стене. Вокруг их ног медленно кружилось сероватое облачко пыли, толстым слоем покрывавшей весь пол, так что с трудом можно было разглядеть сложный рисунок каменной мозаики. На каждой из стен раньше, очевидно, тоже находились какие-то мозаики или барельефы; теперь от них остались лишь серые прямоугольники со следами камнетесных зубил по краям; кто-то вырубил целые плиты. Они подняли глаза вверх — потолок был иссиня-черный. Вокруг царила мертвая тишина, от которой ломило уши.

Торин осторожно подошел к двери и приложил к ней ухо. Некоторое время спустя он толкнул ручку, и створка распахнулась. Перед ними открылся кусок полуосвещенного коридора. Переглянувшись, друзья крадучись вышли из комнаты.

Голос обрушился на них внезапно, со всех сторон, едва они переступили высокий порог. Он шел отовсюду — и ниоткуда, они не могли уловить направление. Он был очень нежен и музыкален, этот голос, изобилуя чарующими низкими тонами; его хотелось слушать не отрываясь, и Фолко сразу же вспомнилось описание последнего разговора Гэндальфа с Саруманом и тайна его обманчивого голоса.

— ...Нет, это не так, мой милый Ренбар, — говорил голос. — Ты получишь то, что просишь, точнее, ты обретешь давно принадлежащее тебе по праву, праву сильного и мудрого. Иные лишь растратят то богатство, употребить которое на доброе и разумное, не сразу понятное для прочих низких умов, сможешь лишь ты один...

Голос вдруг прервался и спустя мгновение зазвучал снова, теперь уже не столь ласково и вкрадчиво. Теперь он, казалось, доносился откуда-то снизу.

— Ты не нашел тропу? Это очень прискорбно... для тебя, Мешдох, — говорил строгий учитель, обращающийся к нерадивому и ленивому ученику. — Ты ведь помнишь наш уговор? — В голосе вдруг прорезались змеиные шипящие нотки. — И ты помнишь, что тогда я обещал сделать с то...

Вновь наступило молчание. Через минуту до них донеслось какое-то бормотание, но теперь оно было еле слышно и вдобавок на непонятном языке. Друзья в растерянности застыли на пороге. Уже изрядно позабытый со времен Мории страх вновь начал подбираться к хоббиту.

— Кто это говорит, Фолко? — как всегда, хрипя от волнения, проговорил Торин, держа топор наперевес и тревожно озираясь по сторонам.

— Мне кажется, это говорит сама Башня, — запинаясь, ответил Фолко.

— А может, сидит тут кто-то? — предположил Малыш, менее всех, казалось, подверженный мрачной магии этих стен. — Если это так, не попытаться ли добыть его, а?

— Погодите! — поднял руку Фолко. — Здесь нет никого, кроме нас... тех, кто ходит по земле...

В этот миг голос вновь обрел силу, и речь стала разборчивой. Первые же звуки заставили их всех тесно прижаться друг к другу, в судорожной и нелепой попытке обороняться, бессознательно выставив вперед клинки. Казалось, Башня задрожала до самого своего основания; жуткая, темная и страшная сила, сила Великой Власти наполняла этот голос — и кто мог противиться ему? Никогда позже Фолко не мог вспомнить, был ли этот голос высоким или низким, медленным или быстрым, — слова падали, точно гранитные глыбы, и у внимавшего им начинало мутиться в глазах, и его собственная воля превращалась в ничто перед мощью Говорившего. Фолко тотчас понял, кому принадлежал этот голос; понял, хотя, понятное дело, никогда в жизни не слышал его, как и никто из ныне живших Смертных; пожалуй, лишь Кэрдан Корабел, Трандуил да еще Том Бомбадил слыхали его, в те времена, когда его обладатель еще не расстался с человеческим обликом.

— Так, значит, ваш Светлый Совет, — ужасная ирония наполняла эти слова, — ваш Светлый Совет решил напасть на Дол-Гулдур? Неплохо! Ты поступил как подобает, хвалю. Ты уговорил этого серого хвастуна возглавить тех, кто хочет сровнять мой замок с землей?

— Да, Могучий, — льстиво ответил уже знакомый им медоточивый голос. — Гэндальф Серый сам отправляется в поход. — Странно, вроде бы униженно и покорно говорил этот второй, а все же в его звуках Фолко почудилось какое-то глубоко упрятанное злорадство — словно ненавидящий своего господина слуга торопился ошеломить хозяина какой-нибудь черной вестью. — Но знай, Могучий, с ним идет и Элронд из Ривенделла, и Трандуил Лесной, и даже сам Кэлеборн из Лориэна! Они собрали немалые силы...

— Пусть идут, — рыкнул первый. — Покончим со всеми разом...

Голоса оборвались внезапно, как и все, что они слышали до этого. Несколько мгновений друзья стояли, не в силах пошевелиться, точно тяжелое замогильное заклятье сковало их тела. Голос молчал, и в Башне повисла непереносимая тишина.

Первым стряхнул оцепенение Малыш. Он вдруг презрительно плюнул и разразился длиннейшим гномьим ругательством.

— Что вы стоите?! — напустился он на Фолко и Торина. — Надо

уходить. У меня все поджилки трясутся! Если этот Могучий снова заговорит, я, наверное, в окно выброшусь со страха! Пошли!

— Погоди, Малыш, — остановил друга Торин. — Кажется, Фолко прав, мы действительно слышали голос Башни — точнее, те голоса, что слышала когда-то она сама, слышала и запомнила... Это же клад, какой нам и не снился! Мы же теперь сможем узнать все, Малыш, понимаешь ты, все! Все, что захотим! И про подземных, и про Морию, и про магов, и про эльфов, и про этих, не к ночи будь помянутых Девятерых, и про орков, и про троллей, и... про все-все-все!

— Конечно, узнаем... — криво усмехнулся хоббит, — если просидим здесь еще лет эдак с тысячу. Торин, Башня-то болтает как придется. Сколько нужно будет ждать, пока она скажет то, что мы сможем понять?!

Торин скривил губы.

— Ну ладно, а что ты предлагаешь?

— Интересно, говорила ли Башня всегда или это дело рук Сарумана? — задумчиво произнес хоббит. — И не от этой ли ее способности Великий Король закрыл сюда вход людям?

В этот миг страшный голос заговорил вновь, и вновь они в страхе бессознательно попытались уйти, укрыться от его необоримой силы; точнее, сперва они услышали конец фразы, произнесенной вкрадчивым голосом:

— ...Но что будет, если Брего пройдет Тропой Мертвых, Могучий? Он может стать сильнее, много сильнее.

— Он не пройдет, — с потрясшей хоббита до глубин его существа усмешкой отвечал тот, кого первый говоривший назвал Могучим. — А если и пройдет... — Даже следы усмешки исчезли в тот миг из ужасного голоса, мрачная предопределенность и даже обреченность наполнили его, когда он продолжал: — Что ж, прошедший действительно станет куда сильнее и многое сможет. Но он будет зря стараться...

И вновь молчание. Секунды беззвучия. Хоббит, поддаваясь странному, непонятно откуда пришедшему порыву, вдруг прыгнул вперед и тонко, надрывая горло, заверещал, потрясая поднятыми кулаками:

— Почему зря? Почему зря? Отвечай, во имя Светлой Элберет!

Казалось, своды древней нуменорской твердыни задрожали; давно, очень давно не звучало здесь это имя; но камни словно узнали его, и новый голос, глухой, точно идущий из-под земли, голос давно умолкнувшего исполина, медленно и раздельно произнес:

— Тропы Мертвых выводят лишь на Пути Мрака. Призвавший Смерть против Жизни нарушил завет Валаров...

Раздался гулкий подземный удар, и Башня замолчала.

Немало времени прошло, пока голос Ортханка не зазвучал снова. Они слушали сперва с неослабным вниманием, но Башня повествовала о совершенно недоступных их пониманию вещах. Однако хоббит упрямо записывал почти каждое слово, особо стараясь не пропустить ничего, если речь заходила о местах, где сохранялись какие-либо остатки древних, непонятных, похоже, самому Саруману сил, или вещах, наделенных ими. Они просидели в Башне до самого вечера, забыв о еде и отдыхе. Дважды снаружи доносился громоподобный голос встревоженного Старого Энта; Малыш высовывался из окна и откликался.

Когда дневной свет совсем померк, гномы едва ли не силой увели хоббита. Древобород встретил их внизу и был безмерно удивлен, услыхав их рассказ.

— Хуум-хом, корни и сучья! Вот это да! — гудел он, неся хоббита обратно в Фангорн, к своему предгорному дому. — Какая жалость, что я не могу зайти туда сам и послушать! Быть может, мне и довелось бы узнать, где разыскивать Фимбретиль... Небывалое дело, корни и сучья!

Эту ночь друзья провели на душистых травяных подушках в доме у Старого Энта. Фолко только сейчас обратил внимание на то, что ему совершенно не хочется есть, — то ли не мог успокоиться после услышанного, то ли действовало энтийское питье...

А услышал он действительно немало. Он узнал, что стрелы, сделанные из ветвей дерева Нур-Нур, незаменимы в борьбе с ночными призраками Криторла; отвар из орехов дерева Нур-Нур погрузит в продолжительный сон любого дракона, а когда наступает пора цветения, к дереву Нур-Нур собираются все великие вожди Харада (это единственное, что указывало на местонахождение дерева) и вдыхают его запах, и, говорят, их души и сердца становятся тверже стали и непреклонней гранита — оттого харадримы столь храбры и упорны в бою. Он услышал о страшных тайнах удивительных стран к востоку от Мордора — там Черный Властелин скрыл часть своих необозримых знаний, еще до падения Нуменора. Он узнал, что Оремэ Великий, последний из Валаров, что являлся в Средиземье Смертным, во время одной из своих охот в Великих Зеленых Степях предсказал, указывая на дальний гребень мордорских гор: «Настанет день, когда после рассвета вновь сгустится извергнутая Ородруином Мгла, и Собравший Обломки заградит собою Свет...» И еще он услышал, что Великая Лестница действительно была когда-то построена; и про Унголиант, о его протянувшихся к поверхности узких черных ходах, которыми идут в этот мир порождения Великой Тьмы — подобные паучихе Шелоб. Хоббит узнал о страхе Сарумана перед Неназываемым; о том, что в глубинах восточных земель можно отыскать старые дома двух неизвестных магов, двух това-

рищей Гэндальфа по Ордену, о которых хоббиту сказал Радагаст; Саруман замышлял наложить на эти дома руку, но так и не успел...

Наутро, выпив вместе со Старым Энтом его чудесного питья, друзья вновь отправились к Ортханку. По дороге Фолко, безуспешно ломавший голову над тем, куда делись вырубленные кем-то мозаичные плиты со стен, спросил об этом Древобородa, и тот простодушно ответил ему, что Великий Король приезжал сюда дважды — один раз спустя лишь семь или восемь лет после Победы. Тогда он обшарил весь Ортханк и вывез оттуда пропасть всякой всячины, в том числе и каменные мозаики со стен.

У самой Башни за минувшую ночь ничто не изменилось, они без помех влезли в окно, и вновь их встретил нескончаемый рассказ древнего камня, и вновь они пробыли там весь день. Несколько раз Башня упомянула «тропу соцветий», о которой они уже слышали вчера; судя по отрывочным словам, это была некая тропа, по которой мог пройти лишь сильный духом и чистый помыслами; она вела к загадочному «Дому Высокого», но кто это такой или что это такое, они не сумели понять.

Башня рассказала и о Магических Кольцах. Бóльшую часть Колец выковали эльфы во Вторую Эпоху — вкладывая в них свои знания и силу, полагая, что после разгрома Тонгородрима и падения Моргота им не придется больше сталкиваться с подобными воплощениями Зла, и стараясь сделать окружающий их мир чище и прекраснее.

Наконец Торин не выдержал, когда вечером того же дня Фолко, укладываясь спать, мечтательно сказал, что хорошо бы пожить здесь месяц-другой... Торин заявил, что, во-первых, их уже давно ждут на севере; во-вторых, сам же Фолко говорил, что тут можно просидеть до конца дней своих и не узнать и стотысячной доли того, что может сказать Башня; в-третьих, дело не ждет — нужно искать «хозяина» орков, а его, Торина, сердце чует, что дело это куда как нечисто и особо мешкать им нельзя; так что завтра они должны выйти — и точка!

Фолко сперва дернулся что-то возразить, но как-то сразу сник и неожиданно быстро согласился с гномом, прибавив, что у него у самого появилось нехорошее предчувствие, что, мол, на арнорских границах затевается какое-то зло и, стало быть, им следует поторопиться в Аннуминас. На следующий день друзья стали прощаться со Старым Энтом. Древобород проводил их до самого края Леса, напоследок взяв с Фолко обещание вновь навестить его, как только тот сможет и захочет. Друзья влезли в лямки, в последний раз помахали руками Древобороду и вышли из-под оказавшихся в конце концов столь гостеприимными крон Сторожевого Леса. Перед ними лежала дорога домой.

Глава 8

МОРСКОЙ НАРОД

Сторожевой Лес остался позади. Благополучно миновав роханские посты, друзья спустя два дня выбрались из теснины Нан Курунира; перед ними вновь раскрылся простор беспредельных степей. Нужно было заворачивать на север.

— Пешком мы и за полгода не доберемся, — сумрачно буркнул Малыш, когда они укладывались спать неподалеку от берега реки. — Пони нет, и взять неоткуда. На конях мы ездить не можем...

— Придется плестись до Бродов, — вздохнул в ответ Торин.

Хоббит потребовал разъяснений: что им делать на переправе через Исену? Торин объяснил, что там, возле перекрестка дорог, сперва возник небольшой роханский выселок, затем люди построили там пристань для барж с товарами, наловчившись сплавлять их вниз к берегу Моря. Гном слыхал, что в устье Исены есть город-порт, заложенный Великим Королем, откуда корабли идут на юг и на север, к Андуину и в залив Луны. В торговом городке на Бродах Торин рассчитывал раздобыть пони.

Путь вдоль Исены занял у них полных три дня. Мешки с провизией уже показывали дно, и Торин решительно пресекал малейшие попытки хоббита поесть так, как тот, бывало, едал в родном Бэкланде. Фолко возмущался, спорил с гномом, однако, убедившись, что ничего не помогает, затянул пояс потуже и стиснул зубы.

На четвертый день впереди, на далеких еще холмах, замаячили сторожевые башни, и вскоре им встретился первый за все это время роханский разъезд. Торин кое-как отговорился, но хоббиту бросилось в глаза, что Всадники стали весьма недоверчивы и чем-то сильно озлоблены. При входе в городок их подорожную прочли вдоль и поперек и лишь после этого впустили.

Жизнь, однако, шла здесь своим чередом. На торжище прилавки ломились от товаров, поблескивало серебро, переходя из рук в руки, а на высокой дозорной вышке трепетало на ветру зеленое полотнище с распластавшимся в беге белым конем. Роханская речь причудливо мешалась со Всеобщим Языком, слышался и гондорский говор.

Добравшись до обжитых мест, гномы и Фолко первым делом отправились в таверну пропустить глоточек-другой пива, а заодно и послушать, что творится на этом свете. Вести оказались неутешительными. Южный Тракт стал опасен, как никогда: объявились крупные отряды разбойников и каких-то новых, неведомых людей из-за гор, небольшого роста, но с такими луками, что пробивали насквозь любой доспех. Они творят зло и большое разорение на дороге. Из уст в уста передавались названия сожжен-

ных деревень и имена знатных купцов, ограбленных или даже убитых в последнее время. С грустным удивлением друзья выслушали и историю собственной стычки с грабителями в Сизой Теснине; отважные гномы ставились в пример арнорской дружине, так и не сумевшей справиться с новой напастью. Говорили и об отряде молодых роханских конников, так глупо погибших, угодив в засаду врага; назывались, впрочем, и успехи — главным образом роханские. Всадники сильно обозлились за погибших юношей; сотни Рохиррима рыскали по окрестностям, не давая себе ни минуты отдыха и перебив несколько крупных шаек. Шепотом говорили о появлении Ездящих на Волках; как всегда, правда обрастала самыми дикими слухами. Еще год назад хоббит, наверное, забился бы от страха в самый темный угол, услышав леденящее кровь повествование об изрыгающих пламя волках-оборотнях, одним движением челюстей перекусывающих пополам любого, в самой прочной кольчуге; о неистребимых их повелителях, неуязвимых для стали, убивающих без пощады всех, кто дерзал становиться на их пути... Друзья обменялись презрительными усмешками, услышав эти сказки.

Однако усмехаться можно было сколько угодно — Южный Тракт и впрямь стал опасным местом. Можно было, конечно, махнуть на все рукой и, по гномьему обычаю, положиться на меткость руки, верность топора да на помощь Великого Дьюрина, но осторожность взяла верх.

— Думаю, нам стоит подождать обоз, — заметил Торин. — Может, он еще не скоро будет, но теперь нас не тридцать, а трое!

В это время дверь таверны распахнулась, и в полутемную залу вошел новый гость — смуглый, с короткой черной бородкой, окаймляющей вытянутое лицо с чистым открытым лбом. Обращаясь к хозяину, он заговорил на Всеобщем Языке, но со странным акцентом, живо напомнившим хоббиту загадочную встречу в «Роге Арахорна», от которой осталась странная памятка — монета Тервина, погибшего друга Торина.

Незнакомец осмотрелся. Его взгляд на мгновение задержался на гномах и хоббите, а спустя еще мгновение он уже присаживался к их столику.

— Хэй! Гномы! — весело удивился он. — Откуда вы здесь, почтенные?

— Тебе-то что за дело? — засопел Торин, не жаловавший подобную бесцеремонность.

— Да так, заработать на вас хочу, — дерзко блеснул глазами тот. И, не давая друзьям опомниться, заговорил, заговорщически понижая голос: — Вам куда надо? На юг? Если на север, то столкуемся, ежели на юг — я вам дружка пришлю. Тракт-то нынче ого-го. — Он с ухмылкой подмигнул им. — А я вам другую дорогу

предлагаю. Быстро, безопасно, а главное, ногами шевелить не надо!

— По воздуху, что ли? — прищурился Малыш.

— Зачем по воздуху, друг? По Морю! — выдохнул тот и вдруг улыбнулся, чисто, открыто, так что Фолко неожиданно почувствовал безотчетное доверие к незнакомцу, хотя его слова и манеры могли внушить подозрение кому угодно.

— По Морю?! — в один голос воскликнули Торин и Малыш.

— А что такого? Мы товары возим, людей возим — только заплати, а вы, гномы, я знаю, народ не бедный. Вижу, вы на мешках сидите, одежда ваша вроде северная — ну, думаю, то, что надо! — беззаботно болтал неизвестный. — Я Хьярриди, помощник кормчего. Мы везем груз из Рохана в Арнор. Так как, нам не по пути? Да вы не бойтесь, спросите кого угодно, хоть купцов местных, Сеорла или там Гвэйла, а если их не знаете, так справьтесь у Эотайна, сотника. Понимаю, понимаю — гномы народ недоверчивый, вас на мякине не проведешь. Ладно, если надумаете, мы отваливаем завтра рано утром, баржа наша у пристани, она там одна, не спутаете. Ну, бывайте!

Он поднялся, повернулся на каблуках, высмотрел кого-то среди посетителей и потащил того в угол, откуда до Фолко вскоре донеслось: «Вам на юг или на север? Ежели на север, то сторгуемся...» Друзья переглянулись.

— Заманивает, как есть заманивает, — хмуро процедил сквозь зубы Малыш. — Эх, двинуть бы ему сейчас топорищем по затылку, а когда очухается — вызнать, кто он да откуда!

— Лучше пойдем посмотрим, что это у них за баржа такая, да что на ней за народ, — поднялся Торин. — А двинуть всегда успеем.

Спросив у первого встречного дорогу к пристани, друзья вскоре оказались на берегу Исены, ставшей здесь заметно шире и спокойней. Возле бревенчатого причала стояла длинная баржа с одной невысокой мачтой и десятью веслами с каждой стороны, сейчас подтянутыми и закрепленными возле прямых невысоких бортов. С причала на палубу был перекинут дощатый настил, и цепочка людей таскала с телег на баржу какие-то кули и мешки. Опершись о широкое рулевое весло, за погрузкой наблюдал невысокий коренастый человек в заношенной куртке и простых кожаных сапогах; оружия при нем не было. Фолко ожидал, что народ на барже будет под стать Хьярриди, однако у стоявшего было лицо обычного северянина; светлые волосы — не седые и не золотистые, как у большинства роханцев, — были коротко обрезаны, и Фолко вспомнил, что в Аннуминасе так обычно ходили те, кто перевозил товары через озеро. К человеку у руля подошел выбравшийся откуда-то снизу парень, тоже смуглый, как и Хьярриди, но круглолицый и толстогубый, и они о чем-то заговорили. Хоббит напряг слух, но язык ему был незнаком.

Понаблюдав некоторое время, они увидели еще нескольких человек из команды баржи, и Фолко подивился разнообразию их лиц — здесь были, казалось, люди из всех народов Северного Мира.

В таверне, куда они вернулись, их ждала новая весть с Тракта — большой обоз, шедший с севера, был перехвачен и разграблен; немногие вырвавшиеся, вокруг которых собралась плотная толпа встревоженных обитателей городка, говорили, что среди нападавших были и люди, и орки, и волчьи всадники, и те, кто с луками. Роханцы уже бросились в погоню.

— Похоже, деваться нам некуда, кроме как с этим Хьярриди, — буркнул Торин. — Кого он там называл?

Эотайна, командира сотни, они застали, когда тот отдавал последние распоряжения своим воинам. Он не сразу выслушал их — ему было не до того, и Фолко покраснел от стыда, что они отрывают от дела человека, который, быть может, идет навстречу смертельной опасности.

— Хьярриди? А, знаю, — отозвался Эотайн, не сводя глаз с цепочки своих конников. — Люди верные, хоть и морские... Отправляйтесь смело.

Торин вежливо поклонился, а сотник уже поворачивал коня.

На следующее утро, когда туман еще не рассеялся над сонными улицами, друзья вышли за ворота захудалого постоялого двора, где провели ночь. С реки доносился плеск весел, невнятные голоса — там готовились к отплытию. Хьярриди заметил их сразу, едва они вынырнули из-за угла.

— Эй-хой! Это мои! Мои, Фарнак! — весело крикнул он.

Стоявший у руля светловолосый человек, тот самый, кого они видели вчера, повернулся к гномам и Фолко, подошедшим к краю пристани.

— В Арнор путь держите? — спросил он, четко, по-аннуминасски выговаривая слова. — Через десять дней будете в столице, мое слово верное. Двадцать золотых с каждого и наша кормежка. Идет?

— Идет! — ответил Торин. — А спать где?

— Ну это найдем, — усмехнулся Фарнак. — На этом корыте нам только до Тарна, а там переберемся на наш «дракон».

— Дракон? — удивился хоббит. — Живой?

— Так мы зовем наши морские ладьи, — с улыбкой ответил Фарнак. — Да вы не стойте на бревнах-то, давайте сюда, мы отваливаем. Рон! Покажи им, где устроиться.

Рон, высокий, длиннорукий парень с живыми черными глазами говорил быстро и невнятно, глотая окончания слов, и Фолко припомнил, что в Аннуминасе подобную речь они слыхали от уроженцев далеких поселений Золотистого Взморья, Белфаласа, лежавших к югу от Белых Гор. Их привели в небольшую каморку

под носовой палубой; впрочем, друзей она вполне устроила — чисто, сухо, пахнет смолой, вдоль стен лежанки, у квадратного окна сколоченный из тщательно оструганных досок стол. Привыкшие ко всему за время странствий, они побросали вещи и поднялись наверх — однако ни один из них не снял кольчугу и не расстался с оружием. Фарнак это заметил и едва заметно усмехнулся, но ничего не сказал, лишь справился, всем ли они довольны. Торин осведомился, когда нужно внести плату, и получил ответ, что лишь по прибытии на место. Хоббит тем временем подошел к борту.

Люди Фарнака отвязали канаты и поставили парус. Дул хороший восточный ветер, и баржа, увлекаемая ветром и течением, медленно стала отдаляться от пристани.

Они простояли втроем так до самого полудня, глядя на проплывающие мимо берега. Зеленые холмы уступали место небольшим дубовым и буковым рощам, по спускавшимся к реке оврагам тянулись заросли орешника, среди них несколько раз буйным пожаром вспыхивали усеянные спелыми ягодами рябины, и только тут хоббит сообразил, что уже середина августа и не за горами долгая осень. Почти год минул со дня встречи его с Торином...

Мало-помалу друзья освоились и завели разговоры с корабельщиками. Малыш в первую очередь поинтересовался, где можно раздобыть пива, и вскоре пребывал уже в полном согласии с миром, неспешно прихлебывая темное роханское пивко. С Торином завел деловой разговор о сравнительных достоинствах корабельных скоб и гвоздей случившийся среди людей Фарнака кузнец, Фолко же подошел к Хьярриди.

Молодой помощник кормчего охотно вступил в разговор и, не давая хоббиту раскрыть рта, стал выспрашивать его о делах на севере, о самой Хоббитании, о нравах и обычаях ее обитателей. Фолко отвечал обстоятельно и, улучив момент, спросил сам:

— А где твой дом, Хьярриди? Откуда ты родом?

Беззаботная улыбка, не покидавшая оживленное лицо его собеседника, сразу исчезла, словно Фолко задел какую-то старую незажившую рану.

— Дом? Мой дом — это Море! Мы рождаемся и умираем на палубах, и редко когда тело кого-нибудь из Морского Народа, как нас зовут в Арноре и Гондоре, принимает земля.

Фолко счел за благо умолчать о том, что Теофраст называл Морской Народ пиратской шайкой. Он продолжал расспрашивать:

— Но чем же вы живете?

— Морем! Оно кормит и одевает нас. Возим путников и грузы, ловим рыбу, промышляем морского зверя, торгуем. Случается, что и воюем.

— С кем?

— С теми, кому не по нраву, что мы живем по собственным законам, не подчиняясь никому! Случалось, мы сталкивались и с Соединенным Королевством! — Хьярриди гордо выпрямился. — Об этом знают все. Было так, что Король — и нынешний, и его отец — пытались поставить нас под свою руку. Да не вышло!

— Но я слышал, — осторожно вставил Фолко, на всякий случай отодвигаясь подальше, — что Великий Король овладел Умбаром, городом Корсаров, за то, что они служили Тьме во время Великой Войны.

— Да, было, — нехотя ответил Хьярриди. — Что было, то было, хотя мы и стараемся пореже вспоминать об этом... Отцы отцов наших отцов еще застали тех, настоящих Корсаров, которые ушли на дальний Юг, куда не могла дотянуться рука Гондора. Многие из них служили Тьме, потому что были врагами Гондора — среди Корсаров находили приют те, кому не по нраву было жить под тяжелой рукой Владетелей! И они заплатили своими жизнями за это...

— А ты бывал на дальнем Юге?

— Приходилось, — отвечал Хьярриди. — Это месяцы и месяцы пути отсюда вдоль удивительных берегов, о которых я рассказать тебе все равно не смогу. Скалы, леса, песчаные дюны... нет, не хватает слов. Эту красоту нужно видеть! Там, за южными рубежами Харада, побережье принадлежит нам, а в глуби материка живут странные и сумрачные племена, мало озабоченные тревогами этого мира. Побережье тянется все дальше и дальше, но и туда плавают наши корабли. Правда, там я уже не бывал, сам не видел, а зря повторять небылицы, что у нас любят сочинять, не стану — это не по мне.

— Там, на юге, — ваше королевство?

— У нас нет королей! Нет правителей! Есть свободные морские дружины, свободно выбирающие себе предводителей — самых опытных, мудрых и смелых. У нас в почете тот, кто умеет провести «дракон» сквозь самое око бури, кто может в безбрежном просторе точно определить по звездам свое место, исчислить меру пройденного пути, кто не отступает перед силой северных королевств!

— Но где вы берете хлеб? Оружие?

— Хлеб покупаем, а большей частью растим сами, — сказал Хьярриди. — Оружие тоже почти все свое. В наших горах нет гномов, а сделанного ими к нам попадает не столь много — только с северных ярмарок.

— Не сердись, Хьярриди, если я спрошу тебя еще об одном...

— Не продолжай, — усмехнулся помощник кормчего. — Ты хочешь спросить, не воюем ли мы с Гондором? Сейчас — нет. У нас мир... Почти везде и почти со всеми. Только поэтому мы

здесь — везем товар из Рохана, союзника Гондора. По договору нам дали несколько стоянок на побережье — в устьях Исены, Гватхло и Барэндуина. Мы, дружина Фарнака, чтим договор, но есть и такие, что нападают на гондорские корабли...

— И ты говоришь об этом так спокойно?! — возмутился хоббит.

— А как же мне еще говорить? — с усмешкой прищурился Хьярриди.

— Но они... Они же нарушают слово!

— Слово? Они не давали никакого слова. Мир принят нами, дружиной Фарнака, дружинами Лодина, Капута, Бьелафа... Мир принят нами, потому что послы Королевства говорили с нами и убедили нас. Но разве Фарнак может отвечать за Скиллудра, Ольма, Ория? С ними-то никто никаких разговоров не вел! А такого, кто мог бы говорить за всех нас, у нас нет... И не будет, надеюсь. Пока все вожди нашего Народа не примут мира — его не будет, и ничего тут не сделаешь. Гондорские короли немало насолили нам, жестоко преследуя и изгоняя нас с тех мест, где наши отцы пытались закрепиться. Тогда никто не мог и помышлять о войне — мы были ослаблены, малочисленны, в сердцах людей иссякло мужество. Так что счеты у нас взаимные, и не торопись обвинять нас, хоббит!

Дни путешествия промелькнули быстро. Баржа двигалась ходко и безостановочно, ее все время погонял попутный ветер, и спустя четыре дня, выйдя утром на палубу, Фолко, ежась от предрассветной свежести, увидел, что берега расходятся и между зелеными холмами прямо по носу синеют сказочные просторы безбрежного Великого Моря.

Позже, много позже, Фолко нашел красивые слова о своей первой встрече с беспредельностью, но сейчас он просто, раскрыв рот, глазел на открывшуюся многоцветную, сине-серо-голубую равнину, сливающуюся у края неба с белизной далеких облаков. Он услышал резкие крики черноголовых чаек, паривших над заливом, в который впадала река, увидел нескончаемую череду набегающих на берег волн прибоя, и уже не смог оторвать взгляда от горизонта, тянущего к себе с непонятной, неотвратимой силой любого Смертного. Там, за бирюзовым окоемом, лежала Благословенная Земля, там высились белые башни Тириона, там золотой песок Эрессеи затеняли склоненные ветви серебристых платанов — так говорили сказки эльфов, полные несказанным очарованием и в то же время — светлой грустью, что охватывает нас при мысли о чем-то прекрасном, но недостижимом...

Гномы уже видели Море и отнеслись к его появлению спокойнее, нежели хоббит. Однако у Фолко сейчас не оказалось времени для долгого созерцания синих далей — баржа подваливала к пристани, начиналась выгрузка. Люди Фарнака быстро и ловко

перебросили длинные сходни на высокий борт своего корабля, при первом же взгляде на который хоббит узнал знакомые обводы и гордо вскинутый резной нос из своего недавнего видения.

К ним подошел сам Фарнак и велел собирать пожитки — на баржу поднимутся другие, и она тотчас двинется обратно, вверх по реке.

— Мы отойдем сегодня же, едва кончим грузить, — добавил кормчий. — В город идти не советую — мы ждать никого не будем.

Хоббит надолго запомнил эту неторопливую речь рожденного где-то в Арноре человека, сменившего простор его нив на беспредельность моря, соху земледельца на рулевое весло морехода. Запомнил и его взгляд — в нем не было ни любопытства, ни приязни, которые он почти всегда видел в глазах людей, когда они говорили с ним. Нет, Фарнак не был ни зол, ни черств — ему просто не было дела до хоббита. Какие-то иные, недоступные ему тревоги гнали его, и непосвященный не должен был соваться с неразумными и ничего не значащими словами сочувствия или праздного любопытства.

По «дракону» их водил все тот же Хьярриди. Друзья устроились быстро и провели остаток времени до полудня в разговорах о Морском Народе.

— Где же, Дьюрин меня вразуми, мы сойдемся с ними? — яростно поскреб затылок Торин, услыхав слова хоббита об узнанном корабле из видения.

— Должно случиться нечто, что перемешает в жуткую кашу все народы и все пути, — задумчиво уронил Фолко, которым в эти минуты овладело странное чувство. Он стоял на самом дне глубочайшего колодца, но над головой был все же виден голубой прямоугольник неба — и словно чья-то незримая рука перелистала перед его мысленным взором страницы неведомой книги, полной смутных, тревожных символов.

Они никуда не уходили с корабля, следуя совету-приказу Фарнака; да и идти, судя по виду с пристани, было особенно некуда. Вдоль реки тянулись однообразные бревенчатые причалы, за ними — приземистые длинные строения без окон, с плоскими крышами — скорее всего склады, решил Фолко. Вверх по течению на вершине приречного холма он заметил знакомое бело-синее полотнище, рядом с ним развевалось черное знамя с каким-то рисунком, которого он не разглядел. На берегу действительно было полно вооруженных панцирников, очень похожих на тех, что Фолко встречал в Аннуминасе; они с недоверием поглядывали на корабли. Воины стояли небольшими кучками или неспешно прохаживались; на каждом были доспехи, в руках они держали мечи и копья. И меж них все время сновали взад-вперед те, кого арнорцы называли Морским Народом. Высокие и низкие, смуглые и белокожие, чернявые и светловолосые — все они смешались в этом странном племени. Большинство носили простые и просторные одежды коричневых или зеленоватых цветов; все они были безоружны, и Фолко уже заподозрил Хьярриди в хвастовстве, когда из-за угла одного из складов появился отряд человек в пятьдесят, все как один со щитами и в шлемах, с мечами у поясов. Приглядевшись, Фолко увидел и кольчуги, и луки; но если у арнорских воинов вооружение было однообразным, то латники Морского Народа, казалось, стремились перещеголять один другого в причудливости своих доспехов. Торин насчитал одних шлемов двенадцать видов, со всех концов Средиземья; мечи тоже были все разные, одни казались такими же, как в Арноре, другие выглядели куда короче и толще, третьи были изогнуты, четвертые настолько длинны, что с ними можно было управиться лишь двумя руками... Отряд этот прошел вдоль всей линии причалов и скрылся за скопищем строений.

Малыш высказал предположение, что этот Народ — на самом деле никакой не народ, а просто шайка удалых молодцов из всех и всяческих племен, сбившаяся на южном побережье для набегов и грабежа. Вид этих воинов не внушал ему, Малышу, никакого доверия.

Последний тюк упал вниз, под палубу, и Хьярриди тотчас же стал поднимать на мачту большой красный шар из бычьего пузыря. На вопрос Фолко, зачем он это делает, помощник Фарнака бросил лишь одно слово: «Отплываем!»

Не прошло и пяти минут, как и сам Фарнак бегом поднялся на борт и встал к рулевому веслу, отдавая короткие, непонятные приказания. Не сходившая на берег команда бросилась ставить парус и отвязывать канаты, другие сели к веслам. Тяжелогруженый «дракон» медленно отошел от пристани. Ветер наполнил парус, весла окунулись в воду, и корабль с неожиданной легкостью заскользил по спокойной речной глади прямо к открытому морю. Кто-то из гребцов начал песню, ее подхватили другие голоса; они пели на каком-то своем наречии, но в основе его лежал Всеобщий Язык, и Фолко сумел разобрать часть из нее так:

К Закату от Светила, к Восходу от Луны —
Здесь наши до скончанья дней пути заключены.
Но кто решится, кто дерзнет,
Кто руль на Запад повернет?
Под чьим же флагом корабли
Оставят берег сей земли?
Но неужели же всегда мы пребывать должны
Здесь, в Средиземье, кем же мы к тому присуждены?
И кто же тот, чья же рука
Так затянула облака?
Кто Мглу соткавший на Морях
В от нас закрытых областях?!

Они пели еще долго, и Фолко удивился той странной боли и непонятной тоске, что звучала в этой песне...

Тем временем «дракон» миновал зеленый мыс, и в борт ему ударила крутая морская волна. Залив остался позади, берега раздвигались, и всю ширь горизонта на юге, западе и севере теперь занимало Море. Гребцы налегли на весла, корабль поворачивался кормой к волне. Затрепетал парус, вбирая в себя всю силу юго-восточного ветра, Фарнак приказал сложить ненужные больше весла. Они плыли на северо-запад вдоль берегов Энедвэйта. Сперва Фолко жадно разглядывал их, но мало-помалу ему наскучили однообразные холмы, плавно сбегающие к кромке Моря.

— Ты слышал, что они пели, — негромко сказал Фолко подошедшему Торину. — «Кто нас на Запад поведет... Под чьим же флагом корабли — оставят берег сей земли», так, по-моему. Куда это они нацелились, хотел бы я знать?

— Не иначе, как в Благословенную Землю, — усмехнулся гном.

— Ха, как же! Нуменорцы уже пробовали — их потомки по сю пору локти кусают... Не думаю, чтобы этот Морской Народ про то не слышал. Может, кроме Нуменора, между Средиземьем и Заморьем есть еще какая-то земля?

Они не заметили, что Фарнак очень внимательно прислушивается к их разговору; кормчий передал руль Хьярриди и стоял у борта неподалеку от друзей.

— Ты говоришь, нуменорцы пробовали переплыть Море? — вдруг обратился он к хоббиту.

Фолко растерялся, покраснел и даже потянулся к оружию под плащом, но Фарнак смотрел мирно и, более того, с неподдельным интересом. Запинаясь, хоббит подтвердил свои слова.

— А как у вас рассказывают о тех делах? — спросил Фарнак, пряча под любезностью хозяина, занимающего гостей досужей беседой, свое какое-то очень глубокое и сокровенное желание.

Фолко переглянулся с Торином и, осторожно выбирая выражения, — кто его знает, этого бродягу, — рассказал ему о последнем короле Нуменора, о распрях между сохранявшими верность дружбе с эльфами Заморья и теми, кто призывал силой оружия отнять у хозяев Запада дар вечной жизни, подпав под обман Саурона, жившего тогда в плену — в Нуменоре.

— ...Когда Саурон напал на эльфийские и людские города Западного Края, — постепенно увлекаясь, рассказывал хоббит, — нуменорцы пришли на помощь своим собратьям в Средиземье. Огромный флот высадил неисчислимую силу их армий в Харлиндоне, куда уже прорвались отряды Черного Властелина. И таковы были мощь и блеск Нуменора, что собственные союзники Саурона предали его и, сдавшись нуменорцам, привели им своего бывшего повелителя. И Король — зачем, зачем он это сделал! — приказал доставить знатного пленника в свой дворец, а вскоре Саурон благодаря черной силе своего разума стал ближайшим королевским советником. И он солгал Королю, который уверовал в то, что вечная жизнь станет уделом того, кто сможет взять Благословенную Землю; он собрал невиданное войско, и его флот отплыл к берегам Эрессеи. Но едва Король вступил на прибрежный песок, как Валары, Стражи Мира, сложили с себя свое достоинство и воззвали к Единственному, и мир изменился. Нуменор поглотила пучина, а вместе с ним — и Короля, и все его злосчастное воинство. Спаслись лишь те, кто не порвал старой дружбы с эльфами, — их корабли достигли Средиземья, где Рыцари из Заморья, как их звали другие люди, основали королевства Арнор и Гондор...

— А что же Саурон? — немедленно спросил Фарнак, слушавший так внимательно и вдумчиво, словно для него это был вопрос жизни и смерти.

— Саурон... — Язык хоббита теперь легко выговаривал это зловещее имя; новые силы, ожившие в нем после случая с синим Цветком, изгнали тот глубоко угнездившийся страх, что по-прежнему сопровождал память о Великом Враге Третьей, навсегда ушедшей Эпохи... — Саурон, конечно же, уцелел. Но уцелел лишь его дух, а телесная оболочка погибла, и с тех пор он уже не мог являться людям в привлекательном и располагающем к себе обличье и подчинял их лишь ужасом и ложью...

— Откуда же тебе все это известно? — Фарнак смотрел пристально и испытующе. Хоббит с трудом выдержал этот взгляд.

— Прочитал в древних книгах.

— Тогда скажи, кто такой Единственный?

— Тогда уж спроси заодно, сколько кошек было у королевы Берутиэль, — рассмеялся хоббит, но, видя, что Фарнак насупился, поспешно продолжал: — Я вовсе не хотел, почтенный кормчий... никто не знает ответа на твой вопрос. Я сказал слово в слово, как гласят прочитанные мной книги, но ни в одной из них не говорилось подробно о том, к кому же воззвали Стражи. Вроде бы это Тот, Чьей волей возник этот Мир...

— Дела... — протянул Фарнак.

Лицо его вдруг стало очень старым и усталым, изборожденным глубокими морщинами; исчез тот непреклонный и гордый вожак свободных мореплавателей — перед Фолко стоял пожилой арнорец, проживший тяжелую и безрадостную жизнь. Однако мгновение спустя он вновь выпрямился, словно сбрасывая с себя невидимую тяжесть, и попросил Фолко рассказать ему о Нуменоре. Вначале он слушал слегка рассеянно, думая о чем-то своем, и Фолко понял, что история борьбы с Морготом была уже известна ему: взгляд кормчего вновь стал напряженным, когда хоббит перешел к истории Островного Королевства времен его расцвета.

— Эльфы Элдара были частыми гостями Нуменора, и они щедро делились с людьми своим великим знанием. Благодаря их помощи, а также собственной мудрости нуменорцы процветали и быстро богатели. Их корабли бороздили моря на далеком севере, и на жарком юге, а уж в Средиземье они плавали постоянно. И лишь запад был закрыт для них...

— Постой! — Фарнак вдруг схватил Фолко за руку, его глаза вспыхнули. — Как ты сказал?! Почему?!

Опешивший хоббит невольно отшатнулся. Его слова, очевидно, задели больное место Фарнака... Откашлявшись, чтобы прийти в себя, он продолжал:

— Смертный не может ступать на землю Благословенного Королевства — так говорилось в книгах. Владыки Запада не допускали людей до своих земель... А почему — кто знает? Ведь именно из-за этого пал Нуменор!

— Береглись уже тогда, — с нехорошим выражением проговорил Фарнак, и на скулах его перекатились желваки. — Боятся, значит...

Фолко не очень понравились эти слова, но Фарнак продолжал расспросы. Хоббит рассказал ему о Проклятье Людей — их обреченности Смерти, наложенном на Людей Создателем Сущего странном Даре, о постепенно нарастающей среди нуменорцев обиде на эльфов и, наконец, о расколе в Королевстве и о последнем походе армии Острова...

— Они поступили как подлые предатели, — со злобой бросил Фарнак. — Хороши же эти эльфы! Так отблагодарить сражавшихся вместе с ними...

— Погоди судить их, — нахмурился Фолко. — Нам это не дано, мы знаем слишком мало.

— Так почему же они не дают нам узнать больше! — вдруг яростно вскричал Фарнак, потрясая кулаками. — Почему они стали решать, что нам дозволено видеть, а что нет?! Почему они закрыли от нас запад?! Мы, Морской Народ, — он обвел дрогнувшей рукой повернувшихся к ним гребцов, — мы хотим плыть на все четыре стороны света, пока ветер надувает паруса, а руки держат руль! На севере мы дошли до границы вечного льда, до голубых зубов Исполина, где капли стекающей с весел воды превращаются на воздухе в ледышки, а люди падают замертво, едва вдохнув, и где кожа чернеет и слезает с рук. На юге наши «драконы» достигли места, где берег поворачивает на восток и уходит в непознаваемые пространства. Мы побывали на каждой из рек Средиземья, и Северного, и Южного Миров — и лишь запад закрыт для нас!

Глаза Фарнака пылали. Ошеломленный Фолко не знал, что сказать.

— Я спросил тебя, были ли в прошлом люди, пытавшиеся

переплыть Море, — продолжал кормчий. — И ты рассказал больше, чем мне довелось услышать об этом за всю мою жизнь, но все это лишь подтвердило то, что мы знаем и так — хозяева Заморья отгородились от нас, продолжая, однако, предписывать нам свои законы! Кто может лишить человека свободы?!

Голос кормчего обрел, казалось, мощь грома, команда встала, Фолко видел разгоревшиеся глаза, сжатые кулаки, каждое слово кормчего встречалось звучным ревом.

— Но почему ты сказал, что эльфы берегутся? — слабо попытался возразить хоббит. — Ты же не знаешь, почему они поступают так?

— Почему я сказал? — криво усмехнулся Фарнак. — Потому что они берегутся, и уж мы-то знаем это лучше всех! Знаешь, что будет, если, — он обхватил хоббита за плечи и повернул лицом к западу, — если я переложу руль на правый борт? Мы будем плыть день, второй, третий, месяц, два, вокруг будет одна вода, ничего, кроме воды и солнца да звезд — а потом время остановится, и мы увидим Черту.

Словно внезапно налетевший порыв холодного ветра гасит неосторожно оставленную свечку — так сразу умолкла и насупилась команда, а сам Фарнак, презрительно кривя губы, опустил голову.

— Черта? — осипшим голосом произнес Фолко. — Что это такое? Я никогда не слышал о ней!

— Неудивительно, — бросил Фарнак. — О ней знаем лишь мы да те, кто ее провел. Наши корабли не могут пройти дальше — их заворачивает обратно... Со стороны это похоже на... — Он наморщил лоб от усилий выразить словами то, что видел. — Однажды мы увидели, как через нее прошел эльфийский корабль — их она пропускает, нас нет... Ладно! — вдруг оборвал он. — Эй, вы, лентяи, не видите, что ветер упускаем?! Хьярриди! Куда смотришь! — заорал Фарнак, отворачиваясь от хоббита.

Люди торопливо бросились по местам.

После этого разговора Фарнак проникся к хоббиту если не уважением, то хотя бы интересом, и они часто беседовали. Кормчий рассказывал много и охотно, словно торопясь поделиться наболевшим с редким, как он сам признался, собеседником. Он говорил о походах на юг и на север. На юг — за ценным деревом, золотым песком и диковинными фруктами, идущими на стол гондорских богачей, на север — за костью морского зверя и прочными, непромокаемыми шкурами, из которых в Арноре шьют одеяние для панцирников. Перед мысленным взором заслушавшегося хоббита проходили нескончаемой чередой неизведанные страны и таинственные острова — иные покрытые вечными снегами от ледяного дыхания северных ветров, иные изнывающие от жары, изливаемой на них стоящим точно в середине неба солнцем... И о бесчисленных боях, в которых довелось сражаться

эльдрингам — так они называли себя, — говорил Фарнак. О стычках с угрюмыми, беспощадными племенами дальнего Юга, где в море зеленых зарослей бесшумно и неотвратимо настигают храбрецов пущенные неизвестно кем отравленные стрелы, раны от которых смертельны; как по ночам к стоянкам выходят удивительные исполинские звери с телом быка и головой медведя, а поутру с деревьев высотой с добрую гору спускаются гигантские пауки, ловко мечущие на десятки шагов свою липкую паутину; нужно быть всегда начеку, там в любую минуту можно ждать нападения...

Хорошо говорил Фарнак, и лишь одно заставляло хоббита внутренне съеживаться от невысказанного протеста — когда эльдринг упоминал эльфов. Для него это были враги, и никаких сомнений или колебаний у него не оставалось. Они должны уйти, твердил он. Люди должны сами выбирать свои пути, следуя советам лишь своего разума. Слушая кормчего, Фолко неожиданно припомнил незабвенного Олмера, и вдруг у него мелькнула необычайно ясная, холодная и оттого еще более пугающая мысль: а что, если эти ненавидящие эльфов сговорятся?

Но эти мысли приходилось держать при себе, а пока хоббит пользовался случаем и присматривался к людям Морского Народа. Несмотря на то что «дракон» казался не очень большим, на нем было почти сто сорок гребцов-воинов: на внутренней стороне борта в строгом порядке висело вооружение каждого из них, в любую секунду готового сменить весло на рукоять меча. Хоббит пробовал завести с ними разговоры, но эльдринги держались хмуро и на вопросы почти не отвечали. Хоббит вспомнил монету Тервина; среди гребцов были схожие по виду с теми, от вожака которых хоббит получил этот необычный подарок; но все осторожные попытки разузнать что-либо окончились ничем. На прямой вопрос — где они были этой весной, Фарнак, усмехнувшись, бросил: *куда ворон костей не заносил.*

И среди прочих историй Фарнак рассказал хоббиту странное предание, бытовавшее среди Морского Народа. Якобы старший сын последнего Владетеля Гондора, Денетора, Боромир, погибший в схватке с орками у Парт Галопа, оставил после себя потомство. У Боромира был сын от простой, незнатной девушки, которого отец скрывал от грозного Денетора, опасаясь его гнева. Вроде бы после победы в Войне за Кольцо этот юноша, сын Боромира, явился к Великому Королю Элессару — и у них невесть отчего вышла ссора. Внук Денетора покинул Минас-Тирит — то ли его изгнали, то ли он сам не желал жить под властью нового Короля — одним словом, сын Боромира счел себя оскорбленным и якобы дал страшную клятву отомстить...

История эта сперва мало заинтересовала хоббита — мало ли

что люди плетут! Однако он запомнил ее, решив при случае рассказать ее Радагасту и услышать мнение мага по этому поводу...

А дни шли, и Фолко привык к постоянно раскинувшемуся вокруг голубому простору; стоя у борта и глядя на пенящуюся вокруг вскинутого носа воду, он перебирал в памяти события последних месяцев, стараясь понять: чего же они добились и что, собственно, им делать дальше? И вообще, сколько они еще будут скитаться? Следы «хозяина» орков они потеряли; они допустили ошибку, уйдя из Мории, не выяснив это, нужно было любой ценой изловить еще нескольких орков и с помощью Кольца добиться от них правды; вместо этого они полезли вниз, и вот Хорнбори уснул вечным сном под тяжелой плитой в Сто Одиннадцатом Зале, а Дори с его Кольцом собирает сейчас, наверное, рати в Железных Холмах... Много интересного рассказала им Башня Ортханка — но что им делать с этим? До Аннуминаса они, наверное, доберутся — а что дальше?

Бежала под бортом вечно кипящая белой пеной вода, и Фолко, глядя на нее, неожиданно припомнил свое недавнее видение возле синего Цветка, и его словно пронзило — Торин был уже стар... значит, скитаться они будут много лет... так суждено ли ему вообще вернуться на родину?! Неужели ему придется провести всю свою жизнь в бесконечных блужданиях?! И, не откладывая, он задал тот же вопрос Торину, когда они спустились под короткую носовую палубу, чтобы пообедать.

— Я знаю одно — мы будем странствовать столько, сколько надо, — сурово отрезал гном.

— А сколько надо? Куда мы отправимся после Аннуминаса? Мне вообще-то и дома побывать не мешало бы... Давненько меня там не видели...

— Надо будет столько, сколько потребуется, чтобы изловить этого «хозяина» и покончить с новой угрозой, — пожал плечами Торин. — А после Аннуминаса мы, наверное, отправимся в Ангмар.

Малыш поперхнулся, Фолко едва усидел на скамье. От этого имени на него повеяло давно забытым холодом и ужасом оживших Могильников. Глядя на их изумленно выпученные глаза, Торин чуть усмехнулся и продолжал:

— А где же еще искать раскачивающих Средиземье? И если мы увидим в Ангмаре этот герб — трехзубую черную корону — считайте, дело почти сделано.

— А... а потом? — еле выговорил Фолко.

— Потом будет война, — жестко бросил Торин. — Пора уже понимать, что к чему, Фолко. Зло, зло вновь свило себе гнездо у подножий Ангмарских Гор! Чем раньше это гнездо будет выжжено дотла, тем лучше. Но что загадывать? Пока нам нужно добраться до северной столицы, там нас ждут друзья, да и от Дори весточка может подоспеть.

Тем временем минули назначенные Фарнаком десять дней, и точно в указанный срок его «дракон», помогая себе веслами, ошвартовался в устье Барэндуина, где находилась еще одна большая стоянка кораблей Морского Народа. Фолко и не подозревал, что его родная река, такая плавная и спокойная под окнами его дома, может разлиться так широко, неся на себе десятки разных судов. Здесь привезенные с юга грузы, перекочевав из трюмов на спины мулов, в тяжелые скрипучие телеги и длинные купеческие обозы, отправлялись в недальний путь к арнорским пределам. Немало встретилось и барж, сплавлявшихся по реке, подобных тем, на которой друзья плыли по Исене. Фолко узнал, что южнее границ его родной Хоббитании, закрытой для людей, на переправе через Брендивин, где бравшая свое начало в Делвинге дорога пересекала реку, тоже был большой перевал грузов; часть купцов сгружала свои товары там.

Настала пора прощаться с Фарнаком и его дружиной. Напоследок Фолко, Торин, Малыш и Хьярриди решили зайти в таверну, промочить горло после долгих странствий.

Они шли по берегу реки, одетому в сплошной панцирь бесчисленных пирсов, пробираясь среди пестрой толпы эльдрингов, почтительно обходя внушительно застывшие на каждом перекрестке арнорские патрули, когда их внимание привлек необычно длинный, узкий корабль, на двенадцати парах весел стремительно подходивший к берегу. Его острый, задранный высоко вверх нос украшало изображение головы неведомого хоббиту зверя с двумя длинными, выступающими далеко вперед из пасти клыками: подгоняемый мощными ударами весел, корабль быстро приближался. На мачте трепетал черно-красный флаг.

Хьярриди изумленно присвистнул, едва завидев его.

— Вот это да! Сам Скиллудр, клянусь оком бури! Смельчак!

С палубы корабля уже бросали канаты, а спустя еще немного времени с его борта на пристань, не дожидаясь сходней, стали один за другим выпрыгивать люди. К ним заспешили несколько стражников; вышедший вперед светловолосый предводитель что-то коротко бросил им, а когда один из арнорских солдат загородил ему дорогу, вдруг молча показал на речную гладь, по которой один за другим подходили, швартуясь к борту первого корабля, новые «драконы», еще пять или шесть. Стражник в замешательстве отступил, и предводитель спокойно прошел дальше. За ним двинулись остальные его люди. Арнорские воины поспешно разошлись в разные стороны, оставив двоих наблюдать за кораблями Скиллудра.

— Скажи, кто он такой? — спросил хоббит у Хьярриди, кивая на быстро удалявшуюся спину светловолосого вожака эльдрингов.

— О! Скиллудр — это сила! — серьезно и с почтением сказал

помощник Фарнака. — Он сам по себе и не нуждается в законах или договорах. У него восемьсот мечей! И каких — не арнорским пузанам чета. Он не принял мира с Королевством, но настолько силен, что в открытом бою его не взять, в Море не настигнуть... Однако я не слышал, чтобы он особенно зверствовал — нет, он даже не воюет, а просто живет сам по себе, как хочет. Но случается, что берет корабли Гондора.

— Как же он осмелился явиться сюда?! Его же могут схватить?

— Разве ты не слышал, сколько у него мечей? Попробуй тронь его! Да они тогда от города и головешек не оставят! И еще командиры арнорских панцирников знают, что мы, остальные эльдринги, те, что приняли мир, не будем помогать Скиллудру, верные нашему слову, но и не вступим в бой на стороне Арнора, им придется управляться самим, а на это они не способны... Э! Ты чего?

Его последнее восклицание относилось к хоббиту, вдруг замершему с разинутым ртом. На пристань все еще выбирались лихие воины Скиллудра, и среди них вдруг мелькнуло знакомое смуглое лицо. Фолко не забыл его и не спутал бы ни с каким другим — того самого человека, подарившего ему монету Тервина!

Услыхав это, Торин тотчас схватился за топор и решительно заявил сквозь зубы, что будь у этого бродяги хоть восемьсот мечей, хоть восемьдесят тысяч, но потолковать с этим типом он желает непременно. Недоумевающий Хьярриди стал остерегать их; хоббит в двух словах объяснил тому суть дела. Помощник кормчего удивленно пожал плечами.

— Откуда им было взять эту вещь, почтенный Торин? Мы не ходим в глубь чужих земель, и вряд ли твой друг, как ты говоришь, мог оказаться на побережье. И разве не может быть, что эта монета сменила много хозяев, прежде чем попала в руки последнему владельцу?

— Тогда я хочу знать, от кого он получил ее! — упрямо сказал Торин.

Не теряя из виду запомнившегося хоббиту морехода, они поспешили вслед за шедшими тесной толпой воинами Скиллудра. Неожиданно десятка два из них свернули в неприметный пивной подвальчик, и друзья последовали за ними.

Внизу оказалось людно, шумно и дымно. Меж здоровенных столов сновали подозрительно-благостные слуги, разносящие подносы с пенящимися кружками, а на скамьях весело орало песни, резалось в кости, ссорилось, торговалось разухабистое морское воинство. Людей Скиллудра приветствовал дружный рев — многие обнимались, очевидно, здесь встречались старые знакомцы. В отличие от прочего народа новоприбывшие держались тише и с достоинством.

Хоббит, гномы и Хьярриди устроились в углу. Помощник корм-

чего не переставал ворчать на них и с явной неохотой ответил на вопрос Фолко, откуда родом похваливший его стряпню человек.

— Это еще южнее наших полуденных границ, там есть такой народ, самые отчаянные из них частенько приходят к нам...

— Я пошел, — рванулся Торин, но Фолко остановил его.

— Лучше я спрошу у него, — положил он ладонь на рукав друга.

Пробравшись между рядов, хоббит осторожно коснулся плеча человека. Тот обернулся тотчас же, на мгновение мелькнувшая настороженность уступила место недоуменной улыбке. Фолко вежливо поклонился, сказав, что имеет сказать несколько слов почтенному...

— Клянусь Большой Водой, — со смехом прервал его тот, — да это никак тот самый малый, что так славно потчевал нас в северной столице! Каким ветром тебя сюда занесло? Сменил хозяина?

— Это не так, почтенный, не знаю твоего имени, — по-прежнему вежливо продолжал Фолко. — Но если позволишь, я хотел бы спросить...

— Где ты взял вот это?! — вдруг рявкнул над ухом хоббита незаметно подобравшийся к ним Торин и, конечно, испортил все дело. Улыбка исчезла, незнакомец даже не взглянул на протянутую ладонь гнома со злополучной монетой.

— А ты кто, чтобы я давал тебе отчет? — Он смерил гнома взглядом.

— Кто бы ни был, — зарычал Торин, стряхивая пытающегося стащить его хоббита, — но я хочу знать и, клянусь бородой Дьюрина, узнаю, откуда у тебя то, что я подарил сам своему другу при расставании! И если твой ответ не удовлетворит меня, клянусь, я посчитаюсь с тобой за Тервина!

Эльдринг с усмешкой выслушал запальчивую речь гнома, криво улыбнулся, затем неспешно, негромко и раздельно бросил тому в лицо такие слова, что Фолко остолбенел, а Торин побагровел так, будто внутри у него развели огонь. В следующий миг топор гнома с шипением рассек воздух перед носом оскорбителя. Вокруг заорали, засвистели и заулюлюкали.

— Славная пара, клянусь Морским Отцом!

— Эй, дайте им место! Место!

Любители подобных зрелищ торопливо оттаскивали столы, освобождая пространство. Никто не пытался развести спорящих, даже хозяин. С последней надеждой Фолко бросил взгляд на Хьярриди, но тот куда-то исчез.

Противники сближались. Оба были без кольчуг и шлемов, в руках эльдринга тускло отсвечивал длинный прямой меч. Торин шел вперед с топором наперевес. Откуда-то из задних рядов вырвался Малыш с клинками наголо, но на него тотчас навалились,

и кто-то очень рассудительно сказал задыхающемуся от ярости Маленькому Гному:

— Бой честный и на равном оружии. Ты что, порядка не знаешь? Вызови сам кого-нибудь или можешь потом продолжить бой, если с твоим приятелем будет неладно.

— Это что еще? — вдруг прогремел чей-то низкий и суровый голос от невидимой хоббиту двери. — Гронт!

Расталкивая поспешно расступающихся с почтительными поклонами людей, к ссорящимся стремительно шагал сам Скиллудр — в простой кожаной куртке, с длинным мечом у пояса. Из-за его плеча виднелось напряженное лицо Хьярриди.

Противник Торина тотчас опустил клинок.

— Что произошло? — отрывисто спросил Скиллудр, окидывая ледяным взглядом место происшествия.

Гронт поклонился, виновато разводя руками.

— Ничего особенного, мой тан, — сказал он. — Этому почтенному гному захотелось проверить крепость моего меча.

— Впредь знай, что сталь гномов лучше, — холодно бросил Скиллудр. — Рассказывай! — приказал он, поворачиваясь к Торину.

Тот обиженно засопел, но смирил себя и начал говорить. Когда он закончил, на лице предводителя эльдрингов ничего нельзя было прочесть.

— Понимаю тебя, — заговорил он, обращаясь к гному. — Но должен сказать сразу — ты ищешь не там. Клянусь Вечным Морем, мои люди не убивали твоего друга. Эту вещь Гронт получил за храбрость, а где и от кого — другое дело. Мы не называем первым встречным имен делающих с нами одно дело. Тебе придется удовлетвориться этим ответом или — что ж! — испытай судьбу. Но сидящие здесь знают, — эльдринг обвел рукой зал, — в жизни своей Скиллудр не сказал ни одного лживого слова. Даже врагам.

Он повернулся и молча пошел к дверям мимо немедленно давших ему дорогу людей. Гронт двинулся было за ним, но потом остановился и поманил к себе хоббита.

— Я действительно невиновен, — тихо сказал он на ухо Фолко. — Твой приятель слишком горяч, и неплохо было бы немного укоротить его, но, так и быть, в память нашей доброй встречи, передай ему, что эту штуку дал мне один... с Востока, с которым мы вместе ходили... не важно, куда и зачем. Ну, что, будем драться? — громко спросил он, обращаясь к Торину. — Я не убивал твоего приятеля, клянусь! Проверить ты меня все равно не можешь, так что решай — веришь ты мне им нет.

Он отвернулся и спокойно заговорил с кем-то из своих спутников. Торин зло сплюнул и подошел ближе.

— Но скажи хоть, прошу тебя, — эти слова дались гному с уси-

лием, — от кого ты ее получил? Разве ты, случись с тобой такое, не пытался бы отомстить за друга?

— Я уже сказал твоему спутнику все, что мог, — невозмутимо ответил Гронт. — Могу повторить — это большой вождь... с Востока. Но и это еще ничего не значит — он мог получить твою монету еще из чьих-то рук....

С этими словами он повернулся и быстро исчез в толпе. К застывшему гному и хоббиту подошел Хьярриди.

— Ну вы удумали! — укоризненно покачал он головой. — Хорошо, сам тан Скиллудр неподалеку случился, пришлось мне ему кланяться, а то изрубили бы вас обоих на куски — у нас это дело обычное.

Настало время расставаться. Друзья собрали свои изрядно похудевшие мешки, нагрузили их на спины купленным здесь новым пони и, расплатившись и попрощавшись с Фарнаком, двинулись по главной улице города, постепенно перешедшей в накатанную дорогу. Дома кончились, но вдоль берега реки еще тянулись пристани. Борясь с течением, вверх поднимался один из длинных «драконов». Приглядевшись, хоббит узнал в нем корабль Скиллудра — у него одного паруса украшало изображение морской чайки, и с корабля доносилась песня:

Под вечернею звездою
В тихом плеске парусов
Спорим с глупою судьбою
У далеких берегов!

Моряки, бойцы, бродяги,
Сталь мечей, кольчуг, щитов,
Черно-огненные стяги —
У богатых берегов!

Под вечернею звездою
По дорожке серебра
Мы плывем навстречу бою
В дым кровавого костра.

Опрокинутое небо
Манит близостью звезды,
Рассыпая крошки хлеба
В толщах сумрачной воды.

Под вечернею звездою
Посреди сиянья вод
Дразнит нас ночной порою
Отраженный небосвод...

Дорога круто взяла вправо, огибая приречные холмы, и песня умолкла.

Глава 9

АНГМАРСКИЙ ВЕТЕР

Решив не испытывать судьбу, друзья присоединились к большому купеческому обозу, направлявшемуся в Аннуминас. Лето минуло; шел сентябрь, и уже покраснели осинники, дрожали на ветру начавшими оголяться ветвями березы: над Трактом кружились сорванные листья. На пятый день обоз без всяких приключений достиг Сарн Форда, где брала начало старинная дорога, ведущая к Башенным Холмам, что за западными границами Хоббитании, для Фолко это была дорога домой.

Он стоял на обочине большой дороги, оставив гномов возмещать путевые нехватки пива в ближайшей корчме, и смотрел на северо-запад, туда, где дорога исчезала в серых далях, словно сливаясь с затянутым низкими сплошными облаками горизонтом. С севера дуло, и хоббит зябко ежился, кутаясь в свой видавший виды дорожный плащ. Только тут, оказавшись в нескольких днях пути от дома, он вдруг понял, насколько ему надоели все эти бесконечные и, в общем-то, безрезультатные странствия. На пустом перекрестке было тоскливо и неуютно, вокруг лежала чужая земля — что ему делать здесь? Никуда Фолко больше не хотел, ни в Аннуминас, ни тем более в Ангмар — пора было возвращаться на родину. Там уже свозят в амбары репу и брюкву, морковь и капусту, отбирая самое лучшее для октябрьской ярмарки; дядюшка Паладин без устали снует взад-вперед по двору, то и дело принимаясь распекать ленивых молодых хоббитов, а под большим пивным котлом уже раскладывается огонь, и отборный ячмень уже приготовлен, и отпираются шкафы с праздничной посудой, а в кухне булькают и пыхтят добрых два десятка кастрюль, и тетушка командует своими непоседливыми невестками; а на косогоре над рекой собрались его товарищи — Роримак и Берилак, Сарадок и Горбулас, Многорад и Отто, Фредегар и Тоддо — позабавиться метанием стрел, расставлены разноцветные щиты с мишенями, и Фредегар уже выкатывает пузатый пивной жбан; а на вечер намечены танцы, стирается пыль с труб и барабанов — летом, в страду, не до них... Ух, как хочется домой! И тут невесть откуда взявшаяся сосущая боль в сердце заставила его решить тотчас же: пусть гномы думают о нем все что угодно — он должен побывать в Бэкланде, прежде чем — возможно! — пустится в новые странствия. Должен поспать под родной крышей, показаться семье и друзьям... Милисенту увидеть... Что с ней, как она, а главное — с кем она? Может, уже замужем давно...

Хоббит повернулся и зашагал прочь от реки, прочь от моста, обратно по бревенчатым мостовым к одному из постоялых дворов, где они остановились. Миновал торговую площадь, полную

шумной, деловито продающей и покупающей толпой, вот и нужные ворота, вот и потягивающие пивко друзья, и пенится кружка в руке, и... как сказать им, что наши дороги расходятся? Фолко не решился и отложил разговор до утра.

Остаток дня минул в сладостном ничегонеделании. К вечеру из затягивавших весь день небо серых туч посыпал мелкий дождик. Фолко сидел у камина, и на душе у него незнамо от чего становилось все мрачнее и мрачнее. Что-то говорило ему, что он еще не скоро увидит милый Бэкланд; в пляшущих язычках огня ему вдруг почудились пылающие стены какого-то города, и холодной змеей в душу вползло тяжкое предчувствие беды. Гномы безмятежно сопели, а хоббит все сидел и сидел, подбрасывая дрова в огонь, точно боясь оказаться в темноте. Зловеще завывал где-то на чердаке ветер; словно чья-то сухая рука скреблась в окно ветка росшей во дворе яблони. Что-то скрипело и ворочалось по углам, хлопала неплотно прикрытая ставня — во всех обычных звуках большого дома хоббиту чудилось приближение какой-то злобной, ненавидящей все живое силы; он поспешно забрался с головой под одеяло, и это неожиданно помогло, он тотчас провалился в забытье.

...Сон ли был это или явь? Из серой мглы вдруг выступила высокая тонкая фигура человека с громадным филином на плече. Хоббит узнал Радагаста.

— Наконец-то я нашел тебя, — быстро и тревожно заговорил бывший маг. — Силы мои не те, времени мало. Слушай же! Пришла беда, откуда я и ждал. Ангмар поднялся! Торопись, ты нужен мне на севере. Жду тебя в Пригорье. Торопись...

Волны заколебавшейся серой мглы поглотили фигуру Радагаста, и хоббит, обливаясь холодным потом, подскочил на жесткой постели, ошалело таращась в темноту. Что это было? Диковинный сон или действительно предостережение? Сердце бешено колотилось, легким не хватало воздуха... Неужели Торин был прав? Неужели война? Только теперь Фолко кожей ощутил ледяное дыхание страшного слова. Война! Что же будет с его Бэкландом? С Хоббитанией? Надо упредить, послать известие!

Хоббит отчаянно затряс мирно спящего Торина. Со сна гном не сразу взял в толк, что от него хочет его друг, а поняв, так и сел, широко разинув рот.

— Он звал меня в Пригорье... Но как же мои соотечественники? — Хоббит до крови закусил губу.

— Погоди, — мрачно бросил Торин, яростно скребя бороду. — Уверен ли ты, что все это тебе не приснилось? — Фолко беспомощно развел руками. — Ох, уж эти мне сны твои, вразуми меня Дьюрин! Ну что тут поделаешь? — Он сунулся к окну. — Ночь вроде светлая, дорогу видно... Давай буди Малыша, а я займусь нашими пони...

Растолкать Маленького Гнома оказалось непросто, и в конце концов его, полусонного, выпихнули на холодный ночной ветер. Полная луна давала достаточно света; по пустынной призрачной дороге трое друзей торопились к далекому черному горизонту, где небо сливалось со столь же черной землей.

Утро, холодное, бессолнечное, они встретили в добрых восьми лигах к северо-востоку от Сарн Форда. Днем эти места оказались куда как уютными и обжитыми. Отдыхая после ночной гонки, друзья потягивали пиво в придорожном трактирчике; пели последние петухи, только что прошло стадо, заспанный трактирщик вынес им полные кружки. Заведение это стояло на дальнем краю селения, поэтому они первые услыхали бешеный топот копыт мчащегося по ведущей от Пригорья дороге всадника.

У Фолко екнуло сердце. Кто может столь немилосердно гнать коня в такую рань?

Ответ пришел быстро. У изгороди осадил взмыленного жеребца усталый, еле держащийся на ногах человек. Бело-синий плащ был заляпан грязью, из-под сбитой шапки торчали слипшиеся от пота волосы.

— Эй, есть тут кто? — раздался хриплый голос всадника, и хозяин выскочил ему навстречу. — Буди народ! — повелительно бросил ему прискакавший. — Да живее, живее поворачивайся! Мне ждать нельзя, к вечеру в Сарн Форде нужно быть.

— Да что, что такое? — залепетал хозяин, почтительно и со страхом глядя на воина снизу вверх.

— Что?! — рыкнул тот, шумно глотая вынесенное трактирщиком пиво. — А то, что велено всем селянам укрыться по лесам со всем имуществом и, пока не скажут, не возвращаться! Ясно?! Еще пива дай...

— Да зачем же, от кого же прятаться? — задрожал трактирщик.

— От кого — это тебе знать не нужно, — мрачно бросил воин. — Войско в поход идет, вы на время без защиты останетесь... Мало ли что... Все! — резко бросил он, не давая трактирщику спросить еще о чем-то. — Все, что следует, я уже сказал, теперь то же людям повторю... Ну, живо поднимай всех!

Он повернулся и, тяжело ступая, вошел в трактир, почти упав на лавку. Спотыкаясь, точно слепой, хозяин подбежал к ближайшему дому и отчаянно застучал в ворота. Залаяла собака, потом послышались неразборчивые голоса... Тем временем Торин осторожно тронул гонца за плечо.

— Прости, почтенный, пока нету остальных, скажи нам, в чем дело? Не можешь говорить, то хоть кивни. Война? — И Торин на мгновение застыл, с трудом произнеся это слово. — Война с Ангмаром?

Воин вздрогнул и удивленно уставился на гнома, а у Фолко все поплыло перед глазами. С тяжелым вздохом воин наклонил голову, а Торин продолжал:

— Мы давно слышали тревожные вести, и догадаться было несложно... Но мы все трое хотим тоже сражаться против врагов Арнора. Куда нужно идти? Где собирается ополчение? И еще — не идут ли с вами гномы?

— Ну и вопросы у тебя, почтенный. — Гонец нахмурился и подозрительно взглянул на него. — Ничего такого не знаю!

С улицы донесся гул многих встревоженных голосов, воин поднялся и вышел, еще раз бросив на Торина недоверчивый и настороженный взгляд.

— Скорее, скорее в Пригорье, — только и смог сказать Фолко.

Не щадя ни себя, ни пони, они оказались в Пригорье спустя три дня. Хоббит навсегда запомнил опустевшие деревни — люди бежали кто куда, ничего не зная и не понимая, вывозя все, что могли. Друзья ночевали на брошенных постоялых дворах, к вечеру хоббит едва стоял на ногах от усталости, и ему уже ничего не снилось.

— Не понимаю, — процедил как-то сквозь зубы Торин, видя, как несколько повозок с домашним скарбом скрываются в недальнем лесу. — Почему такой приказ — всем прятаться? Почему не всеобщий сбор?

Его вопрос остался без ответа — только однажды их обогнал спешивший на север большой отряд арнорских конников; свесившись с седла, командир крикнул им, чтобы они укрывались поскорее: Торин попытался разузнать, что же происходит, но всадник лишь махнул рукой и дал шпоры коню...

Пригорье встретило их пустыми домами; у околицы торопливо зашпиливали возы двое припозднившихся жителей, невольно Фолко услышал их разговор:

— Да что это делается, кум! До чего дожили! Куда же теперь ховаться, а? И мельница... жернова-то я снял, а куда их? Зарыть, что ли? А то сопрут, не ровен час...

— Зарыть! Дело хорошее. Вон жена моя, уж на что дура, а и то поняла — ухваты все, чугунки сама позакапывала...

— Эй, почтенный! Что тут у вас? — окликнул их Торин.

Однако пригоряне обнаружили явное нежелание вступать с ним в разговоры. При первом же взгляде на сверкающую броню гнома, на его длинный топор с посеребренной ручкой они дружно задали стрекача, позабыв даже про свои возы. Напрасно друзья кричали им вслед — те даже не обернулись.

Большое селение казалось вымершим; в нем остались лишь два десятка арнорских панцирников. Те долго и придирчиво расспрашивали друзей, кто они такие и откуда идут; наконец, удовлетворившись и черкнув что-то на их подорожной, стражники пропустили их за заставу.

Друзья торопливо погнали пони по Главной Улице.

— Ну где там этот твой... — начал было Торин и осекся, потому что выяснилось, что разбежались и попрятались не все жители. Возле знаменитого «Гарцующего Пони» несколько человек и хоббитов из местных торопливо воздвигали около дверей баррикаду из бревен и мешков. Среди них мелькнула и знакомая физиономия Барлимана, но говорить с ним уже не было времени — на середину дороги вышла долговязая фигура с длинным черным посохом в руке, и они тотчас узнали ее.

— Скорее! — бросил Радагаст, входя в лавку и плотно запирая за ними дверь.

Малыш тихонько забился в угол, даже Торин словно оробел; казалось, перед ними стоял один из великих магов прошлого — плечи Радагаста распрямились, таинственная сила мерцала в глубине его единственного глаза, а руки более не казались сухими и старческими — следы морщин на них скорее напоминали честные боевые шрамы у молодого, но уже побывавшего в деле воина.

— Слушайте! — Глаз Радагаста, казалось, пронзал их насквозь. — Война началась. Четыре дня назад сюда прискакал гонец из Форноста. Ангмар большими силами двинулся к границам Королевства; у них в сердцах — жажда золота и крови, они идут грабить — и потому, думаю, далеко в глубь страны не пойдут, вряд ли дальше Форноста. Но вот их предводитель... В нем есть какая-то неясная мне чернота, ему мало и золота, и власти, его ведет, кроме этого, еще какая-то сила, понять которую я уже не смог. Я не знаю, кто он, но узнать это нужно непременно, любой ценой! И я надеюсь на вас.

— Но как же нам это сделать? — пролепетал Фолко.

— Нужно примкнуть к войску гномов, что идет на помощь Наместнику, — сказал Радагаст. — Они движутся через Аннуминас к Арчедайну. Там назначен сбор. Наместник, очевидно, полагает, что ангмарцы упрутся лбом в стены Форноста, и тут он подоспеет. Не знаю, не знаю... Они идут ходко.

— Как же их тогда настолько опередили? — хрипло спросил Торин. — Гонец добрался почти до Сарн Форда!

— Конная эстафета с самых ангмарских рубежей, — ответил Радагаст. — Наместник этим летом не бездействовал. Он стянул немало всадников к Столице, отрядил дальние дозоры... А кроме того, ангмарцы хоть и не мешкают, но у них, кроме конницы, еще и пехота, и она задерживает их. Причем пехота-то, — он невесело усмехнулся, — наполовину, наверное, из наших же арнорских разбойничков! Храудун старался не зря...

— Храудун? — изумились Фолко и Торин.

— А вы как думали? Зря он, что ли, бродил по Королевству и

натравливал деревни друг на друга? Я сам за ним гонялся, иначе он бы тут такого натворил! Хитер он и ловок необычайно. И, главное, неясно, кто он и откуда взялся! Мои подозрения так и остались подозрениями. Но хватит об этом. Вам нужно спешить. Хирд вышел семь дней назад и должен быть уже на месте. Не мешкайте же! А в бою — доспехи на вас, я смотрю, мифриловые! — постарайтесь узнать имя предводителя. Хорошо бы и разглядеть его в лицо. Смотрите и запоминайте! Потом мы встретимся, и вы расскажете мне.

— Узнать, кто командует врагом, будет трудновато, — медленно проговорил Торин. — Из хирда много не увидишь... Да и кто знает, как повернется судьба? Если мы будем разбиты? Трудно, конечно, представить, чтобы хирд был разбит, но все же?

По лицу Радагаста прошла тень.

— Как предугадаешь превратности войны? — вздохнул он. — Но на этот случай решим так. Если мы потерпим неудачу, вы не думайте обо мне и поступайте как велит ваша совесть. Ангмару сейчас с Арнором не справиться — силенки у северян не те. Карн Думу далеко до своей былой мощи! Одну стычку они выиграть могут, войну — нет. Наместник стянул немалые силы, и столько же у него осталось в запасе. Нет, сейчас еще не их час. Не знаю, настанет ли он когда-нибудь, но нужно сделать все, чтобы не настал никогда!

Фолко покивал, борясь с постыдной дрожью в руках.

— Дело куда как нелегкое, — сумрачно продолжал Радагаст. — Боюсь, нам теперь не до Мории...

— Но мы же увидели и узнали там столько... — начал Фолко.

— Ваши наземные приключения мне, в общем, известны, — сказал бывший маг. — Говори, но только то, что больше всего тебя поразило, а также те детали, что не могли мне рассказать слуги...

Несмотря на слова Радагаста, Фолко говорил долго, маг частенько прерывал его. Его особенно заинтересовал Олмер и подаренный золотоискателем хоббиту волшебный кинжал. Странное выражение появилось в глазах мага, когда он взял в руки черные ножны: словно что-то из дней его невообразимо далекой юности неведомыми путями попало в этот мир, напоминая ему о давно прошедших временах и не ведомых никому событиях; а потом он сам начал рассказывать...

— Давным-давно, когда мир был юн, а первозданные силы еще не покинули Средиземье, когда сам Том Бомбадил только воздвигал свой дом в сердце нынешнего Заповедного Края, а Олорин с Айвендилом вдвоем бродили по серым водам Ханлара, когда еще только созидалась Звездная Пристань — тогда далеко на западе, в ныне поглощенной водою прекрасной Белериандe, жил Первый Служитель Вечного Пламени Анора, чье имя не

может быть названо здесь. Он был сам по себе и не служил никому, кроме вечного солнечного света. Он мог почти все, но, исполнив свой долг, не захотел покинуть Средиземье вместе со Служителями Воды, Воздуха, Камня, Огня и другими. Его знание было беспредельно; великие короли эльфов Первой Эпохи — Тингол Серый Плащ, Тургон Гондолинский были его учениками. И однажды к нему пришли Айвендил с Олорином, — маг не сказал, для чего, — и среди многих иных пришедших (кого же? — мелькнуло у хоббита) им повстречался Бердрад Синий, живший далеко на востоке Средиземья, звезда и свет пробуждающихся Смертных, о которых здесь, на Западе, в те дни никто еще не слышал. Для каких-то своих целей Бердрад, повелевавший, помимо многого, и горными жилами, творил немало удивительных и наделенных диковинными свойствами и силами самоцветов. Судьба этих камней — особый и долгий рассказ, но среди них были и крестовники, или по-эльфийски — телруддар, Связанная Звезда. Синий прятал в них свои тайные заклятия, что помогали одолевать черное волшебство прислужников Властителя Тьмы. У Синего, как я узнал от Первого Служителя, были ученики — из первых эльфов восточных земель, даже не тех, от кого вели свой род Эльфы Лориэна и Чернолесья, а еще одного их колена, Авари, Невозжелавших, тех, кто остался на изначальной прародине эльфов далеко на востоке Средиземья. Ученики Синего тоже изготовляли «сильные камни», как они называли их. Потом часть из них неведомыми путями попала в руки еще одного удивительного племени Черных Гномов, не потомков Дьюрина, давно исчезнувших во мраке. Сделанное ими оружие ценилось на вес мифрила в дни Первой Эпохи. В рукоятки своих мечей и кинжалов они вделывали «сильные камни», наделявшие клинки поразительными свойствами. В твои же руки попал один из удивительных клинков; камень в нем работы самого Бердрада, а вот кто выковал остальное, я не могу сказать. Кинжал этот чудом уцелел в огнях и смутах десяти тысяч лет. Береги его, Фолко, — закончил Радагаст и, не давая сгоравшему от нетерпения хоббиту задать один вопрос, тут же заговорил о той силе, с которой они столкнулись в Мории. — Если все так, как ты описал, то дело может повернуться плохо, — пробормотал маг себе под нос. — Что за ужасный плод дали союз Багрового Пламени, Огня Удуна, детища Моргота и Подгорной Предначальной Тьмы! Хотел бы я знать, что пробудило их от тысячелетнего сна...

В продолжение дальнейшего рассказа маг лишь временами грустно кивал.

— Хазги... понятно. Они с востока, из-за Рунного Моря. Когда-то они тревожили своими набегами Приозерное Королевство, но их отбили. Кто-то вывел их из степей!.. И теперь они в союзе с Ангмаром. Как и Дунланд, заметь! Какой-то тайный вождь соби-

рает сейчас всех, у кого старые счеты с Западом, и наверняка в том войске, что идет на нас, встретятся и режущие челюсти, и дунландцы. Небось не обойдется и без волчьих всадников, а вот вмешается ли Морской Народ, не знаю. Они хитры и осторожны и просто так в драку не полезут. — Маг помолчал. — Ладно, о них я напишу Кэрдану. А вот в Ортханк придется идти мне самому — как только справимся с вторгнувшимися. Ох, Саруман, Саруман! Так вот в чем был его прощальный подарок! Заставил Башню говорить! Король Элессар не зря запретил входить в нее людям... А о сыне Боромира — очень интересная история. Непохоже на Великого Короля, очень непохоже! Злые языки и злые сердца, они ищут предлог для смуты... Пошлем вести Королю и попробуем убедить его. А теперь пора! — Маг встал. — Торопись! Войска Наместника уже вышли из Арчедайна — гномы только что присоединились к ним, с час назад. Не жалейте коней! После победы возвращайтесь сюда, если же судьба окажется против нас — я сам вас отыщу. Прощай, невысоклик, береги себя!

Как ни торопились друзья, они все же завернули к Барлиману пропустить по последней кружке пива. Трактирщик встретил их приветливо, точно и не было никакой войны.

— Почему же ты не скроешься, почтенный? — полюбопытствовал Торин, утирая бороду. — Вон, все Пригорье уже опустело... Не ровен час...

— Ага, так я свое дело и брошу, — хмыкнул Барлиман. — Трактир, он, знаете ли, любому нужен — что Арнору, что Ангмару. А ежели кто грабить полезет, у нас найдется, чем ответить.

Друзья с удивлением переглянулись и ничего не ответили.

И вновь под копытами потянулся знакомый Тракт, которым они уже шли год назад. Но теперь дорога словно вымерла — даже сторожевые вышки торчали сиротливо и покинуто. Ни людей, ни лошадей, ни дымка над деревнями, ни лая собак, ни петушиных криков. Пусто и мертво было все вокруг, а в лица им дул холодный, пронзающий северо-восточный ветер, недобрый ветер Ангмара.

Войско они встретили на следующий день, натолкнувшись на передовые дозоры. Скорым, но сберегающим силы коней шагом шла через перекресток бело-синяя конница головного отряда — Фолко невольно залюбовался этим крепким, плотно сбитым строем рослых воинов с длинными копьями, на которых трепетали небольшие флажки тех же двух цветов Арнора. Трое всадников отделились от своих и направились к замершим друзьям. Торин поспешно полез за пазуху, где лежала подорожная.

— Что же, почтенные, похвально ваше стремление встать рядом с нами, — обвел их тяжелым взглядом внимательно прочитавший пергамент сотник, командовавший отрядом. — Твои соплеменники, сын Дарта, скоро будут здесь. Я оставлю с вами двух своих людей...

Началось странное ожидание. Гномы развели костерок на обочине; Фолко как зачарованный следил за проходящими мимо них десятками. Их было много, много больше, чем полагал хоббит; не менее тысячи выслал вперед Наместник. Мрачное безразличие овладело хоббитом, не осталось ни страха, ни азарта; глядя на проходящих воинов, хранящих суровое молчание, он сам удивился своему спокойствию — у него было дело, и его нужно было сделать; времени для страхов и нытья не оставалось.

Им пришлось просидеть на придорожных камнях почти весь день. После передовых отрядов двинулись главные силы — сотня за сотней, конные панцирники скрывались в затянувшей Форностскую дорогу сырой мгле; Наместник действительно не терял времени даром.

А потом тягостную тишину над старой колеей разогнала бесшабашная песня, ее пели многие десятки отчаянно-веселых голосов, и товарищи хоббита разом вскочили на ноги; из-за поворота показались шедшие на удивление широким шагом ряды ополчения Лунных Гор.

Лица гномов удивили хоббита веселыми улыбками, которым, казалось, неоткуда было взяться в этот день и на этом пути; но сородичи Торина шли веселой толпой, кому как придется; в глазах зарябило от их зеленых, коричневых, серых плащей и курток, под которыми, однако, угадывались предусмотрительно надетые доспехи. Гномы весело горланили, пересмеивались, словно шли на прогулку, их намерений ничто не выдавало.

Завидев Торина, Малыша и хоббита, гномы приветствовали их оглушительными воплями; однако никто не остановился и не свернул, и лишь один уже пожилой седобородый гном в богато украшенном самоцветами поясе отделился от толпы. Мгновение Торин всматривался в спокойное и благообразное лицо подходящего, словно колеблясь, но затем поклонился; видно было, что он давно знает его и воспоминания эти не слишком приятны для Торина.

— Приветствую отчаянного Торина, сына Дарта, — кивнул в ответ старый гном. — А я-то думал, куда мог подеваться в такое время главный задира Халдор-Кайса? А он вот, оказывается, где! — Говоривший усмехнулся. — Ну чего разговоры разводить, вставай к нам, если свое место в хирде еще не позабыл? А, и Строри здесь! Ну уж тебе придется, не обессудь, сзади оставаться — хоббита охранять будешь.

Малыш дернулся было что-то сказать, но глаза старого гнома вдруг полыхнули на мгновение таким огнем, что Маленький

Гном прикусил язык. Старейшина Халдор-Кайса повернулся и исчез за спинами шагавших мимо, и друзья молча присоединились к ним.

Весело было идти с гномами; их разухабистые песни ни на минуту не оставляли хоббита наедине с черными мыслями. Тем временем подкрался сырой осенний вечер, и войско остановилось на ночлег. Вокруг раздавался скрежет многочисленных лопат — по приказу Наместника костры можно было разводить только в ямах.

Но вот котловые вздули огонь, разнесли котелки с горячим походным варевом; потом лагерь умолк, тысячи людей и гномов словно растворились в облетающем лесу; голоса стихли, лишь ветер свистел в оголившихся гибких ветвях. Тучи так и не разошлись; их пелена поглотила даже лунный свет. В наступившем мраке лишь неусыпно шагали вокруг спящих бойцов не выпускающие оружия из рук часовые.

Глухая пустота, поглотившая забывшегося тяжелым сном хоббита, вдруг выпустила его из своих объятий; он подскочил на своем ложе из сухих листьев, еще не понимая, что же произошло, — но долго гадать не пришлось. Над холмами и полями, перелесками и крышами катился, переливаясь и наполняясь новой силой, знакомый тоскливый зов, клич оживших Могильников. Он изменился, заметно изменился; новая сила наполняла его, и немало сердец затрепетало, лишаясь обычного своего мужества; лагерь в один миг вскочил на ноги.

Была беззвездная и безлунная ночь; тускло рдели в ямах остывающие угли, не утихая, леденил щеки холодный ангмарский ветер с Карн Дума, и зов нечеловеческих злобных сил, колыхаясь, гнал прочь трусливую тишину. Испуганные возгласы, лязг выхваченного оружия были ему ответом; но этому вою, казалось, не было дела до этого; теперь его наполнило торжество, выраженное жуткими и тайными словами, непонятными Смертному; в том, что это было торжество, не усомнился никто. А потом десятки голосов вдруг стали выкрикать новые тревожные вести; сотни рук указали на восток, тысячи глаз обратились к темному горизонту.

По сине-черному краю земли, над восточными холмами, медленно поднималось бледное, но ясно видимое зарево, окрашивая нижние слои туч в мертвенно-желтые тона, под которыми проступала багровая сердцевина.

— Форност! — выкрикнул кто-то, и тотчас сотни ртов разорвал единый крик, исторгнутый, казалось, из одной исполинской груди. — Форност!

В мгновение ока воцарился ад. Раздались звучные команды, и

войско поспешно схватилось за разложенные на ночь тюки, распряженных коней и оставленные кругом телеги. Прошло не больше часа, и все, до последнего обозника, уже вновь шагали по едва освещенной редкими факелами дороге, слушая постепенно замирающий в отдалении леденящий вой.

Куда подевалось все веселье гномов; в полном вооружении шли они теперь, и, кроме шума шагов, ночную тишину нарушало лишь позвякивание стали.

Зарево на горизонте поднималось все выше, и вот по войску пролетела передаваемая из уст в уста весть — примчался гонец из Форноста. Город пал, а враг — ангмарцы, разбойники, дунландцы и иные, неизвестные, — скорым шагом движется в глубь Арнора, прямо им навстречу.

Трясясь в седле, хоббит не переставая ломал себе голову над тем, как выполнить порученное Радагастом дело и при этом не угодить под меч, стрелу или копье.

«Но ведь то же, наверное, хочет узнать и Наместник, — мелькнула мысль. — Может, разыскать Рогволда, если он здесь. Или попросить гномов, чтобы как следует допросили пленников, если таковые окажутся? Или влезть на высокое дерево и постараться что-нибудь увидеть самому? — Он вздохнул. — Не полагаться же в самом деле на везение!»

Однако, судя по всему, ему не оставалось ничего другого; небо тем временем начало сереть, а лесные стены, сжимавшие дорогу последние три лиги, разошлись в стороны, и отряды Арнора оказались на краю обширной равнины, простиравшейся далеко на восток. Примерно в лиге от них текла с севера на юг река; по левую руку прямо у дороги шуршала золотой листвой небольшая роща; дорога устремлялась прямо через равнину, оставляя слева небольшой холм, и дальше к реке, где в первых утренних лучах Фолко разглядел довольно широкий бревенчатый мост. Заречные луга были скрыты густыми туманами, а дальше, за ними, зеленовато-синий небосклон пятнали медленно поднимавшиеся вверх размытые столбы черного дыма.

— Сто-ой! — пронеслось по рядам. — Привал!

Так начался этот день — долгим, томительным ожиданием. Фолко не знал, почему они остановились именно здесь, не знал, что они будут делать дальше, — он бездумно подчинился приказу и, чувствуя, что бой близок, прикрыл глаза, постаравшись вспомнить что-нибудь светлое и приятное из его прошлой жизни. Однако в голову почему-то лезли совсем иные картины — Умертвие, поднимающееся на курган, свист стрел в деревне возле Волчьего Камня и волна мрака, обрушивающаяся на замершего Хорнбори...

Почему они стоят? Что, если враг обнаружит их первым? Фолко не находил себе места; и, горько усмехнувшись, он сказал самому

себе, что ему далеко до героев Красной Книги — они знали все, оказавшись рядом с такими исполинами, как Гэндальф и Великий Король, а что знает он, никому не ведомый воин Арнора (ему очень хотелось, чтобы его считали таким), что он может понять в происходящем?

Его размышления были прерваны резкими словами команды. Арнорская конница выстраивалась длинной стеной, загораживая дорогу и прикрывая левое крыло придорожной рощей. Только теперь Фолко мельком увидел Наместника. Он был в простом бело-синем плаще, ничем не отличавшемся от плащей остальных всадников, под знаменем с гербом Соединенного Королевства; его окружали старые советники, хоббит узнал Скилбада. Сам Наместник ехал, опустив голову, и слушал, что ему говорит только что прискакавший откуда-то из туманов молодой конник. В это время вокруг Фолко зашевелились гномы, и он потерял Наместника из виду.

— Ну, братья, — поднялся Торин, в последний раз оправляя кольчугу. — Мне пора, хирд уже строится... Малыш! Не спускай глаз с Фолко, и из обоза — чтоб ни ногой!

Не слушая брани взбешенного Маленького Гнома, Торин повернулся, и спустя мгновение его уже нельзя было разглядеть среди сотен похожих одна на другую спин, прикрытых сверкающей сталью.

Все еще бранясь, Малыш схватил Фолко за руку и поволок куда-то назад, к роще, за которой были составлены в круг телеги войскового обоза. Оглянувшись, хоббит увидел, как гномы выстраиваются во вторую линию за спинами арнорской конницы; со стороны их отряд напоминал оброненный слиток серебра.

— Так я и буду ему мешки сторожить! — продолжал возмущаться Малыш. — Вот что, пойдем в этот перелесок да засядем там. Хоть увидим, как дело пойдет!

Они выбрались на край рощи. Справа от них застыл конный строй арнорцев, слева, в кустах, засел их пеший секрет, прямо перед ними расстилалось поле. Солнце уже поднялось, но все небо покрывали тучи; злой ангмарский ветер дул не ослабевая.

Ждать пришлось недолго. Из туманов на том берегу реки неожиданно вынырнули первые темные фигурки, и хоббит невольно стиснул руку Малыша. Их становилось все больше, и вскоре Фолко разглядел большой отряд конных, шедший на рысях левее дороги; по самой же дороге торопилась пехота, мелькали длинные копья и круглые щиты; еще правее двигался другой отряд, пешие и конные вперемешку, среди рядов мелькали высокие телеги.

Войска Арнора не шелохнулись, казалось, они и не видели появившегося врага; противник, похоже, тоже не удивился этой встрече. Конные двинулись прямо в реку; там оказались броды,

и все три колонны, не теряя времени, стали переходить на другой берег. Фолко различал какие-то черно-белые, желтые и малиновые знамена, но было еще слишком далеко, чтобы рассмотреть, что изображено на них.

И вот уже вся конница неприятеля оказалась на этом берегу; растягиваясь, ангмарцы взяли еще больше влево от дороги, нацеливаясь прямо на ту рощу, где притаились Фолко с Малышом; их пехота тоже разворачивалась поперек поля; отряд с телегами двинулся к придорожному холму. Кавалерия Ангмара оказалась многочисленной, никак не меньше арнорской; и это были еще не все силы врага. Его черные конники приближались, теперь уже была ясно видна эмблема на их знамени — черная трехзубчатая корона в белом круге. Однако их порыв, с которым они взяли с места, явно иссякал — то ли их удивил вид неподвижных рядов арнорской дружины, то ли у их неведомого предводителя был какой-то свой план. Его пехота надвигалась, наставив короткие копья; теперь уже в ее рядах можно было различить бойцов разных племен. Хоббит узнал похожие на корыта щиты дунландцев, разношерстные ватаги разбойников, жмущихся друг к другу, увидел зеленые плащи ангмарских мечников — они стояли в центре, а между ними и холмом шагал и вовсе странный отряд, невесть как оказавшийся в одном строю с людьми, — обнажив короткие мечи, без знамен и значков шли орки, те самые Урук-Хай, с которыми гномам пришлось встретиться в Мории. Всего пехоты у противника оказалось тысячи четыре, как определил на глаз Малыш, и тысяч шесть конницы.

— У нас в хирде ровно три тысячи восемьсот девяносто два, — невольно понижая голос, шепнул он хоббиту. — А конницы у Наместника — пятьдесят сотен, сам слышал. Жаркое будет дело...

Фолко хотел спросить, почему в хирде такое неровное число бойцов, как арнорская дружина наконец дала понять неприятелю, что не собирается больше ждать. Запели рога, и бело-синяя масса полилась вправо, точно морская волна; и высоко-высоко вдруг взлетело над передними рядами знамя Соединенного Королевства.

Если врага и удивило присутствие здесь отряда Лунных Гор, он никак не выказал этого. Подбадривая себя лихими криками, стегнули коней черные конники правого крыла; застыла, ощетиниваясь копьями, пехота; и в этот миг хоббиту показалось, что все пропало, что им никогда не сладить с противоборствующей силой — слишком уж внушительным вдруг показался ему вид перегородивших все поле войск врага.

И тут двинулись гномы. Дерево, на которое вскарабкались Фолко с Малышом, ощутимо дрогнуло; и теперь уже хоббит не

мог оторвать взгляда от мерно движущегося сверкающего строя. Гномы первых рядов несли громадные щиты, окованные железом; над щитами виднелись лишь верхушки шлемов. Где-то в середине прямоугольного строя угадывалось свободное пространство, но зачем оно — Фолко не мог понять. Было что-то завораживающее в этом слитном, непрерывном движении; хирд казался единым разумным существом.

А арнорская конница уходила все дальше и дальше вправо, прикрывая бок строем гномов, и черные копейщики сперва было опешили; но потом часть их, нахлестывая коней, устремилась прямо поперек поля, не обращая внимания на хирд, наперерез бело-синему строю. Вновь воззвали рога, и хоббиту показалось, будто острое жало клинка высунулось из доселе скрывавших его складок плаща — острый и плотный клин дружинников, мгновенно сбившись колено к колену, бросил своих спокойно рысивших до этого коней навстречу.

В топот и ржание вмешался новый звук — частые, сливающиеся хлопки ангмарских конных арбалетов, и хоббиту показалось, будто клинок арнорцев наткнулся на невидимую преграду; он увидел первых упавших, бессильно распластанные человеческие и конские тела. Но окончательно расстроить поколебленные ряды всадников Королевства ангмарцам не удалось; конница сшиблась, и Фолко навсегда запомнил этот звук, в котором смешались крики людей, лязг оружия и треск ломающихся копий.

Нет, арбалетчики Ангмара не приняли предложенного им боя. Тотчас рассыпавшись, они отхлынули назад, продолжая осыпать кавалерию противника стрелами. Другая их часть тем временем скапливалась неподалеку, угрожая совершенно открытому боку и тылу гномов, те же продолжали свое молчаливое, безостановочное движение, точно и не было никакой опасности. Был спокоен и Малыш, на которого бросил взгляд Фолко: все ли в порядке с его сородичами?

А тем временем оказалось, что ангмарцы напрасно не обращали внимания на гномий строй. Щиты первого ряда вдруг слегка опустились, и хоббит сверху увидел, как над ними поднялись десятки таких же арбалетов, что плели смертельную сеть вокруг отходящих арнорских дружинников; место недавней сшибки было уже пусто, если не считать оставшихся там нескольких десятков недвижных тел. Бело-голубых плащей на земле оказалось заметно больше, чем черных.

Арбалеты гномов поднялись, а затем их короткие толстые болты показали стрелкам Ангмара, что и помимо них есть на этом поле умеющие брать прицел и упреждение. Фолко видел, как валились с коней неосторожно оказавшиеся в нескольких десятках шагов от хирда ангмарские арбалетчики; и как они, вместо того чтобы повернуть назад, внезапно устремились вперед, прямо

на ряды бело-голубой конницы; и одновременно на правом фланге врага грянули трубы.

Большая часть оставшейся там конницы Ангмара, изогнув строй подобно серпу, ринулась на незащищенный бок хирда; прямо же в лоб гномам, что-то вопя и наставив копья, бегом бросилась пехота из числа разбойников и дунландцев; подался вперед и центр из зеленых мечников; только орки остались на месте.

«Что же это такое? — пришла хоббиту ужасная мысль. — Хирд же сейчас сомнут, куда ушли эти дружинники? Почему бросили гномов?»

Арнорская конница действительно ушла далеко вправо, оставляя хирд почти в одиночестве. Вышедшие из-под гномьих стрел арбалетчики сцепились с левым крылом дружины, в то время как ее центр и правое крыло продолжали оставаться вне боя. Они отклонялись и отклонялись, одновременно заходя за холм, так что самые правые ряды арнорцев хоббит уже потерял из виду. Уже пустили в ход луки те, что засели на холме, — Фолко увидел там настоящее укрепление из составленных кругом телег; но тут Малыш дернул его за рукав, и он глянул прямо перед собой.

Низко склонившись к гривам, через поле неслись ангмарские черные копейщики и арбалетчики. Вились черные плащи, и в ушах звенело от их клича: «Ангмар! Ангмар!» Черная сеть стрел хлестнула по рядам гномов, толстые древки ломались о поднятые щиты, впивались в землю возле безостановочно шагающих ног, исчезали среди блестящих шлемов... Находила ли иная из них дорожку в сработанной подземными кузнецами броне, нет ли — со стороны сказать было нельзя. Хирд казался заговоренным, его ряды не дрогнули, не заколебались, как ряды дружинников мгновение назад; они лишь ответили стрелами на стрелы. Но арбалетов у гномов было все же немного, и они не остановили атакующих; с дикими воплями налетали копейщики, нагибая длинные тонкие копья. Однако хоббит вдруг понял, что враг дрогнул, вид несокрушимой сверкающей стены, которой, как казалось, были нипочем арбалетные стрелы, не мог не подействовать.

А когда налетающую конницу и стену щитов разделяли какие-то десять саженей, по рядам хирда вдруг прошло короткое множественное движение, и строй словно опоясали два огненных кольца — это пробившееся сквозь тучи солнце отразилось на сотнях елейных наверший, выдвинувшихся из гномьих шеренг. Наконечники первого ряда были на уровне пояса; второй ряд показался над плечами. Щиты разошлись ровно настолько, чтобы дать место древкам, не больше.

Налетающая конница увидела это слишком поздно. Всадники не успели развернуть коней, как с криком «Хазад!», перекрывшим все звуки боя, невидимые копьеносцы хирда выбросили свое оружие вперед и вверх — раздался клич, и первые ряды подскакав-

ших оказались повергнуты наземь. И вновь клич «Хазад! Хазад аймену!», от которого, как показалось хоббиту, сейчас сломается дерево...

Но недаром арнорские дружинники и Рогволд говорили об ангмарских конниках как о серьезном противнике. Избегая гибельного удара длинных копий хирда, черноплащная конница поспешно заворачивала, скапливаясь для нового удара. С безопасного расстояния она принялась осыпать хирд стрелами, а он все шел и шел, и хоббит понял, куда нацелили гномы свой удар — на пехоту противника. Видно было, как заколебались разбойники, но деваться им было уже некуда.

А бой тем временем кипел уже повсюду, и, повернувшись на мгновение вправо, хоббит увидел несущихся за спинами хирда ангмарцев, из того самого отряда, что схватился с конницей Арнора в самом начале. Оборачиваясь, арбалетчики ловко били на скаку, и преследовавшая их конница Наместника никак не могла сбить ряды для решающего удара. В центре бело-синяя волна билась в упорно гнущийся, но нерушащийся орочий строй, карабкалась вверх по холму, где отчаянно отбивались из-за телег; и тут Фолко заметил арнорские стяги позади, в тылу врага. Глубокий охват удался Наместнику — теперь его конница нацеливалась в спину ангмарской пехоте и грозила всадникам правого крыла.

Вновь взвыли трубы, вновь пошла в атаку черная кавалерия, на сей раз плотнее и как-то решительнее; словно хищная птица, она метила в бок хирда, повторяя неудавшуюся атаку. Однако гномы тем временем дошли наконец до рядов вражеской пехоты, и Фолко понял, почему его спутники говорили: «Ты еще не видел наш хирд на поверхности».

Железная стена с двумя рядами копий — вот что предстало перед латниками первых вражеских шеренг. И последнее, что они видели в жизни, был стремительный блеск гномьей стали.

Страшный, никогда не слышанный хоббитом предсмертный вой повис над полем; хирд ворочался и рычал, словно древнее чудовище, дорвавшееся наконец до своей жертвы; Фолко видел, как поле позади гномов вдруг утратило свой серый пожухлый цвет, став вдруг многокрасочным, точно кто-то бросил под ноги бойцам разноцветное лоскутное одеяло; гномы шли по телам врагов, выбрасывая то вправо, то влево, то вперед острые зубья-клинья, всякий раз пробивавшие широкие бреши в рядах врага.

— Наша берет, наша! — завопил, потрясая кулаками, Малыш.

Но тут вновь пошедшая в атаку под своими черно-белыми знаменами конница Ангмара охватила хирд сбоку и сзади; ливень стрел вновь обрушился на щитоносные ряды; и с таким отчаянием ударили ангмарцы, с таким бешенством бросились прямо на верную смерть, что гномам пришлось замедлить шаг. Фолко видел, как обезумевшие кони отказывались идти на копья, вставали на

дыбы, сбрасывая всадников; и седоки, кого миновал первый удар копий, тратили последний отпущенный им до второго удара миг, чтобы разрядить свой арбалет, целясь в узкие щели между щитами; как взвились черными змеями арканы, и в первый раз метнувшим удалось выхватить нескольких щитоносцев из строя, а возле бреши вдруг мелькнула какая-то скрюченная фигурка, и хоббит не сдержал изумленного крика. Не может быть! Неужели он? Неужто и здесь — Санделло?

Однако хирд быстро затянул прореху в своих рядах; стрелы сбили всадника, волочившего гнома на аркане; гном приподнялся, но тут его настигло копье другого ангмарца.

Нет, замешательство гномов оказалось настолько кратким, что враг не успел им воспользоваться. Через головы первых рядов били гномы-арбалетчики; аркан вновь захватил кого-то из хирда, петля напряглась, и тут строй неожиданно слитно качнулся назад, и незадачливый наездник покатился по земле и больше уже не поднялся. Спешившихся арбалетчиков встретила сплошная щетина копий: хоббиту было очень хорошо видно, как таяло число атакующих, а земля возле левого крыла хирда быстро покрывалась черными пятнами упавших тел.

Отчаянная атака ангмарской конницы все же задержала гномов; с другого боку, подражая хирду, тесным строем пошли дунландцы; две стены щитов столкнулись с лязгом и треском. Напор горцев сперва принес им успех — отклонив копья, им удалось дорваться до самого первого ряда гномов и пустить в ход мечи. В ответ хоббит увидел взметнувшиеся над головами тангаров топоры, и в тот же миг, словно челюсти, дунландцев сдавили с боков два выставленных хирдом клина, и тут уже ничто не могло помешать работе гномов-копейщиков. Фолко видел, как покатилась назад дунландская пехота, густо устилая землю телами своих; небольшой, но отчаянный отряд храбрых горцев растаял, словно первый снег, и хирд вновь качнулся вперед — добивать еще оставшихся пеших врагов. Тем временем арнорская конница, глубоко зайдя за спину ангмарскому войску, с двух сторон атаковала орков, еще держащихся у подножия холма, и было видно, как их строй рухнул, как тяжелый клин окольчуженной конницы смял орочьих латников, погнав их вместе с зелеными мечниками прямо на копья хирда. Другой отряд дружинников, повернув коней, обрушился на арбалетчиков, наседавших на гномов со спины; увлеченные схваткой с гномами, ангмарцы слишком поздно заметили налетающую сомкнутым строем кавалерию, и в следующий миг воины Арнора показали, что значит их удар копьями. Бело-синий клин прошел сквозь поспешно разлетающуюся толпу арбалетчиков подобно косе над травами, густо устилая свой путь телами поверженных врагов: длинные копья арнорских витязей насквозь пронзали пытавшихся противосто-

ять им, и мечи ангмарцев были бесполезны; их кони отказывались повиноваться хозяевам и поворачивали прочь.

Уже загорелись подожженные атакующими телеги тех, кто оборонял холм; уже хоббит заметил бросившихся наутек пехотинцев врага, уже победно грянул клич Арнора, и «Хазад аймену!» гномов обрело, казалось, силу грома; уже близка была победа, когда враг показал, что у него еще достаточно сил, чтобы повернуть удачу к себе лицом. Где-то слева от хоббита, там, куда нацеливала удар зашедшая в тыл врага арнорская конница, вновь грянули трубы, и тотчас черные арбалетчики отхлынули от хирда, ни на минуту не ослабляя обстрел. В ответ над головами гномов, точно крыша, поднялись сотни щитов, и хирд окончательно превратился в неприступную крепость.

А оттуда, из глубины поля, враг выдвигал новые отряды. На своих низкорослых лошадках мчались с дикими воплями хазги; и гигантские волки со своими низкорослыми наездниками тоже двинулись в дело. Последние устремились прямо на наседавшую с тыла арнорскую конницу, туда же повернула часть хазгов; большинство этих страшных стрелков ударили прямо на хирд. На мгновение мелькнула в их первых рядах фигура очень высокого всадника с двумя обнаженными мечами в руках, а в следующее мгновение воздух наполнило упруго-страшное пение огромных луков, и стрелы, втрое, как помнил хоббит, толще и впятеро длиннее арбалетных, нашли свою цель.

В первом ряду хирда упал один, второй, третий щитоносец, их тотчас заменяли другие, гномьи щиты сжались еще плотнее; вновь ответили арбалетчики хирда, но хазги вертелись, точно волчки, и не жалели стрел. А остальная ангмарская конница повернула навстречу подошедшей арнорской: и у хоббита заледенело сердце при виде падающих воинов Соединенного Королевства, пронзенных почти не знающими промаха арбалетными стрелами.

Уже простившиеся с жизнью пешие воины врага мало-помалу вырывались из смертельных объятий хирда, за их спинами хазги и ездящие на волках приостановили другую часть кавалерии Наместника; и Фолко понял, что чаши весов боя заколебались.

Но тут с треском рухнули обгоревшие борта телег на холме, где с самого начала боя держался отряд врага; бело-синие плащи перевалили через вершину взлобка, а затем их сомкнувшиеся ряды дружно ударили вслед бегущим и повернули острие своего строя в бок хазгам и волчьим всадникам.

Хороши были низкорослые стрелки, но их было мало, лишь сотни две или чуть больше, и они не успели отбить этот новый натиск. С двух сторон их сдавили тиски всадников Аннуминаса; и первыми не выдержали ездящие на волках, за ними, не устояв против удара копьями накоротке, повернули прочь хазги, а со-

единенные силы Арнора ударили теперь уже в спину обстреливающим хирд. Гномы тем временем тоже повернули строй, бросив добивать пехоту, они надавили на противостоящих им слева; Фолко лишь поразился, откуда взялась такая прыть у тангаров, утомленных, казалось бы, долгим боем: словно одним прыжком, они покрыли отделявшее их от хазгов расстояние и, не обращая внимания на их стрелы, пустили в ход копья и топоры.

И тут враг вновь дрогнул. Неведомый предводитель увидел, что его охватывают со всех сторон, что у многих арбалетчиков уже на исходе стрелы, что гномы давят смешавшихся на время хазгов, вынудив их схватиться за мечи вместо страшных луков, — и черно-белое знамя с короной повернуло назад.

Все уцелевшие пехотинцы ангмарского войска бежали на север, туда, где виднелись многочисленные рощи, овраги и перелески, огрызаясь, за ними повернула и главная сила — арбалетчики; прикрывали отход хазги. Но арнорская дружина уже отрезала их от моста, и теперь, широко развернув ряды, бело-синее воинство устремилось в погоню.

У хоббита перехватило горло от восторга. Победа! Это победа! И он заорал что-то ошалело-восторженное, рядом так же вопил в упоении Малыш. А сверкающая сила хирда продолжала широким шагом преследовать отходящих врагов, и те из убегавших, что не смогли свернуть в сторону, исчезли, словно смятые лавиной.

Еще стреляли, оборачиваясь на ходу, хазги и арбалетчики.

— Он не бросает свою пехоту! — проорал у уха хоббита подпрыгивающий Малыш.

Чтобы не попасть под удар хирда и не затоптать своих пехотинцев, хазги раздались в стороны, угодив под копья арнорцев, и немало тел в черных плащах осталось на траве во время этого отступления — куда больше, чем в бело-синих.

— Все! — услышал хоббит голос Малыша.

Там, у северного края поля, пехота противника наконец достигла спасительных зарослей, а изрядно потрепанная во время отступления конница брызнула в разные стороны черными каплями. Всадники Арнора, однако, продолжали погоню, и гномы, несмотря ни на что, скрылись среди деревьев.

Друзья спустились с дерева и вернулись к обозу. Теперь им оставалось только ждать. Малыш веселился, смеялся и прыгал вместе с охранявшими тыл войска обозниками, а у Фолко к радости прибавилась досада — он не выполнил воли Радагаста.

Гномы появились часа полтора спустя. Хирд шел, не ломая строя, и боевая песня, с которой ходили против орков еще их предки, рвалась ввысь. Они тащили в середине войска пленников. Вслед за гномами к лагерю вернулся и Наместник с большим

отрядом дружинников — другая их часть продолжала преследовать врага.

Под радостные крики людей и гномов старый Наместник проехал мимо бело-синего строя, приветственно подняв руку, миновал потрясающий копьями и топорами хирд, а потом спешился и прилюдно обнялся со старым вожаком гномов — Хортом, тем самым, с кем повздорил Торин полтора года назад.

Так закончилась эта битва, и когда стихли победные возгласы, воины Арнора вместе с большей частью гномов пошли искать своих раненых и павших. Малыш отыскал в толпе тангаров Торина. Однако хоббит не успел даже обнять друга, как того окликнул Хорт и повел вместе с кучкой других гномов к уже раскинутому походному бело-синему шатру Наместника. Доспехи Торина сияли по-прежнему, лишь запястье правой руки покрывала засохшая кровь — чужая, к счастью.

Малыш вцепился в какого-то знакомого и принялся допытываться, куда повел их друга Хорт; усмехнувшись, тот ответил, что Наместник велел привести к себе наиболее отличившихся тангаров, среди них оказался и Торин.

— А бился он как бешеный, — прибавил гном. — Когда во второй раз эти арбалетчики-то навалились и арканы кидать стали, Вестри они таки, проклятые, выдернули, и горбун тут еще какой-то бешеный появился — срубил Фрора и Фрарина и, пожалуй, мог бы еще немало зла натворить, кабы не Торин.

— Он его посек? — с надеждой спросил Малыш, но гном покачал головой.

— Такого не сразу срубишь, Строри, — ответил он. — Торин его отбросил, тот отскочил, ровно кошка. Я-то рядом оказался — моя очередь была с копьем — хотел горбатого пырнуть, куда там! Перекинулся через себя, словно кот, — только его и видели. А Торин головы трем арбалетчикам снес, пока мы стену щитов восстанавливали. И как снес! — Гном причмокнул. — Любо-дорого посмотреть. И этих карлов с луками рубил и копьем колол — я видел, потому что как раз у него за спиной отдыхал, в свою очередь. А он даже не сменялся! Колет и колет, колет и колет! А доспехи у него, по-моему, заговоренные. Когда эти стрелы-то свои пустили — такие, что не всякий шлем выдерживал, и несколько наших погибли, от него эти стрелы отскакивали, точно горох от стены. А потом мы их, лучников этих, достали — ох как он их крошил! От плеча до пояса!

Он хотел прибавить еще что-то, но в это время его окликнул кто-то из старших хирда, приказав помогать воинам, таскавшим раненых.

Постепенно стали возвращаться ускакавшие в погоню дружинники, и наконец, когда все войско собралось и были подобраны все убитые и раненые, Наместник вышел из своего шатра. Трубачи поднесли к губам длинные изогнутые рога, и чистые звуки огласили поле брани. Рядом с Наместником стояли знатные люди Аннуминаса, а впереди и чуть ниже — наиболее отличившиеся гномы и люди. Наместник, подняв руку, громко крикнул, что все, кто был здесь, исполнили свой долг, что враг разбит и больше никогда не посягнет на рубежи Соединенного Королевства, что все сражавшиеся заслужили великую славу, но прежде ее надо воздать тем, кто заслужил этого более всех, — и Наместник, пройдя вдоль ряда отличившихся, назвал из них каждого по имени, и войско возглашало хвалу каждому. Среди гномов, удостоившихся этой чести, оказался и Торин, сын Дарта.

Каждому из отличившихся Наместник прямо тут же вручал награду — людям золото и оружие, гномам — самоцветные камни. За ним шли, поздравляя награжденных, его советники, и среди них хоббит, к своей радости, увидел высокую фигуру Рогволда.

Наместник скрылся в своем шатре, дав приказ войску отдыхать и готовиться к выступлению, — нужно было идти в Ангмар, выкорчевывать с корнем все зло, которое могло еще оставаться там после разгрома воинской силы Карн Дума.

Стоя рядом с Малышом и замерев от еще не прошедшего восторга и гордости за Торина, Фолко видел, как Рогволд ухватил за рукав его друга, и они обнялись. Торин тщетно пытался обхватить высоченного арнорца где-нибудь повыше талии. А потом они торопливо зашагали прямо к хоббиту.

Когда стихли бессвязно-радостные восклицания и друзья уселись возле небольшого костерка, первым их вопросом, конечно же, было то, как все произошло, а особо — это уже влез Фолко, — не знает ли Рогволд, кто предводительствовал напавшими?

Сияющее радостью лицо старого сотника внезапно омрачилось при этих словах, он внимательно оглядел друзей.

— Собственно, об этом и я хотел потолковать с вами, — кашлянув, сказал он. — Мы уже успели допросить нескольких пленников. Они сказали немало, но об этом позже. На вопрос — кто командовал ими — ангмарец, сказал: «Наш вождь Эарнил, большой, большой атаман, хозяин» — и больше от него ничего не добились. Но приметы все привели одинаковые — высок, строен, невероятно силен, имеет русую бороду и такие же прямые длинные волосы... И это бы еще ничего, если бы один разбойник, оказавшийся болтливее других — понятно, спасал свою шкуру! — не прибавил, что среди тех, кто был особенно близок к «атаману», кто не отходил от него, кто пользовался его особым доверием, был один великий мечник-горбун! — Наступила тишина, слышно было лишь потрескивание огня. — Признаться, меня словно

по темени что-то ударило — неужто ваш старый знакомец? Неужто тот самый золотоискатель, именовавший себя Олмером?

— Горбун Санделло был в бою, — хрипло сказал Торин, его глаза гневно сверкнули, словно темное пламя горна. — Я встретился с ним лицом к лицу и сначала так опешил, что даже рука как-то не так пошла. Но и он ловок оказался, от топора ушел, от копья уклонился... Не смог я его взять, не смог! — Гном скрипнул зубами. — А раз был Санделло, значит, где-то поблизости ошивался и этот Олмер. Ну и дела!.. О Великий Дьюрин, зачем я не срубил его тогда? — Торин сжал кулаки, его щеки пылали.

— Об этом-то я и хотел поговорить с вами, — печально покивал Рогволд. — Нужно, чтобы вы рассказали все, что знаете об этом человеке... Я бы на вашем месте постарался избавиться от его подношений. — Он поднял на них тяжелый взгляд. — Да, и тут еще одно... Письмо-то Наместнику, что отвез тогда Довбур, — там же про все это говорилось! И что вы встретились с подозрительным человеком, принимали от него подарки... Когда его имя дойдет до Наместника, — а я не могу не сказать ему того, что знаю, — может выйти не очень хорошо. Он дальновиден, но и подозрителен, Наместник. И не смотри, что он воздал тебе честь, сын Дарта! Тебя он знает и ценит, но еще выше он ценит мир и спокойствие в землях Северной Короны, и никто никогда не может сказать, что у него на уме.

— Ну, если спросит — расскажем, — процедил Торин. — Что же до подарков, — он взглянул на Рогволда в упор, — то топорище, что я смастерил себе из его посоха, меня не подвело, скажу больше, выручило — уж больно прочное да ухватистое! Что-то непохоже, чтобы на нем были какие-нибудь дурные чары...

Гном любовно провел по желтоватой рукояти своего топора, Фолко же молча схватился за ножны на груди; безотчетный страх, что кто-то может посягнуть на его клинок, на миг затуманил сознание и отозвался такой болью, что он едва не застонал. Нет, расстаться с таким чудесным подарком — невозможно, немыслимо! Он никогда и ни за что его не отдаст!

— Об Олмере из Дэйла мы еще поговорим после, — спокойно сказал тем временем Торин, точно и не замечая сошедшихся бровей Рогволда в ответ на отказ друзей расстаться с подаренными Олмером вещами. — Давай лучше поговорим об этой войне. Как она началась? Как все происходило? Мы уже задали тебе эти вопросы, но ты сразу заговорил об Олмере.

— Как началась? — Бывший сотник провел рукой по лбу, точно собираясь с мыслями, но хоббит вдруг ясно ощутил, что в сердце Рогволда шевельнулось пока слабое, но неприятное подозрение. — Все началось с ночного гонца, что примчался с северной заставы. В донесении говорилось, что какой-то вождь поднял местных удальцов и ведет их на Арнор, насчитали шесть тысяч

всадников и около тысячи пеших. Наместник сразу же послал за мной — ну и за другими, конечно, с кем он советуется. Сначала мы колебались — быть может, это обычный, пограничный набег? Но затем пришло второе сообщение: черные арбалетчики и зеленые мечники предали огню сторожевой пост и быстро движутся на юго-запад. Разведка у Наместника, надо сказать, превосходная — мы знали о враге почти все. Не тратя больше времени, Совет постановил выступить навстречу. Вот тут-то Наместник и вспомнил о твоем письме. Оно ведь возымело действие, Торин! С середины лета, как только твое послание попало в руки Наместника, он втайне начал подтягивать отборные конные сотни к столице и сразу отправил послов в Лунные Горы. И твои соплеменники не отказались от своих обещаний, покрыв себя на этом поле великой славой.

— Про славу не надо, — перебил гном, упрямо нагибая голову. — Сделали то, что должны были... Но не будем об этом! Прошу, продолжай.

— Когда мы получили тревожные вести, в Халдор-Кайс помчал гонец. Наместник отправил Хорту Красную Стрелу!

Торин удивленно присвистнул, а Фолко вспомнил, что в Королевстве Красная Стрела считалась знаком наивысшей опасности, и все, кто видел ее, должны были немедленно браться за оружие.

— И хирд выступил немедленно. Наместник назначил гномам встречу в Арчедайне, в самом центре Королевства, а сам постоянно следил за идущим отрядом врагов. Мы узнали, что число их быстро растет — к ним присоединились отряды, подошедшие с юга; на Западном Тракте были замечены дунландцы, а потом из лесов стали сбегаться и наши разбойники. Пограничный отряд пытался сдержать их, но силы оказались неравны — его командир успел лишь предупредить жителей порубежья, и они попрятались. Вскоре мы поняли, что враг нацеливается на Форност, и, честно говоря, подивились — ангмарцы не занимались грабежом, они нигде не задерживались, и тут я, право, встревожился. Что они задумали? — ломали мы все голову. А тем временем все уже было готово к походу, и Наместник повел пять тысяч воинов к Арчедайну, где мы должны были ждать гномов. Наместник как будто не спешил — он рассчитывал, что враг неизбежно упрется лбом в стены Форноста и не сможет оставить в тылу у себя его сильный гарнизон. Наместник хотел дать бой у самого города. Конечно, если бы этот предводитель Эарнил — или Олмер — не тащил с собой столько пехоты, они могли опередить нас, но пехота задерживала его. Именно поэтому мы и заключили, что он будет искать открытого боя — в набег, чтобы просто пограбить, пехоту не берут. Гномы пришли к Арчедайну день в день, и мы

отправились к Форносту. Разведка донесла, что враг в одном переходе от города — все шло так, как мы задумали.

— Так что же это было за зарево? — влез с вопросом хоббит.

— Это горел Форност! — глухо бросил Рогволд, сжимая кулаки. — Враг взял его с ходу. Пока я не могу рассказать вам в деталях, что там произошло, — могу лишь догадываться по тому, что говорит чудом выбравшийся из города воин. Кто-то, похоже, открыл передовому отряду арбалетчиков ворота, перебив стражу, — и те сразу захватили две башни. Потом был бой в городе, но ангмарцы ворвались еще в пяти местах. Все воины, увы, похоже, погибли. Спасшийся рассказал, что налетчики грабят дома и лавки, но с особым рвением разыскивают и расправляются с дружинниками... Мы было решили, что враг, отягощенный добычей, не станет больше испытывать судьбу, однако наш разъезд привез иные вести. Предав город огню, ангмарцы устремились дальше, прямо по дороге от Форноста к Арчедайну — и к Аннуминасу.

— На что же они рассчитывали? — Голос Торина звучал хрипло.

— Похоже, друзья мои, — вновь провел ладонью по лбу Рогволд, — что этот Эарнил хотел уничтожить арнорскую дружину в одном открытом бою. Он не мог не знать, что Наместник должен будет выслать ему навстречу какие-то силы, но он полагал, что против него будет от силы тысячи четыре, и уж никак не ожидал встретить здесь гномов! С высланными против него нашими тяжелыми конниками он полагал справиться, а потом... Потом-то он мог махнуть прямиком в столицу. Не удивляйтесь, я сперва тоже не мог взять в толк. Смотрите: в Форносте у него оказались свои люди — почему бы им не быть и в Аннуминасе? Войска в самой столице не так много, к тому же он рассчитывал, что часть воинов будет наверняка выслана ему навстречу, а собрать все, рассеянное по дальним стоянкам, Наместник просто не успеет. И Наместник, конечно же, не успел бы, если бы не наше тогдашнее предупреждение, о чем я уже говорил. Так вот, разбив по пути наших в центре Арнора и захватив Аннуминас, — язык не поворачивается сказать такое! — он мог продержаться довольно долго. Пока еще подмога из Гондора бы подоспела. Наместник правильно угадал, что враг будет искать боя, и поэтому не прятался — только гномы до поры до времени оставались сзади. А Эарнил этот сперва увидел то, что ожидал увидеть, — конную дружину. Эх, говорил я Наместнику, мало у нас конных лучников — как бороться с черными арбалетчиками? Но это к слову... А когда враг увидел, что против него не только всадники Аннуминаса, но и хирд гномов, то — вот тут странное дело! — я бы на его месте развернулся и отступил. Но он то ли никогда не сталкивался с гномами и ничего не слышал об их строе, то ли чересчур понадеялся на своих стрелков. К тому же он совершил ошибку — бросил арбалетчиков против хирда, где они и увязли. Оставь он свою пехоту, от которой вообще никакой пользы не было, и обрушь он все силы против дружины — нам пришлось бы несладко. Но он увидел, что гномы сейчас сомнут его пеших воинов, и не нашел ничего лучше, как губить в бесплодных атаках своих лучших конников, пока мы не сломили орков в центре, этих тележников на холме и не сдавили его со всех сторон.

— Тележников? — заинтересовался Торин. — Это кто такие?

Вместо ответа Рогволд полез за пазуху и вытащил черный кожаный мешочек, распустил завязки — и на его ладони оказался небольшой молочно-белый камень, трехгранная пирамидка.

Мгновение друзья сидели разинув рты, а потом Торин просипел:

— Могильники...

Рогволд печально покивал.

— Да, это они. Эарнилу удалось собрать всех, кто так или иначе имел какие-то обиды на Арнор, не важно, подлинные или мнимые. И он повел их за собой. Первый приступ мы отбили, но кто знает, не последует ли новый?

Друзья беседовали еще долго. Фолко, Малыш и Торин, перебивая друг друга, рассказывали старому ловчему об увиденном во время странствий на юге; тот, в свою очередь, обрадовал их весточкой от Дори, что пришла в «Рог Арахорна» перед самым нападением ангмарцев. Неистовый Гном писал, что они вместе с Глоином и Двалином благополучно добрались до Эребора, где им удалось привлечь на свою сторону тысячи смелых гномов, и ополчение Восточного Края собирается выступить к Мории по весне.

— Там было и еще кое-что, — заметил Рогволд, хмуря брови. — В степях, к югу от Озера Долгого, творятся большие дела — истерлинги вновь зашевелились, собираются идти куда-то на юго-восток, аж к краю Мордорских Гор, походом на кого-то. Дори говорит, от степных вождей гномы Одинокой Горы получили большой заказ на оружие, но вняли просьбам людей Приозерного Королевства и ответили отказом, продав лишь сырое кричное железо.

— Что ж, пусть себе истерлинги с кем-то там режутся, — жестко дернул щекой Торин. — Нам забот меньше будет.

— Хорошо, коли так, — вздохнул бывший сотник. — Но что-то подсказывает мне — степняки могут и передумать.

Бледная луна медленно ползла по темному небосводу, постепенно опускаясь в затягивавшие западный горизонт непроглядные тучи; простившись, ушел на покой уставший Рогволд, а друзья по-прежнему сидели у полупогасшего костра, и мысли их не могли отстраниться от того, с кем трижды сводила их неверная дорожная судьба и кто теперь предводительствовал их врагами — от известного им Олмера из Дэйла, каким бы ни было его настоя-

щее имя. Откуда он взялся? Как подчинил себе гордую и не умеющую гнуть ни перед кем шею ангмарскую вольницу? Чем купил и привлек битых-перебитых дунландцев? Почему пошли за ним служащие Могильникам? Что, кроме вражды к Арнору, могло вести все столь разношерстные отряды за этим странным предводителем? Неужели он одним удачным рейдом на столицу рассчитывал выиграть войну с огромным и могучим Королевством? Как надеялся отбиться от десятикратно сильнейшего войска, которое выслал бы Гондор? Куда делся он теперь и на что надеется в будущем?

— Одно хорошо, — вслух подумал Фолко. — Волю Радагаста мы выполнили, осталось рассказать ему об этом.

— Все равно, что-то не пойму я, куда нам дальше дорога выйдет, — пошевелил угли Торин. — Когда еще Радагаст нас отыщет?

— Он уже отыскал, — прозвучал глухой голос из-за спины Малыша.

Гномы и хоббит вскочили как ужаленные, хватаясь за оружие, но перед их костерком уже стояла высокая мрачная фигура, озаренная зловещим багровым светом догорающих углей, на плече ее жмурил большие желтые глаза огромный филин. Руки мага крепко стискивали грубый сучковатый посох, у пояса висел длинный меч в черных ножнах. Радагаст медленно обвел друзей пронзающим взглядом, и хоббит вздрогнул — в этом взоре скрывалась огромная тревога. Неведомая простым смертным, но ясно видимая Радагастом угроза подступала откуда-то извне, и чтобы предотвратить беду, нельзя было терять ни минуты.

— Хвала Светлой Элберет, вы невредимы... — устало проговорил маг, опускаясь на плащ, расстеленный подле огня. — А теперь говорите, особенно ты, Торин! О твоей отваге мне уже не раз...

— Мы исполнили порученное, — как всегда в минуту волнения, хрипло произнес Торин. — Имя предводителя — Олмер из Дэйла! — На лице мага ничто не дрогнуло, лишь большая, широколобая его голова склонилась чуть ниже, точно под невидимой тяжестью. — Его знают и под иными прозваниями, — продолжал гном. — Ангмарцы именуют его Эарнил, разбойники — атаман, а орки — «хозяин». Я знавал его в молодые годы под прозвищем Злой Стрелок.

— Олмер из Дэйла... — прошептал Радагаст с таким чувством, что содрогнулся даже беззаботный Малыш. — Теперь понятно.

— Что... что понятно? — со страхом переспросил хоббит.

— Он стал той силой, вокруг которой сплотились все враги Арнора, — отвечал маг. — Причем на этом поле вы встретили еще далеко не всех. Знайте же, что не далее как вчера Морской Народ напал на порт в устье Барэндуина, а вел их один из самых сильных свободных танов по имени Скиллудр. Город предан огню и разграблению, арнорские воины перебиты, и враг уже собирался идти дальше от побережья, когда неведомыми мне путями получил весть о поражении этого Олмера на севере и поспешно отступил, отплыв в открытое море. Эту весть мне принесли чайки... — Маг помолчал. — Но теперь поведайте мне, как шел бой здесь!

Дополняя друг друга, Малыш, Фолко и Торин, как могли, рассказали обо всем увиденном, и к концу их повествования лицо Радагаста стало совсем сумрачным.

— Орки в одном строю с людьми! — произнес он, хмурясь. — Такого не было с дней Войны за Кольцо. Взялись за оружие поклоняющиеся Могильникам! Небывалое дело. — Маг положил тяжелую ладонь на плечо Торина. — Вы заслужили великую славу, хазад! Но не будем тратить время на сладкие слова о доблести и геройстве. Вы знаете предводителя Ангмара в лицо, и я скажу вам, что далеко не случайно оказались под его знаменами все остатки служивших Тьме. В нем, — маг склонился над костром, притягивая головы друзей поближе и понижая голос, — в нем я чувствую уже не черноту, но черную силу, и мне кажется, что нечто подобное я уже ощущал раньше, давным-давно, в минувшие века Великих Войн. Я не знаю, откуда в нем эта сила, увы мне! И у меня уже нет сил идти далеко. Но я говорю вам и клянусь в истинности этого моего знания вечными тронами Валаров — он не остановится на этом. Проходя по лагерю, я слышал, как кто-то из ближних к Наместнику воинов сказал, что он возомнил о себе, этот Король без Королевства. Так вот, он не успокоится, пока его королевством не станет... многое, очень многое из ныне свободного, и белое сменит свой цвет на черный. И теперь я прошу вас, даже молю — исполните ваш долг до конца. Вы сами выбрали стезю поиска и борьбы, потому что ни один из вас не мог жить по-старому. Пройдите же отмеренный вам путь до конца, до самой верхней тропы!

— Темны слова твои, — с трудом вымолвил Торин. — Мы сейчас во мраке, не знаем: что делать дальше? Войско идет в Ангмар...

Плечи Радагаста бессильно поникли, голос зазвучал еле слышно:

— Злой жребий вновь делает меня глашатаем горя и бедствий... Если вам до́роги свободная и счастливая жизнь Средиземья, то сделайте, что сможете, для ее защиты!

— Нас призывать не нужно, — сдвинул брови Малыш. — Нужно сказать, что делать!

— Что делать?! — вдруг загремел маг. — Я скажу вам! И гордитесь, ибо никому, кроме вас, я не смог бы сказать подобного. Знайте же, что корень всему — та черная сила, что обрела имя и облик — имя и облик Олмера из Дэйла! И, как ни тяжело мне говорить это вам и посылать на почти безнадежное дело, ради всех остальных, кого вы заслоните собой, я говорю — идите по следу Олмера, Короля без Королевства, идите и убейте его!

И вновь тишина, лишь потрескивали угли: хоббиту чудилось, что он глядит в самое сердце земли и видит ужасные бесформенные тени, что медленно, но верно поднимаются вверх, чтобы слиться с уже распростершимся по Средиземью Мраком; и кажется ему, что он уже — не он, а некто с холодно сияющим звездным мечом и пылающим алыми сполохами поясом; и только в его силах отбросить эти порождения тяжелого и темного Изначального, пусть даже ценой своей жизни.

А потом, когда он пришел в себя и увидел друзей и мага, до его слуха донеслись неестественно спокойные слова Торина, вытиравшего ветошью топор:

— Ну что ж, всегда легче, когда знаешь врага в лицо...

И Малыш улыбнулся своей всегдашней безмятежной улыбкой в ответ на вопросительный взгляд Радагаста, кивнув головой, вслед за ним в знак согласия вскинул сверкающий топор Торин, потом и сам хоббит, завороженно глядя в бездонный зрачок Радагаста, молча наклонил голову.

Здесь оканчивается первая часть повествования «Кольцо Тьмы». Друзья уходят в погоню за врагом. Вторая часть рассказывает об их походе далеко на восток, об их возвращении и о том, какая судьба ожидала того, кто был Олмером, золотоискателем из Дэйла.

Дрогнет Запад, и дрогнет Восток —
Сила, Сила в Руке.
Девять Звезд — Синий Цветок,
Синий Цветок на Клинке.

Часть I

Глава 1

ЗА КАРН ДУМОМ

Жирный черный дым бесформенными косматыми клубами медленно поднимался из долины, и едва эти клубы достигали вершин окружавших долину холмов, как упорно дувший уже третий день жесткий северо-восточный ветер рвал их в мелкие клочья. Однако стоило ему ослабить свой напор хотя бы на миг, и дымный столб тотчас добирался до низких серых туч, затягивавших все небо; и был этот дым настолько плотен и жирен, что вобравшие его в себя облака постепенно меняли цвет, становясь словно вывалянными в жидкой осенней грязи. Но ветер не затихал, после минутного ослабления он принимался дуть еще с большей силой, и тогда у Фолко начинали стучать зубы.

Друзья сидели у небольшого костра, разложенного среди обросших зелено-голубоватым мхом серых плоских камней, поставленных стоймя какой-то исполинской рукой; в их острых краях злобно и тонко выл ветер, точно голодный июньский комар. Расседланные пони понуро бродили по каменистому сероватому склону, разыскивая редкие пучки желтоватой пожухлой травы. Малыш зябко кутался в плащ и жалобно хлюпал носом, угрюмый Торин уже в сотый раз проводил правильным камнем по лезвию своего блестящего топора, и без того никогда не знавшего даже малейшего следа ржавчины, хоббит подбрасывал хворост в костер да от нечего делать провожал взглядом неторопливо ползущие вверх черные космы.

Шел ноябрь, осень уступала место предзимью; здесь, на севере, в дне пути от Ангмарских Гор, уже вовсю гуляли холодные ветры. Северо-восточные были хоть и студенее, но суше, а вот когда налетал северо-западный, то уже не помогали никакие костры. Ледяной липкий холод пробирался в мельчайшие щелочки, и хоббит никак не мог согреться. Уныло гнулись давным-давно облетевшие местные березки, чахлые, слабосильные, их тонкие черные ветви словно в отчаянном усилии цеплялись за что-то невидимое — может, за уходящее теплое время?

Фолко помешал булькавшее в котелке варево. Давно уже он забыл те времена, когда в столовую Бренди-Холла медленно и торжественно вносилась голубая супница, испускающая сладостные ароматы, и тетушка большим серебряным половником разливала горячую дымящуюся жидкость по фаянсовым тарелкам, не жалея ни мяса, ни овощей со дна... Фолко усмехнулся. Теперь он привык мешать в котелке наспех обструганной веткой — такой же, какая была и сейчас у него в руках.

Их походная пища — суп не суп, каша не каша, жаркое не жаркое — все вместе! — собственное изобретение хоббита, необычайно простое, быстрое и сытное — еще не поспела, и он вновь отвернулся от костерка, лениво следя за копошащимися в долине воинами, что суетились возле пожарища. Арнорские дружинники дожигали там остатки мрачного ангмарского острога; левее, на господствующей высоте, вперемешку с людьми мелькали низкие коренастые фигурки гномов — по приказу Наместника там сооружали каменную дозорную башню для арнорского сторожевого поста.

— Долго мы еще тут гнить будем?! — не выдержал Малыш, шумно шмыгая носом. — Где этот Рогволд?! Где обещанный припас?! Каждый час дорог!

Фолко досадливо поморщился, Торин в сердцах сплюнул. Они прошли с войском Наместника и охочими гномами (жадных до драки тангаров набралось больше восемнадцати сотен) через весь Ангмар, стараясь напасть на след остатков воинства Олмера, ускользавших, точно стремительная болотная гадюка. Когда передовые отряды дружинников подошли к рубежу Ангмара, то вместо стрел и копий северных удальцов их встретили седобородые старейшины, жалобно рыдавшие и молившие о пощаде женщины да визжащие от страха дети, а отдельно от них к лагерю Наместника стали стекаться ангмарские мужчины — крепкие, кряжистые, чернобородые, совсем не злобные и не страшные; низко кланяясь победителям, старейшины в один голос уверяли, что у них и в мыслях не было воевать с Великим Королевством; напали на Арнор худые изгои, проходимцы, люди без роду и племени; и отвечать за них Ангмар не может.

— Ты видишь, о могучий, никто из наших мужчин не ходил к Форносту, — умоляюще глядя снизу вверх в невозмутимое и непроницаемое лицо Наместника, говорили они. — Вот они все перед тобой, и, хотя на нас нет никакой вины, мы молим — укажи, чем нам заслужить прощение Великого Соединенного Королевства?

Хоббит скривился и тряхнул головой, вспоминая эту сцену, за которой затаив дыхание следило все войско. Примет Наместник настойчиво предлагаемый ему мир — и у них появляется шанс настигнуть уцелевших зачинщиков еще в Ангмаре, нет — придется выковыривать этих упрямцев из их горных укрывищ, и кто знает, сколько придется положить на это жизней?

Наместник принял мир. Он наложил дань на Ангмар, обязал старейшин выдать заложников, сложить оружие: мечи, секиры, брони, шлемы, особенно — арбалеты, оставляя лишь луки для защиты стад от волков; а также выделить отряды для постройки наблюдательных постов на перевалах Ангмарских Гор. Потребовал он и поимки скрывшихся бунтовщиков, но старейшины лишь еще ниже гнули такие жесткие, не умеющие кланяться спины и твердили одно: мол, все дерзкие налетчики, не задерживаясь, прошли через Ангмар к перевалу, искать их нужно за Карн Думом. Разослав отряды по главным селениям Ангмара, Наместник с отборной дружиной и гномами бросились в погоню за беглецами по едва заметным следам на узких горных тропах. Преследовать их оказалось куда как нелегко — случались и обвалы, и невесть откуда взявшиеся стрелы находили неудачливого арнорца, беспечно снявшего шлем; вдобавок Олмер, уводя своих в неведомые пространства за Гундабад, разделил войско на десятки мелких отрядов, шедших разными дорогами. Мало чего удавалось добиться и от местных жителей — несмотря на изъявления покорности, в каждой деревне их встречали злобные, ненавидящие взгляды, что бросали исподтишка им вслед поднявшиеся с колен ангмарцы. И если бы не опыт искусных следопытов, таких, как Рогволд, им никогда было бы не разыскать след исчезнувших конных сотен Олмера. Его пехота была большей частью перебита в первом же бою, вырваться из смертельных объятий хирда удалось немногим; уцелевшие же почти все либо попали в плен, либо разбежались кто куда, кроме орков. Эти, оставив на поле битвы почти три четверти своих, не бросили Олмера, и на редких попадавшихся преследователям стоянках встречались то грубый, окованный железом орочий башмак, то тяжелый расколотый щит с едва различимой Белой Рукой; а однажды передовой дозор притащил в лагерь мертвого орка — по всей видимости, раненного и добитого своими же. Обнаружили себя и хазги. Несколько раз их толстенные, не знающие промаха стрелы выбивали из седел арнорских дружинников; видели и их самих, отходивших самыми последними.

Ангмар лежал позади. Изъявившая покорность, но покорившаяся ли страна? Сердце подсказывало хоббиту, что с этим народом еще будет много хлопот; такого же мнения были и его друзья. Олмер исчез — скрылся за затянутым низкими снеговыми облаками перевалом; и Наместник объявил войску, что они поворачивают назад.

— Мы не можем бесконечно блуждать в заснеженных бесплодных землях, — говорил он. — А если смутьяны и решились сунуться туда — что ж, их ожидает скорая гибель от голода и стужи.

А обратно в Ангмар их не пропустит остающаяся тут дружина. Порубежники Беорнингов тоже предупреждены — враг не пройдет и там.

Люди и гномы приветствовали его слова громкими одобрительными возгласами. Помалкивали лишь те, кому выпало зимовать здесь до прихода подмены; гномы же намеревались заглянуть в свои старые поселения на самом северном окончании Туманных Гор и тоже не хотели воевать дальше. Их повел молодой и горячий Хедин, сын Хорта. Фолко же, Торину и Малышу ничего не оставалось, как идти дальше. Не решившись, однако, раскрыть кому бы то ни было цель своего путешествия, они сказали Рогволду, что не собираются возвращаться в Арнор, а попытают счастья на Востоке, в Эреборе, где Дори собирает для похода в Морию всех смелых тангаров. Опечаленный сотник стал было возражать, но Торин лишь отрицательно качал головой в ответ на все его увещевания да просил об одном — по старой дружбе помочь с припасами и теплой одеждой на дорогу. Тот обещал, и вот друзья сидели неподалеку от ведущей к перевалу дороги, время от времени поглядывая на смутно чернеющие, совсем близкие громады гор. За серым гребнем лежало ущелье, заросшее угрюмым еловым бором; там, от старой ангмарской заставы, начиналась дорога к перевалу. Передовые дозоры Арнора вернулись несколько часов назад — след врага терялся за горными кручами.

Завороженно глядя на огонь, хоббит погрузился в странное оцепенение. Где-то вокруг него шумел ветер и двигались живые существа, где-то далеко позади, в невообразимой дали расстояний и времен остался его дом и его семья, впереди была неизвестность, а сам он застыл между прошлым и будущим, не решаясь соскользнуть ни вперед, ни назад. И как хорошо, что не нужно никуда двигаться — пока. Все еще в твоей власти, ты все еще волен изменить — ничто не дает такого ощущения, как застыть на миг перед расходящимися путями и знать, что ты свободен в выборе...

Позади него послышалось цоканье копыт; по склону поднимался Рогволд, ведя в поводу трех вьючных лошадей. Старый сотник брел, уныло опустив голову.

— Наконец-то! — с облегчением вздохнул Торин, вставая. — Давай, Малыш, перекладывай на пони... Фолко, не стой столбом! Помогай!

Вскоре все было готово. Подтянут последний ремень на тюке, проверена последняя подкова; пора было прощаться.

— Дайте мне поговорить с Фолко наедине, — неожиданно дрогнувшим голосом обратился к гномам Рогволд.

Малыш удивленно вскинул было брови, но Торин, бросив на хоббита быстрый понимающий взгляд, дернул гнома за руку и отвел в сторону. Сотник и Фолко остались одни.

— Мы снова расстаемся, малыш, — тихо заговорил арнорец. —

И я вновь не понимаю тебя. Разве ты гном, чтобы связывать свою судьбу с судьбой этого подземного народа? У них свои пути, а у нас, живущих на земле, — свои. Что тебе делать в этом Эреборе? Идти отвоевывать Морию? Что тебе в ней? Мне страшно за тебя, малыш. Первый раз все обошлось, но обойдется ли во второй? Нет, погоди, не перебивай. Ты хоть и подрос за эти месяцы, но в хирд тебя все равно не возьмут! Ну что, что ты там будешь делать?.. Впрочем, — голос сотника неожиданно отвердел, — давай уж напрямую! Чего вам хитрить со мной? Думаешь, я не понял, с кем вы решили потягаться? Изловить самого Олмера, так, не иначе?!

Сперва Фолко опешил, но Рогволд смотрел прямо и пронзительно, и солгать было уже нельзя.

— Да, мы идем за ним. — И с языка само собой сорвалось: — Пойдем с нами?

Бывший сотник печально усмехнулся.

— Об этом чуть позже... Подумай еще раз, хоббит, на что ты идешь? У тебя впереди — снежная пустыня. Никто из вас не ходил раньше по северным скатам Серых Гор, никто не знает тамошних путей! На что вы надеетесь?! Рискуя своей жизнью, ты не имеешь права забывать о тех, кого оставляешь по эту сторону Гремящих Морей, о тех, кто любит и ждет тебя.

— К чему это, Рогволд? — тихо начал хоббит, глядя на сошедшиеся в каком-то гневно-страдальческом изломе брови сотника и чувствуя, что в груди поднимается смутная пряная волна, поглощающая страх и неуверенность. — Это же враг, Рогволд, враг всему, что мы любим и чему верны. Сердце подсказывает мне, что он не успокоится. Наместник поворачивает назад, но мы не в силах. Нам не будет ни сна, ни покоя, пока по Средиземью бродит именующий себя Олмером. Он сумел уйти, и не нашлось никого, кто дерзнул бы преследовать его за пределами обитаемых областей. Что ж, мы берем это на себя. Двое хоббитов когда-то прорвались в самое сердце цитадели Тьмы, несмотря на все преграды и страхи — почему же я, прямой потомок одного из знаменитой четверки, должен повернуть назад, раз судьба распорядилась по-своему и я оказался втянутым в это дело?!

Хоббит стоял, сжав кулаки, его щеки пылали; незаметно к спорящим вновь подошли гномы. Рогволд с тяжким вздохом наклонил голову, и губы его сжались в узкую бледную полосу.

— Наверное, вы правы, — глухо заговорил он после минутного молчания. — Да, наш мир меняется прямо на глазах. — Он невесело усмехнулся. — У нас в Арноре бытует поверье, что страна будет стоять незыблемо, доколе из своего добровольного уединения не выйдут хоббиты. Кто знает — не к тому ли идет дело?

— К чему эти красивые слова, Рогволд, — поморщился Торин. — Ты хочешь знать правду? Изволь. Мы действительно хотим настиг-

нуть Олмера и пусть даже полечь там, но покончить с ним. Хочешь, будь с нами! Или ты считаешь, он не опасен, и гоняться за ним — лишь блажь возомнившего о себе хоббита да двух обленившихся гномов?

— Никогда не говорил ничего подобного! — сверкнул глазами Рогволд. — И я говорю вам: Олмер опасен, необычайно опасен, опаснее всего, с чем или с кем сталкивалось Королевство за три века после Победы... Как ловко он сумел превратить свое поражение почти в победу! Пусть погибла пехота — зато уцелели лучшие конники. Но уцелевшие ратники запомнят и, главное, расскажут другим, — Рогволд даже подался вперед в напряжении, — расскажут другим о благородстве Вождя, не бросившего их на произвол судьбы! Как ловко он сумел убраться из Ангмара, отведя гнев Наместника от тех, кто кормил и снаряжал его войско! Как ловко скрылся, оставив по себе и в Ангмаре добрую память — не поссорившись со здешними старейшинами. Не говоря уж о том, что он сумел сделать, объединив всех, кто только мог держать оружие и у кого были хоть какие-то причины и основания сказать себе: «Арнор обидел меня, или мой род, или моих друзей. Я пойду не грабить, а мстить!» Грабителей остановить было бы гораздо легче! Нет, он опасен, и я вновь говорю вам: я признаю вашу правоту. Но идти за ним — все равно безумие!

— Это почему? — жестко спросил Торин, сжимая губы.

— Дозоры донесли, что конница Олмера стремительно уходит на север, — не опуская глаз под взыскующим взглядом гнома, отвечал старый сотник. — Я не знаю, на что он рассчитывает, как намеревается выжить и прокормиться эту зиму за Карн Думом. Мы закроем перевалы наглухо, обратно ему будет не сунуться. Полагаю, он прекрасно понимает это. А раз так, то у него не остается ничего другого, как изо всех сил, не жалея ни людей, ни коней, пробиваться к Эребору, где он может найти пропитание для воинов и корм для лошадей. Через Серые Горы ему не перебраться — я сам когда-то хаживал вдоль них и знаю, что говорю. Они отрезали Олмера от населенных мест, и ему нужно как можно скорее проскочить снежную пустыню, что лежит за ними. Я говорил, кое-кто там все-таки живет, но на сотни лиг пути от Гундабада до самого восточного края хребта вы насчитаете не больше сотни домов.

— А разве он не может прорваться в Приречные Земли через Гундабадский Мост? — озабоченно спросил Торин.

— Не думаю, — покачал головой Рогволд. — Беорнинги слишком тесно повязаны с Королевством, чтобы в открытую пропустить через свои владения его врага, о котором они уже получили извещение. А если Олмер вздумает схватиться с ними, его ждет еще более быстрая смерть. Гундабадский Мост, который держат Беорнинги, непреодолим для любого врага. Ты бывал там?

— Только слышал, — признался гном.

— Тогда я расскажу, чтобы вы знали о нем больше. Дорога от Карн Дума поднимается там высоко в горы, идя узким ущельем с отвесными склонами, вскарабкаться по которым смогут лишь самые ловкие из людей. Ущелье обрывается у громадной пропасти, отделяющей Гундабад от Туманных Гор. Глубина ее — поллиги, и, когда стоишь на Мосту, дна не видно. Внизу течет холодный горный поток, берущий начало на ледниках Гундабада. От снежных равнин, что лежат к северу от Серых Гор, эту пропасть отгораживают неприступные скалы, преодолеть которые и попасть в каньон с его северного конца еще никому не удавалось. Через эту пропасть переброшен узкий — в ряд по нему могут идти не больше пяти человек — и длинный, около лиги, Мост. На другом конце его — крепость. Ее бастионы охватывают Мост с обеих сторон — последние триста шагов по нему не пройдешь иначе как под градом стрел и камней. К тому же самая последняя часть Моста сделана подъемной... Нет, если только Беорнинги не пропустят его сами, Олмер не прорвется там, а если он подкупит их... Что ж, им придется возвратить взятое, и тамошним правителям это прекрасно известно. Нет, Олмеру не пройти в Приречье.

— А может, у него там укрывище на севере? — предположил Торин.

— Может, но что ему в нем? Ему нужно зализывать раны, подтягивать подкрепления — начав войну, из нее так просто не выйдешь, а разве это сделаешь в бесплодной снежной пустыне? Ангмар многих не прокормит... Да и опасно ему оставаться так близко от наших постов. Нет, я бы на его месте не терял ни дня, уходил бы на восток.

— А он точно нигде не сможет перемахнуть Серые Горы? — забеспокоился хоббит. — При его-то ловкости — вдруг да найдет тропку?

— Нет тропок в Серых Горах, — покачал головой сотник. — И он не перейдет их, если, — он метнул косой взгляд на Торина, — если его не пропустят тамошние гномы. Не в обиду вам будет сказано, согласитесь, встречаются и среди ваших старейшин такие, что могут позариться на золото и самоцветы. А этого добра он из Форноста вывез немало.

— Не пропустят, — отрезал Торин, зло блеснув темными глазами, — не пропустят! Потому что уже знают, что нельзя.

— Знают? — разинул рот Фолко. — Откуда?

— Мы послали им весть... с Рудным Эхом, — нехотя бросил гном.

— Ого! — изумился Рогволд. — Давненько я хотел расспросить кого-нибудь из гномов, кто сведущ в этом — надоело довольствоваться сказками. Что это такое? Я знал, что между гномьими королевствами Средиземья существует какая-то связь.

— Я не могу ничего сказать вам, друзья, — виновато развел руками Торин, а Малыш смущенно потупился. — Мы нарушим страшную Клятву, данную именем... Нет, не спрашивайте меня больше!

— Хорошо, но ответь мне тогда другое, — медленно произнес Рогволд. — Почему же вы тогда не устроили так, чтобы ваши собратья встретили этого Олмера и покончили с ним? Почему вы даете ему возможность ускользнуть, когда все могли бы решить несколько слов?!

Брови сотника гневно сошлись, голос стал сухим и жестким. Однако ни Малыш, ни Торин не моргнули и глазом.

— Разве королевство потомков Дьюрина в Серых Горах стало данником и вассалом Арнора?! — медленно закипая, напыщенно начал было Малыш, однако Торин остановил его.

— Что могут в поле одни гномы против летучей конницы? — с легким укором ответил он сотнику. — Странно, что ты говоришь об этом!

— Да им не нужно было бы выходить в поле! Впустили бы этого разбойника к себе в пещеры и передавили бы, как крыс! — Рогволд рубанул рукой воздух. — Чего уж тут церемониться!

Торин покраснел, Малыш насупился, однако они вновь сдержали себя.

— Мои соплеменники не пойдут на такое! — гордо отрезал Торин.

— Такое! Что тут «такого-то»! — горько передразнил его сотник. — Враг есть враг, и поступать с ним нужно соответственно. Раздавить гадину! Не ждать, пока она отрастит себе новые щупальца взамен отсеченных.

— У нас, у гномов, не так, — тихо, но непреклонно ответил Торин.

Наступило неловкое молчание. Его нарушил Рогволд; старый сотник смущенно покряхтел, провел рукавом по подбородку и заговорил снова, мягче и без металлических ноток:

— Ну не пропустят, так и не пропустят. Но тогда я не вижу, какой вам толк пытаться настигнуть опытного воина, у которого вдобавок на счету каждый день. Легко догадаться, что вы увидите на месте тех починков, что стоят там сейчас...

— А что? — жадно спросил хоббит, не сразу заметив потемневший взгляд Торина.

— Пепелище, вот что! — резко бросил Рогволд. — Люди Олмера выметут все подчистую, и в первую очередь — зерно и сено. Если у них в пути падут кони — считайте, им всем конец. Да... Но, так или иначе, вам придется идти через не только заснеженную, но и разграбленную пустыню. Припасами же на весь долгий путь от Гундабада до Эребора не запастись. Поэтому мой вам совет: не теряя времени, ступайте к Одинокой Горе, но через земли Бе-

орнингов, по хорошим и устроенным путям. Ручаюсь, вы опередите Олмера и перехватите его возле Озерного Города.

— А Наместник разве не отправил гонцов в Приозерное Королевство с просьбой задержать ангмарское воинство? — с самым невинным видом спросил Малыш.

— Не знаю, — помрачнел Рогволд. — Не могу ничего говорить об этом — как и ты, Торин, не властен раскрыть мне секрет своего Рудного Эха.

— Не можешь — не говори, — спокойно отозвался Торин. — Скажи лучше, не отправишься ли ты с нами? Дело, достойное такого опытного воина и следопыта, как ты. Нам будет очень не хватать твоей помощи!

Рогволд не выдержал пристального взгляда гнома и опустил голову.

— Нет, я не могу идти с вами, — с усилием выговорил он. — Подумайте сами, сколько дел будет здесь! Нужно блюсти границу, готовить новое войско, нам придется создать части конных лучников, способных противостоять подвижным арбалетчикам Олмера, придется следить за всем мало-мальски подозрительным в Эриадоре, Энедвэйте и Минхириате, чтобы не пропустить новый набег. А еще нужно управиться с Морским Народом, усмирить вместе с Роханом вновь зашевелившийся Дунланд... и так далее. Наместник вновь призвал меня к себе на службу, и я обязан остаться. Кстати, я бы на вашем месте не очень-то трепал языком, даже среди надежных друзей. И поостерегитесь обращаться к Наместнику! У меня есть подозрение, что у Олмера есть уши в столице. Вам лучше уйти так, как вы и решили, — тайно и не медля! На ваших плечах, быть может, лежит главный долг...

При этих словах у Фолко вырвался горький вздох. Теми же словами напутствовал мудрый Элронд отправлявшихся из Ривенделла Хранителей; какой насмешкой звучали они сейчас! Тогда хоббиты уходили, неся с собой Рок Средиземья, после Великого Совета, получив наказы и наставления от столпов Светлых Сил; и мудрость могущественнейшего из этих столпов, Гэндальфа Серого, была вместе с ними почти всегда. А здесь вместо могучего Арагорна, сына Арахорна, потомка Исилдура, будущего Великого Короля, старый, уставший от жизни арнорец, простой воин, рожденный обычной женщиной; вместо дружной четверки — один хоббит, хоть и подросший и в мифрильной броне; гномов, правда, двое — да разве в числе дело? За судьбой отряда Хранителей с трепетом следили все Посвященные; если же сгинут они, слезу прольет, быть может, один лишь Рогволд...

Порыв холодного ветра ворвался под их плащи, и хоббит, с унынием глядя на покрытые снежными шапками горы, вновь ощутил в себе уже знакомое раздвоение — одна его часть, там, где жили предания о доблести и чести предков, сурово говорила: «Не

обманывай себя; война окончится не скоро, и доживешь ли ты до конца ее?»; другая же, сохранившая не истребленные никакими странствиями и лишениями воспоминания о горячем супе, золотистом жарком и ароматном пудинге, постоянно пыталась найти повод, чтобы хоть как-то избегнуть трудов и опасностей. Вот и сейчас эта его половина задала Рогволду робкий, почти безнадежный вопрос, тем более нелепый, что пятью минутами ранее им же утверждалось совсем иное:

— А почему ты так твердо веришь, что Олмер появится снова?

— Я? Твердо верю? — Рогволд усмехнулся. — Ни во что теперь не верю. Конечно, лучше всего было бы, чтобы он сгинул где-нибудь в Прирунье... Может же так случиться, правда? Но готовиться все равно надо к худшему — что он вернется и что его силы возрастут многократно.

Наступило молчание. Торин хмурил брови, Фолко понуро ковырял в углях потухающего костра, и лишь Малыш смотрел спокойно и бестрепетно, как будто его ничуть не пугало будущее. Тягостную тишину первым вновь не выдержал арнорец. Рогволд стал говорить о дороге к перевалу, о пути через долину Андуина; называл приметные места, удобные стоянки; после чувствительного толчка в бок хоббит очнулся и стал поспешно делать записи.

Фигура Рогволда, замершего с поднятой в прощальном привете рукой, скрылась за обступившими путников сумрачными древними елями. Фолко рукавом отер нежданно набежавшие слезы. Сотник более не пытался удержать его; но в его взгляде хоббит прочел невысказанную убежденность, что эта их встреча — последняя и что они расстаются навсегда. Фолко изо всех сил старался убедить себя, что все будет не так, все кончится хорошо, и сам понимал, что это — лишь пустые слова. Они условились с Рогволдом, что отправят ему весточку, когда достигнут Озерного Города; старый сотник, в свою очередь, обещал написать и отправить письмо в Эребор по королевской эстафете. Хоббит записал имена надежных людей в Эсгароте, в Дэйле, в самом Минас-Тирите — ибо кто знает, куда заведет дорога? Сотник обещал как можно скорее оповестить своих друзей в Гондоре, чтобы в случае чего тревожные вести от трех путников не застали бы их врасплох. Рогволд не забыл помянуть и загадочный дом в Аннуминасе, где хоббит наткнулся на поклоняющихся Могильникам, обещая не спускать с него глаз. И уже изрядно отъехав, хоббит вдруг вспомнил, что не предупредил сотника последить за лавкой Архара, но было уже поздно.

Глухая лесная дорога петляла меж диких скал, обросших мхом, пробиваясь через древние дремучие боры. Трое друзей медленно, но упорно продвигались на юго-восток, через угрюмый каменный хаос Эттенмоора к Туманным Горам. Суровые северные леса, зажатые горными теснинами, надежно, как им казалось, скрыли их

след, и они опасались лишь дикого зверя. На душе у хоббита было смутно и тягостно. Новая дорога не принесла привычного уже облегчения от груза оставляемых позади забот, напротив — нелегкие думы и вопросы без ответов не отпускали его ни на миг. Он вспоминал слова Радагаста, сказанные магом перед расставанием: «Не знаю, откуда в Олмере из Дэйла эта сила? Не могу сказать, лишь чувствую... есть она. Да вы и сами помните. Надо узнать, что она такое! Но... Гэндальфу Серому потребовалось несколько десятков лет, чтобы понять, что же за кольцо попало в руки Бильбо Бэггинса, а Серый тогда был в зените своего могущества...» Вглядываясь вперед, хоббит не мог увидеть их цели. Легко сказать — убейте Олмера! А если они не найдут его? Он все же не Роковая Гора — та, по крайней мере, не могла двигаться... А прознать, кто вообще такой этот Олмер и как он собирал свое войско, как копил силу и какой она природы — тут впору браться за дело всему Светлому Совету!

Торин тоже ехал хмурый и озабоченный, однако большей частью молчал и не выдавал своих гнетущих мыслей. Один Малыш был весел и бодр; не задаваясь непосильными вопросами, он легко и без споров взял на себя добрую часть дорожных хлопот. Так шли дни, и они по-прежнему не встречали ни одной живой души. Лег и растаял первый снег; все ближе и ближе подступала зима. Все чаще и чаще хмуривший брови Торин озабоченно глядел на постепенно придвигающиеся вершины Туманных Гор, что-то бормотал себе под нос и поторапливал друзей.

— Нам надо успеть перевалить Горы, пока снег окончательно не закрыл перевала, — пояснил он свою тревогу.

Медленно тянулись однообразные, похожие друг на друга дни. Окружающая их местность мало-помалу менялась, пронзенные скалистыми копьями леса уступали место предгорьям. Где-то далеко на юге остался таинственный Ривенделл; Фолко дорого был дал, чтобы сделать крюк и заглянуть туда, но времени у них не было. Вдобавок в один из дней они наткнулись на следы чьей-то давнишней стоянки, и пришлось сторожить по ночам.

Однако весь десятидневный путь от границы Ангмара до начала горной тропы, ведущей через Туманные Горы, они прошли без всяких происшествий.

Тропа вывела их в узкое ущелье, стиснутое неприступными голыми утесами, и стала карабкаться вверх. Исчезли деревья, кусты, трава — вокруг них были лишь камень да снег. Хотя запасливый Малыш и захватил с собой топливо, дрова приходилось беречь, и по ночам путники жестоко страдали от холода. Вскоре ночевать на открытом воздухе, даже в их надежной и почти непродуваемой палатке, стало невозможно, и в один из вечеров Малыш, лязгая зубами, предложил устроиться в какой-нибудь пещере, чтобы укрыться от пронизывающего ледяного ветра. Торин с сомнением

покачал головой, хоббиту тоже стало немного не по себе. Где-то в этих горах давным-давно жили орки, тут были их главные твердыни; кто знает, не остался ли здесь кто-нибудь из этого народа? У хоббита вдобавок не шла из головы описанная Бильбо история о том, как они угодили в лапы к горным оркам, беспечно устроившись на ночлег в прекрасной, сухой и, казалось, необитаемой пещере.

Повесив головы и закутавшись в плащи, они медленно брели по узкому ущелью, ведя в поводу упирающихся пони. Хоббит замотал себе все лицо, оставив лишь узкую щель для глаз — так жесток и холоден был дувший им навстречу ветер.

Под вечер тропа привела друзей на совершенно открытое место, где ветер был так силен, что им никак не удавалось даже поставить палатку. Фолко же, влекомый своим неясным ощущением неведомого, ставшим по-прежнему смутной, но уверенностью, не зная покоя, стал рыскать по окрестным камням.

Вскоре его пальцы нащупали запорошенную снегом щель между двумя каменными складками. Разметав тонкий белый покров, Фолко увидел черную глубину узкого лаза, ведущего куда-то в темень, и окликнул друзей.

Нелегко было затащить испуганных пони в темную пещеру, но, кое-как справившись, они развели небольшой огонь и стали осматриваться. Пещера оказалась удобной и сухой, в нее даже не намело снега.

Острое чутье вело хоббита по следу необыкновенного, как охотничьего пса ведет за собой свежий след лесного зверя. Покружив по пещере, хоббит остановился возле громадного, выпирающего из стены камня. На первый взгляд он ничем не отличался от остальных; и все-таки что-то в нем было не то. Гномы тоже пошарили вокруг глыбы, однако ничего не нашли.

Смеркалось. Едва-едва тлел прогоревший костерок. Малыш и Торин, пригревшись, быстро уснули, хоббит остался на страже. Под рукой у него лежал смоляной жгут, наготове был лук и стрелы. Тишину нарушал лишь вой ветра снаружи да мерное сопение гномов. И тут Фолко почувствовал взгляд.

Чей-то невидимый взор пристально вглядывался в темноту, стараясь понять, кто или что сейчас находится перед ним. Ощутив напряженное и недоброе внимание, хоббит едва не подпрыгнул, однако смирил страх, даже, напротив, откинулся и широко зевнул. Память невольно воскресила его давнюю встречу с карликом на границе Старого Леса, но сейчас он не только чувствовал этот взгляд, но мог даже точно сказать, откуда на него смотрят и что смотрящий пока один: «Глаза не хуже, чем у кошки, — мелькнула мысль. — Как он в такой темени что-то разобрать может?!» Каждый мускул его тела напрягся; пальцы сжали рукоять метательного ножа; Фолко ждал. Он боялся разбудить гномов, чтобы не спугнуть смотрящего на них; хоббит надеялся, что тот обманется сонным видом незадачливого караульщика и попытается напасть.

Неожиданно подозрительный камень на другой стороне пещеры стал бесшумно отъезжать в сторону; в щель хлынул свет многочисленных факелов, а спустя еще мгновение на них молча ринулись здоровенные плечистые орки с короткими и толстыми прямыми мечами. Передний рухнул с ножом хоббита в горле, и остальные на миг замешкались; однако и этого мига хватило гномам, чтобы вскочить на ноги. Друзья спали, не снимая доспехов, и успели встретить врага, встав спина к спине. Кровавый отблеск факелов упал на обнаженное гномами оружие.

Однако орки не полезли вперед очертя голову. Прежде всего они перекрыли выход из пещеры и стали медленно обступать друзей со всех сторон, словно давая им время полюбоваться своей силой. За меченосцами Фолко заметил лучников; и едва те появились и натянули тетивы, из толпы врагов раздался властный приказ:

— Сложить оружие!

— А больше ничего не хочешь?! — в отчаянии заорал Торин, разражаясь потоком самых черных проклятий на своем языке.

У Фолко от страха отнялись руки — только теперь он вдруг понял, что это конец, — они окружены, и как теперь отбиваться?

— Погоди, почтенный, — вдруг мягко и рассудительно заговорил Малыш, бестрепетно выступая вперед, небрежно отодвинув ошеломленного Торина. — С чего это вдруг нам класть оружие? Меня его тяжесть вроде бы еще не утомила.

— Ты что, не видишь? — с насмешкой отвечал невидимый предводитель. — Ты полагаешь, мы станем тупить наши добрые мечи? У меня достаточно лучников, чтобы из тебя торчало столько же стрел, сколько волос в бороде вашего Дьюрина! Так что бросай железо и не разговаривай!

— А нельзя ли увидеть, с кем мы имеем честь беседовать? — кротко осведомился Малыш. — Неудобно как-то, говоришь, а лица не видишь...

Раздался грубый хохот, ряды орков раздвинулись, и вперед вышел их вожак в доходящей до колен кольчуге, с плоским шлемом на голове и длинным двуручным мечом, резко отличавшимся от оружия его собратьев. Факелы осветили его довольно-таки правильное для орка лицо, и хоббит понял, что перед ним — один из Саруманових урук-хаев.

— Чем кромсать друг друга, давайте лучше побеседуем, — довольно мирно предложил он, несказанно поразив этим хоббита.

Торин же если и был удивлен, то и глазом не моргнул. Его голос, как всегда хриплый в минуту опасности, был тверд.

— Нам не о чем говорить! — Гном гордо выпрямился, держа

наготове топор; лица не было видно под опущенным глухим забралом, на отполированной стали играли багровые блики факелов.

Орк прищурился, его рука в черной боевой рукавице лежала на рукояти меча.

— Мы можем принудить вас, но зачем это? — по-прежнему незлобно сказал он. — Нам нужно кое-что узнать от вас. Выхода у почтенных гномов нет. Так почему бы нам не поговорить о том о сем и спокойно разойтись?

Раздался громкий ропот в толпе стоявших за спиной предводителя орков; заскрежетало оружие.

— Тихо! — прикрикнул на своих вожак. — Нам нечего делить — по крайней мере сейчас, — продолжал он, поворачиваясь к гномам и хоббиту. — Еще раз спрашиваю: будете говорить?

Странное чувство охватило хоббита. Свирепая и нерассуждающая ненависть, переполнявшая Торина, стала захватывать и обычно безмятежного Малыша; она же парализовала волю хоббита, и у него недостало сил удержать друга, когда тот в ответ кинул оркам в лицо самые черные оскорбления, на какие был только способен гном, чьи предки рубились с орками уже без малого четыре тысячи лет.

Ответом ему был неистовый рев разъяренных врагов. Прежде чем вожак успел остановить своих, коротко звякнули несколько спущенных тетив, и стрелы высекли быстрые искры на мифрильной броне друзей, бессильно отскакивая от нее и валясь на пол. Взметнулся и упал топор Торина. И с не меньшей быстротой и ловкостью навстречу ему вынесся меч предводителя орков. Железо звучно ударило в железо, противники сшиблись и разошлись, но хоббит успел заметить глубокую зазубрину на мече орка, оставленную выкованным в Горне Дьюрина топором гнома.

Вновь взвизгнули стрелы, выпущенные в безнадежных попытках поразить Торина. Его топор теперь зловеще свистел, рассекая воздух; оружие крутилось вокруг гнома с такой быстротой, что хоббит мог различить лишь быстрые взблески алого огня, вспыхивающие изредка на стали.

Орк не делал попыток напасть. Он стоял, чуть сгорбившись и выставив вперед свой длинный меч. За его спиной толпились приумолкшие лучники, переставшие даром тратить стрелы. Мгновение — и гном делает незаметный, но удивительно быстрый шаг, молниеносно оказавшись возле предводителя. Взмывает высеребренный топор; удар неотразим, но слух хоббита вновь терзает скрежет столкнувшегося оружия; и Торин вновь отступает. Орк не двигается.

Казалось, Торин растерялся. На краткий миг он задержал свою руку, неостановимо вращавшую топор, и этим тотчас воспользовался предводитель орков. Фолко и съежиться не успел, как огромный меч, проскользнув под рванувшимся на защиту топором, обрушился на гнома, метя в самое уязвимое место — в шею Торина.

Но тот оказался не слабее своего противника. Всего на четверть шага сдвинулся гном, но и этого хватило, чтобы удар орка пропал втуне. Не теряя ни секунды, Торин ответил на удар ударом, но вновь тщетно.

Противники остановились. Орк первым опустил меч.

— Ты даже не знаешь, о чем мы хотели тебя спросить, а уже лезешь драться, — с укором сказал он. — Не горячись! Даже если ты осилишь меня, из ущелья вам не уйти — сейчас ночь. Поэтому умерь свой гнев, потомок Дьюрина! Ты идешь снизу, нам нужны вести. Что происходит там? Что за война была у Ангмара с Арнором, почему воюют между собой Белокожие? Ты скажешь нам это — или умрешь. Твоя броня хороша, спору нет, но нет такой брони, чтобы устояла бы перед мечом!

Торин хранил молчание, однако вперед нежданно вышел Малыш. Кратко, но точно он стал отвечать на вопросы. Торин дернулся было, однако хоббит вцепился ему в локоть. Даже в темной прорези шлема можно было видеть разъяренный блеск глаз Торина.

— Ангмар разбит, — надменно подбоченясь, говорил тем временем Малыш. — Его воинство рассеяно. Те, кто не сдался, уничтожены. Что вы хотите знать еще?

— Где тот, что водительствовал Ангмаром? — тихо спросил вожак.

— Вяжет клубки тьмы в Унголианте! — зло рассмеялся Малыш, и Фолко заметил, как поникли плечи орка и в гримасе страдания искривился рот. — Что вы хотите знать еще?

— Что с нашими братьями, которые пошли к Форносту?

— Стали пищей воронам на поле брани! Что еще?

Вожак поднял опущенную было голову.

— Я задам тебе вопрос, который задавал уже многим и из нашего племени, и из других народов. Кто такой Белая Рука? Тот, которому повиновались наши предки? Только самые древние наши старики сохранили какие-то смутные предания о тех днях. Мы сидим в этих пещерах уже очень, очень долго, мы не знаем, где остальные колена нашего рода.

Малыш обернулся, глядя на хоббита, и тот вышел вперед.

— Белая Рука — это прозвище великого мага по имени Саруман Белый... — начал он, и орки тотчас обратились в слух, позабыв обо всем.

Его рассказ длился долго. Наконец охрипнув, Фолко умолк.

Некоторое время в пещере царила тишина. Потом предводитель орков неожиданно поклонился хоббиту и сделал знак остальным. Погромыхивая железом, орки стали один за другим скрываться в темном провале прохода. Вожак задержался.

— Вот и все, а ты дрался, — сказал он Торину. — Вы можете оставаться здесь сколько угодно, вас никто не тронет. Мы живем сейчас сами по себе, и, может, даже к лучшему, что новый хозяин сгинул...

Последние слова он произнес уже почти про себя, поворачиваясь спиной к друзьям. Каменная дверь бесшумно закрылась за ним. Несколько минут прошло в оцепенелом молчании, а потом Торин принялся суматошно кидать на спины пони поклажу.

— Ты чего? — полюбопытствовал обретший прежнюю безмятежность Малыш.

— Сдурел?! — рявкнул Торин. — Ты что, ночевать тут решил?

— А куда нам деваться? — кротко вопросил Малыш. — Ты посмотри — темень, холод, ветер, снег... Куда мы пойдем? Нет, придется довериться слову...

— Чьему? — теряя терпение, завопил Торин. — Слову орка?! Сдурел, как есть сдурел! И чего ты вообще язык распустил? — накинулся он на Малыша. — И чего это ты ляпнул про Унголиант?

— А ты думаешь, было бы лучше, разошли они сейчас гонцов во все края и присоединись они... к этому самому?!

Гномы застыли друг перед другом, сердито сверкая глазами. Наконец Торин вздохнул, плюнул и принялся снимать мешки с пони.

— Так и быть, останемся... Но стеречь будете вы двое! Ясно? А я спать буду.

Ясным морозным днем они вылезли из пещеры. Белая нетронутая пелена выпавшего за ночь снега покрыла камни, ни единого следа не было видно. Постукивая зубами — ветер и не думал успокаиваться, — они продолжили путь.

Минула неделя тяжкого, взявшего все силы труда. Тропа шла под уклон, они миновали перевал, но каждый шаг стоил таких же усилий, как добрая лига. Кончились дрова, пришлось кое-как сооружать снежные избушки, на что уходило немало времени. Они уже не шли, а плелись. Без гномов хоббит бы уже давно погиб; и сейчас, покачиваясь на спине пони, куда его едва ли не силой усадили Торин и Малыш, он мог только дивиться их необыкновенной выносливости. Они брели молча, ожесточенно и упрямо пробивая грудью дорогу через снежные завалы. Никто их не преследовал, и хоббит со своим обостренным чувством опасности был совершенно уверен — вокруг них сейчас врагов нет.

Его мысли невольно возвращались к встрече с орками, и он не мог не удивляться — насколько все же далеко смотрел Саруман! Видать, он не был так уж прав, раз его творения, обретя хотя бы относительную свободу воли, отшатнулись от стихии бессмысленных и бесконечных убийств, двинувшись по пути постижения — для начала хотя бы собственных истоков и предназначения. Да, они оставались еще во многом орками, но все же... Недаром их так ненавидят орки истинные, мордорские...

Несмотря на все тяготы, они все же продвигались вперед, и вот настал день, когда их взорам открылась простирающаяся далеко на восток необозримая Приречная Равнина, сейчас вся белая, сверкающая снежными покрывалами; и дымки многочисленных, разбросанных тут и там деревень. Путь через горы кончился.

Глава 2

ОЖИДАНИЕ НА КРАЮ

С трудом веря своим глазам, хоббит откинул со взмокшего лба меховой капюшон. Да, приметы не обманули, друзья стояли возле самого восточного края Серых Гор, у их последнего отрога. В затянутую снежной дымкой даль еще тянулись какие-то всхолмья и гряды, но сплошные стены серых непреодолимых скал кончались. Казавшийся бесконечным путь вдоль пролегшего на сотни лиг хребта завершился.

Они молча смотрели на изглоданный ветром край последнего утеса, не в силах вымолвить ни слова. Двухмесячная дорога, холод и метели, случайный ночлег в тех местах, где их застигала темнота, — все это было позади; теперь они могли наконец остановиться и перевести дух.

Над ними навис ярко-синий небесный купол; мартовское солнце сияло вовсю, а кругом расстилалась бескрайняя равнина, далеко на юго-западе был едва виден конус Одинокой Горы. В этих местах из-за края хребта выбегала узкая дорога, ведущая к Озерному Городу; в былые годы ею пользовались немногочисленные жители северных склонов Серых Гор. Где-то на самом восточном горизонте черной черточкой виднелись Железные Холмы — и вот в этом-то коридоре шириной чуть не в сотню миль им предстояло ожидать отряды Олмера, с не меньшим упорством пробивающиеся сюда же по другую сторону гор. А то, что это так, они знали от гномов — родственников Малыша, к которым они завернули, сделав краткую остановку возле южных ворот королевства потомков Дьюрина в Серых Горах. Дозоры гномов уже давно заприметили движение измученных сотен Олмера; по словам собеседников Малыша выходило, что друзья опережают остатки ангмарского воинства примерно на три-четыре дня; гномы и Фолко вздохнули с облегчением. Торин заикнулся было о том, что можно пройти под горами и встретить Олмера возле Северных Ворот, но Малыш отрицательно покачал головой — путь через все королевство занял бы, по крайней мере, неделю. Оставалось лишь, не жалея ни себя, ни пони, изо всех сил спешить к

восточному краю гор, как и было задумано с самого начала. По хорошо наезженным зимникам, проложенным Беорнингами в когда-то пустынных, а ныне густо заселенных землях между Серыми Горами и краем Зеленых Лесов, они шли ходко, насколько возможно сокращая ночевки и дневной отдых. Дорога отнимала почти все силы, однако они жадно ловили любой, даже самый невероятный слух, коими во множестве полнились в ту зиму придорожные трактиры.

К своему удивлению, хоббит убедился, что здешних лесорубов, углежогов и древоделей куда больше заботили дела каких-то непонятных степных племен Прирунья, чем новости из Соединенного Королевства. Так, мимоходом, как о чем-то совершенно незначащем упоминалось о войне Арнора с Ангмаром, о походе Наместника на Север; все были единодушны в том, что, хвала Дубу, война до нас не добралась; с кем и за что воевал там Арнор, мало кого занимало.

Известий с юга, из Минас-Тирита, было побольше, но лишь в связи с заботами Приозерного Королевства, вассала могущественной Южной Короны; новости из устья Андуина были, в общем, утешительны для хоббита — на рубежах Гондора все спокойно, торговля с Харадом идет как всегда, пошаливают пираты на побережье, но не сильно, с флотом Пеларгира шутки плохи. О Короле упоминали мало, но всегда с почтением и легкой боязнью. Фолко удивило другое — любая новость из Гондора оценивалась лишь с одной стороны — поднимутся или упадут цены на лес, бревна, доски, древесный уголь, бересту и тому подобное; в то же время самые мелкие изменения в верхушке прирунских племен обсуждались с таким жаром, как будто от этого зависела их судьба. Хоббит недоумевал — кочевникам сюда не добраться, у них на пути Эсгарот и Приозерное Королевство, этим лесным жителям нечего бояться Степи.

Выспрашивая, подпаивая, а где и подслушивая, хоббит сумел узнать немало интересного о самом государстве Лучников; а среди прочего и то, что порубежные части в неурочное время подняты на ноги и подтягиваются к северной границе. После того как он услышал это от уже третьего купца, он мог только скрежетать зубами от бессильной злости на пару с Торином — хороши же эти потомки Барда, если в их королевстве всякий поганый купчик осведомлен о передвижении армий! Где уж тут говорить о внезапности! В Дэйле у Олмера не может не быть сторонников — это его родина, и весть наверняка найдет себе дорогу в обход пограничных постов.

— Н-да, приятное местечко, — поеживаясь, буркнул Малыш.

Он обвел взглядом унылые, лишенные зелени скалы и заснеженные холмы; в ложбинах виднелись голые спутанные кроны

редких деревьев. На последнем утесе, на самой его вершине, высилась открытая всем ветрам сторожевая башня с островерхой крышей. Конечно, ей было далеко до суровой и мощной красоты, изящества и строгой соразмерности тех, что оберегали Аннуминас, не говоря уж об Ортханке, но сложена она была на совесть — приземистая, округлая, она словно вросла в дикий камень. К ней вела едва заметная каменистая тропа, а чуть в стороне, пониже, теснились какие-то низкие деревянные строения — очевидно, конюшни и склады заставы.

— Оттуда должно быть далеко видно, — заметил Торин, кивком указывая на башню. — Поднимаемся?

— К чему? — удивился хоббит. — Хочешь попроситься на постой? А как ты им представишься? Как объяснишь свое появление?

— Не коченеть же на этом ветру! — огрызнулся Торин. — Надо постараться объяснить им. Так мы окажемся на очень удобном месте — для наблюдения за проходом лучше и не придумаешь. Устроимся и будем спокойно ждать.

— А если он постарается проскользнуть через это место ночью да еще миль на двадцать восточнее? — не унимался хоббит.

— Тогда наутро мы все равно увидим его следы, — возразил Торин.

— Ну, если у тебя глаза эльфа, — с невинным видом кивнул хоббит. — Или ты намерен метаться от Серых Гор до Железных Холмов и обратно?

Торин обиженно насупился, но быстро нашелся.

— Все равно у порубежников мы сможем провести ночь и отдохнуть. Давайте поднимемся!

— Не нравится мне это, — решительно заявил Фолко.

Но тут на него разом набросились и Торин и Малыш, заявив, что ночевать на ветру и на морозе они напрочь отказываются, и ему пришлось подчиниться.

Утоптанная тропа, вьющаяся среди торчащих из снега острых камней, вела вверх. Они поднялись уже до половины, когда хоббиту вдруг стало не по себе. Снова, как и в ущелье орков, его охватил безотчетный страх — не парализующий, обессиливающий, как это случалось с ним в прошлом, — нет, но в тишине приготовившегося к отпору города словно грянул будящий спящих набат.

Фолко остановился. Ничто не двигалось возле серой башни, ни единого огонька не проглядывало в ее узких черных бойницах, однако от коновязи до них донеслось негромкое ржанье лошадей.

— Люди там есть, — глубокомысленно заключил Малыш. — Только почему же никого не видать?

— Подойдем поближе, — заметил Торин.

— Только шлемы наденьте, а? — мрачно обронил хоббит.

Калитка в ограждавшем башню частоколе была отвалена. Снег перед дверьми истоптан, но сами тяжелые, обитые железом створки были закрыты, казалось, наглухо. Друзья переглянулись; Малыш проверил меч, Торин пошевелил топор за поясом. Хоббит осторожно постучал в дверь — молчание. Торин потянул за кольцо — дверь неожиданно легко отворилась. Они оказались на пороге.

За небольшим арчатым коридором виднелось скупо освещенное каминным или факельным пламенем помещение. Тишина.

Друзья осторожно двинулись внутрь. Двери из коридора в полуовальную обширную залу были распахнуты настежь. В широком очаге у дальней стены горел огонь, на столе в порядке застыли плошки и кружки, вдоль стен тянулись покрытые простым домотканым сукном лавки.

— Ничего не понимаю, — почесал в затылке (точнее, по привычке поскреб сталь шлема) Торин. — Малыш, где же твои люди?

— Вот они! — внезапно заорал кто-то над самым ухом хоббита.

Обрушившийся сзади удар чем-то тяжелым отбросил его к противоположной стене. Фолко пару раз перекувырнулся через голову, но сознания не потерял, — наверное, спас шлем, по которому скользнула дубина напавшего. В уши тотчас хлынул заполнивший все вокруг шум. Скрежет, вопли, визг, глухой лязг, непонятные вскрики, злобное рычание, проклятия — все слилось воедино Едва хоббит приподнялся, как на него навалились сзади. Кто-то невидимый, но большой и тяжелый, источающий тошнотворный запах перепрелого пота, шумно сопя, стал заламывать ему руки. Хоббит отчаянно рванулся, но враг не отпускал его; сила, многократно превосходящая его собственную, выкручивала ему кисть, острая боль не давала сопротивляться; Фолко в отчаянии тонко заверещал, судорожно трепыхаясь, — и тут хватка противника внезапно ослабла, послышался глухой, булькающий хрип, а затем, уже вторично, свист рассекающей воздух стали. Придавившая хоббита к доскам пола тяжесть вздрогнула и отвалилась в сторону.

Над растерянно моргающим Фолко на миг застыл с окровавленным клинком Малыш, в следующую секунду уже поворачиваясь к новому противнику. У хоббита не было времени размышлять. Уроки Малыша в Аннуминасе не пропали даром. Он вскочил на ноги и обнажил меч прежде, чем осознал увиденное.

На них нападали восемь здоровенных мужиков с мечами, щитами и копьями. Трое пытались добраться до отчаянно крутящего вокруг себя топор Торина, тыкая в него пиками; двое размахивали мечами, со звоном отражая бесстрашные выпады схватившегося с ними Малыша; один с перерубленной шеей валялся возле хоббита в луже крови; еще двое, со щитами и в шлемах, похоже,

только что выскочили из черной ямы подпола, и Фолко невольно оказался с ними лицом к лицу.

Враги застигли их врасплох, друзья оказались в центре зала, и не было рядом спасительной стены, которой можно было бы прикрыть спину; и совершенно непонятно, кто и зачем нападает на них; кто эти люди в башне?

— Эй, послушайте! — завопил Фолко, видя, как двое со щитами выдернули мечи из ножен. — Что вам нужно?! Зачем?!

Ответом ему был быстрый взблеск стали у самых его глаз и удар, который он с трудом отвел в сторону. Меч второго противника со звоном чиркнул по шлему. Затылком Фолко ощущал совсем рядом спину Малыша, и ему пришлось остановиться.

Горячая волна гнева толкнулась в виски, древняя ярость и безоглядность, надолго заснувшие было в нем, вновь пробудились и ожили. Забыв про второго врага, хоббит дерзко нырнул под выставленный щит того, что оказался поближе, скользящим переводом за голову отразил обрушившийся сверху меч и, не теряя ни мгновения, упал на левую ногу, в длинном выпаде пронзив не защищенное кольчугой бедро противника. Уже вдогонку по его собственному наплечнику лязгнул меч оставленного им без внимания врага, но мифрильная броня выдержала. Фолко поспешно повернулся. Он не видел, что происходит вокруг, не видел, как Торин, взревев, прыгнул вперед, как первый удар его топора обрубил отскочившее от нагрудных чешуй доспеха копье, а второй — снизу вверх, из необычной позиции — рассек одного из противостоявших ему от подмышки до другого плеча, как отразил размашистые, сильные, но не очень быстрые удары вражеского меча Малыш и как в свою очередь он завертелся на месте, точно юла, окружая себя сверканием и свистом вылетающих во все стороны неожиданных атак, и как острие его меча зацепило горло человека, не успевшего поднять оружие для защиты, и красные брызги полетели в разные стороны, а сам противник судорожно взмахнул руками и повалился...

И вдруг все сразу стихло. Тяжело дыша, люди начали шаг за шагом отходить, со страхом и изумлением глядя на прижавшихся спиной к спине друзей. Четверо уцелевших, крадучись, бочком отступали до тех пор, пока не оказались возле откинутых крышек подполья.

— Держи! — запоздало вскрикнул Торин, но было уже поздно.

Их противники дружно сиганули в черноту. Послышался торопливый топот ног. Не раздумывая, Торин рванулся за ними. Фолко едва успел сорвать со стены подвернувшийся под руку факел.

— Там может быть засада! — крикнул было он друзьям, однако, прежде чем он нагнал их, короткий ход из подпола во двор кончился, выведя их к коновязи. Их противники торопливо и нелов-

ко взбирались в седла. Одного сбила стрела хоббита, однако трое других, бросив коней прямо на гномов, смяли их и, не жалея плетей, галопом поскакали через двор и дальше вниз, по тропе. Фолко успел послать еще одну смертоносную стрелу, прежде чем всадники исчезли за выступом скалы.

Друзья перевели дух. По-прежнему ничего не понимая, они вернулись в башню. Пол в зале был залит кровью, трое убитых лежали, словно туши в мясной лавке, и лишь раненный хоббитом воин в кольчуге тяжко стонал, пытаясь зажать глубокую рану в бедре, из которой толчками выбивалась ярко-алая кровь. Фолко стало дурно, он сглотнул: все это было ужасно, одно дело — рубить орков, а тут все же люди, да еще непонятно, откуда взявшиеся; вдруг это какое-то недоразумение? Он поспешил к раненому и стал, как умел, его перевязывать.

То ли руки у хоббита оказались ловки и в этом, то ли счастливая звезда незадачливого воина стояла в тот день в зените, но вскоре хоббиту удалось наложить жгут, забинтовать ногу и остановить кровь. Раненого положили на лавку, его лицо помягчело. Малыш дал ему напиться.

— А теперь говори! — распорядился Торин, садясь напротив человека. — Кто ты, откуда родом сам и твои товарищи? Почему вы напали на нас? Говори, да только правду! Мы же вам ничего не сделали!

— Мы порубежники Приозерного Королевства, — слабым голосом, задыхаясь, ответил воин. — У нас был приказ — захватить всех, кто попытается приблизиться к посту...

— Ты лжешь, — спокойно сказал Торин, — и лжешь неумело. Мне ли не знать работу мастеров Одинокой Горы! Твоя кольчуга сделана в Прирунье!

— Вся пограничная стража Лучников носит эреборские доспехи, — прибавил усмехающийся Малыш.

Лицо воина искривила мучительная гримаса, однако он не потерял самообладания и гордо ответил:

— А все же это так!

Потеряв терпение, Торин яростно встряхнул раненого за плечи.

— Ты думаешь, мы будем тут шутки шутить?! — зарычал он. — Говори, кому ты служишь, иначе, клянусь великим Дьюрином...

Он выразительно покрутил перед самым лицом воина острием своего длинного кинжала. И без того бледный воин сделался точно льняное полотно, но голос его был по-прежнему тверд:

— Мне нечего добавить. И больше я ничего не скажу!

— Кали железо, Малыш, — глухо приказал Торин другу.

Маленький Гном хмыкнул, пожал плечами, но все же подошел к камину и сунул в огонь железную кочергу; Торин же несколькими быстрыми движениями притянул раненого к лавке его же собственным поясом.

Фолко склонился над лежащим.

— Если ты порубежник — почему же вы тогда не приказали нам сдаться? Вам же было приказано захватить, а не убить приблизившихся к посту?

Лицо воина искривила злобная усмешка.

— Давай-давай, — злорадно прохрипел он, — спрашивай, уродец, работай язычком! Вам гулять тут осталось недолго. Скоро сюда подоспеют наши... Тогда уже мы вас поспрашиваем!

— Железо готово, — невозмутимо сообщил Малыш, отходя от очага с раскаленной докрасна кочергой в руках.

— Выйди, брат хоббит, — тяжело повернулся к Фолко Торин, — и дверь поплотнее прикрой. В Чертоге Ожидания я за это отвечу.

Однако угроза подействовала — пытать пленника не пришлось. Они узнали, что он родом из Дэйла, как и его товарищ в такой же кольчуге, который спасся бегством. Шестеро других — это люди из Прирунского Всхолмья, лежащего далеко на юго-восток отсюда. Они служили Большому Вождю, тайно вступив в его войско еще два года назад. Вождь этот, именем Эарнил, ходил с другими своими отрядами в дальний поход на Запад, взял там богатую добычу в ленивом Арнорском Королевстве и теперь возвращается назад по северному краю Серых Гор. Пленник и его товарищи по оружию, остававшиеся все это время в Дэйле, через надежных людей получили приказ — захватить один из сторожевых постов на севере, когда войско Вождя приблизится к краю хребта.

— В Дэйле тревога, — добавил он. — Эстафета из Аннуминаса принесла указ Короля Запада выслать войска, занять пространство между Серыми Горами и Железными Холмами, пленить Вождя и доставить его в Гондор. Но среди приближенных короля Тарндара есть немало сторонников Вождя, они предупредили.

— А почему ты пошел служить Вождю? — мрачно спросил Торин, выразительно вертя в руках еще не остывшую кочергу.

— Потому... потому что ему сладостно повиноваться... — с трудом отвечал пленник. — Потому что ты видишь его и веришь ему, потому что он все-все знает про тебя и про все твои беды. Он говорит, что когда мы прогоним эльфов и возьмем земли... вот тогда заживем, все будет наше, мы сами станем приказывать...

— Да что ты знаешь об эльфах, остолоп! — в гневе замахнулся было Торин, но сдержал себя.

— Кем бы ни был, твое какое дело? — огрызнулся пленник, собрав последний запас сил и злости. — Не скажу...

По знаку Торина Малыш вновь сунул кочергу в огонь, и человек, со страхом косясь на багровеющее железо, хрипя и дергаясь, продолжал говорить.

Его звали Эрднар, он был из мелких купецких подручников,

что на свой страх и риск рыщут с немногим товаром по порубежью между владениями Лучников, гномов Железного Угорья и землями свободных истерлингов, добираясь и до Голубых Лесов в Прирунье. Занятие не сулило больших барышей, попасть в гильдию было несбыточной мечтой, а опасности подстерегали на каждом шагу. Как-то раз его настигли шальные степняки, ограбили, отняли коня, сняли даже одежду, оставив взамен жалкие лохмотья. И если бы не Вождь, Эрднар попросту разорился бы — ведь все сбережения пришлось бы отдать за пропавший товар хозяина. Люди Вождя подобрали Эрднара в степи, одели, дали коня, помогли деньгами... А потом он увидел самого Вождя — и понял, что должен следовать за этим человеком. Его ничто не удерживало в Дэйле — родители давно умерли, братья и сестры разлетелись кто куда — кто в Озерный Город, кто на юг, в новые выселки, основанные королем Тарднаром. Он бросил все и пошел за Эарнилом.

Фолко, чувствуя внезапную слабость, невольно покачнулся.

Азарт и ожесточение исчезли, уступив место усталости и опустошенности. Под мифрильной броней огнем вспыхнули не пробившие ее, но оставившие чувствительный след на теле удары врагов. Кружилась голова, сильно отдавало болью в плече; Фолко пошатнулся и поспешил присесть. Гномы все еще топтались возле умолкнувшего пленника. На вопросы о планах Вождя, его дальнейших намерениях он не отвечал, ссылаясь на незнание, и, глядя в его полные страдания глаза, хоббит понял, что тот не лжет.

— Что значит «ему сладко повиноваться»? — задал он все время вертевшийся на языке вопрос.

— Сладко повиноваться, и все тут, — прохрипел пленник. — Пойми, этого не высказать. Главное, ты видишь, что ему ведом путь...

— Куда?! — почти вскрикнул Фолко.

— К хорошей жизни, к славе, к счастью, — не совсем уверенно ответил человек. — Ты говоришь с ним — и знаешь, уверен, что он видит цель. А какова она? Это нам знать пока не дано. Я знаю лишь, чего хотим мы, свободные жители Востока — мы хотим жить сами по себе, не подчиняясь никаким Властителям Запада и не оглядываясь на этих колдунов-эльфов, которые, говорят, и сейчас еще мутят воду в Средиземье, хотят главенствовать над всеми! Вождь хочет бороться с ними, он хочет создать новое королевство, где люди займут подобающее им место.

— Разве королевство Лучников не живет по собственным законам и уложениям? — возразил хоббит. — Разве Гондор вмешивается в ваши дела? Разве предписывает вам закон? Разве облагает вас непосильной данью? И, наконец, разве мощь Соединенного Королевства не сдерживает лихих истерлингов?

Пленник не ответил. Скривившись, он вдруг заворочался и застонал. Превозмогая головную боль и мельтешение алых сполохов в глазах, хоббит поднялся с лавки и поспешил осмотреть раненого. На повязке вновь расплывались свежие багровые пятна, пришлось вновь останавливать кровь... Они отошли от потерявшего сознание пленника.

— Что будем делать? — хмуро уронил Торин, угрюмо глядя в узкую бойницу. — Сидеть здесь? Метаться по степи? Идти к Дэйлу? Или же добраться до ближайшего поста, где есть порубежники Королевства?

— Как мы можем сидеть здесь, — заговорил вдруг Малыш, — если этот проклятый Олмер уже знает, что мы перебили его людей на посту? Что он немедля сделает, а, как полагаешь? Зачем ему свидетели, да еще такие, которых он наверняка вспомнит по Сиранонской дороге? Вот что он сделает, скажу я вам — отправит сюда отряд — десятков пять — и выкурит нас отсюда за милую душу! Не-ет, Торин, не потому меня в хирд не взяли, что глупый, как иные болтают, а из-за руки! — Он потряс изуродованными пальцами. — Так что, хотя на дворе и холодно, и ветер, но я предпочту оказаться на холоде и ветру, чем попасть здесь, как каменная крыса, в жернова!

— Малыш прав, — поддержал друга хоббит. — Олмер не замедлит с ответом, мы теперь для него — что кость в горле. Надо уходить.

— Ну, положим, — согласился Торин. — Но как его выследить? Что-то не лежит у меня сердце на другой пост идти. Слышал, что этот болтал? Многие в Дэйле за Олмера! Не окажутся ли у него свои люди и на другой заставе?

— А в Дэйл пока идти нет смысла, — продолжал хоббит. — Кто его знает, появится ли он там собственной персоной?

— По мне, — подхватил Малыш, — так лучше остаться здесь. Но не в башне, а засесть где-нибудь в укромном местечке и выждать. Если не все войско, так отряд-то точно пришлет. Драться мы не будем, а вот проследить — проследим. Они нас сами приведут к нему.

— Это если он расщедрится, — хмыкнул Торин. — А ты представь, что он никого никуда не посылает, ночью минует цепь постов и скорым ходом — мимо сел, мимо городов — в степь, в Прирунье? К кормежке, к отдыху? Что мы ему? Здесь ведь не Запад. Кому мы сможем донести на него в Дэйле? Послушают ли нас там? Он же эти места как свои пять пальцев знает. Может, он решит, что мы для него не опасны, и вообще не обратит на нас внимания?

— Обратит, — с неколебимой, непонятно откуда взявшейся тревожной уверенностью сказал хоббит, опуская голову.

Рой темных мыслей пронесся в его голове; на краткую секунду мелькнули какие-то золотистые с серебром крыши башни, розо-

ватое вечернее небо меж ними, и ему почудилось, что откуда-то из-за окраинной дали на незамутненный небосклон наползает незнакомая хмарь, не мгла и не облако, не черная, но и не прозрачная, плотная, белесая, словно плесень; и в тот же миг он вдруг услыхал хриплые возгласы, хруст плотного снега под едва ступающими копытами выбившихся из сил коней; где-то, уже совсем близко, за недальними отрогами, за пока еще непроходимыми скальными преградами шло войско, то, которое они ждали.

Пальцы хоббита сами собой потянулись к ножнам заветного подарка на груди. И едва он ощутил в ладони привычное тепло витой рукояти, с его внутреннего взора спала пелена; он точно наяву увидел понурые ряды замотанных во что-то мохнатое всадников, устало бредущих по глубокому снегу коней; а на равнине, что лежала между холмистой грядой, через которую переваливало сейчас измученное войско, и краем Серых Гор, где высилась сторожевая башня, ему привиделись две торопливо пробирающиеся на северо-запад фигурки наездников...

Он попытался вернуться своим вторым взглядом к оставленному им на время войску Олмера и едва не вскрикнул от боли — в глаз словно залетела острая соринка. Черный, едва различимый клубочек, казалось, испускал незримые, но остро отточенные и жестоко ранящие иглы. Не сразу, осторожно подбираясь с разных сторон, Фолко попытался понять, что же это такое, — и наконец с бессильным вздохом прекратил бесплодные попытки. Черный клубок, уродливая фигурка не поддавалась. И одновременно он ощутил, как и по нему что-то скользнуло, — нет, не пристально вглядывающийся в бесконечность взгляд, выискивающий врага, какой некогда чувствовал на себе Фродо, — нет, это был бессмысленный взгляд беспорядочно шарящих по такому огромному и непонятному миру глаз новорожденного. Однако он уже существовал, и Фолко понял, что привлек к себе внимание этого младенца — будто пронес игрушку у него под носом.

Хоббит встряхнулся и вновь очутился в дымной зале караульной башни.

— Если Олмер кого и пришлет сюда, это будет не раньше, чем послезавтра, — говорил тем временем Торин. — Если поступать по-твоему, Малыш, то нужно сразу же выходить и искать себе укрывище где-нибудь в скалах... Да, а что с этим-то делать? — Он указал на пленника.

— Возьмем с собой, — пожал плечами Малыш. — Не убивать же его.

После долгих поисков им посчастливилось набрести на укромную пещерку высоко над северной равниной, откуда было видно далеко на северо-запад, север и восток. Насколько мог охватить

глаз, повсюду тянулась унылая заснеженная равнина, кое-где прочерченная невысокими грядами холмов. То тут, то там виднелись небольшие кучки черных низкорослых деревьев. Ни зверя, ни птицы — мертвая тишина и недвижность.

Изрядно пообчистив караульню, они постарались устроиться как можно удобнее. Своих пони они отвели в узкую ложбину, закрытую от ветра, и наскоро соорудили им из подвернувшихся под руку жердей хоть какой-то навес. К вечеру все было готово, и они перебрались на свой наблюдательный пункт.

— Если Олмер пришлет отряд и мы сможем его выследить, что же делать с этим Эрднаром, вразуми меня Дьюрин, — пробормотал Малыш, поудобнее устраиваясь на одеялах и натягивая до носа меховой капюшон.

— Не тащить же его с собой?

— Но и не бросать же здесь, — откликнулся Торин. — Тогда уж лучше убить сразу.

— Если он останется жив, то при первой возможности выдаст нас Олмеру или его людям, — вздохнул Фолко. — По крайней мере, он узнает о нашей погоне.

— О погоне он уже и так знает, — буркнул Торин. — Он знает, что трое каких-то проходимцев, скорее всего гномов, напали на его людей, захвативших пограничный пост. И хорошо, если он не припомнит, кто мы такие!

— Уже ж говорили об этом, — заметил Фолко. — Малыш говорил. Если он вспомнит Сиранону...

— Да, но там были хоббит и гном, — медленно и со значением сказал Торин. — А тут трое, два гнома и третий... да, пожалуй, ты сейчас запросто сойдешь за молодого тангара, Фолко! Ты изрядно подрос за последнее время, не с легкой ли руки Древоборода? Так что, если эти спасшиеся донесут Олмеру, что на них напали трое гномов, с чего это ему вдруг придет в голову Сиранонская дорога? Уж скорее он подумает на кого-нибудь из Одинокой Горы...

— А не кинется туда? — забеспокоился Малыш.

— Руки коротки, — усмехнулся Торин. — Ты ж это знаешь не хуже меня. Гору не возьмешь ни с налета, ни осадой. Ему нечего там делать.

— Отпустить — нельзя. Оставить — тоже нельзя. Тащить с собой?

— Разве что на своей спине? Пони-то все заняты! — возразил Малыш.

— Есть лошади у коновязи, — заметил Фолко.

— Погодите, кажется, я придумал, вразумил-таки меня Дьюрин! — вдруг подскочил Маленький Гном. — А что, если отвезти его в Одинокую Гору и попросить тамошних гномов, чтобы они выпустили его... ну, не раньше, чем года через два, а? У меня там есть знакомцы, вдобавок и Дори должен быть там!

— Но как же тогда следить за Олмером? — засомневался Торин.

— Можно будет разделиться, — предложил Фолко. — Скажем, Малыш везет пленника к Горе, а мы с тобой скорым шагом идем вслед за отрядом этого, именуемого Эарнилом. Потом можно будет назначить место встречи.

— В степи? — хмыкнул Торин.

Но тут вновь хлопнул себя по лбу Малыш, припомнивший укромное место далеко на юго-востоке отсюда, в самом последнем отроге Железного Угорья. Торин тщательно записал приметы и подходы; было решено, что они будут дожидаться там Малыша, а если он почему-то задержится или им придется выступить раньше времени, они будут указывать направление, рисуя на земле большие стрелы при каждом повороте.

Условившись и договорившись обо всем, они перетащили из караульни к себе в пещеру Эрднара. Благодаря снадобьям гномов рана уже меньше беспокоила его, но взгляд был по-прежнему полон страха и ненависти.

День кончался. Длинный, очень длинный день постепенно угасал, с востока ползла густая чернота мартовской ночи; здесь, на дальнем севере Средиземья, весна наступала поздно, и пока не было заметно ни малейшего ее признака. Ночью пошел снег. Малыш безмятежно спал, Фолко поддерживал огонь, а Торин, навернув на себя все, что было у них теплого, и, уподобившись какому-то древнему диковинному зверю, пошел наблюдать за округой. Луна давала немного света, но они надеялись, что различить движение конных на снегу все же смогут.

Тянулись медленные часы. Вернулся иззябший Торин, на его место отправился Малыш; Фолко же, не обращая ни на что внимания, упал на застеленные одеялами камни и тотчас уснул как убитый.

Под утро его растолкали друзья. Наскоро поев, хоббит подполз к краю пещеры. Из-за горизонта только-только показался краешек огненного диска, но лучи его уже окрасили розоватым снега внизу под ними. Задувал легкий ветерок; морозец покусывал за щеки. Взгляд Фолко медленно скользнул к западу от затянутого белесой мглой северного края необозримых равнин, и хоббит едва подавил крик — там, за грядой оплывших холмов, сейчас казавшихся окаменевшими волнами снежного моря, в воздухе вились едва различимые отсюда черные точки птиц. Вчера их не было; что это могло означать?

Торин с размаху бросил в лицо несколько пригоршен жесткого снега, чтобы поскорее проснуться; даже всегдашний соня Малыш вскочил, как подброшенный.

— Воронье... — хрипло произнес Торин, непроизвольно стиснув топор и бросив быстрый взгляд в глубину пещеры, где заворочался было Эрднар. — Малыш! Быстро к нему и, если он пикнет, приколи немедленно!

— Что это значит, Торин? — слабым голосом прошептал Фолко, все еще боясь признаться себе, что их трехмесячная погоня окончилась и они вот-вот встанут лицом к лицу с Врагом.

— Вороны вьются над лагерем войска Олмера, — с мрачной решимостью ответил гном. — Там много, очень много падали, если я хоть что-нибудь смыслю в происходящем. Собираем мешки! Надеваем брони! Сейчас или никогда!

Само войско они увидели часа через два. На гребне холма медленно выросла фигура верхового, за ней — еще одна. А потом через седловину, чуть севернее от этих двух фигур, полились ряды конных. Хоббит считал их, однако когда он дошел до пятидесяти, то сбился — еще одна колонна появилась из другого межхолмья, ближе к скалам. Нет, не отряд, не несколько десятков — все войско Олмера шло к ним, и по мере приближения хоббита охватывало все большее удивление — он видел державшие четкий строй отряды конницы, усталой, утомленной, но далеко не обессиленной; вытягиваясь из-за холмов, всадники прибавляли шаг, выгибаясь длинной дугой; двадцать или более того наездников перешли на рысь, направляясь прямиком к башне!

— Так, — хищно щуря глаза, как обычно в минуту опасности, прошипел Торин. — А вот эти уже за нами.

Малыш сидел над съежившимся в страхе Эрднаром с обнаженным даго возле горла пленника; лицо Маленького Гнома не выражало ничего, кроме свирепой решимости. Торин и Фолко переползли повыше, так чтобы видеть двор караульной башни.

Всадники Олмера тем временем перерезали дорогу, ведущую снизу к воротам; главные силы все еще выходили на равнину; на глаз всадников было не меньше пяти тысяч.

— Ничего себе, сколько же он сумел вывести! — изумленно прошептал Торин. — Но, разрази его Дьюрин, где же он сам, упади на него наковальня? Ты не чувствуешь его часом, а, Фолко?

Фолко чувствовал. Он не мог указать пока точно место этого человека в рядах его неостановимо движущейся конницы, но явственно ощущал его присутствие. Словно серый бьющийся клубок, стучащее сердце, дающее жизнь и силу окружающему его телу, — так ему представилось появление Олмера. Хоббит открывал глаза — и вновь видел лишь ряды всадников.

Тем временем воины северного войска уже окружили башню, ворвались во двор... Спустя короткое время они, очевидно, осмотрев башню и убедившись, что там никого нет, стали карабкаться на окрестные склоны, один вскочил в седло и поскакал к проходящим в отдалении отрядам.

При виде взбирающихся по камням воинов Фолко и Торин обнажили было оружие; однако искавшие не пошли далеко. Покружив по ближайшим распадкам, они повернули назад — то ли их сбил с толку нетронутый после ночного снегопада покров на всех тропинках, то ли они были убеждены, что их тут никто не будет ждать, — спустя короткое время все они уже скакали обратно к главным силам.

Хоббит вновь зажмурился. Его внутреннему взору предстала удивительная картина — каждый воин в рядах сотен Олмера казался ему маленьким лоскутом тусклого пламени, в обрамлении которых бился и трепетал упругий клубок серой силы. В глубине его горел яркий багряный огонек; и отблеск его был виден во всех остальных лоскутах таинственного огня. Фолко нащупал на груди кинжал и открыл глаза. Мутные глубины крестовника прояснились, они горели тревожно-алым пламенем; синие цветы на клинке наливались внутренним сиянием; казалось, они начинают двигаться... Зловещие, смутные предчувствия шевельнулись в душе Фолко, но ни уловить, ни прояснить их для себя он не смог.

Войско Олмера постепенно отдалялось, двигаясь на юго-восток. Пора было в дорогу и им.

Хоббит ощутил, что его бьет мелкая дрожь. Все! Конец всем предысториям, расчетам и рассуждениям, конец надеждам, гаданиям и предположениям, настал момент, с которого начинается то, ради чего они проделали весь путь от поля боя в Арноре до северных пределов Эребора — начинается охота за Олмером, начинается погоня наперегонки!

Тем временем Малыш уже выводил из потайного места пони и лошадь, предусмотрительно сведенную им с коновязи. Торин торопливо навьючивал лошадок поклажей, Фолко бросился ему помогать. Втроем они сумели кое-как взгромоздить в седло раненого Эрднара, осторожно спустились со скал — и сели в седла. Последние из воинов Олмера тем временем уже скрылись вдали, но следовать за ними было легче легкого — на равнине остались следы сотен и сотен копыт.

Из низких серых туч вновь полетели к земле редкие крошечные снежинки, ветер задувал в спину, словно подталкивая. Проехав около двух лиг, Малыш решительно натянул поводья. Нужно было прощаться.

Фолко с усилием сглотнул застрявший было в горле ком и вытер рукавом непрошеные слезы. Маленький Гном, непривычно серьезный, не стал тратить время на долгие разговоры — все и так было давно условлено и договорено. Он просто махнул рукой, повернулся и неспешно затрусил на юго-запад, к чуть заметному конусу Одинокой Горы, ведя за собой коня Эрднара. Фолко с Торином молча постояли, глядя ему вслед, и тронули своих лошадок.

Глава 3

ТОРНЫЙ СЛЕД

Дул ветер, заставляя хоббита и гнома зябко кутаться в плащи и жаться поближе к слабому костерку. Над Эребором нависла стылая мартовская ночь, на безоблачном небе ярко и колюче сияли бесчисленные звезды. Друзья забрались уже далеко на восток, и рисунок созвездий здесь был уже не совсем тот, что дома. Фолко вздохнул. Чужбина, чужбина — даже небо здесь не то...

Расставшись с Малышом, они осторожно весь день продвигались вслед за войском Олмера, чуть поотстав, чтобы их не заметил какой-нибудь арьергардный патруль. Однако шли они уверенно и знали, что не собьются — через заснеженную пустошь пролегал четкий, хорошо видимый след.

Вокруг тянулась унылая, чуть пересеченная невысокими холмами и мелкими овражками равнина. По распадкам изредка попадались сиротливо чернеющие голыми ветвями деревья. Ветры сдули снег с вершин холмов, намели непроходимые толщи в низинах и седловинах, где над снежным покровом лишь кое-где виднелись верхушки занесенного до самого верха кустарника. Жилья не было, все было пусто и дико.

Кое-как утоптав себе место, друзья разожгли нодью. Притупив чувство голода горячей похлебкой, они сидели, глядя на огонь, что неспешно грыз комель здоровенной сушины. Только теперь они оба поняли, в какое безнадежное дело впутались и как непросто будет справиться с дерзким налетчиком здесь, в его родных краях. Что впереди? Много лет назад Торин прошел от Одинокой Горы до Железных Холмов, но все равно он не знал ни здешних мест, ни тем более земель к югу и востоку от границы гномьих владений. Среди его сородичей ходили слухи, что еще дальше на восход будут другие горы, где тоже живут тангары — не потомки Дьюрина, вроде бы из другого колена, — но как их разыщешь, да и выведет ли их туда погоня? Где взять еду в заснеженной, необитаемой пустыне?

Их разговоры, не успев начаться, обрывались на одном и том же месте — как, каким образом, чудом, обманом или какой кровью подобраться к Олмеру хотя бы на расстояние полета хоббичьей стрелы? И по мере того как один за другим отбрасывались различные способы, лицо Торина мрачнело все больше и больше, его брови сдвигались, точно ожившие каменные выступы, а пальцы ожесточенно начинали крутить завитки бороды. Наконец он с размаху хватанул кулаком по колену.

— Так не пойдет, брат хоббит. — В темных зрачках гнома плавали синеватые отсветы пламени, снующего по нижнему краю заваленного в костер бревна. — Слишком много думаем о себе!

Он ничего не добавил, но Фолко взглянул на него почти с испугом.

«Слишком много думаем о себе — что бы это значило, да еще в таком тоне? — думал хоббит. — Уж не решил ли Торин броситься в схватку очертя голову, надеясь, что мифрильная броня даст ему время пробиться к Олмеру, а там будь что будет? Нет, я на такое никак не соглашусь. Не-ет, никогда и ни за что! Умирать — что-то не слишком весело... Прежде чем лезть наобум, нужно поработать головой, если, конечно, еще не оставил надежду вернуться в Бренди-Холл. Там, поди, уже весна... А впрочем, что тебе до этой весны? Что толку сидеть на речном откосе и улыбаться во весь рот, глядя, как над сизыми волнами Старого Леса медленно поднимается Глаз Анкалогона, как называли когда-то Солнце те, кто жил под сенью этих исполинских черножемчужных крыл? Что проку полоть репу, пересмеиваясь с подружками, бегать взапуски по зеленым склонам приречных холмов да играть с друзьями в «Бильбо и гномы в пещерах гоблинов», строить мелкие каверзы дядюшке, втихую таскать при случае пироги с кухни?»

Перед мысленным взором хоббита проносились необычайно яркие картины мирной хоббичьей жизни, настолько зримые, что на время ему показалось — все приключившееся с ним за два года было лишь дурным сном, от которого он наконец пробуждается...

Но пробуждения не произошло, вместо старых уютных стен Бренди-Холла вокруг него по-прежнему простиралась необозримая холодная степь.

Прошел день, и еще один, и следующий. Они приближались к западному краю Железных Холмов. Отряд Олмера шел теперь бойчее — к нему присоединилось несколько сотен всадников, пригнавших большой санный обоз с продовольствием и множество запасных лошадей. Припасы были из Дэйла, лошади же — степные, истерлингские, как определил по подковам Торин. Вечером друзья попытались подобраться к становищу Олмера — и едва не наткнулись на патруль. Лишь издали им удалось разглядеть скопище саней, палаток и шатров, посреди которого, поднятое точно в насмешку над всеми попытками задержать его хозяина, вилось знакомое знамя — черная трехзубчатая корона в белом круге посреди черного поля.

Спустя неделю после того, как они оставили сторожевой пост у края Серых Гор, друзья достигли Железных Холмов. Путь Олмера лежал почти что на восток, и, чтобы оказаться у назначенного места встречи с Малышом, им пришлось отойти совсем немного в сторону. Они нашли там пещеру, удобную и глубокую; Торин устроил в ней настоящее пожарище, заявив, что достаточно намерзся в дороге.

В ожидании Малыша минуло еще два дня. Олмер за это время ушел куда-то на восток, ближе к Карнену, но Торин не сомневался, что им легко удастся проследить за ним — март стоял холодный, снега и не думали оседать, след войска был виден отчетливо.

Поджидая друга, они тратили почти все свое время на сон — кроме тех часов, что проводили за сбором топлива. Говорили мало — ничего добавить к сказанному они уже не могли; однако обоих грызло неотступное сомнение — что, если они таки потеряют самозваного Короля. Но сделать сейчас они все равно ничего не могли, а за годы странствия даже Фолко овладел искусством бесстрастного, терпеливого ожидания.

Малыш появился на утро третьего дня, когда на страже стоял Торин. Друзья обнялись, как после долгой разлуки, у хоббита даже предательски защипало в носу. Он научился владеть чувствами, заставил себя не думать о Маленьком Гноме, не тратить понапрасну силы; но какой же увесистый камень свалился с души, когда его разбудил веселый голос Малыша, раздавшийся под прокопченными сводами!

Маленький Гном отказался от еды, раскупорил лишь им самим привезенный жбан с пивом, закурил трубочку и пустился в рассказы. Без всяких происшествий, счастливо миновав и патрули Лучников, и городскую стражу Эсгарота, он добрался до Одинокой Горы. В пути он старался разговорить Эрднара, но безуспешно — пленник ожесточенно отмалчивался, один раз попытался сбежать. Но главные новости были, конечно же, из Одинокой Горы, где Малышу благополучно удалось пристроить Эрднара, сдав его под бдительный присмотр своих старых знакомцев.

Прежде всего Малыш встретился с Дори. Тот — то ли благодаря Кольцу, то ли оттого, что вступил наконец на приготовленный для него путь, — стал большим вождем и собрал вокруг себя многие сотни смелых тангаров, и еще больше ожидают его команды в Серых Горах и здесь, в Железных Холмах. Все хотят идти отвоевывать Морию, сам Король-Под-Горой, Наин Третий, собирается выступить в поход, как только стают снега.

— Дори не узнать, — посмеиваясь, говорил Маленький Гном. — Важный стал, голову высоко носит, но горяч по-прежнему. Слушаются его с полуслова, даже Наин ничего не решает без него. Меня он встретил неплохо, что и говорить, долго про вас расспрашивал. Не может он забыть, Торин, что ты ему Кольцо тогда сам отдал, хотя — тангар он честный — не скрывает этого. Мне говорили, что сперва хотели тебя разыскать, но как-то потом позабыли... Может, Кольцо поработало, а скорее — Дори, очень он старался. Он уже отрешенный какой-то, весь там, в Мории... Ох, худо будет этим оркам, худо — весь Эребор поднялся!

— Что ж он будет делать? — глядя в пол, спросил Торин.

— Хочет добраться до Мории, как он еще тогда говорил — больше ничего нового. По-моему, он просто хочет стать королем! Ему мерещатся лавры великого Дьюрина, не меньше!

— А что... — встрял было Фолко, но Торин лишь досадливо махнул рукой.

— Хватит об этом. В конце концов, пусть собирает рати, чует мое сердце, что они понадобятся всем нам... Что слышно в Одинокой Горе об Олмере, о его отряде?

— Ничего, — кратко молвил Малыш и выпустил изо рта безмятежно-красивое голубое колечко. — Я был первым с северного рубежа. Знаю лишь, что никто Олмера, как мы и догадывались, всерьез ловить не собирался, а тангарам Эребора сейчас нет дела до людских тревог...

Торный след конного войска, по которому шли друзья, тянулся строго на восток вдоль края Железных Холмов, и Фолко с неослабным интересом озирался по сторонам, оглядывая эту старинную твердыню Народа Дьюрина. Это действительно были не горы, а холмы, высокие, длинные, густо поросшие елью. Олмер все же не рискнул вести своих по главной дороге, что вела от Железных Ворот здешнего королевства гномов на запад, к Одинокой Горе, отвернув немного к югу, в широкие холмистые просторы.

— Ну, братья, — выдохнул Торин, поворачивая пони на восток, — вперед! Помоги нам, Дьюрин, дотянуться до горла этого Олмера!

Однообразные холмы, между которыми кое-где маячили одинокие вязы, внезапно вздыбились высокой, протянувшейся с севера на юг цепью. След Олмера нырял в седловину и исчезал за ставшими заметно круче склонами.

— Там, за холмами, — Карнен, — махнул рукой Малыш.

— А кто это там так орет? — вдруг поинтересовался Торин, и в следующий миг топор его был уже взят наизготовку.

За холмистой грядой и впрямь раздавались какие-то невнятные крики. Непохоже было, чтобы кричавший звал на помощь — он словно бился в непередаваемом ужасе, схватившись один на один с самой смертью и уже не рассчитывая на спасение.

В следующий миг друзья хлестнули своих пони. Навстречу им полетела снежная дорога, протоптанный след круто сворачивал за холм, и, хотя там могла быть засада, никто не натянул поводья. Крики не смолкали.

Белые, кое-где перечеркнутые темными ветвями склоны резко раздались в стороны, и друзья с разгону вылетели прямо на речной берег. Перед ними расстилалась широкая долина реки Карнен; ровный, присыпанный снегом лед еще сковывал ее воды, но

почти на самой середине в чистом белом ковре виднелась небольшая черная клякса, в которой что-то билось и плескалось. Крики доносились оттуда.

— Тонет кто-то! — крикнул Фолко и первым очертя голову бросился к полынье.

Малыш едва успел повиснуть у него на плечах и остановить хоббита.

— Ты что, сам на дно захотел?!

Торин осторожно попробовал ногой лед. Тот вроде держал. Вытащив веревку и торопливо завязав петлю на ее конце, гном, чуть пошатываясь, двинулся к полынье. За ним поспешили Малыш и Фолко, наспех обвязав друг друга другой веревкой.

Лед под ногами пугающе скрипел, кое-где по нему начинали змеиться предательские трещины, но друзья все же шли вперед и вскоре увидели, что в полынье бултыхается какой-то человек, отчаянно пытаясь выбраться обратно на лед; на другом берегу к дереву был привязан оседланный конь и рядом с ним — другой, под вьюками.

— Эге-гей! Держись! Мы идем! — заорал Торин, желая подбодрить тонущего.

Однако лед вблизи полыньи был то ли подмыт теплыми ключами, то ли еще почему-либо, но оказался еще менее прочен, чем у западного берега. Гномы легли и поползли, однако вскоре лед вновь стал похрустывать под тяжелым Торином, и тот замешкался. Они подобрались уже довольно близко, и было видно совершенно белое лицо попавшего в беду человека; обессилев, он уже не пытался выкарабкаться на край полыньи, а лишь кое-как держался на поверхности, — даже кричать перестал.

Гномы задержались, и тогда Фолко, взяв веревку в зубы, осторожно пополз вперед. Он не чувствовал страха, была только неясная злоба на всю эту реку, этот лед, на дурака этого, которого угораздило провалиться в таком неудобном месте... Лед хрустел под ним, однако ему удалось заставить себя не слышать этого, и вскоре он, подползя почти к самому краю полыньи, исхитрился и накинул широкую петлю на плечи тонущему. Тот отчаянным усилием продел в нее руки, и хоббит затянул спасительный аркан у него под мышками. Гномы дружно ахнули, ухнули, рванули что есть силы — человека пробкой вынесло на лед, и прежде чем он успел подломиться под тяжестью тела, друзья оттащили спасенного в безопасное место.

Спустя считанные минуты на берегу уже вовсю пылал костер, Малыш и Торин суетились вокруг полураздетого человека, растирая ему руки и ноги, а хоббит осторожно вел в обход полыньи испуганно похрапывающих коней. Только теперь он смог наконец разглядеть спасенного ими.

Он был высок, светловолос, уже не молод, но и далеко не стар, —

скорее он находился в возрасте между тридцатью и сорока годами, возраст не очень почтенный для хоббита, но расцвет сил для человека. Его развешенная у огня добротная одежда, прошитая по швам красным шнуром, выдавала в нем уроженца Дэйла. Он бы вооружен — длинный прямой меч в потертых красных ножнах, а в одной из седельных сумок зоркий хоббит углядел очертания шлема. На полуобнаженной груди человека Фолко заметил длинный багровый рубец — довольно свежий, ему еще предстояло стать белым шрамом.

Согретый и отпоенный горячим, человек приходил в себя, и у Фолко зашевелились пока еще смутные, но тревожные мысли. Скорее всего он из войска Олмера... Что же с ним теперь делать? Сначала спасти — и только для того, чтобы допрашивать, пытать, если он станет молчать, а после — убить? Теперь в Одинокую Гору пленника не отправить.

— И угораздило же тебя, — начал Торин, протягивая спасенному снятый с огня котелок. — Как это случилось?

Человек пил, обжигаясь, и невнятно ответил, что, наверное, там тоже кто-то или провалился, или еще что, но он, похоже, угодил на недавно замерзшую полынью. И тотчас, не дав Торину даже рта открыть для нового вопроса, стал спрашивать сам:

— Откуда вы? Что вы здесь делаете? Как вас зовут?

— Путешествуем по своим делам, — многозначительно ответил Торин, незаметно подмигнув Фолко и Малышу. — Мы гномы из Эребора. А ты кто?

Человек ответил не сразу. Его взгляд почему-то надолго задержался на топоре Торина, даже не на топоре, а на его топорище — он словно был очень удивлен, увидав нечто знакомое в совершенно неожиданном для него месте. Потом его взгляд скользнул по открытой от жара костра груди хоббита, на которой висел заветный кинжал, и глаза его внезапно блеснули, однако он ничего не сказал, лишь назвал свое имя — Герет.

— Куда же ты держишь путь? — спросил Торин.

— В Дэйл. Там мой дом, — ответил Герет.

Торин сидел напротив него с топором на коленях, человек едва заметно усмехнулся и положил к себе на колени свой меч. На крестовине смутно виднелось какое-то клеймо, Фолко напряг зрение и едва не вздрогнул, заметив давно знакомое клеймо с Великой Лестницей!

— А я Трор, а это Трей, а это — молодой Нар, — Торин назвал самые распространенные среди гномов имена. — Хочешь еще? — Он кивнул на опустевший котелок.

— Чем же мне отблагодарить вас — за спасение и за все остальное? — сказал Герет и благодарно приложил руку к груди.

— Правдивыми вестями! — вдруг резко бросил Торин. — У тебя

на мече знак того, кому мы служим. Мы идем за его отрядом, но отстаем на несколько дней пути. Ты ведь от него, не так ли?

Герет весь сжался, настороженно блестя глазами и положив руку на рукоять меча.

— Ты сомневаешься? — невозмутимо продолжал Торин. — Я понимаю тебя. Но взгляни на это топорище! Взгляни — кинжал на груди Нара — и вспомни, если ты действительно служил ему! Кинжал этот — его гундабадский трофей, и Вождь Эарнил сам подарил его Нару, а мне — свой чудесный посох на топорище!

— Да, я узнаю их, — медленно проговорил Герет, — а я еще дивился, как они очутились здесь.

— А все ли в порядке у хельги-баана? А старый Глофур с его улагами? — вдруг встрял в разговор Малыш.

У Герета, похоже, это развеяло последние сомнения. Он широко улыбнулся, вздохнул с облегчением и по очереди протянул им всем руку.

— Вы наши... я так и думал, едва увидел кинжал и посох. Но расскажите же мне...

— Мы не можем рассказать тебе всего, — поспешно перебил его Торин, — и не просим того же от тебя. Скажу лишь, что Вождь послал нас в южные земли прошлой весной, мы собрали важные сведения и должны были присоединиться к нему под Форностом, но увы...

Он вздохнул с совершенно натуральным разочарованием и скорбью. У Герета сжались кулаки.

— Да, мы долго будем помнить этот черный день... — глухо промолвил он, опуская голову. — Сколько там полегло наших! Я чудом вырвался... Хорошо все же бились ваши сородичи! Не в обиду вам будет сказано, но если бы не они — пировали бы мы нынче в Аннуминасе!

— Ты еще расскажешь нам в подробностях про этот бой, — перебил его Торин, — а пока скажи, где нам отыскать Вождя?

— Или Санделло, — вдруг добавил хоббит.

— Вы знаете Санделло? — вздрогнул Герет.

— Да, но что с того? — нахмурился Торин. — Кто ж не знает знаменитого мечника? Однако ты не ответил нам. Мы хотим нагнать отряд.

— Но вы не найдете там Вождя, — озабоченно сказал Герет.

— Как?! — вырвалось одновременно у всех трех путников.

— Прошлой ночью он оставил войско на Береля, а сам с небольшим отрядом хазгов, с тем хельги-бааном, о котором вы вспомнили, ускакал куда-то на юго-восток. С ним отправился, как всегда, и Санделло.

— Та-ак... — Торину не нужно было разыгрывать полную растерянность и горькое разочарование. — Что же теперь делать? Куда нам идти? Куда он мог направиться?

— Вождь никогда не говорит, куда он уезжает и когда вернется. Скажу лишь — наверное, я был с ним больше вашего, — он всегда появляется, когда это необходимо.

— И никакой надежды... — начал было Малыш.

— Нет, это безнадежно. — Герет покачал головой. — Хазги очень быстры, а Вождь — он ведь быстрее всех. Но если у вас было задание, вы можете смело сказать все Берелю — после Санделло он самый близкий Вождю человек.

— Вождь ничего не сказал нам, как быть в таком случае, — теперь уже притворно повесил голову Торин. — Но, помимо того, куда нам теперь идти? Мы гномы западные, на востоке не бывали. Не знаем ни дорог... Ничего не знаем!

— Я и говорю, — терпеливо повторил Герет, — присоединяйтесь к войску. Мы уходим далеко на восток, за Карнен, в обход земель этих потерявших рассудок злобных басканов, затем сворачиваем с тракта, что идет через Невбор на Дешт (ни Торин, ни Малыш, ни тем более Фолко никогда не слышали ни о чем подобном) и мимо Гелийских Гор (Малыш встрепенулся) выходим к Опустелой Гряде. За ней, в окружении Лесов Ча, есть небольшая свободная земля, где Вождь велел нам ожидать его.

— Это ж месяцы и месяцы пути! — удивился Торин.

Герет стал расспрашивать их о южных землях, и друзья, стараясь закрепить его доверие к ним, рассказали ему довольно много из того, что узнали за время своего путешествия. Беда была в том, что они боялись особенно приставать к Герету, опасаясь лишних подозрений, однако Малыш все же рискнул полюбопытствовать, куда же он направляется сейчас, — если это, конечно, не тайна.

— Это не тайна, — ответил Герет. — Вождь отпустил многих по домам, особенно тех, кто родом из Дэйла и Эсгарота. А я сопровождал раненого друга, и, пока не стало ясно, что он поправится, я не мог покинуть войско... Теперь вот еду домой.

Остерегаясь задавать вопросы об Олмере, друзья постарались узнать как можно больше о землях и племенах Прирунья, ссылаясь на то, что никогда не были на востоке, а с Вождем встречались лишь на западе. Герет говорил охотно, и вот что он им поведал.

Селдуин, вытекая из Озера Долгого, течет через процветающие земли Королевства Лучников, пока не выбирается из лесостепи в настоящую степь. Здесь начинается господство истерлингов-кочевников. По речной же долине Селдуина и Карнена до самого его впадения в Рунное Море живут оседлые истерлинги-землепашцы. В самом устье Карнена — большой торговый город Айбор, столица тяготеющих к нему обширных краев вокруг всего Рунного Моря и тянущихся широкой полосой на восток до самой Опустелой Гряды. Гелийские Горы — крайняя точка владений Айбора, на юге же его земли ограничивает Великая Степь, тянущаяся от Бурых Равнин вдоль горных стен Мордора куда-то в бесконечность, туда, где восходит солнце.

— Кто же правит в Айборе? — спросил Торин.

— Там нет постоянного правителя. Это город купцов и мастеров, и народ там живет самый разный, из всех земель. У них каждый находит приют и защиту: уплати городу взнос и можешь считать себя под его покровительством. А это кое-что значит — войско у Айбора немалое. К нему прибились оседлые истерлинги-пахари, его слово закон для обитателей Голубых Лесов, да и гномы в Гелийских Горах приняли его уложения!

— Но если нет правителя, кто же правит? — настаивал Торин.

— Сотни три самых богатых купцов и самых искусных мастеров, — ответил Герет. — В их землях есть еще один город — Невбор, на востоке, на главном тракте, я о нем уже упоминал. Это почти двойник Айбора, только поменьше да укреплен получше, степь под боком — не шутка. А в Великой Степи, что к востоку от Рунного Моря и к югу от Опустелой Гряды, живут кочевые истерлинги, народ горячий и беспокойный. Случается, они тревожат набегами границы Торговой Области, так у нас называют айборские земли — это самый большой базар Востока. В степи у истерлингов тайный город Дешт — тайный не потому, что никто не знает, где он, а потому, что на Черный Вал, что ограждает его от торговых посадов проезжих людей, не допускается ни один иноплеменник, даже такой же истерлинг, если только он стал земледельцем. В Деште дорога раздваивается. Одна, ныне почти забытая, ведет к рубежу Мордорских земель, другая — в обход этого серого царства, в цветущий Кханд и Ближний Харад, но там я никогда не бывал. Могуч и славен город Айбор! Могуч и неприступен, ибо лет сто назад, говорят, тогдашние его головы наняли необычайно искусных гномов. И те сумели поднять из глубин горячие воды, так что даже в самые лютые морозы рукава Карнена, на которых стоит город, не замерзают и к стенам не подойти. Все вести от Мордорских стен до Железного Угорья, от Чаского Залесья до Мирквуда (Герет употребил старое название Черного Леса, бытовавшее в конце Третьей Эпохи) стекаются в Айбор и Невбор. Через них идет и главный путь с запада на восток — от Минас-Тирита через Кайр Андрос к Прирунному Всхолмью, дальше Айбор и Невбор, где южная дорога сливается с северной, на которой мы сейчас стоим. Говорят, есть еще старый-старый путь вдоль Изгарных Гор, но там никто не ходит.

— Почему? — заинтересовался Фолко.

— Странные вещи творятся там ночами, — нехотя произнес Герет, отворачиваясь. — Ходят какие-то... тени, что ли... Да мало ли что болтают. Толком я не знаю и не люблю повторять сказки... Я ж к чему это все? Что Айбор сейчас — узел торговых путей и бо-

гатый город, куда как богатый. — Он мечтательно прищелкнул языком. — Эх, потрогать бы его... за подбрюшье, — он хищно засмеялся, — да Вождь не велит...

Они узнали немало подробностей о предстоящей им дороге. Подробности, как нарочно, были малоприятны. Вскоре после ворот Королевства Железных Гор тракт углублялся в разоренную, покинутую всеми землю, которая так и не оправилась от достопамятного всем набега хазгов позапрошлой осенью. Немногие поселения были превращены в пепел, уцелевшие жители разбежались кто куда. И хотя уже наступила весна, рассчитывать до мая найти какую-нибудь пищу в этих краях было нельзя — разве что случай выгонит на них какую-нибудь глупую птицу. Все леса лежали севернее — в Железных Холмах, здесь же на добрые полторы сотни миль тянулись унылые холмистые гряды. А милях в пятидесяти к югу от тракта, где наготу холмов вновь начинал прикрывать густой девственный лес, — была область басканов, сумрачного и немногочисленного народа, когда-то разбитого пришельцами с востока и первым обосновавшегося на благословенных и плодородных побережьях Рунного Моря. Однако они не удержались и там. Появились затраны, прошли, словно ураган, на северо-запад (чтобы основать там государство, давшее начало Приозерному Королевству наших дней), и басканы вновь были вынуждены бежать в Глухоманье. Однако в Великие Зеленые Степи уже шли с юга обозы истерлингов, и, вновь разбитые, жалкие остатки некогда многочисленного народа только и могли бессильно наблюдать, как новые хозяева утверждаются на когда-то принадлежавшей им земле. С горя они предались было Черному Властелину, но его не слишком-то волновала подобная мелюзга. Лучших из лучших бойцов послал этот народ в составе Северной Армии Черного Замка к Одинокой Горе, встав в один строй со вчерашними врагами, истерлингами, рассчитывая, что Барад-Дур не забудет их верную службу. Завалив телами все подступы к Горе, Северная Армия загнала-таки внутрь оборонявшихся гномов и людей Дэйла, но на большее сил уже не хватило. А потом, после падения Силы Мордора, победители определили басканам эти пустынные земли вне торговых путей и судоходных рек, где они и живут по сей день. Они видели, как пришлый народ — и сменившие меч на соху истерлинги-пахари, выходцы из Дэйла и Озерного Города, и уроженцы Гондора, и совсем неведомые пришельцы с востока — устраивали Айбор и Торговую Область на их исконных землях — и не простили им этого. Они крепко цепляются за свою старину и не пожелали врасти в то кипучее жизнью и делом становление нового государства, где никого не интересовало, что ты держишь за душой и что у тебя в прошлом. Они начали новую войну, вновь потерпели поражение и теперь лишь изредка огрызаются набегами. Грабят они и на се-

верной дороге, так что надо быть осторожными. Однако, если удастся благополучно проскочить эти опасные места, дальше станет гораздо легче — тракт проходит через прекрасные лесистые области, признающие власть Айбора. Там обитают дорваги — народ кряжистый и упорный, так и не поддавшийся власти Зла, отбившийся в своих лесных крепостях. Про них мало что известно, но люди они мирные и открытые, свято чтущие закон гостеприимства. Они недолюбливают кочевых истерлингов, терпеть не могут басканов за их привычку бить исподтишка, в спину; на границе между басканами и дорвагами даже пришлось ставить заслоны из других лесовиков — обитателей Голубого Леса, что на берегу Рунного Моря. Дружины дорвагов вместе с истерлингами — опора айборского войска. Как-то оно дало хороший отпор гондорским выскочкам, когда тем вздумалось наложить лапу на эти земли! Больше Гондор сюда не суется... Миновав леса дорвагов, тракт приходит в Невбор, и что там дальше, известно лишь по рассказам, а сам Герет глубже на восток не ходил.

— А откуда пришли хазги? — спросил Фолко.

— Они живут где-то далеко-далеко, в многих днях пути от Невбора, — отвечал Герет. — Какие-то враги стали теснить их на запад, и Совет Старейшин отправил на закат большой отряд — поискать свободных земель, а кроме того — найти золото для откупа. Вот почему, едва появившись в Прирунье, они полезли к гномам Железного Угорья. А когда не вышло — двинулись дальше, добравшись аж до Гундабада. Дики они нравом и часто бросаются в бой без нужды, когда гнев застилает им глаза. Там мы их и встретили. — Герет помолчал. — Вождь взял в честном бою жизнь их предводителя, с того дня они и пошли за ним. Вот с тех пор я и запомнил этот кинжал. — Он кивнул на клинок, висевший на груди хоббита. — Дело в том, что, — он замялся, — боюсь соврать, хазги говорят странно... Но я понял, что когда-то очень-очень давно, невероятно давно, они жили на дальнем западе, откуда их изгнали Рыцари из Заморья... И с тех пор хазги мечтают вернуться туда. Я думаю, — он доверительно склонился к Торину, — что Вождь поскакал сейчас именно к ним — за остальной частью их могучего войска. Ведь будь их у нас под Форностом не три сотни, а три тысячи, не в обиду будет сказано почтенным гномам, ваш хирд бы не устоял! Прошу простить, если невольно задел...

— Нет нужды извиняться, — спокойно сказал Торин. — Они такие же враги нам, как и тебе. Они глупы в своей погоне за богатством, а мы верим, что и в наши подземелья может сойти Небесный Огонь, спустившись по Великой Лестнице.

Фолко очень хотел спросить, почему Герет стал служить Олмеру, но вовремя сообразил, что подобные вопросы не следует задавать людям, так или иначе оказавшимся на скользком пути, если

хочешь сохранить их расположение хотя бы для того, чтобы получить нужные тебе сведения.

Они помолчали, и Торин стал расспрашивать Герета о подробностях их осеннего похода. Герет говорил с горечью, но довольно охотно.

— Вождю никогда не удавалось еще собрать так много свободных воинов свободных земель. Вы знаете, что поднялся весь Ангмар?! Они дали большое пополнение нашей коннице и храбро дрались, клянусь Великой Лестницей! Мы ждали еще больше подкреплений с юга, но Дунланд прислал лишь немного пеших, хотя обещал куда больше!

— Да, обещали конных, а дали только лошадей, — вдруг встрял Малыш.

— Верно, но откуда вы знаете?.. Впрочем, простите, я и запамятовал, что вам может быть известно куда больше... — Герет поглядел на них с уважением и продолжал с еще большей почтительностью. — Не пришли и те, кого мы звали из Минхириата и Энедвэйта — мелкие людишки, скажу я вам, они все еще верят во всякие эльфийские бредни... А вот кто не подвел, так это принявшие нашу сторону люди Арнора и орки. Да, прошу прощения почтенных гномов, мне известно, что вы их недолюбливаете — но дрались они как безумные и поддались последними. Вождь не делает различий между теми, кто ему служит, отмечая лишь по заслугам или провинностям... но провинностей у нас почти не было, все повинуются Вождю с полуслова, да и как можно не повиноваться ему? Пришли также и те, кто поклоняется Могильникам, что возле Пригорья...

— Кое-что мы о них слышали, — как бы в задумчивости проронил Торин, — интересный народ.

— Да, интересный и люто ненавидящий эльфов, — горячо подхватил Герет. — Бойцы они, по правде говоря, не очень искусные, но смелости им не занимать. Когда-то их предки задали жару этим Рыцарям из Заморья, разнесли Арнор в клочья! Был у них тогда толковый вожак... да сгинул, вот беда. Но нашего Вождя они признали сразу и сказали, что он Вождь истинный. С тех пор идут за ним в огонь и в воду. Мы еще договорились с Морским Народом...

— Знаем, со Скиллудром, — вновь перебил Малыш.

— Верно, — кивнул головой Герет. — Его бойцы должны были напасть на устье Барэндуина и оттянуть на себя часть сил Наместника, в то время как мы шли прямиком на столицу.

Фолко невольно вздрогнул — старый маг был прав, говоря о целях ангмарского удара.

— Мы легко смяли арнорскую пограничную стражу на перевале, — продолжал Герет. — Конница засыпала их стрелами, а орки проползли ночью к самому рву и с рассветом полезли на стены.

Эти раззявы не успели и глазом моргнуть, как орки уже приставили лестницы и овладели целой башней. Дальше было легче. Прорвав пограничные засеки, мы пошли к Форносту — нельзя было оставлять его за спиной, и мы, конечно, здорово рисковали, но все обошлось, у Вождя нашлись верные люди и в самом городе. Кто они — я не знаю, но они сумели перебить стражу у нескольких ворот и захватить участок стены. Дружинников в Форносте мы захватили врасплох... — Герет мечтательно прищурился со столь кровожадным блеском под полуопущенными веками, что хоббит невольно вздрогнул. — Эх, славно погуляли! А потом Вождь собрал всех нас перед воротами, город горит, а он вскочил в седло и сказал: «Первая дверь открыта, вперед, на Аннуминас, покончим с эльфийскими прихвостнями, отомстим за полегших, Запад будет наш, а там и с Гондором управимся!» И мы двинулись к столице. — Герет тяжело вздохнул. — Эх, все же было рассчитано! Все! И все у нас знали, что Наместник бросится со своими тяжеловозами нам навстречу, и даже знали, где он нас будет ждать... Вождь хотел покончить со всеми сразу, и мы так радовались, когда разведка донесла, что враг в одном переходе... Я помню, выезжаем на берег — там речушка была, на том поле, — а впереди конница Наместника маячит, — думал, сердце из груди выскочит. Да и все решили, что это будет последний бой.

— А потом? — едва заметно усмехаясь, спросил Торин.

— А потом и оказалось, что проклятый Наместник куда хитрее, чем думалось! Сообразил, успел вызвать гномов! Не знаю уж, чем он их купил...

— Почему обязательно купил? — негромко сказал Малыш.

— Почему, почему, — зло бросил Герет. — У этих эльфийских подпевал все продается и все покупается. И воины в Арноре служат за деньги, и гномов, значит, они чем-то купили! А ведь с хирдом никто из нас не сталкивался... Впрочем, мы сперва даже не встревожились. Решили: быстро сомнем гномов, тем более что бок свой они оставили открытым, представляете — полезли прямо в лоб?! Да орех-то крепок оказался! Ничем этот хирд было не пронять. Копейщики они непревзойденные, и щиты у них больше, чем на ладонь, не расходились! Пришлось наших пеших спасать, лучших всадников класть... Первую атаку нашу гномы легко отбили, я сам в нее ходил. Скачешь — а перед тобой стена стали да два ряда пик! Что тут с ней поделаешь? Уж мы стрел не жалели, да что толку? Видать, подземную броню ими не пробить. С дружинниками-то мы бы управились, но они, хитрецы, нам гномов подсунули, а сами взялись за орков да за Могильный Народ. Ну и не выстояли те, конечно... А когда хирд до пехоты нашей добрался, — Герет схватился за лицо с неподдельным ужасом, — я такого страха в жизни не видывал! Копьями своими наших мечников насквозь прокалывали. Да и наши копейщики — бьют-бьют, а

что толку? Гномы никого к себе не подпустили, один только раз... один лишь раз дунландцы бросились тоже тесно, щит к щиту, даже копья прошли, так тех сбоку достали! Перебили почти всех... И тогда Вождь скомандовал вторую атаку, решил арканами хирд растащить. Санделло тоже пошел, хотя обычно он от Вождя — ни на шаг... Вырвали в первый момент одного из хирда, Санделло в брешь бросился, говорят, двоих зарубил, но и его вытеснили... Вот тут-то я и понял, что все, не выдюжить. Дружинники тем временем сломили и орков и людей Могильников, нас начинали окружать... А хазгов было слишком мало. Хотя я видел, что под их стрелами заколебался даже хирд!

— Но как же он выдержал? — Мрачная усмешка на лице Торина была уже хорошо заметна.

— Не знаю, — пожал плечами Герет. — Сам удивляюсь... Твои соплеменники оказались весьма шустрыми и не стали ждать под стрелами. Мы надеялись, что хазги сдержат хирд и нам удастся вывести остатки пехоты, но... гномы сами бросились на хазгов, те не ждали этого, смешались... Многих из них покололи копьями. А пока мы возились с хирдом, дружинники подобрались поближе и ударили своим излюбленным клином, копьями накоротке в плотном конном строю. Это они умеют, проклятые! Расстрелять их из арбалетов мы не успели, нас изрядно потрепали, но это уже совсем грустно рассказывать... — Герет опустил голову. — Вождь до последнего не выводил из боя конных, стараясь спасти пеших. Многие погибли... Потом было бегство. Мы легче, подвижнее, нам удалось оторваться немного от конницы Наместника, и мы стали отступать к Ангмару. Все думали, что там нас не станут преследовать, но Наместник, оказалось, уговорил гномов идти с ним до конца! В общем, в Ангмаре убежища тоже не было. Все предлагали дать новый бой где-нибудь в горных теснинах, чтобы хирд не смог развернуться, но Вождь сказал, что нельзя подвергать опасности наших друзей в Ангмаре и нужно отступать на восток. Он прибавил, что теперь знает лучше, как воевать с Западом, и что нам нужно время.

— Погоди, а как вы хотели взять Аннуминас? — перебил Герета Малыш. — Мы бывали там. Стены куда как высоки!

— В любой стене найдутся ворота, — ухмыльнувшись, пояснил Герет. — А любую стражу, что стоит у ворот, можно перебить... если, конечно, для этого есть верные люди по ту сторону стен.

— Понятно, — медленно произнес Малыш и замолчал.

— А взяв Аннуминас, мы становились хозяевами Запада, — со значительным видом сказал Герет, поднимая палец. — И тогда — прямая дорога на Серую Гавань!

— Гм! — промычал Торин, с трудом пряча гневный блеск в глазах.

Они вернулись к разговору о событиях прошлого года. Герет рассказывал о тяготах перехода через снежные пустыни Фородвэйта, как немногочисленные поселяне отказывались добром отдавать зерно и сено, как разбегались по лесам при их появлении — и как они охотились за жителями тех мест, и как заставляли указывать тайники с зерном, как поджигали починки и заимки в отместку за вынесшиеся из темноты меткие охотничьи стрелы, и Фолко вновь уловил с трудом подавляемую гномами ярость.

— Герет, скажи, а Вождь — он был с вами все время? — спросил Фолко.

— Да, — ответил Герет, — шел пешим, щадя коня, наравне со всеми. Другой бы не выдержал: лицо все почернело — я видел его совсем близко. Как-то рубили лес, чтобы согреться, нашли странную черную яму — будто кто-то сумел развести такой костер, что выжег дыру аж в камне.

— Дыру в камне? — недоуменно переспросил Торин, умерив на время свой гнев.

— Да, дыру в камне, — простодушно кивнул Герет, — и вроде на дне там что-то. Я только мельком видел, не до того было. Кто-то из наших болтал, что это, дескать, след Небесного Огня. Вождь, кстати, им интересовался. Делал в яме что-то.

— Ну, это уж не нашего ума забота, — с притворным равнодушием перебил человека Торин, но Фолко заметил, что гном аж задрожал при этом известии.

— А что было потом? — как ни в чем не бывало спросил Малыш.

— Потом... потом была бескормица и падеж коней, лютая стужа и снежные ураганы. И был пограничный пост на краю Серых Гор. А до этого еще были тамошние гномы... как бы сказать, чтобы не обиделись мои почтенные собеседники...

— Говори, ведь я уже сказал, что враги Вождя — наши враги, — произнес Торин. — Не бойся. Я даже думаю, что смогу сказать за тебя. Вы просили пропустить вас в обитаемые земли между Серыми Горами и Лесом или на крайний случай сена для лошадей и пищи для людей. А они отказали?

— Да, ты прав. — При воспоминании об этом Герет скрипнул зубами. — И солоно же нам пришлось после этого, скажу я вам! А гномы эти — им хоть что, никак не возьмешь. Ворота закрыли, и поди ломай скалу! Насилу выжили. Хорошо, что в Дэйле у Вождя много друзей, а то пришли бы оттуда войска, так нас после зимнего перехода можно было голыми руками брать.

— Мы разузнали, что Наместник прислал в Приозерное Королевство эстафету с требованием захватить Вождя, — кивнул Малыш.

— Но им это не удалось, — засмеялся Герет. — Да, хорошо то, что хорошо кончается. Конечно, неудача — всегда неудача, но

ничего, мы еще вернемся, и тогда Арнор уже не спасут никакие гномы.

— Так что же ты, держишь путь в Дэйл, к дому, — положил руку на плечо Герету Торин, — а дальше?

— А дальше Вождь даст знать в нужный момент и скажет, что надо делать. — Тот поднял глаза на гнома. — Я буду ждать. Как и все наши, что остались в Дэйле и прилегающих землях.

— Понятно, — кивнул Торин и поднялся. — Ну что ж, легкой тебе дороги! Нам пора в путь, ведь еще нужно догнать войско.

— Прощайте, до встречи, — заулыбался Герет. — Но вы ничего не взяли от меня. Не возражайте, я хочу подарить вам что-нибудь на память о моем чудесном спасении. Может, вот это?

Он сунул руку за пазуху и вытащил небольшой кожаный мешочек. Развязав тесемки, он высыпал на ладонь несколько золотых перстней с крупными камнями. Не слушая отнекивающихся друзей, он сунул каждому по перстню и вскочил в седло.

— Ну каково? — обвел друзей тяжелым взглядом Торин, когда всадник скрылся за поворотом. — Что будем делать?

— Почему ты не зарубил его?! — Малыш едва не сорвался на крик. — Он же расскажет теперь всем о нас, и мы погибли!

— Не убивать же его, — глухо ответил Торин, опуская голову. — Ты сам знаешь. Это не по слову Дьюрина — убить только что спасенного тобой!

— Знаю! И все же...

— Не все же! Теперь мы раскрыты, и выход только один — опередить известия. Нужно догонять войско!

— А потом? — ехидно поинтересовался Малыш. — Постучаться в дверь к этому Олмеру и попросить разрешения его слегка прирезать?

— Не болтай зря! Доберемся до войска...

— Там же нет Олмера, — вступил в разговор хоббит.

— Тем более! Чего за ним гнаться? — подхватил Малыш. — Ты надеешься дождаться его появления там? Но ведь нас схватят к тому времени и повесят вверх ногами!

— Ты можешь предложить план получше?

— Конечно! Нечего таскаться по этим пустыням, нужно спокойно спуститься по Карнену в город Айбор. Тебе ж сказали, что туда стекаются все вести с окрестных земель. Не может быть, чтобы этот Олмер, затевая что-то серьезное, не появился там! И, по-моему, куда приятнее сидеть, попивая пиво, которого, кстати, мы в противном случае не увидим еще очень-очень долго, чем скакать по лесам! Надо будет лишь смотреть и слушать как следует, и я не верю, чтобы люди Олмера не наткнулись на нас.

— С чего это ты взял? — удивился слегка оторопевший от такого натиска Торин.

— Герет уже признал нас за своих. Кинжал Фолко и твое топорище известны приближенным Вождя. Уразумел? А от них мы уж постараемся что-нибудь разузнать о том, где он может быть! А то, что предлагаешь ты, — это чистой воды самоубийство! Ну вот скажи, допустим, дождался ты его. Что дальше?!

— Что, что! — обозлился Торин. — Там бы и было видно — что. А сейчас зачем зря время тратить?

— Ага! Не знаешь, а нас тащишь! Тогда я тебе скажу. Небось решил молодецки до него дорубиться, а там — геройски сгинуть? Ну так я на это не согласен. Убить этого Олмера — пожалуйста, надо так надо, мы уже не одного убили и, помоги, Дьюрин, не одного убьем, если для дела понадобится. Но сам я погибать при этом не хочу! Слышишь?! Пойдем лучше в Айбор, по тавернам потолкаемся, по торжищу — глядишь, чего-нибудь да узнаем!

— А если не узнаем? Или он сам ни в Айборе, ни в его окрестностях не объявится? Ты же слышал, что этот Герет говорил — они готовят новый поход на Запад. И сидим это мы посиживаем себе в Айборе, попиваем пивко — и узнаем обо всем, лишь когда его новая рать двинется к Туманным Горам!

Малыш упрямо молчал, набычась и уперев руки в боки. Торин устало махнул рукой.

— Знаю, знаю, — медленно проговорил он, остывая и приходя в себя. — Знаю, что шансов у нас почти нет. Идем в неизвестность, припасов в обрез... Но вот что я надумал, друзья: войско мы, конечно, догоним. Неделя, полторы — нагоним. А там, по-моему, от разъездов как раз прятаться не нужно. За олмеровских разведчиков себя выдавать, конечно, не следует — а вот просто вступить в его рать, по-моему, стоит.

У Малыша и у Фолко от удивления раскрылись рты.

— Я так понял, что Олмер берет к себе всех лихих людей, — продолжал Торин. — Выдадим себя за его сторонников из Эребора, изгнанников. Помнишь Изельгрид, знак того рангтора на его подковах? Скажемся такими же. Гномы-то у него вряд ли есть, и это, с одной стороны, нам не на руку — могут что-то и заподозрить. Но с другой — некому будет нас особенно уличать во лжи. Так мы будем и сыты, и не будет нужды никого опасаться. А уж в войске-то мы с Олмером всяко встретимся! Опасно? Слов нет. Может статься, и жизнь положить придется...

— Только не мою! — снова вскипел Малыш.

— Да почему обязательно твою! — отмахнулся Торин. — Вон у хоббита лук, из которого я уже забыл, когда он в последний раз промахивался. Все, что нужно — немного терпения и удачи.

— А потом? — продолжал неистовствовать Малыш. — Потом нас хватают и подвешивают вверх ногами?

— А если мы пойдем в Айбор, чтобы оттуда следить за его передвижениями, что изменится? Ведь нам точно так же придется выжидать и потом так или иначе искать с ним встречи. Мы разошлись в способах сбора вестей о нем и его поиска, но в главном ты ничего нового не предложил, и я не пойму, что ты теперь возмущаешься.

Малыш насупился, но ничего не ответил.

— Может, подкупить кого? — слабо предложил хоббит.

— Боюсь, что никто из его окружения на такое не пойдет, — покачал головой Торин. — Люди служат Олмеру не за страх, а за совесть. Конечно, в войске, быть может, и удастся найти какого-нибудь недовольного, но для этого опять-таки надо к войску присоединиться. Нет, я больше надеюсь на лук нашего Фолко. А там... ночь темна, и дорог во мраке много. Уж ты-то, Малыш, во всяком случае уцелеешь!

— Мы уцелеем все — или никто, — быстро проговорил Маленький Гном.

— Ну что мы опять вертим круг без точила! — вздохнул Торин. — Нужно решать, куда мы направимся. Конечно, в Айбор идти безопаснее, да и какие-то олмеровские лазутчики там наверняка должны шнырять, но мне все же по душе вступить в войско. Опаснее, труднее, но вернее, по-моему.

— Если опаснее и труднее, то уже тем самым не вернее, — буркнул Малыш. — А тебе не кажется, что нам там попросту не поверят и, разоружив, посадят под замок до возвращения Санделло — и Олмера, которые уж постараются вытрясти из нас всю правду?

— А какая правда? — возразил Торин. — Кто из олмеровских подручных знает, что мы сражались на стороне его врагов?

— Имя Торина было названо среди особо отличившихся, — напомнил Фолко. — А, как мы знаем, в Аннуминасе есть «верные люди»...

— А то, что я — Торин, у меня на лбу написано, что ли? — ответил тот.

— Так ведь и Олмер, и Санделло тебя знают в лицо! — заохал Малыш.

— Ну и пусть знают, — упрямо буркнул Торин, — мало ли среди гномов тех, у кого такое же имя! Подумаешь, какой-то Торин отличился! Да, во-первых, откуда они это узнают? Ну, а если узнают, как докажут, что это я?

— И доказывать ничего не станут, — мрачно проворчал Малыш. — Прикончат, и все тут. Говорю я вам — идем в Айбор!

— Нет, я боюсь отпускать от себя его воинство, — так же упрямо ответил Торин. — Опять придется решать хоббиту! Куда двое, туда и третий, так ведь?

— Нужно идти за войском, — выдавил из себя хоббит.

До этого он тщетно прислушивался к своим ощущениям, надеясь, что откуда-нибудь вдруг возникнет какая-нибудь подсказка. Но подсказка не появилась, и тогда он сказал то, что считал, превозмогая страх; хотя в тот момент почти явственно увидел себя покойником.

Малыш только плюнул в сердцах.

Дорога, ведущая в неизвестность, плавно вела их все дальше и дальше на восток, в глубь неизведанных пространств, куда судьба не забрасывала даже героев Красной Книги. По левую руку от них высились Железные Холмы, и, встретив по пути ворота в одно из ответвлений необычайно длинной системы старых пещер, прорытых Народом Дьюрина за долгие века, они запаслись провиантом. Словоохотливые гномы долго расспрашивали их, куда они направляются, но Торин сразу оборвал все вопросы, сказав, что идут с необычайно важным поручением от самого Дори в отдаленные Гелийские Горы. Друзья узнали и последние новости, переданные с Рудным Эхом, — рати Эребора готовы к выступлению, удалось привлечь на свою сторону даже народ из Сверкающих Пещер Агларонда; и, что еще более неожиданно, свою помощь предложили эльфы Трандуила, сказав, что им тоже важно знать, что делается в Черной Бездне, — об этом их просил Кэрдан Корабел, который тоже встревожен морийскими событиями. По слухам, на дороге шалили басканские шайки, но этим друзей уже было не испугать. Торин лишь лихо присвистнул, и они снова пустились в дорогу.

Шли дни; март подходил к концу, и яркое весеннее солнце неуклонно уменьшало белое покрывало снегов. Но в глубоких тенистых ложбинах и оврагах снег и не думал поддаваться; там все еще царила зима. Они миновали несколько сожженных и разграбленных деревень, и хоббит поймал себя на мысли, что это зрелище, когда-то заставлявшее судорожно сжиматься горло, уже не трогает его. Теперь это было лишь неизбежным знаком войны, которая началась в этих краях, — и они шли затем, чтобы она здесь же и закончилась. Холмы постепенно исчезали, все шире и гуще становились расстилающиеся по сторонам рощи и перелески; ни одного живого существа не встречалось им, только несколько мелких пичуг. По-прежнему хорошо был виден на осевшем, но еще достаточно толстом снегу след Олмера, время от времени встречались и места больших привалов его воинства. Друзья не жалели пони и себя, и расстояние постепенно сокращалось.

Второго апреля по календарю хоббита они вступили в предлесные области. Степи уступали место густым дубравам; судя по всему, недалеко было и до границ Торговой Области, если Герет ничего не напутал в рассказах.

Дорога сбегала по длинному пологому спуску в неглубокую широкую впадину, густо заросшую островерхими елями. Торин внезапно натянул поводья — дорогу перегораживало здоровенное поваленное дерево. Шагах в тридцати от преграды друзья спешились.

— Что-то это мне не нравится, — обронил Фолко, вытащив лук.

Его вновь охватило знакомое чувство близкой опасности. Встав спиной к спине и выставив клинки, друзья шаг за шагом стали приближаться к преграде. Ни у кого не возникло и мысли свернуть в сторону — без дороги они пропадут через несколько дней... Нужно было прорываться.

— Там кто-то есть, — шепнул Фолко Торину.

Тот угрюмо кивнул и опустил на лицо забрало глухого шлема. Надвинул на глаза начищенную сталь и хоббит. Прирученные пони смирно трусили вслед за ними.

Тихо-тихо было в ложбине, но чуткое ухо Фолко все же уловило неясный звук, донесшийся из зеленого сумрака под елями, — кто-то неосторожно переступил с ноги на ногу. В тот же миг прозвенела тетива. Стрела вонзилась в ствол, и одновременно Торин воскликнул, потрясая топором:

— Эй, кто тут есть?! Выходи и говори, что нужно!

Ни звука. Лишь чуть вздрогнули лапы у ближайшей ели.

— Теперь бей по-настоящему, Фолко, — одними губами сказал гном.

Малыш поудобнее перехватил меч и, словно ему надоело ждать, решительно зашагал к поваленному дереву. Черная петля аркана взвилась, будто дождавшаяся добычи змея бросилась наконец из своего убежища. Но еще быстрее оказалась стрела Фолко. Чье-то тяжелое тело, ломая сучья, с треском проломило ветви лежащего на дороге дерева и упало в снег. И тотчас раздалось слитное пение доброго десятка тетив, и стрелы невидимых врагов стегнули по шлему и доспеху хоббита. Малыш тем временем быстро разрезал упавшую ему на плечи петлю.

Тишина. В снегу вокруг друзей валялись стрелы, бессильно отскочившие от мифрильных бахтерцов. Они стояли спина к спине, закрывая собой своих пони, испуганно пятящихся к подъему из ложбины.

— Нужно прорубиться через эту елку, — нагнувшись, шепнул хоббиту Торин. — Иначе они нам всех пони перестреляют...

Но враги ничем не обнаруживали себя, и друзья — лук и топор наготове — шаг за шагом двинулись вперед, туда, где стоял, выставив перед собой клинки и хищно озираясь, Маленький Гном. Зеленые разлапистые ветви загородившей им путь ели медленно приближались. Там, за укрытием, был враг, и он тоже затаился, считая и соизмеряя шаги подходящих. Злая воля, противостоящая им, напряглась, воздух, казалось, застыл, и жуткая тишина окружила их.

Арканы вновь взвились, бесшумно и одновременно, хотя никто из друзей не услышал ни команды, ни иного сигнала; две веревочные петли захлестнули плечи Торина; одна упала на Фолко и одна — вновь на Малыша.

— Режь! — отчаянно выкрикнул Торин.

В тот же миг рухнули плетенные из ветвей маскировочные щиты по обеим сторонам дороги; десятка два странно одетых вооруженных людей выскочило на дорогу; сильный рывок почти свалил Фолко с ног, чтобы разрезать потащившую его веревку, пришлось на миг выпустить из руки лук, и тут же на него прыгнули сверху, стараясь спутать ему руки той же веревкой. Хоббит успел выдернуть из ножен свой короткий меч, его правую руку скрыли снег и еловые лапы поваленного дерева, и враг увидел опасность слишком поздно. Короткий взблеск стали, хруст входящего в плоть клинка, стон — и Фолко ужом вывернулся из-под сразу обмякшего тела, срывая с себя последние остатки аркана.

Он успел подхватить лук за миг до того, как на него вновь набросили петлю. Веревка натянулась, среди ветвей поднялся здоровенный мужик, потянувший хоббита к себе. Лишь краткое мгновение хоббит видел его круглое красное лицо под низкими кожаными складками странного подобия боевого подшлемника; искривленный в беззвучном крике рот, выкаченные глаза... Стрела, выпущенная в упор, пронзила незащищенное горло врага, и Фолко вновь избежал гибельного аркана. Поспешно отскочив в сторону и торопливо накладывая новую стрелу, он попытался осмотреться.

Гномы уже вовсю рубились, стоя спина к спине, и один из нападавших уже валялся на покрасневшем снегу. А еще трое волочили к лесу их пони со всей поклажей. Туда-то, не обращая внимания на устремившихся к нему врагов, и рванулся Фолко.

С пробитой головой рухнул один из противников, двое других бросили добычу и повернулись к хоббиту; один выхватил короткий меч, другой поспешно сорвал с пояса аркан. Сзади тоже набегали враги, и хоббит взялся за меч.

Против него оказалось сразу двое — второй подоспел сзади — и, если бы не уроки Малыша, ему пришлось бы плохо. Но нападавшие, как ни странно, оказались не слишком умелыми мечниками; их удары были сильны, но не быстры и очевидны — хоббит легко угадывал их направление. Раз, другой, третий — его клинок отбивал обрушивающиеся с двух сторон удары; в первый миг он

краем сознания удивился, почему ему никто не угрожает со спины, а потом, улучив момент, понял, что его сумели прикрыть гномы, и теперь они стояли вместе в большом кругу, в самой середине которого оказались выскользнувшие на время из внимания хоббита их лошадки.

О шлем хоббита вновь сломалась стрела, и звон в ушах неожиданно прояснил его мысли. Он вдруг прыгнул прямо на цепь двигающихся врагов и громко заверещал, высоко поднимая руку в латной рукавице с окровавленным (он успел зацепить одного из нападавших, рассек ему предплечье) мечом:

— Остановитесь, безумные! Именем Вождя приказываю! Санделло вам еще пропишет...

Словно по волшебству, нападавшие остановились. Страшная тишь повисла над местом схватки, и хоббит с трепетом ждал, почти перестав дышать, — подействует или нет?!

— Так они ж наши! — изумленно прогудел в тишине чей-то гулкий бас. — Что ж вы сразу не сказались? Разрази вас гром, бездельники! — Один из противостоявших им, могучий воин в медвежьей шкуре с толстым мечом в руках повернулся к своим. — Почему сразу не спросили? А вы — почему сразу не сказали?

— Слугам Вождя Эарнила, спешащим со срочным заданием, нет времени объясняться с каждым, кто решит проверить крепость их мечей! — заносчиво крикнул Торин. — Разиня, сейчас порубили бы вас! Нет, Санделло мы непременно все расскажем!..

При этих словах все без исключения нападавшие, как по команде, повалились на колени, раздался многоголосый гомон, в котором сперва было трудно что-то понять, но потом Фолко уразумел — нападавшие просили прощения; затем их вожак, поднявшись, просил путников не побрезговать их басканской трапезой в знак того, что они не держат обиды на слуг великого Вождя.

— Как бы не было новой ловушки, — пробормотал Малыш.

Однако во временном лагере их опасения рассеялись. Басканы так стремились угодить новоприбывшим, что вожак даже не обиделся на просьбу Торина, чтобы тот отпил первым из поднесенного им большого кубка. В дальнейшем они черпали горячее дурманящее питье из общего котла, откуда брали и все остальные; да и в здоровенного кабана — одного на всех — тоже трудно было напихать отравы именно для трех путников.

Фолко, верный своему обычаю побольше узнавать о новых землях и народах, подробно расспрашивал оказавшихся за одним костром с ним недавних врагов.

Участь этого народа оказалась и впрямь жалкой. Всеми забытые, вытесненные в неплодородные лесные земли, басканы только и могли, что вымещать злость на беззащитных и невинных путниках с большой дороги, которая, однако, запустела после набега

хазгов год назад. Хоббита поразило, как его собеседники говорили о Вожде:

— Он солнцеликий, при нем я чувствую, что мы еще поднимемся и отомстим всем этим эльфийским подручным (Фолко вспомнил, что именно так говорил и Герет), мы вышибем их из их домов и сами пойдем на новые западные земли, где хватит места всем, кто будет преданно служить Вождю, да продлятся его дни вечно! Он первым пришел к нам после стольких лет забвения... Он пришел и уважительно говорил с нами, и показал нам свою силу, поражая всех страхом, идущим из глубин его существа. Он приходит, и словно могучая сила подхватывает тебя, и ты чувствуешь, что в тебе хватит силы и злости перегрызть горло десятку врагов, прежде чем погибнешь сам... И ты знаешь, что он наступит, тот великий день, когда мы отвоюем себе новые земли — и те, которые укажет Вождь. Ему ведомы пути и способы!

Ночью друзья спали плохо. Они не сняли доспехов, опасаясь внезапного нападения. Ведь если имя Санделло наводит на них такой ужас, вдруг хозяева сочтут, что надежнее прикончить опасных бродяг, чем допускать их пред очи горбуна? Однако страхи не оправдались, ночь прошла спокойно.

Наутро они невольно стали свидетелями странного обряда басканов — повернувшись к югу, они некоторое время молча стояли, закрыв лица руками, а потом вожак вдруг заговорил на странном диковинным образом исковерканном Всеобщем Языке:

— О, пославший огненные стрелы... дай нам силы... пусть те, кто познал силу Черной Ямы и Черного Замка... — Дальше шло уже нечто совсем неразборчивое.

Провожаемые преувеличенно добрыми напутствиями, друзья покидали басканский лагерь, и хоббит не переставал ломать себе голову над тем, что значит — сила Черной Ямы и Черного Замка? Ну, Черным Замком может, конечно, быть Барад-Дур... а может, и Дол-Гулдур... а что за Черная Яма? Может, имеет какое-то касательство к Небесному Огню? Хоббит попытался расспросить об этом провожавших, но все, едва он задавал вопрос, испуганно зажимали себе рты, а вожак, побледнев то ли от страха, то ли от злости, вполголоса сказал, что об этом вслух говорить нельзя.

— У Черной Ямы мы брали ненависть... — шепотом прибавил он и тотчас, будто испугавшись собственной смелости, скрылся за спинами других воинов.

Такими и запомнил Фолко басканов — высыпавшие на дорогу из леса плохо вооруженные, бедно одетые в полувыделанные звериные шкуры люди, потерявшие все и воспринявшие непонятную черную веру, от которой ему становилось не по себе. Но в то же время он понимал, что это весьма важно, — ведь баскан сказал, что Вождь тоже познал силу Черной Ямы и Черного Замка... Что

ж, если Черная Яма — это след Небесного Огня, то все вполне понятно.

Дорогу вновь со всех сторон обступили дремучие леса. С каждым днем они делались все гуще и гуще, все больше напоминая хоббиту о Старом Лесе. Ельники да сосновые боры, чистые лесные речки с переброшенными через них мостами из толстенных неошкуренных бревен... И повсюду — следы, следы, следы. Воинство Олмера никуда не сворачивало, да и не могло уже свернуть.

Шла вторая половина апреля; немеренные лиги пути по лесной глухомани оставались у них за спиной. Начинали показывать дно мешки с провиантом, и Торин, хмурясь, вновь принялся урезать порции. Где же обещанная граница Торговой Области? Сколько еще продлится эта дорога в никуда, в безвестность, через незнаемые, неведомые земли? Сколько еще дней пути до Гелийских Гор, где гномы рассчитывали на помощь своих соплеменников? Заветный клинок, который хоббит частенько брал в руки, лежал в ладони холодным и мертвым; сны были смутные, и Фолко не мог ничего запомнить из них. Несколько раз он взывал мысленно к Гэндальфу, надеясь еще раз встретить великого мага, но все было тщетно. Малыш прикончил последний жбан с пивом и зашвырнул его далеко-далеко в елки, бурча, что если бы они послушались его, Строри, то давно бы уже сидели где-нибудь в тепле у камина, потягивали бы себе эль... И только бурно наступающая весна радовала любившего солнце и тепло хоббита. В лесу еще было полно снега, но деревья уже ожили после зимнего оцепенения. Вода пропитывала сугробы, и они постепенно оседали, становилось труднее идти и отыскивать сухие места для ночлега... И тут вдруг подал о себе весть Радагаст.

В один из вечеров, когда друзья, уныло прикончив скудную трапезу, грелись и сушились у огня, над костром внезапно мелькнула чья-то стремительная бесшумная тень, и прежде чем Фолко понял, что это такое, из мрака ему на плечо опустился огромный старый филин.

— Это ты? — подскочил от неожиданности хоббит. — С чем пожаловал?

Птица прикрыла круглые желтые глаза и повернула ушастую голову.

Кожаная ладанка... печать красного сургуча... тесьма... письмо!

Письмо и еще какая-то остро пахнущая травка...

— Читай! Читай же! — насели на хоббита с двух сторон гномы.

«Друзья мои! — Маг писал по-эльфийски, и прочесть непонятные, тонкие, точно воздушные, письмена мог один хоббит. — Не думайте, что я забыл о вас. Птицы постоянно сообщали мне о ваших передвижениях. Они напали и на след Олмера. Он обогнал войско и, минуя город Невбор, скачет на восток. — Ниже была тонко нарисованная на прозрачной шелковистой ткани карта

Прирунья. — Сколько он пробудет там, не знает никто. Постарайтесь держаться ближе к его главному убежищу между Опустелой Грядой и Лесами Ча. Рано или поздно он там появится. И еще звери доставили мне сведения о всех местах, куда мог упасть Небесный Огонь и где Олмер также может объявиться (помечено красными точками)».

Фолко поднял глаза — карта была густо испещрена алыми крапинками. Их было не меньше четырех десятков.

«Кое-что удалось узнать о Доме Высокого. Это жилище одного из тех, кто мощью своей помогал Творцам завершать дело построения Средиземья. Время в окрестностях Дома остановлено, где-то поблизости живут таинственные Восточные Эльфы, не признающие власти Светлой Королевы и идущие каким-то своим путем. Я узнал, что этим интересовался и Олмер. Быть может, удастся застигнуть его там? Посылаю вам и разрыв-траву, она развязывает язык, если выпить ее отвар. Берегите и не тратьте по пустякам. Напишите, что вы узнали сами. Ответ отошлите с филином. Радагаст, когда-то Карий».

— Здорово! — восхитился Малыш; при всей своей осторожности и любви к пиву он порой, как ребенок, радовался таинственным известиям о чудесах из Предначальных Дней. — Помните Тропу Соцветий, что Башня толковала?

— Погоди, — остановил его Торин, внимательно вглядывавшийся в карту. — Пусть Фолко пока ответ напишет, а ты гляди-ка сюда — куда ударяет этот Небесный Огонь?

— Куда, куда... — несколько растерянно пробормотал Малыш. — Куда захочет, видимо!

— Да, куда захочет... — задумчиво произнес Торин. — И, видимо, золото здесь ни при чем. Я давно над этим думаю. Ведь если та Черная Яма, что мы нашли по пути в Аннуминас (тебя тогда не было, Малыш, я тебе рассказывал), если та Черная Яма — это след Небесного Огня, то уже странно — значит, врут, что золото подземное его к себе притягивает. В тех холмах золотом и не пахло! И карта эта... Теперь я уверен. Нет, ничего его не притягивает. Это что-то иное... К тому же — смотри, Фолко! — видишь — четыре точки еще обведены?! Так... Читай примечание!

«Обведены, — стал читать хоббит на обороте, — места, куда тоже, по слухам, ударил Небесный Огонь, но только там он оставил такой след — выжженная незарастающая яма в земле, пробитой до скального камня».

Они молча пожирали глазами карту. Да, так и есть — один обведенный кружок стоял между Пригорьем и Аннуминасом, на самом западном краю карты, еще один — на северном склоне Серых Гор, ближе к Карн Думу, третий устроился ни много ни мало, как возле Дол-Гулдура, четвертый был на северной оконечности Опустелой Гряды.

— А-а, шут разберет этих волшебников! — с отчаянием махнул рукой Торин. — Ну и что ж нам с того?! Мало ли какой Небесный Огонь бывает... К тому же, кто знает, почему в этих местах получились такие ямы?!

— Интересно, бывал ли Олмер в остальных трех, — пробормотал Фолко, задумчиво разглядывая карту. — Ты помнишь, Торин, кто-то ведь был у той ямы, что мы нашли в прошлом году... Уж не Олмер ли?

— Может, он, а может, и кто другой... — проворчал Торин.

Они спорили еще долго, но так ничего и не смогли объяснить сами себе. Фолко порылся в мешке, достал давным-давно не пускавшийся им в дело письменный прибор и принялся за ответ Радагасту. Торин подбрасывал дрова в костер, Малыш что-то тихо говорил филину.

Хоббит старательно описал все происшедшее с ними, потратив на это весь вечер и добрую часть ночи. Когда все было готово, они тщательно запечатали письмо в ладанку, привязали на прежнее место, и спустя мгновение филин Радагаста бесшумно растворился в ночи.

Наутро они вновь были в седлах. Карта давала надежду, что теперь они не будут блуждать вслепую, хотя Дома Высокого не было и на ней. Малыш так загорелся, что уже забыл о своих недавних предложениях идти в Айбор, попивать тамошнее бархатное пиво. Судя по карте, до границы лесных племен, держащих руку Торговой Области, оставалось лишь несколько дней пути.

Глава 4

СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ

Первая в 1723 году гроза вовсю громыхала и сверкала молниями над весенним лесом. Потоки воды, обрушиваясь с затканного косматыми серо-черными тучами небосклона, немилосердно заливали слабый, едва-едва шипящий костерок, который друзья тщетно пытались укрыть растянутыми плащами. Было второе мая, и они сделали привал у ворот, сколоченных из цельных могучих — в два обхвата — бревен. Ворота возвышались прямо посреди лесной чащи ни к селу ни к городу. Никакого забора по обе их стороны не было, створки были распахнуты настежь; похоже было, что распахнуты они уже давненько — успели кое-где врасти в землю. По верху ворот шла искусно вырезанная на стволе надпись — на Всеобщем Языке, привычными Даеронскими ру-

нами, и вторая — на языке непонятном и странными знаками. Надпись на Всеобщем гласила:

«Путник! Ты вступаешь в землю свободных. Иди с открытой рукой, и Сила Лесов да будет благосклонна к тебе!»

— Интересно, — повернулся к Малышу Фолко. — Силой Лесов, если помните, в Рохане именовали энтов...

Снег уже почти исчез с дороги, след Олмера угадывался лишь по редким стоянкам его воинства. Все время друзьям попадались уже довольно старые следы привалов, а сегодня утром они вдруг наткнулись на совсем свежие кострища. Это был, судя по их числу, какой-то отряд, отделившийся от главных сил и непонятно зачем застрявший в этих местах. Разразившийся дождь с грозой нимало не охладил горячий спор о том, зачем это сделано и что, собственно, следует теперь предпринять.

Пока спорили, гроза кончилась. С отвращением натянув мокрые плащи и хлюпая носами, друзья взгромоздились в седла и тронулись. Позади осталась одна лига, другая... На третьей лесные заросли вдруг раздвинулись, дорога выбежала в широкий круг пестрых полей; на холме в центре они увидели бревенчатые стены и над невысоким частоколом — серые крыши домов. И одновременно они услышали — лязг мечей, вой, крики, увидели какое-то мельтешение людей под стенами. Ударив пятками в бока своих пони, они выехали на поросший кустарником бугорок, откуда смогли рассмотреть происходящее.

Большой отряд пеших воинов, ощетинившийся копьями, теснил и теснил к лесу небольшую конную рать. В том, кто и откуда эти конные, сомнений не возникло ни на миг: черноплащное ангмарское воинство. Похоже было, что арбалетчики невесть уж зачем сунулись было на селянский частокол, показавшийся им, очевидно, таким невысоким. Что произошло после, понять было трудно, но обитатели этого селения ухитрились загнать врагов в узкий коридор, постепенно сужающийся меж двух стен глухого леса, и теперь довершали дело.

— Как идут! — восхищенно проговорил Торин, глядя на плотный строй лесных жителей.

Лишь первые ряды были как следует вооружены, едва ли не половина воинов не имела ничего, кроме щитов. С обеих сторон густо летели стрелы, но на каждую короткую арбалетную приходилось пять длинных лучных, причем невидимые стрелки били и из-под лесного полога, со всех сторон, и помочь арбалетчикам теперь уже ничто не могло. Теряя людей и коней, напрасно пытаясь спешиться и мечами остановить волну лесных латников или выбить засыпавших их стрелами из леса, они гибли быстро, и их упорство еще более ускоряло их гибель. Их короткие толстые стрелы вырывали бойцов из навалившейся на них толпы; спешившиеся и взявшиеся за мечи бойцы рубили отчаянно, но здра-

вый смысл подсказывал, что нужно немедля повернуть всем и рассыпаться по лесу, понадеявшись на коня да на черную свою удачу.

И ангмарцы словно бы подслушали. Как-то сразу сломалась тонкая преграда спешившихся мечников — они просто погибли все до единого — и те, кто еще оставался в седле, с гортанными возгласами прянули, очертя голову, в густой зеленый сумрак навстречу гибельным стрелам лучников. Поле перед строем пеших воинов опустело, но они, не растерявшись и наставив копья, десятками тесных групп по семь-восемь человек устремились в погоню. На месте недавнего боя осталось тридцать или сорок воинов. Из-за частокола уже бежали женщины подбирать раненых.

— Поехали на открытое место, — толкнул Фолко в бок гномов. — Иначе на нас наткнутся и снова драка выйдет. Тут уже, похоже, именем Вождя не отговоришься!

Они сняли шлемы и латные рукавицы и, не таясь, поехали по полю прямо к кучке лесных воинов. Их заметили почти сразу — кто-то предупреждающе крикнул, добрый десяток луков с наложенными стрелами и натянутыми тетивами сразу повернулся в их сторону; но они ехали шагом, спокойно, и Торин вдобавок высоко поднял над непокрытой головой безоружные руки.

Их встретил вышедший навстречу могучего сложения воин в простой кольчуге, только что снявший высокий островерхий шлем. К мокрому лбу липли потные светлые волосы, на кожаной петле, охватывавшей правое запястье, висела тяжелая палица. Светлые глаза смотрели пронзительно и остро, в них еще не улеглось боевое бешенство, однако он учтиво поклонился приезжим и на Всеобщем Языке осведомился, кто они, как их зовут и куда они держат путь.

Торин вздохнул, оглядел настороженно, но без страха или неприязни смотрящих на них людей и обратился к говорившему с ответным приветствием; все трое друзей низко поклонились. Представившись, Торин сказал:

— Почтенный, не знаю твоего имени, мы охотно ответим тебе на последнюю часть твоего вопроса, но не сейчас, чуть позже. И расскажем нечто, небезынтересное для вас.

— Что ж, — помедлив мгновение, ответил воин. — Гей, ребята! Проводите гостей проезжих к старшине. — Он оглядел друзей и вдруг улыбнулся. — А меня зовут Ратбор, я воевода нашего рода.

Несколько подростков, страшно гордых своим заданием и новыми боевыми луками, проводили друзей через все поселение, оказавшееся довольно крупным, немногим меньше Пригорья. Их провели к большому бревенчатому дому с крытой серым тесом крышей. Низкий и длинный, он двумя крыльями охватывал небольшую площадь в самой середине поселка. Возле украшенного затейливой резьбой крыльца маялся страж-парнишка с луком

и длинным, не по росту, мечом. Ратбор остановился и что-то негромко сказал ему на своем языке. Бросив любопытный взгляд на новоприбывших, юноша скрылся за дверьми и спустя минуту вынырнул снова, с поклоном говоря что-то Ратбору. Они вошли внутрь.

Миновали то, что Фолко назвал бы «прихожей», где было темно и прохладно; по стенам висела какая-то утварь, мимо друзей неспешно прошествовала пушистая трехцветная кошка. Большая комната с огромной белой печью в углу, высокое резное кресло, и в кресле — высокий, сухой, седой, как зима, старик с колючим взглядом глубоко посаженных темных глаз. В руке он держал длинный белый посох с раздвоенным навершием. Друзья низко поклонились. Ратбор сел на лавку по правую руку старика; некоторое время все молчали, наконец старик, пристально вглядывавшийся в лица друзей, шевельнулся и знаком пригласил их сесть. Неслышно приоткрылась дверь, юноша-страж внес кувшин и ловко расставил затейливо вылепленные глиняные кружки. Старик заговорил на Всеобщем Языке:

— Я Шаннор, старейшина рода из колена Этара, людей дорвагского языка, — медленно заговорил он. — Говорите, чужеземцы! В нынешние опасные времена нам поневоле приходится быть осторожными, а по оживленному когда-то тракту ныне никто, кроме ночных воров, не ездит.

Фолко глядел в пронзительные по-молодому глаза старейшины и понимал, что наступил тот редкий случай в их странствиях, когда нет нужды врать и выдавать себя незнамо за кого. Похоже, нечто подобное чувствовал и Торин. Он откашлялся и степенно, как и положено уважающему себя гному, заговорил:

— Почтенный Шаннор, старейшина рода из колена Этара, и ты, почтенный Ратбор, воевода рода, мы назвали при всех ненастоящие наши имена. Позвольте же нам сохранить их в тайне, ибо мы идем по следу нашего общего, как я понял, врага.

Старейшина и воевода даже привстали, впившись взглядами в их лица.

— Мы видели последние минуты вашего боя с черными арбалетчиками Ангмара, — говорил Торин, — мы идем по их следу и следу их предводителя уже год. Мы сражались в великой битве далеко на Западе, в Арноре, где дружины людей Запада вкупе с ополчениями верных слову гномов разгромили этого самозваного короля, именуемого то Вождем, то Эарнилом, то Хозяином, а то еще — Олмером. Мы узнали, что он собирает остатки всех, кто служил Тьме, что он хочет расправиться с эльфами и покончить с наследием Великого Короля, вновь ввергнуть Средиземье в пучину кровавых войн. Нам удалось настигнуть остатки воинства этого Олмера, мы преследуем их, чтобы улучить момент и... покончить с этой угрозой, уничтожив саму ее причину. Мы видим,

что вы также вступили в бой с ними. Так помогите же нам или, по крайней мере, не препятствуйте.

— Я верю вам, — медленно произнес Шаннор, — ваши глаза не трепещут. Я скажу вам, что произошло у нас. Мы издревле живем вблизи большой дороги, далеко ходим, многое слышим и со многими говорим. Вы, наверное, не знаете, что к северу от лесов обитают злобные басканы...

— Прошу прощения, — довольно вежливо перебил старейшину Малыш, — знаем, и даже лучше, чем хотелось бы. Мы насилу отбились от их засады! Пришлось кое-кого из них мечом да стрелой успокоить!

— Вот как? — поднял брови Шаннор, а Ратбор даже подался вперед, и кулаки его могучих рук сжались.

— Опять они за старое, — сдвинув брови, произнес воевода, а затем что-то быстро и горячо заговорил, обращаясь к старейшине, на своем языке, но старик остановил его.

— Обсудим это после, — намеренно сказал он на Всеобщем Языке. — Я не думаю, что наших гостей волнуют наши счеты с басканами. Дело в том, что, сталкиваясь с ними, мы узнали, что они снова подчинились кому-то, кто дал им надежду, пообещав плодородные и свободные земли в награду за верную службу. А потом по лесам и рекам, от Моря до Гряды прокатилась весть, что сбивается ватага поискать добычи на закате, и кое-кто из басканов пошел. Не миновали эти посулы и нас. Несколько наших молодцов, прельстившись, стыдно сказать, награбленным, отправились вслед за этим Вождем, и тогда же мы услышали еще одно его имя: Трегг. Я видел его — три или четыре года назад, когда он только сколачивал свое воинство. А потом мы узнали, что он хитростью и коварством захватил области, что за Грядой, и готовит поход на Запад. Он засылал к племенам дорвагского языка послов, одного я видел — горбатый, страшно сильный! Они звали всех с собой. Но мы — люди вольные, нам чужого не нужно. А те парни, что соблазнились и дом бросили, проступок свой кровью смыли — ни один не вернулся... Воинство Трегга — или Олмера — прошло здесь четыре дня назад. Их было много, и с ними шли такие, каких мы отродясь не видывали. Люди — и нелюди, аж страх берет. Они потребовали пропуска и кормов и все время звали с собой, толковали что-то об эльфах, о том, что с ними нужно покончить... Сила Вождя возросла, да как-то не полюдски тоже. Всем вроде хорош — высок, строен, вид величественный, а у нас народ при виде его стал холодным потом обливаться да потихоньку-полегоньку — по кустам да по погребам расползся. Звал он, звал, да только мы теперь ученые... Тогда-то он и распорядился оставить здесь отряд своих арбалетчиков. И тогда мы решили — хватит. Хочешь воевать — воюй, но сторожей на нашей земле мы ставить никому не позволим! Учинить ссору

с его отрядом было делом нетрудным. Сперва они загнали нас за частокол, попытались штурмовать, но тут-то Ратбор и вывел всех наших. Остальное вы видели.

— Вы хотите в одиночку справиться с Олмером? — спросил Торин, с восхищением глядя на старейшину, мужества и отваги которого не подточили годы. — Он силен, куда сильнее, чем вы можете думать, глядя на те немногочисленные отряды, что он сумел вывести после разгрома. Он прельстил даже хазгов — слышали про таких? — и вновь хочет собрать под своей рукой сильную рать.

— В одиночку с Олмером не справиться, — спокойно подтвердил Шаннор. — Не так-то просто собрать все дружины дорвагского языка — для этого нужно крепко обидеть нас всех. Никто и никогда не пытался ставить у нас свои отряды, даже Айбор. Лишь когда наши стычки с басканами начинали грозить большой войной, сюда высылали пограничную стражу из других мест... Конечно, если Трегг вздумает мстить нам, ему это станет очень дорого; но если он сделает вид, что ничего не случилось, то наши копья останутся висеть на стенах. В поход на него мы не пойдем, своих забот хватает.

— Но ведь он может начать ужасную войну?! — воскликнул Торин.

— Пусть воюет, — холодно обронил Шаннор. — Нам вмешиваться в это не пристало. Конечно, если он нападет на Айбор, тогда другое дело. Но он никогда этого не сделает!

— Почему же? — жадно спросил Фолко.

— Потому что в Айборе его скорее всего поддержат, — грустно покачал головой старейшина. — Там любят смелых и сильных, которые умеют указать путь дружинам, водить и расставлять полки. Купеческий город всегда нуждается в воинах, даже если у них нечиста совесть. Это мы, дорваги, сидим на своей отчине и дедине, это нам хватает пустых земель к северу и востоку, это мы порой встречаемся — втайне, конечно, с эльфами... Мы не стремимся властвовать над другими, мы хотим удержать свое, а если и расширить его, то отвоевывая у пустынь, а не у своих соседей. Таких мало в Айборе. Истерлинги-пахари, что живут по Карнену и по берегам Моря, точат зубы на черные земли степей, их братья-кочевники... тем просто абы пограбить кого не своего да нахватать пленников, чтобы работали. Уж не говорю про басканов!

— Вы первые на нашем долгом пути, кто не поддался на Олмерову ложь, — с отчаянием стиснул руки Торин. — Многих, многих он улестил, многие поддались ему и слепо пошли за ним. Он покорил не только хазгов и басканов, известных вам, он сбил с пути еще немало западных племен, увлекая их давними обидами на Арнор или эльфов, теперь уже не разобраться, действительными или выдуманными.

— Дорваги уже трижды заслоняли собой Айбор, когда все другие падали ниц перед степными пришельцами и молили о пощаде, — холодно вымолвил Шаннор. — И каждый раз наши лучшие воины оставались там, на юге. Ты предлагаешь нам вновь взять на себя роль спасителей? Только теперь уже не только своей отчины, но и всего Средиземья? Но, почтенный гном, что нам за нужда охранять Запад? Мы не знаемся с Арнором — он слишком далек от нас. Король же Гондора как-то сам ходил на нас походом, желая подчинить богатую Торговую Область. К тому же никто пока не доказал народу дорвагов, что эта война, которую, быть может, и замышляет Олмер, все-таки разразится.

— Неужто вы беретесь за оружие, лишь когда враг стоит у вашего порога! — в сердцах бросил Торин. — Сейчас, чтобы погасить пламя новой войны, достаточно будет ведра воды, потом же не хватит и Великого Моря.

Старейшина и воевода переглянулись, видно было, что слова гнома им не очень-то понравились, и Фолко поспешил перевести разговор в иное русло.

— Почтенный Шаннор, ты сказал, что вы иногда встречаетесь с эльфами. Неужели они еще остались в нашем мире?

— Конечно, — пожал плечами старик. — Но их мало, очень мало. Я встречался и с теми, кто еще живет под рукой короля Трандуила в северной части Черного Леса, что между Эребором и Андуином, и с теми, кто забредал в наши края с Востока. — Морщины на лбу старейшины разгладились, губы улыбались, в глазах появился теплый отсвет. — Они воистину Дивный Народ, хранители древнего Знания. И они учили нас, ведя из тьмы к свету, учили видеть красоту в обыденном. И они говорили о том, что не надо бояться смерти, Проклятия Людей, ибо она — свидетельство какой-то иной участи, уготованной нам Устроившим сей мир. И много другого говорили они, повествуя о давно минувших днях и давно отгремевших войнах, о светлом, но застывшем Заморье, и о могучей, но холодной Королеве... Эльфы появлялись как легкие серебристые призраки и снова растворялись в лесных глубинах, и тогда сердца людей наших родов светлели, нам становилось легче, и появлялись новые силы. От эльфов мы узнали и историю Войны за Кольцо. Они много говорили о прошлом и никогда — о будущем, всегда напоминая, что предсказания — плохие помощники и в минуту нужды, если будет совсем туго, они, эльфы, поспешат на помощь... Иногда мы просили показать нам их дом, но они лишь улыбались и качали головами, говоря, что всему свое время.

— А говорили ли они что-нибудь о магах? — спросил оторопевший от этого рассказа хоббит.

— О магах? — поднял брови старый вождь. — Говорили, но вскользь. Маги — слуги Великой Королевы, посланные противостоять первородной Тьме, принявшей в те дни свое очередное обличье, которое должно было быть разрушено. Но маги, сосредоточив в себе немалые и непонятные Смертному силы и знания, распорядились ими по-своему. Один, я знаю, вообще предался злу, другой стал повелителем зверей, птиц и растений, третий же две тысячи лет потратил на открытый поединок с Черным Замком, в конце концов переложив главную тяжесть на плечи маленького существа из невообразимо далекой отсюда западной страны, а потом ушел за Море. Погоди, не спрашивай с меня слишком строго! — в шутливом страхе прервал себя Шаннор, видя, как хоббит подпрыгивает на месте от нетерпения, желая возразить ему. — Я лишь вспоминал услышанное за многие годы от Восточных Эльфов. Посланцы Трандуила говорили иное.

— Но, быть может, они упоминали Черных Гномов, Тропу Соцветий, Дом Высокого или Первых Слуг Стихий? — с мольбой вопросил хоббит.

— Никто не в силах удержаться от разысканий, лишь краем уха услыхав об этих чудесах, — ответил старик. — Кое-что они упоминали, но лишь вскользь, и обо всем, перечисленном тобой, говорили, как о вещах, от которых Смертным надо держаться подальше. А говорят ли тебе что-нибудь такие слова, как Ночная Хозяйка, Ущелье Прыгающих Камней, Клад Ореме?

— Только об Ореме я кое-что слышал, — признался хоббит.

— А знаешь ли ты, что еще дальше на восток есть удивительные земли, где и слыхом не слыхивали ни о каких Кольцах? Что есть где-то страна Великого Орлангура? Знаешь ли ты о Пожирателях Скал? О Черной Бездне, нет, не поселении гномов на Западе, а о настоящей Черной Бездне, где обитают удивительные, невиданные живые твари, неподвластные ни свету, ни тьме? Знаешь ли ты, что там, по Восходным Странам, по-прежнему странствуют искатели Клада Ореме, о котором опять же никто не знает, где это и что в нем, известно лишь, что он есть? Что есть области, где властвует Ночная Хозяйка и Смертные живут в вечном ужасе перед незримой, неотвратимой Смертью, что приходит ночами в образе ужаснейшего существа, против которого никто не устоял? Что в мире множество сил, и белых, и серых, и черных, среди которых эльфы Запада, постоянно глядящие в морские дали, — лишь малый отряд? Так-то, мой мальчик, прости за эти слова — ты еще так юн! Все это мы узнали от Восточных Эльфов... Но мы не стали глубоко вникать в это. Человек должен пахать, сеять и убирать хлеб — и не лезть без нужды туда, где его раздавят как муху. Ты хочешь узнать об этом больше? Тогда ищи, жди, и, быть может, пространствовав год-другой по нашим лесам, ты и встретишь эльфов...

— Но как же Олмер? Вы же можете его остановить, ведь он

враг вам и враг эльфам, от которых вам было столько добра! Почему вы не хотите выступить против него?

— Потому что мы не любим войны, — ответил за Шаннора Ратбор. — Мы воюем по необходимости, а не по желанию, как, скажем, истерлинги.

— Но тогда война сама придет к вам! — воскликнул Торин.

— Тогда мы и дадим ей отпор, — невозмутимо ответил воевода.

— А если будет поздно?

— Ты хочешь сказать — против нас окажется слишком большая сила? Но откуда ей взяться? Степной коннице дороги в глубь наших лесов и болот нет, а с пехотой мы как-нибудь справимся, уж ты мне поверь, нам приходилось постоять за себя.

Воспользовавшись перерывом в беседе, гостеприимные хозяева пригласили друзей за богато накрытый стол. Малыш приободрился, увидев пенящиеся кружки с темным пивом, Торин же равнодушно вглядывался куда-то глубоко-глубоко в глубь себя, что-то напряженно обдумывая...

Словно растратив запал, друзья весь обед говорили с дорвагами об иных вещах. Рассказывали о пережитом, об Арноре, о гномьих поселениях на Западе, но еще больше расспрашивали сами, и хозяева охотно отвечали им. Они узнали, что дорвагов много, что земли их тянутся на сотни и сотни лиг к востоку; они владеют всем лесом, что протянулся от Великого Восточного Хребта, именуемого еще Баррским, что в переводе на Всеобщий означает «изобильный сверканием». Гномы тотчас навострили уши, и Шаннор, улыбаясь, сказал, что ручьи в тех местах, подмывая склоны, часто обнажают россыпи самоцветных камней. Но гномов в Баррских Горах нет, там живут совсем иные существа, покорившиеся Ночной Хозяйке и в свою очередь сами покоряющие для нее новые земли, откупаясь от этого неумолимого создания жизнями пленников. Хоббит невольно кинул не слишком смелый взгляд на темные углы дома, где скапливался мрак, и поспешил заговорить об Опустелой Гряде и о Лесах Ча.

Ратбор ответил, что когда-то, совсем-совсем давно, Опустелая Гряда была местом, где люди Запада добывали руду и редкие камни, вывозили мрамор для отделки королевских дворцов Юга; гномы за хорошую цену продали людям эти места, а сами перебрались в нетронутые Гелийские Горы. В те годы возникли первые поселения на местах нынешних Айбора и Невбора. Люди Гондора двинулись в Леса Ча за так нужной им древесиной, однако Восток сумел постоять за себя. Дошедшие до наших дней предания, заботливо сохраненные дорвагами, донесли известия о невиданных, вышедших из земли чудовищах, полузверях-полурастениях (Фолко сразу подумал об энтах). Выбравшись из своих тайных болотных логовищ, они погубили несколько десятков лесорубов, однако никого не преследовали за границами леса. Наученные горьким опытом, гондорцы оставили Леса за Грядой в покое, тогда же и появилось это название — Ча, что в переводе с басканского значит «подземный ужас». И по сей день об этих Лесах идет дурная слава. Говорят, будто изгнанные эльфами из Чернолесья огромные хищные пауки нашли себе приют в этих местах, будто среди деревьев там есть такие, что сами собой выкапываются из земли и бродят по тропинкам, проложенным неведомо кем, и забредают в населенные людьми области, хватая неосторожных и ломая им ветвями кости. («Хьорны, не иначе», — подумал Фолко.) А вполголоса передавались вести о делах еще более странных. О зачарованных полянах, где в ночи полнолуний собираются на свои бдения гурры, а служащие им огромные жабы приносят туда похищенных в деревнях младенцев. Собравшиеся варят там особые тайные снадобья, поя ими украденных детей, и те навеки превращаются в рабов; или же убивают свою живую добычу и из их крови варят себе страшные яства... («Кто же это такие, гурры?» — удивился хоббит.) И если такой гурр совьет себе подземное гнездо где-нибудь вблизи деревни, люди бросают ее — он отравляет колодцы, засыпает, иссушает родники, портит хлеба, насылает страшные болезни. И горе тому, кто неосторожно столкнется с несколькими гуррами! Сами они невелики собой, и, если гурр один, смелый и опытный охотник убьет его, но если их пять-шесть... Нагонят, схватят и затащат под землю, где заставят ходить за корнями молодых тополей — их излюбленной пищей, а когда человек состарится — его сжирают. И еще говорят, будто бы эти гурры копят и копят силы, чтобы в один прекрасный день выйти из своего добровольного заточения и превратить в свои владения все Прирунье, лишив всех, кто дерзнет противостоять им, воли и мужества, наслав обессиливающий страх. («Интересно, откуда все это известно? — подумал хоббит. — Слишком уж смахивает на бабьи сказки!») Одним словом, никто не решался вступать в эти Леса; они стояли, словно несокрушимые бастионы, ограждая с юга и востока небольшое свободное пространство между ними и Опустелой Грядой...

— Кстати, а насколько она проходима? — деловито осведомился Торин.

Шаннор и воевода вновь обменялись быстрыми взглядами.

— Тропы там есть, — медленно проговорил старейшина, — но вам их так просто не найти... Гряда велика, а тропы — тайные.

— А почему она именуется Опустелой? — с важным видом справился Малыш, как будто от ее названия зависело невесть что.

— Потому что оттуда ушли гондорцы и во всей округе стало

необычайно тихо и пустынно после многих лет их напряженного труда, — пожав плечами, ответил Шаннор.

Торин уже раскрыл рот, чтобы спросить еще что-то, касающееся дороги до Гряды, но тут встрял Фолко.

— А Небесный Огонь? — вдруг спросил он. — Слышали ли вы что-нибудь о Небесном Огне?

— Конечно, — кивнул головой старейшина. — В молодости я сам видел его падение, а кроме того — наверное, вам это будет интересно — мы узнали, что ваш Олмер почему-то очень интересуется им.

— Все очень просто, — продолжал Ратбор. — Во время боя мы освободили нескольких рабов, что арбалетчики гнали с собой скованными. Мужчины посильнее тут же похватали какое ни есть оружие и пошли сводить счеты; и полегли все, потому что бились, как бешеные, не щадя ни врагов, ни, увы, себя. Уцелел лишь один, жестоко израненный. Когда его несли к лагерям, я сам слышал, как он прохрипел: «Небесный Огонь! Ждите главного около Небесного Огня!..» и лишился чувств.

— Гей, Гердар! — распорядился Шаннор. — Сходи посмотри, как там тот освобожденный, которого ранили.

Прислуживавший за столом мальчик поклонился и поспешно выбежал на улицу. Разговор невольно пресекся. Прошло несколько минут, и запыхавшийся посланец появился на пороге.

— Пришел в себя и говорить хочет, просит кого-нибудь из старших позвать, — произнес он на Всеобщем Языке, медленно и с запинкой.

— Что ж, идем, — сказал старейшина и поднялся, тяжело опираясь на резной посох.

На улице царило радостное оживление. Как пояснил Ратбор, готовился пир в честь победы. Мужчины восторженно и восхищенно рассказывали что-то охавшим женщинам и сбежавшейся со всех концов шустрой ребятне. И хотя кое-где слышались рыдания и причитания по не вернувшемуся из боя мужу, сыну или отцу, радостных криков и смеха было куда больше.

Раненые лежали в чистом просторном доме, заняв обе его половины. Вокруг них сновали несколько пожилых женщин и стариков, очевидно, лекарей. По стенам были развешаны пучки сухих трав, и вокруг стоял густой пряный аромат какого-то отвара. Лица раненых, несмотря на гримасы боли, казались Фолко удивительно светлыми — воины исполнили свой долг, и исполнили его хорошо.

При виде Шаннора и воеводы люди зашевелились, раздались хриплые приветственные возгласы; те, кому было полегче, приподнялись, приветствуя своих предводителей.

Они остановились возле одного из лежавших. Его лоб и грудь были затянуты белыми холстинами, глаза закрыты; дышал он

хрипло, с трудом. Ратбор осторожно коснулся плеча раненого. Глаза человека тотчас открылись, словно он только и ждал этого; пальцы судорожно вцепились в широкую ладонь воеводы.

— Говори, мы слушаем тебя, — произнес Ратбор, склоняясь к нему. — Вот Шаннор, старейшина нашего рода. Говори, мы слушаем.

— Убейте убийцу! — губы говорящего с трудом вытолкнули слова. — Убейте, пока он не убил всех вас.

Раненый говорил на Всеобщем Языке с явным признаком того, что он родился и вырос в Арноре. Он говорил, временами останавливаясь, облизывая пересыхающие губы, и тогда Ратбор подносил ему чашу с дымящимся отваром. Раненый делал несколько глотков и продолжал.

...На крохотный починок, приютившийся на северных склонах Серых Гор, беда свалилась ранним зимним утром, когда от крепкого мороза трещали деревья в лесу. На росчисть из заснеженной чащобы стали один за другим выбираться всадники, каких еще не встречали в этих краях от самого их заселения.

Несколько верховых подъехали к наглухо закрытым по ночному времени воротам починка и стали выкрикивать хозяев. Из-за тына ответили, спрашивая, что нужно доблестным воинам от мирных поселян; в ответ раздалось — зерна, сена, хлеба и всего, что есть в закромах! Хозяевам предложили самим открыть ворота, пока это не сделали силой.

Однако в починке жили три смелых и гордых рода; и они поняли, что верить пришельцам нельзя, что войско это голодает и что оно возьмет все, оставив людей умирать медленной и мучительной голодной смертью; и они ответили насильникам стрелами. Но, отбитые из луков и дубьем в двух местах, нападающие ворвались в пяти других. Началась резня...

Нескольких оставшихся в живых охотников заставили таскать из развороченных амбаров мешки с зерном, выгружать тщательно свезенное по лету сено; лошади воинов как безумные рванулись к корму...

Так пал починок, у которого не было даже имени; и его недавние хозяева, которых случайно пощадили меч и копье, стали рабами Великого Вождя. Почти все родичи говорившего умерли от голода и стужи во время ужасного перехода через заснеженные пространства; и еще несколько раз он видел, как горели разграбляемые поселения; когда его самого гнали на стрелы и пики отчаянно защищавших свое добро хозяев, он молил об одном — о быстрой и легкой смерти от праведной стрелы. Вокруг него падали такие же несчастные, принужденные покупать свою жалкую жизнь кровью и смертью других, но он был словно заговоренный... Но зато он видел и слышал и под конец дал обет во что бы то ни стало

рассказать об этом тем, кто встанет на дороге убийц; им он сможет принести свое покаяние и сообщить добытые сведения.

Он видел Вождя — близко-близко. И он не мог не трепетать в его присутствии — странная и страшная была в нем сила. Иногда, если в осаждаемом починке защищались особенно упорно, он сам, не обнажая меча, подъезжал к воротам, и тогда у защищавшихся словно руки опускались. А его собственные воины, казалось, забывали про страх, безоглядно бросаясь вперед. И стало ясно, что именно этот Вождь — корень всему. Не станет его — и у смуты будет выкорчеван корень, ибо заменить его не может никто. У него есть несколько ближайших подручных, командовавших отдельными частями его отряда; главные среди них — Санделло, страшной силы горбун, и Берель, бывший сотник из Королевства Лучников. Воины толковали о надежном укрывище за Лесами Ча и Опустелой Грядой и что не все еще потеряно, надо только собраться с силами. И еще он понял, что Вождь разыскивает места падения Небесного Огня, для чего рассылает лазутчиков во все стороны, словно убежден, что места эти находятся где-то поблизости. А однажды, посланный рубить дрова в ближайшем лесу, он вдруг увидел Вождя; тот ехал вслед за одним из разведчиков в сопровождении воинов. Из лагеря пригнали десятки рабов, велев копать снег на небольшой округлой поляне, в то время как воины Олмера окружили ее двумя широкими кольцами; сам-то он вскарабкался на высокую ель, откуда увидел обнажившуюся под руками рабов черную, выжженную скалу, черную глубокую яму на горном склоне... А потом нежданно взвились мечи ближних охранников Вождя, и раскапывавшие яму рабы полегли все, безжалостно зарубленные на месте; а потом Олмер отослал охрану и, оставшись в одиночестве, что-то долго делал в яме, но было плохо видно, что именно; а когда Олмер вылез из ямы, то рассказчик едва не свалился со спасительного дерева — столь странным показался ему облик Вождя.

— Что-то слишком многие толкуют нам про этот Небесный Огонь... — мрачно пробормотал Торин. — Вразуми меня, Дьюрин, ну зачем ему эта яма?!

Больше раненый ничего уже не мог добавить. Он и так говорил долго, и силы его истощились, голова бессильно запрокинулась. Неслышной тенью возле него возникла старушка с какими-то новыми травами. Шаннор сделал знак, что пора идти.

— Ну что скажешь теперь? — спросил у него Торин, едва они очутились на улице.

— Мы будем говорить и думать, — вдруг холодно произнес Шаннор, и глаза его уже смотрели куда-то поверх голов друзей. — Нужно собирать большой совет родов нашего колена... Отдохните, друзья, дом для вас будет вскорости готов, Ратбор покажет и распорядится.

Старейшина, почти не горбясь и не опираясь на свой посох, зашагал прочь. Ратбор кликнул нескольких мальчишек, что-то быстро и строго приказал им, и те, бросая любопытные взгляды на пришельцев, быстро разбежались в разные стороны. И спустя немного времени друзья уже сидели в небольшом чистом доме, а их пони получили вдоволь сена.

— Небесный Огонь, Небесный Огонь, — ломал себе голову Торин. — Что нужно было Олмеру в этой яме? Не идет у меня из головы та яма, что вы видели в Арноре, — кто же там рылся, неужто Олмер?

— Постойте! — вдруг спохватился Фолко. — А фибула, что мы там нашли?!

— Фибула?! — схватился Торин. — Верно! Мы ж про нее давным-давно забыли! Надо этого, раненого-то, расспросить!

Лицо пришедшего к тому времени в себя раненого тронула слабая усмешка.

— Да, я узнаю ее, — проговорил он. — Этот рисунок я частенько встречал у них на фибулах и других вещах, это их знак... Но откуда она у вас?

— Взяли в бою, — кратко сказал Торин, не желая вдаваться в подробности.

— Я видел почти такую же у Береля, — добавил раненый.

— Значит, он там был, — уверенно сказал Торин, меряя шагами комнату.

— Но был один, — подхватил Малыш.

— И что-то взял там, — подытожил Фолко. — Знать бы только — что?

— А зачем убивать рабов? — не унимался Торин. — Ясно, чтобы никто не узнал... О чем? О его интересе к Небесному Огню знал даже Герет! Может, они что-то увидели в самой яме?

— Яма как яма... — проворчал Малыш. — Странная, конечно, яма, но вы-то там ничего особенного не заметили.

— Может, это особенное он и забрал с собой? — предположил Фолко. — И именно это видели те, кто раскапывал яму!

— Короче, не мешает опередить Олмера у следующей ямы, — заметил Торин. — Судя по карте, это не так далеко... Правда, мы не знаем дороги, но, наверное, дорваги могут помочь с проводником.

Малышу явно не хотелось лезть куда-то в дорвагские дебри; он надул губы и скривил рот.

— Ты можешь довести до конца хоть один свой план, Торин? Сколько мы тут будем плутать? И откуда ты знаешь, что он уже не опередил нас? Это ж почти его вотчина... Наверняка там уже все окрестные леса прочесаны!

— Не думаю, — ответил Торин. — Он же ускакал к хазгам и когда еще вернется...

— А может, все только думают, что он у хазгов, — не унимался Малыш, — а сам совсем в другом месте?

— Нам все равно нужно пробиваться на Гряду, — сказал Торин. — Кто знает, где мы найдем тропу? Так и так придется обшарить немало ущелий. Глядишь, нам и повезет, и мы увидим этот след Небесного Огня до того, как там побывает Олмер. Тогда, быть может, нам и станет ясно, зачем он ему сдался!

Ни в тот день, ни в следующий они не видели ни Шаннора, ни воеводу. Из града летели куда-то спешные гонцы. На второй день к друзьям пожаловал Ратбор.

— Роды колена Этара оповещены обо всем, — хмуро сказал он. — Хочу спросить сам: что вы намерены делать?

— Что и намеревались, — пожал плечами Торин. — Идти в логовище Олмера и покончить с ним.

— Кто знает, может, это и вернее, чем слать многочисленные рати, — вздохнул воевода. — Мы просим вас взять с собой нескольких наших разведчиков. Если роды все же поднимутся — нам понадобятся точные сведения о враге. И кроме того, человек этот, Эрлон, тоже хочет идти.

— Он же пластом лежит? — удивился Малыш.

— Он позже выйдет. Одвуконь легко догонит. Ох и зол же! Дорвется до кого из олмеровской свиты — зубами глотку перегрызет. И опять же — лесной человек, бывалый. Впрочем, вам решать, вообще-то он просился с нашими.

Вечером того же дня Фолко зашел к Эрлону. Раненых стало поменьше — все больше и больше народу вставало на ноги. Хоббит сунул руку под плащ, и его пальцы нашарили теплую рукоять заветного клинка.

Разговор был коротким, да и прислушивался хоббит больше не к словам собеседника, а к своим собственным ощущениям. Ему удалось скользнуть по едва различимой границе меж сном и явью, его мысленному взору открылись глубины чужой памяти (Фолко делал все это, не в состоянии объяснить, как он это делает, но — получалось!). Человек не лгал. Его помыслы были чисты.

Они выступили на следующее утро. Трое рослых, крепких дорвагских воинов в полной лесной справе ждали их у околицы. Предутренние туманы теснились в полях вокруг града, по небу после ночного дождя медленно расползались кучевые облака. Эрлон, еще слабый, но бодрый, вышел проводить их. Встречу назначили в приметном месте у Гелийских Гор, откуда во все стороны шли удобные и скрытые тропы. С Эрлоном отправлялся четвертый разведчик Ратбора. Переметные сумы друзей распухли от щедро положенного новыми друзьями припаса, разведчики дорвагов хорошо знали земли до самой Опустелой Гряды, и гномы приободрились; да и у хоббита, несмотря на несколько зловещих, смутных снов последней ночью, настроение изрядно поднялось.

Они простились с Шаннором и Ратбором, в последний раз поправили перевязи с оружием и сели в седла; постояли, подняв руки в последнем прощании, и тронулись. Что-то подсказывало хоббиту, что больше он сюда не вернется.

Дорога через дорвагские леса оказалась не из трудных. Грады попадались часто, принимали их радушно. Всюду Фолко видел, несмотря на радушие и гостеприимство, лихорадочные хлопоты, ошибиться в назначении которых он уже не мог — дорваги готовились к войне. Рылись ямы, куда ссыпалось зерно; обновлялись частоколы, кое-где возводились новые башни, углублялись рвы. Повсюду в кузнях звенели молоты — брызжа огненными искрами, в пламени горнов рождались новые мечи, брони, наконечники для копий и стрел. Кое-где свозили лес ближе к дороге, намереваясь, очевидно, в случае надобности перекрыть ее завалами.

Разведчики Ратбора не скрывали своих тревог. Старший, Келаст, командовавший одним из пеших отрядов в бою с арбалетчиками, прямо говорил, что если дело обстоит так, как ему поведали почтенные гномы (о том, что Фолко — не гном, а хоббит, пока еще никто не догадался; он сильно подрос и ростом был уже почти с Малыша, лишь только уже в плечах), то не миновать большой беды и большого горя! И теперь им очень важно вызнать — в каких силах враг, что засел за Грядой, и когда он собирается начать, и хорошо бы выяснить, куда повернет он свои сотни?

Славные люди оказались эти дорваги, упорные, кряжистые, немногословные. Торин заикнулся как-то, что хорошо бы пробраться за Гряду, попутно обшарив ее северное окончание, — и был разочарован, услыхав, что через тамошние великие болота перейти почти невозможно, а уж вести сколько-нибудь правильные поиски, подступая со стороны леса, и вовсе немыслимо. Пробиваться нужно было с юга, по самому краю гор. Но сомнений в том, что они проберутся туда и разузнают все, что ему, Торину, может потребоваться, — ни у кого из дорвагов не было.

«Вперед, по лезвию ночи, покуда звезды горячи!» — дружно пели они все вместе походную песнь. Гелийские Горы приближались.

Глава 5

НА ПОДСТУПАХ

— Ну вот, пора сворачивать. — Келаст натянул поводья. — Вот эта тропа ведет к Гелийским Горам, нам туда и надо. На краю подождем Эрлона...

Было одиннадцатое мая, и все вокруг уже вовсю цвело и зеле-

нело. Весна вступила в дорвагские леса, и они сделались необычайно хороши; но на душе у хоббита по-прежнему царила осень. После бесхитростного рассказа Шаннора о чудесах восточных стран он вдруг ощутил, насколько мал тот, казавшийся ему необъятным западный мир, ограниченный Великим Морем и восточными границами Арнора и Гондора! Другой мир — странный, пугающий, живущий по каким-то своим законам, постепенно раскрывал перед ним свои тайны, и этому миру, похоже, не было дела до всяких там колец, магов и Властелинов, казавшихся хоббиту краеугольными камнями мироздания. Ночная Хозяйка, Леса Ча, гурры, Пожиратели Скал, Восточные Эльфы, Черные Гномы — все это было не из Красной Книги, все это, похоже, было даже не из наследства Саурона. И какую роль во всем этом должен был сыграть их отход? Начатый, если говорить честно, едва ли не от одной зависти к героям прошлого. Эти герои думали о будущем лишь как о благополучном, но бесцветном времени Владычества Людей, когда магия минувшего исчезнет и весь мир подчинится новому Властелину — Всемогущему Времени... И как хорошо, что это оказалось не так, что ошиблись даже самые великие, самые сильные того мира — как Владычица Галадриэль например. Пали Три эльфийские Кольца, и эльфы Нолдора покинули Средиземье; но остались Телери, Зеленые Эльфы, и остались какие-то Восточные, о которых очень скупо повествует даже Красная Книга. Благословенная Земля на Заокраинном Западе, обиталище Валаров, стала окончательно недосягаемой для Смертных, но остались сами Смертные, которые упрямо не хотели признать ничьего права распоряжаться их пусть короткой, но яркой и полной борьбы жизнью, и рано или поздно кто-то из них должен был восстать против Непреодолимой Черты и попытаться силой или хитростью пробиться на Прямую Дорогу, что ведет к отодвинувшимся из кругов нашего мира Бессмертным Землям.

И тут хоббиту впервые стало ясно, что вольно или невольно те, кто проводил ту Черту, кто повергал в пучину Нуменор и наложил на род людской Проклятье, обрекшее их смерти, сделали ужасную ошибку, наделив младших детей Земли свободой воли, тем самым научив их презирать смерть в бою и даровав им вечное, неутолимое желание, жажду познания, еще более острую и ненасытную, чем та, которой обладали Перворожденные. И в этом кроется корень того, что впоследствии было названо Злом. И люди по собственной воле, а не только из страха, вставали под знамена Моргота или Саурона; вставали под знамена тех, кто обещал им (пусть лживую!) свободу от наложенных непонятно кем и для чего пут, кто обещал им владычество над Средиземьем.

В этом черпал силы Олмер, и как жаль, что они не пристрелили его еще тогда, в Аннуминасе! Да, они взяли бы на себя непрощаемую вину первой пролитой крови; и, прочтя историю Первой

Эпохи, хоббит знал, что Судьба жестоко отомстила бы ему за это. Однако он сам оборвал себя, ибо что толку сожалеть о несбывшемся?..

Гелийские Горы, невысокие, старые, сильно разрушенные водой и ветрами, стояли в глубине дремучих дорвагских лесов. Здесь были самые богатые грады, самые обширные поля и самые густые сады. Как всегда, когда люди и гномы селились в близком соседстве, и те и другие начинали процветать и быстро богатеть. Здесь была колония гномов Народа Дьюрина, и Торин надеялся найти тут помощь и поддержку.

Разведчики Ратбора остались ждать Эрлона на гостином дворе, как назывались в этих краях придорожные трактиры. Гномы и Фолко направились по широкой, тщательно вымощенной дороге к Воротам Гелии, как называли дорваги обиталище своих подземных друзей и соседей.

Толстенные каменные створки ворот были широко распахнуты, в глубину уходил широкий, плавно заворачивающий коридор, освещенный множеством факелов. Перед воротами расстилалось обширное торжище, сейчас, по-весеннему времени, почти пустынное. Но движение в воротах было оживленным — люди и гномы сновали туда-сюда. Поручив своих пони заботам трактирщика, друзья вошли под гулкий свод, и хоббита вновь охватило странное волнение — он вновь словно очутился на пороге пугающей Мории, хотя своды здесь, надо сказать, и высотой, и отделкой куда как уступали морийским.

От главного тоннеля ответвлялись боковые коридоры, людей постепенно становилось все меньше — они рассасывались по ближним покоям и залам; стало больше попадаться гномов. Видно было, что строители не слишком заботились о красоте тоннеля: стены обработаны кое-как, пол лишь заглажен, кое-где трещины, выбоины и ямы. Друзья миновали еще один поворот, дневной свет померк, мрак разгоняло лишь пламя факелов. На них уже поглядывали с любопытством, кое-кто останавливался, интересовался, из каких они краев и что слышно о ратях Дори Славного?

Оказалось, по Рудному Эху пришла весть, что Дори вывел из Эребора многочисленные отряды гномов рода Дьюрина и направился к Мории. Но что стало с ними дальше, никто не знал. Многие из Гелийских Гор тоже отправились в этот поход, оставшиеся друзья и родственники с нетерпением ждали вестей.

Коридор привел их в широкий, с завидной тщательностью отделанный подземный тракт; от встречных гномов Малыш вызнал, где найти мастерские его родни. Туда они и направились.

Небольшим и уютным оказалось Гелийское поселение; так удививший сперва Фолко грубостью своей отделки тоннель был пробит лишь несколько лет назад для большего удобства торгово-

го сообщения, и там еще предстояло много работы. Здесь жили тревогами и заботами дорвагов, сжившись с ними настолько тесно, что, как оказалось, на Большом Совете дорвагских колен и родов обязательно присутствовали выборные Гелии. И еще они узнали, что в Гелии не было короля или правителя; по образцу дорвагов гномы избирали в Совет Гелии самых искусных и правдивых.

Все это сообщила им родня Малыша — Фреир, Дис, его жена (Фолко впервые видел женщину-гнома и таращился на нее с изумлением...) и их дети Наргор, Берир и сестра их Фир. Давным-давно они покинули Западные Горы и отправились на Восток, и не просчитались — здесь и горы были богаче, и дышалось легче. Дорваги оказались хорошими покупателями; а тревоги на рубежах не давали забыть и то, что всегда прославляло гномов — их оружейное искусство. Мощный седобородый Фреир, чье лицо стало темно-багровым от жара подземных топок, с гордостью показывал когда-то непутевому Строри и его почтенным друзьям свои кольчуги и кинжалы. Все это было заказано и вскоре должно было отправиться к покупателям И чтобы не ударить в грязь лицом, Торин едва заметно кивнул Малышу; на столе, сверкая серебристо-жемчужными переливами, с легким звоном, подобным журчанию пробившегося из-под снега ручейка талой воды, несущего в себе прозрачные хрусткие льдинки, мягкой тенью развернулась мифриловая кольчуга, выкованная в Горне Дьюрина.

Хозяева глядели на это чудо молча, приоткрыв рот и выпучив глаза; с этой минуты Малыш и Торин поднялись в их глазах на недосягаемую высоту. Рассказ Торина о Кузне Первого Гнома поверг их в священный трепет; и Фреир, яростно скребя бороду, вдруг проговорил, глядя остановившимся взором куда-то в недоступную даль:

— Как жаль, что мы не пошли со Славным... — Губы его сжались, и брови сошлись.

Разговор сам собой перешел после этого на дела серьезные. Тороватые и легкие на подъем гномы Гелийских Гор не гнушались странствий, много видели, слышали и рассказывали по возвращении; не прошел тут незамеченным и поход Олмера.

— Этой весной он засылал к нам своих людей, — понижая голос, сказал Фреир. — Да только у нас глупых нет — мы работу нашу грабителям не продаем. Сперва он, признаться, соблазнил многих обещаниями щедрой платы, предлагая перекупить все готовое к продаже из доспехов и прочей воинской справы. Но когда он стал вытаскивать золотые браслеты, ожерелья, серьги и узорные пояса, нам стало не по себе. Такое купцы с собой не возят! Все торгуют на триалоны Гондора, а если их нет, то слитками, рубленками или ковками, кому как удобнее. А это... сразу видно, что взято на приступе да силой с людей сорвано! Наши выборные

ему отказали. Хотя, я знаю, он нашел где-то несколько беглых гномов, которые стали работать для него. Но самого интересного я вам еще не рассказал!

И Фреир поведал им удивительную историю о том, как лет сто назад в Гелии появился странный пришелец откуда-то с востока, по виду и языку — гном, не из колена Дьюрина; само по себе это еще не было удивительно, ибо существовало еще шесть младших родов, пошедших от остальных шести Праотцов; но этот гном был и не из их числа. На голову выше любого из обитателей Гелии, он обладал огромной силой и владел поистине чудесными секретами мастерства. Из его рук выходили такие совершенные в своей законченности самоцветные камни, что раз взглянувший на них уже не мог оторвать взгляда; и камни эти за огромные деньги покупались вождями Прирунских племен и племенных союзов. Пришелец назвал себя Наугримом (Фолко удивился — это значило всего-навсего «гном» по-эльфийски, на языке Синдара; пришелец скрыл свое настоящее имя, а речь Перворожденных гелийцы, конечно же, давным-давно позабыли, если когда-либо и знали). За сто лет он сотворил лишь пять или шесть таких камней; но они принесли ему и богатство, и славу. Однако он отдал все полученное за них Совету Гелии, сказав, что ему ничего не нужно; и еще он часто давал дельные советы, никогда не ошибаясь, а потом постепенно стал и предсказывать. Сначала он говорил лишь о сугубо подземных вещах — где следует ожидать прорыва вод, куда должна повернуть хитро проведенная жила и так далее, но постепенно стал предупреждать и о возможных гревогах на поверхности. Он предсказал великое вторжение с востока, когда соединенные силы истерлингов Великой Степи, дружины дорвагов и Торговой Области вкупе с подошедшими отрядами гномов Гелии с величайшим трудом и большим для себя уроном отбили натиск неведомых кочевников с юго-востока; после этого Наугрима хотели выбрать в Совет, где ему давно следовало быть по его искусству, знаниям и рассудительности, но он вновь отказался. А за несколько лет до появления Олмера он предрек появление «короля за Грядой» и советовал гномам не пропустить его туда; но предсказание оказалось настолько мрачно и запутанно, что его никто не понял; на расспросы же Наугрим не ответил, он был в страшном отчаянии, и впервые за долгие десятилетия народ увидел его плачущим. Только после появления Олмера гномы поняли, в чем был смысл темных слов пришельца; но было уже поздно. Леса Ча словно пробудились от векового сна; воспряли духом мерзкие гурры, и чащобы стали окончательно непроходимы. Наугрим лишь горько сжал губы при этом известии.

— А что он говорил об Олмере? — стал допытываться Фолко.

— Это было что-то вроде стихов, — отвечал Фреир, — и звучало так:

Когда Черный Страх в Казад-Дум заползет,
Тогда за Грядой Собиравший взовьет
Свой стяг черно-белый, и Черная Жуть
Отправится в новый погибельный путь.
И, молнии прошлого в длани подъяв,
Сбирающий выступит, прям и кровав.
Под черным плащом — бестелесная грудь,
Небесный Огонь проложил ему путь.
И сплав черной воли и смелых сердец
Он вложит во свой всемогущий венец,
И волнами мрака надвинутся те,
Что ждали вдали того дня в пустоте.
Тогда помертвеет пустой небосклон,
И звезды исчезнут, и вступит на трон
Тот, кто изначально был лишь человек.
Наденет корону — и кончится век,
И ветер с заката раздует пожар,
Который возжжет оробевший Валар,
И пламя, быть может, его изведет,
Но вкупе и все Средиземье пожрет...

Недобрая тишина затопила гостиную Фреира. Сам он потупился и умолк, слышно было лишь потрескивание дров в камине.

— Что же все это значит? — выдавил из себя Торин.

— Не знаю, — нахмурившись, ответил Фреир. — Наугрим не объяснил. Он лишь говорил, что надо остановить Засевшего за Грядой, не пожалев жизней. Он так напугал всех, что Совет уже почти решил готовить полки, однако тут пришло сообщение, что за Грядой уже трепещет страшный чужой флаг — белый круг в черном поле и в кругу — трехзубая черная корона... И тогда Наугрим сказал: «Поздно».

Фолко сидел и чувствовал, как мир вокруг него теряет привычные очертания.

— Как увидеть Наугрима? — только и смог вымолвить он.

— Я провожу вас, — ответил Фреир. — Он еще никому не отказывал.

Фолко почти бежал по нешироким коридорам Гелии, гномы едва поспевали за ним. Он ничего не видел, кроме спины шагавшего впереди и поминутно вынужденного наддавать ходу Фреира; и еще он чувствовал, как начинает исходить тепло из висящего на груди заветного клинка.

Наугрим вышел к ним сам, они столкнулись с ним, завернув за угол. Похоже было, что он знал об их появлении.

Наугрим действительно был очень высок для гнома, на голову выше любого из них; ширина плеч говорила об огромной силе, черная густая борода спускалась почти до пояса; концы волос были обожжены. Но его глаза — ярко-синие — были такого редкостного даже среди людей цвета, что трудно было отвести от них

взгляд — они казались удивительной чистоты самоцветами в темной оправе.

Взгляд Наугрима в первый же миг цепко ухватил хоббита; где-то в глубине черных зрачков, словно огонь потаенных кузниц, билось алое пламя мысли, и взгляд этот поистине заворожил Фолко. Хоббит вновь невольно взялся за рукоять на груди — и понял, что сила кинжала властно толкает его вперед, к этому удивительному существу. Он испытал нечто подобное тому, когда кинжал вел его к Синему Цветку.

— Здравствуй, я давно ждал тебя и твоих спутников, — обращаясь к хоббиту, заговорил Наугрим густым басом. — Ты бросил-таки свою долю на чашу весов. Идем же — будем говорить, и я постараюсь помочь вам отыскать единственную путеводную тропинку в том море мрака, что окружит вас, едва вы выберетесь из гостеприимной Гелии.

Он протянул хоббиту руку, раскрыв темно-коричневую ладонь, бугрящуюся крепкими, точно камень, мозолями, тыльную ее сторону пересекали несколько белых шрамов, особенно заметных на потемневшей от времени и трудов коже.

Наугрим провел троих друзей внутрь своего обиталища — скупо освещенного несколькими лампами покоя; все стены были увешаны оружием такой красоты, что у гномов отнялись языки.

— А камни не здесь, — вдруг улыбнулся в ответ на невысказанный вопрос Наугрим. — Это ниже, в тигельной... Но хватит! — вдруг возвысил он голос. — То, что я скажу, — лишь для ваших ушей, и даже лучшим друзьям вы не должны рассказывать это.

— Почему? — удивился хоббит.

— Ты же слышал слова, что всякое знание должно быть заслужено. Вы заслужили. Прочие — нет.

Наугрим стоял, высокий и строгий, лицо его было бесстрастно — не судья, но лишь выполняющий предназначение Того Неведомого, в чьих руках качаются Весы и кому одному дано судить, как сделать так, чтобы равновесие никогда не нарушалось. И Торин с Малышом как-то оробело приумолкли, глядя на застывшего, точно изваяние, Наугрима. Тот указал жестом на каменную лавку, застеленную коврами, и хоббит послушно сел; Наугрим остался стоять, его лицо рассекали резкие черные тени от падающих лучей неяркой масляной лампы; он перемежал Всеобщий Язык с древнеэльфийским, и странно было слышать нежный язык эльфийского Заморья, в темной пещере Гелийских Гор звучал Квенея, язык Валинора. Фолко понимал его, он сам учил этот язык по старым записям Бильбо, приведенным им текстам и параллельным переводам; учил просто так, не веря, что Высокая Речь когда-нибудь зазвучит вновь; однако ошибся.

— И у вас, наверное, море вопросов, — говорил Наугрим. — Вы хотите знать, кто я, что значит мое пророчество, что я знаю об

Олмере, о Востоке, Юге и Западе, и о всем-всем прочем, включая Музыку Айнуров и Первого Великого Врага. Разочарую вас — мне дано открыть немногое, куда больше впереди. Итак, вы идете по следу Короля-без-Королевства, скрывшегося за Грядой и взвившего там свое черно-белое знамя. Вы надеетесь покончить с ним и избавить Средиземье от новой опасности. Я прав?

И он продолжал, увидев согласный кивок хоббита.

— Не ищи Олмера в его лагере, его там нет. Он ускакал к хазгам и попутно — искать места падения Небесного Огня. Когда он проходил мимо наших гор, мне удалось прочесть кое-что в его мыслях. Он думает о Тропе Соцветий и Доме Высокого, полагая, что найдет там нечто, что еще удивит его; и он будет искать дорогу туда. Ждите его возле Дома Высокого, Фолко, сын Хэмфаста из Хоббитании, и ты, Торин, сын Дарта! Ибо Олмер уже не тот, которого ты мог бы убить в далеком отсюда Аннуминасе.

— Почему не тот? — облизнув губы, с трудом спросил хоббит. — И что такое Дом Высокого?

— Что такое Дом Высокого, ты увидишь сам. Я не могу говорить тебе о нем, ибо от чистоты твоих помыслов зависит, пробьешься ли ты к нему. А почему Олмер не тот, могу сказать лишь, что сила его изменяет его природу.

— Откуда взялась его сила? — хрипло спросил Фолко. — Знаешь ли ты Радагаста Карего?..

— Этого незадачливого посланца Светлой Королевы? Знаю.

— Он говорил, что ему не проникнуть в истоки черной силы Олмера.

— Куда уж ему, — мрачно усмехнулся Наугрим. — Впрочем, этого не может никто. От меня это также скрыто, и, чтобы не покачнуть Весы, ты должен найти причину сам. Хотя, конечно, истоки-то этой силы понятно где — в наследии Саурона. Дальше все будет зависеть от того, что вы сможете разузнать.

— Так чем же тогда можешь помочь ты?! — вскинулся хоббит.

— Подсказать и направить, — ответил собеседник. — Не мешкайте. Времени мало.

— И это все? — мрачно спросил Торин.

— Чего же тебе еще? Как найти Дом Высокого — я скажу. Вам предстоит пройти владения Ночной Хозяйки, предстоит одолеть бурные реки и перевалить подпирающие небеса горы. И мой совет — не пытайтесь опередить Олмера возле Небесного Огня — никто не знает, к какому из мест его падения направит он свои стопы, какое из них откроет прежде других, а вот Дом Высокого занимает его чрезвычайно. Что же касается его силы... Ищите ответ в Черном Замке! Нет, не в мордорском, а в том, что стережет переправу через одну из рек, которые преградят вам путь. Там... нет, большего я сказать не могу. Как и не могу открыть вам, кто я, откуда взялся и кем послан сюда. Кто знает, быть может, наша

следующая встреча станет днем разрешения загадок — если твоя эльфийская стрела, вышедшая из рук мастеров Нолдора в дни Предначальной Эпохи, топор Торина или меч Строри найдут именующего себя Олмером и положат предел его земным делам. Теперь возьми вот это. — Наугрим протянул хоббиту старинный свиток. — Это карта. На ней ты найдешь дорогу к Дому Высокого через Черный Замок. Если пойдешь краем Гряды, бойся Серого Вихря! Он приносит несчастье. Клинок на твоей груди остережет тебя... — Губы Наугрима тронула слабая улыбка. — Признаюсь, я не чаял увидеть его здесь! Я слышал, что его подарил тебе сам Олмер. Если бы знать, зачем он это сделал, тогда многое бы прояснилось...

— Что это за Серый Вихрь? — упавшим голосом спросил Фолко.

— То, что осталось от злобы и силы того, кто некогда сидел очень высоко и многими почитался за сильнейшего, — ответил Наугрим. — Его тело погибло, но дух остался, будучи не в силах отправиться в Покои Мандоса за свои преступления. Ты узнаешь его сам. Держи крепче лук! Не жалей эльфийских стрел! Они созданы так, что хозяин легко находит их, если их не унесли в себе раненые враги. Ты заметишь его приближение, но помни, он не должен коснуться вас и краем.

— А могу я спросить тебя об уже происшедшем? Заслужили ли мы, чтобы знать, что за подземный страх, с которым мы столкнулись в Мории? Ты ведь, наверное, знаешь о всех наших странствиях? Только, во имя Дьюрина, не отвечай загадками! — прервал Наугрима Торин.

— Знаю, — кивнул Наугрим. — В Мории вы сошлись с Пожирателями Скал — ужасный плод ужасного союза Балрогов, Демонов Ужаса и Подгорной Тьмы, порождения Унголианта. Много веков спали они, не потревоженные никем, но предсказанный час настал и для них, они пробудились и двинулись туда, куда направила их воля нового господина и куда влекла их застарелая ненависть к эльфам — на Запад.

— Но что же будет?! Как противостоять им?!

— Не знаю, — тяжело вздохнул Наугрим. — Вам могли бы помочь Черные Гномы. Говорят, они имели дело с подобными созданиями.

— Где их искать?!

— В Черном Замке, о котором я упомянул. Но будьте осторожны! Черные Гномы — это не тангары, помните это, Торин и Строри. У Черных Гномов свой путь в этом мире... Им нипочем гнев Моря или Ветра, их можно убедить, но нельзя вынудить, испугать или заставить.

— Но нужно же послать весть Кэрдану и эльфам Запада!

— Давно послано, — усмехнулся Наугрим. — И скажу тебе, что сперва даже сам Корабел дрогнул, но потом, когда ему стало

ясно, что Пожиратели, не останови их, в конце концов доберутся и до Заморья — это заставило его отринуть мысли о бегстве.

— Но как же Светлая Королева?! Разве она не может...

— Кто знает?! Это сокрыто от меня. Но тебе скажу — похоже, тут снова в силе Весы. Мы, обитатели Средиземья, должны сами покончить с исходящей от наших недр угрозой. В противном случае Валары будут вынуждены показать свою мощь, и мир вновь изменится, и кто знает, найдется ли там место всем нам?

— Как же нам быть?

— Я уже сказал. И помните, что, остановив Олмера, вы остановите и все остальное. Ибо сила его сейчас еще невелика, но для всех останков Тьмы, сотканной руками Моргота и Саурона, он — тот камешек, который срывает с гор всесокрушающую лавину. Отличие, однако, есть в том, что для того, чтобы лавина катилась, этот камешек пока еще нужен... Так что торопитесь! Не медлите и помните: мы еще встретимся с вами. Судьба Запада — моя судьба. К худу ли, к добру — но мы еще увидимся. И тогда я с охотой расскажу все, что только смогу.

— А кто такая Ночная Хозяйка и как победить ее? — спросил Малыш.

— Вам ее не одолеть, поэтому просто бегите от нее во весь дух — это будет самое мудрое. Здесь надобна магия.

— А что, если мы повстречаемся с Олмером и потерпим неудачу? — замирая, спросил Фолко.

— Ты помнишь, как заканчивается пророчество? Я не знаю, откуда приходят ко мне слова моих предсказаний, могу лишь ответить, что Средиземье неузнаваемо, чудовищно изменится.

— Скажи, Наугрим... кто ты?

— Рано. Отвечу потом, если мне будет позволено.

— Тогда... если Олмер начнет войну, кто возьмет верх?

— Не знаю.

— Искать ли помощи? У эльфов Востока — кстати, кто они? У Гондора, может, вразуми меня, Дьюрин, у Харада?!

— У Харада не стоит, хотя отринувшие Тьму есть и там — но потеряешь много времени. Гондор может задержать воинство Олмера, если он таки его соберет, ибо не в его воинстве главная угроза, а в тех остатках Тьмы, которые пробудились от долгого сна. А вот эльфы Востока... Их называют Авари, Невозжелавшие, кто отказался покинуть свою прародину в Средиземье и идти вслед за посланцами Валаров на Запад, в Благословенную Землю. Они никогда не знались с Валарами и живут собственной мудростью. И они постигли много!

— Но скажи, Наугрим, откуда в мире столько нечисти, о которой ничего не говорится даже в старых преданиях тангаров? — спросил Малыш.

— Потому что ты даже представить себе не можешь, сколько

разных по силам и способностям духов предалось в разное время Тьме, и каждый из них, осознав неминучесть расплаты за содеянное, старался хоть как-то оставить по себе память. Вот и творили они кто во что горазд, а то и сами создавали себе какие-нибудь ползающие, летающие или бродящие по земле тела, и жили, и давали потомство. После побед Света все они бежали на восток, туда, куда пока не достигает дыхание Валаров. И там, на необозримых пространствах Арды, Королевства Земли, они влачат свое существование по сей день. Кстати, вот еще что. Ваши мифриловые доспехи хороши, но помните, что есть еще в Средиземье один-единственный меч, выкованный давным-давно, в дни Предначальной Эпохи, руками Эола Темного Эльфа. Он выковал этот меч из упавшего с неба огненного железа, и ни один земной металл, даже мифрил, не в силах противостоять ему. Эол выковал тогда два таких меча, но один сломался сам, когда им поразил себя Тьюрин Турамбар, а вот второй, принадлежавший сыну Эола, вынес из развалин Гондолина Туор, основатель линии королей Нуменора. От него чудесное оружие попало к Элросу, брату Элронда, ныне же этот клинок в Гондоре. Остерегайтесь его! Никакое другое оружие не сможет пробить твою броню... А сердце подсказывает мне, что этот клинок скоро может вновь увидеть свет.

— И неужели на всем пути нам будет попадаться одна только нечисть? — дрогнувшим голосом спросил Фолко.

Наугрим внимательно посмотрел на него.

— Эльфы считали, что страх обессиливает, — заметил он, — и избегали давать черные пророчества. Поэтому утешу тебя. Хорошо бы тебе, миновав Опустелую Гряду, Леса Ча и земли хазгов, отклониться к северу, к великому лесу Гондалара, по-эльфийски — Таур-ну-Амарт, Лес Рока. Там вы еще можете встретить кого-нибудь из Авари. Если вам повезет, они помогут вам.

— А что, могут и не помочь?

— Они осторожны и недоверчивы, — последовал ответ. — Само название их твердыни, Лес Рока, говорит о том, что в дни Предначальной Эпохи, вскоре после того, как Элдары покинули свою прародину и двинулись на Запад, Невозжелавшим пришлось выдержать жестокий бой с брошенными против них страшилищами Первого Врага. Подробностей я не знаю, но эта битва положила предел продвижению Авари на запад.

— А сумеет ли Олмер добраться до Дома Высокого? — спросил хоббит.

— Может случиться, что и сумеет. Он стал силен и, похоже, сам еще не слишком понимает, откуда в нем эта сила и какой она природы. Многие из тех, что могли бы преградить ему путь, отступят перед этой силой.

— Хорошо. Кто такие гурры и как с ними бороться?

— Гурры — это накипь, отбросы племени Семи Отцов, — серьезно ответил Наугрим. — Кое в чем они подобны оркам — их тоже вывел в дни зенита своей мощи Первый Великий Враг, скрестив своих мелких подручных-вампиров с попавшими ему в руки и особым образом умерщвленными гномами. Гурры сильны, упорны, и если орки в глубине своих черных сердец ненавидели своего Повелителя и служили ему больше из страха и ненависти к эльфам, то гурры не устают возносить ему хвалы за дарованное им земное существование и поэтому бывают даже злее и упорнее, чем самые свирепые орки. Бороться с ними тяжело — они ловки, хитры, чуть что — зарываются в землю, они великие мастера засад и неожиданных ударов в спину. Как и гномы, они искусны в рытье тоннелей и подземном строительстве, но сохранили и кое-какие познания в черном лиходействе и способны заставить своего противника замереть, так что тот не сможет поднять меча для защиты. Здесь нужно тайное знание гномов, когда-то они встречались в бою с подобными созданиями. Гурры тебе повстречаются наверняка — они населяют обширные пространства и в Лесах Ча, и за ними, вдоль дороги к хазгам. Что тут посоветуешь? Ты знаешь ответ не хуже меня — держи крепче меч!

Кроме гурров в областях за Лесами Ча обитают хегги и ховрары. Хегги издавна жили по склонам гор, и, наверное, это был славный народ, если бы не Саурон Великий. В дни своей славы он соблазнил их призрачным могуществом Мордорских земель, и хегги, никогда не желавшие чужого, вдруг взалкали плодородных земель в долинах. Саурон помог им в войнах с соседями, которых они привели к покорности Черному Замку, и более того — одно из Девяти Колец он отдал предводителю хеггов. Саурон послал к хеггам учителей из числа предавшихся злу Черных Нуменорцев, и они передали наивным горцам многое из своего тайного знания. И вот когда Саурон пал, хегги стали разительно меняться. Они не просили о пощаде, но заперлись в своих горных крепостях и вот уже триста лет стерегут рубежи своих владений, убивая каждого, кто оказывается возле них. Они овладели искусством творить странные чудеса, и серые башни их, воздвигнутые на горных тропах, охраняют не только мечи, копья и стрелы, но и неведомые мне незримые силы, предупреждающие хеггов о приближении врагов. На карте их пределы помечены. Мой тебе совет — не приближайся к ним.

Ховрары с незапамятных времен служат Ночной Хозяйке, их земель ты никак не минуешь. Это крайний форпост земель, подчиненных Синему Когтю, как иногда именуют Хозяйку. Не минует его и Олмер, и очень важно узнать, как он сладит с Неминучей Гибелью из Тьмы. Она не бессмертна — каким-то образом эти чудовища продолжают свой род. Та, что правит сейчас, утвердилась там лет триста назад, в год великой победы над Сауроном.

Ховрары не знают магических секретов, но вот за восточными рубежами, уже за Великим Хребтом, есть области Великого Орлангура, и это, я тебе скажу, пострашнее всего остального, вместе взятого. Это третья сила, пришедшая в Мир, новое творение Унголианта, точнее, творение тех его областей, куда в кромешную Предначальную Тьму проникают отблески Пламени Неуничтожимого. Вышедшее оттуда творение неподвластно ни Тьме, ни Свету, даже Валары страшатся его могущества, ибо никто еще не измерил и не познал пределы его, разве что сам Великий Илуватар. Под властью Великого Орлангура обширные и густо населенные земли, и оттуда приходят странные и неясные известия. К какой мечте ведет он оказавшихся под его владычеством людей? У Весов лишь две чаши. Деяния Орлангура странным образом преломляются и искажаются, прежде чем пасть на ту или другую чашу, но по каким законам происходит это преломление, я не могу тебе сказать, ибо сам этого не знаю. А еще дальше на восток, на самом краю ведомых мне пределов, лежит Серединное Княжество — первое из их людских королевств, возникшее в Средиземье. Когда Элдар еще только вступали в незатопленный, прекрасный Белерианд, когда над всем Севером нависала сумрачная тень Врага — тогда в глубинах восточных земель, на берегах рек, доселе неведомых обитающим на Западе, возникла эта сила свободно объединившихся свободных людей, и в свое время с помощью младшей ветви Черных Гномов и отряда эльфов-Авари они отбили натиск самого Саурона, но не смогли помешать распространению его власти на юг и юго-восток. Они не любят чужаков, вдобавок на владения их начинают нажимать гонимые страхом перед Ночной Хозяйкой племена. Когда-то Ореме Великий, странствующий по Средиземью, натолкнулся на Серединное Княжество и был немало удивлен их собственным, не позаимствованным у эльфов языком и письменностью. И он научил их многому, а еще больше они переняли у Черных Гномов, которые щедро делились с ними знаниями после того, как люди Княжества помогли отбить им натиск из глубины... — Наугрим замолчал. — Кто наступал на Черных Гномов, кто мог угрожать им — мне неведомо. Я не знаю таких сил в нашем мире, что отнюдь не значит, конечно, что таковых вовсе нет. Но и Серединное Княжество не предел. Еще дальше лежат благословенные земли вокруг внутреннего моря Хелкар, вокруг одного из его заливов, носящего название Куивиенен, что по-эльфийски значит Воды Пробуждения.

Тебе, должно быть, известно название этого места — там впервые взглянули на Мир глаза Перворожденных. И по сей день на берегу серебристого водного зеркала, где вода чище любой другой в Средиземье, и раз попробовавший ее на вкус никогда уже не сможет забыть его и непременно вернется туда снова, по сей

день там высится гордый дворец Илве, короля Авари, бессчетные века прожившего на том месте...

Наступило молчание. Молчал бесстрастный Наугрим; молчали подавленные услышанным гномы; молчал Фолко, захваченный развернутой перед ним величественной панорамой нехоженых земель и обиталищ тайных сил. И внезапно с его языка сорвался вопрос, который мучил его уже давным-давно, который он много раз собирался задать какому-нибудь Сильному Мира Сего, да каждый раз забывал за кучей мелких повседневных дел, которые приходилось обсуждать.

— Кто такой Иарвен-бен-Адар, Безотчий Отец Заповедных Земель, или, как его знаю я — Том Бомбадил?

— Он Извне, — последовал краткий ответ. — Когда-то он служил Первым Слугам Стихий, да так и остался в Средиземье.

— Что значит «извне»? И кто такие Слуги Стихий? Майары?

Наугрим тихонько улыбнулся.

— Вы слишком слепо верите эльфийским преданиям о Днях Творения, — сказал он. — Помни, что нет таких Сил, которые во вред своей власти стали бы раскрывать свои секреты подчинившимся им. Валары открыли эльфам не больше того, что хотели и, главное, как хотели. Не только Майары служили Силам Арды! Ибо немало помощников их вышло и из Серых Областей Унголианта, где Мрак был пронзен разлетающимися обломками пылающего Хаоса, после чего Унголиант и стал многослойным. Первые Слуги Стихий были из числа этих духов, а те, что в свою очередь стали служить им, и вовсе собрались со всей Эа, приняв различные, как видимые, так и невидимые формы. Тот, которого ты называешь Бомбадилом, один из них. Я знаю еще несколько таких же, как он, до сих пор бродящих по Средиземью. Не знаю только, встретятся ли они вам?

— А кто такие Редбор и Фандар? Чем занимались эти двое из Ордена?

Странный огонь вспыхнул в глубине глаз Наугрима; он отвернулся и ничего не сказал.

— А Великая Лестница? А Стража Валаров?.. — вновь начал хоббит.

— Если тебе повезет, ты увидишь все это сам, — ответил Наугрим. — А теперь иди, мне нужно кое-что сказать твоим друзьям.

Фолко словно в бреду шагал по коридорам Гелии. Он не помнил, как вновь очутился в покое Фреира, что у него спрашивали озадаченные хозяева и что он отвечал им. Присев в углу, он развернул на коленях карту Наугрима и долго смотрел на извилистые росчерки незнаемых рек, на искусно изображенные горные хребты... Карту испещряли пометки: он нашел на ней все те опас-

ности, о которых говорил ему Наугрим. Тонкой прерывистой линией вился среди по-разному раскрашенных областей путь на восток, пролегший на сотни и сотни лиг и упершийся в небольшой белый круг, возле которого стояла надпись: «Тропа Соцветий».

Спустя довольно долгое время появились гномы. Молчаливые и сосредоточенные, какими он их никогда еще не видел; куда-то исчезла даже всегдашняя веселость Малыша.

На следующий день они продолжали путь — теперь уже от Гелийских Гор, вместе с разведчиками дорвагов и нагнавшим их Эрлоном. Его раны только-только закрылись, но он сидел на коне прямо, и взгляд его не предвещал ничего хорошего любому из воинов Олмера. Черные подземные своды вновь сменила нежная зелень цветущих лесов; весна уступала место лету, Месяц Песен и Плясок плавно переходил в Месяц Гнезд.

Но друзья мало что замечали вокруг себя, всецело положившись на опыт и искусство дорвагских проводников. Каждый из них погрузился в нелегкие раздумья над словами Наугрима. Фолко, потрясенный и растерянный от вновь, в который уже раз, расширившихся пределов мира, пытался понять, что же может стоять за мрачными словами неясного пророчества. Почему «Сбирающий»? Что такое «сплав черной воли и смелых сердец»? Кто эти ожидающие своего «дня в пустоте»?.. Он не находил ответа.

Дорога вдоль Гелийских Гор отняла у них целую неделю, и Фолко не мог сказать, что она была из числа трудных. Богатая и свободная земля, свободная от страхов и разбоев; здесь, в сердце дорвагских владений, зачастую на ночь не запирали и дверей.

А потом горы кончились, сошли на нет в долгих лесистых склонах, и пришло время сворачивать с торного тракта — он уводил на северо-восток, их же путь лежал на юг.

По становящимся все менее заметными проселкам они шли от деревни к деревне еще одиннадцать дней. На двенадцатый день узкая лента заросшей травой дороги вывела их в укромный залив лугов между двумя крыльями лесных стен; дорвагские владения кончались, за протянувшейся на десять лиг полосой заболоченных земель начинались пока еще едва заметные среди лоскутьев леса каменистые холмы, выставившие над зелеными кронами свои лысые макушки; начинались предгорья Опустелой Гряды. Здесь дорваги держали сильную пограничную стражу; и хотя их дозоры пропустили маленький отряд без задержек, Фолко заметил тревожные взгляды, брошенные им в спину. Келаст был известен как следопыт и мастер в поимке вражеских лазутчиков; и раз уж северные старшины отправили его на юг, значит, дела плохи и тревоги недалеки.

Пробиравшихся через болота друзей несколько суток неотступно преследовали комары; хоббиту оставалось лишь утешать

себя воспоминаниями о том, что точно так же, если не хуже, было и четверке хоббитов после Пригорья; это помогало, но не очень.

Двадцать шестого июня по календарю хоббита они миновали болота и углубились в предгорные леса. Идти стало гораздо труднее; Опустелая Гряда все время протягивала на запад жадные руки своих крутосклонных отрогов; карабкаться то вверх, то вниз оказалось нелегко и путникам, и их коням.

Первое, что бросилось в глаза хоббиту, — как мало в этих местах зверя и птицы; почти не слышно звонкого перестука желны; даже синицы куда-то подевались. Несколько раз хоббиту встретились мертвые муравейники, а однажды они увидели и сам исход: широкая шевелящаяся и остро пахнущая кислым лента рыжих муравьев неостановимо двигалась куда-то на закат, таща за собой яйца и личинки. Лишь серых ворон еще можно было застать на открытых местах, да по ночам друзьям частенько слышался тоскливый волчий запев. Не видно было помета лосей, и заячьи следы, как сказал Келаст, почти исчезли. Ясное небо, изредка заволакиваемое негустыми облаками, щедрое солнце и ласковые теплые дожди разительно отличались по внушаемому настроению от угрюмо замерших лесов. Дорваги и Эрлон искали следы дозоров Олмерова воинства — и не находили их. То ли черноплащники не заходили так далеко, то ли были очень осторожны... Фолко, прислушиваясь к себе и пытаясь угадать, откуда может появиться опасность, не мог почувствовать ничего определенного — только смутное и тяжелое ожидание чего-то недоброго прочно угнездилось в груди.

По пути они крепко сошлись с Эрлоном; Фолко часто расспрашивал его о подробностях пути войска Короля-без-Королевства через северные земли; Эрлон отвечал с трудом, преодолевая тотчас вскипавший в нем гнев; он бледнел, лоб покрывался испариной, а в глазах вспыхивало такое пламя, что, увидь Фолко человека в таком состоянии года три назад, где-нибудь в своем родном Бэкланде, он убежал бы без оглядки.

Эрлон рассказывал об организации различных отрядов врага; о том, как до последнего тащили с собой своих ослабших, обмороженных товарищей ангмарские арбалетчики; как хазги, чувствуя близкую смерть от холода и голода, сами падали на обнаженные мечи, избавляя соратников от лишних ртов; как обессилевших заставляли садиться в седла — те ни за что не хотели занимать чужих, как им казалось, мест, находя более нуждающихся в помощи.

Говорил он и о том, что, стоило возле начинавшего отставать, все чаще и чаще садящегося на снег воина появиться самому Олмеру, сказать несколько негромких слов, похлопать по плечу — и человек вставал, и вновь шел, и дотягивал до привала; и потому

сотни Олмера сохранили куда больше порядка и сил, чем можно было ожидать.

«И ветер с заката раздует пожар...» — всплыли в памяти хоббита строчки из пророчества Наугрима. Что это значит? Неужели — по коже пробежали ледяные мурашки, — неужели приближается назначенный Единым Час и мир идет к дню Последней Битвы? Гэндальф, Гэндальф, что же ты, где же ты, где твой совет, где твоя жалость к малым и слабым?! Как нужен сейчас твой совет...

Они медленно, с трудом пробивались к северу, идя вдоль западных склонов Опустелой Гряды. Ночами Фолко все чаще и чаще долго лежал без сна, глядя в небо, покрытое бесчисленными огоньками голубоватых звезд, и не чувствовал потребности закрыть глаза и зарыться в одеяло. Костер постепенно угасал, хоббит оказывался один на один с ночью. Его взгляды отыскивали на небосклоне яркий пояс Небесного Меченосца; помещенный Светлой Королевой как знак неминучей Последней Битвы и Конца Дней, он казался хоббиту полным скрытой угрозы. Словно кровавый глаз неведомого чудовища, горел багряный Боргиль; и кинжал, согретый теплом тела хоббита, вдруг начинал, точно живой, проситься на волю из ножен. В такую ночь Фолко впервые услышал неслышимый для других холодный голос, исходящий из покрытого синими цветами клинка: «Крови, крови, много крови хочу выпить я, прежде чем выпаду из твоей обессилевшей руки. Крови знатных и сильных, дабы выковавший меня возрадовался, увидев это из своих высоких чертогов...»

Замирая от ужаса, Фолко обнажил холодно сверкнувшее в звездном отблеске оружие; и ему показалось, что чьи-то полные силы и власти глаза смотрят на него из глубины крестовика; он попытался заговорить в мыслях со своим кинжалом, но тот не отвечал ему, и хоббит невольно вновь вспомнил Красную Книгу, Бильбовские «Переводы с Эльфийского», историю Тьюрина Турамбара и его меч, примерно так же заговоривший в последний день жизни великого героя; и последние слова Тьюрина, обращенные к оружию, — не возьмет ли оно его собственную кровь как выкуп за пролитую кровь других, убитых Тьюрином в ослеплении? И меч ответил «да», и взял выкуп, и сломался. И Фолко, точно по наитию, держа в ладони обращенный острием к себе кинжал, высоко поднял руки навстречу льющемуся с небес серебристому сиянию и, чувствуя, что ломится в незримые, но запертые пока что двери, обратился к клинку — не возьмет ли он его, хоббичью, кровь? Кровь, но не жизнь? Будет ли он служить ему так же верно, как служил выковавшему его?

Тишину лесной ночи, безмолвие июньского леса вдруг нарушило донесшееся откуда-то из дальних далей чистое и тонкое теньканье, словно десятки крохотных серебряных молоточков били по звенящим наковальням; и среди этого звона до внутрен-

него слуха Фолко вновь донеслись сказанные ему слова: «Да! Я с радостью выпью твоей крови, ибо высокая судьба твоя и удивительный жребий выпал тебе. Никто из носивших меня не предлагал мне крови своей в знак дружбы, и, хотя я не могу служить тебе так, как своему создателю, ты будешь стоять лишь на одну ступень ниже его. Клянусь тебе, что не выскользну из твоей ладони и найду щель в любой броне. Я помогу тебе пройти невидимые преграды, ибо немалые силы вложил в меня мой создатель. Дай же мне напиться!»

Фолко медленно завернул себе левый рукав, правая рука его, сжимая кинжал, нависла над смутно забелевшей в темноте плотью; и тут его охватил страх перед болью, хотя ему приходилось терпеть за время странствий куда как немало; и лишь огромным усилием воли он заставил себя провести холодным и острым лезвием себе повыше кисти. Он так вдруг испугался хруста разрезаемой кожи, что даже не почувствовал боли. Теплые темно-алые струйки побежали по запястью, и скрытое в клинке заговорило снова, и хоббит услышал:

«Да! Давно не пил я крови и ныне доволен. Но погоди же прерывать этот благословенный поток. Ибо с каждой каплей крови твоей возрастает моя сила, и чем дольше ты терпишь, тем более страшен и неотразим буду я в твоих руках!»

И Фолко терпел, не замечая мокрого от его собственной крови плаща. Мало-помалу начинала кружиться голова, страх ледяными когтями вцепился в сердце — вдруг он не выдержит...

Но он выдержал. Клинок вдруг словно сам собой нырнул в ножны, правая рука, держа невесть откуда взявшуюся холстину, зажала рану, а клинок обратился к хоббиту в третий раз:

«Довольно! Ибо иначе ты слишком ослабеешь. Воистину дружбу хочешь ты предложить мне, ибо не вкралось в помыслы твои даже следа мысли, что я хочу умертвить тебя, взяв всю твою Влагу Жизни. И буду я служить тебе, как не служил никому, и да не будет знать промаха рука твоя, сжимающая мою рукоять!»

Наутро Фолко здорово перепугал всех. Проснувшийся первым Келаст в ужасе вскочил на ноги, заметив лежащего без чувств хоббита, покрытого окровавленным плащом; гномы схватились за оружие, однако не обнаружили даже следов воображаемых врагов; а когда Фолко пришел в себя и заявил испуганным друзьям, что просто был неосторожен и порезался, негодованию их не было предела. Хоббит был назван всяческими «нежными» словами — и одним «шерстолапым олухом» он, разумеется, не отделался.

На шестой день своего пути на север они наткнулись на свежие отпечатки конских копыт со знаком Изельгрида.

Шел июль, а они с неослабным упорством пробивались все

дальше и дальше, к месту падения Небесного Огня. Фолко, еще слабый от потери крови и потрясения, погрузился в какое-то безразличие. Странные видения преследовали его; картины чудесной цветущей страны чередовались с пылающими городами, тянущимися по дорогам вереницами пленных и поспешно отплывающими золотистыми кораблями. Видел он и себя, задыхающегося, прижатого к стене и отчаянно отбивающегося каким-то странным кривым мечом; и кроваво-красное небо, и огромную тучу, иссиня-черную, имеющую облик исполинского орла, облик слишком близкий к реальности, чтобы быть случайной игрой прихотливого ветра; а как-то ночью ему вдруг приснился странный сон...

В прозрачной воде мелкого залива купали низко склоненные сочно-зеленые листья неведомые ему деревья. Листья тоже были странные — широкие, в ладонь, и длинные, в локоть. Высоко-высоко застыло жаркое солнце. Несколько уже знакомых кораблей Морского Народа с гордо выгнутыми носами, украшенными резными мордами волков, медведей и драконов, стояло неподалеку от берега; и Торин, в броне, но без шлема, с ужасным шрамом (откуда он только взялся?) стирал кровь с топора, и его седые борода и волосы были тоже испачканы чужой кровью. В компании нескольких эльдрингов прошел мимо Малыш, что-то возбужденно рассказывая; а в самой пенной полосе прибоя замерло пронзенное многими стрелами и копьями тело морского змея, и вокруг безобразной головы еще заметно было медленно угасающее фиолетовое свечение, странное, пугающее. А за недальними прибрежными холмами уже яростно трубили многочисленные боевые рога; там строились дружины, и хоббиту надлежало быть там, и как хорошо, что совсем не ноет левая рука, и почему Хлорар медлит с ударом своих панцирников, и неужто Фелластр вновь выведет своих перьеруких из расставленной ловушки вместе с Адамантом Хенны?..

На следующую ночь, когда пропитанный зловонием болот западный ветер приутих и на застывшие в смутном ожидании холмы Опустелой Гряды опустился мягкий, окутанный колеблющимся серебристым покрывалом туманов вечер, и впервые за много дней путники услыхали в густых ветвях пение птиц, хоббиту явился Гэндальф.

Фолко лежал на спине, глядя широко раскрытыми глазами в бездонное черное небо. Удивительные все же выдавались ночи здесь, на краю Опустелых Гор! Казалось, ты смотришь в мелкую воду быстрого ручейка, и звезды — всего лишь красивые камешки на дне, а может — игра быстрых взблесков на чешуе каких-то придонных созданий. Взгляд хоббита отыскал в небе Большую Медведицу, созвездие, излюбленное Светлой Королевой, назы-

ваемое эльфами Серп Валаров; и в тот же миг оживший клинок мягко толкнул его в грудь, предупреждая о чем-то, а затем хоббит понял, что у костра кто-то сидит.

Мгновенный страх умер не родившись; эта невысокая, плотно закутанная в плащ фигура не могла быть врагом, хотя наполняющая ее сила была такова, что Фолко ощущал ее почти как жар на лице; глядя на обращенное к нему, скупо озаренное огнем молодое лицо с необычайно глубокими, совсем немолодыми глазами, в которых его обострившиеся чувства читали громадный опыт многих и многих жизней, Фолко не сразу узнал его. И лишь когда незнакомец заговорил, сомнения хоббита исчезли; это был знакомый голос Гэндальфа.

— Ты растешь замечательно быстро, сын Хэмфаста, — заговорил сидящий у костра. — Вот ты уже и добрался до Наугрима, вот ты уже на самом краю владений новой силы, пришедшей в наш мир. И чем дальше, тем больше я жалею, что не могу, как встарь, оказаться рядом с тобой.

— Но раньше ты был совсем другой, — пробормотал Фолко, в душе кляня себя за тупость.

Ему вдруг пришло в голову, что в общем-то у Гэндальфа почти нечего спрашивать — только разве что о природе Валаров, о Великой Лестнице и тому подобных вещах, ибо его путь ясен — вперед, за Олмером, к самому краю горизонта!

— Потому что перед тобой не тот Гэндальф, которого ты знал по книгам и нашей первой встрече в твоем сне, — серьезно ответил тот, внимательно глядя на хоббита. — Ибо я снова — Олорин, один из Майаров, вступивший в Эа прежде, чем Арда приняла свои формы. От многого, что влачилось за мной из прошлого, я излечился, многое забыл и многому научился снова, но вот голос — он остался со мной.

Наступило молчание. Гэндальф, очевидно, ждал вопросов хоббита, а тому вдруг совершенно расхотелось их задавать. С необычайной остротой ему вдруг привиделась огромная, острая, смертоносная стрела, что по-настоящему живет лишь краткое мгновение перед тем, как поразить цель; и этой стрелой были они — Фолко Брендибэк и мирно храпящие бок о бок гномы. Они сами выбрали свою долю, и что толку теперь вести многоразумные и многоважные разговоры?! Что толку говорить с этим посланцем Валаров, если в ответ он все равно будет слышать только одно — Весы... Весы... Весы!

— Зачем ты пришел? — медленно начиная закипать, заговорил хоббит. — Что ты, великий, мудрый и всесильный, в сравнении со мной, маленькой песчинкой в море Смертных, что ты можешь сказать мне? И если ты так могуч, и если знаешь смысл нашего похода — почему бы тебе не сделать кое-что для Средиземья? Почему бы вашим хваленым Валарам не показать свою силу и свое

могущество, обратив его на благие дела?! Почему бы вам самим не прикончить Олмера, золотоискателя из Дэйла, зачинателя новых кровавых смут в Средиземье? Для чего вы тогда вообще?! Вы, Великие и Сильные, убрались куда-то за горизонт, предоставив право копаться в этой жуткой каше нам, мало что понимающим, почти ничего не умеющим, кроме как отдать свои ничего не значащие жизни?!

Он выкрикнул это единым духом, сжимая кулаки и покрываясь холодной испариной; злые слезы некстати навернулись на глаза.

Олорин сидел, не меняя позы, да и зачем ему было ее менять — духи не устают; с замиранием сердца Фолко ждал ответа.

— Ты прав в том, что я не могу пойти против Закона Весов, — заговорил Олорин, и хоббит удивился бесцветности голоса гостя — словно и не было его вспышки, словно вообще ничего не случилось. — Но в остальном ты заблуждаешься, и опасно заблуждаешься! Примерно такие же рассуждения мне уже доводилось слышать.

— Знаю! В Нуменоре, незадолго до его Падения!

Казалось, Олорин был удивлен, недвижное доселе лицо, а точнее — маска, вздрогнуло, глаза впились в хоббита.

— Как это стало тебе известно?

— Нетрудно было догадаться, — буркнул хоббит. — Уж тебе-то должно быть известно, что голова у нас, невысокликов, порой соображает, и даже неплохо! *Что же еще могли там говорить*?

— Но я все же закончу, — овладев собой, невозмутимо продолжил Олорин. — Ты говоришь — где же эти Валары, почему не покончат со Злом. Да знаешь ли ты, что такое Зло?

— Зло — оно очень разное, и нелепо пытаться истребить его на вечные времена. — Злость снова прорезалась в голосе хоббита; казалось, не он, а кто-то другой, сильный и знающий, говорит сейчас его голосом; только что произнесенное им было изречением Элронда, записанное Бильбо в Ривенделле и переведенное им на Всеобщий Язык. — Не надо говорить мне, что Зло многолико и неистребимо, что Добро для одних оборачивается Злом для других, и так далее. Каждый встает на ту сторону, которая заставит молчать его совесть — если, конечно, у него есть выбор и есть совесть.

— Тогда я скажу тебе по-другому, — сказал Олорин. — Разве вы, Смертные, бессильные тряпичные куклы, какими забавляются ваши дети? Разве вы лишены разума, воли и тяги к свободе? Разве могут Валары распоряжаться вашими жизнями, разве могут направлять ваши пути против ваших же желаний и устремлений?! Один лишь раз Валары воззвали к Единому — когда был повержен Нуменор, стремившийся в безрассудной гордыне своей опрокинуть наш миропорядок. Поверь мне, все обитатели Благо-

словенной Земли по сей день не перестают оплакивать те ужасные времена и гибель Великого Народа. И все Валары сожалеют и скорбят об этом. Кто же вы будете, если мы станем за вас расправляться со всяким, кто посягнет на мир и покой Запада? Пойми, невысоклик, Валары, о которых ты так страстно хотел узнать хоть что-нибудь — это лишь Силы Арды, Стихии, и не в их власти пасти народы железным посохом.

— Но в их власти — вздымать и рушить горы, изменять русла рек, покрывать лесами безжизненные пустыни, — возразил Фолко. — Что перед этой силой человек, гном или хоббит, что перед этой силой страны и королевства, крепости и армии, отвага и доблесть?

— Валары не властны над путями и судьбами Детей Единственного, — казалось, в голосе Олорина зазвучала усталость. — Именно потому, что Зло многолико и никто, даже Валары, не смеет судить о том, что есть Зло, а что — Добро.

— Так почему же ты три тысячи лет был Врагом Саурона?!

— Это другое. Саурон Великий — он прост, понятен. Всевластие ради всевластия — вот что было его целью. Ничего не нес он людям, кроме рабства и горя. Но на чью сторону прикажешь становиться мне в споре тех же басканов с дорвагами?

— Тот, кто первый напал! Тот и виновен, что тут думать?

— А если он лишь упредил нападение другого? Можно сказать, что виноват тот, кто первым замыслил... Короче, мы очень хорошо можем сказать, что Зло, когда говорим о насилии, убийстве, грабеже, обмане, лжесвидетельстве и так далее, но когда речь заходит о народах и государствах — тут бессильны даже Валары. Силы Арды лишь поддерживают равновесие в мире. И я пришел к тебе помочь в твоем пути.

— Ты знаешь, как убить Олмера?

— Почему эти слова Радагаста так засели у тебя в голове? Да, я сам советовал тебе держаться его, но никогда не думал, что он даст тебе такой прямой совет, более смахивающий на приказ. Я виделся с ним, мы говорили о многом. Он не знает, откуда сила Олмера, но я, кажется, догадываюсь. Не зря же я провел в Средиземье всю Третью Эпоху! К Олмеру медленно перетекает Сила Тьмы, но почему именно к нему и каким образом — кто знает? Это предстоит решить тебе.

— Ну, а если я ошибусь? И вообще, почему я? Никаких колец я не подбирал, ни за каким драконьим золотом не гонялся — почему я? И правда ли, что, если нам посчастливится убить Олмера, Тьма отступит?

— Отступит, — серьезно кивнул Олорин. — Олмер — ее знамя, ее средоточие, он — острие ее копья. Но вот почему он стал таким и почему его сила возрастает все время, я не знаю.

— Тогда скажи, как относиться к словам Наугрима, и вообще, кто он такой? Я спросил его, но он почему-то не ответил.

— Разве ты не догадался? Он из рода Черных Гномов, той загадочной силы, перед которой я вынужден был отступить в свое время, не найдя с ними общего языка. А словам его нужно верить. Ты и впрямь вытащил себе удивительный жребий, и Олмер невольно сам помог тебе — подарил чудо из чудес, клинок Отрины, или Белег Анка по-эльфийски, Когти Мощи. Вот уж ума не приложу, зачем он это сделал! Из Благословенной Земли тоже видно далеко не все, так что не рассчитывай на мое всезнание.

— И я снова спрашиваю тебя, — устало понижая голос, сказал Фолко, — чем ты можешь помочь мне? Не можешь — так прощай, а можешь — помоги. Так говорят у нас. Не пойму я тебя, Гэндальф. Ничего по сути ты не сказал. Как шел я убивать Олмера, так и иду. Как не знал, что делать с Ночной Хозяйкой и прочими прелестями, что поджидают меня на Востоке, так и не знаю. К чему же вся наша беседа? Помощи я жду от тебя, помощи дельным советом! Что нам делать с Пожирателями Скал, которые ползут на Запад? Как противостоять внушаемому ими страху? Что делать, если мы погибнем и не выполним долга? Собирать ли силы, просить ли помощи? Где, как, у кого? Перед тобой открывались ворота сильнейших крепостей Средиземья, и те, что были под твоей защитой, могли запросто говорить с королями и властителями. У них было Кольцо — зримое и ужасное доказательство, и они шли не вслепую, пока ты был с ними, и ты успел указать им верную дорогу. А что можем мы?! Помоги нам, пойдем вместе с нами! А самое лучшее — если Валары не могут уничтожить одного-единственного Олмера, не духа, человека, ставшего, по твоим словам, острием Копья Тьмы, почему этого не сделать тебе? Ведь ты же в один миг можешь оказаться возле него...

— Я провел в Средиземье всю Третью Эпоху, — тихо сказал Олорин. — И за все это время не убил ни одного человека, даже если он служил Врагу.

— Понятно! Грязную работу должны делать другие?!

Фолко поднял глаза — и замер: у костра было пусто.

«Привиделось мне все это, что ли? — в недоумении ломал он себе голову, беспокойно ворочаясь на жесткой подстилке. — Что это было? Если Гэндальф... Нет, не похоже. Наверное, и впрямь Олорин, хотя, вразуми меня Дьюрин, как сказали бы гномы, если я знаю, кто это такой на самом деле. Нет, Гэндальф — *тот Гэндальф* — он бы не исчез. Он стал бы спорить, браниться и в конце концов просто взял бы за руку и повел — до тех пор, пока я бы не понял, куда надо идти самому. Наверное, Гэндальф — это все же не весь Олорин... а может, и нет, кто его знает. Гэндальф был, судя по Красной Книге, почти человеком... Только больше мог и знал больше — раз в сто. А потом ушел... И, наверное, это был

все-таки Олорин, то есть — и хотел бы помочь, да не очень понимает как, а может, и я, глупый, не понял его... Помочь-то он хочет — это от Гэндальфа, да и Олорин сам всегда жалел обитателей Средиземья... Но вот Весы и всякие темные слова — что можно, чего нельзя — это от Олорина, как пить дать...»

— Ты почти прав, невысоклик, — вдруг раздался чей-то едва слышный вздох в окружающих зарослях — словно легкий ветерок пробежал по кронам. Беспокойство как-то сразу унялось, и хоббит спокойно уснул.

Наутро они обсуждали планы. Разведчики-дорваги говорили, что припасы у них не бесконечны и что, если они хотят хоть что-то выяснить, надо поворачивать на восток и переваливать через Опустелую Гряду — Келаст знал здесь тайные тропы. Эрлону было все равно, лишь бы поближе к врагам, чтобы поскорее посчитаться за все, однако гномы и хоббит сидели в нерешительности.

В самом деле, мешки с провизией через неделю-другую начнут показывать дно; дорога же к Дому Высокого и Тропе Соцветий займет несколько месяцев. Они рассчитывали на охоту, но дичи в этих краях совсем не было. Наконец решено было рискнуть и приблизиться к становищам олмеровского войска, чтобы раздобыть пропитание, после чего уже пытать счастья в поисках Небесного Огня. У хоббита душа не лежала к этому, смутное и нехорошее предчувствие не давало покоя; но своих тревог он не сумел никому объяснить, даже Торину, и ему пришлось подчиниться. Они повернули на восход.

Глава 6

СЕРЫЙ ВИХРЬ

— Опять подковы, — мрачно изрек Келаст, склонившись над пересекающим едва заметную тропку ручьем.

Третий день шли они в глубь гор, вокруг становилось все сумрачнее и угрюмее. Леса исчезли; склоны покрывал густой кустарник, и Келасту стоило немалых трудов отыскать свою заветную тропу. Однако очень скоро выяснилось, что она облюбована не им одним: встреченные ими отпечатки были уже четвертыми. Остерегаясь засад, они, тем не менее, не могли никуда свернуть — кусты стояли стеной, оставалось надеяться на слух хоббита и опыт Келаста.

Они тронули поводья. Глубокое и узкое ущелье, по которому они ехали, плавно заворачивало на юго-восток, постепенно расширяясь; хоббит приободрился при виде чистого неба над головой, но радоваться пришлось недолго — ветер, дувший им в лицо, неожиданно донес звуки конского ржанья. Кто-то еще был в этом ущелье — и двигался им навстречу.

Быстро, но без спешки, они свернули с тропы, укрываясь в зарослях. Приученные, легли на землю боевые кони дорвагов; хоббит натянул лук, остальные обнажили мечи, Торин вытащил из-за пояса топор. Потянулись минуты ожидания... Еще два или три раза до их слуха доносились приглушенные голоса, даже смех, скрипели камни под чьими-то сапогами, но мимо них так никто и не прошел. Постепенно все вновь стихло.

Шло время, они недвижно лежали в кустах, и никто ничего не мог понять. Были здесь люди или не были? Чьи это были голоса? Хоббит и Келаст проползли сколько могли вперед вдоль тропы — ничего. Ни людей, ни коней, ни следов, ни голосов.

— Что толку сидеть сиднем?! — зло плюнул Торин, когда они вернулись. — Идем вперед!

Осторожно, поминутно оглядываясь и прислушиваясь, они продолжили путь. Тучи разошлись, солнце палило, в долине не чувствовалось ни малейшего дуновения, и путники обливались потом, не решаясь расстаться с доспехами. Среди зелени все чаще попадались голые серые куски скальных стен; склоны становились все круче, окружающие горы все выше. Наконец зеленые волны кустов разошлись; исполинские серо-синие склоны взметнули ввысь острые, точно мечи, вершины, и Келаст неожиданно остановился.

— Ничего не понимаю, — он утер пот, — этого раньше не было! Слышите?! Не было раньше таких круч! Или я окончательно выжил из ума?

— Как не было? — медленно проговорил Торин. — Ты что, хочешь сказать, что не знаешь, куда нас завел?!

— Знал — до этой минуты. — Келаст угрюмо озирался.

Снова что-то горячее тревожно шевельнулось в груди хоббита. Он вытащил Клык, как он стал называть про себя чудесный кинжал, — по краям клинка горел мрачный багровый огонь, синие цветы казались окруженными темным пламенем.

— Враг близок, — едва выдавил он и облизнул пересохшие губы.

— Повернем или пойдем дальше? — обвел остальных тяжелым взглядом Торин.

Дорваги молчали, потупясь, один Эрлон с лязгом вогнал в ножны до половины обнаженный клинок и заявил, что он лично назад не повернет, когда до становища его кровного врага осталось всего ничего.

— Но нас могут перестрелять в этой ловушке, как куропаток, — скрипнул зубами один из дорвагов.

Фолко заметил, что все они смотрят на Келаста, очевидно, ожидая его решения.

— Нечего лезть на рожон, когда не знаешь даже, где он, — проговорил наконец Келаст.

Его товарищи поспешно закивали. Теперь настала очередь скрипнуть зубами Торину.

— Ты знаешь другую тропу за Гряду?

— Знаю, но до нее — дней пять ходу.

— Тогда поворачивайте назад, если хотите, — выдохнул Торин.

Фолко заметил, что бывалого тангара бьет мелкая дрожь. Хоббит и сам чувствовал, что лучше бы, конечно, повернуть, но что-то заставило их в тот день отбросить все страхи и, несмотря ни на что, упрямо лезть на тот самый рожон...

Весь день они шли, хоронясь в зарослях, хватаясь за оружие при каждом подозрительном шорохе. Но в долине все было тихо — только шмели деловито жужжали среди цветов, нимало не заботясь о всяких там войнах. Постепенно долина стала расширяться, по склонам замелькали сосны, и к вечеру они ехали уже в густом красноствольном бору. Но от хоббита не ускользнуло, что и тут почти не было птиц; и вновь им встретились покинутые малым хлопотливым народом муравьев их высокие жилища. Среди деревьев все чаще стали попадаться мертвые, торчащие, точно обглоданные кости, стволы; на тропе то и дело встречались завалы; серо-зеленый мох уже глубоко въелся в кору павших деревьев; кроны над головой смыкались все плотнее и плотнее, в ряды сосен все чаще вонзались копья седых елей, лес становился гуще — и все больше и больше стояло и валялось в нем мертвых деревьев. Наступила странная, точно ватная тишина, которую страшно было потревожить звуком; они ехали в молчании. Небо вновь заволокли серые тучи, откуда-то слева потянуло знакомым запахом болота; незамедлили, явили себя и полчища комаров.

Тропа продолжала услужливо разворачивать перед ними свои изгибы, но у хоббита уже не оставалось сомнений, что она ведет в ловушку. Клык, казалось, ожил, просясь в ладонь; теперь края клинка казались раскаленными. Словно вязкая трясина затягивала их куда-то; но с каждым шагом в сердце хоббита росла и крепла та веселая предбоевая злость, что дает силы бестрепетно идти, веря в себя и друзей, на кажущуюся непреодолимой стену чужой стали; он хотел боя и ждал его, и это совсем уже было не похоже на хоббита.

Ближе к сумеркам лес поредел. Тонкие сухие лесины торчали тут и там из толстого слоя мхов; где-то неподалеку раздавалось журчание воды, по впадинам собирался туман. Зелени становилось

все меньше, и наконец они очутились на обширной серой пустоши, утыканной сиротливо торчащими мертвыми стволами. Тропинка оборвалась, упершись в какую-то причудливую мшистую корягу, и они остановились в нерешительности. Фолко невольно прикрыл глаза, как делают уставшие после долгой и трудной работы, какой показался ему путь через долину. Они пришли.

Он смежил веки, покачиваясь в седле, пони беспокойно переступал с ноги на ногу, но пустошь не исчезла. Закрытыми глазами Фолко видел ее столь же ясно, как и открытыми, — только теперь в ее дальнем конце, там, где скалы угрюмо сдвигались, сжимая в своих объятиях мертвый лес, среди густого бурелома, он увидел небольшую серую фигурку. Как от удара, он вздрогнул и поднял веки — ничего. Вновь зажмурился — человеческий силуэт, тощий, словно палка, теперь не был неподвижен: он медленно вздымал руки, и в воздухе словно загудела противная, визгливая, точно надорванная, струна; хоббит ощутил толчок в грудь, как будто его кто-то ударил; испуганно заржали кони, беспокойно крутясь на месте; на миг оглянувшись, хоббит увидел, как страх исказил, изломал лица друзей, как один из дорвагов упал на одно колено, как пытается осадить храпящую и пятящуюся лошадь Келаст, как Малыш с дергающейся щекой пытается вырвать из ножен вдруг застрявший в них меч; было очень странно глядеть на все это, он словно сидел на представлении, разыгранном умелыми лицедеями: ему самому не было страшно, лишь рукоять Клыка вдруг стала очень горячей, так что жар чувствовался даже сквозь латную рукавицу; и тогда, не имея ни малейшего представления, что ожидает его впереди, кроме смутных слов Наугрима о Сером Вихре, хоббит крикнул друзьям:

— Не двигайтесь! Я сам!

Он соскочил с пони и пошел вперед, спотыкаясь, не глядя под ноги, чтобы не потерять своим внутренним взором фигуру, маячившую вдали, одновременно освобождая колчан.

— Куда?! — раздался за спиной суматошный вопль Торина.

Хоббит не обернулся — но внезапно ощутил, совсем близко, чье-то плечо. Он чуть скосил глаза — рядом, по-медвежьи раскачиваясь и широко расставив ноги, шагал Эрлон — рот оскален, глаза навыкате, в руке — видавший виды меч, что подарили ему на дорогу Шаннор и Ратбор. Больше никто не смог последовать за ними, и Фолко понимал почему — мутной волной, гасящей волю, накатывался страх, но в этот миг хоббит словно раздвоился — один корчился в муках ужаса, другой взирал на это холодно и отстраненно, прикидывая расстояние и упреждение, чтобы свалить врага, кто бы он ни был, первой же стрелой; и тело повиновалось второму, пока первый заходился в беззвучном истошном крике.

Серая фигура на другом конце пустоши вдруг стала расти, вы-

тягиваясь вверх, угрожающе вздымая ставшие вдруг очень длинными руки.

Каждый шаг давался хоббиту с трудом, словно он тянул за собой на веревке тяжелый груз; но расстояние сокращалось...

Что произошло дальше? Об этом каждый потом говорил по-разному. Тишину пустоши внезапно нарушили крики команд, хрупанье десятков ног по мху, звон оружия, треск веток — сзади надвигались какие-то вооруженные люди.

Хоббит невольно оглянулся — и тотчас получил такой удар в затылок, что перед глазами вспыхнули многоцветные искры, он не удержался на ногах, ткнулся лицом в мох и увидел медленно отваливающийся серо-зеленый пласт, обнажающуюся землю — и белесую змеиную голову, холодный блеск глаз и дрожанье раздвоенного жала. Откуда-то он вспомнил, что такие змеи страшно ядовиты, — и потерял голову, точно наяву почувствовал прикосновение холодной шершавой чешуи, стремительную и острую боль от вонзающихся смертоносных зубов, увидел себя, мечущегося в последних мучениях, в ужасе перед черным ничто, — и «второй» хоббит, крепко державший до этого в руках лук и стрелу, вдруг рассыпался, развалился, исчез, словно дым под ветром; остался лишь «первый» — и никогда после Фолко не мог вспомнить, кто же из друзей вытащил его с этого жуткого места.

Пришел он в себя, когда была уже ночь. Горел костер, дорваги стояли у края светлого круга, держа наготове оружие, и Фолко понял, что страх оказался настолько велик, что даже эти опытные воины поддались ему до такой степени, что сделали то, на что не решились бы никогда, находясь в такой близи от врага, — развели костер и не выставили дальней стражи; очевидно, ни у кого не хватало сил отойти от огня, казавшегося самой надежной защитой от любой нечисти.

На бревнах, угрюмо уставившись в землю, сидели Торин и Малыш; Келаст, судя по наморщенному лбу и едва заметно шевелящимся губам, что-то вспоминал, Эрлон, точно пойманный хорек, неутомимо шагал туда-сюда перед костром. Никто не снимал доспехов.

— Что это было? — с трудом спросил хоббит. — Откуда змеи?

— Какие змеи? — вдруг с удивлением откликнулся Малыш. — Ты змей видел?

— Вот-вот, — не поднимая головы, буркнул Торин. — Ему — змеи, дорвагам — незнамо кто, вроде не то гурры, не то еще кто, нам с Малышом... ну, об этом не вслух. — Он вздрогнул. — Эрлону вот дракон показался...

— Что ты говоришь, Торин?

— Что тут говорить! — На лице гнома была жесткая усмешка. — Ничего этого не было! Морок это был, обман, колдовской туман! Тот, кто сидит в этой пустоши, решил покончить с нами

разом и наслал на каждого из нас то, чего тот боится больше смерти. И он достиг своего — мы бежали! — Он вновь усмехнулся. — Да только ошибся этот! — вдруг рявкнул гном, хватив кулаком по бревну. — Ошибся в том, что мы остановились да догадались, что он сам нас боится, иначе бы действовал умнее, показал бы всем одно и то же!

— Раз боится — значит, можно прорваться! — глубокомысленно заключил Малыш. — Когда пойдем?

— Куда? — зарычал Келаст. — Чтобы снова бежать сломя голову, ничего не видя и не понимая? Кто-нибудь может сказать, кто или что это?

Ответом было молчание. Келаст неспешно обвел всех взглядом и продолжал:

— Нужно поворачивать и уходить, пока не поздно, к югу. Иначе мы просто останемся без крошки хлеба!

«Снова назад, — подумал хоббит. — Нет, поздно. Мы подошли почти к самому логову Олмера, и поворачивать уже нет смысла. Хотя Наугрим и говорил, что Олмера нужно ждать у Дома Высокого, вдруг нам повезет? Вдруг он окажется здесь? Но для этого надо пройти пустошь...»

— Эй, кто там?! — суматошно заорал вдруг один из дорвагов. — К оружию!

Над ухом хоббита что-то взвизгнуло; вынесшаяся из мрака длинная стрела отскочила от скрытого складками плаща доспеха Малыша. Они вскочили на ноги, хоббит машинально опустил глухое забрало — и вовремя! Вторая стрела ударила прямо в лицо, он пошатнулся, но быстро пришел в себя, к собственному удивлению ощущая какое-то странное облегчение: стрелы — не призраки, с ними можно управиться.

Келаст наугад ответил невидимому врагу своей стрелой; нашла ли она дорожку или пропала даром — кто мог сказать? Ни звука, ни стона... Только шелестит, склоняясь под ночным ветром, жестколистный тамариск.

Всю ночь простояли они, не выпуская из рук оружия; всю ночь слушали недобрые, глухие голоса каких-то странных существ, перекликавшихся неподалеку; иногда что-то тяжелое, шурша, проползало у самой границы светового круга. С короткими гортанными вскриками несколько раз над костром пронеслись какие-то крылатые тени; хоббит сбил одну из них, но темное тело, беспомощно трепыхаясь, упало где-то в зарослях, куда никто не рискнул отправиться.

Томительно тянулись нескончаемые ночные часы, едва заметно проглядывала сквозь низкие тучи желтая луна. Под утро, когда мрак, прежде чем рассеяться, становится особенно непроглядным, вокруг них вновь воцарилась недобрая тишина, безмолвие нарушали лишь странные звуки, как будто кто-то тяжелый и груз-

ный крадется по кустам, стараясь производить как можно меньше шума. Костер трепетал, понемногу угасая, дорваги пятились все ближе и ближе к умирающему огню.

Неистовое ржание их смертельно перепуганных коней ударило по сознанию точно тяжелый молот; лошади в безумии пытались оборвать привязь. Гулко бухнуло и оборвалось что-то в груди — они смотрели на восток, в сторону пустоши, откуда, как ясно чувствовал Фолко, вновь надвигалось нечто, угрожающее и непонятное.

Глухой рев, треск ломающихся веток; мигнул и изошел предсмертным сизым дымом костер, в золе лишь алели уголья, но свет не исчез — осталось бледно-зеленоватое сияние, на фоне которого на мгновение до рези в глазах четко стали видны скрюченные ветви кустов; а потом ветви вдруг словно растворились, и перед путниками возникла ужасающая, странная форма уродливой жизни, какую никто из них не мог представить себе в самых страшных снах; откуда, из каких глубин было вызвано это существо, никто не знал и не мог даже догадываться. Они увидели два ряда острейших зубов, желтые клыки, покрытую слизью морду: беспрестанно шевелящиеся конечности заканчивались когтями, шуршало, беспокойно извиваясь, слабо светящееся членистое тело. Низкое, плоское и длинное существо с двумя глубоко посаженными горящими зеленым огнем глазами остановилось; в горле его заклокотало, и друзья услыхали не то кваканье, не то хрипение; несколько хватательных конечностей поднялись в воздух, угрожающе протягиваясь к ним.

Ужас и омерзение парализовали на миг всех. Сухая спина и источающее слизь брюхо, беспокойно шевелящиеся ноги и зеленоватое свечение вокруг увенчанной рогами уродливой головы...

Со звонким хлопком тетива эльфийского лука хлестнула по кожаной рукавице на левой руке хоббита. Стрела вонзилась прямо в левый глаз страшилища, но не застряла, а, окруженная алым сиянием, пронзила насквозь голову и туловище, и в следующий миг они увидели ее воткнувшейся в землю; красноватый свет, исходивший от стрелы, освещал травинки, закрытые до этой секунды телом чудовища.

— Морок! — диким голосом заорал Малыш, выхватывая из костра пылающую ветку и запуская ею в морду страшилищу.

Головня пролетела насквозь и, чадя, упала где-то возле хвоста призрака. Вслед за Малышом стали швырять сучья и остальные, торопливо зажигая их от еще дышащих в золе углей.

Контуры чудовища стали быстро таять, точно туман под солнечными лучами; мертвенный зеленый свет отступал перед веселым и живым светом рыжего пламени, Келаст — на всякий случай, что ли? — рубанул по голове чудовища мечом — клинок со свистом рассек воздух и глубоко вонзился в землю.

После этого очертания страшилища окончательно потеряли четкость, растаяли и исчезли; лишь десяток разбросанных горящих ветвей остались на земле.

Друзья вновь раздули костер.

— Ну?! Поняли теперь?! — Голос Торина звучал приглушенно из-под опущенного забрала. — Если мы не испугаемся, то с нами ничего не будет. Нужно идти вперед и не опускать взгляда.

— А это? — Келаст поднял с земли валявшиеся там стрелы и стал пристально их разглядывать. — Это разве морок? Значит, тут есть люди с луками, и раз у них не вышло с призраком, наверняка вновь появится кто-то живой!

Однако до утра так никто и не появился, хотя глаз они, конечно, уже не сомкнули. Сперва насылаемые на них какой-то злобной силой видения отстраненно бродили где-то у края кустов; друзья оказались в замкнутом круге зеленоватого свечения; уродливые многорукие, многоглавые тени вставали по краям, что-то свистело и ухало в чащобе, и хоббит с трудом противостоял подкатывающим, словно тошнота, приступам липкого страха. Не сомкнув глаз до утра, простоял он на одном колене, с готовым луком и наложенной стрелой. И он готов был поклясться, что бродящие вокруг страшилища сейчас обрушатся на их лагерь, растопчут и сомнут их, но, похоже, все эти чудища были лишь наведенными на них обманными видениями — ни одно из них не приблизилось к костру. Не раз доносился из чащи и приглушенный лязг оружия, голоса, отдававшие короткие и отрывистые команды — но был ли это также морок, Фолко не мог понять. Зловещее сияние на его заветном клинке не угасло; и тяжелее всего была мысль о том, что враг совсем близко — а взять его нельзя. Ближе к утру тени постепенно исчезли, утихли звуки и голоса, воцарилась молчаливая недвижность. Все замерло, словно в предчувствии боя; и друзья, без споров и несогласий, молча поправив оружие и проверив лишний раз застежки доспехов, с первыми лучами солнца, пробившимися в долину, развернулись в цепь и двинулись к пустоши.

Вот и знакомые частоколы сухих лесин, вот и бочаги черной воды среди моховых одеял, вот последние живые деревца остались за спиной... вот перед ними пустошь. Серый мшанник, несколько вывернутых полусгнивших коряг... Чего тут бояться? Нужно только не останавливаться, нужно давить в себе все, что мешает целиться стрелой и работать мечом, и тогда, тогда...

Фолко не успел подумать, что будет тогда. Вся пустошь внезапно зашевелилась, пришла в движение, целые пласты мхов и дерна отваливались, открывая глубокие зловонные ямы; и из этих ям на них хлынули змеи. В мгновение ока шипящий, извивающийся поток полился навстречу друзьям; и не было ни единой свободной кочки, ни единого просвета в этом непрерывном

движении; мириадами крохотных холодных взоров прямо в глаза хоббиту впервые по-настоящему взглянула Смерть.

Он не гадал — морок это или действительность; забившийся где-то у самого сердца холодный, как лед, ключ неотвратимых мыслей не оставлял сомнений; но надо было найти средоточие противостоящей им силы, и хоббит, вырвав из ножен специально перевешенный из-под кольчуги на грудь Клык, увидел врага — внутренним зрением.

— О Айну, кано ми ку ре ми камба. Белег реаглар!

Услыхали ли его те, к кому он обратил в тот миг свои мысли? Кто знает, но, когда Фолко зажмурился, он вновь увидел тощую серую фигуру; ее воздетые костлявые руки гнали на них змей, точно пастух — скотину; поток мерзких тварей быстро приближался. До слуха хоббита вновь донеслось испуганное ржание коней; не оглядываясь, он, однако, понял, что дорваги и гномы, ощерясь и низко присев, уже приготовились рубить эту подползающую неминучую гибель. И тогда он выпустил стрелу наудачу, в гущу извивающихся тварей; оставляя за собой в воздухе стремительный багровый росчерк, словно оперенная огнем, стрела вонзилась среди гибких спин, украшенных коричневым узором; в мучительной конвульсии пораженная змея, запрокидывая уродливую голову и выбросив раздвоенное жало, оплела древко, но тут же бессильно опала. Однако вокруг эльфийской стрелы образовался свободный круг, шириной в несколько локтей; и тут хоббит совсем пал духом. Он вдруг подумал, что в действительности ничего этого может не быть, что враг, наводящий на них помрачение, способен показать им что угодно, в том числе и умирающую змею, а потом они, окруженные со всех сторон, просто погибнут, потому что уверуют в то, что укушены; но как знать, есть ли все это на самом деле, если все твои чувства могут обмануть тебя?! Быть может, мы полагаем, что змеи — это морок, а на самом деле они есть? Или решим, что они есть на самом деле, и в ужасе побежим перед бесплотными и бессильными призраками? Надо дотянуться до этой фигуры!!!

Стоп! В голове вдруг стало ясно, неведомо откуда пришли рассудительность и спокойствие. Ты сам, мой невидимый враг, указал мне дорогу к тебе! А ну!.. И хоббит, не жалеючи, выхватил из колчана пук заветных стрел. Короткий взблеск — стрела вонзилась в нескольких саженях перед ним, и он бегом бросился к ней. Поспешно выпустил в землю еще несколько, так чтобы они образовали неширокий круг, Фолко встал в середину — и вовремя! Он едва успел перевести дыхание после умопомрачительной гонки наперегонки со змеиным потоком — но успел, и теперь ползучие твари лишь бессильно шипели, со всех сторон обтекая его убежище и время от времени корчась, словно от ожога, если оказывались слишком близко от воткнутых в мох стрел.

«Я не промахнусь, я не зря был первым среди друзей!» — мелькнуло в голове хоббита.

И он, не раздумывая, поспешно плюхнулся прямо на землю и, упершись ступнями в концы лука, растянул его двумя руками насколько позволила его самая длинная стрела; серая тень тревожно заколыхалась, его противник почуял неладное и, повернувшись, заторопился было прочь...

— О Манве Сулимо! — истово выдохнул Фолко и, почти не целясь, действуя по тому чудесному наитию, что появляется иногда в моменты смертельной нужды, пустил свою самую заветную стрелу, на две ладони длиннее прочих.

Стрела взмыла ввысь, и вновь хоббит увидал за ней тонкий шлейф алого пламени, а наконечник ее блистал, словно крошечная звезда; время замерло, стрела медленно-медленно удалялась, невесть откуда налетевший ветер подхватил ее, она на миг замерла в наивысшей точке своего полета и низринулась вниз, опираясь на мягкие незримые крылья; серая тень шатнулась было в сторону, но поздно, слишком поздно, — огненная нить пронзила туманные серые складки просторного плаща, тонкий визг в клочья разорвал тишину, и тень согнулась, точно от нестерпимой боли. Только тут глаза хоббита наконец увидели, что происходит вокруг.

Змеи, точно обезумев, вцеплялись своими длинными ядовитыми зубами друг в друга, между ними началась смертельная и бессмысленная битва, ибо все дрались против всех; и шипящий клубок покрыл все вокруг хоббита; но, оглянувшись, он с облегчением увидел, что волна змей так и не докатилась до его друзей, замерших с мечами наголо.

По-прежнему тонко вереща и завывая, фигура с торчащей из правого плеча стрелой, нелепо дергаясь, вновь подняла руки, и змеи повернули назад, откатываясь от своих ям, где они, очевидно, гнездились. Твари текли дальше, в лес за пустошью, и движения их стали вялыми, прерывистыми — из них словно уходила жизнь.

Позади Фолко услышал крики — друзья бежали к нему, по пути рубя наотмашь задержавшихся или медленно уползающих гадов; некто в сером плаще, пошатываясь, уходил, растворяясь между деревьев, и хоббит мог лишь бессильно наблюдать — второй такой стрелы у него не было. Он стал поспешно собирать послужившие ему защитой стрелы, воткнутые в мох вокруг него.

— Вперед! Слава Дьюрину, мы его сокрушим! — яростно зарычал Торин, поравнявшись с уже готовым к рывку хоббитом.

И они бросились вперед, тяжело дыша от усилий, — бежать во всю прыть по кочкам и ямам в полном вооружении оказалось весьма утомительно; но фигура в сером близилась, они настигали, настигали!

Очевидно, поняв, что ему не уйти, их неведомый противник остановился. Теперь хоббит видел даже его лицо — костистое, изможденное лицо древнего старика; что-то странно знакомое показалось ему в этом когда-то надменном и гордом облике; расстояние сокращалось — но тут уже несколько мгновений мучившая хоббита какая-то неразличимая мысль наконец обрела вид — из-под пробившей плечо старика стрелы не вытекло ни капли крови!

«Что мы можем сделать с духом?!» — последнее, что успел подумать хоббит, когда старик вдруг отчаянно и судорожно, неверным движением взмахнул левой рукой, и из-за плотных зарослей низкорослых сосенок наперерез разогнавшимся гномам и дорвагам бросились вооруженные люди с кривыми клинками наголо.

Секунды оставались до сшибки, но какими они оказались долгими; хоббит успел разглядеть до мельчайших черточек лицо противостоящего ему воина; он запомнил безумный огонь в глазах безымянного противника, его затуманенный взор, его разъявленный в истошном вопле рот между спускающимися от излобья шлема двумя железными полосами, закрывающими щеки.

Они столкнулись, и эта схватка разительно отличалась от всех, через которые уже довелось пройти хоббиту. Он чувствовал, как его руки словно наливаются невесть откуда взявшейся тяжестью, куда-то пропадает всегдашняя легкость; врагов вдруг стало много-много, ему показалось — несметные полчища; со всех сторон, одинаковые, в каком-то развевающемся тряпье, под которым виднеется давно не чищенная сталь доспехов; а этот, в сером, — вон он, за их спинами, левая рука высоко поднята, правая вроде висит, и он совсем близко, но как всадишь в него стрелу, если сам едва успеваешь отбивать сыплющиеся со всех сторон удары увесистых кривых ятаганов?!

Противники навалились на них всем скопом, идя тесно, плечо к плечу, сбив щиты и прикрывая друг друга. Перед глазами Фолко раз-другой мелькнуло темное лезвие вражьего меча, он отбивался, получил чувствительный удар по боку — мифрил выдержал, но от боли на миг потемнело в глазах, — и тут кто-то из нападающих просто сшиб его с ног ударом щита.

Несколько томительных мгновений он пребывал между небытием и реальностью, ничего не видя, не слыша и не понимая. А когда с трудом открыл глаза и приподнялся на локте — боли он не чувствовал, — то увидел сплошную стену вражеских щитов, надвигающуюся на них, и короткие взблески мечей; Торин и Малыш, неуязвимые в своем мифрильном вооружении, отчаянно рубились, прикрывая собой остальных; справа от них отмахивался своим верным двуручным мечом Келаст; слева, весь ощерясь и что-то истошно вопя, наскакивал, рубил, уворачивался и вновь наскакивал Эрлон, но все его удары приходились в тесно

составленные щиты; один из дорвагских разведчиков уже зажимал окрасившееся буро-багровым плечо; а еще двое уже, похоже, дрогнули; а строй начинает загибаться, охватывая их со всех сторон.

Гибель, неотвратимая и неизбежная? Нет, сердце оставалось ясным, словно хоббит видел просто страшный сон, когда знаешь, что спишь и можешь в любой миг проснуться; насколько он был потрясен пережитым ужасом вчерашнего дня, настолько спокоен и холоден он оставался сегодня; а может, он просто не успел испугаться?

Фолко вновь попытался увидеть того, кто противостоял им. Странный дух — если это был дух — никуда не исчез, он по-прежнему виднелся за спинами воинов. Только бы достать его!

Торин обернулся и бросил назад короткий взгляд. Он длился лишь долю секунды, но они с Фолко успели понять друг друга. Фолко освободил придавленный при падении колчан; однако первой стрелой — обычной, он попытался выбить кого-нибудь из нападавших и помочь Малышу, на которого наступало сразу четверо, но та скользнула по закруглению шлема и ушла куда-то в мох. Внезапно Торин что-то громко воскликнул на неведомом хоббиту языке, и они с Малышом прыгнули.

Это был прыжок, перед которым поблекнул бы, наверное, даже Прыжок Берена, восславленный во многих песнях, и Торин обрушил свой топор на верхний край щита, не обращая внимания на сверкнувшие и заскрежетавшие о броню его наплечников ятаганы; он всей тяжестью потянул вниз щитоносца и открыл брешь в несокрушимом строе. А Малыш, скользнувший с непостижимой, змеиной ловкостью куда-то почти под щит, со свистом рубанул вкось, и теперь в стене возник пролом — и в этом проломе, пока щиты не сошлись, хоббит вновь увидел серое лицо того, кто был средоточием противостоящей им силы. Именно туда, в этот пролом, метя под правый глаз на складчатом туманном лице, хоббит выпустил эльфийскую стрелу.

Голубой взблеск — и многоголосый пронзительный вой; и разом рассыпавшийся строй врагов. А потом вдруг дунул злой и жесткий ветер, несущий гнилое зловоние, более всего напомнившее хоббиту запах, шедший от околевшей в подполье крысы, которую долго не могли найти; сосны покачнулись, и там, где стоял старик в сером, они увидели крутящийся темный столб, невесть откуда возникшую воронку, так похожую на широко распахнутую пасть, и освобожденную от плоти глотку какой-то неведомой змеи; и этот вихрь стал расти и шириться, и стихающий визг боли превратился вдруг в чудовищный боевой клич, какого еще не слыхал никто из оказавшихся в тот миг среди его противников. Гномы и люди замерли, в ошеломлении наблюдая за про-

исходящим; никто не мог ничего понять, и лишь у Фолко мелькнуло: Серый Вихрь! Слова Науграма... Не дать коснуться и краем!

Вихрь накренился, причудливо изогнулся и двинулся им навстречу. Чье-то лицо смутно угадывалось за матовыми сокружиями, высокий лоб, глубоко посаженные темные глаза, тонкогубый, сейчас изломанный то ли от боли, то ли от ненависти рот; и тут раздался голос, после которого у хоббита исчезли последние сомнения.

— Зачем вы потревожили меня? — произнес этот голос, мягко и укоризненно.

Фолко даже попятился — настолько это показалось ему невероятным. Он разом вспомнил и говорящую Башню Ортханка, и тот вкрадчивый, медоточивый голос, что некогда звучал в ее стенах; перед ними был сам Саруман!

Все это мелькнуло в мыслях Фолко, словно чудесное прозрение; однако руки его внезапно налились невесть откуда взявшейся тяжестью, он едва мог пошевелить ими; откуда-то из глубины вихря начало распространяться зловещее багровое свечение, как будто жидкий огонь затягивало в водоворот темной рекой. Голос Сарумана еще имел силу...

И не оставалось времени думать, рассуждать, взвешивать. «Не дать коснуться и краем!» Эльфийская стрела легла на тетиву — жилы на кистях хоббита вздулись, словно он поднимал тяжеленный камень; и, холодно блеснув наконечником, стрела врезалась прямо в середину вихря, туда, где зарождался странный и недобрый багровый огонь.

Что-то оглушительно зашипело, засвистело, белесый пар взметнулся вокруг серой воронки, и то, что говорило с ними голосом когда-то могучего и почти всесильного мага, нагибая раструб вихря, словно голодную пасть, двинулось на них, в извивах своих очень похожее на раненую змею. Стрела исчезла, и хоббит не мог понять, достигла ли она цели; но вихрь шел на них, ускоряясь с каждым мигом, и последним средством, могущим, быть может, приостановить его, оставался только кинжал Отрины, что висел пока на груди Фолко.

Рука нашла теплую, чуть шершавую рукоять. Клинок со странными синими цветами неожиданно ярко сверкнул, и хоббит, далеко вытянув руку с выставленным вперед оружием, сделал короткий, неуверенный шаг навстречу вихрю. Это не зависело от его мужества или стойкости; только он один владел чудесным кинжалом, и, следовательно, только он и мог сделать этот шаг навстречу.

И напиравший на них вихрь неожиданно остановился, словно в сомнении, увидев дивно лучащийся клинок в руках своего врага. Что напомнило ему это сияние? Быть может, темные залы Наргахора, и взлетающий молот в неутомимых руках Отрины, и Наллику, дочь его, медленно произносящую слова рокового наговора и бестрепетно погружающую руки в кипящий металл, отдавая ему частичку своей великой силы? Или, может, пронзающий до последних темных пределов сознания пламень нечеловеческих очей Великого Орлангура в мягкой зеленой полутьме его заповедного логова, запечатленный в узоре на клинке?

Однако дух колебался недолго. Силы его были не беспредельны, нужно было нападать — чтобы победить или погибнуть. Хотя как может погибнуть получивший дар бытия из рук самого Илуватара?

Серая воронка угрожающе нагибалась, стараясь, однако, обогнуть замершего с клинком наголо хоббита и дотянуться до остальных его спутников. Закрывая собою друзей, хоббит держал кинжал уже обеими руками и тоже двинулся вслед за ним; с него градом лил пот, обжигая глаза, и нечем было утереть лоб, нельзя было даже сморгнуть. Вихрь вновь закачался, словно в неуверенности, и тут вперед бросился Эрлон. Прежде чем хоббит успел крикнуть или остановить его, прежде чем остальные успели повиснуть у него на плечах, он прыгнул вперед, и его иззубренный во многих схватках честный дорвагский меч по самую рукоять ушел в основание гибельной воронки.

Но что могла сделать с духом простая, выплавленная людьми сталь? Вихрь не дрогнул, но вдруг низринулся широко распахнувшейся воронкой на дерзкого. Эрлон каким-то чудом успел отпрянуть в сторону, и тут Фолко отчаянным усилием попытался дотянуться острием до страшного вихря — и ему это удалось!

Близко-близко от его лица взметнулась серая муть, но пылающий голубым клинок вонзился в тугие крутящиеся круги, и столб резко изогнулся, точно заламываясь; вновь мелькнуло за пыльным занавесом искаженное нечеловеческой болью лицо; затем все пропало, вихрь стал бессильно опадать, и Эрлон с торжествующим ревом вновь всадил в него свой меч — и тут какой-то серый лоскут случайно задел его. Эрлон коротко вскрикнул и упал без движения.

Спустя несколько мгновений лишь замершее тело человека напоминало о происшедшем. Исчез вихрь, куда-то скрылись только что ожесточенно сражавшиеся с друзьями люди, вынеся даже тело одного из своих, зарубленного Эрлоном; все было тихо, мертвенно-тихо и недвижно. Напрасно они озирались в поисках врага — его не было. Клинок Отрины разрубил какие-то нити, соединявшие эту форму духа с его надмирным сознанием, а может, тот просто скрылся, отложив до времени месть, — этого Фолко не знал. Он поспешно склонился над бездыханным Эрлоном; глаза того были дико выкачены, рот искривлен — но сердце билось. Фолко в замешательстве стал оглядываться в поисках оставшейся во вьюках заветной сумки с целебными травами, но тут

Эрлон застонал, заворочался, и взгляд его стал осмысленным. Кто-то облегченно вздохнул, кто-то протянул флягу; чьи-то руки поддержали Эрлона, помогли ему сесть. Взор его блуждал, с губ срывался то ли хрип, то ли низкий, подсердечный стон; руки бесцельно шарили по земле...

Однако мало-помалу он пришел в себя и даже смог взобраться в седло. Товарищи Фолко улыбались, радуясь, что кончилось на сей раз благополучно, а он не мог отрешиться от слов Наугрима «не дать коснуться даже краем!»...

Они потратили еще немалую долю долгого летнего дня, чтобы отыскать разбежавшихся в суматохе лошадей, собрать оброненное и отдохнуть — если напряженное бдение можно было назвать отдыхом — и, когда солнце перевалило за полдень, наконец двинулись дальше. Дорваги и гномы пристали с расспросами к хоббиту, и Фолко даже охрип, по многу раз повторяя все, что помнил о Сарумане. Особенно жадно его слушал Эрлон; Фолко время от времени все же бросал на него тревожные взоры, стараясь понять, что же имел тогда в виду Наугрим? Время идет, а человеку хоть бы что, сидит себе верхом как ни в чем не бывало.

«Но как можно добить духа?» — недоуменно спрашивал сам себя хоббит и не мог найти ничего толкового в своих мыслях; однако словно чей-то упрямый, настырный голос вновь и вновь звучал у него в ушах, и нелепая тревога вновь оживала в нем; и он был неспокоен, единственный среди остальных своих товарищей.

До вечера все было спокойно. И ночью все было тихо, а вот под утро вокруг их небольшого лагеря постепенно сгустилась нехорошая, вязкая, точно трясина, тишина; лежавший без сна Фолко готов был поклясться, что в недальних зарослях слышится чей-то противный, злорадный смешок. Он приподнялся и схватился за Клык; что-то белесое мелькнуло по другую сторону костра; рядом глубоким сном спали гномы и люди. Но вот чего не могло быть, потому что не могло быть никогда, — спал на посту сам Келаст, лучший следопыт северных дорвагских родов! Хоббит не успел удивиться этому — на него самого навалилась кажущаяся непереносимой сонная истома. Тяжелыми-тяжелыми вдруг стали веки, смежаясь сами собой... Но Белег Анка был в руке, и его рукоять вдруг стала холодной, точно хоббит сжимал в ладони кусок льда, и Фолко не уронил бессильно голову, у него хватило сил увидеть, как что-то приземистое, словно бегущее на четвереньках, скользнуло от них в кусты; секунду это существо и Фолко смотрели в глаза друг другу, и с хоббита вмиг слетела сонливость — это были глаза Сарумана!

Забыв обо всем, Фолко вскочил на ноги. И, не тратя времени на то, чтобы как следует вооружиться, схватив, кроме верного Клыка, лишь лук и стрелы, он очертя голову бросился вдогонку

за этой новой ипостасью Сарумана. В тот миг он еще плохо представлял себе, зачем устремляется в эту почти безнадежную погоню, без доспехов, не предупредив друзей, — но что-то гнало его вперед, что-то не давало остаться на месте; сейчас он казался себе сильным и неуязвимым.

Он видел спину Сарумана. Теперь перед ним уже был не величественный старик, не ужасный вихрь — странное белесое существо, чем-то напоминающее очень длинного, неимоверно костлявого пса с человеческой головой, которая даже издали представлялась голым черепом, обтянутым лишь тонким слоем кожи. Это существо удирало во всю прыть на четырех длинных, многосуставчатых лапах, и удирало весьма быстро — хоббит даже налегке едва поспевал за ним. Клык был зажат в его руке, и края клинка горели грозным боевым огнем; и Фолко ничего не боялся.

Мало-помалу расстояние между ними стало сокращаться, и хоббит стал постепенно отжимать тварь (язык не поворачивался назвать ее именем некогда великого и добродетельного спутника Ауле) к скалам, и существо, видя, что отступление дальше по долине отрезано, само кинулось вверх. По камням в этом месте круто уходила ввысь малоприметная тропка.

Они упорно карабкались по уступам, но хоббит уже понял, куда ведет эта дорожка — к седловине между двумя взметнувшимися точно мечи утесами; очевидно, оттуда можно было перебраться на другую сторону казавшихся неприступными отрогов. Нужно было опередить!

Откуда только взялась ловкость в хоббите, отродясь не занимавшемся скалолазанием? Кто шепнул ему в нужную минуту, что тропа, скорее всего будет огибать этот резко выдавшийся из скалы уступ, и если подтянуться, поднапрячься, то можно сильно срезать поверху; а срезав, оказаться секундой раньше на крутом изломе тропы и встретить исказившееся, страшное, нечеловеческое лицо, не лицо даже — уродливую личину, спокойным блеском клинка Отрины.

То, что стало новой ипостасью Сарумана, в отчаянном прыжке попыталось проскользнуть мимо — напрасно; и Фолко погнал ее вбок, на почти отвесный склон, сам чудом удерживаясь на острых гранях скалы; перед ними разверзся провал, на дне хищно выставили острые зубцы гранитные глыбы; и вот конец, конец и того едва заметного уступа, на котором они держатся; твари отступать некуда, и она замерла, костлявую голову мгновенно покрыли бисеринки пота; Фолко невольно удивился — разве духи могут дрожать от ужаса?

— Чего ты хочешь? — почти простонал вдруг знакомый голос. — Я отвечу тебе, спрашивай, только не губи! Ты, Смертный, не знаешь, что может последовать за этим!

— Ну так говори! — Фолко с трудом перевел дыхание и вытолкнул из себя слова пересохшими губами и языком. — Говори, кто ты такой и что здесь делаешь? Говори, иначе, клянусь бородой Дьюрина, я перережу тебе горло вот этим! — Он потряс Клыком. — А там будь что будет...

И тварь заговорила, поспешно глотая окончания слов, порой сбиваясь на неразборчивое бормотание, со страхом косясь на сверкающий кинжал, который Фолко держал наготове.

Да, это был Саруман — точнее, то, что от него осталось. Исключенный Валарами из Ордена, лишенный почти всей своей силы, он, как, очевидно, известно славному хоббиту, нашел было приют в его, хоббита, родной стране и, если бы не эти проклятые безумцы, та неистовая четверка, сумел бы установить в ней разумный справедливый порядок взамен царившей там анархии и привел бы подданных к небывалому процветанию, если бы... — Гримаса давно пережитой, но незабываемой боли страдальчески изломила кожистые дуги, заменявшие брови, — если бы не нож того негодяя, которого он сам вскормил себе на погибель! Его тело погибло, ветер Манве не дал ему перенестись обратно, туда, откуда он когда-то начал свой роковой путь в Средиземье, и он был вынужден бежать на Восток, подальше от ставшего непереносимым дыхания Запада. Долгие годы он таился здесь, найдя приют в этом ущелье. У него ничего уже не осталось, лишь крохи того, чем он когда-то владел. Но его переход на темную сторону не прошел незамеченным, и Тот, Кто Вовне, не оставил его, Сила стала мало-помалу прибывать, но это была злая и гибельная сила. А он хотел отомстить, неистово желал, он смертельно, больше чем смертельно, ненавидел эльфов, людей и хоббитов. Нет таких слов, чтобы описать проклятия, какие он призывал на их головы! И он не отказался от предложенного дара. Сила заставила его оставить надежное укрытие в этом ущелье, и он ощутил молчаливый, пришедший из-за пределов этого мира приказ идти в Арнор. И он отправился в путь... К нему вновь вернулась способность принимать людские обличья, и вот зимним вечером восемь лет назад пожилой странник по имени Храудун пересек границу Северного Королевства и принялся за давно знакомое дело — сталкивать лбами людей.

— Кто приказал? Почему именно в эти годы, а не раньше и не позже? — жестко давил хоббит, чувствуя неведомую силу за своей спиной и бездонную страшную пропасть, разверстую за его врагом.

— Я не могу сказать тебе этого, — последовал ответ. — Всего лишь знание, пришедшее извне, которому нельзя... нельзя не подчиниться. Нет, слов нет, чтобы выразить это.

— С кем ты был заодно?!

Молчание. Клинок придвинулся ближе. На острие вспыхнула лучащаяся колючим светом багровая звездочка.

— Есть человек, который ищет Небесный Огонь... Я не мог не повиноваться ему! Идти в Арнор — приказал он...

— Имя?!!! Имя, разрази тебя Варда! — в исступлении закричал Фолко.

В безумном гневе, внезапно нахлынувшем мутной волной, он готов был искромсать эту тварь на мелкие куски.

— Его человеческое имя... Олмер.

— Откуда у него сила? Почему ты повиновался ему?! Отвечай!!!

— Ты знаешь его... В нем черная сила, дарованная кем-то неведомым мне.

— Как он нашел тебя?

— Как нашел... Появился в этом ущелье, и змеи не тронули его, и я сам словно окаменел... И стал выполнять все, что он говорил мне.

— Чего он хочет?

— Повергнуть Арнор и покончить с эльфами. Для этого он собирает всю силу Востока и все, имеющее отношение к магии минувшего, все, что может быть обращено против Корабела.

— Зачем ему Небесный Огонь?!

— Не знаю, но думаю, он ищет в нем оружие.

— Что такое Дом Высокого? Может ли Олмер использовать его?

— О, куда он взлетел! — Подобие усмешки растянуло коричневые губы. — По Тропе Соцветий ему не пройти... Как не удалось когда-то мне, как не удастся пройти любому, кто служит кому-либо — Тьме ли, Свету... Пройдет только свободный. Так что ему там делать нечего.

— А почему ты ушел из Арнора?

— Радагаст... Радагаст перестал быть простаком и повелителем букашек. Совесть, видать, замучила, что всю Третью Эпоху он провозился с птичками-бабочками, предоставив сражаться остальным. Мы встретились... И мне пришлось отступить.

— Кто такие Черные Гномы?

— Одно из Семи Колен Подземного Народа... В отличие от остальных, погнавшихся за богатством и оставшихся вблизи от поверхности, они ушли глубоко-глубоко, в самые глубинные недра. Там они занимаются своей вечной и необходимой для мира работой — крепят кости Земли, подкрепляя их стальными подпорками. Они возлюблены Ауле, он частенько навещает их, стараясь передать им все свое знание, ибо от них зависит — продолжит ли Земля свое существование или же сгинет в какой-нибудь грядущей битве Сил. Ауле вложил столько трудов и сердца в сотворение этого мира, что сама мысль о его гибели — пусть даже ради нового возрождения — непереносима для него, и он, втайне от

остальных Стражей Мира, передает многочисленное тайное знание Черным Гномам.

— Что такое Черный Замок и где он находится?

— Где находится, объяснить не могу, он очень далеко на востоке, на переправе через Хоар, одну из великих рек Центрального Средиземья. Это вход в исполинское подземное царство упомянутых тобой Черных Гномов. Там их наземная стража.

— Как они относятся к чужеземцам?

— Рассчитываешь на их помощь, невысоклик? Не знаю, они равнодушны к бедам и тревогам обитателей поверхности. В свое время они, правда, сражались плечом к плечу с эльфами против силы Мордора... Однако подвигнуть их на это во второй раз не удалось даже самоуверенному Олорину.

— Ты бывал у них? Виделся с ними?

— Разумеется.

— Как можно проникнуть в Черный Замок?

— Вход туда открыт далеко не каждому. Есть тайное слово. Я, конечно, могу открыть его тебе, но...

— Какое еще «но»?!

Черты страшной маски, имеющей лишь отдаленное сходство с человеческим лицом, вдруг странно изменились; словно постоянно нависавшая глухая тень на миг поднялась, покинув отягощенный злобными и мстительными замыслами некогда могучий и светлый разум; и голос Сарумана негромко, почти что мягко произнес очень удивившие хоббита слова:

— Ты перерос своих предшественников, половинчик, много перерос. Я вижу перед тобой далекий и извилистый путь, на нем с тобой могут повстречаться самые разные Силы. Быть может, при одной из встреч тебя могут спросить и обо мне... Замолви за меня словечко.

— Замолвить словечко? — опешил хоббит.

— Что ты хочешь знать еще? — пропустив его восклицание мимо ушей, спросил Саруман.

— Что ты знаешь о Великом Орлангуре?

— О-о-о! — Саруман был потрясен, и даже в этом уродливом облике было хорошо заметно изумление, в которое был повергнут его гордый дух. — Великий Орлангур! Высоко же ты поднялся, половинчик! Ты не перестаешь удивлять меня. Я ничего не знаю о нем, разочарую тебя. Ничего, кроме имени и того, что он — сильнейший в пределах Арды и что мощь его превосходит ныне силы всех Стражей Мира, вместе взятых. В оправдание свое скажу, что больше ты не узнаешь о нем ничего и ни от кого. Только от Самого.

— От Самого? С ним можно говорить?

— Можно... Если выдержишь, конечно.

— Что выдержишь?

— Его взгляд и присутствие. Не спрашивай меня больше! Я там не был. Не знаю.

— А дорога?..

— Я не забирался так далеко на Восток... Но после владений Ночной Хозяйки области, подвластные Великому Орлангуру, встречаются часто, и там ты легко узнаешь дорогу. И хотя никто не знает о нем ничего, где находится его пещера, на Востоке известно многим.

— А Воды Пробуждения? Живут ли еще там эльфы?

— Да. Авари по-прежнему хозяева тех краев. Но остерегайся! Они хитры и недоверчивы, и найденный ими Свет имеет иную природу, чем в Благословенной Земле. Они принимают странные решения и недолюбливают чужеземцев и вдобавок с подозрением относятся к Смертным.

— Ты упомянул о тайном слове Черного Замка, но не назвал мне его!

— Назову, назову... Надо только решить какое. Слов немало, и каждое из них означает ступень твоего посвящения в Тайны. Что это за Тайны — мне неведомо, как неведомо никому, кроме одного лишь Великого Орлангура, да еще, быть может, Ауле. И если ты назовешь Слово высокой степени и не подтвердишь ее познаниями, тебе придется худо. Поэтому я назову тебе первое из известных мне заветных Слов, оно значит лишь чистоту намерений и желание приобщиться к их знаниям — то есть желание поступить к ним в ученики.

— И меня возьмут?..

— Кто ж знает! Но слушай же слова да запоминай хорошенько: *раззордол иф науграндор; айфет уззал норротор; керридаш расту норгардор; тоногсо эллерт нартардор и серрах алудо норгарридор.* Есть еще множество иных, но мне они неведомы. Кроме того, запомни, что стоит тебе назвать какое-то из Открывающих Путь Слов, как тебя начнут спрашивать. Дело в том, что ты мог узнать Слово только от посвященного — или же случайно подслушать, украсть, по-простому. Помни, как нужно отвечать: «Где есть свет?» — «Где горит пламя». — «Где горит пламя?» — «Где ступал Ауле». — «Кто есть Ауле?» — «Возжегший пламя». Тогда тебя впустят. Смотри, будь правдив! Горе тебе, если уличат хоть в малейшем обмане.

— А ты бывал в их Замке?

— Нет. Ничего не могу сказать тебе о том, как вести себя, оказавшись за воротами.

Фолко замешкался. Саруман молчал, отрешенно глядя на поблескивающий кинжал в руке хоббита. И Фолко вдруг решился спросить то, о чем мечтал узнать уже очень, очень давно и о чем не сумел расспросить Гэндальфа — об истории Светлого Совета и Ордена Магов.

Саруман ответил не сразу, и, когда он заговорил, голос его показался хоббиту полным глухой и давней тоски, давно иссушившей сердце.

И бывший маг заговорил. Он говорил, словно каждым произнесенным словом сваливал тяжкий груз с памяти; говорил, забыв о запретах и Весах, Силах Внешних и Надмировых; и тусклые глаза его слабо осветились — он снова был могуч, идя наперекор всему и всем.

— Был Великий Совет, и Валары восседали на Престолах Сил перед зеленым курганом Эзеллохара, размышляя о том, как противостоять возрождающемуся злу Саурона в Средиземье. Минуло первое тысячелетие Третьей Эпохи, правители Гондора из линии Морских Королей бились с корсарами Умбара, зло затемнило Зеленые Леса, и они сменили имя на Чернолесье. Вознеслись мрачные стены Дол-Гулдура, и Черный Властелин сам обосновался там, окруженный верной свитой Назгулов. Правители Запада видели, что войны не избежать, но, дабы не покачнуть Равновесие Мира, нельзя было вмешиваться в дела народов Средиземья в открытую. И на Совете Манве Сулимо предложил, по мысли Великого Эру Илуватара, послать троих послов во Внешние Земли. «Кто захочет отправиться? Ибо могучи должны быть они, противуставшие Саурону, но должны на время позабыть о своей мощи, облачив себя в тела, подобные человеческим, сравнявшись в переживаемом и испытываемом с людьми и эльфами, ибо иначе невозможно обрести доверие Свободных Народов. Но это и подвергнет их опасностям, затуманивая мудрость и заставляя забывать знание, поражая их проистекающими от плоти страхами, заботами и усталостями». И лишь двое выступили вперед — Курумо, выбранный Ауле, и Алатар, приближенный Ореме, оба из рода Майаров. И тогда Манве вопросил — где Олорин? Он всегда старался приблизить его, Серого Странника, долго жившего среди служащих Ниенны, Властительницы Скорбей, и научившегося от нее жалости и состраданию. А Олорин только что вернулся тогда из долгого странствия, и сидел с краю, и переспросил Манве — что он желает от него? И Манве ответил, что просит Олорина стать третьим посланцем Властителей Заката в земли Смертных, ибо он, Олорин, всегда с особенной любовью и заботой относился к их бедам и тревогам. А Олорин сказал, что он слишком слаб для подобного великого дела, что он опасается и страшится Саурона. «Тогда тем больше причин отправиться именно тебе», — непреклонно ответил Манве, и он приказал Олорину — а приказывал он лишь в крайних, наиредчайших случаях, и не повиноваться ему Олорин не мог. И когда Сулимо сказал: «Вот и найден третий», Варда Элберет окинула всех их взглядом и тихо произнесла: «Но не как третий...» — и ведал великий

Эру, как обожгло это слух вставшего *первым* Курумо! А потом Фванна Кементари упросила Курумо взять с собой ее ближнего помощника, Айвендила, и Алатар уговорил отправиться с собой своего друга Палландо, также из числа сотоварищей Ореме. Курумо неохотно согласился, чтобы Айвендил стал его спутником, — лишь только потому, что Яванна была супругой Ауле Кователя, его господина. И каждый из пятерых был того же рода, что и сам Саурон, сам когда-то принадлежавший к числу служивших Ауле, и известен он был за свои знания и мастерство. Но лишь один из всей пятерки сумел довести дело до конца. Алатар и Палландо, Голубые Маги, ушли на Восток Средиземья, и что стало с ними, не знает никто. Айвендил — он же Радагаст — получил прозвище Карего, позабыв о бедах и тревогах людей и эльфов и посвятив себя заботам о живущих и растущих существах, детях Яванны. А Курумо... Он в конце концов сделался Саруманом.

Такова оказалась вкратце история появления в Средиземье Пяти Магов; многое можно было бы рассказать и об их делах, но, если вдаваться в детали, то не хватило бы и года, чтобы рассказать об их трудах, — а в общем Фолко и так знал это. Он вспомнил вздох Радагаста — Редбор... Фандар... — и спросил о них.

— Так звали Голубых Магов на Востоке, — кратко сказал Саруман.

Хоббит глубоко вздохнул. Медленно поднимаясь разумом из манящего прошлого, он возвращался к действительности. Олмер... Олмер, получивший власть приказывать самому Саруману! Конечно, не тому, каким он явился в Серую Гавань, но все же...

— Скажи, а почему ты боишься *этого*? — Хоббит кивком указал на клинок Отрины.

— Потому что я не хочу, чтобы ты рассек последние нити, связывающие меня хотя бы с таким, пусть кошмарным, но все-таки телом, — потемнев, ответил Саруман. — Потому что сила, вложенная в этот кинжал, такова, что я бы навеки развоплотился... — Он зябко поежился. — И тогда не осталось бы уже никакой надежды.

— Но Олмера ты считаешь своим другом? — медленно произнес хоббит.

— Считал... Он пробудил во мне волю к размышлениям.

— А знаешь ли ты, что именно он подарил мне это гибельное для тебя оружие? Как ты думаешь, почему он это сделал?

Саруман со смертной тоской во взгляде посмотрел на хоббита и промолчал.

— Меня предупреждали, что в этих краях можно натолкнуться на какой-то гибельный Серый Вихрь, — в упор глядя на Сарумана, раздельно произнес хоббит. — И я видел этот вихрь — вчера, сотворенный тобой. Что это такое и почему гибельно?

— Это то немногое, что у меня осталось из прежних сил. Ору-

жие, поражающее не сразу, а спустя некоторое время... — Видно было, что Саруман говорил чрезвычайно неохотно, лишь вынуждаемый хоббитом.

— Как оно действует? Как ему можно противостоять? — сдвинул брови Фолко.

В глазах Сарумана вдруг, словно быстрый взблеск закатного луча, мелькнул злобный огонь, в презрительно-торжествующей гримасе искривились губы... Но огонь тотчас угас, и злорадная усмешка умерла. Фолко вновь увидел нечеловеческую тоску и отчаяние в очистившемся взоре, устремленном сейчас на него.

— Я задел кого-то из твоих друзей... — медленно проговорил Саруман, не спрашивая, а словно размышляя вслух. — Что ж, огорчу тебя — против этого нет ни защиты, ни противоядия.

— Что с ним будет?! — яростно вскричал Фолко, в отчаянии стискивая клинок.

— Пока ничего, а потом он начнет постоянно сводить вас между собой, служить источником распрей, пока вы не передеретесь и не уничтожите друг друга. И он будет шпионить за вами, а когда его спросят — он расскажет все. Сам он погибнет, наверняка погибнет, — например, вы можете убить его, но о себе он уже не думает.

— А ты не лжешь, Саруман? — тяжело глядя ему прямо в глаза, спросил Фолко. — Ты великий лжец, Саруман, и один из отцов обмана. Ты много наговорил мне тут, а правда ли все это? Последняя твоя весть — чернее не придумаешь, но, быть может, ты солгал? Если я пойму, что это так, то, клянусь Гоном Дьюрина и Силой Энтов, я доберусь до тебя!

— Никогда я не был более искренен, чем в этом разговоре с тобой, — тихо сказал Саруман, опуская глаза. — Можешь не верить мне, но я был до конца правдив с тобой... И, быть может, великая и милосердная Варда Элберет когда-нибудь зачтет мне это... — закончил он еле слышно.

Наступила тишина, и Фолко понял, что Саруман действительно не лгал, что какая-то надежда еще жива в нем, и поэтому на слова его можно положиться.

— Что нам делать с тем, кого ты коснулся?

— Что же тут поделаешь... Стрелу не вернуть. Расстаньтесь с ним как можно скорее, изгоните его. Я постараюсь удержать его возле себя, не дать погибнуть и, быть может, сумею излечить.

Время было на исходе. Хоббиту послышалось, будто где-то в неимоверных далях тонко-тонко зазвенела туго натянутая струна. Что-то колебало ее, это был знак, быть может...

— Прощай. Желаю тебе получить прощение.

— Прощай. Желаю тебе не проклясть Хоббитанию.

Глава 7

ЦИТАДЕЛЬ ОЛМЕРА

День и ночь, ночь и день, горы и леса, птицы и звери, люди и стрелы. Саруманово ущелье осталось позади, тропа уверенно вела их к выходу из Опустелой Гряды — к заветному укрывищу Короля-без-Королевства.

Фолко, Торин и Малыш долго судили так и эдак, как же им поступить с Эрлоном; хоббит предлагал под каким-нибудь благовидным предлогом отослать его в Эребор, Торин — в Гондор, не пожалев дать ему с собой золота; однако Малыш неожиданно поднял палец:

— А что, если рассказать ему все?

— Жестоко, — возразил хоббит. — Представь, каково ему будет?

— А не жестоко ли отсылать его в неизвестность, покалеченного, считай, на верную смерть? — в свою очередь спросил Малыш и этим убедил всех.

Эрлон встретил известие мрачным молчанием, однако остался спокоен и лишь спросил: сколько у него еще есть времени? Получив ответ, что не менее десяти дней, он, не произнеся ни слова, собрал наскоро свои пожитки и оседлал коня.

— Я останусь здесь. — Голос его был сухим и безжизненным. — Попробую найти эту тварь и договориться с ней. Кто бы он ни был, он не безнадежный злодей, и, значит, у меня еще есть шанс...

Эрлону оставили плотницкий инструмент, провизию, оружие; затем друзья поспешно простились с ним, отводя взгляды и торопясь поскорее скрыться за поворотом, — смотреть в глаза товарищу не хватало сил.

— Вы только помните, где я остался... — Голос Эрлона предательски дрогнул, Фолко сморгнул — глаза его вдруг наполнились горькой водой.

Но вот фигура Эрлона с высоко поднятой рукой скрылась за зарослями, и тот сразу отодвинулся куда-то в прошлое; перед ними вставали новые задачи, и их надо было решать.

Ущелье змеей вилось между покрытых до половины высоты кустами гор; острые серые вершины гордо возвышались над зеленым царством. Вокруг путников вновь раскинула свои мягкие крылья безжизненная тишина; однако то и дело попадались отпечатки чужих копыт, и по ночам часовые до рези в глазах вглядывались в недвижный сумрак.

После встречи с Саруманом минуло пять дней, клыки гор мало-помалу опускались все ниже, и в один прекрасный момент кусты поглотили последнюю серую проплешину. Ущелье кончи-

лось, теперь вокруг них раскинулись холмистые, густо покрытые зеленью земли. Тропа сделалась шире — к ней присоединилось еще несколько стежек. Один раз, когда особенно сильно потянуло ветром с востока, Келаст насторожился и стал уверять всех, что чувствует запах дыма; однако гномы ему не поверили — слишком далеко еще выходило по карте до обитаемых земель. Но следовало остерегаться наверняка шныряющих в этих краях дозорных Олмера, как следовало и решить наконец: что делать дальше?

Дорваги не собирались менять своих намерений: они свято соблюдали приказ старшин — провести разведку и скорым ходом назад, в родные леса. Фолко понял, что Торин втайне надеялся уговорить кого-нибудь из людей пойти с ними дальше; однако дорваги были непреклонны.

— Здесь наши дороги расходятся, — озабоченно сказал гномам Келаст.

Было утро шестого дня, предстояло перевалить очередную гряду высоких холмов, крутобоких, наглухо заросших; тропа сворачивала на юг, но дорвагские разведчики благоразумно рассудили, что ее-то и будут стеречь в первую очередь, и решили попытать счастья в нехоженных чащобах. За холмами, судя по карте, начиналась обширная равнина; люди хотели заглянуть туда по возможности не с парадного входа.

— Либо мы тайно проберемся к поселениям и разузнаем все, — продолжал Келаст, — либо рискуйте сами. Нам нельзя больше идти тропами. И вообще, я не понимаю этого Олмера — он либо беспечен до глупости, либо уверен в своих воеводах — также до глупости. Почему не заняты проходы в Опустелой Гряде? Почему никто не стережет нас здесь, где так легко перебить из засады любых незваных гостей? Нет, решено — костры больше не разводим. Придется ночью померзнуть...

— Нам нужно подумать, — хмуро ответил Торин, и трое друзей отошли в сторонку.

— Если мы собираемся, как вроде хотели сперва, вступить в войско Олмера, нам нельзя таиться, — начал Торин, когда Малыш и Фолко уселись на мшистых камнях. — Напротив, надо отдаться в лапы патрулю. Во всяком случае, идти открыто.

— Если только у патруля не будет приказа убивать на месте всех, кто не знает слов пропуска, — возразил Малыш.

— Мифрил выручит — отобьемся, — сурово промолвил Торин. — Нам сейчас главное — узнать, что это за люди, что ими движет? Где сила Олмера — вот тот проклятый вопрос, который мы не можем разрешить уже почти два года и не разрешим никогда, если не станем рисковать. Что смогут вызнать дорваги? Ну, сосчитают мечи и копья, боевых и заводных коней. Если повезет, возьмут языка, если повезет еще больше, узнают, какие из восточных племен присылают сюда гонцов... Но нам-то нужно не это!

— Нас убьют, — мрачно покачал головой Малыш. — Мы ведь уже спорили об этом, Торин. Ты хочешь выдать себя за его сторонников — но мы ведь почти ничего не знаем о том, что он говорит своим людям, чем увлекает за собой! Вспомни Герета. Он пошел за Олмером потому, что ему помогли.

— А нам он разве не помог? — вскинулся Торин. — Кинжал хоббита — это ли не помощь? Это ли не прекрасный предлог для нас? Да еще мое топорище... Мы скажем — вот, мы получили великие дары и пришли отблагодарить дарителя. Если и раскусят — то не сразу.

— Но Фолко говорил, что этот Олмер собирается куда-то далеко на восток, где тангар никогда наковальни не ставил, — упорствовал Малыш. — Мы же собирались идти за ним — к Дому Высокого, разве не так? А вы хотите вступить в войско. Вы станете слугами Олмера и уже не сдвинетесь с места без его приказа.

— Там видно будет, — отмахнулся Торин, но хоббит заметил, что слова Малыша его озадачили.

— С дорвагами надо прощаться, — поддержал Торина Фолко. — Пойдем по тропе, обязательно наткнемся на заставу.

Расставание с друзьями — дорвагами было коротким и немногословным. Уговорились, что люди, тайно разведав все, что возможно, отыщут гномов и хоббита, которые постараются держаться как можно больше на виду.

— Даже если мы не встретимся, — сумрачно говорил дорвагам Торин, — помните, что ваши ополчения должны быть наготове. Олмер про вас не забудет, не из таких. С ним или против него — вам придется встать на одну из сторон. Над схваткой не удастся удержаться никому.

— Это почему же? — вдруг возразил Келаст. — Удавалось раньше, почему же не получится теперь? Мы на отшибе, в наши леса лезть — себе дороже обойдется. Что ему в нас? Даже если он начнет войну — посмотрим еще, куда повернет.

— Ну, а если на Запад? — прищурился Торин. — Если он минует вас?

— Пусть Запад разбирается сам, — спокойно сказал Келаст. — Мы не станем класть за него головы наших.

Дорвагские разведчики скрылись в кустах, а друзья, проверив кольчуги, неспешно тронулись дальше — окрыто, на виду у всех, кто мог прятаться на склонах; теперь оставалось только ждать. Хоббит на всякий случай заколол плащ заветной фибулой, найденной еще в Арноре. Весь день тропа вела их, постепенно расширяясь, сначала к югу, а затем устремилась в широкий проем между двух далеко отстоящих друг от друга холмов. За переломом угадывалась скрытая голубой дымкой равнина. Солнце миновало

полдень, стало припекать. Мирные птахи, стрекот кузнечиков, сочная трава по краям тропы... Тихо, мирно, «благостно», как сказал бы дядюшка Паладин, будь он в хорошем расположении духа. Как ни приказывал себе хоббит быть начеку, мысли против его воли текли совершенно в ином, мирном направлении. Хорошо бы поваляться на траве да поудить рыбку, а вечером собраться с друзьями, поплясать под немудреные звуки их маленького оркестра... Пони, переступая копытами, нес и нес хоббита вперед. Многое, очень многое было оставлено позади — без сожалений, легко и бездумно. И по-прежнему он не слишком сожалел об утраченном покое, подхваченный могучими волнами вздыбившихся в Средиземье новых сил.

Дорога, в которую мало-помалу превратилась тропа, вывела их наконец к перелому. Если Олмер и тут не держал своих секретов, он поистине должен был быть лишенным разума. Вон холмы какие — поставь там вышку да наблюдай! А когда путник перевалит за излом и двинется вниз, под гору, — ищи его там, на равнинах.

Торин натянул поводья. Друзья остановились на середине дороги, глядя вниз на убегающие вдаль долгими и пологими склонами просторы, на перемежающиеся островками рощ массивы желтых полей и немногочисленные деревни, кое-где видневшиеся среди зеленых куп. Мирная, совсем не воинственная и не мрачная страна открылась их взорам, без пограничной стражи, без сторожевых постов, столь обычных для Запада. До ближайшей деревни, однако, было не меньше лиги, дома казались отсюда совсем крошечными. Зоркий Фолко разглядел неспешно тянущиеся повозки, одиночных всадников, пеших путников... Друзья переглянулись в недоумении. Не такой представлялась им цитадель Олмера — какой угодно, только не такой. Какие-то вольные землепашцы, да и только!

Очевидно, все они в эту минуту помыслили об одном; и Торин, сжав губы, молча махнул рукой — поехали... Прятаться не имело никакого смысла; оставалось лишь найти кого-нибудь посмекалистее и расспросить как следует, прикидываясь ничего не понимающими чужестранцами, которые не против того, чтобы попасть пред светлые очи здешних заправил.

— Мы все — гномы, — на всякий случай напомнил товарищам Малыш. — Фолко, не проговорись! Дай-ка, еще раз на тебя погляжу... Нет, не пойдет, никак не пойдет! Нет в тебе исконной гномьей солидности! Может, лучше и не начинать? — обратился он к Торину. — Его же любой тангар сразу раскусит.

— Ладно, скажем как есть, — отмахнулся Торин, похоже, его мысли в этот миг были заняты чем-то иным. — Неужто это и есть земля Короля-без-Королевства? Сколько же лет и труда надо во все это вбухать? Сколько ж лет назад он здесь укрепился?

Дорога, петляя среди негустых, изрядно прореженных вырубкой рощ, вывела их на край пшеничного поля и влилась в более широкую, идущую с северо-запада на юго-восток. Вдоль дороги появилась изгородь; вдалеке, внезапно вынырнув из-за холма, на их пути замаячили двое конных. Они неспешно трусили на встречу друзьям, не проявляя ни малейшей тревоги; вид этих безмятежно приближающихся фигур почему-то показался друзьям настолько пугающим, что Малыш невольно заерзал в седле, примериваясь к мечу; Фолко, непроизвольно облизнув губы, положил ладонь на рукоять металлического ножа; проверил, как сидит шлем, и сам Торин.

— Спросим дорогу до ближайшего трактира, — глухо бросил он спутникам; хриплый голос выдавал волнение. — Начнут расспрашивать, едем из Эребора. И ни в коем случае не хвататься за меч!

Среди колосьев мелькали голубые венчики васильков; легкий ветер чуть заметно колыхал тугие колосья. Всадники поравнялись с путниками и резко осадили коней, пристально разглядывая, очевидно, не очень-то частых здесь гостей. Во все глаза глядел на всадников и хоббит.

Это были зрелые мужчины, невысокие, но широкоплечие, подобные гномам; простые темные кафтаны, длиннополые, почти до колен; чуть ли не до груди доставали густые вислые усы, а волосы острижены в круг. У каждого был кривой тонкий меч, но кольчуг они не носили. Один из верховых, с каким-то серебристым значком на левом плече, направил своего коня прямо к незнакомцам. Голубоватые глаза смотрели пристально, но без страха или подозрительности. Он заговорил — но на каком-то непонятном языке, хотя в потоке странных слов и попадались знакомые.

Торин с виноватой улыбкой развел руками, знаками показывая, что не знает этого наречия, и человек остановился, с легким удивлением подняв брови. Тут вмешался второй, положил руку на плечо первому и что-то негромко сказал. Всадник со значком пожал плечами и задал вопрос на плохом Всеобщем Языке, говоря со странным акцентом:

— Кто вы? Откуда? Куда едете?

— Мы ищем почтенного и славного мечника Санделло, — неожиданно для всех вдруг сказал Торин; то ли решил сразу брать быка за рога, то ли хотел огорошить соратников Олмера (если они таковы) своим знакомством с его ближайшим подручным.

И подействовало! Имя это явно было известно повстречавшимся им всадникам: чуть заметно дрогнули губы у первого, слегка вжал голову в плечи второй... Однако первый воин с прежней надменностью повторил заданные вопросы.

«Торин ошибся! — молнией мелькнуло в мыслях Фолко. — Если мы и впрямь разыскиваем Санделло, то не станем спраши-

вать об этом первого встречного. Раз мы его знаем, то должны бы разбираться в здешних порядках! Если уж выдавать себя за разведчиков, то не так же!»

Торин засопел и нахмурился: явно понял, что сделал промашку. Эти люди далеко не трусливы, горбуном их не запугаешь; теперь, если назвать себя, значит, признаться, что никакого дела к Санделло они не имеют и лишь прикрываются его именем; оставалось упорствовать.

И Торин стал упорствовать.

— Вам что, неизвестно это имя?! — загремел он. — Немедленно укажите нам, как добраться до него! Это спешно!

— Здесь не кричат, гном, — старательно выговаривая слова чужого языка, холодно произнес первый воин. — Мы не знаем тебя. Назови знак прохода.

— Странная же вы пограничная стража! — держась как можно самоувереннее, ухмыльнулся Торин. — Спрашиваете пропуск, когда мы уже давно въехали внутрь!

Воины переглянулись. Затем старший со значком на плече вновь повернулся к друзьям.

— Вы поедете с нами, — спокойно произнес он, глядя прищуренными глазами на угрюмо молчащих друзей. — К обиталищу... Расскажете все, если вы свои. Бежать не нужно.

Кивком он указал на одиноко стоящую возле дороги березку, мимо которой гномы и Фолко проехали несколько минут назад: там, прислонившись к стволу, спокойно и неподвижно стоял одетый в зеленое человек, в закрывающей все лицо зеленой же повязке с узкими прорезями для глаз. Руки его сжимали длинный лук, в полный рост воина. Стрела уже лежала на тетиве. Оторопев, хоббит скосил глаза — из пшеничного поля бесшумно поднялись еще семеро лучников. Все они стояли молча, и у каждого тетива была растянута до самого уха.

Ни малейших следов злорадства не заметил Фолко на лице первого воина. Ни злорадства, ни ожесточения, ни тупой готовности — глаза человека, казалось, были покрыты непроницаемой броней, и внутренний взор хоббита бессильно скользил по ней, не в состоянии проникнуть в помыслы противостоящего.

— Почтенные, — раздался показавшийся хоббиту преувеличенно спокойным голос Малыша. — Мы не знаем да и не можем знать вашего пропуска. Мы издалека. Мы ищем человека, который известен нам под именем Санделло, горбун, знаменитый на Закате мечник. Если вы отведете нас к нему, все недоразумения решатся сами собой.

— Вы идете за нами, — не обращая внимания на слова Малыша, проронил первый воин, — к обиталищу... Мы не разговариваем, когда охраняем. Говорить и решать будут другие.

Бесстрастие воинов бесило хоббита, и, хотя он понимал, что

это всего лишь маска, путей заглянуть под нее он не видел. Они явно знают Санделло! Знают, но что-то мешает им просто воскликнуть: «Ба! Да он тут совсем рядом! Мы так и знали, что вы свои!» Хоббит как бы ненароком откинул складку плаща с висящего на груди Клыка: однако стражи то ли ничего о нем не знали, то ли вновь не подали вида. Лишь на фибуле, что красовалась на левом плече хоббита, на мгновение задержался холодный взгляд старшего воина; задержался и тотчас скользнул дальше.

— Что ж делать... Едем, куда велят, — тихо проговорил Торин и вдруг добавил несколько быстрых слов на неведомом хоббиту языке, обращаясь к Малышу.

Всадник недвусмысленным кивком головы приказал им ехать вперед. Лучники тем временем вновь попрятались, однако их незримое присутствие ощущалось каждое мгновение; если бы не вера в мифрил, хоббит вообще не рискнул бы оборачиваться.

Но что же все-таки сказал Малышу Торин? Он говорил явно на своем, тайном языке, который никогда не использовался гномами даже в разговорах между собой, если среди них оказывался иноплеменник. Неужели опять уговариваются о чем-то вроде «ты переднего, я заднего»?

Они неспешно ехали по направлению к деревне. Жилища в ней напоминали дорвагские, однако стены домов были все обшиты досками, двускатные острые крыши выдавались вперед, нависая над прикрылечными палисадниками. Забрехали псы за высокими заборами; из сторожки возле крайнего строения появилось еще несколько воинов — все из различных племен, и Фолко уже не удивлялся соседству хазга, арнорца и истерлинга; и было там еще двое или трое совсем незнакомых, и Фолко услыхал, как Торин в задумчивости пробормотал:

— Под Форностом мы таких не видели...

Воин с серебряным значком что-то негромко сказал светловолосому арнорцу (впрочем, с таким же успехом тот мог оказаться уроженцем Ангмара). Тот, очевидно, командир заставы, быстро окинул чужеземцев не слишком приятным, недоверчивым, буравящим взглядом глубоких темных глаз, в которых, однако, хоббит читал и волю и храбрость. Его взгляд задержался на фибуле Фолко, но и этот воин тоже промолчал.

Друзья спешились. Никто не хватал их под руки, никто не отбирал оружие, не срывал шлемов; люди молча смотрели на них, словно ожидая чего-то. Торин уже было раскрыл рот, видя, что хозяева не торопятся начинать беседу, однако его опередил Малыш.

Почтительно поклонившись, он стал медленно, с расстановкой, старательно подбирая слова, говорить о том, что они разыскивают человека, которого когда-то знали под именем Санделло, что какое-то время назад, далеко на Западе, где произошла их

встреча, он звал их присоединиться к нему и его друзьям в начатом ими большом деле основания свободного союза всех смелых и презирающих сытую дрему витязей. И что они, преодолев множество преград и опасностей, добрались наконец до места, где, как им указали, его можно найти; если они ошиблись, то они просят не держать на них сердца за это вторжение; и если в этих краях никогда не слышали о знаменитом горбатом мечнике, то путники продолжат поиски.

Малыш закончил свою долгую и витиеватую речь. Наступило молчание. Фолко впился взглядом в глаза начальствующего над заставой воина; решалась их судьба; может, сейчас придется драться...

— Положите ваши мечи, — холодно произнес командир порубежной стражи. — Оставьте свое оружие и отвечайте мне. Сейчас не те времена, когда чужеземцы могут так запросто разгуливать по Области Эззарх. Назовите ваши имена, ваш род и каким путем вы попали сюда. Кто указал вам дорогу? Идите в дом.

Под пристальными взглядами стражников гномы и хоббит положили на лавку свои мечи и топор. Фолко снял с плеча колчан, однако его не стали обшаривать, и Клык остался у него на груди, как и перевязь с восемью метательными ножами.

В небольшой комнате — судя по обилию оружия на стенах, караульной — их усадили в дальний от двери и окон угол. Вслед за ними вошло с улицы еще пять или шесть воинов — теперь против друзей оказался добрый десяток людей. У Фолко вспотели ладони, покрывшись холодным и скользким налетом... Мрачно озирался, точно ища лазейку, Торин, один Малыш еще сохранял, по крайней мере, видимое спокойствие.

— Так говорите же, кто вы такие и что вам надо? — начал разговор, а точнее допрос, начальник заставы

— Мы гномы из Эриадора, — смиренно ответил Малыш, — а наш товарищ Фолко, сын Хэмфаста — хоббит из Хоббитании, страны народа, именуемого на Востоке половинчиками. Мое имя Строри, сын Наина, а это Торин, сын Дарта.

Мы уже сказали, для чего мы пришли сюда — мы ищем человека, который известен нам под именем Санделло... Если вы не знаете такого и ручаетесь, что мы не найдем его в ближайших окрестностях, разрешите...

Краем глаза хоббит заметил быстрое движение, которое сделал один из воинов, обращаясь к только что вошедшему новому товарищу, — волнообразное движение рукой, словно очерчивающее гроб!

Здесь явно знали Санделло, знали, но не показывали виду..

— Мы не разрешаем чужакам ходить по нашим землям, — не меняя холодного тона, сказал капитан. — Вы пойдете к тем, кто знает и может больше нас.

Не слушая протестов Малыша и Торина, гномов и Фолко спокойно, но твердо вытолкнули на улицу. Шестеро воинов вскочили в седла, готовые сопровождать незваных гостей...

«Что делать? — думал Фолко. — Играть роль до конца или попытать счастья в открытом бою, пока не затащили куда-нибудь в глубь вражеской земли, откуда едва ли можно будет выбраться?»

Он впился глазами в Торина. Даст он сигнал или нет? Наклонит ли голову, положит ли правую руку на край стола, чтобы в следующий миг сидящий напротив Торина капитан упал с ножом хоббита в горле, а гномы уже успели схватить какое ни есть оружие?..

Торин не дал сигнала. Он коротко глянул на хоббита, и в этом взгляде было отрицание. Отрицание и горькая готовность идти до конца и на все, лишь бы зацепиться здесь и остаться среди вчерашних врагов, имея хоть какую-то свободу для исполнения задуманного.

Один из воинов собрал оружие друзей, небрежно увязал в тюк и приторочил к седлу. Капитан, выйдя на крыльцо, что-то негромко приказал своим — и гномам вместе с Фолко был сделан недвусмысленный знак: «А ну, поехали!»

Весь день они двигались все дальше и дальше на восток от Опустелой Гряды, по хорошо укатанной дороге в глубь Страны Олмера. У хоббита всякий раз сжималось сердце, когда он украдкой бросал взгляд на окружавший их молчаливо-безразличный конвой. Высокие, бесстрастные воины рысили на прекрасных, под стать хозяевам, каурых и буланых конях.

«Уж не к быстрой ли смерти в гости едем?» — подумал Фолко.

Он косился на каменные лица стражников, на угрюмо уставившегося в землю Торина, на меланхолично грызущего на ходу сухарь Малыша — и не мог понять, правильно ли они поступили, отдавшись в руки страже, и это сбивало с толку, мешало рассуждать и обдумывать дальнейшие действия. Ничего не оставалось делать, как смотреть по сторонам!

Мирные деревни хлебопашцев сменялись рощами, все более густыми и протяженными; исчезли последние намеки на всхолмленность, местность окончательно выровнялась. Дорогу обступили вязы и грабы, поля кончились, однако ветер нес с востока запах дыма, и этот запах невозможно было спутать ни со смрадом пожарищ, ни с удушливой гарью лесных палов — это был запах недальнего жилья.

И оно вскоре показалось — но, к удивлению Фолко, селение резко отличалось от пограничной деревни. На обширном, несколько лиг в поперечнике, безлесном пространстве, окруженном синими стенами далеких перелесков, теснились высокие, судя по всему легко переносимые с места на место шатры из какой-то очень плотной ткани; из отверстий в их кровлях подни-

мался дымок. К югу, где в стене зарослей виднелся далекий просвет, что-то вроде ворот на какую-то еще равнину, паслись конские табуны; на глаз Фолко показалось, что в них не менее пяти сотен голов. С севера из леса выбегал ручей, огибая становище, и исчезал в восточных луговинах. Между шатрами мелькали невысокие тени их обитателей, и Фолко узнал хазгов. Потребовалось как следует стиснуть зубы и прикрикнуть на себя, чтобы ничем не выдать вдруг подкатившего тошнотворного ужаса: а что, если кто-то из этих удальцов опознает Торина, лихо рубившего их собратьев в памятный день битвы на полпути от Форноста к Аннуминасу?

К дороге, поглазеть на странных пришельцев, стремглав вылетело несколько ребятишек; и долгим взглядом узких глаз проводил хоббита один из немногочисленных взрослых, оказавшихся тогда в становище. Вообще селение казалось опустевшим; Фолко дорого дал бы за то, чтобы узнать, куда делась подавляющая часть его населения.

Было уже далеко за полдень, когда они, миновав длинный участок лесной дороги, вновь оказались на краю круга полей. Снова начинались поселки — только здесь дома строились наполовину из камня, и хоббит подивился настойчивости обитателей — сколько нужно было трудиться, чтобы дотащить сюда такие груды плиточника. Селение окружал тын, и оно не тянулось ниткой вдоль дороги, как пограничные деревни, а сжималось в комок, точно ежесекундно ожидало коварного нападения. Полотнище широких ворот было все ж таки отвалено, и в проеме дремал, опираясь на копье, рослый бородатый часовой, смуглый и курчавоволосый; при виде конвоя он поспешно вытянулся, торопливо сдергивая ношеный синий плащ. Начальник стражи, тот самый воин с серебряным знаком на плече, повстречавшийся друзьям на пограничной дороге, бросил на ротозея презрительный взгляд, но не сказал ни слова. Они въехали в ворота.

— Эй, старшой! — нарочито громко обратился Торин к начальнику. — Раз уж вы нас ведете куда-то, то кормить, надеюсь, тоже будете? У меня в животе гудит, как в плавильной печи при продувке!

Воин холодно посмотрел на гнома и ничего не ответил.

— Ладно, понимаю, у вас еды едва на своих хватает. Но, может, позволишь нам нашей собственной провизией подкрепиться?

— Хорошо, — не разжимая зубов, процедил начальник стражи. — Вы поедите здесь. Своего.

Трактир здесь оказался, однако, куда как похожим на арнорские, непривычны и неприятны были лишь не слишком любезные взгляды содержателя заведения, человека необыкновенно худого, словно высохшего.

— При таком-то занятии — одни кости! — покачал головой, посмеиваясь, Малыш.

Фолко смог выдавить из себя лишь бледную тень улыбки, ему было не до смеха.

Подгоняемые холодными взглядами конвойных, они наскоро, всухомятку поели из остатков своих дорожных припасов, запивая сухари холодной водой. Малыш завел было речь о пиве, достал даже золотую монету, но трактирщик, не поворачивая головы, лишь цедил в ответ какие-то однообразные, тягучие слова и пожимал плечами, делая вид, что не понимает. Фолко, рассеянно обводя взглядом стены, вдруг заметил нарисованные голубые и красные фигуры — не то руны, не то магические знаки; не эльфийские, не руны Феанора, использовавшиеся в языке Квенея, Высших, Заморских Эльфов, не руны Даерона, коими писали и люди и гномы по сей день; может, даже и не письмена; слишком уж часто останавливался на них взгляд трактирщика; воины же взирали на них равнодушно. Значит, подумал Фолко, это не знаки Олмера, а что-то из глубин памяти этого народа, что невесть каким ветром занесло сюда, в Цитадель — как он стал прозывать про себя эту страну. Он вгляделся повнимательнее.

Странные знаки, очень странные; словно му́кой изломанные росчерки — нет в них ни благородной простоты и изящества начертанных Феанором письмен, ни прихотливой разнообразности творений Даерона; со стороны это похоже... Похоже, птичья лапа какая-то в середине, слева вроде как глаз... Но до чего же все жуткое, неприятное! Такое не рисуют для души — разве что отпугивать кого-то. А вот внизу, под тем, что ему кажется лапой, — вроде раззявленный рот... Алые и голубые линии свивались в причудливую вязь, и, чем дольше смотрел на них Фолко, тем больше казалось ему, что за этими знаками стоит какая-то далекая и недобрая сила, чуждая, враждебная всему, в том числе и тем, кто рисовал эти, несомненно посвященные ей знаки. «Нужно запомнить! — приказал себе Фолко. — Кто знает, может, сгодится...» И он своим острым глазом стрелка-хоббита стал медленно водить по изгибам линий и росчерков; он угадывал последовательность, в которой рисовался знак; пусть он не знает, что он означает — но за этим знаком была сила.

Путешествие через страну Олмера заняло еще три полных дня, и у хоббита в конце концов зарябило в глазах от разнообразия стекшихся сюда племен и народов. Здесь ему встретились и сумрачные ангмарцы — эти лютее всех зыркали на гномов и хоббита, и только присутствие стражи спасло друзей от драки; и низкие, коренастые, бородатые, смахивающие на гномов истерлинги-пахари; и сходные с ними телосложением, но не носившие бород их сородичи-кочевники; и попадались еще поселения хазгов, и еще каких-то неведомых народов, названия которых он не знал; и все

это смешивалось, варилось, превращаясь во что-то неразличимо-слитное; и надо всем властвовала здесь воля Вождя. Соединение получалось странное. Хоббит видел и шумное, веселое многолюдство, с песнями, с непохожими друг на друга танцами и обрядами — и мрачные, опустевшие улицы, и молодых мужчин, ожесточенно рубящихся на вытоптанных околицах деревянными мечами и ворочающих похожими на оглобли тупыми и тяжелыми копьями. Но имя «Эарнил» звучало повсюду. Оно доносилось из-за неплотно прикрытых ставен; оно вплеталось в непонятные песни; оно было последним словом, замиравшим на устах разговаривающих в трактире, когда гномы и Фолко в сопровождении стражников входили туда; и над всем этим людским муравейником совершалась какая-то трудноразличимая, но четко налаженная работа. Чья-то воля ставила многочисленные кузни, где день и ночь стучали молоты; она управляла тянущимися по дорогам обозами с хлебом; повинуясь ей, шли, поднимая пыль, пешие и конные отряды — котел кипел, над ним поднимался обжигающий пар, уже начинающий распирать туго вставленную крышку...

— Вот ты говорил — мирная, мирная страна, — ворчал Малыш, — а вот чуланы с решетками и железными засовами у них в каждой деревне имеются, кто бы в ней ни жил...

На третий день, когда они ехали мимо невысоких холмов, Малыш вдруг насторожился и потянул носом воздух.

— Здесь где-то поблизости кузни тангаров, — заявил он, — или я ничего не понимаю в углежогстве.

— Да-да, пожалуй, — мрачнея, согласился с ним Торин. — Скоро и тут появится стоящая броня.

Однако к вечеру третьего дня их путешествие закончилось. Подспудно хоббит ожидал увидеть что-то вроде Мордорского Замка или хотя бы Исенгарда — крепость, сильную, внушающую страх и олицетворяющую мощь ее повелителей, — а вместо этого его взору предстал городок, обнесенный, правда, частоколом, но срубленным явно на скорую руку, более для вида, чем для действительной защиты; скопище разномастных домов, теснившихся на речном косогоре, тянущиеся до дальних лесов на горизонте поля, хутора среди пажитей; кузни, склады, амбары, сенники, сараи, тока; паутина разбегающихся в разные стороны дорог — и постоянное, но не суетливое движение по ним. Шли группами и в одиночку, проезжали тяжело груженные обозы, на рысях спешили куда-то конные отряды, торопились гонцы, ведущие за собой одного, а то и двух заводных коней... Звучала разноязыкая речь; и Фолко с большим трудом уловил в случайно подслушанных обрывках чужих разговоров знакомые слова Всеобщего Языка, странным образом переиначенные; встречающиеся люди

из разных племен говорили между собой на причудливо измененном Западном Наречии; понять их сразу было невозможно.

В нешироких деревянных воротах, к удивлению хоббита, не оказалось стражи. Они въехали внутрь; потянулись улицы, застроенные возведенными на скорую руку бревенчатыми домами. Люди с интересом косились на молчаливый отряд, однако никто не посмел окликнуть их, обратиться с вопросом.

Пробравшись к самому центру, воины спешились и сделали знак слезать гномам и хоббиту. Перед ними оказался широко раскинувший два крыла двухэтажный дом. Четыре двустворчатые двери были распахнуты настежь, и, хотя в каждой уже стояло по стражнику, в них все время входили и выходили люди. Старший над конвоем что-то негромко сказал своему помощнику и скрылся в дверях, а гномов и хоббита охрана повела в обход строения во двор. Там тоже царила суматоха. Разгружались какие-то возы, кто-то тащил охапку только что откованных мечей, держа их будто дрова; кто-то выводил пофыркивающих коней из расположенной слева конюшни. Однако друзей повели в сторону от этого многолюдства, направо, к длинному одноэтажному зданию с узкими, зарешеченными окнами.

— В темницу... — со злостью сказал Малыш и тотчас пристал к стражникам — как там насчет пива? То есть это значит, что если дают не меньше пяти кружек в день, он, Малыш, еще согласен там пребывать, ежели четыре — он еще подумает, ну а если меньше трех, то он тут все разнесет, так что лучше пусть они пиво ему сами принесут.

Его разглагольствования были прерваны довольно чувствительным толчком в спину; Малыш пролетел несколько шагов, едва не ткнувшись носом в землю; весь кипя, он уже повернулся, чтобы броситься на обидчиков, однако Торин перехватил его руку.

Их ввели внутрь. Скупо обставленная караульная, несколько вооруженных стражников, одетых в кожаные куртки с нашитыми на них железными пластинами. Командир конвоя бросил несколько слов, один из караульных кивнул, погремел связкой здоровенных ключей на поясе и повел пленников по длинному коридору. У одной из дверей он остановился, отпер замок, и они увидели тесную каморку с грубо сколоченными из нестроганых досок лежаками. Мутное оконце под потолком почти не пропускало света. Посредине стоял колченогий стол. Вскоре вновь появился караульщик, он принес три тощих тюфяка и изрядно засаленные одеяла.

— Эй! А как насчет поесть?! — заорал ему в спину Торин.

Однако тот либо не понимал Западного Наречия, либо считал ниже своего достоинства говорить с только что посаженными под замок.

Поесть им, однако, принесли, и это оказалось вполне съедобно, и дали пива, дрянного, разбавленного, но все-таки пива, и вдосталь.

— Влопались, — меланхолично заметил Малыш, устраиваясь на жестком ложе и поминутно ерзая. — Будем теперь тут гнить, пока не вернется Сам и не прикончит нас — быстро и без затей.

— Не скули! — зло рыкнул Торин. — Долго нас тут не продержат. Им же до смерти должно быть интересно, кто мы такие и откуда знаем Санделло. Ей-ей, начинаю жалеть, что его здесь нет! Вот уж не думал, что буду так ждать с ним встречи!

Фолко помалкивал. Что-то подсказывало ему, что долго они здесь не задержатся; его тревожил предстоящий разговор, где им придется доказывать свою верность Вождю.

Минул остаток дня, прошла ночь. Наутро после не слишком сытного завтрака их вывели на прогулку. Трем уже бывалым и опытным бойцам не составило бы труда бежать — их охраняло лишь двое воинов, однако они решили играть роль до конца.

Лишь к вечеру третьего дня о них либо вспомнили, либо до них дошла очередь среди прочих дел. Загремели ключи, факелы осветили их темную каморку; в дверях показались несколько караульных и давешний воин с серебряным значком. Их повели через двор, потом вверх по лестнице на второй этаж. Они миновали несколько комнат; за длинными столами сидели люди — разные, из многих племен, разнообразно и причудливо одетые, увешанные странным оружием. Кто торопливо ел, кто спорил, несколько человек рассматривали начертанные на тонкой коже карты, о чем-то переговаривались вполголоса; встретилось там несколько пишущих, перебирающих вороха грамот, написанных, верно, на первом попавшемся под руку материале — от бересты до каменной пластинки, от бумаги до клочка окровавленной одежды. Рядом с писцами стояло еще несколько человек, то заглядывающих им через плечо, то поворачивающихся к большой, искусно выделанной карте Средиземья, сшитой из небольших кусочков меха. Фолко неотрывно смотрел на лица этих людей, стараясь поймать их взгляды; он неосознанно ждал каких-то записных злодеев, но нет — он увидел выразительные и мужественные лица, частенько не слишком красивые и правильные, но в каждом хоббит чувствовал немалую волю и твердость — и никакой «черноты»! Порой во взглядах он замечал жестокость, но и жестокость была обычной, человеческой. Невольно Фолко припомнил холодный взгляд Скиллудра — воистину, тот куда больше сгодился бы для служения Тьме!

Они прошли мимо людей и орков (Фолко увидел мирно беседующих ангмарца и здоровенного Саруманова орка), хазгов и истерлингов, харадримов и эльдрингов (как их занесло в такую даль от Моря?) и остановились перед узорной дверью, где, скрестив

копья, застыли двое стражей. Короткий тихий разговор — и копья разведены, дверь открыта, и Фолко, собрав волю в кулак, сделал шаг через высокий порог.

Там горели свечи, возле окна стоял просторный стол, в дальнем углу был узкий лежак, по стенам висели копья, топоры, ятаганы, мечи и прочее оружие, а у стола, устремив на вошедших внимательный и испытующий взгляд прищуренных глаз, стоял высокий человек в темной одежде. На широком поясе слева висел длинный кинжал, сразу напомнивший Фолко о встрече с Олмером на Сираноне. В длинных светлых волосах зоркий хоббит увидел изрядную долю седых прядей; глаза были глубоко посажены, левую скулу рассекал длинный шрам. На краю стола лежал большой сверток — в нем друзья увидели все свое отобранное оружие. Усмехнувшись, человек положил ладонь на рукоять топора Торина.

— Я приветствую вас, хоть вы явились нежданно и негаданно! — сказал он, и едва заметный акцент в его речи, как две капли воды схожей с манерой речи Олмера, подсказал хоббиту, что перед ним уроженец Королевства Лучников. — Мое имя Берель. Садитесь и давайте побеседуем. — Он указал на расставленные вокруг стола кресла. — Побеседуем спокойно и разрешим все недоразумения.

— Ничего себе недоразумения! — фыркнул Малыш. — Схватили, обезоружили, сунули за решетку, продержали в неизвестности три дня, а теперь говорят — разрешим!

Берель терпеливо улыбнулся.

— И все-таки тут нет оскорбления, почтенный гном, не знаю твоего имени. Все происшедшее с вами — лишь малая часть нашего обычного порядка. К вам ведь отнеслись с большим доверием — ну забрали мечи, но даже не обыскали — ни вас самих, ни ваши мешки. Конечно, наш затвор — не самое приятное место, но так уж у нас заведено. Итак, почтенные, кто вы? Как вас зовут? Как и зачем вы пришли сюда?

«Нужно говорить правду! — мелькнуло в голове у Фолко. — Как можно больше правды, тогда не столь заметна будет вплетенная в нее ложь...»

И прежде чем Торин взял на себя обязанность отвечать, Фолко заговорил сам:

— Почтенный Берель, мы из Эриадора, из Закатных стран. Это — Торин, сын Дарта, это — Строри, сын Наина, гномы из Лунных Гор. А я — хоббит, или по-восточному — половинчик, Фолко, сын Хэмфаста. Готовы к услугам. — Он вежливо поклонился Берелю, краем глаза заметив, что гномы повторили его движение. — Мы проделали долгий путь...

— Это мне известно, почтенный сын Хэмфаста, и я только

хотел бы знать — зачем? У нас не Торговая Область, к нам являются по делу.

Берель смотрел в упор, его голос оставался по-прежнему дружелюбным, но взор отвердел.

— Да, мы пришли сюда, потому что знали кое-кого из тех, кто повелевает здесь, — вмешался Торин. — Мы встречались с ними и свели знакомство.

— Да, с мечником-горбуном Санделло и... с Вождем Эарнилом, — продолжал Фолко.

— Но, почтенный Берель, — вдруг со странной усмешкой подхватил речь хоббита Торин, — мы шли не к Вождю Эарнилу. Мы шли к Олмеру из Дэйла, человеку, которого я знал давным-давно, на Закате, в Арчедайне, под прозвищем «Злой Стрелок».

Видно было, что Берель смешался. Он провел рукой по усам, испытующе взглянул на друзей — и хоббит с затаенным торжеством увидел в глубине его взгляда некоторую растерянность; да и понятно — эти странные гномы обнаруживают такие странные познания! Кто их разберет, может, они и в самом деле люди Вождя... Фолко готов был поклясться, что так — или примерно так — обязан был думать в то мгновение Берель.

— Друзья Вождя Эарнила — мои друзья, — произнес, кашлянув, Берель, как бы не обращая внимания на прозвучавшее имя Олмера. — Но как же вы познакомились с ним? Прошу вас ответить на этот вопрос, он не праздный. Если вы действительно его друзья, то вам нечего скрывать...

— Мы не раз встречались с ним — в Арноре и прилегающих местностях, — сказал Фолко.

Он вдруг ощутил странную потребность, настоятельное стремление рассказать и о первой встрече — в Пригорье. Ясное дело, что Олмер тогда был там и, оставаясь невидимым за спинами своих дружинников, удержал Санделло от поединка. И хоббит стал говорить, стараясь не упустить ни малейшей детали, не щадя себя, рассказывая о ссоре в трактире. Однако, рассказав о «Гарцующем Пони», он ни словом не обмолвился о «Ножнах Андарила». Особенно подробно, не упуская ничего, он рассказал о встрече на Сираноне, о примирении их с Вождем и Санделло и о сделанных им дарах...

— И, прощаясь с нами, Вождь пожелал нам успеха в Мории. Он сказал, что вновь хочет встретиться с нами, что был бы рад этому. Он сказал, мы услышали — и вот мы здесь, в его стране, и хотим быть вместе с ним.

Берель молчал и пристально смотрел на клинок Отрины, что, раскрасневшись, протягивал ему сейчас хоббит, на топорище Торина. Фолко заметил, что человек несколько раз едва заметно кивнул, точно соглашаясь с какими-то собственными мыслями.

— И благодаря этому клинку мы прошли ущельем в горах, где

живет тот, кто в образе Пса, — тихо добавил Фолко. — Я показал ему это и назвал имя Вождя, и он пропустил нас, сказав, что Вождь уже давно подчинил его себе.

— Хорошо, — медленно произнес Берель. — Вы сказали — я услышал. Но расскажите же еще о себе! Откуда у тебя этот наш знак? — Его палец указал на загадочную фибулу на плече хоббита.

— Я нашел ее в лесу, — как на духу, ответил Фолко. — В лесу, неподалеку от Аннуминаса, и оставил себе просто как красивую вещь, не зная ее истинного значения. Не буду лгать, будто получил ее из собственных рук Вождя.

— Так как же пролегал ваш путь после встречи у Мории? — В голосе Береля было все больше искреннего интереса.

Заговорил Торин. Он вкратце описал их подземные приключения, путешествие с Морским Народом (имя Скиллудра произвело благоприятное впечатление), дорогу на север и — поворот на восток при известиях о начавшейся в Арноре войне.

— А окажись вы тогда в Аннуминасе? — пристально взглянул на гнома Берель. — Ты бы встал в хирд?

— Нет, — равнодушно ответил Торин. — Старейшины изгнали меня из Халдор-Кайса. Мне нет резона помирать за их сокровища.

— А меня в хирд никогда и не брали, — поднял изувеченную руку Малыш.

— А что вы знаете об этой войне? — с легкой настороженностью спросил Берель. — И если знаете — то откуда?

— Когда мы шли через Эребор, то немного не догнали ваше войско, — сказал Фолко, — задержались, спасая из полыньи в Карнене человека — воина Вождя, именем Герет, жителя Приозерного Королевства. Он признал нас за своих, узнав кинжал и переделанный посох, и рассказал нам о тех несчастливых днях.

— Почему же вы решили противостоять своим? Как решился на такое, половинчик?

— Хоббиты — народ мирный, это так, — делая вид, что задет, холодно сказал Фолко. — Но и среди них встречаются любители странствовать и жить так, как считают нужным, вставая под те или иные знамена не потому, что под них встает большинство твоих родственников, а потому, что это — твои знамена и ты сам выбираешь их.

Берель еще долго расспрашивал их о подробностях дороги, о басканах, дорвагах и наконец широко улыбнулся.

— Что ж, я верю вам, — просто сказал он. — Верю потому, что сам был тогда осенним вечером в Пригорянском трактире и видел вас собственными глазами. Мое почтение, половинчик! Ты не только вырос, но и изрядно поумнел. А о вашей встрече на Сираноне мне рассказывал сам Санделло. Да и Вождь кое-что гово-

рил, когда я не увидел у него его гундабадского трофея. Что ж! Если вы хотите быть с Вождем и не служите Арнору или эльфам — милости прошу! Но скажите, почему вы все-таки пришли сюда?

— Здесь единственное место, где нас могут оценить по достоинству, — первым ответил Малыш. — Тебе, почтенный, не получить от нас иного ответа. Нам прискучили одиночные странствия, когда единственная цель — выжить.

— Но знаете ли вы, что требует от своих воинов Вождь?

Друзья промолчали.

— На Сираноне мы говорили о достойных храброго делах, — проговорил Торин. — Но я не думаю, чтобы Вождь, смелый, храбрый и благородный, сделал бы своей целью грабеж ради грабежа... Хотя взять у того, кто имеет много, тому, кто не имеет ничего... Что ж тут зазорного!

— Я скажу вам, — торжественно провозгласил Берель. — Вождь, конечно, сказал бы лучше... Я только повторяю. — Он сделал паузу. — Здесь, в этих землях, собрались свободные силы свободного мира. И здесь они ждут своего часа, чтобы начать величайшую и справедливейшую из войн, покончив с рабством, навязанным нам Заморскими Эльфами. Мы сметем прогнившие стены дряхлых королевств, созданных руками чародеев и их прислужников. Мы по справедливости разделим несметные богатства, что лежат там под спудом. Не станет границ и стражей, не станет врагов и недругов, наши дети не будут гибнуть по прихоти правителей. Каждое племя и каждый род сможет жить по законам предков, не подчиняясь никому, кроме самих себя. Это будет мир сильных и свободных! Слабые уйдут, таков закон. Только так мы сможем освободить Средиземье!

«Только не спорить!» — как заклинание твердил про себя хоббит. Он мог бы разбить наивно-неуклюжие построения Береля двумя-тремя неотразимыми доводами — но нужно было молчать, пересиливая себя.

— Здесь, в нашей Области, — продолжал Берель, — у вас лишь один путь — вступить в войско Вождя и следовать за ним до победы, или пока смерть, честная смерть на поле брани, на вырвет вас из наших рядов. Ручаюсь, вы бы заняли тогда достойное место в Чертоге Ожидания, почтенные гномы! Пришедшие к нам могут пойти за нами — или сгинуть, ибо великое дело не может подвергаться опасности из-за глупых случайностей. И раз вы выслушали все это, то вам нужно решить, с кем вы. Я не могу принять вашу клятву верности, это может лишь Вождь, но дать вам достойное дело в моих силах. Не его ли искали вы — правильно ли я понял ваши слова?

Он остановился и перевел дух, облизнув сухие губы.

— Собственно, мы шли сюда, чтобы быть вместе с Вождем, — медленно произнес Торин. — И знали, на что идем.

— Что ж, тогда вот ваше оружие. Кстати, здесь эльфийский лук?

— Да, я купил его... по случаю, — поспешно сказал Фолко. — Продавшие его не знали истинной цены и значения. Но Вождь держал его в руках — и не отверг его.

— Хорошо, берите. Но что вы умеете делать? У нас никто не есть свой хлеб даром! Впрочем, если хотите — берите кузню, у нас есть несколько свободных. Мы нуждаемся в оружии, а вы, гномы, известные мастера. А ты, половинчик?

— Могу быть при них поваром, — пожал плечами хоббит.

Берель уже открыл рот, очевидно, собираясь произнести «вот и прекрасно», как неожиданно вновь вмешался Малыш.

— Мы воины, — холодно произнес он, скрещивая руки на широкой груди. — Мы шли сюда в поисках достойного дела нашим мечам, почтенный Берель. Оружие мы могли ковать где угодно — и повсюду получать за него хорошую плату. Нет, мы пришли за делом! Дай нам его! Трудное, тяжелое, какое все прочие сочли бы безумным и невыполнимым!

— Такое право надо заслужить, — также с ледком в голосе ответил Берель.

— Как? Ковать? Так ты никогда не узнаешь, какие мы в деле!

— Ну отчего же? — усмехнулся Берель. — Через четыре дня род Харуз устраивает состязания в воинском искусстве. Принять участие может каждый. На главный приз вам рассчитывать не приходится, но показать себя — почему нет?

— Почему это не приходится? — с высокомерным выражением осведомился Торин.

— Главный приз победителю, если он человек — принятие его в род и красавица жена, — вновь усмехнулся Берель.

— А если нет? — спросил, загораясь, Торин.

— Почет, известность, уважение, а главное — внимание Вождя.

— Тогда мы тем более примем участие, — спокойно сказал Малыш. — Однако это еще через четыре дня, а где нам сейчас приклонить голову?

— Об этом позаботится Нефар. — Берель ударил в небольшой бронзовый гонг. На пороге появился юноша-ангмарец, высокий, темноволосый. Берель коротко приказал ему найти свободное место для «новых друзей», как он выразился. Нефара при этом он назвал братом.

— Вы тоже станете нам братьями, — обратился он к гномам и хоббиту, — когда дадите клятву. А насчет кузни — все же подумайте. Там от вас будет больше всего пользы.

Они уже выходили, когда Берель, странно улыбнувшись, вдруг задержал их.

— Конечно, мне ничего не стоило допросить вас поодиночке, — негромко сказал он, усмехаясь. — Но я достаточно знал о вас и без этого.

Нефар долго водил их по улицам городка, пока не устроил на втором этаже какого-то склада. Выходец с Запада, он хорошо говорил на Всеобщем Языке, хотя знал еще добрых пять-шесть наречий, что были в ходу у сторонников Олмера. На вопросы он отвечал не очень охотно, зато кратко и точно. «Как давно был основан этот город?» — «Одиннадцать лет назад, когда Вождь решил окончательно обосноваться здесь». — «Жили ли здесь какие-либо племена?» — «Нет, тут была пустая земля, Леса Ча не пропускали сюда никого». — «Как же прошел Вождь?» — «На то он и Вождь, что перед ним все расступаются». — «А сам ты откуда?» — «С Запада, мой дом в Ангмаре...»

Осмотрев просторное, хоть и изрядно пыльное помещение, Малыш поинтересовался, где им брать еду.

— Пока вы не дали Клятву, еду вам придется покупать, — сказал молодой ангмарец. — Зато потом все будет бесплатно, из воинских магазинов, и кроме того, если будете работать — получите за сделанное золотом. У нас не скупятся на мастеров.

— А пойдешь ли ты на состязания, что устраивает род Харуз? — поинтересовался Торин.

Ангмарец утвердительно кивнул.

— Мы хотим помериться там силами, — заявил Малыш. — Как туда попасть?

— Я зайду за вами утром того дня, — пообещал Нефар.

Три дня друзья ничего не делали — отъедались, отсыпались да гуляли по городу, прислушиваясь, присматриваясь и припоминая. Неприятно удивил их пришедший на следующий день Нефар, порученец Берля, — слова пропуска, переданные для них, действовали только до городских ворот. За частоколом уже требовались иные.

Нефар же зачастил к ним, в свою очередь расспрашивая и выслушивая...

Наступил день состязания. Друзья сумели придать себе довольно приличный вид — одежда была отстирана, оружие начищено, гривы у пони расчесаны и заплетены.

В густой, пестрой толпе они неспешно ехали по проселочной дороге, ведущей на юго-восток. Род Харуз обитал в полудне пути от города; по пути Нефар рассказывал им правила состязаний.

— Там есть обычные виды, — говорил он, — как стрельба из лука, например. Мишень постепенно уменьшают и относят все дальше и дальше. Есть игра копьем — нужно на полном скаку прокинуть его через узкое кольцо. Есть для мечников, для владеющих топорами, кистенями, ножами...

— А единоборства? — спросил Торин.

— Только на деревянном оружии. В полном доспехе. Короче,

вместо мечей — палки. Но броня настоящая. Желающих выкликают из толпы. Просто выходишь, переступая черту.

Род Харуз оказался многочисленным истерлингским племенем, постаравшимся на славу принять гостей. На обширном поле появились легкие подмостки с шатрами, украшенными многочисленными флагами. Множество гербов различных колен и домов. И в центре каждого герба хоббит видел небольшой белый круг с черной трехзубчатой короной. Мало было голубых и золотых цветов — предпочтение отдавалось резким черным, красным, желтым краскам. Народ заполнял пространство вокруг очерченного на земле громадного круга; род Харуз, как хозяева, собрался по правую руку от самого высокого помоста, на котором зоркий хоббит заметил Береля в окружении незнакомых ему людей.

До этого уже были песни, и легкое угощение, и суетня распорядителей; но главный пир и пляски ожидали гостей после выявления достойнейших.

Нефар вполголоса рассказал друзьям, что род Харуз ушел сюда из Великой Степи, проиграв бой могучему племени, клану потомков Хамула, Черного Истерлинга, чье имя когда-то наводило ужас на всех обитателей зеленых равнин, перед которым дрожал молодой в те годы Гондор. Род Харуз потерял множество мужчин и, устраивая такие состязания, возмещал потери.

Хоббит уже заметил, что все обитатели Цитадели делились на пришедших сюда поодиночке и большими родами. Одиночкам надеяться было не на кого, они тянулись друг к другу, и возникали братства, скрепленные дружбой прочнее, чем иные рода связывало кровное родство. Немало было таких, кто не вступил в войско, а трудился на земле или у ткацкого станка, обретя наконец желанное спокойствие. Здесь никому не давали пропасть. Иноземные купцы не допускались сюда; почти все потребное Цитадель производила сама, ибо земли ее были тучны, урожаи изобильны, леса богаты дичью, а реки и озера рыбой.

Но вот грянули трубы, и величественный старый истерлинг, с белоснежными седыми волосами и почти коричневой кожей, выехал из рядов на великолепном коне под роскошной попоной. Он заговорил, но на наречии Цитадели; пришлось довольствоваться переводом Нефара. Вождь рода Харуз приглашал всех к честной борьбе. Пять прекрасных девушек ждут лучших из лучших бойцов Свободных Народов. Все, оставшиеся без родни, угла и крова, — выходите!

Сначала объявили состязание стрелков. За ними должны были последовать копейщики, потом — каждый сможет показать «удивительное», как выразился Нефар, такое, что еще не видели. А потом — единоборства...

Бубны и трубы. Клики глашатаев. Людское море взволнова-

лось, и черту стали переходить решившие показать себя. Остро и горячо стало в груди Фолко, и он шагнул за черту, получив от Торина вместо напутствия крепкий хлопок по плечу.

Однако, когда среди трех с лишним десятков соперников он увидел добрую дюжину хазгов, его уверенности поубавилось.

«Тут стрелами никого не удивишь, — подумал он. — И они выстрелят дальше меня, это точно... Но мы так просто не сдадимся!»

Вынесли мишень, белую дощечку на шесте в рост человека; народ расступился позади нее, раздался в стороны. Новый сигнал трубы — и стрелки стали строиться на плавной кривой подле помоста, где стоял Берель. По одному они выходили к линии прицеливания, а глашатай громко возвещал их имена. Каждого встречал одобрительный гул.

Соперники оказались достойны друг друга. На первой стрельбе промахнулся только один из тридцати восьми. Фолко вышел, не чуя под собой ног, не слыша удивленных восклицаний и раздававшихся кое-где насмешек. Понимая, что надо сразу чем-то выделиться, он не стал тратить времени на прицеливание и секунды. Расстояние было для него пустяковым, и он всадил стрелу в самую середину мишени навскидку, чего не позволяли себе даже хазги — непревзойденные лучники.

Когда он возвращался после выстрела, недоуменная тишина вокруг него вдруг сменилась криками радостного удивления, и Фолко пожалел, что не понимает ни слова.

Мишень отнесли дальше, и вновь Фолко не задержался на белой черте; выйдя к ней, он отвесил несколько церемонных поклонов во все стороны; последний он отдавал, стоя спиной к мишени, и, резко повернувшись, пустил стрелу, в то время как другие стояли, примериваясь, довольно долго. И вновь приветствия, взлетающие над головами копья...

После третьего выстрела их осталось двадцать. После четвертого — восемь: кроме Фолко, двое истерлингов и пятеро хазгов. Эти уже посматривали на Фолко с каким-то мрачноватым интересом. После его выстрела навскидку они тоже перестали целиться, и, когда мишень передвинули в третий раз, кое-кого из них это подвело. Их громадные стрелы прошли очень близко от мишени, но все-таки мимо. Теперь люди целились очень долго, ловя малейшее дуновение ветра, то поднимая, то вновь опуская лук.

На пятом выстреле Фолко понял, что его силы на пределе. Дальше ему стрелы не послать, и без того пришлось пускать ее довольно сильно вверх. Хазги не приняли его вызова стрелять навскидку — выцелили, и ни один не промахнулся. Из истерлингов не попал никто.

Когда мишень отодвинули еще дальше, Фолко лишь тяжело вздохнул. Пришлось прибегнуть к выручившей его в ущелье Са-

румана уловке — пустить стрелу, сидя на земле. Он не промахнулся, и это вызвало бурю восторга. Не попал один из его соперников, их осталось четверо. Однако, когда распорядители стали относить мишень еще дальше, самый старший из хазгов что-то хрипло крикнул. По толпе пронесся вздох удивления, Фолко стоял, ничего не понимая. Старый хазг, низкий, весь в шрамах, протянул ему жесткую ладонь и что-то произнес; хоббит не понял, но протянутую руку пожал. Пожал руку врага...

Стрелки впятером подошли к помосту, где стоял Берель; по пути хоббит увидел отчаянно вопящих что-то восторженное друзей-гномов, а потом услышал, как Нефар негромко перевел ему слова хазга:

— Они отказываются от состязания и требуют, чтобы тебя объявили победителем вместе с ними. Относить мишень дальше они считают нечестным.

Толпа приветствовала благородный поступок хазгов дружным ревом.

— Поздравляю, половинчик, — обратился к нему с помоста Берель. — Но все-таки ты делишь награду...

Фолко не успел ответить; вновь взревели трубы, и глава рода Харуз объявил, что все пятеро победивших получат в подарок по серебряному походному кубку, красавице же придется подождать.

Хоббита втянули в толпу, и он угодил в объятия друзей. Вокруг него образовалось плотное кольцо — его поздравляли, хлопали по плечам, по спине, многие пытались заговорить, однако он не понимал Восточных Наречий, а Нефар оказался на время оттертым, прорваться к хоббиту он сумел, лишь когда нужно было принимать награду.

— Он говорит, что доблесть твоя и умение ставят тебя в один ряд с лучшими стрелками степей, — бесстрастно переводил Нефар обращенную к Фолко речь старейшины рода Харуз. Тот говорил громко, и вся толпа внимательно слушала. — Род Харуз будет всегда рад видеть тебя среди своих. Отныне любой из мужчин рода Харуз — твой брат, ибо превыше всего они ценят доблесть и боевое умение. Тебя приглашают погостить у них после состязаний. Не вздумай отказаться!

Фолко низко поклонился, благодаря за награду; распрямившись, он принял из морщинистых рук небольшой кубок древней работы, блестящими глазами обвел плотные людские ряды; в тот миг он совсем забыл, что стоит среди тех, в кого он, может быть, стрелял год назад на Забытом Кряже, или с кем рубился на подступах к Исенгарду, или с кем ему еще придется рубиться — в ближайшем будущем. Он хотел сказать что-то хорошее, но его намерение остановил вновь раздавшийся звук трубы. Начинались состязания копейщиков.

Это оказалось захватывающее зрелище. Стремительные всадники, словно сросшиеся с поджарыми конями, подобно громадным хищным птицам, с гортанными боевыми возгласами неслись по полю; словно черные молнии, мелькали копья; и каждый удачный бросок, когда копье пронзало узкое, затянутое цветной тканью кольцо, приветствовался тысячеголосым кличем. Хороши были в этой игре истерлинги, показали свою удаль харадримы, не последними явили себя и хазги; однако всех превзошел худой, совсем юный ангмарец. Копье казалось продолжением его правой руки, и он покорил всех, пробросив его через пять колец, отстоящих на два локтя друг от друга. Его объявили победителем, и красивая черноволосая девушка, гордо выступив из рядов, взяла его руку в свою.

После копейщиков всадники состязались в умении метать аркан, выдергивая вбитые в землю столбы с рогулиной на конце. Здесь не было равных истерлингам; победитель, широкоплечий, низкорослый крепыш, на могучем, под стать наезднику, коне, вырвал столб, вбитый десятью ударами молота на глубину в два локтя. И он также получил руку невесты из рода Харуз, а также оружие с серебряной насечкой.

А Фолко словно наяву видел черные змеи арканов на поле битвы — там, в далеком Арноре, и падающих гномов, вырванных из строя смертельной петлей. Однако ему приходилось тоже что-то кричать, показывая заинтересованность, чтобы не навлечь на себя подозрений.

Всадники с арканами покинули огромную арену.

— Что теперь? — обратился хоббит к Нефару.

— Теперь очередь мастеров. Каждый может показать свое умение в чем пожелает.

«А что, если?.. — мелькнула у Фолко озорная мысль. — Стрельбой их не удивишь. А если ножами?..»

Хоббит, решительно раздвинув соседей, полез к черте.

Выступивших оказалось немного. Несколько людей — ангмарцев и харадримов — показали искусное владение мечом, верную защиту и нападение, однако это не шло ни в какое сравнение с тем, что хоббит видел у Малыша. Понравился ему богатырского сложения смуглокожий харадрим, мастерски крутивший вокруг себя тяжелое копье, действуя им одновременно и как дубиной. А потом вперед вышел невысокого роста человек в свободной желтоватой одежде; он поклонился, высоко подняв сжатые кулаки, распрямился — и из его правого кулака словно вырвалась голубая молния. Длинная боевая цепь с острым наконечником казалась живой змеей, обвивающей со всех сторон своего повелителя; ни на мгновение не оставаясь в покое, змея металась из стороны в сторону, закрывая своего хозяина непроницаемым

сверкающим куполом. Странного человека с необыкновенным оружием проводили восторженными криками.

Настала очередь хоббита. Запыхавшийся Нефар, однако, успел принести по просьбе Фолко мешок репы и сейчас раздавал ее примерно десятку добровольцев, вызвавшихся помочь.

Фолко вышел на свободное пространство и поклонился. Десять его помощников вышли следом за ним, неся в руках по кучке репы. Фолко вздохнул, сосредоточился, на миг зажмурился... а потом резко распрямился и махнул рукой. В тот же миг десяток желтых репок были брошены ему прямо в голову; навстречу им из-под его плаща вырвался стальной веер; ловкие руки хоббита метнули все висевшие на перевязи ножи. Их лезвия с плотным хрустом рассекали желтую плоть — и ни одна репка не долетела до цели.

Наградой ему были восторженные вопли и стук мечей о щиты — знак высшего одобрения у степных племен Истланда. Раскрасневшийся Фолко стоял, неловко раскланиваясь; подбежал Нефар и хлопнул его по плечу, сказав, что люди просят повторить. И Фолко повторил столь же успешно; и, когда он шел с поля состязаний, мысль — а хорошо бы стать единственным победителем в двух видах за один день! — занимала в его голове неоправданно много места.

Однако нашелся еще один, кому было чем подивить собравшихся, — им оказался обычно скромный Малыш.

Он невозмутимо вышел из рядов зрителей, неся под мышкой охапку хвороста, и быстро, как умеют одни лишь гномы, разжег небольшой костер. Затем с лихим посвистом он выхватил из ножен даго и меч — и Фолко вновь увидел знаменитый железный вихрь Маленького Гнома. Прежде чем люди успели удивиться, зачем был разожжен костер, Малыш легким, стремительным движением подхватил острием меча горящую ветку, и она закувыркалась перед ним в воздухе, разбрасывая вокруг себя багряные искры. Ошеломленные зрители замерли, а Малыш подхватил с земли вторую ветку, третью, четвертую, и вот уже перед ним в воздухе горел еще один костер, поддерживаемый молниеносными, неразличимыми глазом движениями меча и даго. Ни на миг не ослаблялась непробиваемая защита; не стали реже длинные неотразимые выпады — но костер горел, и одна ветка даже крутилась над головою Малыша. Так он поднял в воздух весь горящий хворост, окружив себя огненным куполом, а потом с резким криком: «Хазад!» — отскочил в сторону, вкладывая оружие в ножны под неистовые крики удивления и восторга. Последней серией ударов он перерубил все до единой горевшие хворостинки, и сейчас на земле угасала лишь небольшая кучка угольков.

Что и говорить, приз достался Малышу, но и хоббит не был обойден вниманием; Берель объявил, что награждает его от свое-

го имени, — и на левом запястье Фолко сомкнулся тяжелый браслет из блестящего белого металла, не серебра и не мифрила, с еще более глубоким и завораживающим мягким блеском; мягко светился вделанный в браслет черный камень, и сияние это неведомо почему действовало освежающе. Если с минуту сосредоточенно смотреть, пристально вглядываясь в камень, то усталость отступала и крепли решимость и мужество.

Малыш, окруженный толпой, торжественно прошествовал, прижимая к животу драгоценный, отделанный золотом рог; глашатаи трижды возгласили ему славу.

Малыш и Фолко, усмехаясь, сложили возле Торина на землю свои награды; тот засопел, словно сердясь на что-то, и когда объявили последний вид состязаний — единоборство, — он решительно полез к черте.

— Погоди, — вдруг остановил его Нефар. — Не отнимай у молодых надежды получить заветную награду. Погоди, во вторую очередь за золотую чашу, которую приготовил Берель, будут сражаться все желающие, там соберутся достойнейшие.

Торин коротко глянул на Нефара, словно раздумывая.

— Зачем тебе бороться за приз, которым все равно не воспользуешься? — продолжал тот. — К тому же, почтенный гном, ты явно сильнее многих и многих, и многие будут повержены тобой. А молодость зачастую неразумна... Зачем тебе затаившие на тебя обиду? Сразись с теми, кто по достоинству оценит воинское искусство противника, даже потерпев поражение от него!

Торин остался и вместе с Малышом и Фолко смотрел, как выходят один за другим одетые в полный доспех воины, лишь заменив мечи палками; как специально выделенные люди рода Харуз окружают каждую из пар, чтобы следить за правилами; и как один за другим, с опущенными головами, стараясь не смотреть по сторонам, уходят прочь потерпевшие неудачу, а оставшиеся вновь выходят друг против друга, и так до тех пор, пока не остался один воин, худощавый и горбоносый, с орлиным взором глубоких глаз и иссиня-черными прямыми длинными волосами, — человек с Востока, от самого Баррского Хребта.

А потом глашатаи объявили, что вызываются к состязанию все, кому не нужна женская ласка, кого влечет бой ради боя и победа ради одной лишь славы; и немало опытных, изрубленных в стычках бойцов откликнулось на него. Среди прочих вышел и Торин.

С замиранием сердца следили друзья, как взлетает и падает его дубинка, как гном играет ею, словно любимым топором, гвоздя с неожиданных позиций по забралам противников; и как одного за другим победил он троих и неожиданно остался вдвоем с могучим истерлингом в темно-коричневом кожаном доспехе, низком шлеме с гребнем, также победившим до этого троих. Торин не снимал надетый поверх доспехов плащ, лишь покрепче подвязал

его, очевидно, не желая обнаруживать свой роскошный мифрильный бахтерец; и, когда они сошлись, верх сперва оказался за истерлингом, потому что плащ хоть и немного, но все же мешал Торину, и его противник мастерски воспользовался этим. Один раз ему удалось ударить сверху по хауберку гнома и задеть того по наплечнику. И тут Торин взбеленился. Громоподобный клич Народа Дьюрина прорвался сквозь гул подбадривающих истерлинга криков: «Барук хазад!» Плащ отлетел в сторону, и истинное серебро доспехов Торина засверкало под солнцем. «Хазад аймену!» — и, выбитое, далеко в сторону отлетело оружие противника; в следующий миг палка гнома, словно копье, ударила в самое уязвимое место — в поперечную складку шлема, причем все видели, что Торин нарочно изменил направление удара, чтобы не ранить человека...

И золотая чаша досталась Торину, и он гордо прошел, высоко поднимая ее, в обнимку с побежденным им истерлингом, помирившись с ним и обменявшись на память ножами; и Берель, с улыбкой разводя руками, пригласил всех троих друзей, так отличившихся в тот день, на праздничный пир с ближайшей его дружиной; и можно было лишь радоваться, что все оказалось настолько удачно, если бы не странное чувство тревоги, что появилось у хоббита, когда он увидел маленького карлика, неслышно скользнувшего мимо трапезных столов к Берелю, — давнего знакомца, какого друзья не видели со дня битвы у Волчьего Камня; и странен был взгляд, брошенный карликом на Торина, безмятежно потягивающего пиво. В сердце Фолко вползла холодная змея надвигающейся угрозы.

А когда пир закончился, Берель знаком попросил друзей остаться.

— Вы показали себя достойными самых трудных и славных свершений во имя нашего дела, — сказал он. — На этой неделе выступает отряд, что пойдет в глубокий поиск далеко на восток. Вы должны присоединиться к нему. Этот отряд по старым картам будет искать Тропу Соцветий (у Фолко остановилось дыхание) и встретится там с самим Вождем! Вы достойны этого дела, и оно достойно вас. Идите же и докажите свою верность великому Вождю Эарнилу!

Глава 8

ЗА ЛЕСАМИ ЧА

— И все-таки мы влопались донельзя глупо, — мрачно бросил Малыш, когда они шли по улицам городка к своему обиталищу. — Теперь они знают, что мы можем... — Он сделал ударение на «что».

Возбуждение схлынуло; Торин угрюмо опустил голову, волоча драгоценную чашу так, словно это был мешок с камнями. Встречные провожали друзей удивленными взглядами... Приказ выступать с отрядом Трехзубчатой Короны поверг всех троих в неописуемое удивление. Ох, неспроста опытнейший Берель, давнишний сподвижник Олмера, включил в отряд трех бродяг, только несколько дней назад загадочно появившихся на рубежах вверенной ему Области, да еще в отряд, отправляемый на столь важное дело, к тому же навстречу самому Вождю! Может, эти состязания были только прикрытием, а на самом деле от Олмера просто пришел категорический приказ — этих немедленно ко мне? Но как могла весть о них так быстро достигнуть затерявшегося где-то на Востоке Олмера, а если и достигла — то ответ не успел бы уж точно. Какой же быстротой должен был обладать гонец, которому оказалось бы под силу такое?

— Нужно разузнать это, как угодно, но разузнать, — буркнул Торин, когда Фолко изложил друзьям свои соображения.

— Я видел здесь карликов, — сказал Малыш. — Может, что и узнаем? Уж больно хитрая рожа была у того нидинга, которого мы встретили у Береля. Я его из тысячи узнаю! Клянусь бородой Дьюрина, он должен много знать, если вхож к самому Берелю!

— А Нефар? — заикнулся было хоббит.

— Этот умрет, но не скажет, — отмахнулся Торин. — Чую ангмарскую породу, она крепче каменного дуба!

На следующий день посыльный принес им распоряжение Береля явиться на сборный пункт в полном вооружении и верхами. Друзья повиновались.

Выступающая в поход дружина оказалась многочисленной — целая сотня. Здесь были собраны бойцы из самых разных племен Средиземья: и истерлинги, и харадримы, и ангмарцы, и эреборцы, и неведомые Фолко изгои восточных народов; встретились и несколько Сарумановых орков. В рядах воинов мелькнуло спокойное лицо давешнего мастера с боевой цепью; друзья встретили и всю пятерку знаменитых стрелков хазгов, почтительно раскланявшихся с Фолко. Появился верхом на караковом коне и Берель. Рядом с ним на дивном жеребце редкой молочно-дымчатой масти ехал высокий человек, одетый в длинную вороненую кольчугу, с двуручным мечом у пояса; похоже, это был предводитель отряда, но Фолко не мог угадать, откуда он родом. Многоголосый гул сразу утих, отряд стал поспешно выстраиваться полукругом.

Двуручный меч, неожиданно также оказавшийся вороненым, под стать доспехам, с легким шелестом вылетел из ножен; сжимая его обеими руками, предводитель поднял его острием вверх, точно собираясь принести клятву; он обвел жестким взглядом ряды, и последние обрывки разговоров утихли. Берель также поднял руку.

— Слушайте и внимайте словам нового дела! — крикнул он, приподнимаясь на стременах. — Вам надлежит пройти по краю обитаемых земель к тайне Востока и помочь Вождю разрешить ее. Он нуждается в вас. Вы выступаете завтра, на сборы даю один день. Не тревожьтесь о дороге — у вас есть опытные проводники. Не тревожьтесь о припасах — мы даем вам достаточно. Ваше дело — проложить мечами дорогу к неведомому и обратить его на службу нашему делу, ибо вы знаете, что такие места таят много чудесных вещей, сила которых необходима, если мы восстанем против наученных Заморскими Силами эльфов, гори земля у них под ногами! А теперь будет говорить Отон.

— Братья! Перед нами путь, где будет раздолье вашим мечам. Все вы — известные бойцы, славные среди своих соплеменников. Все вы... почти все, — он бросил быстрый взгляд на Фолко и гномов, — давно знаете друг друга и меня и помните закон нашего Братства — только смерть может помешать выполнению приказа. В отряде одиннадцать новых воинов — им придется делом доказать свое право быть среди нас. Десятники! Разобраться по старым десяткам!

Строй сломался, по нему прошло короткое множественное движение, и он оказался разделенным на десять небольших отрядов — где по девять, где по восемь, а где и по семь человек. Одиннадцать новичков остались стоять в середине — и среди них гномы и хоббит. Отон спешился, неторопливо прошелся вдоль строя — и только теперь хоббит с удивлением сообразил, что тот говорил на Всеобщем Языке!

Проходя мимо новых бойцов, Отон на время задерживался возле каждого, задавал два-три вопроса и называл номер десятка, куда тот должен был отправиться. Когда очередь дошла до друзей, Отон с минуту молча смотрел на них, прищурив темные глаза, а потом мотнул головой и небрежно бросил:

— Восьмой десяток...

Остаток дня прошел в сборах. Грузили припасы для дальней дороги, отбирали коней и делали еще тысячу дел, необходимых перед походом. Друзья честно работали наравне со всеми; им повезло: в десятке не было орков, командовал им немолодой уже уроженец Дэйла, хорошо знавший народ гномов и уважавший их. Кроме него, в десятке были еще два истерлинга, два ангмарца, один выходец из Айбора и один аж из северных областей долины Андуина, из государства Беорингов. Все знали Всеобщий Язык, все видели недавнее состязание и поглядывали на друзей с изрядной почтительностью.

Ночью Фолко опять долго не спал. Вот он оказался в самом центре Цитадели Олмера, познакомился с десятками служащих ему; но он не видел в них закоренелых в грабежах и убийствах разбойников с большой дороги. Это были сильные и смелые люди, и

власть Олмера могла держаться среди них на чем угодно, кроме одного — кроме страха.

Наутро отряд выступил. Друзья ничего не успели узнать; однако когда дружина Отона проезжала городскими улицами, среди провожавших Фолко нежданно увидел знакомое лицо Келаста и едва удержался от вскрика. Дорвагский разведчик стоял в окружении товарищей, бесстрастно взирая на проходящие мимо ряды конных. Лишь едва заметное движение его головы дало понять хоббиту, что Келаст заметил его.

— Эй, Манор! — тронул за плечо могучего истерлинга Торин. — Когда нам скажут, что нужно делать в этом походе? Тут же не так, как в Арноре, где приказывают рубить, не сказав кого и зачем! Я тут недолго, но думаю, что должно быть по-иному!

— Так и будет! — отозвался Манор, поправляя копье у седла. — На первом же привале Отон расскажет все, что нам нужно знать. Он ничего не скрывает понапрасну. Сам увидишь...

У городских ворот их нагнал приехавший пожелать удачи Берель, и тут же к отряду присоединился еще один его член — низенький тщедушный человечек со странно знакомой плотно закрытой корзиной; присмотревшись, Фолко узнал в ней садок с улагами!

Три дня они продвигались через страну Олмера — не медля, но и без ненужной поспешности; взору Фолко открывались богатые селения разных родов и племен, которые, точно сорванные ветром листья, облепили могучий ствол неколебимо стоящего перед грозою дерева. Отряд Отона ни в чем не знал нехватки. Даже ночевали они не под открытым небом, а на имевшихся вдоль дороги обширных воинских дворах — опытный командир Отон не хотел утомлять своих людей раньше времени.

Смутно и мглисто было эти дни на душе у хоббита. Их встретили с открытой, чуть грубоватой, но искренней дружелюбностью; их умению дивились и уважали за это; кое-кто даже просил на досуге обучить их увиденным на ристалищном поле приемам боя. Руки истерлингов, харадримов, ангмарцев и хазгов ломали хлеб, протягивая половину краюхи хоббиту; к его кружке с готовностью тянулись полные ароматным медом фляги; ночью, сжавшись под одеялом, Фолко с ужасом все четче и четче осознавал, как непросто ему будет поднять оружие на доверявших ему и деливших-ся с ним походным ломтем.

Фолко и его друзья быстро поладили со своими новыми спутниками, хотя поневоле держались в стороне, стараясь не ввязываться в общие разговоры. Их оставили в покое — здесь за каждым признавалось право вести себя как вздумается, лишь бы не отступал в бою. Только хазги, а их в отряде оказалось полтора десятка — бросали какие-то странные взгляды на висевший на

груди у хоббита заветный кинжал; и взгляды эти не отличались, признаться, особой приязнью. Фолко спросил совета у друзей.

— Незачем ссориться с ними раньше времени или давать им повод держать камень за пазухой, — пожал плечами Малыш. — Нужно объясниться в открытую.

Вечером третьего дня пути Фолко как бы невзначай оказался рядом с сидевшими в кружок хазгами; откинутый плащ оставлял открытым клинок Отрины. Хазги словно по команде смолкли, выжидательно глядя на хоббита. Тот попытался заговорить с ними тщательно подобранными словами наречия Цитадели, малый запас которых он все же успел составить себе к этому времени, однако старый хазг, один из недавних соперников по стрелковому спору, остановил его.

— Говори на языке Заката, — каркнул он, поднимая голову. — И тебе легче, и мы тебя поймем — тут есть кое-кто, кто его знает.

— Хорошо, почтенные! Я хотел поговорить с вами как воин с воинами и верю, что вы поймете меня. Догадываюсь, что вас смущает эта вещь, которая ныне принадлежит мне. Но знайте же, что я получил ее из рук самого Вождя, во время нашей встречи на далеком и враждебном Западе. Я не знаю подробностей гундабадского боя, но не как презренный грабитель, обдирающий тела мертвых, обрел я этот кинжал! В истинности этих слов сошлюсь на хорошо известного вам Санделло, а также Береля.

Хазги некоторое время помолчали, пока двое или трое из них вполголоса переводили остальным слова хоббита. Потом они вдруг заговорили вместе, словно совещаясь; старый хазг, который, очевидно, был у них за старшего, молчал, только быстро переводил взгляд с одного соплеменника на другого, словно спрашивая о чем-то; и когда заговорил он, все остальные разом умолкли.

— Здесь никто не проверит твоих слов, — медленно сказал он. — Но мы видим — ты говоришь правду... Узнай же, половинчик, что этот клинок некогда принадлежал нашему народу, одному из наших вождей. Несколько зим назад часть наших прошла далеко на закат к самому Гундабаду... Там они повстречали Вождя. Этот клинок попал к нему, и, клянусь Великой Лестницей, он попал к нему по праву. Мы удивились, увидав его у тебя... Но теперь все ясно. Садись с нами, Отмеченный Вождем, выпей круговую!

Из разговора с хазгами Фолко узнал, что когда-то, невообразимо давно, когда Черного Замка в Мордоре не было еще и в помине, когда в Золотом Лесу еще жила великая, хотя неведомая и страшная, Сила, когда весь Закат был свободен — предки хазгов обитали в землях к западу от Туманных Гор. Сила Востока была тогда с ними, и остерегались они лишь яснооких эльфов, живших севернее их привольных степей. Тогда эльфов было много, не в

пример больше, чем теперь, — может, поэтому они казались тогда менее опасными, ибо мало обращали внимания на Смертных и шли собственными путями. Однако хазгов они недолюбливали, потому что в совсем уж незапамятные времена прародители хазгов служили какой-то сверхмировой Силе, не имеющей в их памяти ни имени, ни облика; и эта Сила была враждебна эльфам.

— Мы если видим что-то, то никогда не забываем, — покачиваясь, мерно и торжественно говорил хоббиту старый хазг. — От деда к внуку, от отца к сыну идут Вести, и каждый узнавший обязан запомнить их до самой смерти, а умирая — передать наследнику. И слова безымянных свидетелей, давно ушедших в лоно Матери, живы по сию пору, и они повествуют нам, как вздыбилось ставшее багряным небо и великий огонь снизошел с закатных небес. И сверкающие рати неведомых нам богов ступили на крайний запад земли, и Сила, хранившая нас, пала, увлекая за собой в пучину и западные земли. Лишь горстка тех, кто положил начало роду нашему, чудом уцелела тогда, в битве, равной которой не было и не будет. И наши пращуры ушли на восток и обосновались у горных подножий. А затем пришли эльфы и создали свою страну подле ворот в подземное царство гномов, и другие народы Смертных также поселились между берегом Великого Моря и Горами. Долгие, долгие годы протекли — и вот из морских пучин появились устрашающие корабли, несущие полчища закованных в сталь воинов, великих лучников. Люди Моря стали строить свои гавани, налагая дань на прибрежные племена. Однако затем на Востоке вновь поднялась тень той, первоначальной Силы, и вспыхнула страшная война. Короли Морей оказали помощь эльфам, и в горниле истребительной схватки сгорели почти все колена нашего рода. Но все имеет свой конец, кончилась и война, и снова потекли мирные годы, и родились новые люди нашего языка. Однако угроза своими исполинскими крылами вновь затемнила небо над головами хазгов. Короли Морей обосновались на крайнем юге, и степи, ныне именуемые Роханом, были их владением. Короли потребовали покорности у нашего племени, а когда получили отказ, нанесли такой удар, что нашим предкам пришлось навсегда покинуть родину. И с тех пор мы живем надеждой, что вместе с Вождем отвоюем наконец наши древние владения и в зеленых степях вновь разольется протяжная песнь людей нашего языка.

Фолко осторожно полюбопытствовал, не слыхали ли его почтенные собеседники что-либо о таинственном Волчьем Камне, о котором ему довелось узнать во время странствий по югу степей?

— Волчий Камень? — переспросил старый хазг. — Конечно, слыхали! Это поставили свой знак наши младшие братья, вышедшие вместе с нами из западных земель и всегда жившие в дружбе

с исполинскими волками. Часть из них присоединилась к Вождю, но часть продолжает скрываться на нашей прежней родине, надеясь невесть на что.

На пятый день пути, когда отряд впервые заночевал под открытым небом, к хоббиту пробрался Келаст. Как сумел дорваг обмануть бдительность стражей, выставленных осторожным и опытным Отоном, как проскользнул мимо бдительных хазгов, мимо костров истерлингов, способных различать шуршание мыши в траве? Он просто возник из тьмы рядом с хоббитом, опустился беззвучно на землю и словно слился с нею. Торин и Малыш остались сидеть возле костра, спинами прикрывая хоббита и дорвага.

Келаст и его люди не теряли времени даром. Они узнали многое, выполнив приказ старейшин, теперь можно было и возвращаться. Подсматривая и подслушивая, взяв трех языков, они выяснили, что острие удара вроде должно быть повернуто на юг — после сбора в Великой Степи всех служащих Вождю сил. Область Олмера могла выставить немало воинов, однако сама по себе многочисленным дорвагским племенам она была не страшна, ибо ввязываться в войну с ними — хотя бы для того, чтобы не ударили в тыл, значило воевать с Айбором, который соратники Вождя, напротив, хотели привлечь на свою сторону.

— Но Айбор они могут купить, — возразил Фолко. — И там закроют глаза на разорение вашей лесной окраины.

— Для этого сил тех колен, что живут сейчас, недостаточно, — сверкнул глазами Келаст. — И они прекрасно это знают, мы убедились в этом, подслушав немало их разговоров. Похоже, поход будет нацелен на юго-запад, но что может помешать Олмеру рассчитаться с ними после похода главных сил? Мы узнали, какие восточные племена сейчас идут за ним. Скажу прямо: если он соберет хотя бы две трети их ополчений, у него хватит сил не только испепелить наши леса, но и Гондор поставить на грань гибели. Он может двинуть на запад десять десятков тысяч! Но для этого нужно время. Мы решили следить. Мы отправили вести домой и останемся здесь, чтобы вовремя предупредить наших братьев.

— А не боитесь, что вас выследят?

— Кто выследит дорвага в лесу? — презрительно пожал плечами Келаст. — Им нас не взять. За всю неделю они ни разу не напали на наш след. Не нападут и дальше. А если по чистой случайности и наткнутся — у нас достаточно способов, чтобы обмануть любую погоню.

— Скажи, не ждут ли они возвращения Вождя? — спросил Фолко, желая проверить слова Береля.

— Нет. По крайней мере не сейчас. Говорят, что он ушел в

какой-то дальний поход на восток и что в подмогу ему посылается небольшой отряд, в который, кстати, вы и попали!

Фолко вкратце пересказал Келасту все приключившееся с ним после расставания на лесной дороге. Выслушав, тот тихо промолвил:

— Вы идете по самому краю... Чем я могу помочь, пока вы еще в пределах земель Олмера?

Фолко поведал ему о подозрительно поспешном, на его взгляд, принятии их в эту дружину лучших бойцов Береля; вспомнил карлика, чей зловещий взгляд никак не шел у него из головы; его стократно обострившееся чутье на опасность предсказывало недоброе.

— Дай нам три дня сроку, — сказал Келаст. — И не отчаивайся! Думаю, дорваги разрешат эту загадку.

— Но как же... — начал было Фолко.

— Предоставь это дорвагам, — перебил его Келаст. — Нам не нужно много времени, и осторожничать в большом деле мы не привыкли.

И он бесшумно исчез в ночи — ни одна ветка не шелохнулась, ни один сучок не треснул; дорваг растворился в темени, канул в нее, точно ныряльщик в непроглядную воду... Друзьям оставалось лишь ждать.

Однако это ожидание никак нельзя было назвать однообразным. Они подходили к границам Области Олмера, его Цитадели, все теснее обступали их пока еще невысокие, поросшие лесом горы; меньше стало поселений, но дорога была наезжена, и постоялые дворы нет-нет, да и попадались. На третий день, когда должен был появиться Келаст, Отон приказал отряду собраться перед выступлением с бивуака.

Воины расселись большим полукругом на опушке леса, где провели ночь. (Отон последние дни почему-то избегал ночевать под крышей, да и народу на постоялых дворах было изрядно.) Все стихло, только в кронах, уже чуть заметно тронутых желтизной, посвистывал ветер.

Отон говорил о цели похода. Говорил жестоко и правдиво, не скрывая предстоящих великих трудов и испытаний. Он ничего не прибавил к уже известному друзьям о Доме Высокого и о Тропе Соцветий. Зато о лежащих меж ними странах и землях он сказал немало нового.

— Чтобы открыть Вождю дорогу в Дом Высокого, нам предстоит расчистить путь, чтобы не оставлять на его долю препятствий, устранить которые по силам и нам. Там, по воле Тропы Соцветий, сходятся владения многих сил Востока, не подчиняющихся разуму и недоступных внушению. Где-то в тех краях лежит западная граница могучих и безжалостных эльфов, наших смертельных врагов. Колдовской своей хитростью они, конечно, попыта-

ются помешать Вождю. Наша задача — их удержать. За ними Черные Гномы, что, не в обиду нашим гномам будет сказано, вступили в противоестественный союз с эльфами Востока. Мощь их велика, они неистовы в сражении, поэтому мы не станем штурмовать неприступных стен Черного Замка, запирающего переправу через Хоар. Там нужно действовать хитростью. Но вот тех гномов, которые обустраиваются в ближних пределах Дома Высокого, нужно отбросить — иначе нам не пробраться к тайне. Но прежде всего нам придется столкнуться с Ночной Хозяйкой. Она повелевает страхом, страхом управляет племенами и не допускает никого в свои края. Движимые ею обезумевшие армии покоряют ей новые и новые земли. Нам придется выступить против тех ее слуг, что попытаются преградить нам путь, и здесь я надеюсь на всех вас. Сейчас Вождь не может послать сюда большое войско, да это и ни к чему — эти племена должны стать нашими союзниками в борьбе с эльфами. Нужно, чтобы покоренные Ночной Хозяйкой стали нашими друзьями. Это трудное дело, но таково веление Вождя. Вождь говорит, что с самой Ночной Хозяйкой он намерен схватиться на обратном пути от Дома Высокого, поэтому мы должны разузнать о ней как можно больше.

И о многом еще говорил Отон. Нужно, чтобы все десятки, в которые влились новички, не разучились мгновенному повиновению и в то же время не потеряли собственные глаза и голову, «ибо один лишь Вождь способен быть в бою всюду и везде, видеть и объемлеть все; я же надеюсь на вас и знаю, что не для всякого славного и своевременного действия нужна будет вам моя команда».

Они немало еще прошли в тот день. Когда стал сгущаться вечер, Отон остановил отряд рядом с обширным постоялым двором; там они получили ужин, но для ночлега расположились на улице. Друзьям с трудом удавалось сохранять хладнокровие, с минуты на минуту ожидая появления дорвагов. Лагерь постепенно затихал; Отон еще шагал от костра к костру, временами исчезая в темноте — лично проверяя часовых.

— А если их схватят? — одними губами прошептал Фолко.

— Убереги нас от этого Дьюрин, — также еле слышно ответил Торин.

— Мое сердце разорвется, если придется выбирать между их спасением и провалом нашего похода! Ведь спасти их, не раскрыв себя, мы все равно не сможем.

— Не каркайте! — сердито оборвал друзей Малыш.

И они дождались. Словно в чудесном плаще-невидимке, Келаст вновь миновал часовых и возник внезапно рядом с друзьями, как таинственное порождение ночи. Его лицо скрывал капюшон, однако хоббит разглядел свежий рубец, пересекающий лоб.

Келаст торопливо заговорил, не тратя попусту драгоценного времени. Голос его выдавал усталость, свежая рана говорила о только что пережитой опасности, однако об этом он не обмолвился ни словом.

— Помня твой рассказ, мы выследили и схватили карлика, ближнего подручного Береля. Не знаю, тот ли это, но рассказал он преизрядно, особенно после того, как мы пригрозили ему огнем. Оказывается — увы, увы нам! — Берель послал быстрейшего из улагов к Вождю с известием о вашем появлении, подробно описав вас и спрашивая, что с вами делать. Он заподозрил в вас лазутчиков. Эти улаги способны летать, опираясь крыльями на силу свирепых ветров, вечно несущихся над землей на недоступной даже орлам высоте. Так, в этих потоках, улаги за считанные дни достигают самых удаленных краев Средиземья. Так вот улаг доставил Вождю послание Береля, и от него пришел ответ со строгим приказом — не трогать вас, ничем не выказывать подозрений, но как можно скорее отправить с отрядом Отона ему, Вождю, навстречу. Проклятые соглядатаи Береля выследили нас и по следам установили, что вы расстались с нами незадолго до того, как сдались пограничной страже. Карлик уверял, что больше ничего в письме Вождя о вас не говорилось, но кто его знает, это отродье! Для того чтобы вы ничего не заподозрили, вас и пригласили участвовать в состязании у рода Харуз — и с полным основанием, как победителей, присоединили к отряду Отона. Берель играет вами, как сытый кот с мышью! Отону поручено тщательно следить за вами, однако делать это скрытно, чтобы вы ничего не заметили. А уж зачем вы этому Олмеру — воистину ведает один лишь великий Манве.

Выслушав этот рассказ, друзья невольно содрогнулись. Холодный, липкий страх, который не рассеешь сознанием своей силы, своей способности противустать опасности с мечом в руках. Их было трое против загадочной Силы, и Сила та легко раскрыла их нехитрые уловки, сорвала все покровы и готовила теперь ответный удар.

— Вам нужно бежать, — продолжал тем временем Келаст. — Карлик дался нам недешево: пришлось убить одного из часовых, заметившего нас, да и самого карлика тоже. Нам нужно скорее уходить отсюда, устраивать свой наблюдательный пункт где-нибудь вне пределов Цитадели... На нашу помощь больше не расчитывайте. Мой вам совет — бегите! Бегите и постарайтесь исполнить свой долг иным способом. Ничего лучше я посоветовать не могу.

— Нет, Келаст, — тихо и непреклонно сказал Торин. — Мы не воспользуемся твоим советом. Если мы попытаемся скрыться — на нас начнется охота, и тогда, боюсь, нас не спасет и сам Великий Дьюрин. Нет, мы постараемся подобраться к Вождю как можно

ближе, оставаясь под этой личиной! Трудна дорога к Дому Высокого, и лучше уж такое общество, чем никакого. У нас ни провианта, ни снаряжения для этой сверхдальней дороги, мы не знаем путей на Восток, не знаем языка здешних народов. А ведь на пути еще такие опасности, как Ночная Хозяйка, Области Духов и прочее... Нет, мы все-таки останемся. Ты говоришь, Вождь приказал доставить нас к нему — прекрасно! Только этого нам и нужно. Мы исполним то, что решили, а потом — будь что будет.

Торин бросил быстрый взгляд на Малыша, и Фолко припомнил их споры, когда они выбирали путь.

— Ну как знаете, — не стал перечить дорваг. — Тогда прощайте! Я не могу больше задерживаться здесь. Нас тоже ждет дорога. Прощайте!

— Мы еще встретимся по эту сторону Гремящих Морей, — вдруг уверенно сказал хоббит. — Не стану говорить, что наша встреча произойдет в счастливый для нас обоих час, но она будет. Я так чувствую.

Дорваг исчез — и словно погасло что-то в душах друзей, словно порыв холодного ветра задул неяркую лампадку. Все дороги назад были теперь отрезаны. Друзьям оставалось только одно — идти навстречу Копью Тьмы, почти без надежды уцелеть, идти с одной лишь мыслью — если Копье будет брошено, ни они, ни стотысячные армии не предотвратят ужасов истребительной войны. Но они еще могут упредить чудовищный удар, если сумеют точно послать свою, кажущуюся такой бессмысленной по сравнению с могуществом противостоящей стороны стрелу в тот роковой момент, когда Копье еще взвешивается в исполинской надмировой руке, уже готовое к броску, до которого остаются считанные мгновения; и в этот миг их слабая стрела может сбить прицел страшного противника, и своим смертоносным Наконечьем Копье уйдет в пучины Первозданного Мрака... Что будет с ними после этого — никто не мог и помыслить.

Они провели бессонную ночь, не находя себе покоя на жестком ложе из лапника под хмурым, затянутым облаками небом. В полусне хоббиту являлись страшные видения, диковинные голоса окликали его — словно кто-то пытался издалека пробиться к его омраченному сознанию, остеречь, предупредить... Он пытался пробиться навстречу этим видениям, но что-то, превышающее его внутренние силы, загораживало путь, вставая перед ним бесформенным непроницаемым маревом, без жизни, без разума, подчиняющимся каким-то далеким Силам, враждебным Западу и находящимся вне досягаемости Сил Мира. Лишь когда на небе стала расширяться розовая полоса рассвета, хоббит, истощенный этой бесполезной борьбой, провалился в глубокий сон.

Отон не ждал. Он вел отряд на восход скорым маршем, и вот уже последние поселения Цитадели остались у них позади. Горы

придвинулись; на юго-западе осталось озеро Ненто — приближались темно-зеленые с редкими проблесками осеннего золота северные поля края Лесов Ча. Отряду предстоял нелегкий путь через их таинственные дебри.

На пятый день после того, как друзья расстались с Келастом, дружина Отона разбила лагерь на опушке перед сплошной стеной леса; светлые рощи уступали место сомкнутым рядам седых лесных исполинов. Их подножия тонули в сером тумане; странные ширококрылые птицы время от времени мелькали над уходящими в поднебесье вершинами; эти леса неприветливо глядели на незваных пришельцев. Однако хоббит испытывал не растерянность, а угрюмую решимость схватиться с ними; в глубине сознания он понимал, что это желание идет от таящейся где-то в тайных потемках разума неотступной тревоги, что Долг их останется невыполненным из-за слабости и неразумности, и поэтому ему хотелось каждодневной борьбой заглушить неотвязно грызущую его и друзей тревогу.

Но старая дружина Отона, его бывалые десятники не проявляли беспокойства — Леса Ча были надежной защитой для Цитадели. Знающие их легко могли найти среди чащоб проложенные слугами Вождя тайные тропы; их было немало, да и тропами-то их назвать можно было с натяжкой — две телеги могли разъехаться на каждой. И Отон повел свой отряд в глубь Лесов. Фолко показалось, что он вновь очутился в заповедном сумраке Фангорна; в шелесте листьев он различал невнятные слова загадочного древнего языка, что передали энтам обучившие их речи эльфы.

Хитро петляющая лесная дорога виляла среди могучих корней, выпирающих из земли, словно от избытка первозданной силы; мелкие лесные твари сновали по спутанным ветвям, сомкнувшимся над головами людей; гортанные голоса перекликались где-то в отдалении, и звучали они весьма недобро; однако Отон что-то вдруг крикнул им в ответ на непонятном наречии и велел оставить под огромным дубом несколько плотно набитых мешков, а затем он спокойно повел отряд дальше.

У Шепола, выходца из Дейла, что оказался в одном десятке с хоббитом, Фолко узнал, что это — плата гуррам за беспрепятственный пропуск отряда через лес; конечно, гурры не смогли бы причинить особого ущерба, но без потерь бы не обошлось, если бы не эта плата.

— Здесь, в Лесах Ча, уйма всяких страшилищ, — добавил Шепол. — Погоди, то ли еще будет. Беда, если на крылатых змей нарвемся, их не остановит и имя Вождя.

Четыре полных дня отряд пробирался седыми замшелыми чащобами; каких-то особенных страшилищ им не встретилось, если не считать одного хьорна; хоббиту это зрелище было не в диковинку, а вот кое-кто из отряда сгоряча схватился было за меч; од-

нако — странное дело! — Отон, выйдя вперед, так что веки живого, пробудившегося дерева почти охватили его, грозя неминуемой и лютой гибелью, что-то крикнул прямо в зеленый вихрь взволнованной листвы над его головой — и хьорн отступил, медленно отвалившись в сторону и слившись с бесконечными рядами обычных деревьев.

— Видел? Вот что значит имя Вождя! — со значением произнес Шепол.

Гномы и хоббит лишь молча переглянулись.

Но вот Леса Ча остались позади, дорога вывела их на простор огромной равнины. Здесь зеленая степь, протянувшаяся на тысячи лиг с запада на восток, смыкалась с лежащей севернее полосой лесов. Места эти были пустынны — здесь кочевали только немногочисленные роды истерлингов. Далеко на востоке, над самым краем горизонта, едва различимо виднелась светлая полоска, чуть светлее окружающего небосвода.

«Горы, — подумал Фолко. — Горы и их снеговые вершины. Неужели это Великий Восточный Хребет?»

Они вступали в области, где Красная Книга была уже бесполезна и ничто из пережитого не могло служить им помощником. Впереди лежали тысячелиговые просторы Дор-Феафарота; Фолко удивился, услыхав из уст истерлинга это эльфийское название. Очевидно, оно настолько прочно вросло в память местных жителей, а давшие ей имя эльфы так давно покинули эти земли, что даже для воинов Олмера это было не более чем просто название страны. В слове «феафарот» хоббит угадывал корни, означавшие «дух» и «охота, преследование»; их сочетание не предвещало ничего хорошего.

На самом краю Лесов Ча отряд остановился для краткого отдыха; лишний раз осмотрели сбрую, проверили крепость тюков, прочность веревок; попутно гномам и хоббиту их десятник велел поменять пони на куда более быстрых и выносливых хазгских лошадок.

— Нам надо спешить, — сказал он, — а ваши пони истомлены и спешки не выдержат. Хотите вы или нет, но придется пересесть на других!

И, не теряя ни дня, поднимаясь с рассветом и останавливаясь уже в темноте, дружина Отона устремилась на юго-восток, оставляя по правую руку Лес Рока, прямиком к горам хеггов. Карта хоббита говорила об обширных владениях серых духов в тех краях; вряд ли Отон не знал о них, однако он ни минуты не колебался в выборе пути своего отряда.

Сильны и выносливы оказались специально отобранные Берелем воины многих племен; даже неутомимым гномам приходилось порой нелегко, Фолко же и вовсе держался одной лишь силой воли; когда к вечеру начинало сводить мышцы от долгой скачки,

когда после остановки на ночлег еще приходилось разбивать лагерь и готовить пищу, он находил отдых в странном воспарении духа от мелких земных дел к величественным картинам Основ Мира; он приказывал себе увидеть Валинор, или Элдамар, или Тол Эрессею; и он оказывался словно в двух мирах одновременно — в одном он механически выполнял нелегкую повседневную работу, в другом же странствовал по давным-давно закрытым для Смертного Путям; он подозревал, что не иначе, как Олорин вновь стал помогать ему.

Это умение открылось неожиданно, на десятый день пути отряда, когда усталость овладела хоббитом до такой степени, что в нем угасли все мысли, кроме тупого желания дотащиться до грубошерстной подстилки, брошенной на землю. Однако, когда его голова коснулась заменявшего подушку свернутого плаща, он не провалился, как прошлой ночью, в пустое черное безмолвие; его внутреннему взору неожиданно явилась высокая облаченная в белое фигура; лицо ее скрывал мягкий полумрак, однако Фолко тотчас узнал мага. Олорин сделал широкий, словно приглашающий жест и тотчас исчез; хоббит ощутил себя стоящим перед исполинскими воротами, границы их и очертания которых терялись в окружающей мгле; и нужно было открыть их, а для этого как можно скорее отрешиться от ноющей боли в ногах и бурчания несытого желудка; от жесткости наспех устроенной постели и липкого, ползущего над самой землей предвечернего холода... Нужно было о многом забыть и многое вспомнить, и чья-то могучая воля звала, манила хоббита, подвигая его испытать силой своей мысли крепость наглухо закрытых для тысяч и тысяч Ворот. И он внял призыву, и внешний мир стал мало-помалу гаснуть в его мысленном взоре; усилие за усилием, движение воли за движением воли, он освобождался от мешающих чувств плоти; это оказалось довольно легко — достаточно было сосредоточиться на странном узоре этих Ворот, забывая обо всем остальном; и, когда он мысленно приказал им открыться, створки беззвучно разошлись в стороны (однако хоббит успел ощутить чью-то могучую волю, помогавшую ему в этом); перед ним раскрылись неоглядные дали — словно парящий орел, взирал он на распростершиеся под ним пространства...

Он видел Море — великое, угрюмое, вечное в своей свирепой мощи, охраняющее подступы к прекрасным странам Прямого Пути; его взгляд отыскал среди вечно катящихся валов серую пелену тумана, перечеркнувшую простор; зыбкой и непрочной казалась она, однако Фолко сразу же понял, что эту призрачную преграду не одолеть и крепчайшим таранам — перед ней оказался бы бессилен даже Гронд, Молот Подземного Мира, ибо это была Черта, Пелост по-эльфийски, еще именуемая Рамандуне, Стена Заката. С севера на юг протянулась она, появляясь из затянувшей

полуденный горизонт дымки и исчезая в сумраке полуночи; и от нее начинался Прямой Путь. Взгляд хоббита миновал Черту, и вот, как в давнишнем его видении еще по дороге через Арнор, он увидел белую полосу прибоя и гладкие черные стены исполинских гор и понял, что странствие его мысли привело его даже за Тол Эрессею, к берегам Благословенной Земли. Он видел тонкие, казавшиеся сотканными из света, перевитые хрустальными нитями башни Тириона, пролетел над гигантской аркой Алквалонде в гавани Телери; грозные бастионы, воздвигнутые еще в дни бегства Моргота и отправления Двух Деревьев, остались позади; узкая долина кончалась, незримая тропа вывела его на обширную сияющую равнину, и долго после этого казалось ему, что он никогда не увидит ничего более прекрасного; и яркость красок, и чистота небес, и благоухание лугов были неописуемы и невыразимы, и сладкое, неведомое чувство овладело им при виде навсегда потерянного для Смертных Заокраинного Запада. Звуки чудесной музыки, в которой, казалось, сливалась и разворачивалась вся история этого мира с его радостями и горестями, донеслись до его слуха; и согласное пение многих чистых голосов, и золотое сияние, разлитое над Валимаром, и смутные фигуры, прекрасные, но неразличимые в деталях, открылись его внутреннему взгляду; и он воззвал к Олорину, умоляя простить его за несдержанные слова во время их последней встречи, ибо Майар показал хоббиту, во имя чего совершается их поход; красота нуждалась в защите, и сознание того, что этот прекрасный мир сейчас вновь, как и три века назад, зависит от упорства хоббита и его друзей, давало новые силы...

Так продолжалось каждую ночь, пока силы Фолко не восстановились. Олорин на миг появился перед ним в его видениях, простившись с хоббитом на краткое время; но прекрасные сны теперь не оставляли Фолко, и способность вызывать их по собственному желанию осталась с ним навсегда.

Тем временем отряд постепенно приближался к горам. Они шли по самой границе леса и степи, и на пятнадцатый день пути, когда по утрам с севера ощутимо тянуло холодом, им повстречался кочевой истерлингский род.

Точно из-под земли появились перед ними многочисленные всадники, направляющие бег своих сотрясающих землю табунов. По девять косичек было заплетено у каждого наездника; коричневыми и красными узорами была покрыта их просторная одежда, удобная для бешеной скачки и для лихой рубки. Истерлинги приветствовали Отона и его дружину; и старейшины рода долго говорили с предводителем отряда Вождя.

Вечером истерлингский род на славу угостил союзников; многие с удивлением разглядывали гномов, а особенно — хоббита;

однако ни один не позволил себе нескромных вопросов. И дружинники Отона узнали о новом деянии Вождя...

Истерлингские племена и союзы далеко не все и не сразу приняли сторону Короля-без-Королевства. Многие роды, особенно из богатых и многочисленных, не желали подчиняться кому бы то ни было и ни под каким видом не хотели примкнуть к Делу Эарнила. И возглавил их славный род, обитавший неподалеку от Мордорских Стен, род, основанный Хамулом, Черным Истерлингом, который был в особенном почете у Властелина Барад-Дура.

Память хоббита тотчас вернула его к страницам Красной Книги. Хамул! Грозное имя, когда-то наводившее страх на всю Степь, имя могучего предводителя непобедимой степной конницы, ставшего затем одним из кошмарной Девятки, Призраком Кольца, ужасным Улаири, охотившимся за Фродо и сгинувшим в пламени Роковой Горы после Падения Гортаура! Так вот чьи потомки неожиданно стали на пути Олмера. Прихотливы пути судьбы... Род Хамула не смирился с утратой власти и дерзко бросил вызов Олмеру, преградив ему путь на восток, к землям верных ему хазгов. Однако тот со своим небольшим отрядом сумел проложить дорогу к холму, на котором и отбивался весь день до вечера, когда подоспели несколько истерлингских племен, державших его руку. В беспорядочной ночной схватке род Хамула, потеряв много лучших бойцов, был оттеснен, а наутро его вожди увидели перед собой многократно превосходившие силы Олмера — подтянувшихся хазгов, истерлингов, отряды обитателей Мордорских Стен (о них хоббит услышал впервые); но безумные отвергли предложенный мир и начали безнадежный, заведомо обреченный на поражение бой, в котором были разбиты. Однако Вождь милостиво обошелся с посягнувшими на него: пленный Блав, вождь рода Хамула, был отпущен с богатыми подарками, раненые получили помощь, воинам мятежного рода даже сохранили оружие... Вся Степь славит мудрость и великодушие Вождя; отовсюду приходят вести о новых и новых послах к нему, объявляющих о новых присоединившихся к нему коленах.

А Вождь не ждет, он уже скачет дальше — на восток через земли хазгов; да сопутствует ему удача во всех его трудах и начинаниях!

Так говорили истерлинги; и у дружинников Отона горели глаза, когда они слушали эти рассказы, а гномам и хоббиту приходилось изо всех сил притворяться обрадованными; Фолко терзался жестоким разочарованием: как было бы хорошо, если бы шальная стрела какого-нибудь наездника из рода Хамула нашла дорожку в доспехах Вождя. Однако в глубине сознания по-прежнему холодным камнем покоилось невесть откуда пришедшее, но

прочное и неослабевающее убеждение, что Судьба вручила ключи от жизни Вождя именно их тройке.

На следующий день Отон распрощался с кочевниками. Дружина, ободренная, как после хорошего отдыха, с песнями тронулась в путь; и лежал он, как узнал Фолко, прямо через заставы хеггов к владениям Ночной Хозяйки.

Миновала еще неделя. Осень вступила в свои права, хотя здесь, в Дор-Феафароте, пока еще держалось приходящее с юга тепло. Над головами тянулись на полудень птичьи стаи; желтизна постепенно овладевала древесными кронами.

— Гляди лучше, — наставлял хоббита сам Отон, когда ему пришла очередь стоять ночную стражу. — Лес эльфов — под боком, всякое может быть... Задремлешь — сам знаешь, что будет.

Для выразительности он показал хоббиту свой увесистый кистень.

— А что — нападают? — как можно более небрежно осведомился хоббит, соединив в голосе почтение к командиру, презрение к этим неведомым врагам-эльфам и уверенность в собственных силах.

— Случается, — кивнул Отон. — Не вздумай поднимать забрало! Эти бессмертные бьют ночью за сто шагов, целясь по блеску луны в глазах! Ладно, в полночь приду проверю, а в два пополуночи тебя сменят. Не робей, половинчик!

Отон растворился во мраке; Фолко остался один. Конечно, это было не совсем так — друзья-гномы, как обычно, находились поблизости. Однако погибать от стрелы союзника, принявшего тебя за врага, — ничего нелепее не придумаешь, и гномы тут не помогут!

Текло время, лагерь давно затих. Фолко лежал в кустах на вершине взлобка, время от времени бросая взгляды на иссиня-черную громаду Леса Рока; в ложбине, внизу, спал отряд; где-то неподалеку всматривались в сумрак другие караульные. Ночь выдалась звездной, сияла Тропа Эарендила, к которой всегда обращались помыслы хоббита, когда ему случалось оставаться наедине с самим собой — особенно если над головой распахивался черный купол небосвода. И словно внезапный толчок вошло в сознание ощущение устремленного на него пристального взгляда, несущего в себе отблеск бессмертных, как и раса Перворожденных, вечносущих с Бессветного Года звезд. Фолко не требовалось напрягать память, чтобы понять, кому может принадлежать этот устремленный из мрака взор, — это мог быть только эльф.

И тотчас же, словно поток необычайно ярких видений хлынул в его помыслы, Фолко почувствовал оказавшегося перед ним Перворожденного. Почувствовал его презрение к нему, Фолко, маленькому караульщику в отряде смертельных врагов Древнего Народа. Какие-то темные воспоминания о неслыханных по жес-

токости боях затуманивали мысли эльфа гневом, но к ним присоединилась и радость — он мог захватить «языка» и исполнить приказ своего правителя.

И прежде чем оглушающий удар обрушился на его шлем, Фолко, не имея иной возможности упредить эльфа, изо всех сил стараясь не шуметь, откатился на локоть-другой в сторону — и заговорил по-эльфийски, обращаясь к невидимому собеседнику на древнем языке Нолдора. Конечно, Авари мог и не знать этого наречия, но синдаринские слова хоббит помнил хуже.

— Погоди, во имя всемогущего Эру Илуватара! Во имя Варды Элентари, Великой Элберет!

Вспыхнуло и угасло во тьме изумление невидимого эльфа, сменившись радостью; словно теплый ветер среди промозглого вечера повеял на хоббита; он позволил себе несколько мгновений нежиться в этом потоке, а затем, встряхнувшись, шепотом сказал, что хочет поговорить и объясниться.

— Тогда готовься к дороге, неведомый! — раздалось в ответ. — Ты должен объясниться, но не со мной, а с теми, кто видит глубже меня.

— А... это далеко? — осведомился Фолко. — Мне в два пополуночи сменяться — нельзя, чтобы меня хватились!

— Ты назвал имена Великих Сил, — медленно проговорил эльф, по-прежнему оставаясь во мраке. — Я чувствую, а следовательно, и знаю, что ты не враг. Но что ты делаешь среди врагов? Зачем ты здесь? Почему не хочешь уйти вместе со мной?

— Я должен быть здесь... Это трудно тебе объяснить вот так, на ходу. Но после двух пополуночи я готов следовать за тобой куда угодно — если, конечно, успею вернуться к утру.

— Успеешь, — заверил его эльф. — Но я должен быть осторожен и не могу полагаться на случай. Помни, ты у меня на прицеле! Как только тебя сменят, иди ко мне, и ни слова или движения в сторону! А до этого времени молчи!

— Но с тобой я могу говорить? — осведомился Фолко.

— Нет! Потом, если все так, как ты сказал, у нас будет время побеседовать. А пока — лежи и молчи!

Огненный бурав нетерпения терзал Фолко все нескончаемые часы, оставшиеся от его стражи. Мучило загадочное молчание так и не показавшегося ему на глаза эльфа — однако присутствие его Фолко ощущал очень ясно, подобно тому, как чувствовал бы солнце сквозь закрытые веки. Ночная тишина сделалась какой-то всепоглощающей, в ней тонул любой звук; острый слух хоббита не мог уловить даже смутной ночной возни в лагере.

Шаги разводящего он услыхал, когда тот с несколькими воинами оказался в нескольких шагах от него — однако успел окликнуть их прежде, чем они увидели его.

Получив разрешение идти, он медленно пошел к лагерю вдоль

темных кустов; но, когда оказался в неглубокой, залитой непроглядным мраком ложбине, как раз посредине между двумя аванпостами, резко нырнул влево, и ночь поглотила его.

Эльф был рядом — Фолко слышал его тонкое, едва уловимое слухом Смертного дыхание; оставаясь невидимым, тот приказал хоббиту идти вперед и не оглядываться.

Они долго пробирались через ночные теснины, сквозь спеленутые тьмой буреломы; наконец провожатый легонько свистнул особым ни на что не похожим образом, и из густоты ветвей впереди донесся ответный свист; только теперь хоббиту разрешили обернуться.

Эльф отбросил серый плащ-невидимку, и пробивавшийся сквозь листву лунный луч заиграл на тонких кольцах его доспехов, отразился на высоком шлеме, зажег сотни огоньков в самоцветах, усыпавших рукоять длинного кинжала; бездонные глаза смотрели на хоббита, и было в них тревожное ожидание, и холодное подозрение, и смутная надежда — все сразу; и был в этом лице свет, неведомый Фолко, не солнечный — как память дня, не лунный — как отражение ночи, не звездный — свет, что шел откуда-то из глубин его таинственной души, познать которую никто не мог, никто из Смертных. Этот свет родился из долгих-долгих, неимоверно долгих размышлений и действий — размышлений о недоступных пониманию хоббита вещах и действиях в тех областях, о существовании которых он не мог даже подозревать. Это был свет, не заимствованный у Сил, — но свет, идущий из глубин самого его существа; он не освещал, не рассеивал мрак, напротив, он возникал как составная часть любой действительности, и наконец Фолко понял ту смутную строчку в самых старых и древних преданиях, которая так долго казалась ему бессмысленной: «И свет в них подобен тьме, и тьма — свету».

Древней силой дышало это лицо, и казалось: какие армии дерзнут встать на пути таких воителей? Однако он точно знал, что таковые нашлись и время отсчитывает последние часы до великой стычки Могучих, и на миг ему показалось, что жар исполинского, захватившего все сущее пожара опаляет ему лицо...

На поляне смирно стояли несколько коней; из зарослей бесшумно вышли трое эльфов; они заговорили между собой на странном языке — это был не Квенья, не Синдарин и не Даеронское наречие — какой-то совсем особый, очевидно, самый древний из эльфийских языков, язык Вод Пробуждения.

Спустя несколько минут всадники уже мчались сквозь ночь; Фолко сидел на крупе коня позади столкнувшегося с ним эльфа; под пальцами была необычайно мягкая, шелковистая, но в то же время необычайно прочная ткань его плаща; странный пряный запах, необычный, терпкий, слегка дурманил голову; Фолко пытался заглянуть вперед, и ему казалось, что под копытами лоша-

дей стремительно развертывается серебристый светящийся ковер, тотчас сворачивающийся у них за спинами.

Они скакали недолго. Из мрака донесся предостерегающий свист; эльфы ответили и осадили коней. Фолко ощутил на плече тонкую, но необычайно сильную руку своего спутника — казавшиеся слабыми пальцы готовы были в любой миг парализовать любое его движение.

Они миновали кольцо кустов. Поляна — темная, закрытая густыми кронами вязов от бледных лунных лучей. По краям ее хоббит разглядел несколько десятков неподвижно застывших фигур, высоких, стройных, облаченных в слабо мерцающие плащи. Рука провожатого мягко подтолкнула Фолко к стоящей в середине тесной группе; перед ними смутно темнели сложенные костром поленья. Хоббит не мог увидеть лиц, разобрать какие-либо детали оружия или украшений, да это и не было нужно — он безошибочно ощутил истекающую от молчаливых воителей силу, и те несколько, к которым его подвели, казались сильнее всех. Эта их сила предстала мысленному взору хоббита подобием исполинской хрустальной стены, одинаково противостоящей и жаре, и холоду, и пламени, и льду...

— Подойди ближе, невысоклик, — раздался негромкий, исполненный достоинства голос, чистый, низкий и спокойный. — Подойди, нам нужно получше разглядеть друг друга.

Эльф-предводитель шагнул вперед и откинул капюшон; на хоббита в упор смотрели чуть заметно светящиеся изнутри глаза с огромными темными зрачками, из которых словно исходило непонятное сияние, заставлявшее мысли путаться; волна чужой воли захлестнула сознание Фолко, круговерть зеленого и голубого взвихрилась перед его взором — однако он не уступил.

«Кто бы ты ни был — даже из числа Валаров, — с невесть откуда взявшимся упорством мысленно проговорил он, сжимая зубы, — я не дам тебе хозяйничать у меня в сознании!»

Он был уверен, что его услышат — и его услышали. Подбиравшиеся к тайникам его помыслов волны утихли, отступили; эльф-предводитель негромко вздохнул.

— Однако ты упорен, половинчик! — Он говорил на Квенее. — Но садись же ближе к огню.

Произнеся это, эльф указал на чурбак возле груды дров. Фолко настороженно покосился вправо, влево — и неспешно опустился; эльф сел напротив него, простер над костром руку.

Что-то горячее вдруг забилось в висках Фолко, словно крови стало тесно в жилах; он впился глазами в протянутую над костром ладонь эльфа, длинную и узкую — и наяву ощутил волнами расходящуюся от нее теплоту. Послышалось шипение, потянуло дымком; спустя мгновение по черной коре уже сновали сине-алые язычки пламени, а еще через минуту костер уже вовсю горел, но

особенным, никогда не виданным раньше Фолко пламенем — оно давало мало света, и совсем не было дыма.

— А теперь говори же, Знающий Второе из Наречий! — повелительно зазвучал голос предводителя. — Говори, ибо я — Форве, сын Орве, сына Ильве, Верховного Короля Куививиена! Говори, что ты делаешь среди служащих Ночи? Как попал к ним? Куда направляется отряд? Кто им водительствует? Где главные силы этого воинства?

— Я понимаю, почтенный Форве, сын Орве, сына Ильве, что «вопросы задаешь здесь ты», и все же я дерзну спросить тебя: а кто вы? Ибо я из дальней страны на крайнем западе Средиземья и думал...

— Не прикидывайся простаком! — усмехнулся Форве. — Ты прекрасно знаешь о Разделении Эльфов в дни До-предначальной Эпохи, когда те, кого впоследствии назовут Нолдором, еще и не помышляли о возвращении в Средиземье! Ты прекрасно знаешь, кто мы, но если хочешь, я скажу. Мы — Авари, Невозжелавшие, отвернувшие дареный Свет и отыскавшие свой собственный. Мы не за Силы Арды, но против Тьмы. Итак, говори!

И Фолко начал свою повесть. Она заняла немало времени, он даже охрип, когда наконец завершил ее. Он рассказал им об Олмере и о Пожирателях Скал, об очнувшихся орках и поднявшемся Морском Народе вкупе с дунландцами и Людьми Могильников; он рассказал, что Олорин назвал Олмера «острием Копья Тьмы»; он описал, как мог, его Цитадель и служащих ему людей; добавил, что до сих пор никто не догадался, где корень его силы; и под конец изложил все, что знал о планах и намерениях Короля-без-Королевства.

Эльфы слушали его бесстрастно. Когда он замолчал, тяжело дыша и потирая пересохшее горло, Форве коротко взглянул ему в глаза и молча протянул покрытую причудливой резьбой флягу; там оказалось вино, легкое, ароматное, бодрящее; от него чуть кружилась голова, но по телу разлилось приятное тепло.

— Он поворачивает на запад... — задумчиво проговорил Форве, обводя взглядом товарищей, словно бы приглашая к разговору. — Что ж, не он первый — и не он последний. Но останавливать его все равно придется, ибо если мы не остановим его сейчас... Все помнят, чем обернулось наше промедление в прошлый раз! Я благодарю тебя, половинчик! Тебе уже не раз, наверное, говорили приятные слова, хваля твою храбрость, и не стану их повторять, ибо, по моему разумению, вы взялись за заведомо невыполнимое и гибельное дело. Вы не убьете его, а сами либо погибнете, либо, что еще хуже, попадетесь ему в лапы и под пытками расскажете все, что знаете, и тем немало повредите тем, кто действительно способен противостоять ему. Мой вам совет —

уходите! Уходите и дайте завершить дело тем, у кого для этого достаточно сил.

— Мы не будем знать ни сна ни покоя, если бездумно отдадим это дело в чужие руки, — возразил хоббит. — Да и где вы отыщете его?

— У Дома Высокого, как ты сказал, — пожал плечами Форве.

— А если я ошибся? Или меня обманули? Или он изменит намерения?

Форве улыбнулся — снисходительно и с оттенком превосходства.

— Предоставь нам размышлять над этими материями. А ты, житель далекой страны, лучше возвращайся к себе на родину.

— Это мое дело, — упрямо нагнул голову Фолко. — А ты, почтенный, не хочешь рассказать мне — в награду за сведения — что-нибудь о Доме Высокого? Отчего так стремится туда Олмер?

— Это нетрудно, — усмехнулся эльф. — Давным-давно, когда Силы Мира только-только вступили в Арду, они, как ты, наверное, знаешь, начали войну с Темным Охотником. И в этой борьбе они призвали себе на помощь великое множество духов, тех, что впоследствии стали именоваться Майар. Иные из этих духов были творениями Вседержащего, самого Эру Илуватара и во всем подобны Валарам, только меньшей силы. Были там те, кто пришел из других областей Эа, появились там как отражение Разума Творящего. Были возникшие от разделения сущностей. — Форве рассказал уже знакомые хоббиту предания о возникновении сознания от столкновения Света и Тьмы, подобно Великому Орлангуру. — И один из тех духов, что ведут свой род от Отражений, положивший много сил для утверждения этого Мира, телесный облик, схожий с обликом Детей Илуватара, и поселился далеко на востоке, за Баррским Хребтом. Он воздвиг там себе богатые покои и на досуге занялся творением различных магических, наделенных удивительными свойствами вещей. Слухи о его небывалом мастерстве достигли и Вод Пробуждения, первые уроки ремесла эльфы получили именно от него — и лишь потому выжили, сумев оборонить себя от ужасных слуг Темного Охотника. Одним из славнейших учеников Высокого — как стали прозывать его за огромный рост — был Отрина, который после Раскола Перворожденных ушел к Нижним, Черным Гномам. Высокий — я не видел его самого, но мой отец и дед бывали в том Доме как гости неоднократно — был движим прежде всего жаждой познания этого мира. Он не уставая твердил, что восхищен и поражен богатством замысла Илуватара и изобретательностью Великих Духов, Валаров, и потому почти всякое, что он создавал, было могущественным инструментом познания. Палантиры, известные тебе по преданиям Западных Окраин — лишь жалкое подобие того, что творили руки Высокого. Никогда не алкал он власти — да и

кто из нас может сказать, чего на самом деле может желать Дух? Он был близок с Кователем Луле, частенько посещавшим в Средиземье своих любимых Черных Гномов. Но пришло время, когда Высокий решил отправиться в далекое странствие, «к подножиям Мира», как сказал он моему деду, уходя. И, чтобы уберечь от нечистых рук свои сокровища, творения своей мудрости, он и проложил Тропу Соцветий, где пройти может лишь чистый помыслами. Искусно спрятал он и начало этой Тропы, однако на всякий замок можно найти ключ — и тот, у кого есть сила, может обойти ловушки Высокого, увы всем нам! Вот почему вокруг его Дома мы, Авари, Черные Гномы и посланцы Великого Орлангура, держим постоянную стражу. Высокий обещал вернуться — и мы ждем его возвращения.

— Но что это за ловушки? И как обладающий силой может их обойти? Какой природы должна быть эта сила? — забывая о почтительности, наседал на эльфа хоббит.

— Этого я тебе не скажу, — последовал ответ. — Ты забыл, с чего мы начали нашу беседу? От тебя знание может — пусть даже против твоей воли — попасть к Врагу. Заметь, никто не сомневается в тебе лично. Мы умеем видеть сквозь покровы, и я знаю, что твои намерения чисты и ты никогда не вступал на одну дорогу со Злом... Иначе мы бы просто сейчас не говорили с тобой, — добавил эльф со странной и зловещей усмешкой, дико выглядевшей на его прекрасном лице.

— Тогда расскажи мне о Великом Орлангуре, о Серединном Княжестве, — попросил хоббит. — Неужели и это мне не будет позволено узнать?

— Об этом — пожалуйста! — вновь усмехнулся, на сей раз по-доброму, эльф. — Я расскажу тебе всю историю его появления в этом Мире, можешь сравнить ее с тем, что ты слышал раньше.

Это случилось давно, две тысячи солнечных кругов назад, в дни Третьей Эпохи, когда Истари, Орден Магов, высадились на западных берегах Средиземья, посланные Силами Мира для противостояния наследнику Первого Врага, могучему Гортауру, еще известному под именем Саурона.

И почти одновременно с ними в наш Мир вступил Великий Орлангур. Никто из живущих на востоке не знает, каково его подлинное происхождение. Сам же он говорит так, позабыв собственное возникновение: вначале было Ничто, был Хаос — но неоднородный. И были в нем изначальные области сгустков мрака, первородной субстанции, и ближайшее к нынешнему месту Арды звалось Унголиант. Много ужаснейших существ, родившихся на погибель свету жизни, вышло из его мрачных глубин; однако Унголиант не оставался неизменным. В момент сотворения Эа пылающие обломки Хаоса, волны Пламени Неуничтожимого пронзили первозданный сумрак, и Тени расслоились —

в Унголианте возникли серые области, и были даже такие места, где Свет задержался надолго, будучи не в силах прорваться сквозь завесу Тьмы. А там, где Свет столкнулся со Тьмой, возникло различие, а там, где различие — там движение, а где движение — там сила, а где сила — рано или поздно возникнет сознание. И сознание возникло — и в Эа вступил Великий Орлангур. Это имя — Орлангур — он взял себе сам, ну а уж Великим его прозвали обитатели Средиземья... Долгие тысячелетия, пока Валары довершали очерчивание Мира, пока длились схватки с Первым Врагом, пока явились в Мир Первородные и Последовавшие, возникали и рушились царства, затемнялся Валинор, кипели долгие битвы в Белериандe, достигал вершины своего величия Нуменор, тянулась Третья Эпоха, низвергались в огненные бездны Роковой Горы Кольцо Всевластья и Назгулы. Ужасные Улаири заканчивали свой земной путь, следуя за Главным Кольцом в сердце огненной бури, — там, в невообразимых безднах и провалах Эа, вне стен Мира, в первородной черноте зрело сознание Великого Орлангура. Он познал Тьму и Свет, и они слились в нем, и познал он также свое собственное начало, и неведомыми нам путями познал прошлое Мира и его настоящее, и тайным даром своим он провидел будущее. В Унголианте, говорят, берет свое начало Великая Лестница, что заканчивается Звездной Пристанью высоко над туманами Средиземья, и в предназначенный день Великий Орлангур двинулся по ней вверх.

Он миновал ужасные области, полные дикой, возникшей по воле Моргота жизнью, и наконец приблизился к самым корням Арды. И надо было случиться так, что как раз в это время Черные Гномы, уходя все глубже и глубже, осваивая горизонт за горизонтом, уперлись в Последний Слой. Кирка Даина Прорывателя пробила окно в Нижний Мир, и взорам удивленных рудокопов предстало слабо мерцающая во Тьме Великая Лестница, по которой двигалось вверх, прямо на них, Нечто, неописуемое словами языков Детей Илуватара. Сущность — и Ничто, Пустота — и Содержание, лишенное Формы. И Черных Гномов поразил непереносимый ужас, и они пали, лишившись чувств и сил. Однако Великий Орлангур не имел намерений убивать или вообще вредить кому бы то ни было, и, проникнув через пробитое гномами окно, он велел им очнуться и сказал так: «Отчего вы падаете ниц? Я пришел сюда не за властью. Встаньте!»

И они поднялись, и Великий Орлангур, поняв их смятение, принял тотчас телесную форму, чтобы они могли говорить с ним без страха, но с почтением, — и он принял облик Великого Дракона, и дивились гномы, ибо тело его одновременно находилось и в прорытых ими тоннелях, и вовне Плоти Арды. И они начали беседу, и Великий Орлангур много расспрашивал их об их уложениях и обычаях, о порядке жизни, о прошлом, настоящем и на-

деждах на будущее и затем, поднявшись вместе с Даином и его спутниками по длинным проходам, явился в исполинском зале Королей Земли всему спешно собравшемуся племени Черных Гномов. Долго говорили они, и гномы стали просить Великого Орлангура поделиться с ними тем великим знанием, что накопил он за бессчетные тысячелетия молчания, размышления и постижения, ибо, сказали они, ты явился к нам, в Арду, движимый желанием познать наш Мир, а это и есть наше постоянное и главное занятие, ибо мы, Черные Гномы, — стражи его Основ. Неустанным трудом мы крепим Кости Земли, ибо многие поколения наших предков приумножали красоту подгорных чертогов и возводили прекрасные строения на ее поверхности, а из туманных слов Могучего Ауле, Вековечного Кователя, нашего Отца, мы знаем, что Духи Заката готовят какое-то чудовищное изменение всего сущего. Мы не хотим этого, мы боимся, что окажутся ненужными все наши труды, и потому мы крепим и крепим Основы, дабы иметь надежду, что хоть кто-то уцелеет, если Силы Мира вновь возьмутся за его переделку.

И Великий Орлангур щедро стал делиться с ними своими познаниями, и под его началом Черные Гномы достигли великих высот мастерства. Однако затем Великому Орлангуру захотелось взглянуть, что происходит и на поверхности. Благодаря своей мудрости он и так знал это, но ему хотелось именно взглянуть на Зеленый Мир глазами, а не только мыслями.

И он двинулся дальше наверх, и достиг Черного Замка, что сторожит переправу за Баррским Хребтом — это верхний форпост Черных Гномов. И когда он увидел раскинувшиеся вокруг благоуханные луга, и звонкие сосновые, красноствольные боры, и сверкающую гладь бесчисленных рек — когда он увидел это *глазами*, подобно тебе и мне, — он возлюбил еще больше этот Мир и решил остаться тут навсегда. И он избрал местом своего жительства огромную пещеру, расположенную в старых, стертых временем и водой горах, залегавшую неглубоко от поверхности с широким входом, дабы каждый, у кого будет желание и хватит твердости духа, мог явиться к нему. Мощь его внушала сперва такой страх и людям тех мест, и нам, эльфам, что все бежали перед его ужасным Оком, однако нашлись смельчаки — причем среди людей. И несколько вождей разбежавшихся племен, собрав всю свою смелость, отправились к страшной для всего живого пещере, где в глубине, на возвышении, свивал золотые кольца Вещий Дракон. И вожди почтительно поклонились ему, думая, что он хочет взять власть над их землями, однако он ответил им так же, как и Черным Гномам до этого: он пришел не властвовать, а познавать, и стал спрашивать сам.

— В чем смысл бытия вашего, о люди, — говорил он, и каждый из собравшихся вождей трепетал до глубин своего существа, не в

силах вынести и объять своим разумом великую Волю, что жила в голосе и во взгляде Великого Орлангура. — В чем смысл вашего краткого земного пути, если вы уходите Вовне, через Двери Мира в неведомое? И почти каждый из вас уходит, оставив незавершенным главный труд своей жизни, — кто не оставил сына, кто не докончил книгу, кто не выстроил дома... Не бессмысленно ли до боли краткое бытие, краткий миг между холодными океанами Небытия? Вы созидаете, не пользуясь плодами трудов своих, а смерть, вырвав творца, искажает его замысел в трудах не познавших его до конца последователей. Воздвигаются и рушатся царства, сменяют друг друга языки — но вы по-прежнему рабы той великой Необходимости, что наложил на вас Илуватар, и Зло, грозя вам смертью, может заставить вас выполнять предначертания Тьмы, что оборачивается горем для других Детей Эру. Это странно — бояться ухода из Мира могут разве что бессмертные эльфы, для которых смерть — катастрофа, трагическая случайность. Однако вы живете! Так для чего же?

И долго молчали вожди, лишь один нашел в себе силы говорить — остальные едва сохраняли способность слышать. Имя его было Атлис. Речи Орлангура и Атлиса вошли во все летописные своды как Куививиена, так и Серединного Княжества.

И так ответил Орлангуру Атлис, вождь из рода вождей, ничего не знавший досель о Вседержащем Эру Илуватаре, что Был Всегда, о Силах Мира и о прочем:

— Прав ты, о Великий, кратка жизнь наша, и неведома живущим участь Ушедших. Прав, что не часто пользуемся мы плодами трудов своих, однако радость нам — видеть, что эти плоды оказываются полезны детям нашим, и находим мы счастие в приумножении Красоты и Порядка в Сущем. И искусные мастера наши творят, по своему разумению, Красоту, заключая ее в свитки и камни, возводя и изображая, высекая и занося в строчки. И как рачительный хозяин оставляет сыну устроенный дом, так и мы передаем следующим за нами созданную — и сохраненную от предков — Красоту и Мудрость. И мы верим, что когда-нибудь наши потомки должным образом распорядятся собранным нами для них.

И тогда Великий Орлангур так ответил Атлису:

— Смел ты и добр, и наделен немалыми силами, нестерпима для тебя мысль о ненужности твоих трудов, о тщете своих усилий, и многое их того, что ты говоришь, могло бы быть правдой — если бы не то Грядущее, что уготовили Миру те, кого вы называете Богами, хотя на самом деле они — лишь Стихии, Силы Арды, наделенные разумом и сознанием. Слушайте же, Смертные, и укрепите сердца ваши, и да не дрогнет от услышанного ваша воля! Да, творя и созидая, передавая созданное детям, храните вы бессмертие вашего рода, однако наступит Черный День, когда эта

цепь прервется. Знайте же, что до сих пор жив Моргот, Черный Враг Мира, когда-то стоявший вровень с сильнейшими Валарами. Возгордившись, он попытался вознестись, но был низвергнут соединенными силами эльфов, людей и Народа Валаров. А низвергнутый, был он вышвырнут через дверь Мира во Тьму Внешнюю, связанный крепчайшими цепями, ибо нет в пределах Эа силы, способной убить его, как следовало бы, наверное, по-вашему, поступить с ним из-за его деяний. И многие тысячелетия пребывает он во Мраке, скрученный и недвижный — но ничего не забывший, и каждый миг лишь усиливает его злобу и ненависть ко всему сущему. И Мир мог бы наслаждаться покоем — если бы и в Первозданной Тьме Моргот не нашел себе союзников. И там нашлись силы, что когда-то стояли за него, — и ныне поднявшиеся из Бездн существа, ни на мгновение не останавливаясь, грызут связывающие Моргота путы, постепенно истончая их. И хотя очень еще далека от завершения их работа, настанет день, когда она окончится. И тогда горе, горе всем живущим! Ибо в немыслимых силах явится Моргот в Арду, и все зло, копившееся и таившееся в течение веков его плена, восстанет вместе с ним и двинется против Сил Заката. И грянет Великая Битва, Дагор Дагоррат по-эльфийски, Битва Битв и Война Войн, и дни этого Мира окончатся, и он будет расплавлен и отлит заново. Что последует за Концом Дней, Гибелью Арды и Второй Музыкой Айнуров, не знает даже сам всемогущий Эру Илуватар.

Но что нам до Илуватара! Высок его Престол Сил, и не достигнут его слуха вопли, стоны и проклятия, что в последний горестный час вырвутся из груди умирающих на Земле. Ведь все, запомни, все, созданное бессчетными поколениями Смертных и Бессмертных, падет, вся сотворенная ими Красота развеется пеплом, и последний из живших проклянет отцов своих, на одно лишь горе даровавших сынам своим жизнь. И тогда воистину бессмысленными станут все до единой короткие и горькие человеческие жизни, все труды, мысли, порывы, подвиги, подвижничество, вдохновение, озарение — все станет бессмысленным, ибо бессильно будет напоить страждущего в те последние мгновения, когда воздух наполнится горячим теплом и от жара начнут трескаться губы немногих уцелевших.

И, потрясенные открывшимся им, молчали вожди. Один лишь Атлис продолжал говорить, и таковы были его слова:

— Но разве не предначертана нам, Смертным, судьба от первого до последнего мгновения жизни волею Богов? И раз таково Божественное решение, что толку нам роптать? Разве можем мы что-то изменить?

— Можете! — ответствовал Великий Орлангур, и от голоса его стали рушиться в пыль замшелые камни вдоль стен. — Можете, и только вы одни во всей Арде способны на это. Есть один-единст-

венный способ избегнуть бессмысленности — ПРЕДОТВРАТИТЬ ДАГОР ДАГОРРАТ! И если бытие Мира сделается вечным, тогда каждое благое деяние человека воистину обретет бессмертие, и дети ваши будут благословлять отцов своих.

— Но как можно предотвратить Дагор Дагоррат? — вопросил Атлис.

— Вы, Смертные, должны сделаться равными Богам. Долгие века должны вы и потомки ваши собирать силы и знания и, собрав, силой, хитростью либо еще как-то вырваться за пределы Мира, подобрать — или отобрать! — Ключи от Двери Мира, выйти за Стены Арды, найти Моргота и навечно скрепить его путами так, чтобы он уже никогда не смог освободиться, или же — если вы станете достаточно сильны — отнять у него сознание.

Громом разнеслись по пещере эти слова Великого Орлангура, однако Атлис не поддался заключенной в них недоброй силе и сказал:

— Легко сказать, да трудно сделать, ибо нужно знать — как можем мы стать равными Богам?

— Эру, прозванный Илутавром, недаром считал Смерть не проклятием, а величайшим даром, залогом высшего предназначения вашего рода, — ответствовал Великий Орлангур. — Дух ваш, что покидает Арду, очень силен, только силы эти дремлют в нем. Но есть пути для того, чтобы разбудить их — и тогда два мира будут принадлежать вам, и стихия Валаров сделается вашей стихией, и вы сможете сравняться с ними в могуществе... А как разбудить эти силы — речь на множество дней, ибо нет числа преградам — как и способам их одоления. И надлежит вам, сильномогучим вождям, отбросив распри и детскую погоню за дешевым блеском мирской власти, объединиться и слиться с древним Серединным Княжеством, что уже давным-давно существует неподалеку от этих мест. Я дам вам — на краткое время — силу убеждения, шлите ко мне просветленных в духе людей, мудрецов по меркам Смертных Народов из пределов Серединного Княжества. И на его месте воздвигнется невиданный в Средиземье Порядок, облеченный величайшей Целью, который — я предрекаю — не распадется до тех пор, пока не выполнит свое предназначение, и не будет во всем Мире выше доли, чем быть слугой и защитником Серединного Княжества. Я помогу воздвигнуть вокруг его пределов исполинскую Стену, что надежно защитит вас от тревог мелких пограничных войн.

И все случилось так, как сказано было великим Орлангуром. Туманная Стена опоясала владения Серединного Княжества, а правители его, побывав у Великого Орлангура, стали его последователями, и народ Княжества во всей многочисленности отрекся от суетных соблазнов, посвятив дни свои постижению и изменению самих себя. Но подробности происходящего за Туманной Стеной скрыты даже от нас, эльфов — у нас свой путь. Наглухо закрыты все Двенадцать Ворот Серединного Княжества, выкованных Черными Гномами, и каждые Ворота имеют высоту шестьсот локтей, а ширину — четыреста. Идет время, и, чувствуя это, я ощущаю, как приближается с той же неумолимостью, что и возможный Дагор Дагоррат, тот день, когда широко раскроются все Двенадцать Ворот, и великое войско, выйдя из них, начнет свой путь на запад, и горе тем, кто по наущению Сил Арды или даже по недомыслию дерзнет преградить дорогу этому войску! Сам Великий Орлангур поведет его — но что будет дальше, я не могу сказать тебе. Кровавая муть застилает гладь нашего Гадательного Озера, ясно одно — по размаху та битва может стать величайшей в истории, если, конечно, Валары и служащие им не проявят благоразумия и не отдадут ключи от Двери Мира добровольно.

— А Валары? Неужто они не знают о Великом Орлангуре?

— Знают. Но ничего не могут сделать с ним, ибо он — Третья Сила, которая даже не может быть уничтожена мощью одной из двух других. Поговаривают, что если Мрак объединится со Светом в борьбе против Предела, что есть великий Орлангур, тогда быть может... Никто не скажет наверняка. Это тайны Высших Сил, они одни обладают способностью познавать свою собственную судьбу.

— А почему вы, эльфы, не присоединились к силам Великого Орлангура?

— Потому что у нас иные силы. Мы прикованы к Арде, мы пленники этого мира, и нам отказано в свободе даже после телесной смерти на полях сражений, — с оттенком печали в голосе ответил хоббиту Форве. — Нам не прорваться за Стену Мира. Вернее, Великий Орлангур пока не узнал способа. Но хватит об этом! Высокие материи высокими материями, но нужно противостоять тому Злу, что наиболее опасно сейчас. Что нам делать с отрядом Отона, невысоклик Фолко?

— Мне кажется... — робко проговорил хоббит, удивленный этим вопросом в устах гордого эльфа, — мне кажется, что лучше не трогать его. Он идет на соединение с Вождем — так можно выследить Олмера.

— Хорошо! — резко сказал Форве. — Так мы и поступим.

— Но позволено ли будет еще спросить кое о чем высокого принца? — поспешно произнес Фолко, видя, что эльф поднимается. — Можно ли попасть в Серединное Княжество? Мне, например?

— Тебе можно, — без тени насмешки ответил эльф. — Там принимают всякого Смертного, кроме, правда, гномов. Они, как и мы, Перворожденные, не могут покинуть Арду. Им нечего делать в готовящемся походе, хотя, конечно, и мы, и Черные Гномы вы-

ставим свои силы, если придется драться здесь, в Средиземье или даже в Валиноре. Но дальше нам не пройти. А тебя возьмут — ты ведь сродни людям.

— А как можно узнать, близок ли день начала похода?

— Ну и вопрос! Думаю, за ответ на него Валары не пожалели бы никаких сокровищ. Не знаю, невысоклик! Как не знает никто в пределах Арды, как не знает Великий Орлангур и даже сам Эру Илуватар. Надеюсь увидеть его начало и сожалею, что этого не увидишь ты.

Форве вновь сделал движение, намереваясь встать.

— Но я хотел бы узнать еще что-нибудь об истории вашего народа! — взмолился хоббит. — Что произошло на Водах Пробуждения после Раскола Эльфов?

Форве едва заметно усмехнулся.

— Сейчас нет времени для долгих рассказов, — произнес он, стягивая что-то с пальца левой руки. — Возьми вот это. Мой перстень, конечно, не равен по силе какому-нибудь из прославленных Трех, но он будет небесполезен тебе и послужит также вечным пропуском в наши земли и поводырем. Где бы ты ни странствовал, из любой окраины Мира этот перстень поможет тебе найти дорогу ко дворцу моего деда — приглашаю тебя, ты всегда будешь желанным гостем в его стенах. Там мы сможем поговорить о многом — ведь после нашего короткого разговора осталось столько недосказанного! Прощай, невысоклик, тебе пора возвращаться. Сперва я хотел убедить тебя не делать этого, но теперь вижу, что вы, хоббиты, все равно поступите по-своему. И последнее — подойди сюда. — Склонившись к хоббиту, Форве прошептал ему на ухо: — Я оставил тебе в перстне еще и дар ложной смерти. Прости, что говорю об этом, но если несчастливая судьба приведет тебя в руки палачей — прикажи ему усыпить тебя, и он исполнит твой приказ, где бы он ни лежал, даже сорванный с твоей руки и попавший в лапы врагу. Ты погрузишься в глубочайший, неотличимый от смерти сон, и твои враги, посчитав тебя погибшим, скорее всего бросят тебя в какую-нибудь яму на съедение волкам и стервятникам — там ты придешь в себя и сможешь спастись, но берегись! Дар глубокого сна почти неотличим от дара смерти — он легко переходит в небытие.

Только к рассвету хоббит добрался наконец до своей походной постели. В голове шумело, кровь стучала в висках, от услышанного ходуном ходили мысли... Рядом сонно заворчал Малыш — и в тот же миг раздался сигнал рогов к побудке. Начинался новый день тяжких трудов — путь отряда Отона лежал через области, что на карте Радагаста были закрашены серым. Их ждали духи, и кто мог сейчас сказать, удастся ли им пробиться через эти края?

Глава 9

НОЧНАЯ ХОЗЯЙКА

Голубой камень на перстне Форве жил в такт с биением сердца хоббита — алый мотылек в глубине самоцвета равномерно взмахивал крылышками вместе со вдохами и выдохами Фолко. Хоббит несколько мгновений полюбовался переливами красок, вздохнул про себя и снял кольцо с руки. Дело было сделано. Камень запомнил своего нового хозяина, и теперь его можно было убрать куда-нибудь поглубже, подальше от чужих глаз. Нелегко было настроить камень в унисон самому себе; с хоббита сошло семь потов, пока он наконец не добился желаемого. Весь взмокший, он откинулся на прикрытый свернутым плащом корень, заменявший ему подушку. День кончался — второй день после встречи с Авари; вокруг лагеря Отона зловеще вздыбились острые клыки принадлежащей хеггам горной страны. В последних вечерних лучах Фолко разглядел невысокую сторожевую башню, освещенную закатным заревом. Дорога разветвлялась. Торный, наезженный тракт вел на юг, к неведомым странам за владениями хазгов; узкая, полузаросшая тропа убегала, петляя, к серым телам гор. На развилке врос в землю старинный, покрытый мхом камень, что когда-то служил дорожным указателем. Фолко попытался разобрать стертые временем письмена на его поверхности — безуспешно; это были не Феаноровы и даже не Даеронские руны, а какая-то новая, неизвестная на Западе письменность. Уныл и неприятен был их вид, изломанные линии пересекались словно в невыразимой муке.

«Уж не мордорские ли?» — подумал хоббит, отходя.

Отон протрубил в рог, собирая дружину. Впервые за весь их поход на его лице Фолко увидел признаки тщательно скрываемого волнения — бывалый воин хмурился, теребил ус и, прищуриваясь, то и дело бросал пристальные взгляды на вознесшийся перед отрядом перевал.

«Хегги, — подумал хоббит. — А за ними — ховрары, а между ними — духи и прочая прелесть. Зачем сюда лезть? Если главная наша цель — встреча с Вождем, то не разумнее ли обойти?»

— Все, кончай разговоры разводить! — зло крикнул Отон отставшим воинам, подгоняя их.

Дождавшись, пока все соберутся, постукивая при этом плетью по невысокому сапогу, он заговорил, указывая на перевал и на одинокую сторожевую башню:

— Вот первое дело. Узнать, есть ли кто там из стражи. Если есть, не ввязываться в драку, а сразу назад. Десятку Охано оседлать вон тот гребень, Фирате займет противоположный. Если кого-

нибудь встретите — старайтесь обезоружить, ни в коем случае не убивать! Нам нужен союз с хеггами. Бироз, веди своих к башне!

Любо-дорого было смотреть, как, скрываясь между камнями, ужами скользя по малозаметным трещинам и промоинам, ни на мгновение не появляясь на открытых местах, устремились к башне орки из десятка Бироза. Фолко приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы хотя бы предположить, где те находятся.

Орки исчезли среди камней; взоры дружинников приковала к себе башня. Гномы и хоббит лежали, прячась в невысокой поросли тамариска; зоркий Фолко заметил какой-то блеск в одной из бойниц, но это мог быть и закатный луч.

Посланные Отоном разведчики появились в поле зрения остального отряда, лишь когда добрались до стен башни, став неуязвимыми для стрел, если бы ее защитникам вздумалось пустить в ход луки. Что было дальше, понять было трудно; однако спустя несколько минут до слуха оставшихся в лагере долетел звук рога. Опасности не было, башня была покинута.

В сгущающуюся ночь ушли десятки Охано и Фирате — занять гребни, между которыми шла тропа. Через час, когда тьма уже изрядно сгустилась и от вечерней зари остались лишь смутные сполохи возле самого горизонта, Отон сделал знак остальным.

Шли молча, растянувшись двумя длинными цепочками и держа наготове луки; Фолко, больше доверяя слуху, чем глазам, ловил малейшее шевеление на темных склонах — однако все оставалось тихо и недвижно.

Все выше поднималась луна, все круче становилась и ведущая в глубь гор тропинка. Вскоре отряд Отона вытянулся в длинную цепь. Где-то впереди пробирался среди каменистых россыпей десяток Бироза; Охано и Фирате прикрывали товарищей с боков. Фолко недоумевал, почему Отон стал сам смотреть, что делается в оставленной башне; и внезапно его размышления прервал резкий, рвущий слух вопль откуда-то из тьмы перед ними, сменившийся криками и лязгом мечей. Где-то там, впереди по ущелью, их передовой дозор схватился с неведомыми врагами, и Отон, не теряя ни секунды, скомандовал: «На коня!»

Оказавшись в седле и доверившись чуткому скакуну, Фолко на миг зажмурился и напрягся, стараясь уловить опасность, обращаясь к своему не раз выручавшему его чутью. Ответа не было, его словно опустили в плотное, гасящее звуки и движения масло; он ничего не ощущал.

Фолко не успел испугаться, удивиться или огорчиться этому. Звуки боя раздались и сверху, на гребне скалистой гряды; оттуда вынеслись стрелы, и хоббит оказался втянутым в бессмысленный бой — ему пришлось убивать лишь для того, чтобы не быть самому убитым.

Однако дружинники Отона не растерялись. Не дожидаясь ко-

манды, каждый сжался в седле, укрываясь за круглым щитом; они пришпорили коней, стараясь как можно скорее уйти из-под прицела невидимых лучников и схватиться с тем, кто, как все решили, преградил им путь по тропе. Еще несколько мгновений скачки — и передовые всадники вылетели прямо на смутную массу врагов, напиравших на остатки десятка Бироза. Неведомые наездники были облачены в просторные серые плащи, и лица скрывались под наличьями низких шлемов; длинные прямые мечи тускло взблескивали при взмахах. Бироз потерял уже троих, однако остальные орки отчаянно отбивались, сбившись тесной кучкой и медленно отступая.

— Ангмар! — грянул боевой клич Олмерова воинства; свистнули арбалетные стрелы; в толпе напиравших противников кто-то упал, но ряды их сомкнулись, продолжая надвигаться.

Отон поспешно перегораживал ущелье стеной орочьих и ангмарских щитов; лучники — хазги и истерлинги — били через головы спешившихся; Фолко оказался рядом с Торином и Малышом в строю приготовившихся встретить натиск врагов пеших воинов.

Во тьме хоббит не видел выражения глаз друзей, однако в нем самом грузно ворочался, поднимаясь и разрастаясь, мерзкий и склизкий комок страха — погибнуть вот так, здесь, в забытых всеми горах от рук воинов забытого народа, сражаясь на стороне своих лютых врагов!

Серые плащи заколебались, не выдерживая бьющих наповал стрел. На краткий миг возникло затишье, и вперед тотчас же вышел Отон. Он сбросил плащ; черная кольчуга доходила до колен; не взяв с собой щита, он обеими руками держал прямо перед собой свой очень длинный прямой меч. Широкое лезвие с шипением рассекло воздух и, высекая искры, со скрежетом вонзилось в каменистую землю.

Отон заговорил — чистым, холодным голосом, опираясь на угрюмо-молчаливый строй своих. Поднаторев в пути, запомнив несколько сотен самых употребительных слов из восточных языков, Фолко с трудом, но все же понимал его речь.

— Мы — посланцы Вождя, — говорил Отон, — мы пришли к вам с миром. Что, кроме мира, может быть между делающими одно дело? Нам нужен проход через ваши края... Не причиним вреда... Готовьтесь к походу... к вам подбирается Ночная Хозяйка... Вождь избавит... Мы уничтожим эльфов... вы будете с нами, и ваша сила, которая так нужна людям в борьбе с колдовством бессмертных... зачем вы напали на нас и пролили нашу кровь... несправедливо... закон гостеприимства по обычаю степей и гор... я могу требовать выкуп... я избираю свободный пропуск...

Никто не отвечал Отону. Из-за недвижных шеренг противостоящих ему воинов в серых плащах до слуха хоббита донеслась

медленная, заунывная музыка, тоскливо тянущаяся на несколько однообразных, повторяющихся раз за разом нотах. Тупая боль стиснула виски, во рту пересохло.

Орки стали медленно-медленно пятиться; и, словно защищаясь от яркого, бьющего прямо в глаза света, прикрыл лицо ладонью и Отон; у хоббита что-то случилось со зрением — на месте строя врагов он видел лишь неразличимый в деталях серый туман, словно подсвеченный изнутри тусклым, мертвенным светом.

А потом все внезапно стихло, и, придя в себя, дружинники лишь оторопело таращились в окружавший их сумрак — шеренги сероплащных воинов растаяли как дым, исчезнув без следа; ангмарцы подобрали на камнях немало своих арбалетных стрел, нашедших цель, измазанных кровью...

Однако Отон не стал терять времени на попытки разобраться в этих загадках. Зло и повелительно отдавая команды, он привел отряд в порядок, и вскоре они вновь пробирались залитым тьмою ущельем.

Неусыпные глаза постоянно следили за ними; затылком хоббит постоянно ощущал чужое присутствие; однако откуда-то из потайных уголков сознания все явственнее проявлялась невеселая мысль — эти в сером не враги Отону. Произошло недоразумение, скоро все выяснится — и еще один отряд займет свое место в строю готовящейся к броску на Закат армии Востока...

Только на рассвете Отон объявил привал. Измученный путем и постоянным ожиданием вражьей стрелы из мрака, Фолко повалился на одеяло и тотчас уснул как убитый.

Весь следующий день — а Отон дал отряду лишь краткий отдых — они двигались узкими, извилистыми ущельями, сплетшимися в причудливый лабиринт. Коричневые, серые, черные скалы мрачно возносили свои увенчанные рогатыми коронами главы над длинной цепочкой дружинников. Несколько раз на господствующих высотах им попадались высокие башни, подобные той, что стерегла крайний рубеж владений хеггов. День выдался сумрачный, бессолнечный, низкие тучи надвинулись с востока, грозя вот-вот пролиться промозглым ливнем. Еще выше стали окружающие их каменные стены; но вот ущелье внезапно раздалось в стороны, выведя отряд на плоскую круглую проплешину, поросшую травой, не меньше мили в поперечнике. Отон предостерегающе поднял руку.

Странное место — сюда сходились несколько горных дорог; подобно впадающим в озеро ручьям, они спускались в эту зеленую равнину. Она была пустынна, исполинскими клыками неведомых чудищ торчали над скалами три сторожевые башни; над травами застыла гробовая тишина — даже неугомонный ветер совсем утих.

Фолко было не то что страшно — противно; он видел диковинные вещи, но былой тяги к таинственному он уже не ощущал. Усталость начинала брать свое, и хотелось лишь одного — как можно скорее пустить ту единственную стрелу, ради которой был затеян весь нынешний поход, — а там будь что будет.

Отон долго простоял в раздумье, пока наконец не махнул рукой. Однако он не повел отряд напрямик, через середину равнины — его дружинники, прижимаясь к скалам слева, медленно огибали подозрительное место.

Рога грянули, когда дружина миновала полпути. Над горами прокатились громкие боевые распевы, заставив многоопытных воинов мгновенно перебросить щиты из-за спины на руку. Прижавшись спиной к отвесной скале, отряд ощетинился копьями, ангмарцы поспешили взять наизготовку арбалеты.

А рога все пели и пели; невидимые трубачи не жалели сил, и вот под звуки гордого марша на верхних гребнях скал, точно призраки, из сырой мглы стали выныривать длинные шеренги вооруженных воинов; Фолко разглядел длинные, больше человеческого роста луки.

— Сейчас начнется, — прошипел оказавшийся подле хоббита Уфорг, орк-мечник; он уже упер свой вытянутый книзу щит в землю, обнажил кривой вороненный ятаган.

Несколько стрел воткнулись в землю неподалеку от передней линии щитов — уже на излете, бессильные и неопасные. Сверху отряд был прикрыт нависшим над головами скальным карнизом; на некоторое время они были в безопасности.

— Спокойно! — крикнул Отон, давая шпоры коню и выезжая из-за спин дружинников. Как и в ущелье, он был в длинной кольчуге, держа поперек седла свой длинный меч. Что-то свистнуло, о его наплечник сломалась выпущенная откуда-то сверху стрела — он даже не повернул головы. Твердой рукой Отон направил пугливо прядающую и храпящую лошадь прямо на середину, пренебрегая опасностью. Отдалившись от угрюмого строя своего отряда, он поднял темный рог и затрубил. Хоббит не знал, что означает этот долгий, переливчатый зов; можно было лишь догадываться, что Отон вызывает предводителя нападающих на переговоры. И, видя, как спокойно сидит в седле этот рослый воин, даже не пригибая головы и не вздрагивая от взвизгивающих то справа, то слева стрел, Фолко невольно воздал должное его храбрости и мог лишь горько жалеть, что это мужество в один прекрасный день окажется на стороне тех, с кем ему придется сойтись в схватке, из которой может выйти живой лишь одна сторона.

С бешеным взвизгом-ржанием лошадь Отона взвилась на дыбы, ужаленная стрелой в круп; взвилась и повалилась на бок, пораженная еще добрым десятком коротких, брошенных сверху дротиков; и вновь Отон, ловко высвободив ногу из стремени и легко соскочив вбок, ответил лишь звуками своего рога. Что-то боль-

шее, чем просто вызов, вложил он на сей раз; его правая рука сжимала нечто, висящее на шейной цепочке, и когда звуки его рога утихли, он неожиданно высоко вскинул сжатую в кулак руку — и хоббит покачнулся, как от удара дубиной по шлему, оглушающего и лишающего чувств. Сила волнами расходилась от поднятой руки Отона, заставляя воинов его дружины приседать, укрываясь от незримого напора под выставленными щитами. Это была тупая и грубая Сила, злая и нетерпеливая; ее напор заставил запламенеть, нетерпеливо забиться в ожидании боя клинок Отрины на груди Фолко; эта Сила была ненавистна тому, кто выковал его, и вот пришло время для новой встречи!

Однако хоббит мог лишь стиснуть зубы и терпеть; впрочем, все это длилось не слишком долго. Откуда-то из-за гребней скал, из-за съеденных ветром каменных грив, до их слуха донесся ответ — угроза сменилась растерянностью, рога противника трубили отбой.

С облегчением вздохнули и задвигались замершие было в ожидании кровавого боя дружинники; Отон остался стоять на середине, лишь опустил правый кулак — и поток Силы сразу иссяк, словно кто-то задул трепещущий огонь. Но присутствие этой, теперь вновь задремывающей Силы все равно ощущалось — и перед Фолко теперь встала новая — какая уже по счету? — загадка: что это за Сила, откуда она взялась и как с ней бороться?

— Ты чувствовал? — шепотом спросил он у напряженно озирающегося по сторонам Торина.

Гном не поднимал забрала, топор по-прежнему был у него в руке.

— А то нет, — мрачно ответил он. — Что-то новое, опять какая-то напасть! Клянусь бородой Дьюрина, это дело рук Олмера!

Он говорил быстро и вполголоса, на «быстром западном языке», и можно было надеяться, что его слов не поймет никто, кроме Фолко и Малыша.

— Придется и его тоже... — начал было Малыш, многозначительно кивая на Отона, но в этот миг из-за скал на противоположном краю равнины показалось несколько десятков всадников, в воздухе поплыли высокие знамена, похожие на свисающие с длинных шестов конские хвосты, окрашенные в самые разные цвета. Торжественно запели рога на кручах, воздух огласился громкими криками — сомнений не оставалось, на переговоры ехали вожди нападавших.

Как и предполагал Фолко, все происшедшие стычки были не более чем «недоразумением». Они договорились, они не могли не договориться: но о чем вели речь посланцы народа хеггов и Отон — откуда мог знать это хоббит? Предводитель их отряда добился свободного пропуска, помощи продовольствием; однако хегги,

как сказал Отон, «ждут Вождя, чтобы присягнуть ему»; взамен они хотели получить защиту от напирающих на их границы подвластных Ночной Хозяйке племен — и против Черных Гномов, нежданно-негаданно докопавшихся до их собственных гор и нынче вовсю шурующих в их недрах.

— Они собираются в большой поход, — сумрачно глядя исподлобья на своих спутников, сказал Отон. — Собрались многие колена... и они хотят нашей помощи, точнее... ну, короче, мы должны быть там.

Отон явно не хотел говорить подробнее; и, похоже, никто из его отряда не понял, что он имел в виду, обмолвившись «точнее...». Никто, кроме Фолко и его друзей-гномов.

— Небось почуяли Талисман, — недобро хмурясь, промолвил Малыш, когда вечером того же дня они остались втроем возле угасающего костра; Талисманом они, не сговариваясь, окрестили то, что держал в руке Отон, когда ему удалось остановить уже готовых к нападению хеггов. — Почуяли Талисман и хотят использовать против наших!

— Знать бы, что это за штука! — задумчиво проронил Торин. — И кто его сработал! Мне почему-то кажется, что Вождь, но я могу и ошибиться. Вдруг это дело рук какого-нибудь мага или мудреца?

— Символы Власти так просто в чужие руки на отдаются, — возразил Фолко. — Будь кто-нибудь кроме Олмера способен создавать такие талисманы, он бы уж точно не отдавал их ему, а постарался бы занять его место. Тем более что Сила эта явно не светлая. Нет, кроме Олмера, эту штуковину сработать некому. Но прежде чем что-то во что-либо вкладывать, надо это что-то откуда-то взять... Интересно — на что еще способен этот Талисман? Эх, Радагаст, Радагаст! Давненько мы от тебя ничего не слыхали...

— Сделать мы пока все равно ничего не можем, остается только ждать, — уныло протянул Малыш, и они, переглянувшись, сделали единственно возможное — отправились спать.

Ночью Фолко долго и тщетно пытался вызвать Олорина. Однако его мысленному взору открывалась лишь гулкая, звенящая бездна, на самом краю которой балансировало его сознание, в любой миг готовое сорваться с гибельного обрыва... Загадки оставались неразрешенными.

Тем временем отряд Отона присоединился к немалому числом войску хеггов, что направлялось к восточному краю своих гор, где Черные Гномы, по словам Отона, соорудили что-то вроде крепости. При этом предводитель отряда весьма выразительно глянул на Торина и Малыша; однако последний прикрылся своей обычной безмятежной улыбкой, Торин же хранил бесстрастное молчание. На расспросы соседей по строю гномы говорили, что в их местах о роде Черных давным-давно забыли, сохранилось лишь предание, что они ушли в самую глубокую глубь.

Отон тем временем отправил куда-то еще одного улага; крылатая ящерица, взмыв над лагерем, понеслась, набирая высоту, куда-то на юго-восток.

Однако до твердыни Черных Гномов они так и не дошли. Ночью в становище хеггов внезапно поднялась непонятная тревога, мрак огласили горестные крики и стенания; Отон, едва успев опоясаться мечом, ринулся выяснять в чем дело, а вернувшись спустя краткое время, коротко объявил: на их селения напала Ночная Хозяйка. Говорят, явилась самолично. Это сама Смерть! — Лицо его было серым, голос дрожал, на беспрестанно отираемом лбу блестел пот.

Они повернули на юг. Полки хеггов шли в молчании, да и в отряде Отона бодрости заметно поубавилось. Ночная Хозяйка вела с собой многочисленные рати.

По вечерам от костра к костру полетело недоброе перешептывание.

— Идем на верную смерть! Отон, этот выживший из ума Отон, неужто он хочет положить нас всех?! Да и положит, чтобы только заслужить честь у Вождя!

— Да что ты, Вождь такого ему не простит!

— А кто его знает? Помнишь, что Берель насчет Хозяйки говорил? Нет, надо уносить отсюда ноги, пока живы — сотней армию не одолеть.

Отон слышал это, его плечи горбились, однако он молчал.

А Фолко и гномы были озабочены те дни лишь одним — как проникнуть в тайну Талисмана? Предстоящая встреча с Хозяйкой их мало страшила. В конце концов, они не давали никаких клятв Вождю... В любой момент можно было уйти, разыскать где-нибудь разведчиков или эльфов; а в бою, если не лезть вперед, всегда спасут мифрильные доспехи. Но Талисман, Талисман! До него добраться проще, чем до тайны силы Олмера; но он — часть ее, и наложить на него руку надо немедленно! Они должны узнать, что это такое!

А Гэндальф по-прежнему не появлялся, хотя хоббиту, как на заказ, снились мягкие, спокойные и прекрасные сны, где не было места войнам, крови и пожарам, где его дух отдыхал, наслаждаясь блаженным покоем...

Был ненастный сентябрьский вечер, когда, оставив позади горные теснины, большая часть войска хеггов вышла на равнину, простирающуюся далеко на восток. Низкие тучи предвещали грозу, вокруг лежала пустынная и негостеприимная местность, складки, всхолмья с кое-где видневшимися жидкими рощицами. И там, впереди, в сгущающейся темноте, необычно рано для войскового лагеря горели сотни рыжих огней, сотни ни от кого не скрываемых костров. То были ополчения племен, подвластных Ночной Хозяйке. Воеводы хеггов спешили выстроить своих, и

Фолко подивился: зачем вообще было вылезать из спасительных гор, из-под защиты верных скал, где хегги, наверное, были бы непобедимы?

Ни та, ни другая стороны не скрывались. Закат охватил полнеба, и в его как нельзя лучше соответствующих мрачному времени перед самой битвой багряных лучах полк за полком выходил на поле; рати выстраивались друг против друга.

Отон, которого эти дни за глаза называли «безумцем», но бояться стали заметно сильнее — после случая с Талисманом, — сжал свою дружину в плотный кулак. С военного совета он вернулся мрачнее тучи, велел всем тотчас же вооружиться, не оставляя ничего в лагере.

Сотня Отона была поставлена на правом крыле войска хеггов, на самом краю; мало-помалу сгущались сумерки, и вдруг в стане хозяев горной страны грянули уже знакомые хоббиту боевые рога; правое крыло качнулось и двинулось вперед, наставив копья прямо на смутно темнеющий шагах в полутораста строй врагов. Рыхлый строй хеггов мало чем напоминал непоколебимый хирд, однако у их противников строя и вовсе не оказалось — толпа легковооруженных воинов, большинство с луками, пращами, легкими копьями; Фолко почти не видел щитов и уж совсем не замечал шлемов.

Дружина Отона ехала шагом, не вырываясь вперед; и лишь когда над их головами свистнули первые стрелы, Отон неожиданно приказал остановиться. Часть дружины спешилась; хазги и истерлинги остались в седлах. А затем, плотно составив щиты, прикрывшись с боков пешими воинами хеггов и четырьмя десятками своих конных, Отон повел отряд вперед, прямо на неровную линию слуг Ночной Хозяйки.

Фолко шагал как во сне. Сперва он попал во второй ряд, но шедшего перед ним ангмарца нашла случайная стрела, тот осел с булькающим хрипом, и хоббит оказался впереди, между двумя здоровенными орками; он кое-как приладил свой небольшой щит так, чтобы дыра в строю вышла бы не слишком большой, и попытался понять, что же происходит вокруг.

А хегги, собрав лучших своих бойцов вокруг отряда Отона, шаг за шагом теснили противостоящих им, все глубже врезаясь в их ряды. Что делалось в середине и слева, Фолко понять не мог, похоже было, что там лишь сдерживали напор врага; их удар должен был стать решающим.

Однако быстрые стрелки даже не пытались грудью встретить напор бронированной дружины Отона. С хеггами они все же дерзали сцепляться, здесь же они лишь отбегали назад и не жалели стрел.

Коротко звякнув о закрывающую лицо хоббита мифрильную маску, сломалась увесистая стрела; Фолко пошатнулся, едва не

упав. Другая клюнула его в плечо; третью отразили поножи. Над ухом безостановочно щелкали арбалеты ангмарцев; страшные луки хазгов сеяли опустошение в рядах армии Ночной Хозяйки; все глубже и глубже проникали они, и вот — противник перед ним не выдержал, бросая свое нехитрое оружие, воины врага обратились в бегство; перед дружиной Отона открылось пустое пространство — лучники неприятеля побежали почему-то не назад, а куда-то вбок, подставляя себя под копья хеггов, идущих по правую руку от Отона; повелительно закричал сам Отон, поворачивая своих и ближних хеггов влево, в середину, где вовсю кипел бой, куда более упорный, чем здесь, — однако в этот миг в лица им повеяло леденящим, промозглым и затхлым ветром, несущим запах тления и смерти; хегги с визгом стали десятками валиться навзничь и в ужасе отползать назад; кинулись врассыпную и немногие воины из числа слуг Хозяйки, еще мелькавшие где-то поблизости; отряд Отона замер, точно с разгону налетев на стену.

Послышалось глухое отдаленное завывание, полное яростной тоски и смертельной злобы, рожденной этой тоской; ледяной ветер жег глаза, врываясь в узкие прорези шлемов; руки сами собой разжимались, отказываясь держать оружие; глаза, точно завороженные, следили за каким-то неразличимым, смутным шевелением, неясным колыханием в сгустившемся впереди сумраке; оттуда, из этого сумрака, на них надвигалось нечто, о чем уже давным-давно позабыли в тех краях, откуда вели род воины Отона; Сила эта давным-давно не являла себя ни в солнечных степях Истланда, ни в хмуром и туманном Ангмаре, ни даже в далеких владениях хазгов; вот мелькнул мертвенно-желтый проблеск — словно два тусклых фонаря замигали впереди; крик умер на губах хоббита, но рука его судорожно шарила за спиной, шарила и никак не могла вырвать из налучья заветный лук и последнюю надежду — эльфийскую стрелу. Вот во мгле замаячили смутные очертания огромной фигуры, напоминающей человеческую; два желтых огня были мертвенным свечением ужасных зрачков. Постепенно из темноты проявлялись контуры — что-то сотканное из еще более непроницаемого мрака, многосуставное, изломанное, с непомерно длинными конечностями...

Оно приближалось. Яростный вой не затихал ни на миг, перекрыв все раздававшиеся доселе вокруг звуки; ледяной ветер, казалось, начисто смел и хеггов, и их противников; Фолко представилось, что дружина Отона брошена одна-одинешенька не только на этом поле, но и во всем мире, что от Средиземья не осталось ничего, кроме тусклой равнины да ворочающейся впереди них кошмарной Силы, явившейся из непонятных и темных мест. В отчаянии Фолко закричал — ужас, первобытный и необозримый, затопил его, дойдя до самых сокровенных уголков памяти, не оставив ни силы, ни воли, ни даже мысли о сопротивлении.

И все же он не повернул назад и не бросился удирать без оглядки, забыв обо всем. Не замечая заливающего глаза пота, не слыша собственного тонкого крика, визгливого от непереносимого страха, он все-таки удержался в строю. Перед его глазами на краткий миг мелькнуло прекрасное видение расстающегося с обременительным существованием Синего Цветка, который он увидел некогда в далеких отрогах Туманных Гор. И стало чуть легче, хотя он сам далеко не сразу понял, почему так случилось. Глаза его не в силах были оторваться от теперь уже хорошо видной фигуры Ночной Хозяйки, медленно надвигающейся на начавший пятиться шаг за шагом отряд Отона.

И тут до сознания хоббита внезапно донесся совершенно бешеный голос Отона. Тот стоял перед строем, спиной к опасности, высоко воздев над головой свой меч; лицо его, белое, безжизненное, с полными безумной ярости глазами, заставило отряд приостановиться. Еще не разобрав слов Отона, хоббит понял, что тот приказывает стрелять; руки Фолко, помимо его воли, сумели наконец вынуть лук и наложить на тетиву, давно ждавшую этого момента, длинную тисовую стрелу. Справа и слева от него подняли арбалеты ангмарцы; у Фолко не было ни мысли, ни сил оглядываться, но, сделай он так, на лицах дружинников он прочел бы свирепую решимость сражаться до конца; вряд ли кто помнил в те секунды о чем-либо, кроме надвигающейся смерти; сражаться нужно было во имя единственной достойной этого цели — спасения собственной жизни.

Стрелы сорвались. Прицел было брать легко: тощая, составленная словно из одних костей фигура Ночной Хозяйки была уже неподалеку, однако тут произошло неожиданное. Со злобным то ли свистом, то ли шипением тень выбросила вперед нечто вроде длинной, с многими суставами руки, и до слуха потрясенных дружинников Отона донесся сухой звук ударов их стрел в неподатливую кость. Бессильные стрелы валились на землю, а тварь продолжала приближаться... второй, третий залп — бесполезно! Отряд вновь попятился, кое-кто, потеряв голову, с отчаяния выставил вперед бесполезное и бессильное уже копье. Отон, где Отон?! Почему не командует отход, мы же сейчас останемся здесь!!!

Клочья мрака, точно обрывки старого, ветхого плаща окутывали бесплотный костяк; мутные желтые огни глаз жадно шарили по рядам сжавшегося отряда Отона. Взбесившись от страха, понесли несколько истерлингских лошадей, сбрасывая в пыль наездников; хазги лучше управлялись со своими скакунами, но и их кони дико храпели и не повиновались приказам, хазги не могли оказать своим никакой помощи.

Фолко перестал тратить понапрасну стрелы. Точно завороженный, перестав чувствовать даже режущий лицо ветер, следил он, как, угрожающе раскачиваясь, протянулась к отряду длинная рука, за ней вторая.

И тут словно молния разорвала мрак, мысли пробились сквозь тенета страха — Фолко увидел, что вторая рука Хозяйки оканчивалась не кистью с длинными извивающимися пальцами, способными гнуться, похоже, во всех направлениях, а тупым уродливым обрубком!

И сразу перед глазами встала давным-давно, с самого детства, известная история — хоббиты Четверки в Могильниках; удар Фродо, перерубивший руку Умертвия, тянущуюся к мечу, лежащему поперек горла трех его друзей. И его собственные чувства наконец тоже смогли дать ему правильный ответ: он вспомнил свой первый бой, бой с неведомыми серыми тенями среди Обманных Камней; но те тени были бессильны, а здесь... Здесь им противостояло Нечто, когда-то изгнанное с Запада непререкаемой волей Тома Бомбадила и нашедшее приют здесь, в дальних краях, куда не могла дотянуться рука Безотчего Отца Заповедных Земель. И, изгнанное, Оно превратилось в Ночную Хозяйку.

С отчаянным, безумным воплем, вскинув копье, один из ангмарцев бросился прямо на Хозяйку, очевидно, потеряв голову от ужаса. Отон не успел удержать его, человек оказался прямо перед Умертвием, вскинув оружие...

Громыхнув, выдохнув и протянув к нему костлявую длань, Хозяйка на миг замедлила шаги — но лишь для того, чтобы тягуче и гнусаво издать несколько звуков, произнести какие-то неимоверно древние слова черного заклинания, — и человек рухнул, медленно повернувшись лицом к дружинникам и заваливаясь на бок. Это его падение было еще более ужасным, потому что все увидели, как из его широко открытого рта медленно, неправдоподобно медленно выплеснулась темно-багровая волна дымящейся на вечерней прохладе теплой крови.

Дружинник упал, и Хозяйка не торопясь двинулась дальше. Фолко понял, что порог, до которого отряд мог сопротивляться, перейден; еще миг — и все бросятся врассыпную; и он закричал, собрав последние силы, продолжающему отходить Отону:

— Талисман! Талисман! Отон, достань то, что дал тебе Вождь! Ну же! Иначе не остановить!

Взгляд Отона, брошенный им на хоббита, был взглядом человека, одной ногой уже стоящего в могиле и уже почти ничего не видящего и не понимающего из происходящего вокруг. Однако смысл сказанного дошел до него, и — хвала неведомо кому, светлым или черным силам! — он перебросил меч в левую руку, а правой достал из-за пояса Талисман.

Это было Кольцо, скованное из тускло-желтого металла; оно

не лучилось, в нем не скрывалось и тайного внутреннего огня — однако Фолко вновь ощутил напор той скрытой в Кольце силы, что вынудила хеггов остановиться и признать власть Вождя.

И одновременно с поднявшим руку Отоном Хозяйка нанесла свой удар — в щит хоббита словно врезалось тяжелое бревно, каким ломают ворота крепости. Рука Умертвия тянулась, тянулась к ним, рассыпавшимся, разметанным; на ногах не удержался никто, даже могучий Торин; один лишь Отон продолжал стоять, и — странное дело! — он вдруг стал подобен обликом самому Умертвию. Кольцо облачило его в темный призрачный плащ, истончило тело; теперь перед духом Могильников стоял равный или, по крайней мере, наделенный силой из того же источника. Откровение это накрепко запало в память хоббиту.

Да, они были родственниками — Умертвие и сотворивший это Кольцо. Родственниками не кровными, но по источнику Силы, сотворившей их такими, какие они есть.

Отон крикнул, точнее — воззвал, и клич его заставил кровь хоббита вновь обледенеть в жилах. Как мог человек издать подобное?! Это был голос не человека — духа, призрака, призрака ужасного и злобного. И Фолко вспомнилось самое начало его приключений, та мирная ночь, когда они с Торином сидели в покойной комнате Бренди-Холла, рассуждая о тревогах этого мира; и тот не то зов, не то вой, огласивший окрестности тихой Косой Горы...

Может, существовали и еще какие-то силы, но о них хоббиту в тот миг не вспомнилось — а Девятеро вновь овладели его помыслами. Да и Отон стал куда как похож на одного из Призраков Кольца, судя по затверженным наизусть описаниям из Красной Книги.

И Хозяйка вняла обращенным к ней словам, произнесенным на мертвом языке Черной Речи, когда-то измысленной Сауроном для своих нужд; в записках Бильбо и Фродо сохранились образцы, Фолко не мог ошибиться; но знал ли Отон эту Речь, или эти слова ему подсказало Кольцо?!

Слегка покачиваясь в высоко вскинутой руке Отона, Кольцо по-прежнему извергало из себя давящий мутный поток, омрачающий сознание, но в то же время облегчающий бремя страха перед Умертвием. Подземный Дух вдруг тоже произнес нечто в ответ — угрюмое и унылое ворчание, однако уже лишенное ярости и жажды крови. Отон — точнее, не Отон, а некто, сейчас говорящий его устами, — что-то резко скомандовал. Хозяйка тоскливо взвыла — но то была вовсе не тоска, напротив — злорадная, изуверская, несдерживаемая радость, если только испытываемое ею хотя бы с натяжкой можно было назвать радостью. Хозяйка медленно склонилась перед Отоном; все замерли, глядя на это чудовищное зрелище. А потом она выпрямилась и стала постепенно

таять, растворяясь в сгустившемся ночном сумраке. Стылая мгла взвихрилась на том месте, где она только что стояла; взвихрилась и опала, и вот уже ошеломленную дружину Отона окружала лишь темнота. Сам Отон, так и не склонившийся перед Хозяйкой, после ее исчезновения все же не выдержал, тяжело упал на одно колено, а потом завалился на бок; несколько минут никто не мог приблизиться к нему, и этим успел воспользоваться Фолко. Преодолевая головокружение, слабость и подступившую тошноту, он подполз к неподвижно распростертому предводителю.

Мрак уже выпустил из своих цепких объятий бесчувственного человека, лишь лицо Отона казалось лицом мертвеца — костистое, туго обтянутое смутно белевшей в темноте кожей. Левая рука все еще сжимала меч, правая, неестественно вывернутая, накрыла скрюченными пальцами Талисман.

Хоббит сорвал с пояса флягу, брызнул водой в лицо Отона, поспешно поднес горлышко к раскрывшимся с тяжелым вздохом губам. Глоток, другой — крупный кадык заходил под кожей, — и Отон сел, плохо видя окружающее, но правая рука его уже прятала куда-то за пазуху Кольцо.

— А ты, оказывается, много знаешь, половинчик, — хрипло выдавил из себя Отон. — Не зря тебя Вождь к себе кличет...

Предводитель отряда глядел на Фолко с пробившимся сквозь ужас и тьму нескрываемым удивлением, но с удивлением обычным, человеческим, не потусторонним.

— Не так много, — скромно ответил хоббит, сделав вид, что не понял последней фразы. — Я опознал это чудище по обрубленной руке — оно известно у нас в Хоббитании.

— Откуда ты узнал о даре Вождя? — в упор спросил Отон, и голос его не предвещал ничего хорошего.

— Тут и узнавать нечего, — пожал плечами Фолко, придавая лицу самое честное выражение, на какое только он способен. — В горах ты показал хеггам некий знак. Они подчинились. Этот дух — Ночная Хозяйка по-местному — когда-то была заодно с хеггами против общего врага. Что отсюда следует?

— Что голова у тебя варит! — пробормотал Отон. — Или что врешь ты на редкость складно... Однако вижу я, что это дело не по мне. Но Вождю я должен буду рассказать все! Сам тогда перед ним отвечать будешь...

— А Вождь и в самом деле так сильно желал видеть меня? — как ни в чем не бывало спросил хоббит.

— Сильно, и теперь я вижу, что не зря, — повторил Отон, уже отрываясь от разговора и оглядывая поле в поисках своих и чужих.

— Отон, но как же ты ее остановил?

— Как остановил? — Отон нахмурился, снял шлем, вытер покрытый обильной испариной лоб. — Как остановил? Да я, собственно, даже и не останавливал... Вождь сказал: если будет очень трудно — может, поможет это, и дал... Кольцо. А что с ним делать, как, куда — ни полслова... Спасибо тебе, половинчик, у меня, признаться, такого и в мыслях не было — показать этому... этой... короче, достать Кольцо. Да, не простое оно, видать, куда как не простое, — задумчиво окончил Отон, и лицо его вновь странно изменилось — словно он смотрел куда-то вдаль на видимые одному ему ворота, — а руки его наконец сжимали долгожданный ключ: глаза сузились, налет горделивой презрительности лег на его распрямившиеся плечи, твердо очертился подбородок...

Он что-то решил про себя — или, по крайней мере, встал на дорогу к ответу.

Больше хоббиту узнать ничего не удалось. Перед ним был прежний Отон — командир отряда, посланный с особым заданием в дальний поход, и от него одного зависела жизнь и смерть отданных в его распоряжение слуг Вождя. Кольцо скрылось в складках широкого пояса, надетого поверх кольчуги; он поднялся на ноги и звучно рявкнул на все окрестности, приказывая собраться и выстроиться. Мгновение хоббит смотрел снизу вверх на гордо приосанившегося человека, а потом молча пошел к своему месту в строю.

Глава 10

ЧЕРНЫЕ ГНОМЫ

Как дым, как морок, растаяла Ночная Хозяйка; как сквозь землю провалились ее многочисленные рати. Понемногу тянулись назад, к полю боя, хегги; теперь Отон говорил с ними совсем по-другому. Теперь он уже не просил — он повелевал, и его приказы выполнялись без задержек. Очередной улаг отправился с донесением, а отряд Отона, почти не уменьшившийся в числе, продолжал путь — теперь уже к твердыне Черных Гномов.

Из подслушанных разговоров Фолко сумел выяснить, где находится эта крепость; он тайком посмотрел на свою карту — оплот подземного народа лежал неподалеку от места встречи с Ночной Хозяйкой, однако дружины хеггов на пути к нему далеко отклонялись на запад, за добрый десяток лиг обходя места, которые на плане хоббита покрывал серый цвет. В области старых духов они вступать не дерзнули.

Гномы и Фолко на время оставили споры о том, что делать дальше. Кольцо Вождя! Кольцо, заставившее склониться перед его носителем само Умертвие! Умертвие признало знак своего хозяина. Когда-то они были частью Великой Тени, сотканной Первым Великим Врагом; потом их принял под свою руку Саурон;

потом они ослабли, лишенные после падения обоих своих повелителей необходимого притока силы — и вот Поклоняющиеся Могильникам, принявшие сторону Олмера, будят призраков, что дремали в Поле Обманных Камней, а Ночная Хозяйка видит в подъятом кольце известие о возвращении Хозяина.

— Олмер — это новое воплощение Саурона, — решил наконец произнести роковые слова хоббит. — Но только как он им стал? Где его уязвимое место? У повелителя Барад-Дура такое место было — Кольцо Всевластия, с его уничтожением пал и он сам.

— Надо захватить Талисман. — Темное пламя билось в глазах Торина. — Мешкать больше нельзя. Надо захватить — а потом сразу на юго-запад, к Роковой Горе. Я слыхал, что она если уснула, то не беспробудным сном.

— Ну ты хватил! — усомнился в словах хоббита Малыш. — Саурон пал и вряд ли может так вот запросто вернуться.

— Откуда нам знать? — в свою очередь возразил Фолко. — Может, конечно, Олмер — это и не сам Гортаур... не знаю, только вот сила его — она, считай, Сауроновой природы.

— Но он был человеком, это точно, — мрачно проронил Торин, грызя от волнения ноготь. — Я помню его Злым Стрелком... Это был человек.

— Опять мы крутим круг без точила, — вздохнул Малыш. — Наверняка все равно не скажешь. Может, человек, может, кто другой. Что это меняет для нас?

— Если Олмер — человек, только получивший откуда-то силу, — нетерпеливо стал втолковывать с видом знатока Торин, — значит, его можно убить. Если это — то, что мы видим, — есть всего лишь телесная форма великого и могучего Духа, незнаемыми путями одолевшего Стражу Эарендила и проникшего обратно в Арду из-за стен Мира, тогда нужно оставить попытки покончить с ним самим и начинать рубить сплетаемые им тенета Тьмы — вот как Отон и его Кольцо например. Низвержение таких, как Гортаур — не наших рук дело. Здесь нужны эльфы, а еще лучше — Иайар. Смертные же могут лишь держаться до прихода подмоги из-за Черты.

— И все-таки нужно попытаться, — упрямо нагнул голову Маленький Гном. — Это будет самый верный способ все узнать. Посмотрим, как ему понравится эльфийская стрела в горле!

— А что делать с Отоном и его Талисманом? — спросил Торин. — Это лишнее доказательство, что у Олмера — сила не от мира сего!

— Но телесную оболочку Гортаура повергли Элендил с Гил-Гэладом без помощи Валинора, — заметил Малыш.

— Вот-вот. Потомок Первого Короля Нолдора и отмеченный особым благоволением великого Манве Сулимо предводитель Верных Нуменора! Нечего сказать, куда как послабже нас с тобой!

— Хватит спорить! — поморщился Фолко. — Дух, человек, Саурон, Олмер — за этим мы и идем. Но есть ведь силы и помимо Валинора — Великий Орлангур, например, Серединное Княжество, Черные Гномы...

— Черные Гномы — это да... — протянул Торин. — Если они поднимутся — спасения нет. Неужто Отон ввяжется в войну с ними? Почему не остановит этих хеггов? Это может дорого обойтись Вождю.

— Ну а что делать нам? Неужто лезть вместе с этими на приступ? Их же всех перебьют! — взволновался Малыш.

— А если ты не пойдешь вместе со всеми, перебьют всех нас! — отрезал Торин. — И идти нельзя, и не идти — тоже нельзя. Что же делать, вразуми меня Дьюрин? Может, бежать, пока не поздно?

— Вряд ли мы выберемся живыми из принадлежащих хеггам гор, — покачал головою Фолко.

— А если сдаться Черным Гномам? — предложил Малыш. — Свои как-никак. Помогут в случае чего.

— А как добираться потом до Дома Высокого? — заметил Торин.

— Так ведь Отон же сам говорил, что в его окрестностях можно встретить Черных Гномов! Под землей и пройдем...

— Нельзя нам ни на кого надеяться, — вздохнул Торин. — Сказано же было: «Бойся Севера, слушай Запад, не верь Востоку и не жди Юга!» Восток — он сам по себе, по-моему.

— Но к Дому Высокого-то нам попасть все равно надо?

— Надо! И все, что можно сейчас сделать — это уговорить Отона отказаться идти против Черных Гномов, как бы глупо это ни звучало.

— Попробуй уговори такого, — проворчал хоббит. — По-моему, он уже вкусил от Силы Кольца! Он не преминет испытать ее еще на ком-нибудь. Клянусь бородой Дьюрина, Олмер, похоже, взялся за сотворение своих собственных Назгулов! И тут и там — Кольцо, дарующее Силу...

Торин уже открыл рот, чтобы возразить хоббиту, как их спор прервало появление здоровенного темнолицего орка.

— Эй! Почтенные, — это слово далось ему с явным трудом; застарелая вражда с гномами не могла исчезнуть в одночасье, — вас зовет капитан. Да не мешкайте, он велел вам торопиться! Идите за мной!

Обменявшись быстрыми тревожно-недоуменными взглядами, друзья поднялись. Орк уже повернулся к ним спиной и заспешил в темноту; пользуясь этим, Торин и Малыш не преминули вооружиться до зубов.

Шагая по затихающему лагерю, Фолко машинально нащупывал рукоять клинка Отрины — однако тот был холоден, и хоббит

мог рассчитывать на то, что непосредственной опасности пока нет.

Орк привел их к палатке Отона, высокой, так что в ней можно было стоять. Вокруг стояла молчаливая стража — все поголовно орки, отметил про себя хоббит, у коновязи на подошедших злобно покосился боевой конь Отона.

Орк, посланный за ними, исчез за занавесями; спустя мгновение из палатки донесся зычный голос предводителя отряда, разрешающий гномам и половинчику войти.

За друзьями мягко упало тяжелое входное покрывало; Отон сидел за невысоким походным столом, склонившись над пожелтелой картой. Горела свеча, воткнутая в закапанный воском корявый древесный корень, на столбах висело оружие — пять или шесть кривых военных мечей, палица, топор, копье. Отон поднял на вошедших тяжелый взгляд. Его глаза казались красными, словно от долгой бессонницы, лицо заметно осунулось, пожелтело... Он выглядел как после тяжелой хвори.

— Садитесь, — медленно приподняв руку, указал он на длинный сундук. — Садитесь и отвечайте правдиво! Мне нужно знать — кто эти Черные Гномы. Говорите все, что знаете! От этого зависит жизнь нашего отряда, ваши жизни, но, что куда главнее — дело Вождя... Хегги толкуют что-то об их крепости — нам нужно ее брать, и теперь я хочу узнать все, что вы знаете об этом племени, о том, какое у них оружие, как они сражаются и все прочее. Говорите!

Торин откашлялся.

— Позволено ли будет мне сказать то, что я сейчас думаю?

— Ну что еще такое?

— То, что я скажу, что скажем мы, вряд ли понравится капитану Отону. Черные Гномы сильнее всех прочих колен Детей Ауле, вместе взятых. Их число никогда не было особенно велико — однако они очень крепко сбиты, каждый из них куда сильнее, скажем, меня. И уйдя в самые глубинные недра, они плавят сталь на Первородном Огне, отчего ни один из наших мастеров не может сравниться с ними. Не знаю, найдется ли в отряде рука, способная пробить сработанную ими броню. Штурмовать их твердыню — безумие. Такие крепости не берутся горсткой в сотню воинов. А хегги только понапрасну погибнут, если сунутся на их бастионы.

— А самое главное, — подхватил хоббит, — вряд ли на Черных Гномов подействует Талисман Вождя. — Отон дернулся, однако Фолко бестрепетно продолжал, сжимая под плащом рукоять клинка Отрины: — Гномы вообще невероятно кряжистый народ, перед ними оказались бессильны даже Семь Колец Власти, сработанные... понятно кем. Талисман не подействует на них, и, более того, они лишь разъярятся, узнав ту силу, с которой не раз схва-

тывались в прошлом. Лучше всего оставить их в покое, иначе дело Вождя, дело, ради которого мы посланы, действительно не будет исполнено.

— Ты говоришь складно, — мрачно усмехнулся Отон. — Понятно — вы пытаетесь отговорить меня — то ли из-за того, что они все же сородичи вам, то ли еще отчего-то... Но меня это не интересует! Я спросил у вас — как *взять* их крепость!

— Мы сказали, что могли, — осторожно, но твердо сказал Торин.

— Хорошо! А если вы двое стучитесь к ним в ворота, называете себя, вам открывают — и тут-то вы рубите стражу, а весь отряд из засады атакует вслед?

— Никто не знает, по силам ли будет нам перебить охрану, — возразил Малыш.

Отон вновь усмехнулся — и усмешка его не предвещала ничего доброго. На скулах взбухли желваки.

— Дело Вождя означает повиновение приказу, — проговорил он. — Если надо взять крепость, то я должен испробовать все способы, не так ли? И что в таком случае значат сомнения в том, сумеете ли вы справиться с охраной? Ваша задача — лишь ввязаться в драку, не дать им захлопнуть створки! А дальше вас поддержат.

— Мы повинуемся приказу, — гася нервные искорки в глазах, ответил Торин, — но просим лишь об одном — когда мы будем у цели, обдумать все еще раз.

— Я не премину воспользоваться вашим советом, — надменно бросил Отон, отворачиваясь от них и давая понять, что разговор окончен.

Переглянувшись, друзья двинулись к выходу, однако их внезапно остановил властный голос Отона, приказывающего хоббиту задержаться. Замешкались было и гномы, однако откуда ни возьмись появившиеся орки довольно бесцеремонно выпроводили их наружу.

— Похоже, ты знаешь о Талисмане Вождя куда больше, чем хочешь показать, — без обиняков, не сводя с хоббита тяжелого взгляда, заговорил Отон. — И я должен узнать, во-первых, откуда тебе ведомо все это, и, во-вторых, почему ты скрыл это от меня?

— Мой капитан, я ничего не скрывал и сказал все, что знаю, — принялся отпираться хоббит. — Я читал много наших старинных летописей, повествующих о днях Войны за Кольцо — там немало сказано о природе Колец Власти. Я лишь догадался, вновь увидя сходные с прочитанным признаки.

— Сходные с чем?

Взгляд Отона, казалось, сейчас пробуравит Фолко насквозь; на лбу у хоббита выступила испарина, он с усилием отвел глаза — и заметил край тускло-желтого ободка на пальце Отона, сейчас

полускрытого складками плаща, очевидно, предводитель отряда не хотел, чтобы его кольцо было замечено, но отвлекся на миг, и ткань сползла.

— Ну... с тем, что я чувствовал, с тем, как оно действовало...

— А как действовали те, Великие Кольца Прошлого?

Фолко замешкался. Взгляд Отона не смягчился, голос был сух и жесток; однако выкладывать все, что он знал, этому человеку Фолко все равно не стал. Где умалчивая, где привирая, он рассказал о свойствах Кольца Всевластия, Девяти Мертвецких, Семи Гномьих и Трех Эльфийских так, чтобы все как можно больше походило на проявления нового Талисмана, хотя, говоря, сам еще яснее понял, что данное Отону Кольцо несколько иного свойства. Оно действовало грубо, впрямую, так, что все ощущали его непосредственное присутствие; похоже было, мелькнула у хоббита неожиданная догадка, что Талисман — это лишь опознавательный знак, скованный Олмером для того, чтобы легче и быстрее собрать под свои штандарты остатки служивших Саурону.

По мере того как хоббит говорил, лицо Отона все больше бледнело, бисеринки пота высыпали на висках и лбу, хотя в шатре было совсем не жарко; руки тревожно мяли край накинутого на плечи плаща; он словно стоял на пороге чего-то необычайно важного для себя, но никак не мог решиться переступить этот порог — потому что возврата оттуда уже не будет. Не жалея красок, Фолко расписал ужасную гибель Девятерых — и не без тайного удовлетворения заметил, как пальцы Отона поспешно и со страхом сдернули Талисман с его правой руки. Сразу стало легче дышать и мыслить, в голове прояснилось.

Предводитель отряда молча сидел, погруженный в какие-то мрачные раздумья, не замечая закончившего свою отнюдь не до конца правдивую повесть Фолко. Наконец Отон поднял глаза; в его взгляде, смятенном, слегка растерянном, Фолко прочел жгучее желание задать еще какие-то вопросы и страх того, что, задав их, он в какой-то мере окажется зависим от этого подозрительного половинчика, которого он обязан был целым и невредимым доставить Вождю для допроса и уж ни при каких обстоятельствах не вступать с подозреваемым во всяческие подобные разговоры! Но ему неудержимо, смертельно хотелось узнать еще, и это желание в конце концов победило.

— И ты думаешь... что Талисман Вождя — это нечто вроде тех колец, что носили Призраки?

— Что я могу думать? Я лишь высказал свои догадки, — скромно потупился хоббит.

— Но кто же тогда Вождь?! — Тут Фолко смог наконец мысленно утереть честный трудовой пот, ибо в голосе Отона был страх, страх и недоумение, переходящее в почти неприкрытое отчаяние.

— О! — поднял палец Фолко. — Он тот, перед которым мы, Смертные, должны лишь пасть ниц и служить его орудием, ибо не дано и не может быть дано нам прозреть его пути и цели. Великая Сила вернулась, капитан. Мы служим ей. Отчего же ты так побледнел?..

— Он дал мне это Кольцо... сказал: надень, если будет трудно... — бормотал Отон, не отвечая на вопрос хоббита, заданный в нарушение субординации. — Да, оно дает власть... Я чувствовал себя всесильным, а я стоял один против Ночной Хозяйки. Я чувствовал, что этот знак дает мне право повелевать ей...

— А как искусно Вождь создал этот Талисман! — как бы с восхищением произнес хоббит, мечтательно воздевая взор, и его расчет оправдался.

— Да, Вождь ковал его долго, несколько дней, в Черной Яме, как называют это место басканы. Мрачное оно, жутковатое, — говорят, там в старину упал Небесный Огонь...

— Да, это было на северных склонах Серых Гор, — кивнул хоббит, но Отон неожиданно возразил:

— Нет, это между лесами дорвагов и Опустелой Грядой... Вождь сделал небольшой крюк перед уходом на юг, к хазгам. Он произнес тогда странные слова на непонятном языке, и всех словно мороз по коже продрал. Не знаю уж, откуда этот язык стал ему ведом...

— Мудрость Вождя безгранична, — осторожно вставил хоббит.

— Да, но твой рассказ наполнил меня смутной тревогой, — хмуро признался Отон. — И все же... все же ты прав — и не прав. Я давно с Вождем, и я говорю тебе — это человек! Он наш! Кому, как не мне, знать это, если мы, бывало, укрывались от непогоды одним плащом и делили последний хлеб на троих — Вождь, я и Горбун?! Если мерзли с ним и мокли, горели и отступали... — Отон неожиданно махнул рукой. — Я немало воевал, ходил под разными знаменами — но только эти по-настоящему мои. Я иду за Вождем не из страха, запомни, половинчик! Ты, кстати, тоже. Мне трудно понять, что движет тобой — но только не страх. Что-то тут не сходится... Ну да не нашего ума это дело.

Неожиданно он вскочил на ноги, во взоре билась темная ярость. Одним движением он резко надел Талисман себе на палец, и Фолко невольно попятился, такая несдерживаемая властность появилась во всем облике капитана. Хоббит понял — тот сделал выбор.

— Нам нет другой дороги, — сурово сказал Отон, выпрямляясь. — Нам, Смертным, иначе не вырваться из рабства. Я благодарю тебя за рассказ, половинчик, теперь я пойду не только с открытой душой, но и с открытыми глазами и помощницей-памятью. Иди к своему костру! Послезавтра мы будем уже под стенами

гномьей крепости. Там посмотрим, может, нам и не придется драться...

— Что он тебе сказал, что он тебе сказал? — бросились с расспросами к хоббиту друзья, стоило тому появиться возле их бивачного места.

Стараясь не упустить ни малейшей детали, он передал гномам весь происшедший без них разговор с Отоном. После этого наступило долгое молчание.

— Какая же связь между Небесным Огнем и этим колечком Олмера? — ни к кому не обращаясь, пробормотал Торин, сидевший, обхватив голову ладонями.

— Судя по карте Радагаста, это такое же место, как и то, которое мы видели в Арноре вместе с Рогволдом, — заметил Фолко.

— Он сделал Кольцо там потому, что его нельзя было сделать больше нигде, потому, что так просто сложились обстоятельства, или потому, что верил в то, что ковать его нужно именно здесь, а на самом деле это безразлично? — помешал угли в костре Малыш.

— Вопросы мы все мастера задавать, — буркнул Торин.

— Вы подумали, что делать, когда у крепости окажемся? — переменил тему Фолко; крутить круг без точила, по излюбленному выражению Малыша, все равно не стоило, а послезавтра накатывалось неумолимо.

— Подумали, — кивнул Торин. — Ты помнишь те слова-пропуска, что тебе сказал Саруман? Пустим в ход их, если больше ничего не останется. Внутрь пойдем — а вот никакая засада за нами не прорвется, я уверен. Расскажем там все... Потом вернемся.

— Главное, не забывать нам с тобой звенеть мечами, пока Фолко рассказывать будет, — добавил Малыш.

— Но почему ты так уверен, что никто не сможет ворваться вслед за нами? — удивился хоббит.

— Если эта крепость действительно крепость Черных Гномов, о которых мы, поверь, достаточно наслышаны, — ответил Торин, — то Слово у тебя спросят задолго до самих Ворот. А засада... под ними либо земля провалится, либо жидкий огонь на них потечет, либо еще какая неприятность приключится, — с усмешкой закончил он.

Минула ночь; весь следующий день отряд, не мешкая, двигался на северо-восток узкими горными дорогами, почти что тропами. Колонны хеггов растянулись на несколько лиг. Отон, спокойный, немногословный, покачивался в седле где-то в середине своих десятков. Хоббит старался не попадаться ему на глаза — и ему это удалось.

К вечеру горы вздыбились вокруг них неприступными, уходящими в поднебесье кручами; пики обрели остроту копий, гребни казались крепостными стенами, усеянными многочисленными зубцами. Дорога неожиданно расширилась, копыта зацокали по

каменным плитам. Хегги мало-помалу замедляли шаг, отряд Отона постепенно обгонял одну их сотню за другой; и, когда взорам дружинников Вождя открылась сама Крепость, между ними и ее бастионами уже не было ни одного хегга.

Кто-то изумленно присвистнул, кто-то, сплюнув, выругался; большинство же молча стояло, в немом ужасе глядя на взметнувшиеся ввысь на сотни локтей гладкие, словно отполированные, стены; на узкие бойницы выдвинутых вперед башен, черных, словно сама ночь; на провал широкого рва — и на голую, вымощенную камнем равнину перед твердыней. Крепость была высечена в теле исполинского утеса, острого, как клык волка; его вершина умелыми мастерами была превращена в изящную наблюдательную башенку. За выведенными вперед (но, похоже, тоже высеченными) стенами и башнями находились ворота; сейчас их закрывало, кроме створок, еще и поднятое полотнище подъемного моста. Перед стенами — ни травинки, ни кустика, ни холмика — открытое пространство, которое так легко представить себе покрытым телами, пронзенными стрелами.

Над бастионами в серое осеннее небо медленно поднимались тонкие струйки голубоватого дыма; что-то поблескивало в промежутках между зубцами — то ли закованная в отполированную броню стража прохаживалась по парапету, то ли стояли там, на стене, какие-нибудь хитрые метательные машины...

Отон остановил своих, и тут хоббиту уже не удалось отсидеться в стороне. Предводитель отряда вновь потребовал его и гномов к себе.

Они стояли перед ним в тени беспорядочной груды островерхих камней, отгораживавшей их от крепости. Спокойствие не изменило Отону; он задумчиво взирал на гладкие контрфорсы башен, рука в черной перчатке теребила висевший на длинной тонкой цепочке возле пояса тускло-золотистый Талисман, сейчас словно бы уснувший, скрывший от всех свою силу. Кольцо как будто не желало выдавать своего присутствия здесь.

— Вы отправитесь к крепости как парламентеры, — спокойно приказал Отон. — Расскажете им о Вожде — но это не самое главное. Пока двое из вас будут говорить, двое других должны понять, как опускается мост; а, когда мы поймем это, нужно будет перебить охрану.

— А кто четвертый? — удивился Торин. — Кто еще с нами на смерть?

— Я. Ты удовлетворен?

Отон в упор глянул на гнома. Торин в изумлении сделал сложное движение бровями и щекой, смущенно хмыкнул и замолчал.

Они вышли ближе к вечеру, когда солнце уже село; на вершинах пылали багровые факелы заката, а долину уже заливал сумрак. Отон сам проверил доспехи гномов и хоббита и одобритель-

но крякнул. Сам он надел испытанную длинную кольчугу, взял свой всегдашний двуручный меч — лишь поменял шлем; новый был явно работы тангаров, низкий, глухой, с закрывающим все лицо забралом.

— Пошли, — донесся чуть приглушенный стальной решеткой голос предводителя.

И они пошли напрямик, через пустое, замощенное поле, и шаги их, казалось, были слышны за много лиг.

Фолко не боялся. За себя он не опасался — надеялся на Слово; а Отона гномы, посовещавшись, решили в самом худшем случае оглушить, после чего сдаться свои родичам и искать у них совета; потом можно было бы вытащить бесчувственного предводителя, объяснив ему происшедшее невиданной милостью хозяев, оказанной ему лишь по их, Торина, Малыша и Фолко, слезной просьбе.

Бастионы приближались; каждый миг темные провалы между зубцов могли ощетиниться колючим роем арбалетных стрел; неужто Отон настолько верит своей броне?

Край бездонного рва — точно памятный друзьям Морийский; стены безмолвствуют, мост поднят. Фолко ощутил на себе внимательный взгляд дозорного, притаившегося сейчас где-то среди изгибов и изломов стены; однако во взгляде этом он не почувствовал ни опаски, ни злобы — лишь некоторый интерес и еще какое-то незнакомое ощущение; что-то вроде узнавания...

Они остановились прямо напротив ворот. Гномы и хоббит не без интереса воззрились на предводителя — что он станет делать теперь? Однако Отон не смутился. Отстегнув от пояса небольшой рог, он поднес его к губам, и скалы вздрогнули, заслышав старинный, давным-давно не звучавший в Средиземье зов. Фолко с недоумением отметил, что Малыш и Торин встрепенулись при первых же его созвучиях — он был знаком им, этот старый сигнал Подземного Народа, использовавшийся в давно минувшую пору их кровавых междуусобиц из-за богатых рудных жил и означавший мирные намерения и вызов на переговоры.

Некоторое время за стенами все оставалось тихо, а затем громада подъемного моста внезапно дрогнула и бесшумно поплыла вниз, точно облако; не скрипели цепи, не скрежетал барабан — мост опускался беззвучно, словно во сне.

Их взорам открылись огромные ворота. Изготовленные из цельной исполинской глыбы, они казались не загораживающим путь камнем, но, напротив, таинственным провалом в неведомую ночь; поверхность была словно гладь темного озера, в которую можно нырнуть с разбега.

Гигантские каменные створки так же неправдоподобно тихо отворились. Во тьме терялся широкий и пустой проход. Приглашение было недвусмысленно, и они вступили на мост.

Где-то там, позади, в вечернем сумраке, за ними крался отряд орков и ангмарцев. Отон отобрал три десятка добровольцев; хазги получили приказ в случае чего поддержать их стрелами, истерлинги составили общий резерв... Но хоббит, идя по узкому мосту над пропастью, яснее ясного чувствовал внимательные взгляды, следящие за каждым движением там, на равнине, зоркие взгляды, от которых не может скрыться ничто. Сейчас, сейчас, еще несколько десятков шагов — и Крепость ответит посягнувшим на ее покой, и ночь обратится в день; но пока ее бастионы были тихи и безмолвны, ворота широко открыты; их ждали.

Они миновали мост и оказались на просторной площадке. Створки, раздвинувшиеся в стороны, исчезли в потайных нишах стены; темный проход впереди загибался вправо. И по-прежнему в нем не было ни одной живой души.

Фолко бросил быстрый взгляд на Отона. Казалось, предводитель заколебался, но лишь на краткий миг. Он спокойно развязал тесемки, связывавшие его плащ у горла, бросил серую ткань возле стены и спокойно уселся, не выказывая больше ни удивления, ни сомнений. Он давал понять хозяевам, что идти в глубь их твердыни не собирается.

А тридцать воинов Отона все ближе и ближе подбирались к так беспечно распахнутым воротам; но разве могут они справиться со всей той силой, что может скрываться за этими стенами, подумал хоббит. Да, многие тысячи хеггского войска скрывались там, в долине, позади их лагеря, также готовые к атаке, но... зная хирд гномов, можно было предположить, что на всю эту хеггскую армию без Отоновой сотни хватило бы семи-восьми десятков хозяев Подземелья, ну а если с Отоном — сотен двух, самое большее — трех.

В глубине тоннеля послышались шаги. Отряд тяжеловооруженных воинов быстро шел навстречу незваным гостям, и Фолко видел, как напружинился Отон, едва заслышав слитный стук подкованных железом сапог и чуть различимое бряцание хорошо пригнанных доспехов. Трепетный свет факелов упал на отполированные до блеска черные стены, и из-за поворота появились десятка два фигур, закованных в сталь с головы до пят.

Они были заметно выше гномов — спутников Фолко, хотя и сильно уступали, конечно же, в росте Отону. Зато шириной плеч, глубиной груди и скрытой в налитых мышцах рук и ног силой они оставляли далеко позади все виденные хоббитом расы, исключая один лишь народ Древоборода. Глухие шлемы с узкими прорезями для глаз скрывали их лица; обычные для Детей Ауле боевые топоры они, однако, держали не наготове, а за поясами. Наступило молчание.

Фолко с некоторой растерянностью смотрел на Отона. Предводитель их отряда встал, однако стоял молча и не двигался.

Раздалось топанье, неразборчивые восклицания, тяжелое дыхание запыхавшихся от недолгого, но быстрого бега бойцов Отоновской дружины. Три десятка, без помех преодолев открытое пространство, сгрудились вокруг своего капитана, подняв луки и копья.

— Мы пришли с миром, — медленно, с расстановкой сказал предводитель отряда. — Мы пришли, чтобы разрешить ваш спор с обитателями окрестных гор, что живут здесь издревле и держат некие обиды на вас. Но кровь не нужна никому, поэтому давайте поговорим, нам есть что сказать друг другу. Быть может, мы сможем и торговать, наши земли, откуда пришли мы, нуждаются в ваших изделиях.

В ответ они не услыхали ни звука. Строй закованных в броню воинов не шелохнулся; они словно ждали чего-то. Неожиданно один из хозяев крепости неторопливо и все так же молча поднял руку, указывая на хоббита; и Фолко понял, что от него ждут Слова.

«Они все провидели, — пронеслись в мозгу стремительные мысли. — Им нет дела до Отона, им дело только до нас троих — потому что гномы, как ни крути, им все же родня, а я... уж не из-за клинка ли Отрины?

Подталкиваемый в спину незримой, но властной рукой, хоббит шагнул к молчаливой шеренге, услыхав, как сдавленно захрипел за его плечами Отон — от удивления, наверное, — и негромко, быстро, так, чтобы поняли только свои, произнес Первое Слово.

И в ту же секунду привратный чертог огласил чей-то мощный голос, глубокий и низкий бас; он произнес, обращаясь к Отону:

— Передай тем воям из верхних племен, что прячутся сейчас за твоей силой и храбростью, что нам нечего делить с ними, мы не станем трогать их обиталищных мест. Эта крепость останется единственной. А сейчас — уходи! Думаешь, мы не чувствуем Талисман Тьмы рядом с твоим телом? Разве мы не помним ту силу, что родственна ему? Поэтому нам не о чем говорить. Ты смел и вступаешься за тех, кто просил тебя о помощи — поэтому уходи с миром. Но бойся вставать на пути нашего народа! Уходи же! Нам нет дела до вашего Мира. Мы ни с кем не враждуем и никому не помогаем, уходи!

— Тебе и твоим все равно не взять нас здесь, — прибавил другой голос. — Оглянись!

Все невольно повернули головы. И — о чудо! — на равнине стало светло, как днем; в темном до этого мига небе с шипением горели десятки взмывших над бастионами огненных шаров, пылавших ярким белым огнем. Как на ладони стали видны изготовившиеся к атаке ряды хеггского войска, а из разверзшихся исполинских каверн, мерно и тяжело ступая по пологим скатам, поднималось

войско — не десятки, не сотни — тысячи; тысячи копейщиков и мечников, лучников и щитоносцев, пращников и еще каких-то непонятных, несущих здоровенные темные предметы, напоминавшие большие горшки; и вся эта громада в зловещем молчании разворачивалась, готовая встретить любой удар — как неколебимый утес, о который впустую разобьются самые яростные усилия любого шторма.

— Я пришел не для того, чтобы грозить вам, — нимало не растерявшись, с достоинством ответил Отон. — И ваших угроз я не боюсь также. Но почему бы нам не жить в мире, вам — и моим племенам? Вы не вмешиваетесь в дела верхнего мира — прекрасно, так не все ли равно вам, кто я и на чьей стороне? Вы стремитесь к миру в окрестных областях — вы его получите. И разве не хотели бы вы обменять ваши несравненные изделия, скажем, на доброе пиво, тонкую муку, прозрачное и ароматное масло? Не предлагаю вам золота, знаю, его у вас в сотни раз больше, чем у всех королей земных, вместе взятых. Но золото не положишь на тарелку! Почему бы нам не обсудить это?

— От чьего имени ты говоришь? — последовал вопрос, заданный вновь низким басом. — Ты король? Властитель? У тебя собственный народ?

— Нет, — ответил Отон. — Но я говорю от имени Свободной Области, что между Лесами Ча и Опустелой Грядой, на западе от этих мест. Путь неблизок, зато все земли, что разделяют нас — союзник моего повелителя. Торная дорога лежит между воротами моего города и вашей великой крепости. Почему бы нам не устроить так, чтобы в обе стороны двигались по ней торговые обозы, принося пользу и вам, и нам? Мир придет в окрестные горы, народ хеггов забудет свои обиды на вас... Разве не к этому стремились вы?

— Не дано тебе знать, человече, к чему стремимся мы, — громыхнуло в ответ. — Но мы обдумаем твои слова. Мы не любим торопиться, а потому приходи за ответом через две луны к этому месту и протруби в рог! Тогда ты узнаешь наш ответ! А теперь иди! Трое этих гномов присоединятся к тебе поутру. Иди же!

— Я никуда не уйду без моих спутников! — резко схватился за меч Отон.

— Мы не причиним им вреда, — с усмешкой отозвался невидимый собеседник. — И запомни, гордый: ты жив только потому, что один из них произнес то, что дóлжно.

Отон с лязгом вогнал меч обратно в ножны.

— Иди, иди же! — вновь раздалось в чертоге. — С этими тремя мы будем говорить дольше. Они сродни нам. И вновь повторяю: если бы не слова одного из них, ты бы уже простился с жизнью, надменный.

Фолко быстро обернулся к Отону.

— Неужто, половинчик?.. — проговорил предводитель негромко. — Воистину, Вождю необходим такой проводник, как ты... Я буду ждать вас три дня. Если вы не вернетесь — буду штурмовать!

Отон резко повернулся и скрылся за спинами поспешивших вслед ему орков и ангмарцев. Уходя, воины изумленно косились на хоббита.

А потом, когда разошлись в свои подземные убежища полки хозяев Подземелья, погасли вспыхнувшие над вымощенным полем огни и скрылся в сумраке Отон со своими воинами, все произошло так, как и предсказывал Саруман. Хоббиту были заданы обязательные вопросы — и он дал нужные ответы.

— Идите за нами, — приказал один из воинов, доселе молчавший; именно он поднял руку, когда Фолко назвал Слово.

Тоннель сделал поворот, другой — и вывел во двор, широкую расщелину между скальными отрогами, еще больше расширенную трудом сотен умелых рук. Здесь было вовсе не безлюдно или, как подумалось хоббиту, «не безгномно». Со стен спускались облаченные в доспехи стражники, а прямо перед друзьями распахивали свою бездонную пасть исполинские Черные Ворота, истинный провал в Ничто. Ряды молчаливых воителей втягивались в темноту; и туда, за ними, последовали в сопровождении своих молчаливых спутников гномы и Фолко.

Однако их не повели вглубь; в небольшом, богато украшенном резьбой по камню покое их уже ждали. Забрала не закрывали суровых лиц, и в первый момент Фолко подумалось, что он видит перед собой родных братьев достопамятного Наугрима.

— Что ты ищешь у нас, назвавший Слово? — твердо глядя прямо в глаза хоббиту, произнес один из трех встретивших их Черных Гномов.

Его обычный для народа Ауле темно-коричневый кафтан перетягивал широкий пояс такой непредставимой красоты, что у хоббита зарябило в глазах от бесчисленного множества крупных самоцветов, перевитых тончайшими золотыми и серебряными нитями. Камни слагались в сложный рисунок, изображавший обвившегося вокруг поясницы сверкающего дракона; в глазах горели два крупных изумруда, алые рубины изображали извергающееся из пасти пламя.

— Какого знания ты жаждешь? Чего ждешь от своего Ученичества? — спросил гном.

— Знания, как управиться с новоявленным Копьем Тьмы, — без обиняков заявил Фолко, и в который раз за время своего странствия они с гномами, перебивая друг друга, повели свой рассказ...

Фолко окончил свою повесть встречей с эльфами-Авари и Ночной Хозяйкой. Он повинился перед хозяевами, что использовал заветное Слово не для того, чтобы постигать тонкости их несравненного мастерства, а для того, чтобы разузнать побольше об их племени, и Великом Орлангуре, о Доме Высокого, о Страже, что окружает его, о Небесном Огне и о том, что намерены делать хозяева Глубинных Слоев в случае войны Олмера с людьми и эльфами Запада.

— Что ж, мы слышали о вас, — медленно проговорил старший из хозяев, на котором красовался изумительный пояс. — Мы получили весть от Наугрима. Но, половинчик, мы не вступим в эту войну на чьей бы то ни было стороне, и тебе необязательно спускаться в наш Зал Королей, чтобы услышать то же самое из уст наших властителей. У нас иное дело и иной труд. Ты уже многое знаешь о нашей главнейшей заботе — крепить Кости Земли. И добавлю, что приходится частенько иметь дело со страшными творениями Вечной Ночи, что властвует за гранью Последнего Слоя, там, под Корнями Арды. Их пламя, клыки и зубы, равных которым нет и не может быть в Верхнем Мире, постоянно терзают тело Арды, и нам приходится противостоять им. Так что у нас своя война, половинчик. В людские дела мы не лезли от века; эльфы Запада чужды нам, вдобавок мы не простили и не простим никогда им Наугламира, нашей святыни. Телхар из Ногрода выковал ее с нашей помощью, и немало наших ходило тогда в далекий, ныне покрытый водами эльфийский город, чтобы выкупить сокровище. Эльфийские предания далеко не обо всем повествуют искренне... К тому же никакая смута среди королей и повелителей западных стран не потревожит ни Серединного Княжества, наших друзей и союзников, ни Авари, издревле шедших с нами рука об руку, ни Великого Орлангура, нашего благодетеля... Разве что сам Отец Наш, вековечный Кователь Ауле, явится сюда и попросит нас помочь Закату, — закончил Черный Гном.

— А в ученики мы возьмем вас охотно, — прогудел другой из хозяев, стоявший за правым плечом умолкнувшего. — Особенно вас, родичи... Для колен Народа Дьюрина никогда не была закрыта наша дверь, и не наша вина, что ею столь редко пользовались.

— А мы так надеялись, так обрадовались, увидев вашу мощь, — угрюмо проговорил Торин. — Вы бы могли покончить со всем этим безобразием одним ударом.

— Мы не можем этого сделать по двум причинам, — решительно ответил старший из хозяев. — Во-первых, мы не судьи и не можем вставать на чью-то сторону в споре людей. То, что вы рассказали об этом человеке, Олмере, — нас это не тревожит. В свое время нами был разбит сам Саурон! Вместе с Авари мы опрокинули его полчища, когда они пытались ворваться в наши залы, попутно поджигая принадлежащие нашим друзьям леса... Мир без тех сил, которые вы называете «черными», немыслим.

К этому трудно привыкнуть, но принять все же придется, рано или поздно.

— Знаем, знаем, — махнул рукой Малыш. — Весы и всякое такое...

— Поэтому не будем говорить о невозможном, — поднял руку старший. — Сейчас вам предстоит сделать выбор — чем вы займетесь в Ученичестве?

— Мы не можем задерживаться здесь, — возразил Торин. — Нам нужно исполнить наш долг.

— Это против наших законов, — нахмурился старший. — Уложения гласят, что Слово произносит тот, кто желает получить от нас умения и знания. Мы испытываем его и даем наставника. И лишь пройдя долгий путь познания, может он вернуться, если пожелает, — в Серединное Княжество, например. От нас нет дороги к тревогам этого мира! Наше знание — не для него.

— Но мы и не просим его, — вставил Фолко. — Мы лишь хотели получить помощь в час острой нужды...

Все трое хозяев нахмурились, воцарилось недоброе молчание.

— Если Совет Королей решит, что вы использовали наше Слово в своих корыстных целях, мне жаль вас, — медленно и раздельно произнес старший. — Вам придется предстать перед ним!

— Но почему?! — завопил, отбрасывая всякую почтительность и вскакивая с места, Маленький Гном. — Почему обязательно ставить такой выбор? Не хотите помогать — не надо, дайте тогда нам самим окончить дело! Вот глупость-то!

— Идите за нами, — коротко сказал старший и поднялся.

— Мы не подчинимся, — сквозь зубы проговорил Торин. — Вам придется взять нас силой или убить. Жить с таким камнем на совести мы все равно не сможем. Дело должно быть выполнено — или мы должны погибнуть, пытаясь исполнить начатое. Ну начинайте!

— А от кого вы узнали Слово? — вдруг спросил один из Черных Гномов.

— От Саурмана, — криво усмехнувшись, ответил Фолко, вставая плечом к плечу с друзьями.

— Зачем горячиться? — вступил в беседу третий из Черных Гномов, доселе молчавший. — Надо посоветоваться... Совет Королей должен узнать обо всем. Похоже, случай действительно особый...

— Почему особый? — вновь не выдержал Малыш. — Почему вам так необходимо удержать нас?

— Все, что вы увидите и узнаете здесь, должно умереть в вас, — сурово начал старший, однако Малыш, забыв о почтительности, перебил его:

— Да мы же еще ничего не узнали! Что мы видели? Двор крепости? И вы еще ничего не рассказали нам!

— Сказали, — ответил старший. — Вы настойчиво пытались втянуть нас в войну Верхнего Мира, вы явились и говорили как послы одной из сил. Если вы уйдете, эта сила узнает о нашем невмешательстве, что будет противоречить нашему закону — ни одна из Властей вашего мира не должна ничего знать о наших намерениях. Это чревато колебаниями Весов, а для вас нет ничего страшнее, чем вольно или невольно покачнуть их чаши. В тот час, когда вы остались, не уйдя с этим странным человеком, вашим спутником — вы обрекли себя на Ученичество. Пока вы не пройдете его, вы не сможете уйти отсюда. Ничто, не единое наше слово или изделие, не должно появляться на поверхности. Так гласят наши законы, и не нам нарушать их.

— Но неужели вы не видите, что этот Олмер, быть может, новое воплощение Саурона?! — зарычал Торин. — Вы же сами дрались с ним, неужто вас не волнует появление в Верхнем Мире силы, наделенной многими чертами ушедшего Хозяина Барад-Дура? Вам мало происшедшего с Ночной Хозяйкой?

— Не горячись, — положил руку на плечо старшему третий, тот, что предлагал послать сообщение в Совет Королей. — Они кое в чем правы...

— К тому же, — добавил Торин, — этот странный человек, Отон, будет штурмовать крепость, если через три дня мы не вернемся. Я знаю, что вы отобьетесь, но зачем вам новый и могучий враг?

Старший усмехнулся.

— По-моему, тебе уже следовало бы понять, что мы не страшимся никаких врагов, ни старых, ни новых. Ты отказываешься от Ученичества у нас, сам не зная, что это такое. Твой отказ — это лишь твоя гордыня... Впрочем, мы не злодеи и не хотим никого ни к чему принуждать — как не хотим и менять свои уложения в спешке. Я думаю, вам следует явиться в Зал Королей — пусть нас рассудят те, в чьих руках ключи истины.

— Но мы не можем странствовать по вашим залам до бесконечности! — не выдержал Малыш. — Весь смысл нашего дела — в быстроте, в том, что мы успеем толкнуть Тьму под локоть до того, как она сможет нанести свой удар. Сколько продлится этот путь к вашему Залу Королей?

— Лишь несколько часов, — заверил Маленького Гнома старший. — И столько же — дорога обратно к поверхности. Вы увидите, чего мы добились, и, быть может, не станете тогда упорствовать.

— Несколько часов? — недоверчиво хмыкнул Торин, однако ничего не сказал.

Их вели по тоннелям, гулким, широким, тщательно вымощенным, освещенным серебристыми лунными лучами. Серебристые блики играли на отполированных острых гранях черных каменных глыб, принявших под рукой опытных мастеров странные,

полные внутренней силы очертания. Это были не скульптуры — просто обтесанные глыбы, но в кажущемся хаосе пересечений их изломанных линий Фолко видел стремительное движение, завораживающее, колдовское, напоминающее темные подземные реки, до времени неслышно клокочущие в своих тайных руслах глубоко под корнями гор — а потом внезапно вырывающиеся на поверхность стремительными, неукротимыми, непобедимыми...

Их шаги гулко отдавались под высокими сводами. Невидимые световые шахты тянулись отсюда наверх, пронзая скалы, специальные зеркала собирали рассеянный свет, направляя его сюда, в подземные коридоры. Нечто подобное Фолко видел еще в Мории и потому не удивился, чего, похоже, ожидали хозяева, рассказывая об этом.

Тоннель сделал несколько поворотов, и вскоре до их слуха донесся мерный плеск текущей неподалеку воды. Они еще раз завернули за угол и оказались прямо перед прорубленным в скале широким проемом — за ним, едва различимая в полутьме, угадывалась быстротекущая подземная река, и Фолко невольно подивился странному совпадению своих ощущений, возникших несколько минут назад, когда он шел мимо диковинных каменных знаков-символов. Сопровождающие их хозяева остановились.

— А теперь — вниз, до самого Зала Королей, — указал рукой на поток старший. — Это займет совсем немного времени.

— Гм, вниз — а как? — подивился Малыш, с опаской глядя на черные струи.

Вместо ответа Черный Гном молча шагнул к потоку, скрывшись за изгибом стены. Переглянувшись, друзья последовали за ним.

Фолко шагал, уронив голову на грудь и почти не глядя по сторонам. С грустью он подумал, что, наверное, смертельно устал — более подземные тайны не интересуют его. Чудо из чудес, подземная твердыня загадочного народа не занимала его и казалась не более чем досадной помехой. Крепко, очень крепко, куда крепче, чем он мог предполагать, держало его в плену Наставление Радагаста. Старый маг словно вынимал из него одно за другим чувства, мысли, желания... И равнодушие к раскрывающимся перед его взором подземным красотам уже не удивляло хоббита, вызывая лишь глухую тоску.

«Интересно, смогу ли я когда-нибудь снова обрадоваться Хоббитании?» — отстраненно подумал он.

И в этот момент шедшие с ними хозяева остановились перед покачивающимся на волнах у каменного парапета черного железного шара с небольшой дверцей. Старший распахнул ее и шагнул внутрь.

— Нам что, туда? — осведомился Малыш, нехотя залезая в гулкое нутро шара.

Последним зашел третий из провожатых, плотно закрыл и запер дверцу. Спустя мгновение в сыром мраке что-то треснуло, сверкнуло, и во мгле тускло засветился несильный огонек масляного фонарика. Осмотревшись, Фолко увидел жесткие деревянные скамьи — и множество ремней, одним концом прикрепленных к стенам. Хозяева сделали знак усаживаться и зачем-то стали привязывать друзей к лавкам этими ремнями, потом сели сами и также затянули узлы на себе.

— Поехали? — полуутвердительно сказал старший и потянул за торчащий из пола кривой рычаг.

Что-то глухо лязгнуло, и Фолко вдруг ощутил покачивание пола — они поплыли. Хоббиты вообще недолюбливают какие бы то ни было машины сложнее, чем водяная мельница; оказавшись во чреве куда-то поплывшего железного шара (почему он не тонет — это оставалось загадкой для Фолко), он еле совладал с приступом панического и позорного страха.

— А теперь держитесь! — вдруг крикнул кто-то из хозяев.

И в тот же миг к горлу подступила мерзкая тошнота, живот хоббита резанула страшная боль, пол ушел из-под ног, шар закрутило, в уши ворвался уже не плеск, а неистовый рев воды, и Фолко понял, что их диковинный корабль низринулся куда-то в пропасть. Их крутило и болтало, швыряло из стороны в сторону, однако, хвала всемогущему Илуватару, не переворачивало. Хозяева лишь пересмеивались, глядя на посеревших от страха гномов и хоббита. Малыш изрыгал самые черные ругательства, какие только знал, изо всех сил цепляясь за поручни.

Их несло так долго, что хоббит потерял счет времени. Он изо всех сил боролся с подкатывающими время от времени приступами рвоты, порой почти теряя сознание и моля Силы Арды лишь об одном — чтобы эта пытка поскорее закончилась.

Когда рев, тряска и болтанка внезапно окончились и шар вновь спокойно закачался на тихой воде, друзей пришлось выводить из него под руки — ноги едва повиновались им.

И вновь коридоры, висячие мосты, аркады, вереницы залов, чьи потолки терялись в полутьме; однако все эти величественные творения как и достопамятная Мория, казались хоббиту покинутыми — на всем пути они не встретили ни одной живой души.

Фолко догадывался, что подземная река принесла их куда-то в самые заповедные глубины Арды. Как они будут выбираться наверх? Что, если Черные Гномы и впрямь откажутся выпустить их?

Зал Королей открылся внезапно. Ни стражи у дверей, ни самих дверей — они завернули и оказались на краю исполинской, титанической пещеры, перед которой померк даже Замковый Зал Мории. Золотистое сияние озаряло его; сверкал искрящийся горный хрусталь, его копьеподобные друзы высились над хаосом

багряных и синеватых самоцветов. Пол пещеры устилал мягкий мох, пробивалась трава, и странно было видеть все это в обычно суровом каменном царстве. Что давало свет и жизнь здесь — Фолко не мог догадаться; у него захватило дух от открывшегося великолепия. Зал Королей был богато украшен статуями; дорога вилась меж каменными гигантами, искусно высеченными из исполинских глыб странного серебристого камня, дававшего ощущение необычно теплого цвета; от этого все скульптуры, несмотря на скрытую в них мощь, казались полными доброты и участия. Хоббит, глядя на них, несколько приободрился.

А дальше, в глубине, Фолко увидел пять высоких помостов, возведенных из красного камня. На каждом, приглядевшись, он заметил богатое кресло, точнее — трон. И на них кто-то сидел, какие-то недвижные фигуры.

Их повели по торжественной дороге мимо склонившихся над ней статуй. В полном боевом вооружении застыли воители, напряженно вглядываясь вдаль, озирая приближающегося врага; с инструментом в руке, прищурившись, склонились над работой мастера, и их было куда больше, нежели тех, кто носил топор. Попадались и группы; постаменты были покрыты неведомыми хоббиту письменами; а ближе к вознесшимся помостам его внимание привлек самый большой памятник в этом зале — спокойно положив на лапы увенчанную многозубчатой короной голову, свивал свои золотые кольца величественный и величавый дракон. Вокруг него, словно несказанно пораженные внезапно открывшейся истиной, застыли гномы. Нетрудно было догадаться, что создавший это мастер изобразил встречу Черных Гномов с Великим Орлангуром.

Ведомые своими провожатыми, Торин, Малыш и хоббит подошли к помостам. Там действительно сидели — пятеро старых, белобородых, полных достоинства гномов. Как и те, что встретили и провели друзей, сидящие носили простую темную одежду, и единственное исключение составляли драгоценные пояса, точно состязающиеся друг с другом в богатстве и роскоши. Тонкие золотые обручи охватывали седые волосы; справа от каждого в специальном железном каркасе стоял высеребренный топор с длинной рукоятью, усыпанной драгоценными камнями. Наступило молчание.

Молчали и друзья. Не первый, куда как не первый раз они стояли вот так перед имеющими силу и власть решать их судьбу; они привыкли и к торжественному молчанию, и к величию вознесенных тронов, заставляющих глядеть на власть имущего снизу вверх, и к изучающим взглядам, и к молчаливой страже... Однако на сей раз у них не отбирали оружия, их доспехи по-прежнему были при них.

Разговор начал гном, сидящий на центральном троне, очевидно, главный.

— Приветствую вас в нашем Зале! — сказал он, приподнимаясь и слегка склоняя голову в знак почтения к гостям. — Я — Вир, старший здесь. А это — Видгри, это — Свальви, это — Тир, а тот, крайний справа, — Мотсогнир. Мы должны рассудить вас, отказывающихся от Ученичества и нарушающих тем самым наши законы, нерушимые до этого дня, точно Кости Земли! Можете ли вы оправдаться?

Друзья переглянулись. Опять повторять все с самого начала! Однако после Вира заговорил Мотсогнир, и голос его, тихий, но глубокий и полный силы, зазвучал под заповедными сводами:

— Мы знаем, зачем идете вы, и поэтому не нужно вновь пересказывать все происшедшее с вами. Не о том будет наш разговор. Я скорблю о непомерной гордыне обитателей Верхнего Мира! Вы ввязались в войну людей между собой — за власть и золото, за власть на крошечном по меркам Сущего Эа клочке тверди, за непонятное нам право карать и миловать по собственной прихоти. Ты, половинчик, и вы, наши почтенные родичи, — вы чужды этим распрям. Разве оскудел рудами и жилами наш мир, о славный сын Дарта? Разве переделана вся работа ваших молотов? Если вы достигли вершин умения и выше вам уже не подняться — тогда тем больше причин остаться здесь, ибо знание, обретенное в этих чертогах, ты не сможешь сыскать нигде больше. Что вам до распрей между земными владыками? Отринув мудрость и осмотрительность, столь свойственные как твоему роду, отважный половинчик, так и Народу Дьюрина, достойные тангары, вы возомнили себя в состоянии решать за других, присвоили себе право скорого суда. Вы идете, чтобы отнять жизнь у человека, посчитав его новой страшной угрозой миру и покою там, наверху. Однако неисповедимы пути людей, Тьма и Свет причудливо слиты в каждом из них. Нет среди них до конца правых, ни до конца виноватых. Нам ведомо — вы виделись с Наугримом. Вести о вас дошли и до него, давно двинувшегося собственными путями, гордого тайной своего рождения, своим великим отцом. Но разве от него вы узнали нечто, что до конца разрешило ваши сомнения? От него мы получили известия о вас, и еще раньше наш Отец принес послание от одного из могучих духов Валинора, именем Олорин — он просил нас помочь вам. Но единственное, чем мы можем помочь — это избавиться от пагубного заблуждения, внушенного вам силой рук и относительным преимуществом в обладании знаниями. Вы убеждены, что именно вам суждено остановить новую войну, и ради этого готовы втягивать в ее страшный размах все новые и новые племена, желая усилить ту сторону, которая, по вашему разумению, права. Вы сражаетесь,

охраняя устои старого царства и покой эльфийских крепостей. Вы скажете, что, если не остановить этого человека именем Олмер, он захватит все Средиземье и Зло восторжествует. Но соразмерили ли вы силы и цвета этих сил? В муках рождается новый строй жизни людей — но разве все то, что рождено их разумом, не должно, по их понятиям, пройти проверку делом? Они не признают путь медленного движения мысли, всесторонне оценивающей возможные последствия того или иного поступка, и все невоплощенное тотчас же обретает в их сознании ореол необычайных достоинств, каковыми на самом деле вовсе не обладает, и в их сердцах рождается пустая тоска по недостигнутому, и они бездумно отвергают существующее, стремясь к чему-то призрачному, размытому и неопределенному. Какой же нам смысл вмешиваться во все это? Давно уже не те и эльфы Запада — отказавшиеся от свободы, покорно ушли они на Заокраинный Запад, где нет ни трудов, ни борьбы, ни забот, чего предостаточно здесь, в Средиземье. Давно не участвуют они в столкновениях темного со светлым — во имя чего же нам вставать на их защиту, тем более что пока на них еще никто не нападает? Угрозы далеко не всегда приводятся в исполнение, опасаться, по-моему, следует не того, о чем на каждом углу кричат последователи этого самого Олмера — а того, о чем они помалкивают. Вы ставите на карту все, что имеете, но подумал ли ты, половинчик, что если тебя постигнет неудача и ты падешь — что станет с твоим народом, с твоей страной? Если она действительно окажется на пути вторгнувшихся с востока ратей? Или на пути идущих против них сил с запада? Разорение родного очага можно предотвратить, не только закрыв его собой. Войны пресекаются не столько силой и удачливостью, сколько хитростью. Ведь даже если вы убьете предводителя, на его место тотчас встанет другой. Войны все равно не избежать, а вы лишь зря погибнете. Подумайте еще раз! Вы ведь не можете знать своей участи. Наши законы предписывают строго карать обманщиков, пользующихся словом-пропуском в корыстных целях.

Окончив долгую речь, Мотсогнир умолк.

— Это не просто война, — внезапно решившись, заговорил Фолко. — Это продолжение войн, начавшихся еще до сотворения Арды! Как мне еще уберечь от разгрома родину? Посоветуйте же, вы, мудрые! Как я смогу жить, если узнаю, что милая моя Хоббитания обращена во прах?! Я не знаю иных способов, да и учиться уже поздно. Речи твои, почтенный, были прекрасны, со многими я бы согласился — если бы понял их предназначение. Какое вам дело до нас, трех крошечных песчинок в неисчислимом море взвихренных войной народов? Отпустите же нас и дайте пройти наш путь до конца. Мы не можем убедить вас в своей правоте, вы

не хотите вступать в сражение ни на той, ни на другой стороне — не нам вас судить. Но только помните, что грош цена всем высокомудрым рассуждениям, если в результате на месте прекрасных, устроенных земель раскинется выжженная пустыня! Да, мы были бы счастливы «втянуть», как нам уже сказали, вас в войну! Втянуть — потому что никогда гномы не служили Злу ни в одном из его многочисленных обличий. Ваши предки, бывало, ссорились с эльфами и даже воевали с ними — но время ли сейчас для старых счетов? Мы имеем дело с могучей и жуткой Силой — и никто не может чувствовать себя в безопасности, пока она действует. А если вы настолько сильны, что одно появление ваше может решить исход дела — так его надо решить в пользу сохранения старого, привычного и устоявшегося, ибо новое, что пробивает себе сейчас дорогу, громоздит курганы мертвых тел! Отпустите же нас и, по крайней мере, не мешайте. Нам себя все равно не переломить, и ученики из нас никудышные. Да, на мне есть вина, я произнес ваше заветное Слово с одним намерением — спасти себя для дела, которое начал и от которого не откажусь, пока ноги еще могут нести меня. А теперь я умолкаю. Наша судьба в ваших руках. Мы ответим вам на все, что сможем, если вы спросите.

Утирая рукавом пот и дивясь сам себе, Фолко замолк и потупился под изумленными взглядами друзей. Нечасто произносил он подобные тирады, но уже если начинал говорить в стиле, более подобающем для героев Войны за Кольцо, то зачастую сам не мог остановиться.

Пять пар глаз спокойно поднялись на хоббита. Пять пронзающих взоров старались проникнуть к самым корням его помыслов; и прежде чем он успел воспротивиться этому, он услышал голос Вира:

— Малыми речами не переубедить их, брат Мотсогнир. Нужны долгие пути движения мысли, нужно сосредоточение и одиночество... Горячая кровь будет гнать их вперед до тех пор, пока они не падут мертвыми. Высокие по их меркам чувства движут ими, они не ищут ничего для себя, — быть может, отпустим их с миром?

— Разве не знает брат Вир, что высокие чувства не могут оправдать гибельных последствий продиктованных ими деяний? — возразил говорившему Видгри. — В безумии своем они готовы на все, лишь бы исполнить задуманное — им неважно, сколько погибнет при этом невинных! Сколько Смертных окажется втянуто в истребительную войну!

— Войны не избежать, — угрюмо нагнув голову, хрипло сказал Торин. — Мы же выиграли одну битву под городом людей Аннуминасом, далеко на западе отсюда. К сожалению, победа не была окончательной, наш враг обретает власть над страшными сила-

ми — над Ночной Хозяйкой, например. Неужели вас не беспокоит и это?

— Не беспокоит, — холодно произнес Свальви. — Мы не бросаемся на каждый пожар. У нас иные пути и иные дела.

— Не время сейчас спорить об этом, — досадливо поднял руку Вир. — Что мы сделаем с этими путниками, нарушившими наш закон? Положа руку на сердце, я бы отпустил их. Нам не понять их, им не понять нас. Пусть идут. Что скажешь ты, Тир?

— Пусть идут, — прогудел молчавший доселе гном. — Они чужды нам.

— Нельзя не исполнять закона, — нахмурился Свальви, и Видгри, соглашаясь с ним, молча наклонил голову.

Все повернулись к пятому — Мотсогниру.

— Отпустим, — после продолжительного молчания наконец вымолвил он. У хоббита вырвался невольный вздох облегчения. Свальви и Видгри угрюмо набычились, словно готовясь немедля возражать, однако Мотсогнир остерегающе поднял руку.

— Отпустим, но с браслетами Ауле, — жестко произнес он, и все остальные, как по команде, замолчали.

С минуту пятеро Черных Гномов беззвучно переглядывались, а затем, вставая, один за другим торжественно произнесли: «Да будет так!»

— Вы дадите клятву нигде, никогда и ни под каким видом не говорить на поверхности о чем бы то ни было, что видели, узнали или хотя бы подумали здесь, — начал Вир. — Но слова — ветер. Мы давно не верим никому на слово. Браслеты Ауле, — в его голосе зазвучал металл, — умертвят вас в тот миг, когда вы начнете говорить при ком бы то ни было четвертом. А чтобы вы не сомневались — смотрите!

Откуда-то в руке Вира появился простой темный браслет без единого украшения, грубо отлитый из черного металла. Черный Гном надел его на торчащий рядом с подлокотником его кресла острый камень и, пристально смотря на него, щелкнул пальцами. Секунда — и браслет побагровел, засветился, волна жара докатилась даже до стоящих внизу друзей, а спустя еще мгновение камень потерял первоначальную форму и цвет и потек огнистой струйкой...

— Не пытайтесь снять или разбить этот браслет, — продолжал Вир. — Благодаря ему мы всегда будем знать, храните ли вы нашу тайну или нет. И если нет — горе вам! А когда он станет не нужен и в один прекрасный день вы не увидите его на ваших запястьях — тогда говорите, — закончил Черный Гном загадочной фразой.

Скрипучая площадка медленно поднималась вверх по кажущейся бесконечной шахте. Где-то в глубине скрипели водяные колеса, наматывая на себя бессчетные лиги прочных канатов. Те же трое хозяев, что привели друзей в Зал Королей, теперь сопровождали их обратно.

Гномы и хоббит молчали. Правое запястье каждого замкнул недобрый серый браслет — словно змея, дремлющая до времени. Кто будет держать в узде дремлющие в нем силы?..

Впрочем, против ожидания, на Фолко это почти не подействовало. Он просто прибавил ко многим негласным правилам, которых приходилось придерживаться в этом походе, еще одно, не принимая его близко к сердцу. Прошло то время, когда его могли повергнуть в страх какие-то, смешно теперь и вспоминать, туманные слухи...

Колеса скрипели, продолжая свою всегдашнюю работу. Друзей ждало Средиземье, ждал Отон.

Часть II

Глава 1

К ДОМУ ВЫСОКОГО

— А и метет же здесь, — проворчал Торин, безуспешно пытаясь поплотнее закутаться в свой старый, видавший виды дорожный плащ. Вьюга свирепствовала вовсю, швыряя в спину крупные горсти жесткого снега и едва не гася небольшой костерок, который им с трудом удавалось поддерживать на этом ветру.

— Да и пива, ручаюсь, не сыщешь ближе, чем за полтысячи лиг! — хлюпая носом, прогнусавил Малыш — который уже день его мучил жестокий насморк. — Эх, говорил ведь я вам — идем в Айбор! Не послушались...

— Опять скулишь? — рыкнул Торин, однако внезапный порыв ветра бросил ему в лицо пригоршню колючего снега, он поперхнулся и умолк.

— Тут заскулишь, — не унимался Малыш. — Лезем, сами не знаем куда! Олмера как не было, так и нет, и появится ли он возле этого Дома Высокого — одному Дьюрину ведомо! Сколько еще будем скитаться?

— Сколько надо, — буркнул в ответ Фолко, — но, чувствую, уже недолго.

Хоббит сидел, низко подвернув капюшон, спиной к пронизывающему ветру, и своим дыханием пытался отогреть стынущие руки. Над Средиземьем лютовал декабрь, оказавшийся здесь, далеко на Востоке, куда как свирепее и морознее, чем в уютной Хоббитании, хотя по звездам выходило, что сейчас друзья были даже южнее Бэкланда. Неделю за неделей после встречи с Черными Гномами отряд Отона пробирался на восток, одолевая холмы и болота, леса и пустоши, реки и горные отроги. Они приближались к Баррскому Хребту; где-то впереди находился Черный Замок — ключ к переправе через великую реку Востока, Хоар. Откуда их путь лежал на север — прямо к укромной долине, где среди зачарованных скал брала свое начало Тропа Соцветий.

В этой дороге они преизрядно хлебнули лиха. Прекрасные видения больше не посещали хоббита, а свое умение вызывать их по собственному желанию он не пускал в ход. Все это стало странно далеким, холодным, чужим. Несокрушимым бастионом стояло в золотом величии Заморье; озаренный дивным светом Валинор

словно забыл о бедах и тревогах Средиземья; Фолко все реже и реже обращался к нему в своих мыслях. Он был накрепко привязан к делам Смертных Земель и, размышляя вечерами у костра, не раз говорил себе, что никогда бы не ушел на Заокраинный Запад, будь он на месте Бильбо, Фродо или Сэма.

«Что они делают там? — спрашивал себя Фолко, каждый раз оставаясь без ответа. — К чему там знания, к чему все, если не в твоей власти изменить даже малую малость в этом застывшем Раю? Да, правы Авари — свой Свет всегда лучше Света дареного...»

Его мысли нарушил приход посыльного от Отона — предводитель отряда звал хоббита к себе.

За время, проведенное в походе после столкновения с Черными Гномами, Фолко привык к этим вызовам. Ему странно было признаться в этом даже самому себе, но где-то в глубине души он испытывал нечто вроде приязни к суровому воину с редким, прямо-таки детским вниманием и жадностью слушавшему бесконечные истории, рассказываемые хоббитом из прочитанного и услышанного. Отона интересовало все — возникновение Королевства Арды и Изгнание Мелкора, Гибель светоносных Деревьев и Укрепление Валинора, и Исход Нолдора... — все, касающееся Первой, Второй и Третьей Эпох. Он забрасывал Фолко вопросами, стараясь докопаться до самых глубинных причин того или иного события; особенно часто он просил пересказывать печальную быль о черной судьбе Тьюрина Турамбара, совершившего великие подвиги, убившего исполинского Глаурунга, лучшего дракона из стаи Моргота, но в конце концов по неведению ставшего мужем собственной сестры и в ужасе от содеянного бросившегося на свой обнаженный меч.

«Вот это воин! — с восхищением говорил Отон. — Он нравится мне куда больше, чем этот выскочка Берен. Берен без волшебства Лютиэн не ступил бы ни шагу. Тьюрин — другое дело! Пусть ошибался — но каков боец!»

Много расспрашивал Отон и о Нуменоре; и, когда он услышал эту историю, то долго сидел, потупившись в мрачном раздумье.

И Фолко не видел в Отоне сперва привидевшейся ему потаенной черноты. Бывалый воин, Отон почувствовал в только начинавшем тогда Олмере большую силу и пошел за ним, твердо веруя, что наконец-то встретил того, кто создаст новое царство, и, по правде говоря, не слишком прислушивался к тому, что тот говорил о великой войне с эльфами. Он любил своего Вождя, смелого, дерзкого, удачливого, любил его властную, подчиняющую себе обстоятельства волю — и шел за Олмером, однако мало-помалу в окружение Вождя проникали все новые и новые люди. «А из стариков остались только я да Берель...», и Фолко понял, что Отон, несмотря ни на что, в глубине души уязвлен не-

значительностью отданных под его начало сил; в бытность свою воином Приозерного Королевства ему случалось водить многотысячные дружины.

Отон много расспрашивал и о Черных Гномах — обо всем, увиденном хоббитом в недрах загадочной горы; конечно, прежде всего его интересовало, не выйдут ли в решающий момент хозяева Подземелья на поверхность, чтобы склонить чашу весов войны на ту или другую сторону; Фолко стоило немалых трудов уклониться от ответа.

И ни разу после столкновения с Ночной Хозяйкой не видел Фолко, чтобы Отон пользовался Талисманом Олмера. Загадочное и зловещее Кольцо он спрятал куда-то подальше; то ли подействовали рассказы хоббита, то ли пока довольствовался силами, отпущенными ему природой.

Обычно Отон был очень осторожен в разговорах; половинчик оставался тайным лазутчиком, очень много знающим и состоящим с Вождем в каких-то неясных отношениях; подозревая особую преданность хоббита Олмеру, Отон долго ничего не рассказывал сам; только в последнем их разговоре у него прорвались горькие слова: «Ох, меняется Вождь, и странно меняется, помяни мои слова, половинчик, я знаю его очень давно...»

Они подошли к походному шатру Отона. Посыльный откинул тяжелый полог, и Фолко поспешно шагнул внутрь, где не мело, где тлели угли в жаровне и где наверняка его ждал добрый глоток терпкого красного гондорского, от которого перестают неметь пальцы и холод на время ослабляет свою когтистую хватку.

Предводитель отряда встретил иззябшего хоббита долгожданным рогом вина и предложением выкурить трубочку в тепле. Отон сам, несмотря на бури и метели, редко пользовался своим удобным шатром, отдавая его отрядному лекарю, пользовавшему искусанных морозом; Отон приходил сюда, лишь когда держал совет с десятниками или когда говорил с хоббитом.

И сегодня он внезапно заговорил с Фолко на совершенно неожиданную тему — о нынешних эльфах. Не об их героическом прошлом, а о настоящем, против которого и восстал Вождь.

— Скажи мне, половинчик, почему ты все-таки идешь против эльфов?

Фолко смешался. Он чувствовал, что Отон сам недавно задумался над этим вопросом и оказался в тупике, и вот теперь ищет хоть каких-то разъяснений у единственного во всем его отряде, с кем он может поговорить — у тайного посыльного Западных Пределов, вступившего во вражеское войско под чужой личиной искателя приключений!

— Но мы пока еще не воюем с эльфами и, мне кажется, вряд ли будем, — уклончиво ответил Фолко. — Мир меняется, эльфийские крепости пустеют, наступает благодатное время для воз-

движения смелыми и сильными людьми новых могучих держав — и за счастье почитаю я служить первому из их числа!

Отон промолчал, никак не отозвавшись на эту напыщенную верноподданническую речь.

— Ну, а если неверная судьба войны выведет нас, скажем, к Серой Гавани? — прищурившись, спросил Отон после минутного молчания. — Ты пойдешь на стены, если таков будет приказ Вождя?

Вопрос за вопросом — один неприятнее и опаснее другого! Фолко ничего не оставалось делать, как прикинуться обиженным:

— Ты сомневаешься в моей верности Вождю, мой капитан? Как еще мне понимать твои слова?

Отон усмехнулся.

— Кто знает, может, тебе, половинчик, придется идти на эти стены под моей командой. А воин — не марионетка. Он хорошо бьется, когда знает, за что. Мы люди, мы свободны, и в наших силах сделать выбор. Судя по тому, как ты пытаешься уклониться от ответа, ты далеко не все решил для себя. Знаешь ли ты, что в Клятву, которую ты должен дать Вождю, входит твое обещание насмерть сражаться с эльфами? Берегись давать слово, если знаешь, что не сдержишь его! Из того, что ты рассказал мне о Силах Арды, можно понять, что они умеют карать за клятвопреступление. Берегись мести судьбы!

Фолко сидел ни жив ни мертв. Слова Отона заставили его сердце бешено заколотиться, ему не хватало воздуха. Неужели Отон заподозрил неладное? Фолко сейчас в его полной власти, он, считай, безоружен — кроме заветного клинка Отрины, ничего нет, кольчуга снята, — а у Отона наготове его двуручное чудовище. Хоббит напрягся, готовясь, в случае чего, убежать, хотя бежать-то ему некуда. Кругом на много лиг — занесенная снегом пустыня, до ближайшего селения — четыре перехода, вдобавок тамошние обитатели держат руку Олмера.

— Что же, если они встанут на нашем пути... — проговорил он, однако его слова, судя по всему, не убедили Отона...

После этого разговора Отон больше не звал к себе хоббита.

Отряд медленно пробивался все дальше и дальше на восток. Их путь лежал к Черному Замку — Хоар не замерзал даже в самые лютые морозы, и перейти его можно было только там.

«Если не сумеем построить плоты, — часто повторял Отон, обходя вечерами лагерь, — придется обманом...»

В одну из первых вьюжных ночей друзей отыскал наконец крылатый посланец Радагаста с письмом. Его строчки дышали тревогой — старому магу по-прежнему не удавалось разобраться в природе силы Олмера; он послал соглядатаев — пернатых и четвероногих — далеко на восток в поисках мест падения Небесного

Огня, но сейчас зима, все закрыто снегом, искать трудно. Среди эльфов Серой Гавани поднялась тревога — известия о Пожирателях Скал были проверены и подтверждены Кэрданом. Предположения друзей оказались верны — порождения Подгорной Тьмы, разбуженные и направляемые невесть кем, тянулись на северо-запад, прямиком к эльфийской твердыне, постепенно уходя из-под Мории. Дружины Дори, уже заслужившего прозвище Славного, умели ворваться в Казад-Дум; в двухдневной битве гномы разбили соединившиеся было для отпора им отряды орков разных племен и — в который уже раз приступили к восстановлению великого Царства. Сам Дори, однако, отказался от короны — он не из рода прямых потомков Дьюрина... Кольцо помогает им обороняться от подземного страха, и сейчас гномы ищут подходящие источники глубинных вод, чтобы пустить эти реки в прожженные Пожирателями тоннели. Однако от этой опасной затеи гномов удерживают пришедшие к ним сейчас эльфы Корабела — из-за непредсказуемых последствий, которые это может повлечь. Ангмар пока затих — однако дух смуты не покинул тех мест. То и дело с востока приходят какие-то подозрительные личности, втайне, несмотря на запрет Наместника, куется оружие, случаются нападения на дозорные арнорские посты. Разбойники же после разгрома Олмера прошлой осенью поутихли, на дорогах Северного Королевства спокойно; Могильники окружены надежной стражей, хотя все, что удается пока сделать — это успокоить поселян. Чудные вещи творятся там ночами; однако всяческие «серые отряды» перестали безнаказанно шастать по окрестностям.

«Но я чувствую, как на Востоке продолжает скапливаться гной, — писал Радагаст, — и если вам не удастся покончить с главной причиной смут, то все труды по умиротворению Запада окажутся бессмысленными...»

Однако письмо Радагаста ничего не изменило в их повседневном существовании. Дни шли своим чередом, Отон железной рукой продолжал вести свой отряд через снега — и Баррский Хребет на горизонте становился все выше и выше. Трудиться приходилось в поте лица, хорошо еще, что они шли не по пустыне — эти края были населены какими-то малыми родами ховрарского союза племен; в поселениях можно было достать пропитание. Однако и эти редкие деревни наконец остались позади — начинались предгорья, места унылые и бесплодные.

— Как бы на орков не напороться, — как-то утром проговорил Торин, озабоченно оглядывая окрестности. — Что-то уж больно подходящие для них места!

— Зима ж, какие тут тебе орки, — возразил подошедший Малыш, — впрочем, я бы и на орков согласился — тряхануть бы их логово, глядишь, пивом разжились бы.

— Типун тебе на язык, — всполошился Фолко. — Не желаю я никого трясти! Тут тебя самого в кольчуге от холода трясет.

Дорога — наезженная, утоптанная — вела в неширокую долину между почти смыкавшимися каменными отрогами Хребта. Это был единственный проход дальше, на восток, если не считать нескольких горных тропок; здесь древний торговый тракт проходил через единственную узкость, и потому, как объяснил отряду Отон, эти места издревле любили всяческие лихие люди.

— Если встретим кого, — говорил предводитель, — бить не будем, постараемся решить дело миром и привлечь их на нашу сторону. Нам смелый народ нужен.

Следы на тракте говорили о том, что обоз прошел здесь уже довольно давно; если кто и собирался засесть впереди, в ущелье, то должен был уже это сделать. На всякий случай Отон приказал всем вооружиться.

Утром следующего дня они вступили в ущелье. Фолко только успевал крутить головой — такая красота внезапно открылась его взору. Несмотря на мороз, с исполинских обрывов низвергались вниз сверкающие водопады; диковинными змеями, свесившиеся с карнизов, застыли громадные сосульки. Зима причудливо разукрасила сложенное странными зеленовато-черными породами ущелье, превратив его в сказочный эльфийский замок. Небо было голубым, ярко светило солнце, сверкал снег, сиял лед, журчала, борясь с холодом, в ледяных тоннелях быстрая темная вода...

«Как-то уж все слишком хорошо. Не может быть, чтобы никакой пакости не приключилось», — подумал Фолко.

Он даже не удивился, когда воздух вокруг него внезапно вспороли чьи-то длинные черные стрелы.

— Эге-гей! Налетай! Бей! — раздались хриплые и грубые голоса вокруг.

Срывая с плеча лук, хоббит поднял голову — вздымая облака серебристой снежной пыли, со склонов кубарем катились прямо на замерзший и ощетинившийся сталью отряд какие-то замотанные в мохнатые шкуры существа — высокие, с широченными плечами и совсем малорослые, хоббиту по плечо; мелькали стрелы и копья.

«О мощный Ауле, гурры вкупе с горными и пещерными троллями!» — отрешенно подумал хоббит, не имея времени пугаться.

Его руки уже делали свое дело — и снег на ближнем склоне окрасился темной кровью одного из нападавших.

Отон бесстрашно выехал было вперед, что-то крикнул — в грудь ему ударило тяжелое кривое копье, видно, самодельное — оно не пробило кольчугу, но сбросило предводителя на землю.

Бывалые дружинники Отона, однако, в первый момент растерялись. Все помнили приказ Капитана — уладить дело миром — и потому отбивались как-то вяло, а здоровенные тролли, добежав

наконец до сбившихся в кучу противников, пустили в ход тяжелые дубины; гурры же задержались наверху, пуская множество стрел, хоть и с плохими наконечниками, но способные ударить чувствительно. Фолко быстро огляделся — оцепенение не овладело лишь им да двумя гномами; растерянность воинов Отона, похоже, взялись усугубить несколько старых гурров, стоявших на высоком каменном выступе, — они делали руками какие-то пассы и бросали в небольшой костерок какие-то коренья, вспыхивающие трескучим, дымным пламенем.

Стоило Фолко поднять на них глаза, как странная истома стала наваливаться и на него; отяжелели руки и веки, все поплыло перед глазами... Однако он еще мог бороться, и он стал бороться; откуда-то из глубин памяти всплыл Синий Цветок, тающие на ладони голубые лепестки — и отрезвляющая боль в руке смыла пелену с сознания, возвращая силы и решимость.

А тем временем бой оборачивался совсем плохо для отряда Отона. Огромные лапы троллей тащили воинов из седел, заламывали им руки, обезоруживали, вязали; кое-кто сопротивлялся, но их обступали со всех сторон, и спасения было ждать неоткуда; чары гурров, похоже, действовали — мечи в руках спутников хоббита поднимались все медленнее, будто во сне; правда, гномы держались — они успели зарубить уже трех троллей и сейчас добивали четвертого; убедившись, что с друзьями все в порядке, хоббит стал искать взглядом Отона — потому что, как и при встрече с Ночной Хозяйкой, иной надежды, кроме Талисмана, не оставалось. Фолко сразу понял это — и, увидев, как два громадных тролля волокут поваленного еще в самом начале Отона, хоббит, не мешкая, рванулся к нему.

Он не боялся — страх навалился на него только после, когда Фолко осознал, насколько близка была его гибель.

В горячке боя никто из троллей не обратил внимания на маленького хоббита; тот вырвал стрелу из колчана и привычно взял прицел. Древко до половины вошло в шею одного из тащивших Отона троллей, выставив наружу окровавленный наконечник; глухой рев, сиплый стон — и все кончено; второй тролль успел повернуться, вскинул дубину, но лишь для того, чтобы разделить участь своего сотоварища — не теряя ни секунды, Фолко прострелил ему горло.

— Талисман, Отон, Талисман! — затряс он за плечи своего Капитана.

Однако, лишившись сознания от удара, тот оставался недвижен и безгласен. Руки хоббита беспорядочно зашарили по тяжелому телу, пытаясь отыскать заветно-зловещее Кольцо; он страшно торопился, ежесекундно оглядываясь; и не напрасно, потому что отряд был близок к полному разгрому, больше медлить было нельзя, и Фолко взялся за лук. Р-раз! — и, нелепо раскинув руки,

с высокого карниза полетел старый гурр-колдун; два! — и рухнул ничком в костер второй из гурров.

— Сюда! Ко мне! Здесь Капитан! — во весь голос завопил хоббит, обнажая меч.

Гурры били из лука, но кольчуга отразила стрелы. Тогда дружинники в свою очередь взялись за мечи. Для хоббита дело оборачивалось плохо — на помощь гуррам пришло пятеро троллей, но вовремя подоспела подмога. Пока гурры-чародеи наверху разводили новый костер, суетились и мельтешили, сила их заклятий ослабла, люди встряхнулись и отпор тотчас усилился. К хоббиту подскочили четверо ангмарцев и несколько орков; на время они отбросили нападавших, уложив трех троллей, но и сами потеряли двоих; однако драгоценные секунды были выиграны, и Фолко, застонав от напряжения, сумел-таки перевернуть неподъемное тело Отона, запустил руку глубоко под кольчугу и нашарил крошечный кожаный кошель на прочной цепочке. Пальцы рванули завязку — и Фолко выпрямился, держа в ладони тусклый золотой ободок.

Странное чувство охватило его — он словно стоял над бездонным обрывом, откуда тянуло сухим, обжигающим лицо жаром; перед мысленным взором его мелькнули сорванные, кружащиеся, будто под сильным ветром, голубые лепестки его заветного цветка, сотни далеких голосов воззвали к нему: «Остановись! Не надевай!»; поток знакомой мутноватой силы, затемняющей сознание, вырвался наружу, но остановился, не в силах преодолеть барьера воли хоббита, стремительно возведшего вокруг загадочного Талисмана прочную и пока не преодолимую для этой силы ограду. Мрачной и темной была мощь, заключенная в Талисмане; ничего, кроме замогильного мрака, не видел в ней хоббит, пристально вглядываясь в нее своим дивно обострившимся внутренним зрением — даром того самого Синего Цветка, спасенного им от гибели на земле. И сейчас он видел все словно сквозь ворох голубоватых лепестков; но они не мешали, — напротив, каждый из них походил на волшебное увеличительное стекло, помогая различить подробности внутренней сути Талисмана.

Однако не только тяжкий, беспросветный мрак составлял силу грозного Кольца; вглядевшись, Фолко различил там и второй, верхний слой — на сумрачном, жестоком и безжалостном фундаменте было и нечто иное — могучее, но не черное, содрогающееся, словно человеческое сердце, стремительное и своенравное, для чего хоббит не мог подобрать сразу определения; в этом втором слое было намешано всего, словно незадачливый творец, не глядя, швырнул в тигель частицу себя самого. И тут хоббита осенило.

«Это же человеческое начало! — сказал он себе. — То, что я не могу понять и определить — это часть человеческой силы!»

«И сплав темной воли и смелых сердец он вложит в свой всемогущий венец», — вдруг вспомнились слова Наугрима. Да! На фундаменте странной, древней и черной силы, невесть откуда взявшейся в Олмере, был возведен Талисман; но немало в нем было и от свободной человеческой воли; однако сейчас она даже мешала, не давая постигнуть самой сути; очень страшна и холодна была эта глубинная суть, но Фолко настойчиво продвигался к ней, ломая собственные страхи, — мороз драл по коже, кровь леденела в жилах, невообразимо древняя ненависть оживала в глубинах Талисмана, вставая от векового оцепенения. Это воля хоббита давала сейчас ей дорогу; он понял, что все, вложенное в Талисман его творцом, помогало обуздывать эту древнюю земную силу; но иного пути не было, оставалось только собрать в кулак все, что у него имелось, чтобы попытаться понять.

И близко, очень близко подошел уже Фолко к пониманию; пугающие бездны раскрывались перед его мысленным взором, веянье ледяных крыльев чувствовал он, но в то же время это не могло быть Средоточием Тьмы — слишком мало, далеко не так грозно... Уверенность возникала ниоткуда, словно кто-то всезнающий склонился сейчас над плечом хоббита, размышляя и делая выводы вместе с ним. Нет, не первична была эта древняя темная мощь, не первична — это хоббит осознал четко. Он еще ниже наклонился над Кольцом — и тут словно что-то рвануло его за плечо, выведя из глубокого транса.

Он суматошно огляделся. Отон по-прежнему был без сознания, кругом кипел бой — а на карнизе гурры уже успели заново развести свой колдовской огонь. Толпа троллей со всех сторон обступила отчаянно сопротивляющихся людей и орков; спины дружинников пока еще закрывали хоббита от мечей и копий врага, но сколько могли они продержаться?..

И Фолко решился. Хотя внутренний приказ был внятен и четок — «Не надевай его! Ни в коем случае не надевай!» — ждать и искать какой-то иной путь к спасению Фолко уже не мог. Он вздохнул и решительно надел Кольцо на палец.

Мир не изменился, не потускнел и не почернел; однако когда хоббит поднял руку, он словно ощутил напор могучего ветра, вливающегося в него, отдающего ему свой разбег и свою силу; в голове загудели колокола, мощь наполнила руки, темное бесстрашие подхватило его, голос обрел силу, какой никогда не было в нем раньше; и он приказал нападающим остановиться и склониться перед ним, ибо он — посланец Хозяина, и горе тому, кто встанет поперек дороги!

И еще какие-то слова выкрикивал он, распятый тащившей его в водоворот безумия силой Талисмана, вырвавшейся на свободу; хоббиту казалось, что он обрел мощь и рост сказочного исполина, готового сокрушить любое препятствие; древняя ненависть,

ожившая в нем, властно требовала крови; хотелось одновременно и крушить все подряд, и пасть на колени перед Вождем, повиниться во всем, признаться, кто он такой на самом деле... Сознание вновь помутилось.

Да, Талисман оказался могуч — однако и с ним можно было бороться, и ему можно было противостоять. Какая-то часть сознания хоббита не поддалась темному дурману Силы; и когда ошеломленные, растерявшиеся гурры и тролли, склоняясь перед Носителем Талисмана, стали падать на колени прямо в снег, эта часть сознания помогла Фолко вновь стать самим собой. Как нельзя кстати мелькнули, застилая глаза, кружащиеся голубые лепестки, словно стирая из мыслей вызванное Талисманом помрачение. Неслышимая другими, но стройная, нежная и гармоническая музыка донеслась до его внутреннего слуха; только что овладевшие им безумные мысли таяли, как дым под свежим ветром.

Бой замер, остановились все; и тут у ног хоббита зашевелился и застонал Отон. Первое, куда потянулась его рука, был кожаный кошель на груди; и когда Отон не нашарил Талисмана на привычном месте, его швырнуло вверх, словно пружиной; в глазах его было безумие, с которым он изо всех сил пытался бороться, не желая выказывать даже самому себе своей зависимости от зловещего дара Вождя, видимо, помня рассказы хоббита. И тот, понимая, что может ощущать сейчас Отон, поспешно протянул ему Талисман. Могучим усилием воли предводитель отряда заставил себя взять его с ладони хоббита спокойно, почти что безразлично; он тотчас понял, что произошло и почему Кольцо оказалось у половинчика.

А потом все как-то сразу кончилось. Держась за грудь и шипя от боли, Отон принял изъявления покорности троллей и гурров. Отряд задержался на день, похоронил убитых, кое-как подлечил раненых — и двинулся дальше, а нападавшие получили строжайший приказ явиться в Свободную Область к Берелю, и принять службу Хозяина, и не мешкать с выступлением — война не за горами!

Тревожный холодок прошелся по сердцу хоббита, когда он впервые услышал от Капитана эту фразу.

Ущелье осталось позади. Отряд вырвался на бескрайние просторы Загорья; до Хоара оставалось, по словам проводников, не более восьми-девяти дневных переходов, Черный Замок приближался.

Однако Отон не спешил привести свою дружину под стены этой сильнейшей, по рассказам, крепости Средиземья. После совета с хоббитом — а Отон стал очень уважать половинчика после того, как тот спас ему жизнь в последнем бою, — предводитель отряда круто свернул на север, где, по слухам, горные леса спу-

скались почти к самой реке и можно было надеяться на плоты. Черный Замок они оставили справа.

По пути у друзей оставалось достаточно времени для размышлений; случай с Талисманом давал богатую пищу для них.

— Ладно, — сказал как-то на привале Торин, — отбросим Творца Тьмы, раз ты в этом так уверен. Спустимся на ступень — там у нас главный подручный, хозяин Барад-Дура. Еще ниже — Девять Кольценосцев, Барлоги, Черные Нуменорцы. Остальные, пожалуй, внимания не стоят — предводители Вражьих армий сами ничем не владели, это были обыкновенные люди. Откуда же тогда Талисман? Часть Олмеровой силы, которая у него непонятно откуда.

— Мы предполагали раньше, что это может быть новое воплощение Саурона, — негромко сказал хоббит. — Тогда ясно, что у Талисмана должны быть глубокие, очень глубокие корни.

— Воплощение... — вступил в разговор Малыш. — Будет вам, какое тут еще воплощение! Стал бы Властитель Мордора метаться по градам и весям!

— Однако Олмер подчинил себе Ангмар, Дунланд и Могильники, — возразил Фолко. — Орки признали его хозяином, басканы тоже. Кто еще способен на такое, кроме их извечного Повелителя?

— Ты прав, только форм у этого Повелителя может быть множество, — заметил Торин. — У каждой формы — свои сильные и слабые места.

— Вертим круг без точила, — ввернул свое любимое выражение Малыш, безнадежно махнув рукой. — Все равно ничего не выясним, пока не столкнемся лицом к лицу.

— Ну почему же, — сказал Фолко. — Мы уже знаем немало. Эльфийская сила перед творениями Вождя не отступает — ее во мне хоть и самая малость, да и та заемная, но Талисман не подчинялся, пока я не отпустил его — сам, по собственной воле. Это древняя тьма эльфам прекрасно знакома — они с ней сталкивались не раз, тут ошибки быть не может. Я уже говорил, там много и человеческого... И это странно. Откуда может взяться человеческое у изначально нечеловеческого?

— А не мог он слиться с кем-нибудь, овладеть его помыслами, а затем и телом? — предположил Малыш. — Это многое объясняет, например, его молодость: вряд ли Саурон довольствовался бы ролью ярмарочного стрелка!

— Да брось ты... — начал было Торин, но Фолко остановил его.

— Погоди, в этом что-то есть, что-то неуловимое. — Он прищелкнул пальцами в тщетных усилиях подобрать слово. — Не знаю, Малыш, почему это пришло тебе на ум — я тоже об этом думал. Странно получается — сначала вроде бы человек, а чем дальше — тем черней и страшней. Такое впечатление, что на руке у него Кольцо Всевластья!

Друзья замерли. Хоббит чувствовал, как внезапно стали раздвигаться плотные серые тучи, окутывавшие сознание всякий раз, когда он пытался ответить себе на давно мучивший вопрос о природе силы Олмера. Появился слабый проблеск... Неужели они нащупали верный путь?

Однако этот успех остался единственным. Больше ничего объяснить себе они не смогли. Обилие противоречивых фактов не давало выстроить сколько-нибудь стройной картины происходящего.

— Что же, оставим этот разговор... До следующего озарения, — мрачно пошутил Торин.

Озарение и впрямь не помешало бы. Озарение или какие-нибудь чрезвычайные обстоятельства, из которых они могли бы извлечь нечто, что направит их размышления. Но слова о Кольце Всевластья крепко засели у них в памяти.

От этих размышлений, неотступно преследовавших хоббита несколько дней после стычки в ущелье, его отвлекли новые тревоги, обрушившиеся на отряд. Отон благополучно довел дружину до густых горных лесов, заваленных непроходимыми снегами, и тут горная дорога кончилась. Она вела дальше на север — им же пришлось свернуть на восток, к реке. Начались дни тяжелого труда и недоедания — Отон железной рукой сократил выдачи провианта, сберегая его «на черный день». И этот день настал, когда отряд угодил в засаду — всего лишь в двух дневных переходах от реки.

Фолко в тот день вместе со всем своим десятком был в арьергарде. С превеликими усилиями пробивая дорогу людям и коням в глубоких снегах, передовые остановились для короткого привала в тихой лесной излучине. Край древесного моря круто загибался здесь к югу, выбросив на полудень длинный, но неширокий язык. Ветер смел снег как раз на пути обхода, накидав там особенно глубокие сугробы; и выбивавшиеся из сил передовые десятки остановились для краткого отдыха. Постепенно подтянулась и остальная часть дружины, только десяток Фолко, назначенный в заднее охранение, держался чуть поодаль.

Никто не заметил, откуда ударили первые стрелы. Их было немного, но били они без промаха; крики, неистовое ржание перепуганных коней смешались в жуткий шум; сперва никто не мог ничего понять, однако на сей раз воины Отона не впали в растерянность. Дом Высокого был близок — и все помнили предостережение Капитана, что подступы к этому сокровищу древней магии могут стеречь весьма основательно. Стена щитов свернулась словно сама собой — не столь плотная и неразрывная, как у неподражаемого хирда, но тоже хорошо защищающая; под при-

крытием орков-щитоносцев и тяжеловооруженных истерлингов стремительно развертывались в цепь стрелки-хазги и арбалетчики-ангмарцы. Отон, не теряя ни секунды, бросил два десятка мечников в обход и скомандовал остальным приготовиться к атаке — он видел, как падали пронзенные неправдоподобно меткими стрелами его бойцы, и, видимо, понимал, что долго под таким обстрелом им не продержаться.

Десятник скомандовал Фолко и остальным ползком пробираться вперед — хоббит видел, что Отон, с одной стороны, рассредоточивает силы, а с другой — охватывает полукольцом тот выступ леса, откуда хлестал колючий дождь длинных, белооперенных стрел; одна такая стрела отскочила от плечевой чешуи доспеха Торина, и хоббиту хватило одного быстрого взгляда на нее — стрела была эльфийской.

— Не хватало еще, чтобы свои же прикончили, — пробормотал он себе под нос, гадая, как бы остаться незамеченным, чтобы не приказали стрелять в Дивный Народ; однако на сей раз ему повезло — мечники Отона, посланные в обход, схватились с боковым заслоном противостоящих дружине Вождя лучников, смяли их — и в тот же миг, слыша нарастающий победный рев впереди, Отон поднял отряд в атаку. Десяток Фолко волей-неволей оказался позади, на некотором отдалении от наступающих, и не успел к основным событиям.

Эльфы не приняли боя. Стремительно рассеявшись, они исчезли в глубине заснеженного бора; там, где люди и орки тонули по грудь в снегу, эльфы легко ступали по поверхности, не проваливаясь ни на палец; видя, что их окружают, немногочисленная засада легко ушла от погони и скрылась.

Итоги схватки оказались неутешительны для отряда. Они потеряли четырнадцать воинов. Отон был мрачнее тучи, когда отряд, оправившись после стычки, продолжил путь, однако свернуть им было некуда, оставалось лишь упорно пробиваться к реке...

Был вечер, холодная ночевка прямо на снегу, едва прикрытом еловым лапником. Отон приказал не разжигать костры — и воины угрюмо глотали скудный ужин всухомятку и без горячего. Время едва перевалило за третью четверть ночи, когда предводитель отряда велел сниматься с лагеря. Фолко лишь печально усмехнулся про себя — если эльфы оставили наблюдателя, темнота ему не помеха.

Выжимая все силы из людей и коней, Отон ночным маршем вел отряд к реке. Им удалось выбраться на гребень невысокой гряды холмов — снег с нее был сдут в низины, идти стало легче. Покачиваясь в седле и борясь с усталостью, хоббит пытался понять, следят ли за ними или нет; однако его внутреннее зрение оказалось бессильно, чувства скользили по заткавшей все вокруг плотной непроницаемой пелене.

— Ишь, какого мороку навели, — пробормотал он себе под нос. — Видно, все же следят. С рассветом наверняка снова ударят!

Утро застало их в неглубокой, заросшей вязами лощине. Край леса был по-прежнему близок — примерно в полумиле от них; наиболее зоркие, взобравшись на самую высокую вершину, углядели вдали нечто, похожее на темную полосу незамерзающего Хоара. Отон повеселел, плечи его распрямились. Он дал отряду лишь краткий отдых, не разрешил зажигать костров — и скорым шагом повел притомившуюся дружину дальше, напрямик к реке. За день они одолели не меньше двенадцати лиг — и кое-кто изрядно выбился из сил. Как ни хмурился, как ни кусал усы Отон — ему пришлось скомандовать полноценный ночлег.

Однако выспаться не дали. На рассвете, когда сон особенно сладок, часовые подняли тревогу — успели поднять прежде, чем были проткнуты насквозь зазубренными наконечниками длинных копий и уже знакомых белооперенных эльфийских стрел.

Дружина Отона попала в клещи. К легковооруженным эльфам-лучникам прибавилась панцирная пехота Черных Гномов, и Торин лишь безнадежно присвистнул, глядя на стройные ряды копейщиков, надвигавшихся неторопливо, но так же неумолимо, как сорвавшаяся с гор снежная лавина.

Окруженные с трех сторон, под градом стрел, воины Отона, однако, не дрогнули. Единственным шансом спастись было прорваться сквозь ряды наступающих врагов. Отон показал себя умелым командиром — считанные мгновения понадобились ему, чтоб оценить обстановку и отдать единственно возможные сейчас распоряжения; еще минута — и хазги ответили на стрелы эльфов своими. Дружина, сбившись в плотный, ощетинившийся сталью клубок, таща в середине строя храпящих лошадей с припасом, ударила в стык между двумя накатывающимися шеренгами гномов, прикрытый лишь стрелками-эльфами; полдюжины дружинников полегли, пораженные стрелами в прорези шлемов, однако копейщики не успели развернуться, и, ценой еще пяти воинов на краткий миг отбросив надвинувшиеся было края копейных шеренг, отряд Отона вырвался на свободное пространство.

Во время этого прорыва Фолко, Торин и Малыш оказались в самом пекле — на левом крыле отряда, которое успели-таки зацепить гномы-копейщики; зацепить лишь слегка, но и этого хватило, чтобы трое воинов из десятка Фолко погибли в один миг, не успев даже поднять оружие для защиты; затем страшный, зазубренный, очень широкий — в две ладони — наконечник ударил в поясную броню Малыша; тот полетел кубарем, однако мифрил выдержал, а Торин ухитрился обрубить своим топором древко; сам он тоже не избежал удара, однако устоял на ногах, а Фолко догадался швырнуть прямо в узкую прорезь глухого шлема бли-

жайшего копейщика горсть песка, собранного вечером на месте кострища по какому-то странному наитию; Черный Гном замешкался, и они проскользнули мимо.

Однако этот прорыв был лишь временной удачей Отона; бой не был выигран, по крайней мере, сотня панцирников и полсотни лучников было против его семи десятков усталых, измерзших воинов. Ряды копейщиков, прикрывшись с боков эльфами-стрелками, спокойно развернулись и двинулись вслед за поспешно уносящей ноги дружиной. Деваться было некуда, спасение было в быстроте — и Отон повел отряд обратно по его собственным следам. Фолко слышал, как Отон бросил десятникам:

— Там наверняка новая засада — но не лезть же к реке по целине с таким врагом на плечах!

«Да, он прав, — подумалось хоббиту, — если бы мы дошли до реки, наладить плоты все равно бы уже не успели. Нас прижали бы к воде и перебили. И никому бы я не сумел доказать, что я вовсе не сторонник Олмера».

Как и предсказывал Отон, в засаду они действительно угодили. Точнее, это оказалось не засадой, а просто спешащие на подмогу своим несколько десятков гномов и эльфов. Силы были почти равны, но противники Отона успели укрыться в лесу, выждали и ударили внезапно. Пока хазги пытались оттеснить лучников-Авари, пока щелкали арбалеты ангмарцев, Черные Гномы подобрались на расстояние удара своих копий, и небольшой, но чрезвычайно плотный клин прошел сквозь поспешно рассеявшийся отряд Отона, как нож в масло; стрелы их не брали, подступиться же поближе никто не дерзал — это была верная смерть. Однако дружина Вождя не стала класть жизни в заранее обреченных попытках остановить великолепную боевую машину Черных Гномов, не имея для этого нужных средств. Отон скомандовал отход, и, несмотря на стрелы эльфов, бивших из-за деревьев, теряя и теряя людей, отряд вновь вырвался из смертельных объятий Стражей Дома Высокого; стрелы хазгов тоже свистели не впустую, и эльфы не выдержали боя накоротке, отошли в глубь леса.

В этих трех схватках полегла почти половина отряда; у Отона осталось лишь пять с половиной десятков. Рассчитывать с этими ничтожными силами с боем прорваться к Тропе Соцветий да вдобавок еще и удержать ее до появления Вождя было чистым безумием. Вечером того же дня Отон угрюмо сказал своим вконец измученным воинам:

— Нам придется отступить на юг. Надо искать иные подступы к нашей главной цели. Мы пришли сюда в неудачное время — зима, нас легко выследить. Впрочем, весна уже близко — и мы попробуем вновь. Ведь мы не выполнили приказа, следовательно, наше существование бессмысленно. Вы помните Закон Вождя!

Закон Вождя помнили — Фолко ясно читал это на мрачных, насупленных лицах. Но дороги по правому берегу Хоара не было — могла погибнуть половина отряда, мог погибнуть весь отряд, а приказ так и остался бы невыполненным.

Вождь хоть и карал за неисполнение, но не требовал от своих воинов и бессмысленного самопожертвования в тех случаях, когда задача оказывалась неисполнимой.

Отряд Отона не мог продолжать штурм. Нужен был отдых, нужен был провиант; крайне желательно было бы дождаться подкреплений; но последнее было уже из области фантазий. Отон предполагал, отступив на юг, поискать иных путей в обход Черного Замка. Заслоны здесь, на севере, оказались непреодолимы.

После всех этих стычек Фолко еле держался на ногах. Он впервые был принужден сражаться против своих, и, хотя он не выпустил ни одной стрелы и ни разу не обнажил меча, он не мог быть уверен, что столь же благополучно кончатся и иные, весьма вероятные, встречи с охранявшими Дом Высокого отрядами гномов, эльфов и людей Серединного Княжества.

«Рано или поздно, — сумрачно размышлял хоббит, — мне придется убить, чтобы не убили меня. Нет, это невозможно! Неужто придется расстаться с отрядом? Похоже, он перестал быть надежным убежищем...»

Фолко поделился своими сомнениями с друзьями; Торин молчал, хмуря брови, Малыш, у которого копье Черного Гнома оставило на боку здоровенный синяк, был настроен очень решительно.

— Конечно, ты прав, давно пора бросать эту компанию! — без тени сомнения заявил он. — Сдадимся кому ни есть, ну хоть тем же эльфам! Перстень-то у тебя небось надежно припрятан? Тот, что дал тебе эльфийский принц? Покажем его, и все будет хорошо, нас проводят до самого Дома... Будем спокойно ждать там. Глядишь, и пивка где-нибудь добудем, а то мне без него чего-то уже совсем тоскливо, — признался он напоследок.

— Вот-вот, тебе лишь бы пиво! — проворчал Торин, но было видно, что доводы Малыша не пустой звук и для него. — Все так, но рассуди сам: Отон, думается мне, не прорвется к Тропе Соцветий, положи он хоть всех своих воинов. Да и Олмер не прорвется тоже, если только не нагрянет с многотысячным войском и не начнет здесь большой войны. А значит, как ни печально, думаю, нам придется остаться здесь, в отряде, и пройти с ними весь путь до конца. Сдаться всегда успеем. Думаю, что-то должно измениться — либо мы пойдем на соединение с Вождем, либо вернемся...

— Либо застрянем тут еще на год в ожидании подмоги, пока Олмер будет преспокойно странствовать себе где-нибудь на Юге, — вставил Малыш.

Торин не нашелся, что возразить; они ничего не решили, и все осталось без изменений.

Однако заслонами эльфов и гномов, Стражей Дома Высокого, командовали тоже отнюдь не глупцы, и, судя по всему, они хорошо понимали, что выпускать этот странный отряд ни в коем случае нельзя. И погоня продолжалась. Считая, что верхами его дружина достаточно оторвалась от преследователей, Отон остановил отряд на дневку; это едва не стоило им всем жизни. Конный дозор вовремя заметил приближающихся всадников вкупе с эльфами-стрелками и гномами-копейщиками. Загоняя лошадей, дозорные доскакали до лагеря и подняли тревогу. Отон вывел свои потрепанные десятки из-под удара; но преследование продолжалось, одни отряды сменяли другие, сытые, прекрасно вооруженные воины трех народов висели у них на плечах, сдавливая с двух сторон и ежедневно грозя окружением; порой они появлялись в виду самого лагеря.

Отон не принимал боя, отступал, хитрил, путал следы; иногда, собравшись с силами, он посылал десяток хазгов в засаду, и тем удавалось взять одну-две жизни преследователей, не потеряв никого из своих, — и все же отряду приходилось отступать. Они отходили, выскребая последние крохи съестного из неприкосновенных запасов, и могли лишь гадать, кто успеет раньше — посланные к Перевалу за провиантом их гонцы или все туже сжимавшие кольцо отряды Стражников Тропы Соцветий? Их настигали, охватывая уже с трех сторон, мало-помалу отрезая и пути отхода в горы, оставляя открытым только один путь — все дальше и дальше на юг. На Отоне вновь не было лица, когда он выслушивал последние донесения дозорных.

— Смотри, как бы нам не опоздать, — угрюмо бросил как-то Малыш Торину, когда последний баул с провизией показал дно. — Прикончат нас тут, клянусь бородой Дьюрина!

— Ладно, — в тон ему невесело отозвался Торин. — Ждем еще два дня, если эти Отоновы гонцы не доберутся до нас — уходим. Не помирать же с голоду!

Однако гонцы успели — в последний момент, когда положение отряда становилось отчаянным. Они не только пригнали вьючных лошадей, но и привели подкрепление — два десятка горных троллей, из числа тех самых, что напали на дружину в ущелье, а потом склонились перед силой Талисмана. Фолко не мог без содрогания смотреть на жутких, громадных страшилищ — однако те вели себя смирно. Пав на колени перед Отоном, они дружно стали просить принять их в отряд; и Капитан, конечно же, согласился. Тремя днями позже он устроил засаду, внезапно атаковав преследовавших по пятам отряд эльфов и воинов Серединного Княжества. Притворным бегством истерлинги и ангмарцы заманили людей под бившие в упор луки хазгов, а в это же время

из кустов с ревом бросились им в спину тролли, размахивая своими неподъемными сучковатыми дубинами. Эльфы рассыпались и отступили тотчас, не принимая предложенного боя, пытаясь стрелами оградить от полного уничтожения своих союзников, а люди с трудом вырвались из смертельных клещей, оставив на истоптанном снегу почти три десятка тел. У Отона лишь двое погибли от метких эльфийских стрел да трое были легко ранены.

Удача взбодрила всех, пошли разговоры о том, чтобы поворачивать на север немедленно; Отону пришлось повысить голос, чтобы охладить горячие головы. Погоня не отставала; после удачного для отряда Вождя боя преследователи удвоили осторожность — и вызвали крупные силы на подмогу. Теперь против дружинников оказалось не меньше полутысячи воинов, они больше не дробили сил и не давали увлечь себя в новую ловушку. Огрызаясь, Отон продолжал отступать.

А тем временем зима кончалась; все увереннее наступала дружная в этом году весна. Сменявшие друг друга отряды эльфов, гномов и людей продолжали оттеснять искусно маневрировавший отряд Отона к югу, постепенно пытаясь окружить и уничтожить его, однако дружину Вождя вел умелый командир. В один из мартовских вечеров Фолко увидел, как к костру вынесли заветный садок с улагами; чернокрылые ящерки отогревались у костра, запасаясь теплом на долгую дорогу в холодных верховых ветрах; одна из них косо прорезала темнеющий небосвод и тотчас растворилась в сумерках. Хоббит вызнал, что Отон отправил Вождю донесение и спрашивал дальнейших распоряжений. Лагерь замер в ожидании; Фолко не находил себе места, сгрызая себе ногти до мяса; и спустя шесть дней крылатый посланец Отона вернулся.

Без всякого приказа весь отряд, даже тупые и недалекие тролли, выстроился перед палаткой Отона, разбитой по такому случаю; когда же предводитель отряда вышел из шатра, лицо его было непроницаемо и жестоко; никто не смог ничего прочитать на этом лице, но Фолко уловил растерянность и разочарование своего командира — он явно рассчитывал на то, что Вождь разрешит ему прекратить бесплодные попытки прорыва к Тропе Соцветий и одобрит отход на соединение с главными силами войска. Однако Вождь прислал прямо противоположное. Выпятив челюсть, железным, лишенным выражения голосом Отон прочитал своей дружине приказ Вождя выждать благоприятной погоды, уклоняясь от решительного боя, продержавшись до мая, и тогда, только тогда, пользуясь прикрытием лесов, вновь повторить попытку. В случае надобности Вождь разрешил перейти на другой берег Хоара, если дорога по правому окажется по-прежнему наглухо закрытой.

— Все ясно? — глухо спросил Отон.

Вопросов ни у кого не оказалось...

И они держались. Легко было сказать — выстоять против многократно сильнейшего неприятеля почти три месяца; но приказ оставался приказом, его предстояло выполнить — или умереть. Отон показал все, на что был способен как командир и предводитель дружины; он испробовал все способы для того, чтобы запутать следы и оторваться от погони. Для Фолко эти недели слились в один бесконечный переход — они то шли сутки напролет, то останавливались, заботясь о конях больше, чем о людях, обмотав копыта лошадей тряпками, стараясь двигаться по южным, начавшим обнажаться склонам холмов; то, напротив, забившись в самую глухую чащобу, затаивались на день-два, а то и больше, рассылая далеко в стороны тщательно маскировавшиеся дозоры; как-то Отон даже приказал поджечь лес за ними.

Дни шли, минул март, в апреле начали вовсю оседать снега. С редкостной настойчивостью Стражи Тропы Соцветий продолжали погоню, уже не только пытаясь непременно перебить дерзких, сколько оттеснить их как можно дальше на юг. У отряда были черные дни, когда воины Серединного Княжества (их, кстати, Фолко вблизи как следует не видел ни разу) перехватили гонцов с провиантом; были и удачи, когда, изрядно поголодав, они дождались-таки третьего отряда гонцов, благополучно избежавшего встречи с эльфами. Стычек почти не было, Отон не доводил дело до этого, странным своим чутьем всякий раз угадывая направление, откуда им угрожали, и силы, что на сей раз выставлялись против них.

Давалось все это, разумеется, недешево; не минули отряд и болезни, и странные смерти не от мечей и стрел врага, а от милосердного кинжала товарища по десятку, когда становилось ясно, что болезнь безнадежна и на ноги человек уже не встанет, превратившись лишь в обузу для дружины; однако таких случаев было очень мало.

Друзья за все время этих метаний по лесам почти не обнажали оружия; хоббит не выпустил ни одной стрелы, хотя его, как прекрасного лучника, Отон частенько назначал в дальние дозоры; каждый раз Фолко смертельно боялся, что они столкнутся с Дивным Народом и он окажется либо раскрыт — из-за своего нежелания стрелять в эльфов, либо по-дурацки погибнет от стрелы своих же союзников. Это был кошмар, о котором он старался не думать — что не всегда получалось.

В мае все зазеленело. Им вновь удалось провести сквозь широко разбросанные дозоры эльфов и гномов отряд с припасами; у Капитана уже собралось почти четыре десятка троллей; за время скитаний десятники вымуштровали их, и те превратились в грозную ударную силу. Под командой Отона вновь имелась целая сотня бойцов; и в конце первой недели мая Отон скомандовал поворот.

Однако повернули они не на север; Капитан повел дружину на восток, к недалекому Хоару; по словам проводников, берега его здесь были безлесны, поэтому лошадей нагрузили сверх всякой меры еще и бревнами. Отряд двигался медленно, словно ощупью отыскивая дорогу; и им повезло. Сделав ложное движение к западу, Отон ночью внезапно повернул на восток, тщательно заметая следы; почти восемь лиг отряд прошел по руслу ручья, а потом рассыпался на десятки, стараясь не оставлять слишком заметных следов.

— Совсем они нас, конечно, не потеряют, — заметил как-то Отон, — но хотя бы на несколько дней оторваться!

И, похоже, это ему удалось. Минула неделя — а погони не было; правда, не возвращался и дозор, специально отряженный следить за главными силами преследователей.

Этот марш к Хоару был всем маршам марш. Отон гнал дружину так, как не гнал никогда; слабых привязывали к седлам. Ни ночевок, ни привалов — лишь короткие передышки, когда начинали спотыкаться кони.

— Лезем прямо на наковальню... — заметил Малыш, когда утром восьмого дня безумной гонки их взорам открылся наконец сереющий в рассветных туманах широкий Хоар.

Скалистые берега были голы. Не тратя времени на долгую разведку, Отон приказал немедленно переправляться на подручных средствах; главное, говорил он, чтобы были целы кони.

Переправа дорого далась отряду — половина припасов утонула, на дно отправилось и несколько особенно глупых троллей; сам хоббит, цепляясь одной рукой за бревно, другой старался как можно выше поднять над головой мешок, где лежала тщательно оберегаемая Красная Книга.

С изрядными потерями они в конце концов переправились; Отон болезненно морщился, глядя на истоптанный берег, но тут уж ничего поделать было нельзя.

Не дав даже как следует обсушиться, Отон повел отряд дальше, все время торопя и подгоняя отстающих.

— Ну лезем очертя голову, — глубокомысленно заметил Малыш. — Теперь, если накроют, уже в лесах не отсидишься. Провиант через Хоар так просто не переправишь.

Отряд делал большой крюк, огибая Черный Замок с востока. Здесь вновь начинались леса, но уже прореженные нечастыми деревнями, полями и покосами.

— Кто здесь живет? — спросил как-то хоббит своего десятника.

— Откуда ж мне знать?.. Болтают, что здешние платят дань какому-то подземному чудищу-всезнайке, а оно ими как-то правит... темное дело, не знаю я толком.

«Неужто владения Орлангура?» — удивился про себя хоббит, но случая выяснить это ему не представилось.

Дружина шла осторожно, далеко обходя любое человеческое жилье.

Однако минула неделя — и дикие леса вновь надвинулись, поглотив горстку дружинников. Погони не было, все шло как по маслу. Отон даже расщедрился на несколько дней отдыха для своих измотавшихся воинов.

— Быть делу, — кратко обронил как-то вечером хоббит, садясь к костру с друзьями.

Весь день его мучило все усиливающееся ощущение опасности, тем более муторное и труднопереносимое, что опасность эта исходила от тех, кто сражался на стороне Фолко, из стана противников Олмера. Как мог, он объяснил это гномам, и те встревожились.

— Может, пока не поздно, предупредить Отона? — предложил Торин. — Что-то не хочется мне вторично попасть под копье!

— Не знаю, — с трудом выговорил хоббит. — Мне уже опротивело сражаться против своих. Похоже, Малыш, ты был прав, когда советовал нам сдаться.

— Ты сейчас просто вымотался, — помолчав, сказал Торин. — Поэтому и говоришь такое. Нет, сейчас все как раз застыло — что еще перевесит...

— А! Будь что будет! — с какой-то усталой отрешенностью махнул рукой Фолко. — Давайте спать. Кто знает, удастся ли нам когда-нибудь еще выспаться?

— Не нагоняй тоску, — поморщился Торин. — Лучше иди к Отону — клянусь Дьюрином, толку больше будет.

И Фолко пошел, понуждаемый друзьями; Отон выслушал его сбивчивые речи молча, не сказал в ответ ни слова, лишь приказал тотчас объявить тревогу и срочно поднимать отряд.

Погоня обнаружила себя через два дня. На сей раз их преследовали не эльфы и не гномы, а только люди — но они оказались не менее упорны, чем их предшественники на том берегу. Зеленеющие весенние леса затрудняли им погоню — однако следа они не теряли и, хотя не могли пока нагнать дружину Отона, не отставали больше, чем на два дневных перехода.

— Эта погоня будет последней, — вздохнул хоббит, которого не покидало мрачное расположение духа.

Похоже, с ним были согласны и остальные дружинники. Както разом пресеклись разговоры, все ходили насупленные и озабоченные. Дорога на север пока что была открыта, но там внутренний пояс охраны Дома Высокого, наверняка куда более плотный, чем внешний, о который разбились все их зимние попытки... Было от чего призадуматься.

Развязка наступила, когда уже стоял июнь, теплый и солнечный, навевающий совсем не воинственные мысли; их настигли, и уходить было уже некуда... Сначала примчались на взмыленных конях дозорные — передовые, боковые, задние; у каждого была одна и та же весть: «Наступают!»

Отон стиснул зубы и скомандовал поворот, пытаясь проскочить между сходящимися, точно тиски, врагами. Однако было поздно. Головной разъезд натолкнулся на готовых к бою панцирников Серединного Княжества — двое дозорных погибли тотчас, сбитые наземь тяжелыми метательными звездами; третий, раненный в плечо и в руку, сумел-таки доскакать до своих.

Отону оставалось только одно, и он сделал это: всеми силами обрушился на один из отрядов, сдавливающих горло дружине, и попытал счастья в открытом бою. Пока враги еще не соединились, пока еще оставалось время...

Отон стремительно повел отряд на восток, навстречу неизвестности; присмирели, прекратив горлопанить и похваляться силой, даже туповатые тролли; отряд сжался в плотный комок, чтобы, ударив, бить наверняка. И, уже завидя мелькающие впереди фигуры мечников Княжества, Фолко уловил вдруг знакомое тяжеловатое истечение мрачной силы; он оглянулся. Отон с каменным лицом вынул из кошеля Талисман и надел его. И вновь хоббит поразился мгновенно совершившейся в нем перемене — он истончился, как будто даже увеличившись в росте; под полами широкого, скрывавшего кольчугу плаща сгустились темные сумерки; меч потемнел, и по лезвию его — хоббит готов был поклясться в этом — мгновениями проскальзывало недоброе темно-багровое пламя.

Боевые кличи различных племен смешались в один грозный рев. «Ангмар!» — «Йй-я-х-ха-а!» — «Вадар!» — «Сарья!»... Наставив копья, дружинники первыми бросились в атаку, а тролли под водительством самого Отона прицелились ударить сбоку.

Воины Серединного Княжества встретили этот натиск спокойным блеском десятков обнаженных мечей; они не попятились и не дрогнули. Железо ударило в железо; сила столкнулась с силой, число сражавшихся с обеих сторон было равным.

Фолко оказался в самой гуще боя. Ни он, ни державшиеся рядом с ним гномы, естественно, сами не нанесли ни одного удара, лишь отражая сыплющиеся на них; и Фолко с отчаянием видел, как схватившийся с ним воин, потратив время на бесполезный обмен ударами с хоббитом, погибал, не заметив вовремя угрозы сбоку или сзади.

Однако мало-помалу воины Княжества стали теснить дружинников; медленно, шаг за шагом, но все же отряд Отона стал подаваться назад; и тут Капитан вывел скрытых до времени в засаде

троллей. Фолко не видел их атаки; внезапно в уши ворвался жуткий рев набегающих с поднятыми дубинами троллей — а потом правое крыло мечников, не выдержав удара с двух сторон, в свою очередь подалось назад; и тут Отон бросил в бой свой последний резерв — собранных вместе стрелков-хазгов. Тяжелые, самые тяжелые и длинные в Средиземье стрелы еще больше усугубили расстройство среди противников; и командир мечников скомандовал отход. Только что упорный строй рассыпался; командир войска Княжества правильно рассудил, что у противостоящих ему не будет времени охотиться за его рассеявшейся дружиной. Так и случилось. Отон не дал своим увлечься погоней; бросая все лишнее и немилосердно пришпоривая коней, отряд начал поспешное отступление, более похожее на бегство.

Только в сумерках они наконец остановились. Загнаны и обессилены были все — и кони, и люди. Наскоро сосчитав уцелевших, Отон молча втянул голову в плечи — от отряда осталась ровно половина. И теперь рухнули последние надежды на прорыв. Оставалось либо повернуть назад и погибнуть в неравном бою, либо с позором возвращаться к Вождю.

Предводитель дружины сдернул с руки Талисман. Он очень помог в этом бою, если бы не он — тролли ничего не смогли бы сделать с бронированной стеной опытных воинов Княжества; расспрашивая после боя уцелевших, хоббит узнал, что Отон сам первым врубился в ряды неприятеля и бился так, что остановить его не мог никто, хотя Талисман вызвал и ответную реакцию — против Отона мечники сражались с удвоенной яростью, чувствуя в нем своего главного врага. Об этом хоббиту вечером того же дня, задыхаясь, рассказал сам Отон.

— Что же нам теперь делать, половинчик? — бесцветным голосом спросил Отон, и Фолко понял, что предводитель в отчаянии и напрягает сейчас все силы, чтобы держать себя в руках.

— Что ж тут поделаешь... — протянул Фолко, не зная, что сказать, но Отон уже продолжал — горячо, словно убеждая сам себя:

— У меня уже мозги набекрень — что делать?! И не то меня заботит, что приказ мы не выполнили, провалился бы этот приказ! В конце концов, главный ответ — на мне, хотя и вам, честно говоря, от Вождя может достаться так, что взвоете... Не то меня заботит — а вот как вывести полсотни угодивших по моей милости в западню?

— Может, разделиться? — робко предложил Фолко.

— Разделиться! — горько усмехнулся Отон. — Ты, половинчик, прошел пол-Средиземья под разными личинами, ты, быть может, и вывернешься. А троллей куда? Они ж как дети — злые, испорченные дети! Им скажи — «эльфы», они готовы любого зубами загрызть, а зачем, почему — их не волнует, такими уж их со-

творил... тот, о ком ты мне рассказывал. Не могу я их бросить! Погибнут, как скот на бойне... Да и хазги не лучше. У истерлингов такой нрав, что любое добро в чужих руках для них — что смертельная обида. Вояки они отменные, но уж очень любят на дармовщину разжиться! Я их знаю — в первом же селении полезут у хозяев в погребах шарить, ну и перебьют их, естественно... Нет! Если мы отсюда и выберемся, так только все вместе! Глядишь, и Вождя как-нибудь уломаем.

Отон помолчал, уставившись куда-то вдаль невидящими глазами, а потом сказал, медленно, с расстановкой:

— Еще одного боя нам, половинчик, не выдержать... даже если я надену Талисман. Хотя с Талисманом, пожалуй, и вывернемся... Только что-то не лежит у меня душа надевать его снова — и так он в меня впечатался, с кровью от себя отдирать приходится... Ночью проснусь в холодном поту — вдруг потерял? А сам думаю — пропал бы он куда-нибудь...

Со всей возможной скоростью, таща на себе раненых, они уходили на юг. Поход не удался; приказ Вождя не выполнен, а что могло быть хуже? Отон, однако, медлил почему-то с посылкой улага; то ли старался оттянуть тяжкий для него час, то ли надеялся на чудо. Он стал беспокоен, но не оттого, что у них на плечах висела погоня — преследователи давно отстали; что-то грызло его изнутри, и сперва Фолко полагал, что это просто горечь поражения, однако вскоре он убедился, что это не так. Отряд не был разбит, напротив, он избежал всех расставленных ловушек и сам нанес врагу немалые потери.

Три дня Отон бросал на хоббита какие-то странные взгляды, а на четвертый позвал его к себе и спросил напрямую — не чувствует ли тот чего-то необычного? Дело в том, что его, Отона, тянет не на юг, куда по логике вещей должен отходить отряд, а на восток, в глухие и дикие места, невысокие, сильно сглаженные временем горы, покрытые густым лесом, молодым и еще не прореженным рубками.

— Что-то там есть, клянусь тебе, — стискивая кулаки, говорил Отон хоббиту. — Постарайся, половинчик, ты уже дважды — нет трижды! — спасал мне жизнь. Что может тянуть меня туда?

— Если тянет, и сильно, — тихо ответил Фолко, — этому не нужно сопротивляться. Талисман больше надевать нельзя, но посмотреть, что там, куда тебя тянет, необходимо. Без этого мы ничего не поймем. А в крайнем случае... я помогу тебе.

Это смелое заявление само собой сорвалось с языка хоббита, однако, произнося его, он вдруг преисполнился странной уверенности, возникшей невесть откуда, что и впрямь сможет помочь.

Наутро они повернули на восток.

Глава 2

НЕБЕСНЫЙ ОГОНЬ

Напрягая все свои силы, хоббит тянулся вперед незримыми пальцами дивно обострившихся чувств. Что взволновало Отона, что заставило его повернуть отряд и брести куда-то в неизвестность без дорог, без ясной цели? Никогда опытный предводитель не вел своих воинов вслепую; а теперь случилось именно так, и дружина, чувствуя ослабевшую волю командира, не шла, а тащилась. Отон никому ничего не объяснял, кроме Фолко, и все терялись в догадках.

Смутные ощущения появились у хоббита три дня спустя — что-то давно знакомое, но глубоко погребенное под слоем позднейших воспоминаний, ожило в памяти. Он уже сталкивался с чем-то подобным — и приятного тогда испытал мало. Но всплывшие на поверхность блики не были во всем тождественны этим, новым; сейчас к чувству застарелой угрозы и дремлющей ненависти прибавилось новое — наполненность этих призраков прошлого какой-то странной силой, словно тени плясали над зарытым в землю драгоценным кладом. Ночь хоббит промучился в тщетных попытках разобраться, что к чему; но это удалось ему лишь на следующий день.

Направление отряду задавали они с Отоном; капитан долго и с пристрастием расспрашивал Фолко о том, что тот ощущает, и вконец измучил его. Появилось и окрепло испытанное как-то у Синего Цветка чутье на направление, и, хотя Фолко не мог пока сказать, к чему они приближаются, угадать, куда нужно двигаться, чтобы приближаться, а не удаляться, он мог.

— Идем к какому-то источнику Силы, — поделился Фолко с друзьями. — Как Отон мог это учуять? Мне сейчас тоже не по себе — но он-то ощутил это куда раньше!

— Может, Талисман действует? — предположил Торин.

— Больше нечему, — мрачно заметил хоббит. — А вот мне все больше и больше это начинает напоминать самое начало нашего пути, Торин, и Черную Яму в Арноре, по дороге к Аннуминасу! Ту самую, у которой Олмер опередил нас на несколько часов.

— Не может быть! — медленно выговорил гном, глаза его расширились. — Ты уверен? Не ошибаешься? Неужто на сей раз мы его опередим?!

— Добро бы, если так, — пожал плечами Фолко. — Но эти эльфийские чувства... В них никогда нельзя быть уверенным. Пока что мы бредем, сбиваясь и путаясь, к некоему странному месту. Средоточие древней злобы, я бы так сказал... А может, и нет, не знаю...

На следующий день Отон, хмурый, осунувшийся, приказал отряду не сниматься с лагеря, пока он, Отон, не вернется из разведки.

— Ты пойдешь со мной. — Палец предводителя указывал на хоббита.

Их кони неторопливо шли бок о бок, осторожно пробираясь через густой подлесок, временами они переглядывались и молча кивали друг другу — направление было верным, они не уклонились в сторону. Беспокойство хоббита росло с каждой минутой — впереди было что-то непонятное. Арнорские воспоминания поблекли, отступили перед напором неведомого раньше чувства, которому он не мог найти определения: разбитое — и сохранившее остатки былой мощи; нелюдское — и человеческое; все было так причудливо смешано, что у Фолко начинала кружиться голова, когда он пытался отдаться потоку своих чувств и разобраться в происходящем — сознание не выдерживало... И когда вдруг стало особенно муторно, Отон внезапно натянул поводья с невольно вырвавшимся у него хриплым стоном. Конь Фолко тоже резко встал, и хоббит пришел в себя.

Они стояли на краю ямы, глубокой и округлой. Трава покрыла когда-то крутые склоны, ныне оползшие и оплывшие. На дне не росло ничего, кроме сорного болиголова, но и тот выглядел каким-то хилым, не достигая и трети высоты своих собратьев, стеной стоящих по краям поляны.

«Знакомо — и не знакомо, — подумал хоббит, отрешенно глядя вниз. — Там было пусто, а здесь еще нет».

Перед глазами мельтешили голубоватые лепестки, зрение дивно обострилось — и там, на дне, он различал скрытые корнями травы и землей смутные черные провалы, замкнутые клубки тьмы; и эта тьма имела свое сердце. Хоббит зажмурился — черный, иссиня-черный комочек где-то под поверхностью земли, сумевшей-таки затянуть страшную рану, — тут не было скалы, до которой мог выжечь все Небесный Огонь. Этот комочек... он казался бездонным колодцем, ведущим куда-то в неведомое, откуда тянуло могильным холодом.

Фолко скосил глаза на Отона — и поразился происшедшей в том перемене. Как никогда, лицо Капитана казалось лицом мертвеца — позеленевшее, безжизненное, заострившийся нос, желтоватая кожа туго обтягивала кости черепа. «Словно Талисман надел», — пронеслась мгновенная мысль. Глаза Отона заставили испуганно отшатнуться случайно заглянувшего в них хоббита — зрачки исчезли, темно-багровый огонь наполнял их, они горели, словно у дикого зверя; и когда Отон заговорил, голос его был подобен карканью ворона:

— Так вот что ты искал, Вождь... Раньше находил ты, а теперь я... И я возьму это!

— Что?! Что ты возьмешь? — закричал Фолко, забывая обо всем.

— Там, на дне, — с жуткой усмешкой ответил Отон, — Сила! Я возьму ее, возьму то, в чем она содержится. Ты поможешь мне и будешь вознагражден. Помоги мне найти ее! Я чую, где она, но не очень определенно. Где-то под землей, вот в этом круге...

— Нет, Отон! — Невесть откуда взявшийся металл зазвучал в голосе хоббита. — Мы не выполнили один приказ Вождя — неужели нарушим и другой, важнейший из важных? Он ведь отдал его, расставаясь с тобой, он ведь сказал, что нужно делать, когда найдешь такое место!

Отон вновь усмехнулся жуткой, мертвенной усмешкой.

— Когда я возьму то, что там есть — не знаю пока, что это — мне будет некого бояться, запомни это, половинчик! Я не забуду тебя, если ты сейчас поможешь мне! Я спущусь вниз.

— Нет! — с отчаянием крикнул Фолко. — Не бери этого! Ни ты, ни я не знаем, что там, хотя... Вспомни, ты ведь не хотел надевать Талисман! А ведь эта штука посильнее его! Он и так впечатался в тебя — потому-то ты и ощутил близость этого места! Это гибель, я чувствую — там мрак и холод могилы! Талисман — тоже гибель, только медленная... И это тоже! Не ходи туда!

— А почему же не гибнет Вождь? — с прежней зловещей усмешкой сказал Отон. — Он рылся в таких ямах раз пять, я слышал! И теперь я узнаю, что он там делал!

— Отон, это смерть! Остановись, Капитан! Я не пущу тебя!

— Интересно, как ты сможешь помешать мне, козявка! — загремел Отон, и ярость исказила его лицо чудовищной гримасой. — Я приказываю — повинуйся! Иначе я раздавлю тебя, как муху! Ну же! Полезай вниз!

Фолко легко соскочил с седла. В груди что-то тонко звенело, но он чувствовал, что стоит, быть может, на пороге самой мрачной тайны Олмера, и отступать было уже некуда. И он не мог, не хотел пропустить Отона вниз! Он был искренен, он не хотел гибели воина, хотя тот и был врагом его самого и его дела.

— Ты пройдешь только через мой труп, Отон! — крикнул он, выхватывая из ножен меч.

Отон громко расхохотался.

— Ты выбрал! — прорычал он.

Его сверкающий двуручный меч с шипением рассек воздух над головой хоббита, ловко уклонившегося от удара. Сталь лязгнула раз, другой, третий; отброшенный Фолко с трудом устоял на самом краю ямы.

— Отон! А теперь посмотри сюда! — В руке хоббита было зажато два метательных ножа. — Ты знаешь, что я могу делать ими. Еще шаг — и эта штука будет у тебя в горле, и твой хваленый меч

тебе не поможет. Прекрати безумствовать, вернемся в лагерь, сделаем, как велит Вождь!

Вместо ответа Отон издал неистовый вопль — и прыгнул. Нож Фолко встретил его в воздухе. В тот миг хоббитом двигало отчаяние — огромное, давящее: он не хотел, чтобы Отон брал то неведомое, что скрывала в себе зловещая яма, не хотел, потому что, как ни странно, успел привязаться к Отону — пусть тот и был врагом.

Фолко не промахнулся. Нож рассек щеку Отона; брызнула кровь, а сам предводитель с болезненным стоном повалился на бок, прижимая ладонь к ране. Алые струйки бежали между пальцами; хоббит замер в оцепенении — он действовал по наитию, что-то подсказывало ему, что безумие может быть смыто кровью, что это поможет разорвать тенета, что опутали разум Отона.

И он оказался прав. Когда предводитель отряда медленно и с трудом приподнялся, его взгляд вновь был чист; он посмотрел на покрытую кровью руку и улыбнулся, а потом с каким-то облегчением обычным своим голосом приказал хоббиту:

— Ну не стой столбом! Тряпка у тебя какая-нибудь есть?

Хоббит кинулся перевязывать Капитана; тот кряхтел, сопел, а когда Фолко окончил, неожиданно положил руку ему на плечо.

— Что-то накатило на меня, — признался он. — Накатило и потянуло... вниз, во тьму. Что я тут наговорил? С трудом вспоминаю... Ты спасаешь меня в третий раз — правда, если бы ты ненароком попал мне в горло, как обещал?

— Не попал бы, — внутренне возликовав, твердо ответил Фолко. — Я хотел... чтобы ты очнулся, а сделать это иначе никак не мог... А в горло ни-ни! Я целился в щеку. Смотри! Сейчас я попаду вон в тот сучок. — Нож блеснул в воздухе, вонзившись в тонкую ветку березы шагах в пятнадцати от них. — А теперь — туда же, но на два пальца ближе к стволу... — Клинок впился точно в указанное место. — Вот так-то! — закончил хоббит не без гордости.

— Да, я вижу, ты мастер... — помолчав, с уважением произнес Отон. — Наверное, я и впрямь сходил с ума... Как мне хотелось взять то, что там есть! Но ты был прав, Вождь действительно приказал мне, что если мы найдем нечто подобное, немедленно выставить вокруг охрану — и ни в коем случае не спускаться вниз! Да, ты прав — оставим это Вождю... Хотя, скажу я тебе, половинчик: не нравится мне, что Вождь роется в этих ямах. Нелюдь копала их, чует мое сердце! Человеку, Смертному, нечего делать там. Помнишь, я говорил тебе, что Вождь меняется? Раньше я не понимал этого — а теперь, поносив этот Талисман, понял... Я выполню его приказ — но попробую уговорить его не ходить сюда — как ты уговорил меня. Если нужно будет, я постараюсь повторить

твой удачный опыт. — Он поднес руку к повязке и едва заметно усмехнулся.

— Но... может, просто не говорить Вождю о том, что мы нашли? — робко предложил хоббит.

— Не говорить! — желчно усмехнулся Отон. — Если не сообщу я, сообщат другие...

— А как они узнают? — удивился Фолко. — Мы здесь вдвоем...

— Разнюхают! — с раздражением бросил Отон. — Я наперечет знаю всех людей Вождя в моем отряде, которые получили такие же приказы. Будь уверен, не сегодня-завтра они отыщут эту яму... Нет, пусть все идет, как должно идти! Может, у меня просто в голове помутилось... Да и кто знает, что нужно Вождю в этих местах?

— А он не раз находил такие? — спросил хоббит, частично зная ответ, но желая лишний раз проверить свои старые догадки.

— Я знаю, что он нашел шесть таких мест, — доверительно ответил Отон. — Говорят, что это следы Небесного Огня... Многие искали их для него, даже какой-то книжник из Аннуминаса по имени Архар. И я знаю — но ты молчи об этом! — что Вождь все время рассылает в разные стороны людей на поиски таких ям. На моей памяти он дважды щедро награждал находивших. Так что давай возвращаться в лагерь, пошлем Вождю улага... Быть может, этим я спасу от его гнева и себя и отряд.

Спустя час они уже были подле шатров. На тревожные расспросы Отон ответил, что неудачно напоролся на ветку; он тотчас приказал двум десяткам заступить в охранение, а Гарлогу готовить посланца к Вождю.

— Мы остаемся здесь, — объявил отряду Отон, — пока не получим новых распоряжений Вождя.

Новые распоряжения поступили очень быстро. Принесший запечатанную железную трубочку с письмом улаг был измучен до полусмерти — Гарлог только тряс головой, держа на руках бессильно раскинувшую крылья ящерицу.

— Что ж это Вождь ему сказал, что он примчал вдвое быстрее обычного! — ворчал старик. — Ему пришлось забраться высоковато. Как еще выжил...

Отон молча прочел письмо; лицо его оставалось бесстрастно и спокойно, однако хоббит видел, что у Капитана свалилось с плеч тяжелое бремя.

— Вождь выражает нам свое удовлетворение! — громко произнес Отон, обводя взглядом весь сбежавшийся к нему отряд. — Мы должны охранять это место — *вплоть до его прихода!* Он прибудет сюда со всей возможной быстротой — примерно через две недели.

— Ну вот все и кончается, — заметил, точа топор, Торин вечером того же дня.

Малыш, посмотрев некоторое время на его занятие, тоже взялся за свой меч. Хоббиту не сиделось — он не находил себе места, быстрым шагом кружа вокруг огня.

Да, все подходило к концу — Олмер сам шел им навстречу; хоббит боялся поверить, что приходит конец их долгим скитаниям, — один удачный выстрел... О том, что будет дальше, он старался не думать.

— Да, он сам идет к нам, — мрачно заметил Малыш. — Торин, если ты твердо решил покончить жизнь самоубийством, умоляю тебя, ради всемогущего Дьюрина, скажи об этом сразу! Глупо, пойми же, бросаться на прекрасно вооруженного и невероятно сильного человека посреди его стражи и погибать, как бык на бойне! Я ведь знаю, с тебя станется — вообразишь себя Сожженным Гномом[1] и полезешь махать топором направо и налево!

— Не бойся, не начну, — проворчал Торин. — Но, друзья, пришло время решать. Так ли уж нам необходимо встречаться с Вождем лицом к лицу?

— Да, в самом деле, — оживился Малыш. — Мы знаем, что Берель в чем-то нас заподозрил, донес о случившемся Олмеру, получил от него приказ не спускать с нас глаз и при первой возможности отправить к нему... Разве не ясно, что Вождь настороже? Он явно что-то учуял! Учуял и теперь хочет по-быстрому расправиться с этими непонятными типами, что крутятся у него под ногами. И тут такой случай! Мы сами пришли — осталось только сказать: «Вот они мы, ваша милость, отдаем себя вам на суд и расправу!» Приказ-то Берелю он посылал или нет?!

— Посылал, посылал, — по-прежнему ворчливо отозвался Торин. — Но, сбежав перед самым его появлением, мы тотчас распишемся в том, что мы — скрытые враги его дела! А так — мы честные воины, ни о чем таком не помышляем, ждем Вождя с нетерпением... А главное, что он может нам приписать, какие преступления против него?

— Ты все шутишь, а дело серьезное, — обиделся Малыш. — Уж сколько говорено об этом! Вспомни, Келаст ведь предлагал тебе уйти из отряда, пока не поздно!

— Я отменно помню, что я ему ответил! — огрызнулся Торин. — Тогда уходить было безумием. Сейчас, я считаю, тоже неразумно. Но надо обсудить...

— Обсудить, обсудить! — буркнул Малыш. — Вы с Фолко оба — того! Тысячу раз я слышал от вас, что надо дождаться встречи

---

[1] Сожженные Гномы — павшие в битве с орками у Мории в 2799 году Третьей Эпохи, которые были сожжены на кострах из-за нехватки времени для постройки гробниц. Проявить в битве великое мужество считались образцом доблести гномов.

с Олмером лицом к лицу, и смирился даже, вас не переспоришь, но ты снова предлагаешь вертеть круг без точила? До каких пор?!

— Малыш, быть может, говорит дело, — неожиданно поддержал Маленького Гнома хоббит. — Дом Высокого или это всеми забытое место — все равно, теперь мы точно знаем, что Вождь здесь будет. Но если мне не изменяет память, мы ни разу не обсуждали детали самого главного. Зачем нам рисковать? Зачем гадать, знает Олмер что-то про нас или не знает, или просто подозревает, или вообще все совсем не так? Не лучше ли и впрямь исчезнуть из отряда — непосредственно перед его появлением? Не стоит играть с огнем, лучше подстеречь Олмера на подступах к яме... И, будьте уверены, если только на меня не кинется вся орава его охранников, я не промахнусь!

— А если кинется? — прищурился Торин.

— Мне нужно секунд пять, не больше. Если вам удастся задержать их хоть на эти пять мгновений — я ручаюсь за успех.

— Разумно, но если мы сбежим — это будет сигналом для большой охоты! — возразил Торин. — И никто не скажет, сумеем ли мы вообще выследить этого Вождя, если у нас на хвосте повиснет вся Отонова рать! Они запросто загонят нас так далеко, куда и ворон костей не заносил — откуда нам и предоставится возможность наблюдать за дальнейшим. Нет, я говорю — нужно ждать его здесь! Так вернее. Случайная стрела где-нибудь в сумерках — а там ночь прикроет. Пусть он себе нас допрашивает — будем говорить правду, чтобы не сбиться и чтобы нас не поймали на противоречиях, и все будет в порядке. Ему не в чем нас обвинить! У него ни одной улики против нас! Может, он в чем-то нас и подозревает — но, поскольку мы ему небезынтересны, он постарается сперва выяснить все в подробностях, а уж потом отдаст приказ повесить. Но... — Торин хищно усмехнулся, — нужно сделать так, чтобы у него не оказалось никакого «потом».

— Он мог заподозрить нас после того, как Берель донес, что мы постоянно прикрывались его именем и его заданием, — напомнил Фолко.

— Это легко истолковать, — отмахнулся Торин. — Единственный способ не поссориться с его людьми, весьма скорыми на расправу. Единственный способ получить правдивые вести — и добраться наконец до его владений. Иначе, можно сказать, мы бы заблудились и сгинули в Глухоманье... Нет, это мы объясним легко. Друзья, вам ли страшиться каких-то туманных подозрений, витающих в голове этого Олмера! Что нам до него?! Наш Долг должен быть исполнен — так исключим же малейшую возможность неудачи!

— Красно говоришь, — покачал головой Малыш. — Сказать почти что и нечего. Но все это *твои* рассуждения — как на самом деле думает Олмер, мы не узнаем никогда. Малейшая возможность неудачи — это как раз отдавать себя в его руки! Мы не знаем, что это за Клятва, которую приносят вступающие в его войско, не знаем, что у него за Сила и как много открыто ему помимо того, что он может узнать из донесений! Нет, Торин, рисковать нельзя! Он появится здесь через две недели — прекрасно! Исчезнем за день до его появления! Откуда он может подойти?

— Отон обмолвился — с юго-востока, — сказал Фолко.

— Так что нам еще нужно? Устроим засаду! Почему тебе обязательно нужно совать голову в петлю, Торин?

— Вы что, оба за то, чтобы сбежать? — сдвигая брови, сумрачно проговорил Торин. — Ну и ну! Вы совсем не слушали меня, что ли? Ты думаешь, тебе дадут спокойно сидеть в засаде?

— Поэтому и важно исчезнуть в самый последний момент!

Друзья спорили еще долго, на разные лады повторяя одни и те же рассуждения. Торин сдался не сразу; однако постепенно совместный натиск хоббита и Малыша возымел действие. Они решили уйти, как и предлагал Малыш, в самый последний момент, перед появлением Вождя.

— А если он задержится? — запоздало возразил Торин.

— Задержится — вернемся, — пожал плечами Малыш. — У нас не будет иного выхода. Мы пропадем в здешних краях без Отона, пропади он пропадом!

— Вернемся! — фыркнул Торин. — Вернемся и попросим прощения за долгое отсутствие?

— Это я беру на себя, — объявил Фолко. — Постараюсь добиться у Отона какого-нибудь задания для нас троих вне лагеря — дрова там рубить или на охоту чтобы нас отправили. Главное, чтобы в охранение этой ямы не нарядили.

Торин поупирался еще некоторое время, прежде чем окончательно сдался. Разговор на время пресекся; они молчали, каждый по-своему обдумывая принятое решение.

— Уйдем, и... — прочистив горло, заговорил Малыш. — Я уже знаю, где засядем. С юго-востока к лагерю есть три не тропы, но так — просвета в лесу, по которым удобно ехать конным. И холм есть — милях в двух от ямы, два из трех просветов огибают его справа и слева, еще один проходит в шагах пятистах к востоку. Думаю, они поедут по ним — вблизи от своих, чего коням ноги по чаще ломать?

— А как узнаем, по какому из трех они поедут? — спросил Торин, все еще внутренне не смирившийся со своим поражением.

— Птицы подскажут, — сказал хоббит. — Сойки, сороки — они шум поднимают такой, что далеко слышно.

— Ну, тут мы тебе не помощники, — развел руками Малыш.

— Ничего, справлюсь, — сказал Фолко. — Думаю, засесть все-таки на этом холме. Если левее поедут, успеем перебежать. Толь-

ко зарядите арбалеты! На всякий случай, если слишком много народу вокруг него окажется...

— А потом? — гнул свое Торин. — Охрана кидается в лес — всех-то нам точно не перестрелять! И превращает нас в нечто похожее на котлету?

— А сам-то ты что хотел?! — перешел вдруг в наступление Малыш. — Я ж знаю — собирался зарубить Олмера посреди его лагеря и геройски погибнуть, если не будет иного выхода! Не так, скажешь? Не поверю!

— Да, верно, — с некоторым смущением признался и Фолко. — Что делать дальше?

В памяти у него всплыл образ Фродо, измученного, истерзанного неподъемной тяжестью рокового Кольца, заставившего его забыть обо всем ради выполнения Долга, готового на самую мученическую смерть — лишь бы спасти Средиземье от вечного рабства. Он не думал о том, как будет выбираться из Мордора после того, как швырнет средоточие власти Врага в багровые глубины Ородруина, — и в самом деле, их спасло тогда лишь чудо...

«Да, мне далеко до него, — подумал хоббит. — Он был великим героем, а я вот изо всех сил думаю, как бы исхитриться и остаться живым — и в случае успеха нашего плана, и при его провале... Гэндальф бы этого не одобрил. Не зря он перестал приходить. Что ему до нас? Нет у меня той безоглядности, что была у них у всех: у Фродо, у Сэма, да и у Мериадока с Перегрином! Откуда она у них только взялась? Но, — оборвал он сам себя, — хватит причитать. Я таков, каков есть, никого лучше для погони за Олмером не нашлось, и раз так, то нечего стыдиться. Да, я хочу остаться в живых! Что же тут предосудительного?»

«Это твое желание может погубить все дело», — услышал он вдруг ворчливый старческий голос.

Он узнал его тотчас, хотя тот сильно изменился — но немало ноток Олорина все-таки в нем сохранилось. Так мог говорить только Гэндальф! Настоящий Гэндальф, тот, кого он видел в своем сне в самом начале путешествия, еще в Арноре.

«Догадался? — В говорившем с Фолко голосе прозвучала насмешка. — Да, малыш, трудная задачка, не так ли? Но не кори себя. Олмера все-таки придется убить — остановить его иным способом невозможно, а этот, по крайней мере, сохранит жизни тысячам и тысячам тех, кого он, обманув и одурманив, повел бы за собой и которые заслоняли бы его собственными телами вплоть до последнего. И тогда пришлось бы убивать их всех — а это ужасно и лишь приумножит силу Зла».

«Гэндальф! — воскликнул мысленно хоббит. — Это ты? Ты снова здесь? А я думал...»

«Что Олорин в обиде на тебя? Он — да, в обиде, если только такие, как он, вообще способны обижаться. Но будь спокоен — я

вернулся! Я вернулся туда, где прожил свои лучшие годы — в Средиземье, увы, но в облике Гэндальфа, который любил вас, мои милые чудаки-хоббиты, и которого, хочется верить, кой-когда с почетом принимали и у тебя на родине... Но оставим это! Я помогу тебе — перстень Авари и браслет Черных Гномов далеко не просты, они подскажут тебе, с какой стороны появится Олмер, — их создатели вложили в них чувствительность ко всему враждебно-нечеловеческому, так что не думай, что перстень Форве — красивая игрушка, а браслет — лишь смертельная угроза тебе. Эльфы-Авари навсегда запомнили дни владычества Саурона и, хотя они тебе об этом не сказали, готовились к дню появления его преемника все эти три столетия. Перстень сменит цвет при приближении этого Вождя, из голубого станет багровым, а в браслете появится огонек, показывающий направление. Не знаю, зачем Подземные Короли дали тебе не обычный браслет-убийцу, а способный ощущать Тьму, один из двенадцати, сделанных в незапамятные времена самим Отриной. Может, потому что у тебя на груди был его клинок? Мой тебе совет — не спрашивай, откуда мне известно о ваших приключениях, — жди Олмера! И да направит твою стрелу Манве! А теперь прощай, мои силы иссякают, трудно столько времени говорить с тобой, когда ты не спишь...»

— Фолко, Фолко, да очнись же наконец! — тормошил друга Малыш. — Что с тобой? Что ты бормочешь?

Хоббит пришел в себя; отдышавшись, он рассказал гномам о случившемся.

— Здорово! — восхитился Торин. — А у нас, интересно, такие же браслеты?

— Наверное, нет, — предположил Фолко. — Гэндальф говорил — они редкость... И он не знает, почему мне дали такой.

— Ну, наши шансы растут! — потер руки Торин. — Знать, порой бывает толк и от призрачных голосов. Значит, уходим?

— Уходим, — кивнул Фолко, — я потолкую еще с Отоном — и тогда уйдем.

После всего происшедшего предводитель отряда стал особенно выделять хоббита среди прочих. Рана на его щеке заживала, правда, должен был остаться шрам, но Капитан лишь беззаботно махнул рукой, когда хоббит, улучив момент, решил все же еще раз объяснить свой поступок — что называется, на холодную голову. Фолко надеялся, что ему удастся, не вызвав подозрений Отона, добиться так необходимого им задания вне лагеря.

И все же, несмотря на лихорадочное возбуждение, его не переставала донимать мысль: они даже не попытались понять, что же может притягивать Олмера к этой яме. Фолко явственно ощущал присутствие там древней и недоброй Силы, но природа ее оставалась для него тайной. Он мучился, догадываясь, что, быть может, корень не разгаданной никем из магов силы Вождя именно здесь,

но что толку? Никто не знал, *что* именно являл собой этот Небесный Огонь и что, в сущности, это было такое.

После того, как пришел ответ Олмера и друзья наконец решили, как они будут действовать, время, казалось, застыло. Хоббит ходил как во сне; он что-то делал, кому-то отвечал, и часто невпопад. В голове раскаленным гвоздем сидело только одно — Вождь появится через одиннадцать дней... уходить через десять... Вождь появится через семь дней — уходить через шесть... Он перестал есть, почти перестал спать — вид еды внушал отвращение, что было уж совсем не похоже на хоббита; ночами, не отступая, грызли тревожные мысли: нет ли где не замеченной ими роковой ошибки?

А в отряде все шло своим чередом. Менялась охрана около ямы, регулярно уходили в лес назначенные на рубку дров, порой от скуки показывали удаль хазги или истерлинги, отдавал какие-то распоряжения Отон... Все это происходило в некоем странном, туманном, словно затянутом дымкой от Фолко мире; его же собственный — сжался, исчез, в нем не осталось ни гор, ни лесов, ни людей — лишь скачущая, скачущая сквозь неведомые пространства жуткая и непонятная фигура Вождя, странным капризом судьбы накрепко притянутая к жизненному пути хоббита.

— Завтра уходим, — глухим от волнения голосом сказал Торин, когда наступил двенадцатый день означенного в письме Вождя времени его выступления. — Фолко! Все ли готово? Что с Отоном?

— Все в порядке, мы назначены в дальний южный секрет, — откликнулся хоббит. — Я уложил мешки — провизии негусто, но выбирать не из чего, хорошо еще, что хоть это досталось.

— Ну, помоги Дьюрин, — дрогнувшим голосом сказал Малыш. — Давайте-ка спать, завтра день тяжелый...

Он завернулся в плащ и лег к огню; его примеру последовал и Торин; Фолко знал, что ему все равно не заснуть, и остался сидеть, поддерживая огонь.

Однако на сей раз хладнокровие изменило даже Малышу; поворочавшись с боку на бок, он приподнялся на локте и повернулся к хоббиту.

— Фолко! А ты уверен, что его *вообще* можно убить?

— Кого? — сперва не понял хоббит, погруженный в свои невеселые размышления. — Ах, его!..

— Ну да! — горячо зашептал Малыш. — Вот я помню, все колдуны нам толковали одно: не знаем, мол, откуда его Сила! А вдруг ни мечом, ни стрелой его не взять? Ведь того, древнего, кто сидел в Мордорском Замке — его ведь убить было невозможно!

— Так что теперь? — с некоторой злостью в голосе перебил друга хоббит. — Выбора нет. Вот пустим стрелу — и все узнаем. Ну, а если ты прав... Что ж, тогда я нам не завидую. Но делать нечего —

раз начали, поворачивать уже поздно. Конечно, быть может, у Кэрдана Корабела или Трандуила, не говоря уже о Короле Вод Пробуждения, это могло получиться лучше, чем у нас... Но раз их здесь нет, нечего и горевать по этому поводу.

— Ты прав, — уныло согласился Малыш и лег, укутавшись с головой.

Ночь тянулась медленно, нельзя было даже скрасить томительное ожидание красотой звездного неба — плотные тучи спустились необычно низко, даже луна едва-едва пробивалась сквозь их непроницаемый покров. Перекликнулись часовые, и тут что-то горячо толкнуло хоббита в правое запястье. В недоумении он поднял рукав — браслет Черных Гномов побагровел, в глубине серого металла словно билось скрытое пламя; и желтоватый лучик, внезапно пробившись из этой раскаленной глубины, заплясал перед глазами хоббита, постепенно вытягиваясь и опуская острие к земле; еще минута — и огненная стрелка, поколебавшись, уверенно застыла, показывая на юго-восток.

Фолко несколько секунд тупо смотрел на огнистое чудо, отказываясь верить происходящему. Слова Гэндальфа он помнил крепко, но поверить все же не мог; его рука панически рванулась за пазуху, туда, где хранился перстень Форве; голубой камень в свете костра показался непроницаемо-черным, а на ритмические взмахи золотистых крыльев мотылька, спрятанного в нем, накладывались какие-то смутные тени, еще чернее мрака, извивающиеся, подобно змеям; и вот через мягкое сияние похожих на осеннюю листву огней в перстне пролегла неширокая темная полоска, она не колебалась — ее острие показало также на юго-восток.

Это был конец. Конец тщательно разработанному плану, относительно простому и безопасному; конец их довольно спокойному пребыванию в отряде Отона, конец... конец... конец... И теперь волей-неволей приходилось, выпрямившись в полный рост, встать лицом к лицу с сильнейшим врагом Запада со времен Войны за Кольцо, кем бы он ни был на самом деле. Желание Торина осуществилось помимо его собственной воли.

Подавив непроизвольно рванувшееся из груди рыдание, хоббит бросился будить друзей.

— Вставайте! Олмер близко!

Перекошенное лицо Фолко подействовало на гномов, точно ведро холодной воды; бормоча себе под нос неразборчивые проклятья, друзья хоббита схватились за оружие. Никто не стал разводить долгих разговоров, выясняя, откуда он это узнал, да точно ли это, да не путает ли он чего...

— Скорее! Навстречу им! Туда!

Лук в руки, стрелу — на тетиву; бегом, бегом, следуя огненной стрелке, по спящему лагерю — только б не заметили раньше вре-

мени караульные! Но воины Отона спокойно спали у погасших костров; дальше дозорные — нужно проскользнуть мимо них...

— Поздно, — мертвеющими, не слушающимися губами проговорил Фолко, внезапно останавливаясь возле самого края леса.

Гномы с разбегу чуть не налетели на него, и все втроем поспешно упали ничком в высокую траву, моля великого Дьюрина и Светлую Варду Элберет, чтобы их не заметили, — из леса чуть левее грянул конский топот, а еще миг спустя раздался крик часового. У Фолко пресеклось дыхание — Олмер вступил в лагерь.

Глава 3

ОЛМЕР ВООЧИЮ

Как по волшебству, только что мирно спавший лагерь мигом очнулся. Раздуты были тлеющие под золой угли, разгоняя сгустившуюся ночь; отряд Отона поспешно построился, чтобы приветствовать своего Вождя; тролли, как никогда тихие и робкие, жались кучкой поодаль, не решаясь приблизиться к шатру Отона, где сейчас сидел только что прискакавший Олмер с немногими приближенными. Три десятка охранников Вождя по-хозяйски расположились у огня, в намерении вознаградить себя за долгое и утомительное путешествие. Люди из отряда Отона охотно присоединились бы к ним — многие были друзьями, — но прежде всего нужно было встретить Вождя.

Мало было их, тех, кто начинал поход в Свободной Области, чуть больше двух десятков, троллей сейчас в полтора раза больше, чем людей.

Бойцы ждали, хоббит и гномы стояли среди них; деться было некуда, вырваться они не успели, а теперь любое их подозрительное движение — и бой неизбежен. Фолко видел, как горят глаза у его соседей по строю, какое нетерпение написано на лицах, и понимал, что эти люди умрут по первому кивку своего главного предводителя, умрут, благословляя его имя и его дело.

Торин кусал губу, Малыш просто стоял, словно в забытьи, прикрыв глаза; Фолко изо всех сил боролся с предательской дрожью в коленях; он пытался почувствовать Олмера, разглядеть его своим внутренним взором — и не мог, он помнил запечатленную в его памяти картину — Войско Вождя выходит из-за Серых Гор, и он, зажмурившись, безошибочно ощущает его присутствие — присутствие Силы, теперь ничего этого не было. Как будто тот вновь стал обычным человеком. Или научился держать эту Силу в жесткой узде, не давая вырываться наружу, как Фолко держал в тисках собственной воли, не позволяя растечься, Силу Талисмана? А может, действовало еще что-то, о чем он, хоббит, до сих пор не

имел никакого представления. Мир был четок до рези в глазах, хотя Фолко пытался напрячь все свои способности, малопонятные и ему самому; однако ничего не получалось. Мелькнули и исчезли, словно сдвинутые неистовым ветром, голубые лепестки — и все.

Во рту пересохло. Да скоро они там, сколько же можно так стоять! Фолко казалось, что земля вот-вот начнет дымиться у него под ногами — так велико было напряжение. Только бы не выдать себя, только бы Торин не лишился рассудка — ведь строй стоит при оружии, в полных доспехах! Но вот полог шатра качнулся, откинулся, и в проеме показались пять человеческих фигур. Идут!

Сердце хоббита, казалось, оборвалось и низринулось куда-то вниз, перехватило дыхание; невольно поддаваясь странному порыву, он даже приподнялся на цыпочки, чтобы лучше видеть, хотя и так стоял в первом ряду.

— Слава! Слава! — грянул торжественный и одновременно торжествующий клич. — Слава!

Мечи ударили в щиты. Невольно отшатнувшись — клинок соседа едва не задел щеку хоббита, — Фолко краем глаза увидел, что все тролли валяются ничком, воздев руки к небу, словно в беззвучной мольбе, а Олмер стремительным шагом уже шел вдоль строя.

К людям Отона присоединились и охранники Вождя. Фолко замер, как очарованный, подобно птичке перед змеей, не в силах оторвать взгляд от Вождя. Было в нем нечто такое, что завораживало, все в нем казалось исполненным особой силы и окутано завесой непроницаемой тайны, которая, однако, обещает неописуемое блаженство тем, кто верно служит ее обладателю. *Он действительно* знал ответы. Он *действительно* мог указать путь. Олмер еще не сказал ни слова, а Фолко чувствовал, как в его незримую броню знания ударил могучий таран обаяния, исходящего невесть откуда. Рядом с Олмером шел Санделло, держа в руке факел; отблеск пламени играл на спокойном, суровом лице Вождя, словно высеченном из камня — настолько резки были его черты; и все же Фолко чувствовал, что Олмер изменился. Изменился даже внешне — лицо стало суше, нос заострился, щеки чуть ввалились, заметнее стал выдавшийся вперед подбородок...

Вслед за Санделло шел знаменосец с небольшим штандартом, уже знакомым друзьям: черная трехзубчатая корона в белом округлом поле на черном фоне полотнища; за знаменосцем следовал Отон, за ним — еще двое незнакомых хоббиту. Олмер шел вдоль короткого строя, вглядываясь в восторженные лица воинов и едва заметно улыбаясь; он приближался... приближался... захотелось исчезнуть, скрыться, превратившись в крошечную песчинку или букашку где-то в траве, — хоббит ощутил на лице могильный холод, знакомое дуновение той же древней Мощи, что

составляла основу Талисмана; силы изменяли ему, он чувствовал, что вот-вот упадет, но тут Олмер, сделав еще шаг, встретился глазами с Фолко.

На тонких губах Вождя появилась легкая улыбка; он чуть приподнял голову, словно ища кого-то взглядом; и, найдя гномов, стоявших чуть сзади и левее хоббита, вновь улыбнулся. На краткий миг в его глазах сверкнул багровый огонек, — а может, это был просто отблеск факела?

Вождь ничего не сказал, он даже не задержался; еще несколько шагов, и обход окончен; остановившись, перед тем как скрыться в уже разбитом для него большом походном шатре, Олмер сказал:

— Благодарю вас, храбрецы. Вас осталось так мало, а это свидетельствует о том, что вы действительно сделали все, чтобы выполнить мой приказ. И не ваша вина, что он все-таки остался невыполненным. Я прощаю вас за то, что вы смогли найти! Спите спокойно, наше дело еще только начинается, и всем понадобится много сил для грядущих битв! А вы, — он повернулся к троллям, по-прежнему лежавшим на животах и слабо подвывавшим, — поднимитесь! Завтра вы дадите Клятву — встанете в один ряд с моими испытанными бойцами, ибо делом уже доказали свою преданность! Сейчас ночь, и время спать. Утром я потребую вашей службы. Все! Разойдись!

«И голос... — подумал хоббит, отрешенно вытирая струящийся по лбу пот. — И голос не совсем тот — суше, резче, безжизненней. Да, меняется Вождь...»

Возбужденно и радостно переговариваясь, люди понемногу расходились к своим кострам; Малыш, Торин и Фолко задержались.

— Ну что, сматываемся? — деловито спросил Малыш, косо поглядывая на часового у крайнего огня.

— Нет, — еле слышно ответил хоббит. — Теперь уже поздно. Давай, Торин, у тебя же какой-то план на этот случай.

— Нет у меня никакого плана, — угрюмо ответил гном, опуская голову. — По правде говоря, так хотелось все кончить разом... Ведь рядом стоял! Один взмах...

— Который отбил бы Санделло, — докончил хоббит. — И наше путешествие бы бесславно окончилось.

— Ну, это еще неизвестно, отбил бы или нет, — упрямо набычился Торин, однако их дальнейшие споры пресек повелительный голос — знакомый, холодный, несколько скрипучий:

— Эй, старые знакомые! Вождь зовет вас, хочет поговорить с вами... — Горбун незаметно подошел сзади; однако говорил и смотрел он вполне дружелюбно, скрестив руки на груди. — Я рад видеть вас здесь. Не зря Вождь заметил вас еще в Арноре! Пути наши были извилистыми, но в конце концов они сошлись. Я приветствую вас! — сказал Санделло и протянул руку.

Фолко первым пожал протянутую ладонь. Жесткая, крепкая, бугристая от мозолей — рука опытного воина; время не стерло обиды, которую хоббит претерпел в Пригорье, но эти простые чувства были давным-давно заперты на крепкий и прочный замок.

— Я приветствую славного Санделло! — произнес он, удивившись спокойствию своего голоса, и даже сумел улыбнуться, хотя этот человек был, наверное, главным препятствием для них. — Мы сделали свой выбор. На Западе для нас дела не нашлось — и мы отправились на Восток. Легок ли был ваш путь?

— Благодарю, не слишком тяжел, — вежливо ответил Санделло. — Но нам, увы, некогда. Пойдемте — Вождь ожидает вас.

Друзья невольно переглянулись; горбун спокойно повернулся к ним спиной и, не оглядываясь, как бы не придавая никакого значения, следуют ли они за ним или нет, зашагал к просторному шатру Олмера. Гномы и Фолко нехотя поплелись за ним.

— Дер то барукан, Торин Дартул! — вдруг зловещим шепотом произнес Малыш, и Фолко догадался о чем: «Только без топоров, Торин, сын Дарта!»

Вокруг шатра с мечами наголо стояли стражники — много, не меньше дюжины, отметил хоббит; он вгляделся в лицо ближайшего охранника и поспешно опустил глаза — свирепое выражение широко расставленных косых, как у орка, глаз очень ему не понравилось.

Санделло остановился перед опущенным пологом.

— Мечи и топоры можете оставить здесь, — как о чем-то совершенно несущественном, мимоходом сказал он, берясь за край занавеси, прикрывающей вход.

Видя секундное колебание гномов — особенно Торина, — Фолко поспешно сделал шаг к Санделло, загораживая собой друзей и торопливо расстегивая перевязь. Он передал оружие в руки почтительно поклонившегося стражника; Санделло проводил меч хоббита чуть насмешливым взглядом и, вновь переводя взор на Фолко, бросил:

— Дар Вождя можешь оставить... Тут не обыскивают своих.

«Своих?! Значит, мы все-таки свои?!» — мелькнула быстрая мысль.

Чуть замешкавшиеся гномы по примеру хоббита тоже отдали оружие.

«Но ножи с перевязи, что под плащом, при мне... и клинок Отрины... Еще поборемся!» — подумал Фолко.

— Входите, — с легким поклоном предложил Санделло — сейчас сама любезность, никак не вяжущаяся с его обликом и всем, что знали о нем друзья; он раздвинул тяжкие складки толстой ткани шатра.

Там пылал огонь; воткнутые в железные кольца, ровно горели

факелы; стоял стол с какими-то чашами, на складных походных стульях сидели люди, их лица были скрыты тенями, а в углу, точно огромный сторожевой пес, на ковре свернулся клубком громадный тролль.

Когда глаза привыкли к темноте, Фолко смог различить лица сидевших в шатре. Тут был Отон; трех других хоббит видел впервые — но по их могучим плечам и полным достоинства позам можно было предположить, что они из числа высоких слуг Олмера. Санделло, приведший друзей, бесшумно отступил в тень, и, как заметил Фолко, он один в шатре был при оружии. Горбун встал слева от сидевшего в дальней части шатра человека; взор хоббита немедленно обратился к сидящему.

Легкое мановение руки в темной перчатке; горбун зажег еще один факел и воткнул его в свободное кольцо. Ровный свет выхватил из полумрака лицо сидящего — и Фолко поспешно упал на одно колено; секундой позже его здравому примеру последовали гномы — потому что перед ними был Вождь.

Молчание. Никто не шелохнулся, и Фолко далеко не сразу набрался храбрости поднять взор и взглянуть прямо в лицо Олмеру, а когда наконец дерзнул — то в который раз уже изумился. Перед ним был Олмер, такой же, каким они встретили его на Сираноне два года тому назад; это было лицо человека, сильное, властное, гордое — но не было в нем померещившейся хоббиту сухости и резкости; нос его, выглядевший пять минут назад прямо-таки вороньим клювом, обтянутым тонкой кожей сухим костяком, вновь стал обычным; исчезла болезненная заостренность подбородка, исчезло все, что отличало его от прежнего Олмера и что так поразило Фолко, когда Вождь шел мимо строя.

«Он человек... Опять человек, еще человек или по-прежнему человек? Что за странные превращения?» — подумал хоббит.

Олмер едва заметно наклонил голову в ответ на молчаливое приветствие друзей.

— Итак, славные гномы, и ты, отважный половинчик, вот мы и встретились вновь, — заговорил Олмер неторопливо, не сводя с них пристально-изучающего взгляда. — Трижды встречались мы в Западных Землях, и вот теперь пришла пора расставить все по своим местам.

«Зачем он говорит все это? — мелькнула мысль у хоббита. — Пустые слова — что за ними?!»

— Я хотел бы услышать обо всем, что приключилось с вами за время, прошедшее после нашей последней встречи, — продолжал Олмер, и голос его вновь, как и тогда, на Сираноне, был исполнен если не дружелюбия, то, по крайней мере, некой приязни. — Вы тогда шли в Морию, ставшую к тому дню истинным пугалом для всех, кто хоть что-то слыхал о ней. Мне не терпится узнать, что же вам удалось увидеть в Черной Бездне и как вы

смогли выбраться оттуда. Что делали дальше, а главное — что привело вас ко мне? Где ваш отряд? И самое главное — чего вы хотите, чего ищете здесь?

Олмер умолк, выжидательно смотря на хоббита. Фолко отдал бы все, что имел, даже клинок Отрины, за возможность проникнуть сейчас в мысли этого человека... Впрочем, человека ли? Но нельзя, нельзя, он сразу же почувствует эльфийское в попытке хоббита, эльфийские корни его внутреннего зрения, а раз так, остается только одно — правда, правда, ничего, кроме правды, и никаких рассогласований с рассказанным Берелю!

— Начните с момента нашего расставания, — подсказал Олмер, видя наморщенный в раздумье лоб хоббита. — Не упускайте ничего, для меня это очень важно.

— ...Итак, довольно-таки мирно разойдясь с орками, гномы достигли дна Мории и воочию увидали те загадочные существа, которые прокладывают себе дорогу в скалах, прожигая и проплавляя для себя ходы; страх, источаемый ими, гномы едва могли вытерпеть, но в конце концов были вынуждены отступить, сумев лишь узнать, что кошмарные твари уходят из-под Мории, смещаясь куда-то на запад. Однако сказать, что они движутся к какому-то определенному пункту, нельзя; их ходы идут во всех направлениях. Но гномам посчастливилось найти несколько неразграбленных тайников, их содержимое позволило одному из членов отряда, гному по имени Дори, набрать войско и на свой страх и риск отправиться в Черную Бездну — для того чтобы в очередной раз попытаться возродить некогда могучее царство. Люди после выхода гномов на поверхность вернулись домой в Арнор, а гномы, исполнив задуманное, разделились. Часть отправилась вместе с Дори на восток, остальные же, не желая испытывать судьбу в превратностях войны, разбрелись кто куда. А мы трое двинулись на юг.

— Зачем? — тут же спросил Олмер, внимательно разглядывая хоббита.

Взгляд Вождя был холоден, лицо — непроницаемо-спокойно, Фолко сбился с мысли, немалым усилием воли отрывая взгляд от мерцающих бездонных зрачков Короля-без-Королевства.

— ...Мы шли на юг, стремясь обойти опасные земли близ Южного Тракта, обогнули Дунланд — и направились в Исенгард. Зачем? Потому что от орков в Мории мы прослышали о собирающейся на Востоке вольной силе смелых людей со всех земель, где нет отказа никому, кто умеет держать в руке меч. В Исенгарде, сказали нам, знают больше, там объяснят лучше.

— И вы сумели проникнуть в Исенгард? — как бы в изумлении, поднял брови Олмер.

«Будто не помнишь, что доносил Берель!» — сгоряча едва не брякнул вслух Фолко.

— ...С трудом спустившись по горным склонам и кручам, обойдя смертельно опасный Шагающий Лес, мы оказались в Исенгарде. Однако мы не застали там никого, руины были пусты и мертвы. Но нам удалось влезть в окно Башни...

Олмер едва заметно шевельнулся. Этого в докладе Береля не было.

— ...Мы никому не говорили, что побывали внутри. Потому что — хотите верьте, хотите нет — эта Башня разговаривает!

Изумленный шепот пошел среди сподвижников Олмера; недоумение отразилось даже на лице горбуна; однако Олмер по-прежнему был бесстрастен.

«Ну да, конечно же — ведь твои орки рылись под Башней, наверняка слышали голос... И многое передали тебе, судя по всему».

— Да что вы говорите? — с великолепно разыгранным удивлением в голосе произнес Олмер, даже чуть привстав со своего кресла, как бы в сильном волнении. — И что же вы там услышали?

— ...Мы слышали странные и непонятные нам слова о Тропе Соцветий, о Доме Высокого, о стараниях бывшего хозяина Исенгарда вызнать дорогу к ним — и о многом еще, но, не в силах понять ни единого слова, мы спасовали и сейчас едва ли в силах дословно воспроизвести все, услышанное там. Смутные, разрозненные отрывки — Звездная Гавань, Великая Лестница, Черная Земля, дерево Нур-Нур... Башня отнюдь не рассказывала нам занимательные истории — обрывки фраз, одиночные предположения...

— Но что же именно было произнесено о Доме Высокого и Тропе Соцветий? — в упор спросил Олмер.

— Речь шла не об их... э-э... свойствах, а о том, что некий слуга не смог найти пути к ним, — совершенно искренне ответил Фолко истинную правду.

Олмер едва заметно сощурил правый глаз — и замолчал.

— С трудом избегли мы гибельных объятий Шагающего Леса. По отвесным скалам, над хищным зеленым морем, мы прошли едва заметными уступами обратно, к устью Нан Курунира. Исенгард был пуст, узнавать было нечего и не у кого — и мы отправились в обратный путь, на север. Тем более... у нас были подозрения: что именно там мы сможем встретиться с теми, кому нужны сидящие без дела бойцы. Мы решили избрать иной путь — по морю, избегнув бессмысленных стычек, неизбежных в наше смутное время на большой дороге. Корабль Морского Народа — тана Фарнака — доставил нас к месту, где Барэндуин вливается в Великое Море. Там, в порту, случай свел нас с могучим таном Скиллудром, имени которого опасается сам Арнор...

— Как это случилось? — перебил хоббита Олмер.

«Нет, не понять мне: зачем он это спрашивает? Донесение Береля писалось с наших слов. Яснее ясного, что мы не станем ни с того ни с сего противоречить сами себе!»

— Я искал кое-кого, — встрял в разговор Торин. — И... схлестнулся с человеком Скиллудра.

— И остался жив? — засмеялся Олмер. — Тогда ты воистину могучий боец, Торин, сын Дарта. Лишний раз убеждаюсь в этом!

— Дело не дошло до драки, хотя, признаюсь, нас развели в самый последний момент, — не обращая внимания на насмешку, невозмутимо ответил Торин.

— Что же тебе было нужно от воина сильнейшего на Море тана?

— Узнать, как к этому воину попала монета, подаренная мной моему другу и побратиму, Тервину! — Глаза гнома вспыхнули, из висящего на поясе кожаного мешочка появился приснопамятный скильдинг. — Вот эта монета! Я подарил ее моему другу при расставании и твердо знаю, что забрать у него ее могли, только сняв с трупа! Я хотел найти убийцу.

— И как? — холодно спросил Олмер, не делая пока попыток вернуть разговор в прежнее русло полубеседы-полудопроса.

— Я хотел бы узнать это здесь, — дерзко глядя в глаза Вождю, заявил гном. — Я подозреваю, что лишившие моего друга жизни находятся, увы, здесь, в рядах нашего войска.

Ответом ему был гневный ропот сподвижников Олмера; однако Фолко заметил, что Отон на сей раз хранит молчание.

— Почему ты так думаешь? — спокойно спросил Олмер, словно и не заметил вызова, прозвучавшего в словах Торина.

— Потому что от боя с воином Скиллудра меня удержал сам тан, и я задал вопрос прямо ему: откуда взялась эта монета? И тан сказал, что воин получил ее в награду от могучего вождя с Востока, с кем Морской Народ делал одно дело. А после боя у Аннуминаса мы узнали, что Скиллудр действовал в союзе с тобой, Вождь. И я прошу тебя сказать мне: кто убил моего друга и брата? Он был мирным кузнецом, знатным мастером, никому не делавшим зла. Нужно найти и покарать убийцу!

— Ты обвиняешь меня в смерти твоего побратима? — невозмутимо поинтересовался Олмер.

— Нет, мой Вождь, — с усилием сказал Торин. — Тот, кто наградил этим скильдингом воина из дружины Скиллудра, сам получил его от кого-то, скорее всего как часть военной добычи, которая передается предводителю. И поэтому я хочу спросить: не ты ли наградил дружинника Скиллудра?

Сосед Отона с яростным рыком вскочил с места; в воздухе свистнул спрятанный до этого под ковром широкий меч, однако Торин сделал едва заметный шаг в сторону, и клинок, разрубив расстеленный ковер, глубоко ушел в землю. Не моргнув глазом, Торин повторил вопрос.

— Остановись, Зарах! — властно приказал Олмер своему сподвижнику. — Не горячись! Сядь! Мне известно упорство гномов, если уж они задали вопрос, то ответа будут добиваться до изнеможения... — Олмер усмехнулся. — Он дерзит, этот тангар, но.. Мне придется разочаровать тебя, сын Дарта. Многих награждал я — и как могу запомнить всех? Немало храбрецов из числа Морского Народа отличились на моей службе — где уж мне дать тебе точный ответ? И уж подавно не могу я помнить, откуда взялась эта монета. Ничего иного я сказать тебе не могу. Тебе придется довольствоваться этим ответом. — Вождь снова усмехнулся. — Но даже если предположить, что наградил дружинника именно я — что из этого? Пути серебра неисповедимы — скольких хозяев могла сменить эта монета? Прошло слишком много времени, случилось слишком много событий... — Олмер откинулся в кресло. — А теперь, полагаю, следует вернуться к тому, что было после того, как вы достигли устья Барэндуина.

— Значит, мой Вождь допускает возможность того, что эта монета прошла через его руки? — нимало не смутившись, продолжал гнуть свое Торин.

— Вождь, мой добрый гном, ничего не допускает и ничего не отвергает, — ласково сказал Олмер с откровенной насмешкой. — И уж коль скоро ты заявляешь, что шел к *моему* делу, пора бы тебе усвоить, что подобным тоном со мной говорят лишь осужденные на смерть — если у них хватает на это мужества.

— Торин! — дернул друга за рукав Фолко.

— Мой вождь, — внезапно заговорил Отон. — Прошу тебя, не гневайся — гномы доказали свою преданность. Они не отступали в бою и проникали туда, куда не могли проникнуть остальные... Они явили большое мужество!

— Не волнуйся, славный Отон, я не собираюсь обвинять их в измене... — в упор глядя на хоббита, ответил Вождь. — Только измена карается у нас, как ты называешь, смертью, а за дерзкие слова я наказываю не иначе, как собственной рукой...

Фолко так и не понял, что произошло в следующее мгновение. Ему почудилось, что рука Олмера вдруг стала неимоверно длинной, и Торин прежде, чем успел что-либо предпринять, оказался распростертым на полу.

— А теперь продолжим, — спокойно сказал Олмер, одергивая рукав. — И без обид, сын Дарта, не правда ли? Клянусь Великой Лестницей, я сожалею о твоей дерзости. Отчего не задал ты свои вопросы более пристойно? Мой ответ не стал бы иным, но тебе не пришлось бы испытать некоторых неудобств...

Болезненно кряхтя и держась за плечо, Торин с трудом сел, поддерживаемый с двух сторон хоббитом и Малышом.

«Ни в коем случае не сорваться! — лихорадочно соображал

Фолко. — Эх, Торин, что же ты наделал! Дела наши, видать, совсем плохи — Олмер что-то подозревает! Подозревает и подталкивает нас к чему-то, что раскрыло бы наши намерения!»

— Итак, я жду продолжения рассказа, — невозмутимо напомнил Олмер.

....Мы шли к северу, в Арнор, в надежде разузнать подробности, когда до нас дошли вести о приключившемся под Аннуминасом бое. Некоторое время после этого мы вызнавали, выспрашивали — пока не поняли, что у нас нет иного выхода, как идти на восток. И мы пошли — через Туманные Горы...

— А в Ривенделл по пути заглядывали? — как бы между прочим осведомился Олмер. — Говорят, прелюбопытное местечко!

— Нет, я не знаю туда дороги, — ответил Фолко. — Вдобавок мы торопились. По пути нам встретились орки — с ними мы разошлись мирно, едва сказали, кого ищем. Они тоже не хотели крови — им нужны были достоверные сведения о последних событиях. А потом мы прошли через земли Беорингов, миновали Приозерное Королевство — и вышли на след войска.

— Из полыньи на Карнере мы вытащили человека именем Герет, — встрял Малыш. — Он объяснил нам, как идти дальше.

— Но не сразу, — перебил друга Фолко. — Битый час мы с ним друг к другу приглядывались, пока наконец не уверились, что все — свои. В земле басканов только имя Вождя спасло нас от смерти — басканские молодцы были настроены очень решительно. Земли дорвагов мы прошли, таясь, и видели гибель небольшого отряда нашего войска, оставленного после одного из их градов. А затем настал черед Опустелой Гряды. Тот, кто ныне живет там в образе Пса, распознал в нас своих — и пропустил. А потом мы встретили стражников, и нас доставили к Берелю, — закончил свою повесть хоббит. — Дальше мы шли с отрядом Отона, были у него на виду, — наверное, он сможет сказать лучше нас, подошли мы ему или нет.

— Да, у Отона вы отличились, — кивнул Олмер. — Мне известно и о стычке с хеггами, и о Ночной Хозяйке... Но расскажите мне о Черных Гномах! Внутри их твердыни были только вы.

— Мы не можем, Повелитель, — вздрогнув, ответил хоббит. — Не спрашивай нас. Мы выбрались только потому, что не можем ни о чем рассказать.

— Вот как? — поднял брови Олмер. — Это еще почему? Если с вас взяли какое-то там слово, я освобождаю вас от него! Говорите смело, если и впрямь служите мне, а не кому-то еще!

Чувствуя, как браслет начинает теплеть, внутренне обмирая, хоббит закатал рукав и показал Вождю плотно обхвативший запястье серый обруч. Его движение повторили гномы; Олмер прищурился, его рука в черной перчатке поднялась к лбу...

— Занятно... — вполголоса, растягивая звуки, поговорил он. — Вот, значит, как обстоит дело... Подойди сюда! — сказал он Малышу.

Маленький Гном повиновался, хоть и без большого желания. Пальцы Олмера осторожно коснулись браслета-убийцы; Малыш поморщился. Лицо Вождя, досель спокойное, вдруг отразило какую-то непонятную внутреннюю борьбу; брови сошлись, резкие морщины прорезали лоб, на скулах вздулись желваки. Продолжая ощупывать смертоносный обруч, Олмер взглянул прямо в упор на Малыша — Фолко увидел, как обычно весьма крепко стоящий на ногах гном заметно пошатнулся. Осторожно, сделав как бы случайный шаг в сторону, хоббит бросил краткий взгляд в лицо Вождю — и сам едва не отшатнулся. Под четко прорисованными дугами бровей Вождя вместо глаз, казалось, появились два бездонных провала в Ничто, глазницы заполняла непроницаемая тьма. Ощущение готовой вот-вот разразиться грозы повисло в шатре; казалось, еще миг — и ударят первые молнии. Сила Олмера ожила, хоббит физически чувствовал ее присутствие; глубоко в недрах сознания сидящего сейчас перед ним Вождя поднималась, сбрасывая серый плащ-невидимку, непонятная, пугающая мощь, неохватная обычным разумом.

«Он учуял! Учуял, что это за браслеты! Себя испытать хочет, что ли?» — со страхом подумал Фолко.

Тем временем Олмер поддел обтянутыми черной перчаткой пальцами браслет Малыша и вновь изучающе посмотрел в лицо Маленькому Гному.

— Ну-ка, сними эту штуку!

— Не могу! — прохрипел Малыш.

— Вот как? Ну тогда я попробую... Зарах! Мои инструменты!

— Ты хочешь моей смерти, мой Вождь? — Малыш с трудом шевелил губами, из горла рвался хрип; левая рука гнома судорожно шарила у того места на поясе, где должен был висеть кинжал, его верное даго.

— Посмотрим, посмотрим... — Приговаривая, Олмер покопался в принесенном кожаном мешке и извлек нечто вроде небольшой пилы. — Положи руку!

— Не делай этого, мой Вождь... — попробовал вступиться Фолко.

Санделло неспешно отошел от кресла, на которое опирался, и шагнул вперед, встав между Вождем и хоббитом. Правая рука горбуна скользнула под плащ, и чуткий слух хоббита уловил еле слышимый шорох, с каким тщательно начищенный и хорошо смазанный кинжал Санделло пополз вверх из ножен. Горбун глядел прямо на хоббита и Торина, как бы ясно говоря им: «Одно движение, и я...»

«Ножи! Ножи на перевязи!» — промелькнуло в голове у Фолко.

— Руки-то опусти, — спокойно посоветовал хоббиту Санделло. — И, прошу тебя, держи их на виду, а то я бываю таким подозрительным...

Фолко чувствовал, как его взгляд начинает затуманиваться от ненависти; в четырех шагах от него готовились пытать до смерти его друга, а он ничего, совсем-совсем ничего не мог сделать; от стыда и бессилия хотелось выть в голос. Он скосил глаза — Торин, не сводя взгляда с горбуна, медленно пятился к ближайшему столбу — оружия в шатре нет, но есть факелы...

С того момента, как горбун шагнул вперед, прошло лишь несколько мгновений; потом послышался скрежет металла о металл... и раздался душераздирающий вопль Малыша, вопль такой боли, которую невозможно не только что вытерпеть, но даже и представить себе; Торин и Фолко сорвались с мест, бесшумно отлетел в сторону и стал медленно падать, подобно диковинной парящей птице, плащ Санделло — и тут на середину шатра, крутясь, плюясь, подпрыгивая и изрыгая самую черную брань, кубарем выкатился Малыш. Левой рукой он прижимал к груди правую и не переставая орал; общий же смысл его чрезвычайно выразительной тирады сводился к тому, что только последние тупицы, коим он, Малыш, не доверил бы и пол в кузне мести, могут не верить Черным Гномам, и если в этом скопище тупиц так будут обращаться со всеми новопришедшими, войско их никак не увеличится, но существенно уменьшится...

— Стоять. Всем стоять! — рявкнул вдруг, стремительно вставая с места и тотчас оказываясь возле Малыша, Олмер — и вовремя, потому что ручищи Торина уже тянулись к горлу горбуна, а кинжал последнего уже был нацелен в лицо гному.

— Прости меня, гном, — проговорил Вождь, кладя руку на плечо Малышу. — Да, жуткую вещь ты носишь! Но погоди, сейчас я попробую смягчить боль.

Олмер тоже выглядел неважно — лицо блестело от обильного пота, разом набрякли мешки под глазами, резче обозначились складки — и все же хоббиту показалось, что этот явно измотанный столкновением с неведомой ему раньше силой Черных Гномов Вождь куда больше походит на того, каким он был в день их встречи на Сираноне, ровно два года назад — словно засевшая в нем чернота была поглощена силами браслета, а новые тучи еще не поднялись из глубины. Его голос был ласков и полон раскаяния за совершенную ошибку. Вождь поспешно сорвал перчатку с правой руки и поднес ладонь к запястью Малыша, не прикасаясь, однако, к самому браслету. Прошла минута, другая — Малыш с изумлением воззрился на свою руку; даже отсюда хоббит видел багровый след сильного ожога, но боль, очевидно, проходила.

— Ну как, тебе легче? — обнимая гнома за плечи, спросил Олмер, и глаза его вновь были человеческими.

Малыш что-то промычал, вроде бы в знак согласия.

— Думаю, эти отборные самородки и самоцветы помогут тебе забыть о случившемся, — сказал Олмер и протянул Маленькому Гному увесистый мешочек размером с детскую голову.

Все еще ошалело глядя на свой ожог, Малыш принял дар, низко поклонился и хотел было что-то сказать, но прикусил язык.

— Ну, а теперь твоя очередь, половинчик, — услыхал хоббит слово Вождя и сразу напружинился, напрягся, точно готовясь к прыжку.

«Что ему от меня надо? И Санделло этот... Ишь, глаз не сводит, за нож не схватишься... А Торин, похоже, не так уж был не прав. Чего проще — метнуть ему нож в горло, и делу конец... Все бы остолбенели — а мы, глядишь, еще бы и поборолись!»

Однако тело хоббита послушно повиновалось не мыслям своего хозяина, а пришедшему извне приказу. И вместо того, чтобы попытаться незаметно вытащить один из метательных ножей, Фолко, словно в затмении, вплотную приблизился к Вождю.

— Разреши мне взглянуть на твой браслет, — не приказал, но попросил Олмер. — Пожалуйста!.. Мне это очень важно. Не бойся, я не стану пытаться снять его с твоей руки — теперь я понимаю их назначение и действие, но твой чем-то отличается от двух других — я чувствую это и хочу рассмотреть его получше.

Рука хоббита, опять же против его воли, медленно поднялась и легла на резной подлокотник кресла. Затылком Фолко чувствовал, как напрягся почти что прислонившийся к нему Санделло с обнаженным клинком в руке, — и что-то непреодолимое, навалившееся на его волю, парализовало ее; малейшее движение — и ты узнаешь, как хрустит плоть, когда железо входит пониже лопатки, как содрогается в спазмах боли и ужаса все твое жалкое существо... То ли Олмер таким образом хотел оберечь себя от всех и всяческих случайностей, то ли обострившийся в минуту опасности разум хоббита стал чувствовать мысли Санделло?

Олмер склонился над запястьем Фолко, пристально разглядывая браслет.

«Ну что ты там можешь увидеть?.. Серый обруч, ничего больше! Не глазами, видать, смотришь...»

Браслет ожил внезапно. Когда Олмер приблизил лицо, таившаяся в его глубине огненная змея нанесла внезапный удар. Из серого браслет стал багряным, и стремительная молния грянула в глаза Вождю из распустившегося огненного цветка.

И тут вмешалась иная Сила; никакой человек не успел бы уклониться — со стороны это выглядело так, будто чья-то гигантская рука рванула Вождя — у того вырвался глухой, болезненный стон.

Волосы у хоббита стали дыбом — он уже ощущал вонзающийся ему в шею кинжал Санделло, который уж точно сперва ударит, а потом будет разбираться, но все обошлось. Горбун судорожно дернулся за спиной Фолко, но замер, остановленный властно поднятой рукой Вождя. Все словно окаменели.

Кожа на щеке Олмера быстро почернела, потом треснула; показалась кровь, обильно заструившаяся по шее и подбородку. Он медленно коснулся раны пальцами, стягивая вместе ее постепенно расходящиеся края, и вновь хоббит удивился происходящей в нем перемене. Несмотря на боль, а быть может, благодаря ей, сообразил Фолко, вспомнив Отона на краю ямы Небесного Огня, — взгляд Олмера стал еще чище, что-то неуловимое исчезло с лица, пропали куда-то залегшие то здесь, то там тени, заметные только вблизи, но делавшие его облик много суше, чем он был на самом деле. Кровь словно смывала с него нечто наносное, и на миг хоббиту почудилось, что отбрасываемая Вождем тень зашевелилась и сделала несколько шагов назад... Сейчас перед Фолко был человек — почти человек; Сила, засевшая в нем, приразжала когти — но это не могло продолжаться долго. Не делая даже попытки утереть льющуюся кровь, по-прежнему держа левую руку во властном жесте, приказывающем никому не двигаться, Олмер пальцами правой руки медленно водил вдоль краев рубца, и во взгляде его внезапно появилось нечто, похожее на немой отчаянный крик: «О ужас! Что же я наделал!»

Однако это длилось недолго. Сила, обладателем которой он был, быстро справилась с затруднениями — Олмер лишь провел над раной правой рукой, стирая ладонью кровь, — и на месте обрывков черной, помертвевшей, словно обугленной, кожи появилась темно-вишневая корка подозрительно быстро запекшейся крови.

«Чудеса... — остолбенело подумал Фолко; три года странствий научили его разбираться в ранах. — У тебя ж была жила перебита! И так быстро все остановить?..»

— Лекаря! — раздался резкий крик Санделло над самым ухом хоббита.

— Нет... не стоит, — с некоторым трудом произнес Олмер. — Однако сядьте, мои верные друзья. Ваши подозрения беспочвенны. Я понимаю, что вы сейчас подумали, но вы не правы.

Только теперь пришедший в себя хоббит увидел, что он со всех сторон окружен колючим частоколом обнаженных мечей. Шею сзади что-то холодило, и он понял что.

— Санделло, — стараясь, чтобы голос не слишком дрожал, произнес Фолко, — прошу тебя, убери свой нож от моего затылка.

— Сядьте, сядьте, — продолжал успокаивать своих приближенных Олмер. — Это сделал не половинчик, я виноват сам.

— Мой Вождь, этот маленький воин носит на руке стреляющий молниями браслет, — негромко, но с железной непреклонностью в голосе сказал Санделло. — Никто не может доказать, что это не он ударил тебя.

— Никто не может доказать и обратного, — несколько ворчливо отозвался Олмер. — Погоди, Санделло, тут все не так просто. Я чувствую тут Силу, к которой наш половинчик не имеет ни малейшего касательства... Я хотел вглядеться попристальней — и был наказан. Успокойтесь! У славного хоббита Фолко Брендибэка не было намерения причинить мне вред.

В этот миг Фолко постарался погасить в голове все мысли, он внутренне сжался, изо всех сил пытаясь не пустить внутрь незримый холодный взгляд чужих пристальных глаз, что вновь смотрели из глазниц Олмера.

«Только бы не почуял!.. А может, он уже все разнюхал?! Разнюхал и теперь играет, как сытый кот с мышью?..»

Ответов на эти вопросы у хоббита все равно не было, и оставалось только одно — продолжать прикидываться.

Постепенно все успокоились. Малыш и Торин, плечо к плечу, стояли на середине шатра; между ними и хоббитом замер с кинжалом наголо Санделло; остальные приближенные Олмера разошлись по своим местам, но дотоле спрятанные мечи теперь открыто лежали на коленях, обнаженные и готовые к делу.

— Если бы те, кто надел на руки гномам и половинчику эти браслеты, действительно хотели погубить меня, не волнуйся, они нашли бы нечто посильнее этого, — продолжал Вождь, обращаясь к Санделло. — Тогда здесь бы ничего не осталось — пол-лагеря, думаю, спалило бы. Не-ет. — Он усмехнулся. — Просто браслет «ссамовольничал». Но интересно, интересно...

«Да он же доволен!» — в смятении подумал Фолко.

— Итак, я услышал вашу повесть, — как бы подводя итоги, прихлопнул ладонями по подлокотникам Олмер. — Теперь о главном. Чего вы хотите?

— Мы хотим, — тщательно подбирая слова, ответил хоббит, быстро переглянувшись с гномами, — вступить в твое войско, мой Вождь.

— А вы знаете, за что и против чего мы выступаем?

— Знаем, мы говорили с Берелем. Он хоть и посадил нас сперва за решетку, но потом во всем разобрался.

— И они блеснули на празднике рода Харуз, отчего их и взяли в отряд, — заметил из своего угла Отон.

— А что заставило вас троих бросить дом, тихую и устроенную жизнь?

Друзья снова переглянулись. Дурные предчувствия мало-помалу овладевали хоббитом, его тревога стала передаваться гномам.

— Мы, хоббиты, народ, конечно, мирный, — начал Фолко. — Но мне этот мир изрядно опротивел. Не забывай, мой Вождь, я из рода Брендибэков, а они имеют собственную голову на плечах. Мои соплеменники довольствуются малым — а я вот нет! Я предвижу — ты создаешь великую империю, невиданную в Средиземье, перед которой померкнет слава и память самого Гондора — да что там Гондора! И Нуменора! И, не скрою, я хочу быть с теми, кто создает эту империю. Я вижу бескрайние земли, покорные единой державной воле, вижу ожидающие приказа неисчислимые флоты и армии — и я хочу быть среди тех, кто будет отдавать приказы. Довольно я гнул шею! А что до моего роста — то мне уже приходилось слыхать слова, что мой рост не соответствует моей доблести. Это сказал почтенный Берель в день праздника рода Харуз, когда я получил два высших приза сразу!

— Недурно сказано! — одобрительно кивнул головой Олмер. — А что скажете вы? — повернулся он к гномам.

— Что до меня, мой Вождь, у меня никогда не было ее — тихой и устроенной жизни, — махнул рукой Торин. — Мой Вождь, ты помнишь, мы встречались давным-давно, в Арноре, и ты помнишь, чем закончилась моя дерзкая затея — когда я осмелился укоротить священную бороду Дьюрина на целую ладонь! И никогда после я уже не мог сидеть на месте, и мне не было жизни в Халдор-Кайсе. Старейшины лишили меня той, с кем я хотел связать судьбу, — а мы, гномы, делаем в своей жизни только один выбор. Они лишили меня счастья иметь детей, учеников и наследников — они сделали меня изгоем. Я никогда не подчинялся их приказам! В твоем войске — единственном в Средиземье! — бойцов ценят лишь за их доблесть, и никто не смотрит на то, откуда они и что было в их прошлом. И я сегодня согласен с моим братом хоббитом: мы стоим у колыбели великого государства, и не принять участие в возведении столь грандиозной постройки для меня, гнома, просто немыслимо. И кроме того — это общее у меня и Малыша: мы не забыли и не простили эльфам похищение у наших предков дивного Наугларима, сказочного Ожерелья Гномов, прекраснейшего из всех творений, когда-либо выходивших из рук мастеров нашего народа. Об этом горестном для нас событии Предначальной Эпохи повествует немало песен.

— Наугламир? — заинтересовался Олмер. — Расскажи подробнее!

— А хотите, спою, — вдруг предложил Торин.

— Ну что ж, давай, а мы послушаем. Такого у нас еще не бывало!

«Он же выспрашивал у Теофаста! Берель упоминал Наугламир,

когда говорил с нами! Зачем эта комедия?» — Кровь часто и горячо ударила в виски хоббиту.

А Торин, видимо, не смущаясь, почтительно поклонился Вождю, потом его сподвижникам, заложил руки за спину и начал плавную, напевную балладу.

Вот как запомнил ее хоббит:

Листья, падая, мне пели
Про неведомые дали,
Птицы, в клин сбиваясь черный,
Горы мне напоминали.
Но Наугламир я вспомнил —
Гномов дивное творенье, —
Где ты, чудо-ожерелье?
Где? Сработанное дивно
В незапамятные дали,
Как залог любви и дружбы,
Тебя гномы отковали.
Из чистейших самородков,
В голубых горах добытых,
Выковали двух драконов,
Меж собою в обруч свитых.
Ярких самоцветов блики,
Привезенных с гор Пелори,
Золотой усыпав обруч,
Резали глаза до боли;
Но не золото, не камни
Ценны были в Наугламире,
Часть своей начальной силы
Гномы в ожерелье скрыли.
Кто носил его, тот вскоре
Забывал гнев и усталость,
Становился смел и молод
И к врагам не ведал жалость.
Гномы Наугламир в подарок
Поднесли царю Финроду,
Эльфов славному владыке,
Властелину Нарготронда.

Как стрела, летели годы,
Пели звонкой тетивою,
В залах Тол-ин-Гаурота
Пал Финрод, истекши кровью.
Берену спеша на помощь,
Наугламир не взял с собою,
И темницы Саурона
Упокоили героя.
И под стены Нарготронда
Лучшего послав дракона,
Огненного Глаурунга,
Город Враг сровнял с землею.
Но убил дракона Хьюрин

На развалинах горящих
И, среди руин блуждая,
Обруч увидал блестящий.
Много дней шел Хьюрин молча
И, достигнув Менегрота,
Бросил он в лицо Тинголу
Гномов славную работу:
«Получи это как плату,
Что жене моей и детям
Дал приют ты, спас из плена —
Нет уж их теперь на свете.
Людям выступив на помощь,
Нарготронд покинув скоро,
Эту вещь Финрод оставил,
Им был отдан долг Тингола».
И, не слыша возражений,
Он, сдержать не в силах горе,
Выбежал из залов Эльфов,
Бросился с утеса в море.
А Тингол, узнав об этом,
Его смертью не был тронут,
И Наугламир носил он
В волосах, словно корону.
Сильмарил решил он вделать
В обруч золотой Финрода,
Лучшим мастерам из гномов
Поручив эту работу.
И умножилась стократно
Красота Наугламира,
Ведь в камнях его зажегся
Свет чудесный Сильмарила.
Но отдать Тинголу обруч
Гномы вовсе не желали.
«Кто ты, чтобы обладать им? —
Они гневно вопрошали. —
Этот обруч наши деды
Выковали в тьме Нарога
Для Финрода Фелагунда
В дни постройки Нарготронда.
Эльфу или человеку
Он принадлежать не может.
Это вещь народа гномов!
Ты отдать ее нам должен!»
Но, от ярости дрожащий,
Побледневший вмиг от гнева,
Крикнул он: «Да как посмели
Говорить такое мне вы!
Мне, Элутинголу-Эльфу,
Королю Белериандa,
Наблюдавшему, как гномы
Рождены были из камня!

Кто вы? Низменная раса!
Я же — Эльф Перворожденный!..»
Но на плиты пола гномьим
Топором пал рассеченный.
И ушли обратно гномы,
Взяв с собою ожерелье,
Дориат спеша покинуть,
Им нанесший оскорбленье.

Шли они без остановки
День и ночь в родные горы,
Но в дороге их настигла
Месть за короля Тингола.
И в густой траве остались,
Эльфов стрелами пробиты,
Трупы гномов; был лишь только
Наугламир взят у убитых.
Светлой эльфов Королеве —
Мелиан, вдове Тингола —
В знак своей великой скорби
Наугламир был отдан скоро.
Но она, стремясь в Заморье,
Этот мир спеша оставить,
Отдала его Маблунгу,
Берену прося доставить.
И никто о том не ведал,
Что из гномов перебитых —
Тех, Тингола зарубивших, —
Двое не были убиты.
Как до гор они добрались?
Ранены, пути не зная...
Но о всем, что было, гномам
Рассказали, умирая.
И в тоске и горе черном
Собирая ополченье,
Наугримы из Ногрода
Подготавливали мщенье.
Гелион глубокой ночью
Перешли секретным бродом
И, разбив отряды эльфов,
Взяли залы Менегрота.
Пал Маблунг Тяжелорукий,
Не отдав Наугламира;
Но в тяжелой битве гномы
Ожерелье взяли силой.
И ушли из Дориата
По дороге Даерона,
Но ждала засада гномов
Там, где воды Гелиона.
Хоть напали и внезапно
Эльфы на отряд в ущелье,
Улыбалась им победа

Только в первое мгновенье.
Щит к щиту составив, гномы
Хирда поступью тяжелой
Эльфов цепь прорвали скоро
И ушли в родные горы.
Но по Берена приказу
Онодримы их нагнали,
И стальные руки энтов
Стену хирда разметали.
Против них бессильны были
Гномьи топоры и копья.
И король Тумунзахара
Наугламир пред смертью проклял.
Берен на земле лежащим
Кровью увидал залитый
Сильмарил, в далеком прошлом
У Моргота им отбитый.
И, домой вернувшись вскоре,
Обруч подарил Диору.
Но Диор убит был в ссоре
С сыновьями Феанора.
Эльвинг Ожерелье Гномов
Поднесла Эарендилу,
Чтобы он зажег над миром
Свет чудесный Сильмарила.
И теперь глубокой ночью,
Вечером и утром ранним
Затмевает красотою
Звездный свет его сиянье...[1]

Торин смолк, раздались одобрительные возгласы, улыбнулся и Олмер.

— Славно спето! — сказал он. — Ну а ты, Малыш?

— Я всегда был изгоем, а в Аннуминасе едва-едва не угодил в тюрьму за то, что открыто ходил по улицам с оружием, — ответил Маленький Гном. — Тамошние начальники вздумали лишить нас, истинных тангаров, нашего символа — они приказали нам ходить без топоров!

— Славно, славно! Ну, что ж, Отон за вас — ожидайте моего решения! — Олмер улыбнулся и добавил, проведя рукой по свежей ране на щеке: — А ты, половинчик, на досуге подумай о Черных Гномах. Нет, не бойся, я не стану тебя ни о чем расспрашивать, но ты все же подумай. Выступят они против нас или нет? Вот в чем вопрос. Ты подумай, может, что-нибудь и решишь, а там посмотрим.

Вождь поднялся, как бы желая проводить друзей. Его проницательный взгляд на миг задержался на хоббите.

— Обошли Сторожевой Лес, говорите... — негромко, словно в

[1] Реконструкция, перевод, ритмизация И. Вдовенко.

раздумье, пробормотал он, но глаза его при этом ехидно блестели. — Обошли... То-то я и смотрю, как здорово ты подрос, сударь мой половинчик... Ну ладно, идите!

Он усмехнулся, махнул рукой и повернулся к Фолко и гномам спиной, давая понять, что аудиенция закончена.

Фолко сам не помнил, как вышел из шатра на ватных, не гнущихся от страха ногах. «Раскрыты! Раскрыты!» — колотилось в висках; гномы, похоже, еще ничего не понимали и пребывали в отличном расположении духа. «Небось решили, лопухи, что нам удалось его провести!» — с отчаянием подумал Фолко.

Он брел по лагерю, ничего не видя вокруг; пути спасения, один нелепее и фантастичнее другого, вспыхивали в мозгу и тут же отбрасывались; хоббит с трудом дождался, пока они отошли наконец на достаточное расстояние от шатра Олмера, и коршуном накинулся на гномов.

— Поняли! Поняли?! Конец нам! Надо бежать!

— Стой, стой! Какой конец, куда бежать? — остолбенел Торин.

— Как можно дальше, — язвительно ответствовал хоббит. — Куда глаза глядят! Вы что, с луны свалились? Вы его последние слова слышали?! — И Фолко воспроизвел лукавую фразу Вождя.

Малыш еще недоумевающе морщился и моргал, а Торин, охнув, схватился за голову.

— Понял теперь? Он же бывал в Исенгарде! И прекрасно знает, кто такие энты и что происходит с теми, кому они дадут напиться из своих лесных источников! Такое больше не сыщешь нигде в Средиземье! Яснее ясного — мы врем! И чую я, что не убили нас прямо в шатре только потому, что Олмер пока еще не знает, что мы врем. Вдобавок еще браслет этот! Подкузьмили нам эти горные короли, нечего сказать! Олмер, похоже, понял, что стрельнул в него этой молнией не я — ума не приложу, откуда она там взялась! Но нам от этого не легче. Потому что смотри: Черные Гномы выпускают из своих лап троих отправившихся к ним сторонников Вождя, дав им с собой браслеты, один из которых явно нацелен на открытое противоборство с той Силой, которой этот Вождь обладает. Ну как могли подземные властители отдать такую вещь в руки тех, кто сам этой Силе верно служит?! Нам еще повезло, что эта штука не стала лупить своими молниями в каждого встречного-поперечного из войска Олмера! Мы у него на крючке! Поймите вы это, длиннобородые! Теперь он будет дергать нас то за одну, то за другую ниточку, пока не вызнает доподлинно, зачем мы явились сюда. Браслеты все же сослужили нам и добрую службу — Олмер, похоже, уверовал, что нас бесполезно допрашивать, поскольку браслеты-убийцы покончат с нами, едва мы начнем говорить, — следовательно, пытать нас бесполезно. Только поэтому мы на свободе!

Фолко выдохся и умолк, тяжело переводя дух. Гномы подавленно молчали.

— Ты все очень хорошо объяснил, — тихо сказал Торин, и Фолко невольно удивился и даже испугался — такой тоскливой безнадежности в голосе гнома он еще не слышал. — Может, знаешь, что теперь делать? Нет мне прощения — это ведь я ляпнул про Сторожевой Лес...

— Не время решать, кто виноват! — сверкнув глазами, перебил друга Малыш. — Что делать будем?

— Это ты у меня спрашиваешь? — огрызнулся Фолко. — Говорю, что думаю: бежать, и как можно скорее.

— Куда бежать-то? — мрачно потупился Торин. — Ни еды, ни карты... Дорог не знаем... А главное — наш Долг. С ним-то как?

— Как, как! Не знаю, как! Одно скажу: если нас повесят, Долг уж точно останется невыполненным.

— А может, напролом... — медленно произнес Малыш со странно застывшим лицом и взялся за меч. — А, друзья? Как Торин хотел? Другого, похоже, не суждено.

Фолко судорожно сглотнул.

— Н-не хотелось бы... — выдавил он.

— Не болтай глупости, Строри! — оборвал Малыша Торин. — Лучше посмотри назад.

Они оглянулись: освещенный несколькими разложенными вокруг него кострами, виднелся шатер Олмера. Его окружала частая цепь воинов — почитай, вся его охрана, с которой он прискакал в лагерь Отона.

— Внезапно не прорвешься, а значит, нечего и пытаться — верная смерть, — безнадежно махнул рукой Торин.

— Может, тогда лучше просто подождать? — предложил Малыш, тиская рукоятку меча. — Мол, плевали мы на все намеки, мы честные воины. Ты же, Фолко, сам сказал — не станет он нас пытать?

— Да, я думаю, он попытается вынудить нас на какие-то поступки, которые будут красноречивее наших слов, — кивнул хоббит.

— Может, так, а может, и иначе, — буркнул Торин. — Одно подозрение влечет за собой другое. Этот Олмер может вообразить все, что угодно. По крайней мере кое-что для собственного спокойствия он уже предпринял. — Торин кивком указал на бдительную стражу возле шатра. — Но ничего, не вечно он за их спинами прятаться будет.

— Нам придется оставить следующий ход за ним, — сказал Малыш.

— Как бы этот ход не оказался для нас последним, — мрачно заметил Торин.

— Я все же надеюсь, что не окажется, — сказал Фолко. — Но что он нас в покое не оставит — это точно. Ему нужно заставить нас действовать. Правда, мой браслет его здорово напугал. Помнишь, он сказал, что могло разнести половину лагеря? А кто знает, как поведут себя эти браслеты, если он вздумает отрубить нам головы? Он чувствует, что эти игрушки действуют как бы независимо от нас, и хочет разобраться в их скрытых силах.

— Почем ты знаешь? — упер руки в боки Торин. — Он, может, глянул только на них — и все понял?

Фолко не стал спорить дальше, они опять пускались в догадки и были не в состоянии подтвердить или отвергнуть то или иное решение.

— Нельзя сегодня спать, — угрюмо буркнул Торин. — Хоть один, да должен остаться на страже.

— Это только прибавит подозрений, — заикнулся было Фолко, но гномы дружно накинулись на него, и хоббиту пришлось уступить.

Однако дремать им пришлось недолго. Спустя примерно полчаса после того, как они улеглись, чуткий Фолко услыхал осторожные шаги — кто-то шел крадучись, пробираясь прямиком к их костру. Хоббит поспешил растолкать друзей; не подавая виду и продолжая лежать, они обнажили оружие.

В ночной мгле слабо обрисовалась фигура в широком плаще — одна; и, вглядевшись изо всех сил, Фолко узнал в ней Отона.

— Я знаю, вы не спите, — услыхали они его осторожный шепот, — и знаю, что вы меня слышите, во всяком случае ты, половинчик. Олмер приказал своему горбуну назавтра разделить вас. Вождь уходит на заре и собирается взять с собой половинчика, а тебя, Маленький Гном, велено послать с отрядом, направляющимся на поиски гномов-изгоев, что согласны будут работать для нас. Торина решено оставить в моей сотне. Вам нужно уходить, и немедленно! Вождь не верит вам ни на грош! Он заподозрил измену — головы полетят непременно... Он убьет вас, или замучает до смерти, или попросту снимет запирающий уста браслет ваших запястий, отрубив вам руки, после чего сможет вызнать все! Уходите!

— А откуда... откуда известно это тебе, мой Капитан? — остолбенело проговорил хоббит, не найдя ничего более умного; гномы — те и вовсе потеряли дар речи.

Отон с досадой ругнулся сквозь зубы.

— Понимаю, вы мне не верите, я враг вам... — с горечью сказал он. — Вы, наверное, решили, что это ловушка Вождя. Он отдал этот приказ Санделло, он не предназначался для моих ушей. Это вышло случайно Я не знаю и не хочу знать, зачем вы здесь, но вы

трижды спасли жизнь мне и моим воинам, и я не могу вас обречь на смерть. Вождь затеял что-то не то! Здесь я ему не помощник.

Друзья переглянулись в сумраке.

«Похоже, Отон говорит искренне, — подумал Фолко. — Он — воин и вилять не любит. А кроме того, кроме того...»

— Мой Капитан, а где же... где Талисман? — спросил Фолко.

— А! Ты тоже почувствовал, что его больше у меня нет? — глухо вымолвил Отон. — Вождь забрал его у меня. Сказал, что больше он мне не понадобится, и забрал... Не доверяет, что ли?.. Впрочем, — оборвал он себя, — вам нельзя больше терять времени. К рассвету ваши следы должна покрыть роса! Берите эти три тюка — там у меня провизия на черный день. Не мешкайте! Быть может, мы еще встретимся...

Отон повернулся и скрылся в темноте.

— Только без споров! — предупреждая долгие препирательства, зашипел Фолко. — Он говорил правду: надо уходить!

— Но тогда наш Долг... — начал было Торин.

— А вдруг тебе удастся? — сам ужасаясь собственным словам, выдавил из себя Малыш.

— Вы что, сдурели?! — схватился за голову хоббит. — Что я смогу один? А если каким-то чудом и смогу — что мне делать потом? Я не самоубийца!

— Да, ты прав, — после некоторого молчания проговорил Торин. — Мы исполним задуманное все вместе — или не исполним вообще. Никто не знает, что в действительности задумал Олмер. Твоя правда... Уходим!

Сборы заняли считанные минуты. Осторожно, завязав морды своим коням, они вывели их за черту сторожевых постов и прыгнули в седла.

Бледно светила ущербная луна; черные лапы вековых деревьев нависали над головами — приходилось пригибаться к самым гривам, сберегая глаза. Ехали на юго-восток, ориентируясь по звездам, — счастье, что облаков было немного. В мыслях хоббита была пустота — необъятная, бездонная, омертвляющая. Что делать дальше? Единственный шанс — не упустить Вождя сейчас, пока он не затерялся в безбрежных пространствах, но как это сделать? Придется все время, как и в дни погони от Туманных Гор до Опустелой Гряды, держаться где-то неподалеку, рискуя головой, — первый раз еще можно было отговориться, вторично уже не выйдет.

Его размышления прервал далекий отзвук трубящих тревогу рогов и едва слышный гул многих голосов.

«Похоже, наше отсутствие замечено», — подумал Фолко, пуская коня сухим верхом длинного увала.

Они скакали всю ночь, петляя и путая следы, чтобы сбить с толку возможных преследователей. Мало-помалу хоббит, зада-

вавший направление, стал забирать все больше и больше на северо-восток. Он помнил о яме, выжженной Небесным Огнем, и знал, что Вождь не минет ее.

Настало утро. Ясное, солнечное, бестревожное. Укрыв коней в густо заросшем распадке и оставив с ними Малыша, несмотря на его отчаянное сопротивление, Торин и Фолко, десять раз проверив каждую застежку доспеха, остроту и прочность каждой стрелы, осторожно, ползком двинулись вперед. Миновав непролазные заросли орешника, с превеликим трудом пробившись сквозь частое переплетение его ветвей, они увидели прямо перед собой памятное хоббиту место. Он вывел к нему Торина безошибочно, шел, словно на солнце с закрытыми глазами. Комок Тьмы на дне оставался нетронутым — Фолко был почти уверен, что именно им и интересуется Олмер, что именно за ним он придет сюда, — и хоббит не имел права промахнуться.

— Муторно-то как, — скривившись и с трудом сглатывая, пробормотал Торин. — Ну чисто как пива перепил... дурного, донельзя дурного. Слушай, а ну как он не придет — за нами в погоню кинется?

— Не кинется, — уверенно сказал Фолко. — Это место ему важнее всех шпионов мира вместе взятых. В погоню он может отрядить кого-нибудь другого. Хотя народу у него здесь — раз-два и обчелся.

Их рассуждения прервал шум голосов — пока еще в некотором отдалении, но направляющихся прямиком сюда. Фолко и Торин сжались; хоббит мысленно горячо воззвал к всемогущей Варде Элберет, моля ее отвести взоры врагов от их тайного убежища... Однако Вождь оказался куда хитрее, чем они предполагали. Среди деревьев замелькали фигуры людей и троллей, тщательно обыскивавших каждый куст и каждое дерево. Ловкие ангмарцы, точно кошки, карабкались наверх, проверяя, нет ли кого в древесных кронах. Тролли ломали поросль подлеска, хазги обнюхивали всякую дырку в земле... Фронт прочесывающих приближался; Фолко в отчаянии закусил губу.

— Отползаем, Торин, — глухо вымолвил он.

Перед глазами все словно почернело на миг. Все их планы рушились, и теперь, пока не поздно, нужно было уходить... Они успели ускользнуть в самый последний момент. Издергавшийся Малыш едва не расплакался от разочарования, когда Торин в двух словах рассказал ему о случившемся.

— На-конь, друзья! — сохраняя присутствие духа, скомандовал Торин. — Давай к тому холму, Малыш, где еще засесть хотели...

Поросший высоким кустарником холм мог служить надежным убежищем. По обе его стороны тянулись не то старые, заросшие просеки, не то когда-то проложенные дороги. На этом месте друзья собирались устроить засаду; теперь же они просто повалились на землю, обессиленные и павшие духом.

Медленно тянулось время; все выше поднималось солнце. Ничто не нарушало спокойствия леса — пока Фолко не встрепенулся, точно разбуженный внезапным порывом холодного ветра. Словно ведомый чей-то невидимой, но бесконечно могучей дланью, он всем существом своим потянулся туда, к яме, сейчас окруженной четырьмя кольцами стражи. Мир распластался под ним в стремительном полете — и он вновь словно ощутил за спиной незримые крылья, как тогда, в памятном сне, впервые явившем его внутреннему взору Гэндальфа и прекрасное Заморье. Мелькнул ковер леса — и вот перед ним разверстая пасть ямы и одинокая человеческая фигурка на дне. Человеческая?! Как бы не так! Тьма клубилась в складках плаща; и сам плащ соткан был из нитей колдовского ночного тумана, а глаза пламенели так, словно там, внутри черепа, пылали раскаленные угли. Вот широко разлетелись мглистые полы — человек? Нет, похожее на него существо нагнулось к земле... и острая боль ворвалась в сознание хоббита вкупе с горестным плачем немногих едва слышимых, невообразимо далеких и печальных голосов. А потом две Силы — уже знакомый Фолко клубок Тьмы где-то там, под зеленым покровом дня и жуткая получеловеческая, полуиномировая мощь, чуждая всему и всякому свету и радости, — слились, и, хотя хоббит этого не видел, его согнуло от невыносимой боли. Видение тотчас исчезло.

Он увидел тревожные лица друзей, услышал их голоса, но отвечать им не мог, подавленный и разбитый. Он точно знал теперь, что Олмер нашел нечто влившееся в него и могущество Короля-без-Королевства возросло еще более. Они снова опоздали.

Глава 4

КЛИНКИ НАГОЛО!

— Ну и что будем делать? — ни к кому в отдельности не обращаясь, вопросил Малыш, от безделья уныло полируя и без того сверкающий меч.

Фолко только-только пришел в себя после свалившегося на него видения — соединение Силы Олмера и Силы Небесного Огня вызвало у хоббита состояние, близкое к полуобморочному, подобно тому, как начинает кружиться голова у человека, нагнувшегося над крутым обрывом.

— Что делать? — отозвался проверявший упряжь Торин; побелевшие губы его были сжаты, брови гневно сдвинуты; гнома распирала ярость, как и всякий раз после поражения. — Тебе не

ясно, мой милый?! Топать за ним следом! Вновь — в погоню за Вождем! Разве не поклялись мы преследовать его, пока ноги не отказались служить нам?

— Еще месяц без пива — и мои мне точно откажут, — буркнул Малыш.

— Не ной! У хоббита есть две вещицы, которые подскажут нам направление, — браслет и перстень. Не собьемся! И впредь будем умнее.

— То-то что умнее, да задним умом, — не унимался Малыш.

— А что ты предлагаешь?! — вскинулся Торин. — Не можешь сказать ничего дельного — молчи! И вообще, вставай, лежебока. Клянусь Дьюрином, этот Вождь через час-другой дунет отсюда так, будто за ним гонится целое войско Валаров. Делать ему здесь больше нечего — пора обратно. А нам — за ним!

— Тише! — шикнул на них Фолко. — Не мешайте! Я слышу стук копыт! Несколько десятков лошадей... — Он оторвал ухо от земли. — На-конь, друзья!

Малыш резво вскочил на ноги и одним движением забросил на спину своего скакунка увесистый тюк с припасами. Фолко оттянул рукав — так и есть! Огненная стрелка указывала на юго-восток. Не теряя ни секунды, они пришпорили лошадей.

Так началась их новая погоня за ускользающим, точно вода из решета, загадочным Королем-без-Королевства. Фолко опасался, что Олмер, верный своему правилу не тратить даром времени, устремится вперед с такой быстротой, что им будет не угнаться за ним; однако этого не случилось. Вождь ехал не мешкая, но и не торопясь, держа путь куда-то на юго-восток. Хоббиту оставалось только ломать себе голову, что Вождю могло там понадобиться. Возвращаться в свои владения за Опустелой Грядой он явно не торопился.

Хотя Вождь и не мчался, подобно птице, но друзья, не имея заводных коней, не могли не то что обогнать его, чтобы устроить засаду, но и просто настигнуть. Они скакали и скакали вперед, в полную неизвестность — никто даже приблизительно не знал, что за земли лежат у них на пути; припасов было немного, и друзьям приходилось подтягивать пояса. Хорошо еще, что дикие леса, сквозь которые пролегала их дорога, изобиловали дичью, и стрела хоббита нет-нет, а и доставляла им к столу свежатины. Так минула неделя.

На рассвете восьмого дня (июль был на исходе, по календарю хоббита наступило уже двадцать шестое число) Малыш, влезший ранним утром на дерево, увидел впереди невысокую горную цепь.

Собственно говоря, они и так все это время пробирались лесистыми горами, невысокими, сильно сглаженными временем, однако эти горы скорее напоминали холмы. Впереди же из зеленого лесного моря во многих местах выдавались серые скальные

клыки; невысокий хребет протянулся с запада на восток, преграждая дорогу. Гномы заметно приободрились. На недоуменный вопрос хоббита Малыш ответил, что в горах всегда есть шанс встретить если не сородичей, то по крайней мере их старые выработки. Вдаваться в подробности он отказался — лишь настаивал на еще большем сокращении привалов.

След Вождя вел их прямо к заметной даже отсюда глубокой и широкой седловине между двумя массивными горами, расползшимися подобно хорошо пропеченным караваям. Их острые скалистые вершины почему-то особенно привлекали внимание Торина и Малыша, которые ожидали некоего таинственного, одним им ведомого, знака. Фолко, справедливо почитая себя не менее зорким, тоже старался как мог, но его взорам открывался лишь сглаженный вековой работой воды и ветра скальный профиль, хаотическое нагромождение все еще заостренных каменных пиков.

Тринадцатого июля гномы резко свернули со следа, и только тогда хоббит смог добиться от них вразумительных объяснений.

— В этой горе должен быть гномий путь, — сказал Торин. — Там, на высоте, есть знаки, тебе, да и другим Смертным и Бессмертным, невидимые. Они гласят: дорога идет в дальний обход, вокруг горы; но можно пройти коротким путем. Теперь понял? Можно опередить Олмера!

Сердце хоббита забилось с такой частотой, что казалось, в груди у него взялся за работу добрый десяток старательных молотобойцев.

Второго августа, теплым росным утром, они вышли к тщательно замаскированной узкой щели, куда с трудом мог протиснуться даже Фолко, да и то сняв с себя все доспехи.

— Да, давно не чистили здесь... — озабоченно проговорил Торин. — Камень плывет... Фолко! Ищи — на уровне груди там должен быть правильный выпуклый семиугольник!

— Легко сказать... — сдавленно пропыхтел с трудом разворачивающийся в каменной тесноте хоббит.

Его пальцы судорожно шарили по шершавым гранитным стенам, явно никогда не знавшим прикосновения резца или шлифовального бруска.

— Нет здесь ничего! — с досадой бросил он ожидавшим его в тревожном нетерпении гномам.

— Посмотри повыше! — подсказал Малыш. — На уровне *нашей* груди, а не твоей!

Ругнувшись про себя, Фолко с трудом повернулся на месте и вновь принялся ощупывать камень. Когда его пальцы внезапно коснулись ласкающей глади отполированного семиугольника, всеобщему ликованию не было конца.

— Дави теперь! — скомандовал Торин. — Только изо всех сил!

Каменные плиты разошлись с глухим рокотом; давным-давно заброшенный механизм работы подземных мастеров по-прежнему оставался безотказным. Их взорам открылся широкий — телега проедет — и прямой тоннель. Наскоро приготовив факелы, друзья двинулись внутрь.

Путь через каменные толщи оказался вовсе не утомителен; пол был ровен, нужды блуждать не было; время от времени к тоннелю примыкали боковые узкие коридорчики, но главный тракт шел напрямик, никуда не сворачивая и не раздваиваясь.

— Кто жил здесь раньше? — спросил Фолко у Малыша.

— Это дело рук Восьмого Колена, — ответил Маленький Гном. — Праотцов у нас, тангаров, как ты знаешь, было семь — их сотворил сам великий Ауле. Восьмым же Коленом у нас называют странное племя изгоев — не нынешних рангторов, а тех, кто ушел из родов еще до Затопления Белерианда, когда кипели знаменитые войны Предначальной Эпохи. Те, кто положил начало Восьмому Колену, не захотели присоединиться ни к эльфам Нолдора, ни к людям Эдайна. Они ушли на восток и начали создавать собственное царство — но потерпели неудачу. Отчего и почему — толком не знает никто из моих сородичей. Мрак забвения покрыл оставшиеся безвестными гробницы. Восьмое Колено сошло во тьму, и как протекли их последние часы, мы не знаем до сих пор. Однако затем, во дни Второй Эпохи, мы, гномы Запада, расселились по всему Средиземью — и было найдено несколько заброшенных крепостей работы давно забытых нами изгоев. Это — одна из них, небольшая, скорее передовой форт над глубокими рудниками. Если мы поднажмем и проведем в седле весь нынешний день и всю ночь — мы сильно опередим Олмера на выходе из ущелья.

Друзья не жалели ни себя, ни коней — счастье, что низкорослые хазгские лошадки оказались на диво выносливы. Фолко скакал, думая лишь об одном — как бы ненароком не повредил ногу его конек. Подгорная тьма утратила власть над хоббитом, больше она не казалась вместилищем таинственных бесплотных существ — это была просто темнота, досадная помеха, мешающая видеть.

К выходу они добрались полумертвыми от усталости. Выбились из сил и кони, и всадники. Фолко рухнул как подкошенный, едва они оказались на зеленой траве, под чистым утренним небом, по которому неспешно разливалась изумительная заря. В другое время хоббит застыл бы с открытым ртом, глядя на роскошную игру чистейших красок, но сейчас все его внимание приковывал серый браслет. Над ухом сопели гномы.

Они не ошиблись. Огненная стрелка ожила — ее острие указывало на север. Олмера они опередили, и теперь оставалась самая

малость — дотянуться до его горла острием стрелы, меча, ножа или топора...

Они засели в самом узком месте ущелья. Его устье сдавливали два высоких обрывистых утеса, поверху заросшие елями. Выбрали левый — шагах в трехстах, где лес кончался, упираясь в голую скальную стену, зоркий Малыш углядел черное отверстие входа в какую-то пещеру.

— Глубокая, — с довольным видом доложил Маленький Гном, сходив на разведку, пока Торин и Фолко укладывали на краю обрыва камни поувесистее — не прибить, но хоть расстроить строй охранников Вождя.

Ничего нет хуже ожидания. Фолко не мог ни лежать, ни сидеть, в отличие от его несравненно более выдержанных спутников; ему постоянно приходилось бороться со своим буйным воображением, рисовавшим ему вид их безжизненных, изрубленных тел после возможной неудачи. Браслет Черных Гномов уже не был ему нужен — приближение Вождя он ощущал всем своим существом, подобно тому, как чувствуется жар, исходящий от хорошо натопленной печи. На них двигалась Сила! От ее поступи не дрожали горы и не сдвигались речные русла, но она в этом и не нуждалась. Она не выставляла напоказ свое могущество, приберегая его до того часа, когда обрушится войной на всех, кто не то что выступит против, а даже просто решит остаться в стороне. Фолко чувствовал голод этой Силы, и пищей ее могла быть одна только власть!

А потом гулкое горное эхо донесло до них цокот копыт, и они словно подкошенные упали за наспех натасканные к краю обрыва кучи хвороста. Наготове были камни, друзья сделали все что могли — нужно было только ждать. Ждать да молить все Силы Арды, чтобы удача не отвернулась от них на сей раз.

Отряд Олмера приближался; усиленный горным эхом, перестук копыт идущих рысью коней становился с каждой минутой все громче. Гномы вцепились в камни, готовые метнуть их вниз; хоббит наложил стрелу, взяв по своему обыкновению вторую в зубы. Обе стрелы были из числа заветных, эльфийских; три года он таскал их с собой, пустив в ход лишь однажды — в ущелье с Серым Вихрем; он берег их, дрожал над ними, как над величайшей драгоценностью, укрывал от сырости, не забывал лишний раз провести шлифовальным камнем по их и без того острейшим наконечникам — все ради этого дня и этой секунды. Чудесное оружие дождалось своего часа. Или они добьются цели — или беречь будет уже нечего и незачем.

Всадники появились из-за поворота — небольшой отряд, человек тридцать конных с заводными и вьючными лошадьми в поводу. Зоркие глаза хоббита сразу же увидели того, к кому столь долго были обращены все их помыслы, за кем они гнались долгие

месяцы, оставляя позади немереные лиги просторов Средиземья, ради кого каждый из них отринул все, став, быть может, и против своей воли бойцом, гончим псом, мчащимся по свежему следу с одной лишь мыслью — настичь.

Всадники были все ближе. Ладони Фолко взмокли, сам он мелко дрожал, точно в лихорадке. Что с гномами, он не видел — он старался превратиться в бездушный, бесстрастно рассчитывающий упреждение боевой механизм — но не получалось! Инстинктивно он чувствовал, что сейчас надо погасить в себе все мысли, все ощущения — вдруг этот Олмер способен уже по одной лишь сжавшейся впереди ненависти угадать присутствие в ущелье своих врагов?

До отряда Олмера оставалось не более трехсот шагов — еще несколько секунд, и можно будет стрелять; но кольцо телохранителей Вождя было настолько плотным, что Фолко с трудом различал мелькающий среди людских голов шлем Олмера; чутье, внутреннее зрение безошибочно указывали туда, где Вождь — но что толку пускать стрелу в густоту человеческих тел? Оставалось одно — подпустить поближе...

Двести пятьдесят шагов.

Фолко боялся мигнуть, глаза пересохли до рези, ему казалось, что зажмурься он хоть на миг — и Вождь сгинет, растворится в пустоте; словно завороженный Фолко манил и манил на себя всадников, умоляя их подойти еще поближе... еще... и еще чуть-чуть...

Друзья засели высоко над тропой. Уже хорошо была видна голова Вождя, увенчанная причудливым шлемом с железной маской, закрывающей все лицо, — но почему забрало опущено? Что он заподозрил?

Но нет — за миг до того, как это увидел хоббит, маска, очевидно, сама упала на лицо Вождю. Вот он поднимает ее рукой в черной перчатке, на скаку поворачивает голову...

Сталкивается взглядом с хоббитом.

— Хе!!! — С резким выдохом отпущена тетива.

Стрела летит...

Но еще быстрее, чем стрела Фолко, оказался Вождь.

Все, что он успел сделать, — это чуть-чуть повернуться, но и этого было достаточно. Эльфийская стрела, оставляя за собой в воздухе огненную дорожку, ударила в наушную пластину шлема — и Фолко увидел яркую вспышку голубого пламени. Стрела пробила сталь, это немыслимо, но это так — Силы, куда превосходящие человеческие, помимо упругости растянутой тетивы, гнали стрелу вперед, и она пробила броню, но большего сделать уже не смогла.

Знание это вспыхнуло в сознании хоббита подобно удару молнии.

А отряд Вождя продолжал нестись вперед в диком молчании, в страшном молчании, ни криков, ни суеты — всадники летели, точно бесплотные призраки; вперед вырвалась знакомая сгорбленная фигура с обнаженным мечом, и вот они уже у самой скалы!..

— Кида-а-а-й!!! — отчаянно завопил Торин, вставая в полный рост и обрушивая обломок скалы вниз на развевающиеся черные плащи.

Ответом был веер коротких и толстых арбалетных болтов снизу. Они били прямо в широченную грудь гнома; стрелы отскакивали от глухого шлема, ломались о наплечные пластины; телохранители Вождя стали карабкаться по камням, пытаясь увернуться от летящих сверху каменных глыб. Вот Малыш, застонав от натуги, метнул тяжеленный валун прямо в кольцо воинов, закрывающих Олмера собственными телами; пораженный в лицо, один из охранявших упал, и на секунду Вождь оказался открыт. Ну же, Фолко!..

Взгляд пылающих подобно горну глаз жег испепеляющим жаром; каждое движение давалось хоббиту с превеликим трудом — словно завороженный он не в силах был отвести взора, силы утекали из него, точно вода из пробитого меха; но их еще хватило, чтобы пустить вторую стрелу, засиявшую подобно языку неземного огня, прямо в средоточие Тьмы!

И вновь Вождь успел шевельнуться. Нацеленная в горло стрела вонзилась в правое плечо; снова сноп искр, и только обломок стрелы, сломанной стремительным движением правой руки, остался торчать в щели под наплечником.

Живая стена вновь сомкнулась вокруг Олмера, но Фолко выстрелил снова, и пораженный в лицо ангмарец упал замертво. И прежде чем бестрепетно умиравшие воины Вождя успели закрыть разрыв в своем строю, хоббит вложил все, что у него оставалось, в одно последнее усилие. Он увидел, как медленно, словно во сне, летит стрела. Олмер уже не успеет увернуться. Узкая полоска между верхом кольчуги и нижним краем шлема словно притягивала стрелу. В последний момент Олмер сделал какое-то движение, но недостаточно быстрое...

Расщепив застрявшую в плечевом поясе доспеха вторую стрелу, третья стрела вошла точно в отверстие, пробитое в железе ее предшественницей, и вонзилась глубоко в руку.

Стрела, сработанная неведомыми мастерами Нолдора в черные годы безнадежных войн и тяжких разгромов в Белерианде, нашла свою цель. И хоббит увидел, как, зажав левой рукой рану, Олмер нагнулся в седле и ткнулся лицом в гриву своего коня.

Все происшедшее заняло лишь несколько мгновений; гномы отчаянно отбивались, не давая вскарабкаться на утес черноплащным воинам Вождя. Трех поверг Торин, двух — Малыш. У Ма-

ленького Гнома вырвался ликующий крик при виде согнувшейся фигуры их врага, но, похоже, он тоже понял, что рана в правое плечо — рана не смертельная. Врага нужно было добивать, добивать во что бы то ни стало!..

Но прорехи в строю окружавших Вождя уже не было — хоббит увидел, что там распоряжается Санделло. Сейчас верный горбун поддержит своего господина — и они минуют засаду, оставив прочих воинов довершить дело...

И первым это понял Малыш.

— Клинки наголо, Торин! — загремел он, вскакивая и одним прыжком бросаясь вниз, с непостижимой ловкостью увертываясь от мечей, прыгая с камня на камень, устремляясь туда, где еще медлили сжавшиеся вокруг своего предводителя воины Олмера. Меч и даго Малыша были обнажены и готовы к битве.

Вослед Малышу с грозным боевым ревом ринулся Торин, и солнце ярко засияло на лезвии его не знающего пощады топора; попутно одним движением он чуть ли не надвое развалил попытавшегося преградить ему путь истерлинга — и дальше, дальше, вниз, всей тяжестью закованного в несокрушимую броню тела пробить стену вокруг Вождя, опрокинуть его самого, уже раненного, добить, довершить! А там — будь что будет.

«Смерть, — с неожиданной отчетливостью понял Фолко. — Это, значит, будет так...»

Он сознавал, что это конец. Осталось только одно — сделать шаг вниз, вослед друзьям, но сейчас это было выше его сил. И, словно зритель в небывалом спектакле, он наблюдал, как отбросил одного растерявшегося воина Малыш, как опрокинул другого Торин; в одно мгновение они оказались прямо перед горсткой телохранителей Вождя, оставив позади себя всех прочих врагов.

И тогда вперед выступил Санделло.

Короткий взблеск его длинного меча — и прорыв Малыша остановлен, подобно тому, как выступающий с речного дна могучий валун останавливает разбег несомой весенним потоком льдины.

На помощь другу подоспел Торин, сверкнул топор, отражая его удар, взмыл меч; словно опомнившись, очнувшись ото сна, со всех сторон прянули ангмарцы, истерлинги, орки... Мгновения были упущены, их отобрал Санделло, не сдвинувшийся ни на шаг.

Поворачивая, прыгали вниз с уступов новые воины Олмера, но, по счастью, ни один не добрался до хоббита. Помогая друзьям, он пустил одну стрелу, другую, но было уже поздно. Уже уходил галопом выпрямившийся в седле и прикрытый своими Вождь, уходил живым, лишь раненным, а Санделло оставался, и теперь он уже не оборонялся, а наступал, все убыстряя и без того едва различимые выпады. Еще один орк упал со стрелой хоббита

в затылке. Малыш и Торин вновь, плечом к плечу, насели на горбуна, они уже поняли, что еще миг — и им придется биться вдвоем против двадцати. Нужно было вырываться из кольца, и они атаковали отчаянно, вкладывая все силы и умение; к несчастью для них, они закрывали Санделло от стрелы хоббита собственными спинами...

Малыш был вынужден повернуться и отражать сыплющиеся со всех сторон удары подоспевших наконец воинов Олмера; Торин рубился с горбуном.

И тут Фолко заметил, что Вождь не ушел далеко.

— Приведите их мне живыми, приведите их мне! — грянул его неистовый голос.

По-прежнему закрытый живой стеной, Вождь усилием воли гнал сейчас своих немногочисленных воинов прямо на разящие меч и топор гномов; и воины его не подвели.

Малыш и Торин даже вдвоем ничего не могли сделать с горбуном — его длинный меч оказывался точно в нужном месте, ни секундой раньше и ни секундой позже. Из-за спин друзей движения Санделло были плохо видны хоббиту, но он понял, что опытный мечник, очевидно, догадался о природе материала, из которого была сделана броня его противников, и не пытался атаковать. Он лишь защищался — но так, что сдвинуть его с места было невозможно.

Если бы не мифрильные бахтерцы, гномы, конечно, ни за что не выдержали бы обрушившейся на них спустя несколько мгновений атаки почти всех воинов Вождя. Раза три видел хоббит, как мечи истерлингов высекали искры на доспехах Маленького Гнома; ангмарцы не жалели стрел, в упор, с нескольких шагов разряжая в гномов свои арбалеты, но их болты, пробивающие обычную кольчугу за сто шагов, тут были бессильны.

Мелькнула арканная петля: кто-то из людей Вождя выполнял его приказ взять противников живыми. Засмотревшись на происходящее, Фолко на миг потерял из виду Санделло — и его закрыли обступившие гномов со всех сторон телохранители Олмера. Он приподнялся над камнями, отыскивая цель для своего лука, еще лелея безумную надежду каким-нибудь чудом сразить Короля-без-Королевства, и в тот же миг получил такой удар по шлему, что не устоял на ногах и покатился кубарем; в глазах все померкло, но сознания он не потерял.

Не почувствовал он и боли — сперва; что-то теплое и липкое выступило на переносице, а потом он увидел нож. Нож валялся рядом с его головой, тяжелый метательный нож, очень похожий на его собственный. Его острие было чуть-чуть запятнано кровью, и только теперь хоббит понял, что произошло. Осторожно высунувшись, он увидел Санделло, спокойно застывшего рядом с кипящей ожесточенной рубкой и даже скрестившего на груди

руки; заметив голову хоббита над камнями, горбун весь вскинулся, словно бы в гневе и удивлении: он явно не ожидал увидеть Фолко живым.

Когда хоббит неосмотрительно высунул голову из-за прикрытия, горбуну потребовались считанные мгновения, чтобы, собрав все свое великое умение, одним широким взмахом руки метнуть тяжелый клинок, метя в узкую черную полоску смотровой прорези в сплошном забрале шлема.

И он попал.

Фолко спасся чудом — он чуть-чуть склонил голову, подобно тому, как Вождь несколько минут назад, и лезвие задело о край щели; потеряв силу, оно лишь оцарапало переносицу хоббита.

«Санделло мог убить тебя голыми руками, даже не вставая из-за стола», — припомнились Фолко слова Рогволда, сказанные старым сотником давным-давно, в самом начале их странствий.

А там, внизу, гномы, похоже, поняли, что если они тотчас не вырвутся из кольца, их не спасет даже несравненная броня; и они, срубив двоих заступивших им путь, кинулись прочь, вверх по склону холма; стрела хоббита повалила еще одного преследователя, но воины Олмера не отставали, арбалетчики старались попасть в ноги гномам и присоединившемуся к ним хоббиту; друзей теснили к горам.

В отдалении, шагов за триста, среди деревьев мелькнула фигура поднявшегося верхами на кручу Олмера, его левая рука была вскинута, меч обнажен — и стоило хоббиту увидеть его, как сразу подкосились ноги. Низкий, непередаваемо грозный боевой клич Вождя прокатился среди сосен; презрев рану, Король-без-Королевства гнал коня прямо на своих полуокруженных врагов.

И такая сила слышалась в этом яростном кличе, что поначалу дрогнули даже гномы, крепкие, точно корни гор. Фолко несся, потеряв голову, словно преследуемый коршуном заяц; вот они оказались возле своих укрытых лошадок; вот вскочили в седла...

Как удалось низким, коротконогим гномам и отродясь не умевшему быстро бегать хоббиту оторваться на несколько десятков шагов от высокорослых воинов Олмера, подгоняемых вдобавок железной волей своего предводителя? Нечто более сильное, чем просто страх смерти, гнало их вперед, наделяя поистине сверхъестественными силами; и они успели, они выиграли несколько бесценных секунд, которых как раз хватило, чтобы вскочить в седла и хлестнуть лошадей.

Но далеко уйти им не дали. С бешеными взвизгами неслись хазги, отрезая дорогу вбок; страшась не столько за себя, сколько за лошадей, гномы и Фолко были вынуждены гнать все ближе и ближе к горам, к жадно расступавшимся острым гранитным клыкам...

Хоббит в отчаянии оглянулся. Погоня все ближе, деваться некуда; сколько бы ни продержались они против всей Олмеровой охраны, рано или поздно их все же одолеют.

А телохранители Вождя, вновь оказавшись верхами, быстро сжимали кольцо, тесня и тесня друзей все дальше от спасительного лесного покрова.

Торин, с перекошенным, бледным от ярости и отчаяния лицом, резко осадил своего конька.

— Бежать бессмысленно! — проревел он. — Клинки наголо! Барук хазад! Хазад аймену!

— Подожди! — прямо ему в ухо заорал не потерявший присутствия духа Малыш. — Пещера! Моя пещера! Туда!

И такая уверенность была в его голосе, что Фолко и Торин повиновались Маленькому Гному без звука.

Черный зев пещеры раскрылся внезапно, друзья с разгону влетели внутрь. Копыта гулко зацокали по каменному полу.

— И что дальше? — Мифрильная маска уже закрывала лицо Торина, голос глухо доносился из-под нее. — Они сейчас будут здесь...

Вместо ответа Малыш молча указал пальцем в угол, в самое дальнее место, куда еще добирались проникающие снаружи лучи. Повернувшись вслед за рукой Малыша, Фолко увидал там несколько странных знаков на стене, незнакомых ему рун, чем-то напоминавших Даеронские.

— Черные Гномы... — выдохнул Торин.

И в тот же миг за их спинами затопали тяжелые сапоги. Преследователи настигли их.

— Задержите их, задержите хоть на пару секунд! — крикнул Малыш, устремляясь прямо к начертанным на камне письменам.

Об опущенное забрало хоббита тотчас сломалась арбалетная стрела. С шипением рассекая воздух, взлетел, впрыгнул в руки хозяина изрядно запятнанный свежей кровью топор Торина; частые удары коротких и толстых арбалетных болтов не давали Фолко прицелиться, и без того он был весь мокрым от пота, заставляя себя стоять в полный рост под колючим дождем. Вслед за Торином хоббит также потащил из ножен свой меч.

— Взять их живыми! — раздался знакомый голос, шедший из-за спин столпившихся у входа нападавших.

Все новые и новые воины Олмера врывались внутрь, постепенно охватывая сжавшихся в углу друзей. Испуганно заржал конек хоббита, и тотчас взвились арканы.

Их кидали хазги и истерлинги — непревзойденные мастера своего дела, и не было тут несокрушимого, неколебимого хирда, который мог в нужный момент удержать тебя, спасти от уже захватившей шею гибельной удавки; хотя гномам и хоббиту арканы были не в диковинку — их пробовали пустить в ход против них еще незабвенные басканы, — но куда было тем увальням до вели-

ких мастеров ременной игры из числа личных телохранителей Вождя!

Под прикрытием непрекращающегося потока стрел (из которых каждая могла найти свою дорожку, отыскать непрочное сочленение или расширившуюся чуть-чуть больше, чем надо, щель) медленно приближались метатели арканов, наматывая кожаные веревки себе на локти. Фолко, превозмогая себя, все же попытался извлечь из колчана стрелу, наложил ее на тетиву, выстрелил — однако наконечник лишь высек искры из прочного нашейного хауберка одного из истерлингов.

Теряя терпение, Фолко зашипел, ощериваясь, словно кошка. В обеих руках сверкала сталь, ноги были напружинены, готовы к прыжку, рядом боевой башней застыл в своем грозном шипастом доспехе Торин, а у них за спиной Малыш продолжал что-то делать, сопя и хрипло ругаясь.

Наконец решившись, один из истерлингов, очевидно, посмелее других, взмахнул рукой, и черная ременная петля захлестнула плечи гнома. Следуя примеру удачливого товарища, прыгнули вперед еще трое воинов Олмера.

Рыча, словно невиданный зверь в несказанной ярости, Торин не стал пытаться разрезать опутавшую его петлю; невысокий, почти квадратный в своих мощных доспехах, он неожиданно рванулся на врага сам, перекатившись по полу пещеры, точно детский мяч. Брошенные три аркана захватили лишь пыль, а Торин, не поднимаясь на ноги, из немыслимой позиции одним взмахом перерубил отважному истерлингу обе ноги, и вопль дикой боли забился под низкими сводами, камень щедро оросился кровью.

Несмотря на эту удачу, гному, конечно, было бы несдобровать, если бы на него сейчас навалились все противники одновременно. Он и не пытался остановить их в одиночку; держа топор наготове, Торин медленно пятился назад.

— Ну же, Строри! — заорал, надсаживаясь, Торин, словно Малыш был в доброй лиге от него. — Давай же, во имя Дьюрина!

И, словно отзываясь на заветное слово, за спиной хоббита что-то негромко зашелестело, точно заработал какой-то потайной, тщательно смазанный механизм; у воинов Олмера вырвались изумленные восклицания, и тут в задних их рядах внезапно поднялась какая-то неразбериха, а еще спустя миг хоббит понял и ее причину: расталкивая своих, вперед устремился сам Вождь.

— Быстрее, Фолко! — услыхал хоббит истошный вопль Маленького Гнома.

Но что-то мешало ему повернуться: его заворожила надвигающаяся сила. Меч был зажат в левой, здоровой руке Олмера, глаза метали молнии — он раньше всех понял, что происходит, что добыча ускользает, и ринулся в атаку.

Чья-то неимоверно сильная рука рванула Фолко за плечо так,

что он не удержался на ногах и, отчаянно пытаясь сохранить равновесие, отлетел назад шагов на пять-шесть — и будто с головой окунулся в темную воду; кругом был мрак. Тайная каменная дверь быстро закрывалась; одна или две стрелы сломались о стены узкого темного хода, где оказались друзья.

— Они... они не откроют? — задыхаясь от волнения, совсем по-детски спросил хоббит у своих спутников.

Все вокруг тонуло в плотном сумраке, было слышно только тяжелое дыхание гномов.

— Не откроют... как и мы, впрочем, — со смешком сказал Малыш заметно дрожащим голосом.

— То есть как? — опешил хоббит.

— Да уж как есть. Внешний-то замок я открыл, потому что там были кое-какие подсказки на нашей Тайной Речи, а здесь... я шарю, шарю, но пока не нащупал вообще ничего похожего на замок.

— Погоди, а зачем его сейчас открывать? — хрипло произнес Торин. — Не терпится в объятия Санделло?

— Сейчас, понятное дело, открывать незачем, — согласился Малыш. — Но сколько ты рассчитываешь тут так просидеть?!

— Ну... день, два... Вождь спешит, путь его далек, охраны он тут не оставит... Вдобавок нам больше не вынести без воды.

— Погодите! — воскликнул окончательно сбитый с толку хоббит. — Чья это вообще пещера? Черных Гномов?

— Их работа, клянусь клещами Ауле! — заявил Малыш; судя по звукам, Маленький Гном устраивался у стены поудобнее, ерзая из стороны в сторону. — Старая, правда... но далеко не заброшенная. Куда вот только ведет? Но это большая удача, что мы на нее натолкнулись. Таким пещерам можно доверять. Я слышал, что в таких местах можно не бояться ни орков, ни какой иной подземной нечисти. Погоди, переведем дух, запалим что ни есть, осмотримся... Уверен, что замок должен быть...

Раздался глухой скрип, все сразу умолкли, поспешно хватаясь за оружие. Скрип повторился, словно чьи-то исполинские когти рвали в клочья чрезвычайно прочную, неподатливую грубую ткань. И в тот же миг по сознанию хоббита словно бы ударили тяжелым тараном, кто-то настойчиво тянулся к нему, стремясь добраться до самого сердца, высосать силы, погасить мысли — и могла ли какая-то дверь, пусть даже каменная и сработанная Черными Гномами, остановить его?

Страх, какого уже давно не знал хоббит, вновь охватил его, парализуя волю; как завороженный, не в силах отвести взор, Фолко вперился в черноту, откуда раздавались зловещие скрипы. Внутренний взор рисовал ему смутные контуры размытой серой фигуры, грозной и обуянной гневом, застывшей с широко распростертыми в стороны руками перед наглухо запертой дверью. Хоб-

биту казалось, что он кожей чувствует поток ледяного ветра, неведомым способом прорывающегося через каменную преграду.

А потом что-то с тяжелым скрежетом подалось, и мрак рассекла узкая щель, полная бледного, бесцветного пламени; закрываясь руками от холодных, но слепящих лучей, друзья попятились, а потом вновь опомнившийся первым Малыш дико завопил не своим голосом, выводя остальных из столбняка; они опрометью побежали, и их кони не заставили тянуть себя в глубь пещеры: неистово храпя от страха, они сами искали спасения.

Казалось, тяжко застонала сама гора, раздираемая до самых глубин; мертвенный свет бил в спины друзей, их чудовищно изломанные тени плясали, изгибаясь на гладких стенах коридора, они мчались сломя голову...

Позади раздался тяжкий удар. Мягкий, но исполненный необычайной силы, он заставил заколебаться скалу у них под ногами; теряя остатки самообладания, они бежали все дальше в слепом, животном ужасе.

Камень сотрясся вторично. Света заметно прибавилось, но с каким желанием гномы и хоббит променяли бы его на такую уютную, тихую, покойную тьму! У Фолко не было сил оглянуться, но и не делая этого, он знал, что, уступая чудовищному напору, дверь постепенно отворяется...

Стены узкого коридора внезапно раздались в стороны; друзья с разбега вылетели к краю черной пасти обрыва. За спинами все ярче становился пугающий бледный отсвет.

Торин затравленно оглядывался. По счастью, через пропасть на другую сторону вел, скрываясь в темноте, узкий каменный мост, очень похожий на Морийский.

Позади них с жутким грохотом обрушилось что-то очень тяжелое, и Фолко понял, что дверь не выдержала; по коридору затопали преследователи.

— На мост! Быстрее! — крикнул Торин, волоча за повод упирающегося от страха конька.

Осторожно балансируя над пропастью, они перешли ее. Гномы нагнулись над краем моста.

— Малыш! Навались! Смотри, его можно спихнуть вниз!

— Ага! А потом куда?

— Потом, потом! Видно будет! Давай же, пока нам кишки не выпустили!

Малыш еще пытался что-то возражать, но в это время из-за поворота появились первые фигуры воинов Вождя, и больше он не заставлял себя упрашивать. В плечо Маленькому Гному ударила арбалетная стрела, но он, не обращая на это внимания, плечом к плечу с Торином налег на кажущуюся неподвижной испокон века глыбу моста. И такое неимоверное усилие вложили в это гномы, что камень подался. С глухим скрипом глыба дрогнула, и,

прежде чем воины Олмера успели ступить на мост, он низринулся в пропасть. Звук от его падения дошел до слуха хоббита лишь спустя добрых пятнадцать секунд.

Друзья поспешно отбежали от края провала подальше, укрывшись в спасительной темноте. Фолко пустил стрелу, она отскочила от низкого истерлингского шлема, и охранники Вождя стали поосторожнее.

Затаив дыхание, пригнувшись, Фолко ждал со стрелой на тетиве — неужели Вождь не выйдет сам?! Только бы вышел!

Но Олмер, очевидно, прекрасно понимал, что дерзко покушавшиеся на него вряд ли ушли далеко, и не стал соваться под меткие стрелы хоббита. Откуда-то из-за спин своих воинов, не показываясь на открытом месте, он отдал приказ отходить.

Спустя минуту в пещере уже никого не было. Малыш глубоко вздохнул, расслабляясь, и обессиленно откинулся назад. Свет тем временем померк, пещеру вновь затопил непроглядный мрак.

Некоторое время друзья молчали, еще не до конца уверовав в спасение.

— А куда теперь, Торин? — осведомился, отдышавшись, Малыш.

— Высекай огонь, — буркнул тот. — А я пошарю в седельной сумке, по-моему, там были остатки факелов, что мы наготовили перед тоннелем Восьмого Колена.

Вскоре Торину и впрямь удалось на ощупь отыскать связку смолистых сучьев. Сухо щелкнуло огниво, заалел слабый язычок пламени, потрескивая, занялся факел. Дрожащий круг света упал на стены, друзья смогли кое-как оглядеться. В противоположной от входа стене пещеры, возле которой они сидели, нашлось устье еще одного прохода; подземный зал пополам рассекал непроглядный провал.

— Куда направимся? — спросил Малыш. — Попытаемся перебраться через пропасть или пойдем вглубь?

— Через пропасть нам не перелезть — веревок не хватит, а если бы и хватило, лошадей пришлось бы все равно оставить, — сказал Торин. — Выходит, надо идти вглубь! Если уж Черные Гномы здесь свой замок поставили — рано или поздно мы на них натолкнемся.

— Замок-то они поставили, да не больно он крепок оказался, — заметил Малыш.

— Хотел бы я знать, какая сила сумела его разломать, — кивнул Торин.

— Ладно, давайте уж двигаться, сидючи на месте и споря, мы точно от голода помрем, — прекращая дальнейшие споры и рассуждения, поднялся Фолко.

Они двинулись в путь; по счастью, коридор не ветвился. Про-

шло много часов утомительного и однообразного путешествия, когда предсказание Торина наконец исполнилось.

Словно чья-то гигантская рука повернула потайную ставню — кусок коридора осветился неярким желтоватым светом; из глубоких ниш справа и слева безмолвно выступила закованная в броню стража.

Друзьям не дали даже раскрыть рта; поспешно показанные хоббитом и гномами роковые браслеты, похоже, оказались красноречивее любых речей. Один из воинов, очевидно, старший караула, молча сделал выразительный жест, означавший: «А ну давай за нами!».

Гномы попробовали было объяснить, рассказать — их никто не слушал. Подталкиваемые в спины древками могучих копий, в сопровождении до зубов вооруженного конвоя их повели куда-то вверх по плавно поднимающимся переходам. Торин и Малыш испробовали все гномьи наречья, даже Тайное — все было тщетно.

Вот так, в полном молчании, они шли несколько часов, пока перед ними не раздвинулись бесшумно каменные глыбы и в глаза не брызнул яркий солнечный свет.

На востоке всходило солнце. Было раннее утро следующего дня.

Глава 5

ТАЙНА ТАЙН

Где-то на востоке Средиземья, у подножия оплывших, заросших лесом гор, горел небольшой костер, старательно укрытый от посторонних глаз в глубокой яме между корней старой сосны. Сушняк горел почти бездымно; в закопченном, видавшем виды дорожном котелке булькало варево. Три расседланные низкорослые лошадки щипали траву неподалеку.

Лежа на спине, Фолко бездумно глядел в небо, высокое, чистое, едва подернутое зависшими на огромной высоте легкими перистыми облаками. Где-то рядом негромко переговаривались гномы: Торин, как обычно, полировал топор, Малыш помешивал в котелке.

Положение друзей можно было бы назвать отчаянным — именно так и характеризовал его Фолко, но при этом им владело странное, мертвенное спокойствие, как будто собственная участь стала для него чем-то совершенно не существенным.

Отринув все, они рвались к поставленной цели — враг оказался сильнее, и вот они очутились в неведомых глубинах Средиземья, в областях, куда и ворон костей не заносил, где они не знали ни

дорог, ни рек, ни народов, ни языков; уже показывали дно мешки с провизией; их единственные не-враги, Черные Гномы, выставили их за дверь без всяких разговоров... Друзья потеряли слишком много времени, след Вождя уже, как говорится, простыл.

В былые времена Фолко впал бы в черное отчаяние от всех этих рассуждений, но теперь они лишь побуждали его к действию. Они затеряны в неведомых далях — но и тут есть кое-кто, на чью помощь можно надеяться. Фолко вспомнил о Восточных Эльфах. Чудесный подарок Форве, принца Невозжелавших, настроенный на существо хоббита перстень, и клинок работы наставника мастеров этого великого народа — они приближались к своей прародине, и у хоббита крепла странная уверенность, что они помогут ему отыскать дорогу к тайным эльфийским твердыням. Он тщательно перебирал в памяти то немногое, что знал о здешних местах, — судя по всему, они уже недалеко от границ Серединного Княжества и от Вод Пробуждения.

Фолко перекатился на живот и глянул на восток. Лесистая равнина плавно уходила вниз, бесчисленные кроны деревьев сливались вдали в сплошной сиреневатый покров. Наметанный глаз хоббита, сколько ни старался, не мог узреть ни малейшего намека на хоть какую-нибудь тропу.

Каждый понимал теперь, что их погоня за Вождем провалилась окончательно. Что делать дальше? То ли пробиваться обратно, на Запад, и попытаться искупить свой невольный грех, вступив в армию Гондора, в ее полках ожидая неминуемого начала кровавой битвы где-нибудь на берегах Андуина? Или, махнув на все рукой, вернуться в Хоббитанию? (Эту возможность, однако, Фолко отмел с порога.) Или, последовав совету Наугрима, предложить свою службу Серединному Княжеству?

Хоббит скрипнул зубами. Невыполненный Долг пригибал к земле почище любого Кольца, и, возможно, именно от сознания невыносимости этого бремени Фолко пришла в голову и вовсе несуразная в их положении мысль.

Великий Орлангур! Дух Познания, Золотой Дракон Страждущих Откровения. Последнее из последних средств. Если и он не даст ответа — его не даст никто в Мире, разве что они добрались бы до самого Валинора.

Но как его найти? Где искать зачарованную, окруженную сонмищем ужасных тварей пещеру? Кто, кроме Авари, смог бы помочь в этом?

Фолко достал перстень Форве. Камень в нем вновь был голубым, и огнистый мотылек мерно взмахивал крылышками в такт дыханию хоббита. Он бережно положил драгоценность прямо перед собой, на расстеленную поверх травы белую тряпицу. Дальше начиналось самое сложное. Смутные догадки, что через этот перстень можно как-то дать знать о себе его прежним владельцам,

были не более чем догадками, и не было ничего, что могло бы подсказать, как именно можно сделать это. Оставалось полагаться на свое чутье.

Зажмурившись, хоббит постарался как можно четче представить себе голубой камень. Пламенная бабочка была сущностью хоббита, его таинственным двойником — настало время ей разорвать тенета и отправиться в путь. Воля хоббита гасила одну за другой посторонние мысли, сосредоточившись на камне и только на нем одном. Это оказалось непросто: точно острые иглы, непрошеные чувства рвались со всех сторон в сознание — и отступали, ломаясь о крепкий барьер его собственной воли. И вот мало-помалу ему стало казаться, что камень словно бы растет, увеличивается, заслоняя собой золотую оправу, становятся видны необычайно сложные радужные переплетения огневеющих нитей в теле и крыльях мотылька. Превозмогая головокружение, Фолко заглянул за край уступа, на котором, оказывается, сидит это существо, — у него перехватило дыхание, но дурнота тотчас прошла, ибо камня больше не было! Под лазурным небесным куполом парило сказочно прекрасное существо, похожее на пламенного орла. Фолко перестал ощущать собственное тело; в лицо дул свежий ветер, словно хоббит вновь оказался в том приснопамятном, увиденном на пути в арнорскую столицу — с легким шелестом расправились незримые крылья, и он взмыл вверх.

Его великолепный поводырь мчал перед ним, рассекая воздушные толщи; и чей-то голос, трезвый и спокойный, начал нашептывать хоббиту:

«Два дня пути на север. День пути вверх по реке. Сверни от трех желтых скал на восток. Жди у Восьми Дубов в одном дне пути от реки».

И он помчался над землей, увидев все эти приметы, и возле могучей шеренги выстроившихся на вершине холма лесных исполинов заметил крошечные серебристые фигурки. Эльфы услышали его и, судя по всему, узнали.

Он еще успел заметить их вскинутые в приветствии руки, и тут видение оборвалось.

И друзья двинулись на север, в точности выполняя предписанное. Минуло два дня — и они увидели реку, широкую и медленную, так и оставшуюся для них безымянной. От желтых скал они повернули на восход, углубившись в привольные дубравы, перемежающиеся обширными лугами. Фолко недоумевал — подобный пейзаж сгодился бы где-нибудь на юге Энедвэйта или Минхириата, но не здесь, на суровом и холодном северо-востоке.

— Не иначе как эльфы потрудились, — заметил хоббит.

Давно уже не выпадало на их пути радующих глаз краев. Здесь помнили о Тьме, но ее порождения не осмеливались показываться здесь, отступив перед гордой силой исполинских дубов, вознесшихся подобно крепостным башням.

Дул легкий южный ветер, серебристая рябь морщила зеркала небольших, разбросанных тут и там прудов; журчали прячущиеся в зеленых травяных тоннелях ручейки, направляясь куда-то на восток, и высоко-высоко в необычайно высоком и чистом небе парил, описывая широкие круги, огромный орел.

— Воды Пробуждения недалеки, — глухим от волнения голосом сказал Фолко. — Нутром чую.

— Ну-ну... — неопределенно проворчал Торин. — По мне, хоть Пробуждения, хоть Задремывания — лишь бы толк был. Лишь бы на след навели!

— Если верить Наугриму, Форве и остальным, Великий Орлангур должен знать все, — возразил хоббит.

— Поживем — увидим, — по-прежнему скептически ответствовал Торин. — Я ведь, собственно, не о нем, хотя нам, тангарам, всякие там Драконы, кем бы они ни были, очень даже подозрительны. А ты помнишь, что прорываться к его пещере надо сквозь полчища неведомых страшилищ?

— Неисполненность Долга хуже любых страшилищ, — сумрачно ответил хоббит, и Торин закусил губу, безмолвно соглашаясь с другом.

— Погодите, а во-он там, впереди, не те ли Восемь Дубов, что нам нужны? — вмешался в разговор Малыш, указывая рукой на восток.

За подернутым легкой дымкой небольшим озерцом высился могучий холм, его зеленые склоны поросли орешником, а на обнаженной вершине, посреди молодого подроста, стояли восемь таких громадных дубов, что даже невозмутимый Малыш удивленно присвистнул. Их кроны смыкались, ветви переплетались, образуя на высоте двух десятков саженей самый настоящий древесный замок — и это сразу же напомнило хоббиту прочитанное в Красной Книге описание прекрасного Лориэна.

А когда друзья, обогнув озерцо и поднявшись по некрутому, но очень длинному скату, достигли наконец подножия Восьми Дубов, из зеленых глубин листвы, не качнув ни единого листка, безмолвно возникли, точно ночные тени, серебристые фигуры эльфов-Авари, и один из них поднял руку — тем же самым жестом, который хоббит видел, следуя странными воздушными путями за огненным мотыльком из перстня.

— Вот и снова встретились, Фолко Брендибэк, сын Хэмфаста! — произнес чистый и сильный голос принца Форве, и хоббит низко склонился перед царственным эльфом в почтительном поклоне. — Помог ли тебе мой подарок? Ты многое чувствуешь, многое открыто тебе — пусть даже ты сам не всегда осознаешь разумом, да это и не всегда надобно. Привет тебе! Я рад видеть тебя

и твоих друзей здесь, в подвластных нам землях! А теперь, пока готовят угощение, расскажи: что приключилось с вами после нашей первой встречи? Мы следили за происходящим, насколько могли — до нас доходят вести о боях и походах, созидании и разрушении, и мы знаем о схватках, кипевших на серых берегах Хоара, но поведайте же нам, что вы смогли узнать о Вожде!

Торин и Малыш не сразу справились с изумлением — и тот, и другой впервые видели Перворожденных живьем и сперва смотрели завороженно, не отрываясь. На принце был серебристо-зеленый плащ, на небесно-голубой перевязи висел длинный меч, густые пепельно-серые волосы охватывал серебряный же обруч с крупным агатом, но необычайно глубокий и мягкий блеск этого обруча говорил о том, что на самом деле он сотворен из мифрила.

Несколько разнообразно вооруженных эльфов, приближенных принца, обступили друзей; один из них с видом подлинного знатока и ценителя оглядел доспехи Торина и, легко коснувшись плеча гнома, протянул ему полный до краев походный кубок.

— Да! — улыбнулся Форве. — Выпьем живительной влаги соков земли — за успех начатого!

У хоббита закружилась голова от необычайных, тонких ароматов, волной обрушившихся на него, когда он поднес к губам чашу тонкой работы. Тем временем другие эльфы уже расставили на покрытом зеленой скатертью походном столе яства и напитки. Принц радушным жестом пригласил друзей к трапезе.

Однако не в обычае Авари было откладывать серьезные разговоры на потом. Дослушав окончание рассказа друзей, Форве задумался, его светлое чело затуманилось.

— Что же, если вы ищите Великого Дракона, мой долг — указать вам дорогу. Но его мало волнуют мелкие свары между людьми. Поэтому, если все ваши подозрения беспочвенны, он просто ничего вам не ответит.

— Но разве Великий Орлангур не предупредил бы вас или правителей Серединного Княжества о приближении столь грозной опасности? — с набитым ртом спросил Фолко.

Принц в раздумье опустил прекрасное лицо.

— Великий Орлангур — не наш правитель. Он не окутывает нас удушливой завесой своей надмировой заботы... Мы должны сами отражать удары, сыплющиеся на нас. Поэтому он мог и не послать предупреждения — ведь согласно его непостижимому плану мы должны проходить и через суровые испытания. Поэтому не ждите от него ответа в форме прямого приказа! О глубоких пластах мировых сил он поведает вам с охотою, но только если вы достаточно мудры, его ответы окажутся небесполезны, только тогда вы сможете извлечь из них пользу для себя.

— На пути сюда, — сумрачно заговорил Торин, — мы встречали и друзей, и недругов. Но если недруги все как один готовы

были встать за Вождя, то вот наши друзья... у каждого находилась тысяча и одна причина, почему он никак не может выступить с ратной силой против новоявленного Черного Копья. Почему так?

— Видишь ли, почтенный гном, вашими друзьями были свободные. А свобода в первую голову — это наличие своего собственного, непреложного Долга. Свет не привык нападать первым, он лишь отражает удары, поэтому те, у кого вы находили приют, и отвечали примерно так, что воевать будут лишь в том случае, если нападут на них самих. И так хватает других забот.

Торин попытался что-то возразить, но Малыш остановил друга:

— Дьюрин нас рассудит, но все-таки укажет ли нам Великий Дракон дорогу к Вождю? Откроет ли, где корень его силы? Объяснит ли, как нам избавить мир от Олмера? Если да, то мы трижды дураки, что теряли время, вместо того чтобы сразу отправиться к нему на поклон; но если вместо этого мы услышим туманные колдовские разговорчики — к чему нам туда тащиться?

— И кстати, — снова встрял Торин, не давая принцу и секунды, чтобы ответить Малышу. — А твои подданные, могучий и славный принц Форве? Разве вы, уже схватившиеся с отрядами Вождя, когда Отон прорывался с боями к Дому Высокого, не двинетесь против него всей своей великой силой?

— Быть может, и двинемся, — медленно произнес Форве, твердо глядя прямо в глаза гному. — Очень может быть. И поэтому ответы Великого Орлангура важны и для нас. Поэтому я сам искал встречи с вами. Поэтому мы так легко нашли друг друга здесь, на самой северо-западной границе наших владений. Путь к Золотому Дракону мы пройдем вместе.

Рядом с принцем бесшумно, точно лесной призрак, возник один из его воинов, негромко произнес несколько слов на древнеэльфийском. Форве повернулся к друзьям, его большие глаза сузились.

— Орлы заметили снижающегося улага, — негромко произнес он, и голос его не сулил ничего хорошего ни самому улагу, ни тем, к кому он направлялся. — Надо перехватить их! Давно, очень давно никто не дерзал ходить по нашим землям...

— Мы что, погонимся за ними? — осведомился Малыш.

Принц утвердительно кивнул, и тогда Маленький Гном заговорил снова:

— Но как же с Великим Драконом? Я все же хотел бы услышать, даст он нам ответ или нет? И если да, то какой?

— Великий Орлангур может открыть вам природу этого Вождя, — ответил Форве. — Но не слишком надейся, что он проникнется вашей страстью уничтожить его! Пойми, тангар, Золотой Дракон — он ни на чьей стороне, он не Свет и не Тьма, он

Третья Сила! Как могу я заранее сказать тебе, что он возгласит вам? Нужно добраться — и услышать все своими ушами.

Пир был свернут в считанные минуты. Откуда-то привели коней, и Форве повел свой небольшой отряд на юго-восток. Эльфы ехали в молчании. Блистающие доспехи были скрыты под видавшими виды серыми плащами, не лучились самоцветы, не сверкало серебро насечек, лишь волосы, чудные волосы воинов... сами подобные и золоту, и серебру, но многократно более прекрасные своей жизнью, вились по ветру, выбиваясь из-под высоких шлемов.

Сперва хоббит не мог понять, чем руководствуется отряд, выбирая направление, но потом, приглядевшись, заметил небольшую черную точку над горизонтом — орел кружил над одним местом, указывая путь.

Когда солнце стало клониться к закату, Форве скомандовал короткий привал. Коням дали какой-то приятно пахнущей жидкости из фляг — и утомленные животные тотчас приободрились. Здравур, напиток, восстанавливающий силы, был поднесен и друзьям. Фолко сразу же ощутил, как уходит боль в натруженных ногах и бедрах — словно и не было позади многих часов в седле.

Они скакали до глубоких сумерек, оставляя позади раскидистые дубравы, переходя вброд небольшие речушки, одолевая время от времени преграждающие дорогу овраги. Несмотря на здравур, силы начинали мало-помалу оставлять Фолко — и, словно угадав его мысли, принц дал знак остановиться.

— Ближе подходить нельзя, — одними губами, но так, чтобы расслышали все, произнес он. — Надо выяснить, кто они и сколько их там. Тогда решим, что делать.

Хоббит и гномы переглянулись, и Фолко решительно выступил вперед.

— Я проберусь, — сказал он, твердо глядя в глаза принцу.

Форве не улыбнулся, чего втайне боялся хоббит, но со всей серьезностью кивнул:

— Хорошо. Но тебя будут прикрывать Амрод и Беарнас.

Гномы хлопнули друг друга по плечу и, поправив доспехи, засели в первом ряду воинов-Авари, готовых к атаке; за хоббитом и двумя его спутниками сомкнулись кусты. Разведчики осторожно поползли вперед, сливаясь с серыми ночными тенями.

Сперва пришлось ползти по медленно повышающемуся склону, среди густого подлеска, но затем склон перешел в плоскую вершину — и они заметили часового. Невысокая фигура сидела на пне, в тени дубов; по огромному настороженному луку хоббит узнал хазга и уже потянулся было к метательному ножу, но Беарнас мягко остановил его. Эльф покачал головой и достал из коробочки на поясе щепотку беловатого, остро пахнущего порошка. Сделав хоббиту и Амроду знак ждать, Беарнас скрылся в зарослях. Спустя короткое время Фолко на миг показалось, что голову часового словно окутало легкое облачко, окутало и почти тотчас исчезло. Дозорный стал вдруг клониться на сторону и клонился до тех пор, пока не свалился с пня. До слуха хоббита донеслось его сонное похрапывание. Беарнас встал из кустов в двух шагах от уснувшего дозорного и махнул товарищам, делая знак приблизиться.

Лес кончался. Они смотрели вниз, в узкую ложбину, стиснутую двумя могучими холмами: там, внизу, среди орешника, горел небольшой, едва заметный костер. Вокруг сидело десятка два хазгов, чуть дальше щипали траву их кони.

Амрод жестом показал, что можно возвращаться; дело оказалось более легким, чем они рассчитывали, но хоббит остановил его.

— Я хочу послушать, о чем они говорят, — сказал он. — На допросе — это уже не то... Вдобавок вдруг мы не сумеем взять того, кто знает больше всех?

Эльфы переглянулись и молча кивнули. Взглядом простившись с ними и взяв в зубы метательный нож, Фолко осторожно пополз вниз по склону, хоронясь в густом орешнике; эльфы наложили стрелы на тетивы, готовые к стрельбе.

Вскоре Фолко был уже на дне ложбины. Он не чувствовал страха, в нем ничего не обмирало, как раньше, душа не уходила в пятки, и поджилки не тряслись; исчез даже обычный азарт. Перед ним было дело, и он должен был исполнить его наилучшим образом. Затаившись в высокой траве, он стал прислушиваться. Хазги говорили на своем странном наречии, но Фолко, хоть и с пятого на десятое, все-таки понимал, о чем идет речь, — не зря же он провел несколько месяцев в одном отряде с воинами этого народа. Говорил старый, седой как лунь хазг; четверо молодых воинов слушали; остальные же, по-видимому, дремали после ужина. С первых же разобранных фраз с Фолко тотчас слетело все его спокойствие, сердце заколотилось, лоб покрылся испариной — речь шла о Небесном Огне и о том, каким образом Вождь связан с ним!

— Великая сокрыта Сила в Небесном Огне, — чуть нараспев говорил старик. — Велика и неясна она смертному. Известно, что наш великий Вождь Эарнил разыскивает места падения этого Огня, немало отрядов ходило на поиски — как и мой. (Тут Фолко сообразил, что здесь, очевидно, встретились два разных отряда.) И мы нашли его! Нашли это место! Издревле в дальних местах за Мордором, где доводилось мне бывать по торговым делам... — дальше пошли неразборчивые названия мест, ничего не говорившие хоббиту, — ходили странные легенды о том, как в год Великой Битвы на Андуине с неба сошел великий огонь и выжег землю до каменных ее основ. Долго я думал, что это лишь враки, — пока

не побывал там сам. Не приведи вас к тому же судьба, братья! Если бы не Дело Вождя, я бы никогда не приблизился к этому месту ближе трех полетов стрелы. Мертвая жуть дремлет в этом холме, наполовину снесенном, точно огненный меч Сил Заката вновь обрушился на наш мир, как в давно минувшие дни Падения Северной Твердыни[1]. Я смог только заглянуть в эту дыру — и мне стало так дурно, что до сих пор я не помню, как выбрался оттуда. А местные жители говорят, что темными осенними ночами на дне этой ямы можно видеть слабо светящийся облик воина в прекрасных латах... Только храбрецов таких было лишь двое за все минувшие триста лет... И мы послали улага, и получили ответ, и много золота было дано нашим семьям в Свободной Области, и сам Вождь поскакал туда. Там он должен был получить нечто очень важное для войны — так было нам сказано.

— Да... — поежился один из воинов. — А сколько же всего таких мест?

— Много, — ответил старик. — Сам я не раз и не два натыкался на них. Но не всякий Небесный Огонь нужен Вождю. И до сего времени найдено было всего восемь таких мест, а мой отряд обнаружил девятое, и, как я понял из речей Вождя, последнее.

Слова были сказаны. Разговор у костра продолжался, а хоббит, чтобы сдержать крик, впился зубами в железо ножа. В сознании словно полыхнула ослепительная молния, разгоняя давно сгустившийся там мрак незнания. Не помня себя, Фолко обеими руками стиснул голову, рот был полон крови из порезанных губ, но он не обращал на это внимания — страшная догадка жгла рассудок подобно раскаленному железу, и хотелось выть, вопить, кричать, ибо все их многомудрые рассуждения оказались никчемными, все разрешил этот подслушанный по воле слепой удачи разговор — и все становилось на свои места. ДЕВЯТЬ! Роковое число Средиземья. Число кошмарных порождений Тьмы, Назгулов, Улаири, Черных Всадников Саурона! Неужели... неужели они не покинули мир в дни конца Третьей Эпохи? Неужели всеуничтожающее пламя Роковой Горы не пожрало их? Неужели их черные останки каким-то образом вернулись в мир — и теперь Олмер собирает некие части их древней сверхъестественной силы? Как все просто! Как просто!

Фолко не помнил, как уполз от костра. Это было, конечно, неправильно — следовало дослушать разговор до конца и прочее, но потрясенный хоббит думал в те минуты лишь об одном. Он ужом проскользнул меж травами — и вскоре натолкнулся на поджидающих его эльфов. Трясущимися губами, с трудом выговаривая слова, он произнес только: «К принцу! Скорее!» Что именно

[1] Имеется в виду уничтожение Тонгородрима, твердыни Моргота, войском Валаров в конце Первой Эпохи.

случилось, Амрод и Беарнас не поняли, но что произошло нечто очень важное — это они уяснили мгновенно. Лица их переменились, брови сошлись; не теряя ни секунды, все трое поспешно двинулись назад, причем хоббита едва не тащили на руках.

Форве, гномы и остальные эльфы выслушали поневоле сбивчивый рассказ хоббита молча, не перебив ни единым словом. Лицо принца еще более помрачнело, глаза его, и без того большие, расширились чуть не на пол-лица, из глубин его помыслов поднимался, разгораясь, суровый бойцовский огонь, возле губ пролегли горькие складки.

Долго никто не дерзал нарушить тишину — только покряхтывал, яростно скребя бороду, Торин.

— Ну вот, похоже, и ответ... — вполголоса, точно про себя, вымолвил Форве, глядя куда-то в пространство. — Если все это так...

— Видать, так, — хрипло заговорил Торин. — Куда ни кинь — очень похоже! Помнишь, Фолко, нам ведь говорили: меняется Вождь, меняется так, что начинает пугать своих собственных соратников! Ты ж сам сказал — у него словно Кольцо Всевластья на руке! Что он может собирать в тех местах, где лежат останки этих треклятых Улаири? Уж не Кольца ли их? Неужели все Девять Мертвецких Колец ныне у него?!

— Убереги нас от этого Великий Орлангур, — пробормотал принц, заметно бледнея.

— Не уберег, видать, — мрачно заметил Торин, от волнения тиская свой топор. — К нему, скорее к нему! А эльфам, похоже, скоро придется счистить ржавчину с мечей, если она паче чаяния завелась на них!

— Придется... — эхом отозвался Форве.

— Куда теперь? — первым придя в себя, деловито осведомился Малыш. — Так ли уж надо тащиться к этому Золотому Дракону, если мы уже все знаем?

— А что же делать? — удивился Торин.

— Как что? Поднимать эльфийские рати! Раз сам высокородный принц считает, что его сородичам придется взяться за мечи!

— Нет, к Великому Орлангуру идти надо обязательно, — возразил Форве. — Во-первых, все это — только наши догадки. Они очень, очень похожи на правду, пугающе похожи, я бы сказал, но должна быть полная уверенность. А моим соплеменникам, почтенный гном, в одиночку со всем, — принц сделал особое ударение на последнем слове, — повторяю, со всем Востоком не совладать. Нужен союз! Нужны рати Серединного Княжества, Гондора, Арнора, Западных Эльфов и гномов, Черных Наугримов — тогда мы остановим Олмера. Я должен как можно скорее поговорить с моим дедом! Он верховный король Вод Пробуждения, он свидетель всех эпох Средиземья; опираясь на его мудрость и советы

Орлангура, думаю, мы сможем найти выход. Не будем же терять времени!

— Светлейший принц, а что с отрядом Вождя? — спросил один из воинов.

— Пусть идут, — сказал Форве, ни минуты не колеблясь. — Это разведчики, которые выполнили свою задачу. Пусть идут. Пусть Олмер пребывает в неведении относительно нас, Авари. Не станем до поры в открытую выступать против него — ударим внезапно и так, чтобы наш удар запомнился надолго.

— Не по мне это — давать врагу уйти, не заставив его попробовать собственной шкурой остроту моего топора, — проворчал Торин. — Вы, эльфы, несравненные лучники — почему бы не перестрелять всех этих молодцов прямо сейчас, под покровом темноты?

На лицах обступивших их эльфов Фолко прочитал нескрываемое отвращение — не к Торину и не образу его мыслей, а к предполагаемому деянию. Гном, почувствовав это, сразу набычился.

— Помнится, лучники эльфов мастерски били из засад, когда отряд Отона лез напролом к Дому Высокого, — буркнул он. — Что мешает сейчас?

— Ты даже представить себе не можешь, что произошло бы, прорвись Отон к Дому Высокого, — негромко ответил Форве, покачивая головой. — Нам претит бить исподволь, в спину, и когда обстоятельства вынуждают нас поступить так, поверь, для нас это истинная мука... Но слишком уж драгоценны сокровища Дома! Попади они в нечистые руки — и не устоит ничто, разве что сам Великий Орлангур. Поэтому мы и держим там стражу. А этот отряд нам не опасен. Мы выяснили, зачем он тут. Надо думать о дальнейшем.

— О дальнейшем... — проворчал Малыш, ковыряя носком сапога землю. — Много ли тут надумаешь. Что еще нам этот ваш Дракон наговорит...

Форве внимательно посмотрел на него.

— Не стоит поддаваться унынию, друг мой, — сказал он. — Твое недоверие рассеется как дым, если ты сам поговоришь с Великим Орлангуром. Это великое счастье, поверь мне, — говорить с Третьей Силой. Смертных, что отважились на такое, можно пересчитать по пальцам — и хватит двух рук.

— А сколько нам добираться до пещеры Золотого Дракона? — с нетерпением спросил Фолко, снедаемый вечным и неуемным хоббичьим любопытством.

— От этих мест — дней двенадцать-четырнадцать, — ответил Форве. — А потом мне еще надо на Воды Пробуждения. Я был бы рад, если бы обстоятельства сложились благоприятно и вы смогли бы побыть моими гостями. Но увы! Я предчувствую, что всем

нам предстоят черные дни, — закончил принц печальным полушепотом.

— Так чего мы стоим? — не без яду осведомился Торин. — Раз уж мы помиловали этих хазгов — чего мешкаем? К Орлангуру так к Орлангуру!

— Ты прав, — ответил принц и дал команду трогаться в путь.

Дни пути с эльфами по их цветущему, ухоженному, мирному краю были истинным блаженством после долгих месяцев блужданий. Они не медлили, но и не гнали понапрасну. Вечерами эльфы пели — то хором, то в одиночку, и песни их, прекраснее которых хоббит никогда ничего не слышал, заставляли трепетать неведомые доселе струны его души; вместе с певцами он шагал в глубины столетий, слышал бранные крики оставшихся неизвестными Западу сражений, истории великих страстей, встреч и разлук, горестных побед и заставляющих сжимать зубы и еще крепче браться за меч поражений...

Постепенно местность менялась. Леса становились все гуще, просветы в них — реже; дубы уступали место смешанному чернолесью, густому и непролазному. Появились болота, черные застойные пруды, где в темной воде медленно гнили поваленные стволы деревьев; по взлобкам стлался вереск, на пнях алела налитая брусника. Все чаще и чаще темно-зеленые копья елей пронзали смыкающиеся кроны, трепещущие еще не успевшей пожелтеть листвой.

— Здесь наша граница, — отвечая на молчаливый вопрос хоббита, произнес Форве. — Великий Орлангур ничего сам не преобразует, не улучшает и не переделывает. Дикая природа — его мир; на нем сосредоточены видимые нам его помыслы, хотя кто знает, чем в действительности озабочен его всепроникающий разум? Приготовьтесь, пещеру Золотого Дракона тоже стерегут — его собственные детища, ужасные творения иномирового начала... Известно, что Великий Орлангур окружил ими свое жилище для того, чтобы его не беспокоили понапрасну: сильный духом все равно сможет пройти. Не бойтесь ничего! Посланцы Орлангура не убивают.

И, словно отзываясь на его слова, странная крылатая тень, распластавшись в стремительном и бесшумном полете, скользнула над головами и скрылась за вершинами деревьев. Фолко схватился было за лук, но Амрод удержал его руку.

— Нет нужды, — спокойно сказал эльф.

Ночью Фолко, не зная сна, вертелся с боку на бок на своем наспех устроенном ложе из папоротников. Он впервые всерьез задумался о том, с кем же ему придется говорить о своем ближайшем будущем. Рассказы о Духе Познания до последних дней оставались лишь удивительной, чуть жутковатой сказкой. И вот он сам идет к сверхъестественному, иномировому Существу; идет,

чтобы задать вопросы и получить на них ответы. Фолко не знал, откуда пришла уверенность в том, что именно он должен спросить, — просто ему на плечи легла еще одна незримая тяжесть.

Несмотря на предупреждения принца, ночь прошла спокойно. И наутро, когда они продолжили путь, с трудом продираясь через бурелом, лес вокруг них по-прежнему оставался безжизненным.

— Ну где же эти чудовища? — обратился Торин к Форве.

Эльф молча пожал плечами, но в глазах у него было удивление.

Постепенно местность повышалась, черные застойные болотины исчезли, уступив место сухим сосновым борам. Копыта коней ступали по сплошному ковру мхов; по краям небольших травяных проплешин попадались малинники, однако затем пропали и они, плотный слой опавшей хвои расстелился перед ними, высоченные мачтовые сосны вздыбили кроны куда-то в самое небо, чуть шумя под налетевшим восточным ветерком. Принц натянул поводья, останавливаясь, и утер пот со лба, хотя было вовсе не жарко.

— Такое в первый раз, — глухо сказал он, и хоббит увидел, как тонкие белые пальцы эльфа стиснули изукрашенную мифрилом рукоять меча. — Такого со мной и ни с кем из наших не случалось. Небывалое! Ни одного страшилища.

— Может, дальше будет? — предположил Торин.

— Вряд ли, — покачал головой принц. — Эти боры — самое преддверие пещеры. Коли дошел досюда — значит, Великий Орлангур примет тебя...

Мрачно молчавший всю дорогу Малыш скривился и в сердцах сплюнул.

— Зря только тащились, — заявил он. — Нет, вы как хотите, а я дальше ни шагу. Не верю я этим драконам! Сожрут, того и гляди. Может, он нас специально сюда заманил!

— Не следует говорить столь уверенно о том, что известно тебе недостаточно хорошо, — мягко упрекнул гнома принц. — Великий Орлангур не нуждается в подобной пище, уверяю тебя.

— Вы, эльфы, вон какие тощие, в вас он, может, и не нуждается, а вот нас с Торином точно слопает и хоббитом закусит!

Форве чуть слышно вздохнул, глядя сверху вниз на Малыша, точно на непослушного ребенка; и гном, очевидно, почувствовал это, потому что нахмурился и упрямо засопел.

— Не упрямься, Строри, — негромко сказал другу Торин. — Что это на тебя нашло?

Малыш продолжал молчать, и хоббиту, с удивлением глядевшему на Маленького Гнома (тот всегда отличался чересчур уж здравым смыслом), вдруг показалось, что вовсе не страх быть съеденным заживо останавливает его, но нечто куда более глубокое, страх не столько за свою жизнь, сколько... сколько... Этого Фолко так и не смог определить. Малыш явно опасался встречи с

Драконом, но боялся, похоже, не за всех троих, а только за себя, как будто именно ему, Малышу, угрожала там некая опасность. Оказавшись в полной растерянности, Фолко промолчал.

Малыша так и не удалось уговорить. Наконец Торин, выведенный из себя, махнул рукой.

— Вот уж никогда не думал, что ты такой трус! — прорычал он.

Малыш дернулся, точно ему дали пощечину, но ничего не ответил, на что, видно, рассчитывал Торин.

— Ну и ладно! Сиди тогда здесь! Жди нас! У-у!.. — Торин замысловато выругался на непонятном языке и отвернулся.

Принц оставил трех воинов с Маленьким Гномом, и отряд двинулся дальше. Фолко ехал, теряясь в догадках. Малыш бесстрашно бросался в самые отчаянные и безнадежные сшибки, что не раз случались на их долгом пути, но сам же всегда призывал их к благоразумию, призывал не нарываться там, где можно обойти, — однако, ввязавшись во что-либо, он уже не отступал. Малыш долго, всеми силами удерживал Торина от самоубийственной попытки прикончить Вождя посреди его собственного лагеря, но, когда дело дошло до драки, он не дрогнул. Что же могло напугать его сейчас? Да так сильно, что оказалось забыто и непреложное правило их компании: «Куда двое, туда и третий»?

Ничего не придумав, хоббит покосился на Торина. Гном ехал донельзя мрачный, мял пальцами рукоять своего топора и что-то неразборчиво бормотал себе под нос.

Занятый мыслями о Малыше, хоббит совсем не смотрел по сторонам; подъем тем временем кончился, лес тоже, отряд выехал на обширное травянистое плато. В отдалении, рядом с купой высоких вязов, чернело какое-то пятно. У Фолко сильно забилось сердце — это был вход в пещеру!

Он огляделся. Разнотравье, способное укрыть его с головой, разлилось зелеными волнами; в еще теплых солнечных лучах — шла последняя неделя августа — бездумно радовались бытию мелкие порхающие существа. Что-то шуршало, скреблось, шмыгало в глубине зеленых дебрей, там кипела незаметная глазу жизнь тех, для кого этот луг — самый что ни на есть дремучий лес. Нигде никаких следов тропинок или паче чаяния дорог, нигде никаких строений. Конь хоббита переступил вперед раз, другой, — и, словно был перейден некий четко очерченный круг, в сознание хоббита ворвался ослепительный свет чужой исполинской Силы. Фолко зажмурился, прикрывая глаза ладонью, словно от солнца. Никогда не оказывался он лицом к лицу ни с чем подобным, и если такова являемая Миру Мощь Великого Орлангура здесь, на изрядном расстоянии, то каков же он сам, в своем обиталище?!

Однако спустя короткое время Фолко освоился в этом изливающемся на него и сквозь него потоке Силы, подобно тому, как

привыкают к яркому дневному свету, выйдя к нему из кромешной тьмы. Он стал «причувствоваться» к этой Силе, тянулся к ее источнику незримыми пальцами своих собственных ощущений, тянулся — и ничего не мог понять, только одно отпечаталось в его мыслях — спокойствие. Небывалое, невозможное спокойствие такого грандиозного Здания, перед которым меркли темные хранилища Моргота и Саурона и блистающие чертоги Владык Валинора. Все сущее, все происходящее и творящееся вбирала в себя эта Сила — все служило ей пищей для непостижимых разумом Смертного или Перворожденного размышлений. Всеохватность и спокойствие... Спокойствие и всеохватность...

Хоббит завороженно толкнул коня, понуждая его идти вперед. Форве, необычно строгий, напряженный, точно готовая метнуть стрелу тетива, двинулся рядом. Зачем-то опустивший забрало, следом ехал Торин. Остальные эльфы остались у границы Круга Силы.

Ехать было трудно — точно грудью раздвигаешь вязкое болото... точнее, не болото, болото — это что-то мерзкое, липкое и холодное, полное несимпатичных созданий; воздух сгустился и словно толкал идущего в бока, а потом изменило цвет небо. Из синего, высокого, с громоздящимися кое-где исполинскими башнями кучевых белоснежных облаков, оно стало нежно-зеленым — точь-в-точь как молодая весенняя трава. Сквозь зеленоватое свечение проглянули яркие огоньки, и хоббит узнал очертания знакомых созвездий. Не успев удивиться, краем глаза он заметил какое-то шевеление у черного провала входа, рука сама собой рванулась к оружию, и, как ответ на его безрассудное движение, сгустившаяся у черного пятна тень с глухим рычанием прыгнула, оказавшись прямо перед ним.

Остолбенев, Фолко выпучил глаза на явившееся ему несказанное чудо: существо состояло как бы из трех торсов, имело три головы, шесть рук и ног; но самое поразительное — что составляющие его три тела принадлежали не кому иному, как двойникам хоббита, эльфа и гнома. И настроены эти двойники были, судя по всему, весьма недружелюбно: гном занес топор для удара, эльф обнажил меч, в руках хоббита был зажат метательный нож.

— Уберите оружие, — услышал Фолко легкий, точно дуновение, шепот Форве. — Я сам поддался страху, но теперь — уберите! Мне знакомы подобные создания.

Повинуясь, хоббит и гном совладали с собой, и жуткая тварь тотчас отступила, удовлетворенно рыкнув. И они услышали — причем каждый на своем родном языке — короткую фразу из всего лишь одного слова: «Входите».

Зев пещеры, широкий, обросший странными изумрудными мхами, раскрывался перед ними, приглашая; плавный спуск был выложен сглаженными рекой голышами. Откуда-то из глубины

шло слабое золотистое сияние, смешивающееся с изумрудным свечением стен и потолка. Форве потянул хоббита за рукав. Нужно было идти внутрь.

Нельзя сказать, что Фолко Брендибэк, сын Хэмфаста, вступил в обиталище Великого Орлангура твердым шагом и с гордо поднятой головой. Сердце ушло в пятки, во рту пересохло, коленки ощутимо дрожали. Украдкой он покосился на Торина — и испытал некоторое облегчение от того, что и гном выглядел не слишком-то уверенным. Бледен был и Форве, хоть входил в пещеру, наверное, не в первый раз; впрочем, придумывать себе новые страхи у хоббита уже не оставалось времени. Усилием заставив себя поднять глаза, он взглянул вперед — и увидел Великого Орлангура!

Там, в глубине огромной, неохватной взглядом пещеры, озаренной мягким изумрудно-зеленоватым мерцанием, испускаемым свисающими со стен густыми мхами, на каменном возвышении, устланном великолепным травяным ковром, золотились бесконечные извивы длинного и прекрасно соразмерного тела. Увенчанная блистающей короной тяжелая голова покоилась на невысоком парапете, тяжелые веки были полуприкрыты, но и в узкой щели, оставленной ими, хоббит разглядел удивительный, чистый голубой цвет глаз Золотого Дракона.

— Приблизьтесь, Рожденные, — услышал хоббит низкий и спокойный голос, произносивший слова внутри его сознания. — Приблизьтесь, садитесь и задавайте вопросы.

Только теперь хоббит заметил расположенные рядом с парапетом каменные скамьи, устроенные так, что взгляды пришельцев и хозяина оказывались на одном уровне — Великий Орлангур не нуждался и в малейших атрибутах подчиненности, покорности тех, кто приходил к нему, ища Знания.

Глаза Дракона оставались полуприкрытыми все то время, пока эльф, гном и хоббит шли к своим местам. Когда они уселись, Великий Орлангур заговорил снова:

— Вы алчете совершить изменение в мире. Вы замыслили действие. Говорите, какую помощь хотели вы получить?

Наступила тишина. Фолко силился раскрыть рот, но какая-то сила, стократно превосходящая его собственную, намертво сомкнула ему челюсти. Неотрывно, как завороженный, глядел он в узкую щель между тяжелыми, но не морщинистыми веками Золотого Дракона. Голубой блеск сливался с золотом кожи, и это смешение действовало на Фолко почти магически; он растворялся в потоке льющейся Силы, греясь, словно на солнце, не в состоянии двинуться, не в состоянии заговорить, он ощущал только одно — непредставимый, невообразимый покой, разлитый повсюду. Никакие силы, никакие Кольца Власти, ни Унголиант, ни Валинор не способны заявить о себе здесь, в этой пещере. Только

познание и постижение... Форве говорил, что Орлангур выше Добра и Зла, он не Свет и не Тьма — и не смешение их.

Время замедлило свой бег, секунды тянулись часами; Фолко не отводил взгляда, Великий Орлангур спокойно ждал.

До слуха хоббита донесся голос принца:

— Привет и почтение тебе, Великий Орлангур. Мы пришли искать твоего совета в тяжелый для Средиземья час. Новая сила восстала среди людей, и мы подозреваем, что носитель ее, человек по имени Олмер, он же Эарнил, он же Вождь — именуемый по-разному среди разных племен — собрал остатки Силы, принадлежавшей Девяти Призракам, Девяти Черным Слугам Саурона. Он скликает многочисленные армии на Востоке, готовя вторжение на Запад, стремясь покончить с эльфами — сперва на Закате, а потом, наверное, и на Восходе. Эти два доблестных бойца пытались покончить с ним, убить его, не зная, какими чародействиями он действительно владеет. Мы считали, что, убив его, они выдернут корень отравного злака кровавой войны, которая может обратить во прах родные очаги Фолко Брендибэка и Торина Дартула. Они совершили покушение, но неудачно. Олмер, человек с ужасными дарами Сгинувшей Тьмы, скрылся где-то на просторах Средиземья. Не подскажешь ли ты нам, где искать его? Где искать, а главное — как нам управиться с ним? Ибо я предчувствую, что эльфам-Авари не удастся стоять над схваткой, но придется вступить в нее, как и в давно прошедшие дни наступления Саурона. Что ответишь ты нам, или нужно рассказывать всю историю с самого начала?

Произнесенные принцем слова словно согнали оцепенение с хоббита, он залился краской внезапного стыда, досадуя на свою робость. Было почему-то очень обидно — по справедливости ведь это он должен был обратиться к Духу Познания!

Неожиданно Дракон быстро поднял веки и бездонными, синими, как само небо, глазами глянул прямо на хоббита — прямо ему в душу, пронзая и проницая все; до последних глубин сознания достигал этот взгляд, и все, что составляло существо хоббита, словно бы раздвоилось, и Фолко понял, что в этот миг в разуме Великого Орлангура возник его, хоббита, бестелесный двойник. Невозможно было что-либо скрыть или утаить от этого взгляда; и Фолко, отказавшись от борьбы (каковая имела место, например, в достопамятную ночь встречи с принцем Форве далеко на закат от этих мест), сам раскрылся навстречу этому пронзающему взгляду — чтобы Великий Орлангур знал, что ему скрывать нечего.

— Я давно ждал вас, — услыхал Фолко беззвучный голос Золотого Дракона в своем сознании. — Я даже приказал моим детям не беспокоить вас, чтобы вы пришли сюда без ненужных в этом случае усилий. В равновесном бытии Мира возникло сильное возмущение, Весы заколебались. Этот человек — вы по-разному

называли его — этот Вождь действительно обладает великой Силой. Вы смелы, идя против нее! Я чувствую его Силу и чувствую вашу, зреющую там, на самом закатном краю Средиземья — Силу, нацеленную на Вождя. Я следил и за ним, и за вами, и, когда вы повернули ко мне, я решил, что вы должны непременно дойти. Итак, вы хотите знать, какова природа Силы Вождя, не новое ли он воплощение Вечного Врага?

Орлангур сделал паузу, и у хоббита, несмотря на то, что он как никогда вслушивался в этот голос, мелькнула мысль, что Золотой Дракон, пожалуй, все же несколько велеречив и многословен.

— Да, скажу я вам, — продолжал тем временем Орлангур, — Сила его действительно от Девятерых. Я знавал их — и людьми, и призраками. Это были прославленные воины и полководцы, обладавшие могучей волей, бесстрашные и властолюбивые. Жадно стремясь к власти, они приняли из рук Саурона, как вы называете его — хотя настоящее имя его совсем иное, — Кольца Власти, Девять Мертвецких Колец, изготовленные Сауроном. Эта история вам хорошо известна. Однако вряд ли ведомо вам, что не только Кольца воздействовали на своих обладателей, но и носившие их люди, в свою очередь, воздействовали на эти поистине ужасные творения могучего Духа. Ибо действие равно противодействию, нечто, действуя на что-то, не может остаться неизменным, не подвергшимся влиянию объекта своего действия. Таков всеобщий закон, и он неумолим. Кольца изменили получивших их, тела людей рассыпались прахом — только поддерживаемые колдовскими силами костяки сохранили в себе подобие жизни, Девять Кольценосцев сделались самыми страшными и верными слугами Саурона, преданными ему абсолютно, ибо он был источником их существования. Они стали исчадиями Тьмы, все человеческое в них было стерто — но не остались неизменными и Кольца. Ибо Сила людей также преображала их, немного, но все же преображала, привнося в них человеческое начало. И малопомалу Кольца из первозданно разрушительной субстанции превратились в сложное соединение на первый взгляд не соединимых сущностей. Носившие их прибавили к Силе Колец — к умению повелевать и подчинять страхом, управлять иномировыми Силами — умение увлекать за собой людей, искусство ведения войны и устраивания государств, умение нравиться, умение вникать в нужды малых и слабых, без чего не может добиться успеха ни один вождь... И первородная субстанция Колец перестала быть сама собою. Нет, она никуда не исчезла, она по-прежнему доминирует в остатках Колец, грозя ужасным концом своему обладателю, но к ней прибавилось очень много человеческого. Вы спросите меня: как попали эти Силы к Олмеру? Я отвечу вам.

Когда Всемогущая Судьба решила участь Кольца Всевластья и оно вместе с существом по имени Голлум низверглось в огнен-

ные пучины Ородруина, настал срок и остальным Девяти, полностью подчиненным Одному и зависевшим от него. Сила Саурона рушилась, он развоплощался, покидая наш мир и уходя — до времени — в Ничто. И Улаири не могли не последовать за своим повелителем. Я помню — содрогнулись самые глубокие из глубочайших костей земли, когда Багровое Пламя, Огонь Глубин, возжженный еще самим Мелкором, принял в себя Великое Кольцо Всевластья. Изначальная сущность Девяти Мертвецких Колец неумолимо влекла их вослед Главному, и тут-то произошло самое страшное. Ибо, лишившись поддерживающей их бытие силы Саурона, Кольценосцы внезапно, на короткие последние секунды вновь обрели способность воспринимать и чувствовать как люди, вспомнили все свое человеческое прошлое — и узрели те не представимые вашим разумом бездны возмездия, куда им предстояло низвергнуться. Такова была наложенная Вседержителем по просьбе Манве Сулимо кара. Я помню их крик — в нем был не выразимый словами ужас. А затем разбушевавшееся Пламя приняло их — что видели многие, в том числе и те двое малышей из далекой страны на Закате, что смогли донести Главное Кольцо до Ородруина.

Однако тут случилось то, что порой происходит в нашем Мире, опрокидывая все замыслы Сил Заката, очень любящих покой и считающих, что они в состоянии предусмотреть все на свете. Багровое Пламя не пожрало Кольценосцев. Соединение несоединимых сущностей, как я уже говорил, соединение первозданных Сил и человеческой воли оказалось не по нему. Бушующие недра взорвались в невиданном огненном спазме, и те восемь Улаири, что окунулись в пламенные пучины, силой этого небывалого взрыва были извергнуты обратно в мир. Они погибли, но огонь лишь лизнул их костяки, лишь частично изглодал Кольца. Сверкающими болидами пронеслись они по небу и рухнули на землю, подобно время от времени нисходящему с высоких сфер Небесному Огню. Так они запечатлелись в памяти тех, кто видел места их падения. Кольца остались в Мире. Свободные, предоставленные самим себе. Они больше не были золотыми, они почернели и обуглились, словно были сделаны не из металла, а из обычных деревяшек. Но они уцелели! Они остались лежать, ожидая той руки, которая дерзнет поднять их. Силы Запада забыли о них, решив, что все труды Саурона полностью уничтожены, а это было не так. Сами Кольца, вторично побывав в первородном горниле, сильно изменились. Первой гибла, сгорая и рассыпаясь прахом, именно вложенная в них руками Саурона изначальная чернота. Багровому Огню она была сродни, на нем и в нем плавились те мало кому ведомые незримые составляющие, что потом были вложены хозяином Мордора в тонкие золотые ободки. Привнесенное же в Кольца людьми оказалось, как я и знал, куда крепче. Его тоже не миновало частичное разрушение, но уцелело куда больше. Это обстоятельство и объясняет, почему Вождь до сих пор не превратился в точное подобие Девятерых.

— А девятое Кольцо? — жадно спросил Фолко. — Оно ведь небось самого Короля-Призрака, сраженного на Пелленорских Полях?

— Верно, — отозвался Великий Орлангур. — Последним в руки Олмера попало именно это Кольцо. Дело в том, что и Король-Призрак не исчез бесследно. Пустые доспехи и плащ остались лежать там, где его сразили, а сам он был заброшен далеко на восток и там рухнул на землю, точно так же, как и его собратья несколькими днями позже.

— Но как же шло обретение Олмером Силы? — снова задал вопрос хоббит.

Он уже вполне освоился и не испытывал страха. Золотой Дракон говорил неспешно, обстоятельно — словно старый и мудрый советчик, как, наверное, мог бы говорить Гэндальф.

— Вы уже и сами о многом догадываетесь, — заговорил Дух Познания. — Да, он отыскивал, сперва бессознательно, а потом и целенаправленно, места падения на земле Назгулов — и забирал остатки Колец. С каждым новым найденным Кольцом росла его сила, и в конце концов он оказался способен на такое, что в старину было по плечу одним лишь Духам.

— А с чего все началось? В какое время? — хрипло спросил Торин. — Я ведь знавал Олмера еще давным-давно, когда сам был молод.

— С чего началось? Бродя с отрядом золотоискателей по восточным краям, он случайно натолкнулся на место падения одного из Улаири. Среди охотников за желтым металлом бытует поверье, что золото притягивает к себе Небесный Огонь, жилы следует искать там, куда ударило Пламя из Сфер. Поэтому самые точные сведения о Небесном Огне всегда были именно у золотоискателей. Они разыскивали такие места специально.

Так у Олмера оказалось первое Кольцо. Тогда он скорее всего не понимал, что же именно он нашел. Мог счесть чудесным талисманом, ибо дела его резко пошли в гору. И без того отличавшийся большими способностями, он быстро объединил вокруг себя весь вольный и лихой народ Прирунья. И одновременно найденное Кольцо стало подталкивать его на поиски остальных. Но едва он поднял первое из Мертвецких Колец, Весы Мира вздрогнули. На темную — с вашей точки зрения — чашу их упал новый груз.

Довольно скоро Олмер смекнул, что подобранный им черный источенный ободок — штука куда как непростая, и стал допытываться, что это такое и откуда взялось. Но затем он нашел второе — и сам ощутил, как возросла его сила. Дальнейшее просто. Могу-

чий и властолюбивый ум получил желанное чудесное средство для воплощения задуманного. Олмер издавна бредил властью, собственным королевством — но вело его не только это. Он стал поднимать окрестные племена, соблазняя их борьбой с эльфами, играя на вековечном страхе смерти, давно и неизбывно владеющем родом Младших Детей Илуватара. Но для него это были не пустые слова, произносимые ради обмана. Он свято верит в них — и потому особенно опасен для тех, кто думает иначе. Люди чувствуют его искренность — и тем охотнее идут за ним. Кольца лишь усилили его природные способности, и долго перед сторонниками Олмера был могучий, удачливый и неустрашимый Вождь, обретающий все новые и новые силы, находящий путь к человеческим сердцам не страхом и ложью, а удалью и пониманием. Долго, очень долго разрушительная работа Колец протекала незаметно. Нечто видимое стало появляться совсем недавно.

Шли годы, специально посылаемые во все стороны отряды мало-помалу отыскивали, не зная, что именно они ищут, все новые и новые Кольца. У носившего их возник тайный канал связи со Скованным, с самим Мелкором, чье тело — чем бы оно ни было — сковано, но дух свободен. Исподволь Скованный стал подталкивать Олмера к более решительным шагам, но тут коса, как говорится, нашла на камень. Дух Скованного слаб, а Вождь таков, что сопротивляется любому насилию извне. Олмер продолжал действовать по собственному разумению.

Мало-помалу к нему потянулись не только люди. Почуяли, что появился «новый хозяин», и орки. Мне жаль их — как и всех, живущих в Средиземье, и хотелось бы уберечь от окончательного истребления. Дальнейшее вы знаете. Олмер собрал немалое войско, укрепился в землях за Опустелой Грядой — и продолжал охоту за Кольцами. Постепенно, шаг за шагом, он проник в их тайну — но не до конца. Он все еще не догадывается, во что именно он обратится. Он полагает, что Девятеро были, несмотря ни на что, людьми. Истина пока еще сокрыта от него, хотя он и сознает, что на этом пути ему придется расстаться со многим из его человеческого прошлого. А совсем недавно его разведчики обнаружили последнее, девятое, Кольцо, Кольцо Короля-Призрака — и он устремился за ним. Как только оно окажется у него в руках, разразится истребительная война. Ответил ли я на ваш вопрос?

Говоривший в сознании хоббита голос умолк, и некоторое время все продолжали сидеть недвижимо, пытаясь осмыслить услышанное. Их догадки оказались верными — но что же теперь делать?

— Благодарим тебя за ответ, о Великий, — нарушил молчание Торин. — Мы узнали все, что хотели узнать о том, какова природа этой Силы, откуда она, почему и как возникла. Но теперь мы хотим

спросить еще — как нам справиться с ней? Как нам победить Олмера?

— Вы упустили последнюю возможность убить его, когда он проскользнул мимо вас в ущелье. Теперь вам его не настигнуть. Я не могу провидеть будущее до таких деталей, чтобы сказать, что в такой-то день он будет именно в таком-то месте. Впрочем... Он нашел девятое Кольцо, и оно непременно приведет его в Дол-Гулдур. Черная цепь должна быть скована именно там.

— Почему?! — поразился хоббит.

— Потому что именно в Дол-Гулдуре долгие века гнездились Назгулы — пока их хозяин, Саурон, пребывал развоплощенным. Дол-Гулдур — воплощение свободы Улаири, там частицы их Силы, преображенной Огнем Глубин, могут соединиться в новую сущность. Нечто более сильное, чем знание, погонит туда Олмера. Но вот когда он окажется там — не знает никто. Вы можете попытаться перехватить его у Болотного Замка.

— Великий, но почему же ты, такой всесильный, всезнающий, непобедимый — почему ты не можешь покинуть эту пещеру и помочь нам?!

Фолко понимал, что говорить это бессмысленно, но слова сорвались с языка помимо его воли. Так хотелось, чтобы кто-нибудь могучий пришел и смахнул бы этого Вождя, избавив их от тяжкого груза. Все отказывались, но оставалась надежда, что когда-нибудь они встретят более сильного. Теперь эта надежда исчезла — сильнее Великого Орлангура в Средиземье не было никого. Слабая надежда, конечно, оставалась на энтов да еще на Тома Бомбадила, что живет-поживает в Старом Лесу...

Глаза Дракона медленно прикрылись.

— Помогать вам? — эхом откликнулся он. — Но разве я не помогаю?

— Но этого мало! — горячо воскликнул Фолко, забываясь и не обращая внимания на предостерегающее пожатие руки принца. — Ведь одно твое появление, Великий, способно восстановить мир и спокойствие! А иначе — ты сам говоришь — истребительная война, тысячи погибших, сожженные города, кровь, смерть, горе! Зачем все это, если этого можно избежать?

— Ты предлагаешь мне стать всеобщим надзирателем и лишить людей величайшего из даров Единого — свободы воли?

— Не надо искажать смысл моих слов! — Кровь бросилась Фолко в голову. — Но почему тебе не предотвратить эту войну?

— А чем она лучше тех, что были до нее или же последующих? Раз вмешавшись, уже нельзя остановиться. Пойми, хоббит, люди свободны, и нет такой силы, которая могла бы указывать им, как себя вести. Далеко еще, куда как далеко до тех времен, когда исчезнут войны. Противоречия между сильными сейчас могут разрешиться только при помощи силы. Не будет Олмера — возник-

нет кто-то другой, Случайность, что именно ему попали в руки Мертвецкие Кольца, но даже если бы они и в самом деле сгинули бесследно, нет и не может быть у людей примирения со своей смертной участью. Глубоко, очень глубоко зарыт Единым невыкорчевываемый корень затаенной вражды Смертных и Перворожденных. Горько расставание с прекрасным Миром, тяжела и томительна бессильная старость, болезни, голод — все они идут по пятам за родом человеческим. А рядом — прекрасные, вечные Перворожденные Эльфы! За что, за какие великие заслуги даровано им бессмертие? Которое уже столетие этот неизбывный вопрос мучает людей. И пока не побеждена Смерть — до тех пор будут возникать отчаянные головы, которые возжелают отомстить Старшим Детям Единого — или, на худой конец, их союзникам. Это первое.

А второе — все, что случается, всегда глубоко обосновано. Все на что-то опирается, нет причин без следствий, и нет следствий без причин. Могучие государства Заката не один век огнем и мечом расширяли свои границы, наступая на восток, и тамошние племена ничего не забыли и не простили. Не судья я в спорах людей — побеждать должен сильнейший. Рухнет Гондор — но природа не терпит пустоты, на его месте воздвигнутся новые, молодые державы, не лучше и не хуже его. Могут меняться злые и добрые — по вашим меркам — правители, суть же останется прежней. К тому же... первый правитель Соединенного Королевства Арнора и Гондора, тот, кого в этой жизни именовали Элессаром Эльфийским, еще до начала своего правления совершил нечто, что толкнуло вниз темную чашу Весов — и неизбежно должно было отозваться в последующих веках. Вы помните — он бросил в бой призраков, покорных клятве, данной одному из предков Короля Арагорна? И они смели пришедших из Умбара союзников Саурона...

Фолко помнил, и Торин тоже. Нечто подобное, намекая на ужасную ошибку Арагорна, бормотала Башня Ортханка.

— Бесполезно ждать помощи от Валаров, — продолжал Великий Орлангур. — Арагорн нарушил их Завет. Можно долго рассуждать, неизбежно ли было это его деяние или нет, — факт остается фактом. И грехи отцов падут на детей.

Фолко подавленно молчал, его щеки пылали, но возбуждение и гнев, сделавшие его бесстрашным, угасли. Неумолимая логика Великого Орлангура не оставляла лазейки.

«Ему ведь все равно, — подумалось хоббиту. — Какая ему разница, как будет называться королевство в устье Андуина? Кипящий, как котел, вечно меняющийся мир — его отрада. Да, он жесток по нашим меркам. Он не подтолкнет войны — но и не остановит. Воистину, не Свет и не Тьма!»

— Великий, но что же делать нам, Авари? — осторожно спросил Форве. — Мы не можем бросить наших закатных братьев на произвол судьбы! И ты всегда был милостив к нам, памятуя о великом Долге, что вкупе возложен на нас, Черных Гномов и людей Серединного Княжества, — предотвратить Дагор Дагоррат. Подскажи же, как нам поступить?

— Никто не в силах препятствовать осуществлению вашей свободной воли, — терпеливо ответил Золотой Дракон. — Если ты считаешь, что должен с оружием в руках защищать Запад — никто не может остановить тебя. Только помни, что Западные Эльфы всегда имели путь отступления, их ждут там, в Заморье, а у вас дом только один. И вы будете очень нужны, когда пробьет час, и от крепости вашего духа будет зависеть успех в спасении Мира от неизбежного в противном случае уничтожения. Ты не можешь закрыть телами не слишком-то многочисленной дружины Вод Пробуждения всех подвергающихся нападению. Если Олмер повернет на восток... только он не повернет. Кольца неизбежно повлекут его на запад. Ненависть Саурона и Мелкора не обращена на вас, эльфов Восхода, хотя вы и остановили как-то наступление его армий, обратив в бегство самих Улаири. Однако, если Олмер одержит верх над Гондором и Арнором, свой следующий удар он захочет нацелить на вас... Но вряд ли он осуществит это желание.

— Почему? Почему же тогда нам не вмешаться немедленно, если рано или поздно он все равно устремит свои полчища против нас?

— Разве я запрещаю тебе? Если таково твое желание, осуществи его! Помни только об одном: сейчас войну Олмера с Западом еще можно повернуть по руслу войны людей. Если же на чаши Весов окажутся брошены еще и соединенные силы Серединного Княжества, Черных Гномов и эльфов-Авари — сила толчка на светлую чашу может оказаться настолько больше силы толчка Олмера, что Весы могут совсем выбиться из равновесия. И тогда... — голос Орлангура упал до шепота, — многократно возрастут силы тех, кто стремится разбить оковы Мелкора. А если он вдруг получит свободу — рухнут все ваши планы, столь тщательно разрабатываемые и столь скрупулезно исполняемые, долгие века трудов обессмыслятся — Дагор Дагоррат грянет, когда мы еще не готовы к его предотвращению.

Наступила жуткая тишина — точнее, она почти и не нарушалась, но, когда голос Великого Орлангура замолк, Фолко ощутил, как кровь стынет у него в жилах. Как сложно устроен этот Мир! Оказывается, бесполезно пытаться избыть навсегда то, что он почитает Злом, иначе не устоит и то, что он полагает Добром.

— Судьба Олмера решится на Западе, — продолжал тем временем Великий Орлангур. — Здесь, в этих краях, у эльфов, гномов и

людей есть средства остановить его, не нарушая равновесия Весов. Но закатным странам придется думать о своей защите самим, не рассчитывая на помощь извне.

«Не верь Востоку», — вдруг всплыли в памяти слова, сказанные хоббиту Радагастом в первый день их знакомства три года назад. Теперь он понимал смысл странного пророчества. «Бойся Севера» — это исполнилось; из Ангмара пришла опасность, и оттуда же скорее всего обрушится новый удар. «Не верь Востоку» — не в смысле «не доверяй», а «не верь в то, что оттуда явится чудесное спасение». «Не жди Юга» — пока оставалось туманным...

— Как скоро может оказаться Олмер у Дол-Гулдура с последним Кольцом? — хрипло спросил Торин. — Я понял твои речи, о Великий, но скажи нам хотя бы это, чтобы у нас было в руках что-нибудь определенное!

— От места падения Короля-Призрака до руин Дол-Гулдура, Болотного Замка, конного хода шестьдесят дней, — ответил Дракон.

— Он отправится туда сразу же, как только у него окажется Девятое Кольцо? — продолжал расспросы гном.

— Трудно сказать. Дело в том, что Соединение всех Мертвецких Колец в единое целое многократно усилит их разрушительное, расчеловечивающее действие, а Олмер инстинктивно страшится такого исхода и хочет победить, оставаясь человеком. Поэтому он может и не пойти на такое Соединение сразу. Если только дела его обернутся скверно — тогда, только тогда, чтобы привлечь на свою сторону особо рьяных слуг Саурона, ныне населяющих далекие страны к юго-востоку от Мордора, пока еще не признавших его «новым хозяином», и, самое главное — стократно умножить собственные силы.

— Можно ли будет убить его после того, как Мертвецкая Цепь будет замкнута? — не переставал спрашивать Торин.

— Можно. Но для этого нужны будут иные средства, не простые мечи и копья. Только оружие эльфов будет страшно ему — вот как те стрелы, что в колчане хоббита.

Торин молча покивал. Глаза Золотого Дракона тем временем совсем закрылись. Трое пришельцев поняли, что настало время уходить.

Глава 6

ГОНДОР

— Времени мало, но все же оно есть, — произнес Форве, когда они медленно шли по лугу обратно, к поджидающим их у границы Круга Силы эльфам. — Я должен немедленно отбыть во двор

ец моего деда. Хотя Великий Орлангур и не советует нам ввязываться в эту войну, дружину добровольцев я все равно наберу — это будет несложно. Честь моя не позволит мне оставаться в стороне. Я извещу и Серединное Княжество — большую армию они не пошлют, но на несколько тысяч я все же надеюсь.

Ему никто не ответил. Фолко и Торин ехали молча, все еще во власти увиденного и услышанного. Здесь, вне пещеры, Фолко вновь физически ощущал всю громадность оставшейся там, в полумраке, Силы. Говоря с ними, Великий Орлангур старался пригасить истечение своей Мощи, рассуждая, как человек, облекая познаваемое неведомыми путями в логические, доступные их разуму рассуждения. Но от этого услышанное не становилось более вдохновляющим. У них оставалась одна-единственная возможность — подстеречь Вождя возле Дол-Гулдура... и тут хоббиту вспомнился его давнишний сон, увиденный им по пути в Аннуминас, значение которого он тогда не понимал. Неужто кто-то хотел предупредить его о том, что последний бой им придется принять именно в Болотном Замке? Но почему во сне их было двое? Неужели что-то недоброе должно приключиться с Малышом?.. Ну а если Олмер отправится к Дол-Гулдуру только после своей окончательной победы, когда в руинах будет лежать весь Запад и сама Хоббитания, быть может, развеется огнистым прахом?.. Чем тогда они смогут оправдаться перед собственной совестью? Мысли его, описав круг, вновь вернулись к томительно-загадочному сновидению. Означало ли оно возможность такого исхода событий или же точно указывало на неизбежность встречи? Насколько мог вспомнить Фолко, никаких намеков на время действия во сне не было.

Тем временем они миновали луг. Эльфы из отряда Форве встретили их тревожными расспросами; принц в нескольких словах объяснил им происшедшее. Среди Авари поднялся встревоженный шепот.

Вскоре небольшой отряд достиг того места, где они оставили Малыша. Маленький Гном сидел, нахохлясь и привалившись спиной к стволу могучей сосны; поперек его колен лежал обнаженный меч. Торин окликнул друга.

— А, вернулись, — приветствовал их Малыш, изо всех сил стараясь казаться спокойным и беззаботным, однако тайная тревога, грызшая его, не ускользнула от внимания хоббита — чего-то он боялся, этот неустрашимый Маленький Гном, глаза его беспокойно впивались в появившихся товарищей. — Ну и что же вам там наговорили?

Торин нахмурился, но сделал вид, что пропустил насмешку мимо ушей.

— Все так, как мы и предполагали, — угрюмо произнес он. — Сила его — от Саурона, он наследник Призраков-Кольценос-

цев. — Гном сжато, но не упуская ничего существенного, рассказал об услышанном.

Малыш слушал, то краснея, то бледнея, и Фолко готов был поклясться, что Маленькому Гному смертельно хочется задать некий вопрос, вовсе даже не относящийся к Вождю и его силам, вопрос, вертящийся у него на языке, но смелости задать его Малыш так и не набрался.

— Мне думается, надо устроить засаду вокруг Болотного Замка, — вступил в разговор Форве. — Когда-то наши стрелы остановили натиск на восток самого Саурона. Надеюсь, они не придутся по нраву и этому его последышу.

— Ну а если он не сразу пойдет в Дол-Гулдур? — спросил эльфа Фолко. — Если он сперва развяжет войну? И кстати, — выпалил он только что пришедшую ему в голову мысль, — если он вдруг повернет против вас?

— Не думаю, — покачал головой эльф. — Он умен и хитер и знает, как вести войну. Сперва он расправится со слабейшим. Я отправлю дружину к Дол-Гулдуру. Мы не можем допустить, чтобы он надел последнее Кольцо... А на вашем месте я бы постарался дать знать обо всем в Минас-Тирит. Там должны быть готовы к войне, я чувствую — она близка...

— Мы не можем переложить наш Долг на чужие плечи, — негромко сказал хоббит, но с такой убежденностью, что уже приготовившийся было возражать эльф осекся и ничего не сказал.

— Нам не остается ничего другого, как по-прежнему следовать за Вождем по пятам, — хмуро бросил Торин. — И если он все-таки повернет к Дол-Гулдуру — тогда и мы не минуем того места. И будь что будет!

— Это неразумно, — покачал головой Форве. — Мы не знаем, как долго он будет кружить по восточным пределам, да и вы не сможете висеть у него на плечах все это время. Правильнее будет отправиться в Гондор. Я постараюсь не потерять с вами связь — перстень, что я подарил тебе, половинчик, поможет в этом. Мы сделаем все, чтобы отыскать след этого самозваного Короля-без-Королевства. Мы найдем Вождя и дадим знать вам.

— Но что нам делать в Гондоре? — подал голос Малыш. — Станут ли там нас слушать? Мы еле-еле пробились к Наместнику в Аннуминасе — да и то, по правде сказать, считай, зря. Куда мы там пойдем?

— Мне трудно ответить на этот твой вопрос, — вздохнул принц. — Гондор далек, у нас о нем почти ничего не известно. Его короли давно забыли думать об угрозе с востока — после того, как Великий Король Элессар Эльфийский наголову разбил ополчения истерлингов через двадцать пять лет после битвы на Пеленорских Полях. Что я могу тут посоветовать? Вам придется полагаться только на себя.

— Это сколько же нам тащиться до устья Андуина! — простонал Малыш. — Все ноги стопчем, а раньше, чем к Новому году, никак не поспеем. Легко сказать, это же какая пропасть лиг отсюда до Минас-Тирита!

— Расстояние — не беда, — постарался ободрить его эльф. — Можно отправиться подземными реками, по путям Черных Гномов. Я сам попрошу их, чтобы они помогли вам. Недалеко отсюда — дней семь пути — есть их выход на поверхность. Мы отправимся туда вместе, ну а потом наши пути разойдутся.

— Это ж докуда мы доберемся, если под землей? — удивился Торин. — Что-то я ближе Мории, Пещер Агларонда или Железных Холмов никаких наших поселений около Андуина не знаю... Где же мы окажемся?

— Вы окажетесь, — улыбнулся Форве, — очень близко от тех мест, куда стремитесь. Это крайняя восточная оконечность северного крыла Мордорских Гор. Дорога, проложенная рабами Саурона — да будет проклято его имя! — ведет вдоль всего хребта к Черным Воротам. Впрочем, вам те края должны быть известны лучше, чем мне.

— А откуда в Черных Горах взялся этот выход? — в свою очередь, подивился Малыш. — И Саурон, что же, не знал о нем?

— Представь себе — не знал! Он властвовал в Мордоре несколько тысяч лет, его прислужники обшарили каждый камень, каждую щель в этой мрачной земле — но они даже не заподозрили, что обычная скала скрывает под собой глубокий ход вниз, к водоносным пластам. Черные Гномы так искусно замаскировали его, что даже сам Гортаур, великий искусник, его не нашел.

— Топать вдоль Стен Мордора... как-то невесело, — поежился Малыш. — Дурная у тех мест слава... Не хотел бы я блуждать там, когда на небе нет солнца!

— Как и я, — без тени усмешки, очень серьезно сказал Форве. — Опасность действительно есть, но у нас нет иного выхода. Гондор должен быть предупрежден.

— А почему бы тебе не отправить своих послов в Минас-Тирит? — спросил принца хоббит. — В Гондоре эльфы должны быть в почете, и кто знает, быть может, вам поверят скорее, чем нам?

— Ты прав, — задумался Форве. — Но сам я пойти не смогу, мне надо торопиться в Куививиен. Пожалуй, я сделаю, как ты предлагаешь. С вами пойдут Амрод, Беарнас и Маэлнор. Слышите меня, друзья? — повернулся принц к своим спутникам.

Трое названных им эльфов-воинов почтительно поклонились предводителю.

— Мы исполним все, как ты сказал, — проговорил Амрод. — Но куда нам предстоит направиться после того, как мы побываем в Минас-Тирите?

— Я предпочел бы видеть вас в отряде, стерегущем Болотный Замок, — ответил Форве. — Если война не вспыхнет к тому времени и путь вверх по Великому Андуину будет еще свободен — не мешкая отправляйтесь туда. А я уж постараюсь собрать самую лучшую дружину, какую только смогу.

— Но ведь в Зеленолесье до сих пор живет Трандуил, — напомнил собеседникам хоббит. — Его народ многочислен и отважен. Мы могли бы просить помощи у него. Как я жалею, что в свое время мы не смогли побывать там, хотя проходили в считанных лигах от его дворца!

— Эльфы Трандуила тоже двинулись на Заокраинный Запад, — покачал головой Форве. — Я слыхал, что их число сильно уменьшилось за последние годы. Самого Трандуила удерживает тут великая любовь к зеленому свободному миру, но из его подданных сейчас мало кто разделяет эту любовь своего короля. Море! Великая тайна, вечно влекущая к себе эльфа! — Форве вздохнул. — Мне, выросшему на берегах Вод Пробуждения, она понятна. Я не могу осуждать за это своих сородичей. Они возжаждали покоя... Нет, много, еще очень много эльфов не покинуло благословенных лесов — но не стоит особенно уповать на их помощь. Хотя я обязательно заеду во дворец Трандуила и постараюсь доказать ему необходимость действия...

— А если Олмер не пойдет сразу же к Дол-Гулдуру? — в который уже раз поднял этот вопрос Малыш. — Если он всей мощью обрушится на Гондор?

— Главное Кольцо рано или поздно все равно приведет его к месту, где оно должно быть надето, — сказал Форве. — Как бы ни пошла война, он не минет Болотного Замка. Будем же надеяться, что его лиходейская мудрость подведет его на этот раз и он двинет армии, еще оставаясь человеком. Противостоять ему потом будет куда как труднее...

Отряд в молчании двинулся дальше. Нельзя сказать, чтобы у хоббита спала пелена с глаз после встречи с Великим Орлангуром. Он и так догадывался о многом — и теперь, когда все наконец встало на свои места, пора сомнений и колебаний кончилась и нужно было действовать, он внезапно ощутил странное, неестественное спокойствие — неведомое отступило, теперь они были лицом к лицу с противником, который по крайней мере перестал быть загадкой. Они могли предвидеть его поступки, они почти наверняка знали, что он предпримет в последующие несколько месяцев. Оставалось только действовать. И хотя задача теперь стала куда сложнее — попробуй отыщи этого Вождя в Средиземье! — но в то же время и понятнее: теперь можно было просто взять в руки меч и сражаться. Гондор? Очень хорошо, пусть будет Гондор. Постараемся поднять там тревогу, а если не удастся — что ж, судьба наша, видать, ждет нас у стен Дол-Гулдура...

После сильного напряжения наступала реакция. Загадки были решены, впервые за многие месяцы дорога выглядела прямой и ясной, и хоббит даже зажмурил глаза от удовольствия, точно греясь на ласковом солнце. Томительная неопределенность кончилась, они точно знали, что им теперь делать. Оставалось только одно, слегка беспокоящее Фолко: что происходит с Малышом?

Весь день отряд пробирался на юго-восток. Позади остались черные разливы болот; мало-помалу они выбрались на открытые места. Чувствовалось, что земля тут давно не знала эльфийской заботы: на многие лиги простерлись редкие хвойные леса, сосны и ели жадно тянулись вверх полуголыми стволами, почти лишенными веток. Равнины кончились, местность вздыбилась крутобокими холмами, перевитая голубыми жилами бесчисленных ручьев. Не было видно никаких троп, однако Форве ехал уверенно, по одному ему ведомым признакам отыскивая дорогу.

По пути Торин несколько раз пытался вызвать Малыша на разговор, однако тот отмалчивался, и все, что от него смогли добиться, — что драконам он все равно не верит.

Наступил вечер. Эльфы с привычной им ловкостью накрыли ужин, умудрившись превратить неказистую лесную поляну в роскошный зал сказочного замка. Мягкий серебристый свет растекался по стволам, и они казались дивно украшенными колоннами; уже начинающая жухнуть осенняя трава вдруг озарялась темно-изумрудным отсветом, и даже торчащие из земли старые древесные корни приобретали очертания каких-то прекрасных существ, застывших в стремительном беге. Эльфы умели облегчить душу — все тревоги уходили, тонули в глубинах памяти; наступало время отдыха, и в нем не было места темным мыслям.

Наслаждаясь покоем и отдыхом, Фолко прикорнул на одеялах; Амрод, один из лучших менестрелей принца, запрокинув к звездам красивое, словно точеное лицо, негромко начал древнюю песнь — о судьбе Голубых Магов, ушедших далеко на восток и павших в неравной борьбе со Злом Саурона; и едва хоббит прилег поудобнее, приготовившись слушать, как ощутил чувствительный тычок в бок. Над ним стоял Торин, и лицо гнома не предвещало ничего хорошего.

— В чем дело? — нехотя проговорил Фолко, морщась. — Чего тебе не сидится?

— Вставай! Нужно поговорить с Малышом. Я не понимаю, что с ним творится. Мы идем не на прогулку и должны доверять товарищу полностью, а если не доверяем — то это уж не товарищ, а наполовину враг. Я не намерен отступать. Идем! Нечего ему таиться и отнекиваться. Если мы чем-то виноваты перед ним, пусть скажет прямо, а не дуется, как мышь на крупу.

Кряхтя, хоббит поднялся и потащился за неугомонным Торином куда-то в самую глубь окружавших поляну зарослей. Малыш

уже сидел там, угрюмый и готовый к отпору. Видно было, что ему, как и хоббиту, очень хочется убежать, но если Фолко просто мечтал бездумно поваляться в свое удовольствие под дивные звуки эльфийской песни, то Малыш изо всех сил пытался не допустить этого разговора.

— Ну теперь говори! — приказал Торин.

Маленький Гном набычился, и Фолко понял, что Торин с самого начала взял неверный тон. С Малышом никогда нельзя было разговаривать, отдавая непререкаемые приказы.

— Что говорить-то? — зашипел Малыш. — Угомонись, Торин, какая муха тебя укусила? Что ты от меня хочешь?

— Хочу знать, почему ты не пошел с нами к Орлангуру, — невозмутимо сказал Торин. — Я уже говорил хоббиту и повторю тебе: мы должны доверять друг другу полностью. Я не понимаю тебя! Чего ты испугался? Ты же не хуже меня знал, что это не просто дракон.

Малыш молчал, нервно кусая губу. Гномы вообще на редкость выдержанные существа, и уж если кто-то из них прилюдно кусает губы или, скажем, краснеет — это значит, что дело действительно очень серьезно.

— Ну, а что изменится, если я не отвечу на твой вопрос? — прищурился Маленький Гном.

— Я бы очень огорчился, — негромко ответил Торин. — Мы прошли вместе такой путь, какой не выпадал, наверное, на долю ни одного из гномов Северного Мира. Мы были одним целым, и когда мы сражались, то ударяли, как одна рука! Что же теперь встало меж нами? Я не понимаю: отчего ты не хочешь ответить?

Малыш молчал, опустив глаза. Рука его стискивала рукоять меча.

— Ну хорошо, я попробую объяснить, — нехотя выдавил он после длительного молчания. — Это все ваш Дракон-всезнайка! Я не верю ему, не верю и боюсь его! Ну не потому, конечно, что он может меня сожрать — перед такими-то я не отступаю, — а потому, что он может наложить на меня такие чары, которые еще больше сузят и так неширокий круг позволенного мне! Понимаешь, нет? — Он все больше воодушевлялся, на щеках разгорались алые пятна. — И я не желаю, слышишь, не желаю, чтобы он теперь указывал мне, как поступать, и тем самым отнимал у меня еще больше свободы!

— Что ты несешь! — воскликнул Торин, недоуменно глядя на друга. — С каких это пор новое знание обрело способность уменьшать твою свободу?!

— Очень просто! — впился разгоряченным взглядом в Торина Маленький Гном. — Мы влезли в игру, откуда нет выхода, мы не знаем, где он, но верим, что кто-то способен указать нам его, и оттого, разинув рты, внимаем всем, кто говорит нам, как должно

поступать в этой игре, чтобы не сгинуть совсем. Но каждый, кто говорит нам так, сужает и сужает круг доступного нам, нашему собственному пониманию, в пределах чего мы можем выбирать сами!

Малыш вскочил на ноги, сжав кулаки. Фолко слушал Маленького Гнома со всевозрастающим удивлением. Никогда не случалось, чтобы Малыш говорил с такими страстью и красноречием.

— Мы, тангары, — продолжал Малыш, — самые свободные существа этого Мира. — Глаза Маленького Гнома горели, на скулах в такт произносимым словам ритмично вспухали желваки. — И мне странно, Торин, что именно ты не понимаешь того, что все эти годы мы только и делали, что слепо брели незнамо куда по указке всякоразных Сил, считающих себя почему-то вправе распоряжаться нашими судьбами! Я вообще терпеть не могу, когда мне кто-то что-то приказывает! И хорошо же оказалось наше дело, если в конце концов нас наши же братья, Черные Гномы... принудили... сами знаете, к чему. — Он с бешенством рванул обхвативший левое запястье серый браслет-убийцу. — Ненавижу, когда мне затыкают рот! — продолжал бушевать он. — Наговорили одни, теперь наговорил бы Дракон... Не желаю! Я мастер, свободный тангар, а не тряпичная кукла всех этих магов и змеев! И по правде говоря, я уже готов... на многое, чтобы кто-нибудь освободил меня от этой штуки! — Он снова потряс браслетом. — Ты уверен, что те, кто надел его на меня, сдержат слово? Что им не придет в голову избавиться от нас — ну хотя бы через минуту? И еще. — Он перевел дух, но никто не воспользовался паузой, чтобы возразить ему. — Ты думаешь, что я заорал от боли, когда Олмер попробовал снять с меня браслет? Ты действительно поверил, что я, бывалый кузнец, так позорно визжал бы, уподобляясь свинье под ножом, из-за какого-то пустячного ожога? Как бы не так! — Малыш подскочил вплотную к Торину, его ноздри вздрагивали. — Я заорал тогда, когда понял, что *он сейчас его с меня снимет! Что он может это сделать!* И я до полусмерти испугался этого... — продолжил он чуть тише после предыдущего выкрика. — Я испугался! Мне показалось, что он снимет его и тогда я превращусь в его марионетку... — закончил он совсем тихо. — И тогда я закричал... и обманул, похоже, даже его. А теперь вот жалею. — Голос Малыша упал до чуть слышного шепота. — Теперь мне думается, что это было бы лучше, чем жить вот так, с дремлющей ядовитой змеей на запястье.

Наступила тишина. Малыш молчал, тяжело дыша и глядя в землю. Ошарашенно молчали, не зная, что и сказать, Фолко и Торин. Молчал, точно в ожидании, и сам лес, ветви будто в оцепенении замерли над их головами.

— Теперь вы поняли? — поднял глаза на друзей Малыш. — Мне стало не по душе то, что мы делаем. Мы куклы! Нами вертят,

как хотят, а мы сами только и можем, что метаться от одного Сильного к другому! Тьфу, позор! Нам указывают, на кого бросаться, точно мы гончие псы! И мы кидаемся... Мы долго гонялись за Олмером, а теперь я вижу, что он — ничуть не хуже и не лучше тех же Черных Гномов, которые нацепили нам на руки эти проклятые цацки! Нет, все эти Сильные — они не отличаются друг от друга и врут напропалую, а мы слушаем, разинув рты, и верим, и лезем на рожон, и дохнем, одному Дьюрину ведомо за что!

Он махнул рукой. Фолко и Торин переглянулись, и гном уже раскрыл было рот, но Малыш заговорил снова.

— И сейчас я уже точно знаю, что мы влезли не в свое дело, — продолжал Маленький Гном. — Вот ты, хоббит, ты начал это дело, имея за плечами славные дела твоих предков. Ты решил своею волей положить предел тому, что считаешь Злом. Однако вспомни, ведь все, что смог Фродо, — это донести и уничтожить Символ темной силы, доверенный ему другими, получив его из чужих рук! Вряд ли тебе суждено замахнуться на большее, прости за прямоту. Всем нам не следовало замахиваться на непосильное, помяните мои слова, — мрачно окончил он и замолчал окончательно.

Торин собрался было возражать, но Фолко дернул его за рукав.

— Ты во многом прав, Малыш, — медленно сказал хоббит. — Жаль только, что ты не сказал нам этого раньше. И что же ты теперь намерен делать? Спорить с тобой я не стану — у каждого своя вера, и бессмысленно обсуждать, которая из них лучше. Гораздо важнее другое — что ты теперь намерен делать? Куда пойдешь? Мы долго были друзьями, мы рубились плечом к плечу, и нам не все равно, куда ты теперь пойдешь. Я ведь так понимаю, ты хочешь уйти?

Наступило тяжелое молчание. Торин сопел, кривя губы и сжимая кулаки, Малыш же совсем опустил голову.

Над ними шумел ветер в ветвях; сентябрьское солнце, уже нежаркое, играло лучами на алых боках усеявших кочки лесных ягод; где-то неподалеку сидели в кружке эльфы, и принц Форве, что-то говоря своим спутникам, время от времени бросал озабоченные взоры на заросли, где скрывались друзья.

Все это ворвалось в сознание хоббита — вместе с острой, незнакомой доныне болью в сердце; он не знал, что такое потери, теперь же, когда уходил друг, с которым было столько пройдено вместе, пришло чувство, будто ржавый тупой нож режет по живому. И под напором этого нового чувства Фолко едва не зашатался. Малыш не должен уходить, он не может уйти, это дико, чудовищно!

— Послушай, тангар, — хрипло проговорил Торин, — я уж хотел сказать тебе все, что думаю, но Фолко меня удержал. Ты вот только что толковал о свободе, а этот Олмер несет всем такую несвободу, по сравнению с которой те пределы, что наложены на

тебя и нас этими браслетами, покажутся детскими игрушками! Помысли об этом. И еще — нам с хоббитом будет очень не хватать тебя...

— А почему вы решили, что я хочу куда-то уйти? — тихо вымолвил Малыш каким-то очень странным, отрешенным голосом. — Мне идти некуда... Я только объяснил, почему не пошел с вами к Орлангуру.

— И слукавил, — тихо сказал Фолко.

В нем все натянулось до последнего предела, незримая струна еле слышно звенела, вот-вот готовая лопнуть. Малыш вздрогнул будто ужаленный, Торин разинул рот и изумленно воззрился на хоббита, а тот, подхваченный странной волной, говорил, уже не в силах сдержаться:

— Ты не пошел не потому, что стремился оградить свою свободу от возможных посягательств. Ты боялся, что всезнающий Дракон скажет нам о тебе нечто такое, что ты хотел бы скрыть. Скажи лучше сам, что тебя гнетет.

Малыш прижал обе руки к горлу, словно ему не хватало воздуха, и отшатнулся от хоббита, как от зачумленного.

— Что ты такое несешь... — начал было Торин, но Фолко властно перебил его:

— Помолчи, Торин! Малыш! Сказать тебе, чего ты боишься? Ты знаешь, что может содеять с тобой Махар Ауле, ваш Предвечный Отец! Ты поступил опрометчиво, не задумываясь о последствиях — а они оказались такими, что твоя совесть не выдержала. Ты постарался искупить совершенное, ты честно и храбро сражался, все еще колеблясь между сторонами. Я понимаю тебя — я сам испытал нечто подобное в отряде Отона, когда мне казалось немыслимым поднять меч на тех, с кем я спал у одного костра и кто делился со мной походной краюхой. Скажи нам, и мы поймем тебя. Хватит метаться! Придется выбирать, хотя и выбирать-то, по сути, тебе не из чего.

На Малыша было страшно смотреть. Он стоял, шатаясь, бледный как смерть, тяжело дыша. На лице блестели крупные бисеринки пота. Фолко с некоторым страхом следил — не рванется ли рука Маленького Гнома к оружию, влекомая беспросветным отчаянием, охватившим его?

Однако судорожно стиснутые кулаки Малыша разжались, глубокая морщина, прорезавшая лоб, на время разгладилась, и Фолко внутренне возликовал — чаши весов склонились на их сторону.

— Хорошо, — выдавил из себя Малыш. — Так и быть, ладно. Не знаю, как ты узнал, но ладно... Торин, положи топор.

Совершенно сбитый с толку, Торин послушно положил топор на землю. Малыш глубоко вздохнул, огляделся — как бы прощаясь на всякий случай с этим миром — и заговорил. Первые же его слова ударили хоббита и Торина словно громом.

— Да, ты прав, — опуская глаза, с трудом выговорил Малыш. — Я действительно знал раньше Олмера... и выполнял кое-какие его просьбы...

И он заговорил, сбивчиво, захлебываясь, словно торопился наконец выплеснуть из себя наболевшее; потрясенные друзья только молча слушали...

Оказывается, давным-давно, чуть позже, чем Торина, судьба свела со Злым Стрелком и Малыша. Тогда совсем еще молодой тангар, только-только отпустивший бороду и освоивший первые секреты кузнечного мастерства, он шатался по Арнору, не зная, к чему приложить силы; повседневная, будничная работа казалась ему скучной, торговля — не стоящей внимания. Он не придавал значения деньгам, перебиваясь случайными заработками. Другие гномы скопили бы за те несколько лет немалые суммы — работа подземных мастеров высоко ценилась, — но Строри растратил все, что имел. Неумеренная страсть к пиву обернулась ссорой в одной из столичных пивных; подвыпивший гном не заплатил по счету, а когда хозяин потребовал в залог красивый пояс Малыша с серебряными пряжками тонкой работы, гном ответил ему первым, что подвернулось под руку, — отломанной ножкой скамьи. Хозяин упал, кто-то позвал стражу; и, когда в дверь вломились дюжие арнорские панцирники в полном боевом вооружении, Малыш понял, что дело плохо. «Попал, как каменная крыса в горн». Однако он был при мече и топоре; пиво ударило в голову, и он обнажил оружие.

Малыш отчаянно сопротивлялся, однако и стражники были не лыком шиты. Так или иначе, Малыш ранил одного из них и был ранен сам; наверное, он сумел бы отбиться, если бы к арнорцам не подоспело подкрепление. Воины Северного Королевства, видя лежащего в луже крови своего товарища, рассвирепели — и, глянув им в глаза, Малыш понял, что сейчас его будут уже не задерживать, как вначале, а убивать.

Гордость и горячность помогли ему продержаться несколько минут; потом его ранили вторично. Он начинал слабеть, и тут нежданно-негаданно ему явилась помощь. Молодой загорелый человек с длинным луком за плечами вырос прямо перед панцирниками; те на миг оцепенели, и Олмер (а это был именно он) громким голосом спросил, в чем провинился этот гном. Ему ответили. Олмер промолчал, переводя взгляд с приготовившегося к смерти Малыша на тяжело сопящих от ярости стражников, нагнулся к раненному Малышом человеку, и странно, никто не шевелился, все стояли точно завороженные, как будто этот пришелец имел право распоряжаться здесь. Несколькими умелыми фразами Злой Стрелок успокоил разгоряченных противников Маленького Гнома и сказал, что вместо драки лучше было бы славным воинам помочь своему истекающему кровью товарищу,

и, сказав так, быстро и умело перевязал тому рану. А потом звякнуло золото; Олмер заплатил все долги Малыша, купив молчание и хозяина, и стражников, и даже раненого воина. Он вывел Малыша из враждебного кольца; во дворе Олмера ждала лошадь, и они благополучно ускакали.

Что и говорить, Малыш сверх всякой меры благодарил спасшего ему жизнь человека. И его благодарность была тем сильнее, что он сам понимал, что был виновен и что у Олмера не было никаких причин вступаться за него. И Малыш поклялся, что вернет долг своему спасителю.

Они расстались надолго, Олмер уходил на восток, и, когда Малыш попросился вместе с ним, тот улыбнулся, сказав, что если он хочет вернуть долг, то пусть остается здесь и держится Аннуминаса. Когда он понадобится, его разыщут.

Его и впрямь разыскали через несколько лет, которые он провел, живя тише воды, ниже травы в учениках у одного старого рангтора, научившего его, помимо всего прочего, и основам искусства боя двумя клинками. Поначалу просьбы были пустячные и касались в основном известий о заброшенных гномьих поселениях. Уже потом Малыш узнал, что так было положено начало богатствам Вождя — он разыскал несколько забытых кладовых. Потом Малыша спрашивали о Голубых Горах, о разных коленах гномов... Он честно рассказывал все.

Затем наступил многолетний перерыв.

Малыш клялся всем святым своего народа, что до появления Радагаста на поле боя под Форностом он, Малыш, и помыслить не мог, что вторгшимися командует его спаситель, что тот превратился в смертельную угрозу для Средиземья. Но и услышав, Маленький Гном не мог в это поверить. И одному ему известным способом он послал о себе весть; там, в Ангмаре, это было еще возможно. Ответ не заставил себя ждать — Олмер напоминал о былой дружбе, о том, кому именно обязан жизнью Маленький Гном, и просил понаблюдать за его, Малыша, друзьями, «к великому прискорбию попавшими под влияние эльфийских прихвостней», как написал Олмер. Никаких приказов убить или вообще навредить любым способом — только наблюдать.

— Но здесь наши пути разошлись, — продолжал Малыш. — Он не знал ни о нашем походе, ни о его целях. Я не стал ничего сообщать ему, связь прервалась.

— И на том спасибо, — мрачно бросил Торин.

— Вот почему тогда, в его лагере, я советовал вам ни в коем случае не ждать его возвращения, — с отчаянием в голосе продолжал Малыш. — Однако все обошлось. Олмер был уверен, что мы посланы в разведку, и хотел проследить за нашими действиями. Помнится, тогда мы обсуждали такую возможность.. и ока-

зались совершенно правы. Знай он, что мы идем его убивать, он ни за что бы не выпустил нас из своих лап.

— Мы-то шли его убивать, — процедил сквозь зубы Торин. — А вот ты зачем тащился?

— За тем же самым, — твердо отвечал Малыш. — Пока мы пробирались на восток, я многое понял. И как ни тяжело было мне пойти против спасшего мне жизнь, я понял, что иного выхода нет. Хотя всякие там Драконы мне по-прежнему не по нутру, — закончил он.

— Ладно, — сказал Торин. — А теперь я буду спрашивать, а ты — отвечать. Да смотри не вздумай вилять!

Малыш часто закивал.

— Как ты сносился с Вождем?

— Он назвал мне своих людей, которым нужно передать сведения. Дальше их отсылали они сами, думаю — с улагами.

— Хорошо! Где ближайший отсюда?

Малыш затряс головой.

— Откуда мне знать, Торин? Самое восточное из известных мне — в Железных Холмах. Когда мы с Олмером сговаривались, никто и помыслить не мог, что нас занесет так далеко на восток.

— Почему же тогда Берель отпустил нас? Если Вождь не полный глупец, он должен был прислать тебе какое-то слово. Или по крайней мере велел бы как следует допросить нас в лагере Олмера. Он же прекрасно понял, что мы ему врем!

— Не знаю, — опустил глаза Малыш. — Наверное, он понял, что я окончательно перешел на вашу сторону и теперь со мной бесполезно сговариваться за вашей спиной.

Торин молча покивал, задумчиво теребя бороду. Малыш ждал, сцепив руки.

— Что скажешь, брат хоббит? — Торин повернулся к Фолко.

— Он говорит правду, — тихо произнес хоббит.

— Это я и сам вижу. Но что нам с ним делать? По-моему, — лицо Торина окаменело, взгляд стал жесток, — пусть идет на все четыре стороны. Не думаю, что нам следует терпеть его дальше. Предал один раз — пусть не до конца, — предаст и вторично. Оружие и припасы поделим по справедливости, не бойся, голым его не прогоним.

— Не спеши, Торин, — остановил разгорячившегося гнома Фолко. — Прогнать — это самое простое. Что, Малыш хуже тебя дрался в ущелье, когда мы едва не покончили с Вождем? Для Олмера он сейчас — враг еще злее нас с тобой, потому что он когда-то был с ним заодно, а потом пошел своим путем. Мне кажется, Малыша надо простить.

— Все-то тебе прощать да прощать, — пробурчал Торин. — В том, что ты сказал, резон есть, и все-таки, все-таки...

— Подожди! Малыш, а сам-то ты теперь — куда, с кем, зачем? Сам-то ты что мыслишь?

— Что мне мыслить... — с трудом выговорил Маленький Гном. — Я шел с вами, потому что вы — мои друзья...

— Которых ты с легкостью предал, — вставил Торин.

— Да не предавал я! — заорал Малыш. — Олмер тоже был моим другом! Другом, пойми ты, круглая башка! Если бы я решил встать на его сторону, я бы давно сделал это! Сперва я шел с вами из любви к вам и приключениям... Потом уверовал, что Олмер страшный и всеобщий враг, а теперь вижу, что все мы были неправы. Я ж говорил — он не хуже и не лучше других! Все таковы! Все рвутся к власти! Чем ты слушал?!

— Чем я там слушал — это уж мое дело, — отрезал Торин. — Не в том дело. Лично я не считаю, что в этом мире все Силы одинаковы, но если ты так думаешь — твое дело. Только тогда тебе с нами не по пути. Для меня Олмер — враг, для Фолко тоже. А если для тебя он — бывший друг и не более того, нам лучше расстаться.

Малыш закусил губу.

— Ты предал и его, и нас, — продолжал Торин. — И в моих глазах любая измена отвратительна!

— Погоди! — прервал его хоббит. — Измена Злу, возвращение к Свету — тоже отвратительны? Тогда вы с Малышом ни в чем не различаетесь.

Торин осекся.

— Я сам вначале хорошо относился к Олмеру, — продолжал Фолко. — До тех пор, пока не узнал доподлинно, кто он такой. И сейчас... сейчас я тоже жалею его, — прибавил он тише. — Мне действительно жаль того смелого и сильного воина, каким я видел его в Арноре и на Сираноне. И мне жаль, что нам придется запятнать себя его кровью, каким бы он ни стал теперь.

Торин, в свою очередь, закусил губу.

— Малыш! — продолжал Фолко. — Если хочешь быть с нами — будь. Только... только не обессудь, нам придется убить тебя, если мы поймем, что ты нас обманул.

— Ну хорошо, — хрипло сказал Торин. — Ты, хоббит, умеешь видеть скрытое... поверю тебе. Только вот что... Малыш, скажи мне — только честно! Теперь, зная все, ты убьешь Олмера, если представится случай?

— Да, — глухо вымолвил Малыш.

Больше на эту тему они не говорили, но между гномами пролегло долгое и неприятное отчуждение.

Дорога к форпосту Черных Гномов прошла тягостно И путь выдался нелегким — перебирались через болота и заросшие овраги, одолевали вброд речки. Торин был смертельно обижен, а

Малыш, чувствуя свою вину, впал в мрачную апатию. От эльфов не ускользнул разлад среди друзей, но Форве лишь с тревогой на них поглядывал, избегая вмешиваться. Если бы не спутники принца, хоббиту пришлось бы совсем туго. Он болезненно переносил случившееся, из кожи вон лез, чтобы сгладить неловкость, однако все шло прахом из-за Торина. Тот не мог простить Малышу неискренности...

Однако время шло, оставались позади лиги диких, ненаселенных краев, вход в подземелье приближался. Друзья договорились с Форве, что тот постарается известить их, как только выступит с дружиной к Болотному Замку. Гордый принц не мог отказаться от возможности схватиться лицом к лицу с таким врагом.

На шестой день пути вокруг них вздыбились горы. Поднимающиеся вверх по склонам леса уже облетали, желтый ковер расстилался под ногами у путников; по ночам с севера ощутимо тянуло холодом. Наступала очередная осень их странствий.

Форве вывел небольшой отряд в укромную долину. Сами горы были невысоки, стары, подобны Гелийским — тут Черные Гномы устроили один из своих «продухов». В одной из скал путники увидели гладкую поверхность ворот; Форве отстегнул от пояса рог и звонко протрубил.

Их не заставили ждать — каменные створки неспешно распахнулись, закованная в броню стража вышла им навстречу. Узнав Форве, стражники молча склонились перед ним и, не задавая вопросов, жестами пригласили войти.

Гостевой покой оказался неброским, не в пример великолепию Королевского Зала, где трое друзей говорили перед пятью владыками подземного мира; их поджидали трое седобородых гномов в богатых плащах и поясах, но заметно уступавших тем, что хоббит видел в Хеггских Горах.

Долго рассказывать принцу не пришлось. Здесь о многом знали, слышали и об Олмере. Старейшина, пристально вглядевшись в хоббита, едва заметно усмехнулся.

— Так это вы, отвергнувшие Ученичество? И решившие сами сохранить мир для вашего Запада?

— Да, а что? — спокойно ответил Фолко. — Если нам удастся задуманное — избавим Средиземье от великой крови, если потерпим неудачу — умрем в бою, легко и быстро, и не увидим всего того ужаса, что может воспоследовать.

— Ловок ты на язык, — покачал головой старейшина. — Не зря тебе браслет-то надели...

— Будет, будет! — вмешался Форве.

— Ладно, так и быть, — согласился старейшина. — Ни по каким законам не мог бы я вас пустить на наши подземные пути, кабы светлый принц за вас не просил. Идемте...

Они простились с принцем и эльфами; Амрод, Беарнас и Маэлнор бережно укрыли на груди свитки тех грамот, что должны были вручить королю в Минас-Тирите; в последнем привете вскинулись руки, и ворота за эльфами закрылись.

Путь вглубь оказался недолог. По отвесно уходящей в землю шахте они спускались на деревянном помосте, удерживаемом прочными канатами в руку толщиной. Где-то наверху, во тьме, некоторое время слышался скрип воротов, потом затих и он.

Подземная река оказалась широкой и полноводной. Она текла в высоком просторном тоннеле, скупо освещенном через прорубленные в толще камня световые колодцы. У причала ждала небольшая ладья.

— Тут плыть — один отдых, считай, — напутствовал их старейшина. — Все пороги и подводные камни убраны. Можно даже не грести, коли не торопитесь. Ну а если поспешаете — тогда смело плывите день и ночь. Одного поставьте шестом отпихиваться, если руль не поможет, и спите смело. Восемь дней — если не останавливаться — и вы на месте.

Ладья и впрямь оказалась верткой и удобной в управлении. Торин и Малыш, поплевав на ладони, взялись за весла. Амрод сел к рулю, двое других эльфов составили следующую пару гребцов, а Фолко примостился на носу. Довольно долго река текла прямо; течение было сильным, вдобавок гномы не жалели рук — и ладья почти что летела вперед. Вскоре они обошли груженный какими-то тюками плот; гномы-плотогоны приветственно помахали им. Тоннель был освещен, хоть и скупо; видимость была, как в очень светлую лунную ночь.

Они плыли долго. По пути их ладья миновала несколько небольших пристаней, где горели масляные факелы; их звали пристать, но эльфы лишь вежливо откланивались — нужно было спешить.

Когда наверху, на поверхности, спустилась ночь и в тоннеле сгустился непроглядный сумрак, они не стали останавливаться. Зажгли приготовленные запасливыми эльфами факелы — три на носу и один на корме, — и путешествие было продолжено.

Как и предсказывал старейшина, плыть оказалось нетрудно. Повороты встречались, но все они были плавными, и ладья легко выходила из них. Порой попадались спрямленные гномами участки — то справа, то слева внезапно возникали провалы в стенах, до половины заложенные камнем; неровные стены промытого водой тоннеля сменялись гладкими сводами рукотворных пещер.

Они гребли, управляли и спали по очереди. Экономя провизию и время, ели мало, предпочитая остановкам дальнейший путь. Так прошло семь дней пути.

Утром восьмого дня, когда слабый серый рассвет разлился под

сводами тайного русла, река вынесла их в огромный подземный зал, озаренный живым огнем факелов и светилен. Прямо перед ними из воды поднималась длинная и широкая причальная стенка; виднелись снующие фигурки. Здесь, очевидно, световых шахт имелось куда больше; факелы мало-помалу гасились. Сунул свои в воду и хоббит — более они были не нужны, путешествие по подземелью кончилось.

Здесь их уже ждали. Без долгих разговоров их повели наверх. Вновь скрипели канаты, ползла по глубокой вертикальной шахте огражденная перилами деревянная площадка; потом был небольшой привратный чертог, где друзей ждали приготовленные для них кони — три низкие хазгские лошадки, очень похожие на тех, что были оставлены друзьями перед началом пути по подземной реке, и три могучих степных скакуна, под стать своим прекрасным наездникам. Здешний гномий старейшина поклонился на прощание — и, разогнувшись, молча указал на охватывающие запястья гномов и хоббита серые браслеты. Слова не требовались. Все было понятно. Они должны были по-прежнему молчать обо всем увиденном и услышанном здесь, в сером подземном царстве.

— А почему вы не надеваете таких браслетов на наших спутников? — не выдержав, полез в спор Малыш. — Чем эльфы хуже нас?! Мы как-никак все же родня...

— С Авари нас связывает куда больше, чем кровное родство, — сухо ответил старейшина и, не сказав более ни слова, ушел.

Стражники, тщательно осмотрев через скрытые глазки окрестности ворот, что-то где-то нажали — и каменные плиты бесшумно разошлись, в глаза брызнули солнечные лучи, и хоббит, изо всех сил сощурясь, невольно вспомнил, как играли утренние блики на зеленой листве, когда его с друзьями те же Черные Гномы довольно-таки невежливо выпроваживали из своих владений. Тогда рассвет вселял надежду, друзья смотрели на Восток — теперь же взгляды его спутников приковывал к себе Запад. Круг замкнулся. Больше им надеяться было не на кого. Война приближалась, и рассчитывать теперь приходилось только на свои мечи да на доблесть защитников Заката...

Перед ними лежал Мордор.

Фолко даже не сразу осознал это. Их небольшой отряд стоял в укромной ложбинке среди желтовато-серых скал и холмов, почти лишенных растительности, и, озираясь по сторонам, хоббит вдруг понял, что стоит на самом краю страны, которая некогда была цитаделью Тьмы, хранительницей Силы, испепеляющей, отрицающей жизнь и свет. Местность казалась загадочной, зловещей — но и влекущей. Что там, за этим пыльным склоном? За этой серой, точно посыпанной пеплом, холмистой грядой? Фолко не был бы хоббитом, если бы прошел мимо и не бросил даже беглого взгляда на то, что осталось от королевства Саурона.

— Только осторожно, — напутствовал его Амрод.

Остальные спутники хоббита остались ждать его в седлах. Любопытство изменило даже неугомонному Малышу. По левую руку от них брала свое начало едва заметная тропка. В некотором отдалении она сворачивала на север, исчезая в складках местности. Дорога отряда лежала туда — вдоль северных склонов Эред Литуи, Изгарных Гор, по старому Сауронову Тракту...

Фолко поднялся на холм, пригибаясь, точно под стрелами. Схоронившись за грудой валунов, он глянул вниз.

Там, насколько мог окинуть глаз, на юг, запад и юго-запад тянулась однообразная равнина, плоская как стол. На ней кое-где курчавились купы низкорослых деревьев, в разных направлениях равнину пересекали несколько едва заметных проселков. В отдалении виднелись желтые крыши какого-то селения, окруженного полями с редкими цепочками жнецов; кое-где тянулись обозы...

Фолко перевел взгляд на восток. В нескольких лигах отсюда по земле была словно проведена гигантская черта; справа от нее все было желтым, иссушенным, невзрачным; слева же, к восходу, все еще буйно зеленело, словно и не наступала осень. Кто-то четко отделил земли Страны Мрака от прочих, хоть и подвластных некогда ей, но уже давно освободившихся. Из Красной Книги Фолко помнил, что эта часть Мордора была превращена Сауроном в житницу и что после падения Духа Тьмы великодушные победители отдали эти края сдавшимся Сауроновым оркам. Хоббит знал, что гондорцы, помня минувшее лихолетье, по-прежнему держали стражу на всех перевалах; Клыки Мордора, сторожевые башни возле Черных Ворот, вновь, как встарь, занимала минас-тиритская гвардия. И, как можно было видеть, орки прижились в этой не очень-то благополучной земле. Хоббит мог только подивиться, почему они не бросили эти глинистые пространства и не ушли дальше на восток; он пристальнее вгляделся в полосу рощ за границей Мордора — и скорее догадался, чем разглядел: среди кустов петляла нешироkая, почти незаметная в зарослях дорога. И на этой дороге что-то двигалось, сверкая багровым, будто очень длинная змея...

Фолко едва не подпрыгнул. Сомнений быть не могло — там шел на восток отряд ратников. Он вгляделся еще пристальнее, до боли напрягая глаза, и на одном-единственном открытом месте он действительно увидел их. Железная змея орочьей пехоты неспешно втягивалась в лес, щетинясь короткими пиками. И не требовалось многого, чтобы догадаться, куда они идут в дни сбора великого войска Вождя.

Стиснув зубы, хоббит вернулся к товарищам.

— Они неугомонны, — тихо и с грустью молвил Амрод. — Корень Зла, посаженный в их души Великим Врагом, по-прежнему крепок... три века мира не изменили их.

— Надо торопиться, — сдвинул брови Торин. — Если бы Гондору удалось справиться со всеми своими врагами по частям! Боюсь, к тому времени, как мы доберемся до Минас-Тирита, все способные носить оружие уже уйдут из Мордора, сражаться будет не с кем.

— Неужели в столице ни о чем не подозревают? — удивился Беарнас.

— Гондорская стража далеко отсюда, — молвил Маэлнор. — Быть может, на западе этой страны все спокойно.

— Как бы то ни было, в путь! — решительно закончил Торин. — Только идти придется осторожно. У меня нет никакого желания встретиться с подобным отрядом где-нибудь на полпути отсюда до Черных Ворот.

— Вряд ли мы встретим их там, — покачал головой хоббит. — Они пойдут здесь не раньше, чем начнется война. Я думаю, они шли на какой-то сборный пункт.

— Какой смысл ломать ноги вперед-назад? — фыркнул Малыш. — Армия проходит мимо, они присоединяются... Как бы нам не нарваться на все Олмерово воинство!

— Ты что думаешь... уже началось? — со страхом выговорил хоббит.

Маленький Гном только мрачно пожал плечами.

Уже садясь в седло, Фолко бросил последний взгляд на запад. Солнце почти село, плотные тучи, скрывшие горизонт, казались подожженными изнутри. Цепи внутренних гор Черной Земли скрывали то место, где по-прежнему зияла исполинская воронка на месте стертого до основания Барад-Дура, но на алом фоне заката четко вырисовывался острый конус Роковой Горы. Триста лет она дремала, ни разу не пробудившись к жизни; кто знает, не пришла ли ей пора в очередной раз очнуться? У Фолко возникло чувство странной уверенности, что он еще увидит Ородруин — и с куда более близкого расстояния.

В прощальных закатных лучах они выехали на тракт. Древняя дорога, когда-то замощенная трудами бесчисленных Сауроновых рабов, предстала путникам давным-давно заброшенной. Плиты разошлись, потрескались, в широких щелях меж ними поднялась пыльная степная трава, сейчас уже пожухлая и высохшая. Местами дорогу покрывал толстый слой песка — и становилось ясно, что ею не пользовались с незапамятных времен. Очевидно, у Черных Гномов были свои тропы, если они вообще выходили на поверхность. На память хоббиту пришли слышанные еще от Герета россказни, что старый путь вдоль Мордорских Стен заброшен из-за страха перед призраками тех мест; ему сразу стало не по себе, и он поспешил отогнать эти мысли.

По левую руку от них вздымались кручи Изгарных Гор. На поллиги тянулись пологие склоны, поросшие степными травами,

а затем, точно каменные клинки, землю вспарывали коричневые и серые отвесные скальные стены, уходя куда-то под самые облака. Эти горы действительно напоминали рукотворные стены — не было обычных, протянувшихся на многие лиги предгорий, широких конусов главных пиков... Поверхность скал исчерчивали бесчисленные трещины, словно в каменную крепь когда-то били исполинские тараны. Расщелины складывались в причудливые рисунки, очертаниями напоминавшие не то гигантских птиц, не то драконов.

Мрак сгущался. С запада быстро плыли тучи; там, наверху, бушевали вихри, здесь же, на земле, воздух застыл в тяжелой недвижности. Пахло лишь сохнущей степной травой. Кони начали испуганно храпеть, шарахаясь от причудливо-пугающих лунных теней — это-то хорошо вышколенные степные боевые кони! Не сговариваясь, эльфы и хоббит взяли луки на изготовку.

— Дальше идти нельзя, — нарушил молчание Беарнас. — Места жуткие! Я чувствую спящие Силы, с которыми мы не сталкивались уже много веков...

— Что это за Силы? — жадно спросил хоббит.

— Они сродни Умертвиям Запада, о которых ты нам рассказывал, — последовал ответ. — Старые и злобные Сауроновы прихвостни...

Эльф хотел добавить еще что-то, но речь прервал раскатившийся над скалами многоголосый холодный и злобный вой, прекрасно знакомый Фолко и его спутникам. Сразу вспомнился Арнор, призрачная тварь, преследовавшая предназначенный ей меч, схватку с ней на пороге их дома в северной столице... Вспомнилась и Ночная Хозяйка.

— В круг, скорее! — крикнул Амрод, накладывая стрелу на тетиву. — Гномы, костер!

— Разуй глаза, чему тут гореть? — грубо заорал в ответ Малыш, выхватывая меч.

— Вон холм, там какие-то заросли! — вытянул руку Маэлнор.

Они пришпорили и без того сходящих с ума от страха коней. Хоббит с трудом удерживался в седле, его скакун летел, не разбирая дороги, но все же в нужном направлении. Оглядываться у хоббита возможности не было, однако он слышал, как вой приближается — их охватывали широким полукругом, но дорога вправо, в степь, была пока еще свободна.

Они поспешно свернули вправо. Примерно в полумиле от них высился темный крутобокий холм, его вершину скрывали невесть как укоренившиеся там кусты.

Только когда они наконец оказались на самом верху, Фолко смог оглянуться. Луна внезапно прорвалась сквозь облачную пелену, заливая окрестности мертвенным светом. По телам скал резче прорисовывались глубокие трещины — но кое-где их края

казались словно сглаженными, как будто из их глубин поднималось нечто полупрозрачное, сероватое, подобное предутренним туманам. Дрожащие серые пятна лезли из трещин, точно муравьи из своих нор; и вскоре все пространство между холмом и горами было заполнено ими. Колдовской живой туман полз, ни на миг не задерживаясь, прямо к холму, где укрылся небольшой отряд.

В несколько взмахов топора Торин и Малыш нарубили целый ворох веток. Еще секунда — затрещал живой огонь. Круг серых теней на миг замешкался — но лишь на миг, в следующую секунду их движение возобновилось. Знакомое чувство липкого, знобящего страха вновь подступило к горлу хоббита. Нечто подобное он испытывал, когда на их ряды надвигалась Ночная Хозяйка, однако теперь не было Отона, не было его Талисмана, и совершенно непонятно было, на что рассчитывать.

Эльфы, молча переглянувшись, встали в круг, соединив над костром руки. Амрод звучным голосом начал нараспев какое-то заклинание, древнюю колдовскую песнь, и Фолко заметил, как постепенно стали разгораться голубым быстрым пламенем наконечники стрел в их колчанах. Беарнас выхватил из огня головню, бестрепетно провел рукой сквозь пламя — из оранжево-рыжего оно стало бледно-зеленоватым. Маэлнор обнажил свой меч и медленно провел клинком над этим пламенем — и лезвие засветилось тонким серебристым отсветом. Амрод натянул тетиву, острие его стрелы было подобно языку голубого огня.

Так, впервые увидев приемы эльфийской боевой магии, Фолко понял, — на время забыв о надвигающейся опасности, — насколько далеко отошли в сторону, пойдя своим собственным путем, Невозжелавшие Эльфы, презрительно именовавшиеся на Западе Черными, или Ночными, Эльфами. Изначальные способности к Повелению и Управлению, дарованные самим Илуватаром, не растворились во Времени, не исчезли в великолепном свете Валинора, как у их закатных родичей, а были бережно сохранены и приумножены...

Эти размышления заставили его вспомнить о собственном могущественном оружии — клинке Отрины, долго не знавшем достойного дела и ждавшем своего часа в ножнах на груди хоббита. Клинок полыхнул огнем, синие цветы, казалось, дышали пламенем — кинжал был готов к бою. Сонм серых теней, учуяв все эти приготовления, приостановился, словно колеблясь, но затем вновь двинулся вперед. Постепенно хоббит стал различать и фигуры — действительно чем-то очень напоминающие костистых птиц или очень отощавших драконов. Четко обрисовывались длинные лапы с кривыми когтями — но ни глаз, ни клювов или, скажем, пастей видно не было.

Амрод пустил стрелу. Оставляя за собой огненную дорожку, как и многие изделия эльфийских оружейников в миг смертельной опасности, она со свистом врезалась в наступающие серые ряды. Злобный вой не утихал, и, словно на зов, с отдаленных скал подкатывались новые и новые волны. Стрела Амрода проделала широкую брешь в наступающих рядах — но ее тотчас затянули напирающие из глубины шеренги. Мелькнули пламенеющие стрелы Маэлнора и Беарнаса; эльфы били, повернувшись в разные стороны, и на время приостановили натиск, но что будет, когда кончатся их стрелы?

Словно услыхав эту мысль хоббита, Беарнас опустил лук и, широко размахнувшись, швырнул в серые тени своей головней. Диковинный факел полетел, рассыпая зеленые искры, и в рядах наступающих тотчас забушевал самый настоящий пожар. Серые фигуры вспыхивали, точно пуки соломы, торжествующий вой сменился воем ужаса и отчаяния.

Гномы вопили что-то невнятное от радости — им казалось, что победа близка; яростные вихри огня поднялись уже до середины склона, пожирая ряды призраков; однако те тоже явно знали, что за природа этого огня. В хаос воя и воплей нежданно вплелась какая-то команда — и вокруг холма вздыбилась самая настоящая песчаная буря. Вот уж не думал хоббит, что магический огонь, как и самый обыкновенный, можно гасить простым песком и землей!

В воцарившемся у подножия холма хаосе ничего нельзя было разглядеть. Беарнас метнул туда еще одну головню — но при этом хоббит заметил, что лицо эльфа мокро от пота; сотворение соответствующих заклинаний требовало огромной траты сил.

— Давайте сюда ваши мечи, — глухо произнес Маэлнор. — Нужно придать им силы против этих призраков... Придется драться, если хотим дожить хотя бы до рассвета!

Внизу неистово боролись огонь и земля; сотрясающий воздух вой, не умолкая, висел над вымершей ночной степью. Серое сплелось с зеленым, но ясно было, что огонь рано или поздно отступит...

Все это время мысль хоббита лихорадочно работала. Должно же быть спасение! Если эти твари непобедимы — почему они до сих пор не опустошили все Средиземье? Должно быть средство, которое остановит их! Здесь же издавна жили люди, те же истерлинги — они-то ведь смогли противостоять этим тварям!

И пока призраки не на жизнь, а на смерть боролись с эльфийским огнем (хотя как может бороться насмерть уже мертвый призрак?), гномы и воины Форве в молчании готовили сталь к последней схватке, одно из нападавших существ неведомо как преодолело огненную завесу и, завывая, кинулось прямо к ним, вытягивая длинные многосуставчатые конечности. Это ужасное порождение Тьмы и впрямь напоминало чудовищную бескрылую птицу... Птицу?!

И тут хоббита осенило. Обострившаяся от смертельной опасности память наконец-то подсказала выход. Он вспомнил Цитадель Олмера, как вели их с гномами в глубь страны, вспомнил тот мрачный трактир у дороги — и странные, пугающие знаки на стене! Теперь он понимал, откуда они взялись; теперь нужно было их вспомнить, вспомнить в точности...

Хоббит бросился ничком на землю, зажав уши ладонями. Крепко зажмурившись, он вызывал из глубин памяти тот полутемный трактир и странные знаки, так удивившие его. Спустя мгновение огненный круг уже пылал перед его мысленным взором. Накрепко запомнив увиденное, хоббит поднялся, только сейчас услыхав встревоженные голоса друзей.

Но как заставить этот знак действовать? Времени чертить его не оставалось, и тогда Фолко, движимый наитием, которому он теперь доверял больше, чем разуму, выхватил из рук Беарнаса приготовленную головню и, широко разведя руки, точно рубя огненным мечом невидимого врага, прочертил в воздухе первый штрих магического рисунка.

Пламя вытягивалось в нитку, казалось, в руках хоббита не факел, а кисть, и перед ним не воздух, а плотный холст. Головня оставила за собой светящийся зеленоватый след, и он не гас, пока хоббит стремительными движениями наносил остальные штрихи.

После первого же взмаха Фолко ощутил всевозрастающее сопротивление, как будто его руки погрузились в вязкую глину. С огромным трудом вытягивая руки из этой невесть откуда взявшейся трясины, Фолко продолжал чертить.

Тем временем огонь внизу угас окончательно. Изрытая и обожженная земля вновь покрылась пеленой идущих в атаку теней. Первых сбили стрелы эльфов — так же, как до этого ту самую, чьи очертания и натолкнули хоббита на спасительную догадку.

Последние мазки в свой огненный рисунок хоббит внес, когда волна призраков подступила к самой вершине и одно из существ пало под топором Торина. Пламя на головне уже умирало, и последним его светом хоббит очертил круг, ограждая им своих спутников и их коней, давно сбежавших бы от ужаса, если бы не особо прочные постромки.

И тени остановились. Вой сменился тоскливым и тягучим стоном боли и разочарования.

Не в силах даже подступиться к зачарованному кругу, твари могли лишь бесноваться в бессильной ярости. Маэлнор, держа клинок наголо, шагнул ближе к их серым рядам, выйдя из-под защиты знака; к нему тотчас метнулись десятки жутких когтистых лап — но лишь для того, чтобы в корчах упасть на землю, отсеченные неотразимыми ударами чудесного клинка.

Фолко хотел крикнуть — зачем? — но за Маэлнором в бой вступили и двое других эльфов, а за ними, переглянувшись — когда это тангары оставались позади в деле, касающемся доблести? — и Малыш с Торином.

Однако твари не приняли предложенного им боя. С тоскливым, тягучим завыванием они отступили прочь, к своим неведомым убежищам в скалах.

Надо было провести не один год в странствиях, драться не в одном бою, чтобы после всего случившегося спокойно проспать всю ночь до утра, выставив лишь одного часового. Утром, когда они двинулись в путь, лишь следы изглодавшего землю огня напоминали о вчерашнем. Ни хоббит, ни эльфы не знали, умирали ли эти твари по-настоящему — ведь никаких следов крови не оставалось, да и тел тоже.

Эльфы и гномы долго выспрашивали хоббита, каким образом ему вспомнился этот спасительный знак, теперь тщательно перерисованный и помещенный на выструганном шесте.

— А вы научите, как делать эти... вещи, которые я видел вчера? — задал эльфам встречный вопрос хоббит.

— Мое сердце открыто тебе, клянусь Великой Лестницей, мы ничего не скроем от тебя, — приложив правую руку к груди, ответил за всех Амрод. — Но вряд ли ты сможешь воспользоваться этим. Нужно изначальное, при рождении полученное умение — им наделены все Перворожденные, а вот ты... боюсь, что нет.

— Пламя духа, — вступил Беарнас. — Если тебе ведомы предания наших родичей из Западных Краев, ты должен знать, что тело великого Феанора распалось пеплом само по себе, едва скобы жизни перестали удерживать его исполинский огневеющий дух. Эти силы можно использовать. Но та Частица Пламени Неуничтожимого, что есть в каждом Перворожденном, у Смертных изменена настолько, что мы до сих пор не можем понять, какова же ее природа у наших младших братьев, у Последовавших. Они владеют странными силами, которые недоступны нам. Поверь мне, хоббит, у Смертных должна быть собственная магия, почти во всем отличная от нашей.

Так начался их путь по Сауронову Тракту на запад. Хотя каждую ночь они выставляли охранный знак, жуткие призрачные твари больше не появлялись. Вокруг расстилалась однообразная степь, слева тянулись мрачные горы. Триста лет почти не изменили облик этих краев — земля помнила царившее тут некогда Зло и с трудом залечивала раны. И все же здесь повсюду чувствовалась жизнь. Степное разнотравье, птицы в небе, мелкие зверьки на земле; плоховато было с водой, однако у эльфов оказалось прямо-таки сверхъестественное чутье на источники.

Прошла неделя. По календарю хоббита уже наступил октябрь, но здесь, на юге, осень еще только набирала силу, и даже ночами еще было тепло.

Ночью хоббит проснулся оттого, что ясно услышал настойчивый негромкий голос, называвший его по имени. Спросонья он тревожно вскинулся — но все было спокойно, у костра прохаживался несший стражу Малыш.

«Не суетись, успокой свои мысли, иначе мне не докричаться до тебя, — продолжал голос в сознании. — Возьми перстень...» Дальнейшее потонуло в странном шуме, подобном шуму набегающего прибоя.

Фолко спохватился, вспомнил принца Форве и его способ связи.

Он поспешно придвинул к глазам руку с голубым эльфийским камнем, вгляделся попристальней — и ахнул: там, в глубине камня, он рассмотрел крошечную фигурку Форве. Принц был в доспехах и стоял, устало опираясь на обнаженный меч.

«Война вот-вот разразится, — услыхал Фолко. — Олмер оказался куда скорее, чем мы предполагали. Он успел поднять почти весь Восток. Я связался бы с тобой раньше, но у нас тоже была битва. Мы одержали верх, но преследовать противника не можем. Да и Олмер, похоже, на победу не рассчитывал. Он даже не нападал на нас, а просто блокировал. Он приковал все наши силы к Водам Пробуждения. Серединное Княжество он не трогает, более того, предложил им союз! Не знаю как, но он пронюхал о цели вашего похода, но подозреваю, что по нашим следам он побывал у Великого Орлангура — и эта самая Третья Сила рассказала ему все. Для Дракона ведь нет правых и виноватых в войнах людей... Короче, не жди помощи с Востока! Князья Серединной Державы отвергли предложения посланцев Олмера и пришли нам на помощь, но, даже соединив наши силы, нам едва-едва удастся выстоять против отряженной против нас армии. Спешите в Гондор! В Гондор, а потом к Болотному Замку! Я буду держать вас в курсе происходящего у нас. Как ваши дела?»

Мысленно настроясь на камень, хоббит поведал принцу об их собственных приключениях. Форве выслушал и кивнул.

«Хорошо. Твари эти мне знакомы, беда будет, если Олмеру удастся поднять их... А ведь с Кольцом Короля-Призрака — кто знает, на что он способен? Олмер еще не надел его, но уже одно то, что Кольцо у него, привлекает на его сторону самых ужасных уцелевших Детей Мрака. Прощай! Я скоро вновь поговорю с тобой...»

Эльфы лишь молча стиснули рукояти своих мечей, когда хоббит рассказал им об услышанном.

Не щадя коней, они помчались дальше. Мало-помалу местность становилась все более суровой и безжизненной. Языки степных лугов еще лизали подножия оголенных каменистых холмов, но место живого ковра земли все увереннее занимали серые песчаники. Путники приближались к знаменитому Дагорладу,

Равнине Битв, месту, где кипели отчаянные сражения времен Последнего Союза, когда соединенные рати людей и эльфов Запада штурмовали твердыню Саурона. Неистовство бушевавших там стычек испепелило огромные пространства, а многолетнее владычество Гортаура еще больше усугубило нанесенные земле во время сражения раны. Земля под копытами коней казалась присыпанной сероватым пеплом. Груды шлака остались нетронутыми со времен похода Хранителя к Ородруину — ни у кого недостало сил исцелить эти заброшенные всеми края. Здесь могли встретиться пограничные патрули гондорской стражи — по крайней мере Фолко надеялся на это; но они все ближе подходили к Черным Воротам, а дорога оставалась пустынной.

— Неужели гондорцы вновь отступили к самому Андуину? — недоуменно пробормотал себе под нос хоббит.

К концу одиннадцатого дня их путешествия они вступили в совершенно опустошенные края. Время, казалось, не властно было над следами жестокого владычества Тьмы. Шлак и зола, зола и шлак покрыли все окрест, последние следы зелени исчезли. За три века вода и ветер сгладили острые углы извергнутых подземными топками глыб — но внести иные изменения даже они оказались бессильны. Грязь и хрустящий на зубах песок, бесплодный гравий под ногами, хаотичное нагромождение шлаковых отвалов, перемежающихся глубокими котлованами, почти доверху заполненными маслянисто поблескивающей темной водой, — такими увидели они преддверие Черных Ворот.

Миновал еще один день пути, однообразный и тоскливый. Чистой воды им отыскать не удалось; запасы из бурдюков ушли на то, чтобы поддержать силы их коней. Под вечер однообразная черта гор неожиданно подалась к юго-западу, и странники увидели высокие Клыки Мордора. Они были возле самого Моранноном.

— Ну уж здесь-то должны быть гондорские воины! — выходил из себя Фолко.

Все шестеро, они внимательно вглядывались в очертания башен, надеясь разглядеть хотя бы одиночный огонек в одной из узких бойниц. Напрасно: серая мгла окутывала укрепления, казавшиеся совершенно безжизненными и давным-давно покинутыми. Фолко послал коня вперед, желая увидеть сами Черные Ворота; и он увидел их, точнее, их остатки. Стены, некогда перегораживавшие вход в узкое ущелье, были разрушены до основания, огромные створки исчезли бесследно. За руинами открывалась быстро поглощавшаяся мраком дорога куда-то в глубь недоброй мордорской земли.

— Похоже... здесь никого нет! — воскликнул Малыш.

— И очень давно, — добавил Амрод.

— Во всяком случае, у меня нет настроения ждать утра в этих краях, — тронул поводья Торин. — Нет времени разгадывать еще

и эту загадку. Доберемся до Минас-Тирита — уверен, многое разъяснится.

Отвращение к этой изуродованной местности гнало их вперед, и они продолжали путь большую часть ночи. Теперь они шли точно по следам Хранителя.

Появилась наконец памятная вересковая пустошь — едва они свернули на юг. Начинался Северный Итилиэн, и жизнь снова щедро разлилась окрест. Выжженная пустошь кончилась. Некогда разрушенная дорога, по которой они ехали, ныне была тщательно замощена, и это служило единственным признаком того, что королевство Гондор еще как-то действует в этих давно подвластных ему землях. Но почему нет стражи?

— Эй, друзья, гляньте, в Красной Книге этого не было! — натянул поводья Торин.

При свете луны они разглядели на дороге заграждение из толстенных бревен, утыканное длинными заостренными кольями, направленными в их сторону. За непонятным барьером начинался сплошной лес.

— Это засечная черта — прекрасная защита против набегов степных конников, — ответил Амрод. — На востоке тоже возводят подобные заграждения на удобных для обороны местах. Но если и здесь нет никакого охранения...

— Пожалуй, не стоит лазать по этим корягам в потемках, — предложил здравомыслящий Малыш. — Давайте устроимся прямо здесь. Нам нужно отдохнуть, а ведь до рассвета рукой подать, — закончил он и принялся деловито готовить себе подстилку.

Его примеру последовали остальные.

Поутру они тщательно осмотрели сооружение. Оно оказалось в должном порядке — значит, люди хоть и изредка, но бывали здесь.

— Куда мы двинемся дальше? — спросил хоббита Амрод. — Мы не знаем здешних путей.

— Можно идти напрямик к Кайр Андросу, — ответил хоббит. — В лиге-другой отсюда будет речка, что впадает в Андуин как раз напротив этого острова. На нем Гондор исстари держал переправу и укрепленный форт. Однако хорошей дороги оттуда к Минас-Тириту нет... точнее, не было раньше. А можно идти дальше по этой дороге на юг — к Мостам Осгилиата, затем свернуть на запад, и мы окажемся у самой гондорской столицы.

— Что-то не очень улыбается мне тащиться на юг, — заявил Малыш. — По-моему, уж лучше напрямик. И что они — за триста лет дорогу к Кайр Андросу не построили?

— По-моему, надо идти дорогами, — заметил Беарнас. — Хороши послы, пробирающиеся тайными, нехожеными тропами.

Поддержали товарища и двое других эльфов, Торин и хоббит согласились с ними. Малышу пришлось уступить.

— Интересно, действует ли еще Палантир королей Гондора? — задумчиво сказал хоббит, когда они ехали под наполовину пожелтевшими кронами. — И если он или они сильны по-прежнему, в Гондоре не могут не знать об Олмере! Если знают, то почему бездействуют? А может... не знают? Вдруг Камни потеряли силу?

— Как мы об этом сразу не подумали? — поднял брови, словно дивясь самому себе, Торин.

— Да нет, это я так, — махнул рукой Фолко. — Надоело гадать... Действуют, не действуют — какая разница? Долг с нас все равно никто не снимет.

Фродо, Сэму и Голлуму потребовалось пять дней, чтобы пешком с остановкой в Хеннет Анноне добраться до Перекрестка. Фолко и его спутники надеялись пройти тот же путь за два полных дня.

Гортанный окрик «Стой!» на Всеобщем Языке раздался над их головами, когда они въехали в глубокую выемку, по которой проходила дорога. Фолко сильно подозревал, что это именно то место, где отряд Фарамира устроил засаду харадримам; традиции блюлись свято...

Хоббит, гномы и эльфы натянули поводья. Из зарослей по обе стороны дороги в них хищно метили несколько десятков лучников и копейщиков. Их одежды зеленого защитного цвета нимало не изменились со времен Войны за Кольцо; разведчики Итилиэна, они двигались незаметно и неслышно в любых чащобах. Их предводитель, высокий, стройный воин, с поблескивающей в разрезах одеяния кольчугой, подошел к остановившимся путникам.

— Привет вам, странники! — учтиво обратился он к ним. — Я — Беорнот, начальник заставы Соединенного Королевства Арнора и Гондора! Назовите ваши имена и куда вы направляетесь в пределах нашего королевства!

— Мы — послы его высочества светлейшего принца Форве из дома Ильве, великого князя эльфов Вод Пробуждения! — также учтиво, но с достоинством ответил за всех Амрод. — Мы направляемся в вашу столицу с посланием особой важности Его Величеству Королю Соединенного Королевства! Вот наши верительные грамоты.

Среди окружавших их воинов поднялся нестройный гул удивления. Суровое лицо Беорнота смягчилось.

— Давно, очень давно не видели в наших краях эльфов-послов из Восточных Пределов! — сказал он. — И хотя мне незнакомы печати вашего великого князя — да пребудет над ним благословение Валаров! — я пропускаю вас. Я дам вам сопровождающих —

таким послам, как вы, не пристало въезжать в нашу столицу без достойного эскорта.

Фолко подозревал, что причины для этого решения у Беорнота были совсем иные, но счел за благо промолчать.

Начальник заставы гостеприимно пригласил их всех отобедать — однако они отказались.

— Нам надо спешить, — сказал Беарнас. — Известия, с которыми мы посланы, настолько важны, что мы никак не можем терять времени.

— Понимаю, — согласился Беорнот. — Но, быть может, вы хотя бы в двух словах расскажете, как дела на востоке?

И тут взбеленился Малыш. Неведомо осталось, какая муха укусила его в ту минуту, но он свесился с седла и, глядя прямо в глаза воину, отчеканил:

— Как дела на востоке, спрашиваешь ты? Там, у нас за плечами, — он ткнул пальцем себе за спину, — в четырех-пяти недельных переходах отсюда против вас собирается объединенное войско всех тамошних народов! Война, война идет по нашим следам! Забудьте о мире, острите мечи, если они затупились за долгие мирные годы! Мы везем вашему королю предупреждение о страшной опасности! Первый удар обрушится на вас не позже, чем через полтора месяца!

У Беорнота глаза полезли на лоб.

— Что говоришь ты, гном... — начал было он, но Амрод властно прервал его:

— Мой товарищ, которому известно куда больше, чем мне, сказал самую суть нашего посольства. Не медли же, воин. От того, как скоро мы окажемся у короля, зависит судьба всего Запада!

Беорнот стиснул кулаки.

— Проклятье! Воистину, вы самые черные вестники на моей памяти! Но... — слабая надежда послышалась в его голосе, — быть может, вы все-таки ошибаетесь? Быть может, гроза минует нас?

— Лучше бы вам не уповать на это, — шевельнув желваками на скулах, ответил Торин.

Оставив позади себя притихших, казавшихся изрядно растерянными людей, отряд двинулся дальше; теперь его сопровождал десяток гондорских всадников. Время от времени хоббит ловил на себе их полные горькой тревоги взгляды. Они умирали от желания подробнее расспросить невесть откуда свалившихся на их головы странных вестников горя и бедствий; и хоббит сделал первый шаг навстречу, в свою очередь, принявшись задавать вопросы о положении дел в Гондорском королевстве. С самых первых минут совместного путешествия он приметил воина могучего телосложения, с открытым и бесстрашным лицом, пересеченным несколькими сабельными шрамами. В отличие от всех прочих, его глаза горели неукротимым огнем. Он не радовался подступающей войне — но и не страшился ее, как огромное большинство встреченных хоббитом на заставе разведчиков. Воина звали Атлис, и в этом странном совпадении имен простого гондорского бойца и легендарного вождя, единственного, кто смог говорить с только-только вступившим в Мир Великим Орлангуром, в этом странном совпадении хоббит увидел перст Судьбы. Что-то сразу же привлекло его в этом человеке, отвечавшем на вопросы хоббита охотно и точно.

Давным-давно Гондор жил в мире и довольстве. Его короли, наследники великого Элессара Эльфийского, мудро рассудили, что мощь государства далеко не всегда равна его размерам, и вместо новых завоеваний предпочли тщательное обустройство имевшихся под их властью земель. (О расцвете Гондора хоббит слыхал еще в Аннуминасе от Теофраста.) После сокрушительных поражений надолго откатились от границ Гондора орды воинственных истерлингов и харадримов. Откатиться-то они откатились, однако их вожди не успокоились. Они изменили тактику. Вместо массированных вторжений они стали просачиваться мелкими отрядами, проникая по первости довольно далеко в глубь гондорских земель и творя немалое зло. Правители Гондора были вынуждены вновь вернуться к тактике пограничных засек и тайных застав, как и в дни, предшествовавшие победоносной битве с воинством Неназываемого на Пелленорских Полях. Собственно, порубежная война велась, не затихая, уже последние лет сорок — вот почему Гондор оттянул свои аванпосты на наиболее выгодные для обороны рубежи. Это оправдало ожидания. Внутренние области королевства забыли, что такое вражеский набег. Последние удачи у противников Гондора были лет пятьдесят назад.

— Но почему же не пойти открытой войной на врага? — полюбопытствовал хоббит.

— Таково и мое мнение, — со вздохом отвечал Атлис. — Но наш король, по-моему, иногда слишком уж ценит неприкосновенность жизней своих воинов. Он давно удалился от дел войска, перепоручив все своим вельможам и нобилям. Земные дела мало волнуют короля. Говорят, — тут Атлис даже понизил голос, — говорят, что он погрузился в познание тайны смерти и способов продления жизни... Но, может, все это слухи, не больше, — прибавил он чуть погромче.

А Фолко неожиданно вспомнил далекий Арнор и слова Теофраста о том, как он, хронист, был вынужден отложить свой главный труд и заняться поисками для короля старинных манускриптов с рецептами долголетия.

— Так вот мы и воюем с тех пор, — продолжал Атлис. — Однако в степях по-прежнему частенько находятся храбрецы, что рискуют пробираться в Итилиэн. Последняя стычка случилась лишь два месяца назад... В этом году степняки частенько крутились у

засек. Осенью из степей не прошло ни одного обоза... — с возросшей тревогой в голосе сказал он.

— Разве Айбор и Невбор перестали торговать со всем светом? — удивился Фолко.

— Да нет! Я слышал, купцы пошли северным путем, уверяя, что так-де, мол, спокойнее.

— А какие были последние вести оттуда? — поинтересовался хоббит.

— Давным-давно не было никаких, — последовал краткий ответ. — В начале лета все было спокойно, а потом... потом люди перестали ходить через Степь.

— Но в тех городах, наверное, бывали гондорские торговцы, посланники, — настаивал хоббит. — Не может быть, чтобы от них ничего не было известно!

— О чем ты говоришь? Конечно, там полным-полно нашего люда, только торговые пути сместились. Раньше из Северного Итилиэна ходили прямиком к Рунному Морю, в Эсгарот, Дэйл, Айбор, теперь же предпочитают подниматься по Андуину до владений Беорнингов и оттуда сворачивать на восток. Я слыхал, что этот путь длинней, зато безопасней. До нас дошли слухи о какой-то распре в степях, междуусобице среди истерлингских кланов, поэтому мы не слишком-то удивились происшедшему. Но теперь я вижу, что можно дать и другое объяснение.

Атлис вздохнул, его лицо омрачилось.

— Но что бы вы стали делать, начнись в один прекрасный день большое вторжение? — допытывался Фолко. — Тайными засадами армию наступающих не остановишь.

— Как могу ответить тебе я, простой воин, десятник? Но расскажи мне о готовящемся!

— Очень долго выйдет рассказывать, — усмехнулся Фолко. — Скажи, что у вас слышали о нападении на Арнор два года тому назад?

Атлис пожал могучими плечами.

— Ничего существенного. Какие-то ангмарские разбойники...

— Предводитель этих «разбойников», — выделяя последнее слово, сказал хоббит, — едва не одержал верх в тяжелой для сил Запада битве под Аннуминасом, потерпел поражение, однако спас главные свои силы и ушел от погони... А ныне нацеливается на вас!

Вкратце Фолко рассказал воину об Олмере, умалчивая, конечно, о его Кольцах. Атлис слушал все это с очень кислым выражением. Видно было, что услышанное его совершенно не обнадеживает.

— И вы следили за ним все это время?

Фолко утвердительно кивнул.

— Вы, половинчики, могучее племя, — с одобрением сказал

Атлис. — Я хорошо помню предания о походе Отряда Хранителей!

— Мы мало меняемся.

— Да, но меняется мир. Зло, казалось, кануло бесследно, и вот поди же ты... Раньше за всеми смутами и тревогами можно было видеть тень Неназываемого — а кого винить в нынешних бедах? Наверное, что-то не так с миром, в котором мы живем. Те же несчастные истерлинги предпочитают класть своих лучших бойцов на наших границах, вместо того, чтобы принять вечный мир, что им давно предлагает Гондор... Зачем, почему — кто знает? И откуда взялся этот Вождь? Да еще такой великолепный воин и полководец.

— Искусные и храбрые рождаются не только на Западе, и каждое племя стремится обладать большим, чем имеет.

— Наверное... — уныло кивнул Атлис. — Прости, что спрашиваю, и не отвечай, если не можешь: что влечет вас на север? Если ты прав и война разразится вот-вот, я бы хотел, чтобы такие бойцы, как ты и твои товарищи, были в наших рядах.

— Горстка умеющих биться ничего не значит, Атлис. Если мы правы, сшибутся такие массы людей, перед которыми поблекнут даже армии Последнего Союза. И прости — я хотел бы сказать, что нам нужно на севере, но пока не могу. Скажи лучше, как быстро примет нас король? У нас на счету каждый день.

— Вряд ли это случится тотчас же по вашему прибытии, — покачал головой воин. — Король отрешился от земного. В королевстве все идет как по-писаному, вполне хватает распорядительности нобилей. У государя есть несколько горных замков, куда он время от времени удаляется для каких-то таинственных изысканий. Когда он там, никто не дерзает его обеспокоить. Скорее всего вас примет Этчелион.

— Этчелион? Это имя знакомо мне по Красной Книге... Кто это?

— Правая рука нашего короля. Он герцог Итилиэнский, потомок славного Фарамира, последнего нашего Владетеля до прихода Великого Короля. Этчелион командует всеми войсками севера и центра Гондора. Он сведущ в военном деле и не оставит опасность без внимания.

— Может ли он объявить всеобщий сбор ополчений?

Атлис покачал головой.

— Это властен сделать только король.

— Но здесь не обойтись вашей постоянной армией! — воскликнул хоббит. — И гондорских ополчений тоже будет недостаточно. Рохан, Арнор, Гондор, Беорнинги, гномы Пещер Агларонда, Мории, Голубых Гор, хорошо бы еще — Одинокой Горы и Железных Холмов... эльфы Трандуила и Кэрдана — нужны все силы Запада!

Атлис хмыкнул:

— Создать такой союз — дело не одного дня и даже не одного месяца. А сколько времени еще потребуется армиям наших союзников, — кроме роханцев, — чтобы прийти к нам на подмогу? Нет, первый удар мы должны отразить сами. Хотя послов, ты прав, нужно слать немедленно.

— Но что-то Этчелион способен сделать?

— Только если его действия одобрит Коронный Совет — собрание знатнейших людей королевства.

— Ясно... — проворчал прислушивавшийся к разговору Торин. — Помнится, оказавшись в Арноре с важными сведениями, мы добились приема у Наместника спустя месяц... Как бы тут так же не вышло. Потом будут локти кусать!

— А сыновья короля? — продолжал настаивать на своем Фолко. — Должен же быть кто-то, берущий на себя всю ответственность за решения, произойди в отсутствие короля нечто из ряда вон выходящее!

— Принцы... — Губы Атлиса тронула едва заметная горькая улыбка. — Принцы слишком гордятся своей эльфийской кровью. Они всегда вместе со своим отцом. Тревоги королевства, по-моему, их волнуют мало. Они абсолютно уверены, что наша армия непобедима и отразит любую угрозу.

— Им придется расстаться с этой уверенностью...

Они говорили очень долго и никак не могли остановиться. Фолко расспрашивал Атлиса о повседневной жизни Гондора, а тот, в свою очередь, интересовался северными делами. Их отряд скорой рысью продвигался по гладкой, тщательно вымощенной дороге; она ответвилась от уходившего на юг главного тракта и вела на юго-запад.

— Идем прямиком к Кайр Андросу, — объявил им Атлис. — Оттуда по реке вы за сутки достигнете Минас-Тирита. У нас большие суда, хватит места и вам, и вашим коням.

Тем временем дорога вывела их из густого желтеющего леса на просторную, заметно понижающуюся к югу и западу равнину. Далеко впереди угадывался излом Великой Реки, до которой им оставалось около сорока лиг. Равнину покрывали правильные прямоугольники фруктовых садов, перемежающиеся полями и небольшими рощицами. Во всех направлениях бежали проселки, тут и там густо стояли многочисленные фермы и другие постройки. Итилиэн, в незапамятные времена сад Гондора, вновь стал таковым; люди вернулись.

Они заночевали в небольшом городке с протекавшей через него к Андуину быстрой речкой. Фолко мог только пожалеть, что городок не имел даже намека на какие-либо укрепления.

Сказать, что их приняли хорошо, — значит, ничего не сказать. Нет нужды тратить слова на описание того великолепного ужина,

что был подан им в местном трактире; и Фолко испытал несказанное наслаждение, наконец-то, после почти года странствий, вновь оказавшись ночью в настоящей постели.

Всех, конечно, очень интересовало, с какими вестями прибыли столь странные посланники; Атлису стоило немалых трудов уберечь своих подопечных от чрезмерно назойливых вопросов.

Наутро, отдохнувшие и посвежевшие, они двинулись дальше. Только Малыш, на радостях слегка перебравший пива, порой начинал клевать носом в седле.

Дорога вела их через настолько богатую и устроенную страну, что у хоббита даже отнялся язык от удивления. Он не видел ни одной неряшливой, неопрятной или попросту ветхой постройки. Фасады, похоже, тут было принято красить дважды в год. Рынки поражали изобилием товара; и одевался здесь люд не в пример богаче, чем в приснопамятном Аннуминасе. В Северном Королевстве война нет-нет, да и напоминала о себе — хотя бы многочисленными отрядами арнорских панцирников. Здесь же за два дня пути к Кайр Андросу — пути через пограничную полосу! — они не встретили ни одного вооруженного ратника.

Великий Андуин они завидели издалека. Мелькнуло густо-синее свечение, а затем мало-помалу открылась и вся исполинская река — и зеленый остров посреди нее. Они вышли к южной оконечности Кайр Андроса, где через Андуин были переброшены невиданные хоббитом высокие и изящные арочные мосты из темно-багрового камня. По мостам взад и вперед двигался сплошной поток телег и экипажей, люди ехали верхами и шли пешком. Атлису пришлось пару раз возвысить голос, чтобы их пропустили.

Арки мостов были настолько высоки, что под ними свободно проплывали высокомачтовые парусные суда. На самом Кайр Андросе — в память о кипевших здесь жестоких боях в дни Войны за Кольцо — была сохранена старая крепость; за рекой же раскинулся большой многошумный город, не уступавший по красоте самой Северной Столице. Дальше их путь лежал по воде.

Фолко чувствовал, что отвык от людей. Глушь казалась сейчас милее, и даже прекрасное пиво не помогало снять невесть откуда возникшее напряжение. Больно было смотреть на красоту этой так любовно устроенной страны — смотреть, зная, что все это может оказаться преданным огню и мечу...

Крутобокий корабль, совсем не похожий на стремительный гребной «дракон» Морского Народа, понес их дальше. По берегам Великой Реки тянулась сплошная череда селений. Кое-где к реке подступал лес, над водой кружился палый лист — осень добралась и до южных краев. Сам Андуин трудился вовсю: вверх-вниз сновали большие и малые суда, одни под парусом, другие — на веслах. С севера плыли плоты из бревен — шел лес из владе-

ний державы Беорнингов, и Фолко дивился, как кормчий их корабля ухитряется лавировать в этом потоке.

Прошла ночь; наступил прохладный рассвет, дул свежий северо-восточный ветер. Прямо перед ними на западе вздымалась величественная громада Миндоллуина; подобно снегу, блистали стены и башни города. Фолко разглядел и опоясывающую Пеленорские Поля стену, первый пояс обороны города. Когда-то, во времена Войны за Кольцо, окрестности Минас-Тирита были довольно-таки пустынны; сейчас же все пространство от стен крепости до берега Андуина покрывали строения. Шпили, колоннады, террасы, ажурные мостики, висячие сады — все это разом открылось пораженному в самое сердце хоббиту. Город властно вырвался из-за каменных стен, и южная столица королевства, как и северная, решительно освобождалась от воинских доспехов. Если когда-то Минас-Тирит и был суровым городом-воином, то, во всяком случае, не упускающим возможности украсить себя.

Андуин делал здесь неожиданную излучину, некоторое время неся свои воды почти что на запад. Тут помещались гавани, а дальше к югу тянулись тщательно возделанные и густо заселенные земли Лоссарнаха.

Они сошли на берег. Атлис в нескольких словах объяснил происходящее капитану порта, а спустя короткое время их повели в город. Двое гондорских капитанов были их проводниками, а быстрые гонцы уже помчались оповещать правителей королевства о прибытии нежданых послов. Первое, что сделал Амрод, — это задал учтивый вопрос о здоровье короля и где сейчас находится его величество.

Фолко затаил дыхание...

Однако им повезло. Король был в своей столице.

Глава 7

НАЧАЛО

Минас-Тирит Фолко запомнил на всю оставшуюся жизнь. Словно в прекраснейшем сне, ехал он по дивным улицам восхитительного города. Все в нем поражало своей строгой соразмерностью — и в то же время удивительным разнообразием. Преобладающим цветом в городе был, конечно же, белый всех оттенков — от ослепительного, как солнце в пустыне, до серебристо-голубого, льдистого. Колонны, шпили, арчатые водоводы, узорные, как и в Аннуминасе, мостовые; дома и дворцы перемежались парками, а за ними возносились новые колоннады, еще величественнее прежних. Улицы были запружены народом, веселым, оживленным, лишь изредка — озабоченным; на Фолко и его спутников глазели, но достоинство столичных жителей блюлось свято — никто не обеспокоил их нескромным вопросом.

У ворот самой крепости, выкованных руками гномов и украшенных сверкающим самоцветами гербом Гондора и Арнора, их впервые окликнула стража. Проверяли же, однако, более для порядка; начальник караула оказался знакомцем Атлиса и пропустил их без всяких проволочек.

Входя под гулкую надвратную арку, Фолко еще раз обернулся. Он впитывал этот город всеми порами, всем своим естеством, запоминая мельчайшие детали, потому что где-то глубоко-глубоко в сознании возникла холодная уверенность-убежденность — сюда он больше не вернется, а если и вернется, то никогда не застанет это место таким, каково оно сейчас.

Начался долгий подъем по улицам старого Минас-Тирита наверх, к Цитадели. Возведенные в былые дни постройки, конечно, уступали в красоте и изяществе новым, вольно раскинувшимся за стенами, но тоже были великолепны. Гораздо строже и выразительней были их линии, меньше стало каменного кружева, но в этой строгости и простоте таилась своя гармония, та, что скрывается в суровости доспехов. Этот старый Минас-Тирит был истинным воином и оставался им.

Цитадель не изменилась за минувшие после Войны за Кольцо три века. Журчал серебристый фонтан в центре; все в зеленом уборе стояло Белое Древо. Тем же самым путем, которым в предгрозовой час шли Гэндальф и Перегрин, ныне ступали шестеро путников. По-прежнему заказан был вход в Цитадель коням; по-прежнему Стража Цитадели носила черное и серебряное и крылья морской чайки украшали шлемы. Один из воинов вышел вперед и учтиво поклонился прибывшим.

Амрод, по какому-то случайному стечению обстоятельств игравший на людях роль предводителя посольства, задал полагающиеся вежливые вопросы и получил столь же вежливые ритуальные ответы. Начальник Стражи Цитадели спросил их о цели прибытия.

— Нам необходимо встретиться с королем, — сказал Амрод. — Мы должны передать известия чрезвычайной важности, которые не могут быть сообщены кому бы то ни было, кроме него.

Начальник стражи неспешно кивнул.

— Не волнуйтесь, почтенные, обо всем уже доложено его светлости герцогу Этчелиону. Я жду лишь его распоряжения, чтобы провести вас к нему. Вы сможете вручить герцогу свои верительные грамоты.

— Мы полагали, — с превосходно разыгранным холодком в голосе заметил Амрод, — что верительные грамоты должно вручать лишь королю Гондора и Арнора.

— Его величество весьма сильно заняты. Повелитель Этчелион примет вас первым и осмотрит печати на грамотах — таков наш обычай. Но вскрыты они будут, вы правы, только самим королем.

Амрод молча наклонил голову. Начальник стражи прямо-таки сверлил их пристальным взглядом, в котором вежливость скрывала немалую тревогу; но, скованный дисциплиной, он не задал им ни одного вопроса.

Раскрылись тяжелые двери зала, появился гонец.

— Его светлость герцог Этчелион Итилиэнский, владетель Эмин Арнена, хранитель Минас-Итиля, ждет вас! — торжественно провозгласил он и поклонился, жестом приглашая их войти.

Они шагнули через порог. Фолко жадно озирался по сторонам; это был тронный зал, где когда-то суровый Денетор принимал присягу юного Перегрина; и то, что видел далекий потомок одного из участников похода Хранителей, в точности совпадало с описаниями Красной Книги. Здесь ничего не изменилось, как и во всей Цитадели.

Глубокие окна в арчатых нишах, высокие колонны черного мрамора с резными фигурами неведомых зверей на капителях, многокрасочная роспись по золотому потолку — и мраморные статуи королей и местоблюстителей.

Зал был почти пуст, пуст был и высокий трон, однако по его бокам стояли двое стражников; в стоящем на ступенях тронного возвышения черном каменном кресле — наверное, том самом, в котором сидел когда-то Денетор — их ждал Этчелион Итилиэнский. Он был высок, как всякий истинный нуменорец благородного происхождения, но редкие для этого народа золотистые волосы выдавали в нем роханскую кровь. Его нельзя было назвать ни старым, ни молодым — могучий воин в полном расцвете сил тела и разума. Его темно-зеленые одежды украшал герб — в одной половине гондорское Белое Древо и Семь Звезд, в другой — скачущий в светло-зеленом поле белоснежный конь, а вокруг вздымались окутанные огнем горы. Рядом с герцогом стояли еще несколько молодых нобилей.

Этчелион поднялся навстречу послам.

— Мир вам, пришедшие издалека! — сказал он звучным, глубоким голосом. — Я рад приветствовать вас, наши старшие братья, вас, Перворожденные. Давно не заходили вы к нам, и хорошо, что печальная традиция нарушена. Привет и вам, могучие гномы. Ваши отцы немало потрудились здесь по просьбе Великого Короля Элессара — этот город не чужд вам. И особый мой привет тебе, невысоклик! Двое твоих родственников нашли вечный покой подле последнего ложа Короля Арагорна. Жители твоей страны — всегда желанные гости в этих стенах. Прошу вас располагаться.

Проворные слуги неслышно расставили удобные кресла, появился столик с вином и легкой закуской.

— Мы также очень рады навестить прекрасный Минас-Тирит, — с поклоном отвечал Амрод. — Но прости нас, высокорожденный герцог, если мы сократим вежливые речи и перейдем сразу же к делу. Вот наши грамоты. — Эльф с легким поклоном отдал свитки.

Этчелион с интересом осмотрел печати, показал их нагнувшимся к нему молодым дворянам; они обменялись несколькими тихими фразами, после чего герцог отдал пергаменты и вновь заговорил:

— Свои грамоты вы вручите королю, как велит закон. Я слышал, ваше посольство настолько важно, что сообщить его смысл вы желаете одному лишь Главе Гондора. Но король ничего не скрывает от своих советников. Если же ваши вести тревожные, лучше пренебречь этикетом, уверяю вас.

Эльфы, гномы и хоббит переглянулись.

— А принесенные вами вести наверняка тревожны, — продолжал герцог. — Я никогда не встречал более удивительной компании, чем вы. Должно произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы возник такой союз. Если вы колеблетесь, я постараюсь помочь вам. Признайтесь, вы принесли предупреждение... — тут его голос едва заметно дрогнул, — о готовящейся войне?

В зале повисло тяжкое молчание.

— Да, — негромко выговорил хоббит, привставая и глядя в глаза герцогу.

Тот на миг зажмурился, руки его стиснули подлокотники... Но спустя секунду он уже говорил совершенно спокойно. Стоящие вокруг него приближенные не обладали подобной выдержкой, кое-кто не удержался от вскрика.

Кратко, точно, ничего не забывая, но и не растягивая повествование, гномы и хоббит повели свой рассказ. И хотя они немало выпускали или касались лишь двумя-тремя фразами, минуло добрых два часа и день стал клониться к вечеру, когда они, запыхавшись, окончили говорить. Теперь все зависело от сидящего напротив них человека.

Однако герцог, разъяв сцепленные перед лицом пальцы, не задал им никакого вопроса, а молча взглянул на одного из своих дворян.

— Не может быть... — с некоторым затруднением выговорил тот. — Слишком невероятна вся эта история с вернувшимися из подземного огня Кольцами... Где факты? Вы рассказали нам жуткую сказку — но где подтверждение?

— Хроники Гондора говорят ясно, — перебил второй. — «И пал черный дождь из золы; и пламень Роковой Горы достиг неба; и в сердце пламенной бури вонзались Назгулы, подобные

черным молниям, и Огонь Глубин поглотил их навеки». — Нобиль опустил запрокинутую голову, кончив цитировать.

— Зачем нам лгать? — вступил в разговор Амрод. — С какой целью могли мы явиться сюда?

— Никто не винит вас во лжи, — примиряюще поднял руку Этчелион. — Просто слишком уж невероятно рассказанное вами... Быть может, существует более простое объяснение?

— Мы были бы рады дать его, будь оно у нас, — ответил Фолко. — Но ведь наши слова легко проверить. Короли Гондора владеют Палантиром. Почему не воспользоваться им?

— Никто, кроме короля, не может смотреть в этот камень, — с оттенком сожаления проронил герцог.

Фолко скрипнул зубами.

— Если предположить, что все рассказанное вами — правда, — задумчиво продолжал Этчелион, — тогда нам нужно немедленно поднимать все силы, которыми мы располагаем. Этот приказ я отдать не могу. Небольшая наша постоянная армия отобьет даже крупное вторжение кочевников — но против сил всего Востока... Можете ли вы показать на карте эту самую Цитадель Олмера?

Хотя принесенная и расстеленная карта изобиловала белыми пятнами, Леса Ча и Опустелая Гряда на ней отыскались — у самого восточного обреза. Герцог и его приближенные склонились над ней.

— Откуда же будет нанесен их удар? — ни к кому в отдельности не обращаясь, спросил Этчелион. — Вы можете назвать место их сборного пункта?

— Место назвать не могу, — покачал головой Фолко, — а вот куда ударят... Тут гадать не приходится. Олмеру прекрасно известна история Войны за Кольцо — и он не повторит ошибки Бледного Короля. Он не станет биться лбом в стены твердыни Минас-Тирита. Не повторит он и ошибки Неназываемого — не станет разбрасывать свои силы на тысячелиговом фронте от моря до Серых Гор. Я думаю, он всеми силами обрушится на Рохан — идеальный проход дальше на запад, а против Гондора может двинуть истерлингов с юга и оставить сильные заградительные отряды. Арнорская помощь может не успеть, силы Соединенного Королевства окажутся рассеченными надвое — и разбить их по частям будет куда легче.

— Значит, место их сбора тебе в точности неизвестно, — словно не услышав речи хоббита, продолжал Этчелион. — Планы их ты тоже не знаешь. А что до твоих предположений...

Все трое нобилей, как по команде, дружно фыркнули.

— Бред! — заявил один.

— Ерунда! — подхватил второй. — Никакой враг не дерзнет оставить в тылу непокоренный Гондор!

— Пусть попробуют прорваться в Анориэн! — продолжал третий. — Тут-то мы с роханцами и возьмем их в клещи. Пусть идут!

— Вы слышали? — обратился герцог к хоббиту и его товарищам. — Я согласен с тем, что было высказано. Гондор остановит любое вторжение уже одним фактом своего существования. Никакой полководец, если только он не безумен, не дерзнет выставлять какие-то там заслоны против всей нашей мощи. Мы ведь не собираемся отсиживаться за стенами, как три века назад! Харадримам не продвинуться дальше Пороса — если только они не запрудят реку собственными телами. Так что двойного удара с севера и юга нам опасаться не приходится. Не того полета орлы сейчас в Хараде, да и истерлинги давно уже не те, что в годы Войны за Кольцо.

Фолко ничего не оставалось, как молча проглотить обиду. Проклятые гондорские спесь и самоуверенность! И это Этчелион, самый толковый и рассудительный из приближенных короля! Что же тогда скажет сам повелитель, отрешившийся от земного, по словам Атлиса?

Молодые же дворяне, переглянувшись, как по команде набросились на друзей с вопросами, подвергая сомнению каждый пункт их рассказа. К удивлению хоббита, особое возмущение вызвал у них Великий Орлангур.

— Сказки! — кричали они. — Как может из ничего зародиться нечто? Откуда у него такие сведения? Где гарантии, что он сам — не коварный слуга Тьмы?

Здесь уже возмутились эльфы. Тон беседы стал опасно повышаться, но тут герцог поднял руку, останавливая спорящих.

— Я думаю, что вам, бесспорно, нужно предстать перед его величеством, — сказал Этчелион и дипломатично прибавил: — Все в его руках. Если я получу его приказ — ратники начнут собираться в тот же день.

Кивком головы герцог отпустил незадачливых послов.

Один из его приближенных отправился вместе с ними — распорядиться об отдыхе и обеде для гостей.

У выхода маялся Атлис, отпустивший назад своих разведчиков, но сам задержавшийся узнать результаты посольства. Он кинул лишь беглый взгляд на лица путников и досадливо дернул плечом.

Когда они устроились в отведенных им покоях дворца и двери закрылись за слугами, Атлис кинулся к ним с расспросами.

— Он не поверил мне, — сквозь зубы сказал хоббит. — О, мощный Манве Сулимо, зачем ты лишил меня дара красноречия!

— Ты был красноречив, как десять Саруманов, — буркнул Торин, — да только все это зря. Они не верят, потому что не хотят верить!

— Погодите судить герцога, — вступился за Этчелиона Атлис. — Его подлинных мыслей не знает и его собственная подушка. Дождитесь приема у короля!

— Сколько времени нам придется ждать? — огрызнулся Малыш. — День? Месяц? Год?

Атлис промолчал.

— Но это ж безумие — отмахиваться от такой угрозы! — ударил себя кулаком по ладони хоббит.

— Я не знаю, что могло бы их убедить, — покачал головой Беарнас. — У нас действительно нет никаких доказательств...

— Подобные вещи доказываются только одним — совокупностью неких признаков, замеченных заранее и укладывающихся в нарисованную этим объяснением картину, — возразил ему Маэлнор. — У нас нет и быть не может ничего подобного. Если гондорские разведчики бездействовали или же если их донесения оседали где-то невесть где...

— Что тут спорить! — в раздражении махнул рукой Торин. — Я думаю так: несколько дней подождем... а если ничего не будет — двинемся на север. Сделаем небольшой крюк — пройдем через Лориэн, дадим знать Дори Славному в Морию, чтобы там были готовы. И — на восток, к Болотному Замку, благо идти недалеко и дорога известна.

— И оставим Гондор в неведении? — упрекнул Беарнас гнома.

— Я оповещу всех капитанов, каких только смогу, — хмуро сказал Атлис. — Ваше предупреждение не пропадет даром, не сомневайтесь. Можем мы не много, но по крайней мере пограничные укрепления будут заняты. Враг там обломает зубы! То же и на переправе через Андуин. Командиров отдельных отрядов поднять куда легче, хотя налетов не было уже очень давно... И последнее, — добавил воин, вставая. — Каково бы ни было ваше дело в Болотном Замке, я прошу вас — возьмите меня с собой! Я догадываюсь, что предстоит крепкая драка, и думаю, что еще один верный меч будет вам небесполезен. А сейчас прощайте! Я отправляюсь поднимать тревогу.

Атлис скрылся, не став даже слушать возможные возражения или, наоборот, выражения согласия.

— Как бы то ни было, — заметил Маэлнор, — задерживаться здесь мы не можем. Я сомневаюсь, что гондорцы отправят с нами к Дол-Гулдуру сильный отряд.

— А я сомневаюсь, что теперь к Болотному Замку надо идти вообще, — внезапно заявил Малыш; Торин покосился на него с подозрением, но Маленький Гном продолжал: — Думаете, что мы успеем? Андуин же будет перерезан!

— Если выйдем завтра-послезавтра, то проскочим, — сказал хоббит.

— И засядем в засаде с неясными шансами на успех? А судьба Запада будет решаться где-нибудь в Рохане! Вспомни, ведь принц собирался отправить туда свою дружину! Не окажется ли наша засада бесплодной?

— Если мы узнаем, что война вовсю идет уже в глубине Рохана, тогда, наверное, сможем уйти, — предположил Беарнас. — Не думаю, чтобы Олмер бросил свои войска в разгар боев.

— Да, он появится там либо до начала, либо когда уже все кончится... победой или поражением. В первом случае — чтобы сделать свое господство над Средиземьем окончательным, во втором — чтобы собрать новые силы и продолжить войну.

— Проклятье! — скрипнул зубами Торин. — Мы сидим здесь вместо того, чтобы плыть вверх по Андуину! А Олмер, быть может, уже на подходе к Чернолесью!

— Что спорить, давайте лучше ужинать, — потянулся к расставленным яствам Малыш.

Остальные молча последовали его совету. Спустя некоторое время вновь появился слуга, осведомившийся, нет ли у господ послов каких-нибудь желаний. Таковые отыскались. Эльфы пожелали осмотреть город, гномы собрались на оружейный рынок и звали с собой хоббита, однако Фолко отрицательно покачал головой.

— Я бы хотел поклониться могиле Великого Короля, — негромко сказал он, — и увидеть место последнего успокоения Перегрина Тукка, Воина Гондора, принесшего присягу Наместнику Денетору, и Мериадока Брендибэка, Рыцаря Рохана...

Слуга поклонился, с уважением глядя на хоббита.

— Твое желание, почтенный, будет исполнено. Следуй за мной.

Они шли тем же путем, которым несли бездыханного Фарамира в день Пелленорской Битвы. Молчаливая улица, улица королевских гробниц; а вот и стоящие в стороне три гробницы вместе — три фигуры со скрещенными на груди руками. Перегрин, Мериадок и Великий Король Арагорн, Элессар Эльфийский...

Слуга отошел в сторону, оставив хоббита наедине с мертвыми. Они казались спящими, их тел не коснулось тление, хоббит долго смотрел на иссеченное морщинами лицо того, кто был его предком, чья рука оборвала нить жизни Короля-Призрака, страшное наследство которого, однако, продолжало жить, и вот уже потомок великого Мериадока готовился встать с ним лицом к лицу.

— Они думали, что Зло избыто навеки, — прошептал хоббит. — Теперь я знаю, что это невозможно. Они достигли всего, чего только могли. И ушли...

Фолко повернулся и зашагал обратно — в мир живых.

Минула беспокойная ночь. Хоббит вертелся, не в состоянии заснуть. Вечером он пытался мысленно поговорить с Гэндальфом — и у него ничего не получилось; тогда он вынул перстень Форве и сосредоточился на магическом камне.

И вновь мало-помалу исчез, погас, скрылся в жемчужно-серых тенях окружающий мир, раздвинулись стены, перед мысленным взором хоббита замелькали поля, пажити, покосы, дома; пронеслась и исчезла лента величественного Андуина; взгляд уходил все дальше и дальше на восток. Вот показались мрачные громады Изгарных Гор; вот остался позади Мораннон. Потянулась безжизненная равнина Дагорлада. Хоббит нетерпеливо ждал, когда же наконец появится сам принц, но вместо этого увидел скопище темных теней на обожженной Сауроновым пламенем земле. Он невольно вздрогнул, пригляделся — и стиснул зубы.

По широкому тракту темной рекою текла степная конница истерлингов. Фолко разглядел многочисленные знамена и значки кланов, конных лучников, копейщиков, немногочисленных пехотинцев — видно, из числа истерлингов-пахарей; войско двигалось сплошным потоком, и конец этого потока терялся где-то во мгле востока. Очевидно, камень в перстне был чем-то сродни Палантирам — мог при определенных условиях показывать, что происходит в дальних краях, к которым тянулась мысль обладателя перстня. Фолко попробовал задержать свой взгляд на войске подольше, но, видно, он еще недостаточно хорошо умел обходиться с этим чудесным инструментом. Его мысль скользнула дальше, настойчиво отыскивая Форве, и наконец нашла его. Хоббит увидел прекрасный покой с широкими арчатыми окнами, забранными многоцветными витражами. В кресле красного дерева, подперев кулаком голову, в глубокой задумчивости сидел принц, не отрывая взгляда от расстеленной перед ним на столе карты Средиземья. Внезапно он встрепенулся, словно разбуженный резким порывом ветра: взгляды эльфа и хоббита встретились.

— Я видел... видел воинство на пути вдоль Изгарных Гор к Андуину, — в горячке, даже не поздоровавшись, выпалил хоббит. — Это Олмер? Да?

— Олмер, — медленно кивнул Форве, и взгляд его был тяжел. — Наши дела совсем плохи. Мы блокированы. В Серединном Княжестве что-то готовят, но им нужно время — и немалое. А Вождь идет на Запад! И скажу еще — зашевелился Харад. Мы только что получили эти сведения — от Черных Гномов, и не спрашивай меня, как нам это удалось! Они опять уходят вглубь и не выставят войска.

— Что значит — зашевелился Харад? — стиснул кулаки Фолко.

— Вожди племенных союзов Ближнего и Дальнего Харада двинули ополчения к Поросу. Один их удар направлен против Умбара — но, по-моему, он отвлекающий. Главный же удар они нанесут с направления, откуда никогда не атаковали раньше, — вдоль южной цепи Эфель Дуата, Гор Мрака. Южный Гондор — от Пороса до Харнена — ныне густо населен, но они хотят отрезать его, пробиться вдоль гор к переправе на Поросе — и ворваться в Южный Итилиэн. План их ясен — не нужно быть магом, чтобы прочесть их намерения. Олмер берет Гондор в кольцо, но, по-моему, все действия харадримов направлены на то, чтобы просто сковать силы Гондора и обеспечить прорыв главных сил Вождя через Андуин в Рохан и дальше, за Туманные Горы.

— Предупредить Рохан мы уже не успеем, — мрачно заключил Фолко.

— Не успеете. Разве что кто-то из Гондора, не мешкая, пошлет туда весть о надвигающейся беде. Но вам нужно спешить к Болотному Замку! Насколько мне известно, Главное Мертвецкое Кольцо у Олмера близ сердца, но пока что он его не надел. У меня такое чувство, что он все-таки наденет его перед первой битвой, чтобы действовать наверняка. Бой будет где-нибудь недалеко от Рэроса — скорее севернее, там удобнее подступы к Андуину с востока, ровная степь на западе, кроме Чистолесицы, никаких преград до самых Ворот Рохана и Исены... Но скажи, как дела у вас? Ведь вы сейчас в Гондоре?

— В Гондоре, — кивнул Фолко. — Но, похоже, нам не очень-то здесь верят... — Он быстро рассказал принцу об их беседах в Минас-Тирите. — И мне до крайности важно понять: действуют ли еще Палантиры Гондора? Ведь если с ними все в порядке, то объяснить происходящее здесь с нами я никак не могу.

— Палантиры Гондора могли и ослепнуть, — озабоченно покачал головой Форве. — Ты, наверное, уже догадался — камень в твоем перстне во многом подобен им, хотя, конечно, куда как слабее. Но у него иной принцип действия — и потому враг еще не до конца заблокировал его. Гондорские Камни он вполне мог ослепить.

— Почему ты так думаешь? — воскликнул хоббит.

— Потому что замутились и стали неуправляемы те наши видящие камни, что были созданы когда-то по образу и подобию Палантиров Феанора, — мрачно пояснил Форве. — Слишком долго Враг владел одним из них — владел и проник в тайны их работы. Кольца Назгулов дали Олмеру неосознанное знание о том, как можно избежать этого всевидящего ока. Боюсь, скоро он заставит закрыться и наши с тобой каменные зрачки... Короче, торопитесь к Дол-Гулдуру! Если вы потерпите неудачу и там — одно лишь вмешательство Валаров или Великого Орлангура сможет изменить ход событий. Постарайся убедить короля! Покажи

ему этот перстень. Постарайся вызвать меня — быть может, я смогу как-то повлиять на него, если вам не будет веры.

— Так и сделаю, не сомневайся...

Утром следующего дня их позвали к королю.

Тронный зал был полон торжественно одетой толпой придворных. Сверкала драгоценная гномья сталь доспехов и клинков, пламенели гордые девизы на древних гербах. От самых ворот Цитадели был выстроен почетный караул — воины в черном и серебряном, с мечами наголо. Резное крыльцо дворца покрывал роскошный ковер. Пели трубы, звонко звучали большие гулкие рога. Слуги распахнули обе половины широких дверей — и хоббит увидел Короля.

Да, это был истинный властитель Запада: густые черные волосы ниспадали на плечи, серебряные нити сверкали на висках; каждая черточка его лица, казалось, вышла из-под резца искусного скульптора — настолько четки и благородны были они. Орлиный профиль — и горящая драгоценная Крылатая Корона над ним. Он был весь в серебристом и белом, с гербом на груди, расшитым золотом и агатами. Семь звезд сияли россыпью бриллиантов на его парадном одеянии.

По правую и левую руку от трона стояли принцы, уже зрелые мужи, статные и красивые. Вокруг толпились приближенные, знатные нобили Минас-Тирита и окрестностей; на почетном месте, всего одной ступенькой ниже трона, стоял Этчелион.

Вновь грянули трубы. Переглянувшись, все шестеро послов учтиво поклонились; приветствуя их, король также слегка наклонил голову. Один из придворных, встав сбоку от хоббита и его товарищей, громко провозгласил:

— От высокородного принца Вод Пробуждения Форве, сына Орве, сына Ильве, Верховного Короля Вод Пробуждения, — к Его Величеству Королю Арнора и Гондора, Властителю Умбара и Минас-Анора, Держателю Ключей Мордора, — посольство с речами почтения и уважения!

Эльфы, гномы и хоббит вновь согнулись в низком поклоне. Придворный продолжал напыщенную речь, называя по имени каждого из послов.

— Я принимаю ваш поклон, — прозвучал негромкий, чуть глуховатый голос.

Он мог бы принадлежать старику, а мог — и едва перешагнувшему вершину жизни мужу. По лицу короля возраст не угадывался.

Амрод шагнул вперед и протянул придворному их верительные грамоты, не зная, как правильно поступить в этом случае. Фолко услышал быстрый шепот придворного:

— Поднимись по ступеням, преклони колено и подай грамоты сам! Да поживее!

Хоббит увидел, как лицо эльфа чуть заметно побледнело от гнева; он знал, что Авари не преклоняют колено никогда и ни перед кем. Однако эльф поборол себя. Фолко успел заметить плотно сжавшиеся губы Амрода; тот опустился на колено в одном шаге от трона и протянул злополучные грамоты.

Среди придворных внезапно пронесся недовольный шепоток. Протягивая свитки, Амрод смотрел прямо в глаза королю, не отводя взора, что было, как понял хоббит, чудовищным нарушением этикета.

Руки короля остались недвижны. Пауза затягивалась. Тишина становилась невыносимой; у Фолко по лбу заструился выступивший от напряжения пот.

Положение спас Этчелион. Он шагнул вперед, как бы для того, чтобы поправить запутавшийся шнурок печати на пергаменте, и успел что-то шепнуть эльфу. Амрод неспешно склонил голову.

Руки короля медленно потянулись вперед и коснулись свитков. Тотчас подскочившие придворные подхватили грамоты и скрылись вместе с ними за троном.

— Итак, теперь вы можете подняться и исполнить свое посольство, — раздельно проговорил король.

Амрод встал. Его лицо было белым от пережитого унижения.

— Мы принесли тревожные вести, о повелитель Запада, — не скрыв холода в своем голосе, сухо сказал он. — Будет говорить невысоклик Фолко Брендибэк, сын Хэмфаста.

И Фолко заговорил. Он вкладывал в свою речь все, чему его научили трудные и долгие годы странствий: всю любовь к оставленной Родине; всю тревогу за будущность Запада и увиденную им несказанную красоту гондорской столицы; все отвращение к войне и насилию, глубоко присущее каждому хоббиту, даже ставшему бойцом; все прожитое, прочувствованное и испытанное.

Он говорил — и в зале стояла мертвая тишина; речь его вилась длинной, прихотливо свернутой нитью, то забегая вперед, то возвращаясь назад, но не прерываясь и не запинаясь. Он говорил — и словно громадный черный призрак смерти и разрушения, надвигающийся с востока, вставал у него за плечами. Он говорил об Олмере, его прошлом и настоящем, о своем с ним знакомстве, об Арноре и походе в Морию, о Волчьем Камне и Сторожевом Лесе, о Древобороде и Исенгарде, о Говорящей Башне и Морском Народе, о Битве при Аннуминасе и походе в Ангмар, о марше вдоль Серых Гор и Ожидании на Краю; о Герете и Карнене, о басканах и дорвагах, о гномах Гелии и Наугриме, о Сером Вихре и Цитадели Олмера, о пути отряда Отона, о дорвагских разведчиках и Эльфах-Авари, о хеггах и Ночной Хозяйке, о пути к Дому Высокого,

о Небесном Огне и вновь об Олмере, и, в завершение всего, о Великом Орлангуре и о корне Силы Вождя.

Он замолчал. Никто не шелохнулся, не вздохнул, не произнес ни звука; и хоббит продолжил — о призраках возле Мордорских Стен, о своем видении в камне эльфийского перстня и о Палантирах Гондора.

И лишь о Черных Гномах не упомянул он ни словом, ни звуком.

А потом он закончил и отступил назад, мало что не хватаясь за плечо Торина, выжатый и обессиленный.

Тишина продолжала владеть залом; король молчал, и молчали все его подданные. Амрод сделал знак — и заговорил Беарнас, кратко, но ничего не упуская. Он перечислял меры, которые нужно было принять.

И это оказался неверный ход. Король пошевелился на троне — и все взоры обратились к нему. Он приподнял правую руку — и на Беарнаса зашикали со всех сторон. Король шевельнул мизинцем — и старый, седовласый нобиль, в шитой серебром одежде, с сияющей алмазами рукояткой меча, начал ответную речь. Фолко заметил быстро промелькнувшую гримасу обиды, разочарования и удивления, скользнувшую по лицу Этчелиона. Право отвечать послам было явно за ним — но король почему-то изменил принятый ритуал.

— Мы слышали вас, — говорил тем временем старый нобиль. — Его величество выражает вам свое удовлетворение. Но да будет известно вам, что в пределах Закатных земель нет иного повелителя, кроме повелителя Соединенного Королевства, и не родился еще тот, кто мог бы давать ему совет непрошеным. Многое темно в вашем повествовании, вы грозите Гондору великими бедами, не подтверждая свои слова...

«Та же песня, что вчера у герцога!» — с досадой подумал хоббит, вдруг поймав себя на мысли, что у него нет никакого почтения ни к стоящему перед ним старику, ни — страшно подумать! — к тому, кто сейчас восседает на троне.

Он кричал им — они не слышали. Они защищались от принесенных им известий, потому что иначе пришлось бы круто рушить такой уютный строй своей повседневной жизни; будущее несло неведомые опасности — и они отгораживались от этого будущего, надеясь... на что? Этого хоббит понять был не в силах.

— Вы говорите о наступлении великой армии Востока, — продолжал нобиль. — Но ни один из наших разведчиков в тех краях не подтверждает этого. Вы говорите о выступлении в поход сил тех, кто живет в Мордоре, — наша стража на перевалах доносит об обратном. Вы говорите о сборе ополчений Харада — но мы не слышали ничего об этом! И вы ссылаетесь на тех, чьи слова мы

никак не в силах проверить — вроде вашего Великого Орлангура, например. Почему же король должен верить вам?

— Неужто ничего из сообщенного нами не согласуется с тем, что известно вам? — хрипло произнес Торин. — Ну а что вы можете сказать о ваших Палантирах? Что видно в этих Великих Камнях?

Нобиль ответил не сразу; сперва он бросил быстрый взгляд на короля.

— Никто не вправе требовать ответа, — гордо провозгласил он мгновение спустя. — Палантиры принадлежат королю. Он и только он один может смотреть в них. Он один знает, что с ними. А ответов король не дает никому, запомни это, почтенный гном, если хочешь, чтобы тебя дослушали до конца.

«Одному Дьюрину ведомо, — подумал в тот миг хоббит, — чего стоит Торину удержаться от какой-нибудь дерзости в ответ!»

— И все же я бы не отбрасывал так сразу принесенные послами вести, — повинуясь новому знаку короля, наконец вступил в разговор герцог Этчелион. — Подвергать сомнению их источники мы можем, но самих послов — нет, как и чистоту их намерений. Эльфы есть эльфы, и гномы есть гномы, и невысоклик — плоть от плоти своего народа, никогда не служившего Тьме. Можно не верить им — но проверить их слова мы обязаны. Имя почтенного Теофраста Арнорского, великого хрониста наших дней, хорошо известно всем присутствующим — в этой части рассказ послов точен. Мы можем сомневаться в существовании того, кого они именуют Великим Орлангуром, но мы не имеем права недооценить опасность. Лучше уж ее переоценить. Правы те, кто считает, что в речах гостей наших слишком много неясностей, но это еще не доказательство того, что никакой опасности нет вовсе. И если позволено мне будет сказать, что думаю... — Герцог вопросительно посмотрел на руки короля.

Пальцы чуть заметно шевельнулись — очевидно, это был знак разрешения, потому что Этчелион продолжал:

— Я бы все-таки поднял часть войск — скажем, полки Эрендура и Арминадила из северного крыла — и двинул бы их к границам, занять засечные черты в Северном Итилиэне. Полки Элкариовона и Бербеорна вместе с конными сотнями анориэнских земель составили бы вторую линию...

Старый нобиль почти подпрыгнул от негодования. Одно движение королевских пальцев, и Этчелион осекся на полуслове — заговорил нобиль:

— Воистину меня удивляют слова почтенного герцога! Разве неведомо ему, сколь шаток мир в степях? Сколь воинственны кланы истерлингов? Страх перед мощью великого Гондора принудил их отрекаться от больших набегов — но разве он поубавил в них черной безоглядности? И вполне способны они, прознав о движении наших полков к границам, счесть этот маневр за гото-

вящееся вторжение и, опасаясь переноса войны на свои земли, самим двинуться на нас. Мир — величайшее из благ, дарованное человеку. Неужто почтенный герцог подвергнет такому кровавому испытанию благополучие нашего государства?

Королевского знака молчать нобиль не получал, однако запнулся, то ли считая, что высказал все, что хотел, то ли попросту сбился с мысли. Несколько мгновений в зале царила тишина, но затем король разрешил говорить Этчелиону.

— Почтенный Неарнил полагает, что движение наших войск к границам вызовет ответный удар истерлингов, поскольку черного неистовства в них не поубавилось, не так ли?

Фолко обвел взглядом зал и невольно сжался — по лицам он видел, что все или почти все на стороне старого нобиля.

— Но раз так, — невозмутимо продолжал герцог, — то опасность их вторжения, пусть и небольшая, существует все равно. Истерлинги копят силы, добрые чувства к Гондору не спешат укорениться в их душах. Рано или поздно настанет день, когда застарелые обиды, — а люди степей их, как известно, не забывают и не прощают, — когда эти обиды толкнут их на большую войну. Однако ответьте мне, что лучше — отражать давно задуманный, тщательно подготовленный удар неприятеля, когда наши собственные войска будут вынуждены разворачиваться в спешке, или отбить удар нестройный и почти стихийный, нанесенный от отчаяния движимыми страхом командирами? Отразить такой удар, стоя на заранее подготовленных оборонительных позициях? Я хочу сказать, что если наши передвижения подтолкнут истерлингов и других степняков к нападению — пусть нападают! Пусть нападут сейчас, не готовыми и в неудобное для них время! У нас будет куда больше шансов на победу — и мы сможем на долгие десятилетия отсрочить их новое вторжение. Если же окажется, что наши гости правы — иного способа спасти внутренние области страны от разорения, как выдвинуть на передовые позиции наши полки, я, командующий северной и центральной армиями Гондора, просто не знаю. Если кто-то может предложить такой способ, я готов немедленно уступить ему свое место. Если же ни истерлинги, ни иные восточные армии так и не появятся возле наших рубежей — нашим войскам все равно необходимо время от времени производить учения. Меч не должен пребывать в бездействии. Сейчас самый подходящий момент. Урожай убран, ущерба полям мы не нанесем.

Этчелион поклонился королю и замолчал. Его разумные слова не оставили здравомыслящих безучастными. Однако старый нобиль не унимался:

— Перемещение тех полков, которые назвал почтенный герцог, — принялся горячо возражать он, брызгая слюной, — прикроет, без сомнения, дорогу в глубь Анориэна и Рохана. Я знаю

расположение наших войск! И мне ясно, что Минас-Тирит при этом останется почти без прикрытия. Что за странные учения предлагает нам почтенный Этчелион? Какой же враг оставит в тылу нашу неприступную крепость? Разве не ясно, что любой удар может быть нацелен на Минас-Тирит, и только на него! Сам повелитель Черных Всадников не смог миновать роковых для него Пелленорских Полей! Неужели наследники Зла — если таковые отыщутся — окажутся глупее?

— Вполне возможно, что они окажутся и поумнее, — довольно-таки невежливо вмешался в разговор Торин. — Зачем им биться лбом о несокрушимые бастионы? Гораздо разумнее сковать силы Гондора на юге и севере, прорваться в Рохан, рассечь Соединенное Королевство и потом разбить его армии по частям.

В зале поднялся негодующий ропот, однако Этчелион стоял молча, глубоко задумавшись. Король вновь едва заметно шевельнул пальцами. Придворный послушно выскочил вперед.

— Аудиенция закончена, — объявил он послам. — Коронный Совет обсудит все сообщенное вами. Вам будут переданы грамоты, свидетельствующие о выполнении вами вашего посольства. Вы сможете вернуться к пославшему вас. Для чего, разумеется, его величество предоставит вам и коней, и суда, и долженствующую охрану. Он предлагает вам ожидать в отведенных вам покоях до послеобеденного колокола.

— Ну что, вы убедили их? — встретил их Атлис у дверей комнаты.

Воин выглядел усталым, его дорожный плащ запылился.

— Кто знает? — ответил ему Амрод. — Ваши правители очень горды... слишком горды. — Его губы сжались и побелели при воспоминании о пережитом унижении, однако он сдержал себя и не сказал больше ни слова.

— По-моему, они не слишком-то нам поверили, — заметил Малыш, стаскивая сапоги и валясь на роскошное, застланное шелками ложе. — Один только Этчелион под конец, мне кажется, задумался.

— То есть король не объявил сбор ополчения? — полуутвердительно произнес Атлис, уже сам зная ответ.

— Разумеется, нет! — буркнул Торин. — Самое большее, чего может добиться Этчелион, — это войсковых учений на северной границе... Кстати, кто такой этот Неарнил?

— Начальник южной армии Гондора, — с мрачной усмешкой ответил Атлис.

Торин разочарованно присвистнул.

— Значит, на юге нельзя надеяться даже на это... Совсем плохо дело.

— Ну, может, еще не совсем, — заметил Атлис. — Я тут тоже не

сидел сложа руки. Сегодня вечером вас будут ждать человек пятьдесят гондорских капитанов — сотников и тысячников, людей не из парадных залов, а с границ и рубежей. Мы собрали, считай, всех, кто случаем оказался в Минас-Тирите или поблизости от него. Это настоящие бойцы. Если вы убедите их, как убедили меня, быть может, гондорская армия и не окажется застигнутой врасплох.

Над дворцом и Цитаделью гулко поплыли звуки послеобеденного колокола. Друзья, поспешно закончив трапезу, привели себя в порядок, ожидая каких-либо вестей от короля — быть может, приглашения на прощальную аудиенцию. Однако пришедший придворный оказался до горечи краток:

— Почтенные послы, вот грамоты его величества об исполнении вашего посольства. Герцогу Этчелиону поручено дать вам достойную свиту до наших рубежей, куда бы вы не пожелали направиться. У пристани вас ждет корабль, если вы изберете путь по Великой Реке. Если же вы не торопитесь — то будьте гостями королевства сколько пожелаете. Обо всем позаботится высокородный герцог Этчелион. Он просит вас оказать ему честь, приняв его приглашение на обед. Посыльные укажут дорогу.

Все кончилось поклонами и взаимными расшаркиваниями. А через некоторое время, когда над городом спустился прохладный, с дождичком, октябрьский вечер, шестеро послов в сопровождении Атлиса отправились в южное предместье Минас-Тирита. Там, у самой городской стены, помещались воинские склады и арсеналы; там-то Атлис и назначил встречу своим знакомым капитанам.

Наконец Фолко и его товарищи нашли благодарных слушателей. Собравшиеся сидели кто на чем в низком сводчатом помещении, набитом конской упряжью; в воздухе стоял крепкий запах выделанных кож. Все шестеро послов говорили по очереди — и ни разу по сумрачным лицам пришедших слушать их не скользнуло даже тени недоверчивой улыбки. Волосы воинов украшала обильная седина, лоб и щеки многих были отмечены шрамами; здесь умели смотреть в корень. Цвет гондорского войска, командиры, выдвинувшиеся за личную храбрость и сметку, знали, что такое степная конница и харадская пехота. И вопросы здесь задавали совсем по-другому. Сперва это были, естественно, вопросы вроде численности нападающих, направления первых ударов, какие племена идут в авангарде; однако, поняв, что послам это неизвестно, они стали спокойно и без суеты обсуждать, что и как можно сделать, чтобы хоть как-то исправить последствия беспечности королевского двора. Назывались имена и предполагаемые пункты, которые нужно будет занять отдельными сотнями или

тысячами так, чтобы это не вызвало беспокойства в столице, но помогло бы войскам отразить первый и, без сомнения, самый сильный натиск неприятеля. Считали мечи и копья, щитоносцев и конных лучников, тяжеловооруженных панцирников и быстроногих пращников...

Глубокой ночью, когда Фолко вернулся в их покой, ему даже начало казаться, что благодаря их усилиям Гондор все-таки не проспит атаку.

Утром к ним и впрямь явились посланцы Этчелиона. Пресветлый герцог звал их на прощальный — даже не обед, а ранний завтрак.

Этчелион выглядел куда менее безмятежным и спокойным, чем накануне. Тени под глазами выдавали проведенную без сна ночь.

— Вы вчера говорили с сотниками, — без обиняков начал он. — И ты, Атлис, потворствовал им в этом! Что будет, если младшие перестанут выполнять распоряжения старших?

Атлис слегка побледнел, но ответил гордо и с достоинством:

— Не только высокорожденные любят Гондор и заботятся о его безопасности. Каждый старается, как умеет.

— Это ты можешь мне не объяснять, иначе я не взял бы тебя в свою дружину, — отрезал Этчелион. — Я не хуже тебя понимаю опасность. И, поверь, сделаю все, чтобы отвести ее, неважно, действительная она или мнимая! Хотел бы я, чтобы все это оказалось просто чудовищной ошибкой... — Он вздохнул. — Вам надо выступать, и немедленно, — без всякого перехода вдруг сказал он, обращаясь к послам. — Вы ведь очень спешили, не так ли?

— Мы спешим, это так, — подтвердил Беарнас. — Но куда?

— Разве те, кто послал вас, не заинтересованы в скорейшем получении известий? Если эльфы готовятся к бою, сведения об их гондорских союзниках нужны как можно скорее, неважно, хороши они или плохи — были бы правдивы. Так можете ли вы сказать, куда дальше проляжет ваш путь?

— Можем, — мрачно кивнул Торин. — В Дол-Гулдур, в Болотный Замок. Там мы намерены подстеречь Короля-без-Королевства и еще раз попытаться покончить с ним.

Этчелион откинулся в кресле.

— Воистину вы достойны того, чтобы о вашем походе были сложены песни, — медленно произнес он изменившимся голосом, обводя послов взглядом. — Что я могу сказать? Удачи вам! Да направит ваши стрелы Манве! Но говорите прямо! Могу ли я помочь вам? Люди, кони, оружие, золото — у меня всего в избытке.

— Как быстрее добраться до Болотного Замка? — в упор глядя на герцога, спросил Торин. — По реке или по суше?

— По суше, — ответил герцог. — Меняя коней, в обход Эмин

Муйла. Через Андуин можно переправиться у Кормаленского Поля, что при впадении в Великую Реку ее притока Лимлайт.

— Тогда нам понадобятся кони, — решил Торин. — Кони и пропуска через гондорские и роханские заставы.

— Разумеется, — кивнул герцог. — Но не только. Я отправлю с вами — под видом почетного эскорта — полсотни моих собственных дружинников, а поведешь их ты, Атлис!

Амрод пожал плечами.

— Благодарю высокородного герцога, — сказал он. — Но к чему подвергать риску твоих воинов? Если Олмер появится у Дол-Гулдура, то не помогут ни пятьдесят, ни пятьсот воинов. Вряд ли обычное оружие сможет остановить его.

— Мои люди вооружены кое-чем, что заботливо сохранялось долгие годы в гондорских сокровищницах. Доспехи и мечи времен Последнего Союза, например. Вдобавок никто не знает в точности, что сейчас происходит к югу от границ владений Беорнингов и к северу от роханских рубежей. Нет, охрана вам не помешает. А я со своей стороны сделаю все, чтобы встретить возможное вторжение во всеоружии. Роханцев мы, естественно, предупредим, но с ними проще — они всегда готовы вскочить на коня. А вам — удачи! Хотел бы встретиться с вами еще раз — по эту сторону Гремящих Морей...

Солнце еще не достигло полудня, когда из северных, Анориэнских Ворот Минас-Тирита галопом вырвался большой отряд конников с многочисленными заводными конями на длинных поводьях. Покидая великолепную южную столицу Соединенного Королевства, Фолко постоянно оглядывался, стремясь как можно крепче запомнить увиденное. У него было тяжело на сердце — что-то все увереннее подсказывало ему, что эту красоту он больше не увидит.

Им повезло со спутниками — личная дружина Этчелиона Итилиэнского состояла из отчаянных рубак. Все, кому приедалась мирная и размеренная жизнь в богатых гондорских городах, кто порой начинал бедокурить от избытка отпущенных природой сил — тех так и тянуло в вольные ватаги дружинников Этчелиона. Здесь не было строгой чопорности почитаемых лучшими воинами Соединенного Королевства Стражей Цитадели; здесь не признавали тяжелых драгоценных одеяний и позолоченных эфесов — зато умели разбираться в клинках. В дружине отчаянные сорвиголовы получали настоящее дело — и хаживали, бывало, глубоко в степи, появлялись на берегах Карнена, поили коней из Рунного Моря, добирались до раскаленных захарадских пустынь.

Именно таких жадных до боя вояк и отправил с хоббитом и его друзьями предусмотрительный Этчелион, так и не убежденный до конца в реальности угрозы, но делающий все, чтобы отвратить беду.

А дружинники как-то сразу поверили хоббиту и рассказам его спутников. Правда, не во всем. Что до вторжения — это, как говорится, бабушка надвое сказала, а вот колдовской замок — это манило. Вдобавок Этчелион благоразумно закрывал глаза на некоторые вольности своих дружинников в дальних походах... Настроение было славное, хотелось позвенеть мечами.

Отряд миновал богатые анориэнские земли. Они меняли коней на подставах и двигались очень быстро. Вечером первого дня пути хоббит вновь достал свой перстень.

Достал и тотчас понял, что с дивным камнем что-то не в порядке. Тот словно помутнел, огненный мотылек в его глубине утратил четкость очертаний. Странная догадка мелькнула в мозгу: «Олмер близится! Олмер близится — и Сила его борется с Силой камня... Предвидение Форве начинает сбываться. Но мы еще поборемся!»

И он стал бороться. Его воля ввинчивалась в глубину камня, точно стальной бурав: словно острый нож, она резала застилающие ей дорогу туманы, напущенные чужой темной Силой, и хоббит пробился к принцу! Однако в серых плавающих хлопьях можно было различить лишь фигуру Форве — ничего больше, никаких деталей окружающей обстановки.

Они коротко поговорили. Рассказ принца был недолог — на востоке не происходило ничего существенного, армии эльфов и истерлингов вкупе с хеггами неподвижно стояли друг против друга; однако сплошным потоком шли на запад все новые и новые войска — отряды племен, не то что никогда не воевавших с Гондором, но даже и вовсе не слыхавших о нем.

— Камни Гондора действительно слепнут, — с горечью в голосе сказал эльф. — Очевидно, Олмер неосознанно стремится стать недоступным любому наблюдению, и Главное Мертвецкое Кольцо исполняет его желания, о чем он, наверное, даже не догадывается.

Фолко, в свою очередь, поведал об их гондорском посольстве. Форве лишь тяжело вздохнул.

— Но самое интересное не это, — продолжал хоббит. — В доме у герцога Этчелиона я обратил внимание на одно изваяние. Мне сказали, что это бюст Боромира, старшего сына Денетора, последнего Наместника Гондора. И мне очень не понравилось жуткое сходство, которое я нашел в этом бюсте... не с кем иным, как со славным нашим Вождем! Помнишь, я как-то рассказал тебе услышанную мной от пиратов Морского Народа легенду? Она утверждала, что Боромир, не желавший жениться и не знавшийся с женщинами, один раз все же не устоял. И у него родился сын — от незнатной девушки, скромной и безвестной. Одному Манве ведомо, какие пути привели Боромира к ней, однако у него родился сын. Опасаясь отцовского гнева, Боромир скрыл это. Говорят,

что женщина вырастила сына в убеждении, что его дед — законный правитель Гондора, а его отец в назначенное время станет правителем сам. И якобы настал день — уже после окончания Великой Войны за Кольцо, — когда выросший юноша, унаследовавший неистовый характер отца, пришел к Великому Королю и потребовал ответа: почему тот занял трон его, сына Боромира, предков? И он тяжко оскорбил короля... а может, это только слухи. Одним словом, тот разговор не кончился ничем хорошим. По услышанному мной от Морского Народа, противников Гондора, Арагорн будто бы отправил дерзкого в изгнание, запретив ему появляться вблизи гондорских рубежей, а тот, уходя, проклял весь род Арагорна и возвестил, что настанет день и его отдаленный потомок воздаст за все сполна... Я не верил этому. Радагаст — тоже, но теперь этот портрет в камне! Сходство хоть и неполное, но несомненное. Ошибиться я не мог. Если Олмер и впрямь из рода Наместников гондорского престола и знает об этом...

— Ты предупредил короля?

— Предупредил герцога Этчелиона. Это самый разумный среди гондорских нобилей. Однако в том, что касалось войны, он верил мне хорошо если наполовину, а тут и вовсе не поверил.

— Ну что ж... Фолко, — голос принца вдруг упал до шепота, — быть может, это наш с тобой последний разговор. Камни, я боюсь, ослепнут, превратности войны неведомы никому, но я считаю, ты должен знать: если Олмер преуспеет в задуманном, рухнет последний узкий мост, соединяющий Средиземье с Благословенным Королевством, с Валинором. Распадется та магическая цепь, что удерживает во всеобщем равновесии саму мировую идею Вселенских Весов. Обычно успех Тьмы рождал контрудар Света, и наоборот. Теперь же Весы могут и соскочить с черенка. Если только сам Великий Орлангур не поведет наши полки, боюсь, у нас не останется шансов. Серединное Княжество вроде бы решило выступить, но не слишком на это рассчитывай! Я никогда не относился с особенным восторгом к тем, кто ушел в Валинор или, убоявшись тягот пути, отстал, а потом несколько тысяч лет проливал горючие слезы, сидя на западных берегах Средиземья, но если Серая Гавань падет — мир изменится, и никто из наших мудрецов не может сказать как... И последнее. Помни, что двери моего дома на Водах Пробуждения всегда открыты для тебя и твоих друзей. Если судьба обернется против вас — уходи на восток. Камень в твоем перстне можно ослепить — но дорогу к Куививиену он укажет тебе, несмотря ни на что.

И вновь летела назад осенняя степь. Они мчались вдоль западной стены Эмин Муйла, миновав бесчисленные мелкие речки анориэнских разливов. Перстень принца Фолко спрятал понадежнее; зато рука все чаще и чаще тянулась к заветному клинку Отрины. Чудесное оружие вновь ожило — словно чувствовало, что его час близится.

Тем временем в Рохане поднялось нечто вроде общей тревоги. Обгоняя отряд, мчались гонцы короля из Эдораса в самые отдаленные кочевья табунщиков. Никакой войны, естественно, объявлено не было; людям говорили, что король устроил внеочередной общий военный смотр, поскольку из-за рубежей идут тревожные вести, и не ровен час... Этого было достаточно, чтобы многочисленные отряды Повелителей Коней начали подтягиваться к Эдорасу.

Глядя вслед попадающимся время от времени им навстречу конным ватагам, Фолко с некоторым облегчением подумал, что хотя бы тут его предупреждения, по-видимому, не пропали втуне.

Шли дни. Фолко и его спутники приблизились к Уолдскому Всхолмью; за длинными холмистыми грядами лежал Великий Андуин. Мало-помалу походные шатры конских пастухов становились все более редкими — отряд вот-вот должен был миновать роханскую границу.

Но вот они в последний раз предъявили пограничному караулу свою подорожную, подписанную самим королем Гондора, — на самом берегу Андуина, у переправы. По левую руку тянулись мрачные, суровые леса, насаженные сородичами Древоборода в годы после падения Саурона. Они почти слились с Лориэном — тихим, печальным и медленно увядающим. Жизнь и свет этих краев покинули их, Карас Галэдхон опустел — и некому было присмотреть за некогда величественным и прекрасным Золотым Лесом. Фолко долго смотрел в его сторону; там, в лесных глубинах, таилась могила Арвен Ундомиэль, на которой, говорят, никогда не увядали цветы, даже в самые жестокие зимы. Хоббит уже готов был просить товарищей сделать крюк... но тут подняли тревогу.

— Дым! Дым! Дым на юго-востоке! — кричали роханские дозорные с вышки на холме.

Атлиса словно сорвало с седла. Единым духом он взлетел по ступенькам и надолго замер, пристально вглядываясь вдаль...

— Степной сигнальный костер, — жестоко ощерясь, произнес он. — Не так далеко, но и не очень близко. Означает — путь свободен. Это истерлинги. Такие костры я помню еще по Итилиэну.

— Что бы это значило? — нахмурился старший среди роханцев.

— Это значит, что истерлинги могут навалиться на вас уже здесь! — ответил Атлис.

— Да, они идут почти что по пути тех, кого разбил в свое время Эорл Юный, — заметил Фолко. — Если, конечно, это действительно поход, а не случайный патруль...

«Или не сам Олмер собственной персоной», — подумал он про себя, не произнеся этого вслух, потому что опять к горлу подкатывался страх перед возможной неудачей — слишком уж часто терпели они поражение, сталкиваясь с Вождем в открытом бою...

Встревоженный начальник роханской заставы немедленно отправил гонца с донесением, а сам вместе с двумя десятками своих воинов присоединился на время к гондорскому отряду.

Скрипучий паром медленно пересекал Великую Реку. Он был почти такой же — только куда больше — как и достопамятный паром в Бэкланде. Опершись на перила, хоббит бездумно смотрел на плещущие в борт серые волны. Он более не нуждался в высоких словах для того, чтобы идти в бой. Либо они на сей раз одолеют — либо на месте его родины останутся одни головешки. Плох ли, хорош Олмер, плохи ли, хороши эльфы, Великий Орлангур и Валары — неважно. Важно лишь то, что твой родительский дом предадут огню — и не потому, что будут питать особую ненависть к тебе лично, а просто по жестокому и слепому закону войны. Выбора не оставалось — либо они убьют Олмера на пороге Болотного Замка, либо он, надев Мертвецкое Кольцо, обратит в один пылающий океан все Западное Средиземье. И если такое случится, ему, Фолко Брендибэку, останется только броситься на свой меч или сложить голову в каком-нибудь бою, сознательно ища смерти.

За рекой протянулись унылые пространства Бурых Равнин. Здесь уже осень начинала уступать место предзимью. Октябрь был на исходе; почти две недели провели в пути хоббит и его спутники. Заморозки иссушали землю, леса стояли облетевшие и прозрачные.

На второй день после того, как они перешли реку, из низких лохматых туч начал падать первый снег. Он пока еще таял, не задерживаясь, но нужно было торопиться изо всех сил — успеть засесть в засаде до первой пороши.

Приближался край Великих Зеленых Лесов, бывшего Чернолесья. Лысые холмы постепенно понижались, сглаживались, на север и северо-восток текли мелкие пока еще ручейки, питавшие болота вокруг Дол-Гулдура.

Порой затянутое серыми облаками небо прочерчивал силуэт тяжело взмахивающего крыльями ворона — и ничто больше не нарушало спокойствия безмолвных земель.

Роханцы простились с отрядом и свернули на юго-восток, где еще один раз был замечен подозрительный дым; но отряд не мог отвлекаться, и, как бы ни хотели они помочь друзьям и союзникам, долг неумолимо гнал их вперед. Они приближались к Дол-Гулдуру.

Глава 8

БОЛОТНЫЙ ЗАМОК

В стародавние, ныне прочно забытые времена Второй Эпохи на южной окраине Великого Леса, что в Рованионе за Андуином, Саурон воздвиг одну из первых твердынь, получившую имя Дол-Гулдур. Однако он не задерживался там, и крепость долгие века простояла недостроенной и заброшенной. Но примерно в двадцать третьем веке Второй Эпохи на свет из вековечной Тьмы впервые выползли Назгулы, Всадники Мрака, Призраки Кольца, ужасные слуги Саурона Великого. Их домом и стал замок посреди лесов и болот; они отстроили его, привели в порядок, и он стал их домом на многие сотни лет, в течение которых они тревожили несчастный мир. Здесь было истинное средоточие их сил и власти: здесь завершался процесс их перехода в мир теней; и если столицей мрачной империи Саурона был, без сомнения, Барад-Дур, то твердыней Назгулов все это время оставался Дол-Гулдур. Приказы их повелителя забрасывали Назгулов на самый край земли — но после дальних походов они непременно возвращались к своей изначальной твердыне. Теперь сюда стремился и Олмер, стремился осознанно или нет, но судьба черной цепи собранных им Мертвецких Колец должна была решиться именно под стенами Болотного Замка. Или отряд, составленный из бойцов Свободных Народов, как и в дни Войны за Кольцо, исполнит свой долг и прервет земной путь Вождя — или же темное воинство, многократно усилившись, обрушится на противостоящий ему Запад не растраченной за три века мощью.

Конники миновали редколесье, густо устланное облетевшим осенним листом. Мало-помалу деревья сдвигались, просветы за спиной у всадников быстро исчезли из виду. Нигде никаких следов; ни троп, ни дорог. Где-то к востоку от них должны были сохраниться остатки еще одного древнего Сауронова тракта — от Черных Врат Моранноном до Болотного Замка, но времени на поиски уже не оставалось. Они двигались почти наугад, лишь приблизительно придерживаясь общего направления на север. Заросли вокруг казались безжизненными; деревья напирали бесконечными рядами, угрюмые, серые, одинаковые; отсюда словно и не уходила мрачная зима. Горестно раздавались стоны ветра в высоких оголенных кронах; под копытами чавкала жидкая осенняя грязь, смешанная с болотными водами. Трясины надвигались исподволь, выбрасывая далеко вперед моховые языки неглубоких, обманчиво легко проходимых болот, заросших мелким сосняком, затем трясины внезапно раздвигались вширь и вдаль, захватывая большие пространства, в которых и находили свой конец многочисленные речки, бравшие начало на водоразделе.

Продвижение отряда резко замедлилось. Пошли в ход слеги, длинные шесты; каждый шаг давался с трудом. Кони вязли по брюхо, еле-еле пробивая себе дорогу в вязкой болотной жиже. Когда-то здесь было несколько посуше — труд рабов-людей и строителей-орков удерживал болото на достаточном отдалении. Но теперь некому было ухаживать за сложной системой шлюзов, пользуясь которой можно было в одночасье затопить всю округу; время слизало и сами шлюзы, и остатки жалких рабских хижин, и полуземлянки орков; да и от самого замка осталась лишь груда развалин. Хоббит ожидал чего-то неимоверно мрачного и зловещего от этих мест; однако его ожидания на сей раз не оправдались — отряд шел по самым обычным болотам, весьма глубоким и опасным, но не более. Владычица Галадриэль не зря шла в первых рядах штурмующих, когда эльфы Лориэна лихой атакой захватили оплот Назгулов и обратили его во прах. Ее гнев каленым железом выжег древнюю злобу, затаившуюся в этих краях; и Тьма еще не оправилась от нанесенного ей удара.

Два дня отряд брел среди топей, на все лады проклиная Вождя, из-за которого им приходится не идти в бой, радостный и грозный, а лезть через трясины, по уши в грязи, не имея возможности ни толком обсушиться, ни переночевать. Усталые, злые и промерзшие, они и сами не заметили, как мало-помалу болота стали мельче, страшные бучила пропали, дорога пошла в гору; опомнились они, лишь только когда уперлись, что называется, лбом в древние остатки рухнувших стен. Ругань и разговоры сразу смолкли. Они были у цели.

В молчании, стараясь оставлять как можно меньше следов, они объехали замок кругом. Отыскалось и некое подобие дороги, бравшей начало на холме и скрывавшейся среди болотных мхов; она вела на юго-восток. Замок оказался несложен по архитектуре. Простой вытянутый четырехугольник полуразрушенных фундаментов, по периметру — груды обломков от упавших стен. Крыша сгнила полностью; низкие, стелющиеся по земле кустарники скрыли входы в подземелье, где прадед Хорнборн нашел заветное Гномье Кольцо. Хоббит был бы не прочь устроить тут некоторые разыскания, но позже, конечно же, позже! После того, как все кончится.

Разудалые дружинники Этчелиона подобрались, посуровели. Однако все они, как один, были опытнейшими, закаленными воинами — и мелкие тяготы похода не слишком действовали на них. Хотя место и оказалось малоприятным, они быстро и сноровисто устроили временный лагерь, выбрав место так, чтобы его нельзя было увидеть с края окрестных болотных пустошей. Натаскали дров, развели небольшой огонь, прикрыв его полами специальных кожаных накидок. Грелись и готовили пищу на

углях — и ни единый клуб дыма не выдал их присутствия. Началось тяжкое ожидание.

Первый день в засаде прошел без малейших происшествий. Пользуясь случаем, Атлис и дружинники много расспрашивали хоббита и остальных его спутников; кое-кто из гондорцев попросил Амрода спеть; но тут решительно воспротивился хоббит. Вновь, как и в дни сидения на краю Серых Гор, у него возникло полузабытое уже чувство — он физически ощущал приближение Вождя. Но теперь ощущение было совсем иным. Сперва Олмер мало что знал о своей Силе — и давал ей истекать в пространство, и Фолко мог почувствовать его присутствие. Затем Вождь взял это под контроль, и тогда лишь чудодейственные талисманы эльфов да кинжал Отрины могли подсказать, если тот оказывался достаточно близко. А теперь снова Сила переполняла Вождя, била через край — но теперь внутреннему зрению хоббита он уже не казался младенцем, радостно шарящим взором по только что открытому миру. Холодный, жесткий взгляд был направлен строго вперед — к ясно видимой цели, все внимание было сосредоточено на ней. Черного клубочка, испускающего острые иглы, каким предстал Олмер мысленному взору хоббита у Серых Гор, более не существовало. Тот комок мрака растворился в некой куда более сложной субстанции, изменив ее, но и сам изменился. Нечто человеческое — и нечеловеческое, правильнее — надчеловеческое — подумалось хоббиту. Он поспешно достал перстень Форве, вгляделся, но не заметил ничего подобного тому, что видел в камне в памятную ночь неожиданного появления Вождя в лагере Отона. То ли Олмер был еще далеко, то ли камень и впрямь ослеп, если верить предсказанию Форве.

Подумав о принце, хоббит попытался мысленно вызвать его. Это удалось, хотя и с огромным трудом — хоббит весь взмок, несмотря на холодный и промозглый вечер. Однако Фолко слышал только голос принца, но лица его увидеть не смог.

— Мы на месте, — невольно понижая голос, сообщил хоббит. — Засели в замке. Ждем. Мне кажется, я чувствую, что он где-то поблизости. Как дела у вас?

Форве начал что-то отвечать, хоббит понимал лишь одно слово из трех-четырех, но ясно было, что особых изменений на востоке пока не произошло. Эльфы были встревожены тем, что несколько крупных отрядов Вождя направлялись к Дому Высокого и Тропе Соцветий; однако до столкновения с отрядами, обороняющими Дом, пока еще не дошло.

Минула холодная безлунная ночь. Какие-то тени блуждали у самой границы скудного света крохотных костров, разведенных в ямах; чье-то шипение доносилось из сгустившегося у подножия холма мрака; какие-то существа шевелились, двигались в темноте, но стоило нескольким воинам с факелами взяться за копья и

под прикрытием десятка лучников спуститься вниз — как все тотчас исчезало. Ходившие дружинники не нашли никаких следов.

Эти темные часы хоббит провел без сна. Глубоко под разрушенными фундаментами клокотала несдерживаемая ярость того, кто когда-то воздвиг эти стены, а потом был низвергнут в Ничто. Словно пройдя через все слои Тела Арды, злоба и ненависть Саурона прорывались в этом месте обратно в Мир, и еще здесь была память Назгулов. Все здесь помнило их, и Фолко не мог заставить себя скосить взгляд вниз, в скопившиеся вокруг холма призрачные болотные туманы — ему казалось, что в сизых сырых волнах бледного марева бродят десять высоких истонченных теней с длинными гибельными мечами, и кости громко стучат о кости... Страх подкатывал к горлу, и тогда хоббит покрепче сжимал рукоять кинжала Отрины, усилием воли вызывал в памяти Синий Цветок — и жуть отступала.

На второй день ожидания заветный перстень Форве ослеп и оглох окончательно. Фолко постарался всеми доступными ему способами задать вопрос о том, в каком направлении находится эльфийское королевство на Водах Пробуждения, и опять-таки после длительных усилий ему удалось добиться ответа. Сложив крылышки, мотылек превратился в изящную стрелку.

А Вождь все не появлялся. И тем не менее он был неподалеку. То ли бродил по окраинам Чернолесья, отыскивая заросшие дороги, то ли был занят чем-то еще — этого хоббит так и не узнал. Однако вечером третьего дня, когда солнце садилось и хищные вечерние тени залегли в низинах, из болотных туманов внезапно вынырнуло несколько темных фигурок конных воинов с каким-то штандартом на высоком древке. Задержавшись на некоторое время и дождавшись появления еще целого отряда верховых, передовые всадники двинули своих коней в болото. Лошади шли медленно, и над вечереющим лесом поплыло испуганное ржание. Огненный мотылек в перстне и пламенная змея браслета Черных Гномов сразу ожили, потянувшись своими остриями к пробирающемуся через топь отряду. Олмер шел прямиком в расставленную ему ловушку. Весь его конвой не превышал трех десятков воинов.

— Готовьсь! — пронесся шепот команды по рядам затаившихся гондорских воинов.

Не скрипела тетива, не звякал меч; отлично смазанное, бережно холимое оружие не подвело, не выдав своих хозяев ни единым звуком. Забрала шлемов, выкованных мастерами Гондора и гномами, бесшумно опустились. Молча, беззвучно стояли приученные боевые кони. Три десятка луков искали цель, готовясь снять первый смертельный урожай, двадцать мечников должны были управиться с остальными.

Положив на колени меч и вновь приготовив эльфийские стрелы, Фолко с замиранием сердца следил, как в неверном лунном свете медленно пересекал болото отряд их заклятого врага. Врага? Который до сих пор не сделал им ничего плохого, разве когда отбивался от их первого нападения. Мысли эти возникли было у Фолко, однако он быстро подавил их. Он не просто жил жизнью бойца — он стал им, и он твердо знал, что бывают случаи, когда подобные вопросы, обращенные к самому себе, просто губительны. «Стреляй первым, Леголас!» — вскричал когда-то Гимли, приняв вернувшегося из теней Смерти Гэндальфа за предателя Сарумана. Теперь хоббит понимал, насколько прав был гном. Окажись на месте Гэндальфа Саруман — и друзей не спасло бы ничто. «Стреляй первым». Он был готов выстрелить первым. Он был готов даже выстрелить в спину.

Несколько передних всадников одолели примерно половину пути, остановившись, они повернулись, поджидая отставших. У Фолко екнуло сердце — неужели их учуяли?

И действительно, в небольшом отряде, идущем на них, начались какие-то перемещения. В авангард выехало еще с десяток всадников, столько же составил арьергард. Тесная кучка оказалась в середине, и Фолко напрягся, пытаясь издалека приметить Вождя. Над болотами нависала тишь — лишь еле слышно доносилось чмоканье раздвигаемых копытами коней мхов.

Передние всадники пересекли границу досягаемости гондорских луков. Однако Атлис не пошевелился, и все дружинники понимали почему: врага надо было подпустить поближе. Уйти не должен был никто. И никто не должен был овладеть Мертвецкими Кольцами, что носил при себе Вождь. Кстати, мысль о том, что же делать с ужасной добычей, попади она им в руки, впервые пришла на ум хоббиту только сейчас. Ородруин крепко спит, а где найти второе такое пламя, в котором зловещие творения Саурона могли быть уничтожены навеки?

Вот уже весь вражеский отряд оказался на прицеле дружинников Этчелиона. Кони двух передних ратников — низких, коренастых, скорее всего орков, — уже взбирались на берег. Фолко видел и тесно сгрудившуюся вокруг кого-то кучку телохранителей Олмера; он опознал их по доспехам. Где-то за их спинами скрывался и Вождь. Но неужели Олмер не остановит своих, неужели таинство замыкания Колец в черную цепь произойдет на глазах каких-то там орков? Втайне хоббит надеялся, что Вождь поступит именно так — отошлет охрану, и это даст ему, хоббиту, и его соратникам лишний шанс.

Однако Вождь явно не торопился подняться на заветный холм. Два десятка его воинов начали подъем, обтекая развалины справа и слева, а сам он с телохранителями по-прежнему стоял в болоте; кони погрузились почти по брюхо.

Медлить дальше было нельзя. Сейчас орки полезут вверх; и хотя дружинники Этчелиона были мастерами бесшумного снятия часовых, со всеми двадцатью этот номер бы не прошел. Хоть один, да успел бы или крикнуть, или заметить неладное.

И Атлис коротко свистнул.

Раздалось слитное гудение разом отпущенных тетив и свист трех десятков стрел; тишина тотчас сменилась яростными воплями боли и ненависти. Мастера внезапных ударов, воины Этчелиона выстрелили, и ни одна стрела не пропала даром. Вставали на дыбы обезумевшие от боли лошади, сбрасывая седоков; с хриплыми воплями, захлебываясь кровью, падали в липкую болотную жижу пораненные в лица и горло орки — а стрелы продолжали лететь.

Десять телохранителей Вождя не напрасно закрывали его собой на подступах к холму. Одетые в особо прочные доспехи, они не понесли потерь, но, понимая, что стоять под ливнем вражеских стрел они долго все равно не смогут, бросились вперед, стремясь увлечь за собой уцелевших орков и схватиться с неведомым противником.

— Гондор! — потряс воздух грозный боевой рык Этчелионовой дружины.

Пришла пора отложить луки — исход дела должны были решить мечи. На склонах Дол-Гулдурского холма заблестела сталь, от ударов загремело железо доспехов.

Эльфы и хоббит не кинулись вслед за воинами Атлиса в гущу схватки, куда, потрясая топором, устремился Торин, а вслед за ним и Малыш. Они не выпускали из виду тесный круг Олмеровых охранников, которые теперь сжались в подобие ощетинившегося клинками ежа и отчаянно рубились с атакующими их с трех сторон гондорцами. В первых рядах воинов Соединенного Королевства мелькала высоченная фигура Атлиса.

Немногие орки, уцелевшие под стрелами лучников герцога, сражались с невиданной яростью.

Их спасение заключалось только в соединении с теми, кто стеной стоял вокруг Вождя; и они сумели пробиться к ним. Однако гондорцев все равно было вдвое больше; у Олмера не оставалось и двух десятков бойцов. Казалось, еще минута-другая, и те не выдержат, рассыплются под грозным натиском воинов Минас-Тирита.

Эльфы и хоббит ждали, Олмер был здесь, но различить его среди прочих сражающихся им пока не удавалось. Свои и чужие смешались так, что стрелять было невозможно.

Но шли минуты, а плотно сбитая группа телохранителей Олмера не убывала в числе. Напротив, она шаг за шагом пробивала себе дорогу из болота, куда ее с налета загнали было гондорцы.

Казалось, мечи дружинников отскакивают от доспехов врагов, не причиняя тем никакого вреда.

Надежда сменилась тревогой. Фолко видел, как в отчаянной попытке дотянуться острием клинка до противника один из воинов герцога потерял равновесие — и короткий кинжал отбившего его удар орка нашел узкую щель в броне... Дружинники Этчелиона бились о неколебимо стоящий утес вражеского строя, бились — и разбивались, как приливные волны. Словно заговоренные враги избегали их ударов.

Атлис довольно быстро сообразил, что дело неладно — его отряд понес тяжелые потери. Не понимая, что происходит, Атлис отдал единственно разумный приказ — отойти.

Однако оторваться от на диво неуязвимых противников оказалось непросто. С хищным гиканьем горстка бойцов Вождя сама бросилась в атаку; зная, что в бою нельзя показывать спину, дружинники вновь обернулись и уперлись, на сей раз защищаясь.

С тупой настойчивостью железо долбило в железо, взмывали, сталкивались и отлетали отброшенные клинки. Однако теперь воины Олмера открыли свой левый бок, и Атлис благоразумно удержал своих от атаки на него. Потому что этот бок был как раз открыт стрелам эльфов и хоббита.

И они не замедлили этим воспользоваться. И все же волосы у Фолко стояли дыбом, мысли путались; он был более чем уверен, что прекрасные гондорские воины, мастера одиночных и групповых схваток, быстро сомнут небольшой отряд орков и людей. Орки всегда уступали людям в силе и быстроте и брали только числом. Но случившееся повергло Фолко в смятение, однако умения моментально брать прицел он не утратил.

Четыре стрелы были посланы разом; один из орков упал, схватившись за вонзившуюся ему в голову стрелу.

— Здесь какая-то магия! — с отчаянием воскликнул Амрод. — Бейте же, бейте!

И они били. Они не жалели стрел, но цели достигала лишь одна из пяти-шести посланных. Еще четверо орков погибли — и тогда их строй внезапно развернулся. Впереди вдруг оказался облаченный в серовато-стального цвета доспехи человек, в глухом шлеме, с длинным мечом в правой руке и коротким кинжалом в левой. Лишь краткий миг эльфы и хоббит видели его на пустом пространстве между гондорцами и воинами Вождя — но и этого краткого мига им было достаточно. Четыре стрелы прорезали воздух; высекая искры, они ударили в броню — и отскочили, бессильные. Доспехи на Олмере были не в пример лучше тех, что носил он в том памятном бою возле пещер Черных Гномов.

А затем немногие уцелевшие люди и орки надавили вслед за своим Вождем на строй гондорцев — и началось неописуемое. Словно стальной ураган пронесся над рядами дружинников; сила

и стремительность обрушенных Олмером ударов оказались таковы, что мало кто из самых лучших успевал поднять оружие для защиты; кого не сражал первым ударом меч, вторым добивал кинжал. Фолко видел, как Атлис взмахнул своим двуручным мечом; столкновение клинков отбросило гондорца на несколько шагов, он споткнулся, упал, его закрыли спины его товарищей. Происходило немыслимое — Олмер и десяток оставшихся в живых его бойцов теснили добрых три десятка вышколенных гондорских воинов!

Однако страшная атака Олмера открыла стрелам хоббита не только бок его небольшого отряда, но и спины. И дело у Фолко и эльфов пошло лучше: один за другим погибли еще четверо ратников Вождя. Рядом с ним оставалось лишь трое.

Оставшиеся без предводителя дружинники, видя гибель почти всех, кто окружал их необычайного противника, все же приободрились. Замолкнувший было боевой клич Соединенного Королевства вновь огласил унылые пространства болот; растянувшись, гондорцы полуокружили четверку сопротивляющихся врагов, стараясь при этом не закрыть их собой от своих товарищей-лучников.

Однако этот нехитрый маневр не остался незамеченным. Вождь понял, откуда летят гибельные стрелы, и вновь бросился вперед так, чтобы прикрыть своих спинами дружинников.

Фолко в отчаянии опустил лук. Схватка превратилась в какую-то дикую кровавую кашу: на землю то и дело валился человек; один за другим погибли одиннадцать воинов герцога, однако, как разглядел хоббит, они захватили с собой и всех, кто противостоял им. Кроме Олмера!

Вождь остался один.

— Разойдитесь! Да раздайтесь же! — исступленно заорал Фолко, выскакивая со стрелой наготове из своего укрытия. — Дайте его мне! Дайте же!

Гондорских воинов к тому времени осталось не больше дюжины. Они медленно, шаг за шагом отходили, со страхом оглядываясь на спокойно стоящего врага. Его клинки и руки до самых плеч были обагрены кровью: словно сам Вала Ореме стоял он, и никто не дерзал приблизиться к нему.

Фолко растянул лук. Где же, во имя всемогущего Эру Илуватара, та щель в доспехах, что примет в себя его роковую стрелу?! Однако Олмер не дал хоббиту времени как следует обдумать этот предмет; он рассмеялся — так что у Фолко заледенела кровь в жилах — и в третий раз атаковал своих врагов. Фолко увидел Малыша и Торина в первом ряду тех немногих, что пытались преградить путь Вождю; однако Малыш, обменявшись с Вождем парой ударов — от каждого из которых он с трудом удерживался на ногах, — наконец пропустил удар эфесом по шлему, удар такой

силы, что пошатнулся и свалился без чувств. Молодецки взмахнул топором Торин; навстречу ему взметнулся меч Олмера, но им же подаренное топорище выдержало. На несколько мгновений они замерли, пытаясь оттолкнуть оружие противника, — Торин, державший топор двумя вытянутыми руками, и Олмер, давивший сверху на упершийся в топорище меч... Возникла секундная заминка — Фолко и эльфы не упустили ее, и вновь их постигла неудача. Стрелы не нашли слабого места в защите Короля-без-Королевства. А затем заминка кончилась — Вождь отбросил Торина далеко в сторону, шагнул вперед, занося меч над Малышом...

И тут перед ним, словно из-под земли, вырос Маэлнор. Лук эльфа был натянут от вытянутой вперед руки до отведенного назад правого плеча, до самого последнего предела; наконечник стрелы сиял, точно маленькая звезда; презрев опасность, эльф сошелся с Вождем вплотную и в упор выпустил стрелу.

Одновременно сверкнул ударивший подобно гибкой змее меч Олмера, широкое лезвие рассекло лук и руку Маэлнора, пробив доспехи, глубоко пробороздило грудь. Эльф упал без стона, без крика, беззвучно обняв рванувшуюся на него землю, но и Вождь не остался невредимым. У него вырвался глухой стон тяжкой боли: пущенная с такого малого расстояния стрела пробила-таки нагрудную пластину его панциря!

С воплем прыгнул вперед один из последних дружинников — добить, довершить, докончить!

Однако Олмер тут же показал, что сам он если и ранен, то не смертельно. Отразив выпад, он нанес ответный удар, и Фолко содрогнулся, увидев, как легко рассек меч Вождя сработанную, право же, не худшими в Средиземье оружейниками кольчугу, как брызнула кровь и человек рухнул замертво.

И тогда вперед бросился Фолко. Маэлнор указал способ — терять уже нечего, будь что будет, вперед! Мозг работал лихорадочно, но четко. Нечего лезть спереди — отыщешь лишь быструю смерть. Подобраться к нему сзади...

Похоже было, что примерно так же думали и Беарнас с Амродом. Двое эльфов и хоббит бегом бросились к Вождю, на ходу выпуская стрелы. Те пока еще отлетали от панцирных чешуек, но Маэлнор показал, что и этот доспех можно пробить.

Олмер вновь рассмеялся. На ходу вбрасывая меч в ножны, он легко, словно и не было раны в груди, побежал вверх по склону, к развалинам. Фолко и Амрод устремились за ним, Беарнас задержался, он не мог не наклониться над распростертым Маэлнором. Неподалеку от поверженного эльфа заворочался, застонал и начал подниматься на ноги Торин; неимоверным усилием оторвал от земли залитую кровью голову Атлис...

Вождь не задержался на вершине. Попетляв по руинам, он стал быстро спускаться вниз, к болотам, по другой стороне холма. Там,

в волнах тумана, бродил какой-то конь — верно, одного из погибших воинов Олмера. Король-без-Королевства схватил его за повод, вскарабкался в седло — и туман быстро поглотил его.

Амрод в бессильной ярости швырнул свой лук под ноги. Вождь скрылся! Преследовать Олмера было бессмысленно: тому годилось любое направление, а поди отыщи его следы в тумане да еще в темноте подступающей ночи! И Фолко с Амродом вернулись.

Итоги были неутешительны. Тридцать пять дружинников полегло, остальные были тяжело ранены, семеро умирали. Торин, правда, вышел из боя без единой царапины, лишь сильно оглушенным, а вот Малыша, похоже, шарахнуло покрепче. Мифрильный шлем спас его, но глубокая вмятина говорила об ударе нечеловеческой силы. У Атлиса был глубоко рассечен лоб, поранена рука, задет бок, однако он мог держаться на ногах и тут же принялся помогать эльфам обихаживать раненых. Нечего было и думать уйти отсюда до рассвета.

Ко всеобщей радости и удивлению, жив был и Маэлнор. Его рана, страшная и глубокая, смертельная для любого человека и чрезвычайно опасная для Перворожденного, все же могла быть исцелена.

— Как же он сумел так разрубить этот панцирь... — бормотал Амрод, склонившись над другом, пока Беарнас осторожно перевязывал Маэлнора.

— Сам удивляюсь, — хрипло, с трудом выговорил Торин, в свою очередь, бинтуя одного из дружинников. — У меня он оставил такие отметины... Сдается мне, он рубит мифрил!

— Быть того не может! — У Фолко глаза полезли на лоб.

— Не может, не может... а вот есть.

Уже не таясь, они развели костры. Конечно, Олмер мог вернуться в любую минуту, но раненые могли погибнуть все до единого, а для их спасения огонь был необходим — хотя бы для того, чтобы прокипятить болотную воду. Жестоко страдая от ран, Атлис тем не менее отправился в дозор. Амрод с Беарнасом старались больше всех. И хотя у гномов тоже нашлось немало целебных трав и кореньев, диковинные порошки с Вод Пробуждения действовали лучше, и хоббит стал надеяться, что хотя бы этих пятнадцать гондорцев они спасут.

Наступила ночь. Малыш по-прежнему лежал в полубессознательном состоянии; Атлис, еле державшийся на ногах, после возвращения из дозора был вынужден вновь отправиться на перевязку, а Торин, Фолко, Амрод и Беарнас продолжали, не смыкая глаз, бродить взад и вперед по развалинам замка. Кто-нибудь из них с луком и стрелами Маэлнора охранял раненых, остальные же, поделив участки наблюдения, всматривались и вслушивались. Все понимали, что уснуть им сегодня если и суждено, то лишь вечным сном, и поэтому они не смыкали глаз. Фолко чувствовал,

он не мог ошибиться — Олмер бродит где-то поблизости, лишь несколько отойдя от холма в глубь болот. Он не мог уйти, и его появления нужно было ждать каждое мгновение. Каким бы ни был его рубящий мифрил меч, от этой схватки зависело все — и жизнь самого отряда, и судьба всего Средиземья.

Медленно тянулись часы. Осенняя ночь была длинна и промозгла, звезды неспешно поворачивались вокруг Полярной, где-то среди мявшихся обрывков облаков затаился ущербный лунный диск. Заставляя себя забыть о страданиях товарищей, хоббит крался по склону, держа наготове стрелу. Олмера можно убить! Это он помнил твердо.

Внезапно заорали и загомонили на противоположном склоне. Слышалась неистовая брань Торина — точно хищный зверь рычал в зарослях... Будь хоббит молодым, неоперившимся, только-только взявшим в руки меч, он бы, без сомнения, ринулся туда, на шум и крики. Однако он уже давно вышел из этого возраста и знал, что, пока не загремело железо, кидаться очертя голову нечего — Олмер вполне мог пойти на какую-нибудь хитрость. Кто знает, сколько времени ему нужно, чтобы должным образом надеть Кольцо? Секунда? Минута? Час?

Похоже было, что хоббит не ошибся. Шум утих, и Фолко продолжал бесшумно скользить вдоль кромки болота, старательно хоронясь в тени. Однако он не переставал напряженно размышлять. Ну хорошо. Вождь улизнул, но зачем ему, спрашивается, лезть на рожон вторично, прекрасно зная, что его враги никуда не делись с холма? Стрела Маэлнора уже нашла дорожку; другие могут оказаться еще более удачливыми — и что тогда? Почему бы Вождю спокойно не выждать, пока его противники сами подобру-поздорову не уберутся из этого проклятого места — хотя бы для того, чтобы не обречь на верную, медленную и мучительную смерть своих раненых? Да он же и сам ранен... Но кто знает, какими силами он теперь владеет? Может, стиснув зубы, до утра выдержит, а может — и до вечера... Припасы у него наверняка в седельной сумке найдутся, рана небось не тяжелая, раз бегал так резво... А вот им теперь что делать? Уйти, пытаясь довезти своих хотя бы до Рохана, и бросить все на произвол судьбы, отказавшись от последней возможности выполнить свой долг и предотвратить уже вот-вот готовую разразиться бурю истребительной войны? Разумнее всего, конечно, как можно скорее отослать всех раненых на юг — или хотя бы на запад, до ближайших поселений Беорнингов, а самим остаться здесь. Но кто пойдет с этим жутким обозом? Атлис? Он едва держится на ногах, однако силы еще есть, может, и дотащится, но один он в дороге ничего не сделает. Кто еще? Малыш неизвестно еще, встанет ли... Кого послать из четверых оставшихся невредимыми после боя? Каждый на счету...

Не чувствуя усталости и холода, хоббит до рези в глазах вглядывался в сумрак. Угроза не отодвигалась; Олмер терпеливо ждал, там, за непроницаемыми завесами мрака. Он неглуп, этот Король-без-Королевства: он понимает, что десятки тысяч погибших в еще не происшедших сражениях — дело будущего, а вот эти пятнадцать стонущих, просящих пить людей — есть уже сейчас, и, как всегда, необходимость помочь реально существующим как-то отодвигает на второй план ту мысль, что уйди они отсюда — и прольются такие реки человеческой, гномьей, орочьей, эльфийской и одному Илуватару ведомо, какой еще крови, что побледнеют все войны прошедших эпох...

И как-то само по себе пришло в голову единственно возможное решение: нужно, чтобы Олмер поверил, что они все ушли. Он ждет этого — и он дождется. Они уйдут — большим обозом, все вместе, а потом они с Торином незаметно соскользнут с лошадиных спин и, распластываясь по болотной грязи, не поднимая головы, поползут обратно... И, возможно, тут они и примут свой последний бой. Всем, кто способен держать оружие, отходить от раненых не следует — Вождь наверняка постарается проследить за ними какое-то время, чтобы убедиться, чтобы все вышло наверняка... Хотя эльфы-Авари могут ходить бесшумнее кошки и в темноте видят прекрасно... Может, стоит рискнуть. Тогда сейчас надо палить пожарче костры да перекликаться погромче — чтобы Олмер, упаси нас от этого Дьюрин, потеряв разум от своей раны, ненароком не полез бы напропалую прямо сейчас. Убить они его, может, и убьют, но и сами полягут.

Немедленно приступив к выполнению своего плана, хоббит заорал, надсаживаясь, стараясь, чтобы слышно было подальше:

— Эге-гей! Торин! У меня все тихо!

— У нас тоже! — донесся не менее громогласный ответ. — Подымись на вершину, посмотри веток!

Фолко послушно поднялся, поминутно оглядываясь, и, к своему удивлению, нос к носу столкнулся с Торином и Амродом.

Похоже, дельные мысли приходят в умные головы одновременно. Спор возник только вокруг того, кому отделяться от обоза и идти обратно на холм — почти на верную смерть, если говорить прямо.

— Нет уж, — упирался Торин, по-бычьи нагибая голову. — Вам, эльфам, идти вовсе не надо. У Вождя меч хоть и хорош, но против мифрила он все ж послабее будет, чем против ваших доспехов. Это раз. Второе — я с ним на топоре против меча продержусь все же дольше, чем вы, пока кто-нибудь ему в упор стрелу не всадит.

— Не будем спорить, — поморщился Амрод. — Пойдем все вместе.

— А если все поляжем? Кто доведет обоз с ранеными? Атлис?

— Если мы все поляжем, — у эльфа дрогнули губы, — то нашим товарищам, увы, будет все равно, когда погибать — сейчас или месяцем позже.

— Ты не можешь так говорить, — тихо сказал, покачав головой, хоббит — слова Амрода больно резанули его. — Никто не вправе судить, есть ли смысл людям жить лишний месяц или нет...

— Прости меня, — опустил прекрасное и гордое лицо Амрод.

— Ладно, — сдался Торин. — Первыми идем мы с хоббитом. За нами — вы с Беарнасом. Раненых оставим на Атлиса — если Дьюрин будет милостив, тот довезет их до своих. Давайте собираться, если возражений нет...

Возражений не было. Ночь шла к рассвету — а они остервенело рубили росший кое-где на склонах холма кустарник, чтобы связать из веток достаточно вьючных носилок для раненых, благо лошадей хватало с избытком. И солнцу оставалось еще долго отдыхать глубоко под корнями Арды, когда они двинулись в путь.

Во главе скорбного шествия ехал Атлис. Он с трудом держался в седле и время от времени тихо шипел от боли и гнева. За ним на носилках, укрепленных между парой вьючных коней, следовали раненые; по бокам ехали Фолко и Торин, замыкали шествие Амрод и Беарнас. Они углубились уже довольно далеко в болота, когда хоббит внезапно насторожился, словно почуявшая след охотничья ищейка. Он не мог ошибиться — знакомое чувство, чувство того, что Вождь где-то рядом и пристально наблюдает за ними, появилось внезапно, продлилось несколько мгновений и исчезло, точно перестал дуть холодный ветер. На самой грани слуха хоббит уловил еле различимое чмоканье и хлюпанье где-то позади них — и все стихло.

Фолко беззвучно соскользнул с седла и сразу погрузился по пояс. Ледяная жижа потекла в сапоги — не слишком приятно, но придется потерпеть. Тут же раздался негромкий всплеск — примеру Фолко последовал ничего не почувствовавший, но всецело доверявший хоббиту Торин.

Эльфы и бровью не повели, когда две согнутые в три погибели фигуры проползли мимо них назад, к Дол-Гулдурскому холму. Напротив, они продолжали довольно-таки громкую беседу, стараясь создать впечатление, что отряд в полном составе продолжает идти, куда шел, и ни у кого из его членов не возникло даже мысли повернуть назад.

Хоббит и гном вдвоем, как в самые первые дни их кажущегося бесконечным странствия, ползли по болоту к развалинам замка. Ползли молча, зло обрывая цепляющиеся за мокрую одежду стебли; ползли тяжело, сквозь зубы дыша сырым, плотным, насыщенным испарениями стынущих болот воздухом; ползли, утирая

мокрые лбы рукавами, держа наготове оружие; хоббит держал высоко над головой свой колчан.

В голову лезли какие-то бессвязные обрывки мыслей; ни к селу ни к городу вдруг вспомнилась Хоббитания, пылающий камин в общем зале, песни, танцы, шуточки с Милисентой... Бред какой-то. Хоббит гнал это прочь — нелепые мысли упорно возвращались. И среди них вдруг мелькнула одна совсем из другого ряда — он вспомнил свое видение по пути в Арнор, видение, что не раз ставило его в тупик: две темные фигурки посреди туманного моря, на краю громадного холма с руинами на вершине, и человек в черном, спокойно стоящий над небольшим костром. «Похоже, оно начинает сбываться...» — устало подумал Фолко. У него уже не осталось сил удивляться. Он шел вперед точно неживой, мало-помалу забывая обо всем, и даже вспыхнувшие было воспоминания о мирной и счастливой хоббитанской жизни начинали блекнуть и уплывать куда-то в темноту.

Болото мельчало, впереди смутно вырисовывался холм.

Олмера он ощутил внезапно и безошибочно. Там, за сенью сырых завес, горел живой огонь — совсем как в его видении-сне. Крохотный живой костерок, но возле него стоял — или стояло? стояла? — Сила, с которой давно уже не приходилось иметь дела ни одному Смертному. Даже перед Эовейн и Мериадоком на Пелленорских Полях она была иной. Фолко не мог дать ей определения. Впрочем, он и не пытался. Сейчас его интересовало только одно — снял ли его противник доспехи или хотя бы шлем?!

Из туманных волн вынырнули двое, мокрые, грязные, потные. Перед ними вверх уходил довольно-таки крутой склон холма. Там, впереди, горел огонь, возле которого стоял Олмер, а рядом должен был смирно хрупать насыпанным из седельных сумок овсом черный боевой конь Короля-без-Королевства. Так должно было быть. Так было. Всеобщая связь, волшебным образом появлявшиеся у него видения событий, которые могут произойти в некоем будущем... Что за ними? А впрочем, важно ли это? Болото кончается, огонь горит... теперь тихо, очень тихо, вверх по склону, стрела на тетиве, запасная в зубах, меч, клинок Отрины, метательные ножи, все наготове... И нечего думать о тайнах, что окутывают всю эту историю. «Стреляй первым!»

Пальцы коснулись края обрушенной стены. Теперь осторожно подтянуться... приподняться... выглянуть.

Да, здесь все было так, как в памятном сне. Горел небольшой костер; чуть слышно хрумкал чем-то вороной Олмера; и сам Олмер, в темном плаще, без шлема и доспехов, стоял перед хоббитом как на ладони. В тот миг, когда край головы хоббита показался в проломе, плечи Вождя едва заметно вздрогнули — или это только показалось Торину?

Слова заледенели у гнома на языке.

— Стреляй! — Ему показалось, что он крикнул, а на самом деле едва слышно прохрипел.

Фолко впервые видел руки Олмера без перчаток. Сколько он помнил, Вождь никогда не снимал их — черных, гладких, обтягивающих, словно вторая кожа, но вот пришло время и для них.

Олмер держал руки над пламенем. На миг мелькнуло удивление — как он их не обожжет? — а затем все внимание Фолко приковал тонкий черный ободок на среднем пальце правой руки Вождя. Хоббит взглянул на него — и едва не упал, с трудом подавив крик. Это темное невзрачное колечко ударило осмелившегося бросить на него дерзновенный взор так, что, не ожидай Фолко бессознательно чего-то подобного, он бы не устоял. Но его собственная воля успела вмешаться — подобно тому, как искусный мечник легким поворотом клинка отводит в сторону всю чудовищную силу обрушившегося на него удара, вместо того чтобы просто подставить собственный щит, так и воля хоббита, совершив нечто неописуемое, уберегла его. Ощущение было такое, что Фолко всем своим естеством потянулся вперед, стягивая волю в острый конус и направляя его вершину в горло Олмеру...

Все описанное длилось мгновение. Темп мыслей сказочно ускорился, а вот руки двигались не в пример медленнее. О всемогущий Илуватар, почему же я так медленно поднимаю лук?!

А пальцы Олмера задумчиво вращали еще одно кольцо, на глаз не отличавшееся от того, что было на его руке, — такое же темное, почти черное, — но слабо светящееся по краям недобрым темно-багровым светом. На миг скользнуло удивление: где же все остальные кольца? То, которое сейчас в руке Вождя, несомненно, принадлежало Королю-Призраку, еще одно надето на пальце Олмера, где же еще семь?

А руки продолжали поднимать лук. Медленно, неимоверно медленно!..

И точно так же медленно — но все же чуть быстрее — пальцы Олмера начали надвигать последнее, Девятое, Кольцо на тот же средний палец его правой руки.

Фолко почувствовал, как под его ногами разверзается земля. Этого нельзя было допустить ни в коем случае! О великий Манве, о Светлая Варда Элберет, за что же такая пытка — думать в сотни раз быстрее, чем делать?! В сознании зашевелился ледяной древний ужас — точно ископаемое чудовище, странной прихотью судьбы оказавшееся вновь под солнечным светом, расправляло крылья, готовясь взвиться и обрушиться огненной грозой на ничего не подозревающий город.

Острие стрелы почти поравнялось с краем стены.

«Стреляй! Да стреляй же!» — ворвался в сознание чей-то очень знакомый голос, вроде бы Гэндальфа.

Он и рад бы выстрелить, но куда? В кирпичи? Кольцо коснулось ногтя на пальце Олмера. В сознании хоббита возник не слышимый обычным ухом тоскливый и долгий вой, отличный от того, что ему приходилось слышать в начале их пути с Торином. Ошибиться было невозможно — где-то в невообразимых безднах родился и достиг поверхности земли боевой вопль Назгулов.

И Олмер словно тоже услыхал его — Кольцо поползло быстрее, теперь уже заметно обгоняя движения рук хоббита.

Фолко не мог скосить глаз, не мог видеть перекошенное лицо гнома, пытающегося выхватить кинжал из ножен, — руки его двигались, но не быстрее рук Фолко. В реальном мире не прошло еще и доли секунды; по мысленным же часам хоббита и гнома все это заняло не меньше нескольких минут. Все вокруг них, казалось, застыло, замерло, окаменело — все вокруг ждало исхода.

Кольцо Короля-Призрака скользило по длинному пальцу Олмера, скользило, приближаясь к уже надетому, леденящий ужас все крепче и глубже запускал безжалостные когти в сознание Фолко. Страшные видения встали давящей чередой: пылающие селения; скелеты, терзающие выбеленными костяными фалангами плоть живых; солнце, низвергающееся с небосвода подобно подбитой, раненой птице; и вселенская стена огня, встающая от горизонта до горизонта...

От нестерпимой боли хотелось разорвать рот в истошном, облегчающем крике, и чувствовалось, что может быть хуже, гораздо хуже. Кольца соприкоснулись.

Ветер, ветер и тьма, задергивающие непроницаемым покровом фигуру Короля-без-Королевства, сотрясение земли под ногами; и оцепеневший хоббит увидел то, что доселе не видел ни один Смертный или Бессмертный: руку Олмера окутало алое призрачное сияние — и в этом неверном, недобром свете полыхнули багровым оба Кольца — и слились.

Вот и ответ, куда делись остальные семь Колец: сливаясь, они превращались в некую новую сущность; но какие Силы заставляли их соединиться?

Полог Тьмы сомкнулся, и одновременно острие стрелы оказалось-таки нацеленным туда, куда нужно, и хоббит отпустил тетиву, а Торин метнул свой кинжал.

Стрела и клинок бесшумно канули в колышущейся темной завесе, точно в глубокой воде, — и ничего!..

Они не успели удивиться происходящему. Хоббит не успел наложить запасную стрелу, Торин не успел броситься вперед, завязать лихую смертельную рубку; леденящее оцепенение навалилось на них; наверное, можно было бы сказать, что это был страх, переросший всякие границы чувствительности и оттого сознанием не ощущаемый — зато обездвиживающий. А затем из-за завесы мрака неспешно появился Олмер. Появился и неторопливым шагом направился прямо к замершим друзьям.

«Похоже, конец», — мелькнуло в голове у хоббита.

Они стояли, точно окаменев, а Олмер шел к ним, и плащ его казался лоскутом Вечной Ночи. Они опоздали. Ничто не могло теперь остановить Короля-без-Королевства; ну а им, неудачливым охотникам, — поделом!

Олмер остановился в двух шагах от них, пристально вгляделся в лицо хоббита. Его глаза, как и тогда, в шатре, казались бездонными провалами в Вечную Ночь, в Ничто... Но в остальном это было человеческое — пока еще человеческое — лицо.

Время остановило свой ход, и Фолко наяву ощутил, как закачались, заколебались Весы, о которых он так стремился узнать побольше — лишь для того, чтобы понять, что Смертному о них вообще лучше и не ведать.

Олмер едва заметно усмехнулся. Он стоял, опершись о длинный меч, и левая рука закрывала пальцы правой.

— Не вышло, половинчик, и не выйдет. И ты не хватайся за топор, тангар. Не бойтесь, я не трону вас, сейчас нельзя убивать без крайней нужды...

Хоббит и гном молчали. Немного погодя Олмер вдруг добавил:

— Правильно, правильно, любезный гном, ты не зря глядишь на мой меч — есть на свете вещи, которые родились не на земле и не под землей...

Олмер легко повернулся и зашагал вниз с холма. За ним как привязанный брел его вороной. Страшное оцепенение мало-помалу отступало, но двигаться они пока еще не могли.

— Прощай, половинчик! — в последний раз донеслось из тумана, и хоббит услыхал удаляющееся хлюпанье конских копыт. Бой у Болотного Замка кончился.

Глава 9

ПРОРЫВ

Они опомнились не скоро. У Фолко не выдержали ноги, он рухнул ничком, раздавленный поражением, обессиленный; он не мог изгнать из мыслей навязчивый, неотступно крутящийся в них мотив: теперь конец, теперь вот всему конец, теперь вот окончательный конец...

Против всех ожиданий, очень тихо вел себя Торин. Он не позволил себе и тени упрека в адрес хоббита: мол, что ж ты, не мог поскорее выстрелить! Гном лишь глухо рычал себе в бороду, что после такого сокрушительного поражения было вещью небывалой. Мрак исчез, поднявшийся было ветер утих, прямо перед

ними по-прежнему горел разведенный Олмером костерок, возле которого они нашли свои невредимые стрелу и кинжал.

Торин не трогал хоббита, пока бурное отчаяние того не улеглось само собой и он не поднялся на ноги.

— Торин... Торин, что мы наделали?!

— Ты кого спрашиваешь? Меня?.. Ну наделали... Чему быть, того не миновать. Мы опоздали самую малость — не кори себя, тут силы были не по нашим...

— А ты понял, о чем это он говорил?

— Понял, но не все. Я смотрел на его меч... Он не из земного металла, Фолко, или я ничего не смыслю в кузнечном деле. Вот к чему его слова насчет рожденного не в подземелье и не на поверхности... Это меч из небесного металла! Я слыхал о таких... Да и читал — вместе с тобой. Вот почему он рубит мифрил!

Фолко еще не до конца пришел в себя, чтобы понять речи гнома. Другие мысли уже взвихрились у него в сознании:

— А почему же он не убил нас? Почему отпустил?

— Знал бы это, сидел бы в Валиноре, — усмехнулся Торин. — Может, он еще не освоился с новообретенной силой... а может, мы уже настолько ничего не значим для него, что он пожалел на нас и одного взмаха руки...

— Погоди... Что ты сказал про меч?

— Чем ты слушал?.. Впрочем, прости. Я сказал, что во все глаза глядел на его меч — может, оттого, что посмотреть ему в глаза просто не имел сил. И вот этот его меч: он либо из какого-то древнего клáда — может, из того же Дома Высокого, — или же это родной брат того самого Черного Меча, которым владел Тьюрин Турамбар, меча, выкованного Эолом Темным Эльфом в ныне забытые века славы Белерианда. Ты все позабыл? Их было два, этих меча: один — у Тьюрина, что сломался после его самоубийства, и обломки его похоронены рядом с воином, а второй меч принес в Гондолин сын Эола, Маэглин, от него он попал к Туору, супругу Идрил Келебриндал, дочери Тургона, короля Гондолина. А Туор стал родоначальником королей Нуменора; и от Элроса, сына Эарендила, внука Туора, этот меч передавался из поколения в поколение королями и властителями Нуменора... Видно, память у тебя совсем отшибло. Это ж все в твоей Красной Книге! А из Нуменора Черный Меч попал в Средиземье — привезенный сюда Элендилом Высоким. Долгое время он хранился в сокровищнице королей Гондора... А вот что было дальше, можно только гадать. Может, меч выкрали Олмеровы подручные. А может... может... Боромир мог оставить его своему единственному сыну, как знак его прав на гондорский престол. Вспомни, Боромир ведь спрашивал у своего отца, почему тот не провозгласит себя королем, почему остается всего лишь Наместником? Как я понял из Книги, Боромир был странным человеком. Я не

удивлюсь, что давным-давно он, скажем, подменил меч, пользуясь тем, что к тому все равно никто не прикасался. Впрочем, о чем мы! Нет, мы оба спятили. Сидим и обсуждаем какую-то неважную уже ерунду...

— А что теперь сделаешь, Торин? — с отчаянием в голосе выдавил Фолко.

— Хотя бы встать в строй и сражаться, пока руки не выпустят оружия, — отчеканил гном. — Ты считаешь случившееся нашей виной — иного способа хоть как-то искупить ее у нас нет. Вставай, вставай, не время раскисать! Надо пробираться к нашим...

На полпути их встретили спешившие на подмогу Амрод и Беарнас.

— Он надел Кольцо и ушел, — одним дыханием выложил Торин. — Мы не смогли... да и вы бы, наверное, тоже. Хотя что теперь гадать! Он мог бы убить нас — но не стал, сказал лишь, что у нас все равно ничего не выйдет. И еще я понял, откуда у него меч: он скорее всего из небесного железа. Похоже, он долго хранился в сокровищнице Гондора... Такой может рубить мифрил!

— И что же нам теперь, по-вашему, делать? — глухо спросил Амрод.

— Вам, пожалуй, нужно уходить домой, на восток, — с трудом отвечал гном. — Ведь там тоже война... А мы... мы не выполнили добровольно взятого на себя Долга и потому идем на юг — присоединиться к гондорской армии.

Эльфы переглянулись.

— Пока мы пойдем вместе — надо довезти раненых до безопасного места, где смогут помочь и Маэнору... а там видно будет, — сказал Беарнас, поворачивая коня.

Путь оказался нелегок. Открывались раны, стонали, метались в бреду лихорадки люди — приходилось работать не покладая рук. Медленно, очень медленно они выбирались к окраине Великих Зеленых Лесов. Эльфы взяли на себя главный труд по лечению раненых; Фолко и Торин как-то незаметно оказались на подхвате. Пожалуй, это было и к лучшему. После окончательного провала всех их планов хоббит впал в глубокое уныние. Приступы гнетущей тоски после прошлых неудач бывали и раньше, но ни один не мог сравниться с этим по тяжести. Богатое воображение сыграло на сей раз скверную шутку с хоббитом, слишком уж явственно представлял он себе ужасы грядущего вторжения. И что могли изменить в этом грандиозном столкновении Запада и Востока несколько бойцов? Свой шанс они упустили — и жизнь теперь утратила яркость, стала пресной и серой. Громадность свалившейся беды давила, пригибала, на время лишая сил и желания бороться...

Однако шли дни — они двигались по пустым, вымершим землям. Все застыло вокруг...

Никого не встретили они и возле парома на Андуине, а вот бревенчатый сруб на правом берегу Великой Реки был сожжен дотла; чудо, что сам паром еще уцелел. Осенние дожди давно смыли все следы без остатка.

— Война началась, — выдохнул Торин, едва увидев обугленные бревна...

Кое-как они переправились на другой берег. Дозорная роханская вышка уцелела — но где же стража?

Их окликнули, лишь когда они вплотную подъехали к подножию деревянной башни. Знакомый конник обрадовался им как родным.

Его рассказ оказался недолог и печален. Почти все, о чем он поведал, Фолко так или иначе предвидел. Из Эдораса внезапно прислали сигнал общего сбора, и отряд, оставив на заставе лишь двух наблюдателей, полным ходом помчался к назначенному месту. Там, за рекой, на юго-востоке, чуть севернее нагорья Эмин Муйл, собирается черная туча войск неведомого Вождя, о котором уже начали болтать какие-то вздорные вещи, но им порубежник не верил... Он знал, что тревога объявлена и в Гондоре, но никаких подробностей сообщить не мог.

— Я понимаю, ты не можешь открыть нам, где собирается главное роханское войско, — сверля воина тяжелым взглядом, в упор сказал Торин. — Но мы не можем не присоединиться к тем, кто сражается с Тьмой. Как нам найти их?

— Вам проще всего спуститься к югу, — ответил роханец. — Наверняка вас заметит войсковой патруль.

Нелегкий путь продолжался, и один только многомудрый Дьюрин ведал, чего стоило хоббиту, гномам и эльфам сохранить жизнь всем пятнадцати гондорским дружинникам. Атлис тоже быстро шел на поправку, меч в его руке был уже почти так же грозен, как и до ранения. Гондорец категорически отказался возвращаться к своим.

— Судьба по странной прихоти своей пожелала, чтобы в этой войне мы сражались вместе, — заявил он друзьям. — Первый бой мы проиграли, это верно. Но проиграли лишь первый бой, а вовсе не всю войну. Мы еще посмотрим, чья возьмет...

Когда они расставались с роханским воином, хоббит спросил, кто сжег сруб на противоположном берегу и почему вообще паром не был отогнан на роханский берег.

— Будку мы сами и сожгли, — ответил воин. — Дурной народ стал там шататься, дурной да ловкий — никак было их руками не взять. Трех-четырех мы пристрелили, но оставшиеся уволакивали трупы с собой. А паром перегнали, когда вас завидели. Мой напарник в дозор пошел... Ох, худые времена! Это где ж видано, чтобы в дозор — и в одиночку! — Воин сокрушенно покачал головой.

— А чем кончился ваш рейд?

— А, когда вас провожали... да ничем. Вот двух чужаков убили, а больше ничего. Резвы они бегать оказались, а кони не хуже наших...

Шли дни, и у Фолко становилось все мрачнее и неспокойнее на душе. Они не приближались особенно к Великой Реке и не знали, что происходит на ее восточном берегу. Граница же Рохана выглядела совершенно опустевшей. Сперва хоббит удивлялся: где же охраняющая рубежи стража? Они двигались открыто, а их ни разу никто не окликнул и не остановил. А что было бы, окажись они лазутчиками Короля-без-Королевства?

Недоразумение разрешилось довольно скоро. Весь берег оказался усеян тайными постами; один из таких постов Фолко и его спутники заметили только потому, что столкнулись с ним, что называется, нос к носу. Выяснилось, что об их продвижении прекрасно известно; все порубежные сотни получили их приметы и строгий приказ пропускать беспрепятственно. Начальник поста под конец обрадовал их тем, что командирами роханской армии в Истэмнете им было позволено узнать, где сосредотачиваются ее главные силы — если почтенные путники пожелают присоединиться. Фолко почувствовал в происходящем руку предусмотрительного Этчелиона и, как выяснилось в дальнейшем, не ошибся.

Земли Восточного Рохана между Великой Рекой и Уолдским Всхолмьем, которым шли друзья, уже полностью оказались во власти наступающего предзимья. И хотя снегопады были редки в этих областях, по ночам землю прихватывали заморозки. Трава, сухая и ломкая, мертво хрустела под конскими копытами. Низкие серые тучи затянули небо; в Рохан пришла пора затяжных осенних дождей.

За время дороги поправился Малыш, он не выпускал из руки меча, уверяя всех, что совершенно разучился драться; на взгляд Фолко, железный вихрь Маленького Гнома ничуть не замедлился; однако Малыш лишь недовольно крутил головой и что-то мрачно бормотал себе под нос

Наконец они натолкнулись на настоящий войсковой патруль. Десяток отлично вооруженных роханских всадников на сытых огромных конях, с короткими копьями и луками, двигался от реки, смененный свежим десятком.

Десятник, воин богатырского сложения, лишь покачал головой, глядя на привезенный отрядом страшный груз — раненых гондорских воинов. Все они уже были вне опасности, но встать самостоятельно не мог пока ни один из них. Десятник отрядил половину своих проводить недужных до ближайшего Табора Целителей; остальным же — то есть Фолко, Торину, Малышу, Атлису и трем эльфам — он предложил следовать вместе с ним к главному лагерю роханского войска

— Я слышал, у вас было жаркое дело на севере, — сказал воин. — Герцог из Мундбурга, Этчелион, прислал письмо, повествующее о вас, поэтому вас и пропустили через сторожевые кордоны... Пришла пора счистить с мечей ржавчину!

И он стал рассказывать о положении дел. Сведения о передвижении неприятельской армии не были достоянием одних лишь полководцев Марки и их приближенных; короли народа-войска считали, что таким знанием должен обладать каждый сражающийся.

Армия Вождя появилась на северо-восточных рубежах Рохана внезапно, но все же недостаточно, чтобы застигнуть врасплох опытных воинов. Дальние разведчики вовремя подняли тревогу, хотя враг хоронился, как только мог, и свои люди в Айборе и Невборе смогли узнать хоть что-то лишь после того, как посланная ими весть уже не могла существенно опередить истерлингские конные сотни, устремившиеся скорым маршем через степь. Они шли в авангарде, вековечные враги Гондора и Рохана; кровь в них не остывала с годами, а поражения лишь еще жарче разжигали желание отомстить.

— С истерлингами, — заметил воин, — идут и еще какие-то странные, низкорослые, с огромными луками. Может, слышали, хотя вряд ли, конечно, откуда вам...

— Про бой у Волчьего Камня? — невозмутимо спросил Малыш. — О чудо-стрелках, перебивших целый отряд молодых роханских конников?

Воин опешил.

— Мы просто видели все это, — пояснил Фолко десятнику, потерявшему от изумления дар речи. — Лежали в кустах — ночевали — и оказались случайными свидетелями...

— Так вот, значит, откуда ветер дует! — хищно прищуриваясь, протянул роханец. — Ну ничего, теперь-то посчитаемся... Вам надо рассказать в лагере во всех подробностях, как это случилось! — решительно сказал он. — Пусть люди знают. Крепче драться будем...

Но разведчики доносили о движении вслед за отрядами истерлингов и хазгов и новых, никогда не появлявшихся на рубежах Запада племен. Только Фолко, Торин и Малыш могли по скупым, порой противоречивым описаниям десятника понять, что речь идет о басканах, хеггах и ховрарах. Они шли во второй линии войска.

— И что особенно печально, — говорил сотник, — что на юг двинулись и многие тысячи охочих людей из Приозерного Королевства. И это очень плохо не только потому, что они — наши прямые родичи, что мы долгие века были верными союзниками, что в давно минувшие годы Войны за Кольцо сражались с общим Врагом, но и оттого, что они — прекрасные воины, стойкие и выносливые, их конница лишь немногим уступает нашей. Ума не приложу, что с ними случилось?.. Я слышал, что на север отправилось посольство — но кружным путем, через земли Беорнингов, и когда они еще доберутся до Дэйла...

— А есть ли вести из Мундбурга? — спросил хоббит. — Там что, все спокойно?

— В том-то и дело, что нет, — вздохнул роханец. — Враг появился у самых Клыков Мордора. Но о событиях на юге я знаю мало. Быть может, в лагере услышим больше.

На самом же деле единого лагеря, как такового, у роханцев не было. Несколько крупных отрядов расположились каждый самостоятельно, готовые действовать и вместе, и, если понадобится, по отдельности. Фолко и его товарищи ехали по плоской, как стол, равнине к северу от края нагорья Эмин Муйл. Здесь, прикрыв свое левое крыло непроходимыми горными кругами, сосредоточились главные силы Рохана. На полях тут и там высились шатры, в основном бело-зеленого цвета. Над каждым вился флажок с гербом владельца — а герб в Роханской Марке имел каждый, кто был воином. Чуть дальше к западу коневоды выгнали на выпас табун — не столько отыскивать немногочисленные живые травы, сколько для того, чтобы лошади не застаивались у коновязей. Повсюду дымились костры, сновали люди, стояли подводы...

— Вряд ли вы умеете сражаться верхами, — обратился десятник к хоббиту и его товарищам. — Брего, Третий Маршал Марки, командир пехотного войска, укажет вам ваши места. Его шатер вон тот. Удачи, и да хранит вас Судьба!

С этими словами воин поклонился и отошел. Так Фолко, сам того не заметив, оказался простым лучником в рядах армии Рохана, ожидающей скорого нападения врага, не раз бравшего верх над хоббитом и его спутниками... Как-то без споров и размышлений, чуть ли не случайно, друзья выбрали место, где они станут ждать первого удара, хотя, по здравом размышлении, хоббит и отдавал себе отчет, что с большей бы охотой он сражался на прекрасных в своей мощи стенах Минас-Тирита, и не потому, что они были могучи и слыли несокрушимыми, а потому, что красота этого города, самими эльфами признаваемая соперничающей с их древними постройками, накрепко впечаталась в его память; умереть, защищая непосредственно ее, казалось высшим счастьем воина, имей он возможность выбирать если не время, то хотя бы место своего последнего боя.

Однако с первых же минут в роханском лагере их подхватил и закружил ритм четко работающего воинского механизма. Ни спешки, ни суеты, ни криков, ни неразберихи не увидели друзья в не таком уж и большом, но сильном войске короля Рохана. Брего, Третий Маршал Марки, не стал вникать в детали их долгой истории. Он ни о чем не стал спрашивать — а Фолко, чувствуя

ненужность дальнейших рассказов, не стал и навязываться. Маршал направил их в десяток, присовокупив, что хотя за них и ручается, как следует из подорожной, сам властитель Мундбурга, клятву верности королю Марки они дать все равно обязаны, раз уж решили сражаться в рядах его воинства. Но это когда прибудет отряд молодых воинов.

Фолко успел заметить, что в роханских сотнях действительно не увидишь ни слишком старых, ни слишком молодых лиц. Здесь были собраны крепкие мужи, достигшие расцвета мощи тела и духа, юношами, будущим королевства, правитель Рохана предпочитал не рисковать. И упомянутые «молодые воины» на самом деле оказались бывалыми рубаками, прошедшими школу пограничных стычек с дунландцами и волчьими всадниками. Лишь пробыв в рядах войска два года, получал молодой боец право принести Клятву своему королю... Для путников с грамотой Короля Соединенного Королевства было сделано некоторое послабление.

Отряды Третьего Маршала Марки занимали, как с некоторым унынием понял хоббит, самую опасную позицию — на берегу Андуина, имея задачу воспрепятствовать переправе врагов через реку. На многие лиги вдоль прибрежных склонов тянулись добросовестно откопанные рвы, насыпные валы, укрепленные кое-где частоколом. Врага ждали волчьи ямы, самострелы-ловушки; мастера метательных машин устанавливали свои неуклюжие строения так, чтобы поражать каменными ядрами плоты и лодки противника, когда тот начнет переправу.

Дел оказалось невпроворот; несмотря на прохладную погоду, рубашка хоббита не просыхала от пота. Они работали не покладая рук, превращая западный берег Великой Реки в неприступную крепость. Торин и Малыш оказались толковыми строителями, хоббита же, за проявленные способности, всей сотней долго упрашивали принять на себя обязанности кашевара — должности, кстати, весьма почетной в армии Марки... Дни понеслись один за другим, сплошной неразличимой чередой, и Фолко непрерывной работой старался заглушить в себе все нарастающее чувство тревоги — и своей непрощаемой вины. В этих многочисленных полках, подтянутых к границе, он видел собственное поражение; он, вольно или невольно, обрек на смерть многих и многих из числа воинов Рохана, не выполнив своего Долга... Фродо Бэггинс вот смог, а он... он потерпел неудачу. Но почему, в чем? Где же кроется их роковая ошибка? Фолко терзался этим вопросом, работая чисто механически, а суровые воины из Западных Пределов Марки не могли нахвалиться его стряпней; наверное, задумайся Фолко в тот момент еще и над тем, что должны сделать его руки, походные каши его точно превратились бы в уголья...

Вечерами хоббит не прекращал попыток мысленно услышать голос Гэндальфа или хотя бы Радагаста. Иногда ему казалось, что к нему пытается прорваться старый маг, который предпочел бесконечность жизни простому бессмертию, но уверенности не было. А Гэндальф молчал.

Камень в его перстне, как и предсказывал Форве, ослеп окончательно; оборвались все ниточки, связывающие Фолко с иными, сильными и мудрыми, кто мог помочь, подсказать или просто утешить; он был один на один с войной, и, наверное, ему приходилось куда тяжелее, чем даже Фродо и Сэму во время их пути к Роковой Горе.

В сотне новоприбывшие быстро завоевали всеобщее расположение. Роханцы умели понимать и ценить высокое воинское искусство, и про Фолко, на спор сбивавшего метательным ножом на лету птицу, говорили: «наш половинчик», и им простодушно хвастались перед другими сотнями... Вообще кашеварам в дозоры ходить не принято — но Фолко не стоило больших трудов уговорить сотника посылать его наравне с другими воинами; и всякий раз, всматриваясь в непроглядную тьму молчаливого противоположного берега, он невольно думал: может быть, все еще как-нибудь обойдется?

Он пытался представить себе, где сейчас Олмер и что с ним; но его чутье молчало — все выглядело так, будто против них собралась самая обычная армия горячих степных вояк.

Ноябрь кончался. Подступал декабрь, все холоднее становились ветры, лужи, промерзшие за ночь на всю глубину, не оттаивали к вечеру; раза два принимался идти снег, но быстро прекращался, а выпавший — таял. Земля до сих пор хранила следы тепла...

А потом пришли вести из Гондора. С самого утра в лагере все пошло как-то не по-обыденному, люди собирались кучками и обращали взоры на юг. Тревога, казалось, была разлита в воздухе; с ночи задул пронизывающий северо-восточный ветер, угрюмо завывая в острых вершинах скал Эмин Муйла. Ждали беды. Бывалые сотники хмурили брови и гнали своих лишний раз провести точильным камнем по мечу и проверить кольца в доспехе.

— Сегодня начнется, — сказал хоббит Малышу с горькой уверенностью в голосе.

— И хвала Дьюрину, — мрачно отозвался Маленький Гном. — Надоело стоять.

— Да уж нет, лучше б уж и не начиналось, — покачал головой Фолко, медленно выговаривая слова.

Он и в самом деле не разделял — хотя и мог понять — мысль Маленького Гнома. Все хоббичье миролюбие сразу ожило в нем и предъявило свои права. Совершенно некстати вновь стала вспоминаться родина; Фолко поймал себя на том, что с приязнью думает о дядюшке Паладине; а когда ему приснилась Милисента,

молча стоящая у ограды и с упреком смотрящая ему прямо в лицо, в глазах предательски защипало.

Был холодный и бессолнечный полдень, когда в лагерь ворвался прискакавший с юга гонец. Взмыленная лошадь едва донесла его до королевского шатра; подхваченный дюжими гвардейцами, он, с трудом переступая, скрылся внутри. Спустя несколько минут о прибытии гонца узнал весь лагерь.

Не дожидаясь команды, десятники строили свои десятки, сотники — сотни. К королевскому шатру галопом скакали тысячники, не замедлили и Маршалы Марки... Всколыхнулось все роханское войско; и Эотан, один из тысячников, приказал удвоить дозоры и двинуть еще три сотни воинов к береговым укреплениям.

— Нутром чую — на юге началось, — выдохнул запыхавшийся Малыш.

Весь раскрасневшийся, в одной рубахе, Маленький Гном только что остановил свою неутомимую руку, вращавшую меч.

— На юге началось, — эхом откликнулся Торин, — да здесь продолжится...

Фолко поглядел на взмокшего Малыша.

— Послушай, Строри, все хотел тебя спросить, да не с руки выходило... Тебя, Торин, кстати, тоже. Когда вы дрались с Олмером на Дол-Гулдурском холме — он действительно явил себя величайшим бойцом, способным справиться с тремя десятками противников, или же ему помогала некая сверхчеловеческая сила?

Торин и Малыш переглянулись.

— Нет, никакой силы я не почувствовал, — признался Малыш. — Хотя соврать что-нибудь в этом духе очень бы хотелось... — Он поморщился. — Нет, брат хоббит, это был человек — но и впрямь величайший из воинов, лучший меч Средиземья всех трех последних эпох.

— Ну, положим, не совсем так, — возразил Торин. — Когда он меня опрокинул, я — не сразу, конечно, — подумал о Сираноне. Когда он лишь положил мне руку на плечо, а меня согнуло чуть не до земли! Кто скажет, какие тут Силы? Дарованные Кольцами — или его природные? Но рубился он здорово! Если бы не мифрил, он искрошил бы нас с Малышом в мелкое крошево, скажу не таясь. Хотя, видит Дьюрин, мы со Строри не самые слабые среди нашего племени.

— Хотел бы я знать, что там, в Гондоре? — поспешил сменить явно неприятную ему тему Малыш. — Пошли на Минас-Тирит? Или на Кайр Андрос?

— Погоди, сейчас все узнаем, — успокоил его Торин.

И действительно, король Марки не стал томить свое войско неизвестностью. Военный совет должен был состояться позже,

как понял хоббит, а правитель, едва получив вести и, наверное, обменявшись несколькими словами с приближенными, вышел к воинам, молчаливо ждавшим его слова.

Он оказался не слишком высок, король Роханской Марки, что было странно для уроженца этих степей; ноги казались кривоватыми от постоянной езды верхами, однако он слыл самым отчаянным храбрецом среди своих подданных, лихим рубакой и человеком, чуждым заносчивости и гордыни. Его любили, и любили искренне.

Король помедлил, обводя войско взглядом. А потом рубанул ладонью воздух и без всяких предисловий крикнул:

— Два дня тому назад враг вторгся в северный Итилиэн! Южнее Эмин Муйла они пытаются переправиться на наш берег! Их много, драка жестокая! Правитель Мундбурга извещает нас, что атаки можно ждать в любой момент! Он просит нас — не повелевает, но просит — не дать ордам, что сейчас противостоят нам, присоединиться к тем, что штурмуют гондорские рубежи! Главный удар они наносят на юге! И потому — к бою, воины! За Эорлингов!

— За Эорлингов! — подхватила толпа боевой клич Рохана.

— Тысячникам — расставить всех по местам! — скомандовал король и вновь скрылся за пологом шатра.

Фолко понимал: там сейчас начинается самое важное — военный совет, на котором взвешивается каждая крупица поступивших вестей; он дорого бы дал, чтобы узнать, о чем там говорится, но для того, чтобы вновь оказаться тем, кому внимают короли и правители, пришлось бы снова и снова рассказывать все перипетии их долгого и, увы, бесплодного странствия, а хоббиту не хотелось даже и думать о невыполненном Долге. Нет уж, пусть он лучше остается простым воином, но сражаться будет лишь за самого себя. Слабость? Да, пожалуй; но после того поражения, которое потерпели они подле Болотного Замка, так просто не оправишься, даже если не получил ни одной царапины...

— Главный удар на юге... Что-то не очень мне в это верится, — пробормотал Торин, выслушав сказанное королем.

— Мне тоже, — кивнул Атлис. — Разве что этот Вождь и впрямь лишился разума. Сейчас не Третья Эпоха и не пора Войны за Кольцо, когда враг мог за один дневной переход оказаться под стенами Минас-Тирита, встретив слабое сопротивление лишь у мостов Осгилиата!

— А в Анориэне есть роханские конники? — спросил Амрод.

— Должны быть, — пожал плечами Атлис. — Те края мы всегда обороняли вместе с всадниками Марки.

— Может, еще обойдется, Фолко? — Беарнас положил хоббиту руку на плечо. — Может, Олмер и в самом деле упрется лбом в Минас-Тирит?

— Об Олмере, мне кажется, пора уже забыть, — буркнул Фолко. — Об Олмере... А вот о Короле-Призраке пора вспомнить. И я не знаю, как устоит Минас-Тирит против этой черной Силы без мага, равного по мощи Гэндальфу Серому. Так что еще неизвестно, что лучше...

— Хорошо хоть, что война эта пока обычная, без всяких чудес с мраком и призраками, — заметил Амрод.

— Вот-вот, — ввернул Малыш. — Ночная Хозяйка ему подчиняется, а может ли кто-нибудь из здесь присутствующих мне сказать, как ее остановить, если под рукой нет сработанного Олмером Талисмана?

— Ну, про Хозяйку пока ничего не слышно, — несколько неуверенно сказал Фолко. — Может, не будем себя пугать раньше времени?

— Как бы потом поздно не было...

— А ты что, можешь сработать такой Талисман? — заворчал на Малыша Торин. — Такой, чтобы ее наверняка остановить? Можешь — милости прошу к горну. Нет — так помалкивай.

— Да я что, я ничего, — уныло произнес Маленький Гном, нахохливаясь. — Только вы мои слова еще помянете...

— Помянуть-то, может, и помянем, только какой нам от этого прок? Ладно, хватит об этом. Лучше скажите, что вся эта армия истерлингов и хазгов вкупе с прочими делает тут, если Вождь нацелился на Минас-Тирит?

— Отвлекают роханцев, — предположил Амрод, — чтобы те не успели на помощь Гондору. Сил-то у Олмера хватает.

— Если король Марки поймет это, его всадники окажутся у стен Минас-Тирита через несколько дней, — оспорил его Торин. — А если главные силы Вождя будут перемолоты в жерновах Гондора — Рохан сумеет выстоять, даже если армия, что сейчас стоит против нас, начнет вторжение. А там, глядишь, и Арнорская помощь подоспеет... Несладко им придется!

— Ну и что из этого следует? — нетерпеливо спросил Беарнас.

— А то, что наши предположения, боюсь, окажутся правдой, — ответил Торин. — На юге они только демонстрируют: мол, мы, как вы и думали, прем на Минас-Тирит — а сами будут громить нас на севере...

— Эй! Хой! По местам! — услыхали они резкий голос сотника. — К берегу! Не засиживаемся! Шевелись веселей!

Друзья переглянулись.

— Что ж, пошли... к берегу, — с легкой усмешкой поправил шлем Амрод.

Спустя несколько часов после прибытия гондорского гонца часть отборной роханской конницы поспешно снялась с лагеря и скорым аллюром отправилась на юг, огибая кручи Эмин Муйла.

— В Гондор, не иначе, — изрек Малыш и так очевидную всем вещь — просто чтобы нарушить тяжелое молчание.

Их сотня заняла позицию на переднем краю обороны роханского войска. Перед ними как на ладони лежала долина Великой Реки. Короткий день предзимья кончался, вечерние тени заполняют складки земли, выползая, точно призраки, из потайных убежищ. За рекой, нисколько не таясь, разводила костры неприятельская армия. Алые точки тянулись далеко в обе стороны, до самых черных круч нагорья на восточной стороне Андуина. Рано поднявшаяся луна начинала свой еженощный путь; тягостная тишина пала на оба противостоящие друг другу войска. Дувший с востока ветер не доносил из вражеского стана обычно слышавшихся вечерами песен. За спиной хоббита также в молчании разворачивалось в боевые порядки воинство Марки, пешие воины занимали заранее отсыпанные земляные редуты, конные сотни рысили, укрываясь по немногочисленным балочкам и рощам.

Этой ночью Фолко не спал. Он завидовал своим товарищам — пути-перепутья закалили их так, что, какие бы битвы и сражения ни предстояли им наутро, ночью они спали, точно невинные младенцы. Хоббит так не мог. Его вечный вопрос — что делать дальше? — вновь не давал покоя. Все прошлые их неудачи оставляли все же надежду, что дело поправимо, чуть больше везения и... А что теперь? Война разгоралась; что теперь могло остановить Короля-без-Королевства? Да, войска Гондора и Рохана наготове — но сладят ли простые мечи с силой Воспрянувшей Тьмы? Олмера-человека они, быть может, и одолели бы, но как управиться с Олмером — носителем Наследства Саурона? Эх, Гэндальф, Гэндальф, где же ты? Твое слово сейчас незаменимо!

И хоббит с отчаянным усилием потянулся мыслью к Благословенной Земле, как не раз делал в те дни, когда мир прекрасных видений был подвластен ему. Он растворялся в потоках силы, стремящейся на закат, все дальше и дальше, к Черте, к Излому Мира — и вверх, по Прямому Пути. Когда-то этим путем шел Эарендил, за ним — скорбные караваны Нолдора, серые корабли Элронда, уносившие в неведомые дали вечной жизни и *трех* хоббитов, чьи руки касались Кольца Всевластья...

Фолко требовалась предельная сосредоточенность, и, чтобы достигнуть ее, он пускал в ход все накопленное за годы странствий. Память воскресила перед ним и Синий Цветок, и прекрасное эльфийское лицо, стоявшее у него перед глазами в тот памятный летний день, — и это лицо оказалось последней каплей, что разрывает упругие тенета незримой стены, возведенной на пути его мысли неведомыми, но могущественными силами. Как и в достопамятном сне, он вновь видел, как видит проносящаяся в поднебесье птица. Одинокий Остров, приютивший остатки Нолдора; видел Алквалонде, гавань Телери, Морских Эльфов на бе-

регу залива Элдамар; видел грозные громады гор Пелори, блистающий огнями Тирион. А потом видение взвихрилось разноцветными огнями, и облаченная в серый плащ фигура ступила ему навстречу.

Гэндальф Серый собственной персоной.

Не Белый, каким положено ему было бы выглядеть; на нем вновь был видавший виды дорожный плащ, который помнил столько дорог Средиземья!

— Гэндальф! — Слова застревали у хоббита в горле. — Гэндальф, ты знаешь... теперь ты знаешь все об Олмере?!

— С твоей помощью, мой добрый хоббит... да, — без тени столь обычной для прежнего Гэндальфа иронии ответил маг. — Здравствуй! Я так рад видеть тебя живым и невредимым! Я следил за вами, насколько мог, а потом Мрак усилился — и больше мы не могли разговаривать. Великое счастье, что ты прорвал эти тенета — *это возможно совершить только с вашей стороны, со стороны Смертных Земель*... Не вдаваясь в подробности — вы молодцы! Теперь все встало на свои места.

— Вы поможете нам? Все отказались, Гэндальф, все до одного, даже Великий Орлангур!

— Не слишком-то надейся на это, — вздохнул маг. — Великий Манве Сулимо...

— Проклятье! — со злыми слезами в голосе выкрикнул хоббит. — Сколько я еще буду слушать это! «Не слишком-то надейся...» Да тут скоро все пойдет прахом! Война уже началась! Олмера мы не убили — что делать дальше? Кто возглавит новый союз Людей и Эльфов? Воды Пробуждения сами с трудом держатся. Серединное Княжество обещало помощь — да только это Восток, а Востоку я не верю. Ты же Майар, Гэндальф, ты же из сынов Творца-Илуватара! Почему, во имя Светлой Варды Элберет, Силы Мира не склонят слух к нашим мольбам и стонам? Почему пожар войны распространяется все дальше и дальше? Говори, Гэндальф, не молчи! Я знаю — ты когда-то любил моих сородичей и нашу прекрасную, тихую, мирную страну. Но, если Олмер прорвется в Эриадор... Страшно подумать, что станет с Хоббитанией! Ну же, говори, Гэндальф!

Старый маг взглянул в лицо хоббиту. Взор его был тяжел, кустистые серые брови грозно сдвинуты.

— *Я молил великого Манве послать меня в Средиземье* — и получил отказ. Проклятые Весы! Ты уже много знаешь о них и должен понять. С новым пришествием Тьмы люди должны справиться сами. Но знай — если падет Серая Гавань...

— Я слышал! Порвется связь между Заморьем и Средиземьем!

— Ты слышал об этом? Прекрасно! От Золотого Дракона ты, наверное, слышал, что разрыв этой связи грозит преждевременным Дагор Дагорратом. Крушение Весов высвободит туго спеленутые Илуватаром при сотворении Мира исполинские Силы. Сейчас мудрейшие из Валаров погружены в тягостные раздумья. Как предотвратить катастрофу? Скованные нами цепи не выдержат удара волн Хаоса, Моргот стряхнет с себя оковы... О том, что случится тогда, лучше не думать.

— Так что же Валары медлят с помощью?

— Дело в том, отчаянный мой невысоклик, — тихо прозвучал ответ Гэндальфа, — что появление хотя бы одного воина из Благословенной Земли на берегах Средиземья необратимо разрушит Весы. Это стало известно точно. А вот падение Серой Гавани, как бы ужасно для тебя это ни звучало... это может вызвать страшную беду — но может и не вызвать и скорее всего не вызовет. И потому прости меня, хоббит... Мы не в силах ничего сделать. Силы Арды, как и эльфы, прикованы к этому Миру, действовать вне его они не могут. Совет на Эзеллохрае, Холме Судеб, длился четыре дня, и решено было только одно — молить Эру Илуватара... Потому мужайся, хоббит! Ваши мечи — последняя наша надежда. Несчастный Боромир! В какое страшное оружие Тьмы превратился его далекий потомок! Вот они, ядовитые всходы черной тяги к Кольцу!.. Нам удалось предупредить Кэрдана. Он готовится идти вам на подмогу. Арнор уже получил вести о происходящем — тоже от Корабела. Держитесь до подхода свежих сил! Войско у Олмера большое, это бесспорно, зато сам он — далеко не Саурон.

Видение поблекло, словно по зеркальной воде чистого озера побежала поднятая ветром рябь, а со дна одновременно стал подниматься взбаламученный ил. Фолко еще успел крикнуть:

— Прощай, Гэндальф! — и открыл глаза вновь в поздней осени Средиземья, в рядах роханского войска, изготовившегося к отражению вражеской атаки.

Ночь минула спокойно. Враг не показывался; даже рыскавших по восточному берегу конных патрулей не заметили зоркие роханские дозорные. Гнетущая тревога вчерашнего дня не прошла; воины крепче стискивали копья и косились на багряное восходящее солнце.

Рассвет только-только начал разливаться по восточному краю небосклона, тучи мало-помалу расползались в стороны, день обещал выдаться ясным.

— Благость-то какая, — вздохнул необычно рано проснувшийся сегодня Малыш. — Словно и нет никакой войны...

Фолко не ответил ему. Как зачарованный он смотрел на противоположный берег: там из волн сизого тумана один за другим выныривали бесчисленные темные шеренги.

Армия Олмера начала прорыв.

— Ты чего... — начал было Малыш — и тоже застыл, разинув рот, глядя, как катящиеся к воде первые ряды дружно сбросили в Андуин десятки, если не сотни плотов... А за ними появлялись новые и новые отряды — пешие и конные: грозная масса врагов скапливалась у кромки берега — и вот первые уже отпихнулись веслами...

И все это происходило в молчании — не трубили рога, не звучали команды, не слышно было боевых криков... Только на крайнем приречном холме трепетало на восточном ветру знакомое знамя с черной короной.

В рядах роханского войска грянули трубящие тревогу рога. Ударили гулкие барабаны — и по всему берегу прокатился мгновенный вал стремительного движения, обычного для любого войска, — рвались из ножен мечи, накладывались стрелы, перебрасывались поудобнее щиты и копья... Топали ноги, порой раздавалось конское рыканье; из палаток, на ходу одеваясь, бежали отдыхавшие в эту ночь сотни; длинный ряд земляных редутов быстро заполнялся воинами.

Десяток, в который попали хоббит и его спутники, оказался за невысоким частоколом как раз в том месте, куда нацеливались первые сотни переправляющихся. Торин, Фолко, Малыш, Атлис и эльфы стояли плечом к плечу. Вокруг них, тесно сомкнув щиты, сжались плотным строем вестэмнетские копейщики; лица людей казались омертвевшими — все вольно или невольно пытались определить, сколько же врагов оказалось против них.

Быстрое течение Великого Андуина сносило легкие плоты; Фолко видел, как боролись, налегая на весла, коренастые истерлинги — быть может, те самые, с кем он ходил под знаменами Отона. Углядел он и хазгов; те, припав на колено, уже готовились к стрельбе — может, те самые, с кем он состязался и, считай, успел побрататься...

— Стоя-а-ать крепко! — прокатилось по рядам роханской пехоты.

Хоббит невольно повернулся к десятнику.

— Не дать им подняться на излом, — мрачно бросил тот. — Одной атакой они не удовлетворятся... Эй, все! Стрел не жалеть! В обозе их много!

Густо облепленные вражескими воинами, плоты плыли через Андуин. Восточный ветер не стихал, прямо в глаза защитникам Рохана светило восходящее солнце — что и говорить, момент атаки выбран был неплохо.

Малыш и Торин настроили свои небольшие походные арбалеты, эльфы проверяли колчаны, заполненные сегодня обычными тисовыми стрелами — свои собственные они берегли, как и хоббит; может, когда и представится случай... вновь встретиться лицом к лицу с Вождем?

Фолко опустил глухое забрало мифрильного шлема. Так не слишком сподручно целиться — но хазги, эти непревзойденные лучники, запросто вгонят стрелу в лицо с двух сотен шагов. Он видел, как на переднем плоту кто-то высокий в темных доспехах взмахнул окованной железом рукой — и хазги дружно спустили тетивы. Битва на Андуине началась.

Ветер помогал стрелкам Вождя и очень мешал роханцам; первые стрелы ударили по частоколам и бойницам редутов — но защитники западного берега молчали. Тяжелая хазгская стрела со звоном вонзилась в бревно не дальше ладони от головы хоббита; брызнули щепки, лесина раскололась, и стрела хищно выставила здоровенный зазубренный наконечник над плечом Фолко. Он услышал, как Торин зло выругался.

Казалось, на роханские укрепления обрушился налетевший с восхода черный ливень. Ни одна рука, ни один шлем не могли подняться над невысокими частоколами; и когда плоты наконец приблизились настолько, что стрелки Марки смогли ответить, их ответ оказался куда менее впечатляющим, чем стрельба хазгов

Воздух потемнел от стрел — но сперва потери сражающихся были невелики. Роханцам помогали благоразумно возведенные укрепления, воинам Вождя — хорошие доспехи первых рядов, восточный ветер да меткость хазгов, не дававших никому в редутах прицелиться как следует.

Фолко пренебрег лучниками Вождя. Он пустил уже три стрелы, попал все три раза — но никто не упал, стрелы, видимо, сломались о вражескую броню. Тот, кто командовал этим прорывом, поставил в первые ряды окованных железом с ног до головы панцирников, за спинами которых укрывались легковооруженные воины.

Хоббит выпрямился во весь рост, тотчас превратившись в неплохую мишень. Боевой азарт палил его: ну-ка, кто быстрее возьмет прицел — он или те хазги, что так и не смогли обставить его на честном состязании?

Он оказался быстрее. Его стрела вырвала с ближайшего плота одну из толпившихся на нем темных фигур, с всплеском упавшую в волны; и хотя о шлем хоббита скользнула меткая стрела противника, а вторая прогудела возле уха, он ответил еще одной своей — и тоже смертельной.

Малыш и Торин пока выжидали — их мощные арбалеты могли пригодиться, когда панцирники двинутся на берег, к редутам; эльфы стреляли нечасто, тщательно прицеливаясь и стараясь как можно меньше времени оставаться на виду. Их шлемы, хоть и славной ковки, не имели забрал, лишь вертикальную стрелку-поносья.

Плоты подошли еще ближе — и тут убойная сила стрел возросла. Падали в воду пронзенные истерлинги; сползали, судорожно

цепляясь руками за стены редутов, принявшие смерть лицом роханцы. Отпор воинов Марки крепчал — и воды Андуина окрасились кровью.

Все русло Великой Реки было запружено плотами и невесть откуда взявшимися лодками.

На миг подняв взгляд, хоббит увидел спускающиеся к реке с противоположного берега все новые и новые отряды; тех, кто уже плыл, на глаз набралось вдвое больше обороняющихся.

Закусив губу, хоббит стрелял и стрелял. Теперь почти ни одна стрела не пропадала даром, от одной, особо удачной, упал и панцирник; захлопали арбалеты гномов, и тишина первых минут боя сменилась дикими криками, стонами и воплями. Гибли многие, и гибли тяжко. Справа от хоббита опрокинулся с простреленной головой один из роханцев-вестфольдингов; шипя и кривясь от боли, вырезал из плеча засевшую стрелу другой; хазги подобрались достаточно близко, чтобы их стрелы пронзали легкие доспехи, которые были на многих воинах Марки.

Где-то за спиной хоббита раздался мощный глухой удар. Над головами защитников взлетел в небо здоровенный черный камень — ядро, посланное одной из катапульт. Описав дугу и на миг зависнув в самой верхней точке, он устремился вниз — и задел край одного из полных людьми плотов. Поднялся белесый столб воды, полетели щепки — и раздались страшные короткие крики раздавленных. Плот превратился в груду обломков, на поверхности удержались лишь двое-трое из полутора десятков находившихся на нем воинов.

К летящим с западного берега стрелам присоединились тяжелые камни; мастера метательных машин постарались на славу. Чаще, конечно, их ядра впустую взметали водяные столбы в Андуине, но нет-нет и попадали в неудачливый плот.

Фолко и его товарищи расстреляли по целому колчану; хоббит крикнул подносчика, спеша, сорвал оплетку с толстого пука стрел, брошенных ему. Из тех врагов, что плыли на первых плотах, полегло больше половины, но изрядно поредевшие кучки людей на утлых бревнах упрямо продолжали выгребать к совсем уже близкому западному берегу. В уши рвался нескончаемый дикий рык истерлингов, копивших злобу для рукопашной.

Первый плот ткнулся в отмель: хазги и истерлинги вперемешку, умело прикрываясь щитами, бегом бросились по мелкой воде. Их встретили негодующие вопли защитников и ураган стрел. Тела тяжело валились в воду, на мокрый песок, вокруг них быстро расползались темно-алые пятна. Не уцелел никто, даже четверо панцирников погибли под короткими арбалетными болтами. Однако за первым плотом последовали сразу пять или шесть других, за ними — еще полтора десятка... Торжествующий боевой клич Великой Степи огласил воздух, заглушая вопли раненых и

умирающих; первая сотня штурмующих устремилась вверх по пологому склону, туда, где чернели валы и частоколы роханцев. Они бежали, падали, поднимались или оставались лежать неподвижно: хазги стреляли на бегу, и многие, очень многие их стрелы находили цель...

— К мечу! — услыхал хоббит неистовый выкрик десятника.

По-прежнему били катапульты роханцев, рвали набегающие шеренги врагов стрелы лучников Марки, но всякий бывалый воин уже понимал, что остановить врага на узкой полоске земли между укреплениями и кромкой берега не удастся без рукопашной. Слишком велик был порыв, и слишком хороши стрелки-хазги.

Уже не десятки, сотни воинов Вождя высадились на закатный берег Великой Реки. Небольшой прибой уносил кровь прочь от берега, вода порозовела: Фолко прикончил только что взятый пук стрел. Мертвые тела густо устилали берег, застыли в мелкой воде — однако истерлинги, хегги, ховрары, казалось, не обращали на это внимания. Хоббит подивился, как умело перестроились оказавшиеся на западном берегу воины Олмера; вновь первые ряды образовали шеренги тяжеловооруженной истерлингской пехоты, очевидно, из числа степняков-пахарей; за ними теснились воины прочих племен; хазгские стрелки отошли назад, не прекращая обстрела; под их прикрытием войска Короля-без-Королевства готовились к первой атаке. Фолко мог лишь удивиться и воздать должное стойкости, с которой те выдерживали ответный ливень стрел, летевших из-за зубцов редутов и частоколов.

— Эх, хирд бы сюда! — услышал Фолко восклицание Торина.

— Сейчас самое время атаковать! — крикнул Атлис. — Ударим по ним сверху, они смешаются, подплывающие не смогут пускать стрелы.

Однако у роханских командиров имелся, очевидно, свой, иной план. Приказа к наступлению не прозвучало; лишь из глубины подтянулись свежие сотни лучников.

Заминка на берегу длилась очень недолго. Над рядами атакующих взвилось черно-белое знамя Олмера — и с неистовым ревом тысячи бойцов устремились вперед, вверх по склону, прямо на летящие им в лицо стрелы и дротики.

За три года странствий хоббит дрался не раз, но впервые он оказался в одном строю со множеством других воинов, впервые катился на него ревущий человеческий вал — и впервые от исхода боя, в котором он сражался, зависело нечто большее, чем просто его жизнь. Битву при Аннуминасе он наблюдал со стороны; а теперь, сам видя надвигающуюся лавину врагов, он ощутил внезапную предательскую слабость; чтобы справиться с ней, пришлось не только воззвать к гордости, но и бросить быстрые взгляды на друзей — рядом, точно скала, готовая встретить удар

шторма, стоял Торин, на выбор бьющий панцирников из своего арбалета; слева уже забрасывал свое боевое устройство за спину Малыш и доставал из ножен меч и даго; чуть поодаль спокойно, точно на стрелковом празднике, били из луков не знающие промаха Амрод и Беарнас. Минутное замешательство прошло, азарт сменялся глухой и жизненно необходимой в ближнем бою злобой — или ты, или тебя, и нечего тут рассуждать...

Шеренги наступающих подбежали к первой линии укреплений уже изрядно прореженными. Дважды под стрелами лучников Марки погибал знаменосец атакующих — но едва трепещущее на ветру полотнище начинало кренироваться, как его тотчас подхватывали другие руки.

Последние сажени подъема к редутам и частоколам дались воинам Олмера особенно тяжело. Хоббит, не пригибаясь, стоял, высунувшись по пояс из бойниц. От каждой его стрелы, пущенной в упор, падал человек, и смешными и наивными показались бы ему теперь собственные колебания, когда в начале пути он старался лишь ранить, а не убить.

— Стрелы! — яростно выкрикнул хоббит, вновь опустошив колчан.

Он успел всунуть в короб новый пучок, но на выстрел времени уже не хватило. Воины Вождя одолели наконец щедро политые их кровью склоны и стали карабкаться на валы и изгороди. Замелькали веревки и цепи — чтобы не перерубили — с якорями-кошками; хегги, привыкшие к подобному в своих горах, ловко лезли вверх.

Защитники Рохана в большинстве своем отложили луки. Пришел черед мечей. Торин повесил арбалет на спину, как и Малыш; сверкнул его грозный боевой топор. В тот же миг волна атакующих докатилась и до них.

Со стуком впились в дерево острые крюки. Над частоколом появилась первая голова в рогатом низком шлеме, мелькнули бешеные глаза; мелькнули и исчезли, потому что Малыш опередил всех, коротко и точно ударив противника в горло своим даго.

За первым последовал второй, третий, десятый... Один за другим забрасывались на частокол веревочные лестницы, хегги взбирались еще более простым способом — человек пять, держа таран, длинный и толстый шест, бегом бросались к частоколу, и, когда конец шеста почти касался бревна, резко поднимали его, так что передний воин, упираясь ногами в стену, стремительно оказывался наверху, ловко перепрыгивая затем внутрь. Именно хегги оказались первыми, кто сумел пробиться за частокол.

От грудных пластин панциря отскочила хазгская стрела, заставив хоббита пошатнуться. Чувство было такое, словно в него угодил увесистый булыжник. Через преграду тотчас перевалился рослый истерлинг, и его меч обрушился на Фолко, едва успевшего изготовиться к защите; и вновь — знакомый лязг железа: по кожаному доспеху истерлинга с нашитыми железными бляхами стали расползаться пятна крови, и хоббит не успел опомниться, как его противника добил Атлис, на ходу бросив Фолко:

— Бей ближнего, не смотри!

Это значит — никаких одиночных схваток до победного конца. Это битва, а не честный поединок, и если ты можешь убить врага, сцепившегося с твоим другом, — сделай это немедленно, и в следующий миг то же сделают для тебя.

Хазги подбежали совсем близко к частоколу, в упор разряжая луки прямо в головы защитников; в образующиеся бреши тотчас ворвались истерлинги, и хотя каждого павшего роханца пока было кем заменить, враги, платя четырьмя-пятью за одного, мало-помалу стали оттеснять от частокола соседей десятка хоббита. Атлис рубился, неистово вращая вокруг себя двуручным мечом, эльфы встали спина к спине, Амрод держал в каждой руке по мечу, Беарнас стрелял из лука в каждого, кто пытался перевалить через частокол возле него; а чуть ближе к Фолко, на пустом месте, изрыгая невообразимые проклятия, крутил свой стальной смерч Малыш, и уже пятеро сраженных валялись у него под ногами; Торин рубил направо и налево, время от времени косясь на Фолко — однако тот держался молодцом, стараясь всякий раз помочь Атлису или эльфам, но сам он был уже в полукольце; погибли трое воинов из их десятка, лишь сам десятник еще отбивался... Друзья хоббита не отступили ни на шаг от частокола — но только благодаря мифрильным доспехам.

До Фолко донесся звук взывающего рога, пробившийся сквозь неистовый гром боя. Десятник, уложив себе под ноги очередного врага и утирая льющуюся из рассеченного лба кровь, взмахнул рукой.

— Отходим! Быстро!

Команда успела вовремя. Еще немного, и их окружили бы полностью. Малыш и Торин оказались на острие их клина.

Атлис и Фолко с десятником защищали всем спину, а эльфы прикрывали прорывающихся гномов стрелами. Их встретила успевшая-таки сомкнуться стена щитов и мечей, но одни валились с эльфийской стрелой в горле, других рубил Торин, третьих протыкал Маленький Гном; меч Фолко тоже щедро напился вражеской крови. Его, не вышедшего ростом, почитали за легкую добычу, но мечи врагов лишь бессильно царапали мифрильный бахтерец, а его выпады оказывались смертельными. Он вертелся ужом, нырял под проносящиеся над головой тяжелые мечи — и отвечал короткими, точными ударами, вкладывая в них все умение и все свое желание выжить.

Неплотный строй истерлингов разорвался под их напором, но тут через частокол пробрался какой-то хазг, и в спину Фолко,

прямо между лопаток, ударила тяжелая стрела. Хоббита швырнуло вперед; однако руки действовали быстрее сознания.

Эти руки поняли, что следующая стрела войдет в спину десятнику или Атлису и будет смертельной, и потому он рванул с перевязи один из метательных ножей. Не в обычаях хоббита было оставлять оружие в теле врага — но что ж сделаешь... С резкого поворота, почти не целясь, Фолко метнул нож — и со злым восторгом увидел валящуюся через колья фигуру, уронившую лук и в агонии схватившуюся за торчащую из груди рукоять. На миг возникло сильное побуждение — вернуться! Выхватить нож! Но хазг упал по другую сторону изгороди, и только это остановило Фолко.

Они прорвались к своим. Роханская пехота, сомкнув щиты и выставив короткие копья, без суеты и паники спокойно отступала, теснимая многократно сильнейшим противником. Кое-какие редуты еще держались — но сотники выводили людей и оттуда. Глядя на этот до времени правильный строй, Фолко понимал, что правильным он останется лишь до появления хазгских лучников. Их стрелы, пробивающие любой доспех, расстроят ряды воинов Эдораса, а истерлинги довершат остальное... В конце концов, где же прославленная конница Марки?!

Он не видел, что происходит на Андуине, но догадаться было несложно. Коневоды гонят табуны оседланных боевых коней к реке; храпящих лошадей заводят на большие плоты, перевозчики налегают на шесты и весла... Скоро, очень скоро на поле боя появится степная конница, ничуть не уступающая роханской... Дело оборачивалось скверно.

Фолко с товарищами влился в строй вестфольдингов; мрачные, ожесточенные бойцы медленно отступали, отчаянно отбиваясь мечами и копьями. Истерлинги наседали — но пока боевой порядок воинов Марки держался прочно. Переведя дух в задних рядах, гномы решительно полезли вперед.

— Фолко! Идем с нами! Покажем им железный клюв... — Теперь у Торина не оставалось сомнений, стоит ли брать с собой малыша-хоббита...

Фолко понимал, что задумали его друзья. Железным клювом назывался один из боевых приемов хирда, когда из строя навстречу врагам выбрасывался клин из самых опытных и хорошо вооруженных воинов, прикрывавших бока друг друга. Такой клин бьет подобно клюву налетающей хищной птицы и отступает, оставив за собой пробитый вражеский строй. Эти клювы очень опасны, остановить их можно только таким же контрклином, иначе в разрыв могут ворваться враги...

Воины Марки были приучены сражаться в плотных пеших строях, но сейчас враг имел слишком большое преимущество. Он мог позволить себе менять сражающихся в первых рядах в три-четыре раза чаще, чем роханцы.

Вслед за гномами и хоббитом последовали эльфы и Атлис.

— Ну пошли! — выдохнул Торин, когда они оказались впереди.

Они стояли лицом к лицу с истерлингами, но двое ближайших упали от стрел эльфов, бивших через головы воинов Марки. Пространство перед строем на мгновение очистилось.

И они прыгнули вперед — Торин во главе, Малыш справа, Фолко слева; Торину потребовалось лишь несколько секунд, чтобы сразить четверых нерасторопных; Малыш свалил одного, Фолко оказался менее удачлив, однако и он выдержал все обрушившиеся на него удары.

Сделав дело, отбросив истерлингов от строя, друзья вернулись назад, неторопливо пятясь. Бой продолжался, по-прежнему наседали степняки, а хоббит терзался: ну где же они, всадники Рохана? Почему так равнодушно смотрят на медленное истребление своей пехоты? Ясно ведь, что вестфольдинги в одиночку не победят, врага за Андуин не отбросят и положения не восстановят. А сейчас еще и конница Вождя появится...

И она не замедлила появиться. Вместе с пешими хазгами, наконец перебравшимися через частоколы и передвинутыми вперед. Натиск панцирников ослабел, среди них все чаще и чаще мелькали невысокие коренастые фигуры страшных лучников.

— Ну сейчас начнется... — прошипел сквозь зубы Торин.

Однако фалангой роханцев командовали опытные воины. Они уже успели оценить хазгских стрелков, и, не давая тем развернуться, строй воинов Марки, повинуясь звукам большого рога, остановился и сам двинулся на противника. Вновь засверкали мечи; схватка разгорелась с новой силой.

Не дремали и те, кто распоряжался в войске Вождя. Правое крыло роханцев надежно прикрывали кручи Эмин Муйла, однако слева строй воинов Марки не защищало ничто. И первый удар переправившейся наконец истерлингской конницы обрушился именно туда.

До слуха хоббита донесся дикий визг многих сотен голосов, неразборчивые вскрики. Он ничего не видел из-за спин и голов соседних воинов, зато сразу ощутил, как вздрогнула земля под скопом нескольких тысяч копыт. Оправившись, вновь надавили пешие истерлинги и хегги; приладились и пустили наконец свои убийственные стрелы хазги.

Рядом с хоббитом упали двое роханских воинов. Лучники из глубины фаланги постарались ответить, но их стеснял плотный строй, в то время как воины Олмера кидались вперед, словно волны на гранитный утес — порознь и достаточно свободно, оставляя место стрелкам.

По боевому порядку воинов Марки словно прокатилась корот-

кая судорога; истошные взвизги атакующих степняков слышались уже за спиной хоббита; противник окружал их.

Вновь раздался звук рога. Надсаживаясь, заорали сотники; их команды повторили десятники:

— Отходим!

Фаланга подалась назад.

— Что это? Разгром?! — заорал прямо над ухом хоббита Торин.

— Нет! — рявкнул в ответ десятник.

Но пока что они отступали, как можно теснее сжимая щиты — единственную защиту от хазгских стрел, которые пронзали щиты, но уже не могли пробить доспеха — лишь оставляли здоровые вмятины.

С шумом, воплями и черной бранью задние ряды роханского строя стали разворачиваться навстречу атакующим истерлингским всадникам. По фаланге прокатилось короткое множественное движение, вытолкнувшее хоббита и гномов лицом к лицу с новым противником.

Фолко увидел поле, на котором совсем недавно трепетали флажки роханских витязей; теперь по нему, опустив копья, пригнувшись к коротким конским гривам степных скакунов, с гортанными визгами неслась истерлингская конница, многие всадники ловко били на скаку из луков.

Будь здесь хирд, он встретил бы эту атаку презрительными насмешками — и стальной стеной копейных наконечников. Горячая, смелая кавалерия Великих Зеленых Степей разбилась бы об утес хирда, как дождевой поток; но рядом с хоббитом стояли только два гнома, а этого было явно недостаточно.

Под градом стрел строй воинов Марки кое-где дрогнул. Кто-то подумал лишь о своей защите — и в образовавшиеся бреши ударили конные копейщики. Истерлинги, умевшие играть копьем, как немногие народы Средиземья, волчками вертелись перед строем, то бросая коней вперед, то заставляя их пятиться, и при первой возможности били копьями — сверху вниз, целясь в глаза и шею. Из прочитанных книг хоббит знал, что у конницы почти нет шансов против плотно сбившейся и выставившей пики пехоты, но лишь до тех пор, пока она сохраняет свой строй.

Истерлингский всадник внезапно оказался прямо перед хоббитом — решил, видно, что здесь слабина. Его копье прянуло, словно бросающаяся на добычу змея; он бил, вкладывая в удар всю тяжесть тела, чтобы окровавленный наконечник выставил зазубренное жало из спины этого карлика, невесть как очутившегося среди соломенноголовых западных табунщиков...

Наверное, истерлинг успел удивиться, когда карлик с неожиданной ловкостью чуть качнулся в сторону, взмахивая коротким мечом, — и в руках степняка вместо копья остался лишь бесполезный обрубок. А карлик, не теряя ни секунды, вдруг прыгнул,

оказавшись совсем рядом; истерлинг рванул меч с перевязи, но левый бок внезапно что-то обожгло, по бедру заструилось теплое и липкое. Уже понимая, что ранен, но в горячке боя не чувствуя боли, он рубанул вбок — привычно, как не раз разваливал противника от плеча до пояса; но удар рухнул в пустоту, а проклятый карлик вновь оказался рядом и с неимоверной ловкостью ткнул мечом в слабое место доспеха — в узкий стык между нашитых на кожаную куртку железных пластин.

Тяжелое тело с глухим стуком ударилось о землю, рухнув с коня; истерлинг не был мертв, но у хоббита не хватало длины рук, чтобы проткнуть того насквозь; враг был лишь ранен — но этого вполне хватало. Строй не нарушился.

Оказавшись отрезанными от своих, роханцы не поддались панике. Фаланга сжимала ряды, дрогнувшие гибли, выдерживали лишь умеющие не оголять бок соседа ради нескольких мгновений собственного существования. И хотя с одной стороны давила панцирная пехота Прирунья, с другой — хлестал жестокий бич истерлингской конницы, вестфольдинги не помышляли о бегстве. Хоббит, отбывая свой короткий отдых в середине строя, ясно читал эти мысли на лицах соседних бойцов; ему самому многое оставалось непонятно — на что, например, рассчитывают командир пеших воинов, Третий Маршал Марки Брего, и его тысячники, ведь фаланга неуклонно таяла, а враг бросал в бой с противоположного берега все новые и новые дружины. Причем не все они шли в бой с роханской пехотой: многие отряды, горяча коней, поскакали в глубь роханской степи, прочь от берега; однако львиная доля переправившихся сил Вождя была брошена против стойкой фаланги воинов Марки.

Короткий отдых Фолко и его друзей кончился. Время было снова идти в первые ряды; сотник, заметив их хорошие доспехи, послал их вновь против напирающих панцирников вкупе с пешими и конными хазгами.

Да, появились и лошади тех, кто своими стрелами проложил дорогу воинам Вождя за роханские укрепления; обращенный к Андуину фронт роханского строя мог лишь защищаться, пытаясь хоть так уменьшить потери от их губительных, насквозь пронзающих стрел.

Фолко и гномы вновь ударили «железным клювом» по наседавшим хеггам; вооруженные много хуже панцирной пехоты Прирунских краев, былые противники Ночной Хозяйки не выдержали, смешались, отхлынули... Торин рубил, как безумный, рыча сквозь зубы древние черные проклятия, его доспехи покрывала чужая кровь, топор стал весь багрово-алым — но гном, казалось, не ведал усталости. Пытавшихся противостоять ему хеггов он отбрасывал, словно богатырь подростков: без щита, он держал топор обеими руками, принимая и отбивая направленные в него

удары мечей заветным, подаренным Олмером, топорищем, разрубить которое оказалось не под силу ничьей руке; клинки со звоном отскакивали, словно от металла, и с коротким ревом-выдохом гном обрушивал слева сверху свой коронный удар, разрубавший почти все попадавшиеся оплечья и хауберки. Противник Торина валился с перерубленной шеей, захлебываясь собственной кровью, могучему гному редко когда требовался повторный удар.

Справа от него, защищая открытый бок друга, бился Малыш. Его пытались сбить щитами, но он резко откидывался в сторону, коротко взблескивал его даго — и враг падал. Мечи он отбивал своим клинком, и прежде чем противник успевал что-либо сообразить, следовал смертельный выпад...

Троих удачливых бойцов приметили: их стали чаще других выдвигать на опасные места, где начинал прогибаться роханский строй; перерывы для отдыха в глубине строя становились все короче.

Фолко, тяжело дыша, глотал воду из меха, на краткую минуту подняв забрало. Его тоже покрывала кровь людей — раненных или убитых им. Давно прошла первая изнуряющая, медленно подкрадывающаяся усталость: с ней ему помог справиться приз, взятый еще в Цитадели Олмера, — браслет с темным камнем, чудесным образом восстанавливающий силы. Подступала усталость вторая — медленная, вяжущая, совсем вроде бы неопасная, просто в один прекрасный момент руки могут отказать в повиновении. Давно не осталось никаких мыслей, кроме одной-единственной: когда это кончится? Когда же наконец ударит король? Когда его блистающая доспехами кавалерия выедет наконец в поле?! Хоббиту казалось, что он сейчас утонет в щедро льющейся на землю крови друзей и врагов; под доспехами он был мокр от пота точно мышь.

Однако он не мог не видеть, что роханская пехота сумела выполнить свой долг. Окруженная с трех сторон, она притягивала к себе врага, точно магнит — железо. Подобно запруде, она закрывала путь взбесившимся водам мутного половодья. Уже весь берег Великой Реки оказался запружен воинами Вождя. Однако самые сильные, злые и стойкие уже вступили в дело, ими были вынуждены начать, и они первыми складывали головы. Пополнение, накатывающееся на роханскую фалангу, было куда плоше — и доспехов, считай, никаких, и мечи плохие, и владеть ими почти не умели.

Солнце уже поднялось высоко, сражение длилось несколько часов.

«Сколько же я еще выдержу? — с накапливающимся томительным безразличием спрашивал себя Фолко, отбивая очередной удар. — Я больше так не могу! — вскрикивал он, делая быстрый

выпад. — Ведь когда-то должен настать и мой черед», — отрешенно соображал он, вытаскивая оружие из поверженного тела...

Прошел день, месяц, год? Фолко не смотрел на солнце. Во все времена оно приносило надежду сражающимся на стороне Света — но не сейчас. Окруженные, теряющиеся и теряющие товарищей, роханские бойцы по-прежнему упрямо отбивались — и держали строй.

Рога грянули внезапно, где-то совсем рядом, над самым ухом. Десятник, с которым Фолко начинал бой, давно погиб под хазгской стрелой, и хоббиту разъяснил команду очутившийся рядом Атлис — вновь раненый, но злой и не опускающий меч:

— Отходим! Щиты за спину!

Увлеченный общим потоком, Фолко побежал вслед за воинами Марки. Этот отход мало походил на тот, когда они отступали от прибрежных частоколов. Он куда более напоминал бегство...

Фаланга двинулась на истерлингских конников, точно широкая лента, кое-где сверкающая металлом, кое-где покрытая темно-багровым. В первой шеренге шли все уцелевшие копейщики, и всадникам ничего не оставалось, как раздаться перед их натиском. Однако пешие воины Вождя торжествующе завопили, бросившись вперед очертя голову. Перед ними качались спины наконец-то дрогнувших врагов — еще одно, последнее усилие, и строй соломенноголовых рухнет окончательно, и можно будет рубить, рубить всласть, платя за все — и сразу.

Обгоняя фалангу, отрезая ей пути отхода на юго-восток, скакал большой отряд — несколько тысяч, наверное, пять-шесть, крепкие как на подбор всадники с Южного Изгиба Руны. Знамя Олмера гордо реяло над первыми рядами. Вот навстречу им вынесся отряд роханской конницы (у хоббита сердце подскочило от радости!) и столкнулся с наступающими...

Однако всадники Марки брызнули в разные стороны, словно стайка мальков от щуки. Отряда в добрые десять сотен более не существовало, были лишь отдельные, спасающие собственную шкуру люди, охваченные паническим ужасом... Торжествующий крик врагов повис над полем, с востока мчались новые отряды, прямо на отступающую фалангу скакали хазгские сотни — начинался разгром, и Фолко, оглянувшись, увидел полные смертного отчаяния глаза Торина, перекошенное страшной гримасой ненависти лицо Малыша — гномы откинули забрала, жадно глотая пересыхающими губами задувший наконец с запада прохладный ветер...

Они еще бежали, а кругом падали; они еще бежали, и бежал неподалеку Амрод, видно было, что цел Беарнас, и Атлис, хотя ему вновь рассекли лицо, держался крепко; они бежали живые, в отличие от многих и многих...

Перехватывая пути отступления бестолково мечущимся по

полю остаткам роханской конницы (еще несколько отрядов пытались помешать стремительному наступлению всадников Олмера), от правого берега Андуина устремлялись в бой новые и новые пешие и конные сотни Вождя. Все поле казалось заполненным его воинами; и фаланга стала сдерживать шаг. Бежать было некуда, враг скапливался в нескольких сотнях шагов прямо перед ними, отрезав последний путь отступления — на юг, вдоль обрывистого края Эмин Муйла.

— Похоже, конец! — заорал Малыш, яростно сплевывая себе под ноги.

Он хотел еще что-то добавить, но тут, в полном соответствии со священными роханскими традициями, над полем боя разнеслись ни с чем не сравнимые звуки Большого Хелмского Рога — главной военной святыни Роханской Марки. Затрепетали все, кто слышал эти звуки, свои и чужие, друзья и враги. Они пробуждали надежду в каждом отчаянном сердце, придавали смелости оробелому, укрепляли павшего духом. Эхо Хелмского Рога разнеслось далеко окрест — и хоббит с поднявшейся в груди бурей неописуемых чувств увидел, как враги заколебались. Они явно поняли, к чему клонится происходящее...

Впрочем, если и поняли, то помешать уже никак не могли. Дрогнула земля — хотя, казалось, ее уже и так немилосердно терзали столько часов тысячи и тысячи копыт. К чистому мощному голосу Хелмского Рога присоединились его младшие собратья — и хоббит с замиранием сердца увидел, как из каких-то совершенно незаметных складок местности наперерез врагам устремляется знаменитая, великолепная и непобедимая Конница Повелителей Степи. В глазах стало пестро от трепещущих на остриях пик флажков; сотни и тысячи голосов грянули могучий боевой клич Рохана, и, склонив копья, сбившись колено к колену, посылая впереди себя тучи пронзающих стрел, всадники под водительством короля из Дома Эорлингов вступили в бой.

И сразу стало ясно, что отступление пехоты роханцев было лишь маневром, рискованной и кровавой игрой, имевшей целью выманить на себя и завлечь в ловушку как можно больше вражеских сил. А когда в дело пошли почти все вражеские резервы, король отдал долгожданную команду.

Его рыцари прорвали строй истерлингской конницы на юге, подле Эмин Муйла, и на севере, на дороге к Уолдскому Всхолмью. Сбивая растерявшихся на время противников в кучу, всадники рассекли боевые порядки врага, сея всюду смерть и ужас. Дрогнула пехота ховраров, наседавшая на левый край, заколебались хегги, лишь неистовые истерлинги сбивали строй панцирников, чтобы встретить конницу соломенноголовых частоколом своих копий. Бесстрашно вынеслись навстречу атакующим с трех

сторон роханцам и хазги; доблесть встретилась с доблестью, противники Марки оказались далеко не трусами.

Поле вздыбилось пыльными облаками. Треск и лязг столкнувшихся конных лавин, вой, крики, вопли...

— На слом, на слом, на слом! — вопили сотники и десятники.

И роханская фаланга — откуда только брались у ее бойцов силы? — повернув, всей яростью отступавших и погибавших под напором численно превосходящего врага людей двинулась на противника.

Волна дикого, неизъяснимого восторга подхватила хоббита, он видел, как разметывает кавалерия Эдораса ряды Олмерова воинства, как гибнут те, кто пытается задержать ее. Умело организованная атака превратила окружающих в окруженных, сотни Черной Короны оказались атакованными со всех сторон.

Враг смешался и отхлынул к реке. Уже опрокинула хеггов роханская пехота, уже первые всадники королевской гвардии загнали каких-то неудачников-ховраров аж в сам Андуин, уже торжествующий клич «Победа!» рванулся из тысяч и тысяч сердец, уже откатывалась, теряя и теряя людей, в беспорядке отступая к реке, потрепанная, быстро тающая в числе истерлингская конница — когда над полем вновь зазвучали рога.

Однако это оказались не рога роханских резервов, бросаемых в бой, чтобы довершить уже очевидный всем разгром противника. На короткое время пространство перед фалангой расчистилось, ветер отнес в сторону поднявшуюся пыль — и взоры вестфольдингов приковала к себе дорога к Уолду. Там стремительно росло большое бурое облако, и не надо было гадать, что скрывалось в нем, — быстрым юром к полю битвы подходили свежие конные полки. У Фолко еще оставалась надежда, нелепая, детская, что это могут быть отосланные куда-то в отдаление роханские тысячи, но, увидев омертвевшие лица воинов, он уже знал, что это не так. Однако надежда умерла лишь после того, как он увидел гордо поднятое над первыми шеренгами проклятое знамя с черной короной в белом круге посреди черного поля.

Неведомые полководцы Вождя — а может, и он сам — рассчитали все воистину до мелочей, пожертвовав немалой частью войска, теперь они могли торжествовать победу. Роханские воины оказались в мешке, их отрезали от путей на запад и юг, отрезала отборная черноплащная конница — ангмарцы, гвардия, ударная сила Вождя, и с ней несколько тысяч — не менее пяти — хазгских стрелков. В бой было брошено все лучшее, что имел Олмер.

Роханская пехота попятилась. Она могла бы добить, раздавить уже обращенных ею в бегство воинов Олмера — но тогда полегла бы и сама, окруженная и расстрелянная хазгами на кручах Андуина, и Брего скомандовал отход.

В третий раз за сегодняшний день отходила на юго-запад ро-

ханская фаланга. Севернее, отчаянно отбиваясь от наседающих конников Олмера, прорывалась в том же направлении королевская кавалерия. Думать о победе не приходилось. Оставалось только одно — не превратить неудачу в катастрофу, полный разгром войск Марки.

На отступающие ряды вестфольдингов вновь обрушился ураган. Метали стрелы все, кто мог это сделать, вновь, оправившись, яростно пошли вперед истерлингские панцирники, с боков наседала конница, к степнякам присоединились ангмарцы, на скаку бившие из своих конных арбалетов.

Смерть повела косой над роханским строем; повела, собирая обильную жатву. В одиночку вестфольдинги не смогли бы выдержать этого ужасающего натиска, однако король Марки доказал еще раз, что не зря считается хорошим полководцем. Собрав все силы в кулак, он одной атакой разорвал стянувшееся было кольцо окружения; хоббит видел это со стороны — тесный клин роханских конных лучников и копейщиков остановить не смог никто, даже прославленные ангмарские арбалетчики; бело-зеленые знамена прорезали охватившие их ряды врага, покрывая землю телами бьющихся в агонии людей и коней. А затем конница и пехота Марки соединились — вестфольдингам стало легче. Теперь их фланги прикрывала конница.

Фолко решил, что в бою вновь наступил перелом, однако это было не так. Слишком глубок был охват врагом роханской армии; по словам сотника выходило, что степняки уже ушли далеко на запад, а другие их части маячат поблизости, готовые вот-вот вступить в дело, едва роханцы двинутся на закат.

— Бой не кончен, — облизывая запекшиеся губы, хрипло сказал сотник.

И бой действительно не закончился. Хоббиту казалось, что этот бесконечный день не угаснет никогда; фаланга медленно отступала, закрывая собой приводящие себя в порядок потрепанные конные сотни, обозы с ранеными и телами убитых, что удалось подобрать и унести с собой. И, не останавливаясь, на роханский строй накатывались новые и новые волны вражеских атак.

И хотя видно было, что измотались и пешие воины Вождя, и свежих резервов у Олмера (или того, кто распоряжался здесь его именем) тоже не оставалось, численное преимущество по-прежнему позволяло им теснить полуокруженное воинство Марки, которое не могло бросить свой скорбный груз.

Фолко сбился со счета, сколько натисков им пришлось выдержать. Вконец выбились из сил даже неутомимые гномы. Теперь уже было не до «железных клювов», главное — не разорвать строй, прикрыть собой уставших еще больше тебя... Если бы не всадники Марки, наконец пробившиеся к фаланге, вестфольдингам пришлось бы совсем туго.

Последние часы Фолко рубился уже почти машинально. Низенький, он не мог так просто сразить своего противника; зато защищался он превосходно, и сбившиеся вокруг них самые злые и упорные бойцы быстро это поняли. Хоббит схватывался с очередным атакующим, и кто-то из соседей, пользуясь хоббитом как живым щитом, наносил смертельный удар. Часто это был Атлис, еще чаще Торин, а вот Малыш даже теперь признавал только бой до победного конца. И если Маленький Гном орал: «Этот мой!» — никто не дерзал встрять в поединок.

Однако запредельная усталость начинала брать свое. Все чаще и чаще вражеские мечи скользили не по клинку хоббита, а по мифрильной броне. Трижды или даже четырежды пропущенные тяжелые удары мечами и копьями опрокидывали его; и он непременно бы погиб, не будь на нем мифрильной брони. Друзья прикрывали, спасали его, поднимали на ноги, он с трудом приходил в себя...

Роханцы отступали весь день — до глубокой ночи. И они с горечью и смертной болью видели, как мимо тех полков, что наседали на них, идут и идут на запад свежие вражеские силы, не участвовавшие в сражении; видел их и хоббит, но узнать сумел только ангмарских арбалетчиков. Остальные, верно, были родом из дальних восточных краев, о коих он ничего не знал. Истерлинги же, хегги, часть хазгов, ховрары продолжали наседать на измученный пехотный строй.

Держа на поводках могучих жуткого вида зверей, в чем-то схожих с виденным хоббитом на картинках тигром и львом сразу, проскакал большой конный отряд, не обращая никакого внимания на обороняющихся роханцев... Свежие силы Вождя устремились в глубь Марки — и как можно было теперь задержать их?

Фаланга вестфольдингов таяла, точно глыба льда на ярком солнце, — быстро и неумолимо. Кольцо врагов не разжималось, хотя король раз за разом бросал конников в отчаянные и зачастую успешные контратаки. Стало ясно, что враги не выпустят истомленную боем армию Марки. Спускалась ночь, в темноте можно было уйти быстрой и знающей дороги коннице — но куда деть раненых, пеших? Наутро враг возобновит атаки, и рано или поздно поляжет все войско Рохана. Путь на запад будет свободен...

Королевская армия Марки неожиданно резко взяла влево к темнеющим кручам Эмин Муйла. Подножия невысоких, но обрывистых гор скрывали леса — последняя надежда не разбитого, но уменьшившегося почти наполовину войска.

И словно поняв, куда они метят, враг усилил натиск. Всадники Марки больше не могли помочь своим — на них самих навалился трехкратно сильнейший противник. Фаланга с глухим предсмерт-

ным рычанием раненого зверя сомкнула ряды и уперла щиты в землю.

Этот натиск по ожесточенности оставил далеко позади все предшествовавшие. Откуда только взялись силы у сражавшихся весь день воинов Вождя? Однако они взялись; панцирники пробивали собой стену роханских щитов и умирали, пронзенные копьями, но сумев открыть дорогу своим товарищам. И будь получше вооружены и обучены хегги и ховрары, дело кончилось бы полным истреблением всей роханской пехоты.

Однако фаланга выдержала. Одному Дьюрину было ведомо, чего это стоило вестфольдингам; и все же, ступая по телам врагов, воины Марки дошли до спасительного леса — откуда, из-за крепких засек, из укрывающего лучше всяких колдовских туманов лесного сумрака, полетели меткие и беспощадные стрелы последнего резерва короля Рохана.

Наверное, этот полк должен был довершить разгром противника, но вышло по-иному, и эти воины, бессильные изменить ход событий, совершили то единственное, чем могли оправдать перед собой свое стояние в засаде весь этот страшный и скорбный для Роханской Марки день: они спасли остатки войска.

Под ливнем стрел из зарослей атакующие фалангу конники Олмера смешались и отвернули в сторону; последним усилием конные сотни короля оттеснили пеших истерлингов — и войско стало втягиваться в специально открытые проходы в завалах.

Уходя в лес, кучка воинов, в которой случайно оказался хоббит и гномы, на минуту оказалась на вершине невысокого холма, с которого открылся вид на все поле боя — и открылся тоже противоположный берег. Кто-то вскрикнул, кто-то вытянул руку; Фолко, чуть живой, с трудом нашел в себе силы взглянуть, куда указывали охваченные отчаянием люди.

Там, за густо усеянным телами мертвых полем, за изломанной линией не спасших Рохан земляных укреплений, за широким Андуином, закатные лучи осветили густые темные массы воинов, заполнившие весь восточный берег Великой Реки. Их там были тысячи, десятки тысяч. От берега непрерывно отваливали плоты и лодки, и зоркому хоббиту удалось разглядеть даже спешно сооружающийся наплавной мост. И тогда он понял: все почитавшиеся им огромными силы врага — на деле всего лишь авангард, высланный вперед, чтобы вынудить роханцев вступить в бой, а не отойти при виде многократно превосходящих сил Вождя. На том берегу стояли нетронутые, свежие полки, готовые ринуться на закат, и небольшое, истомленное и измученное войско Марки не могло им помешать.

За последними всадниками Рохана закрылись ощетинившиеся острыми кольями наспех сработанные ворота засек. Разбилась, истекая кровавой пеной, волна лихой конной атаки; истерлинги

устремились было вперед, словно перед ними лежала ровная степь; сражение длилось еще с час, пока не погас закат и ночь не окутала мир. Только теперь битва закончилась.

Не измерены горе и отчаяние разбитого войска, сказано в книгах. Но король Марки не оставил никому из своих уцелевших бойцов и мига для горестных раздумий. Наспех собранный совет решал недолго, и сотники объявили королевский приказ: оставив на попечение местных пастухов всех раненых, бросить обозы, посадить на коней уцелевшую пехоту — и скорым аллюром уходить к Эдорасу. Стало ясно, что потерян весь восточный Рохан. Уже помчались вперед гонцы — поднимать народ; ополчению было назначено собираться у столицы...

Хоббит не удержался от слез, когда воины Марки расставались со своими ранеными. Суровые пастухи Эмин Муйла (нагорье было мало-помалу заселено после окончания Войны за Кольцо) осторожно, на руках уносили стонущих людей куда-то во мрак; на лицах у всех хоббит читал обреченность, но и решимость. Иные тяжелораненые, чувствуя конец, просили товарищей избавить их от мучений — этого зрелища Фолко выдержать уже не смог, отвернулся, зажал уши, хотя люди умирали молча, не позволяя себе даже предсмертного стона.

Король не дал своему войску ни секунды отдыха. Приведены были заводные кони, выпряжены все лошади из войскового обоза, и вот в первых лунных лучах уцелевшая часть воинов Марки двинулась, в свою очередь, на прорыв — к Элорасу, а может, и дальше...

А за их спинами раздалось донесенное предателем-ветром грубое, но исполненное ликования пение. Воины Олмера праздновали победу.

Глава 10

ИСЕНСКАЯ ДУГА

Прошла ночь — и на утро сморило даже самых крепких. Скомандовали привал — короткий, потому что на плечах висела погоня. Однако Всадники Марки были дома, в своих горах: они шли знакомыми тропами, и пока преследователей слышно не было.

Воины молча валились на землю, побежденные сном. Не спали только король да его Маршалы и самые стойкие, что по доброй воле встали на стражу — поберечь сон товарищей. Хоббит, плюхнувшийся прямо в кучу сухого папоротника, тотчас провалился в дрему — однако битва отпустила его далеко не сразу. Фолко терзали кошмары: лилась кровь, рушились стены, сверкали мечи, — а он ничего, ничего не мог уже сделать, он упустил свой шанс!

Часа через два их разбудил сотник, превратившийся за вчерашний день в командира пяти измученных десятков.

— Да ты поседел, брат хоббит, — глухо вымолвил другу Торин.

Фолко невольно провел ладонью по слипшимся, давно не знавшим хорошей бани волосам. В Хоббитании он привык держать свою густую шевелюру в отменном порядке — покрасоваться перед девушками, особенно молоденькими...

— И что ж теперь, други? — рискнул он нарушить молчание, когда они собрались все вместе: он, Малыш, Торин, Атлис, Амрод, Беарнас и Маэлнор; эльфы не оставили своего раненого товарища, поклявшись во что бы то ни стало доставить его на Воды Пробуждения.

— Что теперь? — сплюнул Атлис. — Дрянь наше дело! Рохан, считай, потерян. Вождя не остановить. Ну разве что на Исене... Эдорас ведь не крепость. Зацепиться бы за Хелмское Ущелье — тогда можно дождаться помощи Арнора да Гондора.

— Ну с Гондором еще невесть что... — мрачно протянул Торин, и Атлис тотчас взбеленился:

— Что «невесть что»?! Минас-Тирита им во веки вечные не взять! Пусть они там хоть сто лет простоят!

— Вот они и простоят... пока всех нас тут не передавят. Тогда уж и Минас-Тирит не устоит.

— Но, может, Этчелиону удастся... — робко начал было Фолко, однако Торин резко перебил его:

— Этчелион!.. Ты что, еще не понял, что вся эта заваруха на юге, в Итилиэне, в Анориэне — это все лишь для отвода глаз! Главный-то удар — вот он, здесь! Он рубит тело Соединенного Королевства надвое, как мы и предполагали, кстати... Мы-то ушли на юг, а его молодцы уже скачут во весь дух к Исенским Бродам. Бьюсь об заклад — у Эдораса они если и задержатся, то ненадолго. Куда им спешить? Все равно, считают, им достанется. Не знаю, сможем ли мы опередить их... Вдобавок — помните Дунланд? Как бы Вождь наш не приказал им через улагов занять Броды... а заодно, если удастся, и Хелмское Ущелье.

— Все равно — будем драться, пока живы! — стукнул кулаком Атлис.

— Будем, будем... Только вот что выйдет?

Оставшиеся тринадцать тысяч из двадцати пяти вступивших в бой уходили к Эдорасу. Легкоконные хазги их, конечно, настигли. Пошла знакомая еще по походу Отона война — засады, внезапные удары — и отход. Однако уже на третий день скорбного отступления силы короля стали расти — в первом же селении к ним присоединилось человек сорок; здесь, оказывается, уже успели побывать черные вестники поражения; и мужчины, отправив в горные убежища детей и женщин, вышли к своему повелителю. Они уже знали, что враг наступает и силы его необычайно велики; и за оружие взялся и стар, и млад.

На пехоту в этом отступлении выпала тяжкая работа — прикрывать лагерь, служить опорой коннице. Звучала команда — и сотни охранения горохом сыпались с коней, мигом выстраивая стену щитов. И преследователи, все время наступавшие на пятки, не дерзали бросаться в открытый бой, предпочитая стрелы издалека. До мечей дело не доходило.

Войско короля оставляло позади себя выжженную землю. Сами роханцы, уходя с отступающими, запаливали дома и все имущество, которое не могли вывезти. Если истерлинги надеялись найти пропитание в предгорных поселениях, они жестоко ошибались. Им не доставалось ничего, кроме остывающей золы да груды головней.

И мало-помалу погоня начала отставать. Одни считали, что тем трудно стало с прокормом степных коней, но более дальновидные подозревали какой-то новый умысел коварного врага. К последним относился и хоббит; он по достоинству оценил расставленную Олмером ловушку, в которую угодило все роханское войско; от Вождя можно было ожидать любой самой изощренной хитрости.

Войско шло по богатой и красивой земле. Ухоженные поля, сады, аккуратные бревенчатые дома, обилие водяных мельниц на стекающих с Белых Гор серебристых ручьях. Хлеб Рохана славился на Западе почти так же, как его великолепные кони. И все это, созданное поколениями, рассыпалось пеплом; отступающие щадили только фруктовые сады. Дом можно было поднять за месяц — а на сад, бывает, не хватает и жизни. Они все-таки надеялись вернуться...

Четыре дня отступления — и перед остатками армии открылся Эдорас. Столица Рохана сильно разрослась и похорошела за три века мирной жизни, но все же видно было, что ее народ предпочитает вольную жизнь вдали от каменных громад. Эдорас был лишь резиденцией правителя да местом жительства знатнейших дворян Марки и отборных воинов королевской гвардии с семьями. Последние переходы все в отходящем войске со смертной тревогой всматривались в даль — но горизонт оставался чист, его не застилали дымные столбы пылающего города; вскоре подоспели и посланные из столицы гонцы.

Было не до радости: вести шли одна тревожнее другой. Не уничтожив, но основательно ослабив войско Марки и показав всем истинную силу своих армий, Олмер бросил все, что имел, в стремительный прорыв к Исенским Бродам и Воротам Рохана. Лавина вражеских войск шла севернее, кратчайшей дорогой через степи к южной оконечности Туманных Гор. Пока неболь-

шое преимущество в расстоянии еще сохраняли роханцы. Олмер вынужденно медлил, подтягивая силы из глубины, — выяснилось, что два некрупных передовых отряда врага, высланных далеко на запад сразу после битвы или даже еще до ее окончания, были перебиты воинами Марки; показала себя королевская гвардия, большая часть ее оставалась в Эдорасе как боевой запас на самый черный день, который наконец наступил. После уничтожения своего авангарда Вождь придержал рвущихся вперед воинов, этой паузой необходимо было воспользоваться.

К столице король Рохана вывел двадцатитысячное войско: к уцелевшим присоединились ополчения западных пределов Марки. И еще почти сорок тысяч бойцов собрались к Эдорасу со всех концов страны — все способные сидеть в седле и держать копье. К мужчинам присоединилось и тысяч пятнадцать молодых женщин-воительниц: традиции славной Эовейн, Победительницы Короля-Призрака, блюлись в Марке свято, и обращению с оружием здесь учили не только мальчиков.

Как и предполагал Фолко, король не стал задерживаться в Эдорасе. Роханская столица славилась не стенами, а гордой славой своих всадников, и выдержать в ней долгую осаду представлялось невозможным. Внешний обвод стен оказался и вовсе деревянным; каменные же, внутренние, были невысоки. Жившие в Рохане люди предпочитали доделывать заложенные самой природой крепости в Белых Горах, чем возводить их жалкие подобия в открытых для натиска с разных сторон предгорьях.

В горных ущельях, перегороженных высокими стенами, непробиваемыми для таранов, сейчас укрывалось все прочее население Марки. Король отправлял и небольшие отряды воинов в каждую из таких крепостей. За них беспокоились мало — врагу себе дороже станет выкуривать защитников оттуда; если вторгшихся удастся остановить на Бродах, а то и разбить — с подоспевшей арнорской или гондорской помощью, то вскоре будут отогнаны и осаждающие эти крепости отряды врага. Если же нет... Впрочем, об этом исходе старались не думать.

А вот хоббит думал, и думал неотступно, все время. Он ломал себе голову, пытаясь представить, что же надлежит делать, если армия Марки не удержится и на Исене. Тогда Олмеру откроется прямой путь к Арнору, Серой Гавани и... страшно вымолвить — к Хоббитании! Это сводило с ума, грызло день и ночь, гнетущая тревога и тяжкие мысли лишали сна и покоя; Фолко не находил себе места, за что бы он ни взялся, его сверлила неотвязная мысль: что, если Олмер все-таки прорвется, и что же должен делать тогда он, Фолко Брендибэк?!

Он поделился своими черными думами с друзьями.

— Я буду сражаться, — жестко ответил Торин. — Пусть Олмер

дойдет до Великого Западного Моря, я не покорюсь. И мои соплеменники тоже не покорятся. Правда, если у Вождя хватит ума купить расположение старейшин... Но меня-то ему не купить. Помнишь, Фолко, давным-давно, еще в Хоббитании или по пути в Арнор, не помню уже, мы говорили о том, кто раскачивает Средиземье? Мы давно узнали это, и с ним я буду драться, пока не отправлюсь в Чертог Ожидания.

— А не все ли тебе равно, какая власть будет в Арноре? — вдруг спросил Малыш. — Никто и никогда не смог ворваться в наши подгорные царства, я имею в виду людей-завоевателей. Да никто, по-моему, и не пытался. Это я не к тому, что нужно сдаться, но я дерусь, потому что мне это по душе, если сказать честно. Мне скучно стучать все время молотом! А ты — что за твоими высокими словами? Скажи мне это. — И Маленький Гном спокойно закурил.

Против опасений хоббита, Торин даже не повысил голос, отвечая:

— Я не стал бы спорить с тобой, Строри, будь это вторжение самым обычным, ведомым людьми, пусть и очень многочисленными. Но мы-то имеем дело с Наследием Тьмы! Не пойму я, почему ты об этом все время забываешь... Я тоже знавал Олмера, когда он был человеком, и не худшим из тех, кого я знал. Но теперь о нем пора забыть. Я вот уже давно забыл — и тебе настоятельно советую. Тьма, которая правит ныне этим человеком, бесспорно смелым и сильным, неизбежно подскажет ему такое, что все наши стычки с орками покажутся детскими играми. Кольцо рано или поздно подтолкнет его к жажде всевластия не только на земле, но и в ее недрах... Но позволь спросить тебя: разве тебе все равно, на чьей стороне сражаться?

— Не говори глупостей! — сверкнул глазами Малыш. — Мои симпатии всегда на стороне тех, кто подвергся нападению... и ты прав насчет Тьмы.

Отдохнув лишь один день в Эдорасе, роханская армия поспешно двинулась на запад, к Хелмскому Ущелью и Исенским Бродам. Вестфольдинги приободрились — приближались их родные места, где им был знаком каждый куст и каждый камень — и где легче было сражаться.

Позади остались двое суток бесконечной скачки — лишь свист ветра, да лунный свет, да усталые, злые крики десятников. Фолко еле-еле держался в седле; все тело мучительно ныло, но зато перед ними лежала Исена. Они успели. Там, позади, арьергард из отчаянно смелых сорвиголов схватился с накатывающимися передовыми полками Олмерова воинства, и Фолко знал, что из всех добровольцев, вызвавшихся на это обещающее почти верную гибель дело, король выбрал лишь сирот или тех, кто не был единственным сыном в семье... Места хоббиту были немного

знакомы — по их походу с Торином и Малышом к Исенгарду. За рекой виднелся торговый посад, где друзья когда-то познакомились с Хьярриди и Фарнаком; пристань осталась такой же, вот только купеческие корабли как ветром сдуло. Лишь качались несколько роханских ладей.

Кое-кто из роханцев полагал, что значительная часть войска засядет в Хелмском Ущелье, однако, хоть король и выделил для его обороны крупный отряд, главные силы ополчений готовились к открытому бою.

Один за другим полки переходили на западный берег. Исена куда уже Андуина — зато берега ее настолько круты, что вне проложенной дороги нужно было просто карабкаться по отвесным склонам. Естественные препятствия дополнялись рукотворными: король велел разломать все ветхие строения в посаде, все сараи и хибары и из набранных бревен соорудить заграждения на самых опасных участках.

— Опять они надеются не на мечи, а на стены, — проворчал Торин, когда к вечеру работы были окончены.

— А на что еще прикажешь надеяться? — еле ворочая языком от усталости, ответил Маленький Гном. — За арнорской помощью, я слышал, послано, но когда еще она придет, эта помощь! А в Гондоре без перемен, говорят. — Маленький Гном быстро обзавелся великим множеством приятелей и поэтому был напичкан самыми последними новостями. — Этчелион, говорят, сдерживает Олмерово воинство в Итилиэне и Анориэне, но вот на юге... Болтают, что харадримы вышли к Поросу. Южный Гондор оставлен.

— Не может быть! — схватился за голову Атлис.

— Ну отчего же... с таким-то командиром южной гондорской армии скажи спасибо, что харадримы до Лоссарнаха не дошли! — буркнул Торин. — Какая уж тут гондорская помощь... Минас-Тирит бы уберегли.

Атлис скрипнул зубами и отвернулся.

Тянулась ночь; в лагере роханцев никто не спал. Даже Малыш с Торином, и те беспокойно крутились с боку на бок, то и дело вставая, подсаживаясь к костру и выкуривая уже которую по счету трубку. С противоположного берега вернулись разведчики; войска Олмера наступали безостановочно, из всего высланного вперед охранного отряда добровольцев вернулись лишь несколько человек...

По-прежнему оставался слеп и глух камень в перстне Форве, молчали и остальные мысли-чувства хоббита. На него словно набросили плотный серый мешок; оставалось только ждать рассвета да молить великого Манве ниспослать крепость роханским полкам!

А на восточном берегу Исены один за другим разгорались алые

пятнышки вражеских костров. Их было много, очень много, их никто и не думал прятать — Олмеру не было нужды скрывать свою силу. В завтрашнем бою он обязан был сломить сопротивление Марки — и устремиться дальше, на север, к Арнору и эльфийским крепостям. Оставался Гондор... но что до него Вождю! В назначенный срок он и до Минас-Тирита доберется.

«Вот, пожалели свои жизни — и что получили? — вертелись в сознании хоббита горькие раздумья. — Прав был Торин, предлагавший зарубить Олмера еще в лагере Отона, — и не обрушилось бы все это на Средиземье... Умирать, конечно же, страшно и жуть как не хочется, но вот мы выиграли год, и кто знает, доживем ли до завтрашнего вечера? Только теперь-то умрем, почитай, без всякой пользы...»

Настало утро. Над шеренгами пехоты вился парок; проминали коней всадники; разносились запасные пуки стрел и дротиков; и из уст в уста передавался королевский приказ — стоять насмерть! Отступление — гибель всего роханского королевства. Можно отстроить города, но никто не воскресит умерших...

— На что они надеются? — шепотом, чтобы не услышали соседи по строю, спросил хоббит у Торина. — По-моему, надеяться нам уже не на что. Не простоят же они на этой реке месяц!

— Кто их знает, если не наделают глупостей, может, и простоят, — без тени иронии ответил Торин. — Главное — вперед дуром не кидаться...

Фаланга вестфольдингов занимала самое опасное место — преграждала путь врагам по дороге, что вела с востока. Здесь в теле холмистой цепи западного берега зиял широкий разрыв, через который и проходил древний тракт, ведущий на север, к Исенгарду, и на северо-запад — через Энедвэйт и Минхириат к Арнору. Сейчас когда-то наезженной дороги более не существовало: поперек нее возвели ощетинившуюся острыми рогатками баррикаду. Мост разобрали; лишь кое-где из воды торчали острые обломки опор.

Строй роханского войска растянулся миль на двадцать, вдоль всей Исенской излучины. Арсеналы Эдораса были опустошены — и каждый воин имел по два лука и вдосталь стрел. Никто не мог сравниться с хазгами в умении вести бой стрелами — но конных лучников у короля Марки было куда больше, и, как понял хоббит, роханцы не собирались повторять своей ошибки на Андуине, когда дали врагу спокойно переправиться, не сделав попытки превратить в беспорядочную свалку бой на самой кромке берега, не атаковав незамедлительно, как поступил бы на месте их командиров Атлис.

Товарищи хоббита по строю молча вставали на свои места. Лица у всех были сумрачны, разговоры умирали сами собой. Еще жива была надежда, что они сумеют устоять, защитят от разоре-

ния хотя бы самые западные роханские выселки, чтобы потом начать строить свое королевство заново. За спинами воинов теснились тележные таборы — народ словно вспомнил свою юность, когда он двигался по бесконечным восточным степям, упрямо пробираясь на запад...

Над восточным горизонтом поднялся солнечный диск; на сей раз ветер оказался союзником роханцев — он дул с запада и дул сильно. Но, быть может, Олмер не станет атаковать, дождется более благоприятной погоды?

Но, очевидно, Вождь не мог ждать. Он очень спешил; и едва успели рассеяться утренние тени и неяркое солнце осветило узкий проход Роханских Врат, как на левом берегу зачернело от воинов, выступивших на гребень холмов.

На сей раз Всадникам Марки не было нужды ждать: тысячи стрел в один миг сорвались с туго натянутых луков, и сразу же, не мешкая ни секунды под ураганным обстрелом, вражеские полки ринулись вниз, к реке.

Фолко не знал, атаковал ли Вождь на всем протяжении Исенской Дуги или битва разгорелась только у дороги, да и не до того ему было. Вождь пустил в ход нечто новое, невиданное еще в этой войне — полки странных невысоких воинов в кожаных доспехах и их подручных — огромных зверей, впервые замеченных во время отступления к Эдорасу. Они походили на волков, дорослих до размеров тигра, на их мощных шеях сверкали шипастые ошейники, грудь многих защищали фартуки с нашитыми костяными бляхами. Грозный рык сотряс воздух; испуганно заржали и заплясали кони.

Удивляться или вопить от страха времени не оставалось; густо стоящие на западном берегу лучники ответили ливнем стрел, рычание смешалось с жалобным визгом. Тигроволки — серовато-палевые, с короткой шерстью, бесхвостые — с разбегу кинулись в поток, легко преодолевая сильное течение реки. Вода подернулась рябью, как в сильнейший дождь, от беспрерывно пронзающих ее стрел; иные звери тонули, оставляя вокруг себя быстро исчезающие розовые пятна, другие же, даже раненые, с несколькими торчащими из спины и боков древками, выбирались на берег и, не отряхиваясь, кидались вверх по дороге, разевая пасти, прямо на роханский строй.

К чести воинов Марки, ни один из них не дрогнул. Закушенные губы, побелевшие костяшки пальцев, сжимающих копья; лавина зверей докатилась до баррикады, массивные тела взмыли в исполненных кровожадной грации прыжках — чтобы опуститься на копья.

Благодарение метким стрелкам Марки! Их стрелы вносили настоящее опустошение в ряды атакующих чудовищ; едва ли не половина их легла, так и не дорвавшись до вожделенных жертв. Однако те, кто сумел дорваться...

С вражеского берега открыли губительный огонь лучники; поэтому Вождь стянул сюда почти всех хазгов. В ответ роханская пехота прикрылась наспех сколоченными щитами, достаточно легкими, чтобы их можно было переносить, и достаточно прочными, чтобы стрелы атакующих бессильно застревали в них. Особенного урона фаланга роханцев пока не понесла.

Ее первые ряды насмерть схватились со зверьем, и здесь уже счет пошел один к одному. Специально выдрессированные твари все-таки не погибали, не захватив с собой хотя бы одного из воинов Марки.

Это была ужасная бойня. Копейщики старались увернуться от бросавшихся с размаху на них страшилищ, и если это удавалось, в бока твари впивались сразу пять-шесть, а то и больше копий; но и бьющийся в агонии зверь часто ухитрялся подмять мощными лапами кого-то из своих убийц, оказавшегося ближе других, и, издыхая, сомкнуть челюсти на горле человека. Не спасали даже доспехи: если зубы тигроволков и не разгрызали сталь, то ломали кости.

У хоббита и гномов не было копий, и их отодвинули во второй ряд; они, разумеется, не бездействовали, почти опустошив свои колчаны.

Первую атаку роханцы отбили, хоть и с немалой кровью. Весь берег был завален телами утыканных стрелами зверей; те из тварей, что были ранены, как могли, ползли прочь, и жалобный их скулеж казался почти человеческим плачем.

За зверями хлынула вражеская пехота; послушно умиравшие по воле пославших их тигроволки сумели дать истерлингам время для переправы, пока было не до них. Однако первый приступ оказался неудачен. Справа и слева от дороги склоны были слишком круты — там врага отбросили легко; в центре же пехота Марки не стала ждать, пока панцирники противника развернутся в боевые порядки, а стремительно атаковала сама.

И что оказалось донельзя обидно для хоббита — его в эту атаку не взяли. Строгий приказ сотника в один миг превратил его в старшего над двумя десятками лучников, прикрывавших левое крыло фаланги. Он разлучался с гномами и Атлисом — зато с ним пошли Амрод и Беарнас.

С высоты хорошо было видно, как с дружным боевым кличем роханцы ударили по смешавшимся истерлингам и опрокинули их обратно в реку. Но через Исену перебрались — кто на чем — новые и новые десятки воинов Олмера, медлить было нельзя...

И хоббит, удивляясь сам себе, заорал, срывая голос, на оказавшихся у него под началом людей: он командовал поправку на ветер, стрелы рвались кучно, и на противоположном берегу пада-

ли и падали люди... Сами стрелки укрывались за большими, наспех сколоченными щитами.

Истерлинги вступали в бой разрозненно и несли тяжелые потери; их атака захлебнулась в крови — и рога на восточном берегу заиграли отход.

По западному берегу прокатился крик ликования.

Однако передышка оказалась недолгой. Бой разгорелся на других участках дуги, где стояла спешенная роханская конница, не так хорошо, как вестфольдинги, умевшая драться в плотном строю. Что там делалось, Фолко разглядеть не мог, лишь видел темные потоки воинов Олмера, перебравшихся через реку и завязавших бой на приисенских кручах.

Весь первый день армия Олмера наносила на первый взгляд бессистемные удары в разных точках Исенской Дуги, словно пробуя на прочность оборону вестфольдингов. В бой шли совсем неведомые хоббиту племена — высокие, курчавоволосые, сражающиеся огромными топорами, подобно гномам, и сучковатыми палицами, вырезанными из такого прочного дерева, что в нем застревали мечи и копья. Ни истерлинги, ни ангмарцы в рукопашную не вступали, появились ближе к вечеру отряды хеггов и ховраров, памятных еще по битве на Андуине; но и они были отброшены. Вестфольдинги прочно держали берег, и хоббит не раз видел в первых рядах сражающихся две коренастые фигуры своих друзей гномов.

Лучники Марки, как могли, помогали своим. Мальчишки-подносчики только успевали подавать новые и новые пучки стрел. Вести перестрелку с хазгами, засевшими на высотах противоположного берега, оказалось куда как непросто: смертельная игра, завораживающая и притягательная, к сожалению, сплошь и рядом оборачивалась тяжелыми потерями. Хазгам мешал ветер, но меткости у них не убавилось, и несколько роханских лучников погибли. Понесли урон и хазги — у них защиты не было совсем, только небольшие круглые щиты, что хороши для конного боя, но не для долгой перестрелки.

Смерклось. Ни один враг не закрепился на западном берегу Исены; остались лишь мертвые. Выставив тройную стражу, роханские воины отошли к кострам, не расстегивая доспехов.

Ночь оказалась неспокойной. Откуда-то издалека, то с севера, то с юга, едва слышно доносились лязг оружия и бранные крики — битва не стихала и после захода солнца. Конные отряды роханцев то и дело срывались с места и галопом устремлялись к месту очередной вражеской атаки.

Трижды вспыхивал бой и у дороги. Под покровом темноты — благо ночь выдалась безлунная — враг настойчиво искал лазейки в боевых порядках вестфольдингов. И первый раз пробравшимся на западный берег степнякам удалось беззвучно взять в ножи ча-

совых; череда темных фигур стала тянуться через реку, когда их заметил конный патруль. На сполошный крик заметившего опасность всадника из мрака вынеслась смертельная хазгская стрела, но свое дело погибший сделать успел. Повскакавшие вестфольдинги, тесно сбив щиты и выставив копья, ударили на Олмеровых удальцов, во мраке было не разобрать, какого они племени. Как из-под земли, с рычанием бросился на вестфольдингов с десяток злобных тигроволков, завязалась жестокая схватка.

Спустя несколько минут подоспели конные лучники, запылали смолистые костры на вершинах, послышались свист стрел, вопли умирающих там, внизу, под крутым берегом, а другая часть конников ударила переправившимся во фланг.

Кровавая схватка закончилась, когда полег последний враг; роханцы насчитали две сотни вражеских тел и, увы, почти сорок своих. Фолко вновь оказался вне строя.

— Лук! Лук все решит! — сердито втолковывал ему седоусый сотник. — Ты, половинчик, стрелы мечешь, как вышивальщица узор на ткань бросает. Что ни стрела — то по месту. Стой где стоишь и целься получше, а для строя — там других хватает!

— На Андуине я дрался наравне со всеми, — с гневной обидой ответил хоббит, сжимая кулаки. — И не могу сказать, чтобы в чем-то уступал другим!

— Никто и не говорит, что ты плох! — примирительно поднял обе руки ладонями к хоббиту сотник. — Просто как лучник ты лучше. Ты даешь поправку на ветер — и тогда полсотни наших бьют куда точнее. Теперь ты понял?

Как ни странно, люди быстро признали за невысоким стрелком право командовать ими. Умение хоббита дать всем верный прицел вызывало уважение, ему повиновались охотно.

До утра Фолко так и не сомкнул глаз. После того, как отбили первую вылазку, он ринулся отыскивать своих — как там гномы и Атлис, целы ли? По счастью, все обошлось, и он собрался было назад, если бы не ощутил внезапного головокружения и острых, горячих толчков крови в висках, готовых вот-вот разорваться под ее напором. Ноги стали как ватные, он почти рухнул на землю, сдавливая голову ладонями; и сквозь багровый туман к нему пробился невообразимо далекий голос принца Форве:

— Где ты, Фолко, где ты, слышишь ли меня? Откликнись!

— Слышу, принц, но... очень больно... дурно... Что со мной?!

— Потерпи, прошу тебя, это плата за наш с тобой разговор, мне сейчас тоже несладко. Это все от близости Олмера, его сила глушит все дальние мысли... Расскажи: что происходит у вас?

— Мы разбиты на Андуине... Рохан оставлен, мы стоим на Исене. Сегодня отбились, но что будет завтра?.. У Олмера — пропасть полков, нас могут просто задавить. Гондор сражается, но

он окружен с севера и юга. Харадримы вышли на Порос, за Анориэн и Итилиэн идет тяжелый бой.

— У нас воеводы Олмера взялись за дорвагов, — услыхал хоббит сквозь пелену боли голос принца. — Те не усидели-таки в своих лесных крепостях, пошли походом на Цитадель Олмера На ее рубежах идет бой, и это хорошо, может, не все силы, что Вождь собрал на Востоке, будут направлены против вас... Серединное Княжество готово к выступлению, но медлит — их жрецы нащупали такое, о чем и сами сказать не могут... Существует какая-то опасность, связанная с их выступлением: чуть ли не нарушится всеобщий миропорядок. Я бы объяснил тебе подробнее, да сам толком не знаю... Но как же вас так разбили?

В нескольких словах хоббит передал принцу суть последних событий. Он едва успел выговорить последнюю фразу, как с острой вспышкой боли связь прервалась.

Некоторое время Фолко очумело крутил головой, пытаясь привести мысли в порядок. Молодцы дорваги, все же убедил их Келаст! Солоно придется Цитадели! Там ведь ни стен, ни бастионов, а войско у дорвагов отменное. Эх, сюда бы их!.. Что ж, если дело обернется совсем худо здесь, на Западе, быть может, удастся уйти на восток, драться там...

Наутро, когда фаланга вестфольдингов вновь выстроила боевой порядок и лучники заняли позиции на ее крыльях, Фолко услышал от сотника некоторые подробности минувшей ночи Армия Олмера атаковала на севере и на юге, пытаясь прорваться за Исену в предгорьях Туманных и Белых Гор. Вовремя переброшенная на фланги конница Рохана отбила все атаки. Стало ясно, что Олмер хочет растянуть и без того довольно неплотные ряды воинов Марки, заставить короля направлять свои запасные полки то на одно крыло, то на другое, чтобы окончательно запутать противника, а потом нанести неожиданный мощный удар в одном месте и прорваться на другой берег. Оказалось также, что несколько отчаянных храбрецов из числа королевских гвардейцев под покровом ночи пробрались на восточный берег и принесли малоутешительные вести о том, что с востока к Олмеру подходят и подходят свежие силы; все пространство восточной части Врат Рохана заполнено воинскими лагерями.

Ряды роханцев стыли на холодном ветру. С чего начнется сегодняшний день? Вчерашний подарил новую надежду — что они выдержат, сумеют отбиться, и среди воинов Марки слышались и смех, и оживленные разговоры. Павших, по счастью, за вчерашний день оказалось не так много; враг потерял самое меньшее впятеро больше. И мало кто решался признаться себе, что вчерашний успех — ничто; что потери врага уже возмещены подошедшими подкреплениями, а вот своих погибших заменить уже

некем. Все, до последнего человека, силы Марки были собраны на Исенской Дуге.

Фолко томился бездельем посреди своих лучников. На том берегу было пусто и мертво, словно и не стояло никогда там могучих ратей. Где сейчас неистовые истерлинги, где несравненные стрелки хазги?

Под вечер показавшегося бесконечным дня пришли тревожные вести. Роханцы еле-еле отбились на юге, где враг второй день не прекращал попыток прорыва. И вновь, когда большая часть сил короля Марки отправилась к Белым Горам, враг начал наступление в отрогах Туманных Гор. Прискакавший вестник передавал подробности: воины Востока рвались вперед, не жалея себя и не считаясь с потерями; им удалось занять гребень правого берега реки; малые силы конных долго не могли выбить их оттуда. И все же немалой ценой роханцы сбросили переправившихся в Исену, почти запруженную телами.

Последнее оказалось правдой. Через несколько часов река действительно понесла на себе чудом не утонувшие трупы... Фолко больше не мог пить воду из нее, хорошо, что с гор стекало множество мелких речек, пехотинцам исправно подвозили бурдюки.

Так прошел второй день Стояния на Исене; войско Марки стойко держало оборону.

Ночью схватки разгорелись с новой силой. Воины многих восточных племен, взметенные волей Короля-без-Королевства и ушедшие в дальний поход на запад за добычей, до самого рассвета пытались сбить роханцев с гребня. Тьма мешала стрельбе, многим удавалось переправиться невредимыми; в бой вынуждена была вступить фаланга. Разделив вестфольдингов на четыре полка, Брего сдавил как тисками прорвавшихся, сбив их в кучу возле баррикады на дороге. На восточный берег вырвались единицы.

— Вождь берет нас измором, — хрипло выдавил из себя Торин.

Гном ожесточенно тер покрасневшие от бессонницы глаза. Сменить пеших воинов не мог никто, конники сами не слезали с седел. У Олмера же хватало подменных полков.

Пошел третий день, и все повторилось сызнова. Дважды враг бросался в атаку и по дороге дважды его отбрасывали, второй раз — уже большой кровью. Пополненная было в Вестфоле пехота заметно редела.

Для Фолко стало ясно, что подхода помощи они здесь не дождутся. Еще два-три, ну, может, четыре дня — и заслон сломается.

Олмер не дал спать роханцам и ночью. Однако хегги шли в бой вяло, уже наученные потерями; стоило надавить, и их нестройные сотни рассыпались, бросаясь вплавь назад, через Исену. Многих нашли в воде меткие роханские стрелы, но результат, как

понял Фолко, стоил потерь — вестфольдская пехота уже с трудом держала строй. Сказывалась усталость.

Четвертый день. У Фолко уже начинало путаться в голове; как заведенный он стрелял, стрелял и стрелял по кажущимся бесконечными волнам врага, с редкостным упорством катящимся с противоположного берега. Начинали истощаться казавшиеся неисчерпаемыми запасы стрел; уже к вечеру лучники бродили окрест в поисках вражеских стрел, сыпавшихся столь же щедро.

Долго это противостояние продолжаться уже не могло. Ждать подхода арнорского войска — безумие, хорошо, если Наместник только-только выводил свои полки к Пригорью... По мысли Фолко оставалось только одно — отступать, пока еще есть силы и потери не так велики. И там, уже на Арнорской земле, среди мощных и многочисленных крепостей, дать решительное сражение. Степная дорога коротка — что стоит Олмеру в четыре-пять дней перебросить из-за Андуина свежие полки! В Арноре ему придется потяжелее. Потери там он уже не восполнит.

Но король Рохана решил по-другому. И ночью всем было приказано спать, оставив только небольшое охранение, чтобы не застали врасплох. Гонцы привезли приказ о ложном отступлении.

— Нас перебьют до последнего, — только и бросил, сплюнув, Торин, выслушав приказ сотника.

День пятый. Ему предшествовал кровавый, на полнеба закат; и после необычно спокойной ночи, едва рассвело, пехота вестфольдингов изготовилась к бою. Никто не мог знать планов врага, но все чувствовали — его войска тоже отдыхают, значит, быть общему штурму. На это и рассчитывали король Рохана и его Маршалы.

Ложным отходом завлечь на закатный берег Исены потерявшие при переправе строй войска Олмера, сдавить железными рядами стреляющей конницы и уничтожить. Ошибки, совершенной на Андуине, не будет. Врагу не совершить дальнего обхода, как в тот день... Далеко не все его полки бьются с равной доблестью и равным умением. Многие не страшны роханцам; многие, но не истерлинги, ангмарцы и, конечно, хазги.

Атаки врага пришлось ждать недолго. На высотах появились низкорослые степные стрелки, в долине, по обе стороны тракта, — щитоносная пехота, тащившая и большие плавучие мешки, чтобы легче было переправиться. Свистнули стрелы, на восточном берегу запели рога; подбадривая себя боевыми криками, ховрары кинулись в воды Исены.

Роханская фаланга не сделала обязательных в прошедшие дни шагов им навстречу. Строй молча ждал, выставив острое, алчно ждущее крови железо. Пусть их соберется побольше...

Армия Марки ответила лишь стрелами, но и то били с расчетом, помня о полупустых колчанах. Колючий ветер не остановил атакующих.

Оставляя тела в мелкой воде, ховрары выбрались на западный берег. Поднялись, закрывая первые ряды, широкие четырехугольные щиты, сине-черные, с намалеванными алыми рунами. Большинство лучников Марки опустили оружие, стреляли лишь самые меткие.

С лязгом и треском ховрары сшиблись с роханской пехотой; сшиблись и откатились, отброшенные, и вновь атаковали... Видно было, что у вестфольдингов, верно, совсем не осталось сил — они не могли даже сбросить врага в реку. И на помощь столь удачно начавшим дело ховрарам из-за холмов покатились новые и новые свежие сотни.

Исена вспенилась — так много врагов одновременно шагнули в воду; быстроногие хегги, точно муравьи, стали растекаться далеко влево и вправо, карабкаясь по склонам прямо на отряды лучников, оборонявших фланги роханского строя.

Фаланга вестфольдингов, дрогнув, подалась на десяток шагов назад. Враг отвоевал лишние сажени пространства на правом берегу, и на дороге с востока появились первые всадники.

Фолко не мог знать, что происходит сейчас на других участках двадцатилиговой Дуги, но был уверен, что Олмеру уже донесли о неожиданном успехе в центре и он, прекрасный полководец, не может не использовать этот шанс. Сейчас неминуемо пойдут в безнадежные атаки и стоящие на крыльях его войска полки — чтобы отвлечь роханскую конницу, не дать ей всеми силами ударить по прорывающейся в центре пехоте Вождя.

Вестфольдинги, как бы поддаваясь сильному давлению, отступили еще дальше от берега; теперь на свободном пространстве за спинами наседающих хеггов и ховраров уже мог развернуться не очень крупный конный отряд.

Но тут первые из лезших на кручи хеггов добрались наконец до излома скатов; хоббиту и части лучников пришлось взяться за мечи. Нет смысла тратить ставшие драгоценными стрелы — умирая, хегги сваливались вниз, где нельзя было даже выдернуть стрелу из тела.

И, взявшись за мечи, лучники Марки тем не менее помнили строгий приказ и, посопротивлявшись для вида, начали постепенно отходить, сберегая силы и жизни своих.

Врагу принадлежал уже обширный кусок западного берега; атакующие оттеснили вестфольдингов даже от баррикады; с визгами помчались вперед первые перебравшиеся всадники — истерлинги, а по дороге уже валом валили разнообразные войска, конница смешивалась с пехотой. Мелькнули и низкорослые хазги верхами. Похоже, Олмер и впрямь уверовал в то, что ему удастся заветный прорыв.

Переправлялся враг широко, как только позволял отвоеванный участок. К кручам приставляли лестницы; пехота брала пра-

вее или левее, освобождая место для конников, валом валивших напрямик по тракту.

Понимал ли враг, что его заманивают в ловушку? Все говорило за то, что полководцы Олмера увлеклись наметившимся прорывом в центре; но, с другой стороны, один раз, на Андуине, роханские стратеги уже просчитались; и если Олмер сознательно бросал полки в расставленную западню, это значило, что у него уже готов контрплан — то ли вновь последует удар с неожиданного направления (хотя на сей раз ударить вроде бы неоткуда), то ли Вождь рассчитывает на многочисленность своих войск, полагая, что на них уже не хватит никакой роханской засады... Подобные мысли неотвязно преследовали Фолко: уж слишком все шло гладко, враг послушно сунулся в настороженный капкан, и сунулся, как медведь, не когтем, а всей лапой.

Добрая миля берега оказалась уже в руках Олмера. Его пешие воины пытались расширить занятый участок, но натолкнулись на подоспевших роханских конных стрелков и, не успев сбить строй, разбежались, не выдержав губительного ливня стрел.

Бой кипел на крыльях Олмерова прорыва, но основная масса его войск, подпираемая задними рядами, перла и перла очертя голову вперед, преследуя отступающую пехоту Марки, лучников и копейщиков, да немногих всадников, изо всех сил изображающих панику.

Фолко отбегал вместе со своими на тридцать-сорок шагов, останавливался, стрелял, тщательно выбирая цель — самых заметных и хорошо вооруженных воинов Вождя, — и снова отбегал. До мечей дело не доходило, так вот, обгоняя пеших, на простор заисенской равнины вырвались конные стрелки — истерлинги, и началась жаркая схватка.

«Пошлет Олмер в бой ангмарцев и главную силу хазгов — значит, уверовал, что прорыв его войск не подстроен», — отбиваясь мечом от шального хегга, оказавшегося далеко впереди своих, успел подумать хоббит; руки не требовали вмешательства сознания: глаза видели не только противника, разум же старался уяснить, что происходит на всем поле, а не только под носом.

С этим хеггом Фолко рубился долго — враг был немал ростом, и хоббит то ли от усталости, то ли еще почему-то никак не мог подобраться достаточно близко; его противника походя срубил один из воинов его двух десятков — и, подняв голову, Фолко увидел скакавших по полю ангмарских арбалетчиков. Ударная сила, гвардия Олмера! Самые верные, сильные и упорные, верящие в него, как в Бога.

Если уж они посланы в бой — значит, Олмер уверовал в победу. Но что это? Рядом с ангмарцами плотной массой накатывался строй низкорослых, похожих на гномов воинов с кривыми мечами и короткими толстыми копьями... Неужто?!

Урук! Урук! Вар хай урук-хай!

«Всемогущий Эру, орки Сарумана! Ну, держись, ребята!»

Подражая вестфольдингам своим плотным строем, большой отряд здоровенных орков мчался прямо на застывшую и качнувшуюся вперед — чтоб не попятиться от удара — роханскую фалангу. Лучники нашли наконец себе главную цель.

Яростная битва разгорелась по всей Дуге, с трудом удерживаемой воинами Марки. Почуяв успех, враги давили как безумные. Все новые и новые отряды появлялись на западном берегу, все с большими трудностями и потерями сдерживали их роханцы.

Юноша-подносчик бросил хоббиту толстый пук стрел.

— Последние! — крикнул он и соскочил с коня, вытаскивая свой еще не взрослый меч и становясь рядом с хоббитом.

К полутора сотням лучников, что стояли изначально на правом крыле роханского боевого порядка возле переправы и где были два отданных под начало Фолко десятка, прибились еще сотни две воинов — кто из потерявших коня всадников, кто из отбившихся от главного строя пехотинцев; орки сцепились с фалангой, а на товарищей хоббита выпало грудью встретить удар ангмарцев.

Их командир совершенно правильно нащупал самое слабое место в боевых порядках воинов Марки; здесь было мало копейщиков и щитоносцев, а лучники... что ж, победа стоит потерь.

На сжимающийся строй во весь опор мчалась ангмарская кавалерия. Вились черные плащи, клич «Анг-мар! Анг-мар!» перекрыл грохот боя; хоббиту на миг почудилось, что он вновь на поле под Аннуминасом.

Однако это был не Аннуминас. Это была Исенская Дуга, и не стоял рядом несокрушимый хирд, не вздымалась стальная щетина копий; три с небольшим сотни мечников и стрелков — против нескольких тысяч ангмарцев. Вал конских морд близился, близился, копыта пожирали степь, и первые ряды атакующих уже подняли арбалеты...

— Два пальца влево, бей! — что есть мочи заорал Фолко, давая своим поправку на ветер, и отпустил тетиву.

Никогда, ни до, ни после, не стрелял Фолко быстрее и лучше. Он забыл об оружии в своих руках; смерть словно сидела у него на подтянутой к уху руке. Подобно тому, как замедлилось все в бою у Болотного Замка, так и сейчас время услужливо приостановилось, и он успевал все. Рука тянула тетиву, отпускала, тотчас набрасывала следующую стрелу, а глаза уже намечали очередную цель — и вновь визг сорвавшегося оперенного древка и звонкий удар тетивы по иссеченной сотнями подобных ударов рукавице на левом запястье...

Ангмарцы скакали и падали. Валились кони, валились люди, точно сама Смерть ткнула в них своим костлявым перстом. Счи-

танные сажени оставалось проскакать передним, чтобы врубиться наконец в кучку дерзких...

Но они их не проскакали. Первые десятки конников, уже натянувших тетивы арбалетов, выбило начисто; валящиеся лошади заставили коней, мчавшихся за ними, прыгать, чтобы не свалиться самим, и первый залп арбалетчиков пропал, считай, даром, а второго уже не смогли дать слишком многие из тех, кто разрядил свое оружие...

Двенадцать стрел в минуту обязан был выпустить мастер стрелкового боя, желая подтвердить свое звание. Этот рубеж многократно превзошли почти все, кто оказался в тот день рядом с хоббитом, и их стрелы не пропали даром — казавшийся несокрушимым, неодолимым, клин ангмарцев рассыпался, разбился точно так же, как под толстыми арбалетными болтами тех самых воинов Олмера некогда рассыпались плотные ряды арнорских панцирников...

Воины Ангмара в беспорядке отхлынули в стороны. И тотчас, будто их отступление послужило общим сигналом, пошли в давно заготовленную атаку ждавшие все это время запасные роханские конные полки.

Король держал их в резерве, несмотря на то, что гибла пехота Вестфольда, грудью остановившая напор главных сил врага; хотя полегли очень и очень многие из тех, кто сдерживал воинство Вождя на крыльях роханского войска, изогнувшегося подобно тугому луку. Свежая конница дождалась своего часа; пришел час платить за поражение на Андуине. Сегодня та неудача не повторится. Вражеского обхода не будет. Полки Олмера в ловушке, им некуда деться; их отрежут от берега и собьют в кучу, как лесных зверей при облаве...

Сверкающие потоки роханской конницы устремились из-за скрывавших их до времени холмов прямо вдоль берега Исены к дороге, отрезая врага от реки, лишая единственного пути отхода. Лучшие воины Вождя — ангмарцы, хазги, истерлинги — все увязали в плотных, гнущихся, но упрямо держащихся шеренгах роханского войска, и сразу броситься на защиту собственных флангов они не смогли; второпях выдвинутые вперед второсортные резервы были сметены первым же ударом стреляющих всадников, одинаково хорошо умеющих бить на скаку из лука и играть копьем в ближнем бою. Пехота Олмера не успела сомкнуть ряды, а где и успела, их расстроил ливень роханских стрел — последних, с трудом собранных «по сусекам» оружейного обоза. Темные фигурки пехотинцев Вождя бросились врассыпную; не прошло и нескольких минут, как северный и южный отряды роханцев соединились возле оказавшейся в глубоком тылу врага баррикады на тракте.

Так многочисленность переправившихся войск Олмера из их

преимущества превратилась в помеху — в полную силу могла сражаться лишь четверть. Фолко видел королевское знамя Рохана, глубоко врезавшееся в ряды орочьего строя; сейчас, сейчас полки всадников Марки рассекут сбившихся беспорядочной кучей воинов Олмера — и начнется разгром...

Враги заметались в кольце; основная масса шатнулась назад, к реке, но в спины им ударили остатки вестфольдской пехоты и поддерживающие ее конники; дорогу вправо и влево быстро загораживали выводимые из роханских лагерей длинные вереницы возов; король послал в бой всех, вплоть до последнего погонщика. Над полем повис страшный, смертный стон избиваемых, стиснутых, почти повсеместно потерявших строй и боевой порядок воинов Вождя. Роханская Марка была в одном шаге от величайшего триумфа в своей истории...

Сперва никто не понял, что произошло. Где-то на левом крыле воинства Марки вдруг поднялась какая-то суматошная неразбериха, раздались чьи-то неразборчивые боевые кличи. Сердце хоббита прыгнуло, как мяч, вновь, как и в минуты победного натиска на Андуине, восторг сжал горло... и тут строй воинов Рохана, сжимавший кольцом полки Олмера, не выдержал. Там, на левом крыле, конница неожиданно подалась в стороны, в боевом порядке воинов Марки появилась широкая брешь. В бреши замелькали шеренги невесть откуда взявшихся пеших воинов с большими, похожими на корыто щитами. Мгновение, и память нашла ответ: дунландцы!

Долгие века они ждали этого часа, жители неприметной страны у отрогов Туманных Гор. Ждали, копили силы, ненависть и боевое искусство. Они не забыли обид, что потерпели от роханцев, неважно теперь, подлинных или мнимых, не забыли битвы у стен Хорнбурга. Хоббиту вспомнились слова Олмера: дунландцы презирают потомков тех, кто принял жизнь из рук короля Теодена. Еще в первом походе Олмера на Арнор дунландцы попробовали мечом и копьем крепость вражеского строя; хирд оказался им не по зубам, но здесь, похоже, дунландцы брали реванш за все свои неудачи.

Они шли плотно, явно подражая хирду. Никто не мог сказать, откуда они взялись здесь, — то ли это был хитрый маневр Олмера, то ли сами горцы по собственной воле отправились делить с Вождем кровавую жатву, однако главное дунландцы сделать успели — кольцо роханских войск было разорвано, хазги и ангмарцы устремились в брешь.

Конница хороша, когда ей есть где развернуться; в образовавшейся сутолоке конники Марки оказались охвачены со всех сторон многочисленной и упорной пехотой врага. Тайно собранные вблизи бранного поля полки дунландцев мертвой хваткой вцепились в роханских конников; копья не знали отдыха, и оцепенев-

ший от ужаса хоббит увидал, как море врагов поглощает одинокие рифы еще сражающихся конных сотен левого крыла.

Спасая своих, на север ударили отборные тысячи королевской гвардии Марки; сам властитель Рохана вел их, и один могучий Тулкас ведает, каким образом им удалось бросить своих бесценных коней на дунландские копья, ломая их строй, опрокидывая и давя сопротивляющихся, рубя и протыкая пытающихся спастись бегством и подставляющих спину. Роханский клин пробил дунландскую стену щитов — это было последнее, что видел хоббит, потому что стихший на минуту-другую бой на их крыле разгорелся вновь и он потерял из виду королевский штандарт Марки.

Оставшиеся к тому времени в живых лучники слили ряды с уцелевшими вестфольдингами; хоббит услыхал громовой голос Торина, окликающего его по имени, и вместе с эльфами полез навстречу друзьям.

Они успели торопливо обняться — гномы получили краткий передых в соединенных рядах фаланги, уменьшившейся в числе, но по-прежнему непобежденной, — как на строй вестфольдингов рухнул тяжкий молот орочьего удара. С флангов, утративших защиту конницы, обрушились истерлинги.

Роханское войско прорывалось на север. Фаланга отходила, сжимая и сжимая ряды, несмотря на вражеский напор. Не было приказов, не стало управления; и принявший команду последний из оставшихся в живых сотников повел вестфольдскую пехоту на северо-запад, вслед за конницей, ища спасения под лесной защитой.

И, прокладывая себе путь через смертное поле, видели оставшиеся в живых бойцы роханской фаланги, как поредевшие полки всадников Марки, разрывая смертельные объятия врагов, устремляются на север. Дунландцы, сломав строй врага, продержались ровно столько, сколько нужно было полководцам Вождя для того, чтобы развернуть потерявшие строй войска, привести их в порядок — и атаковать. И сразу сказался их численный перевес; воодушевленные от неожиданного, но появившегося так вовремя союзника, воины Олмера смяли противостоявших им роханцев, попросту задавив их своей многочисленностью.

Однако остановить уцелевшие полки центра и правого крыла войска Марки оказалось непросто. На их дороге оказались отброшенные гвардейцами короля дунландцы, потрепанные, потерявшие множество своих; и мстя сразу за все, в том числе и за будущий триумф сегодняшних врагов, прорываясь к спасительным лесам, всадники Рохана разметали дунландский строй окончательно и пошли по телам.

Но уже смыкались руки-крылья Олмерова войска, мчались с визгами истерлинги, ангмарцы, хазги, напирали орки, вновь появились всадники с тигроволками на длинных ремнях; роханские

сотни щедро тратили последние стрелы, дорого продавая свои жизни, каждый шаг врагу стоил огромных жертв.

Королевское знамя вздрогнуло и исчезло среди моря конских и человеческих тел. Властитель Эдораса не стал искать дороги к спасению. Он принял смерть на поле, где похоронен был свободный Рохан...

Кольцо врагов сомкнулось. На упорно цепляющийся за жизнь четырехугольник вестфольдской фаланги ударили со всех сторон. Какое-то время роханские храбрецы еще находили в себе силы сопротивляться; но вот орки, не щадя себя, по телам своих мертвых дорвались до самой линии щитов — и в невообразимой рукопашной, где в ход пошли уже не мечи и копья, а кинжалы, кулаки и чуть ли не зубы, сломали-таки строй противника. Началась кровавая резня...

Однако всемогущая Судьба хранила друзей и в эти страшные минуты. Они сумели не потеряться; держались рядом все: и эльфы, и гномы, и Атлис. Бойня кипела повсюду, под ногами хлюпала кровь — но надо было выдираться, если они хотели жить. И Атлис, рыча, вцепился в древко отскочившего от его кольчуги копья, ярость гондорца была столь велика, что он одним движением вырвал хазга из седла. Тот покатился прямо под ноги Торину, гном взмахнул топором... Атлис швырнул поводья хоббиту.

— Добывайте коней! — рявкнул голдорец.

И когда на них наскочили трое ангмарцев, эльфы без лишних слов срезали их подобранными тут же на земле стрелами, а Торин с Малышом, приняв грудью выпущенные в упор стрелы двух хазгов, сполна отплатили лучникам. Теперь можно было прыгать в седла...

Им вновь повезло. На их пути оказались конные ховрары — неважные лучники. Те попали несколько раз в закрывавших друзей собственными телами хоббита и гномов, но мифрил легко отразил их стрелы, а друзья отчаянным натиском продрались сквозь ховрарские ряды — и внезапно очутились на свободном месте. Они вырвались за пределы вражеского кольца; рядом спасительной тенью чернел лес. Бессмысленно было возвращаться в безнадежно проигранное сражение; и они погнали коней к зарослям, вслед за другими роханцами, вырвавшимися из кольца врагов. Король Рохана ценой своей жизни проложил дорогу уцелевшей части своего войска. На поле боя еще гремело оружие, еще кто-то сопротивлялся, так и не сумев пробиться, но спасшимся приходилось удирать.

Дунландская доблесть! О тебе слишком долго не вспоминали. Горцы отомстили — и легли сами, но дело свое сделали. Последний рубеж обороны был прорван. Вождю открывалась прямая дорога на Арнор.

Глава 11

СЛОВО САНДЕЛЛО

Глухая чащоба. Овраг, дно устлано сухими травами. Кони привязаны к деревьям на склонах. Внизу, у груд желтого трескучего папоротника, собрались люди — человек сорок, может, даже пятьдесят. Высокое небо чисто, неяркое зимнее солнце скупо освещает глубокую ложбину. На небольшом костре жарится дичина, вокруг разложено разнообразное оружие. Царит тишина, лишь изредка, переступая с ноги на ногу, хрустнет сучком лошадь.

Уже пятый день уцелевшая половина роханского войска уходила от врага. Пятый день, как сотни посланных вдогон хазгов, волчьих всадников и орков обшаривали холмы и долины в поисках отставших небольших отрядов роханцев. Схватка неравная — врагов было стократ больше. Однако разбитые, частично рассеянные воины Марки не помышляли о сдаче: роханцы по-прежнему огрызались при первой возможности, забирая, сколько могли, вражеских жизней. Но как!..

Фолко сидел у костерка, обхватив колени. Схлынуло отчаяние первых дней; осталось холодное упорство, слитое с тяжкой, подсердечной ненавистью.

Его товарищи при первом удобном случае предают огню и мечу дунландские деревни; Фолко не мог одобрить этой бессмысленной жестокости. Роханцы не щадили никого, даже кошек и собак; почти вся дунландская пехота полегла в битве, в селеньях оставались лишь старики да молодежь; женщины молили о пощаде — тщетно; в глазах воинов Марки этот народ стал главным виновником гибели их армии и королевства — и они отводили душу. Не считаясь с опасностью того, что их заметят, роханцы жгли дома, резали скотину, убивая всех, кто подвертывался под руку; спрятавшихся, впрочем, не искали.

Умом хоббит понимал кровавую свирепость своих товарищей по оружию. В отряде не осталось человека, у кого не погиб или не пропал бы без вести друг, брат, сын или отец; их родина осталась в руках неприятеля, и они могли только гадать, что приключилось с их близкими, никто не знал, живы ли остатки их семей, те, что укрылись в горах...

Умом Фолко мог понять происходящее, но не простить. Его мутило от кошмарных кровавых сцен, свидетелем которых он стал; однако, как он ни отговаривал спутников, его не слушали; дело доходило до серьезных ссор. Роханцы тешили сердца кровной местью, и для того, чтобы наверняка остановить их, Фолко пришлось бы перебить весь их отряд.

Хоббит, эльфы и гномы, которым тоже претило убийство безоружных и бессмысленное разорение страны, пытались уговорить воинов Марки скорее покинуть эти места и пробиваться на север, откуда неминуемо должны были наступать многочисленные арнорские полки. Роханцы отвечали на все это полубезумным смехом. Фолко казалось, что многие просто повредились в уме от горечи поражения; они не хотели никуда уходить, они желали мстить, а на вполне резонные замечания Амрода и Беарнаса, что мстить должно только тем, у кого в руках оружие, следовала лишь черная брань. У Фолко начала зреть мысль об уходе из отряда. Однако после четырех спаленных деревень роханцы как будто бы несколько поуспокоились.

...Много было раненых, чудом спасенных с поля боя. Мало стрел, мало еды, мало лечебных снадобий; где-то неподалеку слышался гнусный звук орочьего рога. Враг был близко, но никто не торопился схватиться за оружие. В непролазную крепь орки не лезли — они не знали леса, боялись и не доверяли ему. Из-за каждого ствола могла ударить смертельная стрела — а воинам Олмера после великой и очень большой кровью доставшейся победы теперь вовсе не хотелось умирать.

Не хотели умирать и те, кто вырвался из жерновов битвы на Исенской Дуге. Они хотели дожить до того дня, когда последний враг будет выброшен из свободных земель Заката. Армия Марки была разбита. Мрак простер крыла далеко на запад, к берегам Великого Моря; но что им с того? Пока есть силы и дыхание, они будут драться. Говорили, что принц Эодрейд, сын короля, Первый Маршал Марки, вырвался живым со смертного поля и теперь собирает уцелевших.

Эофар, сотник, принял командование, и небольшой отряд, в который попали Фолко, гномы, эльфы и Атлис, решил пробиваться на север.

В небе над их головами, еле различимая сквозь ветви, косо пронеслась к земле небольшая черная точка. Ее можно было бы принять за птицу, но Фолко хорошо знал, что с птицами это существо имеет общего только крылья. Улаг снижался, отыскивая кого-то западнее, на всхолмленной равнине, упирающейся своим восточным краем в лес, который служил убежищем для хоббита и его спутников.

— Эофар, Эофар! — негромко окликнул Фолко сотника; тот медленно повернул голову, с трудом высвобождаясь из-под гнета черных дум. — Эофар, на равнину лезть нельзя — я видел крылатую ящерицу, это посыльные Вождя. Значит, на дороге крупный отряд.

Сотник уже оценил хоббита по достоинству. Его рассказ о корне этой войны, о двухлетней погоне за Олмером слушали, раскрыв рот; и теперь его авторитет стал непререкаем.

— Значит, пойдем лесом прямо на север, — решил предводи-

тель отряда. — Эй, вставайте, слышите вы! Давайте двигаться, пока нас не изжарили тут живьем!

Отряд потянулся на север, повернувшись спинами к полуденному солнцу. Ехать оказалось нетрудно, об их появлении врагов могли бы предупредить сойки, поднимавшие дикий гам, но у Вождя было мало лесного народа.

Примерно через час дорогу им преградил широкий степной язык. Справа от них он упирался в предгорные всхолмья, слева — впадал в бескрайнюю травянистую Минхириатскую равнину. Впереди виднелась деревня, по левую руку проглядывала дорога, пока пустая — но кто знает, что может появиться на ней через минуту.

— Смотрите! — поднял руку, призывая всех к вниманию, Амрод. — В деревне орочий отряд!

Сотник скомандовал взять западнее. Двигались сторожко, выпуская далеко вперед парные дозоры. Отряд шел в неизвестность; никто не знал, уцелел ли кто-то еще из Маршалов Марки, кроме Эодрейда, сколько осталось в живых после битвы, собирают ли где-то уцелевших... Пять десятков выживших просто уходили к Арнору.

На следующий день они едва сумели скрыться от прочесывающего местность большого отряда истерлингов и орков в добрых пять сотен мечей. Товарищи хоббита затаились в овраге, на всякий случай простившись друг с другом — если дело обернется так, что придется принять свой последний бой; и люди невольно схватились за мечи, когда, коротко свистнув условным свистом, к ним по склону скатился один из посланных в дозор воинов.

Однако тот принес землякам утешительные вести. Отряд врагов уходил на запад, вот-вот могла открыться дорога; зато прямо на секрет наскочили четверо каких-то подозрительных типов; сперва дозорные хотели положить их стрелами, приняв за врагов, но, поскольку вид их казался не слишком подходящим для Олмерова воинства, решили просто захватить. Караульные спокойно набросили на ничего не успевших сделать незнакомцев арканы и быстро связали их.

Фолко протолкался поближе. В окружении мрачных воинов Марки стояли, неуверенно переминаясь с ноги на ногу и встревоженно оглядываясь, четверо странных людей: почтенного вида седовласый старик, почему-то напомнивший хоббиту хрониста Теофраста, с чем-то напоминающим чернильницу у пояса, и безусый юнец, уже не мальчишка-подросток, но еще и не юноша, в темно-зеленой добротной одежде, ладных сапогах и с кинжалом в серебряных ножнах. Лицо его в обрамлении длинных, схваченных кожаным ремешком на лбу темно-русых волос показалось хоббиту странно знакомым, словно он уже встречал где-то этого парня.

Двое других казались братьями — высокие, поджарые, смуглолицые, так что и не поймешь, цвет ли кожи у них таков или они просто слишком долго пробыли на южном солнце. Одеты они были в одинаковые коричневые кафтаны с широкими черными поясами, на которых висели кривые сабли. В переметных сумах оказались книги, немного запасной одежды, еда да письменные принадлежности. Сотник Эофар начал допрос.

— Кто вы такие и что вы здесь делаете? — сурово спросил он на Всеобщем Языке. — Кому вы служите?

— С разрешения почтенного господина, мы никому не служим, — уважительно, но с достоинством ответил старик, сопроводив свои слова не лишенным изящества полупоклоном.

Юнец дернул губой, словно в сильном негодовании, и Фолко успел заметить, как рука старика стиснула ему предплечье.

— Мы лишь простые странники, — продолжал он, — направляющиеся из Посада, что вблизи Серой Гавани, домой, на восток, в Айбор. Надеюсь, вы слыхали о таком городе. Это Олвэн, мой воспитанник. — Старик указал на юношу. — А это — наши случайные попутчики Реар и Дарог из охраны купеческого обоза, что направлялся в наш родной город. И ваш покорный слуга — городской хронист славного Айбора Карсан. Мы очутились здесь случайно — на обоз внезапно напали на рассвете какие-то вооруженные люди, я был очень, признаться, удивлен, узнав в них наших не очень-то добрых соседей басканов — вы вряд ли знаете это не отличающееся добродетелями племя. В суматохе мне с моим воспитанником удалось ускользнуть. Уже потом мы случайно столкнулись с Реаром и Дарогом и решили вчетвером продолжить путь до славной Роханской Марки, дабы присоединиться там к какому-нибудь торговому обозу, идущему на восток. Мы ничего не знали о разразившейся войне — она свалилась так внезапно... Какое-то ужасное вторжение из диких степей, я прав, почтенные?

— Здесь я задаю вопросы, а ты, уважаемый, на них отвечаешь, — отрезал Эофар. — Если вы родом из Айбора, что вы делали вблизи эльфийской крепости? Не слишком-то подходящее место для бытописца Торговой Области!

— Это может показаться таковым, но это далеко не так, с разрешения вашей милости, — смиренно ответил Карсан, и Фолко вновь уловил гневную судорогу, прошедшую по телу юнца. — Дело в том, что с давних лет я состою в дружеской переписке с величайшим историоповествователем наших дней, почтенным Теофрастом Арнорским. Я не раз посылал ему свои скромные наблюдения, описания быта и обычаев восточных народов, по мере возможности старался рассказать о происходящем у нас. Почтенный Теофраст не раз приглашал меня посетить его в Аннуминасе, обещал в знак своего расположения ознакомить с такими драго-

ценнейшими манускриптами, что... ах, надо быть хронистом, чтобы понять всю их ценность! Как пример могу назвать знаменитейшую Красную Книгу, копию которой ему совсем недавно удалось заполучить. Но такое дальнее путешествие не по средствам скромному городскому летописцу, однако мне повезло. Родители Олвэна сочли полезным для мальчика длительное путешествие на Запад. Само собой разумеется, я должен был сопровождать его и помочь в завершении его образования. Мы отправились в неблизкий путь. Побывали в Гондоре, Рохане, Арноре, где я наконец имел удовольствие встречаться и беседовать с почтеннейшим Теофрастом, своими глазами видел и читал копию Красной Книги. Затем мы остановились в Приморском Посаде, что возле Серой Гавани. Там Перворожденные могут научить многому, и мы вместе с моим воспитанником немало почерпнули из поистине бездонного кладезя их великой мудрости. Мы прожили там год — и вот возвращались на родину, но тут разразилась война... Мы мирные странники, почтенный, все наше оружие — лишь для необходимой самообороны. Покорнейше просим отпустить нас.

Карсан вновь поклонился и замолчал. Его речь произвела благоприятное впечатление, однако в душе Фолко внезапно зашевелились черные змеи подозрений.

— Почтенный Карсан, не припомнишь ли ты, как выглядит сейчас въезд в Серую Гавань?

Тот едва заметно улыбнулся, выслушав вопрос, заметно ровно настолько, чтобы дать понять: мол, все понимаю, проверка — вещь по военному времени необходимая, нужно отвечать...

— Правитель Гавани, великий и могучий Кэрдан, уже несколько последних лет возводит могучие укрепления, — ответил Карсан. — Он строит руками мастеров-гномов Лунных Гор. Над работами начальствует старейшина Халдор-Кайса, Трэйгнор. В стене четырнадцать боевых башен, одни ворота — говорят, в них добавляли драгоценное истинное серебро...

И, предвосхищая следующие вопросы, Карсан стал подробно рассказывать об Аннуминасе, о Теофрасте, излагая такие подробности, какие мог узнать, только побывав лично у хрониста в доме.

— Ну хорошо, — проговорил Эофар, хмуря брови. — Вы просите отпустить вас. Но война уже прокатилась через Рохан. Дорога на восток закрыта, если только, — он оцерил зубы в недоброй усмешке, — если только вы не подручные Вождя. Поэтому на юге вам делать нечего. Если вы говорите правду, вас попросту прикончат, чтобы отнять ваше последнее достояние. Кроме того, вы можете выдать врагу — вольно или невольно — наше местонахождение. Поэтому лучше будет, если вы отправитесь с нами. Если все будет в порядке, вы спокойно достигнете Великого Западного Тракта и доберетесь до родины северным путем. Так, конечно, длиннее, зато и безопаснее.

Старик и Олвэн переглянулись.

— Воля ваша, — смиренно развел руками летописец.

У молчаливых Реара и Дарога отобрали сабли — на всякий случай, и всю четверку поместили в середину отряда, где Амрод с Беарнасом везли на носилках выздоравливающего Маэлнора, в последний момент выхваченного из-под носа истерлингской конницы в битве на Исенской Дуге. Фолко даже не успел заметить, когда это удалось отважным эльфам.

Отряд Эофара продолжил путь. Пленники держались замкнуто и отчужденно, а Олвэн едва только не шарахался от Маэлнора. Подозрения хоббита не ослабевали.

После неожиданной встречи с четырьмя подозрительными путниками идти роханцам стало куда тяжелее. Округа внезапно заполнилась многочисленными вражескими дружинами, и Эофар только скрипнул зубами, когда ему доложили, что все шарящие вокруг Олмеровы молодцы явно кого-то ищут. У хоббита вдобавок не шла из головы странная схожесть имен: Олмер — Олвэн...

Впрочем, такие имена на востоке не редкость, подобно тому, как большинство роханских начинаются на «Эо». И все же со странными попутчиками-пленниками дело явно обстояло нечисто.

Прошло три дня, а на север удалось продвинуться едва на два десятка лиг, почти все время приходилось прятаться. Однако нет худа без добра — облавы в недальних окрестностях загнали к горам еще один роханский отряд, почти в триста пятьдесят воинов, и удача впервые улыбнулась воинам Марки, устроив им такую встречу.

Обнимались, жадно вопрошая друг друга о судьбе друзей и знакомцев; вызнавали последние новости. Их у новоприбывших оказалось немало — они шли более торной дорогой и при случае не упускали «языков».

Король действительно пал, пал, как истый воин, на поле брани; погибли и двое его сыновей, средний и младший. Однако старший, Эодрейд, Первый Маршал Марки, сумел прорваться с полком гвардейцев из вражеского кольца. Принц спасся, уйдя на север, и теперь собирает остатки роханского войска. Есть вести и от Наместника — он скорым маршем ведет навстречу Олмеру многочисленное арнорское войско. Враги же рассыпались по степной дороге широким веером в поисках корма для лошадей. Командир прибывшего отряда, сотник Эолен, не расстался еще с надеждами на лучшее будущее. Он назвал и место сборного пункта, куда стекаются все прорвавшиеся роханские воины. По его подсче-

там, на Исене и Дуге полегла почти половина воинов Марки, но все же Эодрейд мог рассчитывать тысяч на тридцать бойцов.

Слова Эодена встретили тяжким молчанием — смерть короля, пусть и достойная, была ударом. Люди были потрясены — на время внимание их было отвлечено, и потому лишь Маленький Гном услыхал подозрительное шевеление в кустах; и прыжок его сделал бы честь самому Берену.

В зарослях раздались громкий треск, кряхтенье и неразборчивые ругательства Малыша. Потом кто-то вскрикнул — и сразу наступила тишина. Роханцы в недоуменном раздражении обернулись — и на прогалину выбрался чрезвычайно довольный собой Маленький Гном, держа за шиворот Олвэна, мотающегося, точно тряпичная кукла.

— Этот паршивец подслушивал, клянусь морийскими молотами! — загремел Малыш. — Подслушивал и хотел сбежать!

Другой рукой гном швырнул на траву только что сорванную с парня дорожную суму. Завязка раскрылась, выпало несколько хлебов и кусок вяленого мяса.

Раздался глухой гневный ропот.

— Так-так, вот оно, значит, что! — протянул Эофар, подступая к Олвэну, по-прежнему не подававшему признаков жизни. — Так, выходит, никакие они не мирные странники? Где это он нож-то ухитрился достать, еду украсть? И что это с ним? — Сотник наклонился, вглядываясь пристальнее. — Ну и рука у тебя, почтенный, вечно вы, гномы, бьете так, что из «языка» и дух вон...

В лицо брошенному на землю юнцу плеснули водой. Левая щека его быстро заплывала сине-черным кровоподтеком; однако после вылитого на него ведра воды он застонал и очнулся.

— А теперь говори! — жестко сказал Эофар, хватая парня за подбородок рукой в кольчужной рукавице. — Зачем ты следил за нами и куда собирался бежать?

— Это и так ясно, — встрял Малыш. — Он услыхал, где именно собирается роханское войско, и решил поспешить с ценными сведениями — за наградой к Олмеру!

Олвэн приподнялся на локте, с ненавистью глядя на окруживших его роханцев. Несмотря на сверкнувшие кое-где ножи и мечи, он не ответил ни слова. Эофар и Эоден переглянулись.

— Железо калите, — распорядился Эофар.

Однако воины не успели выполнить этот приказ. Подбежал один из дозорных:

— С юга прут орки. Много, на глаз, тыщи три. Идут прямо на нас, каждый овраг обнюхивают...

— Ладно! — рубанул ладонью Эофар. — Снимаемся. С этим после разберемся.

Лагерь свернули без спешки, но и не мешкая. Опасности пока не было — от орков конница легко уйдет. Двинулись хорошей рысью, уклоняясь к горам. Леса поредели, дважды отряду пришлось пересечь широкие степные языки. И их заметили. Далеко слева осталась какая-то деревня, в ней вроде бы кто-то копошился; у всадников зачесались руки — но бой давать было нельзя, имея на плечах тридцать сотен орков... А когда в лесу скрылся последний всадник, над деревней недвусмысленно поднялся сигнальный дым. Эофар скрипнул зубами и приказал ускориться.

Редколесье хуже защищало их от вражеских дозоров, зато позволяло прибавить ходу коням, в чаще верховому простора нет. Роханские кони перешли на свою знаменитую крупную, широкую рысь, которой могли идти сутки без отдыха. Эофар хотел как можно дальше оторваться от орков.

Однако очень скоро выяснилось, что в деревне дымили не зря. Далеко слева, на западе, появились многочисленные верховые, скачущие прямиком к ним. День уже угасал, закатный пламень мешал разглядеть, кого на сей раз посылает враг для проверки остроты их мечей; ясно было только, что этих конных самое меньшее в два раза больше, чем роханцев.

Скачка длилась добрую половину ночи. Эофар и Эолен надеялись, что сумрак собьет преследователей со следа, однако у тех нашлись и сменные свежие лошади, и, что самое важное, чуткие псы, державшие след роханского отряда.

— Придется драться, — пробурчал Торин.

— Или прорываться в морийские отнорки, — прибавил Маленький Гном.

— Какие такие отнорки? — искренне удивился Торин.

— Есть такие... лигах в десяти к северу, если не ошибаюсь, вот за этим отрогом будет такая долина, довольно широкая. Там еще речушка какая-то с севера будет... Если по этой долине пойти к Туманным Горам, там, я помню, Двалин рассказывал, должен быть секретный выход.

— Так какого же... мы тащились к воротам и ломались там?

— Слушай, не знаю! Двалин говорил, там какой-то хитрый замок. Так что побереги лучше силы, как бы нам не пришлось разгадывать его секрет под стрелами.

К утру хоббиту стало казаться, что пророчество Малыша до отвращения близко к истине — их окружали со всех сторон. Орки далеко отстали — зато появились ездящие на волках истерлингские панцирники. А затем пришла весть от головного дозора — на них движутся ангмарские конные арбалетчики.

Отряд оказался в кольце. Сотники, выслушав все безрадостные известия, приказали воинам собраться. Не скрывая ничего, Эофар рассказал о происходящем.

— Готовьтесь, братья, — закончил он свою краткую речь. — Не к лицу подданным отставать от короля. Сегодня наш последний бой. Поклянемся, что уцелевшие, если такие будут, не сложат оружия и не покорятся до самой смерти. Отступать нам некуда, так что пойдем на прорыв.

— Отступать есть куда, — вдруг подал голос Малыш. — Если доберемся туда, конечно. На равнине, если и разорвем первый круг охвата, смерть верная, а здесь...

И он рассказал об известных ему гномьих ходах.

— На конь! — заорал Эофар, едва выслушав Малыша.

Еще были шансы уйти, добравшись до заветного ущелья раньше загонщиков. Роханские кони сорвались в галоп, низкорослые лошадки гномов и хоббита стали отставать, и Эофар придержал разбег своих.

— Малыш, ты уверен, что откроешь замки? — приблизившись к другу, крикнул хоббит. — Ведь если не откроешь — перебьют нас в том ущелье до последнего!

— Как-нибудь открою! — ответил Маленький Гном. — Замок Черных Гномов — тот потруднее был... Я ж когда-то, было время, замковому делу специально учился!

Роханцы оставили позади лесок и стали подниматься по крутому склону длинного плеча одной из громадных гор. Противоположная сторона отрога оказалась безлесной, лишь слегка поросшей кустарником — и воины увидели, что в ущелье их уже ждут.

Ровняя ряды, в долине разворачивался ангмарский полк. Тут были не только конные, но и пешие; приглядевшись, Фолко высмотрел среди ангмарских черных плащей и плотные десятки орков-мечников.

— Теплая встреча! — сплюнул Атлис и потащил клинок из ножен.

Эофар и Эолен, однако, не растерялись. Не давая врагу опомниться, не давая своим ослабить дух видом многочисленной черноплащной конницы, сотники скомандовали атаку.

Уцелевший трубач поднес к губам отделанный серебром длинный рог горного тура. Знакомые звуки роханского сигнала всколыхнули воздух.

Скакуны роханцев были приучены мгновенно срываться в стремительный бег, а воины — так же мгновенно сбивать плотный строй и выставлять копья. Склон, не слишком крутой и мало заросший, помогал разгону.

Всадники мчались, низко пригибаясь к конским гривам. Сейчас раздолье для ангмарских стрелков, но надо доскакать во что бы то ни стало.

Лучники Марки опередили арбалетчиков. На скаку растягивая

длинные луки, всадники первыми пустили стрелы, торопясь хоть как-то сбить прицел у вражеских воинов.

Очевидно, ангмарцы и сами не ожидали, что роханцы свалятся им как снег на голову в нескольких сотнях саженей. Их позиция была невыгодна — они стояли на самом дне долины, стрелять приходилось снизу вверх. Броситься же навстречу, гася порыв атакующих, ангмарская конница не успела.

Зато нажать спусковые крючки своих арбалетов успели все. Падали пораженные роханские скакуны, падали люди, но вторая волна воинов Марки, пройдя над погибшими, грудь в грудь сшиблась с ангмарским строем и пронзила его.

В бою конников Фолко не участвовал. В пешем строю он с гномами, конечно, не остался бы в стороне, но сейчас мог лишь смотреть.

Не впустую метали стрелы и роханские лучники; строй ангмарцев заколебался, в нем появились разрывы — и, сойдясь вплотную, воины Марки ударили копьями.

Гладкие, подобные ножам, наконечники копий не застревали в пораженных телах; воины Марки выдергивали пики и вонзали их вновь. Ангмарские копейщики и сами умели наваливаться в плотном строю и копьем умели владеть на славу — но сегодня их теснимый полк не выдержал. Его рассекли надвое, и роханцы погнали перед собой меньшую часть, безжалостно истребляя бегущих ударами копий. Путь к ущелью был открыт.

Растрепанный, уменьшившийся в числе ангмарский отряд не сразу пришел в себя; пользуясь этим, роханцы торопливо подхватывали на седла своих раненых — или даже убитых, кто ж разберет в спешке, но, пока не знаешь наверняка, есть надежда, что бессильно рухнувший на землю друг жив, — вот и старались всадники, спасая своих, презрев опасность арбалетных стрел; многие воины Марки лишились коней, но оставшиеся в седлах прикрывали их. Спешенных оказалось много, почти треть отряда; спасая хозяев, многие роханские скакуны приняли смерть грудью, собой закрыв наездников.

Сбившись в плотный строй, бежали пешие; по бокам, грозя луками оправившимся ангмарцам, скакали верховые. Что-то кричали сотники, подбадривая своих.

И тут наперерез отступающим роханцам выкатились истерлингские панцирники, и Фолко мог только поразиться: насколько хорошо умеет Вождь создавать у противника ложное представление о своих силах! В нужный момент в нужном месте всегда оказывается больше воинов Олмера, чем на то рассчитывали его неприятели.

Истерлинги поспешно выстраивали стену щитов. Их отряд был невелик — едва три сотни пеших, и хоббит невольно отдал должное их храбрости — даже понесших потери роханцев все

равно было больше. Истерлинги явно рассчитывали на ангмарцев — но сколько их сложит головы, прежде чем те подоспеют?

Воинам Марки было некуда отворачивать, и не таковы были они, чтобы малодушно искать спасение в одиночку или сдаться на милость победителя. Предводитель истерлингов, вышедший вперед, не произнес и половины заготовленной фразы о напрасном кровопролитии, как роханские лучники спустили тетивы. И хоббит здесь не отставал от других.

Пехота истерлингов могла встретить конницу, подобно хирду, сплошной стеной щитов и частоколом копий, но доспехи их оказались неважными, первые ряды валились, битые в лицо, и полк рассыпался. Роханцы прошли над телами, на ходу рубя не успевших отбежать в сторону. Дорога была открыта — только скачи...

Первые хазги вылетали на простор и, чтобы наверняка стрелять, еще издали осаживали коней, заставляя их опускаться на колени, упирались ногами в землю. На зазубренных наконечниках сидела смерть; они уходили в податливые тела по самое оперение, словно и не встречая на своем пути никаких доспехов. Смерть протянула костлявую лапу за щедрым подаянием. Великая нищенка, она никогда ничего не берет сама — даятелей достаточно, и никто в Степи еще не научился добиваться своего, не уплатив ей щедро...

Слишком далеко еще было до спасительного ущелья; слишком быстро таяли ряды роханцев; сзади начали хлопать арбалеты оправившихся ангмарцев, и Эофар с Эоденом сделали опять же единственно возможное — повернули отряд, спасая его от полного истребления, к узкому ущельицу, с обильной россыпью громадных валунов, перегородившей вход. Уйти из-под хазгских стрел! А там видно будет.

Потеряв почти семь десятков воинов, отряд укрылся за серыми телами камней. С боков ложбину сдавили крутые скалы — не вскарабкаешься, а если, связав из чего ни есть веревки, все-таки влезешь — те же хазги тебя и пристрелят снизу.

Оказавшись на время в безопасности, воины Марки угрюмо смотрели, как спокойно и не торопясь разворачиваются для атаки вражеские отряды. Ангмарцы спешивались, выстраивали боевой порядок истерлинги, с боков становились хазги.

— А вот теперь, похоже, отступать и впрямь некуда, — пробормотал Малыш, обнажая клинки.

Сотники приказали готовиться к подъему. Нашлись веревки. Маленький Гном с присущей ему ловкостью забросил наверх железный якорь-кошку. Один из роханцев ловко полез вверх...

В воздухе мелькнула первая хазгская стрела. Пробитое насквозь тело сорвалось и тупо ударилось о землю.

— Ну, — вспухли желваки на скулах Эолена, — пора умирать, братья!

Воины молча выстроились у устья ущелья. Приготовили луки, достали последние стрелы. Гномы решительно полезли в первые ряды — биться на просторе. Хоббит пошел с ними.

Он думал, что должны появиться какие-то высокие мысли, однако их не было, пришло лишь острое, горячее чувство — он собой закроет соратников от хазгских стрел, мифрил им не по зубам; и, даже погибнув, его тело все равно останется защитой другим... Не стало страха, пришло удивительное окрыление — ну выходите же!

Враги приближались неспешно — куда им торопиться... Роханцам деваться было некуда. Хлестнули первые стрелы хазгов; фаланга истерлингов качнулась и мерным шагом пошла вперед.

Однако камни неплохо укрывали воинов Марки, а Торина, Фолко и Малыша еще лучше защищал мифрил.

Истерлингов встретили не менее плотные ряды щитов и разящие копья. Впереди всех рубились гномы, и Фолко видел, как Торин богатырским ударом расколол щит, подставленный под его топор; истерлинг отшатнулся, и хоббит тотчас, ловя удобный момент, пустил стрелу. Это не поединок, это битва...

Истерлинги накатились и откатились, оставив почти четыре десятка тел. Роханцы, стоя за грудами камней, отдавали одного за пятерых.

Солнце вскарабкалось в зенит; здесь, в ущелье, лежали зябкие зимние тени. Воины Марки застыли в молчаливо-спокойном строю, готовые умереть; они не надеялись на победу, они хотели лишь захватить с собой побольше врагов, мстя за погибший Рохан.

Жуткое зрелище — приготовившиеся умирать бойцы, знающие, что не осталось никакой надежды. Не было ни страха, ни колебаний — одно твердокаменное упорство. И об этом упорстве прекрасно знали враги. Его воины хотели не только победить, но и сохранить жизни.

После неудачной атаки наступило затишье. Затем судьбу попытали ангмарцы. Черноплащные арбалетчики, крепкие духом и сильные телом, преодолели разделявшие их с роханцами сажени скорым бегом; хазги не жалели стрел, ни одна голова не могла появиться между камней; лишь трое или четверо лучников, включая хоббита, исхитрялись метать свои стрелы навстречу наступающим.

На подходе ожили ангмарские арбалеты; но сколько стрел ни трать, дело решают мечи. Клинки ангмарцев попусту скользили по броне неутомимых гномов; с рычанием крутил вокруг себя двуручный меч Атлис; строй роханцев не поколебался. Ангмарцы откатились точно так же, как истерлинги.

Затем против засевших в ущелье, точно улитка в раковине, роханцев выдвинули хазгов. Воины народа великих лучников не торопились, но вскоре все воины Марки уже стояли или лежали за

укрытиями — и все-таки нет-нет, но стрела хазга и находила цель. Доставалось и лошадям.

«Почему он не подтянет арбалетчиков?» — подумал хоббит о неведомом ему предводителе врагов.

— Сотник! Зачем нам ждать конца здесь? — крикнул кто-то из воинов. — Выйдем в поле, по крайней мере умрем не как барсуки в норе!

— Верно! — поддержали его несколько голосов. — Пленных этих прикончим, и надо атаковать!

О четверке пленников в суматохе и впрямь позабыли — теперь было уже неважно, что они разведали и куда пробирались. Эофар, не ответив ни слова на выкрики отчаявшихся, с мечом наголо шагнул к пленникам.

С поля раздался звук рогов. Атака? Нет! Из рядов вражеского войска вышли несколько человек, один из них вновь поднес рог к губам.

— Это вызов на переговоры или я ничего не понимаю, — хрипло выговорил Торин, укрывшись за камнем и утирая пот со лба.

— Будут предлагать сдаться, — жестко усмехнулся Эолен.

— Все равно, отчего бы не передохнуть? — возразил Эофар. — Пусть говорят.

Трое приближались к ущелью, осторожно обходя многочисленные мертвые тела. Один нес знамя Олмера, другой — большой рог; высокие, рослые бойцы, скорее всего из числа уроженцев Дэйла или Приозерного Королевства. А вот третий, тот, что шел в середине...

— Вот так встреча! Да это же сам Санделло! — хлопнул себя по коленям Торин.

Горбун шел, запахнувшись в темно-коричневый плащ, оттопыренный сбоку мечом; под капюшоном угадывался шлем, на ногах — поножи.

— Что это его сюда понесло? — удивился Малыш. — Его ж дело — Олмера стеречь, так ведь, Фолко?

Горбун остановился, обвел взглядом сгрудившихся перед ним роханцев. Он не подал вида, что узнал Фолко, Торина и Малыша. И, когда он заговорил, голос его был, как всегда, сух, холоден и бесстрастен.

— Мужи Рохана! Вы доблестные воины, то ведомо всем. Поэтому я не буду предлагать унизительной и нестерпимой для вас сдачи. Я предлагаю вам сделку. Ваша свобода и жизнь — за жизни четверых захваченных вами пленников. Я знаю: они у вас и живы — ведь вы благородны, вы никогда не убиваете безоружных. Я знаю, куда вы рветесь — к тайному ходу Мории. Не делайте этого. Даже если вы и пробьетесь к дверям, то не ступите дальше и шага. Уже несколько дней там плещется Синий Туман! Вы трое, — Санделло впервые указал на Торина, Фолко и Малыша, — вы знаете, что это такое. Можете пойти и взглянуть сами, мы пропустим вас, я же останусь здесь.

Предложение горбуна было выслушано в гробовом молчании. От него ожидали переговоров, более или менее унизительных условий, а он предлагает что-то совершенно невероятное!

Первым заговорил Эоден:

— Ты хочешь, чтобы мы отпустили пленников? И взамен ты дашь нам уйти? Но что ж это за пленники, почему они так важны? И не прогадаем ли мы, оставив их в живых? Может, для дела Марки лучше будет полечь нам, но и их прихватить с собой? Они, — Эоден повел рукой, указывая на готовый к бою строй, — могут и не согласиться.

Голос горбуна едва заметно дрогнул.

— Что вам в бессмысленном убийстве? Мстить за свое королевство вы можете и дальше. Я выпускаю вас с оружием. Подумайте!

— А что будет нам порукой за твои слова? — прищурился Эофар.

— Я сам, — просто ответил Санделло. — Я пойду с вами, безоружный и сняв доспехи. Вы сможете убить меня, как только в вас полетит первая стрела.

Фолко покосился на ряды роханцев. На лицах воинов он прочел явственное желание жить — тем более сильное, что минуту назад они были готовы сложить головы и уже попрощались с жизнью.

— Погодите! — срываясь на крик, из задних рядов появился, растолкав других, высокий воин с несколькими свежими сабельными ранами на лице. — Если эта четверка так ценна для них — нельзя их выпускать ни в коем случае! Этот безумец может и разменять свою жизнь на все наши — когда мы выйдем из укрытия. Убьем их! Убьем его! Поляжем все, но и они пусть кровью умоются! Рохана нет, что наша жизнь без него?!

Фолко немного знал говорившего. Если у других была надежда, что их близкие укрылись в горных крепостях, то этот сам похоронил отца, мать, жену и троих детей — все полегли после битвы на Исенской Дуге, когда дунландцы дорвались до лагерей. Человек повредился в уме от горя; однако подобных ему, лишившихся всего и живших лишь одним — навредить врагу как можно больше и с честью покончить счеты с жизнью, — было немало.

— Ты, воин, конечно, можешь убить меня и пленников, — бледнея, ответил горбун, и Фолко мог только гадать, что заставило побледнеть неустрашимого мечника. — Но я скажу вам больше. Я дам вам не просто пропуск — я покажу свободную дорогу к вашим. Там, на юге, — Санделло махнул рукой, указывая направление, — у нас тридцать тысяч гондорского войска на пле-

чах. Идите к нему. Оставьте пленников и идите. Я готов остаться вашим заложником.

По рядам роханцев прокатился многоголосый взволнованный гул. Им дарили жизнь — но за что? Почему так важны эти четверо? Быть может, они знают нечто такое, перед чем все триста их жизней — ничто, песчинка?

— Мы принимаем твои условия! — крикнул Эофар, и роханский отряд взорвался криками.

Далеко не все кричали от радости, но несогласных было меньшинство.

— Марка все равно возродится! — надсаживаясь, крикнул своим Эоден. — Ей понадобится каждая жизнь. Вы будете нужны Эодрейду, когда он поднимет королевское знамя. Пусть эти четверо уходят.

«И уносят с собой место сбора остатков роханской армии», — добавил про себя Фолко.

Хотя хоббит страстно хотел жить, его грызло сознание, что они упускают нечто необычайно важное, — но что он мог сделать?

Пленников вытолкнули вперед. Санделло медленно поднял на них взор — и хоббит мог поклясться, что взгляд беспощадного мечника странно потеплел. Горбун неторопливо стянул плащ, сбросил кольчугу, развязал узлы на поножах. Бросил на траву меч, кинжал, еще один кинжал, покороче, вытащил из-за голенища.

— Готово, — сказал он. — Можете обыскать.

Торин молча вышел вперед. Руки гнома промяли каждый шов на одежде Санделло.

— А я скажу вам вот что! — вдруг загремел Торин. — Я пойду с ним в последнем ряду наших. Мой доспех вашим стрелам не по зубам! Так что шелохнитесь только, и я раскрою этому, — он ткнул в Санделло, — голову до самого живота! И еще вы дадите нам коней! Сотню! Ну же!

— Дайте им, что они просят! — крикнул Санделло, поворачиваясь к своим. — А вы исполните свою часть, — обратился он к роханским сотникам.

Эофар и Эоден подтолкнули пленников. Те поспешили убраться восвояси, лишь Олвэн на миг задержался возле Санделло, обменявшись с ним взглядами. Горбун едва заметно покивал юноше, и Фолко был более чем уверен, что в этот миг горбун улыбался самой теплой и сердечной улыбкой, какую когда-либо случалось видеть хоббиту.

Роханцы готовились к походу. Спустя короткое время истерлинги пригнали обещанных лошадей. Санделло, по-прежнему безоружный и со связанными руками — предусмотрительный Торин постарался, — тоже сел в седло, подсаженный гномом. Торин опустил на лицо глухое забрало и поехал вплотную с конем

Санделло. Обнаженный кинжал был приставлен к горлу горбуна — однако тот сидел спокойно, словно среди своих.

— А он действительно важная птица? — шепотом осведомился Эофар у хоббита. — А то не ровен час...

— Он правая рука Олмера... точнее, и правая, и левая вместе...

Отряд шел всю ночь, забыв об усталости. Наутро с ликующими криками они увидели крупный отряд и знамена с Белым Древом.

Санделло сдержал слово.

Глава 12

УРАГАН НАД ЭРИАДОРОМ

Мощно, гордо, попирая десятками тысяч копыт избитую до мельчайшей пыли степную дорогу, шло на север гондорское войско. Хоббит узнал, что битва в Анориэне принесла победу Этчелиону, доставив ему и заслуженную славу великого полководца. Атлис тотчас отыскал великое множество друзей и приятелей, в том числе и из дружинников герцога. От них друзья узнали последние новости.

— Они полезли в Анориэн, прямиком на Кайр Андрос, и вторглись в Северный Итилиэн, — вернувшись, рассказывал гондорец. — Кайр Андрос уперся — там, если помните, и стены не низки, и войска вдоволь, но напавшие — вовсе неведомые восточные люди — его и не штурмовали. Не штурмовали, но и не уходили, держали гарнизон острова, не давали снять оттуда полки... А вот в Северном Итилиэне война пошла вовсю. Мои друзья порубежники — великие мастера лесной войны, но нашелся кое-кто и поискуснее. Наших теснили, теснили, пока не оттерли аж до рубежа Осгилиатской дороги. Там пришли подкрепления из Минас-Тирита, враг встал. Анориэн они сперва тоже заняли — там болот много, коннице как следует не развернуться, но, когда герцог собрал всех своих, дело пошло на лад. Однако на юге... харадримов мы с трудом задержали на Поросе. Они потеряли многих, очень многих, но Харад всегда славился многолюдством, а его воины — презрением к смерти... Летописцы сочли, что на нас навалилась сила, не меньшая, чем в дни Войны за Кольцо! А потом дошли вести о разгроме роханцев... И тогда герцог уговорил короля атаковать врагов в Анориэне. Истерлинги плохо сражаются ночью, и герцог окружил их лагеря своей дружиной, так что даже лесная ночная тварь и та ничего не заметила. Дружинники подняли шум. Началась паника... Короче, мы разбили их в пух и прах — но только правофланговый отряд врага, напавший на Гондор. Остальные пока целехоньки. Все решится здесь.

«Решится... Решится...» — стучалась в виски хоббита навязчивая мысль.

Да, решится. И, действительно, именно здесь. И король Гондора, даром что отмахивался от предупреждений и не хотел верить в надвигающуюся угрозу, поняв наконец, что к чему, оставил столицу и кинулся вослед Олмеру... Судьба Запада решится здесь, на равнинах Минхириата, — у армий Заката это последний шанс. Какая жалость, что нет хирда! Почему Наместник Арнора не взял с собой гномов? И почему не послано в Морию? Сейчас, когда вторгшиеся оказались меж двух огней — надвигающейся с севера арнорской многотысячной дружиной Наместника и идущей с юга гондорской армией? А ведь есть еще сжимающаяся для удара роханская конница — после двух поражений от нее осталась только половина, но она есть, и всадники будут биться как бешеные... От волнения у хоббита пересохло в горле: такой шанс покончить с Вождем! Неужели он мог так опрометчиво поручить блокаду Минас-Тирита каким-то вспомогательным отрядам, нерасчетливо уверовав в их непобедимость? Чутье подсказывало хоббиту, что здесь что-то не так. Олмер никогда не совершал грубых ошибок. Вождь просчитывал каждый свой шаг, прекрасно предугадывая все действия своих врагов, легко отражая их удары. Не мог он не предвидеть возможность поражения в Анориэне! А если так — значит, разработал какой-то план и на этот случай. И Фолко вдруг подумал: а так ли это хорошо, что гондорцы проломились аж до самой Тарбадской Переправы? Не рассчитывал ли Вождь именно на это, полагая одним махом, в открытом бою покончить с последними своими врагами? Не по себе становилось от таких мыслей...

Атлис рассказывал и об увиденном гондорскими воинами в Рохане. Эдорас, конечно, не смог продержаться долго, да его и не очень упорно обороняли. Казна была вывезена, население ушло в твердыню Дунхарроу; когда воины Минас-Тирита подошли к крепости, враг поспешно оставил город и отступил на запад.

— Пожгли там, конечно, не без этого, — говорил Атлис. — Но что меня удивило: многое не грабили, не портили, не растаскивали — аккуратно перекладывали по-своему, точно решили вернуться и сесть хозяевами. Потому, наверное, и особого разбоя не чинили. Крепости в горах еще отбиваются, но кое-какие опустели — люди ушли тайными тропами в Гондор, а степнякам тех троп во веки веков не найти... Но плохо другое. — Атлис понизил голос. — Мои дружки говорят, что у них под самым носом идет северным путем через Рохан большая рать Олмера. Дело будет жаркое!

— А что слышно из Серой Гавани? — спросил Малыш. — Позовут ли хирд Голубых Гор? Что сказали старейшины Халдор-Кайса?

— Про гномов ничего не могу сказать, — покачал головой гондорец. — Слышали, что многие из них у Кэрдана... а про Морию и вовсе никто ничего не знает.

— Так нужно к Дори Славному гонцов слать! — встрепенулся Маленький Гном. — Да не мешкая, чтобы хирд к битве успел! На силы Голубых Гор, по-моему, рассчитывать особенно не стоит, хотя, конечно, хорошо бы мне ошибиться.

— Это почему не стоит? — удивился Торин.

— Ты что, старейшин наших забыл, какие они есть? На помощь Арнору шли, потому что слово было дадено, а вдобавок в интересах той же гномьей торговли, чтобы покупателей всякие разбойники не разоряли. С не очень крупным вторжением — почему бы и не помочь справиться? А если дело большой кровью пахнет... Да ты и сам знаешь, сколько наших с тобой знакомцев встанут и скажут: зачем нам наши головы где-то на безвестном юге класть? А если падет Арнор — жалко, конечно, но что поделаешь, пить-есть надо, давайте мириться с теми, кто пашни опустевшие займет! Могут не послать хирда и желающим сражаться идти запретят — под страхом изгнания.

Торин в замешательстве охватил рукой подбородок — слова Малыша задели его. Корыстолюбие старейшин самых древних поселений в Лунных Горах было общеизвестно.

— Я думаю, — продолжал Малыш, — что хирд на поверхность не выйдет совсем даже не поэтому. Как бы ни любили золото наши старейшины, они Тьмы страшатся куда сильнее. Мы забыли, друзья, о Пожирателях Скал, что ушли было из-под Мории — чему мы, помнится, все радовались. А идут они куда? К Серой Гавани! А что о них Наугрим говорил? Чьи они порождения? Вот и думайте, что может произойти! Пусть мы даже Олмера здесь побьем и прогоним — если Пожиратели доберутся до твердыни Кэрдана... А как их остановить? — Он обвел всех взглядом, выдерживая паузу. — Очень просто. Огонь чем тушат? Водой. А вода где? В Западном Море. А как ею Пожирателей залить? Тоже на словах просто — встречные тоннели прорубить. Вот и смекаю я, братья, что сейчас все наши с тобой, Торин, соплеменники, весь Халдор-Кайс от мала до велика, рубят скалу под Серой Гаванью, воду в глубь земли ведут. У эльфов с гномами вражда старинная, что верно, то верно, Наугламира ни те, ни другие не забыли, но если Пожиратели испепелят Гавань, то и нам, гномам, тогда не жить. Опять бери золото, сколько можешь унести, и беги, пока подземные своды не рухнули...

— А верно говоришь... — сумрачно протянул Торин. — Не соберет Наместник хирда. Точно, каждая кирка на счету. Надеяться разве что на Дори. Атлис! Посоветуй герцогу — пусть к Морийским Вратам посыльного шлет!

— А если там уже пусто? — возразил хоббит. — Вспомни Синий Туман, что колыхался в том секретном выходе копей, к которому мы рвались! Если вся Мория им вновь заполнена и сам Дори оттуда ушел?

— Ну, может, какой ход и заполнило, — неуверенно ответил Торин, но видно было, что эта возможность еще не приходила ему в голову.

— Гонцов слать, конечно, надо, — продолжал Фолко. — Только и на этот хирд надежды мало...

— Герцогу я все передам прямо сейчас, — поднялся Атлис. — Однако когда еще они до нас доберутся? Олмер ведь ошибок не повторяет. Не подставит он своих под гномьи копья. Не станет дожидаться прихода хирда, раньше ударит. У него ведь тоже теперь одна надежда — нас по частям разбить...

Атлис допил кружку обжигающего чая, поднялся и скрылся в суматохе лагеря. Друзья остались в тяжелом молчании...

— Зря мы горбуна отпустили, — заговорил Малыш, меняя тему. — Нельзя было отпускать, пока не выведали все планы Вождя! Лопухи мы, нечего сказать.

— Не ворчи! — остановил гнома хоббит. — Не то ты молвишь. Отпустили, как должно. Он свое слово сдержал — а мы, хоть вслух ничего не говорили, но ведь тоже ручались. Уговор дороже денег.

Малыш поджал губы — остался при своем мнении, но спорить не стал.

Вечерело. Воины Гондора разводили костры в ямах, лагеря обносились рогатками, в сгущающийся сумрак уходили ночные дозоры. Тянуло с севера, временами сыпал быстро тающий снежок.

— Новый год уж скоро, — вздохнул Фолко, когда они укладывались спать. — Неужто встретим его где-нибудь под кустом?

— Хорошо еще, если вообще встретим, — жестко заметил Торин.

Гондорская армия наступала, точно в пустоту. На горизонте маячили разъезды Олмера, но они не приближались. Торин выходил из себя: пять дней, как они в войске, пять дней Король ведет своих по Южному Тракту навстречу воинству Вождя, а противника нет как не было! Зато следов осталось предостаточно...

Вдоль широкой, торной дороги стояли мертвые деревни. С непонятной яростью их даже не жгли, а разметывали по бревнышку, превращая крепкие дома в бесформенные груды обломков. Обитатели деревень отыскались тоже — мало кому удалось спастись. Многих угнали с собой, еще больше просто перебили. Мертвые тела были аккуратно сложены, приготовленные к погребению, — видно было, что убивали не торопясь, с толком...

— Хазгская работа, — мрачно вымолвил Торин, когда отпылали погребальные костры. — Это их давнишние земли, расчищают, значит.

— Это еще доказать нужно, — буркнул хоббит, почувствовав себя уязвленным за хазгов: они были хорошими товарищами, когда трое друзей шли с отрядом Отона...

Дымы пожарищ мало-помалу затягивали северный и северо-западный края горизонта.

К востоку, где лежали почитаемые хазгами своими земли, такого они не видели.

«Что такое, где же арнорцы?!» — ползли тревожные разговоры. Армия шла почти вслепую. Говорили, что разведчики уходят и не возвращаются, а сами разведчики стали необычно мрачны и насуплены, хотя, как и прежде, никто не мог вытянуть из них ни единого слова. Тарбадская Переправа приближалась, а никто не мог сказать, где же противник. Король приказал лучше прикрыть тылы.

Ночью седьмого дня до гондорского лагеря с трудом добрался измученный гонец. Слух о его прибытии пронесся с быстротой молнии — и люди вскочили на ноги, командиры полков заспешили к королевским шатрам.

Некоторое время спустя они вернулись — хмурые и неразговорчивые; в войсках Гондора свято блюли принцип — каждый должен знать лишь столько, сколько положено ему по должности. Рядовым воинам не объясняли ничего.

Вести, как всегда, принес неугомонный Атлис. Герцог Этчелион звал своего дружинника назад, в свой отряд, однако Атлис отказался расстаться с новыми друзьями. И, вернувшись от герцога, он рассказал:

— Этчелион тоже не слишком разговорчив, но кое-что я понял. Олмер ломит на север, он уже сшибся с арнорцами и, кажется, теснит их. Король приказал коннице выступать вперед. Если войско Наместника не выдержит, нам придется солоно. Пехота идет сзади, к ней должен присоединиться Эодрейд с роханцами. Олмер перешел Гватхло! Тарбад окружен, но гонцы короля спешат к Мории — звать гномов... Герцог хотел, чтобы я шел с ним — он уходит на рассвете с конными полками, — но я ответил, что останусь с вами.

Задолго до рассвета, взяв почти всех заводных коней, гондорская кавалерия двинулась вперед, опережая свою пехоту. Лица всадников были угрюмы; отряды расставались в молчании.

Блистающие доспехами конные лавы гондорцев, развернувшись в боевые порядки, скрылись в дымке равнины; пешие воины молчаливо шли следом, ширя шаг без всяких понуканий. Уставших сажали на телеги.

Минул восьмой день; прискакали двое посланников короля, по виду — спокойные, никаких чрезвычайных приказов они не привезли, и люди несколько успокоились. Но вечером того же дня враг сам пришел к ним.

Из сгустившегося мрака летели губительные стрелы; не боясь огня, на дозорных прыгали огромные волки; отчаянные крики подняли лагерь на ноги; многолетняя выучка гондорских воинов сказалась сразу — прочный строй выстроился точно по волшебству, костры погасли, — и в ночи нападавшие лишь зря тратили стрелы. Однако никто в гондорском лагере не сомкнул глаз до утра, а на рассвете королевскую армию атаковали свежие полки Вождя. Казалось, они вырастают из-под земли; за считанные минуты вся гондорская пехота оказалась в кольце. По обе стороны Тракта развевались черно-белые знамена Олмера; вглядываясь в неподвижно ждущие сигнала ряды врагов, хоббит узнавал знакомых по двум предшествующим битвам хеггов и ховраров вкупе с ездящими на волках и теми, что держали на длинных сворках у седел страшных тигроволков. Однако не заметно было ни истерлингов, ни ангмарцев, ни тем более хазгов. Появились — в который уже раз — незнакомые хоббиту племена: похожие на гномов коренастые крепыши с большими топорами и шестиугольными вытянутыми щитами — они сражались пешими.

— Вот это да! — потрясенно пробормотал Торин. — Ловко он нас! Тут добрая треть его войска! Неужели он с оставшимися управится со всей мощью Соединенного Королевства?

— Не знаю, как с ними, а вот с нами он вполне может управиться, — буркнул Фолко, поспешно опуская забрало; в отдалении уже натягивали тетивы вражеские лучники. — Торин! Не стой с открытым лицом!

Однако враги так и не напали. Весь день они простояли, лишь изредка выбрасывая небольшие группки конных лучников. Гондорские стрелки отвечали, и небезуспешно — их луки превосходили вражеские. Фолко тоже не раз выходил из рядов, привычно, не мигая, беря упреждение. Звенела тетива, стрела уносилась прочь, и окружающие Фолко воины громко кричали, видя падающего на всем скаку вражеского наездника.

На следующий день командир гондорской пехоты скомандовал готовиться к прорыву. У войска кончилась вода в бурдюках — во что бы то ни стало нужно было добраться до источников, до колодца у дороги.

Латники составили четырехугольник вокруг помещенных в середину строя телег. Все передвижения гондорцев враг видел в мельчайших подробностях, не имело смысла таиться. И медленно, не тратя попусту силы, пехота Соединенного Королевства двинулась на прорыв.

Воины Олмера ответили стрелами — но эти лучники не могли тягаться ни с хазгами, ни с ангмарцами, ни даже с истерлингами. Стрелы бессильно отскакивали от доспехов гондорцев, они редко когда пробивали даже плотные простеганные попоны, которыми

покрыли коней. За весь день гондорская пехота потеряла ранеными лишь немногим более полутора десятков человек.

Противник не принял боя. Плотный строй гондорцев напоминал хирд — а уж о нем, Фолко был более чем уверен, слышали все от мала до велика в Олмеровом войске. Правильное сражение означало смерть храброму, но неорганизованному воинству Вождя, большая часть которого не прошла школы боев с тяжеловооруженными латниками.

К вечеру гондорское пешее войско добралось до остатков наполовину спаленной, наполовину разметанной деревни. Здесь нашлись колодцы, бурдюки наполнили водой. Деревня стояла на холме, в достатке имелось подручного материала, чтобы соорудить частокол, — можно было бы встать и долго обороняться, — но не этого ли ожидал от них Вождь?

— Они будут висеть на нас, не давая вздохнуть и мига, не давая распустить завязки на доспехах, — заметил Амрод.

Они с хоббитом стояли, осматривая рассыпанные по равнине костры вражеского лагеря. Эти костры полыхали подозрительно близко, так приманчиво... Какой соблазн для гондорских тысячников — железной стеной щитоносной пехоты, мало в чем уступающей хирду, навалиться на нестройные вражеские толпы, не умеющие сражаться в строю! Ударить сейчас, ночью, смять, втоптать в землю...

— Я бы рискнул, — словно услыхав мысли Фолко, шепотом произнес Амрод. — Уж не преувеличиваешь ли ты мудрости Вождя, друг мой? Тем более что здесь его самого нет. А ведь мы можем разом от них избавиться!

Однако гондорцы не вышли из лагеря. Поутру сотники построили своих в боевой порядок. Командир выполнял королевский приказ — не ввязываясь в бой, пробиваться на соединение с гондорской конницей. Командир знал свое дело. Он берег людей. Он не хотел рисковать.

И еще один день все повторялось с прежним постоянством. Стрелы, лихие по виду наскоки конницы — но стоило надавить на неприятеля, как его лучники тотчас рассыпались и отступали. Пехота же держалась в отдалении.

Дневной переход был удачен. Войско оставило позади много миль — неужели Вождь позволит им идти так и дальше? Пока вся висящая на них, по выражению Амрода, вражеская армия не причинила им существенного вреда. И вот-вот должны были подойти роханцы — что тогда станут делать командиры Олмера?

Он словно в воду глядел — на следующее утро все резко изменилось. Дорогу загородил плотный строй воинов с топорами, на крыльях выстроилась конница. Враг занял сильную позицию между двумя холмами, на их вершинах толпились стрелки.

Торин ухмыльнулся.

— Ну наконец-то, — проворчал он, лишний раз протирая свой топор ветошью. — А то вроде как и не война. Что ж это они три дня круг без точила вертели?

— Наверное, давно это место приметили, — предположил Маэлнор; эльф уже оправился от раны, она зажила на нем поразительно быстро.

— Эх, врубимся! — хищно оскалился Малыш, без нужды хватаясь за меч.

Все, кроме Фолко, ждали кровавого боя, точно веселого праздника. Хоббит же, молча глядя на вражеские ряды, как всегда перед боем, загонял поглубже свою исконную хоббичью робость. Он хотел иметь холодную голову. Впереди ждала целая череда битв, и нужно было остаться в живых, чтобы в случае чего помочь самой Хоббитании. Он не мог без содрогания думать о том, что случится, если война докатится до берегов Брендивина.

Командир гондорской пехоты тоже не стал бежать от боя. Полки сжались железной «черепахой»: стрелки получили приказ встать в первые ряды войска.

Друзья, как всегда, держались вместе. На обращенную к врагу сторону четырехугольника гондорского строя ставили самых лучших, и, конечно же, Торин, и Малыш, и Атлис, и эльфы, и хоббит — все они стояли лицом к неприятелю.

Ждать гондорцам было нечего. Где-то бродила, наверное, роханская конница, но стоило ли рассчитывать на ее приход? Не таясь, гондорский строй двинулся вперед.

— Щитоносцам — разомкнуться! Лучникам — в промежутки! Стрелы — готовь!

Непривычный к мгновенным воинским перестроениям, хоббит едва не запутался под ногами у воинов; помог Беарнас, вовремя дернувший его за руку.

Теперь вместо сплошной стены щитов враги видели надвигающиеся на них несколько отрядов латников, пространство между которыми заполняли стрелки. Фолко не мог знать, что происходит на крыльях, но, судя по тому, что он читал, конница Вождя просто обязана была их атаковать.

Она и сделала это, но лишь когда гондорские лучники пустили первые стрелы — и свистнули первые ответные.

Справа и слева грянул многосотенный конский топот, лихие крики... Но гондорский строй, как и гномий хирд, нелегко было остановить кавалерийской атакой. Воины не замедлили шаг, и — Фолко знал — сейчас конные налетят и откатятся.

Шум боя нахлынул и отдалился, затем вновь нахлынул... Все шло, как и обязано было идти.

А коренастые воины с шестиугольными щитами недолго смогли простоять под гондорскими стрелами. Раздался дружный рев

добрых десяти тысяч глоток — и вражеский строй покачнулся и двинулся вперед, ломаясь и разрываясь...

Строй — сомкнуть! Щиты — поднять! Копья — вперед!

Команда была исполнена четко, без лишней суеты. Некоторые из гондорских лучников — и Фолко в их числе — смогли протиснуться поближе к первым рядам, продолжая стрелять в упор. А Малыш с Торином, пренебрегая твердыми правилами боя, вышли вперед — искать рукопашной схватки.

Вал вопящих врагов с размаху ударил в гондорский боевой порядок. И замелькали в привычной кровавой работе копья и мечи, топоры и кинжалы, с грохотом столкнулись щиты. С неимоверной быстротой меняясь, хаос схватки разлился перед глазами Фолко; и сознание его, уже приученное и закаленное, делало лишь одно дело — не задерживаясь ни на одной детали, отыскивало врагов, находящихся в пределах досягаемости его стрел. Ловкий и гибкий, несмотря на доспехи, хоббит ухитрялся просунуться между могучими боками гондорских щитоносцев и копейщиков, чтобы выпустить стрелу прямо в глаз какому-нибудь подбегающему вражескому воину.

Он так и не запомнил тот момент, когда наконец темное предчувствие превратилось в четкое осознание того, что дело плохо. Враг не рассыпался от натиска гондорцев; бородачи с топорами остановили этот натиск и, хотя потеряли, наверное, две трети своих, отступили, но и не разбежались. Отойдя на короткое время в глубину строя — для отдыха и чтобы пополнить колчан, — Фолко понял, что бой кипит со всех сторон, гондорцы бьются в полном окружении. Все больше и больше становилось убитых и раненых — их оттаскивали к повозкам. Строй гондорцев остановился. Сил давить врага своей массой и слитностью, как у хирда, недоставало. Гномье искусство боя с длинными копьями, когда никто не мог даже приблизиться к стене щитов, оставалось тайной Подгорного Народа.

Было холодно, пар валил от разгоряченных рубкой людей. У хоббита появилось уже знакомое горькое предчувствие близящегося поражения. Стиснув зубы, он двинулся к своему месту в первых рядах сражающихся.

Мало-помалу рос беспорядок в первых шеренгах гондорских бойцов. Враг рубился, не щадя себя, и платил четырьмя за одного — но он мог менять своих воинов много чаще. Стена гондорских щитов уже не была сплошной, появились разрывы, промежутки; все чаще и чаще вспыхивали одиночные поединки, когда побеждает не искусный, а сильный; силы же воинам Востока было не занимать. Для стрелков недоставало места; тела погибших мешались под ногами у живых.

Несмотря на суматоху боя, хоббиту было легко держаться подле друзей-гномов, бессменно сражавшихся в первом ряду.

Малыш орал «Хазад!» так, что окружающие на секунду глохли... Вокруг двух казавшихся неуязвимыми бойцов стихийно сплачивались самые стойкие из медленно тающих передовых гондорских шеренг. И — странное дело — враг, обычно избегающий самых сильных воинов неприятеля, сегодня прямо-таки зубами вцеплялся в гномов: на смену павшим вставали новые...

Бой длился весь день, до темноты. Гондорцы устояли, но прорваться не смогли. Набросав вокруг себя вражеских тел, полки Соединенного Королевства остались на прежнем месте. Здесь была вода, а значит, сражаться они могли долго.

Ночь после сражения прошла в стонах раненых и мрачном молчании оставшихся невредимыми, принимавших сейчас последние вздохи умирающих друзей. Наутро гондорские фаланги вновь выстроились для боя.

Несмотря на тяжелые потери во вчерашнем бою, враги повторили свою атаку. Однако теперь командир гондорцев приказал ограничиться обороной — и беречь людей!

Они выдержали и этот день. Разрушенная деревня давала пищу кострам; в колодцах плескалась мутноватая, но добрая вода, мешки с провизией еще бугрились, туго набитые...

Словно по негласному уговору, сражающиеся выстроились на смертном поле и на третье утро.

— Мы будем стоять, пока не подойдет король или роханцы! — объявил своим командир гондорцев.

Воины Олмера попытались сменить меч на стрелу, но не слишком преуспели. Гондорская пехота имела крепкие доспехи; сколотили деревянные щиты для защиты лошадей — и продолжали стоять. И, верно, неистовую ярость — а потом и некий страх — вызывали во вражеском войске трое, дерзко выходившие из гондорских рядов, даже не беря с собой щитов: один невысокий, с длинным луком и двое кряжистых, с арбалетами, таких широкоплечих, что с ними не мог бы сравниться никто из людей. Эти трое казались заговоренными — даже пущенные с близкого расстояния стрелы отскакивали от их доспехов.

На четвертый день северный ветер, кроме холода, принес и долгожданные звуки гондорских рогов. Шла королевская конница!

Зовя на помощь своих, затрубили в рога и в лагере гондорской пехоты. Люди расхватывали оружие, поспешно строясь. Сейчас, сейчас все изменится, и победоносная кавалерия Гондора опрокинет самонадеянных вояк Олмера, довершив дело, начатое пешими воинами!

А полки Олмера, поняв, что происходит, действительно стали раздаваться в стороны, размыкая кольцо окружения. Поспешно, будто в панике, они отступали на юг; конные лучники прикрывали это отступление.

На севере показались первые гондорские конные сотни. И с первого же взгляда стало понятно, что с ними далеко не все в порядке, что они идут не с победой. Плохо держа строй, почти совсем без знамен и значков, на измученных, загнанных конях не мчалась, не летела — медленно текла заметно уменьшившаяся в числе конница. Радостные крики в стане пехоты замерли, сменившись сперва недоумением, а затем горчайшей уверенностью.

Они потерпели поражение и теперь отходили, и на их плечах наверняка висел многократно сильнейший враг.

Они подъехали, измученные всадники на усталых конях. Их встретили тяжким молчанием. Все было ясно без слов.

Королевский штандарт был потерян, и сам король ехал в простой броне, не отличимый от прочих воинов. Его окружали изрядно поредевшая гвардия, немногочисленные приближенные. Среди них оказался и Этчелион.

Переводя дух, приходили в себя гондорские конники. Стало легче — после неудачи они соединились со своей пехотой. Дальше отступать будет легче. А то, что армия будет отступать, не было секретом ни для кого. На сей раз король не скрывал своих планов.

Гондорцам не удалось пробиться на север. Полки Вождя повисли на королевской армии, точно псы на медведе. Они появились со всех сторон, словно давно знали, где и в каком числе пройдет войско Минас-Тирита. Несмотря на все старания воевод короля, Олмер искусно уклонялся от генерального сражения, нападая то в одном месте, то в другом, наносил внезапный удар — и его сотни откатывались. Пробовали преследовать — нарывались на засады. Гондорцы размахнулись широко — а выяснилось, что бить-то и некуда. Конные стрелки Вождя не жалели стрел. Хазги, что ни день, налетали, выпускали сотню-другую стрел — и отходили, неуязвимые для ответных стрел из-за дальности. Приближенные короля могли лишь теряться в догадках — откуда у Олмера все потребное для войны в эту зимнюю пору, почему его воины всегда сыты, на добрых, незаморенных конях, у них не переводятся припасы, в достатке оружия и запасных лошадей?

И все же, неся потери, гондорская армия упорно пробивалась на север, откуда должна была наступать рать Наместника. И лишь чудом прорвавшийся сквозь вражеские заслоны гонец принес черную весть, что Наместник, не выдержав беспрестанных атак Олмера, вынужден остановиться, чтобы не допустить прорыва врагов в глубь собственно арнорских земель. После этого король отдал приказ готовиться к решительному натиску — и тут-то Вождь явил, чем на самом деле он располагает. Он со сверхъесте-

ственной быстротой собрал полки с севера и запада — и по крайней мере втрое сильнейшее войско преградило путь ратям Гондора.

Опытный и осторожный Этчелион первым понял опасность. Атаковать подготовившееся к обороне воинство Вождя, огородившееся палисадами, атаковать в конном строю занявших крепкую позицию спешенных хазгов и ангмарцев означало — даже в случае успеха — потерю половины войска. И решение осталось только одно — отступать. На голой равнине невозможно было обойти врага так, чтобы он ничего не заметил, тем более что его разведчики висели на плечах войска. Отправив две дюжины нарочных к Наместнику со строгим приказом запереться в крепостях, свезя туда весь провиант, и отбиваться, король решил отойти. Оторваться от преследователей, подтянуть подкрепления, перерезать вражий тракт, по которому идет подмога через опустошенный Рохан... Если Олмер бросится в погоню — очень хорошо, Арнор останется неразоренным; двинется Вождь на север брать Аннуминас — приведя войско в порядок и соединясь с Эодрейдом, можно идти вслед, стараясь незаметно, вдоль гор прорваться в Арнор и там уже дать бой...

Однако кого отступление на юг не устраивало ни в коем случае, так это хоббита. Хоббитании впрямую грозила смертельная опасность — как мог он уходить в такое время?

— Если король пойдет на юг, я буду пробиваться на север сам, — заявил он ошарашенным друзьям. — Мне на юге делать нечего. Вдобавок — уверен! — в Арноре не обойдется без измены. Архар у меня из головы не идет!

— А мне кажется, все решится не здесь, а под Серой Гаванью, — заметил Беарнас. — Олмер все равно двинется туда. Там и быть решительному бою.

— А я не покину своих! — нахмурился Атлис.

Грозил разгореться ненужный спор, и Торин мудро предложил отложить все решения на утро. Все равно войско стоит на месте.

Однако на рассвете они поняли, что ничего решать им уже не придется. С каким-то непостижимым умением Олмер вновь, в который уже раз, преподнес сюрприз своим противникам. Окрестности обширного гондорского лагеря черным чернели от подошедшего ночью вражеского войска. Гондорская конница понесла большие потери на обратном пути от непрестанно наседавших хазгов, истерлингов, ангмарцев — и вот эти же самые полки теперь стояли перед ними вновь, на сей раз в твердой решимости покончить дело сразу.

Однако гондорцы были тоже не робкого десятка. Согласно запели рога, призывая ратников в строй, тем более что противостоящее им войско не казалось намного сильнее гондорского. На глаз бойцов в нем было в лучшем случае раза в полтора больше, чем в королевской армии.

— Ну и что теперь? — сумрачно осведомился Торин невесть у кого. — Бежать вроде некуда...

«Как все похоже, — подумал хоббит, бегом бросаясь к своему месту в строю лучников. — Раз за разом Олмер берет одним и тем же, одним и тем же приемом — за ночь подтягивает разбросанные силы к означенному месту. Не иначе как улагов гоняет...»

Гондорской армии бежать было некуда, и она быстро построилась для боя. Враг явно не собирался атаковать первым. Его строй изгибался полумесяцем, крылья хищно вытянулись вперед — там неразличимо для глаза хоббита темнели конные полки. И в любой момент могли подойти свежие силы с севера. Наместник наверняка спешит поскорее укрыться за высокими стенами крепостей, где уж ему оттянуть на себя сколько-нибудь сил вражьего воинства!

Выстроились. Впереди — конные и пешие стрелки, зачинатели боя. За ними — лес копий щитоносной пехоты, еще дальше — вторая линия латников. По бокам и в тылу стояла гондорская конница.

Преддверие битвы молчаливо. Тишина над полем неприкосновенна до времени. Кто дерзнет нарушить — в том слабее дух.

Поддаваясь общему мрачно-неколебимому настрою, хоббит стоял, приспустив лук, вглядываясь в ряды неприятеля. Высоко реяло знамя Олмера — и вдруг шевельнулось, поплыло вперед...

Небольшая кучка людей выехала из вражеского строя — и у хоббита перехватило дыхание; он не мог ошибиться — после битвы у Болотного Замка он впервые видел Олмера! Рядом ехали Санделло и еще несколько военачальников. Рог в руке трубача выводил призыв к переговорам.

Спокойной рысью кони Олмера и его свиты направлялись прямо к гондорским шерengам. Оттуда донесся ответный голос рога и тоже показались люди.

Две кучки всадников съехались примерно посередине разделявшего две армии пространства. Некоторое время они стояли неподвижно — очевидно, переговариваясь. Затем Олмер и его свита остались стоять на месте, гондорские же посланники поспешно отъехали и скрылись в рядах войска. Ничего не происходило. Олмер терпеливо ждал. Ни одна из сторон не подавала сигнала атаки. Хоббит искусал до крови губу — если бы Вождь оказался хоть на полсотни шагов поближе! И, не в силах сдержать искушение, Фолко медленно, шажок за шажком, стал подбираться ближе... Он укрывался за спинами первых рядов, толкался, наступал кому-то на ноги, его раздраженно пихали в ответ — но он пробирался, пробирался все дальше, и эльфийская стрела уже была зажата в зубах.

Однако Олмер словно почуял что-то. Внезапно он тронул коня

и неспешным шагом отъехал шагов на сто к своим полкам. Фолко только стиснул зубы в бессильной ярости.

А потом в гондорском войске внезапно заиграли сразу несколько десятков больших рогов, и на поле один, в полном вооружении, с копьем наперевес, выехал король.

— Твой вызов принят! — возгласил он, привставая в стременах и напрягая голос так, чтобы его услышало как можно больше воинов. — Владыки Запада не бегут от опасности! Бери же копье — и сразимся!

— Вызов... вызов... Король будет биться! — пронеслось словно ветер по гондорским рядам.

Владыка Гондора был величествен в сияющих доспехах и крылатом шлеме, с небольшим щитом, на котором красовался инкрустированный самоцветами герб Соединенного Королевства. И по мягкому отблеску металла колец и наплечников хоббит понял, что король закован в мифрил и, следовательно, почти неуязвим.

Теперь все взгляды гондорских воинов обратились к Олмеру. Тот спокойно сидел на своем вороном жеребце, завернувшись в черный плащ и низко надвинув капюшон. Фолко не видел верхней части его лица и глаз; только подбородок виднелся, белый, словно пролежавшая невесть сколько на ветрах и дождях мертвая кость. Безжизненной жутью веяло от этой фигуры, и Фолко мог только поражаться, насколько быстро произошли зримые и ужасные перемены в Вожде после того, как в Болотном Замке Мертвецкие Кольца слились.

Санделло подал Олмеру копье, щита же Король-без-Королевства не взял вовсе. И никто не мог понять, есть ли на нем вообще какие-нибудь доспехи.

Король Гондора неспешно поднял свой золоченый рог, затрубил. И в тот же миг, словно лопнули невидимые канаты, конь Олмера рванулся с места, с каждой секундой убыстряя бег. Неистовый рев раздался из рядов воинства Олмера.

Но и конь владыки Гондора ничуть не уступал коню его противника. И он столь же молниеносно начал разбег. А хоббит, затаив дыхание, следил, как сближаются две фигурки — светлая и темная — и как наконечники копий обоих противников горят, точно небольшие звезды... Прошлое сшибалось с настоящим, далекий потомок Боромира требовал уплаты по счету от потомка победившего соперника.

Олмер скакал, небрежно свесив копье куда-то в сторону; король же мчался, пригнувшись к гриве коня, взяв на изготовку щит, и копье его было нацелено прямо в грудь несущемуся навстречу противнику.

Всадники стремительно сближались, сердце хоббита, казалось, вообще перестало биться. Король Гондора не мог не победить! Здесь, в честном бою, грудь на грудь... Сейчас, сейчас они сшибутся, и светлый витязь опрокинет темного, втопчет его в землю копытами боевого коня — и Долг хоббита будет исполнен.

Но Олмер не принял предложенного ему честного боя. Король шел на поединок, чтобы победить или умереть, а Олмер шел только побеждать. Слишком грандиозен был замысел Короля-без-Королевства, чтобы подвергать его различным непредсказуемым опасностям.

Когда всадников разделяло не больше тридцати шагов, Олмер внезапно поднял своего коня на дыбы; копье полетело в сторону, отброшенное, а из глубины черного плаща обтянутые перчатками руки молниеносно извлекли лук и стрелу. Подобно молнии неуловимое движение — и тетива натянута. Невероятно короткая пауза — и тетива отпущена.

Тяжкий, подсердечный не то стон, не то вопль ужаса, и скорби, и ярости вырвался у гондорских воинов. Конь их Короля еще скакал, но сам Повелитель Гондора уже опрокинулся на спину, медленно валясь из седла, и из смотровой щели его шлема торчала черная хазгская стрела.

Олмер не зря носил прозвище Злого Стрелка. И тотчас хрипло взвыли рога в войске Вождя. И, нахлестывая коней, рекой, прорвавшей запруду, ринулась истерлингская конница; с места в бешеный карьер понесли низкорослые коньки хазгов; захлопали арбалеты ангмарцев; вся масса Олмерова войска устремилась вперед, и от их боевого клича, казалось, вот-вот расколется и рухнет небо.

Молода сила Востока...

И едва тело Повелителя Гондора исчезло под лавиной конских копыт, словно что-то сломалось в гондорском войске. Разламываясь, разрываясь, превращаясь в беспорядочное месиво бегущих, подались назад его полки. Волна бегущих подхватила Фолко, закрутила, потащила за собой.

Клинья ангмарцев резали толпы отступающих, каждый клин — точно коса над травами...

Фолко прыгнул, бросаясь под самые копыта ангмарского коня, выбросил вверх руку с мечом, ощутил упругое сопротивление пронзаемой плоти, заученным движением выдернул клинок, бросился дальше. Гномы не сдвинутся с места, они будут ждать его...

Рассекая воздух, над самым ухом свистнул ятаган врага. Хоббит упал, сжимаясь в комочек, лошадь перемахнула через него — и Фолко потратил стрелу, всадив ее точно у основания шеи в открывшийся на миг зазор в доспехе.

Гномов он увидел внезапно — пространство вокруг неожидан-

но очистилось, конница Вождя шла дальше, а пехота еще не подоспела. Торин и Малыш стояли над несколькими неподвижными телами, уже окровавив клинки.

— Бежим! — завопил не своим голосом Торин.

И они побежали. Они бежали прочь, к лагерю, где оставались их кони и пожитки, бежали, огрызаясь короткими выпадами. Конные воины Олмера на всем скаку рубили пытавшихся спастись бегством гондорцев; и лишь те, у кого хватало мужества обернуться, встав спина к спине, могли пробиться из смертельного кольца.

Каким-то чудом гномы и хоббит добрались до лагеря — как раз в тот момент, когда в него ворвались доскакавшие до него первыми истерлинги, прежде всего бросившиеся захватывать неприятельских коней. У коновязи завязалась отчаянная рубка; хоббит и гномы уже приметили своих лошадей, но до них еще предстояло добраться.

И они добрались, несмотря на все попытки истерлингов остановить их. Был момент, когда плечи Торина захватил аркан, но Фолко и Малыш разом вцепились в ремень, дружно рванули вместе с Торином — и незадачливый поимщик вылетел из седла; даго Маленького Гнома довершило дело.

Вскочив в седла, они успели выбраться из кипения боя. Несколько раз в них попадали стрелы — и хоббит трясся от ужаса, но не за себя, а за коней, однако все обошлось. Они погнали своих коньков прочь, на северо-запад, где в отдалении темнела небольшая роща. А у них за спиной довершался разгром гондорской армии.

— Сам Дьюрин и, верно, Светлая Королева хранят нас — не знаю, для какого уж конца, — вздохнул Торин, когда глубокой ночью они наконец остановились, давая отдых заморившимся лошадям. — Уж третий раз чудесно спасаемся! Не к добру это.

— Да не каркай ты! — поморщился Малыш. — И так тошно. Скажи лучше: теперь-то куда? Вот уж, по-моему, положение — хуже не придумаешь. Армия Гондора разбита, теперь Олмер — хозяин Эриадора.

— Пойдем на север, в Арнор, — отозвался Фолко. — Будем драться там.

— А толку-то! Олмер же эту Наместникову рать сметет одной ладонью!

— Ну не сдаваться же, — проронил хоббит.

— Да уж, — проворчал Торин. — Мы этому Вождю так насолили, что теперь нас никакие браслеты не спасут. Живьем изжарит, самое меньшее!

— Или колесует, — предположил Малыш. — Может, сразу уйти в Халдор-Кайс?

— Можно... — несколько неуверенно протянул Торин. — Вряд ли станет Вождь наши пещеры штурмовать... а может, и станет. С его-то силой... Помнишь, как он дверь в пещере разнес?

— Если он решил добраться до Всевластья — никакие пещеры вас не спасут, — заметил Фолко. — Порушит он все, а что оставит — Пожиратели Скал довершат. Да и от моей Хоббитании мало что останется. Либо сожгут в дым, а земли каким-нибудь ховрарам отдадут, либо всех в рабов обратят, данью обложат... Ну да только я этого не увижу.

Гномы мрачно потупились.

— Если Мрак одержит победу... — тихо сказал Торин, — я все равно оружия не сложу. Один стану драться! Пока не убьют. Постараюсь обойтись им подороже.

— Я тоже, — присоединился к нему Малыш.

— Так что деваться тебе некуда, — без улыбки сказал Торин. — Помнишь наше правило — куда двое, туда и третий.

— Ладно! — оборвал друзей Фолко. — Пока что надо из Олмеровых лап живыми уйти. Я уже предлагал — идем в Арнор, только теперь, думаю, мне придется в Хоббитанию завернуть.

— Что ты там сделаешь один? — пожал плечами Торин. — Это тебе не Саруманovы бандиты и бродяги, что заняли твою страну в конце Войны за Кольцо! Это, брат, настоящая армия, с ней луками не справиться. Если они за Хоббитанию всерьез возьмутся...

— Вот на этот случай и надо готовить исход, — ответил Фолко.

— От Всеобщего Мрака только в Заморье спастись можно, — вздохнул Малыш.

— Я не о том. Увести хотя бы, чтобы дуром под мечи да копья не попали...

— Короче, решено! — хлопнув себя по коленям, поднялся Торин. — Малыш! Глянь: как там кони? Заря близка, пора в дорогу.

Они пробирались по сумрачной, пустынной Эриадорской равнине, тщательно обходя шарившие по окрестностям отряды Вождя. Атлис пропал где-то в суматохе; в дороге к ним прибились четверо гондорских воинов.

— Большинство на юг побежало, — говорил один из них, по имени Андорм. — Но немало и на север подалось. Я думаю, вражина этот зубы себе об аннуминасские стены еще поломает — а там, глядишь, принцы с харадримами управятся и нам на помощь придут.

Они шли без дорог, держа направление к Сарн Форду. Фолко хотел прежде всего побывать в Южном Уделе, поднять тревогу,

сказать, чтобы все уходили, плюнув на имущество, в Старый Лес, где и дождались бы окончания войны. А там видно будет... Хоббит потерял счет дням и не мог точно сказать, наступил ли уже новый год или еще тянется декабрь. У них кончались припасы, вот-вот могли пасть кони гондорцев — далеко не столь неприхотливые, сколь хазгские коньки хоббита и гномов.

Где-то в суматохе битвы потерялись эльфы и Атлис — и хоббит запоздало корил себя, что они не удосужились осмотреть мертвое поле, даже не попытались отыскать спутников... И слабым утешением служило то, что они сами могли погибнуть при этой попытке.

Удача долго сопутствовала им. Похоже, им удалось отдалиться в сторону от той полосы, по которой наступала победоносная армия Вождя; края вокруг них оставались пустынны и мертвы.

Торговый посад, что стоял на перекрестке речной и сухопутной дорог, встретил их зловещей пустотой. Лишь на главной улице грызлось несколько псов. Жители ушли, но ушли не в спешке — вывезли все. Лишь случайно в одном из амбаров путникам посчастливилось разжиться зерном.

И они расслабились, несмотря на все уговоры хоббита, решили сделать дневку, отогреться, передохнуть. На этом настаивали гондорцы; гномы сперва колебались, но когда Малыш с торжествующими воплями сообщил, что нашел целую бочку пива, тоже решили задержаться. Оставшись в одиночестве, хоббит был вынужден подчиниться.

И проспали, разморенные, в тепле, проспали, как последние разгильдяи, а когда очнулись, было уже поздно. В городок скорым аллюром ворвалась истерлингская конница.

Счастье еще, что приютивший их дом стоял на отшибе, а степняки принялись по-хозяйски устраиваться на главной улице.

— Влипли... — побледнел Малыш.

— Там не только истерлинги, там еще и орки! — обрадовал всех Торин, выбравшийся на чердак и некоторое время обозревавший окрестности.

— Что ж, ждем до темноты, а там попытаемся ускользнуть... если раньше нас не накроют, — с удивительным для самого себя спокойствием пожал плечами Фолко.

Они ждали. Городок опоясало кольцо из вражеских постов, и орочьих, и истерлингских. А потом они с мрачной обреченностью увидели, как кучки хлопотливых, точно муравьи, орков стали разбегаться по окраинным строениям, обыскивая их с чердака до подпола.

— Ну держи-и-ись... — сквозь зубы протянул Торин, берясь за топор.

Они поспешно вскочили, застегивая последние пряжки на доспехах. Гномы стали по обе стороны от входной двери, хоббит с

луком притаился в углу, за перевернутой кроватью, держа на прицеле дверной проем; гондорцы тоже укрылись кто куда. Очень быстро выяснилось, что ждать придется недолго — прямиком к их убежищу торопился, уткнувшись носом в землю и будто что-то вынюхивая, здоровенный орк.

Друзья обменялись быстрыми взглядами. Орк не должен был даже пикнуть.

Однако возле самого палисадника тот повел себя как-то странно. Он не торопился войти, но и не звал никого на подмогу. Повертевшись так с минуту и словно решившись, он наконец поднялся на крыльцо — и все обомлели, услыхав негромкий вежливый стук в дверь.

Все оторопели. Стук повторился, несколько более настойчивый.

Лицо Малыша под неопущенным забралом стало белее морского песка.

— Открывай, — одними губами приказал ему Торин.

Маленький Гном потянул незапертую дверь на себя.

— Не надо стрелять, я не враг вам, — услышали они грубоватый, хриплый, но вовсе не злобный голос.

Орк шагнул через порог, подняв вверх безоружные руки. Он снял шлем, оставил на крыльце ятаган, плоское лицо показалось хоббиту чем-то неуловимо знакомым — он видел его где-то! Цитадель Олмера? Отряд Отона? Нет! Раньше, много раньше!

— Если не враг, то входи, — хрипло, в тон орку, не то скомандовал, не то пригласил Торин.

— Начальник приказал прочесать окраины, — быстро, скороговоркой начал странный гость. — Вы трое, — он указал на друзей, — и ваши приметы есть в списке тех, кого командиры отрядов должны изловить при малейшей возможности. Начальник оцепил поселение. Завтра будет еще более тщательный обыск. Вам нужно укрыться до ночи, а в темноте я проведу вас мимо сторожевых постов.

— Почему? — медленно спросил Малыш, не сводя с орка внимательного взгляда и не пряча оружия. — Почему ты хочешь спасти нас? Откуда ты знаешь, кто мы?

— Мы встречались, — криво ухмыльнувшись, ответил орк. — Мы встретились в Мории, почтенный гном, и славно бились там. Вы захватили меня в плен, допрашивали... Я приготовился к смерти, но вы сдержали слово — отпустили меня, когда я рассказал вам то, что вас интересовало. Я не забыл. Орки тоже знают, что такое благодарность, во всяком случае, мы, чьи предки служили Белой Руке. Я нашел застежку от твоего плаща, почтенный. — Он протянул зажатую в его кулаке фибулу Торину. — Я нашел ее на улице и сразу же понял, что вы здесь. Долг платежом красен. Я здесь, чтобы помочь вам скрыться. Сейчас я должен идти —

вам придется рискнуть и поверить мне, или — что ж! — попытайтесь прикончить меня, но тогда вы все тоже погибнете.

Молчаливое совещание семи путников длилось недолго.

— Иди. — Торин шагнул в сторону, освобождая дверь. — Будем ждать тебя.

Когда орк скрылся, Малыш подпрыгнул и завертелся волчком.

— Ну, если не предаст...

— То что? — осведомился Фолко.

— То я извинюсь перед ним за то, что так долго очень плохо думал о его народе, — серьезно, без тени усмешки ответил Маленький Гном.

Орк не предал их. Когда смерклось, он действительно появился, возник серой тенью из ночного сумрака. Не говоря ни слова, он повел их долгим логом прочь от городка. Пару раз их окликали, орк-провожатый спокойно называл отзыв. Фолко заметил, что у него за плечами большой туго набитый мешок.

— Как же ты вернешься назад? — тихо спросил его Фолко.

— Я не вернусь, — последовал быстрый ответ. — Уйду, как уже давно замыслил. Тут сбивается одна компания...

Он оборвал себя, умолк и, когда хоббит попытался продолжить расспросы, знаком приказал молчать.

Они благополучно миновали и третий пост — на мосту через Брендинвин.

— Эй, куда ты? И кто это с тобой? — все же окликнул их начальник караула, широкоплечий истерлинг, когда путники уже ехали по середине моста.

— Недавно с юга прискакали, — обернувшись и замедлив шаг, ответил орк. — Начальник велел за посты проводить.

— Что-то мне ничего об этом не сообщали, — удивился истерлинг.

— Да брось ты, ты меня не знаешь, что ли, Бродда?

— Тебя-то я знаю, а вот их — нет. Эй, почтенные! Остановитесь-ка.

— Эй, Бродда, или как там тебя, читать умеешь? Подорожную Вождя осилишь? — вдруг заговорил Малыш, поворачивая коня и в самом деле разворачивая какой-то внушительного вида пергамент.

Истерлинг с уважением поглядел на грамоту, повертел ее так и этак и бережно вернул.

— Ну проезжайте, проезжайте... — ворчливо сказал он. — И вы того... я ж по службе.

— Да ладно, — бросил Маленький Гном, пряча пергамент.

Никем более не остановленные, они благополучно добрались до недальнего леса. Остановились и только теперь, когда орк сказал, что можно говорить, кинулись к нему с благодарностями. Малыш и впрямь стал извиняться.

— Не стоит, — оборвал их орк. — Мы враги, помните это. Когда-нибудь, быть может, наши народы и помирятся. Синий Туман гонит нас на поверхность. Но до этого нам, кому не по пути ни со Светом, ни с Тьмою, ни с какими еще Силами, нужно создать свое собственное царство. Тогда и поговорим. А сейчас прощайте! И помните: встретимся в поле — будем драться.

Орк повернулся и тотчас исчез в темноте.

У путников не было времени дивиться этому новому нежданному подарку Судьбы. Они спешили дальше на северо-запад, по старому тракту, который вел через Южный Удел и Делвинг к Серой Гавани. Хоббитания быстро приближалась.

А небо на востоке ночами обагрялось кровавыми сполохами; зарево неуклонно продвигалось на север, и значило это, что Олмер по-прежнему теснит противостоящие ему разрозненные арнорские, гондорские и роханские дружины.

Шли в тяжком молчании; в памяти Фолко вставали самые мрачные страницы исторических хроник. Оставалось только надеяться, что заплаченная за победы на Андуине и Исене цена окажется слишком высокой даже для многочисленных ратей Вождя и что они поломают зубы о гранит арнорских цитаделей. Пока еще держался Минас-Тирит, пока стоял Аннуминас — жива была и свобода Запада.

Фолко встряхнулся и усилием воли запретил себе думать об этом. Есть задача — уберечь от всепожирающего пламени войны хотя бы часть Хоббитании. Ее он выполнит — или умрет. Сейчас важнейшим для него полем боя становились луговины родины.

Примыкавшие к Хоббитании с юга края никогда не могли назваться «густонаселенными», но все же народу там жило немало. Жители торгового посада на Брендивине успели убежать — скорее всего в Арнор; обитатели же деревень вдоль тракта хоть и встревожились, видя надвигающееся зарево бушующих на востоке пожаров, но спасаться бегством не собирались. Многие, как и в дни вторжения Олмера из Ангмара, попрятали имущество, угнали большую часть скотины, отправили детей и женщин на дальние, укрытые в лесах выселки, сооруженные еще в дни разбойничьего разгула, но сами по-прежнему толклись возле своих домов. Фолко почти никого не видел с оружием, судя по всему, селяне и не помышляли об обороне. Вспомнился неистовый Эйрик и его слова, обращенные к Рогволду: «Погодите, вот еще понадобится народ поднять...» Понадобилось. И что же? Едва один из двадцати умеет сладить с мечом!

— Бегите! — кричал хоббит селянам, собиравшимся вокруг их отряда в каждой деревне. — Тут пройдут восточные люди вкупе с

орками — пустое место останется, так что и косточки никто в могилу не упокоит. К Наместнику надо идти! На стенах отбиваться!

И каждый раз Фолко получал одинаковый, разнящийся лишь в деталях ответ:

— Да чего уж там... Мы уж сами как-нибудь. Окраина, кому мы нужны? Авось обойдется... Прошлый раз обошлось — и этот, глядишь, пронесет.

Кое-кто, конечно, все же доставал верное зверовое оружие и, сбиваясь в малые ватажки, уходил на северо-восток — в обход Могильников к Пригорью.

«Ах, Повелитель, Повелитель Гондора! — с горечью подумал хоббит. — Тебя нелегко было заставить уверовать в опасность, но когда ты уверовал, то умереть смог истинно по-королевски. И все же... Не твоя ли вина, что наследники дунаданцев, нуменорцев разучились держать клинки?!»

Но не только война грозила напуганным крестьянам.

«Вновь пробудились Могильники, земля стонет и ходит ходуном, — шепотом, с оглядкой говорили селяне хоббиту. — Жуткая нежить выползает на свет, кто увидит ее — умрет».

Фолко криво усмехнулся, вспомнив собственные приключения в самом начале пути. Но, быть может, Призраки изменились, набрав силы от поклоняющихся им? Не поднял ли их Олмер, как Новый Хозяин, не приказал ли вкупе со всем прочим его воинством идти то ли в Аннуминас, то ли к Серой Гавани? Проклятье, стоит подумать о чем-то скверном — непременно сбудется...

Холодным днем они подъехали к границе Хоббитании.

— Тут мы простимся, — сказал гондорский старшой хоббиту. — Воля Великого Короля священна для нас. Он запретил подданным его Короны и Скипетра вступать в пределы твоей страны — и не нам нарушать это. Прости и прощай! Мы идем к Пригорью и дальше — в Форност или Аннуминас.

Друзья остались втроем. Они стояли на невысоком холме, глядя на змеящуюся внизу бесконечную изгородь — наподобие той, что устраивают вокруг огородов, чтобы скотина не забрела, — изгородь, обозначавшую границу Хоббитании. Никакой стражи, естественно, и в помине не было, ворота распахнуты настежь — а дальше, словно по волшебству, облик земли менялся сразу. Квадраты полей и покосов; тесно лепящиеся друг к другу строения, дома, склады, сараи, мастерские, лавки; в склонах пригорков видны были круглые двери и окна подземных нор. Самих хоббитов на дворе не очень-то много — время обеденное, да и какие особые полевые работы зимой?

И страшно становилось от мысли, что все это мирное, благочинное житье исчезнет в одночасье, сметенное неистовыми ратями Олмера.

У хоббита комок встал в горле. Четвертый год шел, как он по-

кинул родные края; было время, когда они снились чуть ли не каждую ночь, а потом воспоминания словно притупились. Даже Милисента ушла куда-то в тень. И вот теперь все это, столь долго лежавшее под спудом, вдруг ярко полыхнуло, да так, что недолго и обжечься! Остро, до стона, потянуло домой. Но — нельзя. Вряд ли враги, если только не займутся специально охотой на хоббитов, доберутся до лежащего даже по хоббичьим меркам на отшибе Бэкланда. Скорее уж они прокатятся по центральным и западным частям страны. Их обитателей и надо предупредить в первую очередь.

Фолко тронул поводья. Его конек неспешной рысью двинулся вниз с холма. Гномы трусили за ним, чуть поотстав, и молчали — понимая, верно, что у него сейчас на душе.

Они миновали изгородь, аккуратно затворив за собой ворота. Прекрасной дорогой, что вела в самое сердце Хоббитании — к Преогромным Смайлам Тукков — обиталищу Тана, с коим надлежало переговорить в первую очередь, к Хоббитону, а немного к западу от них — Мичел Делвинг, там живет Мэр. Фолко вздохнул. Убедить собственных сородичей как можно скорее уходить — хоть в тот же Старый Лес, под защиту Тома Бомбадила — будет, похоже, потрудней, чем остеречь короля Гондора, светлая ему память...

Прошло не очень много времени, и одиночные фермы стали сдвигаться, близилась первая хоббичья деревушка. На пришельцев глядели с удивлением, но не больше — гномы частенько хаживали по Хоббитании, правда, последнее время почти совсем пропали. Фолко то ли не узнавали, то ли не спрашивали из деликатности.

Глядя на мирную деревенскую суетню, Фолко невольно натянул поводья. Не хватало только сейчас начать разбираться в собственных чувствах. Сородичей надо было спасти, даже если они сами не слишком понимают при этом, от чего их спасают, — потому что один раз, в конце Войны за Кольцо, они уже проспали Хоббитанию.

Он уже совсем собрался ехать дальше — не останавливаться же в каждом селении! Тревогу должны объявить Тан и Мэр, им верят, их послушаются, потому как Фолко по себе знал, сколь крепко придерживаются хоббиты собственных, пусть и неписаных, правил, гласящих, что если уж Тан сказал — надо все бросать и делать, как он велит.

— Эй, погоди-ка! — остановил его Малыш. — Если уж мы здесь — почему бы не испробовать вашего знаменитого пива, хотел бы я знать?

Маленький Гном, не слушая возражений, решительным шагом направился к трактиру, находившемуся, как и положено приличному, знающему себе цену заведению, на том месте, что могло бы

с некоей натяжкой быть названо главной деревенской площадью. Вокруг тесно стояли опрятные одноэтажные длинные дома, почти все каменные, в окнах торчали любопытные лица; увидев, как один из новоприбывших заходит в трактир, вслед ему отправились еще добрых два десятка охочих до новостей хоббитов.

Фолко поморщился, но пошел за ним. Хотя, по правде говоря, от пива бы и он не отказался...

В трактире их тотчас обступили. Гномы отложили оружие и для начала воздали должное искусству местных пивоваров. Маленький Гном удостоился всеобщего молчаливого уважения, одним духом опростав здоровенную пивную кружку, на что здешним завсегдатаям требовалось не меньше четырех приемов.

Начались расспросы. Кто, откуда, куда путь держите, по торговым делам либо по своей надобности, что слышно на рубежах?!

— Что слышно — война! — брякнул пустой посудиной Торин.

Наступила тишина. Не слыхали они ничего еще, что ли, подивился Фолко. И вышел вперед.

— Здравствуйте, сородичи! Я — Фолко Брендибэк, сын Хэмфаста из Бренди-Холла...

Таверна взорвалась изумленными возгласами. Ну и дела! Нашелся пропавший невесть куда молодой Мастер Фолко, племянник самого Паладина. Главы Рода Брендибэков и Хозяина Бэкланда! Нашлись помнившие Фолко в лицо, и сам он узнал кое-кого. Однако Фолко не дал беседе пойти обычным для такого случая путем. Властно остановив галдящих сородичей — а сам он был выше ростом самого высокого из них на голову и ладонь, — он стал говорить о надвигающейся опасности, об идущих с юга захватчиках, о том, что со дня на день они могут оказаться здесь — и что на этот случай надо немедленно, закопав самое ценное, уходить, прятаться, лучше всего — в Старый Лес. Сражаться — бессмысленно, врагов слишком много, сколь доблестны бы ни были хоббиты, их сомнут числом (Фолко щадил самолюбие родичей).

— Неужели вы не видели зарева? — спрашивал окружающих Фолко. — Да, пока битвы идут восточнее — но все может измениться в одночасье. И нежить поднялась из Могильников! (Тут все побледнели.) Нужно прятаться! А если беда пройдет стороной — что ж, значит, пронесло. Но рассчитывать на это нельзя!

Фолко взывал к самому сильному чувству хоббитов — неистребимому здравомыслию. И порадовался, видя, как озабоченно зачесали в затылках, наморщились хозяева отдаленных, на самом пограничье стоящих ферм.

— Мастер Брендибэк дело говорит, — послышался чей-то пока одинокий голос.

Собравшиеся вокруг Фолко хоббиты шумно загалдели. Как всегда, немало нашлось тугодумов, считавших — авось пронесет. Кто-то начал кричать, что, мол, стоит нам уйти, тут-то разбойники нашим добром и поживятся, но вскоре верх взяли более здравомыслящие.

— Только, Мастер Фолко, я вам так скажу, — заявил старый Том Сдобкинс, один из самых рачительных и зажиточных здешних хуторян. — Стариков, ребятишек, девок в Лес упрятать — это, конечно, хорошо. Потому как, ежели я вас понял путем, пахнет тут не бродягами, что в Битве у Хоббитона господа Мериадок и Перегрин разбили... Но лучников собрать все равно следует. Собрать и по рощам расставить. А там видно будет.

— Я непременно скажу об этом Тану и Мэру, — пообещал Фолко.

— Все поняли? — обвел собравшихся пристальным взглядом Том. Судя по всему, он пользовался здесь авторитетом. — Мы — крайние, на самом кону сидим. Нечего слова Тана ждать! Рассылайте гонцов! И сами начинайте собираться, а охотников с луками — всех сюда, в трактир. Вам бы, Мастер Фолко, от Тана — да прямиком сюда! По одежке вашей видно — сражаться вы привыкли. Нам это куда как сгодилось бы!

Его шумно поддержали, в добрых сорок голосов уговаривая Фолко вернуться к ним. Надо признать, что это оказалось приятно.

— Мне еще своих повидать надо, — возразил он.

— Кто ж спорит, Мастер Фолко! Конечно, надо! И дядюшка ваш, слышали мы, весь извелся, даром что Хозяин Бэкланда, и тетушка все глаза проплакала... Только вам из Туккборо еще в Бренди-Холл лететь — времени мало. Мы им письмо напишем, а младшенький мой и отнесет. Пони у нас резвые, одна нога здесь, другая там — завтра к вечеру до Мастера Паладина ваше письмецо и дойдет.

— Это верно. Хозяин, перо и бумага найдется?

Перед Фолко мигом появилось просимое. Деликатные хоббиты отвернулись, когда Фолко склонился над чистым листом. В разговор вступили Торин и Малыш, советуя, как лучше всего устроить заграждения на пути степной конницы. Том Сдобкинс тут же стал отдавать распоряжения.

«Дядя, я вернулся, — написал Фолко после долгих мук. Хотелось сказать что-то теплое, но черная тень нависшей угрозы заставляла невольно прятать все ласковые слова. — Еду по сарнфордской дороге в Туккборо, к Тану. На Хоббитанию идет отряд степняков и орков. Я посылаю всех с южной границы к вам. Спрячьте их в Старом Лесу и сами уходите туда, если дела пойдут плохо. Поцелуйте от меня тетушку, и привет Милисенте». Фолко подписался и запечатал конверт.

Младший сын Тома Сдобкинса уже стоял с пони наготове. Получив письмо, он поспешно вскочил в седло и ускакал прочь. За плечами его уже виднелся небольшой охотничий лук.

Не мешкая, друзья поскакали дальше. Том отправил с ними вместе гонцов — им предстояло поднять другие поселения по тракту. Иные посыльные поспешили на запад и на восток — вдоль рубежа, поднять тревогу там.

Словно от камня, брошенного в тихий пруд, по жившей доселе бестревожной жизнью Хоббитании пошли круги недобрых вестей. На всем пути от границы до Туккборо Фолко и гномы останавливались в каждом поселении, повсюду вызывая страшный переполох. Чем дальше от границ Хоббитании, тем более мирней была жизнь, тем тяжелее на подъем хоббиты, но Фолко говорил с такой страстью, что ему волей-неволей верили. И хотя многие ворчали — мол, неслыханное дело, в Старом Лесу прятаться! — народ начинал шевелиться, хоть и не так бодро, как на рубеже. Двадцать миль сделали только к вечеру второго дня пути.

Их взорам открылся благословенный, ухоженный и чистый край. Справа в долине перемигивался уютными огоньками Хоббитон, за ним угадывалась горка Бэг-Энда, а строго на восток от главного тракта отходила дорога на Туккборо. Друзья повернули коней.

Тан Перегрин VI, как говаривали многие, очень походил на своего знаменитого предка. Очень высокий для хоббита, четырех с половиной футов, он встретил нежданных гостей в прихожей. Из многочисленных дверей высовывались любопытно-встревоженные рожицы младших Тукков — гонец Тома Сдобкинса опередил друзей, загодя доставив Тану известие о надвигающейся опасности. Надо отдать должное Перегрину, он не растерялся. Мэр Вилло, добропорядочный хоббит из рода славного Сэммиума Гэмги, явив небывалую для хоббита его годов прыть, прискакал в Преогромные Смайлы Тукков.

Фолко и гномы вкратце рассказали обо всем.

— Мы опередили у Брендивина, на Сарн Форде, отряд из истерлингов и орков. Судя по всему, они двигаются строго по тракту. Их несколько тысяч! Все Ополчение Хоббитании не выстоит перед ними в открытом бою. У нас нет доспехов, нет копий, нет щитов... Если что-то и найдется, так это по большей части луки да немного мечей. Надо уходить. — Фолко повторил, что, по его мысли, надлежит сделать. — И лучше переоценить опасность, чем недооценить ее, — закончил он.

Тан и Мэр сосредоточенно кивали. На столе стояли нетронутые кружки пива — вернейший признак того, что собеседники забыли обо всем, кроме дела.

— Что ж! — просто сказал Вилло. — На то мы и собрались здесь, чтобы в случае нужды решить за всю Хоббитанию. Я пошлю Слово. Пусть все уходят в леса. И, — он вдруг поник головой, — как же счастлив я буду, если все это окажется лишь невоплотившейся угрозой и над нами будут хохотать все, от мала до велика!

— Я объявлю сбор Ополчения, — пристукнул кулаком Тан. — Второй раз мы не дадим захватить себя врасплох!

Тихая Хоббитания встала на дыбы. Слова Тана и Мэра заставили бросить все дела даже самых ленивых и беспечных. На следующее утро гонцы достигли самых отдаленных уголков, повсюду объявляя тревогу. А в Туккборо мало-помалу стали стекаться хоббиты, мрачные, насупленные, прихватив с собой испытанное охотничье оружие. По плану Фолко, им предстояло скрытно расположиться в лесах Южного Удела и, если разбойники всерьез возьмутся за разорение страны, постараться хоть как-то отплатить им.

— Но сам я полагаю, — говорил Фолко внимательно слушавшим его Мэру и Тану, — что они не станут здесь задерживаться. Грабить у нас что? Утварь наша, одежда им ни к чему. Домами или норами не воспользоваться. Золота у нас отродясь не бывало. Думаю, пронесутся просто коротким путем к Серой Гавани...

— Хорошо бы, — вздохнул Вилло.

Через два дня после приезда Фолко в Туккборо туда же прискакал и дядюшка Паладин. Фолко ощутил внезапную дрожь в коленях, когда Перегрин и Вилло, улыбнувшись, вышли, а в комнату даже не вошел — вбежал очень-очень постаревший Дядюшка. Он стал совсем седым, лицо иссекли невесть откуда взявшиеся морщины, глаза подозрительно поблескивали.

«А-а! Так вот он где, пресловутый бузотер!» — словно наяву услыхал хоббит грозный дядюшкин голос и невольно сжался, словно никогда не слышал ничего страшнее.

— Фолко! Родной мой! — пробормотал вместо этого старик и, всхлипнув, обнял племянника.

Они проговорили всю ночь. Фолко с неутолимой жадностью впитывал самые мелкие подробности житья-бытья Бэкланда за долгие годы его отсутствия.

— А Милисента твоя... — опустил глаза Дядюшка. — Милисента-то, любовь твоя, попечалилась-покручинилась, да и за Крола замуж выскочила... А сейчас, как весть от тебя пришла, вскрикнула, побелела вся — да без чувств хлопнулась. А как в сознание привели — так с того самого времени без передышки рыдает. Сдобкинс-то младший, который письмо привез, как давай расписывать, каким ты героем да красавцем вернулся...

Фолко опустил голову. Милисента... Грусть была какой-то светлой, непонятное, неведомое доселе чувство теснило грудь. Сам того не зная, он давно смирился с этой потерей. И тут с острой печалью вдруг ощутил, что ему, как и Фродо Бэггинсу, не будет покоя в Хоббитании. Перед глазами встали давнишние видения — корабль Морского Народа, прыгающие с него Малыш и Торин... Адамант Хенны... Перьерукие...

— Но теперь ты вернулся, — продолжал Дядюшка. — Теперь-то все на лад пойдет. Народ мы укроем. Лес-то, ой большой, а я уж тряхну стариной, вспомяну тропку до Тома Бомбадила!

— Ты был у Тома? — поразился Фолко.

— Бывал, бывал... когда в твоих годах был. Дом видел, его самого. Золотнику его... Видеть видел, и он меня заметил, рукой махнул даже — подходи, мол, — да я заробел... Ну ничего. Вспомню молодость! А ты домой поспеши. Как суматоха-то вся эта схлынет — давай уж, вернись, пожалуйста! Не миновать-стать тебе Хозяином Бэкланда, когда твой черед придет.

— Сначала давай, Дядюшка, с разбойниками покончим, — отговорился Фолко.

Он по-прежнему не мог сказать сородичам всей правды. Не мог сказать, что Дело Запада проиграно и враги уже, наверное, подступают к Аннуминасу и Серой Гавани...

Утром Фолко и гномы уже скакали во главе большой дружины хоббитов на юг. Приказы Тана и Мэра были выполнены — деревни опустели, добро вывезено, скот угнан. Обозы тянулись на восток — к Брендивину, где Брендибэки — небывалое дело! — наводили наплавной мост рядом с паромной переправой.

После целых суток пути отряд достиг границы. Деревня, где распоряжался Том Сдобкинс с пятью десятками молодых хоббитов, походила на крепость — входы и выходы перегорожены рогатками, даже подобия рвов откопаны. Всего в Южный Удел пришли почти пять тысяч ополченцев — куда больше, чем рассчитывал Фолко, никто не остался в стороне.

Фолко спешил, расставляя восторженно глядящих на него стрелков по кустам, перелескам и оврагам. А когда все было готово, небольшой дозор отправился на юг.

Ехать им пришлось недолго. Горизонт подернулся пылью, затем в пыли показались всадники. Прошло еще немного времени — рядом с конными появились пешие.

— Орки, — прищурился Малыш.

Фолко и гномы смотрели на приближающийся вражеский отряд, прикидывая его численность и возможные задачи: смотрели, как и должны смотреть бывалые воины. А вот хоббиты, взятые Фолко с собой, испуганно умолкли, не в силах отвести глаз от приближающихся врагов.

— Ну-ка, друзья, — негромко скомандовал им Фолко. — Не тряситесь так и давайте-ка половина назад. Пусть Тан Перегрин знает, что разбойники уже рядом.

Однако командир вражеского отряда, судя по всему, никуда не спешил и никого не опасался. Конные шли шагом, доспехи были свалены на телегах; лишь несколько вооруженных всадников — верхом на конях и на волках — отделились от отряда и помчались

вперед, едва завидев впереди аккуратную изгородь хоббитанской границы. Фолко и гномы прижались к земле, а хоббиты — те, похоже, и дышать перестали.

— Эй, что это еще там такое? — хрипло произнес на Всеобщем Языке один из вражеских всадников, осаживая коня неподалеку от притаившегося дозора.

— Я слыхал — тут земля половинчиков! Помнишь, тот купец болтал? — отозвался другой, похожий на истерлинга.

— Половинчиков? Этих крысят? — прошипел третий — по виду сущий орк, сидевший верхом на злобно косящемся по сторонам волке.

По счастью, ветер тянул на укрывшихся дозорных, и их не учуяли.

— То-то славно! Погуляем, позабавимся!

Истерлинги переглянулись, как показалось Фолко, с неодобрением.

— Вождь сказал идти к эльфийской крепости и не задерживаться здесь, — с холодком в голосе заметил один из воинов.

— Да мы ж далеко впереди! Задержимся на день-другой — кто заметит? Эти ж уродцы — первейшие эльфийские прихвостни, то всякий знает. Выжечь их огнем! А в норах их, глядишь, и мы поселимся.

Истерлинги помолчали, потом тот, кто говорил о приказе Вождя, вновь нарушил тишину:

— Тут мы вам не помощники. Вождь ничего не велел нам относительно половинчиков. Нам у них, во всяком случае, делать нечего, да и не по-воински это — убивать таких малышей. Мы не трогаем детей, даже когда берем города!

— А я говорю — мы пойдем туда! — зарычал орк. — Я Уфтханг. Я командую. У меня три тысячи мечей. Идите себе вперед, мы вас догоним.

— Вряд ли Вождь спустит тебе это, — заметил истерлинг.

— Победителей не судят, — возразил орк. — Мы верно служили ему, мы убивали эльфийских прихвостней. Неужто бедные Уруки не заслужили небольшого развлечения?

— Как бы не обжечься вам на этом развлечении, — покачал головой истерлинг. — Ладно. Будь по-твоему. Но не рассчитывай на нашу помощь, даже если вас там на куски станут резать, мы пойдем вперед.

Истерлинги и орк повернули к своим.

— Назад, ходу! — шепотом скомандовал Фолко.

Им удалось убраться незамеченными — и вот уже помчались вестоноши со строгим приказом Начальника Южного Ополчения Фолко Брендибэка — всадников-громадин пропускать, орков — бить!

Отряд истерлингов и орков стоптал пограничные заграждения и двинулся в глубь Южного Удела. Степные всадники с интересом разглядывали хоббичьи домики и норы, но не задерживались. Они довольно быстро достигли Росстани — и могли лишь удивляться вымершей стране. Когда же двое воинов попробовали взломать накрепко запертую дверь одного из домов в Мичел Делвинге — над их плечами неожиданно свистнули несколько стрел, а из кустов внезапно высыпали лучники, и один из них крикнул:

— Уходите отсюда! Мы пропустим вас, но не трогайте нашего добра!

Истерлинги переглянулись и сочли за лучшее последовать совету.

Их вожак оценил меткость лучников низкорослого народца и быстро, главной дорогой, вывел свои две с половиной тысячи копий прочь из Хоббитании. Но об этом Фолко узнал позже, много позже...

Орки же, добравшись до покинутой деревни, разошлись не на шутку. В их руках замелькали факелы; кое-где занялись деревянные сараи и риги, зажечь же сами хоббичьи дома оказалось посложнее. Крытые в большинстве своем дерном, с облицованными камнем стенами, они стойко сопротивлялись огню. Орки рассвирепели. Они рубили деревья, превращая их в подобия таранов, и принялись последовательно выбивать окна и двери деревенских домов. С полтысячи их рассыпалось по окрестностям — искать притаившихся половинчиков.

Первая деревня оказалась слишком мала для сотен и сотен орков — и Уфтханг повел большую их часть по тракту на север. И, наверное, немало удивился, услыхав над головой зловещий свист стрел и вопли раненых и умирающих.

Фолко с одной стороны, Том Сдобкинс с другой, Малыш и Торин с третьей — Хоббитанское Ополчение ответило грабителям стрелами. Дорога в мгновение ока покрылась орочьими телами, темная кровь запятнала землю. По беспечности и презрению к здешним недомеркам мало кто из бойцов Уфтханга потрудился надеть кольчуги.

Дорога проходила между двумя лесистыми холмами; ее саму преграждала рогатка, из-под лесного прикрытия густо летели стрелы, вырывая и вырывая воинов из отряда орков.

Но Уфтханг не растерялся. Рассыпая проклятия, он собрал дрогнувший было отряд и повел его назад, к захваченной деревне. Бессмысленно штурмовать крутые склоны, когда воины без доспехов! Сам предводитель отступал последним — в отличие от прочих, он не расстался с кольчужной рубахой. Три или четыре хоббичьи стрелы уже отскочили от его хорошо защищенной груди.

— Эй, ты, мордорская падаль! — услыхал он внезапно чей-то дерзко-насмешливый голос.

В нескольких шагах стоял необычно высокий хоббит в полном вооружении странного серебристо-мерцающего цвета. За ним в таких же доспехах шли два гнома.

Уфтханг не был трусом. Черный ятаган орка вырвался из ножен с быстротой разящей змеи. Его немногочисленные лучники метнули стрелы — однако те бессильно отскочили от бахтерцов невесть откуда взявшихся неприятелей.

— Он мой! — крикнул друзьям Фолко.

И вот, словно в давно ушедшие дни Битвы на Зеленых Полях, хоббит и орк скрестили клинки на земле Хоббитании.

С первых же секунд поединка Уфтханг понял, что ему достался опасный противник. Тонкий, кажущийся слабым, хоббит оказался гибким, точно молодой весенний побег, ятаган орка бессильно скользил по жемчужно-переливающимся кольцам его доспехов. А перед самыми глазами Уфтханга вспыхнул блеск ответного удара; он с трудом отвел выпад. Его воины не могли помочь вожаку — под градом стрел они отступали все дальше и дальше, они кричали Уфтхангу, но распаленный поединком предводитель не слышал. Он и сам не заметил, как остался один.

Фолко бился с холодным сердцем. Вся Хоббитания была сейчас за ним; он видел и чувствовал все, он не сделал ни одного лишнего движения. Орк ярился, брызгал слюной, что-то рычал — Фолко не слушал. Орк замахивался, рубил, вновь замахивался, вновь рубил — тщетно.

А Фолко, обманув противника ложным выпадом, нырнул под его ятаганом и ударил в лицо, как когда-то метил в горбуна в пригорянском трактире.

Уфтханг рухнул на землю. Высыпавшие хоббиты разразились восторженными воплями. Авторитет Фолко, и без того высокий, взлетел на недосягаемую высоту.

— Славный удар! — одобрил Малыш. — Но пошли — надо покончить с остальными...

Однако смерти вожака оркам хватило за глаза и за уши. Не принимая боя, они бежали к деревне.

— Скорее! Пока они не надели доспехов! — крикнул хоббитам Торин.

Юноша хоббит затрубил в рожок. Ему отозвались дальние сигнальщики, Фолко приказывал своим стягивать кольцо.

Точно злые осы, орки роились вокруг наполовину выгоревшего, развороченного селения. Теперь они были уже в доспехах и со щитами.

Однако стоило им вновь двинуться — на сей раз плотным строем, — как со всех сторон, из-за каждого укрытия в них вновь полетели стрелы. Лучники-орки пытались отвечать — но хоббиты

искусно прятались, почти все стрелы противника пролетели даром. Волк Уфтханга издох, пронзенный добрым десятком стрел, а орки по-прежнему не могли завязать правильного боя. Их потери уменьшились, но хоббиты рассыпались при первом же натиске, легко ускользая, и не жалели стрел.

В кровавой перестрелке прошло два дня, а на третий день орки, выбрав себе наконец вожака, уныло потащились прочь, в пустынные земли на юго-западе. Их отряд уменьшился почти на треть.

Трудно описать ликование, царившее в Хоббитании. Имя Фолко, Победителя Орков, было у всех на устах. Тан и Мэр, подоспевшие к последним боям с Ополчением Белых Холмов, преследовали орков и за пределами Хоббитании. Их гнали еще целую неделю — и не раз Фолко и гномам приходилось схватываться врукопашную с какими-нибудь особенно упорными врагами.

Наконец поход завершился. Остатки орочьего отряда бежали, и тут Фолко в очередной раз удивил своих соплеменников. Как только пошли разговоры о торжественном пире в Хоббитании, он огорошил всех, заявив, что не собирается возвращаться.

— На время страна в безопасности, — сказал он, — и вы сами теперь знаете, что нужно делать, если враги подступят вновь. Не следует пока выходить из Старого Леса. Война вот-вот накатится и накроет Хоббитанию. Враги идут на Серую Гавань — и я должен быть там.

Глава 13

СЕРАЯ ГАВАНЬ

Фолко решительно отказал тем молодым хоббитам, что просились идти с ним.

— Вы нужны здесь, — внушал он им. — Ваше дело — стеречь Хоббитанию. А там вы ничем не поможете и лишь зря погибнете. Нужны доспехи, доброе оружие... Оставайтесь дома!

Он не сказал, что сами они идут навстречу почти верной гибели — Олмер будет штурмовать Гавань, пока там не останется камня на камне или пока все его воины не полягут.

Не давая себе отдыха, они поскакали на запад. Места за Хоббитанией лежали обжитые, здесь поселилось немало арнорцев, и теперь друзья ехали прямо под заткавший полгоризонта дымный шлейф. Истерлинги не сражались с «детьми», как называли они хоббитов, зато уж тем, кого они считали врагами, пощады ждать не приходилось. И вслед за передовыми отрядами к эльфийской твердыне валом валили войска Вождя.

Дни стояли сумрачные, бессолнечные и безрадостные. Друзья

ехали, почти не разговаривая, мысль была одна — проскользнуть бы незамеченными.

И они действительно проскользнули. В суматохе наступления, последнего, как, верно, думали воины Олмера, никто не обратил на них внимания. Главные силы арнорской армии засели в Форносте, Аннуминасе и прочих крепостях, здесь же дорогу врагам не преградил ни один ратник Северной Державы. Не вышли из-за стен и эльфы Кэрдана.

— Как же мы проберемся в Гавань? — уныло вопрошал друзей здравомыслящий Малыш. — Вокруг уж небось кольцо!

Ему не отвечали.

Сперва им открылись Башенные Холмы, три высокие остроконечные эльфийские башни, сложенные из белого камня — сейчас закопченные, выжженные изнутри. Одну из них уже разносили по камню суетящиеся, подобно муравьям, орки. Путники благополучно обогнули опасное место.

Гавань открылась внезапно — и, к изумлению Малыша, никакого кольца вокруг нее до сих пор не было. Войск у Вождя под последним эльфийским оплотом оказалось совсем немного, и приближаться к грозной крепости они не спешили.

А крепость и впрямь поражала воображение. Гномы Голубых Гор трудились недаром. По высоте бастионы Кэрдана превосходили даже стены Минас-Тирита; ворота, заключенные между двумя мощными башнями, были ни много ни мало, а каменные. По верху стен Фолко не увидел привычных зубцов — там тянулся ряд темных бойниц, перекрытых сверху гранитными блоками. Казалось, невозможно взять эти стены обычным приступом — с помощью осадных машин и штурмовых лестниц.

Но еще более удивительным оказалось то, что эти ворота были широко распахнуты и в них сплошным потоком вливался народ. Воины Олмера отчего-то не препятствовали.

Шли эльфы Великих Зеленых Лесов — народ Трандуила готовился покинуть Средиземье. Шли уцелевшие в бесчисленных отчаянных боях роханцы. Шли арнорцы — и воины, и крестьяне, и горожане. Шли гномы, мелькнуло даже несколько хоббитов — ураган войны застиг их в Арноре, на торгах, и, подхватив, понес с собой, вместе с отступающей Армией Заката.

— Неужто все арнорские твердыни пали? — прошептал Торин.

— Не удивлюсь, — мрачно ответил Фолко. — Наверняка им ударили в спину!

Они присоединились к потоку входящих. В воротах несказанной толщины и крепости стояла стража эльфов в доспехах, с копьями. Часовые окидывали каждого внимательным, пронзающим взглядом, и Фолко понял, что вражеским прислужникам в твердыню Кэрдана не пробраться.

Они ступили на мощенную цветным камнем мостовую.

— Что это, здесь вроде и воздух другой? — ошарашенно проговорил Малыш.

Воздух действительно казался другим. Фолко знал, каков вкус морского ветра, но теперь к нему примешивалось и что-то еще, неуловимо-прекрасное, точно дальние ароматы цветущих нездешних лугов. Невесть откуда взялось закрытое вне города тучами солнце, дробясь и сверкая на бесчисленных гранях хрустальных глыб, вделанных в стены домов и шпили башенных крыш.

Но восхищаться всем этим великолепием было некогда.

— Где тут какой-нибудь воинский начальник? — спросил Торин у дозорного эльфа. — Мы хотели бы знать свое место на стенах.

— Мы предупреждаем всех, что город не будет сражаться, — тихо, очень устало и очень печально ответил Торину эльф. — Мы уходим за Море. Настал наш черед. Поэтому Кэрдан будет удерживать стену только до тех пор, пока не отойдет последний корабль. Мы говорим это всем, но никто не слушает.

— И правильно! — рявкнул какой-то бородатый арнорец. — Наши судьбы с вами. Дивный Народ расходится — но нам отступать некуда, и мы будем сражаться!

— Вы что?.. — задохнулся Малыш. — Бросаете нас? Оставляете одних перед верной смертью?

— Поможет ли тебе моя смерть, почтенный гном? — без гнева, понимающе задал встречный вопрос эльф. — Уже сейчас в стенах Гавани укрылось вчетверо больше людей и гномов, чем Перворожденных. Поймите, мы уже ничем не в силах помочь вам...

— Ну это мы еще посмотрим, — произнес вдруг над самым ухом хоббита очень знакомый голос, и Фолко подпрыгнул, не в силах поверить — Амрод? Амрод, Беарнас и Маэлнор в полном составе!

Друзья обнялись.

— Хвала вечным звездам, вы живы! — воскликнул Беарнас, кладя руки на плечи Торина.

Разговор с эльфом-стражником замер сам собой. Встретившиеся после показавшейся всем очень долгой разлуки, они пошли куда глаза глядят — в глубь городских улиц, говорили и никак не могли наговориться.

— Арнора больше нет, — рассказывал Амрод. — Те, кого ты видишь здесь, — последние из тех, кто все же решил сражаться. Большинство, увы, покорилось. Форност и Аннуминас пали — и там не обошлось без предательства.

— Что я вам говорил! — бросил хоббит друзьям.

— Если говорил, то был совершенно прав. Мы отходили с отрядом арнорцев до самой столицы. Наместник много раз пытался перейти в наступление, но его лучники оказались хуже ангмарцев и хазгов, и арнорская конница почти вся полегла в этих бесплодных атаках. Все, кто остался, ушли за стены. Мы полагали, что в Аннуминасе можно будет продержаться довольно долго, однако ошиблись. И столица, и Форност пали в одну ночь. На северной стороне города ночью внезапно засветились жуткие багровые огни — словно столпы холодного пламени. И из пламени пошли... наверное, те, кого вы называете Умертвиями. Высоченные серые тени, с серыми мечами, одно приближение к которым заставляло людей леденеть и бессильно выпускать из рук оружие. К призракам присоединились и странные люди, поклонявшиеся им и шедшие за ними, как пчелы за маткой. Их было немало, в них узнали тех, кто давно уже поселился в столице и жил в ней тихо, не привлекая внимания. А в ту ночь их словно подменили. Они шли, не зная страха, прямо на мечи и копья, и мало кто мог им противостоять — такой ужас внушали всем могильные призраки. Над Аннуминасом стоял страшный крик... Мы, конечно, не сидели сложа руки. Нескольких призраков мы, наверное, пристрелили — они вспыхивали и исчезали. Тогда теряли свою бесноватую храбрость и следовавшие за ними люди. Но, увы, нас было всего трое, а обычные стрелы призраков не брали. Эти создания довольно быстро пробились к воротам и, перебив стражу, открыли их воинам Вождя... Дальнейшее описать не возьмусь. Мы еле вырвались из кольца. Аннуминас разграблен, где Наместник, никто не знает... По пути на запад нас догнали известия, что таким же образом взят и Форност. Хребет Арнора оказался сломлен. Мы слышали, что на следующий день Олмер въехал в Аннуминас и провозгласил себя королем всего Запада.

— Не видать нам больше нашего домика, — вдруг ни к селу ни к городу вздохнул Малыш.

— Да, с ним, я думаю, вам придется проститься, — кивнул Амрод. — Беда в том, что Олмер, оказывается, хочет не только стереть Соединенное Королевство и Серую Гавань с лица земли — он хочет остаться здесь со своим народом. Истерлинги-пахари грабили город наравне с другими племенами из войска Вождя, но поджечь его оркам не дали, едва не дошло до крови! Пахари объявили эту землю своей и стали устраиваться на новом месте. Войско Олмера начинает делить добычу — чтоб им передраться из-за нее!

Пока эльф рассказывал, друзья незаметно дошли до самой Гавани. Фолко остановился как вкопанный — все пространство между длинными молами занимали сияющие серебряными парусами корабли, воды почти не было видно; и по длинным сходням шли и шли, один за другим, десятки и сотни эльфов. Около пристаней толклись какие-то люди — из слабых сердцем, упрашивавшие взять их с собой. Им никто не отвечал, лишь мягко отстраняли, когда они, забываясь, начинали рваться на трапы. Лица эльфов были опущены, они уходили, не оборачиваясь.

Однако Фолко заметил и иных — в полном вооружении они

шли от кораблей к городским стенам. Одного из таких, рослого золотоволосого воина в прекрасной кольчуге, они и окликнули.

Финдор — так звали эльфа-воителя — на многое смотрел по-иному, чем его сородичи.

— Надо продержаться здесь как можно дольше, чтобы у стен Гавани выросла еще одна стена — из вражеских тел! Кто знает, может, нам удастся перемолоть столько вражьих полков, что дальше воевать ему будет не с кем? Я и мои товарищи — мы не собираемся уходить просто так, — сказал он грозно и потряс копьем.

Финдор рассказал им многое и объяснил, куда нужно сейчас идти.

— В крепости полно людей, — сказал он. — Самых сильных, самых смелых, что сумели прорваться сюда сквозь вражеские кордоны. Ими командует славный Барахир, один из знатных людей Северного Королевства. Я покажу вам дорогу к дворцу, где он остановился. Пустых зданий у нас хватает — многие уже ушли на Запад! — Эльф вздохнул.

— А гномы? Где они сейчас? — спросил Малыш.

— Почти все они долбят встречный тоннель — на нас ведь идут подземные огненные твари...

Он начал было рассказывать об этом, но Торин нетерпеливым жестом вскинул руку.

— Погоди, почтенный, мы знаем, кто они, сталкивались...

Финдор, безмерно удивленный этим обстоятельством, стал сам расспрашивать случайных знакомых.

Друзья не рассказали ему и десятой доли своей истории, когда Финдор привел их к великолепному, утопающему в садах дворцу, около которого сновало больше всего народа.

— Здесь дом Барахира, — показал Финдор. — Идите, он назначит вам место. А я подожду здесь — мне не терпится услышать конец вашего повествования.

Барахир, крупный черноволосый воин средних лет, со свежим рубцом на лице, не потратил на них много времени. Друзья узнали, на какой участок стены они должны явиться, и уже собирались, откланявшись, направиться к назначенному им месту, как Барахир поднял на них самую малость потеплевший взгляд:

— Эльфы, гномы и даже невысоклик! И не уходят, хотя знают, что конец наш близок... Эх, если бы все были такими, как вы!

Финдор не отпустил их от себя. Их места на стенах оказались рядом, и он пошел с ними.

Серая Гавань к тому времени уже наполнилась людьми. Фолко обратил внимание, как мало здесь было женщин и детей, но потом вспомнил, что люди пробивались сюда с боем.

— Здесь хороший камень, — одобрил Торин, когда друзья под-

нимались по винтовой лестнице в башню. — Его разбить будет не так просто...

— Но если Пожиратели Скал доберутся до нас, не устоит и он, — ответил Финдор.

Торин нахмурился и умолк.

Гномы не зря тратили время и силы на укрепление города Кэрдана. Крепость была неприступна. Высоченная и очень толстая стена не имела обычных зубцов, зато по верху башни тянулся закрытый со всех сторон камнем боевой коридор, с частыми бойницами, обращенными внутрь и наружу. Попасть в этот коридор можно было только из башен, а если бы враги и забрались на самый гребень стены, это мало помогло бы им — лестниц вниз не было, перил тоже, и гребень лежал как на ладони у засевших в верхних ярусах башен стрелков. Двери каждой башни тоже были сработаны из камня; разбить такую без тарана не смог бы никто.

На стене не так чтобы очень густо, но и не редко стояли бойцы — из всех племен и народов. Были тут эльфы Гавани и Зеленых Лесов, были арнорцы, гномы, гондорцы, роханцы, пригоряне, беорнинги — все, кто решил не сдаваться до самой смерти. В достатке было стрел, копий и дротиков, заготовлены были камни и вообще все потребное для отражения приступа. Здесь собрались лучшие из лучших воинов. Не сломавшиеся, не поддавшиеся отчаянию. Твердые из твердых, для которых война проигрывалась окончательно только с их гибелью. Поэтому здесь не нужны были десятники. Все и так отлично знали, что и как им надлежит делать.

Друзей приняли, показали места, куда можно кинуть заплечные мешки — в нижнем ярусе ближайшей башни, посадили к котлу и, конечно же, потребовали обычную в таких случаях плату — правдивыми новостями.

Несмотря на отчаянное положение, собравшиеся здесь воины были спокойны. Они уже все решили для себя и приготовились ко всему. Большинство из них уже никуда не смогло бы вернуться, да и не к кому. Они готовились к своему последнему бою и не скрывали этого. Что будет дальше — уже неважно.

— Жаль мне вас, невысокликов, — подал голос один из воинов, когда уже к вечеру, тоскливому и мглистому, друзья закончили свое повествование, — орков-то вы отбили, молодцы, а что будет, когда им спешить никуда будет не надо, когда они за вас всерьез возьмутся? Думается мне, не прав ты был, почтенный Фолко. Дома тебе оставаться нужно было и родичей оберегать.

Фолко промолчал.

Укладываясь спать, хоббит заметил, что пол ощутимо вздрагивает.

— Чувствуешь? Гномы скалу долбят, — повернулся к нему Торин.

— Да, и там есть еще какие-то звуки... Мерзкие, совсем близко от поверхности, — продолжил Малыш, приложив к камню ухо. — И уж больно они мне Морию напоминают... Может, Торин, лучше нам вниз спуститься, а?

— Там и без нас народу хватает, — возразил Маленькому Гному Торин. — А вот здесь, наверху, мифрильный доспех мало у кого есть.

Утром — если можно было назвать утром еле-еле пробившиеся сквозь необычайно плотную завесу угольно-черных туч солнечные лучи, когда друзья спустились вниз в город, их ждала еще одна неожиданная встреча.

В одном из окон ближайшего нарядного строения, большей частью пустых и темных, очень уютно и совсем по-мирному мерцал огонек масляной лампадки. Странное наитие потянуло хоббита зайти.

За длинным столом над раскрытой книгой сидел старик и что-то писал. Он обернулся на легкий скрип двери.

— Теофраст!

— Великие звезды! — всплеснул руками старый хронист, вглядевшись и узнав гостей. — Вот уж воистину удивительные прихоти у всемогущей Судьбы!

— Я дописываю последние страницы последней своей книги, — говорил друзьям старый хронист. — Повесть о гибели Арнора и Гондора. Как жаль, что она только в одном экземпляре! Но я все равно пишу. Сейчас вы подниметесь к своим местам, а я стану заносить на страницы этой книги все то, что вы рассказали мне. Я уже описал падение Аннуминаса, которое видел сам и чудом при этом спасся. И еще я закончил одну работу...

Он покопался в груде листков.

— Невысоклик Фолко! — торжественно обратился старик к хоббиту. — В свое время ты подарил мне великое счастье, дав прочесть Красную Книгу. Я не хочу остаться в долгу. Все то время, пока вы странствовали, я приводил в порядок известное мне об этом человеке — Олмере из Дэйла. Сейчас это не имеет никакого значения для битвы, но если вам на роду написано уцелеть, то я бы хотел, чтобы вы сохранили эту книгу правды о величайшем завоевателе нашей эпохи. И если он и впрямь сколотит небывалую в истории империю — пусть те, кто, быть может, восстанет против его тирании, прочтут о том, кем он был на самом деле. А конец ты допишешь сам. Если это не удастся сделать мне...

— А где же Сатти, ваша помощница? — вспомнил юную девушку хоббит.

Лицо хрониста исказило острое горе.

— Она ушла... — с трудом проговорил он. — Когда Аннуминас пал, она ушла с отрядом этих разбойников — ушла к Олмеру... Ох, не зря замечал ты ее давние взгляды! Не праздно, видать, она на него поглядывала... Насилу я успел книги в подпол покидать да плитой закрыть. Надеюсь, огню до них не добраться, — спешил свернуть с мучительной для него темы хронист.

«Что же будет теперь с нами, со всем Западом? — не зная сна, ворочался на неказистой своей постели хоббит. — Неужели конец? Похоже, ох как похоже... Где теперь обороняться? Где еще один рубеж? Нет, Фолко Брендибэк, сын Хэмфаста, не обманывай себя. Запада нет боле, и эти стены — последние. Иных тебе уже не защищать. — Горечь щемила сердце, он глухо застонал, вспомнив, как близок от него был Олмер. — Все, что требовалось, — метнуть нож! Никуда бы он не успел уклониться. Сила эта, что от молнии браслета его спасла, — вряд ли она его от самого обыкновенного ножичка бы сохранила. Она такие небось и не чуяла вовсе. Санделло, конечно, проткнул бы ему тогда шею — но какая разница? Если враги ворвутся сюда, очень возможно, что горбун-таки пронзит ему эту самую шею. И что он выгадал? Трус! Трус! Куда тебе до хоббитов Четверки! Фродо шел на смерть — и умер бы, кабы не орлы. А ты все рассчитывал подороже себя продать, вот и додорожился».

Над Серой Гаванью стояли тучи — небывалые, непроглядные. Враги нависали теперь не только с суши — армия Вождя окружила крепость к вечеру третьего дня, как до нее добрались хоббит и гномы — флотилия Морского Народа перекрывала пути отхода на Заокраинный Запад. Кэрдан не мог отправлять корабли поодиночке, а его мастера спешно доканчивали недостающие, чтобы вместить всех эльфов, скопившихся к тому времени в крепости.

Никто не знал, о чем вели речь Кэрдан и Барахир при встречах. Эльфы тоже оказались в ловушке — им предстояло схватиться с врагом на море. Олмер должен был спешить — однако, вопреки всему, он не торопился, спокойно подтягивая войска и размещая их вокруг неприступных стен города.

А тучи над крепостью, раз сгустившись, уже не расходились, и день почти не отличался от ночи. На равнине горели бесчисленные костры вражьих лагерей; в море, перегораживая выход из бухты, застыли хищные «драконы» — и на одном из них Фолко разглядел цвета Скиллудра.

Боевые рога грянули на четвертый день — когда сумрак сгустился так, что на стенах пришлось зажечь факелы. Сплошная пелена иссиня-черных туч неподвижно нависала над серебристым

городом; тонко завывал ветер в острых шпилях — и сотни ног топали по камням, разбегаясь на места.

Фолко припал к бойнице — через равнину, едва видимые в сером полумраке, ползли три смутных громады, высотой даже больше крепостных стен. В промежутках между ними угадывались бесчисленные ряды пешего войска. Когда враги приблизились, стало ясно, что они тащат с собой три исполинских боевых башни и два низких, приземистых тарана.

Друзья переглянулись. Торин мрачно и криво усмехнулся, Малыш кусал губу, даже эльфы как-то потускнели и осунулись. На лицах прочих бойцов, стоявших рядом с хоббитом, тоже читались отчаяние и смертельная усталость. Не отрываясь, они смотрели на приближающееся к ним темное море врагов.

В нескольких полетах стрелы воины Олмера остановились, вперед продолжали ползти только тараны и осадные башни.

— Интересно, как они переберутся через ров? — услыхал хоббит бормотание Торина.

Даже сейчас гном оставался верен себе — сам строитель, он на практике проверял идеи своих сородичей, вложенные в эту крепость.

Защитники Серой Гавани не стали тратить стрел, не приняли состязания в меткости, предложенного засевшими в осадных башнях лучниками Вождя; на черной поверхности башен бойницы были едва различимы. Оборонявшиеся ждали.

— Ну и везет же нам! — всплеснул руками Малыш, когда всем стало ясно, что два из трех осадных чудовищ Олмера нацеливаются прямиком на их кусок стены — ближайший по правую руку от ворот города.

Однако, против ожидания, это лишь встряхнуло воинов. В их глазах читалась лишь свирепая решимость, все остатки неуверенности и растерянности исчезли без следа.

— Стрелы паклей обматывай! — передали по цепи приказ начальника ближайшей городской башни, где они ночевали.

На стенах стояли медные котлы с маслом; Фолко поспешно накрутил мягкое верево на древко и, макнув в чан, поднес к ближайшему факелу — стрела полыхнула, и спустя секунду огненный шар намертво прилепился к поверхности подошедшей уже совсем близко осадной башни.

За хоббитом зажигательные стрелы метнули и другие защитники стен; надвигающаяся громада стала подобна праздничной новогодней елке — только упрямо не хотела загораться.

— Обита сырыми шкурами! — крикнул кто-то, первым разобравшийся в происходящем.

Фолко прищурился. Дул сильный ветер, относивший стрелы в сторону, поэтому хоббит целился необычно долго; зато его стре-

ла, оставляя за собой шлейф огненно-рыжих искр, исчезла в одной из бойниц вражеского сооружения.

— Затопчут, там — затопчут, — бормотал Торин, в свою очередь всаживая арбалетную стрелу в провал бойницы.

— Вылазку! Вылазку пора! — раздались крики неподалеку.

Зажечь осадную башню не удавалось, а ее передняя стенка вдруг стала со страшным скрипом раскрываться, из глубины, из хаотичного сплетения бревен и канатов стал выдвигаться широкий переходной мост. Он тянулся над рвом и опускался прямо на гребень стены. Рядом с первой точно так же разворачивалась вторая башня.

Торин сжал зубы, и было отчего — стрелять снизу вверх неудобно, вдобавок мост оказался защищен с боков. И все места, куда только могла вонзиться огненная стрела защитников, покрывали сырые шкуры, только что снятые с освежеванных туш скота.

В башнях врага раздался звук призывающих к атаке рогов. Завыли и завопили нападающие. Раздался частый топот бегущих.

Защитники стены оказались в полном неведении, что происходит сейчас наверху. Они слышали топот, затем к топоту прибавились стоны, мимо бойниц с обеих сторон пролетело несколько сорвавшихся вниз тел, не поймешь уже, живых или мертвых. Стрелки верхних ярусов обеих крепостных башен взяли на прицел высыпавших на гребень стены воинов Олмера.

С внутренней стороны стены Фолко заметил во множестве падающие вниз веревки и гибкие лестницы. Атакующие не собирались задерживаться под перекрестным обстрелом. Наступал черед Фолко и его сотоварищей.

Из бойниц в спины начавших спускаться вниз воинов Олмера ударили десятки копий и стрел. Веревки перерубались, и карабкавшиеся по ним с дикими криками летели вниз.

Чтобы бить наверняка, Фолко схватил один из арбалетов, с короткими и толстыми железными дротами, пробивавшими любой панцирь. Почти все защитники стены взялись за это страшное оружие, позаимствованное в свое время Кэрданом у ангмарцев. Бойницы были часты, рук хватало — мало кому из атакующих, как бы быстро ни скользили они вниз, удавалось миновать гибельного удара.

И все же такие были — и Фолко увидел, как из-за ближайших домов показался большой отряд эльфов и людей под командой самого Барахира. Не теряя ни секунды, они ударили на спустившихся со стены, еще шалых от невиданной, как, верно, им казалось, удачи. Короткая схватка закончилась очень быстро. Никто из перевалившихся через стену не уцелел.

— Наша взяла! — заорал Малыш.

Однако атакой командовал бывалый воин. Теперь бойцы Олмера, загораживаясь большими щитами, пытались заставить умолкнуть стрелков крепостных башен. На гребне стены выстраивались лучники атакующих, хоббит различил гортанный боевой возглас хазгов.

— Вот теперь даже я скажу — пора делать вылазку, — заметил Торин, в очередной раз без промаха разряжая арбалет.

Барахир не уводил от атакованного участка свой отряд. Лучники-эльфы засыпали стрелами пытавшихся спуститься, и даже те, кто проскальзывал боком между бойниц, не мог миновать хлещущего снизу железного ливня.

Однако враг начал карабкаться на шатры крепостных башен; гибли защитники ее верхних ярусов, пораженные стрелами и дротиками через бойницы, а враги все прибывали и прибывали.

— Все в башни! Готовиться к атаке! — передали по стене.

— Наконец-то! — ухмыльнулся Малыш, проверяя, легко ли вынимаются клинки.

— Неужто пойдем через главные ворота? — удивился Фолко, опуская забрало.

Однако строители крепости оказались хитрее. Тайные ворота имелись в каждой башне; каменные плиты стремительно и бесшумно разошлись в стороны, через ров перекинулся широкий гранитный мост — и с двух сторон защитники Серой Гавани стремительно атаковали забывших об осторожности нападавших.

В середине строя эльфы и люди тащили какие-то тяжелые кули, а впереди всех с мечом наголо, в нежно-зеленоватых доспехах цвета молодого весеннего листа шел Барахир и еще два десятка невесть откуда взявшихся низких, очень широкоплечих воинов в белоснежных кольчугах, с огромными топорами.

— Будь я проклят, если это не Черные Гномы! — изумленно прохрипел Торин.

Навстречу защитникам крепости выхлестнул темный клин хеггов, сверху, из отдушин осадной башни, свистнули стрелы хазгов; рядом с Фолко упали двое воинов, тяжеленная стрела сломалась о грудную пластину его собственного панциря, заставив хоббита пошатнуться.

Барахир сплеча рубанул первого подвернувшегося ему противника, его воины вслед за своим предводителем дружно ударили на врага. И боевым кличем для всех разноплеменных защитников Серой Гавани стало имя их неустрашимого вожака, покрывшего себя в тот день великой славой.

Сперва хегги подались, не выдерживая отчаянного натиска оборонявшихся. Малыш, Торин и Фолко бились в первых рядах.

Небывалый огонь жег хоббита; можно сказать, он потерял голову, опьяняясь — впервые в жизни! — кровавой схваткой. Никогда не знал он такого упоительного боевого азарта — эта черта вообще глубоко чужда всем его родичам, — и тем более захватывающим оказался он для Фолко. Никакой надежды не осталось — так умрем же так, чтобы нас надолго запомнили!

Мечники и копейщики хеггов в изумлении отступали перед невысоким разъяренным бойцом; многократно превосходя его в силе, они и догадываться не могли, насколько их противник ловок и гибок, насколько выносливы его закаленные суровыми испытаниями и странствиями мышцы. Фолко уклонялся, изворачивался, проскальзывал под нацеленными в него мечами; его не удавалось ни зацепить клинком, ни схватить руками. А рядом с ним рубили всех пытавшихся противостоять им два неистовых гнома; топор Торина по самый конец топорища покрылся кровью, побагровели меч и даго Малыша.

Светлый клин воинов Барахира глубоко врезался во вражеские ряды. Подоспевшие истерлинги уже охватывали его с боков, однако ничего этого Фолко пока не видел. Два десятка непонятных бойцов, принятых Торином за Черных Гномов, ушли дальше всех. Они словно ждали чего-то, лишь отбрасывая хеггов, бессильно бьющихся в их несокрушимый строй.

А осадная башня вдруг оказалась уже совсем близко. Барахир упорно пробивался к ее широким отваленным воротам — но здесь сопротивление было сильнее всего, из башни высыпали ангмарцы и хазги, но тут дрогнули наконец хегги и, разбегаясь перед воинами Барахира, смяли ряды приготовившихся к отпору ангмарских копейщиков. Воспользовавшись заминкой в стане врага, Барахир повел своих в решительную атаку.

Горячка боя мало-помалу вынесла Фолко, Торина и Малыша к самому их предводителю. Эльфы отстали — они сражались с насевшими на левое крыло их строя истерлингами.

И наконец — вот она башня! Дурно пахнущее, мерзкое чудовище, воскресший волею Тьмы монстр давно забытых лет. Слышно было, как в ее темном нутре рычат и ярятся какие-то звери, наверное, из тех, что тянули все сооружение. Вонь, источаемая сырыми, кое-где обгоревшими шкурами, могла бы, наверное, свалить с ног.

Торин с ревом прыгнул на ангмарца, бесполезно разрядившего свой арбалет прямо в грудь гнома. Фолко еще успел заметить безмерное удивление в глазах воина Олмера — за миг до того, как топор гнома рассек тому шлем. Барахир уже приказывал громовым голосом. Его бойцы подтаскивали тяжеленные кули; их со всего размаха забрасывали внутрь, а вслед последнему кто-то швырнул пук горящей пакли, после чего Барахир и Торин, навалившись, захлопнули ворота башни, а Малыш подпер их валявшимся тут же колом.

— Теперь — следующая! — взмахнул рукой Барахир.

Некоторое время в башне ничего не происходило. Затем что-

то тонко, пронзительно засвистело, раздался оглушительный хлопок — и из всех бойниц и отдушин первого яруса выметнулось рыжее пламя. С верхних этажей бойниц донесся жуткий вой попавших в ловушку людей, обреченных сгореть заживо. Барахир лишь жестоко усмехнулся и, собрав своих, повел их ко второй башне.

Но, несмотря на подкрепления, подошедшие из Серой Гавани, им пришлось тяжко. Олмер бросил в бой свои лучшие силы; через поле мчалась ангмарская конница, торопились новые и новые хазгские сотни, надвигались колонны пеших воинов с топорами и шестиугольными щитами, так успешно отразившими натиск гондорской пехоты несколько недель назад.

А первую башню с невероятной быстротой охватывало пламя. Отчаянные крики оказавшихся в огненном кольце людей стихали — кто, ломая кости, прыгал с верхних этажей, кто спасался на стене крепости, хотя там, под стрелами, вряд ли можно было рассчитывать на удачу. Гигантский костер полыхал, источая такой жар, что сражающиеся волей-неволей отходили подальше. На стене воины Олмера пытались укрыться за щитами от нестерпимо жгучих потоков раскаленного воздуха.

— Быстрее! — крикнул своим Барахир. — Надо опередить лучников!

Хазги все же не успели соткать из своих не знающих промаха стрел непроницаемый заслон на пути защитников крепости. Воины Барахира сцепились с толпившимися вокруг второй башни ховрарами, и жестокий бой возобновился. Успех второй атаки Барахира определили два десятка Черных Гномов — видя, как вражьи стрелы отлетают от их панцирей, Фолко уверился в этом. Словно нож масло, они пронзили острым клином своего строя боевые порядки ховраров, разбросали их, разметали — и остановились, словно в раздумье, потеряв лишь одного из своих. Фолко видел, как взлетали и падали огромные топоры, и вскоре ни один из воинов Олмера не дерзал подступиться к ним.

Барахир и его отряд штурмовали вторую башню. Зная судьбу первой, ее защитники бились с удвоенной яростью, но все же и они стали поддаваться натиску. Великими бойцами явили там себя эльфы, это был их последний бой в Средиземье, и те, кто взялся за оружие, сражались так, как, наверное, бился народ Нолдора в дни давно минувших войн Белерианда.

Охваченный с трех сторон, отряд Барахира не потерял ни порыва, ни строя. Каждый знал свое место, воины не нуждались в управлении. Ни ливень стрел из осадной башни, ни отчаянные наскоки истерлингской конницы не могли остановить их.

Перед самыми воротами второй башни Барахира встретила стена щитов и злобный частокол остро отточенных копий. Подражая хирду гномов, здесь стояли воины Дэйла. Фолко едва не

пропустил удар — он заметил несколько знакомых по отряду Отона лиц.

Барахир, увлекая отряд за собой, первым бросился на копья врагов и одним взмахом меча перебил нацеленное в него древко. За ним ринулись Торин и Малыш. Торин принял грудью страшный удар копьем, перехватил его рукой, рванул на себя, выдирая копейщика из строя. В щель ворвался Маленький Гном, а подоспевший Фолко метнул случайно подобранный кинжал в открывшееся на секунду незащищенное горло щитоносца.

В строю защитников башни образовалась брешь. Не выдержав, теряя и теряя своих, они отхлынули, а вслед за Барахиром уже тащили зажигательные припасы.

Взвилось пламя, рыжие языки жадно лизнули распорные балки башни; и тотчас Фолко понял: нечто изменилось на поле боя. Что-то незримое пронеслось в воздухе, что-то потекло по земле. С востока уже спешили новые отряды врага, но не это заставило хоббита насторожиться. Олмер не мог допустить гибели своей последней осадной машины и сам пошел в гущу схватки.

Забыв о сражении, кипящем вокруг, Фолко замер, зажмурившись и всеми силами потянувшись к стремительно приближающейся новой угрозе. В тучах сверкнула голубая молния, прокатился громовой раскат. Новая опасность близилась, и вот зажмурившийся хоббит внутренним взором, даром Синего Цветка, увидел и тех, кто был этой опасностью, — с необычайной четкостью, так что мог даже разобрать их лица. Вот Санделло, вот Берель, вот — гляди-ка! — Отон и еще какие-то незнакомые. За ними скакал большой конный отряд. Тут смешавшиеся было воины Вождя воспряли и с новыми силами надавили на отряд защитников Гавани. Третья башня высилась совсем недалеко, но и хегги, и ховрары, и остатки воинов Дэйла встали настолько крепко, что остановили даже самого Барахира. На помощь своим пришли Черные Гномы, натиск ослаб — и тут Фолко, переждавший краткий свой отдых в задних рядах, столкнулся с этими широкоплечими бойцами.

Их предводитель задержался перед хоббитом и поднял мифрильную маску своего дивного шлема.

— Это ведь место встреч, не правда ли? — прогудел голос Наугрима. — В славное времечко мы свиделись вновь, половинчик!

— Наугрим! Ты — ты с Черными Гномами?! Они же...

— Это их рангторы! Но мне некогда, половинчик! Тебе не удалось сразить Олмера — это постараюсь сделать я! Он ведь рядом, ты чувствуешь его?

— Да! Он близится! Но...

— Сейчас ты увидишь атаку Черных Гномов! — Наугрим кричал, потрясая огромным топором. — Надеюсь, она окажется сюрпризом и для Олмера!

— Наугрим! Кто ты? Черный Гном?

— Нашел время для расспросов! — расхохотался тот. — Да! Черный Гном! Но только по матери. А отец, мой — Алатар, один из двух Голубых Магов, спутников Гэндальфа и Радагаста! Понял теперь?! — Он внезапно обернулся. — Нам пора, прощай! Еще увидимся!

Он скомандовал что-то своим воинам, и они тотчас перестроились в боевой порядок — острый клин, а острием этого клина был сам Наугрим. Клин развернулся вершиной на восток, откуда стремительно накатывались новые и новые волны врагов. А за многочисленными полками угадывался невысокий холм, на который и поднимался Олмер со свитой. Теперь, несмотря на мрак, его было видно и простым глазом.

Наугрим воздел топор — и молча, без боевых возгласов и кличей, весь его небольшой отряд двинулся вслед за ним, убыстряя и убыстряя шаг. Наперерез им кинулись несколько сотен истерлингов — и пеших, и конных. Но стрелы отскакивали от панцирей, наконечники дротиков ломались, а когда гномы врезались в ряды врагов, их топоры внезапно взлетели все разом — и опустились, окровавленные. Ломая строй врагов, гномы перешли на бег, сминая всех, кто вставал у них на пути. Их клин казался острием исполинского меча, рассекающего косную вражескую плоть. Истерлинги попятились. А Наугрим рвался дальше — прямо к холму, на котором, видимый для своих и для чужих, стоял Олмер.

Атаку начали девятнадцать Черных Гномов; трое все же погибли, их осталось шестнадцать; навстречу разворачивалась ангмарская черноплащная конница, арбалетчики, копейщики, спешили пешие, замелькали поводыри тигроволков, и вся эта сила — многие сотни — шла наперерез всего лишь шестнадцати воителям Подземного Мира! И Фолко вспомнил старое изречение, что «гномы завоевали бы весь мир, если бы он был им по-настоящему нужен».

Наугрим пронзил и вторую преграду. Кони врагов вставали на дыбы, отказываясь идти под сверкающие полукружья топоров. Пешие ангмарские арбалетчики не преуспели — Барахир, поняв, что к чему, повел все свои силы вслед Наугриму.

Вторая преграда стоила Черным Гномам еще четверых — зато и вражьих тел прибавилось. Больше преград перед ними не осталось. Перед холмом, на котором стоял Олмер с приближенными, лежало пустое пространство, и вражеские полки, далеко оттянутые в стороны, не успевали перекрыть его.

Однако тут из-за холма вылетел одинокий всадник — совсем небольшая фигурка на громадном черном коне. Наездник чудом, казалось, удерживался в седле; поравнявшись с отрядом Наугрима, всадник легко осадил своего злого жеребца, поднял к губам большой рог и затрубил атаку. Этому рогу тотчас откликнулись

другие в отдалении — и новые сотни Олмера потекли наперерез Черным Гномам. А всадник, развернув коня, погнал его прямо на вырвавшегося вперед Наугрима. Он быстро приближался — и, к своему невольному ужасу, хоббит узнал в этом наезднике юную Сатти, помощницу Теофраста!

Черный конь вздыбился, норовя ударить Черного Гнома копытами; однако Наугрим, ловко увернувшись, схватил скакуна под уздцы и одним движением пригнул к самой земле гордую шею. Однако Сатти не растерялась. Ловко соскочив со спины коня, поваленного гномом на бок, она замахнулась на гнома, облаченного в сплошную броню, крошечным детским кинжальчиком... И Фолко с замиранием сердца видел, что Наугрим не поднял топора. Закованной в металл рукой он всего лишь оттолкнул дерзкую — даже не ударил, а слегка оттолкнул... Но то ли в пылу схватки разгоряченный Наугрим не рассчитал сил, то ли еще почему-то — но Сатти с коротким сдавленным, тотчас пресекшимся стоном отлетела в сторону на несколько саженей, рухнула наземь и осталась лежать неподвижно.

Что было с ней дальше — Фолко не понял; потому что не успевала, не успевала перехватить дорогу гномам конница Олмера, и тому оставалось только одно — принять предложенный ему честный бой или бежать.

Подле Олмера стояло совсем мало людей, крохотная горстка — Санделло, Берель, Отон. Что они могли сделать против казавшегося неуязвимым Наугрима, чей топор не знал промаха, рубя любой панцирь?

Клин Черных Гномов докатился уже до самого подножия холма. Галопом неслась запасная конница, вызванная несчастной Сатти, но была еще слишком далеко.

И тогда с холма рванулся Берель. Фолко слышал короткий останавливающий возглас самого Вождя, но старый его товарищ впервые в жизни, наверное, пренебрег приказом. Обнажив широкий двуручный меч, он мягким кошачьим шагом двинулся навстречу Наугриму. Вслед ему рванулись Санделло с Отоном, но их остановил властный жест Вождя — и они повиновались.

Наугрим вскинул топор поперек груди, готовясь отразить удар мечом; только этого и ждал Берель — ведь конница уже совсем близко... Он тоже приготовился защищаться. Однако Наугрим обманывал, делая вид, что ждет первого удара от своего противника и не двинется вперед; он прыгнул, клинок Береля лишь проскрежетал по бахтерцу гнома, топор взлетел и опустился. Берель пал, как пораженный громом.

Тут же, не сговариваясь, двинулись горбун с Отоном, так что Вождю пришлось схватить их обоих за плечи, произнеся что-то непередаваемо грозное. Горбун даже отшатнулся. А Вождь спокойно сделал несколько шагов вперед, навстречу Наугриму. Его

меч был уже в руке, Черный Меч Эола Темного Эльфа, дождавшийся наконец достойного противника.

В полах плаща Вождя вновь сгустилась Тьма, и Фолко понял, что Сила Мрака вновь поднимается на поверхность и расправляет могучие крылья. Клинок в руке Вождя вдруг стал светиться темно-багровым, заставляя хоббита невольно вспомнить описания огненного меча Барлога из Мории, и, держа наперевес этот язык Пламени Удуна, Олмер столкнулся с Наугримом.

Тот замахнулся топором. Но Вождь ответил выпадом столь молниеносным, что никто не смог даже заметить его начала. Огненная полоса перечеркнула грудь Наугрима, рассекла надвое его топор, прожгла доспех и глубоко погрузилась в тело.

Ударил гром, ослепительная молния лопнула в небе, и всему оцепеневшему от ужаса отряду Барахира привиделась стоящая на вершине бугра высокая, мрачная и страшная фигура, наделенная великими враждебными силами Вековечной Тьмы, пребывавшими как сущность еще до творения Илуватаром этого Мира. Словно река, наконец прорвавшая долго сдерживавшую ее запруду, овладевала Олмером эта сила.

Наугрим упал беззвучно. И последнее, что успели сделать его соратники, прежде чем их накрыл яростный вал подскакавших запасных истерлингских сотен, это подхватить тело своего предводителя на руки, выдернув его из-под занесенного пламенеющего Меча Тьмы.

А затем свежие силы Вождя ударили на остановившийся и попятившийся отряд Барахира. Вновь пошла жестокая сеча — ощетинившись копьями, защитники Серой Гавани медленно отступали к городу. Главное дело вылазки было сделано: две башни сгорели, третью хоть и не успели подпалить, но закинули на вершину несколько десятков прочных цепей с железными крючьями, схватились, считай, половиной отряда, напряглись, крякнули — и башня медленно, словно нехотя, со скрипом и треском, повалилась набок, захрустев всеми балками и распорками. Полностью она не развалилась — крепко ладили мастера-басканы, — но поломано в ней было изрядно, и пока еще враг приведет ее в порядок...

Отступали к воротам, медленно пятились, отпихиваясь копьями от наседавших конников. Счастье, что Вождь отвел потрепанные хазгские отряды, сберегая их для решительного штурма.

В тот вечер в городе царило ликование. Штурм отбит, осадные башни врагу придется рубить заново; да и потери у него велики. Бесчувственного Наугрима, ходил слух, гномы-таки вынесли со смертного поля, но сам хоббит этого не видел и не мог сказать, правда это или нет.

Странный это был вечер. Под ногами вздрагивало, иногда доносились какие-то подземные звуки, тяжкие и глухие, точно удары

увесистого деревянного молота по плотно увязанному снопу — это грызли скалу Пожиратели, а навстречу им вели сложную сеть контрподкопов гномы Лунных Гор. И в любой момент кажущиеся несокрушимыми стены могли рухнуть, рассыпаясь в пыль, от небывалой подземной судороги. Фолко боялся и помыслить, что произойдет, когда вода соединится с огнем в тесном пространстве подземных каверн.

В Море, за линией далеко вынесенных от берега, укрепленных не хуже городских стен молов, грозно стояли тесной цепью корабли Скиллудра и его соратников; стояли, ждали, но пока не нападали. И все суда Кэрдана по-прежнему оставались в Гавани.

И все же, несмотря ни на что, это была победа! И защищавшие стены, ходившие на вылазку бойцы — и люди, и гномы, и эльфы — ни в чем не отказывали себе в тот вечер. Менестрели Перворожденных впервые, наверное, пели перед таким количеством Смертных. И с тонкими, неописуемо прекрасными и чарующими звуками эльфийских напевов смешивались доносимые ветром из-за стен лихие песни врагов. В стане Олмера всю ночь били барабаны; между кострами сновали темные тени. Похоже, никто не спал там в эту ночь.

Фолко веселиться не мог. Голову сдавливала тупая боль. Он наяву чувствовал присутствие здесь, совсем неподалеку, чего-то пугающего, тяжелого, темного. Словно Сила, которой так беззаботно воспользовался наконец Олмер, подкосила его, окончательно взяв в нем верх над человеческим — мелькнула мысль у хоббита.

На следующий день они так и не дождались солнца. Досель недвижно стоявшие над Серой Гаванью тучи походили на очень большой навес, так что и утром, и вечером лучи светила все-таки достигали стен города; на сей же раз не появились и они. Серый сумрак окутал поле боя. В сердца защитников холодной змеей вползла давящая тяжесть страха. И в то же время...

— Они уходят! Они уходят от Гавани! — принесли неожиданную весть очумевшие от увиденного разведчики, посланные в ночь Барахиром.

Густые колонны войск уходили прочь от крепости, иные — на северо-восток, иные — на юг. Лагерь Олмера быстро пустел, но черно-белое знамя по-прежнему вилось на высоком шесте, воткнутом в землю на том самом холме, где Вождь сразил Наугрима. Взамен ополчений восточных племен из глубины, из дальних тылов, выдвигались иные силы.

Сыграли тревогу. Поспешно расхватывая оставленное по обеденному времени оружие, Фолко и его товарищи бросились к бойницам. Внизу, на равнине, вновь сбивались готовые к штур-

му полки — но совершенно не те, что в первый раз подступали к стенам. Фолко не видел людей! Ни хеггов, ни носителей топоров, ни ховраров, ни повелителей тигроволков — никого не было. Да что там хегги и ховрары! Он не мог узреть и ударных сил Вождя, — приносившие ему победы истерлингские и ангмарские конные сотни, отонскую пехоту Прирунья, несравненных стрелков-хазгов.

А вместо них... Вместо них плотнее сбивали свои ряды бесчисленные орки — и мордорские, и Саруманови. Поодаль от них ревел, размахивая дубинами, большой отряд горных троллей, знакомых еще по походу Отона; мелкие рядом с ними, точно псы подле медведей, суетились гурры. А во мгле за ними угадывались странные мерцания — странные для любого, кто не видел оживающих Обманных Камней. И Фолко с содроганием понял, что поклоняющиеся Могильникам вместе со своими чудовищными повелителями тоже подоспели к долгожданной для них кровавой жатве.

— Да он, похоже, собрал сюда всю нелюдь Средиземья! — оторопело воскликнул Маленький Гном, глядя на происходящее округлившимися от удивления глазами.

— А ну как он сюда Ночную Хозяйку притащит? — мрачно процедил Торин.

— Сохрани нас от этого Дьюрин, — отмахнулся побелевший Малыш.

И вновь — ожидание. Острили притупленные и исщербившиеся во вчерашней сшибке мечи; мастера из гномов торопливо, наспех чинили прорванные, пробитые брони. На стенах заметно поубавилось эльфов, а тут еще стали один за другим появляться полураздетые мокрые гномы, хриплыми голосами кричавшие, что они почти закончили пробивать тоннели навстречу Пожирателям Гор и чтобы все защитники были наготове — когда пойдет вода, может приключиться нешуточное землетрясение.

Затем командовавший «их» башней арнорский сотник (Фолко частенько вспоминал Рогволда, но никто не слышал о нем, хотя многие знавали ловчего) вернулся с военного совета у Барахира. И принесенные им вести оказались куда хуже всех прочих.

Эльфы уходили из города. Мастера Кэрдана закончили последний корабль, и теперь Владыка Серой Гавани готовился идти на прорыв. Но бросить остальных защитников города он не мог тоже и разрывался между опасностью совокупного штурма с моря и с суши и опасностью потерять честь. Он предлагал оборонявшим стены людям, пробивавшим тоннели гномам уйти, прорваться с боем, пока есть возможность, пока рати Олмера отошли от городских стен.

— Там нас ждет только рабство, — ответил ему Барахир. — Мы

будем сражаться! Впрочем, я никого не держу. Пусть, кто желает, попытает судьбу в поле. Вряд ли она окажется лучше нашей!

Воины разошлись по местам. Амрод, Беарнас и Маэлнор собрались втроем, что-то негромко и встревоженно обсуждая. Фолко бросил на Амрода вопросительный взгляд.

— Там, под стенами, очень злая Сила, — вполголоса пояснил эльф. — Очень злая. Одна и главная. А кроме нее, другие, помельче, но тоже мертвые. — В глазах эльфа билась тревога. — Боюсь, людям не выдержать этого натиска.

Хоббиту оставалось лишь бессильно сжать зубы.

Далеко за их спинами, где-то в гавани, негромко запели прощальные рога. Кэрдан созывал своих на корабли. Ухало и грохотало под ногами — все громче с каждым часом; гномы были близки к завершению своих трудов. А Олмер, Король-без-Королевства, в ту самую минуту начал последний приступ крепости.

Эльфов почти не осталось у бойниц и на стенах. Наверное, Олмер чувствовал это, он не мог дать им уйти — и потому штурм развертывался стремительно.

Завизжали и загомонили орки, бегом бросаясь к стенам. Разлапистой походкой двинулись тролли, за ними мелко семенили гурры. А прямо на ворота нацеливался главный удар — Фолко увидал приближающийся сонм серых теней, увенчанных островерхими шлемами, с тускло мерцающими мечами в руках — это шло воинство Могильников. И давно пережитый, вроде бы прочно забытый страх ворохнулся в душе — и исчез, тотчас подавленный сжавшейся, готовой к отпору волей.

Но за Умертвиями двигались и жуткие призраки от Мордорских Стен, а позади всех мерно, как сама Смерть, шагала Ночная Хозяйка.

Злобный и яростный клич этого кошмарного существа потряс защитников. Бывалые воины, бледнея, отшатывались, падали ниц, обхватывая голову руками. Только очень большим усилием Фолко заставил себя смотреть надвигающейся Силе в лицо.

На сей раз двинутые Олмером к крепости Силы разили врага совсем другим оружием, хотя при орках, троллях и гуррах оставалось и обычное. И разило это новое оружие, надо признать, без промаха.

— Эльфов! Кэрдану надо повернуть своих! — хрипел Торин, встряхивая остолбеневшего от ужаса ратника. — Беги быстрее! Иначе они будут в городе через несколько минут!

Этого не предвидел никто из оборонявших город, и даже сам Кэрдан Корабел. Если врагам удастся добраться до гавани раньше, чем воины Кэрдана отгонят наседающих эльдрингов, всех эльфов ждет неминуемая гибель.

Орки ловко забрасывали на гребень стены канаты с крюками, гурры ползли вверх, зажав короткие ножи в широких ртах, и страш-

ным исчадием Тьмы надвигалась на обреченный город рать Ночной Хозяйки. Летевшие кое-где из бойниц стрелы, посланные дрогнувшей рукой, хоть и находили цель, но слишком редко. И совершенно бесполезно было метать стрелы в сухой костяк Ночной Хозяйки.

У хоббита недоставало времени думать, почему Олмер не послал всех этих тварей сразу же, а пытался взять крепость своими людскими ратями. Пучок бережно хранимых и сохранившихся почти в прежнем количестве эльфийских стрел составлял последнюю надежду Фолко. Не раз он пускал их в дело — но всегда берег, зная, что главная схватка впереди. И вот настал черед истратить их все, без остатка.

Никем не остановленные, призраки Олмера сгрудились возле ворот. На стенах меж тем пытались оправиться, как-то встретить орков — вот оборвалась одна из лестниц, и несколько троллей с глухим рыком рухнули на землю, но что будет дальше, Фолко не смог узнать. Амрод внезапно вскинул руку, словно призывая к тишине, и вместе с друзьями-эльфами напрягся, будто вслушиваясь в какие-то дальние, одним им понятные звуки, а потом схватил хоббита за руку и потащил за собой.

Вместе с гномами они сбежали прочь со стены, и Фолко понял почему — их участок, судя по всему, враги оставляли нетронутым, сосредоточив главные свои усилия против ворот города. Это очень походило на осаду Минас-Тирита, мелькнула мысль у Фолко.

Их провожали гневными возгласами, кому-то подумалось, что они струсили; но Амрод крикнул: «К воротам! Они сейчас ворвутся!» — и за ними последовали другие. Фолко молил безвестного посыльного Торина найти в суматохе Кэрдана и уговорить его вернуть бойцов в город. Только так можно было отстоять крепость от нелюди.

Они бежали изо всех сил. Фолко отставал от легконогих эльфов, но все же — один поворот, другой — вот они, ворота!

Мутный поток страха был здесь особенно силен. Стражников не осталось — наверное, попрятались кто куда. И все прибежавшие с ними люди держались только потому, что с ними были эльфы.

Снаружи раздался жуткий вой, а потом хор мертвых голосов запел древнее, необычайно злобное и могучее заклинание. В жуткую песнь Нежити вплелся еще чей-то неправдоподобно низкий голос, почти рык, исполненный такой силы, что Фолко едва устоял на ногах. Раздался долгий скребущий звук, словно чьи-то когти впились в камень створок, и ворота заколебались.

Амрод лихорадочными движениями разжигал небольшой факел, скрутив его из обрывков мешковины, его товарищи, судя по всему, готовились к отпору магической атаки, а Фолко по-

удобнее наложил стрелу на тетиву и вспомнил давний свой выстрел в Могильниках...

Беарнас, яростно кусая губы, странным образом сплел пальцы, его лицо исказилось от чудовищного внутреннего усилия; рядом в подобной же позе застыл Маэлнор, Амрод же поспешно сунул факел в руку хоббиту, заставив того опустить лук.

— Охранный Знак помнишь? — крикнул он над самым ухом Фолко. — Как только ворота рухнут, черти его! Хоть тех тварей остановим...

А створки действительно начинали поддаваться. Мало-помалу люди, бывшие рядом с Фолко, с чудовищно изломанными ужасом лицами, стали расползаться, отступая; гномы держались, но Малыш беспрестанно стирал обильно льющийся по лицу пот, даже поднял забрало.

Где же эльфы, где Кэрдан?!

Земля коротко содрогнулась, прокатился тяжкий подземный грохот — и, словно отвечая ему, ворота потряс мягкий, но неимоверно сильный удар — и по камню зазмеились черные трещины. Неживые голоса за воротами затянули какое-то унылое песнопение.

— Готовься! — выдохнул Амрод. — Черти знак, Фолко!

Хоббит повиновался — и вовремя! Голоса Нежити взвинтились до нестерпимого визга, а потом еще раз рявкнул рычащий бас — и створки разошлись примерно на ладонь. В щель тотчас всунулся длинный черный коготь, настолько омерзительный, что Фолко согнуло в приступе едва подавленной рвоты; пошатнулись даже эльфы, и только Малыш, с мечом наголо, очертя голову прыгнул вперед. Сверкнула сталь, клинок врезался в жуткую плоть, надрубив сустав. Даже всей немалой силы гнома не хватило, чтобы отсечь его совсем.

Фолко ожидал вопля боли — но ничего не последовало; вслед первому просунулись еще четыре когтя, засовы дрожали в гнездах, готовые в любой миг разлететься на куски.

— Малыш! — Торин силой оттащил товарища назад.

В щели блеснула ослепительная короткая вспышка — и запоры не выдержали. Каменные створки отлетели в стороны. Прямо в глаза сгрудившимся бойцам глянули мертвенные желтые зрачки Ночной Хозяйки. За ней виднелись Умертвия, призраки Мордора...

Последние откачнулись, увидав запирающий им дорогу знак; однако он ничего не значил для Хозяйки и ее кошмарной родни — Умертвий, давних солдат Моргота, ослабевших со временем, но вновь воспрявших и сумевших подчинить себе неразумные племена.

Свистнула первая эльфийская стрела, выпущенная хоббитом. Сейчас он уже не боялся никого и ничего, перейдя ту грань, после которой Смертный уже перестает думать о сохранении собствен-

ной жизни и мыслит только об одном: как, умирая, захватить с собой побольше врагов?

Вспышка, взвились, опадая, серые одежды, раздался тоскливый скрипучий стон... Высокий шлем со стуком покатился по камням, но уже лезла Ночная Хозяйка, хищно протягивая многосуставчатые лапы, медленно падали жуткие слова ее заклинаний — и Фолко почувствовал, как грудь сдавило так, что затрещали кости, еще миг — и он погиб бы, раздавленный, как тот воин из отряда Отона, но тут эльфы нанесли ответный удар.

Они стояли тесным кружком, и ладони их, казалось, обхватывали им одним видимый шар. И подобно тому, как человек наклоняет сосуд, выливая из него воду, так Амрод, Маэлнор и Беарнас неспешно наклонили созданное ими вместилище Силы, и острый серебристый луч прянул прямо в голову Ночной Хозяйке...

Фолко, чью грудь сразу же перестало сдавливать, послал вторую стрелу, смертельную для Умертвий.

И все-таки отстоять ворота они не смогли. Ночная Хозяйка тонко взвыла в непредставимой человеческим сознанием ярости, между ее когтей завихрилось багровое пламя, когтистая лапа ударила, чтобы одним махом смести с лица земли осмелившихся противостоять ей.

Хоббита эта ее атака просто отшвырнула в сторону, утробно воющий сонм Умертвий качнулся к нему, поднялись их мечи, и если бы не гномы — Фолко было бы несдобровать.

Серебристый светильник эльфов погас, словно задутый ветром; но и Хозяйка, что-то рыча, оттягивала назад свою лапу. Вместо когтей на ней бессильно торчали обугленные уродливые головни. Амрод поддерживал за плечи странно опадающего Маэлнора — и тоже шаг за шагом отступал.

Поднятый Торином на ноги хоббит, шатаясь, вновь взялся за лук. Сталь Умертвий уже сшиблась с клинками Малыша и топором Торина; вот Маленький Гном провел обычный свой неотразимый выпад, меч пронзил облаченное в серый саван тело призрака — без всяких видимых последствий. Ответный тычок оказался настолько силен, что Малыш отлетел на несколько шагов и едва удержался на ногах, однако и мертвецким мечам мифрил оказался не под силу.

Хоббит отпустил тетиву, погибельно воя, исчезла еще одна тень; но тут Ночная Хозяйка отбросила еще дальше пока не оправившихся эльфов, и Торину с Малышом пришлось отступить.

А за ратью призраков в распахнутые ворота уже валом валили орки; мерной поступью надвигалась Хозяйка; наверное, тут бы и окончилась история странствий и борьбы Фолко Брендибэка, если бы к нему и его товарищам нежданно-негаданно не подоспела помощь.

— Отойдите! — раздался чей-то старческий голос, и сухая рука властно отстранила хоббита.

Радагаст Карий шел, точно слепой, прямо на Ночную Хозяйку — и чудовищная форма приостановилась, будто в сомнении. Старый маг, казалось, напряг все свои силы, прямой, точно струна, он медленно воздел правую руку и чистым, сильным, молодым голосом — совсем не похожим на тот, которым он говорил за секунду до этого, — прочел какое-то заклятье. Фолко разобрал в нем эльфийские слова «тьюрэ» — победа, подчинение, повеление — и «унго» — облако, тень, и последнее было «ванна» — уход, исчезновение...

Небывалая мощь переполняла сухую фигуру Радагаста, маг закончил произносить слова, топнул ногой — и Ночную Хозяйку скрутило в жуткой судороге. От ее истошного воя Фолко казалось, что он сейчас оглохнет. А Радагаст стоял, пошатываясь, исчезла вся его прямизна, плечи ссутулились, колени дрожали.

Но даже магия Радагаста не смогла окончательно сокрушить Ночную Хозяйку. Чудовищная форма стояла, покачиваясь, ее тело, ее оголенный костяк содрогался, она не могла пошевелить ни единой конечностью — но все-таки стояла. Чаши весов заколебались — Радагаст истратил все свои силы, а Ночная Хозяйка медленно, но верно приходила в себя.

И тут вновь ожил кинжал Фолко. Подаренный Олмером клинок вторично обратился к своему хозяину:

— Я пил твою кровь — ты первый поделился ею со мной добровольно. Слушай же! Метни меня в это чудовище, что стоит сейчас перед тобой. Цельсь в горло!

И хоббит повиновался. Не рассуждая, он выхватил кинжал из ножен и расчетливо, как на занятиях с Малышом, метнул изукрашенное синими цветами оружие.

Лезвие рассекло кости, точно живую плоть, из безгубых уст Ночной Хозяйки вырвался хриплый стон. Голова ее, ужасный костистый череп, задрожала, готовая вот-вот рухнуть с плеч. Исчезли последние следы злых чар подземного чудовища. И тут оправившиеся Авари пошли в новую атаку. Серебристый безжалостный сноп света ударил прямо в полузакрытые желтые глаза страшилища. Вой перешел в пронзительный визг, а потом зрачки Хозяйки внезапно лопнули, взорвавшись, словно две шутихи, кости заполыхали, точно куча хвороста, и спустя миг все было кончено.

Ночная Хозяйка сгинула, но и маг, покачнувшись, отступил к стене и медленно сполз по ней вниз. Устрашенные, попятились орки, подались назад даже Умертвия — и, воспользовавшись короткой паузой, Фолко бросился к Радагасту.

— Вот и все... — с трудом пробормотал старик, еле-еле разлепляя губы. — Это расплата... не заботься, это расплата... Я воспользо-

вался запретным для меня оружием — и должен уйти, чтобы удержать Весы... Быть может, великий Манве...

Он хотел сказать что-то еще, но голова бессильно запрокинулась, из горла вырвался хрип.

Фолко осторожно, придерживая мертвого за плечи, усадил Радагаста поудобнее. Над телом мага уже сгущался легкий серебристый туман, быстро сложившийся в подобие странной человекоподобной прозрачной тени. Тень неспешно поклонилась друзьям, а затем налетел порыв восточного ветра, подхвативший ее и помчавший прочь, на запад, через Нездешние Моря — в Валинор

У хоббита и его спутников недоставало времени долго думать о случившемся. Эльфы после последнего нанесенного ими удара едва держались на ногах, а в ворота уже вплеснулась орущая и вопящая орочья орда, остановить ее втроем друзья не могли. Фолко едва успел подобрать свой заветный клинок. Так воинство Олмера ворвалось в Серую Гавань.

Уже бежали со стен люди, воины Барахира. Уже сам Барахир, спокойный, прямой и строгий, облаченный в лучшие одежды, вынул меч, чтобы биться, как простой ратник, до последнего издыхания на улицах города, но поздно — сила Ночной Хозяйки сделала свое дело, в руки врага попали две городские башни Поток орков, троллей и гурров хлынул в крепость.

Этот последний бой был самым страшным из всех, в которых пришлось сражаться хоббиту. Враги вдесятеро превосходили защитников численностью, а все эльфы были уже на кораблях, все канаты уже были перерублены, у причалов оставался один «Лебедь» — корабль Кэрдана, и сам правитель Серой Гавани молча стоял на корме, держа наготове обнаженный меч, и словно к чему-то прислушивался.

А на улицах шла отчаянная резня — никак иначе не назвать тот безумный кровавый хаос, воцарившийся в крепости. Воины Барахира, смертники, распрощавшиеся с надеждой выжить, бились отчаянно, оркам приходилось дорого платить за каждый дом. Разъяренные тролли тащили с собой бревна, они выбивали двери дворцов, а юркие гурры кидали внутрь какие-то глиняные горшки, разрывавшиеся с оглушительным грохотом и расплескивавшие вокруг себя странное синеватое пламя, бездымное, бесшумное, жадно впивавшееся во все, что могло гореть. Ему годилось в пищу все, даже мягкий камень. Призрачные голубые языки огня вздымались выше крыш, пылала черепица, причудливыми змеями тек расплавленный металл, проламывались балки, и верхние этажи каменными реками низвергались вниз. Держаться становилось невозможно, защитники отступали к гавани.

Друзья не отходили друг от друга ни на шаг Эльфы смогли наконец взяться за оружие, и шагающие по улицам, неподвластные

сами Умертвия одно за другим погибали под не знающими промаха стрелами. Из-за поворота на них ринулась группа орущих, рычащих троллей — но четверо передних пали, битые стрелами в глаза и горло, двух срубили гномы, на последнего Фолко умудрился обрушить стену горящего здания.

Но что значил этот успех в бою, где победы не было и не могло быть? Бойцы Барахира отступали не столько перед врагом, сколько перед пламенем; Умертвий не осталось, их и явилось немногим более десятка... Однако в эти самые мгновения в город вступала иная Сила, превыше всех Хозяек и Призраков. Одним мановением руки она стерла охранный знак, и тени Мордорских Стен с радостными воплями, предвкушая кровавую потеху, устремились в ворота.

Сознание хоббита словно раздваивалось. Он слышал далекий зов многих печальных голосов, но не разбирал обращенных к нему слов; зато с каждой секундой все четче и четче вставало перед ним жуткое видение — черная высокая фигура, окутанная Тьмой, в которой под внешне человеческими формами не осталось уже ничего человеческого, спокойно шагающая среди туч голубого огня, поспешно расступающегося перед своим Повелителем. И Фолко понял, что фигуру эту больше нельзя называть Королем-без-Королевства, ибо королевством его становилось все Средиземье.

И уже не думая, способен или нет он остановить эту силу, Фолко бросился сквозь хаос пылающих и рушащихся построек, увлекая за собой товарищей, — наперерез главному Врагу.

Под ногами земля уже не дрожала — ходила ходуном, кое-где начали появляться змеящиеся трещины — Пожиратели Скал близились.

Сумасшедшая гонка через горящий, гибнущий город, когда хоббит вел своих спутников одним чудесным наитием, короткие сшибки с орками; выбитые плечами гномов двери — все это окончилось на краю большой площади, когда-то окруженной садами и дворцами с куполами и шпилями. В дальнем конце площади, за огненной круговертью, Фолко безошибочно угадывал приближение Вождя — язык не поворачивался назвать его человеческим именем, но путь преградила какая-то незримая стена, на которую Фолко налетел с разгону и едва удержался на ногах.

И тогда не только он, а и все его спутники услышали голос, исполненный скорби и боли, произнесший слова:

— Остановитесь, Смертные и Бессмертные! Не от вашей руки суждено пасть вашему врагу. Остановитесь и ждите!

Все замерли, а Фолко зажмурился, вновь призывая себе на помощь все свои способности; и, словно наяву, увидел он бухту, и великое множество кораблей Кэрдана, уже поднявших паруса и выбирающих якоря, и самого Кэрдана, недвижно застывшего

на высокой резной корме, молча смотрящего на высокие башни своего города, охваченные огнем, и последних защитников, умирающих на залитых своей и вражьей кровью пирсах. С кораблей летели меткие стрелы, падали орки и тролли, а Барахир уже собирал вокруг себя кулак из последних бойцов, готовясь прорваться прочь из города... И тут Кэрдан, словно дождавшись некоего знака, внезапно сорвался с места, пробежал по сходням, одним взмахом рассек сдерживающие корабль канаты и, не слушая отчаянных возгласов своих спутников, с клинком наперевес быстро зашагал в глубь огненного хаоса. Как и Фолко, его вело верное чувство, ибо он шел навстречу Королю.

Они появились почти одновременно с противоположных концов площади — светлая и темная фигуры, каждая облеченная Силами и властью. Вождь шел, как обычно, чтобы победить, но вот Кэрдан... Корабел уже точно знал свою судьбу — он шел умереть.

— Наконец-то! Как давно я ждал встречи с тобой! — пронесся над камнями брусчатки нечеловеческий низкий рык.

Кэрдан не ответил. Легкими шагами он шел через площадь, и клинок его ярко сиял ослепительным белым пламенем.

Вождь рассмеялся; его собственный меч полыхал грозным багровым светом; им он сразил Наугрима, великого бойца в несравненной мифрильной броне, — что ему бояться какого-то эльфа, вышедшего вдобавок против него без всяких доспехов?

Свет и Тьма сошлись в центре окруженной огнем площади. Багровым размахом, неистовой подземной молнией прянуло в страшном выпаде Пламя Удуна; и в ответ вынеслось, холодно блистая, Пламя Анора. Фолко казалось, что фигуры бойцов расплываются, вырастают, их мечи становятся просто огнистыми полосами и что бьются уже не два воина, а два Начала, куда как превосходящие по силам тех, что были сейчас их Носителями. Над сражающимися стал расти, скручиваясь и свиваясь, сверкающий огненный столп; багровая и серебристая полосы все взлетали и опадали, скрещивались и сталкивались, отлетали и вновь сшибались. Из волн голубого пламени, пожиравшего город, вынеслись острые темные стрелы — точно клинья мрака, они вливались в противостоящую Свету фигуру, и Фолко чувствовал, как от каждой такой стрелы возрастают силы Врага. Кэрдан, однако, назад не сдвигался ни на шаг. Каждый выпад Тьмы наталкивался на несокрушимую преграду.

А противник Кэрдана все рос и рос, жадно впитывая льющуюся в него из-за пределов Мира Силу. Все быстрее и быстрее мелькал его меч; все с большим и большим трудом Кэрдан отбивал атаки.

Тонко-тонко звенела до предела натянутая струна. И Фолко чувствовал, как нарастает и нарастает мощь Тьмы, и понимал, чего ждет сейчас Кэрдан. Когда наступит предел, когда Мрак

опустошит себя, вложив все, что может, в свое оружие, только тогда, не раньше и не позже, должен был ответить эльф одной-единственной атакой, не погибнув до этого и выдержав чудовищный всевозрастающий напор Тьмы. И эта единственная атака должна была стать последней.

Словно тяжкий вздох прокатился по площади, словно лопнула наконец та далекая струна, и по чувству дикого освобождения хоббит понял, что миг настал, все преграды сняты и Свету пришел черед ответить.

Багряный клинок обрушился, казалось, неотразимым ударом — но его никто и не отражал. С не меньшей быстротой серебристый меч проскользнул между сплетений мрака и наискось, широчайшим размахом, рассек средоточие, сердце Тьмы, что таилось под покровами его противника.

Крик, какого не слыхали на Земле с дней Последнего Союза людей и эльфов, сокрушивших Саурона, крик, исторгнутый из самых глубоких обиталищ Мрака, с ужасающей силой ударился о небесный свод, словно проверяя его на прочность, и умер, погашенный.

Но и сам Кэрдан не уцелел. Уже тускнея, Пламя Удуна пронзило его. Облаченная в светло-сияющие покровы фигура Корабела еще миг стояла недвижно, а затем с легким вздохом, с каким после тяжелой работы, в предвкушении долгожданного отдыха, усталый работник устраивается отдохнуть, тело эльфа распростерлось на камнях.

Все звуки умерли; стояла тишина настолько полная, что не слыхать было даже шума крови в ушах. Два тела на площади; огнистый ярко-рыжий столб над ними, языки холодного пламени вьются и переливаются; волны пожирающего стены домов и дворцов голубого пламени, сейчас застывшие словно в недоумении...

Вновь тонко-тонко зазвенела струна, протянутая над всем мирозданием; и Фолко, все чувства которого умерли, ощутил только одно — неописуемый, непередаваемый ужас от одной только мысли, что эта струна, на которой держится сейчас все и вся, может не выдержать. Окаменело, остановилось все — даже гномы в темных и узких тоннелях под Гаванью, даже бездушные Пожиратели Скал.

А в следующее мгновение эта струна лопнула.

Со всех сторон хлынул, все нарастая и нарастая, низкий, неимоверно грозный рык; над телом Олмера сгустилась темная туча, пронизываемая десятками и сотнями коротких синих молний. Рык усиливался; и вот под ногами хоббита и его спутников медленно поплыла земля, как будто чудовищный жар расплавил выкованные руками Черных Гномов ее кости; стены бледно-голубого пламени поднялись высоко в поднебесье, слизывая исче-

зающие бесследно тучи. Фолко увидел звездное небо, далекие и тусклые огоньки светил, а затем над их головами грянуло.

Этот прокатившийся от заката до восхода гром оглушил их, разрывал уши острой болью; и тотчас туча над телом Олмера исчезла, и потрясенные хоббит, гномы и эльфы увидели, как темная фигура медленно поднимается, выпрямляется во весь рост, широко раскидывая руки в стороны, черным прахом осыпались с плеч этой фигуры и доспехи, и одежда; и вот их взорам предстал человек, обнаженный и прекрасный, его тело излучало яркий белый свет, темные вьющиеся волосы ниспадали до плеч, а когда он повернулся к друзьям лицом, Фолко понял истину.

И истина эта была в том, что Его нельзя не любить и за Ним нельзя не следовать, ибо он прекрасен. Вся жизнь, все ничтожные мельчайшие дела промелькнули перед хоббитом; вся суета исчезала, оставался лишь Он — Властелин и Повелитель, Вековечный Властитель Средиземья. О, каким невыразимым блаженством было бы тотчас погибнуть по малейшему мановению его мизинца!

И Он, все еще стоя с раскинутыми в стороны руками, улыбнулся — и негромко, но так, что слова Его услыхало все Средиземье, произнес:

— Ко мне, мое воинство.

Воздух наполнился скрипами и скрежетами, стены голубого пламени раздвинулись — и в образовавшиеся ворота хлынули бесконечные темные колонны; а в парных рядах шли дождавшиеся наконец своего часа, бывшие бесплотными призраками Безымянных Гор, не обретшие успокоения старые солдаты Моргота.

Земля колебалась уже так, что Фолко едва удерживался на ногах; рев достиг неистовой силы, звезды катились по небосклону, точно горох по наклонной доске, оставляя лишь слепую черноту надвигающегося Ничто. Линия горизонта на западе, где голубой огонь еще не успел сомкнуть свои волны, заплясала, изгибаясь; где-то там, в страшном отдалении мелькали алые и багровые искорки забушевавших исполинских пожаров.

«Дагор Дагоррат, — успел подумать Фолко. — Он вернулся. Дагор Дагоррат. Веди же нас! Веди!»

Испепеляющий восторг и жажда смерти за Него.

Реальность дрогнула и начала смазываться, точно подернувшись дымкой. Полки все прибывали и прибывали на ставшую вдруг бесконечной площадь; и Он приветствовал всех, кто вставал к Нему, не делал различий и не припоминал прошлое, хотя знал все о каждом, кто был сейчас здесь.

Однако сквозь восторг пробилось и другое чувство — клинок Отрины настойчиво толкнулся в грудь, просясь в дело. Рука хоббита медленно поднялась и стиснула рукоять. Фолко чувствовал,

как невидимая преграда исчезла — дорогу больше ничто не заграждает. Что это значит — его призывают к какому-то действию? Но ведь Он так прекрасен... как же можно нападать на Него, враждовать с Ним?!

Клинок стал горячим, синие цветы на стали ярко засветились. И тут до внутреннего слуха хоббита донесся глухой голос, искаженный страшной мукой, однако не настолько, чтобы Фолко не узнал голос Олмера, тот самый, каким тогдашний предводитель ангмарского воинства обратился к хоббиту на Сираноне, когда Олмер еще был человеком:

— Убей меня! Твоим кинжалом! Убей же!

И этот жуткий голос заставил хоббита двинуться вперед. Круг замыкался, чудесное оружие из давно ушедших эпох нашло наконец себе достойную цель.

Не помня себя, Фолко бежал по каменным плитам площади навстречу Тому, кто стоял сейчас в центре пустого пространства, огражденного стенами пламени. С другого конца площади валом валили полки темного воинства, а против них — один-единственный хоббит.

Светящаяся фигура медленно повернулась лицом к хоббиту.

Как на крыльях, Фолко летел вперед, а тот, кто стоял сейчас в самой середине обращенной в руины Серой Гавани, явно не ждал от этой маленькой фигурки ничего неожиданного; и сияющая иномировым пламенем длань поднялась для защиты, но слишком поздно.

Клинок Отрины вонзился в Его плоть.

Хоббита швырнуло на камни, он сильно ударился головой... а потом его пальцы нашарили лежавший подле него кинжал.

В ослепительном сиянии Его тела Фолко в последний момент заметил две черные отметины — справа, на груди и на плече, — и понял, что это шрамы от эльфийских стрел, посланных хоббитом и Маэлнором. Дважды Он оправлялся от этих ран, но теперь...

Фолко не мог сказать, было ли все, что он видел, на самом деле.

А потом... Был ли это чей-то Лик, укоризненно и скорбно глянувший сверху и произнесший некие Слова, среди которых слышалось: «Еще не время»? Или стремительное золотистое драконье тело, мелькнувшее в молниеносном полете, воздевшее меч и опустившее его? Или прекрасная женщина в доспехах верхом на белом единороге с огненной пикой в руке? Все говорят по-разному. Но что это было, и каждый видел только свое, и потому было ли это? И, милосердно спасая своего носителя, гасло сознание.

А потом они бежали из последних сил. Кошмарные видения еще мчались у них по пятам, вокруг змеились трещины, под землей нарастала предсмертная судорожная дрожь.

Бежал ли Фолко сам или его несли? Как очутились у них за плечами их заплечные мешки, оставленные в городской башне? Он так и не узнал этого, и его спутники немногое могли ему рассказать. Он лишь помнил, как в последнем судорожном спазме содрогнулась земля, когда гномы разбили наконец последнюю перемычку и воды Великого Моря, благословенные Воды, омывающие Тол Эрессею и Валинор, обрушились наконец на пламень Пожирателей Скал.

Чудовищный клинок вспорол Средиземье. В содрогании неописуемого взрыва исчезало все, меняли свой курс реки, проваливались горы, вздымались новые вершины. Глубоко в тело материка врезался новый залив, по счастью, он пролег южнее Хоббитании...

А эльфийский флот, подхваченный родившейся в первые мгновения катастрофы исполинской волной, настоящей водяной горой, оказался выброшен далеко от берега, «драконы» же Морского Народа разметало в разные стороны... Путь был чист, поднялся сильный, дующий с востока ветер, и все огромное скопище кораблей двинулось Прямым Путем — прямо на Заокраинный Запад.

Фолко видел последние мгновения Серой Гавани, видел, как взметнувшиеся фонтаны огня и воды поглощают разламывающиеся башни, стены, кровли; пропал город, великий город, равного которому в Средиземье нет и не будет уже, пока стоят троны Валаров; и потом тьма вновь взяла хоббита, и он уже ничего не помнил.

А когда он пришел в себя окончательно, то удивился, вновь увидав небо, и солнце, и облетавшие черные деревья, и друзей, бледных и исхудавших, тревожно нагнувшихся над ним.

— Это... было? — выдавил из себя Фолко.

Все промолчали, и лишь Амрод ответил:

— Кто знает?

Фолко стоял на вершине невысокого холма, чудом уцелевшего в пронесшихся над Средиземьем бурях. Он смотрел вверх — и чувствовал, что изменилось все, что мир никогда уже не станет прежним, ибо Прямой Путь перестал существовать. Благословенная Земля утратила последнюю связь с землями Смертных.

«Вот и конец дням Западных Эльфов в Средиземье, — вдруг услышал Фолко скорбный голос Гэндальфа. — Пришла пора прощаться и нам, мой дорогой невысоклик. Связи между нашими двумя мирами больше нет. Лишь по особому соизволению Манве — а то и самого Илуватара — смогут суда идти по Прямому Пути. Ты сделал все что мог — и все же добился цели. Никто не

преуспел бы больше. Средиземье стало бы вотчиной Мрака, и только Валары ценой уничтожения всего Мира в Последней Битве смогли бы остановить Тьму... Не плачь! И прощай... прощай... прощай...»

Голос мага делался все глуше, пока не замер совсем.

И только теперь Фолко увидел, что на руке больше нет серого браслета-убийцы, а когда он исчез — никто и не заметил в суматохе.

В окрестностях не осталось ни одного орка, гурра, тролля или призрака — всех их смели воды Великого Моря, Гваэтх Мьори, на языке эльфов-Авари. Просторы Средиземья стали воистину владением людей, в Арноре теперь обосновывались новые хозяева...

Но все же надо было двигаться, что-то делать, куда-то идти — сколько можно сидеть на краю руин?

Они кое-как поделили поклажу. И медленно, очень медленно, не зашагали даже, а через силу потащились на восток.

Эпилог

Над изуродованными войной Западными Пределами Средиземья медленно, точно нехотя, занимался новый день — зимний, короткий, робкий. В низкое небо тянулись постепенно редеющие дымы угасавших пожаров. По дорогам скакали конные, двигались небольшие пешие отряды. Пришедшие с Востока осваивались в своих новых владениях. Не стало Арнора, а на высоком престоле Наместников восседал новый хозяин — предводитель истерлингов, имя которого уцелевшие арнорцы заменили на просто Терлинг, под которым он и вошел во все летописи Нового Королевства. Мало-помалу военный хаос уступал место непрочному, но все-таки мирному порядку. Однако до всего этого еще было далеко, а пока смертельно усталые Фолко, Малыш, Торин и эльфы медленно брели прочь от того места, где совсем недавно высились острые хрустальные шпили Серой Гавани. Они уже приближались к границам Хоббитании (Фолко неудержимо тянуло домой: одним глазком взглянуть — уцелело ли хоть что-нибудь?), когда услыхали недальнее эхо многих и многих конских копыт. Их застигли на открытом месте, спрятаться было негде, и они, молча переглянувшись, решили не трогаться с места. Подобно тому, как сидели, ожидая решения своей участи, Фродо и Сэм на мордорской дороге, застигнутые врасплох большим орочьим отрядом, так и товарищи Фолко молча сбились на обочину, встав тесным кругом и взявшись за мечи. Будь что будет, но сдаваться они не собирались!

А навстречу им из-за бугра выезжали, одна за другой, свежие

конные сотни Истланда. Молодые воины, гордые победой, ехали подбоченившись, красуясь один перед другим своей в бою взятой добычей. Никто из них и внимания не обратил на ничтожную кучку вчерашних противников — что им теперь до них? Отуманившая разум воля Олмерова Кольца более не действовала на них, исчезала наносная жестокость, они вновь становились самими собой. Не по законам степной чести было наваливаться на малую горстку побежденных! Пусть себе стоят! А удумают что сотворить — так их мигом тогда и не станет.

И лишь один, воровато оглянувшись по сторонам, толкнул было коня к обочине, властным жестом протягивая руку к мешку хоббита. Фолко отступил на шаг, привычно набрасывая на лицо глухое забрало. Однако незадачливый воин не заметил внимательного взгляда сотника, раздался резкий повелительный возглас — и истерлинг поспешил вернуться в строй.

И вид этих грозно, победно шествующих всадников внезапно вызвал у хоббита приступ нестерпимой острой тоски по ушедшему миру, такому чудесному, устроенному, благолепному! По прекрасным городам Арнора и Гондора, ныне лежащим во прахе, по всей их книжной премудрости, сохранившейся от легендарных эльфийских времен, и по самим Западным Эльфам, закончившим наконец давным-давно задуманное Валарами переселение всех Перворожденных, кто пожелает этого, в Валинор. На глазах проступили предательские, недостойные воина слезы; хоббит почти рухнул на обочину, уткнувшись лбом в колени.

На плечи легла мягкая рука Амрода.

— Не кручинься, половинчик, — тихо говорил эльф. — Я знаю, о чем ты сожалеешь, но помысли: ведь земли остались, и люди на них тоже, да и арнорские города попали в руки победителям почти неповрежденными! Да, рухнули старые державы, но на их месте уже основываются новые. И долго, очень долго еще, поверь мне, все повелители Западных Земель будут выводить свое происхождение от благородного Короля Элессара... И ничего не случилось с Хоббитанией, я уверен. Надо жить!

На следующий день, когда трое эльфов, собиравшихся возвращаться домой, к Водам Пробуждения, отправились в недальний перелесок поискать какой ни есть дичи, хоббита и гномов ожидала еще одна, куда как неожиданная встреча. Вновь, как и вчера, им встретился конный отряд — только на сей раз не истерлингов, а хазгов, и мимо они проезжать никак не собирались. Низкорослые лучники стремительно окружили друзей, сразу вскочивших на ноги и вставших спина к спине, обнажив клинки.

Однако хазги не собирались драться. Старый их предводитель, в котором хоббит узнал своего давнишнего соперника в стрелковом споре, а затем — сотоварища в отряде Отона, не вынимая меча и сняв шлем, спокойно подошел к друзьям.

— Не бойся, половинчик, — низким голосом проговорил хазг на своем наречии, специально подбирая несложные слова так, чтобы Фолко понял его. — Вреда вам не будет. Вас просто велели найти. С вами хотят поговорить. Не надо бояться. Оружие свое оставьте при себе. Вечером здесь будут те, кто хочет говорить с вами. — Он сделал какой-то знак, и спустя минуту в небо взлетел черный улаг.

Друзья подчинились, тем более что хазги не выказывали никакой враждебности. Никто не притронулся к их доспехам, мечам или просто походным мешкам. Хазги вольно расположились на отдых, развели костры. Хоббит и гномы могли невозбранно ходить где угодно. Фолко сразу же испугался за эльфов — ну как они решат, что их товарищи в плену, и рванутся их освобождать? Эльфийские доспехи хазгская стрела точно прошибет...

Однако эльфы задержались до самого вечера; а незадолго до сумерек по дороге вновь затопали копыта. На рысях подходил большой отряд, во главе его ехал, с некоторым трудом удерживаясь в седле, горбун Санделло собственной персоной. А рядом с ним на прекрасном и сильном коне скакал тот самый юноша, которым они купили себе жизнь и свободу, прижатые отрядом Санделло к скалистому отрогу Туманных Гор! За это время Олвэн очень возмужал, взгляд его приобрел настоящую твердость, и теперь уже не оставалось сомнений, кого он им напоминает, — они видели перед собой лицо Олмера, каким он должен был быть в молодости. Горбун своею жизнью выкупал у врагов жизнь сына Вождя.

И поздно было стенать, заламывать руки, проклиная себя за упущенные возможности; приходилось смиряться с неизбежным. На лице Олвэна они заметили свежий шрам — память о лихом ударе Маленького Гнома; однако и сын Олмера смотрел на вчерашних врагов спокойно, без ненависти. В глазах явственно читалось затаенное горе — но держался он с подлинным достоинством. На его плечах они увидели знакомый зеленый плащ Олмера, у пояса висел знаменитый Черный Меч.

Морщась и потирая грудь, горбун слез с коня. Олвэн последовал его примеру.

— Привет вам! — негромко произнес Санделло, неловко (от мешавшей раны) опускаясь на чурбак возле костра. — Я искал вас, хотел поговорить.

— О чем? — устало и безразлично спросил хоббит, тоже протягивая зябнувшие руки к огню. — Что ты хочешь от нас? Вы победили — хотя, вернее сказать, никто не победил. Империи Вождя уже не будет. Что ты хочешь от нас?

— Хочу, чтобы вы завершили дело, за которое взялись, — серьезно глядя в глаза хоббиту, ответил горбун.

Он тоже выглядел очень постаревшим и измученным, вид у него действительно был вовсе не победный.

— Хочу, чтобы вы взяли то, что должны взять, и отнесли туда, куда должны отнести, — продолжал он. — Эта вещь не может дольше оставаться в нашем Мире. Она погубила человека, которого я любил, и я не хочу, чтобы она изуродовала его сына. Возьмите ее! Вы ведь гнались за моим господином, чтобы отобрать ее у него, неважно, каким способом? Самым простым вам казалось снять ее с трупа... Мы отдаем ее вам. Берите!

Он взглянул на Олвэна, и юноша поспешно снял с пояса кожаный кошель, раскрыл его и вынул черное истонченное кольцо на длинной темной цепочке.

Все остолбенели. Хоббиту не надо было вглядываться, чтобы понять, что именно отдает ему горбун. Полная ядовитой, нерастраченной злобы вещь, средоточие мрачной Силы всех Девяти Мертвецких Колец, покачивалась перед его глазами. Как завороженный он протянул руку.

Олвэн успел предостерегающе крикнуть, но Фолко двигался как в тумане. Кольцо коснулось его левой ладони.

И тотчас, скривившись, он поспешно отдернулся, словно в него впился целый осиный рой, вся рука до самого предплечья онемела.

— За него нельзя хвататься, — укоризненно произнес Олвэн. — Держи его на цепочке и положи в какой-нибудь мешок.

Боль в левой руке постепенно утихала — но не уходила вовсе, а словно затаивалась в глубине, чтобы затем вновь вернуться.

— А ну-ка, положи его сюда, — услышал Фолко слова Малыша.

Тот протянул хоббиту небольшую сумку с медными застежками и сложным замком и послушно опустил в нее черный ободок. Малыш взялся за пояс Фолко, одним щелчком закрепил замок, потом дернул так, что хоббит едва удержался на ногах.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Маленький Гном. — Теперь крепко.

В разговоре вновь возникла пауза. Санделло сделал то, зачем, по его словам, пришел, но не торопился прощаться. Он неожиданно протянул руку к топору гнома.

— Мне бы хотелось...

К удивлению Фолко, Торин протянул Санделло свой топор. Длинными пальцами, такими, что могли бы взять шею хоббита в кольцо, горбун медленно провел по топорищу.

— Ты знатно обработал Его посох, — обратился он к Торину. — Эта вещь из неблизких краев, из самого Южного Харада, мы тогда еле унесли ноги от странных всадников на горбатых животных — куда как больше лошади.

Горбун вернул топор Торину, затем коротко взглянул на Фолко, и тот, сразу поняв, что хочет Санделло, вытащил из-за пазухи бережно хранимый клинок Отрины. Сверкнули синие цветы, и хоббит с удивлением увидел, что камень светится недобрым огнем.

— Да, торопитесь, — сказал горбун, осторожно беря клинок. — Смотри, Олвэн, — это тот самый Гундабадский Трофей. — Он помолчал и вдруг добавил: — Мы часто не могли понять Его поступков и только потом... Спасибо тебе, хоббит. Сам того не желая, ты сильно помог тому, кого знал под именем Олмера. Он смог уйти за Гремящие Моря, куда в свой черед отправимся и все мы. Он не стал рабом Того, кто... впрочем, имя его лучше не произносить вслух.

Он махнул рукой, возвращая кинжал, и повернулся к Малышу.

— Вся эта история с кольцами начата хоббитом, — продолжал Санделло. — Хоббитом она и закончится. Думаю, вас снова ждет дорога, половинчик. Ородруин вновь пробудился к жизни.

Хоббит во все глаза глядел на горбуна. Почитаемый за смертельного врага человек отдавал хоббиту главное сокровище своего ушедшего повелителя!.. Ошеломленные, молчали и гномы.

— Это случилось в ту ночь, после первого штурма, — медленно говорил горбун. — В бою для того, чтобы убить того неуязвимого гнома, Он... сделал что-то запретное, почерпнул из недоступных источников — и его преображение завершилось. (Олвэн отвернулся.) Я стоял у его шатра, и потом он позвал меня. Я вошел. Он сказал мне голосом, который я уже узнал с трудом: «Прощай! Так хотелось победить человеком... Уводи людей, Санделло!» Я был поражен, но я получил приказ. Я склонился и сказал, что он будет выполнен. «Завтра в бой я поведу только Нелюдь, — продолжил он, — и ты мне тоже больше не понадобишься...» Я хотел возразить... но он взглянул на меня — и я все понял.

Он оставил это Кольцо тебе, половинчик. Он знал, что вам нужно от него, и понял сам, в какую угодил ловушку, но было уже поздно.

Наступило молчание. Горбун вздохнул, прихлопнул себя по коленям и поднялся.

— Однако нам пора, — просто сказал он. — Прощайте! Выполните свой долг! Наверное, ради этого Вождь и приказал сохранить вам жизнь... — Его взгляд скользнул по ним, задержавшись на Малыше. — На Сираноне, когда он одаривал вас, мы встретили только двоих, но будь вас трое, похоже, я знаю, что он мог бы подарить тебе, Маленький Гном. — Рука горбуна пошарила в седельной сумке, лежавшей подле него на траве, и достала небольшую чарку зеленого полупрозрачного камня на тонкой серебряной цепочке. — Давным-давно мы шли возле вашего священного озера Келед-Зарам, что около восточных ворот Мории, и на прибрежном песке он нашел вот это — верно, выбросили волны... Возьми ее себе.

Поколебавшись, Малыш тем не менее поклонился, принимая дар. Затем внимательно глянул, словно узнавая.

— А куда же вы теперь? — спросил горбуна хоббит. — Останетесь здесь, в Арноре, будете создавать свое королевство?

— В Арноре? Нет! Пусть эти земли достанутся истерлингам, им пришлись по нраву здешние города. Отон уводит своих на юг, хочет основать королевство на побережьях близ устья Барэндуина.

А здесь, я уже сказал, война окончена. Пусть даже и объявился тут какой-то Бородатый Эйрик, что уже попортил истерлингам немало крови. А этот бешеный роханец, Эодрейд, он собрал всех уцелевших после битвы на Исенской Дуге, совсем недавно разбил ховраров и собирается идти на юг, отвоевывать Рохан... Но это все мелочь, пограничные стычки, не больше. Роханцы, может, даже и возьмут обратно Эдорас... но нас это уже не коснется. Мы возвращаемся на родину — за Опустелую Гряду, там нас помнят. А дальше?.. Там увидим.

— Что же, опять война? — в упор спросил хоббит.

Горбун пожал плечами:

— Война?.. Не знаю. А впрочем, не нами началось — не нами кончится. И слушайте! Когда исполните ваш Долг, приходите к нам! Что делать на мирном Западе таким бойцам, как вы? Минас-Тирит ведь тоже пал.

— Пал?! — в один голос вскричали пораженные Фолко, Торин и Малыш.

— После долгой осады, — кивнул Санделло. — Точнее, не пал, гондорцы сами ушли оттуда... Они с харадримами просто перебили друг друга, так что даже и не скажешь, кто кого одолел... Но думаю, там недолго быть пустому месту. Что-нибудь появится вместо него!.. Нет, война на Закате окончена. Твои сородичи, половинчик, считай, не пострадали. Прокатились через ваши края две волны конников, кое-что, я знаю, сгорело, но все половинчики попрятались в Старом Лесу, куда хода нет ни конному, ни пешему... Да еще и старое чародейство его охраняет...

Горбун поднялся.

— Я тут вам коней оставлю — и для езды, и для вьюков хватит. Припасов тоже... До самого Мордора можете идти спокойно, а там уж как получится. Что за Черными Горами — мне неведомо... Однако нам пора! — Он помолчал и добавил: — Наверное, ради этого Он и сохранил вам жизнь... на болотах.

— А я не скажу вам «прощайте»! — раздался молодой голос Олвэна. — Клянусь Великой Лестницей, я хотел бы еще встретиться с вами — и вернуть тебе, Маленький Гном, твою затрещину... А потому — до встречи!

Поддерживаемый Олвэном, Санделло сел в седло, сын Олмера взлетел одним движением; оба подняли руки в последнем прощальном жесте. Отряд тронулся — ехали хазги, истерлинги, дунландцы и еще какие-то неизвестные хоббиту — и вскоре исчез за поворотом дороги... В отдалении утих перестук конских копыт.

— А Талисман-то, что у Отона Вождь назад забрал, видели? На груди у Олвэна висел! — выпалил хоббит.

— Вот как? — поднял брови Торин. — Хотел бы я знать, сохранил ли он еще какие-то силы...

Друзья переглянулись и дружно пожали плечами. Санделло не счел нужным отдавать творение рук своего господина — что ж они могли тут поделать?..

Фолко запрокинул голову, подставляя лицо жесткому ветру. Что-то изменилось в этом словно приопустившемся небе или это ему только кажется? Виста, так называют эльфы окутывающий Смертные Земли воздушный покров, голубая беспредельность, чью бездонность раньше не могли скрыть никакие тучи, — что произошло с ним? Какие неведомые струны лопнули в тот момент, когда Корабел расстался с жизнью? Словно исполинская непроницаемая крыша, слои Висты закупорили Мир; и хоббит с острой мукой всем существом своим ощутил исход запредельных эльфийских Сил, корни могущества которых оставались в Валиноре.

Уходили тысячелетние пласты памяти, истекали, истаивали, находя последнее свое прибежище там, за черными гранитными стенами Пелори. Новый, молодой и жестокий порядок шел на смену прежнему. Над всеми бескрайними, неоглядными просторами Средиземья расправляли крылья иные силы, набирали мощь новые королевства. Эльфы-Авари творили магические барьеры вокруг Вод Пробуждения, чтобы с годами остаться в людских преданиях лишь как смутная и неверная сказка. В своей пещере вслушивался в различимые лишь его слухом судороги мировых фундаментов Великий Орлангур; мудрецы Серединного Княжества поднялись на высокие наблюдательные башни, обращая свои острые взоры к движениям небес и вод, улавливая в них едва различимые отзвуки, достигшие их изощренного разума из черных бездн Хаоса вне Стен Мира, от пределов самого Обетованного, жилища Творца Илуватара...

Дивное чувство провидения подхватило хоббита — не в последний ли раз? Запредельность затягивала куда-то прочь из подвластных сознанию областей; и кто знает, чем бы все это кончилось, не раздайся рядом с Фолко такой знакомый, реальный и земной голос Маленького Гнома, сразу вернувший хоббита обратно.

— Клянусь Морийскими Молотами, они оставили нам пиво! — воскликнул он, вытаскивая на свет увесистый жбан. — Не вижу причин, почему бы нам не обновить мою чарку! Куда там идем дальше, в Мордор, верно? Тогда воистину нам не помешает добрый глоток!..

И Маленький Гном упругим рывком выдернул затычку.

1987—1992
С.-Петербург

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

В чудовищном водовороте событий, сотрясавших Средиземье в дни Великого Вторжения, судьбу отдельных героев проследить нелегко. И все же многочисленные хроники Нового Королевства дают некоторое представление о том, что же случилось с Фолко и его товарищами после гибели Серой Гавани. Начать следует, видимо, с того, что далеко не все на Западе смирились со случившимся. Так, развернул настоящую партизанскую войну в восточном Арноре хорошо знакомый читателю Бородатый Эйрик; старший же сын павшего короля Роханской Марки, принц Эодрейд, сумел собрать в восточном Арноре почти всех уцелевших соотечественников. Армия Беорнингов среди всеобщего смятения сразу же после падения Аннуминаса заняла перевалы в Туманных Горах — и тридцатитысячное войско нового Владыки Рохана смогло уйти в долины Андуина. Эодрейд перезимовал там, заключил союз с Беорнингами и весной 1724 года по летосчислению Хоббитании ворвался через Уолдское Всхолмье в Северный Рохан. К тому времени в Марке обосновались ховрары, однако они не смогли сами взять ни одной горной крепости, где продолжали держаться роханцы. Удар Эодрейда был для ховраров полной неожиданностью, и 19 апреля 1724 года их наспех собранное войско было разбито на Чистолесице. И тут в летописях Весеннего Похода впервые упоминаются невысоклик Фолко Брендибэк, гномы Торин и Строри, а также эльфы Амрод, Маэлнор и Беарнас. Они сражались пешими в передовом полку и снискали большую славу. Их имена перечислены среди тех, кого Эодрейд взял после сражения в свою личную дружину.

Вторично наши герои появляются на страницах старых хроник при описании взятия войском Эодрейда роханской столицы Эдораса 26 апреля того же года. Неистовая шестерка первой ворвалась в город; король Эодрейд посвятил их после этого в рыцари.

Затем Эодрейд торжественно провозгласил Восстановление Роханской Марки. Это произошло 28 апреля. Одну за другой он деблокировал все горные крепости, остатки ховраров бежали, кто за Андуин, а кто за Исену, в Дунланд.

Тем временем на юге, в Гондоре, царил полный хаос. Минас-Тирит несколько раз переходил из рук в руки, пока силы обоих противников не были полностью истощены. Король Гондора и его старший сын погибли, младший же уцелел и, будучи женат на

дочери принца Эрендара, владетеля замка Дол-Амрот, перенес столицу туда. Там же был сосредоточен весь уцелевший гондорский флот. Итилиэн, Анориэн, Лоссарнах, все земли вдоль Андуина до самого его устья после долгих боев обратились в выжженную пустыню. Харадримы удовольствовались местью, захватом Умбара и южного Гондора (от Пороса до Андуина) и не стали штурмовать неприступный Дол-Амрот.

Летом 1724 года наши герои появляются в отряде герцога Этчелиона Итилиэнского, который 18 июля дерзкой ночной атакой вновь захватил Минас-Тирит. Сохранился рассказ самого герцога, вошедший во многие летописные своды, из которого следует, что Фолко и его друзья были чуть ли не главными героями этого сражения.

О том же, как проходил и чем закончился поход хоббита и его товарищей к Роковой Горе, мы не имеем прямых свидетельств. Есть только одно, косвенное по формальным признакам, хотя, по моему мнению, более чем убедительное — грандиозное извержение Ородруина в ночь на 11 августа 1724 года, зарево от которого видели во всем Гондоре и Рохане.

Далее в жизнеописаниях героев следует большая лакуна, растянувшаяся на шесть лет. Некоторые хронисты утверждают, что Фолко с друзьями участвовал в отражении нападения орков на Хоббитанию в 1726 году, после чего новый король Арнора, Терлинг, былой предводитель истерлингов, показавший себя разумным и дальновидным правителем, счел за лучшее подтвердить указ Короля Элессара о неприкосновенности земель народа половинчиков.

Существует и противоположное мнение о том, чем были заняты наши герои в течение этого времени. Так, утверждается, что они совершили второе путешествие на Восток, вновь побывали у Великого Орлангура и несколько лет гостили у принца Форве на Водах Пробуждения. Однако об этом периоде их странствий достоверных свидетельств не сохранилось.

В 1730 году хоббит и двое гномов вновь оказываются в Роханской Марке. Король Эодрейд заключил союз с Морским Народом и попытался отбить у дунландцев и ховраров Западный Рохан. Среди дружин Морского Народа, принявших участие в этом походе, и встречается имя тана Фарнака. Судьба его после этого окажется надолго сплетенной с судьбами наших героев, когда они как союзники станут бороться за сказочный Адамант Хенны.

Эодрейду удалось оттеснить врага за Исену и взять Хорнбург. Но тут в войну вмешались хазги, и роханцам пришлось заключить мир, удовольствовавшись достигнутым. Известно, что король Эодрейд предлагал отличившимся в этой войне Фолко, Торину и Малышу высокие должности в своем войске, звал их навсегда остаться в Рохане. Сохранилось свидетельство, что в сражении

на Исене половинчик Фолко Брендибэк командовал двухтысячным отрядом пеших лучников и «рост сего мужа никак не соответствовал высокой доблести, им выказанной», замечает роханский хронист.

Однако друзья отвергли предложение короля — потому что уже в 1731 году мы встречаем их на службе Королевства Беорнингов. Фолко и гномы участвовали — уже командирами отдельных полков — в походе к Ривенделлу, где истерлингам удалось окружить отряды Бородатого Эйрика. Эйрика выручили, но Ривенделл пришлось оставить. Однако на этом борьба не окончилась — уже в 1732 году Рохан и Беорнинги заключили союз с гномами Дори Славного, занявшим к тому времени всю Морию; хирд вышел на поверхность, и союзники, разбив 16 мая армию хеггов, с налету овладели Тарбадом. Однако тут истерлинги показали, что еще сильны. Армия новых хозяев Арнора вместе с войском короля Отона и многочисленным ополчением зависимых племен, рассеявшихся в Энедвэйте и Минхириате, в начале июня подступила к Тарбаду. Двухдневная битва не принесла успеха ни одной из сторон — хирд не мог гоняться за подвижной конницей, а остальные части союзного войска потерпели неудачу. Война закончилась «вечным миром», в котором и впрямь очень нуждался Запад Фолко и гномы вместе с таном Фарнаком отправились на юг.

Однако здесь уже начинается длинная и кровавая история борьбы за Адамант Хенны — она подробно описана в одноименном труде и ее нет нужды пересказывать здесь. Скажу лишь, что хоббиту, гномам и вновь появившимся эльфам-Авари Амроду, Маэлнору, Беарнасу и принцу Форве пришлось пройти еще многими опасными дорогами, сражаться в бесчисленных битвах и одержать немало побед, прежде чем тела Фолко и гномов упокоила в себе милосердная земля.

ДОПОЛНЕНИЯ

О дорвагах

В отличие от других народов Средиземья, давно покинувших свою прародину, дорваги жили в лесах северо-востока с незапамятных времен. Их собственные мифы и предания уходят вглубь на тысячи лет и сохранили даже воспоминания о встречах с нуменорцами — когда разведчики и купцы лесного народа хаживали далеко на юг и запад, до самого моря. Известно, что между Нуменором и дорвагами поддерживались торговые отношения; потом, когда на Землю-Подарок пала тень Саурона, дорваги благоразумно отступили в глубь лесов, прервав почти всякие сношения с внешним миром.

Саурон, даже в зените своего могущества, не слишком интересовался дальней лесной окраиной. Его враги обитали на западе, туда и был нацелен его главный удар. Однако дорвагам все же пришлось столкнуться с мощью Мордора: в дни, когда армия Хамула, Черного Истерлинга, одного из Девяти, попыталась продвинуться за Дор-Феафарот к Баррскому Хребту и встретилась там с эльфами-Авари. В тех битвах дорваги сражались вместе с Перворожденными; Хамулу так и не удалось ни прорваться через перевал, ни хотя бы привести к покорности дерзких лесных обитателей.

Войны с басканами тянулись несколько веков, став в какой-то степени священными. Обеими сторонами двигало уже не желание прибрать к рукам земли или богатства врагов, но скорее жажда мести — счеты кровью между басканами и дорвагами были очень велики. В конце концов чаша весов склонилась на сторону дорвагов, басканы были окончательно вытеснены в пустынные области к югу и востоку от Железных Холмов.

К моменту описываемых в «Кольце Тьмы» событий дорвагские племена жили в народоправстве, но раздробленно. Объединить их (да и то ненадолго) могла лишь внешняя угроза, подобная вторжению Черного Истерлинга или же более поздняя, когда к дорвагским лесам вплотную подступили железные полки возрожденного Гондора.

В 1649 году по летосчислению Хоббитании гондорское войско достигло ближних подступов к дорвагским владениям. Король

Элрос Второй стремился привести к покорности дальние области Рованиона и покончить с постоянно тревожившими Гондор набегами степняков-истерлингов, еще не забывших своего поражения в дни Войны Кольца. Несмотря на давние распри истерлингов (особенно кочевых) с оседлыми лесными жителями-дорвагами, вчерашние враги объединились (что дало впоследствии возможность ряду гондорских хронистов обвинить дорвагов в «служении Тьме»). Неосторожно продвинувшийся в глубь лесов передовой отряд гондорцев попал в засаду и был истреблен до последнего человека. Позднейшие историки соглашались, что подобное деяние превосходило пределы необходимой обороны — ведь гондорцы, по сути дела, еще не успели причинить дорвагам никакого вреда, кроме разве что нарушения торговли в Великой Степи вокруг Рунного Моря. Быть может, на решение дорвагских старшин атаковать первыми повлияла судьба взятого гондорским войском Айбора? Сохранившиеся писцовые и разрядные книги гондорских летописцев, что сопровождали войско Элроса Второго, не дают четкого ответа на причины внезапного и дерзкого удара, объясняя все «вероломством» дорвагов. Это тем более странно, что никакого договора у дорвагов с Соединенным Королевством не было и, следовательно, нарушать было нечего.

После гибели передового полка гондорцы стали осторожнее. У Элроса хватило бы сил, выманив в чистое поле, раздавить в открытом бою все дорвагское ополчение; однако лесные жители не поддались на нехитрую уловку. Война затягивалась, превратившись в обмен мелкими ударами, ночными нападениями; то дорваги атаковали какой-либо из гондорских лагерей, то гондорцам удавалось застигнуть врасплох дорвагский отряд; ни та, ни другая сторона не могла взять верх. Война затянулась на целых два года, пока гондорцы не начали отход, так и не покончив со строптивыми обитателями лесов. В областях дорвагов надолго воцарился мир, нарушенный лишь большой войной Олмера Великого. Однако даже это бедствие задело дорвагов лишь самым краем.

К моменту начала Войны Адаманта дорваги впервые объединились в племенной союз. Их державу ждало большое будущее...

Об эльфах-Авари

Разделение народа эльфов произошло, как известно, еще до начала времен. Ушедшие на Запад три колена эльфийских родов, Элдар, стали говорить, что оставшиеся, Авари, мол, были забыты и сгинули бесследно. Отчасти это было правдой, но лишь отчасти.

После ухода эльфийских родов Ольвё, Финвё и Ингвё оставшиеся эльфы сплотились вокруг вождя Ильвё. О нем говорили, что он постиг многие искусства и науки «через мудрость собственных рук», то есть сам, не имея иного учителя, кроме лишь вечного, бесконечного времени. Ильвё сделался первым (и Вечным) королем Вод Пробуждения и первым начал плести магическую сеть, что надежно укрывает эльфийские владения от чужих взглядов и в наши дни. На карты легли искаженные очертания восточных земель, и немало путешественников оказалось сбито с толку хитроумной магией Перворожденных, превосходно умевших запутывать дороги.

Непотревоженные, Авари пережили войну Валаров с Мелкором. Все помыслы Черного Вала были направлены на борьбу с силой Валинора; остававшиеся где-то на востоке Средиземья эльфы мало волновали Великого Врага. Его разрозненные отряды добрались и до Вод Пробуждения, но, сбитые с пути эльфийским чародейством, так и не вернулись назад.

С Сауроном же у эльфов-Авари вышла настоящая война. Число Перворожденных хоть и медленно, но росло, им требовались новые земли. Они двинулись на запад и северо-запад. Внук Вечного Короля, принц Форве, основал свой домен в глухих лесах к северу от жилища Великого Орлангура. Перевалив через Баррский Хребет, эльфы столкнулись с армией Хамула, Черного Истерлинга.

Жестокая битва, не уступавшая размахом сражениям Первой Эпохи, разыгралась на равнинах Дор-Феафарота. Не выдержав стремительного натиска легкой истерлингской конницы, эльфы оказались отброшены к границе великого леса Таур-ну-Амарта, Леса Рока; там Авари сумели привести в порядок растрепанные полки и занять оборону. Однако, несмотря на прославленную меткость эльфийских лучников, едва ли им удалось остановить напор рвущихся вперед истерлингов, поддержанных вдобавок всей мощью магии Черного Истерлинга, если бы на помощь не подоспели дорвагские дружины. Ополчение дорвагских родов прикрыло собой эльфов-стрелков, грудью приняло решающий натиск Хамула, дав Авари возможность стрелять из-за людских спин. Град эльфийских стрел проредил ряды атакующих, однако остановить их все равно не смог. Истерлинги сшиблись с дорвагами, жестокая сеча длилась несколько часов, лесные ополчения стояли по колено в крови, однако они все же сумели продержаться до того момента, когда во фланг и тыл армии Хамула ударили подоспевшие фаланги Черных Гномов. Опрокинутое и наполовину рассеянное, воинство Хамула отступило. Правда, и победители понесли такие потери, что даже и думать не могли о преследовании.

О новых королевствах Запада

После падения Арнора на его месте образовалось Новое Царство (или королевство) истерлингов. Вчерашние пахари и кочевники на удивление быстро освоились в каменных городах. Завое-

вание Арнора не сопровождалось массовой резней или угоном жителей в рабство — сперва за этим следил Олмер, а потом, после его Ухода, истерлинги и сами не давали другим разорять страну, которую они уже считали своей. Обосновавшись в Арноре, истерлинги образовали военное, вооруженное сословие, позаимствовав у старого Арнора административный аппарат. Терлинг, первый правитель Нового Царства, дальновидно решил не вмешиваться в жизнь покоренного населения. Он отменил многие налоги, снял с жителей военную повинность, решительно и жестоко расправился с шайками мародеров из самых разных племен, что некоторое время после окончания войны орудовали на границах. Аннуминас и Форност попали в руки победителей практически неповрежденными; Терлинг короновался в старой столице Арнора, объявив себя законным наследником короля Элессара. Его владения простирались от берегов Луны до Буреломного Угорья на западе, от полуночной оконечности Сумеречных Гор до Забытого Кряжа на юге. Тарбад стал самым дальним форпостом Терлинга на Зеленом Тракте.

Хоббитания оказалась под истерлингским скипетром, однако после разгрома вторгнувшейся банды орков Терлинг счел за лучшее вновь подтвердить неприкосновенность земель народа хоббитов.

На берегах нового залива, образовавшегося на месте Серой Гавани, и до южных отрогов Серых Гор осели выходцы из Дэйла и Эсгарота, мелкие роды Рованиона, часть истерлингов-пахарей из ближайших к Дэйлу областей, немногочисленные обитатели Айбора и Торговой Области, пошедшие на запад вместе с воинством Олмера Великого. Небольшим, но воинственным и сильным королевством стал править Отон. На западе его владения ограничивались Южным Трактом.

Держава Отона очень быстро почти что слилась с Морским Народом.

В Минхириате и Энедвэйте расселились хегги, ховрары, хазги и иные мелкие племена. Образовалось три племенных союза: ховрарский на побережье между старым устьем Брендивина и местом впадения в океан Гватхло; под власть хеггов попали области на всем пространстве от Туманных Гор почти до самого Пригорья, от Забытого Кряжа до Врат Рохана; хазги же обосновались в своих исконных землях возле границ Дунланда. Между этими союзами никогда не было прочного мира, беспрерывные набеги, крупные и мелкие стычки — все это впоследствии облегчило Эодрейду его знаменитую Реконкисту.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЧЕТВЕРТОЙ ЭПОХИ ОТ УХОДА КОРОЛЯ ЭЛЕССАРА ДО НАЧАЛА ВТОРЖЕНИЯ ОЛМЕРА ВЕЛИКОГО

(Годы даны по летосчислению Хоббитании)

1541

Уход Короля Элессара. Элдарион, сын Властителя Арагорна и Владычицы Арвен Ундомиэль, принимает корону Гондора. Соединенное Королевство находится в зените могущества. Арнор занимает земли от Сумеречных Гор до Заверти и от Залива Льюн до Южного Нагорья. Гондор — от Пороса до Лориэна и от Дагорлада до западного края Белых Гор.

1542

В Дэйле умирает Боромир II, сын Боромира Гондорского, сына Денетора, Наместника Гондора. Боромир II скончался, дожив до 138 лет, и последними его словами были: «А все-таки я пережил этого выскочку, приведенного на трон бродягой в серых лохмотьях!» Перед смертью Боромир II передает сыну Делвэну I Черный Меч Эола и принимает его клятву «вечно ненавидеть род Элессара!». Делвэн I был одним из первых Свободных Золотоискателей в краях Северного Прирунья.

1550

Владыки Великого Тхерема начинают завоевывать восточные и юго-восточные земли.

1560

Начинается война между Королевством Лучников и истерлингами-пахарями, которых теснят кочевые племена.

1561—1562

Осада Эсгарота. На помощь королю Берну приходят гномы Эребора. Истерлинги отброшены. Во время этой войны нашел свой конец Делвэн I, внук Боромира Гондорского, в возрасте 102 лет. Черный Меч переходит к Кириамиру (р. 1520).

1569

Олвэн I, сын Кириамира, родился в Эсгароте. Сразу же после этого семья переезжает обратно в Дэйл.

1570—1585

Королевство Беорнингов распространяет свою власть на всю долину Андуина от Серых Гор до Светлого Лима.

1588

Встревоженный слухами об орках, замеченных в Туманных Горах, Беорн VIII восстанавливает Гундабадский Мост.

1598

Олвэн I, сын Кириамира, берет в жены Борнхигор, племянницу Берда III, короля Дэйла, против воли ее дяди. Они принуждены бежать в Эсгарот.

1602

Смерть Кириамира, правнука Гондорского. В этот год басканы напали на Айбор, но были разбиты подошедшими дорвагскими дружинами.

1604

Первые поселенцы обосновываются в Ангмаре. Они почитают Саурона и Короля-Чернокнижника.

1605

Сын Олвэна I и Борнхигор, Делвэн II, родился в Эсгароте. Смерть короля Берда III Бардинга. Его сын, Барет Бардинг, двоюродный брат Борнхигор, разрешает Олвэну и его жене вернуться в Дэйл. Олвэн вслед за отцом и дедом становится Свободным Золотоискателем.

1622

Первые следы поклонения Тьме замечены в Аннуминасе. Наместник Арнора объявляет эту веру вне закона, и ее приверженцы бегут в Ангмар.

1623

Наугрим приходит в Гелийские Горы.

1633

Делвэн II появляется в Гондоре и некоторое время живет в Минас-Тирите. В этом же году он берет в жены Латору, дочь купеческого старшины Айбора.

1634

Сын Делвэна II, Боромир III, родился в Дэйле.

1636

Вторжение кочевников с юго-востока в Прирунье и леса дорвагов. Они разбиты в кровопролитном сражении у Айбора. В этом бою Делвэн II командовал ополчением Свободных Золотоискателей и снискал большую славу.

1641

На Великом Тракте все чаще и чаще попадаются орки. Король Элдарион и Наместник Нармакил устраивают Большую Облаву. Много орочьих племен обнаружено и перебито. По возвращении из похода Элдарион, чувствуя усталость от жизни и считая врага полностью разбитым, покидает этот мир. Корона переходит в руки его старшего сына Элроса II.

1648

Король Элрос II начинает большой поход на восток, желая привести к покорности Гондору Рованион и Великие Степи. Истерлинги отступают, не принимая боя. Айбор отказывается открыть ворота королю, однако

принужден сдаться после долгой осады. Делвэн II погибает на стенах города. Его сын Боромир, несмотря на молодость, сражается рядом с отцом и выносит из Айбора Черный Меч. Боромир возвращается в Дэйл.

1649

Ушедшая далеко на восток гондорская армия сталкивается с дорвагами. Лесные жители заманивают передовой отряд гондорцев в ловушку и уничтожают. Поскольку они напали первыми, Король Элрос II объявляет им войну. Многие жители Айбора, Прирунья и дорвагских земель находят убежище за Болотистой Грядой (тогда она еще не звалась Опустелой).

1650—1651

Дела призывают короля вернуться в Минас-Тирит; его полководцы продолжают войну с дорвагами. Обе стороны несут потери и не могут добиться успеха. Наконец гондорская армия начинает отход. Беженцы покидают края за Опустелой Грядой. В этой войне на стороне дорвагов сражается Боромир, сын Делвэна II.

1655

Мирный договор Гондора с дорвагами. Форпосты гондорских сил располагаются на Болотистой Гряде. Там вновь начинается добыча леса для нужд Королевства. Но, столкнувшись с чудовищами Лесов Ча, гондорцы уже через год вновь отступают.

1657

Местность за Опустелой Грядой становится прибежищем всякого рода изгоев из Прирунья, Айбора, Невбора, земель истерлингов-кочевников и прочих племен.

1664

Боромир III, сын Делвэна II, берет в жены Инару из Дэйла.

1675

В Дэйле родился Олмер, сын Боромира III, внук Делвэна II, правнук Олвэна I, праправнук Кириамира, прапраправнук Делвэна I, прапрапраправнук Боромира II, прапрапрапраправнук Боромира Гондорского.

1679

При возвращении с отрядом Золотоискателей в Дэйл Боромир III убит с схватке со степными истерлингами. Черный Меч хранится в Дэйле у его отца Делвэна II.

1680

В селении за Южными Холмами родился Санделло.

1689

Уцелевшие на востоке Серых Гор племена орков ищут новые места обитания. Собравшись, они двигаются на запад между Серыми и Безымянными Горами.

1690

Последний Поход арнорской армии на Север. Орки прижаты к горам и беспощадно истреблены.

1691

Олмер получает из рук деда Черный Меч и приносит клятву. В этот же год он совершает свой первый поход как рядовой Золотоискатель.

1692

В Хоббитании родился Фолко, сын Хэмфаста.

1695—1705

Олмер совершает дальние походы за золотом, становясь в конце концов одним из предводителей Братства Золотоискателей.

1697

Санделло первый раз выигрывает турнир мечников в Аннуминасе, но Наместник отказывается взять его в свою гвардию.

1698

В Дэйле умер Олвэн I, сын Кириамира. Санделло вторично побеждает на турнире мечников.

1700

Санделло в третий раз побеждает на турнире мечников.

1701

Первое военное столкновение Ангмара и Арнора. С тех пор между ними идет незатухающая пограничная война.

1705—1707

Олмер совершает дальнее путешествие на запад. В Арчедайне он сводит знакомство с Торином, в Аннуминасе — с хронистом Теофрастом и горбуном Санделло, который становится его постоянным спутником. Вернувшись в Дэйл, Олмер женится. Имени его жены история не сохранила.

1708

Олвэн, сын Олмера, родился в Дэйле.

1709

Олмер находит Первое из Мертвецких Колец. Он продолжает свои странствия по всему западному Средиземью, часто навещая Теофраста.

1712

Оэсси, дочь Олмера, родилась в Дэйле. Второе Кольцо найдено Олмером.

1713

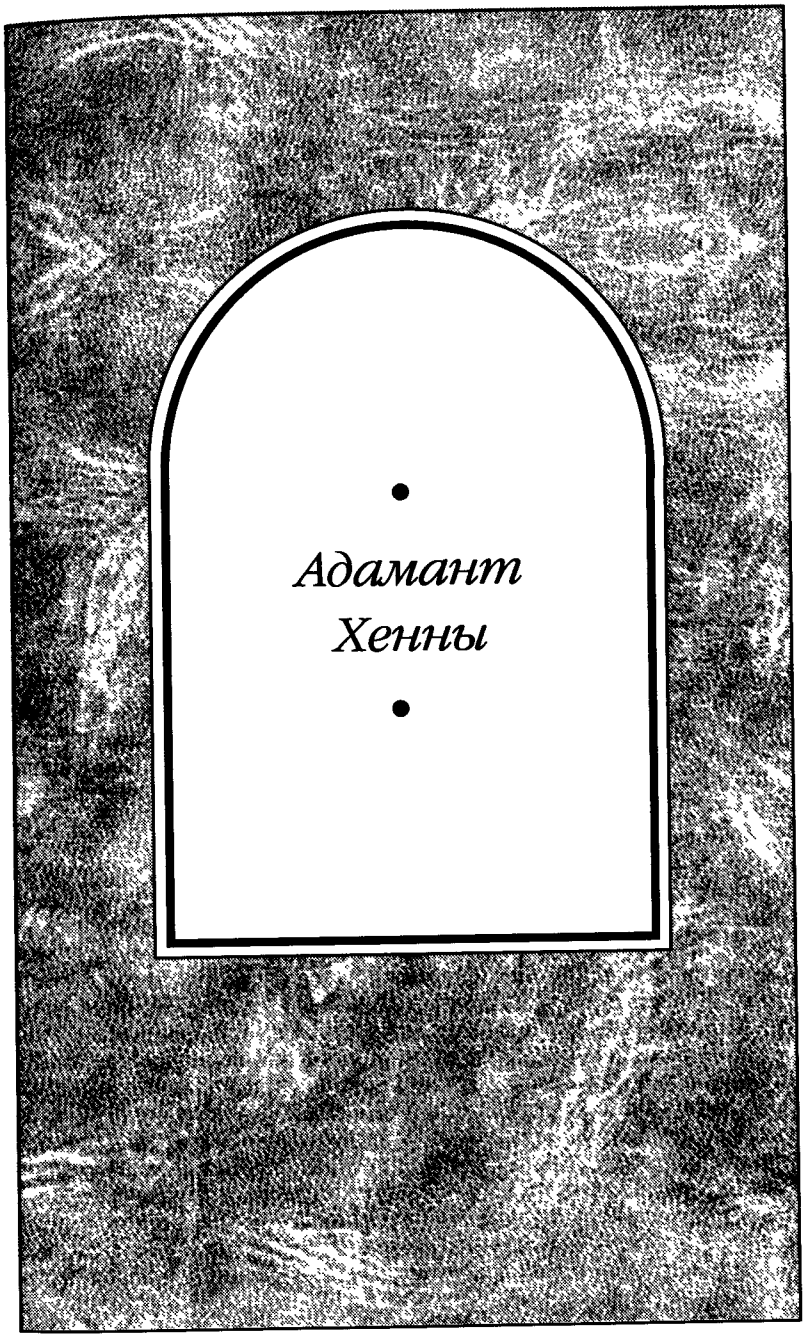
Умирает король Дэйла Брок Бардинг. Его наследник, Берд IV Бардинг, пытается поставить отряды золотоискателей под свою руку. Многие вынуждены бежать из Королевства Лучников. Олмер берет под свою руку край изгоев за Опустелой Грядой и начинает подготовку Вторжения.

1720

Начало странствий хоббита и Торина. Олмер, путешествуя через Арнор, находит еще одно Мертвецкое Кольцо. Набег хазгов на области Железных Холмов и Эребора. Небольшой отряд проникает до самого Гундабада, где и разбит дружиной Олмера.

1721

Олмер делает первую попытку атаковать Арнор, но терпит неудачу в сражении между Форностом и Аннуминасом. Начинается большая война.

Адамант Хенны

Сноп огня в кулаке эта жизнь нажила,
Возжелавшая боли и брани,
И горят вдалеке полевые костры,
И остры адамантовы грани.

Часть I

1732 ГОД. НАЧАЛО ЛЕТА

Пролог

Всласть натешившись, волны швырнули на береговой песок бесчувственное человеческое тело. Слугам Ульмо быстро наскучила скверная игрушка, бросившая даже и бороться за жизнь. Пока она билась, дергалась, извивалась, отчаянно пытаясь вырваться из зеленоватой пучины наверх, к живительному свету и аэру, — они с удовольствием забавлялись ею, опрокидывая в последний момент, когда несчастному уже казалось, что он вот-вот сможет глотнуть воздуха. Волны внезапно и коварно обрушивались с разных сторон, загоняя тонущего в глубину, погребая его под своими прозрачно-голубыми телами. Он избавился от тянущей ко дну одежды и сапог, но все напрасно. Его неумолимо затягивало все глубже.

Тонущий сопротивлялся до последнего. Однако с каждым мигом силы таяли, и вот наконец руки бессильно повисли, голова запрокинулась — человек оказался в полной власти бессердечных волн. Они забавлялись с утопленником еще некоторое время, но, видя, что он вот-вот пойдет ко дну, мгновенно оставили его в покое, устремившись на поиски новой игрушки. И тут внизу, в темной и холодной глубине моря, где-то в мрачных придонных впадинах, куда редко заглядывает сам Ссе, внезапно родилось некое движение: вверх устремилась размытая темная тень, не имевшая четких очертаний. Волны в ужасе шарахнулись от нее, поспешно уступая дорогу. Тень на миг замерла прямо под идущим вниз телом несчастного — и тотчас же растворилась, исчезла, словно ее тут никогда и не было. Однако появление ее не осталось без последствий. Раскинув руки, тело начало медленно подниматься из глубины вод. И едва на поверхности появилось бледное, уже заострившееся, словно в посмертии, лицо, как с запада примчал еще один, новый вал, легко подхвативший ничтожную капельку живой плоти, что оскверняла свободную стихию моря, и брезгливо, точно мусорщик падаль, погнал к берегу.

Швырнул в нерастраченной злобе на песок — и отступил, весь в белой пенной крови.

Некоторое время тело оставалось недвижным. Потом с хриплым выдохом-проклятием спасшийся приподнялся на локтях — изо рта тотчас хлынула вода. Застонав, он вновь рухнул; однако миг спустя вновь поднял голову, словно встревожившись. И верно — с запада, поднимаясь все выше и выше, катилась исполинская зеленоватая волна, которую издали можно было принять за облаченного в доспех воина, с пенным плюмажем на шлеме.

Взор человека вспыхнул. Судорожным рывком он вскочил на ноги, нелепым подпрыгивающим бегом устремившись прочь от ненавистного моря. Перевалил за гребень песчаной дюны и рухнул, скатившись в неглубокую, поросшую мягкой травой впадину.

Зеленая волна на горизонте разочарованно разгладилась.

Спасшийся постепенно приходил в себя. Силы мало-помалу возвращались к нему; несмотря на царивший вокруг холод поздней осени и собственную наготу, человек, казалось, совсем не мерз. Он медленно сел; мозолистые, крепкие ладони бывалого воина и морехода обхватили голову. Человек словно бы пытался вспомнить нечто очень важное, пытался — и не мог.

— Не помню... — прошептали посиневшие губы. — Ничего не помню... Имя? Нет... Слова... одни только слова...

Стояло звонкое и жаркое лето.

По узкой лесной тропке ехал всадник — горбун в немудреной черной одежде. Ему то и дело приходилось низко нагибать голову, кланяясь протянувшимся поперек тропы ветвям. В правой руке он сжимал обнаженный меч; лезвие покрывала какая-то зеленоватая слизь. Капли медленно катились по ложбинке кровостока к опущенному острию и падали наземь.

Меж деревьями открылся просвет. Перед всадником расстилался роскошный луг, а в дальнем конце его над зеленым разнотравьем медленно поднималась зыбкая серая тень.

— Все, как и рассказывали, — прошептал всадник. Конь захрапел, не слушаясь повода; наездник спешился. Привязал коня, поправил меч и двинулся вперед. Зыбкая тень уже успела сложиться в чудовищное подобие самого пришельца; длинный меч вытянулся едва ли не на шесть футов.

— Я не отступлю, — холодно и скрипуче проговорил горбун, обращаясь к фигуре. — Я и так уложил многих твоих собратьев, не миновать того же и тебе!..

Подняв клинок, горбун спокойно шагнул навстречу призраку, за спиной которого маячило разверстое устье пещеры...

...А когда горбун Санделло возвращался назад, лицо его, костистое, исчерченное морщинами, казалось, светится от счастья.

Глава 1

ИЮНЬ, 3, ХОРНБУРГ, РОХАНСКАЯ МАРКА

Усталое войско возвращалось домой. Позади остались привольные степи; Белые Горы, поднявшись, закрыли полнеба. Миновав Врата Рохана и перейдя Исену, ратники расположились на отдых в Хелмском Ущелье.

Эти места совсем недавно вновь вернулись под твердую руку Эдораса. Минуло всего два года, как молодой король Эодрейд отчаянным натиском взял главный оплот закрепившихся в Вестфолде ховраров. Штурм тогда был тяжелым, страшным, кровавым; если бы не помощь гномов, что вновь, во исполнение давней клятвы, ударили в спину защитникам крепости, Хорнбург бы устоял. После победы Эодрейд опустошил казну, остатками золота купив искусство Подгорного Племени, и те за истекшее время сделали цитадель Холма совершенно неприступной.

Крепость стала опорой для роханского натиска на запад. Та, двухлетней давности война провела по Исене закатный рубеж Марки — кровью провела! — а теперь, после нынешнего похода, граница отодвинулась еще дальше в степи, на три дня доброй скачки, как записано в грамотах «вечного мира» с хазгами, ховрарами и дунландцами. Нынешний поход считался победоносным, — во всяком случае, именно так повелел возглашать герольдам король Эодрейд.

Встречать войско вышло немало народа — почти все нынешние обитатели Вестфолда, все, кто остался за чертой Сбора. Женщины, старики да ребятишки — мужчин забрала война, а подростки в это время несли охранную службу на границах. Несмотря на военное лихолетье, встречу воинам подготовили пышную — на зеленом ковре долины ждали накрытые столы. Старики качали головами — мол, не те яства, что раньше, куда как не те; но Рохан только-только начал оправляться от истребительного кошмара Исенской Дуги, и на глаза воинов навертывались слезы — они-то знали, чего стоило их женам собрать угощение...

Но праздник начинался с иного. Торжественным маршем один за другим в крепость входили роханские полки.

— Скажи мне, скажи, когда будет Холбутла! — теребила старшую сестру совсем юная девчушка лет четырнадцати, с длинной золотистой косой. — Скажи, ну скажи, а?!

— Да зачем тебе это? — поджала губы та. — Он на тебя и смотреть-то не станет! Даром ты по нему сохнешь, глупая!

Вокруг засмеялись.

— Сама ты глупая! Знаю, Фалда своего ждешь не дождешься! Не терпится?.. — тотчас огрызнулась младшая. — А мне уже про мастера Холбутлу и спросить нельзя!

Смех усиливался.

— Ишь какая бойкая! Самого маленького выбирает! Чтоб, значит, удобнее было... (послышалось двусмысленное хихиканье). А не рано ли тебе, красотка? Подросла бы сначала, а?

— Маленького, да удаленького! — ухмыльнувшись, прошамкал беззубый дед. Годы согнули его спину, но не стерли с лица многочисленных шрамов — этот бывалый воин стоял в свое время на Исене... — Он у короля Эодрейда мало не лучший!

— Вот и я говорю, — подхватила какая-то женщина, — Эовин всегда о героях мечтала!

Но смутить девушку оказалось не так-то просто.

— О ком хочу, о том и мечтаю, и спрашивать ни у кого не стану! — сердито выпалила она, резко откидывая назад тяжелую косу. — А Холбутла — герой, это все знают! Мама мне про него рассказывала — он еще на Исенской Дуге отличился! И в Эдорас первым ворвался!

— Верно, верно, — кивнул старик. — Храбрости он непомерной! И откуда только берется... Так взглянешь — одним взмахом зашибешь! Ан не тут-то и было...

— А говорят, у сородичей его, которых гондорцы «половинчиками» зовут, свое волшебство имеется, говорят, они исчезать умеют, а еще такое заклятье знают, что стрелы у них завсегда в цель летят! — затараторила женщина.

— Будет болтать-то! — неодобрительно покачал головой дед. — Тоже выдумала — волшебство какое-то! Нет в них никакого волшебства и никогда не было. А разговоры все эти пошли, потому как лучше мастера Холбутлы и впрямь никто стрелы бросать не умеет!.. Э... э, погодите, балаболки! Эовин! Ты спрашивала — вот он, твой Холбутла!

В широко распахнутые врата Хорнбурга входил бравым шагом полк пеших лучников. Война безжалостно проредила их строй, во всем полку осталось не более трех сотен воинов. Маршировали они тем не менее бодро, а впереди всех нешироко, но быстро шагал низкорослый командир. Несмотря на жару, он не расстался ни со шлемом, ни с доспехами — похоже, для него они превратились в подобие второй кожи. На широком поясе воина висел недлинный меч, по обычным людским меркам — просто кинжал, лишь более широкий и толстый. За спиной начальника стрелков виднелся колчан со странным, белого цвета луком. Оружие это уже успело прославиться от Пригорья до Исены, от Эдораса до Мордора — знаменитый лук Холбутлы, из которого он попадал в брошенную изо всех сил вверх монету или пробивал птичий глаз в полной темноте.

За командиром Холбутлой двигались шеренги воинов — по шести в ряд. Полк снискал большую славу: благодаря меткости его стрелков роханская армия смогла с налету взять сильно укрепленный Тарбад — важнейший южный оплот захвативших Арнор истерлингов. Ни один из защитников не смог высунуться из бойницы: воздух заполнила колючая свистящая туча, и, касаясь тел, она волшебным образом оборачивалась торчащими из окровавленной плоти простыми деревянными древками. Казалось невозможным, что Смертные, не эльфы, могут стрелять так быстро и метко, но все знали, что мастер Холбутла не даром ест свой хлеб и не зря гоняет новобранцев до седьмого пота. В полку были собраны лучшие стрелки роханских земель, они могли запросто остановить любую атаку. В тяжелой Тарбадской битве, когда удача отвернулась от Эодрейда, полк Холбутлы уперся насмерть, перекрыв дорогу уже набравшей разбег истерлингской коннице, защитив оголенный бок войска, и продержался до тех пор, пока не подоспел хирд Дори Славного... Полк стоял по колено в крови, а перед его строем громоздился скользкий вал из конских и человеческих тел, весь утыканный длинными серооперенными стрелами роханских удальцов... Об этом знали и об этом помнили.

Полк мастера Холбутлы миновал ворота крепости. Там, на зеленой траве Хелмского Ущелья, толпились те, кто пришел встретить ратников. Все кричали разом — кто-то надеялся увидеть в строю родное лицо, выкликая по имени мужа, брата или сына, кто-то просто орал «Наши!» или «Победа!»; визжали и вопили дети.

— Мастер Холбутла-а! — подпрыгивая, закричала девчонка со звонким именем Эовин, названная так в честь знаменитой Эовин, девы-воительницы, сокрушившей вдвоем с далеким предком мастера Холбутлы самого Короля-Призрака на Пелленорских Полях.

Низенький командир лучников услышал переливающийся серебром голос девушки и, улыбаясь, повернулся. Когда-то он, верно, был румян, круглощек и русоволос; а теперь почти все волосы стали снежно-белыми от ранней седины, щеки ввалились, над переносицей пролег застарелый шрам. Серые глаза потеплели; давно застывший в них холод, свойственный бывалым воинам, на время отступил.

— Привет и спасибо за встречу! — крикнул в ответ командир лучников.

— Слышала?! Слышала?! Он ответил мне! А ты говорила — и не посмотрит! — Эовин показала язык недовольно отвернувшейся старшей сестре. — Спорим, что я станцую с ним после сегодняшнего пира!

— Совсем в уме повредилась девка, — лицемерно вздохнула женщина рядом, та самая, что утверждала, будто сородичи Холбутлы владеют магией, но ее желчь пропала даром — дерзкая девчонка скорчила ей рожу и ловко, точно ящерка, скользнула прочь сквозь толпу.

За полком лучников шла тяжелая панцирная пехота. Ее с большим трудом возродили в Рохане совсем недавно, переняв частью у гномов, а частью у истерлингов; Вестфолд, чья фаланга каменной плотиной запирала путь бурному половодью ангмарцев и истерлингов на Исенской Дуге, лишился в том кошмаре всех до единого бойцов.

Пеший полк был почти вдвое многочисленнее стрелков и возглавлялся двумя тоже невысокими, но очень широкоплечими воинами. Ростом они были по плечо роханцам, зато руки их толщиной и силой могли соперничать с медвежьими лапами.

— Гляди, гляди — гномы! — зашумели в толпе.

— Что, те самые? Рыцари Торин и Строри?

— Разуй глаза, кибитка! Кто ж еще? Кто у короля полками панцирников командует? Эге-гей! Тангарам преславным — привет!

Один из командиров-гномов на ходу повернулся к крикнувшему.

— И тебе привет тоже! — гаркнул он так, что у всех без исключения заложило уши. — Ну как, все тут у вас готово? Пива наварили?

— Наварили, наварили! — отозвался целый хор голосов. — Будет чем жажду утолить!

— Вот и славно! — заметно оживился второй гном, пониже ростом. — У меня горло ну прям-таки совсем пересохло! Если на мою долю меньше полновесной бочки достанется — обижусь смертельно!

И воины, и встречавший люд захохотали.

— Да там и пять бочек на брата будет, и шесть даже! — крикнул кто-то.

— О! — Маленький Гном вскинул руку. Латную рукавицу он так и не снял. — А я-то боялся — ну как не хватит? — закончил он с уморительно-серьезным видом.

Последним, по недавней роханской традиции, в крепость въехал король Эодрейд. Победоносного правителя, вернувшего почти все роханские земли, встретили дружными восторженными криками. Миновав ворота, король натянул поводья и привстал в стременах.

— Спасибо вам за ожидание и встречу! — крикнул он. В наступившей тишине его голос достигал самых дальних уголков ущелья. — Мы победили! Правый берег Исены вновь наш, и с западного рубежа наших владений вновь видно море! Недалек тот день, когда мы вновь будем владеть всем, чем владели наши предки, чем владел великий Теоден! А пока давайте отдыхать и радоваться! Пусть сегодня здесь будет настоящий праздник!..

Торжество и в самом деле удалось на славу. Король, его юные сыновья и дочь, все Маршалы Марки, военачальники полков, вся знать были в эту ночь с теми, кто мечом или плугом приближал победу. Эодрейд, хлебнувший лиха в страшную осень 23-го, не чурался незнатного люда — и, кстати говоря, никогда не употреблял слов «чернь» или «простонародье»...

Правда, потом, когда над Хелмским Ущельем щедро вызвездилось высокое летнее небо, правитель Рохана все же собрал «ближний круг» в высокой башне Хорнбурга, в том самом покое, где стоял, глядя на сражение, сам король Теоден. Стол накрыли на десятерых — король, его Маршалы и военачальники. Их осталось немного — нынешняя армия Рохана не в пример меньше той, что насмерть стояла на Андуине и Исене...

Нет нужды говорить, что Фолко, сын Хэмфаста, более известный в Рохане как мастер Холбутла, и друзья гномы Торин, сын Дарта, и Строри, сын Балина, по прозвищу Маленький Гном, были в числе приглашенных.

Былому «хоббиту не от мира сего», книжному червю, что изобретал тысячу и один способ отвертеться от прополки репы или окучивания картошки, в этом году исполнялось тридцать восемь лет — для народа невысокликов лишь самое начало зрелости. Правда, глядя на него нынешнего, никто из сородичей не дал бы ему меньше пятидесяти. Война на Западе полыхала уже без малого десять лет, то призатухая, то вновь охватывая истребительным пожаром все земли от Белых Гор до Голубых, и, увы, оставляла свои следы и на лице Фолко.

Однако кое-что и не изменилось, например мифриловый доспех или, главное, гундабадский трофей Олмера, таинственный клинок Отрины с украшенным голубыми цветами лезвием, клинок, что оборвал земной путь Короля-без-Королевства. Фолко не расставался с оружием ни днем ни ночью. За десять лет износились, истерлись кожаные ремешки ножен, и Малыш по просьбе хоббита выковал тонкие, но очень прочные цепочки, на которых теперь и висел кинжал.

Гномы изменились меньше: их раса отличается долголетием, двести пятьдесят лет для них — тот возраст, когда еще выходят на бранное поле и крепко держат топор.

— Эй, Малыш, сколько можно копаться?! — выходил из себя Торин, уже стоя у двери. — Опаздываем! Невместно нам приходить позже остальных! Ты не девчонка, чтобы прихорашиваться перед зеркалом! Надевай что ни есть, и айда!

— Оставь ты его, Торин, — невозмутимо заметил хоббит, закалывая фибулой нарядный плащ. Поневоле пришлось обзавестись изрядным гардеробом — король Эодрейд очень хотел, чтобы его двор выглядел попышнее и попраздничнее, и понятно — люди устали от войны, и хотелось простых человеческих радостей вроде нынешнего праздника.

Разумеется, давно прошло время, когда друзья со священным трепетом входили в общество сильных мира сего. Ныне они сами стали сильными. Не они искали службы, а служба искала их. Умный и дальновидный Терлинг, правитель Нового Королевства, которое роханцы по привычке называли Арнором, звал всю троицу к себе, предлагая высшие посты в своей армии, после того как ополчение Хоббитании под командованием Фолко Брендибэка, сына Хэмфаста, и его спутников-гномов наголову разгромило вторгшуюся орочью орду в 26-м. Этчелион, герцог захваченного истерлингами и харадримами Итилиэна, едва не посадил всю троицу под замок, узнав, что они намереваются оставить его отряд. Правитель Беорнингов предлагал лучшие лены в его владениях, если Фолко и гномы согласятся стать военачальниками в этом королевстве... Друзья привыкли. За прошедшие годы они не раз вступали в армии Рохана, Гондора, Беорнингов, сражались за Хоббитанию, но всякий раз уходили, после того как победа была достигнута, не отказываясь от почестей, но отвергая попытки навсегда оставить их в тех краях. Эодрейд понял это первым и не навязывал друзьям свою волю. Потому-то Фолко, Торин и Малыш чаще всего оказывались именно в рядах роханского войска... А впереди них уже летело рожденное военным лихолетьем поверье: «Там, где невысоклик, Гном Большой и Гном Маленький, — быть победе!»

Прошли давно и те времена, когда друзья сражались простыми ратниками в рядах полков, гадая, что сделают назавтра командиры и правители. Теперь они сами сделались командирами. Повинуясь их приказам, шли в атаки сотни людей. Война — лучший, хоть и жестокий учитель; она вышколила Фолко, превратив из мирного, чуть хвастливого и несколько наивного хоббита в опытного, бывалого командира, — случай для его сородичей совершенно небывалый. К тому моменту, как судьба вывела его на стены Серой Гавани, преображение уже почти завершилось. Десять последующих лет он набирался опыта, поднимаясь все выше в тех армиях, куда посылала его совесть. Он не стал наемником, солдатом удачи — нет, он воевал за то, чтобы Запад вновь стал бы прежним. В Рохане это почти удалось сделать, и Гондор уже восемь лет, как вернул себе Минас-Тирит; дело теперь за Арнором, и Фолко верил, что придет день, когда над башнями Аннуминаса вновь взовьется бело-синее знамя — знамя, под которым он впервые пошел в бой. Хоббит понимал, что мир никогда уже не станет таким же, как встарь — исчезла Гавань, пал Кэрдан Корабел, — но не воевать за то, чтобы вернуть к жизни хотя бы призрак кажущегося сейчас таким прекрасным прошлого, он не мог.

На поздний ужин к Эодрейду они явились вовремя, при полном параде, при мечах и топорах, в лучших одеждах — только без доспехов. Мифриловые кольчуги и все прочее Малыш самолично

запер пятью замками, не доверяя никому. А открыть замки, сработанные Маленьким Гномом, можно было, лишь разнеся в щепки саму дверь.

— О! Мастер Холбутла! Почтенные гномы! — Король поднялся из кресла, оказывая честь своим лучшим рыцарям.

— Приветствуем могучего Эодрейда... — начал было Фолко обычное придворное приветствие, однако правитель остановил его властным жестом:

— Сейчас не до церемоний... На поле под Тарбадом вы говорили со мной совсем иначе! И я хотел бы, чтобы так осталось и впредь. Садитесь! Угощение небогато, но требовать большего с Вестфолда... — он покачал головой. — Садитесь, я собрал вас не есть, а говорить.

Учтиво раскланявшись с остальными Маршалами, Фолко и гномы уселись на свободные места возле длинного стола. К немалому огорчению Малыша, на белоснежной скатерти сиротливо ютилось лишь несколько блюд с легкой закуской. Пива не было совсем, вместо него стояли темные бутылки старого гондорского, явно еще довоенной закладки. (Войной все на Западе называли именно вторжение Олмера, а отнюдь не те бесчисленные походы и сражения, что последовали за гибелью Короля-без-Королевства. Время оказалось разрезанным надвое — до Войны и после. Нечего и говорить, что теперь времена «до Войны» почитались истинным Золотым Веком.)

— Друзья, — король опустил золотую чашу — единственную реликвию, что осталась в роду роханских королей от Теодена Великого, — для всех на Западе, Севере и Востоке наш поход закончен. Однако же это не так.

Эодрейд умел поразить приближенных. Даже видавшие виды Маршалы изумленно воззрились на правителя. Малыш и тот бросил с тоской озирать стол — не появится ли на нем внезапно что-нибудь посущественнее из еды? — и, приоткрыв рот, оторопело уставился на короля.

Эодрейд выглядел очень внушительно. Ему едва минуло сорок лет, и он был в расцвете сил; золотые, как и положено роханскому правителю, волосы ниспадали до плеч, глубокие серые глаза смотрели жестко и пронзительно. Длинные усы опускались до подбородка — мода, перенятая у восточных племен, хотя в этом никто не хотел признаваться. Шрамы — лучшее украшение мужчины — пересекали его лоб и левую щеку. Обычно король одевался подчеркнуто скромно, однако на праздниках роскоши его одежд могли бы позавидовать даже короли Нуменора. И мало кто знал, что все эти украшения — золотое шитье, алмазы, сапфиры, изумруды, бархат и парча — все взято взаймы у гномов, и королеве приходится ночами гнуть спину, вышивая плащи для торжественных выходов подземных правителей... Порой, не кичась коро-

ной, ей садился помогать Эодрейд, но об этом знало лишь несколько человек во всем королевстве, и невысоклик Фолко, сын Хэмфаста, был среди них.

— Однако же это не так, — повторил король, пристально оглядывая соратников. Все они, как один, были очень молоды для своих высоких постов: старая гвардия Рохана вся полегла на Исенской Дуге. Сейчас королевство Эодрейда с трудом могло выставить восемь-десять тысяч копий — и это лишь если призвать всех, от пятнадцати до пятидесяти. Впрочем, народ-войско иного и представить себе не мог.

— Война только начинается, друзья, только начинается. — Король поднялся из-за стола, по привычке держа в руке чашу Теодена, полную до краев. Так, с полной чашей, король зачастую и заканчивал пиры — он не любил хмельного.

— Но... мы же приняли «Вечный мир»! — пробасил Эркенбранд, уже немолодой, огрузневший воин, прямой потомок того самого Эркенбранда Вестфольдинга, что сражался с ратями Сарумана в дни Войны за Кольцо. Он единственный из старых приближенных Эомунда, отца Эодрейда, кто прошел Андуин, Исену и дожил до этих дней. За ним единственным молчаливо признавалось право перебивать короля.

Эодрейд спокойно кивнул:

— Верно, Храбрейший. Но разве человек, которому приставили к горлу нож и вынудили расстаться с его добром, не имеет права вернуть свое достояние силой? У нас отняли плоды наших побед, тарбадская неудача дорого обошлась Рохану... И потому для меня мое имя на том пергаменте, которому придают столь большое значение ховрары, дунландцы и хазги вкупе с истерлингскими варварами, не более чем росчерк, оставленный ребенком на прибрежном песке. Еще миг — и волна сотрет письмена без остатка... Так и здесь, Храбрейший. Я принял мир, потому что иначе войско могло бы понести слишком тяжкие потери на обратном пути. Я сделал так, что мы смогли вернуться беспрепятственно. Договор сделал свое дело, и его можно забыть.

Король вновь обвел всех собравшихся взглядом:

— Да, я знаю, о чем вы все сейчас думаете — как же так, правитель Рохана дал слово, а теперь собирается вероломно нарушить его! Признайтесь, каждому ведь пришла в голову эта мысль, не так ли? Мне она пришла первому, уж поверьте. Но иного выхода у нас нет. Олмер был великим завоевателем, что бы о нем ни говорили. И он знал, как нужно нападать — внезапно, стремительно, не давая врагу опомниться, на его плечах врываясь в города! Вспомните повесть Теофраста Письменника... Если мы не переймем уроки Короля-без-Королевства — Исена может повториться. Только на сей раз уходить будет уже некому и возрождать Рохан тоже. На Дуге у нас было шестьсот полных сотен! Никогда Рохан

не выставлял такой силы, и что же? Наша рать была стерта в пыль! Я до сих пор поражаюсь, как потом удалось собрать тридцать тысяч...

Фолко сидел ни жив ни мертв от изумления. Эодрейд, благородный король Рохана, чье слово считалось крепче камня, готов первым втоптать свое имя в грязь, покрыв себя вечным позором. Слова рвались у Фолко с языка — он неложно уважал правителя Рохана, они не раз сражались бок о бок, и покорно склонить голову после ТАКОГО — нет, это не для него!

— Немного внимания, друзья. — Король поднял руку. — Послушайте меня еще немного. Суть того, что я хочу сказать вам, весьма проста. Дело в том, что заключенный нами мир — не обычный мир. Все понимают, что ни мы с хазгами, ховрарами и прочими находниками ужиться не сможем, ни они с нами. Поэтому одно из двух — либо они уничтожат нас, либо мы уничтожим их. Вспомните, как сражались дунландцы в этой войне!

Фолко помнил. Однако он помнил и роковой удар дунландской пехоты в тыл уже окружившим воинство Олмера роханцам во время Исенской битвы, помнил и страшную месть уцелевших степных всадников... Под кровавыми счетами черту не подведешь. Да и теперь чудом уцелевшие остатки дунландского племени вновь дали бойцов в армию ховраров. И дрались дунландцы отчаянно...

— Долго так продолжаться не может, — говорил король, лицо его мало-помалу темнело от сдерживаемого гнева. — Настанет день, и нас сотрут с лица земли, если мы до этого не внушим всем врагам такой ужас, что они начнут пугать детей в колыбелях нашим именем!

Фолко опустил глаза. Что-то ворохнулось около сердца тупой, ноющей болью. Знакомые слова... Месть, месть и еще раз месть! — разве он сам не жил по этому волчьему закону последние десять лет?

Король отпил из чаши — небывалое дело, верный признак того, что Эодрейд сильно взволнован.

— Сейчас никто не ждет нашего удара. Вражьи прознатчики доложат, что войско ушло в Хорнбург и его вот-вот распустят по домам. А мы в это время пройдем тайными тропами через Белые Горы, обогнем их с запада, отрежем ховраров и хазгов от помощи Отона и Терлинга, а потом начнем большую охоту! Живым уйти не должен никто.

— Мы воины, а не палачи! — прохрипел Эркенбранд. Глаза старого воина горели от гнева.

— Знаю. — Голос Эодрейда зазвенел. Король тоже с трудом сдерживал ярость. — Выбирай, Храбрейший: или мы станем палачами сами, или другие станут палачами для нас! А я хочу, чтобы Рохан жил. Любой ценой, и моя собственная жизнь, да что там

жизнь — честь! — ничто в сравнении с этим. А уничтожив всех врагов в междуречье Гватхло и Исены — и тем более взяв Тарбад! — мы сможем по-другому говорить с Аннуминасом... Мы заставим их признать нашу неприкосновенность!.. А теперь я хочу услышать вас. И первым прошу стать тебя, мастер Фолко!

Хоббит удивленно поднял брови — он никак не ожидал подобного. Бросил быстрый взгляд на друзей гномов: лица их были непроницаемы, словно каменные маски. А это в свою очередь значило, что услышанное им не нравится, и притом очень сильно.

Фолко поднялся. Уловив на себе неприязненный взгляд Эркенбранда, он повернулся к старому воину и почтительно поклонился ему.

— Мой повелитель, быть может, начать лучше было бы Храбрейшему?..

— Предоставь решать это мне! — непривычно жестко отрубил король. — Ты тоже был и на Андуине и на Исене... как и я, кстати. Так что говори смело.

Фолко поднял брови — так, чтобы это видел засопевший от обиды Эркенбранд: мол, все понимаю, но выполняю приказ, не обижайся на меня, Храбрейший, и начал:

— Мой повелитель, по-моему, это безумие. Войско утомлено и ослаблено потерями. В поход можно вывести не более шести полных тысяч — остальных нужно оставить в Хорнбурге и на Исене. А кроме этого, нельзя забывать и о восточной границе. За Андуином неспокойно... Но главное даже не это. О мой король, я немало времени провел в одном отряде с теми же хазгами и знаю: раз изменивший слову перестает быть для них человеком. Если своему слову изменит правитель большой страны — в глазах хазгов весь его народ превращается из людей, пусть даже и врагов, в хищных зверей, которых нужно уничтожать безжалостно и беспощадно, и чем скорее, тем лучше. Сейчас *слово короля Рохана*, — с нажимом произнес последние три слова Фолко, — ценится куда выше золота. Потому что он ни разу не отступал от него. И быть может, своим словом ты вернее защитишь королевство, чем мечами и копьями? Это первое и главное. Я мог бы еще много чего сказать о том, что план похода хоть и хорош — действительно, никто из врагов не будет ждать нас со стороны моря, а если возобновить договор с Морским Народом, то шансов на успех прибавится, — но намеренно оставлю все эти рассуждения в стороне. Ибо, по мысли моей, королевское слово не может быть нарушено ни при каких обстоятельствах. Я сказал.

— Молодец! — опускаясь на место, услышал хоббит горячий шепот Торина. Сидевший ближе Малыш просто пожал Фолко руку — и так, чтобы все видели.

Эодрейд выслушал хоббита молча, лишь на скулах его играли желваки.

— Мысли мастера Холбутлы мне понятны, — ледяным тоном проронил властитель Рохана. — Что скажут остальные? Что скажешь ты, Храбрейший?

Грузный Эркенбранд с трудом выбрался из кресла.

— Что могу сказать я, старый и немощный? — Голос его все еще дрожал от обиды. — Мой король давно уже живет плодами собственных мыслей, да еще и дает в Коронном Совете первое слово чужакам и наемникам, пусть даже весьма искусным!

Внешне Фолко остался невозмутим, хотя внутри у него все тоже сжалось от обиды. «Ах ты старый, выживший из ума пень! И это после всех битв, в которых я сражался под роханскими стягами!»

Рядом с хоббитом яростно засопел Малыш, уже готовый броситься на обидчика.

— Храбрейший, обида помутила твой разум, — холодно бросил король. — Мастер Холбутла и впрямь получает содержание из моей казны, поелику не имеет никаких ленных владений в пределах Рохана, что, я вижу, было моим немалым упущением! Но ты запамятовал, Храбрейший, благодаря кому мы взяли Эдорас столь малой кровью!.. Впрочем, мы сейчас говорим совсем о другом. Что скажешь ты о моем плане?

— Что я могу сказать... — Эркенбранд побагровел так, что Фолко испугался, как бы гордого старика не хватил удар прямо здесь, за пиршественным столом. — Наверное, план хорош... Но хотелось бы услышать: что, кроме собственного убеждения, положил король в основу своего решения? Разорвать договор с соседями, сколь бы худы они ни были, — такого у нас еще не случалось!

— Верно. Не случалось. — Эодрейд отрывисто кивнул. — У меня и впрямь нету никаких твердых доказательств, что враг тогда-то и тогда-то начнет вторжение. Напротив, ховрары и хазги ослабли, их рати изрядно потрепаны... Разумеется, им нужно будет время, чтобы оправиться. Но что они станут делать несколько лет спустя, когда подрастут молодые воины? На кого обратится острие их удара?.. Не на нас ли?..

На краткое время наступила тишина.

— А почему повелитель так уверен, что оно не обратится на междуусобицу? — негромко заметил Торин, после того как Эодрейд кивнул головой, давая желающим знак говорить. — Почему бы и не сделать так, чтобы ховрары вцепились в горло хазгам или же они вместе — хеггам? Или чтобы все ополчение Минхириата и Энедвэйта не напало бы на владения Отона? Король-без-Королевства мастерски умел ссорить своих врагов и не давать им объединиться...

— Плести интриги... — поморщился Эодрейд.

— Однако это лучше, чем отказываться от собственного слова! — встрял Маленький Гном.

— Так, я слышал всех, кто служит Рохану, не принадлежа к нему по крови. А вы, мои остальные Маршалы? — Эодрейд сел, упираясь локтями в стол и опустив подбородок на сцепленные пальцы рук.

Военачальники закряхтели и задвигались. Видно было, что никому из них не улыбается противоречить своему королю. Наконец решился Брего, один из командиров конных тысяч — ударной силы роханского войска.

— Э... э... О мой король... — Брего не умел произносить речи, это знали все. Злые языки поговаривали, что проще научить пса петь торжественные гимны, чем Третьего Маршала Брего ораторскому искусству. Впрочем, косноязычие не мешало ему оставаться дельным командиром и храбрым воином. — Король мой, значит... Мыслю я... э... опасно это. Ну да. Опасно. Вот.

— Хватит, Брего, хватит! — Эодрейд досадливо поморщился, и все вновь удивленно переглянулись: правитель Рохана никогда раньше не позволял себе прерывать Третьего Маршала из-за тягучей и малопонятной речи. — Твоя мысль мне ясна. Опасно идти с шестью тысячами против троекратно сильнейшего врага, говорите вы? Но мастер Холбутла справедливо заметил, что, возобновив союз с Морским Народом, мы увеличим наши шансы. При удаче к нам присоединится четыре тысячи мечей! С таким войском можно смело идти на Тарбад...

Фолко сжал губы: ему очень не нравился тот принятый разговором оборот. Эодрейд перевел речь на чисто военные вопросы — хватит ли сил, куда направить главный удар, как привлечь союзников, словно бы все уже согласились с тем, что договор, подписанный правителем Рохана, не более чем разрисованный детскими каракулями кусок тонковыделанной кожи.

— Но корабли Морского Народа уже ушли, — возразил Фрека, Четвертый Маршал. — Потребуется немало времени, чтобы они вновь смогли собрать свои силы...

— Да не пойдут они второй раз-то! — неожиданно раздался резкий голос Маленького Гнома. — Они ж пираты известные. Честных там по пальцам одной руки пересчитать можно. Ну Фарнак, конечно же, Лодин тоже... Говорят, Хельги ничего... А остальные... Тот же Скиллудр! Где для них добыча? Они у ховраров все, что могли, уже взяли. А с хазгами они не дураки в драку лезть.

Мысленно Фолко выругал себя за то, что этот совершенно очевидный факт не пришел ему в голову.

— Верно! — прогудел Торин. — Морскому люду платить нужно, и желательно вперед. Тогда они сражаются, словно орки, когда их Моргот подгонял...

Эодрейд опустил взгляд, но отнюдь не от осознания собственной ошибки. Казалось, он смертельно устал от непроходимой тупости своих приближенных, не понимающих доступных и ребенку вещей. Наступила тишина; и уютный покой внезапно показался хоббиту угрюмым и мрачным, точно пыточный застенок. Казалось, в древних стенах вновь ожило отчаяние Теодена, когда он, запертый словно медведь в логове, ждал, когда же орки Сарумана наконец прорвутся в Хорнбург... Фолко чувствовал сгустившуюся древнюю злобу так же четко, как когда-то, десять лет назад, чувствовал приближение Олмера. С самой гибели Серой Гавани с ним не случалось подобного; навалилась непонятная выматывающая дурнота.

А Эодрейд тем временем заговорил вновь:

— Что ж, мнение ваше мне ясно, господа Совет. Признаюсь, я ждал другого ответа... Конечно, я могу отдать приказ, но мне хотелось бы все же убедить вас. Старого мира больше нет, я думал, это знают все. Пришла пора иных войн. Войн, когда врага уничтожают полностью, от мала до велика, потому что иначе он уничтожит тебя. Минхириат, Энедвэйт, Эриадор — все заполнено ныне пришельцами с Востока. Наши земли — островок, со всех сторон окруженный волнами варварского моря, моря чужаков. Хегги, хазги, ховрары, дунландцы... А за Андуином — какие-то никому не ведомые племена, пришедшие Манве ведает откуда! И против них — одни лишь мы. Гондор слаб и сам едва отбивается от харадримов вкупе с корсарами Умбара. Мы — последняя надежда Добра и Света. Мы должны начать ту великую войну, что покончит с отравными плодами Олмерова вторжения. Рохан имеет на это право. Мы заплатили за это самую высокую цену, какую только могли. Половина наших мужчин легла в той войне! Так неужто мы можем позволить себе ждать, когда враг соблаговолит сам напасть на нас?! Нет, нет и еще раз нет! Мы верны заветам Валаров. Силы Мрака пали, сломав зубы о камни Серой Гавани. Мы не раз побеждали наших врагов и знаем: у них больше нет никаких магических сил, как, впрочем, и дельных полководцев. Второго Олмера нет и не будет. Мы одолеем!

— Гм... — не слишком почтительно промычал Торин — так, чтобы все слышали. — А если мы потерпим неудачу? Истерлинги пока еще очень сильны... И я не уверен, что Дори Славный вновь выведет в поле морийский хирд. А выстоит ли Рохан — пусть даже в союзе с Морским Народом, в возможности которого я лично сомневаюсь, — если против него обернется вся мощь Терлинга и Отона вкупе с Ангмаром? Вспомните, мы не смогли удержать Тарбад, хотя с нами были и Беорнинги, и часть эльдрингов — немалые силы! А чем дело кончилось? Земли на четыре дня пути от Исены... Смех, да и только!

Наступило неловкое молчание. Гном сказал чистую правду. Успех был совсем не тот, на который рассчитывали в Эдорасе, начиная войну...

Фолко сидел, пристально вглядываясь в лицо короля. Он

слишком хорошо знал Эодрейда. Он помнил ликующее войско и самого молодого короля: лицо его светилось от счастья, когда пали последние ховрары — защитники Медьюселда, и Эодрейд под кровлей своих предков звенящим голосом провозгласил Восстановление Рохана. Хоббит помнил деятельного, умного правителя Роханской Марки в дни штурмов Хорнбурга и битв за Исену. И он, мастер Холбутла, не мог ошибиться — с королем что-то произошло. Эодрейд никогда не упивался войной. Мир для Рохана был достаточно выгоден: ховрары, получив хороший урок, едва ли рискнули бы напасть на Марку в ближайшем будущем... Что-то тут было не так, вмешались еще какие-то силы, что подталкивали роханского правителя к явно самоубийственному шагу. Какие силы? Что могло до такой степени помутить рассудок опытного, бывалого полководца, за чьими плечами осталась не одна война? Почему он принял решение, абсурдность которого видна даже выживающему из ума Эркенбранду? Отбросить королевское слово — более страшным преступлением у пришельцев с Востока считалось только отцеубийство. И где-то глубоко внутри хоббита, взламывая застарелую корку льда, вдруг шевельнулось нечто, казалось бы, прочно забытое, воскрешающее незабываемые дни погони за Олмером. Нечто вроде долгожданной боли, когда с хрустом выдирается гнилой, распавшийся зуб...

Стены покоя дрогнули и поплыли перед глазами хоббита. В грудь слабо толкнулось нечто теплое, и Фолко едва не свалился со стула — оживал кинжал Отрины! Десять лет, десять долгих лет он верой и правдой служил хоббиту, однако начисто утратив все волшебные свойства, превратившись в самый обыкновенный клинок, пусть даже и очень хорошей, необыкновенной стали. Не веря себе, Фолко коснулся ножен пальцами — так и есть, от старой, потертой кожи исходило ощутимое тепло. Дремавшие в лезвии с голубыми цветами силы вновь пробудились к жизни.

На какое-то время Фолко полностью выпал из мира, прислушиваясь к своим ощущениям. Нет... ничего... ничего особенного... а вот если взглянуть сюда?!

На правой руке Фолко по-прежнему носил подарок принца Форве — золотой перстень с голубым самоцветом. Алый мотылек, что в былые годы мерно взмахивал крылышками в такт биению сердца хоббита, давно исчез из глубин камня; все привыкли к перстню, считая его обычным украшением, странной прихотью храброго воина, коему не к лицу напяливать на себя женские побрякушки. Десять лет перстень был мертв, а теперь, после случившегося с кинжалом, Фолко даже не слишком удивился, вновь увидев в глубине кристалла мерные взмахи огненно-алых крыльев. Мотылек вновь ожил.

Наверное, в былые годы он, Фолко Брендибэк, вскочил бы с места и, сверкая глазами, начал требовать, чтобы все прислушались к этим грозным знамениям, предвещающим... Эру ведает что, но очень грозное. Времена криков давно миновали. Теперь хоббит лишь аккуратно повернул перстень камнем внутрь, чтобы никто не заметил случившейся перемены. Усилием воли Фолко вновь заставил себя прислушаться к тому, что творилось вокруг. А творилось нечто весьма неприятное. Эодрейд впервые, наверное, за все годы своего правления дал волю гневу.

Нет, он не кричал, не топал ногами, не приказывал казнить всех возражавших ему — он просто отдавал приказы ледяным, мертвенным голосом, и от этого всем становилось еще страшнее. Испытанные воины чувствовали, что волосы у них становятся дыбом, а по спинам струится холодный пот. Казалось, вместо их короля, которому все они были неложно преданы, появился совершенно другой человек, куда более жесткий и жестокий. И приказы, отдаваемые им, были один мрачнее другого.

— Позаботиться, чтобы в достаточном количестве был взят яд — тот самый, что мы получили от гномов и который они используют против каменных крыс. По пути будем отравлять колодцы — все до единого! Взять запасы масла — выжигать на корню поля и пастбища. Деревни и города будем сжигать со всеми обитателями. Никого не щадить! Отродье Тьмы не заслуживает снисхождения. Дети не исключение. Я не хочу, чтобы из них выросли мстители. Этим мы навек убережем Рохан от вторжений с Запада.

— Ну так, значит, с Арнором-то чего, повелитель? — послышался голос Брего. — Силен Терлинг ведь, проклятый, силен, чтоб его разорвало! Под Тарбадом-то на собственных шкурах почуяли!

— Да, Терлинг силен, — не задумываясь, ответил Эодрейд. В глазах его плясали рыжие отсветы факелов, и, казалось, он уже видит исполинские пожары, что пожирают вражеские города и селения. — Но ему придется идти через выжженную землю. Его войско после Гватхло не найдет ни воды, ни пропитания. А мы встретим их на заранее подготовленных рубежах, измотаем ударами из засад... Они не дойдут до Исены!

Малыш громко фыркнул. Маленький Гном не стеснялся в выражениях ни перед кем, включая и самого короля.

— Дойдут, дойдут, еще как дойдут! — брякнул он, не задумываясь. — Воду — из Гватхло с собой в бурдюках. А могут и того проще — по Исене на кораблях подняться... Золота-то, чтобы Морской Народ перекупить, у них хватит!

Эодрейд дернул щекой.

— Совет закрыт, — проскрежетал он, еле сдерживая бешенство. — Надеюсь, что все Маршалы Марки исполнят свой долг. Войско не распускать! А послов к Морскому Народу я отправлю немедленно. На Исене сейчас стоит дружина тана Фарнака, не

так ли? Вот вместе с ним посланники и отправятся. А теперь разрешаю всем идти.

Маршалы поднимались один за другим, неловко кланяясь королю.

Толстая дубовая дверь закрылась. От королевских покоев в верхних ярусах башни вел только один коридор — волей-неволей все роханские командиры шли вместе. Царило тяжелое молчание.

— Э! Нельзя нам, того, ну понимаете, задуманное ему дать сделать! — внезапно и с силой произнес Брего.

Все остановились разом, как по команде. Похоже, остальные знатные роханцы думали точно так же, потому что у Фреки вырвалось:

— Верно, да вот только как?

— Как, как... — прохрипел все еще багровый Эркенбранд. — Что об этом говорить... Здесь же наемники!

Фолко резко повернулся, словно его обожгли кнутом.

— Уж не задумал ли Храбрейший заговор против своего законного короля? — сквозь зубы произнес хоббит, кладя руку на эфес. Рядом с ним молча встали гномы; их топоры уже были готовы к бою.

— Э, вы что... эта! — всполошился Брего, мигом оказываясь между старым воином и Фолко. — Храбрейший, я, ну прошу тебя...

— Если здесь зреет измена... — ледяным голосом отчеканил Торин.

— Какая измена! — в отчаянии завопил Фрека. — Приказы-то короля — они ж погубят Рохан! Вы же первые были против них!

— Но это не значит, что мы изменим своему слову, — парировал Малыш.

— Но и мы не собираемся! — горячо воскликнул Хама, самый молодой из роханских Маршалов. — Мы просто хотим уберечь короля от гибели! Разве не в этом истинный долг тех, кто любит свою страну и своего правителя?

Фолко, Торин и Малыш переглянулись, принявшись невозмутимо и молча раскланиваться с остальными Маршалами.

— Эй, куда вы... эта... того? — всполошился Брего. — Поговорить надо, Маршалы! С нами идемте, да, нет?

— Разве можем мы, наемники, как поименовал нас почтеннейший Эркенбранд, обсуждать приказы нашего нанимателя? — намеренно-ледяным тоном отозвался Торин. — Повелитель Эодрейд отдал приказ. Нам осталось только выполнить его.

Брего побагровел:

— Ну, вы, того, значит, сердца не держите. Я, эта, прощения прошу, слышите? Я, как бы... э... от всех нас, верно? — Вспотев от усердия (редко когда приходилось произносить вежливые речи), Брего окинул взглядом остальных роханских Маршалов. — Вы, того, на Храбрейшего не серчайте. Он же... ну, значит, стар, что ли...

— Погоди, Торин. — Фолко тронул локоть друга. — Нам и впрямь не помешает послушать. Быть может, все вместе мы придем к какому-то мудрому решению.

Видно было, что гномы смертельно обижены. Сам Фолко тоже не спустил бы никому подобных слов, не будь Эркенбранд уже и стар, и немощен. Он чудом спасся на Исене и, говорят, после этого сильно изменился — притом не в лучшую сторону.

— Верно, верно! — подхватил Фрека. — Храбрейший...

— Храбрейший ошибался и говорил в запале, — медленно произнес Сеорл, доселе молчавший Пятый Маршал. — Не нужно из-за неразумных слов одного ссориться со всеми, почтенные гномы. Мастер Холбутла совершенно прав. Нам надо обсудить все спокойно и не давая волю страстям.

Не сразу, но совместными усилиями гномов все же удалось уломать. Эркенбранд, разобидевшись, заявил, что с «наемниками» он за один стол не сядет, и удалился, безуспешно пытаясь придать себе гордый и величественный вид — у него тряслась голова...

Фолко с жалостью посмотрел ему вслед. Нет, он был не прав, обижаясь на впавшего в детство старика. Пусть говорит что хочет! Сам король держит его в Совете, только чтобы оказать почет последнему из оставшихся в живых сподвижников своего отца...

Восемь роханских командиров спустились в большой пиршественный зал. Там сейчас было темно и тихо — праздник отшумел вне стен замка.

— Здесь мы... эта... того, поговорить сможем. — Брего опустился на лавку.

— Надо добиться отмены приказа... — начал было Сеорл, однако Фрека досадливо оборвал его:

— Это и жеребенку понятно!.. Чего нужно добиться — здесь знает каждый, а вот кто сможет сказать, КАК это сделать?

— Король Эодрейд не из тех, кто легко отказывается от своих слов, — вступил в разговор Теомунд, Седьмой Маршал. — Впрочем, раньше...

— Раньше он не принимал таких нелепых решений! — проворчал Сеорл. — Какая кобыла его лягнула? Еще вчера у него не было и следа подобных мыслей!

— Да что тут гадать-то... неважно уже, откуда они у него, значит, мысли эти, так? — Брего, старший по званию среди собравшихся, все круче брал дело в свои руки. — Рохан спасать надо! Так, нет? Значит, эта, войско-то из похода... э... ну, не вернется, ясно ведь, так, нет? Не вернется, это мы все понимаем. Так как короля-то переупрямить-то?

— Быть может, когда его гнев остынет... — предположил Эотайн. — Можно будет поговорить с ним снова...

— А откажет если вновь? — гнул свое Третий Маршал.

— Тогда вновь соберемся и посоветуемся. — Эотайн уклонился от прямого ответа.

— Ну... эта... что скажут Холбутла-мастер и почтенные гномы? — Брего повернулся к Фолко и его друзьям.

Торин пожал могучими плечами:

— На войне приказы королей не обсуждаются. Мы можем сколько угодно спорить с правителем в Совете, но, если он все же поступит по-своему, надлежит исполнить приказ.

— Даже если он... ну, того... страну, понимаешь-скать, погубит, а народ, ну, уцелевший там, значит, в рабство ввергнет? — в упор спросил Брего. Могучего сложения, шириной плеч он почти не уступал гному. Светло-карие глаза Третьего Маршала потемнели. Фолко вспомнил, что Брего приходится дальним родственником Эодрейду, и, если не принимать в расчет сына и дочь короля Рохана, Третий Маршал оказывался, пожалуй, одним из первых наследников короны Эдораса...

— А... это... что сделать должны... ну... преданные воины... то есть народу своему преданные... если правитель, значит, ведет всех к неминуемой погибели? — не унимался Брего, распаляясь все больше и больше.

Фолко скрестил руки на груди и прищурился. Похоже, дело идет к перевороту. Хорошему полководцу и смелому бойцу, Брего не будет так уж трудно склонить на свою сторону остальных Маршалов. И если войско останется в стороне... то тот же Брего может открыто бросить вызов Эодрейду, обвинив того в чем угодно, вплоть до посягательств на честь его, Брего, супруги. А в поединке у Третьего Маршала шансов куда больше... А быть может, он и не унизится до лжи — роханцам она вообще не свойственна, — прямо заявив, что король безумен и более не может править. И в том и в другом случае исход один — поле, суд мечами. Неужели Третий Маршал всерьез задумал стать Первым?

Фолко обменялся быстрыми взглядами с Торином и Малышом. Маленький Гном сохранял дурашливо-сонливый вид, но хоббит понял, что это лишь притворство. Рука Строри лежала на рукоятке топора: он был готов к бою.

— Сделать так, чтобы рискованный приказ правителя привел бы войско к победе, а не к поражению, — пожал плечами Торин. — Во всяком случае, так принято у нас, гномов.

Брего хлопнул себя по коленям от досады:

— Арр! Ну... Э... Представь — король, он, значит, приказывает войску — э... всему... значит, со скалы броситься. Как его ты тогда «к победе приведешь»?!

— Тут можно спорить, — спокойно возразил Торин. — Ты разве не помнишь, почтенный Брего, я правителю возражал. И мыслю, что сейчас войну начинать бесчестно. Хотя — коли повезет — и не такое осилить можно. Королевское слово... Ладно, оставим. Сейчас что ховраров, что хазгов разбить можно. Другое дело, потом нам со всей Степью схватиться придется, да еще и с Арнором в придачу!.. Но первое, что задумали, повторю, очень даже по плечу. Может статься, кабы не договор, я сам бы предложил такое. Внезапность — мать победы, как говаривали у нас в Халдор-Кайсе...

— Так ты что же, согласишься с этим безумием? — высоким голосом выкрикнул Брего, от волнения обретший вдруг небывалое красноречие.

Торин в ответ лишь покачал головой:

— Не хочу я с тобой ссориться, Третий Маршал. И сколь смогу, короля от этих его намерений отговаривать буду. И не потому, что нам по шапке дадут, а потому, что королевское слово — оно любых побед дороже. Там, где можно решить дело миром, зачем воевать? А слово Эодрейда сейчас для Рохана ценнее пеших дружин да конных сотен. Но вот ежели слову короля перестанут верить... — Гном тяжело вздохнул.

Наступило молчание. Все! Дальше говорить — что круг без точила вертеть. Фолко понимал, что Брего сейчас колеблется: объявить ли о своих намерениях в открытую или все же повременить.

Нужно было вмешаться. В полку Фолко состояли не только коренные роханцы, немало и воинов других народов — арнорцев, гондорцев, Беорнингов, прибилось даже несколько Бардингов из Приозерного Королевства. Со многими из них хоббит сдружился еще в дни Весеннего Похода... Как и Фолко, они получали жалованье из королевской казны, и поднять их для защиты Эодрейда ничего не стоило. Полк пеших лучников крепче, чем в ежедневный восход солнца, верил в слово своего маленького командира, «чей рост никак не соответствовал доблести».

Так что в случае чего Фолко смело мог полагаться на, самое меньшее, сотню хорошо обученных стрелков — родом не из Рохана. Примерно две сотни таких же воинов из числа панцирников пошли бы за Торином и Малышом...

«Да ты, верно, совсем избезумился, брат хоббит!» — сам себе вдруг поразился Фолко. И было от чего — он, оказывается, способен уже хладнокровно прикидывать, на кого он сможет опереться в случае внутренней замятни у роханцев и на чью сторону сам встанет при этом!

И тут Фолко стало по-настоящему страшно. Он вдруг осознал, что уже был готов, под каким-либо предлогом выбравшись отсюда, отдать приказ своей избранной сотне занять оборону вокруг королевских покоев и убивать всякого, кто посягнет на Эодрейда. Хоббит словно наяву увидел Брего, размахивающего широким мечом, и неровный строй воинов, что шли за ним на приступ... Фолко помотал головой, усилием воли отгоняя страшное виде-

ние. Это означало бы конец, конец Рохану и последней надежде... На что? На возрождение Арнора?..

«Далеко же ты зашел, брат хоббит, — в смятении подумал Фолко. — Нет, нет, нельзя так. Нельзя нам, хоббитам, так долго по чужим краям... да под чужими знаменами...»

Кинжал Отрины настойчиво стучался в грудь, и странным образом это помогло овладеть собой.

— Долг наш, — с некоторым усилием, чуть хрипловато заговорил хоббит, — долг всех, кто служит Рохану, не важно, рожден ли он в окрестностях Эдораса или в тысяче лиг от него, сохранить покой и не допустить гибельного настроения, когда брат встает на брата. Еще есть возможность уговорить короля. Я попробую это сделать. Думаю, мои друзья Торин, сын Дарта, и Строри, сын Балина, помогут мне в этом. Смуту же должно подавить в зародыше, пока гадина не отрастила ядовитых зубов. Я сказал.

Речь хоббита выслушали в молчании. Понятно, что хотел сказать мастер Холбутла — ни он, ни его полк не выступят против законного правителя.

Брего закусил губу. Для заговорщика он слишком плохо умел скрывать свои чувства.

Остальные Маршалы облегченно зашумели.

— Что ж, мастер Холбутла в большой чести у нашего правителя, — обронил Фрека. — Быть может, один на один ему удастся больше, чем нам...

Брего пришлось согласиться. Заговор не состоялся.

А под стенами хорнбургской цитадели тем временем продолжался праздник, и пиво лилось рекой. Народ танцевал, точнее, танцевали вернувшиеся и дождавшиеся. Невернувшиеся лежали во вновь отвоеванной земле, недождавшиеся рыдали в одиночестве...

— Надо предупредить наших! — выпалил Фолко, как только Малыш захлопнул дверь.

Наших, то есть таких же, как и они сами, наемников. Фолко сильно сомневался, — и справедливо! — что стрелки-роханцы послушаются его приказа, если он велит им взять на прицел Третьего Маршала Марки и тех, кто пойдет за ним.

О случившемся с кинжалом Отрины и перстнем Форве хоббит пока говорить не стал. Успеется! Сейчас главное — расставить своих бойцов по местам, чтобы нашлось чем охладить пыл Третьего Маршала... Три сотни воинов — не так много, но и немало, если распорядиться ими с умом... А кинжал и перстень никуда не денутся.

Отвечая салютующим часовым (невольно хоббит отметил про себя, что вся охрана — из отряда Брего), трое друзей спустились во двор. Здесь с треском горели костры, бесчисленное множество факелов помогало разогнать тьму; за длинными столами продолжалось пиршество, а рядом кружились танцующие. Музыканты, казалось, не знали устали.

— Расходимся, — негромко предложил Торин. — Как только оповестим — сразу назад. Я теперь верю Брего не больше, чем в свое время Гэндальф Саруману!

Фолко кивнул и двинулся к столам, отыскивая взглядом своих десятских. Наемников, воинов удачи, он свел в особую сотню, которой сам же и командовал. Кое-кто из Маршалов косился, и, как оказалось, не зря.

— Бранд!.. Тириод!.. Хельсе!.. — Фолко окликал воинов одного за другим. Его десятники дело свое знали. Им хватало одного взгляда командира, чтобы разом забыть о хмеле. Все они начинали еще с Весеннего Похода; Фолко знал эту троицу почти десять лет.

Сохраняя спокойный и беспечный вид, Бранд, Тириод и Хельсе собрались вокруг хоббита. Они понимали — случилось нечто из ряда вон, раз командир вырвал их из-за праздничных столов.

— Быстро соберите всех, кого сможете. Лучше всю сотню. Пусть вооружатся и будут наготове. Если я протрублю в рог — вы знаете как, — врывайтесь в башню. Перекройте вход. Проследите, чтобы было вдоволь стрел. — И, понизив голос до еле слышного шепота, Фолко закончил: — Роханцам пока ни слова!

Если кто-то из десятских и удивился, то виду не подал. Коротко кивнув, воины исчезли в толпе.

И тут хоббита кто-то осторожно тронул за плечо.

— Мастер Холбутла! — раздался звонкий девичий голосок.

Фолко резко обернулся. От волнения немилосердно теребя густую золотистую косу, перед ним стояла тонкая, точно былинка, совсем еще юная девушка. Хоббит узнал ее — та самая, что кричала, приветствуя его, когда полк торжественным маршем входил в крепость.

— Я — Эовин. — Она отважно боролась со смущением. — Я... Я искала вас весь вечер... Я бы очень хотела... если можно... — она покраснела, — потанцевать с вами...

Фолко вытаращил глаза. Подобное он слышал впервые — от девушки нехоббичьего рода. Растерявшись, он только и успел промямлить что-то насчет своего неподобающего одеяния, однако этот довод на Эовин не подействовал. Справившись со смущением, она потянула хоббита за край плаща:

— Ну давайте! Что вам стоит? Или... — она вновь залилась румянцем, — вы... думаете, что я дурнушка?!

Дурнушкой она отнюдь не была, в чем Фолко по мере своих сил и попытался ее убедить. Правда, опыта в произнесении комплиментов он имел непростительно мало — куда меньше, чем в стрельбе из лука или фехтовании.

Эовин вовлекла его в круг. Руки девушки легли Фолко на

плечи; хоббит осторожно, словно огнедышащего дракона, коснулся немыслимо тонкой талии. Несложные фигуры танца хоббит помнил еще с давних времен, когда — после взятия Эдораса — впервые попал на роханский праздник и сама королева Морвен помогала ему, пройдя с ним первые пять кругов. Тогда это никому не показалось зазорным...

— Мастер Холбутла... уж простите меня, но... вас спросить можно? Вы где живете? — одним духом выпалила девушка.

— Где живу? — улыбнулся хоббит. — Сейчас мой дом там, где войско Рохана. А если мы вернемся в Эдорас... Король Эодрейд укажет мне, где преклонить голову. Но зачем это тебе, Эовин?

— А может, я захотела бы разыскать вас... чтоб в гости к нам пригласить! Я пироги печь умею... все говорят — лучше сестры!

— Ну, тогда приду обязательно! — рассмеялся Фолко, сам думая о том, как бы поделикатнее выбраться из круга танцующих. — Прости, мне надо идти, я и так пожертвовал ради танца с тобой, Эовин, спешным королевским приказом...

— И все равно я позову вас в гости, мастер Холбутла! — уже за спиной хоббита прозвучал голос девушки. Фолко на прощание махнул рукой и поспешил ко входу в башню.

— Опаздываешь, — шепотом укорил друга Малыш. Гномы нетерпеливо топтались на месте. — Давай скорее, а то у меня на сердце как-то муторно. Как бы Брего чего не удумал...

Третий Маршал тоже куда-то скрылся. Фолко, Торин и Малыш расположились возле развилки коридоров, перекрывая путь наверх, к королевским покоям. Выше стражу несли воины из личного эореда правителя, и им можно было доверять. Вся же остальная охрана поставлена Третьим Маршалом... они могут и растеряться.

И вновь Фолко поймал себя на мысли, что думает о Брего, с которым не раз рубились плечо к плечу, как о бунтовщике и заговорщике, и уже почти не сомневается, что воины из полка Третьего Маршала наверняка пойдут за ним, а не за своим законным королем...

«Ну точно я не в себе! Так ведь собственной тени начнешь бояться — что это, мол, она у меня все время за спиной прячется?» — Фолко было попытался подшутить сам над собой и тотчас осекся, осознав натужность и нелепость шутки. Пальцы его невольно коснулись теплой рукояти кинжала и потащили оружие из ножен.

— Вот ведь еще дело-то какое, друзья... — Фолко рассказал гномам про оживший клинок и вновь пробудившийся перстень.

— Здорово! — простодушно восхитился Малыш, глядя на алого мотылька в глубине камня. — А я уж, того, думал, и вправду навсегда погас...

— Знать бы еще, что это значит. — Торин снял шлем, вытирая мокрый лоб. — Что их разбудило, Дьюрин меня вразуми?

— Мы, наверное, все подумали... или вспомнили... об одном и том же, — вполголоса произнес Фолко. — Все эти вещи были живы, пока в нашем мире действовали нечеловеческие Силы. Да и Олмер...

— И то верно! — Торин хлопнул себя по лбу. — Так ты думаешь, где-то снова...

— Именно так и думаю, — жестко ответил Фолко. — Прошлый раз уж больно долго сомневались. Гадали, гадали... и сели в лужу. Вон, по сю пору не расхлебать! Нет, Торин, я лучше на воду дуть стану! Вот, мол, знак подан — некая злая Сила вновь в Средиземье ожила... А магические предметы ее тотчас же почувствовали.

— Злая Сила... Ну хорошо, и что нам теперь с этим делать? — развел руками Малыш. — Слушай, Фолко, а может, отложим пока этот разговор? Тут Брего вот-вот на приступ полезет... А Сила эта твоя — где она, как выглядит? И разве Форве говорил тебе, что перстень его подобное чувствовать может?

— Нет, не говорил, — признался Фолко. — Только он об этой вещи и сам многого не знал. Не знал, например, что перстень — и палантиры — Олмеру ослепить удастся...

— И всего-то? А ты уж сразу и решил — мол, именно злая Сила появилась? — Малыш скептически хмыкнул. — Разве твой кинжал...

— Чувствовал он Силу когда-то, рядом с ней находясь, — кивнул Фолко. — Хоть тот же синий цветок вспомни!

— Так, значит, эта Сила где-то рядом? — не унимался Строри. — Совсем близко? Здесь, в Хорнбурге?

— Может, и в Хорнбурге... — задумчиво пробормотал Торин. — Очень может быть. Знаете, друзья, что мне тут в голову пришло? Уж не силы ли этой стараниями так изменился Эодрейд?

— В точку! — Фолко взмахнул рукой. — Не иначе!

— Эодрейд околдован? — удивился Малыш. — Вы что, белены объелись?

— И не только Эодрейд, — медленно добавил Фолко. — Но и Брего тоже. Думаю я, кто-то решил стравить двух самых сильных роханских воинов... понятно для чего.

— Вот, а мы-то гадали... — протянул Торин. — Но если так — значит, убеждения бесполезны?

— Если Эодрейд зачарован — то да, — отчеканил Фолко.

— Вот те раз! Так что же нам делать, расплющи меня Хругнир? — взволновался Малыш. — Где теперь мага искать? Радагаст-то — тю-тю... — Он безнадежно присвистнул.

— Посмотрим, может, кинжал и перстень сами что подскажут? — предположил Фолко. — Помнится мне, говаривал Форве, будто его кольцо укажет дорогу на Воды Пробуждения из любого места в Средиземье... Может, и еще на что сгодится?

— Что-то мы прошлый раз без всякого перстня обошлись, — фыркнул Малыш.

— Так это потому, что с нами Авари шли, — пояснил Фолко. — Я в перстень и не заглядывал. А потом... когда уже у Форве гостили... я, признаться, о нем и забыл — столько там навидался разных диковинок!

— Насчет диковинок — это да... — покряхтел Торин. — Эх, славное было времечко! Эльфов-то войной не затронуло... Ладно, что там говорить! Сами не захотели там оставаться — так что давайте лучше о делах здешних потолкуем. Что делать с Эодрейдом? И вообще с этой нашей догадкой?

— А что же тут сделаешь? — Малыш глубокомысленно пожал плечами. — Одним догадки и те не сладки! Можно их солить, можно коптить — все равно пока ничего не знаем.

— Ты и десять лет назад так говорил, — невольно улыбнулся Фолко.

— Говорил-говорил, — буркнул Маленький Гном. — Что тогда было — лучше и не вспоминать.

— А придется, — заметил Торин. — Потому как если Фолко прав... а для нас лучше будет считать, что он прав, то, боюсь, на поверхность вновь вылезло какое-нибудь наследство Саурона!

— Ой, да хватит пугать! — поморщился Малыш. — Как Серой Гавани не стало, так я теперь уже ничего не боюсь. Да и то сказать — мы что ж, снова в Мордор потащимся? Так ведь были уже там! И что нашли? Грош в кармане, вошь на аркане! Хазг на печи, а в печи — калачи? Что искать-то? Кольцо-то наш мастер Холбутла самолично и при нас в Ородруин бросил. Или опять какой-нибудь осколок взрывом выбросило, будь он неладен?

Фолко покачал головой:

— Ты, Малыш, конечно, все правильно сказал, но... Погоди, я еще попробую поговорить с Эодрейдом. Может, клинок и перстень как-то себя покажут... Глядишь, чего и узнаем.

— А ну как нет? — не сдавался Строри. — Что тогда делать — мотаться по Средиземью? Или как? Да и вообще — забыли, что мы поклялись сделать? Что мы говорили там, на Ородруине? Раз не убили Олмера — убьем плоды его войны! Так что уходить из Рохана...

— Нет, нам отсюда уходить пока рано, — покачал головой Фолко. — Эодрейд... надо понять, что с ним. Да и с Брего глаз спускать тоже нельзя! Дождемся утра, я опять к королю пойду, как Маршалам обещал...

— Спать все равно нельзя, — подытожил Торин. — Будем караулить! Если тут в ходу колдовство, то верить никому нельзя...

— Даже мне? — прищурился Малыш. — Ум у тебя зашел за разум, как я погляжу, сын Дарта. Ладно, валяйте сторожите, но только чур я первый. Ненавижу, когда меня среди ночи будят!

— Уговорил, уговорил! — расхохотался Торин. — Сторожить будешь первым.

— На том и порешили.

Глава 2

ИЮНЬ, 4, ХОРНБУРГ, РОХАНСКАЯ МАРКА

Тому уже десять лет, как Фолко умел засыпать моментально и при любых обстоятельствах. Кто знает, когда удастся снова преклонить голову! И потому в ту ночь хоббит спал столь же безмятежно, как под крышей родного дома. Что-то подсказывало ему — сегодня ничего не случится... ничего не случится... ничего не случится...

Задолго до рассвета Торин растолкал хоббита:

— Вставай! Твоя стража.

Фолко кивнул, мгновенно переходя от сна к яви — умение, подаренное войной. Стража — дело святое. Хоббит накинул плащ, скрывая кольчугу и меч; свой наблюдательный пост он с гномами устроил на площадке лестницы возле высокого и узкого окна, откуда хорошо просматривалась почти вся Хелмская Долина, сейчас сплошь залитая лунным светом. Внизу горели многочисленные костры расположившегося на отдых войска — казарм в Хорнбурге не хватало. В лагере все оставалось спокойно, и хоббит уже почти уверил себя, что до самого утра ничего не может случиться, как краем глаза заметил молча скользящие между костров темные силуэты воинов. Впереди всех виднелась мощная фигура Третьего Маршала!

— Клянусь Великим Орлангуром! — невольно прошептал Фолко. Ему пришлось признаться себе — подобного он не ожидал. Значит, Брего все-таки решился... Хоббит поднес к губам небольшой рог, готовясь подать сигнал своим воинам, и распахнул для верности окно.

Однако... это не годится. Никогда еще Рохан не знал междуусобных смут, когда брат шел на брата. Бедствие, случившееся в Гондоре, многим пошло на пользу. Так неужели повинующиеся ему, Фолко, воины станут первыми, кто начнет замятню в Роханской Марке? Разумеется, хоббиту ничего не стоило навскидку всадить стрелу между шлемом и кольчугой Третьего Маршала, но... А что, если?..

— Эгей, почтенный Брего, что это ты гуляешь так поздно? — во весь голос крикнул Фолко, чуть ли не по пояс высунувшись из бойницы. — Тревоги-то вроде не было!

Брего замер, точно ноги его внезапно пустили корни. Не таясь, хоббит смотрел на растерявшегося Маршала.

— И зачем это с тобой столько воинов? — не унимался Фолко. — Надеюсь, ты не стал будить моих? Они этого куда как не любят.

Косноязычный Третий Маршал явно растерялся. И в обычной-то жизни с трудом слагавший фразы более чем из трех слов, сейчас он и подавно не мог с ходу придумать сколько-нибудь подходящий ответ. Ему оставалось только огрызнуться.

— А, ну... эта, а я его, ответ, тебе давать должен? — рявкнул он, тщетно пытаясь скрыть растерянность. — Посты я проверял, ну, понятно, нет, значит?

— И поэтому тебя сопровождает добрая сотня мечников? — съехидничал Фолко.

Брего оказался в затруднении. Хоббит легко мог догадаться, о чем сейчас думает роханский богатырь: этот коротышка начеку... значит, и его приятели гномы тоже... прорываться силой — значит объявить войну Эодрейду... Войско не пойдет против короля...

— А дак ведь они того... перебрали, значит, я проветриваться их и заставляю! — ответил наконец Третий Маршал и, поворачиваясь к своим людям, скомандовал так, чтобы Фолко слышал тоже:

— А ну, гуляки, давайте по местам!

Фолко досмотрел спектакль до конца — воины Брего и в самом деле разошлись кто куда. Интересно, что им сказал Третий Маршал? Они знали, на что идут?

Остаток ночи минул спокойно. Брего так и не показался.

В свой черед наступило утро, снежные вершины Белых Гор окрасились алым. В лагере сыграли побудку.

Наскоро позавтракав, хоббит и гномы стали держать совет.

— Надо рассказать королю, — настаивал Торин. — Брего явно хотел устроить мятеж!

— Если он и задумал мятеж, то крайне бездарно, — возразил хоббит. — Сейчас у нас никаких доказательств для того, чтобы открыто обвинить его в измене — обвинить не простого воина, а Третьего Маршала Марки!

— Так что же, ждать, пока он нас и впрямь в осаду возьмет? — взвился Торин. — Боюсь, как бы мы опять не опоздали!

— Нет! — стоял на своем Фолко. — Брего не Олмер. Лучше будем охранять короля. Сделаем так, чтобы наши три сотни были бы всегда наготове. А с Брего я теперь глаз не спущу, обещаю вам. И как только он...

Бурные споры оказались прерваны явившимся королевским посыльным. Эодрейд звал всех немедленно к себе.

Постель Эодрейда была несмята. Глаза у короля глубоко запали, под ними залегла синева — сказалась бессонная ночь.

— Мастер Холбутла, о чем это вы так громко спорили с Третьим Маршалом этой ночью? — без предисловий начал король. — Что он делал возле башни с сотней вооруженных воинов?

— А... Э... мой повелитель... — замялся Фолко. — По-моему, достопочтенному Брего просто не спалось... И он искал себе дела, ходил по лагерю...

— То есть ты утверждаешь, что он не собирался поднять мятеж? — Эодрейд не сводил с хоббита пристального взгляда.

— Если б собирался, то, наверное, сегодня мы бы славно позвенели мечами, — пожал плечами Фолко. — Однако... — Он развел руками.

— Ну что ж, — задумчиво проговорил Эодрейд. — Похвально, что вы не обвиняете человека на основании одних лишь подозрений... И все же у меня веры Брего больше нет. Я все видел и слышал. Он шел ко входу в башню... и так совпало, что нижние этажи охраняли воины его тысячи... Но ты, мастер Холбутла, заставил его повернуть назад. Так что для меня все ясно. Другое дело, что суд Маршалов никогда не вынесет обвинительного приговора, так что пусть Брего живет. Но командовать отныне он будет только собственной женой.

— Гмм! Но, повелитель, зачем вы рассказываете все это нам? — бесцеремонно встрял Малыш.

— Потому что я хотел расформировать полк Брего, отправив большую часть его воинов под ваше начало, тем более что Тарбадская битва показала — мы нуждаемся бóльше в пеших стрелках и латниках, нежели в конных воинах.

— Но это может вызвать толки... — попытался возразить хоббит.

— Толки? Ерунда! Мои воины охотно служат под вашей командой. Полки мастера Холбутлы, мастера Торина и мастера Строри геройски дрались под Тарбадом. Все знают, что войско было спасено лишь благодаря их доблести. Служить в этих полках — немалая честь. Никто уже не считает, что оказаться в пеших стрелках — это все равно, что перестать быть мужчиной и воином.

— Не только у нас служат воины из других краев! — вновь возразил хоббит. — И нас презрительно называют наемниками...

— Кто? Выживший из ума Эркенбранд? Забудьте!

— Люди не любят быть обязанными кому бы то ни было, — покачал головой Фолко. — И тем более если те, кому они обязаны, — не их рода, а какие-то чужаки, пришельцы... оказавшиеся в войске лишь милостью короля... одним словом, наемники!

Эодрейд поднял брови:

— Не люблю это слово... Никакой ты не наемник, мастер Холбутла, сам ведь знаешь. Не называй себя так при мне! А об Эркенбранде, повторяю, забудь. И хватит об этом. У меня было для вас поручение, очень важное, — возобновить договор с Морским На-

родом. Дружина Фарнака, как уже говорилось, стоит на Исене — что-то делают со своей добычей. Я бы хотел, чтобы вы отправились с ними на юг, в Умбар. Вы получите самые широкие полномочия. — Король кивнул на свернутые трубкой грамоты. — Можете обещать эльдрингам все, что угодно, но особенно упирайте на то, что они получат земли в Минхириате. Я знаю, многие из Морского Народа недовольны тем, что до сих пор сидят в Умбаре. С Харада много не возьмешь — те по морю ничего не возят, кроме покойников. Фарнак давно уже зарится на устье Исены, хочет устроить там свою стоянку. Я этого не хотел — потеряв устье Исены, мы лишимся свободы торговли, — но ради успеха готов пойти даже на такую уступку. Терлинг и Отон поступили неразумно, поссорившись с Морским Народом; они думали, что раз те вступили в союз с Олмером, то, значит, будут и с ними заодно. Наивные! — Эодрейд присвистнул с легким презрением. — Морской Народ заключает союзы, только когда это выгодно. Потом Отон наложил руку на устье Гватхло... и после этого только глупый или ленивый на моем месте не заключил бы ряд с эльдрингами!

Друзья переглянулись. Гномы выжидательно смотрели на Фолко — обычно он вел подобные разговоры, но на сей раз хоббит чуть заметно покачал головой: давайте сами, у меня есть дело...

Дело у него действительно было. Король Эодрейд наверняка околдован (околдованным, кстати, не возражают!). А коли так, то вопрос: как поведут себя кинжал Отрины и перстень Форве вблизи правителя, если он во власти той самой загадочной Силы, что, пробудившись, вдохнула жизнь в давно уснувшие клинок и кольцо?

Торин солидно прокашлялся и начал долгую, обстоятельную беседу с королем о том, сколько надо набрать мечей, каков предел «верной платы» (морские дружины требовали в случае неудачи похода выплаты некоего вознаграждения для покрытия их издержек и в утешение за невзятую добычу), кого, кроме Фарнака, поименно хотел бы увидеть король в числе союзников, каким временем располагает он со спутниками и нет ли у повелителя верных людей в Умбаре на случай неожиданных осложнений...

Эодрейд отвечал, но Фолко почти не слышал слов короля. Хоббит давным-давно забросил то, что гномы порою уважительно именовали «магией». Но вот сейчас он, как в далекие дни войны с Олмером, пытался мысленным взором проникнуть в самую душу Эодрейда, понять, что подвигло умного и справедливого короля на столь странное, жестокое, совершенно ему несвойственное решение. Что? Или кто? Все эти десять лет Фолко не забывал о том, что Храудун — он же Саруман — жив-живехонек и до сих пор таится где-то в восточных пределах; кто знает этого отца лжи, уж не взялся ли он за старое? Фолко помнил, как мас-

терски ссорил друг с другом соседние деревни старый странник Храудун в последние годы истинного Арнорского королевства...

Пальцы правой руки хоббита лежали на теплой рукояти кинжала. Левую он положил на стол так, чтобы камень в перстне эльфийского принца был одновременно направлен и на Эодрейда, и виден ему, Фолко. Хоббит впился взглядом в лицо короля, приводя себя к полному внутреннему молчанию. Серая мгла затопляла сознание; мало-помалу начал гаснуть и окружающий мир. Хоббит более не чувствовал собственного тела; казалось, он парит в неведомом призрачном океане, где, кроме него, остался только один живой человек — король Эодрейд. Внезапно прямо перед хоббитом появилось сияющее, огненно-алое существо — он с трудом узнал того самого мотылька, что мирно трепетал крылышками в такт дыханию Фолко, укрытый в глубинах синего кристалла.

Откуда-то из-за спины Эодрейда лучился яркий, обжигающий глаза свет. И не просто лучился — он пронзал короля насквозь, бился огненными сполохами в его сознании, наполняя силой и ненавистью к врагам. И туда, к этому свету, стремглав мчался также и крылатый дар принца Форве. Хоббиту чудилось: он, Фолко, тоже взмывает в поднебесье вслед за чудесной бабочкой. Серая мгла чуть расступилась, мелькнули изломы коричневых гор, сверкающие ледяные короны на вершинах, полоса лесистых всхолмий и, наконец, — беспредельность моря. Откуда-то из-за горизонта, из тех краев, где солнце стоит прямо над головой, струился этот свет... Мотылек купался в его лучах, и вдруг — легкие крылья окаймил огонь, стремительное пламя пробежалось по телу летучего создания, обращая его в невесомый пепел... И в тот же миг навстречу Фолко рванулась земля.

Он пришел в себя от льющейся сверху ледяной воды. Увидел полные тревоги лица гномов и Эодрейда и привстал.

Оказалось, что он свалился со стула, да так неудачно, что в кровь разбил лоб. Удар о каменный пол был настолько силен, что хоббит впал в забытье. Но... что же он только что видел? Взгляд хоббита первым делом упал на перстень — там все оставалось по-прежнему, огненный мотылек плавно взмахивал крыльями, целыми и невредимыми...

— Прошу простить меня, м-мой повелитель, — выдавил из себя хоббит.

— А разве что-то случилось? — невозмутимо произнес Эодрейд. — Так на чем мы остановились, почтенный Торин?

Правитель действовал согласно светскому кодексу Рохана — не замечать, если кто-то попал в смешное или нелепое положение.

Фолко поднялся, стирая с лица воду. Щеки его пылали от стыда. Не чуя под собой ног, он кое-как уселся на свое место.

И все-таки, что же ему предстало? Едва ли это можно приписать удару головой об пол. Странный свет, бьющий в спину Эодрейду...

И это видение... Путь на неведомый Юг — туда, к Умбару и Хараду... Значит ли это, что Фолко и гномам предстоит теперь дорога на полуденные рубежи Средиземья? Первое странствие было на Восток; теперь, выходит, нужно идти на Юг? Но можно ли верить всему явленному? Ох, нет, лучше уж поверить, а то прошлый раз все сомневались и сомневались...

Вопросов, однако, оставалось куда больше, чем ответов. Откуда взялся загадочный свет? Почему он действует на Эодрейда и не действует, скажем, на него, Фолко? Кто знает... А сил, чтобы разобраться во всем, не хватает. Как помогли бы сейчас эльфы!.. Но их нет, и, значит, придется рассчитывать только на себя.

— Не могу сказать, что это дело мне по сердцу, — угрюмо говорил тем временем Торин. — В случае неудачи поход поставит Рохан на грань гибели. Нужно ли доказывать это? С Исенской Дуги ушла живой половина войска. И тогда оно, это войско, было в десять раз больше того, что мы можем выставить сейчас. В Весеннем Походе участвовало тридцать тысяч всадников, а теперь? Десять едва наскребем...

Эодрейд кивнул:

— Ты прав. Победы стоили нам недешево... Но рассуди сам — почему мы выводим в поле только десять тысяч вместо тридцати? Да потому, что большинство выживших в Исенской битве были ветеранами. Десять лет не прошли даром. Бойцы постарели. В поле их уже не выведешь. Но они еще могут — и ой как могут! — сражаться на стенах крепостей. А наши горные убежища себя оправдали. Ведь ховрарам так и не удалось взять ни одно из них!

— Но если полевая армия погибнет — кто придет на помощь осажденным? — упрямо гнул свое Торин. — Ведь мы же считали, что шесть тысяч можем отправить в бой, только шесть тысяч! Три тысячи придется оставить на Востоке. Одну — заслоном на Исене. Иначе никак.

— Я готов рискнуть и не оставлять на Андуине ни одного копья, — решительно заявил Эодрейд. — Дома легко восстановить. Добро легко вывезти. А войско, ты прав, должно вернуться. Будет войско — и остальное появится.

— Едва ли это понравится людям... — проворчал Торин. — Только-только одна война закончилась...

— Но ведь мы не завтра же выступаем, — возразил Эодрейд. — Армия останется в Хорнбурге. Я буду ждать вашего возвращения, потому что без Морского Народа справиться с врагами куда как нелегко.

— А если нам не удастся набрать четыре тысячи мечей? — встрял Малыш. — Если эльдринги откажутся?

— Тогда и будем думать, — с непроницаемым видом ответил правитель.

«Он не отступит и тогда, — подумал Фолко. — В него словно вдохнули некий гибельный порыв... и король уже не может остановиться».

Разговор замирал. Все наставления получены; верительные грамоты вручены; Торин и Малыш выразительно косились на хоббита.

— Тогда мы просим позволения откланяться, — поднялся тот. — И все же, мой король, могу я, уже после того как мы получили приказ и, разумеется, постараемся исполнить его наилучшим образом, могу ли я спросить вас, как давно родился этот план? После Тарбадской битвы вы ни разу не высказывали подобных мыслей.

— Когда родился? — Казалось, Эодрейд ничуть не удивился вопросу. — Совсем недавно. Когда мы уже оказались здесь, в Хорнбурге. Я ответил тебе?

— О да. — Фолко поклонился.

— Ну что? Ну как? — накинулись на него гномы, как только они все трое оказались в своем покое.

— Как, как... — проворчал Фолко, падая на кровать. Волнами накатывала усталость, горели глаза, словно их обожгло неистовое сияние загадочного иномирового огня. — Видел я... нечто. Вот послушайте...

— Огонь на Юге? Свет, что заставил Эодрейда лишиться рассудка? — Торин пожал плечами. — Может, оно, конечно, и так... Но все равно — ничего толком мы не узнали!

— Не узнали, — уныло признался Фолко. — Только шишку даром набил...

— Но поручение-то Эодрейда — оно куда, не на юг ли? — прищурился Малыш. — Глядишь, там что и узнаем... Может, там перстень точнее подскажет, а?

— На перстень надейся... — проворчал Торин. — Ох, до чего же мне это не нравится! Как оно все некстати! Да еще и Брего... Он-то нам эту ночь едва ли простит.

— Простит не простит... — махнул рукой Малыш. — Скажи лучше, что делать с самим Эодрейдом? Как его отговорить? Я, честно признаться, думал, что лучше всего привезти ему отказ Морского Народа...

— Или сделать так, чтобы Рохан все же победил. А король — не повторял бы тех безумных слов: мол, надо перебить всех от мала до велика...

— Хотел бы я знать, в силах ли Рохан справиться с истерлингами, — заметил Малыш. — А то ховраров с хазгами, положим, разобьем — хотя, чует мое сердце, вдосталь при этом кровью умоемся, — и что дальше?

— Как «что дальше»? — удивился Торин. — Потом вместе с гномами и Беорнингами — на Арнор! А если тут заколодит — отправимся в Гондор. Там тоже есть что отвоевывать!

«Ну а что потом?» — на мягких кошачьих лапах прокралась непрошеная мысль, однако хоббит тотчас отогнал ее.

— Короче, если завтра в дорогу, то надо спешить — у нас ведь ничего еще не собрано!

— Вот только одно мне не нравится: вернемся мы — а тут Брего на престоле вместо Эодрейда! — заметил Маленький Гном.

— Да, тут не знаешь, что лучше — то ли привести Морской Народ, то ли нет, — вздохнул Торин. — Приведем — плохо, не приведем — еще хуже: как бы король с одними роханцами в войну не ввязался!

— А заметь, он ведь ни про Дори Славного, ни про Беорнингов даже не вспомнил! — ввернул Малыш.

— Конечно! Беорнингов-то при Тарбаде так потрепали, что помоги им Махал свои собственные рубежи удержать. Дори с Глубинными Стражами воевать собирался — да и у него потери в хирде были немалые!

— Одни эльдринги, почитай, при своих остались... — уронил Фолко.

— Вот поэтому-то правитель нас к ним и шлет, — заключил Торин, поглаживая бороду. — Понял теперь, Строри?

— Понять-то понял, только какая мне от этого выгода? Хорошо, хоть пиво эти эльдринги варить умеют, от жажды не пропадем.

— Ага, ты еще вспомни, как Фарнак нас тем пойлом из морской травы потчевал, — усмехнулся Торин. — Кто потом трое суток животом маялся?

— Маяться маялся, но все равно — еще раз угостят, непременно выпью! — непререкаемо заявил Малыш. — Уж больно льется легко да приятно...

— Ага, а если на следующий день в драку? — не отставал Торин.

— Будет вам! — урезонил друзей Фолко. — Все спорите, спорите... Давайте дело делать. К вечеру хорошо бы уже до Причального добраться.

Причальным назывался тот самый торговый посад, что возник на Исене задолго до вторжения Олмера и в котором друзья познакомились сперва с Хьярриди, а потом и с таном Фарнаком. Во время Исенской битвы поселок сровняли с землей; его отстроили ховрары, однако король Эодрейд в 1730-м взял Причальный вновь — правда, победителям достались одни пылающие развалины. Роханцы взялись за топоры, в одно лето срубив городок заново. К еще белым, не успевшим потемнеть бревнам пристаней один за другим потянулись корабли Морского Народа — роханские товары высоко ценились и в истерлингском Арноре, и во

владениях Отона, и на юге — в Гондоре, Умбаре и Хараде. Сейчас в Причальном ошвартовался Фарнак.

Друзья покидали Хорнбург с тяжелым сердцем. Никому ничего не объясняя, Эодрейд отправил Брего на Андуин, подчинив Третьему Маршалу ничтожный отряд в две сотни воинов. Богатырь метал разъяренные взоры, однако Эодрейд был со всех сторон окружен своим эоредом, а рядом — разумеется, по чистой случайности! — заняли позицию лучники из полка мастера Холбутлы — нероханцы по рождению...

Они уже выехали за ворота и повернули на ведущую к Исене торную дорогу, когда Фолко внезапно хлопнул себя по лбу:

— Лопух! Репа гнилая! Как я мог забыть!..

— Э, ты о чем? — всполошился Малыш. — Ненароком яду не в тот бокал подсыпал?..

— Что б тебе язык молотом размозжило! — отмахнулся Фолко. — Кто там говорил, что нужны волшебники? Магов у нас в Средиземье и вправду не осталось, а Древобород-то жив-живехонек! Вот у кого спрашивать нужно, если уж не добраться до Орлангура!

— А что он может сказать? — удивился Малыш. — Он ведь сам-то никакой не чародей! Думаешь, он сможет нам в чем-то помочь? Сомневаюсь!

— Погоди, ведь Фолко прав, — вступил Торин. — Кроме Фангорна, нам и вправду никто не поможет, а в одиночку мы можем тыкаться как слепые котята.

Нет уж, нельзя пренебрегать никакой возможностью. Крюк до Исенгарда невелик. Предупредим Фарнака, чтобы подождал, и...

— А что, если Древобород твой уволокся куда-нибудь в свои чащобы? — упорствовал Маленький Гном. — Забыл, что леса его теперь тянутся едва ли не до развалин Дол-Гулдура?

— Все бы тебе спорить, Строри, — фыркнул Торин. — Скажи уж прямо — лень тащиться!

— Не лень, а времени жаль! — вывернулся Малыш. — Сами же говорите — не маг наш Фангорн, не маг!

— Однако он очень стар и мудр, — заметил Фолко.

— То-то он нам в прошлый раз помог... — скорчил гримасу Малыш.

— Вдруг теперь он сможет больше? — предположил хоббит. — Энты, если захотят, легко остановят всю эту войну...

— То-то они в прошлый раз захотели... — в прежнем духе продолжал Малыш. — Олмер для них ничто! Так зачем энтам в эту ничтожную войну ввязываться? Уж сколько король Эодрейд тут воевал, а им хоть бы хны!

— Это потому, что он строго-настрого запретил людям даже приближаться к Фангорну, — напомнил Торан. — Древобород такого не мог не запомнить. Кто знает, может, мы его и уговорим?

Однако Маленький Гном отнюдь не собирался сдаваться, и в качестве последнего довода Фолко с Торином пришлось вспомнить об извечном правиле их компании — «куда двое, туда и третий». Ворча и морщась, Малыш нехотя подчинился.

Они ехали не оглядываясь, и потому никто из них так и не заметил, что следом из ворот крепости выбрался еще один всадник...

ИЮНЬ, 5, ПРИЧАЛЬНЫЙ, ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА РОХАНСКОЙ МАРКИ

По мирному договору с ховрарами, хазгами и дунландцами роханский рубеж был отодвинут еще дальше на запад — на три дня конного пути, как записали хронисты в анналах. Посыльные короля Эодрейда уже отправились вместе с выборными вчерашних противников ставить межевые знаки. Следом выступили первые сотни пограничной стражи — срубить там малые дозорные крепостцы. Пройдет еще немного времени — и на отвоеванные земли двинутся первые табунщики.

Однако Причальный пока еще оставался порубежным городком; стража в воротах долго и дотошно сличала королевскую печать на подорожной друзей с имевшимся у воинов оттиском.

— Да мы ж с тобой уже лет семь как знакомы, Эофар! — не выдержал Торин. — Ты что, не узнаешь меня, что ли?

— Узнаю, не узнаю — какая разница? Время военное, сам знаешь, — не слишком приветливо буркнул стражник, посторонившись. Друзья въехали в ворота.

Причальный был невелик — две улицы, на три четверти застроенные складами и амбарами.

— Да, все другое, — вздохнул Малыш, обозревая новенькие срубы.

— Одна река какой была, такой и осталась, — в тон ему отозвался Торин.

Корабли Фарнака они нашли без труда — на высокой мачте трепетало знакомое знамя. За минувшие годы морской тан сильно разбогател (не в последнюю очередь — на союзах с королем Эодрейдом), приобрел немало новых судов и теперь привел в Причальный целый отряд. Под погрузкой стояло пять барж. Малыш подтолкнул хоббита рукой:

— А помнишь, тогда, в таверне?..

Фолко кивнул. Теперь от той таверны не осталось даже углей. Да и сам Хьярриди уже не помощник Фарнака — не так давно обзавелся собственным кораблем и начал плавать на свой страх и риск. Правда, при этом все равно держался поближе к старому хозяину и промышлял в основном торговлей, а не морским разбоем, предпочитая, если не было товара, продавать за хорошую

цену мечи своей дружины. И если тан Фарнак в Причальном, то, скорее всего, где-то рядом притулилась и баржа Хьярриди...

Так и оказалось. Фарнак давно уже сам не следил за погрузкой, а вот Хьярриди, еще не заслуживший почетный титул тана, довольствуясь просто «старшим», самолично суетился на палубе, покрикивая на ленивых носильщиков из числа дунландцев. Заключение мира обязывало короля Эодрейда допускать их в свои владения на заработки... Правитель не без оснований видел в этом подвох, но земли на Западе того стоили.

За десять лет бурной жизни смуглолицый мореход сильно изменился. Черная борода сильно поседела, лицо иссекли ранние морщины, высокий лоб изуродовал шрам. Прежними остались только акцент да словоохотливость...

— Хой! Эгей! Морской Отец, кого я вижу! — заорал новоиспеченный старшой, едва завидев на причале хоббита и двух гномов.

— Мы, мы это, Хьярриди! — крикнул в ответ Малыш. — Каково плавалось?

— Отменно!.. Эй, а чего там стоите? Фрак, Брок — быстро примите у гостей поводья! Коней расседлать и накормить! А вас милости прошу на борт!

Друзья последовали приглашению.

— С чем пожаловали? — Хьярриди усадил их в тесной носовой каютке, достал из рундука большой глиняный кувшин с пивом и бутыль красного вина. — Смилга! Закуски нам сюда, да самой лучшей! Клянусь оком бури, когда же здесь наконец построят нормальный трактир?

— А вот об этом мы с тобой и пришли потолковать, — с места в карьер начал Фолко.

Хьярриди разом отбросил всю напускную болтливость.

— А что такое, можно узнать? — осторожно осведомился он.

— Нам бы надо на юг, — как ни в чем не бывало бросил Фолко. — В Умбар. Там ведь у вас сейчас нечто вроде столицы?

— Ну да, харадримов мы оттуда попросили по-вежливому, — озадаченно ответил мореход. — Да погоди, я ж тебе это год назад еще рассказывал!

— Правильно. Вот потому-то нам туда и надо, — невозмутимо заметил хоббит. — Надо поговорить с вашими...

— Да ладно тебе, Фолко! — Хьярриди рассмеялся, толкнул собеседника кулаком в бок. — Говори уж, чего случилось. Хотя я небось и сам отгадаю. Королю Эодрейду опять мечи эльдрингов понадобились?

Последнюю фразу он произнес без всякого шутовства, да еще еле слышным шепотом.

Фолко молча кивнул. Малыш ловко раскатал на столе внушительного вида грамоту, украшенную полновесной двухцветной — белое с зеленым — печатью короля Рохана. Хьярриди уважитель-

но причмокнул губами. Так же молча, без слов Малыш спрятал свиток.

— Ну что ж, думаю, дело не из простых, но и его справить можно. — Хьярриди поднял глаза к потолку, словно что-то подсчитывая. — Но вот что важно — торговать-то... где будем? — подмигнул он Фолко.

Эльдринги высоко ценили свою свободу, и купить их воинскую силу было далеко не так просто. Те, кто в поход идет, должны и цель его узнать — святое правило морских дружин было непререкаемо. Эодрейд это знал и потому на полной тайне не настаивал — секреты Морской Народ хранил крепко.

Фолко молча обвел руками вокруг себя, словно показывая — здесь. Глаза Хьярриди округлились от изумления.

— Дак ведь... расторговали тут уже все? И ряд взяли...

Хоббит сделал неопределенный жест, означавший примерно следующее: сам удивлен, но у меня приказ.

— Есть что предложить, — заметил он. — Кое-что получше красивых игрушек и круглых монет.

— А что ж тогда? — поразился Хьярриди.

Хоббит нагнулся к самому его уху:

— Земля. Земля здесь, в устье Исены. И притом не в лен, а навечно. Понимаешь?

— Вот это да... — протянул Хьярриди, невольно потянувшись почесать в затылке. — Видать, и в самом деле припекло... Цена царская! До сих пор никто такого не предлагал... Тут ты, брат хоббит, и тысячу, и две, и три наберешь — только мигни! Да что там три! И десять соберется...

— Вот об этом мы с Фарнаком и поговорим, — заметил Фолко.

— Со стариком-то? Да он вам то же, что и я, скажет! У него народа раз в десять против моего больше, да немало таких, что уже в годах... Их, как ни крути, земля манит...

Фолко почувствовал нечто вроде досады. Обманывать Эодрейда он не хотел, а король, как видно, и впрямь знал, чем можно купить втайне мечтающий о собственной земле Морской Народ...

— Тогда нам в Умбар надо поскорее. Ты-то сам как, тан Хьярриди? Пойдешь?

— Спрашиваешь! Где королевский ряд? Я первым свою дружину впишу! Когда прибывать? И куда?

— Сборный пункт будет в Тарно, в исенском устье. А дальше часть пойдет по самой Исене, а часть по Гватхло... А вот когда... Сколько дней морского хода отсюда до Умбара и обратно?

— Две полных дюжины — при хорошей погоде, — последовал немедленный ответ.

— Вот и считай. Туда, обратно, да там еще неколико...

Хьярриди кивнул.

— Ну, почему в Тарне сбор, это понятно, — заметил он. — А вот

Гватхло тут при чем? Там же вроде Отон крепость ладит, цепи, говорят, поперек русла натянул... Неужто на Тарбад король Эодрейд нацелился? — закончил мореход. — Правильно?

Фолко кивнул.

— Серьезную куплю правитель затеял, — покачал головой Хьярриди. — Это с Терлингом и Отоном схлестнуться придется?

— С каких это пор морские волки боятся какого-то там истерлинга? — с великолепно разыгранным презрением Фолко пожал плечами, и молодой кормчий тотчас вспыхнул.

— Мы? Боимся? Да мы от этих приторочней восточных мокрого места не оставим! Не брались всерьез по сю пору, вот и все...

— Отлично, — заметил Фолко. — Малыш! Доставай рядную грамоту. Читай, почтенный тан! Твои как, против не будут?

Мореход впился глазами в протянутый Маленьким Гномом свиток.

— Деньги небольшие... — для порядка проворчал он.

— Зато земли сколько, сам читай! — засмеялся хоббит.

«Зачем я это делаю? — вдруг подумал он. — Ведь если мы приведем армию эльдрингов... Эодрейд наверняка начнет тогда войну. А что будет, если всех сил не хватит?.. Ох, заносит нас куда-то...»

— Согласен. — Хьярриди решительно тряхнул головой. — Мои ребята спорить не станут. И я так понимаю — первым согласившимся лучшая земля? Чтоб у реки и все такое?

Хоббит почувствовал, что его словно бы внезапно окатили ледяной водой.

«Ого, как ты непрост, король Эодрейд! Как ты все хитро придумал! Конечно, лучшая земля первым согласившимся... а это значит — потом, при дележе, начнется настоящая свара... глядишь, и мечи в дело пойдут... и достанется потом скорбящему по союзникам королю Эодрейду исенское устье в целости и сохранности назад, а что трупами все завалено — так это не беда. Большие погребальные костры сооружать умеем...»

Но вслух ничего этого он, конечно же, не сказал.

— Ну, раз договорились, нам пора. — Хоббит поднялся. — Нам еще с Фарнаком говорить надо.

— Я с вами пойду! — спохватился Хьярриди. — В смысле в Умбар. Мой товар все равно туда назначен. Потому, как я мыслю, долгие сборы вы устраивать не будете, кто в Умбаре согласится — с теми и пойдете?

Хоббит кивнул.

— Ну и отлично. — Мореход хлопнул ладонью по столу. — Тогда я прикажу быть готовыми к отплытию...

— Не спеши, — остановил его Торин. — У нас тут еще дело будет — дней примерно на пять. А потом тронемся. Идет?

— По рукам, — кивнул кормчий. — Дождусь уж вас, а потом с Фарнаком вместе в Умбар тронемся...

Тан Фарнак, несколько огрузневший, постаревший, весь седой как лунь, встретил трех друзей еще более гостеприимно, чем Хьярриди. Его тоже не пришлось долго уговаривать.

— Море перестает кормить, — вздохнув, посетовал старый тан.

— Что, рыба перевелась? — попытался пошутить Малыш.

— Рыба? Да что ты, гном! Мы ж все-таки не рыбаки, мы воины! Пока был Гондор... богатый и изобильный, с ним мы то воевали, то мир заключали — по надобности. А теперь... Нынешний Гондор — блеклая тень былого, в Арноре истерлинги, наверное, только теперь, разинув рот, глядеть на каменные башни и дворцы перестали. Отону еще строить и строить, а про всю мелюзгу, что в Минхириате расселась, я и не говорю. Харад богат и силен, но уж слишком властен, да и морской торговли у них почти нет. А мы и так лишились почти всех покупателей... Земля нужна как никогда! — Он горько усмехнулся: — Вот ведь оно как получилось, друзья... Те, кто шел с Олмером, собрали немало добычи... Они сейчас верховодят в Умбаре. Мне с ними не по дороге. Так что, думаю, войско мы наберем легко. Вот только зачем королю эта война?

Фарнаку хоббит и гномы могли сказать все же больше, чем молодому Хьярриди.

— Так, так, так... — Кормчий покряхтел. — Понятно... Тут скорее не землю приобретешь, а к Морскому Отцу отправишься: с истерлингами тягаться — будь готов, что полдружины положишь. Да и королевское слово... Как бы не стал Эодрейд... гм... беспокойным соседом. Не ровен час, нашими руками уберет пришельцев из Энедвэйта, захватит Тарбад, а потом и мы ему мешать станем. Не хотел бы я против его конницы драться... Разве что хирд в союзниках имея!.. Но и отказать Эодрейду — как? Он один нас поддерживает, пошлины его низки, а товары хороши, их наверняка продать можно — хоть истерлингам тем же. Но почему ему вообще вступила в голову такая мысль? Я его знал как воина чести...

Друзья переглянулись. Нет, о своих догадках говорить Фарнаку было рано. Пока рано.

— Сами не знаем, — развел руками Малыш, — но дело свое посольское делаем. Хотя нам все это не по нутру.

Фарнак только и покачал головой.

— Уж больно кусок лаком, — признался он со вздохом. — Верно Хьярриди сказал — тут и десять тысяч воинов легко набрать можно. И все-таки с такими силами войну против Терлинга затевать — проще самому зарезаться. Он же легко сто тысяч выставит! А Тарбад показал — командовать его воеводы умеют. Их с налету не возьмешь! Да, не было печали...

— Только нам все равно надо в Умбар, — как бы вскользь заметил Фолко. — У нас там одно очень важное дело.

— Ну, дело так дело. Мне-то что? По старой дружбе отвезу бесплатно.

— Послы короля Эодрейда не могут плыть так. — Торин вытащил из-за пазухи увесистый кошель. — Если сам не возьмешь — пусть твои молодцы угостятся как следует!

— Себе и впрямь не возьму. — Фарнак потемнел лицом. — Но братия моя гульнет, конечно, с преизлихом... — Он взвесил кошель на ладони. — Хорошо! Как там еще с походом получится, даже Морской Отец не ведает, а раз вам в Умбар — я отваливать велю, как только вы вернетесь. Пока до устья, да там перегружать... Время и пройдет.

Хьярриди и Фарнак отправились к себе; Фолко, Торин и Малыш решили в последний раз наполнить прощальную чашу.

В углу внезапно послышался шорох.

— Крысы! — завопил Малыш. Этих тварей Маленький Гном терпеть не мог. Недолго думая, он со всей силы швырнул туда только что опустошенную деревянную кружку.

В углу ойкнуло.

— Мастер Холбутла! — послышался робкий голосок. Из дальнего, полутемного угла внезапно выступила невысокая, очень тонкая фигурка, чью хрупкость не мог скрыть даже свисавший до земли бесформенный грубый плащ.

Фолко так и подпрыгнул:

— Эовин! Силы земные, что ты здесь делаешь?!

— От те на! — остолбенел Малыш. — Не зашиб я тебя?

— Да нет вроде... — раздалось в ответ.

Девушка стояла, сцепив руки так, что пальцы побелели. Под распахнувшимся плащом виднелась обычная одежда молодого всадника, на тонком поясе — кинжал, за плечами — небольшой охотничий лук.

Щеки девчонки пылали.

— Я хотела... я думала... — пролепетала она и, словно устыдившись этого лепета, гордо вскинула голову. — Возьмите меня с собой! — выпалила она одним духом.

Малыш впервые в жизни поперхнулся пивом.

— Тебя?.. С собой?.. — Фолко растерянно глядел на Эовин. — Куда?

— Куда угодно. — Она покраснела. — Куда угодно, хоть на край света... не могу я больше сидеть за крепостными стенами! Имя, которое я ношу... нет сил... Я тоже хочу стать воительницей! — пылко закончила девушка.

— Что ж, нам теперь плестись обратно в Хорнбург? — как бы невзначай поинтересовался Малыш.

— Зачем? — удивился Торин. — Она из дома сбежала! Сдадим

роханскому сотнику. Пусть отправит к родным, чтобы как следует выпороли!

— Я Эовин, дочь Эотара, — глаза девушки сверкнули, — и я ни перед кем не держу ответ! Мои родители погибли, а сестра выходит замуж. Не хочу я племянников нянчить! Я с оружием умею обращаться, раны врачевать...

— Пироги печь... — проворчал хоббит.

Эовин покраснела еще гуще.

— Да, и пироги! — Голос ее зазвенел от чудом сдерживаемых слез. — Потому что без пирогов хуже, чем с ними!..

Гномы усмехнулись.

— Возьмите... — жалобно протянула Эовин, вновь теряя свой воинственный вид. — Возьмите, я вам пригожусь...

— А если тебя убьют, что мне делать? — сердито нахмурился Фолко. — Совсем у тебя, верно, в голове помутилось! Там, куда мы направляемся, тебе ну совершенно делать нечего!

— А ну как найдется? Вспомните меня, да поздно будет!

— Да уж найдем, как без тебя справиться! — язвительно отрезал хоббит. — Все, разговор закончен. Малыш! Ты там роханский патруль не видишь?..

— Я все равно за вами пойду! — Эовин стиснула кулачки.

— Девчонка!.. — Фолко уже терял терпение, и тут Торин вдруг слегка тронул разошедшегося друга за рукав.

— Она ж влюблена в тебя по уши, — прошептал гном на ухо хоббиту. — А коли так — дело серьезное. Роханских дев не знаешь? В реку бросится, утопится, к хазгам в лапы попадет, а от своего не отступится!

Гномы к делам сердечным всегда относились с небывалой серьезностью, делая в жизни один-единственный выбор — или не делая его вообще. И в их глазах мешать кому-то в подобном значило тяжко согрешить против установлений Махала. С точки зрения Торина, Фолко уже сейчас поступал против совести.

Хоббит оторопело уставился на Торина, чувствуя, что вот-вот лишится рассудка.

— Это судьба, — кивнул Малыш, очень, очень, очень серьезный Малыш, каким Фолко не видел его с самой Серой Гавани.

— Да вы что? — У хоббита округлились глаза. — Взять с собой... туда... эту девчонку?! Да Эодрейд прикажет нас повесить за... за... она ж малолетка совсем!

— Я уже могу повязать волосы платом замужества! — Эовин гордо задрала нос.

Это было правдой — в обезлюдевшем Рохане теперь выходили замуж и женились рано.

Гномы молча смотрели на Фолко, а он на гномов. Молчаливая игра «кто кого переглядит» продолжалась довольно долго.

— Куда двое, туда и третий, брат хоббит, — нарушил молчание Торин.

— Так, значит, я с вами? — выдохнула девушка.

Фолко медленно кивнул, чувствуя, что подписывает себе приговор.

Эовин, взвизгнув, подскочила, захлопав в ладоши.

— Если Фарнак не возьмет ее на борт, я не виноват, — с последней надеждой в голосе пробормотал хоббит.

ИЮНЬ, 7, СТОРОЖЕВОЙ ЛЕС В ДОЛИНЕ НАН КУРУНИР, ЮЖНАЯ ОКОНЕЧНОСТЬ ТУМАННЫХ ГОР

Трое друзей и Эовин без всяких происшествий добрались до границы роханских владений. Девчонка оказалась отличной спутницей — некапризной, выносливой и упорной. Как и все в Рохане, она словно бы родилась в седле, умела из ничего в мгновение ока сотворить сытный походный ужин, а кроме того, что особенно ценилось Малышом, неплохо пела и знала множество баллад — от рвущей сердце «Бури над Исеной» до ликующей «Эодрейд в Эдорасе». Пела она и об Олмере, Короле-без-Королевства, — величайшего завоевателя чтили даже враги. Никаких хлопот Эовин не доставляла.

Трое друзей вновь шли тем же путем, что и десять лет назад, когда тайком пробирались к Исенгарду в надежде найти там следы загадочного Вождя... На сей раз все было иначе, и прятаться не пришлось. Пограничная стража пропустила их после того, как Фолко показал грамоты; Эовин же ловко, точно змейка, проползла по зарослям. Ее не заметили.

Оставив на всякий случай топоры гномов начальнику заставы, Фолко и его спутники двинулись дальше.

Здесь, в Нан Курунире, за истекшие годы ничего не изменилось в отличие от Рохана, Арнора и всего Эриадора. Так же негромко переговаривалась под летним ветром листва буков и грабов, спокойно текла Исена, и видно было, что уже немало лет люди избегают этих мест. Роханцы никогда не приближались к краю Сторожевого Леса ближе чем на три полета стрелы. Эовин притихла, с опаской поглядывая на вздымающуюся стену деревьев.

— Ну что, нас опять начнет водить, как тогда? — проворчал Малыш. — Вот уж меньше всего хотелось бы снова плутать по этим корням и корягам!

— Мы ему постараемся представиться, — откликнулся Фолко, вплотную подходя к зеленой стене зарослей и высоко поднимая руку с надетым на палец эльфийским перстнем. Мотылек в камне,

казалось, начал быстрее взмахивать крылышками — или, может, это просто стало сильнее биться от волнения сердце хоббита? В бурях и тревогах последних лет ему было не до Старого Энта. Судьба бросала Фолко то к родному очагу, когда немалой кровью пришлось отражать натиск хеггов да орков на Хоббитанию, то в дальние восточные пределы — к Великому Орлангуру и владениям принца Форве. А вот Старый Энт все эти годы не покидал своего леса, но хоббит не сомневался, что если кто в пределах досягаемости и может им помочь, так это Древобород.

— Мэллон! — четко выговорил Фолко по-эльфийски. Он действовал по наитию, что порой бывает полезнее долгих и многомудрых рассуждений. Элдарское слово, открывавшее Врата Мории. Кто знает, может, Фангорн и научил ему своих подданных на тот редкий случай, что кто-то из Перворожденных все-таки заглянет сюда? — Элберет Гильтониэль! Пропустите нас, мы идем к Древобороду, хозяину Фангорнского Леса! Я ищу Фангорна!.. Проводите нас к нему!

Сторожевой Лес отличался от Фангорна тем, что здесь — особенно в первых рядах — стояло множество хуорнов. И сейчас Фолко чувствовал: на них взирает бесчисленное множество незримых глаз. Ощущая то же самое, гномы неловко задвигались, поднимая безоружные руки и всячески показывая, что топоров при них и в помине нет.

Ничего не изменилось. Все осталось как прежде. Не открылась чудесным образом тропа в глубь Сторожевого Леса, не явился путникам сам Древобород — просто направленные на хоббита и его товарищей взгляды куда-то разом исчезли. Фолко обернулся к друзьям:

— Пошли.

— Куда?! — завопил Малыш. Лезть в чащобу ему ужасно не хотелось.

— Пойдем старым путем, держась края гор. В конце концов доберемся до Древобородова дома, — ответил хоббит.

Малыш в сердцах сплюнул.

На сей раз дорога через Сторожевой Лес оказалась куда легче. Сплошные переплетения ветвей исчезли, деревья не смыкались, подобно бревнам в крепостном частоколе. Довольно скоро путники достигли края долины; оставив склоны гор по левую руку, осторожно двинулись в глубь леса. Ловчее всех прыгала через корни и коряги легконогая Эовин.

— Погодите! — вдруг замер Торин. — Не здесь ли мы уже побывали?

Круглая поляна с мягкой тонкой травой; серое тело скалы, пенный росчерк водопада; бурливый ручей, утекавший куда-то в чащу; каменный стол и каменные кувшины в скальной нише. Вот только травянистое ложе куда-то исчезло...

Дом Старого Энта был пуст.

— Ну что, не послушались? — напустился на друзей Строри. — Протаскались, ноги посбивали? И куда теперь — до Лориэна скакать прикажете?

Не удостоив его ответом, Торин пристально взглянул на хоббита.

— Искать Древобородa по всему Фангорну мы, конечно, не станем, — медленно сказал Фолко, размышляя вслух. — Но вот его кувшины... я б непременно в них заглянул!

— Ты что? — поразился Торин. — Наковальня на затылок свалилась?

— Нет... — Чуткие пальцы хоббита осторожно ощупывали замазанные глиной горловины. — Фангорн ушел отсюда... Я чувствую. Это место хранит память о нем, но сам он сюда не вернется.

— Да что ты такое несешь! — не выдержал Малыш. — Ты-то откуда это знать можешь?!

Фолко со вздохом опустился на теплую землю подле одного из кувшинов. Запрокинув голову, он несколько мгновений смотрел куда-то вверх, словно к чему-то прислушиваясь, а затем покачал головой и обернулся к Малышу:

— Когда мы шли сюда — я имею в виду, шли десять лет назад, — это место было полно чародейства. Не такого, что порождает огненные смерчи или тому подобное, но чародейства тонкого, дивного и древнего, тайных теней, что отбрасывают духи под лучами Нездешних Солнц... Я видел холодные звезды, что возвещали появление Фангорна. Теперь ничего этого нет и в помине. Лес был тогда жив, он пытался не пропустить нас... А теперь... Здесь пусто, тихо и сонно. Трава и деревья вновь уснули. Чародейство покинуло эти места, и когда воротится назад — кто знает? Что-то изгнало Древобородa из этих мест... Нечто, заставившее его вернуться в глубины Фангорна. Хотел бы я знать, что именно!

Фолко произнес все это чуть нараспев, покачиваясь, точно в забытьи. Быстро-быстро кружились перед мысленным взором тонкие лепестки синего цветка, спасенного от жадной земной пасти им, хоббитом, десять лет назад неподалеку от этих мест. Фолко даже не удивился возвращению и этого видения. Напротив, он, наверное, больше был бы озадачен, не случись так. Просыпались от долгого сна те Силы, что, казалось бы, навек покинули этот мир после гибели Серой Гавани и Исхода эльфов...

Гномы озадаченно косились на друга, Эовин глядела на Фолко разинув рот.

— Эк ты, брат хоббит, вновь говорить-то стал, — покачал головой Торин. — Ровно мы опять за Олмером гонимся...

— Вы гнались за Олмером? — задыхаясь, выпалила Эовин, однако Торин одним взглядом заставил девчонку умолкнуть.

— То-то и оно, что опять, — буркнул Малыш. — Плетете не-

весть что! Притащили меня в эту чащу невесть зачем, Древобороду не нашли — так и будет он нас тут дожидаться; а теперь снова в видения да пророчества ударились! Ох, не кончится это добром, ох, не кончится!.. Ну, чего теперь-то стоим? — сварливо осведомился он напоследок. — Бери мешки да айда отсюда!

— Если бы Древобород навек покинул этот край, то едва ли он бросил здесь свои кувшины, да еще так тщательно запечатанные, — игнорируя Малыша, задумчиво уронил Торин.

— А может, не бросил, а специально оставил? — предположил Фолко, пристально глядя на каменный бок одного из сосудов. — Я вот этот, похоже, помню. Он мне из него питье наливал...

— Ты что, еще подрасти хочешь? — хохотнул Малыш. Ему было все ясно, а следовательно, и скучно, он переминался с ноги на ногу, яростно теребя бороду.

— Подрасти не подрасти, но... Торин! Может, с собой их возьмем? Чует мое сердце. Старому Энту они уже без надобности...

Хоббит внезапно умолк, замерев и пристально вглядываясь в камень на своем перстне. Казалось, он потерял дар речи от удивления.

— Бросил бы ты это дело, Фолко. — Торин тем временем покачал головой. — Не нравится мне эта выдумка. Питье энтов — штука не простая, да и прилично ли без хозяина по его запасам шарить?

Хоббит встряхнулся, приходя в себя.

— Это не запасы. — Он покачал головой. — Это оставлено как дар... тому, кто придет и воспользуется...

— Да откуда ты это знаешь, расплющи меня Хругнир! — завопил потерявший остатки терпения Маленький Гном.

Вместо ответа Фолко лишь поднял перстень. Гномы вгляделись — и ахнули. Эовин невольно вскрикнула.

Алый мотылек исчез. Вместо него появилась крошечная движущаяся картина: ночь, звезды над лесом, темный, уходящий к самому небу склон и высокая фигура Старого Энта, аккуратными и медленными движениями ставящая один за другим запечатанные кувшины.

— Я знаю, что в оный день ты придешь сюда, непоседливый и торопливый хоббит, — чуть нараспев, совершенно несвойственным ему, обычным людским языком из камня на перстне произнес голос Фангорна. — И я знаю, что ты будешь искать. Видения! Того, что поможет тебе взглянуть далеко за окоем... Я оставляю тебе мое питье. Я составил его специально для тебя. Пусть твой путь будет более удачлив... Мои слова запомнят вода и камни, трава и ветви. И когда бы ты ни пришел сюда, дар эльфов поможет тебе меня услышать. Я предвижу: Мир наш еще ждут великие испытания, и судьба поведет тебя прямо в самое пламя.

Голос замолк. Пораженные, молчали и гномы и девушка.

— Я услышал этот голос, когда потянулся к кувшину, — медленно проговорил Фолко. — Не знаю, отчего меня сразу потянуло к энтскому питью... Руки сами вспомнили все, как будто это я его туда поставил...

— Да, — после некоторого молчания вздохнул Торин, — вот уж не ожидал! А почему же тогда Фангорн сам не встретил нас здесь?

Хоббит пожал плечами и молча потянулся к кувшину. И — о чудо! — едва руки коснулись каменного бока посуды, кувшин засветился точно так же, как и в ладонях Старого Энта, но только тревожным, багряным светом. По светящимся стенкам пробегали короткие темные молнии.

Фолко быстро, одним движением выбил глиняную пробку и наполнил чашу, что так и стояла здесь же, на столе, точно ожидая гостей.

— А нам? — немедленно возмутился Малыш.

— Едва ли оно подействует на вас так же, как на меня, — покачал головой Фолко, но питье друзьям, естественно, налил.

— А тебе нечего, — буркнул хоббит, устремляя на переминавшуюся с ноги на ногу Эовин нарочито суровый взгляд. — Кто знает, еще потравишься... Людского питья тут не оставлено.

— Так вы, мастер Холбутла, значит, еще и колдовать умеете! — Эовин восхищенно взирала на Фолко, не обращая внимания на его насупленные брови.

— Будет чушь молоть! — прикрикнул хоббит. — Мы такое уже пили. А вот что с тобой случится, коли ты энтского питья отведаешь, один Эру знает! Так что сиди смирно.

Эовин с видом послушной девочки скромно потупилась.

— Сдвинем чаши, — негромко произнес Торин. — И возблагодарим владыку Фангорна за его доброту.

Ароматное и терпкое питье, оно напоминало хоббиту хорошо выдержанное старое вино. Во многом напиток походил на тот, что Фолко попробовал в первую свою встречу с Древобородом, но немало оказалось и внове. Сладкий и горький, холодный и горячий — все вместе; голова от него кружилась так, что у хоббита подкосились ноги. В глазах вспыхнуло алое пламя — такого же цвета, что и светящийся кувшин. На краткий миг Фолко увидел все лесные глубины Фангорна, а в самом сердце великого леса — неспешно бредущую фигуру пятнадцатифутового исполина. Старый Энт внезапно замер, поднял глаза вверх — и его взгляд встретился со взором хоббита.

— Я рад, что мой дар нашел тебя, хуум-хом! — раздалось в ушах Фолко. — О чем ты хотел спросить меня? Торопись!

— Свет! Ты чувствуешь свет?! — выкрикнул Фолко, шестым чувством понимавший, что это сейчас — самое главное, главнее, чем нелепая война Эодрейда, главнее всего, даже оживших кольца и кинжала.

— Свет? Хуум-хом, да, да! Древний свет! Мне кажется, что от-

блески его были в глазах прозывавшегося Серой Мантией, Тинголом...

— Как ты сказал? Тингол?

— Тингол! — громыхнуло в ответ. — И та, что с ним... Эльфы звали ее Медиан.

— В их глазах? Этот свет? Древобород, мне надо увидеть тебя?

— Ничего не выйдет, любезный мой хоббит. Я уже в пути и не поверну назад. Это мой путь, и не спрашивай, куда он ведет! Мой дар поможет тебе найти меня и говорить! А теперь прощай!

Видение оборвалось. Оно длилось лишь несколько мгновений, и Фолко быстро пришел в себя.

Гномы в недоумении таращились на него.

— Здорово, конечно, но, по-моему, ничего особенного, — резюмировал тем временем Малыш.

— Я видел Древобородa, — отчеканил Фолко.

— Видел Древобородa? — удивились его товарищи.

Фолко в нескольких словах пересказал случившееся.

Гномы дружно потянулись чесать затылки. Глаза у Эовин стали точно чайные блюдца.

— Свет, Свет, Свет! — Хоббит сжал виски ладонями. — Что за Свет? Отблеск которого Фангорн видел в глазах...

— Побывавших в Валиноре, — мрачно закончил Малыш. — По-моему, это все ерунда. От энтского питья и не такое привидится! Мню я, они... того... сами его перебрали.

Торин с сомнением пожал плечами.

— Ладно! Надо поворачивать назад. Бросить службу у Эодрейда мы ведь пока не хотим, не так ли?..

— Пожалуй, этот кувшин я прихвачу с собой. — Фолко озирался в поисках подходящей затычки.

— Да перелей ты его во флягу! — посоветовал Маленький Гном.

— Ну нет. — Фолко, пыхтя, вколачивал деревянный кругляш в горлышко. — Он, по-моему, важен не меньше, чем его содержимое.

— Тогда сам и тащи, — ухмыльнулся Малыш.

— Не беспокойся, колени не подогнутся, — шутливо огрызнулся Фолко.

Они начали собираться.

— Мастер Холбутла, а мастер Холбутла! — Эовин осторожно тронула хоббита за рукав. — А... вы не расскажете мне... про Валинор... страсть как хочется узнать!

Фолко поднял глаза на девушку. Щеки ее вновь пылали, но на сей раз не от стыда — она предвкушала, что сможет наконец заглянуть за край той бездны, в которую, оказывается, спускался и сам мастер Холбутла...

«Силы земные, как же она похожа на меня! — вдруг со смятением подумал хоббит. — На меня тогдашнего... перечитавшего

вдоль и поперек все книги и готового отдать правую руку за правду о Валиноре и Валар. И так же, как Эовин, опрометью кинувшегося из родного дома вслед за Торином... по той дороге, что в конце концов привела сперва к Серой Гавани, а теперь и сюда...»

— Расскажу, Эовин, расскажу, — мягко проговорил Фолко. — Вот поплывем, тогда времени с преизбытком будет...

— Здорово! — Девушка захлопала в ладоши.

К Фарнаку они успели вовремя. Несмотря на соблазн, питье хоббит больше не пробовал. Он возобновил давно заброшенные было упражнения — сжимая мысль в тонкий и упругий клинок, черпать силу в перстне Форве или клинке Отрины, пытаясь заглянуть за окоемную черту. Однако, пока плыли по Исене, у него так ничего и не получилось. Малыш откровенно подтрунивал над другом и предлагал выставить дар Древобородa на прощание тану Фарнаку...

Старый кормчий покривился при виде Эовин — мол, с девкой на палубе беды не оберешься, — но от слова своего не отступил.

ИЮНЬ, 14, ТАРН, ПОРТОВАЯ СТОЯНКА МОРСКОГО НАРОДА В УСТЬЕ ИСЕНЫ

Война прокатилась и по исенским берегам. Арнорцы покинули Тарн, едва пришло известие о прорыве Олмера за Андуин; часть дружин Морского Народа вступила в союз с Вождем и участвовала в его походе на Север; однако они зря надеялись на благодарность победителей. Хегги мимоходом заняли устье Исены; несколько сотен эльдрингов, случившихся в Тарно, отразили два штурма, но в конце концов полегли все до единого. Хегги спалили склады и причалы, не зная, что делать с добычей, — Море они ненавидели и боялись. Бросив пепелище, хегги ушли на север. Тарн достался ховрарам, однако и они не стали ничего здесь строить. Эльдринги не забывали обид, и потому король Эодрейд легко склонил их к союзу, пообещав восстановление Тарна. Дружина Фарнака была среди тех, кто в мае 1730-го ворвался в устье Исены; после победы король Эодрейд добился от ховраров уступки Тарна эльдрингам, — правда, без права строить укрепления. Последняя война обошла Тарн стороной, однако Морской Народ удовольствовался одними причалами и складами. Место служило простым перевалочным пунктом, где доставляемые по мелководной Песне на баржах товары перегружались на мореходные «драконы». Правда, нынче для торговли настали плохие времена — ховрары ничего не покупали у роханцев, а Гондор обеднел... Тарн уменьшился едва ли не втрое против довоенных времен.

Сейчас у длинных пристаней стояло всего три корабля.

— Хедвиг, Ория и Фрам, — едва взглянув на стяги, определил Фарнак. — Говорить стоит только с Орией. Остальные мелочь, да

вдобавок из худших. А у Ории — тысяча мечей. Сильнее его только Скиллудр, но тот сейчас далеко, в Умбаре. Может, вы его еще увидите...

— Если и увидим, звать не станем, — жестко ответил Торин.

Скиллудр после падения Серых Гаваней попытался вторгнуться в Арнор по Брендивину, однако вчерашние союзники-истерлинги дали ему отпор. В жестокой схватке Скиллудр прорвался до Сарн Форда, но там, встретившись с войсками Отона, повернул назад. После этого Ястреб, как называли Скиллудра, пронесся по всему побережью точно разрушительный ураган. Не вступая ни с кем в союзы и действуя только в одиночку, он опустошил берега Минхириата и Энедвэйта, обрушился на Белфалас и даже подступал к Дол-Амроту, но взять неприступную крепость, конечно же, не смог. Его дружина сильно выросла, он выводил в море целый флот — три десятка «драконов» — и командовал настоящей армией в шесть тысяч мечей, оставив далеко позади всех остальных танов, довольствовавшихся пятью-шестью сотнями воинов и двумя-тремя кораблями... Десять лет Скиллудр разорял прибрежные земли, воюя с Гондором и с Харадом, с Терлингом и с Отоном. Из-за его разрушительных набегов харадские правители не раз грозились стереть Умбар с лица земли, но их рати, конечно, ничего не смогли бы сделать с этой твердыней, тем более что морские просторы безраздельно принадлежали «драконам» эльдрингов.

Тан Ория принял высоких послов на палубе своего лучшего корабля. Фарнак уже успел шепнуть старому приятелю, что к чему, и до посольских грамот дело дошло только в крошечной каюте кормчего.

Ория, высоченный, худой, совершенно лысый, со следами страшных ожогов на черепе (как-то в молодости попался харадским охотникам за пиратами), выслушал речь Фолко спокойно, не моргнув глазом.

— Фарнак, жначит, уже шоглашилшя, штарая лиша... — прошамкал тан. Зубы его были изрядно прорежены харадскими тюремщиками. — Жначит, шемьшот мешей у вас уже ешть... Ну так добавьте еще мою тышячу! — И он решительно потянулся к выложенному Малышом договору. — В Умбар я ш вами не пойду. Буду ждать, в Тарне. Да! Вам тоше лучше прижадержатьшя — должен вот-вот подойти Шваран. У него три шотни, но малый он чештный. Думаю, череж день-два он покажетшя...

— Если так дело пойдет, мы и в самом деле соберем целую армию! — шепнул хоббит Торину, когда они возвратились на корабль Фарнака. — Вот только не слишком меня это радует...

Торин и сам был чернее тучи.

— Если Эодрейд с такой легкостью нарушил одно слово, то почему бы ему не нарушить и другое? Едва ли он согласится отдать единственный выход Рохана к Морю!

Фолко лишь вздохнул. Пожалуй, настроение более скверное у него было лишь после падения Серых Гаваней...

Посоветовавшись с Фарнаком, друзья и впрямь решили задержаться.

— Сваран-то? Как же, знаю его. Из молодых, но отличный боец. Одно время смотрел в рот Скиллудру, но после того, как тот стал охотиться за гондорскими женщинами, чтобы продавать их в Харад, от него отошел. Теперь вот сам ходит... Ория-то ему сыздавна покровительствует. Хорошо, подождем!

ИЮНЬ, 15, ТАРН

Переночевав на корабле, друзья с утра решили пройтись и размять ноги. Особенно тут ходить было некуда — ни трактиров, ни таверн, ни даже рынка; и все-таки в Тарне встречались не только эльдринги. Были и дунландцы, попадались хазги; жили они все чуть поодаль, за городской чертой, где соорудили нечто вроде временного лагеря. Занимались они в основном работой на морских танов, и здесь же собирались те, кто хотел вступить в вольную дружину Морского Народа.

Эовин, несмотря на ее протесты, Фолко запер в каюте, наказав эльдрингам Фарнака присматривать за девчонкой, чтобы невзначай не сбежала.

По еще не наезженной дороге Торин, Фолко и Малыш выбрались из Тарна. Исена осталась по правую руку; покрытый травой прилуг — обрывистый степной кряж вдоль речного берега — принял на свои плечи тропу. Навстречу попалось несколько дунландцев; перед незнакомцами в блистающей броне они поспешно сняли шапки, как и полагалось, но взгляды, коими они проводили Фолко и гномов, были куда как далеки от дружелюбных...

— Ты что, собрался в гости к этой братии? — удивился Малыш, когда Фолко решительно направился к лагерю эльдрингских наймитов.

— Хочу взглянуть, что у них там делается, — отозвался Фолко. — Строри, ты что, боишься?

— Не подначивай, — вздохнул Маленький Гном. — Ничего я не боюсь. Просто не люблю, когда так смотрят, словно зарезать мечтают...

— Именно об этом они и мечтают, — усмехнулся Торин. — Думаешь, имя мастера Строри, командира панцирного полка в войске короля Эодрейда, не известно никому в этих степях? Или ты забыл, как месяц назад крошил тех же дунландцев под Тарбадом?

Строри промолчал.

В лагере трех друзей и впрямь с самых первых шагов обдало

презрительным, холодным молчанием. Все ломали перед ними шапки и кланялись, но вслед сквозь сжатые зубы летели проклятия. Ни Фолко, ни гномы ничем не показывали того, что слышат.

Лагерь оказался самым обычным скопищем на скорую руку возведенных землянок, полуземлянок, легких балаганов, палаток и шалашей. Фолко только дивился, как здешние обитатели переживают зимы — хоть и юг, хоть и возле моря, а холод все равно холод.

В отдалении возле костра сидела на корточках группа хазгов — человек десять, с саблями, но без своих страшных луков. Один из сидевших внезапно бросил в костер щепотку какого-то порошка, отчего пламя тотчас же стало синим. Бросивший медленно выпрямился, заведя протяжную песню на своем языке; слова в ней были сплошь древние, непонятные, и Фолко, неплохо зная обиходную речь хазгов, ничего не мог понять в этом песнопении.

Продолжая петь, хазг выбрался на открытое место. Кривоногий, седой, старый, весь в сабельных шрамах... Лицо его показалось хоббиту знакомым — уж не в отряде Отона ли вместе ходили? Хазг закружился, широко раскинув руки и запрокинув голову.

Фолко внезапно замер, прислушиваясь.

— Ты чего? — удивился Малыш.

— Тихо! — бросил хоббит.

«Свет, свет, свет! Льется, льется, льется! Встает враг, встает, встает! Надо вам тоже вставать, братья! Мы встанем! Встанем! Встанем! — разобрал хоббит. — Огонь! Огонь! Огонь! По старой земле, да по нашей земле! Прежде чем разольется свет — сами навстречу пойдем! Пойдем за светом, за светом пойдем! Земля — наша! Наша! Наша! С огнем и за нею!»

Кружившийся быстро терял связность речи, приводя себя в какое-то странное исступление. Остальные хазги тоже вскочили на ноги, начиная один за другим кружиться столь же неистово. Кое-кто выхватил сабли.

— Эй, Фолко, идем отсюда! — нахмурился Малыш. — Они, по-моему, тут все белены объелись.

Старый хазг внезапно дернулся, словно от удара, услыхав имя хоббита. Сабля в тот же миг оказалась у него в руках.

— Предатель! — услышал Фолко низкий яростный рык. Глаза хазга полнило безумие; широко размахнувшись, он бросился на хоббита.

— Ты что?! — выкрикнул по-хазгски Фолко, уклоняясь от удара, и в тот же миг узнал нападавшего.

Как он мог забыть? Тот самый старый предводитель хазгов из отряда Отона!

— Остановись! — Меч хоббита проскрежетал о саблю хазга.

— Когда твоя голова пойдет на корм свиньям! — последовал ответ.

С двух сторон на помощь хоббиту ринулись гномы. Остальные хазги, ни о чем не спрашивая, тоже схватились за оружие. Словно из-под земли появились страшные луки. Прогудела отпущенная тетива; по прилобью предусмотрительно надетого хоббитом шлема скользнула стрела. Фолко пошатнулся, и старый хазг мгновенно атаковал. Лезвие полоснуло по наплечнику хоббита — и бессильно отскочило от мифриловой пластины.

— Тебе со мной не справиться! — Хоббит отбил в сторону саблю, поднявшуюся было для нового удара.

Хазг не ответил. Фолко крутнул меч над головой, открываясь, и, поймав противника на замахе, четко направил острие клинка в правое плечо старого воина. На хазге не было доспехов; хоббит хотел обезоружить противника, однако того словно бы подхватила какая-то злая сила: хазг внезапно споткнулся, неловко качнулся вперед, разворачиваясь, и меч Фолко насквозь пробил ему сердце.

Гномы отбросили нападавших; однако вид мертвого тела, похоже, лишь еще больше взъярил степняков.

— Да остановитесь же, болваны! — заорал Малыш, но хазги, похоже, не понимали Всеобщего Языка.

— Мы ж вас всех перебьем! — с присущей ему скромностью продолжал Маленький Гном. Меч и дага его так и сверкали. Правда, пока он больше развлекался. Невелика честь справиться с бездоспешными, когда на тебе мифриловый бахтерец.

— А потом наши — ваших! — неожиданно проревел еще один хазг, выныривая из-за спин атакующих. Меч Малыша соскользнул по подставленной сабле, и хазг ловкой подсечкой сбил гнома на землю. Четверо хазгов тотчас же навалились сверху.

Дело принимало серьезный оборот.

— Хватит церемониться! — рявкнул Торин, и его топор тотчас же нанес смертельный удар.

Фолко молча и не теряя времени проткнул насквозь еще одного степного воина. Тяжелые стрелы били его в грудь и живот, пара лязгнула по забралу. Если бы не мифрил, Фолко давно уже был бы мертв.

Торин дважды взмахнул топором, помогая Маленькому Гному. Тот стряхнул с себя оставшихся в живых и уже начал было подниматься; однако, помогая другу, гном на миг упустил из виду того самого хазга, что так удачно опрокинул Строри на землю. Могучий, широкоплечий, он едва ли уступал силой сыну Дарта. Эфес сабли ударил в забрало Торина. И тут — то ли гном по небрежности плохо затянул крепеж, то ли порвался ремешок — шлем слетел с головы гнома. В тот же миг сверкающая сталь рассекла лицо. Малыш с диким воплем вскочил на ноги, размахнулся, но хазг ловко отскочил в сторону и поднял руку, останавливая своих.

— Хватит! Я хочу, чтобы вы ушли. А этому, — он презрительно

кивнул на Торина, упавшего на вытоптанную траву, — я оставил свою метку. Второй раз ему не уйти. Забирайте его и проваливайте, только сперва бросьте оружие!

— Это еще почему?! — зарычал Малыш.

— Потому что без своего знаменитого шлема он будет мертв через секунду. — Вожак хазгов кивнул на лучников, что уже целились в незащищенную голову гнома. — Если вам дорога его жизнь, делайте, что я говорю!

— Мы снимем доспех, а ты всадишь нам по стреле в спину?! — Малыш хрипел от ярости.

— В отличие от вас мы не нарушаем слова, — презрительно бросил степняк.

— Погоди, Малыш. — Фолко говорил и двигался нарочито замедленно, словно боясь, что его резкое движение заставит кого-то из стрелков отпустить натянутую тетиву. — Погоди. Наши доблестные противники забыли об одной очень важной вещи... Очень, очень важной вещи...

Говоря так, хоббит повернулся боком к обступившим их воинам.

— Вы забыли о празднике рода Харуз, — произнес он, резко выпрямляясь.

Что-то коротко блеснуло в воздухе. Трое лучников повалились замертво — из груди у каждого торчала рукоять метательного ножа.

Хазги замешкались, и Малыш тотчас же нахлобучил Торину на голову шлем.

— Уходим!

Отступали они странным порядком — Малыш поддерживал Торина (у того по нагруднику обильно струилась кровь), а хоббит пятился, держа на виду метательную снасть. Хазги подобрали луки убитых, появились и новые стрелки; они медленно двигались следом, не решаясь, однако, приблизиться. Несколько выпущенных наудачу стрел отскочили от доспехов Фолко и гномов.

Дунландцы угрюмо взирали на происходящее, но не вмешивались.

Выручили эльдринги: десяток воинов Ории зачем-то направлялся в лагерь наймитов.

— Это что еще за непотребство? — заорал коренастый десятник, едва завидев вооруженных хазгов. — Забыли Тарнский Уговор?

Кто-то из степных стрелков уже вскинул луки, и, наверное, смелый воин Ории тут же и нашел бы свой конец, если бы не вожак хазгов.

— Пусть они уходят, — обратился он к своим — Мы еще посчитаемся, и притом очень скоро! А Тарнский Уговор... Он пока еще нам нужен. Но потом...

Он осекся, словно вспомнив, что один из врагов хорошо понимает хазгскую речь. Повинуясь его молчаливой команде, хазги проворно убрались прочь. Вожак задержался. Понимая, что тот хочет что-то сказать, Фолко шагнул ему навстречу, всем видом показывая, что готов выслушать, но захватить себя врасплох он больше не даст.

— Зачем он напал на меня? — первым начал хоббит, имея в виду убитого им старого хазга.

— И ты еще спрашиваешь? — Вожак презрительно сплюнул в траву. — Разве не ты приносил клятву Вождю Эарнилу? Разве не ты ходил в отряде Отона? И разве не ты потом командовал у соломенноголовых, когда те ворвались на наши земли? Кожу бы с тебя живьем содрать следовало! Небу угодно будет, я это еще увижу!

— И это все, что ты хотел сказать? — невозмутимо осведомился Фолко.

— Нет! Не все! — Хазг выплевывал слова, словно черные проклятия. — Скажи своему королю, что мы ничего не забыли и не простили. Мы знаем, что Великая Сила расправляет крылья где-то на юго-востоке — об этом сказали нам наши провидцы, одного из которых ты, нечестивец, убил сегодня! Мы знаем, что эта Сила враждебна нам. И мы знаем, что, быть может, кто-то вновь захочет стереть с лица земли мой народ. Так вот знай: мы не станем покорно ждать вашего удара, словно быки на бойне! — Хазг плюнул под ноги Фолко, повернулся спиной к хоббиту и быстро зашагал прочь, вслед за сородичами. Хоббит скрипнул зубами и тоже заторопился.

Рана Торина, по счастью, оказалась хоть и обильно кровоточащей, но все же неопасной, однако лоб его, похоже, оказался навеки изуродован. Хитрое сабельное лезвие отчего-то не рассекло, а разорвало кожу, обнажив кое-где кости черепа. Могучий гном с трудом доковылял до корабля Фарнака и только там позволил себе свалиться в забытьи.

Эовин только тихонько ойкнула и сама же зажала рот ладошкой, тотчас кинувшись помогать.

Поднялся большой переполох. Эльдринги очень ревностно относились к порядку в своих владениях: Ория предлагал двинуть несколько сотен воинов и сжечь дотла все хазгские жилища. Его насилу успокоили. Воевать с лихими стрелками и наездниками, не имея рядом могучей роханской конницы, означало даром положить все войско.

Тем не менее добрая сотня эльдрингов в полном вооружении окружила лагерь со всех сторон и потребовала выдачи хазгов. Однако те, словно предчувствуя, уже успели скрыться. Гнаться за ними никто не стал.

В положенный срок, как и предсказывал Ория, появился Сварой. Молодой тан без долгих колебаний согласился участвовать в

походе; вместе с Орией он, подписав рядную грамоту, остался в Тарне ждать подхода главных сил флота эльдрингов.

— В море-то выходим или нет? — сердито спрашивал Фарнак у Маленького Гнома.

— Выходим, выходим, — успокаивал его тот. — Вот только травы Фолко соберет, чтобы отвары готовить, — и в путь.

Это задержало их еще на полтора дня. Торин лежал в беспамятстве, рана гноилась, и кто знает, чем бы все кончилось, если бы хоббиту не посчастливилось набрести на целему, невесть каким ветром занесенную сюда с севера. После этого дело пошло лучше, и утром они отвалили. Торин уснул спокойно, дыхание его стало ровным, жар спал.

«Драконы» Фарнака и Хьярриди вышли в открытое море.

Глава 3

ИЮНЬ, 20, ТРАВЕРЗ МЫСА БАЛАР, ОТКРЫТОЕ МОРЕ

Торин был в бешенстве. С тех самых пор, как гном пришел в себя, он не переставая ругался самыми черными словами, правда, лишь когда рядом не маячила Эовин, а поскольку она все время вертелась поблизости, помогая Фолко ухаживать за раненым, то понятно, какой запас сильных выражений накапливался у Торина к тому моменту, когда девчонка выскакивала наконец на палубу.

— Ты отвык проигрывать, друг мой, — заметил Фолко, меняя гному смоченную отваром целемы повязку. — Мифрил, он ведь тоже коварен — начинаешь думать, что неуязвим. Ан не тут-то было!

— Я найду этого степного пса, — задыхался гном, едва не слетая с койки. — Найду и...

— С меня он грозился содрать живьем кожу, — как бы невзначай заметил Фолко.

— Я ему устрою похлеще! — грозился Торин.

— Брось! Лучше послушай, что я там запомнил...

Фолко и Малыш сидели у постели Торина, устроенной в крохотной — двое едва повернутся — каютке под недлинной носовой палубой «дракона».

— Хазги тоже что-то почувствовали. Их шаманы — уж точно. И похоже, они поняли, что эта Сила — враждебная им — подвигает побежденных на месть. Их вожак открыто сказал мне, что не собирается ждать, пока их прирежут, точно скот. Я так понимаю...

— Что они тоже могут наплевать на договор и напасть первыми, — мрачно подхватил Малыш.

— Истинно так, — кивнул Фолко. — И, скажу я вам, это пугает меня больше всего.

— Да чего ж тут пугаться? — кривясь от боли, заметил Торин. — Пусть нападают! По крайней мере, тогда Эодрейд не нарушит слова...

— Он его уже нарушил, — сурово возразил Фолко. — Нарушил, как только решил про себя: договор и клятва — лишь пустые слова! Олмер, насколько я помню, тоже с этого начинал. И тобой замеченный — хотя, конечно, я так мыслю, что никакой это не свет, а еще какой-то сюрприз из наследства Гортаура или даже самого Мелкора, — так вот, свет сей сводит людей с ума, заставляя забыть обо всем, подталкивая их отринуть клятвы и обещания — лишь бы достичь цели. Эодрейд придумал вести войну на истребление. Я когда такое услышал, чуть второй раз со скамьи не сверзился, до подобного не додумался сам Саурон! Хазги тоже решили, что церемониться с соломенноголовыми нечего, ждать, пока те подготовят месть, незачем и нужно ударить первыми. Я не удивлюсь, если они тоже станут вырезать роханцев всех до единого... как там в предании?..

— «Кто дорос до чеки тележной», — закончил Малыш. Лицо его стало темнее ночи.

— Именно, — кивнул хоббит. — Вот почему нам надо как можно скорее в Умбар. Это ближе к нашему загадочному Свету — надеюсь, там мы сможем разузнать что-то еще.

— Если только в Умбаре уже не идет резня, — вдруг спохватился Малыш. — Что, если тому же Скиллудру стукнуло в голову, будто остальные эльдринги спят и видят с ним покончить, и после этого он взял да и пошел косить правого и виноватого?

— Корни и сучья! Об этом я и не подумал, — признался хоббит. — Но тогда тем более надо торопиться. А то как бы и впрямь не успеть к самому штурму!

— Свет, Свет, Свет... — пробормотал Торин. — Вразуми меня Дьюрин, что же это может быть?

— Не ломай себе голову, она у тебя и так не в порядке, — буркнул Малыш. — Ох, до чего ж мне это все не нравится! С Олмером гадали — не нагадали, и теперь, вот попомните мои слова, то же самое случится! Опять будем бродить по всему Средиземью в поисках врага, а он у нас под носом окажется. Поймем, да поздно уж будет.

— Будет тебе! — остановил друга Фолко. — Про Умбар это ты правильно сказал. Думаю, заглянуть туда было бы невредно. Где там у нас Древобородово питье?

— Во имя Махала, что ты хочешь делать? — разом воскликнули Торин и Малыш.

— Ты ж в Умбаре никогда не был! — добавил Строри.

— Ну и что?

— Как «ну и что»? — возмутился Малыш. — Нужно ж знать, что хочешь увидеть, — если в ученых трактатах правда написана! То есть надо тебе представить либо умбарскую гавань, либо саму крепость... О таком я, по крайней мере, читал.

— Не знаю, может, ничего и не получится, — признался хоббит. — Но попытаться стоит. Что мы теряем?

— Ну, если ты увидишь одно, решишь, что так и есть на самом деле, а потом окажется, что все совсем не так, — проворчал Торин. — Вот и сравним, как до Умбара доплывем.

Гномы только пожали плечами.

Фолко достал из заплечного мешка тщательно обвернутый одеялом каменный кувшин. Всю дорогу он лишь немилосердно оттягивал хоббиту плечи. Пришла пора доказать, что его таскают с собой не зря.

От первого же глотка по телу разлилось приятное обволакивающее тепло, будто от крепкого вина, только не было в питье Древобородa ни капли винного дурмана. Хоббит зажмурил глаза и сосредоточился. Ему предстояло, подобно птице, промчаться над морскими просторами к огромной умбарской бухте, к желтым и серым скалам, что будто челюсти сдавили узкое горло пролива, к высоким бастионам, испокон веку защищавшим крепость от ударов с моря; ему предстояло пройти воздушными путями и увидеть правду!

Прорыв к далековидению удался хоббиту на удивление легко и быстро. Взор его послушно устремился вдаль, в один миг покрыв громадное расстояние. Открылись очертания умбарского берега.

Море дошло здесь до двух старых сходящихся горных кряжей. Глубокая долина стала бухтой, а склоны гор — берегами. Трудно было придумать лучшую защиту от бурь и штормов.

Сейчас в Умбаре стояло множество кораблей — и гребных и парусных. Больше всего, конечно же, «драконов» Морского Народа, захватившего Умбар после краха Гондорского королевства. Умбарские корсары, некогда попортившие королям Минас-Тирита немало крови и давшие начало морскому племени, могли спать спокойно — они были отомщены. Правда, на Умбар издавна зарился богатый и многолюдный Харад, но на сей раз верным сподвижникам Саурона изрядно натянули нос. С суши крепость казалась неприступной, и харадские правители, похоже, смирились с потерей

С высоты птичьего полета хоббит видел суетливую жизнь на улицах города. Он разительно не походил ни на Аннуминас, ни тем более на Минас-Тирит. Глинобитные желтые дома в два и три этажа смотрели на улицы глухими стенами — окна выходили во внутренние дворики. О мостовых и речи не было, пыль едва не закрывала солнце. По улицам медленно двигались караваны, цепочки странных животных — кто с двумя горбами, кто с одним, —

отдаленно похожих на лошадей, только побольше. Полнились народом рынки. Словом, все было спокойно.

Видение прервалось, как всегда, неожиданно.

После рассказа хоббита гномы лишь пожали плечами.

— В Умбар приплывем — поглядим, что тут тебе напривиделось, — ворчал Строри.

ИЮНЬ, 20, БЕРЕГ МОРЯ В ДВУХ ЛИГАХ СЕВЕРНЕЕ УСТЬЯ ГВАТХЛО, ПРИ ВПАДЕНИИ СЕРОГО РУЧЬЯ

В тот день улов оказался совсем никудышным. Немолодой рыбак, в одних холщовых, закатанных до колен штанах, брел по тропе к хижине. На спине он нес плетеную корзину с рыбой — улов выдался почти вдвое меньше обычного.

Тропа поднималась на зеленый откос и ныряла в укромную, заросшую ивняком ложбину. На ее склоне стояла избушка, кривовато, но прочно срубленная из нетолстых бревен — таких, чтобы мог поднять один человек. Залаял кудлатый пес, бросаясь в ноги хозяину.

— Привет, Сан, привет. — Рыбак потрепал собаку по загривку. — Сейчас поедим. Сегодня еда будет, а завтра придется поголодать. Как, потерпим?

Пес умильно вилял хвостом — завтрашний день для него не существовал.

Человек принялся за разделку улова, однако не управился и с третью, когда дверь заскрипела.

— Трудишься, Серый? — властно произнес гость. Был он низок, с заметным животом и красноватым лицом, облаченный, однако, несмотря на важный вид, в весьма затрапезную одежду. За спиной висела большая плетеная корзина на ремнях. — Это правильно, молодец, жупан будет доволен. Вот только, — он быстро окинул опытным взглядом горку разделанной рыбы, — маловат улов-то!

— Что делать... — рыбак вяло пожал плечами, — сколь выловилось... Ты что же, все сейчас и заберешь, Миллог?

Они говорили на языке ховраров. Для низенького сборщика это наречие явно было родным, рыбак же по имени Серый изъяснялся с некоторым трудом.

— Ну что же я, злодей, что ли? — возмутился тот, кого назвали Миллогом. — Работник тогда работает, когда есть что жрать. — Он быстро отодвинул в сторону пяток рыбешек поплоше. — Это тебе и псу твоему.

— Спасибо досточтимому, — равнодушно поклонился рыбак.

Миллог сноровисто смахнул оставшуюся добычу себе в корзину, однако уходить не спешил.

— Эх, Серый ты, Серый... Как дураком был, так, прости меня, и остался. Уж десять лет, как нашли тебя в дюнах голого, — только и мог бормотать что-то не по-нашему! — а ты все не поумнел. Едва-едва урок исполняешь! Кабы не я, отведал бы ты плетей нашего жупана...

— Спасибо тебе, Миллог, — вяло шевельнулись губы Серого. — Я знаю, ты меня защищаешь...

На лице толстяка появилось нечто похожее на сочувствие.

— Давно я тебе толкую — смени ты ремесло! Хоть в дроворубы подайся или углежоги. Лес стоит — вали не хочу. А тут будет ли добыча, нет — урок плати. И сколько можно бобылем сидеть? Бабу тебе нужно, а то живешь чисто зверь лесной. Хочешь, подыщу? Баб сейчас безмужних что мурашей в куче. Сколько мужиков полегло... Скажи спасибо, тебя в ополчение не поставили!

Серый стоял и покорно слушал, упершись натруженными руками в стол, блестевший от рыбьей чешуи. Голова его склонилась на грудь.

— Куда ж мне в ополчение... — глухо проговорил он. — Я и меча-то держать не умею...

— Да уж! — Толстяк презрительно фыркнул. — Помню я, как тебе его дали...

— Что уж вспоминать...

— Ну ладно. Мне пора уже, чтобы рыба не стухла. Как насчет бабы, а, Серый?

— Стар я для этого, Миллог.

— Стар, стар... Я вот за десять лет постарел, а ты, по-моему, ничуть не изменился. Да! И еще! Ты слышал: хазги тут в Тарне схлестнулись с какими-то роханскими шишками? Шхакара убили...

— Шхакара? — Серый поднял руку к наморщенному лбу.

— Ну да! Проткнули насквозь, представляешь? И еще то ли троих убили, то ли пятерых... А сами заговоренные, стрелы от них отскакивают...

Тусклые глаза Серого внезапно блеснули, но лишь на краткий миг.

— Стрелы отскакивают... Хазгские? Байки ты изволишь рассказывать, досточтимый...

— Да нет же, говорю тебе! Трое этих было. Два гнома и еще один какой-то недомерок...

— Недомерок в роханском войске? Ты же говорил, они все очень высокие...

— Дурак! Он не роханец, понял? С Севера он. Таких половинчиками кличут. В третий год нашей земли они хеггов Гистадиса

да орков Грахура порубили почитай что до единого. Помнишь, я тебе рассказывал?

Серый молча кивнул.

— А теперь один такой здесь объявился, — разглагольствовал сборщик. — И зачем только притащился? Все ж знают, они роханскому правителю, Эодрейду, чтоб ему на ровном месте шлепнуться, служат! Ну, Шхакар, понятно, и полыхнул. Надо ж так, с Вождем Великим, Эарнилом, столько войн прошел, Аннуминас брал, город другой — эльфийский, что под землю провалился, — целым остался, а тут погиб!

— Шхакар погиб... — пробормотал Серый. — Шхакар... Шхакар...

— Болтал он тут в последнее время много ерунды какой-то. Будто видит огонь за горами, свет нездешний, что вот-вот прольется, и враги наши тогда на нас снова войной пойдут неправедной и всех до единого перережут... Чушь, да и только. Верно, к старости из ума совсем выжил.

Рыбак молчал.

— Ладно, заболтался я тут с тобой. — Кряхтя, Миллог подхватил корзину. — Эй, ну чего стоишь? Помогай? Я сам, что ли, на коня это вьючить должен?..

Сборщик уехал. Рыбак по имени Серый некоторое время смотрел ему вслед, а затем, ссутулившись, поплелся на берег. Сети там сушатся, посмотреть бы надо — не прорвались ли где...

— Шхакар... — точно заведенный, шептал он, шагая к морю по проторенной за десятилетие тропинке. — Ну да, помню его! Точно, помню! Хазг... Старый такой, седой, на шее шрам... Проклятье? Но я же его здесь ни разу не видел! Так откуда ж мне знать?

Пес трусил рядом, озабоченно поглядывал на хозяина и рад был бы помочь, да вот только не знал чем...

Серый жил в этих краях уже почти десять лет. Память так и не вернулась к нему, однако обузой приютившим его он не стал — научился ловить рыбу, кое-как справляться с неводами да немудреным бобыльим хозяйством. Когда его нашли, он не помнил ничего, совсем ничего — ни имени, ни возраста. На вид ему можно было дать лет сорок; волосы стали совершенно седыми, приобретя грязно-пепельный цвет. Правда, за прошедшие годы он и впрямь изменился мало, и, поскольку в деревне ховраров Серый появлялся редко, это как-то сразу бросалось в глаза. Телом он казался воином из воинов; ховрарский жупан-князь обрадовался было, решив, что попавший к нему в руки человек явно из Морского Народа, а значит — добрый ратник, да и парней научить сможет. Однако выяснилось, что меча держать Серый вообще не умеет. Если и был когда-то воином — всего умения лишился. Жупан плюнул, велел всыпать найденному дюжину плетей для острас-

ки и гнать на все четыре стороны или, если тот хочет, оставить, но нарядить на работу...

Серый вышел на песок. Лениво катил прибой; море было спокойным и ровным; казалось, никогда не случается на нем ни бурь, ни ураганов. Заученными, вялыми движениями Серый принялся за работу, не переставая бормотать про себя имя убитого хазга.

Внезапно рыбак остановился. Прижал левую руку к сердцу и замер. Пес тревожно встрепенулся, вскочил, навострил уши, вопросительно глядя на хозяина.

— Болит что-то... вот здесь, — негромко пожаловался собаке человек, схватившись за грудь. — Болит сильно... И жжет, будто там огонь развели...

Пес тревожно заскулил. Прыгнул к Серому, лизнул в лицо — и во весь опор ринулся прочь, точно преследуя ускользающую добычу. Рыбак оторопело глядел ему вслед.

Но боль, как видно, не отступала, напротив, становилась сильнее. Серый сполз на песок, по-прежнему прижимая ладонь к сердцу. Он застонал — тихо, сдавленно, сквозь зубы.

— Жжет... — вырвалось сквозь сжатые губы.

Небо темнело, с разных сторон наплывали тучи — громадные небесные поля, на которых, как верили хегги, боги сеют хлеб, а дождь идет, когда боги поливают всходы...

Серый напрягся, застонал уже в голос, встал. Шатаясь, подошел к самой воде.

— Я проклинаю тебя! — выкрикнул он, грозя кулаком необозримому и необорному простору. — Это ты мучаешь меня, я знаю! Но больше я не доставлю тебе этой радости! Зови своих рыб и раков, я больше не могу, я весь горю изнутри!

С этими словами он ринулся прямо в волны. Миг — и вода накрыла его с головой.

Послышался звонкий, заливистый лай. Миг спустя на берег вылетел пес, а за ним, отдуваясь и бранясь на чем свет стоит, подлетая в седле, скакал толстяк Миллог. Пес и всадник замерли, глядя на четкую цепочку свежих следов, что вела прямо в океан...

Враз поникнув, собака села у воды, задрала морду и завыла.

— Утопился никак... — прошептал толстый сборщик податей. — Лицо его побелело. — Боги превеликие, я же последний, кто с самоубийцей говорил! — Его затрясло. — Спасибо, спасибо тебе, песик... — Дрожащими руками Миллог бросил псу кусок вяленого мяса, но тот даже не повернул головы. — Так бы не узнал и сгинул бы... лихоманка бы одолела, трясучая да костоломка... А теперь, ежели вдруг тело на берег выбросит... а я его закопаю... беда стороной и обойдет. Ну же, песик, давай, давай, нам теперь хозяина твоего искать... Ты уж прости меня, дурака, спасти ведь ты меня хотел, умница, до конца дней твоих тебя кормить буду и никакой работой донимать не стану...

Пес, словно поняв, что ему говорят, внезапно перестал выть, вскочил и побежал вдоль берега. Пыхтя, толстяк повернул коня и поскакал следом.

ИЮЛЬ, 12, РЕЙД УМБАРА

Южное солнце припекало. Здесь, на границах Великого Харада, было куда жарче, чем в Гондоре, где горы и Андуин Великий все же защищали земли от засухи. Фарнаку пришлось повозиться, подбирая для своих гостей подходящее облачение.

— В доспехах тут ходить хоть и тяжело, но снимать их я вам все же не советовал. Всякое бывает... А в полдень на улицу лучше и вовсе не высовываться. Жизнь тут в основном по утрам да вечерам, а в жару все прячутся, — наставлял друзей старый тан.

Гномам и впрямь пришлось нелегко под яростными лучами светила, а вот Эовин — хоть бы что. Лицо и руки девушки тотчас покрылись густым загаром; быстро она освоилась на «драконе», бородатые морские скитальцы, что ни вечер, требовали ее песен, позабросив на время собственные кровожадные баллады. И Эовин послушно пела, встав на носу, заложив руки за спину и смешно, точно галчонок, вытянув от усердия шею. Однако никто и не думал смеяться, потому что пела она действительно хорошо, от сердца. Отчаянные рубаки Фарнака звучно колотили рукоятками мечей по закрепленным с внутренней стороны бортов щитам в знак одобрения.

И вот настал день, когда из воды поднялись крутые обрывы окружавших Умбар скалистых гор. Впереди замаячило узкое горло пролива. «Драконы» сбавили ход, убирая паруса.

— Эгей! Шевелись, вы, там! Всех к Морскому Отцу вас бы отправил, да где лучше взять! Гондорские сухоперы и то бойчее бы справились! — по привычке распекал своих людей десятник, чьи молодцы спускали на воду ходкую восьмивесельную лодку.

— Зачем это, почтенный Фарнак? — осведомился хоббит, стоя рядом с таном на носовой палубе «дракона».

— Как «зачем»? А вон за нами видишь — плывут? Это Старх, если глаза меня не подводят. Надо у причалов место захватить, а то будем посреди гавани болтаться, пока кто-то не уплывет...

Фолко обернулся. Быстро догоняя «дракон» Хьярриди, с запада ходко шел длинный и узкий корабль. Очевидно, его кормщик хорошо знал извилистый и узкий фарватер, потому что скорости новоприбывший не сбавлял, напротив — помогал свежему, надувающему парус ветру всеми до единого веслами.

— Старх, Старх, как есть Старх, — проворчал Фарвак. — Не к лицу нам отставать! Эй, молодцы, заснули там, что ли? Сейчас-то он нас не обойдет, по бокам тут — сплошные камни. Но вот в порту

лодку все равно спустит — там возле причалов не разбежишься; тогда-то силами и померяемся! А пока будем плестись...

Так и случилось. Корабль Старха приблизился вплотную к «дракону» Фарнака. Фолко видел, как там тоже спускают лодку.

— Вот и доплыли, — заметил Фарнак, обращаясь к стоявшему рядом хоббиту. Едва шевеля веслами, «дракон» втягивался в узкий проход, что вел к просторной умбарской бухте. Она могла бы вместить в себя тысячи и тысячи кораблей: глубокая, прекрасно защищенная от ветров — лучшей стоянки для флота и вообразить невозможно. С севера и юга бухту охватывали горы. На вершинах хоббит разглядел сторожевые башни; седловины перегораживали крепостные стены.

— Это чтобы с моря не напали, — пояснил тан.

Сама крепость поднималась прямо из зеленоватых вод бухты. Серые стены с черными арками причальных тоннелей, в которых швартовались корабли, вырастали прямо из волн.

— Если бы врагу удалось захватить северный и южный хребты, со стороны бухты они все равно не смогли бы атаковать. Эти арки закрываются воротами — и все! Впрочем, на моей памяти они еще ни разу не закрывались. И видишь, понастроили плотов, потому что в тоннелях места хватает не всем...

Дощатые настилы временных причалов гнулись под тяжестью сотен и сотен людей, вьючных животных и тюков с грузом. В отдалении разгружались баржи с лесом.

— С деревьями в окрестностях плохо. Все давно вырубили, а новое когда еще вырастет! Приходится из-за трех морей возить...

Едва флагманский корабль эскадры Фарнака миновал горло залива, вперед тотчас ушла восьмивесельная лодка — искать свободное место у причалов, и теперь кормчий всматривался в густое месиво судов, плотов, шлюпок и прочей плавучей мелочи, выискивая свой флаг.

— Мой тан! Вон они, по левому борту! — крикнул дозорный с мачты.

Фарнак скомандовал поворот.

Но свободное место заметили и с лодки Старха. На соперничающем «драконе» раздались азартные вопли. Команда Фарнака тоже тянула шеи, норовя рассмотреть происходящее. Сидевшие на противоположном борту гребцы сыпали проклятиями и требовали, чтобы им во имя Морского Отца ответили, кто впереди.

Эовин, войдя в раж, визжала так, что слышно было на другом конце гавани.

Сами «драконы» почти остановились. Впереди кишмя кишели мелкие суденышки, лодки и лодчонки, а среди них, ловко лавируя и лишь в последний момент избегая столкновений, неслись две шлюпки — Фарнака и Старха.

— Тут ему с моими молодцами не тягаться, — не без самодовольства заметил Фарнак. — На хвосте привезут...

Лодка Старха сперва вырвалась чуть вперед; парни Фарнака, как пришитые, шли следом. Рулевому на лодке Старха пришлось лавировать, расходясь со встречными и поперечными; и, улучив момент, его соперник резко подрезал нос едва не перевернувшемуся суденышку и оказался впереди.

Эльдринги Фарнака заорали и заулюлюкали.

Место у причала досталось им.

— То-то Старх теперь злобиться будет, — весело заметил Фарнак. — Тут у нас не принято оставаться вторым... Ну да ничего, впредь умней будет. Попросил бы борт о борт встать — так ведь нет, ему гоняться захотелось...

Корабли Фарнака и Хьярриди ошвартовались. И тут на носу своего «дракона» появился сам Старх — плотно сбитый, в щегольском открытом шлеме с длинным плюмажем из перьев неведомой птицы.

— Я припомню тебе это, Фарнак, акулья сыть! — заорал он, грозя кулаком. — Погоди, акулья сыть, мы еще встретимся тут где-нибудь!

— Да с превеликим удовольствием, — отозвался Фарнак и на последовавшие негодующие крики отвечал лишь презрительным пожатием плеч.

Помощники Фарнака взялись за разгрузку.

— Ну и нам теперь тоже пора. — Торин все еще носил повязку, но чувствовал себя преотлично. — Фолко! Как там твоя девчонка, готова? Пойдем в город...

— Погодите, мы с Хьярриди тоже идем. — Фарнак появился на палубе, набросив на плечи легкий плащ. — Вы куда теперь направляетесь?

Фолко пожал плечами:

— Мы хотели бы остановиться где-то на несколько дней, осмотреться... Потом решили б, что делать дальше. Тут ведь есть какие-то постоялые дворы?

— Постоялых дворов тут немало, но им бы я не слишком доверял, — обронил Фарнак, когда они приблизились к темному проему арки. — Лучше всего возвращаться вечером на корабль. Мало ли что?

— А что «что»? — жадно спросил Малыш.

— Гостиницы все здесь — для харадримов и иже с ними, — пояснил тан. — И хозяева-то по большей части тоже из Харада. А с ними ухо надо востро держать. Горячие головы предлагали всех неэльдрингского рода из города изгнать — да только куда там! Нам теперь воевать особо не с кем, на одной торговле и держимся. Тот же Харад — ему почти все и сбываем. Ссориться с ним нельзя... — Фарнак вздохнул. — Никогда особо набеги не жаловал, а

теперь даже жалеть начал, что нельзя, как встарь, по-простому... Врагов-то, глянь, и не осталось. Вот разве что истерлинги в Арноре... Так до них на «драконах» не больно-то и доберешься. Скиллудр уж на что силен, а только и он отступил. Но хватит об этом. Как вы посольство-то свое намерены справлять?

— Поговорим с теми танами, которых ты нам укажешь, почтенный Фарнак, — пожал плечами Торин. — Нам тут сложных узлов не плести. Воинов нанять — и дело с концом.

— Я в порту видел флаги... — начал Фарнак, перечисляя имена и боевую силу тех танов, с которыми, по его словам, «можно хоть на Аннуминас». Торин слушал внимательно; Малыш, как всегда, вертел головой, озираясь, — подобное его не занимало; Фолко же больше приглядывался к городу.

Пыльные улицы; глухие стены домов; вонь, резкие запахи чего-то гниющего; вопли и крики зазывал из лавок; и беспощадное солнце над головой. Хоббит заметил, что эльдрингов отнюдь не так уж много на улицах. Темнокожие харадримы, смуглые кхандцы, другие — черные как смоль, с пухлыми губами и короткими курчавыми волосами, каких Фолко еще никогда не видел. Большинство носило широкие накидки самых причудливых расцветок, преимущественно ярких; на головах мелькали уборы диковинного вида — нечто вроде накрученной простыни. Чернокожие же щеголяли в одних набедренных повязках. Оружия никто не носил — никто, кроме эльдрингов.

В Умбаре было жарко. Жарко и пыльно. Но — замечал Фолко — встречные прохожие как-то странно напряжены, озлоблены, готовы вот-вот затеять драку. Хоббит видел искры тревоги, скрытого нетерпения, озлобленности — Умбар набухал гневом, сам не зная, на кого обратить силу и ярость. Совсем не так, по мысли Фолко, должен был выглядеть разудалый приморский город, столица шумливого Морского Народа! Сейчас он казался крепостью накануне жестокой осады, но при том никто не знал, от какого противника надо ее защищать.

— Если все будет хорошо, обернемся за несколько дней, — уронил Фарнак, когда они впятером входили в широкие двери какой-то таверны. — Дело за малым — отыскать всех, кого надо. Начнем прямо сейчас.

Громадный полутемный зал, раза в три больше знаменитого «Гарцующего Пони». Поперек стояли длинные общие столы. Свет просачивался через узкие окна, что смотрели во внутренний двор. Фолко ожидал увидеть орущую и горланящую толпу, однако заведение встретило неожиданной тишиной. Почти все места за длинными столами пустовали, у двери, ведущей на кухню, скучало несколько темнокожих харадримов-слуг.

— Здесь собираются только таны и приглашенные ими, — заметил Фарнак, видя недоумение хоббита и гномов. — Мест должно хватить всем, сколько бы гостей ни явилось. Тут обсуждаются общие дела и заключаются союзы. Если на то будет воля Морского Отца, здесь вы найдете недостающие мечи.

— Эгей, Фарнак! — гаркнул один из гостей, что сидел в окружении троих молодцов — не понять, то ли спутников, то ли телохранителей, во всяком случае, вооружены они были с ног до головы. — Давненько не виделись!

— Привет, Вингетор. — Фарнак кивнул. — Как твой поход на Юг?

— Прескверно, дорогой друг, прескверно!

— Ну, не преувеличивай! — засмеялся Фарнак, направляясь к собеседнику. — Думаю, твое «прескверно» означает лишь, что вместо пяти барж с добычей ты привел в Умбар только четыре.

— Увы, дорогой друг, мне теперь не до шуток! Садись ближе, почтенный Фарнак, и твои уважаемые гости тоже. Эй, вы, там, у плиты! Подать пива, холодного пива, нашего ячменного пива, а не вашего прокисшего молока больной верблюдицы!.. Рассаживайтесь, рассаживайтесь, прошу вас!

— Ты, Вингетор, был всегда очень вежлив, — заметил Фарнак, устраиваясь поудобнее. — А теперь представь мне своих гостей, я представлю своих, и начнем!

— А! — махнул рукой Вингетор. — Это мои десятники. Хлифьянди, Освальд, Бралдо и Бакар. Ребята что надо!

Воины Вингетора отличались друг от друга словно день и ночь, словно утро и вечер. Бралдо был чернокожим громадного роста, Бакар — тонким, желтолицым, узкоглазым, Освальд — светловолосым, с крупными чертами лица и голубыми холодными глазами, Хлифьянди же и именем и обликом походил на Хьярриди; он тотчас же во все глаза уставился на притихшую Эовин, что старалась держаться поближе к Фолко.

Сам же Вингетор оказался изящным, невысокого роста, суховатым, жилистым человеком лет сорока пяти, с острым, точно клин, подбородком. По щекам разбегались лучи мелких морщин. Под кустистыми выцветшими бровями прятались пронзительные серые глаза. Он совсем не походил на сурового морского волка, скорее на арнорского придворного времен последнего Наместничества. Перед ним на столе лежало странное оружие, длинное и широкое — в полторы ладони лезвие, слегка загнутое наподобие хазгской сабли, насаженное на рукоять длиной в полтора локтя, которое заканчивалось острым копейным навершием. Средняя часть рукоятки была окована железом. Морские удальцы таким не пользовались, хотя сходное хоббиту случалось видеть в Аннуминасе — еще до его падения...

— Хьярриди ты знаешь.

— Поздравляю, парень! Скоро таном станешь. Нас, стариков, за пояс заткнешь...

— А это мои давние друзья — мастер Фолко, сын Хэмфаста, мастер Торин, сын Дарта, и Строри, сын Калина. Они с Севера.

Вингетор покивал. Его цепкие глаза быстро оглядели друзей.

— Гномы! Вот уж не ожидал... Добро пожаловать, добро пожаловать!

Фолко счел за лучшее не поправлять тана. Пусть думает, что он, Фолко, того же рода, что и два его друга.

— Их спутница Эовин, воительница Рохана, — без тени усмешки, очень серьезно и уважительно отрекомендовал Фарнак девушку. Та слегка покраснела, но легкий поклон Вингетору отвесила с истинно царским достоинством.

— Неужто преславный Рохан настолько оскудел мужчинами, что посылает в опасные странствия юных воительниц! — воскликнул Вингетор, уставившись на Эовин так, словно она только миг назад возникла пред ним прямо из воздуха, — пока гость не был представлен, обращать на него внимание у эльдрингов считалось верхом непочтительности.

— Ты нам о своем походе расскажи, — напомнил Фарнак.

— О! Давно уже у меня такого не бывало. Мы прошли за полуденный рубеж Харада, за Хлавийские Горы. Сделали стоянку — ты знаешь, там хорошие бухты, всегда можно перевести дух, — и что же? Оказывается, в окрестностях завелись какие-то двуногие любители человечины. Мы их отогнали, но это стоило пятерых лучших разведчиков. Потом встретились пальмовые рощи, отравленные какой-то дрянью, хорошо еще, что она валила человека сразу, — еще десяток погибших.

— Погоди! — встревожился Фарнак. — Рощи отравлены?!

— Ну да! Плоды стали ядовитыми, словно змея-молния. Пошли дальше. Миновали Каменку и собрались остановиться в Нардозе, порасспрашивать, что слышно в дальнем Захарадье, и что же мы видим на месте города?

Вингетор сделал эффектную паузу, свойственную лишь высокородному вельможе на заседании Государственного Совета, и Фолко окончательно уверовал, что этот человек оказался в рядах Морского Народа лишь по особой прихоти всемогущей судьбы. Рассказчик говорил на Всеобщем Языке хорошо, но со странным акцентом, немного в нос — такого хоббит не слыхал даже в Цитадели Олмера, где Общую Речь коверкали до неузнаваемости.

— И что же? — пряча улыбку, поинтересовался Фарнак, видимо, уже хорошо знавший манеры собеседника.

С лица Вингетора сбежала улыбка.

— Город сожжен, — сухо отчеканил он, и это настолько отличалось от его прежней манеры, что всем показалось, он возвестил, самое меньшее, о начале Дагор Дагоррата. — Сожжен дотла. Улицы завалены скелетами.

Фарнак побелел.

— Не может быть! — вырвалось у Хьярриди.

— Может. А в окрестностях обосновалось некое племя перьеруких. Что-нибудь слыхали о таких?

Фолко сжал под столом кулаки. Вот оно! Вот!

Переглянувшись, Фарнак и Хьярриди отрицательно покачали головами.

— Самые настоящие перьерукие, уверяю я вас. Можно взглянуть, если интересно, одного такого я привез сюда живым. Во всем люди как люди, только вот на руках, вот здесь, — он провел по ребру ладони и дальше, к локтю и плечу, — перья растут. Правда, не у всех — только у вождей. Остальные-то просто с едва заметным костяным гребнем.

— Ну и ну! — поразились гномы.

— То-то, что ну и ну. Мы вот тоже... рты пораскрывали с такого чуда. А прежде чем закрыли, эти самые перьерукие повытаскивали из-под берега спрятанные лодки, и нам пришлось туго. Они дрались, как безумные, и ни один так и не отступил. Их челны шли борт к борту, так что я не видел воды. Мы убивали их сотнями, но все же уступили им гавань. А сражались эти перьерукие не обычными мечами или там копьями. Нет! На древко насажена заточенная лопата, или там грабли, или вилы, как вам это понравится? И орудовали своими снастями куда как ловко.

— Постой, постой! — спохватился наконец Фарнак. — Так это что ж получается — Нардоз сожжен... а все окрестности?!. Там ведь жило немало наших!

— Все погибли, старина, — негромко ответил Вингетер. В его голосе не осталось и следа прежнего веселья. Он мог со смехом говорить о собственном поражении, но в том, что касалось остальных...

— Никого не осталось, — повторил тан. — Перьерукие владеют всем берегом южнее Каменки до самых Молчаливых Скал... Но слушай дальше! После боя у Нардоза я поклялся: костьми лягу, но доищусь, что это за создания и откуда взялись. Поймать одного из их вождей оказалось не так уж и трудно. Мне пришлось зарезать и скормить морским зверям десятерых его спутников, прежде чем тот заговорил и мы научились понимать его язык. Его зовут Фелластр, и рассказал он очень, очень много интересного, за что мне придется долго оправдываться перед Морским Отцом, потому что вытягивал я из перьерукого слова воистину лишь раскаленными щипцами... — Вингетор неожиданно покачал головой.

— Да что это с тобой? — удивился Фарнак. — Ну, пытал пленного, так что же тут такого? Война, одно слово... И я пытал, было дело. Не узнаю тебя!

Вингетор с кривой ухмылкой потупился.

— Потому что этот самый Фелластр, когда мы... гм... уже до-

статочно с ним позабавились... сумел прокричать своим собратьям, что с ним случилось, кто мы такие, как зовут предводителя похитителей и где его, Фелластра, следует отыскивать и кому мстить.

— Как это так?! — не удержался Торин.

Вингетор мрачно взглянул на гнома:

— Я сам постоянно спрашиваю себя о том же, гном. Я подозреваю, — и сильно! — что мой пленник преотлично знает Всеобщий Язык, только умело это скрывает. И воля у него железная. Проверяя, я громко обсуждал с Освальдом, как лучше поступить с пленным — поджарить на медленном огне, четвертовать или же по-простому утопить, — так этот гордец и бровью не повел, словно и не о нем речь шла. Я решил — не понимает! — и успокоился. Верно, не прав был... А как своим передал... Тянули они за нами все время. Вдоль берега на велбудах своих шли, морем — на лодках. Напасть так и не решились, но был момент, оказались совсем рядом. И он как их учуял, змея! Заверещал, заорал, точно чудо невиданное. И в воплях его я и «Умбар» слышал, и «Морской Народ», и «эльдринги», и даже — «тан Вингетор». Как тебе все это нравится?

— Мне это совсем не нравится, — сквозь зубы процедил Фарнак. — Ты был в Совете?

— Ясное дело. Дозоры усилены. Но — чует мое сердце! — этого мало. Надо самим на юг идти, потому что если не мы этих перьеруких, то они нас... А уж они нас точно прикончат, если только смогут, потому что воинов у них как песчинок на берегу или звезд на небе...

— Вингетор, Вингетор... — начал было Фарнак. — Не слыхал я раньше, чтоб ты говорил, точно базарный сказочник!

— Прежде не говорил, — сухо ответил собеседник. — И сам над подобным смеялся. А теперь, видно, придется по-иному. Потому что они и впрямь выводили на берег толпы, Фарнак, понимаешь, толпы! На десяток лиг вдоль воды стоит плотный строй — как тебе это понравится? Думаешь, Вингетор на старости лет выжил из ума и не попытался отомстить за наших? Как бы не так! Но я положил бы всех своих, если бы только попробовал пристать к берегу. Зажигательными стрелами перьерукие пользоваться умеют отлично, уверяю тебя.

Вингетор жадно припал к кружке с пивом.

— И все же я ускользнул от них!.. И даже высадился!.. Ночью, там, где меня не ждали. Прошел почти сорок лиг от моря. Сжег три десятка селений. Я хотел найти их слабое место. И я его нашел. Нашел, понимаешь? — Он грохнул кружкой по столу.

Все замерли.

— Они боятся, — мрачно провозгласил Вингетор. — Бесчисленный, непобедимый народ — они смертельно боятся какого-то

совершенно жуткого существа, обитающего где-то на востоке, возле озера Сохот.

— Возле озера Сохот? — удивился Хьярриди. — Мирные племена там всегда жили... А больше вроде дикого...

— А теперь есть. Там, где кончается Хребет Скелетов и лес подступает к озеру, — там обитает некая Сила, что выгнала перьеруких из их давних владений и превратила в наших — увы! — злейших врагов. Эта Сила гонит и гонит их на север. В скором времени они столкнутся с Харадом. Что будет тогда, страшно даже подумать, поскольку перьев на руках не имеющие для них все равно что звери. Понимаешь меня, Фарнак? Все равно что звери! А со зверьем не ведут переговоров, не заключают союзов и не обмениваются пленными. Или мы их, или они нас. Вот что я пытался объяснить в Совете. Но, — губы Вингетора презрительно скривились, — не преуспел. Ведь перьерукие еще не стоят лагерем у стен Умбара. Хотя мне, конечно, поверили, особенно после того, как я показал пленника. И единственный, кто встревожился по настоящему, — Скиллудр.

— Даже так? — Хьярриди был неприятно поражен, Фарнак изумленно поднял бровь. Что же касается гномов и Фолко, то они пока предпочитали больше слушать. Хоббит смотрел Вингетору в рот как зачарованный, Торин и Малыш, видя внимание товарища, следовали его примеру. Потом он все им расскажет и они обсудят это вместе.

— Именно так. Он потратил, наверное, все свое золото. Набрал целую армаду — капитанам былого впору! — и пошел на юг. Один, как всегда. Пятнадцать тысяч воинов не в счет.

— Он один поднял такой поход? — все еще сомневался Фарнак.

— Ну да. Я же говорю — потратил, наверное, все, что имел.

— И что же?

— Пока вестей нет. Но! Не хотят ли мои благородные друзья самолично взглянуть на пленника? Он у меня тут рядом...

— Почтем за честь! — вырвалось у Фолко.

Так и не произнесшие за все время беседы ни слова, спутники Вингетора молча встали следом за своим господином.

Дом, где содержался важный пленник, оказался настоящей крепостью. В узкую черную щель двери пришлось протискиваться, согнувшись в три погибели. Дальше коридор шел изгибами, и в свете тусклых масляных ламп хоббит видел частые бойницы в стыке стен и потолка. Ворваться сюда для неприятеля означало верную гибель.

Внутренний же двор, отгороженный от ведущей на улицу пещеры — иначе и не скажешь! — железной дверью и парой опускающихся решеток, поражал великолепием благоуханного сада. В кадках росли невиданные хоббитом пальмы разнообразных

видов, в искусственном ручье хищно шевелило зелеными отростками-щупальцами дерево-рыболов. Порхали пестрые птахи, специальный слуга насыпал им корм. Освальд, шагавший первым, сделал один-единственный жест, и всю челядь тотчас же словно сдуло ветром.

— Прошу сюда. — Вингетор учтивым жестом распахнул тяжко скрипнувшую дверь. Открылась каменная, винтом уходящая вглубь лестница. Освальд взял из кольца на стене факел и двинулся первым.

— Это возвели крепко и на века, — одобрил Торин, косясь на мощную кладку стен и сводов.

— Воистину, когда Гондором правили Морские Короли, то в стране умели строить! — кивнул тан.

Винтовая лестница вывела процессию в коридор, низкий и широкий, служивший главным трактом подземной тюрьмы — небольшой, но весьма крепкой и надежной. Четверо дюжих стражников споро вскочили на ноги при виде хозяина.

— Все спокойно, мой тан! — отрапортовал старший.

— Возьми факел, Андраст, и идем с нами.

Пленник был заперт в самой дальней каморке, не имевшей и крохотного оконца. Вингетор снял с пояса тяжелый ключ, отпер дверь. Стражники, не дожидаясь команды, обнажили мечи.

— Вот он, полюбуйтесь. — Хозяин кивнул на живую добычу.

Фолко смотрел во все глаза. Сперва ему показалось, что он видит какого-то монстра, настолько удивительной оказалась разница между мощным человеческим торсом и руками-крыльями, что подошли бы размахом и одному из орлов Манве. Лишь приглядевшись, Фолко увидел, что руки у пленника — самые обычные, человеческие, правда, куда тоньше и слабосильнее, если сравнить с мускулистым торсом и прекрасно развитыми ногами. Темно-алые перья обрамляли руки, доходя до плеч. Могло показаться, что это всего лишь карнавальное украшение, однако перья росли прямо из кожи, как волосы или ногти у обычных людей.

Чресла перьерукого опоясывала грязная набедренная повязка. Скрестив на груди руки-крылья, гордо вскинув голову, пленник смотрел в противоположную стену, надменно игнорируя появление тюремщиков. Узкое точеное лицо, пожалуй, женщины сочли бы красивым, если бы не нос — он загибался вниз, точно клюв хищной птицы. Тонкие губы презрительно сжаты.

— Вот, полюбуйтесь, — указал Вингетор. — Так и стоит. Не ест, а теперь уже второй день не пьет. Верно, решил себя уморить. Ну да это ему не удастся. Силком кормить станем!

Фелластр и бровью не повел.

— Больно гордый. Но ничего, в прошлый раз заговорил и теперь отмолчаться не сможет.

Фолко пристально смотрел на пленника. Сейчас бы ему очень

пригодилась проницательность Древоборода. Во взоре перьерукого хоббит — пусть смутно и неотчетливо — угадывал следы странного безумия, в чем-то схожие с теми, что читались в глазах короля Эодрейда.

Вингетор заговорил, обращаясь к пленнику, на странном, полном щелкающих звонких звуков языке.

Перьерукий не повернул головы.

— Вот так и молчит. — Хозяин развел руками. — Но ничего, я сегодня им сам займусь. Разговорится, будьте уверены!

— А... гм... хорошо. — Фолко с трудом оторвался от созерцания Фелластра, вспомнив, что посольство, как ни крути, править тоже надо. — А почему бы нам с почтенным Вингетором не поговорить еще об одном деле, также очень важном, я уверен, небезвыгодном для сильномогучего тана!..

— Тогда пройдем наверх.

Они вновь оказались во внутреннем дворике.

— Эовин! — Фолко повернулся к девушке. — Тебе придется подождать здесь. Король Эодрейд отправил нас сюда с тайной миссией... и тебе нельзя слышать наши беседы.

— Возможно, мои слуги сумеют развлечь деву-воительницу из Рохана? — учтиво поклонился Вингетор, делая знак челяди. — У меня тут собраны редкие каменья и цветы, еще более редкие птицы и звери...

Вежливые, даже утонченные манеры хозяина разительно отличались от грубоватого, простого обращения Фарнака и Хьярриди. Фолко не удержался от вопроса:

— Я немало имел дела с Морским Народом, но...

— Но никогда не встречал похожих на меня, так? — рассмеялся Вингетор. — Справедливо! Потому что я родом из Гондора. Семья моя долго жила в Минас-Тирите — как заложники Корсаров Умбара еще до Войны за Кольцо. Наша кровь смешана с гондорской, и я сам провел там немало времени... А когда пришел час, вновь стал тем, кем и должен был, — морским таном, предводителем свободной дружины...

Фолко учтиво поклонился, благодаря любезного хозяина за откровенность. Сами же переговоры заняли немного времени.

— Можешь не продолжать. — Вингетор поднял ладонь, даже не взглянув на верительные грамоты короля Эодрейда. — Я и так отлично знаю, с кем меня свел Морской Отец. Ваши имена, друзья, — вы ведь позволите так вас называть? — известны далеко за пределами Арнора и Гондора. Подробности войны за восстановление Рохана долго обсуждались среди морских танов. И ваши имена назывались не единожды. Я верю вам без всяких грамот и, раз Эодрейд предлагает такую щедрую плату, без колебаний подпишу с вами ряд. Я б также посоветовал вам поговорить с Амлоди и Гротти. Это бывалые воины. Кстати, оба сейчас здесь. У каждо-

го по пять сотен мечей. Я так думаю, что из-за перьеруких нам надо позаботиться о более надежном, чем Умбар, убежище на Севере... С этими безумными южанами воевать все равно придется, а мудрый должен иметь, куда отступить в случае неудачи...

— Ну, вот наше посольство, считай, и выправлено, — заметил Торин друзьям, когда они устроились на постоялом дворе. Эовин уже спала без задних ног, а Фолко и гномы сидели в соседней комнатенке, расправляясь с копченой курицей. — Считайте сами. Фарнак — семьсот мечей, Сваран — триста, Ория — тысяча, Хьярриди — двести, Вингетор — шестьсот, это уже две тысячи восемьсот; если завтра согласятся Амлоди и Гротти, будет уже три восемьсот. Останется найти еще одного, и... и все!

— А мы так ничего и не выяснили, — пробурчал Малыш.

— Потому что еще и не выясняли, — парировал Фолко. — Вот если завтра все закончим, тогда...

— Что «тогда»? Ты хоть знаешь, что искать? — вскипел Маленький Гном. — Человека, эльфа, гнома, орка? Место, предмет, явление? Что? Ты нам можешь растолковать?

Хоббит медленно покачал головой:

— После Олмера я привык верить своим страхам, Малыш. А мне сейчас страшно. И становится еще страшнее оттого, что я не знаю — чего же именно бояться?

Строри скорчил недовольную гримасу и отправил в рот целую куриную ногу.

— Мне надо походить... посмотреть... подумать... — продолжал хоббит.

— А твои амулеты-талисманы, они-то что? — не унимался Малыш.

— Это ж тебе не масляная лампа! Огонь поднес — вспыхнула и светит! Тут одного желания маловато. — Да и вообще — ты что же думаешь, мне очень нравится сидеть здесь, в Умбаре?! Думаешь, я не хочу отсюда выбраться? Сделаю все, что смогу! — Фолко даже стукнул кулаком по столу.

ИЮЛЬ, 13, УМБАР

Наутро явился посыльный Фарнака. Его люди уже отыскали Амлоди, Гротти и еще одного тана, Фридлейва, которого хорошо знал сам Фарнак. Надо было идти на встречу, завершая наем флота.

— Эовин! — Маленький Гном громко затарабанил в дверь. — Вставай, лежебока!..

Утро в Умбаре — это нечто восхитительное. Мягкий морской ветер, бирюзовое небо, тепло, но отнюдь не жарко. На улицах столпотворение, люди спешат свершить свои дела до наступления полуденной жары...

Фолко и его спутники не миновали и двух кварталов, как к

ним прицепился какой-то толстый низенький темнокожий харадрим. На хоббита и остальных обрушился целый водопад стремительной речи. Харадрим яростно жестикулировал, закатывал глаза, хлопал себя по щекам, пытаясь что-то втолковать. Приставленный Фарнаком эльдринг попытался просто отпихнуть наглеца, однако тот мгновенно выудил из складок бесформенного серого балахона начищенную, ярко блестящую золотом пластинку, густо испещренную какими-то знаками. Воин Фарнака склонился над ней, а когда миг спустя вновь распрямился, лицо его выражало крайнюю степень ярости. Морской удалец сдерживался из последних сил.

— Этот вонючий выползок, родившийся лишь по недосмотру Морского Отца, — главный поставщик рабынь и наложниц ко двору его величества правителя Харада, — сдавленным от бешенства голосом проговорил воин. — У него... как это... пайцза Харада.

— Ну и что? — Малыш надменно подбоченился и положил руку на эфес так, чтобы все это видели. Маленький Гном был явно не прочь подраться.

— А то... что этот пожиратель падали очень просит вас... гм... — глаза воина сверкнули, — одним словом, он хочет купить воительницу Эовин!

Хлоп! Кулак Малыша врезался в подбородок харадрима прежде, чем кто-то успел сказать хотя бы слово. Работорговец подлетел вверх и опрокинулся на спину, смешно задрав ноги в вычурных дорогих сандалиях. Он плюхнулся на мостовую, словно куль с дерьмом, и уже не шевелился.

— Малыш! — рявкнул Торин.

— Живой он. — Фолко коснулся горла харадрима. — Вот только зубов поубавилось... и притом сильно...

Толстяк валялся без чувств.

— Я ж не хотел вовсе... — оправдывался Малыш в ответ на упреки Торина. — Само собой вышло...

— Подождать не мог? Мы б его потом и вовсе прирезали!

— А почему это он должен был ждать? — возмутилась Эовин. — Разве можно ждать, когда оскорбляют воительницу Рохана?! Спасибо тебе, почтенный Строри!

И она, внезапно обняв зардевшегося гнома, крепко поцеловала его — прямо в губы.

Эльдринг откупорил висевшую на поясе флягу и плеснул водой на лицо харадрима. Тот застонал и приподнялся. Воин Фарнака бросил несколько злых коротких фраз на языке Южных Земель.

На окровавленном лице работорговца появилась злобная усмешка. Он вновь поднял свою пайцзу и что-то визгливо выкрикнул. Вокруг них уже собиралась толпа — исключительно харадримы.

— К мечу, — коротко предупредил спутников эльдринг. — Обнажите оружие, эти псы должны струсить...

Миг спустя перед остолбеневшими харадримами взвихрилась

сталь — Маленький Гном не упускал случая показать свой знаменитый веер. Темнокожие в замешательстве отступили. Толстяк, охая, поднялся с земли, бросил своим несколько коротких фраз и, не оглядываясь, заковылял прочь, прижимая полу балахона к расквашенной морде.

— Идемте отсюда! — Проводник был мрачен. — Теперь хлопот не оберешься... Они наверняка нажалуются в Совет... А там подобные этому псу с пайцзой — ну ровно как у себя дома...

— Ну и что? — пожал плечами Фолко. — Он же первый начал!

— Первый, первый... Он чего хотел — женщину купить? Так они у них за людей не считаются. Так, скот двуногий! — Воин выругался сквозь зубы. — А для харадримов в Умбаре действуют их законы... которые он не нарушил...

— Жаль, я его насквозь не проткнул, — посетовал Маленький Гном.

— Боюсь, тогда бы тебе солоно пришлось, брат гном, — покачал головой эльдринг. — Тебя изгнали бы из Умбара, самое меньшее, а то бы еще и продали харадримам на рудники... Говорят, там даже гномы не выдерживают больше трех месяцев.

— Что сделано, то сделано, — развел руками Торив. — В крайнем случае заплатим этому псу. Золото у нас есть.

— Хорошо еще, если только этим обойдется...

Они двинулись дальше.

Притихшая Эовин шла теперь в середине, между Торином и Малышом. Впереди шагал воин Фарнака, Фолко прикрывал спину отряда. Таким порядком они и добрались до той самой таверны, где встретились с Вингетором.

Фарнак и остальные таны их уже поджидали. Проводник коротко рассказал о случившемся. Эльдринги молча переглянулись.

— Вам надо скорее уходить отсюда, — пробасил бородатый Гротти, настоящий великан семи футов росту и шириной плеч не уступавший Торину. — Да и чего ждать-то? Дело, считай, сделано. Мы согласны. Что скажете, таны?

— Я им рассказал... вкратце, — пояснил Фарнак. Остальные эльдринги дружно закивали. — Общий счет набранному войску вышел на четыре тысячи триста воинов.

— Больше, наверное, и не надо, — заметил Фарнак. — Земли не так уж много... Если делить ее на многих — худо выйдет...

— Четыре с небольшим тысячи, не мало? — усомнился Торин. — Война-то нешуточная!

— Так и мы шутить не станем! — от баса Гротти, казалось, сейчас начнут раскалываться стеклянные кубки. — Ударим не хуже хирда! Вот увидите!

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь, — заверил Фолко разгорячившегося тана. — Если все пройдет, как задумано...

— Да разве ты не знаешь, что любой план только до первого

боя? А потом все надо заново придумывать? — поднял брови Фарнак.

— Знаю, знаю, — кивнул Фолко. — Но здесь случай особый. Мы рискуем проиграть, если все не будет сделано быстро и четко...

Когда переговоры закончились, рядные грамоты подписаны и таны отправились собирать дружины, Фолко и друзья задержались в таверне.

— Дело сделано. — Хоббит устало провел ладонью по лбу. — Мы исполнили поручение короля. Но вот к добру или к худу обернется для Рохана эта война, пусть даже и победоносная?

— К худу? — Эовин округлила глаза. — Как же может победа обернуться к худу?

— Тебе про это лучше вообще не думать, — хмуро заметил Торин. Ни он, ни Малыш так и не притронулись к пиву. — Как-то очень уж легко получилось все у нас здесь, в Умбаре! И дня не прошло, а флот уже нанят.

— Да, и теперь осталось только... — начал было Малыш, однако конец фразы потонул в треске ломающегося дерева и яростных неразборчивых воплях.

Двери таверны слетели с петель. Через порог в пустой просторный зал рванулась целая толпа орущих харадримов. Кто-то размахивал коротким мечом, кто-то притащил с собой сети.

— Клянусь Дью... — Торин успел вскочить на ноги, когда на четверку друзей со всех сторон бросились темнокожие мечники. В их рядах мелькнула толстая физиономия торговца рабами. Челюсть у него была подвязана грязной тряпкой.

— Ага!!! — завопил Малыш ничуть не слабее атакующих. — Ну вот наконец-то мы как следует позабавимся!

Фолко молча обнажил меч, закрыв собой остолбеневшую Эовин.

Друзей окружили в самой середине зала. Харадримы запаслись множеством арканов и веревок: ни один из них не был столь глуп, чтобы лезть под клинки врагов; сперва в ход пошли ловчие снасти.

— Прорываемся! — скомандовал Торин, вращая топор над головой. — Фолко, прикрой девчонку!

Однако Эовин явно не желала, чтобы ее «прикрывали». Выхватив короткую легкую саблю, она очертя голову ринулась вперед, вслед за Торином.

— Куда?!! — не своим голосом заорал Малыш — девчонка едва не подвернулась ему под меч.

Торин тем временем врезался в толпу харадримов, точно кабан в стаю псов. Первый же взмах топора рассек врага от плеча до пояса, хлынула кровь, вокруг гнома тотчас же возникла пустота. Фолко, отбив в сторону вражеский меч, прыгнул следом за Эовин, пытаясь остановить, — но поздно. Взлетели брошенные сети, и

миг спустя девушка оказалась спутана по рукам и ногам. Бьющийся кокон тотчас же утянули в задние ряды харадримов.

Торин, Фолко и Малыш ринулись вдогон. Испытанным боевым порядком, плечо к плечу, ударили в самую середину вражеского строя, один из нападавших упал, пропоротый мечом хоббита, но харадримы и не думали сопротивляться. Дружно повернувшись, они ринулись наутек. В дверях таверны тотчас возникла пробка.

— Руби!!! — взревел Торин. Весь забрызганный кровью, гном разил направо и налево. Харадримы с визгом бросались в стороны, пытаясь выбраться из западни; Фолко и гномы, сегодня не надевшие полного доспеха, тем не менее расшвыряли скопившихся перед дверьми врагов, вырвались наружу — однако толстомордого торговца и плененной Эовин уже и след простыл.

Привлеченные шумом и криками, со всех сторон сбегались вооруженные эльдринги. Еще миг — и вспыхнула уличная схватка. Пытавшиеся спастись бегством харадримы напарывались на частокол мечей, но оружия не бросали, бились с бешенством загнанных в угол крыс. Морских воинов было все же немного, и коекому из темнокожих налетчиков удалось вырваться из кольца.

— Эгей! Почтенные, что тут случилось? — со всех сторон посыпались вопросы, когда схватка окончилась. — Что это на них нашло?..

Допрашивать оказалось некого — все, кто мог, унесли ноги, остались лишь трупы да те из раненых, кто вот-вот должен испустить дух.

— Они украли нашу спутницу! — крикнул Фолко. — Девушку с золотистыми волосами! Она из Рохана!

— Украли?! Из Рохана?! — раздались негодующие возгласы. Толпа эльдрингов быстро росла, их собралось уже не менее трех десятков. — К воротам! Быстрее! Перебьем этих собак!!

Под зловещий лязг стали они бежали узкими умбарскими улочками к окраине города. Мимоходом Фолко подумал, что надо было бы известить Фарнака и остальных... но поздно, слишком поздно, ничего уже нельзя сделать!

Мостовые перед разъяренной толпой пустели, как по волшебству. По пути к отряду присоединялись все новые и новые эльдринги — судя по всему, харадримов здесь не жаловали; мимоходом узнав от других, что случилось, воины выхватывали мечи и тоже бросались в погоню.

Обращенные в пустыню крепостные стены Умбара мало чем уступали бастионам Аннуминаса. Гордые и неприступные, они с молчаливым презрением глядели на сгрудившиеся у их подножия домишки. Широкие ворота были распахнуты; стражники дремали. С харадримов здесь не собирали пошлины.

Фолко и его товарищам не повезло. Как раз в это время к воротам подошел караван, вьючные животные напрочь перекрыли проход.

— Эй, с дороги, смети вас Хругнир! — Торин с топором наперевес бросился к караванщикам. Стражники оторопело уставились на разъяренного гнома, за которым валило не меньше пяти десятков вооруженных до зубов эльдрингов, все с клинками наголо.

— Что тут за бесчинства? — рявкнул выскочивший на шум десятник.

— Кто-нибудь выходил из города до этого каравана?! — выпалил Фолко, останавливая Торина, — гном, похоже, был уже готов затеять свару.

— Выходили, как не выходить! Харадримы, полтора десятка всадников. Налегке, без поклажи. Всего один тюк и был. А спешили, словно за ними сам Морской Отец гнался.

У Фолко вырвался невольный стон. Да уж, хороши же они, трое испытанных воинов, у которых из-под носа украли девчонку! Стыд-то, стыд-то какой! Да и что же теперь станется с бедняжкой Эовин?!!

Толпа эльдрингов за спинами друзей возбужденно гудела.

— Совсем, верно, харадримы взбесились! Никогда раньше такого не случалось!

— Да, ровно обезумели... Средь бела дня напасть!

— Твари! Эх, мало их Гондор в свое время...

— Эй, почтенные, а что, собственно говоря, случилось? — Десятник встревоженно косился на собравшихся воинов.

— Девчонку украли только что, — бросил Малыш. — И, насколько я понимаю, вывезли прочь из города... Мы тут слегка повздорили...

— Да разнести всю их поганую сыть! — завопил кто-то в толпе. — Больно много власти забрали! Куда ни плюнь в славном городе Умбаре — всем они владеют! А теперь и вовсе рехнулись — средь бела дня девиц похищают! Это что ж делается, эльдринги?!

— Точно!.. Правильно!.. — раздались возгласы. — Пойдем да их самих пощиплем! Пусть знают!..

Дело пахло погромом. Десятник ошарашенно переводил взгляд то на Фолко и гномов, то на разъяренную толпу.

— Стойте! — выкрикнул Фолко, вскакивая на очень кстати подвернувшуюся бочку. — Да не обезумели ли вы сами?! В чем остальные-то виноваты?! Нужно найти и покарать похитителей, а не мстить невинным! Слышите меня?!

Слова его канули, точно камни в бурное море. Вовсю сверкало выхваченное оружие; эльдринги уже никого не слушали, похоже, забыв и о том, что привело их сюда.

— Избезумились, как есть избезумились, — услыхал Фолко шепот Торина.

Человек двадцать грозно надвинулись на харадских торговцев, и кто-то уже изо всех сил ударил эфесом в лицо безоружного погонщика. Это послужило сигналом. Раздался истошный вопль «Бей!», и над головами замелькали мечи. Караванщики, не лыком шиты, мигом повыхватывали из тюков припрятанные сабли.

Десятник наконец сообразил, что на вверенном ему посту вот-вот начнется самое настоящее сражение, и, что было сил заорав «Тревога!», кинулся разнимать сцепившихся. Фолко, Торин и Малыш поспешили ему на помощь.

Заученными движениями отбрасывая мечи опьяненных яростью людей, Фолко поневоле вспоминал полевую межу в Арноре и мирную осень, когда он, совсем еще юный хоббит, шел вместе с Торином и Рогволдом (эх, погиб сотник! А какой человек был...) через Арнор...

Безумие, верно, не успело еще полностью овладеть всеми эльдрингами. Оттеснив самых рьяных, схватку удалось приостановить. Харадримы отделались несколькими ранеными.

— Пропустите нас! — крикнул хоббит рослому воину в богатой, расшитой алым и золотым накидке, явно начальственного вида. Держа в руке тонкую изогнутую саблю, расталкивая растерянных погонщиков, он пробивался к месту стычки.

— Эй, что случилось, десятник?! — гортанно выкрикнул харадрим, оказавшись перед начальником умбарской стражи. — Почему?..

Он говорил на Всеобщем Языке чисто, почти без акцента.

— Почему, почему! — рявкнул эльдринг. — Потому что твои собратья девчонку украли! И увезли — сразу перед тобой, Залбул! Вот наши и возмутились... Так что давай уноси ноги, пока в клочья не разорвали!

Роскошный белый плюмаж на высоком шлеме харадрима отрицательно покачался из стороны в сторону.

— Я уйду, как всегда, а «уносят ноги» только шакалы, когда видят льва. И помни, десятник, об этом бесчинстве я доложу высокому правителю Харада! Или ты не знаешь, что я, Залбул, — поставщик Двора?!

Фолко готов был поклясться, что стоящий перед ним харадрим куда больше привык водить в бой конные сотни, нежели купеческие караваны.

— Марийские Молоты, что мы тут теряем время! — завопил Малыш.

— Нам их уже не догнать, — мрачно бросил Торин. — Пони коню не соперник.

— Надо лучше следить за своими рабынями, — насмешливо заметил Залбул.

Строри вспыхнул, точно соломенный пук. И, недолго думая, вновь пустил в ход кулаки.

— Малыш!! — рявкнул Торин, еле-еле успев перехватить руку

друга. — Мало нам неприятностей, еще и бойню тут хочешь устроить?!

Эльдринги и в самом деле столпились у них за спиной, в любой момент готовые броситься на харадримов. Те успели вооружиться, но едва ли два десятка охранников с легкими саблями остановили бы добрую сотню испытанных бойцов, из которых половина, несмотря на жару, так и не рассталась с доспехами.

— Так-то оно лучше, — надменно бросил Залбул. Презрительно повернувшись спиной к Фолко и гномам, он неспешно зашагал прочь — наводить порядок в своем караване. Животные одно за другим потянулись через ворота прочь, к пустыне.

— Эх, беда-то какая. — Десятник почесал в затылке, когда Фолко в нескольких словах объяснил ему, что случилось. — А у нас на посту и коней-то нет для погони...

Друзья мрачно молчали, когда шли от ворот Умбара к порту — разыскивать Фарнака. Малыш сперва ругался на чем свет стоит, но потом тоже умолк. И только уже возле гавани у хоббита вырвалось:

— Ох, говорил же я вам...

— Мы ее все равно отыщем, — с угрюмой решительностью произнес Торин. — Пойдем в Харад и отыщем. Отыщем ведь, а, Строри?

— Отыщем, отыщем... — проворчал Маленький Гном, однако без обычной бравады. — Если будет на то Махала милость...

— Когда это ты у Махала милости просил? — криво усмехнулся Торин. — Нет, если сами не справимся — никто не поможет. Мы с тобой, Строри, виноваты, мы Фолко присоветовали Эовин не гнать, значит, нам с тобой и ответ держать. И в Харад тащиться...

Против обыкновения Малыш спорить не стал. Он только кивнул.

— Фарнак поведет флот без нас. Пошлем королю Эодрейду письмо... — начал было Торин.

— Ага, и он нас в предатели запишет... — бросил Малыш.

— Пусть. Плевать я хотел. Девчонку спасти надо, а немилость королей — ничего, как-нибудь проживем.

Фолко шагал по пыльным умбарским улочкам, и в голове даже против воли появлялись мысли не только о несчастной Эовин. Безумие, опасное и непонятное, расползалось по Средиземью и отравляло одинаково всех — Эодрейда и Скиллудра, эльдрингов и харадримов... Перьерукие, невесть откуда взявшиеся на морских побережьях... Хорошо еще, что они, Фолко, Торин и Малыш, пока не поддались этому; и что же будет со Средиземьем, если невидимая отрава проникнет в души всех его обитателей, от северных льдов до южных златосумрачных пустынь?

И вновь, словно в приснопамятные дни погони за Олмером, погони за Кольцом Тьмы, Фолко всей грудью ощутил упрямый

и злой напор чужой и страшной силы. Вражеской Силы, и не важно, в какие одежды она рядится — Света ли, Тьмы...

Толкался, тревожась, в ножнах оживленный этой силой клинок Отрины.

«Мы спасем ее, — думал Фолко об Эовин. — Спасем непременно. Я уверен. Королю Эодрейду и впрямь придется обойтись без нас...»

Мыслью он тянулся за Эовин, звал ее, пытаясь отыскать среди просторов безбрежного песчаного моря крохотную живую песчинку, — но нет, сил не хватало, да и разве сосредоточишься толком, пробираясь по людным умбарским улицам?..

Фарнак сделался черен лицом, когда услыхал о случившемся. Хьярриди долго и виртуозно сыпал проклятиями.

— Так чем мы можем помочь? Все готово к отплытию... Не высылать же армию в Харад! — мрачно проговорил старый кормчий.

— Армию не надо, — отозвался Малыш. — А вот мы — пойдем. Вы поплывете без нас...

— Лезть одним в Харад — самоубийство! — выпалил Хьярриди. — Что вы сделаете там втроем?

— А что сделают там сто или даже тысяча? — парировал Маленький Гном. — Нет, тут, как Фродо в Мордор, — или великой силой, или уж в одиночку...

Фарнак кивнул:

— Не мне вас учить. Если решили, так тому и быть. Я поведу флот в Тарн. Там мы снесемся с королем Эодрейдом.

Фолко с досадой ударил себя кулаком по ладони. Все рушилось! Флот эльдрингов прибудет в Тарн... и тогда, быть может, Рохан все-таки выстоит перед натиском обезумевших хазгов, хеггов, ховраров и прочих обитателей Минхириата... И кто знает, сумеет ли управиться другой командир с отрядом пеших лучников Фолко?

И еще хоббит успел подумать, что убивать тех же несчастных хазгов — нечестно, все равно что больных. Если бы воинская сила Морского Народа помогла остановить войну!.. Если бы дело удалось решить миром!..

— Разумеется, все мы в устье Исены разом не полезем, — добавил Фарнак. — Король же должен двинуть свои войска!.. Из Тарна мы отправим к нему посыльного...

Фарнак говорил что-то еще, но Фолко уже не слушал. Они выполнили свой долг Маршалов Марки, они наняли флот эльдрингов... и теперь оставалось выполнить другой — не дать королю Эдораса нарушить слово. И при этом еще спасти Эовин! Вот нелегкий выбор — жизнь слепо доверившейся им девчушки или королевское слово, нарушь которое — и Рохан, и Энедвэйт щедро умоются кровью. Хотя... кто знает, может, это и к лучшему — не придется участвовать в позорном походе...

«Стыдись! — тотчас же одернул он себя. — Там, в Рохане, заварится кровавая каша... которую тебе — не увиливай! — должно не допустить... А Эовин... — Хоббит чувствовал стыд и боль. — Ты в ответе за нее. И от этого тоже не уйти. Так что же делать? Что выбрать?..»

— Кое-чем я все же помочь смогу. — Фарнак тем временем заговорил уже о предстоящем друзьям пути. — Вы узнаете о Хараде все, что знаю я сам, получите надежного проводника — в моей дружине есть кхандцы, они испокон веку живут с Харадом бок о бок...

— Н-да, дела! — Малыш сплюнул. — Вместо того чтобы гнаться за этими негодяями, мы разводим тут умные разговоры! А из Эовин в это время... — Он осекся. Не буди лихо, пока оно тихо, и не зови беду по имени.

«Нет, я не смогу бросить ее, — со внезапным удивлением подумал Фолко. — Это выше моих сил...»

— Едва ли ей сейчас что-то грозит. — Фарнак со вздохом покачал головой. — Судя по вашему описанию, этот тип и в самом деле — известный в Умбаре работорговец. Про него давно говорили, что он поставляет наложниц дражайшему владыке Харада. Если это так, то Эовин никто и пальцем не тронет. Она должна достаться харадскому владыке в целости и сохранности. Но вот потом...

— Говори уж, чего там потом, — махнул рукой Фолко.

— Поговаривали, что любимое развлечение у харадского владыки — варить молоденьких рабынь в масле на медленном огне, чтобы подольше кричали и мучились.

Торин разразился проклятиями. Фолко побелел. Нет, он останется здесь!..

— Весь наш поход пошел вкривь и вкось с самого начала! Сперва я получил от того хазга, теперь пропала Эовин...

— Но в наших силах еще все поправить, — заметил Фолко. — Если мы отправимся сегодня к вечеру, то, быть может, еще перехватим их в пути...

Когда трое друзей вернулись к себе, Фолко отчего-то — сам не зная почему — потянулся к бережно хранимому питью Старого Энта. В сердце медленно вползало холодное предчувствие, неясное и смутное. Хоббит не находил себе места. Беда с Эовин? Нет, как будто не то... Будь что будет, он попытается! Надо заглянуть... назад? В Рохан? Да! Прежде, чем сделать последний, решающий выбор...

— Собирайтесь пока без меня, — глухо проговорил Фолко. Торин внимательно взглянул ему в лицо и быстро, отрывисто кивнул.

— Правильно, ведь выбирать тебе, брат хоббит. Ты взял Эовин по нашему слову, и на сей раз будет так — куда ты, туда и мы с Малышом. Верно, Строри?

Маленький Гном энергично кивнул...

И вновь, томя душу великой, неоглядной беспредельностью, перед мысленным взором хоббита разворачивались просторы Средиземья. Золотистые пески Харада с крошечными зелеными точками, где вокруг подземных ключей цвела бесплодная пустыня; мрачные горы Мордора — что там сейчас, в Земле Скорби? Голубизна Андуина, мало-помалу оправляющийся после Войны Олмера Минас-Тирит... Громады Белых Гор и зеленый ковер роханской привольной степи... Дальше, дальше, к дремучему Фангорну и окруженному недреманной стражей энтов Исенгарду... Стоп!

Там, северо-западнее Исены и Дунланда, по невидимым отсюда степным дорогам ползли, извиваясь, черные змеи полков. Пешие, конные, на широких боевых повозках с высокими бортами, на громадных волках... Хазги, хегги, ховрары, дунландцы и иные, помельче, чьи названия оставались неведомы, — все они спорым воинским шагом шли на юг и юго-восток — к Исенской Дуге, к рубежу Рохана.

Война в Энедвайте началась, но совсем не так, как виделось королю Эодрейду.

Фолко досмотрел все открывшееся ему до конца. В голове нарастала тупая боль, ломило затылок, жгло глаза, однако он упорно смотрел, пока не иссякли силы — его и Древобородова питья.

— В Рохане война! — огорошил он гномов, едва пришел в себя. — Мир нарушен — и не Эодрейдом! — Фолко, как мог подробно, рассказал об увиденном.

— Ну, может, это даже и к лучшему, — выдохнул Малыш. — Король не нарушил слова...

— Он его все равно нарушил, когда отправил нас сюда, — покачал головой Торин. — И кто знает, быть может, именно это его решение и подтолкнуло Весы...

— Но помыслить еще не значит совершить! — искренне возмутился Малыш.

— Иногда это не так, друг Строри...

— Как бы то ни было, флот эльдрингов придется очень даже кстати, — пожал плечами Маленький Гном. — И все-таки странно ты рассуждаешь, Торин. Сколько ни говори «Пиво!» — во рту оно все равно не появится. Мало ли кто что подумать может!

Торин лишь покачал головой. Лицо его оставалось мрачным.

— Иногда мне кажется... — негромко произнес он, — что и с Олмером, быть может, все обошлось бы, не кинься мы его убивать.

Тут уже подхватился и хоббит:

— Да ты что!.. Нас же сам Радагаст отправил!

— Вот именно. И оттого, что один из Майар приложил к этому руку... все так и получилось.

Малыш безнадежно присвистнул и махнул рукой.

— Хочешь, я тебе за пивом сбегаю, а? Что-то ты у нас заговариваться стал, друг Торин...

Однако тот лишь отмахнулся.

— Ну, зато теперь нам все стало ясно, — пожав плечами, сменил тему Малыш. — В Рохане и без нас справятся. Брего хоть и косноязычнее собственного жеребца, но дело-то знает. А Эовин мы бросить не можем, хотя Эодрейд тогда нас точно проклянет...

— Да пусть проклинает, — отмахнулся Фолко. — Как бы нам самим себя не проклясть, вот о чем думать надо. «Не пред людьми, перед собой будь чист» — кто сказал?

— Да, сказано верно, — кивнул Торин. — Я согласен с Фолко. Эодрейд на нас взъярится... что ж, найдем у кого полками командовать. У Беорнингов или в Королевство Лучников подадимся...

— Чего гадать? — нахмурился Фолко. — Сперва Эовин спасти, а потом уж голову ломать...

— И то верно, — согласился Торин...

Сборы не заняли много времени. Фарнак и его друзья таны не поскупились — достали и выносливых хазгских лошадок, и всего остального, потребного для дальнего и опасного пути через пустыню. Гномы увязывали последние тюки с поклажей, когда в дверь постучали.

Торин, прихватив на всякий случай топор, пошел отворять. Времена, когда можно было крикнуть: «Входи, не заперто!» — давно и безвозвратно миновали.

— Кто?

— От тана Фарнака с приветом и словами: «Я проводник из Кханда!» — И гость назвал пароль.

— Тогда заходи, — откинул Торин запор.

Проводнику пришлось изрядно нагнуться, чтобы не расшибить лоб о низкую притолоку. Высокий, поджарый, узколицый, весь прокаленный солнцем, в просторной белой одежде, с накинутым на голову белым же капюшоном; в движениях его сквозила мягкая, ленивая грация опытного воина, хотя оружие на виду он не носил. Серые глаза эльдринга смотрели прямо и остро.

— Мой тан рассказал о вашем деле, — кхандец неожиданно улыбнулся, блеснув ослепительно белыми зубами. — Это, я вам скажу, по мне! Чем безумнее, тем лучше!

По барханам скачущий — он подобен птице,
Соколу иль кречету голубых кровей,
Ну а кто размеренно едет по дороге —
Так его мужчиною непристойно звать! —

неожиданно продекламировал он. — А зовут меня Рагнур. Так прозвали в дружине — полное-то мое имя куда длиннее... Нам пора в дорогу. Тракт от Умбара до Хриссаады, столицы Харада, я знаю как свои пять пальцев. Не сомневайтесь, выручим девчонку!

Дневная жара спадала, уступая место мягким волнам катящейся с океана прохлады. Четверо всадников миновали ворота Умбара.

Часть II

1732 ГОД. РАЗГАР ЛЕТА

Глава 1

ИЮЛЬ, 14, УМБАР, РЫНОК РАБОВ

Фр-р-ха! — Тан Старх брезгливо кривил губы, оглядывая серую толпу выставленных им на продажу рабов. — Акулья сыть! — бросил он первому помощнику. — Кто их возьмет-то?! В Хараде покупщики ныне разборчивы стали...

— Так иных-то где и взять? — принялся оправдываться помощник. — Вон до чего дошли — уже и ховрарами не брезгуем! Когда такое было?

— Акулья сыть! Было, пока этот болван Скиллудр за Олмером не пошел...

— Вот именно! — поспешил поддакнуть первый. — Бывало, одних гондорских красоток везешь, то ли дело! И барыш, и спокойствие... С руками отрывали!..

— Ладно, не трави душу... — сердито бросил Старх. — Еще и Фарнак этот... проболтались из-за него на рейде, запоздали с погрузкой... Залбул-то уже ушел, говорят, нас не дождался... Кому теперь всех этих дохляков сбывать станем?..

Первый помощник счел за лучшее отмолчаться.

Громадную пыльную площадь невдалеке от городских стен Умбара занимал рынок рабов — ныне одна из главных статей торговли морского города. Тут тянулись длинные серые помосты с многочисленными кольцами — закованных в цепи невольников выгоняли на высокое место для всеобщего обозрения. Болтали, будто там одновременно продают тысяч по десять рабов — да только кто ж считал?..

Старх, по-прежнему кривясь, лишний раз оглядел свой товар. Мало! Две сотни голов — и это у него, первого охотника за рабами среди умбарских танов! И добро бы головы-то еще оказались гондорские или там, скажем, роханские, так ведь нет! Жалкий восточный сброд, отребье, приползшее на Запад, держась за самый край плаща Олмера Великого! Старх глубоко их презирал. Ни на что, кроме как служить двуногим скотом и приносить ему, Старху, звонкую харадскую монету, они не годятся.

В шеренгах стояло сто сорок мужчин и всего лишь шестьдесят женщин. Набег оказался неудачен, кто-то предупредил деревенских обитателей, и большинство успело скрыться. Мужчины — глупцы! — попытались драться. Аккуратно, без лишней крови — труп не продашь, какая с него польза! — Старховы молодцы отрезали сопротивлявшихся от леса, окружили и принудили сложить оружие. Но мужчин-рабов в Хараде последнее время брали плохо. Вот женщины — другое дело. Они могут делать почти всю мужскую работу, а что надрываются и помирают до срока — так не беда, эльдринги новых привезут. И еще одно, немаловажное — бабы склонны бунтовать куда меньше, нежели мужики.

Но и схваченными женщинами Старх недоволен. Молодые да пригожие успели попрятаться, ему достались лишь те, что постарше. Кривясь, точно от зубной боли, тан косился на широкие, плоские лица с высокими скулами и чуть раскосыми глазами. Женщины стояли тихо, покорно, сгорбившись и не отрывая взглядов от помоста. Старх сплюнул. За самую миловидную едва ли дадут больше пяти монет... в то время как за золотоволосых роханских девушек платилось до пяти тысяч! Правда, Старху такие еще не попадались ни разу, о чем он вельми скорбел, однако в открытую подняться по Неоне и напасть на владения Эодрейда не решался.

Тан но привычке практически не слышал буйного многоголосья рынка. Эльдринги-владельцы никогда не расхваливали свой товар сами, этим занимались специально нанятые харадримы-кликальщики, что рвали глотки, призывая почтеннейших покупателей «...обратить свой милостивый взор именно на наших богатырей, красавиц, орлов и не смотреть на лихоманкой траченных трупаков да уродцев, что насупротив выставлены!»

Подобные крики таны давно уже пропускали мимо ушей. Харадримы покупают — вот пусть для них кликальщики и стараются...

Серый, безымянный рыбак из ховрарской деревни стоял в толпе рабов Старха. Ноги его сковывала железная цепь, одним концом прикрепленная к общей для всего «гурта» невольников, и он единственный в вялой, сломленной, сдавшейся на милость победителя толпе смотрел прямо и спокойно. В нем что-то очень сильно изменилось, в этом Сером, после того как он бросился в волны, мечтая покончить наконец с опостылевшей жизнью...

Он не помнил, что было с ним. На мгновение, когда он уже погружался в зеленоватую пучину, перед мысленным взором внезапно мелькнуло лицо воина — сильное, суровое лицо с мощной густой бородою. Он был еще молод, этот воин с притороченным за плечами клинком, но в осанке и облике его чувствовалась привычка побеждать и повелевать. Стоя на мощенном плитами крепостном дворе, воин внезапным движением вырвал из ножен меч — клинок засиял небесной голубизной — и вскинул его над головой, словно подавая знак к атаке...

И, непонятно почему, этот властный призыв — вперед, на врага, не считая потерь! — придал сил тонущему Серому. Руки и ноги против его собственной воли вытолкнули тело на поверхность...

Там его и подобрал корабль Старха.

— И на кой он тебе! — бранил десятник воина, что бросил Серому конец веревки. — Старый да седой — кому он нужен? За него и одной монеты не дадут! Смотри — не продадим, сам тогда за него заплатишь из доли добычи!

— Ничего, старый, да крепкий, — возражал эльдринг. — Смотри, плечи какие! А что седой — то не беда...

Серый не произнес ни слова, очутившись на палубе «дракона». Он молчал, когда его заковывали, молчал все время пути к Умбару, молчал и сейчас, стоя на позорном помосте. И лишь в глазах — прежде бесцветных, а теперь вновь отчего-то становящихся карими — медленно разгорался холодный огонь.

Он вспоминал. Он мучительно вспоминал. Что сказал ему тот воин с голубым клинком? Откуда взялось это видение? Или же то был просто предсмертный бред, странным образом вернувший его, Серого... или нет, его же звали как-то иначе! — к жизни? Он не знал.

Но то, что он не всегда звался Серым, — теперь он ведал точно.

Наконец пожаловал и покупатель. Высокий, высохший, словно жердь, купец, чьи роскошные зеленые одеяния только оттеняли болезненную желтизну лица, неспешно, с достоинством повернул в проход, вдоль которого выстроились невольники Старха. Кликальщики разом утроили усилия, грозя сорвать себе глотки.

Мужчины-невольники остались безучастными. Женщины вытянули шеи — вдруг это покупщик? Серый же — единственный из рабов — взглянул купцу прямо в глаза, взглянул тяжело и пронзительно, так что харадрим споткнулся на ровном месте и пробормотал сердитое проклятие. Старх скривил губы — теперь наверняка не купит... у этих южных варваров споткнуться перед лавкой значит, что товар оттуда принесет несчастье...

Однако на сей раз это оказалось не так. Окинув взором кряжистых, не обделенных силой ховраров, покупатель в задумчивости вытянул губы трубочкой, пошлепал ими и, махнув кликальщику, назвал цену.

Старх изумленно поднял брови. Ну и дела! Все, оптом, и мужчины впервые за много времени дороже женщин! Но он не был бы таном, если бы уступил даже такому выгодному предложению без торга.

— Сейчас, сейчас, — отмахнулся харадрим. Он вновь пристально вглядывался в ряды невольников, пока не столкнулся с горящим взором Серого. Купец невольно сглотнул и поспешил отвернуться.

— Так... я беру. Значит, твоя цена...

Окончив торг, Старх только и мог усмехаться да покачивать головой, гладя ладонью под легким плащом тугой мешочек с золотом. Удачно! До чего же удачно!.. В ушах все еще звенели последние слова странного покупателя:

— Вези больше, тан, нам нужны крепкие молодые мужчины, и женщины, чтобы случать их с мужчинами...

Это уже нечто новенькое! Но стоит ли благородному морскому тану размышлять над причудами грязных варваров? Если у дурака много денег, сделай так, чтобы они оказались у тебя — ты распорядишься ими разумнее...

В тот же день, едва успев запастись провиантом и пресной водой, небольшая флотилия Старха покинула Умбар. И не он один. Харадримы скупили всех выставленных на продажу рабов и всем продавцам говорили одно — везите еще. Везите много!..

Скованные одной длинной цепью невольники пара за парой вытягивались за ворота Умбара. Стража привычно смотрела равнодушными взорами: здесь такое происходило каждый день. Правда, не в таких количествах. С рассвета до заката из города вышло не менее десяти тысяч невольников — такого не случалось еще ни разу, ни во времена расцвета Умбара Корсаров, ненавистников Гондора, ни в те недолгие десять лет, что крепостью владел Морской Народ.

Первый переход. Новые хозяева заботились о купленной собственности: караван двигался ночью, днем укрывшись от палящего солнца в специально устроенном городке из навесов. Разносили в чашках мутную, чуть солоноватую воду.

Тощий купец с двумя коренастыми охранниками оглядывал толпу. Чтобы поддерживать порядок, не хватит и сотни воинов, если сами рабы не начнут смотреть друг за другом. Давно известен испытанный прием — разделяй и властвуй... Наметанный взгляд торговца мгновенно заметил немолодого невольника, отличавшегося гордой осанкой, — он не казался ни забитым, ни подавленным.

Серый выделялся из толпы рабов, как выделяется волк среди дворняг.

— Ты!.. — Палец купца уперся в грудь Серому. — Будешь старшим над караваном. Смотри, если эта падаль начнет помирать раньше, чем мы дойдем до Хриссаады, я оставлю тебя в пустыне одного, связанного, чтобы тобой полакомились песчаники!

Серый молча кивнул. И вновь купец отвернулся, не в силах вынести взгляда презренного, только что купленного им невольника...

Серый взялся за дело.

— Эй, парень! — Его негромкий голос отчего-то заставлял всех остальных немедленно смолкать. — Оставь воду. Ты уже получил свое.

Невольник — самый, пожалуй, крепкий из пленных — глумливо оскалился:

— Ба, Серый! А я-то все гадал, отчего это твоя рожа мне знакома?

Этот раб раньше жил в соседней деревне с Серым. И сейчас, как и принято у ему подобных, намеревался отобрать чашку с водой у какой-то женщины.

— Оставь воду, — повторил Серый, и все окружающие стали отчего-то поспешно отползать в стороны, насколько позволяла длина цепей.

Соперник выпрямился:

— Ты еще будешь тут распоряжаться!..

Серый и не подумал уклоняться. Только весь напрягся — и кулак невольника, вместо того чтобы врезаться ему в скулу, безвольно опустился. Мужик взвыл, схватившись за кисть, — ему показалось, он словно ударил по каменной стене. Серый даже не шелохнулся, и глаза его горели черным пламенем.

— Оставь воду, — в третий раз негромко сказал он, и на сей раз ослушник уже не возражал.

Рабы смотрели на Серого с ужасом. А потом у какой-то женщины вырвалось: «Серый, Серый, спаси нас, Серый!..»

По охваченному отчаянием людскому муравейнику прошла мгновенная судорога. Звеня цепями, люди качнулись к Серому, протягивая руки, из глоток рвался не то стон, не то звериный хрип...

Рыбак остался стоять неподвижно, только глаза разгорались все ярче, и окружавшим невольникам казалось: скажи он сейчас их оковам: «Падите прочь!» — и железные браслеты исчезнут, как наваждение...

Но надсмотрщики тоже не зря ели свой хлеб. Засвистели бичи, замелькали дубинки, несколько лучников наложили стрелы, и дрожащее многотелое существо, многорукое и многоногое, замерло, скорчилось, в ужасе завывая под ударами...

Серый не дрогнул, когда вокруг его плеч обвился кнут.

— Эй, почтенные! — крикнул он (охрана караванов в большинстве своем знала Западное Наречие). — Этого больше не повторится! Уймите свой гнев!..

Трепещущее и скулящее скопище невольников прильнуло к нему, точно птенцы к матери.

Несколькими словами Серый навел порядок. И всем уже казалось: что такого увидели они в этом немолодом рабе, таком же точно, как и остальные?..

Дальше караван двигался в образцовом порядке. Жадные демоны пустыни, всегда собиравшие щедрую дань со скорбных процессий, на сей раз довольствовались подачками...

ИЮНЬ, 28, ПРЕДМЕСТЬЕ ХРИССААДЫ

Две недели шел караван через мертвую пустыню, где властвовали лишь песок, жара да ветер. Дорога вытягивалась серым удавом, от одного оазиса — зеленого взрыва на желтом покрывале песков — до другого. Колодцы попадались редко, и вода в них оказалась изрядно солоноватой.

По обочинам, прокаленные солнцем, щедро набросаны были черепа и кости — останки тех невольников, что так и не дошли до харадской столицы. Сперва на скелеты косились, затем привыкли...

Но потом пустыня мало-помалу зазеленела, постепенно превратившись в травянистую степь. А еще дальше, возле горизонта, засинела узкая полоска — там начинались леса. Больше стало воды; и наконец караван вышел к окраинам города.

На громадном, вытоптанном до зеркального блеска поле, обнесенном высокой колючей оградой, харадримы согнали, наверное, тысяч десять новокупленных невольников. С женщин начали сбивать цепи, мужчин пока держали закованными.

На высокий помост, откуда было видно все заполненное рабами пространство, поднимались люди в дорогих, алых с золотом одеждах. Их было пятеро — все рослые, гордые, при оружии. Вместе с ними появился и старшина надсмотрщиков, что распоряжался в этом загоне для двуногого скота.

— Слушайте меня, вы, велбужий навоз! — крикнул он, слишком хорошо сложенный и красивый для этой работы мужчина, в котором за лигу была видна гвардейская выправка. — В великой своей милости необозримый, как песчаное море, правитель Тхерема, вам ведомого под именем Харад, говорит вам: каждый может заслужить себе свободу и богатство! Слышите — свободу и богатство! Если будете верно служить силе Тхерема!

По неисчислимой людской толпе пролетел ропот.

Надсмотрщик продолжал:

— Мужчинам мы предоставляем выбор — отправиться на золотые копи Тхерема или же вступить в его доблестное, непобедимое войско! Стать настоящими воинами великого Тхерема, навсегда избавиться от рабской доли! А когда падут города наших врагов, каждый такой город будет отдаваться вам на три дня, и все, что вы захватите в нем, станет вашим! Мужчины, вступившие в войско, получат женщин! Каждый сможет стать десятником, сотником или даже тысячником, если будет исправно нести службу! А теперь, кто хочет на копи — за ворота!

Толпа не шелохнулась. Кажется, все перестали даже дышать.

Однако харадским заправилам, похоже, нужны были руки и на золотых рудниках.

Дюжины три стражников с короткими копьями принялись от-

таскивать людей за ворота, выбирая тех, что постарше и не столь крепок. Отчаянные вопли и мольбы воинов ничуть не волновали.

— Я могу, я могу быть воином! — вопил один из несчастных. Потеряв самообладание, он бросился на стражника — и покатился на землю, сбитый с ног тупым концом копья. Даже не посмотрев на него, воины подхватили бунтовщика за ноги и поволокли за ворота.

Другие пробирались все глубже и глубже в толпу: они были смелы, эти харадримы, — рабы, даже скованные, могли просто задавить надсмотрщиков числом.

Пара надсмотрщиков оказалась возле Серого. Рыбак стоял, скрестив руки на груди; один из стражников брезгливо взглянул на немолодого и, верно, никуда уже не годного невольника.

— Грар'д эрмон![1]

Воин грубо схватил Серого за плечо, рывком повернув к себе. И — внезапно замялся, словно пытаясь что-то вспомнить, поднес ладонь ко лбу.

— Иншах'кр эрмон'в, Сатлах![2]

Воины прошли мимо. Серый тяжело вздохнул, гордо расправленные плечи его внезапно ссутулились — он в один миг словно бы постарел на много лет.

— Как тяжело... — пробормотал он, сам, похоже, не понимая смысла этих слов. — Сил совсем нет...

ИЮЛЬ, 30, ОКОЛО ДВУХ ЧАСОВ ДО ПОЛУНОЧИ, ПРЕДМЕСТЬЕ ХРИССААДЫ

— Тьфу, тьфу и тьфу! — Малыш ожесточенно плевался. — Да чтоб его молотом расплющило, этот ветер! И песок! И жару!

— Что, у горнов никогда не жарился? — осведомился Торин.

— Сравнил! — фыркнул Малыш. — Разве ж там такой жар? От него только кровь по жилам быстрее бежит! А этот? Я словно кусок теста на противне!

— Тихо вы! — шикнул на друзей Фолко. — Рагнур же сказала, тут полно стражников. А псы у них за целую лигу слышат, как мышь нору копает!

— Подумаешь! — беззаботно отмахнулся Маленький Гном. Расставшись с полком, тангар вновь отбросил всякую осторожность, превратившись в прежнего беспечного удальца, радующегося любой схватке. — Что мы их, не уложим?

— Да, в голове у тебя точно от жары все помутилось, — заметил Торин. — Ладно, все, молчок!

Они укрывались в негустой рощице неподалеку от предместий Хриссаады. Позади остался трудный двухнедельный путь через

[1] Возьми эту развалину! (*харадск.*)

[2] Да он вовсе не развалина, Сатлах! (*харадск.*)

Харад — окольный, потайной, тревожный. Узкая нить караванной дороги к Умбару петляла среди разлегшихся, словно золотые змеи, песчаных барханов, и вся она тщательно охранялась. Колодцы и оазисы попадались редко, и каждый окружало двойное кольцо воинов.

Если бы не Рагнур, друзья вряд ли достигли бы харадской столицы. Вокруг расстилался совершенно новый, незнакомый ни гномам, ни хоббиту мир, мир раскаленной, безводной пустыни, где безраздельно властвовало только солнце. Не ласковое и дарящее жизнь, а губительное и всеуничтожающее. Идти можно было только ночами.

Но не только солнце, жара и безводье преграждали путь друзьям. Какая-то иная Сила упорно стремилась не пропустить их на юг, норовя раздуть шуточные перебранки в настоящие, до крови, драки, в нелепые беспричинные ссоры по любому поводу и даже вовсе без повода. Удивлялся даже Рагнур.

— Ничего не понимаю, — устало и мрачно бросил он, когда они с Малышом едва-едва не пырнули друг друга ножами. — Что со мной? На меня словно бы давит что-то... Изнутри откуда-то...

— Не только на тебя, — негромко откликнулся Фолко. — На всех нас... и хочу сказать, не только на нас четверых, но и на весь Харад... и Кханд... и Умбар...

Фолко острее всех чувствовал этот напор. Не гнетущую к земле тяжесть, что навалилась на Фродо, когда Хранитель Кольца приблизился вплотную к черной твердыне Саурона, — но словно бы бьющий в лицо ветер, бьющий, а потом пронзающий насквозь и разжигающий в душе незатухающий пожар ярости. Гнев мог прорваться наружу в любой момент, тут уж не спасут никакие талисманы и обереги. Клинок Отрины ожил, но помочь хозяину, видно, не мог уже ничем. Перстень принца Форве, однажды указав хоббиту дорогу на юг, мог лишь направлять их путь, но вот противостоять безумию могла одна только воля.

По мере сил Фолко пытался разобраться в происходящем. При помощи перстня эльфов он старался нащупать средоточие противостоящей Силы, понять, откуда она истекает, и, быть может, кто стоит рядом?

Однако с завидным постоянством повторялось одно и то же видение: свет, слепящий свет, так схожий с тем, что властвовал здесь, в прокаленной пустыне Харада. Свет, в котором тонуло все окружающее, свет, пожиравший даже тени; здесь не было места ни ночи, ни мраку. Для лучей, казалось, не существовало преград, они пронзали насквозь скалы и редкие деревья, стены старой Хриссаады и тот самый холм, на котором засели друзья. И приходилось напрягать все силы, чтобы удержать себя, — каждый поступок друга выглядел оскорбительным, каждое слово — насмешкой, а каждое собственное деяние — единственно правильным и неоспоримым...

Едва четверка покинула Умбар, Рагнур-кхандец, белозубо посмеиваясь, посоветовал друзьям снять и спрятать подальше доспехи.

— Пустыню пройти надобно так, чтобы тебя самый чуткий харадский пес не учуял. Потому как прятаться здесь негде, лесов нет, не то что у нас, в Кханде, или южнее, там, за Хриссаадой. От колодца до колодца нужно пробираться так, чтоб и кони не пали, и стражники не засекли. Ну десяток уложим, а сотня нас все равно повяжет.

Лиха пришлось хлебнуть едва ли не больше, чем за все прошлые походы. Рагнур вел их широкими петлями, заметая, путая следы, выводя к забытым всеми каменным руинам, что подобно обглоданным костям торчали из песчаных волн и где в глубоких подвалах удавалось отыскать колодцы.

— Чьи это города? Кто здесь жил? — допытывался Фолко.

— Земля — исконно харадская. Раньше тут, рассказывают, и лесов было вдоволь, и степей, и реки даже текли — короткие, мелкие, но все-таки реки. А потом... Словно проклял кто эту землю — то ли мордорский былой хозяин, то ли те, что на Закате, за Морем... Короче, поля родить перестали, народ их бросал да новые расчищал. А расчищали известно как — топором да огнем. А когда лес отсюда ушел, за ним следом песок двинулся... Оглянуться не успели — а вокруг пустыня. Ну и ушли. На юге-то, вокруг Хриссаады, земля богатая... Вот с тех времен башни эти и остались...

В старых руинах остались только змеи, да еще мелкие птицы гнездились по верху обрушенных стен. Сквозь рваные раны окон нанесло песка, но под его слоем еще чувствовалась старая, мощная кладка. Пол вымощен громадными гладкими плитами; из любопытства гномы — пока оставались силы — разметали песок. Открылись старые, мощные перекрытия, время так и не смогло сокрушить их. Плиты испещрены непонятными письменами, не Кирит и не Тенгвар.

— Что это? — не удержался Фолко.

— Кто знает? — пожал плечами кхандец. — Письмена мне не знакомы. Да и какое нам до них дело? Хорошо бы колодец не пересох, вот о чем беспокоиться надо!

Фолко долго вглядывался в незнакомые очертания знаков. В них нет легкой строгости рун Феанора, прихотливости гномьих символов; стремительные, округлые, сливающиеся, с многочисленными точками и завитками, они казались застывшим ручейком, окруженным облаком легких брызг...

И вот все позади. А впереди — харадская столица. В отличие от Минас-Тирита и Аннуминаса здесь правители никогда не забывали своевременно подновить укрепления или же возвести новые. Казалось, сероватое рыхлое тело города накрепко перепоясано многочисленными тугими ремнями — коричневые стены пересекали городские кварталы, а в самом сердце, на холме, что господствовал над мутным Сохатом, высился дворец правителя — цитадель, крепость в крепости.

Хриссаада была не так уж стара, ей едва ли минуло более шести сотен лет. По сравнению с Исенгардом, Эдорасом — не говоря уж о Минас-Тирите или Аннуминасе — всего ничего.

По дороге Рагнур много рассказывал о Хараде. Черная воля Саурона подчинила здешних обитателей давным-давно, однако долгое время южные племена жили раздробленно, часто воюя друг с другом, несмотря на запреты мордорского Властелина. Но потом нашелся один из вождей — более сильный или просто более удачливый, — который и объединил всю страну. Тогда, шесть веков назад, он и основал Хриссааду — в трех днях пути от знаменитой Черной Скалы, которой испокон веку поклонялись харадские жители.

— А дерево Нур-Нур? — припомнил хоббит.

— А-а! — Кхандец махнул рукой. — Харадримы все одинаковы. Чего тебе еще? Дурь на этом дереве растет, самая настоящая!

— Дурь — на дереве? — удивился Фолко.

— Это мы в Кханде ее так называем. У Нур-Нур и кора, и орехи, и листья — все с какой-то дрянью. Харадримы эти листья жуют, из орехов отвар какой-то делают, а из коры даже ухитряются что-то добыть — мол, в бою храбрее воинов делает. Да только ерунда все это, по-моему. Наши жизнью рисковали, листьев этих добыли — только провалялись потом три дня, будто крепким вином упившись.

— А... дерево... оно большое? — полюбопытствовал Малыш.

— Здоровенное, — кивнул эльдринг. — Я таких больших, пожалуй, нигде и не видывал. За облака уходит! Вокруг ствола не сразу и обойдешь...

— Гм! — недоверчиво хмыкнул Торин.

— Ты чего? — Рагнур нахмурился — гордый кхандец не любил, когда в его словах сомневались. — Не веришь мне, что ли?

— Да не обижайся ты. — Торин хлопнул его по плечу. — Не бывает в Средиземье таких деревьев! Понимаешь? Ветер такое легко повалит, какие бы крепкие корни ни отрастило. Уж в этом ты мне, тангару, поверь. Нам строить немало приходится, так уж умеем рассчитывать, что и где выдержит, а что рухнет.

— Я сам это дерево видел, своими глазами! — Рагнур с гневом ударил себя кулаком в грудь.

— Тихо-тихо, друг, успокойся. Я ж не к тому, что в тебе сомневаюсь. Магия какая-то в этом дереве должна быть, понимаешь? Так просто эдакие громадины не вымахивают.

— Ну, про магию — это не со мной толковать нужно, — Рагнур махнул рукой, — я во все эти чудеса не верю. Потому как не видел еще ни одного чародея, чтобы бурю, например, мог остановить.

— А мы вот видели, — встрял Малыш. — И бурю остановить, а если надо, то и наслать!

— Это ты о ком? — изумился кхандец.

— Да об Олмере, о ком же еще! — Малыш махнул рукой.

— Ну, Олмер! Олмер Великий — другое дело! Хотя зачем он с эльфами сцепился — утопи меня Отец Морской, до сих пор не пойму. Чем они ему мешали?

— Однако и тан Фарнак их, помнится, не слишком жаловал? — напомнил Торин.

— Жаловал не жаловал — мы на них не нападали. Они на нас тоже. Недаром ведь тан-то наш со Скиллудром к эльфийской гавани не пошел!.. Вот и Олмер... Завоевал бы Гондор с Арнором, потом — Беорнингов... а эльфы сами бы ушли — они ж, бают, и так уплывали? И чего он на них полез? — закончил Рагнур с явным сожалением.

— С кем бы вы тогда воевали, кабы все берега евонными стали-то? — заметил Малыш.

— На службу к нему пошли бы. Он земли тоже обещал, да вот выполнить не успел, эх, жаль... Воевать-то тоже, знаешь, надоедает. Но, — белозубо усмехнулся эльдринг, — пока еще не надоело!

Все осталось позади. Дорога, длинные броски от одного потайного колодца к другому, сторожевые разъезды харадских воинов... Малыш из кожи вон лез от возмущения, когда они, четверо отлично вооруженных и бывалых воинов, лежали в кустах, носами в землю, а мимо и проезжала-то всего лишь жалкая пара дозорных всадников-новобранцев.

— Порубить их — и вся недолга! — выходил из себя Маленький Гном.

— Ты что, Строри, зачем?! — втолковывал другу Фолко. — Что они тебе сделали, мальчишки эти? Мы ж пока с ними не воюем.

— Не говоря уж о том, что дозорных-то мы, конечно, зарубим, да только найдут их быстрее, чем хотелось бы, — продолжил Рагнур. — Тогда не миновать облавы. Погоди, гном, вот доберемся до Хриссаады, придется мечом поработать...

И вот Хриссаада перед ними.

Чужой, дальний предел. Все здесь другое — и небо, и деревья, и трава, и звери... Мир этот незнаком хоббиту, здесь ему вновь придется учиться, а урок должен проверить самый суровый из всех учителей — бой.

Темнело. Рагнур перевернулся на спину и заложил руки за голову. Кхандец недавно вернулся — ходил на разведку в город. Новости по южным базарам разносятся быстро: караван, что вез невольниц для правителя, попирающего золотые моря пустынь, днем раньше достиг столицы. Известие занимало многих торговцев живым товаром, и не без оснований — рабыни, отвергнутые престолодержцем, пойдут с молотка, а северные красавицы издавна ценились в Хараде...

— Все новоприбывшие уже во дворце. Эовин жива, ее видели служанки и, конечно, не преминули растрепать по всему базару. Единственная золотоволосая пленница — спутать ее не с кем.

— Так что же мы тут сидим? — вознегодовал Малыш.

— Не волнуйся, тагнар. Чуток потемнее станет — пойдем. Луны сегодня нет, хорошо.

— А что, по свету войти совсем нельзя? — полюбопытствовал хоббит.

— Нельзя. Гномов тут отродясь не видывали, стража тотчас прицепится: кто такие, да откуда, да предъявите подорожную, да почему отметок постов на Тракте нет... В город лучше проскользнуть незаметно. Там у меня есть где укрыться.

— Потом постучимся в дворцовые ворота и скажем: извиняйте, нам тут одну девчонку забрать нужно? — съехидничал Малыш.

— Примерно так, — ответил Рагнур. — Доверься мне, я хорошо знаю харадримов, и у меня с ними давние счеты. В свое время они прижали нас к Мордорским Горам и едва не искрошили всех до единого. Вожди спасли племя лишь тем, что пали в ноги хозяину Черного Замка и он харадримов приструнил...

— А план дворца? Где искать Эовин? Это ты знаешь? — засомневался Фолко.

— Плана я, конечно, не знаю, — Рагнур блеснул беспечной белозубой улыбкой, — но и не нужно. Будем действовать так...

ИЮЛЬ, 31, ОКОЛО ЧАСА ПОПОЛУНОЧИ, ХРИССААДА, ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЯ

Эовин готовилась умереть. Юная дочь Рохана сызмальства воспитывалась на героических балладах, в которых девы-воительницы, попадая в плен, всегда уходили в смерть от осквернения, стараясь при этом захватить с собой побольше врагов. И Эовин надеялась не отстать.

Всю дорогу за ней бдительно следили. От жажды и усталости умирали другие невольники, а с ее головы не упал и волос. Весь путь от Умбара до Хриссаады она проделала в закрытом паланкине, получая вдоволь воды. Попыталась отказаться — стали поить насильно: харадские работорговцы накопили немалый опыт в этом тонком деле. За девушкой бдительно следили двое слуг, с одним-единственным приказом — не дать особо ценной рабыне, предназначенной для услаждения взоров и чресел Повелителя, покончить с собой. И только здесь, во дворце, среди поражающего обилия безвкусной, кричащей роскоши, она избавилась от докучного надзора.

Эовин поместили в крошечную каморку с зарешеченным окном, всю устланную мягкими коврами. Кроме железной посудины, в каморке ничего не было — совсем-совсем ничего, что хотя бы от-

даленно напоминало бы оружие. Через отверстие в потолке проникал свет. Вместо двери — простая решетка. Внушительного вида стражница, темнокожая баба, шириной плеч не уступавшая гному, вооруженная кнутом и кинжалом, расхаживала взад-вперед по длинному коридору, всякий раз останавливаясь возле камеры Эовин. По-видимому, службой своей эта тетка дорожила.

Тяжелые шаги надзирательницы гулко отдавались в тишине коридора. Невольно Эовин начала прислушиваться — и внезапно вздрогнула, когда перед камерой совершенно бесшумно появилась еще одна фигура. Девушка была потрясена еще сильнее, разглядев новоприбывшего как следует.

По плечам в беспорядке рассыпались темно-русые волосы. Алые губы плотно сжаты. На щеках ямочки — легкомысленные, совсем не вяжущиеся с воинственным обликом гостьи.

Незнакомка была очень молода, быть может, лишь на два или три года старше Эовин. Пришелица казалась смуглой, но это был загар, а не природный цвет кожи. Дугой выгнутые гордые брови, точеные скулы, острый подбородок — она легко могла сойти за рожденную в Рохане или иных северных землях. Легкая белая блуза, белые же широкие шаровары, удобные для езды верхом, на тонкой талии — узкий коричневый пояс. И вооружена до зубов — тонкая кривая сабля, обычная для харадских воителей, пара кинжалов, за плечами — небольшой лук, на запястьях — шипастые боевые браслеты. Но главными во всем ее облике были глаза.

Громадные, черные глаза незнакомки завораживали и пугали. Тьма жила в них, глубокая бездонная ночь, когда не видно ни луны, ни звезд, древняя, первородная ночь, когда и сами небесные огни еще не были сотворены Бардой... Взгляд девушки пронзал, словно отточенная шпага.

Несмотря на все свое мужество, Эовин под этим взглядом почувствовала предательскую дрожь в коленках. Она готова была к встрече с отвратительными палачами, к пыткам, к боли, даже к смерти, но не к дробящему яростному взору.

— Так-так... — на Всеобщем Языке произнесла гостья. — Надо же! Хургуз обошел меня! Старый плешивый велбуд! Ты сама откуда?

Эовин хотела гордо промолчать, но черные глаза подавляли всякую мысль о сопротивлении. Губы пленницы открылись словно бы сами собой:

— Эовин. Из Рохана.

Гостья подняла бровь:

— Вот как? Редкая добыча, клянусь всеми песчаными морями великого Тхерема! Как же Хургуз ухитрился тебя поймать? Никогда не поверю, что этот мешок шакальего дерьма осмелился перейти Харнен!

— Почему я должна тебе отвечать? — Эовин собрала все силы. — Кто ты такая?

— Я? — Девушка рассмеялась. — Меня зовут... впрочем, истинное мое имя тебе знать не обязательно, еще наложишь проклятье, пожалуй... Здесь меня прозывают Тубалой, по-тхеремски это значит нечто вроде «охотящаяся во мраке».

Шаги надзирательницы раздались совсем рядом, и Эовин увидела, как темнокожая стражница склонилась перед Тубалой в низком поклоне. Та ответила лишь легким кивком, точно бывалый капитан новобранцу.

— Я не стану говорить. — Эовин боролась, призвав остатки мужества. — Пусть меня убьют, я буду молчать!

— Ну, тебя так и так убьют, будешь ли ты молчать или, напротив, поразишь всех красноречием. — Тубала равнодушно пожала плечами. — А если тебе удастся упросить меня, то я прикончу тебя быстро и без мучений. Быть сваренной в кипящем масле — это, знаешь ли, очень и очень неприятно. Причем варят тебя медленно, не один час, так что мясо слезает с костей, а человек все еще жив...

Эовин вздрогнула. По телу пробежал озноб.

— Боишься? Правильно. Я ведь тебе не вру. Ну, поговоришь со мной? Обещаю меткую стрелу прямо в сердце еще до того, как тебя начнут пытать. Чем ты рискуешь?

— А если ты соврешь? Мне надо покончить с собой наверняка! — вырвалось у Эовин.

Брови Тубалы сошлись. Несколько мгновений она пристально вглядывалась в глаза невольницы, и той казалось, что ее вот-вот разорвут на части тысячи тысяч незримых когтистых лап.

— О, да ты серьезная девчонка! — медленно протянула воительница, задумчиво потирая подбородок. — Кажется, ты и впрямь готова... Слушай, мне это нравится. Клянусь моим луком, я прикончу тебя в любом случае, и здешние заплечники не коснутся тебя своими лапами. — Тубала сбросила с плеча лук и колчан, усевшись прямо на каменный пол рядом с решеткой. — Но, может, все-таки расскажешь?

— Меня схватили в Умбаре, — нехотя выдавила из себя Эовин.

— В Умбаре? — Тубала вновь подняла брови. — Как ты там оказалась? Это ведь довольно далеко от Рохана!

— Я отправилась туда вместе... вместе с одним... человеком. — Она не собиралась посвящать гостью в историю мастера Холбутлы.

— Ого! — Тубала усмехнулась и поерзала, устраиваясь поудобнее. — Обожаю любовные истории! Ну, рассказывай дальше! Он, конечно же, знатный роханский рыцарь? Твой муж?

Эовин густо покраснела.

— Он и в самом деле знатный роханский рыцарь, — отчеканила она. — Он начальствует над одним из полков короля Эодрейда!

— Начальствует над полком?.. Хм... Брего — косноязычен, его никогда не пошлют в Умбар, да вдобавок он давно женат... Эр-

кенбранд стар и может только пускать слюни... Хама слишком молод, его тоже не отправят к Морскому Народу... Теомунд родом из Анориена, он не знает свободных танов... Эотайн слишком горяч, у Сеорла что на уме, то и на языке — не умеет он скрывать своих мыслей... По всем статьям подошел бы Фрека, но он тоже женат... и недавно... и про невесту его говорили — волосы ее белы как снег... Так кто же у нас остается из Маршалов? Да никого! Так что, мыслю, привираешь ты, подружка...

— Я не вру! — вскинулась Эовин, на миг забыв даже изумление от осведомленности Тубалы в роханских делах. Сама Эовин, конечно, ничего подобного не знала.

Воительница вновь тяжело воззрилась на пленницу. По щекам Эовин потекли слезы, однако она не отвела взгляда.

— Нет, ты не врешь! — с удивлением заключила Тубала. — Так кто же тогда этот роханский витязь? Или он стал Маршалом совсем недавно?

Это был изощренный допрос. Воля Тубалы сковывала сознание Эовин, опутывая его тысячами тысяч цепей; в ушах бился один упорный неотвязный приказ: «Правду! Правду! Правду! Ничего, кроме правды!»

— Какое тебе дело? — простонала Эовин. — Я вижу, ты хочешь что-то у меня вызнать! Не получи-и-и... — И осеклась под пронзающим взором заполненных тьмой глаз. Из горла вырвалось нечто нечленораздельное.

— Вызнать? — Тубала вновь усмехнулась. Казалось, ее жутковатые глаза вообще не способны смеяться. — Да, пожалуй что, и так, девочка. У меня есть к тебе вопрос... а если ответ будет «да»... то обещай мне помочь в одном деле, и тогда, клянусь Черной Скалой Тхерема, я вытащу тебя отсюда! — Даже сквозь темный загар на щеках Тубалы от волнения проступила краска. Она говорила горячо, не таясь, словно и не было вокруг враждебного, полного вооруженной стражи дворца, и не расхаживала по коридору, гремя подбитыми железом сапогами, широкоплечая надзирательница...

— Вытащишь меня отсюда? — невольно вырвалось у Эовин. Как бы то ни было, она еще слишком молода, чтобы умирать!

Тубала молча кивнула.

— Но если ты спросишь меня о нашем воинстве...

— Да помолчи ты, дуреха! Все, что мне нужно, я уже знаю. Смотри мне в глаза! И отвечай правдиво, известны ли тебе гномы Торин, сын Дарта, Строри, сын Балина, и... — голос говорившей задрожал, словно от ненависти, — и такой невысокий человек, что командует полком пеших лучников Рохана, мастер Холбутла?! Отвечай быстро!

— Известны, — сорвалось с языка Эовин прежде, чем она успела в испуге зажать рот ладошкой. — Ой!..

— Ну вот и все, — Тубала медленно вытерла пот со лба, — это я и хотела услышать. Знала... Понятно. Они здесь, в Умбаре? Отвечай!

Черные глаза вновь впились в душу пленницы.

«Но ведь нет ничего страшного в том, что я знала мастера Холбутлу!» — спасаясь от самой себя, беззвучно крикнула Эовин.

— Они в Умбаре?! — рявкнула Тубала, вцепившись обеими руками в решетку.

— Да... — завороженно глядя на нее, выдавила Эовин, и ноги ее внезапно подкосились. Всхлипывая, она осела на пол. Голова раскалывалась от боли, глаза жгло...

— Тебя, значит, украли у них из-под носа... Отлично! — Тубала вскочила на ноги. — Ну что ж, я своего слова не нарушу. Сегодня ночью я тебя выведу отсюда! Еще до рассвета ты будешь свободна!

Она круто повернулась на каблуках и тотчас же скрылась. Обессиленная, измученная девушка, все еще всхлипывая, замерла, скорчившись, на роскошных коврах. Сейчас она могла только плакать.

ИЮЛЬ, 31, ТРИ ЧАСА ПОПОЛУНОЧИ, ХРИССААДА

Стояла густая, непроглядная тьма. Пробираться приходилось чуть ли не ощупью. Малыш даже замотал себе рот какой-то тряпкой, чтобы не ругаться слишком громко, натыкаясь на корни и камни.

Козьей тропкой кхандец провел друзей к подножию одного из защитных поясов города.

— Сложено толсто, да грубо, — шепнул Торин, ощупывая кладку. — Серьезного тарана не выдержит.

— Некому тут с таранами ходить! — шикнул Рагнур. — Тихо все! Давайте за мной...

— Махал! Тут еще и колючки!.. — шипел Малыш, продираясь сквозь заросли.

— Да тихо же, — проговорил кхандец. — Это здесь...

Еле слышно заскрипели разматываемые веревки.

— Крепи здесь. Крюк нашарил?

— Ага. — Торин набросил петлю на вбитый в щель между каменными блоками костыль. Ловко затянув узел, Рагнур бесшумно, точно кошка, скользнул вверх.

— Вторую петлю!.. Так... Есть! Фолко, поднимайся! Торин, готовь ему петлю! Он мне передаст...

Фолко одним движением подтянулся вверх, пальцы нашарили железный крюк. Удерживаясь одной рукой, хоббит принял от Торина веревку, взял ее в зубы и перехватил свисавший сверху конец. Теперь предстояло подняться выше и передать его Рагнуру...

Так, по вбитым в стену костылям, четверо спутников благополучно поднялись на высокий парапет. В идеале он должен был

охраняться, но кому из стражей могло прийти в голову, что злоумышленник сможет одолеть семидесятифутовую стену? Такого не бывало испокон веку... И потому охранники спокойно дремали в сторожевой башенке, дремал и командовавший караулом сотник — вахта на стенах считалась чем-то вроде отдыха.

— Отлично. — Кхандец быстро и ловко сматывал веревки. — Теперь вниз!

— А крюки кто сделал? — Извечное любопытство хоббита вновь взяло верх над осторожностью.

— Мы, — кратко молвил Рагнур. — Разведчики Морского Народа. Крючья заметишь только вблизи — они хорошо подделаны под камень. Ну а про обходы стен понизу здесь и вспоминать забыли...

Спуститься со стены оказалось куда проще, чем подняться. Вниз вела широкая лестница — и никем не охранялась.

Под ногами лежала Хриссаада. Чужой, совсем чужой город. Не хороший, не плохой — а просто чужой. Чужим здесь было все — даже звуки и запахи. Город ворчал и ворочался во тьме, словно огромный пес. Перемигивались тусклые огоньки в узких оконцах; покачиваясь, плыли по улицам факелы в руках ночной стражи; в харчевнях уже готовились к новому дню, город дышал, обдавая друзей ароматами жареной баранины и свежего хлеба пополам с вонью сточных канав, что текли по краям улиц прямо в реку.

— Ну, пошли. — Кхандец легко шагнул вниз.

Несмотря на жару, лишь чуть-чуть ослабленную по ночной поре, четверка лазутчиков облачилась в доспехи. Рагнур с завистью знатока взглянул на дивные, серебристо-переливчатые бахтерцы Фолко и тангаров — сам он носил простую вороненую кольчугу, двойную, на совесть сплетенную, — но, конечно, она не шла ни в какое сравнение с работой подземных мастеров.

— Теперь за мной. В случае чего, как договорились: стоять смирно, ни звука, с дозорными я сам разберусь.

Четверо до зубов вооруженных воинов шли извилистым лабиринтом хриссаадских улочек. Чем ближе к дворцу, тем, естественно, шире и чище становились проезды, выше и наряднее дома.

— В трущобах — безопасней всего, — вполголоса заметил Рагнур. — Стражники туда суются редко, но уж если суются — то настоящей облавой. Нам уже недалеко. День переждем, я осмотрюсь получше — а там и в гости во дворец наведаемся.

Фолко шагал, на треть выдвинув меч из ножен. Годы странствий научили: зачастую исход схватки решает первый удар. Если ты опередишь врага на долю мгновения — то уже можешь выиграть. Хоббит не слишком-то верил словам Рагнура о том, что тот сумеет без крови «разобраться» с дозорными — потому что палящий незримый Свет, Свет, который повел Фолко в это новое странствие, уже давно заливал Хриссааду, намертво вплавляясь в сознание здешних обитателей. Шестым чувством Фолко ощущал разлитый вокруг беспричинный гнев, только и ждущий, чтобы вырваться наружу — неважно на кого — своего же соседа или чужака на рынке...

Мысли Фолко были коротки и точны. Он не позволял себе расслабиться, он держал себя в железных рукавицах — мастер Холбутла, бывалый и опытный командир пеших лучников, давно уж сменил Фолко Брендибэка, мирного хоббита-книгочея, любившего подразнить дядюшку Паладина (мир твоему праху, дядя, — спи спокойно, мы справили по тебе славную тризну...).

Свет, Свет, Свет... Свет — это благо. Как и Тьма. Когда они занимают каждый свое место и не пытаются вытеснить друг друга. Приходит день — и колосятся злаки, трудятся люди, добывают пропитание звери и птицы; приходит ночь — и веки смыкаются благодетельным, несущим отдохновение сном. Набирается сил земля; а люди в вечерней тишине слагают песни — или же любят друг друга, зачиная детей...

— Пришли! — коротко шепнул кхандец. — Вот он, дворец!

— И как мы теперь дальше? — по всегдашней привычке осведомился Малыш.

— Очень просто. — Рагнур обнажил саблю и уверенно, властно забарабанил эфесом в деревянную створку.

Они стояли возле неприметной боковой дверцы, наверное, какого-нибудь черного хода из дворцовых поварских или кладовых. Некоторое время на стук никто не отзывался — и тогда Рагнур бросил несколько громких ругательств по-харадски.

Это подействовало. В двери открылось небольшое застекленное окошечко, мелькнул тусклый свет лампадки. Сонный голос что-то недовольно спросил — очевидно, «кто такие?».

Начальственным раскатам Рагнурова голоса позавидовал бы, наверное, сам распорядитель дворцовых шествий. Так или иначе, дверь приотворилась — ровно настолько, чтобы кхандский разведчик мгновенно смог ткнуть туда саблей. Хрип, бульканье — и звук рухнувшего на пол тела.

— Торин!

Дверь была заперта на внушительной толщины цепь, отомкнуть которую можно было лишь изнутри и когда створка полностью закрыта. Гном коротко взмахнул топором — и мифриловое лезвие, сработанное в дьюринском горне, напрочь снесло ушко запора.

— За мной! — бросил Рагнур.

Они перешагнули через распластанное тело стражника.

«До чего же легко мы стали убивать...» — невольно подумал Фолко, глядя на застывшее, искаженное недоумением и болью лицо злосчастного воина, совсем еще мальчишки, безусого и безбородого.

— Фолко! Не отставай!

Они очутились в низком сводчатом помещении. Это и впрямь был какой-то склад: по углам громоздились мешки, кули и тюки. Скупо светила единственная масляная коптилка; в дальнем конце — еще одна дверь, и за ней — ступени наверх.

Теперь им нужен был проводник. Даже Рагнур не мог знать, где держат невольниц харадского правителя.

Лестница вывела на второй этаж. Стало светлее — здесь висели уже настоящие лампы, поярче. Стены задрапированы пестрыми ало-черно-желтыми гобеленами с такими картинами, что Фолко не выдержал — покраснел.

— Все правильно, — шепнул кхандец. — Это коридор, что ведет в Зал Удовольствий правителя... За мной!..

Пост охраны ждал их за первым же поворотом. Похоже, для Рагнура эта встреча была полной неожиданностью — кхандец растерянно замешкался. Вместо разжиревшего гаремного служки друзья столкнулись с четырьми вооруженными с ног до головы воинами из личной гвардии правителя...

Фолко сам не мог упомнить, как меч оказался у него в руке, и тело, повинуясь инстинкту, выбросило клинок вперед в глубоком выпаде. Меч, острие которого Фолко отточил поострее знаменитых кхандских шпаг, скользнул по чешуйчатой броне стражника, лишь слегка оцарапав тому горло.

Тишина тотчас взорвалась. Лязг оружия, хриплый рык, изумленные вопли — все смешалось на миг. Несмотря на неожиданную атаку, харадримы не растерялись. Один из них прыгнул к веревке сигнального колокола, трое других спина к спине вступили в бой.

На мгновение хоббита окатила горячая волна стыда. Как он мог промахнуться?! И прежде, чем его противник успел удивиться тому, что с ним сражается какой-то недомерок, Фолко с неожиданной силой отвел в сторону саблю стражника и, разворачиваясь, что было мочи ударил, целясь в щель между низким шлемом и верхом кольчужной рубахи...

Мифриловый клинок рассек кольца капюшона, подбородок и нижнюю челюсть стражника. Захлебываясь кровью, тот повалился, и Фолко тотчас опустил меч сзади на шлем харадрима, схватившегося с Рагнуром.

Еще несколько мгновений спустя все было кончено. Стражника, что рванулся к заветной веревке поднять тревогу, зарубил Торин, его топор с такой силой врезался в шлем воина, что железо вмялось глубоко в череп. Малыш четко, словно на занятиях, вогнал дагу в горло своему противнику, и в живых остался только один часовой, оглушенный ударом Фолко.

— Быс-с-стро! — прошипел Рагнур, его лицо дергалось. — Показывай дорогу... О, проклятье! — И он перешел на харадский.

Едва пришедший в себя, стражник очумело хлопал глазами; соображать его заставил лишь кинжал под подбородком. Он торопливо, подобострастно закивал и потрусил по коридору. Рагнур заломил ему руку за спину, а Торин держал клинок возле горла пленника.

— Я сказал ему, что если он заведет нас не туда, то умрет первым, — перевел на Общий Рагнур.

— Запоминаем дорогу назад! — бросил Малыш, отсчитывая спуски и повороты.

Времени оставалось мало, очень мало: когда обход наткнется на трупы или когда выбравшийся на шум дотошный прислужник увидит плавающие в крови тела?

ИЮЛЬ, 31, ЧЕТЫРЕ ЧАСА ПОПОЛУНОЧИ, ХРИССААДА, ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЯ

Эовин сжалась в уголке камеры, точно мышка. Неужели Тубала и в самом деле ее спасет? Неужели?.. Кто эта странная воительница, девушка старалась не думать. Не давало покоя иное: а ну как она навела на след мастера Холбутлы самого настоящего убийцу? Саблю-то Тубала носить умеет...

В коридоре сменилась стража. Теперь взад-вперед по длинному коридору невольничьей тюрьмы выхаживала иная надзирательница — правда, со столь же монументальной фигурой. Всякий раз, проходя мимо Эовин, стражница окидывала ее пристальным холодным взглядом.

— Ну вот и я. — Эовин вздрогнула, не сдержавшись. Перед решетчатой дверью ее камеры стояла Тубала — слегка запыхавшаяся, точно после бега. В руке ее позвякивало кольцо ключей. Нимало не смущаясь присутствием надзирательницы, воительница отомкнула замок.

— Выходи, — скомандовала она Эовин.

«Неужели у Тубалы все так и получится — легко и просто?» — успела подумать Эовин за миг до того, как, заметив неладное, нечеловеческим голосом заверещала стражница.

Тубала с легким шорохом выхватила саблю.

Но охранница и не собиралась сражаться. Сверкая пятками, она бросилась прочь, туда, где из дыры в потолке свешивалась толстая веревка, выкрашенная в алый цвет.

Что-то зазвенело, потом негромко щелкнуло, свистнуло в воздухе — и надзирательница словно сломалась пополам на бегу; обхватив руками пробитую навылет шею, она зашаталась и рухнула. Грянули о камень и не спасшие хозяйку доспехи.

Тубала опустила небольшой изящный арбалет. Не торопясь, перезарядила его и кивнула Эовин:

— Пошли. Тут еще пара постов будет, так что ты иди — руки назад, голова опущена — пусть думают, что я тебя к правителю веду... Что это?!

Под сводами разнесся тревожный гул большого колокола. Затем последовал еще один удар, потом еще и еще... Эовин с замиранием сердца увидела, как ее спасительница досадливо закусила губу.

— Не может быть!.. Откуда?.. Бежим! — Последнее относилось уже к пленнице.

Однако скрыться они уже не успели. В дальнем конце коридора распахнулась широкая решетчатая дверь, и не меньше дюжины дворцовых стражников с саблями и короткими копьями ринулись внутрь. Увидев распростертую на полу надзирательницу, они дружно бросились вперед: им казалось, что причина тревоги — вот, перед ними.

Самый шустрый получил стрелу в прорезь шлема и, коротко взвыв, покатился под ноги остальным воинам; рвущиеся за наградой стражники попросту затоптали упавшего.

— Бежим!

Путь через дверь в противоположном конце коридора, казалось, был пока еще свободен.

— Держи! — Тубала сунула в руки Эовин длинный кинжал. — Живой я им все равно не дамся!

Они вихрем промчались сквозь незапертую дверь; Тубала на миг задержалась, чтобы задвинуть запор (открыть его можно было лишь с их стороны, так что преследователи оказались бы в западне) — когда впереди внезапно послышался тяжелый топот. Казалось, там мчится целый табун. Эовин успела заметить яростный оскал Тубалы, та вновь поднимала арбалет — и тут из-за угла вывернулись четверо — те, которых Эовин никак не ожидала здесь увидеть, хотя безумная надежда еще теплилась где-то глубоко, очень глубоко в сердце...

— Нет! — взвизгнула девушка, бросившись к Тубале, но поздно. Воительница уже нажала на спуск — однако стрела, дзинькнув, бессильно отлетела от сверкающей брони гнома Торина.

Добежавшие воины с ревом дергали запертую решетку.

Тубала замерла, глаза ее остекленели. Казалось, ее взору предстали выходцы с того света. Точно завороженная, она глядела на появившихся перед ней хоббита и гномов, и рука ее судорожно шарила по бедру, не находя сабельного эфеса...

— Эовин! — вскричал Фолко, хватая девушку за руки. — Давай скорее отсюда! Она с тобой? — Он кивнул на Тубалу.

— Она спасла меня! — выкрикнула Эовин.

— Куда?! — прохрипела Тубала. Глаза ее блуждали, словно у безумной.

— Отсюда! — гаркнул Торин, хватая ее за руку. Воительница, похоже, была настолько поражена встречей, что даже не сопротивлялась.

Вшестером они бросились обратно. Еще одна короткая яростная схватка на лестнице — оправившись, Тубала гневно вырвала

руку из лапищи Торина, перезарядила арбалет, и ее стрела уложила капитана стражи, командовавшего засадой.

Во дворце уже стоял страшный переполох. Вовсю били тревогу бесчисленные колокола, с воплями метались люди, сломя голову бежали куда-то шестерки и четверки стражников... Оставив после себя семь мертвых тел, беглецы вырвались на свободу.

Теперь их вел Рагнур. Несколько поворотов, малоприметный дворик, заваленная мусором крышка люка в дальнем углу — и темнота подземелья.

Только здесь они смогли перевести дыхание.

— Чего мы ждем? — первым опомнился Малыш. — Надо уносить ноги, пока не проснулась стража на стенах!

— Сейчас. — Рагнур снял шлем, отирая обильный пот. — Сейчас они погонят подкрепления к воротам; как только у нас над головой протопают — выходим!

Тяжело дыша, они приходили в себя. Эовин блестящими от слез глазами вглядывалась в темноту, стараясь рассмотреть друзей — они не бросили ее... пришли за ней... пришли выручать, рискуя жизнью... нет, не зря говорили, мастер Холбутла у нашего короля Эодрейда — самый смелый!

— А ты кто такая, дева-воин? — елико мог галантно осведомился Малыш. В темноте подвала не было видно ни зги.

— Я? — хрипло отозвалась Тубала. — Я...

— Ну да, ты! Что меня касается — так я Строри, сын Калина, гном Лунных Гор... точнее, бывший гном с Лунных Гор, потому как давненько уже там не бывал. А ты кто и почему спасла Эовин?

Девушка внезапно ощутила, как горло ее сдавила железная длань Тубалы — силой она едва ли уступала зрелому мужчине.

— Молчи-и-и, хочешь жить — молчи-и-и, — тонко-тонко выдохнула она прямо в ухо Эовин. Шеи девушки коснулось холодное острие.

И тут над головой и впрямь, как предсказывал Рагнур, затопали бегущие ноги.

— Десятка три, — заметил кхандец, вставая. — Пошли! Нечего рассиживаться!

— Дай руку, Эовин, — негромко произнес Фолко. Он чувствовал: в подземелье начинала копиться душная ненависть. Кто-то здесь очень сильно ненавидел его, Фолко Брендибэка, — и это ему совсем не нравилось. Предупреждая об опасности, сильнее обычного толкнулся в грудь кинжал Отрины. И еще — хоббит чувствовал страх Эовин, страх не за себя — за кого-то иного...

Казалось, Тубала растерянна и не знает, что предпринять. Фолко шагнул на тонкое, прерывистое дыхание Эовин, осторожно протянул руку... и коснулся чужого локтя, облитого мелким кольчужным рукавом. Локоть этот располагался так, словно бы к горлу Эовин было поднесено оружие...

Не теряя ни секунды, Фолко рванул руку на себя. Тубала яростно зашипела, точно рассерженная кошка, — однако хоббит уже кричал гномам:

— Сюда!

Меч рванулся вперед. Острие уперлось в шею Тубале. Все действие разворачивалось в полной темноте — и Фолко мог лишь поразиться, насколько же хорошо эта странная воительница видит в кромешном мраке!

Хоббит действовал по наитию, как всегда в минуту опасности. Он не тратил время на разговоры. Он *точно знал*, что рука Тубалы сжимает поднесенный к горлу Эовин кинжал, — и некогда было разбираться что, зачем, почему... Он сделал то единственное, что, по его мысли, обязан был сделать. Наверное, потом Тубала смогла бы оправдаться, упирая на то, что все это-де, мол, чистая случайность — но там, где бессильны доказательства словесные, можно опираться и на иные.

Подоспели гномы — и Тубалу скрутили. Рука Фолко нашла крепкую ладошку Эовин.

— Потом с ней разберетесь, с бесноватой этой! — торопил Рагнур. — Быстрее, иначе все пропадем!

— Ох и сильна ж! — пропыхтел Малыш — они с Торином едва-едва удерживали бешено вырывающуюся Тубалу.

— Брось ее! — резко скомандовал кхандец. — Эовин с нами — что еще нужно? Ходу теперь, ходу!

— Не-е-ет, вы от меня не отделаетесь! — взвизгнула Тубала, забыв всякую осторожность. — Не отделае-е-етесь!!!

— Постойте! — запоздало крикнула Эовин. — Она же спасла меня!..

Малыш и Торин, собрав все силы, отшвырнули воительницу и ринулись наверх.

Крышка захлопнулась перед самым носом обезумевшей Тубалы. Рагнур, крякнув, задвинул ржавый запор.

И был бег по ночному городу, заполошные вопли со всех сторон, мечущиеся факелоносцы; никто из харадских воинов не мог толком понять, что происходит; в суматохе маленькому отряду удалось перемахнуть через стену.

Они остановились, лишь когда от города их отделило около лиги. Здесь, спрятанные в зарослях, спокойно стояли кони.

Эовин сжала зубы, изо всех сил стараясь не дать волю слезам.

— Ну, а теперь рассказывай! — нетерпеливо потребовал Малыш. — Что это за чудо с тобой вместе оказалось?

— Она спасла меня, — всхлипнула Эовин. — Спасла, убила тюремщицу, открыла камеру...

— А зачем же тогда грозила тебе смертью? — удивился Фолко.

— Она... Она... — И Эовин, не выдержав, поведала все.

— Искала нас?! — выслушав рассказ, воскликнул Фолко. — Искала нас? Зачем?!

Эовин шмыгнула носом:

— Н-не знаю... Но мне показалось — в сердце ее чернота...

— Понятно, — буркнул Торин. — Искала нас, чтобы выпустить кишки. Вот только отчего, кто бы сказал?

— Стоит ли голову ломать? — Малыш равнодушно пожал плечами. — Что, мы мало кому поперек дороги становились? Вон, хоть Брего того же возьми...

— Ага, и Третий Маршал Марки отправил за нами в Харад наемного убийцу! — усмехнулся Торин.

— Какая разница — кто! — сплюнул Малыш. — До него нам пока не добраться. А дальше видно будет. Что-то отвык я надолго вперед загадывать... Нам бы теперь ноги из Харада унести — и то ладно.

— Унесем, — заверил его Рагнур. — Как пришли, так и уйдем. Кстати, не слишком ли мы здесь подзадержались? Пора по коням!..

В зарослях раздался негромкий свист. И в сознание Фолко тотчас же хлынул ядовитый туман тревоги.

— К оружию! — только и успел выкрикнуть он — уже не таясь, в полный голос. Кусты вокруг затрещали; сквозь них ломилось не меньше двух десятков харадских воинов. В полумраке хоббит успел разглядеть только высокие островерхие шлемы.

Злобным лаем залились пущенные по следу, хорошо обученные псы.

Некогда было удивляться, каким образом харадримы сумели так быстро и ловко обнаружить маленький отряд, надежно, казалось бы, затерявшийся во мраке жаркой южной ночи...

Лунный свет тускло блеснул на лезвии топора — Торин спокойно поднял оружие, уже отыскивая взглядом первую жертву, того смельчака, что рискнет шагнуть в гибельный круг.

Однако харадримы особо не спешили. Слышался топот множества ног, резкие команды — со стороны города явно двигалось подкрепление.

— На прорыв, — тихо, одними губами произнес Фолко, и товарищи поняли его.

Эовин оказалась прикрыта со всех сторон спинами своих спутников.

— Не отставай, — только и молвил ей хоббит. В следующий миг они сами бросились на уже торжествовавших победу поимщиков.

Обманув великана южанина ложным замахом, Малыш спокойно, словно забава предстояла ему, а не смертный бой, вогнал отточенное даго прямо в сердце воина. И такой силы был этот удар гнома, что добротно сплетенная кольчуга не выдержала, — а может, помогло отчаяние?

Прорыв мгновенен, скоротечен, бешеная пляска клинков, звон, скрежет — и вот уже перед глазами хоббита распахнулась спасительная чернота ночи. Позади орали и вопили харадримы,

ярились псы, стонали раненые — а впереди была ночь, одна только ночь, и полы ее плаща уже смыкались за спинами беглецов, оберегая надежнее любых доспехов. Рагнур, не оборачиваясь, швырнул через плечо пригоршню какого-то сухого снадобья, потом еще раз и еще — сбивал ищеек со следа.

Фолко и его спутники уходили прочь от города. Заросшие редкими раскидистыми деревьями холмы тянулись далеко на юг и на восток. Беглецы оторвались от погони. Эовин, прирожденная всадница, оказавшись в седле, разом забыла и плен и усталость — гномы едва поспевали за ней.

— Отлично! — выдохнул Малыш, когда Рагнур наконец скомандовал привал. — Чистая работа, тангары!

Иногда, в особо хорошем настроении, Маленький Гном обращался к остальным так, словно все они принадлежали к расе Подгорного Племени, — небывало высокая честь, особенно если знать, как ревностно относятся гномы к родству и собственному языку — даже Фолко, десять лет пространствовав бок о бок с Торином и Строри, знал из этого Тайного Наречия слов пять-шесть, не больше, да и то бранные.

— Мы оторвались? — спросил Фолко у кхандца.

Собственное чутье подсказывало, что да, погоня заплутала где-то в лесистых холмах и по крайней мере до рассвета, пока не выпущены на поиски специально обученные кречеты, им опасаться нечего. Но что скажет рожденный невдалеке от этих мест?

— Оторвались, — кивнул Рагнур. — Почтенный гном прав — чистая работа. Но и крепки же вы драться, досточтимые! — В голосе воина скользнула завистливая нотка, нотка белой зависти опытного бойца к более умелому, у которого не зазорно поучиться. — То-то я, помнится, дивился, когда слышал россказни про вас троих... А теперь вижу — не врал народ. Хоббит хоть и тонок, а не перешибешь и тараном! — Он засмеялся.

— Спасибо, — усмехнулся Фолко. — На добром слове спасибо, но и я тебе, почтенный Рагнур, так скажу: кабы не твое снадобье, погоня у нас на плечах бы висела...

— Это точно, — легко согласился кхандец, и они с хоббитом рассмеялись. В самом деле, что выхваливаться друг перед другом? Один без другого все равно бы пропал...

Гномы тем временем обихаживали Эовин. Девушка не дрогнула в жестокой схватке — и только теперь, когда опасность осталась позади, ее затрясло. Однако она оставалась прежде всего Всадницей — и первым делом напустилась на Торина за неправильно наложенную упряжь.

— Если она холку собьет — как отсюда выберемся? — сердито выговаривала она тангару, ловко управляясь с ремнями и пряжками. — Смотри, вот как надо... Так, так и вот так...

Торин и Малыш внимали с видом самых усерднейших учеников, и понятно — по их настоянию Эовин оказалась в отряде, и их долг теперь — сделать так, чтобы она поскорее забыла все ужасы плена...

Они настолько осмелели, что даже развели костер. Рагнур выудил из недр седельной сумки чертеж харадских земель:

— Мы сейчас, скорее всего, здесь... Удачно, скакали-то мало что не наугад... Застав поблизости нет. На рассвете двинемся к северу.

Фолко кивнул. Его мысли уже занимало другое: они оказались на дальнем Юге. Не удастся ли отсюда магией эльфийского перстня дотянуться до источника неведомого пламени?

Эовин, устав распекать гномов, тихонько устроилась возле огня, не сводя с хоббита внимательного взгляда.

Сосредоточившись, Фолко смотрел на дивный камень. Мысли послушно уходили; мотылек в перстне оживал, готовясь вырваться на свободу...

Но едва хоббит поднял взгляд — как в зрачки ударил обжигающий поток яростного пламени. Фолко едва не закричал от боли — чувство было такое, словно он смотрит на солнце широко раскрытыми глазами, смотрит — не в силах зажмуриться...

Вмешалась его собственная воля: это ведь не солнце, сказал он сам себе, превозмогая боль. Ты должен бороться и выстоять. Иначе... Может, все окажется еще хуже, чем с Олмером.

Огонь был близок. Фолко ощущал его полыхающее сердце, что билось мерными тяжелыми ударами. Билось на земле...

Да, да, на земле — потому что сквозь пелену невольных слез Фолко видел неясные очертания каких-то гор, холмов, долин; лишенные цвета, они казались песчано-серыми в яростном белом огне. Не морок, не обманный мираж — а настоящая, грубая земная твердь.

Огонь жег, казалось, самую его душу, навсегда, намертво вплавляясь в нее. Боль в обожженных глазах становилась все сильнее, все труднее и труднее становилось терпеть ее — а вдобавок вдруг заныл старый ожог на левой руке, — ожог, оставленный на память темным Кольцом Олмера. Боль в руке заставила хоббита вернуться назад, в обыденный мир, где над головой сверкали яркие южные звезды, где вокруг расстилалась ночь и, точно соревнуясь друг с другом, неумолчно орали местные кузнечики.

Фолко окончательно пришел в себя, кто-то изо всех сил тряс его за плечи.

— А... Эовин, оставь! — выдавил Фолко. — Я в порядке!..

— Да он же бледен как смерть! — выкрикнула девушка куда-то себе за спину, обращаясь, очевидно, к гномам.

— Да ничего, ничего, оклемается! — пробасил Торин. — Это он специально...

— Хлебнуть ему вот этого дай, — раздался голос Малыша, и возле губ Фолко оказалось горлышко фляги.

Хоббит хлебнул — терпкое, ароматное вино, одному Малышу

ведомыми путями добытое в Умбаре и, похоже, гондорское довоенной закладки. Что теперь на месте тех виноградников, лучше и не вспоминать...

Фолко сел, протер слезящиеся глаза. Боль в руке постепенно утихла, и это было самым весомым доказательством того, что все привидившееся ему — не горячечный бред.

Сидя рядом на корточках, гномы пристально взирали на хоббита.

— Ты... что-то... видел? — запинаясь, выговорил Торин.

— Видел, — вздохнул Фолко — глаза слезились немилосердно, все казалось туманным и нерезким. — Видел и... похоже... знаю, где искать этот огонь.

— Как?! — разом воскликнули Торин и Малыш. — Знаешь, где искать?!

Эовин недоумевающе глядела то на одного, то на другого. Рагнура всякие там огни и прочая чепуха не занимали вовсе — и кхандец даже не прислушивался к разговору спутников. Сидел, вострил саблю...

— Да... еще южнее Харада. Там горы... очень высокие... и как будто бы море неподалеку, — припомнил хоббит, с усилием извлекая из памяти опаленный белым пламенем серый берег; рядом тяжело плескались такие же серые, безжизненные волны, словно и не вода это вовсе, а какая-то ядовитая слизь...

— Горы? Южнее Харада? — встрепенулся Рагнур, разобрав последние слова Фолко. — Есть такие! Мы их Хребтом Скелетов зовем. Там в незапамятные времена какая-то бойня случилась... Кто, с кем, для чего — один Морской Отец ведает, если, конечно, в те края хоть раз заглядывал.

— А почему Скелетов? — полюбопытствовал хоббит.

— Так ведь там костяков этих валяется — видимо-невидимо. Целые орды, верно, полегли. И оружия много — старого, очень старого. Оно и понятно — в пустыне железо ржавеет медленно, не то что у нас, на море...

— Горы... — задумчиво протянул Фолко. — А за горами...

— А за горами — река Каменка... И Нардоз — наш Нардоз. Стоит... вернее, стоял. — Кхандец сжал кулаки. — Еще южнее — Молчаливые Скалы... И — Дальний Юг.

— Перьерукие! — выдохнул хоббит. — Это их владения...

Рагнур кивнул:

— Тан рассказывал мне — перед тем, как послать к вам... Говорил — вы видели пленника тана Вингетора?

— Угу, — отозвался Торин.

— И что — действительно перьерукий?

— Самый что ни на есть расперьерукистый перьерукий! — уверил кхандца Малыш. — Ну, конечно, перья у него не как у орлов Манве... но тоже есть. Вождь, говорят...

— Чудеса, да и только. — Проводник развел руками. — С такими мы еще не дрались... но это даже и к лучшему! Интереснее будет...

Для Рагнура война все еще была забавой, смертельной и кровавой игрой, в которой ставка — смерть, и это лишь подогревает азарт воина...

— Ну, нам пока не к перьеруким — а в Умбар, — заметил Малыш. — Или кое-кто уже собрался к этим, как их, Горам Скелетов? — проницательно добавил он, окинув внимательным взглядом лица Торина и Фолко.

— Не забывай, для чего мы отправились сюда, — напомнил другу хоббит.

— Превеликий Дьюрин! — застонал Малыш, обхватив голову руками. — И за что только — неужто за одну невинную любовь к пиву! — ты послал мне этих безумцев в друзья и спутники? Они вечно лезут в самое удобное для потери голов место — и мне приходится, хочешь не хочешь, тащиться следом, потому что должен же быть с ними хоть один здравомыслящий тангар!

— Ну-ну! — Торин только отмахнулся, давно привыкнув к причудам сородича.

— Кто-то должен помочь Эовин добраться до Умбара, — непререкаемо заявил Фолко. — И слушать ничего не хочу! Один раз ее уже украли... не хватало, чтобы теперь просто убили, если нас таки нагонят! Слышите, вы, тангары?!

— Я не пойду! — Эовин вскинулась разъяренной кошкой. — Ни за что!..

— А как ты себе это мыслишь, друг хоббит? — невинным голосом поинтересовался Торин, с преувеличенным интересом рассматривая лезвие своего топора. — Что один из нас бросит остальных и потащится в Умбар? А там будет попивать себе пивко в местных тавернах — прескверное, надо сказать, его и пивком-то назвать нельзя! — давить мух да громко жаловаться на скуку? Неужели ты обречешь одного из нас на такую пытку, ты, наш давний друг?!

— Торин, — внутри у хоббита все кипело, — ты понимаешь, что Эовин здесь оставаться нельзя?! Или в твоей тупой гномьей башке от неумеренного потребления пива уже вконец помутилось.

Торин побагровел, на скулах тангара заходили желваки, а громадные кулачищи сжались. Таким Фолко видел его только перед самыми жестокими битвами.

— Да что ты возомнил о себе, ты... — начал было гном, и, наверное, все кончилось бы нешуточной дракой — если бы хоббит не овладел собой.

— Торин, опомнись! Это же то самое безумие, что и у харадримов, и у перьеруких! Понимаешь, нет? Малыш, помоги!

Маленький Гном действовал, как всегда, быстро и не раздумывая. Схватив котелок с водой, он в одно мгновение опорожнил его

за шиворот Торина. Тот взревел, словно десять балрогов сразу — так, что Рагнур, скривившись, повис у него на плечах, самым невежливым образом пытаясь заткнуть ему рот.

— Обезумел ты, гном! — зарычал кхандец в самое ухо Торина.

На рычащем тангаре повисли Рагнур и Малыш; миг спустя к ним присоединился Фолко. И — то ли вылитая Строри вода и впрямь подействовала отрезвляюще, то ли еще что, но Торин вдруг как-то обмяк, уронил руки и перестал вырываться.

— Все, друзья, все. — Он провел по лицу широченной ладонью, словно снимая липкую отвратительную паутину. — Уже прошло... Ух!..

— Нам нельзя ссориться — неужто еще кто не понял? — с досадой заметил Фолко. — Да, на нас эта штука действует слабее — но действует все равно. И мы запросто перережем друг другу глотки, если начнем спорить по каждому поводу...

— Вот именно, — подхватил Малыш. — Так, может, ты тогда и уступишь?..

Эовин умоляюще смотрела на хоббита. Тот, не выдержав, отвел взгляд.

— Эовин... Мы через многое прошли, мы странствуем и воюем уже десять лет... У тебя пока нет ни сил, ни опыта... Нам придется все время думать не о том, как исполнить наш долг — добровольно принятый, — а как уберечь тебя от опасностей. Я совершил тяжкую ошибку... Там, еще в Рохане... Когда согласился, чтобы ты отправилась с нами...

— Если вы спорите, кому возвращаться в Умбар с достославной воительницей Эовин, то это могу быть я, — спокойно заметил Рагнур. — Мой тан приказал мне помочь вам выручить ее — и вернуться обратно. Приказа идти с вами в дальний Харад я не имею — а вы знаете, как строго карают у нас за неисполнение слова тана, которому я присягнул добровольно и служу без принуждения...

— Иными словами, ты трусишь, — чистя ногти кончиком кинжала, спокойно заметил Малыш. В следующий миг виснуть на плечах кхандца пришлось уже Торину и Фолко — вместе с Эовин.

— Друзья, друзья! — с отчаянием вскричал хоббит, когда мокрый Торин привел Рагнура в чувство тем же самым образом — опорожнив второй котелок.

— Кто бы за водой сходил — кончилась, а то, чувствую я, мы сегодня все друг друга пообливаем, — невозмутимо заметил Малыш.

Рагнур, отфыркиваясь, точно кот, полез в мешок за сухой одеждой.

— Верно, — заметил он, разворачивая рубаху. — Верно, брат Фолко, — мы и впрямь друг друга поубиваем... Потому что и в самом деле — каждое слово поперек — теперь словно плевок в лицо...

— Так ты понимаешь теперь, зачем мы идем в дальний Харад? — в упор спросил Торин.

— Не понимал... пока на себе не почувствовал, — криво усмехнулся кхандец, освобождаясь от доспехов.

— Ну, видишь, нам без тебя — никак? — настаивал гном. — Это не северные земли... тут даже трава другая!

Рагнур опустил голову. Кхандец тяжело дышал, лоб его в лунном свете блестел от пота.

— Постой, постой, Торин! — спохватился Фолко. — Ежели так, то кто же отведет Эовин в Умбар?

— Никуда я не пойду! — вновь выпалила девушка. — Один раз они меня схватили, но, клянусь Эовин Великой, чье имя я ношу, — второй раз у них такое не пройдет! Да и что может быть лучше — погибнуть в бою за правое дело?!

— Ох уж мне эти девчонки, наслушавшиеся героических баллад! — вздохнул Фолко.

— Брось, Фолко. — Торин хлопнул его по плечу. — Так нельзя. Возраст — не препятствие для доблести. Мы свободны в выборе. Вспомни, что случилось бы, не отпусти тебя вслед за мной дядюшка Паладин — да пребудет дух его в покое по ту сторону Гремящих Морей!

Фолко опустил голову. Гномы есть гномы, и ничего тут не поделаешь. Всяк свободен — что хочешь, то и делай. Это, наверное, оттого, что больно уж крепка да тяжела власть их собственных подземных правителей — там, в старых, переживших не одно тысячелетие городах...

С последней надеждой хоббит взглянул на Рагнура — но кхандец, как ни в чем не бывало, уже вновь набрасывал на себя кольчугу.

Эовин вдруг показала Фолко язык.

Глава 2

АВГУСТ, 1, ДВА ЧАСА ПОПОЛУДНИ, ТРИ ЛИГИ ЮГО-ВОСТОЧНЕЕ ХРИССААДЫ

Четвертый день полноводные реки вчерашних рабов, а ныне как будто бы почти что полноправных воинов Великого Тхерема текли на Полдень, к южным рубежам Харада. Гордой державе грозили войной невесть откуда взявшиеся орды странных пришельцев. Женщин гнали вместе с мужчинами. Кормить стали получше — но цепей так и не сняли. Появились харадские же полутысячники, из тех, что знали Западное Наречие, — каждый при двух-трех десятках воинов ближней охраны. Обычных же сотников и десятников набрали из рабов.

— И с этим сбродом мне идти в бой! — Уперев руки в боки, командир — харадрим в полном боевом доспехе — остановился

перед сбившимися вокруг Серого рабами. — Пожива для трупоедов! — Он с отвращением сплюнул. — Откуда здесь столько стариков? — вопросил полутысячник невесть кого. — Почему их тащат на юг? Или, может, они думают, что я слепой? Тут половина не может держать оружие!

Это было правдой, хоть и слегка преувеличенной. Среди примерно двух сотен рабов, что держались Серого, десятка три и впрямь никак не годились в строй. Ховрарские старики, под горячую руку прихваченные удальцами Старха и гуртом проданные в Умбаре вместе с сильными, здоровыми и молодыми. Их ждали гибельные копи, если б... если б не Серый и поразительная слепота, внезапно поразившая надсмотрщика, что отбирал рудничных смертников...

Харадрим окинул замершую толпу цепким взором опытного воина. И как подземная водяная жила притягивает лозу искателя-водогляда, так и глаза тхеремца впились в лицо Серого. Полутысячник безошибочно почувствовал в невзрачном на вид немолодом мужчине настоящего вожака. И вновь, как и на караванной тропе из Умбара в Хриссааду, прозвучало резкое:

— Ты! Как зовут? Лет сколько? Откуда родом?

Серый спокойно шагнул вперед — голова гордо поднята, руки скрещены на груди.

— Зовут Серым, — негромко ответил он, в свою очередь не сводя с харадрима пристального, тяжелого взгляда. — Откуда родом? Из Минхириата. Сколько лет? Не считал. Не важно это.

— Когда тебя спрашивают, *велбужья требуха*, нужно отвечать, встав на колени! — вскипел харадрим. Рука уже сжала эфес сабли.

— На колени вставать не обучен. — Голос Серого не дрогнул.

— Так, эту надменную скотину — четвертовать, — с ответной ленцой распорядился тхеремский командир, давая знак окружавшим его доннам и тотчас же повторив — уже для своих — команду на родном языке:

— Грар'доа хир! Реззар'г! Нассир'г![1]

Серый не шелохнулся.

— Все, *прикончат*... — *прошептал кто-то за его спиной*. Однако, как ни тих был шепот, рыбак его услышал и обернулся. Четыре сотни глаз смотрели на него с ужасом и надеждой.

— Я постараюсь, чтобы им этого не удалось, — хладнокровно промолвил он и вновь отвернулся.

Два тхеремца были уже рядом. Один грубо схватил Серого за правое запястье, явно собираясь выкрутить невольнику руку — обычный прием харадских надсмотрщиков, — однако Серый, заметно уступавший и ростом, и статью, остался стоять, как стоял. С таким же успехом можно пытаться голыми руками выкорчевать столетний дуб. На помощь первому стражнику пришел второй — но преуспел не больше.

[1] Взять его! Казнить! Четвертовать! (*харадск.*)

Полутысячник побагровел. Сабля с легким шорохом выпорхнула из ножен. По толпе рабов пронесся общий вздох.

Серый шагнул вперед, стряхнув с себя воинов, точно медведь — псов. Один из стражников тупо, точно колода, грохнулся в дорожную пыль прямо у ног рыбака. Нагнувшись, Серый одним движением сорвал с его пояса саблю — железная цепочка, что крепила ножны к боевому пластинчатому поясу, лопнула, точно гнилая бечева. Мгновение Серый пристально смотрел на оружие... а потом лицо его исказилось, словно от внезапной боли, и он резким движением сломал саблю вместе с ножнами о колено. Две половинки упали на дорогу.

Рабы ахнули.

Харадрим так же стремительно бледнел, как только что багровел. Смуглая кожа южанина посерела, на лбу проступил пот.

— Я могу быть хорошим воином, — медленно выговорил Серый, глядя в глаза тхеремцу. — Я доказал.

Полутысячник судорожно проглотил застрявший в горле ком.

Серый спокойно вздохнул.

— Ну хорошо, я вижу, ты и впрямь силен, — сквозь зубы процедил командир. — Но ты проявил неповиновение и должен быть наказан. В нашем войске за это положена дюжина ударов бичом. — Не сводя глаз со странного раба, харадрим потянулся к притороченному возле правого бедра длинному бичу.

Серый по-прежнему не шевелился. Но невольники видели, как спина его внезапно заблестела от пота. Сбитые с ног стражники поднимались, кряхтя и охая. Опасливо поглядывая на Серого, они поспешили убраться подальше. Тот, чью саблю постигла столь печальная участь, воровато покосившись, торопливо подхватил обломки.

Свистнул бич, обвившись вокруг плеч Серого. Тот дернулся, но не издал ни звука и не сдвинулся с места.

— Раз, — пытаясь придать голосу прежнюю уверенность, объявил полутысячник. — Два... Три... Четыре... — Удары следовали один за другим, брызгала кровь, тяжелый бич с острыми гранями рвал кожу на спине и плечах. Серый молчал, хотя кулаки у него побелели, и один раз, не сдержавшись, он заскрипел зубами.

Полутысячник отсчитал двенадцать ударов. Неожиданно Серый опустился на одно колено, словно благородный гондорский нобиль перед королем.

— Я принял наказание.

Он произнес это твердо, без малейшей дрожи в голосе — словно и не текла по спине и животу кровь.

Полутысячник принужденно рассмеялся. Он не понимал, что происходит, однако был далеко не глуп и решил выждать.

— Да, ты принял наказание, ты стойко терпел боль. Ты и

впрямь сильный воин, я ставлю тебя сотником! Десятников назову позже! — Харадрим поспешно вскочил в седло, дав шпоры коню.

Кавалькада скрылась в дорожной пыли, и только теперь Серый смог повалиться на руки бросившихся к нему рабов.

АВГУСТ, 1, ТРИ ЧАСА ПОПОЛУДНИ, ДВЕ ЛИГИ ЮГО-ВОСТОЧНЕЕ ХРИССААДЫ

Дневка у Фолко и его спутников выдалась неспокойной. Где-то неподалеку, по словам Рагнура, пролегал один из главных харадских трактов — и сейчас по нему сплошным потоком шли войска. А по бокам, невесть чего опасаясь в самом сердце собственных владений, шныряли конные разъезды харадримов, порой углубляясь далеко в заросли. Здесь тянулись охотничьи угодья правителя Великого Тхерема, раздувшегося от гордости после долгожданного падения Гондора.

— Тут про Олмера стараются не вспоминать, — вполголоса заметил Рагнур. — Им как-то приятнее убеждать себя, что победу *они одержали сами... Кстати, про то, что Минас-Тирит снова у* гондорцев, и причем давно, — распространяться тоже не принято... Ну что за страна, утопи ее Морской Отец!

Из-за этих вот разъездов (Фолко сразу заподозрил, что дело тут нечисто) несколько раз приходилось менять место стоянки, скрытно перебираясь подальше в заросли. Зоркий Рагнур заметил нескольких хищных птиц, что кружили над лесом, — то ли посланные на поиски ночных возмутителей спокойствия ловчие кречеты, то ли нет, сказать он не мог.

— Лучше будем считать, что нас ищут, — предложил хоббит.

— Ага, и не тронемся с места, пока все вокруг не уберутся куда подальше! — тотчас подхватил Малыш. — Мне здесь нравится, а во фляге еще осталось доброе старое гондорское. Хорошо, что ты, Фолко, *догадался тогда, в Минас-Тирите, заглянуть в тот подвал!..* Славное винцо там хранится, самому королю впору! Ничуть не хуже пива, я вам доложу! Да, пивка бы сейчас... — Маленький Гном сокрушенно покачал головой.

— Брось мечтать! — отрезвил друга Торин. — Не ровен час — убереги нас Дьюрин...

На сей раз они не услышали ни треска кустов, ни заливистого лая гончих псов. Ничто не шевельнулось, не дрогнуло, не хрустнуло, и возле них бесшумно — эльфам Трандуила впору! — появилась воительница Тубала.

Даже в длинной кольчуге, надетой на толстую поддоспешницу, она смотрелась стройной и сильной, точно молодое деревцо, уже набравшееся сил и давно вдвое переросшее посадившего его садовника.

— Ог-го... — только и успел выдавить Малыш, бросаясь к оружию, — но его опередила Эовин:

— Тубала! Стой! Зачем нам драться?! Ведь ты же спасла меня!

— Отойди, девчонка, — холодно бросила молодая воительница. В полном, хоть и легком вооружении, с саблей наголо, она пристально смотрела на хоббита — и только на него. Однако Фолко не сомневался, что при этом она видит каждое движение и Торина, и Малыша, и Рагнура...

Кхандец тоже не мешкал. Сабля его, куда длиннее и явно тяжелее той, что сжимала рука Тубалы, спокойно отливала серым. Добрая сталь, пусть и вышедшая не из подземных кузниц, но тоже крепкая.

— Я пришла, — голос Тубалы звенел, — для того, чтобы умертвить вас. Я буду сражаться со всеми вместе или с каждым поодиночке — мне все равно. Я опередила посланных для вашей поимки гвардейцев — но правитель все равно получит ваши головы, только не от своих толстозадых, что только и умеют бить мух по караульным, а от меня!

— Сколько слов, Тубала. — Фолко шагнул к ней навстречу. Хоббит успел надеть мифриловый шлем, и оставалось лишь сбросить на лицо забрало. — Сколько слов — да еще каких! Но ты забыла — мы на войне, а не на турнире. Нас четверо...

— Пятеро! — возмущенно выкрикнула Эовин.

— Пятеро, — поправился хоббит. — Пятеро, а ты одна. Ты надеешься сладить со всеми?

— Именно так! Даже если доблестный половинчик ударит мне в спину, как один его прославленный сородич на Пелленорских Полях! — презрительно бросила Тубала.

— Она, похоже, спятила. — Малыш двинулся вперед. Меч и дога грозно сверкали. — Что с ней говорить, Фолко? Тут они в Хараде все немного придурковатые. Да еще и Свет этот...

— Я бы ее обезоружил, а убивать — лишнее, по-моему, — спокойно заметил Торин, в свою очередь поднимая топор.

— Послушай, а нельзя ли узнать — почему, собственно, ты так жаждешь нас прикончить? — осведомился Фолко, не прикасаясь к мечу.

— Когда ты будешь валяться со вспоротым брюхом, я, пожалуй, скажу тебе — медленно наматывая твои кишки на свой кинжал! — отрезала девушка.

— Ну, *я тогда едва ли что-нибудь услышу.* — Фолко улыбнулся, все еще надеясь избежать драки. Они явно имели дело с безумной — а таких, как известно, не убивают, хотя сами они очень опасны...

— Я позабочусь, чтобы услышал, — заверила его воительница. И в следующий миг атаковала.

Никогда еще доселе Фолко не сталкивался с таким противником. Тонкая, с виду хрупкая девушка обладала твердостью и ис-

кусством Санделло; ее сабля с такой силой сшиблась с клинком Фолко, что хоббит, чуть не расставшись с оружием, едва устоял на ногах. Чужое острие зацепило броню; металл негодующе заскрежетал, словно отвыкнув отражать вражеские удары.

Торин, Малыш и Рагнур бросились со всех сторон на Тубалу. С безумцами не ведут поединков, а связывают — для их же собственного блага.

Воительница отбивалась мастерски — скупыми, точными движениями, и клинок ни на долю мгновения не отставал от мысли. Железный вихрь Малыша разбился о немудреную, но выверенную до точки защиту Тубалы. Торин, ухнув, обрушил свой топор, полагая выбить саблю из рук воительницы — но та, и глазом не моргнув, сама подставила клинок, и гном, запросто рассекавший таким ударом оборуженного воина от плеча до пояса, пошатнулся и был отброшен — а Тубала лишь усмехнулась.

— Да она круче горбуна! — вырвалось у Маленького Гнома.

Замелькала, сливаясь в неразличимый серый вихрь, сабля Рагнура — кхандец оказался искушен в тонкой игре клинков, — и Фолко, улучив момент, бросился Тубале в ноги. Еще миг — и на упавшую дружно навалились все остальные.

Тубала взвыла, точно раненая волчица. Получив страшный пинок в грудь, отлетел в сторону Малыш; Торин с проклятием ослабил хватку; и кто знает, чем бы все это кончилось, не вмешайся наконец в дело Эовин. Девушка вцепилась обеими руками в горло Тубале, и, пока рычащая воительница пыталась оторвать ее цепкие пальцы, Малыш, Торин и Фолко с Рагнуром сумели-таки скрутить южанку.

— Уф-ф-ф... — Малыш скинул шлем. — Ну и дела! И откуда ж взялось такое чудо?

— Этого тебе никогда не узнать, недомерок! — Тубала шипела и плевалась в путах, словно пантера. — Вы никогда бы не взяли надо мной верх, слышите, вы! Вы только и можете побеждать подлому...

Ей никто не ответил — просто не успел. Новый бой вспыхнул раньше, чем по-настоящему окончился первый.

«Не зря, верно, эти птахи тут кружили», — только и успел подумать Фолко. Со всех сторон надвигались харадримы.

Как они умудрились подобраться незамеченными, как хоббит, всегда остро ощущавший опасность, не почувствовал их приближения, — в тот миг никто не мог сказать. Пришло время сражаться.

Быть может, друзьям вновь удалось бы прорваться сквозь ряды врагов — но оказалось, что харадримы быстро учатся. На сей раз их явилось куда больше, шли тяжеловооруженные панцирники, рослые, настоящие великаны, с головы до ног закованные в броню, с громадными — почти в полный человеческий рост — щитами.

Дико закричала связанная Тубала — извиваясь, в муках пытаясь дотянуться до узлов зубами. Очевидно, она не испытывала иллюзий по поводу того, что ее ожидает.

Крик этот, полный звериного отчаяния и какой-то запредельной, нечеловеческой тоски, эхом отозвался в сердце хоббита. Как-никак именно Тубала спасла Эовин... она изменила правителю Харада, и бросать ее вот так, беспомощной и безоружной... Прежде чем он даже сам осознал, что делает, его клинок двумя взмахами рассек путы на воительнице.

Однако затем бешеная круговерть боя разлучила их. Спасти коней не удавалось. Теперь только одно — прорываться как есть, любой ценой разомкнуть смертельное кольцо вражеских щитов.

— Вместе! — рявкнул Торин. Но даже силач гном должен был уступить сейчас место хоббиту — против закованной в панцирь силы требовалась ловкость.

— Эовин, не отставай! — с свою очередь гаркнул хоббит.

Оказавшись впереди всех, Фолко поднырнул под меч ближайшего панцирника, юркнул за край тяжелого щита — и выбросил вперед руку с мечом, целясь в щель панцирного сочленения. Сталь отыскала дорожку, харадрим с воплем опрокинулся, и прежде, чем его товарищи успели затянуть прореху в рядах, все пятеро оказались по ту сторону цепи загонщиков.

Кое-кто называет гномов неуклюжими и медлительными — но это только те, кто ни разу не видел никого из этой подземной расы. Когда надо, тангары умеют бегать, и притом очень быстро. И сейчас они едва не обогнали легконогого Рагнура.

Чужой лес изо всех сил старался не дать беглецам скрыться. Тяжелый, спертый воздух, точно кровожадный вампир, высасывал из груди дыхание и силы. Корни выпирали из земли в самых неожиданных местах, норовя сунуться под ногу и повалить. Путь преграждали то невесть откуда взявшиеся на ровном месте овраги, то широкие ручьи с болотистыми берегами, то внезапно вздыбливающиеся чуть не посреди болота холмы.

И все же они сумели оторваться от тяжеловесных харадских панцирников. Оторвались — но только лишь для того, чтобы лицом к лицу столкнуться с новой опасностью.

— Эовин!!!

Впереди, блистая металлом узорных доспехов и гордыми золотыми гербами на алых щитах, надвигалась вторая цепь.

Здесь справился вырвавшийся вперед Торин. Тхеремцы не успели сомкнуть ряды, вышла схватка один на один, и гном с неожиданной ловкостью вдруг метнул совершенно не предназначенный для этого свой боевой топор. С совершенно иным балансом, чем у метательного оружия, топор тем не менее со свистом пронесся над щитом харадрима, ударив прямо в забрало. Воин охнул, выронил щит — и тут уже оказался рядом Малыш, одним движением доги добив раненого.

Они вновь прорвались. Но вот Эовин повезло меньше. Харад-

рим справа оказался несколько более расторопен и храбр, чем хотелось бы, и Эовин, прикрыв спины спутников, схватилась за оружие. Но отчаянный выпад ее детской сабельки оказался отбит краем тяжелого щита, а в следующий миг удар щита опрокинул Эовин на спину. Правда, она вскочила, ловкая и гибкая, как кошка, — однако между ней и спутниками уже вырос ряд щитоносцев. Оставалось только одно.

— Эовин, беги! — круто развернувшись, Фолко бросился на преследователей. За ним с яростным ревом катились гномы.

Времени было мало, очень мало — но все же его хватило, чтобы, свалив еще одного из харадской шеренги, дать девушке возможность скрыться. Пусть бежать тут некуда — все равно! Не стоять же и покорно ждать, пока тебе накинут петлю на шею!

И опять — отчаянный рывок. Хорошо, что мифрил намного легче стали, он позволял сохранить дыхание при долгом беге...

Псы отстали — у Рагнура, по счастью, осталось несколько жменек отбивающего ищейкам нюх снадобья.

Эовин, Эовин, что же нам теперь делать?! Где искать тебя?!

АВГУСТ, 2, РАННЕЕ УТРО, ВОСЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ ЛИГ ЮГО-ВОСТОЧНЕЕ ХРИССААДЫ, ЛАГЕРЬ РАБОВ

Серый не мог спать. До побудки оставалось еще немало времени, сотня его спала, спал и весь огромный лагерь невольников — которых почему-то харадские военачальники упорно именовали «свободными воинами Великого Тхерема».

Невдалеке заскрипели колеса огромных возов, что везли в лагерь бочки с водой от ближайших колодцев. Воды давали мало, хватало не всем, и возле бочек постоянно разыгрывались драки. Зашевелились сонные караульщики-рабы — им бегом, наперегонки, нестись к возам, едва те остановятся.

Серый упруго поднялся на ноги. Никто не заставлял его этого делать, но каждое утро он обходил свою сотню, словно повинуясь накрепко усвоенной в прошлом воинской привычке. Толку от обходов вроде бы как и не было — но люди отчего-то чувствовали себя увереннее, если первое, что они видели, просыпаясь по глухому грохоту кожаного била, — фигуру Серого, молча обходящего занятый сотней пятачок.

— Мы уже, уже, сотник. — Двое парней покрепче, поддерживая кандальные цепи, заторопились с бадьями к бочкам. Никто из спящих не пошевелился — предстоял тяжелый день, и каждый старался урвать полную меру отпущенного хозяевами сна.

Продолжая обходить лагерь, Серый оказался возле самой границы. По углам располагались посты дозорных тхеремцев — но ограждения вокруг отсутствовали. Несмотря на заманчивую близость кустов, бежать никто не пытался. Слишком свежи были еще в памяти крики тех, что рискнули. Ищейки и ловчие кречеты отыскали их мигом. Расправа была суровой: пойманных оставили умирать над пышущими жаром углями, и идущие мимо колонны рабов угрюмо взирали на казнь... Все надеялись, что там, где сошлись армии Харада и неведомые орды южных пришельцев, станет полегче. Должны же им дать оружие, в конце-то концов! И расковать... А вот тогда посмотрим, кто кого...

Так — или почти так — думало громадное большинство в невольничьем войске, что неуклонно продвигалось все дальше и дальше на юг...

Шагах в пяти от зарослей Серый остановился. Нет, у него не возникло и мысли о побеге (хотя оставленные бичом полутысячника рубцы сильно саднили) — просто там, в чаще, ему почудилось какое-то движение — словно кто-то опрометью, из последних сил, продирался сквозь сплетения ветвей, отчаянно пытаясь уйти от недальней погони.

А погоня и впрямь близилась. Лязгало оружие, храпели и ржали кони; харадские охотники уверенно гнали жертву к краю леса.

Серый замер, прислушиваясь. Ему казалось, что весь лагерь должен подняться на ноги — но все вокруг спали, добирая остатки ночного отдыха. Часовые-харадримы лениво потягивались на своих постах — Серый, даже стоящий невдалеке от кустов, не возбуждал в них особого рвения. Никуда не денется — в кандалах-то! А если по дурости и попытается бежать — так на то собаки есть.

Жертва неслась из последних сил. И — прямиком к тому месту, где застыл Серый.

Листва дрогнула, и на рыбака воззрилось хорошенькое, но до предела измученное девичье личико — все исцарапанное, исхлестанное ветками. Золотистые волосы спутались, разметались в беспорядке. Большие серые глаза мгновенно наполнил ужас — едва только девушка увидела стоящего перед ней закованного в кандалы человека, а невдалеке — харадских лучников. Но позади настигала погоня, и на лице беглянки появилось выражение обреченности. Серый заметил, как она потянула из ножен легкую саблю.

И тогда одними глазами Серый приказал ей:

«Иди ко мне!»

Часовые равнодушно глазели по сторонам. Шум погони раздавался уже совсем близко — и беглянка наконец решилась. Одним рывком она преодолела пустое пространство — и оказалась рядом с Серым. Не произнеся ни слова, тот мгновенно толкнул ее к спавшим вповалку людям. Девушка быстро кивнула — и, ловко прикрыв краем одежды роскошные золотые волосы, тотчас притворилась спящей.

Никто ничего не заметил. Только десятник, среди людей кото-

рого Серый спрятал беглянку, быстро взглянул на Серого и тотчас же кивнул. Если сотник что-то делает — значит, так надо.

Затрещали кусты. Караульные, спохватившись, вскинули луки — но тотчас же и опустили. Из зарослей вырвалась кавалькада тхеремских охотников за рабами; на длинных сворках ярились псы-ищейки. Старший из охотников что-то крикнул караульному, и совсем не требовалось знать харадский язык, чтобы понять — он спрашивает: «А не пробегала ли здесь?..»

Часовые дружно замотали головами. Мол, ничего не видели, ничего не знаем. Псы же внезапно заскулили, упираясь лапами в землю и явно не желая идти дальше.

Серый внимательно и пристально смотрел на них. Старший над погоней досадливо плюнул, зло рявкнул на жмущегося к конским копытам пса и развернул скакуна. За ним, горяча коней, понеслись и остальные поимщики.

Серый неспешно повернулся спиной к зарослям. Лицо его блестело от обильного пота. Казалось, он только что перетаскал на собственных плечах добрую сотню неподъемных тюков.

Все происшествие заняло совсем не много времени.

И тут грянула побудка.

АВГУСТ, 3, СЕРДЦЕВОЙ ХАРАД

Нет нужды говорить, что Фолко и его спутники были в отчаянии. Никто не говорил ни слова. Забившись в темный, заросший распадок, отысканный Рагнуром, они мрачно молчали. Ни у кого недоставало сил говорить. Малыш что-то шептал, сжав кулаки, — не то бранился самыми черными словами, не то взывал к прародителю Дьюрину... Торин просто молчал — но лицо его могло в тот миг напугать до полусмерти всех девятерых назгулов с Сауроном в придачу. Более спокойным казался Рагнур — кхандец твердо верил в судьбу. Они сделали все, что могли, и даже больше. Всемогущий Рок рассудил иначе — так что же теперь убиваться! Видно, Эовин на роду написано остаться в Хараде...

Наконец кхандец нарушил затянувшееся молчание:

— Нам надо уходить. И быстро. Будет большая охота, а у нас нет ни припасов, ни коней. Северный путь наверняка перекроют. А потому придется уходить туда, где нас не ждут, — на юг.

Он говорил четко и отрывисто, как о чем-то давно решенном.

— На юг? — Фолко поднял глаза. — Я не ослышался? На юг?

— Именно так. — Рагнур стукнул кулаком по ладони. — Там нас не ждут. Коней и все прочее возьмем в бою. И тогда — к Морю!

— Ага, свяжем плот и поплывем, — съехидничал Малыш.

— Если припрет, может, и поплывем. Если, конечно, ты хочешь вернуться в Умбар, — без тени улыбки ответил кхандец. — У нас, у Морского Народа, есть свои секреты. Так вот, если мы выйдем

к определенному месту побережья и подадим сигнал — нас подберут. Первый же корабль.

— Это как же? — невольно заинтересовался Фолко.

— Увидишь, — отрубил Рагнур. — Это одна из наших тайн.

— Так, — медленно протянул Фолко. — А Эовин, значит, пусть пропадает? Так, что ли?

— Судьба не благоприятствует нам, — пожал плечами эльдринг. — Мы сделали все, что могли. Но если ты скажешь мне, что это не так, что в наших силах все изменить, — добро!

Фолко опустил голову. Все пропало! И заветный сосуд с Древобородовым питьем — тоже. Не дотянуться теперь до Эовин даже в мыслях, не понять, где она... А что толку сожалеть о несбыточном! Кони стали добычей харадримов, и о них надо забыть. Как и о том, что было в седельных сумках. Хорошо еще, что все оружие осталось при себе...

Он молчал, не находя слов, чтобы опровергнуть жестокую правду Рагнура. В самом деле, что делать им, лишившимся всего? Пусть даже они с боем добудут коней — что дальше? Погоня тотчас же окажется у них за плечами. И потом — что станут они делать там, у Моря? Тайные сигналы Морского Народа? А сколько времени придется ждать, пока придет ответ?

— Мы не можем уйти, — спокойно и строго сказал Торин, глядя прямо в глаза кхандцу. — Мы не можем уйти. Ты — как хочешь. Уходи, если честь твоя позволяет это.

Рагнур вскочил, глаза его налились кровью, рука до половины вытянула саблю из ножен.

Маленький Гном тотчас же оказался напротив него — меч и кинжал наготове.

— Стойте, да стойте же! — Фолко кинулся разнимать гнома и человека, готовых вот-вот вцепиться друг другу в глотку. — Совсем обезумели! Рагнур! Малыш! Торин! Забыли, с чем дело имеем?!

— А что он... — разом выпалили кхандец и Строри.

— Каждый сказал, что думал, — строго проговорил Фолко. — Не судить же друг друга. Каждый выбирает свою дорогу. Нам будет очень не хватать тебя, Рагнур, но, если ты так решил — иди. Мы останемся здесь и либо погибнем, выручая Эовин, либо спасем ее. Возвращаться без нее для нас — хуже смерти. Вот и все, и незачем драться... — закончил он устало.

Торин угрюмо кивнул. Малыш спрятал клинки. Чуть помедлив, кхандец тоже убрал руку с эфеса. Несколько мгновений все молчали.

— Это безумие... — прорычал наконец Рагнур. — Безумие, но... А, все равно! Остаюсь! — И тотчас же, словно и не было ничего: — А все-таки, как вы намерены искать пропавшую?

Фолко, Торин и Малыш разом тяжело вздохнули. Ответить на это никто не мог.

АВГУСТ, 4, ТРИДЦАТЬ ЛИГ ЮГО-ВОСТОЧНЕЕ ХРИССААДЫ, ЛАГЕРЬ РАБОВ

Не так уж просто спрятать нового раба, если каждое утро и каждый вечер — обязательные переклички. Да еще если все вокруг — в цепях, а новичок — нет. К тому же — единственная золотоволосая девушка во всем громадном невольничьем караване.

— Роханка! — взвизгнула какая-то молодая пленница — из племени хеггов, судя по вытянутому лицу, заостренному подбородку и чуть раскосым глазам.

— Роханка! — подхватили сразу несколько голосов. И по рядам сотни Серого (в которой на самом деле, считая женщин, было почти двадцать десятков невольников) прокатился глухой ропот: «роханка...», «роханка...», «тварь...». Вокруг Эовин мгновенно образовалось пустое пространство. Женщины яростно шипели; мужчины косились ненавидяще.

Эовин затравленно огляделась. Ее словно бы захватила чужая злая Сила — как только девушка очутилась среди рабов. Она толком даже не понимала, что заставило ее тогда сделать роковой шаг из зарослей навстречу Серому. Казалось — останься она там, в кустах, то сумела бы и уйти от погони, и отыскать спутников... А теперь тащится здесь, среди толпы вчерашних врагов, среди тех, кто люто ненавидит ее победоносную родину, разливы степей зеленого Рохана, и гордый, вечный бег белого коня на ее стягах... Эовин чувствовала, что лишь сабля, с которой она так и не рассталась — только упрятала глубоко в лохмотья, коими в изобилии снабдил ее Серый, — лишь сабля удерживает остальных невольников от того, чтобы немедленно не наброситься на нее — раз уж сотник не дозволяет выдать ее охране...

Ночью Эовин боялась спать. Что спасет ее, беспомощную, если все эти грязные хегги, ховрары и прочие дикари, затопившие в злые годы войны западные земли, если в темноте они внезапно бросятся на нее? Не помогут ни сабля, ни короткий кинжал, что она прятала за широким поясом.

Серый это заметил. Когда после первой проведенной без сна ночи Эовин, пошатываясь, встала в строй, он тотчас оказался рядом.

— Не спала, — сказал он, ни о чем ее не спрашивая. — Хорошо. Сегодня ляжешь рядом со мной.

Эовин густо покраснела — ей, деве-воительнице, прямо говорят: «Ложись со мной!»

Серый коротко взглянул — и Эовин отвела глаза. Он все понимал. Молча, без слов, с одного взгляда. И его ответный взор — чуть насмешливый и в то же время успокаивающий. «Не глупи, девочка, — говорил этот взор. — Не глупи».

На женщину сотника никто, конечно, не дерзал посягать. Серый

поддерживал твердый порядок. Два или три раза в самом начале он пустил в ход кулаки — и даже самые здоровые, сильные мужчины падали без чувств, как подкошенные.

Золотые волосы Эовин были теперь густо покрыты серой засохшей грязью. Все лицо тоже размалевано серым. На ногах и руках звякали кандалы — правда, ненастоящие. Цепи — опасное оружие в умелых руках, и в невольничьем войске они так просто не валялись где попало; но Серый и тут преуспел. Добытая им невесть где цепь была старой и ржавой, без железных браслетов, и пришлось просто обкрутить ее вокруг щиколоток. Обмануть харадрима это могло лишь издалека...

Серый ни о чем не спрашивал девушку. Защищал — да, оберегал — да; но совершенно не интересовался ни ей самой, ни тем, как она оказалась здесь, в харадских лесах, за сотни лиг от Рохана... И Эовин не выдержала:

— Куда мы идем?

Был вечер. Лагерь устраивался на ночлег. Тракт миновал редколесья и уходил все глубже в дремучие, жаркие чащобы, где деревья взносились к самому поднебесью. Да какие деревья! Никогда доселе Эовин не видала ничего подобного. Кора тонула в море опутывавших стволы лиан, с яркими, сочных красок цветами. Темно-зеленые мясистые листья, казалось, расталкивали друг друга, жадно стремясь к солнцу. Царила духота — и было очень сыро. Тхеремские проводники несколько раз обошли все войско, предупреждая: как бы ни хотелось, пить можно только ту воду, что привозят в бочках. Лесные ручьи и речки, такие милые и ласковые на вид, таят смерть...

Чем дальше на юг, тем меньше шансов вернуться домой, тем меньше шансов, что мастер Холбутла и его друзья отыщут ее...

— Куда мы идем?

Эовин лежала на голой земле. Рядом на спине, скрестив руки на груди (странная, неудобная поза!), вытянулся Серый.

Он не ответил. Лишь чуть заметно повел головой. Мол, не все ли равно? Сейчас ничего не изменишь.

— Я не могу так больше! — вырвалось у девушки.

— Никто не может, — негромко проговорил Серый, — но все идут.

— Куда? Куда же? Что там?!

— Там война. — Серый лежал совершенно неподвижно, точно неживой. — И мы будем сражаться... за Великий Тхерем.

Непонятно было, говорит он всерьез или нет.

— Война? Но разве можно воевать в цепях?!

— Значит, мы будем первые, — невозмутимо ответил бывший рыбак.

— А оружие?

— Думаю, нам придется отбивать его у врагов. Так что твоя сабля нам пригодится.

— Отбивать? — не поверила Эовин. — Голыми руками?

Серый не ответил.

Спускалась ночь. Далеко на юге, за лесом, по краю неба плясали исполинские белые молнии — но в лагере не слышали и малейшего намека на раскаты. Странная какая-то гроза...

Эовин ежилась, точно замерзая — хотя вокруг растекся горячий, душный, пропитанный зловонием гнилых болот воздух. Неподвижный, жаркий — словно недобрый дух этих мест, что злобно взирал на вторгшихся в его владения; и человек напрасно старался отыскать хоть малейшее дуновение.

Девушка сжалась, закрывая голову руками. Дура, дура, несчастная дура! Возомнила о себе... Как красиво все получалось в мечтах! Сверкающий доспехами строй пехоты, всесокрушающей лавиной несущиеся конные полки, копья и стрелы, тела поверженных врагов — все, как одно, отвратительные, нелюдские, — и она, в кольчуге, обтекающей тело, точно вода, с подъятым мечом несущаяся во весь опор на разбегающиеся от одного ее вида вражьи полки... И что же вместо этого? Сперва — похищение и плен, сераль владыки Тхерема, потом Тубала, вытащившая Эовин из ловушки, точно котенка из проруби, потом мастер Холбутла и его друзья, для которых она оказалась лишь ненужной обузой, нелепое бегство и венец всему — караван рабов!

Конечно, Эовин шла не в цепях. В любую ночь она могла попытать счастья — заросли призывно темнели совсем-совсем близко. Однако девушка знала, что на сей раз далеко ей не уйти. Караван тщательно охранялся. И пусть тхеремских стражников насчитывалось и не столь много, главную опасность являли летучие отряды охотников со специально натасканными псами и соколами — именно они не давали караванам разбежаться по дороге. Те, у кого хватило дерзости попытаться скрыться, поплатились сполна. Желающих последовать их примеру сыскалось не много.

И потом... эти леса... Неведомые, непонятные, где смерть подстерегает на каждом шагу, где не знаешь ни одного дерева, ни одного куста, ни одной былинки, где не ведаешь, что поесть, куда преклонить голову, чтоб не проснуться уже в утробе ночного добытчика...

А еще оставался Серый. Не мигая, его жутковатые глаза частенько задерживались на Эовин — и тогда девушку тотчас охватывал озноб. Она злилась на себя за собственную слабость: дрожать? С чего бы? Серый не казался ни великаном, ни силачом, ни особо злобным. Куда как немолодой, совершенно седой... он, наверное, сгодился бы в старшие братья отцу Эовин... Ничего не было в нем особенного, в этом Сером: лицо как лицо, глаза как

глаза, чуть-чуть блекловатые, уже начавшие выцветать к старости, а вот зыркнет — и все равно страшно. Странный он какой-то... будто неживой.

Однако рыбак неведомым образом ухитрялся держать в узде все две сотни доставшихся ему в подчинение душ. Хватало взгляда, двух-трех слов — и все. В сотне Серого никто не дрался за скудный паек, не чинил насилия над женщинами, как в соседних отрядах, — немолодой уже вожак странным образом поспевал всюду. Эовин оставалась цела и невредима только благодаря ему.

Девушка ни с кем не разговаривала. Спину жгли ненавидящие взгляды невольников, словно она, рожденная в Рохане, виновна была в их пленении. И если даже она и попытается сбежать — то желающих донести об этом охране тотчас найдется более чем достаточно. Тут даже Серый не поможет...

Ночь, раскинув во весь небосвод громадные крылья, пала на притаившийся лагерь, точно филин на летучую мышь.

Эовин закрыла глаза. Будь что будет.

АВГУСТ, 5, РАННЕЕ УТРО, ЦИТАДЕЛЬ ОЛМЕРА

Коротко блеснув, меч врезался в бок сшитого из трех бычьих шкур мешка, доверху наполненного песком, по которому обычно лупили кулаками и ногами новобранцы, обучаясь драться без оружия. Песок ловит и гасит любой размах, но рука, что сжимала меч, оказалась сильнее. Лезвие рассекло «свинью» надвое: верхняя часть осталась болтаться на веревке, нижняя шлепнулась под ноги мечнику. Песок расплескался в разные стороны.

— Ты видишь? — проговорил скрипучий, холодный голос.

На широком дворе воинской школы, еще пустом и тихом, возле болтавшихся, точно висельники, кожаных мешков с песком, стояли двое воинов. Один, еще далеко не старый, высокий, статный, в богатой, хоть и несколько помпезной для скромного городка одежде: малиновый, шитый золотом плащ, ярко-алая рубаха, отделанный рубинами пояс тангарской работы, багряные же замшевые сапожки с отворотами — отвороты украшены тонкими золотыми цепочками, за поясом — неожиданно простой меч, в потертых черных ножнах и с ничем не украшенным эфесом. Рядом с одетым в алое молодым красавцем стоял кряжистый горбун — в старой, потертой боевой кожаной куртке, черном плаще и черных же сапогах грубой кожи. В руке горбуна замер странный изогнутый меч, совершенно не похожий на западные.

— Я не слепой, — раздраженно бросил человек в красном. — Ну и что ты хотел доказать мне этим, Санделло? Ты нужен мне здесь. И я запрещаю тебе покидать Цитадель! Вообще, не пойму, как тебе могло такое взбрести в голову? Скоро осень, дорваги хлеб уберут — и куда, скажи мне, пожалуют? Не сюда ли?

— Не надо было трогать ту девчонку, Олвэн. — Взгляд прищуренных глаз вернейшего Олмерова сподвижника был тяжел.

— Повелитель Олвэн! — резко поправил тот старого мечника.

Тонкие, бескровные губы горбуна чуть заметно дрогнули. Ледяные глаза почти совсем закрылись.

— Не надо было трогать ту девчонку, *повелитель* Олвэн. Она все-таки дочь дорвагского старшины.

— Ты будешь учить меня, старик? — вскинулся сын Короля-без-Королевства.

Санделло очень медленно и аккуратно спрятал меч. Выпрямился, насколько позволял горб, провел коричневой плоской ладонью по изрезанному морщинами и шрамами лбу. Перевел дух.

— Если *повелителя* Олвэна я более не в силах ничему научить — зачем тогда держать меня здесь?

— А кто будет командовать?! — возмутился Олвэн. — Может, эти сосунки? — Он раздраженно мотнул головой, указывая на воинскую школу.

— *Повелитель* Олвэн, коему уже не нужны мои уроки, конечно же, — невозмутимо парировал Санделло.

Тот помрачнел и закусил губу. Очевидно, скрывать свои чувства нынешний правитель Цитадели Олмера считал излишним.

— Мне одному не справиться. Необходим ты — чтобы ударить в нужный момент! Кто лучше тебя определит это?

— Значит, *повелитель* Олвэн отказывает мне в моей просьбе? — холодно осведомился горбун.

— Отказываю, отказываю, неужто не ясно? — фыркнул Олвэн. — И разрубленный тобой мешок — лишнее подтверждение тому, что отпускать тебя — все равно что сыпать золото в дорожную пыль!

Угол тонкого рта слегка дрогнул. Неловко поклонившись, Санделло повернулся спиной к Олвэну и зашагал прочь, совсем согнувшись и даже как-то скособочившись — кончик ножен оставлял в пыли узкий прочерк. Олвэн некоторое время, скривившись, точно от зубной боли, смотрел вслед старому воину, а затем резко свистнул. В воротах появился вершник, державший под уздцы коня повелителя.

АВГУСТ, 8, ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ХАРАД

...Как трепещет, как бьется и горит это незримое, спустившееся на землю солнце! Там, впереди, за вознесшимися к небу гребнями гор, за широкими пространствами лесов, за топями и реками, за стенами и крепостями, — там, на Юге, пылает оно, и от его лучей нет ни спасения, ни укрытия. Пока еще не все замечают их — но с каждым днем они проникают все дальше и дальше. Настанет час, когда они достигнут самых отдаленных уголков Средиземья — и тогда уже не спасется никто. Не станет ни «светлых» ни «темных», ни хороших ни плохих, ни добрых ни злых, ни эльфов ни орков — потому что все живое сойдется в чудовищной истребительной битве, еще более страшной, чем Дагор Дагоррат, потому что эта — в отличие от Последней Битвы — будет совершенно бессмысленной, беспощадной и закончится, лишь когда падут все до единого бойцы, ибо каждый станет сражаться со всеми. Но что же такое тогда этот Свет? Из какой потаенной топки Мелькора — или Ауле — льется он? Кто, как и, главное, зачем возжег его там, в дальних пределах, с какой целью? Неужто и впрямь — очистить землю от всех, кто живет на ней?..

Хоббит открыл глаза. Стояла глубокая ночь. Возле крошечного костерка притулился Маленький Гном — обнаженный меч поперек колен. Над головой перекликались голоса неведомых птиц.

— Малыш! — Фолко приподнялся на локте. — Хватит носом клевать! Иди ложись. Моя стража начинается.

Маленький Гном не заставил просить себя дважды. Проворчав нечто вроде: «Все спокойно было!» — он покинул пень около костерка, шагнул в сторону, повалился на освободившееся одеяло и мгновение спустя засвистел носом во сне.

Хоббит обошел кругом их небольшой лагерь. Кхандец Рагнур спал, растянувшись, точно готовый к прыжку дикий зверь леопард — Фолко доводилось видать их в чудом избежавшем разорения замке Этчелиона. И хоббит знал, что проводник вскочит на ноги, готовый к бою, едва вражьи поимщики только-только шумнут в отдалении. Торин, сын Дарта, тоже спал — то-то удивились бы надменные старейшины Халдор-Кайса, кабы узнали, куда занесло шалопутного подданного! Пальцы Торина и сейчас не разжимались — даже сонный, он держал наготове топор. Губы гнома едва заметно шевелились, произнося чье-то имя; всегда, все эти десять лет, — одно и то же, одно и то же...

«Мы пока еще держимся, — подумал Фолко. — Безумие словно бы отступило от нас. Один раз попробовало — и отступило... Что же нас держит? Какой талисман? Клинок Отрины? Перстень Форве?.. Или что-то еще?..»

Он размышлял — а глаза и уши, не требуя вмешательства сознания, всматривались и вслушивались, ловя едва заметные шевеленья ночных теней или подозрительный шорох среди мерного дыхания ночного леса. Все вроде спокойно, но... что-то не так. Вроде бы до харадских постов далеко. Погоня?.. Нет... Хотя после того, как их взяли врасплох — когда пропала Эовин, — разве можно себе доверять?.. Хоббит сурово корил себя за тот случай — как он мог проморгать! Ну да теперь уж ничего не поделаешь. Они вырвали Эовин из харадских лап один раз, второй — уже не удалось... И чтобы сохранить хотя бы остатки чести, надо отправляться на Север, туда, где рати Эодрейда и Морского Народа сошлись

в смертельной схватке с обитателями минхириатских равнин... С врагами... Полно! — хоббит даже ударил себя по колену. Опомнись! Какие они враги! Врагом был Саурон... был Олмер... А хазги, хегги, ховрары и прочие — несчастные, ослепленные, сведенные с ума прорвавшимся с Юга Светом... Ложным, конечно же, Светом — Светом раскаленных щипцов в руке палача. Светом, который зажгло черное, отвратительное чародейство. И он, Фолко, должен во что бы то ни стало добраться до того затейника! Во что бы то ни стало! А иначе... убивать этих бедолаг только для того, чтобы не убили тебя самого...

Хоббита прошиб холодный пот.

Потому что это страшнее, чем Саурон. Страшнее, чем даже Олмер — тот, случись ему победить, непременно пошел бы путем Ар-Фаразона Золотого, последнего нуменорского владыки, не более; а вот если светоч будет продолжать заливать Средиземье своим незримым ядом... Проклятье, ты один в глуши, и не у кого спросить, и нету больше ни Радагаста, что направит тебя на след, ни мудрого Форве, ни Великого Орлангура, что в равнодушии своем помогает всем — и правому и виноватому, лишь бы не остановилось коловращение Миров... Все, никого нет. Перстень принца Авари хоть и ожил, да не совсем — до Вод Пробуждения не дотянуться...

Вновь, как и в дни Погони за Олмером, — отвратительная серая Мгла перед тобой. Можно рубить ее мечом, можно пронзать стрелой — все бесполезно. Остается только одно — брести на ощупь.

В висках стучала кровь. Предбоевая ярость горячила душу, вливая новые силы. Фолко замер, сжав кулаки и сильно прищурив глаза. Ему казалось, что мрак вокруг него медленно сменяется серым полусветом, что он словно бы воспаряет над землей — без всякого Древобородова питья. Лес остался внизу; стволы истончились, превратившись в жутковатые подобия скелетов с растопыренными костями рук-ветвей. Хоббит поднимался все выше и выше и видел: чащобы вокруг пусты, только хищное зверье шарит в поисках добычи; тхеремская погоня где-то заплутала.

Правда, не вся. Один-единственный всадник продолжал упрямо тащиться по следу беглецов. Тонкая, с виду хрупкая фигурка, никак не похожая на харадского воина... Неужто все та же настырная Тубала?..

Впрочем, она пока еще далеко. Посмотрим лучше во-он туда...

Стоп! А это что еще такое?! Дорога? Да... именно так... И... и люди на ней! Тхеремское войско? Знать бы, куда направляется... Хотя нет, путь идет куда угодно, лишь бы подальше от границ обескровленного, на одном колене стоящего Гондора... И... снова стоп! Там, на дороге!

Хоббиту показалось, что он лишается рассудка. Там... там, среди серой неразличимой толпы, вдруг молнией сверкнули золотые,

струящиеся, подобно пламени на ветру, волосы Эовин! Покрытые грязью для отвода глаз — но разве обманешь эльфийский перстень?

АВГУСТ, 9, ВЕЛИКИЕ СТЕПИ, ДОРОГА ОТ ЦИТАДЕЛИ ОЛМЕРА НА ЮГ

Выносливая лошадка неспешно рысила все вперед и вперед — по беспредельности великих истерлингских степей. Многие, слишком многие ушли из этих мест в поисках лучшей доли на Запад, под знаменами короля Олмера; назад возвратились немногие. Большинство уцелевших осели в Арноре, основав новое королевство. Семьи мало-помалу тоже перебрались на Закат, а оставшихся здесь, верных дедовским обычаям, было слишком мало, чтобы степь вновь темнела бы от бесчисленных табунов. Стоянки попадались редко, и еще реже встречалась на них молодежь. Старики, хоть и не обделенные добычей, смотрели на гостя хмуро, едва-едва цедя сквозь зубы положенные законом гостеприимства слова. И это притом, что каждый в этих краях знал странника.

Горбуна Санделло.

Он уехал из Цитадели ночью, обманув бдительных сторожей. Мальчишки! Разве таким его сторожить! Эх, Олвэн, Олвэн... Решил бить — так бей. Посади в темницу, закуй в цепи, а не ставь безусых парней, уверенных, что горбатый мечник своим клинком только и может, что мух отгонять.

Бледные губы чуть искривились в некоем подобии улыбки. Он не убивал тех дураков из охраны. Одному хватит распоротого бедра, а другому — плеча. Мясо молодое, зарастет. «А в кость я бы и не попал» — так, наверное, мог подумать Санделло в тот миг, когда рука его коснулась висевшей на поясе пары метательных ножей.

Его боялись. Молва летела, далеко обгоняя старого воина. Ему уступали лучшее место в шатрах. И сам он, раньше умевший спать на любом холоде и ветру, волей-неволей тянулся теперь к теплу.

Он почти ничего не говорил. Молча принимал угощение, и казалось, не задевают его ни колючие взгляды, ни дерзкие слова — на самом пределе дозволенного древним обычаем. Он лишь клал поперек колен длинный меч в шершавых древних ножнах — а за спиной у горбуна намертво приторочен был другой клинок, плотно закутанный в серые тряпки.

Иногда он останавливался на вершине какого-нибудь холма и надолго замирал, вглядываясь в горизонт на севере. Но — ничего, кроме травяного моря да неба, что сливалось там, в заокраинной дали, с Великой Восточной Степью, он не видел. Порой можно было разглядеть немногочисленные фигурки всадников, всегда

обремененных вереницами вьючных лошадей или даже высокими телегами — истерлингский род перебирался на новое место. Кто поверил бы, что еще совсем недавно из этих мест выплеснулась всесокрушающая волна небывалого нашествия, опрокинувшая и похоронившая под собой казавшиеся вечными закатные державы?.. Да и то сказать, Гондор-то так до конца и не добили...

Стоянку истерлингов удавалось отыскать не каждый вечер, и тогда горбун, кряхтя, устраивался на ночлег в каком-нибудь укромном распадке или заросшей балке, чутьем, что не уступало звериному, безошибочно отыскивая воду. Он шел одвуконь; напоив лошадей, быстро ел, что придется, из запасов, не разводя костра. Нестреноженные кони охраняли хозяина лучше самых свирепых сторожевых псов.

Тьма откатывалась под ливнем солнечных стрел — но еще раньше Санделло забирался в седло. На бледном лице горбуна живыми были только глаза, одни лишь глаза. Все остальное — неподвижная, мертвая маска. Он не улыбался. Его не радовала ни зелень равнин, ни посвист мелких птах, ни катящиеся под ветром волны травяного моря. С годами горбун еще больше высох, щеки ввалились, нос заострился; на голове — одна лишь седина, да и той, смешно сказать, почти не осталось. К честным боевым шрамам прибавились морщины; старик стариком, такому только и сидеть на теплой кошме да шевелить беззубыми деснами, перетирая поданную женой младшего внука кашу...

И мало кто знал, что взор горбуна так же остр, как и в дни молодости. Что руки его, ни единого дня не знавшие праздности, с легкостью разогнут подкову, свернут трубочкой монету, завяжут узлом гвоздь; что метательный нож попадает в узкую прорезь шлема с двадцати шагов; и что за десять лет, минувших после гибели Олмера, горбун Санделло ни разу не был побежден. Никем и никогда. Кроме... кроме тех троих, но об этом лучше не думать.

«Олвэн... Ну с тобой мы еще встретимся, дурачок. Встретимся — но как-нибудь потом...»

Санделло ехал на юг. Один. Но — с двумя мечами.

АВГУСТ, 9, ВЕЧЕР, ЮГ ХАРАДА

— А я говорю — там она! — Фолко даже притопнул ногой. — Видел я ее, понятно?

— В харадском войске? — Малыш недоверчиво поднял бровь. — Спятил ты, брат хоббит. Мало того что с привала нас сорвал и уже целый день напрямик через чащобы тянешь — так еще и заговариваешься! Как она может оказаться в войске?! Да ее тотчас растерзали бы!

— Значит, не растерзали, — отрезал хоббит.

Малыш аж руками всплеснул; остальные же, а именно Торин и Рагнур, с любопытством прислушивались к их перепалке.

— Там как раз проходит воинская харадская дорога, — заметил кхандец. — Я эти места знаю плохо, но уж про Тракт — не ошибусь. Так что могут и тхеремцы быть, очень даже могут. И Эовин тоже, если ее поймали не охотники правителя — да разорвется его брюхо от несварения! — а обычные *антары*, воины.

— Не пойму я, Малыш, — ты что же, предлагаешь ее здесь бросить? — наступал тем временем Фолко.

— А будто ты не решил ее бросить, когда мы все к Морю повернули! — огрызнулся Маленький Гном.

Фолко мучительно покраснел. Вроде и сам понимал, что не было у них другого выхода — разве что возвращаться в Хриссааду, в разворошенное осиное гнездо, себе на погибель, в надежде, что схваченную беглянку все же вернут в дворцовое узилище. Уж не струсил ли ты, хоббит?!

— Решили. Верно. А теперь, мыслю, можно ее спасти.

— А если показалось тебе? Или что-нибудь завтра на Водах Пробуждения привидится? — не унимался Маленький Гном. — Туда потащимся, что ли?

— Вот когда на Водах Пробуждения что-нибудь привидится, тогда об этом и поговорим, — нахмурился Фолко. — А пока — пара дней ходу!

Малыш пожал плечами:

— Да мне-то что... Помнится, мы, правда, в Рохан торопились, на войну успеть — но да ладно...

Кровь бросилась Фолко в голову.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я струсил?!

— Вы что, вы что? — взревел Торин, мигом бросаясь вперед. — Фолко! Строри! Рехнулись оба, не иначе, от Света от этого!

Малыш плеснул себе в лицо несколько пригоршней воды.

— Попробуй — здорово помогает, — мрачно буркнул он хоббиту. — Нет, это что ж за дело такое — неужто и впрямь мы друг дружке в горло вцепимся?

— Не будем себя в руках держать — точно вцепимся, — в тон ему обронил хоббит. — Хорошо еще, пока остановить есть кому... А ну как все поддадимся?

— По-моему, просто спорить не нужно, — рассудительно заметил кхандец.

— Это как? — оторопел Строри. — А ежели я, к примеру, не согласен?

— Засунь себе в рот рукоять топора. Нельзя больше спорить, понимаешь? Я должен вывести вас к Морю — тут нечего со мной спорить. А до этого надо выручить девчонку — в который уже раз... Если мастер Фолко считает, что она — в тхеремском войске, зна-

чит, надо идти. Если это не она — мы просто потеряем четыре дня. Тяжело, но не смертельно. Если же это она...

— Потеряем головы... может быть, — криво усмехнулся Малыш. — Хотя — на все воля Махала! Ты знаешь дорогу, Рагнур? Тогда веди, пока я не передумал!

АВГУСТ, 10, ЛАГЕРЬ РАБОВ

Жутковатый путь через леса кончался. Еще два, самое большее, три дневных перехода — и дорога вырвется из лесных тенет на просторы благодатных степей. Там, среди бескрайних разливов травы, новоиспеченным защитникам Тхерема и предстоит принять свой первый бой... в цепях.

По забитой невольничьими караванами дороге двигались не только рабы. Ширя шаг, маршировали пешие отряды, неслись конные сотни — но их было мало, очень мало. Вся тяжесть первого удара должна пасть на нестройную толпу взятых в Минхириате рабов. О враге тхеремцы не говорили ни слова; и мало-помалу рабы начали роптать. Где обещанное оружие? Где нормальная еда? Идти осталось всего ничего, а многие все еще еле передвигают ноги! Какие из них воины?

Эовин мало-помалу пришла в себя. Рожденная в Рохане, сызмальства приученная к седлу, она не сломалась, не погрузилась в тупое безразличие, как многие из ее товарищей по несчастью. Когда схлынуло оцепенение первых дней и даже взгляд Серого, казалось, утратил свою силу, Эовин вновь — и уже всерьез — задумалась о побеге. Для чего гонят в сражение такие орды невольников? Не делить же добычу с тхеремцами, ясное дело... Может, враги харадримов окажутся друзьями? Впрочем, на такое рассчитывать не приходится. Нет, у нее теперь только один путь — на север, к Гондору. Правда, через необозримые пространства враждебного Харада — но Эовин сильно подозревала, что на войне у нее не окажется и этого ничтожного шанса для побега.

Она начала припрятывать хлеб. Осторожно, чтобы не увидели другие — и в первую очередь женщины. Накинутся всем скопом — не убивать же их... Втайне Эовин надеялась уговорить бежать с ней и Серого.

Почти каждый день меж невольниками вспыхивали яростные ссоры, тотчас переходившие в потасовки. Харадские стражники не вмешивались — однако и они становились все злобней. Малейшее подозрение — и невольник рисковал получить копье в брюхо. На лагерь словно опускалась незримая сеть безумия.

Вечером, когда усталый караван наконец-то остановился (конные харадримы с непонятным ожесточением заставили невольников отшагать еще добрых две лиги, прежде чем разрешили разбить лагерь), Эовин улучила момент и хотела осторожно коснуться локтя Серого.

Он стоял спиной к ней, но, казалось, видел все, что творилось вокруг: сотник заговорил, обращаясь к девушке, за миг до того, как ее пальцы коснулись его руки:

— Хочешь бежать?

Эовин опешила. Это было сказано негромким, будничным голосом, спокойно и безо всякого интереса.

— С тобой, — собравшись с силами, выдавила она из себя.

Серый вздохнул, опуская голову, словно раздосадованный непонятливостью ученика учитель.

— Ты побежишь навстречу медленной и лютой смерти, — устало проговорил он. Губы его едва шевелились, и стоявшей чуть ли не вплотную Эовин приходилось напрягать слух, чтобы разобрать хоть слово. — Отсюда можно спастись, только если смотреть вперед, а не назад. Обратно дороги нет. Там еще более верная смерть, чем от стрел и копий врага, что на юге.

— Но... нас ведь гонят на убой! — выдохнула Эовин.

Серый поднял голову, и девушка невольно отшатнулась в сторону: зубы сотника оскалились, точно у почуявшего добычу волка. Блеклые глаза внезапно потемнели, а неширокие плечи развернулись, словно наливаясь силой. Перед испуганной Эовин стоял совершенно другой человек — жуткий, беспощадный, готовый убивать хоть зубами, хоть ногтями.

— На убой, — медленно кивнул Серый. — Но... мы еще посмотрим, кто кого убьет!

— Перебить тхеремцев? — вырвалось у девушки.

Серый усмехнулся:

— Тхеремцев?.. О нет. На это у нас сил не хватит. Будь я один... — Он внезапно осекся, но вроде бы не оттого, что сказал лишнего, а сам удивившись собственным словам.

— Но что ж тогда? — почти простонала Эовин.

— Увидишь, — угрюмо бросил Серый. — Я знаю, что идти надо не на север, а на юг. Спасение — только там. Спасение... и месть.

Пожалуй, это был самый длинный разговор Эовин и Серого.

АВГУСТ, 11, ГРАНИЦА ЛЕСА И СТЕПИ, ЮЖНЫЙ ХАРАД

— Эх, и красотища же тут! — простодушно восхитился Малыш, глядя на расстилавшуюся перед путниками картину.

Полюбоваться и впрямь было чем. С востока на запад протянулся исполинский хребет. Меж гор лежали широкие зеленые долины. С розоватых от солнца вечных снегов вниз, на равнину, сбегали бесчисленные речки и речушки. Среди разбросанных тут и там

холмов кое-где поблескивала синяя озерная гладь. Благословенный край.

Выбегая из леса, харадская дорога тотчас начинала ветвиться. Повсюду виднелись селения, возделанные поля и огороды. На равнине паслись стада.

— Теперь осторожнее, — не забыл предупредить Рагнур. — Место открытое, мы — как на ладони... Ловчие соколы у харадримов преотличные.

— Чему наковальня молот научит? — не слишком церемонясь, огрызнулся Малыш. — Будто сами не знаем! — Кхандец дернул щекой, но смолчал

— Хватит, Строри! — поморщился Торин. — Рагнур дело говорит. Недоглядим — враз нас тут и схарчат.

Малыш с силой потер лицо ладонями.

— Сам не знаю, что на меня находит, — чуть смущенно признался он. — Слова, каких и сам не хочу, так прямо с языка и прыгают!

— Так понятно ведь почему, — буркнул Торин, но Маленький Гном отчего-то взъярился еще больше.

— Не верю я! — заорал он, выхватывая меч и одним ударом снося ни в чем не повинное деревцо. — Не верю, чтобы мной вот так вертели! Даже когда с Олмером... не так все это было! Что я им — кукла?!

— Ты — не кукла. — Фолко дружески положил ему руку на плечо. — Ты — не кукла, и мы все — тоже... Но коли этот костерок не загасим — неминуемо друг дружке в горло вцепимся.. если только не хватит сил покончить с собой раньше.

— Веселенькая история! — Малыш тяжело дышал, понемногу успокаиваясь. — Э-гей, Рагнур! Ты, это... не серчай, значит. Веди нас лучше.

— А куда вести? — откликнулся кхандец. — Фолко должен дать направление!

Хоббит угрюмо потупился. Направление! Не так-то просто...

— Надо взять «языка» и как следует порасспросить его, — подал голос Торин. — Где воинские лагеря и все такое прочее.. Тогда сможем действовать вернее...

— Смотрите! — Малыш прервал друга, резко вытянув руку.

Из недальних лесных ворот на простор зеленой степи медленно выползала исполинская серая «змея». По харадской дороге шли серые колонны людей — никак не воинские отряды. Фолко пригляделся.

— Рабы, — уверенно произнес хоббит. — Идут в кандалах, по бокам — тхеремская охрана. Ого, сколько ж их там!.

Колонна и впрямь казалась бесконечной.

— Вот и ответ, — заметил кхандец. — Идем за ними! Я там вижу кого-то в золоченой броне...

Перебежками, кое-как укрываясь по редким зарослям, Фолко и его спутники следовали за колонной невольников. Было все это донельзя неудобно и опасно; но ничего не поделаешь, приходилось мириться. Протянуть незамеченными до вечера, а в темноте... Удача улыбается смелым!

Невольники (по самым скромным подсчетам Фолко, их в колонне не меньше пяти тысяч) двигались по тракту до самого вечера. И лишь когда сгустились непроглядные южные сумерки, дорога окончилась у ворот громадного укрепленного лагеря.

— Молот Дьюрина! — почти простонал Торин, глядя, как распахнутая пасть ворот поглощает шеренгу за шеренгой. Охрана, как оказалось, тоже не собиралась проводить ночь на открытом месте — несмотря на то, что войско еще не перешло границ Великого Тхерема.

Лагерь располагался в некотором отдалении от деревень Малыш и Рагнур затеяли было обойти его кругом — и вернулись, лишь когда миновала добрая половина ночи. Торин и Фолко вконец извелись от беспокойства.

— Лиг пять отмахали, не меньше, уф! — Малыш плюхнулся прямо на землю. — Дадут здесь что-нибудь голодному гному или нет?

— Дадут, дадут, — проворчал Фолко, исполнявший, как в старые добрые времена, обязанности кашевара. Леса изобиловали дичью — хоть и весьма странной, на вкус хоббита. Но, проведя десять лет в скитаниях, поневоле научишься есть все, что бегает, летает, плавает или ползает. Вот и теперь — ужин путников состоял из отловленной накануне Рагнуром толстенной серой змеи Малыша чуть не вывернуло наизнанку при виде такой добычи — но ничего лучшего не сыскалось, и Маленький Гном, крепко зажмурившись и ругаясь шепотом, ел вместе со всеми, на ощупь запуская ложку в общий котелок. Потом, правда, зажмуриваться уже перестал и ругаться тоже. Мясо есть мясо.

— Лагерь просто громадный, — кивнул Рагнур. — Никогда такого не видел. Больше полутора лиг сторона! Сколько ж согнано туда народа? И зачем, вот вопрос?

— Завтра узнаем. — Малыш с явным сожалением облизывал ложку — поздний ужин оказался, увы, весьма скудным. — Встретим новую колонну... и уж тут ничего не упустим.

Лагерь замер темным холмом — лишь на сторожевых башнях горели сигнальные огни. Фолко и его спутники устроились на ночлег невдалеке, с подветренной стороны — что, если у харадримов наготове свора ищеек?

— И не забудьте про Тубалу! — предупредил остальных хоббит. — Рано или поздно она до нас доберется...

— Вразуми меня Дьюрин, кто же она такая? — проворчал Малыш. — Уж больно лихо дерется!

— И что ей от нас надо? Чего она на нас взъелась? — Торин невольно подтянул повыше топор.

— Может, вы ее кровники? — подал голос Рагнур.

— Кровники? — в один голос удивились Фолко, Торин и Малыш.

— Ну да. Убили ее дружка... или там отца, или брата — вот она и мстит, — охотно пояснил кхандец. — Что, мало от вашей руки народу полегло? А Тубала это и узнала... больше мне ничего в голову не лезет.

— Ну, может, и так, — проворчал Малыш. — Но вот только не похожа она на южанку... Я бы сказал — она с Севера... может, из Королевства Лучников...

— Во владениях бардингов нет обычая кровной мести, — покачал головой Торин.

— Ну, может, она особенная какая-то... — предположил Рагнур.

— Ладно. — Фолко зевнул. — Давайте-ка на боковую. Завтра с рассветом — на охоту...

АВГУСТ, 11, ВЕЛИКИЕ СТЕПИ, СЕВЕРО-ВОСТОЧНЕЕ МОРДОРА

Санделло стоял на коленях. Рядом безмятежно щипали траву лошади. Перед горбуном на расстеленной тряпице лежал обнаженный клинок — тот самый, что былой соратник Олмера обычно нес за спиной. Горбун неотрывно взирал на меч; руки Санделло были сцеплены перед грудью. Старый мечник что-то шептал — истово, горячо, самозабвенно; взоры его впивались в клинок, словно копья.

Догорала заря. Черные горы, северный рубеж Мордора, закрывали полнеба. Там, за темными кручами, лежала опустевшая, как и Великие Степи, земля — мало кому из ушедших с Олмером орков повезло вновь оказаться у своих очагов...

Неожиданно горбун выпрямился. Его собственный меч выскользнул из ножен с легкостью и грацией разящей змеи.

— Я докажу! — прорычал Санделло. Клинок глубоко ушел в землю, пылая в закатных лучах, точно огненный меч самого Тулкаса, Солнечного Вала, в дни давно отгремевших Великих Битв Богов.

Земля тяжко застонала. Тоскливый и яростный, вопль боли и гнева огласил окрестности; вокруг погрузившегося в земную плоть клинка вскипела темная кровь. Лицо Санделло побелело; но сам горбун даже не дрогнул. Резким движением он вырвал покрытый черным меч.

— Я докажу! — Он поднял потемневший меч, грозя непонятно кому — то ли Западу, то ли Северу, то ли Югу.

Точно безумный, он вновь вскочил в седло.

А на вершине холма от вонзившегося меча осталась узкая щель, заполненная темной кровью. Вот только чьей?

АВГУСТ, 12, РАННЕЕ УТРО, ЛАГЕРЬ РАБОВ НА ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ ХАРАДА

Постылые рога сыграли побудку. Серый как раз успел ляпнуть последнюю пригоршню жидкой грязи на золотистые кудри Эовин и проверить, надежно ли держатся фальшивые цепи.

— Становись, воронья сыть, становись! — орали харадские глашатаи. Полутысячные тхеремцы неспешно направлялись к своим отрядам; сотники из рабов торопились выстроить невольников.

— Сегодня все начнется... — услыхала Эовин тихий шепот Серого. Подняла глаза — и не выдержала, отшатнулась. Блеклые глаза вспыхнули. Черный вихрь на миг пронесся в них — и вновь исчез.

— Ч-что?.. Что начнется? — слабым голосом пролепетала девушка.

— Враг близок, — выдохнул Серый. Лицо его покрывал пот. — Бой... не сегодня завтра.

Больше Эовин ничего не успела добиться от него. Звучно взревели трубы, и пятисотенный рявкнул, стоя в окружении нескольких десятков телохранителей (ряды сомкнуты, луки натянуты, копья наготове):

— Слушайте все! Коварный враг близок! Пришло время вам доказать свое право на свободу. За мной! Шагом!.. Вперед!..

Сотня за сотней, громадная армия рабов Харада (а в лагерь согнали не менее ста тысяч человек — верно, полностью выбрав всех, кого могли, с рынков Умбара и внутренних областей страны) потекла через ворота.

— Оружие!.. Где же оружие? — летело над нестройными рядами.

Эовин невольно жалась поближе к Серому. Ладонь дочери Рохана нащупала спрятанную в лохмотьях саблю. Она ловила взгляд молчаливого сотника, однако тот так и не произнес ни слова — лишь, прищурившись, озирался по сторонам.

Сотню Серого выгнали за пределы лагеря. Перед невольниками, плавно понижаясь к горизонту, лежала обширная, чуть всхолмленная равнина с редкими купами деревьев. На первый взгляд страна казалась богатой и мирной — если бы по тонким лентам дорог не тянулись бесконечные цепочки возов, нагруженных домашним скарбом. Солнце поднималось все выше, но юго-восточный край горизонта — там, где уже кончались горы, — и не думал светлеть. Все небо там было заткано дымами пожарищ.

— Вот это да... — прошептал кто-то за плечом Эовин. Это подала голос женщина — их никто и не думал отделять от воинов-мужчин.

Навстречу спасавшимся жителям Южного Харада шли тхеремские конные сотни — но их было мало, очень мало...

— Так! Слушайте все! Ваше дело теперь — копать рвы и отсыпать валы! — надсаживаясь, крикнул харадрим-глашатай, парень с луженой глоткой. Рядом с ним застыл в седле хмурый полутысячник — лицо его казалось чернее ночи. — Заступы и кирки — разбирай!

Громыхая железом, из ворот лагеря уже выезжали возы с инструментом. Тхеремские конные стрелки разворачивались вокруг, готовя луки. Рабов отгоняли в сторону от лагеря.

— Давайте — отсюда и дальше! — Полутысячник неопределенно махнул рукой. — Ров глубиной в два моих роста, вал... Ну, короче, сами увидите. Приступайте!

— Так не приказывают, — услыхала Эовин тихое бормотание Серого.

— Что? — переспросила девушка.

— Так не приказывают, говорю. Ройте, мол, и все тут. А вдобавок — здесь нет нужды копать рвы. Никаких рук не хватит, чтобы перегородить равнину. Они просто тянут время...

Тем не менее за работу пришлось взяться всерьез — харадримы шутить не умели. Серый быстро расставил людей по местам — кому относить, кому копать, кому рыхлить; и дело пошло быстрее, чем в соседних сотнях, где все ковырялись кто во что горазд.

Солнце мало-помалу поднималось все выше; поток беглецов иссяк. Не шли больше и тхеремские рати.

Только на горизонте клубился черный дым пожаров.

АВГУСТ, 12, СУМЕРКИ, ОКРЕСТНОСТИ ЛАГЕРЯ РАБОВ

— Не везет так не везет. — Малыш перевернулся на спину и, заложив руки за голову, философически уставился в постепенно темнеющее небо. — День крысе каменной на зуб! За целый день — ни конного, ни пешего!

Ведущая на север дорога и впрямь точно вымерла. В лиге к юго-востоку копошилась неисчислимая армада рабов — копали землю, строя укрепления, план которых Торин оценил крайне низко.

— Крепкого пива они перебрали, что ли? Зачем тут рвы? Их копай не копай, все равно обойдут.

— Может, они на крыльях бой дадут? — предположил Фолко. — А тут — чтобы легче удержать центр?

— Где ж тогда войска? — заметил Рагнур. — Здесь от силы несколько охранных тысяч! Хватит, чтобы рабов в узде держать, но отбить серьезный штурм?..

— Ночью я пойду в лагерь. — Прищурившись, Фолко смотрел на уродливый нарост из стен и башен, опоганивший величественный зеленый холм. — Не возражать! Я пойду один. От вас, гномов, шума порой больше, чем от бочки с камнями, катящейся под гору!

— Ну ты и загнул! — уважительно отметил Малыш, почесывая бороду и даже забыв возмутиться.

— От гномов — может быть, — невозмутимо уронил Рагнур. — А от нас, кхандцев? К тому же — как ты харадрима допрашивать станешь?

— Увидите, — гордо заявил хоббит.

— Не прав ты, Фолко. — Торин покачал головой. — Идти надо всем вместе. Найдем кого-нибудь из кхандцев побогаче и...

— Только давайте не спорить! — предупредительно встрял Малыш. — А то не ровен час... опять друг в друга вцепимся...

— В лагере полным-полно народу, — принялся убеждать друзей Фолко. — Рабы, надсмотрщики, воины... Один я проскользну незамеченным — а с вами придется снимать часовых! Лучше подождите меня у стен. Запаситесь факелами и, если я подам сигнал, — зажигайте все вокруг!

— А что за сигнал-то?! — в один голос воскликнули Торин и Малыш.

Вместо ответа Фолко разжал руку.

На ладони лежал небольшой деревянный цилиндр, торцы его были запечатаны алым сургучом. Витой шнурок пронзал сургучную нашлепку, уходя в глубь цилиндра.

— Что это за штука? — удивился Торин. — И откуда она взялась?

— Смастерил, еще когда мы жили в Бэкланде. — Фолко подбросил цилиндрик. — Я так понимаю: наследство старины Гэндальфа... Если дернуть за шнурок, из цилиндра вылетает алый огненный шар... Я и не знал, что у нас в Хоббитании еще сохранилось это искусство! А вот гляди-ка... Один умелец в Бэкланде меня тогда и научил, пока вы, достопочтенные, спорили, где пиво лучше — в «Зеленом Драконе» или же в «Золотом Шестке»!.. Одним словом, если будет туго, я выпущу этот шар — а вы уж тогда постарайтесь устроить переполох посильнее!

АВГУСТ, 13, ЧАС ПОПОЛУНОЧИ, ЛАГЕРЬ РАБОВ

Намаявшись за день, Эовин все же не смогла уснуть. Стояла жаркая, душная ночь. Невесть откуда налетели тучи кровососов; даже когда караван тащился мимо зловонных лесных болот, этой нечисти было куда меньше.

Но донимали не только кровососы. Едва стих гул громадного лагеря, как порыв горячего юго-восточного ветра принес дальнее

многоголосое завывание — пополам с гулким рокотом, словно сотни сотен барабанов гремели в унисон.

Серый приподнялся на локте. Лицо его было мрачным, но спокойным.

— К утру будут здесь, — негромко произнес он.

Этот немолодой и странный человек был ее единственной надеждой; иногда казалось, что он вчера родился на свет, а иногда — что он уже давным-давно измеряет шагами бесконечные тропы этого мира.

— Кто?

— Враги Тхерема. Харадское воинство отходит. Завтра наш плен кончится. — В глазах Серого застыло странное выражение — но едва ли его можно было принять за уверенность в победе.

— Но... рвы не откопаны... ничего не готово...

— Им нужно было просто продержать этих бедняг до прихода наступающих. А чтобы в голову не лезли всякие ненужные мысли, дали в руки заступы.

— Но... как же мы будем завтра сражаться?! — Несмотря на жару, Эовин охватил озноб. — Голыми руками?!

— Не думаю. Что-то в лагере слишком много странных возов... — негромко заметил Серый. И больше Эовин не добилась от него ни слова.

АВГУСТ, 13, ДВА ЧАСА ПОПОЛУНОЧИ, ЛАГЕРЬ РАБОВ

Фолко без помех перебрался через высокую лагерную стену. На дозорных башнях горели факелы, перекликались часовые, коротко взлаивали псы — дурно их школят, хороший сторож подаст голос не раньше, чем будет точно уверен, что враг рядом, — но разве это могло остановить ловкого, гибкого хоббита, десять лет проведшего в опасных странствиях? Бесшумно закинув обмотанный тряпками крюк на верх стены, Фолко в несколько движений оказался на гребне. Аккуратно смотал веревку и спрятал снасть.

Лагерь строили наспех, изнутри осталась масса подпорок. Фолко неслышной тенью скользнул вниз. Его никто не заметил.

Взору хоббита открылось громадное пространство, покрытое палатками, шатрами и навесами. Скорчившись на жалком подобии циновок, вповалку спали невольники. По нешироким дорожкам прохаживалась до зубов вооруженная стража — самое меньшее, по четыре воина в патруле. Было довольно светло — костры горели на каждом перекрестке. Дело оставалось за малым — поймать тхеремца. Лучше — командира, чтоб мог ответить на вопросы. Отыскать Эовин Фолко почти не надеялся — разве что он случайно наткнется на нее.

Подходящий харадрим подвернулся довольно быстро. Грузный, неповоротливый, в раззолоченных доспехах, он тяжело протопал ко входу в высокий шатер, небрежным жестом отослав охрану.

Выждав момент, хоббит скользнул следом. Привычное дело... мало он брал вот таких вот самоуверенных, раззолоченных силачей, что смотрели на него сверху вниз и полагали, будто могут пришибить, как муху?..

«Что это со мной? — думал Фолко, укрывшись в густой тени подле шатра. — Словно глаза чьи-то в спину пялятся... или... нет, что-то знакомое... где-то близко... я это уже видел... чувствовал... когда-то давно...»

Смутное беспокойство не отпускало. Хоббит не впервые пробирался в самое сердце вражеской рати; но подобного с ним никогда не случалось. Некое чувство, вроде бы прочно забытое... Внутренний взор Фолко то и дело наталкивался на странную неправильность в окружавшем его сером полумраке — там, в отдалении, вспухало Нечто, расталкивая то, что люди обычно называли Реальностью. Комок новорожденной, нечеловеческой Силы... Слепой, не сознающей самое себя... Очень, очень похожей на...

«Да в уме ли ты, брат хоббит? — одернул сам себя Фолко. — Совсем, верно, плох стал... Мерещится невесть что...» Он тряхнул головой и постарался выбросить увиденное из головы. Он подумает об этом после... Когда разберется с тхеремцем.

Возле облюбованного им шатра горел костер; в полутора десятках шагов сидели караульные; удостоив их одним-единственным взглядом, хоббит скользнул за полог.

Тхеремец был очень-очень удивлен, когда его горла коснулось нагретое за пазухой хоббита острие кинжала. А дальше все было уже совсем просто.

Ловко орудуя одной рукой, хоббит спутал харадриму руки.

Тхеремец расширенными от ужаса глазами взирал на невесть откуда свалившегося ему на голову врага.

Кинжал крепко лежал в сжимавшей рукоять небольшой ладони; темные глаза ночного гостя были холодны и решительны. И тхеремский тысячник внезапно и твердо уверовал, что этот тип и впрямь перережет ему горло в тот самый миг, когда он раскроет рот, чтобы позвать на помощь... Причем перережет еще до того, как удастся поднять тревогу... Покорившись судьбе, харадрим не сопротивлялся.

Как следует связав пленника и покончив с еще кое-какими делами, Фолко махнул рукой в сторону выхода.

Так они и пошли — громадный, рослый тхеремец и невысокий хоббит. Пленник чувствовал сталь возле самого сердца и шагал смирно — лишь обильно потел, верно, от страха. Караульные почтительно отсалютовали начальству; умело скрывавшегося в тени хоббита они не заметили. Да и то сказать — откуда взяться врагу посреди хорошо укрепленного лагеря?

Они подошли к стене, и тхеремец замычал, мотая головой, —

Фолко недвусмысленно тянул его наверх, — но один-единственный укол кинжалом в левое межреберье заставил пленника покориться.

Со стороны казалось: разомлевший в духоте шатра воин вышел подышать ночной прохладой. Стража на стенах с ленцой покосилась в сторону начальника. Посты не проверяет — ну и ладно...

Ничто так не прячет, как открытость. На виду у всех часовых пленник взошел на гребень стены и остановился, опираясь о колья. То, что в тени грузной фигуры прятался ловкий и юркий хоббит, не заметил никто.

Левой рукой Фолко накинул на бревна обмотанный тряпкой крюк. Веревка скользнула вниз с легким шорохом. Теперь предстояло самое трудное.

Снизу донесся чуть слышный тройной скрип. Гномы и Рагнур на месте. Фолко оставалось только ждать.

Ожидание продлилось недолго. Над одним из шатров внезапно взвились языки пламени. Вечно голодный огонь скользнул по богатым, расшитым занавесам, щедро рассыпая снопы искр. Караульные вскочили на ноги; кто-то ударил тревогу.

Именно этого и ждал хоббит. Часовые на дозорных башнях все, как один, смотрели только в сторону быстро разгоравшегося пожара; в следующий миг обезумевший от ужаса тхеремец, обдирая ладони, скользнул по веревке вниз со стены — прямо в объятия Маленького Гнома.

— Бежим! — Фолко не отставал от пленника. — Сейчас они там сообразят, что к чему...

Однако там, за стенами, все думали о пожаре, об одном лишь пожаре. Резкое движение тхеремца, когда тот перелезал через ограду, краем глаза заметил один из часовых; но ему показалось, что это движение воин сделал, бросаясь *вниз* по лестнице, — и потому не поднял тревогу... Но об этом Фолко уже никогда не узнает.

— Ну и молодцы же вы, хоббиты! — восхищенно покачал головой Малыш, когда они все оказались в безопасном отдалении. — Я бы до такого не додумался... Как это ты?

— Ничего особенного, — отмахнулся Фолко. — Масляная лампа, веревка и огарок свечи.

Пожар тем временем разгорался. В лагере поднялась нешуточная тревога. Кто-то даже затрубил в боевой рог.

— Ладно, пусть себе суетятся, — махнул рукой Торин. — У нас есть заботы поважнее...

Рагнур, не теряя времени, взялся за дело. Пленник, пораженный до глубины души той легкостью, с которой его выкрали из самого сердца тхеремского войска, покорился своей участи и отвечал без утайки — тем более что захватившая его мрачная шайка отнюдь не походила на тех врагов, что наступали сейчас с юго-востока... Фолко и его друзья узнали много интересного. Великий Тхерем воевал, оказывается, со странным племенем перьеруких, невесть откуда навалившимся на юго-восточные рубежи. Война шла из рук вон плохо — тхеремцы отступали, поскольку враг сражался с небывалым ожесточением, без раздумий жертвуя собой, если того требовало сражение. Здесь пролегал последний рубеж...

— Почему последний? — невольно удивился Фолко. В самом деле — к северу от благодатной степи тянулись жаркие и влажные леса, непроходимые чащобы и болота; там один человек с луком мог остановить целое войско.

— Великий правитель и благородные сословия искали ответа возле Черной Скалы, и ответ Сил был четок и недвусмыслен, — разъяснил Рагнур. — Врага должно остановить здесь.

— Ну и глупые же эти их Силы! — непочтительно фыркнул Малыш.

— Может, и не в них дело, — заметил кхандец. — Может, в Хриссааде кто-то хочет кого-то подсидеть... оказаться поближе к трону... у них такое в порядке вещей.

— Спроси его: зачем здесь столько рабов? — обратился к Рагнуру Фолко. — И спроси еще — понимает ли он, что сражение на этой позиции они непременно проиграют?

— За нас великие Силы, — последовал ответ. — Враги наши назавтра умоются кровью!

— Что за ерунда! — Торин пожал могучими плечами.

— Это не ерунда... — задумчиво произнес Фолко. — Думается мне, тут не обошлось без того, что мы ищем...

— Ты уверен?.. — начал было Малыш.

— Именно. Попахивает явным безумием... Ставить войско на заведомо невыгодную позицию... мы бы выбрали совсем иную... А почему? Да потому, что кому-то наверху, похоже, стукнуло в голову, что отступать перед врагом, мол, позорно и надо теперь стоять насмерть...

— Нам от этого не легче, — пробурчал Маленький Гном.

Фолко кивнул:

— Да, правдивые вести мы можем сыскать, похоже, только у перьеруких...

— У их набольших, — уточнил Торин.

Кхандец покачал головой:

— Тамошних мест я не знаю. Я и тут-то могу вести только по наитию...

— Э, нам не впервой! — Малыш беззаботно махнул рукой. — Столько лиг вот так, наугад, исхожено... Так что пойдем до конца.

— Одна беда — Южных Наречий не знаем, — заметил Торин.

— Так и я — только по-харадски болтаю. — Рагнур развел руками.

— Вингетора бы сюда, — пробормотал Фолко. — Он-то их речь изучил...

— Без него справимся, — отрезал Торин.

— А Эовин? Что с Эовин? — напомнил кхандцу Фолко.

Однако тут друзей ждала неудача. Собственно, на успех рассчитывать было трудно — только в том случае, если девушка угодила в руки охранников. Едва ли они бы так легко расстались с золотоволосой уроженкой Рохана...

Но все усилия оказались тщетными. Пленник — а он оказался ажно тхеремским тысячником — ничего не знал об Эовин. Хотя — сквозь зубы — и выдавил, что она могла укрыться среди рабов...

— Значит, будем искать среди рабов, — подытожил Торин. — Фолко! Не мог бы ты...

— Разумеется, если только один непоседливый гном не будет дергать меня все время, — усмехнулся хоббит.

Дивное Древобородово питье сгинуло бесследно, и Фолко приходилось рассчитывать только на себя — да еще, быть может, на помощь перстня Форве. Нелегко заставить истаять все до единой мысли; яростный свет, казалось, жжет глаза даже сквозь плотно сомкнутые веки.

Перед мысленным взором медленно шевелилась какая-то толпа. Казалось, люди стоят в ней так плотно, что, опустив руку, они уже не в силах поднять ее вновь.

«Эовин!»

Огненный мотылек вырвался из-под руки, взмывая над лагерем, где кончали заливать водой обгоревшие остатки нескольких шатров.

«Эовин!»

Каждый взмах радужных крыльев отзывался жестокой болью во всем теле. Эта толпа... столько душ, столько мыслей... Как отыскать в этом скоплении чистую помыслами Эовин?

Однако что это? Мотылек словно наткнулся на невидимую стену... тотчас сменившуюся жестоким, тянущим к себе — но и гибельным огнем. Не знающая жалости — как и новорожденный младенец — Сила, бесформенная, беспамятная, полуслепая...

И очень могущественная.

Хоббиту казалось, что он ползет по узкому тоннелю, причем стены густо усеяны острыми, раздирающими плоть шипами. Он вгонял мотылька во внезапно сгустившийся воздух, словно копье в грудь врага. Радужные крылья беспомощно затрепетали и обвисли; посланца удерживала одна лишь воля хоббита.

Внизу шевелилась неразличимая масса.

И вдруг... Знакомый проблеск золота разметавшихся в беспокойном сне волос — волос, покрытых засохшей грязью, защитой от посторонних взоров — совсем рядом с этой чужой Силой!.. Той самой, что...

Фолко застонал. Мотылек превратился в бесформенный клубок обрывков радужных крыл. Рука хоббита потянулась к клинку

Отрины: казалось, если дать клинку вновь напиться крови, он поможет...

Да, это была Эовин. В глазах полыхало слепящее желтое пламя, однако хоббит узнал девушку. А вот рядом с ней...

Миг, один-единственный миг смотрел хоббит на лежавшего подле Эовин человека. А затем неведомая Сила легко, словно пушинку, отшвырнула хоббита прочь...

Он пришел в себя. Рот был полон крови, из полуослепших глаз градом катились слезы, руки, словно обретя собственную жизнь, судорожно шарили по траве.

Всполошившиеся гномы долго приводили его в чувство, пустив в ход последние капли тщательно сберегавшегося вина.

— О-она там, — кое-как выдавил наконец хоббит, когда к нему вернулась способность видеть, слышать и мыслить. — Я нашел ее. Но там есть и еще кое-кто... какой-то... я не знаю... дух... дух во плоти... очень, очень сильный... я склонился над ним... пытался разглядеть лицо... не смог... одна темнота... мрак, и ничего больше... лица нет, понимаете, совсем, совершенно нет!

Остолбеневшие гномы слушали его в молчании. Рагнур же лишь удивленно крутил головой, не понимая ни единого слова.

— Волшебник?.. Чародей среди рабов? Что за чепуха? — пробурчал Торин себе под нос. — Откуда ему там взяться?..

— Спроси лучше, откуда ему вообще взяться в Средиземье? — Фолко яростно тер воспаленные, слезящиеся глаза. — Время магов закончилось! Давно! Олмер... убит! Его нелюдь смыта волнами Великого Моря!

— Саруман... — осторожно предположил Малыш.

— Ну да, конечно же, Саруман, — саркастически хмыкнул хоббит. — Если только Варда вдруг смилостивилась и вернула ему первоначальный облик!.. Не говори ерунды...

— Эльф? — вопросительно взглянул Торин.

— Ох, да не знаю я! — Фолко откинулся на спину, закрывая лицо ладонями. — Говорю ж вам — ничего нельзя было ни разглядеть, ни понять...

— Вот и еще одно на нашу голову! — сплюнул Малыш. — И за что только нас так возлюбил Великий Дьюрин?..

— Не иначе как твоя тяга к пиву тому причиной, — мрачно пошутил Торин. — Но что толку вопрошать Праотца? Быть может, в Мории он бы еще и снизошел до ответа, а тут... слишком далеко до наших корней. Так что давай забудем о Дьюрине! По крайней мере до тех пор, пока не вернемся на Север...

— Ничего не понял из ваших речей, ну да ладно, — усмехнулся кхандец. — Скажите лучше, что делать дальше? Фолко нашел девушку — и теперь?

— Теперь придется снова лезть в лагерь, — проворчал Торин. — Как иначе ее выручить?

— А может, обменять ее у харадримов на этого жирного тысячника? — предложил Рагнур.

— Тебе лучше знать, пойдут они на такую сделку или нет, — пожал плечами Фолко.

— Может, и пойдут... только потом все равно из кожи вон вылезут, чтобы стереть нас с лица земли, — пробормотал кхандец. — Шансов, конечно, мало... — Он погрузился в размышления, что-то бормоча себе под нос.

Суета в лагере тем временем стихала.

— Сейчас они хватятся сего борова... и нам, боюсь, придется улепетывать без оглядки, — заметил Фолко.

— Да, надо уходить, — спохватился Рагнур. — Поднимайтесь, поднимайтесь! Пока они еще не спустили собак...

— А этого? — Малыш с самым что ни на есть кровожадным видом потянулся к кинжалу. Пленник затрепетал.

— Оставим тут. Не позже утра его отыщут, — ответил Фолко, торопливо собирая нехитрый походный скарб. — Лишнюю кровь на себя брать...

— И то верно, — одобрил Торин. — Мы ж не головорезы...

Четыре облаченные в плащи фигуры скрылись во мраке. Связанный тхеремский тысячник остался на земле, с трудом веря в собственное спасение.

Над всем Средиземьем застыла ночь. Застыла в тревожном ожидании — что-то принесет с собою рассвет?

АВГУСТ, 13, НОЧЬ

Все время, пока Фолко, Торин и Малыш путешествовали от Хорнбурга до Умбара и далее, пока собирался флот Морского Народа и вершились остальные события, берегом сперва Минхириата, а потом Белфаласа пробиралась странная пара — неуклюжий толстый всадник в сопровождении свирепого пса. Точно безумные, они обшаривали каждый фут берега, питаясь тем, что добывали скудной прибрежной охотой и рыбалкой.

Сборщик податей Миллог и осиротевший пес искали труп Серого.

Глава 3

АВГУСТ, 13, РАННЕЕ УТРО, СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ПОДСТУПЫ К МОРДОРУ

В эту ночь горбуну по имени Санделло не спалось. Взглянув на его лицо, пожалуй, кто-нибудь мог бы сказать, что старого мечника до самого рассвета мучили кошмары. Глаза воина ввалились, окруженные синеватыми кругами. Проснувшись, он долго сидел, приходя в себя.

Позади лежал длинный путь. Впереди вздымались скалы Мордора — громадные, черные, грозные. Цепи хребтов закрывали от Санделло вершину Ородруина, но великая гора не дремала — над вершинами в небо уходила тонкая струйка черного дыма. Прищурившись, горбун несколько мгновений смотрел туда, на юго-запад, а потом его рука неожиданно потянулась к небольшому серому кошелю-зепи, что висел на поясе. Расстегнув стягивавший ее ремешок, Санделло натянул перчатку и осторожно запустил пальцы внутрь.

Горбун осторожно извлек на свет сперва тонкую черную цепочку, а затем — и висевшее на ней кольцо тусклого желтого металла. Щека Санделло дернулась — то ли презрительно, то ли негодующе.

— Ищи, — негромко произнес он, давая кольцу свободно повиснуть на черной цепочке.

Несколько мгновений ничего не происходило, и на лице горбуна уже начало появляться выражение привычного разочарования, когда кольцо неожиданно дрогнуло и цепочка отклонилась от вертикали. Удивительный компас указывал на юг.

АВГУСТ, 13, УТРО, ЮЖНЫЕ РУБЕЖИ ХАРАДА

Если за отрядом Фолко погоня и была выслана, то впустую. Четверо спутников благополучно укрылись в зарослях на границе степи и леса. Лагерь остался на юго-востоке.

— Будем считать, что оторвались, — резюмировал Торин, обозревая окрестности.

— Оторваться-то оторвались, да только, думаю, не потому, что бегаем быстро, — усмехнулся с вершины дерева Малыш. — Гляньте-ка во-он туда!

Маленький Гном не поленился вскарабкаться повыше.

— Ну и что там? — нетерпеливо осведомился Торин.

— Влезай — и сам все увидишь!

Приглашению Малыша немедленно последовал Фолко.

С вершины степь просматривалась далеко на юг и восток. Вот он, лагерь, вот черные росчерки рвов, валы и все прочее... Скопище каких-то странных телег о шести здоровенных — в человеческий рост — колеса каждая (это уже на пределе зрения)... выходящие из ворот лагеря колонны невольников...

— Не туда, не туда! — прошипел Малыш, удобно устроившийся в развилке пятью футами ниже. — Дальше, дальше!

Взгляд хоббита скользнул к самому горизонту. Там все было черным-черно. Солнечные лучи оказались бессильны проникнуть сквозь плотную завесу. Дым стоял настоящей стеной, и в

высоту эта стена достигала многих сотен футов, если судить по горной цепи, уходившей прямо в черную завесу. Возле самой земли время от времени мелькали алые и желтые искорки.

И кое-что еще. Там, вблизи от стены дыма, зелень степи исчезла, погребенная под неким серым колышущимся покрывалом. Мало-помалу хоббит смог различить отдельные ручейки и реки, что неумолимо текли на северо-запад, — людские реки. Это колышущееся покрывало было исполинским войском — войском в невесть сколько сот тысяч воинов, — и оно быстро двигалось вперед.

Не веря себе, Фолко протер глаза. Ничего, разумеется, не изменилось. Да, пока еще воинство довольно далеко, но не пройдет и часа... Да нет, нет, чушь, ерунда, бессмыслица! Неужели они станут атаковать с ходу — после такого марша? Воин должен идти в бой свежим, а не вымотанным долгим переходом, да еще по здешней полуденной жаре!

В лагере харадримов тоже заметили опасность. Бросая недокопанные рвы, отряды рабов освобождали дорогу выкатываемым телегам и немногочисленным харадским тысячам, на конях и *велбудах*.

Хоббит только покачал головой. Да, невольников харадримы пригнали немало... Вот только станут ли рабы воевать? И разве могут те несколько тысяч тхеремских воинов остановить всесокрушающую серую лавину, что катилась с юго-востока?

От гор на юге и до зеленой полосы лесов на севере — в надвигающемся сером море не видно ни единого разрыва. Куда там Саурону с его жалкими отрядами орков! Куда там Олмеру, что привел на Исенскую Дугу около ста тысяч! Нет. Этих, наступающих сейчас на один-единственный укрепленный лагерь тхеремцев, было больше. Гораздо больше...

«Но этого же не может быть! — крикнул сам себе Фолко. — Откуда могут взяться такие армии? Там же все должны помереть если не от голода, то от жажды!»

По пути наступления серой армады один за другим вспыхивали крошечные коробочки домов. Черная отвесная стена дыма тоже мало-помалу приближалась.

Гномы и Рагнур, оцепенев, смотрели на катящийся вал. Какая скала остановит его? И сколько человеческих тел лягут в основание этой скалы, прежде чем ярость наступающих разобьется о нерушимость защитников?

— Эовин! — вырвалось у хоббита. — Она же сейчас там!

— Это наш последний шанс, — хрипло произнес Торин. — В суматохе сражения...

— В случае чего — отобьемся! — беззаботно подхватил Малыш. — Вот только Рагнур...

— Уж, наверное, не уступлю ловкостью тебе, коротышка! — обиделся кхандец. — Я не поверну назад, не думайте!

— Вот и хорошо. — Хоббит спешил вооружиться до зубов. — Идем же, идем, нельзя терять время!

— Будет много крови... — уронил Торин.

— Да! — с болью выкрикнул Фолко. — Но что поделать?! Постараемся хотя бы не убивать без нужды...

Маленький Гном подпрыгивал от нетерпения. Для него каждый бой по-прежнему оставался забавой...

Они бежали через равнину, почти не прячась и уповая лишь на удачу. Разумеется, они существенно опережали серую волну, но как отыскать потом Эовин, когда начнется свалка? И вдобавок они пешие... Как увезти потом девушку из-под самого носа наступающих?

— Ну вот и все, — очень спокойно промолвил Серый, опуская поднесенную козырьком ко лбу ладонь. — Вот и все. Они уже тут. Право же, рожденная в Рохане, на это стоит посмотреть!

Последние дни сотник обращал все свои речи исключительно к Эовин.

Отряд Серого оказался впереди других невольничьих сотен, и наступление серой армады предстало им с холма во всей зловещей красе. В толпе раздались вопли ужаса, кто-то проклинал весь белый свет, кто-то просто падал ничком, закрывая голову руками. Разве могли выдержать такое зрелище бедные пахари и лесорубы Минхириата, никогда особо не рвавшиеся в бой?!

Эовин застыла неподвижно, закусив губу. Теплый эфес лежал в ладони. Нет, она не опозорит роханскую кровь постыдными воплями и рыданиями! Если здесь ей суждено принять последний бой, что ж, да будет так. Пусть никто не сложит песен о ее гибели, пусть ее никто не оплачет (старшая сестра не в счет; небось и приданое-то, мамой оставленное, давно уж себе прибрала)... Да, да, пусть! Она будет сражаться на этом холме так, как сражались герои Исенской Дуги и Хелмского Ущелья!

Тем временем харадримы, казалось, оправились от неожиданности. Похоже, их не слишком пугал вид надвигающейся вражьей орды, — очевидно, они знали, с чем придется столкнуться. Засвистели бичи; стражники в полном вооружении наводили порядок. Рабов десяток за десятком, сотня за сотней гнали к здоровенным шестиколесным возам — очень странным возам, с высоченными крутыми бортами и громадными колесами с толстыми ободами и спицами.

— Ого! — Серый удивленно поднял бровь, разглядывая странные сооружения. Больше всего они напоминали поставленные на колеса деревянные коробки. Никаких признаков того, что в них должны запрягать лошадей. Кроме того, суетящиеся вокруг возов мастеровые быстро и сноровисто прикрепляли к ободам

колес длинные, сверкающие серповидные клинки, каждый длиной в три, а то и в четыре локтя. В верхней части шел ряд узких отверстий, вроде как бойниц. Борта обиты мокрыми шкурами.

Во взгляде Серого что-то блеснуло.

— Они совсем обезумели, — шепнул он ничего не понимавшей Эовин. — Ничего у них не выйдет. Завязнет вся эта громада...

— Внутрь! Внутрь! Все внутрь! — прервал его речь вопль полутысячника.

Сзади борт воза открывался, словно настоящие ворота. И длиной эта повозка, самое меньшее, вдвое превосходила знакомые Эовин телеги. Шириной, кстати, тоже.

На уровне груди от одного борта до другого тянулись поперечные жерди — так, что можно было налегать и руками, и грудью. Над головами — дощатый потолок. Снизу боевую повозку защищали подвешенные на цепях доски — чтобы не поразили стрелой.

— Ну и придумают же!.. — Губы Серого кривились в усмешке.

— Ваше дело — катить все это! — проорал командир-тхеремец. — Часть внизу — толкает. Часть наверху — бьет врага стрелами и копьями!

— И все? — спокойно осведомился Серый. — А как тут поворачивать?

Оказалось, что поворотной сделана передняя ось...

— За мной. — Серый первый шагнул внутрь.

Наверху и в самом деле нашлись луки, копья, топоры на длинных рукоятках и очень много стрел. Всей сотни Серого хватило лишь на четыре боевых повозки.

— Не отставай, — бросил он Эовин, расставляя своих людей по местам и ободряя павших духом. Девушка заметила, что вокруг себя сотник собрал самых сильных и крепких. И еще — она, Эовин, была единственной девушкой, попавшей в одну команду с Серым.

— Там, внизу, — орал снаружи тхеремский глашатай, — ваша свобода! Все, кто вернется в лагерь — станут свободными и полноправными тхеремцами! Все, кто струсит и побежит — будут преданы лютой смерти! Выбирайте сами: свобода или шакалья яма!

Вдоль длинной гряды холмов выстроилась нескончаемая шеренга боевых повозок. Все тхеремцы остались во второй линии. Началось ожидание...

— А может... — тихонько шепнула Эовин Серому, — может, всех харадримов... их же стрелами... да и бежать?

— Нет. — Серый даже не повернул головы. — Те, кто будет думать о спасении — погибнут.

— Но почему... — начала было Эовин, и тут оказалось, что схожие мысли приходят в дурные головы одновременно.

С одной из повозок в харадримов густо полетели стрелы. Воз заскрипел и тронулся с места, направляясь прямо к группе харадских всадников. Двое или трое из них упало под стрелами — но оказалось, что тхеремские воители хорошо подготовились к подобным неожиданностям. Прямо под ноги невольникам полетели утыканные гвоздями доски — и не одна, а десятки. В мгновение ока мятежники оказались в колючем кольце. Крики и вопли наступавших с разбегу на гвозди... проклятия... и повозка остановилась. Затем началось самое страшное.

Подступиться к возу было невозможно, и вперед выдвинулись харадские пращники, заложив вместо камней в ременные петли какие-то дымящиеся глиняные горшочки. Летели эти штуки недалеко и медленно, однако, разбиваясь о доски, вспыхивали чадящим ярко-рыжим пламенем.

Эовин вскрикнула от ужаса.

Воз запылал как-то сразу весь, от колес до крыши, струи жидкого огня текли по сырым шкурам; воздух наполнило непереносимое зловоние. Дикий предсмертный вой рвался из рдяного нутра; людям осталось жить несколько мгновений, их прикончит даже не огонь — но едкий черный дым...

Остальные невольники, все, сколько их было, окаменев, смотрели на жуткое зрелище. Да, харадримы шутить не умели.

Крики стихли. Слышался только треск пламени. Девушка покосилась на Серого: сотник стоял, скрестив на груди руки, и молча взирал на пожарище. На лице его застыло странное выражение — словно он уже видел нечто подобное... нечто очень похожее... и тогда ему тоже было очень больно...

— Смотри-ка, запалили зачем-то? — удивился Маленький Гном при виде взвившегося впереди пламени.

Друзья ненадолго остановились перевести дух. Все-таки сейчас предстояла нешуточная схватка, и лучше поберечь силы.

— Запалили, и ладно, — махнул рукой Торин, — лишь бы нам это помогло.

— Едва ли, — с некоторым унынием отметил Фолко. — Сам видишь, невольников-то внутрь этих дурацких штуковин загнали! Знать бы еще зачем... Что же теперь — заглядывать в каждый такой воз и осведомляться: прошу прощения, судари мои, а нет ли здесь некой Эовин Роханской?

— Надо будет — заглянем, — посулил Малыш.

Им предстоял последний бросок. Но — по совершенно гладкой и ровной, как стол, луговине. Впереди торчало одно-единственное дерево — и на его ветвях уже обосновалась целая стая голошеих стервятников — пожирателей падали...

— То-то будет им поживы, — мрачно заметил Маленький Гном. — Ну, так что теперь? Встанем во весь рост — и вперед?..

— Вперед, вперед... Э, похоже, харадримы на том костре человечину жарят! — Торин сжал кулаки.

— Эовин там нет! — вырвалось у Фолко.

— Но есть другие, ничуть не хуже, — сурово молвил Торин. Фолко лишь тяжко вздохнул и скрипнул зубами. На сердце было черным-черно, и он как-то даже невольно начинал забывать о том, что они и сами очень даже могут не вернуться из этого боя, выдержав сперва атаку тхеремцев, а потом наверняка — той таинственной серой армады, что надвигалась с юго-востока. Неужто и в самом деле перьерукие?..

— Если в открытую — то пойдем, а не побежим. — Торин лишний раз тронул топор — легко ли вынимается! — Побежим если — даже последний глупец поймет, что дело неладно. А так... может, и проскочим...

— Безумие, чистое безумие... — пробормотал Фолко, не сводя глаз с пылающего воза. — Пожалуй, побезумнее даже, чем тогда, с Олмером... у Болотного Замка...

— Если что — погодите в драку лезть, я сперва с ними поговорю, — торопливо бросил Рагнур. — Наплету им что-нибудь... мы, мол, наемники из Умбара, желаем сражаться вместе с вами... Хорошо? За железо схватиться всегда успеем...

Солнце меж тем поднималось все выше и выше — и, словно завидуя дневному светилу, в злобной гордыне тщась потягаться с ним, росла на горизонте дымная стена. Вражье войско было уже неподалеку. Только теперь Фолко вдруг подумал, что, наверное, для Великого Орлангура битвы людей и впрямь кажутся очень красивым зрелищем. Могучий, все сметающий серый вал человеческих тел, неведомыми силами согнанный к поспешно возводимой тхеремцами запруде; длинная вереница высоких повозок со сверкающими сталью косами на ободах (о подобных боевых колесницах хоббиту доводилось и слышать, и читать в Гондоре и Эдорасе); строй верховых харадримов, на конях и *велбудах*, в блистающих бронях, в алых и золотых одеяниях; зелень степи — хотя ей давным-давно полагалось быть иссушенной дожелта; голубизна небес; чернота вздыбившегося дыма. Пожалуй, впервые в жизни хоббит смотрел на разворачивающуюся перед ним драму чуть со стороны, взглядом хоббита, а не воина, отличающегося от людей только ростом да густой растительностью на ногах. Это было грандиозно. Страшно. Завораживающе. Гибельно. Разумом Фолко понимал, что совсем-совсем скоро захватывающая картина, что могла тешить взоры холодного, стоящего вне Добра и Зла Золотого Дракона, исчезнет, сгинет, развеется, подобно утреннему туману под ветром. Развеется, едва лишь силы сшибутся. К трем основным цветам картины добавится четвертый — алый, цвет крови. А она, похоже, разольется здесь настоящим половодьем.

Невольно хоббит вспомнил незабываемую атаку хирда в самой

первой, победоносной битве с воинством Олмера на полпути между Аннуминасом и Форностом, вспомнил цветное лоскутное одеяло, бессильно повалившееся под ноги наступающим подземным копейщикам. Это случится и здесь... только теперь серая волна перьеруких захлестнет и похоронит под собой разряженные харадские тысячи. И ничего тут уже не поделаешь. Четверым не остановить такое воинство. Успеть бы Эовин спасти — а там как Дьюрин рассудит, по присловью гномов...

Четверо воинов шли через поле — прямо к линиям харадского войска. Время рассчитано точно: сражение вот-вот должно начаться — и тхеремцам станет просто не до них. Но как подать о себе весть Эовин?..

Цилиндрик, запечатанный алым сургучом!.. Детская забава, огненная потеха из тех, что так любят мирные по природе своей хоббиты!.. Авантюра, безумный риск — а что еще оставалось делать?

Рука хоббита уже сжала теплое дерево, пальцы уже тянули витой шнурок — когда в харадских рядах грянули боевые рога и все до единого повозки, быстро набирая ход, устремились вниз.

Широко раскрыв глаза, забыв и о сабле, и о луке, Эовин смотрела вперед, не в силах отвести взор. Там, от края и до края земли, от гор до леса, развертывалось покрывало из сотен тысяч живых существ. За их спиной был только дым. Казалось, он порождает их, своих бесчисленных слуг и рабов, и они, послушные злой воле этого облака, идут и идут вперед — чтобы убивать и быть убитыми. Передовые отряды подошли уже достаточно близко; можно было различить отдельных воинов, в легком вооружении, с короткими дротиками или топорами. Шлемов, щитов, кольчуг Эовин не видела.

Чувствительный тычок в плечо заставил девушку прийти в себя. Прищурившись, Серый пристально глядел на нее — и от одного этого взгляда из головы Эовин разом вылетел весь страх. Их повозка, набирая ход, катилась вниз по длинному, пологому склону, прямо навстречу атакующим. Внизу, под дощатым настилом, слышался мерный топот ног. Сверкали, сливаясь в гибельный круг, острые косы на ободах колес. Воины Серого были уже готовы к бою. Наложены стрелы, выставлены копья...

Справа и слева от повозки Эовин катились вниз десятки других возов. Их длинная цепь растянулась больше чем на лигу — и все же крылья вражеского войска могли беспрепятственно окружать боевые возы невольников.

— Первый удар ничего не решит, — спокойно заметил Серый. Сотник замер в своей излюбленной позе — руки скрещены на груди — и невозмутимо взирал на быстро приближавшиеся вражеские цепи.

Перьерукие наступали без всякого строя, подбадривая себя

визгливыми боевыми кликами. Казалось, вид надвигавшихся повозок ничуть не смутил врагов Великого Тхерема. Воины других народов, быть может, попытались бы расступиться, пропустить набравшие ход, щетинящиеся сталью повозки; а перьерукие словно бы ничего не замечали. Даже напротив — казалось, сверкание кос на ободах только притягивает их.

— Готовься! — коротко приказал Серый. Невольники подняли луки и копья. Эовин же внезапно оробела — ей впервые в жизни предстояло вступить в бой с теми, кто не сделал ничего плохого ни ей, ни ее народу. Убивать этих несчастных — за что? Несмотря на свои неполные пятнадцать, Эовин уже довелось видеть смерть и страдания; и, хотя девочки в роханских степях взрослеют быстро и учатся сражаться наравне с мальчишками, первой выпустить стрелу в наступающих Эовин не могла.

Серый, похоже, понял ее колебания.

— Либо убьешь ты — либо убьют тебя. — Он жестко взглянул в глаза Эовин. — Выбирай, но только не медли!

Перьерукие воины оказались совсем рядом. Разумеется, никаких перьев на руках у них не оказалось: как говорил Вингетор, перья служили отличительным признаком аристократии. Эовин увидала совершенно обычных людей, худощавых, высокорослых, с вытянутыми длинными лицами, смуглокожих. На голове каждый из них носил плюмаж из перьев.

Свистнула первая стрела, выпущенная кем-то из перьеруких. Тхеремцы поскупились на доспехи, невольников прикрывали только борта повозки; то и дело приходилось кланяться шелестящей смерти. К ногам Эовин на излете упала стрела — грубое древко, кое-как укрепленное оперение, наконечник из кости... Такими баловались роханские подростки, получив первый в своей жизни доспех из толстой бычьей кожи. «Эх, будь у меня кольчуга!.. Пусть не такая, как у мастера Холбутлы, пусть самая обыкновенная!..»

— Стреляй! — гаркнул Серый. До вражеских рядов оставалось совсем немного. Повозка набрала ход, бешено крутились серпы, готовые врубиться в незащищенную плоть.

Остальные невольники дружно отпустили тетивы, торопясь набросить новые стрелы. Промахнуться было невозможно — настолько плотными оказались ряды наступавших. Эовин неуверенно подняла лук... и внезапно обжегшая левое плечо боль заставила ее — от неожиданности — пустить первую стрелу.

Навсегда оставшийся безымянным воин перьеруких схватился за пробитую грудь и рухнул.

Несколько мгновений спустя повозка врезалась в толпу.

Первое, что услышала Эовин, — тупой жуткий хряск. Хряск, через секунду потонувший в истошных предсмертных воплях. Давя, рубя и калеча, повозка прокладывала дорогу через людское море, и борта ее сверху донизу мгновенно окрасились алым.

Эовин выпустила лишь одну-единственную стрелу. И замерла от ужаса, не в силах смотреть и не в силах отвернуться. Девушка застыла, глядя, с какой легкостью резали человеческую плоть громадные косы, как пронзали перьеруких длинные копья, рубили тяжелые топоры и пробивали стрелы. Вместо того чтобы расступиться перед чудовищем, воины перьерукого племени бросились на него со всех сторон. Эовин видела их лица — на них не осталось ничего человеческого. Это были даже не звери, нет... словно какая-то Сила выпила до дна у несчастных души, бросив после этого на убой. Они словно бы забыли о том, что жизнь дается один раз, что побеждать врага надо так, чтобы не погибнуть самому, что умирать без толку проще всего... Они лезли на повозку со всех сторон, словно пытались остановить ее голыми руками. Топорики пытались рубить потемневшие от крови серпы — бесполезно, тхеремские железоделы славились по всему Средиземью; сами воины бросались под колеса, тщась уцепиться за торчащие копейные навершия и взобраться наверх — лишь для того, чтобы им раскроили головы длинные топоры воинов Серого.

Сам сотник не притронулся ни к копью, ни к луку. Не обращая внимания на кипящую вокруг жуткую бойню, на взлетавшие брызги крови, он смотрел по сторонам, отдавая команды. Самое опасное — застрять в грудах мертвых тел, потерять ход и остановиться. Тогда участь всей команды Серого предрешена. Прежде чем иссякнут силы у тех, что толкали повозку вперед, Серому надо было или выйти из боя, или найти такое место, где они смогли бы продержаться...

Эовин обернулась. Там, на гребне всхолмья, неподвижно стояли конные тысячи Великого Тхерема. Стояли, безучастно наблюдая за бойней. Они могли не беспокоиться — ни один из воинов вражеской армады не прошел дальше линии боевых повозок. Не потому, что невозможно было проскочить, — а потому, что никто из перьеруких не уклонился от боя.

Склон кончился, возы замедляли ход. Каждый из них напоминал сейчас медведя, со всех сторон облепленного свирепыми псами. Борта походили на шкуру встопорщившегося ежа от множества воткнувшихся дротиков; серпы вязли в кровавом месиве из мяса и костей.

Спереди и сзади, где не было смертоносных кос, кипела особенно жестокая схватка. Перьерукие выстраивали живые пирамиды, пытаясь вскарабкаться наверх; наконечники копий увязали в насаженных на них трупах. Стальные резаки рассекали пытавшихся грудью остановить повозку, но на место павших вставали все новые и новые. Это казалось невозможным, но это было именно так. Воз Серого оставлял за собой широкую дорогу, вымощенную мертвыми телами; наверное, воины иных народов остановились бы, попытавшись справиться с врагом как-то иначе, но — не

перьерукие. С непонятным безумством они лезли и лезли на верную смерть.

Оцарапанное стрелой плечо Эовин кровоточило, но девушка даже не чувствовала боли. Развернувшееся избиение было страшным, неестественным и чудовищным, и юная роханка с трудом удерживалась, чтобы не упасть без чувств. Невольники из сотни Серого отлично справлялись без нее. Крепость на колесах прокладывала себе путь сквозь толщу вражеских отрядов и теперь уже вся, без остатка, была залита горячей человеческой кровью.

Соседние возы, следуя примеру Серого, пробивались все глубже и глубже в ряды перьеруких, которым успех сопутствовал лишь однажды. Эовин видела, как, возведя целую баррикаду из мертвых тел, перьерукие взобрались по передку воза, и вскоре через борта полетели разодранные на куски тела рабов...

— Смотришь? — спокойно осведомился Серый у Эовин. Сотник оставался каменно, неправдоподобно спокойным; казалось, он все знает наперед. — Смотри-смотри. Полезно... Эй, вы, а теперь давайте-ка прямо!..

Лавируя, подаваясь то назад, то вперед, повозка пробивалась все дальше и дальше, навстречу стене дыма. Ряды перьеруких казались бесконечными; места убитых тотчас занимали новые. И у невольников начало иссякать мужество.

— Все напрасно! — Звероподобный детина, только что зарубивший очередного врага, внезапно отбросил алебарду, плюхнулся на задницу и в голос зарыдал, уткнувшись бородатой физиономией в ладони. — Все это зря-а-а...

— А ну вставай! — неожиданно для самой себя, крикнула на него Эовин. — Стыдись, трус! И смотри!

Она вновь растянула лук, пустив стрелу в упор. Перьерукий, что карабкался вверх с зажатым в зубах ножом, молча опрокинулся вниз, и коса враз располосовала его тело надвое.

— Молодец! — услыхала она одобрительный возглас Серого. — Давай дальше!

За первой стрелой последовала вторая, третья, четвертая... Промахнуться в такой толчее не смог бы даже слепой. Пронзенные стрелами Эовин, враги падали один за другим. Бездоспешные, почти беззащитные... Они размахивали топорами, швыряли дротики — но Эовин словно хранила иные, Высшие Силы. Юная роханка отвечала, в очередной раз отпустив тетиву, — и счет убитым возрастал еще на одного.

— Теперь держи прямо! — отдал Серый очередное распоряжение. Здесь вновь начинался пологий склон; если взять чуть влево, то можно было пробиться к смутно темнеющему вдали лесу. Остальные повозки, ведомые не столь опытными командирами (хотя где и как мог Серый набраться такого опыта?), сильно отстали.

Только теперь Эовин увидела, что войско перьеруких не бес-

предельно. Ряды воинов в серых накидках с плюмажами редели; стала видна вытоптанная, истерзанная земля. А впереди, в нескольких лигах от повозки, вздымалась в небо исполинская черная стена. Вдоль ее нижнего края сновали мелкие языки пламени.

— Что это?! — воскликнула Эовин.

— Это горит сама земля! — крикнул в ответ Серый. Сотник сильно наклонился вперед, всматриваясь.

— Как так?!

— Не знаю; похоже, какое-то чародейство!

Невольники, все, как один, взвыли:

— Поворачиваем! Поворачиваем!

— Нет! — зарычал Серый, точно старый вожак на ощетинившуюся от страха стаю. — Вперед! Спасение — только там!

— Но...

— Никаких «но»! Оглянитесь и посмотрите сами — только не останавливайтесь, рубите, рубите, пока нас не разорвали на куски!

Эовин оглянулась. И верно — мало-помалу, ценой неимоверных потерь перьерукие останавливали одну боевую повозку за другой. Сильные в движении, возы, остановившись, рано или поздно не выдерживали натиска. И тогда волна смуглых, едва прикрытых серыми накидками воинов с ликующими криками врывалась внутрь... победные кличи мешались с предсмертными воплями ужаса и жалкими, бесполезными мольбами о пощаде...

Разговоры тотчас оборвались.

— Эй, внизу! Поднажмем! Осталось уже немного!

Граница дыма тоже не стояла на месте. Она приближалась, и притом довольно быстро. В щели между землей и нижним краем непроглядной тучи бушевал огонь. Девушка уже могла различить рвущиеся вверх клубы, ярко-рыжие, перевитые черными струями дыма... Эовин затрясло от страха. «Это же верная смерть!» — вопило все внутри ее. Но Серый, нимало не смущаясь, вел утлый деревянный корабль все дальше и дальше, вниз под уклон, навстречу огненному валу. Воины перьеруких по-прежнему валились снопами под колеса, падали под ударами топоров, катились вниз, пронзенные копьями...

Но уже сдавали те, кто толкал повозку там, внизу. Скрепя сердце Серый отправил вниз полдюжины бойцов покрепче; Эовин пришлось сражаться за троих. Закинув лук за спину, она выхватила припрятанную саблю. Первая же голова, показавшаяся над бортом повозки, слетела с плеч — Эовин и сама не знала, что в силах нанести такой выверенный удар — четко, с оттягом... Ее обрызгало горячей кровью; а на смену убитому врагу уже лезли двое новых...

Тут уж настала пора взяться за дело самому сотнику. Эовин не разглядела его замаха — только застонал рассекаемый воздух. Широкий топор на длинной рукояти разом снес головы двоим

перьеруким, что на беду свою одновременно вскарабкались на борт...

«Он не человек, — внезапно с трепетом подумала девушка. — Человек не в силах так ударить. Только... только богатырь вроде Хамы... А Серый... на вид-то... не больно силен...»

Сотник в несколько секунд очистил борта от прилепившихся врагов. Невольники внизу поднавалились, крякнули, ухнули — и вырвали завязший было воз из завала изрубленных тел.

Огонь ярился уже совсем близко; Эовин всем телом ощущала горячее, злое дыхание пламени. Казалось, там, впереди, горит сама земля и жадный огонь не успокоится, пока не сгрызет под собой все-все, добравшись до каменных Костей Земли, крепче которых ничего нет в целом свете...

Рабы падали на доски настила с жалобными воплями, бросая оружие и закрывая головы руками. Казалось, их сотник обезумел, направляя уже почти прорвавшуюся сквозь вражеские ряды повозку на верную гибель. Вскоре продолжала отбиваться одна только Эовин, вся забрызганная чужой кровью, точно древнее божество войны.

Перьерукие не осмелились приближаться к пламенной стене. С хриплым разочарованным воем они раздались в стороны; путь был открыт.

Пламя торжествующе гудело, свиваясь в тугие смерчи. И прежде чем рухнуть ничком, прячась за высокими бортами, Эовин бросила последний взгляд назад: там, далеко позади, неспешно тронулась с холмов харадская конница. Единой катящейся волны перьеруких более не существовало; посреди усеянной тысячами и тысячами трупов равнины уцелевшие с ожесточением добивали невольников в их боевых повозках. Харадские командиры правильно выбрали время удара. Ни раньше, ни позже их сотни не смогли бы сделать большего...

Жар опалял лицо, девушке казалось, что на ней вот-вот вспыхнет одежда.

— Голову накрой! — услыхала она свирепый рык Серого. Сотник, единственный из всех, остался стоять, словно пламя не могло причинить ему вреда.

В следующий миг повозка ворвалась в огонь.

В жизни своей Фолко не видел ничего страшнее.

Он прошел через множество битв, познал черное отчаяние на башнях обреченной крепости Кардана, когда казалось, что рушится весь мир. Изведал смертную горечь — после поражения на Исенской Дуге, когда под ноги воинства Олмера легло тридцать тысяч роханских храбрецов. Он дрался с призраками и нежитью, стоял лицом к лицу с самой Ночной Хозяйкой, чувствуя, как злобное чародейство высасывает из него жизнь. Десять лет жизнь

трепала его, как могла; десять лет он мерил шагами все великое Средиземье от Вод Пробуждения на Восходе до Синих Гор на Закате, сражаясь под знаменами Рохана, Беорнингов, Гондора, Эсгарота, родной Хоббитании, — но никогда ему не было настолько страшно, как в тот день.

Укрывшись за стеной брошенного харадского лагеря и чувствуя, как неведомая прежде томительная боль разрывает сердце, Фолко Брендибэк видел, как катились вниз по склону боевые повозки харадримов. Не требовалось много ума, чтобы понять их замысел. То, что на первый взгляд казалось безумством, на деле было хорошо продуманным планом. Перьерукие набросились на повозки, точно голодные псы на добычу, напрочь позабыв обо всем.

С замиранием сердца, чувствуя, что дыхание его вот-вот готово прерваться, Фолко следил, как множество боевых повозок все глубже и глубже погружалось в рыхлую, неисчислимую массу воинства перьеруких. За каждой из повозок оставался широкий кровавый след — настоящие курганы изрубленных и раздавленных тел. Только что это мертвое мясо было живой плотью живых людей, невесть зачем ринувшихся навстречу собственной гибели... Фолко не чувствовал к ним ненависти, напротив — неожиданно для самого себя ощутил, что жалеет их. Тысячи и тысячи расставались с жизнями там, внизу, — расставались невесть зачем и непонятно ради чего. Они уже никогда не вернутся к семьям, их очаги остынут, а сыновья станут копить силы и раздувать в собственных душах жажду мести.

Настанет день, когда она осуществится.

Сталь серпов на колесах боевых повозок унесла жизни десятков тысяч. И Фолко с неожиданной ясностью понял, для чего они пришли сюда, на дальний Юг. Нет, не только для того, чтобы вытащить из застенков так некстати увязавшуюся с ними Эовин. И даже не для того, чтобы понять природу сводящего с ума Света. Нет.

Их привела сюда сама всемогущая Судьба, та самая Судьба, что превыше эльфов, людей и гномов, превыше магов и призраков, превыше Орлангура и Валар, превыше даже самого Единого. Привела для того, чтобы хоббит и два гнома убили бы эту войну. В прошлый раз им не удалось остановить Олмера. С великой щедростью Судьба дарует им второй шанс.

Вот перед тобой — смертное поле, хоббит. Каждую секунду несколько сотен на нем расстается с жизнью. Сталь кромсает плоть, дробит кости, колеса вминают останки в землю, а надвигающаяся с востока стена пламени довершает невиданную битву грандиозным погребальным костром, пожрав всех, и мертвых, и раненых, и умирающих. Ты уже бессилен помочь им, хоббит. Но в твоих силах сделать так, чтобы этот ужас остался бы в прошлом. Уже хотя бы ради этого тебе стоит жить.

Гномы и кхандец молча стояли рядом. Фолко готов был проза-

кладывать свой мифриловый доспех против ржавого гвоздя, что его спутники думают и чувствуют сейчас так же, как он.

Было что-то завораживающее в этом грандиозном кровавом спектакле, равного которому не случалось со времен Войны Гнева...

Второго такого избиения в Средиземье не будет уже до Скончания Дней.

Невольники почти что выполнили свою задачу. Войско перьеруких терзало их повозки, точно псы кабанов, терзало — и теряло, теряло, теряло людей, десятками, сотнями, тысячами... Там, где другие воины — даже под дурными командирами — заплатили бы едва ли полусотней жизней, перьерукие ложились тысячами.

Этого Фолко не мог понять. Его рассудок пасовал, не в силах объяснить творящееся. Что за странная атака? Кто ей командовал? Безумец? И все в его войске — тоже? Откуда их столько взялось? Какое исполинское королевство смогло выставить столь неисчислимую армаду? Увиденное не укладывалось ни в какие рамки...

— Нам надо отыскать Эовин, — услыхал хоббит свой собственный голос.

Малыш аж подпрыгнул, не обращая внимания на стоявших совсем близко харадских всадников.

— Ты чего несешь, а?! Где мы ее отыщем, а?! Там?! — Он ткнул пальцем в сторону смертного поля.

— Раз она там, значит, нам надо следовать за ней. — Хоббит отлично понимал, что это — почти верная гибель, и все же...

Клинок Отрины властно толкнулся в грудь, словно говоря хозяину: «Я могу! Я пособлю!» «Спасибо тебе», — подумал хоббит, мысленно обращаясь к кинжалу. Пальцы сомкнулись на резной рукояти, и сквозь взвихрившийся знакомый хоровод синих лепестков Фолко разглядел крошечную фигурку с золотыми волосами, что отчаянно размахивала саблей, стоя у борта боевой повозки — той, что ближе всех подошла к краю огненной тучи.

— Проклятье! — Фолко вскочил на ноги, забыв об осторожности. Его спасло лишь то, что как раз в эту секунду харадские рога сыграли сигнал атаки.

Ровная линия конницы неспешным шагом двинулась вниз. Часть воинов подняла луки, часть — приготовила копья; рога прозвучали вторично, и все до единого скакуны тхеремцев сорвались с места. С криками, гиканьем и улюлюканьем, наставив копья и развернувшись в лаву, харадримы помчались по склону — туда, где перьерукие добивали остатки невольничьей рати.

И следом за грозной конной лавиной бежали четверо странных пеших воинов — на которых до сих пор никто так и не обратил внимания. Алый боевой стяг Тхерема развевался далеко вправо; там, вокруг тхеремского полководца, оставалось несколько десятков воинов личной охраны. Все прочие, до единого человека,

пошли в бой — довершить начатое рабами. Если кто и заметил Фолко и его спутников — то не придал тому значения.

Хоббит бежал, пытаясь не выпустить внутренним взором ту повозку, на которой отчаянно отбивалась от нападающих Эовин. Вскоре покрытый травой склон кончился — земля исчезла под слоем трупов.

У убитых от плеча до кисти тянулись невысокие костяные гребни, у кого повыше, у кого пониже; конечно, не сравнить с почти что настоящими перьями Фелластра, но ошибиться невозможно. В остальном они ничем не отличались от людей — высокие, красивые... Правда, руки их значительно уступали силой обитателям Севера, но если этот народ способен выставлять такие армады...

Иные были еще живы, бессмысленно пытаясь ползти, дергались, хрипели в агонии и наконец замирали окончательно.

Впереди все еще длился бой. Упрямо отвоевывая лишние мгновения жизни, не прекращали драться несколько десятков уцелевших повозок. Увлеченные атакой — или же просто ослепленные некоей Силой, — перьерукие, вместо того чтобы сомкнуть строй или хотя бы развернуться навстречу новой угрозе, продолжали штурмовать высокие борта повозок. И харадская конница, посылая перед собой гибельные веера стрел, врезалась в толпу, точно коса Смерти.

Кони топтали копытами людей. Всадники пронзали копьями, рубили с седел длинными кривыми саблями и расстреливали из луков. Навстречу атакующим наездникам полетели было дротики, но их оказалось уже мало (львиная доля торчала в бортах боевых повозок), и витязей Тхерема это не остановило. Потеряв не более двух десятков, конная лава погнала перьеруких на восток, к пылающей огненной стене.

— Не успеваем! — с отчаянием выкрикнул Фолко. Повозка с Эовин катилась прямо к огненной завесе. Что за безумец ведет на смерть уцелевших в этом небывалом сражении людей?!

Ближе, ближе, ближе... Фолко бежал с закрытыми глазами — неведомая Сила вела его вперед, не давая споткнуться. Внутренний взор не отрывался от крошечной фигурки с золотыми волосами — вот она неумело, но с яростью ткнула саблей в какого-то обезумевшего воина перьеруких... вот, закрываясь от жара рукой, бросилась ничком на доски...

И тут повозка ворвалась в огонь.

— Нет! — Захлебываясь криком, Фолко споткнулся, рухнул ничком, прямо на изрубленный, покрытый кровью труп. Мир померк перед глазами. Тонкая нить, протянутая между ним и золотоволосой фигуркой, внезапно лопнула, хлестнув обжигающей

непереносимой болью, отчего Фолко едва не лишился чувств. Хоббит видел взметнувшиеся вокруг воза волны пламени, молниеносно поглотившие вожделенную добычу...

Все. Дальше бежать не за чем.

Сильные руки друзей-гномов подхватили хоббита и поставили на ноги.

— Уходим! Пока харадримы на нас не наткнулись... — Малыш крутил головой, озираясь по сторонам.

Сражение мало-помалу смещалось все дальше и дальше к юго-востоку. Первый порыв харадской конницы угас, но преимущество в вооружении и выучке оставалось. Тонкая цепь всадников по-прежнему теснила перьеруких прямиком к огненной стене.

— К лесу! — скомандовал Торин.

— Нет! — Фолко с трудом разлепил губы. — Вперед... за ней... надо... найти...

— Они ж в пламя въехали! — рявкнул Малыш. — В огонь! Их уже нет, считай!

— Быть может... сквозь огонь... можно проскочить, — выдавил хоббит, по-прежнему бессильно опираясь на руки гномов. — Мы... должны... знать точно... Понимаешь?

— Понимаю, понимаю! Кишки нам харадримы выпустят, вот тогда-то все и поймем!

— В самом деле, Фолко... — начал было Торин, но хоббит скорчил настолько свирепую физиономию, а глаза внезапно полыхнули таким огнем, что даже видавший виды Малыш, неутомимый спорщик, хмыкнул и без возражений двинулся вперед.

Предательская слабость уходила. К тому мгновению, когда десятка полтора воинов в изорванных, заляпанных кровью серых накидках бросились со всех сторон на маленький отряд, Фолко уже оправился. И первым нанес удар — плашмя опустив меч на голову безумца, кинувшегося на хоббита с занесенным дротиком.

— Не убивайте! — крикнул Фолко друзьям. Вовремя — дага Малыша уже летела к горлу обреченного противника; тонкая сабля кхандца отшибла в сторону легкий топорик перьерукого и явно нацеливалась снести ему голову. — Прорвемся и так!

Они действительно прорвались. Легкие копьеца и почти невесомые топорики перьеруких — ничто против выплавленного в Горне Дьюрина оружия. Оглушив и сбив с ног полдюжины человек, хоббит и его спутники проложили себе дорогу к огненной стене...

Пожалуй, впервые за десять лет своей бурной жизни бродячего воина Фолко во время схватки чувствовал лишь отвращение и ужас. Убить безумца — все равно что убить ребенка, шутки ради кинувшего в тебя камешком. Быть может, эти люди были закоренелыми злодеями, насильниками и убийцами. Но разве он, Фолко,

имеет право судить их, обрекая на смерть и не давая возможности оправдаться?!

Они оставили по правую руку замерший воз невольников. Трупы громоздились чуть ли не вровень с верхней кромкой борта. Среди серых плащей кое-где мелькало одеяние тхеремских невольников, и, судя по всему, их, еще живых, вытаскивали из повозки и разрывали на части голыми руками...

В конце концов, еще дважды столкнувшись с бежавшими куда глаза глядят перьерукими, Фолко и его спутники оказались возле огненной стены. Пламя наступало, выбрасывая вперед длинные, стелящиеся языки — словно небывалый ярко-рыжий с черными подпалинами зверь жадно лизал беззащитную землю, и она тотчас же вспыхивала, даже если на ней, казалось бы, совершенно нечему гореть.

Увы, дальше пройти они не смогли. Жар стоял такой, что не подойти и на сотню шагов. Пламя пело победную песнь — нескончаемую, глумливую... Оно наступало. Что будет, когда оно доберется до леса?

— Надо уходить, Фолко! — воскликнул Торин. — Мы исполнили один наш долг! Теперь время подумать и о другом!

Фолко со сдавленным криком метнулся было вперед — однако Маленький Гном ловко повис у него на плечах, мигом придавив к земле.

— Да опомнись же ты наконец! — рявкнул Строри в самое ухо хоббиту.

Гномам пришлось силой тащить Фолко прочь со смертного поля. Сперва Фолко молча пытался вырваться, затем внезапно обмяк, позволяя вести себя куда угодно. Торин тревожно глядел на друга: уж не повредился ли рассудком?

Фолко едва мог видеть что-либо вокруг себя. Глаза застилала черная пелена отчаяния. Эовин больше нет... в таком пламени ничто не уцелеет... она погибла... погибла из-за него...

Его второе зрение отказало сразу и напрочь, едва только повозка пересекла границы огненной дуги. Значило это все что угодно: девушка мертва, и пламя сейчас глодает ее кости... или в огненной стене скрыто некое чародейство...

Ни харадримы, ни перьерукие не преследовали четверку, по горло занятые истреблением друг друга.

АВГУСТ, 13, ВЕЧЕР, БЛИЗ ВОСТОЧНОГО ОКОНЧАНИЯ ПЕПЕЛЬНЫХ ГОР

Давно остались позади истерлингские степи и Голубые Леса Прирунья. Перед Санделло лежал восточный Мордор — заброшенная, опустевшая земля. И без того скудная, она хоть и плохо, но кормила осевших на ней после Падения Барад-Дура мордор-

ских орков, сменивших меч воина на плуг пахаря или кельму строителя. Десять лет назад все здешние племена, вспомнив былое, дружно поднялись, встав под знамена вождя Эарнила. С ним они шли от победы к победе, покорив Запад, дойдя до последней эльфийской крепости — где и нашли свою гибель. Выведенные Олмером из боя истерлинги наслаждались плодами долгожданной победы в каменных городах Арнора, а орки... орки двинулись за своим вождем на решающий приступ и оказались в самом сердце чудовищного взрыва, когда Серые Гавани погибли вместе с торжествующими победителями.

Земля Мордора после этого совсем опустела. И если в истерлингских степях оставшиеся *знали*, что их сыновья, братья или просто родовичи живы-здоровы в новой могучей державе — королевстве Терлинга (каковой уже успел объявить себя законным наследником Короля Элессара), то обитатели Мордора так же твердо *знали*, что их близкие стали кормом для рыб...

Горбун въехал в приграничную деревушку. Орки, как и хоббиты, неохотно расставались с многолетней привычкой жить под землей и дома строили лишь в силу необходимости. В северо-восточном Мордоре — пустынной, всхолмленной земле — было мало лесов, и дома поневоле строились из камня.

Санделло спешился. Деревенька ему встретилась крошечная — лишь десяток домов, из которых три явно заброшены. А в остальном... селение «кровожадных» орков, столь долго наводивших ужас на все Средиземье, ничем особенным не отличалось, скажем, от дальних выселок истерлингов-пахарей. Те же дети, играющие по краям единственной улочки, те же старики, греющиеся на солнце...

Сидевший возле крайнего домишки старый гоблин, подслеповато щурясь, вгляделся в застывшего пришельца, окутанного черным как ночь плащом. Вгляделся — и внезапно дернулся, как от удара, сделав попытку вскочить и поклониться. Правая нога не гнулась, рассеченная клинком, — гоблин пошатнулся, нелепо взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и...

Твердая рука Санделло поддержала старика.

— Господин... господин... — прохрипел орк, с ужасом глядя в лицо горбуна.

— Времена изменились, Горбаг, — спокойно заметил старый мечник. — Тебе не следует называть меня «господином».

Орк оскорбленно выпрямился, глаза блеснули гневом.

— Я служил великому вождю Эарнилу. Я знаю, кто был его правой рукой! И до смерти своей не забуду этого! И я помню, как надлежит обращаться к командиру!

— Тогда я приказываю тебе забыть об этом, — вздохнул Санделло...

— ...Так вот мы и живем с тех пор. Ни один из парней с войны

не вернулся. Один я, калека, которого не взяли в последнюю атаку! — Горбаг опустил голову, черные волосы упали на плоское, иссеченное рубцами лицо. Санделло знал, что на этом лице оставили свои метки и стрелы роханцев, и копья гондорцев, и мечи Арнора...

Они сидели в небольшом домишке старого гоблина, за древним, потемневшим от времени дощатым столом. Невольно горбун подумал, что точь-в-точь такой же стол, покрытый царапинами, изрезанный ножом, никогда не знавший скатерти, был у него самого в брошенном на произвол судьбы доме — там, на северо-востоке, в Цитадели Олмера...

— Ты знаешь что-нибудь о дороге на юг? — Санделло расстелил на столешнице карту. — Мы проходили этими краями, но сильно восточнее... Мне не хотелось бы делать крюк.

— Было дело — заратились с Кхандом, — прокряхтел Горбаг. — Теперь никто и не упомнит из-за чего. Кто-то на кого-то набегом пошел, другие — в ответ... Порубили друг друга, да при своих остались...

Санделло терпеливо слушал.

— Это я к тому, что до Южной Стены дорога чистая, а вот дальше, через Кханд, можно и не проехать. А у нас запросто... Вот только надо западнее взять. Здесь деревень наших мало.

Они замолчали. Старый орк опустил глаза — тяжелый, пронзающий взгляд Санделло, казалось, проникает в самую глубь мыслей. Гость как будто хотел что-то спросить, уже и рот открыл — но отчего-то одернул себя, недовольно скривил тонкие бледные губы и промолчал.

— На ночлег-то... — заговорил было Горбаг, но мечник уже поднялся:

— Благодарю. Мне пора.

Слегка кивнув в ответ на низкий поклон, Санделло шагнул за порог.

Опытный взгляд бывалого воина вновь обежал деревню. Да... С такими сейчас много не навоюешь. Мальчишки! Учить их еще и учить...

Появление горбуна в деревне, разумеется, не осталось незамеченным. У жилища Горбага собрались остальные обитатели — женщины средних лет да старухи. Гоблины помоложе теснились в задних рядах.

— Ты что же это, *бурцгул*, опять к нам притащился?

Страшная на вид седая старуха вышла вперед. Иссеченные морщинами руки, скрюченные от непосильной работы пальцы, ввалившиеся щеки... Но осанка оставалась гордой.

Санделло молча смотрел на говорившую. Десять лет назад он бы... а впрочем, зачем вспоминать, сейчас не то время. С какой стати она должна приветствовать его, уведшего на смерть всех до единого воинов ее народа...

— Опять парни наши понадобились? Слушай меня, черный *снага*, убирайся отсюда по-хорошему! Ты ловок с мечом, я знаю — но да и у нас найдется, чем ответить!

Позади нее с ноги на ногу переминались несколько лучников, все — совсем еще молодые.

Санделло молчал. Старуха распалилась еще больше:

— Только-только в себя приходить стали, только-только внуки взамен сыновей выбитых подросли — а ты опять тут как тут! В прошлый-то раз дурачье это ревело «Вперед!», да «Пошли!», да «Вождь Эарнил!». Теперь никто реветь не станет. Поумнели, хвала Лугбурцу! Так зачем сюда пожаловал?

Горбаг появился за спиной Санделло:

— Гость он мой, Гарра.

— Гость... — не унималась старуха. — Знаем мы таких гостей. Небось опять ятаганы наши понадобились. Что, снова мстить?

— Нет, почтенная, — негромко ответил Санделло. — Я просто еду на юг. Мне не нужны ни ваши ятаганы, ни ваши стрелы. Но я предвижу и предсказываю, что скоро они понадобятся вам. А теперь — прощайте! Гаакх голуг наркуу гимбубут лат![1]

— Постой! — внезапно встрепенулся Горбаг. — У тебя... с тобой... я... чувствую... — Он шумно втянул воздух широкими ноздрями.

— Часть Силы моего — и твоего, Горбаг! — господина, — спокойно ответил Санделло, коснувшись кошеля на поясе. — Если окажется, что я прав... то эта вещь еще увидит свет, а вам придется вострить ятаганы и счищать ржавчину с копейных жал!

Деревня проводила горбуна зловещим, недобрым молчанием. Молчал даже Горбаг, так и застывший с потянувшейся почесать затылок рукой. Санделло вскочил в седло, и вскоре селение скрылось за поворотом.

Заночевал он в чистом поле, вдали от жилья. Августовская ночь выдалась ненастной и дождливой, словно Владыка Ветров все еще гневался на эту несчастную страну, раз за разом посылая полные Слез Ульмо тучи от закатных пределов к берегам мрачного Нурнена. Дождь немилосердно хлестал и без того полегшие, тощие хлеба, великим трудом орков-землепашцев поднятые на скупых, словно бы лишенных Благословения Йаванны землях. Горбун провел эту ночь в палатке из шитых мехом наружу шкур. Она кое-как защищала от косых холодных струй, но костер не разведешь... Санделло долго сидел, глядя на желтый ободок кольца. Когда-то Олмер сделал этот Талисман для своих командиров, одно время им владел Отон... Потом Вождь вновь вернул Кольцо себе, словно бы усомнившись в верности дэйловца. Перед последним боем он отдал его Санделло... тот — передал Олвэну... а сын Вождя не смог достойно распорядиться отцовским наследством. Больше Талисман Олвэну не понадобится — лицо горбуна вновь обрело прежнее, холодное и жестокое выражение, то самое, что когда-то, десять лет назад, весьма и весьма испугало некоего юного хоббита в некоем пригорянском трактире...

[1] Да не найдет тебя Нолдор! (*Черное Наречие.*)

Горбун медленно освободил от плена ветхих тряпок завернутый в них меч. Не тот, что служил ему повседневным оружием и которым он взял немало вражеских жизней, — а иной, намертво притороченный за спину, чтобы, упаси Вечная Ночь, не лишиться его ненароком. Даже устраиваясь на ночлег, Санделло не расставался с этим клинком.

Давние, очень давние дни видел этот меч, не столь известный, как Кольцо Барахира или Скипетр Гейдара, но во мраке Нан Элмута Эол Темный Эльф выковал его из упавшего с небес крылатого железа, слив в пламени горна с иным своим дивным творением *гэлворном*, рукотворным металлом, что не уступал мифрилу. Сын Маэглин тайком унес клинок из Нан Элмута, когда бежал оттуда вместе со своей матерью Аредель, сестрой Тургона. Чудесное оружие попало в Гондолин; Туор с Идрил спасли его из развалин пылающего города, а через Эарендила, их сына, клинок попал к Элросу, первому королю Нуменора.

Долго хранилось оружие в королевской сокровищнице, но Элрос, верно, не слишком любил этот меч, сотворенный руками Эола и помнивший предателя Маэглина. Никогда первый владыка Нуменора не опоясывался им; никогда не обнажал в битве. И, словно по молчаливому согласию, все последующие нуменорские короли избегали касаться дивного клинка. Говорят, что в первой войне с Сауроном, в 1701 году Второй Эпохи, великую славу снискал Эрнелдур, тогдашний Лорд Андуне, и Тар-Минастир едва ли не с радостью избавился от зловещего сокровища, наградив им полководца. Быть может, все это не более чем сказки, не лежал никогда этот меч в королевской сокровищнице, а с самого начала покоился у хранителей Западной Гавани Нуменора... Санделло в свое время довелось побывать в книгохранилище взятого харадримами Минас-Тирита и по чистой случайности пощаженного огнем... Король Олмер отправил к гондорской крепости несколько отборных отрядов с одним-единственным приказом — во что бы то ни стало спасти от буйных харадримских вояк древние рукописи, что испокон веку сберегались в Крепости Последней Надежды. Отряды выполнили приказ, библиотека досталась победителям в целости и сохранности, но... Вождю Эарнилу воспользоваться ею было уже не суждено.

С кораблями Элендила Высокого меч Эола попал в Средиземье. И вновь судьба уготовила ему долю узника дворцовых кладовых. На битву короли Гейдара выходили с иными мечами, сберегая драгоценный клинок; венец творения Темного Эльфа оставался укрыт за семью замками. Отгремели войны с истерлингами,

затем — с умбарскими Корсарами, еще позже — с харадримами, и наконец, после Войны за Кольцо, мечу Эола суждено было внезапно обрести свободу...

Санделло вздохнул и устало смежил веки. Тонкие длинные пальцы горбуна скользили по темному лезвию... старому воину казалось, что он словно наяву видит тот день в столице победоносного Гондора, три века тому назад...

«Веселье и радость царили в Городе. Ненавистный враг пал. Тьма — навсегда повержена, новый, Истинный Король вновь объединил под своей царственной дланью Северное и Южное Королевства, время страха и безнадежности кончилось, пришла пора отстраивать разрушенные города и поднимать заброшенные пашни...

Говорят, Король Арагорн, Элессар Эльфийский, вместе с прекрасной супругой своей, Арвен Ундомиэль, Вечерней Звездой эльфов, Дивного народа, сидели в тронном зале, верша суд. А в те времена, говорят, к Великому Королю попасть было совсем нетрудно, не то что в последующие годы! И вот стражники привели к королю некоего юношу, черноволосого и благородного обликом. Не кланяясь, стоял он перед троном Владык, дерзко взирая на Элессара.

— Что привело тебя сюда, о юноша? — с такими словами, говорят, обратился Арагорн к пришельцу. — Лицо твое странным образом знакомо мне...

Усмехнулся юноша и молча показал Великому Королю две половинки разрубленного рога, что был оправлен в серебро.

— Рог... рог Боромира? — вскричал Арагорн, и даже пресветлая Арвен с изумлением взглянула на гостя. — Откуда он у тебя?

— Приглядись повнимательнее, правитель, и ты тоже, правительница! — сурово ответил юноша.

Сдвинул грозно брови Великий Король, ибо дерзким казалось ему поведение гостя; но Арвен Ундомиэль подняла на него глаза, и кроткий ее взгляд смягчил сердце Элессара.

— Он сын Боромира, сына Дэнетора, последнего Наместника Гондора, — промолвила Арвен, ибо умела, как и все Перворожденные, читать в человеческих сердцах. — И в душе этого юноши гнев на тебя, мой король. Не отвечай ему тем же, прошу тебя. Будь с ним ласков, и тогда... тогда грозная тень, которую провижу я, минует нашу страну...

Тихим голосом произнесла все это Владычица Арвен, и не знал гость, о чем идет речь между повелителями; и необузданный нрав, унаследованный от отца, заставил юношу отверзнуть уста:

— О чем шепчетесь, вы, обманом захватившие престол моего отца? О чем шепчетесь, вы, не помешавшие моему деду погибнуть ужасной, мучительной смертью на костре? О чем шепчетесь,

вы, из небытия явившиеся в этот город, который предки мои блюли поколение за поколением?..

И еще много иных слов произнес сын Боромира, гневных и неразумных, обвиняя Великого Короля в захвате власти. Молча внимал ему Арагорн.

— Почему погиб мой отец — погиб от руки жалких орков, в то время как все остальные живехоньки? И почему ты не оказал ему помощь, когда он звал тебя? Ведомо мне, ты хотел его смерти! Потому что по древнему праву должен был он, отец мой, Боромир, сын Дэнетора, править Минас-Тиритом, а не ты, посаженный на престол этим бродягой в серых лохмотьях!

Сильно гневался Правитель Арагорн, Истинный Король, Носитель Возрожденного Меча — но Владычица Арвен взглядом всякий раз сдерживала его. И, не став возражать гостю, так молвил Король Элессар:

— Скорбь помутила твой разум, юноша. Боромир был доблестным воином и пал тоже доблестно. Да падет на меня проклятие Валар, если хоть словом или даже мыслью оскорблю я его память! Приходи ко мне снова через семь дней, когда рассудок твой возобладает над чувствами.

— Ага! — воскликнул гость, так и не назвавший королю своего имени. — Ты боишься спорить со мной! Значит, все, что я говорил, — правда! Ты боишься осквернить уста ложью здесь, в священном зале Гондора!

— Нет, воистину горе слишком сказалось на тебе, — покачал головой Правитель Арагорн. — Завтра ты устыдишься сказанного, я не сомневаюсь. Ты противоречишь сам себе. Если я такой ужасный лиходей, каким ты изобразил, едва ли для меня что-то значила бы святость какого-то там зала. Я не спорю с тобой не потому, что мне нечего сказать, но потому, что слушать ты сейчас все равно ничего не будешь. Ты пришел сюда бросить мне в лицо гневные слова, ты пришел в надежде, что я отвечу тебе гневом, — но ты ошибся. Можешь уйти невозбранно, а через семь дней, как я и сказал, — возвращайся! Я очень хотел бы помочь тебе...

— Скорее, я бы принял помощь Саурона! — последовал гордый ответ.

И юноша ушел, а три дня спустя вызвал Великого Короля на поединок.

«Боромир, сын Боромира, сына Дэнетора, законный Наместник Гондора, — гласил свиток, доставленный Великому Королю, — вызывает на бой до потери жизни Арагорна, сына Арахорна, именующего себя Королем Арнора и Гондора».

И много бранных слов было присовокуплено к этому письму...

Никто не ведает, что говорила царственному супругу Владычица Арвен, но Великий Король принял вызов.

Говорят, что на широком дворе Цитадели сошлись они, и ничьи

глаза не видели их поединка. Но Мудрым ведомо другое: прежде чем закрылись ворота, поднял молодой Боромир меч высоко над головой, гордо вопрошая Арагорна: ведом ли ему этот клинок?

Одного взгляда хватило Властителю Элессару, чтобы узнать оружие. Знаменитый меч Эола Темного Эльфа, невесть как оказавшийся в руках молодого и неукротимого воина. Пожалуй, силой своей он превосходил даже Ардарил короля... Но не стал Арагорн уклоняться от схватки или требовать замены оружия на равное, хотя и имел с собой простой, ничем не примечательный клинок.

— Украденное не приносит счастья, — лишь заметил он спокойно, и это было последнее, что слышали люди в Цитадели, прежде чем ворота захлопнулись.

А потом ворота открылись, и вышел из них только Король Арагорн...

Слуги видели пятна крови на камнях двора, но никто не дерзнул спросить Правителя Элессара, чем же закончился поединок и куда исчезло тело несчастного Боромира, которого с тех пор никто не видел ни в Гондоре, ни в Арноре, ни где-либо еще в пределах Закатных Земель. Вместе с юношей бесследно исчез и меч.

Никому и никогда, до самой смерти, так и не рассказал Великий Правитель о том, что же произошло тогда во дворе Цитадели, кроме одной лишь супруги своей, королевы Арвен Ундомиэль, но и она свято хранила тайну...»

Санделло рывком поднял голову. Да, так оно все и было — или почти так. Никто уже не разберется теперь в событиях трехвековой давности. Но меч Эола в свой час достался Олмеру, золотоискателю из Дэйла — задолго то того, как он сделался вождем Эарнилом и Королем-без-Королевства...

А теперь этот меч лежал перед горбуном Санделло.

Лицо старого воина было мрачно. Порой казалось, что он взирает на оружие без всякого благоговения, едва ли не с ненавистью. Да, Санделло берег его, но при этом, быть может, ненавидел даже сильнее, чем то проклятое Кольцо, сгубившее его повелителя и потом, уже после победы, по доброй воле отданное невысокликому Фолко Брендибэку. Тогда Олвэн еще слушался его, Санделло... И его удалось убедить, хотя весьма неохотно расставался он с проклятым Кольцом...

— Куда ты ведешь меня на сей раз, меч? — прошептал горбун, почти касаясь губами холодного черного металла. — Какая Сила там, на Юге, вернула тебя к жизни, вновь вдохнула в тебя жажду крови? Я знаю, мне ведомо, что темная душа твоего создателя все еще живет в тебе... Я знаю, что лишь рука моего господина достойна была твоего эфеса! Я знаю, что ты радовался, разя эльфов у стен Серой Гавани, ибо не простил ты им гибель выковавшего

тебя мастера!.. Так поведай же мне — что случилось?.. Что произошло?..

Но клинок по-прежнему хранил презрительное молчание. Что ему, помнившему все три эпохи Средиземья, этот горбатый смертный мечник! Что ему, знавшему руки Маэглина, Туора — да что там Туора, самого Тургона! — Санделло, нынешний его хранитель? Одного, только одного признавал он над собой хозяина — но хозяин этот уж десять лет как покоился на дне новосотворенного залива, что на крайнем западе Средиземья...

Горбун не сомкнул глаз до рассвета. Иногда губы его шевелились, и тогда казалось, что он с кем-то беседует; но, похоже, ответ так и не приходил...

Утром он свернул свой крошечный лагерь и поскакал дальше. На юг, на юг, глядя прямо в лицо солнцу, словно конный воин, грудью идущий в бой с врагом...

АВГУСТ, 14, НОЧЬ, ПОЛЕ БИТВЫ В ПОЛУДЕННОМ ХАРАДЕ

Выбрасывая вперед длинные огненные языки, дивный ярко-рыжий пламенный зверь полз и полз себе вперед, жадно пожирая все на своем пути: траву, деревья, остатки боевых повозок, трупы невольников, перьеруких, харадримов, — и, казалось, нет ему ни преград, ни заслонов, что так и пойдет он, никем не остановленный, до самого Моря — да что там до Моря! — до самых Мордорских Гор, обратив по пути во прах все города и селения Великого Тхерема...

Но нет; лапы, когти и пасть огненного чудища с разбегу ударили в напоенную влагой стену лесов и... отдернулись. Бессильно шипели языки пламени, однако яркие, сочные листья, стебли, побеги лишь обугливались, не загораясь. Жар пламени иссушил лесную дебрь шагов на пятьдесят вглубь — и умер.

На покрытой пеплом равнине не осталось ничего живого. Несколько уцелевших харадских сотен, подобрав, сколько успели, раненых, поспешно отступили по дороге, бросив на поживу огню свой громадный лагерь, слишком просторный для крошечной горсти выживших. Перьерукие, кто смог, потянулись куда-то на юг, вдоль пламенной стены, как будто там их могло ждать спасение.

Огонь прошел еще сколько мог на запад; но и там дорогу ему преградили бастионы лесов, а ближе к полуночи из сгустившихся туч хлынул проливной дождь. Последние искры умирали под натиском тугих водных струй; на земле оставалась лишь отвратительная жидкая грязь — размокшие зола и пепел.

Маленький отряд Фолко укрылся от непогоды под раскидистым деревом, которое кхандец назвал *альбаломом*, деревом путешественников. Широкие и плотные листья надежно защищали

от льющейся сверху воды, земля возле самого ствола оставалась сухой. На мощных, сильно выдававшихся из почвы корнях было очень удобно сидеть, да что там сидеть! Даже лежать...

— Это большая удача, — сообщил спутникам Рагнур. — *Альбалом* редко встречается так далеко на юге. Здесь мы в безопасности... по крайней мере, ядовитые твари к нам не подберутся — запаха *альбалома* они не терпят. Спать можно спокойно.

— Что-то раньше ты нам ничего не говорил о ядовитых тварях! — поежился Малыш, имевший крайне сложные отношения с местными летающими, ползающими, прыгающими, бегающими и иными неразумными созданиями.

— Не говорил, не говорил... пугать не хотел, — проворчал кхандец. — А вот это видел?

В руках проводник держал толстую, распушенную веревку. Ею он каждую ночь окружал лагерь, и на недоуменный вопрос Фолко ответил лишь: мол, спать спокойнее будет...

— Она-то у меня как раз отваром коры *альбалома* пропитана. Протяни ее по земле вокруг стоянки — и тебе нечего бояться... Скорпионы там или *пругасты* нипочем не перелезут. От их укуса противоядия не знают ни в Кханде, ни у нас, в Умбаре...

— Тьфу, пропасть! Расплющи тебя Хругнир за такие рассказы на ночь! — сплюнул Малыш. — Пугает тут еще...

Фолко улыбнулся в темноту. Малыш, боящийся страшных историй на ночь, — на это стоило поглядеть.

Затеплился огонек костра. Несмотря на сильный ливень, под пологом листвы *альбалома* оставалось сухо. Торин пристроил над пламенем закопченный котелок и пригорюнился, подперев голову могучим кулаком; борода гнома смешно задралась, но даже насмешник Строри не рискнул пройтись на этот счет.

За будничными походными хлопотами они старательно отгораживались от мысли, что потеряли Эовин. Никто не мог выжить в том пекле, что бушевало над равниной всего лишь несколько часов назад.

Хоббит лежал на спине, и жесткий корень *альбалома* казался мягче самой лучшей хоббитанской перины. Он словно наяву видел вспыхнувшую золотую искру волос Эовин — за миг перед тем, как повозка ворвалась в пламя; невольники предпочли честную мучительную гибель в огне жуткой и позорной смерти от рук озверевшего врага. Эовин... тонкая, словно тростинка, — и крепкая духом, точно стальной клинок. Эовин, бросившая Рохан ради приключений и... нет, об этом лучше не думать! Лучше убедить себя, что все привиделось, показалось, почудилось... Девушки уже нет. И они встретятся разве что... разве что после Второй Великой Музыки Айнур, когда замысел Единого будет наконец воплощен здесь, в Королевстве Арда, затерянном среди бесчисленных звезд Эа...

«Двери Ночи... — думал хоббит. — А за ними — пустота... холодная, всепроникающая, безмолвная... Пустота, забвение, черное беспамятство... Эльфы говорят о «подарке» Единого... После телесной гибели Перворожденные воплощаются здесь, на земле, — а люди? Неужто их ждет такая же судьба? Только не здесь — там, в конце тайных путей, что берут свое начало от Дверей Ночи... И Ниенна оплакивает, наверное, каждого уходящего этой скорбной дорогой, но что значат слезы ее? Или они смягчили боль ожогов в последние минуты Эовин? А если нет — то к чему они?..

Ты виноват в ее смерти, Фолко, — с беспощадной прямотой сказал себе хоббит. — Ты и никто другой. Мог ведь не брать девчонку с собой — но нет, поддался на уговоры гномов, а почему? Да потому, что хотел поддаться. Уж больно льстил тот восторг, с каким глядели на тебя...»

Тянущая, сосущая боль не отступала, и он знал, что теперь ему придется вечно оставаться с ней — до самого конца его земного пути, а быть может, не отпустит и по ту сторону Гремящих Морей...

«Однако, клянусь бородой Дьюрина, ты обязан справиться с этим! Пусть боль и скорбь пребудут с тобой — но они не должны лишить тебя силы. Главная цель не достигнута, назавтра предстоит тяжелый переход через выжженную степь — ты должен выдержать!»

Усилием воли хоббит заставил боль отступить.

— Эгей, что пригорюнились? — Он знал, что говорит натянуто-весело, но ничего не мог уже сделать с собой. — Хватит бородами землю мести, почтенные! Скажите лучше, что произошло во вчерашнем сражении?

Торин поднял глаза, словно очнувшись ото сна:

— Во вчерашнем?

— Ну да! В жизни не видывал ничего более кровавого... и дикого.

— Это точно! — эхом откликнулся кхандец. — Никогда б не подумал, что такое на свете бывает...

— Слишком много нелепиц, — продолжал хоббит. — Перьерукие — откуда их столько? Идут лавиной, без строя, словно сам Моргот гонит, а задуматься не дает. Четверти войска хватило бы, чтобы покончить с этими повозками, а остальные не оставили бы от харадримов и мокрого места!

— Тхеремцы тоже хороши, — подхватил Торин. — Где все их войско? Почему невольники? Зачем оборонять уже обреченную землю?

— Не такую уж, как выяснилось, и обреченную, — возразил Маленький Гном. — Харадримы, конечно, своих тоже почти всех положили — а перьерукие где?

— Кабы эти перьерукие не были такими дураками... — начал Торин.

— Какие есть, с теми и дело имеешь, — оспорил Малыш. — Верно, знали харадримы...

— Что враги их глупцы? Тогда отчего ж раньше не остановили? — не унимался Торин. — Откуда тхеремцы могли ведать, что перьерукие все, как один, кинутся разносить по досочкам повозки? Что ни один из них не продолжит атаку? Это ж ведь бред первостатейный был — возы те пускать...

Малыш пожал плечами:

— Фолко б, наверное, сказал: «Мол, Свет виноват...»

— Может, и виноват, — отозвался хоббит. Казалось, он уже терял интерес к им же начатому разговору, а пальцы его нетерпеливо теребили эльфийский перстень. — Откуда нам знать?..

— Ну и странно же тогда сей Свет у тебя действует, — покачал головой Малыш. — На нас — в общем-то никак... А Эодрейд, почитай, совсем ума лишился... Эльдринги вроде ничего, и, чтобы харадримы друг с другом дрались, я что-то не приметил.

— А вот хазги войной на Рохан пошли, — заметил Торин.

— Во-во! И я к тому же! — обрадовался Малыш. — На одних, выходит, действует — а на других нет?

— Так ведь и Кольцо на всех по-разному действовало. — Фолко подбросил поленце в угасающий костер. — Бильбо вон сколько им лет владел! А Боромир? В пару месяцев от одной его близости потерял рассудок! Да и Дэнетор тоже...

— Эй, вы это о чем? — удивился Рагнур. — Какое такое Кольцо? Какой такой Дэнетор? Имя вроде бы как гондорское...

— Долгая история... — отмахнулся Торин. — Потом как-нибудь расскажем... когда поспокойнее будет. Ну, друзья, спорить мы тут еще долго можем — а вот куда завтра двинемся? К Морю?

— К Морю я провести берусь, — заметил Рагнур. — На юг — едва ли. Я здешних путей не знаю...

Фолко опустил голову. Да, их первоначальный план — выйти к Морю и дождаться помощи от Морского Народа — был, наверное, самым верным. И все же... некое странное чувство подсказывало хоббиту: дорога на юг отсюда окажется легче, несмотря на то что идти придется через изглоданную и опустошенную огнем землю. А кроме того...

— Я сейчас.

Перстень, заветный перстень, бесценный дар эльфийского принца! Ты ведь можешь подсказать, жива ли еще золотоволосая роханская девчонка, или кости ее смешались с костями иных невольников в одной большой могиле, прикрытые лишь тонким слоем пепла — да и тот, наверное, уже смыло вчерашним дождем...

Радужный мотылек легко вырвался из каменного обиталища. Затрепетали, разворачиваясь, разноцветные крылья, и темные ночные небеса ринулись навстречу.

Они оказались воистину темными. Над искалеченной огнем равниной словно бы разлегся ядовитый туман — туман из вопящих в последней муке душ погибших на поле брани бойцов. Бесплотные призраки тянули длинные руки к дивному существу, точно оно способно было уберечь их от ужасов пути через Двери Ночи. Усилием воли Фолко гнал это свое крылатое «я» вперед, гнал, не обращая внимания на вспыхивающие по всему телу мелкие, но донельзя болезненные ожоги — он словно продирался сквозь тучу огненных стрел.

Воля хоббита гнала радужного мотылька все дальше и дальше, сквозь темный, словно наполненный взвихренным пеплом воздух. Ничего... ничего... ничего... И вдруг — искра!

Искра среди черных холмов, крошечный живой огонек; мотылек ринулся вперед, словно пущенная стрела.

Искорка тотчас погасла.

Фолко едва сдержал стон разочарования. Почудилось... показалось... привиделось... и неудивительно после такого дня... Неужели? — с последней надеждой вглядывался он в сумрак...

Разочарование швырнуло хоббита обратно в реальность; он обнаружил себя сидящим возле старого, жесткого корня *альбалома*, дерева путешественников.

Гномы и Рагнур заняты каждый своим, никто не смотрел на хоббита, понимая, что поиски его напрасны и что он вернется лишь с горькой болью в сердце...

— Нет... ничего нет, — заставил себя выговорить хоббит.

Торин глубоко вздохнул. Малыш потупился, неколебимо веривший в Судьбу Рагнур развел руками — мол, против Судьбы не попрешь.

— Не ты один виноват, брат хоббит, мы тоже повинны. — Торин шагнул к Фолко, сел рядом.

— *Ладно! — срываясь, выкрикнул Фолко.* — Что было — то было; ее... Эовин... уже не вернешь. Надо решать, что дальше!

— Так мы ж вроде как начали говорить, — удивился Малыш. — Я так мыслю: ничего нам не остается, как к Морю идти. По-моему, на Юг лучше по воде пробираться. Вернемся в Умбар, найдем способ...

— К тому времени, может статься, уже и Умбара-то — ищи-свищи, — возразил Фолко. — Не ровен час схватятся они с Харадом...

— Ты ж сам видел, сколько тхеремцев тут полегло, — оспорил Рагнур. — Что ж они, избезумились совсем — на умбарские стены лезть?

— Может, и избезумились — нам-то откуда знать? — заметил Торин. — Вон, перьеруких возьми — это ж как их притиснуть надо было, чтобы они все на смерть бы пошли!

— Добавь еще — откуда там огонь взялся, — прибавил Фолко.

— Огонь? — опешил Торин.

— Он самый. Ну, чего так глядишь, точно я — не я, а дохлая каменная крыса на дне бочонка с пивом? Где ты видел такое пламя, чтоб спалило эдакую прорву трупов? Это ж сколько леса на погребальные костры извести надо! А у нас тут — ничего, голая равнина, редко когда деревце попадется, одна трава... Вспомни, как полыхало!

— Слушай, а ведь и впрямь! — удивился Малыш. — Как это мы проглядели?

— Я и сам об этом только что подумал, — признался Фолко. — Тогда... иным голова занята была.

— Чародейство? — тотчас откликнулся Рагнур.

Хоббит с сомнением покачал головой:

— Кому теперь тут волшбу-то творить...

— Когда появился Олмер, все тоже только и говорили: «Кому тут теперь...» Чем дело кончилось? — проворчал Малыш.

— Вот-вот. А мы собрались к Морю... — невольно вырвалось у Фолко.

— Куда ж еще? — искренне поразился Маленький Гном. — Не через пустыню же?

Фолко промолчал. Сердце подсказывало, что надо идти на юг... но друзья правы: пробиваться сквозь безжизненную равнину к горам, не зная троп через перевалы, — чистой воды самоубийство.

— Куда двое... то есть трое — туда и один, — счел нужным напомнить Торин старый завет их отряда.

Фолко опять отмолчался.

Ночь они провели под деревом путешественников, а когда рассвело, двинулись на запад, к Морю.

Глава 4

АВГУСТ, 20, ГРАНИЦА КХАНДА И МОРДОРА

Солнце припекало. Августовская жара вдали от Моря оказалась поистине невыносимой. Санделло с радостью ехал бы ночами, но не через здешние дикие и негостеприимные места. Старый мечник пересек несколько древних полузаросших трактов, что когда-то вели от границ Мордора на юг и восток, в покоренные страны. Давно заброшенные, дороги эти служили лишь мрачным напоминанием о былой мощи Барад-Дура. Широкие, замощенные тщательно пригнанными друг к другу плитами, они стойко сопротивлялись натиску времени. И пусть в щелях уже поднялась трава, ехать по такой дороге было одно удовольствие.

Санделло видел, что дорогами этими давным-давно уже не

пользуются — заратившиеся кхандцы и мордорские орки бдительно стерегли их, перекрыв сильными заслонами. Не желая рисковать, Санделло свернул с дороги.

Вокруг на целые лиги тянулись мелкие, невысокие, но очень и очень крутобокие холмы. Казалось, им нипочем ни дожди, ни ветер; покрытые густым кустарником, они выглядели непроходимыми, а усеянные черными колючками ветви и вовсе отбивали всякую охоту лезть в глубину зарослей.

Санделло долго петлял по лабиринту межхолмий, пока на глаза ему не попался увитый плющом серый камень, намертво вросший в землю. Трехгранную пирамиду, всю в выбоинах, сколах и трещинах, испещряли неведомые письмена.

— Здравствуй, Камень Пути, — с облегчением вздохнув, прошептал Санделло. — Ну, теперь и тропа должна сыскаться...

Горбун спешился, осторожно, боком подобрался к Камню, бережно коснувшись ладонями шершавой поверхности.

— Тут мы шли с тобой, Олмер, — негромко произнес он, впервые, наверное, за долгие годы назвав своего господина по имени. — Мы шли вместе... и у Камня Пути ты увидел Знак...

Горбун умолк, прижавшись лбом к камню. Губы Санделло шевельнулись.

— Подскажи...

Но Камень молчал. Молчали и окрестный лес, и земля, и небо. Нахмурившись, Санделло отступил на шаг, вновь потянувшись к бережно хранимому мечу Эола.

Черный клинок равнодушно коснулся Камня Пути. Железо и камень... Казалось, друг до друга им нет никакого дела. Обычный меч... обычный валун...

Острие меча медленно ползло по прихотливым извивам рун. Не *тенгвар*, не *керта* — а совершенно неведомые знаки. Олмер знал их... и унес это знание с собой.

А ведь тогда он долго стоял у Камня, водя пальцем по чертам загадочных письмен; что открылось ему? И что, собственно говоря, хочет узнать здесь он, Санделло?

Горбун разочарованно вздохнул и принялся прятать обратно меч Олмера. Уже закутав клинок, Санделло выпрямился — и тут над ухом коротко свистнула стрела. Оголовок звякнул о Камень — рванулся сноп искр, точно кузнец со всей силы ударил молотом по раскаленной заготовке. Под ноги горбуну упало белооперенное древко.

Рука Санделло рванулась было к мечу... и тотчас остановилась. Горбун выпрямился, нарочито медленно скрестив руки на груди. Слишком хорошо знал он эти стрелы, слишком хорошо — выпустивших их лучников.

Из зарослей раздался негромкий смех — чистый, легкий, музыкальный. Не шелохнулись колючие ветви, не зашуршала трава,

не хрустнули сучки — из ничего возле Камня Пути возникли пятеро высоких фигур в серо-зеленых плащах для тайного хождения по лесу. У четверых — натянуты луки и стрелы готовы сорваться с тетив. Пятый шагнул к горбуну, точно так же скрестив руки на груди.

Санделло стоял неподвижно, и стрелки ослабили тетивы. Впрочем, горбун отлично знал, что они успеют натянуть их вновь. Быстрее, чем он моргнет глазом.

Никто и никогда в Средиземье не превзошел Перворожденных в искусстве стрельбы из лука. Наверное, один лишь невысоклик Фолко Брендибэк мог бы поспорить с ними на равных в том, что касалось меткости.

Это был настоящий «поединок сердец», как говорят на Востоке. Меч горбуна висел в ножнах, так же как и клинок его противника — длинный и узкий, каким скорее удобнее колоть, нежели рубить. Будь здесь хоббит Фолко, он тотчас бы вспомнил метательные ножи Санделло и то, что горбун мог разрезать пополам устроившуюся на стене муху.

— От принца Вод Пробуждения Форве воину Санделло — привет! — заговорил наконец эльф.

— От Санделло Форве — также привет! — холодно ответил горбун, не сводя глаз с эльфийского принца.

За минувшие десять лет эльф совершенно не изменился. Оно и понятно — для Перворожденных это не срок. Благородное чело Перворожденного опоясывал золотой обруч с искрящимся зеленым камнем; большие глаза смотрели строго и проницательно.

Санделло ждал. Казалось, неожиданная встреча его нисколько не удивила.

Молчание это озадачило принца. Он слегка приподнял бровь.

— Ты меня нашел — тебе и говорить, — с усмешкой прокаркал Санделло.

— Куда ты идешь? — тотчас же в упор спросил принц.

— Не твое дело, любопытный. Разве здесь твои владения?

— Я спрашиваю, как сильнейший. Или воин Санделло понимает другой язык?

— Слушай, хватит, а? — поморщился горбун. — Хочешь драться — будем драться. Нет — так нет. Я к тебе на свежее пиво не напрашивался.

— У тебя за спиной, скрытый в тряпье, — древний меч моего народа, — сурово молвил Форве. — Мне ведомо, чья рука владела им десять лет назад, сразив Кардана и Наугрима! Зачем же ты снова вынес на свет это проклятое оружие?

— Не твое дело, любопытный. Может, ты заришься на клинок моего господина? Возьмешь, когда я буду мертв.

— Если бы я хотел, ты был бы уже мертвее этого Камня! — повысил голос Форве. — И ты это отлично знаешь.

— Ну так прикажи тогда своим молодцам стрелять. — Санделло равнодушно пожал плечами.

Форве поморщился:

— Не будем перебрасываться пустыми словами. Тебе ведомо, что мы сейчас не враги. Но в мире творится нечто... нечто грозное, страшное и неописуемое, мы не можем понять, в чем дело, и не можем сидеть сложа руки...

— Если уж вы сами не можете понять, в чем дело, то чего же умудренные мудростью веков Перворожденные хотят от простого Смертного? — парировал Санделло.

— Ты был правой рукой Олмера. Ты знал все — или почти все — о его планах. И когда мы узнали, что правая рука нашего самого страшного врага со времен падения Саурона отправился один в дальний поход на Юг, откуда плывет на Мир тень непонятной угрозы, — мы, естественно, встревожились. Мы выследили тебя — и, признаюсь, это было нелегко сделать. Мы потеряли двоих разведчиков в схватке с мордорскими орками, но не оставили погоню. Если ты отправился в путь, Санделло, то это значит — быть скорой войне. Мы ее не хотим. Нечего зря проливать кровь — у людей в Средиземье врагов уже не осталось. Никому из вашего племени не отыскать дорогу к Водам Пробуждения, как не отыскать корабелам Морского Народа Прямой Путь в Валинор. Скажи мне прямо: с кем ты намерен воевать, Санделло? С кем и за что?

— С каких это пор эльфы стали пастырями людей? — недружелюбно проворчал горбун. — Оставьте нас в покое! Со своими врагами мы уж как-нибудь разберемся сами.

— Мне ведомо, что ты — жестокий боец, мечник Санделло. Ты спокойно поведешь рати на приступ города и с чистым сердцем отдашь его на три дня своим молодцам для разграбления. Но неужто крики детей, которых будут швырять в огонь, для тебя ничего не значат?

— Я не стану говорить с тобой, эльф, — донесся ответ. — Это мое последнее слово. Ты не получишь ни меча моего господина, ни моих слов о том, куда и зачем я направляюсь. Я сказал. А теперь хочешь убить меня — давай! Но помни: даже эльфийская стрела не в силах свалить старика Санделло в один миг. Кое-что я сделать успею...

Горбун слегка повернулся, и Форве увидел: пальцы Санделло уже сжимают рукоять метательного ножа.

— Эта штука летает хоть и медленнее твоих стрел, но зато бьет надежнее. — Горбун хищно усмехнулся.

Куда девалась вся растерянность и нерешительность старого воина! Тело вновь обрело былую тигриную грацию; Санделло стоял, чуть покачиваясь на напряженных ногах, и горб его исчез, словно и не было его никогда — а просто человек сильно ссутулился, готовя какой-то прием...

Форве тяжело вздохнул. Покачав головой, шагнул ближе к горбуну и оперся локтем о Камень.

— Если ты думаешь, что я боюсь смерти, — то сильно ошибаешься. Кому суждено вернуться к жизни в собственном теле и с собственной памятью, не страшится гибели. Не думай, что я не уважаю твое мужество. Если бы мы хотели, то продолжали бы следить за тобой — и ты, смею уверить, так ничего бы и не заподозрил — но я не хочу враждовать с тобой. В знак добрых намерений я расскажу тебе все, что знаю, — надеюсь, ты оценишь.

Слушай же, Санделло! Мне ведомо, что Талисман твоего господина, в который тот вложил часть почерпнутой у Слившегося Кольца Силы, позвал тебя в дорогу. Десять лет он дремал, будучи самым обыкновенным кольцом и никак не помогая Олвэну, — десять долгих по людским меркам лет. Но совсем недавно вдруг проснулся. Мы, эльфы-Авари, почувствовали это первыми. И пробуждение сие отнюдь не осталось единственным знаком. Были и другие, поверь мне. Так, например, пробудился от спячки мой перстень, в свое время подаренный невысоклику... о, да ты уже и сам вспомнил его имя... правильно, Фолко Брендибэку, хоббиту, убившему твоего господина...

— Не убившему, а освободившему! — хрипло рявкнул Санделло.

— О, ты понял это? — Форве поднял брови, словно и не замечая вспыхнувшей в глазах горбуна гневной искры. — Тогда еще лучше. Так вот, мой перстень на руке Фолко вновь ожил. Я почувствовал это тотчас... но не смог понять, что же заставило его очнуться. И твой Талисман... Это не случайность. Наши мудрецы установили — недобрый ветер веет с Юга. Там пробудилась странная Сила. Наши маги, к сожалению, не могут сказать, где сердце у этой Силы. И вот ты, Санделло, отправляешься туда же, на Юг, в полном одиночестве, увозя с собой Черный Меч Эола! Во дворце моего деда найдутся клинки и подревнее, но этот... Он жаждет крови! Каждый твой шаг на Юг приближает этот меч к войне, перед которой, боюсь, померкнет даже великая Война с Олмером... Чего ты хочешь, Санделло? Отомстить за Олмера? Тогда воистину жизнь моя и моих спутников будет ничтожно малой ценой за то, что нам удастся остановить бедствие. Я знаю, ты мастер воинских искусств, я знаю, даже стрела в горло, сердце или глаз остановит тебя не сразу... Ну так что? Навстречу союзнику или врагу ты идешь?

Форве смотрел пристально и испытующе. Обмануть эльфа почти невозможно. И, похоже, Санделло это знал.

— Не важно, враг или друг ждет меня там, на Юге, и ждет ли вообще, — медленно, тяжело роняя слова, ответил горбун. — Мне открыто только одно: с Юга идет беда.

— Ты не сказал мне всего, — покачал головой Форве. — Догадываюсь, Талисман помогает тебе отыскивать дорогу... У меня

есть похожая вещь, так что, полагаю, в конце концов мы попадем в одно и то же место. Не стать ли нам на время союзниками? Потом я с радостью выйду против тебя на поединок, воин Санделло, если ты того пожелаешь.

Санделло дернулся, как от удара. Казалось, что вот-вот прозвучит «да»; но вместо этого горбун лишь плотнее сжал зубы и отрицательно покачал головой.

У Форве вырвался вздох разочарования:

— Что ж, ты выбрал. Не в наших обычаях начинать смертельную схватку, едва закончив переговоры, пусть даже и не увенчавшиеся успехом. Расстанемся миром, воин Санделло, — но помни: если наши пути пересекутся еще раз, я не стану портить стрелу о камень только для того, чтобы предупредить тебя.

АВГУСТ, 25, ПОБЕРЕЖЬЕ ХАРАДА

— Ну вот мы и дошли. — Малыш швырнул в воду плоский камешек. — Семь, — посчитал он «блины». — И что дальше, Рагнур?

Позади остался двенадцатидневный переход через кишащие отвратительной нечистью леса. Несколько раз лишь ловкость Рагнура спасала всем жизнь. Без него — признавал Фолко — отряд погиб бы в считанные дни. Меткость хоббита оказалась бесполезна — дичь скрывалась в непроглядных кронах лесных гигантов, да и всякую ли тварь здесь можно было есть? Оказалось, например, что жуткие на вид белые змеи отлично годятся на жаркое, а вот весьма упитанные птицы очень соблазнительного вида умеют ловко швыряться тяжелыми отравленными перьями, что разили не хуже стрел. Мясо этих созданий тоже было ядовито...

Кхандец безошибочно вывел отряд на побережье. Гномы с оглушительным ревом — откуда только силы взялись! — преодолев исконную неприязнь своего племени к воде, ухнули в волны, едва успев сбросить с себя доспехи. Одежду же оставили — даже хоббит, пространствовав с Торином и Малышом добрый десяток лет, никогда не видел тангаров нагими.

Фолко обессиленно опустился на прибрежные камни. Уже неделю у него сильно болела левая ладонь — приступами, то длинными, то короткими. И невольно он вспоминал давнее свое видение... Вот только где бы взять то снадобье, что смягчало боль?

Лагерь разбили в укромном распадке. Гномы и хоббит остались, Рагнур отправился поразведать окрестности.

— Когда отыщу Знак — я вас кликну!

По дороге ни Фолко, ни его спутникам так и не удалось дознаться, что это за Знак и каким образом корабельщики Морского Народа узнают о четверке терпящих бедствие.

— У гномов есть свои тайны — так отчего бы не быть им и у

эльдрингов? — заметил как-то Рагнур. — После того как мы найдем Знак, нам останется только ждать...

— Интересно — сколько... — проворчал тогда Малыш, но Рагнур лишь пожал плечами, и больше от него ничего не смогли добиться.

Пока ждали Рагнура, Фолко сидел молча, прикрыв глаза и опершись спиной о нагретый солнцем камень.

Здесь, на Дальнем Юге, осени не бывало вовсе. Сюда прилетали из северных краев птицы; времена года различались по тому, есть дожди или нет. Но даже и под конец сухого сезона леса буйно зеленели и лианы, презирая все и вся, покрывались яркими крупными цветами...

Хоббит жестоко страдал от жары и духоты — и не только он, но даже и привычные к раскаленным топкам гномы. Правда, в кузнях жар был сухим и звонким, а здесь — гнилым и влажным. Все мгновенно покрывалось плесенью; казалось, вдыхаешь не воздух, а какую-то липкую, горячую, обжигающую изнутри кашу. Уснуть было невозможно — донимала мошкара. Моря ждали как спасения.

И вот они на месте. Давно отстала харадская погоня, потеряв дерзких еще до битвы с перьерукими; где-то запропала и неистовая Тубала (знать бы, отчего она их так злобно и настойчиво преследует); далеко, за высокими стенами заболоченных лесов, осталась Эовин — юная роханская девушка, которую они так и не сумели уберечь.

Фолко почувствовал накатившую волну знакомой горечи. Да, ничего не поделаешь, с этим придется жить... Эх, как не хватает сейчас того Древобородова дара! — Фолко мог только скрипнуть зубами. Чувствовал, все чувствовал Старый Энт, предвидел, что рано или поздно невысоклик Фолко явится к нему за помощью, — и приготовил все потребное... А он, тупица, так и не смог как следует воспользоваться подарком!

Ясно было одно: нужно возвращаться в Умбар... И уже оттуда начинать новый поход на Юг — если только не позовет к себе Рохан. Как-то тамошняя война... Но нет, с Морским Народом должны управиться. Эодрейд, конечно, будет рвать и метать, что три его Маршала, начальствующие над полками, остались в Умбаре, вместо того чтобы спешить на Север. Как пить дать, объявит предателями. Хорошо, если не приговорит к смерти, — а то прячься еще и от роханских охотников за изменниками! Размышления хоббита прервал запыхавшийся Рагнур:

— Ну и повезло же нам! Вот повезло так повезло! Знак — он здесь, рядом, и идти никуда не надо! Поднимайтесь скорее!

Знак оказался темной и узкой пещерой, откуда несло гнильем. Малыш недовольно покрутил носом; на спинах всего отряда покоились солидные вязанки хвороста.

— Тоже мне, тайна! — фыркнул Торин, когда пещера закончилась небольшой полукруглой каморкой с очагом в дальнем углу. — Да у нас в Мории такое — испокон века! Зеркала у вас там, каменные зеркала — а ведет шахта наверх. Должны быть линзы, чтобы собирать свет и бросать его вдаль... Только едва ли все это сработает днем...

— Зеркала... Линзы... это ты с нашими набольшими говори, коли так много знаешь, — пожал плечами Рагнур. — Нам осталось развести огонь... и ждать.

Они так и поступили. Когда отряд спустился с горы, Фолко с изумлением увидел, что вершина, вздымавшаяся на добрые шесть сотен футов, словно объята пламенем; огонь там пылал много ярче солнца. Такое пламя приметно за многие лиги... днем и ночью, в любую непогоду и при самом ярком свете...

— Теперь ждем, — повторил Рагнур.

Первое, что сделал хоббит, вернувшись в лагерь, — взялся за перстень Форве. Свет, Свет, загадочный Свет, лившийся откуда-то с недальних южных пределов — что с ним? Всем своим существом Фолко чувствовал этот напор; каждое слово, каждый жест спутника вызывали раздражение, все время хотелось ответить чем-то обидным, резким. Постоянно приходилось сдерживать себя, чуть ли не ежесекундно напоминая: это тебя пытаются заставить ненавидеть... кому-то очень нужно, чтобы вы вцепились друг другу в глотки... не поддавайся, держись, держись во что бы то ни стало!

Он знал, что остальные чувствуют то же самое. Тяготы дороги помогали гасить ссоры в самом зародыше, но теперь, когда отряд остановился на берегу лазурной бухты, все накопившееся может прорваться, и... Фолко вздрогнул, представив, как выясняют отношения Торин и Малыш.

Он должен дотянуться! Должен! Бойня, случившаяся двенадцать дней назад, нелепая и странная битва — явно от того же выжигающего рассудок жара! Он, Фолко, должен почувствовать его! Обязан!

...И вновь, повинуясь напряженной, точно струна, воле, устремился в полет радужный мотылек.

Черная земля, темно-синее небо, почти неотличимое от земли, — и бьющий прямо в глаза, острый, словно копье, луч света. Ничего не осталось в этом мире, только черная безжизненная земля да синее беззвездное небо. Фолко казалось — он провалился в бездонную яму времен, угодив аккурат в те года, когда нагнанные Мелкором тучи заволокли все небо Средиземья — и в этой мгле, скрывавшей свет Солнца и Луны, проснулись, согласно одной из легенд, Перворожденные Эльфы...

На сей раз боль оказалась сильнее. Она возникла в первый же миг полета; и, не отступая, все усиливалась — с каждым мгновением. Слепящий свет не давал ничего увидеть вокруг; Фолко

мнилось — под ним расстилаются горы, но различить ничего не мог. Но вот изломанная чернота внизу, которую он принял за пики хребтов, сменилась гладкой тьмой равнин — и с этих равнин рвался в темное небо узкий, как стилет ночного убийцы, луч света...

Хоббит попытался проникнуть еще дальше — но нет, сопротивление слишком сильное. В голове гремели кузнечные молоты, словно вся Мория разом встала к наковальням.

И тут он услышал голос. Вернее — голоса. Негромкие и притом — не слишком приятные.

— Да, да, опять!.. (Все тонет в грохоте барабанов...)

— Снова то самое, повели...

— Обрати свою силу!...

— Сожги нечестивого чародея!..

Боль наконец взяла верх. Хоббита буквально вышвырнуло обратно в реальность. Голова раскалывалась, виски ломило, перед глазами все плыло. Но прозвучавшие голоса Фолко помнил очень отчетливо. Он не сомневался — услышанное им не бред, не морок, не помрачение рассудка. Он и в самом деле слышал голоса. И услышанное — как бы кратко оно ни оказалось — совершенно не понравилось хоббиту.

Во-первых, какой-то «повели...» — ясное дело, «повелитель». Причем его окружение говорило на понятном Фолко языке — в видении он казался Всеобщим. Если все услышанное — правда, то получается, что попытки хоббита заглянуть за кулисы творящегося в Средиземье действа не остались незамеченными. Воображение тотчас нарисовало Фолко мрачную толпу древних старцев в черных мантиях, размахивающих иссушенными временем руками, потрясающих посохами — и на высоком троне мрачного, как туча... кого? Человека? Эльфа? А может, невесть каким путем уцелевшего слугу Саурона, какого-нибудь Черного Нуменорца?..

«Сожги нечестивого чародея»... гм-да-аа... Отсюда непосредственно следовало, что, во-первых, имелись «честивые» чародеи, что уже само по себе настораживало; во-вторых, сводящий с ума Свет мог, при желании, обращать посягнувших на его силу в пепел. Веселая вещь, что и говорить...

Гномы, разумеется, не замедлили пристать с расспросами.

— Только не спорить! — елико мог сурово предуведомил хоббит. — Не о чем пока. Похоже, вокруг той лампы собралась изрядная туча мошкары, и, боюсь, нам придется повозиться, прежде чем мы ее разгоним... Какие-то заклинатели... Люди...

— Отлично! Значит, есть кому снести голову с плеч! — кровожадно объявил Малыш.

— Ты до них доберись сначала, — мрачно заметил Торин. — На Юг дуром соваться нечего. Придется вернуться в Умбар... И все начинать сначала.

— Если нам любезно подарят это время, — заметил Фолко.

— Куда ж они денутся? Вон, послали перьеруких на Харад — и чем кончилось?

— Чую я, тут не все так просто, — покачал головой хоббит. — О враге думать, будто он дурак — последнее дело, брат тангар. Сдается мне, пробовали они... что почем...

— А откуда же столько перьеруких взялось? — возразил Торин.

— Не удивлюсь, если окажется, что их всех до единого собрали... — пожал плечами Фолко. — Вспомни, Вингетор рассказывал.

— Не слишком мне нравится эта идея — в Захарадье тащиться! — объявил Малыш. — Здесь-то, в Хараде, едва в Чертог Ожидания не отправились... Это вам не Восток! Тут головой думать надо...

— Подготовимся — так ничего с нами и не случится, — самоуверенно заявил Торин. — В Умбаре опытного и лихого народа хватает. Того же Рагнура возьми.

— А что? Я с охотой. — Кхандец хищно усмехнулся. — Едва ли мы обретем в том походе богатство — но какое богатство сравнится со славой? Не волнуйтесь, до Умбара мы доберемся довольно скоро. Корабли проходят редко, но свет Знака виден за десятки лиг. Какой-нибудь точно нас подберет.

— А почему ты так уверен, что корабль непременно окажется попутным? — осведомился Фолко.

— Потому что идущий в поход «дракон» никогда не свернет с курса, — пожал плечами Рагнур. — Морской Отец велит помогать другим, когда твое дело уже сделано.

— Что-то не особо мне это нравится... — проворчал Торин. — Сколько я имел дел с морскими танами — всегда не по-твоему выходит!

— Значит, оказать тебе помощь и было их тогдашним делом, — усмехнулся Рагнур.

Гном поднял брови, но ничего не ответил.

Началось томительное ожидание. Вновь — «ожидание на краю»...

АВГУСТ, 20, ЮЖНЫЙ ХАРАД, ПОЛЕ БОЯ

Санделло осадил коня. Как и говорил тот презренный трус из числа разряженных тхеремских дворцовых стражей, дальше пути не было. Выходит, не врал... Может, и не надо было ему голову рубить...

За десять дней горбун одолел весь Харад, оставив по себе долгую память. Он шел знакомыми путями, где еще встречались люди, хорошо помнившие и его, и Олмера. Однако уже у Хриссаады удача ему изменила. Он нарвался на конный патруль харадримов, которым командовал молодой, горячий, а значит, и глупый десятник. С горбуна стребовали какую-то подорожную, начали рас-

спрашивать, откуда он едет, куда и зачем... Дело кончилось тремя трупами и парой раненых. Их следовало бы добить, но эти шакалы валялись в ногах, вымаливая пощаду, и сердце старого мечника дрогнуло — едва ли не впервые в жизни. Он оставил этих гиен жить... А потом ему на плечи села погоня. Он оторвался, прикончив еще несколько человек, и сумел ускользнуть, запутав тхеремцев в джунглях. Для северянина, внезапно оказавшегося там, это была верная смерть; но Санделло, видать, оказался слишком жесток и жилист, не по вкусу Старой Мамаше, как называли костлявую в степях Истланда. Он прорвался сквозь лесную крепь — и вышел на пепелище.

Полмесяца миновало с того дня, как на этом поле сошлись рати перьеруких и Великого Тхерема. Победа оказалась на стороне Харада — хотя, можно сказать, никто не победил. Обе армии погибли почти целиком. Но армада перьеруких более не угрожала прорывом на север, и в Хриссааде это сочли самой настоящей победой. На умбарские рынки были отправлены новые покупатели; а на золотых рудниках рабам наполовину подняли дневной урок...

Да, прошло полмесяца, но пепелище осталось таким же, как и в первый день после боя — равнину покрывал толстый спекшийся слой грязи, застывший под лучами южного солнца после ливня, погасившего пламя. Кони храпели и отказывались идти дальше. Обугленные остовы деревьев торчали, точно руки мертвецов, все еще напрасно взывающих о помощи. Нигде, до самых гор, Санделло не видел ни малейшего признака зелени.

У него был с собой небольшой запас провианта — на черный день; обычно он добывал пропитание охотой. Но здесь, на выжженной земле, охотиться было не на кого. Горбуну предстояло свернуть с прямого пути и, уклонившись к западу, обойти мертвое место.

Санделло постоял насколько минут, обозревая черную равнину. Даже сейчас он не выбирался на открытое место — и потому первым заметил невысокую фигурку, что, ведя под уздцы коня, медленно брела по пепелищу, глядя себе под ноги, словно что-то отыскивая.

Горбун прищурился, вглядываясь. Взор старого воина был так же остр, как и в дни молодости. По равнине шла девушка — правда, вооруженная до зубов.

Словно что-то почувствовав, девушка внезапно остановилась, резко повернувшись в сторону Санделло. Повернулась, взглянула — и одним движением взлетела в седло, погнав коня к скрывавшим горбуна зарослям.

Губы Санделло скривились в недоброй, холодной усмешке. Заученным движением он вытянул из саадака хазгский лук, наложил стрелу; широкое костяное кольцо лучника он и так носил на большом пальце, не снимая.

Горбун не любил чародеев, к коим он — и не без основания — относил всех, кто умеет чувствовать взгляды. Ничто не могло выдать старого мечника: тихо стояли приученные лошади, и даже ветер дул ему в лицо. Немного изменим поправку... аккурат в плечо войдет. С коня сшибем, а там видно будет. Расспросим — кто такая и зачем здесь...

Подняв лук, Санделло резко вытолкнул вперед левую руку — он стрелял, как принято на Востоке, а не на Западе. Выводился сам лук, а тетива как бы оставалась на месте. Задержал дыхание. Наконечник плавно качнулся раз, другой, ловя цель...

Стрела ушла хорошо, Санделло чувствовал, как мчится навстречу плоти узкий наконечник специально утяжеленной стрелы — такими хазгские удальцы насквозь пробивали гномьи доспехи в Тарбадской Битве. Сейчас, сейчас...

Краткий миг оказался долог, хотя в реальности, конечно, едва ли минуло мгновение — только и успеешь, что глазом моргнуть. Горбун увидел, как девушка внезапно привстала в стременах... и с легкостью поймала стрелу прямо в воздухе.

Санделло прищурился. Правда, удивить его подобными штуками было нелегко — хазгские и ангмарские мастера показывали и не такое, — и он ничуть бы не изумился, если б проделала это не хрупкая с виду всадница!

Вторая стрела сорвалась следом за первой. Ее отшибло в сторону блеснувшее лезвие сабли. Санделло резко выдохнул и взмахнул мечом. Похоже, дело будет жарким. Левая рука воина уже сжимала метательный нож — в рубке от него не много толку, им не отразишь вражий удар — ну разве что отведешь, если удачно, — но Санделло мог метнуть короткий клинок из любого положения, хоть стоя, хоть сидя, даже лежа.

Он не вышел на открытое место, а вот его противница, очертя голову, ринулась в кусты. Ну зачем же так!..

Метательный нож вырвался из руки горбуна коротким серебристым взблеском.

Звон. Сабля вновь оказалась там, где надо, — на долю секунды раньше брошенного ножа.

А затем с лица горбуна сошло его всегдашнее холодно-невозмутимое выражение. На опустившемся широком мече звякнули кольца.

Уже летевшая вверх, готовящаяся к удару сабля застыла на полдороге.

— Это ты?! — разом воскликнули и горбун и девушка.

Однако оружие осталось наготове.

— Санделло!

— Оэсси!

— Нет, не Оэсси! Давно уже не Оэсси... Тубала!

— Тубала... Что за варварское имя!

— Не более варварское, чем здешние края.
— Как ты сюда попала?
— Как ты сюда попал?
Этот вопрос тоже вырвался у них одновременно.
Санделло растянул губы в подобии улыбки:
— Я не сошелся с Олвэном. Уж больно ему хотелось все делать по-своему... Отправился на юг. Хотел стать наемником в тхеремской армии, но с ними у меня тоже вышли неприятности. Пришлось бежать... Вот, оторвался от погони, теперь думаю свернуть на восток... Там мечи, говорят, в цене. Ну а ты...
— Я гонялась за известной тебе троицей. Один недомерок с волосатыми ногами и двое дубоголовых громил гномов! — Красивое лицо Тубалы исказилось.
— Вот как? — Санделло поднял бровь, точь-в-точь как эльфийский принц Форве при встрече у Камня Пути. — Ты еще не бросила эту бредовую затею?
— Не бросила и не брошу никогда! — с горячностью воскликнула Оэсси-Тубала. — Мы же говорили об этом!
— Но тогда тебе было только десять лет! — заметил Санделло.
— Ничего не изменилось, — последовал холодный ответ.
Санделло пожал плечами.
— Давно известно, коль Оэсси что-то взбрело в голову — обратно уже ничем не выбьешь, — заметил Санделло, оценивающе приглядываясь к юной воительнице.
— Вот именно. Я рада, что ты это понимаешь! — Тубала смотрела холодно и надменно, точно госпожа на слугу. Санделло едва заметно усмехался уголками рта. В опущенной правой руке попрежнему оставался его широкий, странный, непривычный оку западного воителя меч. Тубала платила тем же — острие сабли смотрело в землю, но видно было — воительница готова к немедленному бою.
— А как ты поняла, что я на тебя смотрю? — спокойно осведомился Санделло.
— Давно умею, только ты раньше не замечал. — Тубала небрежно махнула рукой. — А вот зачем ты стал стрелять?
— Не люблю чародеев, — усмехнулся горбун. — Простому Смертному ощущать чужой взгляд не положено. И потом, ты так ринулась на меня...
— Что неустрашимый воин Великого Олмера, — последние два слова она произнесла с истинным благоговением, — тотчас же испугался настолько, что схватил дурацкую палку с натянутой веревкой из жил?
Услышь эти слова Фолко, сын Хэмфаста, он тотчас бы решил, что неминуемо кровавое смертоубийство.
Санделло лишь равнодушно повел плечом:
— Думай как хочешь. Давно прошло время, когда слово мое

хоть что-то для тебя значило. Твоя троица, что же, оказалась в Хараде?
— Именно так, — надменно бросила Тубала. — Я гналась за ними от самой Хриссаады... перебила тьму народа...
— Понятно. Придется сделать пресветлому правителю Великого Тхерема хороший подарок, чтобы он закрыл глаза на твои шалости, — закончил горбун.
— Не твое дело! — отрезала Тубала, кусая губы.
— Не мое, не мое... давно уже не мое. Слово с меня снято, так что хоть на дно морское ступай, коли неймется. Ладно! Доскажи про врагов твоих — и расстанемся... Тубала.
— Ишь! — Тубала презрительно скривилась, пряча за бравадой непритворную растерянность. — Какой ты стал, однако...
— Уж каков есть, — невозмутимо ответил Санделло. — Ну так что?
— Меч у тебя какой интересный, — протянула воительница, словно не слыша слов горбуна. — А колечки эти зачем?
— А веселее, когда они звенят, — заметил воин.
Тубала вновь скорчила гримасу, но ничего не сказала.
Санделло смотрел на нее спокойно и твердо.
— Они дважды улизнули у меня из-под носа, — нехотя буркнула наконец воительница. — Следы вели к этому полю... и здесь я их потеряла.
— Я так понял — тут полегла бездна народу, — обронил Санделло. — Может, и они тоже погибли и тебе больше некому мстить?
— Ты забыл, что на них — мифриловые доспехи?!
— Они не спасут от огня...
— Но сами-то доспехи должны были уцелеть!
— Если их не прибрал к рукам какой-то счастливчик...
— Нет! — яростно выкрикнула Тубала. Кулаки сжаты, руки притиснуты к груди, в глазах — бешенство. Свистнула сабля, посыпались срезанные ветви. — Нет! Я бы почуяла. Я бы почуяла горе и отчаяние металла... стон их костей... Нет! Они — живы! Теперь мне надо снова взять след!
— С радостью тебе подскажу. Они пошли на запад, к Морю. Иной дороги нет.
— Сама знаю! — бросила Тубала. — Я найду их! Чего бы мне это ни стоило!
— Ну и отлично. А теперь давай-ка двигаться. Что-то мне захотелось поглядеть на здешний океан. Надеюсь, он получше, чем у той эльфийской крепости...
Тубала издала сдавленное рычание.
— Так как, пойдем? — невозмутимо поинтересовался Санделло.
— Иди, куда пожелаешь, — у меня свой путь! — последовал гордый ответ.
Горбун огляделся по сторонам, словно отыскивая кого-то:

— Не хотелось бы тебя разочаровывать... Но по пути я столкнулся с компанией очень решительных эльфов-Авари, и они любезно согласились последовать по моей тропе на юг... Едва ли им понравится, если ты захочешь меня прикончить. Так что тебе лучше не спорить со мной... Тубала.

— Вот как? — Девушка гордо рассмеялась. — Хотела бы я глянуть на этих парней!

Белооперенная стрела звякнула о лезвие опущенной сабли.

— А... Э... — Казалось, Тубала и впрямь ошарашена. Резко пригнувшись, она растерянно озиралась по сторонам, пытаясь угадать, откуда прилетел смертоносный подарок.

— Я же предупреждал тебя, — хладнокровно заметил Санделло. — Эльфы любят меня не больше твоего и пообещали утыкать стрелами, как ежа, если только я попадусь им поперек дороги, но в то же время я им нужен. Так что ты мне не прекословь.

— Они что, следят за тобой? — прошипела Тубала.

— Именно так, — спокойно согласился Санделло. — Все время. Оказалось, что порой бывает полезна даже слежка. Так что учти: если мы схватимся, убить меня тебе все равно не дадут.

Тубала опустила голову, в бессильной злобе закусив губу. Меткость эльфийских стрелков давно уже вошла в пословицы.

— Одним словом, если хочешь испытать мой меч — давай, — закончил Санделло.

— Слишком много чести, драться с тобой, *снага*, — пытаясь овладеть собой, выдавила Тубала.

— Ай-ай, сколько слов, и какие! Вряд ли они понравятся эльфийским бойцам, — безмятежно откликнулся горбун. — Итак, твое решение?

— Ладно... — процедила воительница. — Идем... Но если ты станешь у меня на дороге... клянусь, тогда тебе не помогут даже твои хваленые эльфы...

Санделло вновь усмехнулся — точно взрослый, которому грозит обиженный ребенок.

Они направились на запад.

СЕНТЯБРЬ, МАЯК МОРСКОГО НАРОДА НА ПОБЕРЕЖЬЕ ПОЛУДЕННОГО ХАРАДА

Клинки с плотным, тугим стуком вонзались в неподатливое дерево. Отойдя шагов на десять, хоббит Фолко Брендибэк раз за разом бросал ножи в нарисованные на затесе черные кружки — размером с мелкую монету. В высоте полыхала окутанная белым пламенем вершина горы — тайный Знак Морского Народа. Пятнадцать дней длилось ожидание, томительное, тягучее, невыносимое; тень наползающей угрозы отравляла каждый миг, постоянно напоминая о себе. Нет, не вульгарное Заклятье Раздора,

что, согласно древним гондорским книгам, умели напускать подвластные Саурону чародеи, вовсе нет! Гораздо изощреннее и гораздо опаснее. Таинственная Сила действовала лишь на смелых и сильных, высвобождая их тайные помыслы и извращая их; чем смелее и сильнее был человек, чем выше его положение — тем тяжелее становилось бремя. Теперь Фолко почти не сомневался, что Эодрейд, король Рохана, стал одной из первых жертв — как и извечные его враги, хазги, хегги и ховрары. Теперь на границе Рохана кипит новая война... может, обитателей Минхириата удалось отбить, а быть может, воинское счастье отвернулось от светловолосых наездников и вражьи полки уже стоят у стен Эдораса? Не дано узнать... Туда взор Фолко без чудесного — но, увы, потерянного — Древобородова подарка дотянуться не мог.

Они возвращались в Умбар... Вновь поражение! Поражение и первые потери. Они потратят много времени, добираясь до крепости Морского Народа, еще больше — пока отыщется корабль на юг... Кто знает, не повторится ли история с Олмером — они сошлись лицом к лицу, когда уже было поздно что-либо исправлять...

И потому Фолко до одури метал ножи в цель, пытаясь заглушить гложущую его изнутри тревогу.

Наметанным глазом Рагнур первый заметил идущий к берегу «дракон».

— Э-гей! Длиннобородые! Собирайте мешки!

Торин и Малыш, сосредоточенно звеневшие клинками — двуручный топор против меча и даги, — разом опустили оружие.

С запада, из морской дымки, внезапно вынырнул низкий и длинный силуэт. Ветер вздувал парус, четырнадцать пар весел дружно загребали воду, высокий форштевень, украшенный головой морского змея, гордо резал волны.

— О! О! — Рагнур не мог сдержать удивления. — Вот так штука! Тан Вингетор! Повезло так повезло!

— Вингетор? — изумился Фолко. — Но... Он же должен быть сейчас на севере, в Рохане! Он подписал с нами ряд?

— Может, война уже кончилась? — предположил Малыш.

— Ага, раздуй огонь пожарче и жди, пока крица сама влезет в горн! — хмыкнул Торин. — Война должна быть в самом разгаре... Скорее я поверю в то, что он так и не отплыл в Рохан...

— Ну, тогда мы его спросим и не поглядим, что он тан. — Фолко сжал кулаки.

— Да погодите вы! Если Вингетор не пошел в поход, то это значит, что он отправил кого-то вместо себя! — вмешался обиженный Рагнур. — Правду сперва узнайте, а потом уж судите, почтенные!

«Дракон» гасил ход, приближаясь к мелководью. С палубы на волну упала небольшая лодчонка.

— Я же говорил, что надолго мы здесь не задержимся. — Несмотря на злые слова спутников, лицо Рагнура светилось от гордости. — Нам осталось только затушить огонь в шахте и завалить вход...

Тан Вингетор пренебрег приличиями Морского Народа, самолично отправившись проверить, кто в этих диких краях зажег огонь тревоги. Предводитель не расстался с доспехами, несмотря на жару, и двигался в них с грацией настоящего придворного. Его сопровождало двое плечистых молодцов, оба — с луками в руках.

Рагнур выступил вперед, преклонив колено:

— Рагнур, воин тана Фарнака, благодарит сильномогучего тана Вингетора!

— Тан Вингетор говорит храброму Рагнуру, воину сильномогучего тана Фарнака: деяние мое не стоит благодарности... Ба, кого я вижу! Гномы — и невысоклик! Как вы оказались здесь?

— Долгая история, благородный тан, — сказал хоббит. — Если возможно, я поведаю ее всю, без утайки... но уже на борту корабля. И после того, как услышу историю самого тана. Мы полагали, что тан поведет свою храбрую дружину отвоевывать землю в устье Исены? Что-то случилось? Ведь если я правильно понял, сильномогучий тан направлялся в Умбар?

— Ты все понял верно, — кивнул Вингетор. — Я отправил два других корабля с флотом Фарнака и присовокупил еще один «дракон» своего побратима, так что численность не понесла урона... Нельзя было оставлять Юг без внимания, невысоклик. Пусть мне сулят земли и золото — которые я и так получу, хоть и меньше, чем остальные, — я должен знать, что ползет на нас с Юга! Понимаешь? Должен! Мне не было покоя... Ни мне, ни моей дружине, той, что побывала на Полудне... Я взял две сотни крепких молодцов, и мы снова отправились на юг. Миновали Харад — Хребет Скелетов и Каменку... потом прошли еще дальше, старым своим путем... я не знал, куда вести корабль, — богатые торговые города Дальнего Юга, что возле самого Поворота, меня не занимали, мы шли наугад... Короче, видели и узнали многое, о чем ты и твои благородные спутники, бесспорно, вскорости услышат. Теперь ты веришь, что я не нарушил ряда?..

Спутники Фолко не заставили себя долго ждать. В два приема лодка переправила их на борт «дракона».

СЕНТЯБРЬ, 12, ТО ЖЕ МЕСТО

— Все, дальше следа нет! — с отчаянием простонала Тубала.

— Конечно, нет. И не будет, — заметил Санделло, равнодушно наблюдая за ее поисками.

— Это почему же?

— Да потому что они сели на корабль. Неужели не ясно?

— Ага, и он ждал их тут все время? — Тубала скорчила презрительную гримасу. — Не может быть! Они где-то здесь... просто запутали след...

— Думай как хочешь, а только прав все равно я, — с прежним равнодушием бросил горбун. — Их подобрал «дракон» Морского Народа... больше некому... верно, они подали какой-то знак. Так что здесь едва ли тебе суждено догнать их.

— А где ж тогда?!

— Я бы направил свои стопы к Умбару, — пожал плечами горбун. — Твоя троица совершила зачем-то путешествие на Юг...

— Я знаю зачем! — перебила его Тубала. — Спасали одну роханскую девчонку...

Санделло вновь пожал плечами. Видно было, что все роханские девчонки, сколько их есть на свете, его нисколько не волновали.

— Так вот, девчонку они, наверное, спасли — это крайне упрямая троица, как ты могла, наверное, убедиться, — и теперь отправились на север...

Горбун ронял незначащие, равнодушные слова — но в самой глубине его глаз читались подозрение и тревога. Казалось, все им сказанное преследует одну-единственную цель — заставить Оэсси-Тубалу поверить, что ее дело тут, на Юге, окончено. Похоже, Санделло навязал себя в спутники ярой сердцем воительнице только для того, чтобы не дать ей схватиться с Фолко, Торином и Малышом. И едва ли старый воин заботился в тот миг о безопасности сей троицы.

Тубала в тот миг как никогда напоминала разъяренную пантеру, у которой из-под носа увели добычу. Три шага вправо — поворот, только песок летит из-под каблуков; три шага влево — поворот, — и так далее. Сквозь сжатые зубы рвалось сдержанное рычание, точно у дикого зверя. Санделло же, напротив, оставался неколебимо холоден, спокоен и сдержан.

— Вот мы и на месте! — не выдержала первой Тубала. — Куда дальше?!

У горбуна дернулась щека.

— Куда возжелаешь. Хочешь в Умбар — ступай в Умбар.

— А... А ты?

— А я — туда. — Рука старого воина указывала на юг.

— Зачем?

— Да так, захотелось попутешествовать на старости лет, — сухо ответил горбун. — Так что мы теперь с тобой расстанемся.

— А... почему бы тебе не двинуться со мной в Умбар?

— В Умбаре я уже бывал, и мне там неинтересно.

— Но ты не можешь идти на Дикий Юг налегке, с одной-единственной вьючной лошадью! — вскинулась Тубала. — Ты о чем-то недоговариваешь, горбун!

— Прошли те времена, когда меня пугал твой гнев, Тубала, — спокойно ответил Санделло. — Я забыл, как носил тебя на руках совсем крошечной... и учил держать меч... и скакать верхом... и не плакать, когда падаешь с лошади... Тогда ты называла меня поиному и разговаривала тоже не так, как сейчас. Это твой выбор. Мне уже все равно. Я шел с тобой до океана, потому что знал — если ты схлестнешься с невысокликом и гномами всерьез, тебе не поможет даже ловкая сабля, которой ты умеешь отбивать стрелы. Фолко как лучник легко заткнет меня за пояс... И от его стрел ты бы не ушла. А один удар гномьего топора переломал бы тебе все кости... даже если бы ты подставила под него саблю. Я исполнил свой последний долг перед... ты сама знаешь перед кем. Теперь, когда твои враги далеко, я могу продолжить путь.

Горбун говорил негромко и сухо. Глаза его оставались холодны — лишь в самой глубинной глуби пряталась капля давней горечи. Широкий меч лежал у него на коленях, одна рука горбуна сжимала рукоять, другая держала клинок за проушину возле острия.

Тубала с некоторой растерянностью слушала необычно длинную речь всегда скупого на слова воина. Она словно не ожидала подобного отпора — словно вдруг обрела дар речи бессловесная деревянная кукла, на которой отрабатывались удары...

— Но, Санделло...

— Никаких «но»... Тубала. Ты отреклась от прошлого, ты сменила имя... Ты больше не Оэсси. Ты избрала путь мести — бессмысленной, иссушающей душу, — что ж, твое право. Но сопровождать тебя я не намерен. У меня есть свои собственные дела. Так что прощай.

Горбун поднялся и, отчего-то прихрамывая сильнее, чем обычно, заковылял к коням. Кусая губы, Тубала смотрела ему вслед. Санделло не оборачивался.

Старый мечник уже садился в седло, когда она внезапно сорвалась с места:

— Постой, Санделло! Постой! Я... я с тобой!

Горбун чуть заметно пожал плечами:

— Что ж, давай. Я держу путь в Дальнее Захарадье. Припасов мало, еду добудем охотой. Готова?

— Готова, — пробурчала Тубала. — И чем там займемся?

По лицу Санделло пробежала тень.

— Увидишь, — посулил он, тронув поводья. — И вот еще... Если верна моя догадка, не стоит тебе отыскивать Фолко, Торина и Малыша в Умбаре. Сдается мне, пойдем по их следам... — Но последнюю фразу Санделло пробормотал еле слышно, словно разговаривая сам с собой.

Небольшая кавалькада двинулась вдоль берега на юг — туда, где высились горы. Санделло не оглядывался — однако знал, что

пятеро высоких, гибких фигур в темно-зеленых плащах неотступно следуют за ним по пятам, не страшась ни болот, ни лесов, — и не сойдут с тропы.

Тубала тоже запомнила белооперенную стрелу, клюнувшую лезвие ее сабли.

— А твои Авари? — Она неприязненно поджала губы. — Они не помешают делу?

— Помешают, — спокойно отозвался Санделло. — Но, когда они нас побеспокоят, мы с ними разберемся.

СЕНТЯБРЬ, 14, УМБАР

Попутный ветер и сильные руки гребцов-эльдрингов сделали свое дело — «дракон» тана Вингетора пролетел все харадское побережье за пять полных дней. А вместе с кораблем гордого Тана на север, к крепости Морского Народа, мчалась грозная весть: с южных побережий почти исчезли орды перьеруких. Правда, не полностью. Остались отборные отряды. И это еще полбеды. Теперь вместе с перьерукими появились бойцы иных племен — смуглые, горбоносые, в отличной кольчатой броне. Было их немного — но сражались они умело. Вингетор взял нескольких пленных; они молчали, и язык им развязали только пытки — обычная, хоть и жестокая практика морских удальцов. Тан узнал странные вещи — о воздвигающемся там, на Юге, великом государстве и великом вожде, потрясателе неба и тверди, владыке душ, хозяине призраков и духов, повелителе страха и ужаса.

И еще пленники говорили, что могучую длань этого владыки уже признали все южные пределы, а теперь настала очередь северных; к ногам повелителя уже готов склониться сам Великий Тхерем, хотя на самом деле никакой он, конечно, не великий, а просто пыль, недостойная того, чтобы ее попирали стопы Величайшего... Перьерукие признали его власть, а скоро то же самое случится со всей землей, до самых лесов, что теряют по осени листья...

Вингетор понял — дело плохо. На его корабле тоже творилось что-то неладное — ссоры между эльдрингами стали обычным делом. Наилучшим средством от подобного считалось золото, и Вингетор, после недолгой разведки, натолкнулся на появившийся точно из-под земли, недавно возведенный порт, где стояли странные пузатые корабли, — по рассказам старых танов, такие встречаются на Той Стороне.

Недолго думая, Вингетор повел дружину на приступ. Эльдринги атаковали внезапно, ночью — но натолкнулись на упорное сопротивление. В городке оказалось много мастеров боя... настолько много, что Вингетор заподозрил хитроумную ловушку. Но в ту ночь Морской Отец помог своим удалым детям, и к утру безы-

мянная гавань была уже в руках умбарцев. Добыча и впрямь оказалась неплоха; но на следующий день к изрядно попаленной крепостице подошли рати здешних хозяев — перьеруких вперемешку с горбоносыми. Обгоревший, во многих местах поваленный частокол уже не мог служить защитой, и Вингетор вывел дружину в поле — воины все, как один, отказались отступать на корабль. Строй эльдрингов свернулся колючим ежом перед дымящимися остатками частокола. Вингетор ожидал атаки конных стрелков — он надеялся, что это отрезвит горячие головы, не забывшие сожженный Нардоз, и он, тан, сможет отвести дружину на корабль. Однако отряд умбарцев атаковала беспорядочная, на первый взгляд, толпа воинов, вооруженных донельзя странным оружием — чем-то вроде заточенных лопат или очень широких мечей на копейных древках. Строй эльдрингов умел разить как одна рука, хоть и уступая, конечно, несокрушимому хирду гномов. Но странное оружие воинов Юга рубило копейные древки эльдрингов, словно сухой тростник, облаченные в легкие доспехи нападавшие довольно удачно уворачивались от ударов; в изобилии украшавшие их оружие крючья помогали им растаскивать сомкнутый строй умбарцев.

И все-таки бой Вингетор не проиграл. Сказалось мастерство лучников, пращников и арбалетчиков Морского Народа, что ухитрялись бить поверх голов своих или в открывающиеся на миг промежутки между щитами первого ряда. Противники разошлись — не одолел ни один. Правда, после этого воины Вингетора стали куда разумнее и больше не противоречили своему тану... «Дракон» пошел дальше на юг.

Чем выше стояло в полуденный час солнце, тем грознее и темней становились вести. Оттуда, из-за гор и равнин, жадно тянуло руки новое мощное царство. Его полководцы уже обустраивались на приморских землях, и никому прежде не ведомые племена, вынесенные крутой волной вторжения, раскидывали шатры у самого прибоя...

Однако достоверного удалось разузнать мало. Главные силы новой державы пока еще держались вдалеке от Моря; а подниматься по узким рекам Вингетор не рискнул. Неведомым осталось даже имя того великого правителя, именем которого вершилось все это грандиозное переселение народов, затмевавшее, по словам Вингетора, даже вторжение армий Олмера.

— Прежде мы проходили от Каменки до Молчаливых Скал, почти не причаливая к берегу, — медленно говорил Вингетор. — Полупустыня, редкие нищие племена... а теперь все в одночасье изменилось. Не за десятилетия — за считанные месяцы! На громадном протяжении прибрежья кипит работа... и мне что-то становится не по себе при одной мысли о том, куда обратит свои взоры эта сила, когда работа ее на Юге закончится.

— Быть может, она повернет на юг? — предположил Рагнур.

— Едва ли, — пожал плечами тан. — Южные города хоть и богаты, но немногочисленны. Там можем брать добычу мы, таны... А стране, которую я видел, этого не хватит и на пол-укуса...

...Узнав многое из желаемого, Вингетор повернул обратно, к Умбару. А по дороге внезапно засек яркий свет одного из Знаков Беды.

Потом настал черед рассказывать Фолко.

Вингетор только покачал головой, когда хоббит поведал о великой битве в Полуденном Хараде, о гибели исполинской армии перьеруких, о победе Харада, купленной жизнями тысяч и тысяч брошенных на убой невольников...

— Так или иначе — орда остановлена, — задумчиво уронил тан, дослушав повесть Фолко. — Однако хотел бы я знать, кто командовал этими несчастными перьерукими! Будь у меня хотя бы десятая часть их войска, я прошел бы насквозь через весь Харал!

— Поэтому настоящая беда настанет, когда у них наконец появятся сильные духом вожди, — заметил Торин.

— Верно! Странную историю вы мне поведали. Это настолько... настолько нелепо...

— Мы тоже так считаем, — ввернул Малыш.

— И это мне не нравится больше всего! — Всегда сдержанный Вингетор с размаху опустил кулак на дубовый брус форштевня, так что дерево недовольно загудело. — Не обошлось без магии!

— Магии... — медленно произнес Фолко. — Не знаю. Откуда ей там взяться? Последние остатки Наследства Саурона ушли вместе с Единым Мертвецким Кольцом...

— Что-что? — удивился Вингетор.

— А, — хоббит махнул рукой, — в нем была часть Силы Олмера Великого. Потом эту вещь удалось уничтожить...

— Отправить на дно, — быстро вставил Торин.

— Ну да. — Хоббит потер лоб. Торин подсказал вовремя, а то он, Фолко, что-то совсем забылся... — После этого магии в Средиземье оставаться уже не должно. Разве что у энтов... Провозглашенная Эра Людей наступила...

— И тут появились перьерукие, да еще в числе, превышающем всякие представления о здравом смысле! — заметил Вингетор.

— Да, — признался Фолко. — Появились перьерукие... И эту загадку мы разрешить пока не смогли.

— А кто сможет? — пожал плечами тан. — Я, например, не могу. Так что не стоит пока ломать себе головы. Разузнаем побольше — тогда и будем решать. Пока что нас ждет Умбар — я хочу предупредить Совет... хотя, боюсь, от этого будет не много толку. Там все считают главным врагом Харад, и, пока он не зашевелится, рассчитывать на *фьергун* Морского Народа не приходится. Разве что удастся собрать несколько танов порассудительнее, вроде

сильномогучего Фарнака, если, конечно, его дружина уцелеет в исенском походе...

— Разве у нашего достойного хозяина есть какие-то известия? — тотчас осведомился Фолко.

— Увы, нет. Откуда?.. Я ушел из Умбара в одно время с флотом Фарнака. Обычай велит ушедшим в подобный поход слать гонцов в Умбар... чтобы в случае надобности можно было подать помощь, а если все погибли — то знать, кому мстить.

— И часто вы так... мстили? — полюбопытствовал Малыш.

— Случалось. — Взгляд Вингетора стал суров. — Далеко не все возвращались из походов на Ту Сторону... Тогда мы собирали *фьергун* — и мстили. Никто не может похвастаться безнаказанной победой над Морским Народом! Боюсь, как бы не пришлось теперь на *этой* стороне повоевать!

«А Сила движется именно оттуда, — подумал Фолко. — Напрашивается — не она ли создала это царство? Хотя почему именно царство? Ведь тогда мы бы наверняка знали имя правителя... Надо, надо идти туда! На Дальний, Заокраинный Юг, за самые удаленные рубежи Харада, за остановившую нас пепельную пустошь, за горы, что мы видели на горизонте... Эовин не вернешь — так что теперь осталось только одно. Долг. И если мы не выполним его вторично, я... я брошусь на собственный меч».

— Хорошо ли бьются южане? — спросил тем временем Торин. — Хотелось бы знать побольше, сильномогучий тан!

— Потому как сдается мне — потащимся мы на этот распроклятый Юг, сгори он весь в топке Махала! — встрял Маленький Гном, как нельзя точно выразив и мысли, и отношение своих спутников к дальнему Захарадью.

— Я тоже так думаю, — кивнул Вингетор. — Мне придется о многом расспросить Фелластра, пленника из числа перьеруких...

— Небось он опять будет молчать, — буркнул Малыш.

— Доброе дело пытками начинать... — вырвалось у Фолко.

Вингетор усмехнулся:

— Нет, на сей раз я хочу от него слишком многого. Придется обещать этому парню свободу... а потом, если он окажется разговорчивым, и в самом деле выпустить его.

— А если он не поверит? Или начнет врать? — не отставал Малыш.

— Если заговорит — скажет правду. Перьерукие по-своему честны и блюдут данное слово.

— Наплевать на этого Фелластра! — махнул рукой Торин. — *Фьергун* собирать все равно придется... Что там было раньше, на месте этой державы?

— Да ничего не было! — последовал ответ. — Я понимаю твою мысль, почтенный гном. Да, держава возникла ниоткуда, на пустом месте, где испокон веку обитало лишь несколько донельзя нищих кочевых племен...

Пять дней промелькнули, точно один.

Умбарская гавань встретила корабль Вингетора привычной суетой. Возле пирсов спокойно застыли суда под флагами Амлоди, Гротти, Хьярриди и других, ушедших в поход на Исену. Отыскался и вымпел Фарнака.

— Вот это да! — вырвалось у Малыша. — Так, значит, они вернулись!..

Умбар сильно изменился. Почти не попадались на улицах харадримы; то и дело грохотали подкованными сапожищами эльдринги, назначенные нести городскую стражу. Возле памятной таверны возведено было настоящее укрепление из бревен и камней, охранявшееся двумя десятками морских удальцов, вооруженных до зубов.

Фолко, Торин, Малыш, Вингетор и Фарнак сидели внутри, за длинным столом. Зала была полна; всюду слышались соленые шутки и хохот. Доблестные морские таны гуляли.

— Нельзя сказать, что все прошло как по маслу, — неспешно говорил Фарнак, прихлебывая пиво. — Когда мы высадились в Тарно, там уже не осталось камня на камне, а поджидавший нас Ория рассказал, что хегги и ховрары подошли в великих силах. Защитить крепостицу было невозможно. И еще мы узнали, что большая часть сил поднявшегося Минхириата двинулась на Рохан, навстречу Эодрейду. А потом... потом-то и началось главное веселье — котам смех, а мышкам слезы. Мы ударили с трех сторон... Без хазгов все эти хегги и прочие не выстояли бы против нас и минуты, но... дрались они точно безумные, и немало наших полегло, прежде чем мы их опрокинули. Именно опрокинули, а не перебили — они просто рассеялись. Мы заняли Тарн и двинулись вверх по Исене. Если у короля Эодрейда и был какой-то план на этот случай, нас он об этом, увы, оповестить уже не смог. Его войско дралось на Исенской Дуге; и оно продержалось, пока не подошли мы. Получилась славная драка! Но хазги есть хазги — пока роханцы сумели их рассеять, потеряли много бойцов... Короче, война кончилась уже после первого боя. Ополчение Минхириата расползлось кто куда. Эодрейд сунулся было следом, но с хазгами шутки плохи — передовой полк полег почти весь, — правда, и этих коротышек-лучников с собой захватил преизрядно. После этого все утихло. Роханцы остались с чем были — ну разве что перебрались на одну гряду холмов западнее. Мы получили свою землю в устье Исены, хотя и меньше, чем ожидали. И дело даже не в короле Эодрейде и не в хеггах с ховрарами — они прямо кишели там, когда мы отплывали, — а в том, что наш ряд выпол-

нен не до конца. Роханцы не вышли к Морю! Впрочем, хотел бы я знать, как они рассчитывали удерживать столь обширные новоприобретения... Однако, так или иначе, вся Исена до самого устья — в наших с Роханом руках, и просто так мы от нее не откажемся. А долю земли мы уменьшили сами — невместно брать незаслуженное. Когда, как сказано в ряде, враг больше не сможет двинуться к Эдлорасу с Заката — мы и потребуем все полностью. Вот так-то, друзья мои! — Он глотнул. — Коротким рассказом — все. Про подвиги вам споют скальды! — Тан хохотнул.

— Почтенный Фарнак... — Фолко мучительно подбирал слова. — А... не виделся ли ты с королем Эодрейдом?

Торин и Малыш разом насторожились, уловив, откуда ветер дует.

— Видел я его, — махнул рукой Фарнак. — Белый весь от бешенства — что план его провалился. И... кгхм... на вас, друзья мои, зол весьма и весьма. Вам в Рохане пока лучше не появляться...

Фолко вздохнул. Малыш скорчил разочарованную гримасу, Торин потупился. Ничего иного они и не ожидали, но... как-то все ж не верилось.

— Полк лучников попал под команду этого, как его, Седьмого Маршала Марки, забыл имя, — продолжал Фарнак. — Парень он, может, и храбрый, да вот мозгами его Морской Отец явно обделил. Вывел он пять сотен стрелков в чистое поле против хазгской атаки... королевскую конницу прикрыть хотел. Ну и положил половину своих...

Фолко до боли треснул кулаком по столу. Так и знал! Его полк! Им собранный, обученный, привыкший к его команде!.. Конечно! Теомунд! Седьмой Маршал! Да ему и десятком-то нельзя командовать, не то что полком! Проклятье! Сожри вас всех Шелоб!

— Сделанного не воротишь, Фолко, — угрюмо проворчал Торин, наблюдая за приятелем хоббитом.

— Да. Да. Верно. Не воротишь. — Фолко невидящим взором смотрел в стену. Его полк!

— Не забудь, из-за чего все это случилось, — напомнил Малыш.

Махнув рукой, Фолко припал к кубку. Терпкое гондорское... сейчас он пил его словно воду.

— Нам нельзя задерживаться здесь, — вырвалось у него. — Надо идти на Юг.

— На Юг? — Фарнак удивленно поднял брови.

— Именно так, сильномогучий Фарнак. — Вингетор положил руку на эфес. — Именно на Юг. Сперва я тоже думал — можно отыскать себе надежное укрывище на Севере, чтобы между нами и напирающими с Полудня остались бы и Гондор, и Харад... а теперь вижу — я ошибся. Спасение — только в наступлении. Быстром, стремительном... как в тот год, когда смели Торхоод...

— *Фьергун*! Ты предлагаешь... *фьергун*? — изумился Фарнак.

— Если бы я мог «предлагать»! — Вингетор досадливо дернул плечом. — Разве Совет меня послушает? Да и твое слово, сильномогучий тан, стоит там не намного больше!

— Ты думаешь, южане скоро сомнут Харад и навалятся на нас?

«Если прежде на вас не навалится сам Харад», — подумал Фолко.

— Судя по тому, как они обустраиваются на новых местах, — несомненно.

— Всегда лучше недооценить опасность, чем переоценить ее... — проворчал Фарнак. — Но, проклятье, мои люди устали, клянусь Морским Отцом! И половина дружины осталась в Тарне!

— Для разведки многого не надо, старый друг, — усмехнулся Вингетор. — Соберем охотников.

— Две команды на одном корабле? — Фарнак поморщился. — Мордобоем дело кончится, ты же знаешь!

— Нет. Два небольших корабля. Твой «Крылатый Змей» и моя «Скопа». Двенадцать десятков мечей. Достаточно.

— Клянусь Морским Отцом! Если бы не тот перьеруких в твоем подвале... и рассказы моих старых друзей... я сказал бы, что тебе снятся страшные сны, о сильномогучий, не взыщи за прямую речь!..

— Кстати о перьеруком, — мрачно обронил Вингетор. — Фелластр сбежал.

— Как сбежал? — хором воскликнули все остальные.

— Именно так, — Вингетор с досадой сжал кулак, — сумел сбежать из-под замка, убив трех стражей — опытных, бывалых воинов... Я подозреваю, что ему помог кто-то из челяди... Не стану оскорблять слух моих собеседников этими незначительными подробностями... Важно одно: Фелластр сбежал, и, бесспорно, скоро мы о нем услышим. Впрочем, готовиться к походу нам это не помешает. А мешкать не следует...

— Да, осенние шторма скоро... — проворчал Фарнак. — Хорошо бы успеть проскользнуть у них под носом... Там-то, дальше к югу, поспокойнее будет...

— Я надеюсь, что через неделю мы отвалим. — Вингетор неожиданно поднялся. — Я все-таки попытаюсь предупредить старейшин...

— Ну, а мне надо расшевелить своих... — Фарнак допил пиво. — Идемте, друзья...

СЕНТЯБРЬ, 21, УМБАР

Фолко стоял на узкой носовой палубе «Скопы». Этому кораблику, всего о шести парах весел, скорее подходило имя «дракончик», нежели гордое «дракон». Легкий, верткий и ходкий, он предназначался для стремительных рейдов, разведки и набегов

на незащищенные края. Теперь ему предстояло бросить вызов могучей и таинственной державе, точно Феникс из пепла возникшей за самыми дальними рубежами ведомых в Гондоре и Арноре земель.

Следом за «Скопой» из гавани выходил «Крылатый Змей» — тоже на шести парах весел, такой же длинный, узкий и быстрый. Ветра менялись; важно было поймать северный или северо-западный и проскочить Умбар за несколько дней, не останавливаясь на ночлег. Кормчие торопились. И не без оснований.

Несколько месяцев Фолко не был в Умбаре и не мог не поразиться царящей в городе тревоге. Драки с харадримами вспыхивали повсеместно; не зря по улицам день-деньской вышагивали дозорные. Южане не оставались в долгу — и все таверны, кабачки и тому подобные излюбленные эльдрингами заведения выставили солидную охрану. Из пустыни доходили зловещие слухи: правитель Харада как будто бы решил раз и навсегда покорить Умбар, захватив единственную крупную гавань на всем тхеремском побережье. Правда, слухи не мешали умбарским работорговцам успешно и прибыльно сбывать живой товар харадским покупателям, среди которых почти исчезли свободные купцы — всех невольников забирал сам правитель Великого Тхерема...

Жалящий, злой Свет по-прежнему беспрепятственно разливался по южным землям; а там, куда он не мог проникнуть, неизбежно начинала скапливаться такая же злая Тьма.

Соглядатаи донесли тану Старху: его враги вышли в море. Он считал Фарнака своим кровным врагом с того самого момента, как тот обошел его в гонке к умбарским пирсам. И даже не задумывался о том, что раньше он давно и думать бы забыл об этой неприятности — ну, разумеется, устроив Фарнаку пару-тройку «приятных» сюрпризов. На сей раз сюрпризы устроить не удалось — и это странным образом лишало Старха сна и покоя. Не радовали даже крупные барыши от продажи невольников.

— Тан! — Хирбах, один из десятников Старха, неловко топтался на пороге. — Они вышли в море, мой тан. Два корабля. «Крылатый Змей» старой лисы Фарнака и «Скопа» этого гондорского выползка Вингетора. На обеих посудинах, видит Морской Отец, едва ли больше полутора сотен мечей — а скорее всего, и тех не наберется.

— Отлично, — процедил сквозь зубы Старх. — Мы идем следом. Их лоханки хоть и вертлявы, а до Двурогой Скалы им от нас не оторваться. Голубятника сюда!

Некоторое время спустя обученная птица взмыла в поднебесье, неся свернутое трубочкой письмо Старха, адресованное сильномогучему тану Скиллудру...

ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ЗАПАДНАЯ ОКОНЕЧНОСТЬ ХЛАВИЙСКИХ ГОР

— Ну вот и дошли, — спокойно заметил Санделло.

— Дошли, — выдохнула Тубала.

По правую руку от них вздымались громады Хлавийских Гор (по-тхеремски — Горы Ледяных Потоков). Горбун и воительница обогнули исполинский хребет по узкой прибрежной полосе между скалами и океаном, шириной едва ли в четверть лиги. Здесь кончались тхеремские владения. Когда-то от Моря до гор тянулась настоящая высокая стена с башнями, но потом края к югу от гор опустели — и правитель Тхерема счел разорительным держать большой гарнизон так далеко от столицы. Стена мало-помалу пришла в негодность, буйный южный лес волной нахлынул на нее, оплел гибкими лозами, подкопал корнями, расшатал каменные блоки проросшей в швах травой. Караульные башни были покинуты... но так только казалось.

Взобравшись повыше, Санделло и Тубала смотрели на покосившуюся пузатую башню. На темной от времени крыше виднелись свежие, светлые заплаты. Кто-то попытался кое-как привести в порядок башню... неужто тхеремцы?

— Коней через стену не поднимешь, да и я стар уже по скалам прыгать, — проговорил Санделло. — Видишь — они ворота еще починить не успели? А за ними — тропа?

Тубала молча кивнула.

— Вот там и проедем. Не знаю, кого нам тут послала судьба...

— Но кем бы они ни оказались, им крупно не повезло, — подхватила Тубала.

Горбун холодно усмехнулся. Правая рука его погладила перевязь с метательными ножами.

...Наверное, это походило на ночной кошмар, только отчего-то привидевшийся при ярком свете, средь бела дня... Из чащи вырвались двое всадников; прогудел чудовищный лук в руках горбуна, свистнула первая стрела — один из часовых, смуглолицый горбоносый воин, умер, не успев даже понять, что умирает. Мелькнул брошенный нож — тяжелое лезвие пробило кованый панцирь второго стражника. Клинок, пущенный тонкой девичьей рукой, с легкостью прошил стальную нагрудную пластину, что могла выдержать даже арбалетный болт...

Когда-то широкий воротный проем закрывали массивные створки; время, дожди и прочие южные прелести превратили доски в труху. Обосновавшийся здесь отряд начал было чинить их, но успел навесить только одну половину. Вторую — на всякий случай — перегораживала рогатка.

Тубала оказалась на корпус впереди горбуна. И пока тот натягивал лук, взяв на прицел выскочившего на гребень стены копей-

щика, девушка в один миг оказалась возле ворот. Навстречу вывернулся стражник с длинным протазаном в руке; но прежде чем широкое лезвие страшного оружия опустилось, снося головы и коню, и всаднице, коротко и беспощадно сверкнула сабля. Тонкий клинок с легкостью рассек могучее, окованное железом древко и развалил надвое тело слишком храброго южанина...

За стеной уже вопили:

— Хен-на! Хен-на!

Санделло стрелами снял со стены двоих — уже натянувших было луки.

Тубала рванула подвешенный справа от седла длинный серый сверток. Миг спустя на свет появилось настоящее стальное чудовище — так что даже видавший виды горбун присвистнул.

В руках Тубалы оказался меч, громадный двуручный меч: широкая гарда, два коротких дополнительных острия в нижней трети лезвия; таким оружием могут сражаться лишь самые сильные и опытные воины.

Девушка без всякого видимого усилия взметнула страшный клинок. Миг — и рогатка с сухим треском распалась надвое. Еще миг — и круговой удар снес еще торчащие сверху жерди.

— Дава-ай! — взвизгнула Тубала. Конь прянул через поверженную преграду, опрокинув еще одного врага.

Санделло последовал за девушкой.

Узкая дорога сделала крутой поворот, заросли надежно прикрыли двух искателей приключений. Позади не смолкали разъяренные вопли. Лес мчался навстречу...

Они свернули. Раз, другой и третий, стараясь запутать и сбить со следа погоню. Приходилось выискивать разрывы в сплошной стене деревьев, петлять, отыскивать ручьи и оттянувшиеся далеко от материнских скал каменные осыпи — потому что сзади не стихал песий перебрех.

Но за ними гнались настоящие мастера своего дела. Вопли: «Хен-на! Хен-на! Куан-ло! Хен-на!» — приближались. Лошади Тубалы и Санделло несли тяжелые вьюки; преследователи же скакали налегке.

Горбун резко осадил коня.

— Не уйти! — прохрипел он, скидывая лук. — Давай!..

Тубала поняла без лишних слов.

Узкая дорожка — совсем недавно проложенная на месте звериной тропы. Слева — глухой лес, странный, страшный и чуждый северянину; справа — топкое место, широкий и мелкий ручей, в котором запросто увязнешь...

Первая стрела Санделло вырвала из седла скакавшего впереди воина. Горбун стрелял почти в упор; он успел выпустить еще одну стрелу, когда из зарослей справа от дороги молнией вырвалась Тубала, вскинув свой жуткий двуручник.

Сверкающее полукружье взмаха напрочь снесло голову лошади одного из преследователей. Всадник полетел в пыль — и стрела аккуратно клюнула его в не защищенную панцирем шею. Над плечом и головой Тубалы пропели две вражеские стрелы; но девушка, рыча, точно неистовый берсерк, не обратила на них никакого внимания. Двуручный меч взлетел в позицию для удара так же быстро, как и легкая сабелька; взмах — и верхняя половина тела всадника рухнула, ноги и крестец остались в седле, словно всё еще куда-то скакали...

Санделло отбросил лук.

Колечки на мече радостно и беззаботно зазвенели, словно детские погремушки.

Щербясь, вражье лезвие проскрежетало по кольцам. Разворот — и рука противника отделилась от туловища...

Вокруг Тубалы кипел настоящий кровавый вихрь. Тяжеленный прямой меч в ее кажущихся такими нежными ручках порхал, словно бабочка, рубя направо и налево. Никто не успел не то что схватиться за луки, но даже и натянуть поводья. В считанные секунды потеряв десятерых, преследователи попятились было, но ненадолго. Кто-то дико завопил: «Куан-ло! Хен-на! Хен-на!» — и десяток уцелевших вновь бросился вперед...

Наконец рухнул последний. Тубала с презрительной гримаской отерла покрытый кровью двуручный меч и аккуратно привесила к седлу.

— Лихо дралась, лихо, — заметил Санделло. — Но задерживаться тут, право же, не стоит.

— Но... это ведь не тхеремцы! — удивилась воительница, на мгновение вглядевшись в лицо одного из убитых.

— Разумеется, нет. Только сейчас поняла? И не обратила внимания, что рогатка в воротах закрывала дорогу с севера на юг, а не наоборот? — усмехнулся Санделло, тронув поводья.

— И твоим Авари мы дорогу открыли... — прошипела Тубала, поджимая губы.

— Открыли, — без улыбки кивнул горбун. — Но это и к лучшему. Все их стрелы не отразить даже тебе, моя лучшая ученица... Уж у них-то хватит ума, случись что, не лезть к тебе под меч...

Миновало еще два дня. Предгорные влажные леса кончились; перед странниками вновь распахнулась бескрайняя степь, по которой бродили неисчислимые стада рогатых антилоп.

— Ну, куда путь держим? — сварливо осведомилась Тубала, когда они остановились на вершине сглаженного ветрами и водой холма.

— Отойди-ка шагов на полсотни и не мешай мне, — спокойно

проговорил горбун, твердо глядя в глаза воительнице. — Нечего тебе на это смотреть.

— Это еще почему? — вскинулась было Тубала, но взгляд холодных глаз Санделло остался тверд, и воительница, бормоча под нос такие словечки, что вогнали бы в краску самого отъявленного забулдыгу-эльдринга, поплелась прочь.

Санделло достал Талисман Олмера.

Тубала дернулась, как от удара, едва тусклый ободок желтого металла (неровный, с царапинами, местами даже помятый) вынырнул из кожаной зепи на поясе горбуна.

Немного погодя Санделло выпрямился:

— Теперь нам строго на восток. Вдоль этих гор. Поехали...

Бывший сборщик податей Миллог и неотступно сопровождавший его пес шли и шли на восток. Они давно миновали Друвэйт Лаур, оставили позади Андраст, с горем пополам, едва не утонув, переправились через Лефнуи, прошли весь Анфалас, крадучись обогнули Дол-Амрот, на похищенной лодке одолели устье Андуина Великого и вступили в Южный Гондор. В приморских поселениях Миллога принимали за безумца, но в общем не гнали и не обижали, порой даже подкармливая. Толстяк исхудал и пообносился; у пса можно было пересчитать все ребра. Они обшаривали каждый фут берега; Миллог расспрашивал рыбаков — не попадался ли им утопленник? Над ним смеялись — откуда ж твой утопленник здесь возьмется, ежели потонул аж за устьем Исены! Миллог не слушал насмешек. Он просто поворачивался и шел дальше. К тому времени, как Санделло и Тубала добрались до Хлавийских Гор, Миллог и пес уже приближались к Поросу.

Часть III

1732 ГОД. ОСЕНЬ

Пролог

Узкая извилистая долина вела с севера на юг, насквозь пронизав Хлавийские Горы. Затененная черными телами отвесных скал, полная журчащих водопадов, что срывались с огромных откосов. Несмотря на крутизну и высоту горных стен, жаркое южное солнце все-таки заглядывало сюда, и долина пышно зеленела. По ней вилась малозаметная, но все же упрямо не поддающаяся натиску зарослей тропинка; протоптали ее явно люди, а не звери. И сейчас по этой тропинке с величайшим трудом двигались двое. Юная девушка с льющимися волной золотистыми волосами — щеки ввалились, глаза запали; она еле передвигала ноги, тяжело опираясь на плечо спутника — немолодого седовласого мужчины с худым обветренным лицом и глубоко посаженными горящими глазами. Одежду странникам заменяли обгорелые лохмотья. На плече мужчины висел наспех сработанный лук; за веревочный пояс заткнута тонкая изящная сабля с небольшой рукоятью. За спиной приторочен второй меч — куда длиннее и тяжелее. Оружие примотано намертво — из-за длины выхватить клинок все равно невозможно. Одной рукой мужчина крепко обнимал за талию свою спутницу, практически волоча девчонку на себе.

Девушка так обессилела, что выглядела совершенно безучастной и равнодушной к происходящему. Похоже, все силы ее души уходили на то, чтобы заставить перемещаться эти проклятые, не желающие повиноваться ноги. Мужчина же, напротив, казался одержимым. Он ломил и ломил вперед, словно прорываясь сквозь вражьи ряды к одному ему ведомой цели. Темные глаза горели бешенством.

Серый и Эовин пробивались на юг. Каким-то чудом, едва не умерев от жажды, они одолели выжженную дотла, засыпанную пеплом равнину. Эовин ни за что не выдержала бы такой путь в одиночку. Когда сознание уже начинало мутиться, глаза ее видели склонившееся над ней перекошенное, искаженное лицо Серого; губы его шептали какие-то слова, и тогда странным образом прибавлялось сил и жажда отступала.

А потом на краю пепельной пустыни они нашли небольшой ручеек, сбегавший с гор к случайно уцелевшей от огня рощице... Как они пили!..

...Последнее, что помнила Эовин, — взметнувшиеся со всех сторон занавесы гудящего пламени. Нестерпимый жар опалил лицо и руки... от боли она тотчас повалилась в обморок, не успев даже испугаться или подумать о смерти. А когда пришла в себя, уже настал вечер. Огонь уступил в битве дождю, поле брани превратилось в покрытое засохшей грязью кладбище.

— Их... никого... нет... — раздельно, точно глухой, выговорил Серый, и Эовин внезапно поняла, что он сидит вот так, повторяя одно и то же, уже очень давно — быть может, сутки или даже больше.

Серый перетащил бесчувственную девушку к небольшому родничку, каким-то чудом вновь пробившемуся сквозь грязь и пепел. Все, что у них осталось, — это сабля Эовин и найденный Серым меч.

— Их... никого... нет... — вновь повторил Серый, вставая. — А ведь я должен был их спасти. Я обещал им! — выкрикнул он, вдруг сжимая кулаки. — Обещал!

— Что... — пролепетала Эовин.

— Когда мы ворвались в пламя, — мрачно, но совершенно спокойно проговорил Серый, — я сказал ему: «Остановись!» Но оно не послушалось...

«Спятил!» — с ужасом подумала Эовин.

— Думаешь, я повредился рассудком? — словно прочитав ее мысли, усмехнулся Серый. — Отнюдь. Смотри!

Его кулак врезался в покрытую пеплом землю. Взвилось серо-черное облачко; и внезапно заалели пышущие жаром угли. Миг, другой... и вот уже поднялся первый язычок пламени. Что там горело? Неведомо... Прошедшая пламенная стена выжгла все, что могло гореть...

По лбу Серого обильно катился пот, оставляя грязно-черные разводы на покрытом копотью лице. Он тяжело, прерывисто дышал.

— Могу зажечь. А могу и погасить. Смотри!

Серый вновь вытянул руку — пальцы сжаты в кулак. Наставил его на новосотворенный огонь — и напрягся. Лицо свело судорогой.

Язычок пламени задрожал и исчез, угли злобно зашипели, окутавшись паром, словно кто-то плеснул на них водой.

— Ты волшебник! — вырвалось у Эовин. — Самый настоящий волшебник!

— Я? Волшебник? О нет! — Серый горько рассмеялся. — Если бы это было так! Я не отмерял бы тогда в цепях весь путь невольника! А здесь, на поле, нашел бы способ спасти всех, сражавшихся вместе со мной! Нет, Эовин, нет. Больше я ничего не умею. Когда огонь пошел на нас и я понял, что спасения нет... то вдруг почувствовал себя в силах обуздать пламя... уберечь хотя бы тех, кого судьба поставила биться в этом бою со мной бок о бок... Но вытащил только тебя! Спросишь — почему? Не знаю! Кто-то остановил меня... Кто-то словно подставил мне подножку... Хотелось бы знать — кто?.. Ладно, двинемся дальше — на юг. Какая-то Сила гонит меня туда... я чувствую, что там — все ответы, там — вся истина... Кто я? Каково мое настоящее имя? Где моя родина? И еще... смотри!

Серый взялся за меч. Длинный, почти в четыре фута, с широким лезвием, — таким оружием удобно и рубить, и колоть, можно биться, держа и одной, и двумя руками. На праздниках и турнирах в Хорнбуге Эовин видела могучих воинов с подобными клинками. Главным образом такой меч хорош в конном бою, но и в пешем тоже, — вспомнила Эовин слова учителя. В Рохане воинским искусствам учили всех — и мальчишек и девчонок...

Серый взялся за меч. Миг — и лезвие свистнуло, вспарывая воздух; клинок мгновенно превратился в туманное облако, окутавшее Серого. Эовин оторопела. Таким мечом не играют, как легкой тросточкой! Так можно крутить саблю — но не четырехфутовый клинок!

Серый резко повернулся вокруг себя. Левая рука подхватила рукоять пониже правой ладони, клинок взвизгнул; вспыхнула молния удара. Окажись там воин даже в полном доспехе — его разрубило бы надвое.

— Вот так. — Серый опустил оружие. — Там, где я жил раньше, меня даже в ополчение не взяли... не знал, с какого конца за меч берутся...

Путникам повезло — они наткнулись на ведущую вверх, в горы, малоприметную тропку. Она не подвела. Правда, плохо было с едой. Серый смастерил лук, надергав нитей для тетивы прямо из их одежды. Стрелы у него — даром что без железных наконечников, а просто обожженные на костре — оказались отлично сбалансированы и летели куда надо, — но дичи попадалось очень мало, приходилось есть коренья и какие-то подозрительные травы, от которых потом шумело в голове, а мысли путались. Эовин еле-еле отлежалась после одного такого обеда...

Ущелье казалось мертвым — ни людей, ни зверья, лишь изредка взмывали к небу птицы. Дорога долго тянулась вверх, и каждый шаг давался Эовин труднее предыдущего; но наконец настал день, когда они миновали излом хребта и двинулись вниз.

Глава 1

СЕНТЯБРЬ, 28, ТРАВЕРЗ ЗАПАДНОЙ ОКОНЕЧНОСТИ ХЛАВИЙСКИХ ГОР

Левая рука медленно наливалась томительной, тянущей болью. Вскоре прибавится жжение. Все будет как обычно — Фолко уже привык к приступам. Они повторялись с унылым, размеренным постоянством каждые четыре дня и длились по часу и более. Когда становилось совершенно невтерпеж, хоббит начинал скрипеть зубами. Друзья ничем не могли помочь — даже опытный в целительстве Вингетор. Оставалось только терпеть, надеясь, что рано или поздно им удастся добраться до источника этого проклятого Света — и погасить его.

На крошечной «Скопе» было совсем мало места. Пространство под палубой забили припасами; Фолко насилу смог приткнуться в уголке. Проклятая боль! Близится берег, первая разведка, — а он валяется тут с чувством, словно его левая рука побывала в гнезде диких пчел!

Превозмогая себя, Фолко все же поднялся на палубу. «Скопа» из-за малой осадки легко могла подойти к самому берегу, но кормчий Вингетора, светловолосый гигант Освальд, осторожничал, не желая рисковать в незнакомом месте. На волны сбросили небольшую лодчонку.

Баюкая левую руку, Фолко с завистью смотрел, как Торин и Малыш устраиваются на поперечной банке. С ними отправлялись еще двое из команды Вингетора. «Крылатый Змей» Фарнака тоже высылал разведку.

Восемь воинов выбрались на берег. Открылась старая стена с башнями, сооруженная здесь Тхеремом в незапамятные времена; остроглазый Хьярриди, напросившийся таки в этот поход простым десятником, углядел дымок над одной из башен. Это показалось странным — укрепления, по словам Вингетора и Фарнака, давным-давно покинуты. Решили узнать, в чем дело; было строго-настрого велено не ввязываться в драку. Поэтому лодки плыли открыто, ни от кого не прячась; другое дело, что на кораблях затаились, готовые в любой миг к бою, лучники и арбалетчики.

Уловка сработала. Фолко не сомневался, что за ними уже давно наблюдают, — он чувствовал чужое внимание, чужие пристальные взгляды, что жадно обшаривали остановившиеся корабли. Шестеро эльдрингов и двое гномов остановились у самой черты прибоя, не торопясь идти дальше. И правильно сделали — навстречу им вышел целый отряд.

Всего десятка два — люди и перьерукие. Луки, копья, легкие щиты — у сородичей Фелластра; длинные кольчатые рубахи и

высокие островерхие шлемы — у их соратников. Разговор длился недолго — хотя расстались стороны вполне мирно.

— ...Не знаю даже, что и сказать. — Торин в смущении чесал затылок всей пятерней. — Нормальные люди. И перьерукие эти... с ними можно говорить! Речи мы их, понятно, не разумели, но там нашелся один, кто складно лепит по-тхеремски...

— С ним я и побеседовал, — подхватил Рагнур. — Короче, это пограничная стража великой империи Хенна — или Хенны... Он у них что-то вроде небожителя. Какое-то время назад его озарила истина, и... все племена склонились пред ним. Он наполняет радостью сердца верных слуг своих, а отступников и врагов карает безумием... Ну и все такое прочее.

— Тут я сказал: мол, повидаться хотим, приобщиться его благости, — продолжал Торин. — Это им, похоже, понравилось. Надо плыть, короче, на юг — до устья Каменки. На месте Нардоза они теперь свой город возводят... И подняться вверх по течению. Там, дескать, будет тракт к ставке этого самого Хенны...

— А у него что, столицы нет? — жадно спросил Фолко.

— У кого? У Хенны? Да вроде как и в самом деле нет. Он кочует по южным отрогам Хлавийских Гор, где берет начало Каменка, — отозвался Рагнур. — Где-то там он и обретается...

— Идти на двух «драконах» в глубь материка... гм... — в задумчивости прогудел Фарнак. — А реку они в любой момент перекроют... Да-а...

— Невесело, согласен, — кивнул Вингетор.

— Мы спросили у этих напрямик, — продолжал Рагнур. — Их набольший ответил: мол, Великий Хенна всегда рад желающим вкусить его благости. Я сказал: мы вооружены. Они ответили: нам, то есть им, нечего бояться.

— А потом мы узнали и кое-что еще, — продолжил Торин. — Они стали выпытывать, откуда мы; Рагнур сказал: из Умбара, с Севера. Их начальник покивал и осведомился, не за двумя ли преступниками мы гонимся...

— Это потому, что я хотел узнать — не проезжал ли тут кто-то в последнее время! — вставил кхандец. — Спросил просто ради того, чтобы понять, зачем здесь сидит вся эта орава и от кого они охраняют давным-давно никому уже не нужные стены. А в ответ услышал...

— Что совсем недавно через их заставу обманом, коварством и черным злым чародейством прорвались двое, без сомнения, беглых убийц. Напустив колдовства, они убили нескольких стражей...

— Вот это да! Кто ж такие? — вырвалось у Фолко.

Торин мрачно улыбнулся:

— Сейчас поймешь. Одна девушка, совсем молодая, с темно-русыми волосами. Сражается точно вырвавшийся из подземелий

демон. Второй... немолодой уже мужик, тоже крепкий боец, лучник... и горбатый в придачу.

Фолко похолодел. Вот это да! Ну что ж, они не ошиблись. Раз уж сам Санделло отмерил сотни и сотни лиг, стремясь на Юг, — значит, и им давно уже следовало туда отправиться. Хоббит даже не заметил, как ушла боль...

Санделло на Юге! А русоволосая дева-воительница — уж больно смахивает на Тубалу! Где же они встретились, как нашли друг друга? Впрочем, так ли это важно теперь...

— Мы, разумеется, сказали, что крайне возмущены, — закончил Рагнур. — Э, а чего это вы так смотрите? Знакомы с удалой парочкой?

— Так девчонку и ты знать должен... — проворчал Торин.

— Тубала?.. Ну да, понятно. А второй? Горбун?

— Тоже наш старый знакомец...

Корабли шли дальше на юг.

СЕНТЯБРЬ, 30, ИСТОКИ КАМЕНКИ, ЮЖНЫЙ СКЛОН ХЛАВИЙСКИХ ГОР

— Вот и все. — Серый осторожно опустил бесчувственную Эовин на мягкую траву. Последние два дня девушка оставалась в беспамятстве. Серый мог лишь поить ее, хотя после того, как они спустились с перевала, дичи стало больше. — Дошли. — Он склонился над девушкой, осторожно коснувшись шершавой ладонью лба.

— Дошли, но она умирает, — вдруг четко и спокойно сказал он сам себе. — Духи гор выпили всю ее силу... А меня они отчего-то побоялись... Ты должен вспомнить, что теперь делать... Должен вспомнить!

Воин двигался медленно и как-то неуверенно, словно во сне и будто бы сам удивляясь. Длинный четырехфутовый меч он воткнул возле головы лежащей Эовин, так чтобы тень от перекрестья падала на левую часть груди, там, где сердце. Легкую изогнутую саблю Серый воткнул у девушки в ногах; сам встал спиной к западу и лицом к востоку, широко раскинул руки и запел.

Это была древняя и страшная песнь, на забытом языке племен Востока; у поднимающегося Солнца и встающей Луны черпали они силы, влагая их в заклинательные песни; размеренным речитативом текли странные трехстишия, и тень креста на груди Эовин становилась все гуще и темнее...

Когда из-под этой тени внезапно хлынула черная кровь, девушка со вздохом открыла глаза:

— Что?.. Где?.. Кровь...

Серый обессиленно упал на колени.

— Поешь... — выдохнул он. — Поешь... я там... пару птиц сбил... зажарил. Ты... поешь...

К вечеру Эовин совсем приободрилась. Они уже совсем было собрались двигаться дальше, вниз, на равнину, вдоль берега неширокой быстрой речушки, когда Серый внезапно выпрямился и резким движением выдернул меч из земли. В отдалении показались всадники. Будто неведомым образом прознав о двух миновавших горы изгоях, они во весь опор летели прямо к ним.

Эовин потянулась за саблей; Серый поднял меч на изготовку. Позади густые, непролазные заросли (эх, жаль, от скал далеко отошли!) — дорого ж они им дадутся, если только у нападающих не окажется стрел!

Всадники быстро окружили Серого и Эовин. Высокие, сильные воины, в длинных кольчугах, с мощными, под стать хазгским, луками и недлинными кривыми саблями. Бойцов было десятка полтора — явно видавших виды.

Трое спешились и, разматывая арканы, осторожно полезли на холм. Остальные держали на прицеле Серого.

Эовин сжалась, стискивая саблю. Будь что будет. Но живой она им не дастся! Хватит, побыла уже рабой!

Трое с арканами не торопились. Окруженным деться некуда. Пусть пришелец размахивает длинным мечом — никто под его удары не полезет... А дернется, сам вниз прыгнет — тут его стрелами и утыкают.

Никто даже не озаботился спросить чужаков — откуда они, зачем, куда идут... Вязать — а там разберемся.

Взлетел первый аркан, и сразу же, молнией, за ним — второй.

Серый взмахнул мечом. Тяжелым полуторным мечом не разрубить легкую летящую веревку, это под силу только лучшим из лучших бойцов — но клинок в руке Серого обернулся свистящим вихрем... арканы еще летели, но каждый был уже рассечен натрое. Петли бессильно упали под ноги Серому; а увесистый меч, точно влитой, замер в отнюдь не бугрящейся мускулами руке немолодого воина.

Горбоносые стражники переглянулись. Они явно понимали толк в мечах и видели, что столкнулись с чем-то из ряда вон выходящим. Самое разумное теперь — попытаться вступить в переговоры (продолжая держать подозрительных чужаков на прицеле), а уж потом...

Позади первой линии воинов в кольчугах на смирной лошадке сидел невысокий человечек в скромном коричневом одеянии, без оружия. Именно он, когда всадники начали с сомнением переглядываться, вдруг привстал в стременах и завопил, точнее, даже заверещал высоким надтреснутым голосом:

— Кул-ла! Кул-ла-а, Хенна, Хенна, Хенна-а!!!

Высокий, режущий визг был нестерпим. Эовин упала на колени и, выронив саблю, зажала уши ладонями.

Серый пошатнулся и схватился за грудь, словно получил удар незримым оружием.

Спокойных, опытных, выдержанных воинов, что явно не собирались даром класть свои жизни, в один миг сменили обезумевшие, жаждущие крови дикари, возомнившие себя бессмертными.

Подхватив клинок, Эовин вскочила на ноги. Серый, оправившись, размахнулся мечом. На них катилась Смерть — катилась, разорвав воплями рты и округлив безумные глаза. Эовин казалось — она видит на губах воинов проступившую пену, словно у больных падучей.

Они бежали со всех сторон — кто-то даже вломился в кусты, с яростью рубя их саблей, точно злейших врагов. Человек семь одновременно оказались возле Серого и Эовин.

Девушку учили сражаться. И потому первый нацеленный в нее выпад Эовин отвела, ловко отскочив в сторону. Кольчужная рубаха промахнувшегося воина спускалась до колен, но поножей он не носил. Эовин изо всей силы рубанула по ногам. Рубанула и повела клинок на себя, как учили... Враг истошно заорал от боли, падая навзничь.

А Серый уже вовсю крутил свой длинный меч. Клинок ломал тонкие сабли, точно бревно — тростинки. Но даже оставшись с бесполезными обрубками, воины Хенны не отступали, и тогда меч разил — безжалостно, беспощадно, насмерть, вспарывая кольчуги и снося головы... Пятеро нападавших погибли прежде, чем успели понять, что происходит.

Любого другого врага подобное бы заставило остановиться, отступить, взяться за луки и спокойно прикончить чересчур умелого мечника. Но не этих несчастных. Они нападали, пытаясь свалить Серого голыми руками.

Человечек в коричневом вновь встал в стременах. Теперь он вопил безостановочно, вернее, визжал, точно свинья под ножом. Лицо Серого, и без того залитое потом, исказилось от боли — но рубить он не перестал.

Эовин оказалась оттертой в сторону. О ней все забыли — только бился и грыз землю раненный девушкой враг. А смертоносное оружие Серого все разило и разило, прорубая шлемы, отсекая руки... Вся земля вокруг была залита кровью. Последнего из нападавших Серый развалил надвое страшным ударом сверху.

Уцелевший человечек в коричневом тотчас повернул коня и, хлестнув его, поскакал прочь.

— Уф-ф-ф... — Серый устало опустился на землю. — Ты цела?

— Цела...

— Испугалась?

— Ага... Ужасно... — Эовин покраснела от стыда.

— Разве ж правда постыдной бывает? — негромко заметил Серый, медленными движениями стирая кровь с клинка. — Вста-

вай, пошли. Коней хорошо б поймать... да кольчуг целых поискать. Я там, кажется, кой-кому просто головы снес...

Некоторое время спустя двое облаченных в кольчужные рубахи странников отправились дальше. У Эовин полы кольчуги доходили мало что не до пят — но Серый настоял.

— От случайной стрелы защитит. Если же в упор — то и кованые латы не уберегут... Ладно, поедем Судьбе навстречу. Чувствую, недолго нам осталось странствовать... Едем!

— А что это за странные люди? И кто этот в коричневом?

— Кто здесь живет, я не знаю, — покачал головой Серый. — И клич «Хенна!» слышу впервые. Но... видать, в нем сильные чары! Меня едва надвое не разорвало, как его услыхал... И свет... по глазам... яркий-яркий, ослепительный... Ух! Насилу выдержал...

Эовин направила коня ближе.

— С-серый... скажи мне... скажи правду... Ты — колдун, я знаю... но... может... ты не нашего рода? Не людского?

— Не людского? Чушь! — вдруг рассердился Серый, глаза его полыхнули яростью. — А какого же еще? Эльфийского, что ли?

— Перворожденные владеют могучей магией, говорили в Рохане...

— Разве я на эльфа похож?

— Колдовством можно сменить облик...

— Ерунда! — Серый злился все сильнее и сильнее. — Нашла с кем сравнить! Я человек! Понятно?

— Но ты владеешь Силой...

— Вот это я и хочу узнать — что это за такая Сила! — прорычал Серый. — Откуда взялась и чего хочет!.. А теперь хватит пустых разговоров! Надо убираться отсюда, и поживей!

ОКТЯБРЬ, 1, ЮЖНЫЕ ОТРОГИ ХЛАВИЙСКИХ ГОР

Это была славная погоня. Почти десять дней не менее трех сотен всадников преследовали Тубалу и Санделло по пятам. Здесь, во владениях загадочного Хенны, приказы выполнялись четко и без промедлений. Стражники с пограничного рубежа, верно, быстро доложили куда следует, и с юга подтянулись подкрепления. К конным отрядам присоединились пешие; кольцо неумолимо сжималось.

Местность тут была дика и необитаема. Горбуну и воительнице приходилось все туже и туже подтягивать пояса — преследователи висели на плечах. Тут не до охоты! Санделло лишь изредка удавалось подстрелить какую-нибудь съедобную тварь.

Первой не выдержала Тубала:

— Сколько можно бегать, как зайцы?! Устроим засаду. Пока-

жем этим мерзавцам, как гоняться за нами! Если ты против — я сделаю это одна! Сила моя возросла...

Санделло внезапно прищурился.

— Так что теперь я могу куда больше, чем раньше! Я уложу их целую сотню!

— А сто первый уложит тебя, — невозмутимо заметил Санделло.

— Это вряд ли!

— Не беспокойся, уложит. И быстрее, чем ты думаешь. Ты ловко крутишь меч, не спорю, — но уложить сотню никому не под силу. Ты не справишься даже с тремя десятками. Разве я не видел, что к концу боя у тебя совсем не осталось сил? Еще немного, и ты бы не выдержала...

Покраснев до корней волос, Тубала прошипела что-то неопределенно-яростное.

— Поэтому слушай меня. — Санделло говорил спокойно и уверенно, словно за плечами его следовал целый конный отряд в добрую тысячу сабель. — И не спорь, если не хочешь раньше времени отправиться за Двери Ночи!

Солнце уже клонилось к закату. Путь Тубале и Санделло преградила очередная глубокая долина, пролегшая меж отрогами хребта. Предстояло спуститься по склону, поросшему редким кустарником. Горбун внезапно поднял руку.

— Стой! — еле слышно приказал он. — Они там.

— С чего ты взял? — тут же заспорила воительница.

— Говорю тебе, они там!

— Тебе это подсказывает Талисман, который ты носишь невесть по какому праву?

— Наверное, прав у меня побольше, чем у тебя! — отрезал горбун. — А если будешь спорить — он точно достанется тем, кто гонится за нами!

— Что ж ты предлагаешь? — подбоченилась Тубала.

— Сворачивать, — коротко бросил старый мечник.

— Куда?

— На юг. Другого выхода нет. Ты полезешь на ту сторону под стрелы?

— Отобью! — самоуверенно бросила Тубала.

— И коню предназначенные — тоже? — Санделло был очень терпелив.

Тубала промолчала.

— Тебя не остужать — давно бы голову потеряла, — наставительно заметил Санделло.

Горбун постоял, прищурившись, высматривая что-то в зарослях на противоположной стороне долины. Потом спокойно снял с плеча лук, наложил тяжелую стрелу с узким граненым наконечником, каким пробивают доспехи, вскинул оружие и, почти не целясь, отпустил тетиву.

То ли солнце блеснуло на броне кого-то из поимщиков, то ли шевельнулась некстати ветка, выдав неосторожное движение, — так или иначе, с треском ломая ветви, по склону покатилось пробитое навылет тело. С такого расстояния хазгский лук разил наповал.

— Теперь поняла? — Санделло резко повернул коня.

— Хен-на! Хен-на! Хен-на-а! — истошно завопил кто-то невидимый, и вниз по склону тотчас бросились десятки людей — и в том числе перьерукие. Тубала, зловеще оскалив зубы, вырвала из чехла свое двуручное чудовище.

— Лучше побереги силы. — Кольца на мече Санделло коротко тренькнули.

Враги, пешие и конные, окружали их со всех сторон.

— Убедилась? — ледяным голосом проговорил Санделло.

Тубала только шипела.

Они не успели никуда уйти. Среди редких зарослей, на самом краю непролазного леса, вновь вспыхнула схватка. Горбун и воительница попытались прорваться сквозь ряды южан, люди и перьерукие умирали с предсмертным хрипом «Хенна!» — и даже несравненное мастерство Санделло и Тубалы не могло одолеть эту доблесть. Враги не щадили себя; на лицах умирающих лежала печать блаженства.

Горбуна и девушку отжимали все дальше и дальше к югу. Погоня длилась до самой темноты.

Когда настала ночь, из сил выбились и преследователи и преследуемые. Предгорные леса кончились, уступив место широким, привольным степям. Края здесь, в отличие от горных отрогов, были вполне обжитые — Санделло и Тубала пересекли наезженную дорогу.

Запаленные кони требовали отдыха. Пришлось остановиться. Без коней — верная смерть.

Санделло поднялся на холм. Все вокруг уже тонуло во мраке, солнце скрылось за западным краем горизонта; горбун в первую очередь кинул взгляд на восток — совсем неподалеку горели огоньки костров, и редкие порывы ветра доносили многоголосое пение.

Та же картина и на западе, и на юге... Темен оставался лишь север — но там притаилась погоня.

— Дорога одна — на юг. — Даже сейчас голос старого воина оставался каменно-спокоен.

— А почему не на восток или на запад?

— Мы долго и упорно рвались на восток. Подозреваю... что здешние заправилы догадываются зачем.

— Интересно, как это им удалось, если даже я не знаю?

— Ты их с собой не равняй! — сумрачно отрезал Санделло. — Неужели ты до сих пор не поняла, зачем я тащу на юг Талисман Олмера...

— И Черный Меч... — Тубала бледно усмехнулась.

— Если ты столько знаешь, то стыдно не догадаться, — невозмутимо заметил горбун.

— Догадаться? О чем?

Санделло приблизил губы к уху девушки и что-то прошептал.

Тубала коротко охнула и, лишившись чувств, обмякла на руках вдруг растерявшегося Санделло.

ОКТЯБРЬ, 2, УСТЬЕ КАМЕНКИ

После того как «Скопа» и «Крылатый Змей» миновали траверз Хлавийских Гор, погода внезапно и резко испортилась. Как назло, дул сильный встречный ветер; гребцы выбивались из сил. Поставив косой парус, «драконы» ломаными галсами упрямо продвигались на юг. Пять полных дней корабли боролись с непогодой — в то время как при попутном ветре прошли бы тот же путь самое большее за два.

За весла брались все, даже Фолко, хотя толстая рукоять сделана была явно не по хоббичьей мерке. Тяжелая работа выматывала; добровольцы начали роптать. Понятно отчего; но легче от подобного знания не становилось. Фолко не повторял своих попыток пробиться внутренним зрением к источнику загадочного Света — не хватало сил. Вдобавок, появление на границе царства Хенны горбуна в компании Тубалы говорило очень о многом. Откуда эти двое могли знать друг друга? Или же встретились случайно и только потом стали соратниками?

Хенна, Хенна, Хенна... На него снизошло просветление...

«Вразуми меня Дьюрин, откуда оно могло взяться?»

Первое, что приходит на ум, — Милость Валар. Нет! Если это их дар, то... то вряд ли тогда сошли бы с ума и ринулись на харадские мечи целые орды несчастных перьеруких. Не растоптал бы собственные честь и достоинство мудрый и смелый Эодрейд. Не погряз бы в отраве взаимной ненависти Умбар. Разными бывают дары Сил, порой они горьки... но не настолько страшны. Нет!

Второе — Наследство Саурона. Фолко крепко помнил рассказы Теофраста о Черной Скале Харада! Быть может, этот самый Хенна — некто вроде Олмера, прокладывающий себе путь ко власти благодаря гибельному магическому талисману из прошлого? Нет, не похоже. Свет! Вот главная загвоздка. Ни Саурон, ни былой его повелитель, Мелкор, никогда не пользовались Светом. Боялись они его и ненавидели — так, по крайней мере, утверждают эльфы. Оружие Саурона — Тьма... Не мог Хенна позаимствовать нечто из арсеналов Барад-Дура. Конечно, если этот загадочный Свет и есть плоды «просветления» Хенны...

Третье — нечто совершенно неожиданное. Придумать можно все что угодно — от Синих Магов до вмешательства Великого Орлангура. Нет, не то. Орлангур не вмешивается в людские дела, они для него — как игра мельтешащих бликов на поверхности воды. Синие Маги... Наугрим... который то ли выжил, то ли нет после страшного удара Олмера под стенами Серой Гавани... А еще?

Появление кого-то из Майяр... Возвращение Гэндальфа...

«Тьфу, пропасть!» — Хоббит досадливо поморщился. Полезет же такое в голову... Пала Серая Гавань, пал Прямой Путь! Может статься, что и Авари, Невозжелавшие, не сумеют найти дорогу на Заокраинный Запад, задайся они подобной целью...

Фолко повернул эльфийский перстень камнем вверх.

...И тут же едва не ослеп. Чувство было такое, словно он оказался в самом сердце ярящегося океана белого, снежно-чистого пламени. Оно не жгло, оно разъедало, словно кислота, и разъедало не тело — саму душу. Даже радужного мотылька Фолко не видел.

Он был один в этом белом пламени, где верх сливался с низом, правая сторона — с левой. Ни ориентиров, ни направления — одна только боль. Фолко внезапно почувствовал себя маленьким, напуганным, неопытным хоббитом, вдруг оказавшимся в пригорянском трактире один на один с бывалым мечником. Умом Фолко понимал — точнее, пока еще помнил, — что никуда не делся ни океан, ни береговая полоса; над миром по-прежнему светит солнце, пусть жаркое, но совсем не убийственное; под ногами — старое, крепкое тело «дракона». Он помнил это — но именно помнил. Мир, представший внутреннему взору, разительно отличался от видимого глазами. Собственно говоря, мира, как такового, тут вообще не было.

Однако было кое-что иное. Где-то в яростном белом огне пряталось НЕЧТО; боль обжигала вдвойне, когда Фолко пытался углядеть это незримое средоточие Силы. Но именно боль стала поводырем. Усилием воли хоббит погнал мотылька (а на самом деле — собственную свою мысль) — туда, вперед, неважно, вверх или вниз, на восток или на запад, — главное, что вперед.

Он помнил, что там, в недрах огненной круговерти, его подстерегают те самые таинственные «заклинатели». Однако с торжеством неофита, окунувшегося с головой в недоступный прочим смертным миг волшебства, Фолко шел напролом. Его воля обрывала боль, заставляя умолкнуть терзаемую плоть «тонкого» тела, что обрел он, прибегнув к эльфийскому чародейству.

Прошлый раз он видел залитый Тьмой мир — мир, пронзенный узкой солнечной шпагой; теперь место Тьмы занял Свет, с не меньшим успехом застилая глаза. Тогда сияла крошечная точка на лоне залитой мраком земли; сейчас же открылось незримое сердце огня, тайное сердце в бьющемся и ярящемся от нерастраченной мощи океане неземного пламени. И теперь Фолко сумел, одолев палящую боль, прорваться сквозь все завесы — прямиком к потайной сердцевине.

Воображение, разбуженное запомнившимися с прошлого раза «повелителем» и возможными «честивыми чародеями», рисовало хоббиту мрачный замок, высоченные своды, теряющиеся во тьме, исполинские залы и — венец всего — вознесшийся черный трон...

Однако все оказалось совершенно не так.

Фолко видел внутренности просторного шатра — яркого солнечно-золотистого цвета. Не было ни черных тронов, ни дымящихся отравными испарениями курильниц. Пол в шатре оказался застелен яркими, разноцветными коврами, их покрывал причудливый орнамент.

Ничего темного, зловещего, страшного; впрочем, Фолко давно уже привык — жизнь не любит унылого однообразия черно-белой раскраски. Враг далеко не всегда — жуткое страшилище, нелюдь, каковое должно с молодецким хаканьем развалить клинком надвое (неважно, кто это — безмозглое чудище или же наделенный разумом и речью орк), он ведь тоже — случается — верит в нечто высокое...

В шатре расположились пятеро людей. Четверо сидели в ряд, поджав ноги; пятый устроился на возвышении из цветастых подушек, высокий, с чеканным орлиным профилем, с иссиня-черными волосами до плеч. Лицо окаймляла аккуратная бородка. Глаза — темные, большие, чуть вытянутые, со странным мерцанием в глубине. На плечах — просторная, ниспадавшая волнистыми складками накидка драгоценного сверкающего шелка. Пальцы унизаны перстнями, на роскошном, явно подгорной работы поясе — кинжал в золотых ножнах. Рубины, изумруды, крупные ограненные алмазы, синие сапфиры — все сокровища земных недр теснились на ножнах и гарде, свидетельствуя при этом о полном отсутствии вкуса у владельца роскошного оружия.

Собравшиеся говорили на странном языке — отрывистом, резком. Фолко напрягся, стараясь уловить хотя бы намеки на знакомые слова. Ведь хоббит худо-бедно изъяснялся на квенийском и на синдаринском, на языке всадников Рохана и на суровом хазгском, на скудном дунландском и на прямом, как стрела, языке истерлингов! Но на сей раз не преуспел. Не слышалось даже харадских слов.

Однако стоило напрячь волю, обратить ее в слух — и говор чужаков волшебным образом превращался в понятные фразы, словно в сознании Фолко кто-то повторял вслед за беседующими незнакомцами.

— ...Таким образом, избавились мы от докучливых толп этих ни на что не годных перьеруких. На нет сведена сила Тхерема. Теперь станет он легкой добычей, — нараспев говорил один из четверых, сидевший с правого края, спиной к незримому Фолко.

— Благодаря мудрости несравненного Хенны, дарованной ему благими Богами... — тотчас же подхватил сидевший по левую руку от говорившего.

— Хватит! — неожиданно резко вмешался чернобородый человек в шелковой накидке, восседавший на возвышении, — судя по всему, как раз тот самый загадочный Хенна. — Хватит лести, Боабдил! Ты знаешь: мы все, и я в том числе, ничто перед мудростью и силой Богов. Им благоугодно было избрать меня, оделить меня силой и мудростью, — но это лишь благодаря *им*. Я есть лишь их ничтожный служитель — как и вы все.

Голос у Хенны силен и низок, настоящий бас, почти что рык. Глаза горели волей и решимостью. Чем-то он очень-очень напоминал Олмера...

— Мне ведомо, что в пределы владений Наших, — продолжал тем временем Хенна, — вступил отряд богомерзких эльфов. Почему я до сих пор не вижу их голов? Каждый миг, пока их нечестивые сапоги топчут осиянную благодатью землю, дарованную мне Богами, являет собой тягчайшее святотатство и оскорбление тех же всемилостивейших к Нам Богов. Саладин! Я хочу видеть их головы!

— Желание всемилостивейшего повелителя, под чьей стопой дрожит твердь земная, есть закон для смиренного его слуги. Я, Саладин, принесу головы отвратительных чудищ или расстанусь с жизнью.

— Не так цветасто... — поморщился Хенна.

— Виноват... — Саладин не то всхлипнул, не то поперхнулся, но Хенна даже и не смотрел на него.

— Ты хотел что-то сказать, наш верный Боабдил?

— Дозволительно ли будет спросить всепокорнейшему слуге Божественного Хенну...

— Сколько раз повторять, чтобы ты не смел именовать меня так! Оставьте лесть для моих жен!

— Виноват. — Боабдил тоже задрожал, но не столь выразительно, как Саладин — уже пятившийся тем временем к выходу из шатра. Лица его хоббит по-прежнему не видел. — Позволительно ли узнать будет, как провидел повелитель явление на земли наши богомерзких эльфов? Будучи главным чародеем, не смог узреть я их путей! А значит это, что служба моя верная стала не нужна более Хенне Божественному и может он немедленно отсечь мне голову или же сварить в масле кипящем!..

К концу прочувствованной речи голос Боабдила дрожал от слез, и он, точно безумный, с изрядной ловкостью бился лбом о расстеленный по шатру ковер.

— Успокойся, мой верный Боабдил. — Хенна снисходительно усмехнулся. — Дарованная мне Богами власть, оказывается, в силах открыть пути осквернителей Божьего Замысла. Доселе не имел я случая понять сию сторону силы моей; но когда они появились, Свет Адаманта указал мне их. От северной границы, от башен на рубеже с Тхеремом идут они, направляясь прямо к ставке Нашей, и, без сомнения, злоумышляют против Нашей Персоны!..

— Смерть им! — воспламененные, вскричали разом остальные три советника.

— Смерть им, — кивнул Хенна. Глаза его пылали, точно угли. — Но только сперва поведают они Нам, кем были посланы сюда, где обиталища врагов Наших и каковы к ним пути... А когда падет в руки Наши Тхерем — тогда соединенные Наши рати двинутся дальше и покончат с гнездилищами богомерзких племен и отвратных ересей!

— Да умрут все потомки змеи и шакала! — вновь возопили советники.

— Умрут, умрут... Ну, вершите речи ваши дальше!

— Пришли на двух кораблях именующие себя Морским Народом в числе малом, не более двунадесяти десятков. Испрашивают позволения предстать ко взорам Божественного. — Боабдил вновь низко поклонился, для верности стукнувшись еще раз лбом. — По речам их — взыскуют Его благости...

— Морской Народ? Хм-м-м... Сие интересно суть. — Хенна приложил ко лбу указательный палец, всем видом своим являя крайнюю степень задумчивости. — Ну что ж. Мы даруем им Свою благость... Сотня и два десятка не опасны воинству Нашему — так что пусть идут. Разумеется, в сопровождении усиленного конвоя. Я думаю... — он вновь сделал паузу, — тысячи панцирников будет достаточно.

— Бож-ш-ш-е-с-с-с-твенный... — сидящий с самого края советник внезапно издал нечто, одновременно похожее и на шипение и на свист. — Нас-с подс-с-лушивают!

— Что?! — Хенна в один миг оказался на ногах. Шелковая накидка слетела с плеч, обнажив мощный, мускулистый торс истинного воина. С шеи свисала толстая золотая цепь, на ней красовался крупный камень, серый и невзрачный, — заостренный, сужающийся книзу обломок.

«Ну и украшение же у тебя», — успел отрешенно подумать хоббит, и тотчас же то ли сам Хенна, то ли его чародеи, то ли они вместе — нанесли ответный удар. Нет, это был не ураганный шквал всеиспепеляющего пламени, гораздо хуже — крылья радужного мотылька затрепетали, опутанные незримой паутиной. Перед глазами все померкло — одна сплошная шевелящаяся масса чего-то бесформенно-серого, какие-то вспухающие и опадающие клубы — и бьющийся в цепких тенетах радужный мотылек.

В сознание вбуравливалась новая, незнакомая, давящая боль — Фолко словно бы очутился в громадных тисках. Он закричал, тщетно пытаясь освободиться; перед глазами все вспыхнуло фейерверком красок... и он почувствовал под лопатками крепкие доски палубы. Его тряс Торин. Тряс что было сил.

— Фолко, Фолко, да очнись же, очнись наконец!.. Ох, вот беда-то какая!..

Хоббит застонал. В голове дружно стучали многопудовыми кувалдами добрая сотня молотобойцев.

— Приди в себя! Кажется, опять драка. Мы встретили Скиллудра!

— О-ох!.. Что ж ему от нас надо?

— Накормить нами здешних рыбок! Вставай! Сейчас будет жарко!

Хоббит сейчас никак не годился для боя. В глазах все плыло, руки дрожали; даже поднятый Торином, он едва удерживался на ногах. Гном с отчаянием махнул рукой:

— Бахтерец-то хоть надень! И подкольчужницу! И сиди здесь! А то не ровен час...

Однако хоббит выбрался-таки на палубу — когда «драконы» Скиллудра оказались уже совсем близко.

Их было много — почти два десятка кораблей, огромная сила по меркам Морского Народа. Скиллудру помогал попутный ветер, в то время как командам «Крылатого Змея» и «Скопы» приходилось еще до начала схватки налегать на весла.

Флот Скиллудра надвигался строем серпа, охватывая корабли Фарнака и Вингетора с боков, отрезая и путь достойного отступления в открытое море, и путь позорного бегства на берег. Щиты были уже подняты, на носах стояли лучники; кормчим «Скопы» и «Змея» оставалось только одно — развернуться и во весь опор уходить на север, надеясь на быстроту своих корабликов. Скиллудр, похоже, и это предусмотрел; его левое крыло вытягивалось все дальше и дальше с явным намерением отрезать врагу последнюю возможность для бегства.

— Эй!.. Что они хотят? — страшно озабоченный Малыш, тащивший тяжеленный щит на нос «Скопы», оказался рядом с Фолко.

— А! — Маленький Гном безнадежно махнул рукой. — Вызывали, кричали им — не отвечают. Фарнак самого Скиллудра выкликивал — тоже ничего. Они, глянь-ка, не шутят!

— Так ведь Скиллудр вроде бы ушел с перьерукими воевать...

— Вернулся, верно.

На носу «Скопы» внезапно появился Вингетор — в парадных, черных с золотой насечкой доспехах, но без шлема, с непокрытой головой и без оружия.

— Э-гей! Скиллудр! Тан Скиллудр! Если ты здесь и хочешь напасть на нас, так и знай — мы отправим на дно всю твою армаду!

— Что он такое несет? — пробормотал себе под нос хоббит.

Ни один из кораблей Скиллудра не замедлил ход. Ни на одном не опустились щиты и не отошли от бортов лучники.

— Плевал он на все слова, — так же еле слышно сказал Фолко. — Я не я буду, если все это — не дело рук просветленного Хенны!

«Тогда зачем говорить своим ближайшим советникам, что желающие приобщиться его благости да не встретят на своем пути препятствий?»

Назревала кровавая схватка. Еще чуть-чуть — и сорвутся первые стрелы. Над кораблями Скиллудра кое-где вился дымок — там готовили зажигательный снаряд. Брать «Скопу» и «Змея» в плен здесь никто не собирался.

Скиллудр же ничего не делает просто так! Значит, ему должен быть выгоден этот бой, значит, он ему зачем-то нужен...

Сражаться означало верную смерть. Фолко увидел, как гигант Освальд пытается поймать взгляд своего тана — не отдаст ли команду к повороту?

Гребцы бросили весла; по «дракону» прошла мгновенная шелестящая железом судорога — эльдринги вооружались.

«Скиллудр тоже наверняка безумен, как и все в этом царстве Хенны, — мелькнула у хоббита мысль. — А безумие порой смывается... кровью!»

Десять лет назад, глухой лес возле выжженной Небесным Огнем ямы — и полные жажды убийства глаза Отона. И летящий навстречу клинок Фолко...

Перьерукие на поле битвы в Южном Хараде, получив рану, отнюдь не вырывались из-под чар Хенны.

По груди быстро растеклось тепло. Оживал, просясь в руки, клинок Отрины. Чувствовал ли сам свою силу или отзывался на невысказанное желание хозяина пустить его в ход?

Превозмогая слабость, Фолко шагнул к борту. Клинок с синими цветами на лезвии уже лежал в правой ладони.

— Где «дракон» Скиллудра?

— Да вон, прет аккурат на нас. — Освальд казался мрачнее тучи.

Мощный черный красавец, похоже, шел на таран. Однако лучники на его палубе пока молчали — и Вингетор, повернувшись к своим, тоже отдал приказ — не стрелять!

— Пусть не мы затеем свару!

Стрелков на носу скиллудрского флагмана прикрывали широкие черные щиты. Фолко прищурил глаз: попасть в щель можно, но...

Корабли сошлись уже на треть полета стрелы. Скиллудр молчал.

— Может, обойдется... — неуверенно проговорил кто-то за спиной хоббита.

И тут стрелы сорвались.

Скиллудр выжидал не зря. Он бил не наугад, а насмерть. Палуба «Скопы» окрасилась кровью, раздались крики раненых. Бойцы Фарнака и Вингетора ответили — никто не посмел бы назвать их трусами. Их стрелы разили так же метко, как и у Скиллудровых лучников, — но шансов выстоять в бою с десятикратно

сильнейшим противником у «Скопы» и «Змея» все равно не было.

— Скиллудр! — Фолко протиснулся к борту, не обращая внимания на свистящую смерть вокруг. Высокий голос хоббита неожиданно звонко разнесся над Морем и — откуда только силы взялись! — перекрыл даже шум вспыхнувшего сражения.

— Скиллудр! Я вызываю тебя! Тебя одного! Я, Фолко, сын Хэмфаста, Рыцарь Гондора и Рохана, Маршал Марки, командир полка пеших стрелков!

Летели равнодушные стрелы. Ответа не было.

Горячая волна докатилась до сердца. «Нет, я не сдамся так просто! Я не дам отправить нас на дно этим головорезам!»

Фолко потащил с себя доспехи.

— Что ты делаешь?! — успел заорать Торин, но в следующий миг сумасшедший хоббит, в одной рубахе, вскочил на край борта и очертя голову сиганул вниз, в воду.

От подобного, похоже, остолбенели даже воины Скиллудра.

Фолко вырос на Брендивине — небольшой по меркам Средиземья реке. Только для хоббитов она — что для людей Андуин Великий. Плавал Фолко неплохо, потом жизнь заставила научиться еще лучше. Но чтоб вот так броситься в океан, да еще в виду надвигающегося вражеского «дракона»?! Что подумал бы дядюшка Паладин, доведись ему увидеть это?..

Разрезающий волны «дракон» казался для пловца исполинским морским чудовищем. Невысокий как будто бы борт вознесся чуть ли не к поднебесью. Весла, словно громадные лапы, мощно упирались в волны, и Фолко ежесекундно рисковал получить смертельный удар по голове.

Вот и борт. Рядом внезапно плеснула стрела — не поймешь, то ли шальная, то ли выстрелил кто-то из Скиллудровых удальцов. Фолко мертвой хваткой вцепился в весло. Подтянулся — и полез вверх.

Всей кожей он ощущал остроту нацеленных в него стрел. Легкое мановение руки Скиллудра — и он, Фолко Брендибэк, превратится в подушечку для игл.

Прищуренные глаза смотрели поверх оперения. Мокрый, в облипающей рубахе, Фолко схватился за борт «дракона».

Эльдринги самого сильного на Море тана смотрели на хоббита с удивившей Фолко ненавистью. Он видел насупленные брови, стиснутые на рукоятках мечей пальцы, побелевшие костяшки (далеко не у всех были латные рукавицы); ясно, что только непререкаемая воля Скиллудра удержала этих людей от того, чтобы спокойно расстрелять хоббита еще в воде. Еще один кирпичик в основание пирамиды. За что воины Скиллудра ненавидят его, Фолко? На какую особую добычу можно рассчитывать с двух невеликих корабликов, явно разведчиков?

Ряды лучников раздвинулись. И Фолко увидел Скиллудра.

Скиллудр сильно изменился. Прежде каменное, холодное лицо невозмутимого, уверенного в себе командира лихой морской дружины сменилось напряженным, даже чуть исказившимся ликом еле-еле сдерживающего себя человека. На скулах играли желваки. Глаза сильно прищурены. Скиллудр облачился в простую вороненую кольчугу, но шлема не надел. В руке — длинный прямой меч.

— Что тебе надо, невысоклик? — Рык тана, наверное, заставил бы разбежаться в ужасе стаю голодных волков.

— Предложить честный бой тану Скиллудру, слывущему справедливейшим из справедливых. — Фолко спокойно стоял, скрестив руки на груди, и все видели: он вооружен одним лишь коротким кинжалом.

— Честный бой? — Скиллудр расхохотался. — Я не дерусь с недомерками!

Тем не менее он подал знак — недовольно ворча (даже страх перед таном не останавливал!), люди опускали луки. Фолко в тот миг как никогда горячо взмолился Морскому Отцу — чтобы вразумил Вингетора и Фарнака...

Похоже, молитва была услышана. Стрелы перестали лететь и с их кораблей.

— Недомерками? Ну тогда смотрите на тот канат! — Фолко не мог похвастаться силой, это верно, зато быстроты и ловкости ему было не занимать. Р-раз — и рука его вырвала из-за пояса кинжал, разумеется, не из-за своего пояса, а стоявшего футах в шести эльдринга.

Прыжок получился не из последних; лезвие серебристой рыбкой скользнуло в воздухе, звонко ударив в мачту. Канат оказался перерублен; где-то наверху беспомощно захлопала парусина.

Не сказать, что эльдринги тотчас поразевали рты, точно увидели невесть какую диковинку. Здесь хватало мастеров боя. Однако Скиллудр — что совершенно было ему несвойственно — окончательно потерял терпение. Фолко наверняка бы сумел найти путь к примирению, если б его удосужились попросить, однако тан решил дело прямо и коротко.

— Хорошо! — прорычал хоббит. — Мы будем драться!

Корабли Вингетора и Фарнака тем временем успели развернуться. Правда, и крылья флота Скиллудра сумели почти полностью окружить «Скопу» и «Змея». Скиллудр сбросил кольчугу, передал оруженосцу клинок, оставив себе один кинжал, формой гарды чем-то напоминавший дагу Малыша. Люди тана расступились; на небольшой носовой палубе «дракона» освободилось место для поединка.

Хоббит понимал, что для него нехватка пространства гибельна, но отступать уже некогда.

— Мы бьемся до первой крови или до смерти? — Собрав всю

волю, Фолко взглянул прямо в глаза Скиллудру. — Учти, даже если я погибну, мои товарищи не сдадутся.

— Знаю. — Скиллудр кивнул. — Но я и так возьму верх. Значит, если ты хоть раз зацепишь меня... я позволю вам уйти, хотя твои новые друзья — и Фарнак, и Вингетор — лишь гнусные предатели святого братства морских танов...

Это было уже нечто совершенно новое. Предатели? Нет, Скиллудр положительно безумен. И он, и все его люди...

И точно.

— Зачем, зачем, тан! — Негодующие крики раздались сразу со всех сторон. — Они же предатели! Все, как один! На дно их! Сыть для Морского Отца!

— Тихо! — рявкнул Скиллудр. — Тихо! Никто не должен сказать, что я, как трус, уклонился от боя! Слышите? Никто!.. Ты готов? — Он повернулся к хоббиту. — Тогда мы начинаем!

Скиллудр держал клинок острием к палубе.

— Бьемся до моей первой крови. — Скиллудр смотрел надменно, высоко вскинув голову.

— Или до моей смерти?

— Или до твоей смерти, — усмехнулся тан.

— Не слишком-то честно, не так ли?

— Тебе выбирать не приходится.

Фолко молча кивнул. Все, время вышло. Начинаем, сильномогучий тан! И посмотрим, чья возьмет... Страха не осталось, ушла и всегдашняя усталость от бесконечных схваток, где менялись лишь лица противников... Сегодня хоббит бился не затем, чтобы уберечь себя, и это словно вливало прямо в жилы выдержанное крепкое вино.

«Он не враг тебе, ибо не ведает, что творит», — всплыло в памяти.

Скиллудр первым начал атаку. Убийственная сталь ринулась к жертве одним слитным размахом. И Фолко, вместо того чтобы отпрянуть от удара, сам рванулся навстречу. И увернулся только в последний момент — когда острие кинжала уже готово было разрезать его плоть.

Клинок Отрины не подкачал. Скиллудр сумел как-то подставить левую руку — но поздно. Клинок Фолко прочертил длинную кровавую полосу от левого плеча наискосок через всю грудь.

Повисла тишина. Лишь вода плещется за бортом да свистит ветер в снастях. Бойцы остановились. Фолко зажимал левой ладонью кровоточащее плечо; Скиллудр же замер, недоуменно глядя на алую полосу, внезапно перечеркнувшую белизну рубахи.

Кинжал Отрины слабо, чуть заметно светился — под яркими солнечными лучами один хоббит мог уловить эти отблески. Шипела, пузырясь, кровь на лезвии. Откуда ее столько? Ведь порез совсем неглубокий...

От чудесного оружия волнами расходилась Сила, пробужден-

ная к жизни кровью Скиллудра. И Фолко невольно вспомнил слова Хенны, подслушанные в шатре повелителя Юга:

«Свет Адаманта явил мне их...» Как бы не явил он еще и его, Фолко Брендибэка, на чьей груди вот уже много лет висел кинжал с синими цветами на лезвии...

Скиллудр с усилием провел ладонью по лицу — сверху вниз, точно стирая липкую паутину. И когда он заговорил, голос его был голосом прежнего Скиллудра — холодным, спокойным и невозмутимым:

— Прекратить стрельбу.

ОКТЯБРЬ, 4, ЛЕВЫЙ БЕРЕГ КАМЕНКИ, ДЕНЬ ПУТИ ОТ ХЛАВИЙСКИХ ГОР

Эовин и Серый одолели очередную гряду холмов. Перед ними расстилалась обширная, чуть всхолмленная равнина, вся разукрашенная пестрыми пятнами шатров.

— Здесь, — с силой проговорил Серый. — Это здесь.

Эовин придержала коня. За пять дней, что они с Серым пробирались на восток, счастливо избегнув встречи с дозорными отрядами, ее спутник все сильнее и сильнее преображался. Лицо заострилось, щеки ввалились; глаза горели лихорадочным огнем. По ночам он часто бормотал что-то бессвязное — правда, на Всеобщем Языке. Это в конце концов убедило девушку в том, что Серый и впрямь не из расы Перворожденных. На лице его все чаще мелькала странная гримаса — будто он вспоминал о когда-то давно пережитой боли.

— Мне кажется, я вспоминаю... — Серый окаменел в седле, медленно роняя слова и, похоже, нимало не интересуясь тем, слышит его Эовин или нет. — Мы идем прямо на тайное солнце. Оно жжет... оно просветляет... Я помню... войско шло на запад...

— Послушай, нас же заметят! — вырвалось у девушки.

— Пусть. Нам сейчас это даже выгодно.

— Выгодно? Убить ведь могут!..

— Не посмеют, — властно бросил Серый. Ничего уже не осталось в нем от прежнего робкого рыбаря, которым помыкал даже простой сборщик податей. Осанку Серый сейчас имел истинно королевскую. Остатки одежды — прорванные, прожженные, закопченные — он носил точно пурпурную мантию.

Эовин не осмелилась возражать. Этот человек... он был Силой сам по себе.

В долине раскинулось великое множество шатров. Острые глаза юной роханки видели деловито снующие между палатками и тентами фигурки людей; в разные стороны мчались верховые, протопал даже громадный олифант. Эовин проводила его изумленным взором округлившихся глаз — об олифантах повествовали роханские песни-жесты, но видеть сказочного зверя живьем девушке, понятно, не приходилось.

Незваных гостей заметили очень быстро. Не скрываясь, к двум замершим на гребне странникам ринулась целая кавалькада — не менее полусотни до зубов вооруженных всадников. Приглядевшись, Эовин заметила и двух наездников в коричневых плащах — закутанных по самые брови, несмотря на жару.

— Стадо и погонщики, — презрительно усмехнулся Серый. — Ну, ничего, ничего... Не вздумай только размахивать саблей, Эовин!

Всадники на скаку натягивали луки. Тут собрались не только горбоносые смуглые бойцы и перьерукие, уже знакомые Эовин; были также чернокожие, были желтолицые и узкоглазые — сыны самых разных племен Средиземья.

Кольцо уже сомкнулось вокруг Серого и Эовин, когда спутник девушки внезапно привстал в стременах, гордо поднял руку и воскликнул:

— Проведите нас к Хенне! Мы должны видеть Хенну! — И, почувствовав всеобщее замешательство, с легкой усмешкой пробормотал: — Плохо, плохо их учили! Никогда нельзя слушать то, что говорит враг...

— Проведите нас к Хенне! — вновь крикнул Серый.

Всадники оторопело опустили луки. Обращенные к ним слова они явно не понимали, но вот имя своего повелителя...

Десяток воинов приблизились вплотную; и Эовин невольно поежилась под их жадными, откровенными взглядами, что скользили по ее фигуре. Командир дозорных, статный воин, украшенный сабельным шрамом, отрывисто бросил несколько слов. Серый с усмешкой развел руками и, в свою очередь, заговорил, повторяя сказанное по-харадски.

Командир поднял брови и оглянулся. Один из его воинов — перьерукий — подал коня вперед и быстро шепнул что-то на ухо предводителю.

Началась беседа; Эовин с трудом понимала лишь отдельные слова. Ее спутник, похоже, настаивал, что ему жизненно необходимо поговорить с могущественным Хенной; дозорные же, разумеется, допытывались, откуда и зачем явились пришельцы.

Однако спорить с Серым было нелегко. Он говорил и держался с таким неколебимым достоинством, с такой царственной гордостью и такой великолепной небрежностью, то еле-еле цедя слова сквозь зубы, то вдруг рявкая на переводчика так, что тот невольно съеживался в седле. И наконец...

— Уф! — Серый повернулся к Эовин. — Все. Отдай им саблю. Нам оружие теперь не понадобится... Точнее, понадобится, но не сразу.

Девушка повиновалась. Глаза у Серого из карих стали черными, точно уголья. В них клубилась Тьма — древняя Тьма.

Словно король с юной принцессой в окружении почетной свиты — так въехал Серый в ставку Хенны. Сбитые с толку всадники сомкнули ряды со всех сторон; но Серый лишь презрительно щурился, глядя на их стражей.

— Мне бы их... на месяц... я б сделал из них бойцов... — услыхала Эовин.

Из-за плотной стены воинов Эовин не смогла как следует разглядеть лагерь — а вот Серого он, похоже, и вовсе не интересовал. Он надменно взирал куда-то поверх голов всадников; но Эовин не могла не чувствовать страшного напряжения, охватившего ее спутника, — напряжения, преодолеваемого столь же страшным усилием железной воли.

Их заставили спешиться на просторном толковище перед громадным золотистым шатром. Возле входа, как и положено, застыла многочисленная стража; по обе стороны откидного полога горели два костра, обложенные зачем-то глиняными кругляшами, испещренными непонятными черными письменами и знаками.

Толмач-перьерукий что-то сказал Серому.

— Нам велят пройти между этих костров. Свет их-де, мол, изгонит из нас злые помыслы. — Серый напоказ усмехнулся. — Ну что ж, пройдем...

— А... а... — вдруг задрожала Эовин, случайно взглянув направо. — Там... там головы на колах?!

— И верно. — Серый спокойно повернулся к толмачу. — Он говорит — это головы ослушников, кто не захотел пройти между очистительными огнями.

— Не захотели? Почему?

— Он говорит, им не позволила их вера.

— Что?.. — совсем растерялась Эовин.

— Потом объясню. Надеюсь, ты не откажешься пройти между этими костерками, хотя тут и так жарко?..

«Нас вот так запросто ведут к самому Хенне... к тому, кто послал на верную смерть орду перьеруких...» — Эовин доводилось слышать немало жест, где главный герой долго и с великими препятствиями добивался, чтобы главный злодей, предводитель бессчетного вражьего воинства, снизошел бы до беседы с ним...

Они прошли между огнями, и Эовин удивилась вновь — их не стали обыскивать. А что стоило ей припрятать в лохмотьях небольшой, но острый метательный нож? Неужто здесь и в самом деле так крепко верят в очистительную силу двух самых обыкновенных костров?

Откинулся тяжелый полог. Эовин и Серый вошли внутрь. Девушка заметила, что ее спутник с каждой секундой морщится все сильнее и сильнее, точно принужден смотреть на ярко светящее солнце...

Громадный шатер, где вместилась бы, наверное, добрая сотня пирующих, был почти пуст. Четверо в белоснежных плащах с капюшонами сидели вполоборота к вошедшим; а прямо лицом к ним восседал молодой, мощный телом мужчина с окаймляющей лицо черной бородкой. Глаза его — глубокие, черные — в упор смотрели на Серого и Эовин.

Один из сидевших дернулся было, словно собираясь заговорить, но Хенна внезапно остановил его — резким, властным жестом.

Серый и Хенна впились взорами друг в друга, и Эовин невольно затрепетала — казалось, между двумя воинами воздух вспарывают синие молнии. У Хенны отвердели скулы, сошлись на переносице брови; кулаки сжались — казалось, он готов вот-вот броситься на незваного гостя.

Серый же стоял совершенно спокойно, с легкой, чуть горьковатой усмешкой глядя на своего разъяренного противника. Казалось, он читает незримые страницы, — читает, вновь открывая для себя каждую фразу. То и дело по лицу его пробегала тень боли. Боли и еще — скорбной памяти. Наконец Серый просто шагнул вперед, протягивая руку:

— Дай его сюда.

Прыжку и яростному реву Хенны позавидовал бы даже лесной убийца тигр. Четверо в белых балахонах вскочили на ноги; с треском лопнул входной полог, и внутрь ринулись стражники правителя.

«Мы погибли!» — успела подумать Эовин. Ужас провел по спине ледяной лапой... и тут же уступил под натиском неукротимой роханской гордости.

«Нет, моего страха им не видать!» — И девушка стремительно бросилась под ноги набегающего стражника. Серый же одним движением плеч стряхнул навалившуюся на него свору — ну точь-в-точь как медведь псов — и, не обращая внимания на покатившихся людей, шагнул к Хенне.

— Отдай, — услыхала Эовин спокойно сказанное Серым. В следующий миг Хенна вырвал из-за пояса кинжал...

Сама же Эовин успела первой дотянуться до выроненной стражником сабли. Отмахнулась раз, другой, третий — клинок со звоном сталкивался с вражеским — и вдруг поняла, что смерть наконец добралась до нее. На девушку наседало сразу трое бойцов, и каждый из них весьма недурно владел мечом!

— Сейчас помогу. — Голос Серого — слегка раздосадованный голос — прозвучал над самым ухом, а затем сильная рука рванула юную роханку за плечо. В следующее мгновение Эовин с Серым оказались на улице.

Здесь уже царил полный переполох. Из шатра доносились разъяренные вопли самого Хенны, со всех сторон бежали стражники...

— Кажется, мы оставляли наше оружие и коней вот здесь. —

Серый оставался каменно спокоен. Вот только лицо у него сделалось совершенно чужим.

Над головой полетели первые стрелы. Спутник Эовин тащил ее за собой через толковище — и непонятным образом никто не решался приблизиться к ним. Только пели стрелы.

— Не думай о них, — вдруг повернулся к девушке Серый. — Не думай, и они не тронут тебя.

Из шатра вылетел Хенна. В руке его был уже не короткий кинжал — а странный широкий изогнутый меч, насаженный на длинное, почти копейное древко.

С его появлением непонятное, парализовавшее всех воинов остолбенение начало проходить.

Но Эовин и Серый уже были в седлах. И тяжелый прямой меч Серого крутнулся с шипением — как внятное предупреждение всем, кто рискнет преследовать их.

Стрелы сыпались дождем — и все мимо. «Неужели ратники Хенны все разом разучились стрелять?» — подумала Эовин...

Был яркий полдень. Двое всадников неслись во весь опор; девушка все еще не верила в чудесное спасение. За спиной набирал мощь топот сотен копыт — там стронулась с места погоня, и, похоже, во главе ее мчался сам Хенна...

ОКТЯБРЬ, 5, РУСЛО КАМЕНКИ

Фолко блаженно жмурился, привалившись к нагретой жарким здешним солнцем деревянной шее морского зверя, что украшал носовое навершие «Скопы». Мастер-резчик удивил всех, насадив голову хищной птицы на длинное чешуйчатое драконье тело. Получилось ни то ни се — но команда «Скопы» придерживалась прямо противоположного мнения.

Впервые за много дней у Фолко было отличное настроение — отличное, несмотря на здоровенный синяк, что ему сгоряча поставил Малыш — уже после того, как Скиллудр скомандовал «отбой» своим головорезам.

Клинок Отрины сделал свое дело. Странное безумие Скиллудра — если только это и впрямь было безумие — прошло без следа. Правда, далеко не сразу дали убедить себя остальные кормчие и сотники — иных Скиллудру пришлось для острастки кинуть за борт. Правда, потом выловить...

Оставив тана задавать себе один и тот же вопрос: «Да что это на меня нашло?» — «Скопа» и «Змей», как и было решено, отправились вверх по Каменке. Ее устье запирала нововозведенная крепость; само русло перегораживалось цепью. Флот Скиллудра, разумеется, никто впускать не намеревался; и потому тот решил остаться на рейде.

«А ведь жуткая штука, этот таинственный Свет, — мельком подумал тогда Фолко. — Подозрения он превращает в уверенность, и мало снять заклятье даже дивным клинком — сил которого и так едва хватило на одного Скиллудра, — нужно еще и переубедить остальных... Правда, переубежденные, они оказываются готовы резать и жечь с прежней уверенностью, только развернув фронт...»

Но как бы то ни было, в крепости Хенны корабли разведчиков встретил если и не радушный, то отнюдь не враждебный прием.

— Доброй дороги! — желали им. — Доброй дороги! Скорее вам приобщиться благости Божественного Хенны!

От слова «божественный» у Фолко мороз пробегал по коже. Один известный нуменорский король тоже очень хотел сравняться с Богами... или хотя бы с эльфами... а что из этого вышло?..

Хотя что ж тут удивляться — на Юге и Востоке (если не считать эльфов-Авари) люди ничего не знали о Валар. А Саурон в свое время оставил по себе долгую память...

Корабли шли мимо густонаселенных земель. Когда-то они принадлежали перьеруким (от «избытков» которых так «ловко» избавился Хенна и его подручные), теперь же здесь обосновалось великое множество племен, пришедших с востока и северо-востока. На какой-то миг Фолко даже показалось, что он вновь в Цитадели Олмера — столько тут смешивалось народов.

Теперь хоббиту не было нужды прибегать к дару Форве. Он *чувствовал*: корабли идут навстречу страшной Силе — Силе, испускающей гибельный Свет. Не животворящий свет ласкового солнца — а губительный, испепеляющий... сравнимый разве что с отблесками всеопустошающего пожара. К примеру, того, что пожрал трупы павших в битве перьеруких с харадримами... Неужто Хенне доступно подобное чародейство?..

«Драконы» шли на веслах; оружие мореходы держали в полной готовности. Ставка «божественного» приближалась...

ОКТЯБРЬ, 6, ЧАС ПОПОЛУНОЧИ, СРЕДНЕЕ ТЕЧЕНИЕ КАМЕНКИ

Санделло устало опустился на теплую, разогревшуюся за день землю. Над всем Загорьем, как, не мудрствуя лукаво, называл он земли южнее Хлавийского Хребта, царствовала душная ночь. Здесь не знали, что такое осень. Жара и не думала спадать. Холода остались далеко на севере, и старый воин невольно думал, что ранам его здешняя теплынь куда полезнее вьюг и холодов Цитадели Олмера... впрочем, теперь уже не Олмера, а Олвэна... Горбун болезненно сморщился и покачал головой.

Тубала стояла рядом, привязав коней к роскошной сикоморе. Погоню удалось сбить со следа, и теперь старый мечник вместе с юной воительницей могли позволить себе провести ночь не в седлах, запутывая следы...

После обморока Тубалу словно подменили. Каждое слово Санделло было законом. Каждый его взгляд — приказом к действию. Каждое движение бровей — знаком, которому повинуешься, без колебаний бросаясь на вражеские копья.

— Как бы то ни было, своего они добились, — негромко заметила воительница. — Мы ушли далеко на юг...

— Никогда не поздно свернуть на восток, — отозвался Санделло. — Я спешу, и это понятно — времени у меня мало, но если я потерплю неудачу...

— Да разве я сумею? — ужаснулась Тубала.

— И это говорит моя лучшая ученица! — усмехнулся Санделло. — А разве я уверен, что сумею? Но если не я — и не ты, — то кто же? Олвэн?

Тубала только скривилась.

— Значит, отступать нам некуда. Пойдем до конца, и если потерпим поражение...

— Тогда падем, — глухо и решительно отрубила Тубала. — И месть моя окажется незавершенной...

— Твоя месть... — вновь усмехнулся Санделло. — Ты хотела придумать себе цель жизни — и придумала. Власть осталась у Олвэна... А ты — ты решила отомстить. Не спорю, на какой-то момент это придало тебе сил. А дальше? Даже если ты справишься со всей этой троицей — кстати, весьма лихой?

— Что они лихие — сама знаю! — буркнула воительница.

— Так что брось пока думать о них, — посоветовал Санделло. — Если Судьбе будет угодно...

— Впервые слышу, чтобы лучший боец армии Олмера Великого стал поминать Судьбу!

— Ну, положим, первым мечом всегда был сам Вождь... А насчет Судьбы — не зарекайся. Потому как, если я прав, рано или поздно эти трое должны появиться в нашей истории.

Тубала потянулась, грациозная, точно молодая львица:

— Хорошо!.. А ловко ж мы их таки обставили!..

— Погоди до утра, — заметил мечник.

ОКТЯБРЬ, 6, ДВА ЧАСА ПОПОЛУНОЧИ, ТО ЖЕ МЕСТО

В эту ночь кормчие долго не останавливались. Где-то по берегу короткой дорогой спешил конвой в десять сотен всадников, а вдоль реки, сменяя друг друга, корабли неотступно сопровождали дозорные. Шли часы, все выше взбиралась по небесной тропе Луна, а эльдринги все гребли и гребли, как будто решили покрыть за одну ночь все отделявшее их от берега до ставки «божественного» Хенны расстояние.

Все было непривычным в этом далеком мире, далеком и от со-

бытий Войны с Олмером и даже — страшно вымолвить! — от Войны за Кольцо.

Здесь только еще начинали возводить города — в лихорадочной спешке, точно строители пытались за один год превратить громадную степь в Страну Богатых Городов. Причудливо мешались между собой разные племена; и Фолко невольно терялся в догадках: зачем Хенне потребовалось бросать на убой сотни тысяч несчастных перьеруких? А что стало с их женами, детьми, стариками? Как вообще было собрано такое войско? Почему с ним не пошли настоящие командиры? Ведь этакая силища спокойно могла бы дойти до Минас-Тирита, сокрушив на своем пути все армии Великого Тхерема... Фолко не находил ответов. И это — злило. Деяния Олмера, по крайней мере, были осмысленны. А тут...

И оставался, конечно же, самый главный вопрос — что же такое этот Свет, явно не имеющий ничего общего со Светом Истинным? Хотя вряд ли отыщется Смертный, кто назовет природу «истинного света»... Свет Валинора? Неомраченный Свет Двух Дерев, из которого сотворены были Солнце и Луна? Так ведь есть древние рукописи, что утверждают прямо противоположное. Сперва были Солнце и Луна, а уж потом — Два Дерева... после осквернения Солнца Мелкором... А есть рассказ о любви Падшего Вала к прекрасной Ариен, солнечной Майа... «И просил Мелкор, тогда еще не носивший позорного имени Моргот Бауглир, просил он несравненную Ариен стать его супругой — но встретил он гордый отказ и, воспламененный, попытался похитить ее силой... И в гневе покинула Эа прекрасная Ариен, а свет Солнца с тех пор омрачен гневом и болью Мелкора... И созданы были Два Дерева, чтобы хранить первозданный солнечный свет...» Да... Погоди верить рукописям, даже если это «Переводы с эльфийского» достославного Бильбо Бэггинса. Всегда найдутся другие, кто скажет по-иному. А где истина? Не скажет даже сам Форве... Разве что Великий Орлангур...

Размышления Фолко прервал сдавленный вопль, внезапно донесшийся с левого, северного, берега. А мгновение спустя раздался всплеск — словно в воду рухнуло что-то тяжелое. Зазвенела сталь, на берегу в кромешной тьме завязалась схватка.

— Кого это они там режут, хотел бы я знать. — Фолко приподнялся на цыпочки, вглядываясь в темноту...

Первого из нападавших Тубала развалила надвое своим чудовищным двуручником. Санделло навскидку, несмотря на мрак, вогнал еще в одного стрелу, забросил лук за спину и взялся за меч. Горбун дрался в непривычной для воителя северных и западных стран манере, невиданным на Закате оружием; он отводил клинки, а не отшибал их.

Схватка вспыхнула внезапно — и как только воины Хенны ухитрились подобраться незамеченными? Вот только что все было спокойно, и уже посапывала Тубала, совсем по-детски подсунув ладонь под щеку, оставшийся на страже Санделло привалился спиной к стволу и тоже дремал — правда, чутко, как дремлют хорошие сторожевые псы, все слыша и ничего не упуская; но миг — и тишины как не бывало: храпят кони, звенит оружие, и последний предсмертный стон оглашает берег...

И все же нападение оказалось слишком внезапным. И нападали отнюдь не дураки. Потеряв троих, они не лезли под удары Санделло и Тубалы, засыпав их вместо этого стрелами с тяжелыми тупыми наконечниками, стараясь не убить и даже не ранить, а отвлечь — и тогда свое дело сделают арканы. Сперва Тубала лихо отшибла мечом добрый десяток нацеленных в нее стрел; но вот среди тупых попалась одна боевая, и широкий, на манер ножа, наконечник рассек кожу на ее левом плече.

Санделло первым рванулся к реке, едва успев вскинуть на спину увесистый тюк. Его меч рубанул по ременному поводу коня — но увести лошадь с собой ему уже не дали. В круп скакуну вонзилось сразу несколько настоящих, острых стрел, животное встало на дыбы, заржало — и вырвалось. Даже всей силы горбуна не хватило, чтобы удержать могучего жеребца.

А по реке, хорошо видимые в лунном свете, неспешно плыли, плеща веслами, два странных, невиданных в этих местах корабля... Санделло вглядывался ровно один миг, после чего схватил Тубалу за руку и ринулся в воду.

— Глянь-кось, никак сюда плывут! — удивился Малыш, оказавшийся к тому времени рядом с Фолко. — А эти — гляди! — за ними!

Маленький Гном простодушно восхищался нежданным развлечением. Для него в этой земле все были врагами, и, если один враг режет другого, отчего бы не посмотреть и не порадоваться? Нельзя сказать, чтобы Фолко соглашался с подобными воззрениями, но переделать Малыша, наверное, под силу было одному Великому Дьюрину...

Тем не менее двое спасавшихся от погони и в самом деле плыли прямиком к борту «Скопы». Предостерегающе крикнул кормчий. Ринулся к борту Вингетор, придерживая меч; всполошились и на следовавшем в кильватере «Крылатом Змее».

— Прямо к нам, — пробормотал Малыш. — Ох, чует мое сердце, не оберемся хлопот!

Двое спасавшихся от преследования оказались уже совсем рядом с бортом. За ними, не жалея сил, плыли поимщики — правда, изрядно отставая. Миг — и рука плывущего вцепилась в замершее (по приказу Вингетора) весло.

— Поднять их! — скомандовал тан.

С палубы метнули веревки. Преследователи завыли и завопили, с берега кто-то даже пустил по кораблю стрелу.

Первый из спасенных тяжело перевалился через борт, за ним — второй. Фолко невольно подался вперед — и даже не слишком удивился, узнав горбуна Санделло. Судьба настойчиво тянула былого соратника Олмера в эту историю; и, раз появившись в ней — на западном окоеме Хлавийских Гор, — можно было не сомневаться, так просто горбатый мечник из нее не выйдет. Ну, раз здесь Санделло, то не миновать и...

— О! О! Вот так встреча! Наконец-то я вспорю тебе брюхо! — услыхал хоббит — так, наверное, зашипела бы разъяренная кошка, умей она говорить.

Тубала приподнялась. С нее потоками лила вода, слипшиеся волосы лезли в глаза, но неукротимая воительница уже начала поднимать меч — да не легкую кривую саблю, с какой ее запомнил Фолко, а настоящий двуручный меч, мало что не с нее ростом!

«И как только не потонула с таким...»

— Эй, эй! — Торин и Малыш разом подались вперед.

Отфыркиваясь, Санделло тоже встал на ноги. Казалось, и он ничуть не удивлен этой невероятной встречей.

— Благодарю сильномогучего тана...

Повинуясь жесту Вингетора, Освальд ударил в бронзовый диск. Гребцы навалились на весла. За бортом тонули в ночной темноте яростные крики преследователей.

А на палубе лицом к лицу стояли Тубала и гномы. Лицо воительницы скрывали ночные тени, но лунный свет выразительно играл на длинном клинке. Эльдринги уже готовы были броситься на девушку, но Санделло предупреждающе поднял руку.

— Сейчас, — хорошо знакомым хоббиту ледяным голосом произнес он — и шагнул вперед, собой закрывая Фолко и гномов.

— Сначала тебе придется сразиться со мной.

Непривычно широкий изогнутый меч поднялся в защитную позицию.

— Сначала тебе придется сразиться со мной, — не меняя выражения, повторил горбун.

Тубала тяжело дышала. Ее громадный клинок тоже дрогнул, поднимаясь.

— Не вмешивайтесь! — резко бросил горбун, краем глаза заметив движение в рядах эльдрингов.

— Э, Санделло, это ты, что ли? — спохватился Малыш. — Торин, он что, решил драться вместо нас?! Да когда такое было?!

Фолко и Торин дружно шагнули вперед, обнажая оружие.

— Ну тогда вы все умрете! Все! — взвизгнула Тубала. Похоже, она отбросила последние сомнения.

В следующий миг Санделло атаковал.

Серебристый вихрь захватил в свои объятия поднявшийся меч Тубалы, закрутил его, отклоняя в сторону; горбун сделал всего одно мягкое, неразличимое движение, в один миг оказавшись рядом с Тубалой; и кулак горбуна с размаху ударил воительницу в подбородок — совсем не по благородным правилам боя, но зато наверняка. Тубала опрокинулась навзничь.

— Вот так, — холодно проговорил Санделло. — А теперь поднимите ее кто-нибудь!..

Горбун повернулся к замершим Фолко, Торину и Малышу. В лунном свете хоббит разглядел, как тонкие бледные губы старого мечника растянулись в некоем подобии улыбки.

— Вот и свиделись, — спокойно заметил он, точно расстались они не десять лет назад, а самое большее с неделю.

— Так ты и есть Санделло? — Вингетор умел соображать быстро.

— Он самый, — сообщил тот.

— Тогда мы бы о многом хотели порасспросить тебя...

— Только я не на все отвечу, — без улыбки ответил горбун.

— А я все-таки скажу — привет тебе, доблестный Санделло! — И Фолко, чувствуя, что ссора готова вот-вот вспыхнуть, поспешно шагнул вперед, протягивая горбуну руку. Тот, уже спрятав меч, осторожно коснулся ладони хоббита мокрыми пальцами — и Фолко тотчас же вспомнил силу этой руки...

— Привет и тебе, доблестный хоббит, которого я назову — «освободитель Олмера», — глухо, но с искренним почтением ответил Санделло. — Давай договоримся сразу. Я не собираюсь вникать в твои секреты — твои и твоих друзей. Мне нет дела до того, что вы разыскиваете здесь, — но готов, не спрашивая деталей, помочь своим мечом. Взамен я прошу только одного — не мешайте мне исполнить мой собственный долг.

— Как нам это сделать, если ты ничего толком не рассказываешь? — Вингетор пристально смотрел на горбуна. — И зачем ты обещаешь нам помощь? А вдруг замысленное нами помешает тебе?

— Тогда я первым сообщу тебе об этом, сильномогучий тан. — Санделло пожал плечами. — И в твоей власти будет решать, как поступить со мной. Сейчас скажу лишь одно — я враг здешним обитателям. Они гонятся за нами и, уверен, дорого оценили бы наши с Тубалой головы...

— А ты не знаешь, кто она такая? — тотчас влез любопытный Малыш.

— Знаю, — холодно кивнул горбун.

— И кто же?

— Об этом — не здесь и не сейчас! — отрубил Санделло. Он держался так, словно не его только что спасли от разъяренных преследователей, а, напротив, он спас всех остальных, что стояли сейчас на палубе «Скопы».

Вокруг хоббита раздался недовольный ропот. В голосе Вингетора тоже зазвучал металл.

— Ты хочешь, чтобы мы спасли тебя, вытащили за шкирку из воды, словно тонущего котенка, а потом оставили бы в покое? И это при том, что до сего часа у нас не было распри с народом этой земли! До сего часа не было — а теперь будет?

— Прыгнуть ли мне обратно за борт, сильномогучий тан? — скрипучим голосом осведомился горбун.

— По мне — так было бы лучше! — Вингетор не скрывал гнева.

— Да исполнится желание сильномогучего тана. Прошу лишь позволения привести в чувство мою спутницу — надеюсь, благородный тан не выбросит за борт беспомощную женщину?

«Чтобы Санделло так рассуждал о женщинах!.. Ни в жизнь бы не поверил!» — мелькнуло в голове хоббита.

— Будь по-твоему! — бросил Вингетор и, уже поворачиваясь спиной к горбуну, отдал приказ одному из своих десятников: — А если добром не уйдет — выбросить силой!

— Боюсь, тогда здесь поляжет половина команды, мой тан, — вполголоса заметил Фолко. — Санделло уложит их всех и глазом не моргнет. А когда моргнет — то уложит вторую половину.

— Лучников сюда! — рявкнул Вингетор.

— Позволь нам поговорить с ним! — Фолко решительно заступил дорогу тану. — Санделло — прославленный мастер боя, и ссориться с ним — лишь попусту лить кровь. Если он молчит — значит, у него есть на это причины. Доверимся ему. Десять лет назад мы с ним были врагами и даже сходились один на один. Но потом все изменилось.

— Будет так, как я сказал, невысоклик. — Вингетор отвернулся, давая понять, что разговор закончен.

— Благодарю сильномогучего тана за справедливый суд, — спокойно сказал горбун. — Иначе и быть не могло. Я не смею открыть вам свой долг, вы мне — свой. Поэтому я благодарю за спасение... и ухожу.

Он повернулся к бесчувственной Тубале — крепкие руки эльдрингов подняли девушку, кое-как усадив у мачты.

— Сильномогучий тан совершает ошибку, — тихо, чтобы не услышали дружинники, заметил Фолко.

— Если это моя ошибка — я отвечу за нее! — так же вполголоса, не поворачиваясь, бросил Вингетор.

— А не думает ли сильномогучий тан, что наша свара лишь потешит Хенну? — слегка перефразируя известное место из Красной Книги, обронил Фолко. Ему тоже приходилось все время сдерживать себя, гася подступающий гнев. «Помни — это не изнутри тебя, это извне! Стисни зубы и все время помни!»

Санделло тем временем хлопотал над неподвижной воительницей. Казалось, ему нет никакого дела до творящегося вокруг.

И хоббит не сомневался, что несколько минут спустя, когда Тубала очнется, Санделло и впрямь хладнокровно шагнет за борт, в черную ночную воду.

— Наша свара лишь потешит Хенну... — Похоже, Вингетор думал о том же самом. — Послушай, мечник! Хенна — враг тебе или друг?

— Я уже ответил сильномогучему. Он враг мне.

— Хорошо, оставайся до утра, — недовольно проворчал Вингетор. — Только потому, что за тебя просит невысоклик Фолко...

— Благодарю сильномогучего. — Санделло учтиво поклонился.

— Так, значит, ты совсем ничего не расскажешь? — напоследок осведомился Вингетор.

— Отнюдь нет. Все, что я знаю о Хенне и его воинах, все о том, как они сражаются, все о том, что мы видели по пути.

— Тогда идем. Переоденешься в сухое.

— А найдется ли что-нибудь для нее? — Санделло кивнул головой в сторону Тубалы. Воительница уже пришла в себя и сейчас слегка ошалело крутила головой, видно, пытаясь уразуметь, что же с ней произошло.

— Найдется, — буркнул Вингетор. — Хотя девица на «драконе» — жди беды!

— Но ведь мы пока не в море, — усмехнулся горбун...

Санделло и в самом деле говорил без утайки. Тубала, окончательно придя в чувство, сидела заметно присмиревшей, время от времени с уважением щупая здоровенный синяк, что расплылся на подбородке. Горбун сказал ей лишь несколько слов на ухо — но после этого воительница, хоть и бросала время от времени далеко не самые дружелюбные взгляды, больше не произносила зажигательных речей и не объявляла во всеуслышание о своем горячем желании немедленно выпустить хоббиту и гномам кишки. Эту загадку Фолко оставил на потом — а пока все слушали Санделло...

— И вы вдвоем прорвались через все заслоны? — недоверчиво проговорил Вингетор.

— Почему бы и нет? — пожал плечами подоспевший ради такого случая с «Крылатого Змея» Фарнак. — Рассказы об этом человеке давно ходили и среди Морского Народа.

— Ну так скажи мне тогда, какая польза нам от его слов? — в сердцах бросил Вингетор.

— Это зависит от того, что вы намерены сделать, — пожал плечами Санделло.

Его собеседники переглянулись.

— Мы намерены отыскать... отыскать нечто, что вносит смуту в жизнь Средиземья, — начал хоббит.

— Отыскать — и что дальше? — Санделло в упор взглянул на Фолко.

— Там видно будет. — Хоббиту пришлось уклониться от прямого ответа.

Санделло прищурил глаз.

— Увы! Мы не можем доверять друг другу. Каждый опасается, что другой помешает его планам. — Горбун усмехнулся.

— А ты можешь сказать, что заставило тебя двинуться в путь? — в упор спросил Фолко.

— Что заставило... — Тонкие губы Санделло кривились. — Я ощутил, что с Юга на меня катится жаркая лавина Силы... Что оттуда исходит Нечто, равного которому не появлялось в нашем Мире уже очень, очень давно... Я помню Силу Кольца. Я знаю силу Талисмана... Но на сей раз — ничего похожего! Меня словно бы звал кто-то... И... этот голос был похож на... — Речь горбуна пресеклась, из горла вырвался неразборчивый хрип. — Я бросил все и помчался на Юг. И вот мы встретились. А ты... — Горбун остро и внимательно глянул на хоббита. — Я не удивлюсь, если и ты почувствовал то же самое. И, не теряя времени... Ты молодец. Собрать такую силу...

— Но что тебе в этой Силе! — не выдержал Торин. — Что ты хочешь — подмять ее под себя? Довершить не удавшееся Олмеру? Подарить его сыну все Средиземье?

Горбун равнодушно пожал плечами:

— Олвэн давно живет своим умом и правит Цитаделью согласно собственному разумению. Что же до меня...

— То ты предусмотрительно запасся Талисманом? — Фолко сидел, откинувшись и полуприкрыв глаза. На висках блестел обильно проступивший пот.

Тубала вонзила ногти в ладони, так и впившись в хоббита горящим взором.

— Ты почувствовал? — Санделло ничуть не удивился. — Ну да, конечно, ты ведь столько странствовал с Отоном... Да, Талисман со мной. Ну и что?

— Странно, что Олвэн расстался с такой реликвией...

— Я украл Талисман у него, — спокойно уронил горбун.

— Укра-ал? — поразился Малыш.

— Именно так. — Санделло холодно кивнул. — Он указывал мне путь.

— И... где же твоя цель? — Фолко смотрел прямо в глаза горбуну, невольно вспомнив, что в свое время они были непримиримыми врагами и что брошенный рукой Санделло метательный нож едва не отправил хоббита на ту сторону Гремящих Морей...

— Там же, где и ваша, насколько я понимаю, — старый воин равнодушно повел плечом. — На востоке, в южных отрогах Хлавийских Гор, там, откуда течет Каменка.

Глава 2

ОКТЯБРЬ, 7, ПЕЩЕРА ВЕЛИКОГО ОРЛАНГУРА

По заповедным северным лесам, мимо бездонных чернеющих болот, где мокли покрытые мхом коряги, мимо высоких сосновых боров, где еще догорали по кочкам огоньки брусники, по узкой, неприметной тропке шел путник. Для гнома он показался бы слишком высок, для человека — слишком широкоплеч. В простом дорожном плаще, накинутом на кожаную куртку, с тугим мешком за плечами; в правой руке, точно посох, он сжимал тяжелый и длинный бердыш. Грубые башмаки воловьей кожи неутомимо шагали и шагали по покрытой прелым листом земле. Казалось, путь отлично знаком страннику — он почти не смотрел по сторонам, безошибочно отыскивая дорогу среди болот, островин и увалов.

Это были владения Великого Орлангура, и даже эльфы-Авари старались пореже заглядывать сюда. Точно забавляясь, Дух Познания окружил себя сонмом жутких страшилищ, рыскавших по близлежащим чащобам. Иных они просто пугали, иным преграждали путь, а иные и вовсе находили здесь свой конец...

Но заступить дорогу этому страннику не дерзнул никто — после того как его бердыш одним ударом расправился с выползшим на дорогу многоглавым чудищем. Путник усмехнулся, спихнул останки в болото и зашагал дальше — уже невозбранно.

Он миновал чащобы. Позади остались боры; вот и луг, что возле самого входа...

Осень властвовала и здесь — Великий Дух не вмешивался в естественный ход вещей. Время жить и время умирать, время расцветать и время плодоносить — как заведено, как записано на незримых скрижалях этого Мира, так тому и быть. Золотой Дракон не окружал себя роскошными садами. Ему милее было исконное и природное...

Как и положено, у самого черного зева каверны странника встретил привратник — точная копия самого гостя. Путник подмигнул сам себе, отсалютовал бердышом и бестрепетно вошел под низкий свод.

В самой пещере ничего не изменилось. Тот же мягкий зеленоватый полумрак, то же каменное ложе Великого Дракона — и он сам, прежний, свившийся в тугое кольцо на возвышении... Четырехзрачковые глаза в упор уставились на пришельца.

— Здравствуй, Всезнающий.

— Привет и тебе, старый друг, — мягко прошелестело в сознании гостя.

— Я пришел вопросить. — Гость стоял, расставив ноги, упершись в землю острием на нижнем конце бердыша, словно готовясь выдержать свирепый шторм.

— Мне ведом твой вопрос и ведом ответ на него. — Веки Дракона дрогнули, приопустившись.

— Быть может, тогда тебе ведомо и то, что я мыслю сделать?

— Ты же знаешь — таким знанием я не обладаю. Я буду знать, если ты этого захочешь.

— Мудрецы Срединного Княжества...

— И эльфы-чародеи Вод Пробуждения...

— Как? Значит, я не первым пришел к тебе с этим?

— Первым. Но они взывали ко мне... и я прочел их тревогу и неуверенность.

— Тогда можешь прочесть и мои. Старая рана заныла вновь... И если бы только это!

— Мне ведомы все нестроения. — Чудные глаза Великого Дракона совсем закрылись. И — неужели в неслышимом голосе его внезапно прозвучала скорбь?

— Я должен идти на Юг. Я чувствую, как губительная дрожь начинает распространяться по Костям Земли. Черные Гномы делают все, что могут, но...

— Мне ведомо.

— Я пришел спросить тебя — неужто и на сей раз ты останешься в стороне?!

Ответ пришел не сразу, с томительным вздохом. Если бы это вздохнул человек, странник, наверное, сказал бы, что вздох этот полон боли. Но нет — ведь Духу Абсолютного Знания не бывает больно.

— Весь этот мир готов прийти в движение. Дремлющие Силы просыпаются. И впервые за все долгие века я не могу провидеть того, что грядет. Может статься и так, что барьеры рухнут раньше намеченного. И судьба Сущего окажется в руках горстки храбрецов... в то время как я видел могучее войско, в котором каждый давно уже равен по силам воинам Заокраинного Запада.

— Вот как? Но, может, еще не поздно решить все миром?

— Решить все миром? Возможно. Но едва ли Властители Заката смирятся с тем, что сотворенная ими в Начале Начал Великая Музыка окончательно окажется измененной.

— Они добры и благи, — возразил путник.

— Пусть для тебя это будет так, — не стал спорить Дракон. — Но они давно устранились от скорбных дел мира сего...

— Так же, как и ты, — сурово возразил пришелец.

— Так же, как и я. Не мое дело пасти народы...

— Но и не их... Почему ты можешь спокойно созерцать войны, бедствия и беззакония, ничего не предпринимая, даже когда точно ведомо, кто виноват?

— Я понимаю тебя, — прошелестело в ответ. — Но живущие — не мои Дети. Не мне судить их пути...

— Если рука убийцы окажется занесена над младенцем —

о чем тут судить?.. Я тоже понимаю тебя. В свое время я думал точно так же, как и ты. До тех пор, пока...

— Пока не вышел на поле боя под стенами Серой Гавани... — заметил Дракон.

— Да, — тяжело упало каменное слово. — Я выжил чудом. И поклялся, что, пока мои руки держат топор, я буду сражаться. И если не я рассужу схватившиеся два степных рода, то по крайней мере остановить убийство детей я смогу. Пусть я спасу не всех. Но — кого спасу, того спасу. Ты не понимаешь меня?

— Я понимаю, что чувствуешь ты. Спасибо тебе, что дал мне узнать об этом.

— Ты и теперь останешься здесь?

— А что, по-твоему, должен я содеять?

— Как «что»?! Погасить Огонь!

— А тебе ведомо, что это такое?! — Казалось, в бесплотном голосе Духа Познания проскользнуло нечто похожее на гнев.

Молчание. И после долгой паузы:

— Нет. А тебе?

— Мне — да.

— И ты ждешь? Ты бездействуешь?

— Да, — словно таран грянул в крепостную твердь.

— Но почему, во имя Подземных Сил?! На Юге люди режут друг друга с той же легкостью, что и хлеб за обедом!

— Мне это ведомо. Но если таково их желание...

— Внушенное извне!

— Нет. Идущее изнутри. Просто усиленное.

— Какое это, в конце концов, имеет значение! Черные Гномы, что ни день, приносят вести одна страшней другой. Харад, обезумев, налетел с войной на Умбар. Нестроение в Рохане. Назревает смута в Гондоре. Тебе этого мало?!

— Что значит «мало» или «много»? Такова жизнь людей.

— Но в твоих силах изменить ее!

— Я не сделаю этого. И очень скоро ты поймешь почему...

Гость умолк, тяжело дыша. По лицу его катились капли пота, исчезая в густой бороде.

— Слушай и запоминай. — Голос Дракона возвысился. — Тебя ждет дорога на юг. Я никогда не вмешивался в великую Пляску Сил, теперь же прошу тебя об одном...

— Принести *это* тебе?

— Да.

— Но почему Великому Орлангуру самому не проделать это? Кто устоит перед твоей мощью?

— Владеющий *этим* сейчас — устоит.

— ...Я понял тебя, Великий. Прощай.

— Прощай. И помни: если *это* минует нас — все то, чему посвятило себя Срединное Княжество, окажется бессмысленным. И хоры Айнур грянут раньше, чем мы будем готовы.

— ...И все-таки зря ты не скажешь мне всего. Раньше за тобой такого не водилось.

— Раньше я никогда не принимал ничьей стороны. А теперь принял. И становлюсь уязвимым для Силы Валар. Теперь ты понимаешь?..

— Всевеликие Подземные Силы! — Странник невольно схватился за сердце, словно оно дало резкий сбой.

...Неяркое осеннее солнце светило в лицо путнику. Сперва — к Черным Гномам... а там их потайными путями — на Дальний Юг. Медлить нельзя. То, что не удалось Олмеру Великому, вполне может сотворить безвестный пройдоха с юга. Терпение Сил Мира испытывать нельзя. Бить так бить!

ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ХАРАДСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ, ПЯТЬДЕСЯТ МИЛЬ ЮЖНЕЕ УМБАРА

Миллог был все еще жив, хотя от него прежнего осталась одна лишь тень. Позади — страшный Гондор. Позади бесплодные, выжженные земли между Андуином и Харненом, где в зарослях безраздельно властвовали шакалы. Позади Умбарский залив и гордая крепость в кольце неприступных стен. Позади харадские охотники за рабами, их ловчие соколы и своры псов-ищеек. Миллога, никогда и не помышлявшего ни о каких странствиях, как видно, хранила сама всемогущая Судьба. Он избегал одну опасность за другой, даже и не подозревая о том, привыкнув слепо доверять инстинкту пса, своего верного поводыря.

Хотя Миллог и клятвенно пообещал собаке кормить ее до конца ее дней и никогда не утруждать работой, пока что выходило совсем по-иному. Именно пес отыскивал пропитание в этих небогатых добычей местах, честно делясь пойманным зверьем с ховраром. Миллог, в свою очередь, пытался ловить рыбу, и иногда снасти не оставались пустыми.

Человек и пес по-прежнему обыскивали каждый клочок берега. Разумеется, над их давно потерявшим всякий смысл старанием посмеялся бы любой здравомыслящий — ну не бред ли: искать в *Харадe* тело утонувшего на Энедвэйтском Взморье! Но для Миллога, похоже, эти соображения ничего не значили. Сам он ни о чем подобном не задумывался; а пес если и задумывался — то не умел говорить.

В тот день они решили остановиться.

— Место вроде бы рыбное, — втолковывал Миллог с осуждением глядящему на него псу. — Что есть-то будем? Второй день никакой охоты...

Пес жалобно скулил, все время косясь на Море. Спокойное, синее, теплое — оно нежилось себе под солнечными лучами. По невесть откуда взявшимся соображениям Миллога, погода и место

как нельзя лучше подходили для рыбной ловли; а пес, хоть и мог бы поспорить, увы, довольствовался лишь лаем и визгом. Повернувшись к Морю, он глухо рычал, оскалив зубы и вздыбив шерсть.

— Слушай, да что это с тобой? — удивлялся Миллог. — Такое славное место... Вода рядом, и тенек, и все такое... Отдохнем, а завтра дальше двинемся!

Пес схватил Миллога зубами за одежду, потянув прочь, подальше от берега.

Но было уже поздно.

Горизонт внезапно потемнел. Там, на самом краю воды и неба, родилась узкая туманная полоска — словно облачко решило придержать свой бег и отдохнуть на водной глади. Правда, облачко это почему-то стало очень уж быстро расти, приближаясь, и спустя совсем немного времени во всей своей грозной красе показалась исполинская зеленоватая волна — казалось, до самого неба. Миллог окаменел. Пес в ужасе заметался по берегу; но потом, бешено рыча, намертво встал возле ног ховрара, показав внушительные клыки. Он был готов к бою. Миллог же стоял, выронив немудреную снасть и широко разинув рот, парализованный, обездвиженный ужасом, — *исполинская волна, несущаяся на* сушу, должна была смести все на своем пути; укрыться на низком, пологом берегу негде. Оставалось только ждать гибели...

Однако вскоре стало видно, что накатывающаяся водная громада не собирается тратить силу в бессильной ярости, смывая в Великое Море жалкий мусор. Она мало-помалу теряла быстроту и напор, гребень ее опускался — и вместе с ним замедлял ход дивный белоснежный корабль под странными косыми парусами, очень напоминавшими развернутые крылья готового взлететь лебедя. Нос корабля был выгнут подобно шее гордой птицы, навершие его украшала лебединая же голова.

Волна разглаживалась, чудесный корабль замедлял свой бег, явно намереваясь пристать к берегу.

Пес в ногах у Миллога уже не рычал. Просто стоял, готовый к бою, готовый биться до последнего и встретить смерть как подобает воину — лицом, а не спиной. Волна тем временем совсем исчезла — словно и не было никогда грозного вала, мчащегося к берегу точно сам Ульмо...

Дивный корабль замедлил ход. Немного не доходя до берега, он остановился, с легким плеском упали якоря. Казалось, от белых парусов и бортов исходит мягкое сияние, заметное даже сейчас, ярким безоблачным утром. Легкая серая лодочка летела по водной глади, словно невесомая пушинка; двое гребцов на носу и на корме едва-едва шевелили длинными веслами. Кроме них, в лодке сидели еще двое — в легких накидках с капюшонами, защищавшими от яростного южного солнца.

Миллог слабо замычал. С каждой секундой в простой душе ховрара нарастал панический, небывалый ужас, слепой, бессмысленный, от которого люди бросаются в пропасти или закалывают себя, чтобы только избавиться от нестерпимой муки. Ноги его приросли к прибрежному песку.

Глухо рыча, пес отступил на шаг, припадая к земле, — словно готовился к прыжку. Глаза его вспыхнули алым огнем, самым настоящим пламенем, превратившись в два пламенеющих карбункула.

Лодочка скользила к берегу — и Миллог только и мог, что бессильно следить за ней, не в силах не то что сдвинуться с места, а и просто отвести взгляд. Пот лил с него точно дождевые капли — он стал похож на ходячего мертвеца.

Лодочка ткнулась носом в песок. Две фигуры в накидках осторожно, *стараясь не замочить ног*, выбрались на песок. Мужчина, немолодой, в полном расцвете сил, — и женщина, о которой менестрели сказали бы что-нибудь вроде: «Прекрасна, как сама Любовь!» Дивные золотистые волосы, казалось, хранят отблеск иного, иномирового света, иномирового блаженства, открытого лишь немногим...

Гребцы поспешно — даже слишком поспешно, на взгляд ховрара, — оттолкнули лодку. Легкое суденышко стрелой полетело прочь; несколькими взмахами гребцы подогнали его к борту дивного корабля, поднялись на борт — и судно, немыслимым для парусника образом развернувшись, быстро пошло прочь, на глазах исчезнув во внезапно сгустившейся дымке. Пришельцы остались на берегу.

Женщина казалась молодой — и в то же время никто не осмелился назвать бы ее юной. Мудрость веков читалась в ее взоре. Мудрость бессчетных веков, боль и надежда, горе и радость. И не было Смертного, которого этот взгляд оставил бы равнодушным.

Мужчина, гордый, статный, отличался пронзительным взором ясных глаз. Движения его казались быстрыми и порывистыми; и он, и его спутница не имели при себе оружия. Проходя мимо остолбеневшего Миллога, чудные пришельцы не удостоили его и взглядом — и тут в воздухе словно бы мелькнула серая молния. Пес прыгнул, и глаза его пылали в тот миг ярче самых горячих углей.

Раздался испуганный вскрик. Бросок пса опрокинул золотоволосую странницу на землю, зубы разодрали ей плечо и вот-вот должны были сомкнуться на горле...

С гневным возгласом черноволосый мужчина, схватив пса за загривок одной рукой, легко отшвырнул его шагов на десять в сторону и сам шагнул к нему, прикрывая раненую. Белая накидка окрасилась кровью.

Пес с рычанием вскочил. Притворившись, что хочет броситься на черноволосого, пес вдруг резко метнулся в сторону, ужом проскользнул между мелькнувшими кулаками и вновь ринулся к женщине.

Однако та уже овладела собой и не отстранилась, твердо взглянув в самую глубь пылающих яростью глаз пса. Тонкая рука неожиданно потянулась погладить вздыбленную шерсть на загривке собаки. Губы шевельнулись — послышался певучий, мелодичный язык, какого никогда не доводилось слышать Миллогу.

Пес отчаянно завизжал, совсем по-человечьи мотая головой, точно пытаясь избавиться от наваждения. Золотоволосая сказала что-то своему спутнику, тот шагнул к Миллогу.

— Это... твой... пес? — медленно проговорил мужчина. Холодные, как сталь, глаза внезапно окатили ховрара ледяной волной.

— Н-нет... — Губы шевелились сами, без вмешательства его собственной воли. — Он... пес... Серого...

— Кто такой Серый? — Мужчина был очень терпелив.

— Серый... рыбак... море его к нам выбросило... Десять лет назад...

Пес отполз назад, жалобно скуля. Казалось, он плачет от пережитого унижения. Золотоволосая, по-прежнему сидя на песке и прижимая ладонь к разорванному клыками плечу, пристально, не мигая, смотрела в глаза зверя.

После слов Миллога: «Море его к нам выбросило» — черноволосый кинул быстрый взгляд на свою спутницу. Она столь же быстро, незаметно кивнула.

— Куда Серый делся потом? — продолжал спрашивать мужчина, и повелительная сила серых глаз была настолько могуча, что Миллог продолжал отвечать, уже против своего желания:

— Бросился... в море...

— А что ты делаешь здесь?

— Ищу... *тело*... Серого...

— В Хараде? — Мужчина насмешливо поднял брови.

— Повсюду... от самого... устья... Исены...

— Вот это да!.. — Черноволосый усмехнулся.

Внезапно женщина поднялась. Не сводя завораживающего взгляда с отползающего пса, шагнула прямо к нему, взяла обеими руками большую лобастую голову — и что-то негромко, с жалостью проговорила на том же неведомом ховрару языке.

Пес взвыл так, словно к нему приложили раскаленный прут. Судорожно рванувшись в сторону, он двумя прыжками исчез в зарослях. Золотоволосая огорченно покачала головой.

Они прошли мимо Миллога, двое пришельцев из сказки, невесть откуда взявшиеся и невесть куда направлявшиеся, идущие налегке, без припасов, без коней, без оружия... Они ушли — а сердце ховрара внезапно сладко заныло, и он, сам не зная отчего, вдруг рухнул ничком на песок и зарыдал.

Золотоволосая странница обернулась. Взгляд удивительных, зовущих, бездонных, как само принесшее ее на себе Море, глаз пронзил Миллога так, что тот скорчился от непонятной сосущей

боли в сердце. Ему казалось, что завеса тьмы вот-вот сомкнется над ним — человеческие глаза не могли, не имели права смотреть на это совершенство.

Спутник златокудрой красавицы остановился и покачал головой, негромко произнеся несколько слов на их тайном музыкальном языке. Женщина согласно кивнула.

— Слушай меня! Ты и твой пес — вы пойдете с нами. Хватит искать утопленника. Ты его все равно не найдешь... а от гнева Судьбы мы тебя как-нибудь защитим.

Женщина же поднесла сложенные рупором ладони к губам. Над берегом пронесся зов, ласковый, но в то же время и строгий.

Поджав хвост, из зарослей показался пес. Он тащился так, словно лапы его были перебиты. Женщина удовлетворенно кивнула — и вновь что-то пропела на своем удивительном наречии. Пес взвыл, скребя лапами по песку, затем упал на спину... но потом, отбесившись, покорно поднялся и побрел вслед за новой повелительницей...

ОКТЯБРЬ, 8, НОЧЬ, «СКОПА»

Хоббиту Фолко Брендибэку снились удивительные сны. Казалось, еще только миг назад под лопатками была жесткая, пахнущая смолой палуба «дракона», — а теперь, глянь, он стоит на морском берегу и видит чудовищную волну, что катится, катится, точно хирд великанов гномов, на застывший в ужасе берег. Катится — и внезапно рассыпается, оставив на неправдоподобно тихой водной глади игрушечный кораблик — точь-в-точь как на старых рисунках, копии которых ему чудом довелось повидать в Минас-Тирите... легендарные эльфийские «лебеди» времен Первой Эпохи и даже еще раньше, чуть ли не эры Великого Марша. И еще снилось Фолко — он видел, как с этого корабля на берег сошли двое, облаченные в незримые для прочих, призрачные плащи Силы, — той самой Силы, что проявила себя в знаменитом магическом поединке Саурона с Финродом Фелагундом, — безоружные, не нуждавшиеся ни в мечах, ни в копьях или кинжалах, ни в чем, кроме самих себя, Силы своего духа, — как сошли на берег, и пес с горящими, точно топки Моргота, глазами кинулся на них, и был укрощен, и двое двинулись прочь от берега, не боясь никого и ничего...

Хоббит открыл глаза. Вокруг храпели эльдринги. Ни Фарнак, ни Вингетор не рискнули бы теперь бросить якоря. О возвращении также никто не заикался. Все понимали — если оно, это возвращение, и состоится, то прорываться придется с боем.

Фолко привык доверять своим ощущениям. И сейчас этот сон... Но с другой стороны — это ж совершенно невероятно!

Белый эльфийский корабль, примчавшийся на гребне небывалой волны, — как такое может быть? Прямого Пути нет!

«...Но с позволения Великих могут еще идти корабли по Прямому Пути...»

Нет, нет, нет! Этого не может быть! А что, если правда? Если исторгаемый отсюда Свет достиг Валинора? Что, если властители Заката решили вмешаться в ход событий? Что, если новые Истари ступили сегодня на землю Харада?.. Кто знает, может, в Смертных Землях больше не осталось тех, кто может внимать слову Запада? Эльфы Запада... — ушли. Эльфы Востока — у них свои пути. Арнор пал, Гондору еще долго-долго предстоит залечивать раны; кто же еще? Орлы? Наверное, Радагаст сумел бы воззвать к ним. Радагаст или Гэндальф...

«...Не пугай себя пустыми снами, — вдруг подумал Фолко. — Делай что до́лжно; а о Силах станешь размышлять, когда окажешься лицом к лицу с ними. Спи, Фолко Брендибэк, и думай лучше о том, чтобы тебя сонного не прирезала бешеная Тубала!»

Вингетор распорядился на всякий случай приставить к воительнице стражу. Это вызвало настоящий взрыв ярости; но Санделло шагнул к взбешенной Тубале, что-то прошептал ей на ухо — и та подчинилась.

Томной, вальяжной красавицей, черноокой, черноволосой, плыла над Полуденными Землями ночь. С разных сторон шли и шли сюда, к затерявшимся в отрогах Хлавийского Хребта стоянкам Хенны, разные, очень разные странники...

ОКТЯБРЬ, 8, УТРО, ОКРЕСТНОСТИ СТАВКИ ХЕННЫ

Солнце только-только взошло. По левую руку вздымались угрюмые громады Хлавийского Хребта, и между протянувшимися далеко на юг длинными руками отрогов по-прежнему лежала тьма. Скоро, совсем скоро жаркие лучи проберутся и сюда, в последнее прибежище ночи, — но пока еще здесь было темно и даже прохладно.

Эовин подняла голову. Глаза горели, словно под веки ей насыпали песка. Этой ночью они оторвались от преследователей, и девушке удалось немного поспать — Серый же так и не преклонил голову. Вот и сейчас он оставался на страже, правда, вид у него донельзя измученный — словно он всю ночь отбивался от целой рати наседавших врагов. Глаза глубоко запали, под ними набрякли синюшные мешки. Лицо — болезненно-бледное. Он сидел, привалившись спиной к стволу, правая рука судорожно уцепилась за эфес воткнутого в землю меча.

— Нам... надо... идти... — с усилием произнес он.

— Куда? — вырвалось у Эовин.

Они и без того четыре дня петляли, как зайцы, запутывая следы. Первые дни погоня висела прямо-таки на плечах, потом каким-то чудом от нее удалось оторваться. Правда, Эовин сильно подозревала, что тут не обошлось без особых способностей ее спутника — она не сомневалась, что он — великий чародей. Это и притягивало, и пугало. С одной стороны, он такой же человек, как и она, так же испытывает голод и жажду, так же устает, нуждается в сне, а с другой — повелевает могущественными Силами, способен вырвать ее, Эовин, из самой пасти огненной смерти... Кто он? Кто?..

— Нам надо вернуться к... Хенне. — Глаза Серого превратились в настоящие провалы, затопленные тьмой.

«Наверное, так падает тень», — попыталась успокоить себя Эовин.

— Надо вернуться... Потому что у него — ключ... Ключ ко всему... — Кулаки Серого судорожно сжимались и разжимались. — Я знаю, что я — это не я... и когда я смотрел на... на его слепящую Силу... я чувствовал, как память моя возвращается... Пока это лишь отрывки, бессвязные и темные... Я помню, что у меня были сын и дочь...

— Но нас убьют... — робко пролепетала Эовин, как-то сразу вспомнив, что ей всего-навсего пятнадцать.

Серый в упор взглянул на нее, и девушка отшатнулась, точно получив удар в лицо.

— Я пойду туда. И ты пойдешь вместе со мной. Мы либо одержим верх — либо падем. Если мы падем — то всего лишь отправимся за Гремящие Моря... где я уже побывал один раз. Это совсем не страшно...

— К-как? Т-ты побывал?..

— Я умирал, — мрачно бросил Серый. — Смерть стояла у самого моего сердца... и я уже видел раскрывавшийся предо мной Черный Путь... Туда, на Заокраинный Запад, куда ушли эльфы... Но потом... кто-то, наверное, решил посмотреть, что еще я смогу сделать, — и вернул меня назад.

— Но оттуда не возвращаются! Один только Берен...

После победы в Войне за Кольцо многое из эльфийского наследства стало песнями — особенно в Рохане, всегда предпочитавшем слово произнесенное слову начертанному. «Жеста о Лейтан», «Высвобождение из Оков», часто пелась в широких роханских степях, перед золотым троном правителей Эдораса и в простых шатрах табунщиков на летних пастбищах. Не раз слышала эту жесту и Эовин.

— Берен умер на самом деле, — сумрачно возразил Серый. — Умер и был возвращен назад... по особой милости Вышних. Со мной было другое. Черный Путь раскрылся передо мной... но я не ступил на него.

— Все равно я не хочу умирать! Мне страшно!..

Несколько мгновений Серый смотрел на девушку.

— Ни у тебя, ни у меня уже нет выбора. Для тебя все было предрешено в тот миг, когда тебя схватили в Умбаре. После этого ты следовала дорогой своей Судьбы. И подумай — разве могли мы повернуть назад после битвы с перьерукими? Куда бы мы пошли? В Харад, навстречу новому плену и смерти?..

— Но разве ты, такой сильный...

— Это могло и не повториться, — сурово вымолвил Серый. — Я чувствовал — там, на Юге, горит питающий меня огонь, и, поверни мы на Север, как знать, чем бы все это кончилось. Нет, не обманывай себя. Надо идти вперед до самого конца. По-моему, смерть в бою куда лучше позорной гибели под харадскими бичами, разве не так?.. У меня за плечами — Мрак и Смерть. Но я знаю — хватило одного взгляда! — что в прошлом я был не простым рыбаком или даже воином. Что-то высокое и необоримое влекло меня... Неужто ты, смелая Эовин, бросившая родину ради приключений, — неужели тебе не хотелось бы рискнуть всем, чтобы получить все?

— Н-не понимаю... — Эовин съежилась.

— У меня была Сила. — Голос Серого упал до шепота. — Не та, что сейчас... совсем другая... чистая, как крылья ночи! Нет, что я говорю... Нет... она... она тянула меня... куда-то прочь... я боролся... не понимая...

Казалось, он бредит. Голова моталась из стороны в сторону, лоб блестел от внезапно проступившего пота. Превозмогая страх, Эовин коснулась горящей щеки Серого — так и есть, весь в жару. Что же теперь делать? В степи, в родном предгорном лесу девушка не растерялась бы, она знала десятки трав — и полезных, и отравных...

Серый, внезапно оттолкнув ее руки, упал лицом в траву. Спина бурно вздымалась от учащенного дыхания. Он страшно захрипел, точно ему не хватало воздуха... и так же резко выпрямился.

— Ох... Что-то нашло на меня... Безумие какое-то... Знаешь, я сейчас видел... странно... точно сон — двое на берегу, в белых одеждах, прекрасные, как... как сами эльфы. Женщина с золотыми волосами, даже лучше твоих, прости, — она смотрела прямо в меня... — Голос Серого с каждым мгновением становился холоднее и спокойнее, Эовин даже показалось, что меняется и его звучание. — Смотрела прямо в меня, — он даже усмехнулся, — смотрела со страхом... Она — боялась — меня! Не знаю, что значит это видение, но... Когда тебя боятся, это значит — есть за что. По крайней мере, в это хочется верить. — Он вновь взглянул на Эовин. — Ты испугалась? Ты думала — я лишился рассудка? Нет, вовсе нет.

Серый поднялся с земли — мягким, кошачьим движением, какого Эовин никогда не замечала у немолодого, седовласого сотника брошенной на верную гибель невольничьей рати.

— Ты идешь со мной?

— З-зачем?.. Отобрать?.. — Она не договорила.

— Именно так. Отобрать у Хенны его Силу. Я не верю, что она принадлежит ему по праву рождения. Скажу больше — я почти уверен, где сердце той Силы. Я верну себе память... а потом сделаю тебя королевой.

— Что?... — опешила Эовин. Серый смотрел на нее очень серьезно, без тени насмешки.

— У меня есть один долг... — медленно проговорил он. — Старый долг, из прошлого... это одно из первых воспоминаний, что вернулись ко мне... Мертвая девушка, почти девочка, совсем как ты — погибшая для того, чтобы жил я. Я помню ее взгляды... Они жгут меня с первой же секунды, после того как ожили в моей памяти. Это — старый долг, но он должен быть отдан. Вставай! Ты будешь первым воином моей новой армии... и, клянусь тебе именем своим, которое еще предстоит узнать, королевский венец опустится на твое чело!

В его словах билось сердце Силы. Призрачный плащ королей былого, отделанный пурпуром и золотом, вился за его плечами.

Легким движением Серый взлетел в седло. Завороженная его порывом — в тот миг ей казалось, что она уже ощущает тяжесть короны, — Эовин последовала его примеру.

Презрев опасность, они скакали прямо к ставке Хенны.

ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ПОДЗЕМНЫЕ ПУТИ ЧЕРНЫХ ГНОМОВ

Лодочка ткнулась носом в каменную осыпь. Могучая подземная река раздваивалась; и на перекрестке, как водится, возникло небольшое поселение. Тем более что отсюда удалось пробиться на нижние горизонты, где — по мысли королей Подгорного Племени — должен был залегать мифрил, и поэтому жизнь здесь кипела вовсю.

Двое гребцов подождали, пока их знатный пассажир сойдет на берег.

— Быть беде, чует мое сердце, — с тревогой проговорил один из лодочников, провожая уходящего взглядом. — ОН ведь так просто не появляется...

— У меня все внутри прям-таки охолодело, как ЕГО увидел, — вторил своему товарищу второй гребец.

Разговор велся, разумеется, на языке Черных Гномов — тайном, даже еще более тайном, чем Наречие прочих Детей Ауле...

— Ох, что-то будет... — вздохнул первый лодочник.

— И не говори. Появился — туча тучей! Стражники наверху говорили — никогда ЕГО с таким лицом не видели. Слова ни

с кем не перемолвил — сразу вниз, к нам, сюда... На Юг куда-то спешит, сказывают.

— Да нет! Не на Юг! На Закат — так я слышал.

— А когда это ты только успел? — подозрительно осведомился второй гребец.

— Да уж успел — пока иные глупые сплетни слушали.

— Это кто слушал? Это я слушал?! — взъярился второй. — Ну, тебя-то я сейчас проучу...

Из ножен на широком наборном поясе выпорхнул кинжал. Но и первый гребец оказался не лыком шит — ловко отмахнулся проложенным сталью рукавом и ударил сам — ножом в горло недавнему товарищу. Тот захрипел, забулькал, захлебываясь кровью; однако сил на один-единственный последний выпад у него хватило. Кинжал вошел прямо в сердце противнику, слишком быстро уверовавшему в свою победу... Безумная драка кончилась в несколько мгновений. Два трупа остались лежать в мелкой воде.

ОКТЯБРЬ, 9, ПОЛДЕНЬ, БЕРЕГ КАМЕНКИ В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ, НЕВДАЛЕКЕ ОТ СТАВКИ ХЕННЫ

Эстафета Хенны — конная или *велбужья* — хоть и не намного, а все ж опередила корабли эльдрингов. Каменка стала совсем узкой и быстрой. Кили «драконов» вот-вот могли заскрести по камням. По берегам вздыбились холмы, с севера все увереннее наступали передовые отряды рощ и перелесков. Там, в предгорьях, они сольются в сплошной зеленый ковер, без малейшего разрыва устлавший землю.

Впередсмотрящий заливисто свистнул.

— Пристань!

— Оружайсь! — немедленно скомандовал Вингетор, и десятники тотчас подхватили его слова. В который уже раз, не в силах оторваться, Фолко смотрел, как эльдринги облачаются в доспехи. Солнце на Юге палило немилосердно, местные обитатели предпочитали просторные развевающиеся белые одеяния; северные доспехи годились тут мало, однако в запасах опытного тана, не раз хаживавшего на Дальний Юг, нашлось все потребное и на такой случай.

Вокруг пристани роилась цела туча народу. Похоже, Хенна не поскупился, выслав гостям с Севера поистине царский эскорт. Одних только конных в отливающих на солнце длинных кольчугах и высоких острых стальных шлемах Фолко насчитал не меньше сотни. Воздев украшенные флажками копья, они застыли в молчаливо-грозном строю, готовые в любой миг устремиться в атаку сверкающей лавой... А вокруг собрались лучники и пращники, метатели дротиков — почти нагие чернокожие воины — и

другие чернокожие — с длинными копьями, увенчанными необычно широкими и вытянутыми наконечниками — самыми настоящими мечами. Возле самой воды в седлах ждали гостей двое низкорослых — по меркам людского рода — всадников, облаченных в вызывающе простые коричневые накидки. Ближе чем на десять шагов к ним никто не приближался.

— Вот о них-то я тебе и рассказывал, половинчик, — послышался совсем рядом скрипучий голос. Горбун Санделло, вооруженный с головы до ног, неслышно подошел к борту, встав рядом с хоббитом. — Это те, что заместо пастухов... для людского стада, умирающего с воплем «Хенна!» на устах...

— Я слышал, — заметил хоббит, — что десять лет назад... многие умирали с воплем «Олмер!».

— Эарнил, — глухо поправил Фолко горбун. — Не Олмер. Войска знали его как Вождя Эарнила — забыл?

— Какая разница?

— Ты прав... — Санделло отвернулся.

До этого хоббит осторожно пытался расспросить молчаливого горбуна, что творится на Востоке, как дела в Цитадели и прочее, — но наткнулся на непроницаемую стену молчания. Вернейший из воинов Олмера рассказал лишь об одном. О своем странном, невиданном на Западе мече.

— Они порой забредали к нам в Цитадель, — говорил горбун, — странные воины, чья кожа желта, волосы черны, а глаза раскосы. Они живут на самом восточном краю земли, куда не дотягиваются взоры Властителей Запада. У них странные умения и таланты, странные цели и пути, непонятные нам, выросшим на другом конце земного окоема... Как-то к нам в Цитадель явились двое — молодой парень и старик, одетые в жалкие лохмотья... Все, что они имели, — это пара мечей... и странных копий, у которых навершия словно широкие ятаганы. Молодой потребовал — не попросил, а именно потребовал! — почетной службы, заявив, что возьмет верх над любым... Там случился Берель, он не стерпел наглости, вышел против него... И едва не лишился ушей. От позора он чуть не вскрыл себе горло... Тогда вышел я. — Санделло растянул губы в нечто, долженствующее изображать улыбку. — Мы бились долго... И я не мог взять верх. Я, Санделло, — не мог! Парень хохотал мне в лицо. Но и он не смог ничего мне сделать, хотя... мне это далось недешево. Тогда я опустил меч и сказал, что хочу стать его учеником. Наглец снова рассмеялся. «Куда тебе, старик! — бросил он мне. — Ты ловко машешь этой железкой, но вот посмотрим, что ты сделаешь, когда я начну биться по-настоящему!» Он атаковал... и на сей раз мне и впрямь пришлось солоно. Наконец... наконец я оступился. Он воспользовался этим... и приставил меч мне к груди. Тогда... я показал ему, что драться можно не только мечом, но и ногами, даже если они —

ноги горбуна. Он отлетел... а когда поднялся, я понял — драться будем насмерть. У меня была пара ножей... я уже думал, не остановить ли парня, ранив в бедро, — когда вмешался его старый спутник. Он вышел вперед — раз, два, взмах, другой — и парень остался безоружным, а старик подошел ко мне и поклонился: «Ты оказал ему наивысшую честь, которую оказывают мастеру. Ты просил его взять тебя в ученики. Он отказал, дав гневу овладеть собой. Прости моего неразумного сына! Я готов стать твоим учителем...» А когда мы расставались — он подарил мне этот клинок...

Фолко тряхнул головой. Он не зря вспомнил рассказ Санделло. На пристани толпилось немало людей, вооруженных почти в точности такими же мечами и странными копьями...

К горбуну подошла Тубала. Верно, тот взял с нее какое-то слово — не трогать хоббита и гномов. Надолго ли — кто знает?..

— Это здесь? — даже не взглянув на Фолко, воительница кивнула головой, указывая на берег.

— Здесь, — подтвердил Санделло. — Мы исполним свой долг — или погибнем.

— А эти, — презрительный взгляд на Фолко, — нам не помешают? Как только они попробуют, я...

— Может, меня спросите? — обозлился Фолко.

Тубала прожгла его ненавидящим взглядом.

— Месть моя тебя настигнет, — прошипела она.

— Гнев мой все преодолеет, — не удержавшись, передразнил *не в меру ретивую воительницу* хоббит.

Торин и Малыш, тоже в полном вооружении, на всякий случай подошли поближе.

— Хватит! — ледяным голосом бросил Санделло. — Мы делаем одно дело... Ссориться станем, когда с ним покончим.

— Ты прям-таки все наперед знаешь! — хмыкнул Маленький Гном.

— Что знаю — то знаю, — отрезал горбун.

«Драконы» подваливали к пристани. Вингетор, в парадной броне, в окружении свиты — дюжих десятников — стоял у борта. Люди в коричневых накидках дружно подняли безоружные руки, словно в знак мирных намерений.

— Не спускай с них глаз, — лишний раз предупредил хоббита горбун. — *Если они только завопят свое «Хенна, Хенна!» — бей* их без колебаний. Иначе они прикончат нас.

Фолко поднял брови:

— Я не стану убивать безоружных.

— Глупец! — Щека Санделло внезапно дернулась от сдерживаемого гнева. — Я дрался с этими гадами! Они гонят людей на смерть, точно скот на бойню!

— Я сказал. — Фолко вздернул подбородок.

Горбун вздохнул, молча покачал головой, но ничего не сказал.

Борт «Скопы» коснулся бревенчатого настила пристани. Следом, борт к борту, швартовался «Крылатый Змей». Вингетор обернулся — Фарнак со своими уже спешил. Фолко, Торин, Малыш и Санделло с Тубалой скромно держались в сторонке. Их время придет позже.

Люди в коричневом спешились. Таны встретились с ними посреди причала; вместе с Фарнаком и Вингетором толмачом пошел Рагнур.

Наступила тишина. Не двигались ряды воинов на берегу; молчали эльдринги, готовые в любой миг выдернуть мечи и натянуть луки. Один из посланников Хенны что-то сказал; беседа, верно, *шла по-харадски: Рагнур перевел — нарочито громко, явно для* того, чтобы слышали на кораблях.

— Покорнейшие слуги светоносного Хенны, удостоенные чести лобызать прах, попираемый его стопами, рады приветствовать смелых гостей с Моря!

Отвечал посланнику Фарнак, как более старший.

— И мы рады приветствовать вас!.. — Он явно собирался сказать что-то еще, но глашатай Хенны перебил его, словно спеша поскорее выговорить все, что ему было поручено.

— Вы пришли сюда незваными, но это не имеет значения. Мы рады всякому, кто жаждет приобщиться благости Божественного Хенны. (Рагнур запнулся на «божественном», явно не сразу вспомнив это слово.) Божественный Хенна готов принять вас. Если вы хотите сохранить при себе оружие — мы не станем препятствовать. Узрев своими глазами благость Божественного, вы сами отбросите все подозрения и станете в ряды нашего воинства!..

— Ну это вряд ли... — пробормотал Малыш. — И, кстати, если уж они зовут нас в гости, то намерены выставлять угощение?

— Сомневаюсь, — заметил Торин. — Глянь на этих в коричневом — кожа да кости! Заморыши! Дунешь — и улетят...

Санделло только усмехнулся, слыша наивную похвальбу гнома.

...Они шли по утоптанной дороге. Фарнак, Вингетор, Рагнур, Фолко, Торин, Малыш, Санделло и Тубала — да еще десяток эльдрингов покрепче, отобранных самолично танами. Остальным любезные хозяева предложили пока подождать на кораблях, — правда, к пристани тотчас стали подкатывать телеги со снедью. Разумеется, к ней никто не спешил притрагиваться — мало ли что послы сами попробовали! Может, специально помеченные куски были... Вооруженные до зубов эльдринги ждали.

Фарнак и Вингетор хотели сперва укрыть Санделло и Тубалу, — мол, за ними тотчас же охота, едва приближенные Хенны разберутся что к чему, — но горбун лишь покачал головой:

— Нет. Это мое дело, и я должен идти до конца. Она, — он кивнул на Тубалу, — тоже.

Фолко и его спутников сопровождал внушительный отряд воинов Хенны. Как сообщил Рагнур, титулы обоих посланников переводились с харадского примерно как «наделенные силой Света» — «грар' ле' он прос' г».

— Что-то вроде тысячников, — пояснил кхандец.

Ставка Хенны оказалась громадным кочевым табором. Длинные ряды шатров всех цветов, среди которых выделялся единственный, сверкающий чистым золотом, — настолько искусна была работа ткачей, что полотнища шатра казались очень тонкими и гибкими листами благородного металла.

— Если тут все такое благостное, что ж они столько стражников нагнали? — пробормотал Фолко себе под нос.

Хоббит прислушивался к себе. Сомнений не оставалось — он стоял вплотную к самому сердцу таинственной Силы. Здесь, вблизи, она уже не казалась всесжигающим огнем. Напротив — мягким, теплым светом, ласкающим и нежным. Что за странные превращения? Или все дело в том, кому эта Сила подчиняется? Но тогда — кто же этот Хенна?

...Синие Маги... или иные Слуги Валар, посланные на борьбу с Сауроном... Черные Нуменорцы...

«Впрочем, вот-вот ты увидишь все это сам. Вспомни — ты долго и бесполезно гонялся за Олмером, преследовал его по всему Средиземью... а теперь все иначе. Прежним осталось только одно — ты опять взял на себя право судить и выносить приговоры. Ты увидел, как изменился Эодрейд... и ринулся спасать Средиземье от новой угрозы. Похоже, спасение становится твоей обязанностью... Вот, к примеру, — ты увидишь сейчас Хенну... вновь, теперь уже во плоти, войдешь в золотой шатер... и что станешь делать? Кинешься его душить? Вспомни, как ты сожалел, что не прикончил Олмера в его собственном шатре, пусть даже ценой жизни... Что, все повторяется? У тебя хватит умения вогнать нож за тридцать шагов в сидящую муху... ты не промахнешься. Но уверен ли ты, что имеешь право вот так запросто убить этого человека? Неважно даже, изменит его смерть что-то или нет... Ох, что за опасные мысли... Эдак в решающий момент руки могут подвести... Конечно, поскольку они порой умнее своего хозяина. Посмотри — разве есть тут что-то общее с мрачной жутью Мордора? Похоже на иномировую Тьму, что рвалась к Серой Гавани, уже поглотив душу и плоть Олмера, Короля-без-Королевства? Нет! Бесчисленные легионы перьеруких пали в битве с харадримами, битве столь же бессмысленной, как и невероятной. Ножи боевых повозок... Как могли они с такой легкостью резать человеческую плоть? Какой остроты должны быть эти клинки?..

И Санделло... Что влечет его сюда, к сердцу Огня? Он сумел отыскать дорогу... Для чего?.. Кто ему Тубала? Кто она вообще

такая и почему она так страстно жаждет выпустить мне кишки? Что тянет ее сюда? Только желание отомстить мне? Или?..

А стражников вокруг все больше и больше... И на горбуна с Тубалой уже косятся... И появился третий коротышка в коричневом... что-то говорит этим, как их... грарлеонпросгам... уф, язык сломаешь... А вот и шатер...»

Фолко зажмурился — и золотая мягкая паутина опустилась на него, окутывая, обволакивая, затягивая в покойный, благостный сон. «Ну вот и Хенна... ну и что... подумаешь, посмотрим... и уйдем себе... и все будет хорошо... все хорошо...»

«Да очнись же! — крикнул он сам себе. — Ловушка! Ловушка!..»

Площадь с двумя кострами. Толпы стражников заполнили все вокруг. Начал тревожно озираться Малыш — и Фолко заметил, как рука Маленького Гнома легла на эфес.

«Так... что там говорят?.. Пройти между двух огней, дабы очиститься от дурных помыслов?.. Пройдем... А теперь? Оставить оружие? Это хуже... Но — придется... Что там? А, Вингетор велит свите остаться охранять клинки... Верно... Случись что — может, и успеют... Да нет, не успеют... Вон лучников сколько... Если не дураки — враз стрелами утыкают, в бой не ввязываясь...

Полог откидывается... все, входим!»

И — огонь в глаза! И среди этого пламени — вознесшаяся к поднебесью фигура. Она вся — из огня, золотого, алого, рыжего; и среди огненного буйства выделяются два озера белейшего слепящего Света — глаза.

Фолко исчез. Исчезли его спутники. Исчезли внутренности шатра. Исчезло все. Такого не было даже в пещере Великого Орлангура.

Да. Это была Истина. Это был Великий Свет, Свет Незамутненный, Свет Невиданный.

Молчание. Слова не нужны. Перед маленьким хоббитом, невесть как сменившим столовую ложку и садовые ножницы на кинжал и меч, был Истинный Властелин. Вокруг — блистающий мир, мир, в котором не осталось ничего тварного, ничего, кроме чистой Силы. И Фолко смотрит в лицо Вопрошающему. И не находит ни слов, ни сил, чтобы возразить. Здесь не говорят словами.

Огонь ворвался в душу хоббита. Глубоко-глубоко, до самых потаенных воспоминаний; и какими же мелкими и глупыми казались теперь его намерения! «Покончить», «расправиться», «избыть»... Нет! Служить Ему — вот в чем истинное счастье!

«Стоп. Это уже было, ты разве не помнишь? — вдруг возникла насмешливая мысль. — Вспомни, как ты стоял перед Олмером... точнее, уже не перед Олмером, а перед Тем, Кто овладел им... И тогда тоже лился яркий белый Свет... И тогда тоже владел душой высокий, давящий горло восторг...

А потом грянул голос — голос Олмера. «Убей меня!» И он прорвал завесу. А теперь? Может, ты все-таки раскроешь глаза?»

Испепеляющее сияние гасло. Чистейший, кристально чистый Свет уступал место обычному миру. Внутри золотого шатра на возвышении стоял высокий, совершенно обычный человек, тот самый, которого Фолко видел, когда последний раз прибегал к перстню Форве. И те же четверо сидящих в ряд... Вот этот, наверное, Боабдил... А как там остальные?

Как тяжело... Кажется, что смотришь прямо на солнце...

— Так ты и есть тот самый Хенна? — Скрипучий голос Санделло рвал сладкие миражи. Не выказывая никакого почтения, горбун шагнул вперед. Остальные — и гномы, и Вингетор, и Фарнак, и кхандец Рагнур — застыли в каком-то оцепенении; наверное, точно так же стоял и Фолко несколько мгновений назад...

Санделло подал голос первым, презрев все приличия.

Хенна заговорил, и не требовался толмач, чтобы понять, что значат гневные раскаты его речи. Тем не менее толмач — не Рагнур, а один из сидящей четверки, по левую руку от ближайшего к Хенне, — начал переводить. Цветастые льстивые эпитеты Фолко пропускал мимо ушей.

— ...Я, смиренный Саладин... («Как, ты ж вроде бы обещал принести головы эльфийских чудищ? Принес? Или нет? И если не принес, почему же тебя не сварили в кипящем масле?»)... удостоен... донести до гостей речи великого, могучего («Ну и так далее!»)... Так говорит Хенна к гостю своему: почему нарушил ты мир в моих землях? Ведомо мне, что от руки твоей пало немало моих воинов, — а я, Саладин, добавлю — трепещи пред всезнанием и всевидением Божественного!

— Я не стану играть с тобой словами, Хенна. Знаю, ты поймешь меня. Я пришел забрать то, что ты присвоил. Я заберу это по праву сильного. — Санделло спокойно шагнул вперед, не обращая внимания ни на вскочивших на ноги четверых советников Божественного, ни на гневно рванувшуюся к кинжалу руку самого Хенны. За горбуном тенью скользнула Тубала.

«Он обезумел! Он погубит нас всех!» — только и успел подумать хоббит. Божественный Хенна что-то взревел — и в шатер со всех сторон рванулись стражники — и люди, и перьерукие.

Оцепенение разом спало — словно утратило силы сковывающее заклинание. Санделло одним движением выхватил из-за голенища короткий и тонкий нож. Тубала сама молча прыгнула на оказавшегося возле нее стражника, вцепившись тому в горло. Торин молодецким ударом отбросил футов на десять самого смелого — или же самого неосторожного из нападавших. Фарнак и Вингетор встали спина к спине, отбиваясь; извне шатра доносились крики и звон оружия — дружинники танов схватились со стражей Хенны.

«Все продумано заранее. — Фолко увернулся от нацеленной в голову дубины. — Хенна все рассчитал наперед! Он все знал...

и про меня, и про Санделло... А мы — мы попались в такую простую ловушку!»

В ход пошли арканы, и нечем было резать гибкие ременные петли. Первым свалили Фарнака, за ним Вингетора. Ремень захлестнул и плечи Торина, но могучий тангар, ажно взревев от натуги, одним движением разорвал стягивавшуюся петлю.

Санделло, точно смертоносная черная змея, скользнул между тянущимися к нему руками. Короткий нож уже успел окраситься кровью. Горбун рвался к Хенне, оставляя обрывки одежды на память цеплявшимся за него, он в один миг оказался возле самого Божественного. Увернувшись от летящих пут, Фолко успел краем глаза заметить: пригнувшись, горбун ринулся в атаку. В правой руке зажат нож, а в левой на миг блеснул тусклый золотой ободок Талисмана... В этот же миг накидка Хенны распахнулась. Камень, что висел у него на шее, камень, показавшийся хоббиту серым и невзрачным, — внезапно озарился изнутри. В один миг исчезли грубые сколы; перед остолбеневшим хоббитом появилась прекраснейшая из когда-либо виденных драгоценностей. Это был адамант! Адамант чистейшей воды; в тысячах граней дробился волшебный, льющийся изнутри Свет.

Санделло пошатнулся и замер, точно налетев на незримую преграду. На помощь ему рванулась Тубала — но кто-то из стражников похитрее бросился девушке под ноги, и началась свалка.

Торин, расшвыряв стражников, тоже кинулся к горбуну; но было уже поздно.

Хенна не вздымал рук, не произносил заклятий и не творил никакой волшбы. Просто у Санделло внезапно подкосились ноги, он тяжело и как-то неловко повалился на бок. Старого мечника тотчас же облепили враги.

«Больше ты тут ничего не сделаешь. Беги!»

Несмотря на всю свою ловкость, в единоборстве без оружия, когда под рукой нет хотя бы пивной кружки, хоббит был не особо силен.

— Беги, Фолко! — послышался истошный крик Малыша. — Беги!..

«Куда?!» — захотелось заорать хоббиту. Однако ноги сами понесли прочь. Проскользнув под уже готовыми вцепиться в него ручищами, с размаху бросился к нижней кромке шатра. Вообще-то ткани полагается плотно прилегать к земле; но хоббиту просто несказанно повезло — наверное, впервые за все время их странствий. Он прокатился под пологом... и оказался на свободе.

Вокруг шатра разгорелся нешуточный бой. Умелые и не обделенные силой эльдринги сражались с яростью, которая остановила лихой порыв даже отборных стражников Хенны. Фолко со всех ног ринулся к ним.

Пропела первая стрела. Здешние вояки отнюдь не были дура-

ками. Сгоряча схватившись с опытными и умелыми мечниками-мореходами, они быстро смекнули, что к чему. Сейчас они выдвинут вперед лучников — и преспокойно расстреляют в упор всех еще сопротивляющихся.

По доспеху хоббита скользнул кривой меч; Фолко с трудом удержался на ногах, едва не пропахав носом пыльную землю.

— Мастер Фолко! Что такое? — проорал чернокожий Бралдо, один из десятников Вингетора, знакомый хоббиту еще по умбарской таверне танов. Гигант крутил вокруг себя неподъемный боевой молот — излюбленное свое оружие.

Лучники бежали со всех сторон. Мелькнула вторая стрела, третья, четвертая... Оставляя убитых и раненых, воинство Хенны начало отступать.

— Прочь отсюда! — Хоббит махнул рукой.

— Мы не уйдем! — гаркнул Бралдо, лихим ударом проламывая грудь запоздавшему стражнику. — Ты что! Там же наш тан!

Перед шатром лучники уже стояли стеной.

— Нас сейчас перебьют! — в отчаянии крикнул Фолко, но было уже поздно.

Стрелы посыпались со всех сторон. Эльдринги носили хорошие доспехи, но от бьющих в упор лучников уберечься не могли. С проклятием упал один отважный мореход, за ним — второй. Стрела пронзила кольчугу Бралдо, и великан, взревев, вырвал ее из окрасившегося кровью плеча.

Три или четыре стрелы достались и хоббиту. Мифрил отразил их, но от ударов все равно вспыхнула боль — стрелы били куда как увесисто.

— За мной! — с отчаянием выкрикнул Фолко.

Напрасно. Уцелевшие эльдринги с дружным ревом бросились на преграждавший подступ к шатру строй лучников. На какое-то мгновение Фолко остался один... а еще миг спустя последовал губительный залп. На ногах устоял один Бралдо; пораженный несколькими стрелами, гигант еще успел трижды крутнуть свой молот; каждый взмах уносил жизнь незадачливого врага. Но вот и грозный воитель тяжело рухнул в пыль — голова его тотчас отлетела, срубленная безжалостным ударом...

И тогда Фолко бросился бежать. Трусливо, постыдно бежать — потому что выбор был прост. Либо умереть сейчас — либо попытаться выжить и все-таки спасти друзей. Их не убивали, их вязали — значит, была слабая искра надежды...

— Улю-лю-лю-лю! — Все многолюдное воинство Хенны бросилось в погоню за хоббитом.

Бежать! Кажется, ноги не бегут, а летят. Клюет в плечо стрела. Метко бьют... Поворот, поворот, поворот! Распахнутые в крике рты, полубезумные глаза навыкате... и все сильнее жжет душу внутренний огонь. Хенна, похоже, разобрался во всем...

Хоббит метался, как загнанный заяц. Пусть даже на плечах мифриловая броня. Сейчас она могла спасти разве что от случайной стрелы. Пусть даже на месте кинжал Отрины, меч и лук со стрелами. В любом случае это просто оттянет конец. А ему надо...

Задыхаясь, Фолко вылетел за пределы стана, врезавшись в стену зарослей. Позади нарастал конский топот. Спасения не было. Пока еще враги не сообразили, куда делся верткий беглец — но к стуку копыт прибавился заливистый лай псов, и дело приняло совсем уж скверный оборот.

Наконец Фолко понял, что не в силах сделать более ни шагу. Еще чуть-чуть — и его можно будет брать голыми руками.

«Нет, дальше я не побегу. Простите, братья-тангары, простите, Фарнак с Вингетором... и ты, Санделло, тоже прости... Вы, наверное, думаете — а не выручит ли нас ловкий хоббит, подобно тому как Бильбо вытащил друзей-гномов из темницы Трандуила... а ловкий хоббит вот — собрался умирать...»

Он сорвал с плеча горит, укрылся за деревом, вскинул лук. Две дюжины добрых стрел... добрых эльфийских стрел... прихватил сегодня с «дракона» именно эти, как чувствовал... Тут еще и у Радагаста купленные остались, и те, что поновее, — подарок принца Форве... Фолко сжал древко, стараясь успокоить дыхание.

Первого всадника он снял как на стрелковом празднике — наконечник вошел в узкую щель под подбородком воина. Последний предсмертный взмах руками... и тело валится под копыта.

Вторая стрела. И еще одна. Но — воинов Хенны сегодня это не остановит. Кони перемахивают через упавших; погоня все ближе и ближе...

ТОТ ЖЕ ДЕНЬ И ПОЧТИ ТО ЖЕ МЕСТО, СЕРЫЙ И ЭОВИН

— Там, похоже, какая-то заваруха, — заметил Серый. — Гонятся за кем-то...

Ставка Хенны лежала перед ними как на ладони. Здесь Серый едва-едва не обрел утраченную память и теперь был полон решимости наверстать упущенное. Правда, Эовин не могла и представить себе, как он это сделает...

— О, смотри-ка, кого-то изловили! — Серый с неподдельным интересом наблюдал за происходящим. — Нет, ты только взгляни!

Из золотого шатра медленно вытягивалась странная процессия. Окруженные стражей, медленно шагали семеро — судя по всему, пленники. Двое высоких, статных мужчин, двое низкорослых широкоплечих крепышей, тонкая русоволосая фигурка — вроде как девушка (Серый поднял бровь) и, наконец, странного вида, сильно ссутуленный пленник, будто на спину ему взвалили непосильную ношу...

Глаза Серого внезапно сверкнули. Он досадливо прищелкнул пальцами, словно злясь на себя, что не может вспомнить нечто важное. Эовин видела — взор ее спутника неотрывно следовал за медленно удаляющейся колонной.

— Да постой же! — вдруг вырвалось у девушки.

Юную роханку внезапно пронзила отчаянная догадка. Эти двое низкорослых крепышей — уж не братья ли тангары Торин и Малыш? Лиц, конечно, различить нельзя... но все же — пленники так напоминают гномов! А где же тогда мастер Холбутла?! Неужели?.. Сердце окатило ледяным холодом.

Серый напряженно тер лоб.

— Их надо спасти! — Эовин сжала кулачки.

— Кого? Этих пленников? Почему мы должны их спасать? — Серый пожал плечами.

— Разве ты их не знаешь?! Мне показалось...

— Мне тоже... показалось. Но у нас сейчас есть дело поважнее.

— Там — мои друзья! Гномы! Торин и Строри! И мастер Холбутла там тоже должен быть! Наверное, они меня тут разыскивали!

В этот миг Эовин не вполне сознавала, что городит полную чепуху...

— Мастер Холбутла? Или...

— Или Фолко Брендибэк! Хоббит из Хоббитании!

— Фолко Брендибэк... — Голос Серого внезапно стал глух. — Да... я припоминаю... Припоминаю... — И рука его внезапно коснулась груди, там, где — Эовин знала — рассекал кожу небольшой, но глубокий шрам, какой оставляет вонзившийся кинжал или нож.

— Мы должны их спасти!

— Быть может. Но сперва я обязан сделать то, зачем мы пришли сюда. А потом — если они мои, я их не оставлю, — закончил он непонятной Эовин фразой.

— А... зачем мы пришли сюда? Я знаю, вернуть тебе память... но как?

— Исполняй все, что я тебе скажу. — И Серый вновь принялся наблюдать.

ФОЛКО

Он не заметил, откуда скользнула стрела, выбив из седла очередного всадника. Она словно бы внезапно родилась прямо из воздуха. Белооперенная стрела, казалось, вырезана из одного сверкающего кристалла. Вслед за первой одна за другой пропели песню смерти новые; летевшие во весь опор всадники один за другим находили свою гибель на отливающих серебром оголовках.

Только когда рухнул десятый по счету воин, верховые подались назад. Фолко в недоумении оглянулся — случившееся слишком уж походило на чудо, чтобы оказаться правдой.

И тут он услышал знакомый голос:

— Вот и встретились вновь, мастер Фолко! Держи! Все расспросы потом!

Разворачиваясь, на плечи хоббиту опустилось нечто мягкое, нежное, окутывающее. На миг перед изумленным Фолко мелькнуло лицо принца Форве!

— Потом все расспросы! Сейчас уходим!

Влажная полумгла леса приняла их в себя, растворила, слив воедино с безумным переплетением ветвей, листьев и молодых побегов. Если прижаться к стволу — ни один глаз не различит. Плащи эльфов-Авари превосходили даже знаменитые лориэнские; они надежно укрывали разведчика, так что враг мог пройти всего в одном шаге, не заметив притаившегося дозорного...

— Стой и не двигайся! — шепнул принц хоббиту.

Они застыли, прижавшись к морщинистой коре какого-то лесного исполина. Встретив неожиданный отпор, всадники Хенны теперь осторожничали; каждая тень казалась им затаившимся лучником, чьи страшные стрелы бьют наповал, находя малейшую прорезь в доспехах... Удивительно, но потеряли след натасканные псы-ищейки; скуля и поджимая хвосты, они крутились на одном месте, словно проклятый беглец внезапно воспарил прямо в небеса!..

Мало-помалу погоня убралась восвояси. Лай псов утих; забросив щиты за спину и пригнувшись, всадники старались как можно скорее выбраться из зачарованных зарослей.

— Вот и снова встретились, Фолко, сын Хэмфаста! — Форве широко улыбнулся. — Счастлив этот час! — Он протянул хоббиту руку.

— Приветствую высокородного... — начал было Фолко, но эльф неожиданно хлопнул его по плечу:

— Оставь. Мы на войне. И она, похоже, будет еще пострашнее, чем с Олмером.

— Принц!.. Но... откуда ты здесь?! И... не знаешь ли о Торине и прочих?

— По порядку, друг мой, по порядку. — Форве откинул назад скрывавшую лицо зеленую сетчатую маску. Мягко сиял зеленоватый камень на обруче, что охватывал лоб. Время не оставило и малейшего следа на прекрасном лице принца — разве что где-то в самой глубине глаз поселилась неизбывная грустинка.

— Откуда мы здесь? Легко ответить. Не только ты почувствовал, что откуда-то с Юга льется странный и страшный Свет, не имеющий ничего общего с тем светом, к которому мы все привыкли. На Водах Пробуждения встревожились. Как и в Срединном Княжестве. Было отправлено на разведку несколько отря-

дов. Мой — один из них. Я думаю, тебе приятно будет встретить кое-кого из старых знакомцев.

— Неужели Амрод, Маэлнор и Беарнас? — вырвалось у Фолко.

— Разумеется. Как же я мог пойти без них?.. Отец и дед были против моего ухода, но я настоял. Дело серьезное... Однако мы никогда бы не нашли сердце этого Огня так скоро, если б не один твой давнишний приятель, а именно — горбун Санделло. Мы выследили его... и встретили возле Камня Пути.

— Это что такое? — удивился хоббит.

— Потом как-нибудь расскажу. Так вот, когда дозорные, несущие стражу возле границ Цитадели Олмера, доложили, что горбун в одиночестве отправился на Юг, я сразу подумал — дело нечисто. Мы подозревали, что Санделло, верный спутник Короля-без-Королевства, тоже научился чувствовать незримое... а кроме того, он взял с собой Талисман и... и еще черный клинок, который носил Олмер... Мы встретились со старым мечником. Я предложил ему на время забыть вражду, но... он отказался. Тогда я честно предупредил его, что стану следить за ним и он не сможет ни избавиться от нашей слежки, ни обмануть нас. Горбун знал, что мы у него за спиной... но тем не менее шел дальше. Вместе с очень странной девой-воительницей, Тубалой, он прорвался сквозь заслоны тарегов — так зовут народ Хенны — и двинулся на восток, по полуденной стороне Хлавийского Хребта. За ним гнались — но он всякий раз прорывался, сражаясь так, что мы только дивились. А еще больше мы дивились невероятной, нечеловеческой силе Тубалы. Она орудовала мечом, который не смог бы поднять даже самый могучий воин. Мы следили за горбуном все время, до того самого момента, пока его не подобрал ваш корабль на Каменке, как зовут эту реку эльдринги... Так что нет ничего удивительного в том, что мы пришли тебе на помощь — сама Судьба вела нас сюда.

— Спасибо, — с чувством проговорил Фолко. — Если бы не вы...

— Оставим это, — махнул рукой принц. — Перед тобой в долгу все Средиземье; кабы не твой клинок, победа Олмера оказалась бы полной, — и один Эру ведает, что творилось бы тогда в мире!

Хоббит пожал плечами. В последнее время он начал подумывать, что держава Олмера, быть может, была бы все-таки лучше бесконечных истребительных войн, что не прекращались в Эриадоре. Но вслух он, разумеется, этого не сказал.

— Расскажи теперь, что тебе удалось узнать! — попросил эльф.

— Наверное, это будет история еще длиннее, чем про Камень Пути, — пожал плечами Фолко. — Вдобавок главное сейчас не это. Торин, Малыш и другие мои спутники — кстати, и Санделло и Тубала — попали в руки Хенны. Мне чудом удалось бежать... а потом меня спасла твоя меткость, принц. По-моему, надо сперва спасти пленников, а уж потом говорить о вещах возвышенных!

Принц Форве кивнул:

— Ты прав, мой дорогой друг. Эгей, Маэлнор!

Эльф-воитель одним мягким, беззвучным движением очутился возле них. Казалось, это просто ожившее дерево, невысокий юный энт или хьорн — настолько искусна была маскировка.

— Я здесь, мой принц! Счастлив видеть тебя в здравии, друг Фолко!

— Тебе придется пробраться в ставку Хенны. Смени плащ с леса на степь.

— Я тоже пойду! — вскинулся Фолко. — Не станешь же ты говорить, о принц Форве, что хоббиты ходят шумнее эльфов?

— Не стану, — улыбнулся принц Невозжелавших. — Идите вдвоем. Надо разузнать, где держат пленников, — с тем чтобы ночью ударить! Хорошо бы захватить коней... У нас есть заводные, но на дальнюю дорогу нужна подмена...

— Кони — это особое дело, — заметил Маэлнор. — Хорошо бы послать Беарнаса с другими отбить десяток, лучше всего — со сбруей. Едва ли твои друзья, Фолко, привычны к нашей езде...

Эльфы испокон веку не пользовались ни уздой, ни седлами. Конь должен сам нести седока. И конь может сделать так, чтобы скакать на нем было удобнее, чем даже сидеть в покойном кресле — так говорили Перворожденные.

— Ты прав. — Форве кивнул. — Я распоряжусь. А вы идите! Пока погоня блуждает по лесам, никто не станет разыскивать беглеца в ставке Хенны...

— Идем, друг мой. — Маэлнор улыбнулся хоббиту. — Я счастлив, что мы вновь сражаемся рука об руку!..

— Я тоже. — Фолко церемонно поклонился. — Давай поспешим! Что светлейший принц сказал по поводу этого плаща?

— По поводу плаща? А, он может принимать любой цвет. В нем ты легко притворишься хоть кочкой на ровном лугу, хоть выступом стены, хоть свернутым пологом шатра. Раньше у нас такого не было. Нужда заставила подумать!..

— Нужда? — переспросил хоббит. Они шагали прямо через лес к краю зарослей, где раскинулся городок шатров. — Вам пришлось много сражаться с тех пор, как я побывал на Водах Пробуждения?

— Довелось, — кивнул эльф. — Но главное — после Войны с Олмером Великий Правитель, дед нашего принца... прислушался к советам молодых. До этого мы слишком много пели, много говорили о прекрасном и неземном, слишком глубоко погружались в занимательные, но отвлеченные умствования... Они, конечно же, нужны, без них никак — но полностью отгородиться от Мира все равно не получается. Несмотря на всю нашу магию! Да, никому сейчас нет хода на Воды Пробуждения — но мы поняли, что нельзя хранить красоту лишь для одних себя, нельзя надменно отворачиваться от войн и невзгод, что терзают несчастный

Мир вне хрустальных стен вокруг наших владений... А чтобы идти в этот Мир и не гибнуть понапрасну, нужны и доспехи, и оружие... И плащи, такие, как на тебе или мне, тоже нужны. Теперь хороший ткач, умеющий не только сотворить сам плащ, но и набросить на него сильные чары, ценится и почитается вровень с искуснейшим менестрелем! Никогда такого не было! И далеко не всем это нравится... Но мы все — из домена Форве, из его отряда, и никто не жаждет все время сидеть во дворце Вечного Правителя... Я люблю вольный воздух, Фолко! Мне душно за стенами, даже если эти стены — магические и не преграждают пути ни ветрам, ни свету. Ох, что-то заболтался я... идем в разведку, а говорим о вечном! — Он легко рассмеялся.

— Да уж, — фыркнул Фолко. — Вон, смотри, уже и просвет! Дальше — открытое место! Там что, нужно ползти?

— Думаю, так и придется, — усмехнулся Маэлнор. — Один ползет — другой прикрывает. Давай — во-он к тому шатру!.. Конечно, на такое дело идти лучше всего ночью, но уж если так сложилось...

— Кто знает, может, их всех казнят на закате, — угрюмо заметил хоббит, опускаясь на колени. — Ждать нельзя!

Маэлнор запахнул плащ и мягко вытянулся рядом с хоббитом.

— Ну, вперед!

Они поползли. Несмотря на то что уже давно наступил октябрь, трава была сочна и зелена. Продвигались по очереди — пока один наблюдал, другой полз. Затем менялись ролями, далеко друг от друга не отрываясь. Без затруднений они достигли крайнего шатра, укрывшись за ним. Фолко с удивлением обнаружил, что плащ его стал как две капли воды похож на ткань самого шатра — отличить невозможно.

— Видишь теперь? — не без гордости заметил эльф. — Ну все, давай дальше! Перебежками!

Ставка Божественного кишмя кишела воинами. И чернокожие, и перьерукие, и смуглолицые, горбоносые тареги, и еще какие-то неведомые... Причудливо и разнообразно вооруженные, в ярких одеждах; мало кто носил доспехи. По правде говоря, Фолко тоже едва бы выдержал в своем панцире, будь он стальной, а не мифриловый...

Крадучись, короткими перебежками, лазутчики пробирались все дальше и дальше к сердцу лагеря. Порой приходилось подолгу ждать — пока не освободится дорога.

Однако чем дальше, тем становилось труднее; наконец путь оказался и вовсе перекрыт.

— Так нельзя, — прошептал хоббит на ухо Маэлнору. — Надо встать и идти как ни в чем не бывало. Тех, кто не прячется, хватают не сразу...

— Похоже, ничего иного нам не остается, — согласился эльф.

Стражники стояли почти что возле каждого шатра. Маэлнор простер руки над плащом хоббита, что-то прошептал, озираясь по сторонам, — и одеяние Фолко внезапно встопорщилось, сменило цвета — после чего хоббит оказался почти неотличим от снующих туда-сюда воинов. Разумеется, внимательный глаз, присмотревшись, распознал бы обман — но приходилось идти на риск.

Озабоченным быстрым шагом, не озираясь по сторонам, хоббит и эльф загашали в глубь лагеря. Уловка сработала — стражники даже не смотрели в их сторону, а начальники, похоже, тут просто так не ходили. Фолко и Маэлнор беспрепятственно добрались до памятной площадки перед роскошным шатром Хенны. На ней по-прежнему пылали два костра; мертвецов уже убрали, пятна крови присыпали свежим песком. Шатер окружало тройное кольцо стражи.

— Не оглядывайся! — прошипел хоббит Маэлнору. — Я пытаюсь дотянуться до Торина... узнать хотя бы, живы они или нет...

Эльф кивнул. Они миновали площадку, вновь углубившись в лабиринт шатров и навесов. «Их наверняка должны были упрятать поглубже. Хенна не удовольствуется простой палаткой. Темница у него тут если и есть, то едва ли глубокая... наверное, что-то вроде ямы, крытой сверху... Ищи, хоббит, ищи!»

Но помнил Фолко и о загадочном камне на груди правителя. Уж не он ли источает это безумное пламя? Похоже, очень похоже... Адамант... Адамант Хенны... из-за которого уже пролилось столько крови, что не снилось даже Олмеру!

Разведчикам повезло. Пройдя лагерь из конца в конец, удачно избегнув и пристального внимания стражей, и грубоватого гостеприимства тарегов, они обнаружили то, что искали.

Помог им Малыш. Оказавшись в заточении, Маленький Гном отводил душу тем, что непрерывно ругался на всех ведомых ему языках — Всеобщем, роханском, говоре Беорнингов, обитателей Королевства Лучников, не брезгуя даже словечками из Черного Наречия. Он ругался не переставая, создавая невообразимые комбинации, — так что время от времени доносились негодующие протесты Тубалы. Одну такую тираду как раз и услыхали Фолко и Маэлнор.

— Не забывай, ты, чурбан неотесанный, — я все-таки дама! — возопила Тубала.

Шатры в этом месте образовывали круг. Пространство меж ними было вытоптано; середина огорожена забором — не для сбережения узников, а чтобы не напирали свои. За оградой расхаживали шестеро стражей с мечами наголо. Чуть поодаль скучала четверка лучников, тоже явно приставленная к охране.

Посреди огороженного забором круга Фолко увидел круглую дыру в земле, забранную частой деревянной решеткой из толстых ошкуренных брусьев. Между ними едва-едва пролезла бы даже тонкая рука хоббита.

Вокруг забора толпилось немало народа — так что Фолко пришлось изловчиться, чтобы бросить хотя бы беглый взгляд на вход в узилище.

— Все ясно, возвращаемся, — шепотом бросил ему Маэлнор. — Я запомнил. Ночью мы вернемся сюда. Дело нетрудное. Охрану — стрелами... узников вытащим на веревках. Пошли назад!..

СЕРЫЙ И ЭОВИН

— Когда взойдет луна, — отрывисто бросил Серый, переворачиваясь на спину и прикрывая уставшие глаза ладонью. — Сегодня ночью. А завтра — если все удастся — возле наших ног окажется все Средиземье. Хочешь, а? Я завоюю все Средиземье и подарю его тебе.

— О чем ты говоришь? — Эовин глядела на Серого широко раскрытыми от страха глазами. Нет, он точно безумен... Нести такое...

— Я кажусь тебе свихнувшимся? — Серый устало потер лоб. — Понимаю, понимаю... лишившийся памяти старикан, толкующий о власти над Средиземьем! Смешно... конечно же, смешно. Я бы и сам посмеялся на твоем месте. Но куда более смешно то, что все мной сказанное — правда. Да, да, Эовин, чистая правда! Когда я говорю, что могу завоевать Средиземье, — так оно и есть. Этому болвану Хенне досталась чудовищная, невообразимая Сила... Сила, пришедшая из столь далекого прошлого, что даже у эльфов не осталось никаких воспоминаний! Глупец не знает, как Силой распорядиться... Все, на что его хватило, — погнать на убой несчастных перьеруких... Теперь я заполучу Сердце Великой Силы. Оно вернет мне память... — Внезапно он усмехнулся, устало и невесело. — Да только зачем? Я с радостью завоевал бы Средиземье... сделал бы тебя королевой... и вернулся бы в ту тень, откуда вышел. В Море, отвергшее меня... Я не знаю, кем я был. Могу только догадываться... хотя бы по тому, что умею владеть мечом. Но на самом деле — какие бездны откроются мне, когда память вернется? Там ведь были и ужас, и боль — но они меня не пугают. Там была кровь — но разве не жестока изначально вся наша жизнь? Было там еще и нечто темное, бесформенное, ужасное... я... я сражался с ним... и, похоже, потерпел поражение. И хочу схватиться снова! Я хочу услышать, как хрустнет горло врага под моими руками! Я никогда не терпел поражений — а тут потерпел! И это — непереносимо! Понимаешь?

— П-понимаю, — с трудом выговорила Эовин.

Девушку вновь захватывала могучая воля этого человека, воля, несущаяся куда-то вперед, к последней, решающей схватке неведомо с кем. Он бился сейчас о стены незримой клетки, — но юная роханка чувствовала: если эти незримые стены падут, он изменится. И притом полностью. Исчезнет Серый, простой рыбак,

невольник Великого Тхерема. И кто придет на смену? Неужели и впрямь — великий завоеватель, который бросит все Средиземье в пожар истребительной войны?

Крепкое, точно роханская сталь, упорное, точно норов молодого роханского коня, пришло осознание. «Я должна помешать ему! Он спас меня — но он безумен. Ему нужны хороший лекарь и заботливый уход. Но Сердце, о котором все время толкует, — он не получит! А если и получит — то не раньше, чем убьет меня!»

Серый тем временем лежал молча, откровенно наблюдая за своей спутницей. Потом заговорил вновь:

— Давай не будем торопиться. Понимаю, любая девчонка, которую назвали Эовин, всю жизнь тайно жаждет встретить своего Короля-Призрака... встретить и сразить, уравнявшись со своей знаменитой тезкой... Но погоди судить! Погоди объявлять меня безумцем! Разве все то время, что мы странствуем вместе, — разве я не доказал обратного?

У Эовин язык присох к небу, она не могла произнести ни слова. Проницательность этого человека порою просто ужасала. Он словно бы читал мысли, как раскрытую книгу.

— Ты боишься, — с досадой заметил Серый. — Уж не считаешь ли ты, что я могу проникнуть в твой разум? Уверяю тебя, это не так. Просто не составляет труда представить, о чем ты сейчас думаешь... Да и помыслов своих и чувств вы, роханцы, скрывать не умеете. Прямые, как копейное древко!.. И почему мы тогда не были вместе?.. — вдруг ни к селу ни к городу пробормотал он, словно спрашивая сам себя. — Ладно, Эовин. Сабля твоя при тебе. Клянусь своим не открытым еще именем — я не стану защищаться, если тебе захочется меня прикончить. Я отдал бы тебе свой меч — но этой ночью он мне понадобится, прости. А потом... Я чувствую, что стою в шаге от Великой Силы. Я не могу ошибиться — разве не вырвал я тебя из пламени? Так что... Подумай — может, быть королевой Средиземья вовсе и не так плохо для гордой дочери Рохана?

Эовин молчала. Она всем сердцем ощущала, что Серый не лжет. Он говорил искренно, быть может, искреннее, чем когда-либо в жизни — неважно, этой или прошлой. Он раскрывал перед ней темные бездны своей души, где клубился непроницаемый черный дым боли, ярости и ужаса. Он не скрывал ничего. Эовин смутно догадывалась, что, даже если им не удастся завладеть загадочным Сердцем Силы, Серый никогда уже не станет говорить с ней так. В лучшем случае — холодная усмешка. Он будет прост, открыт и даже ласков с другими. Но с ней, видевшей его таким, как сейчас, — никогда. И поэтому он откупается от нее, предлагая высшую цену, какая только по силам смертному человеку. Не жизнь свою — что жизнь! Случается, даже жалкий трус, черпая силу в собственном страхе, погружает в себя кинжал — нет, он

отдаст то, что требует железной воли, великой силы и неописуемой жестокости; то, за которым — ярость и гнев Валар.

Молчание длилось. Впрочем, оно не было тягостным. Серый ждал, спокойно ждал. И Эовин понимала, что от ее решения уже ничего не зависит, что ей и впрямь остается только одно — попытаться убить этого человека, потому что иначе остановить его уже невозможно. Он пойдет дальше, несмотря ни на что. Его не остановят ни стрелы, ни копья врагов — он сразит их, пустив в ход ту страшную, слепую, разрушительную Силу, что уже свила гнездо в его душе.

Да, он пойдет по трупам. Раз так — то Эовин должна его убить Должна во что бы то ни стало. Несмотря на то, что ей еще пока только пятнадцать лет. Впрочем, теперь ее руки обагрены кровью...

«Стоп! Руки твои обагрены кровью! Кровью перьеруких, которых ты убивала, чтобы уцелеть самой! А теперь берешься судить Серого!»

— Успокойся, девочка. — Серый легко поднялся на ноги. — Все не так плохо. Не казни себя. Говорю тебе снова — я не стану защищаться от твоей руки. Убьешь меня, если сочтешь нужным. Скажу больше — я сам буду просить о смерти... если ты увидишь, что Сердце Силы, к которой я стремлюсь, меняет меня, превращает... превращает во что-то чудовищное. Ты, конечно же, слушала сказки, где героине нужно было убить своего милого, чтобы уберечь от куда более страшной участи? Так вот будь готова сделать то же самое. Понятно, что я не твой милый, но все-таки... Уважь мою просьбу, а?

Эовин нашла в себе силы медленно кивнуть головой.

— Вот и славно. Этому я верю куда больше, чем выспренним клятвам. — Серый выдернул из ножен меч и принялся острить лезвие. — Не стой без дела! Саблю свою проверь. Она тебя сегодня не должна подвести. Жизнь ведь ей доверяешь. Ну-ка, доставай, доставай. У меня и камень точильный для тебя найдется Займись-ка, а то, когда руки девать некуда...

Эовин послушно обнажила клинок.

— И чтоб блестел! — строго произнес Серый, точь-в-точь как старый королевский сотник, поставленный обучать новобранцев. — Смотри — проверю!

— А если блестеть не будет, что тогда? — собравшись с духом, выпалила Эовин.

— Лозину сорву и выдеру, — грозно пообещал Серый...

ОКТЯБРЬ, 10, НОЧЬ, СТАВКА ХЕННЫ, ФОЛКО, ФОРВЕ, ЭЛЬФЫ

Ночь выдалась тихая-тихая. Чудные, непривычные ароматы дразнили и щекотали, словно шкодливые муравьи. Фолко лежал возле самой кромки леса. Впереди шумел бубнами и погремушками, надрывался песнями, взрывался полупьяными воплями разудалый лагерь Хенны. Высоко-высоко в поднебесье рвались злые рыжие искры многочисленных костров. На закате в ставку Божественного вернулась посланная за Фолко погоня. Хоббит успел заметить — всадники везли какую-то связанную фигуру. Краткое время спустя какой-то несчастный на окраине лагеря был скоро и споро обезглавлен умелой рукой палача. Хоббит подумал — уж не незадачливый ли сотник, командовавший преследователями, поплатился жизнью за его, Фолко, удачную встречу с эльфами?

Казнь не вызвала в лагере никакого лишнего волнения. Похоже, подобное тут в порядке вещей. Труп оттащили в сторону и бросили. Стоило людям отойти, как заросли зашевелились; Фолко с ужасом и отвращением увидел, как из сгущавшихся сумерек к мертвому поползли какие-то низкие, стелющиеся по земле твари — не то многоногие змеи, не то змеиные многоноги... Послышался хряск и мокрые шлепки, сопровождаемые яростным, приглушенным шипением. Ночные пожиратели падали пировали. Фолко огляделся — ему казалось, он уже чувствует отвратительные прикосновения холодных чешуйчатых морд. Но нет — похоже, местные обитатели хорошо вышколены и знают, на кого следует разевать пасть, а на кого нет. Никто из них и близко не прополз от хоббита.

— Видел? Вот ведь дрянь, — прошептал на ухо Фолко притаившийся рядом Беарнас. — И откуда только взялись? Не иначе, Мелкорово наследство!

— Не произноси здесь этого имени! — сурово одернул эльфа-воина принц Форве. — Нечего звать сюда его тень. И так Зла хватает...

Поднявшуюся луну закрывали тучи. Лучшего для успеха задуманного и пожелать было нельзя. Эльфы отлично видят в темноте; Фолко, хоть и уступал в этом, тоже не дал бы промаха за сотню шагов даже во мраке, который обычному человеку показался бы просто непроницаемым.

— Пошли. — Форве поднялся. — Не думайте сейчас про этого Хенну!

— Стоп, — внезапно вырвалось у Фолко. — Как я мог забыть! Нельзя, нельзя вам никуда идти!

— Это почему же? — изумился принц.

— Я, я, я во всем виноват... — И хоббит, запинаясь, торопясь и глотая в спешке окончания слов, поведал друзьям Авари о своем видении, о том, что Хенна якобы может видеть посредством «дарованной ему Силы», про то, что он требовал себе «головы богомерзких эльфов»...

— Мы знали, что за нами гонятся, — медленно проговорил Форве. — Но мы не хотели лишней крови и потому просто сбивали погоню со следа. А вот оно, оказывается, как...

— Фолко прав. Там, впереди, наверняка западня, — мрачно проговорил Амрод. — Хенна использует пленников как приманку. Быть может, они и не хотели ловить тебя, друг хоббит... Он прекрасно понимал, что ты не бросишь своих спутников в опасности.

— Все равно отступать уже поздно, — спокойно заметил Маэлнор. — Даже если впереди западня — мы должны идти. Иначе... — Он выразительно умолк.

— Да, Маэлнор прав, — кивнул Форве. Зеленый камень на его обруче мягко светился. — Отступать мы не можем. Вперед!

Семь теней неслышной поступью шли вперед.

ТО ЖЕ ВРЕМЯ И МЕСТО, СЕРЫЙ И ЭОВИН

Клинок с легким шорохом вылетел из ножен.

— Добивай тех, кого я только зацеплю, — бросил девушке Серый, вставая на ноги. Слабый лунный свет упал на длинное лезвие, превратив меч в жутковатое подобие призрачных моргульских клинков. Не таясь, спутник Эовин вышел из-под прикрытия зарослей и, закинув оружие на плечо, зашагал прямо к шатрам.

Глава 3

ОКТЯБРЬ, 10, НОЧЬ, ЛЕСА ЮЖНОГО ХАРАДА НА ПУТИ К ПОЛЮ БИТВЫ С ПЕРЬЕРУКИМИ

Никогда еще Миллогу не доводилось попадать в такую переделку. Молча, покорно тащился он следом за своими удивительными спутниками. Нельзя сказать, что с ним обращались плохо или что он, скажем, был на положении слуги. Вовсе нет. Золотоволосая дева и ее сопровождающий часто и подолгу беседовали с ним, расспрашивая о житье-бытье, о жителях его родной деревни, о их нравах и занятиях, о том, что довелось пережить самому Миллогу в дни Вторжения... И ховрар говорил. Он не мог ни удержаться от болтовни, ни соврать. Один-единственный взгляд колдовских глаз лишал его всякой мысли о сопротивлении.

Никто не обижал и пса. Однако тот на все попытки золотоволосой как-то помириться с ним отвечал злобно-бессильным рычанием, в котором слышалась почти человеческая тоска. Он ел только то, что удавалось поймать в окрестных зарослях, — хотя у спутников Миллога оказались припасены странные лепешки, даже от небольшого кусочка которой ховрар весь день наслаждался блаженной теплой сытостью, словно в былые годы, когда служил сборщиком податей...

Миллог как-то попытался сам задать парочку вопросов — однако все его попытки разбивались о снисходительно-непроницаемые улыбки спутников. Они мягко и приветливо улыбались, мужчина хлопал ховрара по плечу (сам Миллог и помыслить о таком не смел), и тотчас переводили разговор на другое.

Хоть и невеликий умом, Миллог, однако, сумел понять, что нежданных попутчиков, так стремительно и бесповоротно взявших его в плен, особенно интересует Олмер Великий. С неизбывным интересом и вниманием выслушивались любые, даже самые мелкие подробности, какие только сохранила не слишком-то крепкая память ховрара.

...Миллог выжил в страшном бою на Андуине, когда его плот в самом начале боя угостили камнем из роханской катапульты. Бросив щит и меч, ховрар сумел уцепиться за обломок и кое-как добрался до берега. Во время схватки с непобедимой вестфолдской фалангой Миллогу крепко досталось по башке, и до конца боя он провалялся в беспамятстве. Потом была Исенская Дуга, где отряды ховраров долго и безуспешно пытались прорвать роханский строй; и тут Миллог, умело лавируя, когда надо — отступая в задние ряды, когда надо — вновь оказываясь впереди, — вышел из боя без единой царапины, хотя в его тысяче полегли замертво добрых три четверти бойцов. А после настало веселое время. Один за другим сдавались арнорские города... но на них тотчас наложили лапу любимые Вождем Эарнилом истерлинги, и надежды Миллога на знатный грабеж не оправдались.

Солонее всего пришлось у проклятой эльфийской крепости. Вождь — кто знает почему! — сперва повел на приступ людские рати, оставив орков, троллей и прочую нелюдь позади. Отряд Миллога был назначен в первую штурмовую башню; и, когда защитники крепости подожгли осадную машину, Миллог поистине спасся лишь чудом. В его руках был топор; срубив какой-то канат, ховрар выбросил его из бойницы и успел соскользнуть вниз; огонь, пылавший внутри башни, пережег канат, Миллог сорвался — но до земли было уже недалеко, и он отделался только парочкой переломов. Ничего, поносил лубки, снял и после этого ходил как раньше. Это уж теперь старые раны начали ныть к перемене погоды...

Жупан-князь за раны и увечья пожалел воина, дав сытное местечко сборщика. И Миллог служил ему вернее самого верного пса. Знал — чуть что, жупан долго думать не станет, отправит в лес деревья валить... Прощай тогда мягкая постель, добрая еда да гладкая женка под боком — не важно, что не своя...

А потом так некстати подвернулся Серый... Ищи его теперь по всему Средиземью...

Беседы эти неизменно заканчивались одним и тем же — мужчина ободряюще хлопал Миллога по плечу, а женщина говорила:

— Не бойся. Злая Судьба до тебя не дотянется.

Ховрар, кстати, так и не решился спросить у своих спутников, как же их зовут...

ОКТЯБРЬ, 10, НОЧЬ, СТАВКА ХЕННЫ, ФОЛКО И ЭЛЬФЫ

Неслышными, невесомыми тенями они скользили к шатрам. Растворившись в ночи, сделавшись незаметнее легкого лесного ветерка, хоббит и эльфы осторожно подбирались к кольцу часовых. На ночь Хенна выставлял посты и караулы. Но разве глаза простых Смертных способны заметить в непроглядной южной ночи Перворожденных, да еще и закутанных в отводящие глаз плащи? Без единого звука Форве и его отряд проскользнули мимо дозорных, не отняв ни у кого жизни.

Яма, где содержали пленников, находилась невдалеке от северной окраины лагеря. Вокруг горели костры, толпились воины; шло веселье, жарилось на вертелах мясо, стояли вскрытые бочки с хмельным; но внутри ограды по-прежнему нес службу трезвый и бдительный караул. Дюжина лучников... восемнадцать мечников... мечники внутри ограды, лучники по краям свободного пространства... И еще самое меньшее полсотни подгулявших воинов вокруг. И дюжины три женщин!.. Фолко стиснул зубы. Дело предстояло жаркое.

— Пока никаких ловушек, — прошелестел над ухом голос Форве.

— Ждут, когда мы атакуем, — также шепотом ответил хоббит.

— Какой смысл? Приманка сработала, мы здесь. Если он нас видит...

— Не буди лихо, пока оно тихо, — забыв о царственном достоинстве собеседника, отрезал Фолко. — Ну, пошли, чего ждать? Думаешь, они угомонятся?.. Едва ли, ночь и так на перелом повернула...

— Тогда начинаем, — услыхал он голос принца и тут же — слитное гудение отпущенных тетив.

Белооперенные стрелы рванулись через площадку разящими молниями. Семеро лучников метили в караульных возле ямы и в стоящих наготове вражеских стрелков. Первые стрелы еще не успели коснуться плоти жертв, как вслед за ними уже торопились новые. В мгновение ока воцарился хаос. Вопли и стоны умирающих, истошные крики напуганных женщин, проклятия и вопли полупьяных воинов, судорожно шарящих по земле в поисках опрометчиво отложенного оружия.

— Вперед, — негромко скомандовал Форве, и семеро бойцов устремились через площадь, на бегу пуская стрелы. Руки Фолко привычно вершили кровавую работу. Взор сам ловил цель, определял упреждение, руки сами гнули лук и выхватывали стрелы из колчана. Эльфы и хоббит атаковали клином, и острием этого клина оказался Фолко — единственный, у кого был полный мифриловый доспех. Растерявшийся враг и глазом моргнуть не успел,

как семеро зыбких теней ворвались за ограду. Половина мечников охраны уже полегла под меткими стрелами, но оставшиеся и не думали отступать. Широкие и кривые мечи, так непохожие на прямые клинки Запада, дружно взметнулись; сталь не ударила в сталь, как если бы сошлись в поединке гондорец и эльдринг, — этими клинками скорее отводили оружие неприятеля, чем просто подставляли под вражеский удар. Справа от хоббита коротко взблеснул длинный и тонкий меч Форве; удар был нанесен с такой быстротой, что тарег просто не успел ничего сделать. С хоббитом же схватился куда более умелый противник — первый выпад Фолко он парировал, отразил и второй... но тут прогудела тетива эльфийского лука, и воин Хенны рухнул со стрелой в глазнице.

Разом протрезвев, со всех сторон бежали новые и новые стражники. Трое эльфов метнули им навстречу стрелы, но толпу это не остановило. У отважных спасителей оставались считанные секунды, чтобы самим не стать добычей... и они использовали их. Свалив своего противника, Форве занес меч над головой, замер, словно окаменев, — и внезапно с силой рубанул по деревянной решетке. Отливающий серым меч пронесся сквозь толстые деревянные брусья, как сквозь пустое пространство; обломки решетки рухнули вниз, откуда тотчас же донесся недовольный голос Малыша:

— Эй, вы, там, поосторожнее! Щепки мне за шиворот сыплются!

Следом за разрубленными брусьями в яму полетели веревки с петлями на конце, и Фолко, схватившись с очередным тарегом, что было мочи крикнул товарищам:

— Давайте все вверх! Лезьте сами, тут у нас драка!

Над краем ямы появилась голова Санделло. И Фолко, увидав физиономию горбуна, невольно вздрогнул — казалось, к лицу приросла маска самой Смерти. Не говоря ни слова, старый мечник подхватил валявшийся под ногами клинок — и первый же его выпад стоил жизни одному из нападавших.

«И все же это западня», — с внезапной безнадежностью подумал Фолко, в очередной раз с трудом уклоняясь от свистнувшего рядом лезвия. Здешние мечи едва ли смогли разрубить или проткнуть мифриловую броню, но сила ударов была такова, что запросто снесла бы хоббита с ног, несмотря на всю его ловкость. Со всех сторон к яме бежали и бежали воины Хенны. Ясно было, что против такой армады долго не продержаться.

«И Хенне был вовсе не нужен никакой Адамант...» — мельком подумал хоббит.

Следом за Санделло показался Торин, за ним — Малыш, потом разом — Тубала и Рагнур. Фарнак с Вингетором вылезли последними.

— На прорыв! — взмахнул рукой Форве. Высокая ограда давала кое-какие преимущества Фолко и его спутникам. Но вокруг

уже сбилась плотная масса врагов; с разных сторон подходили все новые и новые отряды, в причудливых шлемах и панцирях, с большими луками... Ловушка захлопнулась: горстка бойцов едва ли смогла бы прорваться сквозь вражьи ряды — тут уже собралось не меньше тысячи тарегов и воинов иных племен. Правда, из-за скученности они мешали друг другу, и лучники не могли как следует прицелиться — хотя несколько стрел все же мелькнуло над головой хоббита.

— На прорыв! — повторил Форве. И тут, опередив всех, вперед ринулась Тубала. Казалось, из мрачных преисподен Моргота на волю вырвалось неведомое чудовище, достойная подруга Кархарота. В каждой руке у Тубалы было по кривому мечу; воздух вокруг нее стонал — с такой безумной быстротой крутились клинки. Глаз не мог различить их движение; враги невольно раздались в стороны. А девушка шла вперед, оставляя за собой настоящую кровавую просеку. Ее мечи рубили железо панцирей и сталь клинков, отшибали нацеленные в нее стрелы, сносили головы и надвое разваливали тела попавшихся ей на пути.

Следом за Тубалой бросился Санделло, за ним — Фолко; наспех выстроив клин, они ударили — и мир исчез в сплошной круговерти кровавой сечи.

Однако Тубале не хватило сил. Она почти проложила себе дорогу на волю — но вот ноги ее внезапно подогнулись, и Санделло едва успел прикрыть девушку. Кто-то из эльфов — Фолко не разглядел, кто именно, — держа меч в правой руке, левой подхватил обессилевшую воительницу.

Сообразив наконец что к чему, тареги, чернокожие, перьерукие спешили расступиться перед страшными бойцами. Из задних рядов полетели копья и дротики, свистнули стрелы. Одна зацепила Фарнака; заскрежетал зубами Рагнур, ломая впившееся в плечо древко...

Кажется, Смерть приняла друзей в ледяные объятия. Сейчас, сейчас, еще немного — и лучники сделают свое дело. Фолко, конечно, облачен в мифрил — но едва ли это поможет. Все пропало?..

«Нет! Пока я еще не расстался с жизнью!»

Длинный выпад, и острый клинок вонзается очередному врагу в горло чуть повыше кованой кирасы...

Бой продолжался. Безнадежный бой.

ТО ЖЕ МЕСТО И ВРЕМЯ. СЕРЫЙ И ЭОВИН

Серый не прятался. Выпрямившись, гордо подняв голову, он шел прямо на часового. Тот предостерегающе крикнул и вскинул копье, направляя острие в грудь нежданного пришлеца. Серый остановился. Жмурясь, точно от яркого, бьющего в глаза света, поднял левую руку ко лбу, как будто хотел что-то вспомнить... и

внезапно заговорил по-харадски. Заговорил медленно, с запинкой, словно с трудом извлекая из памяти слова.

Часовой вздрогнул и замахнулся копьем. От соседних шатров к ним уже бежало несколько воинов. Серый вновь что-то сказал, обращаясь к дозорному, — и внезапно тот, словно лунатик, поднял копье и встал рядом с Серым. Трое стражников, что торопились к ним, разинули рты. Серый обернулся к оторопевшим бойцам. Даже в слабом, едва-едва пробивающемся из-за туч лунном свете Эовин видела, что лицо ее спутника все блестит от пота. Прежним негромким голосом Серый обратился к нелепо застывшей троице. Но на сей раз что-то пошло не так, и один из стражников, потеряв голову от страха, просто метнул копье. Но еще быстрее оказался тот воин, что уже стоял, замерев точно деревянный, подле Серого. С небывалой для человека быстротой он развернулся, собой закрывая своего нового хозяина, и тоже пустил копье. Миг спустя двое тарегов упали замертво; а Серый, скривившись, словно от сильной зубной боли, одним стремительным движением выбросил вперед меч. Тарег упал с пронзенной грудью; последний бросился наутек. Серый не стал гнаться за ним. Вместо этого он неожиданно склонился над закрывшим его человеком. С губ сорвался скорбный вздох. Ладонь осторожно опустила веки погибшего.

— Этого я не хотел... — услыхала девушка смятенное бормотание. — Эовин! Пошли дальше. Эта штука еще страшнее, чем я думал... — вдруг добавил Серый.

Они вступили в лагерь. Сбежавшего часового то ли парализовал ужас, то ли еще почему — но никто не торопился бить тревогу. Вернее, тревожные сигналы прозвучали — но на противоположном конце лагеря. Эовин заметила удивленно поднятые брови Серого.

— Кто бы это мог быть? Ладно, идем дальше...

В лагере тем временем стремглав нарастала неразбериха. От шатров и костров к северной окраине, бряцая оружием, бежали воины. На Серого и Эовин никто не обращал внимания, словно чья-то воля гнала бойцов туда, где они были нужны, и озираться по сторонам на этом пути им не полагалось...

— Нам сюда! — Серый резко свернул к золотому шатру.

Здесь, словно в пику творящемуся в лагере хаосу, царил идеальный порядок. Все так же горели два костра перед входом в шатер Хенны, все так же стояло тройное оцепление лучников и копейщиков вокруг обиталища Божественного. На площадке перед шатром не было ни души, спешащие по зову труб и барабанов воины старательно огибали шатер повелителя стороной.

— Ну, идем. — Серый перехватил меч двумя руками и спокойно зашагал через площадку.

Им что-то крикнули — Серый, разумеется, промолчал. Стрелки подняли луки на изготовку — Серый лишь бросил Эовин:

«Держись у меня за спиной». Раздался резкий и злой выкрик-команда — и лучники отпустили тетивы.

Острые жала со звоном ударили о сталь широкого лезвия. Серый орудовал мечом словно щитом — ни одна из стрел его не задела. Эовин вся так и сжалась в ужасе — ей казалось, что колючая туча вот-вот накроет ее, превратив в утыканный стрелами труп, — но нет, все обошлось. Серый продолжал идти вперед — а в рядах стражников раздались первые панические вопли.

Серый улыбнулся.

Кто-то из воинов метнулся в шатер повелителя, копейщики дружно наклонили острия, лучники, не жалея сил, рвали тетивы — а Серый шел и шел, точно заговоренный. Шел, недовольно и даже как-то досадливо качая головой. Меч порхал, окружая своего хозяина непроницаемой для стрел завесой; и, когда до линии стражников оставалось не более десяти шагов, волна ужаса прокатилась по рядам воинов. С громкими воплями, бросая оружие, они кинулись в разные стороны; лишь несколько копейщиков, до конца верных своему долгу, остались на местах, загораживая вход в шатер.

Эовин понимала, что весь успех — лишь на краткие мгновения. Как ни быстр Серый, защищаться от летящих одновременно и спереди и сзади стрел он не сможет. Сейчас кто-то из лучников посмекалистее додумается до этого... и все. Очевидно, так же думал и Серый.

— Руби! — взревел он, устремившись вперед. Эовин ничего не оставалось делать, как ринуться за ним следом...

Дикая схватка окончилась весьма быстро. Длинный полуторный меч разил, не зная промаха, разрубая копья, пронзая панцири, надвое рассекая шлемы... И для Эовин самым главным было не защититься от вражеских выпадов, а ненароком не подвернуться под клинок Серого. Но вот последний из защищавших вход рухнул, зажимая руками распоротый живот, — и Серый откинул в сторону тяжелый золотой полог.

ФОЛКО, САНДЕЛЛО И ОСТАЛЬНЫЕ

Друзья рубились в полном окружении. Теперь приходилось атаковать самим, чтобы не попасть под губительный ливень вражеских стрел. В пылу схватки маленький отряд развернулся совсем в противоположную сторону. Они уже рвались не прочь из лагеря, а, напротив, в самую его глубину, навстречу бегущим новым и новым врагам. Здесь, в суматохе, противник не мог как следует построиться и дать своим лучникам попросту расстрелять проклятых чужаков.

Санделло бился, как всегда, обдуманно и точно. Его движения были стремительны и выверены, он бережно расходовал силы,

никогда не отклоняясь и на дюйм больше, чем надо. Кривой меч казался продолжением его руки; а лицо не покидало такое выражение, что столкнувшиеся с ним, что называется, нос к носу тареги или перьерукие то и дело с воплями бросали оружие, обращаясь в бегство.

За спиной горбуна двое Авари поддерживали бесчувственную Тубалу. Один из эльфов, Сиэнор, был левшой и прикрывал девушку с левого бока. Гномы как могли орудовали непривычными им кривыми мечами; особенно туго приходилось Торину, никогда не признававшему иного оружия, кроме боевого топора. Малышу было полегче, но и он в основном защищался. Вингетор помогал раненым Фарнаку и Рагнуру; и так получилось, что, кроме Санделло, в полную силу бились лишь Фолко да четверо эльфов...

Судьба оказалась милостива к друзьям — или же, быть может, просто хотела продлить себе удовольствие. Сколько может длиться безумный бой четырнадцати против многих сотен? За крепкими стенами — долго, дни, а порой и месяцы; но здесь, на открытом месте, — сколько они еще продержатся, несмотря на все их воинское искусство?

«Вы должны погибнуть», — нашептывал кто-то холодным и равнодушным голосом в ухо хоббиту. И этот паскудный голос вещал абсолютную правду. Отряд не мог вырваться из кольца...

Внезапно трубы взвыли за спинами атакующих. Что такое? Кто-то пришел на помощь?.. Воины Хенны целыми десятками поворачивались, повинуясь требовательной команде, бегом бросаясь назад, туда, где раскинулся величественный золотой шатер их Божественного повелителя. .

Противостоять сумасшедшему натиску ни Фолко, ни его спутники уже не могли. Воины Хенны атаковали, словно безумные, не щадя себя, — примерно так же, как несчастные перьерукие на поле битвы с невольничьей ратью Тхерема. Увлекаемые общим безумным потоком, эльфы, гномы, люди, хоббит — все они только и могли, что бежать, на ходу отбиваясь, бежать прямиком к золотому шатру...

СЕРЫЙ И ЭОВИН

Распахнулась, точно от ураганного ветра, прикрывавшая вход складка шатра. Серый шагнул внутрь, Эовин — за ним.

Вскочив на ноги, с занесенным для удара широким кривым мечом на непривычно странной рукоятке, замер Хенна; а перед ним плечом к плечу стояли четверо. Трое людей и перьерукий. Все — вооруженные, перьерукий сжимал лук. Его стрелу Серый с презрением отшиб в сторону.

Вопль Хенны, казалось, заставил трепетать занавеси в шатре. Повинуясь его команде, четверо шагнули навстречу Серому; а

снаружи нарастали топот и крики — сломя голову неслись к шатру своего повелителя покорные его воле тареги, перьерукие, чернокожие...

— Отдай его мне! — Голос Серого прозвучал величественнее и мощнее яростного рыка Хенны. Длинный прямой меч сверкнул в выпаде — три клинка разом рванулись навстречу, отражая удар. Перьерукий вновь натянул тетиву.

И тогда Эовин шагнула вперед, покинув укрытие за спиной Серого. Легкая сабля порхнула с быстротой и грацией бабочки. Тетива лопнула; правое запястье перьерукого пересек алый след. Тем временем Серый ударом эфеса сбил с ног одного из защитников Хенны, на развороте ранил еще одного — и оказался лицом к лицу с самим Божественным.

Шелковая накидка на повелителе распахнулась — чудо-камень на груди сиял нестерпимым блеском. В глазах Хенны, как в клетке, бился ужас. Он не понимал, кто противостоит ему; а Серый, не обращая более внимания ни на оставшихся противников, ни на Эовин, прыгнул прямо к своему врагу.

Клинки сшиблись и разлетелись. Разлетелись, чтобы уже не подняться. Враги впились друг в друга взглядами, и Эовин, отмахиваясь саблей, вдруг заметила, что за плечами Серого словно бы развернулся черный плащ и бледные, бесплотные фигуры темных призраков встали рядом с ним, протянув длинные бесплотные руки к Хенне; в ответ ярко блеснул Адамант. За спиной Хенны будто открылись врата в сверкающий мир, и на краткий миг юная роханка увидела исполинскую, уходящую в поднебесье колонну, на вершине которой блистал яростный Свет, освещая покрытую темными лесами землю внизу...

Время останавливалось. Хенна, никому неведомый князек странного, дикого племени, вырастал сейчас в настоящего исполина. Ошарашенные, замерли его подручные, забыв обо всем, без остатка захваченные разворачивающейся перед ними панорамой грандиозной битвы.

...Длинные колонны армий маршировали через леса и степи, направляясь к увенчанному живым огнем столпу. Тьма была их щитом и мечом, Тьмой они разили и Тьмой защищались.

...И на них лились потоки иссушающего, неистового пламени. Легионы белых всадников разворачивались в боевые порядки, готовые смять и опрокинуть дерзких, что решились подступиться к цитадели Света.

...Черные армии отвечали градом стрел, и там, где Свет встречался с Тьмой, исчезало и безумное блистание лучей, и мертвящий покров вечной ночи. Серый спокойный свет разливался окрест, ложился туманами, вытягивался речными руслами; сгущался туман, и русла наполнялись водой. Оживали бесплодные пустыни, и по берегам новосотворенных рек поднимались тенистые леса.

...Но всадники в блистающих ризах не останавливались; на всем скаку неслись они на бесстрашные черные фаланги, и наконечники копий летели наземь, срубленные светлыми клинками. Выдвигалась панцирная пехота, чьи доспехи казались темнее и непроглядное звездного неба в безлунную ночь. Взлетали и падали боевые молоты, разнося на куски конские головы и тела самих всадников; и гибель каждого темного или светлого воителя давала жизнь еще одному клочку истерзанной непереносимым зноем или, напротив, лютым холодом земли.

...На белом коне, нагнув острую пику с навершием, как спустившаяся на землю небесная звезда, летел на черные ряды дивный всадник, и реки на его пути обращались в полные горячим пеплом сухие извивы, точно трупы исполинских змей. Копье ударило в темные шеренги, пронзая щиты, раскалывая панцири; но навстречу прорвавшему строй исполину уже спешила невысокая фигурка, облаченная в черное; земля расступилась под копытами скакуна, и тот полетел в бездну.

...Но и победитель не уцелел. С самой вершины подпирающей небеса башни низринулся огненный шар и, пробив защиту темного мага, обратил того в Ничто.

...И тогда из рядов черного воинства вышел человек, без шлема, русоволосый и русобородый. Черный Меч был в его руке, на плечах — видавшая виды, не раз чиненная, испытанная кольчуга. Не тварью из мрака и тьмы был он — живым, из плоти и крови, человеком. Он шел навстречу летящим прямо к нему всадникам и, казалось, усмехался им прямо в лицо.

...Вперед вырвалась воительница в сияющей броне, верхом на единороге, и меж раздвоенного навершия ее копья дрожало и горело маленькое солнце. И бойцы темных ратей бежали пред ней; однако русоволосый воин лишь покачал головой. И, когда в нескольких футах от его груди оказался пламенеющий наконечник, внезапно упал на одно колено, так что гибельное оружие пронеслось над самым его плечом, и одним взмахом Черного Меча перерубил ноги коню.

«Я не хочу убивать тебя...» — имя затерялось в громе битвы.

Солнечное копье вонзилось в землю; и тотчас же видение померкло.

На измятых шелковых подушках и покрывалах лежал бездыханный Хенна, могучий воин.

Серый выпрямился во весь рост, сжимая в руке лучащийся неистовым Светом Адамант.

Соратники Хенны с воплями падали, бросая оружие; один лишь перьерукий воитель, зажимая рану и бросая на Серого с Эовин злобные взгляды, кинулся наутек. За ним никто не погнался.

Эовин тоже окаменела на месте. Лицо Серого внезапно заострилось, он словно бы стал выше ростом; не щурясь, он держал

Адамант возле самого лица, пристально вглядываясь в неведомую, недоступную взорам простого Смертного глубину. На губах медленно появилась злорадная улыбка, словно он хотел сказать: «А вот вам всем!»

— Вот и конец истории, — с насмешкой проговорил Серый, обращаясь невесть к кому. — До чего же они ловко все придумали... Но и на старуху бывает проруха. И у них не все всегда выходит, как задумано. Я вернулся! И теперь мы посмотрим, кто кого...

Рука Эовин стиснула эфес.

«Убей меня...»

— Да, один раз я уже произносил эти слова. — Голос Серого прозвучал с несомненной усмешкой. — Именно так оно и было. Именно так. Но теперь все станет по-другому. Посмотрим, как шедшие за мной сумели распорядиться моим наследством! Триумф казался полным.

А тебя, Эовин, я, как и обещал, сделаю королевой Средиземья, — заметил Серый, повесив сияющий Адамант на шею. — Да, да, королевой, полноправной и самовластной. Потому что я намерен помериться силами за иное владение!..

ФОЛКО И ОСТАЛЬНЫЕ

Вовсю звенело железо. Стонали раненые, с последним проклятием врагу падали убитые. Несомые бурным потоком обезумевшей толпы, Фолко и его спутники в несколько мгновений оказались возле золотого шатра. Мельком хоббит успел заметить изрубленную стражу; и тут его словно бы окатило горячей волной. Свет таинственного Адаманта ударил по разуму и чувствам с такой силой, что помутилось сознание, а руки отказались держать оружие.

Внутреннему взору внезапно предстала та же картина, которую видела пораженная Эовин, наблюдая за схваткой Серого и Хенны. Исполинский столп со светочем... битва темной и светлой армий...

А затем в один миг наступила полная неразбериха. Многие из воинов Хенны очумело терли глаза, словно только что вырванные из объятий сна. Как-то вяло атаковали они, точно по привычке, не слишком даже понимая, из-за чего они сражаются с отважными чужаками.

— Внутрь! — выкрикнул Фолко — одновременно с Санделло.

Меч горбуна рассек золотую ткань, отряд рванулся в открывшийся проем. Ошеломленные, сбитые с толку противники даже не попытались воспрепятствовать. И упускать краткий миг удачи было нельзя!

В шатре было светло. Мирно потрескивая, горели факелы; среди измятых покрывал лежало два тела — не поймешь, то ли убитые, то ли просто без чувств. Еще один, в одеяниях ближайшего прислужника Хенны, стонал, рухнув на колени и обхватив голову руками. С окровавленной саблей наголо застыла растерянная золотоволосая девушка... Силы великие! Эовин! Живая, невредимая! Однако Фолко даже не успел толком обрадоваться. Потому что над поверженным Хенной, сжимая в руках вожделенный Адамант, стоял, гордо расправив плечи и вздернув подбородок, высокий седой человек. Стоял и смотрел прямо в слепящий пламень чудесного Камня. Заслышав шум, человек с Адамантом в руке медленно и спокойно повернулся к ворвавшимся. И тотчас наступила жуткая тишина. Фолко ощутил, как у него на затылке зашевелились волосы, он хотел закричать — и не мог, хотел замахнуться мечом — и тоже не мог; он лишь стоял и смотрел, а секунды внезапно стали очень, очень долгими...

— Вот и встретились, — спокойно произнес Олмер.

...Золотоискатель из Дэйла, Злой Стрелок, Вождь Эарнил, Король-без-Королевства, Кольценосец, Ужас Запада, Потрясатель Основ, Проклятье Гондора, Бич Арнора и Погибель эльфов...

Фолко смотрел. Лицо, навечно врезавшееся в память, то самое лицо, хотя, конечно, и его не пощадило время. Олмер сильно изменился — остались неизгладимые следы страшной боли и нечеловеческого ужаса. Но глаза — глаза прежние. И в прежней, хорошо знакомой усмешке кривились губы.

— Клянусь бородой Дьюрина, это же... это же... — услыхал Фолко потрясенный шепот Малыша. И тут разом произошло несколько событий.

Санделло шагнул вперед. В руках у него оказался длинный сверток — «трофеи» Хенны из имущества путешественников были разложены прямо тут, в шатре. Горбун невозмутимо поклонился Олмеру.

— Твой Меч, повелитель, — скрипучим и холодным голосом произнес Санделло, почтительно протягивая обеими руками оружие — протягивая так, словно они расстались с Вождем только вчера и войско Короля-без-Королевства вновь стоит под стенами Серой Гавани...

Ветхая ткань слетела.

— Спасибо тебе, старый друг, — негромко произнес Олмер. И глаза его вновь стали глазами простого смертного человека. — Неужели ты верил все эти годы?..

— Верил, повелитель, — так же негромко ответил Санделло. — Верил и...

— Олмер?.. — вырвалось у бедняжки Эовин. — Как...

Она хотела сказать что-то еще, но тут снаружи вновь раздался шум боя. Под ударами затрещала ткань золотого шатра. И с разных сторон внутрь рванулись перьерукие, а при виде их вожака у раненого Вингетора внезапно вырвался крик:

— Фелластр!

ОКТЯБРЬ, 10, НОЧЬ, ПОДЗЕМНЫЕ ПУТИ ЧЕРНЫХ ГНОМОВ, ГДЕ-ТО ПОД МОРДОРОМ

Он не останавливался ни на минуту. Не зная сна и отдыха, он гнал утлое суденышко все дальше и дальше по темным водам великой подземной реки, своего рода Андуина Черных Гномов. И слова «по воле Великого Орлангура!» безотказно посылали ему самых сильных гребцов и самые быстроходные лодки. Ни один из его спутников ни разу не дерзнул задать ему хотя бы один вопрос. Чело посланца казалось темнее даже вечной подгорной ночи, а в глазах застыло холодное, жестокое выражение. Он очень спешил. Что-то подсказывало ему, что бесценен каждый час, что еще немного — и невиданное чудо, чудо, которое он должен доставить Золотому Дракону, попадет в иные руки, и тогда заполучить его удастся лишь через большую, очень большую кровь... Словно уловив мысли хозяина, оживал и просился в руку длинный бердыш, страшное оружие, которым в равной степени можно было и рубить, и колоть...

Великий Орлангур не вел бесед со своим посланником. Вместо слов страннику открывались видения — и одно из них, вид сказочного корабля-лебедя и двух сошедших на берег обитателей Заката, наполняло сердце посланника болью и страхом. Он догадывался, кто эти двое. Он почти не сомневался, *зачем* они отправились в Средиземье. Он твердо знал, почему это стало возможно, несмотря на гибель Серой Гавани и падение Прямого Пути. И еще лучше он мог провидеть то, что произойдет, если в руки этой пары попадет Огненное Средоточие Силы.

Пламенное Сердце он видел тоже. Иногда оно представлялось в виде сверкающего колеса, катящегося по земле и оставляющего за собой сплошную стену пожаров, то в виде мирно искрящегося кристалла, охваченного темной плотью человеческих рук, то как полыхающее в зените светило, много чище и ярче солнца... Чем дольше уходил он на юг, тем острее и точнее чувствовал его. И теперь мог найти дорогу к нему даже с закрытыми глазами.

Однако в эту ночь с Пламенным Сердцем творилось нечто странное. Оно то разгоралось до немыслимой, почти невыносимой силы — и тогда посланнику приходилось успокаивать то и дело кидающихся в драки друг с другом гребцов, то приугасало так, что он почти терял его из виду. А потом оно вдруг запылало — и посланник невольно прикрыл глаза, спасаясь от пронзающих лучей; а потом увидел человека, который обеими руками сжимал светящийся Камень и пристально вглядывался в него.

— Олмер! — У посланника вырвался глухой вскрик, полный затаенной ярости и неописуемого удивления. — Ты же мертв! Мертв как камень! Ты нашел погибель в Серой Гавани! Или это злой морок?!

Гребцы с ужасом косились на своего пассажира.

Нет, это был не морок и не лживое, насланное неведомым чародеем видение. Он чувствовал, что это правда — правда от начала до конца, — и рука до боли стискивала бердыш. «Как же ты добрался до Него, ты, вышедший из смертной тени? Как Мандос согласился отпустить тебя? Какие Силы решили твою судьбу? Для чего ты вновь в Мире и кто тебя послал? Зачем? За Силой Огненного Сердца? Или ты добыл его для самого себя? Ну что ж, теперь-то мы и проверим, так ли хорош мой бердыш в настоящем бою!»

В эту ночь никто из гребцов не спал. У самого края их лагеря, что прилепился на крошечной галечной косе, неподвижно застыла необычайно широкая и мощная даже для Черных Гномов фигура.

«Тебе нужно было лететь самому, — думал посланник, обращаясь к Великому Орлангуру. Он отлично знал, что Дух Познания может слышать его — если только захочет. — Надо было рискнуть. А теперь... Мир сойдет с ума, если Олмер действительно вернулся из-за Гремящих Морей! В прошлый раз один лишь тончайший волосок удержал Средиземье от Дагор Дагорората, а теперь? Неужто я опоздал и все мое дело уже погибло? Нет, не бывать этому! Я смирюсь с поражением, лишь когда сам умру и отправлюсь в Чертог Ожидания!.. И те двое... Наверняка они сильно опережали меня — но я-то иду подземным путем! И окажусь на той стороне Хлавийских Гор явно раньше, чем та парочка! Вот тогда мы и посмотрим, чья возьмет... Но, Олмер, Олмер! Трудно будет справиться с тобой... Если, конечно, у твоих врагов не окажется вовремя под рукой Погибели Олмера...»

ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, СТАВКА ХЕННЫ

— Фелластр!

Перьерукие заполонили шатер. Их вожак взмахнул рукой — и плечо Вингетора насквозь пронзил дротик. Казалось, им нипочем яростное сияние Камня в руке Олмера; не страшась гибели, они шли прямо на клинки спутников Фолко.

Олмер опомнился первым.

— За мной! — Он взмахнул было мечом, и тут брошенный чьей-то умелой рукой дротик угодил ему прямо в бок. Олмер вздрогнул, зажимая рану ладонью; по сияющим граням Адаманта заструилась кровь.

Первым возле пошатнувшегося Вождя оказался Санделло. Поддержал, не дал рухнуть; эльфы тем временем уже пустили в ход клинки...

Торин отшвырнул бросившегося на него перьерукого, точно легкий пук соломы. Фолко сразил оказавшегося перед ним бедолагу. Дорога была открыта, но тут Фелластр, планы коего, верно,

несколько отличались от задуманного хоббитом и его друзьями, прыгнул прямо на Олмера. Удар дротика был нацелен в горло Вождю; взлетел, отражая удар, меч Санделло, но именно этого и ждал предводитель перьеруких. С торжествующим воплем он вцепился в залитый кровью Адамант — и, падая, вырвал его из руки Олмера.

С глухим, яростным воплем Олмер рванулся было следом — но из раны на боку брызнула кровь, он пошатнулся, едва устояв на ногах. Фелластр бросился наутек, но тут оказалось, что есть и еще кое-кто, несогласный с подобным исходом. Прежде чем Фолко успел метнуть нож или кто-то из эльфов натянуть лук, прямо перед торжествующим Фелластром поднялось бледное, перекошенное от боли лицо Хенны. В правой руке Хенна сжимал обломок кинжала, и концом сломанного лезвия он ударил прямо в глаз вожаку перьеруких. Тот со стоном упал, а Хенна, пошатываясь, кинулся прочь из располосованного шатра...

Вождь сделал попытку ринуться в погоню за похитителем — его остановила рука Санделло. Горбун сурово взглянул в лицо своему господину, и Олмер, сжав зубы, молча кивнул головой.

— Уходим отсюда! — крикнул Форве, вовсю работая мечом.

Перьерукие навалились вновь, и надо было отступать, пока не опомнился Хенна, не привел в порядок свои рати...

Удача не отступилась от них. Прикрывая один другого, щедро тратя последние стрелы, маленький отряд вырывался из кипящего лагеря...

— К пристани! Пробиваемся к пристани! — скомандовал хоббит.

Дорога, по счастью, не охранялась.

А потом было бегство. Тяжкое, небывало тяжкое. Тубала не приходила в себя, истекали кровью Фарнак и Вингетор, шагал, скрипя зубами и зажимая рукой пульсирующую рану, Олмер. Рагнур брел, опустив голову, спотыкаясь на каждом шагу. По пути было не до разговоров, не до воспоминаний. Надо оторваться от возможной погони...

Наконец выбились из сил даже двужильные гномы — однако впереди показалась пристань. Было не до радостных криков и объятий. Эовин и Фолко только и смогли, что обменяться взглядами и мельком, без слов, улыбнуться друг другу.

Возле «драконов» несла неусыпную вахту стража. Воины Хенны не пренебрегали службой. Караулы оказались многочисленны, все подступы к кораблям — надежно перекрыты.

— Делать нечего, — шепнул хоббит принцу. — Атакуем! А вы, почтенные таны, скомандуйте своим, чтобы поддержали нас стрелами.

Маленький отряд вновь сбился плотным клином, прикрывая раненых.

— Эге-гей! На «Скопе»! На «Змее»! — загремел Вингетор, собрав последние силы. — Мы прорываемся! Прикройте нас стрелами!

На пристани в мгновение ока воцарилось смятение. На «драконах» ударили тревогу. Заметались караульщики. Но эльдринги недаром славились выучкой — стрелы и пращные ядра полетели тотчас, кося хорошо заметных на фоне костров воинов Хенны.

На сей раз острием клина стали Фолко, Торин и Малыш... Гномы вернули себе мифриловые доспехи и оружие — все это, по счастью, так и лежало в шатре Хенны. Трое друзей ударили как одна рука. Эльфы принца Форве прикрывали тыл.

— Руби канаты! По веслам! — зычно скомандовал Фарнак, лишь только последний из их отряда оказался на палубе «Скопы».

Эльдринги дружно налегли на весла. «Драконы» отваливали. С берега неслись яростные вопли, летели стрелы, в том числе и зажигательные, но «Скопа» и «Змей», оправдывая свои имена, быстро скрылись во тьме...

Скрип весел казался в тот миг хоббиту самой чарующей музыкой на свете.

Измученные воины валились на палубу где попало. Эльфы и Фолко принялись помогать раненым. Санделло аккуратно рвал на полоски какую-то белую тряпку; Олмер морщился, пока горбун перевязывал ему бок. Эовин хлопотала над Вингетором и Фарнаком...

Форве склонился над Тубалой.

— Это она?..

— Здесь Оэсси, — вполголоса проговорил Олмеру горбун.

У того лишь блеснули глаза. Старый мечник молча кивнул, точно поняв, что хотел ему сказать Вождь...

— Да, это она, — подтвердил Малыш. — Едва не сняла с нас всех четверых головы. И откуда такая только взялась!..

— Но она и спасла меня из узилища, — заметила справедливая Эовин.

— Да ты, девчонка, вообще молчи! — замахал на нее руками Маленький Гном. — Мы гнались за тобой через весь Харад!..

— Она была со мной, — медленно проговорил Олмер. — Мы шли вместе... Садитесь все! Нам надо поговорить.

— Ты в этом уверен, Злой Стрелок? — холодно осведомился Форве. Зеленый камень на обруче принца сиял нестерпимым пламенем. — Уверен, что мы станем говорить с тобой? Помня все, тобой сотворенное?

— Отчего же вы тогда не оставили меня Хенне? — саркастически пожал плечами Король-без-Королевства. — Ох уже эти ваши эльфийские принципы!..

Над палубой сгустилось недоброе молчание. Рука Олмера лежала на рукояти Черного Меча; Санделло застыл рядом с Вождем, и ладонь его, нырнувшая под плащ — Фолко не сомневался, — сжимала один из метательных ножей.

— Эй, вы что, собрались тут драться? — всполошился Торин. — Опомнитесь! Да, мы были врагами — десять лет назад. Но мы преломили хлеб с Санделло, и...

— Да, мы преломили с тобой хлеб, Торин, сын Дарта, — эхом отозвался горбун. — Ты прав. Прежде чем драться, надо попытаться договориться. Зачем нам теперь враждовать? Я не понимаю тебя, принц Форве. Хотя не думай, что я забыл твои слова. Я к твоим услугам. Если хочешь убить меня — убивай. Я даже не стану защищаться. Потому что мой долг исполнен, и теперь я могу спокойно уйти.

— Так, значит, твой долг... — начал потрясенный Фолко.

— Ты совершенно прав, половинчик. Вернуть моего господина к жизни. И я...

— Но откуда ты знал, что это вообще можно сделать? — возопил хоббит.

Санделло улыбнулся. Он стоял так, что лунный свет падал на его лицо, придавая ему зловещее выражение, — так, наверное, мог бы улыбаться кто-то из Назгулов...

— *Знал.* Сперва, каюсь, я тоже поверил, что... что повелитель погиб. Но у меня остался Черный Меч... и Талисман. И Олвэн...

— Он жив? — быстро спросил Олмер.

— Жив, повелитель. Он... он правит Цитаделью. Так вот... а потом я вдруг сказал себе: «Плохо ж ты знал того, кто в свое время спас тебя! Ты, маловер, подумал, что дух его покорно пойдет через Дверь Ночи!..» И я отправился на поклон к Великому Орлангуру.

— Но нам он об этом ничего не сказал! — вскинулся Форве.

— Он говорит только то, что хочет, и лишь тем, кому хочет. Он никогда не лжет, но отвечает только на прямые вопросы. Если бы ты, почтенный эльф, спросил его, может ли еще вернуться в Мир тот, кого звали Королем-без-Королевства, он ответил бы тебе тотчас. Ответил бы, что мой повелитель... не по зубам костлявой старухе, но найти его я смогу, лишь когда Мир начнет меняться и в пределы его вступит новая Сила. И когда с Юга повеяло страшным ветром, я понял, что час настал. Я подумал — если я и смогу вернуть моего господина к жизни, то только там, возле сердца неведомой Силы. Так началась моя дорога на Юг... А возле Камня Пути я повстречался с почтенным принцем Форве... — Горбун поклонился с легкой усмешкой. — Принц мог бы убить меня... но не стал этого делать, решив проследить, куда я направляюсь. А направлялся я, влекомый Силой Талисмана, как раз к ставке Хенны. Куда, оказывается, шли и другие. Дельные мысли приходят в умные головы одновременно, — скромно заметил он.

Все взоры обратились к Олмеру. Привалившись спиной к борту, Вождь слушал своего верного соратника, полузакрыв глаза.

— Ждете моей истории, достопочтенные? Ну что ж, извольте, хотя рассказ едва ли окажется долог.

Тучи расходились. Луна светила все ярче и ярче. Хоббит видел судорогу боли, прошедшую по лицу Вождя.

— ...Теперь я многое вспомнил. Я вспомнил, как шел к пирсам Серой Гавани... и огонь расступался под моими стопами. Но на самом деле это был не я... порой мне казалось, что я гляжу на самого себя со стороны. Это... это было очень страшно. Это шла не Тьма, а нечто... нечто еще более страшное. Я понимал, что делаю... и что происходит. Но не думайте, что я собираюсь тут каяться и оправдываться! — Олмер гордо вскинул голову. — Если хотите убить...

— Сперва справьтесь со мной, — мрачно проронил Санделло.

Маэлнор, нахмурившись, в одно мгновение натянул лук.

И тогда заговорил Фолко. Заговорил, вновь стиснув теплую рукоять клинка Отрины.

— Ты обязан мне жизнью, Олмер, Король-без-Королевства. Если бы не моя рука, ты сам знаешь, что ждало бы тебя. И пусть тебя защищает сейчас лучший меч Средиземья — ты знаешь, что я не промахнусь! — Синие цветы на лезвии внезапно полыхнули ярким пламенем — так что отшатнулся даже горбун. — Когда-то мы были врагами, — продолжал Фолко, сам удивляясь своему красноречию. — Ты хочешь, чтобы мы вновь стали ими? Но, по-моему, у нас сейчас общий враг. Тот самый Хенна, в чьих руках остался Адамант! Хенна, как и ты когда-то, задался целью покорить Средиземье!

— Я не задавался целью покорить Средиземье, — холодно ответил Олмер. — Если бы это было так, о доблестный Фолко, сын Хэмфаста, — видишь, теперь память моя вновь при мне, — так вот, если б это было так, то оно давно было бы моим!

— Ты играешь словами, Злой Стрелок! — сурово промолвил Маэлнор. — Я слишком хорошо помню твой Меч... Меч, что рассек мне грудь. Гибельное оружие Вековечной Тьмы! Злое оружие, ничуть не слабее моргульских клинков! А уж с ними нам в свое время пришлось столкнуться...

Олмер, прищурившись, насмешливо взглянул на эльфа.

— А-а, достойный, не знаю твоего имени, так это, значит, тебя я срубил у Дол-Гулдура? Помню тот бой...

Так о чем мы говорим — о моем Мече, — он погладил черное лезвие, — или о том, что я играю словами?

— И о том, и о другом! — отрезал Маэлнор. — Ты говоришь, что не стремился овладеть Средиземьем? Но к чему же еще могла стремиться та Сила, что питала ядом твой Меч?

— По-моему, она стремилась просто отомстить, — спокойно и серьезно ответил Король-без-Королевства. — А я... я воевал с эльфами. Будь Серые Гавани на берегу Рунного Моря — быть может, я и не пошел бы на Арнор. Мне хватило бы и Гондора.

— Уж не потому ли... — начал Фолко, и вновь Олмер перебил его:

— Ты прав, невысоклик. Видишь, сегодня я ничего не скрываю.

— Прав в чем? — удивился Форве.

— Моим предком был Боромир, сын Дэнетора, Наместника Гондора, Страж Белой Башни! — с гордостью изрек Олмер. — Боромир, а не Арагорн должен был принять власть в Минас-Тирите!

— Не в нашей власти менять историю! — вмешался Амрод. — Да и потом — разве это оправдывает войну, Злой Стрелок?

— Найди оправдания для зимы и шторма, эльф. Найди оправдания для бури и грома. Найди оправдания для молнии. Если ты сделаешь это — я признаю твое право требовать с меня оправданий.

— Не слишком ли — сравнивать себя и молнию? — иронично заметил Маленький Гном. Малыш сидел, казалось бы, совершенно расслабленно, давая отдых измученному телу, но Фолко видел, что Строри готов в любой миг пустить в ход оружие.

— Не слишком, почтенный Малыш, не слишком. Ты скажешь мне — легко жить по законам волка, а я отвечу тебе — далеко не так легко, когда против тебя весь мир. В первый и последний раз говорю — вы мне не судьи, а я не подсудимый. Вы спаслись от Хенны только благодаря мне. А я спасся только благодаря вам. Мы квиты. Более того, на Востоке мы считались бы побратимами. И связывало бы нас куда больше, чем кровное родство... Так что же, снова повторять, почему я начал ту войну?

— Какое это теперь имеет значение? — проворчал Торин. — Что было — то было. Можно отстроить города, но не вернешь мертвых. Скажи лучше мне, Злой Стрелок, — ты прошел с огнем и мечом от Рунного Моря до Залива Льюн. Ты достиг того, чего хотел?

— Да, — последовал немедленный ответ. — Нет больше Западных Эльфов в Средиземье.

— Но есть мы, Авари, — холодно напомнил Форве.

— Да. Вы — есть. И пребудете вечно. Потому что у вас хватило ума не лезть в людские дела.

— Можно подумать, что в них лез Кэрдан Корабел! — фыркнул Малыш.

— Когда я уже чувствовал клинок хоббита, пронзающий мне грудь, — после паузы негромко заговорил Олмер, — то увидел — рушится хрустальный мост... рушится серебристая дорога... нет больше Прямого Пути! Смертные отныне — в своей собственной власти. Нет магии и колдовства...

— А как же Адамант? — вырвалось у Фолко.

— Об этом чуть позже, мой добрый хоббит, — серьезно, без тени усмешки сказал Олмер. — Так вот, люди — насколько я понял — живут теперь своим умом. Они не оглядываются на заоблачные Силы...

— Но Смертные часто неразумны! — возразил Форве. — Не так и плохо помнить о силах Заокраинного Запада...

— Но вы сами не больно-то о них вспоминаете, — парировал Олмер. — Нет, люди теперь живут так, как считают нужным. И если они склоняются ко Злу — это их зло. Им некого винить, кроме самих себя. Ежели они склоняются к Добру — не думай, мой добрый хоббит, я знаю, чем они отличаются друг от друга, — так вот, это добро стократ ценнее, чем внушенное кем бы то ни было со стороны — эльфами, Валар или волшебниками...

— Ты залил все Средиземье кровью с единственной целью, чтобы люди отыскали свое собственное добро? — Фолко усмехнулся. — Или ты отказался бы от царского трона, Злой Стрелок?

— Не отказался бы, — не моргнув глазом ответствовал Олмер. — Но, во всяком случае, я не произносил бы напыщенных речей о всеобщем благоденствии и не считал бы себя всеобщим Отцом и Повелителем. Я правил Цитаделью. И довольно долго. Что, Санделло, я был плохим правителем?

— Я не знал недовольных, — мрачно отозвался горбун. — Еще задолго до того, как мой господин нашел одно их тех темных колец, он уже был предводителем Вольных Отрядов. Из других люди бежали. Бежали в наш...

Торин хмыкнул, словно хотел сказать: «Ну твой Санделло-то тебя за все, что угодно, оправдает...»

— Может, хватит говорить о прошлом? — вновь предложил Олмер. — Не лучше ли поговорить о настоящем? А равно и о будущем?

— Что о нем говорить? — Фолко, не отводя взгляда, смотрел на своего некогда смертельного врага. — Адамант, Сердце Злой Силы, остался в руках Хенны. Это значит, что нам придется возвращаться. Возвращаться не на двух корабликах, а с целой флотилией. Иначе, я чувствую, Средиземье ждут черные времена... И даже не так важно, что это за Сила, откуда она взялась...

— А что ты с ней сделаешь, попади она тебе в руки? — перебил хоббита Олмер. — Что ты сделаешь с этим Камнем? Едва ли тебе удастся его раздробить или уничтожить. В нем Силы куда древнее и могущественнее Сауроновых. Я смотрел в Адамант. Я знаю.

— Может, ты знаешь, откуда он взялся? И как попал в руки Хенны? И каковы пределы Сил Адаманта? — остро взглянул на Олмера принц Форве.

— Знать — не знаю, я не Единый, — тотчас ответил Олмер. — Но в нем нет Тьмы. Я бы знал... — И от взгляда Фолко не укрылась мгновенная вспышка боли, затуманившая взор Злого Стрелка. — В нем — Свет. Только Свет. Ничего больше.

— Заладили одно и то же! — вскипел Малыш. — Вот сейчас луна светит, а днем — солнце... Это — свет, я понимаю. Свет — это когда видно. Тьма — это когда не видно. И что вы тут мудрствования разводите! — Фолко на удержался от улыбки.

— А та огненная стена, что шла за войском перьеруких? — спросил Олмера Торин. — Ты... Та повозка, на которой была Эовин, вкатилась прямо в огонь...

— Мы были вместе... вместе с... — Казалось, Эовин не в силах выговорить роковое имя Средиземья. Девушка с почти мистическим ужасом вглядывалась в знакомое лицо своего спасителя и защитника... так, значит, это он, неведомой Силой возвращенный из смертных пределов Олмер? Проклятье Запада! Погибель Рохана! Много у него было имен, и все — имена смерти, ужаса, разрушения и гибели... Тысячи и тысячи пали по одному его повелению... была растоптана свобода Рохана...

— Вместе со мной, — закончил за Эовин Олмер. Казалось, он понимал, что творится в душе юной роханки... — Мы были вместе на той повозке... И стену огня я видел на том же расстоянии, как тебя, почтенный гном... Но.... я хотел спасти людей, что сражались со мной бок о бок. Теперь я понимаю, что память начала возвращаться уже тогда... постепенно, в источаемом Адамантом Свете... быть может, она и вернулась бы до конца, а может, и нет, не знаю... и еще я понял, что... что могу противостоять этой огненной стихии. Не знаю, как это получилось, — но получилось! Никогда раньше я не был способен на такое... И вдруг...

— Погоди, а откуда сама стена-то огненная взялась? — перебил Торин. — Ее-то кто наслал? Степь так сама не горит — что мы, пожаров степных не видели?

— Это пламень Адаманта, — после паузы, с некоторой, как показалось хоббиту, неохотой ответил Олмер. — Он каким-то образом поддерживал и направлял тот огонь...

Раздались изумленные восклицания.

— Но зачем это Хенне? — не выдержал Малыш. — Зачем ему понадобилось гнать на убой такое громадное войско? Ведь, обучи он его как следует, он прошел бы от Хриссаады до Аннуминаса!

Олмер покачал головой.

— В Адаманте — могучая, истинная магия. Точнее... не магия, это просто мы так называем недоступные нашему пониманию Силы. Хенна... он играл с этой Силой, точно дитя с игрушкой. Зачем-то ему потребовалось уничтожить орду перьеруких... Возможно, Силой Адаманта он умножил их число, а когда стало ясно, что такое количество народа не прокормить, отправил их на погибель... Надо сказать, что цели своей он достиг. Харад ослаблен и теперь станет легкой добычей... А огненная стена... на Востоке есть много странных поверий. Странствуя по тем пределам, я сталкивался с последователями Синих Магов... Они могли многое. В том числе и воспламенять взглядом. Почему же мы отказываем Хенне в таких способностях? Адамант мог дать ему эту силу.

— Тогда почему же он не испепелил нас? — морщась от боли, спросил Фарнак.

— Ответ, быть может, куда проще, чем мы думаем. — Олмер пожал плечами. — Хенна — не Саурон, не Назгул, даже не Черный Нуменорец. Без Адаманта он — ничто.

— А тогда что такое, по-твоему, Адамант? — встрял Маленький Гном.

Король-без-Королевства покачал головой.

— Рад бы ответить тебе, мой добрый Строри, но не могу. Не представляю. Раньше, быть может, я сказал бы, что это один из Сильмариллов... Но это, конечно же, не так. Адамант — это осколок. Осколок чего-то громадного, но — источающий Свет. Свет чистый и незамутненный... Так что мы можем долго гадать, откуда он взялся и в чем его Силы; это, конечно, все очень интересно, но едва ли поможет в главном — как отбить Адамант? В том, что его нужно отбить, полагаю, едва ли тут кто сомневается?..

— Ну и что же нужно будет сделать с Адамантом после того, как он окажется в наших руках? — прищурившись, Форве в упор смотрел на Олмера.

— В наших? — удивился Олмер. — Нет, так не пойдет. Каждый говорит за себя. Помните, что Сила у этой вещи, наверное, пострашнее, чем у знаменитого Кольца!

— У нас только один выход, — заговорил Фолко. — Бросить эту штуку в Ородруин.

— Ага, не Ородруин, а свалка для всяческих магических предметов, — усмехнулся Олмер. — Не спеши судить, половинчик! Это ведь не Единое Кольцо, это даже не мое Соединенное Мертвецкое! Адамант полон Света, понимаешь ты, Света, а не Тьмы! Эта вещь изначально не несет в себе никакого Зла!

— Но и Добра тоже, — проворчал Торин. — Свет, Тьма — неужто Вождю Эарнилу нужно разъяснять, что это всего лишь слова?

— Не стоит, — холодно уронил Олмер. — Я веду речь к тому, что нам надо выяснить сейчас все до конца. Итак, слово хоббита — «бросить в Ородруин», уничтожить. Кто скажет еще?

— Уничтожить! — Малыш даже стукнул кулаком.

Торин согласно кивнул.

— Я бы сперва посоветовался с Великим Орлангуром, — осторожно заметил Форве. — Кто знает, какие Силы таятся в Адаманте? И устоят ли сами Кости Земли, если мы без оглядки швырнем сокровище в Ородруин? Мудрые действуют осмотрительно. Только Золотой Дракон способен ответить на этот вопрос!

— А нет соблазна повернуть все вспять? — с неожиданной усмешкой обратился Олмер к эльфу. — Подумай, принц Форве, — в твоих руках окажется величайшая по силе магическая вещь Средиземья! Мощнее Сауроновых и эльфийских Колец, мощнее, быть может, чем сам Моргот в дни своего величия! Подумай, принц, ведь ты, чистый и светлый душой, — ты ведь можешь повернуть все согласно своему желанию! Восстановить Прямой Путь, например. Или совершить путешествие в Валинор, а потом

вернуться. Бросить к подножию престола Вод Пробуждения все без исключения земли — от северных льдов до южных! Прекратить войны, покарать неправедных, установить тысячелетнее царство Света!.. Или ты хочешь сказать, что так легко отринешь все это?

Даже в слабом лунном свете было видно, как страшно побледнел Форве. Прекрасное лицо эльфийского принца напоминало маску ожившего мертвеца. Когда он поднял руку ко лбу, Фолко заметил, что пальцы эльфа сильно дрожат.

— Ты же знаешь мой ответ, Отец Лжи, — с трудом вымолвил принц.

— Отчего ты именуешь меня столь высоким титулом, мне не принадлежащим? — Олмер в шутливом удивлении поднял брови.

— Разве Олмер, золотоискатель из Дэйла, произнес эти слова? — глядя прямо в глаза Королю-без-Королевства, вопросил Форве.

— Я как-то думал, что да... — Олмер с деланным испугом ощупывал себя.

— Постойте, постойте! — вмешался Фолко, видя, что Форве уже готов ответить. — Поговорим об этом после! Как... как ты уцелел, Олмер?

— Нелегко это было сделать после твоего кинжала, половинчик. — Губы Злого Стрелка растянулись в улыбке, но глаза оставались холодны и темны точно сталь. — Не знаю, вторжению каких Сил послужил мой Гундабадский трофей... однако боль эту я не забуду до конца своих дней, каковой, не сомневаюсь, когда-нибудь да наступит. — Король-без-Королевства с усилием потер лоб. Голос его стал глухим и надтреснутым. — Был огонь. Я увидел... нет, лучше не говорить об этом! Я узрел в единый миг весь Мир, от глубочайших пропастей Унголианта до горних высей, где плывет гордый корабль Эарендила... Я видел Великую Лестницу и тайные коридоры Черных Гномов. И еще... я видел сияющий Путь, что уходил в небеса, тот самый Прямой Путь в Валинор. И меня понесло по нему, все быстрее и быстрее, Мир оставался позади, внизу расстилалось море, но не наше, человеческое море, нет — одно из тех, что называют Нездешними, или Гремящими, хотя я не слышал ни звука. В молчании катились подо мной серые волны, безжизненные, как сама Смерть. Я видел острова... затканные мглой острова, где черные пики вздымались из пены прибоя... А потом...

— Потом был жемчужный берег, и вечнозеленые заросли, и узкий проход в исполинской горной стене, — негромко подсказал Фолко.

— Да, все было именно так. Недурная вещь «Переводы с эльфийского»! Славный Бильбо Бэггинс хорошо потрудился... Тела своего я не видел. Наверное, я стал призраком...

— А потом? — жадно спросил Малыш. — Ты... видел... Валинор?!

— Валинор? О нет! Подобной чести я не удостоился. Слепящий свет вновь охватил меня... и рядом со мной появились странные существа. Похожие на облака, но с горящими, точно угли, глазами. Они вдруг стали перечислять все мои преступления с поистине небывалым красноречием. «Теперь-то ты за все ответишь, — радовались они. — Суров будет суд, и страшна расплата!» — «Отойдите от меня, — ответил я. — Если будет суд — отлично! Наконец-то я смогу сказать моим врагам в лицо все, что я думаю!» — «Страшись, человече! — зашипели они. — Велика сила Судей! Высок их престол, и смотри, как бы не ослепли твои глаза от сияния, роняемого ими!» — «Ну вот и радуйтесь! — отрезал тогда я. — И вообще, зачем вы здесь? Вселить в меня уныние, сломить волю? Не выйдет! Самого страшного я уже избежал, хотя и расстался со смертной плотью. А суд — что суд! Никто не осудит тяжелее, чем сам себя». И они отступились... А потом... потом я ничего не видел — ни земли под собою, ни неба наверху. Я просто оказался в пределах Круга, Круга Силы, который не мог покинуть. Игрушка тех, что восседали на высоких престолах вокруг меня... Четырнадцать их было, четырнадцать, облаченных в Свет... и теперь я знаю, чему сродни Пламень Адаманта. Я не видел их лиц, лишь сияющие контуры, смутные очертания человеческих фигур на фоне слепящего пламени... А потом пришла боль. Не знаю, чем они дотянулись до меня. Наверное, это была просто память об ударе клинка Отрины... Память о кратком миге, превращенном в вечность... — Голова Олмера склонилась на грудь, по лицу прошла судорога. — Я стоял. Не помню как, но стоял. Тогда это казалось мне до невозможности важным — во что бы то ни стало не пасть на колени. И, наверное, оттого я плохо разбирал обращенные ко мне речи... Помню лишь, они были многословны, в деталях перечислявшие все мои преступления... — Злой Стрелок вновь усмехнулся. — «Пади ниц и раскайся, злодей. Пади на лицо свое пред Судиями! Моли о снисхождении! Пусти раскаяние в суть свою, отринь нашептанные Всеобщим Врагом помыслы! И тогда, быть может, ты сможешь уйти путями остальных людей...» Не знаю, произошло ли это все на самом деле или мне просто почудилось... Некто из Судей пытался говорить в мою защиту, но так блекло и неуверенно, что быстро отступился. А потом... мне кажется, что я услышал общий приговор: «Во Тьму Внешнюю! Вне путей Смертных!» И врата разверзлись... там ждала Ночь, Вековечная Ночь, что не знает границ и пределов... Наверное, Судьи ждали моего ужаса. А я отчего-то не боялся. Я смотрел на колышущееся море Мрака и думал — наконец-то отдохну. И наконец-то уйдет эта боль... Тогда, наверное, тот из них, что поумнее, сообразил, что меня эта казнь — если это казнь! — не страшит ни в малейшей степени, и решение тотчас изменили. Звучал голос, глубокий и звучный, как песнь океанских волн... Он говорил что-то о Равновесии, о том, что из глубин времени должно наконец явиться Утерянное... А потом я уже ничего не помню. В горло хлынула вода... и я очутился в самом сердце

водоворота. Я так понимаю, как раз прямо в Серой Гавани... Другой на моем месте погиб бы в несколько мгновений, но... что-то удержало меня. Некая тень... или сила... она удержала меня. А потом, подхваченный ветрами и течениями, я понесся на юг. И наконец волны вышвырнули меня на берег... как я теперь понимаю, где-то во владениях ховраров. Так я стал тем, кем меня и узнала Эовин, — Серым, рыбаком из приморской деревни... — Олмер пожал плечами. — Минуло десять лет, и вот... вырвался на свободу Адамант, вчерашние враги мирно беседуют на палубе «дракона». — Злой Стрелок усмехнулся. — И впереди у нас новая война! Хенна еще новичок. Но учится он удивительно быстро!..

Разумеется, так просто разговор окончиться не мог. Все, не исключая и принца Форве, смотрели на прошедшего Суд Валар Смертного с ужасом и изумлением. Какая судьба ждала его, врага эльфийской расы? Зачем он послан в Средиземье? Или же его чудесное возвращение — лишь игра слепого случая?

Фолко пристально вглядывался в лицо своего злейшего — в прошлом — врага. Муки и время изменили облик Вождя Эарнила, теперь он куда больше походил на предводителя Темных Сил, чем раньше. Боль до серебра выбелила его волосы, лицо иссекли бесчисленные морщины, но глаза оставались прежними. Сила таилась в них, странная сила, частью, быть может, заемная, но частью — своя. Мрачная, но своя, человеческая.

— Так что я вновь говорю вам — не время для вражды, — продолжал Олмер. — Мы спасли друг другу жизни. Я говорил — на Востоке это больше чем кровное родство. И теперь нам не миновать стать союзниками. Адамант не может оставаться в руках Хенны. Это, по-моему, ясно всем. Что сделаем с ним потом — уже не важно. Главное сейчас — завладеть им!

— А по-моему, напротив, решить, что делать с ним, очень важно именно сейчас, — возразил Форве. — Ты, Злой Стрелок, вряд ли откажешься от него?

— Откажусь ли я?.. — Олмер усмехнулся. — Это зависит от многих причин. И главная — поймем ли мы истинную суть этого сокровища.

— Едва ли это нам удастся, — покачал головой принц. — Разве что Великий Орлангур... Но если мы и добудем Адамант — то добудем не вблизи его обиталища. Так что это отпадает. Отвечай откровенно, Олмер из Дэйла! Сейчас решается, быть нам врагами или нет!

— Я, во всяком случае, враждовать с вами не хочу, — последовал ответ. — Но ведь и вы не придумали ничего лучшего, чем бросить его в Ородруин! Поймите же, никто не может сказать сейчас, как повернутся события. Не стану лгать, что, попади Адамант ко мне сегодня, сейчас, я использовал бы его совсем по-иному.

— Это как же? — саркастически осведомился Форве. — Я почти уверен — ты начал бы новую войну, Злой Стрелок!

— Да, я начал бы новую войну, — с неожиданной прямотой заявил Олмер. — Я хочу поквитаться... нет, не с Арнором и Гондором, и даже не с эльфами Средиземья — насколько я понимаю, они все уже покинули Смертные Пределы. С кем? Догадайтесь!.. — Он усмехнулся. — Хотя и от Средиземья я бы не отказался. Видите ли, я дал клятву...

Эовин ойкнула.

— Да, да, именно так, — подтвердил Олмер. — Я дал клятву — подарить Средиземье смелой и прямой девушке по имени Эовин, родившейся в роханских степях. Мы вместе бились с перьерукими... и потом с прислужниками Хенны. И я поклялся, не ей — себе, что сделаю ее правительницей Средиземья. С Адамантом это было бы вполне осуществимо.

Все так и обмерли.

— Я... я освобождаю тебя от эт-той клятвы, О-олмер... — выдавила из себя Эовин. — Мне не надо таких подарков! Кровь, ужас, гибель!.. Нет, нет, я не хочу!..

— Ты стала бы отличной королевой, доблестная Эовин, разумной, доброй и справедливой, — покачал головой Олмер. — Для меня же Средиземье теперь слишком мало... как мало оно и для моих вчерашних врагов.

— Ты говоришь загадками, — заметил Фолко.

— Я? Загадками? О нет, отнюдь нет. Ты и сам догадывался о чем-то подобном, не так ли, половинчик? И именно поэтому я не торопился бы уничтожать Адамант. Он еще может послужить нам и щитом, и мечом. Когда сокровище пробудилось от тысячелетнего сна, пришли в движение и иные могучие Силы, хранители Равновесия Арды. Я слышал о Весах, любезный Фолко... как слышал и ты. Так вот, я чувствую — они заколебались. Это — дар. — Он опять усмехнулся, но как-то криво, одними губами. — Дар оттуда, из-за Моря... Такой же, как и умение гасить огонь, насланный посредством Адаманта... Я не знаю, чем закончится эта схватка. Я не отрицаю, Адамант нужен мне, но, если преславная Эовин сняла с меня мою клятву...

— Сняла, сняла! — воскликнула девушка.

— Так вот. Адамант мне все равно нужен, — продолжил Олмер. — Потому что...

— Уж не хочешь ли ты сказать, что намерен бросить вызов Властителям Запада? — с почти явным ужасом проговорил принц Форве.

— А разве тебе не хотелось бы подобного, светлейший принц? Разве не готовил вас Великий Орлангур к грандиозному походу на Запад? — прищурился Олмер.

Форве вздрогнул, как от удара.

— Эй, о чем тут речь? — недоуменно спросил Вингетор, но ему никто не ответил.

— Мы не должны были покидать пределы Арды, — глухо произнес принц.

— Но разве не ваши рати совокупно с армией Срединного Княжества должны были атаковать Валинор? Разве не вы должны были силой или хитростью добыть ключи от Двери Ночи?.. Не отвечай мне, принц. Ответ известен. Разве вся жизнь почитаемого тобой Духа Познания не есть один сплошной вызов Властителям Запада? Разве жизнь эльфов-Авари, о которых в преданиях Западных Эльфов говорится, что они, не согласившись покорно следовать в Валинор за прекрасным, но чужим Светом, сгинули без следа и памяти, — разве ваша жизнь не есть один сплошной вызов Силам Заката? И если уж говорить напрямую — разве не готовит Великий Орлангур братоубийственной войны в Валиноре, если представить себе, что Ваниар, Нолдор и Телери воспротивятся вашему прорыву? А ведь тебе, принц Форве, тогда придется скрестить меч с сородичем. Быть может, со знаменитым сородичем, прославившемся еще в войнах с Морготом! Например, с Финголфином... Или Финродом... Если верить «Переводам с эльфийского», убитые здесь, в Средиземье, эльфы возрождаются к жизни в блеске и славе Валинора...

— Какое это имеет значение? — мрачно ответил Форве. — Если уж твои познания о плане Великого Орлангура настолько обширны, ты должен знать, Злой Стрелок, — Золотой Дракон хотел, чтобы люди уподобились Богам. И тогда любое сопротивление со стороны Эльфов Валинора потеряло бы значение.

— Что за мудреные речи? — сердито бросил Фарнак. — Эгей, если уж говорите о таком — так чтоб всем понятно было.

— Ты все поймешь, почтенный Фарнак, — отозвался Олмер. — Нам нужно сейчас решить — враги мы все-таки или друзья? Я вновь предлагаю дружбу..

— Пока нам не из-за чего враждовать с тобой, Олмер, — спокойно сказал Фолко. Прежний беспредельный ужас перед этим отмеченным Силой Тьмы человеком давно исчез. — Ты спас Эовин. И честно предупредил нас о своих намерениях. Мне самому кажется, что Адамант должно отдать на суд Великого Орлангура. Только он один во всем Средиземье способен рассудить наш спор.

— Ага, мы будем драться, проливать кровь, а потом с поклоном отдадим сокровище этой желтой разросшейся ящерице с крыльями? — неожиданно резко бросил Олмер. — Я думал, ты куда более горд, половинчик Фолко! Так просто склониться перед каким-то там духом! Пусть даже он Дух Познания!

— Наши свары только потешат Хенну, — покачал головой хоббит. — Раньше говорили — Олмера... а еще раньше — Саурона..

— Неплохая компания! — хохотнул Торин.

— Вот именно, — усмехнулся Олмер. — Ты, Фолко, совершенно прав. Хотя Саурон был Майар, я, Олмер, носил Мертвецкое Кольцо, а Хенна — всего-навсего удачливый вождь безвестного племени в Дальнем Захарадье, он, Хенна, неведением своим опаснее Саурона. Все ходы последнего были предсказуемы. Он покорно шел к собственной гибели, совершив по ходу дела все мыслимые и немыслимые ошибки. А вот Хенна — что он выкинет завтра, кто знает?..

— Так или иначе, с ним придется драться! — мрачно заметил Вингетор.

— Придется, — кивнул Форве. — Мы не знаем, что такое Адамант, мы не знаем, откуда он взялся, но в остальном я соглашусь со Злым Стрелком.

— Хенна попытается теперь остановить нас, — проговорил Торин.

— И наверняка нападет на Умбар, — заметил хоббит.

— Правильные слова, — кивнул Олмер. — Скорее всего, так и случится. Адамант остался у него, а этот глупец не преминет отомстить. О всемогущий случай! Они послали нам в противники того, кто не знает и тысячной доли о своей добыче! В этом наше спасение и наша же слабость. Потому что мы не можем предвидеть его поступки. Может, он атакует Умбар, двинув силы через ослабленный Харад. Может, постарается натравить на Умбар харадримов...

Фолко мог только дивиться, насколько быстро Олмер — Олмер, а не Серый! — освоился в этом новом для него мире.

— Так тогда надо поднимать рати морских танов! — вступил наконец в разговор и Фарнак. — Все равно иных сил у нас нет...

— А Хенна едва ли даст нам совершить вторую попытку отбить Адамант с такого лихого налета, — поддержал морехода Торин.

— Верно, — кивнул Форве. — Но пойдут ли эльдринги на эту войну?..

— Мои люди и так не слишком довольны отсутствием добычи, — хмуро проронил Вингетор, кривясь от боли.

— Но не забудьте — нам придется воевать против одурманенных и околдованных Адамантом, — напомнил всем Фолко. — Я видел... мы видели, как дрались перьерукие... Неужели мы устроим такое же избиение? Ведь они-то ни в чем не виноваты!

— Верно, — кивнул Форве. — Но иного выхода нет. Как ни горько мне произносить такие слова! Если бы нам повезло чуть больше!.. Но что сожалеть о минувшем, его все равно не изменить...

И тут неожиданно заворочалась пришедшая в себя Тубала. Санделло шагнул было к ней, однако Олмер оказался быстрее. Мягким и гибким движением он склонился над девушкой и на миг вновь стал тем самым Злым Стрелком, что за деньги бил влет голубок на рыночной площади, где его впервые увидел жестоко рассорившийся со своими из-за укороченной на целую палестру Священной бороды Дьюрина гном Торин.

Тубала открыла глаза. Первое, что она увидела, — склонившегося над ней Олмера.

— Привидится же... — услыхал Фолко бормотание воительницы. — А может, я и впрямь померла...

— Ты не померла, Оэсси, — мягко произнес Олмер. — Так же как и я. И, значит, больше нет нужды мстить этим достойнейшим гномам и не менее достойному хоббиту...

Последние слова, ясное дело, сказаны были для Фолко, Торина и Малыша.

— Еще одна маленькая тайна. — Олмер с улыбкой покачал головой, поддерживая воительницу за плечи и помогая ей сесть.

Мало-помалу глаза Тубалы открывались все шире и шире.

— Отец?! Нет, правда это ты?

— Маленькая тайна, — повторил Олмер, обводя всех взглядом. — Оэсси — или Тубала, имя, под которым она прославилась в Кханде и Хараде, — моя дочь.

На мгновение голос Вождя чуть дрогнул.

— Отец! — завизжала грозная воительница и бросилась Олмеру на шею.

— Вот это дела! — всплеснул руками Малыш. — То-то я гадал, в кого она такая лихая уродилась!

Тубала ошарашенно оглядывала окружавших ее людей, эльфов, гномов. Неожиданно Олмер шагнул к хоббиту и положил ему руку на плечо. Фолко едва не рухнул — казалось, на плечи ему свалилась стопудовая тяжесть, мало что не придавив к доскам палубы.

— Он спас меня, Оэсси. Спас, а не убил в том бою при Серой Гавани. Тебе совершенно не за что мстить. Вы пожмете друг другу руки и положите конец глупой вражде. Тем более что отныне нам предстоит сражаться рука об руку.

Глядя на хоббита широко раскрытыми глазами, Тубала, как во сне, протянула Фолко руку.

ОКТЯБРЬ, 10, РАННЕЕ УТРО, ЛЕСА ЮЖНОГО ХАРАДА

Всю ночь Миллогу снились страшные сны. Пес тоскливо выл, а два таинственных спутника ховрара и вовсе не сомкнули глаз. На заре они показались ховрару чем-то встревоженными; обменявшись долгими взглядами, они объяснили Миллогу, что их план изменился. Они идут на юг, где ховрар должен помочь им в одном очень важном деле, после чего его ждет великая награда, такая, о какой мог только мечтать любой Смертный. Не возражая, Миллог покорился, не представляя себе, как вообще можно прекословить...

Они шли на юг, нацелившись прямиком на ту долину, которой неделями раньше прошли Серый и Эовин...

Золотоволосая подозвала к себе пса — и тот подошел, хотя всем видом своим выражал крайнее несогласие: подвывал, прижимал уши и припадал к земле... Однако же подошел, и повелительница, двумя ладонями сжав лобастую голову, стала что-то шептать ему на ухо. Пес внезапно взвыл, точно по покойнику, принялся рваться, но, побежденный многократно более сильной волей, немного погодя уже лишь обреченно повизгивал.

ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ПОДЗЕМНЫЕ ПУТИ ЧЕРНЫХ ГНОМОВ, ГДЕ-ТО ПОД МОРДОРОМ

Ночь выдалась кошмарной. Посланник не сомкнул глаз. Мрачный и угрюмый, он поднял невыспавшихся, злых гребцов.

— Вперед!

«Итак, случилось. Я знаю. Сердце Силы пылает так, что глаза мои жжет уже нестерпимо. Владеющий им привел в действие сокрытую в Сердце мощь, и теперь остановить его, этого владельца, похоже, сможет только честная сталь. Что-то произошло там, на Юге... неважно уже что. Кто, кого, сколько и как убил — не имеет ни малейшего значения. Быстрее, быстрее, река! Другие охотники не дремлют. Так поспешай же и ты, гонец Великого Орлангура!»

ОКТЯБРЬ, 15, УСТЬЕ КАМЕНКИ

Эльдринги показали, на что способны. Весла гнулись в сильных руках. Не останавливаясь ни днем ни ночью, корабли вырвались из владений Хенны, отделавшись лишь несколькими стрелами, что вонзились, не причинив никому вреда, в смоленые борта быстрых «драконов». Хенна выслал погоню, но «драконы» успели к приморью первыми. Боя в устье не получилось. Цепями, чтобы перегораживать речное русло, Хенна — еще не обзавелся, а в бой эльдринги решили не ввязываться — к городку спешно подходили войска. Проскочив мимо разъяренных сподвижников Хенны, Фарнак и Вингетор вывели корабли в море на соединение с флотом Скиллудра...

Весть о том, что они везут вернувшегося из Пределов Смерти Олмера Великого, Вождя Эарнила, как громом поразила морских удальцов. На него смотрели как на чудо, а Злой Стрелок, похохатывая, рассказывал собравшейся братии — свободной смене гребцов — смешные байки о Суде Валар.

Фолко ловил себя на том, что не чувствует никакой вражды к этому человеку. Тот, прежний, Олмер умер, был сражен его, Фолко, рукой, а этого нужно было узнавать заново. Во многом,

очень во многом он сильно походил на прежнего Вождя, обуянного мыслью о мести эльфам. А кому он намерен мстить на сей раз? Неужели Валар? Неужели ему нужен Адамант, чтобы силой ворваться на Прямой Путь?..

...И, улучив момент, Фолко спросил об этом вчерашнего врага напрямую.

Олмер помолчал. Мимо проплывали берега Каменки, зеленые, изобильные, с которых все время летели стрелы. Всадники Хенны преследовали корабли по пятам, но долго выдержать гонку они не могли. Дважды «Скопа» и «Змея» таранили наспех сооруженные поперек реки наплавные запруды — у их строителей не хватило либо времени, либо умения, и преграды всякий раз уступали натиску «драконов».

— Мне, конечно же, нужен Адамант, мой доблестный половинчик. Да я и не скрываю этого. Уж я бы смог использовать его получше, чем этот глупец Хенна! И ты прав — в Средиземье у меня врагов не осталось. Истерлинги заняли Арнор... ну и пусть. Отон сделался королем — что ж, из него выйдет неплохой правитель. Пусть. Мне хочется идти дальше! — Он расправил плечи, глаза сверкнули. — Туда, за самый дальний окоем, туда, где сливается море с небом, туда, за Нездешние Моря... Я хочу увидеть своими глазами все то, о чем нам так долго и красно говорили эльфийские сказки. Уже для одного этого мне нужен Адамант. Да и ты, половинчик, — ты, гнавшийся за мной через все Средиземье сперва с запада на восток, а затем с востока на запад, — разве ты откажешься от такого похода?

— Да разве способен Адамант... — начал было Фолко.

— Способен, — перебил его Олмер. — Он на многое способен. И смотри, как бы его не вырвали у нас из-под носа!.. Во всяком случае, бросать его в Ородруин — крайне неразумный поступок. Но об этом я тебе уже говорил.

— Неужто мы передеремся из-за добычи, словно разбойники с большой дороги? — невесело усмехнулся Фолко.

— Люди совершали куда более страшные преступления из-за меньшего, — равнодушно заметил Олмер. — Но погоди! Адамант еще нужно отбить... а войска нет. В Цитадели правит мой сын... и она далеко. Приходится рассчитывать только на удальцов Умбара... да еще на орков, если удастся поднять их в Мордоре.

А потом была встреча со Скиллудром, и сильнейший из морских танов молча поклонился Олмеру — поклонился так, словно Злой Стрелок и не погибал.

«Драконы» ходко шли на север.

Часть IV

1733 ГОД. ЗИМА

Глава 1

ФОЛКО, ТОРИН, МАЛЫШ И ДРУГИЕ

«Скопа», «Крылатый Змей» и флот Скиллудра благополучно добрались до надежной умбарской гавани. Хоббиту пришлось признать — не они, не Фарнак и не Вингетор, не Санделло и не Тубала были главными в этом походе. Сотни глаз неотрывно смотрели на одного-единственного человека — Олмера, Злого Стрелка.

Слух о его чудесном возвращении обгонял летящие по волнам «драконы». Набольшие из дружины Скиллудра в очередь поднимались на палубу «Скопы» — многие из них знали Вождя Эарнила, ходили под его рукой, готовились приступом брать Серую Гавань с моря...

Олмер говорил со всеми. Глаза его оставались черны и непроницаемы, но для каждого из старых бойцов у него нашлось свое слово. Казалось, по палубам кораблей вот-вот пронесется клич: «Вперед, за Вождя Эарнила!» Фолко видел, как с каждым днем мрачнели друзья гномы, как покусывал губу Фарнак и как с непроницаемым лицом отворачивался Вингетор... Слава Олмера Великого, точно морской водоворот, затягивала эльдрингов; еще немного — и Король-без-Королевства с легкостью поведет за собой всех, поведет, куда ему только заблагорассудится...

Все это время Тубала-Оэсси старательно избегала Фолко, Торина и Малыша — избегала, несмотря на прямой приказ Олмера помириться.

...Это случилось вечером последнего дня пути. Фолко ощутил приближение дочери Олмера и успел развернуться к ней лицом, явно испортив половину удовольствия, — та намеревалась подкрасться незамеченной.

Красивое лицо портила застывшая маска ненависти.

— Между нами нет мира, — услыхал хоббит сдавленное шипение. — Ты убил моего отца! Ты лишил его победы! Он может говорить мне все, что угодно, — но знай, крысенок, за Серую Гавань ты мне еще заплатишь!

— Зачем откладывать? Или ты боишься? — невозмутимо произнес хоббит. Под плащом скрывалась мифриловая кольчуга: с полубезумной девки вполне станется пырнуть ножом в спину... — Давай решим все прямо сейчас!

— Нет! — яростно прорычала Тубала. — Не сейчас. В Умбаре. Когда вокруг никого не будет, когда никто не сможет остановить меня!

— Дело твое. — Фолко равнодушно пожал плечами. Говорить с умалишенной — какой смысл?

Тубала повернулась на каблуках, мигом исчезнув в темноте...

А когда ночь уже полностью вступила в свои права, Фолко, Торин и Малыш вновь, как и встарь, собрались, чтобы решить — что делать с Олмером?..

Однако они не успели обменяться и парой слов. Рядом бесшумно возникли две человеческие фигуры — одна высокая, другая пониже, сильно ссутуленная. Олмер и Санделло.

— Несложно будет догадаться, о чем станут говорить два доблестных гнома и не менее доблестный хоббит, — раздался голос Короля-без-Королевства. — Вы решаете — а не прикончить ли этого вернувшегося из-за Гремящих Морей ради спокойствия всего остального мира?

— Мы еще не начали разговора, Олмер, — быстро ответил Фолко.

— Но никто не поручится, что нам такое не пришло бы в голову! — бесшабашно брякнул Малыш.

Горбун мигом шагнул вперед, заслоняя Олмера.

— Санделло! — одернул его Злой Стрелок. — Успокойся. Дело серьезное... Так вот, слушайте меня, воины! Я хочу, чтоб мы сражались вместе, а не друг против друга. Тем более что война наверняка уже началась и отряды Хенны уже идут на север. Нам придется драться. Драться за Адамант. Об этом уже сказано немало слов. Я намерен начать с Умбара. Не сомневаюсь — с Хенной мы справимся.

— А потом? — отрубил Торин. — Мы ведь говорили — или я запамятовал?

— Говорили, да не закончили, — возразил Олмер. — Кто станет добывать Адамант? Фарнак? Вингетор? Скиллудр? Нет. Его станут добывать те, кто остановил меня... — Голос его пресекся, точно от внезапной боли. — Те, кто остановил меня в Серой Гавани. Вы трое — перед вами отступает сама Судьба. Если мы будем вместе, не будет и вопроса, что делать с Адамантом.

— Неужто ты думаешь, что мы станем помогать тебе? — тихо и спокойно спросил Фолко, в то время как его пальцы сжали рукоять метательного ножа. На сей раз он не станет медлить. — Чтобы ты снова залил кровью все Средиземье?

— Средиземье? О нет! — Олмер рассмеялся. — В Средиземье у

меня нет врагов. Я с радостью сделал бы Эовин властительницей всех земель, но она сама освободила меня от клятвы. Я говорил тебе, что влечет меня ныне. А разве ты отказался бы от такого похода?

— Ты же поставишь на дыбы всю Арду! — не выдержал Фолко. — Одумайся! Там, на Западе, — Силы Мира! Мало нам Нуменора? Хочешь, чтобы они потопили и Средиземье?..

— Ну если они ни на что больше не способны, кроме как топить вместе с невинными детьми и немощными стариками целые страны...

— Больно ты детей да стариков щадил, Злой Стрелок, — проворчал Торин, стиснув топор.

— Насколько это возможно — щадил, — сухо ответил Олмер. — Роханские горные твердыни и вовсе устояли. Арнорские города попали в руки истерлингов почти без боя... А те никого не резали.

— Ну да, только грабили! — не выдержал и Малыш.

— Грабили, — кивнул Олмер. — А разве я говорил — они есть сама кротость и доброта? Люди. Не хорошие и не плохие. Разные... Но сейчас не о том...

Если Валар только и могут, что топить целые державы, сказал я, то не заслужили ли они того, чтобы мы наведались к ним и призвали к ответу?..

— Ты обезумел, Злой Стрелок. — Торин тяжело смотрел на Олмера. — Говорю тебе — ты обезумел. Сражаться с Валар... Когда ты произнес эти слова в прошлый раз, мы не приняли их всерьез — и, похоже, ошиблись. Да с чего ты взял, будто...

— А вот мы и посмотрим, — с какой-то бесшабашной веселостью бросил Олмер. — Это-то мы и проверим! И, если я прав, — ударим по самому средоточию силы наших врагов!

— Твоих врагов, Злой Стрелок, не наших, — покачал головой хоббит. — А кроме того, не забывай — в том, что ты жив и что жива твоя дочь, есть заслуга и Эльфов Авари...

— Я никогда не враждовал с Авари, — быстро парировал Олмер. — Сдерживал их и Срединное Княжество — да. Моими врагами были Западные Эльфы... А если разобраться, то Валар. И, кстати, если Адамант навек покинет Средиземье, те же Авари от этого только выиграют. Потому что иначе останется опасность, что сокровище попадет в руки новому Хенне... и колесо завертится в обратную сторону. Разве я не прав?

— Может, Адамант способен превратить нашу землю в цветущий сад? — заметил Фолко. — Тебе ведомы пределы его Сил, Злой Стрелок?

— Пределы — конечно же, нет. Но, мню, едва ли ты с его помощью сможешь разбивать сады и обращать в цветники заброшенные земли. Адамант — это Сила Огня... древнего, первород-

ного... быть может, даже таящего в себе частицу Пламени Неуничтожимого!

— Пламени Неуничтожимого? — разом вырвалось у Фолко, Торина и Малыша.

— Пламени Неуничтожимого, — кивнул Олмер. — Никак иначе объяснить его чудесные свойства я не могу.

— Но ведь... но ведь это Пламя... оно только у Единого... — начал было возражать Фолко, однако Олмер останавливающе поднял руку: — Знаю, знаю, доблестный половинчик! Эльфийские предания известны мне не хуже, чем тебе. Быть может, здесь не самая Суть Пламени... *какое-то его отражение*... Но что связь есть — я ручаюсь. Мои бывшие хозяева, — он криво усмехнулся, — постарались изрядно, подарив мне на прощание немало ценного, так что я теперь вижу глубже, чем прежде... Впрочем, как действует Адамант, какие Силы в нем скрыты — будем рассуждать позже, когда сам Камень будет у нас в руках...

— У *тебя* в руках, — буркнул Торин.

— У меня в руках, — легко согласился Олмер. — По мне, это лучше, чем обрекать сокровище на бездарную гибель в Ородруине!.. Ну, сказано уже достаточно. Вы со мной? Да или нет? Если да — то Адамант, считайте, уже у нас...

— По-моему, мы все вместе едва унесли ноги из владений Хенны, — язвительно заметил Фолко.

— Верно. Но второй раз все будет по-иному. У нас есть опыт. Ну так как?..

Друзья переглянулись.

— Олмер, — заговорил Фолко, усилием воли заставляя себя смотреть прямо в лицо Королю-без-Королевства, сейчас полускрытое ночными тенями. — Мы не пойдем с тобой. Ты замыслил безумие. Отговаривать тебя... — Хоббит горько усмехнулся. — А это значит, что мы — вновь враги!

Злой Стрелок помолчал. Фолко чувствовал, как его буквально сверлит яростный взгляд горбуна, словно говоря: «Что же ты наделал?! ЧТО?!»

— Один раз ты уже убил меня, половинчик, — глухо промолвил Олмер. — Это было очень больно. Но я не держу на тебя сердца, потому что, убивая меня, ты меня же и спасал от более страшной участи. И потому в память о том — до Умбара мы доберемся мирно. Но — также в память о том дне — я скажу тебе, что второй раз убить меня тебе не удастся. Все ясно?

Наступило молчание. Отчего-то хоббита охватила вдруг внезапная горечь — а ведь они могли расстаться друзьями...

— Мне жаль, — негромко произнес Олмер. — Но иначе и быть не могло. Вы — хранители покоя Средиземья. Я — вечный его возмутитель. Мы обречены сражаться друг с другом. В разных ипостасях, в разных временах... Может, даже в разных Мирах...

и за спокойствие не только Средиземья... — закончил он совсем уже загадочно.

— Эх-ма... — протянул Малыш. — Коряво-то как все вышло... И за какой каменной крысой сдался тебе этот Валинор, Олмер?

— Мы могли бы убить эту войну, а не разжигать новую, — проговорил Фолко.

— Убить войну... — усмехнулся Олмер. В темноте хоббит не видел выражения его глаз, но голос Злого Стрелка полнила непонятная горечь. — Убьем эту — тотчас начнется другая. Сколько сейчас идет войн, которых ты не в силах остановить, хоббит? На Юге, на Востоке, на Севере?

— Но эту-то можем, — непреклонно отрезал Фолко.

— Не можем, — вдруг заговорил Санделло. — Драться с Хенной все равно придется. И не с ним одним. А с целой армией. И убивать их — тоже придется. Ты можешь указать другой выход?

— Магия эльфов... — начал Фолко, но Олмер только отмахнулся.

— Ты же в это и сам не веришь, храбрый половинчик. Быть может, только сам Великий Орлангур... А Авари... Они, конечно, будут доблестно биться, но в одиночку одолеть целую армию едва ли смогут. Нет, дело решат честные мечи. Честные мечи эльдрингов... и орков, если те захотят последовать за мной... — Он вновь сделал паузу. — Что ж, мы сказали друг другу все. Доброй дороги! Может статься, вы еще признаете мою правоту...

— Едва ли, — с вызовом заявил Маленький Гном.

Олмер пожал плечами.

— Не спеши со смелыми словами, достойный тангар. Силы наши небеспредельны. Никто не знает, как поведет себя Адамант. Вдруг я признаю *вашу* правоту и вместе с вами понесу сокровище к Ородруину...

Слова Олмера во многом оказались пророческими.

Война вскипела отравным варевом, густо замешанным на крови, пожарах и смерти. Хенна не заставил себя долго ждать. Южные племена, большей частью неведомые никому не только в Умбаре, но даже и в Хараде, двинулись через Хлавийские Горы. Нельзя сказать, что число вторгнувшихся было очень уж велико, но ослабленный потерями Харад не мог сопротивляться. Опустели невольничьи рынки Умбара: тхеремцы торопливо, не торгуясь, скупали всех рабов, но их караваны уходили на восток быстрее, чем охотники за рабами, вроде тана Старха, успевали добывать новых...

До самого конца пути Олмер и Фолко не сказали друг другу ни слова. Хоббит частенько ловил на себе более чем выразительные взгляды Тубалы, но однажды такой взгляд перехватил Олмер, что-то кратко и негромко сказал дочери — и та отвернулась от Фолко

с такой поспешностью, словно смотреть на него было настоящей пыткой.

Но вот наконец-то Умбар, наконец-то пристань и...

Что делать дальше Фолко, Торину и Малышу?..

Олмер, в отличие от них, знал точно.

На следующий же день в Умбаре говорили только о нем. Об Олмере Великом, покорителе Запада. Об Олмере Сильномогучем, вырвавшемся из лап самой Смерти. Кое-кто не верил, но слишком много танов и простых эльдрингов знали Вождя Эарнила в лицо. В охватившей Умбар сумятице никому не было дела до хоббита, двух гномов, юной золотоволосой девушки да смуглолицего кхандца, оставшегося с ними, несмотря ни на что.

— Надо идти назад, — твердил Малыш. — Назад, к Хенне!

— Сами только-только унесли оттуда ноги, — вновь и вновь напоминал другу Торин.

— Так что же нам, в тхеремскую армию вступать? — с досадой спрашивал Фолко, уставший от длившихся уже третий день споров.

— Можно и вступить, — пожимал плечами Рагнур. — Там сейчас каждый боец на счету. Золота они не жалеют...

А войско Олмера росло не по дням, а по часам. Таны один за другим вставали под его знамя, над мачтами вновь затрепетали знакомые стяги — белый круг с трехзубчатой черной короной в центре черного же поля...

ПОСЛАННИК ВЕЛИКОГО ОРЛАНГУРА

Сердце Силы пробудилось к жизни. Пробудилось с небывалой яростью. Сквозь все земные толщи оно пробивалось сюда, в глубины, с той же легкостью, как солнечные лучи пронзают насквозь мелкий лесной ручеек, высвечивая каждую песчинку на дне.

Подземные реки несли ладью все дальше и дальше. Далеко позади остались вешки Мордора.

Начинался Харад. И одновременно навстречу шло Сердце. Огненное Сердце, счастье и проклятие Средиземья...

Великий Орлангур тревожился.

Посылавшиеся каждую ночь видения становились все грознее и грознее. И посланник спешил. Спешил, уже зная о многом. Спешил, зная, что явившиеся из-за Моря слуги Сил уже недалеки от своей цели...

МИЛЛОГ, ПЕС И ОСТАЛЬНЫЕ

Они не торопились. Вся спешка внезапно кончилась.

С юга шли и шли полки Хенны, а странная четверка (если считать четвертым пса) обосновалась в лесистых, пощаженных огнем

северных отрогах Хлавийских Гор. Обосновалась крепко и, похоже, надолго.

Миллог с какой-то даже радостью вновь окунулся в мир привычных человеку дел. За время пути он порастерял весь жирок и вновь вспомнил, что раньше слыл на все руки мастером, как и любой другой из его племени.

Однако спутники не слишком нуждались в услугах. Дом себе — себе, не Миллогу! — они создали одной лишь песней, заставив деревья склониться и переплести ветви так, что получилось удобное жилище. Ручеек послушно изменил русло, трава вскурчавилась настоящим ковром, а соседний перелесок внезапно превратился в фруктовый сад, где зрели небывалые, невиданные плоды... Пес тоскливо смотрел на них, подвывая, но не ел, даже когда давали, предпочитая мясо.

Миллог на задавал вопросов. Он просто ждал.

НОЯБРЬ, 2, РОХАН

— Так дальше продолжаться не может. Его безумие погубит всю страну!

— Э... ну... так, значит, верно, я говорю... ага? Того, этого, ну, мешкать нельзя, вот ведь!

— Да, Брего. Мешкать нельзя. Пока сила на нашей стороне... Люди недовольны. Мало кому из нобилей по нраву то, что устье Исены отошло этим морским разбойникам.

— И, это, того, стрелки-то эти...

— Да, очень удачно, что эти предатели сгинули. Панцирники и лучники нам теперь не помеха. Сколько у тебя людей, Третий Маршал?

— Ну, да, вот, того, сотни четыре, значит, здесь...

— Понял, понял, понял! И у меня пятнадцать десятков. И у Фреки самое меньшее триста. С преизлихом хватит. Безумца — в железа! Король пал, да здравствует король! Король Брего!

— А... ну... хм...

— Никого больше из рода Эорлингов мы не имеем.

— А как же его дети?

— Дети? Слишком мягкосердечен ты, Сеорл! О двух детях думаешь, а о тысячах позабыл? Что будет, если мы не заключим мир на Западе? Сколько тогда детей в живых останется?..

НОЯБРЬ, 2, УМБАР

Олмер Великий, Король-без-Королевства, играючи собрал вокруг себя почти всех морских танов. Флот уходил на юг, уходил по слезной мольбе тхеремских послов. Последние остатки харад-

ских ратей откатывались на север, не в силах противостоять вторжению Хенны. Флот ушел, скрылся куда-то и Олмер, а Фолко, Торин и Малыш все еще оставались в крепости. Примыкать к рати Короля-без-Королевства? Нет, хватит. Отныне они сражаются только за свои знамена. Вести с юга шли одна тревожней другой, и хоббит, очень осторожно прибегая к помощи принца Форве, постоянно наблюдал за неуклонно продвигающимся на север Адамантом. Он перемещался — и вместе с ним ползли к Умбару рати харадримов и Хенны.

— Надо на что-то решаться, — мрачно проговорил Форве. — Иначе Олмер и впрямь опередит нас. У нас нет войска, а в одиночку, я чувствую, нам Хенну не одолеть. Скорее уж это сделает Олмер. Он ведь сейчас наверняка поднимает мордорских орков... Я отправил весть на Воды Пробуждения, но пока еще оттуда приспеет помощь...

Говорили в большой полутемной комнате, снятой Фолко и гномами наверху добропорядочного трактира.

— На них рассчитывать нельзя, — мрачно обронил Торин. — Только на самих себя.

— Сколько нас? Ты, я да Фолко? Рагнур, эльфы, таны? Десяток, не больше, — покачал головой Малыш.

— Мечи можно купить, — подал голос кхандец.

— Купить? — удивился Амрод.

— Рагнур прав, — заметил Вингетор. — Мечи можно купить... С Олмером нам не по пути — значит, надо собирать собственное воинство. Но много ли значат наши дружины? Многие, я знаю, порывались уйти со Злым Стрелком...

— Сколько нужно золота, чтобы ваши молодцы согласились сражаться? — отрывисто спросил Форве. Хоббиту показалось, что в голосе эльфийского принца звучало тщательно скрытое презрение.

— Немало, — криво усмехнулся Вингетор. — Пойми, почтенный эльф, — дружинник сражается за тана до тех пор, пока тан щедр и успешлив. Если же он неудачник, не умеет добыть золота для своих людей, он быстро теряет силу. За таким в бой не пойдут, а при первой возможности разорвут ряд и принесут клятву другому тану. В этом нет бесчестья, в этом — жизнь.

— Есть ли в Умбаре место, где могли бы оценить эту вещь? — Форве решительно потянул со лба обруч, в котором светился драгоценный зеленоватый камень.

Все так и ахнули. Эльфы — спутники принца дружно, как по команде, вскочили на ноги.

— Светлейший принц!..

— Раз надо, значит, надо, — отрубил Форве. — Так что, почтенные таны, что вы мне ответите? Есть ли в Умбаре место, где за эту вещь можно получить достаточно золота?

Воцарилось мертвое молчание.

— Мы тоже тряхнем казной, — упрямо нагибая голову, произнес Вингетор. — Не думай, почтенный эльф, что тут один ты озабочен судьбой Средиземья!

Форве решительно бросил обруч на стол. Фолко чувствовал, как щеки заливает горячая краска стыда, — но что он мог отдать? Перстень, подарок принца? Или... неужто ж клинок Отрины?! Хоббит скорее расстался бы с собственной жизнью, чем с этим оружием, но...

Торин что-то проворчал и тоже потянулся было к суме, однако Форве остановил его:

— Нет нужды, мой добрый гном, и ты, достойный Фолко. Вижу ваши помыслы, но... подумайте сами: этот обруч — просто драгоценная безделушка. Она не стоит ничего, если вдуматься. Разве может все золото Средиземья купить хотя бы одну человеческую жизнь?..

— Может, и притом не одну, — проворчал Фарнак, однако Форве его словно бы и не услышал.

— Ваша мифриловая броня, ваше оружие нам очень скоро понадобятся. А обруч... просто украшение, не больше. К тому же, — эльф улыбнулся, — жизнь у нашего племени долгая, я еще смогу выкупить его...

Камень был продан в тот же вечер. Украшение купила гильдия ростовщиков Умбара — купила вскладчину, ибо ни один из них в одиночку не мог дать требуемую цену, но и выпускать из рук такое чудо они не желали...

Еще день заняли приготовления. И на следующий день небольшая флотилия — таны Фарнак, Вингетор и Хьярриди — вышла на юг, следом за могучим флотом Олмера, которым в отсутствие Короля-без-Королевства (вместе с Санделло он и впрямь отправился в Мордор) командовал Скиллудр.

НОЯБРЬ, 4, ХЛАВИЙСКИЕ ГОРЫ

В глаза брызнуло беспощадное солнце. Посланник Великого Орлангура стоял один на крошечной, едва заметной тропке. Подземные пути остались позади. С облегчением вздохнули гребцы, избавившись от таинственного гонца и направляясь в обратный путь. Посланник почти не сомневался, что назад вернутся далеко не все — Сердце Силы пылало не зря, сея раздор и смуту. Пока он был вместе с гребцами, его щит прикрывал и их, но теперь, когда его не станет... И все же можно надеяться, что погибнут не все. В то время как здесь ни у кого, кроме него, не сыскалось бы и единого шанса.

Сердце Силы? Оно уже совсем близко. И совсем-совсем близки и те, кто явился сюда на корабле с парусами как лебединые

крылья... Если они решат заступить ему путь, долг, возложенный на него Великим Орлангуром, может остаться невыполненным.

Он подтянул пояс, поудобнее перехватил бердыш. И ровным мощным шагом пустился в дорогу, что вела на северо-восток. Туда, навстречу Сердцу Силы. И что значат какие-то там проклятья, если ему удастся заполучить ЭТО?! Пусть пламя сожжет его — это не так страшно, как знать, что все твои труды пошли прахом и ничего уже не исправишь...

«Что ж, бой — значит, бой. Хотел бы я знать, чего они мешкают, очутившись здесь раньше меня? — думал посланник. — Чего ждут? Впрочем, их загадки мне отгадывать некогда. Вот когда Сердце окажется у меня... тогда и можно будет поразвлечься загадками».

Дорога сама ложилась под ноги. И внимательно следили за коренастой фигурой, что шагала, опираясь на бердыш, два очень странных глаза о четырех зрачках каждый...

НОЯБРЬ, 5, РОХАН

В этот день из наползших с севера низких косматых туч нежданно-негаданно повалил снег. Дорога под копытами коней стремительно превращалась в мерзкую коричневую кашу. Небольшой отряд всадников — едва ли два десятка, — не жалея скакунов, мчался на запад. Позади осталось Хелмское Ущелье, дорога взяла правее, заворачивая к Исене.

— Мой повелитель... Надо сворачивать. Люди Брего наверняка сторожат переправу! — худощавый воин в простой броне приблизился к скакавшему впереди Эодрейду. В лице короля, казалось, не осталось ни капли жизни — в седле замер окостеневший мертвец.

— Нет, Хама, мы не свернем. Брего хоть и косноязычен, но отнюдь не дурак. Он прекрасно понимает, что для нас было бы безумием соваться к Бродам, и потому наверняка оставил там не слишком большую охрану. Куда больше его людей рыщет южнее переправы, поскольку в нашем положении это наиболее логично — кратчайшей дорогой бежать к Тарну, под защиту эльдрингов... Проклятье этой погоде! Исена наверняка вспухла. Просто так через нее теперь не переправиться. Нам придется прорываться через Броды.

— Но там же... — начал было Хама.

— Там дунландцы, ховрары, хазги, а за ними хегги и прочие — ты это хотел сказать?

— Да, мой король, — чуть поколебавшись, ответил молодой Маршал.

— Они не так страшны, как свои родичи, — бледно улыбнулся

Эодрейд. — Через их земли мы сумеем пробраться. А потом — в Тарн!

— Брего наверняка выслал отряд и туда... — заметил Хама.

— Наверняка. Но у меня с эльдрингами ряд. А Брего начал с того, что разорвал договор с Морским Народом, тот самый, что отдавал им устье Исены! Так что на чьей стороне окажутся эльдринги, по-моему, вполне ясно.

— Но... что же дальше, мой повелитель? Бой сложился неудачно... До конца верны оказались только наемники из числа пеших стрелков и панцирников... Помоги им судьба прорваться через Белые Горы в Гондор!

— Как мне не хватало в том бою мастера Холбутлы и гномов! — вздохнул Эодрейд. — Но ничего не поделаешь. Нас осталось два десятка — значит, станем бороться за трон Эдораса с двумя десятками!

— Но... ваши дети, повелитель... — замялся Хама. — Ваши дети, взятые Брего в заложники...

Лицо Эодрейда, казалось, почернело.

— Не говори мне о них, Хама. Никогда больше не говори.

Маленький отряд Эодрейда незамеченным достиг Бродов. В короткой схватке с охранявшими переправу воинами Брего полегла половина последней дружины роханского короля; вечное успокоение нашел и юный Хама, самый молодой из Маршалов Рохана...

Однако сам Эодрейд уцелел. Добрые доспехи и резвость коня спасли его. С десятком уцелевших сторонников он скрылся в туманной мгле степей, погоня потеряла его след, настигнув только у самого Тарна...

Две сотни всадников Брего со всех сторон окружили небольшой холм, на котором встали Эодрейд и оставшиеся верными ему дружинники...

— Друзья мои. — Король обвел соратников взглядом. — Спасибо вам за верность. Вы шли со мной до самого конца. Но теперь наш путь окончен. Хватит бессмысленных смертей. Людям Брего вы не нужны — один лишь я. А потому я, ваш король, приказываю вам — сложите оружие. Так, быть может, у вас еще останется шанс...

— За что ты оскорбляешь нас, о король? — Седой сотник королевского эореда устало отер лицо. — Мы не сдадимся и не примем жизнь из рук узурпатора. Неужели мой повелитель потерял сердце перед последним боем? Зачем нам ждать конца в этой ловушке? Атакуем сами, и, если такова наша судьба, падем, но с честью! А может, кому-то из нас и удастся добраться до эльдрингов... Как вы, братья? — Он повернулся к остальным воинам.

Те лишь молча склонили головы. Любые слова прозвучали бы сейчас напыщенно и лживо.

Эодрейд наклонил голову.

— Спасибо вам... — глухо произнес он. — Вы правы. Я не могу требовать от вас пойти на бесчестье. Что ж! Я поскачу впереди...

— Нет, мой король. — Сотник покачал головой. — Это *мы* поскачем впереди. Ты должен жить. Ты должен вернуть трон. И... ты должен отомстить за Эомера и Теодвейн! Брего это не должно сойти с рук!

— Тогда... вперед, — с неожиданным спокойствием произнес Эодрейд и, привстав в стременах, неожиданно громко протрубил в небольшой рог, что висел у него на поясе.

Воины из личной дружины Брего были ошеломлены, когда с вершины холма на них внезапно ринулось десять всадников. Прежде чем поимщики опомнились и схватились за луки, Эодрейд и его соратники успели одолеть почти половину разделявшего их расстояния.

Но потом стрелы все-таки запели.

Старый сотник погиб первым. Он скакал во главе клина, и добрая половина стрелков именно его сочла королем Эодрейдом...

Лишь двое дружинников Эодрейда да еще сам король остались в седлах, когда они сшиблись наконец с воинами Брего. Копья ударили, соратники свергнутого правителя и их противники сразили друг друга. Король остался один. Однако он не лишился копья, еще двое врагов пало, пытаясь преградить ему путь; потом он рубился мечом, свалил еще пятерых. И неведомым чудом король прорвался сквозь вражеские ряды, а затем его накрыл плащ спасительной вечерней мглы...

А в это время далеко-далеко от Рохана, в Умбаре и Хараде...

Нет нужды описывать южный поход Скиллудра. Нет нужды подробно говорить о том, как шесть кораблей Фарнака и Вингетора, незамеченными проскользнув штормовым осенним морем, оказались там, где чуть меньше месяца назад едва не решилась судьба Средиземья...

Великий Тхерем отступал. Разбитое в сражении у Рябого Кургана, его войско в панике бежало на север. Полки Хенны неудержимо шли все дальше и дальше на север, когда неожиданно в Хриссааду от Божественного прибыли послы. Никто не знал, о чем они толковали с Властителем Тхерема, но после этого както разом война Харада с Хенной превратилась в войну Харада и Хенны против Умбара...

Длинные колонны войск Божественного прошли насквозь весь Харад. И от этого марша стонала сама земля. Немногие уцелевшие жители в ужасе бежали куда глаза глядят — казалось, мимо них идут не воины из плоти и крови, которых, в конце концов, иногда можно даже и разжалобить (у них ведь тоже есть

дети!), но восставшие из могил мертвецы, безжалостные и беспощадные. Но хуже всего были свары среди самих спасавшихся тхеремцев, когда сильный отнимал у слабого последнее, с тем чтобы в свою очередь расстаться с неправедно взятой добычей, уступая более сильному.

Было пятнадцатое декабря. Началась осада Умбара.

И тут совершенно неожиданно с моря атаковал Скиллудр. А из-за Мордорских Гор появилась объединенная рать кхандцев и орков Темной Страны — и над ее шеренгами высоко развевались стяги Олмера Великого...

Быстрый, точно морская птица, кораблик эльдрингов ворвался в объятия умбарских берегов. Король Эодрейд стоял на носу, неотрывно глядя на надвигающийся серый берег. Он знал, что крепость в осаде, знал, что шансов отстоять ее почти нет... но иного пути отплатить Морскому Народу за спасение у него не осталось. Что ж, Умбар так Умбар. Он будет биться с напавшими на него так же, как бился в врагами родного Рохана. Рохана, что словно переспелый плод, упал в руки узурпатора Брего...

Эодрейд поморщился. Лить кровь сородичей в междуусобной замятне — последнее дело. Он найдет способ поквитаться с Третьим Маршалом... когда придет время. И тогда Брего заплатит за все.

ДЕКАБРЬ, 18, ПОБЕРЕЖЬЕ ЮЖНОГО ХАРАДА

— Ты видишь его, Фолко? — Принц Форве опустился на колени возле хоббита. Глаза Фолко были полузакрыты, ладонь накрывала перстень.

— Вижу... — последовал ответ. — Не так далеко. Войску, наверное, трое суток ходу.

— Что-то не торопится на север наш Божественный... — заметил Торин.

— А зачем? Там и без него все отлично идет, — проворчал Малыш.

— Ну об умбарские-то стены он зубы себе поломает, — не выдержал Фарнак.

— Вот именно. И на север тронется не раньше, чем до него дойдет — без силы Адаманта крепость не взять, — согласился Форве, однако Фолко лишь покачал головой.

— Если в Умбаре начнется междуусобица...

Воцарилось молчание.

— Фолко, я должен дать приказ к выступлению. Куда направляемся? — Вингетор не любил долгих пустопорожних разговоров.

Хоббит с некоторым трудом поднялся на ноги. Он один из всех

мог и умел указать, где сейчас Адамант Хенны. Торин развернул карту — отыскавшуюся у Вингетора неплохую карту Южного Харада, вычерченную королевскими картографами Гондора еще при короле Элессаре и неведомыми путями уцелевшую во всех бурях и тревогах последующих веков.

— Примерно здесь. Излучина Бронзовой Реки.

— Ну и дорожка же туда, помоги нам Дьюрин! — простонал Малыш, горестно хватаясь за голову. — Сплошные чащобы да болота...

— Да, Хенна благоразумно держится подальше от Моря, — заметил Форве.

— Ему это не поможет, — буркнул Торин.

— Как бы нас Скиллудр не опередил... — бросил Фолко.

— Не успеет. Хенна наверняка перед ним заслон оставил. — Фарнак пристально разглядывал карту. — Да и идти Скиллудр может только наугад. Войско у него большое — а вот такого невысоклика, как ты, почтенный хоббит, у него и в помине нет! То-то небось гадает сейчас, куда ему дальше двинуться...

Не прошло и часа, как небольшое — едва полторы тысячи мечей — войско снялось с бивуака и скорым маршем двинулось дальше. Эльдринги умели одолевать пешком по двадцать полных миль в день, неся на себе тяжелое вооружение и припасы, и при этом сохраняли силы для боя. Но пока им везло. Противника на пути не попадалось. Отряд шел через пустую, дотла разоренную страну, в которой не осталось ничего живого...

ДЕКАБРЬ, 20, ПОСЛАННИК ВЕЛИКОГО ОРЛАНГУРА

Это оказался долгий и нелегкий путь. Всего-то, казалось бы, покрой десятка два лиг — и вот оно, вожделенное, пульсирующее живым огнем Сердце!.. Но нет. Не зря, как видно, явились в этот мир посланцы Истинных Сил. Не иначе как их волей козьи тропы свились в тугой, неразвязный узел, их волей обманные мороки заманивали в заканчивающиеся глухими тупиками ущелья, их волей пропадала по дороге вода в источниках и пересыхали живые от века горные ручьи. Показал дно мешок с припасами...

Сперва посланник жаждал встречи — открытой и честной, чтобы сойтись грудь на грудь и одним поединком решить раз и навсегда, кому владеть величайшим в Арде сокровищем, но по здравому размышлению он отринул подобные помыслы. Он должен сделать дело, даже если прослывет последним трусом. Он не станет биться с явившимися от Заокраины. Напротив, всеми силами станет он избегать этой встречи, потому что не имеет права дать слепому случаю возможность решить исход подобной встречи не в свою пользу.

Однако Судьба распорядилась иначе.

Тропа вилась узким ущельицем, и посланник Великого Орлангура только-только начал радоваться, что впереди уже виден просвет и что эта дорога вывела его прямо на равнину, откуда уже рукой подать до обители Сердца, как скалы по бокам внезапно оборвались, точно разбившиеся о камень волны, и он увидел перед собой мирный, благостный пейзаж: деревья, сошедшиеся в тесный круг и сомкнувшие свои ветви так, что получилось настоящее жилище; немолодой изможденный человек, судя по лицу, из восточных племен; пес, что лежал рядом, прижав уши, и — еще двое: золотоволосая дева и мужчина, чьи пряди, казалось, отливали синевой.

Он попятился, но было уже поздно. Двое подняли взоры. И — разом улыбнулись.

Он перехватил бердыш для боя. Уйти не удастся, он понимал. Но никогда еще он не сдавался без борьбы — не будет такого и на этот раз. Держа оружие наготове, он мягким боевым шагом двинулся через лужайку. На ту пару он даже и не смотрел. Кто знает, может, ему удастся проскочить? Может, эти двое вовсе не расположены сражаться с ним?

— Остановись, — мягко произнес голос. — Остановись и поверни назад. Ибо не желаем мы твоей смерти. Вернись на приуготовленный тебе подземный путь и не мешай нам исполнить то, что должно!

Посланник не ответил. Руки закаменели на длинной рукояти тяжелого бердыша, им самим откованного в тайных кузнях Черных Гномов и давно уже готового к такой встрече. Мифрил и сталь слились воедино в лезвии, но, кроме них, было там и нечто еще, нечто такое, от чего в ужасе шарахались искушенные мастера Подгорного племени при одном взгляде на этот клинок. Потому что недаром топтал посланник Великого Орлангура тропы печальной страны Мордор, не зря, рискуя жизнью, рыскал по руинам Барад-Дура, до сих пор внушавшего ужас всему живому. Осколки темных ночных клинков, распавшись в тигле тайной мастерской, влились в чистый металл, придав ему убийственную силу... Не для боя со Смертными или даже Перворожденными скован был бердыш; долго он ждал встречи, что подобна нынешней, и вот наконец дождался.

Посланник шел дальше. И тогда перед самым его взором мелькнул огнистый росчерк чужого замаха. Длинный и тонкий клинок, словно золотой луч, прянул убийственным выпадом.

Взлетел подставленный бердыш. Тонкий клинок еще скользил по окованному железными полосами древку, а вытянутый острый конец бердыша уже летел в незащищенное горло темноволосого воина...

...И тогда его ударили в спину. Огнистая завеса заткала взор,

подогнулись враз ослабевшие ноги. Тягучая медленная боль поднималась от окаменевших ступней вверх, миновала колени, овладела поясницей и двинулась дальше. Когда она доберется до сердца, наступит конец.

Он еще сумел повернуться к ней, золотоволосой, что стояла, вскинув руки в вековечном жесте приказа и повеления.

— Так будет лучше, — услышал он ее слова.

«Горы, примите меня! Камни, расступитесь по моему слову! Земля, дай дорогу к Костям твоим, дай путь в твое лоно! Не хочу умирать я, как трус, под равнодушными лучами светила! Примите же меня, о горы!..»

...И последнее, что он запомнил, — безмерное удивление на сказочно прекрасном лице золотоволосой.

Разошлись черные губы земли, и Великая Мать приняла своего сына. Руки его по-прежнему сжимали бердыш.

ДЕКАБРЬ, 21, БЕРЕГ БРОНЗОВОЙ РЕКИ

Войско только-только выбралось на более-менее сухое место из гнилых и гиблых болот. Если бы не Рагнур и еще несколько южан из числа эльдрингов, в топях осталась бы половина войска. Впереди маняще посверкивала гладь Бронзовой Реки. Отряды остановились. Требовался хотя бы краткий отдых...

— Вернулись разведчики. — Форве говорил быстро и отрывисто. — Впереди, в лесу, — засада. Хенна не повторил прошлых ошибок. Теперь он встречает нас загодя. Наверное, выследить нас ему помог Адамант...

— Рано или поздно это все равно бы случилось, — заметил Маэлнор.

— Верно. — Фолко кивнул. — Драки все равно не избежать... ведь для этого мы и нанимали войско.

— Они думали, что сумеют укрыться от глаз эльфа Вод Пробуждения! — усмехнулся также ходивший в разведку Беарнас.

— Надо атаковать! — провозгласил Малыш, воинственно потрясая мечом.

— Верно, только давай сперва немного подумаем, ладно? — усмехнувшись, предложил Торин.

— Их там не меньше пяти тысяч, — произнес Амрод. — Много лучников. Есть тяжеловооруженные. Все тропы перегорожены завалами.

— Завалы-то ладно, как с лучниками совладать? — вздохнул Хьярриди.

— Как там в умных книгах сказано? «Удивить — победить!» — заметил Торин.

— Ну и чем же ты их удивишь? — подбоченился Малыш.

— Стойте! — хлопнул себя по лбу Фолко. — Кажется, у меня есть идея...

ДЕКАБРЬ, 22, ЧАС ПОПОЛУНОЧИ, ТО ЖЕ МЕСТО

Ночной лес вздыхал, ворочался под лоскутным, из туманов сшитым одеялом, поскрипывал, дышал. Тьма готова была в любой миг взорваться потоком колючих стрел. Эльдринги брели по грудь в вязкой болотной жиже. Связавшись веревками и вооружившись шестами, длинные цепочки воинов осторожно пробирались сквозь мрак, ведомые кхандцами-проводниками; кроме них, никто в войске не умел ходить по таким местам.

Фолко приходилось тяжелее других. Топь едва не накрывала его с головой.

Молчали. Ночь коварна, далеко разносит неосторожное слово, а успех всего дела зависел только от внезапности. Удастся застигнуть тарегов врасплох — считай, три четверти успеха уже налицо. А вот если не удастся... Но об этом Фолко думать себе запретил.

Мало-помалу дно трясины начало повышаться. Перемазанные с головы до пят болотной жижей эльдринги выбирались на твердое место — жуткие, словно упыри-кровопийцы из страшных сказок Черного Юга.

Сворачивали. Проклятый лес, застилающий взор не только тьмой, но и бесчисленными широченными листьями, в беспорядке свисающими сверху! Фолко поудобнее перехватил лук. Вместе с эльфами и принцем Форве он шел в первых рядах.

Стоп! Амрод внезапно вскинул руку. Да, там, впереди... Фолко вгляделся. Так и есть — дозорный. Ясно, что выставленный только для очистки совести — иначе его позаботились бы спрятать. А так бедняга торчал на самом виду.

Тьма казалась едва ли не непроглядной, но эльфам она не помеха. Чуть слышно (словно понимая, что нельзя выдавать своих) прогудела тетива эльфийского лука. Принц Форве начал этот бой. Дозорный схватился обеими руками за пробитое навылет горло и осел.

Однако он оказался не один. Его товарищи прятались за толстенным стволом рухнувшего лесного исполина и, едва шеренги эльдрингов поравнялись с ним, в свою очередь ответили стрелами.

Фолко первый раз отпустил тетиву.

Все, молчанию пришел конец. Теперь главное — орать погромче и пострашнее... В руках у эльдрингов один за другим вспыхивали факелы, а сами морские удальцы с громким победным ревом рвались вперед, играючи опрокидывая на пути разрозненные кучки панцирных воинов Хенны... И во все стороны летели факелы и зажигательные стрелы.

Между деревьев потянулись дымные шлейфы. Заплясали огненные призраки; эльфийское чародейство помогало огню поглощать и зелень листвы, и пропитанные водой мхи пополам с гнилушками. Ветер погнал пал на юг и юго-запад.

Пожар разом отрезал часть засевшего в засаде войска Хенны от наступающих эльдрингов. Немногих оставшихся — из тех, что засели на вершинах, — меткими стрелами сбивали эльфы, превосходно видевшие в темноте.

Фолко и гномам не так уж часто пришлось обнажать оружие. Внезапный боковой удар небольшого, но хорошо обученного войска морских удальцов не уничтожил, конечно, всех ему противостоящих, но отряды Хенны смешались, дрогнули и в беспорядке начали отступать. Лишь несколько раз, когда на пути эльдрингов попадались тяжеловооруженные тареги, Фолко, Торин и Малыш вступали в дело. Испытанным строем — Торин во главе, Малыш справа, хоббит слева — они врезались в ряды воинов Хенны, а спешащие следом эльдринги довершали дело...

Часам к четырем пополуночи бой стих. Войско охотников за Адамантом прорвалось, оставив позади горящий лес и мечущиеся в панике остатки тарегского воинства. Рядом спокойно текла Бронзовая, и совсем, совсем близко оказался вдруг вожделенный Адамант...

— Надо переждать до утра. — Форве устало спрятал лук. Колчан принца опустел, и — Фолко знал — ни одна стрела не пропала даром.

— Люди устали, — согласился Хьярриди.

— Нет, ждать нельзя! — встрепенулся хоббит. — Хенна отнюдь не дурак. Он уже наверняка знает о случившемся. И если он еще не полностью выжил из ума, то наверняка постарается оказаться от нас подальше!

— Может, и так, — согласился принц. — Но прочесывать эти леса сейчас, во мраке...

Принц был прав, и Фолко понимал это. Нужно было привести в порядок войско, обиходить раненых и лишь после этого двигаться дальше. Тем более что войск тут у Хенны как будто бы больше не было...

— Посмотри лучше, что там поделывает Злой Стрелок, — предложил Торин.

— Охо-хо... Смилостивься, о почтенный тангар! — взмолился Фолко. — Мне б поспать сейчас... А ты — Олмер, Олмер...

Однако это было лишь шуткой. Хоббит и сам чувствовал, что там, на севере, где действовал сам Олмер, и на юге, куда отправился Скиллудр, происходит нечто важное, и потому, собравшись с силами, он отправил в полет радужного мотылька...

Фолко видел мрачные и печальные пустоши Мордора, редкие и бедные деревеньки орков-землепашцев, сейчас совершенно опустевшие, и густые колонны войск, что двигались по старым

дорогам из Страны Тени в Кханд. Хоббиту казалось — он видит то, что происходит не только сейчас, но и недели назад.

Он видел, как Олмер говорил с орками. Он видел ярость на лицах старых орок, что в отсутствие мужчин приняли на себя власть в племенах, и видел темное пламя во взорах Злого Стрелка, когда он говорил о том, что пришло время последней битвы...

И слова его ужасали хоббита.

«Не с эльфами и эльфийскими прихвостнями должно нам сразиться ныне. Ибо, зрите! Аз есмь Олмер, Проклятье Запада, вернувшийся из Двери Смерти не для того, чтобы вести игрушечные войны с игрушечными королевствами за ничтожные клочки спорных земель. Нет! Я поведу вас на тех, кто есть ваши извечные враги, кто объявил вас «порождениями Зла», которым нет и не может быть пощады! Я поведу вас... нет, не против остатков Гондора — разве пристало нам добивать лежачего? Вы спрашиваете куда? Вы еще не догадались? Так вот, внемлите — мы двинемся Прямым Путем на Заокраинный Запад, в те пределы, куда вечно бежали пред вашей мощью устрашенные эльфы!.. Молчите? Поражены? Но разве бросал когда-либо слова на ветер Вождь Эарнил? Обманывал вас или обещал несбыточное? Вновь и вновь говорю я вам — я выведу вас на Прямой Путь! В застывший Валинор ляжет наша дорога! И там мы отомстим за все!..»

И над головами внимавших ему в едином порыве вздымались вновь извлеченные из тайников старые, видавшие виды ятаганы.

Орочье войско миновало восточную оконечность Эфель Дуата, Гор Тьмы, ступив в области Кханда. Быстрым маршем оно двигалось на юго-запад, по пути стремительно обрастая отрядами из местных племен. Сородичи Рагнура всегда слыли искусными и свирепыми воинами, многие поколения их были закалены непрестанными войнами с Гондором.

Северо-восточные рубежи Великого Тхерема стояли оголенными. Все силы поглотила безумная война с воинством Божественного Хенны; армия Олмера (небольшая, едва ли в двенадцать или пятнадцать тысяч бойцов) шла через Ближний Харад. По пути армия встретила высланный им навстречу сильный двадцатитысячный отряд из отборного резерва тхеремских войск; с высоты птичьего полета хоббит видел эту битву. Пешие воины орков встретили удар харадримов, укрывшись за наскоро сколоченными рогатками, и встретили врага ливнем стрел. Атака захлебнулась, и в это время Олмер вывел тщательно укрытую до времени кхандскую конницу... Тхеремцы в панике бежали; Олмер не преследовал врага, удержав своих воинов от жестокого истребления бегущих.

«Завтра они станут нашими союзниками!»

После этого войско разделилось. Фолко видел склонившегося в низком поклоне Санделло — Олмер поручал ему возглавить отряд в добрую треть войска и атаковать Хриссааду...

Пять тысяч орков и кхандцев против сильной крепости!.. Однако Злой Стрелок знал, кто идет приступом на харадскую столицу. Санделло атаковал с ходу, не утруждая себя изготовлением осадных машин и тому подобных устройств. Кхандская конница с налету захватила городские ворота и продержалась под натиском дворцовой гвардии тхеремского владыки до тех пор, пока не подоспели орочьи дружины. К вечеру в руках Санделло была треть города и дворец правителя. Однако на этом успехи окончились. Горожане собрались с силами, приободрились и сумели удержать остальную часть Хриссаады. Из глубины страны шли ополчения — плохо вооруженные, еще хуже обученные, но многочисленные; и вскоре отряд Санделло сам оказался в осаде.

Олмер же не терял даром времени. Его десятитысячное войско подошло к упорно оборонявшемуся эльдрингами Умбару. Собранные вокруг крепости соединенные армии Божественного Хенны и тхеремского владыки числом превосходили дружину Злого Стрелка — жалкую насмешку над его прежними армадами! — самое меньшее впятеро.

И тем не менее он атаковал. Внезапно, ночью, когда орочья пехота в полной мере могла показать себя. Темная волна орков перехлестнула через возведенный войском Божественного вал и пошла дальше, оставляя за собой одни лишь трупы. Кхандцы рубили всех, кто пытался бежать.

Атака Олмера, словно стремительный выпад, оставила глубокий шрам в рядах осаждающих Умбар. Прорвавшись к Морю, Злой Стрелок принимал с «драконов» припасы и подкрепление, готовясь к новым боям...

А на юге победоносно продвигался все дальше и дальше на восток Скиллудр, отрезая Хенну от его родных мест. Разбив в трех днях пути от Моря высланное ему навстречу войско, тан продолжал идти вперед.

Нападение на Хриссааду не прошло даром для осаждавших Умбар войск. Пресветлый властитель Тхерема вознамерился отвести свои войска от неприступной крепости, чтобы покончить с дерзким вторжением горбатого полководца, закрепившегося в столице Харада и отнюдь не намеревавшегося ее покидать...

Однако Хенна на сей раз, похоже, встревожился всерьез. И Адамант, повинуясь случайному своему обладателю, заполыхал в полную мощь.

ДЕКАБРЬ, 24, УТРО, БЕРЕГ БРОНЗОВОЙ РЕКИ

С востока шло новое войско. Впрочем, даже не войско, а так, достаточно крупный отряд тысяч в пять. Но за их спинами полыхал Адамант, превращая людей в разъяренных тигров.

Торин, Фолко и Малыш, как всегда, сражались в первых рядах войска.

Прижатые к берегу Бронзовой, эльдринги бились спокойно и твердо. Тяжеловооруженные, они стояли неколебимой стеной, выставив вперед копья; и первая атака тарегов разбилась об острые копейные навершия.

Нападающие отхлынули назад, замелькали стрелы. Эльдринги не остались в долгу: луки их были мощнее, стрелы летели сильнее и дальше, насквозь пробивая тарегов, не спасали даже доспехи.

— Надо идти вперед! — прокричал хоббит Фарнаку, когда он с гномами отошел с первой линии для краткого отдыха. — Долго мы тут не простоим!

Старый тан кивнул. В рядах эльдрингов взвыли рога. Железная черепаха строя поползла вперед.

Фолко, Торин и Малыш шли рядом. Вновь, в который уже раз. Сколько позади дорог, сколько сражений... казалось бы, таких непохожих и в то же время неуловимо одинаковых. Вот и сейчас. Смять ряды этих тарегов, вбить их в пыль, проложить себе дорогу к лесу и дальше, туда, где за лесными стенами пылает вожделенный Адамант...

Но тарегов, похоже, на сей раз гнала в бой Сила Пылающего Камня. На пути панцирной стены эльдрингов в мгновение ока воздвиглась не уступающая ей крепостью живая преграда тарегов. Они бились, не щадя себя, и даже все искусство боя северных удальцов не могло здесь помочь. Умирающие враги тратили последние мгновения жизни, чтобы еще раз выбросить вперед железо клинков, стараясь взять еще хотя бы одну эльдрингскую жизнь...

Никогда еще Фолко не сталкивался с такими врагами. Место павших тотчас занимали новые. Бреши мгновенно заполнялись. Одно изуродованное безумием лицо сменялось другим, мелькали и мелькали клинки.

Все медленнее поднимался испытанный боевой топор Торина. Все медленнее крутился стальной вихрь вокруг Маленького Гнома. Мало-помалу эльдринги начинали уставать. Они могли одержать победу, если бы прорвались сквозь тарегские ряды, однако в этой безумной рубке силы их тоже таяли — и достаточно быстро.

Первым опомнился Форве. Принц подбежал к Вингетору. Тан Фарнак, как и любой из эльдрингов, тоже сражался, точно простой воин.

— Отступаем! — прокричал эльф. — Отступаем, иначе здесь ляжет все войско!..

Он был совершенно прав. Тареги платили пятью за одного — и тем не менее могли позволить себе этот страшный размен.

Повинуясь командам рога, войско морских воителей попяти-

лось. Раз не удалось проложить себе дорогу силой — проложим хитростью!

Тареги тотчас ослабили натиск. Верно, небеспредельной все же была власть Камня, он не обращал тарегов, свободных и гордых людей, из чьего рода происходил и сам Хенна, в покорных, нерассуждающих марионеток. Слишком дорогую цену платило тарегское воинство за каждую отвоеванную у эльдрингов пядь окровавленной земли...

Наступил полдень. Наступил и прошел, солнце лениво проволокло свой пылающий диск по небесной тропе, мимоходом глянув вниз, где среди изумрудной зелени южных лесов люди убивали друг друга, уподобившись диким зверям, глянуло — и отвернулось. Нет преславной Ариен (хотя, говорят, отказав в свое время Мелкору, покинула она пределы Арды), нет солнечной Майа никакого дела до человеческих страданий, до стонов и воплей раненых, до предсмертных хрипов тех, кому сегодня суждено расстаться с земной юдолью...

— Нужно отходить, — угрюмо процедил сквозь зубы Фолко. — В лоб не пробиться...

Военный совет был краток. Понеся потери и не достигнув цели, войско эльдрингов оказалось обречено на сложное петляние по лесам, в надежде обмануть погоню тарегов...

ДЕКАБРЬ, 29, УМБАР

Один, даже самый удачный, удар Олмера не мог снять осады крепости. Тхеремцы и воины Хенны по-прежнему сжимали твердыню Морского Народа в железных тисках. Прорвавшись сквозь их ряды, войско Злого Стрелка дошло до Моря. А потом вдруг встало и внезапно огрызнулось в лицо преследователям вороненой сталью орочьих ятаганов. Из засады прянули кхандцы, и конница тарегов, не выдержав встречного боя, начала откатываться.

К ночи два войска застыли друг перед другом. Король-без-Королевства укрепился на прибрежных холмах, не иначе как чародейством обращая соленую морскую воду в пресную. Впрочем, военачальников Божественного (сам он не появлялся вблизи от вражеских линий) это не слишком беспокоило. Сил хватало и чтобы блокировать Умбар, и чтобы противостоять негаданно-нежданно явившейся к эльдрингам подмоге.

Однако сам Злой Стрелок думал совершенно иначе. Глухой ночью орки, пройдя по шею в воде мимо осадных линий тхеремцев, обрушились на их лагерь, точно ураган. Удар был внезапен и короток. Высланная погоня угодила на пики кхандской конницы. И вновь Олмер отступил к обрывистым холмам на морском берегу...

ДЕКАБРЬ, 25, ПЕЩЕРА ВЕЛИКОГО ОРЛАНГУРА

Удивительные глаза Золотого Дракона — о четырех зрачках каждый — неотрывно смотрели в серое зимнее небо. Здесь, в самом сердце Срединных Земель, зима лютовала вовсю. Высоченные сугробы вздыбились торжественной снежной стражей по обе стороны входа в пещеру. И впервые за многие, многие века по белейшему пуховому покрывалу от зияющего устья тянулся странный след — словно тут проползла громадная змея.

Дракон Познания покинул свое уединение. Он смотрел вверх — и взору его представал не плотный облачный щит, хранивший землю от кусачих морозных стрел, и даже не высокая голубизна зимнего неба, но чудовищное, непредставимое сплетение Сил, чей тугой клубок и обернулся Ардой, Королевством Земли.

Преодолев чудовищные пространства, прорвавшись сквозь тенета иных Миров, взор Духа Абсолютного Знания отыскал окруженный со всех сторон мраком клочок тверди, словно бы плавающий по волнам черного, непроглядного моря. Над островерхими черными же горами стояло слабое зарево — как будто там только-только зарождался день, сметая прочь клочья мрака. Но Великий Дух отлично знал, что это не так, что на самом деле ночь и день привычно чередуются там, даже в удалившемся из Кругов этого Мира Валиноре.

Впереди, перед стеной гор с одной-единственной узкой щелью долины, перед усыпанными жемчугом и самоцветами пляжами, среди темного моря замер небольшой островок. Хрустальные шпили, воспетые в рассказах Смертных об Авалоне, вздымались к непроглядному небесному куполу.

Взгляд Великого Дракона послушно явил ему и сам остров, очень быстро отыскав одного из обитателей.

В изысканном покое, в стоящем у окна кресле, с пухлой рукописью в руках сидел эльф, высокий, черноволосый, с кольцом на пальце; в объятиях золотого ободка мягко посверкивал громадный синий камень.

— Слушай меня, Звездный Купол. Отложи в сторону книгу и слушай. И обо всем, что я скажу тебе, должны узнать Валар.

Книга выскользнула из разжавшихся пальцев. Но собеседник Орлангура самообладания не потерял.

— Чего тебе нужно, враг?

— Я не враг тебе и твоему племени. Но могу стать им. Ты — самый разумный из всех твоих сородичей. Поэтому выслушай меня и не возражай. Пусть Силы Арды отзовут своих посланцев из Южного Харада...

— Но...

— Я сказал — не перебивай! Скажи только вот что. Равновесие

опасно покачнулось. Почему, отчего — Силам прекрасно известно. Но знают ли они, что иные, и не менее могущественные создания тоже пробудились к жизни? И даже если то, за чем Силы Арды охотятся, попадет к ним в руки, натиск Иного это не остановит. Передай им — пусть не мешают мне. Тогда все еще можно будет уладить. Если же они станут упорствовать...

Ослепительно-белым Светом полыхнула вершина исполинской горы, что вознеслась даже над иззубренными стенами охранных скал, и мягкий, но исполненный силы женский голос — низкий, грудной — медленно произнес:

— Ну вот и пришел твой час, о Тень Врага! Но мы никогда не нападаем внезапно, как ночные воры. Ты принимаешь вызов? Ты, кощунственно нарушивший предначертания Единого? Разве был ты в Великой Музыке?..

— Я принимаю твой вызов, — последовал холодный ответ. — И ты, и я знаем, чем закончится этот бой, но я готов заплатить и эту цену...

Глава 2

ЯНВАРЬ, 21, ПОБЕРЕЖЬЕ ЮЖНОГО ХАРАДА

Фолко сидел на плоском камне. У самых ног плескалось Море — синее, теплое, ласковое. И почему его сородичи так боялись этого беспредельного простора?.. Впрочем, неважно.

Болела левая рука, медленно наливаясь знакомой тяжестью.

Болит... болит и болит, память о ядовитом укусе Олмерова Кольца, и нет такого лекаря, что взялся бы избавить хоббита от этой напасти. Принц Форве снабдил хоббита густой, самолично им сваренной мазью — она немного помогала, но не излечивала.

После тяжкого перехода небольшое войско вышло к морскому берегу. Позади лежали десятки лиг смертоносных лесов, но что вспоминать все ужасы похода, если они здесь, если стучат топоры, сооружая укрепленный лагерь, если вот-вот должны подойти корабли...

Война за Адамант была в полном разгаре. Скиллудр, отрезав вторгшуюся в Харад армию Хенны от Хребта Скелетов, упрямо рвался на север, к застрявшей среди топей и болот ставке Божественного, что невдалеке от Бронзовой Реки; Олмер, точно голодный волк, кружил со своей небольшой армией вокруг Умбара; Санделло по-прежнему удерживал треть Хриссаады.

Фолко стиснул ладонями голову. По правде сказать, его уже не слишком занимала стратегия и тактика этой войны. Да, война — всегда война... но после грандиозного вторжения Олмера, когда

дрожали основы Мира, когда армады Востока рвались к Арнору через Врата Рохана, все было как-то по-другому. Честнее, откровеннее... А теперь? Олмер, похоже, привел под умбарские стены едва-едва десять тысяч мечей — Олмер, повелевавший целыми народами! Вся армия Божественного Хенны, что действовала в Тхереме, не превышала пятидесяти тысяч. Поневоле вспомнишь ту ужасающую армаду перьеруких, коих хозяин Адаманта безжалостно бросил на убой, бросил, похоже, с весьма нехитрыми целями — избавиться от лишних ртов, ослабить Тхерем, а заодно проверить силу собственного чародейства.

Да, Хенна — не Олмер. Куда как не Олмер... Фолко провел ладонью по лбу. Его не оставляло ощущение, что все эти мелкие походы, стычки, осады и даже штурмы есть всего лишь прелюдия к чему-то по-настоящему страшному, перед чем поблекнут даже ужасы вторжения.

Малыш занимался своим любимым делом — пускал «блинчики». Торин мрачно полировал топор. Войско должно отдохнуть... а потом — новый поход по уже известной дороге. И так до тех пор, пока этот распроклятый Адамант не окажется в их руках... чтоб ему вообще никогда не являться в этот несчастный мир! Вон Тхерем уже разорен мало что не дотла. А мы все бьемся и бьемся... за этот светящийся кусок камня, невесть откуда взявшийся и невесть почему такими Силами наделенный... Были моменты, когда Фолко (от отчаяния, не иначе) уже соглашался считать его осколком сгинувшего в земле Сильмарилла, если б сам не понимал — не может такого быть. Ни за что не может.

Рядом с хоббитом прикорнула, свернувшись клубочком, уставшая, измучившаяся Эовин. Ей минуло пятнадцать, и отныне никто в Рохане не осмелился бы назвать ее «девчонкой», не рискуя нарваться на звонкую оплеуху. Она молодцом держалась все это время, пока армия эльдрингов пробивалась к берегам Бронзовой Реки, и потом, когда они с тем же упорством стремились вырваться к Морю. Фолко редко видел ее в те дни: Эовин пользовала раненых, а он с гномами шел в рядах арьергарда, сдерживая постоянные атаки тарегов. Шла малая война, так хорошо знакомая хоббиту еще по Энедвэйту...

Что же дальше?

Отдохнуть, пополнить запасы — и вновь назад, к вожделенному Адаманту...

«А те воины, что сложат свои головы, добывая его?»

«Ничего не поделаешь».

«Кровь их — на твоей совести, хоббит».

«На моей совести кровь многих, которых я убил, потому что они хотели убить меня. Оставим этот глупый спор, слышишь?!»

«Слышу. Но если ты говоришь, что достоин владеть Адамантом...»

«Я не говорю, что достоин! Все, что я хочу, — это изгнать Зло из нашего Мира... все эти Кольца, Камни и прочее — не по нему».

«А ты уверен, что сумеешь? Ты ведь давно не заглядывал в свой перстень, не пора ли?»

И Фолко заглянул.

Окрепший дух его послушно воспарил в поднебесье, в один миг окидывая взором громадные пространства; неправильно это было, неприлично для добропорядочного хоббита, но Фолко уже и сам понимал — ему уже не место в Хоббитании. Родина будет жить без него... как жила все эти годы, пока он скитался по Средиземью...

Свет Адаманта растекся уже далеко, очень далеко, достигнув самых отдаленных краев громадного материка. И везде, куда только смогли проникнуть его лучи, Фолко видел только одно — кровь и смерть.

...Он увидел Брего, Третьего Маршала Марки, с каменным лицом приказывающего казнить Эомера и Теодвейн — брата и сестру, детей Эодрейда. Он увидел отряды всадников Рохана, бьющиеся друг с другом, — и впился зубами в ладонь, чтобы не закричать. Над Дунхарроу поднимались облака дыма, войско стояло под стенами Хорнбурга...

...Не лучше обстояло дело и у тех, кого принесло в эти края вторжение Олмера. Хегги и ховрары вспомнили какие-то давно поросшие быльем обиды, и приморские деревни распадались пеплом, а людей уводили в рабство, и не было различий между враждующими...

...Хазги сошлись с дунландцами, и смертоносный ливень тяжелых, пронзающих любой доспех стрел сметал ряды защитников Тусклоземья. Но и те не оставались в долгу — отряды хазгов попадали в засады, и тогда исход дела решали не луки, но мечи и копья...

...И в Гондоре, которому, как воздух, нужно было единство и спокойствие, озлобленные люди рвались на площади, схватываясь с королевскими стражами в стычках столь же бессмысленных, сколь и яростных. И гордые владыки Дол-Амрота вдруг вспомнили о текущей в их жилах эльфийской крови, презрительно отказываясь иметь дело с «худородными»...

...Беорнинги что-то не поделили с обитателями Рованиона; вспыхнул мятеж в Королевстве Лучников — Эсгарот требовал торговых льгот и привилегий...

...И даже в ряды гномов медленно, но неумолимо вползал роковой раздор. Фолко видел бредущих под снегом изгнанников: жалкие котомки за плечами, матери прижимают к себе плачущих малышей, хоть как-то пытаясь защитить их от холода...

— Превеликие Силы, — прошептал хоббит, не зная точно, к кому же он, в сущности, обращается. — Это что — все он? Адамант? Да кто же мы тогда — живые создания или чьи-то игрушки, если нас так легко заставить совершать подобное? Или прав был Мелкор: такое в природе всех Детей Эру? Нет, нет, не хочу верить! Это все он! Адамант! В Ородруин его... в Ородруин... пусть даже ради этого придется вновь убить Олмера...

Но разве совершенное Зло забудется так просто?

Фолко содрогнулся. Да. Верно. Не забудется. Ни теми, кто Зло вершил, ни теми, кто пострадал. Уголья мести вспыхнут пожарами новых войн; нет, нет, как же не правы те, кто надеется, будто Адамант станет служить им, точно преданный пес! Нужен такой вот Хенна... чтобы стать Божественным и гасить все ссоры и свары между своими... играя магией Камня, точно ребенок, и отправляя на смерть тысячи и тысячи...

«А что же у меня дома?! — вдруг мелькнула страшная мысль. — Что, если там... Бэкланд схлестнулся с Восточным Пределом, а Предел Северный — с Западным?.. Взглянуть?..»

Нет. Слишком страшно. Фолко помотал головой, и радужный мотылек, дивное эфирное создание, замер, слабо трепеща крылышками, зависнув на невообразимой высоте.

«Нет. Пусть это глупо, но... но я хочу верить! Я хочу верить, что дома все в порядке!.. Пусть я никогда больше не увижу Хоббитанию — но я хочу верить!..»

Теперь он вновь смотрел на перстень. Божественный Хенна перенес ставку чуть севернее прежнего. Он застрял здесь, в далеко не самых приятных краях Великого Тхерема, и Фолко понимал почему — Хенне приходилось вести войну в окружении. Хриссаада наполовину принадлежала горбуну Санделло и его отчаянному отряду; Олмер ловко кружил вокруг Умбара, раз за разом выигрывая мелкие стычки; Скиллудр отрезал пути на юг, в коренные владения тарегов, и новые их отряды, что шли из-за Хребта Скелетов, уже схватились с его многочисленным войском. Пока левая рука Олмера (правой, конечно же, оставался Санделло, хоть и действовал на левом крыле) успешно сдерживал натиск, перекрыв горные тропы...

Адамант теперь горел яростным, почти нестерпимым Светом. Его огонь въедался в сознание — да что там в сознание! — в плоть! Тончайшие струйки Света сочились сквозь твердь Арды, по мельчайшим, глазом не видимым путям достигали они Костей Земли, и все усилия Черных Гномов не могли исправить содеянное. Слабел крепчайший гранит, и миллионы раз прокованная сталь внезапно начинала гнуться...

А взор хоббита скользил все дальше и дальше, и он видел бушующие океаны подземного пламени — мрачного, алого, гневного. Древней ненавистью ярились его волны — казалось, они до сих пор хранили в себе боль и гнев Мелкора. Взгляд Фолко скольз-

нул вдоль черного жерла Ородруина: земные пласты послушно расступались, словно рассеченные гигантским незримым мечом.

«Адамант туда бросать нельзя», — внезапно подумал Фолко.

«Ты понял меня», — внезапно прозвучал в сознании странный голос.

Хоббит чуть не лишился чувств.

«Взгляни на север. Направь свои взоры ко мне».

Фолко уже понял, кто это говорит, но, повинуясь исполненному силы голосу, он направил радужного мотылька на север от негостеприимного Мордора. Степи, Рунное Море, шпили айборских башен... дальше!

Дорвагские леса, Гелийские Горы, Опустелая Гряда... О! Цитадель Олмера!.. Дальше... Дор-Феафарот... Баррский Хребет... Хоар...

Над заснеженными лесами медленно кружился Золотой Дракон, блистая в скупых лучах неяркого зимнего солнца. Он кружился плавно, очень аккуратно делая повороты, хотя Фолко внезапно понял, что вокруг крылатого чуда бушует и бесится неистовый, с корнем выдирающий деревья ветер.

«Орлангур... Я внемлю тебе, Великий...»

«Я покинул свою пещеру, потому что Адамант оказался куда опаснее, чем ты думаешь, опаснее, чем думают Валар. Это вещь не нашего времени. Кости Земли слишком слабы, чтобы выдержать ее тяжесть».

«Что нам делать с ним?»

«Не знаю».

Несколько секунд хоббит пытался понять услышанное.

«Что? Ты — ТЫ — не знаешь?!»

«Не знаю. Тебе и твоим товарищам пришла мысль бросить его в Ородруин, ведь так? Заклинаю тебя не делать этого. Ни от Гондора, ни от Рохана, ни от Мордора тогда ничего не останется. И это — самое меньшее, что я могу провидеть. Новое Море дойдет до Карадраса, и Мория, если ее пощадит взрыв, окажется затопленной. Это, повторюсь, самое меньшее».

«Что есть Адамант?»

«Равновесие требует от меня молчания. Чем меньше ты будешь знать, тем больше шансов, что я удержу раскачивающиеся все сильнее и сильнее Весы».

«Я понял. Что же нам делать?.. Понятно, я сам должен найти ответ... Может, принести эту вещь тебе?»

«Ты прав. Ты почти прав. Но огонь слишком глубоко въелся в плоть Арды. А она стара. И это молодое пламя из дней ее давно минувшей юности — не для нашего времени».

«Олмер хочет...»

«Да, вторгнуться в Валинор. Я надеюсь, этого удастся избежать».

«Почему же тогда ты сам не явишься на поле боя? Почему судьба Арды вновь решается без тебя?!»

«Ты до сих пор не понял? Действие равно противодействию. Если вмешаюсь я или в открытую вмешаются Валар — падение Весов неизбежно. А это — Дагор Дагоррат... которого десять лет назад удалось избежать лишь в последнюю секунду. Так что если тебе удастся вырвать Адамант и у Хенны, и у Олмера... тогда, не раньше, я приду за ним. Держись и помни — посланцы Валинора тоже здесь. И они тоже ждут. Но вот в чем их план — это я пока не постиг. Постигну непременно и буду знать точно — но это требует времени. Абсолютное Знание не приходит само по себе».

И вновь поход. Шла весна 1733 года, война за Адамант длилась и длилась. С томительной, тягучей повторяемостью вскипали сражения на Юге — Скиллудр крепко удерживал Хребет Скелетов, а его отборные части разбили войско перьеруких и тарегов близ озера Сохат. Санделло отразил отчаянный штурм Хриссаады и даже ухитрился захватить после него весь город. Держался Умбар, хотя войско Олмера и понесло изрядные потери. Все было как обычно. Ничем не примечательная война, каких хватало в любую эпоху Средиземья.

Фолко, Торин и Малыш сражались, как всегда. Голова оставалась холодной. Хоббит не чувствовал к своим противникам ничего, кроме жалости. И всегда, при любой возможности избегал убийств.

Медленно, куда медленнее, чем осенью, крошечное войско под командованием Фарнака, Вингетора и принца Форве продвигалось на восток. Шли через разоренные, опустошенные земли; ели только то, что несли на собственных плечах. Хорошо еще, что «драконы» могли беспрепятственно перебрасывать припасы из Гондора...

Прошли январь и февраль. Случайная стрела взяла жизнь пылкого Хьярриди. Гибли эльдринги, гибли их противники... Жернова войны крутились, перемалывая десятки и сотни жизней; и тут — как гром среди ясного неба! — пришла весть о победе Олмера под Умбаром...

...И защитники крепости, и тхеремцы, и тареги с перьерукими, и орки — все были крайне измотаны. Бесконечные штурмы, ночные схватки, атаки и контратаки — Олмер не давал осаждавшим вздохнуть спокойно. И наконец...

Очевидно, Божественному Хенне надоело топтание его ратей возле ненавистного Умбара. И строгий приказ, подкрепленный гневом Адаманта, вновь погнал бойцов на умбарские стены. Сильный отряд блокировал прижавшееся к берегу войско Олмера.

Слишком мало оставалось в Умбаре способных носить ору-

жие: многие ушли на юг с флотом Скиллудра, многих унесла война. И все же Умбар держался... пока тхеремский военачальник, что распоряжался здесь, не рискнул бросить в бой оставленные заслоном против Олмера тысячи. Замысел был прост: возьмем крепость — ничего он нам не сделает.

Атакующие уже вскарабкались на гребень стены, когда с дикими воплями орки Вождя Эарнила сами пошли в наступление.

Это был тот самый момент боя, когда эльдринги, уже почти уступив стену, еще отчаянно продолжали цепляться кое-где за башни и отдельные участки. И взлетевшее над рядами орков и кхандцев черно-бело-черное знамя Короля-без-Королевства заставило защитников Умбара вцепиться в оставшееся у них так, что никакие усилия уже не могли их оттуда выбить.

Разметав немногих остававшихся под стенами, войско Олмера ворвалось следом. В Умбаре началась кровавая резня, и мало кому из перьеруких, тарегов или тхеремцев удалось вырваться из этой бойни...

Не медля, Олмер метнулся на юго-восток, вслед отступающим разрозненным отрядам Божественного Хенны...

Они встретились на широкой равнине, что у самой границы леса и степи. Немилосердно палило солнце, и это мешало пешему войску орков; кхандцы же, напротив, были все, как один, бодры, веселы и заявляли, что достаточно намерзлись у берегов этого самого Моря, будь оно трижды неладно, и что перед боем хорошо как следует прогреть косточки.

Запасные полки Божественного вдвое превосходили числом всю армию Злого Стрелка.

Эодрейд Роханский, прямой потомок Эомера Эорлинга, стоял в первом ряду воинства Короля-без-Королевства. Как бы ни был потрясен вестью о возвращении Олмера Великого былой владыка Эдораса, с этим он уже давно справился. Вернулся и вернулся. «Значит, у меня появился, кроме Брего, еще один кровник. Вот и хорошо. Дождемся удобного случая». А пока он просто сражался — смело сражался, отважно сражался под заставляющим душу корчиться знаменем, где в белом кругу на черном поле виднелась черная же трехзубчатая корона.

Он не скрывал ни своего имени, ни происхождения. Среди Морского Народа многие знали его в лицо, и не спасла бы никакая скрытность. Дошли ли эти вести до Короля-без-Королевства, Эодрейд не задумывался. Ему было все равно. Он помогал тем, кто пришел на помощь ему в трудную минуту, — и этого ему было достаточно. Если же Олмер решит свести счеты с ним, Эодрейдом... что ж, это было бы лучше всего. Эодрейд мечтал о поединке с Королем-без-Королевства едва ли не сильнее, чем с Брего. Третий

Маршал всего-навсего приказал казнить его жену и детей — а Олмер залил кровью весь Рохан.

Вот и сегодня. Войско Олмера выстроилось для боя; казалось, Вождь Эарнил надумал, не мудрствуя лукаво, решить дело схваткой грудь на грудь. В середине замерли орки и пешие эльдринги, бока прикрывала конница кхандцев. Небольшой отряд лучников выслан вперед. Все.

Перед ними растянулась армия Хенны — кто это такой, Эодрейда не слишком занимало. Враждует с давшими ему приют — и этого достаточно. Былой хозяин Эдораса видел полки тхеремцев, конные и пешие, занявшие левое крыло; тареги обосновались справа. Все верно — сильные крылья и слабый центр. Эодрейд прищурился. Да, пожалуй, так бы начал и он сам. Атака перьеруких... ложное отступление... и потом удары далеко оттянувшихся крыльев. А что сделает Вождь Эарнил?

А Вождь Эарнил, похоже, как раз и собирался угодить в эту ловушку. Он явно намерен был атаковать — именно там и именно так, как хотели тхеремские командиры.

Начали орки-лучники, под градом их стрел (конечно, не чета хазгским, но тоже кое-чего стоят) перьерукие смешались. Так... пошли, повалили... схватились со стрелками... те рассыпались и отходят...

По рядам пеших воинов пролетела команда «Готовьсь!».

Странно, но, оказавшись в одном строю с орками, король Рохана не находил в себе прежней ненависти к ним. Не их ятаганами сокрушен был Рохан, но дунландскими мечами и ангмарскими арбалетами. А орки... что орки? Такие же, как и все, не хуже и не лучше.

Перьерукие почти добежали до первых шеренг войска Олмера. Почти добежали — и повернули назад. Немногочисленные лучники, что стояли в рядах пешего войска, послали им вслед стрелы. Так, все правильно... стоять на месте, и пусть ломают зубы... но вместо этого внезапно раздалось: «Вперед!»

«Они что, лишились рассудка? — успел подумать Эодрейд. — Сами лезут в пасть зверю!..»

Поток воинов подхватил его и понес вперед, следом за поспешно отступающими перьерукими...

И тут тронулись крылья. Тареги и тхеремцы склонили копья, готовые к сокрушительному удару накоротке.

Эодрейд не запомнил момента, когда над полем внезапно повис оглушительный рев: «Эарнил, Эарнил!»

Черно-бело-черное знамя трепетало над шлемом знаменосца. Впереди отборного отряда, привстав в стременах, летел Вождь. Следом за Королем-без-Королевства валом валила кхандская конница.

«Ничего странного, — отрешенно подумал Эодрейд. — Все,

что мог сделать ты, Олмер, — это бросить в бой свою конницу. Только едва ли теперь это поможет».

Олмер вырвался вперед, заметно опережая своих соратников. Во взнесенной руке Олмера король увидел длинный меч со странным черным клинком, от которого, казалось, катились волны сухого, злого жара.

Тхеремские конники прянули в разные стороны перед Олмером, словно плотва перед щукой.

Сухой жар сменился глубоким, ядовитым холодом. Эодрейд вдруг почувствовал, как на затылке у него зашевелились волосы. Нет, не зря смерть оказалась не властна над Королем-без-Королевства... иными, сверхчеловеческими силами оказался наделен он, хоть и не пускал до сего времени в ход...

Растерянность всадников левого крыла дорого обошлась воинству Божественного Хенны. Кхандцы опрокинули тхеремскую конницу и немного погодя ударили в бок и спину перьеруким.

Вскоре все было кончено. И хотя ятаганы орков вместе с мечами эльдрингов отведали вражьей крови, войско Хенны оказалось скорее рассеянным, чем перебитым. Уцелевшие поспешно отступали на юго-восток, туда, где располагалась ставка Божественного...

Это случилось девятнадцатого февраля.

ФЕВРАЛЬ, 22, ВЕРХОВЬЕ БРОНЗОВОЙ РЕКИ

— Дьюрин! Прям словно и не уходили никуда. — Малыш пыхнул трубочкой.

— Ага, на прежнее место и вернулись, — кивнул Торин.

Эовин молчала. В последнее время она вообще говорила мало. После того как юную роханку поглотила огненная стена, а магия Серого — или Олмера — уберегла Эовин от лютой смерти ее, единственную, — девушку словно подменили. Без единой жалобы она проделала весь путь от Умбара до Бронзовой Реки и потом от Бронзовой до морского прибрежья; без единого слова упрямо лезла вперед, когда небольшое войско Фарнака и Вингетора пробивалось сквозь леса и болота обратно к ставке Божественного.

Война пошла совсем не так, как это мнилось Хенне, еще полтора года назад никому не ведомому вождю небольшого тарегского рода. Нельзя сказать, что он действовал так уж бездарно. Напротив — со своими силами он сделал все, что мог. Но теперь уже было ясно, в чем корень его могущества. И хотя принц Форве тревожно хмурился при виде настоящих человеческих рек, что текли в обход озера Сохот на северо-запад, с боем пробиваясь через заставы Скиллудра, все понимали, что дело сейчас совершенно не в Хенне. Собственно, о нем теперь почти и не говорили. Все знали — суть не в том, чтобы разбить его войска или взять штурмом крепости. Дело только в Адаманте. В нем одном.

— Мастер Холбутла! — Эовин осторожно присела рядом с хоббитом.

— Слушай, когда ты перестанешь называть меня «мастером»! Уж сколько раз говорено...

— Тот, кто умеет делать что-то очень хорошо, — для меня мастер! — непреклонно отрезала девушка. — Мастер Холбутла... что-то я совсем запуталась. Мы воюем и воюем... за что? За этот сказочный Адамант? Но это... как-то до того пусто...

— Пусто? Верно. — Хоббит кивнул. — Ты права, Эовин. Пусто. Пусто, как и на любой из этих бессмысленных войн, которые есть никакое не геройство, а только кровь, грязь, страдание, смерть — и бесконечная усталость. — Он потер красные от недосыпа глаза: прошлой ночью тареги опять устроили налет на тылы войска... бой длился почти до утра. — Десять лет назад, когда мы дрались с Олмером, угроза была именно в его армиях, в его полках, в брошенных им на Запад народах... мы дрались с ними, и в этих сражениях каждое было решающим. А теперь — нет. Опасен не Хенна — хотя он, конечно же, тоже, — опасен Адамант. Вот он-то как раз и опаснее всех колец и олмеров, вместе взятых. Понимаешь?

— А если бы... если бы Адамант попал к Олмеру? Тогда, десять лет назад?

Фолко пожал плечами.

— Что гадать. Ты помнишь его слова, что в Средиземье у него нет врагов? Он, конечно, не жаловал эльфов... да и Гондор не шибко любил. Но Кольцо помогало его натиску... а Адамант... наверное, тогда он пошел бы еще дальше... и мучился бы не меньше. Потому что такому человеку всегда не по нраву, если его куда-то ведут...

— А что произошло бы, окажись Хенна... таким же, как Олмер?

— Да ничего бы не произошло. Наверное, получше бы распорядился своими перьерукими... а не гнал на убой. Хотел бы я все-таки знать, откуда они взялись. Что-то не слишком я верю, что он собрал такое воинство в Южных Пределах...

— А огненная стена? — перебила его Эовин.

— Почему Хенна не пустит ее в ход против нас? Ему пока еще нужен Харад... Он все-таки надеется здесь закрепиться...

События показали, что Фолко ошибался. И притом очень сильно.

В тот день, когда войско тхеремцев, тарегов и перьеруких было рассеяно Олмером и остатки его в беспорядке бежали, Санделло нанес свой удар. Ему противостояли только харадримы, и за свою столицу они сражались куда лучше, чем за какой-то там Умбар.

Однако осажденные и, казалось бы, накрепко запертые в стенах Хриссаады воины Олмера отнюдь не собирались тихо отсиживаться за крепкими бастионами вплоть до Второй Музыки Айнур. С темных ночных небес прямо к ногам Санделло рухнула, сложив крылья, маленькая летучая ящерка-улаг; в деревянной трубке таилось короткое письмо Вождя. Горбун молча перечел послание, покивал головой — и, подхватив свой странный кривой меч с девятью кольцами вдоль обуха, скомандовал коротко и негромко:

— Поднимаемся и пошли.

Они атаковали в полночь, когда унылая зимняя луна освещала испятнанные пожарами кварталы тхеремской столицы. Внезапно распахнулись городские ворота, а со стен вниз полетели десятки, сотни веревок и веревочных лестниц. Санделло атаковал не в сомкнутом строю, а в рассыпном, и каждый сражался как бы сам по себе...

Горбун шел первым. Правая рука сжимала эфес меча, левая держала клинок за проушину возле острия. И орудовал Санделло этим необычным, непривычным для Запада оружием с такой ловкостью, что казалось — меч этот есть продолжение его руки, что сама его плоть обрела способность рубить и колоть.

Смяв и разорвав первые ряды харадримов, орки и кхандцы горбуна мигом сбились в плотный строй и, ощетинившись копьями, пошли дальше, довершая разгром. Рассеянная армия осаждающих исчезла, точно дым под свежим ветром.

Небольшое войско горбуна скорым маршем шло на юг. О судьбе Хриссаады никто не думал — в этой войне истинные бои шли не за города и крепости.

ФЕВРАЛЬ, 26, ПРЕДГОРЬЯ ХРЕБТА СКЕЛЕТОВ, МИЛЛОГ И ОСТАЛЬНЫЕ

Они долго-долго оставались на одном месте. Миллог обжился, пообвыкся, жизнь в здешних краях оказалась легкой и приятной, несмотря на зимнюю пору. Почему так — ховрар не задумывался. За него вновь решали другие, а он просто покорялся этой мягкой узде.

Пес же, напротив, совсем исхудал. Кожа да кости, и глаза горят голодным огнем. Несколько раз Миллог замечал, как женщина склонялась над собакой, что-то негромко говоря ей на непонятном певучем языке, но ховрар так и не задался вопросом, что это значит. Он знал, что призван исполнить нечто очень, очень важное и, когда время придет, он все узнает сам.

В этот день с утра его спутники о чем-то долго и негромко совещались. А потом он услышал:

— Мы выступаем. День, когда будут возвращены все долги, уже совсем близок.

Неприметными тропами они двинулись на север.

ТО ЖЕ ВРЕМЯ И МЕСТО, ПОСЛАННИК ВЕЛИКОГО ОРЛАНГУРА

«Великие Кости Земли, как же мне больно! Проклятые, они добрались-таки до меня! Меня, посланника Великого Орлангура... но даже Дух Познания не ведает пределы сил тех, что явились из Валинора. Камни помогли мне, они выпили, высосали отравное вражье зелье, и теперь, когда они ушли отсюда, я могу покинуть подземную темницу. И — идти следом за теми, что мнят, будто они убили меня. Я покажу им, насколько велика их ошибка. Второй раз они меня не получат».

Серую тушу скалы медленно рассекала отвесная прямая трещина. Миг спустя из подгорной тьмы выступила коренастая высокая фигура. При каждом шаге посланник кривился от боли, но бердыш он сжимал по-прежнему крепко. Он знал, что Адамант сияет в полную силу и что, если он не остановит посланцев Заокраинного Запада, все планы и надежды отправившего его в путь Золотого Дракона рассыплются в прах.

Он ясно видел свежий след врагов. Он настигнет их... а потом они узнают, что бывает за подлый удар в спину.

ФЕВРАЛЬ, 27, ОКРЕСТНОСТИ СТАВКИ ХЕННЫ В ВЕРХОВЬЯХ БРОНЗОВОЙ

— Не было печали! — проворчал Торин. — Значит, нам теперь снова придется иметь дело с этой парочкой!

— В открытом сражении Хенну не одолеть, — покачал головой принц Форве. — У нас слишком мало сил. А он собрал всех, кого мог.

— Значит, надо, чтобы войско связало его армию боем, а мы в это время... — Малыш скорчил зверскую физиономию.

— Разумно, — одобрил Фарнак.

— Ничего лучше все равно не придумаем, — поддержал Амрод.

МАРТ, 1, ВЕРХОВЬЯ БРОНЗОВОЙ

Тысяча измотанных и усталых эльдрингов бросила вызов десятикратно сильнейшему войску Божественного. Со стороны это казалось чистым безумием — да так оно и было. На рассвете морские удальцы молча, без привычных боевых кликов, обрушились на еще спавший лагерь Хенны. Взлетел и опустился град зажига-

тельных стрел, началась беспорядочная свалка, в которой все преимущества оказались у эльдрингов: они бились небольшими плотными группами, прикрывая друг друга. Вместе с ними пошел Фарнак.

— Простимся, друзья! — Старый тан застегнул ремень шлема. — Мы их отвлечем. Делайте свое дело, и да поможет вам Морской Отец!..

— Всем нам только и осталось, что уповать на Морского Отца, — заметил принц Форве, тоже облачаясь в доспехи.

Фолко, Торин, Малыш. Эльфы — Форве, Амрод, Маэлнор, Беарнас. Кхандец Рагнур. Тан Вингетор. И еще две дюжины отборных бойцов.

Ночь стонала и выла тысячами голосов. Совсем рядом кипело исступленное сражение, и хоббит понимал, что времени у них совсем немного, пока воины Божественного не оправились от неожиданности. Адамант сиял рядом, совсем рядом... казалось — протяни руку — и он сам рухнет в твою ладонь.

Фолко знал — преследуя разрозненные отряды Хенны и харадримов, рати Олмера и Санделло неумолимо приближаются к ставке Божественного. Почему Хенна медлит? У него достаточно воинов, чтобы справиться с небольшим войском Фарнака и Вингетора, а вот Король-без-Королевства вкупе с горбуном едва ли окажутся ему по зубам.

— Вперед!

Ставка Хенны — широкий круг нарядных шатров — помещалась на вершине некрутого холма, вознесшегося над руслом Бронзовой.

Хоббит крепко зажмурился. Да. Адамант совсем рядом... и вся Сила его обращена сейчас на то, чтобы совладать с неожиданной атакой на лагерь. Все, ждать больше нечего. Пошли-и-и!...

Нельзя было дать ускользнуть Божественному. Ни при каких обстоятельствах. Пусть полягут все, кто идет в эту атаку, — все, кроме одного, чтобы нашлось кому унести с поля боя этот проклятый Адамант.

Фолко в последний раз проверил, легко ли вынимаются метательные ножи, в достатке ли стрел, — и, встав во весь рост, первым рванулся к шатрам.

Оказавшегося у них на пути часового свалила меткая стрела Маэлнора. Тревога поднялась почти сразу, и Фолко на бегу успел подумать — как бы Божественный не скрылся опять в последний момент; но тут в лицо внезапно ударило волной непереносимого жара, и остолбеневший хоббит увидел, как прямо от края шатров в ночное небо, разворачиваясь, устремилась тугая завеса огня. Пламя мгновенно сожрало тьму, сожрало и покатилось вниз по склону на север, туда, где внезапно раздались боевые рога чужого войска. Это шел Олмер, Злой Стрелок, Король-без-Королевства...

— Быстро же это он... — криво усмехнулся Маленький Гном, глядя на завернувшийся пламенный занавес. — Ну что, похоже, от одного врага мы таки избавились...

— Не так прост наш Вождь Эарнил, чтобы от какого-то там огня загибаться! — возразил Торин. — К тому же он в нем уже горел. Не впервой.

— Так тогда он один с Эовин и спасся! А войско-то — тю-тю!..

Окончить этот спор им не дали воины личной охраны Божественного, высыпавшие им навстречу.

Первый рухнул со стрелой Фолко в глазнице. Еще троих уложили эльфы. А еще миг спустя пришел черед мечей...

— Огонь, мой господин.

— Вижу, Санделло. Все, сдавай команду. Твои тысячники разберутся. Огонь идет прямо на нас... но это ничего. Войско уйдет... а мы с тобой пройдем и сквозь пламя. Ты, я, и... Оэсси!

— Я здесь, отец.

— Хорошо. Санделло!

— Да, мой господин.

— Ты не сомневаешься? Ты готов?..

Горбун только усмехнулся уголком тонкогубого рта.

Три фигуры в доспехах, с мечами наголо шли навстречу надвигающейся огненной смерти.

— И потом войско нам, боюсь, уже не понадобится, — негромко произнес Олмер.

— Да. Я распорядился, — глухо откликнулся горбун.

— Отлично. *Там* ратной силой ничего не сделаешь. Так что пусть уходят. Кто знает, может, мне и удастся напоследок расшевелить этот муравейник... — задумчиво проронил Олмер.

Стена пламени надвигалась. Вновь, как и на безымянном поле в Южном Хараде, где полегли бесчисленные рати перьеруких, огонь наступал там, где, казалось, никогда бы не нашел для себя пищи. Но его поддерживали иные Силы; правда, о том, кто идет им сейчас навстречу, они не догадывались.

Санделло невольно поднял руку. Жар уже начал опалять лицо.

— Вдохните поглубже и не отставайте от меня, — распорядился Олмер. В следующий миг он рванулся вперед — прямо в самое сплетение тугих огненных вихрей.

«Только бы он не сбежал, только бы он не сбежал», — как заклинание, твердил про себя Фолко. Вокруг золотого шатра развернулась нешуточная схватка, стражи Божественного отличались свирепостью и воинским умением. Высоко-высоко, едва ли не до самых звезд поднялась огненная стена; стало светло, как днем. Внизу, в лагере, все еще продолжалась битва, хотя шум сражения явственно отдалялся — тареги теснили морских удальцов.

Колчан хоббита почти опустел. Небольшой отряд прошел по телам воинов Божественного; в первых рядах бились гномы, эльфы принца Форве прикрывали их не знающими промаха стрелами, тратя на прицеливание меньше времени, чем обычный человек — на то, чтобы мигнуть.

Фолко выпустил последнюю стрелу и выдернул меч. Отбил ложный замах... поворот... атака! Клинок нашел слабое место в доспехе тарега, Фолко перешагнул через упавшего, чтобы тотчас же отразить новый удар. «Если Хенна не дурак, то ему надо бы сейчас скрыться; хотя, вполне возможно, для поддержания огненного заклятья требуется сидеть на одном месте...»

Хенна не сидел на месте. Однако же он и не пустился в бегство. Входной полог золотого шатра отлетел в сторону, в проеме появилась фигура человека.

Он был обнажен до пояса, на груди, сияя нестерпимым Светом, висел Адамант. В руках Хенна сжимал не меч, не топор и не молот, а широкий изогнутый меч, подобный тому, что принадлежал Санделло, насаженный на длинное копейное древко.

Торин зарычал от боли, невольно отворачиваясь, — Свет Адаманта хлестал по глазам, точно раскаленная плеть. Малыш, довершая движение, проткнул насквозь еще одного тарега — и, тоже не выдержав, закрыл глаза локтем. Принц Форве, плотно зажмурившись, выпустил стрелу — широкое лезвие перерубило ее в воздухе. Хенна громко расхохотался — безумным, диким смехом. Похоже, он уверовал в собственную неуязвимость.

— Кул-ла, кул-ла, Хен-на! — взвыл он нечеловеческим голосом, и остатки его ближней охраны, забыв обо всем, ринулись на горстку дерзких бойцов. Сам Хенна шел в первых рядах. Смотреть на Адамант было невозможно.

Несколько стражников сразу же упали, пронзенные стрелами. Но потери не обошли и соратников хоббита. Рагнур со стоном зажимал ладонью широкую рану в левом боку, откуда хлестала кровь; Вингетор сразил троих, прежде чем удачно брошенное копье вонзилось ему между лопаток...

— Кул-ла! Хен-на!

Как тяжело бьется сердце... как медленно двигаются руки, словно Свет Адаманта обратился в липкую паутину...

Хоббит бился вполоборота к Божественному, несколько раз Фолко спасала от верной смерти лишь несравненная мифриловая броня. Меч хоббита стал алым по самую рукоять, под ногами громоздились тела.

А тем временем Хенна сам вступил в бой, и лезвие его странного оружия тотчас же проскрежетало по пластинам брони Торина.

Тангар ответил стремительным выпадом, Хенна подставил древко, поворачиваясь грудью к Торину. Свет Адаманта ударил

тому прямо в глаза, и в тот же миг выпущенная принцем Форве стрела вонзилась Хенне в грудь.

Божественный лишь издевательски захохотал, выдергивая древко из раны.

«Он что, неуязвим?.. Но ведь Олмер прошлый раз чуть его не прикончил...»

Тем не менее возня Хенны со стрелой дала Торину время прийти в себя. Охранники Божественного наседали с боков — там их встречали эльфы; вокруг вождя тарегов возникло пустое пространство, но даже Фолко, Торин и Малыш сдерживали Хенну с огромным трудом.

Не теряя времени, хоббит рванул из ножен кинжал Отрины. Чего ждать, похоже, обычное оружие тут бессильно. И верно — Хенна отбил древком меч Маленького Гнома, но короткая дага, продолжая атаку, ударила Божественного в бок. В следующий миг лезвие кривого клинка Хенны скользнуло по ноге Малыша. Мифрил выдержал — но вот сам Строри растянулся на земле.

Фолко взмахнул рукой. Синие цветы на лезвии пылали; сейчас, сейчас зачарованное лезвие найдет цель, и посмотрим тогда, поможет ли тебе Адамант, о Божественнейший Хенна!

Но у синего лезвия, оказывается, имелись свои собственные счеты с Адамантом. Хоббит целился в горло врагу, однако клинок почему-то ударил намного ниже, острие высекло искры из блистающего бока дивного Камня. Высекло — и бессильно скользнуло куда-то вниз, в темень, под ноги Хенне.

Адамант внезапно залило алым — точно от гнева. Хенна с коротким криком пошатнулся, из оставленной кинжалом Малыша раны на боку выплеснулась кровь.

Торин тотчас же рванулся вперед. Напрасно. Кривое лезвие Хенны высекло искры, соскользнув по боковине шлема. Оглушенный гном пошатнулся.

«Он неуязвим! — мелькнуло в голове хоббита. — Адамант защищает его... а Камню нипочем даже кинжал Отрины!»

Форве тремя неразличимыми, сливающимися движениями послал сразу три стрелы — все напрасно. Он хотел ослепить Божественного, но, не долетев до Хенны, древки вспыхнули — настолько яростно пылал Камень.

Спина Олмера исчезла в крутящемся рыжем вихре. Не колеблясь, Санделло шагнул следом, в последний миг ощутив вцепившуюся ему в локоть руку Оэсси. Горбун усмехнулся, забыв даже о бушующем вокруг огне.

Нельзя сказать, что они ничего не чувствовали. Было очень, очень, очень жарко; мгновенно накалились доспехи. Шаг, другой, третий... но вот рычащее пламя внезапно осталось позади, а на

черной, обугленной земле стоял Вождь. С печальной усмешкой он сказал вынырнувшим следом дочери и вернейшему из сподвижников:

— Сквозь огонь мы шли последний раз.

— Что? — не поняла Оэсси.

— Моя сила... она иссякает... — Олмер бледно улыбнулся. — Кто-то точно отмерил ее пределы... Строго для определенного дела...

— Ты о чем, отец? — Оэсси заглянула ему в глаза. Санделло заметно помрачнел.

— Ни о чем, дочь, ни о чем. Идемте. Кажется, нам туда...

...Столкнувшихся с ними стражников Хенны рубили Санделло и Оэсси. Олмер шагал, опустив голову, и, казалось, ничего не замечал вокруг. Губы его шевелились, шепча какие-то слова; в эти мгновения он как никогда напоминал того, прежнего Вождя, который — уже не человеком — вступал в пылающий эльфийский город.

Впереди появились шатры.

— Господин! Там... сражение! — Санделло обернулся к Олмеру.

— Что ж, не удивлюсь, если наш храбрый половинчик раньше всех успел к сокровищу, — ровным голосом ответил Олмер. — Только это уже не важно. Удержите охрану на расстоянии... пока я буду говорить с Хенной. Долго это не затянется, я знаю. А вот потом...

— Отец, ты говоришь — половинчик? Фолко? Но ведь у него полно всяких эльфийских штуковин! Что, если Адамант достанется ему?! — не выдержала Оэсси.

— Не достанется, — отрезал Злой Стрелок.

Они тяжело дышали, стоя друг против друга. Бой окончился. Адамант гнал людей на смерть, но не мог прибавить им воинского умения. Стражи Божественного Хенны почти все были мертвы.

Маэлнор сидел, зажимая рану. Между пальцев тонкими ручейками струилась кровь. Принц Форве кое-как замотал рассеченный лоб какой-то тряпицей. Оружие тарегов попятнало и остальных.

Мифриловые доспехи спасли друзей, но сияющий Камень даровал неуязвимость и Божественному. Раны на его теле остались просто алыми росчерками — словно льющийся из кристалла пламень мгновенно прижег их.

У хоббита остался один лишь меч. Кинжал Отрины валялся там же, где и остальные метательные ножи, — под ногами хозяина Адаманта. Выбившийся из сил Малыш и вовсе плюхнулся на землю, опираясь на эфес воткнутого меча. Лишь Торин оставался в боевой стойке, с топором наперевес.

Хенна издевательски расхохотался, но хоббит явственно различил в этом смехе нотку безумия. Широкий клинок Божественного со свистом рассек воздух...

Как бы ни были хороши мифриловые доспехи, уязвимое место отыщется всегда.

Первый удар Торин отразил. Малыш вскочил, поднимая клинки... и тут внезапно раздался спокойный голос:

— Сразись лучше со мной, Хенна.

Божественный резко повернулся — и при этом ловко сшиб Торина с ног хитроумной подсечкой.

Шагах в десяти от него стоял Олмер. Справа замер готовый к бою Санделло — правая рука на эфесе, левая держит меч за проушину возле острия. Слева — Оэсси, перед грудью поднята легкая сабля.

Хенна издал короткое рычание. Не обращая более внимания на Фолко и гномов, он шагнул к Олмеру, поднимая над головой свое жуткое оружие — Фолко назвал его про себя алебардой, хотя, конечно, на те алебарды, которые ему доводилось видеть в Арноре или Гондоре, оружие Хенны походило весьма мало.

Уцелевшие прислужники Хенны вновь ринулись на Фолко и его спутников, бессмысленно жертвуя собой...

Олмер не сдвинулся с места. Однако вновь, как и в битве под стенами Серой Гавани, вперед шагнул Санделло, заслоняя собой Злого Стрелка. Оэсси прыгнула, оказавшись от Хенны слева.

Божественный больше не смеялся. Широкое лезвие его оружия уже летело вперед... но горбун, лишь чуть-чуть повернувшись, как-то резко, косо взметнул меч — и лезвие Хенны заскрежетало по кольцам на обухе оружия Санделло. Полетели искры.

Олмер молчал. Глаза его были закрыты. И Черный Меч без дела оставался в ножнах.

Горбун и Хенна бились молча. Божественный владел странным, незнакомым западным воинам искусством боя, но и Санделло, похоже, черпал из тех же источников. Он не уступал противнику, и тому никак не удавалось зацепить верткого горбуна — лишь лезвие щербилось, скрежеща по кольцам обуха. Оэсси ринулась было на Хенну сбоку — и тотчас же получила жестокий удар торцом древка. Несмотря на доспехи, девушка согнулась пополам, медленно опустилась на колени, а потом с тяжким стоном завалилась на бок.

Откуда-то к Божественному подоспело подкрепление, и Фолко не видел, как Санделло удалось перерубить толстое древко в руках Хенны; однако тот ничуть не смутился. Обрубок превратился в дубинку, а сильно укоротившуюся «алебарду» Божественный теперь держал одной рукой.

— Хватит, Санделло. Я готов, — негромко проговорил Олмер — и слова его услыхали все без исключения сражавшиеся.

Острие Черного Меча смотрело в грудь Хенне.

Однако горбун словно бы и не слышал слов Короля-без-Королевства. И тогда рука Олмера рванула его за плечо, без всякого сомнения отбрасывая в сторону...

Черный Меч описал дугу. Клинки сшиблись, в землю прянул сноп зеленоватых молний. Фолко показалось, что Меч Олмера закричал от ярости.

Адамант на груди Хенны превратился в огненное облако. Уже не светящийся Камень — но клуб гневного Света; лучи его стали стрелами, Сила потекла к лезвию меча в руке Божественного.

Фолко невольно пошатнулся. Вновь, как и в битве у Серой Гавани, лицом к лицу столкнулись два Начала... только на сей раз хоббит не знал, кому он желает победы.

А битва вокруг Хенны и Олмера мало-помалу стихала. Опускали оружие и тареги, и эльфы, и гномы. Вся, без остатка, сила Адаманта оказалась пущена в ход против Черного Меча.

А вдалеке рухнула, рассыпавшись на множество отдельных пожаров, подъятая магией Камня истребительная огненная стена.

Вскочив на ноги, ринулся в бой Санделло — и отлетел, натолкнувшись на незримую преграду, как и Фолко с гномами тогда перед площадкой, на которой столкнулись Король-без-Королевства и Кэрдан Корабел...

А вокруг холма, где шло сражение, стремительно стягивалась тьма. Однако... странно, там, в ее глубине, к холму мало-помалу приближались две золотистые искры... что бы это могло быть?..

«...И тогда из рядов черного воинства вышел человек, без шлема, русоволосый и русобородый...»

«Битва продолжалась. Армия Света затянула прорехи в своих рядах».

«Черный Меч был в его руке, на плечах — видавшая виды, не раз чиненная, испытанная кольчуга. Не тварью из Мрака и Тьмы был он — живым, из плоти и крови, человеком...»

Фолко видел, как призрачные армии разворачивались для последней битвы.

«Он шел навстречу летящим прямо к нему всадникам и, казалось, усмехался им прямо в лицо...»

«Всадники оставались пока поодаль...»

«...Вперед вырвалась воительница в сияющей броне, верхом на единороге, и между раздвоенного навершия ее копья дрожало и горело маленькое солнце...»

«Да! Она! Та самая, что почудилась хоббиту в небе над гибнущим эльфийским городом! Белый единорог! И двузубое странное копье в тонкой руке, копье, увенчанное маленьким солнцем!.. Во весь опор неслась всадница к замершему Олмеру; Черный Меч замер, готовый и атаковать, и защищаться».

«...Я не хочу убивать тебя... — имя затерялось в громе битвы».

И на сей раз имя прекрасной всадницы осталось неведомым.

Черный Меч ударил — только на сей раз его лезвие рассекло древко солнечного копья. Конь на всем скаку опрокинул Олмера наземь; издав сдавленный вопль, Злой Стрелок рухнул, но рука его намертво стиснула пылающий шар.

Морок исчез.

На опаленной молниями земле ничком лежал Божественный Хенна, а над его телом, пошатываясь, стоял на коленях Олмер, сжимая вожделенный Адамант.

Все последующее произошло настолько быстро, что никто не успел даже шевельнуться.

МИЛЛОГ

В вершину холма непрестанно били молнии. Горели шатры, но каким-то тусклым, слабым, чадящим пламенем. На земле лежали тела — много тел. Пес выл и жался к ногам ховрара.

— Иди вперед, — услыхал он. Женщина замерла, и ее дивные золотистые волосы струились под дыханием невесть откуда взявшегося ветра. — И не забудь про меч!

На поясе ховрара и впрямь висел короткий меч, откованный кузнецом его племени. В клинке не было ничего особенного, кроме одного — он был *ховрарским.*

Следом за Миллогом увязался и пес. Сзади, шагах в десяти, шли золотоволосая и ее спутник.

Ховрар шагал, почти ничего не видя перед собой. Нечто куда более сильное, чем воля бывшего сборщика податей, влекло его вперед. Вскоре он увидел застывших на вершине холма людей (казалось, они только что сражались) и...

Тот, чья рука держит нечто сияющее! (Что именно — неважно.)

Это... Это же Серый! Самоубийца, последние слова которого были обращены к нему, Миллогу!

«Вот я и нашел тебя, — с искренним облегчением подумал ховрар. — Сейчас я тебя прикончу, и все будет хорошо».

Серый медленно выпрямлялся, неотрывно глядя на светящийся предмет в своей ладони. К нему шагнул странного вида горбун с широким кривым мечом, очень похожий на... Но Миллога уже ничто не могло остановить. Без всяких хитростей и уловок он шагнул в круг света и замахнулся мечом.

ФОЛКО

Откуда взялся этот странный, дикого, изможденного вида человек, облаченный в жалкие лохмотья, что заменяли ему одежду? Почему никто не заметил, как он оказался рядом?..

Первым меч в руке чужака заметил, конечно же, Санделло.

Горбун рванулся наперерез, уже поднимая собственный клинок для неотразимого удара, но... Чужак лишь небрежно отмахнулся коротким широким мечом — и горбун, пошатнувшись, рухнул навзничь. Он остался жив и невредим, но единственное мгновение, в которое он еще мог остановить пришельца, упущено.

Олмер по-прежнему смотрел на Адамант.

Выйдя из оцепенения, Фолко рванул было с плеча лук — но колчан уже давно опустел, и гнезда метательных ножей на перевязи — тоже.

Злой Стрелок повернулся только в последний миг. Мельком глянул на занесшего меч Миллога... и хоббит готов был поклясться, что лицо Злого Стрелка исказил самый настоящий ужас.

ПОСЛАННИК ВЕЛИКОГО ОРЛАНГУРА

Он узнал его тотчас. Да, да, конечно. Он видел этого несчастного возле явившихся из Валинора.

«Они думали, что прикончили меня... они ошибались».

Но зато они позаботились прихватить с собой Погибель Олмера. Да, именно Погибель Олмера. Тот, кому всемогущей Судьбой предопределено убить его. И если это так, то будь он хоть безоружным и беззащитным мальчишкой — он свалит опытнейшего воина, и никто не в силах будет ему помешать.

Посланник видел, как взлетел меч, видел, как Олмер попытался вскинуть свой Черный Меч для защиты, но острие неожиданно зацепилось за пояс лежащего Хенны — и клинок опоздал. И тут откуда-то сзади вылетела стремительная серая молния.

Пес. Обычный пес, каких полно в людских селениях. Не маленький, но и далеко не из самых крупных. Он прыгнул прямо на спину замахнувшегося мечом человека — мощные челюсти сошлись на шее Погибели Олмера...

Человек закричал. Однако меч его ударил не пса — тогда, быть может, еще оставались шансы выжить, — а начавшего подниматься с колен Олмера. По самую рукоять погрузился клинок в грудь Злого Стрелка... вырвался из раны... и только потом ударил пса в бок.

ФОЛКО

Рухнули все трое — Олмер, чужак и перекусивший чужаку шею пес. В следующий миг хоббит оказался уже у Адаманта... по-прежнему чистого, не запятнанного кровью Адаманта, зажатого в неподвижной руке Олмера.

Слуги Божественного, подвывая, бросились бежать. Их никто не преследовал.

— Стойте! — прозвенел внезапно чей-то властный, повелительный голос. Фолко вмиг охватило какое-то странное оцепенение... пальцы тянулись, тянулись к Адаманту — и никак не могли дотянуться.

Санделло и Оэсси тоже разом кинулись вперед — но не к Адаманту, а к поверженному Олмеру. Но, опередив их, первой у тела оказалась иная пара — настолько странная, что Фолко, увидев их, от изумления даже позабыл об оружии.

Золотоволосая, молодая и прекрасная, несущая на челе поцелуй Вечной Весны, и ее темнокудрый спутник — воплощение Силы. Невредимыми прошли они мимо эльфов Форве, мимо гномов, даже мимо горбуна с Оэсси. Тонкие мягкие пальцы коснулись Адаманта. По телу Злого Стрелка прошла внезапная судорога.

«Они забирают Адамант! Кто они?.. Зачем?.. Куда?..» — суматошно метались мысли хоббита. Он уже выпрямлялся, сжимая в одной руке эфес меча, а в другой — поднятый с земли кинжал Отрины, когда из мрака за спинами гномов внезапно вынырнула коренастая и мощная фигура с длинным бердышом в руках...

Хоббит разинул рот, потому что уже почти десять лет не числил новоприбывшего среди живых.

— Отдай! — гаркнул Наугрим, взмахивая оружием. — Я отнесу ЭТО Великому Орлангуру!

На прекрасных лицах его противников отразилось легкое удивление.

Бердыш со свистом рассек воздух... и был со звоном отбит в сторону — темноволосый мужчина небрежным движением вскинул длинный и тонкий меч.

Перстень на руке хоббита внезапно сделался нестерпимо горячим. Радужный мотылек рвался из каменного плена, словно хотел помочь.

Пришло время выбирать, мастер Холбутла, подумал хоббит. Наугрим... неважно, откуда он взялся. Его слова: «Я отнесу ЭТО Великому Орлангуру...» То, что сделал бы и он, Фолко...

Как долго тянутся секунды!

Радужный мотылек в один миг оказался возле сына Синего Мага. Да. Он говорит правду. В сердце его и глазах нет лжи. Он отдал бы Адамант Духу Познания...

Но, может, эти двое тоже...

Золотоволосая заговорила на Всеобщем Языке, звонко чеканя слова. И заключенная в ее словах сила заставила всех опустить оружие. Всех, даже неистового Наугрима.

— Осколок Чаши, той, что хранила в себе Первозданное Пламя, то самое, что дарило некогда Свет Средиземью! Он вернулся к нам сквозь тьму бессчетных веков! Лишь один Предвечный Король, восседающий на вершине Таникветила, властен распоряжаться им. Дайте нам дорогу! Мы уходим в Валинор. Человек по имени Олмер исполнил свой долг. Ему дарованы были силы, чтобы

справиться с именовавшим себя Хенной. А нить его судьбы оборвал тот, кому назначено было стать Погибелью Олмера... Предначальный Свет отправится в Валинор... чтобы, когда минует День Последней Битвы, Великая Музыка сопровождалась бы лучами этого Истинного Света!

Все оцепенели. Выходит, они зря боролись?..

Далеко-далеко на северо-восток от Харада тот, кого Смертные именовали Духом Познания, тоже услыхал эти слова. Но, кроме них, он видел и слышал также многое другое. И в пределах этого мира, и за его пределами.

«Они не вняли мне».

Прокатился мягкий, очень-очень дальний гром.

«Пора. Равновесие рушится».

Глаза Дракона внезапно сделались алыми.

Золотые крылья развернулись. Тело взвилось над землей. Застонал беспощадно рассекаемый воздух: оставляя за собой огненный росчерк в темном небе, Дракон мчался на юг.

Кости Земли дрожали и покрывались паутиной трещин на его пути. Но это уже ничего не значило.

Он должен успеть. Успеть прежде, чем оттуда, из-за непознаваемых пределов этого мира, придет убийственный ответ. И неважно, что именуемые среди эльфов Валар здесь ни в чем не виноваты. Они послали своих слуг... но, даже овладев Адамантом через руки Олмера, они разрушили хрупкое Равновесие, что установилось после гибели Мертвецкого Кольца. И это значит, что Адамант более не может оставаться в этом мире.

Огненная черта наискось перечеркнула небо. Он услышал знакомый голос, сейчас полный сдержанного торжества.

— Ты не забыл, что ныне уязвим, о Тень Врага?

— Не забыл.

Внизу промелькнули мордорские хребты.

— Тогда остановись.

— Никогда.

— Ты не боишься быть извергнутым во Тьму Внешнюю?

— Размышлять я смогу и там.

— Но мы способны на большее.

— Сие мне ведомо.

Вот и Харад. А вот и...

— Остановись!

Дух Познания не ответил. Он очень спешил. И все-таки — не успел.

— Сладкие словечки! — яростно прогремел Наугрим. — Вы хотите приберечь все для себя и не знаете, что произойдет, останься эта вещь в Мире!

Золотоволосая усмехнулась. Ее спутник шагнул вперед, опуская меч, словно вокруг уже никого не осталось.

И тогда залитое кровью тело Олмера шевельнулось. Пальцы стиснули Черный Меч. А миг спустя, сбросив тела бедняги Миллога и пса, отомстившего за господина, Злой Стрелок поднялся.

— Повернись, — прохрипел он.

Дивный клинок черноволосого посланца ответил вместо слов. Взметнулся Черный Меч. С криком рванулась вперед Оэсси, за ней — Санделло.

— Стойте!.. — Олмер пошатывался, но глаза горели таким огнем, что казалось — в них сейчас заключен весь Свет Адаманта. — Это... поединок!

Вокруг посланцев Валинора сомкнулся круг. Фолко, Торин, Малыш, Наугрим, Форве и его эльфы...

— Поединка не будет, — прозвучал ясный, чистый голос золотоволосой красавицы. — Ты мертв, Олмер, и Дверь Ночи уже распахнута перед тобой... Что же до тебя, Форве, — стыд и позор тебе! Ты должен помочь нам! Освободи дорогу!

Эльф не ответил. У него не осталось времени. Потому что Олмер, шатающийся, с глубокой раной на груди, больше не стал мешкать.

Черный клинок столкнулся с серебряным.

Остальным оставалось только ждать. Из-под воли Олмера не вышел даже Санделло — бледный, до крови закусивший тонкую губу Санделло, само хладнокровие!

«Поднять оружие на посланцев Валинора... В уме ли ты, хоббит?! Ты, сражавшийся вместе с Перворожденными на стенах Серой Гавани?..»

«Но они ушли с этих стен. Они уходили за Море, а сражались люди».

«И что, это повод, чтобы теперь повернуть против них оружие?»

«Быть может».

«Но почему ты так уверен, что Адамант не должен попасть к ним? Быть может, это лучше... лучше для всех?»

«Если Камень останется в пределах этого мира — быть беде. Валар и эльфы слишком любят прошлое. А Свет из него, бывает, становится Злом».

«И ты станешь убивать во имя?..»

«Постараюсь обойтись без этого».

Черный Меч, казалось, живет своей собственной жизнью. Истекающее кровью тело Олмера, похоже, лишь поддерживало его в воздухе. Было такое чувство, что Меч встретил наконец своего кровника... и теперь уже не отступит.

Но что будет, если здесь прольется кровь посланцев Валинора?!

Меч потянул израненного Олмера в атаку. Прянул черной молнией, пробивая защиту, — и темноволосый глухо вскрикнул, зажимая рану в левом плече. Однако правая рука его мгновенно

ответила стремительным выпадом — и серебристый клинок вторично пронзил грудь Злому Стрелку.

Фолко сорвался с места. Адамант не должен остаться в этих руках! Они, они подстроили все это, они ловко расправились с Олмером руками его несчастного убийцы, руками его Погибели, — и вот теперь добили.

Олмер пошатнулся и тяжело упал на одно колено. В следующий миг клинок хоббита скрестился с серебряным мечом темноволосого воителя. Рядом с Фолко очутился Санделло, следом за горбуном спешила Оэсси...

Но всех опередил Наугрим. Его чудовищный бердыш уже взлетел для удара — но серебряный меч, отбив первый выпад хоббита, легко, словно горячий нож масло, пронзил горло подгорному воителю.

Руки темноволосого наделены были чудовищной, неправдоподобной силой. Когда клинки столкнулись, хоббита отбросило на спину... и это, наверное, спасло ему жизнь.

Наугрим зашатался. Из раны волной выплеснулась кровь... такого не бывает, чтобы из перебитых жил хлестали фонтаны на десяток футов... алая струя щедро оросила сам Адамант.

Рука Фолко подхватила валявшийся в грязи кинжал Отрины. Клинок словно бы сам собой оказался именно там, где нужно... и в следующий миг хоббит метнул дивное оружие, целясь в руку золотоволосой — в ту, что держала окровавленный Адамант.

И второй раз за один день кинжал подвел своего хозяина. Он вырвался из скользких от крови пальцев хоббита чуть раньше, чем нужно... и безошибочно нашел горло золотоволосой.

Мука исказила божественно прекрасное лицо. Тонкие руки взлетели к ране... Адамант упал наземь.

— Как глупо... погибать от руки половинчика... — успели прошептать ее губы.

Темноволосый с криком рванулся к падающей спутнице — и бердыш в руках Наугрима перерубил ему ноги. Последнее усилие, верно, высосало остатки жизни из тела Черного Гнома — он захрипел, уронил голову, глаза его остекленели.

Темноволосый бился на земле, из обрубков ног хлестала кровь... он еще пытался ползти, но тут расчетливый удар Санделло прекратил его муки.

Еще в полете он понял, что опоздал. Кровь посланцев Валинора пролилась на Адамант... хуже этого ничего уже не могло быть. Это означало, что оставался один-единственный выход.

Он сложил крылья, камнем падая к земле. Глаза слепил блеск Адаманта, тесная кучка Смертных и Бессмертных стояла вокруг лежащего на земле Камня. Один — сидел, и слуха Великого Орлангура достиг сдавленный стон.

«Я убил ее, — с трудом сдерживая слезы, повторял про себя хоббит. — Я убил ее. Почему, почему моя рука дрогнула?..»

— Потому что иначе Адамант остался бы в Мире... и очень скоро ты бы убедился: нынешняя сила Валар — ничто по сравнению с его мощью.

Хоббит невольно поднял голову.

Золотой Дракон спокойно складывал крылья.

— Не плачь. Они же бессмертны. Недолго станет удерживать их Мандос... А вот нам надо спешить. Кровь Валинора, пролитая здесь, ускоряет ход грозных событий. Времени осталось совсем мало.

— Но... что же будет? — осмелился задать вопрос принц Форве.

Четырехзрачковые глаза пылали алым.

— Предвечный Свет Адаманта вызвал к жизни могучие Силы Внешней Тьмы. Могучие и слепые. Они в чем-то подобны океанским валам... но только на них нет Ульмо, что мог бы утишить их ярость. Десять лет назад мужество преградивших дорогу Олмеру спасло мир от Дагор Дагоррата... а вот теперь предотвратить его не в силах даже я. Если Адамант останется... Единому придется лишь осуществить — до срока! — свой замысел о Второй Музыке. Выход у нас один: прорваться к Двери Ночи... и выбросить туда это сокровище.

— Но в прошлый раз ты говорил... — начал было принц.

— Да, да, я говорил о Мелкоре. Связанный, он ждет своего часа в мировой бездне... но, если Свет Адаманта останется здесь, Мелкор сгинет вместе со всеми. Мы не можем бросить Камень в Ородруин — подземное пламя для него ничто. Мы вообще не можем его уничтожить.

— Но... что же это? — выдавил из себя Малыш. — Что за напасть?..

— Когда-то Адамант был лишь частью Великой Чаши, в которой пылал Негасимый Огонь, что дарил Свет юному Средиземью. И — впитал в себя Силу этого великого Огня. В день, когда рухнули Столпы Светочей, разбились и Чаши. Разбились — но не перестали существовать, ибо нет в мире чародейства, способного на такое. И вот один из осколков судороги земной тверди выбросили на поверхность...

— А остальные?! — разом вскричали Фолко, Санделло и Форве.

— Остальные... Остальные лежат, погребенные в недрах Арды.

— Но почему же нам надо уничтожить только один? — прохрипел Санделло.

— Потому что до остальных нам не добраться. И они не проявляют себя — они словно бы погружены в вечный сон. А пламень этого Камня... пробудился. И Хенна, на горе свое, решил, что настал час ему овладеть всем миром...

— А... ты... можешь... спасти... Олмера? — по-прежнему хрип-

ло выговорил Санделло. Оэсси-Тубала тихонько плакала над телом отца.

— В этом мире — нет, — последовал ответ. — Валар щедро напитали его силой... необходимой, чтобы справиться с Хенной, которому Адамант даровал почти полную неуязвимость. Сила эта растрачена, но душа Олмера пока не рассталась с плотью. И если нам удастся...

— Что нужно делать?! — вскричал горбун.

— Нам надо к Морю. Там вы сядете на корабль... и мы отправимся на Запад. У нас нет времени... и я сам стану парусом на «Скопе».

— Но, Великий... — подал голос Фолко. — Ты так красно говорил нам... десять лет назад... что не вмешаешься в войну...

— А теперь я вмешался и стал уязвим, приняв вашу сторону. В Валиноре нас ждет жестокий бой... но об этом пока лучше не думать. Там не помогут армии! Кто согласен идти туда? Предупреждаю, дороги назад может не быть.

— Я! — Санделло шагнул вперед.

— И я! — прозвенел дрожащий от слез голос Оэсси.

Фолко, Торин и Малыш переглянулись. Похоже, погоня за Адамантом грозила увести их очень далеко от Средиземья... так далеко, что уже и не вернешься...

— Н-надо... — с трудом проговорил Фолко. Ему вдруг отчаянно захотелось домой.

— Ты добыл Адамант, — вновь заговорил Великий Орлангур, глядя прямо в глаза хоббиту. — Твой клинок оборвал жизнь... той, чье имя тебе лучше не знать. Тебе, и больше никому, хранить его.

— Тогда... я иду, — решился Торин.

— Куда двое — туда и третий! — легко пожал плечами Малыш.

— А Эовин? — спросил друзей гномов Фолко. Перед боем они оставили девушку в лагере их войска... — Что с ней, жива ли она?..

Великий Орлангур медлил одно мгновение, не больше, прежде чем дать ответ.

— С ней все в порядке. Воинство Хенны рассеялось... эльдринги возвращаются к лагерю.

— А наше войско? — тотчас спросил горбун.

— Ждет своего предводителя. — Хоббиту послышалась неприкрытая насмешка в голосе Духа Познания. — Не тревожься, достойный Санделло, в его рядах есть человек... который выведет ратников из Харада.

— Это кто же? — Горбун вытаращил глаза.

— Его зовут Эодрейд из рода Эорлингов.

Фолко и гномы только и могли, что разинуть рты.

— Ты уже не можешь думать о них, — заметил Золотой Дракон, видя колебания Санделло. — У тебя — иной путь.

Все это время эльфы угрюмо молчали.

— А что мы можем сделать против всей Силы Валар? — поинтересовался Малыш. — Разве мы стали равными Богам? Можем прожигать скалы взглядом или менять русла рек одним мановением руки.

— Нет, вы не стали равными Богам. — Дракон отвечал серьезно, точно не заметив насмешки. — Но выбирать не приходится. Я постараюсь удержать Валар... а вам придется иметь дело с их слугами.

— Это с кем же? — подозрительно скрипучим голосом поинтересовался принц Форве.

— Боюсь, что с твоими сородичами, достославный принц, — скучным голосом сказал Дракон. — Ваниар, Телери... быть может, и Нолдор...

— Мы... не можем поднять оружие на тех, кто одной крови с нами... — сдавленно пробормотал Маэлнор.

— Тогда оставайтесь здесь, — спокойно отозвался Дух Познания. — Все, время истекло! Раскрыв вам все, я лишний раз подтолкнул Весы... Но иного выхода нет. Адамант достался нам дорогой ценой, очень дорогой... — Когтистая лапа указала на бездыханного Наугрима. — Его уже не спасет даже Дверь Ночи...

— Надо похоронить павшего! — тотчас воскликнули Торин и Малыш.

— Мы похороним... по обычаю Сожженных Гномов, — проговорил Дракон. — Невысоклик Фолко! Отдай приказ Адаманту.

— Я? — растерялся хоббит.

— Ты, ты! Вспомни — вы сражались рука об руку. Так неужели же ты откажешь былому соратнику в последнем долге?

— Но я... не владею магией Камня...

— А думаешь, ею владел Хенна? Просто думай о том, что нужно сделать... и все. Да поторапливайся!

Фолко поднялся. Покрытый теплой кровью Адамант мягко светился. «Что же мне делать с тобой, смертоносная игрушка Богов? Ну же, не тяни, Наугрим ждет огненного погребения, достойного Сожженных Гномов!»

Камень отозвался тотчас. С одной из его граней сорвалась слепяще-белая молния; яростный огонь в мгновение ока охватил тело Наугрима, превращая его в пепел, не оставляя ничего, даже мифрила и стали доспехов. Огонь пожирал землю; прикрываясь руками от нестерпимого жара, все отступили подальше — все, кроме Фолко и самого Орлангура. Вместе с телом Черного Гнома обратились в пепел тела посланцев Валинора и Миллога со псом...

Фолко показалось, что мелькнула какая-то тень, когда огонь добрался до трупа собаки, и еще хоббит заметил странное выражение в глазах Великого Орлангура...

Пламя прекратило бушевать, лишь когда на месте пожранной вершины холма остался только голый камень.

— А теперь — в путь! — скомандовал Великий Орлангур. —

Взбирайтесь на меня. Я домчу вас до побережья... и вернусь за остальными.

— Неужели Дух Абсолютного Знания осквернит себя... — начал было Форве, но Золотой Дракон с неожиданной резкостью оборвал принца:

— Сегодня такой день, когда пришло время о многом забыть!.. И скажи же наконец свое слово, принц!..

Эльфы помрачнели еще больше.

— Мы готовились к походу в Валинор... но не думали, что это случится так скоро. — Форве опустил голову. — Я не могу неволить никого из моих спутников... но сам я пойду до конца. Если мы падем — пусть кара обрушится на меня одного.

После этих слов Амрод, Маэлнор и Беарнас решили последовать за принцем, несмотря на свои раны.

Великий Дракон протянул хоббиту страшную на вид лапу.

— Нам пора, — просто сказал он. — Мы должны идти все вместе...

Упруго ударил в лицо теплый ночной воздух. Вместе с Фолко, естественно, отправились Торин и Малыш.

— К лагерю! — крикнул Фолко. У хоббита замерло сердце, перехватило дыхание; ему казалось, что он вот-вот сорвется и полетит вниз. — Там же Эовин!

— Ты уверен, что она захочет покинуть Рохан? — Дракон покосился на хоббита.

— Нет! Но не бросать же ее!

— Конечно, нет. Но ведь я не зря говорил тебе об Эодрейде. Он бежал из Рохана, примкнул к эльдрингам и, сам того не желая, оказался в войске Олмера. Потомок Боромира уходит из этого мира, его армия осталась без вожака... Эодрейд не упустит своего. Может, оставить девушку с ним?

— Нет! — вырвалось у хоббита, и, смущенный собственной горячностью, он поспешно добавил: — Надо ведь... ее сперва спросить...

— Я знаю ее ответ, — с грустью, как показалось хоббиту, ответил Великий Орлангур, внезапно нырнув к земле. Фолко осторожно наклонил голову — они опускались возле лагеря эльдрингов... Фарнак сумел отвести уцелевших к лагерю.

Старый тан лишь обмер, увидев в руках хоббита лучащуюся драгоценность.

«Чтобы вознаградить эльдрингов, я отдам им несколько харадских кладов», — вспомнил хоббит слова Великого Орлангура. Золотой Дракон опустился в некотором отдалении от лагеря, чтобы не пугать своим видом воинов. Торин и Малыш увлекли Фарнака в сторону, а хоббит помчался разыскивать Эовин.

Завернутый в плащ, Адамант жег ему руки даже сквозь ткань, сквозь латные рукавицы.

Он нашел Эовин стоящей на самом краю лагеря. Стиснув кулачки, девушка неотрывно смотрела туда, где над лесом только что опало огненное зарево.

Фолко негромко окликнул ее. Эовин повернулась так резко, что золотистые волосы взметнулись, окутывая ее; с губ девушки сорвался тот вечный возглас, каким встречают жены и невесты вернувшихся с поля брани бойцов:

— Вернулся!..

Наверное, она тут же бы и кинулась на шею Фолко — если бы не Адамант.

— Удалось... — пролепетала Эовин, не сводя взора с Камня. — А куда же теперь, мастер Холбутла? К Ородруину?

— Нет, Эовин. — Фолко чувствовал, как у него перехватывает горло. Что он делает, куда, зачем уходит? — Дальше. Гораздо дальше.

— Куда же?

— За Море. В Валинор! И... и еще дальше.

Она молчала. По ввалившимся от тягот походной жизни щекам беззвучно катились слезы. Эовин поняла все сразу.

— Я с тобой. Я от тебя теперь никуда. Ты слышишь?! — На сей раз она забыла назвать хоббита мастером Холбутлой.

Они похоронили павших. Тела Вингетора и Рагнура исчезли в пламени доброго погребального костра; эльдринги верили, что души отправляются к Морскому Отцу, если не слишком огорчали его при жизни.

Фолко не плакал. Глаза его оставались сухи. Ему не первый раз приходилось хоронить друзей и соратников. Вот и в теперешней войне. Хьярриди... Рагнур, спасавший их в странствиях по Хараду... Вингетор, одним из первых разглядевший опасность, что катилась с Юга. А сколько друзей пало до этого... Теофраст, Атлис, Рогволд... Теперь к ним добавился еще и Наугрим...

Потери, потери, потери... Сколько их еще потребуется, пока ядовитый пламень Адаманта не перестанет выжигать многострадальную землю?

Глава 3

МАРТ, 3, ХАРАДСКИЙ БЕРЕГ

Они стояли на палубе «Скопы». Небольшой кораблик погибшего Вингетора опустел. Эльдринги присоединились к дружине Фарнака — покидать этот мир до срока они не жаждали.

Фолко замер на корме, неотрывно глядя на покрытый зарослями берег.

«Прощай, Средиземье. В странной компании покидаю я твои берега... Раненый Олмер, злейший враг, Оэсси-Тубала, которая, боюсь, еще не оставила мысли вспороть мне живот, Санделло, чья рука едва не отправила меня за Гремящие Моря... И — эльфы принца Форве!»

— Мы прикованы к этому миру, Фолко, — словно подслушав мысли хоббита, негромко заметил принц. — Создатель дал нам бессмертие... но обрек вечно оставаться пленниками Арды. В Залах Мандоса ждет Второй Музыки много моих товарищей... Я хотел бы заглянуть к ним, не расставшись притом с телом. — Он усмехнулся. — Говорят, там по сю пору пребывает великий Феанор... Славно было бы потолковать с ним!

— Если мы дойдем до этих самых Залов, у нас будет хватать иных забот, эльф, — раздался холодный голос Санделло.

Форве повернулся, с невеселой улыбкой глядя на горбуна.

— Наши заботы кончатся на берегу Амана, воин.

— Почему? — удивился хоббит.

— Неужели ты думаешь, что Силы Мира позволят нам запросто разгуливать по Валинору? Не удивлюсь, если они встретят нас еще у Одинокого Острова. Все решится задолго до Залов Мандоса, Фолко.

— И ты думаешь, мы сможем сразиться с Тулкасом?

— Нет, мой добрый хоббит, нет. Насколько я понял, всех Валар возьмет на себя Золотой Дракон... хотя это грозит ему гибелью. На нашу долю останется лишь донести Адамант до Двери Ночи... а что будет дальше, не знает даже Эру.

— Мы не скрываемся, — заметил Санделло. — Что, если враг упредит нас с ударом?

Форве пожал плечами.

— Будем надеяться, это произойдет где-то на остатках Прямого Пути... И силы Эру хватит на то, чтобы обратить Адамант в ничто.

— Что-то мне это не слишком нравится, — холодно усмехнулся горбун.

— Выбирать не приходится, — пожал плечами Форве.

Их разговор прекратился сам собой. Над лесом возникла стремительная крылатая тень, рассветный луч дробился и блистал на золотых чешуйках Великого Дракона.

— В путь! — раздался его мощный голос. Раньше Орлангур говорил, обращаясь к каждому мысленно, теперь слова его звучали как обычно.

— Ну, по последней! — Малыш опрокинул в рот содержимое кружки. Опустела последняя засмоленная бочка, доставленная из Гондора. — Долгонько небось теперь не отведаем...

Торин хранил молчание.

Гномы, хоббит, Эовин, Санделло, Оэсси, бесчувственный

Олмер, по-прежнему пребывавший между жизнью и смертью, принц Форве, Амрод, Маэлнор и Беарнас — вот и вся рать, что отправлялась брать приступом твердыню Богов! Правда, еще был Великий Орлангур; Фолко хотелось верить, что это уравнивает шансы.

Золотой Дракон тяжело опустился на воду перед носом «Скопы», и корабль заметно качнуло. На мощной шее Орлангура хоббит увидел темное кольцо хомута.

— Канаты! — скомандовал Дух Познания, подплывая ближе. — Пора выжать из этого тела все, на что оно годно...

К хомуту привязали шесть толстенных, в руку, витых из китовой кожи канатов. Орлангур повел шеей, проверяя надежность узлов.

— Готовы? — глухо прозвучал его голос. — Мы уходим из Средиземья. Обратной дороги не будет. Правда, может, скоро появится еще один спутник...

Никто не ответил. Только Эовин чуть заметно вздрогнула, да плечо ее еще крепче прижалось к плечу хоббита.

— Скажи... скажи нам, когда мы вступим на Прямой Путь... — неожиданно попросил Малыш.

— Хорошо, — кратко молвил Дух Познания, одним мощным движением разворачивая крылья. В следующий миг Золотой Дракон взмыл над водой — канаты напряглись, под носом «Скопы» вскипел бурун, и кораблик быстрее штормового ветра помчался вперед. Весла и парус были заблаговременно убраны, отправившимся в путь оставалось лишь молча смотреть на стремительно тающие вдалеке очертания Харадского берега.

Хоббит услыхал, как Санделло скрипнул зубами.

Эовин тихонько плакала.

По палубе гулял жестокий ветер. Золотого Дракона несли вперед не крылья — никакие крылья и никакие мышцы не смогли бы даровать такой быстроты — Духа Познания мчали иные Силы. Нос корабля утопал в белой пене. Они мчались на Запад.

Вот и все. Позади Средиземье. Наверное, смуглый кхандец Рагнур, будь он жив, изрек бы какое-нибудь соответствующее случаю четверостишие. Но Рагнура уже давно не было в живых, а у хоббита язык присох к нёбу.

Вот и все. Позади Средиземье. Не доставшееся Иномировой Тьме, не доставшееся Вечному Свету... Не затопил его мрак, не исчезла суша под гневными волнами моря; возник новый, истерлингский Арнор, но сохранился старый Гондор, и, провидел Фолко, рано или поздно короли Минас-Тирита отстроят свой город (хотя, конечно, не видать ему прежней роскоши и славы!) и начнут Войну за Восстановление, пытаясь вернуть себе старые земли державы Арагорна... Рохан будет восстановлен, и Эодрейд,

не сомневался хоббит, еще вернет себе трон. Мало-помалу научатся находить общий язык и хазги, и хегги, и ховрары, и роханцы, и обитатели сумрачного Дунланда, и даже орки. Создадут свое королевство дорваги, залечит раны Харад, и даже несчастные тареги, милостью Хенны брошенные в огненную мясорубку, сумеют вернуться к нормальной жизни. Все вновь пойдет как и прежде. Только воинов, стоящих сейчас на палубе «Скопы», в Средиземье больше не будет.

Фолко тряхнул головой. Вот почему так терзались эльфы! Нельзя смотреть назад — пусть даже на прекрасное прошлое. Скорбеть об утраченной Блаженной Земле нельзя, тогда уж лучше сразу броситься на меч. Надо смотреть вперед — хоть там и собираются грозные тучи.

Никто не произносил ни слова. За их спинами над туманным восточным горизонтом поднялось солнце, но оно, похоже, не поспевало за стремглав несущимся Орлангуром. Кругом расстилалась одна лишь серая морская гладь.

Хоббит по-прежнему с трудом верил в происходящее. Они мчатся в Валинор! К загадочному Тириону, к трону самого Манве... туда, где обитает Наивысшая Сила этого мира, Сила, пред которой ничто вся Мощь Саурона или даже Моргота. И они бросили вызов этой силе... непобедимой, неодолимой Силе...

«Но, быть может, все еще закончится миром? Мудрые, благородные Валар согласятся открыть для них Дверь Ночи... и зловещий камень полетит в вечную бездну. А потом... потом все будет необычайно хорошо».

«Вспомни Эарендила. Ему не позволили вернуться назад, в Смертные Земли, хотя он был послом Двух народов. Его домом стала палуба. Едва ли позволят вернуться и вам... даже если все будет так, как тебе кажется».

«Но что они могут с нами сделать? Убить?»

«Зачем? Не надо никого убивать. Хватит и вечного плена. Подобного тому, в котором пребывает Ар-Фаразон и его воинство, дерзнувшее ступить на земли Амана. И что-то не сильно верится в благородство Валар, после того как они утопили Нуменор, не разбирая правых и виноватых...»

«Но Элендил...»

«Элендил — да. А дети и женщины Нуменора? Нерожденные младенцы в материнских утробах? Чем провинились они?.. И не забывай о посланцах Валинора. Честным ли путем стремились они овладеть Камнем?»

«Они могли пасть так же, как и Саруман. Они стремились овладеть Адамантом...»

«Быть может. Но Боги, сдается мне, не слишком-то стремятся вникать в желания Смертных. Они правят... как могут. И потому готовься — они попытаются остановить нас силой».

Спор хоббита с самим собой прервали внезапно донесшиеся сквозь свист ветра слова Великого Орлангура:

— Держитесь крепче! Оссе хочет проверить, насколько прочна «Скопа»!

Небо стремительно темнело. Западный ветер гнал косматые тучи. Волны вздымались все выше и выше, словно повинуясь чьему-то приказу. Нос «Скопы» зарылся во внезапно налетевший вал, по палубе покатились потоки воды.

— Вниз! — скомандовал Санделло.

«Скопа» превратилась в жалкую игрушку моря и ветра. Если бы не Золотой Дракон, она отправилась бы на дно в считанные мгновения. Ревущий шторм заполонил все, поднявшись до небесного свода. «В бурях радость Оссе...»

В трюме «Скопы» собиралась вода.

— Хотел бы я знать, чего они медлят, — безмятежно проговорил Малыш. — Послали бы камни, что ли, распороть «Скопе» брюхо...

— Едва ли у Оссе это получится, — заметил Форве. — Власть Орлангура велика... не Майару, пусть даже и приближенному Ульмо, останавливать его. Да и зачем? Нас просто предупредили. Посланцы Валинора должны были доставить Адамант к подножию Таникветила, так? Но и мы тащим Камень туда же! Так зачем нам препятствовать?

— Откуда ж тогда этот шторм? — осведомился Санделло. Горбун сидел возле привязанного ремнями к лежаку Олмера.

— Нас предупреждают, чтобы мы не рассчитывали на легкую прогулку.

— Глупо. — Санделло с презрением пожал плечами. — Когда хочешь напасть на кого-то, не следует его об этом предупреждать.

— Может, это еще и предложение сдаться? — предположил Маэлнор.

— Интересно, как мы можем это сделать? — хмыкнул Санделло...

Шторм не утихал долго, очень долго. Доски стонали под ударами волн, но юркая «Скопа» построена была на совесть.

А потом внезапно рев волн стих.

— Прямой Путь, — услыхал каждый слова Великого Орлангура.

Не сговариваясь, все бросились на палубу, возле распростертого Олмера остались Санделло и Оэсси.

Корабль плыл в густом, точно кисель, чуть светящемся тумане... вперед, в это жемчужное сияние, тянулись шесть грубых черных канатов.

Мало-помалу туман редел. О борта «Скопы» тихо плескалось море. Разные книги по-разному говорили о Прямом Пути. Фолко перегнулся через борт — вода, обычная вода.

— Может, мы ни на какой Прямой Путь и не попали? — полюбопытствовал Малыш.

— Попали, — отозвался неутомимо взмахивающий крыльями Золотой Дракон. — Мы уже на нем. И вода под «Скопой» — вода Нездешних Морей.

— Но мы должны увидеть уменьшающуюся Арду! — запротестовал хоббит.

— Увидим. Очень скоро. Но не советую заглядываться! Мы летим куда быстрее эльфийских кораблей. Скоро покажется и Одинокий Остров. Нам до него дела нет, а вот у его обитателей, может, к нам и отыщется. Не хотелось бы доводить до кровопролития.

Великий Орлангур, как всегда, оказался прав. Мало-помалу сквозь толщу серых вод начали просматриваться смутные очертания гигантского шара, голубого, со странными белыми разводами.

— Арда... — зачарованно протянул Малыш, едва не сваливаясь за борт.

Фолко тоже смотрел во все глаза. Как же прихотливо устроен Мир! В нем находится место и Великой Лестнице, и Унголианту, и Корням Арды, и этому шару — грубому тварному вместилищу Живых. В нем есть место всему — и только Адамант должен уйти.

Мало-помалу шар уменьшался. А о борт по-прежнему плескалась спокойная волна.

Они не знали, сколько прошло времени. Без устали вздымались и опускались крылья Золотого Дракона. Страна Вечного Рассвета приближалась.

«Фолко! Фолко! Услышь меня, хоббит!» — Знакомый, знакомый старческий голос! Как давно он не слышал его... Старина Оло... то есть Гэндальф.

«Я слышу тебя!» — не было смысла скрываться.

«Остановись, глупый хоббит! Остановись! Вы идете со Злом в Благословенную Землю. Неужели ты, остановивший Олмера, теперь встал на его сторону и потворствуешь ему в исполнении безумных и кровавых планов?»

«Ты знаешь, зачем мы идем в Валинор?»

«Знаю! Олмер жаждет мести! Он хочет бросить пламя войны в самое сердце прародины эльфов!.. Он...»

«Прародина эльфов в Средиземье. На Водах Пробуждения», — перебил Фолко своего незримого собеседника.

«Это неважно! Долгие века их родина — Валинор! А тот Камень, что вы везете с собой, может причинить много зла Благословенному Краю!»

«Слушай меня, — отчего-то Фолко ничуть не боялся этого призрачного голоса. Хоббит твердо знал свой путь. И знал, что назад уже не повернет. — Слушай меня внимательно, Майар. Все, чего мы хотим, — пройти к Двери Ночи. Сражаться с Валар...»

Раздался приглушенный смешок.

«Не стоит слишком надеяться на вашего Дракона. Помнится

мне, одного очень заносчивого его сородича прикончил сам Эарендил, другого — Тьюрин Турамбар, а третьего — стрела простого лучника Барда...»

«Я не понимаю, зачем нам вообще сражаться. Дайте нам свободно пройти — и в Валиноре не прольется ни единой капли крови!»

«Ты не понимаешь, — последовал вздох. — И Дракон твой... он тоже не понимает».

«Ошибаешься, Серый». — Золотой Дракон бесцеремонно вмешался в неслышный ни для кого разговор.

«О!.. Значит, ты теперь способен и на это?!» — Гэн... нет, все-таки скорее Олорин, усмехнулся.

«Да. И хотел бы, чтобы ты понял. Я — не враг Валар. Ты мог бы убедиться в этом давным-давно... но предпочел поверить словам Курумо».

«Которого ты тащишь с собой. Для тебя это новость, не так ли, Фолко?»

Хоббит невольно разинул рот. Хотя стоп... Орлангур и вправду говорил о каком-то еще спутнике...

«Чем ближе мы к Валинору, тем быстрее перевоплощается тело Курумо, — спокойно ответил Орлангур. — Заточенный в теле пса, он искупил свою вину. И вторично принял мученическую смерть. Отныне он свободен. Так все-таки чего я не понимаю?»

«Ты не понимаешь, что Свет Адаманта в руках Великого Манве способен сотворить чудо! Быть может, нам удастся залечить раны, нанесенные Арде долгой войной сперва с Мелкором, а затем с Сауроном. Именно потому были отправлены в Средиземье послы... и немало Силы Валар было вложено в этот прорыв к Смертным Землям!»

«Ты знаешь, что это не так, — спокойно ответил Орлангур. — Ты забыл о риске. Сила Валар изменилась с годами, ибо нет в мире ничего неизменного. И едва ли они смогут теперь обуздать тот самый Пламень, который когда-то вложили в Чаши Светочей. Или, быть может, они считают, что уже приспело время Второй Музыки? Я не допущу этого, ты же знаешь. Но вот если твои повелители согласятся выслушать меня... я покажу им видения из недоступных даже для них областей, ибо Валар прикованы к Арде, как и столь любимые ими эльфы, и не дано им видеть многого за ее пределами».

«Я передам твои слова Великому Манве. — В голосе Олорина зазвучали жесткие нотки. — Ожидайте его высокого решения!»

«Нет. У нас нет времени. Пусть тот, кого ты именуешь Великим Манве, явит свою мудрость и не препятствует нам. Когда мои друзья будут стоять на пороге Двери Ночи, я предстану на Кургане Эзеллохар и явлю Валар то, что остается скрытым от них. По-моему, это разумно».

«Я передам твои слова Великому Манве», — повторился ответ, и щеки хоббита коснулось легкое холодное дуновение. Гость из Валинора исчез.

Фолко тряхнул головой, приходя в себя. Ну и дела! Олорин... Курумо...

«Скопа», влекомая вперед могучим Драконом, оправдывая свое имя, стремглав летела по серой глади. Впереди над водой внезапно сгустилась тень — и Фолко услыхал слова принца Форве:

— Одинокий Остров...

Хоббит лишь краем глаза успел заметить хрустальные шпили, что парили, точно призраки, над серой землей. На только что ярко освещенных набережных стремительно гасли огни. Остров явно готовился к отпору... еще не зная, что на него никто и не думает нападать.

— Жаль, — отрывисто бросил Малыш. — Мне всегда хотелось заглянуть туда... посчитаться кое с кем из Дориата...

— Ты что, какой тебе тут Дориат! На Одинокий Остров ушли остатки Нолдор, а Тингол — если ты о нем — давным-давно в Валиноре...

— А хоббиты? Они тоже там? — Фолко ни к кому не обращался, но Дух Познания отчего-то счел нужным ответить.

— Едва ли. Их жизнь в Валиноре была долгой, но бессмертия они не получили. Они обрели лишь право уйти в тот миг, когда пожелают. Я не знаю, встретится ли тебе кто-то из них... Я смогу узнать это... но скорее мы сами попадем в Валинор.

Эрессея проплывала мимо, погружаясь в серую предрассветную мглу. Солнце поднималось над горизонтом, поднималось — и никак не могло подняться.

Фолко чувствовал, что вторично взглянуть на эти берега ему уже не суждено. И невольно он пожалел о пропавшем даре Древоборода... даре, которым ему так и не удалось как следует воспользоваться. Видно, Старый Энт тоже что-то провидел... и старался помочь чем мог.

Курумо обрел плоть, когда Одинокий Остров уже скрылся из вида, а на западном горизонте мало-помалу начинали прорисовываться исполинские стены Черных Гор. Великий Орлангур не сбавлял скорости.

...Старик со сломанным посохом в правой руке тяжело рухнул на доски палубы. С губ его срывалось нечто бессвязное. Казалось, он все еще пребывал в том страшном для него дне, когда Гэндальф Серый сломал символ его чародейного могущества, объявив Сарумана Белого лишенным цвета и исключенным из Ордена Истари.

— Эт-то что еще такое? — не слишком почтительно осведомился Малыш, на всякий случай хватаясь за меч.

— Стойте! — воскликнул Фолко. — Сдается мне... Серый Вихрь!

...Долгие годы провел Курумо в облике пса, верой и правдой служа Олмеру. И, когда тот вышел из Двери Ночи, чья-то воля (теперь-то понятно чья) приказала ему неотступно находиться рядом с прежним господином. Он тогда не мог понять зачем. Верно, Валар провидели, что такой, как Олмер, может им понадобиться... и он на самом деле понадобился. Кто знает, для того ли пощажен был Злой Стрелок, чтобы добыть Адамант, или для иного? Не ведомо...

А когда его, Сарумана, убивали в очередной раз, все равно было очень больно. Миллог оказался удивительно живучим — его рука нанесла удар, когда шея его уже превратилась в кровавое месиво, перемолотая зубами пса-Курумо...

Но дух вторично убитого соперника Гэндальфа не покинул пределов Средиземья. Удержанный могучей магией Великого Орлангура, он остался. И невидимкой неслышно ступил на палубу «Скопы», чтобы облечься плотью вблизи Валинора.

— Будем драться? — деловито осведомился Саруман, подбрасывая и снова ловя обломок посоха. — У меня есть должники... там, за этими горами...

— Драться будем, только если припрет, — буркнул Малыш.

— Там ведь... как-никак сам Махал... — в некотором замешательстве пробормотал Торин.

— Надеюсь, у него достанет ума остаться в стороне, — ехидно заметил Саруман.

Эльфы угрюмо молчали. Даже принц Форве поник головой.

Они и не заметили, как впереди смутно замаячила громадная арка, что служила вратами гавани. «Скопа» ворвалась внутрь... и только сейчас Орлангур утишил свой полет.

Вдоль причалов теснились корабли. Дивные, прекрасные корабли, прекрасные не украшавшими их драгоценностями, но пропорциями, линиями, грацией обводов; пирсы были пусты. Ни одной живой души. Очевидно, Телери покинули Лебединую Гавань, повинуясь велению Валар.

Никто не воспрепятствовал путникам спуститься на древние камни. Фолко во все глаза смотрел по сторонам. Сердце его колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Он в Валиноре! В Валиноре! Он увидит это чудо из чудес... и, быть может, сложит здесь свою голову.

Орлангур как мог быстро освобождался от хомута.

— Вперед! Мешкать нельзя. Путь до Двери Ночи неблизок.

Бесчувственного Олмера несли на носилках Санделло и Оэсси. Никого иного к господину и отцу они не подпустили. Руки Злого Стрелка по-прежнему сжимали Черный Меч.

Зловещая тишина встретила отряд. Они миновали улицы портового города — и хоббит захотел умереть, потому что, казалось ему, никогда уже он не сможет жить, не созерцая эту красоту. Сады

и дворцы, дворцы и сады — казалось, что каждый эльф здесь живет, как король.

Саруман что-то бормотал, со злобой кидая взгляд то на один дом, то на другой.

— О Великий! — не выдержал он наконец. — Позволь мне...

— Нет! — от громоподобного рева Дракона, казалось, сейчас расколются и рухнут тонкие шпили. — Мы пришли сюда с миром. Если на нас нападут — будем драться. Но только если нападут!..

Курумо пожевал губами, и Фолко разобрал часть фразы, произнесенной им себе под нос:

— А малая толика Огня Ортханка тут бы не помешала...

Город остался позади. Великолепная дорога, окруженная вечнозелеными зарослями, вела дальше на запад — через проход Калакирии к Тириону на Туне. Неусыпная стража должна была стеречь этот проход... но отряд продвигался беспрепятственно.

Пелори потрясали. Их гладкие, словно из стекла, стены возносились на головокружительную высоту. За спинами разгорался восход, и длинные тени торопились впереди них. Отряд по-прежнему окружало страшное, звенящее безмолвие.

— Похоже, Валар выполняют условие, — выдавил из себя Торин. Из-под шлемного налобья по лицу гнома катился пот, хотя вокруг царила приятная прохлада.

— Валар никогда не выполняют ничьих условий, — возразил Великий Орлангур. — Они ставят их — другим. И раз они бездействуют, значит, все идет согласно их плану. Кстати, вы помните о том, что Барда и Манве видят каждый наш шаг и слышат каждое наше слово?

— А чего нам бояться! — храбрясь, заявил Малыш. — Мы ж не воевать пришли. А если бы нам еще и пивка выставили — я бы хозяев здешних и вовсе зауважал!

Они шли — но силы не убывали, и длинные лиги казались короткими. Миновали Тирион на Туне — но пуст был прекрасный город, и алмазная пыль его дорог ложилась им на сапоги. Фолко прикрыл глаза ладонью — эта красота, казалось, убивала.

— Теперь я понял, отчего сюда не допускали Смертных, — прошептал он. — Не следует нам видеть эту красоту, ведь равной ей мы никогда не сможем создать...

— Х-хе! Ошибаешься, — с прежней ехидцей заметил Саруман. — Будучи в Мире, не могли не знать Валар, что Смертные станут тянуться к Западным Пределам. Для себя создавали они уютный Валинор, словно простые люди, отделывая жилище по своему вкусу. Но забыли, что они НЕ люди. И НЕ эльфы. И даже НЕ Майар. Вот и сотворили... запредельное. А раз запредельное — значит, и запретное. А раз запретное —... ну, ты и сам знаешь, чем кончил Нуменор.

В молчании миновали они и великий Тирион. Миновали, так

и не встретив на пути ни одной живой души. Все словно вымерло в благословенном Валиноре, но хоббита не покидало ощущение, что за ним неотрывно следит чей-то пристальный взгляд.

«А что бы я сделал, окажись вдруг передо мной Бильбо? Или Фродо? — гадал Фолко. — Если бы они вдруг попросили меня отдать им Адамант?..»

Вопрос остался без ответа.

Проход Калакирии кончился. Черные стены гор отступили, взорам путешественников предстали зеленые холмы и равнины Валинора. Но не дано перу Смертного описать их красоту и величие. Не дано Смертному словами изложить то, что чувствовали друзья, глядя на сверкающую и величественную вершину Таникветила, на горы, что скрывали роскошь Валимара...

Грозный Эзеллохар они миновали в трепете и молчании. А солнце все никак не могло подняться над горизонтом, и казалось, что все еще продолжается день третьего марта, когда «Скопа» покинула Харадский берег...

Обогнув Валимар, они шли все дальше и дальше, не нуждаясь ни в сне, ни в пище, ни в питье. Шли в молчании — даже неугомонный Малыш притих. Молчал и Дух Познания, и Валар молчали тоже.

И сами Залы Мандоса миновали они — но не остановились. И дворец Ниенны, Матери Скорбей, — тоже. И остановились лишь на Последнем Берегу.

Пусто и тоскливо было здесь. Совсем не походила земля этих краев на радостный, счастливый Валинор. Впрочем, счастливый ли?.. Ваниар, Прекрасные Эльфы — чему посвящены были тысячелетия их пребывания у престола Манве? Собиранию знаний? Но лежащие под спудом — не обесцениваются ли они, никому не принося пользы?..

Так думал хоббит, стоя возле печальных волн Последнего Моря.

— Ну и где же эта ваша Дверь? — нарушил тягостную, невыносимую тишину Малыш.

— Терпение, — раздалось в ответ. Орлангур расправлял крылья. Золотая чешуя грозно сверкала. — Терпение. Нас пропустили до самого края... без драки. Быть может, все еще обойдется. Мне не дано провидеть будущее здесь.

...Никто не заметил, как на вершине недальнего холма, обрывавшегося к берегу крутым откосом, появилась высокая, исполненная величия фигура. Зазвучал голос — и Фолко ощутил, как его охватывает трепет, такие сила и мощь чувствовались в нем.

— Я, Фионве, герольд Великого Манве, говорю вам — именующий себя Духом Познания да проследует к Эзеллохару! Остальные да ожидают здесь.

— Кратко и выразительно. — Саруман храбрился, но от взора

хоббита не укрылась его дрожь. Эовин, не стесняясь уже никого и ничего, подошла к Фолко, обняла, прижалась... Глаза ее были закрыты. Губы безостановочно шептали... что? Молитву или проклятие?

Золотой Дракон одним движением взмыл в небо.

— Ждите меня! И... надейтесь!

Олмер застонал и пошевелился. Санделло и Оэсси кинулись к нему, однако Злой Стрелок неожиданно оттолкнул их. Лицо его исказилось от боли — однако он поднялся. Черный Меч грозно сверкал в руке. Нетвердыми шагами он направился к хоббиту.

— Мы... мы... в Валиноре? — прохрипел Король-без-Королевства.

— Да, — ответил Фолко, не опуская взгляда.

— Почему... почему же ничего не горит?!

— Мы прошли мирно.

— Мирно?! Это же западня! Используй Адамант, Фолко! Надо открыть Дверь, пока Орлангур удерживает Валар!

Олмер был поистине страшен. Черный Меч плясал в его руке, словно отыскивая жертву.

— Но нас пропустили! — воспротивился хоббит. — Мы не можем напасть первыми!

— Тогда они нападут на нас. — Олмер обессиленно закрыл глаза.

И тут из-за скрывавших Валимар высоких гор внезапно докатился первый громовой раскат. За ним второй, третий, четвертый... А потом к девственно-чистым небесам рванулся жирный, черный столб дыма. Вздрогнула земля, недальний холм рассекла трещина.

— Началось, — прошептал Саруман. — Ну что ж, мы еще посмотрим, способен ли я на что-нибудь, кроме как задирать лапу у забора! — И он принялся засучивать рукава, словно деревенский драчун.

— Открывай Дверь, Фолко! — прорычал Олмер. — Остальные, в круг! Надо дать ему время! Быстрее! Ломай ее, Фолко!

Громовые раскаты гремели все чаще и чаще. Столб дыма стал едва ли не шире самого кольца гор. И над их вершинами поднялась бледная аура странного пламени.

— В круг! — хрипел Олмер, чуть ли не силой расталкивая опешивших соратников по местам. И — успел в последнюю минуту.

Кто знает, как задумывали Валар это сражение. Наверное, полагали они, Золотой Дракон станет легкой добычей, а со всеми его спутниками играючи справится любой Майа.

Но все случилось не так. Фолко не видел Битвы Сил, но по тому, как дрожала земля и оползали холмы, раскалываясь на глыбы, по тому, как тьма заволакивала солнце, он понял — у Валар не получилось легкой прогулки. И вместо Майа взорам хоббита и его спутников предстали блистающие шеренги эльфов.

Прославленные воители надвигались молча, сплошной стеной. В серебряных доспехах, с гордыми гербами и девизами на щитах — щитах, что видели, наверное, конец ратей самого Моргота в дни Войны Гнева...

Хоббиту казалось, что он узнает их — по описаниям в книге Бильбо. Все великие герои минувших Эпох, герои сражений с Морготом и Сауроном явились сюда потребовать от дерзких пришельцев сокровище.

Саруман громко, издевательски засмеялся.

— А, и ты тоже здесь, мастер Кэрдан! Что привело тебя сюда? Разве в твои годы участвуют в баталиях?

Ответом было молчание. Фолко заметил, что, хотя землетрясение немилосердно крошило и рушило все, вокруг отряда сохранялся островок спокойствия. В этом-то островке и стояли сейчас прижавшие спутников хоббита к морю эльфы.

Олмер вышел вперед.

— Ба! — глумливо усмехнулся он. — Сколько знакомых лиц!.. Ну что ж, мои почтенные, начинайте! Начинайте, и мы посмотрим, на сколько вас хватит!

Ему никто не ответил. Из эльфийских рядов свистнула меткая стрела, но, не долетев нескольких шагов до Короля-без-Королевства, бессильно упала наземь. Олмер вновь усмехнулся:

— А вот это у вас едва ли получится.

Однако Фолко видел — по затылку Злого Стрелка струилась кровь. Он без остатка использовал все силы, отпущенные ему, выигрывая время...

Хоббит сорвал покрывавшие Адамант тряпицы, до рези в глазах вглядываясь в неистовое сияние. Он попытался представить себе Дверь Ночи. Представить, как раскалывается купол серых небес и черные волны Таящегося за Пределом устремляются к нему, подхватывают — и несут... все дальше и дальше, к краю Великой Ночи...

Жар обжигал лицо. Адамант светился все ярче и ярче; хоббит уже ничего не видел, кроме яростного сияния, он тонул в его жестоких, обжигающих лучах...

А вокруг грохотало все сильнее и сильнее. Рассвет сменялся глубокой ночью. Там, у Эзеллохара, шел великий, невиданный еще в Арде бой, и схлестнувшиеся между собой Силы терзали плоть Мира, обращая его в Ничто своей мощью. Столбы пламени поднялись уже много выше гор, да и сами горы заметно оплывали, оползали, словно неистовый огонь пожирал их корни. Смутные гигантские тени угадывались в дыму, белые молнии пронзали мрак, а в самом сердце тучи мелькала стремительная золотая искра, горящая словно настоящее маленькое солнце, и даже еще ярче.

Неудача Первого Лучника не обескуражила Перворожденных. Стрелы полетели градом, но тут вмешался Курумо.

— Есть один старый трюк, — нарочито громко объявил он, и с пальцев его потекло бледное пламя. — Совсем-совсем старый... совсем-совсем простой... но действенный!

Стрелы, что прорывались через незримую защиту Олмера, вспыхивали еще в полете. Саруман громко, издевательски захохотал.

Фолко, забыв обо всем, вертел в руках сияющий Камень. Ничего... ничего... ничего!..

И тогда сверкающие шеренги эльфийского войска двинулись вперед, словно услыхав некий беззвучный приказ. Тучей взмыли стрелы... некоторые миновали и незримый щит Олмера, и огненные молнии Сарумана.

Вскрикнув, схватилась за пробитую грудь Эовин. Доспехи не уберегли эльдрингов от смертоносной меткости лучших стрелков Арды. Был ранен в плечо Маэлнор, несколько стрел отлетело от брони Торина и Малыша...

Фолко с криком рванулся к упавшей Эовин и замер — жесткая рука Форве со страшной силой развернула его лицом к берегу.

— Если ты не откроешь Дверь — погибнет весь Мир! Выбирай быстро!

И хоббит повернулся. Перед глазами стояло лицо Эовин... из которого уже уходила жизнь.

Оэсси и Санделло в поте лица отбивали стрелы клинками.

Еще немного — и падут все. Олмер понял это первым.

— Вперед! — проревел он, взмахивая мечом. — Пока Фолко не открыл Дверь!..

Злой Стрелок первым сшибся с Перворожденными. Путь ему заступил темноволосый воитель — и тут внезапно зазвенел полный ненависти голос, исходивший из самого Черного Меча:

— А, Тургон Гондолинский! Долго же ждал я этой встречи! Наконец-то отомщу я за смерть создавшего меня!

Тургон отшатнулся, но поздно — черной молнией прямо в сердце ударил его Черный Меч, рассек доспехи, точно были они из легкой ткани, и выставил из спины Перворожденного окровавленное острие.

И началось.

Эльфы принца Форве скрестили оружие с воителями Ваниар. Гномы схватились с Нолдор, Санделло и Оэсси бились в центре, рядом с Олмером.

Черный Меч не знал преград. В руках Оэсси свистела ее легкая сабля, небрежно отшибая в стороны и ломая могучие, тяжелые клинки. Санделло, без щита, ловко орудовал кривым мечом с кольцами на обухе — кто-то из эльфов предостерегающе крикнул, указывая на них, — колец было ДЕВЯТЬ!..

И тут к грому взрывов, что доносились из-за Валимарских Гор, внезапно добавилось зловещее шипение. Негромкое, оно проникало в самую душу каждого из сражавшихся, наполняя их неосознаваемым, леденящим страхом..

Горизонт Моря Разлук внезапно окрасило алым. А затем на багровом фоне неспешно поднялись, как показалось, бесчисленные языки черного пламени. Полоса этого пламени поползла на восток.

Фолко похолодел. Адамант дарил его взору невиданное. Почти ослепнув, хоббит тем не менее мог заглянуть сейчас за самый горизонт. И то, что он видел там, разум его отказывался понять.

На них двигались не языки пламени. Нет. Черная клякса Абсолютного Ничто расползалась по плоти Зачарованных Земель, пожирая их и превращая в себя. Небесный купол лопнул. Звездное небо распорол гигантский меч. И из раны в Мир Валинора рвался упругий поток неведомой, чудовищной Силы... а чуть выше, над ней, хоббит увидел смутные очертания двух гигантских человеческих фигур... и одна из них была коронована трехзубчатой короной.

Землетрясение ровняло холмы, заставляя обезумевшие волны бросаться на истерзанный берег. Над Валимарскими Горами паутина белых молний внезапно охватила золотую искру, Великого Орлангура, — и Дракон низринулся с небес. Объятый пламенем, он рухнул куда-то к Восточным Пределам Валинора...

— Кажись, все! — заорал Маленький Гном, отбивая очередной выпад.

— Ох и будет же нам от Махала! — в тон ему откликнулся Торин, нанося смертельный удар...

Эльфийские воители не щадили себя. Оно и понятно — смерть для них лишь краткий перерыв в бестревожном бытии. Они вернутся в Залы Мандоса... а потом, обретя новое тело, опять выйдут в Мир. Но даже эта запредельная отвага не могла сломить горстку бойцов. Саруман, дико хохоча, тратил последние силы — и посылаемый им огонь разил наповал.

— Фолко! Нет больше времени! — крикнул Олмер, не поворачивая головы.

Хоббит и сам знал, что времени больше нет. Он видел ползущее из-за Предела Мира всепожирающее Чудовище — не о таком ли говаривал Великий Орлангур? — видел Двоих в небесах... и понимал, что Золотой Дракон пал, отвлекая на себя всю мощь Валар, и что мгновение спустя эта мощь обратится на них.

Решение пришло само. Простое и в то же время — страшное. Имя запылало в сознании подобно пожару, и в следующий миг, развернувшись, Фолко направил всю силу Адаманта на врата Залов Мандоса. Губы хоббита прошептали только что вспыхнувшее имя:

— Феанор!

По несчастной земле прокатился тяжкий вздох. Сражавшихся подкинуло, многие не удержались на ногах. Там, где, по мысли хоббита, должны были находиться Залы Мандоса, к самому поднебесью взлетел исполинский фонтан развороченной земли пополам с огнем. Но даже этот огонь не мог сравниться по блеску с ослепительно белым пламенным клинком, косо прорезавшим небосвод. И слуха хоббита достигли слова:

— Спасибо тебе, Фолко, сын Хэмфаста. Мое заточение кончилось! И теперь я поквитаюсь за все!

В следующий миг над горами грянуло так, что хоббит едва не оглох. И тут из окутавших небо дымных облаков вынырнул знакомый силуэт Великого Дракона. Орлангур летел медленно, едва-едва удерживаясь в воздухе: одно крыло наполовину оторвано, из ран на землю низвергался настоящий кровавый ливень. Чешуя утратила весь блеск, покрытая копотью и кровью; эльфы задних рядов встретили дракона градом стрел, но тот даже не повернул головы, тяжело рухнув в мелкую воду рядом с хоббитом.

— Удачно ты с Феанором... — прохрипел Золотой Дракон. — Но только... смотри... я говорил... они таки прорвались...

Хоббит не ответил. Призрак Дагор Дагоррата вставал во всем кошмарном обличье. Он ДОЛЖЕН открыть Дверь! Что же для этого нужно сделать?.. И хоббит еще глубже, уже чувствуя, что сжигает глаза, окунулся в безумное сияние Камня... в жилы хлынул палящий жар... и воля его, соединяясь с силой Адаманта, всесокрушающим тараном грянула в запертую Дверь.

И та не выдержала.

В ужасе отпрянули эльфы.

В ужасе застыли спутники Фолко.

Пасть слепого Ничто распахивалась перед ними... пасть слепого Ничто, где нет даже Тьмы — *совсем ничего нет.*

— Туда! — зарычал Дракон. Обернулся и поднял уцелевшее крыло, словно заслоняясь от чего-то ужасного.

Лишь на миг увидели Малыш и Торин смутные исполинские призраки, что поднялись над изглоданными огнем Валимарскими Горами. Лишь на миг — но мощь и всесокрушающая сила их потрясали; казалось, сердца дерзких вот-вот разорвутся...

Удар, что обрушился на похитителей Адаманта, мог бы, наверное, поднять на воздух весь Ангбанд. Словно под чудовищным молотом, тело Орлангура превратилось в кровавое месиво из мяса, костей и золотой чешуи. Крылья сломаны, позвоночник перебит. Но голова уцелела, и голова эта прошептала последний приказ:

— Бегите!

Первым в бездну ринулся Форве, таща с собой истекающего кровью Маэлнора. Беарнас, тоже раненный, нес на спине пронзенного десятком стрел Амрода. Саруман подхватил недвижное тело Эовин и тоже последовал за эльфами. Санделло своей рукой сперва швырнул в пролом Оэсси, а за ней — Фолко. Замыкали отступление гномы и Олмер.

Последнее, что видел хоббит уже выгорающими глазами, — как посланная Адамантом огненная волна покатилась навстречу Чудовищу Извне, смела его, опрокинула, погнала прочь, а вместе с ним — и тех Двоих.

Пролом закрывался.

И последним, кто проскользнул в него, был пламенный дух Феанора.

А потом к хоббиту пришла боль. Но уже сквозь нее, почти теряя сознание и соскальзывая в спасительное забытье — уже неважно, беспамятства или смерти, — Фолко успел подумать: «А хорошо бы напоследок полежать на травке...»

Потом стало совсем плохо.

Он лежал на чем-то мягком и приятном. Обожженную кожу холодил легкий ветерок. Его обнимала тьма. Он поднял руку — и пустые, выгоревшие глазницы отозвались приступом нестерпимой боли.

И тогда он заплакал.

Вокруг раздались встревоженные голоса. Чьи-то осторожные, заботливые руки поддерживали голову, подносили к губам прохладное питье.

— Фолко, Фолко, ты меня слышишь? Слышишь меня? Ответь, прошу тебя! — Кажется, это голос Торина.

— С-с-лы-ы-ышу-у... Г-где я?.. Что... с Камнем?

— Все в порядке, все хорошо, мы вырвались! — Вроде бы это Оэсси... Но... неужели она плачет? — Адамант... он рядом с тобой! Под правой рукой!

— Г-где мы?.. Опишите...

— Мы на берегу моря. — Голос принца Форве срывался. — Над нами — серые скалы, что уходят к самому поднебесью. Языки каменных осыпей спускаются к волнам. Между скалами — лес. Сосны, ели... А мы — на опушке... покрытой мягкой-премягкой травой... Хотел бы я знать, где это мы оказались...

Губы хоббита чуть дрогнули в слабой улыбке, за которую он вновь поплатился болью. И вновь в сознании появилось ИМЯ. Только уже не Феанора. Не живого существа. Больше. Мира.

— Мы... мы за пределами Арды. Мы...

— Ты хочешь сказать — мы в ином мире? — Глубокий, исполненный силы голос был хоббиту незнаком. — Быть может, Феанор?

— Да. Мы — в ином. В ином мире. И... мы назовем его... — Слово рвалось на свободу. — Мы назовем его Хьёрвард.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ
ЭЛЬФИЙСКИЙ КЛИНОК

ЧАСТЬ I

Глава 1. ХОББИТ И ГНОМ 7
Глава 2. В ПОИСКАХ ПОНИ 20
Глава 3. ЧТО ТАМ, ЗА ПОВОРОТОМ? 32
Глава 4. ПРИГОРЯНСКИЕ УРОКИ 43
Глава 5. РОГВОЛД 58
Глава 6. В МОГИЛЬНИКАХ И ДАЛЬШЕ 70
Глава 7. ТРОЕ В ДОРОГЕ 84
Глава 8. СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА 110
Глава 9. МАЛЕНЬКИЙ ГНОМ И МНОГОЕ ДРУГОЕ 125
Глава 10. НАМЕСТНИК 144
Глава 11. «НОЖНЫ АНДАРИЛА» 157
Глава 12. СТАРЫЙ ХРОНИСТ 172
Глава 13. НАЧАЛО ПУТИ 199

ЧАСТЬ II

Глава 1. ЮЖНЫЙ ТРАКТ 212
Глава 2. ПУСТЫЕ ЗЕМЛИ 231
Глава 3. ВОРОТА МОРИИ 249
Глава 4. КАЗАД-ДУМ 270
Глава 5. ГОРН ДЬЮРИНА 301
Глава 6. ВОЛЧИЙ КАМЕНЬ 323
Глава 7. ИСЕНГАРД 345
Глава 8. МОРСКОЙ НАРОД 381
Глава 9. АНГМАРСКИЙ ВЕТЕР 401

КНИГА ВТОРАЯ
ЧЕРНОЕ КОПЬЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1. ЗА КАРН ДУМОМ 431
Глава 2. ОЖИДАНИЕ НА КРАЮ 447
Глава 3. ТОРНЫЙ СЛЕД 461
Глава 4. СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ 486
Глава 5. НА ПОДСТУПАХ 501
Глава 6. СЕРЫЙ ВИХРЬ 524
Глава 7. ЦИТАДЕЛЬ ОЛМЕРА 547
Глава 8. ЗА ЛЕСАМИ ЧА 573
Глава 9. НОЧНАЯ ХОЗЯЙКА 603
Глава 10. ЧЕРНЫЕ ГНОМЫ 617

ЧАСТЬ II

Глава 1. К ДОМУ ВЫСОКОГО 642
Глава 2. НЕБЕСНЫЙ ОГОНЬ 666
Глава 3. ОЛМЕР ВООЧИЮ 678
Глава 4. КЛИНКИ НАГОЛО! 703
Глава 5. ТАЙНА ТАЙН 718
Глава 6. ГОНДОР 742
Глава 7. НАЧАЛО 776
Глава 8. БОЛОТНЫЙ ЗАМОК 799
Глава 9. ПРОРЫВ 815
Глава 10. ИСЕНСКАЯ ДУГА 847
Глава 11. СЛОВО САНДЕЛЛО 868
Глава 12. УРАГАН НАД ЭРИАДОРОМ 883
Глава 13. СЕРАЯ ГАВАНЬ 914
Эпилог 945

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ 952

ДОПОЛНЕНИЯ 955

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЧЕТВЕРТОЙ ЭПОХИ ОТ УХОДА КОРОЛЯ ЭЛЕССАРА ДО НАЧАЛА ВТОРЖЕНИЯ ОЛМЕРА ВЕЛИКОГО 959

КНИГА ТРЕТЬЯ
АДАМАНТ ХЕННЫ

ЧАСТЬ I

Пролог 965
Глава 1 967
Глава 2 991
Глава 3 1020

ЧАСТЬ II

Глава 1 1050
Глава 2 1079
Глава 3 1114
Глава 4 1144

ЧАСТЬ III

Пролог 1175
Глава 1 1178
Глава 2 1210
Глава 3 1242

ЧАСТЬ IV

Глава 1 1273
Глава 2 1296
Глава 3 1325

Ник

ПЕРУМОВ

Н. Перумов

ISBN 978-5-699-22480-7

ЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф